4° Russ. 69 f (1

AB
Digit.
E/S
Repr. = 4° 88.371

есть

Ж/54/61595

41-430

3057/II ком

<36634938410015

<36634938410015

Bayer. Staatsbibliothek

4° Russ. 69 f (1

# ИСТОРІЯ

# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.



# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО,

сочиненіе

## Н. М. КАРАМЗИНА.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

ЗАКЛЮЧАЮЩИХЪ ВЪ СЕБѢ ДВѢНАДЦАТЬ ТОМОВЪ,

СЪ ПОЛНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ,

УКРАШЕННОЕ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,

ГРАВИРОВАННЫМЪ НА СТАЛИ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Изданіе

И. Эйнерлинга.

---

## КНИГА I.

(ТОМЫ I, II, III и IV.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1842.

Fg 661 766

**ПЕЧАТАНО**

по **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнію.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

# АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССІИ.

## ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ благоговѣніемъ представляю **ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ** плодъ усердныхъ, двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ. Не хвалюся ревностію и постоянствомъ: ободренный **ВАМИ**, могъ ли я не имѣть ихъ?

Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минуты жизни моей, читалъ я **ВАМЪ**, Государь, нѣкоторыя главы сей Исторіи — объ ужасахъ Батыева нашествія; о подвигѣ Героя, Димитрія Донскаго — въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. **ВЫ** слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно-минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для Себя еще славнѣйшія. Великодушное предчувствіе исполнилось: туча грянула надъ Россіею — но мы спасены, прославлены; врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава **АЛЕКСАНДРОВА** сіяетъ въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастіе **ВАШЕГО** добродѣтельнаго сердца равно **ВАШЕЙ** славѣ, то **ВЫ** счастливѣе всѣхъ земнородныхъ.

Новая эпоха наступила. Будущее извѣстно единому Богу; но мы, судя по вѣроятностямъ разума, ожидаемъ мира твердаго, столь вожделѣннаго для народовъ и Вѣнценосцевъ, которые хотятъ властвовать для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, Наукъ, Искусствъ гражданскихъ, благосостоянія государственнаго и частнаго. Побѣдою устранивъ препятствія въ семъ истинно Царскомъ дѣлѣ, даровавъ златую тишину намъ и Европѣ, чего ВЫ, Государь, не совершите въ крѣпости мужества, въ теченіе жизни долговременной, обѣщаемой ВАМЪ и закономъ Природы и теплою молитвою подданныхъ!

Бодрствуйте, Монархъ возлюбленный! Сердцевѣдецъ читаетъ мысли, Исторія предаетъ дѣянія великодушныхъ Царей, и въ самое отдаленное потомство вселяетъ любовь къ ихъ священной памяти. Пріимите милостиво книгу, служащую тому доказательствомъ. Исторія народа принадлежитъ Царю.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный
Николай Карамзинъ.

Декабря 8,
1815.

# ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, Законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи, и смотрятъ на ея листы какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и Государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены Вѣрѣ и Дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ Лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая Царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ: еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный Космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи: личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ: но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за

Θемистокла или Сципіона. Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной Державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами Естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну Державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ Дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою(*) частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи, и просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями Христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Θукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Грепія и Римъ были народными Державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожь смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междоцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы *Храбрые* ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю Монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблестныхъ Патріотовъ, Бояръ и гражданъ, наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и Царь Алексій, мудрый отецъ Императора, коего назвала великимъ Европа. Или вся Новая Исторія должна безмолвствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца: но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и доли-

---

(*) «Седьмою» (поправка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

ны; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожь путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о Дѣеписаніяхъ Древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Ѳукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый разсказъ о междоусобіи Греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, если забудемъ, что сіи полу-тигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы Трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостію на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзѣніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ.— Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ Исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ Государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной *картинѣ* и начать *обстоятельное* повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для Автора, утомительныхъ для Читателя. Но сіи *обозрѣнія*, сіи *картины* не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ Исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторію. Хвастливость Авторскаго краснорѣчія и нѣга Читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали, и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?.... Такъ я мыслилъ, и писалъ объ *Игоряхъ*, о *Всеволодахъ*, какъ *современникъ*, смотря на нихъ въ тусклое веркало древней Лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто *живыхъ*, *цѣлыхъ* образовъ, представлялъ единственно *тѣни, въ отрывкахъ*: то не моя вина: я не могъ дополнять Лѣтописи!

Есть *три* рода Исторіи: *первая* современная, на примѣръ Ѳукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; *вторая*, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; *третья* извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка (*). Въ *первой* и *второй* блистаетъ умъ, воображеніе Дѣеписателя,

---

(*) Только съ Петра Великаго начинаются для насъ словесныя преданія: мы слыхали отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ объ немъ, о Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ, Елисаветѣ, многое, чего нѣтъ въ книгахъ.

который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда *творитъ*, не боясь обличенія; скажетъ: *я такъ видѣлъ*, *такъ слышалъ* — и безмолвная Критика не мѣшаетъ Читателю наслаждаться прекрасными описаніями. *Третій* родъ есть самый ограниченный для таланта: не льзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; не льзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали — или справедливая Критика заградитъ уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ Лѣтописяхъ, въ Архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять *рѣчи* согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію Аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ Дѣеписаніе отъ Поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ Писателя, не удовольствію Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсъ лжи; однакожь характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже Критика; тѣмъ непозволительнѣе Историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ Читателей, мыслить и говорить за Героевъ, которые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ. Чтожь остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы Искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ Древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ Правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ Историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо (*): оба суть достойные совмѣстники Древнихъ, — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ!» есть правило Генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказъ нравственныя *апофѳегмы*, уподобиться Тациту? не знаю; но сіе желаніе блистать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствій и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть *долгъ* Бытописателя,

---

(*) Говорю единственно о тѣхъ, которые писали цѣлую Исторію народовъ. Феррерасъ, Даніель, Масковъ, Даллинъ, Маллетъ не равняются съ сими двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (Историка Швейцаріи), знатоки не хвалятъ его Вступленія, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

а хорошая отдѣльная мысль *даръ:* Читатель требуетъ перваго, и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? Историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ Новыхъ, если бы онъ не излишно *чуждался* Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія! Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: *мы*, *наше*, оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ Историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленость; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія; хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ: ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то Князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіогноміею. Прилѣжно *истощая* матеріалы древнѣйшей Россійской Исторіи, я ободрялъ себя мыслію, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники Поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкаго, яснаго — къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣянія *не врознь*, по годамъ и днямъ, но *совокупляю* ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не Лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого. Счастливы Древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая *достовѣрности*, однакожь необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены Критикою: то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ Читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются яснѣе.

Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, сказалъ, что наша Исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа *раждающеюся* (Nascens), отъ Ярослава до Моголовъ *раздѣленною* (Divisa), отъ Батыя до Іоанна III *угнетенною* (Oppressa), отъ Іоанна до Петра Великаго *побѣдоносною* (Victrix), отъ Петра до Екатерины II *процвѣтающею*. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ Св. Владиміра былъ

уже вѣкомъ могущества и славы, а не *рожденія*. 2) Государство *дѣлилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одинъ время Великаго Князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія наша дѣлится на *Древнѣйшую* отъ Рюрика до Іоанна III, на *Среднюю* отъ Іоанна до Петра, и *Новую* отъ Петра до Александра. Система Удѣловъ была характеромъ *первой* эпохи, Единовластіе *второй*, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ *третьей*. Впрочемъ нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностію посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти Томовъ (*), могу по слабости желать хвалы и бояться охужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то есть, сдѣлать Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія.... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Декабря 7, 1815.

---

(*) Томъ IX изданъ не прежде 1821 года. Въ послѣдствіи, какъ извѣстно, вышли еще, при жизни Исторіографа, въ 1824 году, Томы X и XI, а по смерти его, въ 1829, Томъ XII. *(Прим. издат.)*

# ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ
# РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ
## ДО XVII ВѢКА.

Сіи источники суть:

I) *Лѣтописи.* Несторъ, инокъ Монастыря Кіевопечерскаго, прозванный *отцемъ* Россійской Исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ (*): одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники, могилы Князей; бесѣдовалъ съ Вельможами, старцами Кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія Хроники, записки церковныя (**), и сдѣлался *первымъ* Лѣтописцемъ нашего отечества(***). *Вторый*, именемъ Василій, жилъ также въ концѣ XI столѣтія: употребленный Владимірскимъ Княземъ Давидомъ въ переговорахъ съ несчастнымъ Василькомъ, описалъ намъ великодушіе послѣдняго и другія современныя дѣянія юго-западной Россіи (*). Всѣ иные Лѣтописцы остались для насъ *безъименными;* можно только угадывать, гдѣ и когда они жили: на примѣръ, одинъ въ Новѣгородѣ, Іерей посвященный Епископомъ Нифонтомъ въ 1144 году; другой въ Владимірѣ на Клязьмѣ при Всеволодѣ Великомъ; третій въ Кіевѣ, современникъ Рюрика II; четвертый въ Волыніи около 1290 года; пятый

---

(*) См. Сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 213. Въ разныхъ спискахъ Нестора *(Пушкинскомъ, Кенигсбергскомъ)* находятся слова: «къ нему жь (Ѳеодосію) и азъ пріидохъ худый, и пріятъ мя, лѣтъ ми сущу *семнатцати* отъ роженья моего.» Игуменъ Ѳеодосій скончался въ 1074 году: и такъ Лѣтописецъ нашъ родился около 1050 года. — Въ заглавіи *Хлѣбниковскаго* списка (см. ниже) поставлено имя Нестора: въ другихъ Авторъ названъ просто Черноризцемъ Ѳеодосіева монастыря Печерскаго. Житіе Нестора въ печатномъ Патерикѣ есть новѣйшее сочиненіе: его нѣтъ въ древнемъ рукописномъ (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 213).

(**) См. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 64 и 213. Вѣроятно, что по запискамъ церковнымъ Несторъ означалъ *дни* преставленія нѣкоторыхъ древнихъ Князей.

(***) Мы должны упомянуть *о мнимомъ древнѣйшемъ Лѣтописцѣ* Іоакимѣ, первомъ Новогородскомъ Епископѣ, пріѣхавшимъ въ Россію съ Царевною Анною, супругою Св. Владиміра. Татищевъ разсказываетъ слѣдующее:

«Архимандритъ Мельхиседекъ доставилъ ему, какъ любителю древностей, три тетради, полученныя имъ отъ Монаха Веніамина и выписанныя изъ старой книги, съ которою Веніаминъ самъ ѣхалъ къ Татищеву, но умеръ дорогою. Въ тетрадяхъ написано, что Несторъ худо зналъ происшествія Новогородскія, гораздо лучше извѣстныя Іоакиму; что Славенъ, внукъ Іафеѳовъ, по сказанію сего Епископа, основалъ городъ Славянскъ въ Россіи; что послѣ господствовалъ тамъ Князь Вандалъ, коего родственниками были Князья Гардорикъ и Гунигаръ, завоеватели многихъ странъ; что сыновья Вандаловы назывались Изборъ, Столпосвятъ и Владиміръ, женатый на Адвиндѣ; что отъ Владиміра произошелъ Бурйвой, отецъ Гостомысла, который изгналъ Варяговъ изъ Россіи и построилъ Выборгъ, что Рюрикъ ему внукъ, Ольга Прекраса также родственница: что Святославъ мучилъ Христіанъ; что Св. Владиміръ крестился не въ Херсонѣ, а въ Болгаріи; что его сыновья, Борисъ и Глѣбъ, родились отъ Царевны Анны, не *Греческой* (изъясняетъ Татищевъ), а *Болгарской*», и проч. См. его Рос. Исторіи Т. I, стр. 29 — 51.

Сію *шутку* многіе приняли за истину и начали съ важностію говорить *о Лѣтописцѣ* Іоакимѣ. Но слова Татищева: *Веніаминъ Монахъ токмо для закрытія вымышленъ* (стран. 42), доказываютъ, что здѣсь дѣло идетъ *о вымыслахъ*. Басня о Князѣ *Словенѣ*, *Изборѣ*, и проч., давно извѣстна (см. нашей Исторіи Т. I, примѣч. 70 и 91). Другія мнимыя Іоакимовы сказанія явно принадлежатъ къ той же Категоріи. Слогъ ихъ есть новой. Іоакимъ въ X вѣкѣ могъ ли написать: *Святославъ имѣлъ три сына, имъ же тако области раздѣли — Ярополкъ, извѣстяся о семъ, печаленъ бысть — побѣдиша не силою, ни храбростію, но предательствомъ — мы же* (Іоакимъ въ Новѣгородѣ) *ходихомъ по торжищемъ и улицамъ, и учахомъ; но гиблющимъ въ нечестіи слово Крестное явися безуміемъ и обманомъ*, и проч. Всего рѣшительнѣе слѣдующее замѣчаніе: доказано ли, что Анна, супруга Владимірова, была Греческая Царевна, родная сестра Императоровъ Василія и Константина? Безъ сомнѣнія: не только современные Нѣмецкіе, Арабскіе, но и Византійскіе Лѣтописцы единогласно то утверждаютъ. Какъ же Іоакимъ, пріѣхавшій съ Анною въ Россію, могъ считать ее Княжною Болгарскою? Видимъ причину сего вымысла: не знавъ, что Кедринъ и Зонара именуютъ Владиміра зятемъ своихъ Императоровъ; не знавъ ни Дитмара, ни Эль-Макина, Татищевъ сомнѣвался въ истинѣ Несторова повѣствованія и хотѣлъ исправить мнимую ошибку, говоря: *сіе ко изъясненію древности и Несторова темнаго сказанія много служитъ, доколѣ полнѣйшая тѣхъ временъ Исторія сыскаться можетъ* (см. Татищ. Рос. Исторіи Т. I, стр. 51). Повторяю, что онъ не мыслилъ обманывать: это затѣйливая, хотя и неудачная догадка.

(*) См. Т. II, примѣч. 184.

**тогда же во Псковѣ (¹). Къ сожалѣнію, они не сказывали всего, что бываетъ любопытно для потомства; но, къ счастію, не вымышляли, и достовѣрнѣйшіе изъ Лѣтописцевъ иноземныхъ согласны съ ними. — Сія почти непрерывная цѣпь Хроникъ идетъ до государствованія Алексія Михайловича (²). Нѣкоторыя донынѣ еще не изданы или напечатаны весьма неисправно (³). Я искалъ древнѣйшихъ списковъ: самые лучшіе Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинскій* и *Троицкій*, XIV и XV вѣка (⁴). Достойны также замѣчанія *Ипатьевскій*, *Хлѣбниковскій*, *Кенигсбергскій*, *Ростовскій*, *Воскресенскій*, *Львовскій*, *Архивскій* (⁵). Въ каждомъ изъ нихъ есть нѣчто особенное и дѣйствительно историческое, внесенное, какъ надобно думать, современниками, или по ихъ запискамъ. *Никоновскій* болѣе всѣхъ искаженъ вставками безсмысленныхъ переписчиковъ, но въ XIV вѣкѣ сообщаетъ вѣроятныя дополнительныя извѣстія о Тверскомъ Княженіи; далѣе уже сходствуетъ съ другими, уступая имъ однакожь въ исправности, — на примѣръ, *Архивскому*.**

**II) *Степенная Книга* (*), сочиненная въ царствованіе Іоанна Грознаго по мысли и наставленію Митрополита Макарія. Она есть выборъ изъ лѣтописей съ нѣкоторыми прибавленіями, болѣе или менѣе достовѣрными,**

---

(¹) См. Т. II, примѣч. 288, Т. III, примѣч. 24, 36, 153, годъ 1198, и Т. IV, примѣч. 175. Подробный *Псковскій Лѣтописецъ*, донынѣ неизданный, начинается около 1303 года; а древнѣйшія въ немъ извѣстія взяты изъ Нестора и Новогородской лѣтописи. У меня были четыре списка сей важной Хроники: одинъ Архивскій Н. Н. Бантыша-Каменскаго, другой Архивскій А. Ѳ. Малиновскаго, третій Синодальный, четвертый Графа Ѳ. А. Толстаго. Первый изъ библіотеки Стольника Василья Никифоровича Собакина, коего отецъ въ 1648 году былъ Воеводою Псковскимъ; писанъ Дьячкомъ Андреемъ Козою, и доходитъ до 1650 года. Другіе три гораздо старѣе сего времени, и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя извѣстія.

(²) Два перерыва замѣтнѣе иныхъ: въ княженіе Василія Димитріевича и въ царствованіе Іоанна IV Грознаго: чему, какъ надобно думать, виною была смерть двухъ Московскихъ современныхъ Лѣтописцевъ.

(³) На примѣръ, Несторъ по Кенигсбергскому списку. Исправнѣе всѣхъ напечатана Новогородская Лѣтопись въ Москвѣ съ харатейнаго Синодальнаго списка, а въ Петербургѣ съ бумажнаго стараго въ *Продолженіи Древней Рос. Вивліоѳики*. Вторый списокъ идетъ далѣе; въ немъ именуетъ себя *Попъ Иванъ*, безъ сомнѣнія не Авторъ, а переписчикъ: ибо тутъ же въ харатейномъ Синодальномъ и тѣми же словами говоритъ о себѣ *Понамарь Тимовей*. — *Особенныя* сказанія сей лѣтописи начинаются со временъ Ярослава Великаго; предъидущее взято изъ Нестора. — Новогородскія извѣстія простираются въ краткой лѣтописи, отданной въ Архивъ Иностран. Коллегіи А. Ѳ. Малиновскимъ, до самаго 1570 года.

(⁴) Первый поднесенъ ИМПЕРАТОРУ Графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ; вторый найденъ мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры, отданъ послѣ *Обществу Исторіи и Древностей*, и сгорѣлъ въ нашествіе Французовъ.

(⁵) Въ 1809 году, осматривая древнія рукописи покойнаго Петра Кириловича Хлѣбникова, нашелъ я два сокровища въ одной книгѣ: *Лѣтопись Кіевскую*, извѣстную единственно Татищеву, и *Волынскую*, прежде никому неизвѣстную. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ досталъ я и другой списокъ ихъ: принадлежавъ нѣкогда Ипатьевскому монастырю, онъ скрывался въ библіотекѣ С. Петербургской Академіи Наукъ между Дефектами. Хлѣбниковскій списокъ долженъ быть XV или XVI, Ипатьевскій XIV вѣка; оба начинаются Несторомъ. — Списокъ *Кенигсбергскій*, *завоеванный* Россіянами въ 1760 году, не старѣе XVI вѣка. — *Ростовскій*, заученный Св. Димитріемъ, содержитъ въ себѣ любопытныя прибавленія, писанъ въ XVII вѣкѣ, идетъ до временъ Петра Великаго, и хранится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи. — Такъ называемый *Воскресенскій* (напечатанный) есть Софійскій Новогородскій списокъ Нестора и Продолжателей его; въ немъ не мало важныхъ *древнихъ* прибавленій: о Старѣйшинѣ Гостомыслѣ, о Варягахъ Кіевскихъ, о характерѣ первыхъ Князей (см. сей Исторіи Т. I. примѣч. 71, 274 и Т. III, примѣч. 276). — *Львовскій*, изданный въ С. Петербургѣ 1792 г. въ V Томахъ подъ именемъ *Лѣтописца Русскаго*, замѣчателенъ нѣкоторыми особенными извѣстіями о государствованіи Іоанна III. — *Архивскимъ* (въ библіотекѣ Архива Иностран. Коллегіи) назвалъ я списокъ XVII вѣка, подобный *Никоновскому*, весьма исправный, отъ временъ Василія Димитріевича до 1560 года. — Многіе и нынѣ думаютъ, что Патріархъ Никонъ составлялъ *Никоновскую* лѣтопись: она только принадлежала ему, отдана имъ въ библіотеку Воскресенскаго монастыря и надписана его рукою: вотъ для чего назвали ее симъ именемъ. — Я говорю здѣсь о главныхъ, лучшихъ, по крайней мѣрѣ извѣстнѣйшихъ спискахъ: ихъ находится, можетъ быть, около тысячи въ Россіи, сверхъ многихъ сокращеній, писанныхъ обыкновенно въ четверть листа. Екатерина Великая, страстно любя нашу Исторію, первая указала печатать лѣтописи. Издержали не мало денегъ, но не сдѣлали нужнѣйшаго: исправнаго ученаго *свода* лѣтописей. Какая нужда печатать одно въ двадцати книгахъ? Не благоразумнѣе ли взять за основаніе лучшій, древнѣйшій списокъ, и только означить важныя отмѣны, прибавленія другихъ? Въ десяти большихъ томахъ мы помѣстили бы всѣ лѣтописи отъ XI до XVII вѣка, со включеніемъ и Новогородской, Псковской, Кіевской, Волынской. Имѣемъ еще *Лѣтописца Архангельскаго*, *Двинскаго*, *Нижегородскаго*, *Соловецкаго*, *Устюжскаго*, *Вятскаго*; послѣдніе два еще не изданы; каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ матеріалы для Историка.

(*) Татищевъ сказалъ несправедливо, что Митрополиты Кипріанъ и Макарій сочиняли ее: Авторъ именно говоритъ (въ печатн. стр. 76), что Макарій велѣлъ ему описать житіе Св. Владиміра, и проч. Кипріановыхъ сочиненій тамъ два: житіе Петра Митрополита и слово прощальное (см. стр. 558). — Многія *новѣйшія* сокращенія лѣтописей также расположены по *степенямъ Государей* до самаго Царя Алексія.

и названа симъ именемъ для того, что въ ней означены *степени* или поколѣнія Государей.

III) Такъ называемые *Хронографы*, или Всеобщая Исторія по Византійскимъ лѣтописямъ, со внесеніемъ и нашей, весьма краткой. Они любопытны съ XVII вѣка: тутъ уже много подробныхъ *современныхъ* извѣстій, которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ (*).

IV) *Житія Святыхъ*, въ Патерикѣ, въ Прологахъ, въ Минеяхъ, въ особенныхъ рукописяхъ. Многія изъ сихъ Біографій сочинены въ новѣйшія времена; нѣкоторыя однакожъ на примѣръ Св. Владиміра, Бориса и Глѣба, Ѳеодосія, находятся въ харатейныхъ Прологахъ; а Патерикъ сочиненъ въ XIII вѣкѣ (**).

V) *Особенныя дѣеписанія*: на примѣръ, сказаніе о Довмонтѣ Псковскомъ, Александрѣ Невскомъ; современныя записки Курбскаго и Палицына; извѣстія о Псковской осадѣ въ 1581 году, о Митрополитѣ Филиппѣ, и проч.

VI) *Разряды*, или распредѣленіе Воеводъ и полковъ: начинаются со временъ Іоанна III. Сіи рукописныя книги не рѣдки.

VII) *Родословная Книга*: есть печатная; исправнѣйшая и полнѣйшая, писанная въ 1660 году, хранится въ Синодальной библіотекѣ.

VIII) Письменные *Каталоги Митрополитовъ и Епископовъ*. Сіи два источника не весьма достовѣрны; надобно ихъ свѣрять съ лѣтописями.

IX) *Посланія Святителей* къ Князьямъ, Духовенству и мірянамъ; важнѣйшее изъ оныхъ есть Посланіе къ Шемякѣ; но и въ другихъ находится много достопамятнаго(*).

X) Древнія *монеты, медали, надписи* (**), *сказки, пѣсни, пословицы*: источникъ скудный, однакожъ не совсѣмъ безполезный.

XI) *Грамоты*. Древнѣйшая изъ подлинныхъ писана около 1125 года (***). Архивскія Новогородскія грамоты и *Душевныя записи* Князей начинаются съ XIII вѣка; сей источникъ уже богатъ, но еще гораздо богатѣйшій есть

XII) Собраніе такъ называемыхъ *Статейныхъ Списковъ*, или Посольскихъ дѣлъ, и грамотъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи съ XV вѣка, когда и происшествія и способы для ихъ описанія даютъ Читателю право требовать уже бо́льшей удовлетворительности отъ Историка. — Къ сей нашей собственности присовокупляются

XIII) *Иностранныя современныя лѣтописи*: Византійскія, Скандинавскія, Нѣмецкія, Венгерскія, Польскія, вмѣстѣ съ извѣстіями путешественниковъ.

XIV) *Государственныя бумаги иностранныхъ Архивовъ*: всего болѣе пользовался я выписками изъ Кенигсбергскаго (****).

Вотъ матеріалы Исторіи и предметъ Исторической Критики!

---

(*) Донынѣ еще ни издано ни одного Хронографа; они разныхъ сочинителей, и тѣмъ любопытнѣе.

(**) Симономъ и Поликарпомъ (см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 171). Списки Прологовъ имѣемъ XIV и XIII вѣка. Минея писана въ XVI, а исправлена въ XVII. Митрополитъ Макарій собиралъ для нее житія Россійскихъ Святыхъ, сокращенныя послѣ Св. Димитріемъ Ростовскимъ. Макаріева Минея хранится въ Синодальной библіотекѣ.

(*) Любопытны посланія древнихъ Митрополитовъ, Іоанна и Никифора, Епископа Нифонта, и многихъ Святителей XIII, XIV и XV вѣка, найденныя мною въ Патріаршей или Синодальной библіотекѣ.

(**) Къ сожалѣнію, на древнихъ гробахъ нѣтъ надписей, или онѣ вырѣзаны уже въ новѣйшія времена, за то въ харатейныхъ Евангеліяхъ, Апостолахъ и другихъ церковныхъ книгахъ встрѣчаются подписи историческія; на примѣръ: «писано при такомъ-то Князѣ, и въ такихъ-то обстоятельствахъ Государства.»

(***) См. сей Исторіи Т, II, примѣч. 256, и Т. IV, примѣч. 206.

(****) См. сей Исторіи Т. III, примѣч. 112, и Т. IV, примѣч. 263 и 276.

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

## ТОМЪ I.

Bayerische Staatsbibliothek München

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ГЛАВА I.

### О НАРОДАХЪ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХЪ ВЪ РОССІИ, О СЛАВЯНАХЪ ВООБЩЕ.

Древнія свѣдѣнія Грековъ о Россіи. Путешествіе Аргонавтовъ. Тавры и Киммеріане. Гипербореи. Поселенцы Греческіе. Ольвія, Пантикапея, Фанагорія, Танаисъ, Херсонъ. Скиѳы и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полунощныхъ. Описаніе Скиѳіи. Рѣки извѣстныя Грекамъ. Нравы Скиѳовъ: ихъ паденіе. Митридатъ, Геты, Сарматы, Алане, Готѳы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: ихъ подвиги. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Паденіе Аваровъ. Болгарія. Дальнѣйшая судьба народовъ Славянскихъ.

*Древнія свѣдѣнія о Россіи.*

Сія великая часть Европы и Азіи, именуемая нынѣ Россіею, въ умѣренныхъ ея климатахъ была искони обитаема, но дикими, во глубину невѣжества погруженными народами, которые не ознаменовали бытія своего никакими собственными историческими памятниками. Только въ повѣствованіяхъ Грековъ и Римлянъ сохранились извѣстія о нашемъ древнемъ отечествѣ. Первые весьма рано открыли путь чрезъ Геллеспонтъ и Воспоръ Ѳракійскій въ Черное море, если вѣрить славному путешествію Аргонавтовъ въ Колхиду, воспѣтому будто бы самимъ Орфеемъ, участникомъ онаго, вѣковъ за XII до Рождества Христова (1).

*Путешествіе Аргонавтовъ.*

Въ семъ любопытномъ стихотвореніи, основанномъ по крайней мѣрѣ на древнемъ преданіи, названы Кавказъ (славный баснословными муками несчастнаго Прометея), рѣка Фазисъ (нынѣ Ріонъ), Меотисское или Азовское море, Воспоръ, народъ Каспійскій, Тавры и Киммеріане, обитатели южной Россіи.

*Тавры и Киммеріане.*

Пѣвецъ Одиссеи также именуетъ послѣднихъ. «Есть народъ Киммерійскій (говоритъ онъ) и городъ Киммеріонъ, покрытый облаками и туманомъ: ибо солнце не озаряетъ сей печальной страны, гдѣ безпрестанно царствуетъ глубокая ночь (2).» Столь ложное понятіе еще имѣли современники Гомеровы о странахъ юго-восточной Европы; но басня о *мракахъ Киммерійскихъ* обратилась въ пословицу вѣковъ, и *Черное* море, какъ вѣроятно, получило отъ того свое названіе (3). Цвѣтущее воображеніе Грековъ, любя пріятныя мечты, изобрѣло Гипербореевъ, людей совершенно добродѣтельныхъ, живущихъ далѣе на Сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго, за горами Рифейскими, въ счастливомъ спокойствіи, въ странахъ мирныхъ и веселыхъ, гдѣ бури и страсти неизвѣстны; гдѣ смертные питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, блаженствуютъ нѣсколько вѣковъ, и насытясь жизнію, бросаются въ волны морскія (4).

*Гипербореи.*

Наконецъ сіе пріятное баснословіе уступило мѣсто дѣйствительнымъ историческимъ познаніямъ. Вѣковъ за пять или болѣе до Рождества Христова Греки завели селенія на берегахъ Черноморскихъ.

*Поселенцы Греческіе.*

Ольвія, въ 40 верстахъ отъ устья Днѣпровскаго, построена выходцами Милетскими еще въ славныя времена Мидійской Имперіи, называлась *счастливою* отъ своего богатства, и существовала до паденія Рима; въ благословенный вѣкъ Траяновъ образованные граждане ея любили читать Платона, и зная наизусть Иліаду, пѣли въ битвахъ стихи Гомеровы.

*Ольвія.*

Пантикапея и Фанагорія были столицами знаменитаго Царства Воспорскаго, основаннаго Азіатскими Греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго Пролива.

*Пантикапея и Фанагорія.*

Городъ Танаисъ, гдѣ нынѣ Азовъ, принадлежалъ къ сему Царству; но Херсонъ Таврическій (коего начало неизвѣстно) хранилъ вольность

*Танаисъ, Херсонъ.*

свою до временъ Митридатовыхъ (5). Сіи пришельцы, имѣя торговлю и тѣсную связь съ своими единоземцами, сообщили имъ вѣрныя географическія свѣдѣнія о Россіи южной, и Геродотъ, писавшій за 445 лѣтъ до Рождества Христова, предалъ намъ оныя въ своемъ любопытномъ твореніи.

Киммеріане, древнѣйшіе обитатели нынѣшнихъ Губерній Херсонской и Екатеринославской — вѣроятно, единоплеменные съ Германскими Цимбрами (6) — за 100 лѣтъ до временъ Кировыхъ были

Скиѳы и другіе народы.

изгнаны изъ своего отечества Скиѳами или Сколотами, которые жили прежде въ восточныхъ окрестностяхъ моря Каспійскаго, но вытѣсненные оттуда Массагетами, перешли за Волгу, разорили послѣ великую часть южной Азіи и наконецъ утвердились между Истромъ и Танаисомъ (Дунаемъ и Дономъ), гдѣ сильный Царь Персидскій, Дарій, напрасно хотѣлъ отмстить имъ за опустошеніе Мидіи, и гдѣ, гоняясь за ними въ степяхъ обширныхъ, едва не погибло все его многочисленное войско (7). Скиѳы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно Киргизамъ или Калмыкамъ; болѣе всего любили свободу; не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: «вездѣ настигать непріятелей, «и вездѣ отъ нихъ скрываться» (8); однакожь терпѣли Греческихъ поселенцевъ въ странѣ своей, заимствовали отъ нихъ первыя начала гражданскаго образованія, и Царь Скиѳскій построилъ себѣ въ Ольвіи огромный домъ, украшенный рѣзными изображеніями сфинксовъ и грифовъ. — Каллипиды, смѣсь дикихъ Скиѳовъ и Грековъ, жили близъ Ольвіи къ Западу; Алазоны въ окрестностяхъ Гипаниса или Буга; такъ называемые *Скиѳы-земледѣльцы* далѣе къ Сѣверу, на обоихъ берегахъ Днѣпра. Сіи три народа уже сѣяли хлѣбъ, и торговали имъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ 14 дняхъ пути отъ его устья, (вѣроятно, близъ Кіева) между *Скиѳами-земледѣльцами* и кочующими было ихъ Царское кладбище, священное для народа и неприступное для враговъ. Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на Востокъ до самаго Азовскаго моря, Дона и Крыма, гдѣ жили Тавры, можетъ быть единоплеменники древнихъ Киммеріанъ: убивая иностранцевъ, они приносили ихъ въ жертву своей *богинѣ-дѣвицѣ, τῇ Παρθένῳ*, и мысъ Севастопольскій, гдѣ существовалъ храмъ ея, долго назывался *Παρθένιον* (9). Геродотъ пишетъ еще о многихъ другихъ народахъ *не-Скиѳскаго* племени: Агаѳирсахъ въ Седмиградской области или Трансильваніи, Неврахъ въ Польшѣ, Андрофагахъ и Меланхленахъ въ Россіи: жилища послѣднихъ находились въ 4000 стадіяхъ или въ 800 верстахъ отъ Чернаго моря къ Сѣверу, въ ближнемъ сосѣдствѣ съ Андрофагами; тѣ и другіе питались человѣческимъ мясомъ. Меланхлены назывались такъ отъ черной одежды своей. Невры «обращались ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ волковъ:» то есть, зимою покрывались волчьими кожами. — За Дономъ, на степяхъ Астраханскихъ, обитали Сарматы или Савроматы; далѣе, среди густыхъ лѣсовъ, Будины, Гелоны (народъ Греческаго происхожденія, имѣвшій деревянную крѣпость), — Ирки (10), Ѳиссагеты (славные звѣроловствомъ), а на Востокъ отъ нихъ Скиѳскіе бѣглецы *Орды Царской*. Тутъ, по сказанію Геродота, начинались каменистыя горы (Уральскія) и страна Аргиппеевъ, людей *плосконосыхъ* (вѣроятно, Калмыковъ). Доселѣ ходили обыкновенно торговые караваны изъ городовъ Черноморскихъ: слѣдственно мѣста были извѣстны, также и народы, которые говорили *семью* разными языками. О дальнѣйшихъ *полунощныхъ* земляхъ носился единственно темный слухъ. Аргиппеи увѣряли, что за ними обитаютъ люди, которые спятъ въ году шесть мѣсяцевъ: чему не вѣрилъ Геродотъ, но что для насъ понятно: долговременныя ночи хладныхъ климатовъ, озаряемыя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ одними сѣверными сіяніями, служили основаніемъ сей молвы. — На Востокъ отъ Аргиппеевъ (въ Великой Татаріи) жили Исседоны, которые сказывали, что не далеко отъ нихъ *грифы стрегутъ золото* (11): сіи баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною, и заставляютъ думать, что драгоцѣнные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Сѣверъ вообще славился тогда своимъ богатствомъ или множествомъ золота. Упомянувъ о разныхъ Ордахъ, кочевавшихъ на Востокъ отъ моря Каспійскаго, Геродотъ пишетъ о главномъ народѣ нынѣшнихъ Киргизскихъ степей, сильныхъ Массагетахъ, побѣдившихъ Кира (12), и сказываетъ, что они, сходствуя одеждою и нравами съ племенами Скиѳскими, украшали *золотомъ* шлемы, поясы, конскіе приборы, и не зная желѣза,

Слухъ о земляхъ полунощныхъ.

ни серебра, дѣлали палицы и копья изъ мѣди.

Описаніе Скиѳіи. Что касается собственно до Скиѳіи Россійской, то сія земля, по извѣстію Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлѣсною; только между Тавридою и Днѣпровскимъ устьемъ находились лѣса. Онъ за чудо сказываетъ своимъ единоземцамъ, что зима продолжается тамъ 8 мѣсяцевъ, и воздухъ въ сіе время, по словамъ Скиѳовъ, бываетъ наполненъ летающими перьями, то есть, снѣгомъ; что море Азовское замерзаетъ, жители ѣздятъ на саняхъ чрезъ неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на водѣ, густѣющей отъ холода; что громъ гремитъ и молнія блистаетъ у нихъ единственно лѣтомъ. — Кромѣ Днѣпра, Буга и Дона, вытекающаго изъ озера (15), сей Историкъ именуетъ еще рѣку Днѣстръ, (*Τύρης*, при
Рѣки извѣстныя Грекамъ. устьѣ коего жили Греки, называемые Тиритами), Прутъ (*Πορατα*), Серетъ (*Ορδησσός*), и говоритъ, что Скиѳія вообще можетъ славиться большими судоходными рѣками; что Днѣпръ, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступаетъ въ величинѣ одному Нилу и Дунаю; что вода его отмѣнно чиста, пріятна для вкуса и здорова; что источникъ сей рѣки скрывается въ отдаленіи и не извѣстенъ Скиѳамъ. Такимъ образомъ Сѣверъ восточной Европы, огражденный пустынями и свирѣпостію варваровъ, которые на нихъ скитались, оставался еще землею таинственною для Исторіи. Хотя Скиѳы занимали единственно южныя страны нашего отечества; хотя Андрофаги, Меланхлены и прочіе народы сѣверные, какъ пишетъ самъ Геродотъ, были совсѣмъ инаго племени: но Греки назвали всю нынѣшнюю Азіатскую и Европейскую Россію, или всѣ полунощныя земли, Скиѳіею, такъ же, какъ они безъ разбора именовали полуденную часть міра Эѳіопіею, западную Кельтикою, восточную Индіею, ссылаясь на Историка Эфора, жившаго за 350 лѣтъ до Рождества Христова (14).

Нравы Скиѳовъ. Не смотря на долговременное сообщеніе съ образованными Греками, Скиѳы еще гордились дикими нравами своихъ предковъ, и славный единоземецъ ихъ, Философъ Анахарсисъ, ученикъ Солоновъ, напрасно хотѣвъ дать имъ законы Аѳинскіе, былъ жертвою сего несчастнаго опыта (15). Въ надеждѣ на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитыхъ непріятелей, выдѣланную кожу ихъ употребляли вмѣсто одежды, а черепы вмѣсто сосудовъ, и въ образѣ меча покланялись богу войны, какъ главѣ другихъ мнимыхъ боговъ.

Могущество Скиѳовъ начало ослабѣвать со временъ Филиппа Македонскаго, Ихъ паденіе. который, по словамъ одного древняго Историка (16), одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду не превосходствомъ мужества, а хитростію воинскою, и не нашелъ въ станѣ у враговъ своихъ ни серебра, ни золота, но только женъ, дѣтей и старцевъ. Митридатъ Эвпаторъ, господствуя на южныхъ берегахъ Чернаго моря и завладѣвъ Воспорскимъ Царствомъ, утѣснилъ и Скиѳовъ (17): Митридатъ. послѣднія ихъ силы были истощены въ жестокихъ его войнахъ съ Римомъ, коего орлы приближались тогда къ нынѣшнимъ Кавказскимъ странамъ Россіи. Геты, народъ Ѳракійскій, побѣжденный Геты. Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но страшный для Рима во время Царя своего, Беребиста Храбраго, за нѣсколько лѣтъ до Рождества Христова отнялъ у Скиѳовъ всю землю между Истромъ и Сарматы. Борисѳеномъ, т. е. Дунаемъ и Днѣпромъ (18). Наконецъ Сарматы, обитавшіе въ Азіи близъ Дона, вступили въ Скиѳію, и, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, истребили ея жителей или присоединили къ своему народу, такъ, что *особенное бытіе* Скиѳовъ исчезло для Исторіи; осталось только ихъ славное имя, коимъ несвѣдущіе Греки и Римляне долго еще называли всѣ народы мало извѣстные и живущіе въ странахъ отдаленныхъ (19).

Сарматы (или Савроматы Геродотовы) дѣлаются знамениты въ началѣ Христіанскаго лѣтосчисленія, когда Римляне, занявъ Ѳракію и страны Дунайскія своими Легіонами, пріобрѣли для себя несчастное сосѣдство варваровъ. Съ того времени Историки Римскіе безпрестанно говорятъ о семъ народѣ, который господствовалъ отъ Азовскаго моря до береговъ Дуная и состоялъ изъ двухъ главныхъ племенъ, Роксоланъ и Язиговъ (20); но Географы, весьма не кстати назвавъ Сарматіею всю обширную страну Азіи и Европы, отъ Чернаго моря и Каспійскаго съ одной стороны до Германіи, а съ другой до самой глубины Сѣвера, обратили имя Сарматовъ (подобно какъ прежде Скиѳское) въ общее для всѣхъ народовъ полунощныхъ. Роксолане утвердились въ окрестностяхъ

2

Азовскаго и Чернаго моря, а Язиги скоро перешли въ Дакію, на берега Тисы и Дуная (21). Дерзнувъ первые тревожить Римскія владѣнія съ сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщеніемъ, которая заключилась наконецъ гибелію послѣдняго. Роксолане одержали верхъ надъ Когортами Римскими въ Дакіи: Язиги опустошали Мизію. Еще военное искусство, слѣдствіе непрестанныхъ побѣдъ въ теченіе осьми вѣковъ, обуздывало варваровъ и часто наказывало ихъ дерзость; но Римъ, изнѣженный роскошію, вмѣстѣ съ гражданскою свободою утративъ и гордость великодушную, не стыдился золотомъ покупать дружбу Сарматовъ. Тацитъ именуетъ Язиговъ союзниками своего народа, и Сенатъ, рѣшивъ прежде судьбу великихъ Государей и міра, съ уваженіемъ встрѣчалъ Пословъ народа кочующаго (22). — Хотя война Маркоманнская, въ коей Сарматы присоединились къ Германцамъ, имѣла несчастныя для нихъ слѣдствія; хотя, побѣжденные Маркомъ Авреліемъ, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однакожь, кочуя въ южной Россіи и на берегахъ Тибиска или Тисы, долго еще безпокоили набѣгами Римскія владѣнія.

Алане. Почти въ одно время съ Язигами и Роксоланами узнаемъ мы и другихъ — вѣроятно, единоплеменныхъ съ ними — обитателей юго-восточной Россіи, Аланъ, которые, по извѣстію Амміана Марцеллина, были древніе Массагеты и жили тогда между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ (23). Они, равно какъ и всѣ Азіатскіе дикіе народы, не обработывали земли, не имѣли домовъ, возили женъ и дѣтей на колесницахъ, скитались по степямъ Азіи даже до самой Индіи сѣверной, грабили Арменію, Мидію, а въ Европѣ берега Азовскаго и Чернаго моря; отважно искали смерти въ битвахъ и славились отмѣнною храбростію. Къ сему народу многочисленному принадлежали, вѣроятно, Аорсы и Сираки, о коихъ въ первомъ вѣкѣ Христіанскаго лѣтосчисленія упоминаютъ разные Историки, и кои, обитая между Кавказомъ и Дономъ, были и врагами и союзниками Римлянъ (24). Алане, вытѣснивъ Сарматовъ изъ юго-восточной Россіи, отчасти заняли и Тавриду.

Готѳы. Въ третьемъ вѣкѣ приближились отъ Балтійскаго къ Черному морю Готѳы и другіе народы Германскіе, овладѣли Дакіею, Римскою провинціею со временъ Траяновыхъ, и сдѣлались самыми опасными врагами Имперіи (25). Переплывъ на судахъ въ Азію, Готѳы обратили въ пепелъ многіе города цвѣтущіе въ Виѳиніи, Галатіи, Каппадокіи, и славный храмъ Діаны въ Ефесѣ, а въ Европѣ опустошили Ѳракію, Македонію и Грецію до Мореи. Они хотѣли, взявъ Аѳины, истребить огнемъ всѣ книги Греческія, тамъ найденныя; но приняли совѣтъ одного умнаго единоземца, который сказалъ имъ: «оставьте Грекамъ книги, чтобы они, читая ихъ, забывали военное искусство и тѣмъ легче были побѣждаемы нами» (26). Ужасные свирѣпостію и мужествомъ, Готѳы основали сильную Имперію, которая раздѣлялась на Восточную и Западную, и въ IV столѣтіи, при Царѣ ихъ Эрманарихѣ, заключала въ себѣ не малую часть Россіи Европейской, простираясь отъ Тавриды и Чернаго моря до Балтійскаго.

Готѳскій Историкъ VI вѣка, Іорнандъ, пишетъ, что Эрманарихъ въ числѣ многихъ иныхъ народовъ побѣдилъ и Венедовъ, которые, обитая въ сосѣдствѣ съ Эстами и Герулами, жителями береговъ Балтійскихъ (27), славились болѣе своею многочисленностію, нежели искусствомъ воинскимъ. Венеды. Сіе извѣстіе для насъ любопытно и важно, ибо *Венеды*, по сказанію Іорнанда, были единоплеменники *Славянъ*, предковъ народа Россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Рождества Христова, было извѣстно въ Греціи, что янтарь находится въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверный Океанъ (28), и гдѣ живутъ Венеды. Вѣроятно, что Финикіяне, смѣлые мореходцы, которые открыли Европу для образованныхъ народовъ древности, не имѣвшихъ объ ней свѣдѣнія, доплывали до самыхъ береговъ нынѣшней Пруссіи, богатыхъ янтаремъ, и тамъ покупали его у Венедовъ (29). Во время Плинія и Тацита, или въ первомъ столѣтіи, Венеды жили близъ Вислы, и граничили къ Югу съ Дакіею (30). Птолемей Астрономъ и Географъ втораго столѣтія, полагаетъ ихъ на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, сказывая, что оно издревле называлось *Венедскимъ* (31). Слѣдственно ежели Славяне и Венеды составляли одинъ народъ, то предки наши были извѣстны и Грекамъ и Римлянамъ, обитая на Югѣ отъ моря Балтійскаго.

Изъ Азіи ли они пришли туда, и въ какое время, не знаемъ (32). Мнѣніе, что сію часть міра должно признавать колыбелію всѣхъ народовъ, кажется вѣроятнымъ, ибо согласно съ преданіями Священными, и всѣ языки Европейскіе, не смотря на ихъ разныя измѣненія, сохраняютъ въ себѣ нѣкоторое сходство съ древними Азіатскими (33); однакожь мы не можемъ утвердить сей вѣроятности никакими *дѣйствительно историческими* свидѣтельствами, и считаемъ Венедовъ Европейцами, когда Исторія находитъ ихъ въ Европѣ. Сверхъ того они самыми обыкновеніями и нравами отличались отъ Азіатскихъ народовъ, которые, приходя въ нашу часть міра, не знали домовъ, жили въ шатрахъ или *колесницахъ* (34), и только на коняхъ сражались: Тацитовы же Венеды имѣли домы, любили ратоборствовать пѣшіе и славились быстротою своего бѣга.

Гунны. Конецъ четвертаго вѣка ознаменовался важными происшествіями. Гунны, народъ кочующій, отъ полунощныхъ областей Китая доходятъ чрезъ неизмѣримыя степи до юго-восточной Россіи, нападаютъ — около 377 года — на Аланъ, Готѳовъ, владѣнія Римскія, истребляя все огнемъ и мечемъ (35). Современные Историки не находятъ словъ для описанія лютой свирѣпости и самаго безобразія Гунновъ. Ужасъ былъ ихъ предтечею, и столѣтній Герой Эрманарихъ не дерзнулъ даже вступить съ ними въ сраженіе, но произвольною смертію спѣшилъ избавиться отъ рабства. Восточные Готѳы должны были покориться, а Западные искали убѣжища во Ѳракіи, гдѣ Римляне, къ несчастію своему, дозволили имъ поселиться: ибо Готѳы, соединясь съ другими мужественными Германцами, скоро овладѣли большею частію Имперіи.

Анты. Исторія сего времени упоминаетъ объ *Антахъ*, которые, по извѣстію Іорнанда и Византійскихъ Лѣтописцевъ, принадлежали вмѣстѣ съ Венедами къ народу Славянскому (36). Винитаръ, наслѣдникъ Эрманариха, Царя Готѳскаго, былъ уже данникомъ Гунновъ, но хотѣлъ еще повелѣвать другими народами: завоевалъ страну Антовъ, которые обитали на Сѣверъ отъ Чернаго моря (слѣдственно въ Россіи), и жестокимъ образомъ умертвилъ ихъ Князя, именемъ Бокса, съ семидесятью знатнѣйшими Боярами (37). Царь Гуннскій, Баламберъ, вступился за утѣсненныхъ, и побѣдивъ Винитара, освободилъ ихъ отъ ига Готѳовъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что Анты и Венеды признавали надъ собою власть Гунновъ: ибо сіи завоеватели во время Аттилы, грознаго Царя ихъ, повелѣвали всѣми странами отъ Волги до Рейна, отъ Македоніи до острововъ Бальтійскаго моря (38). Истребивъ безчисленное множество людей, разрушивъ города и крѣпости Дунайскія, предавъ огню селенія, окруживъ себя пустынями обширными, Аттила царствовалъ въ Дакіи подъ наметомъ шатра, бралъ дань съ Константинополя, но славился презрѣніемъ золота и роскоши, ужасалъ міръ и гордился именемъ *бича Небеснаго*. — Съ жизнію сего варвара, но великаго человѣка, умершаго въ 454 году, прекратилось и владычество Гунновъ. Народы, порабощенные Аттилою, свергнули съ себя иго несогласныхъ сыновей его. Изгнанные Нѣмцами-Гепидами изъ Паннонін, или Венгріи, Гунны держались еще нѣсколько времени между Днѣстромъ и Дунаемъ, гдѣ страна ихъ называлась Гунниваромъ (39); другіе разсѣялись по Дунайскимъ областямъ Имперіи — и скоро изгладились слѣды ужаснаго бытія Гунновъ. Такимъ образомъ сіи варвары отдаленной Азіи явились въ Европѣ, свирѣпствовали и какъ грозное привидѣніе исчезли!

Въ то время южная Россія могла представлять обширную пустыню, гдѣ скитались одни бѣдные остатки народовъ. Восточные Готѳы большею частію удалились въ Паннонію; о Роксоланахъ не находимъ уже ни слова въ лѣтописяхъ: вѣроятно, что они смѣшались съ Гуннами, или, подъ общимъ названіемъ Сарматовъ, вмѣстѣ съ Язигами были разселены Императоромъ Маркіаномъ въ Илирикѣ и въ другихъ Римскихъ провинціяхъ, гдѣ, составивъ одинъ народъ съ Готѳами, утратили имя свое (40): ибо въ концѣ V вѣка Исторія уже молчитъ о Сарматахъ. Множество Аланъ, соединясь съ Нѣмецкими Вандалами и Свевами, перешло за Рейнъ, за горы Пиренейскія, въ Испанію и Португаллію. — Но скоро Угры и Болгары, по сказанію Грековъ единоплеменные съ Гуннами, и до того времени неизвѣстные, оставивъ древнія свои жилища близъ Волги и горъ Уральскихъ, завладѣли берегами Азовскаго, Чернаго моря и Тавридою (гдѣ еще обитали нѣкоторые Готѳы, принявшіе Вѣру Христіанскую), и съ 474 го- Угры и Болгары.

ду начали опустошать Мизію, Өракію, даже предмѣстія Константинопольскія (41).

Славяне. Съ другой стороны выходятъ на өеатръ Исторіи *Славяне*, подъ симъ именемъ, достойнымъ людей воинственныхъ и храбрыхъ, ибо его можно производить отъ *славы* (42), — и народъ, коего бытіе мы едва знали, съ шестаго вѣка занимаетъ великую часть Европы, отъ моря Бальтійскаго до рѣки Эльбы, Тисы и Чернаго моря. Вѣроятно, что нѣкоторые изъ Славянъ, подвластныхъ Эрманариху и Аттилѣ, служили въ ихъ войскѣ; вѣроятно, что они, испытавъ подъ начальствомъ сихъ завоевателей храбрость свою и пріятность добычи въ богатыхъ областяхъ Имперіи, возбудили въ соотечественникахъ желаніе приближиться къ Греціи и вообще распространить ихъ владѣніе. Обстоятельства времени имъ благопріятствовали. Германія опустѣла; ея народы воинственные удалились къ Югу и Западу искать счастія. На берегахъ Черноморскихъ, между устьями Днѣпра и Дуная, кочевали, можетъ быть, однѣ дикія малолюдныя Орды, которыя сопутствовали Гуннамъ въ Европу и разсѣялись послѣ ихъ гибели. Отъ Дуная и Алуты до рѣки Моравы жили Нѣмцы Лонгобарды и Гепиды; отъ Днѣпра къ морю Каспійскому Угры и Болгары: за ними къ Сѣверу отъ Понта Эвксинскаго и Дуная (43), явились Анты и Славяне; другія же племена ихъ вступили въ Моравію, Богемію, Саксонію, а нѣкоторыя остались на берегахъ моря Бальтійскаго. Тогда начинаютъ говорить объ нихъ Историки Византійскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы Славянъ, отличные отъ характера Нѣмецкихъ и Сарматскихъ племенъ (44): доказательство, что сей народъ былъ прежде мало извѣстенъ Грекамъ, обитая во глубинѣ Россіи, Польши, Литвы, Пруссіи, въ странахъ отдаленныхъ и какъ бы непроницаемыхъ для ихъ любопытства (45).

Уже въ концѣ пятаго вѣка лѣтописи Византійскія упоминаютъ о Славянахъ, которые въ 495 году дружелюбно пропустили чрезъ свои земли Нѣмцевъ-Геруловъ, разбитыхъ Лонгобардами въ нынѣшней Венгріи и бѣжавшихъ къ морю Бальтійскому (46); но только со временъ Юстиніановыхъ, съ 527 году, утвердясь въ сѣверной Дакіи, начинаютъ они дѣйствовать противъ Имперіи, вмѣстѣ съ Угорскими племенами и братьями своими Антами, которые въ окрестностяхъ Чернаго моря граничили съ Болгарами. Ни Сарматы, ни Готөы, ни самые Гунны не были для Имперіи ужаснѣе Славянъ. Иллирія, Өракія, Греція, Херсонесъ — всѣ страны отъ залива Іоническаго до Константинополя были ихъ жертвою (47); только Хильвудъ, смѣлый Вождь Юстиніановъ, могъ еще съ успѣхомъ имъ противоборствовать; но Славяне, убивъ его въ сраженіи за Дунаемъ, возобновили свои лютыя нападенія на Греческія области, и всякое изъ оныхъ стоило жизни или свободы безчисленному множеству людей, такъ что южные берега Дунайскіе, облитые кровію несчастныхъ жителей, осыпанные пепломъ городовъ и селъ, совершенно опустѣли. Ихъ подвиги. Ни Легіоны Римскіе, почти всегда обращаемые въ бѣгство, ни великая стѣна Анастасіева (48), сооруженная для защиты Царяграда отъ варваровъ, не могли удерживать Славянъ, храбрыхъ и жестокихъ. Имперія съ трепетомъ и стыдомъ видѣла знамя Константиново въ рукахъ ихъ. Самъ Юстиніанъ, Совѣтъ Верховный и знатнѣйшіе Вельможи должны были съ оружіемъ стоять на послѣдней оградѣ столицы, стѣнѣ Өеодосіевой, съ ужасомъ ожидая приступа Славянъ и Болгаровъ ко вратамъ ея. Одинъ Велисарій, посѣдѣвшій въ доблести, осмѣлился выйти къ нимъ на встрѣчу; но болѣе казною Императорскою, нежели побѣдою, отвратилъ сію грозную тучу отъ Константинополя. Они спокойно жительствовали въ Имперіи, какъ бы въ собственной землѣ своей, увѣренные въ безопасной переправѣ чрезъ Дунай: ибо Гепиды, владѣвшіе большею частію сѣверныхъ береговъ его, всегда имѣли для нихъ суда въ готовности (49). Между тѣмъ Юстиніанъ съ гордостію величалъ себя *Антическимъ* или *Славянскимъ*, хотя сіе имя напоминало болѣе стыдъ, нежели славу его оружія противъ нашихъ дикихъ предковъ, которые безпрестанно опустошали Имперію, или заключая иногда дружественные съ нею союзы, нанимались служить въ ея войскахъ и способствовали ихъ побѣдамъ. Такъ во второе лѣто славной войны Готөской (въ 536 году) Валеріанъ привелъ въ Италію 1600 конныхъ Славянъ, и Римскій Полководецъ Тулліанъ ввѣрилъ Антамъ защиту Луканіи, гдѣ они въ 547 году разбили Готөскаго Короля Тотилу.

Уже лѣтъ 30 Славяне свирѣпствовали въ Европѣ, когда новый Азіатскій на-

родъ побѣдами и завоеваніями открылъ себѣ путь къ Черному морю. Весь извѣстный міръ былъ тогда ѳеатромъ чудеснаго волненія народовъ и непостоянства въ ихъ величіи. Авары славились (Авары.) могуществомъ въ степяхъ Татаріи; но въ шестомъ вѣкѣ побѣжденные Турками, ушли изъ земли своей [50]. Сіи Турки, (Турки.) по свидѣтельству Историковъ Китайскихъ, были остаткомъ Гунновъ, древнихъ полунощныхъ сосѣдовъ Китайской Имперіи; въ теченіе времени соединились съ другими Ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Ханъ ихъ, называемый въ Византійскихъ лѣтописяхъ Дизавуломъ [51], какъ новый Аттила покоривъ многіе народы, жилъ среди горъ Альтайскихъ, въ шатрѣ украшенномъ коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатомъ тронѣ, принималъ Византійскихъ Пословъ и дары отъ Юстиніана; заключалъ съ нимъ союзы и счастливо воевалъ съ Персами. Извѣстно, что Россіяне, овладѣвъ въ новѣйшія времена полуденною частію Сибири, находили въ тамошнихъ могилахъ великое количество вещей драгоцѣнныхъ [52]: вѣроятно, что онѣ принадлежали симъ Альтайскимъ Туркамъ, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему съ Китаемъ, Персіею и Греками.

Вмѣстѣ съ другими Ордами зависѣли (Огоры.) отъ Дизавула Киргизы и Гунны-Огоры [53]. Бывъ прежде данниками Аваровъ и тогда угнетаемые Турками, Огоры перешли на западные берега Волги, назвались славнымъ именемъ Аваровъ, нѣкогда могущественныхъ, и предложили союзъ Императору Византійскому. Народъ Греческій съ любопытствомъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ Пословъ: одежда сихъ людей напоминала ему страшныхъ Гунновъ Аттилы, отъ коихъ мнимые Авары отличались единственно тѣмъ, что не брили головы и заплетали волосы въ длинныя косы, украшаемыя лентами. Главный Посолъ сказалъ Юстиніану, что Авары, мужественные и непобѣдимые, хотятъ его дружбы, требуя даровъ, жалованья и выгодныхъ мѣстъ для поселенія. Императоръ не дерзнулъ ни въ чемъ отказать сему народу, который, бѣжавъ изъ Азіи, со вступленіемъ въ Европу пріобрѣлъ силу и храбрость. Угры, Болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Ханъ Аварскій, свирѣпый Баянъ, разбилъ ихъ войско, умертвилъ Посла, знаменитаго Князя Мезамира [54]; ограбилъ землю, плѣнилъ жителей; скоро завоевалъ Моравію, Богемію, гдѣ обитали Чехи и другіе Славяне; побѣдилъ Сигеберта, Короля Франковъ, и возвратился на Дунай, гдѣ Лонгобарды вели кровопролитную войну съ Гепидами. Баянъ соединился съ первыми, разрушилъ Державу Гепидовъ, овладѣлъ большею частію Дакіи, а скоро и Паннонією или Венгріею, которую Лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваній въ Италіи. Область Аваровъ въ 568 году простиралась отъ Волги до Эльбы. Въ началѣ седьмаго вѣка завладѣли они и Далмаціею, кромѣ приморскихъ городовъ ея. Хотя Турки, господствуя на берегахъ Иртыша, Урала [55] — тревожа набѣгами Китай и Персію — около 580 года распространили-было свои завоеванія до самой Тавриды — взяли Воспоръ, осаждали Херсонъ; но скоро исчезли въ Европѣ, оставивъ земли Черноморскія въ подданствѣ Аваровъ.

Уже Анты, Богемскіе Чехи, Моравы служили Хану; но собственно такъ называемые Дунайскіе Славяне хранили свою независимость, и еще въ 581 году многочисленное войско ихъ снова опустошило Ѳракію и другія владѣнія Имперскія до самой Эллады или Греціи [56]. Тиверій царствовалъ въ Константинополѣ: озабоченный войною Персидскою, онъ не могъ отразить Славянъ и склонилъ Хана отмстить имъ впаденіемъ въ страну ихъ. Баянъ назывался другомъ Тиверія, и хотѣлъ даже быть Римскимъ Патриціемъ: онъ исполнилъ желаніе Императора тѣмъ охотнѣе, что давно уже ненавидѣлъ Славянъ за ихъ гордость. Сію причину злобы его описываютъ Византійскіе Историки слѣдующимъ образомъ. Смиривъ Антовъ, Ханъ требовалъ отъ Славянъ подданства; но Лавритасъ и другіе Вожди ихъ отвѣтствовали: «Кто можетъ лишить насъ вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ и впредь, доколѣ есть война и мечи въ свѣтѣ.» Посолъ Ханскій раздражилъ ихъ своими надменными рѣчами, и заплатилъ за то жизнію. Баянъ помнилъ сіе жестокое оскорбленіе, и надѣялся собрать великое богатство въ землѣ Славянъ, которые, болѣе пятидесяти лѣтъ громивъ Имперію, не были еще никѣмъ тревожимы въ странѣ своей. Онъ вступилъ въ нее съ шестидесятью

тысячами отборныхъ конныхъ латниковъ, началъ грабить *селенія,* жечь поля, истреблять жителей, которые только въ бѣгствѣ и въ густотѣ лѣсовъ искали спасенія. — Съ того времени ослабѣло могущество Славянъ, и хотя Константинополь еще долго ужасался ихъ набѣговъ, но скоро Ханъ Аварскій совершенно овладѣлъ Дакіею. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы ихъ тирана; долженствовали первые гибнуть въ битвахъ, и когда Ханъ, нарушивъ миръ съ Греціею, въ 626 году осадилъ Константинополь, Славяне были жертвою сего дерзкаго предпріятія. Они взяли бы столицу Имперіи, если бы измѣна не открыла ихъ тайнаго намѣренія Грекамъ: окруженные непріятелемъ, бились отчаянно; немногіе спаслися, и въ знакъ благодарности были казнены Ханомъ (57).

Между тѣмъ не всѣ народы Славянскіе повиновались сему Хану: обитавшіе за Вислою, и далѣе къ Сѣверу, спаслись отъ рабства. Такъ въ исходѣ шестаго вѣка на берегахъ моря Бальтійскаго жили мирные и счастливые Славяне, коихъ онъ напрасно хотѣлъ вооружить противъ Грековъ, и которые отказались помогать ему войскомъ. Сей случай, описанный Византійскими Историками (58), достоинъ любопытства и примѣчанія. «Греки (повѣствуютъ они) взяли въ плѣнъ трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, киѳары или гусли. Императоръ спросилъ, кто они? Мы Славяне, отвѣтствовали чужеземцы, и живемъ на отдаленнѣйшемъ концѣ Западнаго Океана (моря Бальтійскаго). Ханъ Аварскій, приславъ дары къ нашимъ старѣйшинамъ, требовалъ войска, чтобы дѣйствовать противъ Грековъ. Старѣйшины взяли дары, но отправили насъ къ Хану съ извиненіемъ, что не могутъ за великою отдаленностію дать ему помощи. Мы сами были 15 мѣсяцевъ въ дорогѣ. Ханъ, не взирая на святость Посольскаго званія, не отпускалъ насъ въ отечество. Слыша о богатствѣ и дружелюбіи Грековъ, мы воспользовались случаемъ уйти во Ѳракію. Съ оружіемъ обходиться не умѣемъ и только играемъ на гусляхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведемъ жизнь мирную и спокойную. — Императоръ дивился тихому нраву сихъ людей, великому росту и крѣпости ихъ; угостилъ Пословъ, и доставилъ имъ способъ возвратиться въ отечество.» Такое миролюбивое свойство Бальтійскихъ Славянъ, во времена ужасовъ варварства, представляетъ мыслямъ картину счастія, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи. Согласіе Византійскихъ Историковъ въ описаніи сего происшествія доказываетъ, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами Сѣвера, гдѣ Славяне могли наслаждаться тишиною, когда Германскіе народы удалились къ Югу, и когда разрушилось владычество Гунновъ.

Наконецъ *Богемскіе* Славяне, возбужденные отчаяніемъ, дерзнули обнажить мечь, смирили гордость Аваровъ и возвратили древнюю свою независимость. Лѣтописцы повѣствуютъ, что нѣкто, именемъ Само, былъ тогда смѣлымъ Вождемъ ихъ: благодарные и вольные Славяне избрали его въ Цари (59). Онъ сражался съ Дагобертомъ, Королемъ Франковъ, и разбилъ его многочисленное войско.

Скоро владѣнія Славянъ умножились новыми пріобрѣтеніями: еще въ шестомъ вѣкѣ, какъ вѣроятно, многіе изъ нихъ поселились въ Венгріи; другіе въ началѣ седьмаго столѣтія, заключивъ союзъ съ Константинополемъ, вошли въ Иллирію, изгнали оттуда Аваровъ и основали новыя области, подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи (60). Императоры охотно дозволяли имъ селиться въ Греческихъ владѣніяхъ, надѣясь, что они, по извѣстной храбрости своей, могли быть лучшею ихъ защитою отъ нападенія другихъ варваровъ — и въ седьмомъ вѣкѣ находимъ Славянъ на рѣкѣ Стримонѣ во Ѳракіи, въ окрестностяхъ Ѳессалоники и въ Мизіи или въ нынѣшней Болгаріи. Даже весь Пелопоннесъ былъ нѣсколько времени въ ихъ власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирѣпствовала въ Греціи, и завоевали древнее отечество Наукъ и славы. — Многіе изъ нихъ поселились въ Виѳиніи, Фригіи, Дарданіи, Сиріи (61).

Но между тѣмъ, когда Чехи и другіе Славяне пользовались уже совершенною вольностію отчасти въ прежнихъ, отчасти въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Дунайскіе находились еще, кажется, подъ игомъ Аваровъ, хотя могущество сего достопамятнаго Азіатскаго народа ослабѣло въ VII вѣкѣ. Кувратъ, Князь Болгарскій, данникъ Хана, въ 635 году свергнулъ съ себя иго Аваровъ. Раздѣливъ силы свои на девять обширныхъ укрѣ-

плѣнныхъ становъ [62], они еще долгое время властвовали въ Дакіи и въ Панноніи, вели жестокія войны съ Баварцами и Славянами въ Каринтіи, въ Богеміи; наконецъ утратили въ лѣтописяхъ имя свое.— Куврать, союзникъ и другъ Римлянъ, господствовалъ въ окрестностяхъ Азовскаго моря; но сыновья его въ противность мудрому совѣту умирающаго отца, раздѣлились: старшій, именемъ Ватвай, остался на берегахъ Дона; вторый сынъ, Котрагъ, перешелъ на другую сторону сей рѣки; четвертый въ Паннонію или Венгрію къ Аварамъ, пятый въ Италію [63]; а третій, Аспарухъ, утвердился сперва между Днѣстромъ и Дунаемъ, но Болгарія. въ 679 году завоевавъ и всю Мизію, гдѣ жили многіе Славяне, основалъ тамъ сильное Государство Болгарское.

Представивъ Читателю разселеніе народовъ Славянскихъ отъ моря Бальтійскаго до Адріатическаго, отъ Эльбы до Мореи и Азіи, скажемъ, что они, сильные числомъ и мужествомъ, могли бы тогда, соединясь, овладѣть Европою; но, слабые отъ развлеченія силъ и несогласія, почти вездѣ утратили независимость, и только одинъ изъ нихъ, искушенный бѣдствіями, удивляетъ нынѣ міръ величіемъ [64]. Другіе, сохранивъ бытіе свое въ Германіи, въ древней Иллиріи, въ Мизіи, повинуются Властителямъ чужеземнымъ; а нѣкоторые забыли и самый языкъ отечественный. Судьба народовъ Славянскихъ.

Теперь обратимся къ Исторіи Государства Россійскаго, основанной на преданіяхъ нашего собственнаго, древнѣйшаго Лѣтописца.

---

# ГЛАВА II.

## О СЛАВЯНАХЪ И ДРУГИХЪ НАРОДАХЪ, СОСТАВИВШИХЪ ГОСУДАРСТВО РОССІЙСКОЕ.

---

**роисхожденіе Славянъ Россійскихъ. Поляне. Радимичи и Вятичи. Древляне. Дулѣбы и Бужане. Лутичи и Тиверцы. Хорваты, Сѣверяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новогородскіе. Кіевъ. Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ. Любечь. Черниговъ. Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи. Латышскіе народы. Междоусобія Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Варяги. Русь.**

Несторъ пишетъ, что Славяне *издревле обитали* въ странахъ Дунайскихъ, и вытѣсненные изъ Мизіи Болгарами, а изъ Панноніи Волохами (донынѣ живущими въ Венгріи) перешли Происхожденіе Славянъ Россійскихъ. въ Россію, въ Польшу и другія земли [65]. Сіе извѣстіе о первобытномъ жилищѣ нашихъ предковъ взято, кажется, изъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, которые въ VI вѣкѣ узнали ихъ на берегахъ Дуная; однакожь Несторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Св. Апостолъ Андрей — проповѣдуя въ Скиѳіи имя Спасителя, поставивъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, еще ненаселенныхъ, и предсказавъ будущую славу нашей древней столицы — доходилъ до Ильменя и нашелъ тамъ Славянъ [66]: слѣдственно они, по собственному Несторову сказанію, жили въ Россіи уже въ первомъ столѣтіи, и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились въ Мизіи [67]. Но вѣроятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти дѣйствительно возвратились изъ Мизіи къ своимъ сѣвернымъ единоземцамъ; вѣроятно и то, что Волохи, потомки древнихъ Гетовъ и Римскихъ всельниковъ Траянова времени въ Дакіи, уступивъ сію землю Готѳамъ, Гуннамъ и другимъ народамъ, искали убѣжища въ горахъ, и видя наконецъ слабость Аваровъ, овладѣли Трансильваніею и частію Венгріи, гдѣ Славяне долженствовали имъ покориться.

Можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова подъ именемъ Венедовъ извѣстные на восточныхъ берегахъ моря Бальтійскаго, Славяне въ то же время обитали и внутри Россіи; можетъ быть, Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ [68]. Самые древніе жители Дакіи, Геты, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками: сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII



5

столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакіи, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣтосчисленіе отъ временъ сего мужественнаго Императора. Замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, что праотцы ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Гетовъ (69). Но Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. И такъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: «откуда и когда Славяне пришли въ Россію?» опишемъ, какъ они жили въ ней за долго до того времени, въ которое образовалось наше Государство.

Многіе Славяне, единоплеменные съ Ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ въ Кіевской Губерніи и назвались *Полянами* отъ Поляне. чистыхъ *полей* своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ Ляховъ, основателей Государства Польскаго. Отъ сего же племени Радимичи и Вятичи. Славянъ были два брата, Радимъ и Вятко, Главами Радимичей и Вятичей: первый избралъ себѣ жилище на берегахъ Сожа, въ Могилевской Губерніи, а второй на Окѣ, въ Калужской, Тульской или Орловской. Древляне. Древляне, названные такъ отъ лѣсной земли своей, обитали въ Волынской Губерніи; Дулѣбы и Бужане. Дулѣбы и Бужане по рѣкѣ Бугу, впадающему въ Вислу; Лутичи и Тиверцы. Лутичи и Тиверцы по Днѣстру до самаго моря и Дуная, уже имѣя *города* въ землѣ своей; Хорваты. Бѣлые Хорваты въ окрестностяхъ горъ Карпатскихъ; Сѣверяне. Сѣверяне, сосѣды Полянъ, на берегахъ Десны, Семи и Сулы, въ Черниговской и Полтавской Губерніи; въ Минской и Витебской, между Припетью и Двиною Дреговичи. Западною, Дреговичи: въ Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, Кривичи. Кривичи; а на Двинѣ, гдѣ впадаетъ въ Полочане. нее рѣка Полота, единоплеменные съ ними Полочане; на берегахъ же озера Славяне Новогородскіе. Ильменя собственно такъ называемые Славяне, которые *послѣ* Рождества Христова основали Новгородъ (70).

Къ тому же времени Лѣтописецъ относитъ и начало Кіева, разсказывая Кіевъ. слѣдующія обстоятельства: «Братья Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трехъ горахъ, изъ коихъ двѣ слывутъ, по имени двухъ меньшихъ братьевъ, Щековицею и Хоривицею; а старшій жилъ тамъ, гдѣ нынѣ (въ Несторово время) *Зборичевъ взвозъ*. Они были мужи знающіе и разумные; ловили звѣрей въ тогдашнихъ густыхъ лѣсахъ Днѣпровскихъ, построили городъ и назвали оный именемъ старшаго брата, т. е. *Кіевымъ*. Нѣкоторые считаютъ Кія перевозчикомъ, ибо въ старину былъ на семъ мѣстѣ перевозъ и назывался Кіевымъ; но Кій начальствовалъ въ родѣ своемъ: ходилъ, какъ сказываютъ, въ Константинополь, и пріялъ великую честь отъ Царя Греческаго; на возвратномъ пути, увидѣвъ берега Дуная, полюбилъ ихъ, срубилъ городокъ и хотѣлъ обитать въ немъ; но жители Дунайскіе не дали ему тамъ утвердиться, и донынѣ именуютъ сіе мѣсто *городищемъ Кіевцомъ*. Онъ скончался въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ двумя братьями и сестрою.» Несторъ въ повѣствованіи своемъ основывается единственно на изустныхъ сказаніяхъ: отдаленный многими вѣками отъ случаевъ, здѣсь описанныхъ, могъ ли онъ ручаться за истину преданія, всегда обманчиваго, всегда *невѣрнаго въ подробностяхъ?* Можетъ быть, что Кій и братья его никогда въ самомъ дѣлѣ не существовали, и что вымыслъ народный обратилъ названія мѣстъ, неизвѣстно отъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ не далеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ: чему находимъ многіе примѣры въ Греческихъ и Сѣверныхъ повѣствователяхъ, которые, желая питать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя Исторіи и Біографіи (71). Но два обстоятельства въ семъ Несторовомъ извѣстіи достойны особеннаго замѣчанія: первое, что Славяне Кіевскіе издревле имѣли сообщеніе съ Царемградомъ, и второе, что они построили городокъ на берегахъ Дуная еще за долго до походовъ Россіянъ въ Грецію. Дулѣбы, Поляне Днѣпровскіе, Лутичи и Тиверцы могли участвовать въ описанныхъ нами войнахъ Славянъ Дунайскихъ, столь ужасныхъ для Имперіи, и заимствовать тамъ разныя благодѣтельныя изобрѣтенія для жизни гражданской.

Лѣтописецъ не объявляетъ времени,

Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ.

когда построены другіе Славянскіе, также весьма древніе города въ Россіи: Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ; знаемъ только, что первые три основаны Кривичами и были уже въ девятомъ вѣкѣ, а послѣдніе въ самомъ началѣ десятаго; но они могли существовать и гораздо прежде. Черниговъ и Любечь принадлежали къ области Сѣверянъ (72).

Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи.

Кромѣ народовъ Славянскихъ, по сказанію Нестора, жили тогда въ Россіи и многіе иноплеменные: *Меря* вокругъ Ростова и на озерѣ Клещинѣ или Переславскомъ; *Мурома* на Окѣ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Волгу; *Черемиса, Мещера, Мордва*, на Юговостокъ отъ Мери; *Ливь* въ Ливоніи; *Чудь* въ Эстоніи и на Востокъ къ Ладожскому озеру; *Нарова* тамъ, гдѣ Нарва; *Ямь* или *Емь* въ Финляндіи; *Весь* на Бѣлѣозерѣ; *Пермь* въ Губерніи сего имени; *Югра*, или нынѣшніе Березовскіе Остяки, на Оби и Сосвѣ; *Печора* на рѣкѣ Печорѣ (73). Нѣкоторые изъ сихъ народовъ уже исчезли въ новѣйшія времена, или смѣшались съ Россіянами; но другіе существуютъ и говорятъ языками столь между собою сходственными, что можемъ несомнительно признать ихъ, равно какъ и Лапландцевъ, Зырянъ, Остяковъ Обскихъ, Чувашъ, Вотяковъ, народами единоплеменными и назвать вообще *Финскими* (74). Уже Тацитъ, въ первомъ столѣтіи, говоритъ о сосѣдственныхъ съ Венедами Финнахъ, которые жили издревле въ полуночной Европѣ. Лейбницъ и новѣйшіе Шведскіе Историки согласно думаютъ, что Норвегія и Швеція были нѣкогда населены ими — даже самая Данія, по мнѣнію Гроція. Отъ моря Балтійскаго до Ледовитаго, отъ глубины Европейскаго Сѣвера на Востокъ до Сибири, до Урала и Волги, разсѣялися многочисленныя племена Финновъ. Не знаемъ, когда они въ Россіи поселились; но не знаемъ также и никого старобытнѣе ихъ въ сѣверныхъ и восточныхъ ея климатахъ. Сей народъ, древній и многочисленный, занимавшій и занимающій такое великое пространство въ Европѣ и въ Азіи, не имѣлъ Историка, ибо никогда не славился побѣдами, не отнималъ чуждыхъ земель, но всегда уступалъ свои: въ Швеціи и Норвегіи Готѳамъ, а въ Россіи, можетъ быть, Славянамъ, и въ одной нищетѣ искалъ для себя безопасности: «не имѣя (по словамъ Тацита) ни домовъ, ни коней, ни оружія; питаясь травами, одѣваясь кожами звѣриными, укрываясь отъ непогодъ подъ сплетенными вѣтвями» (75). Въ Тацитовомъ описаніи древнихъ Финновъ мы узнаемъ отчасти и нынѣшнихъ, особенно же Лапландцевъ, которые отъ предковъ своихъ наслѣдовали и бѣдность и грубые нравы, и мирную безпечность невѣжества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнѣва боговъ» (пишетъ сей краснорѣчивый Историкъ) «они пріобрѣли самое рѣдкое въ мірѣ благо: счастливую отъ судьбы независимость!»

Но Финны Россійскіе, по сказанію нашего Лѣтописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описываетъ ихъ Римскій Историкъ: имѣли не только постоянныя жилища, но и города: Весь Бѣлоозеро (76), Меря Ростовъ, Мурома Муромъ. Лѣтописецъ, упоминая о сихъ городахъ въ извѣстіяхъ IX вѣка, не зналъ, когда они построены.— Древняя Исторія Скандинавовъ (Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ) часто говоритъ о двухъ особенныхъ странахъ Финскихъ, вольныхъ и независимыхъ: Киріаландіи и Біарміи. Первая отъ Финскаго залива простиралась до самаго Бѣлаго моря, вмѣщала въ себѣ нынѣшнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской Губерніи; граничила на Востокъ съ Біарміею, а на Сѣверозападъ съ Квенландіею или Каяніею (77). Жители ея безпокоили набѣгами земли сосѣдственныя, и славились мнимымъ волшебствомъ еще болѣе, нежели храбростію. *Біарміею* называли Скандинавы всю обширную страну отъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до рѣки Печоры, за коею они воображали Іотунгеймъ, отчизну ужасовъ Природы и злаго чародѣйства. Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губерніи. *Исландскія повѣсти* наполнены сказаніями о сей великой Финской области (78); но баснословіе ихъ можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ. Первое, дѣйствительно историческое свидѣтельство о Біарміи находимъ въ путешествіи Норвежскаго мореходца Отера, который въ девятомъ вѣкѣ окружилъ Нордъ-Капъ, доплывалъ до самаго устья Сѣверной Двины, слышалъ отъ жителей многое о странѣ ихъ и земляхъ сосѣдственныхъ, но сказываетъ единственно то, что народъ Біармскій многочисленъ и говоритъ почти однимъ языкомъ съ Финнами (79).

Между сими иноплеменными народами,

6

жителями или сосѣдами древней Россіи, Несторъ именуетъ еще Летголу (Ливонскихъ Латышей), Зимголу (въ Семигаліи), Корсь (въ Курляндіи) и Литву, которые не принадлежатъ къ Финнамъ, но вмѣстѣ съ древними Пруссами составляютъ народъ Латышскій ([80]). Въ языкѣ его находится множество Славянскихъ, довольно Готѳскихъ и Финскихъ словъ: изъ чего основательно заключаютъ Историки, что Латыши происходятъ отъ сихъ народовъ. Съ великою вѣроятностію можно опредѣлить даже и начало бытія ихъ. Когда Готѳы удалились къ предѣламъ Имперіи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Бальтійскаго; смѣшались тамъ съ остатками первобытныхъ жителей, т. е. съ Готѳами; начали истреблять лѣса для хлѣбопашества и прозвалися Латышами или *обитателями земель расчищенныхъ*: ибо *лата* знаменуетъ на языкѣ Литовскомъ *расчищеніе*. Ихъ, кажется, называетъ Іорнандъ Видиваріями, которые въ половинѣ шестаго вѣка жили около Данцига, и состояли изъ разныхъ народовъ ([81]): съ чѣмъ согласно и древнее преданіе Латышей, увѣряющихъ, что ихъ первый Государь, именемъ Видвутъ, царствовалъ на берегахъ Вислы, и тамъ образовалъ народъ свой, который населилъ Литву, Пруссію, Курляндію, Летландію, гдѣ онъ и донынѣ находится, и гдѣ, до самаго введенія Христіанской Вѣры, управлялъ имъ сѣверный Далай-Лама, главный судія и Священникъ Криве, жившій въ Прусскомъ мѣстечкѣ Ромовѣ ([82]).

Латышскіе народы.

Многіе изъ сихъ Финскихъ и Латышскихъ народовъ, по словамъ Нестора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что Лѣтописецъ говоритъ уже о своемъ времени, то есть, о XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли почти всею нынѣшнею Россіею Европейскою. До временъ Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по колѣнамъ; не думали соединять народныхъ силъ въ общемъ правленіи, и даже изнуряли ихъ войнами междоусобными. Такъ Несторъ упоминаетъ о нападеніи Древлянъ, лѣсныхъ обитателей, и прочихъ окрестныхъ Славянъ на тихихъ Полянъ Кіевскихъ, которые болѣе ихъ наслаждались выгодами состоянія гражданскаго, и могли быть предметомъ зависти ([83]). Люди грубые, полудикіе, не знаютъ духа народнаго, и хотятъ лучше вдругъ отнять, нежели медленно присвоить себѣ такія выгоды мирнымъ трудолюбіемъ. Сіе междоусобіе предавало Славянъ Россійскихъ въ жертву внѣшнимъ непріятелямъ. Обры или Авары, въ VI и VII вѣкѣ господствуя въ Дакіи, повелѣвали и Дулѣбами, обитавшими на Бугѣ; нагло оскорбляли цѣломудріе женъ Славянскихъ и впрягали ихъ, вмѣсто воловъ и коней, въ свои колесницы; но сіи варвары, *великіе тѣломъ и гордые умомъ* (пишетъ Несторъ), исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы, и гибель ихъ долго была пословицею въ землѣ Русской ([84]). — Скоро явились другіе завоеватели: на Югѣ Козары, Варяги на Сѣверѣ.

Междоусобіе Славянъ Россійскихъ.

Господство и гибель Обровъ.

Козары или Хазары, единоплеменные съ Турками, издревле обитали на западной сторонѣ Каспійскаго моря, называемаго Хазарскимъ въ Географіяхъ Восточныхъ ([85]). Еще съ третьяго столѣтія они извѣстны по Арменскимъ лѣтописямъ: Европа же узнала ихъ въ четвертомъ вѣкѣ вмѣстѣ съ Гуннами, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, на степяхъ Астраханскихъ. Аттила властвовалъ надъ ними: Болгары также, въ исходѣ V вѣка; но Козары, все еще сильные, опустошали между тѣмъ южную Азію, и Хозрой, Царь Персидскій, долженъ былъ заградить отъ нихъ свои области огромною стѣною, славною въ лѣтописяхъ подъ именемъ Кавказской, и донынѣ еще удивительною въ своихъ развалинахъ ([86]). Въ VII вѣкѣ они являются въ Исторіи Византійской съ великимъ блескомъ и могуществомъ, даютъ многочисленное войско въ помощь Императору (который изъ благодарности надѣлъ Діадиму Царскую на ихъ Кагана или Хакана ([87]), именуя его сыномъ своимъ); два раза входятъ съ нимъ въ Персію, нападаютъ на Угровъ, Болгаровъ, ослабленныхъ раздѣломъ сыновей Кувратовыхъ, и покоряютъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды, называемой потомъ нѣсколько вѣковъ *Козаріею* ([88]). Слабая Греція не смѣла отражать новыхъ завоевателей: ея Цари искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою Козарскою, и стражу свою составили изъ сихъ храбрыхъ Азіатцевъ. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; но оставляя въ покоѣ Константинополь, они свирѣпствовали въ Арменіи, Иверіи, Мидіи; вели

Козары.

кровопролитныя войны съ Аравитянами, тогда уже могущественными, и нѣсколько разъ побѣждали ихъ знаменитыхъ Калифовъ.

Разсѣянныя племена Славянскія не могли противиться такому непріятелю, когда онъ силу оружія своего въ исходѣ VII вѣка, или уже въ VIII, обратилъ къ берегамъ Днѣпра и самой Оки. Жители Кіевскіе, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи признали надъ собою власть Каганову. «Кіевляне — пишетъ Несторъ — дали своимъ завоевателямъ по *мечу съ дыма*, и мудрые старцы Козарскіе въ горестномъ предчувствіи сказали: *мы будемъ данниками сихъ людей*: *ибо мечи ихъ остры съ обѣихъ сторонъ*, *а наши сабли имѣютъ одно лезвее* » Басня изобрѣтенная уже въ счастливыя времена оружія Россійскаго, въ X или XI вѣкѣ! По крайней мѣрѣ завоеватели *не удовольствовались мечами*, но обложили Славянъ иною данію, и брали, какъ говоритъ самъ Лѣтописецъ, по бѣлкѣ съ дома (89): налогъ весьма естественный въ земляхъ сѣверныхъ, гдѣ теплая одежда бываетъ одною изъ главныхъ потребностей человѣка, и гдѣ промышленность людей ограничивалась только необходимымъ для жизни. Славяне, долго грабивъ за Дунаемъ владѣнія Греческія, знали цѣну золота и серебра; но сіи металлы еще не были въ народномъ употребленіи между ими. Козары искали золота въ Азіи, и получали его въ даръ отъ Императоровъ; въ Россіи же, богатой единственно дикими произведеніями Натуры, довольствовались подданствомъ жителей и добычею ихъ звѣриной ловли. Иго сихъ завоевателей, кажется, не угнетало Славянъ: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ нашъ, изобразивъ бѣдствія, претерпѣнныя народомъ его отъ жестокости Обровъ, не говоритъ ничего подобнаго о Козарахъ. Все доказываетъ, что они имѣли уже обычаи гражданскіе. Ханы ихъ жили издавна въ Баланґіарѣ или Атлѣ (богатой и многолюдной столицѣ, основанной близъ Волжскаго устья Хозроемъ, Царемъ Персидскимъ), а послѣ въ знаменитой купечествомъ Тавридѣ. Гунны и другіе Азіатскіе варвары любили только разрушать города: но Козары требовали искусныхъ зодчихъ отъ Греческаго Императора Ѳеофила и построили на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ Козаковъ, крѣпость Саркелъ для защиты владѣній своихъ отъ набѣга кочующихъ народовъ; вѣроятно, что *Каганово городище*, близъ Харькова, и другія, называемыя *Козарскими*, близъ Воронежа, суть также памятники ихъ древнихъ, хотя и неизвѣстныхъ намъ городовъ. Бывъ сперва идолопоклонники, они въ осьмомъ столѣтіи приняли Вѣру Іудейскую, а въ 858 Христіанскую (90).... Ужасая Монарховъ Персидскихъ, самыхъ грозныхъ Калифовъ, и покровительствуя Императоровъ Греческихъ, Козары не могли предвидѣть, что Славяне, порабощенные ими безъ всякаго кровопролитія, испровергнутъ ихъ сильную Державу.

Но могущество нашихъ предковъ на Югѣ долженствовало быть слѣдствіемъ подданства ихъ на Сѣверѣ. Козары не властвовали въ Россіи далѣе Оки: Новогородцы, Кривичи были свободны до 859 года. Тогда — замѣтимъ сіе *первое хронологическое* показаніе въ Несторѣ — какіе-то смѣлые и храбрые завоеватели, именуемые въ нашихъ лѣтописяхъ Варягами, пришли изъ-за Бальтійскаго моря и наложили дань на Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, Мерю, и хотя были чрезъ два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, въ 862 году снова призвали къ себѣ трехъ братьевъ Варяжскихъ, отъ *племени Русскаго*, которые сдѣлались первыми Властителями въ нашемъ древнемъ отечествѣ, и по которымъ оно стало именоваться *Русью* (91). — Сіе происшествіе важное, служащее основаніемъ Исторіи и величія Россіи, требуетъ отъ насъ особеннаго вниманія и разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ.

Варяги.

Русь.

Прежде всего рѣшимъ вопросъ: кого именуетъ Несторъ Варягами? Мы знаемъ, что Бальтійское море издревле называлось въ Россіи *Варяжскимъ* (92): кто же въ сіе время — то есть, въ девятомъ вѣкѣ — господствовалъ на водахъ его? Скандинавы, или жители трехъ Королевствъ, Даніи, Норвегіи и Швеціи, единоплеменные съ Готѳами. Они, подъ общимъ именемъ Норманов или *Сѣверныхъ людей*, громили тогда Европу (93). Еще Тацитъ упоминаетъ о мореходствѣ Свеоновъ или Шведовъ; еще въ шестомъ вѣкѣ Датчане приплывали къ берегамъ Галліи (94): въ концѣ осьмаго слава ихъ уже вездѣ гремѣла, и флаги Скандинавскіе, развѣваясь предъ глазами Карла Великаго, смиряли гордость сего Монарха, который съ досадою видѣлъ, что Норманы презираютъ власть и силу его. Въ девятомъ вѣкѣ они грабили Шот-

7

ландію, Англію, Францію, Андалузію, Италію; утвердились въ Ирландіи и построили тамъ города, которые донынѣ существуютъ; въ 911 году овладѣли Норманди́ею; наконецъ основали Королевство Неаполитанское, и подъ начальствомъ храбраго Вильгельма въ 1066 году покорили Англію. Мы уже говорили о древнемъ ихъ плаваніи вокругъ Нордъ-Капа или Сѣвернаго мыса: нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что они за 500 лѣтъ до Коломба открыли полунощную Америку и торговали съ ея жителями ([95]). Предпринимая такія отдаленныя путешествія и завоеванія, могли ли Норманы оставить въ покоѣ страны ближайшія: Эстонію, Финляндію и Россію? Не льзя, конечно, вѣрить Датскому Историку Саксону Грамматику, именующему Государей, которые будто бы царствовали въ нашемъ отечествѣ прежде Рождества Христова и вступали въ родственные союзы съ Королями Скандинавскими ([96]): ибо Саксонъ не имѣлъ никакихъ историческихъ памятниковъ для описанія сей глубокой древности, и замѣнялъ оные вымыслами своего воображенія; не льзя также вѣрить и баснословнымъ *Исландскимъ повѣстямъ*, сочиненнымъ, какъ мы уже замѣтили, въ новѣйшія времена и не рѣдко упоминающимъ о древней Россіи, которая называется въ нихъ Острагардомъ, Гардарикіею, Гольмгардомъ и Греціею: но Руническіе камни, находимые въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, и гораздо древнѣйшіе Христіанства, введеннаго въ Скандинавіи около десятаго вѣка, доказываютъ своими надписями (въ коихъ именуется Girkia, Grikia или Россія), что Норманы давно имѣли съ нею сообщеніе ([97]). А какъ въ то время, когда, по извѣстію Несторовой лѣтописи, Варяги овладѣли странами Чуди, Славянъ, Кривичей и Мери, не было на Сѣверѣ другаго народа, кромѣ Скандинавовъ, столь отважнаго и сильнаго, чтобы завоевать всю обширную землю отъ Балтійскаго моря до Ростова (жилища Мери): то мы уже съ великою вѣроятностію заключить можемъ, что Лѣтописецъ нашъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Варяговъ. Но сія вѣроятность обращается въ совершенное удостовѣреніе, когда прибавимъ къ ней слѣдующія обстоятельства:

I. Имена трехъ Князей Варяжскихъ — Рюрика, Синеуса, Трувора — призванныхъ Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманскія: такъ въ лѣтописяхъ Франкскихъ около 850 года — что достойно замѣчанія — упоминается о трехъ *Рорикахъ*: одинъ названъ Вождемъ Датчанъ, другой Королемъ (Rex) Норманскимъ, третій просто Норманомъ ([98]); они воевали берега Фландріи, Эльбы и Рейна. Въ Саксонѣ Грамматикѣ, въ Стурлезонѣ и въ *Исландскихъ повѣстяхъ*, между именами Князей и Витязей Скандинавскихъ, находимъ *Рурика*, *Рерика*, *Трувара*, *Трувра*, *Сніо*, *Синія*. — II. Русскіе Славяне, будучи подъ владѣніемъ Князей Варяжскихъ, назывались въ Европѣ *Норманами*: что утверждено свидѣтельствомъ Ліутпранда, Кремонскаго Епископа, бывшаго въ десятомъ вѣкѣ два раза Посломъ въ Константинополѣ. «Руссовъ, говоритъ онъ, именуемъ и Норманами ([99]).» — III. Цари Греческіе имѣли въ первомъ-надесять вѣкѣ особенныхъ тѣлохранителей, которые назывались *Варягами*, *Βαραγγοι*, а по своему Waringar, и состояли большею частію изъ Нормановъ ([100]). Слово Vaere, Vara, есть древнее Готское и значитъ *союзъ*: толпы Скандинавскихъ витязей, отправляясь въ Россію и въ Грецію искать счастія, могли именовать себя Варягами въ смыслѣ *союзниковъ* или товарищей ([101]). Сіе нарицательное имя обратилось въ собственное. — IV. Константинъ Багрянородный, царствовавшій въ десятомъ вѣкѣ, описывая сосѣдственныя съ Имперіею земли, говоритъ о порогахъ Днѣпровскихъ и сообщаетъ имена ихъ на *Славянскомъ* и *Русскомъ* языкѣ. Русскія имена кажутся Скандинавскими: покрайней мѣрѣ не могутъ быть изъяснены иначе ([102]). — V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны съ Норманскими. Слова *Тіунъ*, *Вира* и прочія, которыя находятся въ *Русской Правдѣ*, суть древнія Скандинавскія или Нѣмецкія (о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ). — VI. Самъ Несторъ повѣствуетъ, что Варяги живутъ на морѣ Балтійскомъ къ Западу ([103]), и что они разныхъ народовъ: Урмяне, Свіе, Англяне, Готы. Первое имя въ особенности означаетъ Норвежцевъ, второе Шведовъ, а подъ Готами Несторъ разумѣетъ жителей Шведской Готіи. Англяне же причислены имъ къ Варягамъ для того, что они вмѣстѣ съ Норманами составляли Варяжскую дружину въ Константинополѣ ([104]). И такъ сказаніе нашего

собственнаго Лѣтописца подтверждаетъ истину, что Варяги его были Скандинавы ([105]).

Но сіе общее имя Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ, не удовлетворяетъ любопытству Историка: мы желаемъ знать, какой народъ, въ особенности называясь *Русью*, далъ отечеству нашему и первыхъ Государей и самое имя, уже въ концѣ девятаго вѣка страшное для Имперіи Греческой? Напрасно въ древнихъ лѣтописяхъ Скандинавскихъ будемъ искать объясненія: тамъ нѣтъ ни слова о Рюрикѣ и братьяхъ его, призванныхъ властвовать надъ Славянами ([106]); однакожь Историки находятъ основательныя причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали въ Королевствѣ Шведскомъ, гдѣ одна приморская область издавна именуется *Росскою*, Ros-lagen ([107]). Жители ея могли въ VII, VIII или IX вѣкѣ быть извѣстны, въ земляхъ сосѣдственныхъ, подъ особеннымъ названіемъ, такъ же, какъ и Готландцы, коихъ Несторъ всегда отличаетъ отъ Шведовъ ([108]). Финны, имѣя нѣкогда съ *Рос*-лагеномъ болѣе сношенія, нежели съ прочими странами Швеціи, донынѣ именуютъ *всѣхъ* ея жителей вообще *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами* ([109]). — Сіе мнѣніе основывается еще на любопытномъ свидѣтельствѣ историческомъ.

Въ Бертинскихъ Лѣтописяхъ, изданныхъ Дюшеномъ, между случаями 839 года описывается слѣдующее происшествіе: ([110]) «Греческій Императоръ Ѳеофилъ прислалъ Пословъ къ Императору Франковъ, Людовику *Благонравному*, и съ ними людей, которые называли себя *Россами* (Rhos), а Короля своего Хаканомъ (или Гаканомъ), и пріѣзжали въ Константинополь для заключенія дружественнаго союза съ Имперіею. Ѳеофилъ въ грамотѣ своей просилъ Людовика, чтобы онъ далъ имъ способъ безопасно возвратиться въ ихъ отечество: ибо они ѣхали въ Константинополь чрезъ земли многихъ дикихъ, варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ: для чего Ѳеофилъ не хотѣлъ снова подвергнуть ихъ такимъ опасностямъ. Людовикъ, распрашивая сихъ людей, узналъ, что они принадлежатъ къ народу *Шведскому*.»— Гаканъ былъ конечно однимъ изъ Владѣтелей Швеціи, раздѣленной тогда на маленькія области, и свѣдавъ о славѣ Императора Греческаго, вздумалъ отправить къ нему Пословъ.

Сообщимъ и *другое* мнѣніе съ его доказательствами. Въ *Степенной Книгѣ* XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ *изъ Пруссіи*, гдѣ издавна назывались Курскій заливъ *Русною*, сѣверный рукавъ Нѣмена или Мемеля *Руссою*, окрестности же ихъ *Порусьемъ*. Варяги-Русь могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самаго Рослагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ Лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ что ея первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы Скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать. Долго обитавъ между Латышами, они могли разумѣть языкъ Славянскій и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ Славянъ Новогородскихъ. Симъ удовлетворительно изъясняется, отъ чего въ древнемъ Новѣгородѣ одна изъ многолюднѣйшихъ улицъ называлась Прусскою. Замѣтимъ также свидѣтельство Географа Равенскаго: онъ жилъ въ VII вѣкѣ, и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Висла, есть отечество *Роксоланъ* ([111]): думаютъ, нашихъ Россовъ, коихъ владѣніе могло простираться отъ Курскаго залива до устья Вислы. — Вѣроятность остается вѣроятностію: по крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ *Шведскій* въ 839 году, слѣдственно еще до пришествія Князей Варяжскихъ въ землю Новогородскую и Чудскую, именовался въ Константинополѣ и въ Германіи *Россами* ([112]).

Предложивъ отвѣтъ на вопросы: *кто были Варяги* вообще и *Варяги-Русь* въ особенности ([113])? скажемъ мнѣніе свое о Несторовой Хронологіи. Не скоро Варяги могли овладѣть всею обширною страною отъ Балтійскаго моря до Ростова, гдѣ обиталъ народъ Меря; не скоро могли въ ней утвердиться, такъ чтобы обложить всѣхъ жителей данію; не вдругъ могли Чудь и Славяне соединиться для изгнанія завоевателей, и всего труднѣе вообразить, чтобы они, освободивъ себя отъ рабства, *немедлѣнно* захотѣли снова отдаться во власть чужеземцевъ: но Лѣтописецъ объявляетъ, что Варяги пришли отъ Балтійскаго моря въ 859 году, и что въ 862 Варягъ Рюрикъ и братья его уже княжили въ Россіи полунощной ([114])!.. Междоусобіе и внутренніе безпорядки открыли Славянамъ опасность и вредъ народнаго правленія; но не знавъ инаго въ теченіе многихъ

8

столѣтій, уже ли въ *нѣсколько мѣсяцевъ* они возненавидѣли его и единодушно увѣрились въ пользѣ Самодержавія? Для сего надлежало бы, кажется, перемѣниться обычаямъ и нравамъ; надлежало бы имѣть опытность долговременную въ несчастіяхъ: но обычаи и нравы не могли перемѣниться въ два года Варяжскаго правленія, до котораго они, по словамъ Нестора, умѣли довольствоваться древними законами отцевъ своихъ (115). Что вооружило ихъ противъ Норманскихъ завоевателей? любовь къ независимости— и вдругъ сей народъ требуетъ уже Властителей?.. Историкъ долженъ по крайней мѣрѣ изъявить сомнѣніе и признать вѣроятною мысль нѣкоторыхъ ученыхъ мужей, полагающихъ, что Норманы ранѣе 859 года брали дань съ Чуди и Славянъ (116). Какъ Несторъ могъ знать годы происшествій за 200 и болѣе лѣтъ до своего времени? Славяне, по его же извѣстію, тогда еще не вѣдали употребленія буквъ (117): слѣдственно онъ не имѣлъ никакихъ письменныхъ памятниковъ для нашей *древней* Исторіи, и считаетъ годы со временъ Императора Михаила, какъ самъ говоритъ, для того, что Греческіе Лѣтописцы относятъ первое нашествіе Россіянъ на Константинополь къ Михаилову царствованію (118). Изъ сего едва ли не должно заключить, что Несторъ по одной догадкѣ, по одному вѣроятному соображенію съ извѣстіями Византійскими, хронологически расположилъ начальныя происшествія въ своей лѣтописи. Самая краткость его въ описаніи временъ Рюриковыхъ и слѣдующихъ заставляетъ думать, что онъ говоритъ о томъ единственно по изустнымъ преданіямъ, всегда немногословнымъ. Тѣмъ достовѣрнѣе сказаніе нашего Лѣтописца въ разсужденіи главныхъ случаевъ: ибо сія краткость доказываетъ, что онъ не хотѣлъ прибѣгать къ вымысламъ; но лѣтосчисленіе дѣлается сомнительнымъ. При Дворѣ Великихъ Князей, въ ихъ дружинѣ отборной и въ самомъ народѣ долженствовала храниться память Варяжскаго завоеванія и первыхъ Государей Россіи; но вѣроятно ли, чтобы старцы и Бояре Княжескіе, коихъ разсказы служили, можетъ быть, основаніемъ нашей древнѣйшей лѣтописи, умѣли съ точностію опредѣлить годъ каждаго случая? Положимъ, что языческіе Славяне, замѣчая лѣта какими нибудь знаками, имѣли вѣрную Хронологію (119): одно ея соображеніе съ Хронологіею Византійскою, принятою ими вмѣстѣ съ Христіанствомъ, не могло ли ввести нашего перваго Лѣтописца въ ошибку? — Впрочемъ мы не можемъ замѣнить лѣтосчисленія Несторова другимъ вѣрнѣйшимъ; не можемъ ни рѣшительно опровергнуть (120), ни исправить его, и для того, слѣдуя оному во всѣхъ случаяхъ, начинаемъ Исторію Государства Россійскаго съ 862 года.

Но прежде должно имѣть понятіе о *древнемъ* характерѣ народа Славянскаго *вообще*, чтобы Исторія Славянъ Россійскихъ была для насъ и яснѣе и любопытнѣе. Воспользуемся извѣстіями современныхъ Византійскихъ и другихъ, не менѣе достовѣрныхъ Лѣтописцевъ, прибавивъ къ нимъ сказанія Несторовы о нравахъ предковъ нашихъ въ *особенности*.

---

# ГЛАВА III.

## О ФИЗИЧЕСКОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ ХАРАКТЕРѢ СЛАВЯНЪ ДРЕВНИХЪ.

---

**Ихъ природное сложеніе и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушіе, гостепріимство. Брачное цѣломудріе. Жены и дѣти. Нравы Славянъ Россійскихъ въ особенности. Жилища. Скотоводство и земледѣліе. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисленіе. Имена мѣсяцевъ. Правленіе. Вѣра. Языкъ и грамота.**

Не только въ степеняхъ гражданскаго образованія, въ обычаяхъ и нравахъ, въ душевныхъ силахъ и способностяхъ ума, но и въ самыхъ тѣлесныхъ свойствахъ видимъ такое различіе между народами, что остроумнѣйшій Писатель XVIII вѣка,

Вольтеръ, не хотѣлъ вѣрить ихъ общему происхожденію отъ единаго корня или племени. Другіе, конечно справедливѣе и сообразнѣе съ нашими Священными преданіями, изъясняютъ сіе несходство дѣйствіемъ разныхъ климатовъ и естественныхъ, невольныхъ привычекъ, которыя отъ онаго раждаются въ людяхъ. Если два народа, обитающіе подъ вліяніемъ одного неба, представляютъ намъ великое различіе въ своей наружности и въ физическихъ свойствахъ: то можемъ смѣло заключить, что они не всегда жили сопредѣльно. Климатъ умѣренный, не жаркій, даже холодный, способствуя долголѣтію, какъ замѣчаютъ Медики, благопріятствуетъ и крѣпости состава и дѣйствію силъ тѣлесныхъ. Обитатель южнаго Пояса, томимый зноемъ, отдыхаетъ болѣе, нежели трудится, — слабѣетъ въ нѣгѣ и въ праздности. Но житель полунощныхъ земель любитъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою; любитъ дѣятельность; привыкаетъ сносить частыя перемѣны воздуха, и терпѣніемъ укрѣпляется. Таковы были древніе Славяне по Сложеніе. описанію современныхъ Историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Грековъ своею быстротою; съ чрезвычайною легкостію всходили на крутизны, спускались въ разсѣлины; смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки. Думая безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ тѣлѣ, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, Славяне мало пеклися о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ, являлись во многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту ([121]), хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые, подобно другимъ кореннымъ Европейцамъ. — Сіе изображеніе Славянъ и Антовъ основано на свидѣтельствѣ Прокопія и Маврикія, которые знали ихъ въ VI вѣкѣ ([122]).

Извѣстіе Іорнанда о Венедахъ, безъ великаго труда покоренныхъ въ IV вѣкѣ Храбрость. Готѳскимъ Царемъ Эрманарихомъ, показываетъ, что они еще не славились тогда воинскимъ искусствомъ. Послы отдаленныхъ Славянъ Балтійскихъ, ушедшихъ изъ Баянова стана во Ѳракію, также описывали народъ свой тихимъ и миролюбивымъ ([123]); но Славяне Дунайскіе, оставивъ свое древнее отечество на Сѣверѣ, въ VI вѣкѣ доказали Греціи, что храбрость была ихъ природнымъ свойствомъ, и что она съ малою опытностію торжествуетъ надъ искусствомъ долголѣтнымъ. Нѣсколько времени Славяне убѣгали сраженій въ открытыхъ поляхъ и боялись крѣпостей ([124]); но узнавъ, какъ ряды Легіоновъ Римскихъ могутъ быть разрываемы нападеніемъ быстрымъ и смѣлымъ, уже нигдѣ не отказывались отъ битвы, и скоро научились брать мѣста укрѣпленныя. Греческія лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ главномъ или общемъ Полководцѣ Славянъ: они имѣли Вождей только частныхъ; сражались не стѣною, не рядами сомкнутыми, но толпами разсѣянными, и всегда пѣшіе, слѣдуя не общему велѣнію, не единой мысли начальника, а внушенію своей особенной, личной смѣлости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидитъ опасность и бережетъ людей, но бросаясь прямо въ средину враговъ. Чрезвычайная отважность Славянъ была столь извѣстна, что Ханъ Аварскій всегда ставилъ ихъ впереди своего многочисленнаго войска, и сіи люди неустрашимые, видя иногда измѣну хитрыхъ Аваровъ, гибли съ отчаяніемъ. — Византійскіе Историки пишутъ, что Славяне, сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искусство биться въ ущельяхъ, скрываться въ травѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнъ. Такъ знаменитый Велисарій, при осадѣ Авксима, избралъ въ войскѣ своемъ Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Готѳа живаго. Они умѣли еще долгое время таиться въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ тростей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. — Древнее оружіе Славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, стрѣлахъ намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щитахъ ([125]).

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полудикихъ основываться на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждаетъ благоденствіе Государствъ:

хищность родила ее, корыстолюбіе питало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ нѣкоторое время долженствовали открыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ: отвѣтъ Лавритаса Послу Баянову доказываетъ уже сію великодушную гордость ([126]); но что могло сначала вооружить ихъ противъ Римлянъ? Не желаніе славы, а желаніе добычи, которою пользовались Готѳы, Гунны и другіе народы: ей жертвовали Славяне своею жизнію, и никакимъ другимъ варварамъ не уступали въ хищности. Поселяне Римскіе, слыша о переходѣ войска ихъ за Дунай, оставляли домы и спасались бѣгствомъ въ Константинополь со всѣмъ имѣніемъ; туда же спѣшили и Священники съ драгоцѣнною утварію церковною ([127]). Иногда, гонимые сильнѣйшими Легіонами Имперіи, и не имѣя надежды спасти добычу, Славяне бросали ее въ пламя, и врагамъ своимъ оставляли на пути однѣ кучи пепла. Многіе изъ нихъ, не боясь поиска Римлянъ, жили на полуденныхъ берегахъ Дуная въ пустыхъ замкахъ или пещерахъ, грабили селенія, ужасали земледѣльцевъ и путешественниковъ ([128]). — Лѣтописи VI вѣка изображаютъ самыми черными красками жестокость Славянъ въ разсужденіи Грековъ ([129]); но сія жестокость, свойственная впрочемъ народу необразованному и воинственному, была также и дѣйствіемъ мести. Греки, озлобленные ихъ частыми нападеніями, безжалостно терзали Славянъ, которые попадались имъ въ руки, и которые сносили всякое истязаніе съ удивительною твердостію, безъ вопля и стона; умирали въ мукахъ и не отвѣтствовали ни слова на распросы врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ ([130]). — Такимъ образомъ Славяне свирѣпствовали въ Имперіи и не щадили собственной крови для пріобрѣтенія драгоцѣнностей, имъ ненужныхъ: ибо они — вмѣсто того, чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали ихъ въ землю ([131]).

Хищность.

Жестокость.

Сіи люди, на войнѣ жестокіе, оставляя въ Греческихъ владѣніяхъ долговременную память ужасовъ ея, возвращались домой съ однимъ своимъ природнымъ добродушіемъ. Современный Историкъ говоритъ, что они не знали ни лукавства, ни злости ([132]); хранили древнюю простоту нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ Грекамъ; обходились съ плѣнными дружелюбно и назначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю, или выкупить себя и возвратиться въ отечество, или жить съ ними въ свободѣ и братствѣ.

Добродушіе.

Столь же единогласно хвалятъ лѣтописи общее гостепріимство Славянъ, рѣдкое въ другихъ земляхъ и донынѣ весьма обыкновенное во всѣхъ Славянскихъ: такъ слѣды древнихъ обычаевъ сохраняются въ теченіе многихъ вѣковъ, и самое отдаленное потомство наслѣдуетъ нравы своихъ предковъ. Всякой путешественникъ былъ для нихъ какъ бы священнымъ: встрѣчали его съ ласкою, угощали съ радостію, провожали съ благословеніемъ и сдавали другъ другу на руки. Хозяинъ отвѣтствовалъ народу за безопасность чужеземца, и кто не умѣлъ сберечь гостя отъ бѣды или непріятности, тому мстили сосѣды за сіе оскорбленіе какъ за собственное ([133]). Славянинъ, выходя изъ дому, оставлялъ дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посѣщали Славянъ, между которыми не было для нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ ([134]); но бѣдному человѣку, не имѣвшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у сосѣда богатаго: важный долгъ гостепріимства оправдывалъ и самое преступленіе. Не льзя видѣть безъ удивленія сію кроткую добродѣтель — можно сказать — *обожаемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были Дунайскіе Славяне. Но если и добродѣтели и пороки *народные* всегда происходятъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ и случаевъ, то не можно ли заключить, что Славяне были нѣкогда облаготворены иностранцами; что признательность вселила въ нихъ любовь къ гостепріимству, а время обратило его въ обыкновеніе и законъ священный?.. Здѣсь представляются мыслямъ нашимъ славные Финикіяне, которые за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова могли торговать съ Бальтійскими Венедами, и быть ихъ наставниками въ счастливыхъ изобрѣтеніяхъ ума гражданскаго ([135]).

Гостепріимство.

Древніе Писатели хвалятъ цѣломудріе не только женъ, но и мужей Славянскихъ. Требуя отъ невѣстъ доказательства ихъ дѣвственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть вѣрными супругамъ ([136]). Славянки не хотѣли переживать мужей, и добровольно сожигались на кострѣ съ ихъ трупами. Вдова живая безчестила семейство.

Брачное цѣломудріе.

Думаютъ, что сіе варварское обыкновеніе, истребленное только благодѣтельнымъ ученіемъ Христіанской Вѣры, введено было Славянами (равно какъ и въ Индіи) для отвращенія тайныхъ мужеубійствъ: осторожность ужасная не менѣе самаго злодѣянія, которое предупреждалось ею! Они считали женъ совершенными рабами, во всякомъ случаѣ безотвѣтными; не дозволяли имъ ни противорѣчить себѣ, ни жаловаться; обременяли ихъ трудами, заботами хозяйственными, и воображали, что супруга, умирая вмѣстѣ съ мужемъ, должна служить ему и на томъ свѣтѣ. Сіе рабство женъ происходило, кажется, отъ того, что мужья обыкновенно покупали ихъ: обычай донынѣ соблюдаемый въ Иллиріи ([137]). Удаленныя отъ дѣлъ народныхъ, Славянки ходили иногда на войну съ отцами и супругами, не боясь смерти: такъ при осадѣ Константинополя въ 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многіе женскіе трупы ([138]). Мать, воспитывая дѣтей, готовила ихъ быть воинами и непримиримыми врагами тѣхъ людей, которые оскорбили ея ближнихъ: ибо Славяне, подобно другимъ народамъ языческимъ, стыдились забывать обиду. Страхъ неумолимой мести отвращалъ иногда злодѣянія: въ случаѣ убійства не только самъ преступникъ, но и весь родъ его безпрестанно ожидалъ своей гибели отъ дѣтей убитаго, которыя требовали крови за кровь ([139]).

Жены.

Дѣти.

Говоря о жестокихъ обычаяхъ Славянъ языческихъ, скажемъ еще, что всякая мать имѣла у нихъ право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишкомъ многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденнаго служить отечеству ([140]). Сему обыкновенію не уступало въ жестокости другое: право дѣтей умерщвлять родителей, обремененныхъ старостію и болѣзнями, тягостныхъ для семейства и безполезныхъ согражданамъ ([141]). Такъ народы самые добродушные, безъ правилъ ума образованнаго и Вѣры истинной, съ спокойною совѣстію могутъ ужасать Природу своими дѣлами, и превосходить звѣрей въ лютости! Сіи дѣти, слѣдуя общему примѣру какъ закону древнему, не считали себя извергами: они, напротивъ того, славились почтеніемъ къ родителямъ, и всегда пеклись объ ихъ благосостояніи ([142]).

Нравы

Къ описанію общаго характера Славянъ прибавимъ, что Несторъ особенно говоритъ о нравахъ Славянъ Россійскихъ. Поляне были образованнѣе другихъ, кротки и тихи обычаемъ; стыдливость украшала ихъ женъ; бракъ издревле считался святою обязанностію между ими; миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ. Древляне же имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаясь всякою нечистотою; въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга; не знали браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей и супруговъ, но уводили или похищали дѣвицъ. — Сѣверяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянамъ; также не вѣдали ни цѣломудрія, ни союзовъ брачныхъ; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селеніями: женихи выбирали невѣстъ, и безъ всякихъ обрядовъ соглашались жить съ ними вмѣстѣ; многоженство было у нихъ въ обыкновеніи ([143]).

Славянъ Россійскихъ.

Сіи три народа, подобно Древлянамъ, обитали во глубинѣ лѣсовъ, которые были ихъ защитою отъ непріятелей и представляли имъ удобность для звѣриной ловли ([144]). То же самое говоритъ Исторія VI вѣка о Славянахъ Дунайскихъ. Они строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ, такъ, что иностранецъ не могъ путешествовать въ ихъ землѣ безъ вожатаго. Безпрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: дѣлали въ жилищахъ своихъ разные выходы, чтобъ имъ можно было, въ случаѣ нападенія, тѣмъ скорѣе спастися бѣгствомъ, и скрывали въ глубокихъ ямахъ не только всѣ драгоцѣнныя вещи, но и самый хлѣбъ.

Жилища.

Ослѣпленные безразсуднымъ корыстолюбіемъ, они искали мнимыхъ сокровищъ въ Греціи, имѣя въ странѣ своей, въ Дакіи и въ окрестностяхъ ея, истинное богатство людей ([145]): тучные луга для скотоводства и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ коемъ они издревле упражнялись, и которое вывело ихъ — можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова — изъ дикаго, кочеваго состоянія: ибо сіе благодѣтельное искусство было вездѣ первымъ шагомъ человѣка къ жизни гражданской, вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и къ домашнему крову, дружество къ сосѣду и наконецъ самую любовь къ отечеству. — Думаютъ, что Славяне узнали скотоводство только въ Дакіи: ибо слово *пастырь* есть Латин-

Скотоводство и земледѣліе.

ское, слѣдственно заимствованное ими отъ жителей сей земли, гдѣ языкъ Римлянъ былъ въ употребленіи ([146]); но сія мысль кажется неосновательною. Будучи въ сѣверномъ своемъ отечествѣ сосѣдами народовъ Германскихъ, Скиѳскихъ и Сарматскихъ, богатыхъ скотоводствомъ, Венеды или Славяне долженствовали издревле вѣдать сіе важное изобрѣтеніе человѣческаго хозяйства, едва ли не вездѣ предупредившее науку земледѣлія. — Пользуясь ужетѣмъ и другимъ, они имѣли все нужное для человѣка; не боялись ни голода, ни свирѣпостей зимы: поля и животныя давали имъ пищу и одежду. Въ VI вѣкѣ Славяне питались просомъ, гречихою и молокомъ; а послѣ выучились готовить разныя вкусныя яства, не жалѣя ничего для веселаго угощенія друзей, и доказывая въ такомъ случаѣ свое радушіе изобильною трапезою: обыкновеніе, еще и нынѣ наблюдаемое потомствомъ Славянскимъ. Медъ былъ ихъ любимымъ питіемъ: вѣроятно, что они сначала дѣлали его изъ меду лѣсныхъ, дикихъ пчелъ; а наконецъ и сами разводили ихъ ([147]). — Венеды, по извѣстію Тацитову, не отличались одеждою отъ Германскихъ народовъ, т. е. едва закрывали наготу свою. Славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ кафтановъ, нѣкоторые даже безъ рубахъ, въ однихъ портахъ. Кожи звѣрей, лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисеромъ и металлами, добытыми на войнѣ или вымѣненными у купцевъ иностранныхъ ([148]).

Пища.

Одежда.

Сіи купцы, пользуясь совершенною безопасностію въ земляхъ Славянскихъ, привозили имъ товары и мѣняли ихъ на скотъ, полотно, кожи, хлѣбъ и разную воинскую добычу. — Въ VIII вѣкѣ Славяне сами ѣздили для купли и продажи въ чужія земли. Карлъ Великій поручилъ торговлю съ ними въ Нѣмецкихъ городахъ особенному надзиранію своихъ чиновниковъ ([149]). Въ среднихъ вѣкахъ цвѣли уже нѣкоторые торговые города Славянскіе: Виннета или Юлинъ ([150]) при устьѣ Одера, Аркона на островѣ Рюгенѣ, Деминъ, Волгастъ въ Помераніи, и другіе. Первую описываетъ Гельмольдъ слѣдующимъ образомъ: «Тамъ, гдѣ рѣка Одеръ впадаетъ въ море Балтійское, славилась нѣкогда Виннета, лучшая пристань для народовъ сосѣдственныхъ. О семъ городѣ разсказываютъ много удивительнаго; увѣряютъ, что онъ превосходилъ величіемъ всѣ иные города Европейскіе . . . Саксонцы могли обитать въ немъ, но долженствовали таить Христіанскую Вѣру свою: ибо граждане Виннеты усердно слѣдовали обрядамъ язычества; впрочемъ не уступали никакому народу въ честности, добронравіи и ласковомъ гостепріимствѣ. Обогащенная товарами разныхъ земель, Виннета изобиловала всѣмъ пріятнымъ и рѣдкимъ. Повѣствуютъ, что Король Датскій, пришедшій съ флотомъ сильнымъ, разрушилъ ее до основанія; но и нынѣ — т. е. въ XII вѣкѣ — существуютъ остатки сего древняго города.» Впрочемъ торговля Славянъ, до введенія Христіанства въ ихъ земляхъ, состояла только въ обмѣнѣ вещей: они не употребляли денегъ и брали золото отъ чужестранцевъ единственно какъ товаръ ([151]).

Торговля.

Бывъ въ Имперіи, и видѣвъ собственными глазами изящныя творенія Греческихъ художествъ, наконецъ строя города и занимаясь торговлею, Славяне имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствахъ, соединенныхъ съ первыми успѣхами разума гражданскаго. Они вырѣзывали на деревѣ образы человѣка, птицъ, звѣрей, и красили ихъ разными цвѣтами, которые не измѣнялись отъ солнечнаго жара и не смывались дождемъ. Въ древнихъ могилахъ Вендскихъ нашлися многія глиняныя урны, весьма хорошо сдѣланныя, съ изображеніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ, и покрытыя лакомъ; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, съ серебряною оправою и насѣчкою ([152]). Чехи за долго до временъ Карла Великаго занимались уже рудокопаніемъ ([153]), и въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толлензскаго озера, въ Прильвицѣ, найдены въ XVII вѣкѣ мѣдные истуканы боговъ Славянскихъ, работы ихъ собственныхъ художниковъ, которые впрочемъ не имѣли понятія о красотѣ металлическихъ изображеній, отливая голову, станъ и ноги въ разныя формы, и весьма грубо ([154]). Такъ было и въ Греціи, гдѣ во времена Гомеровы художники уже славились ваяніемъ, но еще долго не умѣли отливать статуй въ одну форму. — Памятникомъ каменосѣчнаго искусства древнихъ Славянъ остались большія, гладко обдѣланныя плиты, на коихъ выдолблены изображенія рукъ, пятъ, копытъ и проч.

Искусства.

Любя воинскую дѣятельность и подвергая жизнь свою безпрестаннымъ опасностямъ, предки наши мало успѣвали въ зодчествѣ, требующемъ времени, досуга,

Зодчество.

терпѣнія, и не хотѣли строить себѣ домовъ прочныхъ: не только въ шестомъ вѣкѣ, но и гораздо послѣ обитали въ шалашахъ, которые едва укрывали ихъ отъ непогодъ и дождя. Самые города Славянскіе были не что иное, какъ собраніе хижинъ, окруженныхъ заборомъ или землянымъ валомъ. Тамъ возвышались храмы идоловъ, не такія великолѣпныя зданія, какими гордились Египетъ, Греція и Римъ, но большіе деревянные кровы ([155]). Венеды называли ихъ *Гонтинами*, отъ слова *гонтъ*, донынѣ означающаго на Русскомъ языкѣ особенный родъ тесницъ, употребляемыхъ для кровли домовъ.

Не зная выгодъ роскоши, которая сооружаетъ палаты и выдумываетъ блестящія наружныя украшенія, древніе Славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ называемыхъ Искусствъ Изящныхъ. Первая нужда людей есть пища и кровъ, вторая удовольствіе — и самые дикіе народы ищутъ его въ согласіи звуковъ, веселящихъ душу посредствомъ слуха. Сѣверные Венеды въ шестомъ вѣкѣ сказывали Греческому Императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ обыкновенно въ путь съ собою не оружіе, а киѳары или гусли, ими выдуманныя ([156]). Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо всѣ народы Славянскіе донынѣ любятъ ихъ. Не только въ мирное время и въ отчизнѣ, но и въ набѣгахъ своихъ, въ виду многочисленныхъ враговъ, Славяне веселились, пѣли и забывали опасность. Такъ Прокопій, описывая въ 592 году ночное нападеніе Греческаго Вождя на ихъ войско, говоритъ, что они усыпили себя пѣснями и не взяли никакихъ мѣръ осторожности. Нѣкоторыя народныя пѣсни Славянскія въ Лаузицѣ, въ Люнебургѣ, въ Далмаціи, кажутся древними ([157]): также и старинные припѣвы Русскихъ, въ коихъ величаются имена боговъ языческихъ и рѣки Дуная, любезнаго нашимъ предкамъ, ибо на берегахъ его искусились они нѣкогда въ воинскомъ счастіи. Вѣроятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ отечествѣ Венедовъ, еще не знавшихъ славы и побѣды, обратились въ воинскія, когда народъ ихъ приближился къ Имперіи, и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія, и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею Исторіею Славянскою. Такъ вездѣ раждалось Стихотворство, изображая главныя склонности народныя; такъ пѣсни самыхъ нынѣшнихъ Кроатовъ болѣе всего славятъ мужество и память великихъ предковъ: но другія, любимыя Нѣмецкими Вендами, возбуждаютъ только къ веселью и къ счастливому забвенію житейскихъ горестей; иныя же совсѣмъ не имѣютъ смысла, подобно нѣкоторымъ Русскимъ; нравятся однимъ согласіемъ звуковъ и мягкихъ словъ, дѣйствуя только на слухъ и не представляя ничего разуму.

Музыка.

Сердечное удовольствіе, производимое музыкою, заставляетъ людей изъявлять оное разными тѣлодвиженіями: раждается *пляска*, любимая забава самыхъ дикихъ народовъ. По нынѣшней Русской, Богемской, Далматской можемъ судить о древней пляскѣ Славянъ, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякіе пріятные случаи ([158]): она состоитъ въ томъ, чтобы, въ сильномъ напряженіи мышцей, взмахивать руками, вертѣться на одномъ мѣстѣ, присѣдать, топать ногами, и соотвѣтствуетъ характеру людей крѣпкихъ, дѣятельныхъ, неутомимыхъ. — Народныя игры и потѣхи, донынѣ единообразныя въ земляхъ Славянскихъ: борьба, кулачный бой, бѣганье взапуски, остались также памятникомъ ихъ древнихъ забавъ, представляющихъ намъ образъ войны и силы.

Пляска.

Игры.

Въ дополненіе къ симъ извѣстіямъ замѣтимъ, что Славяне, еще не зная грамоты, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Ариѳметикѣ, въ Хронологіи. Домоводство, война, торговля пріучили ихъ ко многосложному счисленію; имя *тма*, знаменующее 10,000, есть древнее Славянское. Наблюдая теченіе года, они, подобно Римлянамъ, дѣлили его на 12 мѣсяцевъ, и каждому изъ оныхъ дали названіе согласное съ временными явленіями или дѣйствіями Природы: Генварю *Просинецъ* (вѣроятно, отъ *синеты* неба), Февралю *Сѣчень*, Марту *Сухій*, Апрѣлю *Березозолъ* (думаю, отъ золы березовой), Маію *Травный*, Іюню *Изокъ* (такъ называлась у Славянъ какая-то пѣвчая птица), Іюлю *Червенъ* (не отъ красныхъ ли плодовъ или ягодъ?), Августу *Заревъ* (отъ зари или зарницы), Сентябрю *Рюенъ* (или *Ревунъ*, какъ толкуютъ: отъ *рева* звѣрей), Октябрю *Листопадъ*, Ноябрю *Груденъ* (отъ *грудъ* снѣга или мерзлой грязи?), Декабрю *Студеный* ([159]). Сто-

Счисленіе.

Имена мѣсяцевъ.

11

лѣтіе называлось *вѣкомъ*, то есть, жизнію человѣческою, во свидѣтельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крѣпкимъ сложеніемъ и здравые физическою дѣятельностію. —

Правленіе. Сей народъ, подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человѣка ([160]). Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле, составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою; но общіе древніе обычаи служили между ими нѣкоторою гражданскою связію. Въ случаяхъ важныхъ единоплеменные сходились вмѣстѣ совѣтоваться о благѣ народномъ, уважая приговоръ старцевъ, сихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія для народовъ дикихъ ([161]); вмѣстѣ также, предпринимая воинскіе походы, избирали Вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякаго принужденія, весьма ограничивали власть ихъ, и часто не повиновались имъ въ самыхъ битвахъ. Совершивъ общее дѣло и возвратясь домой, всякой опять считалъ себя большимъ и главою въ своей хижинѣ.

Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ими связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, сблизились жилищами и завели селенія ([162]); другіе, видя въ чужихъ земляхъ грады великолѣпные и веси цвѣтущія, разлюбили мрачные лѣса свои, нѣкогда украшаемые для нихъ одною свободою; перешли въ Греческія владѣнія и согласились зависѣть отъ Императоровъ. Жребій войны и могущество Карла Великаго подчинили ему и наслѣдникамъ его большую часть Славянъ Нѣмецкихъ; но своевольство неукротимое было всегда ихъ характеромъ: какъ скоро обстоятельства имъ благопріятствовали, они свергали съ себя иго, и жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощеніе, такъ, что одна Вѣра Христіанская могла наконецъ смирить ихъ ([163]).

Многочисленныя области Славянскія всегда имѣли сообщеніе одна съ другою, и кто говорилъ ихъ языкомъ, тотъ во всякой находилъ друзей и согражданъ. Баянъ, Ханъ Аваровъ, зная сей тѣсный союзъ племенъ Славянскихъ и покоривъ многія изъ нихъ въ Дакіи, въ Панноніи, въ Богеміи, думалъ, что и самыя отдаленныя должны служить ему, и для того въ 590 году требовалъ войска отъ Славянъ Балтійскихъ ([164]). Нѣкоторые знаменитые храмы еще болѣе утверждали связь между ими въ среднихъ вѣкахъ: тамъ сходились они изъ разныхъ земель вопрошать боговъ, и жрецъ, отвѣтствуя устами идола, не рѣдко убѣждалъ ихъ дѣйствовать согласно съ общею или особенною пользою своего народа; тамъ оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменнымъ, заклиная ихъ быть мстителями отечества и Вѣры; тамъ, въ опредѣленное время, собирались чиновники и старѣйшины для сейма, на коемъ благоразуміе и справедливость часто уступали дерзости и насилію. Храмъ города Ретры въ Мекленбургѣ, на рѣкѣ Толлензѣ, славился болѣе всѣхъ другихъ такими собраніями ([165]).

Народное правленіе Славянъ чрезъ нѣсколько вѣковъ обратилось въ Аристократическое. Вожди, избираемые общею довѣренностію, отличные искусствомъ и мужествомъ, были первыми властелинами въ своемъ отечествѣ. Дѣла славы требовали благодарности отъ народа; къ тому же, будучи ослѣпленъ счастіемъ Героевъ, онъ искалъ въ нихъ и разума отмѣннаго. Богемцы, еще не имѣя ни законовъ общественныхъ, ни судей избранныхъ, въ личныхъ распряхъ своихъ отдавались на судъ знаменитымъ гражданамъ ([166]); а сія знаменитость основывалась на извѣданной храбрости въ битвахъ и на богатствѣ, ея наградѣ, ибо оно пріобрѣталось тогда войною. Наконецъ обыкновеніе сдѣлалось для однихъ правомъ начальствовать, а для иныхъ обязанностію повиноваться. Если сынъ Героя, славнаго и богатаго, имѣлъ великія свойства отца, то онъ еще болѣе утверждалъ власть своего рода.

Сія власть означалась у Славянъ именами *Боярина*, *Воеводы*, *Князя*, *Пана*, *Жупана*, *Короля* или *Краля*, и другими. Первое безъ сомнѣнія происхо-

дитъ отъ *бой*, и въ началѣ своемъ могло знаменовать воина отличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство. Византійскія лѣтописи въ 764 году упоминаютъ о Боярахъ, Вельможахъ или главныхъ чиновникахъ Славянъ Болгарскихъ. — Воеводами назывались прежде одни воинскіе начальники; но какъ они и въ мирное время умѣли присвоить себѣ господство надъ согражданами, то сіе имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемскихъ и Саксонскихъ Вендовъ, въ Крайнѣ Государя, въ Польшѣ не только воинскаго предводителя, но и судію ([167]). — Слово *Князь* родилось едва ли не отъ *коня*, хотя многіе Ученые производятъ его отъ Восточнаго имени *Каганъ* и Нѣмецкаго König. Въ Славянскихъ земляхъ кони были драгоцѣннѣйшею собственностію: у Поморянъ въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли великое богатство, и всякой хозяинъ коня назывался Княземъ, nobilis capitaneus et Princeps ([168]). Въ Кроаціи и Сервіи именовались такъ братья Королей; въ Далмаціи главный судья имѣлъ титло *Великаго Князя*. — *Панъ* Славянскій, по извѣстію Константина Багрянороднаго, управлялъ въ Кроаціи тремя большими округами, и предсѣдательствовалъ на сеймахъ, когда народъ собирался въ полѣ для совѣта. Имя Пановъ, долго могущественныхъ въ Венгріи, до самаго XIII вѣка означало въ Богеміи владѣльцевъ богатыхъ, а на Польскомъ языкѣ и нынѣ значитъ *Господина* ([169]). — Округи въ Славянскихъ земляхъ назывались *Жупанствами*, а Правители ихъ *Жупанами* или *Старѣйшинами*, по толкованію Константина Багрянороднаго ([170]); древнее слово *Жупа* означало *селеніе*. Главною должностію сихъ чиновниковъ было правосудіе: въ Верхней Саксоніи и въ Австріи Славянскіе поселяне донынѣ называютъ такъ судей своихъ; но въ среднихъ вѣкахъ достоинство Жупановъ уважалось болѣе Княжескаго. Въ разборѣ тяжебныхъ дѣлъ помогали имъ *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновеніе сохранилось въ нѣкоторыхъ Славянскихъ деревняхъ Лаузица и Бранденбурга: земледѣльцы тайно избираютъ между собою Короля и платятъ ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанамъ ([171]). — Наконецъ въ Сервіи, въ Далмаціи, въ Богеміи, Владѣтели стали именоваться *Кралями* или Королями, то есть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, *наказателями* преступниковъ, отъ слова *кара* или *наказаніе* ([172]).

И такъ первая власть, которая родилась въ отечествѣ нашихъ дикихъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали Полководцевъ. Въ тѣснѣйшихъ связяхъ общежитія Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданскаго корыстолюбія: для того назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменитѣйшіе Герои. Одни люди пользовались общею довѣренностію въ дѣлахъ войны и мира. — Исторія Славянъ подобна Исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благодѣтельному раздѣленію властей воинскихъ и гражданскихъ.

Но древнѣйшіе Бояре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянскіе во многихъ отношеніяхъ зависѣли отъ произвола гражданъ, которые не рѣдко, единодушно избравъ начальника, вдругъ лишали его своей довѣренности, иногда безъ всякой вины, единственно по легкомыслію, клеветѣ, или въ несчастіяхъ: ибо народъ всегда склоненъ обвинять Правителей, если они не умѣютъ отвратить бѣдствій отъ Государства. Сихъ примѣровъ довольно въ Исторіи языческихъ, даже и Христіанскихъ Славянъ ([173]). Они вообще не любили наслѣдственной власти, и болѣе принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершаго Воеводы, или Князя. — Избраніе Герцога, то есть, Воеводы, въ Славянской Каринтіи соединено было съ обрядомъ весьма любопытнымъ. Избираемый въ самой бѣдной одеждѣ являлся среди народнаго собранія, гдѣ земледѣлецъ сидѣлъ на престолѣ, или на большомъ дикомъ камнѣ. Новый Властитель клялся быть защитникомъ Вѣры, сиротъ, вдовъ, справедливости: тогда земледѣлецъ уступалъ ему камень, и всѣ граждане присягали въ вѣрности. Между тѣмъ *два рода* знаменитѣйшіе имѣли право вездѣ косить хлѣбъ и жечь селенія, въ знакъ и въ память того, что древніе Славяне выбрали перваго Властелина для защиты ихъ отъ насилія и злодѣйства ([174]).

Однакожь многіе Князья, владѣя счастливо и долгое время, умѣли сообщать

12

право наслѣдственности дѣтямъ. Въ Западной Сервіи былъ примѣръ, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. — Государи Славянскіе, достигнувъ самовластія, подобно другимъ ослабляли свое могущество Удѣлами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сіи примѣры бывали рѣдки во времена язычества: Князья, по большей части избираемые, думали, что не имѣютъ права располагать судьбою людей, которые *только имъ* поддалися [175].

Главный Начальникъ или Правитель судилъ народныя дѣла торжественно, въ собраніи старѣйшинъ, и часто во мракѣ лѣса: ибо Славяне воображали, что Богъ суда, *Прове,* живетъ въ тѣни древнихъ, густыхъ дубовъ [176]. Сіи мѣста и домы Княжескіе были священны: никто не дерзалъ войти въ нихъ съ оружіемъ, и самые преступники могли тамъ безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король былъ главою ратныхъ силъ: но жрецы, устами идоловъ, и воля народная предписывали ему войну или миръ (при заключеніи коего Славяне бросали камень въ море [177], клали оружіе и золото къ ногамъ идола, или, простирая десницу къ бывшимъ непріятелямъ, вручали имъ клокъ волосовъ своихъ вмѣстѣ съ горстію травы). Народъ платилъ Властителямъ дань, однакожь произвольную [178].

Такъ Славяне въ разные вѣки и въ разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властію. О Славянахъ Россійскихъ Несторъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали Единовластія, наблюдая законъ отцевъ своихъ, древніе обычаи и преданія, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминаетъ Греческій Историкъ [179], и которые имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ: ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія требуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикіе народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ. Хотя Лѣтописецъ нашъ не говоритъ о томъ, но Россійскіе Славяне конечно имѣли Властителей, съ правами ограниченными народною пользою и древними обыкновеніями вольности. Въ договорѣ Олега съ Греками, въ 911 году, упоминается уже о *Великихъ Боярахъ Русскихъ*: сіе достоинство, знакъ воинской славы, конечно не Варягами было введено въ Россіи, ибо оно есть древнее Славянское [180]. Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новымъ, но безъ сомнѣнія и прежде означало у нихъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій. —

Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большей части уединенныхъ, раждаетъ не только законы и правленіе, но и самую Вѣру, столь естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мірѣ, ни въ Исторіи не находимъ народа совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслію о Силѣ Вышней, которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока, неотвратимыхъ никакою мудростію человѣческою, — хранить добрыхъ и наказывать тайныя злодѣйства. Сверхъ того Вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для гражданскаго общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей, или отцевъ семейства. Вѣра.

Славяне въ VI вѣкѣ покланялися *Творцу молніи,* Богу вселенныя [181]. Величественное зрѣлище грозы, когда небо пылаетъ и невидимая рука бросаетъ, кажется, съ его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить умъ человѣка естественнаго, живо представить ему образъ Существа вышняго, и вселить въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священный, который былъ главнымъ чувствомъ Вѣръ языческихъ. — Анты и Славяне, какъ замѣчаетъ Прокопій, не вѣрили Судьбѣ, но думали, что всѣ случаи зависятъ отъ Міроправителя [182]: на полѣ ратномъ, въ опасностяхъ, въ болѣзни, старались Его умилостивить обѣтами; приносили Ему въ жертву воловъ и другихъ животныхъ, надѣясь спасти тѣмъ жизнь свою; обожали еще рѣки, Нимфъ, Демоновъ, и гадали будущее. — Въ новѣйшія времена Славяне покланялись разнымъ идоламъ, думая, что многочисленность кумировъ утверждаетъ безопасность смертнаго, и что мудрость человѣческая состоитъ въ знаніи именъ и свойства сихъ мнимыхъ покровителей. Истуканы считались не *образомъ*, но *тѣломъ* боговъ, ими одушевляемымъ [183], и народъ падалъ ницъ предъ кускомъ

дерева или слиткомъ руды, ожидая отъ нихъ спасенія и благоденствія.

Однакожь Славяне, въ самомъ безразсудномъ суевѣріи, имѣли еще понятіе о Богѣ единственномъ и вышнемъ, Коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и Который печется только о небесномъ, избравъ другихъ нижнихъ боговъ, чадъ Своихъ, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Бѣлымъ Богомъ*, и не строили Ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ Нимъ сообщенія и должны относиться въ нуждахъ своихъ къ богамъ второстепеннымъ, помогающимъ всякому, кто добръ въ мирѣ и мужественъ на войнѣ, съ удовольствіемъ отворяетъ хижину для странниковъ и съ радушіемъ питаетъ гладныхъ (184).

Не умѣя согласить несчастій, болѣзней и другихъ житейскихъ горестей съ благостію сихъ Міроправителей, Славяне Бальтійскіе приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогомъ, старались умилостивить жертвами и въ собраніяхъ народныхъ пили изъ чаши, посвященной ему и добрымъ богамъ. Онъ изображался въ видѣ льва, и для того нѣкоторые думаютъ, что Славяне заимствовали мысль о Чернобогѣ отъ Христіанъ, уподоблявшихъ Діавола также сему звѣрю; но вѣроятно, что ненависть къ Саксонцамъ, которые были самыми опасными врагами сѣверныхъ Вендовъ и на знаменахъ своихъ представляли льва, подала имъ мысль къ такому изображенію существа злобнаго (185). Славяне думали, что оно ужасаетъ людей грозными привидѣніями или *страшилами*, и что гнѣвъ его могутъ укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за ихъ мнимую науку. Сіи волхвы, о коихъ и Несторъ говоритъ въ своей лѣтописи, подобно Сибирскимъ Шаманамъ старались музыкою дѣйствовать на воображеніе легковѣрныхъ, играли на гусляхъ и для того именовались въ нѣкоторыхъ земляхъ Славянскихъ *Гуслярами* (186).

Между богами добрыми славился болѣе прочихъ Святовидъ, котораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ, и которому не только всѣ другіе Венды, но и Короли Датскіе, исповѣдуя уже Христіанскую Вѣру, присылали дары. Онъ предсказывалъ будущее и помогалъ на войнѣ. Кумиръ его величиною превосходилъ ростъ человѣка, украшался одеждою короткою, сдѣланною изъ разнаго дерева; имѣлъ четыре головы, двѣ груди, искусно счесанныя бороды и волосы остриженные; ногами стоялъ въ землѣ, и въ одной рукѣ держалъ рогъ съ виномъ, а въ другой лукъ; подлѣ идола висѣли узда, сѣдло, мечь его съ серебряными ножнами и рукояткою. — Гельмольдъ разсказываетъ, что жители острова Рюгена обожали въ семъ идолѣ Христіанскаго Святаго именемъ Вита, слышавъ о великихъ чудесахъ его отъ Корбейскихъ Монаховъ, которые хотѣли нѣкогда обратить ихъ въ истинную Вѣру. Достойно замѣчанія, что Иллирическіе Славяне донынѣ празднуютъ день Св. Вита съ разными языческими обрядами (187). Впрочемъ Гельмольдово преданіе, утверждаемое и Саксономъ Грамматикомъ, не есть ли одна догадка, основанная на сходствѣ именъ? Для того, по извѣстію Мавро-Урбина, одинъ изъ Христіанскихъ Князей въ Богеміи выписалъ мощи Св. Вита, желая обратить къ нимъ усердіе народа своего, который не переставалъ обожать Святовида (188). Привязанность не только Бальтійскихъ, но и другихъ Славянъ къ сему идолослуженію доказываетъ, кажется, древность онаго.

Народъ Рюгенскій покланялся еще тремъ идоламъ: *первому* Рюгевиту или Ругевичу, богу войны, изображаемому съ семью лицами, съ семью мечами, висѣвшими въ ножнахъ на бедрѣ, и съ осьмымъ обнаженнымъ въ рукѣ (дубовый кумиръ его былъ весь загаженъ ласточками (189), которыя вили на немъ свои гнѣзда); *второму* Поревиту, коего значеніе неизвѣстно, и который изображался съ пятью головами, но безъ всякаго оружія; *третьему* Поренуту *) о четырехъ лицахъ и съ пятымъ лицемъ на груди: онъ держалъ его правою рукою за бороду, а лѣвою за лобъ, и считался богомъ четырехъ временъ года.

Главный идолъ въ городѣ Ретрѣ назывался *Радегастъ*, богъ страннопріимства, какъ нѣкоторые думаютъ: ибо Славяне были всегда *рады гостямъ*. Но сіе толкованіе кажется несправедливымъ: онъ изображался болѣе страшнымъ, не-

*) Добровскаго описка, вмѣсто Поревита, а не особое божество (Отмѣтка Историографа, на собственномъ его экземплярѣ Исторіи Гос. Рос.).

жели дружелюбнымъ: съ головою львиною, на которой сидѣлъ гусь, и еще съ головою буйвола на груди; иногда одѣтый, иногда нагой, и держалъ въ рукѣ большую сѣкиру. Надписи Ретрскаго истукана его доказываютъ, что сей богъ, хотя и принадлежалъ къ числу добрыхъ, однакожь въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ и вредить человѣку. Адамъ Бременскій пишетъ о *золотомъ* кумирѣ и *пурпуровомъ* ложѣ Радегаста (190); но мы должны сомнѣваться въ истинѣ его сказанія: въ другомъ мѣстѣ сей Историкъ увѣряетъ насъ, что храмъ Упсальскій *весь былъ сдѣланъ изъ золота*.

Сива — можетъ быть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю совѣтницею. Главный храмъ ея находился въ Рацебургѣ (191). Она представлялась одѣтою; держала на головѣ нагаго мальчика, а въ рукѣ виноградную кисть. Далматскіе Славяне покланялись доброй *Фрихіи*; богинѣ Германскихъ народовъ; но какъ въ Исландскихъ древностяхъ Фрихія или *прекрасная Фрея* называется *Ванадисъ* или Венедскою, то вѣроятно, что Готѳы заимствовали отъ Славянъ понятіе о сей богинѣ, и что она же именовалась Сивою.

Между Ретрскими истуканами нашлися Германскіе, Прусскіе, т. е. Латышскіе и даже Греческіе идолы. Бальтійскіе Славяне покланялись Водану или Скандинавскому Одину, узнавъ объ немъ отъ Германскихъ народовъ, съ которыми они жили въ Дакіи, и которые были еще издревле ихъ сосѣдами (192). Венды Мекленбургскіе донынѣ сохранили нѣкоторые обряды Вѣры Одиновой. — Прусскія надписи на истуканахъ Перкуна, бога молніи, и Парстуковъ или Берстуковъ (193), доказываютъ, что они были Латышскіе идолы; но Славяне молились имъ въ Ретрскомъ храмѣ, такъ же, какъ и Греческимъ статуямъ Любви, брачнаго Генія и Осени, безъ сомнѣнія отнятымъ или купленнымъ ими въ Греціи. — Кромѣ сихъ боговъ чужеземныхъ, тамъ стояли еще кумиры *Числобога*, *Ипабога*, и *Зибога* или Зембога и *Немизы* (194). Первый изображался въ видѣ женщины съ луною, и знаменовалъ, кажется, мѣсяцъ, на которомъ основывалось *исчисленіе* времени. Имя втораго непонятно; но ему надлежало быть покровителемъ звѣриной ловли, которая представлялась на его одеждѣ. Третьяго обожали въ Богеміи, какъ сильнаго *Духа земли*. Немиза повелѣвалъ вѣтромъ и воздухомъ: голова его увѣнчана лучами и крыломъ, а на тѣлѣ изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видѣвшіе языческихъ Вендовъ, сохранили намъ извѣстіе еще о нѣкоторыхъ другихъ идолахъ. Въ Юлинѣ, или въ Виннетѣ, главный именовался *Триглавъ* (195). Кумиръ его былъ деревянный, непомѣрной величины, а другой маленькій, вылитый изъ золота, о трехъ головахъ, покрытыхъ одною шапкою. Болѣе ничего не знаемъ о семъ идолѣ. Вторый, *Припекала*, означалъ, кажется, любострастіе: ибо Христіанскіе Писатели сравнивали его съ Пріапомъ; а третій *Геровитъ* или Яровидъ, богъ войны, коего храмъ былъ въ Гавельбергѣ и Волгастѣ, и подлѣ котораго висѣлъ на стѣнѣ золотый щитъ. — Жители Вагріи (196) особенно чтили *Прова*, бога правосудія, и Подагу, бога звѣроловства. *Первому* служили храмомъ самые древнѣйшіе дубы, окруженные деревянною оградою съ двумя вратами. Въ сей заповѣдной дубравѣ и въ ея святилищѣ жилъ Великій жрецъ, совершались торжественныя жертвоприношенія, судился народъ, и люди, угрожаемые смертію, находили безопасное убѣжище. Онъ изображался старцемъ, въ одеждѣ со многими складками, съ цѣпями на груди, и держалъ въ рукѣ ножъ (197). *Вторый* считается покровителемъ звѣроловства, для того, что на одеждѣ и жертвенной чашѣ его кумира о *двухъ лицахъ*, найденнаго въ числѣ Ретрскихъ древностей, представлены стрѣлокъ, олень и кабанъ; въ рукахъ своихъ онъ держитъ также какого-то звѣря. Другіе признаютъ въ немъ бога ясныхъ дней, который у Сербовъ назывался Погодою: ибо заднее лице его окружено лучами, и слова, вырѣзанныя на семъ истуканѣ, значатъ ясность и вёдро (198). — Мерзебургскіе Венды обожали идола Гениля, покровителя ихъ собственности, и въ нѣкоторое время года пастухи разносили по домамъ символъ его: кулакъ съ перстнемъ, укрѣпленный на шестѣ (199).

О Вѣрѣ Славянъ Иллирическихъ не имѣемъ никакихъ извѣстій; но какъ Морлахи (200) на свадебныхъ пиршествахъ своихъ донынѣ славятъ *Давора*, *Дамора*, *Добрую Фрихію*, *Яра* и *Пика*: то съ вѣроятностію заключить можно, что языческіе боги ихъ назывались

сими именами. — Сказаніе Польскихъ Историковъ [201] о древнемъ богослуженіи въ ихъ отечествѣ основывается единственно на преданіи и догадкахъ. Въ Гнѣзнѣ, пишутъ они, былъ знаменитый храмъ *Нія*, Славянскаго Плутона, котораго молили о счастливомъ успокоеніи мертвыхъ; обожали еще Марзану или Цереру, обрекая въ жертву ей десятую часть плодовъ земныхъ; *Ясса* или Ясна, Римскаго Юпитера; *Ладона* или *Ляда*, Марса; Дзидзилію, богиню любви и дѣторожденія; *Зивонію* или *Зивану*, Діану; *Зиваго*, или бога жизни; *Леля* и *Полеля*, или Греческихъ близнецовъ Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясныхъ дней и сильнаго вѣтра. «Слыша вой бури (пишетъ Стриковскій), «сіи язычники съ благоговѣніемъ преклоняли колѣна.»

Въ Россіи, до введенія Христіанской Вѣры, первую степень между идолами занималъ *Перунъ* [202], богъ молніи, которому Славяне еще въ VI вѣкѣ покланялись, обожая въ немъ верховнаго *Міроправителя.* Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, внѣ двора Владимірова, а въ Новѣгородѣ надъ рѣкою Волховомъ: былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуетъ еще идоловъ *Хорса*, *Дажебога*, *Стрибога*, *Самаргла* [203] и *Мокоша*, не объявляя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о *Волосѣ*, котораго именемъ и Перуновымъ клялися Россіяне въ вѣрности, имѣвъ къ нему особенное уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства. — Сіи извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синопсисѣ [204]. Хотя они выбраны отчасти изъ Польскихъ ненадежныхъ Историковъ, но будучи согласны съ древними обыкновеніями народа Русскаго, кажутся вѣроятными, по крайней мѣрѣ достойными замѣчанія.

Богъ веселія, любви, согласія и всякаго благополучія именовался въ Россіи *Ладо*; ему жертвовали вступающіе въ союзъ брачный, съ усердіемъ воспѣвали имя его, которое, слышимъ и нынѣ въ старинныхъ припѣвахъ. Стриковскій называетъ сего бога Латышскимъ: въ Литвѣ и Самогитіи народъ праздновалъ ему отъ 25 Маія до 25 Іюня, отцы и мужья въ гостинницахъ, а жены и дочери на улицахъ и на лугахъ; взявшись за руки, онѣ плясали и пѣли: *Ладо*, *Ладо*, *дидисъ Ладо*, то есть, *великій Ладо* [205]. Такое же обыкновеніе донынѣ существуетъ въ деревняхъ нашихъ: молодыя женщины весною собираются играть и пѣть въ хороводахъ *Лада*, *диди-Лада.* Мы уже замѣтили, что Славяне охотно умножали число идоловъ своихъ и принимали чужеземныхъ. Русскіе язычники, какъ пишетъ Адамъ Бременскій, ѣздили въ Курляндію и въ Самогитію для поклоненія кумирамъ [206]: слѣдственно имѣли одних боговъ съ Латышами, ежели не всѣ, то хотя нѣкоторыя Славянскія племена въ Россіи — вѣроятно, Кривичи: ибо названіе ихъ свидѣтельствуетъ, кажется, что они признавали Латышскаго Первосвященника *Криве* Главою Вѣры своей. Впрочемъ *Ладо* могъ быть и древнимъ Славянскимъ божествомъ: жители Молдавіи и Валахіи въ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ донынѣ твердятъ имя Лада [207].

*Купалу*, богу земныхъ плодовъ, жертвовали предъ собираніемъ хлѣба, 23 Іюня, въ день Св. Агриппины, которая для того прозвана въ народѣ *Купальницею.* Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспѣвали *Купала.* Память сего идолослуженія сохранилась въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, гдѣ ночныя игры деревенскихъ жителей и пляски вокругъ огня съ невиннымъ намѣреніемъ совершаются въ честь идолу языческому [208]. Въ Архангельской Губерніи многіе поселяне 23 Іюня топятъ бани, настилаютъ въ нихъ траву *Купальницу* (лютикъ, ranunculus acris) и послѣ купаются въ рѣкѣ. Сербы на канунѣ или въ самое Рождество Іоанна Предтечи, сплетая *Ивановскіе вѣнки*, вѣшаютъ ихъ на кровли домовъ и на хлѣвахъ, чтобы удалить злыхъ Духовъ отъ своего жилища.

24 Декабря язычники Русскіе славили Коляду, бога торжествъ и мира. Еще и въ наше время, на канунѣ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются *колядовать* подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ, твердятъ имя *Коляды* и просятъ денегъ [209]. Святошныя игрища и гаданіе кажутся остаткомъ сего языческаго праздника.

Въ суевѣрныхъ преданіяхъ народа Русскаго открываемъ также нѣкоторые слѣды древняго Славянскаго богопочи-

14

танія: доныне простые люди говорятъ у насъ о *Лѣшихъ*, которые видомъ подобны Сатирамъ, живутъ будто бы въ темнотѣ лѣсовъ, равняются съ деревьями и съ травою, ужасаютъ странниковъ, обходятъ ихъ кругомъ и сбиваютъ съ пути; о *Русалкахъ*, или Нимфахъ дубравъ (гдѣ онѣ бѣгаютъ съ распущенными волосами, особенно передъ Троицынымъ (210) днемъ), о благодѣтельныхъ и злыхъ *Домовыхъ*, о ночныхъ *Кикимрахъ*, и проч.

Такимъ образомъ грубый умъ людей непросвѣщенныхъ заблуждается во мракѣ идолопоклонства, и творитъ боговъ на всякомъ шагу, чтобы изъяснять дѣйствія Природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокоивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность боговъ, Славяне представляли ихъ великанами, съ ужасными лицами, со многими головами. Греки хотѣли, кажется, любить своихъ идоловъ (изображая въ нихъ примѣры человѣческой стройности), а Славяне только бояться; первые обожали красоту и пріятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственнымъ противнымъ видомъ истукановъ, окружали ихъ гнусными изображеніями ядовитыхъ животныхъ: змѣй, жабъ, ящерицъ, и проч. (211). Кромѣ идоловъ, Нѣмецкіе Славяне, подобно Дунайскимъ, обожали еще рѣки, озера, источники, лѣса (212), и приносили жертвы невидимымъ ихъ Геніямъ, которые, по мнѣнію суевѣрныхъ, иногда говорили, и въ важныхъ случаяхъ являлись людямъ. Такъ Геній Ретрскаго озера, когда великія опасности угрожали народу Славянскому, принималъ на себя образъ кабана, выплывалъ на берегъ, ревѣлъ ужаснымъ голосомъ и скрывался въ волнахъ (213). Мы знаемъ, что и Россійскіе Славяне приписывали озерамъ и рѣкамъ нѣкоторую божественность и святость. Въ глазной болѣзни они умывались водою мнимо-цѣлебныхъ источниковъ, и бросали въ нихъ серебряныя монеты (214). Народное обыкновеніе купать или обливать водою людей, проспавшихъ Заутреню въ день Пасхи, будто бы для омовенія ихъ отъ грѣха, происходитъ, можетъ быть, отъ такого же языческаго суевѣрія. — У многихъ народовъ Славянскихъ были заповѣдныя рощи, гдѣ никогда стукъ сѣкиры не раздавался, и гдѣ самые злѣйшіе враги не дерзали вступить въ бой между собою. Лѣсъ города Ретры считался священнымъ. Жители Штетинскіе покланялись орѣховому дереву, при коемъ находился особенный жрецъ, и дубу, а Юлинскіе богу, обитавшему въ деревѣ обсѣченномъ (215), и весною плясали вокругъ его съ нѣкоторыми торжественными обрядами. Славяне въ Россіи также молились деревамъ, особенно же *дупловатымъ*, обвязывая ихъ вѣтви убрусами или платами (216). Константинъ Багрянородный пишетъ, что они, путешествуя въ Царьградъ, на островѣ Св. Григорія приносили жертву большому дубу, окружали его стрѣлами, и гадали, заколоть ли обреченныхъ ему живыхъ птицъ, или пустить на волю (217). Празднованіе Семика и народный обычай завивать въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Христіанства, такъ, что Герцогъ Брячиславъ въ 1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимо-святыя дубравы своего народа (218).

Славяне обожали еще знамена, и думали, что въ военное время они святѣе всѣхъ идоловъ. Знамя Бальтійскихъ Вендовъ было отмѣнной величины и пестрое, стояло обыкновенно въ Святовидовомъ храмѣ и считалось сильною богинею, которая воинамъ, идущимъ съ нею, давало право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самыхъ идоловъ. Датскій Король Вальдемаръ сжегъ его въ Арконѣ, взявъ сей городъ. — Въ числѣ Ретрскихъ любопытныхъ памятниковъ нашлось также священное знамя, мѣдный драконъ, украшенный изображеніемъ женскихъ головъ и вооруженныхъ рукъ. Въ Дитмаровой лѣтописи упоминается о двухъ Славянскихъ знаменахъ, который считались богинями (219). Хитрость Полководцевъ ввела безъ сомнѣнія сію вѣру, чтобы воспламенять духъ храбрости въ воинахъ, или обуздывать ихъ неповиновеніе святостію знаменъ своихъ.

Древніе Славяне въ Германіи еще не имѣли храмовъ, но приносили жертву Богу небесному на камняхъ, окружая ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи другими служившими вмѣсто ограды священной (220). Чтобы изобразить величіе Бога, жрецы начали употреблять для сооруженія олтарей камни въ нѣсколько саженей мѣрою. Сіи каменныя зданія равнялись съ высокими скалами, невреди-

мо стояли цѣлые вѣки и могли казаться народу твореніемъ рукъ божественныхъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какимъ образомъ Славяне, не зная изобрѣтенныхъ Механикою способовъ, воздвигали такія громады ([221]). Жрецы, въ присутствіи и въ глазахъ народа, совершали обряды Вѣры на сихъ величественныхъ олтаряхъ; но въ теченіе временъ, желая еще сильнѣе дѣйствовать на воображеніе людей, вздумали, подобно Друидамъ, удалиться во тьму заповѣдныхъ лѣсовъ, и соорудили тамъ жертвенники. По введеніи идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры отъ дождя и снѣга: защитили ихъ кровлею, и сіе простое зданіе было первымъ храмомъ. Мысль, сдѣлать его достойнымъ жилищемъ боговъ, требовала величія; но Славяне не умѣли подражать Грекамъ и Римлянамъ въ гордой высотѣ зданій, и старались замѣнить оную рѣзьбою, пестротою, богатствомъ украшеній. Современные Историки описали нѣкоторые изъ сихъ храмовъ съ любопытною подробностію. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говоритъ о Штетинскомъ слѣдующее ([222]): «Тамъ было четыре храма, и главный изъ нихъ отличался своимъ художествомъ, украшенный внутри и снаружи выпуклымъ изображеніемъ людей, птицъ, звѣрей, такъ сходныхъ съ Природою, что они казались живыми; краски же на внѣшности храма не смывались дождемъ, не блѣднѣли и не тускли. — Слѣдуя древнему обычаю предковъ, Штетинцы отдавали въ храмъ десятую часть воинской своей добычи и всякое оружіе побѣжденныхъ непріятелей. Въ его святилищѣ хранились серебряныя и золотыя чаши (изъ коихъ при торжественныхъ случаяхъ люди знатнѣйшіе пили и ѣли), также рога буйволовы, оправленные золотомъ: они служили и стаканами и трубами. Ножи и прочія драгоцѣнности, тамъ собранныя, удивляли своимъ художествомъ и богатствомъ. Въ трехъ иныхъ *гонтинахъ* или храмахъ, не столь украшенныхъ и менѣе священныхъ, представлялись глазамъ однѣ лавки, сдѣланныя амфитеатромъ, и столы для народныхъ сходбищъ: ибо Славяне, въ нѣкоторые часы и дни, веселились, пили и важными дѣлами отечества занимались въ сихъ *гонтинахъ*.» — Деревянный храмъ Арконскій былъ срубленъ весьма искусно, украшенъ рѣзьбою и живописью; одни врата служили для входа въ его ограду; внѣшній дворъ, обнесенный стѣною, отдѣлялся отъ внутренняго только пурпуровыми коврами, развѣшенными между четырмя столпами, и находился подъ одною съ нимъ кровлею ([223]). Въ святилищѣ стоялъ идолъ, а конь его въ особенномъ зданіи, гдѣ хранилась казна и всѣ драгоцѣнности. — Храмъ въ Ретрѣ, также деревянный, славился изображеніями боговъ и богинь, вырѣзанныхъ на внѣшнихъ его стѣнахъ; внутри стояли кумиры, въ шлемахъ и латахъ; а въ мирное время хранились тамъ знамена ([224]). Дремучій лѣсъ окружалъ сіе мѣсто: сквозь просѣку, вдали, представлялось глазамъ море въ видѣ грозномъ и величественномъ. Достойно примѣчанія, что Славяне Балтійскіе вообще имѣли великое уваженіе къ святынѣ храмовъ, и въ самой непріятельской землѣ боялись осквернить ихъ.

О капищахъ Славянъ Россійскихъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія: Несторъ говоритъ только объ идолахъ и жертвенникахъ ([225]); но удобность приносить жертвы во всякое время и почтеніе къ святынѣ кумировъ требовали защиты и крова, особенно же въ странахъ сѣверныхъ, гдѣ холодъ и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нѣтъ сомнѣнія, что на холмѣ Кіевскомъ и на берегу Волхова, гдѣ стоялъ Перунъ, были храмы, конечно не огромные и не великолѣпные, но сообразные съ простотою тогдашнихъ нравовъ и съ малымъ свѣдѣніемъ людей въ искусствѣ зодческомъ.

Несторъ также не упоминаетъ о жрецахъ въ Россіи; но всякая народная Вѣра предполагаетъ обряды, коихъ совершеніе поручается нѣкоторымъ избраннымъ людямъ, уважаемымъ за ихъ добродѣтель и мудрость, дѣйствительную или мнимую. По крайней мѣрѣ всѣ другіе народы Славянскіе имѣли жрецовъ, блюстителей Вѣры, посредниковъ между совѣстію людей и богами. Не только въ капищахъ, но и при всякомъ священномъ деревѣ, при всякомъ обожаемомъ источникѣ находились особенные хранители, которые жили подлѣ оныхъ, въ маленькихъ хижинахъ, и питались жертвою, приносимою ихъ божествамъ. Они пользовались народнымъ уваженіемъ, имѣли исключительное право отпускать себѣ длинную бороду, сидѣть во время жертвоприношеній и входить во внутренность святилища. Воинъ, совершивъ какое нибудь счастливое предпрія-

15

тіе, и желая изъявить благодарность идоламъ, раздѣлялъ свою добычу съ ихъ служителями. Правители народа безъ сомнѣнія утверждали его въ почтеніи къ жрецамъ, которые именемъ боговъ могли обуздывать своевольство людей грубыхъ, новыхъ въ гражданской связи и еще не смиренныхъ дѣйствіемъ власти постоянной. Нѣкоторые жрецы, обязанные своимъ могуществомъ или собственной хитрости, или отмѣнной славѣ ихъ капищъ, употребляли его во зло и присвоивали себѣ гражданскую власть. Такъ Первосвященникъ Рюгенскій, уважаемый болѣе самого Короля, правилъ многими Славянскими племенами, которыя безъ его согласія не дерзали ни воевать, ни мириться; налагалъ подати на гражданъ и купцевъ чужеземныхъ, содержалъ 300 конныхъ воиновъ и разсылалъ ихъ всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, болѣе ему, нежели идолу принадлежавшія. Сей главный жрецъ отличался отъ всѣхъ людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Священники именемъ народа приносили жертвы и предсказывали будущее. Въ древнѣйшія времена Славяне закалали, въ честь Богу невидимому, однихъ воловъ и другихъ животныхъ; но послѣ, омраченные суевѣріемъ идолопоклонства, обагряли свои требища кровію Христіанъ, выбранныхъ по жребію изъ плѣнниковъ, или купленныхъ у морскихъ разбойниковъ (226). Жрецы думали, что идолъ увеселяется Христіанскою кровію, и къ довершенію ужаса пили ее, воображая, что она сообщаетъ духъ пророчества. — Въ Россіи также приносили людей въ жертву, по крайней мѣрѣ во времена Владиміровы. Бальтійскіе Славяне дарили идоламъ головы убіенныхъ, опаснѣйшихъ непріятелей (227).

Жрецы гадали будущее посредствомъ коней. Въ Арконскомъ храмѣ держали бѣлаго, и суевѣрные думали, что Святовидъ ѣздитъ на немъ всякую ночь. Въ случаѣ важнаго намѣренія водили его чрезъ копья: если онъ шагалъ сперва не лѣвою, а правою ногою, то народъ ожидалъ славы и богатства. Въ Штетинѣ сей конь, порученный одному изъ четырехъ священниковъ главнаго храма, былъ вороной, и предвѣщалъ успѣхъ, когда совсѣмъ не касался ногами до копій. Въ Ретрѣ гадатели садились на землю, шептали нѣкоторыя слова, рылись въ ея нѣдрахъ, и по веществамъ, въ ней находимымъ, судили о будущемъ. Сверхъ того въ Арконѣ и въ Штетинѣ жрецы бросали на землю три маленькія дощечки, у коихъ одна сторона была черная, а другая бѣлая: если онѣ ложились вверхъ бѣлою, то обѣщали хорошее; черная означала бѣдствіе. Самыя женщины Рюгенскія славились гаданіемъ; онѣ, сидя близъ разложеннаго огня, проводили многія черты на пеплѣ, которыхъ равное число знаменовало успѣхъ дѣла (228).

Любя народныя торжества, языческіе Славяне уставили въ году разные праздники. Главный изъ нихъ былъ по собраніи хлѣба и совершался въ Арконѣ такимъ образомъ: Первосвященникъ на канунѣ долженъ былъ вымести святилище, неприступное для всѣхъ, кромѣ его; въ день торжества, взявъ изъ руки Святовида рогъ, смотрѣлъ, наполненъ ли онъ виномъ, и по тому угадывалъ будущій урожай; выпивъ вино, снова наполнялъ имъ сосудъ и вручалъ Святовиду; приносилъ богу своему медовый пирогъ, длиною въ ростъ человѣческій; спрашивалъ у народа, видитъ ли его? и желалъ, чтобы въ слѣдующій годъ сей пирогъ былъ ужъ съѣденъ идоломъ, въ знакъ счастія для острова; наконецъ объявлялъ всѣмъ благословеніе Святовида, обѣщая воинамъ побѣду и добычу (229). Другіе Славяне, торжествуя собраніе хлѣба, обрекали пѣтуха въ даръ богамъ, и пивомъ, освященнымъ на жертвенникѣ, обливали скотъ, чтобы предохранить его отъ болѣзней (230). Въ Богеміи славился Майскій *праздникъ источниковъ*. — Дни народнаго суда въ Вагріи, когда старѣйшины, осѣненные священными дубами, въ мнимомъ присутствіи своего бога Прова рѣшили судьбу гражданъ, были также днями общаго веселія (231). Мы упоминали, единственно по догадкѣ, о языческихъ торжествахъ Славянъ Россійскихъ, которыхъ потомки донынѣ празднуютъ весну, любовь и бога *Лада* въ сельскихъ хороводахъ, веселыми и шумными толпами ходятъ завивать вѣнки въ рощахъ, ночью посвящаютъ огни *Купалу* и зимою воспѣваютъ имя *Коляды*. — Во многихъ земляхъ Славянскихъ сохранились также слѣды *праздника въ честь мертвыхъ*: въ Саксоніи, въ Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, народъ 1 Марта ходилъ въ часъ разсвѣта съ факелами на кладбище и приносилъ жертвы усопшимъ (232). — Въ сей день Нѣмецкіе Сла-

вяне выносятъ изъ деревни соломенную чучелу, образъ смерти; сожигаютъ ее или бросаютъ въ рѣку, и славятъ лѣто пѣснями. — Въ Богеміи строили еще какіе-то ѳеатры на распутіяхъ *для успокоенія душъ* и представляли на нихъ, въ личинахъ, тѣни мертвыхъ, сими играми торжествуя память ихъ. Такія обыкновенія не доказываютъ ли, что Славяне имѣли нѣкоторое понятіе о безсмертіи души, хотя Дитмаръ, Историкъ XI вѣка, утверждаетъ противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушеніе тѣла считали совершеннымъ концемъ бытія человѣческаго (233)?

Погребеніе мертвыхъ было также дѣйствіемъ священнымъ между языческими Славянами. Историки Нѣмецкіе — болѣе догадкою, основанною на древнихъ обычаяхъ и преданіяхъ, нежели по извѣстіямъ современныхъ Авторовъ — описываютъ оное слѣдующимъ образомъ: Старѣйшина деревни объявлялъ жителямъ смерть одного изъ нихъ посредствомъ чернаго жезла, носимаго со двора на дворъ. Всѣ они провожали трупъ съ ужаснымъ воемъ, и нѣкоторыя женщины, въ бѣлой одеждѣ, лили слезы въ маленькіе сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбищѣ и сожигали мертваго съ его женою, конемъ, оружіемъ; собирали пепелъ въ урны, глиняныя, мѣдныя или стекляныя, и зарывали вмѣстѣ съ плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столпами (234). Печальные обряды заключались веселымъ торжествомъ, которое именовалось *Стравою* и было еще въ VI вѣкѣ причиною великаго бѣдствія для Славянъ: ибо Греки воспользовались временемъ сего *пиршества въ честь мертвыхъ* и на голову побили ихъ войско (235).

Славяне Россійскіе — Кривичи, Сѣверяне, Вятичи, Радимичи — *творили* надъ умершими *тризну*: показывали силу свою въ разныхъ играхъ воинскихъ, сожигали трупъ на большомъ кострѣ, и заключивъ пепелъ въ урну, ставили ее на столпѣ въ окрестности дорогъ. Сей обрядъ, сохраненный Вятичами и Кривичами до временъ Нестора, изъявляетъ воинственный духъ народа, который праздновалъ смерть, чтобы не страшиться ее въ битвахъ, и печальными урнами окружалъ дороги, чтобы пріучить глаза и мысли свои къ симъ знакамъ человѣческой тлѣнности. Но Славяне Кіевскіе и Волынскіе издревле погребали мертвыхъ; нѣкоторые имѣли обыкновеніе, вмѣстѣ съ трупомъ, зарывать въ землю *сплетенныя изъ ремней лѣстницы*; ближніе умершаго язвили лица свои, и закалали на могилѣ любимаго коня его (236).

Всѣ народы любятъ Вѣру отцевъ своихъ, и самыя грубыя, самыя жестокія обыкновенія, на ней основанныя и вѣками утвержденныя, кажутся имъ святынею. Такъ и Славяне языческіе, закоренѣлые въ идолопоклонствѣ, съ великою упорностію въ теченіе многихъ столѣтій отвергали благодать Христову. Св. Колумбанъ, въ 613 году обративъ многихъ Нѣмецкихъ язычниковъ въ Вѣру истинную, хотѣлъ проповѣдывать ея святое ученіе и въ земляхъ Славянъ; но устрашенный ихъ дикостію, возвратился безъ успѣха, объявляя, что время спасенія еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христіанство противно заблужденіямъ язычества, и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ болѣе и болѣе распространялось по Европѣ, Славяне отлично ненавидѣли его, и принимая всякаго иноплеменнаго въ сограждане, отворяя Бальтійскія гавани свои для всѣхъ мореходцевъ, исключали однихъ Христіанъ; брали ихъ корабли въ добычу, а Священниковъ приносили въ жертву идоламъ. Нѣмецкіе завоеватели, покоривъ Вендовъ въ Германіи, долго терпѣли ихъ суевѣріе; но озлобленные наконецъ упорствомъ сихъ язычниковъ въ идолопоклонствѣ и въ древнихъ обычаяхъ вольности, разрушили ихъ храмы, сожгли заповѣдныя рощи и самыхъ жрецовъ истребили (237): что случилось уже гораздо послѣ того времени, какъ Владиміръ просвѣтилъ Россію ученіемъ Христіанскимъ. —

Собравъ историческія достопамятности Славянъ древнихъ, скажемъ нѣчто о языкѣ ихъ. Греки въ шестомъ вѣкѣ находили его весьма грубымъ (238). Выражая первыя мысли и потребности людей необразованныхъ, рожденныхъ въ климатѣ суровомъ, онъ долженъ былъ казаться дикимъ въ сравненіи съ языкомъ Греческимъ, смягченнымъ долговременною жизнію въ порядкѣ гражданскомъ, удовольствіями роскоши и нѣжнымъ слухомъ людей, искони любившихъ искусства пріятныя. Не имѣя никакихъ памятниковъ сего первобытнаго языка Славянскаго, можемъ судить о немъ только по новѣйшимъ, изъ коихъ

Языкъ и грамота.

16

самыми древними считаются наша Библія и другія церковныя книги, переведенныя въ IX вѣкѣ Св. Кирилломъ, Меѳодіемъ и помощниками ихъ (239). Но Славяне, принявъ Христіанскую Вѣру, заимствовали съ нею новыя мысли, изобрѣли новыя слова, выраженія, и языкъ ихъ въ среднихъ вѣкахъ безъ сомнѣнія такъ же отличался отъ древняго, какъ уже отличается отъ нашего. Разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами, и нерѣдко ими покоряемыя, Славянскія племена утратили единство языка, и въ теченіе временъ произошли разныя его нарѣчія, изъ коихъ главныя суть:

1) *Русское*, болѣе всѣхъ другихъ образованное, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное съ чужеземными словами (240). Побѣды, завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа Россійскаго, имѣли счастливое дѣйствіе и на самый языкъ его, который, будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ Писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависитъ отъ судьбы Государства . . . .

2) *Польское*, смѣшенное со многими Латинскими и Нѣмецкими словами: имъ говорятъ не только въ бывшемъ Королевствѣ Польскомъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пруссіи, Дворяне въ Литвѣ и народъ въ Силезіи, по сю сторону Одера (241).

3) *Чешское*, въ Богеміи, въ Моравіи и Венгріи, по утвержденію Іорданову ближайшее къ нашему древнему переводу Библіи, а по мнѣнію другихъ Богемскихъ Ученыхъ среднее между Кроатскимъ и Польскимъ. Венгерское нарѣчіе именуется *Славакскимъ*, но разнится отъ Чешскаго большею частію только въ выговорѣ, хотя Авторы *Многоязычнаго Словаря* признаютъ его *особеннымъ*. Впрочемъ и другія Славянскія нарѣчія употребляются въ Венгріи (242).

4) *Иллирическое*, то есть, Болгарское — самое грубое изъ всѣхъ Славянскихъ — Боснійское, Сербское — самое пріятнѣйшее для слуха, какъ многіе находятъ — Славонское и Далматское (243).

5) *Кроатское*, сходное съ Виндскимъ въ Стиріи, Каринтіи, Крайнѣ, также съ Лаузицскимъ, Котбузскимъ, Кашубскимъ и Люховскимъ. Въ Мейсенѣ, Бранденбургѣ, Поммераніи, Мекленбургѣ и почти во всемъ Люнебургѣ, гдѣ нѣкогда Славянскій языкъ былъ народнымъ, онъ уже замѣненъ Нѣмецкимъ (244).

Однакожь сіи перемѣны не могли совершенно истребить въ языкѣ нашемъ его, такъ сказать, первобытнаго образа, и любопытство Историковъ хотѣло открыть въ немъ слѣды малоизвѣстнаго происхожденія Славянъ. Нѣкоторые утверждали, что онъ весьма близокъ къ древнимъ языкамъ Азіатскимъ (245); но вѣрнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которыя находятся и въ другихъ языкахъ Европейскихъ, свидѣтельствуя единственно ихъ общее Азіатское происхожденіе; и что Славянскій имѣетъ съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ гораздо болѣе связи, нежели съ Еврейскимъ и съ другими Восточными. Сіе великое, явное сходство (246) встрѣчается не только въ словахъ единозвучныхъ съ дѣйствіями, которыя означаются ими — ибо названія *грома*, *журчанія* водъ, *крика* птицъ, *рева* звѣрей, могутъ на всѣхъ языкахъ сходствовать между собою отъ подражанія Естеству (247) — но и въ выраженіи самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ знаменованіи главныхъ нуждъ жизни домашней (248), въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ. Мы знаемъ, что Венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ Нѣмцами и долгое время въ Дакіи (гдѣ языкъ Латинскій со временъ Трояновыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили Императорамъ Греческимъ (249); но сіи обстоятельства могли бы ввести въ языкъ Славянскій только нѣкоторыя особенныя Нѣмецкія, Латинскія или Греческія слова, и не принудили бы ихъ забыть собственныя, коренныя, необходимыя въ самомъ древнѣйшемъ обществѣ людей, то есть, въ семейственномъ. Изъ чего вѣроятнымъ образомъ заключаютъ, что предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однимъ языкомъ: какимъ (250)? неизвѣстно, но безъ сомнѣнія древнѣйшимъ въ Европѣ, *гдѣ Исторія находитъ ихъ*: ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена *Пеласгами*, *Ѳракійскими* жителями, которые прежде Элленовъ утвердились въ Мореѣ, и могли быть единоплеменны съ Германцами и Славянами (251). Въ теченіе временъ удаленные другъ отъ друга, они пріобрѣтали новыя гражданскія поня-

тія, выдумывали новыя слова, или присвоивали чужія, и долженствовали чрезъ нѣсколько вѣковъ говорить уже языкомъ различнымъ. Самыя общія, коренныя слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ.

Сіе важное искусство, немногими чертами изображать для глазъ безчисленные звуки, свѣдала Европа, какъ надобно думать, уже въ позднѣйшія времена, и безъ сомнѣнія отъ Финикіянъ, или непосредственно, или чрезъ Пеласговъ и Елленовъ. Не льзя вообразить, чтобы древніе обитатели Пелопоннеса, Лаціума, Испаніи, едва вышедши изъ дикаго состоянія, могли сами выдумать письмена, требующія удивительнаго разума, и столь непонятнаго для обыкновенныхъ людей, что они вездѣ приписывали богамъ изобрѣтеніе оныхъ: въ Египтѣ Ѳойту, въ Греціи Меркурію, въ Италіи богинѣ Карментѣ, а нѣкоторые изъ Христіанскихъ Философовъ считали десять Моисеевыхъ заповѣдей, рукою Всевышняго начертанныхъ на горѣ Синайской, первымъ письмомъ въ мірѣ (252). Къ тому же всѣ буквы народовъ Европейскихъ: Греческія, Мальтійскія, такъ называемыя Пеласгскія въ Италіи, Этрурійскія (донынѣ видимыя на монументахъ сего народа), Гальскія, изображенныя на памятникѣ Мученика Гордіана (253), Улфиловы или Готѳскія, Кельтиберскія, Бетскія, Турдетанскія въ Испаніи, Руны Скандинавовъ и Германцевъ болѣе или менѣе сходствуютъ съ Финикійскими и доказываютъ, что всѣ онѣ произошли отъ одного корня (254). Пеласги и Аркадцы принесли ихъ съ собою въ Италію, а наконецъ и въ Марселію къ тамошнимъ Галламъ. Испанцы могли научиться письму отъ самихъ Финикіянъ, основавшихъ Тартессъ и Гадесъ за 1100 лѣтъ до Рождества Христова (255). Турдетане во время Страбоново имѣли письменные законы, Исторію и Стихотворенія (256). Какимъ образомъ Европейскій Сѣверъ получилъ буквы, мы не знаемъ: отъ Финикійскихъ ли мореплавателей, торговавшихъ оловомъ Британскимъ и янтаремъ Прусскимъ? или отъ народовъ Южной Европы? Второе кажется вѣроятнѣе: ибо Руническое и Готѳское письмо сходнѣе съ Греческимъ и Латинскимъ, нежели съ Финикійскимъ (257). Оно могло въ теченіе вѣковъ, чрезъ Германію или Паннонію, дойти отъ Средиземнаго моря до Бальтійскаго съ нѣкоторыми перемѣнами знаковъ (258).

Какъ бы то ни было, но Венеды или Славяне языческіе, обитавшіе въ странахъ Бальтійскихъ, знали употребленіе буквъ. Дитмаръ говоритъ о надписяхъ идоловъ Славянскихъ: Ретрскіе кумиры, найденные близъ Толлензскаго озера, доказали справедливость его извѣстія; надписи ихъ состоятъ въ Рунахъ, заимствованныхъ Венедами отъ Готѳскихъ народовъ. Сіи Руны, числомъ 16, подобно древнимъ Финикійскимъ (259), весьма недостаточны для языка Славянскаго, не выражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, которые посредствомъ ихъ означали имена обожаемыхъ идоловъ. Славяне же Богемскіе, Иллирическіе и Россійскіе не имѣли никакой азбуки до 863 года (260), когда Философъ Константинъ, названный въ монашествѣ Кирилломъ, и Меѳодій, братъ его, жители Ѳессалоники, будучи отправлены Греческимъ Императоромъ Михаиломъ въ Моравію къ тамошнимъ Христіанскимъ Князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка, изобрѣли Славянскій особенный алфавитъ (261), образованный по Греческому, съ прибавленіемъ новыхъ буквъ: Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ѣ. Ю. Я. Ѫ (262). Сія азбука, называемая *Кирилловскою*, донынѣ употребляется, съ нѣкоторыми перемѣнами, въ Россіи (263), Валахіи, Молдавіи, Болгаріи, Сервіи и проч. Славяне Далматскіе имѣютъ другую, извѣстную подъ именемъ *Глагольской* или *Буквицы*, которая считается изобрѣніемъ Св. Іеронима, но ложно: ибо въ IV и въ V вѣкѣ, когда жилъ Іеронимъ, еще не было Славянъ въ Римскихъ владѣніяхъ (264). Самый древнѣйшій ея памятникъ, намъ извѣстный, есть харатейная Псалтирь XIII вѣка (265); но мы имѣемъ церковныя Кирилловскія рукописи 1056 году (266); надпись Десятинной церкви въ Кіевѣ принадлежитъ еще ко временамъ Св. Владиміра. Сія Глагольская азбука явно составлена по нашей (267); отличается кудрявостію знаковъ и весьма неудобна для употребленія. Моравскіе Христіане, приставъ къ Римскому Исповѣданію (268), вмѣстѣ съ Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнувъ Кирилловы, тор-



17

жественно запрещенныя Папою Іоанномъ XIII [269]. Епископы Салонскіе въ XI вѣкѣ объявили даже Меѳодія еретикомъ, а письмена Славянскія изобрѣтеніемъ Аріанскихъ Готѳовъ. Вѣроятно, что сіе самое гоненіе побудило какого нибудь Далматскаго Монаха выдумать новыя, то есть, Глагольскія буквы, и защитить ихъ отъ нападенія Римскихъ суевѣровъ именемъ Св. Іеронима. — Нынѣ въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, Лаузицѣ, Кассубіи, употребляются Нѣмецкія; въ Иллиріи, Крайнѣ, Венгріи и Польшѣ Латинскія. Славяне, которые съ VIII вѣка утвердились въ Пелопоннесѣ, приняли тамъ Греческую азбуку [270].

И такъ предки наши были обязаны Христіанству не только лучшимъ понятіемъ о Творцѣ міра, лучшими правилами жизни, лучшею безъ сомнѣнія нравственностію, но и пользою самаго благодѣтельнаго, самаго чудеснаго изобрѣтенія людей: мудрой живописи мыслей — изобрѣтенія, которое, подобно утренней зарѣ, въ вѣкахъ мрачныхъ предвѣстило уже Науки и просвѣщеніе.

# ГЛАВА IV.

## РЮРИКЪ, СИНЕУСЪ И ТРУВОРЪ.

### г. 862 — 879.

*Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію. Основаніе Монархіи. Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію. Начало Христіанства въ Кіевѣ. Смерть Рюрика.*

Начало Россійской Исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе, и требуютъ Государей отъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечь сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили Самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ: такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ — и разсѣянныя племена Славянскія основали Государство, которое граничитъ нынѣ съ древнею Дакіею и съ землями Сѣверной Америки, съ Швеціею и съ Китаемъ, соединяя въ предѣлахъ своихъ три части міра. Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество, и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года [271], по лѣтосчисленію Нестора, обязано величіемъ своимъ счастливому введенію Монархической власти.

Желая нѣкоторымъ образомъ изъяснить сіе важное происшествіе, мы думаемъ, что Варяги, овладѣвшіе странами Чуди и Славянъ за нѣсколько лѣтъ до того времени, правили ими безъ угнетенія и насилія, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на моряхъ, имѣя въ IX вѣкѣ сношеніе съ Югомъ и Западомъ Европы, — гдѣ на развалинахъ колосса Римскаго основались новыя Государства, и гдѣ кровавые слѣды варварства, обузданнаго человѣколюбивымъ духомъ Христіанства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской [272] — Варяги или Норманы долженствовали быть образованнѣе Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера; могли сообщить имъ нѣкоторыя выгоды новой промышлености и торговли, благодѣтельныя для народа. Бояре Славянскіе, недовольные властію завоевателей, которая уничтожала ихъ собственную, возмутили, можетъ быть, сей народъ легкомысленный, обольстили его именемъ прежней независимости, вооружили противъ Нормановъ и выгнали ихъ; но распрями личными обратили свободу въ несчастіе, не умѣли возстановить древнихъ законовъ и ввергнули отечество въ бездну золъ междоусобія [273]. Тогда граждане вспомнили, можетъ быть, о выгодномъ и спокойномъ правленіи Норманскомъ: нужда въ благоустройствѣ и тишинѣ велѣла забыть народную гордость; и Славяне, *убѣжденные* — такъ говоритъ преданіе — Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію.

*совѣтомъ Новогородскаго старѣйшины Гостомысла*, потребовали Властителей отъ Варяговъ (274). Древняя лѣтопись не упоминаетъ о семъ благоразумномъ *совѣтникѣ*; но ежели преданіе истинно, то Гостомыслъ достоинъ безсмертія и славы въ нашей Исторіи.

Новогородцы и Кривичи были тогда, кажется, союзниками Финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ ними платившихъ дань Варягамъ: имѣвъ нѣсколько лѣтъ одну долю, и повинуясь законамъ одного народа, они тѣмъ скорѣе могли утвердить дружественную связь между собою. Несторъ пишетъ, что Славяне
г. 862. Новогородскіе, Кривичи, *Весь* и *Чудь* отправили посольство за море, къ Варягамъ-Руси, сказать имъ (275): *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: идите княжить и владѣть нами* (276). Слова простыя, краткія и сильныя! Братья, именемъ Рюрикъ (277), Синеусъ и Труворъ, знаменитые или родомъ или дѣлами, согласились принять власть надъ людьми, которые, умѣвъ сражаться за вольность, не умѣли ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечемъ права избранныхъ Государей, сіи честолюбивые братья навсегда оставили отечество (278). Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро въ область Финскаго народа Веси, а Труворъ въ Изборскъ, городъ Кривичей. Смоленскъ, населенный также Кривичами, и самый Полоцкъ оставались еще независимыми и не имѣли участія въ призваніи Варяговъ. Слѣдственно Держава трехъ Владѣтелей, соединенныхъ узами родства и взаимной пользы, отъ Бѣлаозера простиралась только до Эстоніи и Ключей Славянскихъ, гдѣ видимъ остатки древняго Изборска. Сія часть нынѣшней С. Петербургской, Эстляндской, Новогородской и Псковской Губерній была названа тогда *Русью*, по имени Князей Варяго-Русскихъ. — Болѣе не знаемъ никакихъ достовѣрныхъ подробностей; не знаемъ, благословилъ ли народъ перемѣну своихъ гражданскихъ уставовъ? насладился ли счастливою тишиною, рѣдко извѣстною въ обществахъ народныхъ? или пожалѣлъ о древней вольности? Хотя новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ (279), что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый *Храбрымъ*, палъ отъ руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новѣгородѣ — случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать Властителей, но могли и раскаяться, *ежели* Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утѣсняли ихъ — однакожь сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ.

Чрезъ два года, по кончинѣ Синеуса и Трувора, старшій братъ, присоеди- г. 864.
нивъ области ихъ къ своему Княжеству, основалъ Монархію Россійскую. Уже Основаніе Монархіи.
предѣлы ея достигали на Востокъ до нынѣшней Ярославской и Нижегородской Губерніи, а на Югъ до Западной Двины; уже Меря, Мурома и Полочане зависѣли отъ Рюрика: ибо онъ, принявъ Единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ, кромѣ Бѣлаозера, Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ, имъ или братьями его завоеванные, какъ надобно думать (280). Такимъ образомъ вмѣстѣ съ верховною Княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и Система *Феодальная*, *Помѣстная* или *Удѣльная*, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы Германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали Вельможъ и любимцевъ, которые оставались ихъ подданными, но властвовали какъ Государи въ своихъ Удѣлахъ (281): система сообразная съ обстоятельствами и духомъ времени, когда еще не было ни удобнаго сношенія между владѣніями одной Державы, ни уставовъ общихъ и твердыхъ, ни порядка въ гражданскихъ степеняхъ, и люди, упорные въ своей независимости, слушались единственно того, кто держалъ мечь надъ ихъ головою. Признательность Государей къ вѣрности Вельможъ участвовала также въ семъ обыкновеніи, и завоеватель дѣлился областями съ товарищами храбрыми, которые помогали ему пріобрѣтать оныя.

Къ сему времени Лѣтописецъ относитъ слѣдующее важное происшествіе. Двое изъ единоземцевъ Рюриковыхъ, Аскольдъ и Диръ.
именемъ Аскольдъ и Диръ, можетъ быть недовольные симъ Княземъ (282), отправились съ товарищами изъ Новагорода въ Константинополь искать счастія; увидѣли на высокомъ берегу Днѣпра маленькой городокъ, и спросили: чей онъ? Имъ отвѣтствовали, что строители его,

18

три брата, давно скончались, и что миролюбивые жители платятъ дань Козарамъ. Сей городокъ былъ Кіевъ: Аскольдъ и Диръ завладѣли имъ; присоединили къ себѣ многихъ Варяговъ изъ Новагорода; начали подъ именемъ Россіянъ властвовать какъ Государи въ Кіевѣ и помышлять о важнѣйшемъ предпріятіи, достойномъ Норманской смѣлости. Прежде шли они въ Константинополь, вѣроятно, для того, чтобы служить Императору: тогда, ободренные своимъ успѣхомъ и многочисленностію войска, дерзнули объявить себя врагами Греціи. Судоходный Днѣпръ благопріятствовалъ ихъ намѣренію: вооруживъ 200 судовъ, сіи витязи Сѣвера, издревле опытные въ кораблеплаваніи,

г. 866. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію.

открыли себѣ путь въ Черное море и въ самый Воспоръ Ѳракійскій, опустошили огнемъ и мечемъ берега его и скоро осадили Константинополь съ моря. Столица Восточной Имперіи въ первый разъ увидѣла сихъ грозныхъ непріятелей; въ первый разъ съ ужасомъ произнесла имя Россіянъ, *Ρῶς*, Молва народная возвѣстила ихъ Скиѳами, жителями баснословной горы Тавра, уже побѣдителями многихъ народовъ окрестныхъ. Михаилъ III, Неронъ своего времени, царствовалъ тогда въ Константинополѣ, но былъ въ отсутствіи, воюя на берегахъ Черной рѣки съ Агарянами ([283]). Узнавъ отъ Эпарха или Намѣстника Цареградскаго о новомъ непріятелѣ, онъ спѣшилъ въ столицу, съ великою опасностію пробрался сквозь суда Россійскія, и не смѣя отразить ихъ силою, ожидалъ спасенія отъ чуда. Оно совершилось, по сказанію Византійскихъ Лѣтописцевъ. Въ славной церкви Влахернской, построенной Императоромъ Маркіаномъ на берегу залива, между нынѣшнею Перою и Царемградомъ, хранилася такъ называемая риза Богоматери, къ которой прибѣгалъ народъ въ случаѣ бѣдствій ([284]). Патріархъ Фотій съ торжественными обрядами вынесъ ее на берегъ и погрузилъ въ море, тихое и спокойное. Вдругъ сдѣлалась буря; разсѣяла, истребила флотъ непріятельскій, и только слабые остатки его возвратились въ Кіевъ.

Несторъ согласно съ Византійскими Историками описываетъ сей случай; но нѣкоторые изъ нихъ прибавляютъ, что язычники Россійскіе, устрашенные Небеснымъ гнѣвомъ, немедленно отправили Пословъ въ Константинополь, и требовали святаго крещенія. Окружная грамота Патріарха Фотія, писанная въ исходѣ 866 года къ Восточнымъ Епископамъ, служитъ достовѣрнымъ подтвержденіемъ сего любопытнаго для насъ извѣстія ([285]). «Россы, говоритъ онъ, славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ Имперіею Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа и суть друзья наши, бывъ еще *не-давно* злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и Священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію Христіанскому.» Константинъ Багрянородный и другіе Греческіе Историки пишутъ, что Россы крестились во время Царя Василія Македонскаго и Патріарха Игнатія, то есть, не ранѣе 867 года ([286]), «Императоръ (говорятъ они), не имѣя возможности побѣдить Россовъ, склонилъ ихъ къ миру богатыми дарами, состоявшими въ золотѣ, серебрѣ и шелковыхъ одеждахъ. Онъ прислалъ къ нимъ Епископа, посвященнаго Игнатіемъ, который обратилъ ихъ въ Христіанство.» — Сіи два

Начало Христіанства въ Кіевѣ.

извѣстія не противорѣчатъ одно другому. Фотій въ 866 году могъ отправить церковныхъ учителей въ Кіевъ: Игнатій также; они насадили тамъ первыя сѣмена Вѣры истинной: ибо Несторова лѣтопись свидѣтельствуетъ, что въ Игорево время было уже много Христіанъ въ Кіевѣ ([287]). Вѣроятно, что проповѣдники, для лучшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ, тогда же ввели въ употребленіе между Кіевскими Христіанами и новыя письмена Славянскія, изобрѣтенныя Кирилломъ въ Моравіи за нѣсколько лѣтъ до того времени. Обстоятельства благопріятствовали сему успѣху: Славяне исповѣдывали одну Вѣру, а Варяги другую ([288]); въ послѣдствіи увидимъ, что древніе Государи Кіевскіе наблюдали священные обряды первой, слѣдуя внушенію весьма естественнаго благоразумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ идоламъ, коихъ обожали они единственно въ угожденіе главному своему народу, не могло быть искреннимъ, и самая государственная польза заставляла Князей не препятствовать успѣхамъ новой Вѣры, соединявшей ихъ подданныхъ, Славянъ, и надежныхъ товарищей, Варяговъ, узами духовнаго братства. Но еще не наступило время совершеннаго торжества ея.

Такимъ образомъ Варяги основали двѣ Самодержавныя области въ Россіи:

Рюрикъ на Сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ на Югѣ. Не вѣроятно, чтобы Козары, бравшіе дань съ Кіева, добровольно уступили его Варягамъ, хотя Лѣтописецъ молчитъ о воинскихъ дѣлахъ Аскольда и Дира въ странахъ Днѣпровскихъ ([289]): оружіе безъ сомнѣнія рѣшило, кому начальствовать надъ миролюбивыми Полянами; и ежели Варяги дѣйствительно, претерпѣвъ уронъ на Черномъ морѣ, возвратились отъ Константинополя съ неудачею, то имъ надлежало быть счастливѣе на сухомъ пути: ибо они удержали за собою Кіевъ.

Несторъ молчитъ также о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Рюрика въ Новѣгородѣ, за недостаткомъ современныхъ извѣстій, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовавъ отечествомъ властолюбію, провелъ остатокъ жизни въ бездѣйствіи: *дѣйствовать* же значило тогда *воевать*, и Государи Скандинавскіе, единоземцы Рюриковы, принимая власть отъ народа, обыкновенно клялися, именемъ Одиновымъ, быть завоевателями ([290]). Спокойствіе Государства, мудрое законодательство и правосудіе составляютъ нынѣ славу Царей; но Князья Русскіе въ IX и X вѣкѣ еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный къ Западу, Сѣверу и Востоку народами Финскими, Рюрикъ могъ ли оставить въ покоѣ своихъ ближнихъ сосѣдовъ, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вѣроятно, что окрестности Чудскаго и Ладожскаго озера были также свидѣтелями мужественныхъ дѣлъ его, неописанныхъ и забвенныхъ. — Онъ княжилъ единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лѣтъ въ Новѣгородѣ и скончался въ 879 году, вручивъ правленіе и малолѣтнаго сына, Игоря, родственнику своему Олегу. Смерть Рюрика.

Память Рюрика, какъ перваго Самодержца Россійскаго, осталась безсмертною въ нашей Исторіи, и главнымъ дѣйствіемъ его княженія было твердое присоединеніе нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ къ народу Славянскому въ Россіи, такъ, что Весь, Меря, Мурома, наконецъ обратились въ Славянъ, принявъ ихъ обычаи, языкъ и Вѣру ([291]).

---

# ГЛАВА V.

## ОЛЕГЪ ПРАВИТЕЛЬ.

### Г. 879 — 912.

**Завоеванія Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіяне служатъ въ Греціи. Олегъ идетъ на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Имперіею. Кончина Олега.**

г. 879. Рюрикъ, по словамъ лѣтописи, вручилъ Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. Сей опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовію подданныхъ.

Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ, и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая славолюбіемъ Героевъ, не удовольствовался симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новогородцевъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери, и въ 882 году пошелъ къ странамъ Днѣпровскимъ ([292]). Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, сдался ему, кажется, безъ сопротивленія: чему могли способствовать единоплеменники ихъ, служившіе Олегу. Первая удача была залогомъ новыхъ: храбрый Князь, поручивъ Смоленскъ своему Боярину, вступилъ въ область Сѣверянъ и взялъ Любечь, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе: слухъ о независимой Державѣ, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшен- г. 882. Завоеванія Олеговы.

нья, можетъ быть, разсказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоземцами, равно искусными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ (293); скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладіяхъ, и велѣлъ объявить Государямъ Кіевскимъ, что Варяжскіе купцы, отправленные Княземъ Новогородскимъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, спѣшили на берегъ: воины Олеговы въ одно мгновеніе окружили ихъ. Правитель сказалъ: *вы не Князья и не знаменитаго роду, но я Князь* — и показавъ Игоря, примолвилъ: *вотъ сынъ Рюриковъ* (294)! Симъ словомъ осужденные на казнь, Аскольдъ и Диръ подъ мечами убійцъ, пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ. . . Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣрить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ Владѣтелей Кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго. — Тѣла несчастныхъ Князей были погребены на горѣ, гдѣ въ Несторово время находился Ольминъ дворъ (295); кости Дировы покоились за храмомъ Св. Ирины; надъ могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Кіевскіе донынѣ указываютъ сіе мѣсто на крутомъ берегу Днѣпра, ниже монастыря Николаевскаго, гдѣ врастаетъ въ землю малая, ветхая церковь.

Олегъ, обагренный кровію невинныхъ Князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жители, устрашенные самымъ его злодѣяніемъ и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ своего законнаго Государя. Веселое мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами — съ Греческимъ Херсономъ, съ Козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Константинополемъ — плѣнили Олега, и сей Князь сказалъ: *да будетъ Кіевъ матерію городовъ Россійскихъ* (296)! Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди Государства, вопервыхъ для того, чтобъ лучше надзирать надъ общимъ его правленіемъ, а вовторыхъ и для своей безопасности: Олегъ, всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чуждыя земли; мыслилъ ужасать сосѣдовъ, а не бояться ихъ. — Онъ поручилъ дальнія области Вельможамъ (297); велѣлъ строить города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внѣшнихъ непріятелей и внутренныхъ мятежниковъ; уставилъ также налоги общіе. Славяне, Кривичи и другіе народы должны были платить дань Варягамъ, служившимъ въ Россіи: Новгородъ давалъ имъ ежегодно 300 гривенъ тогдашнею ходячею монетою Россійскою (298): что представляло цѣну стапятидесяти фунтовъ серебра. Сію дань получали Варяги, какъ говоритъ Несторъ, до кончины Ярославовой; съ того времени лѣтописи наши дѣйствительно уже молчатъ о службѣ ихъ въ Россіи (299).

Обширныя владѣнія Россійскія еще не имѣли твердой связи. Ильменскіе Славяне граничили съ Весью, Весь съ Мерею, Меря съ Муромою и съ Кривичами (300); но сильные, отъ Россіянъ независимые народы обитали между Новымгородомъ и Кіевомъ. Храбрый Князь, давъ отдохнуть войску, спѣшилъ къ берегамъ рѣки Припети: тамъ, среди лѣсовъ мрачныхъ, Древляне свирѣпые наслаждались вольностію и встрѣтили его съ оружіемъ; но побѣда увѣнчала Олега, и сей народъ, богатый звѣрями, обязался ему платить дань черными куницами. Въ слѣдующіе два года Князь Россійскій овладѣлъ землею Днѣпровскихъ Сѣверянъ и сосѣдственныхъ съ ними Радимичей. Онъ побѣдилъ первыхъ, освободилъ ихъ отъ власти Козаровъ, и сказавъ: *я врагъ имъ, а не вамъ!* удовольствовался самымъ легкимъ налогомъ: вѣрность и доброе расположеніе Сѣверянъ были ему всего нужнѣе для безопаснаго сообщенія южныхъ областей Россійскихъ съ сѣверными. Радимичи, жители береговъ Сожскихъ, добровольно согласились давать Россіянамъ то же, что Козарамъ: по *щлягу* или мелкой монетѣ съ каждой сохи. Такимъ образомъ, соединивъ цѣпію завоеваній Кіевъ съ Новымгородомъ, Олегъ уничтожилъ господство Хана Козарскаго въ Витебской и Черниговской

г. 883.

г. 884 — 885.

Губерніи. Сей Ханъ дремалъ, кажется, въ пріятностяхъ Восточной роскоши и нѣги: изобиліе Тавриды, долговременная связь съ цвѣтущимъ Херсономъ и Константинополемъ, торговля и мирныя искусства Греціи усыпили воинскій духъ въ Козарахъ, и могущество ихъ уже клонилось къ паденію.

Покоривъ Сѣверъ, Князь Россійскій обратилъ счастливое оружіе свое къ Югу. Въ лѣвую сторону отъ Днѣпра, на берегахъ Сулы, жили еще независимые отъ Россійской Державы Славяне, единоплеменные съ Черниговцами: онъ завоевалъ страну ихъ, также Подольскую и Волынскую Губернію, часть Херсонской и, можетъ быть, Галицію: ибо Лѣтописецъ въ числѣ его подданныхъ именуетъ Дулѣбовъ, Тивирцевъ и Хорватовъ, тамъ обитавшихъ (301).

Но между тѣмъ, какъ побѣдоносныя знамена сего Героя развѣвались на берегахъ Днѣстра и Буга, новая столица его увидѣла предъ стѣнами своими многочисленныя *вежи* или шатры Угровъ (Маджаровъ или нынѣшнихъ Венгерцевъ), которые обитали нѣкогда близъ Урала, а въ IX вѣкѣ на Востокъ отъ Кіева, въ странѣ *Лебедіи*, можетъ быть, въ Харьковской Губерніи, гдѣ городъ Лебединъ напоминаетъ сіе имя. Вытѣсненные Печенѣгами, они искали тогда жилищъ новыхъ; нѣкоторые перешли за Донъ, на границу Персіи; другіе же устремились на Западъ: мѣсто, гдѣ они стояли подъ Кіевомъ, называлось еще въ Несторово время *Угорскимъ* (302). Олегъ пропустилъ ли ихъ дружелюбно, или отразилъ силою, неизвѣстно; сіи бѣглецы переправились чрезъ Днѣпръ и завладѣли Молдавіею, Бессарабіею, землею Волошскою.

Нашествіе Угровъ.

Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельнаго Олега до самаго 906 года (303); знаемъ только, что онъ правилъ еще Государствомъ и въ то время, когда уже питомецъ его возмужалъ лѣтами. Пріученный изъ дѣтства къ повиновенію, Игорь не дерзалъ требовать своего наслѣдія отъ Правителя властолюбиваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо онъ умѣлъ ею возвеличить Государство. Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, славную тогда еще однѣми прелестями женскими и благонравіемъ. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова: такъ пишетъ Несторъ. Но въ особенномъ ея житіи и въ другихъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ сказано, что Ольга была Варяжскаго простаго роду, и жила въ веси, именуемой Выбутскою, близъ Пскова; что юный Игорь, пріѣхавъ изъ Кіева, увеселялся тамъ нѣкогда звѣриною ловлею; увидѣлъ Ольгу, говорилъ съ нею, узналъ ея разумъ, скромность, и предпочелъ сію любезную сельскую дѣвицу всѣмъ другимъ невѣстамъ. Обыкновенія и нравы тогдашнихъ временъ конечно дозволяли Князю искать для себя супруги въ самомъ низкомъ состояніи людей: ибо красота уважалась болѣе знаменитаго рода; но мы не можемъ ручаться за истину преданія, неизвѣстнаго нашему древнему Лѣтописцу: иначе онъ не пропустилъ бы столь любопытнаго обстоятельства въ житіи Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной Княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви.

Супружество Игоря.

Вѣроятно, что сношеніе между Константинополемъ и Кіевомъ не прерывалось со временъ Аскольда и Дира; вѣроятно, что Цари и Патріархи Греческіе старались умножать число Христіанъ въ Кіевѣ и вывести самого Князя изъ тьмы идолопоклонства; но Олегъ, принимая, можетъ быть, Священниковъ отъ Патріарха и дары отъ Императора, вѣрилъ болѣе всего мечу своему, довольствовался мирнымъ союзомъ съ Греками и терпимостію Христіанства. Мы знаемъ по Византійскимъ извѣстіямъ, что около сего времени Россія считалась *шестидесятымъ Архіепископствомъ* въ спискѣ Епархій, зависѣвшихъ отъ Главы Константинопольскаго Духовенства; знаемъ также, что въ 902 году 700 Россовъ, или Кіевскихъ Варяговъ, служили во флотѣ Греческомъ, и что имъ платили изъ казны 100 литръ золота (304). Спокойствіе, которымъ Россія, покоривъ окрестные народы, могла нѣсколько времени наслаждаться, давало свободу витязямъ Олеговымъ искать дѣятельности въ службѣ Императоровъ: Греки уже издавна осыпали золотомъ такъ называемыхъ варваровъ, чтобы они дикою храбростію своею ужасали не Константинополь, а враговъ его. Но Олегъ, наскучивъ тишиною, опасною для воин-

Россіяне служатъ въ Греціи.

20

ственной Державы, или завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому,
г. 906. Олегъ идетъ на Царьградъ. рѣшился воевать съ Имперіею. Всѣ народы, ему подвластные: Новогородцы, Финскіе жители Бѣлаозера, Ростовская Меря, Кривичи, Сѣверяне, Поляне Кіевскіе, Радимичи, Дулѣбы, Хорваты и Тиверцы соединились съ Варягами подъ его знаменами [305]. Днѣпръ покрылся *двумя тысячами* легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; *конница* шла берегомъ. Игорь остался въ Кіевѣ: Правитель не хотѣлъ раздѣлить съ нимъ ни опасностей, ни славы. Надлежало побѣдить не только враговъ, но и Природу, такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы устрашить самую дерзкую предпріимчивость нашего времени, и кажутся едва вѣроятными. Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хотя стремленіе воды въ теченіе столѣтій и наконецъ искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ [306]: въ IX и X вѣкѣ они долженствовали быть несравненно опаснѣе. Первые Варяги Кіевскіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острыя скалы и кипящія волны съ двумя стами судовъ: Олегъ со флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ Россіяне въ семъ плаваніи обыкновенно преодолѣвали трудности: бросались въ воду; искали гладкаго дна, и проводили суда между камнями; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время готовы отражать непріятеля [307]. Доплывъ благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили въ море, и держась западныхъ береговъ его, достигали Греціи. Но Олегъ велъ съ собою еще сухопутное, конное войско: жители Бессарабіи и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ. Но мужественный Олегъ приближился наконецъ къ Греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный Императоръ Леонъ, прозванный Философомъ, думалъ о вычетахъ Астрологіи болѣе, нежели о безопасности Государства. Онъ велѣлъ только заградить цѣпію гавань [308], и далъ волю Олегу разорять Византійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительные домы Вельможъ Греческихъ. Несторъ, въ доказательство своего безпристрастія, изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчеловѣчіе Россіянъ. Они плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнниковъ, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море. Такъ нѣкогда поступали Гунны и народы Германскіе въ областяхъ Имперіи; такъ въ сіе же самое время, Норманы, единоземцы Олеговы, свирѣпствовали въ Западной Европѣ. Война даетъ нынѣ право убивать непріятелей вооруженныхъ: тогда была она правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣяніями. . . . Сіи Греки, которые все еще именовались согражданами Сципіоновъ и Брутовъ, сидѣли въ стѣнахъ Константинополя и смотрѣли на ужасы опустошенія вокругъ столицы; но Князь Россійскій привелъ въ трепетъ и самый городъ. Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ послѣ Магометъ II: велѣлъ воинамъ тащить суда берегомъ въ гавань, чтобы приступить къ стѣнамъ городскимъ [309]; а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пути, обратило трудное, но возможное дѣло въ чудесное и невѣроятное. Греки, устрашенные симъ намѣреніемъ, спѣшили предложить Олегу миръ и дань. Они выслали войску его съѣстные припасы и вино: Князь отвергнулъ то и другое, боясь отравы: ибо храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ. Если подозрѣніе Олегово, какъ говоритъ Несторъ, было справедливо: то не Россіянъ, а Грековъ должно назвать истинными варварами X вѣка. Побѣдитель требовалъ 12 гривенъ на каждаго человѣка во флотѣ своемъ, и Греки согласились, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, прекративъ непріятельскія дѣйствія, мирно возвратился въ отечество. Войско Россійское отступило далѣе отъ города, и Князь отправилъ Пословъ къ Императору. Лѣтопись сохранила Норманскія имена сихъ Вельможъ: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида. Они заключили съ Константинополемъ слѣдующій договоръ: Миръ съ Греками.

I. «Греки даютъ по 12 гривенъ на человѣка [310], сверхъ того *уклады* на города Кіевъ, Черниговъ, *Переяславль*, Полтескъ, Ростовъ, Любечь и другіе, гдѣ властвуютъ Князья, Олеговы под-

данные.» Война была въ сіи времена народнымъ промысломъ: Олегъ, соблюдая обычай Скандинавовъ и всѣхъ народовъ Германскихъ, долженствовалъ раздѣлить свою добычу съ воинами и Полководцами, не забывая и тѣхъ, которые оставались въ Россіи.

II. «Послы, отправляемые Княземъ Русскимъ въ Царьградъ, будутъ тамъ всѣмъ довольствованы изъ казны Императорской (311). Русскимъ гостямъ или торговымъ людямъ, которые пріѣдутъ въ Грецію, Императоръ обязанъ на шесть мѣсяцевъ давать хлѣба, вина, мяса, рыбы и плодовъ; они имѣютъ также свободный входъ въ народныя бани (312), и получаютъ на возвратный путь съѣстные припасы, якори, снасти, парусы и все нужное.»

Греки съ своей стороны предложили такія условія: «I. Россіяне, которые будутъ въ Константинополѣ не для торговли, не имѣютъ права требовать мѣсячнаго содержанія. — II. Да запретитъ Князь Посламъ своимъ дѣлать жителямъ обиду въ областяхъ и въ селахъ Греческихъ. — III. Россіяне могутъ жить только у Св. Мамы (313), и должны увѣдомлять о своемъ прибытіи городское начальство, которое запишетъ ихъ имена и выдастъ имъ мѣсячное содержаніе: Кіевскимъ, Черниговскимъ, Переяславскимъ и другимъ гражданамъ. Они будутъ входить только въ одни ворота городскія съ Императорскимъ приставомъ, безоружные и не болѣе пятидесяти человѣкъ вдругъ; могутъ торговать свободно въ Константинополѣ, и не платя никакой пошлины.»

Сей миръ, выгодный для Россіянъ, былъ утвержденъ священными обрядами Вѣры: Императоръ клялся Евангеліемъ, Олегъ съ воинами оружіемъ и богами народа Славянскаго, Перуномъ и Волосомъ (314). Въ знакъ побѣды Герой повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Константинополя и возвратился въ Кіевъ, гдѣ народъ, удивленный его славою и богатствами, имъ привезенными: золотомъ, тканями, разными драгоцѣнностями искусства и естественными произведеніями благословеннаго климата Греціи, единогласно назвалъ Олега *вѣщимъ*, то есть, мудрымъ или волхвомъ (315).

Такъ Несторъ описываетъ счастливый и славный походъ, коимъ Олегъ увѣнчалъ свои дѣла воинскія. Греческіе Историки молчатъ о семъ важномъ случаѣ (316); но когда Лѣтописецъ нашъ не позволялъ дѣйствовать своему воображенію и въ описаніи древнихъ, отдаленныхъ временъ: то могъ ли онъ, живучи въ XI вѣкѣ, выдумать происшествіе десятаго столѣтія, еще свѣжаго въ народной памяти? могъ ли съ дерзостію увѣрять современниковъ въ истинѣ онаго, если бы общее преданіе не служило ей порукою? Согласимся, что нѣкоторыя обстоятельства могутъ быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали ихъ въ разсказахъ, которые, съ новыми прибавленіями, чрезъ нѣсколько времени обратились въ народную сказку, повторенную Несторомъ безъ критическаго изслѣдованія; но главное обстоятельство, что *Олегъ ходилъ къ Царюграду и возвратился съ успѣхомъ,* кажется достовѣрнымъ.

Доселѣ одни словесныя преданія могли руководствовать Нестора (317); но желая утвердить миръ съ Греками, Олегъ вздумалъ отправить въ Царьградъ Пословъ, которые заключили съ Имперіею договоръ *письменный*, драгоцѣнный и древнѣйшій памятникъ Исторіи Россійской, сохраненный въ нашей лѣтописи. Мы изъяснимъ единственно смыслъ темныхъ рѣченій, оставляя въ цѣлости, гдѣ можно, любопытную древность слога. Г. 911.

## ДОГОВОРЪ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

«Мы отъ роду Русскаго Карлъ Ингелотъ, Фарловъ, Веремидъ (318), Рулавъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Флелавъ, Рюаръ, Актутруянъ, Лидулфостъ, Стемидъ, посланные Олегомъ, *Великимъ* Княземъ Русскимъ, и *всѣми сущими подъ рукою* его (319), Свѣтлыми Боярами, къ вамъ, Льву, Александру и Константину» (брату и сыну перваго) «Великимъ Царямъ Греческимъ, на *удержаніе* и на *извѣщеніе* отъ многихъ лѣтъ бывшія любви между Христіанами и Русью, по волѣ нашихъ Князей и всѣхъ сущихъ подъ рукою Олега, слѣдующими *главами* уже не *словесно*, какъ *прежде*, но письменно утвердили сію любовь, и клялися въ томъ по закону Рускому своимъ оружіемъ. Договоръ съ Имперіею.

I. «Первымъ словомъ да *умиримся* съ вами, Греки! да любимъ другъ друга отъ всея души, и не дадимъ никому изъ сущихъ подъ рукою нашихъ Свѣтлыхъ Князей обижать васъ: но потщимся, сколь можемъ, всегда и непреложно со-



21

блюдать сію дружбу! Также и вы, Греки, да храните всегда любовь *неподвижную* къ нашимъ Свѣтлымъ Князьямъ Русскимъ и всѣмъ сущимъ подъ рукою Свѣтлаго Олега ([320]). Въ случаѣ же преступленія и вины да поступаемъ тако:

II. «Вина доказывается свидѣтельствами; а когда нѣтъ свидѣтелей, то не истецъ, но отвѣтчикъ присягаетъ – и *каждый да клянется* по Вѣрѣ своей.» Взаимныя обиды и ссоры Грековъ съ Россіянами въ Константинополѣ заставили, какъ надобно думать, Императоровъ и Князя Олега включить статьи уголовныхъ законовъ въ мирный государственный договоръ.

III. «Русинъ ли убіетъ Христіанина или Христіанинъ Русина, да умретъ на мѣстѣ злодѣянія. Когда убійца *домовитъ* и скроется, то его имѣніе отдать ближнему родственнику убитаго; но жена убійцы не лишается своей законной части ([321]). Когда же преступникъ уйдетъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ ([322]), доколѣ найдутъ его и казнятъ смертію.

IV. «Кто ударитъ другаго мечемъ, или какимъ сосудомъ, да заплатитъ пять литръ серебра по закону Русскому; неимовитый же да заплатитъ, что можетъ; да сниметъ съ себя и самую одежду, въ которой ходитъ, и да клянется по Вѣрѣ своей, что ни ближніе, ни друзья не хотятъ его выкупить изъ вины: тогда увольняется отъ дальнѣйшаго взысканія.

V. «Когда Русинъ украдетъ что-либо у Христіанина или Христіанинъ у Русина, и пойманный на воровствѣ захочетъ сопротивляться, то хозяинъ украденной вещи можетъ убить его, не подвергаясь взысканію, и возметъ свое обратно; но долженъ только связать вора, который безъ сопротивленія отдается ему въ руки. Если Русинъ или Христіанинъ, подъ видомъ обыска ([323]), войдетъ въ чей домъ и силою возметъ тамъ чужое, вмѣсто своего, да заплатитъ втрое.

VI. «Когда вѣтромъ выкинетъ Греческую ладію на землю чуждую, гдѣ случимся мы, Русь, то будемъ охранять оную вмѣстѣ съ ея грузомъ, отправимъ въ землю Греческую, и проводимъ сквозь всякое *страшное* мѣсто до *безстрашнаго*. Когда же ей нельзя возвратиться въ отечество за бурею или другими препятствіями, то поможемъ гребцамъ и доведемъ ладію до ближней пристани Русской. Товары и все, что будетъ въ спасенной нами ладіи, да продается свободно; и когда пойдутъ въ Грецію наши Послы къ Царю, или гости для купли, они съ честію приведутъ туда ладію и въ цѣлости отдадутъ, что выручено за ея товары. Если же кто изъ Русскихъ убьетъ человѣка на сей ладіи, или что нибудь украдетъ, да пріиметъ виновный казнь вышеозначенную.

VII. «Ежели найдутся въ Греціи между купленными невольниками Россіяне или въ Руси Греки ([324]), то ихъ освободить и взять за нихъ, чего они купцамъ стоили, или настоящую, извѣстную цѣну невольниковъ; плѣнные также да будутъ возвращены въ отечество, и за каждаго да внесется окупу 20 *златыхъ*. Но Русскіе воины, которые изъ чести придутъ служить Царю, могутъ, буде захотятъ сами, остаться въ землѣ Греческой.

VIII. «Ежели невольникъ Русскій уйдетъ, будетъ украденъ или отнятъ подъ видомъ купли, то хозяинъ можетъ вездѣ искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновнымъ.

IX. «Когда Русинъ, служащій Царю Христіанскому, умретъ въ Греціи, не распорядивъ своего наслѣдства, и родныхъ съ нимъ не будетъ: то прислать его имѣніе въ Русь къ *милымъ ближнимъ* ([325]); а когда сдѣлаетъ распоряженіе, то отдать имѣніе наслѣднику, означенному въ духовной.

X. «Ежели между купцами и другими людьми Русскими въ Греціи будутъ виновные, и ежели потребуютъ ихъ въ отечество для наказанія, то Царь Христіанскій долженъ отправить сихъ преступниковъ въ Русь, хотя бы они и не хотѣли туда возвратиться.

«Да поступаютъ такъ и Русскіе въ отношеніи къ Грекамъ ([326])!

«Для вѣрнаго исполненія сихъ условій между нами, Русью и Греками, велѣли мы написать оныя киноварью на двухъ хартіяхъ. Царь Греческій скрѣпилъ ихъ своею рукою, клялся Святымъ Крестомъ, Нераздѣльною Животворящею Троицею единаго Бога, и далъ хартію нашей Свѣтлости; а мы, Послы Русскіе, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всѣхъ Русскихъ, исполнять утвержденныя главы мира и любви между нами, Русью и Греками. Сентября во 2 недѣлю, въ 15 лѣто (то есть Индикта) отъ созданія міра . . . . ([327]).»

Договоръ могъ быть писанъ на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ. Уже Варяги около пятидесяти лѣтъ господствовали въ Кіевѣ: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между Славянами, безъ сомнѣнія говорили языкомъ ихъ лучше, нежели Скандинавскимъ. Дѣти Варяговъ, принявшихъ Христіанство во время Аскольда и Дира, имѣли способъ выучиться и Славянской грамотѣ, изобрѣтенной Кирилломъ въ Моравіи. Съ другой стороны при Дворѣ и въ войскѣ Греческомъ находились издавна многіе Славяне, обитавшіе во Ѳракіи, въ Пелопоннесѣ и въ другихъ владѣніяхъ Императорскихъ. Въ осьмомъ вѣкѣ одинъ изъ нихъ управлялъ, въ санѣ Патріарха, Церковію; и въ самое то время, когда Императоръ Александръ подписывалъ миръ съ Олегомъ, первыми любимцами его были два Славянина, именемъ Гаврилопулъ и Василичь: послѣдняго хотѣлъ онъ сдѣлать даже своимъ наслѣдникомъ ([328]). Условія мирныя надлежало разумѣть и Грекамъ и Варягамъ: первые не знали языка Нормановъ, но Славянскій былъ извѣстенъ и тѣмъ и другимъ.

Сей договоръ представляетъ намъ Россіянъ уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, право наслѣдія, силу завѣщаній; имѣютъ торговлю внутреннюю и внѣшнюю. Седьмая и осьмая статья его доказываютъ — и Константинъ Багрянородный то же свидѣтельствуетъ ([329]) — что купцы Россійскіе торговали невольниками: или плѣнными, взятыми на войнѣ, или рабами купленными у народовъ сосѣдственныхъ, или собственными преступниками, законнымъ образомъ лишенными свободы. — Надобно также примѣтить, что между именами четырнадцати Вельможъ, употребленныхъ Великимъ Княземъ для заключенія мирныхъ условій съ Греками, нѣтъ ни одного Славянскаго. Только Варяги, кажется, окружали нашихъ первыхъ Государей и пользовались ихъ довѣренностію, участвуя въ дѣлахъ правленія.

Императоръ, одаривъ Пословъ золотомъ, драгоцѣнными одеждами и тканями ([330]), велѣлъ показать имъ красоту и богатство храмовъ (которыя сильнѣе умственныхъ доказательствъ могли представить воображенію грубыхъ людей величіе Бога Христіанскаго) и съ честію отпустилъ ихъ въ Кіевъ, гдѣ они дали отчетъ Князю въ успѣхѣ посольства.

Сей Герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ ([331]). Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его казалась потомству чудесною. «Волхвы — такъ говоритъ Лѣтописецъ — предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила Князя, и Герой скончался». . . . Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его ([332]); но мнимое пророчество волхвовъ или кудесниковъ есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности. Кончина Олега.

Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *народъ стеналъ, и проливалъ слезы.* Что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а народъ защитника. — Присоединивъ къ Державѣ своей лучшія, богатѣйшія страны нынѣшней Россіи, сей Князь былъ истиннымъ основателемъ ея величія. Рюрикъ владѣлъ отъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлаозера, устья Оки и города Ростова: Олегъ завоевалъ все отъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ ([333]). Мудростію Правителя цвѣтутъ Государства образованныя; но только сильная рука Героя

основываетъ великія Имперіи и служитъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новости. Древняя Россія славится не однимъ Героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, которыя утвердили ея бытіе могущественное. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ Властелиномъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза государственная не извиняютъ ли властолюбія Олегова? и права наслѣдственныя, еще неутвержденныя въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными [334]? . . . Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы.

Олегъ, княживъ 33 года, умеръ въ глубокой старости, ежели онъ хотя юношею пришелъ въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Тѣло его погребено на горѣ Щековицѣ, и жители Кіевскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто *Ольговою могилою*.

---

# ГЛАВА VI.

## КНЯЗЬ ИГОРЬ.

### Г. 912 — 945.

---

**Бунтъ Древлянъ. Явленіе Печенѣговъ. Нападеніе Игоря на Грецію. Договоръ съ Греками. Убіеніе Игоря.**

г. 912 — 913. Игорь въ зрѣломъ возрастѣ мужа пріялъ власть опасную: ибо современники и потомство требуютъ величія отъ наслѣдниковъ Государя великаго, или презираютъ недостойныхъ.

г. 913 — 914. Бунтъ Древлянъ. Смерть побѣдителя ободрила побѣжденныхъ, и Древляне отложились отъ Кіева. Игорь спѣшилъ доказать, что въ его рукѣ мечь Олеговъ; смирилъ ихъ и наказалъ прибавленіемъ дани [335]. — Но скоро новые враги, сильные числомъ, страшные дерзостію и грабительствомъ, явились въ предѣлахъ Россіи.

г. 914 — 915. Явленіе Печенѣговъ. Они подъ именемъ *Печенѣговъ* такъ славны въ лѣтописяхъ нашихъ, Византійскихъ и Венгерскихъ отъ X до XII вѣка, что мы должны, при вступленіи ихъ на Ѳеатръ Исторіи, сказать нѣсколько словъ о свойствѣ и древнемъ отечествѣ сего народа [336].

Восточная страна нынѣшней Россійской Монархіи, гдѣ текутъ рѣки Иртышъ, Тоболъ, Уралъ, Волга, въ продолженіе многихъ столѣтій ужасала Европу грознымъ явленіемъ народовъ, которые одинъ за другимъ выходили изъ ея степей обширныхъ, различные, можетъ быть, языкомъ, но сходные характеромъ, образомъ жизни и свирѣпостію. Всѣ были кочующіе; всѣ питались скотоводствомъ и звѣриною ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки — и всѣ они исчезли въ Европѣ, кромѣ Угровъ и Турковъ. Къ симъ народамъ принадлежали Узы и Печенѣги, единоплеменники Туркомановъ: первые, обитая между Волгою и Дономъ, въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, вытѣснили ихъ изъ степей Саратовскихъ: изгнанники устремились къ Западу; овладѣли Лебедіею; чрезъ нѣсколько лѣтъ [337] опустошили Бессарабію, Молдавію, Валахію; принудили Угровъ переселиться оттуда въ Паннонію и начали господствовать отъ рѣки Дона до самой Алуты, составивъ 8 разныхъ областей, изъ коихъ 4 были на Востокъ отъ Днѣпра, между Россіянами и Козарами; а другія на западной сторонѣ его, въ Молдавіи, Трансильваніи, на Бугѣ и близъ Галиціи, въ сосѣдствѣ съ народами Славянскими, подвластными Кіевскимъ Государямъ. Не зная земледѣлія, обитая въ шатрахъ, кибиткахъ или вежахъ, Печенѣги искали единственно тучныхъ луговъ для стадъ; искали также богатыхъ сосѣдовъ для грабительства; славились быстротою коней своихъ; вооруженные копьями, лукомъ, стрѣлами, мгновенно окружали непріятеля и мгновенно скрывались отъ глазъ его; бросались на лошадяхъ въ самыя глубокія рѣки или вмѣ-

сто лодокъ употребляли большія кожи. Они носили Персидскую одежду, и лица ихъ изображали свирѣпость ([338]).

Печенѣги думали, можетъ быть, ограбить Кіевъ; но встрѣченные сильнымъ войскомъ, не захотѣли отвѣдать счастія въ битвѣ, и мирно удалились въ Бессарабію или Молдавію, гдѣ уже господствовали тогда ихъ единоземцы ([339]). Тамъ народъ сей сдѣлался ужасомъ и бичемъ сосѣдовъ; служилъ орудіемъ взаимной ихъ ненависти, и за деньги помогалъ имъ истреблять другъ друга. Греки давали ему золото для обузданія Угровъ и Болгаровъ, особенно же Россіянъ, которые также искали дружбы его, чтобы имѣть безопасную торговлю съ Константинополемъ: ибо Днѣпровскіе пороги и Дунайское устье были заняты Печенѣгами ([340]). Сверхъ того они могли всегда, съ правой и лѣвой стороны Днѣпра, опустошать Россію, жечь селенія, увозить женъ и дѣтей, или, въ случаѣ союза, подкрѣплять Государей Кіевскихъ наемнымъ войскомъ своимъ. Сія несчастная Политика дозволяла разбойникамъ болѣе двухъ вѣковъ свободно отправлять ихъ гибельное ремесло.

Печенѣги, заключивъ союзъ съ Игоремъ, пять лѣтъ не тревожили Россіи: по крайней мѣрѣ Несторъ говоритъ о первой дѣйствительной войнѣ съ ними уже въ 920 году. Преданіе не сообщило ему извѣстія объ ея слѣдствіяхъ. Княженіе Игоря вообще не ознаменовалось въ памяти народной никакимъ великимъ происшествіемъ до самаго 941 года, когда Несторъ, согласно съ Византійскими Историками, описываетъ войну Игореву съ Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотѣлъ прославить сю старость свою, живъ до того времени дружелюбно съ Имперіею: ибо въ 935 году корабли и воины его ходили съ Греческимъ флотомъ въ Италію ([341]). Если вѣ-

Г. 941 Нападеніе Игоря на Грецію.

рить Лѣтописцамъ, то Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ Черное море. Болгары, тогда союзники Императора, увѣдомили его о семъ непріятелѣ; но Игорь успѣлъ, приставъ къ берегу, опустошить Воспорскія окрестности. Здѣсь Несторъ, слѣдуя Византійскимъ Историкамъ, съ новымъ ужасомъ говоритъ о свирѣпости Россіянъ: о храмахъ, монастыряхъ и селеніяхъ, обращенныхъ ими въ пепелъ; о плѣнникахъ безчеловѣчно убіенныхъ ([342]), и проч. Романъ Лакапинъ, воинъ знаменитый, но Государь слабый, выслалъ наконецъ флотъ подъ начальствомъ Ѳеофана Протовестіарія. Корабли Игоревы стояли на якоряхъ близъ Фара или маяка ([343]), готовые къ сраженію. Игорь столь былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что велѣлъ воинамъ своимъ щадить непріятелей и брать ихъ живыхъ въ плѣнъ; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его чаянію. Россіяне, приведенные въ ужасъ и безпорядокъ такъ называемымъ *огнемъ Греческимъ*, которымъ Ѳеофанъ зажегъ многія суда ихъ, и который показался имъ небесною молніею въ рукахъ озлобленнаго врага, удалились къ берегамъ Малой Азіи. Тамъ Патрикій Варда съ отборною пѣхотою, конницею, и Доместикъ Іоаннъ, славный побѣдами, одержанными имъ въ Сиріи, съ опытнымъ Азіатскимъ войскомъ напали на толпы Россіянъ, грабившихъ цвѣтущую Виѳинію, и принудили ихъ бѣжать на суда. Угрожаемые вмѣстѣ и войскомъ Греческимъ, и побѣдоноснымъ флотомъ, и голодомъ, они снялись съ якорей, ночью отплыли къ берегамъ Ѳракійскимъ, сразились еще съ Греками на морѣ, и съ великимъ урономъ возвратились въ отечество. Но бѣдствія, претерпѣнныя отъ нихъ Имперіею въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ([344]), остались надолго незабвенными въ ея Азіатскихъ и Европейскихъ областяхъ.

О семъ несчастномъ Игоревомъ походѣ говорятъ не только Византійскіе, но и другіе Историки: Арабскій Эльмакинъ и Кремонскій Епископъ Ліутпрандъ ([345]); послѣдній разсказываетъ слышанное имъ отъ своего отчима, который, будучи Посломъ въ Царѣградѣ, собственными глазами видѣлъ казнь многихъ Игоревыхъ воиновъ, взятыхъ тогда въ плѣнъ Греками: варварство ужасное! Греки, изнѣженные роскошію, боялись опасностей, а не злодѣйства.

Игорь не унылъ, но хотѣлъ отмстить Грекамъ; собралъ другое многочисленное войско, призвалъ Варяговъ изъ-за моря, нанялъ Печенѣговъ — которые дали ему аманатовъ въ доказательство вѣрности своей — и чрезъ два года снова пошелъ въ Грецію со флотомъ и съ конницею. Херсонцы и Болгары вторично дали знать Императору, что море покрылось кораблями Россійскими. Лакапинъ, не увѣренный въ побѣдѣ и желая спасти Имперію отъ новыхъ бѣдствій войны со врагомъ отчаяннымъ, немедленно отправилъ Пословъ къ Игорю. Встрѣтивъ его близъ Дунайскаго Г. 943 — 944.

устья, они предложили ему дань, какую нѣкогда взялъ храбрый Олегъ съ Грецiи; обѣщали и болѣе, ежели Князь благоразумно согласится на миръ; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивыхъ Печенѣговъ. Игорь остановился, и созвавъ дружину свою, объявилъ ей желанiе Грековъ. «Когда Царь» — отвѣтствовали вѣрные товарищи Князя Россiйскаго — «безъ войны даетъ намъ серебро и золото, то чего болѣе можемъ требовать? Извѣстно ли, кто одолѣетъ? мы ли? они ли? и съ моремъ кто *совѣтенъ?* Подъ нами не земля, а глубина морская: въ ней общая смерть людямъ.» Игорь принялъ ихъ совѣтъ, взялъ дары у Грековъ на всѣхъ воиновъ своихъ, велѣлъ наемнымъ Печенѣгамъ разорять сосѣдственную Болгарiю, и возвратился въ Кiевъ.

Въ слѣдующiй годъ Лакапинъ отправилъ Пословъ къ Игорю, а Князь Россiйскiй въ Царьградъ, гдѣ заключенъ былъ ими торжественный миръ на такихъ условiяхъ:

Г. 944. Договоръ съ Греками.

I. Начало подобное Олегову договору: «Мы отъ рода Русскаго, Послы и гости Игоревы» и проч. Слѣдуетъ около пятидесяти Норманскихъ именъ, кромѣ двухъ или трехъ Славянскихъ (346). Но достойно замѣчанiя, что здѣсь въ особенности говорится о Послахъ и чиновникахъ Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двухъ *нетiевъ* Игоревыхъ, то есть, племянниковъ или дѣтей сестриныхъ, Улѣба, Акуна, и супруги Улѣбовой, Передславы (347). Далѣе: «Мы, посланные отъ Игоря, Великаго Князя Русскаго, отъ всякаго Княженiя, отъ всѣхъ людей Русскiя земли, обновить *ветхiй* миръ съ Великими Царями Греческими, Романомъ, Константиномъ, Стефаномъ (348), со всѣмъ *Боярствомъ* и со всѣми людьми Греческими, вопреки Дiаволу, ненавистнику добра и *враждолюбцу,* на всѣ лѣта, доколѣ сiяетъ солнце и стоитъ мiръ. Да не дерзаютъ Русскiе, *крещеные* и некрещеные, нарушать союза съ Греками, или первыхъ да осудитъ Богъ Вседержитель на гибель вѣчную и временную, а вторые да не имутъ помощи отъ Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падутъ отъ *собственныхъ* мечей, стрѣлъ и другаго оружiя; да будутъ рабами въ сей вѣкъ и будущiй!

II. «Великiй Князь Русскiй и Бояре его да отправляютъ свободно въ Грецiю корабли съ гостьми и Послами. Гости, какъ *было уставлено*, носили печати серебряныя, а Послы золотыя: отнынѣ же да приходятъ съ грамотою отъ Князя Русскаго, въ которой будетъ засвидѣтельствовано ихъ мирное намѣренiе, также число людей и кораблей отправленныхъ. Если же придутъ безъ грамоты, да содержатся подъ стражею, доколѣ извѣстимъ о нихъ Князя Русскаго. Если станутъ противиться, да лишатся жизни, и смерть ихъ да не взыщется отъ Князя Русскаго. Если уйдутъ въ Русь, то мы, Греки, увѣдомимъ Князя объ ихъ бѣгствѣ, да поступитъ онъ съ ними, какъ ему угодно.»

III. Начало статьи есть повторенiе условiй, заключенныхъ Олегомъ подъ стѣнами Константинополя, о томъ, какъ вести себя Посламъ и гостямъ Русскимъ въ Грецiи, гдѣ жить, чего требовать (349), и проч. — Далѣе: «Гости Русскiе будутъ охраняемы Царскимъ чиновникомъ, который разбираетъ ссоры ихъ съ Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, цѣною выше 50 *золотниковъ* (или червонцевъ), должна быть ему показана, чтобы онъ приложилъ къ ней печать свою (350). Отправляясь изъ Царяграда, да берутъ они съѣстные припасы и все нужное для кораблей, согласно съ договоромъ. Да не имѣютъ права зимовать у Св. Мамы и да возвращаются съ охраненiемъ.

IV. «Когда уйдетъ невольникъ изъ Руси въ Грецiю, или отъ гостей, живущихъ у Св. Мамы, Русскiе да ищутъ и возьмутъ его. Если онъ не будетъ сысканъ, да клянутся въ бѣгствѣ его по Вѣрѣ своей, Христiане и язычники. Тогда Греки дадутъ имъ, *какъ прежде уставлено* (351), по двѣ ткани за невольника. Если рабъ Греческiй бѣжитъ къ Россiянамъ съ покражею, то они должны возвратить его и снесенное имъ въ цѣлости: за что получаютъ въ награжденiе два золотника.

V. «Ежели Русинъ украдетъ что-нибудь у Грека, или Грекъ у Русина, да будетъ строго наказанъ по закону Русскому и Греческому; да возвратитъ украденную вещь и заплатитъ цѣну ея вдвое.

VI. «Когда Русскiе приведутъ въ Царьградъ плѣнниковъ Греческихъ, то имъ за каждаго брать по десяти золотниковъ, если будетъ юноша или дѣвица *добрая,* за середовича восемь, за старца и младенца пять (352). Когда же Русскiе найдутся въ неволѣ у Грековъ, то за всякаго плѣннаго давать выкупу

десять золотниковъ, а за купленнаго цѣну его, которую хозяинъ объявитъ *подъ крестомъ»* (или присягою).

VII. «Князь Русскій да не присвоиваетъ себѣ власти надъ страною Херсонскою и городами ея. Когда же онъ, воюя въ тамошнихъ мѣстахъ, потребуетъ войска отъ насъ, Грековъ: мы дадимъ ему, сколько будетъ надобно (353).

VIII. «Ежели Русскіе найдутъ у берега ладію Греческую, да не обидятъ ее; а кто возметъ что-нибудь изъ ладіи, или убіетъ, или поработитъ находящихся въ ней людей, да будетъ наказанъ по закону Русскому и Греческому (354).

IX. «Русскіе да не творятъ никакого зла Херсонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣпра; да не зимуютъ тамъ, ни въ Бѣлобережьѣ, ни у Св. *Еѳерія* (355); но при наступленіи осени да идутъ въ домы свои, въ Русскую землю.

X. «Князь Русскій да не пускаетъ *Черныхъ* Болгаровъ воевать въ странѣ Херсонской.« — *Черною* называлась Болгарія Дунайская, въ отношеніи къ древнему отечеству Болгаровъ (356).

XI. «Ежели Греки, находясь въ землѣ Русской, окажутся преступниками, да не имѣетъ Князь власти наказывать ихъ; но да пріимутъ они сію казнь въ Царствѣ Греческомъ.

XII. «Когда Христіанинъ умертвитъ Русина, или Русинъ Христіанина, ближніе убіеннаго, задержавъ убійцу, да умертвятъ его. — Далѣе то же, что въ III статьѣ прежняго договора (357).

XIII. Сія статья о побояхъ есть повтореніе IV статьи Олегова условія.

XIV. «Ежели Цари Греческіе потребуютъ войска отъ Русскаго Князя, да исполнитъ Князь ихъ требованіе, и да увидятъ чрезъ то всѣ иныя страны, въ какой любви живутъ Греки съ Русью.

«Сіи условія написаны на двухъ хартіяхъ: одна будетъ у Царей Греческихъ; другую, ими подписанную, доставятъ Великому Князю Русскому Игорю и людямъ его, которые, принявъ оную, да клянутся *хранить истину* союза: Христіане въ Соборной церкви Св. Иліи *предлежащимъ честнымъ Крестомъ* и сею хартіею (358), а некрещеные полагая на землю щиты свои, *обручи* и мечи обнаженные.»

Историкъ долженъ въ цѣлости сохранить сіи дипломатическіе памятники Россіи, въ коихъ изображается умъ предковъ нашихъ и самые ихъ обычаи. Государственные договоры X вѣка, столь подробные, весьма рѣдки въ лѣтописяхъ: они любопытны не только для ученаго Дипломатика, но и для всѣхъ внимательныхъ читателей Исторіи, которые желаютъ имѣть ясное понятіе о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи народовъ. Хотя Византійскіе Лѣтописцы не упоминаютъ о семъ договорѣ, ни о прежнемъ, заключенномъ въ Олегово время; но содержаніе оныхъ такъ вѣрно представляетъ намъ взаимныя отношенія Грековъ и Россіянъ X вѣка, такъ сообразно съ обстоятельствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ. . .

Клятвенно утвердивъ союзъ, Императоръ отправилъ новыхъ Пословъ въ Кіевъ, чтобы вручить Князю Русскому *хартію мира.* Игорь въ присутствіи ихъ на священномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, торжественно обязался хранить дружбу съ Имперіею; воины его также, въ знакъ клятвы полагая къ ногамъ идола оружіе, щиты и золото. Обрядъ достопамятный: оружіе и золото было всего святѣе и драгоцѣннѣе для Русскихъ язычниковъ. Христіане Варяжскіе присягали въ Соборной церкви Св. Иліи, можетъ быть древнѣйшей въ Кіевѣ (359). Лѣтописецъ именно говоритъ, что многіе Варяги были тогда уже Христіанами.

Игорь, одаривъ Пословъ Греческихъ мѣхами драгоцѣнными, воскомъ и плѣнниками (360), отпустилъ ихъ къ Императору съ дружественными увѣреніями. Онъ дѣйствительно хотѣлъ мира для своей старости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. «Мы босы и наги», говорили воины Игорю, «а Свѣнельдовы Отроки богаты оружіемъ и всякою одеждою. *Поди въ дань* съ нами, да и мы, вмѣстѣ съ тобою, будемъ довольны». *Ходить въ дань* значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги. Древніе Государи наши, по извѣстію Константина Багрянороднаго, всякой годъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде Апрѣля (361). Цѣлію сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ Великихъ Князей. Игорь, отдыхая въ старости, вмѣсто себя посылалъ, кажется, Вельможъ

и Бояръ, особенно Свѣнельда, знаменитаго Воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ *Отроками* своими или отборными молодыми воинами, его окружавшими ([362]). Имъ завидовала дружина Игорева, и Князь, при наступленіи осени, исполнилъ ея желаніе; отправился въ землю Древлянъ, и забывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти, обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дружина его — пользуясь, можетъ быть, слабостію Князя престарѣлаго — также хотѣла богатства и грабила несчастныхъ данниковъ, усмиренныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже Игорь вышелъ изъ области ихъ; но судьба опредѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразумія. Еще недовольный взятою имъ даніею, онъ вздумалъ отпустить войско въ Кіевъ, и съ частію своей дружины возвратиться къ Древлянамъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ встрѣтили его на пути, и сказали ему: «Князь! мы все заплатили тебѣ: для чего же опять идешь къ намъ?» Ослѣпленный корыстолюбіемъ, Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные Древляне, видя — по словамъ Лѣтописца — что *надобно умертвить хищнаго волка, или все стадо будетъ его жертвою,* вооружились подъ начальствомъ Князя своего, именемъ Мала; вышли изъ Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византійскій Историкъ повѣствуетъ, что они, привязавъ сего несчастнаго Князя къ двумъ деревамъ, разорвали на-двое ([363]).

Убіеніе Игоря.

Игорь въ войнѣ съ Греками не имѣлъ успѣховъ Олега; не имѣлъ, кажется, и великихъ свойствъ его: но сохранилъ цѣлость Россійской Державы, устроенной Олегомъ; сохранилъ честь и выгоды ея въ договорахъ съ Имперіею; былъ язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ Россіянамъ славить торжественно Бога Христіанскаго, и вмѣстѣ съ Олегомъ оставилъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ благоразумной терпимости, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Два случая остались укоризною для его памяти: онъ далъ опаснымъ Печенѣгамъ утвердиться въ сосѣдствѣ съ Россіею, и не довольствуясь справедливою, то есть, умѣренною даніею народа, ему подвластнаго, обиралъ его, какъ хищный завоеватель. Игорь мстилъ Древлянамъ за прежній ихъ мятежъ; но Государь унижается местію долговременною: онъ наказываетъ преступника только однажды. — Историкъ, за недостаткомъ преданій, не можетъ сказать ничего болѣе въ похвалу или въ обвиненіе Игоря, княжившаго 32 года.

Къ сему княженію относится любопытное извѣстіе современнаго Арабскаго Историка Массуди. Онъ пишетъ, что *Россіяне* идолопоклонники, вмѣстѣ съ Славянами, обитали тогда въ Козарской столицѣ Аделѣ и служили Кагану; что съ его дозволенія, около 912 года, войско ихъ, приплывъ на судахъ въ Каспійское море, разорило Дагестанъ, Ширванъ, но было наконецъ истреблено Магометанами. Другой Арабскій Повѣствователь, Абульфеда, сказываетъ, что Россіяне въ 944 году взяли Барду, столицу Арранскую (верстахъ въ семидесяти отъ Ганджи) и возвратились въ свою землю рѣкою Куромъ и моремъ Каспійскимъ. Третій Историкъ Восточный, Абульфарачъ, приписываетъ сіе нападеніе Аланамъ, Лезгамъ и Славянамъ, бывшимъ Кагановымъ данникамъ въ южныхъ странахъ нашего древняго отечества ([364]). Россіяне могли прійти въ Ширванъ Днѣпромъ, морями Чернымъ, Азовскимъ, рѣками Дономъ, Волгою (чрезъ малую переволоку въ нынѣшней Качалинской Станицѣ) — путемъ дальнимъ, многотруднымъ; но прелесть добычи давала имъ смѣлость, мужество и терпѣніе, которыя, въ самомъ началѣ государственнаго бытія Россіи, ославили имя ея въ Европѣ и въ Азіи.

# ГЛАВА VII.

## КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

### Г. 945 — 972.

**Правленіе Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещеніе. Россіяне въ Сициліи. Характеръ и подвиги Святослава. Взятіе Бѣлой Вежи. Завоеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кончина Ольги. Посольство въ Германію. Первые Удѣлы въ Россіи. Вторичное завоеваніе Болгаріи. Война съ Цимискіемъ. Договоръ съ Греками. Наружность Святославова. Кончина его.**

Святославъ, сынъ Игоревъ, первый Князь Славянскаго имени, былъ еще отрокомъ (365). Бѣдственный конецъ родителя, новость Державы, только мечемъ основанной и хранимой; бунтъ Древлянъ; безпокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу; честолюбіе Полководцевъ Варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость Державы и власть Государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной.

Правленіе Ольги. Юный Князь воспитывался Бояриномъ Асмудомъ: Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ (366). Ольга — вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей — овладѣла кормиломъ Государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ *многія подробности*, отчасти не согласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію Исторіи, и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной *сказки*; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ *основаніемъ*, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени (367): то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о *мести и хитростяхъ Ольгиныхъ*.

Хитрая месть. «Гордясь убійствомъ какъ побѣдою и презирая малолѣтство Святослава, Древляне вздумали присвоить себѣ власть надъ Кіевомъ, и хотѣли, чтобы ихъ Князь Малъ женился на вдовѣ Игоря: ибо они, платя дань Государямъ Кіевскимъ, имѣли еще Князей собственныхъ. Двадцать знаменитыхъ Пословъ Древлянскихъ приплыли въ ладіи къ Кіеву (368) и сказали Ольгѣ: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князья Древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супругою нашего Князя Мала.* Ольга съ ласкою отвѣтствовала: *Мнѣ пріятна рѣчь ваша. Уже не могу воскресить супруга* (369)! *Завтра окажу вамъ всю должную честь. Теперь возвратитесь въ ладію свою, и когда люди мои придутъ за вами, велите имъ нести себя на рукахъ . . .* Между тѣмъ Ольга приказала на *дворѣ теремномъ* ископать глубокую яму, и на другой день звать Пословъ. Исполняя волю ея, они сказали: *не хотимъ ни итти, ни ѣхать*: *несите насъ въ ладіи!* Кіевляне отвѣтствовали: *что дѣлать! мы невольники; Игоря нѣтъ, а Княгиня наша хочетъ быть супругою вашего Князя* — и понесли ихъ. Ольга сидѣла въ своемъ теремѣ и смотрѣла, какъ Древляне гордились и величались (370), не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ яму. Мстительная Княгиня спросила у нихъ, довольны ли они сею *честію?* Несчастные изъявили воплемъ раскаяніе въ убіеніи Игоря, но поздно: Ольга велѣла ихъ засыпать живыхъ землею, и чрезъ гонца объявила Древлянамъ, что они должны прислать за нею еще болѣе знаменитыхъ мужей: ибо народъ Кіевскій не отпуститъ ее безъ ихъ торжественнаго и многочисленнаго Посольства. Легковѣрные немедленно отправили въ Кіевъ лучшихъ гражданъ (371) и начальниковъ земли своей. Тамъ, по древнему обычаю Славянскому, для гостей изготовили баню, и въ ней сожгли ихъ. Тогда Ольга велѣла сказать Древлянамъ, чтобы они варили медъ въ Коростенѣ; что она уже идетъ къ нимъ, желая прежде втораго брака совершить тризну надъ могилою



25
Bayerische Staatsbibliothek München

перваго супруга. Ольга дѣйствительно пришла къ городу Коростену, оросила слезами прахъ Игоревъ, насыпала высокій бугоръ надъ его могилою» — донынѣ видимый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣста ([372]) — «и въ честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. *Отроки* Княгинины угощали знаменитѣйшихъ Древлянъ, которые вздумали наконецъ спросить о своихъ Послахъ; но удовольствовались отвѣтомъ, что они будутъ вмѣстѣ съ *Игоревою* дружиною ([373]). — Скоро дѣйствіе крѣпкаго меду омрачило головы неосторожныхъ: Ольга удалилась, подавъ знакъ воинамъ своимъ — и 5000 Древлянъ, ими убитыхъ, легло вокругъ Игоревой могилы.

г. 946. «Ольга, возвратясь въ Кіевъ, собрала многочисленное войско и выступила съ нимъ противъ Древлянъ, уже наказанныхъ хитростію, но еще непокоренныхъ силою. Оно встрѣтилось съ ними, и младый Святославъ самъ началъ сраженіе. Копіе, брошенное въ непріятеля слабою рукою отрока, упало къ ногамъ его коня; но Полководцы, Асмудъ и Свѣнельдъ, ободрили воиновъ примѣромъ юнаго Героя, и съ восклицаніемъ: *друзья! станемъ за Князя!* устремились въ битву. Древляне бѣжали съ поля, и затворились въ городахъ своихъ. Чувствуя себя болѣе другихъ виновными, жители Коростена цѣлое лѣто оборонялись съ отчаяніемъ. Тутъ Ольга прибѣгнула къ новой выдумкѣ. *Для чего вы упорствуете?* велѣла она сказать Древлянамъ: *всѣ иные города ваши сдались мнѣ, и жители ихъ мирно обработываютъ нивы свои: а вы хотите умереть голодомъ! Не бойтесь мщенія: оно уже совершилось въ Кіевѣ и на могилѣ супруга моего.* Древляне предложили ей въ дань медъ и кожи звѣрей; но Княгиня, будто бы изъ великодушія, отреклась отъ сей дани и желала имѣть единственно съ каждаго двора по три воробья и голубя! Они съ радостію исполнили ея требованіе и ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы войско Кіевское удалилось. Но вдругъ, при наступленіи темнаго вечера, пламя объяло всѣ домы ихъ .... Хитрая Ольга велѣла привязать зажженный трутъ съ сѣрою ко взятымъ ею птицамъ ([374]) и пустить ихъ на волю: онѣ возвратились съ огнемъ въ гнѣзда свои и произвели общій пожаръ въ городѣ. Устрашенные жители хотѣли спастися бѣгствомъ и попались въ руки Ольгинымъ воинамъ. Великая Княгиня, осудивъ нѣкоторыхъ старѣйшинъ на смерть, другихъ на рабство, обложила прочихъ тяжкою данію.»

Такъ разсказываетъ Лѣтописецъ ... Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вѣра и самые гражданскіе законы язычниковъ оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о Герояхъ Исторіи по обычаямъ и нравамъ ихъ времени. Но вѣроятна ли оплошность Древлянъ? вѣроятно ли, чтобы Ольга взяла Коростенъ посредствомъ воробьевъ и голубей, хотя сія выдумка могла дѣлать честь народному остроумію Русскихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, кажется, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ Пословъ Древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убіеніи Игоря ([375]); оружіемъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростена, и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Великая Княгиня, провождаемая воинскою дружиною, вмѣстѣ съ юнымъ Святославомъ объѣхала всю Древлянскую область, уставляя налоги въ пользу казны государственной; но жители Коростена долженствовали третію часть дани своей посылать къ самой Ольгѣ, въ ея *собственный Удѣлъ*, въ Вышегородъ, основанный, можетъ быть, Героемъ Олегомъ и данный ей въ вѣно, какъ невѣстѣ или супругѣ Великаго Князя ([376]): чему увидимъ и другіе примѣры въ нашей древней Исторіи. Сей городъ, извѣстный Константину Багрянородному и знаменитый въ X вѣкѣ, уже давно обратился въ село, которое находится въ 7 верстахъ отъ Кіева, на *высокомъ* берегу Днѣпра, и замѣчательно красотою своего мѣстоположенія. — Ольга, кажется, утѣшила Древлянъ благодѣяніями мудраго правленія; по крайней мѣрѣ всѣ ея памятники — ночлеги и мѣста, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію тогдашнихъ Героевъ, забавлялась ловлею звѣрей — долгое время были для сего народа предметомъ какого-то особеннаго уваженія и любопытства ([377]). Мудрость Ольгина.

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Святослава въ Кіевѣ, она поѣхала въ сѣверную Россію, въ область Новогородскую; учредила по Лугѣ и Мстѣ государственныя дани; раздѣлила землю на *погосты* или волости; сдѣлала безъ сомнѣнія все

нужнѣйшее для государственнаго блага по тогдашнему гражданскому состоянію Россіи, и вездѣ оставила знаки своей попечительной мудрости. Чрезъ 150 лѣтъ народъ съ признательностію воспоминалъ о семъ благодѣтельномъ путешествіи Ольги, и въ Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ея, какъ вещь драгоцѣнную. Вѣроятно, что сія Княгиня, рожденная во Псковѣ, какими нибудь особенными выгодами, данными его гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которою онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новымгородомъ, славился въ Россіи, затмивъ сосѣдственный, древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицею области знаменитой.

Утвердивъ внутренній порядокъ Государства, Ольга возвратилась къ юному Святославу, въ Кіевъ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, наслаждаясь любовію своего признательнаго сына и не менѣе признательнаго народа. — Здѣсь, по сказанію Нестора, оканчиваются дѣла ея государственнаго правленія; но здѣсь начинается эпоха славы ея въ нашей Церковной Исторіи.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная Вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ Христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ Церковными Пастырями, и будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго

Г. 955. Крещеніе Ольги.

свѣта, Ольга захотѣла быть Христіанкою, и сама отправилась въ столицу Имперіи и Вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ [378]. Тамъ Патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купѣли. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить Княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія [379]. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли *особы Княжескія*, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, Послы Россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царѣградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и Вельможами, встрѣтили Ольгу: послѣ чего Императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила Царица. Въ сей первый день, 9 Сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой *храминѣ Юстиніановой*, гдѣ Императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ Княгиня Россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго Царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе Царскаго Дому и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы Россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами: *племяннику* Княгини дали 30 *миліаризій* — или $2^1/_2$ червонца [380], — каждому изъ осьми ея приближенныхъ 20, каждому изъ двадцати Пословъ 12, каждому изъ сорокатрехъ купцевъ то же, Священнику или Духовнику Ольгину, именемъ Григорію, 8, — двумъ переводчикамъ 24, Святославовымъ людямъ 5 на человѣка, посольскимъ 3, собственному переводчику Княгини 15 миліаризій. На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ Императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ поднесли ей въ даръ 500 миліаризій, шести ея родственницамъ каждой 20 и осьмнадцати служительницамъ каждой 8. 18 Октября Княгиня вторично обѣдала во дворцѣ и сидѣла за однимъ столомъ съ Императрицею, ея невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его; самъ Императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми Россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ: Ольга получила 200 миліаризій, а другіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе Государи Россійскіе не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными; но *одна учтивость*, безъ сомнѣнія, заставила Великую Княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ [381].

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что Императоръ, плѣненный ея

26

разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святомъ крещеніи Еленою — отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону Христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачнаго между ими. Во-первыхъ Константинъ имѣлъ супругу; во-вторыхъ Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою ([382]).

Наставленная въ святыхъ правилахъ Христіанства самимъ Патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ Лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ: слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ Греческіе Послы, требовать, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: «Когда Царь вашъ постоитъ у меня на Почайнѣ ([383]) столько же времени, сколько я стояла у него въ *Судѣ*» (гавани Константинопольской): «тогда пришлю ему дары и войско» — съ чѣмъ Послы и возвратились къ Императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ и что обыкновенная надменность Двора Византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

Однакожь Россіяне, во все царствованіе Константина Багрянороднаго, сына его и Никифора Фоки, соблюдали миръ и дружбу съ Греціею: служили при Дворѣ Императоровъ, въ ихъ флотѣ, войскахъ, и въ 964 году, по сказанію Арабскаго Историка Новайри, сражались въ Сициліи, какъ наемники Грековъ, съ Аль-Гассаномъ, Вождемъ Сарацинскимъ. Константинъ не рѣдко посылалъ такъ называемыя *златыя буллы*, или грамоты съ золотою печатію ([384]), къ Великому Князю, надписывая: *грамота Христолюбивыхъ Императоровъ Греческихъ, Константина и Романа, къ Россійскому Государю.*

Россіяне въ Сициліи.

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой Вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденіе язычества; но юный, гордый Святославъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть Христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Святославъ отвѣтствовалъ ей: «могу ли одинъ принять новый Законъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ Христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ Христіанамъ и съ досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не переставая любить его нѣжно, должна была наконецъ умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына ([385]).

Г. 964 — 966. Характеръ и подвиги Святослава.

Сей Князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное, и съ нетерпѣніемъ юнаго Героя летѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ Военачальникъ, таковы и воины. — Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: *иду на васъ*! Въ сіи времена общаго варварства гордый Святославъ соблюдалъ правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первымъ ѳеатромъ его воинскихъ, счастливыхъ дѣйствій. Онъ покорилъ Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хана Козарскаго ([386]), и грозное свое оружіе обратилъ противъ сего, нѣкогда столь могущественнаго Владѣтеля. Жестокая битва рѣшила судьбу двухъ народовъ. Самъ Каганъ предводительствовалъ войскомъ: Святославъ побѣдилъ и взялъ Козарскую *Бѣлую Вежу*, или Саркелъ, какъ именуютъ ее Византійскіе Историки, городъ на бе-

Взятіе Бѣлой Вежи.

регу Дона, укрѣпленный Греческимъ искусствомъ ([387]). Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ о сей войнѣ никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій, сказывая только, что Святославъ побѣдилъ еще *Ясовъ* и *Касоговъ*: первые — вѣроятно, нынѣшніе Оссы или Оссетинцы — будучи Аланскаго племени, обитали среди горъ Кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и близъ устья Волги; вторые суть Черкесы, коихъ страна въ X вѣкѣ именовалась Касахіею: Оссетинцы и теперь называютъ ихъ Касахами ([388]). — Тогда же, какъ надобно думать, завоевали Россіяне городъ Таматарху, или Фанагорію, и всѣ владѣнія Козарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря: ибо сія часть древняго Царства Воспорскаго, названная потомъ Княжествомъ Тмутороканскимъ ([389]), была уже при Владимірѣ, какъ мы увидимъ, собственностію Россіи. Завоеваніе столь отдаленное кажется удивительнымъ; но бурный духъ Святослава веселился опасностями и трудами. Отъ рѣки Дона проложивъ себѣ путь къ Воспору Киммерійскому, сей Герой могъ утвердить сообщеніе между областію Тмутороканскою и Кіевомъ посредствомъ Чернаго моря и Днѣпра. Въ Тавридѣ оставалась уже одна тѣнь древняго могущества Кагановъ ([390]).

Г. 967. Завоеваніе Болгаріи. Неудовольствіе Императора Никифора Фоки на Болгарскаго Царя Петра служило для Святослава поводомъ къ новому и еще важнѣйшему завоеванію. Императоръ, желая отмстить Болгарамъ за то, что они не хотѣли препятствовать Венграмъ въ ихъ частыхъ впаденіяхъ въ Грецію, велѣлъ Калокиру, сыну начальника Херсонскаго, ѣхать Посломъ въ Кіевъ, съ обѣщаніемъ великихъ даровъ мужественному Князю Россійскому, ежели онъ пойдетъ воевать Болгарію. Святославъ исполнилъ желаніе Никифора, взявъ съ Грековъ на вооруженіе нѣсколько пудъ золота, и съ 60,000 воиновъ явился въ ладіяхъ на Дунаѣ ([391]). Тщетно Болгары хотѣли отразить ихъ: Россіяне, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, устремились на берегъ и смяли непріятелей. Города сдалися побѣдителю. Царь Болгарскій умеръ отъ горести. Удовлетворивъ мести Грековъ, богатый добычею, гордый славою, Князь Россійскій началъ властвовать въ древней Мизіи; хотѣлъ еще, въ знакъ благодарности, даровъ отъ Императора, и жилъ весело въ Болгарскомъ Переяславцѣ ([392]), не думая о томъ, что въ самое сіе время отечественная столица его была въ опасности.

Печенѣги напали на Россію, зная отсутствіе храбраго Князя, и приступили къ самому Кіеву, гдѣ затворилась Ольга съ дѣтьми Святослава. На другой сторонѣ Днѣпра стоялъ Воевода Россійскій, именемъ Претичъ, съ малочисленною дружиною, и не могъ имѣть съ осажденными никакого сообщенія. Изнемогая отъ голода и жажды, Кіевляне были въ отчаяніи. Одинъ смѣлый отрокъ вызвался увѣдомить Претича о бѣдственномъ ихъ состояніи; вышелъ съ *уздою* изъ города, прямо въ толпу непріятелей, и говоря языкомъ Печенѣжскимъ, спрашивалъ, кто видѣлъ его коня? Печенѣги, воображая, что онъ ихъ воинъ, дали ему дорогу. Отрокъ спѣшилъ къ Днѣпру, сбросилъ съ себя одежду и поплылъ. Тутъ непріятели, узнавъ свою ошибку, начали стрѣлять въ него; а Россіяне съ другаго берега выѣхали на встрѣчу и взяли отрока въ лодку. Слыша отъ сего посланнаго, что изнуренные Кіевляне хотятъ на другой день сдаться, и боясь гнѣва Святославова, Воевода рѣшился спасти хотя семейство Княжеское — и Печенѣги, на разсвѣтѣ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обрадованные жители Кіевскіе отвѣтствовали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріятели разсѣялись въ ужасѣ, и Великая Княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и спросилъ у него, Князь ли онъ? Хитрый Воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, увѣряя, что сей Герой со многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за нимъ. Обманутый Печенѣгъ предложилъ миръ: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ Воеводѣ саблю, стрѣлы и коня: Воевода Князю щитъ, броню и мечь. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города ([393]). Г. 968. Нашествіе Печенѣговъ.

Освобожденные Кіевляне отправили гонца къ Святославу, сказать ему, что онъ для завоеванія чуждыхъ земель жертвуетъ собственною; что свирѣпые

27

враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствіе Государя и защитника можетъ снова подвергнуть ихъ той же опасности, и чтобы онъ сжалился надъ бѣдствіемъ отечества, престарѣлой матери и юныхъ дѣтей своихъ. Тронутый Князь съ великою поспѣшностію возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ нѣжной чувствительности сына и родителя: лѣтопись говоритъ, что онъ съ горячностію лобызалъ мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію. — Дерзость Печенѣговъ требовала мести: Святославъ отразилъ ихъ отъ предѣловъ Россіи, и сею побѣдою возстановилъ безопасность и тишину въ отечествѣ.

Но мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному Князю. Страна завоеванная всегда кажется пріятною завоевателю, и сердце Героя стремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравъ Г. 969. Бояръ, онъ въ присутствіи Ольги сказалъ имъ, что ему веселѣе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: «ибо въ столицѣ Болгарской, какъ въ средоточіи, стекаются всѣ драгоцѣнности Искусства и Природы [394]: Греки шлютъ туда золото, ткани, вино и плоды, Богемцы и Венгры серебро и коней, Россіяне мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ.» Огорченная мать отвѣтствовала ему, что старость и болѣзнь не замедлятъ прекратить ея жизни. «Погреби меня» — сказала она — «и тогда иди, куда Кончина Ольги. хочешь.» Сіи слова оказались пророчествомъ. Ольга на четвертый день скончалась. — Она запретила отправлять по себѣ языческую тризну, и была погребена Христіанскимъ Священникомъ на мѣстѣ, ею самою для того избранномъ. Сынъ, внуки и благодарный народъ оплакали ея кончину.

Преданіе нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, Исторія *Мудрою*. Отмстивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннаго возраста Святославова; съ дѣятельностію великаго мужа учреждала порядокъ въ Государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе Князья до временъ Ольгиныхъ *воевали:* она *правила* Государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы. — При Ольгѣ Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы. Посольство Россійское въ Германію. Лѣтописцы Нѣмецкіе говорятъ о Посольствѣ ея въ Германію къ Императору Оттону I [395]. Можетъ быть, Княгиня Россійская, узнавъ о славѣ и побѣдахъ Оттоновыхъ, хотѣла, чтобы онъ также свѣдалъ о знаменитости ея народа, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ Пословъ своихъ. — Наконецъ, сдѣлавшись ревностною Христіанкою, Ольга — по выраженію Нестора, *денница и луна спасенія* — служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной Вѣры въ нашемъ отечествѣ.

По кончинѣ матери Святославъ могъ уже свободно исполнить свое безразсудное намѣреніе: то есть, перенести столицу Государства на берега Дунайскіе. Кромѣ самолюбивыхъ мечтаній завоевателя, Болгарія дѣйствительно могла нравиться ему своимъ теплымъ климатомъ, изобиліемъ плодовъ и богатствомъ дѣятельной, удобной торговли съ Константинополемъ; вѣроятно также, что сіе Государство, сопредѣльное съ Имперіею, превосходило Россію и въ гражданскомъ образованіи: но для такихъ выгодъ долженствовалъ ли онъ удалиться отъ своего отечества, гдѣ былъ, такъ сказать, корень его силы и могущества? По крайней мѣрѣ Святославу надлежало бы овладѣть прежде Бессарабіею, Молдавіею и Валахіею, то есть, выгнать оттуда Печенѣговъ, чтобы непрерывною цѣпію завоеваній соединить Болгарію съ Россійскими владѣніями. Но сей Князь излишно надѣялся на счастіе оружія и на грозное имя побѣдителя Козаровъ.

Онъ поручилъ Кіевъ сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу [396], Древлянскую землю, гдѣ прежде властвовали ея собственные Князья. Г. 970. Въ то же время Новогородцы, недовольные, можетъ быть, властію Княжескихъ Намѣстниковъ, прислали сказать Святославу, чтобы онъ далъ имъ сына своего въ Правители и грозились въ случаѣ отказа избрать для себя особеннаго Князя. Ярополкъ и Олегъ не захотѣли принять власти надъ ними; но у Святослава былъ еще третій сынъ, Владиміръ, отъ ключницы Ольгиной, именемъ Малуши, дочери Любчанина Малка [397]: Новогородцы, по совѣту Добрыни, Малушина брата, избрали въ Князья сего юношу,

которому судьба назначила преобразить Россію. — И такъ Святославъ первый ввелъ обыкновеніе *давать сыновьямъ особенные Удѣлы*: примѣръ несчастный, бывшій виною всѣхъ бѣдствій Россіи.

Первые Удѣлы въ Россіи.

Святославъ, отпустивъ Владиміра съ Добрынею въ Новгородъ, немедленно отправился въ Болгарію, которую онъ считалъ уже своею областію, но гдѣ народъ встрѣтилъ его какъ непріятеля (398). Многочисленное войско собралось въ Переяславцѣ и напало на Россіянъ. Долговременное, кровопролитное сраженіе клонилось уже въ пользу Болгаровъ; но воины Святославовы, ободренные его рѣчью: *братья и дружина*! *умремъ, но умремъ съ твердостію и мужествомъ*! напрягли силы свои, и ввечеру побѣда увѣнчала ихъ храбрость. Святославъ взялъ приступомъ городъ Переяславецъ, снова овладѣлъ Царствомъ Болгарскимъ и хотѣлъ тамъ навсегда остаться. Въ семъ намѣреніи еще болѣе утвердилъ его знатный Грекъ, именемъ Калокиръ (399), самый тотъ, который отъ Императора Никифора былъ Посломъ у Святослава. Калокиръ съ помощію Россіянъ надѣялся свергнуть Государя своего съ престола и царствовать въ Константинополѣ: за что обѣщалъ имъ уступить Болгарію въ вѣчное владѣніе и присылать дары. — Между тѣмъ Святославъ, довольствуясь властію надъ сею землею, позволялъ сыну умершаго ея Царя, именемъ Борису, украшаться знаками Царскаго достоинства (400).

Вторичное завоеваніе Болгаріи.

Греки, призвавшіе Россіянъ на берега Дунайскіе, увидѣли свою ошибку. Святославъ, отважный и воинственный, казался имъ въ ближнемъ сосѣдствѣ гораздо опаснѣе Болгаровъ. Іоаннъ Цимискій (401), тогдашній Императоръ, предлагая сему Князю исполнить договоръ, заключенный съ нимъ въ царствованіе Никифора, требовалъ, чтобы Россіяне вышли изъ Болгаріи; но Святославъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и съ гордостію отвѣтствовалъ, что скоро будетъ самъ въ Константинополѣ и выгонитъ Грековъ въ Азію. Цимискій, напомнивъ ему о бѣдственной участи ненасытнаго Игоря, сталъ вооружаться, а Святославъ спѣшилъ предупредить его.

Въ описаніи сей кровопролитной войны Несторъ и Византійскіе Историки несогласны: первый отдаетъ честь и славу побѣды Князю Россійскому, вторые Императору — и, кажется, справедливѣе: ибо война кончилась тѣмъ, что Болгарія осталась въ рукахъ у Грековъ, а Святославъ принужденъ былъ, съ горстію воиновъ, итти назадъ въ Россію: слѣдствія весьма несообразныя съ счастливымъ успѣхомъ его оружія! Къ тому же Греческіе Историки описываютъ всѣ обстоятельства подробнѣе, яснѣе, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть ихъ любопытнаго сказанія.

Великій Князь (говорятъ они), къ Русской дружинѣ присоединивъ Болгаровъ, новыхъ своихъ подданныхъ, — Венгровъ и Печенѣговъ, тогдашнихъ его союзниковъ, вступилъ во Ѳракію и до самаго Адріанополя опустошилъ ея селенія (402). Варда Склиръ, Полководецъ Имперіи, видя многочисленность непріятелей, заключился въ семъ городѣ, и долго не могъ отважиться на битву. Наконецъ удалось ему хитростью разбить Печенѣговъ: тогда Греки, ободренные успѣхомъ, сразились съ Княземъ Святославомъ. Россіяне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склиръ и братъ его, Константинъ Патрикій, принудили ихъ отступить, умертвивъ въ единоборствѣ какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей *Скиѳскихъ*.

Война съ Цимискіемъ.

Несторъ описываетъ сію битву такимъ образомъ: «Императоръ встрѣтилъ Святослава мирными предложеніями и хотѣлъ знать *число* его витязей, обѣщая на каждаго изъ нихъ заплатить ему дань. Великій Князь объявилъ у себя 20,000 человѣкъ, едва имѣя и половину. Греки, искусные въ коварствѣ, воспользовались временемъ и собрали 100,000 воиновъ, которые со всѣхъ сторонъ окружили Россіянъ. Великодушный Святославъ, покойно осмотрѣвъ грозные ряды непріятелей, сказалъ дружинѣ: *Бѣгство не спасетъ насъ*; *волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ здѣсь костями* (403)*: мертвымъ нестыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!* Воины его, пріученные не бояться смерти и любить Вождя смѣлаго, единодушно отвѣтствовали: *наши головы лягутъ вмѣстѣ съ твоею!* вступили въ кровопролитный бой, и доказали, что не множество, а храбрость побѣждаетъ. Греки не устояли: обратили тылъ, разсѣялись — и Святославъ шелъ къ Константинополю, означая свой путь всѣми ужасами опустошенія.».... Доселѣ можемъ не сомнѣваться въ истинѣ Не-

сторова сказанія; но дальнѣйшее его повѣствованіе гораздо менѣе вѣроятно. «Цимискій (пишетъ онъ) въ страхѣ, въ недоумѣніи призвалъ Вельможъ на совѣтъ и рѣшился *искусить* непріятеля дарами, золотомъ и паволоками драгоцѣнными; отправилъ ихъ съ человѣкомъ хитрымъ, и велѣлъ ему наблюдать всѣ движенія Святославовы. Но сей Князь не хотѣлъ взглянуть на золото, положенное къ его ногамъ, и равнодушно сказалъ Отрокамъ своимъ: *возмите*. Тогда Императоръ послалъ къ нему въ даръ оружіе: Герой схватилъ оное съ живѣйшимъ удовольствіемъ, изъявляя благодарность, и Цимискій, не смѣя ратоборствовать съ такимъ непріятелемъ, заплатилъ ему дань; каждый воинъ взялъ часть свою; доля убіенныхъ была назначена для ихъ родственниковъ. Гордый Святославъ съ торжествомъ возвратился въ Болгарію.» Греки не имѣли нужды *искушать* Великаго Князя, когда онъ съ малыми силами уже разбилъ ихъ многочисленное войско; но сія сказка достойна замѣчанія, свидѣтельствуя мнѣніе потомства о характерѣ Святослава.

г. 971. Въ слѣдующій годъ по извѣстіямъ Византійскимъ, самъ Цимискій выступилъ изъ Константинополя съ войскомъ, отправивъ напередъ сильный флотъ къ Дунайскому устью, безъ сомнѣнія для того, чтобы пресѣчь сообщеніе Россіянъ водою съ Кіевомъ. Сей Императоръ открылъ себѣ путь ко трону злодѣйствомъ, умертвивъ Царя Никифора, но правилъ Государствомъ благоразумно, и былъ Героемъ. Избирая Полководцевъ искусныхъ, щедро награждая заслуги самыхъ рядовыхъ воиновъ, строго наказывая малѣйшее неповиновеніе, онъ умѣлъ вселить въ первыхъ древнее Римское славолюбіе, а вторыхъ пріучить къ древней подчиненности. Собственное его мужество было примѣромъ для тѣхъ и другихъ. — На пути встрѣтили Императора Послы Россійскіе, которые хотѣли единственно узнать силу Грековъ. Іоаннъ, не входя съ ними въ переговоры, велѣлъ имъ осмотрѣть станъ Греческій, и возвратиться къ своему Князю. Сей поступокъ уже доказывалъ Святославу, что онъ имѣетъ дѣло съ непріятелемъ опаснымъ.

Оставивъ главное войско назади, Императоръ съ отборными ратниками, съ Легіономъ такъ называемыхъ *Безсмертныхъ*, съ 13,000 конницы, съ 10,500 пѣхоты (404), явился нечаянно подъ стѣнами Переяславца и напалъ на 8,000 Россіянъ, которые спокойно занимались тамъ воинскимъ ученьемъ. Они изумились, но храбро вступили въ бой съ Греками. Большая часть ихъ легла на мѣстѣ, и вылазка, сдѣланная изъ города въ помощь имъ, не имѣла успѣха; однакожь побѣда весьма дорого стоила Грекамъ, и Цимискій съ нетерпѣніемъ ожидалъ своего остальнаго войска. Какъ скоро оно пришло, Греки со всѣхъ сторонъ окружили городъ, гдѣ начальствовалъ Россійскій Полководецъ Сфенкалъ. Самъ Князь съ 60,000 воиновъ стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ на берегу Дуная.

Калокиръ, виновникъ сей войны, по словамъ Греческихъ Лѣтописцевъ, бѣжалъ изъ Переяславца увѣдомить его, что столица Болгарская осаждена. Но Цимискій не далъ Святославу времени освободить ее: тщетно предлагавъ Россіянамъ сдаться, онъ взялъ городъ приступомъ. Борисъ, только именемъ Царь Болгарскій, достался Грекамъ въ плѣнъ, со многими его знаменитыми единоземцами: Императоръ обошелся съ ними благосклонно, увѣряя — какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ — что онъ вооружился единственно для освобожденія ихъ отъ неволи, и что признаетъ врагами своими однихъ Россіянъ (405).

Между тѣмъ 8,000 воиновъ Святославовыхъ заперлись въ Царскомъ дворцѣ, не хотѣли сдаться и мужественно отражали многочисленныхъ непріятелей. Напрасно Императоръ ободрялъ Грековъ: онъ самъ съ оруженосцами своими пошелъ на приступъ и долженъ былъ уступить отчаянной храбрости осажденныхъ. Тогда Цимискій велѣлъ зажечь дворецъ, и Россіяне погибли въ пламени.

Святославъ, свѣдавъ о взятіи Болгарской столицы, не показалъ воинамъ своимъ ни страха, ни огорченія, и спѣшилъ только встрѣтить Цимискія, который со всѣми силами приближался къ Доростолу, или нынѣшней Силистріи. Въ 12 миляхъ оттуда сошлись оба воинства. Цимискій и Святославъ — два Героя, достойные спорить другъ съ другомъ о славѣ и побѣдѣ — каждый, ободривъ своихъ, дали знакъ битвы, и при звукѣ трубъ началось кровопролитіе. Отъ перваго стремительнаго удара Грековъ поколебались ряды Святославовы; но вновь устроенные Княземъ, сомкнулись твердою стѣною и разили непріятелей. До самаго вечера счастіе ласкало ту и другую сторону; *двѣнадцать* разъ то и другое вой-

ско думало торжествовать побѣду. Цимискій велѣлъ распустить священное знамя Имперіи; былъ вездѣ, гдѣ была опасность; махомъ копія своего удерживалъ бѣгущихъ и показывалъ имъ путь въ средину враговъ. Наконецъ судьба жестокой битвы рѣшилась: Святославъ *отступилъ* къ Доростолу и вошелъ въ сей городъ (406).

Императоръ осадилъ его. Въ то же самое время подоспѣлъ и флотъ Греческій, который пресѣкъ свободное плаваніе Россіянъ по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала съ опасностями. Онъ заключилъ въ оковы многихъ Болгаровъ, которые хотѣли измѣнить ему; окопалъ стѣны глубокимъ рвомъ, безпрестанными вылазками тревожилъ станъ Грековъ. Россіяне (пишутъ Византійскіе Историки) оказывали чудесное остервененіе, и думая, что убитый *непріятелемъ* долженъ служить ему рабомъ въ адѣ, вонзали себѣ мечи въ сердце, когда уже не могли спастися: ибо хотѣли тѣмъ сохранить вольность свою въ будущей жизни (407). Самыя жены ихъ ополчались и какъ древнія Амазонки мужествовали въ кровопролитныхъ сѣчахъ. Малѣйшій успѣхъ давалъ имъ новую силу. Однажды, въ счастливой вылазкѣ, принявъ Магистра Іоанна, свойственника Цимискіева, за самого Императора, они съ радостными кликами изрубили сего знатнаго сановника и съ великимъ торжествомъ выставили голову его на башнѣ. Не рѣдко, побѣждаемые силою превосходною, обращали тылъ безъ стыда: шли назадъ въ крѣпость съ гордостію, медленно, закинувъ за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свѣтѣ луны, выходили жечь тѣла друзей и братьевъ, лежащихъ въ полѣ; закалали плѣнниковъ надъ ними, и съ какими-то священными обрядами погружали младенцевъ въ струи Дуная. Примѣръ Святослава одушевлялъ воиновъ.

Но число ихъ уменьшалось. Главные Полководцы, Сфенкалъ, Икморъ (не родомъ, по сказанію Византійцевъ, а доблестію Вельможа) пали въ рядахъ непріятельскихъ. Сверхъ того Россіяне, стѣсненные въ Доростолѣ и лишенные всякаго сообщенія съ его плодоносными окрестностями, терпѣли голодъ. Святославъ хотѣлъ преодолѣть и сіе бѣдствіе: въ темную бурную ночь, когда лилъ сильный дождь съ градомъ и гремѣлъ ужасный громъ, онъ съ 2000 воиновъ сѣлъ на лодки, при блескѣ молніи обошелъ Греческій флотъ и собралъ въ деревняхъ запасъ пшена и хлѣба. На возвратномъ пути видя разсѣянныя по берегу толпы непріятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россіяне вышли изъ лодокъ, напали изъ лѣсу на Грековъ, множество ихъ убили и благополучно достигли пристани. — Но сія удача была послѣднею. Императоръ взялъ мѣры, чтобы въ другой разъ ни одна лодка Русская не могла выплыть изъ Доростола.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада; счастіе совсѣмъ оставило Россіянъ. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко — и, вѣроятно, не знало ихъ бѣдствія. Народы сосѣдственные волею и неволею держали сторону Грековъ, ибо страшились Цимискія. Воины Святославовы изнемогали отъ ранъ и голода. Напротивъ того Греки имѣли во всемъ изобиліе, и новые Легіоны приходили къ нимъ изъ Константинополя.

Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ Святославъ собралъ на совѣтъ дружину свою. Одни предлагали спастися бѣгствомъ въ ночное время; другіе совѣтовали просить міра у Грековъ, не видя инаго способа возвратиться въ отечество; наконецъ всѣ думали, что войско Россійское уже не въ силахъ бороться съ непріятелемъ. Но Великій Князь не согласился съ ними, и хотѣлъ еще испытать счастіе оружія. «Погибнетъ» — сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ — «погибнетъ слава Россіянъ, если нынѣ устрашимся смерти! Пріятна ли жизнь для тѣхъ, которые спасли ее бѣгствомъ? и не впадемъ ли въ презрѣніе у народовъ сосѣдственныхъ, доселѣ ужасаемыхъ именемъ Русскимъ (408)? Наслѣдіемъ предковъ своихъ мужественные, непобѣдимые, завоеватели многихъ странъ и племенъ, или побѣдимъ Грековъ, или падемъ съ честію, совершивъ дѣла великія!» Тронутые сею рѣчью, достойные его сподвижники громкими восклицаніями изъявили рѣшительность геройства — и на другой день все войско Россійское съ бодрымъ духомъ выступило въ поле за Святославомъ. Онъ велѣлъ запереть городскія ворота, чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ и возвращеніи въ Доростолъ. Сраженіе началося утромъ: въ полдень Греки, утомленные зноемъ и жаждою, а болѣе всего упорствомъ непріятеля, начали отступать, и Цимискій долженъ былъ дать



29

имъ время на отдохновеніе. Скоро битва возобновилась. Императоръ, видя, что тѣсныя мѣста вокругъ Доростола благопріятствуютъ малочисленнымъ Россіянамъ, велѣлъ Полководцамъ своимъ заманить ихъ на обширное поле притворнымъ бѣгствомъ; но и сія хитрость не имѣла успѣха: глубокая ночь развела воинства безъ всякаго рѣшительнаго слѣдствія.

Цимискій, изумленный отчаяннымъ мужествомъ непріятелей, вздумалъ прекратить утомительную войну единоборствомъ съ Княземъ Святославомъ, и велѣлъ сказать ему, что лучше погибнуть одному человѣку, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ отвѣтствовалъ: «Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать. Если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нее избавиться: Цимискій да избираетъ любой!» За симъ послѣдовало новое сраженіе, равно упорное и жестокое. Греки всего болѣе хотѣли смерти Героя Святослава. Одинъ изъ ихъ витязей, именемъ Анемасъ, открылъ себѣ путь сквозь ряды непріятелей, увидѣлъ Великаго Князя и сильнымъ ударомъ въ голову сшибъ его съ коня; но шлемъ защитилъ Святослава, и смѣлый Грекъ палъ отъ мечей дружины Княжеской. Долгое время побѣда казалась сомнительною. Наконецъ самая Природа ополчилась на Святослава: страшный вѣтръ поднялся съ Юга, и дуя прямо въ лице Россіянамъ, ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли, такъ, что они долженствовали прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,500 мертвыхъ и 20,000 щитовъ. Греки назвали себя побѣдителями. Ихъ суевѣріе приписало сію удачу сверхъестественному дѣйствію: они разсказывали другъ другу, будто бы Св. Ѳеодоръ Стратилатъ явился впереди ихъ войска, и разъѣзжая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе полки Россійскіе (409).

Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ, большею частію раненныхъ, и самъ уязвленный, рѣшился наконецъ требовать мира. Цимискій, обрадованный его предложеніемъ, отправилъ къ нему въ станъ богатые дары. «Возмемъ ихъ,» сказалъ Великій Князь дружинѣ своей: «когда же будемъ недовольны Греками, то, собравъ войско многочисленное, снова найдемъ путь къ Царюграду.» Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ, не сказавъ ни слова о счастливыхъ успѣхахъ Греческаго оружія (410). Византійскіе Историки говорятъ, что Цимискій, дозволяя Святославу свободно выйти изъ Болгаріи и купцамъ Россійскимъ торговать въ Константинополѣ, примолвилъ съ великодушною гордостію: «Мы Греки любимъ побѣждать своихъ непріятелей не столько оружіемъ, сколько благодѣяніями.» Императорскій Вельможа Ѳеофанъ Синкелъ и Россійскій Воевода Свѣнельдъ именемъ Государей своихъ заключили слѣдующій договоръ, который находится въ Несторовой лѣтописи, и также ясно доказываетъ, что успѣхъ войны былъ на сторонѣ Грековъ: ибо Святославъ, торжественно обязываясь на все полезное для Имперіи, не требуетъ въ немъ никакихъ выгодъ для Россіянъ (411).

Договоръ съ Греками.

«Мѣсяца Іюля, Индикта XIV, въ лѣто 6479, я Святославъ, Князь Русской, по данной мною клятвѣ, хочу имѣть *до конца вѣка* миръ и любовь совершенную съ Цимискіемъ, Великимъ Царемъ Греческимъ, съ Василіемъ и Константиномъ, Боговдохновенными Царями (412), и со всѣми людьми вашими, обѣщаясь именемъ всѣхъ сущихъ *подо мною* Россіянъ, Бояръ и прочихъ, никогда *не помышлять на васъ*, не собирать моего войска и не приводить чужеземнаго на Грецію, область Херсонскую и Болгарію. Когда же иные враги *помыслять на Грецію,* да буду ихъ врагомъ и да борюся съ ними. Если же я или *сущіе подо мною* не сохранятъ сихъ *правыхъ* условій, да *имѣемъ клятву* отъ Бога, въ котораго вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скотовъ. Да будемъ *желты какъ золото,* и собственнымъ нашимъ оружіемъ *изсѣчены* (413). Въ удостовѣреніе чего написали мы договоръ на сей хартіи и своими печатями запечатали.» Утвердивъ миръ, Императоръ снабдилъ Россіянъ съѣстными припасами (414); а Князь Россійскій желалъ свиданія съ Цимискіемъ. Сіи два Героя, знакомые только по славнымъ дѣламъ своимъ, имѣли, можетъ быть, равное любопытство узнать другъ друга лично. Они видѣлись на берегу Дуная. Императоръ, окруженный *златоносными* всадниками, въ блестящихъ латахъ, пріѣхалъ на конѣ: Святославъ въ ладіи, въ простой бѣлой одеждѣ, и самъ гребя весломъ. Греки смотрѣли на него съ удивленіемъ. По ихъ сказанію, онъ былъ средняго роста, и довольно строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густыя, носъ плос-

Наружность Святослава.

кій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосовъ, въ знакъ его благородства; въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня. Святославъ сидѣлъ на скамьѣ въ ладіи. Они говорили — и разстались друзьями.

Но сія дружба могла ли быть искреннею? Святославъ съ воинами малочисленными, утружденными, предпріялъ обратный путь въ отечество на ладіяхъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ; а Цимискій въ то же время отправилъ къ Печенѣгамъ Пословъ, которые должны были, заключивъ съ ними союзъ, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгаріи и свободно пропустили Россіянъ чрезъ свою землю. Печенѣги согласились на все, кромѣ послѣдняго, досадуя на Россіянъ за то, что они примирились съ Греками. Такъ пишутъ Византійскіе Историки; но съ большею вѣроятностію можно думать совсѣмъ противное. Тогдашняя политика Императоровъ не знала великодушія: предвидя, что Святославъ не оставитъ ихъ надолго въ покоѣ, едва ли не сами Греки наставили Печенѣговъ воспользоваться слабостію Россійскаго войска. Несторъ приписываетъ сіе коварство жителямъ Переяславца: они, по его словамъ, дали знать Печенѣгамъ, что Святославъ возвращается въ Кіевъ съ великимъ богатствомъ и съ малочисленною дружиною.

Печенѣги обступили Днѣпровскіе пороги и ждали Россіянъ. Святославъ зналъ о сей опасности. Свѣнельдъ, знаменитый Воевода Игоревъ, совѣтовалъ ему оставить ладіи и сухимъ путемъ обойти пороги: Князь не принялъ его совѣта, и рѣшился зимовать въ Бѣлобережьѣ, при устьѣ Днѣпра, где Россіяне должны были терпѣть во всемъ недостатокъ и самый голодъ, такъ, что они давали полгривны за лошадиную голову (415). Можетъ быть, Святославъ ожидалъ тамъ помощи изъ Россіи, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь въ отечество. Не смотря на малое число изнуренныхъ воиновъ, надлежало сразиться съ Печенѣгами, и Святославъ палъ въ битвѣ. Князь ихъ Куря, отрубивъ ему голову, изъ ея черепа сдѣлалъ чашу (416). Только немногіе Россіяне спаслись съ Воеводою Свѣнельдомъ, и принесли въ Кіевъ горестную вѣсть о погибели Святослава.

Г. 972.

Кончина Святослава.

Такимъ образомъ скончалъ жизнь сей Александръ нашей древней Исторіи, который столь мужественно боролся и съ врагами и съ бѣдствіями; былъ иногда побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи изумлялъ побѣдителя своимъ великодушіемъ; равнялся суровою воинскою жизнію съ Героями Пѣснопѣвца Гомера, и снося терпѣливо свирѣпость непогодъ, труды изнурительные и все ужасное для нѣги, показалъ Русскимъ воинамъ, чѣмъ могутъ они во всѣ времена одолѣвать непріятелей. Но Святославъ, образецъ великихъ Полководцевъ, не есть примѣръ Государя великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе государственнаго блага, и характеромъ своимъ плѣняя воображеніе Стихотворца, заслуживаетъ укоризну Историка.

Если Святославъ въ 946 году, — какъ пишетъ Несторъ — былъ еще слабымъ отрокомъ, то онъ скончалъ дни свои въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы сосѣдственные.

---

# ГЛАВА VIII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

### Г. 972 — 980.

**Междоусобіе Князей. Первыя дѣянія Владиміровы. Бракъ Владиміровъ. Братоубійство. Послы Россійскіе въ Германіи.**

Г. 973. По смерти Святослава Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ, Олегъ въ Древлянской землѣ, Владиміръ въ Новѣгородѣ. Единодержавіе пресѣклось въ Государствѣ: ибо Ярополкъ не имѣлъ, кажется, власти надъ Удѣлами своихъ братьевъ (417).

30

Скоро открылись пагубныя слѣдствія такого раздѣла, и братъ возсталъ на брата.

Виновникомъ сей вражды былъ славный Воевода Свѣнельдъ, знаменитый сподвижникъ Игоревъ и Святославовъ.
г. 975. Онъ ненавидѣлъ Олега, который умертвилъ сына его, именемъ Люта, встрѣтясь съ нимъ на ловлѣ въ *своемъ владѣніи*: причина достаточная, по тогдашнимъ грубымъ нравамъ, для поединка или самаго злодѣйскаго убійства. Свѣнельдъ, желая отмстить ему, убѣдилъ Ярополка итти войною на Древлянскаго Князя и соединить область его съ Кіевскою.

г. 977. Междоусобіе Князей.

Олегъ, узнавъ о намѣреніи своего брата, также собралъ войско и вышелъ къ нему на встрѣчу; но, побѣжденный Ярополкомъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Древлянскій городъ Овручь: воины его, гонимые непріятелемъ, тѣснились на мосту у городскихъ воротъ, и столкнули своего Князя въ глубокій ровъ (418). Ярополкъ вступилъ въ городъ и хотѣлъ видѣть брата: сей несчастный былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадьми, которыя упали за нимъ съ мосту. Побѣдитель, видя бездушный, окровавленный трупъ Олеговъ, лежащій на коврѣ предъ его глазами, забылъ свое торжество, слезами изъявилъ раскаяніе, и съ горестію указывая на мертваго, сказалъ Свѣнельду: *того ли хотѣлось тебѣ?*... Могила Олегова въ Несторово время была видима близъ Овруча, гдѣ и нынѣ показываютъ оную любопытнымъ путешественникамъ. Поле служило тогда кладбищемъ и для самыхъ Князей Владѣтельныхъ, а высокій бугоръ надъ могилою единственнымъ Мавзолеемъ.

Искренняя печаль Ярополка о смерти Олеговой была предчувствіемъ собственной его судьбы несчастной.— Владиміръ, Князь Новогородскій, свѣдавъ о кончинѣ брата и завоеваніи Древлянской области, устрашился Ярополкова властолюбія, и бѣжалъ за море къ Варягамъ. Ярополкъ воспользовался симъ случаемъ: отправилъ въ Новгородъ своихъ Намѣстниковъ или Посадниковъ, и такимъ образомъ сдѣлался Государемъ Единодержавнымъ въ Россіи (419).

Первыя дѣянія Владиміровы.

Но Владиміръ искалъ между тѣмъ способа возвратиться съ могуществомъ и славою. Два года пробылъ онъ въ древнемъ отечествѣ своихъ предковъ, въ землѣ Варяжской; участвовалъ, можетъ быть, въ смѣлыхъ предпріятіяхъ Нормановъ, которыхъ флаги развѣвались на всѣхъ моряхъ Европейскихъ и храбрость ужасала всѣ страны отъ Германіи до Италіи; наконецъ собралъ многихъ Варяговъ подъ свои знамена; прибылъ съ сею надежною дружиною въ Новгородъ, смѣнилъ Посадниковъ Ярополковыхъ, и сказалъ имъ съ гордостію: «идите къ брату моему: да знаетъ онъ, г. 980.
что я противъ него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

Въ области Полоцкой, въ землѣ Кривичей, господствовалъ тогда Варягъ Рогволодъ, который *пришелъ изъ-за моря*, вѣроятно, для того, чтобы служить Великому Князю Россійскому, и получилъ отъ него въ Удѣлъ сію область (420). Онъ имѣлъ прелестную дочь Рогнѣду, сговоренную за Ярополка. Владиміръ, готовясь отнять Державу у брата, хотѣлъ лишить его и невѣсты, и чрезъ Пословъ требовалъ ея руки; но Рогнѣда, вѣрная Ярополку, отвѣтствовала, что не можетъ соединиться бракомъ съ сыномъ рабы (421): ибо мать Владимірова, какъ намъ уже извѣстно, была ключницею при Ольгѣ. Раздраженный Владиміръ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его, и женился на дочери. Совершивъ сію ужасную месть, онъ пошелъ къ Кіеву. Войско его состояло изъ дружины Варяжской, Славянъ Новогородскихъ, *Чуди и Кривичей*: сіи три народа сѣверо-западной Россіи уже повиновались ему, какъ ихъ Государю.

Бракъ Владиміровъ.

Ярополкъ не дерзнулъ на битву, и затворился въ городѣ. Окруживъ станъ свой окопами (422), Владиміръ хотѣлъ взять Кіевъ не храбрымъ приступомъ, но злодѣйскимъ коварствомъ. Зная великую довѣренность Ярополкову къ одному Воеводѣ, именемъ Блуду, онъ вошелъ съ нимъ въ тайные переговоры. «Желаю твоей помощи», велѣлъ сказать ему Владиміръ: «ты будешь мнѣ вторымъ отцемъ, когда не станетъ Ярополка. Онъ самъ началъ братоубійства: я вооружился для спасенія жизни своей.» Гнусный любимецъ не усомнился предать Государя и благодѣтеля; совѣтовалъ Владиміру обступить городъ, а Ярополку удаляться отъ битвы. Страшася вѣрности добрыхъ Кіевлянъ, онъ увѣрилъ Князя, будто они хотятъ измѣнить ему и тайно зовутъ Владиміра. Слабый Ярополкъ, думая спастись отъ мнимаго заговора, ушелъ въ Родню: сей городъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Рось впадаетъ въ Днѣпръ (423). Кіевляне, оставленные

Государемъ, должны были покориться Владиміру, который спѣшилъ осадить врата въ послѣднемъ его убѣжищѣ. Ярополкъ съ ужасомъ видѣлъ многочисленныхъ враговъ за стѣнами, а въ крѣпости изнеможеніе воиновъ своихъ отъ голода, коего память долго хранилась въ древней пословицѣ: *бѣда аки въ Роднѣ.* Измѣнникъ Блудъ склонялъ сего Князя къ миру, представляя невозможность отразить непріятеля, и горестный Ярополкъ отвѣтствовалъ наконецъ: «да будетъ по твоему совѣту! возьму, что уступитъ мнѣ братъ.» Тогда злодѣй увѣдомилъ Владиміра, что желаніе его исполнится, и что Ярополкъ отдается ему въ руки. Если во всѣ времена, варварскія и просвѣщенныя, Государи бывали жертвою измѣнниковъ: то во всѣ же времена имѣли они и вѣрныхъ, добрыхъ слугъ, усердныхъ къ нимъ въ самой крайности бѣдствія. Изъ числа сихъ былъ у Ярополка нѣкто прозваніемъ *Варяжко* (да сохранитъ Исторія память его!), который говорилъ ему: «не ходи, Государь, къ брату; ты погибнешь. Оставь Россію на время, и собери войско въ землѣ Печенѣговъ.» Но Ярополкъ слушалъ только изверга Блуда, и съ нимъ отправился въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ ожидалъ его въ теремномъ дворцѣ Святослава. Предатель ввелъ легковѣрнаго Государя своего въ жилище брата, какъ въ вертепъ разбойниковъ, и заперъ дверь, чтобы
Братоубійство. дружина Княжеская не могла войти за ними: тамъ два наемника, племени Варяжскаго, пронзили мечами грудь Ярополкову..... Вѣрный слуга, который предсказалъ гибель сему несчастному, ушелъ къ Печенѣгамъ, и Владиміръ едва могъ возвратить его въ отечество, давъ клятву не мстить ему за любовь къ Ярополку (424).

Такимъ образомъ старшій сынъ знаменитаго Святослава, бывъ 4 года Кіевскимъ Владѣтелемъ и 3 года Главою всей Россіи, оставилъ для Исторіи одну память добродушнаго, но слабаго человѣка. Слезы его о смерти Олеговой свидѣтельствуютъ, что онъ не хотѣлъ братоубійства, и желаніе снова присоединить къ Кіеву область Древлянскую казалось согласнымъ съ государственною пользою. Самая довѣренность Ярополкова къ чести Владиміровой изъявляетъ доброе, всегда неподозрительное сердце; но Государь, который дѣйствуетъ единственно по внушенію любимцевъ, не умѣя ни защитить своего трона, ни умереть Героемъ, достоинъ сожалѣнія, а не власти.

Ярополкъ оставилъ беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, плѣнницу Святославову. Онъ былъ женатъ еще при отцѣ своемъ (425), но сватался за Рогнѣду: слѣдственно многоженство и прежде Владиміра не считалось беззаконіемъ въ Россіи языческой.

Въ княженіе Ярополка, въ 973 году, по извѣстію Лѣтописца Нѣмецкаго (426), находились въ Кведлинбургѣ, при Дворѣ Императора Оттона, *Послы Россійскіе*: за какимъ дѣломъ? неизвѣстно; сказано только, что они вручили Императору богатые дары. Послы Россійскіе въ Германіи.

---

# ГЛАВА IX.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛІЕМЪ.

### Г. 980 — 1014.

---

Хитрость Владиміра. Усердіе къ идолопоклонству. Женолюбіе. Завоеваніе Галиціи. Первые Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Бунтъ Радимичей. Камская Болгарія. Торки. Отчаяніе Гориславы. Супружество Владиміра и крещеніе Россіи. Раздѣленіе Государства. Строеніе городовъ. Война съ Хорватами и Печенѣгами. Церковь Десятинная. Набѣгъ Печенѣговъ. Пиры Владиміровы. Милосердіе. Осада Бѣлагорода. Бунтъ Ярослава. Кончина Владимірова. Свойства его. Сказки народныя. Богатыри.

Г. 980. Владиміръ съ помощію злодѣянія и храбрыхъ Варяговъ овладѣлъ Государствомъ; но скоро доказалъ, что онъ родился быть Государемъ великимъ.

Сіи гордые Варяги считали себя завоевателями Кіева и требовали въ дань съ каждаго жителя по двѣ гривны: Владиміръ не хотѣлъ вдругъ отказать имъ, Хитрость Владиміра.

31

а манилъ ихъ обѣщаніями до самаго того времени, какъ они, по взятымъ съ его стороны мѣрамъ, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидѣли обманъ; но видя также, что войско Россійское въ Кіевѣ было ихъ сильнѣе, не дерзнули взбунтоваться, и смиренно просились въ Грецію. Владиміръ, съ радостію отпустивъ сихъ опасныхъ людей, удержалъ въ Россіи достойнѣйшихъ изъ нихъ, и роздалъ имъ многіе города въ управленіе [427]. Между тѣмъ Послы его предувѣдомили Императора, чтобы онъ не оставлялъ мятежныхъ Варяговъ въ столицѣ, но разослалъ по городамъ, и ни въ какомъ случаѣ не дозволялъ бы имъ возвратиться въ Россію, сильную собственнымъ войскомъ.

Усердіе къ идолопоклонству.

Владиміръ, утвердивъ власть свою, изъявилъ отмѣнное усердіе къ богамъ языческимъ: соорудилъ новый истуканъ Перуна съ серебряною головою, и поставилъ его, близъ *теремнаго двора*, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами [428]. Тамъ, говоритъ Лѣтописецъ, стекался народъ ослѣпленный и земля осквернялась кровію жертвъ. Можетъ быть, совѣсть безпокоила Владиміра; можетъ быть, хотѣлъ онъ сею кровію примириться съ богами, раздраженными его братоубійствомъ: ибо и самая Вѣра языческая не терпѣла такихъ злодѣяній... Добрыня, посланный отъ своего племянника управлять Новымгородомъ, также поставилъ, на берегу Волхова, богатый кумиръ Перуновъ.

Женолюбіе.

Но сія Владимірова набожность не препятствовала ему утопать въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Первою его супругою была Рогнѣда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умертвивъ брата, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невѣстку, родившую Святополка [429]; отъ другой законной супруги, Чехини или Богемки, имѣлъ сына Вышеслава; отъ третьей Святослава и Мстислава; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи, Бориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣрить лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева), и 200 въ селѣ Берестовѣ. Всякая прелестная жена и дѣвица страшилась его любострастнаго взора: онъ презиралъ святость брачныхъ союзовъ и невинности. Однимъ словомъ, Лѣтописецъ называетъ его вторымъ Соломономъ въ женолюбіи.

Владиміръ, вмѣстѣ со многими Героями древнихъ и новыхъ временъ любя женъ, любилъ и войну. Польскіе Сла- г. 981.
вяне [430], Ляхи, наскучивъ бурною вольностію, подобно Славянамъ Россійскимъ, еще ранѣе ихъ прибѣгнули къ Единовластію. Мечиславъ, Государь знаменитый въ Исторіи введеніемъ Христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ Польскимъ: Владиміръ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, возвратить то, что было еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярополкѣ отошло къ Государству Польскому. Онъ взялъ города *Червень* (близъ Хелма), Перемышль и другіе, которые, съ сего времени будучи собственностію Россіи, назывались *Червенскими* [431].

Завоеваніе Галиціи. г. 982 — 983.

Въ слѣдующіе два года храбрый Князь смирилъ бунтъ Вятичей, не хотѣвшихъ платить дани, и завоевалъ страну Ятвяговъ, дикаго, но мужественнаго народа Латышскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣе къ Сѣверо-Западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Бальтійскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣтельству Стурлезона, Лѣтописца Исландскаго, принадлежала Владиміру, коего чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ [432].

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владиміръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ, и кровію человѣческою обагрить олтари. Исполняя совѣтъ *Бояръ* и *старцевъ*, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ Кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ — и жребій палъ на юнаго Варяга, прекраснаго лицемъ и душею, коего отецъ былъ Христіаниномъ [433].

Первые Христіанскіе мученики въ Кіевѣ.

Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовію къ сыну и ненавистію къ такому ужасному суевѣрію, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться тлѣнному дереву, вмѣсто живаго Бога, истиннаго Творца неба, земли и человѣка. Кіевляне терпѣли Христіанство; но торжественное хуленіе Вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ вооружился, разметалъ дворъ Варяжскаго Христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за руку, съ твердостію сказалъ: «ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій.» Народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ отца и сына,

которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками Христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чтитъ ихъ Святыми подъ именемъ Ѳеодора и Іоанна (434).

г. 984. Бунтъ Радимичей. Владиміръ скоро имѣлъ случай новыми побѣдами доказать свое мужество и счастіе. Радимичи, спокойные данники Великихъ Князей со временъ Олеговыхъ, вздумали объявить себя независимыми: онъ спѣшилъ наказать ихъ. Храбрый Воевода его, прозваніемъ *Волчій Хвостъ*, начальникъ передовой дружины Княжеской, встрѣтился съ ними на берегахъ рѣки *Пищаны*, и на-голову побилъ мятежниковъ (435); они смирились, и съ того времени (пишетъ Несторъ) вошло на Руси въ пословицу: *Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ*.

г. 988. На берегахъ Волги и Камы издревле обитали Болгары, или, можетъ быть, переселились туда съ береговъ Дона въ VII вѣкѣ, не хотѣвъ повиноваться Хану Козарскому (436). Въ теченіе времени они сдѣлались народомъ гражданскимъ и торговымъ; имѣли сообщеніе, посредствомъ судоходныхъ рѣкъ, съ Сѣверомъ Россіи, а чрезъ море Каспійское съ Персіею и другими богатыми Азіатскими странами. Камская Болгарія. Владиміръ, желая завладѣть Камскою Болгаріею, отправился на судахъ внизъ по Волгѣ вмѣстѣ съ Новогородцами и знаменитымъ Добрынею; Торки. берегомъ шли конные *Торки*, союзники или наемники Россіянъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ народѣ, единоплеменномъ съ Туркоманами и Печенѣгами (437): онъ кочевалъ въ степяхъ на юговосточныхъ границахъ Россіи, тамъ же, гдѣ скитались Орды Печенѣжскія. Великій Князь побѣдилъ Болгаровъ; но мудрый Добрыня, по извѣстію Лѣтописца, осмотрѣвъ плѣнниковъ, и видя ихъ въ *сапогахъ*, сказалъ Владиміру: «они не захотятъ быть нашими данниками: пойдемъ лучше искать *лапотниковъ!*» Добрыня мыслилъ, что люди избыточные имѣютъ болѣе причинъ и средствъ обороняться. Владиміръ, уваживъ его мнѣніе, заключилъ миръ съ Болгарами, которые торжественно обѣщались жить дружелюбно съ Россіянами, утвердивъ клятву сими простыми словами: «развѣ тогда нарушимъ договоръ свой, когда камень станетъ плавать, а хмѣль тонуть на водѣ (438).» — Ежели не съ даніею, то по крайней мѣрѣ съ честію и съ дарами Великій Князь возвратился въ столицу.

Къ сему времени надлежитъ, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный въ продолженіи Несторовой лѣтописи. Отчаяніе Гориславы. Рогнѣда, названная по ея горестямъ *Гориславою*, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви: ибо Великій Князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ, и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владиміръ, посѣтивъ ея жилище уединенное на берегу Лыбеди — близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село *Предславино* — заснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножемъ умертвить его. Князь проснулся и отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная Рогнѣда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ее, ни бѣднаго младенца, Изяслава. Владиміръ рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одеждою, и сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой храминѣ, ждать смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступилъ въ сію храмину... Тогда юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, подалъ ему мечь обнаженный и сказалъ: «ты не одинъ, о родитель мой! сынъ будетъ свидѣтелемъ» (439). Владиміръ, бросивъ мечь на землю, отвѣтствовалъ: «кто зналъ, что ты здѣсь!».... удалился, собралъ Бояръ и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» сказали они: «прости виновную для сего младенца, и дай имъ въ Удѣлъ бывшую область отца ея.» Владиміръ согласился: построилъ новый городъ въ нынѣшней Витебской Губерніи, и назвавъ его *Изяславлемъ*, отправилъ туда мать и сына (440).

Теперь приступаемъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославило его въ Исторіи.... Супружество Владиміра и крещеніе Россіи. Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало по малу укоренялось Христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швецію, Норвегіею и Даніею. Самое раздѣленіе Церквей, Восточной и Западной, имѣло полезное слѣдствіе для истинной Вѣры: ибо Главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Древній Лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что не только Христіанскіе проповѣдники, но и Магометане, вмѣстѣ съ Іудеями, обитавшими въ землѣ Козар-

ской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ, склонять Владиміра къ принятію Вѣры своей, и что Великій Князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы Государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также — увидѣвъ наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества — искать истины въ разныхъ Вѣрахъ.

Первые Послы были отъ Волжскихъ или Камскихъ Болгаровъ (441). На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала Вѣра Магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ Аравитянъ: Болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ Гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго Князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. *Вино,* сказалъ онъ, *есть веселіе для Русскихъ; не можемъ быть безъ него.* — Послы Нѣмецкихъ Католиковъ говорили ему о величіи невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: *идите обратно; отцы наши не принимали Вѣры отъ Папы* (442). Выслушавъ Іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? «Въ Іерусалимѣ,» отвѣтствовали проповѣдники: «но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ.» *И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ?* сказалъ Владиміръ: *мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества.* — Наконецъ безъименный Философъ (443), присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія Вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта: Исторію творенія, рая, грѣха, первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, Христіанства, семи Соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину Страшнаго Суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку (444). Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: «благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!» *Крестися,* отвѣтствовалъ Философъ — *и будешь въ раю съ первыми.*

Лѣтописецъ нашъ *угадывалъ,* какимъ образомъ проповѣдники Вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели Греческій Философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ Закона Христіанскаго. Вѣра Славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и не рѣдко увеселялись ихъ кровію. Хотя Славяне признавали также и бытіе единаго Существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпикурову и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, Вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: *одно земное* было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того Христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ — здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни — удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владиміръ, отпустивъ Философа съ дарами и съ великою честію, собралъ Бояръ и *градскихъ старцевъ;* объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Католиковъ, Грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» сказали Бояре и старцы: «всякой человѣкъ хвалитъ Вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли, испытать, который народъ достойнѣе покланяется Божеству» — и Великій Князь отправилъ *десять* благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудные (445), моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ Нѣмецкихъ Католиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія и красоты;* наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего!* сказалъ Императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести Пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ Патріархъ (446), облаченный въ Святительскія ризы, совершалъ Литургію. Великолѣпіе

г. 987

храма, присутствіе всего знаменитаго Духовенства Греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство олтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе Клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется..... Возвратясь въ Кіевъ, Послы говорили Князю съ презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ неуваженіемъ о Католическомъ и съ восторгомъ о Византійскомъ, заключивъ словами: «всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ Вѣру Грековъ, не хотимъ иной.» Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе Бояръ и старцевъ. «Когда бы Законъ Греческій — сказали они — не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его.» Великій Князь рѣшился быть Христіаниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра, и по тому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего Россійскаго Посольства въ страну Католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія Закона Христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной Греческой древней рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго Царя Византійскаго, названнаго въ ней *Македонскимъ*, вмѣсто *Багрянороднаго* [447].

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и Священники Христіанскіе [448]; но Князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни Цари Греческіе и Патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи Грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, *завоевать* Вѣру Христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, Ве-
г. 988. ликій Князь пошелъ на судахъ къ Греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя [449]. Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами Гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ Скиѳовъ до Козаровъ и Печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть Императоровъ Греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ Республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ Черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. — Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великій Князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ Грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ Лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую Россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства [450]. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ къ Россіянамъ стрѣлу, съ надписью: *за вами, къ Востоку, находятся колодези, дающіе воду Херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее.* Великій Князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ [451], и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, Россійскій Князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и чрезъ Пословъ объявилъ Императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь [452]. Родственный союзъ съ Греческими знаменитыми Царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти Героя Цимискія, была жертвою мятежей

и безпорядка: Военачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ Государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили Императоровъ забыть обыкновенную надменность Грековъ и презрѣніе къ язычникамъ (453). Василій и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго Князя Россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ; что принявъ Вѣру Христіанскую, онъ получитъ и руку Царевны и Царство Небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы Императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ Княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей *жестокимъ плѣномъ* (454) и ненавистнѣе смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная Царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками, тамъ народъ встрѣтилъ ее какъ свою избавительницу со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что Великій Князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть; что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда Святитель возложилъ на него руку (455). Бояре Россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ Государемъ приняли истинную Вѣру (въ церкви Св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили Великій Князь и невѣста его). Херсонскій Митрополитъ и Византійскіе Пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ Царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великій Князь, какъ вѣрный союзникъ Императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ Имперіи (456).

Сего не довольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь — на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ Царямъ Греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ (457). Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ Іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ: вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ (458), въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго Искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонскимъ Митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи Христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ (459). Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины Княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею даніею суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди Русскіе, Вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься (460) — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая Вѣра должна быть мудрою и святою, когда Великій Князь и Бояре предпочли ее старой Вѣрѣ отцевъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ Греческихъ Священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку (461): большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; Іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда Священный Соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ Кіевскихъ Христіанами: тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познать

Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!».... *Въ сей великій день*, говоритъ Лѣтописецъ, *земля и небо ликовали.*

г. 988 — 990. Скоро знаменія Вѣры Христіанской, принятой Государемъ, дѣтьми его ([462]), Вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій Князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь Св. Василія ([463]), на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери, тамъ, гдѣ въ 983 году пострадалъ за Вѣру благочестивый Варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители олтарей, Священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ областяхъ Государства. Многіе люди крестились, разсуждая безъ сомнѣнія такъ же, какъ и граждане Кіевскіе; другіе, привязанные къ Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти; но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: *онъ старался просвѣтить Россіянъ.* Чтобы утвердить Вѣру на знаніи книгъ Божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведенныхъ на Славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и безъ сомнѣнія уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ Христіанамъ, Великій Князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сіе благодѣяніе казалось тогда страшною новостію, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

Владиміръ имѣлъ 12 сыновей, еще юныхъ отроковъ ([464]), Мы уже наименовали изъ нихъ 9: Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ, родились, кажется, послѣ. Думая, что дѣти могутъ быть надежнѣйшими слугами отца, или, лучше сказать, слѣдуя несчастному обыкновенію сихъ временъ, Владиміръ раздѣлилъ Государство на области, и далъ въ Удѣлъ Вышеславу Новгородъ ([465]), Изяславу Полоцкъ, Ярославу Ростовъ: по смерти же Вышеслава Новгородъ, а Ростовъ Борису; Глѣбу Муромъ, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владиміръ Волынскій ([466]), Мстиславу Тмутораканъ или Греческую Таматарху, завоеванную, какъ вѣроятно, мужественнымъ дѣдомъ его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туровъ, который донынѣ существуетъ въ Минской Губерніи и названъ такъ отъ имени Варяга Тура, повелѣвавшаго нѣкогда сею областію ([467]). Владиміръ отправилъ малолѣтныхъ Князей въ назначенный для каждаго Удѣлъ, поручивъ ихъ до совершеннаго возраста благоразумнымъ пѣстунамъ. Онъ безъ сомнѣнія не думалъ раздробить Государства и далъ сыновьямъ одни права своихъ Намѣстниковъ; но ему надлежало бы предвидѣть слѣдствія необходимыя по его смерти. Удѣльный Князь, повинуясь отцу, самовластному Государю всей Россіи, могъ ли столь же естественно повиноваться и наслѣднику, то есть, брату своему? Междоусобіе дѣтей Святославовыхъ уже доказало противное; но Владиміръ не воспользовался симъ опытомъ: ибо самые великіе люди дѣйствуютъ согласно съ образомъ мыслей и правилами своего вѣка.

(Раздѣленіе Государства.)

Желая удобнѣе образовать народъ и защитить южную Россію отъ грабительства Печенѣговъ, Великій Князь основалъ новые города по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ, и населилъ ихъ Новогородскими Славянами, Кривичами, Чудью, Вятичами ([468]). Укрѣпивъ Кіевскій Бѣлгородъ стѣною, онъ перевелъ туда многихъ жителей изъ другихъ городовъ: ибо отмѣнно любилъ его, и часто живалъ въономъ. г. 990.

(Строеніе городовъ.)

Война съ Хорватами, обитавшими (какъ думаемъ) на границахъ Седмиградской области и Галиціи ([469]), отвлекла Владиміра отъ внутреннихъ государственныхъ распоряженій. Едва окончавъ ее миромъ или побѣдою, онъ свѣдалъ о набѣгѣ Печенѣговъ, которые пришли изъ-за Сулы и разоряли область Кіевскую. Великій Князь встрѣтился съ ними на берегахъ Трубежа: при чемъ Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующую повѣсть:

(г. 993. Война съ Хорватами и Печенѣгами.)

«Войско Печенѣговъ стояло за рѣкою: Князь ихъ вызвалъ Владиміра на берегъ и предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ между двумя, съ обѣихъ сторонъ избранными богатырями. Ежели *Руской убьетъ Печенѣга*, сказалъ онъ, *то обязываемся три года не воевать съ вами; а ежели нашъ побѣдитъ, то мы*

34

*вольны три года опустошать твою землю.* Владиміръ согласился, и велѣлъ *Бирючамъ* или Герольдамъ въ станѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка ([470]): не сыскалось ни одного, и Князь Россійскій былъ въ горести. Тогда приходитъ къ нему старецъ и говоритъ: *Я вышелъ въ поле съ четырмя сынами, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня, онъ разорвалъ на-двое толстую воловью кожу. Государь! вели ему бороться съ Печенѣгомъ.* Владиміръ немедленно послалъ за юношею, который для опыта въ силѣ своей требовалъ быка дикаго; и когда звѣрь, раздраженный прикосновеніемъ горячаго желѣза, бѣжалъ мимо юноши, сей богатырь одною рукою вырвалъ у него изъ боку кусокъ мяса. На другой день явился Печенѣгъ, великанъ страшный, и видя своего малорослаго противника, засмѣялся. Выбрали мѣсто: единоборцы схватились. Россіянинъ крѣпкими мышцами своими давнулъ Печенѣга, и мертваго ударилъ объ землю. Тогда дружина Княжеская, воскликнувъ побѣду, бросилась на устрашенное войско Печенѣговъ, которое едва могло спастися бѣгствомъ. Радостный Владиміръ въ память сему случаю заложилъ на берегу Трубежа городъ и назвалъ его *Переяславлемъ:* ибо юноша Русской *перенялъ* у враговъ *славу* ([471]). Великій Князь, наградивъ витязя и старца, отца его, саномъ Боярскимъ, возвратился съ торжествомъ въ Кіевъ.» Поединокъ можетъ быть истиною; но обстоятельство, что Владиміръ основалъ Переяславль, кажется сомнительнымъ: ибо о семъ городѣ упоминается еще въ Олеговомъ договорѣ съ Греками въ 906 году ([472]).

г. 994 — 996. Церковь Десятинная. Россія года два или три наслаждалась потомъ тишиною. Владиміръ, къ великому своему удовольствію, видѣлъ наконецъ совершеніе каменнаго храма въ Кіевѣ, посвященнаго Богоматери, и художествомъ Грековъ украшеннаго. Тамъ, исполненный вѣры святой и любви къ народу, онъ сказалъ предъ олтаремъ Всевышняго: «Господи! въ семъ храмѣ, мною сооруженномъ, да внимаешь всегда молитвамъ добрыхъ Россіянъ!» и въ знакъ сердечной радости угостилъ во дворцѣ Княжескомъ Бояръ и градскихъ старцевъ, не забылъ и людей бѣдныхъ, щедро удовлетворивъ ихъ нуждамъ. — Владиміръ отдалъ въ новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые въ Херсонѣ; велѣлъ служить въ ней Херсонскимъ Іереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; уставилъ брать ему десятую часть изъ собственныхъ доходовъ Княжескихъ, и клятвенною грамотою обязавъ своихъ наслѣдниковъ не преступать сего закона, положилъ оную въ храмѣ ([473]). Слѣдственно Анастасъ былъ Священнаго сана и, вѣроятно, знаменитаго, когда главная церковь столицы (донынѣ именуемая *Десятинною*) находилась подъ его особеннымъ вѣдѣніемъ. Новѣйшіе Лѣтописцы утвердительно повѣствуютъ о Кіевскихъ Митрополитахъ сего времени, но, именуя ихъ, противорѣчатъ другъ другу ([474]). Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о Митрополіи до княженія Ярославова, говоря единственно о Епископахъ, уважаемыхъ Владиміромъ, безъ сомнѣнія Грекахъ или Славянахъ Греческихъ, которые, разумѣя языкъ нашъ, тѣмъ удобнѣе могли учить Россіянъ.

Случай, опасный для Владиміровой жизни, еще болѣе утвердилъ сего Князя въ чувствахъ набожности. Печенѣги, Набѣгъ Печенѣговъ. снова напавъ на области Россійскія, приступили къ Василеву, городу построенному имъ на рѣкѣ Стугнѣ ([475]). Онъ вышелъ въ поле съ малою дружиною, не могъ устоять противъ ихъ множества и долженъ былъ скрыться подъ мостомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами свирѣпыми, Владиміръ обѣщался, ежели Небо спасетъ его, соорудить въ Василевѣ храмъ празднику того дня, Святому Преображенію. Непріятели удалились, и Великій Князь, исполнивъ обѣтъ свой, созвалъ къ себѣ на пиръ Вельможъ, Посадниковъ, старѣйшинъ изъ другихъ городовъ. Желая изобразить его роскошь, Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ приказалъ сварить *триста варь меду,* и восемь дней праздновалъ съ Боярами въ Василевѣ. Убогіе получили 300 Пиры Владиміровы. гривенъ изъ казны государственной. Возвратясь въ Кіевъ, онъ далъ новый пиръ не только Вельможамъ, но и всему народу, который искренно радовался спасенію добраго и любимаго Государя. Съ того времени сей Князь всякую недѣлю угощалъ въ *Гридницѣ,* или въ прихожей дворца своего, Бояръ, *Гридней* (меченосцевъ Княжескихъ), воинскихъ Сотниковъ, Десятскихъ и всѣхъ людей именитыхъ или *нарочитыхъ* ([476]). Даже и въ тѣ дни, когда его не было въ Кіевѣ, они собирались во дворцѣ и находили столы, покрытые мясами, дичи-

ною и всѣми роскошными яствами тогдашняго времени. Однажды — какъ разсказываетъ Лѣтописецъ — гости Владиміровы, упоенные крѣпкимъ медомъ, вздумали жаловаться, что у знаменитаго Государя Русскаго подаютъ имъ къ обѣду деревянныя ложки. Великій Князь, узнавъ о томъ, велѣлъ сдѣлать для нихъ *серебряныя*, говоря благоразумно: *серебромъ и золотомъ не добудешь вѣрной дружины; а съ нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и дѣду*. Владиміръ, по словамъ лѣтописи, отмѣнно любилъ свою дружину и совѣтовался съ сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, какъ о воинскихъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ.

Будучи другомъ усердныхъ Бояръ и чиновниковъ, онъ былъ истиннымъ отцемъ бѣдныхъ, которые всегда могли приходить на дворъ Княжескій, утолять тамъ голодъ свой и брать изъ казны деньги ([477]). Сего мало: *больные*, говорилъ Владиміръ, *не въ силахъ дойти до палатъ моихъ* — и велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. «Гдѣ нищіе, недужные?» спрашивали люди Княжескіе, и надѣляли ихъ всѣмъ потребнымъ. Сію добродѣтель Владимірову приписываетъ Несторъ дѣйствію Христіанскаго ученія. Слова Евангельскія: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ*, и Соломоновы: *дая нищему, Богу въ заимъ даете*, вселили въ душу Великаго Князя рѣдкую любовь къ благотворенію и вообще такое милосердіе, которое выходило даже изъ предѣловъ государственной пользы. Онъ щадилъ
Милосердіе. жизнь самыхъ убійцъ и наказывалъ ихъ только *Вирою*, или денежною пенею ([478]): число преступниковъ умножалось, и дерзость ихъ ужасала добрыхъ, спокойныхъ гражданъ. Наконецъ духовные Пастыри Церкви вывели набожнаго Князя изъ заблужденія. «Для чего не караешь злодѣйства?» спросили они. *Боюсь гнѣва Небеснаго*, отвѣтствовалъ Владиміръ. «Нѣтъ,» сказали Епископы: «ты поставленъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе. Должно карать преступника, но только съ разсмотрѣніемъ,» Великій Князь, принявъ ихъ совѣтъ, отмѣнилъ *Виру* и снова ввелъ смертную казнь, бывшую при Игорѣ и Святославѣ.

Симъ благоразумнымъ совѣтникамъ надлежало еще пробудить въ немъ для государственнаго блага, и прежній духъ воинскій, усыпленный тѣмъ же человѣколюбіемъ. Владиміръ уже не искалъ славы Героевъ, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдственными Государями: Польскимъ, Венгерскимъ и Богемскимъ ([479]); но хищные Печенѣги, употребляя въ свою пользу миролюбіе его, безпрестанно опустошали Россію. Мудрые Епископы и *старцы* доказали Великому Князю, что Государь долженъ быть ужасомъ не только преступниковъ государственныхъ, но и внѣшнихъ враговъ — и гласъ воинскихъ трубъ снова раздался въ нашемъ древнемъ отечествѣ ([480]).

Владиміръ, желая собрать воинство г. 997.
многочисленное для отраженія Печенѣговъ, самъ отправился въ Новгородъ; но сіи неутомимые враги, узнавъ его отсутствіе, приблизились къ столицѣ, окружили Бѣлгородъ и пресѣкли сообщеніе жителей съ мѣстами окрестными. Осада Бѣлагорода. Чрезъ нѣсколько времени сдѣлался тамъ голодъ, и народъ, собравшись на *Вѣче* или совѣтъ ([481]), изъявилъ желаніе сдаться непріятелямъ. «Князь далеко», говорилъ онъ:» Печенѣги могутъ умертвить только нѣкоторыхъ изъ насъ; а отъ голода мы всѣ погибнемъ.» Но хитрость умнаго старца, впрочемъ не совсѣмъ *вѣроятная*, спасла гражданъ. Онъ велѣлъ ископать два колодезя, поставить въ нихъ одну кадь съ сытою, другую съ тѣстомъ, и звать старшинъ непріятельскихъ будто бы для переговоровъ. Видя сіи колодези, они повѣрили, что земля сама собою производитъ тамъ вкусную для людей пищу и возвратились къ своимъ Князьямъ съ вѣстію, что городъ не можетъ имѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ! Печенѣги сняли осаду ([482]).

Вѣроятно, что Владиміръ счастливымъ оружіемъ унялъ наконецъ сихъ варваровъ: г. 997 —1014.
по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе о ихъ нападеніяхъ на Россію до самаго 1015 году. Но здѣсь преданія оставляютъ, кажется, Нестора, и въ теченіе *семнадцати лѣтъ* онъ сказываетъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальфрида — одна изъ бывшихъ Владиміровыхъ женъ, какъ надобно думать — и знаменитая несчастіемъ Рогнѣда, въ 1001 Изяславъ, а въ 1003 младенецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ; что въ 1007 году привезли иконы въ Кіевскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна ([483]) супруга Владимірова, достопамятная для потомства: ибо она была орудіемъ Небесной благодати, извлекшей Россію изъ тьмы идолопоклонства. Кончина Анны.

Въ сіи годы, скудные происшествіями по Несторовой лѣтописи, Владиміръ могъ имѣть ту войну съ Норвежскимъ Принцемъ Эрикомъ, о коей повѣствуетъ Исландскій Лѣтописецъ Стурлезонъ (484). Гонимый судьбою, малолѣтный Принцъ Норвежскій Олофъ, племянникъ Сигурда, одного изъ Вельможъ Владиміровыхъ, съ матерію, вдовствующею Королевою Астридою, нашелъ убѣжище въ Россіи; учился при Дворѣ, осыпаемый милостями Великой Княгини, и ревностно служилъ Государю; но оклеветанный завистливыми Боярами, долженъ былъ оставить его службу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ — можетъ быть съ помощію Россіи — онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ, отнявъ престолъ у Эрика, который бѣжалъ въ Швецію, собралъ войско, напалъ на сѣверо-западныя Владиміровы области, осадилъ и взялъ приступомъ городъ Россійскій *Альдейгабургъ*, или, какъ *вѣроятно*, нынѣшнюю Старую Ладогу (485), гдѣ обыкновенно приставали мореплаватели Скандинавскіе, и гдѣ, по народному преданію, Рюрикъ имѣлъ дворецъ свой. Храбрый Норвежскій Принцъ четыре года воевалъ съ Владиміромъ; наконецъ, уступивъ превосходству силъ его, вышелъ изъ Россіи.

Война съ Эрикомъ Норвежскимъ.

Судьба не пощадила Владиміра въ старости: предъ концемъ своимъ ему надлежало увидѣть съ горестію, что властолюбіе вооружаетъ не только брата противъ брата, но и сына противъ отца.

г. 1014. Намѣстники Новогородскіе ежегодно платили двѣ тысячи гривенъ Великому Князю и тысячу раздавали Гриднямъ или тѣлохранителямъ Княжескимъ (486). Ярославъ, тогдашній Правитель Новагорода, дерзнулъ объявить себя независимымъ и не хотѣлъ платить дани. Раздраженный Владиміръ велѣлъ готовиться войску къ походу въ Новгородъ, чтобы наказать ослушника; а сынъ, ослѣпленный властолюбіемъ, призвалъ изъ-за моря Варяговъ на помощь, думая, вопреки законамъ Божественнымъ и человѣческимъ, поднять мечь на отца и Государя. Небо, отвративъ сію войну богопротивную,
г. 1015. спасло Ярослава отъ злодѣянія рѣдкаго. Владиміръ, можетъ быть, отъ горести, занемогъ тяжкою болѣзнію, и въ то же самое время Печенѣги ворвались въ Россію; надлежало отразить ихъ: не имѣя силъ предводительствовать войскомъ, онъ поручилъ его *любимому* сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда въ Кіевѣ, и чрезъ нѣсколько дней скончался въ Берестовѣ, загородномъ дворцѣ, не избравъ наслѣдника, и оставивъ кормило Государства на волю рока.....

Бунтъ Владимірова сына, Ярослава.

Кончина Владиміра.

Святополкъ, усыновленный племянникъ Владиміровъ, находился въ столицѣ: боясь его властолюбія, придворные хотѣли утаить кончину Великаго Князя, вѣроятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться въ Кіевъ (487); ночью выломали полъ въ сѣняхъ, завернули тѣло въ коверъ, спустили внизъ по веревкамъ и отвезли въ храмъ Богоматери. Но скоро печальная вѣсть разгласилась въ городѣ: Вельможи, народъ, воины бросились въ церковь; увидѣли трупъ Государя и стенаніемъ изъявили свое отчаяніе. Бѣдные оплакивали благотворителя, Бояре отца отечества..... Тѣло Владимірово заключили въ мраморную раку и поставили оную торжественно рядомъ съ гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, имъ сооруженнаго (488).

Сей Князь, названный Церковію *Равноапостольнымъ*, заслужилъ и въ Исторіи имя *Великаго*. Истинное ли увѣреніе въ святынѣ Христіанства, или, какъ повѣствуетъ знаменитый Арабскій Историкъ XIII вѣка (489), одно честолюбіе и желаніе быть въ родственномъ союзѣ съ Государями Византійскими рѣшило его креститься? извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владиміръ, принявъ Вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и сталъ инымъ человѣкомъ. Бывъ въ язычествѣ мстителемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ (490), воиномъ кровожаднымъ и — что всего ужаснѣе — братоубійцею, Владиміръ, наставленный въ человѣколюбивыхъ правилахъ Христіанства, боялся уже проливать кровь самыхъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ конечно въ томъ, что онъ поставилъ Россіянъ на путь истинной Вѣры; но имя *Великаго* принадлежитъ ему и за дѣла государственныя. Сей Князь, похитивъ Единовластіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выславъ мятежныхъ Варяговъ изъ Россіи, употребилъ лучшихъ изъ нихъ въ ея пользу; смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдовъ, побѣдилъ сильнаго Мечислава и славный храбростію народъ Ятвяжскій;

Свойства его.

расширилъ предѣлы Государства на Западѣ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ Восточныхъ Императоровъ; старался просвѣтить Россію: населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми Боярами о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ училища и призывалъ изъ Греціи не только Іереевъ, но и художниковъ; наконецъ былъ нѣжнымъ отцемъ народа бѣднаго. Горестію послѣднихъ минутъ своихъ онъ заплатилъ за важную ошибку въ Политикѣ, за назначеніе особенныхъ Удѣловъ для сыновей.

Слава его правленія раздалась въ трехъ частяхъ міра: древнія Скандинавскія, Нѣмецкія, Византійскія, Арабскія лѣтописи говорятъ о немъ. Кромѣ преданій Церкви и нашего перваго Лѣтописца о дѣлахъ Владиміровыхъ, память сего Великаго Князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о великолѣпіи пировъ его, о могучихъ богатыряхъ его времени: о Добрынѣ Новогородскомъ, Александрѣ *съ золотою гривною,* Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Рахдаѣ (который будто бы одинъ ходилъ на 300 воиновъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ Печенѣговъ, и прочихъ, о коихъ упоминается въ новѣйшихъ, отчасти баснословныхъ лѣтописяхъ ([491]). Сказки не Исторія; но сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о временахъ Карла Великаго и Князя Владиміра достойно замѣчанія: тотъ и другой, заслуживъ безсмертіе въ лѣтописяхъ своими побѣдами, усердіемъ къ Христіанству, любовію къ Наукамъ, живутъ донынѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Сказки народныя.

Богатыри.

Владиміръ, не смотря на слабое отъ природы здоровье ([492]), дожилъ до старости: ибо въ 970 году уже господствовалъ въ Новѣгородѣ, подъ руководствомъ дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будемъ говорить о наслѣдникахъ сего великаго Монарха, дополнимъ Исторію описанныхъ нами временъ всѣми извѣстіями, которыя находятся въ Несторѣ и въ чужестранныхъ, современныхъ Лѣтописцахъ, о гражданскомъ и нравственномъ состояніи тогдашней Россіи: чтобы не прерывать нити историческаго повѣствованія, сообщаемъ оныя въ статьѣ особенной.

# ГЛАВА X.

## О СОСТОЯНІИ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

**Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Воинское искусство. Флоты. Чиноначаліе и внутреннее образованіе войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояніе городовъ. Деньги. Успѣхи разума. Механическія и свободныя художества. Нравы.**

Предѣлы.

Въ самый первый вѣкъ бытія своего Россія превосходила обширностію едва ли не всѣ тогдашнія Государства Европейскія ([493]). Завоеванія Олеговы, Святославовы, Владиміровы, распространили ея владѣнія отъ Новагорода и Кіева къ Западу до моря Балтійскаго, Двины, Буга и горъ Карпатскихъ, а къ Югу до пороговъ Днѣпровскихъ и Киммерійскаго Воспора; къ Сѣверу и Востоку граничила она съ Финляндіею и съ Чудскими народами, обитателями нынѣшнихъ Губерній Архангельской, Вологодской, Вятской, также съ Мордвою и съ Казанскими Болгарами, за коими къ морю Каспійскому, жили Хвалисы, ихъ единовѣрцы и единоплеменники (по чему сіе море называлось тогда Хвалынскимъ или Хвалисскимъ).

Правленіе.

Слова Новогородцевъ и союзныхъ съ ними народовъ, преданныя намъ Лѣтописцемъ: «хотимъ Князя, да владѣетъ и правитъ нами по закону,» были основаніемъ перваго устава государственнаго въ Россіи, то есть, Монархическаго.

Но Князья привели съ собою многихъ

36

независимыхъ Варяговъ, которые считали ихъ болѣе своими товарищами, нежели Государями, и шли въ Россію властвовать, а не повиноваться. Сіи Варяги были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами; составляли отборную Дружину и верховный Совѣтъ, съ коимъ Государь дѣлился властію. Мы видѣли, что Послы Россійскіе заключали договоръ съ Греціею отъ имени Князя и Бояръ его; что Игорь не могъ одинъ утвердить союза съ Императоромъ, и что вся *дружина Княжеская* должна была вмѣстѣ съ нимъ присягать на священномъ холмѣ ([494]).

Самый народъ Славянскій, хотя и покорился Князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ важныхъ, или въ опасностяхъ государственныхъ, сходился на общій совѣтъ. Бѣлогородцы, тѣснимые Печенѣгами, разсуждали на Вѣчѣ, что имъ дѣлать ([495]). — Сіи народныя собранія были древнимъ обыкновеніемъ въ городахъ Россійскихъ, доказывали участіе гражданъ въ правленіи и могли давать имъ смѣлость, неизвѣстную въ Державахъ строгаго, неограниченнаго Единовластія. Такъ Новогородцы объявили Святославу, что они требуютъ отъ него сына въ Правители, или, въ случаѣ отказа, изберутъ себѣ особеннаго Князя.

На войнѣ права Государя были ограничены корыстолюбіемъ воиновъ: онъ могъ брать себѣ только часть добычи, уступая имъ прочее. Такъ Олегъ, Игорь взяли дань съ Грековъ на каждаго изъ своихъ ратниковъ; самые родственники убитыхъ имѣли въ ней долю ([496]). Желая одинъ воспользоваться грабежемъ въ землѣ Древлянской, Игорь удалилъ отъ себя войско: слѣдственно не только добычею счастливой битвы, но и данію, собираемою съ народовъ уже подвластныхъ Россіи, Князья дѣлились съ воинами.

Впрочемъ вся земля Русская была, такъ сказать, законною собственностію Великихъ Князей: они могли, кому хотѣли, раздавать города и волости. Такъ многіе Варяги получили Удѣлы отъ Рюрика. Такъ супруга Игорева владѣла Вышегородомъ а Рогволодъ, по словамъ лѣтописи, *княжилъ* въ Полоцкѣ ([497]).

Варяги, на условіяхъ *Помѣстной Системы* владѣвшіе городами, имѣли титло Князей: о сихъ-то *многихъ* Князьяхъ Россійскихъ упоминается въ Олеговомъ договорѣ съ Греческимъ Императоромъ ([498]). Дѣти ихъ, заслуживъ милость Государя, могли получать тѣ же Удѣлы: Бояре Владиміровы назвали Полоцкъ, гдѣ княжилъ отецъ Рогнѣдинъ, ея наслѣдственнымъ достояніемъ или отчиною ([499]). Но Великій Князь какъ Государь располагалъ сими частными Княжествами: Владиміръ отдалъ дѣтямъ своимъ Ростовъ, Муромъ и другія области, бывшія со временъ Рюриковыхъ Удѣлами Вельможъ Норманскихъ. — Другіе города и волости непосредственно зависѣли отъ Великаго Князя: онъ управлялъ ими чрезъ своихъ Посадниковъ или Намѣстниковъ ([500]).

Образъ сего внутренняго правленія отвѣтствовалъ простотѣ тогдашнихъ нравовъ. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: Государь совѣтовался о *земскихъ* учрежденіяхъ съ храброю дружиною ([501]). Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владиміръ по волѣ своей отмѣнилъ и снова уставилъ смертную казнь. — Несторъ упоминаетъ еще о *градскихъ старѣйшинахъ*, которые лѣтами, разумомъ и честію заслуживъ довѣренность, могли быть судіями въ дѣлахъ народныхъ.

Во времена независимости Россійскихъ Славянъ гражданское правосудіе имѣло основаніемъ совѣсть и древніе обычаи каждаго племени въ особенности ([502]); но Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ Великихъ Князей съ Греками, и во всемъ согласные съ древними законами Скандинавскими. На примѣръ: и въ тѣхъ и другихъ было уставлено, что родственникъ убіеннаго имѣлъ право лишить жизни убійцу; что гражданинъ могъ умертвить вора, который не захотѣлъ бы добровольно отдаться ему въ руки; что за каждый ударъ мечемъ, копіемъ или другимъ орудіемъ, надлежало платить денежную пеню ([503]). Сіи первые законы нашего отечества, еще древнѣйшіе Ярославовыхъ, дѣлаютъ честь вѣку и народному характеру, будучи основаны на довѣренности къ клятвамъ, слѣдственно къ совѣсти людей, и на справедливости: такъ виновный былъ увольняемъ отъ пени, ежели онъ утверждалъ клятвенно, что не имѣетъ способа заплатить ее; такъ хищникъ наказывался соразмѣрно съ виною, и платилъ вдвое и втрое за всякое похи- Законы гражданскіе.

щеніе; такъ гражданинъ, мирными трудами наживъ богатство, могъ при кончинѣ располагать имъ въ пользу ближнихъ и друзей своихъ ([504]). — Трудно вообразить, чтобы одно словесное преданіе хранило сіи уставы въ народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мѣрѣ Варяги Россійскіе могли имѣть въ IX и X вѣкѣ *законы писанные:* ибо въ древнемъ отечествѣ ихъ, въ Скандинавіи, употребленіе Руническихъ письменъ было извѣстно до временъ Христіанства ([505]).

Церковный уставъ Владиміровъ.

Мы имѣемъ еще древній, такъ называемый *Владиміровъ уставъ,* по коему, сообразно съ Греческими Номоканонами, отчуждены отъ мірскаго вѣдомства Монахи и церковники, богадѣльни, гостинницы, домы странопріимства, лекари и всѣ люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны однимъ Епископамъ: также вѣсы и мѣрила городскія, распри и невѣрность супруговъ, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодѣйства дѣтей въ отношеніи къ отцу и матери, тяжбы родныхъ, оскверненіе храмовъ, церковная татьба, снятіе одежды съ мертвеца, и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что Духовенство Россійское въ первыя времена Христіанства рѣшило не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, которыя относилися къ совѣсти и нравственнымъ правиламъ новой Вѣры (такъ было во всей Европѣ); нѣтъ сомнѣнія, что означенные здѣсь суды могли принадлежать ему (нѣкоторые изъ оныхъ и нынѣ остаются его правомъ): но сей *Уставъ* есть подложный — и вотъ доказательство: тамъ Владиміръ пишетъ, что Патріархъ *Фотій* далъ ему *перваго* Митрополита Леона; а *Фотій* умеръ за 90 лѣтъ до сего Великаго Князя ([506]).

Воинское искусство.

Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны. Россіяне, предводимые своими Князьями, сражались уже не толпами безпорядочными, какъ Славяне древніе, но строемъ, вокругъ знаменъ своихъ или стяговъ, въ сомкнутыхъ рядахъ, при звукѣ трубъ воинскихъ; имѣли конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за коими цѣлое войско оставалось въ безопасности. Готовясь къ битвамъ, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападенію и согласнымъ движеніямъ, дающимъ побѣду; носили для защиты своей тяжелыя латы, обручи, высокіе шлемы. Мечи, съ обѣихъ сторонъ острые, копья и стрѣлы были ихъ оружіемъ. Укрѣпляя города свои стѣнами, хотя деревянными, но неприступными для народовъ варварскихъ, тогдашнихъ сосѣдовъ Россіи, предки наши умѣли брать города чуждые, и знали искусство осадныхъ земляныхъ работъ; окружали глубоки рвами не только крѣпости, но и полевые станы свои для безопасности ([507]).

Флоты.

Подобно другимъ Славянамъ мужественные на сушѣ, они заимствовали отъ Варяговъ искусство мореплаванія, и только одинъ страшный *огонь Греческій* могъ спасти Царьградъ отъ флота Игорева: для того Великіе Князья всегда желали узнать тайный составъ сего огня; но хитрые Греки увѣряли ихъ, что Ангелъ Небесный вручилъ оный Императору Константину, и что одни Христіяне могутъ имъ пользоваться. Тогдашніе военные корабли Россійскіе были не что иное, какъ гребныя, съ помощію большихъ парусовъ весьма ходкія суда, на которыя садилось отъ 40 до 60 человѣкъ ([508]).

Чиноначаліе и внутреннее образованіе войска.

О древнемъ чиноначаліи и внутреннемъ образованіи войска извѣстно намъ слѣдующее: Князь былъ его Главою на водѣ и сушѣ; подъ нимъ начальствовали Воеводы, Тысячскіе, Сотники, Десятскіе ([509]). Дружину перваго составляли опытные витязи и Бояре, которые хранили его жизнь и служили примѣромъ мужества для прочихъ. Мы знаемъ, сколь Владиміръ уважалъ и любилъ ихъ. Дружина Игорева и по смерти Князя носила на себѣ его имя. Подъ симъ общимъ названіемъ разумѣлись иногда и молодые отборные воины, Отроки, Гридни, которые служили при Князѣ: первые считались знаменитѣе вторыхъ ([510]). Главные Воеводы имѣли также своихъ Отроковъ, какъ Свѣнельдъ, Воевода Игоревъ. — Варяги до самыхъ временъ Ярославовыхъ были въ Россіи особеннымъ войскомъ: они и Гридни, или *Мечники,* брали изъ казны жалованье; другіе участвовали только въ добычѣ ([511]).

Торговля.

Народы, изъ коихъ составилось Государство Россійское, и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія: ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самые Вятичи и Радимичи, варвары по описанію Несторову, издревле занимались

хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней; но мы не имѣемъ накакого историческаго объ ней свѣдѣнія. Первыя извѣстія о нашемъ древнемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ Варяжскихъ Князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякія ткани. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоцѣнныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Цареграда пурпуръ, богатыя одежды, сукна, сафьянъ, перецъ: къ симъ товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды ([512]). Ежегодное путешествіе Россійскихъ купцевъ въ Грецію описываетъ Константинъ слѣдующимъ образомъ: «Суда ихъ приходятъ въ Царьградъ изъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане и другіе, зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя *μονόξυλα*, ибо онѣ дѣлаются *изъ одного дерева*. По вскрытіи Днѣпра Славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ оныя Россіянамъ, которые дѣлаютъ уключины и весла изъ старыхъ лодокъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь Россійскій флотъ въ городкѣ Витичевѣ, откуда идетъ уже къ порогамъ. Дошедши до четвертаго и самаго опаснаго, то есть, *Неясытя*, купцы выгружаютъ товары и ведутъ скованныхъ невольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за порогами, близъ такъ называемаго *Крарійскаго перевоза* (гдѣ Херсонцы, *возвращаясь* изъ *Россіи*, переправляются чрезъ Днѣпръ): отразивъ сихъ разбойниковъ, и доплывъ до острова Св. Григорія, Россіяне приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности, и до самой рѣки Селины, которая есть рукавъ Дуная, не встрѣчаютъ уже никакой опасности; но тамъ, ежели вѣтромъ прибьетъ суда ихъ къ берегу, они снова должны сражаться съ Печенѣгами, и наконецъ, миновавъ Конопу, Константію, также устье Болгарскихъ рѣкъ, Варны и Дицины, достигаютъ Месимвріи, перваго Греческаго города ([513]).» Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала Россіянъ, когда они для ея выгодъ отваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ Имперіею. — Они ходили на судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину, и въ самую отдаленную Сирію ([514]): Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ* ([515]). Но Цареградскіе купцы едва ли ѣздили чрезъ пороги Днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ.

Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, имѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множество Азіатскихъ коней, овецъ и быковъ; но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. — Волжскіе Болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукаля, Арабскаго Географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ куницъ или Скиѳскихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ ([516]).

О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ Лѣтописцахъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣятельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовые приборы, Царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первыя не могли быть собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатыя одежды и ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали Новогородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннетѣ и другихъ Балтійскихъ городахъ находились купцы Россійскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многолюдныя ярмонки, собирались весною Норвежскіе и другіе купцы, покупали невольниковъ, мѣха, и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что Лѣто-

писцы сего времени обыкновенно называютъ Россію страною *изобильною всѣми благами*, omnibus bonis affluentem ([517]).

Вѣроятно, что Великіе Князья, слѣдуя примѣру Скандинавскихъ Владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ *вещахъ*, нежели въ *деньгахъ*. Изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ *медомъ* и *шкурами*, или съ оброкомъ Княжескимъ — что называлось: *возить повозъ*. Слѣдственно казна изобиловала *товарами* и могла отпускать ихъ въ чужія земли ([518]).

Россіяне, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли ихъ удерживать ([519]). Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы Россійскіе предъявляли отъ своего Князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: ту, кажется, что нѣкоторые Россіяне подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море, а послѣ вмѣстѣ съ другими приходили свободно торговать въ Царьградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

Пышность и роскошь. Счастливыя войны и торговля Россіянъ, служивъ къ обогащенію народа, долженствовали, въ теченіе ста лѣтъ и болѣе, произвести нѣкоторую роскошь, прежде неизвѣстную. Узнавъ пышность Двора Константинопольскаго, Великіе Князья хотѣли подражать ему: не только сами они, но и супруги ихъ, дѣти, родственники, имѣли своихъ особенныхъ придворныхъ чиновниковъ ([520]). Не рѣдко Послы Россійскіе, именемъ Государя, требовали въ даръ отъ Грековъ Царской одежды и вѣнцевъ: чего Императоры, желая отличиться отъ *варваровъ* хотя украшеніями драгоцѣнными, не любили давать имъ, увѣряя, что сіи порфиры и короны сдѣланы руками Ангеловъ и должны быть всегда хранимы въ Софійской церкви. Друзья Владиміра, обѣдая у Князя, ѣли *серебряными* ложками. Медъ, древнее любимое питіе всѣхъ народовъ Славянскихъ, былъ еще душею славныхъ пировъ его; но Кіевляне въ Олеговы времена уже имѣли вина Греческія и вкусные плоды теплыхъ климатовъ. Перецъ Индѣйскій служилъ приправою для ихъ трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоцѣнные поясы, сафьянные сапоги ([521]), и проч.

Городa сего времени отвѣтствовали уже состоянію народа избыточнаго. Нѣмецкій Лѣтописецъ Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, увѣряетъ, что въ Кіевѣ, *великомъ градѣ*, находилось тогда 400 церквей, созданныхъ усердіемъ новообращенныхъ Христіанъ, и восемь большихъ торговыхъ площадей. Адамъ Бременскій именуетъ оный *главнымъ украшеніемъ Россіи* и даже *вторымъ Константинополемъ* ([522]). Сей городъ до XI вѣка стоялъ весь на высокомъ берегу Днѣпровскомъ: мѣсто нынѣшняго Подола было въ Ольгино время еще залито водою ([523]). Смоленскъ, Черниговъ, Любечь имѣли сообщеніе съ Греціею. Императоръ Константинъ, несправедливо называя Новгородъ столицею Великаго Князя Святослава, даетъ по крайней мѣрѣ знать, что сей городъ былъ уже знаменитъ въ X вѣкѣ. Состояніе городовъ.

Народъ торговый не можетъ обойтися безъ денегъ, или знаковъ, представляющихъ цѣну вещей. Но деньги не всегда бываютъ металломъ: донынѣ, вмѣсто ихъ, жители Мальдивскихъ острововъ употребляютъ раковины. Такъ и Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей, *куницъ* и бѣлокъ: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли подала мысль замѣнить оныя *мордками* и другими *лоскутками*, куньими и бѣльими ([524]). Надобно думать, что Правительство клеймило ихъ, и что граждане сначала обмѣнивали въ казнѣ сіи *лоскутки* на цѣлыя кожи. Однакожь, зная цѣну серебра и золота, предки наши издревле добывали ихъ посредствомъ внѣшней торговли. Въ Олеговыхъ условіяхъ съ Имперіею сказано, что Грекъ, ударивъ мечемъ Россіянина, или Россіянинъ Грека, обязывался платить за вину 5 литръ *серебра*. Россіяне брали также въ Царѣградѣ за каждаго невольника Греческаго 20 *золотниковъ*, т. е. Византійскихъ червонцевъ, *номисмъ* или *солидовъ* ([525]). Нѣтъ сомнѣнія, что и внутри Государства ходило серебро въ монетахъ: Радимичи вносили въ казну *щляги* Деньги.

или шиллинги, безъ сомнѣнія полученные ими отъ Козаровъ ([526]). Однакожь мордки или куны долгое время оставались еще въ употребленіи: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народныхъ. Именемъ *гривны* означалось извѣстное число *кунъ*, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра; но сіи лоскутки, не имѣя никакого существеннаго достоинства, въ теченіе времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ металламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новогородскими кунами ([527]).

Успѣхи разума. Успѣхи разума и способностей его, необходимое слѣдствіе гражданскаго состоянія людей, были ускорены въ Россіи Христіанскою Вѣрою. Волхвы славились при Олегѣ гаданіемъ будущаго: вотъ древнѣйшіе мудрецы нашего отечества! Наука ихъ состояла или въ обманахъ или въ заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ невѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отмѣнно счастливое предпріятіе, и назвалъ Олега *вѣщимъ*, ибо сей великодушный, смѣлый Князь возвратился съ сокровищами изъ Константинополя. Любопытство, сродное человѣку, питалось историческими сказками и преданіями, украшенными вымысломъ. Въ сказкѣ о хитростяхъ Ольгиныхъ видимъ нѣкоторое остроуміе. Пословицы народныя: *погибоша аки Обри — бѣда аки въ Роднѣ — Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ* ([528]), и конечно многія другія, хранили также память важныхъ случаевъ. Въ государственныхъ договорахъ Великихъ Князей находимъ выраженія, которыя даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ краснорѣчіи Россіянъ; на примѣръ: *дондеже солнце сіяетъ* и *міръ стоитъ — да не защитятся щиты своими — да будемъ золоти аки золото*, и проч. Краткая сильная рѣчь Святославова есть достойный памятникъ сего Героя. Но времена Владиміровы были началомъ истиннаго народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Скандинавы въ IX вѣкѣ знали употребленіе Руническихъ буквъ; однакожь мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чтобы они сообщили его и Россіянамъ. Руны, какъ мы выше замѣтили, недостаточны для выраженія многихъ звуковъ языка Славянскаго. Хотя Кирилловскія письмена могли быть извѣстны въ Россіи еще до временъ Владиміровыхъ (ибо самые первые Христіане Кіевскіе имѣли нужду въ книгахъ для церковнаго служенія), но число грамотныхъ людей было конечно не велико. Владиміръ умножилъ оное заведеніемъ народныхъ училищъ, чтобы доставить Церкви Пастырей и Священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ Россіянамъ путь къ наукѣ и свѣдѣніямъ, которыя посредствомъ грамоты изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются....

Здѣсь должно отвѣтствовать на вопросъ любопытный: какія Священныя книги были тогда употребляемы Христіанами Россійскими? тѣ ли самыя, коими донынѣ пользуется наша Церковь, или *инаго, древнѣйшаго перевода?* Сличивъ рукописныя харатейныя Евангелія XII вѣка и разныя мѣста Св. Писанія, приводимыя Несторомъ въ лѣтописи, съ печатною Московскою или Кіевскою Библіею, всякой увѣрится, что Россіяне XI и XII столѣтія имѣли тотъ же переводъ ея ([529]). Мы знаемъ, что она нѣсколько разъ была исправляема: при Константинѣ, Волынскомъ Князѣ, въ XVI вѣкѣ; при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Петровнѣ; однакожь, не смотря на многократное исправленіе, состоящее единственно въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ словъ, сей переводъ сохранилъ, такъ сказать, свой начальный, особенный характеръ, и люди ученые справедливо признаютъ оный древнѣйшимъ памятникомъ языка Славянскаго ([530]). Библія Чешская или Богемская переведена съ Латинской Іеронимовой въ XIII или XIV вѣкѣ; Польская, Краинская, Лаузицская, еще гораздо новѣе.

Слѣдуетъ другой вопросъ: когда же и гдѣ переведена наша Библія? при Великомъ ли Князѣ Владимірѣ, какъ сказано въ любопытномъ предисловіи Острожской печатной ([531]), или она есть безсмертный плодъ трудовъ Кирилла и Меѳодія? Второе гораздо вѣроятнѣе: ибо Несторъ, почти современникъ Владиміровъ, ко славѣ отечества не умолчалъ бы о новомъ Россійскомъ переводѣ ея; но сказавъ: *симъ бо первая преложены книгы* (т. е. Библія) *въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть въ Руси* ([532]), онъ ясно даетъ знать, что Россійскіе Христіане пользо-

вались трудомъ Кирилла и Меѳодія. Сіи два брата и помощники ихъ основали правила книжнаго языка Славянскаго на Греческой Грамматикѣ, обогатили его новыми выраженіями и словами, держась нарѣчія своей родины, Ѳессалоники, то есть, Иллирическаго или Сербскаго, въ коемъ и теперь видимъ сходство съ нашимъ Церковнымъ. Впрочемъ всѣ тогдашнія нарѣчія долженствовали менѣе нынѣшняго разниться между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему источнику, и предки наши тѣмъ удобнѣе могли присвоить себѣ Моравскую Библію. Слогъ ея сдѣлался образцемъ для новѣйшихъ книгъ Христіанскихъ, и самъ Несторъ подражалъ ему; но Русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка, книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкѣ Славянской Библіи и *Русской Правды* (изданной скоро послѣ Владиміра), Несторовой лѣтописи и *Слова о Полку Игоревѣ*, о коемъ будемъ говорить въ примѣчаніяхъ на Россійскую Словесность XII вѣка.

Механическія и свободныя художества.

Нужнѣйшія Искусства механическія, равно какъ и Свободныя, были извѣстны древнимъ Россіянамъ. И нынѣ селянинъ Русской дѣлаетъ собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: въ старину, когда люди менѣе сообщались другъ съ другомъ, они имѣли еще болѣе нужды въ сей промышлености. Мужъ обработывалъ землю, плотничалъ, строилъ; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло въ кругу своемъ дѣйствіе многихъ ремеслъ. Но основаніе городовъ, торговля, роскошь, мало по малу образовали людей особенно искусныхъ въ нѣкоторыхъ художествахъ: богатые требовали вещей сдѣланныхъ удобнѣе и лучше обыкновеннаго. Всѣ Нѣмецкіе Славяне торговали полотнами: Русскіе издревле ткали холсты и сукна; умѣли также выдѣлывать кожи, и сіи ремесленники назывались *усмарями* (533). Народъ, составленный изъ воиновъ, хлѣбопашцевъ и звѣроловова, безъ сомнѣнія пользовался искусствомъ ковать желѣзо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечахъ, будто бы предложенныхъ Кіевлянами въ дань Козарамъ. — Христіанская Вѣра способствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ зодчества въ Россіи. Владиміръ началъ строить великолѣпныя церкви, и призвалъ художниковъ Греческихъ; однакожь и въ языческія времена были уже *каменныя* зданія въ столицѣ: на примѣръ, Ольгинъ теремъ. Стѣны и башни служили для городовъ не только защитою, но и самымъ украшеніемъ (534). Вѣроятно, что и тогдашнія деревенскія избы были подобны нынѣшнимъ; а горожане имѣли высокіе домы, и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низъ, можетъ быть, для погребовъ, кладовыхъ, и проч. *Клѣти*, или горницы, съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись *помостомъ* или сѣньми; спальни назывались *одринами*. На дворахъ строились вышки для голубей: ибо Россіяне искони любили сихъ птицъ (535). — Несторово описаніе Перунова истукана свидѣтельствуетъ о рѣзномъ и плавильномъ искусствѣ нашихъ предковъ. Вѣроятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владиміръ украсилъ Греческими образами одну Десятинную церковь: иконы другихъ храмовъ были, какъ надобно думать, писаны въ Кіевѣ. Греческіе художники могли выучить Русскихъ. — Трубы воинскія, коихъ звукъ ободрялъ Героевъ Святославовыхъ въ жаркихъ битвахъ, доказываютъ древнюю любовь Россіянъ къ искусству мусикійскому.

Нравы.

Что касается собственно до нравовъ сего времени, то они представляютъ намъ смѣсь варварства съ добродушіемъ, свойственную вѣкамъ невѣжества. Россіяне IX и X вѣка славились на войнѣ корыстолюбіемъ и свирѣпостію: но Императоры Византійскіе вѣрили имъ какъ честнымъ людямъ въ мирныхъ договорахъ, позволяя себѣ, кажется, обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ: ибо Несторъ называетъ Грековъ коварными (536). Мы видѣли грабежъ, убійства и злодѣянія внутри Государства: еще болѣе увидимъ ихъ; но чѣмъ же инымъ богата Исторія Европы въ среднихъ вѣкахъ? Одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей: купѣль Христіанская, освятивъ душу Владиміра, не могла вдругъ очистить народныхъ нравовъ. Онъ боялся, по человѣколюбію, казнить злодѣевъ, и злодѣйства умножились..... Государство, основанное на завоеваніяхъ, уже доказываетъ необыкновенную храбрость народа: она была добродѣтелію нашихъ предковъ, и слово любимаго Вождя: *станемъ крѣпко, не посрамимъ земли Русскія*, вселяло въ нихъ рѣшительность побѣдить или умереть. Самыя жены ихъ не робѣли смерти въ бит-

39

вахъ (537). — Дома, и въ мирное время, они любили веселиться: Владиміръ, желая казаться другомъ народа своего, давалъ ему пиры, и сказалъ Магометанскимъ Болгарамъ: *Руси есть веселіе пити* (538). Между достопамятными чертами древнихъ Русскихъ нравовъ замѣтимъ также отмѣнное уваженіе къ старцамъ: Владиміръ слушался ихъ совѣта; въ гражданскихъ Вѣчахъ они имѣли первенство (539). Наконецъ сей народъ, еще грубый, необразованный, умѣлъ любить своихъ добрыхъ Государей: плакалъ надъ тѣломъ Великаго Олега, мудрой Ольги, Св. Владиміра, и потомству своему оставилъ примѣръ благодарности, который дѣлаетъ честь имени Русскому.

**КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.**

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ТОМЪ II.

40

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ГЛАВА I.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ.

### Г. 1015—1019.

**Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярославова. Великодушіе Новогородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новогородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва па Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка.**

Владиміръ усыновилъ Святополка,
Г. 1015. однакожь не любилъ его и, кажется, предвидѣлъ въ немъ будущаго злодѣя. Современный Лѣтописецъ Нѣмецкій, Дитмаръ, говоритъ, что Святополкъ, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польскаго Короля Болеслава, хотѣлъ, по наущенію своего тестя, отложиться отъ Россіи, и что Великій Князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и Нѣмецкаго Епископа Реинберна, который пріѣхалъ съ дочерью Болеслава (1). Владиміръ — можетъ быть, при концѣ жизни своей — простилъ Святополка: обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный Князь спѣшилъ воспользоваться ею; созвалъ граж-

Святополкъ похититель престола.

данъ, объявилъ себя Государемъ Кіевскимъ и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ: ибо друзья и братья ихъ находились въ походѣ съ Княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ,

Добродѣтель Бориса.

нигдѣ не встрѣтивъ Печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты (2): тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занимался единственно своею искреннею горестію. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: «Князь! съ тобою дружина и воины отца твоего; поди въ Кіевъ и будь Государемъ Россіи!» Борисъ отвѣтствовалъ: «могу ли поднять руку на брата старѣйшаго? Онъ должень быть мнѣ вторымъ отцемъ.» Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ Князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право властвовать.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время пріѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ Бояръ на совѣтъ (3). «Хотите ли доказать мнѣ вѣрность свою?» спросилъ новый Государь. Бояре отвѣтствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса, и сіи недостойные взялись услужить Князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ станѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приближились къ шатру его, и слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, изливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣсняхъ Давидовыхъ. Онъ уже зналъ, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаромъ молился... за Святополка (4); наконецъ, успокоивъ душу Небесною Вѣрою, легъ на одръ и съ твердостію ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломились въ шатеръ и копьями пронзили Бориса, также вѣрнаго Отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить

Братоубійства.



41

Государя и друга. Сей юный воинъ, именемъ Георгій, родомъ изъ Венгріи, былъ сердечно любимъ Княземъ своимъ, и въ знакъ его милости носилъ на шеѣ золотую гривну: корыстолюбивые убійцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и другихъ Княжескихъ Отроковъ, которые не хотѣли спасаться бѣгствомъ, но всѣ легли на мѣстѣ (5). Тѣло Борисово завернули въ наметъ и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышитъ, онъ велѣлъ двумъ Варягамъ довершить злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечь въ сердце умирающему.... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всѣхъ красотою и любезностію; имѣлъ взоръ пріятный и веселый; отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ. — Лѣтописецъ хотѣлъ предать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ и называетъ ихъ: Путша, Талецъ, Еловичь, Ляшко. Въ Несторово время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзѣнія. Святополкъ безъ сомнѣнія наградилъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ Муромскому Князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорогою онъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу (6); однакожь не хотѣлъ остановиться и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Близъ сего города настигъ его посланный отъ Ярослава, Князя Новгородскаго, съ увѣдомленіемъ о смерти Владиміровой и гнусномъ коварствѣ Святополка; но въ то самое время, когда Глѣбъ чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивалъ отца и любимаго брата, въ усердныхъ молитвахъ повѣряя Небу горесть свою, явились вооруженные убійцы и схватили его ладію. Дружина Муромская оробѣла: Горясѣръ, начальникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить Князя, и собственный поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, желая угодить Святополку, зарѣзалъ своего несчастнаго Государя. Трупъ его лежалъ нѣсколько времени на берегу, между двумя колодами, и былъ наконецъ погребенъ въ Вышегородской церкви Св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса.

Еще Святополкъ не насытился кровію братьевъ. Древлянскій Князь Святославъ, предвидя его намѣреніе овладѣть всею Россіею, и будучи не въ силахъ ему сопротивляться, хотѣлъ уйти въ Венгрію; но слуги Святополковы догнали его близъ горъ Карпатскихъ и лишили жизни. — Братоубійца торжествовалъ злодѣянія свои, какъ славныя и счастливыя дѣла: собиралъ гражданъ Кіевскихъ, дарилъ имъ деньги, одежду, и надѣялся щедростію пріобрѣсти любовь народную (7).

Безразсудная жестокость Ярославова.

Скоро нашелся мститель: Ярославъ, сильнѣйшій изъ Князей Удѣльныхъ, возсталъ на изверга; но собственною безразсудною жестокостію едва не отнялъ у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославомъ въ Новгородъ, дерзкіе, неистовые, ежедневно оскорбляли мирныхъ гражданъ и цѣломудріе женъ ихъ. Не видя защиты отъ Князя пристрастнаго къ иноземцамъ, Новогородцы вышли изъ терпѣнія и побили великое число Варяговъ. Ярославъ утаилъ гнѣвъ свой, выѣхалъ въ загородный дворецъ, на Ракому, и велѣлъ, съ притворною ласкою, звать къ себѣ именитыхъ Новогородцевъ, виновниковъ сего убійства. Они явились безъ оружія, думая оправдаться предъ своимъ Княземъ; но Князь не устыдился быть вѣроломнымъ, и предалъ ихъ смерти. Въ ту же самую ночь получилъ онъ извѣстіе изъ Кіева, отъ сестры своей Передславы, о кончинѣ отца и злодѣйствѣ брата; ужаснулся, и не зналъ, что дѣлать. Одно усердіе Новогородцевъ могло спасти его отъ участи Борисовой; но кровь ихъ дѣтей и братьевъ еще дымилась на дворѣ Княжескомъ.... Не видя лучшаго средства, Ярославъ прибѣгнулъ къ великодушію оскорбленнаго имъ народа, собралъ гражданъ на Вѣче, и сказалъ: «вчера умертвилъ я безразсудный вѣрныхъ слугъ своихъ; теперь хотѣлъ бы купить ихъ всѣмъ золотомъ казны моей...» Народъ безмолвствовалъ. Ярославъ отеръ слезы и продолжалъ:

Великодушіе Новогородцевъ.

«Друзья! отецъ мой скончался, Святополкъ овладѣлъ престоломъ его и хочетъ погубить братьевъ.» Тогда добрые Новогородцы, забывъ все, единодушно отвѣтствовали ему: «Государь! ты убилъ собственныхъ нашихъ братьевъ, но мы готовы итти на враговъ твоихъ.» — Ярославъ еще болѣе воспламенилъ ихъ усердіе извѣстіемъ о новыхъ убійствахъ Святополковыхъ; набралъ 40,000 Россіянъ, 1000 Варяговъ, и сказавъ: *да*

*скончается злоба нечестиваго* (8)! выступилъ въ поле.

Святополкъ, узнавъ о томъ, собралъ
г. 1016. также многочисленное войско, призвалъ Печенѣговъ, и на берегахъ Днѣпра, у Любеча, сошелся съ Ярославомъ. Долго стояли они другъ противъ друга безъ всякаго дѣйствія, не смѣя въ виду непріятеля переправляться чрезъ глубокую рѣку, которая была между ими. Уже наступила осень . . . . Наконецъ Воевода Святополковъ обидными и грубыми насмѣшками вывелъ Новогородцевъ изъ терпѣнія. Онъ ѣздилъ берегомъ и кричалъ имъ: «Зачѣмъ вы пришли сюда съ *хромымъ* Княземъ своимъ?» (ибо Ярославъ имѣлъ отъ природы сей недостатокъ.) «Ваше дѣло *плотничать,* а не сражаться.» *Завтра,* сказали воины Новогородскіе, *мы будемъ на другой сторонѣ Днѣпра*; *а кто не захочетъ итти съ нами*, *того убьемъ какъ измѣнника.* Одинъ изъ Вельможъ Святополковыхъ былъ въ согласіи съ Ярославомъ, и ручался ему за успѣхъ ночнаго, быстраго нападенія. Между тѣмъ какъ Святополкъ, ни мало не опасаясь враговъ, пилъ съ дружиною, воины Князя Новогородскаго до свѣта переѣхали чрезъ Днѣпръ,
Битва у Любеча. оттолкнули лодки отъ берега, желая побѣдить или умереть, и напали на безпечныхъ Кіевлянъ, обвязавъ себѣ головы платками, чтобы различать своихъ и непріятелей. Святополкъ оборонялся храбро; но Печенѣги, отдѣленные отъ его стана озеромъ, не могли приспѣть къ нему во-время. Дружина Кіевская, чтобы соединиться съ ними, вступила на тонкій ледъ сего озера, и вся обрушилась. Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый вошелъ съ торжествомъ въ Кіевъ; наградилъ щедро своихъ мужественныхъ воиновъ — давъ каждому чиновнику и Новогородцу 10 гривенъ, а другимъ по гривнѣ – и надѣясь княжить мирно, отпустилъ ихъ въ домы (9).

Но Святополкъ еще не думалъ уступить ему престола, окровавленнаго тремя братоубійствами, и прибѣгнулъ къ
г. 1017. защитѣ Болеслава. Сей Король, справедливо названный *Храбрымъ,* былъ готовъ отмстить за своего зятя и желалъ
Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. возвратить Польшѣ города Червенскіе, отнятые Владиміромъ у Мечислава: имѣя тогда войну съ Генрикомъ II, Императоромъ Нѣмецкимъ, онъ хотѣлъ кончить оную, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать противъ Россіи. Епископъ Мерзебургскій, Дитмаръ, лично знакомый съ Генрикомъ II, говоритъ въ своей лѣтописи, что Императоръ вошелъ въ спошеніе съ Ярославомъ, убѣждая Война съ Болеславомъ Храбрымъ.
его предупредить *общаго* ихъ врага, и что Князь Россійскій, давъ ему слово быть союзникомъ, осадилъ Польскій городъ, но болѣе не причинилъ никакого вреда Болеславу (10).

Такимъ образомъ Ярославъ худо воспользовался благопріятными обстоятельствами: началъ сію бѣдственную войну, не собравъ, кажется, достаточныхъ силъ для пораженія столь опаснаго непріятеля, и далъ ему время заключить миръ съ Генрикомъ. Императоръ, тѣснимый съ разныхъ сторонъ, согласился на условія, предложенныя гордымъ побѣдителемъ, и недовольный слабою помощію Россіянъ, старался даже утвердить Короля въ его ненависти къ Великому Князю. Болеславъ, усиливъ свое опытное войско союзниками и наемниками, Нѣмцами, Венграми, Печенѣгами — вѣроятно, Молдавскими — расположился ста- г. 1018.
номъ на берегахъ рѣки Буга.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того времени страшный пожаръ обратилъ въ пепелъ большую часть Кіева (11): Ярославъ, озабоченный, можетъ быть, стараніемъ утѣшить жителей и загладить слѣды сего несчастія, едва успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Польскіе Историки пишутъ, что онъ никакъ не ожидалъ Болеславова нападенія и безпечно удилъ рыбу въ Днѣпрѣ, когда гонецъ привезъ ему вѣсть о сей опасности; что Князь Россійскій въ ту же минуту бросилъ уду на землю, и сказавъ: *не время думать о забавѣ; время спасать отечество,* Битва на Бугѣ.
вышелъ въ поле, съ Варягами и Россіянами (12). Король стоялъ на одной сторонѣ Буга, Ярославъ на другой; первый велѣлъ наводить мосты, а вторый ожидалъ битвы съ нетерпѣніемъ — и часъ ея насталъ скорѣе, нежели онъ думалъ. Воевода и пѣстунъ Ярославовъ, *Будый,* вздумалъ, стоя за рѣкою, шутить надъ тучностію Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острымъ копьемъ своимъ (13). Король Польскій въ самомъ дѣлѣ едва могъ двигаться отъ необыкновенной толщины, но имѣлъ духъ пылкій и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостію, онъ сказалъ воинамъ: «отмстимъ, или я погибну!» сѣлъ на коня и бросился въ рѣку; за нимъ всѣ воины. Изумленные такимъ скорымъ нападеніемъ, Россіяне были приведены въ без-

42

порядокъ. Ярославъ уступилъ побѣду храброму непріятелю, и только съ четырмя воинами ушелъ въ Новгородъ. Южные города Россійскіе, оставленные безъ защиты, не смѣли противиться и высылали дары побѣдителю. Одинъ изъ нихъ не сдавался: Король, взявъ крѣпость приступомъ, осудилъ жителей на рабство или вѣчный плѣнъ [14]. Лучше другихъ укрѣпленный, Кіевъ хотѣлъ обороняться: Болеславъ осадилъ его. Наконецъ утѣсненные граждане отворили ворота — и Епископъ Кіевскій, провождаемый Духовенствомъ, въ ризахъ служебныхъ, съ крестами встрѣтилъ Болеслава и Святополка [15], которые 14 Августа въѣхали торжествуя въ нашу столицу, гдѣ были сестры Ярославовы. Народъ снова призналъ Святополка Государемъ, а Болеславъ удовольствовался именемъ великодушнаго покровителя и славою храбрости. Дитмаръ повѣствуетъ, что Король тогда же отправилъ Кіевскаго Епископа къ Ярославу, съ предложеніемъ возвратить ему сестеръ, ежели онъ пришлетъ къ нему дочь его, жену Святополкову (вѣроятно, заключенную въ Новогородской или другой сѣверной области).

*Взятіе Кіева.*

*Вторичное великодушіе Новогородцевъ.*

Ярославъ, устрашенный могуществомъ Короля Польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать за море къ Варягамъ; но великодушіе Новогородцевъ спасло его отъ сего несчастія и стыда. Посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни славнаго, и граждане знаменитые, изрубивъ лодки, приготовленныя для Князя, сказали ему: «Государь! мы хотимъ и можемъ еще противиться Болеславу. У тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ». Они собрали съ каждаго человѣка по четыре куны, съ Бояръ по осьмнадцати гривенъ, съ городскихъ чиновниковъ или Старостъ по десяти; немедленно призвали корыстолюбивыхъ Варяговъ на помощь и сами вооружились [16].

*Вѣроломное избіеніе Поляковъ.*

Вѣроломство Святополково не допустило Новогородцевъ отмстить Болеславу. Покоривъ южную Россію зятю своему, Король отправилъ назадъ союзное войско и развелъ собственное по городамъ Кіевской области, для отдохновенія и продовольствія. Злодѣи не знаютъ благодарности: Святополкъ, боясь долговременной опеки тестя, и желая скорѣе воспользоваться независимостію, тайно велѣлъ градоначальникамъ умертвить всѣхъ Поляковъ, которые думали, что они живутъ съ друзьями и не брали никакихъ предосторожностей [17]. Злая воля его исполнилась, къ безславію имени Русскаго. Вѣроятно, что онъ и самому Болеславу готовилъ такую же участь въ Кіевѣ; но сей Государь свѣдалъ о заговорѣ и вышелъ изъ столицы, взявъ съ собою многихъ Бояръ Россійскихъ и сестеръ Ярославовыхъ. Дитмаръ говоритъ — и нашъ Лѣтописецъ подтверждаетъ — что Болеславъ принудилъ одну изъ нихъ быть своею наложницею — именно Передславу, за которую онъ нѣкогда сватался, и получивъ отказъ, хотѣлъ насладиться гнусною местію. Хитрый Анастасъ, бывъ прежде любимцемъ Владиміровымъ, умѣлъ снискать довѣренность Короля Польскаго; сдѣлался хранителемъ его казны, и выѣхалъ съ нею изъ Кіева: измѣнивъ первому отечеству, измѣнилъ и второму для своей личной корысти. — Польскіе Историки увѣряютъ, что многочисленное войско Россіянъ гналось за Болеславомъ; что онъ вторично разбилъ ихъ на Бугѣ, и что сія рѣка, два раза несчастная для нашихъ предковъ, съ того времени названа ими *Черною* [18]. . . . . Болеславъ оставилъ Россію, но удержалъ за собою города Червенскіе въ Галиціи, и великія сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева, отчасти роздалъ войску, отчасти употребилъ на строеніе церквей въ своемъ Королевствѣ.

*Болеславъ оставляетъ Россію.*

*Черная рѣка.*

Святополкъ, злодѣйствомъ избавивъ Россію отъ Поляковъ, услужилъ врагу своему. Уже Ярославъ шелъ къ Кіеву... Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ Монарха во дни опасности и бѣдствій, Святополкъ бѣжалъ изъ отечества къ Печенѣгамъ, требовать ихъ помощи. Сіи разбойники, всегда готовые опустошать Россію, вступили въ ея предѣлы и приближились къ берегамъ Альты. Тамъ увидѣли они полки Россійскіе. Ярославъ стоялъ на мѣстѣ, обагренномъ кровію Святаго Бориса. Умиленный симъ печальнымъ воспоминаніемъ, онъ воздѣлъ руки на Небо, молился, и сказавъ: *кровь невиннаго брата моего вопіетъ ко Всевышнему,* далъ знакъ битвы. Восходящее солнце озарило на поляхъ Альты сраженіе двухъ многочисленныхъ воинствъ, сраженіе упорное и жестокое: никогда, говоритъ Лѣтописецъ, не бывало подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина Новогородская хотѣла лучше умереть за Ярослава, нежели покорить-

*Г. 1019. Битва на Альтѣ.*

ся злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели въ остервенении своемъ хватали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Къ вечеру Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, сей извергъ впалъ въ разслабленіе и не могъ сидѣть на конѣ. Воины *принесли* его къ Бресту, городу Туровскаго Княженія (19); онъ велѣлъ имъ итти далѣе за границу. Гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченіи ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непріятелей за собою и трепеталъ отъ ужаса; не дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ великодушію Болеслава; миновалъ Польшу и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

Бѣгство и смерть Святополка.

---

# ГЛАВА II.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ИЛИ ГЕОРГІЙ.

### Г. 1019—1054.

---

**Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ вторый Царьградъ. Монета Ярославова. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы.**

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго Князя Россійскаго (20). Но бѣдствія войны междоусобной еще не прекратились.

Г. 1021. Война съ Полоцкимъ Княземъ.

Въ Полоцкѣ княжилъ тогда Брячиславъ, сынъ Изяславовъ и внукъ Владиміра. Сей юноша хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость: взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей, и со множествомъ плѣнныхъ возвращался въ свое Удѣльное Княженіе. Но Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, встрѣтилъ и разбилъ его на берегахъ рѣки Судомы, въ нынѣшней Псковской Губерніи (21). Плѣнники Новогородскіе были освобождены, а Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ, и, какъ вѣроятно, примирился съ Великимъ Княземъ: ибо Ярославъ оставилъ его въ покоѣ. — О сей войнѣ упоминаютъ древнія Исландскія *Саги*. Варяги или Норманы, служившіе тогда нашимъ Князьямъ, разсказывали, возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, *отчасти* и баснословныя: «Храбрый витязь Эймундъ, сынъ Короля Гейдмаркскаго, оказалъ великія услуги Ярославу въ продолженіе трехлѣтней войны съ Кіевскимъ Государемъ (Святополкомъ); наконецъ, взявъ сторону Брячислава, еще болѣе удивилъ Россіянъ своимъ мужествомъ и хитростію. Сей витязь засѣлъ съ товарищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ нею коня и привезъ ее къ Брячиславу, остыдивъ многочисленныхъ воиновъ, окружавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ, заключивъ миръ съ братомъ, наградилъ Эймунда цѣлою областію (22).» — Скоро опаснѣйшій непріятель возсталъ на Ярослава.

Мы знаемъ, что Владиміръ отдалъ Воспорскую или Тмутороканскую область въ Удѣлъ сыну своему Мстиславу. Сей Князь, рожденный быть Героемъ, хотѣлъ войны и побѣды: Императоръ Греческій предложилъ ему уничтожить Державу Каганову въ Тавридѣ. Искавъ дружбы Козаровъ идолопоклонниковъ, но сильныхъ, Греки искали ихъ погибели, когда они приняли Вѣру Хри-

Побѣды Мстиславовы.

43

стіанскую, но утратили свое могущество. Андроникъ, Вождь Императорскій, въ 1016 году присталъ къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава, и въ самомъ первомъ сраженіи плѣнилъ Кагана, именемъ Георгія Цула (23). Греки овладѣли Тавридою, удовольствовавъ Мстислава одною благодарностію или золотомъ. — Такимъ образомъ пала Козарская Держава въ Европѣ; но въ Азіи, на берегахъ Каспійскаго моря, она существовала, кажется, до самаго XII вѣка, и въ 1140 году Левитъ Еврейскій, Равви Іегуда, писалъ еще похвальное слово Монарху ея, своему единовѣрцу (24). Съ одной стороны Аскольдъ, Диръ, Олегъ, отецъ и сынъ Св. Владиміра; а съ другой Узы, Печенѣги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сіе нѣкогда знаменитое Царство, которое отъ устья Волжскаго простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки. — Чрезъ нѣсколько лѣтъ Мстиславъ объявилъ войну Касогамъ или нынѣшнимъ Черкесамъ, восточнымъ сосѣдамъ его области. Князь ихъ Редедя, сильный великанъ, хотѣлъ, слѣдуя обычаю тогдашнихъ временъ богатырскихъ, рѣшить побѣду единоборствомъ. «Начто губить дружину?» сказалъ онъ Мстиславу: «одолѣй меня, и возьми все, что имѣю: жену, дѣтей и страну мою». Мстиславъ, бросивъ оружіе на землю, схватился съ великаномъ. Силы Князя Россійскаго начали изнемогать: онъ призвалъ въ помощь Богородицу — низвергнулъ врага и зарѣзалъ его ножемъ. Война кончилась: Мстиславъ вступилъ въ область Редеди, взялъ семейство Княжеское и наложилъ дань на подданныхъ (25).

*Паденіе Козарской Державы.* *г. 1022.*

Увѣренный въ своемъ воинскомъ счастіи, сей Князь не захотѣлъ уже довольствоваться областію Тмутороканскою, которая, будучи отдалена отъ Россіи, могла казаться ему печальною ссылкою: онъ собралъ подвластныхъ ему Козаровъ, Черкесовъ или Касоговъ, и пошелъ къ берегамъ Днѣпровскимъ. Ярослава не было въ столицѣ. Кіевскіе граждане затворились въ стѣнахъ и не пустили брата его; но Черниговъ, менѣе укрѣпленный, принялъ Мстислава. — Великій Князь усмирялъ тогда народный мятежъ въ Суздалѣ (26). Голодъ свирѣпствовалъ въ сей области, и суевѣрные, приписывая оный злому чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ наказалъ виновниковъ мятежа, однихъ смертію, другихъ ссылкою, объявивъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей гладомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ своихъ долженъ только умолять благость Всевышняго. Между тѣмъ жители искали помощи въ изобильной странѣ Казанскихъ Болгаровъ, и Волгою привезли оттуда множество хлѣба. Голодъ миновался. Возстановивъ порядокъ въ землѣ Суздальской, Великій Князь спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы взять мѣры противъ властолюбиваго брата.

*г. 1023.* *Голодъ въ Суздалѣ.*

Знаменитый Варягъ Якунъ пришелъ на помощь къ Ярославу (27). Сей витязь Скандинавскій носилъ на больныхъ глазахъ шитую золотомъ *луду* или повязку; едва могъ видѣть, но еще любилъ войну и битвы. Великій Князь вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовилъ войско къ сраженію; поставилъ Сѣверянъ или Черниговцевъ въ срединѣ, а любимую дружину свою на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Небо покрылось густыми тучами — и въ то самое время, когда ударилъ громъ и зашумѣлъ сильный дождь, сей отважный Князь напалъ на Ярослава. Варяги стояли мужественно противъ Сѣверянъ: казалось, что ужасъ ночи, буря, гроза, тѣмъ болѣе остервеняли воиновъ; при свѣтѣ молніи, говоритъ Лѣтописецъ, страшно блистало оружіе. Храбрость, искусство и счастіе Мстислава рѣшили побѣду: Варяги, утомленные битвою съ Черниговцами, смятые пылкимъ нападеніемъ его дружины, отступили. Вождь ихъ, Якунъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія златую *луду* свою. На другой день Мстиславъ, осматривая убитыхъ, сказалъ: «мнѣ ли не радоваться? здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, тамъ Варягъ; а собственная моя дружина цѣла». Слово недостойное добраго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнію, стоили по крайней мѣрѣ его сожалѣнія.

*Битва у Листвена.*

Но Мстиславъ изъявилъ рѣдкое великодушіе въ разсужденіи брата, давъ ему знать, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и господствовалъ, какъ старшій сынъ Великаго Владиміра, надъ всею правою стороною Днѣпра. Ярославъ боялся вѣрить ему; правилъ Кіевомъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и собиралъ вой-

*Миръ.*

ско. Наконецъ сіи два брата съѣхались у Городца, подъ Кіевомъ (28); заключи- г.1026. ли искренній союзъ и раздѣлили Государство: Ярославъ взялъ западную часть его, а Мстиславъ восточную; Днѣпръ служилъ границею между ими, и Россія, десять лѣтъ терзаемая внутренними и внѣшними непріятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливонія платила дань Владиміру: междоусобіе дѣтей его возвратило ей не- г.1030. Основаніе Юрьева или Дерпта. зависимость. Ярославъ въ 1030 году снова покорилъ Чудь, основалъ городъ Юрьевъ, или нынѣшній Дерптъ, и собирая дань съ жителей, не хотѣлъ насильно обращать ихъ въ Христіанство: благоразуміе достохвальное, служившее примѣромъ для всѣхъ Князей Россійскихъ! Пользуясь свободою Вѣры, древняя Ливонія имѣла и собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, о коихъ, согласно съ преданіемъ, пишутъ, что они были вмѣстѣ и судіи и палачи, то есть, обвинивъ преступника, сами отсѣкали ему голову (29). — Однакожь, не смотря на умѣренность Россіянъ и на легкость ига, возлагаемаго ими на данниковъ, Чудь и Латыши, какъ увидимъ, не рѣдко старались свергнуть оное, и не щадили крови своей для пріобрѣтенія вольности совершенной.

Завоеванія въ Польшѣ. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Мечиславъ, малодушный сынъ и наслѣдникъ Великаго Болеслава. Пользуясь слабостію сего Короля и внутренними неустройствами земли его, Ярославъ взялъ г.1031. Бельзъ; въ слѣдующій годъ, соединясь съ мужественнымъ братомъ своимъ, овладѣлъ снова всѣми городами Червенскими; входилъ въ самую Польшу, вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, и г.1032. населивъ ими берега Роси, заложилъ тамъ города или крѣпости (30).

г.1036. Смерть Мстислава. Искреннее согласіе двухъ Государей Россійскихъ продолжалось до смерти одного изъ нихъ (31). Мстиславъ, выѣхавъ на ловлю, вдругъ занемогъ и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалымъ*, не испыталъ превратностей воинскаго счастія: сражаясь, всегда побѣждалъ; ужасный для враговъ, славился милостію къ народу и любовію къ вѣрной дружинѣ; веселился и пировалъ съ нею подобно великому отцу своему, слѣдуя его правилу, что Государь не златомъ наживаетъ витязей, а съ витязями злато. Онъ поднялъ мечь на брата, но загладилъ сію жестокость, свойственную тогдашнему вѣку, великодушнымъ миромъ съ побѣжденнымъ, и Россія обязана была десятилѣтнею внутреннею тишиною счастливому ихъ союзу, истинно братскому. — Памятникомъ Мстиславовой набожности остался каменный храмъ Богоматери въ Тмутораканѣ, созданный имъ въ знакъ благодарности за одержанную надъ Касожскимъ великаномъ побѣду, и церковь Спаса въ Черниговѣ, заложенная при семъ Князѣ: тамъ хранились и кости его въ Несторово время. Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *черменъ лицемъ и дебелъ тѣломъ;* имѣлъ также необыкновенно большіе глаза. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ: единственный его сынъ, Евстафій, умеръ еще за три года до кончины родителя.

Ярославъ сдѣлался Монархомъ всей Единовластіе. Россіи и началъ властвовать отъ береговъ моря Бальтійскаго до Азіи, Венгріи и Дакіи. Изъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей оставался одинъ Брячиславъ Полоцкій: вѣроятно, что онъ зависѣлъ отъ своего дяди какъ Государя Самодержавнаго. О дѣтяхъ Владиміровыхъ, Всеволодѣ (32), Станиславѣ, Позвиздѣ, Лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе, сказывая только, что Великій Князь, обманутый клеветниками, заключилъ во Псковѣ Судиславъ заключенъ. Судислава, меньшаго своего брата, который, можетъ быть, княжилъ въ семъ городѣ.

Но Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ Удѣльнаго Правленія. Женатый на Ингигердѣ или Аннѣ, дочери Шведскаго Короля Олофа — которая получила отъ него въ вѣно городъ Альдейгабургъ или Старую Ладогу (33) — онъ былъ уже отцемъ многочисленнаго семейства. Какъ скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось Новые Удѣлы. шестнадцать лѣтъ, Великій Князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствію слѣпой любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновеніе.

Узнавъ о набѣгѣ Печенѣговъ, онъ спѣшилъ изъ Новагорода въ южную Россію и сразился съ варварами подъ самыми стѣнами Кіева. Варяги, всегдашніе его помощники, стояли въ срединѣ; на правомъ крылѣ граждане Кіевскіе, на лѣвомъ Новогородцы. Битва продолжалась цѣлый день. Ярославъ одержалъ побѣ-

44

Побѣда надъ Печенѣгами. ду, самую счастливѣйшую для отечества, сокрушивъ однимъ ударомъ силу лютѣйшаго изъ враговъ его. Большая часть Печенѣговъ легла на мѣстѣ; другіе, гонимые раздраженнымъ побѣдителемъ, утонули въ рѣкахъ [34]; немногіе спаслися бѣгствомъ, и Россія навсегда освободилась отъ ихъ жестокихъ нападеній. Въ память сего знаменитаго торжества Великій Князь заложилъ, на мѣстѣ сраженія, великолѣпную церковь, и распространивъ Кіевъ, обвелъ его *каменными* стѣнами; подражая Константинополю, онъ назвалъ ихъ главныя врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софіею *Митрополитскою*, украсивъ ее золотомъ, серебромъ, мусіею и драгоцѣнными сосудами. Тогда былъ уже *Митрополитъ* въ нашей древней столицѣ, именемъ Ѳеопемптъ — вѣроятно, Грекъ — который, по извѣстію Нестора, въ 1039 году вновь освятилъ храмъ Богоматери, сооруженный Владиміромъ, но поврежденный, какъ надобно думать, сильнымъ Кіевскимъ пожаромъ 1017 году. Ярославъ началъ также строить монастыри: первыми изъ нихъ были въ Кіевѣ монастырь Св. Георгія и Св. Ирины. Сей Государь, по сказанію Лѣтописца, весьма любилъ *церковные уставы*, духовныхъ Пастырей и въ особенности *Черноризцевъ;* не менѣе любилъ и книги божественныя; велѣлъ переводить ихъ съ Греческаго на Славянскій языкъ, читалъ оныя день и ночь, многія списывалъ и положилъ въ церкви Софійской для народнаго употребленія. Опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе Іереямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ, и предписалъ имъ учить новыхъ Христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ; видѣлъ успѣхи Вѣры, и радовался, какъ усердный сынъ Церкви и добрый отецъ народа.

Г. 1037. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ.

Митрополитъ.

Строеніе монастырей.

Любовь Ярослава къ книгамъ.

Г. 1038. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Ревностное благочестіе и любовь къ ученію книжному не усыпляли его воинской дѣятельности. Ятвяги были побѣждены Владиміромъ Великимъ; но сей народъ, обитая въ густыхъ лѣсахъ, питаясь рыбною ловлею и пчеловодствомъ, болѣе всего любилъ дикую свободу и не хотѣлъ никому платить дани. Ярославъ имѣлъ съ нимъ войну; также съ Литовцами, сосѣдами Полоцкаго или Туровскаго Княженія, и съ Мазовшанами, тогда независимыми отъ Государя Польскаго [35]. Сынъ Великаго Князя, Владиміръ, ходилъ съ Новогородцами на Ямь, или нынѣшнихъ Финляндцевъ, и побѣдилъ ихъ; но въ сей землѣ безплодной и каменистой, воины его оставили всѣхъ коней своихъ, бывшихъ тамъ жертвою мора.

Г. 1040.

Г. 1041.

Г. 1043. Предпріятіе гораздо важнѣйшее ознаменовало для нашей Исторіи 1043 годъ. Дружба Великихъ Князей съ Императорами, основанная на взаимныхъ выгодахъ, утвердилась единствомъ Вѣры и родственнымъ ихъ союзомъ. Съ помощію Россіянъ шуринъ Владиміровъ завоевалъ не только Тавриду, но и Болгарію; они сражались подъ знаменами Имперіи въ самыхъ окрестностяхъ древняго Вавилона. Лѣтописцы Византійскіе разсказываютъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ Св. Владиміра прибылъ на судахъ въ гавань Цареградскую какой-то родственникъ его; объявилъ намѣреніе вступить въ службу Императора, но тайно ушелъ изъ пристани, разбилъ Грековъ на берегахъ Пропонтиды, и вооруженною рукою открылъ себѣ путь къ острову Лимну, гдѣ Самскій Намѣстникъ и Воевода Солунскій злодѣйскимъ образомъ умертвили его и 800 бывшихъ съ нимъ воиновъ. Сіе обстоятельство не имѣло никакихъ слѣдствій: купцы Россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ Имперіею, свободно торговали въ Константинополѣ. Но сдѣлалась ссора между ими и Греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго Россіянина. Вѣроятно, что Великій Князь напрасно требовалъ удовольствія [36]: оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать Грековъ; поручилъ войско мужественному Полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну своему Владиміру, итти съ нимъ къ Царюграду. Греція вспомнила бѣдствія, претерпѣнныя нѣкогда ею отъ флотовъ Россійскихъ — и Послы Константина Мономаха встрѣтили Владиміра. Императоръ писалъ къ нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной Россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ сего письма, отпустилъ Греческихъ Пословъ съ отвѣтомъ высокомѣрнымъ, какъ говорятъ Византійскіе Историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подъ стражу купцевъ и воиновъ Россійскихъ, бывшихъ въ Царѣградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ Имперіи, вы-

Походъ на Грековъ.

ѣхалъ самъ на Царской яхтѣ противъ непріятеля; за нимъ слѣдовалъ флотъ и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фара. Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. «Соглашаюсь» — сказалъ гордый Князь Новогородскій — «ежели вы, богатые Греки, дадите по три фунта золота на каждаго человѣка въ моемъ войскѣ (37).» Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ, и желая заманить непріятелей въ открытое море, послалъ впередъ три галеры, которыя врѣзались въ средину Владиміровa флота и зажгли Греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне снялись съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлалась буря, гибельная для малыхъ Россійскихъ лодокъ; однѣ исчезли въ волнахъ, другія стали на мель, или были извержены на берегъ. Корабль Владиміровъ пошелъ на дно; нѣкто Творимиричь, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ Князя и Воеводъ Ярославовыхъ, взявъ ихъ къ себѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6,000 Россіянъ, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный Воевода Ярославовъ, Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опасность, хотѣлъ великодушно раздѣлить оную, и сошелъ на берегъ, сказавъ Князю: «иду съ ними; буду ли живъ, или умру, но не покину достойныхъ воиновъ (38).» Между тѣмъ Императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду и возвратился въ столицу, отправивъ въ слѣдъ за Россіянами флотъ и два Легіона. 24 Галеры Греческія обогнали Владиміра и стали въ заливѣ: Князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сцѣпились съ ними и вступили въ отчаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ или истребивъ суда Греческія. Адмиралъ Мономаховъ былъ убитъ, и Владиміръ пришелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ. . . Великодушный, но несчастный Вышата сразился въ Болгаріи, у города Варны, съ сильнымъ Греческимъ войскомъ: большая часть его дружины легла на мѣстѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ Россіянъ и самого Вышату: Императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить!

Сія война предковъ нашихъ съ Греціею была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ страшныхъ флотовъ на Воспорѣ: ибо Россія, терзаемая междоусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказаніе, неизвѣстно кѣмъ написанное въ X или XI вѣкѣ подъ истуканомъ Беллерофона (который стоялъ на Таврской площади въ Царѣградѣ), что «Россіяне должны овладѣть столицею Имперіи Восточной (39):» столь имя ихъ ужасало Грековъ! — Чрезъ три года Великій Князь заключилъ миръ съ Имперіею, и плѣнники Россійскіе, безчеловѣчно лишенные зрѣнія, возвратились въ Кіевъ. Древнее предсказаніе.

Около сего времени Ярославъ вошелъ въ свойство со многими знаменитыми Государями Европы. Брачные союзы. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Казиміръ, внукъ Болеслава *Храбраго*: изгнанный въ дѣтствѣ изъ отечества вмѣстѣ съ матерію, онъ удалился (какъ разсказываютъ Историки Польскіе) во Францію, и не имѣя надежды быть Королемъ, сдѣлался Монахомъ. Наконецъ Вельможи Польскіе, видя мятежъ въ Государствѣ, прибѣгнули къ его великодушію: освобожденный Папою отъ узъ духовнаго обѣта, Казиміръ возвратился изъ кельи въ чертоги Царскіе (40). Желая пользоваться дружбою могущественнаго Ярослава, онъ женился на сестрѣ его, дочери Св. Владиміра. Польскіе Историки говорятъ, что брачное торжество совершилось въ Краковѣ; что добродѣтельная и любезная *Марія*, названная *Доброгнѣвою*, приняла Вѣру Латинскую, и что Король ихъ взялъ за супругою великое богатство, множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также драгоцѣнныхъ конскихъ и другихъ украшеній. Собственный Лѣтописецъ нашъ сказываетъ, что Казиміръ далъ Ярославу за *вѣно* — то есть, за невѣсту свою — 800 человѣкъ: вѣроятно Россіянъ, плѣненныхъ въ 1018 году Болеславомъ. Сей союзъ, одобренный здравою Политикою обоихъ Государствъ, утвердилъ за Россіею города Червенскіе; а Ярославъ, какъ искренній другъ своего зятя, помогъ ему смирить мятежника смѣлаго и хитраго, именемъ Моислава, который овладѣлъ Мазовіею и хотѣлъ быть Государемъ независимымъ. Г. 1046. Великій Князь, разбивъ его многочисленное войско, покорилъ сію областъ Казиміру.

Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о дочеряхъ Ярославовыхъ; но достовѣрные Лѣтописцы чужестранные именуютъ трехъ: Елисавету, Анну и Анастасію или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежскаго. Въ

юности своей выѣхавъ изъ отечества, онъ служилъ Князю Ярославу; влюбился въ прекрасную дочь его, Елисавету, и желая быть достойнымъ ея руки, искалъ великаго имени въ свѣтѣ. Гаральдъ отправился въ Константинополь; вступилъ въ службу Императора Восточнаго; въ Африкѣ, въ Сициліи побѣждалъ невѣрныхъ; ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ Мѣстамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ богатствомъ и славою, возвратясь въ Россію, женился на Елисаветѣ, которая одна занимала его сердце и воображеніе среди всѣхъ блестящихъ подвиговъ геройства (41). Наконецъ онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ.

Вторая Княжна, Анна, сочеталась бракомъ съ Генрикомъ I, Королемъ Французскимъ. Папа объявилъ кровосмѣшеніемъ супружество отца его и гналъ Роберта, какъ беззаконника, за то, что онъ женился на родственницѣ въ четвертомъ колѣнѣ. Генрикъ, будучи свойственникомъ Государей сосѣдственныхъ, боялся такой же участи, и въ странѣ отдаленной искалъ себѣ знаменитой невѣсты (42). Франція, еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россіею, возвеличенною завоеваніями Олега и Великихъ его преемниковъ. Въ 1048 году — по извѣстію древней рукописи, найденной въ С. Омерской церкви — Король отправилъ Посломъ къ Ярославу Епископа Шалонскаго, Рогера: Анна пріѣхала съ нимъ въ Парижъ и соединила кровь Рюрикову съ кровію Государей Французскихъ. — По кончинѣ Генрика I, въ 1060 году, Анна, славная благочестіемъ, удалилась въ монастырь Санлизскій; но чрезъ два года, вопреки желанію сына, вступила въ новое супружество съ Графомъ де-Крепи. Одинъ Французскій Лѣтописецъ говоритъ, что она, потерявъ втораго, любезнаго ей супруга, возвратилась въ Россію: но сіе обстоятельство кажется сомнительнымъ. Сынъ ея, Филиппъ, царствовалъ во Франціи, имѣя столь великое уваженіе къ матери, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 1075 года (43). Честолюбіе, узы семейственныя, привычка и Вѣра Католическая, ею принятая, удерживали сію Королеву во Франціи.

Третья дочь Ярославова, Анастасія, вышла за Короля Венгерскаго, Андрея I. Вѣроятно, что сей брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ Россіянъ переселиться въ Венгрію, гдѣ, въ разныхъ Графствахъ, на лѣвой сторонѣ Дуная, живетъ донынѣ многочисленное ихъ потомство, утративъ чистую Вѣру отцевъ своихъ (44).

Ссылаясь на Лѣтописцевъ Норвежскихъ, Торфей называетъ Владиміра, старшаго Ярославова сына, супругомъ Гиды, дочери Англійскаго Короля Гаральда, побѣжденнаго Вильгельмомъ *Завоевателемъ*. Саксонъ Грамматикъ, древнѣйшій Историкъ Датскій, также повѣствуетъ, что дѣти несчастнаго Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи, искали убѣжища при Дворѣ Свенона II, Короля Датскаго, и что Свенонъ выдалъ потомъ дочь Гаральдову за Россійскаго Князя, именемъ Владиміра (45); но сей Князь не могъ быть *Ярославичь*. Гаральдъ убитъ въ 1066 году, а Владиміръ, сынъ Ярославовъ, скончался въ 1052 (построивъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Софіи, которая еще не разрушена временемъ, и гдѣ погребено его тѣло).

Кромѣ Владиміра, Ярославъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестрѣ Казимира Польскаго, не смотря на то, что его родная тетка была за симъ Королемъ (46); а Всеволодъ, по сказанію Нестора, на *Греческой Царевнѣ*. Новѣйшіе Лѣтописцы называютъ Константина Мономаха тестемъ Всеволода; но Константинъ не имѣлъ дѣтей отъ Зои. Мы не знаемъ даже, по Византійскимъ лѣтописямъ, ни одной Греческой Царевны сего времени, кромѣ Евдокіи и Ѳеодоры, умершихъ въ дѣвствѣ (47). Развѣ положимъ, что Мономахъ, еще не бывъ Императоромъ, прижилъ супругу Всеволодову съ *первою*, неизвѣстною намъ женою?— О супружествѣ другихъ сыновей Ярославовыхъ не можемъ сказать ничего вѣрнаго. Историки Нѣмецкіе пишутъ, что дочь Леопольда, Графа Штадскаго, именемъ Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI вѣка за Князей Россійскихъ, но, скоро овдовѣвъ, возвратились въ Германію и сочетались бракомъ съ Нѣмецкими Принцами (48). Вѣроятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сіи меньшіе сыновья Ярославовы скончались въ юношествѣ, и первая отъ Россійскаго Князя имѣла одного сына, воспитаннаго ею въ Саксоніи: думаю,

Бориса Вячеславича, о коемъ Несторъ говоритъ только съ 1077 года, и который могъ до того времени жить въ Германіи. Лѣтописцы Нѣмецкіе прибавляютъ, что мать его, выѣзжая изъ нашего отечества, зарыла въ землю сокровище, найденное имъ по возвращеніи въ Россію.

Великій Князь провелъ остатокъ жизни своей въ тишинѣ и въ Христіанскомъ благочестіи. Но сія усердная набожность не препятствовала ему думать о пользѣ государственной и въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, сообщивъ намъ Вѣру и присылая главныхъ духовныхъ Пастырей, надѣялись, можетъ быть, чрезъ нихъ присвоить себѣ и нѣкоторую мірскую власть надъ Россіею: Ярославъ не хотѣлъ того, и еще въ первый годъ своего Единодержавія, будучи въ Новѣгородѣ, *самъ* избралъ въ начальники для сей Епархіи Луку Жидяту; а въ 1051 году, собравъ въ Кіевѣ Епископовъ, велѣлъ имъ поставить Митрополитомъ
Г. 1051. Митрополитъ Россіянинъ. Иларіона *Россіянина,* безъ всякаго участія со стороны Константинопольскаго Патріарха (49).... Иларіонъ, мужъ ученый и добродѣтельный, былъ Іереемъ въ селѣ Берестовѣ при церкви Святыхъ Апостоловъ: Великій Князь узналъ его достоинства, имѣя тамъ загородный дворецъ и любя, подобно Владиміру, сіе веселое мѣсто.

Г. 1054. Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ созвалъ дѣтей своихъ и хотѣлъ благоразумнымъ наставленіемъ предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будетъ меня на свѣтѣ,» говорилъ онъ: «вы дѣти одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить другъ друга. Знайте, что междоусобіе, бѣдственное лично для васъ, погубитъ славу и величіе Государства, основаннаго счастливыми трудами нашихъ отцевъ и дѣдовъ (50). Миръ и согласіе ваше утвердятъ его могущество. Изяславъ, старшій братъ, заступитъ мое мѣсто и сядетъ на престолѣ Кіевскомъ: повинуйтесь ему, какъ вы отцу повиновались. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленскъ: каждый да будетъ доволенъ своею частію, или старшій братъ да судитъ васъ какъ Государь! Онъ защититъ утѣсненнаго и накажетъ виновнаго.» Слова достопамятныя, мудрыя и безполезныя! Ярославъ думалъ, что дѣти могутъ быть разсудительнѣе отцевъ, и къ несчастію ошибся.

Наставленія и кончина Ярослава.

Не взирая на старость и болѣзнь, онъ все еще занимался государственными дѣлами; поѣхалъ въ Вышегородъ, и там скончался, имѣя отъ роду болѣе семидесяти лѣтъ (супруга его умерла еще въ 1050 году.) Изъ дѣтей былъ съ нимъ одинъ Всеволодъ, котораго онъ любилъ нѣжнѣе всѣхъ другихъ и никогда не отпускалъ отъ себя. Горестный сынъ, народъ и Священники въ служебныхъ ризахъ шли за тѣломъ изъ Вышегорода до Кіева, гдѣ оно, заключенное въ мраморную раку, было погребено въ Софійской церкви. Сей памятникъ, украшенный рѣзными изображеніями птицъ и деревъ, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ (51).

Февраля 19.

Гробъ Ярославовъ.

Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя Государя мудраго; не пріобрѣлъ оружіемъ новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россіею въ бѣдствіяхъ междоусобія; не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой. Слѣдуя въ правленіи благодѣтельнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ хотѣлъ загладить вину ослушнаго сына и примириться съ тѣнію огорченнаго имъ отца.

Свойства сего Князя.

Внѣшняя Политика Ярославова была достойна Монарха сильнаго: онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные Россіяне требовали и не нашли тамъ правосудія; но отмстивъ Польшѣ и взявъ свое, великодушною помощію утвердилъ ея цѣлость и благоденствіе.

Ярославъ наказалъ мятежныхъ Новогородцевъ, за убіеніе Варяговъ, такъ, какъ Государи не должны наказывать: вѣроломнымъ обманомъ; но признательный къ ихъ усердію, далъ имъ многія выгоды и права. Князья Новогородскіе слѣдующихъ вѣковъ должны были клясться гражданамъ въ точномъ соблюденіи его *льготныхъ грамотъ*, къ сожалѣнію истребленныхъ временемъ (52). Знаемъ только, что сей народъ, ссылаясь на оныя, почиталъ себя вольнымъ въ избраніи собственныхъ Властителей. Память Ярославова была въ теченіе вѣковъ любезна жителямъ Новагорода, и мѣсто, гдѣ обыкновенно сходился народъ для совѣта, въ самыя позднѣйшія времена именовалось *Дворомъ Ярослава.*

Сей Князь заточилъ брата, обнесеннаго клеветниками; но доказалъ свое добродушіе, простивъ мятежнаго пле-

мянника, и забывъ, для счастія Россіи, прежнюю вражду Князя Тмуторокан-скаго.

Кре-щеніе ко-стей.

Ярославъ былъ набоженъ до суевѣрія: онъ вырылъ кости Владиміровыхъ братьевъ, умершихъ въ язычествѣ — Олеговы и Ярополковы — крестилъ ихъ и положилъ въ Кіевской церкви Св. Богородицы ([53]). Ревность его къ Христіанству соединялась, какъ мы видѣли, съ любовію къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей Великій Князь завелъ въ Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшинъ пріобрѣтали свѣдѣнія нужныя для Священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ ([54]).

Пер-вое на-родное учили-ще.

Загладивъ слѣды Болеславовыхъ опустошеній въ южной Россіи, населивъ плѣнниками область Кіевскую и будучи, подобно Олегу и Владиміру, основателемъ многихъ городовъ новыхъ ([55]), онъ хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторымъ Царемградомъ*.

Кіевъ вторый Царь-градъ.

Ярославъ любилъ Искусства: художники Греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею, донынѣ видимою въ Кіевской Софійской церкви. Сія мусія, составленная изъ четвероугольныхъ камешковъ, изображаетъ на златомъ полѣ лица и одежду Святыхъ по рисунку весьма несовершенному, но съ удивительною свѣжестію красокъ: работа болѣе трудная, нежели изящная, однакожъ любопытная для знатоковъ Искусства.— Благопріятный случай сохранилъ также для насъ серебряную монету княженія Ярославова, на коей представленъ воинъ съ Греческою надписью: *ὁ Γεώργιος*, и съ Русскою: *Ярославле сребро* ([56]): доказательство, что древняя Россія не только пользовалась чужестранными драгоцѣнными монетами, но имѣла и собственныя.

Моне-та Яро-сла-вова.

— Стараясь о благолѣпіи храмовъ, пріятномъ для глазъ, Великій Князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы Греческіе, научившіе Россійскихъ церковниковъ согласному *Демественному* пѣнію ([57]).

Де-мест-венное пѣніе.

Дворъ Ярославовъ, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ для Государей и Князей несчастныхъ. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олофъ *Святый*, Король Норвежскій, лишенный трона, требовалъ защиты Россійскаго Монарха. Ярославъ принялъ его съ особеннымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать ему въ управленіе знаменитую область въ Государствѣ своемъ; но сей Король, обольщенный сновидѣніемъ и надеждою побѣдить Канута, завоевателя Норвегіи, выѣхалъ изъ Россіи, оставивъ въ ней юнаго сына своего, Магнуса, который послѣ царствовалъ въ Скандинавіи ([58]).

Рос-сія убѣж-ще из-гнан-никовъ.

Дѣти мужественнаго Короля Англійскаго, Эдмунда, изгнанные Канутомъ, Эдвинъ и Эдвардъ, также Принцъ Венгерскій, Андрей (не бывъ еще зятемъ Ярославовымъ), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Левентою, искали безопасности въ нашемъ отечествѣ ([59]). — Ярославъ съ такимъ же великодушіемъ принялъ Князя Варяжскаго Симона, который, будучи изгнанъ дядею, *Якуномъ Слѣпымъ*, со многими единоземцами вступилъ въ Россійскую службу и сдѣлался первымъ вельможею юнаго Всеволода ([60]).

Мы сказали, что Ярославъ не принадлежитъ къ числу завоевателей; однакожъ вѣроятно, что въ *его* княженіе область Новогородская распространилась на Востокъ и Сѣверъ.

Сѣвер-ныя владѣ-нія Рос-сіи.

Жители Перми, окрестностей Печорскихъ, Югра ([61]), были уже въ XI вѣкѣ данниками Новогородскими (Несторъ зналъ и дикихъ Самоѣдовъ, которые обитали къ Сѣверу отъ Югры): завоеваніе столь отдаленное не могло вдругъ совершиться, и Россіянамъ надлежало прежде овладѣть всѣми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской Губерніи, древнимъ отечествомъ народовъ Чудскихъ, славнымъ въ Сѣверныхъ лѣтописяхъ подъ именемъ Біарміи. Тамъ, на берегахъ Двины, въ началѣ XI вѣка, по сказанію Исландцевъ, былъ торговый городъ, гдѣ съѣзжались лѣтомъ купцы Скандинавскіе, и гдѣ Норвежцы, отправленные въ Біармію Св. Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, ограбили кладбище и похитили украшеніе Финскаго идола Йомалы ([62]). Баснословіе ихъ Стихотворцевъ о чудесномъ великолѣпіи сего храма и богатствѣ жителей не входитъ въ Исторію; но жители Біарміи могли нѣкоторыми произведеніями земли своей, солью, желѣзомъ, мѣхами, торговать съ Норвежцами, открывшими въ IX вѣкѣ путь къ устью Двины ([63]), и даже съ Камскими Болгарами, посредствомъ рѣкъ судоходныхъ. Занимаясь рыбною и звѣриною ловлею, огражденные съ одной стороны морями хладными, а съ другой лѣсами дремучими, они спокойно на-

слаждались независимостію, до самаго того времени, какъ смѣлые и предпріимчивые Новогородцы сблизились съ ними чрезъ область Бѣлозерскую и покорили ихъ, въ Княженіе Владиміра или Ярослава ([64]). Сія земля, отъ Бѣлаозера до рѣки Печоры, была названа Заволочьемъ и мало по малу населена выходцами Новогородскими, которые принесли туда съ собою и Вѣру Христіанскую (по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовали монастыри на берегахъ Двины). Скоро отдаленный хребетъ горъ Уральскихъ, идущій отъ Новой Земли къ Югу, и бывшій нѣсколько времени предметомъ баснословія въ нашемъ отечествѣ, сдѣлался какъ бы границею Россіи, и Новогородцы нашли способъ получать естественныя, драгоцѣнныя произведенія Сибири чрезъ своихъ Югорскихъ данниковъ, которые вымѣнивали оныя у тамошнихъ обитателей на желѣзныя орудія и другія дешевыя вещи.

Законы. Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ достойный великаго Монарха. Сему Князю приписываютъ древнѣйшее *собраніе* нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды* ([65]). Еще въ Олегово время Россіяне имѣли законы; но Ярославъ, *можетъ быть*, отмѣнилъ нѣкоторые, исправилъ другіе, и первый издалъ законы *письменные* на языкѣ Славянскомъ. Они конечно были государственными или *общими*, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя *особенныя* или мѣстныя учрежденія ([66]). Сей остатокъ древности, подобный *двѣнадцати доскамъ* Рима, есть вѣрное зерцало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи: предлагаемъ его здѣсь въ извлеченіи.

---

# ГЛАВА III.

## ПРАВДА РУССКАЯ ИЛИ ЗАКОНЫ ЯРОСЛАВОВЫ.

---

**Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наслѣдственное. Судіи Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный.**

Главная цѣль общежитія есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: уставъ Ярославовъ утверждаетъ ту и другую слѣдующимъ образомъ:

Законы уголовные. I. «Кто убьетъ человѣка, тому родственники убитаго мстятъ за смерть смертію; а когда не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать деньгами въ Казну: за голову Боярина Княжескаго, Тіуна *Огнищанъ* или гражданъ именитыхъ, и Тіуна *Конюшаго*, 80 гривенъ или двойную Виру; за Княжескаго Отрока или Гридня, *повара*, *конюха*, купца, Тіуна и Мечника Боярскаго, за всякаго *Людина*, то есть свободнаго человѣка, Русскаго (Варяжскаго племени) или Славянина, 40 гривенъ или Виру, а за убіеніе жены полвиры. За раба нѣтъ Виры; но кто убилъ его безвинно, долженъ платить господину такъ называемый урокъ, или цѣну убитаго: за Тіуна *сельскаго* или старосту Княжескаго и Боярскаго, за ремесленника, дядьку или пѣстуна, и за кормилицу, 12 гривенъ, за простаго холопа Боярскаго и Людскаго 5 гривенъ, за рабу шесть гривенъ, и сверхъ того въ Казну 12 гривенъ *продажи*,» дани или пени ([67]).

Денежныя пени за убійство. Мы уже имѣли случай замѣтить, что Россіяне получили свои гражданскіе уставы отъ Скандинавовъ. Желая утвердить семейственныя связи, нужныя для безопасности личной въ новыхъ обществахъ, всѣ народы Германскіе давали родственникамъ убитаго право лишить жизни убійцу или взять съ него деньги,

Вира. определяя разныя пени или Виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянію убитыхъ, ничтожныя въ сравненіи съ нынѣшнею цѣною вещей, но тягостныя по тогдашней рѣдкости денегъ (68). Законодатели берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества, и думали, что денежная пеня можетъ отвращать злодѣянія. Дѣти Ярославовы, какъ увидимъ, отмѣнили даже и законную месть родственниковъ.

Гражданскія степени. Сія уголовная статья весьма ясно представляетъ намъ гражданскія степени древней Россіи. Бояре и Тіуны Княжескіе занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитаго чиновника: второе есть Скандинавское или древнее Нѣмецкое Thaegn, Thiangn, Diakn, *мужъ честный*, vir probus (69); такъ вообще назывались Дворяне Англо-Саксонскіе, иногда дружина Государей, Графы, и проч. — Люди военные, придворные (70), купцы и земледѣльцы свободные принадлежали ко второй степени; къ третьей, или нижайшей, холопи Княжескіе, Боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ нашемъ были конечно потомки военоплѣнныхъ; но въ сіе время — то есть, въ XI вѣкѣ — уже разныя причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ (71), что «холопомъ *обѣльнымъ*, или полнымъ, бываетъ 1) человѣкъ купленный при свидѣтеляхъ; 2) кто не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; 4) кто безъ условія же пойдетъ въ слуги или въ ключники, и 5) *закупъ*, то есть, наемникъ или на время закабаленный человѣкъ, который, не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что онъ ходилъ къ Князю или судьямъ, искать управы на господина. Но служба не дѣлаетъ вольнаго рабомъ. Наемники могутъ всегда отойти отъ господина, возвративъ ему не заработанныя ими деньги. Вольный слуга, обманомъ проданный за холопа, совершенно освобождается отъ кабалы, а продавецъ вноситъ въ Казну 12 гривенъ пени.»

Дикая Вира. II. «Ежели кто убьетъ человѣка въ ссорѣ или въ пьянствѣ и скроется, то *Вервь* или округа, гдѣ совершилось убійство, платитъ за него пеню» — которая называлась въ такомъ случаѣ *дикою Вирою* — «но въ разные сроки, и въ нѣсколько лѣтъ, для облегченія жителей. За найденное мертвое тѣло человѣка неизвѣстнаго Вервь не отвѣтствуетъ. — «Когда же убійца не скроется, то съ округи или съ волости взыскать половину Виры, а другую съ самого убійцы.» Законъ весьма благоразумный въ тогдашнія времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченнаго виномъ или ссорою, онъ побуждалъ всякаго быть миротворцемъ, чтобы въ случаѣ убійства не платить вмѣстѣ съ виновнымъ. — «Ежели убійство сдѣлается безъ всякой ссоры, то волость не платитъ за убійцу, но выдаетъ его *на потокъ*» — или въ руки Государю — «съ женою, съ дѣтьми и съ имѣніемъ» (72). Уставъ жестокій и несправедливый по нашему образу мыслей: но жена и дѣти отвѣтствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностію*. Потокъ.

III. Какъ древніе Нѣмецкіе, такъ и Ярославовы законы опредѣляли особенную пеню за всякое дѣйствіе насилія: «за ударъ мечемъ необнаженнымъ, или его рукояткою, тростію, чашею, стаканомъ (73), пястію, 12 гривенъ; за ударъ палицею и жердію 3 гривны, за всякой толчокъ и за рану легкую 3 гривны, а раненному гривну на леченье.» Слѣдственно гораздо неизвинительнѣе было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканомъ, нежели тяжелою палицею или самымъ острымъ мечемъ. Угадаемъ ли мысль Законодателя! Когда человѣкъ въ ссорѣ *обнажалъ* мечь, бралъ палицу или жердь, тогда противникъ его, *видя опасность*, имѣлъ время изготовиться къ оборонѣ или удалиться. Но рукою или домашнимъ сосудомъ можно было ударить *незапно*: также мечемъ необнаженнымъ и тростію: ибо воинъ *обыкновенно* носилъ мечь и всякой человѣкъ *обыкновенно* ходилъ съ тростію: то и другое не заставляло остерегаться. Далѣе: «За поврежденіе ноги, руки, глаза, носа, виновный платитъ 20 гривенъ въ Казну, а самому изувѣченному 10 гривенъ (74); за выдернутый клокъ бороды 12 гривенъ въ Казну; за выбитый зубъ то же, а самому битому гривну; за отрубленный палецъ 3 гривны въ Казну, а раненному гривну. Кто погрозитъ мечемъ, съ того взять гривну пени; кто же вынулъ его для обороны, тотъ не подвергается никакому взысканію, ежели и ранитъ своего противника. Кто самовольно, безъ Княжескаго повелѣнія, накажетъ *Огнищанина*» (именитаго гражданина) «или

Пеня за удары.

*Смерда*» (земледѣльца и простаго человѣка) «платитъ за перваго 12 гривенъ Князю, за втораго 3 гривны, а битому гривну въ томъ и въ другомъ случаѣ. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется, а господинъ не выдастъ его, то взыскать съ господина 12 гривенъ. Истецъ же имѣетъ право вездѣ умертвить раба, своего обидчика.» Дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право бить виновнаго холопа (75), или взять за безчестье гривну. — «Если господинъ въ пьянствѣ и безъ вины тѣлесно накажетъ *закупа* или слугу наемнаго, то платитъ ему какъ свободному.» — Большая часть денежной пени, какъ видимъ, шла обыкновенно въ Казну: ибо всякое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ Государя, блюстителя общей безопасности.

Дворъ Княжескій есть мѣсто суда.

IV. «Когда на Дворъ Княжескій» — гдѣ обыкновенно судились дѣла — «придетъ истецъ окровавленный или въ синихъ пятнахъ, то ему не нужно представлять инаго свидѣтельства; а ежели нѣтъ знаковъ, то представляетъ очевидцевъ драки, и виновникъ ея платитъ 60 *кунъ*» (см. ниже). «Ежели истецъ будетъ окровавленъ, а свидѣтели покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то ему нѣтъ удовлетворенія (76).»

Оградивъ личную безопасность, Законодатель старался утвердить цѣлость собственности въ гражданской жизни.

Охраненіе собственности.

V. «Всякой имѣетъ право убить ночнаго татя на воровствѣ; а кто продержитъ его связаннаго *до свѣта*, тотъ обязанъ итти съ нимъ на Княжескій Дворъ. Убіеніе татя взятаго и связаннаго есть преступленіе, и виновный платитъ въ Казну 12 гривенъ. Тать *коневый* выдается головою Князю и теряетъ всѣ права гражданскія, вольность и собственность.»

Воровство.

Столь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга человѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путешествіяхъ! Древніе Саксонскіе законы осуждали на смерть всякаго, кто уведетъ чужую лошадь (77). — Далѣе: «Съ вора *клѣтнаго*» — т. е. домашняго или горничнаго — «взыскивается въ Казну 3 гривны, съ вора *житнаго*, который унесетъ хлѣбъ изъ *ямы* или съ гумна, 3 гривны и 30 кунъ; хозяинъ же беретъ свое жито, и еще полгривны съ вора. — Кто украдетъ скотъ въ хлѣвѣ или въ домѣ, платитъ въ Казну 3 гривны и 30 кунъ, а кто въ полѣ, тотъ 60 кунъ» (первое считалось важнѣйшимъ преступленіемъ: ибо воръ нарушалъ тогда спокойствіе хозяина): «сверхъ чего за всякую скотину, которая не возвращена лицемъ, хозяинъ беретъ опредѣленную цѣну: за коня *Княжаго* 3 гривны, за простаго 2, за кобылу 60 кунъ, за жеребца неѣзжалаго гривну, за жеребенка 6 *ногатъ*, за вола гривну, за корову 40 кунъ, за трехлѣтняго быка 30 кунъ, за годовика полгривны, за теленка, овцу и свинью 5 кунъ, за барана и поросенка ногату (78).»

Оцѣнка вещей.

Статья любопытная: ибо она показываетъ тогдашнюю оцѣнку вещей. Въ гривнѣ было 20 *ногатъ* или 50 *рѣзаней*, а 2 рѣзани составляли одну *куну*. Сими именами означались мелкія кожаныя монеты, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи (79).»

VI. «За бобра, украденнаго изъ норы, опредѣляется 12 гривенъ пени (80).» Здѣсь говорится о бобрахъ *племянныхъ*, съ коими хозяинъ лишался всего возможнаго приплода. — «Если въ чьемъ владѣніи будетъ изрыта земля, найдутся сѣти или другіе признаки воровской ловли, то Вервь должна сыскать виновнаго или заплатить пеню.»

VII. «Кто умышленно зарѣжетъ чужаго коня или другую скотину, платитъ 12 гривенъ въ Казну, а хозяину гривну (81).» Злоба безчестила гражданъ менѣе, нежели воровство: тѣмъ болѣе долженствовали законы обуздывать оную.

Бортные знаки и межевые столпы.

VIII. «Кто стешетъ *бортные* знаки (82) или запашетъ межу полевую, или перегородитъ дворовую, или срубитъ бортную грань, или *дубъ* гранный или межевый столпъ, съ того взять въ Казну 12 гривенъ.» Слѣдственно всякое сельское владѣніе имѣло свои предѣлы, утвержденные Гражданскимъ Правительствомъ, и знаки ихъ были священны для народа.

IX. «За борть ссѣченную виновный даетъ 3 гривны пени въ Казну, за дерево полгривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину за медъ нелаженнаго улья 10 кунъ, за лаженный 5 кунъ (83).» Читателю извѣстно, что есть *бортное* ухожье: дупла служили тогда ульями, а лѣса единственными пчельниками. — «Ежели тать скроется, должно искать его по слѣду, но съ чужими людьми и свидѣтелями. Кто не отведетъ слѣда отъ своего жилища, тотъ виноватъ; но буде слѣдъ кончится у гостинницы, или на пустомъ, незастроенномъ мѣстѣ, то взысканія нѣтъ.»

48

Птицеловство. X. «Кто срубитъ шестъ подъ сѣтію птицелова или отрѣжетъ ея веревки, платитъ 3 гривны въ Казну, а птицелову гривну; за украденнаго сокола или ястреба 3 гривны въ Казну, а птицелову гривну; за голубя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, за утку 30 кунъ; за гуся, журавля и лебедя то же (84).» Сею чрезмѣрною пенію Законодатель хотѣлъ обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицелововъ въ ихъ промыслѣ.

XI. «За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ Казну, а хозяину за каждый возъ по двѣ ногаты.»

XII. «Воръ за ладію платитъ 60 кунъ въ Казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за *набойную* 2 гривны, за стругъ гривну, за челнъ 8 кунъ, если не можетъ лицемъ возвратить украденнаго (85).» Имя *набойная* происходитъ отъ досокъ, *набиваемыхъ* сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его.

Зажигательство. XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается головою Князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ коего надобно прежде вознаградить убытокъ, понесенный хозяиномъ гумна или дома.»

XIV. «Ежели облічатся въ воровствѣ холопи Княжескіе, Бояръ или простыхъ Гражданъ, то съ нихъ не брать въ Казну пени (взыскиваемой единственно съ людей свободныхъ); но они должны платить истцу вдвое: на примѣръ, взявъ обратно свою украденную лошадь, истецъ требуетъ еще за оную 2 гривны — разумѣется съ господина, который обязанъ или выкупить своего холопа, или головою выдать его, вмѣстѣ съ другими участниками сего воровства, кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Ежели холопъ, обокравъ кого, уйдетъ, то господинъ платитъ за всякую унесенную имъ вещь по цѣнѣ обыкновенной. — За воровство слуги наемнаго господинъ не отвѣтствуетъ; но если внесетъ за него пеню, то беретъ слугу въ рабы или можетъ продать (86).»

Сводъ. XV. «Утративъ одежду, оружіе, хозяинъ долженъ заявить на торгу; опознавъ вещь у *горожанина*, идетъ съ нимъ *на сводъ*, то есть, спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? и переходя такимъ образомъ отъ человѣка къ человѣку, отыскиваетъ дѣйствительнаго вора, который платитъ за вину 3 гривны; а вещь остается въ рукахъ хозяина. Но ежели ссылка пойдетъ на жителей *уѣздныхъ*, то истцу взять за украденное деньги съ *третьяго* отвѣтчика, который идетъ съ поличнымъ далѣе, и наконецъ отысканный воръ платитъ за все по закону. — Кто скажетъ, что краденное куплено имъ у человѣка неизвѣстнаго, или жителя иной области, тому надобно представить двухъ свидѣтелей, гражданъ свободныхъ, или мытника (сборщика пошлинъ), чтобы они клятвою утвердили истину словъ его (87). Въ такомъ случаѣ хозяинъ беретъ свое лицемъ, а купецъ лишается вещи, но можетъ отыскивать продавца.»

XVI. «Ежели будетъ *украденъ холопъ*, то господинъ, опознавъ его, также идетъ съ нимъ на сводъ отъ человѣка къ человѣку, и *третій* отвѣтчикъ даетъ ему *своего* холопа, но съ украденнымъ идетъ далѣе (88). Отысканный виновникъ платитъ всѣ убытки и 12 гривенъ пени Князю; а *третій* отвѣтчикъ беретъ обратно холопа, отданнаго имъ въ залогъ вмѣсто сведеннаго.» Кража людей.

XVII. «О *бѣгломъ* холопѣ господинъ объявляетъ на торгу, и ежели чрезъ три дни опознаетъ его въ чьемъ домѣ, то хозяинъ сего дому, возвративъ укрытаго бѣглеца, платитъ еще въ Казну 3 гривны. — Кто бѣглецу дастъ хлѣба или укажетъ путь, тотъ платитъ господину 5 гривенъ, а за рабу 6, или клянется, что онъ не слыхалъ объ ихъ бѣгствѣ (89). Кто представитъ ушедшаго холопа, тому даетъ господинъ гривну; а кто упуститъ задержаннаго бѣглеца, платитъ господину 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ: въ первомъ случаѣ пятая, а во второмъ шестая уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглыхъ. — Кто самъ найдетъ раба своего въ городѣ, тотъ беретъ Посадникова Отрока, и даетъ ему 10 кунъ за связаніе бѣглеца. Бѣглые.

XVIII. «Кто возметъ чужаго холопа въ кабалу, тотъ лишается данныхъ холопу денегъ, или долженъ присягнуть, что онъ считалъ его свободнымъ: въ такомъ случаѣ господинъ выкупаетъ раба, и беретъ все имѣніе, пріобрѣтенное симъ рабомъ (90).» Кабала.

XIX. «Кто, не спросивъ у хозяина, сядетъ на чужаго коня, тотъ платитъ въ наказаніе 3 гривны» — то есть, всю цѣну лошади. Сей законъ слово въ слово есть повтореніе древняго Ютландскаго, и еще болѣе доказываетъ, что гражданскіе уставы Нормановъ были основаніемъ Россійскихъ (91).

XX. «Ежели наемникъ потеряетъ собственную лошадь, то ему не за что отвѣтствовать; а ежели утратитъ плугъ и борону господскую, то обязанъ платить

или доказать, что сіи вещи украдены въ его отсутствіе, и что онъ былъ посланъ со двора за господскимъ дѣломъ.» И такъ владѣльцы обработывали свои земли не одними холопями, но и людьми наемными. — «Вольный слуга не отвѣтствуетъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но когда растеряетъ оную въ полѣ, или не загонитъ на дворъ, то платитъ. — Ежели господинъ обидитъ слугу и не выдастъ ему полнаго жалованья, то обидчикъ, удовольствовавъ истца, вноситъ 60 кунъ пени; ежели насильственно отниметъ у него деньги, то, возвративъ ихъ, платитъ еще въ Казну 3 гривны (92).»

Долги. XXI. «Ежели кто будетъ требовать своихъ денегъ съ должника, а должникъ запрется, то истецъ представляетъ свидѣтелей. Когда они поклянутся въ справедливости его требованія, заимодавецъ беретъ свои деньги и еще 3 гривны въ удовлетвореніе. — Ежели заемъ не свыше трехъ гривенъ, то заимодавецъ одинъ присягаетъ; но большій искъ требуетъ свидѣтелей или безъ нихъ уничтожается (93).»

XXII. «Если купецъ повѣрилъ деньги купцу для торговли, и должникъ начнетъ запираться, то свидѣтелей не спрашивать, но отвѣтчикъ самъ присягаетъ (94).» Законодатель хотѣлъ, кажется, изъявить въ семъ случаѣ особенную довѣренность къ людямъ торговымъ, которыхъ дѣла бываютъ основаны на чести и вѣрѣ.

XXIII. «Если кто многимъ долженъ, а купецъ *иностранный*, не зная ничего, повѣритъ ему товаръ: въ такомъ случаѣ продать должника со всѣмъ его имѣніемъ, и *первыми* вырученными деньгами удовольствовать иностранца или Казну; остальное же раздѣлить между прочими заимодавцами: но кто изъ нихъ взялъ уже много ростовъ, тотъ лишается своихъ денегъ.»

XXIV. «Ежели чужіе товары или деньги у купца потонутъ, или сгорятъ, или будутъ отняты непріятелемъ, то купецъ не отвѣтствуетъ ни головою, ни вольностію, и можетъ разложить платежъ въ сроки: ибо власть Божія и несчастіе не суть вина человѣка. Но если купецъ въ пьянствѣ утратитъ ввѣренный ему товаръ или промотаетъ его, или испортитъ отъ небреженія: то заимодавцы поступятъ съ нимъ, какъ имъ угодно: отсрочатъ ли платежъ, или продадутъ должника въ неволю.»

Торговля рабовъ. XXV. «Если холопъ *обманомъ*, подъ именемъ вольнаго человѣка, испроситъ у кого деньги, то господинъ его долженъ или заплатить, или отказаться отъ раба; но кто повѣритъ *извѣстному* холопу, лишается денегъ. — Господинъ, позволивъ рабу торговать, обязанъ платить за него долги (95).»

Сохраненіе пожитковъ. XXVI. «Если гражданинъ отдастъ свои пожитки на сохраненіе другому, то въ свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Кто будетъ запираться въ принятіи вещей, долженъ утвердить клятвою, что не бралъ ихъ. Тогда онъ правъ: ибо имѣніе повѣряютъ единственно такимъ людямъ, коихъ честь извѣстна; и кто беретъ его на сохраненіе, тотъ оказываетъ услугу (96).»

Росты. XXVII. «Кто отдаетъ деньги въ ростъ, или медъ и жито въ займы, тому въ случаѣ спора представить свидѣтелей, и взять все по сдѣланному договору. *Мѣсячные* росты берутся единственно за малое время; а кто останется должнымъ цѣлый годъ, платитъ уже *третные*, а не *мѣсячные*.» Мы не знаемъ, въ чемъ состояли тѣ и другіе, основанные на всеобщемъ обыкновеніи тогдашняго времени; но ясно, что послѣдніе были гораздо тягостнѣе, и что Законодатель хотѣлъ облегчить судьбу должниковъ. — «Законы позволяютъ брать 10 кунъ съ гривны на годъ» — то есть, сорокъ на сто (97). Въ земляхъ, гдѣ торговля, художества и промышленость цвѣтутъ изъ давнихъ временъ, деньги теряютъ цѣну отъ своего множества. Въ Голландіи, въ Англіи заимодавцы довольствуются самымъ малымъ прибыткомъ; но въ странахъ, подобно древней Россіи, богатыхъ только грубыми естественными произведеніями, а не монетою, — въ странахъ, гдѣ первобытная дикость нравовъ уже смягчается навыками гражданскими; гдѣ новая внутренняя и внѣшняя торговля знакомитъ людей съ выгодами роскоши — деньги имѣютъ высокую цѣну, и лихоимство пользуется ихъ рѣдкостію.

Слѣдуютъ общія постановленія для улики и оправданія:

Улики, оправданія. XXVIII. «Всякой уголовный доносъ требуетъ свидѣтельства и присяги *семи* человѣкъ (98); но Варягъ и чужестранецъ обязывается представить только двухъ. Когда дѣло идетъ единственно о побояхъ легкихъ, то нужны вообще два свидѣтеля: но чужестранца никогда нельзя обвинить безъ семи.» И такъ древ-



49

ніе наши законы особенно покровительствовали иноземцевъ.

XXIX. « Свидѣтели должны быть всегда граждане свободные; только по нуждѣ и въ маломъ искѣ дозволено сослаться на Тіуна *Боярскаго* или закабаленнаго слугу. » (Слѣдственно Боярскіе Тіуны не были свободные люди, хотя жизнь ихъ, какъ означено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ жизнію вольныхъ гражданъ). — « Но истецъ можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба, и требовать, чтобы отвѣтчикъ оправдался *испытаніемъ желѣза*. Если послѣдній окажется виновнымъ, то платитъ искъ; если оправдается, то истецъ даетъ ему за муку гривну и въ Казну 40 кунъ, Мечнику 5 кунъ, Княжескому Отроку полгривны (что называется *желѣзною пошлиною*). Когда же отвѣтчикъ вызванъ на сіе испытаніе по неясному свидѣтельству людей свободныхъ, то, оправдавъ себя, не беретъ ничего съ истца, который платитъ единственно пошлину въ Казну.— Не имѣя никакихъ свидѣтелей, самъ истецъ доказываетъ правость свою *желѣзомъ*: чѣмъ рѣшить всякія тяжбы въ убійствѣ, воровствѣ и поклепѣ, ежели искъ стоитъ полугривны золота; а ежели менѣе, то испытывать *водой*; въ двухъ же гривнахъ и менѣе достаточна одна истцева присяга [99]. »

Испытаніе желѣзомъ и водою.

Законы суть дополненія лѣтописей: безъ Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древніе Россіяне, подобно другимъ народамъ, употребляли желѣзо и воду для изобличенія преступниковъ: обыкновеніе безразсудное и жестокое, славное въ Исторіи среднихъ вѣковъ подъ именемъ *суда Небеснаго* [100]. Обвиняемый бралъ въ голую руку желѣзо раскаленное или вынималъ ею кольцо изъ кипятка: послѣ чего судьямъ надлежало обвязать и запечатать оную. Ежелу черезъ три дни не оставалось язвы или знака на ея кожѣ, то невинность была доказана. Умъ здравый и самая Вѣра истинная долго не могли истребить сего устава языческихъ временъ, и Христіанскіе Пастыри торжественно освящали желѣзо и воду для испытанія добродѣтели или злодѣйства, не только простыхъ гражданъ, но и самыхъ Государей въ случаѣ клеветы или важнаго подозрѣнія. Народъ думалъ, что Богу легко сдѣлать чудо для спасенія невиннаго; но хитрость судей пристрастныхъ могла обманывать зрителей и спасать виновныхъ.

Древнѣйшіе законы всѣхъ народовъ были уголовные [101]; но Ярославовы опредѣляютъ и важныя права наслѣдственности.

XXX. « Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то все его имѣніе взять въ Казну; буде остались дочери незамужнія, то имъ дать нѣкоторую часть онаго. Но Князь не можетъ наслѣдовать послѣ Бояръ и мужей, составляющихъ воинскую дружину [102]: если они не имѣютъ сыновей, то наслѣдуютъ дочери. » Но когда не было и послѣднихъ? родственники ли брали имѣніе или Князь?.... Здѣсь видимъ законное, важное преимущество чиновниковъ воинскихъ.

Право наслѣдственное.

XXXI. « Завѣщаніе умершаго исполняется въ точности. Буде онъ не изъявилъ воли своей, въ такомъ случаѣ отдать все дѣтямъ, а часть въ церковь для спасенія его души. Дворъ отцевскій всегда безъ раздѣла принадлежитъ меньшему сыну » — какъ юнѣйшему и менѣе другихъ способному наживать доходъ.

XXXII. « Вдова беретъ, что назначилъ ей мужъ: впрочемъ она не есть наслѣдница. — Дѣти первой жены наслѣдуютъ ея достояніе или вѣно, назначенное отцемъ для ихъ матери. — Сестра ничего не имѣетъ, кромѣ добровольнаго приданаго отъ своихъ братьевъ. »

XXXIII. « Если жена, давъ слово остаться вдовою, проживетъ имѣніе и выдетъ замужъ, то обязана возвратить дѣтямъ все прожитое. Но дѣти не могутъ согнать вдовствующей матери со двора, или отнять, что отдано ей супругомъ. Она властна избрать себѣ одного наслѣдника изъ дѣтей, или дать всѣмъ равную часть. Ежели мать умретъ *безъ языка*, или безъ завѣщанія, то сынъ или дочь, у коихъ она жила, наслѣдуютъ все ея достояніе. »

XXXIV. « Если будутъ дѣти разныхъ отцевъ, но одной матери, то каждый сынъ беретъ отцевское. Если второй мужъ расхитилъ имѣніе перваго, и самъ умеръ, то дѣти его возвращаютъ оное дѣтямъ перваго, согласно съ показаніемъ свидѣтелей. »

XXXV. « Если братья станутъ тягаться о наслѣдіи предъ Княземъ, то Отрокъ Княжескій, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну за трудъ. »

XXXVI. « Ежели останутся дѣти малолѣтныя, а мать выдетъ за-мужъ, то

отдать ихъ при свидѣтеляхъ на руки ближнему родственнику, съ имѣніемъ и съ домомъ; а что сей опекунъ присовокупитъ къ оному, то возметъ себѣ за трудъ и попеченіе о малолѣтныхъ; но приплодъ отъ рабовъ и скота остается дѣтямъ. — За все утраченное платитъ опекунъ, коимъ можетъ быть и самъ вотчимъ.»

XXXVII. «Дѣти, прижитыя съ рабою, не участвуютъ въ наслѣдіи, но получаютъ свободу, и съ матерью.»

Судія. Главою правосудія вообще былъ Князь, а Дворъ Княжескій обыкновеннымъ мѣстомъ суда ([103]). Но Государь поручалъ сію власть Тіунамъ и своимъ Отрокамъ.— Чиновники, которымъ надлежало рѣшить уголовныя дѣла, назывались *Вирниками*, и каждый судья имѣлъ помощника или Отрока, *Мѣтельника* или писца. Они брали запасъ отъ гражданъ и пошлину съ каждаго дѣла ([104]), — Вирнику и писцу его, для объѣзда волости, давали лошадей.

Въ одномъ изъ Новогородскихъ списковъ Ярославовой *Правды* сказано, что истецъ во всякой тяжбѣ долженъ итти съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ 12 гражданъ* — можетъ быть, Присяжныхъ, которые разбирали обстоятельства дѣла по совѣсти, оставляя судьѣ опредѣлить наказаніе и взыскивать пеню. Такъ было и въ Скандинавіи, откуда сей мудрый уставъ перешелъ въ Великобританнію([105]). Англичане наблюдаютъ его донынѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ, что въ VIII вѣкѣ Рагнаръ Лодброкъ, Король Датскій, первый учредилъ думу двѣнадцати Присяжныхъ. (Присяжные.)

Такимъ образомъ уставъ Ярославовъ содержитъ въ себѣ полную систему нашего древняго законодательства, сообразную съ тогдашними нравами. Въ немъ не упоминается о нѣкоторыхъ возможныхъ злодѣяніяхъ, на примѣръ: о смертной отравѣ (какъ въ XII Дскахъ Рима), о насиліи женщинъ (и проч.): для того ли, что первое было необыкновенно въ Россіи, а второе казалось Законодателю сомнительнымъ и неяснымъ въ доказательствахъ? Не упоминается также о многихъ условіяхъ и сдѣлкахъ, весьма обыкновенныхъ въ самомъ началѣ гражданскихъ обществъ; но взаимная польза быть вѣрнымъ въ словѣ и честь служили вмѣсто законовъ.

Примѣтимъ, что древніе свободные Россіяне не терпѣли никакихъ *тѣлесныхъ* наказаній: виновный платилъ или жизнію, или вольностію, или деньгами — и скажемъ о сихъ законахъ то же, что Монтескьё говоритъ вообще о Германскихъ: они изъявляютъ какое-то удивительное простосердечіе; кратки, грубы, но достойны людей твердыхъ и великодушныхъ, которые боялись рабства болѣе, нежели смерти ([106]). (Общій характеръ законовъ.)

Предложимъ еще одно замѣчаніе: Германцы, овладѣвъ Европою, не давали всѣхъ гражданскихъ правъ своихъ народамъ покореннымъ: такъ, по уставу Салическому, за убіеніе Франка надлежало платить 200 *су*, и вдвое менѣе за убіеніе Римлянина ([107]). Но законы Ярославовы не полагаютъ никакого различія между Россіянами Варяжскаго племени и Славянами: симъ обстоятельствомъ можно утвердить вѣроятность Несторова сказанія, что Князья Варяжскіе *не завоевали* нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государствомъ.

Ярославу же приписываютъ древній уставъ Новогородскій *о мостовыхъ*, по коему знаемъ, что сей городъ, тогда уже весьма обширный, раздѣлялся на Части или Концы (Словенскій, Неревскій, Горничьскій, Людинъ, Плотинскій), а жители на *Сотни*, означаемыя именами ихъ Старѣйшинъ: что одна улица называлась *Добрынинею* (въ память сего знаменитаго Воеводы и дяди Владимірова), а главный рядъ *Великимъ* рядомъ; что Нѣмцы или Варяги, Готы или Готландцы, привлеченные въ Новгородъ торговлею, жили въ особенныхъ улицахъ, и проч. — Но такъ называемый Церковный Уставъ Ярославовъ, о коемъ упоминаютъ новѣйшіе Лѣтописцы, и коего имѣемъ разные списки, есть безъ сомнѣнія подложный, сочиненный около XIV столѣтія. Подобно мнимому Владимірову, онъ даетъ Епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Уставъ не согласенъ съ *Русскою Правдою*, и, кромѣ нелѣпостей, содержитъ въ себѣ выраженія и слова новѣйшихъ временъ; на примѣръ, опредѣляетъ пени *рублями*, еще не употребительными въ денежномъ счетѣ временъ Ярославовыхъ ([108]). (Уставъ о мостовыхъ.) (Уставъ Церковный.)

50

# ГЛАВА IV.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ДИМИТРІЕМЪ.

## Г. 1054 — 1077.

**Удѣлы. Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе Судислава. Междоусобія. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобіе. Смерть Великаго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархами. Пророки и волшебники.**

Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная Единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ Владимірову: наслѣдники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ цѣлое, и Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россія намъ отечество: ея судьба и въ славѣ и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу Князей недостойныхъ и слабыхъ; но среди ихъ увидимъ и Героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душею. Въ темной картинѣ междоусобія, неустройствъ, бѣдствій, являются также яркія черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію. Однимъ словомъ, Исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

г. 1054 —1060. Дѣти Ярославовы, исполняя его завѣщаніе, раздѣлили по себѣ Государство. Область Изяславова, сверхъ Новагорода, простиралась отъ Кіева на Югъ и Удѣлы. Западъ до горъ Карпатскихъ, Польши и Литвы. Князь Черниговскій взялъ еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муромъ и страну Вятичей: Всеволодъ, кромѣ Переяславля, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и *Поволожье*, или берега Волги. Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю Губернію сего имени съ нѣкоторою частію Витебской, Псковской, Калужской, и Московской (109). Пятый сынъ Ярославовъ, Игорь, получилъ отъ старшаго брата, въ *частный* Удѣлъ, городъ Владиміръ. Князь Полоцкій, внукъ славной Рогнѣды, Брячиславъ, умеръ еще въ 1044 году: сынъ его, Всеславъ, наслѣдовалъ Удѣлъ отца — и Россія имѣла тогда шесть юныхъ Государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лѣтъ: Россіяне вооружались только противъ внѣшнихъ непріятелей. Изяславъ побѣдилъ Голядовъ, жителей, какъ вѣроятно, Прусской *Галиндіи*, народъ Латышскій (110); а Всеволодъ Торковъ, восточныхъ сосѣдовъ Переяславской области, которые, услышавъ, что и Великій Князь, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и Полоцкимъ, идетъ на нихъ сухимъ путемъ и водою, удалились отъ предѣловъ Россіи: жестокая зима, голодъ и моръ истребили большую часть сего народа (111). — Но отечество наше, избавленное отъ Торковъ, съ ужасомъ видѣло приближеніе иныхъ варваровъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Исторіи міра. Побѣда надъ Голядами и Торками.

Еще въ 1055 году Половцы, или Команы, входили въ область Переяславскую: тогда Князь ихъ, Болушь, заключилъ миръ со Всеволодомъ. Сей народъ кочующій, единоплеменный съ Печенѣгами и, вѣроятно, съ нынѣшними Киргизами, обиталъ въ степяхъ Азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго; вытѣснилъ Половцы.

Узовъ (именуемыхъ, какъ вѣроятно, Торками въ нашей лѣтописи); принудилъ многихъ изъ нихъ бѣжать къ Дунаю (гдѣ они частію погибли отъ язвы, частію поддалися Грекамъ); изгналъ, кажется, Печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ Государства сосѣдственныя: Греческую Имперію, Венгрію и другія. — О нравахъ его говорятъ Лѣтописцы съ омерзѣніемъ: грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегдашнимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животныхъ и стерво обыкновенною пищею. — Миръ съ такими варварами могъ быть только опаснымъ перемиріемъ, и въ 1061 году Половцы, не имѣя терпѣнія дождаться лѣта, съ Княземъ своимъ Сѣкаломъ зимою ворвались въ области Россійскія, побѣдили Всеволода и съ добычею возвратились къ Дону (112).

г. 1061.

Съ сего времени начинаются бѣдствія Россіи, и Лѣтописецъ сказываетъ, что Небо предвѣстило ихъ многими ужасными чудесами; что рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; что кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ, солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей, подобно мѣсяцу; что рыболовы Кіевскіе извлекли въ неводѣ какого-то удивительнаго мертваго урода, брошеннаго въ Днѣпръ. Сіи сказки достойны нѣкотораго замѣчанія, изъявляя страшное впечатлѣніе, оставленное въ умѣ современниковъ тогдашними несчастіями Государства. «Небо правосудно!» говоритъ Несторъ: «оно наказываетъ Россіянъ за ихъ беззаконія. Мы именуемся Христіанами, а живемъ какъ язычники; храмы пусты, а на игрищахъ толпятся люди; въ храмахъ безмолвіе, а въ домахъ трубы, гусли и скоморохи (113).» Сія укоризна безъ сомнѣнія не исправила современниковъ, но осталась для потомства любопытнымъ извѣстіемъ о тогдашнихъ нравахъ.

г. 1061 —1064. Ужасныя чудеса.

Дѣти Ярославовы еще не нарушали завѣщанія родительскаго и жили дружно. Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели Государемъ братьевъ своихъ: такъ они по смерти Вячеслава въ 1057 году, съ *общаго согласія* отдали Смоленскъ Игорю (чрезъ два года потомъ умершему), и вспомнивъ о заточенномъ дядѣ, Судиславѣ, возвратили ему свободу. Сей несчастный сынъ Великаго Владиміра, двадцать четыре года сидѣвъ въ темницѣ, клятвенно отказался отъ всякихъ требованій властолюбія, даже отъ самаго свѣта, постригся и кончилъ жизнь въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Георгія (114).

Освобожденіе Судислава.

Первымъ поводомъ къ междоусобію было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославичь оставилъ сына Ростислава, который, не имѣя никакого Удѣла, жилъ праздно въ Новѣгородѣ (115). Будучи отваженъ и славолюбивъ, онъ подговорилъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ Новгородскаго Изяславова Посадника, Остромира, ушелъ въ Тмуторокань и выгналъ юнаго Князя, Глѣба Святославича, который управлялъ сею Азовскою областію. Святославъ спѣшилъ туда съ войскомъ: племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія (116); но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ. Скоро народы горскіе, Касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго Героя, такъ, что его славолюбіе и счастіе устрашили Грековъ, которые господствовали въ Тавридѣ: они подослали къ сему Князю своего знатнаго чиновника, Катапана или Префекта, умѣвшаго вкрасться къ нему въ довѣренность; и въ то время, какъ Ростиславъ, угощая мнимаго друга, пилъ съ нимъ вино, Катапанъ, имѣя подъ ногтемъ скрытый ядъ, впустилъ его въ чашу, отравилъ Князя, уѣхалъ въ Херсонъ, и торжественно объявилъ жителямъ, что завоеватель Тмутороканскій умретъ въ седьмый день. Предсказаніе исполнилось; но Херсонцы, гнушаясь такимъ коварствомъ, убили сего злодѣя камнями (117). — Безвременная кончина мужественнаго Ростислава, отца трехъ сыновей, была въ тогдашнихъ обстоятельствахъ несчастіемъ для Россіи: онъ могъ бы лучше другихъ защитить отечество и сохранить по крайней мѣрѣ воинскую его славу. Несторъ описываетъ сего юношу, прекраснаго и благовиднаго, не только храбрымъ въ битвахъ, но и добрымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ.

Междоусобія. г. 1064. г. 1066, Февр. 3.

Святославъ не могъ вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что въ Государствѣ явился новый непріятель: Князь Полоцкій (118). Сей правнукъ Рогнѣдинъ ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ, и считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола Великокняжескаго: ибо дѣдъ его, Изяславъ,

былъ старшимъ сыномъ Св. Владиміра. Современный Лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой симъ Княземъ для закрытія природной на головѣ язвины. Всеславъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ, неожиданно завоевалъ Новгородъ; плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою
г.1067. наглостію, Ярославичи соединили силы свои, и не смотря на жестокую зиму, осадили Минскъ въ Княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріятелями на берегахъ Нѣмена, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянъ съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ. Великій Князь побѣдилъ; но еще страшась племянника, вступилъ съ нимъ въ мирные
3 Марта. переговоры, и звалъ его къ себѣ. Всеславъ, повѣривъ клятвѣ Ярославичей, что они не сдѣлаютъ ему никакого зла, переѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ, близъ
10 Юн. Смоленска. Великій Князь встрѣтилъ его, ввелъ въ шатеръ свой и отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу.

Провидѣніе наказало вѣроломныхъ: тамъ, гдѣ отецъ ихъ одержалъ славную
г.1068. побѣду надъ Святополкомъ и Печенѣгами, на берегахъ Альты, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Изяславъ и братья его въ ночномъ сраженіи были на голову разбиты свирѣпыми Половцами [119]. Великій Князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Воины перваго, стыдясь своего бѣгства, требовали Вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и прислали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы съ Половцами. Великій Князь, оскорбленный симъ своевольствомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Сдѣлался мятежъ, и недовольные, обвиняя во всемъ главнаго Воеводу Изяславова, именемъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе на дворъ Княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укоризны народа, и думалъ усмирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу; наконецъ видя остервененіе черни, совѣтовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ ни на что рѣшиться, и бунтовщики дѣйствительно освободили Полоцкаго Князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объявилъ Всеслава Государемъ своимъ и разграбилъ домъ Княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, куницъ и бѣлокъ.

Пораженіе Россіянъ. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя.

Изяславъ удалился въ Польшу; но его братья спокойно княжили въ своихъ Удѣлахъ, а племянникъ Глѣбъ въ области Воспорской, будучи снова призванъ ея жителями [120]. Князь Черниговскій имѣлъ случай отмстить Половцамъ, которые жгли и грабили въ его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, онъ вступилъ съ ними въ битву: 3000 Россіянъ, ободренныхъ примѣромъ и словами Князя, стремительно ударили на 12,000 Половцевъ, смяли ихъ и плѣнили Вождя непріятельскаго; множество варваровъ утонуло въ рѣкѣ Сновѣ. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцевъ своихъ, пріученныхъ къ побѣдѣ Мстиславомъ, знаменитымъ сыномъ Владиміра Великаго.

Разбитіе Половцевъ.

Король Польскій, Болеславъ II, сынъ Маріи, Владиміровой дочери, и супругъ неизвѣстной намъ Княжны Россійской [121], принявъ Изяслава со всѣми знаками искренняго дружелюбія, какъ Государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощникомъ. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлагорода; наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Кіева: но устрашенный силою Поляковъ, и можетъ быть, не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ, ночью ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне, свѣдавъ о бѣгствѣ его, съ ужасомъ возвратились въ Кіевъ. Всѣ граждане собрались на Вѣче, и немедленно отправили Пословъ къ Святославу и Всеволоду, объявить имъ, что Кіевляне, изгнавъ Государя законнаго, признаютъ вину свою; но какъ Изяславъ ведетъ съ собою враговъ иноплеменныхъ, коихъ жестокость еще памятна Россіянамъ, то граждане не могутъ впустить его въ столицу, и прибѣгаютъ въ сей крайности къ великодушію достойныхъ сыновъ Ярослава и отечества. «Врата Кіева для васъ отверсты,» говорили Послы: «идите спасти градъ великаго отца своего; а ежели не исполните нашего моленія, то мы, обративъ въ пе- г.1069.

Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію.

пелъ столицу Россіи, съ женами и дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую.» Святославъ обѣщалъ за нихъ вступиться, но требовалъ, чтобы они изъявили покорность Изяславу. «Когда братъ мой» — сказалъ Черниговскій Князь — «войдетъ въ городъ мирно, и съ малочисленною дружиною, то вамъ нечего страшиться. Когда же онъ захочетъ предать Кіевъ въ жертву Ляхамъ, то мы готовы мечемъ отразить Изяслава, какъ непріятеля.» Въ то же самое время Святославъ и Всеволодъ извѣстили брата о раскаяніи Кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ. Великій Князь, давъ слово быть милосердымъ, послалъ въ Кіевъ сына своего, Мстислава, который, въ противность торжественному договору, началъ какъ звѣрь свирѣпствовать въ столицѣ: умертвилъ 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава; другихъ ослѣпилъ, и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія. Граждане не смѣли жаловаться, и съ покорностію встрѣтили Изяслава, въѣхавшаго въ столицу съ Болеславомъ и съ малымъ числомъ Поляковъ (122).

Изяславъ возвращается съ Поляками.

2 Маія.

Историки Польскіе говорятъ, что Великій Князь, обязанный Королю счастливою перемѣною судьбы своей, взялся содержать его войско, давалъ ему съѣстные припасы, одежду и жалованье; что Болеславъ, плѣненный красотою мѣста, роскошными пріятностями Кіева и любезностію Россіянокъ, едва могъ выйти изъ сей новой Капуи; что онъ, на возвратномъ пути, въ Червенской области или Галиціи, осаждалъ Перемышль, который, будучи весьма укрѣпленъ искусствомъ, каменными стѣнами и башнями, долгое время оборонялся (123). Ежели сіе обстоятельство справедливо, то Болеславъ вышелъ изъ Россіи непріятелемъ: что же могло вооружить его противъ Великаго Князя? Сказаніе Нестора служитъ объясненіемъ: Россіяне, ненавидя Поляковъ, тайно убивали ихъ, и Король, устрашенный сею народною местію, подобно его знаменитому прадѣду, Болеславу I, спѣшилъ оставить наше отечество.

Кіевъ новая Капуя.

Изяславъ, чрезъ семь мѣсяцевъ снова Государь Кіевскій, не забылъ, что бѣдственный для него мятежъ сдѣлался на торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ верхнюю часть города (124): осторожность малодушная и безполезная! Едва учредивъ порядокъ въ столицѣ, Великій Князь спѣшилъ отмстить Всеславу, и жаркимъ приступомъ взявъ Полоцкъ, отдалъ сей важный городъ въ Удѣлъ Мстиславу: по внезапной же его кончинѣ Святополку, другому своему сыну. Но въ то самое время бодрый Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами Новагорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичь, переведенный туда отцемъ изъ Тмуторокани. Ненавидя Полоцкаго Князя, Новогородцы сразились отчаянно, разбили его, и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ (125). — Сія война кончилась ничѣмъ: ибо дѣятельный Всеславъ умѣлъ снова овладѣть своею наслѣдственною областію, и хотя былъ еще побѣжденъ Ярополкомъ, третьимъ сыномъ Великаго Князя, однакожь удержалъ за собою Полоцкъ. — Между тѣмъ бѣдное отечество стенало отъ внѣшнихъ непріятелей; требовало защитниковъ, и не находило ихъ: Половцы свободно грабили на берегахъ Десны.

Война съ Полоцкимъ Княземъ.

Октября 23.

Г. 1071.

Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ. Изяславъ, соорудивъ новую церковь въ Вышегородѣ, управляемомъ тогда Вельможею Чудинымъ, вздумалъ поставить въ ней гробы Бориса и Глѣба, и призвалъ своихъ братьевъ на сіе торжество (126). Оно совершилось въ присутствіи знаменитѣйшаго Духовенства, Бояръ и народа, 2 Маія, день, въ который Великій Князь, за три года предъ тѣмъ, вступилъ съ Болеславомъ въ Кіевъ. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и Митрополитъ Георгій призналъ святость Россійскихъ Мучениковъ, къ удовольствію Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселымъ пиромъ: три Князя обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ своими Боярами, и разъѣхались друзьями.

Пренесеніе мощей Бориса и Глѣба.

Сія дружба скоро обратилась въ злобу. Святославъ, желая бо́льшей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ. Они вооружились, и несчастный Изяславъ вторично бѣжалъ въ Польшу, надѣясь, что великія сокровища, увезенныя имъ изъ Кіева, доставятъ ему сильныхъ помощниковъ внѣ Государства (127). Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать новыхъ опасностей въ Россіи: взялъ его сокровища, и (по словамъ Лѣтописца) *указалъ ему путь отъ*

Г. 1073.

Новое бѣгство Великаго Князя.

52

г. 1075. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. *себя*. Горестный изгнанникъ отправился къ Нѣмецкому Императору, Генрику IV; былъ ему представленъ въ Маинцѣ Саксонскимъ Маркграфомъ Деди; поднесъ въ даръ множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоцѣнныхъ, и требовалъ его заступленія, обѣщая, какъ говорятъ Нѣмецкіе Лѣтописцы, признать себя данникомъ Имперіи. Юный и храбрый Генрикъ, готовимый судьбою къ бѣдствіямъ гораздо ужаснѣйшимъ Изяславовыхъ, не отказался быть защитникомъ угнетеннаго. Окруженный въ собственномъ Государствѣ измѣнниками и непріятелями, онъ Посольство Генрика IV въ Кіевъ. послалъ въ Кіевъ Бурхарда, Трирскаго духовнаго Чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, какъ вѣроятно, и велѣлъ объявить Князьямъ Россійскимъ, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско Нѣмецкое смиритъ хищниковъ (128). Въ Кіевѣ господствовалъ тогда Святославъ, придавъ, можетъ быть, Всеволоду нѣкоторые изъ южныхъ городовъ: онъ дружелюбно угостилъ Пословъ Императорскихъ, и старался увѣрить ихъ въ своей справедливости. Несторъ пишетъ, что сей Князь, подобно Іудейскому Царю Езекіи, величался предъ Нѣмцами богатствомъ казны своей, и что они, видя множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ паволокъ, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ.* «Слѣдствіе доказало истину ихъ словъ,» прибавляетъ Несторъ: «по смерти Святослава исчезли *какъ прахъ* всѣ его сокровища.» — Бурхардъ возвратился къ Императору съ дарами, которые удивили Германію. «Никогда» — говоритъ современный Нѣмецкій Лѣтописецъ (129) — «не видали мы столько золота, серебра и богатыхъ тканей.» Генрикъ, обезоруженный щедростію Святослава, и не имѣя впрочемъ никакого способа воевать съ Россіянами, утѣшилъ изгнанника однимъ безполезнымъ сожалѣніемъ.

Письмо Папы къ Изяславу. Изяславъ обратился къ Папѣ, славному въ Исторіи Григорію VII, хотѣвшему быть Главою всеобщей Монархіи или Царемъ Царей, и послалъ въ Римъ сына своего. Жертвуя властолюбію и православіемъ Восточной Церкви и достоинствомъ Государя независимаго, онъ признавалъ не только духовную, но и мірскую власть Папы надъ Россіею; требовалъ его защиты и жаловался ему на Короля Польскаго. Григорій отправилъ Пословъ къ Великому Князю и къ Болеславу, написавъ къ первому слѣдующее:

«Григорій Епископъ, слуга слугъ Божіихъ, Димитрію, Князю Россіянъ (Regi Russorum), и Княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія и посылаетъ Апостольское благословеніе.

«Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста Рима, смиренно молилъ насъ, чтобы мы властію Св. Петра утвердили его на Княженіи, и далъ присягу быть вѣрнымъ Главѣ Апостоловъ. Мы исполнили сію благую волю — согласную съ вашею, какъ онъ свидѣтельствуетъ — поручили ему кормило Государства Россійскаго именемъ Верховнаго Апостола, съ тѣмъ намѣреніемъ и желаніемъ, чтобы Св. Петръ сохранилъ ваше здравіе, княженіе и благое достояніе до кончины живота, и сдѣлалъ васъ нѣкогда сопричастникомъ славы вѣчныя. Желая также изъявить готовность къ дальнѣйшимъ услугамъ, довѣряемъ симъ Посламъ — изъ коихъ *одинъ вамъ* извѣстенъ *и другъ вѣрный* (130) — изустно переговорить съ вами о всемъ, что есть и чего нѣтъ въ письмѣ. Пріимите ихъ съ любовію, какъ Пословъ Св. Петра; благосклонно выслушайте и несомнѣнно вѣрьте тому, что они предложатъ вамъ отъ имени нашего — и проч. Всемогущій Богъ да озаритъ сердца ваши и да приведетъ васъ отъ благъ временныхъ ко славѣ вѣчной. Писано въ Римѣ, 15 Маія, Индикта XIII,» (то есть, 1075 году).

Такимъ образомъ Изяславъ, самъ не имѣя тогда власти надъ Россіею, далъ поводъ надменному Григорію причислить сію Державу ко мнимымъ владѣніямъ Св. Петра, зависящимъ отъ мнимаго Апостольскаго Намѣстника! . . . . Въ письмѣ къ Болеславу говоритъ Папа: «Беззаконно присвоивъ себѣ казну Государя Россійскаго, ты нарушилъ добродѣтель Христіанскую. Молю и заклинаю тебя именемъ Божіимъ отдать ему все взятое тобою или твоими людьми: ибо хищники не внидутъ въ Царствіе Небесное, ежели не возвратятъ похищеннаго.»

Заступленіе гордаго Папы едва ли имѣло какое нибудь дѣйствіе, и въ слѣдующемъ году юные Князья Россійскіе, Владиміръ Мономахъ и Олегъ — первый Всеволодовъ, а вторый Святославовъ сынъ — заключивъ союзъ съ Поляками, ходили съ войскомъ въ Силезію, помогать Болеславу противъ Герцога Богем- г. 1076. Россіяне въ Силезіи.

скаго ([131]). Но скоро обстоятельства, къ счастію Изаславову, перемѣнились. Декабря 27. Главный врагъ его, Святославъ, умеръ, отъ разрѣзанія какой-то затвердѣлости или опухоли. Тогда изгнанникъ ободрился: собралъ нѣсколько тысячь Поляковъ и вступилъ въ Россію. Добродушный Всеволодъ встрѣтилъ его въ г. 1077. Волыніи и, вмѣсто битвы, предложилъ Іюля 5. Возвращеніе Изяслава. ему миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями, и старшій въѣхалъ въ Кіевъ Государемъ, уступивъ меньшему Княженіе Черниговское, а сыну его, Владиміру, Смоленскъ ([132]).

Опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго Междоусобія. врага своего, Всеслава, они хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Романъ *Святославичь* княжилъ въ Воспорской области: сынъ *Вячеславовъ*, Борисъ, въ самое то время, когда Изяславъ и Всеволодъ заключали миръ на границѣ, овладѣлъ Черниговымъ; но предвидя, что дяди не оставятъ его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника, чрезъ нѣсколько дней ушелъ въ Тмутороканъ къ Роману ([133]). Князь Новогородскій, Глѣбъ, юноша прекрасный и добродушный, къ общему сожалѣнію погибъ тогда въ отдаленномъ Заволочьѣ: г. 1078. Изяславъ отдалъ его Княженіе Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегородъ. Олегъ Святославичь господствовалъ въ области Владимірской: онъ долженъ былъ, по волѣ дядей своихъ, выѣхать оттуда и жить праздно въ Черниговѣ. Князь Полоцкій довольствовался независимостію и наслѣдственнымъ Удѣломъ: Ярославичи объявили ему войну. Всеволодъ ходилъ къ его столицѣ, и ничего болѣе не сдѣлалъ. Въ слѣдующій годъ Владиміръ Мономахъ и Святополкъ выжгли только ея предмѣстіе; но Мономахъ возвратился къ отцу съ богатою добычею, далъ ему и печальному Олегу роскошный обѣдъ на *красномъ дворѣ* въ Черниговѣ, и поднесъ Всеволоду въ даръ нѣсколько фунтовъ золота ([134]).

Сей Олегъ, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата; считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ; хотѣлъ свободы, господства; бѣжалъ въ Тмутороканъ и рѣшился, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, искать счастія оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго Княженія, и разбили Всеволода. Многіе знаменитые Бояре лишились тутъ жизни ([135]). Побѣдители взяли Черниговъ, и думали, что все Государство должно признать власть ихъ; а несчастный Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ обнялъ его съ нѣжностію и сказалъ ему сіи достопамятныя слова: «Утѣшься, горестный братъ, и вспомни, что было со мною въ жизни! Отверженный народомъ, всегда мнѣ любезнымъ; лишенный престола и всего законнаго достоянія, могъ ли я чѣмъ нибудь укорять себя? Вторично изгнанный братьями единокровными — и за что? свидѣтельствуюсь Богомъ въ моей невинности — я скитался въ земляхъ чуждыхъ; искалъ сожалѣнія иноплеменниковъ! По крайней мѣрѣ ты имѣешь друга. Если намъ княжить въ землѣ Русской, то обоимъ; если быть изгнаннымъ, то вмѣстѣ. Я положу за тебя свою голову.» . . . . Онъ немедленно собралъ войско. Мужественный Владиміръ спѣшилъ также изъ Смоленска къ отцу своему, и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя толпы Половцевъ ([136]). Великій Князь, Всеволодъ, Ярополкъ и Мономахъ соединенными силами обступили Черниговъ. Олегъ и Борисъ находились въ отсутствіи; но граждане хотѣли обороняться. Владиміръ взялъ приступомъ внѣшнія укрѣпленія и стѣснилъ осажденныхъ внутри города. Узнавъ, что племянники идутъ съ войскомъ къ Чернигову, Изяславъ встрѣтилъ ихъ. Олегъ не надѣялся побѣдить четырехъ соединенныхъ Князей, и совѣтовалъ брату вступить въ мирные переговоры; но гордый Борисъ отвѣтствовалъ ему: «останься спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ ними» — сразился близъ Чернигова, и заплатилъ жизнію за свое властолюбіе. Еще кровь лилась рѣкою. Изяславъ стоялъ среди пѣхоты: непріятельскій всадникъ ударилъ его копьемъ въ плечо: Великій Смерть Великаго Князя. Князь палъ мертвый на землю. Наконецъ Олегъ обратился въ бѣгство, и съ малымъ числомъ воиновъ ушелъ въ Тмутороканъ. — Бояре привезли тѣло Изяслава въ ладіи: на берегу жители Кіевскіе, знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (какъ говоритъ Лѣтописецъ) заглушалъ священное пѣніе. Ярополкъ съ Княжескою дружиною шелъ за трупомъ, оплакивая несчастную судьбу и добродѣтели отца своего. — Положенное въ мраморную раку, тѣло Великаго Князя бы-



53

ло предано землѣ въ храмѣ Богоматери, гдѣ стоялъ памятникъ Св. Владиміра.

Свойства Изяслава. Несторъ пишетъ, что Изяславъ, пріятный лицемъ и величественный станомъ, не менѣе украшался и тихимъ нравомъ, любилъ правду, ненавидѣлъ криводушіе; что онъ истинно простилъ мятежныхъ Кіевлянъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ Мстиславовыхъ; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему Великое Княженіе, и забылъ вражду его; сказалъ, что охотно умретъ за брата, и, къ несчастію, сдержалъ слово. . . . . Вѣримъ похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель; но Изяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ: хотѣлъ престола, и не умѣлъ твердо сидѣть на ономъ. Своевольныя злодѣянія сына въ Кіевѣ — ибо казнь безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе — изъявляютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ то же самое время сдѣлалъ его Княземъ Владѣтельнымъ. Наконецъ бѣдствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами Лѣтописца?

Изяславъ оставилъ свое имя въ нашихъ древнихъ законахъ. По кончинѣ родителя онъ призвалъ на совѣтъ братьевъ своихъ, Святослава и Всеволода, также умнѣйшихъ Вельможъ того времени: Коснячка, Воеводу ненавистнаго Кіевлянамъ, (137), Перенита, Никифора, Чудина, и совершенно уничтожилъ смертную казнь, уставивъ денежную пеню за всякія убійства: по излишнему ли человѣколюбію, какъ Владиміръ? или для сохраненія людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащенія *Вирами* казны Государей? (Уничтоженіе смертной казни.)

Монастырь Кіевопечерскій. При Изяславѣ былъ основанъ славный монастырь Кіевопечерскій, и самъ Несторъ разсказываетъ достопамятныя обстоятельства сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный Христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть Святую гору, возлюбилъ житіе Монаховъ Аѳонскихъ, и постриженный въ ихъ Обители, былъ названъ Антоніемъ. Игуменъ, наставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе и велѣлъ итти въ Россію, предвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ Черноризцевъ. Антоній возвратился еще при Князѣ Ярославѣ (138), обходилъ тогдашніе монастыри Россійскіе, и близъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, будучи еще простымъ Іереемъ Берестовскимъ, ископалъ оную собственными руками, и часто, окруженный безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ Митрополита, пасъ Церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ разнесся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святаго мужа; самъ Великій Князь Изяславъ приходилъ къ нему съ своею дружиною требовать благословенія. Двѣнадцать Монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: Великій Князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую Обитель Игумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожь не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, Великій Князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ, Вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе олтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдіе отца его, Князя Варяжскаго. Св. Ѳеодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго монастыря уставъ Черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый Игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ страннопріимства, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Ѳеодосіева была столь уважаема, что Великій Князь не рѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ, оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ

улыбкою говаривалъ, что роскошная трапеза Княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Изяслава, Ѳеодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святый мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Ѳеодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба. — Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнцы Мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые Вельможи, отказываясь отъ свѣта, искали душевнаго мира въ Печерской Обители. Такъ Варлаамъ, первый Игуменъ, сынъ знаменитѣйшаго Боярина Іоанна и внукъ славнаго Вышаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, былъ постриженъ Антоніемъ. Сей юноша, плѣненный ученіемъ святаго мужа, пріѣхалъ къ нему со многими Отроками, которые вели навьюченныхъ лошадей; сошелъ съ коня, бросилъ къ ногамъ Антонія свою одежду Боярскую и сказалъ: «вотъ прелесть міра! употреби, какъ тебѣ угодно, мое бывшее имѣніе; хочу жить въ уединеніи и бѣдности.»

**Россіяне служать въ Греціи.**

Изяславъ и его братья соблюдали неразрывную дружбу съ Греками, и давали имъ войско, которое въ частыхъ внутреннихъ неустройствахъ поддерживало слабыхъ Императоровъ на тронѣ. Знаменитый Алексій Комнинъ, еще не Государь, но только Полководецъ Имперіи, въ 1077 году смиряя мятежника Никифора Вріенія, имѣлъ съ собою множество судовъ Россійскихъ (139). — Ярославичи возвратили Константинопольскому Патріарху важное право ставить Кіевскихъ Митрополитовъ: Георгій, преемникъ Иларіоновъ, родомъ Грекъ, былъ присланъ изъ Царяграда; устрашенный, можетъ быть, раздоромъ Князей, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выѣхалъ изъ нашего отечества. Съ того времени Церковь Россійская, до самаго паденія Восточной Имперіи, зависѣла отъ Патріарха Константинопольскаго, и въ росписи Епископствъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ, считалась *семидесятымъ*. Въ знакъ уваженія къ достоинству нашихъ Митрополитовъ, Патріархи обыкновенно писали къ нимъ грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью*: честь, которую они дѣлали только Императорамъ, Королямъ и знаменитѣйшимъ сановникамъ (140).

**Зависимость нашей Церкви отъ Греческой.**

**Переписка съ Патріархами.**

Успѣхи Христіанскаго благочестія въ Россіи не могли искоренить языческихъ суевѣрій и мнимаго чародѣйства. Къ Исторіи тогдашнихъ временъ относятся слѣдующія извѣстія Несторовы:

**Пророки и волшебники.**

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли перемѣстятся; что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человѣкъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля — основаннаго, думаю, Великимъ Княземъ Ярославомъ — ходили по Волгѣ и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною всего зла, и скрываютъ въ *самихъ себѣ* хлѣбъ, медъ и рыбу (141). Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча, и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: «видите, что лежало у нихъ за кожею!» Сіи злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣлаозера, гдѣ Вельможа Янь, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань для Князя Святослава: онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Діаволъ сотворилъ тѣло человѣка, гніющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что Антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣруютъ въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. «Но знаете ли собственную вашу участь?» сказалъ Янь. «Ты представишь насъ Святославу,» говорили кудесники: «а если умертвишь, то будешь несчастливъ.» Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи Финны и Чудь славились вол-

шебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи Тосканцы (142). Несторъ разсказываетъ, что Новогородцы ходили въ Эстонію узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ *черными крылатыми духами*. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ въ Новѣгородѣ Вѣру Христіанскую, бранилъ Епископа и хотѣлъ итти пѣшкомъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человѣка божественнаго. Ревностный Епископъ облачился въ Святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ. Но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика: одинъ Князь Глѣбъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ ко мнимому чародѣю и спросилъ: предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? — Волшебникъ отвѣтствовалъ: «я сдѣлаю великія чудеса.» «Нѣтъ!» сказалъ смѣлый Князь — и топоромъ разсѣкъ ему голову (143). Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

---

# ГЛАВА V.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ.

### Г. 1078 — 1093.

---

**Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ.**

Г. 1078 —1084. Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ. — Сей Государь утвердилъ Святополка на Княженіи Новогородскомъ: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдалъ Владиміръ и Туровъ (144), а Мономаху Черниговъ.

Междоусобія. Романъ Святославичь, Князь Тмутороканскій, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно началъ войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили миръ со Всеволодомъ у Переяславля, и на возвратномъ пути умертвили Романа; а брата его, Олега, неволею отправили въ Константинополь. Пользуясь несчастіемъ Святославичей, Великій Князь прислалъ въ Тмуторокань Намѣстника своего, Ратибора. Но сія область Воспорская, убѣжище Князей обдѣленныхъ, скоро была завоевана Давидомъ *Игоревичемъ* и Володаремъ *Ростиславичемъ*, внукомъ и правнукомъ Великаго Ярослава, которые также не долго въ ней господствовали. Изгнанникъ Олегъ, живъ два года на островѣ Родосѣ, славномъ въ Исторіи своими древними мудрыми законами, Науками, великолѣпіемъ зданій и Колоссомъ огромнымъ, возвратился въ Тмуторокань и, вѣроятно, съ помощію Грековъ овладѣлъ имъ; казнилъ многихъ виновныхъ Козаровъ, его личныхъ непріятелей, давшихъ совѣтъ Половцамъ умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустилъ въ Россію (145). Олегъ въ Родосѣ.

Всеволодъ любилъ миръ, и видѣлъ безпрестанное кровопролитіе. Полоцкій Князь осадилъ Смоленскъ: Владиміръ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею; не засталъ Всеслава, но Смоленскъ, зажженный непріятелемъ, еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу своему, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, и чрезъ нѣсколько времени взявъ Минскъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такимъ образомъ сей несчастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя. — Мужественный сынъ Всеволодовъ не выпускалъ меча изъ рукъ: побѣдилъ Торковъ, обитавшихъ близъ Переяславля; два раза ходилъ усмирять безпокойныхъ Вятичей, и вез- Подвиги Мономаха.

дѣ гналъ неутомимыхъ злодѣевъ России, Половцевъ, на берегахъ Десны, Хороля; плѣнялъ ихъ Вождей, отбивалъ добычу (146). Но сiи успѣхи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Россiйскiе междоусобiемъ своимъ усиливали внѣшнихъ непрiятелей.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствiи дяди, который гостилъ у Всеволода въ недѣлю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владимiръ. Всякой знаменитый мятежникъ, обѣщая грабежъ и добычу, могъ собирать тогда шайки усердныхъ помощниковъ: доказательство, сколь правленiе было слабо и своевольство народа необузданно! Всеволодъ, оскорбленный несчастiемъ племянника, велѣлъ Мономаху итти на Ростиславичей: ихъ выгнали, и Ярополкъ возвратился въ свой Удѣлъ съ честiю. — Въ то же время Давидъ Игоревичь, скитаясь въ южной Россiи и внѣ предѣловъ ея, завладѣлъ Олешьемъ, Греческимъ городомъ близъ устья Днѣпровскаго, и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцевъ: Всеволодъ, призвавъ его къ себѣ, далъ ему Дорогобужъ въ Волынiи (147).

г.1084.

Самъ Ярополкъ, облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его: Князь слабый, послушный коварнымъ совѣтникамъ, и скоро наказанный за свою безразсудность. Дядя, свѣдавъ о злыхъ намѣренiяхъ сего неблагодарнаго, предупредилъ ихъ опасное исполненiе; и слухъ, что Мономахъ идетъ съ войскомъ, заставилъ Ярополка бѣжать въ Польшу. Владимiръ нашелъ въ Луцкѣ мать его, супругу, дружину, казну; возвратился съ ними въ Кiевъ, а владѣнiе Ярополково отдалъ Давиду Игоревичу. — Но Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ внѣ Россiи, скоро умилостивилъ Всеволода искреннимъ раскаянiемъ, и заключивъ миръ съ его сыномъ Мономахомъ, въ Волынiи, получилъ обратно свое Княженiе (148). Судьба не дала ему времени заслужить великодушiе дяди или снова быть неблагодарнымъ. Онъ чрезъ нѣсколько дней погибъ отъ руки злодѣя, на пути въ *Червенскiй* Звенигородъ: сей преступникъ, именемъ Нерядецъ, ѣхалъ за нимъ верхомъ вмѣстѣ съ другими Княжескими отроками и вонзилъ саблю въ бокъ своему Государю, покойно лежавшему на колесницѣ. Ярополкъ всталъ, извлекъ изъ себя окровавленное желѣзо, громко сказалъ: «умираю отъ коварнаго врага,» и скончался. Лѣтописецъ не объясняетъ тайной причины злодѣйства, сказывая только, что убiйца бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику, старшему изъ Ростиславичей, которымъ Всеволодъ уступилъ сей городъ въ Удѣлъ (149), и которые, принявъ измѣнника, навлекли на себя гнусное подозрѣнiе, болѣе несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тѣло убiеннаго въ Кiевъ, чтобы воздать ему честь погребенiя тамъ, гдѣ лежали кости его родителя: Всеволодъ, Мономахъ, Ростиславъ (меньшiй сынъ Великаго Князя), Духовенство и народъ встрѣтили оное съ искреннимъ изъявленiемъ горести (150). — Лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ, добродушный подобно отцу своему, давалъ всегда церковную *десятину* въ храмъ Богоматери, исполняя завѣщанiе Владимiра Великаго; завидовалъ святости Бориса и Глѣба, и желалъ также умереть мученикомъ. Давидъ Игоревичь наслѣдовалъ область Владимiрскую.

г.1085. г.1086. Убiенiе Ярополка. Ноября 22.

Между тѣмъ, какъ Всеволодъ занимался возстановленiемъ порядка и тишины въ ближнихъ областяхъ, Камскiе Болгары взяли Муромъ. Не имѣя духа воинскаго, любя торговлю, земледѣлiе, и въ случаѣ неурожая питая восточный край Россiи, они хотѣли, вѣроятно, отмстить жителямъ Муромской области за какую нибудь обиду или несправедливость: по крайней мѣрѣ сiя война не имѣла дальнѣйшаго слѣдствiя, и взятый ими городъ не долго былъ въ ихъ власти (151).

г.1088. Нападенiе Болгаровъ на Муромъ.

Великiй Князь не могъ утѣшиться всеобщимъ спокойствiемъ. Междоусобiе прекратилось; но бѣдствiя инаго роду посѣтили Россiю. Отъ безпрестанныхъ, неслыханныхъ жаровъ вездѣ изсохли поля, и лѣса въ болотныхъ мѣстахъ сами собою воспламенялись, къ ужасу сельскихъ жителей; голодъ, болѣзни, моръ свирѣпствовали во многихъ областяхъ, и въ одномъ Кiевѣ умерло отъ 14 Ноября до 1 Февраля 7000 человѣкъ. Воображенiе несчастныхъ видѣло во всемъ страшныя знаменiя гнѣва Божескаго: въ самыхъ обыкновенныхъ метеорахъ, въ затмѣнiи солнца, въ легкомъ бывшемъ тогда землетрясенiи. Къ симъ случаямъ естественнымъ суевѣрiе прибавило нелѣпыя чудеса: разсказывали, что огромный змѣй упалъ съ неба въ то время, какъ Великiй Князь забавлялся ловлею звѣрей; что злые духи въ Полоцкѣ ночью и днемъ скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, и что множество людей отъ того умер-

г.1092. Засуха и моръ. Землетрясенiе. Видѣнiя.

ло ([152]). Народъ стеналъ, Государь былъ въ уныніи, Половцы грабили; на обѣихъ сторонахъ Днѣпра дымились села, обращенныя въ пепелъ сими жестокими варварами, которые взяли даже нѣсколько городовъ: Песоченъ на рѣкѣ Супоѣ, Переволоку близъ устья Ворсклы, и нигдѣ, кажется, не находили сопротивленія. Наконецъ Василько Ростиславичь, правнукъ Ярославовъ, уговорилъ ихъ оставить Россію, и вмѣстѣ съ нимъ воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами ([153]). Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наслѣдовалъ часть Перемышльской области: скоро увидимъ его великодушіе и злосчастіе.

Набѣги Половцевъ.

Всеволодъ, огорчаемый бѣдствіями народными и властолюбіемъ своихъ племянниковъ — которые, желая господствовать, не давали ему покоя и безпрестанно требовали Удѣловъ — съ завистію вспоминалъ то счастливое время, когда онъ жилъ въ Переяславлѣ, довольный жребіемъ Удѣльнаго Князя и спокойный сердцемъ ([154]). Не имѣвъ никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа; удалилъ отъ себя Бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ, и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю Государей Россійскихъ, которые сами, въ присутствіи Вельможъ, судили народъ свой на дворѣ Княжескомъ. Сильные утѣсняли слабыхъ; Намѣстники и Тіуны грабили Россію какъ Половцы: Всеволодъ не внималъ жалобамъ. — Чувствуя приближеніе конца, онъ послалъ за большимъ сыномъ въ Черниговъ, и скончался въ объятіяхъ Владиміра и Ростислава, орошенный ихъ искренними слезами: Христіянинъ набожный, человѣколюбивый, *трезвый* и цѣломудренный отъ самой юности; однимъ словомъ, достохвальный между частными людьми, но слабый и слѣдственно порочный на степени Государей.

Слабость Великаго Князя.

г. 1093. Кончина его.

Великій Ярославъ желалъ, чтобы любимый сынъ его, со временемъ наслѣдовавъ законнымъ образомъ Кіевскую область, былъ и во гробѣ съ нимъ неразлученъ ([155]): воля нѣжнаго отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, тамъ же, гдѣ лежали Ярославовы кости — въ Софійскомъ храмѣ — съ обыкновенными торжественными обрядами, и въ присутствіи народа, который погребалъ тогда Государей какъ истинныхъ отцевъ своихъ, съ чувствительностію и слезами, забывая ихъ слабости и помня одни благодѣянія.

Всеволодъ оставилъ супругу втораго брака, мачиху Владиміра, и трехъ дочерей, Янку или Анну, Евпраксію и Екатерину; первыя двѣ отказались отъ свѣта и заключились въ монастырѣ ([156]). Мы знаемъ, что Императоръ Генрикъ IV въ 1089 году женился на Россійской Княжнѣ, Агнесѣ или Адельгейдѣ, вдовѣ Маркграфа Штаденскаго, которая послѣ умерла Игуменьею: она могла быть дочерью Всеволода ([157]). Въ то же время другая Россіянка, именемъ *Евпраксія,* была за сыномъ Болеслава, отравленнымъ въ цвѣтущей юности; но Историки Польскіе называютъ сію Княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

Дочь Всеволода за Генрикомъ IV.

При Всеволодѣ былъ Митрополитомъ Грекъ Іоаннъ, мужъ знаменитый ученостію и Христіанскими добродѣтелями, ревностный наставникъ Духовенства и другъ несчастныхъ. «Никогда» (сказано въ лѣтописи) «не бывало у насъ такого и не будетъ!» Мы имѣемъ его сочиненіе, названное *Церковнымъ правиломъ*, въ коемъ онъ съ великою ревностію осуждаетъ тогдашнее обыкновеніе Князей Россійскихъ выдавать дочерей за Государей Латинской Вѣры; доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ (Половцевъ), даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія оскверняться ихъ нечистыми яствами; налагаетъ епитимью на тѣхъ, которые совокупляются съ правнучатными или женятся безъ вѣнчанія, думая, что сей обрядъ изобрѣтенъ единственно для Князей и Бояръ; отлучаетъ отъ Церкви Іереевъ, благословляющихъ союзъ мужа съ третьею женою; велитъ имъ и Монахамъ служить для всѣхъ людей примѣромъ трезвости; наконецъ, въ дополненіе къ гражданскимъ законамъ, уставляетъ *духовное покаяніе* для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Сей Митрополитъ, наименованный отъ современниковъ *Пророкомъ Христа* ([158]), святилъ церковь Ѳеодосіева монастыря Печерскаго, о коей написано столь много чудеснаго въ Патерикѣ Кіевскомъ. Византійскіе художники, украсивъ оную, не захотѣли уже возвратиться въ отечество и кончили жизнь свою въ Печерской Обители; донынѣ показываютъ тамъ гробы ихъ. — Въ 1089 году, когда преставился Митрополитъ Іоаннъ, дочь

Митрополитъ Іоаннъ.

Его сочиненіе.

Всеволодова, Янка, ѣздила въ Константинополь и привезла съ собою новаго Митрополита, скопца, именемъ также Іоанна, но человѣка весьма обыкновеннаго, слабаго здоровьемъ, и столь блѣднаго, что народъ прозвалъ его *мертвецомъ* (159): онъ черезъ годъ умеръ. Третій Митрополитъ Всеволодова княженія былъ Ефремъ, Грекъ, по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ; другіе же называютъ его Монахомъ Печерскимъ. Несторъ сказываетъ только, что Ефремъ, скопецъ подобно Іоанну, жилъ въ *Переславлѣ, гдѣ находилась тогда Митрополія*, и что онъ, создавъ многіе храмы каменные, первый началъ въ Россіи строить при церквахъ крестильницы (160). Сей Митрополитъ, какъ пишутъ, уставилъ торжествовать 9 Маія пренесеніе мощей Св. Николая изъ Ликіи въ Италіянскій городъ Баръ (161): праздникъ Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имѣли тогда дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Несторъ молчитъ, но Лѣтописецъ среднихъ временъ говоритъ о какомъ-то Святителѣ Θеодорѣ, пріѣзжавшемъ къ Великому Князю отъ Папы (Урбана II) въ 1091 году (162). Властолюбивые Намѣстники Св. Петра безъ сомнѣнія всячески старались подчинить себѣ Церковь Россійскую.

Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ.

# ГЛАВА VI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

### Г. 1093 — 1112.

**Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Злодѣйство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое коварство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новогородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмутороканя исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даніила. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь.**

Г. 1093. Владиміръ могъ бы сѣсть на престолѣ родителя своего; но сей чувствительный, миролюбивый Князь уступилъ оный Изяславову сыну, и сказавъ: «отецъ его былъ старѣе и княжилъ въ столицѣ прежде моего отца; не хочу кровопролитія и войны междоусобной,» объявилъ Святополка Государемъ Россійскимъ; самъ отправился въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переславль.

Великодушіе Мономаха.

Святополкъ, княживъ нѣсколько лѣтъ въ Новѣгородѣ, еще въ 1088 году выѣхалъ оттуда, будучи, какъ вѣроятно, недоволенъ его безпокойными гражданами (которые тогда же призвали къ себѣ юнаго Князя, Мстислава, сына Владимірова) и жилъ въ Туровѣ (163): онъ съ радостію прибылъ въ Кіевъ: и народъ также съ радостію встрѣтилъ новаго Государя, обѣщая себѣ миръ и тишину подъ его властію. Сія надежда не исполнилась, и начало Святополкова княженія ознаменовалось великими несчастіями. Апрѣля 24.

Половцы, узнавъ о кончинѣ Всеволода, изъявили желаніе остаться друзьями Россіи. Легкомысленный Святополкъ не посовѣтовался съ Боярами отца своего и дяди: велѣлъ заключить Пословъ въ темницу; но свѣдавъ, что мстительные варвары вездѣ жгутъ и грабятъ въ его области, вздумалъ самъ просить ихъ о мирѣ. Половцы уже не хотѣли слушать сихъ предложеній, и Великій Князь, собравъ только 800 воиновъ, спѣшилъ вы-

Война съ Половцами.

ступить въ поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвальству молодыхъ людей, нужны не *сотни*, а *тысячи* для отраженія враговъ; что область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустѣла, и что надобно требовать помощи отъ мужественнаго Владиміра. Князь Черниговскій немедленно вооружился, и призвалъ брата своего, Ростислава. Но Князья, соединивъ дружины, не могли согласиться въ мысляхъ; стояли подъ Кіевомъ и ссорились между собою. Наконецъ Бояре сказали имъ: «ваша распря губитъ народъ; смирите враговъ, и тогда уже думайте о своихъ несогласіяхъ (164).» Святополкъ и Владиміръ, принявъ благій совѣтъ, обнялися братски, и въ знакъ искренней взаимной любви цѣловали святый крестъ, по тогдашнему обыкновенію.

Непріятели осаждали Торческъ, городъ населенный Торками, которые, оставивъ жизнь кочевую, поддалися Россіянамъ (165): Князья хотѣли освободить его, Святополкъ битвою, Мономахъ миромъ. Остановясь близъ Триполя, они призвали Бояръ на совѣтъ. Янь, Воевода Кіевскій, другъ блаженнаго Ѳеодосія, и многіе другіе были одного мнѣнія съ Княземъ Черниговскимъ. «Половцы (говорили они) видятъ блескъ мечей нашихъ, и не отвергнутъ міра.» Но Кіевляне, желая побѣды, склонили большинство голосовъ на свою сторону, и войско Россійское перешло за Стугну. Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ лѣвое, Ростиславъ находился въ срединѣ. Они поставили знамена между земляными укрѣпленіями Трипольскими (166), и ждали непріятеля, который выславъ напередъ стрѣлковъ, вдругъ устремился всѣми силами на Святополка. (26 Маія.) Кіевляне не могли выдержать сего удара, и замѣшались. Великій Князь оказалъ примѣрную неустрашимость; бился долго, упорно, и послѣдній оставилъ мѣсто сраженія. Средина и лѣвое крыло, не умѣвъ искуснымъ, быстрымъ движеніемъ спасти праваго, еще нѣсколько времени стояли, но также уступили превосходству непріятеля. Земля дымилась кровію. Россіяне, спасаясь отъ меча побѣдителей, толпами гибли въ рѣкѣ Стугнѣ, которая отъ дождей наполнилась водою. Мономахъ, видя утопающаго брата, забылъ собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его изъ волнъ — и сей Князь, оплакивая Ростислава, многихъ Бояръ своихъ, отечество, съ горестію возвратился въ Черниговъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Несчастная мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тѣло сего юноши, коего безвременная смерть была предметомъ всеобщаго сожалѣнія.

Половцы снова осадили Торческъ. Граждане оборонялись мужественно; но изнуренные голодомъ и жаждою, напрасно требовали съѣстныхъ припасовъ отъ Святополка: бдительный непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ, который держался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Половцы, оставивъ часть войска для осады, приближились къ столицѣ. Святополкъ хотѣлъ еще сразиться, и вторично разбитый подъ Кіевомъ (167), ушелъ только съ двумя воинами. (23 Іюля.) Торческъ сдался: стѣны и зданія его обратились въ пепелъ, а граждане были отведены въ неволю.

Не имѣвъ счастія воинскаго, Святополкъ надѣялся инымъ способомъ обезоружить Половцевъ, и женился на дочери ихъ Князя, Тугоркана. (Г. 1094. Бракъ Святополковъ.) Но сей родственный союзъ, который могъ быть оправданъ одною государственною пользою, не защитилъ Россіи отъ варваровъ: Князь Тмутороканскій, Олегъ Святославичь, въ *третій разъ* пришелъ съ ними разорять отечество, осадилъ Мономаха въ Черниговѣ, и требовалъ сей области какъ законнаго наслѣдія: ибо она принадлежала нѣкогда его родителю. (Безпокойный Олегъ.) Владиміръ, любимый своею дружиною и народомъ, нѣсколько дней оборонялся; но жалѣя крови, великодушно сказалъ: *да не радуются враги отечества!* и добровольно уступилъ Княженіе Олегу: вторая жертва, принесенная имъ общей пользѣ (168)! Онъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль съ женою и дѣтьми подъ щитами малочисленной, вѣрной дружины, готовой отражать толпы хищныхъ Половцевъ, которые, не смотря на миръ, еще долгое время свирѣпствовали въ Черниговской области: жестокій Олегъ, довольный ихъ помощію, равнодушно смотрѣлъ на сіи злодѣйства. — Вся южная Россія представляла тогда картину самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. (Жалкое состояніе южной Россіи.) «Города опустѣли,» пишетъ Несторъ: «въ селахъ пылаютъ Церкви, домы, житницы и гумны. Жители издыхаютъ подъ остріемъ меча, или трепещутъ, ожидая смерти. Плѣнники, заключенные въ узы, идутъ наги и босы въ отдаленную стра-

ну варваровъ, сказывая другъ другу со слезами: *я изъ такого-то города Русскаго, я изъ такой-то веси!* Не видимъ на лугахъ своихъ ни стадъ, ни коней; нивы заросли травою, и дикіе звѣри обитаютъ тамъ, гдѣ прежде жили Христіане (169)!» Къ умноженію несчастій, Россія узнала въ сіе время новый бичь естественный: саранча, дотолѣ неизвѣстная нашимъ предкамъ, покрывъ землю, совершенно истребила жатву; тучи сихъ пагубныхъ насѣкомыхъ летѣли отъ Юга къ Сѣверу, оставляя за собою отчаяніе и голодъ для бѣдныхъ поселянъ.

Августа 26. Саранча.

Наконецъ Великій Князь и Владиміръ ободрили побѣдами унылый духъ своего народа. Онѣ, къ сожалѣнію, начались вѣроломствомъ. Долговременныя несчастія государственныя остервеняютъ сердца и вредятъ самой нравственности людей. Вожди Половецкіе, Итларь и Китанъ, заключивъ миръ съ Мономахомъ, взяли въ *тали*, или въ аманаты, сына его, Святослава. Китанъ безопасно жилъ въ станѣ близъ городскаго вала: Итларь гостилъ въ Переяславлѣ у Вельможи Ратибора. Тогда недостойные совѣтники предложили Князю воспользоваться оплошностію ненавистныхъ враговъ, нарушить священный миръ и не менѣе священные законы гостепріимства — однимъ словомъ, злодѣйски умертвить всѣхъ Половцевъ. Владиміръ колебался; но дружина успокоила его робкую совѣсть, доказывая, что сіи варвары тысячу разъ сами преступали клятву . . . Въ глубокую ночь Россіяне, вмѣстѣ съ Торками, имъ подвластными, вышли изъ города, зарѣзали соннаго Китана, его воиновъ, и съ торжествомъ привели ко Владиміру освобожденнаго Святослава (170). Итларь, не зная ничего, спокойно готовился по утру завтракать у своихъ ласковыхъ хозяевъ, когда сынъ Ратиборовъ, Олбегъ, пустилъ ему въ грудь стрѣлу, сквозь отверстіе, нарочно для того сдѣланное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, былъ жертвою гнуснаго заговора, который лучшему изъ тогдашнихъ Князей Россійскихъ казался дозволенною хитростію!

Г. 1095. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. 24 Февраля.

Ожидая справедливой мести за такое злодѣяніе, Владиміръ и Святополкъ хотѣли предупредить оную. *Въ первый разъ* дерзнули Россіяне искать Половцевъ въ ихъ собственной землѣ; взяли множество скота, вельблюдовъ, коней, плѣнниковъ, и возвратились благополучно.—Но въ то же самое лѣто Юрьевъ, городъ на берегу Роси, былъ сожженъ Половцами (171): жители его ушли съ Епископомъ въ столицу, и Великій Князь населилъ ими, близъ Кіева, особенный новый городокъ, давъ ему имя *Святополча.*

Олегъ Черниговскій, вопреки данному слову, не ходилъ съ Великимъ Княземъ на Половцевъ. Святополкъ и Владиміръ требовали отъ него, чтобы онъ хотя выдалъ имъ или самъ велѣлъ умертвить знатнаго Половецкаго юношу, сына Итларева, бывшаго у него въ рукахъ, но Князь Черниговскій отвергнулъ и сіе предложеніе, какъ злодѣйство безполезное. Съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе возрастало. Святополкъ и Владиміръ, дѣйствуя во всемъ согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленскъ, отданный ему, какъ вѣроятно, еще Всеволодомъ, и послали его княжить въ Новгородъ, откуда Мономахъ перевелъ сына своего, Мстислава, въ Ростовъ (172); но своевольные Новогородцы чрезъ два года объявили Давиду, что онъ имъ ненадобенъ, и вторично призвали къ себѣ, на его мѣсто, Мстислава. Лишенный Удѣла, Давидъ прибѣгнулъ, можетъ быть, къ Олеговой защитѣ: по крайней мѣрѣ ему возвратили область Смоленскую. Юный сынъ Мономаховъ, Изяславъ, Правитель Курска, подалъ новый ко враждѣ случай, нечаянно завладѣвъ Муромомъ, городомъ Черниговскаго Князя, и взявъ въ плѣнъ Олегова Намѣстника.

Междоусобія.

Въ сихъ обстоятельствахъ Святополкъ и Владиміръ прислали звать Олега въ Кіевъ, на *съѣздъ Княжескій.* «Тамъ, въ старѣйшемъ градѣ Русскомъ» — говорили они — «утвердимъ безопасность Государства въ общемъ совѣтѣ съ знаменитѣйшимъ Духовенствомъ, съ Боярами отцевъ нашихъ и гражданами.» Олегъ, не вѣря ихъ доброму намѣренію, съ гордостію имъ отвѣтствовалъ: «я Князь, и не хочу совѣтоваться ни съ Монахами, ни съ чернію.» *Когда такъ*, сказали Святополкъ и Владиміръ: *когда не хочешь воевать съ непріятелями земли Русской, ни совѣтоваться съ братьями, то признаемъ тебя самого врагомъ отечества, и Богъ да судитъ между нами!* Взявъ Черниговъ, они приступили къ Стародубу, гдѣ находился Олегъ, и болѣе мѣсяца проливали невинную

Гордость Олегова.



57

кровь въ жестокихъ битвахъ (173). Наконецъ Черниговскій Князь, смиренный голодомъ, долженъ былъ покориться, и клятвенно обѣщалъ пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давидомъ.

Святополкъ нетерпѣливо хотѣлъ прекратить сію междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россію; одна Маія 24. толпа ихъ сожгла въ Берестовѣ домъ Княжескій, другая мѣстечко Устье, близъ Переяславля, и тесть Святополковъ, Тугорканъ, осадилъ сію Мономахову столицу. 30 Маія. Великій Князь и Владиміръ умѣли скрыть свои движенія отъ непріятеля, перешли Днѣпръ, явились внезапно подъ стѣнами осажденнаго города (174). Обрадованные жители встрѣтили ихъ, и Россіяне бросились въ Трубежъ, ревностно желая битвы съ Половцами, которые стояли на другой сторонѣ сей рѣки. Напрасно осторожный Владиміръ хотѣлъ построить воиновъ: не внимая начальникамъ, они устремились на варваровъ, и своимъ мужествомъ рѣшили побѣду. Іюня 19. Самъ Тугорканъ, сынъ его, знаменитѣйшіе Половцы легли на мѣстѣ. Святополкъ взялъ тѣло перваго и съ честію предалъ оное землѣ недалеко отъ своего Іюня 20. Берестовскаго дворца. — Въ то самое время, когда Россіяне торжествовали свою побѣду, другой Князь Половецкій, Бонякъ, едва не овладѣлъ Кіевомъ; выжегъ предмѣстіе, *красный дворъ* Всеволодовъ на Выдобичахъ, монастыри; ворвался ночью въ Обитель Печерскую, умертвилъ нѣсколько безоружныхъ Монаховъ, пробужденныхъ шумомъ и воплемъ свирѣпаго непріятеля; ограбилъ церковь, кельи, и съ добычею удалился, оставивъ деревянныя зданія въ пламени.

Сожженіе монастыря Кіево-печерскаго.

Святополкъ, возвратясь въ Кіевъ, напрасно ждалъ Олега, который, не бывъ принятъ Смоленскими жителями, пошелъ къ Мурому (175). Изяславъ, сынъ Мономаховъ, призвалъ къ себѣ войско изъ Ростова, Суздаля, Бѣлаозера, и готовился отразить сего непріятеля. « Иди княжить въ свою Ростовскую область, » велѣлъ сказать ему Олегъ: « отецъ твой отнялъ у меня Черниговъ: не ужели и въ Муромѣ, наслѣдственномъ моемъ достояніи, вы лишите меня хлѣба? Я не хочу войны, и желаю примириться съ Владиміромъ. » Олегъ имѣлъ съ собою малочисленную дружину, набранную имъ въ Рязани, которая зависѣла тогда отъ Черниговскихъ Князей; но получивъ гордый отказъ, смѣло обнажилъ мечь. Юный Изяславъ палъ въ сраженіи, и войско его разсѣялось. Побѣдитель взялъ Муромъ (гдѣ была супруга Изяславова), Суздаль, Ростовъ, и слѣ- 6 Сентября дуя тогдашнему варварскому обыкновенію, плѣнилъ множество безоружныхъ гражданъ.

Мстиславъ Владиміровичь, Князь Новогородскій, крестникъ Олеговъ, свѣдавъ о несчастной судьбѣ Изяславовой, велѣлъ привезти къ себѣ тѣло его, и съ горестію погребъ оное въ Софійской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винилъ Олега въ завоеваніи Мурома, но требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля; не упрекалъ его даже и смертію Изяслава, говоря ему чрезъ Пословъ: « ты убилъ моего брата; но въ ратяхъ гибнутъ Цари и Герои. Будь доволенъ своимъ наслѣдственнымъ городомъ: въ такомъ случаѣ умолю отца моего примириться съ тобою. » Олегъ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній, думая скоро взять самый Новгородъ. Тогда Мстиславъ, любимый народомъ, вооружился (176). Начальникъ отряда Новогородскаго, Добрыня Рагуйловичь, захватилъ людей Олеговыхъ, посланныхъ для собранія дани, и сбилъ его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской Губерніи). Олегъ не могъ удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжегъ сей послѣдній городъ, оставивъ въ немъ только одинъ монастырь съ церквами, и засѣлъ въ Муромѣ. Добродушный Мстиславъ, уважая крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, желая только, чтобы онъ возвратилъ плѣнныхъ, и въ то же время убѣдительно просилъ родителя своего забыть вражду Олегову. Мономахъ отправилъ въ Суздаль меньшаго сына, Вячеслава, съ коннымъ отрядомъ союзныхъ Половцевъ, написавъ къ Олегу краснорѣчивое письмо такого содержанія (177):

Храбрость и добродушіе Мстислава.

«Долго печальное сердце мое боролось съ закономъ Христіанина, обязаннаго прощать и миловать: Богъ велитъ братьямъ любить другъ друга; но самые умные дѣды, самые добрые и блаженные отцы наши, обольщаемые врагомъ Христовымъ, возставали на кровныхъ. . . . Пишу къ тебѣ, убѣжденный твоимъ крестнымъ сыномъ, который молитъ меня оставить злобу для блага земли Русской, и предать смерть его брата на судъ Божій. Сей юноша устыдилъ отца своимъ великодушіемъ! Дерзнемъ ли, въ самомъ дѣлѣ, отвергнуть примѣръ

Письмо Мономахово.

Божественной кротости, данный намъ Спасителемъ, мы тлѣнныя созданія? нынѣ въ чести и въ славѣ, завтра въ могилѣ, и другіе раздѣлятъ наше богатство! Вспомнимъ, братъ мой, отцевъ своихъ: что они взяли съ собою, кромѣ добродѣтели? Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядшій цвѣтъ, ты не пожалѣлъ объ немъ; не пожалѣлъ о слезахъ отца и матери; не хотѣлъ написать ко мнѣ письма утѣшительнаго; не хотѣлъ прислать бѣдной, невинной снохи, чтобы я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не видавъ ихъ радостнаго брака, не слыхавъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсней..... Ради Бога отпусти несчастную, да сѣтуетъ какъ горлица въ домѣ моемъ; а меня утѣшитъ отецъ Небесный. — Не укоряю тебя безвременною кончиною любезнаго мнѣ сына: и знаменитѣйшіе люди находятъ смерть въ битвахъ; онъ искалъ чужаго и ввелъ меня въ стыдъ и въ печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взявъ Муромъ, не бралъ Ростова, и тогда же примирился со мною. Разсуди самъ, мнѣ ли надлежало говорить первому, или тебѣ? Если имѣешь совѣсть; если захочешь успокоить мое сердце, и съ Посломъ или Священникомъ напишешь ко мнѣ грамоту безъ всякаго лукавства: то возмешь добрымъ порядкомъ область свою, обратишь къ себѣ наше сердце, и будемъ жить еще дружелюбнѣе прежняго. Я не врагъ тебѣ, и не хотѣлъ крови твоей у Стародуба» (гдѣ Святополкъ и Мономахъ осаждали сего Князя); «но дай Богъ, чтобы и братья не желали пролитія моей. Мы выгнали тебя изъ Чернигова единственно за дружбу твою съ невѣрными; и въ томъ каюсь, послушавъ брата (Святополка). Ты господствуешь теперь въ Муромѣ, а сыновья мои въ области своего дѣда. Захочешь ли умертвить ихъ? твоя воля. Богу извѣстно, что я желаю добра отечеству и братьямъ. Да лишится навѣки мира душевнаго, кто не желаетъ изъ васъ мира Христіанамъ! — Не боязнь и не крайность заставляютъ меня говорить такимъ образомъ, но совѣсть и душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе.»

Вѣроломство Олегово.

Олегъ согласился заключить миръ, чтобы обмануть племянника; и когда Мстиславъ, распустивъ воиновъ по селамъ, безпечно сидѣлъ за обѣдомъ съ Боярами своими, гонцы принесли ему вѣсть, что коварный его дядя стоитъ уже на Клязмѣ съ войскомъ ([178]). Олегъ думалъ, что Мстиславъ, изумленный его внезапнымъ нападеніемъ, уйдетъ изъ Суздаля; но сей юный Князь, въ одни сутки собравъ дружину Новогородскую, Ростовскую, Бѣлозерскую, приготовился къ битвѣ за городскимъ валомъ. Олегъ четыре дни стоялъ неподвижно, и Вячеславъ, другой сынъ Мономаховъ, успѣлъ соединиться съ братомъ. Тогда началось сраженіе. Олегъ ужаснулся, видя славное знамя Владимірово въ рукахъ вождя Половецкаго, заходившаго къ нему въ тылъ съ отрядомъ Мстиславовой пѣхоты, и скоро обратился въ бѣгство; поручилъ меньшему своему брату, Ярославу, Муромъ, а самъ удалился въ Рязань. Мстиславъ, умѣренный въ счастіи, не хотѣлъ завладѣть ни тѣмъ, ни другимъ городомъ, освободивъ единственно Ростовскихъ и Суздальскихъ плѣнниковъ, тамъ заключенныхъ. Бѣгая отъ него, Олегъ скитался въ отчаяніи, и не зналъ, гдѣ приклонить голову; но племянникъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ былъ спокоенъ. «Святополкъ и Владиміръ не лишатъ тебя земли Русской,» говорилъ сей чувствительный юноша: «я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ. Останься и властвуй въ своемъ Княженіи: только смирися.» Мстиславъ сдержалъ слово: вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ Великимъ Княземъ и своимъ отцемъ.

Г. 1097. Марта 1.

Великодушіе Мстислава.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія въ первый разъ увидѣла торжественное собраніе Князей своихъ, на берегу Днѣпра, въ городѣ Любечѣ. Сидя на одномъ коврѣ ([179]), они благоразумно разсуждали, что отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душею и сердцемъ, унять внѣшнихъ разбойниковъ, Половцевъ, — успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, другъ отечества и благоразумнѣйшій изъ Князей Россійскихъ, былъ виновникомъ и душею сего достопамятнаго собранія. Въ примѣръ умѣренности и безкорыстія онъ уступилъ Святославичамъ все, что принадлежало нѣкогда ихъ родителю, и Князья съ общаго согласія утвердили за Святополкомъ область Кіевскую, за Мономахомъ частный Удѣлъ отца его: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль,

Съѣздъ Князей.

Бѣлоозеро; за Олегомъ, Давидомъ и Ярославомъ Святославичами Черниговъ, Рязань, Муромъ; за Давидомъ Игоревичемъ Владимiръ Волынскiй; за Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами Перемышль и Теребовль, отданные имъ еще Всеволодомъ. Каждый былъ доволенъ; каждый цѣловалъ святый крестъ, говоря: *да будетъ земля Русская общимъ для насъ отечествомъ; а кто возстанетъ на брата, на того мы всѣ возстанемъ.* Добрый народъ благословлялъ согласiе своихъ Князей: Князья обнимали другъ друга какъ истинные братья.

Сей торжественный союзъ былъ въ одно время заключенъ и нарушенъ самымъ гнуснѣйшимъ злодѣйствомъ, коего воспоминанiе должно быть оскорбительно для самаго отдаленнѣйшаго потомства. Лѣтописецъ извиняетъ главнаго злодѣя, сказывая, что клеветники обманули его; но такъ обманываются одни изверги. Сей недостойный внукъ Ярославовъ, Давидъ Игоревичь, прiѣхавъ изъ Любеча въ Кiевъ, объявилъ Святополку, что Мономахъ и Василько Ростиславичь суть ихъ тайные враги; что первый думаетъ завладѣть престоломъ Великокняжескимъ, а вторый городомъ Владимiромъ; что убiенный братъ ихъ, Ярополкъ Изяславичь, погибъ отъ руки Василькова наемника, который ушелъ къ Ростиславичамъ ([180]); что благоразумiе требуетъ осторожности, а месть жертвы. Великiй Князь содрогнулся и заплакалъ, вспомнивъ несчастную судьбу любимаго брата. «Но справедливо ли сiе ужасное обвиненiе?» сказалъ онъ: «да накажетъ тебя Богъ, если обманываешь меня отъ зависти и злобы.» Давидъ клялся, что ни ему въ Владимiрѣ, ни Святополку въ Кiевѣ не господствовать мирно, пока живъ Василько; и сынъ Изяславовъ согласился быть вѣроломнымъ подобно отцу своему. Не зная ничего, спокойный въ совѣсти, Василько ѣхалъ тогда мимо Кiева, зашелъ помолиться въ монастырь Св. Михаила, ужиналъ въ сей Обители и ночевалъ въ станѣ за городомъ. Святополкъ и Давидъ прислали звать его, убѣждали остаться въ Кiевѣ до имянинъ Великаго Князя, то есть, до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать съ Поляками, спѣшилъ домой и не хотѣлъ исполнить Святополкова желанiя. «Видишь ли?» сказалъ Давидъ Великому Князю: «онъ презираетъ тебя въ самой области твоей: чтожь будетъ, когда прiѣдетъ въ свою? займетъ безъ сомнѣнiя Туровъ, Пинскъ и другiя мѣста, тебѣ принадлежащiя ([181]). Вели схватить его и отдать мнѣ, или ты вспомнишь совѣтъ мой, но поздно.» Святополкъ вторично послалъ сказать Васильку, чтобы онъ заѣхалъ къ нему, хотя на минуту, обнять своихъ дядей и побесѣдовать съ ними. Несчастный Князь далъ слово; сѣлъ на коня, и въѣзжалъ уже въ городъ: тутъ встрѣтился ему одинъ изъ его усердныхъ Отроковъ, и съ ужасомъ объявилъ о гнусномъ заговорѣ. Василько не вѣрилъ. «Мы цѣловали крестъ — сказалъ онъ — и клялися умереть друзьями; не хочу подозрѣнiемъ оскорбить моихъ родственниковъ» — перекрестился, и съ малочисленною дружиною въѣхалъ въ Кiевъ. Ласковый Святополкъ принялъ гостя на дворѣ Княжескомъ, ввелъ въ горницу, и самъ вышелъ, сказывая, что велитъ готовить завтракъ для любезнаго племянника. Василько остался съ Давидомъ: началъ говорить съ нимъ; но сей злодѣй, еще новый въ ремеслѣ своемъ, блѣднѣлъ, не могъ отвѣчать ни слова и спѣшилъ удалиться ([182]). По данному знаку входятъ воины, заключаютъ Василька въ тяжкiе оковы. Мѣра злодѣйства еще не совершилась, и Святополкъ боялся народнаго негодованiя: въ слѣдующiй день созвавъ Бояръ и гражданъ Кiевскихъ, онъ торжественно объявилъ имъ слышанное отъ Давида. Народъ отвѣтствовалъ: «Государь! безопасность твоя для насъ священна: казни Василька, если онъ дѣйствительно врагъ твой; когда же Давидъ оклеветалъ его, то Богъ отмститъ ему за кровь невиннаго.» Знаменитыя духовныя особы смѣло говорили Великому Князю о человѣколюбiи и гнусности вѣроломства. Онъ колебался: но снова устрашенный коварными словами Давида, отдалъ ему жертву въ руки. Василька ночью привезли въ Бѣлгородъ и заперли въ тѣсной горницѣ; въ глазахъ его острили ножъ, разстилали коверъ; взяли несчастнаго и хотѣли положить на землю. Угадавъ намѣренiе сихъ достойныхъ слугъ Давида и Святополка, онъ затрепеталъ, и хотя былъ окованъ, но долгое время оборонялся съ такимъ усилiемъ, что имъ надлежало кликнуть помощниковъ. Его связали; раздавили ему грудь доскою, и вырѣзали обѣ зѣницы.... Василько лежалъ на коврѣ безъ чувства. Злодѣи отправились съ нимъ въ Владимiръ, прiѣхали въ городъ Здви-

Злодѣйство Давида и Святополка.

Ноября 4.

Ослѣпленiе Василька.

женскъ обѣдать и велѣли хозяйкѣ вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привелъ его въ память. Онъ спросилъ: «гдѣ я?» выпилъ свѣжей воды; ощупалъ свою рубашку, и сказалъ: «начто вы сняли съ меня окровавленную? я хотѣлъ стать въ ней предъ Судіею Всевышнимъ»..... Давидъ ожидалъ Василька въ столицѣ своей, Владимірѣ, и заключилъ въ темницу, приставивъ къ нему двухъ Отроковъ и 30 воиновъ для стражи.

Слезы Мономаховы. Мономахъ, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, пришелъ въ ужасъ и залился слезами. «Никогда еще — сказалъ онъ — не бывало подобнаго въ землѣ Русской!» и немедленно увѣдомилъ о томъ Святославичей, Олега и Давида. «Прекратимъ зло въ началѣ,» писалъ къ нимъ сей добрый Князь: «накажемъ изверга, который посрамилъ отечество и далъ ножъ брату на брата; или кровь еще болѣе польется и мы всѣ обратимся въ убійцъ; земля Русская погибнетъ: варвары овладѣютъ ею.» Олегъ и Давидъ, подвигнутые такимъ же великодушнымъ негодованіемъ, соединились съ Мономахомъ, приближились къ Кіеву и грозно требовали от-
г. 1098. вѣта отъ Святополка. Послы ихъ говорили именемъ Князей: «Ежели Василько преступникъ, то для чего же не хотѣлъ ты судиться съ нимъ предъ нами? и въ чемъ состоитъ вина его!» Великій Князь оправдывался своимъ легковѣріемъ, и тѣмъ, что не онъ, а Давидъ ослѣпилъ ихъ племянника, «Но въ твоемъ городѣ,» сказали Послы и вышли изъ дворца. На другой день Владиміръ и Святославичи уже готовились итти за Днѣпръ (183), чтобы осадить Кіевъ. Малодушный Святополкъ думалъ бѣжать; но граждане не пустили его, и зная доброе сердце Мономаха, отправили къ нему Посольство. Митрополитъ и вдовствующая супруга Всеволодова явились въ станѣ соединенныхъ Князей: первый говорилъ именемъ народа, вторая плакала и молила. «Князья великодушные!» сказалъ Митрополитъ Владиміру и Святославичамъ: «не терзайте отечества междо-
Рѣчь Митрополита. усобіемъ, не веселите враговъ его. Съ какимъ трудомъ отцы и дѣды ваши утверждали величіе и безопасность Государства! Они пріобрѣтали чуждыя земли; а вы что дѣлаете? губите собственную.» Владиміръ пролилъ слезы: онъ уважалъ память своего родителя, вдовствующую Княгиню его и Пастыря Церкви; а всего болѣе любилъ Россію. «Такъ!» отвѣтствовалъ Мономахъ съ горестію: «мы недостойны своихъ великихъ предковъ и заслуживаемъ сію укоризну.» Князья согласились на миръ, и Владиміръ простилъ Святополку собственную обиду: ибо сей неблагодарный, обязанный ему престоломъ, не устыдился повѣрить клеветѣ и считать его своимъ тайнымъ злодѣемъ. Великій Князь, сложивъ всю вину на Давида, далъ слово наказать его какъ общаго недруга.

Давидъ свѣдалъ о томъ и хотѣлъ отвратить бурю. Здѣсь одинъ изъ дополнителей Несторовой лѣтописи, именемъ Василій — вѣроятно, Инокъ или Священникъ — представляетъ самъ важное дѣйствующее лице, и разсказываетъ слѣдующія обстоятельства: «Я былъ тогда въ Владимірѣ. Князь Давидъ ночью прислалъ за мною. Окруженный своими Боярами, онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и сказалъ: *Василько говоритъ, что я могу примириться съ Владиміромъ. Иди къ заключенному* (184): *совѣтуй ему, чтобы онъ отправилъ Посла къ Мономаху и склонилъ сего Князя оставить меня въ покоѣ. Въ знакъ благодарности дамъ Васильку любой изъ городовъ Червенскихъ: Всеволожъ, Шеполь или Перемиль.* Я исполнилъ Давидову волю. Несчастный Василько слушалъ меня со вниманіемъ, и съ кротостію отвѣтствовалъ: *Я не говорилъ ни слова; но сдѣлаю угодное Давиду, и не хочу, чтобы для меня проливали кровь Россіянъ. Только удивляюсь, что Давидъ, въ знакъ милости даетъ мнѣ собственный мой городъ Шеполь: я и въ темницѣ Князь Теребовля. Скажи, что желаю видѣть и послать ко Владиміру Боярина моего, Кулмея.* Давидъ не хотѣлъ того, отвѣтствуя, что сего человѣка нѣтъ въ Владимірѣ. Я вторично пришелъ къ Васильку, который выслалъ слугу, сѣлъ со мною и говорилъ такъ: *Слышу, что Давидъ мыслитъ отдать меня въ руки Ляхамъ; онъ еще не сытъ моею кровію: ему надобна остальная. Я мстилъ Ляхамъ за отечество и сдѣлалъ имъ много зла* (185): *пусть воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. Но любя истину, открою тебѣ всю мою душу. Богъ наказалъ меня за гордость. Зная, что идутъ ко мнѣ союзные Торки, Берендѣи, Половцы и Печенѣги, я думалъ въ своей надменности:* Теперь скажу брату Володарю и

(Прекрасная душа Василькова.)

Давиду: дайте мнѣ только свою младшую дружину; а сами пейте и веселитесь. Зимою выступлю, лѣтомъ завоюю Польшу. Земля у насъ не богата жителями: пойду на Дунайскихъ Болгаровъ, и плѣнниками населю ея пустыни. А тамъ буду проситься у Святополка и Владиміра на общихъ враговъ отечества, на злодѣевъ Половцевъ: достигну славы или положу голову за Русскую землю. *Въ душѣ моей не было иной мысли. Клянуся Богомъ, что я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла ни Святополку, ни Давиду, ни другимъ братьямъ любезнымъ.*» Сей несчастный Князь, въ стѣнахъ темницы открывая душу свою какому нибудь смиренному Иноку, не думалъ, что самое отдаленное потомство услышитъ его слова, достойныя Героя!

Еще болѣе мѣсяца Василько томился въ заключеніи: Владиміръ — озабоченный, какъ вѣроятно, набѣгами Половцевъ — не могъ освободить его ([186]). Давидъ ободрился и хотѣлъ увеличить область свою завоеваніемъ Теребовля; но устрашенный мужествомъ Володаря Ростиславича, не дерзнулъ обнажить меча въ полѣ и бѣжалъ въ городъ Бужскъ. Володарь, осадивъ его, требовалъ единственно брата, и гнусный Давидъ, принужденный отпустить Василька, увѣрялъ, что одинъ Святополкъ былъ виною злодѣянія, «Не въ моей области» — говорилъ онъ — «пострадалъ братъ твой; я долженъ былъ на все согласиться, чтобы не имѣть такой же участи.» Володарь заключилъ миръ; но какъ скоро освободилъ Василька, то снова объявилъ войну Давиду. Ослѣпленные злобою мести, Ростиславичи обратили въ пепелъ городъ Всеволожь, безчеловѣчно умертвили жителей, и приступивъ ко Владиміру, велѣли сказать гражданамъ, чтобы они выдали имъ трехъ совѣтниковъ Давидовыхъ, научившихъ его погубить Василька. Граждане созвали Вѣче и разсуждали, что имъ дѣлать. «Мы рады умереть за самаго Князя», говорилъ народъ:» а слуги его не стоятъ кровопролитія. Онъ долженъ исполнить нашу волю, или отворимъ городскія ворота и скажемъ ему: *промышляй о себѣ!*» Давидъ хотѣлъ спасти наперсниковъ ([187]); но боясь возмущенія, предалъ двухъ изъ нихъ въ жертву (третій ушелъ въ Кіевъ). Злодѣевъ повѣсили и разстрѣляли: Васильковы Отроки совершили сію месть въ знакъ любви къ своему Князю.

Месть Ростиславичей.

Ростиславичи удалились; но Давидъ не избавился отъ бѣдствія. Святополкъ, обязанный торжественною клятвою, шелъ наказать его, и стоялъ уже въ Брестѣ. Давидъ искалъ защиты у Короля Польскаго, Владислава: сей Государь, взявъ отъ него 50 гривенъ золота, велѣлъ ему ѣхать съ собою, расположился станомъ на Бугѣ, и вступилъ въ переговоры съ Великимъ Княземъ. Королю хотѣлось новыхъ даровъ: получивъ ихъ отъ Святополка, онъ совѣтовалъ Давиду возвратиться въ свою область, ручаясь за его безопасность. Но Великій Князь, съ согласія Поляковъ, немедленно осадилъ Владиміръ. Обманутый Королемъ, Давидъ чрезъ семь недѣль примирился съ Святополкомъ, уступилъ ему Владимірскую область и выѣхалъ въ Польшу ([188]).

Г. 1099. Корыстолюбіе Поляковъ. Апрѣля 9.

Святополкъ не замедлилъ остыдить себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ предѣлы Волыніи, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что будетъ имъ другомъ и желаетъ единственно смирить ихъ общаго непріятеля, Давида; но побѣдивъ его, Великій Князь захотѣлъ овладѣть Перемышлемъ и Теребовлемъ, объявляя, что сіи города принадлежали нѣкогда отцу его и брату. Святополкъ надѣялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слѣпый Василько явился на мѣстѣ битвы, и показывая въ рукахъ крестъ, громко кричалъ Святополку: «Видишь ли мстителя, клятвопреступникъ? Лишивъ меня зрѣнія, хочешь отнять и жизнь мою. Крестъ святый да будетъ намъ судіею!» Сраженіе было кровопролитное ([189]). Святополкъ не могъ устоять и бѣжалъ въ Владиміръ: поручилъ сей городъ сыну Мстиславу, прижитому съ наложницею; другаго сына, Ярослава, отправилъ въ Венгрію за наемнымъ войскомъ: племянника, Святошу Давидовича, оставилъ въ Луцкѣ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Ростиславичи гнались за побѣжденнымъ только до границъ своей области и возвратились, не желая никакихъ пріобрѣтеній: умѣренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими въ Любечѣ, и гнушались примѣрами вѣроломства.

Новое вѣроломство Святополка. Умѣренность Ростиславичей.

Сынъ Великаго Князя, Ярославъ, склонилъ Государя Венгерскаго объявить войну Ростиславичамъ, и Коломанъ, собравъ великія силы, вступилъ въ Червенскую область. Володарь затворился въ Перемышлѣ. Давидъ Игоревичь ([190]),

напрасно искавъ друзей и союзниковъ внѣ Государства, возвратился тогда изъ Польши: видя общую опасность, прибѣгнулъ къ Ростиславичамъ, и въ знакъ довѣренности оставивъ жену свою у Володаря, отправился къ Половцамъ. Ханъ Бонякъ, встрѣтивъ его на границѣ, взялся дѣйствовать противъ врага Россіи. Лѣтописецъ говоритъ, что Половцевъ было 390 человѣкъ, а Давидовыхъ воиновъ 100; что Бонякъ, искусный гадатель будущаго, въ темную глубокую ночь отъѣхалъ отъ стана и началъ *выть*; что звѣри степные отвѣтствовали ему такимъ же воемъ, и что обрадованный Ханъ предсказалъ Давиду несомнительную побѣду. Суевѣріе бываетъ иногда счастливо: ободривъ воиновъ, мужественный Бонякъ раздѣлилъ ихъ на три части; велѣлъ товарищу своему, Алтунопѣ, итти прямо на Венгровъ съ 50 стрѣлками; поручилъ Давиду главный отрядъ, а самъ засѣлъ впереди, по обѣимъ сторонамъ дороги, имѣя не болѣе ста человѣкъ. Алтунопа увидѣлъ вдали множество Венгровъ, коихъ оружіе и латы блистали отъ первыхъ лучей восходящаго солнца, и которые стояли рядами на великомъ пространствѣ. Онъ шелъ смѣло, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, обратился въ бѣгство. Когда же Венгры устремились въ слѣдъ за нимъ безъ всякаго порядка, Бонякъ ударилъ на нихъ въ тылъ, Алтунопа спереди, Давидъ также (191). Володарь, осажденный въ Перемышлѣ, могъ воспользоваться симъ случаемъ для удачной вылазки. Изумленные Венгры въ ужасѣ, въ смятеніи, давили другъ друга; бросались въ рѣку Санъ, и тонули. Побѣдители гнали ихъ два дни. Самъ Коломанъ едва спасъ жизнь свою, потерявъ около 40,000 воиновъ, многихъ Бароновъ и тѣлохранителей; а сынъ Святополковъ ушелъ въ Брестъ. Венгерскіе Лѣтописцы разсказываютъ, что виною сего *безпримѣрнаго* несчастія была неосторожность ихъ Государя, обманутаго притворными слезами вдовствующей Россійской Княгини *Ланки*, которая, стоя на колѣнахъ, умоляла его быть милосердымъ къ ея народу; что Венгры, не ожидая сопротивленія и битвы, спали крѣпкимъ сномъ, когда Ханъ Половецкій напалъ въ глубокую ночь на ихъ станъ, и не давъ имъ опомниться, умертвилъ множество людей. Коломанъ безъ сомнѣнія думалъ тогда завладѣть Червенскою областію: съ нимъ были не

Пораженіе Венгровъ.

только знаменитѣйшіе свѣтскіе чиновники, но и Епископы, готовые обращать Россіянъ въ свою Вѣру. Одинъ изъ сихъ Епископовъ, именемъ Купанъ, погибъ въ сраженіи.

Давидъ Игоревичь, желая употребить въ свою пользу несчастіе Святополка и союзниковъ его, взялъ Червенъ (192), и внезапно осадилъ Владиміръ, гдѣ сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, собственною неустрашимостію ободрялъ воиновъ; но пораженный стрѣлою — въ самое то мгновеніе, какъ онъ натягивалъ лукъ — сей юноша палъ на стѣнѣ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Три дни кончина его была тайною для народа: узнавъ оную, граждане въ общемъ совѣтѣ положили увѣдомить Святополка о своей крайности. Съ одной стороны они боялись гнѣва его, съ другой неминуемаго голода (193). Святополкъ отправилъ къ нимъ Воеводу Путяту, и велѣлъ ему соединиться въ Луцкѣ съ дружиною Святоши. Сей юный племянникъ Великаго Князя взялъ подъ стражу Давидовыхъ Пословъ, которыхъ онъ до того времени клятвенно увѣрялъ въ дружбѣ, обѣщаясь извѣстить ихъ Государя о первомъ движеніи Святополкова войска. Обманутый Давидъ безпечно отдыхалъ въ полдень, когда Путята и Святоша напали на его станъ; въ то же время осажденные сдѣлали вылазку. Пробужденный шумомъ и крикомъ битвы, Давидъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и Владимірцы съ радостію приняли въ городъ свой Посадника Святополкова (194); но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро Путята вывелъ оттуда войско. Бонякъ, славный побѣдитель Венгровъ, вступился за Давида и возвратилъ ему область его, изгнавъ Святошу изъ Луцка и Посадника Кіевскаго изъ Владиміра.

Междоусобія.

Августа 5.

Тогда Князья Россійскіе, взаимно огорчаемые своимъ несогласіемъ, вѣроломствомъ, малодушнымъ властолюбіемъ, вторично собралися близъ Кіева: Святополкъ, Мономахъ и Святославичи; заключили новый союзъ между собою и звали Давида. Сей Князь Владимірскій не дерзнулъ ихъ ослушаться; но пріѣхавъ, гордо сказалъ: «Я здѣсь: чего отъ меня хотите? кто недоволенъ мною?»..... *Не ты ли самъ* — отвѣтствовалъ ему Владиміръ — *желалъ общаго Княжескаго собранія, чтобы представить намъ свои неудовольствія? Теперь сидишь на одномъ коврѣ съ братьями: говори, кто и чѣмъ оскорбилъ тебя?* Давидъ молчалъ.

Г. 1100.

Іюня 30. Новый съѣздъ Князей.

60

Князья встали и сѣли на коней. Отъѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ своею дружиною. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ они снеслися между собою, и Послы ихъ торжественно сказали ему: «Князь Давидъ! объявляемъ волю нашихъ Государей ([195]). Область Владимірская уже не твоя отнынѣ: ибо ты былъ причиною вражды и злодѣйства, неслыханнаго въ Россіи. Но живи спокойно; не бойся мести. Бужскъ остается твоимъ городомъ: Святополкъ дастъ тебѣ еще Дубно и Черторижскъ, Мономахъ 200 гривенъ, Олегъ и братъ его тоже.» Давидъ смирился, и Святополкъ чрезъ нѣ-
Усмиреніе Давида. которое время уступилъ ему Дорогобужъ Волынскій, отдавъ Владиміръ сыну своему, Ярославу. Соединенные Князья отправили также Пословъ къ Ростиславичамъ, требуя, чтобы они выдали плѣнниковъ, взятыхъ ими въ битвѣ съ коварнымъ Святополкомъ, и господствовали въ одномъ Перемышлѣ; чтобы Володарь взялъ къ себѣ несчастнаго Василька или прислалъ къ дядямъ, которые обязываются *кормить* его. Но Ростиславичи съ гордостію отвергнули сіе предложеніе, и великодушный слѣпецъ хотѣлъ умеГ. 1101. реть Теребовльскимъ Княземъ. Святополкъ, испытавъ храбрость ихъ, не смѣлъ уже воевать съ ними; но строго наказалъ своего роднаго племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя въ Брестѣ, вооружался и хотѣлъ завладѣть другими городами ([196]). Его привезли въ Кіевъ окованнаго цѣпями. Митрополитъ и Духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бѣжавъ изъ Кіева, попался въ руки Владимірскому Князю, сыну Святополкову: снова былъ заключенъ, и чрезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ.

Раздѣленіе Государства, вообще ослабивъ его могущество, уменьшило и власть Князей. Народъ, видя ихъ междоусобіе и частое изгнаніе, не могъ имѣть къ нимъ того священнаго уваженія, которое необходимо для государственнаго блага. Читатель замѣтилъ уже многіе примѣры тогдашняго своевольства гражданъ: слѣдующее происшествіе еще яснѣе доказываетъ оное. Великій Князь и Мономахъ согласились отдать Новгородъ сыну перваго, а Мстиславу, въ замѣну сей области, Владиміръ. Исполняя волю отца, Мстиславъ явился во дворцѣ Кіевскомъ, сопровождаемый знатными Новгородцами и Боярами Мономаха. Когда Святополкъ посадилъ ихъ, Бояре говорили ему: «Мономахъ прислалъ къ тебѣ Мсти- Декабря 2.
слава, чтобы ты отправилъ его княжить въ Владиміръ, а сына своего въ Новгородъ.» *Нѣтъ!* сказали Послы Новогородскіе: *объявляемъ торжественно, что сего не будетъ. Святополкъ! ты самъ добровольно оставилъ насъ: теперь уже не хотимъ ни тебя, ни сына твоего. Пусть ѣдетъ въ Новгородъ, ежели у него двѣ головы! Мы сами воспитали Мстислава, даннаго намъ еще Всеволодомъ* ([197]). Великій Князь долго спорилъ съ ними; но, поставивъ на своемъ, они возвратились въ Новгородъ со Мстиславомъ. Строптивость Новогородцевъ.

Между тѣмъ вторый Княжескій съѣздъ былъ счастливѣе перваго, утвердивъ союзъ Святославичей съ Великимъ Княземъ и Мономахомъ. Половцы, опасаясь слѣдствій онаго, именемъ всѣхъ Хановъ своихъ требовали мира, и заключивъ его въ городѣ Саковѣ, взяли и дали аманатовъ. Сей миръ, какъ и прежніе, только отсрочилъ войну, необходимую по мнѣнію благоразумнаго Князя Владиміра. Въ слѣдующій годъ, весною, онъ и Святополкъ имѣли свиданіе близъ Кіева, на лугу, и Совѣтъ Князей.
сидя въ одномъ шатрѣ, совѣтовались съ Боярами ([198]). Дружина Великаго Князя говорила, что весна не благопріятна для военныхъ дѣйствій; что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба. «Удивляюсь (отвѣтствовалъ Мономахъ), что вы жалѣете коней болѣе отечества. Мы дадимъ время пахать земледѣльцу; а Половчинъ застрѣлитъ его на самой нивѣ, въѣдетъ въ село, плѣнитъ жену, дѣтей, и возьметъ все имѣніе оратая.» Бояре не могли оспоривать сего убѣдительнаго возраженія, и Великій Князь, вставъ съ мѣста, сказалъ: *я готовъ!* Владиміръ съ нѣжностію обнялъ брата, говоря ему, что земля Русская назоветъ его своимъ благодѣтелемъ. Они старались возбудить такую же ревность и въ другихъ Князьяхъ, призывая ихъ смирить варваровъ или умереть Героями. Олегъ Святославичь отговорился болѣзнію; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкій, Всеславъ, знаменитый врагъ племени Ярославова, скончался въ 1101 году ([199]): меньшій сынъ его, Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ: также Игоревъ внукъ, Мстиславъ, коего отецъ неизвѣстенъ, и который, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Давидомъ Игореви-

чемъ, въ 1099 году осаждавъ Владиміръ, искалъ потомъ добычи или славы на морѣ (200). Великій Князь взялъ съ собою роднаго племянника, Вячеслава, а Мономахъ сына своего, Ярополка. Грозное ополченіе сухимъ путемъ и водою двинулось къ Югу. Флотъ остановился за Днѣпровскими порогами, у Хортицкаго острова: тамъ построилось войско, и четыре дни шло степями къ Востоку до мѣста называемаго *Сутень*. Встревоженные непріятели собирались многочисленными толпами къ вежамъ своихъ Хановъ, которые, видя опасность, совѣтовались между собою, что имъ дѣлать. Старшій изъ нихъ, именемъ Урособа, говорилъ товарищамъ, что надобно просить мира, и что Россіяне, долгое время терпѣвъ отъ Половцевъ, будутъ сражаться отчаянно. Ко славѣ соединенныхъ Князей, младшіе Ханы отвергнули сей благоразумный совѣтъ, съ гордостію отвѣтствуя: «Старецъ? ты боишься Россіянъ! но мы положимъ дерзкихъ враговъ на мѣстѣ, и возьмемъ всѣ беззащитные города ихъ.»

Счастливая война съ Половцами.

Въ то время, когда Половцы уже дѣлили въ мысляхъ своихъ добычу нашего стана, Россіяне готовились къ битвѣ молитвою и благочестивыми обѣтами; одни давали клятву, въ случаѣ побѣды, наградить убогихъ; другіе украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою вѣрою, они шли съ бодростію и веселіемъ. Алтунопа, славнѣйшій изъ храбрецовъ Половецкихъ, былъ впереди на стражѣ: Россіяне, окруживъ его, совершенно истребили сей отрядъ непріятельскій. Началося главное сраженіе. Лѣтописецъ говоритъ, что многочисленные полки варваровъ казались на обширной степи дремучимъ, необозримымъ боромъ; но что Половцы, объятые тайнымъ ужасомъ, были какъ сонные, едва могли править своими конями, и смятые первымъ ударомъ нашихъ, бѣжали во всѣ стороны. Никогда еще Россійскіе Князья не одерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами. Уособа и 19 другихъ Хановъ пали въ сраженіи. Одного изъ нихъ, именемъ Бельдюза, привели къ Святополку: сей плѣнникъ хотѣлъ откупиться серебромъ, золотомъ и конями. Святополкъ велѣлъ отвести его къ Владиміру, который сказалъ ему: «Ты не училъ дѣтей своихъ и товарищей бояться клятвопреступленія. Сколько разъ вы обѣщали миръ и губили Христіанъ? *Да будетъ же кровь твоя на главѣ твоей*!» Бельдюза разсѣкли на части. Побѣдители взяли въ добычу множество скота, вельблюдовъ, коней; освободили невольниковъ, и въ числѣ плѣнныхъ захватили Торковъ и Печенѣговъ, которые служили Половцамъ. Увѣнчанный славою Мономахъ, призывая Россіянъ къ торжеству и веселію, хвалилъ ихъ мужество, но всего болѣе славилъ Небо. «Сей день (говорилъ онъ) есть праздникъ для отечества. Всевышній избавилъ отъ враговъ землю Русскую: они лежатъ у ногъ нашихъ! Сокрушены главы змія, и мы обогатилися достояніемъ невѣрныхъ.» Въ надеждѣ, что Половцы не дерзнутъ уже безпокоить Россію, Святополкъ старался загладить слѣды ихъ прежнихъ опустошеній и возобновилъ городъ Юрьевъ, ими сожженный, на берегу Роси.

Къ несчастію, сіи мирныя попеченія о гражданскомъ благосостояніи Государства не могли тогда имѣть успѣха: княженіе Святополка, отъ начала до конца, представляетъ цѣпь ратныхъ дѣйствій. Россія была станомъ воинскимъ, и звукъ оружія не давалъ успокоиться ея жителямъ.

Г. 1104. Марта 24. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими.

Ярославъ Святославичь, братъ Олеговъ и Давидовъ, былъ побѣжденъ Мордвою, въ Губерніи Тамбовской или Нижегородской, гдѣ сей народъ обиталъ издревле, въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами. — Слѣдуя примѣру отцевъ своихъ, Великій Князь и Мономахъ вооружились противъ наслѣдниковъ Всеславовыхъ, которые независимо господствовали въ Полоцкой области. Путята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ, сынъ Владиміровъ, ходили осаждать Глѣба Всеславича въ Минскѣ. Родный братъ Глѣбовъ, Давидъ, находился съ ними: вѣроятно, что онъ держалъ ихъ сторону. Но войско соединенное возвратилось безъ успѣха. — Всеславичи, избавленные отъ сей опасности, хотѣли покорить Семигалію. Несторъ называетъ ея жителей данниками Россіи (201): быть можетъ, что они прежде зависѣли отъ Князей Полоцкихъ и вздумали тогда отложиться. Кровопролитная битва утвердила ихъ свободу: Всеславичи, потерявъ 9000 воиновъ, едва могли спасти остатокъ своей рати.

Г. 1106. Пораженіе Россіянъ въ Семигаліи.

Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами.

Съ другой стороны Половцы новымъ грабительствомъ доказали Мономаху, что онъ еще не *сокрушилъ гидры*, и что не всѣ *главы* ея пали отъ меча Россійскаго. Уже варвары съ добычею и съ невольниками возвращались въ свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли ихъ



61

за Сулою и выручили плѣнныхъ (202). Въ слѣдующій годъ отважный Бонякъ, захвативъ табуны Переяславскіе, приступилъ къ Лубнамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Вождемъ Половецкимъ, старымъ Шаруканомъ. Великій Князь, Олегъ, Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Мономахъ съ двумя сынами, перешли за Сулу и съ грознымъ воплемъ устремились на варваровъ, которые не имѣли времени построиться, ни сѣсть на коней, и спасаясь бѣгствомъ, оставили весь обозъ свой въ добычу побѣдителю. Россіяне, гнавъ ихъ до самаго Хороля, многихъ убили и взяли въ плѣнъ. — Сіи успѣхи не возгордили Олега и Мономаха, которые въ томъ же году женили сыновей своихъ на дочеряхъ Ханскихъ (203). Омерзѣніе къ злобнымъ язычникамъ уступало Политикѣ и надеждѣ успокоить Государство хотя на малое время. — Миръ не продолжался ни двухъ лѣтъ: Россіяне уже въ 1109 и въ слѣдующемъ году воевали близъ Дона и брали вежи Половецкія. Наконецъ Мономахъ снова убѣдилъ Князей дѣйствовать соединенными силами, и въ то время, когда народъ говѣлъ, слушая въ храмахъ молитвы Великопостныя, воины собирались подъ знаменами. Достойно замѣчанія, что около сего времени были многія воздушныя явленія въ Россіи, и самое землетрясеніе; но благоразумные люди старались ободрять суевѣрныхъ, толкуя имъ, что необыкновенныя знаменія предвѣщаютъ иногда необыкновенное *счастіе* для Государства, или побѣду: ибо Россіяне не знали тогда инаго счастія. Самые мирные Иноки возбуждали Князей разить злобныхъ супостатовъ, вѣдая, что Богъ мира есть также и Богъ воинствъ, подвигнутыхъ любовію ко благу отечества (204). Россіяне выступили 26 Февраля, и въ осьмый день стояли уже на Гольтвѣ, ожидая заднихъ отрядовъ. На берегахъ Ворсклы они торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть великодушно; оставили многія рѣки за собою, и 19 Марта увидѣли Донъ. Тамъ воины облеклися въ брони (205), и стройными рядами двинулись къ Югу. Сей знаменитый походъ напоминаетъ Святославовъ, когда отважный внукъ Рюриковъ шелъ отъ береговъ Днѣпра сокрушить величіе Козарской Имперіи. Его смѣлые витязи ободряли, можетъ быть, другъ друга пѣснями войны и кровопролитія: Владиміровы и Святополковы съ благоговѣніемъ внимали церковному пѣнію Іереевъ, коимъ Мономахъ велѣлъ итти предъ воинствомъ со крестами. Россіяне пощадили непріятельскій городъ Осеневъ (ибо жители встрѣтили ихъ съ дарами: съ виномъ, медомъ, и рыбою); другой именемъ Сугровъ, былъ обращенъ въ пепелъ. Сіи города на берегу Дона существовали до самаго нашествія Татаръ и были, какъ вѣроятно, основаны Козарами: Половцы, завладѣвъ ихъ страною, и сами уже обитали въ домахъ. 24 Марта Князья разбили варваровъ, и праздновали Благовѣщеніе вмѣстѣ съ побѣдою; но чрезъ два дни свирѣпые враги окружили ихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россіянъ въ искусствѣ воинскомъ. Мономахъ сражался какъ истинный Герой, и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ сломилъ непріятеля. Лѣтописецъ говоритъ, что Ангелъ свыше каралъ Половцевъ, и что головы ихъ, *невидимою* рукою ссѣкаемыя, летѣли на землю: Богъ всегда *невидимо* помогаетъ храбрымъ. — Россіяне, довольные множествомъ плѣнныхъ, добычею, славою (которая, по увѣренію современниковъ, разнеслася отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до самаго Рима), возвратились въ отечество, уже не думая о своихъ древнихъ завоеваніяхъ на берегахъ Азовскаго моря, гдѣ Половцы безъ сомнѣнія тогда господствовали, овладѣвъ Воспорскимъ Царствомъ или Тмутороканскимъ Княженіемъ, коего имя съ сего времени исчезло въ нашихъ лѣтописяхъ (206).

Въ числѣ многихъ Князей, ходившихъ на Донъ съ Владиміромъ и Святополкомъ, былъ и Давидъ Игоревичь Дорогобужскій, памятный злодѣйствомъ: онъ скоро умеръ; область его наслѣдовалъ зять Мстислава Новогородскаго, Ярославъ Святополковичь, который ознаменовалъ свое мужество двукратною побѣдою надъ Ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества (207). Сею войною заключились подвиги Россіянъ въ бурное княженіе Святополка, умершаго въ 1113 году. Онъ имѣлъ всѣ пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность, подозрительность, надменность въ счастіи и робость въ бѣдствіяхъ. При немъ унизилось достоинство Великаго Князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лѣтъ на престолѣ, даруя побѣды отечеству (208).

Святополкъ былъ набоженъ: готовясь къ войнѣ, къ путешествію, онъ всегда

Г. 1107, 7 Маія.

12 Августа.

12 Генваря 1108 г.

Г. 1111.

Походъ знаменитый.

Имя Тмутороканія исчезаетъ въ лѣтописяхъ.

Г. 1112.

Апрѣля 16. Кончина Святополкова.

бралъ молитву у Печерскаго Игумена, надъ гробомъ Ѳеодосія, и тамъ же благодарилъ Всевышняго за всякую побѣду: украшалъ, строилъ церкви, — какъ-то Михаила Златоверхаго въ Кіевѣ, гдѣ погребено тѣло сего Князя — и въ 1108 году велѣлъ Митрополиту вписать Ѳеодосіево имя въ Синодикъ, для поминовенія во всѣхъ Россійскихъ Епископіяхъ. Довольный наружностію благочестія, онъ явно преступалъ святые уставы нравственности, имѣя наложницъ и равняя побочныхъ дѣтей съ законными.

Святополкъ оставилъ супругу, которая, по его смерти, раздала великое богатство монастырямъ, Священникамъ и бѣднымъ (ибо онъ собралъ множество золота, и притомъ всякими средствами: терпѣлъ Евреевъ въ Кіевѣ — вѣроятно, переѣхавшихъ къ намъ изъ Тавриды — и самъ не стыдился, къ утѣсненію народа, торговать солью, которую привозили купцы изъ Галича и Перемышля). —

*Евреи въ Кіевѣ.*

*Продажа соли.*

Сбыслава, дочь Великаго Князя, въ 1102 году сочеталась бракомъ съ Королемъ Польскимъ, Болеславомъ Кривоустымъ. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвинъ, Епископъ Краковскій, исходатайствовалъ разрѣшеніе отъ Папы: ибо Княжна Россійская была въ свойствѣ съ Королемъ. Брачное торжество совершилось въ Краковѣ: Болеславъ, въ изъявленіе своего удовольствія, щедро одарилъ Вельможъ Польскихъ. Онъ уважалъ тестя, и простилъ своего брата, мятежнаго Избыгнѣва, который, въ 1106 году пріѣхавъ въ Кіевъ, молилъ Великаго Князя быть посредникомъ между ими. Вторая дочь Святополкова, именемъ Передслава, въ 1104 вышла за Королевича Венгерскаго, сына Коломанова, Ладислава или Николая. Въ то же самое время — въ 1104 году — третья Княжна Россійская, дочь знаменитаго Володаря и племянница Василькова, была выдана за Царевича Греческаго, сына Алексіева, Андроника или Исаакія: первый убитъ на войнѣ въ цвѣтущей юности; вторый былъ родоначальникомъ Императоровъ Трапезунтскихъ. — Коломанъ, Государь Венгерскій, уже престарѣлый женился въ 1112 году на дочери Мономаховой, Евфиміи; но сей бракъ имѣлъ несчастныя слѣдствія. Подозрѣвая супругу въ невѣрности, Коломанъ развелся съ нею, и Евфимія беременная возвратилась въ отечество, гдѣ родила сына. Бориса (209).

*Брачные союзы.*

Въ княженіе Святополково Митрополитами были Греки Николай и Никифоръ: первый ѣздилъ Посломъ къ Мономаху отъ Кіевскихъ гражданъ въ 1098 году, и ходатайствовалъ за несчастнаго племянника Святополкова, Ярослава; при второмъ сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, названный за его благочестіе *Святошею,* отказался отъ міра, и заключился въ Обители Печерской, уважая монашескія добродѣтели болѣе гражданскихъ. Сей Князь, бывъ сперва слугою иноковъ и вратаремъ, долгое время смирялъ плоть свою трудами и воздержаніемъ, безпрестанно работая въ кельѣ или въ саду, имъ разведенномъ; отдавалъ бѣднымъ все, что имѣлъ, и способствовалъ въ монастырѣ своемъ заведенію библіотеки. — Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще въ церковныхъ лѣтописяхъ прибытіемъ въ Новгородъ Св. Антонія Римскаго, ученаго мужа, которому тамошніе чиновники и Епископъ Никита дали, на берегу Волхова, мѣсто и село для основанія монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи (210).

*Митрополиты.*

*Князь Святоша.*

*Св. Антоній Римлянинъ.*

Къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе Россійскаго Игумена Даніила къ Святымъ Мѣстамъ, уже завоеваннымъ тогда Крестоносцами. Славный Бальдвинъ царствовалъ въ Іерусалимѣ: Даніилъ въ своихъ запискахъ хвалитъ его добродѣтели, привѣтливость, смиреніе. Подъ защитою Королевской дружины сей Игуменъ ходилъ къ Дамаску, въ Акру, и могъ безопасно осмотрѣть всю Палестину, гдѣ еще скитались толпы невѣрныхъ и грабили Христіанъ. Онъ выпросилъ дозволеніе у Бальдвина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ Обители Св. Саввы, для поминанія на эктеніяхъ, имена Князей Россійскихъ: Святополка-Михаила, Владиміра-Василія, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратія и Глѣба Минскаго. Достойно замѣчанія, что многіе знатные Кіевляне и Новогородцы находились тогда въ Іерусалимѣ (211). Алексій Комнинъ безъ сомнѣнія приглашалъ и Россіянъ дѣйствовать противъ общихъ враговъ Христіанства; отечество наше имѣло собственныхъ: но вѣроятно, что сіе обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ витязямъ Россійскимъ искать опасностей и славы подъ знаменами Крестоваго воинства. Впрочемъ быть можетъ, что одно Христіанское усердіе и желаніе поклониться гробу Іи-

*Путешествіе Даніила.*

*Россіяне въ Іерусалимѣ.*

сусову приводило ихъ въ Палестину: ибо мы знаемъ по инымъ современнымъ и не менѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что Россіяне въ XI вѣкѣ часто давали Небу обѣтъ видѣть ея мѣста святыя (212).

Описаніе временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ Князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ 1106 году о смерти *добраго*, девяносто-лѣтняго *старца* Яня, славнаго Воеводы, жизнію подобнаго древнимъ Христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго творенія (213). Отселѣ путеводителями нашими будутъ другіе, также современные Лѣтописцы.

Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь.

# ГЛАВА VII.

## ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛІЕМЪ.

### Г. 1113—1125.

**Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ мятежъ. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичь Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плѣнъ Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣсскаго. Гида, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора.**

Г. 1113. По смерти Святополка-Михаила граждане Кіевскіе, опредѣливъ въ торжественномъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ Князей Россійскихъ долженъ быть Великимъ Княземъ, отправили Пословъ къ Мономаху и звали его властвовать въ столицѣ. Добродушный Владиміръ давно уже забылъ несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кончину, и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему чести. Вѣроятно, что онъ боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи дѣтьми старшаго Ярославова сына, по тогдашнему обыкновенію долженствовали наслѣдовать престолъ Великокняжескій. Сей отказъ имѣлъ несчастныя слѣдствія: Кіевляне не хотѣли слышать о другомъ Государѣ; а мятежники, пользуясь безначаліемъ, ограбили домъ Тысячскаго, именемъ Путяты, и всѣхъ Жидовъ, бывшихъ въ столицѣ подъ особеннымъ покровительствомъ корыстолюбиваго Святополка (214). Спокойные граждане, приведенные въ ужасъ такимъ безпорядкомъ, вторично звали Мономаха. «Спаси насъ» — говорили ихъ Послы — «отъ неистовства черни; спаси отъ грабителей домъ печальной супруги Святополковой, собственные наши домы и святыню монастырей.» Владиміръ пріѣхалъ въ столицу: народъ изъявилъ необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя великодушнаго на главномъ престолѣ Россійскомъ.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ.

Апрѣля 20.

Мономахъ усмиряетъ мятежъ.

Даже и Святославичи не противились общему желанію; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удѣльными и жили съ нимъ въ согласіи до самой ихъ кончины. Они счастливѣе отцевъ своихъ торжествовали вмѣстѣ пренесеніе мощей Св. Бориса и Глѣба изъ ветхой церкви въ новый каменный храмъ Вышегородскій: симъ дѣйствіемъ Владиміръ изъявилъ, въ началѣ своего правленія, не только набожность, но и любовь къ отечеству: ибо древняя Россія признавала оныхъ Мучениковъ главными ея небесными заступниками, ужасомъ враговъ и подпорою нашихъ воинствъ. Еще будучи Княземъ Переяславскимъ, онъ украсилъ серебряную раку Святыхъ золотомъ, хрусталемъ и рѣзьбою столь хитрою, какъ говоритъ Лѣтописецъ, что Греки дивились ея богатству и художеству. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышегородѣ Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и стѣнахъ городскихъ;

Г. 1115, Маія 2. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба.

всякой хотѣлъ прикоснуться къ святому праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для Клироса, велѣлъ бросать народу ткани, одежды, драгоцѣнныя шкуры звѣрей, сребреники ([215]). Олегъ далъ роскошный пиръ Князьямъ; три дни угощали бѣдныхъ и странниковъ. — Сіе торжество, и церковное и государственное, изображая духъ времени, достойно замѣчанія въ Исторіи.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями человѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго. Причиною Кіевскаго мятежа было, кажется, лихоимство Евреевъ: вѣроятно, что они, пользуясь тогдашнею рѣдкостію денегъ, угнетали должниковъ неумѣренными ростами. Мономахъ, желая облегчить судьбу недостаточныхъ людей, собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ своемъ знатнѣйшихъ Бояръ и Тысячскихъ: Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Іоанна Чудиновича; разсуждалъ, совѣтовался съ ними, и наконецъ опредѣлилъ, что заимодавецъ, взявъ три раза съ одного должника такъ называемые

Законъ о ростахъ.

*третные росты*, лишается уже истинныхъ своихъ денегъ или капитала: ибо какъ ни велики были тогдашніе годовые росты, но мѣсячные и третные еще превышали ихъ ([216]). Мономахъ включилъ сей законъ въ Уставъ Ярославовъ.

Сей Государь щадилъ кровь людей; но зналъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Сынъ его Мстиславъ, два раза побѣдивъ

Г. 1116 —1123. Побѣда въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону.

Чудь, завладѣлъ городомъ Оденпе, или *Медвѣжьею Головою* въ Ливоніи ([217]). Призванный отцемъ княжить въ Бѣлгородѣ, онъ поручилъ Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовалъ воинскій духъ свой счастливымъ, но многотруднымъ походомъ въ Финляндію. Худый зимній путь (ибо весна уже наступала) и бѣдность земли угрожали Россіянамъ голодною смертію; недостатокъ былъ такъ великъ, что они за каждый хлѣбъ платили ногату. — Меньшій братъ Мстиславовъ, Георгій, княжившій въ Суздалѣ, ходилъ Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Болгаровъ, побѣдилъ ихъ и возвратился съ добычею. Третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ; плѣнилъ множество Ясовъ, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на коей онъ женился. Около сего же времени Владиміръ выгналъ изъ Россіи Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ, новыхъ пришельцевъ: утѣсняемые Половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но, любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожь многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* или *Черкасовъ*, и служили Россіянамъ ([218]). — Лѣтопись

Черные Клобуки.

Владимірова времени упоминаетъ еще о Бѣловежцахъ, охотно принятыхъ Великимъ Княземъ. Сіи обитатели нѣкогда

Бѣловежцы.

знаменитой крѣпости Козарской на берегахъ Дона, взятой мужественнымъ Святославомъ I, спасаясь отъ свирѣпости Половцевъ, основали новый городъ, въ верховьѣ рѣки Остера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлою Вежею, коей извѣстныя развалины (во 120 верстахъ отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились *каменныя* стѣны, башни, ворота и другія зданія. Козары, наученные Греками, строили лучше нашихъ предковъ ([219]).

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокѣ и Западѣ, что имя его, по выраженію Лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владиміръ ужасалъ и Греческую Им-

Дѣла съ Греками.

перію. Они разсказываютъ, что Великій Князь, вспомнивъ знаменитыя побѣды, одержанныя его предками надъ Греками, со многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адріанополю и завоевалъ Ѳракію; что устрашенный Алексій Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря; вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ сіи дары Великому Князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ Кіевскомъ Соборномъ храмѣ Императорскимъ вѣнцемъ и возгласилъ *Царемъ* Россійскимъ ([220]). Въ Оружейной Московской Палатѣ хранятся такъ называемая *Мономахова златая шапка* или корона, цѣпь, держава, скипетръ и

Мономахова шапка.

древнія бармы, коими украшаются Самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которыя дѣйстви-

63

тельно могли быть даромъ Императора Алексія. Мы знаемъ, что и въ X Вѣкѣ Государи Россійскіе часто требовали Царской утвари отъ Византійскихъ Императоровъ (221); знаемъ также, что Великіе Князья Московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Греціи (какъ то свидѣтельствуютъ надписи оныхъ и самая работа). Но завоеваніе Ѳракіи кажется сомнительнымъ, и въ *древнихъ* лѣтописяхъ находятся только слѣдующія извѣстія о дѣлахъ Владиміра въ отношеніи къ Грекамъ:

Царевичь Леонъ. «Въ 1116 году *супругъ Мономаховой дочери, Маріи, Царевичь Леонъ*, сынъ бывшаго Императора Діогена, собравъ войско на берегахъ Чернаго моря, вступилъ въ сѣверныя области Имперіи и завладѣлъ городами Дунайскими; но Царь Алексій подослалъ къ нему въ Доростолъ двухъ Аравитянъ, которые злодѣйски умертвили его (Августа 15). Тогда Владиміръ, желая или отмстить за убійство зятя, или сохранить для юнаго сына Маріи, именемъ Василія, взятые Леономъ города, велѣлъ итти на Дунай Воеводѣ, Іоанну Войтишичу, и сыну своему, Вячеславу, съ другимъ Бояриномъ, Ѳомою Ратиборовичемъ; первый дѣйствительно занялъ нѣкоторые изъ оныхъ, а Вячеславъ безъ успѣха отступилъ отъ Доростола (222).» Вопреки сему сказанію, Анна Комнина въ Исторіи отца ея, славнаго Императора Алексія, увѣряетъ, что Леонъ, сынъ Діогеновъ, погибъ въ сраженіи съ Турками близъ Антіохіи. «Чрезъ нѣкоторое время, пишетъ Анна, явился въ Имперіи обманщикъ, принявшій на себя его имя. Сосланный за то въ Херсонъ, онъ былъ освобожденъ Половцами, и предводительствуя ихъ толпами, шелъ во Ѳракію; но взятый въ плѣнъ Греками, испыталъ, что дерзость не остается безъ наказанія: ему выкололи глаза» (въ 1096 году). Сего несчастнаго и другіе Византійскіе Лѣтописцы именуютъ самозванцемъ; но зять Мономаховъ, убитый въ Доростолѣ, былъ конечно истиннымъ Діогеновымъ сыномъ: ибо Владиміръ, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Дворомъ Константинопольскимъ, не могъ, кажется, дать себя въ обманъ лжецу-бродягѣ. — Вдовствующая супруга Леонова, Марія, скончалась Монахинею въ Россіи, гдѣ сынъ ея, Василій, усердно служилъ Великимъ Князьямъ; а города Дунайскіе были скоро возвращены Имперіи, или силою оружія, или въ слѣдствіе мирныхъ договоровъ.

Владиміръ, одолѣвая внѣшнихъ непріятелей, смирялъ и внутреннихъ. Князь Минскій, Глѣбъ, не хотѣлъ ему повиноваться, сжегъ городъ Слуцкъ, захватывалъ людей между Припетью и Двиною: за то сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, опустошилъ Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городокъ, для нихъ основанный. Самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и съ Ольговичами, взялъ городъ Вячеславль, Оршу, Копысъ; осаждалъ Минскъ, смирилъ Глѣба, и вновь имъ оскорбленный, привелъ его какъ плѣнника въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался (223). — Безпокойные Новогородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнѣвъ Мономаха, который, призвавъ всѣхъ тамошнихъ Бояръ въ Кіевъ, велѣлъ имъ торжественно присягнуть въ вѣрности, удержалъ нѣкоторыхъ у себя, а другихъ заточилъ. Правые, или не столь виновные, возвратились домой, узнавъ опытомъ, что самый человѣколюбивый, но мудрый Государь не оставляетъ дерзкихъ ослушниковъ безъ наказанія (224). Уже нѣсколько времени Посадники Новогородскіе были, кажется, избираемы изъ тамошнихъ гражданъ: Владиміръ, опасаясь ихъ мятежнаго духа, далъ сей санъ Кіевскому Вельможѣ Борису. Г. 1116—1123. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ.

Сынъ Святополковъ, Ярославъ или Ярославецъ, Князь Владимірскій, ненавидѣлъ жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ея дѣда: Мономахъ выступилъ съ войскомъ, соединился съ Ростиславичами, Князьями югозападной Россіи, около двухъ мѣсяцевъ держалъ городъ Владиміръ въ осадѣ, и принудилъ Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянникъ снова оскорбилъ дядю, съ презрѣніемъ удаливъ отъ себя нелюбимую супругу: онъ бѣжалъ въ Польшу. Никто изъ Бояръ не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и Великій Князь отдалъ Владимірскій Удѣлъ сыну своему, Роману, Володареву зятю, который въ томъ же году умеръ. Мономахъ послалъ на его мѣсто другаго сына, Андрея (женатаго на внукѣ Половецкаго Князя, Тугоркана) и велѣлъ ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустаго, зная, что сей Король, свойственникъ изгнаннаго Князя Владимірскаго, ожидаетъ только удобнаго случая для объявленія войны Россіянамъ. Андрей опустошилъ Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго.

сосѣдственныя владѣнія Королевскія и возвратился съ добычею. Ляхи, приведенные Ярославомъ, хотѣли взять Червенъ; но съ великимъ урономъ были отражены тамошнимъ Намѣстникомъ, Ѳомою Ратиборовичемъ. Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ Государю Венгерскому, Стефану, который, желая отмстить Россіянамъ за отца своего, побѣжденнаго ими на берегахъ Сана, вступилъ въ область Владимірскую, вмѣстѣ съ Богемцами и Поляками. Великій Князь, не имѣвъ времени собрать войско, съ малою дружиною отправилъ Мстислава къ городу Владиміру, гдѣ юный Андрей, осажденный многочисленными непріятелями, не терялъ бодрости. Уже надменный Ярославъ, подъѣхавъ къ стѣнамъ, грозилъ сыну Мономахову и народу страшною местію въ случаѣ сопротивленія; осматривалъ крѣпость и въ умѣ своемъ назначалъ мѣста для приступа, отложеннаго только до слѣдующаго дня. Въ одну минуту все перемѣнилось. Два человѣка вышли тайно изъ крѣпости, засѣли на пути, между непріятельскимъ станомъ и городомъ, и копьями пронзили неосторожнаго Ярослава, когда онъ сам-третей возвращался къ союзному войску (225). Несчастный умеръ въ ту же ночь; а союзники, изумленные его бѣдствіемъ, спѣшили заключить миръ съ Великимъ Княземъ. Лѣтописецъ Венгерскій повѣствуетъ, что Стефанъ, огорченный смертію Ярослава, клялся взять крѣпость или умереть; но что Воеводы его не хотѣли ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили Короля возвратиться въ Венгрію (226).

Г. 1123. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи.

Ихъ неудача.

Въ станѣ Владиміровыхъ непріятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: какимъ образомъ сіи два брата, славные благородствомъ и великодушіемъ, могли присоединиться ко врагамъ Россіи? Въ древнѣйшихъ Лѣтописцахъ Польскихъ находимъ объясненіе. Мужественный Володарь, ужасъ и бичь сосѣдственныхъ Ляховъ, не умѣлъ защитить себя отъ ихъ коварства. Они подослали къ нему одного хитраго Вельможу, именемъ Петра, который вступилъ въ его службу, притворно изъявлялъ ненависть къ Болеславу, вкрался въ довѣренность къ добродушному Князю Перемышльскому, ѣздилъ съ нимъ на охоту, и въ лѣсу съ помощію своихъ людей, внезапно схвативъ безоружнаго Володаря, увезъ его связаннаго къ себѣ въ замокъ (227): что случилось не за долго до осады Владиміра. Братъ и сынъ выкупили знаменитаго плѣнника изъ неволи, отправивъ въ Польшу, на возахъ и вельблюдахъ, множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ одеждъ, сосудовъ. Сверхъ того Ростиславичи обязались жить въ союзѣ съ Болеславомъ, и находились, кажется, въ его станѣ, подъ Владиміромъ, единственно для заключенія сего договора, или желая быть посредниками между изгнанникомъ Ярославомъ и Великимъ Княземъ.

Плѣнъ Володаря.

Завоеваніемъ Минска и пріобрѣтеніемъ Владиміра Мономахъ утвердилъ свое могущество внутри Государства, но не думалъ перемѣнить системы наслѣдственныхъ Удѣловъ, столь противной благу и спокойствію отечества. Долговременное обыкновеніе казалось тогда уже закономъ; или Владиміръ боялся отчаяннаго сопротивленія Князей Черниговскихъ, Полоцкихъ и Ростиславичей, которые не уступили бы ему правъ своихъ безъ страшнаго кровопролитія. Онъ не имѣлъ дерзкой рѣшительности тѣхъ людей, кои жертвуютъ благомъ современниковъ невѣрному счастію потомства; хотѣлъ быть *первымъ*, а не *единственнымъ* Княземъ Россійскимъ: покровителемъ Россіи и Главою частныхъ Владѣтелей, а не Государемъ Самодержавнымъ. Справедливость вооружила его противъ хищника Глѣба и Князя Владимірскаго (ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахово разводомъ съ дочерью Мстислава и звалъ иноплеменниковъ грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законнаго достоянія у Князей спокойныхъ. — По кончинѣ гордаго Олега и кроткаго Давида, вообще уважаемаго за его правдивость, меньшій ихъ братъ, Ярославъ, мирно княжилъ въ области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимірко, Ростиславъ, и Васильковичи, Григорій съ Іоанномъ, наслѣдовали Перемышль, Звенигородъ, Теребовль и другія мѣста въ юго-западной Россіи, когда въ 1124 году умерли отцы ихъ, оставивъ навсегда въ Россіи память своихъ счастливыхъ дѣлъ воинскихъ, вѣрности въ обѣтахъ и любви къ отечественной славѣ (228).

Смерть трехъ Князей знаменитыхъ.

Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, *славный побѣдами за Русскую землю* и *благими нравами*, какъ говорятъ древніе Лѣтописцы. Уже

Г. 1125, Маія 19. Кончина Мономахова.

въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто, орошенное святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви имъ созданной, на берегу Альты, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной Вѣры. Горестныя дѣти и Вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ, и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за отечество и народъ, ему любезный (229). Не менѣе хвалятъ Лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкій сынъ *никогда и ни въ чемъ не ослушался*), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами.* Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу *поученіе,* имъ самимъ написанное для сыновей. Къ счастію, сей остатокъ древности сохранился въ одной харатейной лѣтописи, и достоинъ занять мѣсто въ Исторіи (230).

Свойства его.

Поученіе.

Великій Князь говоритъ въ началѣ, что дѣдъ его, Ярославъ, далъ ему Русское имя Владиміра и Христіанское Василія, а отецъ и мать прозваніе *Мономаха* или *Единоборца:* для того ли, что Владиміръ дѣйствительно былъ по матери внукъ Греческаго Царя Константина Мономаха, или въ самой первой юности изъявлялъ особенную доблесть воинскую? — «Приближаясь ко гробу» — пишетъ онъ — «благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ: Рука Его довела меня до старости маститой. А вы, дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила, въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: *онъ говоритъ несправедливо!*»

«Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла Его!» Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большой части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ:

«О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не Монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно Христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виновнаго: жизнь и душа Христіанина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Братья сказали мнѣ: *изгонимъ Ростиславичей и возьмемъ ихъ область или ты намъ не союзникъ!* Но я отвѣтствовалъ: *не могу забыть крестнаго цѣлованія* (231); развернулъ Псалтырь и читалъ съ умиленіемъ: *вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе.* — Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: ибо всѣ умремъ. Принимайте съ любовію благословеніе Духовныхъ; не удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ добро, да молятся за васъ Всевышнему. — Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: *мы тлѣнны; нынѣ живы, а завтра во гробѣ.* — Бойтесь всякой лжи, піянства и любострастія, равно гибельнаго для тѣла и души. — Чтите старыхъ людей какъ отцевъ, любите юныхъ какъ братьевъ. — Въ хозяйствѣ сами прилѣжно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на Отроковъ и Тіуновъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего. — На войнѣ будьте дѣятельны; служите примѣромъ для Воеводъ. Не время тогда думать о пиршествахъ и нѣгѣ. Разставивъ ночную стражу, отдохните. Человѣкъ погибаетъ внезапу: для того не слагайте съ себя оружія, гдѣ можетъ встрѣтиться опасность, и рано садитесь на коней (232). — Путешествуя въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ обиду Княжескимъ Отрокамъ; а гдѣ остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же болѣе чтите гостя, и знаменитаго и простаго, и купца и Посла; если не можете одарить его, то хотя брашномъ и питіемъ удовольствуйте: ибо гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую объ насъ славу. — Привѣтствуйте всякаго человѣка, когда идете мимо. — Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти надъ собою. — Все хорошее, узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ *пятью язы-*

*ками* (233): за что хвалятъ насъ чужестранцы. Лѣность мать пороковъ: берегитесь ее. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей читайте наизусть молитвы, или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй!* Не засыпайте никогда безъ земнаго поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой; такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили Господа съ радостію и говорили: *просвѣти очи мои Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный*. Потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту; а въ полдень спали: ибо не только человѣку, но и звѣрямъ и птицамъ Богъ присудилъ отдыхать въ часъ полуденный.— Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть Отроку: на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя; не надѣялся на Посадниковъ и Бирючей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ; самъ назиралъ церковь и Божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, ястребовъ и соколовъ.» — Исчисливъ свои дѣла воинскія, уже извѣстныя Читателю (234), Владиміръ пишетъ далѣе: «Всѣхъ походовъ моихъ было 83; а другихъ маловажныхъ не упомню. Я заключилъ съ Половцами 19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе ста лучшихъ изъ Князей и выпустилъ изъ неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и потопилъ въ рѣкахъ (235). — Кто путешествовалъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ у родителя прежде Вечеренъ. — Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ металъ меня на рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь сорвалъ мечь съ бедры моей, медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и низвергнулъ коня подо мною. Сколько разъ я падалъ съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги, не блюдя жизни въ юности, и не щадя головы своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ; но являйтесь мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Божіе надежнѣе человѣческаго.»

Безъ сего завѣщанія (236), столь умно писаннаго, мы не знали бы всей прекрасной души Владиміра, который не сокрушилъ чуждыхъ Государствъ, но былъ защитою, славою, утѣшеніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на любовь потомства: ибо онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился нарушить Права Народнаго и вѣроломнымъ образомъ умертвить Князей Половецкихъ, то можемъ отнести къ нему слова Цицероновы: *вѣкъ извиняетъ человѣка* (237). Считая Половцевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они жгли церкви), Россіяне думали, что истреблять ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть богоугодное дѣло.

Къ сожалѣнію, древніе Лѣтописцы наши, разсказывая подробно воинскія и церковныя дѣла, едва упоминаютъ о государственныхъ или гражданскихъ, коими Владиміръ украсилъ свое правленіе. Знаемъ только, что онъ, желая доставить народу всѣ возможныя удобности, сдѣлалъ на Днѣпрѣ мостъ; часто ѣздилъ въ Ростовскую и Суздальскую землю, наслѣдственную область Всеволодова дому, для хозяйственныхъ распоряженій; выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязмы, основалъ городъ, назвалъ его *Владиміромъ Залѣсскимъ*, окружилъ валомъ и построилъ тамъ церковь Св. Спаса. Сынъ его, Мстиславъ, распространилъ въ 1114 году укрѣпленія Новогородскія, а Посадникъ, именемъ Павелъ, заложилъ каменную стѣну въ Ладогѣ (238).

Основаніе Владиміра Залѣсскаго.

Во время Мономахова княженія, довольно спокойное и мирное въ сравненіи съ другими, были нѣкоторыя бѣдствія: рѣдкая засуха въ 1124 году и сильный въ Кіевѣ пожаръ, который продолжался два дни, обративъ въ пепелъ большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*. Народъ съ ужасомъ видѣлъ еще одно совершенное затмѣніе солнца и звѣзды на небѣ въ самый полдень. Въ южной Россіи случились два землетрясенія, а въ сѣверной страшная буря, которая срывала

Бѣдствія.

домы и потопила множество скота въ Волховѣ ([239]).

Гида супруга Мономахова: ея дѣти.

Мономахъ оставилъ пять сыновей и супругу третьяго брака. Нѣтъ сомнѣнія, что *первою* была Гида, дочь Англійскаго Короля Гаральда, о коей мы упоминали ([240]), и которая, по извѣстію древняго Историка Датскаго, около 1070 году вышла за нашего Князя, именемъ Владиміра. Норвежскіе Лѣтописцы сказываютъ, что сынъ Гиды и сего Князя женился на Христинѣ, дочери Шведскаго Короля, Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владиміровича дѣйствительно называлась Христиною ([241]). Ея дочери, внуки Мономаховы, вступили въ знаменитые брачные союзы: *одна* съ Норвежскимъ Королемъ, Сигурдомъ, а послѣ съ Датскимъ Эрикомъ Эдмундомъ; *вторая* съ Канутомъ Святымъ, Королемъ Оботритскимъ, отцемъ *Вальдемара*, славнаго Государя Датскаго, названнаго симъ именемъ, можетъ быть, въ честь его великако прадѣда, *Владиміра* Мономаха; *третія* съ Греческимъ Царевичемъ: думаю, сыномъ Императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по Византійскимъ лѣтописямъ ([242]).

Въ годъ сего бракосочетанія (1120) пріѣхалъ изъ Константинополя въ Россію Митрополитъ Никита и заступилъ мѣсто умершаго Никифора, мужа знаменитаго свѣдѣніями и краснорѣчіемъ: чего памятникомъ остались два письма его къ Мономаху: первое о *раздѣленіи Церквей*, Восточной и Западной; второе *о Постѣ*, особенно любопытное, ибо оно содержитъ въ себѣ не только богословскія, но и философическія умствованія, заключаемыя хвалою добродѣтелей Мономаховыхъ ([243]).

Сочиненіе Митрополита Никифора.

« *Разумъ* » — пишетъ Никифоръ — *разумъ есть свѣтлое око души, обитающей во главѣ*. Какъ ты, Государь мудрый, сидя на престолѣ, чрезъ Воеводъ своихъ управляешь народомъ, такъ душа посредствомъ пяти чувствъ правитъ тѣломъ. Не имѣю нужды во многорѣчіи: ибо умъ твой летаетъ быстро, постигая смыслъ каждаго слова. Могу ли предписывать тебѣ законы для умѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, когда ты, сынъ Княжеской и Царской (Греческой) крови, Властитель земли сильныя, не знаешь дому, всегда въ трудахъ и путешествіяхъ, спишь на голой землѣ, единственно для важныхъ дѣлъ государственныхъ вступаешь во дворецъ свѣтлый, и снимая съ себя любимую одежду простую, надѣваешь Властительскую; когда, угощая другихъ обѣдами Княжескими, самъ только смотришь на яства роскошныя?.... Восхвалю ли тебѣ и другія добродѣтели? Восхвалю ли щедрость, когда десница твоя ко всѣмъ простерта; когда ты ни сребра, ни злата не таишь, не считаешь въ казнѣ своей, но обѣими руками раздаешь ихъ, хотя оскудѣть не можешь, ибо благодать Божія съ тобою?..... Скажу единое: какъ душа обязана испытывать или повѣрять дѣйствія чувствъ, зрѣнія, слуха, ея всегдашнихъ орудій, дабы не обмануться въ своихъ заключеніяхъ: такъ и Государь долженъ повѣрять донесенія Вельможъ. Вспомни, кто изгнанъ кто наказанъ тобою: не клевета ли погубила сихъ несчастныхъ?.... Князь любезный! да не оскорбитъ тебя искренняя рѣчь моя! Не думай, чтобы я слышалъ жалобу осужденныхъ и за нихъ вступался; нѣтъ, пишу единственно на воспоминаніе тебѣ: ибо власть великая требуетъ и великаго отчета; а мы начинаемъ теперь постъ, время душеспасительныхъ размышленій, когда Пастыри церковные должны и Князьямъ смѣло говорить истину. Вѣдаю, что мы сами, можетъ быть, въ зломъ недугѣ; но Слово Божіе въ насъ здраво и цѣло: ежели оно полезно, то надобно ли входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе? Человѣкъ въ лицѣ, Богъ въ сердцѣ,» и проч. — Такимъ образомъ древніе учители нашей Церкви бесѣдовали съ Государями, соединяя усердную хвалу съ наставленіемъ Христіанскимъ. Слогъ сихъ писемъ ознаменованъ печатію вѣка: грубъ, однакожь довольно ясенъ, и многія выраженія сильны.

# ГЛАВА VIII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ.

### Г. 1125 — 1132.

**Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота.**

г. 1125. Мстиславъ Владиміровичь наслѣдовалъ достоинство Великаго Князя. Братья его господствовали въ Удѣлахъ: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ Владимірѣ, Георгій въ Суздалѣ; а сыновья, Изяславъ и Ростиславъ въ Курскѣ и Смоленскѣ. — Новый Государь, уже давно извѣстный мужествомъ и великодушіемъ, явилъ добродѣтели отца своего на престолѣ Россіи: имѣлъ ту же ревностную любовь къ общему благу, ту же твердость, соединенную въ немъ, подобно какъ и въ Мономахѣ, съ нѣжною чувствительностію души (244).

Княженіе его, къ несчастію кратковременное, прославилось разными успѣхами воинскими, которыми онъ желалъ единственно успокоить Государство и возстановить древнее величіе онаго.

Набѣгъ Половцевъ. Половцы, свѣдавъ о кончинѣ Мономаха, думали, что Россія осиротѣла и будетъ снова жертвою ихъ грабительства. Они хотѣли соединиться съ Торками, кочевавшими близъ Переяславля; но Ярополкъ Владиміровичь, тамошній Князь, узналъ о семъ намѣреніи: велѣлъ Торкамъ въѣхать въ городъ, и самъ, не имѣвъ терпѣнія дождаться помощи отъ своихъ братьевъ, съ одною Переяславскою дружиною ударилъ на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потопилъ въ рѣкахъ.

г. 1127. Мстиславъ, объявивъ себя покровителемъ утѣсненныхъ Князей, долженъ былъ обнажить мечь на Всеволода Ольговича, который выгналъ изъ Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвилъ его Бояръ вѣрныхъ и разграбилъ ихъ домы. Мстиславъ клялся изгнанному Князю наказать сего мятежнаго сына Олегова. Слѣдуя несчастному примѣру отца, Всеволодъ заключилъ союзъ съ Половцами: варвары, въ числѣ семи тысячь, спѣшили къ границамъ Россіи, давъ вѣсть о томъ Черниговскому хищнику; но Послы ихъ не могли уже возвратиться и были схвачены, въ окрестностяхъ рѣки Сейма, Посадниками Ярополка (245). Ожидавъ долгое время отвѣта и боясь измѣны, Половцы ушли наконецъ во-свояси. Тогда Всеволодъ прибѣгнулъ къ смиренію; молилъ Великаго Князя забыть вину его, и между тѣмъ осыпалъ дарами Вельможъ Кіевскихъ. Мстиславъ еще не колебался, однакожь медлилъ, и несчастный дядя самъ пріѣхалъ изъ Мурома, чтобы напомнить ему священный обѣтъ мести. Бояре, не ослѣпленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорій, Игуменъ Андреевской Обители, любимецъ покойнаго Мономаха, весьма уважаемый Великимъ Княземъ, говорилъ, что миролюбіе есть должность Христіанина. Митрополитъ Никита уже скончался (246), и Церковь Россійская не имѣла Главы: сей Игуменъ склонилъ на свою сторону всѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые торжественно сказали Мстиславу: «Государь! лучше преступить клятву, нежели убивать Христіанъ. Не бойся грѣха: мы беремъ его на свою душу.» Убѣжденный ими, Великій Князь примирился со Всеволодомъ, и бѣдный Ярославъ съ горестію возвратился въ Муромъ (гдѣ и скончался черезъ два года, оставивъ сію область и Рязанскую въ наслѣдіе сыновьямъ). Мстиславъ забылъ наставленіе отца: «давъ клятву, исполняйте оную!» Щадить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступая обѣтъ, нарушаетъ законъ Естественный и Народный; а миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ чести Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ (247).

Изгнаніе Ярослава Черниговскаго.

Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго.

Великій Князь, излишно снисходи-

тельный въ отношеніи ко Всеволоду, отмстилъ по крайней мѣрѣ варварамъ, его союзникамъ. Лѣтописцы говорятъ, что войско Мстислава «загнало Половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу,» и что они уже не смѣли безпокоить нашихъ предѣловъ ([248]).

Удаленіе Половцевъ за Волгу.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владимірко и Ростиславъ, начали ссориться между собою; однакожь, боясь его, не смѣли воевать другъ съ другомъ. Исполняя завѣщаніе отца, первый господствовалъ въ Звенигородѣ, а вторый въ Перемышлѣ. Когда же Мономахъ скончался, Владимірко хотѣлъ изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Іоаннъ и Григорій; также и Великій Князь Мстиславъ, желая единственно отвратить зло насилія. Мирныя убѣжденія, съѣзды и переговоры въ Серетѣ остались безполезными: Владимірко уѣхалъ въ Венгрію, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростиславъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ 3000 Венгровъ и Россіянъ оборонялись столь мужественно, что онъ долженъ былъ отступить. Но сія война не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Владимірко, возвратясь въ отчизну, смирился: ибо Великій Князь рѣшительно требовалъ, чтобы каждый изъ братьевъ, довольствовался своимъ Удѣломъ ([249]).

Междоусобіе въ юго-западной Россіи.

Важнѣйшее происшествіе сего времени есть паденіе знаменитаго Дому Князей Полоцкихъ, которые издавна отдѣлились, такъ сказать, отъ Россіи, желая быть Владѣтелями независимыми. Мстиславъ рѣшился покорить сію древнюю область Кривичей, и сдѣлалъ то, чего напрасно хотѣли его дѣды ([250]). Онъ привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; велѣлъ итти братьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Всеволодку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они долженствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день. Всеволодъ Ольговичь, послушный Великому Князю, и братья его вмѣстѣ съ отрядомъ вѣрныхъ Торковъ, отданныхъ въ начальство Боярину Ивану Войтешичу, въ то же время шли къ Минскому городу Борисову. Изяславъ взялъ Логожскъ еще ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня, и спѣшилъ соединиться съ дядями, обступившими городъ Изяславль, Удѣлъ знаменитой Рогнѣды, первой супруги Св. Владиміра. Тамъ находился Брячиславъ сынъ Бориса Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣвъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурину, который велъ съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что сіи плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя, осажденные граждане рѣшились сдаться, но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва была дана и нарушена. Ночью, въ слѣдъ за дружиною Тысячскихъ, посланною въ городъ, бросились всѣ воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей, а бѣдныхъ граждан̆ъ отдали имъ въ жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новогородцами въ область Полоцкую: устрашенные жители не оборонялись, и выгнали своего Князя, Давида, на мѣсто коего, согласно съ ихъ желаніемъ, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова ([251]); а чрезъ два года отправилъ всѣхъ Князей Полоцкихъ въ ссылку, за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ враговъ нашего отечества, Половцевъ ([252]). Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ, и племянники ихъ, Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми были на трехъ ладіяхъ отвезены въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ Княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу. Г. 1129.

Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію.

4 Августа.

Князь Новогородскій Всеволодъ, соединясь съ братьями, два раза ходилъ на Чудь, или Эстонцевъ, зимою: обратилъ въ пепелъ селенія, умертвилъ жителей, взялъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей; но въ другомъ походѣ самъ лишился многихъ воиновъ. Сей народъ ненавидѣлъ Россіянъ какъ утѣснителей, отрекался платить дань, и сопротивленіемъ отягчалъ свою долю. — Самъ Великій Князь воевалъ Литву, и привелъ въ Кіевъ великое число плѣнниковъ ([253]). Тогдашнія безпрестанныя войны доставляли нашимъ Князьямъ и Боярамъ множество невольниковъ, которые отчасти шли

Г. 1130 — 1131. Война съ Чудью и Литвою.

Г. 1131.

въ продажу, отчасти (какъ надобно думать) были разселяемы по деревнямъ.

Кончина Мстислава. Г. 1132, Апрѣля 15. Мстиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, скончался на 56 году отъ рожденія, заслуживъ имя Великаго. Онъ умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри Государства, и если бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время. — Сей Великій Князь, вторично женатый на дочери знатнаго Новогородца, Димитрія Завидича, имѣлъ отъ нее двухъ сыновей: Святополка и Владиміра (кромѣ дочерей, изъ коихъ одна была за Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ). Старшіе ихъ братья родились отъ Христины, первой супруги (254).

Голодъ. Сверхъ тогдашнихъ мнимыхъ ужасовъ, солнечныхъ затмѣній, и легкаго землетрясенія въ южной Россіи (Августа 1, 1126 года) дѣйствительнымъ несчастіемъ княженія Мстиславова былъ страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, особенно же въ Новогородской. Отъ жестокаго, совсѣмъ необыкновеннаго холода вымерзли озими, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 Апрѣля, вода затопила нивы, селенія, и земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ, вмѣсто зелени, одну грязь. Правительство не имѣло запасовъ, и цѣна хлѣба такъ возвысилась, что осмина ржи въ 1128 году стоила нынѣшними серебряными деньгами около рубля сорока копѣекъ (255). Народъ питался мякиною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные голодомъ люди скитались какъ привидѣнія: падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ; трупы заражали воздухъ смрадомъ тлѣнія, и наемники не успѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ иноземнымъ въ рабство, и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ отдаленныхъ. «Новгородъ опустѣлъ,» говорятъ Лѣтописцы: однакожь войско его чрезъ годъ уже разило непріятелей, торговля цвѣла по прежнему, купеческія суда ходили въ Готландію и Данію (256).

Древнѣйшая грамота. Замѣтимъ, что самая древнѣйшая изъ подлинныхъ Княжескихъ грамотъ Русскихъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, есть Мстиславова, данная имъ Новогородскому Юрьевскому монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлины, съ приписью сына его, Всеволода, что онъ даритъ тому же монастырю серебряное блюдо для употребленія за братскою трапезою.

---

# ГЛАВА IX.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

### Г. 1132 — 1139.

---

**Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новагорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новагорода. Уставъ о церковной дани. Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ.**

Г. 1132. Превосходныя достоинства Мстислава удерживали частныхъ Князей въ границахъ благоразумной умѣренности: кончина его разрушила порядокъ.

Гражданe Кіевскіе объявили Ярополка Владиміровича Государемъ своимъ и призвали его въ столицу. Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между имъ и старшимъ братомъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, онъ уступилъ Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Неустройства. Сей Князь Новогородскій, пріѣхавъ туда, чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, Княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ, который заключилъ союзъ съ меньшимъ братомъ, Андреемъ, и боялся, чтобы Ярополкъ не сдѣлалъ

67

Всеволода наслѣдникомъ Кіевскаго престола. Великій Князь убѣдилъ Георгія выѣхать изъ Переяславля (257); но, чтобы успокоить братьевъ, отдалъ сію область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Такимъ образомъ слабость новаго Государя обнаружилась въ излишней снисходительности, и несчастныя слѣдствія доказали, сколь малодушіе его было вредно для Государства. Новогородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну область), уже не хотѣли принять Всеволода. «Забывъ клятву умереть съ нами (говорили они), ты искалъ другаго Княженія: иди же, куда тебѣ угодно!» Несчастный Князь долженъ былъ удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сдѣлались ихъ совмѣстниками въ могуществѣ, будучи съ того времени избираемы народомъ (258).— Полочане также воспользовались отсутствіемъ Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Княземъ своимъ Василька Рогволодовича, который возвратился тогда изъ Царяграда (259).

Новыя перемѣны служили только поводомъ къ новымъ безпорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Ярополкъ склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему, Вячеславу. Племянникъ въ замѣну получилъ Туровъ и Пинскъ, сверхъ его прежней Минской области; былъ доволенъ и ѣздилъ въ Удѣлы Мстиславичей,
Г. 1133. въ Смоленскъ, въ Новгородъ, собирать дары и налоги для Ярополка. Достойно примѣчанія, что Новгородъ, владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской Губерніи, платилъ за нихъ Великимъ Князьямъ особенную дань, которая
Дань Печорская. называлась *Печорскою*. Но скоро вѣрность Изяслава и братьевъ его поколе-
Г. 1134—1135. балась: легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ бывшемъ Удѣлѣ, отнялъ у племянника Туровъ, а Георгій Владиміровичь взялъ Переяславль, отдавъ за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области (260). Огорченный Изяславъ прибѣгнулъ ко Всеволоду: сей Новгородскій Князь не задолго до того времени побѣдилъ мятежную Чудь, взялъ
Завоеваніе Дерпта. Юрьевъ или Дерптъ, основанный Великимъ Ярославомъ, и въ надеждѣ на свою храбрость обѣщалъ брату завоевать для него область Суздальскую. Онъ не сдержалъ слова: дошелъ только до рѣки Дубны и возвратился. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ господствовало неустройство: народъ волновался, избиралъ, смѣнялъ Посадниковъ, и даже утопилъ одного изъ главныхъ чиновниковъ своихъ, бросивъ его съ мосту, который служилъ Новогородцамъ вмѣсто скалы Тарпейской. Недовольные худымъ успѣхомъ Всеволодова похода, они требовали войны, и хотѣли снова итти къ Суздалю. Напрасно Михаилъ, тогдашній Митрополитъ Кіевскій, пріѣхавъ къ нимъ, старался отвратить ихъ отъ сего междоусобія: Новогородцы считали оное нужнымъ для своей чести: не пустили отъ себя Митрополита, и не смотря на жестокость зимы, выступили въ поле 31 Декабря; съ удивительнымъ терпѣніемъ сносили холодъ, вьюги, мятели, и кровопролитною битвою, 26 Генваря, на долгое время прославили Жданову гору (въ нынѣшней Владимірской Губерніи); Битва на Ждановой горѣ.
потеряли множество людей, убили еще болѣе Суздальцевъ, но не могли одержать побѣды; возвратились съ миромъ и немедленно освободили Митрополита, который предсказалъ имъ несчастныя слѣдствія ихъ похода (261).

И южная Россія была въ сіе время Кровопролитіе въ южной Россіи.
ѳеатромъ раздора. Ольговичи, Князья Черниговскіе, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьямъ его; призвали Половцевъ; жгли города, села; грабили, плѣняли Россіянъ, и заключили миръ подъ Кіевомъ. Изяславъ былъ тутъ же. Онъ не ходилъ вторично съ Новогородцами въ область Суздальскую: Великій Князь уступилъ ему Владиміръ, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростовъ и Суздаль возвратилъ Георгію, который сверхъ того удержалъ за собою Остеръ въ южной Россіи. Въ семъ случаѣ Новогородцы поступили какъ истинные, добрые сыны отечества: не хотѣвъ взять участія въ междоусобіи, они прислали своего Посадника Мирослава, и наконецъ Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоразумія. Нифонтъ, мужъ строгой добродѣтели, сильными убѣжденіями тронулъ ихъ сердца и болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира (262).

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять Г. 1136, Августа 8.
возгорѣлась война, и Князья Черниговскіе новыми злодѣйствами устрашили бѣдныхъ жителей Переяславской области. Въ жестокой битвѣ, на берегахъ Супоя, Великій Князь лишился всей дру-

жины своей; она гналась за Половцами и была отрѣзана непріятелями: ибо Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія. Плѣнивъ знатнѣйшихъ Бояръ, Ольговичи взяли и знамя Великаго Князя. Василько, сынъ Мономаховой дочери, Маріи, и Греческаго Царевича Леона, находился въ числѣ убитыхъ. — Завоевавъ Триполь, Халепъ, окрестности Бѣлагорода, Василева, побѣдители уже стояли на берегахъ Лыбеди, когда Ярополкъ, готовый ко вторичной битвѣ, но ужасаясь кровопролитія, вопреки мнѣнію братьевъ предложилъ миръ, и согласился уступить Ольговичамъ Курскъ съ частію Переяславской области (263). Митрополитъ ходилъ къ нимъ въ станъ, и приводилъ ихъ къ цѣлованію Креста, по тогдашнему обычаю.

Изгнаніе Князя изъ Новагорода.

Между тѣмъ Новогородцы, миря другихъ, сами не умѣли наслаждаться внутреннею тишиною. Князь былъ жертвою ихъ безпокойнаго духа. Собравъ гражданъ Ладожскихъ, Псковскихъ, они торжественно осудили Всеволода на изгнаніе, ставя ему въ вину, 1) что «онъ не *блюдетъ* простаго народа, и любитъ только забавы, ястребовъ и собакъ; 2) хотѣлъ княжить въ Переяславлѣ; 3) ушелъ съ мѣста битвы на Ждановой горѣ прежде всѣхъ, и 4) непостояненъ въ мысляхъ: то держитъ сторону Князя Черниговскаго, то пристаетъ ко врагамъ его.» Всеволодъ былъ заключенъ въ Епископскомъ домѣ съ женою, дѣтьми и тещею, супругою Князя Святоши; сидѣлъ какъ преступникъ семь недѣль за всегдашнею стражею тридцати воиновъ, и получилъ свободу, когда Святославъ Ольговичь, братъ Князя Черниговскаго, избранный народомъ, пріѣхалъ княжить въ Новгородъ. Оставивъ тамъ аманатомъ юнаго сына своего, Владиміра, Всеволодъ искалъ защиты Ярополковой, и добросердечный Великій Князь, забывъ вину сего племянника (хотѣвшаго прежде, въ досаду ему, овладѣть Суздальскою землею),далъ изгнаннику Вышегородъ (264); но равнодушно смотрѣлъ на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояніе Государей Кіевскихъ, уже не признавала надъ собою ихъ власти.

Мятежъ продолжался въ Новѣгородѣ. Всеволодъ имѣлъ тамъ многихъ ревностныхъ друзей, ненавистныхъ народу, который одного изъ нихъ, именемъ Георгія Жирославича, бросилъ въ Волховъ. Сіи люди, не теряя надежды успѣть въ своемъ намѣреніи, хотѣли даже застрѣлить Князя Святослава (265). Самъ Посадникъ держалъ ихъ сторону, и наконецъ съ нѣкоторыми знатными Новогородцами и Псковитянами ушелъ ко Все- г. 1137.
володу, сказывая ему, что всѣ добрые ихъ сограждане желаютъ его возвращенія. Рожденный, воспитанный съ ними, сей Князь любилъ Новгородъ какъ отчизну и неблагодарныхъ его жителей какъ братьевъ; тосковалъ въ изгнаніи, и съ сердечною радостію спѣшилъ приближиться къ своей наслѣдственной столицѣ. На пути встрѣтилъ его съ дружиною Василько Рогволодовичь, Князь Полоцкій, въ 1129 году сосланный Мстиславомъ въ Константинополь: онъ имѣлъ случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра, и самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области.

Великодушіе Василька Полоцкаго.

Псковитяне съ искреннимъ усердіемъ приняли Всеволода: Новогородцы же не хотѣли объ немъ слышать, и свѣдавъ, что онъ уже во Псковѣ, разграбили домы его доброжелателей, а другихъ обложили пенями, и собранныя 1500 гривенъ отдали купцамъ на заготовленіе нужныхъ вещей для войны. Святославъ призвалъ брата своего, Глѣба, изъ Курска; призвалъ самыхъ Половцевъ. Уже варвары надѣялись опустошить сѣверную Россію, какъ они съ жестокимъ отцемъ сего Князя грабили южную; но Псковитяне рѣшились быть друзьями Всеволода: заваливъ всѣ дороги въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, они взяли такія мѣры для обороны, что устрашенный Святославъ не хотѣлъ итти далѣе Дубровны, и возвратился (266). Такимъ образомъ городъ Псковъ сдѣлался на время особеннымъ Княженіемъ: Святополкъ Мстиславичь наслѣдовалъ сію область по кончинѣ брата своего, набожнаго, благодѣтельнаго Всеволода-Гавріила, коего гробницу и древнее оружіе донынѣ показываютъ въ тамошней Соборной церкви.

Псковъ отдѣлился отъ Новагорода.

Новогородцы, избравъ Святослава, объявили себя непріятелями Великаго Князя, также Суздальскаго и Смоленскаго. Псковитяне не хотѣли имѣть съ ними сношенія; ни Василько, Князь Полоцкій, вѣрный союзникъ Всеволодовъ. Лишенные подвозовъ, они терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ (котораго осмина стоила тогда въ Новѣгородѣ 7 рѣзаней), и неудовольствіе народное обратилось на

68

Князя невиннаго. Одно Духовенство имѣло нѣкоторую причину жаловаться на Святослава: ибо онъ сочетался какимъ-то незаконнымъ бракомъ въ Новѣгородѣ, не уваживъ запрещенія Епископскаго, и велѣвъ обвѣнчать себя собственному или придворному Iерею. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростію, возобновивъ древній уставъ Владиміровъ о церковной дани, опредѣливъ Епископу брать, вмѣсто *десятины* отъ *Виръ* и *продажъ*, 100 гривенъ изъ казны Княжеской, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлинъ (267). Но Святославъ не могъ успокоить народа, и былъ изгнанъ съ безчестіемъ. Желая защитить себя отъ мести Ольговичей, граждане оставили въ залогъ у себя его Бояръ и Княгиню; сослали ее въ монастырь Св. Варвары и призвали въ Новгородъ Ростислава, внука Мономахова, сына Георгіева; заключили миръ съ Великимъ Княземъ, Псковитянами, и хвалились своею мудрою Политикою. — Горестный Святославъ, разлученный съ женою, на пути своемъ въ Черниговъ былъ остановленъ Смоленскими жителями и запертъ въ монастырѣ Смядынскомъ: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Уставъ о церковной дани.

Г. 1138, Апрѣля 17.

Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Маія 10.

Сіи безпокойные Князья вмѣстѣ съ Половцами ограбили селенія и города на берегахъ Сулы. Андрей Владиміровичь не могъ отразить ихъ, ни имѣть скорой помощи отъ братьевъ, которые, въ надеждѣ на миръ, распустили войско. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ бѣдствія своихъ подданныхъ, и спѣшилъ уѣхать изъ Переяславля, отставивъ ихъ въ добычу врагамъ, и не менѣе хищнымъ Намѣстникамъ (268). Заключеніе Святослава еще болѣе остервенило жестокихъ Ольговичей: пылая гнѣвомъ, они какъ тигры свирѣпствовали въ южной Россіи, взяли Прилукъ, думали осадить Кіевъ. Но Ярополкъ собралъ уже сильную рать, заставилъ ихъ удалиться и скоро приступилъ къ Чернигову. Не только всѣ Россійскіе Князья соединились съ нимъ, но и Венгры дали ему войско; въ станѣ его находилось еще около 1000 конныхъ Берендѣевъ или Торковъ. Жители Черниговскіе ужаснулись и требовали отъ своего Князя, Всеволода, чтобы онъ старался умилостивить Ярополка. «Ты хочешь бѣжать къ Половцамъ,» говорили они: «но варвары не спасутъ твоей области: мы будемъ жертвою враговъ. Пожалѣй о народѣ и смирися. Знаемъ человѣколюбіе Ярополково: онъ не радуется кровопролитію и гибели Россіянъ.» Черниговцы не обманулись: Великій Князь, тронутый моленіемъ Всеволода, явилъ рѣдкій примѣръ великодушія или слабости: заключивъ миръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою и дарами, возвратился въ Кіевъ и скончался (269). Сей Князь, подобно Мономаху, любилъ добродѣтель, какъ увѣряютъ Лѣтописцы; но онъ не зналъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель Государя. Съ его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая въ теченіе цѣлаго вѣка была главнымъ несчастіемъ Россіи: ибо первые не хотѣли довольствоваться своею наслѣдственною областію и не могли, завидуя вторымъ, спокойно видѣть ихъ на престолѣ Великокняжескомъ.

Междоусобіе въ южной Россіи.

Миръ и Кончина Великаго Князя.

Г. 1139, Февраля 18.

Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха.

Вмѣстѣ съ другими Россіянами находилась подъ Черниговымъ, въ Ярополковомъ станѣ, и вспомогательная дружина *Галицкая:* такъ съ сего времени называется въ лѣтописяхъ юго-западная область Россіи, гдѣ сынъ Володаревъ, честолюбивый Владимірко, господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ свою особенную столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичь, и прославился мужествомъ. Онъ не могъ забыть коварнаго злодѣянія Ляховъ, столь безчестно плѣнившихъ Володаря, и мстилъ имъ при всякомъ случаѣ (270). Какой-то знатный Венгерецъ, Болеславовъ Вельможа, начальникъ города Вислицы, измѣнивъ Государю, тайно звалъ Галицкаго Князя въ ея богатую область. Владимірко безъ сопротивленія завладѣлъ оною и сдержалъ данное Венгерцу слово: осыпалъ его золотомъ, ласкою, почестями; но гнушаясь злодѣяніемъ, велѣлъ тогда же ослѣпить сего измѣнника и сдѣлать евнухомъ. «Изверги не должны имѣть дѣтей, имъ подобныхъ,» сказалъ Владимірко, хотѣвъ такимъ образомъ согласить природную ненависть къ Полякамъ съ любовію къ добродѣтели. Онъ удовольствовался взятою добычею, и не могъ удержать за собою Вислицы. Польскіе Лѣтописцы говорятъ, что Болеславъ старался отмстить ему такимъ же грабежемъ въ Галицкой области: свирѣпствовалъ огнемъ и мечемъ, плавалъ въ крови невинныхъ земледѣльцевъ, пастырей, женъ, и возвратился съ *честію!* Тогдашніе ужасы войны безъ сомнѣнія превосходили нынѣшніе, и казались не злодѣйствомъ,

Галицкое Княженіе.

Характеръ Владимірка.

но ея принадлежностію, обыкновенною и необходимою.

Владимірко — то врагъ, то союзникъ Венгровъ — участвовалъ также въ войнѣ Бориса, сына Евфиміи, Мономаховой дочери, съ Королемъ Белою *Слѣпымъ* (271). Еще въ утробѣ матери осужденный на изгнаніе и воспитанный въ нашемъ отечествѣ, Борисъ, возмужавъ, хотѣлъ мечемъ доказать силу наслѣдственныхъ правъ своихъ, и вступилъ въ Венгрію съ *Россіянами*, его союзниками, и съ Болеславомъ Польскимъ; но въ рѣшительной битвѣ не выдержалъ перваго удара Нѣмцевъ и бѣжалъ какъ малодушный, не умѣвъ воспользоваться благорасположеніемъ многихъ Венгерскихъ Бояръ, которые думали, что онъ былъ законный сынъ ихъ Государя, и что Коломанъ единственно по ненависти своей къ Россійской крови изгналъ супругу, вѣрную и невинную. Напрасно искавъ защиты Нѣмецкаго Императора, Борисъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явился въ станѣ Людовика VII, когда сей Французскій Монархъ шелъ чрезъ Паннонію въ Обѣтованную землю. Узнавъ о томъ, Гейза, Король Венгерскій, требовалъ головы своего опаснаго непріятеля; но Людовикъ сжалился надъ несчастнымъ, и призвавъ на совѣтъ Епископовъ, объявилъ Посламъ Гейзы, что требованіе ихъ Короля не согласно ни съ честію, ни съ Вѣрою Христіанскою. Борисъ, женатый на родственницѣ Мануила, Греческаго Императора, удалился въ Царьградъ, выѣхавъ тайно изъ Французскаго стана на конѣ Людовиковомъ; воевалъ еще съ Гейзою подъ знаменами Мануила и былъ застрѣленъ измѣнникомъ, Половецкимъ воиномъ, въ 1156 году (272). Сынъ его, *младшій* Коломанъ, извѣстный храбростію, служилъ послѣ Грекамъ и правительствовалъ въ Киликіи.

[Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ.] [Борисъ въ станѣ Короля Французскаго.] [Убитъ измѣнникомъ.]

---

# ГЛАВА X.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ ОЛЬГОВИЧЬ.

### Г. 1139 — 1146.

**Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіяне въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода.**

Вячеславъ, Князь Переяславскій, спѣшилъ въ Кіевъ, быть наслѣдникомъ Ярополковымъ, и Митрополитъ, провождаемый народомъ, встрѣтилъ его какъ Государя. Но Всеволодъ Ольговичь не далъ ему времени утвердить власть свою: узнавъ въ Вышегородѣ о кончинѣ Ярополковой, немедленно собралъ войско; обступилъ Кіевъ и зажегъ предмѣстіе Копыревское (273). Устрашенный Вячеславъ послалъ Митрополита сказать Всеволоду: «я не хищникъ; но ежели условія нашихъ отцевъ не кажутся тебѣ закономъ священнымъ, то будь Государемъ Кіевскимъ: иду въ Туровъ.» Онъ дѣйствительно уѣхалъ изъ столицы, а Всеволодъ съ торжествомъ сѣлъ на престолѣ Великокняжескомъ, давъ *свѣтлый* пиръ Митрополиту и Боярамъ; вино, медъ, яства, овощи были развозимы для народа; церкви и монастыри получили богатую милостыню. — Къ неудовольствію брата своего, Игоря, Всеволодъ отдалъ Черниговъ сыну Давидову, Владиміру.

[Г. 1139. Февраля 22.] [Марта 5. Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава.]

Новый Великій Князь изъявилъ желаніе остаться въ мирѣ съ сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотѣли ѣхать къ нему, замышляя свергнуть его съ престола. Тогда Всеволодъ рѣшился отнять у нихъ владѣнія и послалъ Воеводъ на Изяслава Мстиславича. Сія рать, объятая ужасомъ прежде битвы, возвратилась съ уничиженіемъ и стыдомъ (274).

[Междоусобія.]

Въ намѣреніи загладить первую неудачу, Всеволодъ приказалъ брату Князя Черниговскаго, Изяславу Давидовичу, вмѣстѣ съ Галицкими Князьями воевать область Туровскую и Владимірскую; а самъ выступилъ противъ Андрея, гордо объявивъ ему, чтобы онъ ѣхалъ въ Курскъ, и что Переяславль долженъ быть Удѣломъ Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна не боялся враговъ многочисленныхъ. «Нѣтъ!» отвѣтствовалъ сей Князь; «дѣдъ, отецъ мой княжили въ Переяславлѣ, а не въ Курскѣ; здѣсь моя отчина и дружина вѣрная: живой не выду отсюда. Пусть Всеволодъ обагритъ свои руки моею кровію! Не онъ будетъ первый: Святополкъ, подобно ему властолюбивый, умертвилъ также Бориса и Глѣба; но долго ли пользовался властію?» Великій Князь стоялъ на берегахъ Днѣпра и велѣлъ Святославу изгнать Андрея: но мужественный сынъ Мономаховъ, обративъ его въ бѣгство, купилъ побѣдою миръ. Къ чести Всеволода сказано въ лѣтописи, что онъ во время договоровъ, видя ночью сильный пожаръ въ Переяславлѣ, не хотѣлъ воспользоваться онымъ. Сіи два Князя, обѣщавъ забыть вражду, чрезъ нѣсколько дней съѣхались въ Малотинѣ для заключенія союза съ Ханами Половецкими.

*Мужество Андрея.* *Честность Всеволода.*

Между тѣмъ Владимірко Галицкій съ Іоанномъ Васильковичемъ, братъ Черниговскаго Князя съ Половцами, и Ляхи, союзники Всеволодовы, вошли въ область Изяславову и Туровскую. Но гордый Владимірко, стыдясь быть слугою или орудіемъ Государя Кіевскаго, искалъ въ юномъ, мужественномъ Изяславѣ Мстиславичѣ не врага, а достойнаго сподвижника въ опасностяхъ славы: они встрѣтились въ полѣ для того, чтобы разстаться друзьями. Ляхи же и Половцы удовольствовались однимъ грабежемъ. Симъ война кончилась. Благоразумный Всеволодъ не отвергнулъ мирныхъ предложеній Изяслава и дяди его, Вячеслава Туровскаго; далъ слово не тревожить ихъ въ наслѣдственныхъ Удѣлахъ, и желалъ согласить свое честолюбіе съ государственною тишиною (275).

*Его благоразуміе.*

Еще Георгій Владиміровичь, Князь Суздальскій, оставался его врагомъ, прибылъ въ Смоленскъ, и требовалъ войска отъ Новогородцевъ, чтобы отмстить Всеволоду. Юный Князь ихъ, Ростиславъ, представлялъ имъ обязанность вступиться за честь Мономахова Дому; но думая о выгодахъ мирной торговли болѣе, нежели о чести Княжеской, они не хотѣли вооружиться. Ростиславъ ушелъ къ отцу: Георгій въ наказаніе отнялъ у Новогородцевъ Торжекъ. Сіи люди выгоняли Князей, но не могли жить безъ нихъ: звали къ себѣ вторично Святослава, и въ залогъ вѣрности дали аманатовъ Всеволоду. Святославъ пріѣхалъ; однакожь спокойствія и тишины не было. Распри господствовали въ сей области. Князь и любимцы его также питали духъ несогласія и мстили личнымъ врагамъ: нѣкоторыхъ знатныхъ Бояръ сослали въ Кіевъ или заключили въ оковы: другіе бѣжали въ Суздаль. Всеволодъ хотѣлъ послать сына своего на мѣсто брата, и граждане, въ надеждѣ имѣть лучшаго Князя, отправили за нимъ Епископа Нифонта въ Кіевъ. Тогда, не увѣренный въ своей безопасности, Святославъ уѣхалъ тайно изъ Новагорода вмѣстѣ съ Посадникомъ Якуномъ. Народъ озлобился; догналъ несчастнаго любимца Княжескаго, оковалъ цѣпями и заточилъ въ область Чудскую, равно какъ и брата Якунова, взявъ съ нихъ 1100 гривенъ пени. Сіи изгнанники скоро нашли вѣрное убѣжище тамъ же, гдѣ и враги ихъ (276): при Дворѣ Георгія Владиміровича, и благословляя милостиваго Князя, навсегда отказались отъ своего мятежнаго отечества.

*Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести.* *Безпокойства въ Новѣгородѣ.* *Г. 1140.* *Г. 1141.*

Уже сынъ Всеволодовъ былъ на пути съ Нифонтомъ и доѣхалъ до Чернигова, когда вѣтреные Новогородцы, перемѣнивъ мысли, дали знать Великому Князю, что не хотятъ ни сына, ни ближнихъ его, и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять ими. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъ Пословъ и самого Нифонта. Узнавъ о томъ, Новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему какъ общему Государю Россіи, желая *отъ его руки* имѣть властителемъ своимъ брата Великой Княгини, Святополка или Владиміра Мстиславичей. Однакожь сія уклонность не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить въ Новѣгородѣ, и чтобы его безпокойные жители испытали всѣ бѣдствія безначалія (277).

Въ самомъ дѣлѣ Новогородцы, лишенные защиты Государя, были всячески притѣсняемы: никто не хотѣлъ везти къ нимъ хлѣба, и купцы ихъ, остановленные въ другихъ городахъ Россій-

скихъ, сидѣли по темницамъ. Они терпѣли девять мѣсяцевъ, избравъ въ Посадники врага Святославова, именемъ Судилу, который вмѣстѣ съ другими единомышленниками возвратился изъ Суздаля: наконецъ прибѣгнули къ Георгію Владиміровичу и звали его къ себѣ правительствовать. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ своей вѣрной области, но вторично далъ имъ сына, и скоро имѣлъ причину раскаяться: ибо Всеволодъ, въ досаду ему, занялъ Остеръ (городокъ Георгіевъ), а Новогородцы — свѣдавъ, что Великій Князь, въ удовольствіе супругѣ или брату ея, Изяславу Мстиславичу, согласился наконецъ исполнить ихъ желаніе, и что шуринъ его, Святополкъ, уже къ нимъ ѣдетъ — заключили, по обыкновенію, Георгіева сына въ Епископскомъ домѣ (278). Капитолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою: въ Новѣгородѣ престолъ съ темницею! Боялся ли народъ остаться безъ Властителя и на всякой случай берегъ смѣненнаго? или, упоенный дерзостію, хотѣлъ явить его преемнику разительный примѣръ своего могущества, поручая ему
Г. 1142, Апрѣля 19. вывести бывшаго Князя изъ темницы? Какъ скоро Святополкъ пріѣхалъ, граждане отпустили Ростислава къ отцу.

Смерть Андрея Добраго. Въ сіе время, къ общей горести, преставился Андрей Владиміровичь, въ лѣтахъ мужества, заслуживъ имя *Добраго*, и не уронивъ чести Мономахова Дому (279). Вячеславъ былъ его наслѣдникомъ, но медлилъ выѣхать изъ Турова. «Иди въ свою отчину, Переяславль,» говорили ему Послы Всеволодовы: «Туровъ есть древній городъ *Кіевскій;* отдаю его моему сыну.» Тихій Вячеславъ жилъ спокойнѣе и безопаснѣе въ западной Россіи: сосѣдство съ Половцами требовало дѣятельной осторожности, несогласной съ его миролюбіемъ. Принужденный исполнить требованіе Всеволодово, онъ увидѣлъ, что Россія имѣла *своихъ* Половцевъ: Игорь и Святославъ Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тѣмъ, что Великій Князь наградилъ сына Удѣломъ и не хотѣлъ отдать имъ ни Сѣверскаго Новагорода, ни земли Вятичей, они вступили въ тѣсный союзъ съ Князьями Черниговскими, сыновьями Давида, и надѣялись оружіемъ пріобрѣсти
Грабежи. себѣ выгодные Удѣлы; опустошили нѣсколько городовъ Георгія Владиміровича Суздальскаго, захвативъ вездѣ скотъ и товары; напали на область Переяславскую, и два мѣсяца жгли села, травили хлѣбъ, разоряли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Вячеславъ слышалъ стонъ людей, смотрѣлъ на дымъ пылающихъ весей, и сидѣлъ праздно въ городѣ, ожидая защиты отъ Всеволода и своихъ храбрыхъ племянниковъ, Мстиславичей. Великій Князь дѣйствительно отрядилъ къ нему Воеводу съ конницею Печенѣжскою; съ другой стороны пришелъ Изяславъ Владимірскій; а братъ его, Князь Смоленскій, завладѣлъ городами Черниговскими на берегахъ Сожа. Инокъ Святоша былъ еще живъ: Всеволодъ послалъ его усовѣстить хищниковъ. Наконецъ они смирились. Великій Князь отдалъ Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу Черторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и Дрогичинъ, хитрымъ образомъ уничтоживъ опасный союзъ сихъ Князей съ его братьями. Хитрость Всеволода. Но послѣдніе вторично изъявили досаду, когда Вячеславъ, съ согласія Всеволодова, уступилъ Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взявъ себѣ Туровъ, и когда сынъ Великаго Князя, юный Святославъ, на обмѣнъ получилъ Владимірскую область. «Братъ нашъ — говорили Ольговичи — думаетъ только о сынѣ, дружится съ своими ненавистными шурьями, окружилъ себя ими, и не даетъ намъ ни одного богатаго города.» Тщетно желали они поссорить его съ добрыми Мстиславичами: Великій Князь не внималъ злословію и хотѣлъ внутренняго спокойствія (280).

Утвердивъ себя на престолѣ Кіевскомъ, онъ велѣлъ сыну Святославу, вмѣстѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и Владимірскомъ Галицкимъ, итти въ Польшу, гдѣ Г. 1143, Генваря 1. Россіяне въ Польшѣ. Герцогъ Владиславъ, зять Великаго Князя, ссорился съ меньшими братьями: съ Болеславомъ (также зятемъ Всеволодовымъ) и съ другими. Къ несчастію, Россіяне, призванные возстановить тишину Государства, дѣйствовали какъ враги онаго, и вывели множество плѣнныхъ Ляховъ, болѣе мирныхъ, нежели ратныхъ (281).

Увѣренный въ искреннемъ дружелюбіи Всеволода, Изяславъ Мстиславичь хотѣлъ, кажется, примирить его и съ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, и для того ѣздилъ къ нему въ Суздаль; но Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. сіи два Князя не согласились въ мысляхъ, и разстались врагами: что, ко вреду Государства, имѣло послѣ столь кровопролитныя слѣдствія. Въ семъ путешествіи Изяславъ видѣлся съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Ростиславомъ Смолен-



70

скимъ, и пировалъ на свадьбѣ Князя Новогородскаго, Святополка, котораго невѣста была привезена изъ Моравіи: вѣроятно, родственница Богемскаго Короля Владислава (282). Новгородъ успокоился: купеческія суда его ходили за море, привозили иноземные товары въ Россію, и въ 1142 году мужественно отразили флотъ Шведскаго Короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладіями и съ *Епископомъ*. Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожскую область, были побиты ея жителями и Корелами, Новогородскими данниками.

Г. 1144.

Мореходство Новогородцевъ.

Желая прекратить наслѣдственную вражду между потомствомъ Рогнѣдинымъ и Ярослава Великаго, благоразумный Всеволодъ женилъ сына своего, юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а Изяславъ Мстиславичь выдалъ свою за Рогволода Борисовича, позвавъ къ себѣ, на свадебный пиръ, Всеволода, супругу его и Бояръ Кіевскихъ (283). Но веселясь и пируя, Князья разсуждали о дѣлахъ государственныхъ: Всеволодъ убѣдилъ ихъ возстать общими силами на гордаго Владимірка, который, по смерти братьевъ, Ростислава и Васильковичей, сдѣлался единовластителемъ въ Галичѣ, хотѣлъ даже изгнать Всеволодова сына изъ Владимірской области, и возвратилъ Великому Князю такъ называемую крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны. Ольговичи, Князь Черниговскій съ братомъ, Вячеславъ Туровскій съ племянниками Изяславомъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями умершаго Всеволодка Городненскаго, сѣли на коней и пошли къ Теребовлю, соединясь съ Новогородскимъ Воеводою Неревинымъ и Герцогомъ Польскимъ Владиславомъ.

Браки.

Походъ на Галичь.

Владимірко услышалъ грозную вѣсть: призвалъ въ союзъ Венгровъ и выступилъ въ поле съ Баномъ, дядею Короля Гейзы (284). Рѣка Серетъ раздѣляла войска, готовыя къ битвѣ. Всеволодъ искалъ переправы: Князь Галицкій, не выпуская его изъ вида, шелъ другимъ берегомъ, и въ седьмый день сталъ на горахъ, ожидая нападенія; но Всеволодъ не хотѣлъ сразиться, ибо мѣсто благопріятствовало его противнику. Когда же Изяславъ Давидовичь, братъ Черниговскаго Князя, съ отрядомъ наемныхъ Половцевъ взялъ Ушицу и Микулинъ въ землѣ Галицкой: тогда Великій Князь приступилъ къ Звенигороду. Въ слѣдъ за непріятелемъ Владимірко сошелъ въ долины. Видя станъ его на другой сторонѣ города, за мелкою рѣкою, Всеволодъ тронулся съ мѣста въ боевомъ порядкѣ, и хитро обманулъ непріятеля: вмѣсто того, чтобы вступить съ нимъ въ битву, зашелъ ему въ тылъ, расположился на высотахъ, отрѣзалъ его отъ Перемышля и Галича, оставивъ между собою и городомъ вязкія болота. Дружина Владимíркова оробѣла. «Мы стоимъ здѣсь» — говорили его Бояре и воины — «а враги могутъ итти къ столицѣ, плѣнить наши семейства.» Князь Галицкій, не имѣя надежды сбить многочисленное войско съ неприступнаго мѣста, началъ переговоры съ братомъ Всеволодовымъ; склонилъ его на свою сторону; требовалъ мира и далъ слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, въ восшествіи на престолъ Кіевскій. Великій Князь не соглашался. «Но ты хочешь сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ,» сказалъ Игорь брату: «оставь же мнѣ благодарнаго и могущественнаго союзника, столь нужнаго въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россіи!» Всеволодъ исполнилъ наконецъ его волю, и въ тотъ же день обнялъ Князя Галицкаго какъ друга; взялъ съ него за трудъ 1200 гривенъ *серебра*, роздалъ оныя союзнымъ Князьямъ и возвратился въ столицу, доказавъ, что умѣетъ счастливо воевать, а не умѣетъ пользоваться воинскимъ счастіемъ.

Миръ не продолжился. Братъ Владимірковъ, Ростиславъ, оставилъ сына, именемъ Іоанна, прозваннаго *Берладникомъ* (285), у коего дядя отнялъ законное наслѣдство: сей юноша жилъ въ Звенигородѣ и снискалъ любовь народа. Пользуясь отсутствіемъ Владимірка, уѣхавшаго въ Тисмѣницу для звѣриной ловли, Галичане призвали къ себѣ Іоанна и единодушно объявили своимъ Княземъ. Гнѣвный Владимірко приступилъ къ городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Іоаннъ въ ночной вылазкѣ былъ отрѣзанъ отъ городскихъ воротъ: пробился сквозь непріятелей, ушелъ къ Дунаю, и наконецъ въ Кіевъ. Галичане сдалися. Склонный болѣе къ строгости, нежели къ милосердію, Владимірко плавалъ въ ихъ крови, и съ досадою слышалъ, что Великій Князь взялъ его племянника подъ защиту, какъ невинно гонимаго.

Іоаннъ Берладникъ.

Г. 1145.

Однакожь Всеволодъ еще не думалъ нарушить мира, слабый здоровьемъ и

сверхъ того озабоченный неустройствами Польши, гдѣ любезный ему зять, Герцогъ Владиславъ, не могъ ужиться въ согласіи съ братьями. Созвавъ Князей во дворцѣ Кіевскомъ, Всеволодъ сказалъ имъ, что онъ, предвидя свою кончину,

севолодъ избираетъ наслѣдника.

подобно Мономаху и Мстиславу избираетъ наслѣдника, и что Игорь будетъ Государемъ Россіи. Князья долженствовали присягнуть ему: Черниговскіе и Святославъ Ольговичь исполнили его волю. Изяславъ Мстиславичь долго колебался; однакожь не дерзнулъ быть ослушникомъ. Успокоенный симъ торжественнымъ обрядомъ, Всеволодъ началъ говорить о дѣлахъ Польскихъ. «Пекись единственно о своемъ здравіи,» отвѣтствовалъ Игорь: «мы, вѣрные твои братья, утвердимъ Владислава на тронѣ.» Игорь, предводительствуя войскомъ, вступилъ въ Польшу. Кровопролитія не было: меньшіе братья Владиславовы,

ѣла Польскія.

стоявшіе въ укрѣпленномъ станѣ за болотомъ, не хотѣли обороняться, и прибѣгнувъ къ суду нашихъ Князей, уступили Владиславу четыре города, а Россіи Визну. Не смотря на то, Игорь возвратился съ добычею и съ плѣнниками. Владиславъ же скоро утратилъ престолъ, заслуживъ ненависть народную гоненіемъ единокровныхъ и несправедливою казнію знаменитаго Вельможи Петра, коему онъ отрѣзалъ языкъ, выкололъ глаза, и такимъ образомъ, по словамъ нашего Лѣтописца, отмстилъ за Россійскаго Князя Володаря, въ 1122 году коварно плѣненнаго симъ Вельможею (286).

Г. 1146.

Владиславъ бѣжалъ къ тестю, въ надеждѣ на его помощь; но Всеволодъ, удостовѣренный тогда въ непріятельскихъ замыслахъ Галицкаго Князя, вы-

Война съ Галицкимъ Княземъ.

ступалъ въ походъ съ дружинами Кіевскою, Черниговскою, Переяславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимірскою, и съ союзными *дикими* Половцами, оставивъ Святослава Ольговича въ столицѣ (287). Успѣхъ не отвѣтствовалъ ни силѣ войска, ни славѣ предводителя. Оно шло съ трудомъ неописаннымъ: ибо дожди согнали снѣгъ прежде времени; конница тонула въ грязи. Всеволодъ осадилъ наконецъ Звенигородъ и сжегъ внѣшнія укрѣпленія, однакожь не могъ овладѣть крѣпостію: ибо тамъ начальствовалъ мужественный Воевода, Иванъ Халдѣевичь, который, узнавъ, что жители въ общемъ совѣтѣ положили сдаться, умертвилъ трехъ главныхъ виновниковъ сего Вѣча, и сбросилъ искаженные трупы ихъ съ городской стѣны.

Мужество Воеводы Звенигородскаго.

Народъ ужаснулся, и страхъ имѣлъ дѣйствіе храбрости: Звенигородцы съ утра до вечера бились какъ отчаянные. Всеволодъ отступилъ и возвратился въ Кіевъ, гдѣ скоро началъ готовиться къ новой войнѣ, свѣдавъ, что Владимірко взялъ Прилуку. Но жестокая болѣзнь исхитила обнаженный мечь изъ руки его. Отвезенный въ Вышегородъ — мѣсто славное тогда чудесами Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба — Великій Князь напрасно ждалъ облегченія; объявилъ Игоря своимъ преемникомъ, велѣлъ народу присягнуть ему въ вѣрности, и послалъ зятя своего, Владислава Польскаго, напомнить Изяславу Мстиславичу данную имъ клятву. Съ такимъ же увѣщаніемъ ѣздилъ Бояринъ, Мирославъ Андреевичь, къ Князьямъ Черниговскимъ, которые, согласно съ Изяславомъ, отвѣтствовали, что они, уступивъ старѣйшинство Игорю, не измѣнятъ совѣсти.

Августа 1. Кончина Всеволода.

Тогда Всеволодъ спокойно закрылъ глаза навѣки (288): Князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобія, отчасти государственными благодѣяніями! Достигнувъ престола Кіевскаго, онъ хотѣлъ устройства и тишины; исполнялъ данное слово, любилъ справедливость и повелѣвалъ съ твердостію; однимъ словомъ, былъ лучшимъ изъ Князей Олегова мятежнаго рода.

71

# ГЛАВА XI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЬ.

---

**Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ.**

г. 1146. Игорь, предавъ землѣ тѣло Всеволода, собралъ Кіевлянъ среди Двора Ярославова, требовалъ вторичнаго обѣта вѣрности, и распустилъ ихъ. Но граждане еще не были довольны, открыли Вѣче и звали Князя (289). Пріѣхалъ одинъ братъ его, Святославъ, и спрашивалъ, чего они желаютъ? «Правосудія,» отвѣтствовалъ народъ: «Тіуны Всеволодовы угнетали слабыхъ: Ратша *опустошилъ* Кіевъ, Тудоръ Вышегородъ. Святославъ! дай клятву за себя и за брата, что вы сами будете намъ судіями, или вмѣсто себя изберете Вельможъ достойнѣйшихъ.» Онъ сошелъ съ коня и цѣлованіемъ креста увѣрилъ гражданъ, что новый Князь исполнитъ всѣ обязанности отца Россіянъ; что хищники не останутся Тіунами; что лучшіе Вельможи заступятъ ихъ мѣсто, и будутъ довольствоваться одною уставленною пошлиною, не обременяя судимыхъ никакими иными налогами. «Мы благодарны,» сказали граждане: «теперь не сомнѣвайтесь въ нашей вѣрности.» То же обѣщалъ ихъ Посламъ самъ Великій Князь Игорь, и думая, что дѣло кончилось, сѣлъ спокойно за обѣдъ; но мятежная чернь устремилась грабить домъ ненавистнаго, богатаго Ратши. Святославъ съ дружиною едва могъ возстановить порядокъ (290).

*Вѣче въ Кіевѣ.*

Такое начало не обѣщало хорошихъ слѣдствій. Игорь же, слушая злыхъ Вельможъ, которые въ народномъ угнетеніи видѣли собственную пользу, не исполнилъ даннаго гражданамъ слова, и хищники остались Тіунами. Тогда Кіевляне, думая, что Государь-клятвопреступникъ уже не есть Государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть Великимъ Княземъ. Любовь къ Мономахову роду не угасла въ ихъ сердцѣ, и сей внукъ его отличался доблестію воинскою. Взявъ въ церкви Св. Михаила благословеніе у Епископа Евфимія, онъ съ вѣрною дружиною выступилъ у Переяславля. На пути встрѣтились ему Послы Черныхъ Клобуковъ и городовъ Кіевской области. «Иди, Князь добрый!» говорили они: «мы всѣ за тебя; не хотимъ Ольговичей. Гдѣ увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ.» Собравъ на берегахъ Днѣпра войско многочисленное, бодрый Изяславъ сталъ посреди онаго и сказалъ: «Друзья и братья! я не спорилъ о старѣйшинствѣ съ достойнымъ Всеволодомъ, моимъ зятемъ, чтивъ его какъ втораго отца. Но Игорь и Святославъ должны ли повелѣвать нами? Богъ разсудитъ меня съ ними. Или паду славно предъ вашими глазами, или сяду на престолѣ моего дѣда и родителя!» Онъ повелъ войско къ Кіеву.

*Измѣна Кіевлянъ.* *Рѣчь Изяслава.*

Уже новый Великій Князь зналъ опасность: ибо Изяславъ, увѣдомленный имъ о восшествіи его на престолъ, не только не отвѣтствовалъ ему ни слова, но удержалъ и Посла неволею въ Переяславлѣ. Игорь требовалъ вспоможенія отъ Князей Черниговскихъ: они торговались; хотѣли многихъ городовъ; наконецъ, удовлетворенные во всемъ, готовились итти къ брату. Ихъ медленность и коварная измѣна знаменитѣйшихъ чиновниковъ погубили его.

*Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей.*

Тысячскій Улѣбъ пользовался довѣренностію Всеволода и былъ утвержденъ Игоремъ въ своемъ важномъ санѣ: также и первый Бояринъ, Іоаннъ Войтишичь, вѣрный слуга Мономаховъ, завоеватель городовъ Дунайскихъ (291). Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердіе Игорю, и въ то же время тайно ссылались съ его врагомъ, совѣтуя ему спѣшить къ Кіеву. Изяславъ приблизился. Ольговичи готовые къ битвѣ, и сынъ Всеволодовъ, Святославъ, стояли внѣ города съ своими дружинами: а Кіевляне особенно, на *могилѣ Олеговой*. Вдругъ открылась измѣна: Игорь увидѣлъ, что хоругвь Изяслава развѣвается въ полкахъ Кіевскихъ; что Тысячскій сего Князя предводительствуетъ ими; что Улѣбъ, Іоаннъ Войтишичь и многіе единомышленники ихъ, повергнувъ свои

*Предательство.* *Августа 13.*

знамена, бѣгутъ подъ Изяславовы; что Берендѣи предъ самыми Златыми вратами грабятъ обозъ Великокняжескій (292). Еще Игорь не терялъ бодрости. «Врагъ нашъ есть клятвопреступникъ: Богъ намъ поможетъ,» говорилъ онъ, и хотѣлъ ударить на Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стѣснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заѣхали ей въ тылъ. Изяславъ напалъ спереди, смялъ непріятеля, разилъ бѣгущихъ — и торжествуя вошелъ въ Кіевъ, гдѣ народъ вмѣстѣ съ Іереями, облаченными въ ризы, проводилъ его въ храмъ Софійскій благодарить Небо за побѣду и престолъ Великокняжескій. — Несчастнаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь; держали нѣсколько дней въ монастырѣ на Выдобичахъ и заключили въ темницѣ Іоанновской Обители, въ Переяславлѣ. Сей Князь, за кратковременное удовольствіе честолюбія наказанный неволею и стыдомъ, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія злосчастныхъ: никто не жалѣлъ объ немъ — кромѣ вѣрнаго брата, Святослава, который съ малою дружиною ушелъ въ Новгородъ Сѣверскій. Племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, хотѣлъ скрыться въ Кіевской Обители Св. Ирины: представленный Изяславу, онъ былъ имъ обласканъ какъ любимый сынъ; но вѣрные слуги отца его, въ особенности же Игоревы, не имѣли причины хвалиться великодушіемъ побѣдителя, дозволившаго народу грабить ихъ домы и села. Съ плѣнныхъ Бояръ взяли окупъ.

Августа 17. Игорь взятъ.

---

# ГЛАВА XII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

## Г. 1146 — 1154.

---

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Нѣжность Святославова въ дружбѣ. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Несправедливость Великаго Князя. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добросердечіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владимірка. Бодрость Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяславова. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Ристаніе въ Кіевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Миролюбіе Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство и вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяславова и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владимірковa. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новогородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ.

Г. 1146. Изяславъ — по словамъ Лѣтописцевъ, *благословенная отрасль добраго корня* — могъ бы обѣщать себѣ и подданнымъ дни счастливые, ибо народъ любилъ его; но Исторія сего времени не представляетъ намъ ничего, кромѣ злодѣйствъ междоусобія. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество, которое оплакивало ихъ побѣды, вредныя для его могущества и гражданскаго образованія.

Утвердивъ миръ съ Половцами — которые всякому новому Государю предлагали тогда союзъ, ибо хотѣли даровъ — Великій Князь оказалъ, можетъ быть, излишнюю строгость въ разсужденіи своего дяди. Обманутый совѣтами Бояръ, и въ надеждѣ на прежнія ласки Изяславовы, на самыя его обѣщанія, миролюбивый Князь Туровскій, Вячеславъ, узнавъ о торжествѣ племянника,

72

вообразилъ себя по старшинству Государемъ Россіи: занялъ города Кіевскіе, и своевольно отдалъ Владиміръ сыну Андрееву, Мономахову внуку [293]. Посланный братомъ, Смоленскій Князь изгналъ Вячеслава; велѣлъ ему княжить только въ Пересопницѣ или Дорогобужѣ Волынскомъ; а Намѣстниковъ его, окованныхъ цѣпями, вмѣстѣ съ Туровскимъ Епископомъ, Іоакимомъ, привелъ въ Кіевъ.

Строгость Великаго Князя.

Назначивъ Турокъ въ Удѣлъ меньшему сыну, именемъ Ярославу, Великій Князь обратилъ вниманіе на Игорева брата. Спасаясь бѣгствомъ отъ побѣдителя, Святославъ хотѣлъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Князей Черниговскихъ, чтобы единодушно дѣйствовать съ ними для освобожденія Игорева. Они дали ему въ томъ клятву; но Святославъ, оставивъ у нихъ своего Боярина и поѣхавъ готовиться къ войнѣ, свѣдалъ отъ него, что сіи коварные братья тайно дружатся съ Великимъ Княземъ, и наконецъ заключили съ нимъ союзъ, предавъ Игоря въ его волю, какъ недостойнаго ни власти, ни свободы. Скоро общіе Послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что онъ можетъ спокойно княжить въ своей области, если уступитъ имъ Новгородъ Сѣверскій и клятвенно откажется отъ брата. Сей добрый, нѣжный родственникъ залился слезами, и сказавъ въ отвѣтъ: «возьмите все, что имѣю; освободите только Игоря,» рѣшился искать покровителя въ сынѣ Мономаховомъ [294].

Коварство Черниговскихъ Князей.

Добродушіе Святослава.

Георгій Владиміровичь Суздальскій видѣлъ съ досадою, что гордый Изяславъ, вопреки древнему уставу, отнявъ старѣйшинство у дядей, сѣлъ на тронѣ Кіевскомъ. Пользуясь симъ расположеніемъ, Святославъ обратился къ Георгію и молилъ его освободить Игоря. «Иди въ Кіевъ,» говорилъ онъ: «спаси несчастнаго, и властвуй въ землѣ Руской. Богъ помогаетъ тому, кто вступается за утѣсненныхъ.» Георгій далъ ему слово, и началъ готовить войско. — Святославъ нашелъ и другихъ защитниковъ въ Ханахъ Половецкихъ, братьяхъ его матери: они съ тремя стами всадниковъ немедленно явились въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, куда прибыли также юный Князь Рязанскій, Владиміръ внукъ Ярославовъ, и Галицкій изгнанникъ, Іоаннъ Ростиславичь *Берладникъ* [295].

Георгій возстаетъ на Изяслава.

Уже Давидовичи, соединясь съ сыномъ Великаго Князя, Мстиславомъ, Вождемъ Переяславской дружины и Берендѣевъ, вступили въ область Сѣверскую и грабили оную, тщетно хотѣвъ взять Новгородъ. Въ надеждѣ усовѣстить ихъ, Духовникъ Святославовъ пріѣхалъ къ нимъ въ станъ и сказалъ именемъ Князя: «Родственники жестокіе! довольны ли вы злодѣйствами, разоривъ мою область, взявъ имѣніе, стада; истребивъ огнемъ хлѣбъ и запасы? желаете ли еще умертвить меня?» Союзники вторично требовали, чтобы онъ навсегда отступился отъ несчастнаго Игоря. «Нѣтъ!» отвѣтствовалъ Святославъ: «пока душа моя въ тѣлѣ, не измѣню единокровному?» Давидовичи заняли село Игорево, гдѣ сей Князь имѣлъ дворецъ и хранилъ свое богатство; нашли вино и медъ въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ; отправили множество возовъ съ добычею, и веселясь разрушеніемъ, сожгли дворецъ, церковь, гумно Княжеское, гдѣ было *девять сотъ* скирдовъ хлѣба.

Богатство Княжеское.

Великій Князь, свѣдавъ о воинскихъ приготовленіяхъ Георгія Владиміровича, велѣлъ другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набѣгами тревожить Суздальскую область; самъ же выступилъ изъ Кіева и соединился съ Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная ихъ вѣроломство, жители не хотѣли договариваться съ ними, но охотно сдались Великому Князю [296]. Тамъ находился собственный домъ Святослава: Князья раздѣлили его имѣніе. Лѣтописецъ сказываетъ, что они нашли въ выходахъ 500 *берковцевъ* меду и 80 *корчагъ* вина; ограбили славную церковь Вознесенія, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварію шитою золотомъ, коваными Евангеліями и книгами. Семь сотъ рабовъ Княжескихъ были также ихъ добычею.

Декабря 25.

Святославъ ожидалъ Георгія: онъ дѣйствительно шелъ къ нему въ помощь; свѣдавъ же о нападеніи Князя Рязанскаго на Суздальскую область, возвратился изъ Козельска. Одинъ сынъ его, Іоаннъ Георгіевичь, пріѣхалъ съ дружескими увѣреніями къ Святославу, который, въ знакъ благодарности, отдалъ ему Курскъ и Посемье, но принужденъ былъ искать убѣжища въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Многочисленная рать Великокняжеская шла къ Новугороду. Старый Вельможа Черниговскаго Князя, бывшій нѣкогда вѣрнымъ слу-

гою Олеговымъ, изъ сожалѣнія тайно увѣдомилъ Святослава о предстоящей ему опасности. «Спасай жену, дѣтей своихъ и супругу Игореву!» говорили его друзья и Бояре (297): «Всѣ запасы твои уже въ рукахъ непріятельскихъ. Удалимся въ *лѣсную* землю Карачевскую: ея дремучіе боры и помощь Георгіева будутъ твоею защитою.» Нѣкоторые Вельможи говорили искренно; другіе хотѣли только избавиться отъ кровопролитія, и сами остались въ Новѣгородѣ, когда Святославъ уѣхалъ въ Карачевъ. За нимъ гнался Изяславъ Давидовичь съ 3000 всадниковъ и Воеводою Кіевскимъ, Шварномъ. Уже бѣгство не могло спасти несчастнаго: надлежало отдаться въ плѣнъ или сразиться. Отчаянный Святославъ съ вѣрною дружи-
г. 1147, Генваря 16. ною и *дикими* Половцами ударилъ на врага; разбилъ его, опустошилъ Карачевъ и немедленно удалился въ сопредѣльную землю Вятичей, которая зависѣла отъ Черниговскихъ Владѣтелей. Великій Князь — напрасно желавъ побѣдою загладить неудачу Изяслава — отдалъ Давидовичамъ всю завоеванную область, кромѣ Курска; исключительно присвоилъ себѣ одно Игорево достояніе и возвратился въ Кіевъ.

Въ сіе время Игорь былъ уже Монахомъ. Изнуренный печалію и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта, когда Великій Князь готовился итти на его брата (298). «Давно, и въ самомъ счастіи, я хотѣлъ посвятить Богу душу мою,» говорилъ Игорь: «нынѣ въ темницѣ и при дверяхъ гроба, могу ли желать инаго?» Изяславъ отвѣтствовалъ ему: «ты свободенъ, но выпускаю тебя единственно ради болѣзни твоей.» Его отнесли въ келью: онъ 7 дней лежалъ какъ мертвый; но постриженный Святителемъ Евфиміемъ, совершенно выздо-
Игорь Схимникъ. ровѣлъ, и въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора принялъ Схиму, которая не спасла его отъ гнѣва Судьбы: скоро увидимъ жалкій конецъ сего несчастнаго Олегова сына.

Князья Черниговскіе выгнали Святослава изъ Брянска, Козельска, Дѣдославля; но слыша, что Георгій прислалъ къ нему 1000 Бѣлозерскихъ латниковъ, отступили къ Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить въ странѣ Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава, и что убійцы будутъ награждены его имѣніемъ! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. Въ числѣ ихъ находился Воевода, Князь Іоаннъ *Берландикъ*: онъ не захотѣлъ болѣе съ нимъ скитаться, взялъ у него за службу 200 гривенъ серебра, 6 фунтовъ золота, и перешелъ къ Смоленскому Князю. Только Владиміръ Рязанскій, и сынъ Георгіевъ, Іоаннъ, усердно дѣлили труды и безпокойства съ Святославомъ, который, имѣвъ несчастіе лишиться послѣдняго, изъявилъ достохвальную чувствительность: видя Іоанна больнаго, забылъ войну и непріяте- Февраля 24.
лей; молился, думалъ единственно объ немъ; столь горестно оплакивалъ кончину сего юноши, что самъ Георгій старался его утѣшить, и приславъ богатые дары, обѣщалъ другимъ сыномъ замѣнить ему умершаго вѣрнаго сподвижника. Чувствительность Святослава. Общая ненависть къ Великому Князю утвердила союзъ между ими: Князь Суздальскій изгналъ Рязанскаго, союзника Изяславова, заставилъ его бѣжать къ Половцамъ, взялъ Торжекъ и плѣнилъ жителей; а Святославъ разорилъ часть Смоленской области, вокругъ Протвы, или землю Голядскую (299).

Довольный зломъ, причиненнымъ Удѣлу Изяславовыхъ братьевъ, Георгій желалъ лично угостить Святослава, коего сынъ, Олегъ, подарилъ ему тогда рѣдкаго красотою парда. Лѣтописецъ хвалитъ искреннее дружество, веселую бесѣду Князей, великолѣпіе обѣденнаго пиршества и щедрость Георгія въ награжденіи Бояръ Святославовыхъ. Между сими Вельможами отличался девяностолѣтній старецъ, именемъ Петръ; онъ служилъ дѣду, отцу Государя своего; уже не могъ сѣсть на коня, но слѣдовалъ за Княземъ, ибо сей Князь былъ несчастливъ. Георгій, непріятель Ростислава Рязанскаго, осыпалъ ласками и дарами его племянника, Владиміра, какъ друга и товарища Святославова (300).

Сіе угощеніе достопамятно: оно происходило въ *Москвѣ*. Къ сожалѣнію, Начало Москвы.
Лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской будетъ со временемъ главою обширнѣйшей Монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году, Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ Лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ (301). Они разсказываютъ, что сей Князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ села зажиточнаго Бояри-



73

на *Кучка*, *Степана Ивановича*, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ; а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владимірѣ, женилъ на прелестной дочери казненнаго Боярина. «Москва есть *третій* Римъ» — говорятъ сіи повѣствователи — «и четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: Москва также на крови основана, и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась Царствомъ знаменитымъ.» Она долгое время именовалась *Кучковымъ*.

Ободренный Святославъ возвратился къ берегамъ Оки. Тамъ соединились съ нимъ Ханы Половецкіе, его дяди, и такъ называемые *Бродники*, о коихъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Сіи люди были Христіане, обитали въ степяхъ Донскихъ среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и, какъ вѣроятно, состояли большею частію изъ бѣглецовъ Русскихъ: они за деньги служили нашимъ Князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ (302). Разоривъ многія селенія въ верховьѣ Угры, въ Смоленской области, Святославъ завоевалъ всю страну Вятичей, отъ Мценска до Сѣверскаго Удѣла, и вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Георгія, шелъ далѣе, когда Послы Давидовичей встрѣтили его и сказали именемъ Князей: «Забудемъ прошедшее. Дай намъ клятву союзника, и возьми свою отчину. Не хотимъ твоего имѣнія.» Успѣхи ли Ольговича склонили ихъ къ миру? или сынъ Всеволодовъ, Святославъ, который, въ замѣну Владиміра получивъ въ Удѣлъ отъ Великаго Князя Бужскъ, Меджибожъ, Котельницу и другіе города, держалъ его сторону, но жалѣлъ о дядѣ и тайно съ нимъ пересылался? Какъ бы то ни было, Черниговскіе Князья, Святославъ Ольговичь и сынъ Всеволодовъ заключили союзъ, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу (303).

Бродники.

Еще Великій Князь не зналъ сего вѣроломства Давидовичей и спокойно занимался въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ церковнымъ. Слѣдуя примѣру Великаго Ярослава, онъ созвалъ шесть Россійскихъ Епископовъ, и велѣлъ имъ безъ всякаго сношенія съ Царемградомъ (гдѣ Духовенство не имѣло тогда Главы) на мѣсто скончавшагося Митрополита, Грека Михаила, поставить Климента, Черноризца, Схимника, знаменитаго не только Ангельскимъ Образомъ, но и рѣдкою мудростію (304). Нѣкоторые Епископы представляли, что благословеніе Патріарха для того необходимо; что нарушить сей древній обрядъ есть уклониться отъ православія Восточной Церкви, и что умершій Святитель Михаилъ обязалъ ихъ всѣхъ грамотою не служить безъ Митрополита въ Софійскомъ храмѣ. Другіе, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславову, согласную съ пользою и честію Государства. Епископъ Смоленскій, Онуфрій, выдумалъ посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владиміромъ изъ Херсона (такъ же, какъ Греческіе Архіереи издревле ставили Патріарховъ рукою Іоанна Крестителя) и симъ торжественнымъ обрядомъ успокоилъ Духовенство. Одинъ Нифонтъ, Святитель Новогородскій, не признавалъ Климента Пастыремъ Церкви; осуждалъ Епископовъ какъ человѣкоугодниковъ, и заслужилъ благоволеніе Николая IV, который, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заступивъ мѣсто изгнаннаго Цареградскаго Патріарха, Козьмы II, написалъ къ Нифонту одобрительную грамоту и сравнивалъ его въ ней съ первыми Святыми Отцами.

Поставленіе Россійскаго Митрополита.

Въ то время, какъ Изяславъ, распустивъ Соборъ и возобновивъ миръ съ Половцами (305), думалъ наслаждаться спокойствіемъ, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святославъ завоевалъ ихъ область; что они желаютъ выгнать его съ помощію Великаго Князя и смирить Георгія, ихъ врага общаго. Изяславъ отпустилъ къ нимъ племянника, Всеволодова сына (306), и скоро, убѣжденный вторичною прозьбою Князей Черниговскихъ, велѣлъ собираться войску, чтобы итти на Святослава и Георгія. «Пойдемъ съ радостію и съ дѣтьми на Ольговича,» говорили ему Кіевляне: «но Георгій твой дядя. Государь! дерзнемъ ли поднять руку на сына *Мономахова?*» Столь народъ любилъ память добродѣтельнаго Владиміра! Изяславъ не хотѣлъ слушать Бояръ, которые сомнѣвались въ вѣрности Князей Черниговскихъ. «Мы дали взаимную клятву быть союзниками,» сказалъ онъ съ твердостію: «иду — и пусть малодушные остаются!» Уже Великій Князь стоялъ на рѣкѣ Супоѣ, поручивъ столицу брату своему, Владиміру. Къ счастію, Бояринъ Кіевскій, Улѣбъ, свѣдалъ въ Черниговѣ тайный заговоръ и

Любовь къ Мономаху.

Измѣна Черниговскихъ Князей.

спѣшилъ увѣдомить Изяслава, что Давидовичи мыслятъ злодѣйски умертвить его или выдать Святославу, находясь въ согласіи съ Георгіемъ. Великій Князь не вѣрилъ тому; но чрезъ Посла требовалъ отъ нихъ новой клятвы въ дружествѣ (307). «Развѣ мы нарушили прежнюю?» говорили они: «Христіанинъ не долженъ призывать всуе имени Божія.» Тогда Посолъ обличилъ ихъ въ гнусномъ злоумышленіи. Безмолвствуя, Давидовичи смотрѣли другъ на друга, выслали Боярина, совѣтовались, и наконецъ, призвавъ его, отвѣтствовали: «Не запираемся; но можемъ ли спокойно видѣть злосчастіе брата своего, Игоря? Онъ Чернецъ, Схимникъ, и все еще въ неволѣ. Изяславъ, самъ имѣя братьевъ, снесъ ли бы ихъ заключеніе? Да возвратитъ свободу Игорю, и мы будемъ искренними друзьями!» Бояринъ Кіевскій напомнилъ имъ безкорыстіе своего Князя, не хотѣвшаго удержать за собою ни Сѣверскаго Новагорода, ни Путивля, и сказавъ: «Богъ да судитъ и сила животворящаго креста да накажетъ клятвопреступниковъ!» бросилъ на столъ *крестныя* или союзныя *грамоты*. Война была объявлена, и гонцы Изяславовы въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новѣгородѣ, обнародовали вѣроломство Князей Черниговскихъ, звали мстителей, воспаляли сердца праведнымъ гнѣвомъ.

Сія вѣсть имѣла въ Кіевѣ слѣдствіе ужасное. Владиміръ Мстиславичь собралъ гражданъ на Вѣче къ Св. Софіи. Митрополитъ, Лазарь Тысячскій и всѣ Бояре тамъ присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно (308): Великій Князь *цѣлуетъ* своего брата, Лазаря и всѣхъ гражданъ Кіевскихъ, а Митрополиту кланяется»..... Народъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ знать вину Посольства. Вѣстникъ говорилъ: «*Такъ вѣщаетъ Изяславъ:* Князья Черниговскіе и сынъ Всеволодовъ, сынъ сестры моей, облаготворенный мною, забывъ святость крестнаго цѣлованія, тайно согласились съ Ольговичемъ и Георгіемъ Суздальскимъ. Они думали лишить меня жизни или свободы; но Богъ сохранилъ вашего Князя. Теперь, братья Кіевляне, исполните обѣтъ свой: идите со мною на враговъ Мономахова роду. Вооружитесь отъ мала до велика. Конные на коняхъ, пѣшіе въ ладіяхъ да спѣшатъ къ Чернигову! Вѣроломные надѣялись, убивъ меня, истребить и васъ.» Всѣ единогласно отвѣтствовали: «идемъ за тебя, и съ дѣтьми!» Но, къ несчастію, сыскался одинъ человѣкъ, который сіе прекрасное народное усердіе омрачилъ мыслію злодѣйства. «Мы рады итти,» говорилъ онъ: «но вспомните, что было нѣкогда при Изяславѣ Ярославичѣ. Пользуясь народнымъ волненіемъ, злые люди освободили Всеслава и возвели на престолъ: дѣды наши за то пострадали. Врагъ Князя и народа, Игорь, не въ темницѣ сидитъ, а живетъ спокойно въ монастырѣ Св. Ѳеодора: умертвимъ его, и тогда пойдемъ наказать Черниговскихъ!» Сія мысль имѣла дѣйствіе вдохновенія. Тысячи голосовъ повторили: «да умретъ Игорь!» Напрасно Князь Владиміръ, устрашенный такимъ намѣреніемъ, говорилъ народу: «Братъ мой не хочетъ убійства. Игорь останется за стражею; а мы пойдемъ къ своему Государю.» Кіевляне твердили: «Знаемъ, что добромъ не возможно раздѣлаться съ племенемъ Олеговымъ.» Митрополитъ, Лазарь и Владиміровъ Тысячскій, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народъ не слушалъ, и толпами устремился къ монастырю. Владиміръ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить неистовыхъ, но встрѣтилъ ихъ уже въ монастырскихъ вратахъ: схвативъ Игоря въ церкви, въ самый часъ Божественной Литургіи, они вели его съ шумомъ и свирѣпымъ воплемъ. «Братъ любезный! куда ведутъ меня?» спросилъ Игорь. Владиміръ старался освободить несчастнаго, закрылъ собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ, которые толкали его, били, — сорвали съ Боярина Владимірова, Михаила, крестъ и златыя цѣпи. Но жертва была обречена: злодѣи вломились въ домъ, безжалостно убили Игоря, и влекли нагаго по улицамъ до самой торговой площади; стали вокругъ, и смотрѣли какъ невинные. Присланные отъ Владиміра Тысячскіе въ глубокой горести сказали гражданамъ: «Воля народная исполнилась: Игорь убитъ! Погребемъ же тѣло его.» Народъ отвѣтствовалъ: «Убійцы не мы, а Давидовичи и сынъ Всеволодовъ. Богъ и Святая Софія защитили нашего Князя!» Трупъ Игоревъ отнесли въ церковь; на другой день облачили въ ризу Схимника и предали землѣ въ монастырѣ Св. Симеона. Игуменъ Ѳеодоровской Обители, Ананія, совершая печальный обрядъ, воскликнулъ къ зрителямъ: «Горе живущимъ

Убіеніе Игоря.

74

нынѣ! горе вѣку суетному и сердцамъ жестокимъ!» Въ то самое время загремѣлъ громъ: народъ изумился, и слезами раскаянія хотѣлъ обезоружить гнѣвное Небо ([309]). — Великій Князь, свѣдавъ о семъ злодѣйствѣ, огорчился въ душѣ своей, и говорилъ Боярамъ, проливая слезы: «Теперь назовутъ меня убійцею Игоря! Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣлъ въ томъ ни малѣйшаго участія, ни дѣломъ, ни словомъ: Онъ разсудитъ насъ въ другой жизни. Кіевляне поступили неистово.» Но боясь строгостію утратить любовь народную, Изяславъ оставилъ виновныхъ безъ наказанія; возвратился въ столицу, и ждалъ рати Смоленской.

Война междоусобная. Война началася. Святославъ Ольговичь, увѣдомленный о жалостной кончинѣ брата, созвалъ дружину, и рыдая въ горести, заклиналъ всѣхъ быть усердными орудіями мести справедливой. Онъ пошелъ къ Курску, гдѣ находился сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, который, чтобы узнать вѣрность жителей, спрашивалъ, готовы ли они сразиться? «Готовы,» отвѣтствовали граждане: «но только не обнажимъ меча на внука Мономахова»: ибо Глѣбъ, сынъ Георгія Владиміровича, былъ съ Святославомъ. Юный Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а Курскъ и города на берегахъ Сейма добровольно поддалися Глѣбу ([310]); другіе оборонялись и не хотѣли измѣнить Государю Кіевскому: напрасно Святославъ и Глѣбъ грозили жителямъ вѣчною неволею и Половцами. Соединясь съ дружиною Черниговскою, сіи Князья взяли приступомъ только одинъ городъ; свѣдавъ же, что Изяславъ идетъ къ Сулѣ, и что рать Смоленская выжгла Любечь, ушли въ Черниговъ, оставленные своими друзьями, Половцами. Великій Князь завоевалъ крѣпкій городъ Всеволожь, обратилъ въ пепелъ Бѣлую Вежу и другія мѣста въ Черниговской области, но безъ успѣха приступалъ къ *Глѣблю* (ибо жители, въ надеждѣ на Святаго защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился въ Кіевъ торжествовать побѣду веселымъ пиромъ, отложивъ дальнѣйшія предпріятія до удобнаго времени. Онъ велѣлъ брату своему, Ростиславу, итти въ Смоленскъ и вмѣстѣ съ Новогородцами тревожить область Суздальскую.

Скоро непріятельскія дѣйствія возобновились. Глѣбъ занялъ Остеръ, и давъ слово Великому Князю ѣхать къ нему въ Кіевъ для свиданія, хотѣлъ нечаянно взять Переяславль; но былъ отраженъ ([311]). Въ то же время Черниговцы, дружина Святославова и Половцы, ихъ союзники, опустошили Брагинъ. Изяславъ, осадивъ Глѣба въ Городцѣ или Остерѣ, принудилъ его смириться, и сталъ близъ Чернигова на *Олеговомъ полѣ*, предлагая врагамъ своимъ битву. Они не смѣ- Г. 1148.
ли, ибо видѣли рать многочисленную. Великій Князь пошелъ къ Любечу, гдѣ находились ихъ запасы. Давидовичи, Святославъ и сынъ Всеволодовъ, соединясь съ Князьями Рязанскими, рѣшились наконецъ ему противоборствовать. Уже стрѣлки начали дѣло; но сильный, необыкновенный зимою дождь развелъ непріятелей. Рѣка, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Днѣпръ тронулся: Изяславъ едва успѣлъ перейти на другую сторону; а Венгры, служившіе ему какъ союзники, обломились на льду.

Тогда Святославъ и Князья Черниговскіе отправили Посольство къ Георгію. «Мы воюемъ» — говорили они — «а ты въ бездѣйствіи. Непріятель обратилъ въ пепелъ наши города за Десною и села въ окрестностяхъ Днѣпра, а помощи отъ тебя не видимъ. Исполни обѣтъ, утвержденный цѣлованіемъ креста: иди съ нами на Изяслава, или мы прибѣгнемъ къ великодушію врага сильнаго.» Георгій все еще медлилъ ([312]). (Медленность Георгія.) Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростиславъ, старшій сынъ Георгіевъ, посланный отцемъ дѣйствовать за-одно съ Князьями Черниговскими, гнушался ихъ вѣроломствомъ, и сказавъ дружинѣ: «пусть гнѣвается родитель, но злодѣи Мономаховой крови не будутъ мнѣ союзниками,» пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ встрѣтилъ его дружелюбно, угостилъ, осыпалъ дарами. Сей юноша, не имѣя въ Суздальской землѣ никакого Удѣла, предложилъ свои ревностныя услуги Великому Князю, какъ старшему изъ внуковъ Мономаховыхъ. Изяславъ отвѣтствовалъ: «Всѣхъ насъ старѣе отецъ твой; но онъ не умѣетъ жить съ нами въ дружбѣ, а я хочу быть для всѣхъ моихъ братьевъ нѣжнымъ родственникомъ. Георгій не даетъ тебѣ городовъ: возьми ихъ у меня.» Онъ далъ ему бывшій Удѣлъ своего неблагодарнаго племянника, Святослава Всеволодовича ([313]), вмѣстѣ съ Городцемъ Остерскимъ, выславъ оттуда коварнаго Глѣба. «Спѣши къ друзьямъ» — сказалъ ему Ве-

ликій Князь — «и требуй отъ нихъ Удѣла:» ибо Глѣбъ, смирясь невольно, оставался единомышленникомъ непріятелей Изяславовыхъ и вторично хотѣлъ-было завладѣть Переяславлемъ. Думая, что искренній, чувствительный Ростиславъ можетъ примирить отца съ Великимъ Княземъ, и страшася быть жертвою ихъ союза, Давидовичи изъявили ему желаніе прекратить войну, говоря благоразумно: «*Миръ стоитъ до рати, а рать до мира:* такъ слыхали мы отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ. Не вини насъ, хотѣвшихъ войною освободить брата. Но Игорь уже въ могилѣ, гдѣ и всѣ будемъ. Богъ да судитъ прочее; а намъ не должно губить отечества.» Изяславъ хотѣлъ знать мысли брата. Смоленскій Князь отвѣтствовалъ: «Я Христіанинъ и люблю Русскую землю: не хочу кровопролитія; но если Давидовичи и Святославъ не престанутъ злобиться на тебя за Игоря, то лучше явно воевать — и будетъ, что угодно Богу.» Тогда Великій Князь отправилъ Послами въ Черниговъ Бѣлогородскаго Епископа Ѳеодора, Печерскаго Игумена Ѳеодосія и Бояръ, которые заключили торжественный миръ. Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и племянникъ его, сынъ Всеволодовъ, въ Соборномъ храмѣ цѣловали крестъ, давъ клятву оставить злобу и «блюсти Русскую землю за-одно съ Изяславомъ.» Скоро Великій Князь позвалъ ихъ на совѣтъ въ Городецъ: Святославъ и племянникъ его отказались отъ свиданія; но Давидовичи, отвѣтствуя за вѣрность того и другаго, условились тамъ съ Изяславомъ дѣйствовать противъ Георгія Суздальскаго, который отнималъ дани у Новогородцевъ и безпокоилъ ихъ границы. Союзники вмѣстѣ пировали и разъѣхались, отложивъ войну до зимы: ибо рѣки, топи, болота затрудняли путь лѣтомъ, и медленность страшила Полководцевъ болѣе, нежели морозы, снѣга и мятели. — Черниговцы долженствовали итти къ Ростову и встрѣтить Великаго Князя на берегахъ Волги.

Георгій, желая казаться великодушнымъ защитникомъ утѣсненныхъ Ольговичей, въ самомъ дѣлѣ мыслилъ только о себѣ, и ненавидѣлъ Изяслава единственно какъ похитителя достоинства Великокняжескаго; не могъ также простить и Новогородцамъ безчестное изгнаніе своего сына, Ростислава. Князь ихъ, Святополкъ, хотѣвъ въ 1147 году отмстить Суздальскому за взятіе Торжка, возвратился съ дороги отъ распутья, и жители сего опустошеннаго города еще томились въ неволѣ. Епископъ Нифонтъ, другъ народнаго благоденствія, ѣздилъ въ Суздаль; былъ принятъ съ отмѣннымъ уваженіемъ, святилъ тамъ храмы, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, но не могъ склонить Георгія къ миру (314).

Оставивъ Владиміра въ столицѣ, сына своего въ Переяславлѣ, а Ростислава Георгіевича пославъ въ Бужскъ, чтобы охранять тамошнія границы и спокойно ждать конца войны, Великій Князь отправился въ Смоленскъ къ брату, веселился съ нимъ, праздновалъ, мѣнялся дарами и расположилъ военныя дѣйствія (315). Онъ поручилъ всю рать Смоленскому Князю, велѣлъ ему итти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдицы, и пріѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ начальствовалъ уже не братъ его, а сынъ, Ярославъ: ибо Святополкъ, утративъ любовь народную, былъ переведенъ Изяславомъ въ область Владимірскую. Граждане давно не видали у себя Великихъ Князей, и встрѣтили внука Мономахова съ живѣйшею радостію. Многочисленныя толпы провождали его до городскихъ воротъ, гдѣ стояли всѣ Бояре съ юнымъ Княземъ. Отслушавъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ, Изяславъ далъ пиръ народу. Бирючи или Герольды ходили по улицамъ и звали гражданъ обѣдать съ Княземъ. Такъ называемое *Городище*, донынѣ извѣстное, было мѣстомъ сего истинно великолѣпнаго пиршества: Государь веселился съ народомъ, какъ добрый отецъ среди любезнаго ему семейства. На другой день ударили въ Вѣчевый колоколъ, и граждане спѣшили на Дворъ Ярославовъ: тамъ Великій Князь, въ собраніи Новогородцевъ и Псковитянъ, произнесъ краткую, но сильную рѣчь. «Братья!» сказалъ онъ: «Князь Суздальскій оскорбляетъ Новгородъ. Оставивъ столицу Русскую, я прибылъ защитить васъ (316). Хотите ли войны? мечь въ рукѣ моей. Хотите ли мира? вступимъ въ переговоры.» *Войны! войны!* отвѣтствовалъ народъ: «ты нашъ Владиміръ, ты Мстиславъ! пойдемъ съ тобою всѣ, отъ стараго до младенца.» Ратники надѣли шлемы. Псковитяне, Корелы собрали также войско, и Великій Князь на устьѣ Медвѣдицы соединился съ братомъ своимъ Ростиславомъ. Напрасно ждали они возвращенія Посла, отправленнаго ими къ дядѣ еще изъ Смоленска: Георгій задержалъ его и не хотѣлъ отвѣт-

Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ.

Рѣчь Изяслава.

ствовать на ихъ жалобы. Напрасно ждали и Князей Черниговскихъ, которые остановились въ землѣ Вятичей и хотѣли прежде видѣть, кому счастіе войны будетъ благопріятствовать. Мстиславичи вступили въ область Суздальскую: села и города запылали на берегахъ Волги до *Углича* и Мологи; жители спасались бѣгствомъ. Новогородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась безъ сраженія: ибо весна уже наступала, рѣки покрывались водою и кони худо служили всадникамъ. Изяславъ, проводивъ Новогородцевъ, весновалъ въ Смоленскѣ и благополучно возвратился въ столицу, къ искренней радости народа. Семь тысячь плѣнниковъ свидѣтельствовали его побѣду.

г. 1149. Опустошеніе земли Суздальской.

Скоро Великій Князь испыталъ превратность счастія, и могъ приписать оную собственной несправедливости. Ростиславъ Георгіевичь былъ ему истиннымъ другомъ; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, въ его отсутствіе, старался обольстить Днѣпровскихъ Берендѣевъ и самыхъ Кіевлянъ, хотѣлъ завладѣть столицею и подобно отцу ненавидитъ родъ Мстислава (317). Люди, склонные къ чистосердечной довѣренности, легко вѣрятъ и злословію: Великій Князь, упрекая Ростислава неблагодарностію, отнялъ у него все имѣніе, оружіе, коней; заключилъ въ цѣпи дружину, и самаго отправилъ съ тремя человѣками въ лодкѣ къ отцу, не давъ ему суда и не хотѣвъ слушать оправданій. Георгій оскорбился безчестіемъ сына гораздо болѣе, нежели опустошеніемъ Суздальской области. «Такъ платитъ Изяславъ неосторожному юношѣ за безразсудную любовь и дружбу!» говорилъ онъ: «жестокій племянникъ совершенно отчуждаетъ меня и дѣтей моихъ отъ *земли Русской*» (симъ именемъ преимущественно означалась тогда *Россія южная*). Георгій наконецъ выступилъ, соединясь съ Половцами. Святославъ Ольговичь, видя безпрестанно въ мысляхъ своихъ окровавленную тѣнь брата и считая Великаго Князя убійцею, обрадовался случаю мести: миръ, клятвенно утвержденный въ Черниговскомъ храмѣ, и брачный союзъ юной его дочери съ сыномъ Князя Смоленскаго не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священнымъ долгомъ. Но Давидовичи рѣшительно отказались отъ дружбы Георгія, отвѣтствуя: «ты не спасъ городовъ нашихъ; нынѣ, заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хотимъ нарушить онаго, и *не можемъ играть душею* (318).» Усердно помогая Великому Князю, они вмѣстѣ съ нимъ убѣждали Святослава быть его другомъ, согласно съ данною ими клятвою. «Буду (сказалъ Ольговичь) «когда Изяславъ возвратитъ мнѣ все имѣніе моего брата.» Увѣренный, что Георгій дѣйствительно намѣренъ итти къ Кіеву, Святославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу близъ Обояна; также и сынъ Всеволодовъ, единственно въ угодность дядѣ. Георгій долго стоялъ у Бѣлой Вежи, надѣясь однимъ страхомъ побѣдить Великаго Князя. Но Изяславъ, собравъ вѣрныхъ братьевъ, готовился къ битвѣ. «Я отдалъ бы ему (говорилъ онъ) любую область, если бы Георгій пришелъ одинъ съ дѣтьми своими; но съ нимъ варвары Половцы и враги мои, Ольговичи.» Кіевляне хотѣли мира: «заключимъ его (сказалъ Изяславъ), но имѣя въ рукахъ оружіе.» Георгій осадилъ Переяславль: тамъ находились Владиміръ и Святополкъ Мстиславичи. Великій Князь спѣшилъ защитить городъ и вошелъ въ него; а Георгій, желая оказать умѣренность, послалъ къ нему Боярина съ такими словами: «Чтобы отвратить несчастное кровопролитіе, забываю обиды, разореніе моихъ областей и старѣйшинство, коего ты лишилъ меня несправедливо. *Царствуй* въ Кіевѣ: отдай мнѣ только Переяславль, да господствуетъ въ немъ сынъ мой!» Гордый Изяславъ велѣлъ задержать Посла; отслушалъ Литургію у Св. Михаила, и готовясь обнажить мечь, требовалъ благословенія отъ Епископа Евфимія (319). Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолялъ его примириться. «Нѣтъ!» сказалъ Князь: «*я добылъ Кіева и Переяславля головою:* могу ли отдать ихъ?» Умные Бояре совѣтовали ему хотя помедлить, думая, что Георгій безъ сраженія удалится, съ однимъ стыдомъ неудачи. Но Изяславъ, слѣдуя мнѣнію другихъ и порыву собственнаго, нетерпѣливаго мужества, расположилъ войско противъ непріятеля. Уже солнце спускалось къ Западу, и въ Переяславлѣ благовѣстили къ Вечернѣ: Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась; одни стрѣлки были въ дѣйствіи. Георгій началъ отступать: тогда Изяславъ, какъ бы пробужденный отъ глубокаго сна, быстро устремился впередъ, вообразивъ, что непріятель бѣжитъ. Затрубили въ воинскія трубы; солнце закатилось, и шумъ битвы раздался. Она

Несправедливость Великаго Князя.

Августа 23. Битва у Переяславля. была кровопролитна и несчастлива для Великаго Князя. Берендѣи обратили тылъ; за ними Изяславъ Давидовичь съ дружиною Черниговскою; за ними Кіевляне; а Переяславцы измѣнили, взявъ сторону Георгія. Изяславъ пробился сквозь полкъ Ольговича и Суздальскій, прискакалъ самъ-третей въ Кіевъ, и собравъ жителей, спрашивалъ, могутъ ли они выдержать осаду? Граждане въ уныніи отвѣтствовали ему и Ростиславу Смоленскому: «Отцы, сыновья и братья наши лежатъ на полѣ битвы; другіе въ плѣну или безъ оружія. Государи добрые! не подвергайте столицы расхищенію; удалитесь на время въ свои частныя области. Вы знаете, что мы не уживемся съ Георгіемъ: когда увидимъ ваши знамена, то всѣ единодушно на него возстанемъ.» Великій Князь, взявъ супругу, дѣтей, Митрополита Климента, Бѣгство Изяслава. поѣхалъ въ Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ (320). Георгій вошелъ въ Переяславль, черезъ 3 дни въ Кіевъ, и дружелюбно пригласивъ туда Владиміра Черниговскаго, въ общемъ Княжескомъ совѣтѣ распорядилъ Удѣлы: отдалъ Святославу Ольговичу Курскъ, Посемье, Сновскую область, Слуцкъ и всю землю Дреговичей, бывшую въ зависимости отъ Великаго Княженія: сыновьямъ же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Васильку Суздаль. Знаменитый Епископъ Нифонтъ находился тогда въ Кіевѣ: призванный Изяславомъ, онъ все еще не хотѣлъ покориться Митрополиту Клименту; называлъ его не Пастыремъ Церкви, а *волкомъ*, и заключенный въ монастырѣ Печерскомъ, великодушно сносилъ гоненіе. Георгій возвратилъ ему свободу, и съ честію отпустивъ къ Новогородцамъ сего любезнаго имъ Епископа, надѣялся тѣмъ преклонить къ себѣ сердца ихъ, хотя въ тоже самое время Воевода Іоаннъ Берладникъ, оставивъ Смоленскаго Князя и вступивъ въ Георгіеву службу, нападалъ на чиновниковъ Новогородскихъ, собиравшихъ дань въ уѣздахъ (321).

Изгнанный Великій Князь обратился къ старшему дядѣ, Вячеславу, имъ оскорбленному; льстилъ ему именемъ втораго отца, предлагалъ господствовать въ Кіевѣ. Но Вячеславъ держалъ сторону Георгія, не вѣря ласкамъ, не боясь угрозъ Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. племянника, который нашелъ союзниковъ въ Венгерскомъ Королѣ Гейзѣ, Владиславѣ Богемскомъ и въ Ляхахъ. Первый не задолго до того времени женился на его меньшей сестрѣ, Евфросиніи — такъ она называется въ Буллѣ Папы, Иннокентія IV — и далъ шурину 10,000 всадниковъ (322). Лѣтописецъ сказываетъ, что Государи Богемскій и Польскій, *сваты* Изяславовы, сами привели къ нему войско, и что Болеславъ Кудрявый, вмѣстѣ съ братомъ Генрикомъ угощенный роскошнымъ обѣдомъ въ Владимірѣ, *опоясалъ мечемъ* многихъ Сыновей Боярскихъ. Но сіи иноземные союзники, узнавъ, что Георгій соединился съ Вячеславомъ въ Пересопницѣ, и что мужественный Владимірко Галицкій идетъ къ нему въ помощь, не захотѣли битвы, остановились у Чемерина и совѣтовали Изяславу примириться съ дядею (323). Они, какъ посредники между ими, вступили въ переговоры, увѣряя, что равно доброхотствуютъ той и другой сторонѣ. «Вѣрю и благодарю васъ,» отвѣтствовалъ Георгій: «идите же домой и не тяготите земли нашей; тогда я готовъ удовлетворить требованіямъ моего племянника.» Союзники вышли весьма охотно изъ Россіи; но хитрый Георгій, удаливъ ихъ, отвергнулъ мирныя предложенія, которыя состояли въ томъ, чтобы онъ, господствуя въ столицѣ Кіевской или уступивъ оную старшему брату, клятвенно утвердилъ за Изяславомъ область Владимірскую, Луцкую и Великій Новгородъ со всѣми данями. Князь Суздальскій надѣялся отнять у племянника всѣ владѣнія, а гордый Изяславъ предпочиталъ гибель миру постыдному.

Непріятельскія дѣйствія начались въ Г. 1150. Волыніи осадою Луцка, славною для сы- Мужество на Георгіева Андрея, ибо онъ имѣлъ слу- Андрея. чай оказать рѣдкое мужество. Въ одну ночь, оставленный союзными Половцами — которые съ Воеводою своимъ, Жирославомъ, бѣжали отъ пустой тревоги (324) — сей Князь презрѣлъ общій страхъ, устыдилъ дружину и хотѣлъ лучше умереть, нежели сойти съ мѣста. Видя же подъ стѣнами Луцка знамена отца своего (пришедшаго къ городу съ другой стороны) и сильную вылазку оса- Февраля 6. жденныхъ, Андрей устремился въ битву, гналъ непріятелей, и былъ на мосту окруженъ ими. Его братья, Ростиславъ, Борисъ, остались далеко, ничего не зная: ибо пылкій Андрей не велѣлъ распустить своей хоругви, не вспомнилъ сего обряда воинскаго и не приготовилъ ихъ къ сраженію. Только два воина могли слѣдовать за Княземъ: одинъ пожертвовалъ ему жизнію. Камни сыпались съ городскихъ

76

стѣнъ; уязвленный конь Андреевъ исходилъ кровію; острая рогатина прошла сквозь луку сѣдельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадѣду; изломивъ копье, вынулъ мечь; призвалъ имя Св. Ѳеодора (ибо въ сей день торжествовали его память), сразилъ Нѣмца, готоваго пронзить ему грудь, и благополучно возвратился къ отцу. Георгій, дядя Вячеславъ, Бояре, витязи, съ радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынесъ господина изъ опасности и палъ мертвый: благодарный Андрей соорудилъ ему памятникъ надъ рѣкою Стыремъ.

Памятникъ коню.

Братъ Изяславовъ, Владиміръ, начальствовалъ въ Луцкѣ. Три недѣли продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды въ Стырѣ, и Великій Князь хотѣлъ отважиться на битву для спасенія города. Тутъ Владимірко Галицкій оказалъ человѣколюбіе: сталъ между непріятелями, чтобы не допустить ихъ до кровопролитія, и взялъ на себя быть ходатаемъ мира. Юрій Ярославичь, внукъ бывшаго Великаго Князя, Святополка-Михаила (325), и Ростиславъ, сынъ Георгіевъ, мѣшали оному; но Владимірко, кроткій Вячеславъ и всѣхъ болѣе добродушный Андрей склонили Георгія прекратить несчастную вражду. Весною заключили миръ: Изяславъ призналъ себя *виновнымъ*, то есть, *слабѣйшимъ*; съѣхался съ дядями въ Пересопницѣ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ. Согласились, чтобы племянникъ княжилъ спокойно въ области Владимірской и пользовался данями Новогородскими; обязались также возвратить другъ другу всякое движимое имѣніе, отнятое въ теченіе войны. Изяславъ сложилъ съ себя достоинство Великаго Князя; а Георгій, желая казаться справедливымъ, уступилъ Кіевъ брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были слѣдствіемъ мира: одна дочь Георгіева, именемъ Ольга, вышла за Ярослава Владимірковича Галицкаго, а другая за Олега сына Святославова (326).

Миръ.

Всѣ казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгія. Въ угодность ему, какъ вѣроятно, Бояре его представили, что тихій, слабый Вячеславъ не удержитъ за собою Россійской столицы: Георгій, согласный съ ними, послалъ брата княжить въ Вышегородъ, на мѣсто своего сына Андрея. Сверхъ того, будучи корыстолюбивъ, онъ не исполнилъ условій, и не возвратилъ Изяславу воинской добычи. Племянникъ жаловался: не получивъ удовлетворенія, занялъ Луцкъ, Пересопницу, гдѣ находился Глѣбъ Георгіевичь. Давъ ему свободу, Изяславъ сказалъ: «У меня нѣтъ вражды съ вами, братья-ми; но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который не любитъ ни правды, ни ближнихъ.» Увѣренный въ доброхотствѣ Кіевлянъ, онъ съ малочисленною дружиною пришелъ къ берегамъ Днѣпра и соединился съ Берендѣями; а Князь Суздальскій, изумленный нечаянною опасностію, бѣжалъ въ Городецъ (327).

Коварство Георгія.

Новая вражда.

Надѣясь воспользоваться симъ случаемъ, слабодушный Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и расположился во дворцѣ. Но граждане стремились толпами на встрѣчу къ Изяславу. «Ты нашъ Государь!» восклицали они: «не желаемъ ни Георгія, ни брата его!» Великій Князь послалъ объявить дядѣ, чтобы онъ, не хотѣвъ добровольно принять отъ него чести старѣйшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства перемѣнились. «Убей меня здѣсь,» отвѣтствовалъ Вячеславъ: «а живаго не изгонишь.» Сія минутная твердость была безполезна. Провождаемый множествомъ народа изъ Софійской церкви, Изяславъ въѣхалъ на Дворъ Ярославовъ, гдѣ дядя его сидѣлъ въ сѣняхъ. Бояре совѣтовали Великому Князю употребить насиліе, нѣкоторые вызывались даже подрубить сѣни. «Нѣтъ!» сказалъ онъ: «я не убійца моихъ ближнихъ: люблю дядю, и пойду къ нему самъ.» Князья обнялися дружелюбно. «Видишь ли мятежъ народа?» говорилъ племянникъ: «дай миновать общему волненію, и для собственной безопасности иди въ Вышегородъ. Будь увѣренъ, что я не забуду тебя.» Вячеславъ удалился.

Торжество Великаго Князя было не долговременно. Сынъ его, Мстиславъ, хотѣлъ взять Переяславль: тамъ княжилъ Ростиславъ Георгіевичь, который вмѣстѣ съ Андреемъ рѣшился мужественною обороною загладить постыдное бѣгство отца, привелъ въ городъ Днѣпровскихъ кочующихъ Торковъ, готовыхъ соединиться съ Кіевлянами, и ждалъ врага неустрашимо. Великій Князь не имѣлъ времени заняться сею осадою: свѣдавъ о приближеніи Владимірка Галицкаго, друга Георгіева, также о соединеніи Давидовичей съ Кня-

земъ Суздальскимъ, онъ поѣхалъ къ Вячеславу и вторично предложилъ ему сѣсть на тронъ Мономаховъ. «Для чего же ты выгналъ меня съ безчестіемъ изъ Кіева?» возразилъ дядя: «теперь отдаешь его мнѣ, когда сильные враги готовы изгнать тебя самаго.» Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнялъ его съ нѣжностію, и заключивъ съ нимъ искреннiй союзъ надъ гробомъ Святыхъ Бориса и Глѣба, отдалъ ему всю дружину свою, знаменитую мужествомъ, чтобы отразить Владимірка. Изяславъ при звукѣ трубъ воинскихъ бодро выступилъ изъ столицы ([328]); но счастіе опять измѣнило его храбрости. Еще дружина Вячеславова не успѣла къ нему присоединиться: Берендѣи же и Кіевляне, встрѣтивъ Галичанъ на берегахъ Стугны, ужаснулись ихъ силы, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, разсѣялись. Онъ удерживалъ бѣгущихъ; хотѣлъ умереть на мѣстѣ; молилъ, заклиналъ робкихъ; наконецъ, видя вокругъ себя малочисленныхъ Венгровъ и Поляковъ, сказалъ дружинѣ съ горестію: «одни ли чужеземцы будутъ моими защитниками?» и самъ поворотилъ коня. Непріятель слѣдовалъ за нимъ осторожно, боясь хитрости. Великій Князь нашелъ въ Кіевѣ Вячеслава, и еще не успѣлъ отобѣдать съ нимъ во дворцѣ, когда имъ сказали, что Георгій на берегу Днѣпра, и что Кіевляне перевозятъ его войско въ своихъ лодкахъ. Исполняя совѣтъ племянника, Вячеславъ уѣхалъ въ Вышегородъ, а Великій Князь со всею дружиною въ область Владимірскую, занявъ крѣпости на берегахъ Горыни ([329]).

*Добродушіе Вячеслава.*

*Побѣда Владимірка.*

Георгій и Князь Галицкій сошлися подъ стѣнами Кіева: съ первымъ находились Святославъ, племянникъ его (сынъ Всеволодовъ) и Давидовичи. Напрасно хотѣвъ догнать Изяслава, они вступили въ городъ, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимірку. Сей Князь и Георгій торжествовали побѣду въ монастырѣ Печерскомъ: новые дружественные обѣты утвердили союзъ между ними. Владимірко выгналъ еще Изяславова сына изъ Дорогобужа, взялъ нѣсколько городовъ Волынскихъ, отдалъ ихъ Мстиславу Георгіевичу, съ нимъ бывшему, но не могъ взять Луцка, и возвратился въ землю Галицкую, довольный своимъ походомъ, который доставилъ ему случай видѣть славные храмы Кіевскіе и гробъ Святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба ([330]).

Георгій, боясь новыхъ предпріятій Изяславовыхъ, поручилъ Волынскую область свою надежнѣйшему изъ сыновей, храброму Андрею. Сей Князь болѣе и болѣе заслуживалъ тогда общее уваженіе: онъ смирилъ Половцевъ, которые, называясь союзниками отца его, грабили въ окрестностяхъ Переяславля и не хотѣли слушать Пословъ Георгія; но удалились, какъ скоро Андрей велѣлъ имъ оставить Россіянъ въ покоѣ ([331]). Укрѣпивъ Пересопницу, онъ взялъ такія мѣры для безопасности всѣхъ городовъ, что Изяславъ раздумалъ воевать съ нимъ, и въ надеждѣ на его добродушіе предложилъ ему міръ. «Отказываюсь отъ Кіева (говорилъ Великій Князь), если отецъ твой уступитъ мнѣ всю Волынію. Венгры и Ляхи не братья мои: земля ихъ мнѣ не отечество. Желаю остаться Русскимъ и владѣть достояніемъ нашихъ предковъ.» Андрей вторично старался обезоружить родителя: но Георгій отвергнулъ мирныя предложенія, и заставилъ Изяслава снова обратиться къ иноземнымъ союзникамъ.

*Бодрость Андреева.*

Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, поѣхалъ въ Венгрію, и склонилъ Короля объявить войну опаснѣйшему изъ непріятелей Изяславовыхъ, Владимірку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общій врагъ Державъ сосѣдственныхъ. Въ глубокую осень, чрезъ горы Карпатскія, Гейза вошелъ въ Галицію, завоевалъ Санокъ, думалъ осадить Перемышль. Желая безъ кровопролитія избавиться отъ врага сильнаго, хитрый Владимірко купилъ золотомъ дружбу Венгерскаго Архіепископа, именемъ Кукниша, и знатнѣйшихъ чиновниковъ Гейзиныхъ, которые убѣдили своего легковѣрнаго Монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы съ Великимъ Княземъ еще болѣе утвердилась: Владиміръ Мстиславичь женился на дочери Бана, родственника Королевскаго, и вторично посланный братомъ въ Венгрію, привелъ къ нему 10,000 отборныхъ воиновъ ([332]). Тогда Изяславъ, нетерпѣливо ожидаемый Кіевлянами, Берендѣями и преданною ему дружиною Вячеслава, смѣло выступилъ въ поле, миновалъ Пересопницу, и зная, что за нимъ идутъ полки Владимірковы, спѣшилъ къ столицѣ Великаго Княженія. Бояре говорили ему: «у насъ впереди непріятель, за

*Хитрость Владимірка.*

*г. 1151.*

Твердость Изяслава. нами другой.» Князь отвѣтствовалъ: «Не время страшиться. Вы оставили для меня домы и села Кіевскія; я лишенъ родительскаго престола: умру или возьму свое и ваше. Достигнетъ ли насъ Владимірко, сразимся; встрѣтимъ ли Георгія, также сразимся. Иду на судъ Божій.»

Граждане Дорогобужа встрѣтили Изяслава со крестами, но боялись Венгровъ. «Будьте покойны,» сказалъ Великій Князь: «я предводительствую ими. Не вы, люди моего отца и дѣда, а только одни враги мои должны ихъ ужасаться.» Другіе города изъявляли ему такую же покорность. Онъ нигдѣ не медлилъ; но войско его едва оставило за собою рѣку Ушъ, когда легкій отрядъ Галицкаго показался на другой сторонѣ. Самъ Владимірко, вмѣстѣ съ Андреемъ Георгіевичемъ, стоялъ за лѣсомъ, въ ожиданіи своей главной рати. Началась перестрѣлка. Великій Князь хотѣлъ ударить на малочисленныхъ непріятелей: Бояре ему отсовѣтовали. «Рѣка и лѣсъ передъ нами,» говорили они: «пользуясь ими, Владимірко можетъ долго сопротивляться; задніе полки его приспѣютъ къ битвѣ. Лучше не тратить времени, итти впередъ и соединиться съ усердными Кіевлянами, ждущими тебя на берегахъ Тетерева.» Воинская хитрость. Изяславъ велѣлъ ночью разложить большіе огни, и тѣмъ обманувъ непріятеля, удалился; шелъ день и ночь, отрядилъ Владиміра Мстиславича къ Бѣлугороду, и надѣялся взять его незапно. Такъ и случилось. Борисъ Георгіевичь, пируя въ Бѣлогородскомъ дворцѣ своемъ съ дружиною и съ Попами, вдругъ услышалъ громкій кликъ и воинскія трубы: свѣдалъ, что полки Изяславовы уже входятъ въ городъ, и бѣжалъ къ отцу, не менѣе сына безпечному. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Георгій жилъ спокойно въ Кіевѣ, ничего не зная: приведенный въ ужасъ столь нечаянною вѣстію, онъ бросился въ лодку и уѣхалъ въ Остеръ; а Великій Князь, оставивъ въ Бѣлегородѣ Владиміра Мстиславича для удержанія Галичанъ, вошелъ въ столицу, славимый, ласкаемый народомъ, какъ отецъ дѣтьми. Многіе Бояре Суздальскіе были взяты въ плѣнъ. Великій Князь, изъявивъ въ Софійскомъ храмѣ благодарность Небу, угостилъ обѣдомъ усердныхъ Венгровъ и своихъ друзей Кіевскихъ: а друзьями его были всѣ добрые граждане. За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры: ликуя среди обширнаго двора Ярославова, народъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ Венгерскихъ всадниковъ (333). Ристаніе въ Кіевѣ.

Еще Кіевляне опасались Владимірка; но изумленный бѣгствомъ Георгія, онъ сказалъ Андрею, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ: «Сватъ мой есть примѣръ безпечности; господствуетъ въ Россіи, и не знаетъ, что въ ней дѣлается; одинъ сынъ въ Пересопницѣ, другой въ Бѣлегородѣ, и не даютъ отцу вѣсти о движеніяхъ врага! Когда вы такъ правите землею, я вамъ не товарищъ. Мнѣ ли одному ратоборствовать съ Изяславомъ, теперь уже сильнымъ? Иду въ область свою.» И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всѣхъ городовъ Волынскихъ. Обитатели, угрожаемые плѣномъ, сносили ему серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей съ печальнымъ сердцемъ пріѣхалъ къ отцу въ Городецъ Остерскій (334).

Утвердясь въ столицѣ, Великій Князь призвалъ дядю своего, Вячеслава, изъ Вышегорода. Справедливость Великаго Князя. «Богъ взялъ моего родителя,» говорилъ онъ: «будь мнѣ вторымъ отцемъ. Два раза я могъ посадить тебя на престолѣ, и не сдѣлалъ того, ослѣпленный властолюбіемъ. Прости вину мою, да буду спокоенъ въ совѣсти. Кіевъ твой: господствуй въ немъ подобно отцу и дѣду.» Добрый Вячеславъ, тронутый симъ великодушіемъ, съ чувствительностію отвѣтствовалъ: «Ты исполнилъ наконецъ долгъ собственной чести своей. Признательность Вячеслава. Не имѣя дѣтей, признаю тебя сыномъ и братомъ. Я старъ; не могу одинъ править землею: будь моимъ товарищемъ въ дѣлахъ войны и мира; соединимъ наши полки и дружину. Иди съ ними на враговъ, когда не въ силахъ буду дѣлить съ тобою опасностей (335)!» Они цѣловали крестъ въ Софійскомъ храмѣ; клялися быть неразлучными во благоденствіи и злосчастіи. Старецъ, по древнему обыкновенію, далъ пиръ Кіевлянамъ и добрымъ союзникамъ, Венграмъ. Одаривъ послѣднихъ конями, сосудами драгоцѣнными, одеждами, тканями, Изяславъ отпустилъ ихъ въ отечество; а въ слѣдъ за ними отправилъ сына своего благодарить Короля Гейзу. Сей Посолъ именемъ отца долженъ былъ сказать ему слѣдующія выразительныя слова: Благодарность къ Королю Венгерскому. «Да поможетъ тебѣ Богъ, какъ ты помогъ намъ! Ни сынъ отцу, ни братъ единокровному брату не оказывалъ услугъ важнѣйшихъ. Будемъ всегда заодно. Твои враги суть наши: не

златомъ, одною кровію своею можемъ заплатить тебѣ долгъ. Но соверши доброе дѣло: еще имѣемъ врага сильнаго. Ольговичи и Князь Черниговскій, Владиміръ, въ союзѣ съ Георгіемъ, который сыплетъ злато и манитъ къ себѣ дикихъ Половцевъ. Не зовемъ тебя самого: ибо Царь Греческій имѣетъ рать съ тобою. Но когда наступитъ весна, мирная для Венгріи, то пришли въ Россію новое войско. И мы въ спокойчую чреду свою придемъ къ тебѣ съ дружиною вспомогательною. Богъ намъ поборникъ, народъ и Черные Клобуки друзья.» — Великій Князь звалъ также въ помощь къ себѣ брата, Ростислава Смоленскаго, который всегда думалъ, что старшій ихъ дядя имѣетъ законное право на область Кіевскую. Вячеславъ, увѣряя сего племянника въ дружбѣ, назвалъ его *вторымъ* сыномъ, и съ любовію принялъ Изяслава Черниговскаго, который, вопреки брату, Владиміру Давидовичу, отказался отъ союза съ Княземъ Суздальскимъ.

Георгій имѣлъ время собрать войско, и сталъ противъ Кіева, вмѣстѣ съ Ольговичами — то есть, двумя Святославами, дядею и племянникомъ — Владиміромъ Черниговскимъ и Половцами, разбивъ шатры свои на лугахъ восточнаго берега Днѣпровскаго. Рѣка покрылась военными ладіями; битвы началися. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о хитромъ вымыслѣ Изяслава: ладіи сего Князя, сдѣланныя о двухъ руляхъ, могли *не обращаясь* итти вверхъ и внизъ; одни весла были видимы: гребцы сидѣли подъ защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрѣлки. Отраженный Георгій вздумалъ переправиться ниже Кіева; ввелъ ладіи свои въ *Долобское* озеро (336), и велѣлъ ихъ тащить оттуда берегомъ до рѣки Золотчи, впадающей въ Днѣпръ. Изяславъ шелъ другою стороною, и суда его вступили въ бой съ непріятелемъ у *Витичевскаго брода*. Князь Суздальскій и тутъ не имѣлъ успѣха; но Половцы тайнымъ обходомъ разстроили Изяславовы мѣры: у городка Заруба, близъ Трубежскаго устья, они бросились въ Днѣпръ на коняхъ своихъ, вооруженные съ головы до ногъ, и закрываясь щитами. Святославъ Ольговичь и племянникъ его предводительствовали ими. Береговая стража Кіевская оробѣла. Напрасно Воевода Шварнъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ: «съ ними не было Князя (говоритъ Лѣтописецъ), а Боярина не всѣ слушаютъ.» Половцы достигли берега, и Георгій спѣшилъ въ томъ же мѣстѣ переправиться черезъ Днѣпръ.

Осада Кіева.

Великій Князь отступилъ къ Кіеву и вмѣстѣ съ дядею сталъ у *Златыхъ* вратъ; Изяславъ Давидовичь между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подлѣ него Князь Смоленскій; Борисъ Всеволодковичь Городненскій, внукъ Мономаховъ, у вратъ *Лятскихъ* или Польскихъ. Ряды Кіевлянъ окружили городъ. Черные Клобуки явились также подъ его стѣнами съ своими вежами и многочисленными стадами, которыя разсыпались въ окрестностяхъ Кіевскихъ. Дѣятельность, движеніе, необозримый строй людей вооруженныхъ и самый безпорядокъ представляли зрѣлище любопытное. Пользуясь общимъ смятеніемъ, хищные друзья, Берендѣи и Торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяславъ, чтобы унять грабителей, велѣлъ брату своему Владиміру, соединить ихъ и поставить у *Могилы Олеговой*, между оврагами. Воины, граждане, народъ, съ твердостію и мужествомъ ожидали непріятеля (337).

Но старецъ Вячеславъ еще надѣялся убѣдить брата словами мирными, и въ присутствіи своихъ племянниковъ далъ Послу наставленіе. «Иди къ Георгію,» сказалъ онъ: «цѣлуй его моимъ именемъ и говори такъ: Сколько разъ молилъ я васъ, тебя и племянника, не проливать крови Христіанъ и не губить земли Русской! Изяславъ, возставъ на Игоря, велѣлъ мнѣ объявить, что ищетъ престола Кіевскаго единственно для меня, втораго отца своего: а послѣ завладѣлъ собственными моими городами, Туровымъ и Пинскимъ! Равно обманутый и тобою — лишенный Пересопницы, Дорогобужа — не имѣя ничего, кромѣ Вышегорода, я молчалъ; имѣя Богомъ данную мнѣ силу, полки и дружину, терпѣливо сносилъ обиды, самое уничиженіе, и думая только о пользѣ отечества, унималъ васъ. Напрасно: вы не хотѣли внимать совѣтамъ человѣколюбія; отвергая ихъ, нарушали уставъ Божій. Нынѣ Изяславъ загладилъ вину свою: почтилъ дядю вмѣсто отца; я назвалъ его сыномъ. Боишься ли унизиться предо мною? Но кто изъ насъ старшій? Я былъ уже брадатъ, когда ты родился. Опомнись, или, поднявъ руку на старшаго, бойся гнѣва Небеснаго!» — Посолъ Вячеславовъ нашелъ Георгія въ Васильевѣ: Князь Суз-

Миролюбіе Вячеслава.

дальскій, выслушавъ его, отправилъ собственнаго Боярина къ брату; признавалъ его своимъ отцемъ; обѣщалъ во всемъ удовлетворить ему, но требовалъ, чтобы Мстиславичи выѣхали изъ области Кіевской. Старецъ отвѣтствовалъ: «У тебя *семь* сыновей: отгоняю ли ихъ отъ родителя? У меня ихъ только два: не разстанусь съ ними. Иди въ Переяславль и Курскъ; иди въ *Великій* Ростовъ, или въ другіе города свои; удали Ольговичей, и мы примиримся. Когда же хочешь кровопролитія, то матерь Божія да судитъ насъ въ семъ вѣкѣ и будущемъ!» Вячеславъ, говоря сіи послѣднія слова, указалъ на Златыя врата и на образъ Маріи, тамъ изображенный.

Пылкость Андрея.

Георгій ополчился и подступилъ къ Кіеву отъ Бѣлагорода. Стрѣлы летали чрезъ Лыбедь. Пылкій Андрей устремился на другую сторону рѣки, и гналъ стрѣлковъ непріятельскихъ къ городу; но былъ оставленъ своими: одинъ Половчинъ схватилъ коня его за узду и принудилъ Героя возвратиться (338). Юный Владиміръ Андреевичь, внукъ Мономаховъ, спѣшилъ раздѣлить съ братомъ опасность: пѣстунъ силою удерживалъ сего отрока. Дружина ихъ шла на полкъ Вячеславовъ и Великаго Князя за Лыбедью; прочее войско Георгіево сразилось съ Борисомъ у вратъ Лятскихъ. Изяславъ наблюдалъ всѣ движенія битвы: онъ велѣлъ братьямъ, не разстроивая полковъ, съ избранными отрядами и Черными Клобуками ударить вдругъ на непріятеля. Смятые ими, Половцы, Суздальцы бѣжали, и трупы наполнили рѣку Лыбедь. Тутъ вмѣстѣ со многими палъ мужественный сынъ Хана славнаго, Боняка, именемъ Севенчь, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечемъ врата Златыя (339). Съ того времени Суздальцы не дерзали переходить чрезъ Лыбедь, и Георгій скоро отступилъ, чтобы соединиться съ Владимір-

Отступленіе Георгія.

комъ: ибо Галицкій Князь, забывъ прежнюю досаду, шелъ къ нему въ помощь.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпѣніемъ гнаться за врагомъ. Согласно съ характеромъ своимъ, Вячеславъ говорилъ, что они могутъ не спѣшить, и что Всевышній дастъ побѣду не скорому, а справедливому; но убѣжденный ихъ представленіями, и самъ немедленно сѣлъ на коня, вмѣстѣ съ племянниками совершивъ молитву въ храмѣ Богоматери. Никогда народъ Кіевскій не вооружался охотнѣе; никогда не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ Государямъ. «Всякой, кто можетъ двигаться и владѣть рукою, да идетъ въ поле!» сказали граждане: «или да лишится жизни «ослушникъ!» Борисъ Городненскій былъ отправленъ лѣсомъ въ слѣдъ за Георгіемъ, который думалъ взять Бѣлгородъ; но видя жителей готовыхъ обороняться, пошелъ на встрѣчу къ Галичанамъ (340). Изяславъ, стараясь предупредить сіе опасное соединеніе, настигъ его за Стугною. Сдѣлалась ужасная буря и тьма; дождь лился рѣкою, и ратники не могли видѣть другъ друга. Какъ бы устрашенныя несчастнымъ предзнаменованіемъ, оба войска желали мира: Послы ѣздили изъ стана въ станъ, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгій, принявъ ихъ совѣтъ, рѣшился на кровопролитіе; однакожь убѣгалъ битвы, ожидая Владимірка, и ночью перешелъ за рѣку Рутъ (нынѣ Ротокъ). Изяславъ не далъ ему итти далѣе: надлежало сразиться. Андрей устроилъ Суздальцевъ (341); объѣхалъ всѣ ряды; старался воспламенить мужество въ Половцахъ и въ своей дружинѣ. Съ другой стороны Великій Князь, Полководецъ искусный, также наилучшимъ образомъ распорядилъ войско, и требовалъ благословенія отъ Вячеслава. Сей старецъ, утомленный походомъ, долженъ былъ остаться за строемъ. «Неблагодарный Георгій отвергнулъ миръ, столь любезный душѣ твоей,» говорили ему племянники: «теперь мы готовы умереть за честь нашего отца и дяди.» Вячеславъ отвѣтствовалъ: «Суди Богъ моего брата; я отъ юности гнушался кровопролитіемъ.» Битва началася. Изяславъ приказалъ всѣмъ полкамъ смотрѣть на его собственный, чтобы слѣдовать ему въ движеніяхъ. Андрей встрѣтилъ ихъ, и сильнымъ ударомъ изломилъ свое копіе. Уязвленный въ ноздри конь его ярился подъ всадникомъ; шлемъ слетѣлъ съ головы, щитъ Андреевъ упалъ на землю: но Богъ сохранилъ мужественнаго Князя. Изяславъ также былъ впереди; также изломилъ копіе: раненный въ бедру и руку, не могъ усидѣть на конѣ и плавалъ въ крови своей. Битва продолжалась. Дикіе варвары, союзники Георгіевы, рѣшили ея судьбу: пустивъ тучу стрѣлъ, обратились въ бѣгство; за Половцами Ольговичи, и наконецъ Князь Суздальскій. Многіе изъ его воиновъ утонули въ грязномъ

Усердіе Кіевлянъ.

Битва.

Изяславъ раненъ.

Бѣгство Георгія.

Руѣ; многіе легли на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Георгій съ малымъ числомъ ушелъ за Днѣпръ въ Переяславль.

Между тѣмъ Великій Князь, нѣсколько времени лежавъ на землѣ, собралъ силы, всталъ и едва не былъ изрубленъ собственными воинами, которые, въ жару битвы, не узнали его. «Я Князь,» говорилъ онъ. «Тѣмъ лучше,» сказалъ одинъ воинъ, и мечемъ разсѣкъ ему шлемъ, на коемъ блистало златое изображеніе Святаго Пантелеймона ([342]). Изяславъ, открывъ лице, увидѣлъ общую

Чувствительность Изяслава.

радость Кіевлянъ, считавшихъ его мертвымъ; исходилъ кровію, но слыша, что Владиміръ Черниговскій убитъ, велѣлъ посадить себя на коня и везти къ его трупу: искренно сожалѣлъ объ немъ, и съ чувствительностію утѣшалъ горестнаго Изяслава Давидовича, который, взявъ тѣло брата, союзника Георгіева, спѣшилъ защитить свою столицу: ибо Святославъ Ольговичь хотѣлъ незапно овладѣть ею; но тучный, дебелый и до крайности утомленный бѣгствомъ, сей Князь принужденъ былъ отдыхать въ Остерѣ, гдѣ свѣдавъ, что въ Черниговѣ уже много войска, онъ рѣшился ѣхать прямо въ Новгородъ Сѣверскій; а послѣ дружелюбно раздѣлился съ Изяславомъ Давидовичемъ: каждый изъ нихъ взялъ часть отцевскую ([343]).

Мстиславичи осадили Переяславль. Утративъ лучшую дружину въ битвѣ, и слыша, что Владимірко Галицкій, достигнувъ Бужска, возвратился, Георгій принялъ миръ отъ снисходительныхъ побѣдителей. «Отдаемъ Переяславль любому изъ сыновей твоихъ,» говорили они: «но самъ иди въ Суздаль. Не можемъ быть съ тобою въ сосѣдствѣ, ибо знаемъ тебя. Не хотимъ, чтобы ты снова призвалъ друзей своихъ, Половцевъ, грабить область Кіевскую.» Георгій далъ

Вероломство Георгія.

клятву выѣхать, и нарушилъ оную подъ видомъ отмѣннаго усердія къ Св. Борису: праздновалъ его память, жилъ на берегу Альты, молился въ храмѣ сего Мученика и не хотѣлъ удалиться отъ Переяславля ([344]). Одинъ сынъ его, Андрей, гнушаясь вѣроломствомъ, отправился въ Суздаль. Узнавъ, что коварный дядя зоветъ къ себѣ Половцевъ и Галичанъ, Великій Князь грозно требовалъ исполненія условій: Георгій оставилъ сына въ Переяславлѣ, но выѣхалъ только въ Городецъ, и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Надеждою его былъ мужественный Владимірко. Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, велъ къ родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы, и своею неосторожностію лишился онаго. Вступивъ въ Волынію, онъ пировалъ съ Венграми, угощаемый дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ; слышалъ о приближеніи Галицкаго Князя, но безпечно легъ спать, въ надеждѣ на стражу и самохвальство Венгровъ ([345]). «Мы всегда готовы къ бою,» говорили они, и пили безъ всякой умѣренности. Въ полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его сѣла на коней; но упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. Владимірко ударилъ на нихъ предъ разсвѣтомъ: билъ, истреблялъ — и Великій Князь получилъ извѣстіе, что сынъ его едва могъ спастися одинъ съ своими Боярами. Тогда Изяславъ призвалъ союзниковъ: Князя Черниговскаго и сына Всеволодова, его племянника; даже и Святославъ Ольговичь, повинуясь необходимости, далъ ему вспомогательную дружину. Сіе войско осадило Городецъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальскій долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней смириться: уступивъ Переяславль Мстиславу Изяславичу, возвратился въ наслѣдственный Удѣлъ свой и поручилъ Городецъ сыну Глѣбу ([346]). Но скоро Изяславъ отнялъ у Георгія и Г. 1152.
сіе прибѣжище въ южной Россіи: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, самыя церкви, и сравнялъ крѣпость съ землею.

Наказавъ главнаго непріятеля, Великій Князь желалъ отмстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгіеву, Владимірку: Король Венгерскій хотѣлъ того

Помощь Венгровъ.

же. Имъ надлежало соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ ([347]). Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ Государей: сановники Гейзы отъ его имени привѣтствовали Великаго Князя на дорогѣ; самъ Король, провождаемый братьями, Ладиславомъ и Стефаномъ, всѣмъ Дворомъ, всѣми Баронами, выѣхалъ встрѣтить Изяслава, который велъ за собою многочисленное стройное войско. Съ любовію обнявъ другъ друга, они, въ шатрѣ Королевскомъ, условились не жалѣть крови для усмиренія врага — и на разсвѣтѣ, ударивъ въ бубны, семдесятъ полковъ Венгерскихъ двинулись впередъ; за ними шли Россіяне и конные Берендѣи; вступивъ въ землю Галицкую, расположились близъ рѣки Сана, ниже Перемышля. Владимірко

79

стоялъ на другой сторонѣ, готовый къ бою, и схватилъ нѣсколько *зажитниковъ* Королевскихъ (348). Тогда было Воскресенье: Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложилъ битву до слѣдующаго. По данному знаку союзное войско приступило къ рѣкѣ. Изяславъ находился въ срединѣ, и такъ говорилъ ратникамъ: «Братья и дружина! доселѣ Богъ спасалъ отъ безчестія землю Русскую и сыновъ ея: отцы наши всегда славились мужествомъ. Нынѣ ли уронимъ честь свою предъ глазами союзниковъ иноплеменныхъ? Нѣтъ, мы явимъ себя достойными ихъ уваженія.» Въ одно мгновеніе ока Россіяне бросились въ Санъ: Венгры также, и смяли Галичанъ, стоявшихъ за валомъ. Побѣжденный Владимірко, проскакавъ на борзомъ конѣ между толпами Венгровъ и Черныхъ Клобуковъ (одинъ съ какимъ-то Избыгнѣвомъ), заключился въ Перемышлѣ. Союзники могли бы тогда взять крѣпость; но воины ихъ, грабя Княжескій богатый дворецъ на берегу Сана, дали время многимъ разсѣяннымъ битвою Галичанамъ собраться въ городѣ. Владимірко хотѣлъ мира: ночью отправилъ къ Архіепископу и Боярамъ Венгерскимъ множество серебра, золота, драгоцѣнныхъ одеждъ, и вторично склонилъ ихъ быть за него ходатаями. Они представили Гейзѣ, что Галицкій Князь, тяжело раненный, признается въ винѣ своей; что Небо милуетъ кающихся грѣшниковъ; что онъ служилъ копіемъ своимъ отцу Гейзину, Белѣ *Слѣпому*, противъ Ляховъ; что Владимірко, зная великодушіе Короля и готовясь скоро умереть, поручаетъ ему юнаго сына, и боится единственно злобы Изяславовой. Великій Князь не хотѣлъ слышать о мирѣ. «Если умретъ Владимірко» — говорилъ онъ — «то безвременная кончина его будетъ справедливою Небесною казнію. Сей вѣроломный, клятвенно обѣщавъ намъ пріязнь свою, разбилъ твое и мое войско. Забудемъ ли безчестіе? Нынѣ Богъ предаетъ Владимірка въ руки наши: возьмемъ его и землю Галицкую.» Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, еще ревностнѣе отца противился миру: напрасно Владимірко старался моленіемъ и ласками обезоружить ихъ. Но Гейза отвѣтствовалъ: не могу убить того, кто винится,» и простилъ врага, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ чужіе, занятые имъ города Россійскіе (Бужскъ, Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойни) и навсегда остался другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, *не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ*. Изъ шатра Королевскаго послали ко мнимо-больному Владимірку чудотворный крестъ Св. Стефана: сей Князь далъ присягу. «Если онъ измѣнитъ намъ (сказалъ Гейза), то или мнѣ не царствовать, или ему не княжить.» Услуживъ шурину и смиривъ надменнаго Владимірка, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ Греками, Король спѣшилъ къ берегамъ Сава, отразить Императора Мануила, хотѣвшаго отмстить ему за обиду своего Галицкаго друга (349). Изяславъ, возвратясь въ Кіевъ съ торжествомъ, изъявилъ благодарность Всевышнему, праздновалъ съ дядею Вячеславомъ, увѣдомилъ брата своего, Князя Смоленскаго, о счастливомъ успѣхѣ похода, и совѣтовалъ ему остерегаться Георгія, слыша, что онъ вооружается въ Ростовѣ.

*Рѣчь Изяслава и побѣда.* *Притворство Владимірка.* *Простодушіе Гейзы.*

Князь Суздальскій еще болѣе возненавидѣлъ Мстиславичей за разрушеніе Городца, который былъ единственнымъ его достояніемъ въ полуденныхъ, любезныхъ ему странахъ Государства. Тамъ онъ жилъ духомъ и мыслями; тамъ лежалъ священный прахъ древнихъ Князей Россійскихъ, славились храмы чудесами и жители благочестіемъ. Георгій въ наслѣдственномъ восточномъ Удѣлѣ своемъ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый; считалъ себя какъ бы изгнанникомъ, и презирая святость клятвъ, думалъ только о способахъ удовлетворить своему властолюбію. Онъ призвалъ Князей Рязанскихъ и Половцевъ, кочевавшихъ между Волгою и Дономъ (350); занялъ область Вятичей и велѣлъ Князю Новагорода Сѣверскаго, Святославу Ольговичу, также быть къ нему въ станъ подъ Глуховъ. Владимірко, свѣдавъ о походѣ Георгія, думалъ вмѣстѣ съ нимъ начать военныя дѣйствія противъ Мстиславичей; но Изяславъ успѣлъ отразить его и заставилъ возвратиться. Князь Галицкій, мужествомъ достойный отца, не хотѣлъ уподобляться ему въ вѣрности слова: не боялся клятвопреступленія, и доказалъ ошибку снисходительнаго Гейзы, не исполнивъ обѣщанія, то есть, силою удержавъ за собою города Великокняжескіе, Шумскъ, Тихомль и другіе. Видя, что Георгій намѣренъ осадить Черниговъ, Князь Смоленскій, по сдѣланному условію съ братомъ, вошелъ въ сей городъ защитить Изяслава Давидовича, ихъ союзника. Тутъ находился и Святославъ Всеволодовичь, который уже зналъ ха-

*Любовь Георгія къ южной Россіи.* *Вѣроломство Владимірка.*

рактеръ Георгіевъ, и не любилъ его. Съ душевнымъ прискорбіемъ они говорили другъ другу: «будетъ ли конецъ нашему междоусобію?» Набожный Князь Суздальскій, подступивъ къ Чернигову въ день Воскресный, не хотѣлъ обнажить меча для праздника (351); но велѣлъ Половцамъ жечь и грабить въ окрестностяхъ! Двѣнадцать дней продолжались битвы, знаменитыя мужествомъ Андрея Георгіевича: онъ требовалъ, чтобы Князья, союзники Георгіевы, сами по очереди ходили на приступъ, для ободренія войска; служилъ имъ образцемъ, и собственною храбростію воспламенялъ всѣхъ. Осажденные не могли защитить внѣшнихъ укрѣпленій, сожженныхъ Половцами, и городъ былъ въ опасности; но Великій Князь спасъ его. Услышавъ только, что Изяславъ перешелъ Днѣпръ, робкіе Половцы бѣжали: Георгій также отступилъ за Сновъ, и Князь Черниговскій встрѣтилъ своего избавителя на берегу рѣки Бѣлоуса.

Подвиги Андрея.

Святославъ Ольговичь, удерживая Георгія, говорилъ: «Ты принудилъ меня воевать; разорилъ мою область, вездѣ потравилъ хлѣбъ, и теперь удаляешься! Половцы также ушли въ степные города свои (352). Мнѣ ли одному бороться съ сильными?» Но Князь Суздальскій, оставивъ у Святослава только 50 человѣкъ дружины съ сыномъ Василькомъ, вышелъ изъ области Сѣверской, чтобы овладѣть всею страною Вятичей, гдѣ ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень: Изяславъ дождался зимы, поручилъ Смоленскому Князю наблюдать за Георгіемъ, осадилъ Новгородъ Сѣверскій и далъ миръ Святославу Ольговичу; а сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, съ Кіевскою дружиною и съ Черными Клобуками воевалъ землю Половецкую: разбилъ варваровъ на берегахъ Орели и Самары, захватилъ ихъ вежи, освободилъ множество Россійскихъ плѣнниковъ. Но сей успѣхъ не могъ утвердить безопасности восточныхъ предѣловъ Кіевскихъ: Скоро Мстиславъ долженъ былъ вторично итти къ берегамъ Псла для отраженія Половцевъ.

1153. Февраль.

Тогда, желая покоя, Великій Князь отправилъ Боярина, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владимірку Галицкому. «Ты нарушилъ клятву» — говорилъ ему Посолъ — «данную тобою нашему Государю и Королю Венгерскому въ моемъ присутствіи (353). Еще можешь загладить преступленіе: возврати города Изяславовы и будь его другомъ.» Владимірко отвѣтствовалъ: «Братъ мой Изяславъ нечаянно подвелъ на меня Венгровъ: никогда не забуду того; умру или отмщу.» Посолъ напоминалъ ему цѣлованіе креста. «Онъ былъ не великъ!» сказалъ Владимірко въ насмѣшку. «Но сила онаго велика,» возразилъ Петръ: «Вельможа Королевскій объявлялъ тебѣ, что если, цѣловавъ сей чудесный крестъ Св. Стефана, преступишь клятву, то живъ не будешь.» Владимірко не хотѣлъ слушать, и велѣлъ Послу удалиться. Изяславовъ Бояринъ положилъ на столъ грамоты клятвенныя, въ знакъ разрыва. Ему не дали даже и подводъ. Петръ отправился на собственныхъ коняхъ; а Владимірко, пошедши въ церковь къ Вечернѣ и видя его ѣдущаго изъ города, смѣялся надъ нимъ съ своими Боярами. — Въ ту же ночь Отрокъ Княжескій, догнавъ сего Посла, велѣлъ ему остановиться. Петръ ожидалъ новой для себя непріятности, безпокоился, и на другой день, въ слѣдствіе вторичнаго повелѣнія, возвратился въ Галичь. Слуги Владимірковы встрѣтили его предъ дворцемъ въ *черныхъ* одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни: тамъ юный Князь Ярославъ сидѣлъ на мѣстѣ отца, въ черной мантіи и въ клобукѣ, среди Вельможъ и Бояръ, также одѣтыхъ въ печальныя мантіи. Послу дали стулъ. Ярославъ заливался слезами; царствовало глубокое молчаніе. Изумленный Бояринъ Изяславовъ хотѣлъ знать причину сей общей горести, и свѣдалъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отслушавъ Вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, упалъ, и принесенный во дворецъ, скончался. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Петръ: всѣ люди смертны.» Ярославъ отеръ слезы. «Мы желали извѣстить тебя о семъ несчастіи,» говорилъ онъ Послу: «скажи отъ меня Изяславу: *Богъ взялъ моего родителя, бывъ судіею между имъ и тобою. Могила прекратила вражду. Будь же мнѣ вмѣсто отца. Я наслѣдовалъ Княженіе; воины и дружина родительская со мною: одно его копіе поставлено у гроба: и то будетъ въ рукѣ моей. Люби меня какъ сына своего, Мстислава: пусть онъ ѣздитъ съ одной стороны подлѣ твоего стремени, а я съ другой, окруженный всѣми полками Галицкими!*»

Насмѣшка Владимірко ва.

Печальная одежда.

Смерть Владимірко ва.

Рѣчь Ярослава.

Великій Князь изъявилъ сожалѣніе о внезапной кончинѣ знаменитаго, умнаго

80

Владимірка, основателя могущественной Галицкой области, но требовалъ доказательствъ искренняго дружелюбія отъ Ярослава — то есть, возвращенія городовъ Кіевскихъ, и видя, что ему хотятъ удовлетворить только ласковыми словами, а не дѣломъ, прибѣгнулъ къ оружію. Войско Галицкое стояло на берегахъ Серета: Изяславъ, пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, перешелъ за сію рѣку. Мгла исчезла, и непріятели увидѣли другъ друга. Юный Князь Галицкій сѣлъ на коня. Усердные Вельможи сказали ему: «Ты у насъ одинъ: что будетъ, если погибнешь? Заключись въ Теребовлѣ: мы сразимся; и кто останется живъ, тотъ придетъ умереть съ тобою.» Въ сраженіи упорномъ и кровопролитномъ побѣда казалась сомнительною. Сынъ и братья Изяславовы не могли устоять; но Великій Князь одолѣлъ на другомъ крылѣ. Съ обѣихъ сторонъ гнались и бѣжали; обѣ стороны взяли плѣнниковъ, но Изяславъ болѣе. Онъ поставилъ на мѣстѣ битвы знамена непріятельскія и схватилъ многихъ разсѣянныхъ Галичанъ, которые толпами къ нимъ собирались, обманутые сею хитростію. Видя малое число своей дружины, и боясь вылазки изъ Теребовля, Изяславъ велѣлъ ночью умертвить всѣхъ несчастныхъ плѣнниковъ, кромѣ Бояръ, и съ покойною совѣстію возвратился въ Кіевъ, торжествовать вторый бракъ свой. Невѣстою его была Княжна Абазинская, безъ сомнѣнія Христіанка: ибо въ отечествѣ ея и въ сосѣдственныхъ земляхъ Кавказскихъ находились издавна храмы истиннаго Бога, коихъ слѣды и развалины донынѣ тамъ видимы ([354]). Мстиславъ, отправленный отцемъ, встрѣтилъ сію Княжну у пороговъ Днѣпровскихъ и съ великою честію привезъ въ Кіевъ.

*Сомнительная побѣда.* *Бракъ Изяславовъ.* *Г. 1154.*

Готовясь къ новому междоусобному кровопролитію (ибо непримиримый Князь Суздальскій стоялъ уже съ войскомъ въ землѣ Вятичей, близъ Козельска), Изяславъ съ прискорбіемъ видѣлъ безчестіе своего меньшаго сына, Ярослава, изгнаннаго Новогородцами, которые — въ 1149 году положивъ на мѣстѣ 1000 Финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Водскую область ([355]) — въ теченіе пяти лѣтъ не имѣли иныхъ враговъ, кромѣ самихъ себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный симъ легкомысленнымъ народомъ, Ростиславъ Смоленскій, въ угодность ему, отправился княжить въ Новгородъ, а Ярославъ въ Владиміръ Волынскій, на мѣсто умершаго Святополка Мстиславича.

*Дѣла Новогородскія.*

Малочисленность союзныхъ Половцевъ и конскій падежъ заставили Георгія отложить войну ([356]). Между тѣмъ Изяславъ, не доживъ еще до глубокой старости, скончался, къ неутѣшной горести Кіевлянъ, всѣхъ Россіянъ и самыхъ иноплеменниковъ, Берендѣевъ, Торковъ. Они единогласно называли его своимъ *Царемъ* славнымъ, *господиномъ* добрымъ, *отцемъ* подданныхъ. Старецъ Вячеславъ, проливая слезы, говорилъ: «сынъ любезный! сему гробу надлежало быть моимъ; но Богъ творитъ, что Ему угодно!» — Княженіе Изяслава описано въ лѣтописяхъ съ удивительною подробностію. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ любви народной, и для того часто пировалъ съ гражданами; говорилъ на Вѣчахъ, подобно Великому Ярославу; предлагалъ тамъ дѣла Государственныя, и хотѣлъ, чтобы народъ, исполняя волю Государя, служилъ ему охотно и враговъ его считалъ собственными. Раздѣливъ престолъ съ дядею, добродушнымъ и слабымъ, Изяславъ въ самомъ дѣлѣ не уменьшилъ власти своей, но заслужилъ похвалу современниковъ; обходился съ нимъ какъ нѣжный сынъ съ отцемъ; одинъ бралъ на себя труды, опасности, но приписывалъ ему честь побѣдъ своихъ, и жилъ самъ въ нижней части города, уступивъ Вячеславу дворецъ Княжескій ([357]).

*Ноября 13 Кончина Изяслава.* *Характеръ его.*

Готовый умереть за Кіевъ, Изяславъ удалялся отъ иныхъ случаевъ проливать кровь Россіянъ: не вступился за сына, оскорбленнаго Новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, котораго Полочане въ 1151 году свергнули съ престола, избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Минскаго, и признавъ Святослава Ольговича покровителемъ ихъ области ([353]). Такъ граждане своевольствовали въ нашемъ древнемъ отечествѣ, употребляя во зло правило, что *благо народное священнѣе всѣхъ иныхъ законовъ*.

*Своевольство Полочанъ.*

Тѣло Изяслава было погребено въ монастырѣ Св. Ѳеодора, основанномъ Великимъ Мстиславомъ.

# ГЛАВА XIII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

### Г. 1154 — 1155.

*Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новогородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ.*

Г. 1154. Узнавъ о кончинѣ Великаго Князя, Изяславъ Черниговскій приплылъ къ Кіеву, чтобы оросить слезами гробъ умершаго; но старецъ Вячеславъ и Бояре, справедливо опасаясь его коварныхъ намѣреній, не позволили ему въѣхать въ столицу. Они ждали Князя Новогородскаго и Смоленскаго. Граждане, Торки, Берендѣи, съ изъявленіемъ усердія встрѣтили Ростислава (который оставилъ въ Новѣгородѣ сына своего, Давида), и добродушный дядя сказалъ ему: «Я стою у дверей гроба; суды, расправа и безпокойства ратныя уже не мое дѣло. Подобно Изяславу будь мнѣ сыномъ и Государемъ Россіянъ. Отдаю тебѣ полкъ и дружину свою.» Бояре, вмѣстѣ съ народомъ, требовали отъ новаго Князя, чтобы онъ, слѣдуя примѣру старшаго брата, всегда уважалъ дядю какъ отца, и въ такомъ случаѣ обѣщались служить ему вѣрно.— *Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу.* Въ Кіевѣ находился тогда Святославъ Всеволодовичь: призванный Вячеславомъ, онъ уѣхалъ тайно отъ своихъ дядей и взялъ сторону Великаго Князя, отдавшаго ему за то Пинскъ и Туровъ.

Съ другой стороны Изяславъ Черниговскій и Святославъ Ольговичь заключили союзъ съ Георгіемъ, котораго сынъ Глѣбъ, нанявъ Половцевъ, осадилъ Переяславль: Мстиславъ Изяславичь отразилъ ихъ съ помощію Кіевской дружины (359). Великій Князь, чтобы предупредить Суздальскаго, хотѣлъ воспользоваться сею первою удачею и шелъ къ Чернигову; но печальная вѣсть настигла его въ Вышегородѣ. Добрый Вячеславъ скоропостижно умеръ: ввечеру пировалъ съ Боярами и ночью заснулъ навѣки.
Г. 1155. *Смерть Вячеслава.* Искренно сожалѣя о кончинѣ его, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ предать землѣ тѣло старца въ Софійскомъ храмѣ и быть свидѣтелемъ общей горести: ибо народъ любилъ кроткія, Христіанскія добродѣтели сего Мономахова сына. Въ похвалу Великому Князю Лѣтописцы сказываютъ, что онъ, созвавъ во дворцѣ Вельможъ, Тіуновъ, Казначеевъ, Ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести его имѣніе: одежды, золото, серебро; все роздалъ по монастырямъ, церквамъ, темницамъ, богадѣльнямъ, и поручивъ исполнить сіе распоряженіе вдовствующей супругѣ отца своего, взялъ себѣ на память одинъ крестъ. *Сановники придворные.*

Когда Ростиславъ возвратился къ войску, Бояре не совѣтовали ему итти далѣе. «Ты еще слабъ на престолѣ,» говорили они: «утверди власть свою, заслужи любовь народную, и тогда не бойся Георгія.» Великій Князь отвергнулъ благоразумный совѣтъ; онъ приближился къ Чернигову, требуя, чтобы Изяславъ далъ ему клятву вѣрнаго союзника (360). *Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава.* «Кто вступилъ въ мою область непріятелемъ, съ тѣмъ не хочу дружиться,» отвѣтствовалъ Изяславъ, и соединясь съ Глѣбомъ Георгіевичемъ, расположился станомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Тутъ открылось малодушіе Ростислава, который, будучи устрашенъ множествомъ Половцевъ, въ самомъ началѣ перестрѣлки далъ знать Черниговскому Князю, что уступаетъ ему Кіевскую область съ Переяславлемъ, желая одного мира. Съ негодованіемъ видя малодушіе дяди, Мстиславъ Изяславичь поворотилъ коня, и сказавъ: «не будь же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева!» удалился съ своею дружиною. *Гордость Мстислава.* Войско разстроилось; свирѣпые Половцы гнали, рубили бѣгущихъ, и схватили, въ числѣ плѣнныхъ, Святослава Всеволодовича. Мстиславъ, взявъ въ Переяславлѣ жену, дѣтей, ушелъ въ Луцкъ, а бывшій Великій Князь въ Смоленскъ, лишась въ то же время и Новагорода: ибо тамошніе жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Посломъ въ Суздаль и призвали Мстислава Георгіевича княжить въ ихъ области (361). *Своевольство Новогородцевъ.*

Кіевляне, услышавъ съ горестію о не-



81

счастіи Ростислава, должны были обратиться къ побѣдителю. Епископъ Каневскій, Даміанъ, ихъ именемъ сказалъ Изяславу ([362]): «Государь! иди управлять нами, да не будемъ жертвою варваровъ!» ибо въ сіе время Половцы свирѣпствовали въ окрестностяхъ Днѣпра, и долго не могли быть усмирены Глѣбомъ Георгіевичемъ, которому Изяславъ Давидовичь отдалъ Переяславль. Между тѣмъ Георгій уже шелъ съ войскомъ, и близъ Смоленска получилъ вѣсть о новой, благопріятной для него перемѣнѣ обстоятельствъ; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился съ нимъ, и спѣшилъ къ Кіеву; простилъ и Святослава Всеволодовича, уваживъ ходатайство его дяди, Сѣверскаго Князя, и послалъ объявить Черниговскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы Мономаховой ([363]). Изяславъ колебался, медлилъ; говорилъ, что Кіевляне добровольно возвели его на престолъ; но убѣжденный Святославомъ Ольговичемъ, и не имѣя надежды отразить силу силою, отправился въ Черниговъ. Георгій вступивъ въ Кіевъ, съ общаго согласія принялъ санъ Великаго Князя. Марта 20.

Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

# ГЛАВА XIV.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ИЛИ ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОЛГОРУКІЙ.

### Г. 1155 — 1157.

**Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя.**

Удѣлы. Слѣдуя обыкновенію, онъ назначилъ сыновьямъ Удѣлы: Андрею Вышегородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку окрестности Роси, гдѣ жили Берендѣи и Торки ([364]); а Святославъ Ольговичь помѣнялся городами съ своимъ племянникомъ, сыномъ Всеволода, взявъ у него Сновъ, Воротынскъ, Карачевъ, и давъ ему за нихъ другіе.

Опасаясь смѣлаго, пылкаго Мстислава, Великій Князь послалъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, съ Воеводами на Горынь ([365]); они взяли Пересопницу. Въ то же время зять Георгіевъ, Князь Галицкій, и Владиміръ, братъ Смоленскаго, осадили Луцкъ. Мстиславъ отправился искать союзниковъ въ Польшѣ; но меньшій братъ его, Ярославъ, заставилъ непріятелей снять осаду.

Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу.

Достигнувъ главной цѣли своей, обремененный лѣтами и желая спокойствія, Георгій призвалъ Ростислава Смоленскаго, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянниковъ, и хотѣлъ видѣть ихъ въ Кіевѣ. Ярославъ повиновался ([366]); но Мстиславъ, боясь обмана, не ѣхалъ: Георгій послалъ къ нему *крестную грамоту*, въ доказательство искренней дружбы. Узнавъ о семъ союзѣ и прибытіи въ Кіевъ Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговскій, недовольный Георгіемъ, также смирился и выдалъ дочь свою за его сына Глѣба ([367]). Великій Князь уступилъ Изяславу Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанскіе новыми крестными обѣтами утвердили связь съ Ростиславомъ Смоленскимъ, коего они признавали ихъ отцемъ и покровителемъ.

Россія наслаждалась тишиною, говорятъ Лѣтописцы ([368]): сія тишина была весьма непродолжительна. Мстиславъ принялъ *крестную грамоту* отъ дѣда, но не далъ ему собственной, и выгналъ Георгіева союзника, Владиміра, роднаго дядю своего, изъ Владимірской области; плѣнилъ его семейство, жену; ограбилъ Бояръ и мать, которая съ богатыми дарами возвратилась тогда отъ Королевы Венгерской, ея дочери ([369]). Оскорбленный Георгій, въ надеждѣ смирить внука съ помощію одного Галицкаго Князя, не хотѣлъ взять съ собою ни Черниговской, ни Сѣверской дружины, и выступилъ съ Берендѣями. Напрасно искавъ

Тишина въ Россіи. Г. 1156.

защиты въ Венгріи, изгнанникъ Владиміръ Мстиславичь прибѣгнулъ къ Великому Князю; но Георгій въ самомъ дѣлѣ не думалъ объ немъ, а хотѣлъ, пользуясь случаемъ, завоевать область Волынскую для *другаго* племянника, Владиміра Андреевича, чтобы исполнить обѣщаніе, нѣкогда данное отцу его ([370]). Жестокое сопротивленіе Мстислава уничтожило сіе намѣреніе: десять дней кровь лилась подъ стѣнами Владимірскими, и Георгій, какъ бы подвигнутый человѣколюбіемъ, снялъ осаду. «Изяславичь веселится убійствами и враждою,» сказалъ онъ дѣтямъ и Боярамъ: «желаю не погибели его, а мира, и будучи старшимъ, уступаю.» — Владиміръ Андреевичь ходилъ къ Червену съ мирными предложеніями: напоминалъ тамошнимъ гражданамъ о своемъ родителѣ, великодушномъ ихъ Князѣ Андреѣ ([371]); обѣщалъ быть ему подобнымъ, справедливымъ, милостивымъ; но уязвленный въ горло стрѣлою, удалился, отмстивъ жителямъ опустошеніемъ земли Червенской. Георгій наградилъ его Пересопницею и Дорогобужемъ; а Мстиславъ, слѣдуя за дѣдомъ, жегъ селенія на берегахъ Горыни.

Новое кровопролитіе.

Великій Князь щадилъ старинныхъ друзей своихъ, Половцевъ. Они тревожили окрестности Днѣпра, и были наказаны мужественными Берендѣями, которые многихъ хищниковъ умертвили, другихъ взяли въ плѣнъ, и въ противность Георгіеву желанію не хотѣли ихъ освободить, говоря: «мы умираемъ за Русскую землю, но плѣнники наша собственность.» Георгій, два раза ѣздивъ въ Каневъ для свиданія съ Ханами Половецкими, не могъ обезоружить ихъ ни ласкою, ни дарами; наконецъ заключилъ съ ними новый союзъ, чтобы въ нужномъ случаѣ воспользоваться помощію сихъ варваровъ ([372]): ибо онъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

Берендѣи бьютъ Половцевъ.

Союзъ съ Половцами.

Ростиславъ Мстиславичь имѣлъ преданныхъ ему людей въ Новѣгородѣ, которые съ единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотятъ повиноваться Мстиславу Георгіевичу. Сдѣлалось смятеніе; граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* вооружилась за Князя, *Софійская* противъ него, и мостъ Волховскій, съ обѣихъ сторонъ оберегаемый воинскою стражею, былъ границею между несогласными. Но сынъ Георгіевъ бѣжалъ ночью, узнавъ о прибытіи дѣтей Смоленскаго Князя ([373]), и таким образомъ уступилъ Княженіе Ростиславу, который, чрезъ два дни въѣхавъ въ Новгородъ, возстановилъ совершенную тишину.

Смятеніе въ Новгородѣ.

Г. 1157.

Сіе происшествіе долженствовало оскорбить Георгія: у него были и другіе враги. Изяславъ Давидовичь съ завистію смотрѣлъ на престолъ Кіевскій; искалъ друзей; примирился съ Ростиславомъ, и для того оставилъ безъ мести невѣрность своего племянника, Святослава Владиміровича, который, вдругъ занявъ на Деснѣ города Черниговскіе, передался къ Смоленскому Князю ([374]). Мстиславъ Изяславичь Волынскій также охотно вступилъ въ союзъ съ Давидовичемъ, чтобы дѣйствовать противъ Георгія, и сіи Князья, напрасно убѣждавъ Сѣверскаго взять ихъ сторону, готовились итти къ Кіеву, въ надеждѣ на свое мужество, неосторожность и слабость Георгіеву. Судьба отвратила кровопролитіе: Георгій, пировавъ у Боярина своего, Петрила, ночью занемогъ и чрезъ пять дней умеръ ([375]). Свѣдавъ о томъ, Изяславъ Давидовичь пролилъ слезы, и воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «благодарю Тебя, Господи, что Ты разсудилъ меня съ нимъ внезапною смертію, а не кровопролитіемъ!»

Союзъ противъ Георгія.

Маія 15. Смерть Георгія.

Георгій властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей Исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края древней Россіи, въ коемъ онъ провелъ всѣ цвѣтущія лѣта своей жизни. Распространивъ тамъ Вѣру Христіанскую, сей Князь строилъ церкви въ Суздалѣ, Владимірѣ, на берегахъ Нерли ([376]); умножилъ число духовныхъ Пастырей, тогда единственныхъ наставниковъ во благонравіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности; основалъ новыя селенія и города: кромѣ Москвы, *Юрьевъ* Польскій, *Переяславль* Залѣсскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія сими, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ ([377]). Дмитровъ, на берегу Яхромы, также имъ основанъ и названъ по имени его сына, Всеволода Димитрія, который (въ 1154 году) родился на семъ мѣстѣ. — Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни

Свойства его.

82

однимъ дѣйствіемъ добросердечія, свойственнаго Мономахову племени. Скромные Лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ Государей, усердно хваля добрыя; но Георгій безъ сомнѣнія отличался первыми, когда, будучи сыномъ Князя столь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли, что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія: къ безславію его намъ извѣстно также слѣдующее происшествіе. Князь Іоаннъ Берладникъ, изгнанный Владиміркомъ изъ Галича, служилъ Георгію, и вдругъ, безъ всякой вины, (въ 1156 году) былъ окованъ цѣпями и привезенъ изъ Суздаля въ Кіевъ: Георгій согласился выдать его, живаго или мертваго, зятю своему, Владиміркову сыну (378). Заступленіе Духовенства спасло жертву: убѣжденный человѣколюбивыми представленіями Митрополита, Георгій отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль; а люди Князя Черниговскаго, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастнаго узника. — Однимъ словомъ, народъ Кіевскій столь ненавидѣлъ Долгорукаго, что узнавъ о кончинѣ его, разграбилъ дворецъ и сельскій домъ Княжескій за Днѣпромъ, называемый *Раемъ*, также имѣніе Суздальскихъ Бояръ, и многихъ изъ нихъ умертвили въ изступленіи злобы. Граждане, не хотѣвъ, кажется, чтобы и тѣло Георгіево лежало вмѣстѣ съ Мономаховымъ, погребли оное внѣ города, въ Берестовской Обители Спаса.

Ненависть къ нему.

Церковныя дѣла сего времени достойны замѣчанія. Георгій не желалъ оставить Митрополитомъ Климента, избраннаго по волѣ ненавистнаго ему племянника, и согласно съ мыслями Нифонта, Епископа Новогородскаго, имъ уважаемаго, требовалъ инаго Пастыря отъ Духовенства Цареградскаго. Святитель Полоцкій и Мануилъ Смоленскій (379), врагъ Климентовъ, (въ 1156 году) съ великою честію приняли въ Кіевѣ сего новаго Митрополита, именемъ Константина, родомъ Грека; вмѣстѣ съ нимъ *благословили* Великаго Князя, *кляли память* Изяслава Мстиславича, и въ первомъ совѣтѣ уничтожили всѣ церковныя дѣйствія бывшаго Митрополита; наконецъ, разсудивъ основательнѣе, дозволили отправлять службу Іереямъ и Діаконамъ, коихъ посвятилъ Климентъ. Ревностный Нифонтъ не имѣлъ удовольствія видѣть свое полное торжество: онъ спѣшилъ встрѣтить Константина, но еще до его прибытія скончался въ Кіевѣ, названный славнымъ именемъ *поборника всей земли Русской* (380). Сей знаменитый мужъ, другъ Святослава Ольговича, имѣлъ и непріятелей, которые говорили, что онъ похитилъ богатство Софійскаго храма и думалъ съ онымъ уѣхать въ Константинополь: современный Лѣтописецъ Новогородскій опровергаетъ такую нелѣпую клевету, и хваля Нифонтовы добродѣтели, говоритъ: «мы только за грѣхи свои лишились сладостнаго утѣшенія видѣть здѣсь гробъ его!» — Новогородцы, на мѣсто Нифонта, въ общемъ совѣтѣ избрали добродѣтельнаго Игумена Аркадія и еще непоставленнаго ввели въ домъ Епископскій: ибо избраніе главнаго духовнаго сановника зависѣло тамъ единственно отъ народа (381).

Дѣла церковныя.

---

# ГЛАВА XV.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ ДАВИДОВИЧЬ КІЕВСКІЙ. КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМЪ.

### Г. 1157 — 1159.

---

**Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Происшествія въ западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяславова. Бѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ.**

г. 1157. Кіевляне, изъявивъ ненависть къ умершему Великому Князю, послали объявить врагу Георгіеву, Изяславу Давидовичу, чтобы онъ шелъ мирно властвовать

въ столицѣ Россійской. Изяславъ, при восклицаніяхъ довольнаго народа, въѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ въ Черниговѣ племянника своего, Святослава Владиміровича, съ дружиною воинскою: ибо Князь Сѣверскій, хотя и миролюбивый, замышлялъ незапно овладѣть сею удѣльною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяславъ, желая имѣть въ немъ благодарнаго союзника, добровольно отдалъ ему Черниговъ; а племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, получилъ въ Удѣлъ Княженіе Сѣверское. Они заключили миръ на берегахъ Свини (гдѣ нынѣ Березна) въ присутствіи Мстислава, Владимірскаго Князя, который, одобривъ условія, спокойно возвратился въ Волынію ([382]).

19 Маія.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго.

Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичь остался повелителемъ одной Кіевской области и нѣкоторыхъ городовъ Черниговской. Переяславль, Новгородъ, Смоленскъ, Туровъ, область Горынская и вся западная Россія имѣли тогда Государей особенныхъ, независимыхъ, и достоинство Великаго Князя, прежде соединенное съ могуществомъ, сдѣлалось однимъ пустымъ наименованіемъ. Кіевъ еще сохранялъ знаменитость, обязанный ею, кромѣ своего счастливаго положенія, торговлѣ, множеству избыточныхъ обитателей, богатству храмовъ, монастырей: скоро утратитъ онъ и сію выгоду, лишенный сильныхъ защитниковъ. Но въ то время, какъ *древняя* столица наша клонится къ совершенному паденію, возникаетъ *новая* подъ сѣнію Властителя, давно извѣстнаго мужествомъ и великодушіемъ.

Новое сильное Княженіе Владимірское.

Еще при жизни Георгія Долгорукаго сынъ его, Андрей, въ 1155 году уѣхалъ изъ Вышегорода (не предувѣдомивъ отца о семъ намѣреніи). Ѳеатръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва Небеснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, удалился въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ ([383]). Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ Государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Сей Князь набожный, вмѣсто иныхъ сокровищъ взялъ съ собою Греческій образъ Маріи, украшенный, какъ говорятъ Лѣтописцы, пятнадцатью фунтами золота, кромѣ серебра, жемчугу и камней драгоцѣнныхъ; избралъ мѣсто на берегу Клязмы, въ прежнемъ своемъ Удѣлѣ: заложилъ каменный городъ Боголюбовъ, распространилъ основанный Мономахомъ Владиміръ, украсилъ зданіями каменными, *Златыми* и *Серебряными вратами*. Какъ нѣжный сынъ, оплакавъ кончину родителя, онъ воздалъ ему послѣдній долгъ торжественными молитвами, строеніемъ новыхъ церквей, Обителей въ честь умершему, или для спасенія его души; и между тѣмъ, какъ народъ Кіевскій злословилъ память Георгія, священный Клиросъ благословлялъ оную въ Владимірѣ. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые Намѣстниками Долгорукаго ([384]), единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ Удѣлѣ; основалъ новое *Великое Княженіе Суздальское* или *Владимірское*, и приготовилъ Россію сѣверо-восточную быть, такъ сказать, истиннымъ сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ.

Происшествія въ западной Россіи.

Борисъ Георгіевичь, княживъ при отцѣ въ Туровѣ, или добровольно выѣхалъ оттуда въ Суздальскую область или былъ изгнанъ Юріемъ Ярославичемъ, Святополковымъ внукомъ, который, происходя отъ старшей вѣтви Княжескаго Дому, имѣлъ право на самую область Кіевскую. Изяславъ, желая доставить Удѣлъ Владиміру Мстиславичу, соединился съ Князьями Волынскими, Галицкимъ, Смоленскимъ, и приступилъ къ Турову. Юрій искалъ мира, но мужественно оборонялся, и чрезъ 10 недѣль многочисленное войско осаждающихъ удалилось, потерявъ большую часть коней своихъ отъ заразы ([385]).

Мятежный духъ Полочанъ.

Въ числѣ Изяславовыхъ союзниковъ находились и Полочане, которые едва ли уступали тогда Новогородцамъ въ своевольствѣ. Мы упоминали о несчастіи Князя Рогволода Борисовича, изгнаннаго ими безъ всякой основательной причины: Святославъ Черниговскій далъ

ему вспомогательную дружину, и жители Друцка съ великою радостію приняли его, выславъ Глѣба Ростиславича,
г. 1158 ограбивъ домъ, Бояръ, друзей послѣдняго (386). Отецъ Глѣбовъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами, и взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ сего Князя искать мира: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ братствѣ, и нарушилъ оную вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: «Князь добрый! мы виновны, свергнувъ тебя съ престола, и разграбивъ твое имѣніе: не помни зла, и возвратися къ намъ: выдадимъ тебѣ Ростислава Глѣбовича.» Онъ согласился съ ними; но Ростилавъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою, и смѣлостію вселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго за городомъ, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ. «Вчера я былъ у васъ,» отвѣтствовалъ Ростиславъ: «для чего же вы не говорили о дѣлахъ?» однакожь поѣхалъ въ городъ. Вѣрный Отрокъ Княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на Вѣчѣ и лилъ кровь Бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину, удалился въ Минскъ къ брату Володарю; а Рогволодъ, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, отнялъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и предписалъ миръ его брату: остался Княземъ Полоцкимъ, далъ Всеволоду Стрѣжевъ, Изяславль Брячиславу Васильковичу, и возстановилъ тишину кратковременную. Володарь, третій сынъ Глѣбовъ, воевалъ тогда съ Литвою: братья присягнули за него въ вѣрномъ исполненіи мирныхъ условій.

Раздоръ за Берладника. Изяславъ Давидовичь не долго жилъ въ союзѣ съ Галицкимъ и Волынскими Князьями. Поводомъ къ сему разрыву служилъ знаменитый Воевода перваго, Іоаннъ Берладникъ. Князь Галицкій, ненавидя и боясь сего брата двоюроднаго, изгнаннаго Владиміркомъ, умѣлъ склонить на свою сторону не только Венгерскаго Короля съ Поляками, но и многихъ Князей Россійскихъ, желая, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ убѣдили Изяслава выдать ему Іоанна (387). Гнушаясь дѣломъ столь жестокимъ, Великій Князь отвѣчалъ ихъ Посламъ въ Кіевѣ, что онъ никогда на то не согласится. Іоаннъ же, безчеловѣчно гонимый, хотѣлъ мстить Ярославу Владимірковичу: ограбилъ нѣсколько богатыхъ судовъ на Дунаѣ, нанялъ 6000 Половцевъ и вступилъ въ Галицію; но скоро былъ оставленъ сими хищниками, ибо не дозволялъ имъ опустошать земли и щадилъ доброхотствующихъ ему жителей. Свѣдавъ, что Ярославъ вооружается, Великій Князь предложилъ Святославу Ольговичу тѣсный союзъ и два города, Мозырь и Черескъ. Тутъ Святославъ оказалъ безкорыстіе великодушное. «Признаюсь» — Безкорыстіе Святослава.
говорилъ онъ — «что я досадовалъ, когда ты не отдалъ мнѣ всей области Черниговской; но сердце мое ненавидитъ злобу между родными. Если враги несправедливые угрожаютъ тебѣ войною, то они будутъ и моими врагами. Сохрани меня Богъ отъ мздоимства въ такомъ случаѣ: не хочу никакихъ городовъ, и вооружаюсь (388).» Пировавъ три дни, они дали знать Князю Галицкому, что готовы соединенными силами отразить его нападеніе. Ярославъ успокоился; но Великій Князь вздумалъ самъ объявить ему войну за Іоанна Берладника: ибо многіе Галичане звали сего Воеводу въ землю свою, увѣряя, что народъ толпами устремится подъ его знамена, и что сынъ Владимірковъ нелюбимъ гражданами. Святославъ Ольговичь не хотѣлъ итти; удерживалъ Великаго Князя; представлялъ ему, что Іоаннъ не сынъ, не братъ ихъ; но пылкій Изяславъ съ угрозами отвѣтствовалъ въ Васильковѣ Послу Неблагодарность Изяслава.
Черниговскому: «скажи брату, что онъ, по возвращеніи моемъ изъ Галича, волею и неволею можетъ отправиться назадъ въ Новгородъ Сѣверскій!» Добродушный Святославъ съ горестію видѣлъ несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира Государству. «Богу открыто смиреніе души моей,» сказалъ онъ Вельможамъ: «я не искалъ управы мечемъ, когда Изяславъ, вмѣсто цѣлой области Черниговской, далъ мнѣ только семь городовъ, опустошенныхъ Половцами и населенныхъ *псарями*. Онъ еще не доволенъ, и за миролюбивый, благоразумный совѣтъ грозится, вопреки святой клятвѣ, выгнать меня изъ Чернигова! Но Провидѣніе караетъ вѣроломныхъ.» Оно въ самомъ дѣлѣ наказало брата его. Галицкій, соединясь съ Волынскими Князьями, Изяславичами и дядею ихъ, Владиміромъ Андреевичемъ,

предупредилъ Великаго Князя и занялъ Бѣлгородъ. Изяславъ обступилъ ихъ съ войскомъ многочисленнымъ: однихъ Половцевъ было у него слишкомъ 20,000. Указывая на сильные полки свои, онъ съ гордостію требовалъ, чтобы союзники вышли изъ города. Но Берендѣи и Торки измѣнили ему; начальники ихъ тайно велѣли сказать Мстиславу: «Князь! отъ насъ все зависитъ. Если будешь намъ другомъ, какъ отецъ твой, и дашь каждому по доброму городу, мы оставимъ Изяслава.» Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли шатры свои, и съ грознымъ воплемъ ускакали въ городъ. Пробужденный ночною тревогою, Великій Князь сѣлъ на коня; увидѣлъ измѣну и бѣжалъ за Днѣпръ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ, его другомъ; Половцы также: многіе изъ нихъ утонули въ Роси; другихъ плѣнили Юрьевцы и Берендѣи.

Бѣгство Великаго Князя.

Союзники вошли въ столицу, пославъ объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престолъ Кіевскій, и будутъ ему послушны какъ старшему. Мстиславъ требовалъ только, чтобы низверженный Митрополитъ Климентъ снова управлялъ Церковію Россійскою: «ибо Константинъ (говорилъ онъ) клялъ память отца моего.» Но Ростиславъ не хотѣлъ слышать о Климентѣ, избранномъ, по его мнѣнію, беззаконно. Наконецъ согласились, чтобы не быть Митрополитомъ ни тому, ни другому и призвать новаго изъ Царяграда (389). Изгнанный Мстиславомъ, Константинъ уѣхалъ въ Черниговъ и скоро

Декабря 22.

преставился, удививъ современниковъ и потомство странностію своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатанную духовную Святителю Черниговскому, Антонію, и требовалъ, чтобы сей Епископъ клятвенно обязался исполнить его послѣднюю волю. Антоній въ присутствіи Князя Святослава срѣзалъ печать, и съ изумленіемъ читалъ слѣдующее: «Не погребайте моего тѣла: да будетъ оно извлечено изъ града и повержено псамъ на снѣденіе!» Епископъ не дерзнулъ нарушить клятвы; но Князь, страшась гнѣва Небеснаго, велѣлъ на третій день привезти тѣло Митрополита въ Черниговъ и съ честію предать землѣ въ Соборной церкви, подлѣ гроба Игоря Ярославича (390). Лѣтописцы разсказываютъ, что въ сіи три дни, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молнія въ Кіевѣ; что однимъ громовымъ ударомъ убило тамъ семь человѣкъ, и вѣтеръ сорвалъ шатеръ Ростислава, стоявшаго тогда въ полѣ близъ Вышегорода; что сей Князь старался молитвами въ церквахъ умилостивить Небо, и что вдругъ настала тишина, когда совершилось погребеніе Митрополитова тѣла.

Странное завѣщаніе Митрополита.

Въ княженіе Изяслава Новгородъ вторично испыталъ бѣдствіе мора: не успѣвали хоронить ни людей, ни скота; отъ смрада безчисленныхъ труповъ не льзя было ходить по городу, ни въ окрестностяхъ (391). Лѣтописцы не говорятъ о происхожденіи, свойствѣ и наружныхъ знакахъ сей язвы, которая свирѣпствовала единственно въ Новѣгородѣ.

Моръ въ Новѣгородѣ.

# ГЛАВА XVI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ ВТОРИЧНО ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ СУЗДАЛЬСКОМЪ.

### Г. 1159 — 1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Городъ Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи. Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ. Кончина Великаго Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя.

Г. 1159. Ростиславъ — оставивъ сыновей княжить, Святослава въ Новѣгородѣ, Давида въ Торжкѣ, Романа въ Смоленскѣ — былъ съ честію и радостію принятъ отъ

Апрѣля 12. всѣхъ жителей Кіевскихъ ([392]). Племянникъ его, Мстиславъ, возвратился въ юго-западную Россію съ богатою добычею, взявъ имѣніе Изяславовыхъ Вельможъ, множество серебра, золота, рабовъ и всякаго скота.

Бывшій Великій Князь ушелъ въ Сожскую область, ему принадлежавшую, и съѣхался въ Гомьѣ, или нынѣшнемъ Гомелѣ, съ женою, которая въ слѣдъ за нимъ бѣжала изъ Кіева. Приписывая свое несчастіе брату Ольговичу, не хотѣвшему дать ему помощи, Изяславъ завоевалъ его область, землю Вятичей, плѣнилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностію или вѣномъ Княгини Черниговской, и тревожилъ города Курскіе. Тогда Святославъ, захвативъ имѣніе и семейства многихъ Бояръ сего злобнаго родственника, вступилъ въ союзъ съ Государемъ Кіевскимъ. Они съѣхались въ Моровскѣ, обѣдали другъ у друга, и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростиславъ подарилъ Черниговскому Князю нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и рыбьихъ зубовъ; а Святославъ Великому Князю парда и двухъ коней съ окованными сѣдлами([393]).

Злоба Изяслава.

Союзъ Ростислава съ Святославомъ.

Сіи два Князя, бывъ отъ юности непріятелями, искренно клялися умереть друзьями, и согласились общими силами дѣйствовать противъ Изяслава. Надлежало прежде защитить южные предѣлы Государства отъ внѣшнихъ хищниковъ. Въ Молдавіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, находился тогда городъ многолюдный и крѣпкій, именемъ Берладъ (нынѣ мѣстечко), основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы ([394]): онъ былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и Закона, коихъ главное ремесло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю. Шайки ихъ взяли Олешье (знаменитое торговое мѣсто при устьѣ Днѣпра, гдѣ складывались Греческіе товары, отправляемые въ Кіевъ): Воевода Великокняжескій, Георгій Несторовичь, настигъ сихъ разбойниковъ и выручилъ многихъ взятыхъ ими плѣнниковъ вмѣстѣ съ богатою добычею ([395]). — Надлежало еще отразить набѣгъ Половцевъ: сынъ Святославовъ въ Черниговской области, а дружина Галицкая, Князья Волынскіе и Берендѣи на западномъ берегу Днѣпра побили и гнали ихъ до границы.

Городъ Берладъ.

Впаденіе Половцевъ.

Сіи хищники явились съ другой стороны, нанятые Изяславомъ Давидовичемъ, который, не теряя времени, осадилъ съ ними Черниговъ, гдѣ Святославъ и племянникъ его, Князь Сѣверскій, едва успѣли изготовиться къ оборонѣ, требуя войска отъ Ростислава. Но Кіевляне и Берендѣи, вѣря искреннему союзу дяди, не вѣрили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить ихъ, Святославъ Всеволодовичь прислалъ сына въ залогъ къ Ростиславу, и полки Великокняжескіе спасли Черниговъ. Изяславъ, устрашенный силою оныхъ, бѣжалъ въ степи ([396]). Тамъ услышалъ онъ, что неосторожный Святославъ отпустилъ союзниковъ и самъ боленъ: чѣмъ желая воспользоваться, Изяславъ снова перешелъ за Десну съ Половцами. Князь Черниговскій дѣйствительно былъ нездоровъ; однакожь съ супругою и съ дѣтьми стоялъ въ полѣ, успѣлъ возвратить Кіевлянъ и мужественно отразилъ варваровъ. Союзники, гонясь за Изяславомъ, приступили къ Вырю, гдѣ оставалась его Княгиня съ казною. Тутъ Воевода Іоаннъ Берладникъ имѣлъ случай доказать ему свое усердіе: защитилъ городъ, и принудилъ осаждающихъ удалиться. Изяславъ отмстилъ имъ ужаснымъ разореніемъ Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, плѣнили въ ней болѣе десяти тысячь людей безоружныхъ, кромѣ множества убитыхъ; но видя превосходство силъ на сторонѣ враговъ, онъ искалъ союзника въ могущественномъ Князѣ Суздальскомъ.

Андрей Георгіевичь, не заботясь о Россіи южной, желалъ господствовать въ сѣверной единовластно и присвоить себѣ древнюю столицу Рюрикову, то есть, выгнать оттуда сыновей Великаго Князя: Святослава Ростиславича изъ Новагорода, а Давида изъ Торжка. Недоброхотствуя отцу ихъ, Андрей вступился за Изяслава, и помолвилъ дочь свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго тогда Княземъ Черниговскимъ въ городѣ Вщижѣ ([397]). Романъ и Рюрикъ, сыновья Великаго Князя, Владѣтель Сѣверскій съ братомъ, Полочане и дружина Галицкая были съ Святославомъ Ольговичемъ; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идетъ отразить ихъ отъ Вщижа, союзники склонились къ миру, и Святославъ Черниговскій снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его какъ старшаго въ родѣ. — Андрей съѣхался съ Изяславомъ въ Волокѣ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу дочери и по-

Андрей за Изяслава.

слалъ сказать Новогородцамъ, что онъ намѣренъ искать ихъ Княженія, не любитъ кровопролитія, но готовъ воевать въ случаѣ сопротивленія. Чиновники
г. 1160. объявили о томъ народу. Слава Андреева давно гремѣла въ Россіи: Новогородцы плѣнились мыслію повиноваться столь знаменитому Князю; однакожь, не имѣя причинъ жаловаться на своего, не вдругъ прибѣгнули къ средствамъ насилія: сперва сказали, что область Новогородская никогда не имѣла двухъ Князей, и что Давидъ долженъ оставить Торжекъ; когда же Святославъ Ростиславичь, угождая имъ, велѣлъ брату выѣхать оттуда въ Смоленскъ, они рѣшились, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять его подъ стражу. Увѣдомленный о семъ намѣреніи, Святославъ не хотѣлъ вѣрить. «Вчера» (говорилъ онъ Боярамъ) «граждане любили меня; вчера я слышалъ ихъ клятвы, видѣлъ общее усердіе.» Въ самое то время народъ вломился во дворецъ, неволею послалъ Князя въ Ладогу, заперъ его жену въ монастырь, разграбилъ казну, оковалъ дружину ([398]). Андрей отправилъ племянника, Мстислава, Намѣстникомъ въ Новгородъ; а Святославъ Ростиславичь ушелъ изъ Ладоги къ отцу, который, въ первую минуту гнѣва, велѣлъ заключить въ душную темницу всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, бывшихъ въ Кіевѣ; но выпустилъ и разослалъ ихъ по городамъ, свѣдавъ съ прискорбіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ скоропостижно умерли въ оной. Хотя Великій Князь досадовалъ на Андрея Суздальскаго, однакожь не думалъ мстить ему кровопролитіемъ, и желалъ спокойствія.

Андрей властвуетъ въ Новгородѣ.

Къ несчастію, онъ не могъ удовлетворить своему искреннему миролюбію. Видя, что Андрей, довольный пріобрѣтеніемъ Новагорода, не расположенъ воевать съ Великимъ Княземъ, безпокойный Изяславъ снова обратился къ Половцамъ, и нашелъ единомышленника въ непостоянномъ Святославѣ Всеволодовичѣ; ихъ сторону взяли также нѣкоторые Бояре Кіевскіе и Черниговскіе, хотѣвшіе неустройства: ибо зло общее бываетъ иногда частною выгодою. Святославъ Ольговичь послалъ сына своего, Олега, въ Кіевъ, гдѣ Великій Князь желалъ дружелюбно угостить его ([399]). Клеветники увѣрили сего юношу, что Ростиславъ тайно готовитъ ему темницу, и легкомысленный Олегъ, не сказавъ ни слова отцу, присталъ къ Изяславу Давидовичу и

Клевета на Ростислава.

Князю Сѣверскому. Святославъ душевно оскорбился вѣроломствомъ сына и племянника въ разсужденіи Великаго Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. «Знай» (говорили они своему Князю) «что Духовникъ Ростиславича ѣздилъ изъ Смоленска къ Изяславу и предлагалъ ему Черниговъ: Государь Кіевскій притворяется другомъ твоимъ, но помогаетъ тебѣ *лѣниво;* и до сего времени ты не видалъ никакой пользы отъ сго союза.» Обманутый клеветою, Черниговскій Князь взялъ сторону брата; однакожь самъ не хотѣлъ участвовать въ войнѣ. Изяславъ съ Союзниками ополчился; стоялъ двѣ недѣли подъ стѣнами Переяславля, убѣждая зятя своего, Глѣба Георгіевича, вооружиться противъ Великаго Князя; не успѣлъ въ томъ, и видя Ростислава готоваго къ битвѣ, удалился. Но вторичное его предпріятіе было счастливѣе: въ теченіе зимы усиленный множествомъ Половцевъ, онъ переправился за Днѣпръ г. 1161. Февраля 8.
выше Кіева и приступилъ къ Подолу, огражденному высокимъ тыномъ ([400]). Тутъ началось сраженіе. Половцы во многихъ мѣстахъ разсѣкли ограду, ворвались въ улицы и зажгли домы. Окруженные пламенемъ, дымомъ и мечами варваровъ, Кіевляне съ Берендѣями въ ужасѣ бѣжали на гору къ Златымъ вратамъ каменной стѣны. Тогда Великій Князь, принявъ совѣтъ дружины, оставилъ Кіевъ, и заключился въ Бѣлгородѣ, ожидая скорой помощи.

Ростиславъ изгнанъ.

Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, освободилъ тамъ многихъ друзей своихъ, бывшихъ подъ стражею, и спѣшилъ осадить Бѣлгородъ. Великій Князь сжегъ деревянныя укрѣпленія или *острогъ*, и четыре недѣли оборонялся въ крѣпости. Напрасно Святославъ Черниговскій склонялъ брата къ общему миру, совѣтуя ему снять осаду, возвратиться за Днѣпръ и ждать всего отъ справедливости. Изяславъ отвѣтствовалъ его Посламъ: «Ежели уйду за Днѣпръ, то союзники оставятъ меня. Чтожь будетъ со мною? Въ степяхъ ли Половецкихъ найду для себя область? Лучше умру здѣсь отъ меча, нежели отъ голода на берегахъ Сейма ([401]).» Онъ говорилъ смѣло, но дѣйствовалъ малодушно: ибо услышавъ, что Торки, Берендѣи, Печенѣги Росьскіе, Мстиславъ Волынскій и Галичане идутъ въ помощь къ Великому Князю, Изяславъ бѣжалъ, и погибъ безъ мужественной обороны: непріятельскій всадникъ,



85

именемъ Выйборъ, разсѣкъ ему саблею голову. Великій Князь и Мстиславъ нашли его плавающаго въ крови, и не могли удержаться отъ слезъ искренней горести. «Вотъ слѣдствіе твоей несправедливости!» сказалъ первый: «недовольный областію Черниговскою, недовольный самымъ Кіевомъ, ты хотѣлъ отнять у меня и Бѣлгородъ!» Изяславъ не отвѣтствовалъ, но просилъ воды; ему дали вина — и сей несчастный Князь, взглянувъ дружелюбно на враговъ сострадательныхъ, скончался. Пишутъ, что онъ въ битвахъ обыкновенно носилъ власяницу брата своего, Николая Святоши, а въ сей день почему-то не хотѣлъ надѣть ее. Разбивъ Половцевъ, Олегову дружину, Черниговскую и Князя Сѣверскаго, взявъ ихъ обозы, побѣдители отослали въ Черниговъ тѣло Изяслава, искренно оплаканнаго братомъ Святославомъ и еще искреннѣе Іоанномъ Берладникомъ. Сей злополучный Галицкій Князь, утративъ въ Изяславѣ единственнаго своего покровителя, уѣхалъ въ Грецію и кончилъ горестную жизнь въ Ѳессалоникѣ, отравленный ядомъ, какъ думали современники. Великій Князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнѣйшему Сѣверскому Владѣтелю, нѣкогда имъ облаготворенному, удовольствовался ихъ новою присягою, и нашелъ способъ дружелюбно раздѣлаться съ Андреемъ, который добровольно уступилъ ему Новгородъ, извѣдавъ безпокойную строптивость его жителей. Обузданные согласіемъ двухъ сильныхъ Государей, они молчали, и Святославъ Ростиславичь возвратился управлять ими (402).

Марта 6.

Смерть Изяслава.

Берладникъ отравленъ въ Греціи.

Ссора и миръ Велик. Князя со Мстиславомъ.

Мирясь съ непріятелями, Ростиславъ оскорбилъ знаменитѣйшаго друга своего и племянника, Мстислава Волынскаго, который возвелъ его на престолъ и удержалъ на ономъ. Великій Князь отдалъ ему въ помѣстье Бѣлгородъ, Триполь, Торческъ, какъ будущему наслѣднику всей Кіевской области. Но пылкій Мстиславъ началъ, кажется, прежде времени господствовать въ оной самовластно, не хотѣлъ слушать выговоровъ дяди, и съ гнѣвомъ уѣхавъ въ Волынію (403), старался угрозами преклонить къ себѣ Владиміра Андреевича, княжившаго въ Пересопницѣ. Сей послѣдній отвѣчалъ ему: «Ты властенъ завоевать мою область, и я готовъ скитаться въ бѣдности съ дѣтьми своими по землямъ чуждымъ; но буду всегда душею и сердцемъ за Ростислава.» Огорченный злобою племянника,

Вѣрность Княжеская.

Великій Князь отнялъ у него города Днѣпровскіе, но съ радостію возвратилъ ему оные, когда Мстиславъ одумался, и прибѣгнулъ къ дядѣ съ извиненіями. — Столь же великодушно поступалъ Великій Князь и съ другими, ближними и дальними родственниками. Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, упорный союзникъ Изяслава Давидовича, самовольно властвовалъ въ Слуцкѣ: Ростиславъ принудилъ Владиміра выѣхать оттуда, но далъ ему пять городовъ Кіевскихъ; а внуку Вячеславову, именемъ Роману, два города въ Смоленской области, Васильевъ и Красный. Мы говорили о Туровскомъ Владѣтелѣ, Юріи Ярославичѣ, внукѣ Святополка-Михаила: отверженный отъ союза двухъ тогда господствующихъ Домовъ Княжескихъ, Мономахова и Черниговскаго, онъ держался единственно своимъ мужествомъ, и счастливо отразилъ приступъ соединенныхъ Князей Волынскихъ, хотѣвшихъ, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его изъ Турова. Великій Князь, любя справедливость, заключилъ съ нимъ миръ. — Тишина внутренняя была тѣмъ нужнѣе, что внѣшніе непріятели, Ляхи, въ сіе время безпокоили западную Россію и грабили въ окрестностяхъ Червена (404).

Г. 1162 — 1163

Удѣлы.

Набѣгъ Ляховъ.

Андрей Георгіевичь, ревностно занимаясь благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ по крайней мѣрѣ свою область: то есть, отмѣнилъ несчастную Систему Удѣловъ, княжилъ единовластно, и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ. Можетъ быть, Бояре первыхъ осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать въ правленіи Князей юныхъ, грабить землю и наживаться. Нѣкоторые думали также, что онъ незаконно властвуетъ въ Суздалѣ, ибо Георгій назначалъ сіе Княженіе для меньшихъ дѣтей; и что народъ, обязанный уважать волю покойнаго Государя, не могъ безъ вѣроломства избрать Андрея (405). Можетъ быть, и братья сего Князя, слѣдуя внушенію коварныхъ Бояръ, изъявляли негодованіе, и мыслили рано или поздно воспользоваться своимъ правомъ. Какъ бы то ни было, Андрей, дотолѣ кроткій во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшился для государственнаго спокойствія на дѣло несправедливое по мнѣнію нашихъ

Единовластіе Андрея.

предковъ: онъ выгналъ братьевъ: Мстислава, Василька, Михаила; также двухъ племянниковъ (дѣтей умершаго Ростислава Георгіевича) и многихъ знатнѣйшихъ Вельможъ Долгорукаго, тайныхъ своихъ непріятелей. Мстиславъ и Василько Георгіевичи, вмѣстѣ съ ихъ вдовствующею родительницею, мачихою Андрея, удалились въ Константинополь, взявъ съ собою меньшаго брата, осьмилѣтняго Всеволода (столь знаменитаго въ послѣдствіи). Тамъ Императоръ Мануилъ принялъ изгнанниковъ съ честію и съ любовію; желалъ ихъ утѣшить благодѣяніями, и далъ Васильку, по извѣстію Россійскихъ и Греческихъ Лѣтописцевъ область Дунайскую.

Изгнаніе братьевъ его въ Грецію.

Г. 1164—1166.

Въ Россіи южной кончина Святослава Черниговскаго произвела несогласіе между сыномъ его и племянникомъ. Святославъ, достопамятный своею привязанностію къ несчастному брату Игорю и миролюбіемъ, оставилъ наслѣдникамъ великое богатство. Старшій его сынъ, Олегъ, находился въ отсутствіи. Черниговскій Епископъ Антоній и Вельможи собралися къ горестной овдовѣвшей Княгинѣ, и боясь хищнаго Владѣтеля Сѣверскаго, рѣшились таить смерть Святослава до Олегова возвращенія. Всѣ дали въ томъ клятву, и во первыхъ Епископъ, хотя Бояре говорили ему: «нужно ли цѣловать крестъ Святителю? любовь твоя къ Дому Княжескому извѣстна.» Но Святитель былъ Грекъ, по словамъ Лѣтописца: хитръ и коваренъ. Онъ въ тотъ же часъ написалъ къ Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нѣтъ въ городѣ; что Княгиня съ меньшими дѣтьми въ изумленіи отъ горести, и что Святославъ найдетъ у нее сокровища несмѣтныя. Сей Князь немедленно отправилъ сына занять Гомель, а Бояръ своихъ въ другія Черниговскія области, и самъ хотѣлъ въѣхать въ столицу. Олегъ предупредилъ его; однакожь добровольно уступилъ ему Черниговъ, взявъ Новгородъ Сѣверскій. Святославъ клялся наградить братьевъ Олеговыхъ иными Удѣлами, и забывъ обѣтъ, присвоилъ себѣ одному города умершаго внучатнаго брата, сына Владимірова, Князя Вщижскаго. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Святославъ уже звалъ Половцевъ; но Великій Князь, будучи тестемъ Олеговымъ, примирилъ ссору и заставилъ Святослава уступить Олегу четыре города (406).

Кончина Святослава: ея слѣдствія.

Вѣроломство Епископа.

Ростиславъ не могъ успокоить однихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. Глѣбовичи, нарушивъ миръ, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошнихъ Князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, въ оковы. Рогволодъ Полоцкій, требуя защиты Государя Кіевскаго, осадилъ Минскъ, и стоявъ тамъ шесть недѣль, освободилъ Васильковичей мирнымъ договоромъ; а послѣ, желая отнять Городокъ у Володаря Глѣбовича, самъ утратилъ Полоцкъ, гдѣ народъ призналъ своимъ Владѣтелемъ его племянника двоюроднаго, Всеслава Васильковича. Сынъ Великаго Князя, Давидъ, господствуя въ Витебскѣ, долженъ былъ вступиться за Всеслава, изгнаннаго мятежнымъ Володаремъ, и снова ввелъ его въ Полоцкъ, къ удовольствію народа (407). Въ сихъ ничтожныхъ, однакожь кровопролитныхъ распряхъ Литовцы служили Кривскимъ Владѣтелямъ какъ ихъ подданные.

Г. 1159—1166.

Безпокойства въ земле Полоцкой.

Давно Россіяне, притупляя мечи въ гибельномъ междоусобіи, не имѣли никакой знаменитой рати внѣшней: Андрей, нѣсколько лѣтъ наслаждавшись мирнымъ спокойствіемъ, вспомнилъ наконецъ воинскую славу юныхъ лѣтъ своихъ, и выступилъ въ поле, соединясь съ дружиною Князя Муромскаго, Юрія Ярославича. Оскорбленный сосѣдственными Болгарами, онъ разбилъ ихъ войско многочисленное, взялъ знамена, и прогналъ Князя. Возвратясь съ конницею на мѣсто битвы, гдѣ пѣхота Владимірская стояла вокругъ Греческаго образа Богоматери, привезеннаго изъ Вышегорода, Андрей палъ предъ святою иконою, слезами изъявилъ благодарность Небу, и желая сохранить память сей важной побѣды, уставилъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею Церковію. Россіяне завладѣли на Камѣ *славнымъ* Болгарскимъ городомъ Бряхимовымъ, и нѣсколько другихъ городовъ обратили въ пепелъ (408).

Война съ Болгарами.

Въ сіе же лѣто Новогородцы одержали побѣду надъ Шведами, которые, овладѣвъ тогда Финляндіею, хотѣли завоевать Ладогу и пришли на судахъ къ устью Волхова. Жители сами выжгли загородные домы свои, ждали Князя, и подъ начальствомъ храбраго Посадника, Нѣжаты, оборонялись мужественно, такъ, что непріятель отступилъ къ рѣкѣ Вороной или Салмѣ (409). Въ пятый день приспѣлъ Святославъ съ Новогородскимъ Посадникомъ Захаріею, напалъ на Шве-

Побѣда надъ Шведами.

довъ и взялъ множество плѣнниковъ; изъ пятидесяти-пяти судовъ ихъ спаслись только двѣнадцать.

Въ окрестностяхъ Днѣпра Половцы не преставали злодѣйствовать и грабить: чтобы унять ихъ, Ростиславъ призвалъ многихъ Князей съ дружинами. Казалось, что онъ хотѣлъ, подобно дѣду Мономаху, прославить себя важнымъ предпріятіемъ и надолго смирить варваровъ; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днѣпру, и нѣсколько времени стоявъ у Канева, разошлося, когда флотъ купеческій благополучно прибылъ изъ Греціи. — За то Сѣверскій Князь и братъ Черниговскаго, при наступленіи зимы, отмѣнно жестокой, съ малочисленною дружиною дерзнули углубиться въ степи Половецкія; взяли станы двухъ Хановъ и возвратились съ добычею, серебромъ и золотомъ (410).

Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ.

Ростиславъ, уже престарѣлый, всего болѣе заботился тогда о судьбѣ дѣтей своихъ: не смотря на слабое здоровье, онъ поѣхалъ въ область Новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ея престолѣ. Угощенный зятемъ Олегомъ въ Чечерскѣ, Великій Князь имѣлъ удовольствіе видѣть искреннюю любовь Смолянъ, которыхъ Послы встрѣтили его верстъ за 300 отъ города. Сынъ Романъ, внуки, Епископъ Мануилъ, вмѣстѣ съ народомъ, привѣтствовали добраго старца: Вельможи, купцы, по древнему обыкновенію, сносили дары Государю. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ, и призвавъ туда знатнѣйшихъ Новогородцевъ, взялъ съ нихъ клятву забыть прежнія неудовольствія на сына его, никогда не искать инаго Князя, *разлучиться съ нимъ одною смертію* (411). Щедро одаренный ими и Святославомъ, успокоенный ихъ согласіемъ, Великій Князь возвратился въ Смоленскъ, гдѣ Рогнѣда, дочь Мстислава Великаго, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться, чтобъ быть погребеннымъ въ церкви, имъ сооруженной. «Нѣтъ,» сказалъ Ростиславъ: «я хочу лежать въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора, вмѣстѣ съ нашимъ отцемъ; а ежели Богъ исцѣлитъ меня, то постригуся въ монастырѣ Ѳеодосіевомъ.» Онъ скончался на пути, тихимъ голосомъ читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христіанскаго умиленія.

г. 1167, Марта 14. Кончина Великаго Князя.

Сей внукъ Мономаховъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ Государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, нежели удовольствія. Онъ не искалъ Великаго Княженія, и дважды возведенный на престолъ онаго, искренно желалъ отказаться отъ власти. Любя Печерскаго Игумена, Поликарпа, Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе всякую Субботу и Воскресенье Великаго поста обѣдать во дворцѣ съ симъ благочестивымъ мужемъ и съ двѣнадцатью братьями Ѳеодосіевой Обители; бесѣдовалъ о добродѣтеляхъ Христіанскихъ, и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобы краткую, *мимотекущую* жизнь посвятить Небу въ безмолвіи монастырскомъ, особенно послѣ кончины Святослава Ольговича; но разумный Игуменъ всегда ему отвѣтствовалъ: «Князь! Небо требуетъ отъ тебя иныхъ подвиговъ; дѣлай правду и блюди землю Русскую (412).» Нѣтъ сомнѣнія, что Государь истинно набожный скорѣе инаго можетъ быть отцемъ народа, если одаренъ свыше умомъ и твердостію. Ростиславъ не отличался великими свойствами отца и дѣда: но любилъ миръ, тишину отечества, справедливость, и боялся запятнать себя кровію Россіянъ.

Его свойства.

Сей Великій Князь былъ другомъ Императора Мануила, и помогалъ ему, какъ Государю единовѣрному, противъ Короля Венгерскаго, Стефана III. Мануилъ тогда же заключилъ союзъ и съ Галицкимъ Княземъ, Ярославомъ. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго выдать дочь свою за Стефана, Императоръ писалъ къ нему, что сей Король есть извергъ вѣроломства, и что супруга такого человѣка безъ сомнѣнія будетъ несчастлива. Письмо имѣло дѣйствіе, и хотя Ярославъ, уже отправивъ невѣсту въ Венгрію, не могъ отмѣнить брака, однакожь взялъ сторону Грековъ. Стефанъ — кажется, досадуя на тестя — развелся съ молодою супругою и женился на дочери Австрійскаго Герцога. — Не смотря на союзъ съ Императоромъ, Галицкій Князь дружески принялъ врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакіева, бѣжавшаго изъ темницы Константинопольской, и далъ ему въ Удѣлъ нѣсколько городовъ (413). Андроникъ, какъ пишутъ Византійскіе Историки, всегда ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ, присутствовалъ въ его Совѣтѣ Государственномъ, жилъ во дворцѣ, обѣдалъ за столомъ Княжескимъ, и собиралъ для себя войско. Изъявивъ не-

Союзъ и бракъ.

Андроникъ живетъ въ Россіи.

удовольствіе Ярославу, Мануилъ прислалъ наконецъ въ Галичь двухъ Митрополитовъ, которые уговорили Андроника возвратиться въ Царьградъ: Епископъ Галицкій, Козьма, и Бояре Ярославовы съ честію проводили его за границу. Сей изгнанникъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ сана Императорскаго: будучи признательнымъ другомъ Россіянъ, онъ подражалъ имъ во нравахъ: любилъ звѣриную ловлю, бѣганіе въ запуски, и низверженный съ престола, хотѣлъ вторично ѣхать въ наше отечество; но былъ пойманъ и замученъ въ Константинополѣ.

Дѣла Церковныя. Ростиславъ въ 1160 году призвалъ изъ Греціи новаго Митрополита, Ѳеодора, умершаго чрезъ три года. Великій Князь, отдавая наконецъ справедливость достоинствамъ изгнаннаго Святителя, Климента, желалъ возвратить ему санъ Архипастыря нашей Церкви, и для того послалъ Вельможу, Юрія Тусемковича, въ Грецію; но сей Бояринъ встрѣтилъ въ Олешьѣ новаго Митрополита, Іоанна, поставленнаго въ Константинополѣ безъ согласія Великокняжескаго. Ростиславъ былъ весьма недоволенъ; однакожь, смягченный дружескимъ письмомъ Мануила и дарами, состоявшими въ бархатахъ и тканяхъ драгоцѣнныхъ, принялъ Греческаго Святителя, съ условіемъ, чтобы впредь Императоръ и Патріархъ не избирали Митрополитовъ Россіи безъ воли ея Государей. — Исполняя требованіе честолюбивыхъ Новогородцевъ, Іоаннъ позволилъ ихъ Епископу, именемъ также Іоанну, мужу добродѣтельному, называться *Архіепископомъ* (414). Сей Митрополитъ, умершій не за-долго до кончины Великаго Князя, славился ученостію, и слыша о желаніи Папы, Александра III, знать особенные Догматы нашей Церкви, писалъ къ нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языкѣ Латинскомъ и достойно Пастыря Христіанскаго. «Не знаю» (говоритъ сочинитель), «какимъ образомъ произошли ереси въ Вѣрѣ Божественной; не понимаю, какъ могутъ Римляне именовать насъ лже-Христіанами. Мы не слѣдуемъ такому примѣру, и считаемъ ихъ своими братьями, хотя и видимъ, что они во многомъ заблуждаются.» Предложивъ ученіе обѣихъ Церквей, и доказавъ согласіе нашего съ Апостольскимъ, добрый Митрополитъ убѣждаетъ Папу возстановить древнее единство Вѣры; кланяется ему отъ имени всего Духовенства, и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ Христіанъ (415).

---

# ГЛАВА XVII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЬ КІЕВСКІЙ. АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ ИЛИ ВЛАДИМІРСКІЙ.

## Г. 1167 — 1169.

---

**Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Бояръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.**

Г. 1167. Сыновья Ростислава, братъ его Владиміръ, народъ Кіевскій и Черные Клобуки — исполняя извѣстную имъ послѣднюю волю умершаго Великаго Князя — звали на престолъ Мстислава Волынскаго. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряженіями въ своемъ частномъ Удѣлѣ, поручилъ Кіевъ племяннику, Васильку Ярополковичу, прислалъ новаго Тіуна въ Кіевъ, и скоро узналъ отъ нихъ, что дядя его, братъ Ярославъ, Ростиславичи и Князь Дорогобужскій Владиміръ Андреевичь, заключивъ тѣсный союзъ, думаютъ самовольно располагать областями; хотятъ присвоить себѣ Брестъ, Торческъ и другіе

87

города ([416]). Мстиславъ оскорбился; призвалъ Галичанъ, Ляховъ, и выступилъ къ Днѣпру съ сильною ратію. Усердно любивъ отца, Кіевляне любили и сына, знаменитаго дѣлами воинскими; народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію, и Князья смирились. Только Владиміръ Мстиславичь, малодушный и вѣроломный, дерзнулъ обороняться въ Вышегородѣ ([417]): Великій Князь могъ бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступилъ ему Котелницу, и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ умыслахъ сего дяди. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. Свиданіе ихъ было въ Обители Печерской. «Еще *не обсохли* уста твои, которыми ты цѣловалъ крестъ въ знакъ искренняго дружества!» говорилъ Мстиславъ, и требовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ оную, безсовѣстный дядя за тайну объявилъ Боярамъ своимъ, что Берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И такъ Отроки будутъ моими Боярами!» сказалъ онъ и пріѣхалъ къ Берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ: ибо сіи варвары, бывъ дѣйствительно съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и Князьями и Боярами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастися бѣгствомъ. Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюроднымъ братомъ, Княземъ Дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздальскому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть; обѣщалъ ему Удѣлъ, и велѣлъ жить въ области Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: «ты свободна: иди, куда хочешь; но могу ли быть съ тобою въ одномъ мѣстѣ, когда сынъ твой ищетъ головы моей и смѣется надъ святостію крестныхъ обѣтовъ?»

Вѣроломство Владиміра.

Андрей тогда же принялъ къ себѣ и другаго изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы — думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву — въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ умыслили изгнать своего Князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки, и велѣлъ объявить Новогородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. «А мы не хотимъ имѣть тебя Княземъ,» отвѣтствовали граждане, клялися въ томъ иконою Богоматери, и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область, и съ помощію Андрея обративъ въ пепелъ Торжекъ, грабилъ окрестности. Съ другой стороны Князь Смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки ([418]). Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя защиты. Могущественный Андрей, дѣйствуя согласно съ Романомъ Смоленскимъ и Всеславомъ Полоцкимъ, хотѣлъ, чтобы Новогородцы смирились предъ Святославомъ. «Вамъ не будетъ инаго Князя,» говорилъ онъ съ угрозами. Но упрямый народъ презиралъ оныя; убилъ Посадника и двухъ иныхъ друзей Святославовыхъ; готовился къ оборонѣ, и просилъ сына у Великаго Князя Мстислава, обѣщаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новогородскіе могли проѣхать въ Кіевъ: ибо на всѣхъ дорогахъ стерегли ихъ и ловили какъ злодѣевъ. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ начальствовалъ умный Посадникъ Якунъ и заставилъ Святослава удалиться отъ Русы: сей Князь, имѣвъ сильное войско союзное, не дерзнулъ вступить въ битву, довольный разореніемъ многихъ селеній, и чрезъ два года умеръ, хвалимый въ лѣтописяхъ за его добродѣтель, безкорыстіе и любовь къ дружинѣ.

Изгнаніе Святослава изъ Новагорода.

Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ сиротствовалъ безъ Князя, съ нетерпѣніемъ ожидая его изъ Кіева. Въ сіе время Мстиславъ былъ занятъ воинскимъ предпріятіемъ. Въ торжественномъ собраніи всѣхъ Князей союзныхъ онъ сказалъ имъ: «Земля Русская, наше отечество, стенаетъ отъ Половцевъ, которые не премѣнили донынѣ ихъ древняго обычая: всегда клянутся быть намъ друзьями, берутъ дары, но плѣняютъ Христіанъ, и множество невольниковъ отводятъ въ свои вежи. Нѣтъ безопасности для купеческихъ судовъ нашихъ, ходящихъ по Днѣпру съ богатымъ грузомъ. Варвары думаютъ совершенно овладѣть торговымъ *путемъ Греческимъ* ([419]). Время прибѣгнуть къ средствамъ дѣйствительнымъ и сильнымъ. Друзья и братья! оставимъ междоусобіе; воззримъ на Небо, обнажимъ мечь, и призвавъ имя Божіе, ударимъ на враговъ. Славно, братья, искать чести въ полѣ и слѣдовъ проложенныхъ тамъ нашими отцами и дѣдами!» Всѣ единодушно изъявили согласіе умереть за Русскую землю, и каждый привелъ свою дружину: Святославъ Черниговскій, Олегъ Сѣверскій, Ростиславичи, Глѣбъ Переяславскій, Михаилъ братъ его, Князья Туровскій и Волын-

Г. 1168. Война съ Половцами.

Рѣчь Мстислава.

скіе. Бояре радовались согласію Государей, и народъ благословлялъ ихъ ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями ([420]): Половцы услышали, и бѣжали отъ Днѣпра, бросая женъ и дѣтей. Князья, оставивъ назади обозъ, гнались за ними, разбили ихъ, взяли многія вежи на берегахъ Орели, освободили Россійскихъ невольниковъ и возвратились съ добычею, съ табунами и плѣнниками, потерявъ не болѣе трехъ человѣкъ. Сію добычу, слѣдуя древнему обыкновенію, раздѣлили между собою Князья, Бояре и воины. Народъ веселился и торжествовалъ побѣду въ день Пасхи. Скоро, къ общему удовольствію, прибылъ благополучно и богатый купеческій флотъ изъ Греціи: Князья ходили съ войскомъ на встрѣчу къ оному, чтобы защитить купцевъ отъ нападенія Половцевъ, еще не совсѣмъ усмиренныхъ.

2 Марта.

Ни Мстиславъ, пируя тогда съ союзниками подъ Каневымъ ([421]), ни Кіевляне, радуясь побѣдѣ и товарамъ Греческимъ, не предвидѣли близкаго несчастія. Одна изъ причинъ онаго была весьма маловажна: Князья жаловались на Мстислава, что онъ, будучи съ ними на берегахъ Орели, тайно посылалъ ночью дружину свою въ слѣдъ за бѣгущими врагами, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ добычею. Два Боярина, удаленные Великимъ Княземъ отъ Двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьевъ, увѣряя Давида и Рюрика, что Мстиславъ намѣренъ заключить ихъ въ темницу ([422]). Легковѣріе свойственно нравамъ грубымъ. Бояре Кіевскіе, знавшіе чистосердечіе Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословія; но Ростиславичи остались въ подозрѣніи, и не согласились выдать клеветниковъ брату, говоря: «кто жь захочетъ впредь остерегать насъ?» Въ то же время дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичь, несправедливо требуя отъ него новыхъ городовъ, сдѣлался ему врагомъ и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Дорогобужъ. Такимъ образомъ Великій Князь лишился друзей и сподвижниковъ, столь нужныхъ въ опасности.

Клевета Бояръ.

Но главною виною паденія его было то, что онъ исполнилъ желаніе Новогородцевъ, и долго медливъ, послалъ наконецъ сына, именемъ Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть ихъ мстителемъ; разорилъ часть Полоцкой области, сжегъ Смоленскій городокъ Торопецъ, плѣнилъ многихъ людей. Андрей Суздальскій вступился за союзниковъ, и не могъ простить Мстиславу, что онъ, какъ бы въ досаду ему, объявилъ себя покровителемъ Новогородцевъ. Можетъ быть, Андрей съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ случай уничтожить первенство Кіева и сдѣлаться Главою Князей Россійскихъ: по крайней мѣрѣ, оставивъ на время въ покоѣ Новгородъ, онъ думалъ только о средствахъ низвергнуть Мстислава, издавна имъ нелюбимаго; тайно согласился съ Ростиславичами, съ Владиміромъ Дорогобужскимъ, Олегомъ Сѣверскимъ, Глѣбомъ Переяславскимъ и съ Полоцкимъ Княземъ; взялъ дружину у Владѣтелей Рязанскаго и Муромскаго, ему покорныхъ; собралъ многочисленную рать; поручилъ ее сыну Мстиславу и Воеводѣ Борису Жидиславичу; велѣлъ имъ итти къ Вышегороду, гдѣ княжилъ тогда Давидъ Ростиславичь и гдѣ надлежало соединиться всѣмъ союзникамъ. Сіе грозное ополченіе *одиннадцати* Князей (въ числѣ коихъ былъ и юный Всеволодъ Георгіевичь, пріѣхавшій изъ Царяграда) шло съ разныхъ сторонъ къ Днѣпру ([423]); а неосторожный Мстиславъ ничего не вѣдалъ, и въ то же время послалъ вѣрнаго ему Михаила Георгіевича, Андреева брата, съ отрядомъ Черныхъ Клобуковъ къ Новугороду ([424]): Ростиславичи схватили сего Князя на пути вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Мстиславъ едва успѣлъ призвать Берендѣевъ и Торковъ, когда непріятели стояли уже подъ стѣнами города; два дни оборонялся мужественно: въ третій союзники взяли Кіевъ *приступомъ:* чего не бывало дотолѣ. Сія, по слову древняго Олега, *мать* городовъ Россійскихъ, нѣсколько разъ осаждаемая и тѣснимая, отворяла иногда Златыя врата свои непріятелямъ; но никто не входилъ въ нихъ *силою.* Побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они Россіяне: въ теченіе трехъ дней грабили, не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы драгоцѣнныя, ризы, книги, самые колокола — и добродушный Лѣтописецъ, желая извинить грабителей, сказываетъ намъ, что Кіевляне были тѣмъ наказаны за грѣхи ихъ, и за нѣкоторыя ложныя церковныя ученія тогдашняго Митрополита Константина!... Мстиславъ ушелъ съ братомъ Ярославомъ въ Волынію, оставивъ жену, сына,

Ненависть Андрея ко Мстиславу.

Г. 1169.

Марта 8. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Бояръ плѣнниками въ рукахъ непріятельскихъ ([425]), и едва не былъ на пути застрѣленъ измѣнниками, Черными Клобуками.

Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Глѣбу; но сей городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ и преемники его уже зависѣли отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался истиннымъ *Великимъ Княземъ Россіи*; и такимъ образомъ городъ Владиміръ, новый и еще бѣдный въ сравненіи съ древнею столицею, заступилъ ея мѣсто, обязанный своею знаменитостію нелюбви Андреевой къ южной Россіи.

**КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.**

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

## ТОМЪ III.

# ИСТОРІЯ
## ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ГЛАВА I.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

### Г. 1169—1174.

**Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Повымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайгатъ или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойства Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки.**

Андрей властвовалъ тогда въ четы-
Г. 1169. Области Андрея. рехъ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской; *отчасти* въ Новогородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской (¹); располагалъ областію Кіевскою; повелѣвалъ Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговскіе и Галицкій оставались независимы: Новгородъ также.

Мстиславъ Андреевичь, утвердивъ дядю на престолѣ Кіевскомъ, спѣшилъ поздравить отца съ симъ важнымъ завоеваніемъ. Оставленный союзниками, Глѣбъ съ безпокойствомъ услышалъ о множествѣ Половцевъ, вступившихъ въ область Днѣпровскую (²). Изъявляя миро-
Набѣгъ Половцевъ. любіе, Послы ихъ говорили: «Мы не хотимъ страшить васъ; не хотимъ и васъ страшиться. Присягнемъ же другъ другу въ любви и согласіи!» Но когда Глѣбъ осыпалъ дарами Половцевъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, чтобы скорѣе удалить опасность отъ двѣнадцатилѣтняго сына своего, Владиміра, княжившаго въ Переяславлѣ: въ то самое время другія толпы сихъ варваровъ, бывшія у Корсуня, жгли и грабили церковныя села, приписанныя къ Десятинному храму Богоматери. Глѣбъ, не имѣя готоваго войска, хотѣлъ съ малымъ числомъ гнаться за разбойниками, которые уже бѣжали къ степямъ своимъ; но Берендѣи не пустили его. «Государь Кіевскій (сказали они) не выходитъ въ поле безъ сильной рати и безъ союзниковъ. У тебя есть меньшій братъ и мы, вѣрные слуги.» Князь Михаилъ Георгіевичь, взявъ 100 Переяславцевъ и 1500 Берендѣевъ, настигъ Половцевъ; умертвилъ ихъ стражу, и началъ битву. Берендѣи и тутъ оказали усердіе: схватили за узду коня Михаилова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идутъ впередъ, оставляя его за собою какъ твердую опору. «Враги (по словамъ Лѣтописца) превосходствовали числомъ, а наши мужествомъ: на всякое копіе Русское было десять Половецкихъ.» Знаменоносецъ Михаиловъ палъ въ рядахъ, и непріятели сорвали его хоругвь съ древка. Воевода Княжескій, наткнувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменосца непріятельскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а третьимъ въ руку: Князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ 1500 плѣнныхъ, освободивъ великое число Русскихъ невольниковъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжить спокойно. Изгнанный изъ Кіева Мстиславъ Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ.
Изяславичь, гордый, воинственный подобно родителю, считалъ свое изгнаніе минутнымъ безвремяньемъ и думалъ такъ же управиться съ сыновьями Дол-

горукаго, какъ Изяславъ II управлялся съ ихъ отцемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея Князя, Владиміра Андреевича, ему измѣнившаго (³). Владиміръ лежалъ на смертномъ одрѣ: города пылали, жителей тысячами отводили въ плѣнъ; въ числѣ ихъ попался въ руки непріятелю и знаменитый пѣстунъ Княжескій, Бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ обѣщаннаго вспоможенія отъ Глѣба, несчастный Владиміръ умеръ, и разоренная область его досталась Владиміру Мстиславичу, столь извѣстному вѣроломствомъ. Сей недостойный внукъ Мономаховъ, ознаменованный стыдомъ и презрѣніемъ, отверженный Князьями и народомъ, долго странствовалъ изъ земли въ землю, былъ въ Галичѣ, въ Венгріи, въ Рязани, въ степяхъ Половецкихъ; наконецъ прибѣгнулъ къ великодушію своего гонителя, Мстислава; вымолилъ прощеніе, и съ его согласія въѣ-
г. 1170. халъ въ Дорогобужъ, давъ обѣтъ вдовствующей Княгинѣ и тамошнимъ Боярамъ не касаться ихъ имѣнія. На другой же день онъ преступилъ клятву, отнялъ у нихъ все, что могъ, и выгналъ горестную невѣстку, которая, взявъ тѣло супруга, повезла оное въ Кіевъ. Туда шелъ и Мстиславъ, усиленный дружинами Князей Городненскихъ, Туровскою и Владиміра Мстиславича; а нерадивый Глѣбъ, въ одно время свѣдавъ о кончинѣ Владиміра Андреевича и приближеніи Мстислава, отправилъ Игумена Поликарпа встрѣтить гробъ перваго и спѣшилъ уѣхать въ Переяславль, ибо сомнѣвался въ вѣрности Кіевлянъ. Но Давидъ бодрствовалъ въ Вышегородѣ. Къ нему привезли тѣло Дорогобужскаго Князя, оставленное Боярами, которые не смѣли явиться въ Кіевѣ, гдѣ они не давно злодѣйствовали вмѣстѣ съ Суздальцами. Игуменъ Лавры, Поликарпъ, требовалъ воиновъ у Давида, чтобы вести за гробомъ коней Княжескихъ и держать знамя надъ онымъ. «Мертвымъ нѣтъ нужды ни въ чести, ни въ знаменахъ,» отвѣтствовалъ Князь: «непріятель идетъ; моя дружина готовится къ битвѣ: даю тебѣ только Игуменовъ и Священниковъ.» Зная, что Мстиславъ уже близко, и что народъ волнуется въ Кіевѣ, Давидъ не пустилъ туда горестной супруги Владиміровой, для ея безопасности; самъ выжегъ окрестности своего города, и ждалъ непріятеля.

Мстиславъ безъ сопротивленія вошелъ въ Кіевъ. Граждане столицы и Берендѣи встрѣтили его какъ друга: первые искренно, вторые лицемѣрно, доброхотствуя Глѣбу. Не теряя времени, Мстиславъ приступилъ къ Вышегороду; сталъ предъ Златыми вратами, въ садахъ; бился съ утра до вечера, не жалѣя крови; хотѣлъ непремѣнно взять крѣпость. Но союзники измѣнили ему. Воевода Галицкій объявилъ мнимое повелѣніе своего Князя щадить людей и не стоять долго подъ Вышегородомъ. Другіе также охладѣли въ усердіи; а Берендѣи и Торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшеніе войска, силу непріятеля, и слыша, что Глѣбъ идетъ съ Половцами къ Кіеву, Мстиславъ снялъ осаду; удалился въ Волынію съ горестію, однакожь не безъ надежды быть впредь счастливѣе. Онъ дѣйствительно не замедлилъ снова ополчиться, узнавъ, что его племянникъ, Василько Ярополковичь, разбитый Половцами, тѣснимый въ Михайловѣ (близъ Кіева), и принужденный искать мира, выѣхалъ въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матери); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія городокъ Михайловъ, истребляя всѣ памятники Мстиславова княженія въ странахъ Днѣпровскихъ. Но внезапная болѣзнь обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, онъ поручилъ сыновей брату Ярославу, взялъ съ него клятву не касаться ихъ Удѣловъ, и преставился въ Владимірѣ съ именемъ Властителя умнаго, бодраго. Лѣтописцы Польскіе, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустаго. Кончина Мстислава.

Россія сѣверная въ то же время была ѳеатромъ важнаго происшествія. Могущественный Андрей, покоривъ древнюю южную столицу Государства, думалъ смирить Новогородцевъ и тревожилъ ихъ чиновниковъ, которые ѣздили собирать подати за Онегою. Первыя непріятельскія дѣйствія еще болѣе возгордили сихъ надменныхъ друзей вольности: они съ малымъ числомъ разбили на Бѣлѣозерѣ сильный отрядъ Суздальскій, и взяли дань съ Андреевой области (⁴). Тогда Великій Князь рѣшился однимъ ударомъ сразить ихъ гордыню. Князья Смоленскій, Рязанскій, Муромскій, Полоцкій, вторично соединили свои дружины съ его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная лѣтами, уже не Война Андреева съ Новогородомъ.

пылала воинскимъ славолюбіемъ: онъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ратію, и въ надеждѣ на счастіе или мужество сына своего, Мстислава, снова ввѣрилъ ему начальство. Вся Россія съ любопытствомъ ожидала слѣдствій предпріятія грознаго, справедливаго по мнѣнію современниковъ безпристрастныхъ. «Правда» (говорили они) «что Ярославъ Великій, желая изъявить Новогородцамъ вѣчную благодарность за ихъ усердіе, даровалъ имъ свободу *избирать* себѣ Князей изъ его достойнѣйшихъ потомковъ; но сей Князь безсмертный предвидѣлъ ли всѣ злоупотребленія свободы? предвидѣлъ ли, что народъ, упоенный самовластіемъ, будетъ ругаться надъ священнымъ саномъ Государей, внуковъ и правнуковъ своего незабвеннаго благотворителя; будетъ давать клятву съ намѣреніемъ преступить оную; будетъ заключать Князей въ темницу, изгонять ихъ съ безчестіемъ? Злоупотребленіе уничтожаетъ право, и Великій Князь Андрей былъ избранъ Небомъ для наказанія вѣроломныхъ» (5). Читая въ лѣтописяхъ такія разсужденія, можемъ заключить, что современники желали успѣха Андрею: одни по уваженію и любви къ достоинству Князей Россійскихъ, уничижаемыхъ тогда Новогородцами; другіе, можетъ быть, отъ зависти къ избытку и благосостоянію сего народа торговаго. Паденіе Кіева предвѣщало гибель и Новогородской независимости: шло то же войско; тотъ же Мстиславъ велъ оное. Но Кіевляне, пріученные мѣнять Государей и жертвовать побѣдителю побѣжденнымъ, сражались только за честь Князя; а Новогородцы за права собственныя, за уставы отцевъ, которые бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вмѣсто того, чтобы грозить казнію однимъ главнымъ виновникамъ послѣдняго мятежа (ибо цѣлый народъ никогда самъ собою не дѣйствуетъ) или врагамъ изгнаннаго Святослава, за коего Великій Князь вступался: Мстиславъ Андреевичь въ области Новогородской жегъ села, убивалъ земледѣльцевъ, бралъ женъ и дѣтей въ рабство. Слухъ о такихъ злодѣйствахъ, вопль, отчаяніе невинныхъ жертвъ воспламенили кровь Новогородцевъ. Юный Князь ихъ, Романъ Мстиславичь, и Посадникъ Якунъ взяли всѣ нужныя мѣры для защиты (6): укрѣпили городъ тыномъ; вооружили множество людей. Непріятели, на трехъ стахъ верстахъ оставивъ за собою одинъ пепелъ и трупы, обступили Новгородъ, требуя, чтобы мятежники сдалися. Нѣсколько разъ съ обѣихъ сторонъ съѣзжались чиновники для переговоровъ и не могли согласиться; въ четвертый день началася битва, кровопролитная, ужасная. Февраля 25. Новогородцы напоминали другъ другу о судьбѣ Кіева, опустошеннаго союзнымъ войскомъ: о церквахъ разграбленныхъ, о святыняхъ и древностяхъ похищенныхъ; клялися умереть за вольность, за храмъ Софіи, и бились съ остервененіемъ. Архіепископъ Іоаннъ, провождаемый всѣмъ Клиросомъ, вынесъ икону Богоматери и поставилъ на внѣшнемъ деревянномъ укрѣпленіи или острогѣ: Игумены, Іереи пѣли святыя пѣсни; народъ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй!* Стрѣлы сыпались градомъ: разсказываютъ, что одна изъ нихъ, пущенная воиномъ Суздальскимъ, ударилась въ икону; что сія икона въ то же мгновеніе обратилась лицемъ къ городу; что слезы капали съ образа на фелонъ Архіепископа, и что гнѣвъ Небесный навелъ внезапный ужасъ на полки осаждающихъ. Новогородцы одержали блестящую, совершенную побѣду, и приписавъ оную чудесному заступленію Маріи, уставили ежегодно торжествовать ей 27 Ноября праздникъ благодарности (7). Чувство живой Вѣры, возбужденное общимъ умиленіемъ, святыми церковными обрядами и ревностнымъ содѣйствіемъ Духовенства, могло весьма естественнымъ образомъ произвести сіе чудо, то есть, вселить въ сердца мужество, которое, изумляя врага, одолѣваетъ его силу. Новогородцы видѣли въ Андреевыхъ воинахъ не только своихъ злодѣевъ, но и святотатцевъ богопротивныхъ: мысль, что за насъ Небо, дѣлаетъ храбраго еще храбрѣе. Побѣдители, умертвивъ множество непріятелей, взяли столько плѣнныхъ, что *за гривну отдавали десять Суздальцевъ* (какъ сказано въ Новогородской лѣтописи), болѣе въ знакъ презрѣнія, нежели отъ нужды въ деньгахъ. — Бѣгущій Мстиславъ былъ наказанъ за свою лютость: воины его на возвратномъ пути не находили хлѣба въ мѣстахъ опустошенныхъ ими, умирали съ голода, отъ болѣзней, и древній Лѣтописецъ говоритъ съ ужасомъ, что они тогда, въ *Великій постъ,* ѣли *мясо* коней своихъ.

Казалось, что Новогородцы, столь озлобленные Боголюбскимъ, долженствовали

91

навѣки остаться его врагами; но (къ удивленію современниковъ), чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнавъ Князя своего, Романа, они вошли въ дружелюбное сношеніе съ Андреемъ: ибо терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и другихъ вещахъ необходимыхъ, получаемыхъ ими изъ сосѣдственныхъ областей Россійскихъ. Четверть ржи стоила тогда въ Новѣгородѣ около рубля сорока-трехъ копеекъ нынѣшними серебряными деньгами (8). Довольные славою одержанной побѣды, не желая новыхъ бѣдствій войны и щадя народъ, чиновники, Архіепископъ, люди нарочитые предложили миръ Боголюбскому, по тогдашнему выраженію, *на всей волѣ своей*, то есть, не уступая правъ Новогородскихъ: Великій Князь принялъ оный, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, вмѣсто умершаго Святослава, княжилъ въ Новѣгородѣ братъ его, Рюрикъ Ростиславичь, который господствовалъ въ Овручѣ, не хотѣлъ перемѣны, и единственно въ угодность Андрею выѣхавъ оттуда, приказалъ сей Удѣлъ Волынскій брату Давиду.

Миръ.

Августа 8.

Сѣверныя области успокоились: въ южныхъ снова свирѣпствовали Половцы, которые на сей разъ пришли изъ за-рѣки Буга, отъ береговъ Чернаго моря. Глѣбъ Кіевскій, отягченный болѣзнію, не могъ защитить бѣдныхъ земледѣльцевъ; но храбрый Михаилъ и юный братъ его, Всеволодъ Георгіевичь, съ Торками и Берендѣями разбили хищниковъ. Воевода Михаиловъ, Володиславъ, далъ Князю совѣтъ умертвить плѣнныхъ: ибо другія толпы непріятелей были еще впереди. Сія жестокость казалась тогда спасительною мѣрою безопасности. Освободивъ 400 Россіянъ, сыновья Георгіевы возвратились оплакать кончину Глѣба, благонравнаго (по сказанію Лѣтописцевъ), вѣрнаго въ словѣ и милосердаго (9).

Набѣгъ Половцевъ.

Кончина Глѣба.

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить преемника Глѣбова, когда Ростиславичи, Давидъ и Мстиславъ, послали въ Волынію за дядею своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чтобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ нихъ, господствуя только именемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Луцкаго и сыновей его брата, Владиміръ, не сказавъ имъ ни слова, уѣхалъ изъ Дорогобужа, и былъ возведенъ племянниками на Кіевскій престолъ, къ неудовольствію гражданъ и Боголюбскаго, который хотя унизилъ сію столицу, однакожь думалъ, что Князь, славный только вѣроломствомъ, не достоинъ именоваться наслѣдникомъ ея древнихъ Самодержцевъ (10). Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавшихъ дядю, Андрей велѣлъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева; но Владиміръ, княживъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный криводушіемъ и всѣми презираемый: ибо не имѣлъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и мужества, коими другіе Князья, столь часто ему подобные въ вѣроломствѣ, закрашивали свои преступленія. Тогда Андрей, соединяя честолюбіе съ благороднымъ безкорыстіемъ, и какъ бы желая великодушіемъ устыдить Ростиславичей, объявилъ имъ, что они, давъ слово быть ему послушными какъ второму отцу, имѣютъ право ждать отъ него милости, и что онъ уступаетъ Кіевъ брату ихъ, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностію Великаго Князя, Романъ поручилъ Смоленскъ сыну Ярополку и въѣхалъ въ столицу Кіевскую при изъявленіяхъ всеобщей радости жителей, любившихъ въ немъ добродѣтели отца его: справедливость и незлобіе. Онъ торжествовалъ вмѣстѣ и свое восшествіе на престолъ и побѣду, одержанную Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ (близъ урочища Олтавы и рѣки Ворсклы) надъ Кобякомъ и Кончакомъ, Ханами Половецкими. Юный Игорь самъ вручилъ ему *сайгатъ* или трофеи, въ знакъ уваженія; былъ одаренъ Ростиславичами и весело праздновалъ съ ними въ Вышегородѣ день Святыхъ Бориса и Глѣба (11).

г. 1171. 15 Февраля.

10 Мая. Смерть вѣроломнаго Владиміра.

Кіевъ отданъ Смоленскому Князю.

Іюль.

Сайгатъ или трофеи Половецкіе.

Не уважая Кіева, Андрей старался подчинить себѣ Новгородъ, уже не силою, но дружбою и справедливостію. Рюрикъ не долго былъ тамъ Княземъ: выгнавъ Посадника Жирослава (ушедшаго къ Боголюбскому), онъ не могъ жить съ гражданами въ мирѣ, и скоро уѣхалъ къ братьямъ. На его мѣсто Андрей съ удовольствіемъ далъ Новогородцамъ юнаго сына своего, Георгія, и самъ рѣшилъ ихъ важнѣйшія дѣла гражданскія, по коимъ Архіепископъ Іоаннъ ѣздилъ на совѣтъ къ нему въ Владиміръ. Народъ, въ угодность Великому Князю, снова призналъ Жирослава главнымъ своимъ чиновникомъ; а Великій Князь, въ угодность народу, согласился чрезъ годъ на избраніе другаго Посадника (12).

Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ.

Въ то время Андрей имѣлъ опять вой-

Война съ Болгарами. ну съ Болгарами, желая ли отмстить имъ за какія обиды, или обогатиться добычею въ странѣ торговой. Рязанцы и Муромцы соединились съ его сыномъ, Мстиславомъ, на устьѣ Оки и зимою пришли къ берегамъ Камы, но въ маломъ числѣ: ибо люди отбывали отъ зимняго похода, труднаго въ мѣстахъ большею частію ненаселенныхъ, гдѣ лежатъ глубокіе снѣга и часто свирѣпствуютъ мятели (13). Главный Воевода Андреевъ, Борисъ Жидиславичь, взявъ шесть Болгарскихъ деревень и седьмый городокъ, умертвивъ жителей, плѣнивъ женъ и дѣтей, совѣтовалъ Князьямъ итти назадъ. 6000 Болгаровъ гнались за ними и едва не настигли Мстислава близъ границы, верстахъ въ 20 отъ устья Оки. Сей Князь, возвратясь въ столицу, кончилъ жизнь въ юности. Пользуясь довѣренностію отца въ дѣлахъ ратныхъ, онъ безъ сомнѣнія отличался мужествомъ.

Горестный Андрей, оплакивая смерть достойнаго сына, не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, ни властолюбія. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Вѣроятно, что Рюрикъ, принужденный отказаться отъ Новагорода, винилъ въ томъ не одну строптивость его жителей, но и хитрость Великаго Князя, столь охотно взявшаго на себя быть ихъ Главою. Вѣроятно, что и Великій Князь, извѣдавъ гордость Ростиславичей, въ особенности Давида и Мстислава, искалъ случая унизить оную безъ явнаго нарушенія справедливости. По крайней мѣрѣ счастливое согласіе между ими не продолжилось. Вѣря, искренно или притворно, какому-то ложному внушенію, Андрей далъ знать Ростиславичамъ, что Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ не естественною смертію, и что тайнымъ убійцею его былъ Вельможа Григорій Хотовичь, котораго они, вмѣстѣ съ другими участниками сего злодѣянія, должны прислать къ нему въ Владиміръ для казни (14). Романъ не сдѣлалъ того изъ жалости къ людямъ невиннымъ, безсовѣстно оклеветаннымъ; а гнѣвный Андрей, велѣвъ Ростиславичамъ выѣхать изъ областей южныхъ, отдалъ Кіевъ храброму Михаилу, княжившему въ Торческѣ. Тихій Романъ не спорилъ и возвратился въ Смоленскъ; но его братья, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ, жаловались на сію несправедли-
г. 1173. вость, и видя, что Великій Князь презираетъ ихъ жалобы, вступили ночью въ Кіевъ, захватили тамъ Всеволода Георгіевича вмѣстѣ съ племянникомъ Андреевымъ, Ярополкомъ (15); осадили Михаила въ Торческѣ, и заключили съ нимъ особенный миръ, уступивъ ему Переяславль, а себѣ взявъ столицу Кіевскую, гдѣ Рюрикъ, возведенный братьями на ея престолъ, хотѣлъ господствовать независимо отъ Андрея. Въ сіе время жилъ у Михаила юный Князь Галицкій, Владиміръ Ярославичь, сынъ его сестры, Ольги Георгіевны. Происшествія въ Галичѣ. Ярославъ, имѣя слабость къ одной злонравной женщинѣ, именемъ Анастасіи, не любилъ супруги, и такъ грубо обходился съ нею, что она рѣшилась бѣжать съ сыномъ въ Польшу. Многіе Бояре Галицкіе, доброхотствуя имъ, дерзнули на явный бунтъ: вооружили народъ, умертвили нѣкоторыхъ любимцевъ Княжескихъ, сожгли Анастасію, заточили ея сына и невольно примирили Ярослава съ супругою. Миръ, вынужденный угрозами и злодѣйствомъ, не могъ быть искреннимъ: усмиривъ или обуздавъ мятежныхъ Бояръ, Ярославъ новыми знаками ненависти къ Княгинѣ Ольгѣ и къ Владиміру заставилъ ихъ вторично уйти изъ Галича. Владиміръ искалъ покровительства Ярослава Изяславича Луцкаго и его племянниковъ, обѣщавъ имъ со временемъ возвратить Волынскіе города, Бужскъ и другіе; но Князь Галицкій требовалъ, чтобы они выдали ему сего несчастнаго, и грозился опустошить пламенемъ всю область Луцкую (16). Тогда Владиміръ прибѣгнулъ къ своему дядѣ Михаилу: а Михаилъ, не пустивъ его ни къ Святославу Черниговскому (тестю Владимірову), ни къ Андрею, велѣлъ ему, въ угодность Ростиславичамъ, друзьямъ Князя Галицкаго, возвратиться къ отцу, готовому простить сына. За то Рюрикъ освободилъ Всеволода Георгіевича, удержавъ одного Ярополка плѣнникомъ въ Кіевѣ: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну съ Андреемъ, хотѣли имѣть важнаго аманата въ рукахъ своихъ. Братъ Ярополковъ, высланный ими изъ Триполя, долженъ былъ уѣхать въ Черниговъ (17).

Святославъ Черниговскій и всѣ Олеговы внуки радовались междоусобію Мономахова потомства. «Не уже ли не вступишься за честь свою!» говорили ихъ Послы Великому Князю: «враги твои суть наши; мы всѣ готовы къ войнѣ.» Андрей, еще болѣе подвигнутый ими на злобу, отправилъ Княжескаго Мечника, именемъ Михна, сказать Ростиславичамъ: «Вы мятежники. Область Кіевская есть мое достояніе. Да удалит-

92

ся Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату, а Давидъ въ Берладъ: не хочу терпѣть его въ землѣ Русской, ни Мстислава, главнаго виновника злу.» Сей послѣдній, какъ пишутъ современники, навыкъ отъ юности не бояться никого, кромѣ Бога единаго ([18]). Въ пылкой досадѣ онъ велѣлъ остричь голову и бороду Послу Андрееву. «Теперь иди къ своему Князю,» сказалъ Мстиславъ: «повтори ему слова мои: доселѣ мы уважали тебя какъ отца; но когда ты не устыдился говорить съ нами какъ съ твоими *подручниками* и людьми простыми, забывъ нашъ Княжескій санъ, то не страшимся угрозъ; исполни оныя: идемъ на судъ Божій.» Свѣдавъ безчестіе своего Посла и сей гордый отвѣтъ, Андрей, по выраженію Лѣтописца, омрачился гнѣвомъ, и собравъ 50,000 воиновъ Суздальскихъ, Бѣлозерскихъ, Новогородскихъ, Муромскихъ, Рязанскихъ, вручилъ предводительство юному Георгію Новогородскому, тогда уже единственному его сыну, и Вельможѣ Борису Жидиславичу. Онъ велѣлъ имъ изгнать Рюрика съ Давидомъ, а дерзкаго Мстислава привести въ Владиміръ. Рать, столь многочисленная, была еще усилена дружинами всѣхъ иныхъ Князей, подчиненныхъ Андрею: Кривскихъ или Полоцкихъ, Туровскаго, Городненскаго, Пинскаго, даже и Смоленскаго: ибо Романъ не смѣлъ ослушаться Великаго Князя, сколь ни любилъ братьевъ. Всѣ полки соединились въ Черниговской области, и старшій изъ Князей, Святославъ, внукъ Олеговъ, принялъ главное начальство. Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи, вмѣстѣ съ тремя племянниками, встрѣтили ихъ на берегу Днѣпра. Они вступили въ Кіевъ безъ сопротивленія: ибо Рюрикъ удалился оттуда въ Бѣлгородъ, а Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ заключился въ Вышегородѣ; самъ же Давидъ уѣхалъ въ Галичь требовать вспоможенія отъ Ярослава Владимірковича. Взявъ съ собою еще множество Кіевлянъ, Берендѣевъ, Торковъ, Святославъ Черниговскій и болѣе двадцати Князей осадили Вышегородъ. Шумный, необозримый станъ ихъ былъ предметомъ удивленія для жителей Днѣпровскихъ. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстію людей, казалась цѣлію недостойною такого великаго ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но въ сей ничтожной крѣпости бодрствовалъ Герой, а въ станѣ осаждающихъ не доставало ни усердія, ни согласія. Одни Князья не любили самовластія Андреева, другіе коварства Святославова: нѣкоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичамъ. Стояли девять недѣль, отъ 8 Сентября до самой глубокой осени; бились ежедневно, съ обѣихъ сторонъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мстиславъ ожидалъ Галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславичь Луцкій, также союзникъ Андреевъ. Сей Князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ хотѣлъ столицы Кіевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, которые охотно согласились на всѣ его требованія. Когда же Ярославъ явно взялъ ихъ сторону и съ полками своими двинулся къ Бѣлугороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ, станъ осаждающихъ представилъ зрѣлище удивительной тревоги и наконецъ всеобщаго бѣгства. Не слушая ни Воеводъ, ни Князей, малодушные вопили: «мы гибнемъ! Ярославъ измѣнилъ, Берендѣи измѣнятъ, Галичане идутъ; будемъ окружены, побиты на голову!» и ночью бросались толпами въ рѣку. Герой Мстиславъ стоялъ на стѣнѣ: при свѣтѣ утренней зари видя сіе непонятное бѣгство войска многочисленнаго, какъ бы сверхъестественною силою гонимаго, низвергаемаго во глубину Днѣпра, онъ едва вѣрилъ глазамъ — поднялъ руки къ небу; восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышегорода, Бориса и Глѣба; сѣлъ на коня и спѣшилъ довершить ударъ; топилъ, плѣнялъ людей; взялъ станъ непріятельскій, обозы — и съ того времени считался храбрѣйшимъ изъ Князей Россійскихъ. Лѣтописцы, осуждая надменность Андрея и союзъ его съ Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносятъ хвалами Мстислава, ознаменованнаго чудеснымъ покровительствомъ Неба въ ратоборствѣ съ сильными.

Свойство Мстислава Храбраго.

Осада Вышегорода.

Ярославъ Луцкій въѣхалъ въ Кіевъ, а сынъ Андреевъ возвратился въ Суздальскій Владиміръ съ неописаннымъ стыдомъ, безъ сомнѣнія весьма чувствительнымъ для отца; но умѣя повелѣвать движеніями своей души, Андрей не изъявилъ ни горести, ни досады, и снесъ уничиженіе съ кротостію Христіанина, приписывая оное, можетъ быть — равно какъ и бѣдственную осаду Новагорода —

гнѣву Божію на Суздальцевъ за опустошеніе святыхъ церквей Кіевскихъ въ 1169 году. Сія мысль смирила, кажется, его гордость. Онъ не хотѣлъ упорствовать въ злобѣ на Ростиславичей, не думалъ мстить Ярославу за измѣну и не мѣшалъ ему спокойно властвовать въ Кіевѣ, къ прискорбію Святослава Черниговскаго, коего искусство государственное состояло въ томъ, чтобы ссорить Мономаховыхъ потомковъ. Сей Князь, не имѣя надежды вооружить Андрея, началъ требовать Удѣла отъ Ярослава, говоря: « Ты обѣщалъ подъ Вышегородомъ дать мнѣ область, когда сядешь на престолѣ Святаго Владиміра; нынѣ, сидя на ономъ — право ли, *криво* ли, не знаю, — исполни обѣщаніе. У насъ одни предки: я не Ляхъ, не Угринъ. » Ярославъ сухо отвѣтствовалъ, что онъ господствуетъ въ Кіевѣ не по милости Ольговичей, и что родъ ихъ долженъ искать Удѣловъ только на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князь Черниговскій замолчалъ; но въ тишинѣ собралъ войско, внезапно изгналъ Ярослава, плѣнилъ его жену, сына, Бояръ, и ограбивъ дворецъ, ушелъ назадъ. Кіевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя, въ ожиданіи, кто захочетъ быть ихъ Княземъ. Ярославъ возвратился; и думая, что они сами тайно призвали Святослава, обложилъ данію всѣхъ гражданъ, даже Поповъ, Монаховъ, иноземныхъ купцевъ, Католиковъ [19]. « Мнѣ надобно серебро, чтобы выкупить жену и сына, » говорилъ озлобленный Князь, и наказавъ Кіевлянъ, виновныхъ единственно своею къ нему холодностію, заключилъ миръ съ Святославомъ, который жегъ тогда область брата, Олега Сѣверскаго.

Г. 1174. Коварство Черниговскаго Князя.

Сей миръ казался Ростиславичамъ малодушіемъ, а тягостная дань, возложенная на Кіевъ, несправедливостію. Огорченные Андреемъ, но внутренно уважая въ немъ старѣйшаго изъ Князей, достойнаго быть ихъ Главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшее и взаимнымъ искреннимъ согласіемъ успокоить южную Россію: для того хотѣли, чтобы Великій Князь, какъ ея законный покровитель, снова уступилъ Кіевъ Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, не любимаго народомъ и неспособнаго блюсти древнюю столицу Государства. Андрей, довольный ихъ уваженіемъ, обѣщалъ посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеволодомъ; писалъ къ нимъ въ Торческъ, и не дождался отвѣта, кончивъ жизнь отъ руки своихъ любимцевъ.

Великій Князь, женатый — по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ [20] — на дочери убіеннаго Боярина Кучка, осыпалъ милостями ея братьевъ. Одинъ изъ нихъ приличился въ какомъ-то злодѣйствѣ, и заслужилъ казнь. Другой, именемъ Іоакимъ, возненавидѣлъ Государя и благотворителя за сіе похвальное дѣйствіе правосудія; внушалъ друзьямъ своимъ, что имъ будетъ со временемъ такая же участь; что надобно умереть или умертвить Князя, ожесточеннаго старостію; что безопасность есть законъ каждаго, а мщеніе должность [21]. Двадцать человѣкъ вступили въ заговоръ. Никто изъ нихъ не былъ лично оскорбленъ Княземъ; многіе пользовались его довѣренностію: зять Іоакимовъ, Вельможа Петръ (у коего въ домѣ собирались заговорщики), Ключникъ Анбалъ Ясинъ, чиновникъ Ефремъ Моизовичь. Въ глубокую полночь они пришли ко дворцу въ Боголюбовѣ (нынѣ селѣ въ 11 верстахъ отъ Владиміра), ободрили себя виномъ и крѣпкимъ медомъ въ Княжескомъ погребѣ, зарѣзали стражей, вломились въ сѣни, въ горницы, и кликали Андрея. Съ нимъ находился одинъ изъ его Отроковъ. Услышавъ голосъ Великаго Князя, злодѣй отбили дверь *ложницы* или спальни. Андрей напрасно искалъ меча своего, тайно унесеннаго Ключникомъ Анбаломъ: сей мечь принадлежалъ нѣкогда Святому Борису [22]. Два человѣка бросились на Государя: сильнымъ ударомъ онъ сшибъ перваго съ ногъ, и товарищи въ темнотѣ умертвили его вмѣсто Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорилъ извергамъ: «за что проливаете кровь мою? рука Всевышняго казнитъ убійцъ и неблагодарныхъ!» . . . наконецъ упалъ на землю. Въ страхѣ, въ замѣшательствѣ, они схватили тѣло своего товарища и спѣшили удалиться. Андрей въ безпамятствѣ вскочилъ, бѣжалъ за ними, громко стеная. Убійцы возвратились; зажгли свѣчу, и слѣдомъ крови Андреевой дошли въ сѣняхъ до столпа лѣсницы, за коимъ сидѣлъ несчастный Князь. Петръ отрубилъ ему правую руку; другіе вонзили мечи въ сердце: Андрей успѣлъ сказать: «Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» и скончался.

Убіеніе Андрея.

29 Іюня.

Умертвивъ еще перваго любимца Княжескаго, Прокопія, заговорщики овладѣли казною государственною, золотомъ,

драгоцѣнными каменьями; вооружили многихъ Дворянъ ([23]), пріятелей, слугъ, и послали объявить Владимірской дружинѣ или тамошнимъ Боярамъ о смерти Великаго Князя, называя ихъ своими единомышленниками. «Нѣтъ,» отвѣтствовали Владимірцы: «мы не были и не будемъ участниками вашего дѣла.» Но граждане Боголюбскіе взяли сторону убійцъ; расхитили дворецъ, серебро, богатыя одежды, ткани. — Тѣло Андреево лежало въ огородѣ: Кіевлянинъ, именемъ Козма, усердный слуга несчастнаго Государя, стоялъ надъ онымъ и плакалъ. Видя Ключника Анбала, онъ требовалъ ковра, чтобы прикрыть обнаженный трупъ. Анбалъ отвѣчалъ: «мы готовимъ его на снѣденіе псамъ.» *Извергъ!* сказалъ сей добродушный слуга: *Государь взялъ тебя въ рубищѣ, а нынѣ ты ходишь въ бархатѣ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова.* Ключникъ бросилъ ему коверъ и мантію. Козма отнесъ тѣло въ церковь, гдѣ крилошане долго не хотѣли отперетъ двереи: на третій день отпѣли его и вложили въ каменный гробъ. Черезъ шесть дней Владимірскій Игуменъ Ѳеодулъ привезъ оное въ Владиміръ и погребъ въ Златоверхомъ храмѣ Богоматери ([24]).

Мятежъ въ землѣ Суздальской. Неустройство, смятеніе господствовали въ областяхъ Суздальскихъ. Народъ, какъ бы обрадованный убіеніемъ Государя, вездѣ грабилъ домы Посадниковъ, и Тіуновъ, Отроковъ и Мечниковъ Княжескихъ; умертвилъ множество чиновниковъ, предавался всякаго рода неистовству, такъ, что Духовенство, желая возстановить тишину, прибѣгнуло наконецъ къ священнымъ обрядамъ: Игумены, Іереи, облаченные въ ризы, ходили съ образами по улицамъ, моля Всевышняго, чтобы онъ укротилъ мятежъ. Владимірцы оплакивали Андрея, но не думали о наказаніи злодѣйства, и гнусные убійцы торжествовали.

Однимъ словомъ, казалось, что Государство освободилось отъ тирана: Андрей же, нѣкогда вообще любимый, по сказанію Лѣтописцевъ, былъ не только набоженъ, но и благотворителенъ; щедръ не только для Духовныхъ, но и для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ: слуги его обыкновенно развозили по улицамъ и темницамъ медъ и брашна стола Княжескаго. Но въ самыхъ упрекахъ, дѣлаемыхъ Лѣтописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находимъ объясненіе на сію странность: *вы не разсудили* (говорятъ они современникамъ), *что Царь, самый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; что гдѣ законъ, тамъ и многія обиды* ([25]). Ненависть къ Андрею. Слѣдственно общее неудовольствіе происходило отъ худаго исполненія законовъ или отъ несправедливости судей: столь нужно вѣдать Государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ Царя, самаго добродушнаго и милосердаго! Убійцы Андреевы знали сію ненависть, и дерзнули на злодѣяніе.

Впрочемъ Боголюбскій, мужественный, трезвый и прозванный за его умъ *вторымъ Соломономъ* ([26]), былъ конечно Свойства его. однимъ изъ мудрѣйшихъ Князей Россійскихъ въ разсужденіи Политики, или той науки, которая утверждаетъ могущество государственное. Онъ явно стремился къ спасительному Единовластію, и могъ бы скорѣе достигнуть своей цѣли если бы жилъ въ Кіевѣ, унялъ Донскихъ хищниковъ, и водворилъ спокойствіе въ мѣстахъ облагодѣтельствованныхъ Природою, издавна обогащаемыхъ торговлею и способнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствуя на берегахъ Днѣпра, Андрей тѣмъ удобнѣе подчинилъ бы себѣ знаменитые сосѣдственные Удѣлы: Черниговъ, Волынію, Галичъ; но ослѣпленный пристрастіемъ къ сѣверо-восточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать тамъ *новое* сильное Государство, нежели возстановить могущество *древняго* на Югѣ.

Лѣтописцы всего болѣе хвалятъ Андрея за обращеніе многихъ Болгаровъ и Евреевъ въ Христіанскую Вѣру, за его усердіе къ церквамъ и монастырямъ, за уваженіе и любовь къ сану Духовныхъ. Подражая Святому Князю, крестившему Россію, онъ надѣлилъ въ Владимірѣ новую *Епископскую* Соборную церковь Богоматери (имъ въ 1158 году заложенную) помѣстьями и купленными слободами ([27]); отдалъ ей также десятую часть изъ торговыхъ доходовъ своихъ и Княжескихъ стадъ; призвалъ художниковъ изъ разныхъ земель, чтобы украсить оную великолѣпно; и драгоцѣнные сосуды ея, златыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богатые оклады иконъ, осыпанныхъ жемчугомъ, были тогда предметомъ удивленія для Россіянъ и купцевъ иностранныхъ. Въ семъ новомъ Десятинномъ храмѣ стоялъ

Палладіумъ Великаго Княженія Суздальскаго: образъ Богоматери, съ коимъ Андрей прибылъ изъ Вышегорода на берега Клязьмы и побѣдилъ въ 1164 году Болгаровъ. Не менѣе славилась великолѣпіемъ церковь Боголюбская, украшенная золотомъ и финифтью. Такую же хотѣлъ Андрей соорудить и въ Кіевѣ, на *Дворѣ Ярослава* — въ память, какъ говорилъ онъ, древнему отечеству его предковъ; уже отправилъ туда зодчихъ, строившихъ Владимірскія Златыя врата, но не успѣлъ исполнить своего набожнаго обѣта. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что сей Великій Князь думалъ учредить Митрополію въ Владимірѣ (28), но что Патріархъ Цареградскій отказалъ ему въ томъ, желая оставить Кіевскаго Митрополита единственнымъ въ Россіи.

Со временъ Владиміра Святаго до Георгія Долгорукаго миръ и тишина царствовали въ нѣдрахъ Россійской благословенной Церкви. При Изяславѣ II сей миръ былъ нарушенъ несогласіемъ Епископовъ о посвященіи Митрополита Климента: при Великомъ же Князѣ Боголюбскомъ открылась первая ересь въ нашемъ отечествѣ, важная по мнѣнію тогдашнихъ Христіанъ. Ростовскій Епископъ Леонъ, изгнанный народомъ за его корыстолюбіе и грабежъ, утверждалъ, что ни въ какіе Господскіе праздники, буде они случатся въ Среду или въ Пятницу, не должно ѣсть мяса (29). Новый Епископъ Суздальскій, Ѳеодоръ, въ присутствіи Великаго Князя опровергалъ Леона, который рѣшился искать суда въ Греціи. Послы Кіевскій, Андреевъ, Переяславскій и Черниговскій отправились въ слѣдъ за нимъ, и въ ставкѣ Императора Мануила, бывшаго тогда на Дунаѣ, съ великимъ благоговѣніемъ слушали, какъ Святитель Болгарскій, Адріанъ, уличалъ Леона въ заблужденіи. Императоръ думалъ согласно съ Адріаномъ; но Леонъ противорѣчилъ, и столь дерзко, что Вельможи Греческіе схватили нескромнаго еретика и хотѣли утопить въ рѣкѣ. Митрополитъ Россійскій и Черниговскій Епископъ Антоній держались мнѣнія Леонова: за что Князь Святославъ Всеволодовичь изгналъ Антонія изъ Чернигова. Сіе странное прѣніе нѣсколько лѣтъ волновало умы и совѣсть людей простодушныхъ.

Первая ересь.

Гораздо удивительнѣе и важнѣе то, что Лѣтописцы разсказываютъ намъ о другомъ Ростовскомъ Епископѣ. Великій Князь, признавъ Монаха Ѳеодора достойнымъ Святительскаго сана, посылалъ его ставиться въ Кіевъ (30); но Ѳеодоръ, уже принявъ на себя званіе Епископа, не хотѣлъ ѣхать къ Митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбивъ и злобенъ, онъ мучилъ людей въ подвластныхъ Епископу селахъ, Иноковъ, Игуменовъ, Священниковъ; брилъ имъ головы и бороды, даже распиналъ нѣкоторыхъ, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, единственно для того, чтобы присвоить себѣ ихъ достояніе. Князь терпѣлъ изверга, довольствуясь, можетъ быть, однѣми угрозами. Еще болѣе тѣмъ озлобленный, лжепастырь вздумалъ наконецъ запереть всѣ церкви въ Владимірѣ, и взялъ отъ нихъ ключи. Народъ взволновался. Великій Князь, низвергнувъ Ѳеодора, предалъ его на судъ Митрополиту, который велѣлъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку и выколоть глаза: «ибо сей еретикъ» (прибавляютъ Лѣтописцы) «злословилъ Богоматерь!» Такія происшествія могутъ быть изъяснены однимъ тогдашнимъ невѣжествомъ и грубостію нравовъ.

Злодѣй Епископъ.

Къ послѣднему году княженія Андреева относится любопытное извѣстіе *Хлыновскаго Лѣтописца* о первомъ населеніи Вятки Россіянами (31). Въ 1174 году нѣкоторые жители области Новогородской, отчасти наскучивъ внутренними раздорами, отчасти тѣснимые возрастающимъ многолюдствомъ, въ ихъ предѣлахъ, рѣшились выѣхать изъ отечества, и Волгою, доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, что далѣе къ Сѣверу обитаютъ народы дикіе въ странѣ лѣсной, изобильной дарами Природы, многіе изъ сихъ выходцевъ отправились вверхъ до устья Осы; обратились къ Западу; дошли до Чепцы, и плывя ею внизъ, покорили бѣдныя жилища Вотяковъ; наконецъ вошли въ рѣку Вятку, и на правомъ берегу ея, на горѣ высокой, увидѣли красивый городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣсто полюбилось Россіянамъ: они захотѣли овладѣть имъ и навсегда тамъ остаться; нѣсколько дней говѣли, молились и призвавъ въ помощь Святыхъ защитниковъ своего отечества, Бориса и Глѣба, на память ихъ, Іюля 24, взяли городъ (32). Жители скрылись въ лѣсахъ. Сіе укрѣпленное селеніе называлось *Болванскимъ* (вѣроятно, отъ капища, тамъ бывшаго): завоеватели дали ему имя Никулицына и построили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между

Населеніе Вятки.

94

тѣмъ оставленные на Камѣ товарищи — можетъ быть, опасаясь сосѣдственныхъ Болгаровъ — рѣшились также искать другаго жилища; пришли на судахъ къ устью Вятки, плыли сею рѣкою вверхъ до *Черемисскаго* города *Кокшарова* (нынѣ Котельнича), и завладѣли онымъ. Утвердясь въ странѣ Вятской, Россіяне основали новый городъ близъ устья рѣчки Хлыновицы, назвали его *Хлыновымъ*, и съ удовольствіемъ принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, составили маленькую Республику, особенную, независимую въ теченіе двухъ сотъ семидесяти-осми лѣтъ, наблюдая обычаи Новогородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и Духовенству. Первобытные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набѣгами безпокоили ихъ, но были всегда отражаемы съ великимъ урономъ, и память сихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ Св. Георгія носили въ Вятку *желѣзныя стрѣлы*, кои были оружіемъ Чуди или Вотяковъ, и напоминали побѣду Россіянъ (33). Новогородцы также отъ времени до времени старались дѣлать зло Хлыновскимъ поселенцамъ, именовали ихъ своими бѣглецами, рабами и не могли простить имъ того, что они хотѣли жить независимо.

---

# ГЛАВА II.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

### Г. 1174 — 1176.

**Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи.**

Г. 1174. Вѣче въ Владимірѣ. Скоро по кончинѣ Великаго Князя съѣхались Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и всѣ люди воинскіе въ городъ Владиміръ на Вѣче, слѣдуя примѣру Новогородцевъ, Кіевлянъ и другихъ Россійскихъ знаменитыхъ гражданъ, которые, по словамъ Лѣтописцевъ, издревле обыкли рѣшить дѣла государственныя въ собраніяхъ народныхъ, и давали законы жителямъ городовъ уѣздныхъ (34). «Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ мы лишились Князя,» говорили Бояре на Вѣчѣ: «онъ не оставилъ дѣтей, кромѣ сына, княжащаго въ Новѣгородѣ. Братья Андреевы въ южной Россіи. Кого же изберемъ въ Государи? Кто защититъ насъ отъ сосѣдственныхъ Князей, Рязанскаго и Муромскаго, да не будемъ жертвою ихъ коварства или силы? Обратимся къ зятю Ростислава Георгіевича, Глѣбу Рязанскому; скажемъ ему: *Богъ взялъ нашего Князя: зовемъ шурьевъ твоихъ на престолъ Андреевъ; отецъ ихъ жилъ съ нами и пользовался любовію народною.*» Сія мысль была внушена Боярамъ Послами Рязанскими (35): граждане одобрили оную; утвердили выборъ крестнымъ цѣлованіемъ, и согласясь съ Глѣбомъ, отправили посольство въ Черниговъ, гдѣ находились тогда Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, племянники Андреевы. Обрадованные честію такого избранія, но желая быть великодушными, сіи два Князя предложили дядямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду Георгіевичамъ, господствовать вмѣстѣ съ ними; признали Михаила старшимъ, увѣрили другъ друга клятвою въ искренности союза и цѣловали крестъ изъ рукъ Епископа Черниговскаго. Обрядъ безполезный! Ярополкъ, по совѣту Ростовцевъ, недовольныхъ прибытіемъ Михаила, оставивъ его въ Москвѣ, тайно уѣхалъ въ Переяславль Залѣсскій, собралъ Бояръ, воиновъ, и взялъ съ нихъ клятву вѣрности. Ростовцы призвали туда и 1150 Владимірцевъ; но сограждане сихъ послѣднихъ, которые оставались дома, отворили ворота Михаилу и съ радостію назвали его Княземъ своимъ, помня, что Георгій Долгорукій хотѣлъ отдать Суздальское Княженіе ему и Всеволоду. Началось междоусобіе. Ярополкъ осадилъ Владиміръ; союзники его, Муромцы, Ря-

занцы, жгли села въ окрестностяхъ. Семь недѣль граждане крѣпко стояли за Михаила и мужественно оборонялись; наконецъ, изнуренные голодомъ, объявили Князю, чтобы онъ далъ имъ миръ или самъ удалился. Храбрый, добродушный

Добродушіе Михаила.

Михаилъ не думалъ укорять ихъ. «Вы правы,» сказалъ онъ: могу ли желать вашей погибели?» и немедленно выѣхалъ. Граждане, проводивъ сего достойнаго Князя съ искренними слезами, вступили въ переговоры съ Ярополкомъ и Мстиславомъ; увѣряли ихъ въ своей покорности, но боялись злобы Ростовцевъ, которые, завидуя новой знаменитости Владиміра, желали его унизить (36). Города считались тогда между собою въ лѣтахъ, какъ роды дворянскіе въ поколѣніяхъ: Ростовцы славились древностію; именовали Владиміръ *пригородомъ*,

Гордость Ростовцевъ.

его жителей своими *каменьщиками*, слугами, недостойными имѣть Князя, и хотѣли дать имъ Посадника. Владимірцы напротивъ того утверждали, что ихъ городъ, основанный Владиміромъ Великимъ, имѣетъ право на знаменитость (37). Обнадеженные Ярополкомъ и братомъ его въ справедливой защитѣ, они встрѣтили ихъ со крестами и ввели торжественно въ храмъ Богоматери, гдѣ Ярополкъ былъ объявленъ Княземъ Владимірскимъ, а Мстиславъ Ростовскимъ и Суздальскимъ. Народъ успокоился, однакожь не надолго.

Мстиславъ и Ярополкъ, неопытные въ дѣлѣ государственнаго правленія, скоро утратили любовь народную. Отроки, пришедшіе съ ними изъ южной Россіи,

Корыстолюбіе Бояръ.

сдѣлались Посадниками; отягощали граждан судебными налогами; думали о корысти гораздо болѣе, нежели о расправѣ. Князья зависѣли отъ Бояръ и во всемъ исполняли ихъ волю; а Бояре, наживаясь сами, совѣтовали и Князьямъ обогащаться. Ярополкъ отнялъ у Соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреемъ; въ самый первый день княженія своего взявъ ключи отъ сего богатаго храма, присвоилъ себѣ казну онаго, серебро, золото, и дерзнулъ наконецъ самую побѣдоносную Вышегородскую икону Маріи отдать зятю, Глѣбу Рязанскому (38). Общее негодованіе обнаружилось. «Мы не рабы» (говорили Владимірцы) «и приняли Князей добровольно; они же грабятъ насъ какъ иноплеменныхъ, опустошая не только домы, но и святые храмы. И такъ *промышляйте*, братья!» Слово важное: оно значило, что надобно Князей унять или сбыть съ рукъ. Видя же, что всѣ Бояре держатъ сторону слабыхъ Государей — видя, что Г. 1175. Ростовцы и Суздальцы нечувствительны къ народнымъ обидамъ или терпѣливы до излишества — граждане Владимірскіе тайно призвали Михаила изъ Чернигова. «Ты внукъ Мономаховъ и старшій изъ Князей его рода,» говорили ему Послы: «иди на престолъ Боголюбскаго; а ежели Ростовъ и Суздаль не захотятъ тебя, мы на все готовы, и съ Божіею помощію никому не уступимъ.» Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и сыномъ Князя Черниговскаго (39) былъ уже въ Москвѣ, гдѣ ожидали ихъ усердные Владимірцы и сынъ Андрея Боголюбскаго (скоро по смерти отца принужденный выѣхать изъ Новагорода): тогда Ярополкъ свѣдалъ о грозящей ему опасности; хотѣлъ встрѣтить Георгіевичей, но разошелся съ ними въ дремучихъ лѣсахъ, и написалъ къ брату, Мстиславу Суздальскому: «Михалко боленъ; его несутъ на носилкахъ: спѣши отразить малочисленныхъ непріятелей отъ Владиміра; я плѣню ихъ задній отрядъ.» Михаилъ, будучи дѣйствительно весьма нездоровъ, приближался къ Владиміру, когда полкъ Суздальскій, выступивъ изъ-за горы въ блестящихъ латахъ и распустивъ знамя, съ воплемъ устремился на его дружину. Устроенная Михаиломъ, она изготовилась къ сраженію; стрѣлки съ обѣихъ сторонъ начали битву; но Суздальцы — изумленные стройнымъ ополченіемъ непріятелей — вдругъ обратили тылъ, бросивъ хоругвь Княжескую. Лѣтописцы говорятъ, что ни тѣ, ни другіе воины не отличались никакимъ особеннымъ знакомъ, и что сіе обстоятельство спасло многихъ Суздальцевъ: ибо побѣдители не могли распознавать своихъ и непріятелей. Михаилъ съ торжествомъ въѣхалъ въ городъ Владиміръ: предъ нимъ вели плѣнниковъ. Духовенство и всѣ жители встрѣтили его съ живѣйшею радостію. Ярополкъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ (гдѣ княжилъ юный сынъ его, Святославъ, послѣ Георгія Андреевича); но мать и жены ихъ остались плѣнницами въ Владимірѣ (40).

Іюня 15. Торжество Михаила.

Скоро Послы отъ Суздаля и Ростова явились во дворцѣ Михаиловомъ и сказали именемъ всѣхъ гражданъ: «Государь! мы твои душею и сердцемъ. Одни Бояре, преданные Мстиславу, были тебѣ врагами. Повелѣвай нами какъ отецъ добродушный!» Такимъ образомъ Ми-

хаилъ наслѣдовалъ Великое Княженіе Андреево; объѣхалъ разныя области; вездѣ учредилъ порядокъ; вездѣ пекся о народномъ спокойствіи. Осыпанный дарами Суздальцевъ и Ростовцевъ, награжденный за свой трудъ благословеніями довольныхъ гражданъ, онъ возвратился въ Владиміръ, оставивъ Всеволода княжить въ Переяславлѣ Залѣсскомъ.

Народъ требовалъ мести: Глѣбъ Рязанскій пользовался слабостію шурьевъ, обиралъ ихъ, обогатился драгоцѣнностями и святынею храмовъ Владимірскихъ. Михаилъ шелъ наказать его: но Глѣбъ, не дерзая оправдываться, требовалъ милосердія; прислалъ Вышегородскую икону Богоматери, всѣ драгоцѣнности, даже книги, имъ похищенныя, и тѣмъ обезоружилъ Великаго Князя (41). Народъ, съ восхищеніемъ встрѣтивъ образъ Маріи, снова поставилъ его въ соборной церкви Владимірской: Михаилъ возвратилъ сей помѣстья, оброки и десятину.

Торжество Владимірцевъ было совершенно: городъ ихъ сдѣлался опять столичнымъ, и Князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцемъ Неба, ибо счастіе ему благопріятствовало. Они хвалились своимъ выборомъ, и говорили, что Богъ, унизивъ гордость *древняго* Ростова, прославилъ *новый* Владиміръ, ознаменовавъ его жителей мудростію въ совѣтѣ и мужествомъ въ дѣлѣ; что они, вопреки Боярамъ, даже вопреки народу Суздальскому и Ростовскому, единственно въ надеждѣ на свою правду, дерзнули изгнать злыхъ Князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской (42). Къ несчастію,
г. 1176, сей Государь властвовалъ только одинъ
Юня 20. годъ, и скончался, оставивъ въ лѣтопи-
Кончина и свойства Михаила. сяхъ память своей храбрости и добродѣтели. Живъ въ вѣкѣ суровомъ, мятежномъ, онъ не запятналъ себя ни жестокостію, ни вѣроломствомъ и любилъ спокойствіе народа болѣе власти. Новѣйшіе Лѣтописцы увѣряютъ, что Михаилъ казнилъ многихъ убійцъ Андреевыхъ (43); но современные не говорятъ о томъ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще питать въ сердцѣ своемъ непріятное воспоминаніе сей обиды; и тѣмъ болѣе достоинъ хвалы, еже ли дѣйствительно наказалъ злодѣевъ.

Михаилъ, занимаясь единственно бла- Междоусобіе въ южной Россіи.
гомъ Суздальскаго или Владимірскаго Княженія, не хотѣлъ или не имѣлъ времени думать о Россіи южной, гдѣ господствовало междоусобіе. Олегъ Сѣверскій, зять и союзникъ Ростиславичей, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черниговскую, осаждалъ Стародубъ, и самъ осажденный Святославомъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о мирѣ. Кіевъ болѣе и болѣе унижался. Видя нечаянное прибытіе Романа Смоленскаго, и догадываясь, что братья намѣрены возвести его на Кіевскій престолъ, слабый Ярославъ Изяславичь не захотѣлъ подвергнуть себя стыду изгнанія и добровольно уѣхалъ въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ, отъ зависти и козней Святослава. Имѣя тайныя сношенія съ Кіевлянами и съ Черными Клобуками, волнуя умы лестію, злословіемъ, и скоро обрадованный несчастною битвою сыновей Романовыхъ съ Половцами, въ коей легло на мѣстѣ множество лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ торжественно жаловаться на Давида. «Я ничего не требую кромѣ справедливости,» говорилъ онъ Роману: «Братъ твой, помогая Олегу, жегъ города мои. Согласно съ древнимъ уставомъ Бояринъ въ винѣ отвѣтствуетъ головою, а Князь Удѣломъ. Изгони же безпокойнаго Давида изъ областей Днѣпровскихъ.» Не получивъ удовлетворенія, Святославъ прибѣгнулъ къ оружію и къ измѣнникамъ. Зять его, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Мономахова, именемъ Мстиславъ, жилъ въ Триполѣ съ Ярополкомъ Романовичемъ, и предалъ сей городъ тестю. Узнавъ еще измѣну Берендѣевъ, Романъ удалился въ крѣпкій Бѣлгородъ и ждалъ братьевъ. Хотя Князь Черниговскій, болѣе властолюбивый, нежели храбрый, занявъ Кіевъ, малодушно бѣжалъ отъ нихъ и перетопилъ часть своего войска въ Днѣпрѣ; однакожь Ростиславичи, свѣдавъ о впаденіи Половцевъ, призванныхъ Святославомъ, добровольно уступили ему древнюю столицу, уже незавидную. «Господствуй въ ней» — сказали они — «но съ согласія нашего: не насиліемъ и не обманомъ; мы не хотимъ тѣшить иноплеменныхъ варваровъ междоусобіемъ.» Романъ возвратился въ Смоленскъ (44).

# ГЛАВА III.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III ГЕОРГІЕВИЧЬ.

### Г. 1176 — 1212.

---

**Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Великаго Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Князя Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Кіевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и великодушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе Кіева. Постриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романовъ. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Константинъ въ Новѣгородѣ. Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Великаго Князя. Смѣлость Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Константина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Постриги. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новѣгородѣ.**

Г. 1176. Владимірцы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ Государя любимаго, собралися предъ Златыми вратами и присягнули его брату, Всеволоду Георгіевичу, исполняя тѣмъ волю Долгорукаго, который назначалъ область Суздальскую въ Удѣлъ меньшимъ сыновьямъ (45). Но Бояре и Ростовцы не хотѣли Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали къ себѣ Мстислава, его племянника, изъ Новагорода, и сей Князь, оставивъ тамъ сына своего, уже находился въ Ростовѣ; собралъ многочисленную дружину, Бояръ, Гридней, такъ называемыхъ *Пасынковъ* или Отроковъ Боярскихъ, и шелъ съ ними ко Владиміру (46). Жители сего города пылали ревностію сразиться; но Всеволодъ, умѣренный, благоразумный, предлагалъ миръ. «За тебя Ростовцы и Бояре,» говорилъ онъ Мстиславу: «за меня Богъ и Владимірцы. Будь Княземъ первыхъ; а Суздальцы да повинуются изъ насъ, кому хотятъ.» Но Вельможи Ростовскіе, надменные гордостію, сказали Мстиславу: «мирися одинъ, если тебѣ угодно; мы оружіемъ управимся съ чернію Владимірскою.» Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину Переславскую, Всеволодъ объявилъ

Вѣроломство Ростовцевъ.

воинамъ о непримиримой злобѣ ихъ врага общаго. Всѣ единодушно отвѣтствовали: «Государь! ты желалъ добра Мстиславу, а Мстиславъ ищетъ головы твоей, и не давъ еще исполниться девяти днямъ по кончинѣ Михаиловой, жаждетъ кровопролитія. Иди же на него съ Богомъ! Если будемъ побѣждены, то пусть возьмутъ Ростовцы женъ и дѣтей нашихъ!» Всеволодъ, оставивъ за собою рѣку Кзу, среди Юрьевскаго поля ударилъ на непріятеля (47), разсѣялъ его и съ торжествомъ возвратился въ столицу. Дружина Княжеская и Владимірцы вели связанныхъ Вельможъ Ростовскихъ, виновниковъ междоусобія; за ними гнали множество коней и скота, взятаго въ селахъ Боярскихъ. Суздаль, Ростовъ, покорились Всеволоду. Іюня 27.

Мстиславъ напрасно желалъ быть вторично Княземъ Новогородскимъ. «Нѣтъ!» сказали ему жители: «ты *ударилъ пятою* Новгородъ: иди же отъ насъ вмѣстѣ съ сыномъ!» Они искали дружбы побѣдителя, и требовали себѣ Князя отъ Всеволода, который отправилъ къ нимъ племянника своего, Ярослава (48). Мстиславъ, уѣхавъ къ зятю, Глѣбу Рязанскому; склонилъ его къ несчастной войнѣ,

Война съ Княземъ Рязанскимъ. бѣдственной для нихъ обоихъ. Сія война началась въ концѣ лѣта пожарами: Глѣбъ обратилъ въ пепелъ Москву и всѣ окрестныя слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянникъ его, Владиміръ Глѣбовичь, Князь южнаго Переяславля, и сыновья Святослава Черниговскаго(49). Новогородцы обѣщали ему также дружину вспомогательную, называя его своимъ отцемъ и Властителемъ; однакожь не сдержали слова. Будучи въ Коломнѣ, Великій Князь свѣдалъ, что Глѣбъ Рязанскій, панявъ Половцевъ, съ другой стороны вступилъ въ область Суздальскую, взялъ Боголюбовъ, ограбилъ тамъ церковь, богато украшенную Андреемъ, жжетъ селенія Боярскія, плаваетъ въ крови беззащитныхъ, отдаетъ женъ и дѣтей въ плѣнъ варварамъ. Такимъ образомъ междоусобіе Князей открыло путь симъ иноплеменнымъ хищникамъ и въ сѣверныя земли Россіи.... Всеволодъ сошелся съ непріятелями; но тѣ и другіе стояли праздно цѣлый мѣсяцъ, въ ожиданіи мороза: рѣка Колокша находилась между ими и не перепускала ихъ; ледъ ея былъ слишкомъ тонокъ. Раздраженный злодѣйствами Глѣба, Великій Князь отказался отъ мирныхъ его предложеній, и наконецъ — видя, что рѣка замерзла — отправилъ на другую сторону обозъ свой съ частію войска. Мстиславъ первый напалъ на сей отрядъ, и первый обратился въ бѣгство: Глѣбъ также, смятый полкомъ Всеволода (50). Дружина Великаго Князя гналась за малодушными, и плѣнивъ самого Глѣба, сына его Романа, Мстислава, множество Бояръ, истребила Половцевъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился старый Воевода Андрея Боголюбскаго, Борисъ Жидиславичь, который держалъ сторону Мстислава. Всѣ они были предметомъ народной ненависти, и граждане Владимірскіе, посвятивъ два дни на общую радость, хотѣли ознаменовать третій злобною местію: обступили дворецъ Княжескій и говорили Всеволоду: «Государь! мы рады положить за тебя свои головы; но казни злодѣевъ, или ослѣпи, или выдай намъ въ руки.» Изъявляя человѣколюбіе, Всеволодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣлъ заключить ихъ въ темницу, чтобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заступниковъ. Будучи ему зятемъ, храбрый Мстиславъ, братъ Романа Смоленскаго, вмѣстѣ съ горестною своею тещею убѣждалъ Святослава Черниговскаго, какъ Всеволодова союзника, освободить плѣнниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій, Черниговскій Епископъ, ѣздилъ для того въ Владиміръ. Глѣбу предложили свободу, съ условіемъ отказаться навсегда отъ княженія и ѣхать въ южную Россію. Онъ гордо отвѣтствовалъ: «лучше умру въ неволѣ» — и дѣйствительно умеръ чрезъ нѣсколько дней (51). Когда же Рязанцы, устрашенные бѣдствіемъ ихъ Князя, въ угодность Всеволоду взяли подъ стражу Ярополка Ростиславича въ Воронежѣ и привезли въ городъ Владиміръ, тогда мятежъ возобновился. Бояре, купцы пришли съ оружіемъ на дворъ Княжескій, разметали темницу, и, къ горести Великаго Князя, ослѣпили его племянниковъ, Ростиславичей. Онъ только уступилъ народному остервенѣнію, по словамъ Лѣтописца Владимірскаго, не имѣвъ никакого участія въ семъ злодѣйствѣ (которое древніе Россіяне заимствовали отъ просвѣщенныхъ Грековъ); другіе же Лѣтописцы обвиняютъ въ томъ Всеволода, можетъ быть несправедливо (52); но Великій Князь, не наказавъ злодѣевъ, заслужилъ подозрѣніе, безславное для его памяти. Чтобы оправдать себя великодушіемъ въ глазахъ всей Россіи, онъ выпустилъ изъ темницы Глѣбова сына, Романа. Несчастные слѣпцы были также освобождены, и на пути въ южную Россію, къ общему удивленію, прозрѣли въ Смоленскѣ, съ усердіемъ моляся въ Смядынской церкви Св. Глѣба, по извѣстію Лѣтописцевъ.

г. 1177. — Ослѣпленіе двухъ Князей. — Сентября 15.

Чудо разгласилось и благопріятствовало властолюбію сихъ Князей: Новгородцы призвали ихъ какъ мужей богоугодныхъ; оставили Мстислава начальствовать въ столицѣ, Ярополку дали Торжекъ, а бывшаго Князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волокомъ Ламскимъ. Мстиславъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ: Ярополкъ заступилъ его мѣсто, но скоро былъ изгнанъ народомъ, въ угодность Великому Князю, который захватилъ многихъ купцевъ Новогородскихъ, съ неудовольствіемъ видя злодѣя своего Главою сей области. Всеволодъ еще не былъ обезоруженъ: приступилъ къ Торжку и требовалъ дани. Граждане обѣщались заплатить оную; но воины сказали Великому Князю: «мы пришли сюда не за тѣмъ, чтобы цѣловать ихъ и слушать пустыя клятвы;» сѣли на коней и взяли городъ; зажгли его, плѣнили жителей. Всеволодъ съ отборною дружиною спѣшилъ къ Волоку Ламскому, уже

г. 1178. Апрѣля 20. — Декабря 8.

оставленному гражданами; нашелъ тамъ одного племянника своего, Ярослава ([53]); истребилъ огнемъ пустые домы, самый хлѣбъ въ окрестностяхъ, и сею безразсудною жестокостію такъ озлобилъ Новогородцевъ, что они рѣшились не имѣть
г. 1179. съ нимъ никакого дружелюбнаго сношенія, призвавъ къ себѣ Романа Смоленскаго. Потомки Св. Владиміра все еще вѣрили ихъ ненадежнымъ обѣтамъ, и прельщались знаменитостію древнѣйшаго въ Государствѣ Княженія.

Романъ властвовалъ тамъ не долѣе многихъ своихъ предмѣстниковъ; по крайней мѣрѣ выѣхалъ добровольно и съ честію. Тогда Новогородцы, желая имѣть Князя извѣстнаго воинскою доблестію, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитаго мужествомъ, что ему въ цѣлой Россіи не было имени кромѣ *Храбраго*. Онъ колебался, отвѣтствуя ихъ Посламъ, что не можетъ разстаться ни съ вѣрными братьями, ни съ южною своею отчизною; но братья и дружина сказали Мстиславу: «Новгородъ есть также твое отечество» — и сей бодрый Князь поѣхалъ искать славы на иномъ ѳеатрѣ: ибо душа его, какъ пишутъ современники, занималась
Славолюбіе Мстислава. Ноября 1. одними великими дѣлами ([54]). Весь Новгородъ, чиновники, Бояре, Духовенство съ крестами вышли къ нему на встрѣчу. Возведенный на престолъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово ревностно блюсти честь, пользу Новагорода, и сдержалъ оное. Узнавъ, что Эстонцы (въ 1176 году) дерзнули осаждать Псковъ и не престаютъ безпокоить границъ, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20,000 воиновъ, и веселяся предводительствомъ рати столь многочисленной, нетерпѣливо хотѣлъ битвы; но Эстонцы, думая только о спасеніи жизни, скрывались. Опустошивъ ихъ землю до самаго моря,
г. 1180. взявъ въ добычу множество скота, плѣнниковъ, Мстиславъ на возвратномъ пути усмирилъ во Псковѣ мятежныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году прадѣдъ Всеслава Полоцкаго ограбилъ Софійскую церковь въ Новѣгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ: Мстиславъ, какъ ревностный витязь Новогородской чести, вздумавъ отмстить за то Всеславу, своему зятю, уже шелъ къ Полоцку. Едва Романъ Смоленскій могъ обезоружить брата, представляя ему, что сей Князь, супругъ ихъ сестры, не долженъ отвѣтствовать за прадѣда, давно истлѣвшаго во гробѣ; что воспоминаніе обидъ древнихъ не достойно ни Христіанина, ни Князя благоразумнаго. Мстиславъ уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ Великихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ и дружинѣ новымъ походомъ навсегда смирить Ливонію. Но среди блестящихъ надеждъ пылкаго славолюбія и въ силѣ мужества сраженный внезапною болѣзнію, онъ увидѣлъ суету гордости человѣческой, и живъ Героемъ, хотѣлъ умереть Христіаниномъ: велѣлъ нести себя въ церковь, причастился Святыхъ Таинъ послѣ Литургіи, и закрылъ глаза навѣки Кончина его. Іюня 14.
въ объятіяхъ неутѣшной супруги и дружины, поручивъ дѣтей, въ особенности юнаго Владиміра, своимъ братьямъ. Такимъ образомъ Новогородцы въ два года погребли у себя двухъ Князей: чего уже давно не бывало: ибо непрестанно мѣняя Властителей, они не давали имъ умирать на тронѣ. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храбраго, всѣми любимаго, величая его красоту мужественную, побѣды, великодушныя намѣренія для славы ихъ отечества, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкою гордостію сердца благороднаго. Сей Князь, по свидѣтельству современниковъ, былъ украшеніемъ вѣка и Россіи. Другіе воевали для корысти: онъ только для славы, и презирая опасности, еще болѣе презиралъ золото, отдавая всю добычу Церкви или воинамъ, коихъ всегда ободрялъ въ битвахъ словами: *за насъ Богъ и правда*; *умремъ нынѣ или завтра*: *умремъ же съ честію*. — «Не было такой земли въ Россіи (говоритъ Лѣтописецъ), которая не хотѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы объ немъ не плакали.» Народная любовь къ сему Князю была столь велика, что граждане Смоленскіе въ 1175 году единогласно объявили его, въ отсутствіе Романа, своимъ Государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича ([55]); но Мстиславъ согласился властвовать надъ ними единственно для того, чтобы усмирить ихъ и возвратить престолъ старшему брату. Новогородцы погребли Мстислава въ гробницѣ Владиміра Ярославича, строителя Софійской церкви. Надлежало избрать преемника: Августа 17.
въ досаду Всеволоду Георгіевичу они призвали къ себѣ княжить Владиміра, сына Святославова, изъ Чернигова.

Сей юноша не за-долго до того време-



97

ни гостилъ у Всеволода и женился на его племянницѣ, дочери Михаиловой(56). Святославъ имѣлъ случай оказывать услуги Великому Князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи, не имѣя Удѣла, и не дерзая требовать онаго отъ брата, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонителя. Между тѣмъ, какъ Михаилъ и Всеволодъ съ помощію Святослава искали престола Владимірскаго, супруги ихъ оставались въ Черниговѣ. Сія дружба, основанная на одолженіяхъ, благодарности и свойствѣ, не устояла противъ обоюднаго властолюбія. Святославъ, охотно пославшій сына господствовать въ Новѣгородѣ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ тѣмъ оскорбится, считая сію область законнымъ достояніемъ Мономахова рода. Новыя неудовольствія ускорили явное начало вражды. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на старшаго брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что онъ, слѣдуя внушенію тестя, отнимаетъ ихъ Удѣлы и презираетъ Великаго Князя. Всеволодъ, уже не доброхотствуя Князю Черниговскому, вступился за нихъ; встрѣченный ими въ Коломнѣ, плѣнилъ тамъ Святославова сына, Глѣба (57); разбилъ передовый отрядъ Романовъ на берегахъ Оки, взялъ городъ Борисовъ, осадилъ Рязань и заключилъ миръ. Романъ и братья его признали Всеволода общимъ ихъ покровителемъ, довольные Удѣлами, которые онъ назначилъ для каждаго изъ нихъ по верховной волѣ своей.

Раздоръ Великаго Князя съ Черниговскимъ.

Князь Черниговскій, раздраженный плѣненіемъ сына, хотѣлъ не только отмстить за то, но и присвоить себѣ, счастливымъ успѣхомъ оружія, лестное первенство между Князьями Россійскими. Еще Всеволодъ не имѣлъ правъ Андреевыхъ, утвержденныхъ долговременною славою; не имѣлъ и силы Боголюбскаго: ибо Смоленскъ, область Кривская и Новгородъ не помогали ему. Святославъ надѣялся смирить его, но желалъ прежде вытѣснить Рюрика и Давида изъ области Кіевской, чтобы господствовать въ ней единовластно. Смерть Мстислава Храбраго и Олега Сѣверскаго, ихъ зятя, казалась ему случаемъ благопріятнымъ (58): увѣренный въ дружелюбіи Олеговыхъ братьевъ, Игоря и Всеволода; выдавъ племянницу за Князя Переяславскаго, Владиміра Глѣбовича, и называясь покровителемъ сего юноши, онъ дерзнулъ на гнусное коварство, разсуждая, что всѣ способы вредить Мономаховымъ потомкамъ согласны съ уставомъ праведной мести, и что ближайшіе изъ нихъ должны быть ея первымъ предметомъ. Не имѣя въ самомъ дѣлѣ никакихъ причинъ жаловаться на Ростиславичей — которые жили съ нимъ мирно и вмѣстѣ отразили набѣгъ Хана Половецкаго, Кончака — Святославъ вздумалъ схватить Давида на звѣриной ловлѣ въ окрестностяхъ Днѣпра; сказалъ о томъ единственно женѣ и главному изъ любимцевъ, именемъ Кочкарю; тайно собралъ воиновъ и нечаянно ударилъ на станъ Давидовъ. Сей Князь, изумленный злодѣйствомъ, бросился въ лодку съ супругою, и едва могъ спастися, осыпаемый съ берега стрѣлами. Онъ ушелъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику; а Святославъ, неудачно обнаруживъ свой умыселъ, призвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣтъ въ Черниговъ. «Вижу *теперь* горестную необходимость войны,» сказалъ ему Игорь Сѣверскій: «но ты могъ бы *прежде* сохранить миръ. Впрочемъ мы готовы повиноваться тебѣ, какъ нашему отцу, желая усердно твоего блага.» Между тѣмъ Рюрикъ, слыша, что Святослава нѣтъ въ Кіевѣ, занялъ сію столицу, требовалъ помощи отъ Князей Волынскихъ, и велѣлъ Давиду ѣхать въ Смоленскъ къ Роману, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять нужныя мѣры для безопасности сего Княженія. НоДавидъ уже не засталъ брата живаго: Романъ скончался, извѣстный болѣе мирными, кроткими свойствами, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтописцы сказываютъ, что онъ имѣлъ наружность величественную и рѣдкое милосердіе: терпѣлъ отъ гражданъ Смоленскихъ многія досады и мстилъ имъ только благодѣяніями; не обманывалъ Князей, нѣжно любилъ братьевъ, славился набожностію: соорудилъ великолѣпную церковь Св. Іоанна, украсилъ оную золотомъ и финифтью. Давидъ наслѣдовалъ престолъ Смоленскій.

Вѣроломство Святослава.

Въ надеждѣ управиться и съ Ростиславичами и съ Великимъ Княземъ, Святославъ, нанявъ множество Половцевъ, оставилъ часть войска съ братомъ своимъ Ярославомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать противъ Рюрика и Давида; а самъ съ главною силою вступилъ въ область Суздальскую, соединился съ Новогородцами на устьѣ Тверцы, опустошилъ берега Волги и шелъ къ Переславлю (59). За 40 верстъ отъ сего горо- г. 1181.

да стоялъ Всеволодъ съ полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими, въ станѣ укрѣпленномъ Природою: между крутоберегою Вленою, ущельями и горами. Непріятели видѣли другъ друга и пускали чрезъ рѣку стрѣлы. Воины Святославовы желали битвы, Суздальскіе также: послѣдніе были удерживаемы Великимъ Княземъ, а первые неприступностію мѣста. Прошло болѣе двухъ недѣль. Чтобы сдѣлать тревогу въ станѣ Черниговцевъ, Всеволодъ послалъ Князей Рязанскихъ ударить на нихъ съ боку. Внезапность нападенія имѣла успѣхъ только мгновенный; братъ Игоря Сѣверскаго принудилъ Рязанцевъ бѣжать, и взялъ у нихъ не малое число плѣнниковъ. Напрасно ожидавъ новаго нападенія, Святославъ отправилъ къ Великому Князю своего Духовника съ такими словами: «Братъ и сынъ мой! имѣвъ искреннее удовольствіе служить тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, могъ ли я ожидать столь жестокой неблагодарности? Въ возмездіе за сіи услуги ты не устыдился злодѣйствовать мнѣ и схватилъ моего сына. Для чего же медлишь? я близъ тебя: рѣшимъ дѣло судомъ Божіимъ. Выступи въ поле, и сразимся, на той или другой сторонѣ рѣки.» Всеволодъ не отвѣтствовалъ, задержалъ Пословъ и велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, желая, чтобы Князь Черниговскій въ досадѣ своей отважился на битву, для себя невыгодную, и перешелъ за рѣку. Святославъ не трогался съ мѣста. Весна наступила: боясь распутья, онъ рѣшился оставить часть обоза и станъ въ добычу непріятелю, впрочемъ не хотѣвшему за нимъ гнаться, сжегъ Дмитровъ, мѣсто Всеволодова рожденія, и прибылъ весновать въ Новгородъ, гдѣ жители встрѣтили его какъ побѣдителя, называя именемъ *Великаго*. Ярополкъ, прежде изгнанный ими въ удовольствіе Всеволоду, находился съ Черниговскимъ Княземъ: они вторично приняли его къ себѣ и дали ему въ Удѣлъ Торжекъ, чтобы охранять ихъ восточныя области.

Упреки Всеволоду.

Святославъ, извѣдавъ воинскую осторожность Всеволода, уже не хотѣлъ возобновить непріятельскихъ дѣйствій въ Великомъ Княженіи Суздальскомъ: онъ велѣлъ брату, Ярославу, выступить изъ Чернигова, и соединился съ нимъ въ областяхъ Кривскихъ, гдѣ Васильковичи, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій, вмѣстѣ съ другими Князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава [60]; каждый привелъ къ нему свою дружину, а Всеславъ Литву и Ливонцевъ. Ростиславичи и Кіевъ были предметомъ сего ополченія. Одинъ Князь Друцкій, Глѣбъ, сынъ умершаго Рогволода, не измѣнилъ Давиду Смоленскому, который думалъ защитить его, но видя превосходную силу враговъ, удалился отъ битвы. Святославъ обратилъ въ пепелъ внѣшнія укрѣпленія Друцка и, не теряя времени, шелъ къ Кіеву, сопровождаемый толпами Половцевъ. Сіе-то гибельное обыкновеніе, въ войнахъ междоусобныхъ дружиться съ иноплеменными хищниками и призывать ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра Государства, всего болѣе обезславило Князей Черниговскихъ въ нашей древней Исторіи, и было одною изъ причинъ народной любви къ Мономаховымъ потомкамъ, которые *дотолѣ* гнушались онымъ (если исключимъ Георгія Долгорукаго), и слѣдуя наслѣдственнымъ правиламъ, отличались великодушіемъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защитить Кіевъ, онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ, умѣлъ внезапно разбить Половцевъ, предводимыхъ Игоремъ Сѣверскимъ, и воспользовался робостію Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣйшимъ; отказался отъ Кіева, удержавъ за собою всѣ другіе города Днѣпровскіе, и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ Черниговскихъ Князей, съ условіемъ, чтобы они, подобно ему, служили щитомъ для южной Россіи и не давали варварамъ плѣнять Христіанъ.

Великодушіе Мономахова потомства.

Вѣроятно, что Рюрикъ старался примирить Святослава съ Великимъ Княземъ: Новгородъ, бывъ основаніемъ ихъ вражды, подалъ имъ и способъ прекратить оную. Ярополкъ, ненавидя Всеволода, не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и безпрестанно тревожилъ границы Суздальскія. Всеволодъ осадилъ его. Предвидя свою участь, граждане оборонялись мужественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба, питались кониною [61]: наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Ярополкъ, раненный стрѣлою во время осады, былъ заключенъ въ цѣпи, а городъ сожженъ вторично; жителей отвели плѣнниками въ Владиміръ. Войско Новогородское находилось тогда съ Святославомъ въ землѣ Кривской: оно спѣшило назадъ, защитить собственную. Но чиновники и граждане, перемѣнивъ мысли, уже хотѣли искать милости Всеволодовой. Разсуждая, что дружба Госуда-

Осада Торжка.

Политика Новогородцевъ. ря сосѣдственнаго, юнаго, могущественнаго, твердаго душею, выгоднѣе дружбы Черниговскаго Князя, слабодушнаго, легкомысленнаго и притомъ удаленнаго отъ предѣловъНовогородскихъ, они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всеволодъ, оставивъ вражду, далъ имъ Правителя. Онъ немедленно возвратилъ свободу плѣннымъ жителямъ Торжка, и свойкъ его, Ярославъ Владиміровичь, внукъ Мстислава Великаго, пріѣхалъ изъ Суздаля княжить въ Новгородъ (62). Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своей — то есть, присоединивъ область Новогородскую ко владѣніямъ Мономахова Дому — Всеволодъ съ честію отпустилъ Глѣба Святославича къ отцу, не мѣшалъ послѣднему господствовать въ Кіевѣ, и возобновивъ старую съ нимъ дружбу, выдалъ своячину, Княжну Ясскую, за его меньшаго сына: а Глѣбъ Святославичь женился на дочери Рюриковой.

Г. 1182. Браки.

Внутреннее междоусобіе прекратилось: начались войны внѣшнія. Подобно Андрею смотря съ завистію на цвѣтущую художествами и торговлею Болгарію, Всеволодъ желалъ овладѣть ею, и звалъ других Князей къ содѣйствію. Война съ невѣрными казалась тогда во всякомъ случаѣ справедливою (63): Святославъ прислалъ сына своего, Владиміра, къ Великому Князю, радуясь, что онъ замыслилъ дѣло столь благопріятное для чести Россійскаго оружія. Князья Рязанскіе, Муромскій и сынъ Давида Смоленскаго также участвовали въ семъ походѣ. Рать союзниковъ плыла Волгою до Казанской Губерніи, оставила ладіи близъ устья Цывили, подъ стражею Бѣлозерскихъ воиновъ, и шла далѣе сухимъ путемъ. Передовый отрядъ, увидѣвъ вдали конницу, готовился къ битвѣ; но мнимые непріятели оказались Половцами, которые также воевали Болгарію, и хотѣли служить Всеволоду. Вмѣстѣ съ ними Россіяне осадили такъ называемый Великій городъ въ землѣ *Серебряныхъ* Болгаровъ, какъ сказано въ лѣтописи. Юный племянникъ Всеволодовъ, Изяславъ Глѣбовичь, братъ Князя Переяславскаго (64), не хотѣлъ ждать общаго приступа, и между тѣмъ, какъ Бояре совѣтовались въ шатрѣ у Великаго Князя, одинъ съ своею дружиною ударилъ на Болгарскую пѣхоту, стоявшую въ укрѣпленіи предъ городомъ; пробился до воротъ, но уязвленный стрѣлою въ сердце, палъ на землю. Воины принесли его въ станъ едва живаго. Сей случай спасъ городъ: ибо Великій Князь, видя страданіе любимаго, мужественнаго племянника, не могъ ревностно заниматься осадою, и въ десятый день, заключивъ миръ съ жителями, отступилъ къ ладіямъ, гдѣ Бѣлозерцы до его прибытія одержали побѣду надъ соединенными жителями трехъ городовъ Болгарскихъ, хотѣвшихъ истребить суда Россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался, и Всеволодъ съ горестію возвратился въ столицу, отправивъ конницу въ Владиміръ чрезъ землю Мордвы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую Губерніи).

Г. 1183. Война съ Болгарами.

Въ сіе время Россія западная узнала новыхъ враговъ, опасныхъ и жестокихъ. Народъ Литовскій, въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ подвластный ея Князьямъ, дикій, бѣдный, платилъ имъ дань шкурами, даже лыками и вѣниками (65). Непрестанныя наши междоусобія, раздѣленіе земли Кривской и слабость каждаго Удѣла въ особенности, дали способъ Литовцамъ не только освободиться отъ зависимости, но и тревожить набѣгами области Россійскія. Трубя въ длинныя свои трубы, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней и какъ лютые звѣри стремились на добычу: жгли селенія, плѣняли жителей, и настигаемые отрядами воинскими, не хотѣли биться стѣною: разсыпаясь во всѣ стороны, пускали стрѣлы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Такъ сіи грабители, не смотря на зимній холодъ, ужасно опустошили Псковскую область. Новогородцы, не успѣвъ защитить ее, винили въ томъ своего Князя, Ярослава Владиміровича, и на его мѣсто — кажется, съ согласія Всеволодова — призвали къ себѣ изъ Смоленска Давидова сына, Мстислава (66).

Народъ Литовскій.

Г. 1184.

Въ Россіи южной Князья соединили силы, чтобы смирить Половцевъ: Святославъ Кіевскій, Рюрикъ съ двумя племянниками (67), Владиміръ Переяславскій (внукъ Долгорукаго), Глѣбъ Юрьевичь Туровскій (правнукъ Святополка-Михаила) съ братомъ Ярославомъ Пинскимъ, Всеволодъ и Мстиславъ, сыновья Ярослава Луцкаго, Мстиславъ Всеволодковичь Городненскій и дружина Галицкаго. Они пять дней искали варваровъ за Днѣпромъ. Князь Владиміръ, начальникъ передоваго отряда, вступилъ въ битву съ Половцами. «Мнѣ должно наказать ихъ за разореніе моей Переяславской области,» сказалъ онъ старѣйшему

Война съ Половцами.

изъ Князей, Святославу Кіевскому, и смѣло устремился на многочисленныя толпы непріятелей, которые заранѣе объявили его и всѣхъ нашихъ Воеводъ своими плѣнниками; но устрашенные однимъ грознымъ видомъ полку Владимірова, бѣжали въ степи. Россіяне на берегахъ Угла или Орели взяли 7000 плѣнныхъ (и въ томъ числѣ 417 Князьковъ), множество коней Азіатскихъ и всякаго оружія. Славный свирѣпостію Ханъ Половецкій, Кончакъ, былъ также разбитъ ими близъ Хороля, не смотря на его самострѣльные, необыкновенной величины луки, (едва натягиваемые пятидесятью воинами) и на искусство бывшаго съ нимъ *Бесерменина* или Харазскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, какъ сказано въ лѣтописи (68): вѣроятно *Греческимъ*, а можетъ быть и порохомъ. Кіевляне догнали сего хитреца въ бѣгствѣ и представили Святославу со всѣми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными.

30 Іюля. Огнестрѣльное оружіе.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ торжество Россіянъ обратилось въ горесть. Князья Сѣверскіе, Игорь Новогородскій, братъ его ВсеволодъТрубчевскій, и племянникъ ихъ (69), не имѣвъ участія въ побѣдахъ Святослава, завидовали имъ, и хотѣли еще важнѣйшихъ; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ называемыхъ *Ковуевъ* — единоплеменныхъ, какъ вѣроятно, съ Черными Клобуками — и пошли къ Дону. Случившееся тогда затмѣніе солнца казалось ихъ Боярамъ предзнаменованіемъ несчастнымъ. «Друзья и братья!» сказалъ Игорь: «тайны Божественныя никому не свѣдомы, а намъ не миновать своего рока.» Онъ переправился за Донецъ. Всеволодъ, братъ Игоревъ, шелъ изъ Курска инымъ путемъ: соединясь на берегахъ Оскола, войско обратилось къ Югу, къ рѣкамъ Дону и Салу, ѳеатру блестящихъ побѣдъ Мономаховыхъ (70). Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о сей новой грозѣ, представляя имъ, что Россіяне, дерзнувъ зайти столь далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись, и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ Князьямъ. Люди благоразумные говорили Игорю: «Князь! непріятели многочисленны; удалимся: теперь не наше время.» Игорь отвѣтствовалъ: «Мы будемъ осмѣяны!, когда, не обнаживъ меча, возвратимся; а стыдъ ужаснѣе смерти.» Въ первой битвѣ Россіяне остались побѣдителями, взяли станъ непріятелей, ихъ семейства, ликовали въ завоеванныхъ вежахъ и говорили другъ другу: «Что скажутъ теперь наши братья и Святославъ Кіевскій? Они сражались съ Половцами еще *смотря на Переяславль*, и не смѣли итти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе въ странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бывали отцы наши; истребимъ варваровъ и пріобрѣтемъ славу вѣчную.» Сія гордость витязей мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя слѣдствія. Разбитые Половцы соединились съ новыми толпами, отрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще бо́льшей помощи, не хотѣли сразиться *копьями*, три дни дѣйствуя однѣми *стрѣлами*. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ войско нашихъ Князей открыло себѣ путь къ водѣ: тамъ Половцы со всѣхъ сторонъ окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненный Игорь ѣздилъ на конѣ, ободряя ихъ, и снявъ съ себя шлемъ, чтобы они видѣли его лице и тѣмъ великодушнѣе умирали. Всеволодъ, братъ Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, изломивъ свое копіе и мечь. Почти никто не могъ спастися: всѣ легли на мѣстѣ или съ Князьями были отведены въ неволю. Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившемся на берегахъ Каялы (нынѣ Кагальника), отъ нѣкоторыхъ купцевъ, тамъ бывшихъ. «Скажите въ Кіевѣ (говорили имъ Половцы), что мы теперь можемъ обмѣняться плѣнниками. Князья, Вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ (71): на возвратномъ пути услышавъ печальную вѣсть, залился слезами и сказалъ: «я жаловался на легкомысліе Игоря, теперь еще болѣе жалуюсь на его злосчастіе.» Онъ собралъ Князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не хотѣвъ итти по слѣдамъ Владѣтелей Сѣверскихъ, чтобы не имѣть той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій: ибо варвары, успокоенные его

Бѣдствіе Игоря. Апрѣля 13, 1185 г. Маія 1.

99

робостію, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичь встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами и бился какъ Герой; кровь текла изъ ранъ его: дружина ослабѣвала. Видя опасность Князя любимаго, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, уязвленнаго тремя копьями (72). Половцы взявъ городъ *Римъ* или нынѣшній Роменъ, опустошивъ множество селъ близъ Путивля и напомнивъ Россіянамъ бѣдственныя времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ утѣшенію Сѣверянъ, Игорь Святославичь возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подъ надзираніемъ благосклоннаго къ нему Хана Кончака: имѣлъ при себѣ слугъ, Священника, и могъ забавляться ястребиною охотою. Одинъ изъ Половцевъ, именемъ Лаверъ, вызвался бѣжать съ нимъ въ Россію. Князь Игорь отвѣтствовалъ: «я могъ уйти во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.» Однакожь, убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего конюшаго, Игорь воспользовался темнотою ночи и сномъ варваровъ, упоенныхъ крѣпкимъ кумысомъ; сѣлъ на коня, и въ 11 дней пріѣхалъ благополучно въ городъ Донецъ (73). Сынъ его Владиміръ, оставленный имъ въ плѣну, женился тамъ на дочери Хана Кончака и возвратился къ отцу черезъ два года, вмѣстѣ съ дядею Всеволодомъ (коего называютъ Лѣтописцы Героемъ, или, по ихъ словамъ, *удалѣйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей, величественнымъ наружностію, любезнымъ душею). Сія гибель дружины Сѣверской, плѣнъ Князей и спасеніе Игоря описаны со многими обстоятельствами въ особенной древней, исторической повѣсти, украшенной цвѣтами воображенія и языкомъ Стихотворства.

Мужество Владиміра.

Герой Всеволодъ.

Въ теченіе слѣдующихъ осьми лѣтъ Половцы то мирились, то воевали съ Россіянами, имѣя успѣхъ и неудачи (74). Сіи маловажныя сшибки не представляютъ ничего достопамятнаго для Исторіи. Одинъ сынъ Рюриковъ, юный Ростиславъ, отличался въ оныхъ мужествомъ и былъ грозою варваровъ, предводительствуя Торками и Берендѣями, иногда вѣрными стражами областей Кіевскихъ, иногда измѣнниками: такъ ихъ знаменитый чиновникъ или Князекъ, именемъ Кунтувдѣй, оскорбленный Святославомъ, ушелъ къ Половцамъ, и долго грабилъ съ ними села Днѣпровскія. Чтобы обезоружить сего храбраго наѣздника, Рюрикъ далъ ему городокъ Дверенъ на берегахъ Роси. Народъ благословлялъ согласіе Рюрика съ Святославомъ, которые единодушно дѣйствовали для его внѣшней безопасности. Первый, женатый на сестрѣ Князей Пинскихъ или Туровскихъ, правнукѣ Святополка-Михаила, старался быть защитникомъ и сего края: онъ ходилъ съ войскомъ на Литву, какъ бы предвидя, что она будетъ для нашего отечества еще опаснѣе Половцевъ.

Торки и Берендѣи.

Междоусобіе Князей Рязанскихъ нарушило внутренній миръ и спокойствіе въ Россіи восточной. Глѣбовичи Романъ, Игорь, Владиміръ, умышляли на жизнь меньшихъ братьевъ, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконецъ осадили ихъ въ Пронскѣ (75). Великій Князь былъ занятъ тогда новымъ походомъ рати своей на Болгаровъ; когда же Воеводы его возвратились оттуда съ добычею и съ плѣнниками, онъ рѣшился прекратить вражду злобныхъ братьевъ. Напрасно Послы его благоразумно представляли имъ, что добрые Россіяне и единокровные должны извлекать мечь только на враговъ иноплеменныхъ. Романъ, Игорь, Владиміръ, отвѣтствовали гордо, что они не имѣютъ нужды въ совѣтахъ и хотятъ быть независимы. Обольщенный ими, Святославъ измѣнилъ меньшему брату, Всеволоду, бывшему у Великаго Князя, и сдалъ имъ Пронскъ, гдѣ находилось 300 человѣкъ дружины Владимірской. Романъ взялъ ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми, Боярами Всеволода Глѣбовича. Сіи безразсудные мятежники скоро увидѣли опасность, и старались умилостивить Великаго Князя. Они склонили Черниговскаго Епископа Порфирія (коего Епархія заключала въ себѣ и Рязанскую область), быть ихъ ходатаемъ; Послы Святослава Кіевскаго и брата его также находились въ Владимірѣ для сего дѣла. Но Порфирій худо исполнилъ священную обязанность миротворца; дѣйствовалъ какъ перевѣтникъ, раздражилъ Всеволода Георгіевича коварствомъ своимъ и тѣмъ умножилъ зло: ибо Великій Князь огнемъ и мечемъ опустошилъ землю Рязанскую, держась правила, какъ говорятъ Лѣтописцы, что «война *славная* лучше мира постыднаго (76).»

Г. 1186 —1187. Междоусобіе въ Рязани.

Г. 1187.

Сей годъ достопамятенъ кончиною Ярослава Владиміrковича Галицкаго и

Добродѣтели

Ярослава Галицкаго.

важными ея слѣдствіями. Подобно отцу господствуя отъ горъ Карпатскихъ до устья Серета и Прута, онъ имѣлъ истинныя государственныя добродѣтели, рѣдкія въ тогдашнія времена: не искалъ завоеваній, но, довольствуясь своею немалою областію, пекся о благоденствіи народа, о цвѣтущемъ состояніи городовъ, земледѣлія; для того любилъ тишину, вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ Боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для Государя; нанималъ полки иноплеменниковъ, и спасая тѣмъ подданныхъ отъ кровопролитія, не жалѣлъ казны. Въ 1173 году онъ нанялъ у Поляковъ войско за 3000 гривенъ серебра [77]: успѣхи торговли и мирной промышлености доставляли ему способъ быть щедрымъ въ такихъ случаяхъ. Союзникъ Греческаго Императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему Россіяне прозвали его *Осьмомысломъ*. Сей миролюбивый Князь не находилъ мира только въ нѣдрахъ семейства и не могъ жить въ согласіи ни съ супругою, ни съ сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ разстаться и (въ 1181 году) скончалась Монахинею въ Владимірѣ Суздальскомъ у Всеволода, ея брата [78]; а сынъ Ярославовъ, въ третій разъ изгнанный отцемъ, напрасно искавъ пристанища у Князей Волынскихъ, Смоленскаго, даже у Великаго Князя, жилъ два года въ Путивлѣ у своего зятя, Игоря Сѣверскаго, и хотя наконецъ, посредствомъ Игорева старанія, примирился съ отцемъ, но имѣя склонности развратныя, непрестанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ меньшаго побочнаго сына, именемъ Олега, прижитаго имъ съ несчастною Анастасіею. Готовясь къ смерти, онъ три дни прощался со всѣми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищіе тѣснились во дворцѣ къ одру умирающаго. Изъявивъ чувства набожныя и Христіанскія, смиреніе предъ Богомъ и людьми: назначивъ богатые вклады въ церкви, въ монастыри, и велѣвъ раздать часть казны бѣднымъ, Ярославъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Олега: Владиміра же наградилъ только Перемышлемъ, взявъ съ него и съ Бояръ клятву исполнить сіе завѣщаніе. Но Бояре, едва предавъ землѣ тѣло Государя, изгнали Олега (ушедшаго къ Рюрику въ Овручь), и возвели Владиміра на престолъ.

Г. 1188. Слабости и бѣдствіе Князя Владиміра.

Они раскаялись: ибо новый Государь, имѣя отвращеніе отъ дѣлъ, пилъ день и ночь, презиралъ уставы Церкви и нравственности, женился вторымъ бракомъ на Попадьѣ; сверхъ того, удовлетворяя гнусному любострастію, безчестилъ дѣвицъ и супругъ Боярскихъ. Негодованіе сдѣлалось общимъ; въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ народъ жаловался громогласно. Въ сосѣдственной области Владимірской господствовалъ тогда Князь извѣстный мужествомъ, умомъ, дѣятельностію, Романъ Мстиславичь, который еще въ лѣтахъ нѣжной юности, подъ стѣнами Новагорода, смиривъ гордость Андрея Боголюбскаго, заслужилъ тѣмъ вниманіе Россіянъ. Многими блестящими свойствами достойный своего предка, Мономаха, онъ, къ несчастію, жертвовалъ властолюбію правилами добродѣтели, и будучи сватомъ Владиміру, веселился его распутствомъ и народнымъ озлобленіемъ, ибо думалъ воспользоваться слѣдствіями онаго. Имѣя тайную связь съ Галицкими Вельможами, Романъ хотѣлъ открыть себѣ путь къ тамошнему престолу и совѣтовалъ имъ свергнуть Князя столь порочнаго. Сіи внушенія не остались безъ дѣйствія. Волненіе и шумъ въ столицѣ пробудили усыпленнаго нѣгою Владиміра. Дворъ Княжескій наполнился людьми; но заговорщики, не увѣренные въ согласіи добрыхъ, терпѣливыхъ гражданъ, опасались возложить руку на Государя, и зная его малодушіе, послали сказать ему, чтобы онъ избралъ супругу достойнѣйшую, выдалъ имъ Попадью для казни, правительствовалъ какъ должно или готовился къ слѣдствіямъ весьма несчастнымъ. Ихъ желаніе исполнилось: то есть, устрашенный Владиміръ бѣжалъ въ Венгрію съ женою, двумя сыновьями и наслѣдственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить въ Галичѣ.

Властолюбіе Романа.

Плоды льстивыхъ внушеній и коварства оказались непрочными для сего властолюбиваго Князя. Бела, Король Венгерскій, не уступая ему въ коварствѣ, осыпалъ Владиміра ласками, дружескими увѣреніями, и немедленно выступилъ къ Галичу со всѣми силами, чтобы смирить мятежныхъ подданныхъ, какъ говорилъ онъ, и возвратить престолъ изгнаннику. Давно Короли Венгерскіе, бывъ и друзь-

ями и непріятелями мужественныхъ, умныхъ Князей Галицкихъ, отъ Василька до Ярослава, завидовали ихъ странѣ плодоносной, богатой также минералами и въ особенности солью, которая издревле шла въ южную Россію и сосѣдственныя земли. Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область къ Венгріи. Еще Романъ не утвердился на новомъ престолѣ; многіе граждане и Вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крутаго нрава и гордаго самовластія. Свѣдавъ, что Венгры сходятъ съ горъ Карпатскихъ, онъ успѣлъ только захватить казну и выѣхалъ изъ Галича съ Боярами, ему преданными. Король безъ сопротивленія вошелъ въ столицу. Уже Владиміръ, изъявляя благодарность добрымъ союзникамъ, думалъ, что они могутъ итти обратно; но вѣроломный Бела вдругъ объявилъ своего сына, Андрея, *Королемъ Галицкимъ*, съ согласія легкомысленныхъ Бояръ, обольщенныхъ его увѣреніями, что Андрей будетъ царствовать по ихъ уставамъ и волѣ. Сего не довольно: Бела, отнявъ у Владиміра и сокровища и свободу, возвратился съ нимъ въ Венгрію какъ съ плѣнникомъ.

Вѣроломство Короля Венгерскаго.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей Князь, отправляясь господствовать въ Галичѣ, уступилъ всю область Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотѣлъ впустить его въ городъ Владиміръ: затворилъ ворота и сказалъ: «я здѣсь Князь, а не ты!» Изумленный Романъ — лишась такимъ образомъ и пріобрѣтенной и наслѣдственной области — искалъ защиты у Рюрика и Ляховъ. Первый былъ ему тестемъ, а Государь Польскій, Казиміръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казиміровъ, Мечиславъ Старый, безъ успѣха приступалъ къ Владиміру, желая возвратить сей городъ любимому ими племяннику. Безъ успѣха также ходилъ Романъ съ дружиною тестя въ землю Галицкую: жители и Венгры отразили его. Наконецъ Рюрикъ угрозами принудилъ Всеволода Мстиславича отдать Владимірское Княженіе старшему брату.

Князья наши не думали вступиться за несчастнаго Владиміра Галицкаго — посаженнаго Королемъ Белою въ каменную башню, — но съ прискорбіемъ видѣли иноплеменниковъ господами прекраснѣйшей изъ областей Россійскихъ. Между тѣмъ хитрый Бела, имѣя дружелюбныя сношенія съ Святославомъ Кіевскимъ, старался увѣрить его въ своемъ безкорыстіи, и даже обѣщалъ со временемъ отдать ему Галичь; а Святославъ, вопреки условіямъ тѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ, тайно послалъ одного изъ сыновей къ Королю для переговоровъ. Рюрикъ свѣдалъ и досадовалъ. Принявъ совѣтъ Митрополита, они согласились-было изгнать Венгровъ изъ Галича; но Святославъ, уступая Рюрику сіе Княженіе, требовалъ Овруча, Бѣлагорода и всѣхъ другихъ областей Днѣпровскихъ. Рюрикъ не хотѣлъ того, и Галичь остался за Венграми; впрочемъ не надолго. Г. 1189.

Сынъ Князя Іоанна Берладника, умершаго въ Ѳессалоникѣ, двоюродный племянникъ Ярослава Галицкаго, именемъ Ростиславъ, подобно отцу скитался изъ земли въ землю и нашелъ пристанище въ Смоленскѣ. Онъ имѣлъ друзей въ отечествѣ, гдѣ народъ, неохотно повинуясь иноземнымъ властителямъ, и нѣкоторые Бояре желали видѣть его на престолѣ. По согласію съ ними Ростиславъ, уѣхавъ отъ Давида Смоленскаго, съ малымъ числомъ воиновъ явился предъ стѣнами Галича, въ надеждѣ, что всѣ граждане къ нему присоединятся. Но Андрей оградилъ себя полками Венгерскими, взялъ съ жителей, волею и неволею, присягу въ вѣрности и вообще такія мѣры, что сынъ Берладниковъ, вмѣсто друзей, встрѣтилъ тамъ одниxъ враговъ многочисленныхъ. Видя неудачу, измѣну или робость Галичанъ, Ростиславъ не думалъ спасаться бѣгствомъ; сказалъ дружинѣ: «лучше умереть въ своемъ отечествѣ, нежели скитаться по чужимъ землямъ; предаю суду Божію тѣхъ, которые меня обманули» — и бросился въ средину непріятелей. Тяжело раненный, онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною судьбою, хотѣлъ возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятежъ, Венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили *смертное зеліе* къ язвѣ Ростислава, и сей несчастный Князь, достойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удостовѣриться въ народной къ нему любви; а граждане, изъявивъ оную, раздражили своего Короля. Правленіе Андреево, дотолѣ благоразумное, снисходительное, обратилось въ насиліе. Венгры мстили Галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неистово: отнимали женъ у супруговъ, ставили коней въ домы Боярскіе, въ самыя церкви; позволяли се-

Благородство сына Берладникова.

бѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ вопилъ, съ нетерпѣніемъ ожидая случая избавиться отъ ига: онъ представился.

Владиміръ Галицкій, заключенный съ женою и съ дѣтьми у Короля Венгерскаго, нашелъ способъ уйти: изрѣзалъ шатеръ, поставленный для него въ башнѣ, свилъ изъ холста веревки, спустился по онымъ внизъ и бѣжалъ къ Нѣмецкому Императору, Фридерику Барбаруссѣ. Такъ сынъ Ярослава Великаго искалъ нѣкогда покровительства Императора Генриха IV; но привезъ сокровища въ Германію, а Владиміръ могъ только обѣщать, и дѣйствительно вызвался ежегодно платить Фридерику 2000 гривенъ серебра, буде его содѣйствіемъ отниметъ Галичь у Венгровъ. Императоръ — неизвѣстно, какимъ образомъ — зналъ Великаго Князя Суздальскаго и весьма ласково принялъ Владиміра, слыша, что онъ сынъ Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важнымъ намѣреніемъ ратоборствовать въ Палестинѣ съ Героемъ Востока, Саладиномъ, Фридерикъ не могъ послать войска къ берегамъ Днѣстра, однакожь далъ Владиміру письмо къ Казимиру Справедливому, которое имѣло счастливое для изгнанника дѣйствіе: ибо сей Монархъ Польскій, завидуя Венграмъ въ пріобрѣтеніи земли Галицкой, и вѣдая, сколь ихъ господство противно ея жителямъ, не отказался отъ предлагаемой ему чести быть покровителемъ несчастнаго Князя, вѣроломно обманутаго Белою; надѣялся на Галичанъ, и не обманулся. Бывъ недовольны правленіемъ Владиміровымъ, они еще гораздо болѣе ненавидѣли Венгровъ; и когда услышали, что сей Князь съ Воеводою Краковскимъ, знаменитымъ Николаемъ, идетъ къ ихъ границамъ: то всѣ единодушно возстали, изгнали Андрея и встрѣтили Владиміра съ радостію; а Белѣ остался стыдъ и титулъ *Короля Галицкаго*, съ 1190 года употребляемый въ его грамотахъ (79). Еще не миновались опасности для Владиміра: худо вѣря безкорыстію Поляковъ, боясь Венгровъ, Романа Волынскаго и собственнаго народа, онъ прибѣгнулъ къ дядѣ, Великому Князю, не хотѣвъ дотолѣ искать въ немъ милости; смиренно винился, обѣщалъ исправиться, и писалъ къ нему: «Будь моимъ отцемъ и Государемъ: я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ; желаю тебѣ повиноваться, но только тебѣ одному.» Сіе покровительство, согласное съ долгомъ родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взявъ оное на себя, извѣстилъ о томъ всѣхъ Князей Россійскихъ и Казимира: послѣ чего Владиміръ могъ безопасно господствовать до самой смерти.

К. Владиміръ въ Имперіи.

Г. 1190. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича.

Чтимый внутри и внѣ Россіи, Всеволодъ хотѣлъ искренняго взаимнаго дружелюбія Князей, и старался утвердить оное новымъ свойствомъ, выдавъ дочь свою за племянника Святославова, — другую, именемъ Верхуславу, за Рюриковича, мужественнаго Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилѣтняго, женивъ на внукѣ умершаго Романа Смоленскаго (80). Юность лѣтъ не препятствовала брачнымъ союзамъ, коихъ требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила въ возрастъ отроковицы, когда родители послали ее къ жениху въ Бѣлгородъ. Сія свадьба была одною изъ великолѣпнѣйшихъ, о коихъ упоминается въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. За невѣстою пріѣзжали въ Владиміръ шуринъ Рюриковъ, Глѣбъ Туровскій, и знатнѣйшіе Бояре съ супругами, щедро одаренные Всеволодомъ. Отмѣнно любя Верхуславу, отецъ и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилѣтнюю дочь до третьяго стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который долженъ былъ, вмѣстѣ съ первыми Боярами Суздальскими, везти невѣсту. Въ Бѣлгородѣ Епископъ Максимъ совершалъ обрядъ вѣнчанія, и болѣе двадцати Князей пировали на свадьбѣ. Рюрикъ, слѣдуя древнему обычаю, въ знакъ любви отдалъ снохѣ городъ Брагинъ. Сей Князь, тесть Игорева сына, жилъ въ мирѣ со всѣми Ольговичами, и въ случаѣ споровъ о границахъ или Удѣлахъ прибѣгалъ къ посредству Всеволодову. Такъ Святославъ (въ 1190 году) желалъ присвоить себѣ часть Смоленскихъ владѣній; но Рюрикъ и Давидъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ обезоружили его, представляя, что онъ взялъ Кіевъ съ условіемъ не требовать ничего болѣе и забыть споры, бывшіе при Великомъ Князѣ Ростиславѣ; что ему остается или исполнить договоръ или начать войну. Святославъ далъ имъ слово впредь не нарушать мира, и сдержалъ оное, довольный честію первенства между Князьями южной Россіи. Уступивъ Черниговъ брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть Кіевской области, не имѣя ни Переяславля, ни Волыніи, онъ не могъ равняться силою съ древними Великими Кня-

Г. 1187 —1195. Браки.



181

зьями, но подобно имъ именовался Великимъ и возстановилъ независимость Кіева. Всеволодъ Георгіевичь уважалъ въ Святославѣ опытнаго старца (власы сѣдые были тогда правомъ на почтеніе людей); предвидя его близкую кончину, удерживалъ до времени свое властолюбіе и терпѣлъ нѣкоторую зависимость могущественной области Суздальской отъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Вмѣстѣ съ народомъ или знаменитыми гражданами избирая Епископовъ для Ростова, Суздаля, Владиміра, но посылая ихъ ставиться къ Митрополиту Никифору, преемнику Константинову, онъ всегда отправлялъ Пословъ и къ Святославу, требуя на то его Княжескаго соизволенія[81]: ибо власть духовная была тѣсно связана съ гражданскою, и Митрополитъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ Государя. Никифоръ хотѣлъ нарушить сей уставъ въ Россіи, самовластно посвятивъ въ Епископы Суздалю одного Грека; но Всеволодъ не принялъ его, и Митрополитъ поставилъ инаго, назначеннаго Великимъ Княземъ и одобреннаго Святославомъ. — Между тѣмъ, желая приблизиться къ древней столицѣ, Всеволодъ возобновилъ городъ Остеръ, разрушенный Изяславомъ Мстиславичемъ[82]: Тіунъ Суздальскій пріѣхалъ туда властвовать именемъ Князя. Южный Переяславль также зависѣлъ отъ Всеволода, который отдалъ его, по смерти Владиміра Глѣбовича, другому племяннику, Ярославу Мстиславичу. Вся *Украйна*, по словамъ Лѣтописца, оплакала сего мужественнаго Владиміра, ужаснаго для Половцевъ, добраго, безкорыстнаго, любившаго дружину и любимаго ею.

Временная независимость Кіева.

Добродѣтели Владиміра Глѣбовича.

Когда почти вся Россія наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляютъ намъ ужасы мятежа и картину воинской дѣятельности. Давидъ Ростиславичь, господствуя въ Смоленскѣ, не былъ любимъ народомъ. Не имѣя твердыхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на опытѣ вѣковъ, Князья и подданные въ нашемъ древнемъ отечествѣ часто дѣйствовали по внушенію страстей; сила казалась справедливостію: иногда Государь, могущественный усердіемъ и мечами дружины, угнеталъ народъ; иногда народъ презиралъ волю Государя слабаго. Неясность взаимныхъ правъ служила поводомъ къ мятежамъ, и Смоляне, однажды изгнавъ Князя[83], хотѣли и вторично утвердить народную власть такимъ же дѣломъ. Но Давидъ былъ смѣлъ, рѣшителенъ; не уступилъ гражданамъ и не жалѣлъ ихъ крови; казнилъ многихъ и возстановилъ порядокъ.

Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ.

Сынъ Давидовъ, Мстиславъ, года два княжилъ спокойно въ Новѣгородѣ; вмѣстѣ съ отцемъ ходилъ воевать Полоцкую область и заключилъ миръ съ ея жителями, которые встрѣтили ихъ на границѣ съ дарами[84]. При семъ же Князѣ Новогородцы, опустошивъ часть Финляндіи, привели оттуда многихъ плѣнниковъ. Но духъ раздора не замедлилъ обнаружиться въ Республикѣ: народъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ знатныхъ гражданъ, осудилъ на смерть, бросилъ съ моста въ Волховъ. Юный Мстиславъ не предупредилъ зла, и казался слабымъ. Въ вину ему поставили, можетъ быть, и гибель чиновниковъ, ѣздившихъ тогда для собранія дани въ Заволочье, въ страну Печорскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ господствовалъ и давалъ законы народамъ полудикимъ, богатымъ драгоцѣнными звѣриными кожами: сіи чиновники и товарищи ихъ были убиты жителями, хотѣвшими освободиться отъ ига Россіянъ. Въ слѣдствіе того и другаго происшествія Новогородцы изгнали Мстислава, прибѣгнули опять ко Всеволоду, и желали вторично имѣть Княземъ свояка его, Ярослава Владиміровича. Тѣснѣйшая связь съ могущественнымъ Государемъ Суздальскимъ обѣщала имъ столь важныя выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава, и цѣлыя девять лѣтъ терпѣли его какъ въ счастливыхъ, такъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Первый годъ Ярославова княженія, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлѣбною дороговизною (четверть ржи стоила болѣе двухъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и важною ссорою съ Варягами, Готландцами и другими народами Скандинавскими. Новогородцы задержали ихъ купцевъ, разослали по темницамъ; не пустили своихъ за море; отправили назадъ Пословъ Варяжскихъ и не хотѣли съ ними договариваться о мирѣ. Шведскіе Лѣтописцы сказываютъ, что въ сей годъ Россіяне, соединясь съ жителями Эстоніи и Корелами, приходили на судахъ въ окрестности Стокгольма, убили Архіепископа Упсальскаго, взяли 14 Іюля древній торговый городъ Шведскій Сигтуну, опустошили его такъ, что онъ уже навѣки утратилъ свое прежнее цвѣтущее со-

Ссора съ Варягами.

стояніе, и вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями похитили серебряныя церковныя врата, которыми украсилась Соборная церковь Новогородская (85). Недовольные тогда Варягами, Новогородцы могли возбудить Эстонцевъ къ опустошенію приморской Швеціи; могли дать имъ и нѣкоторыхъ воиновъ: но участіе Россіянъ въ семъ предпріятіи безъ сомнѣнія было не важно, когда современные Лѣтописцы наши о томъ не упоминаютъ, описывая обстоятельно малѣйшія военныя дѣйствія ихъ времени; на примѣръ, какъ Псковитяне (въ 1190 году) разбили сихъ самыхъ Эстонцевъ, которые на семи *шнекахъ* или судахъ приходили грабить въ окрестностяхъ тамошняго озера; какъ Новогородцы съ Корелами (въ 1191 году) воевали бѣдную землю Финновъ, жгли тамъ селенія, истребляли скотъ. Тогда же Ярославъ Владиміровичь, имѣвъ на границѣ свиданіе съ Князьями Кривскими или Полоцкими, согласился вмѣстѣ съ ними итти зимою на Литву или Чудь; богато одаренный союзниками, возвратился въ Новгородъ, и по условію вступивъ въ Ливонскую землю, взялъ Дерптъ, множество плѣнниковъ и всякаго роду добычи. Въ слѣдующій годъ, лѣтомъ, сей Князь самъ остался во Псковѣ, а Дворъ его, или дружина, съ отрядомъ Псковитянъ завоевали *Медвѣжью Голову* или Оденпе, распространивъ огнемъ и мечемъ ужасъ въ окрестностяхъ (86). Тогдашнее состояніе Чудскаго народа было самое несчастное: Россіяне, ссылаясь на древнія права свои, требовали отъ него дани, а Шведы перемѣны Закона. Папа Александръ III торжественно обѣщалъ сѣвернымъ Католикамъ вѣчное блаженство, ежели язычники Эстонскіе признаютъ въ немъ Апостольскаго Намѣстника: съ Латинскою Библіею и съ мечемъ Шведы выходили на восточные берега моря Бальтійскаго и наказывали идолопоклонниковъ за ихъ упорство въ заблужденіяхъ язычества. Россіяне — Новогородцы, Кривичи — изъявляли менѣе ревности къ обращенію невѣрныхъ и не хотѣли *насиліемъ* просвѣщать людей; но считали жителей Эстоніи и Ливоніи своими подданными, наказывая ихъ какъ мятежниковъ, когда они желали независимости. Въ сіе время, по сказанію древнѣйшаго Лѣтописца Ливонскаго, славился могуществомъ *Князь Полоцкій Владиміръ:* онъ господствовалъ до самаго устья Двины, и власть его надъ южною Чудскою землею была вообще

Воинскіе подвиги.

Бѣдствія Чуди.

столь извѣстна, что благочестивый старецъ Меингардъ, усердный Нѣмецкій Католикъ, пріѣхавъ около 1186 года съ купцами Нѣмецкими въ Ливонію, просилъ у него дозволенія мирно обращать тамошнихъ язычниковъ въ Христіанство (87): на что Владиміръ охотно согласился, и даже отпустилъ Меингарда съ дарами изъ Полоцка, не предвидя вредныхъ слѣдствій, которымъ скоро надлежало открыться для Россіянъ отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго. Меингардъ имѣлъ успѣхъ въ важномъ дѣлѣ своемъ: основалъ первую Христіанскую церковь въ Икскулѣ вмѣстѣ съ маленькою крѣпостію (не далеко отъ нынѣшней Риги); училъ язычниковъ Закону и военному искусству для ихъ безопасности; крестилъ волею и неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ Вѣру Латинскую.

Нѣмцы въ Ливоніи.

Новогородцы, желая отмстить народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали туда Воеводу съ дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирѣпые обычаемъ и дикіе нравами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, пять недѣль стоялъ подъ другимъ, терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Осажденные увѣряли его въ своей покорности, называли себя Новогородскими слугами, и нѣсколько разъ обѣщали вынести обыкновенную дань (88): *соболей, серебро* (что, какъ надобно думать, получали они мѣною отъ дальнѣйшихъ народовъ Сибирскихъ). Неосторожный Воевода, приглашенный ими, въѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски; такую же участь имѣли и другіе 80 Россіянъ, вошедшіе за ними. На третій день, Декабря 6, жители сдѣлали вылазку и почти совсѣмъ истребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося менѣе ста человѣкъ, которые, долгое время скитаясь по снѣжнымъ пустынямъ, не могли дать о себѣ никакой вѣсти Новогородцамъ, безпокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже чрезъ 8 мѣсяцевъ. Вмѣсто того, чтобы итти въ храмъ и благодарить Небо, спасшее ихъ отъ погибели, сіи несчастные вздумали судиться предъ народомъ, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, въ тайномъ сношеніи со врагами во время осады города Югорскаго. Дѣло, весьма неясное, кончилось убіеніемъ трехъ гражданъ и взысканіемъ пени съ иныхъ, мнимыхъ преступниковъ.

Серебро Сибирское.

102

Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій держали равновѣсіе Государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области Волынскія и Днѣпровскія, подвластныя Рюрику, признавали Всеволода своимъ Главою: Ольговичи и владѣтели Кривскіе повиновались Святославу, который, не смотря на то, чувствовалъ превосходство силъ на сторонѣ Великаго Князя, и слѣдуя внушеніямъ благоразумія, свойственнаго опытной старости, не дерзалъ явно ему противоборствовать. Такъ, имѣя ссору о границахъ съ Князьями Рязанскими, и готовый вмѣстѣ съ другими Ольговичами объявить имъ войну, онъ не могъ начать ее безъ дозволенія Всеволодова (89): требовалъ онаго, не получилъ, и долженъ былъ мирно возвратиться изъ Карачева. На семъ пути Святославъ занемогъ: чувствуя сильную боль въ ногѣ, лѣтомъ ѣхалъ въ саняхъ до рѣки Десны, гдѣ сѣлъ въ лодку; изъ Кіева немедленно отправился въ Вышегородъ: облилъ слезами раку Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба; хотѣлъ поклониться тамъ гробу отца своего, но видя дверь сего придѣла запертую, спѣшилъ возвратиться къ супругѣ. Онъ жилъ только недѣлю; могъ еще однажды выѣхать изъ дворца къ обѣднѣ; слабѣлъ, едва говорилъ и лежалъ наконецъ въ усыпленіи; за нѣсколько же часовъ до смерти вдругъ поднялся на одрѣ и спросилъ у супруги: когда будутъ Маккавеи? день, въ который умеръ отецъ его. Въ Понедѣльникъ, отвѣтствовала Княгиня. «И такъ мнѣ не дожить!» сказалъ онъ. Княгиня думала, что ему привидѣлся сонъ, и хотѣла знать оный. Святославъ не отвѣтствовалъ ей, громко читая: *вѣрую во единаго;* отправилъ гонца за Рюрикомъ, велѣлъ постричь себя въ Монахи и преставился.... Непостоянный отъ юности, нѣкогда другъ и предатель Мстиславичей, Мономаховыхъ внуковъ; то врагъ, то союзникъ Долгорукаго и дядей своихъ, Черниговскихъ Владѣтелей; жертвуя истинными государственными добродѣтелями, справедливостію, честію, выгодамъ Политики личной; безсовѣстный въ отношеніи не только къ Мономахову потомству, но и къ своимъ единокровнымъ, сей Князь имѣлъ однакожь достоинства: умъ необыкновенный, цѣломудріе, трезвость, всю наружность усерднаго Христіанина и щедрость къ бѣднымъ. Имя Государя Кіевскаго, напоминая знаменитость древнихъ Князей Великихъ, доставляло ему уваженіе отъ Монарховъ сосѣдственныхъ. Бела Венгерскій искалъ его дружбы: сильный Казимиръ также. Женивъ сына, именемъ Всеволода Чермнаго, на дочери Казимировой (90), Маріи (скоро умершей Инокинею въ Кіевскомъ, ею основанномъ монастырѣ Св. Кирилла), Святославъ помолвилъ внуку, Евфимію, дочь Глѣбову, за Греческаго Царевича (можетъ быть, Исаакіева сына, Алексія IV), и не дожилъ до ея брака, успѣвъ единственно выслать Бояръ на встрѣчу къ Императорскимъ сановникамъ, ѣхавшимъ за невѣстою.

(Margin: г. 1194—1195.)
(Margin: Кончина и характеръ Святослава.)
(Margin: Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ.)

Вѣроятно, что Рюрикъ уступилъ Святославу Кіевъ единственно по его смерть, и что Всеволодъ утвердилъ сей договоръ извѣстный Князьямъ, Вельможамъ и гражданамъ. Любимый вообще за свою привѣтливость, Рюрикъ былъ встрѣченъ народомъ и Митрополитомъ со крестами; а Великій Князь прислалъ Бояръ возвести его на тронъ Кіевскій, желая тѣмъ ознаменовать зависимость онаго отъ Государей Суздальскихъ, хотя Рюрикъ, подобно Святославу, также назывался *Великимъ Княземъ* и самовластно располагалъ городами Днѣпровскими. Онъ звалъ къ себѣ брата, Давида Смоленскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ назначить Удѣлы своимъ сыновьямъ и Владиміровичамъ, внукамъ Мстислава Великаго. Давидъ провелъ для того нѣсколько дней въ Кіевѣ, посвященныхъ дѣламъ государственнымъ и весельямъ. Рюрикъ, сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій и Кіевляне давали ему пиры. Давидъ также угостилъ ихъ. Берендѣи, Торки, самые Монахи пировали у сего Князя; и между тѣмъ, какъ роскошь изливала свой тукъ на Княжескихъ трапезахъ, благотворительность не забывала и нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ безъ милостыни для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государственнымъ, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; Вельможи, Тіуны, Воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія: духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и къ Вѣнценосцамъ.

(Margin: г. 1195.)
(Margin: Пиры въ Кіевѣ.)

Признавъ Всеволода *старшимъ* и Главою Князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя; однакожь искалъ еще другой опоры, и будучи тестемъ Романа Мстиславича Волынскаго, отдалъ ему пять городовъ Кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. «Я старшій въ Мономаховомъ родѣ,» велѣлъ онъ сказать Рюрику: «кому обязанъ ты Кіевомъ? но забывая меня, отдаешь города инымъ младшимъ Князьямъ. Не оспориваю власти твоей: господствуй и дѣлись оною съ друзьями! Увидимъ, могутъ ли они защитить тебя?» Желая умилостивить Всеволода, сватъ его предлагалъ ему особенный Удѣлъ въ Кіевской области; но Великій Князь требовалъ для себя городовъ отданныхъ Мстиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимости Рюрикъ призвалъ на совѣтъ Никифора Митрополита; съ одной стороны не хотѣлъ нарушить слова своего въ разсужденіи зятя, а съ другой боялся Всеволода.

Миролюбіе Духовенства.

«Мы поставлены отъ Бога мирить Государей въ землѣ Русской,» отвѣтствовалъ Митрополитъ: «всего ужаснѣе кровопролитіе. Исполни волю старѣйшаго Князя. Если Мстиславичь назоветъ тебя клятвопреступникомъ, то я беру грѣхъ на себя; а ты можешь удовольствовать зятя иными городами.» Самъ Романъ изъявилъ согласіе взять другую область или деньги въ замѣну Удѣла, и распря прекратилась; но когда Всеволодъ, отправивъ Намѣстниковъ въ города Днѣпровскіе, подарилъ Торческъ зятю своему, Рюрикову сыну:

Гнѣвъ Романа.

Волынскій Князь вознегодовалъ на тестя, считая себя обманутымъ [91]; не хотѣлъ жить съ его дочерью; принуждалъ бѣдную супругу удалиться въ монастырь, и вступилъ въ дружбу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣтуя ему завоевать Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обличивъ зятя въ умыслахъ непріятельскихъ и велѣвъ *повергнуть предъ нимъ грамоты крестныя*, обратился къ Всеволоду Георгіевичу. «Государь и братъ!» сказали Послы его: «*Романко* измѣнилъ намъ и дружится со врагами Мономахова племени. Вооружимся и сядемъ на коней!» Предвидя, что Великій Князь вступится за Рюрика, Мстиславичь искалъ союзниковъ въ Польшѣ, гдѣ юные сыновья Казимировы готовились отразить дядю, властолюбиваго Мечислава. Они сами имѣли нужду въ помощи [92], и мужественный Романъ за нихъ ополчился, говоря дружинѣ своей, что услуга даетъ право на взаимную услугу, и что побѣдивъ дядю, онъ будетъ располагать силами благодарныхъ племянниковъ. Уже войска стояли другъ противъ друга.

Битва въ Польшѣ.

Мечиславъ требовалъ мира, предлагая нашему Князю быть посредникомъ. Бояре Россійскіе также не хотѣли кровопролитія; но пылкій Князь, вопреки ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Польскіе Историки пишутъ, что онъ повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а Воевода Краковскій, Николай, другимъ и срединою. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный, велѣлъ *нести* себя къ предѣламъ Волыніи. Знаменитый Епископъ Краковскій, Фулько, ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь, чтобы непріятель не взялъ столицы. «Не имѣя ни силы въ рукахъ, ни воиновъ, отчасти убитыхъ, отчасти разсѣянныхъ, могу ли быть вамъ полезенъ?» сказалъ ему Мстиславичь; а на вопросъ Епископа: *что жь дѣлать?* отвѣтствовалъ: «защищать столицу, пока соберемся съ силами [93].» Романъ отправилъ изъ Владиміра Пословъ въ Кіевъ; обезоружилъ тестя смиреннымъ признаніемъ вины своей, и чрезъ ходатайство Митрополита получилъ отъ Рюрика два города въ награжденіе.

Великій Князь, Рюрикъ и братъ его, Давидъ Смоленскій, требовали отъ Черниговскаго и всѣхъ Князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за дѣтей своихъ никогда не искать ни Кіева, ни Смоленска, и довольствовались лѣвымъ берегомъ Днѣпра, отданнымъ ихъ прадѣду, Святославу [94].

Мятежный духъ Ольговичей.

Ольговичи не хотѣли того. «Мы готовы» — говорили они чрезъ Пословъ Всеволоду Георгіевичу — «*блюсти* Кіевъ за тобою или за Рюрикомъ; но если желаешь навсегда удалить насъ отъ престола Кіевскаго, то знай, что мы не Венгры, не Ляхи, а потомки Государя единаго. Властвуйте, пока вы живы; когда жь васъ не будетъ, древняя столица да принадлежитъ достойнѣйшему, по волѣ Божіей!» Всеволодъ грозилъ имъ: они на все согласились; а Рюрикъ отпустилъ наемныхъ Половцевъ, и въ доказательство своего миролюбія обѣщалъ Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебскъ, гдѣ княжилъ Василько Брячиславичь, зять Давидовъ, племянникъ Всеслава Полоцкаго.

Но Ольговичи нарушили клятвенный обѣтъ мира: не дождавшись Пословъ ни

г.1196. Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими надлежало имъ во всемъ условиться, въ концѣ зимы выступили съ войскомъ къ Витебску и начали грабить Смоленскую область (95). Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичь, сватъ Великаго Князя, хотѣлъ отразить ихъ. Ольговичи имѣли время изготовиться къ битвѣ, соединились съ Князьями Полоцкими, Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто, и *притоптали снѣгъ* вокругъ себя, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую, надъ коею начальствовалъ Олегъ Святославичь; но Воевода Смоленскій, Михалко, въ тоже время бѣжалъ, не дерзнувъ сразиться съ Полочанами, которые, видя Олега разбитаго, ударили съ тылу на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнавъ Черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей, и долженъ былъ сдаться. Зять Давидовъ, юный Князь Рязанскій, и Ростиславъ Владиміровичь, внукъ Мстислава Великаго, едва могли спастися. Они принесли Смоленскому Князю вѣсть о семъ несчастіи; а Ярославъ Черниговскій, обрадованный блестящимъ успѣхомъ своего племянника, и слыша, что жители Смоленска не любятъ Давида, хотѣлъ съ новыми полками итти прямо къ сему городу. Рюрикъ остановилъ его. «Ты не имѣешь совѣсти,» писалъ онъ къ нему изъ Овруча: «и такъ возвращаю тебѣ грамоты крестныя, тобою нарушенныя. Иди къ Смоленску: я пойду къ Чернигову. Увидимъ, кто будетъ счастливѣе.» Ярославъ оправдывался, жалуясь на Давида и Князя Витебскаго; обѣщалъ безъ выкупа освободить плѣннаго Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрикъ отступилъ отъ союза съ Великимъ Княземъ. «У насъ дѣла общія,» отвѣтствовалъ Рюрикъ: «буде искренно желаешь мира, то дай свободный путь моимъ Посламъ чрезъ твою область ко Всеволоду и Давиду; мы всѣ готовы примириться.» Но Ярославъ, будучи коварнымъ, считалъ и другихъ таковыми; не вѣрилъ ему; занялъ всѣ дороги; препятствовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ Днѣпровскихъ. Отвергнувъ великодушныя правила Мономахова Дому, Рюрикъ не устыдился нанять дикихъ Половцевъ для опустошенія Черниговскихъ владѣній и *положилъ руки* варварамъ, какъ сказано въ лѣтописи.

Ольговичи имѣли союзниковъ въ Князьяхъ Полоцкихъ: тѣ и другіе считали себя угнетенными и старѣйшими Мономаховыхъ наслѣдниковъ. Они нашли друга и между послѣдними: мужественнаго Романа Волынскаго, который искалъ всѣхъ способовъ возвыситься; слѣдуя одному правилу *быть сильнымъ*, не уважалъ никакихъ иныхъ, ни родства, ни признательности. Обязанный благодѣяніями тестя, онъ забылъ ихъ: помнилъ только, что Рюрикъ взялъ у него назадъ города Днѣпровские. Отдохнувъ послѣ несчастной битвы съ Мечиславомъ Старымъ, Романъ снова предложилъ союзъ Ольговичамъ и послалъ рать свою воевать область Смоленскую и Кіевскую. Сіе нечаянное нападеніе уменьшило на время затрудненіе Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бѣдствіямъ опустошенія: съ одной стороны Ростиславъ, сынъ Рюриковъ, а съ другой племянникъ его, Мстиславъ, сынъ Мстислава *Храбраго*, вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ плѣнили множество людей въ окрестностяхъ Каменца и Перемиля. Самъ Рюрикъ остался въ Кіевѣ: ибо узналъ, что Всеволодъ наконецъ рѣшительно дѣйствуетъ противъ Ольговичей, соединился съ Давидомъ, съ Князьями Рязанскими, Муромскими, съ Половцами, — завоевалъ область Вятичей и думаетъ вступить въ Черниговскую. Ярославъ видѣлъ себя въ крайней опасности; но, скрывая боязнь, изготовился къ сильному отпору: укрѣпилъ города, нанялъ степныхъ Половцевъ, оставилъ въ Черниговѣ двухъ Святославичей, и расположился станомъ близъ темныхъ лѣсовъ, сдѣлавъ вокругъ засѣки, подрубивъ всѣ мосты. Впрочемъ ему легче было поссорить враговъ своихъ хитростію, нежели силою одолѣть ихъ: такъ онъ и дѣйствовалъ.

Неблагодарность Романова.

Изъявляя вмѣстѣ и миролюбіе и неустрашимость, Ярославъ послалъ сказать Всеволоду: «Любезный братъ! ты взялъ нашу отчину и достояніе. Желаешь ли загладить насиліе дружбою? Мы любви не убѣгаемъ и готовы заключить миръ согласно съ твоею верховною волею. Желаешь ли битвы? не убѣгаемъ и того. Богъ и Святый Спасъ разсудятъ насъ въ полѣ.» Всеволодъ хотѣлъ знать мнѣніе Князей Смоленскаго, Рязанскихъ

и Бояръ. Давидъ противился миру, говоря: «Ты далъ слово моему брату соединиться съ нимъ подъ Черниговымъ, и тамъ или разрушить власть коварныхъ Ольговичей или заключить миръ общій; а теперь думаешь одинъ вступить въ переговоры? Рюрикъ не будетъ доволенъ тобою. Ты велѣлъ ему начать войну; для тебя онъ предалъ огню и мечу свою область. Можешь ли безъ него мириться?» То же говорили и Князья Рязанскіе; но Всеволодъ, недовольный ихъ смѣлыми представленіями, велѣлъ сказать Ольговичамъ, что соглашается забыть ихъ вину, если они возвратятъ свободу Мстиславу Романовичу, откажутся отъ союза съ Романомъ Волынскимъ, и выгонятъ мятежнаго *Ярополка*, сего славнаго чудеснымъ прозрѣніемъ слѣпца, который, будучи взятъ въ плѣнъ Великимъ Княземъ ([96]), ушелъ изъ неволи и жилъ въ Черниговѣ. Ярославъ не принялъ только одного условія, касательно Романа Волынскаго, желая быть и впредь его другомъ. Согласились во всемъ прочемъ, и съ обыкновенными священными обрядами утвердили миръ, къ великому огорченію Рюрика. Хотя Всеволодъ далъ ему знать, что Ольговичи клялись никогда не тревожить ни Кіевскихъ, ни Смоленскихъ областей; но Рюрикъ осыпалъ его укоризнами. «Такъ поступаютъ одни вѣроломные,» отвѣтствовалъ сей Князь Всеволоду: «для тебя я озлобилъ зятя, отдавъ тебѣ города его; ты же заставилъ меня воевать съ Ярославомъ, который лично не сдѣлалъ мнѣ зла и не искалъ Кіева. Въ ожиданіи твоего содѣйствія прошли лѣто и зима; наконецъ выступаешь въ поле и миришься самъ собою, оставивъ главнаго врага, Романа, въ связи съ Ольговичами и господиномъ области, имъ отъ меня полученной.» Слѣдуя внушенію досады, Рюрикъ отнялъ у Всеволода города Кіевскіе, и тѣмъ оскорбивъ его, приготовилъ для себя важныя несчастія, лишенный Великокняжескаго покровительства. Всеволодъ безъ сомнѣнія поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо. Имѣя тайныя намѣренія, онъ не хотѣлъ совершеннаго паденія Черниговскихъ Князей, чтобы не усилить тѣмъ Кіевскаго и Смоленскаго, равно противныхъ замышляемому имъ Единовластію. Равновѣсіе ихъ силъ казалось ему до времени согласнѣе съ его пользою. *Политика Всеволодова.*

Смиривъ Ольговичей и по видимому защитивъ союзниковъ, Великій Князь съ торжествомъ возвратился въ столицу, какъ Государь любимый народомъ и побѣдитель. *Октября 6.* Въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ сдѣлались важныя перемѣны, благопріятныя для его властолюбія ([97]). Давидъ, благородный, мужественный, предчувствуя свой конецъ, уступилъ тронъ племяннику, Мстиславу Романовичу, постригся вмѣстѣ съ супругою, отправилъ юнаго сына, именемъ Константина, на воспитаніе къ брату Рюрику, и велѣлъ *Г. 1197.* нести себя, уже больнаго, изъ дворца въ Обитель Смядынскую, гдѣ и преставился въ молитвахъ (пятидесяти-семи *Апрѣля 23.* лѣтъ отъ рожденія), оплакиваемый дружиною, иноками, мирными гражданами (ибо строптивые не любили его). Лѣтописцы, уважая дѣла набожности болѣе государственныхъ, сказываютъ, что никто изъ Князей Смоленскихъ не превзошелъ Давида въ украшеніи храмовъ; что церковь Св. Михаила, имъ созданная, была великолѣпнѣйшею *въ странахъ полунощныхъ,* и что онъ ежедневно посѣщалъ ее. Но сей Князь, Христіанинъ усердный, слылъ грозою мятежниковъ *Строгость и веледушіе Давида.* и злыхъ: набожность не ослабляла въ немъ строгости правосудія, ни веледушной гордости Княжеской, противной Андрею Боголюбскому, неpріятной и Всеволоду, который тѣмъ болѣе любилъ Давидова наслѣдника, своего добродушнаго свата, ему преданнаго. — Въ Черни- *Г. 1198.* говѣ умеръ Ярославъ, вѣрный послѣдователь братней, коварной системы, и Великій Князь съ удовольствіемъ свѣдалъ, что Игорь Сѣверскій, старѣйшій въ родѣ, сѣлъ на тамошнемъ знаменитомъ престолѣ: ибо сей внукъ Олеговъ менѣе другихъ славился козноддѣйствомъ.

Не имѣя опасныхъ совмѣстниковъ внутри Россіи, Всеволодъ старался утвердить безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ тоже время, кочуя отъ нынѣшней Слобод- *Война съ Половцами.* ской Украинской до Саратовской Губерніи, безпокоили его южныя владѣнія, особенно же предѣлы Рязанскіе: онъ сильнымъ ополченіемъ устрашилъ варваровъ, ходилъ съ юнымъ сыномъ, Константиномъ, во глубину степей, вездѣ жегъ зимовья Половецкія, и Ханы, снявъ свои многочисленныя вежи, отъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю ([98]).

Чего Андрей желалъ напрасно, то сдѣ- *Г. 1196—1201.* лалъ хитрый Всеволодъ: онъ на нѣсколько лѣтъ совершенно подчинилъ себѣ мятежную первобытную столицу нашихъ *Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ.* Князей. Во время раздора его съ Ольговичами, повинуясь ему, лучшіе Новгоро-

184

родцы, не только военные люди, но и самые купцы, ходили съ Ярославомъ въ Великія Луки, чтобы удерживать Кривскихъ Владѣтелей и препятствовать ихъ соединенію съ Черниговцами (99). Ярославъ Владиміровичь уже имѣлъ тогда многихъ непріятелей въ Новѣгородѣ: Посадникъ, чиновники ѣздили ко Всеволоду, прося его, чтобы онъ вывелъ отъ нихъ свояка и далъ имъ сына. Великій Князь задержалъ сихъ Пословъ, а Новогородцы, тѣмъ оскорбленные, изгнали Ярослава, къ сожалѣнію добрыхъ, миролюбивыхъ людей, которыхъ сторона рѣдко бываетъ сильнѣйшею. Народъ, обольщенный безразсудными, хотѣлъ доказать свою независимость, и сынъ Князя Черниговскаго (100), избранный большинствомъ голосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господствовать, но быть игралищемъ своевольныхъ. Между тѣмъ Ярославъ, съ согласія жителей, остался въ Торжкѣ; бралъ дань въ окрестностяхъ Мсты и за Волокомъ. Новогородцевъ вездѣ ловили какъ непріятелей, толпами приводили въ Владиміръ. Дѣйствуя осторожнѣе Андрея, Всеволодъ не думалъ осаждать ихъ столицы: мѣшалъ имъ только купечествовать въ Россіи и собирать налоги въ Двинской землѣ, зная, что любостяжаніе скоро одержитъ верхъ надъ упрямствомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ Князя Черниговскаго долженъ былъ ѣхать назадъ къ отцу: Сотники Новогородскіе явились во дворцѣ у Всеволода, извинялись, молили, обѣщали, и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ согражданъ. Народъ торжествовалъ прибытіе сего Князя какъ отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: Князь властвовалъ благоразумно, судилъ справедливо, взялъ нужныя мѣры для защиты границъ и смирилъ Полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ Литвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ (101). Но Всеволодъ, недовольный своякомъ, призвалъ его къ себѣ, и чего прежде не хотѣлъ сдѣлать въ угодность народу, то народъ сдѣлалъ въ угодность Великому Князю: Архіепископъ Мартирій и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повелѣніе Государя, ѣхать въ Владиміръ и требовать Всеволодова сына на престолъ Новогородскій. Послы сказали: *Господинъ* Князь Великій! область наша есть твоя *отчина* (102): молимъ, да повелѣваетъ нами родный внукъ Долгорукаго, правнукъ Мономаховъ!» Всеволодъ изъявилъ притворную нерѣшимость; хотѣлъ еще совѣтоваться съ дружиною, и какъ бы изъ снисхожденія далъ Новогородцамъ сына, именемъ Святослава-Гавріила, еще младенца, предписавъ имъ условія, согласныя съ честію Княжескою. Сей Государь, обласкавъ, угостивъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія не могъ увѣрить ихъ, что славная *воля Новогородская* остается въ древней силѣ своей; однакожь хотя наружнымъ образомъ почтивъ уставъ ея, скрылъ дѣйствіе самовластія отъ простыхъ гражданъ. Они думали, что Святославъ ими *избранъ*, и встрѣтили его съ радостію. Другіе видѣли повелителя, но молчали, ибо надѣялись жить спокойнѣе, или боялись сильнаго Всеволода. Согласясь съ Посадникомъ, онъ далъ Новугороду и Архіепископа на мѣсто Мартирія, который, не доѣхавъ до Владиміра, умеръ близъ Осташкова. — Вѣроятно, что Великій Князь окружилъ юнаго Святослава опытными Боярами, и чрезъ нихъ управлялъ областію Новогородскою, такъ же, какъ и южнымъ Переяславлемъ, гдѣ другій, десятилѣтній сынъ Всеволодовъ, Ярославъ-Ѳеодоръ, властвовалъ по кончинѣ своего двоюроднаго брата, Ярослава Мстиславича (103).

Въ сіе время Романъ Волынскій обратилъ на себя общее вниманіе пріобрѣтеніемъ сильной области и тиранствомъ удивительнымъ, если сказаніе Польскихъ Историковъ справедливо. Знаменитый родъ Володаря Галицкаго пресѣкся: сынъ Ярославовъ, Владиміръ, освободивъ наслѣдственную область свою отъ ига Венгровъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и не оставилъ дѣтей. Вся южная Россія пришла въ движеніе: каждый Князь хотѣлъ овладѣть землею богатою, торговою, многолюдною (104). Но Романъ Мстиславичь предупредилъ совмѣстниковъ: воспитанный при Дворѣ Казимира *Справедливаго*, связанный ближнимъ родствомъ съ его юными сыновьями и вдовствующею супругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бельзскаго, которая участвовала въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, онъ прибѣгнулъ къ Ляхамъ, и съ ихъ помощію вступилъ въ страну Галицкую. Народъ уже зналъ и не любилъ сего Князя, жестокаго нравомъ. Вельможи, Бояре, явились въ станѣ Польскомъ, моля Казимирова сына, Герцога Лешка, «чтобы онъ самъ упра-

Слава и тиранство Романа.

влялъ ими или чрезъ своего Намѣстника, и такимъ образомъ избавилъ бы ихъ отъ бѣдственнаго участія въ междоусобіи Князей Россійскихъ (105).» Бояре предлагали дары, серебро, золото, ткани драгоцѣнныя; а граждане вооружались. Однакожъ Поляки силою возвели Романа на престолъ Галицкій. Тогда сей Князь, озлобленный общею къ нему ненавистію Вельможъ, началъ свирѣпствовать какъ вторый Бузирисъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Такъ пишетъ современный Историкъ, Епископъ Кадлубекъ, повѣствуя, что Романъ умертвилъ лучшихъ Бояръ Галицкихъ, зарывалъ ихъ живыхъ въ землю, четверилъ, разстрѣливалъ, изобрѣталъ неслыханныя муки. Многіе спаслися бѣгствомъ въ другія земли: онъ старался возвратить ихъ, обѣщая имъ всякія милости, и не обманывалъ; но чрезъ нѣсколько времени вымышлялъ клевету, обвинялъ сихъ легковѣрныхъ во мнимомъ злоумышленіи, казнилъ и присвоивалъ себѣ ихъ достояніе, говоря въ пословицу: «чтобы спокойно есть медовый сотъ, надобно задавить пчелъ»(106).

Можетъ быть, злословіе, легковѣріе или пристрастіе излишно очернили свойство Государя ужаснаго для строптивыхъ, мятежныхъ Галичанъ; когда же онъ дѣйствительно, играя жизнію людей, слѣдовалъ въ своемъ правленіи сей гнусной пословицѣ, сохраненной и въ нашихъ лѣтописяхъ: то Князья Россійскіе могли сверженіемъ тирана услужить человѣчеству. Рюрикъ, Ольговичи, бывъ дотолѣ въ дружбѣ съ Романомъ, хотѣли отнять у него Державу Галицкую, снисканную имъ помощію иноплеменниковъ, и соединились въ Кіевѣ, чтобы итти къ Днѣ-
г. 1202. стру. Но дѣятельный Мстиславичь не терялъ времени: они еще не вышли въ поле, когда знамена Романовы уже развѣвались на берегахъ Днѣпра. Сей хитрый Князь, имѣвъ время снестися съ могущественнымъ Всеволодомъ, съ Черными Клобуками, съ Намѣстниками многихъ южныхъ городовъ, удостовѣрился въ ихъ доброжелательствѣ. Берендѣи, Торки пріѣхали къ нему въ станъ (107); города не оборонялись; жители прежде битвы встрѣчали его какъ побѣдителя, и самые Кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія отворили Копыревскія ворота Подола. Рюрикъ, Ольговичи трепетали за каменною стѣною въ верхней части города; съ радостію приняли миръ, и выѣхали изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручь, Черниговскіе въ ихъ наслѣдственную область. — По условію, сдѣланному съ Великимъ Княземъ, отдавъ Кіевъ двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому, Романъ спѣшилъ, ко славѣ нашего древняго оружія, защитить Греческую Имперію. Половцы опустошали Ѳракію: Алексій Комнинъ III и Митрополитъ Россійскій молили его быть спасителемъ Христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ землю Половецкую, завоевалъ многія вежи, освободилъ тамъ плѣнныхъ Россіянъ, отвлекъ варваровъ отъ Константинополя, и принудивъ ихъ оставить Ѳракію, съ торжествомъ возвратился въ Галичь (108).

Страшный Князь Галицкій ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрикъ не дерзнутъ нарушить мира. Не жалѣя казны своей, не жалѣя отечества, они наняли множество Половцевъ и взяли приступомъ Кіевъ (109). Варвары опустошили г. 1204, Генваря 1.
домы, храмъ Десятинный, Софійскій, Опустошеніе Кіева.
монастыри; умертвили старцевъ и недужныхъ; оковали цѣпями молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни знаменитыхъ людей, ни юныхъ женъ, ни Священниковъ, ни Монахинь. Одни купцы иноземные оборонялись въ каменныхъ церквахъ, столь мужественно, что Половцы вступили съ ними въ переговоры: удовольствовались частію ихъ товаровъ, и не сдѣлали имъ болѣе никакого зла. Городъ пылалъ; вездѣ стенали умирающіе; невольниковъ гнали толпами. Кіевъ никогда еще не видалъ подобныхъ ужасовъ въ стѣнахъ своихъ: былъ взятъ, ограбленъ сыномъ Андрея Боголюбскаго; но жители, лишенные имѣнія, остались тогда по крайней мѣрѣ свободными. Всѣ добрые Россіяне, самые отдаленные, оплакивали несчастіе древней столицы и жаловались на его виновниковъ. Мало по малу она снова наполнилась жителями, которые укрылись отъ меча Половцевъ и спаслись отъ неволи; но сей городъ, дважды разоренный, лишился своего блеска. Въ церквахъ не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ. Варвары похитили и драгоцѣнныя одежды древнихъ Князей Россійскихъ, Св. Владиміра, Ярослава Великаго и другихъ, которые на память себѣ вѣшали оныя въ храмахъ.

Рюрикъ и Черниговскіе Владѣтели, довольные злодѣяніемъ, вышли изъ Кіева: судьба наказала перваго. Романъ пришелъ съ войскомъ къ Овручу, и сверхъ Февраля 16.
чаянія предложилъ тестю миръ, убѣж-



105

дая его отказаться отъ союза Ольговичей; склонилъ даже и Всеволода Георгіевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Кіевъ, какъ бы въ награду за разореніе онаго (110). Такое удивительное великодушіе было одною хитростію: Князь Галицкій желалъ только отвлечь легковѣрнаго тестя отъ Черниговскихъ Владѣтелей (которые тогда счастливо воевали съ Литвою); примирилъ ихъ со Всеволодомъ, и въ доказательство своей мнимой дружбы къ Рюрику ходилъ съ нимъ, въ жестокую зиму, на Половцевъ; взялъ не мало плѣнниковъ, скота — и вдругъ, будучи въ Триполѣ, безъ всякой извѣстной причины велѣлъ дружинѣ схватить сего несчастнаго Князя, отвезти въ Кіевъ, заключить въ монастырь. Рюрикъ, жена его и дочь, супруга Романова, въ одно время были пострижены; а сынъ его, зять Всеволодовъ, отведенъ плѣнникомъ въ Галичь, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Наказавъ тестя, Романъ возвратился въ свою область, и хотя, въ угодность Великому Князю, отпустилъ Рюриковыхъ сыновей, но бѣдный отецъ остался Монахомъ. Довольный освобожденіемъ зятя, Всеволодъ посадилъ его на престолъ Кіевскій.

Пострижение Рюрика.

Тогда пылкій, неутомимый Романъ, уступивъ Великому Князю честь располагать судьбою Кіева, обратилъ свое вниманіе на Польшу, гдѣ коварный Герцогъ Мечиславъ, обманувъ юнаго Лешка, присвоилъ себѣ единовластіе. Князь Галицкій весною вступилъ въ область Сендомирскую, взялъ два города, и прекратилъ военныя дѣйствія, услышавъ о смерти стараго Герцога, врага своего и побѣдителя; но возобновилъ ихъ, свѣдавъ, что сынъ Мечиславовъ объявилъ себя Государемъ въ Краковѣ. Беззащитныя села были жертвою пламени вокругъ Сендомира, и Послы Лешковы молили Романа оставить ихъ землю въ покоѣ. Соглашаясь на миръ, онъ требовалъ денегъ за убытки, имъ понесенные, и за кровь Россіянъ, убитыхъ въ сраженіи съ Мечиславомъ; отсрочилъ платежъ, но хотѣлъ, чтобы ему отдали въ залогъ область Люблинскую. — Въ тоже самое время прибылъ къ Галицкому Князю Посолъ Иннокентія III, властолюбиваго Папы Римскаго (111). Уже давно ревностные проповѣдники Латинской Вѣры желали отвратить нашихъ предковъ отъ Восточной Церкви: знаменитый Епископъ Краковскій, Матѳей, около половины XII вѣка торжественно возлагалъ на Аббата Клервоскаго, Миссіонарія, именемъ Бернарда, обязанность вывести ихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря въ письмѣ къ нему, что «Россіяне живутъ какъ бы въ особенномъ мірѣ, безчисленны подобно звѣздамъ небеснымъ, и въ хладныхъ, мрачныхъ странахъ своихъ вѣдая Спасителя единственно по имени, ожидаютъ теплотворнаго свѣта истинной Вѣры отъ Намѣстника Апостольскаго; что Бернардъ, смягчивъ ихъ грубыя сердца, будетъ новымъ Орфеемъ, Амфіономъ»(112), и проч. Сіи усердныя домогательства Римскихъ Фанатиковъ не имѣли успѣха, и Папа, слыша о силѣ Мстиславича, грознаго для Венгровъ и Ляховъ, надѣялся обольстить его честолюбіе. Велерѣчивый Посолъ Иннокентія доказывалъ нашему Князю превосходство Закона Латинскаго; но опровергаемый Романомъ, искуснымъ въ прѣніяхъ Богословскихъ, сказалъ ему наконецъ, что Папа можетъ его надѣлить городами и сдѣлать великимъ Королемъ посредствомъ меча Петрова. Романъ, обнаживъ собственный мечь свой, съ гордостію отвѣтствовалъ; «Такой ли у Папы? Доколѣ ношу его при бедрѣ, не имѣю нужды въ иномъ, и кровію покупаю города, слѣдуя примѣру нашихъ дѣдовъ, возвеличившихъ землю Русскую.» — Сей Князь умный скоро погибъ отъ неосторожности (113): снова объявивъ войну Ляхамъ, стоялъ на Вислѣ; съ малою дружиною отъѣхалъ отъ войска, встрѣтилъ непріятелей и палъ въ неравной битвѣ. Галичане нашли его уже мертваго. — Романъ, называемый въ Волынской Лѣтописи *Великимъ* и *Самодержцемъ всеяРуси*, надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ своихъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима. Жестокій для Галичанъ, онъ былъ любимъ, по крайней мѣрѣ отлично уважаемъ, въ наслѣдственномъ Удѣлѣ Владимірскомъ, гдѣ народъ славилъ въ немъ *умъ мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную* и *ревность Мономахову* въ усмиреніи варваровъ, подъ щитомъ Героя не боясь не хищныхъ Ятвяговъ, дикихъ обитателей Подляшья, ни свирѣпыхъ Литовцевъ, коихъ Историкъ пишетъ, что сей Князь, одерживая надъ ними побѣды, впрягалъ несчастныхъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли, и что въ отечествѣ ихъ до самаго XVI вѣка говорили въ пословицу: *Романе! худымъ живеши, Литвою ореши* (114). Лѣтописцы Византійскіе упоминаютъ объ немъ съ похвалою, именуя

Посольство Папы къ Роману.

Отвѣтъ Романовъ.

г. 1205.

Характеръ сего Князя.

его *мужемъ крѣпкимъ*, *дѣятельнымъ*. Однимъ словомъ, ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними Князьями. — Даніилъ и Василько, сыновья Романовы, *втораго брака*, остались еще младенцами подъ надзираніемъ матери: Галичане волновались, однакожь присягнули въ вѣрности Даніилу, имѣвшему не болѣе четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Рюрикъ снова на престолѣ. Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти зятя и врага, ободрился: скинулъ одежду инока и сѣлъ на престолѣ въ Кіевѣ; хотѣлъ разстричь и жену свою, которая, вмѣсто того, немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомысліе. Онъ возобновилъ союзъ съ Князьями Черниговскими и спѣшилъ къ Галичу, въ надеждѣ, что младенецъ Даніилъ не въ состояніи ему противиться, и что тамошніе Бояре не захотятъ лить крови своей за сына, терпѣвъ много отъ жестокости отца. Но мать Даніилова взяла мѣры. Происшествія въ Галичѣ. Андрей, Государь Венгерскій, все еще именовался *Королемъ Галиціи;* не спорилъ объ ней съ мужественнымъ Романомъ и даже былъ его названнымъ братомъ: однакожь не преставалъ жалѣть о семъ утраченномъ Королевствѣ и бралъ живѣйшее участіе въ происшествіяхъ онаго. Вдовствующая Княгиня видѣлась съ Андреемъ въ Санокѣ; напомнила ему дружбу Романову, представила Даніила, говорила съ чувствительностію матери, и сдѣлала въ немъ по видимому столь глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово быть ея сыну вторымъ нѣжнымъ отцемъ. Дѣйствія соотвѣтствовали обѣщаніямъ. Сильная дружина Венгерская окружила дворецъ Княжескій, заняла крѣпости; повелѣвая именемъ малолѣтнаго Даніила, грозила казнію внутреннимъ измѣнникамъ, и распорядила защиту отъ непріятелей внѣшнихъ, такъ, что Рюрикъ, вступивъ съ Ольговичами въ Галицкую землю, встрѣтилъ войско благоустроенное, сражался безъ успѣха, не могъ взять ни одного укрѣпленнаго мѣста и возвратился съ великимъ стыдомъ. Сынъ Рюриковъ, зять Великаго Князя, выгналъ только Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, изъ Вышегорода, и союзники распустили войско. Рюрикъ уступилъ Бѣлгородъ своимъ друзьямъ Черниговскимъ, которые отдали его Глѣбу Святославичу (115).

Между тѣмъ Всеволодъ Георгіевичь спокойно господствовалъ на Сѣверѣ: отряды его войска тревожили Болгаровъ, Князья Рязанскіе отражали Донскихъ хищниковъ, а Новогородцы Литву. Жители Великихъ Лукъ съ Воеводою, именемъ Нездилою, ходили въ Летгалію, или въ южную часть нынѣшней Лифляндской Губерніи, и привели оттуда плѣнниковъ. Новая ссора Россіянъ съ Варягами — вѣроятно по торговлѣ — не имѣла никакого слѣдствія: послѣдніе должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ (116). Но Всеволодъ, будто бы желая защитить Новгородъ отъ внѣшнихъ опасныхъ непріятелей, велѣлъ объявить тамошнимъ чиновникамъ, что онъ даетъ имъ старшаго сына своего, Константина, ибо отрокъ Святославъ еще не въ силахъ быть ихъ покровителемъ. Константинъ въ Новѣгородѣ. Надобно думать, что Бояре Владимірскіе, пѣстуны юнаго Святослава, не могли обуздывать народнаго своевольства, и что Великій Князь хотѣлъ сею перемѣною еще болѣе утвердить власть свою надъ Новымгородомъ (117). Двадцати-лѣтній Константинъ уже славился мудростію, великодушіемъ, Христіанскими добродѣтелями: граждане Владимірскіе съ печалію услышали, что сей любимый юноша, благотворитель бѣдныхъ, долженъ ихъ оставить. Отецъ вручилъ ему *крестъ и мечь.* «Иди управлять народомъ,» сказалъ Всеволодъ: «будь его судіею и защитникомъ. Новгородъ *Великій* есть древнѣйшее Княженіе въ нашемъ отечествѣ: Богъ, Государь и родитель твой даютъ тебѣ старѣйшинство между всѣми Князьями Русскими. Гряди съ миромъ; помни славное имя свое, и заслужи оное дѣлами.» Братья, Вельможи, купцы, провожали Константина: толпы народныя громогласно осыпали его благословеніями. Новогородцы также встрѣтили сего Князя съ изъявле- Г. 1206.
ніемъ усердія: Архіепископъ, чиновники ввели въ церковь Софійскую, и народъ Марта 20.
присягнулъ ему въ вѣрности. Угостивъ Бояръ въ домѣ своемъ, Константинъ ревностно началъ заниматься правосудіемъ; охраняя народъ, охранялъ и власть Княжескую: хотѣлъ дѣйствительно господствовать въ своей области. Мирные граждане засыпали покойно: властолюбивые и мятежные могли быть недовольны.

Всеволодъ не имѣлъ войны съ Черниговскими Князьями, однакожь не дозволялъ друзьямъ своимъ искать ихъ союза. Не смотря на то, сватъ его, Мстиславъ Смоленскій, въ угожденіе Рюрику вступилъ съ ними въ тѣсную связь, и хотя,

боясь утратить пріязнь Великаго Князя, посылалъ къ нему Епископа Смоленскаго, Игнатія, съ дружескими увѣреніями (118), но не хотѣлъ отстать отъ Князей Черниговскихъ. Главою ихъ, по смерти Игоря и старшаго брата, Олега, былъ тогда Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, подобный отцу въ козняхъ, гордый, властолюбивый: нанявъ толпы Половцевъ, соединясь съ Рюрикомъ, Мстиславомъ Смоленскимъ и съ Берендѣями, онъ вторично предпринялъ завоевать Галицкую область, и для вѣрнѣйшаго успѣха призвалъ Ляховъ. Увѣдомленный о томъ Король Венгерскій, Андрей, спѣшилъ защитить юныхъ сыновей Романовыхъ. Уже полки его спустились съ горъ Карпатскихъ; но Даніилъ и Василько не дождались прибытія Андреева. Слыша, что съ одной стороны идутъ Россіяне, съ другой Ляхи; видя также страшное волненіе въ землѣ Галицкой, вдовствующая Княгиня бѣжала съ дѣтьми въ наслѣдственной Удѣлъ ея супруга, Владиміръ Волынскій. Андрей не далъ соединиться Полякамъ съ Ольговичами; сталъ между ими, близъ Владиміра, и вступилъ съ первыми въ мирные переговоры, коихъ слѣдствіемъ было то, что Венгры, Ляхи, Россіяне вышли изъ Галича (119); а жители, съ согласія Андреева, послали въ Переяславль за сыномъ Великаго Князя, юнымъ Ярославомъ, желая, чтобы онъ въ ихъ землѣ господствовалъ. Можетъ быть, сама вдовствующая супруга Романова убѣдила Короля Венгерскаго согласиться на сіе избраніе, въ надеждѣ, что отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Георгіевичь, вообще уважаемый, обуздаетъ тамъ народъ мятежный и со временемъ возвратитъ Даніилу достояніе его родителя. Но Черниговскіе Князья имѣли въ Галичѣ доброхотовъ, въ особенности Владислава, знатнаго Вельможу, бывшаго изгнанникомъ въ Романово время. Онъ вмѣстѣ съ другими единомышленниками представлялъ согражданамъ, что Ярославъ слишкомъ молодъ, а Великій Князь слишкомъ удаленъ отъ ихъ земли; что имъ нуженъ защитникъ ближайшій; что Ольговичи безъ сомнѣнія не оставятъ Галицкой области въ покоѣ, и что лучше добровольно поддаться одному изъ нихъ. Галичане, тайно отправивъ Пословъ въ станъ Россійскій, предложили Владиміру Игоревичу Сѣверскому быть ихъ Государемъ. Обрадованный Владиміръ ночью укрался отъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискакалъ въ Галичь тремя днями ранѣе Ярослава, который долженъ былъ съ досадою ѣхать назадъ въ Переяславль.

Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ.

Еще гоненіе на семейство Романово тѣмъ не кончилось. Владиміръ Игоревичь, исполняя совѣтъ злопамятныхъ Галицкихъ Бояръ, велѣлъ объявить гражданамъ Владимірскимъ, чтобы они выдали ему младенцевъ, Даніила и Василька, приняли къ себѣ княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видѣть разрушеніе ихъ столицы. Усердный народъ хотѣлъ убить сего Посла, спасеннаго только заступленіемъ нѣкоторыхъ Бояръ; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичанъ, измѣны собственныхъ Вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Даніилова, рѣшилась удалиться, и представила трогательное зрѣлище непостоянной судьбы въ мірѣ. Любимая супруга Князя сильнаго, союзника Императоровъ Греческихъ, уважаемаго Папою, Монархами сосѣдственными, въ темную ночь бѣжала изъ дворца какъ преступница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою однихъ милыхъ сыновей. Мирославъ велъ Даніила, Священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролѣзли сквозь отверстіе стѣны, шли во мракѣ, не зная куда; наконецъ достигли границъ Польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ; осыпалъ ласками Княгиню, и пославъ Даніила въ Венгрію съ Вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ къ Андрею: «Ты былъ другомъ его отца: я забылъ вражду Романову. Вступимся за изгнанниковъ; введемъ ихъ съ честію въ области наслѣдственныя.» Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви, но болѣе ничего не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть, въ своемъ великодушномъ покровительствѣ дарами Владиміра Игоревича, коего Послы, не жалѣя ни золота, ни льстивыхъ обѣщаній, усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ (120). Сей бывшій Князь Удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтельствованный счастіемъ, едва вѣрилъ своему величію, опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю область Владимірскую, онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу, а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману.

Бѣгство Романова семейства.

Коварство Всеволода Чермнаго.

Хитрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ надежду самъ господствовать на плодоносныхъ берегахъ Днѣстра и Сана, безъ сомнѣнія завидовалъ Игоревичамъ; однакожь скрылъ неудовольствіе, остался имъ другомъ, и хотѣлъ иначе удовлетворить своему властолюбію. Всѣ способы казались ему позволенными: бывъ союзникомъ Рюрика и Мстислава, онъ сталъ ихъ врагомъ; вооруженною рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ Намѣстниковъ по всей области Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручь; сынъ его, зять Великаго Князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣлѣгородѣ. Они уже не имѣли права требовать защиты отъ Великаго Князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. «Иди къ отцу,» велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу: «Переяславль да будетъ Княженіемъ моего сына! Если не исполнишь сего повелѣнія, или будешь домогаться Галича, гдѣ властвуетъ теперь родъ нашего славнаго предка, Олега: то я накажу дерзкаго, слабаго юношу.» Ярославъ выѣхалъ изъ Переяславля (121); а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ, предъ стѣнами онаго, знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ нанялъ Половцевъ; Рюрикъ сперва отразилъ его; но Чермный призвалъ союзниковъ, Владиміра Игоревича

г. 1207. Галицкаго и Князей Туровскихъ, потомковъ Святополка-Михаила, неблагодарно измѣнившихъ своему зятю. Ничто не могло имъ противиться. Рюрикъ вторично удалился въ Овручь; Мстиславъ, осажденный въ Бѣлѣгородѣ, просилъ только свободы возвратиться въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдалися, и Святославичь сѣлъ опять на престолѣ Кіевскомъ. Половцы торжествовали счастливый успѣхъ союзника своего грабежемъ и злодѣйствами въ окрестностяхъ Днѣпра: бѣдный народъ, стеная, простиралъ руки къ Великому Князю.

Всеволодъ Георгіевичь наконецъ вооружился. «Южная Россія есть также мое отечество,» сказалъ онъ, и выступилъ къ Москвѣ, гдѣ ожидалъ его Константинъ съ войскомъ Новогородскимъ (122). На берегу Оки соединились съ нимъ Князья Муромскій и Рязанскіе. Всѣ думали, что цѣлію сего ополченія будетъ Кіевъ: случилось, чего никто не ожидалъ. Великому Князю донесли, что Рязанскіе Владѣтели суть измѣнники и тайно держатъ сторону Черниговскихъ: онъ

Бѣдствіе Рязанскихъ Князей.

повѣрилъ, и сказавъ словами Давида: *ядый хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя препинаніе*, рѣшился наказать ихъ строго. Не предвидя своего бѣдствія, они собрались въ ставкѣ у Всеволода, чтобы веселиться за Княжескимъ столомъ его (123). Всеволодъ въ знакъ дружбы обнявъ несчастныхъ, удалился: тогда Бояринъ его и Давидъ Муромскій явились уличать дѣйствительныхъ или мнимыхъ измѣнниковъ, которые тщетно именемъ Бога клялися въ своей невинности: двое изъ Князей же Рязанскихъ, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, пристали къ обвинителямъ или *клеветникамъ*, по выраженію Новогородскаго Лѣтописца, и Всеволодъ осудилъ Романа Глѣбовича, Святослава (брата его) съ двумя сыновьями и племянниками (дѣтьми Игоря), также нѣкорыхъ Бояръ; велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, окованныхъ тяжкими цѣпями, и вступилъ съ войскомъ въ область Рязанскую. Жители Пронска, усердные къ своимъ Государямъ, отвергнули мирныя его предложенія. Юный Князь ихъ, Михаилъ, бѣжалъ къ тестю, Всеволоду Чермному (124); но граждане, призвавъ къ себѣ другаго Князя Рязанскаго, Изяслава Владиміровича, брата Олегова и Глѣбова, оборонялись мужественно. Непріятель стоялъ на берегу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая отъ жажды, они ночью выходили изъ города и въ тишинѣ наполняли сосуды водою: узнавъ о томъ, Великій Князь поставилъ стражу предъ городскими воротами. Кровь лилася ежедневно въ теченіе трехъ недѣль (125). Остервененіе гражданъ уступило наконецъ крайности, ибо многіе люди умирали отъ жажды. Пронскъ сдался: Всеволодъ наградилъ имъ Олега Владиміровича, можетъ быть за гнусную клевету его; взялъ множество добычи, и плѣнилъ жену Михаилову. Во время сей осады Рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившія Окою съѣстные припасы войску; но бывъ отражены, изъявили покорность. Епископъ ихъ, Арсеній, встрѣтилъ Великаго Князя съ моленіемъ. «Государь! сказалъ онъ: «удержи руку мести; пощади храмы Всевышняго, гдѣ народъ приноситъ жертву Небу, и гдѣ мы за тебя молимся. Верховная воля твоя будетъ намъ закономъ» Не имѣя надежды съ успѣхомъ противиться Всеволоду, народъ Рязанскій прислалъ къ нему остальныхъ Князей своихъ, съ ихъ дѣтьми и женами, въ Владиміръ, куда сей Государь возвратился,

Сентября 22.

свѣдавъ, что Рюрикъ опять выгналъ Чермнаго изъ Кіева ([126]).

Всеволодъ Георгіевичь уже не хотѣлъ разстаться съ Константиномъ; доволь-ный Новогородцами, милостиво одарилъ ихъ въ Коломнѣ, и велѣлъ имъ итти съ миромъ въ свою отчизну, сказавъ торжественно: «Исполняю желаніе народа добраго; возвращаю вамъ всѣ права людей свободныхъ, всѣ уставы Князей древнихъ. Отнынѣ управляйте сами собою: любите своихъ благодѣтелей и казните злодѣевъ ([127])!» Сія удивительная рѣчь Князя властолюбиваго была хитростію: онъ зналъ неудовольствіе гражданъ, которые жаловались на отяготительныя подати и разныя дѣйствія Княжескаго самовластія. Современный Лѣтописецъ сказываетъ одно изъ оныхъ: Всеволодъ, обманутый ложнымъ доносомъ, за нѣсколько времени до Рязанскаго похода прислалъ въ Новгородъ Боярина своего и велѣлъ, безъ всякаго изслѣдованія, умертвить знатнаго гражданина, Алексѣя Сбыславича, торжественно, на Вѣчѣ Двора Ярославова. Сіе насиліе произвело всеобщее негодованіе: сожалѣли о невинной жертвѣ; видѣли, что Константинъ есть только орудіе самовластнаго отца, и что истинный Государь Новагорода живетъ въ Владимірѣ. Опасаясь слѣдствій такого впечатлѣнія, Великій Князь хотѣлъ польстить народу мнимымъ возстановленіемъ прежней свободы; хотѣлъ казаться единственно великодушнымъ его покровителемъ, а въ самомъ дѣлѣ остаться Государемъ Новогородцевъ; отпустилъ ихъ войско, но удержалъ въ Владимірѣ Посадника Димитрія (раненнаго въ битвѣ) и семь знаменитѣйшихъ гражданъ въ залогъ вѣрности. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею вольностію, ему объявленною, и на шумномъ Вѣчѣ осудилъ Димитрія, доказывая, что онъ и братья его были виновниками многихъ беззаконныхъ налоговъ. Судьи обратились въ мятежниковъ: разграбили, сожгли домы обвиняемыхъ; продали ихъ рабовъ, села; раздѣлили деньги: каждому гражданину пришлось по нѣскольку гривенъ ([128]); а Князю оставили право взыскивать платежъ съ должниковъ Димитрія по счетамъ и письменнымъ обязательствамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще волненіе не утихло, когда привезли изъ Владиміра въ Новгородъ тѣло умершаго Димитрія Посадника: озлобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но Архіепископъ Митрофанъ удержалъ неистовыхъ, и велѣлъ предать оное землѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ, подлѣ могилы отца Димитріева. Сынъ Великаго Князя, Святославъ, вторично пріѣхалъ управлять Новогородскою областію; взялъ оставленную ему часть изъ имѣнія осужденныхъ, и согласился довершить народную месть ссылкою ихъ дѣтей и родственниковъ въ Суздаль ([129]). Не достигнувъ еще и юношескаго возраста, онъ повелѣвалъ только именемъ, и не могъ предводительствовать войскомъ, которое сражалось тогда съ Литвою подъ начальствомъ Владиміра Мстиславича: сей юный Князь, сынъ Мстислава *Храбраго*, господствовалъ во Псковѣ съ согласія Новогородцевъ или Князя ихъ.

*Хитрость Всеволода.*

*Г. 1208.*

Поручивъ область Рязанскую Намѣстникамъ и Тіунамъ, Всеволодъ скоро отправилъ туда княжить сына своего, Ярослава-Θеодора. Народъ повиновался ему неохотно, жалѣя о собственныхъ Князьяхъ, заключенныхъ въ Владимірѣ. Лѣтописецъ Суздальскій обвиняетъ Рязанцевъ даже въ явномъ бунтѣ, сказывая, что они уморили въ темницѣ многихъ Бояръ Владимірскихъ: сею ли дерзостію или чѣмъ другимъ оскорбленный, Всеволодъ пришелъ съ войскомъ къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ Послами, которые именемъ народа предложили свои оправданія или требованія, но столь нескромно, что Великій Князь, еще болѣе разгнѣванный, явилъ примѣръ излишней строгости: велѣлъ жителямъ выйти съ дѣтьми изъ города и зажечь его. Напрасно хотѣли они моленіемъ смягчить грознаго судію: сія столица Удѣла знаменитаго обратилась въ кучу пепла, и бѣдные граждане, лишенные отечества, были разселены по отдаленнымъ мѣстамъ Суздальскаго Княженія. Ту же участь имѣлъ и Бѣлгородъ Рязанскій ([130]). Самый Епископъ Арсеній какъ плѣнникъ былъ привезенъ въ Владиміръ. — Князь Изяславъ Владиміровичь, который спасся отъ неволи, и Михаилъ, зять Чермнаго, мстили Всеволоду опустошеніемъ Московскихъ окрестностей; но сынъ Великаго Князя, Георгій, разбилъ ихъ на голову.

*Жестокость Великаго Князя.*

*Г. 1209.*

Въ сіе время дерзнулъ Владѣтель ничтожнаго Удѣла объявить себя врагомъ Государя страшнаго для иныхъ, сильнѣйшихъ Князей. Мстиславъ, старшій сынъ Мстислава *Храбраго*, племянникъ Рюрика, служилъ ему усердно, просла-

*Смѣлость Мстислава.*

вилъ себя мужественною, упорною защитою Торческа, и принужденный выѣхать оттуда, получилъ отъ Смоленскаго Князя Удѣлъ Торопецкій ([131]). Зная, сколь память отца его любезна Новугороду; зная, что многіе чиновники и самый народъ не любятъ тамъ опеки Всеволодовой, онъ смѣло предпринялъ воспользоваться ихъ тайнымъ расположеніемъ; вступилъ съ дружиною въ Торжекъ, плѣнилъ Дворянъ Святославовыхъ, оковалъ цѣпями Намѣстника его, взялъ ихъ имѣніе. Посолъ Мстиславовъ явился въ Новѣгородѣ, и сказалъ народу слѣдующія слова отъ имени Князя: «Кланяюся Святой Софіи, гробу отца моего и всѣмъ добрымъ гражданамъ. Я свѣдалъ, что Князья угнетаютъ васъ, и что насиліе ихъ заступило мѣсто прежней вольности. Новгородъ есть моя отчина: я пришелъ возстановить древнія права любезнаго мнѣ народа.» Сія рѣчь плѣнила Новогородцевъ: они прославили великодушіе Мстислава, единогласно объявили его своимъ Княземъ и заключили Святослава съ Боярами Владимірскими въ домѣ Архіерейскомъ. Мстиславъ, встрѣченный съ громкими восклицаніями радости, немедленно собралъ войско, желая предупредить Великаго Князя; но сей Государь, или опасаясь, чтобы Новогородцы въ озлобленіи не умертвили Святослава, или зная ихъ легкомысліе и надѣясь управиться съ ними безъ кровопролитія, не хотѣлъ битвы; предложилъ миръ, назвался отцемъ Мстислава, и довольный освобожденіемъ сына, отпустилъ всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, задержанныхъ въ Суздальской области. Обѣ рати возвратились, не обнаживъ меча, и Константинъ, начальникъ полковъ Владимірскихъ, привезъ Святослава къ родителю ([132]).

Г. 1210. Миръ съ Ольговичами. Великій Князь, завоевавъ берега Пры, гдѣ еще держались Изяславъ и Михаилъ Рязанскіе, доказалъ любовь свою къ общему спокойствію миромъ съ Ольговичами ([133]). Глава Духовенства, Митрополитъ Матѳей, былъ посредникомъ, и самъ пріѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію народа; угощенный, обласканный всѣмъ Княжескимъ Домомъ, склонилъ Всеволода предать забвенію наглое, обидное изгнаніе сына его изъ Переяславля. Новыя клятвы утвердили союзъ. Всеволодъ Чермный столь любилъ Кіевъ, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наслѣдственной области: Рюрикъ взялъ Черниговъ, а южный Переяславль, гдѣ злодѣйствовали тогда Половцы, остался Удѣломъ Великаго Княженія. Митрополитъ исходатайствовалъ свободу Княгинямъ Рязанскимъ, но не могъ избавить Князей отъ неволи. Всѣ были довольны, и Чермный въ залогъ вѣрности прислалъ въ Владиміръ дочь свою, которая совокупилась бракомъ съ Георгіемъ, вторымъ сыномъ Великаго Князя. Г. 1211 Апрѣля 10.

Мятежи въ Галичѣ. Въ сіи дни общаго мира земля Галицкая была позорищемъ неустройства, жертвою коварныхъ иноплеменниковъ и собственныхъ враговъ спокойствія. Не смотря на внѣшнія и внутреннія опасности, на угрозы Венгровъ и Ляховъ, на строптивость народа и мятежный духъ Бояръ, безразсудные Игоревичи искали непріятелей другъ въ другѣ. Романъ Звенигородскій, озлобленный старшимъ братомъ, ушелъ въ Венгрію, и съ помощію Короля Андрея изгнавъ Владиміра Игоревича, сѣлъ на престолѣ Галицкомъ, къ изумленію Даніиловой матери, которая надѣялась, что Андрей отдастъ сіе Княженіе сыну ея. Другой покровитель Даніиловъ также измѣнилъ своему обѣту. Видя междоусобіе Игоревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Александромъ Бельзскимъ, сыномъ умершаго Всеволода Мстиславича, и приступилъ къ городу Владиміру. Жители не хотѣли обороняться, отворили ворота и сказали Полякамъ: «вы друзья наши; съ вами племянникъ Великаго Романа.» Сіи мнимые друзья ограбили домы, церкви; плѣнили Святослава Игоревича; отдали Владиміръ Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславѣ; и чтобы не оставить сыновей Романовыхъ совершенно безъ Удѣла, отпустилъ малолѣтнаго Василька княжить въ Брестъ, исполняя требованіе тамошнихъ гражданъ: Александръ уступилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось намѣреніе Венгровъ и Ляховъ: они имѣли случай и не захотѣли возстановить сильнаго Дому Романова, опасаясь его могущества; раздѣленіе областей Галицкой и Владимірской (въ самое сіе время опустошаемой Ятвягами и Литвою) казалось благопріятнымъ для Политики Андрея и Лешка. Вѣроятно также, что слабый Романъ Игоревичъ и не менѣе слабый Александръ, обязанные милостію сихъ Монарховъ, долженствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или *подручниковъ*. Первый не сдержалъ, кажется, слова: для того Андрей прислалъ войско въ Галичь съ Вельможею Бенедиктомъ, который,

108

схвативъ Романа (безпечно мывшагося въ банѣ), отправилъ въ Венгрію, а самъ началъ свирѣпствовать какъ *Антихристъ*, по выраженію Лѣтописца, удовлетворяя гнуснѣйшимъ вожделѣніямъ своего развратнаго сердца, тѣсня чиновниковъ и гражданъ. Кто имѣлъ богатство или прекрасную жену, не могъ быть спокоенъ; кто обличалъ тиранство, подвергался казни или заточенію. Въ числѣ смѣлыхъ Бояръ находился Тимоѳей Книжникъ, родомъ Кіевлянинъ: онъ дерзнулъ укорять злаго Властелина и едва могъ спастися бѣгствомъ. Такъ и во время Андреева правленія въ Галичѣ насильствовали Венгры: по крайней мѣрѣ Андрей имѣлъ право Государя; сей же Бенедиктъ не имѣлъ никакого законнаго. Народъ и Вельможи искали способа избавиться отъ иноплеменнаго злодѣя. Первый опытъ былъ неудаченъ. Мстиславъ, прозваніемъ *Нѣмый*, сынъ Ярослава Луцкаго, господствуя въ Пересопницѣ, взялъ на себя изгнать Бенедикта: онъ пріѣхалъ съ дружиною къ Галичу; но Венгры остереглися: стражи ихъ стояли у воротъ; тишина царствовала въ городѣ, и Мстиславъ, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здѣсь Лѣтописецъ прибавляетъ, что близъ Днѣстра находилась древняя могила, именуемая *Галичиною*, отъ коей произошло имя *Галиціи*; что одинъ Бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвелъ его на сію могилу, и сказалъ: «Князь! теперь безъ стыда можешь ѣхать назадъ: ты былъ на *Галичинѣ!*»

Въ сіе время Романъ Игоревичь бѣжалъ изъ Венгріи и примирился съ братомъ Владиміромъ: къ нимъ обратился несчастный народъ Галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословеннаго ихъ княженія. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти въ Карпатскія горы. Спокойствіе возстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святославъ Игоревичь, освобожденный Поляками, взялъ себѣ Перемышль; Владиміръ, какъ старшій, остался княжить въ столицѣ, отдавъ сыну Теребовль, а другаго сына пославъ съ дарами къ Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорятъ, что бѣдствіе есть учитель: оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами, и впадаютъ въ новыя заблужденія. Желая утвердиться на шаткомъ тронѣ Галицкомъ; обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствѣ тамошнихъ Вельможъ, и приписывая блестящее государствованіе Романа Мстиславича одной его строгости, Игоревичи вздумали казнію первостепенныхъ Бояръ обуздать народъ, и погубили себя невозвратно: безъ явной, особенной вины, безъ улики, безъ суда, исполнители Княжеской воли хватали знатнѣйшихъ людей, убивали, и произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ обреченныхъ на смерть имѣли время спастися, и въ томъ числѣ Бояринъ Владиславъ, которому Игоревичи обязаны были престоломъ Галицкимъ. Сей Вельможа, вмѣстѣ съ другими бѣжавъ въ Венгрію, молилъ Андрея, чтобы онъ далъ имъ отрока Даніила и войско для изгнанія жестокихъ Игоревичей, неблагодарныхъ, забывшихъ милость Королевскую. Непрестанно лаская Даніила — обѣщая то усыновить, то женить его на своей дочери — Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ ему одними словами. Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо надежнѣе управлять Галиціею именемъ ея законнаго Князя, нежели собственнымъ, чрезъ Венгерскихъ Бароновъ, ненавистныхъ Россіянамъ; думая, что юный Даніилъ, отчасти имъ воспитанный, охотнѣе Игоревичей можетъ быть его подручникомъ: Андрей исполнилъ требованіе Галицкихъ Бояръ, и Владиславъ, окруженный полками Венгровъ, вступилъ съ Княземъ отрокомъ въ предѣлы отечества. Города сдавались. «За кого вамъ сражаться?» говорилъ одушевленный местію Владиславъ: «за убійцъ ли, которые злодѣйски умертвили вашихъ отцевъ и братьевъ, похитили ихъ имѣніе, женили рабовъ на дочеряхъ Боярскихъ?» Граждане Перемышля выдали ему Святослава Игоревича ([134]). Романъ въ Звенигородѣ оборонялся, призвавъ Половцевъ. Но всѣ сосѣдственные Князья возстали на Игоревичей: Александръ Владимірскій, Ярославичи, Ингварь Луцкій и Мстиславъ Нѣмый; малолѣтный Василько прислалъ изъ Бельза къ брату Даніилу свою дружину; самые Ляхи соединились съ Венграми, чтобы участвовать въ выгодахъ сего ополченія. Романа Звенигородскаго плѣнили въ бѣгствѣ: Владиміръ ушелъ. Юному Даніилу вручили державу Княжескую. Родительница спѣшила обнять его: онъ не

узналъ матери, бывъ долго въ разлукѣ съ нею; но тѣмъ болѣе изъявилъ чувствительности, услышавъ отъ нее имя сына, и видя ея радостныя слезы. Среди Вельможъ и народа сей величественный отрокъ уже казался повелителемъ, благородною наружностію предвѣщая свою будущую знаменитость.

Но еще не могъ онъ властвовать дѣйствительно: Венгры, Ляхи, Князья сосѣдственные и гордые Бояре надѣялись пользоваться его малолѣтствомъ. Ему отдали Галичь, но Владиміръ остался за Александромъ, Червенъ за Всеволодомъ, Александровымъ братомъ. Въ самомъ Галичѣ Даніилъ находился подъ опекою своевольныхъ, недостойныхъ Вельможъ, и не могъ спасти Русскаго имени отъ поношенія, будучи свидѣтелемъ гнуснѣйшаго злодѣянія. Воеводы Андреевы, Великій Дворецкій, именемъ Потъ, и другіе, плѣнивъ Игоревичей, хотѣли отвезти ихъ къ Королю; но Бояре Галицкіе, движимые злобою, требовали сихъ несчастныхъ для торжественной казни Венгры колебались: наконецъ, убѣжденные дарами, выдали имъ жертвы, и Галичане рѣдкимъ неистовствомъ заслужили въ древней Россіи имя *безбожныхъ*, данное имъ въ современной лѣтописи: били, терзали и повѣсили своихъ бывшихъ Князей ([135]). Сіе государственное преступленіе долженствовало бы вооружить всѣхъ потомковъ Св. Владиміра: къ сожалѣнію, кончина Великаго Князя и новыя междоусобія отвлекли ихъ вниманіе отъ мятежной земли Галицкой.

Всеволодъ призвавъ къ себѣ Константина изъ Новагорода, назначилъ ему въ Удѣлъ Ростовъ съ пятью городами; за
г. 1212. нѣсколько же времени до смерти назвалъ его преемникомъ Великокняжескаго достоинства, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ Ростовскую область брату Георгію. Константинъ не хотѣлъ выѣхать изъ своего Удѣла, желая наслѣдовать цѣлое Великое Княженіе Суздальское ([136]). Раздраженный столь явнымъ неповиновеніемъ, отецъ созвалъ Бояръ изъ всѣхъ городовъ, Епископа Іоанна, Игуменовъ, Священниковъ, купцевъ, Дворянъ, и въ ихъ многочисленномъ собраніи объявилъ, что наслѣдникомъ его долженъ быть вторый сынъ Георгій; что онъ ему поручаетъ и Великую Княгиню и меньшихъ братьевъ. Константина любили, уважали; но безмолвствовали предъ священною властію отца: сынъ ослушный казался преступникомъ, и всѣ, исполняя волю Великаго

*Неповиновеніе Константина.*

Князя, присягнули избранному наслѣднику. Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ Лѣтописцы, со *гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгія* ([137]). Добрые сыны отечества съ горестію угадывали слѣдствія.

Всеволодъ Георгіевичь, княживъ 37 лѣтъ, спокойно и тихо преставился на пятьдесятъ-осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только супругою, дѣтьми, Боярами, но и всѣмъ народомъ ([138]): ибо сей Государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ*, княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудіе. Не бѣдные, не слабые трепетали его, а Вельможи корыстолюбивые. Не *обинуяся лица сильныхъ*, по словамъ Лѣтописца, *и не туне нося мечь, ему Богомъ данный*, онъ казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ. Воспитанный въ Греціи, Всеволодъ могъ научиться тамъ хитрости, а не человѣколюбію: иногда мстилъ жестоко, но хотѣлъ всегда казаться справедливымъ, уважая древнія обыкновенія; требовалъ покорности отъ Князей, но безъ вины не отнималъ у нихъ престоловъ, и желалъ властвовать безъ насилія; повелѣвая Новогородцами, льстилъ ихъ любви къ свободѣ; мужественный въ битвахъ, и въ каждой побѣдитель, не любилъ кровопролитія безполезнаго. Однимъ словомъ, онъ былъ рожденъ царствовать (хвала не всегда заслуживаемая Царями!), и хотя не могъ назваться Самодержавнымъ Государемъ Россіи, однакожь, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни Единовластія Новѣйшіе Лѣтописцы, славя добродѣтели сего Князя, говорятъ, что онъ довершилъ месть, начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ коробъ и бросить въ воду. Сіе извѣстіе согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Пловучимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ въ коробѣ ([139])!

*Апрѣля 15. Кончина и характеръ Всеволода Великаго.*

Доказавъ свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооруженіемъ храмовъ, Всеволодъ оставилъ и другіе памятники своего княженія: кромѣ города Остера, имъ возобновленнаго, онъ построилъ крѣпости въ Владимірѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и Суздалѣ ([140]).

Всеволодъ въ 1209 году сочетался вто-



103

рымъ бракомъ съ дочерью Витебскаго Князя, Василька Брячиславича ([141]). Первою его супругою была Марія, родомъ Ясыня, славная благочестіемъ и мудростію. Въ послѣднія семь лѣтъ жизни страдая тяжкимъ недугомъ, она изъявляла удивительное терпѣніе, часто сравнивала себя съ Іовомъ ([142]), и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала ихъ жить въ любви, напомнивъ имъ мудрыя слова Великаго Ярослава, что междоусобіе губитъ Князей и отечество, возвеличенное трудами предковъ; совѣтовала дѣтямъ быть набожными, трезвыми, вообще привѣтливыми и въ особенности уважать старцевъ, по изрѣченію Библіи: *во мнозѣмъ времени премудрость, во мнозѣ житіи вѣдѣніе*. Лѣтописцы хвалятъ ее также за украшеніе церквей серебряными и *золотыми* сосудами; называютъ Россійскою Еленою, Ѳеодорою, второю Ольгою. Она была матерію осьми сыновей, изъ коихъ двое умерли во младенчествѣ. Лѣтописецъ Суздальскій, упоминая о рожденіи каждаго, сказываетъ, что ихъ на четвертомъ или пятомъ году жизни торжественно *постригали и сажали на коней* въ присутствіи Епископа, Бояръ, гражданъ ([143]); что Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошные, угощалъ Князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а Бояръ тканями и мѣхами. Сей достопамятный обрядъ такъ называемыхъ *Постригъ*, или перваго обрѣзанія волосовъ у дѣтей мужескаго полу, кажется остаткомъ язычества: знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ ([144]), и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ: на примѣръ, у Ляховъ, коихъ древнѣйшій Историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Піастомъ, *остригли волосы* его сыну-младенцу и *дали имя* Семовита ([145]).

Мудрость Великой Княгини.

Постриги.

Князь Россійскій въ Грузіи.

Въ Исторію сего времени входитъ слѣдующее любопытное извѣстіе, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ достовѣрное. Послѣ 1175 года не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о сынѣ Андрея Боголюбскаго, Георгіи; но онъ является важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ Исторіи Грузинской. «Въ 1171 году юная Тамарь, дочь Царя, Георгія III, наслѣдовала престолъ родителя. Духовенство и Бояре искали ей жениха: тогда одинъ Вельможа Тифлисскій, именемъ Абуласанъ, предложилъ собранію, что сынъ Великаго Князя Россійскаго, Андрея, дядею Всеволодомъ изгнанный и заточенный въ *Савалту*, ушелъ оттуда въ *Свинчь* къ Хану Кипчакскому (или Половецкому), и что сей юноша, знаменитый родомъ, умомъ, храбростію, достоинъ быть супругомъ ихъ Царицы. Одобрили мысль Абуласанову; послали за Княземъ, и Тамарь сочеталась съ нимъ бракомъ. Нѣсколько времени бывъ счастіемъ супруги и славою Государства, онъ перемѣнился въ дѣлахъ и нравѣ: Тамарь, исполняя волю Совѣта, долженствовала изгнать его, но щедро наградила богатствомъ. Князь удалился въ Черноморскія области, въ Грецію; велъ жизнь странника, скучалъ, возвратился опять въ Грузію, преклонилъ къ себѣ многихъ жителей и хотѣлъ взять Тифлисъ; но, побѣжденный Тамаріею, съ ея дозволенія, безопасно и съ честію выѣхалъ, неизвѣстно куда.» Сія Тамарь славилась побѣдами, одержанными ею надъ Персіянами и Турками; завоевала разные города и земли; любила Науки, Исторію, Стихотворство, и время ея считалось златымъ вѣкомъ Грузинской Словесности. Сынъ Тамаринъ, Георгій Лашъ, по кончинѣ матери царствовалъ отъ 1198 до 1211 года ([146]).

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственные случаи долговременнаго княженія Всеволодова. Два раза горѣлъ при немъ Владиміръ: въ 1185 году огонь разрушилъ тамъ 32 церкви каменныя и Соборную, богато украшенную Андреемъ; ея серебряныя паникадила, златые сосуды, одежды служебныя, вышитыя жемчугомъ, драгоцѣнныя иконы, парчи, куны или деньги, хранимыя въ теремѣ, и всѣ книги были жертвою пламени. Чрезъ пять лѣтъ случилось такое же несчастіе для цѣлой половины Владиміра: едва могли отстоять дворецъ Княжескій; а въ Новѣгородѣ многіе люди, устрашенные безпрестанными пожарами, оставили домы и жили въ полѣ: въ одинъ день сгорѣло тамъ 4300 домовъ. Многіе другіе города: Руса, Ладога, Ростовъ, обратились въ пепелъ. Въ 1187 году свирѣпствовала какая-то общая болѣзнь въ городахъ и селахъ: Лѣтописцы говорятъ, что ни одинъ домъ не избѣжалъ заразы, и во многихъ не кому было принести воды. Въ 1196 году вся область Кіевская чувствовала землетрясеніе: домы, церкви колебались, и жители, не пріученные къ сему обыкновенному въ жаркихъ климатахъ явленію,

Разныя бѣдствія.

*трепетали и падали ницъ отъ страха* (147).

Взятіе Царяграда.

Въ княженіе Всеволода былъ завоеванъ Крестоносцами Царьградъ: происшествіе важное и горестное для тогдашнихъ Россіянъ, тѣсно связанныхъ съ Греками по Вѣрѣ и торговлѣ! Взятіе Царяграда и Кіева случилось въ одинъ годъ (1204): суевѣрные Лѣтописцы наши говорятъ, что многія страшныя явленія въ ту зиму предвѣщали бѣдствіе; что небо казалось въ огнѣ, метеоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ цвѣтъ крови (148). Французы, Венеціане, ограбивъ богатые храмы, похитивъ драгоцѣнности искусства и мощи Святыхъ, избрали не только собственнаго Императора, но и Патріарха Латинскаго: Греческій, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Ѳракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ Духовенству нашему, что Вѣра истинная торжествуетъ; что вся Греческая Имперія уже ему повинуется; что одни ли Россіяне захотятъ быть отверженными отъ паствы Христовой; что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и что внѣ онаго все должно погибнуть; что Кардиналъ Г., мужъ ученый, благородный, Посолъ Намѣстника Апостольскаго, уполномоченъ отъ него быть просвѣтителемъ Россіи, истребителемъ ея заблужденій, и проч. (149). Сіе Пастырское увѣщаніе не имѣло никакого слѣдствія, и Митрополиты наши были оттолѣ поставляемы въ Никеѣ, новой столицѣ Греческихъ Константинопольскихъ Патріарховъ, до самаго изгнанія Крестоносцевъ изъ Царяграда.

Нѣмцы въ Ливоніи.

Тогда же другіе *Крестоносцы* сдѣлались опасны для сѣверо-западной Россіи. Мы упоминали о Мейнгардѣ, проповѣднинѣ Латинской Вѣры въ Ливоніи; преемники его, утверждаемые Главою Бременской Церкви въ санѣ Епископовъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ прибѣгнули къ оружію, и Папа отпускалъ грѣхи всякому, кто подъ знаменіемъ креста лилъ кровь упрямыхъ язычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Нѣмецкой земли толпами отправлялись туда странствующіе богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечемъ, искать спасенія души въ убійствѣ людей. Третій Епископъ Ливонскій, Альбертъ, избравъ мѣсто удобное для пристани, въ 1200 году основалъ городъ Ригу, а въ 1201 *Орденъ Христовыхъ воиновъ* или *Меченосцевъ*,

Основаніе Риги.

которымъ Папа, Иннокентій III, далъ уставъ славныхъ *Рыцарей Храма*, подчинивъ ихъ Епископу Рижскому: *крестъ* и *мечь* были символомъ сего новаго братства. Россіяне назывались господами Ливоніи, имѣли даже крѣпость на Двинѣ, Кокенойсъ (нынѣ Кокенхузенъ); однакожь, собирая дань съ жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонниковъ. Сей хитрый Епископъ отъ времени до времени дарилъ Князя Полоцкаго, Владиміра, увѣряя его, что Нѣмцы думаютъ единственно о распространеніи истинной Вѣры. Но Альбертъ говорилъ какъ Христіанинъ, а дѣйствовалъ какъ Политикъ: умножалъ число воиновъ, строилъ крѣпости, хотѣлъ и духовнаго и мірскаго господства. Бѣдные жители не знали, кому повиноваться, Россіянамъ или Нѣмцамъ: единоплеменники Финновъ, Ливь, желали, чтобы первые освободили ихъ отъ тиранства Рыцарей, а Латыши изъявляли усердіе къ послѣднимъ. Наконецъ Князь Владиміръ объявилъ войну опаснымъ пришельцамъ: осаждалъ Искуль, и не могъ въ 1200 году взять Кирхгольма, ибо Россіяне, искусные стрѣлки, по сказанію Ливонскаго древняго Лѣтописца, не умѣли дѣйствовать пращею; хотя и переняли сіе орудіе у Нѣмцевъ, но худо бросая камни, били ими своихъ. Владиміръ снялъ осаду — услышавъ, что многіе чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливоніи — и Двиною возвратился въ Полоцкъ. Флотъ, испугавшій Россіянъ, былъ Датскій: Король Вольдемаръ въ угодность Папѣ шелъ оборонить новую Церковь Ливонскую; присталъ къ Эзелю, хотѣлъ основать тамъ крѣпость, но вдругъ, перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу Лунденскаго Архіепископа, знаменитаго ученостію Андрея, который въ санѣ Римскаго Посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ Католической Вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъ ничтожные идолы, разрушаемые сѣкирами Христіанъ, не могли защитить себя. Современный Лѣтописецъ разсказываетъ случай любопытный. Латыши бросили жеребей, какую Вѣру принять имъ, Нѣмецкую или Русскую, и согласно съ волею Судьбы избрали первую. Впрочемъ они долго еще съ нѣкоторою благодарностію хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земника или дарователя земныхъ плодовъ,

Орденъ Меченосцевъ.

110

Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливь и Чудь назвали самаго Творца вселенныя именемъ главнаго ихъ идола, Юммала: были уже Христіанами, но ходили еще молиться въ лѣса священные, приносили жертвы древамъ, ежегодно торжествовали праздникъ усопшихъ съ обрядами язычества, и клали въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мертвому: «иди, несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ Нѣмцы уже не могутъ господствовать надъ тобою, а будутъ твоими рабами (150)!» Сей бѣдный народъ въ теченіе вѣковъ не забывалъ насилія своихъ жестокихъ просвѣтителей! — Довольный услугами Рыцарей, Епископъ Альбертъ уступилъ имъ третію часть покоренной Ливоніи; старался болѣе и болѣе утверждать тамъ свое владычество; выгналъ Россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Кукенойса, принудивъ Удѣльнаго Князя Двинскаго, именемъ Всеволода, быть данникомъ Рижской Церкви. Сей Князь, женатый на дочери одного знатнаго Литовца, господствовалъ въ Герсикѣ (нынѣшнемъ Крейцбургѣ); онъ дѣлалъ много зла не только Нѣмцамъ, но и Россіянамъ, свободно пропуская Литовскихъ грабителей чрезъ Двину и доставляя имъ съѣстные припасы. Епископъ Альбертъ сжегъ столицу Всеволода, плѣнилъ его Княгиню, многихъ жителей, и съ тѣмъ условіемъ возвратилъ имъ свободу, чтобы сей Князь отказался отъ союза съ Литовцами и навсегда подарилъ свою область Богородицѣ, то есть, Епископу. Всеволодъ подъ тремя знаменами клялся вѣрно служить Матери Божіей; торжественно назвалъ Альберта отцемъ; призналъ себя его Намѣстникомъ въ Герсикѣ (151)! Но сѣверная часть Ливоніи оставалась еще независимою овъ Нѣмцевъ: тамъ хотѣлъ господствовать храбрый Мстиславъ Новогородскій. Взявъ мѣры для безопасности границъ своихъ, укрѣпивъ южныя новыми городами и поручивъ охранять Великія Луки брату, Князю Владиміру Псковскому, онъ ходилъ съ войскомъ (въ 1212 году) на западные берега Чудскаго озера, собирать дань и смирять непокорныхъ; осаждалъ крѣпость *Медвѣжью Голову* или Оденпе, и взялъ съ жителей 400 гривенъ *ногатами* или *кунами* (152). Нѣмецкій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Князь Новогородскій, крестивъ тогда нѣкоторыхъ язычниковъ, обѣщалъ прислать къ нимъ своихъ Поповъ, но что Альбертовы Миссіонаріи предупредили Россіянъ, и скоро ввели тамъ Вѣру Латинскую.

Заключая описаніе достопамятныхъ временъ Всеволода III, упомянемъ о случаѣ принадлежащемъ вмѣстѣ и къ церковной и къ свѣтской Исторіи нашего отечества. Въ 1212 году Новогородцы, недовольные Святителемъ Митрофаномъ, без всякаго сношенія съ Главою Духовенства, Митрополитомъ Кіевскимъ, изгнали своего Архіепископа и выбрали на его мѣсто бывшаго знаменитаго гражданина, Добрыню Ядренковича, который не задолго до того времени ѣздилъ въ Царьградъ и постригся въ монастырѣ Хутынскомъ, основанномъ въ концѣ XII вѣка Св. Варлаамомъ, близъ Волхова (153). Такъ Новогородцы судили и Князей и Святителей, думая, что власть мірская и духовная происходитъ отъ народа.

Духовная власть въ Новѣгородѣ.

---

# ГЛАВА IV.

## ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

### Г. 1212 — 1216.

---

**Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ.**

Совершивъ погребеніе отца, Георгій, съ одобренія Вельможъ, возвратилъ свободу Князьямъ Рязанскимъ, всѣмъ ихъ подданнымъ и Епископу Арсенію. Великое Княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ области: Георгій господствовалъ въ Владимірѣ и Суздалѣ, Константинъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ; оба же-

г. 1212—1215. Междоусобіе.

лали единовластія и считали другъ друга хищниками. Братья ихъ также раздѣлились: Ярославъ-Ѳеодоръ, начальствуя въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, взялъ сторону Георгія, равно какъ и Святославъ, получивъ въ Удѣлъ Юрьевъ Польскій; Димитрій-Владиміръ остался вѣрнымъ Константину. Ростовскій Князь обратилъ въ пепелъ Кострому, плѣнилъ жителей ([154]); Георгій два раза приступалъ къ Ростову, и заключивъ весьма неискренній миръ съ Константиномъ, выслалъ Димитрія изъ Москвы. «Даю тебѣ» (сказалъ онъ) «южный Переяславль, нашу отчину; господствуй въ немъ и блюди землю Русскую.» Димитрій, какъ бы предчувствуя бѣдствіе, неохотно поѣхалъ въ сей Удѣлъ, нѣкогда знаменитый и столь любезный для его дѣда; женился тамъ на племянницѣ Всеволода Чермнаго, и едва отпраздновавъ свадьбу, долженствовалъ сразиться съ Половцами: не могъ одолѣть варваровъ, и плѣненный ими, былъ отведенъ въ вежи. Онъ года чрезъ три освободился и княжилъ послѣ въ Стародубѣ на Клязмѣ.

Рюрикъ скончался ([155]): Князь трезвый, набожный, усердный строитель церквей, впрочемъ не имѣвшій доброй славы братьевъ своихъ: ни кротости Романовой, ни твердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храбраго. Всеволодъ Чермный, желая одинъ начальствовать въ южной Россіи и не боясь уже никого по смерти Великаго Князя, изгналъ сыновей и племянниковъ Рюриковыхъ изъ Удѣловъ Кіевской области. Къ сему насилію онъ прибавилъ клевету: «Вы» (говорилъ Всеволодъ) «хотѣли овладѣть Галичемъ, возмутили тамъ народъ, повѣсили моихъ братьевъ какъ разбойниковъ; вы гнуснымъ злодѣяніемъ посрамили имя отечества!» Изгнанники, удалясь въ область Смоленскую, требовали защиты отъ Мстислава Новогородскаго. Сей мужественный Князь былъ тогда стражемъ сѣверо-западной Россіи: съ одной стороны тревожили оную Литовцы, съ другой властолюбіе Нѣмцевъ угрожало ей великими опасностями. Первые дерзнули ворваться въ самый Псковъ, котораго жители — изгнавъ Князя своего, Владиміра Мстиславича, за его дружескую связь съ Рижскимъ Епископомъ — ходили тогда въ Чудскую землю для собранія дани ([156]). Литовцы не могли завладѣть городомъ, но выжгли его и разорили окрестности. Мстиславъ Новогородскій далъ Псковитянамъ инаго Князя, своего племянника

Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи.

двоюроднаго, Всеволода Борисовича, а Владиміръ удалился въ Ригу, будучи вѣрнымъ союзникомъ Ордена и тестемъ Епископова брата, Дитриха. Принятый имъ какъ другъ и свойственникъ, онъ имѣлъ случай оказать Нѣмцамъ важную услугу. Современный Лѣтописецъ Ливонскій разсказываетъ, что Князь Полоцкій Владиміръ, желая объясниться съ Епископомъ Альбертомъ, назначилъ ему свиданіе на берегу Двины, близъ нынѣшняго Крейцбурга. Альбертъ пріѣхалъ туда съ Рыцарями, старѣйшинами Ливонскими, купцами Нѣмецкими и съ Владиміромъ Мстиславичемъ. Князь Полоцкій говорилъ Альберту, чтобы онъ не тревожилъ язычниковъ и не принуждалъ ихъ креститься; что Нѣмцы должны слѣдовать примѣру Россіянъ, которые довольствуются подданствомъ народовъ, оставляя имъ на волю вѣрить Спасителю или не вѣрить. «Нѣтъ!» отвѣтствовалъ съ жаромъ Епископъ: «совѣсть обязываетъ меня крестить идолопоклонниковъ: такъ угодно Богу и Папѣ!» Князь грозился обратить въ пепелъ Ригу, и въ гнѣвѣ обнажилъ мечь: Рыцари также изготовились къ битвѣ; но Владиміръ Мстиславичь сталъ между ими, молилъ, убѣждалъ, и сдѣлалъ наконецъ то, что Князь Полоцкій, отдавая справедливость неустрашимости Рыцарей, совершенно уступилъ имъ всю южную Ливонію. Сей Князь чрезъ нѣсколько лѣтъ думалъ поправить свою ошибку и выгнать Нѣмцевъ; но упалъ мертвый въ самую ту минуту, какъ хотѣлъ сѣсть на ладію и плыть къ устью Двины, чтобы осадить Ригу ([157]). Господствуя въ южной Ливоніи, Рыцари желали покорить и сѣверную, вмѣстѣ съ Эстоніею: узнавъ, что отряды ихъ грабятъ тамошнихъ жителей, Мстиславъ Новогородскій собралъ 15,000 воиновъ; вмѣстѣ съ Княземъ Псковскимъ и Давидомъ Торопецкимъ, братомъ своимъ, выступилъ въ поле; доходилъ до самаго моря. Не встрѣтивъ нигдѣ Нѣмцевъ, которые заблаговременно ушли назадъ въ Ригу, онъ требовалъ дани съ Чуди, осаждалъ Воробьинъ или Верпель, взялъ съ гражданъ 700 гривенъ *ногатами* и разорилъ многія окрестныя селенія ([158]). Сія западная часть нынѣшней Эстляндской Губерніи находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи; земледѣльцы жили въ изобиліи, и деревни были хорошо выстроены: къ несчастію, Альбертовы Рыцари скоро огнемъ и мечемъ опустошили всю Эстонію.

Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры.

Подвиги Мстислава.

Мстиславъ, отдавъ двѣ части взятой

дани Новогородцамъ, а третью своимъ Дворянамъ или дружинѣ, спѣшилъ отъ береговъ Балтійскаго моря къ Днѣпру; прибывъ въ Новгородъ, собралъ Вѣче на *Дворѣ Ярослава* и предложилъ народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо онъ старался имъ угождать) и единодушно отвѣтствовали: «Князь! куда обратишь свои очи, тамъ будутъ наши головы» (159)! Сіе усердіе вдругъ охладѣло на пути. Новогородскіе воины поссорились съ Смоленскими, убили одного человѣка въ дракѣ и торжественно объявили, что не хотятъ итти далѣе. Напрасно Князь звалъ ихъ на Вѣче; напрасно думалъ усовѣстить неблагодарныхъ: никто не слушалъ его повелѣнія. «И такъ мы должны разстаться,» сказалъ Мстиславъ безъ всякой укоризны; дружески простился съ ними, и вышелъ съ братьями изъ Смоленска. Новогородцы изумились: тогда Посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ, что предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ Князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго, и служили примѣромъ для другихъ Россіянъ. Сія рѣчь тронула Новогородцевъ, легкомысленныхъ, однакожь чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великодушныхъ подвиговъ. Они догнали Князя, и пылая ревностію, нетерпѣливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два Князя отдалися въ плѣнъ (160). Всеволодъ Святославичь бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговѣ и съ горести умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностію и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его Князю Смоленскому.

Храбрый Мстиславъ, учредивъ поря-
г. 1215. докъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, что дѣла отзываютъ его въ южную Россію; что онъ будетъ всегда защитникомъ Новогородцевъ, однакожь даетъ имъ волю избрать себѣ инаго Князя. Народъ сожалѣлъ объ немъ; долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить Князя столь великодушнаго; наконецъ отправилъ Посадника, Тысячскаго и десять старѣйшихъ купцевъ звать Өеодора Всеволодовича, Мстиславова зятя (161). Ярославъ Өеодоръ началъ свое правленіе строгостію и наказаніями, сославъ въ Тверь нѣкоторыхъ окованныхъ цѣпями чиновниковъ, велѣвъ разграбить дворъ Тысячскаго, оклеветаннаго врагами, взявъ подъ стражу сына и жену его. Строгость Ярослава.
Возбужденный самимъ Княземъ къ дѣйствіямъ своевольнымъ, народъ искалъ жертвъ, новыхъ преступниковъ: умертвилъ самъ собою двухъ знаменитыхъ гражданъ; а Князь съ досады на сихъ мятежниковъ уѣхалъ въ Торжекъ. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Новагорода сдѣлался неурожай: Ярославъ, ослѣпленный злобою, захватилъ весь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣстахъ и не пустилъ ни Голодъ въ Новѣгородѣ.
воза въ столицу. Тщетно Послы убѣждали Князя возвратиться: онъ задерживалъ ихъ въ Торжкѣ, призвавъ къ себѣ жену изъ Новагорода, гдѣ уже свирѣпствовалъ голодъ. Четверть ржи стоила около трехъ рублей шестидесяти копеекъ нынѣшними серебряными деньгами, овса рубль 7 копеекъ, возъ рѣпы два рубли 86 копеекъ. Бѣдные ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ; отдавали дѣтей всякому, кто хотѣлъ ихъ взять, — томились, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оставленные на снѣденіе псамъ, и люди толпами бѣжали въ сосѣдственныя земли, чтобы избавиться отъ ужасной смерти. Въ послѣдній разъ Новогородцы молили Ярослава утѣшить ихъ своимъ присутствіемъ. «Иди къ Св. Софіи,» говорили они: «или скажи, что не хочешь быть нашимъ Княземъ.» Онъ задержалъ и сихъ Пословъ, вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли отчаяніе; а Намѣстникъ Ярославовъ и Дворяне его были равнодушными зрителями народнаго бѣдствія. Въ то время явился утѣшитель: Мстиславъ великодушный. Новогородцы съ восторгомъ увидѣли его г. 1216. Февраля 11.
на *Дворѣ Ярослава*. Сей Князь говорилъ, что онъ помнитъ свое обѣщаніе быть всегда ихъ другомъ; что освободитъ невинныхъ гражданъ, заключенныхъ въ Торжкѣ, возстановитъ благоденствіе Новагорода, или положитъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ стражу Бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго Священника объявилъ зятю, чтобы онъ, если желаетъ остаться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно возвратилъ свободу всѣмъ Боярамъ и купцамъ Новогородскимъ (162). Съ гордостію отвергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изготовился къ войнѣ; сдѣлалъ на пути засѣки, укрѣпленія, и прислалъ сто знаменитыхъ Новогород-

цевъ въ отчизну ихъ, съ приказаніемъ выпроводить оттуда его тестя. Но сіи люди, видя единодушіе согражданъ, пристали къ нимъ съ радостію. Тогда озлобленный Ярославъ собралъ на полѣ всѣхъ бывшихъ у него Новогородцевъ, числомъ болѣе двухъ тысячь; оковалъ цѣпями и послалъ въ свой городъ, Переславль Залѣсскій, отнявъ у нихъ коней, деньги, все имѣніе. Въ надеждѣ на могущество брата, Георгія Владимірскаго, онъ грозился наказать тестя, и смѣло поднялъ руку на кровопролитіе междоусобное. Состояніе Новагорода было достойно жалости: голодъ, болѣзни истребили не малую часть его жителей; другіе скитались по землямъ чуждымъ; знатнѣйшіе люди стенали въ темницахъ Суздальской области; домы и цѣлыя улицы опустѣли. Мстиславъ, собравъ Вѣче, ободрялъ гражданъ своимъ мужествомъ. «Оставимъ ли братьевъ въ заключенія и постыдной неволѣ?» говорилъ онъ народу: «Да воскреснетъ величіе столицы! да не будетъ она презрительнымъ Торжкомъ, ни Торжекъ ею [163]! Новгородъ тамъ, гдѣ Святая Софія. Рать наша малочисленна; но Богъ заступникъ правыхъ, и сильнаго и слабаго!» Всѣ казались единодушными; однакожь нѣкоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бѣжали къ нему въ Торжекъ. Мстиславъ выступилъ съ остальными и съ братомъ, Княземъ Владиміромъ Псковскимъ (который, бывъ
Марта 1. нѣсколько времени начальникомъ маленькой области въ Нѣмецкой Ливоніи, снова господствовалъ тогда во Псковѣ).

Сія война имѣла важное слѣдствіе: Князь Новогородскій, хотѣвъ прежде дружелюбно раздѣлаться съ Ярославомъ, но принужденный искать управы мечемъ, взялъ свои мѣры какъ искусный Военачальникъ и Политикъ. Предвидя, что Георгій Всеволодовичь будетъ всѣми силами помогать меньшему брату, Мстиславъ заключилъ тайный союзъ съ Константиномъ и далъ ему слово возвести его на престолъ Владимірскій. Непріятельскія дѣйствія начались въ Торопецкой области. Святославъ Всеволодовичь, присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десятью тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ находилось только 100 воиновъ; но Князь Новогородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться, и взялъ укрѣпленный Зубцовъ [164]. Дружина Мстиславова хотѣла прямо итти къ Торжку; но Князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переславлю Залѣсскому, чтобы удалить театръ войны отъ Новогородской области. Наконецъ обѣ рати сошлися близъ Юрьева. Константинъ съ полками своими находился въ станѣ Новогородскомъ: Георгій, Ярославъ и Князья Муромскіе, дѣйствуя за-одно, вооружили самыхъ поселянъ, и въ необозримыхъ рядахъ стали на берегу Кзы. Лѣтописцы сказываютъ, что Князь Владимірскій и меньшій братъ его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ [165]. Благоразумный Мстиславъ еще надѣялся отвратить кровопролитіе. Послы Новогородскіе говорили Георгію, что они не признаютъ его врагомъ своимъ, будучи готовы заключить миръ и съ Ярославомъ, если онъ добровольно отпуститъ къ нимъ всѣхъ ихъ согражданъ и возвратитъ Торжекъ съ Волокомъ Ламскимъ. Но Георгій отвѣтствовалъ, что враги его брата суть его собственные; а Ярославъ, надменный и мстительный, не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. «Не время думать о мирѣ,» говорилъ онъ Посламъ: «вы теперь какъ рыба на пескѣ; зашли далеко и видите бѣду неминуемую.» Мстиславъ вторично представлялъ Георгію и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для Государства; что онъ желаетъ примирить ихъ съ большимъ братомъ, который уступитъ имъ всю область Суздальскую, буде Георгій отдастъ ему, какъ старшему, городъ Владиміръ. «Ежели самъ отецъ нашъ (сказалъ Георгій) не могъ разсудить меня съ Константиномъ, то Мстиславу ли быть нашимъ судіею? Пусть Константинъ одолѣетъ въ битвѣ: тогда все его.» Послы съ горестію удалились, и Князь Владимірскій, пируя въ шатрѣ съ Вельможами, желалъ знать ихъ мнѣніе. Одинъ Бояринъ совѣтовалъ не отвергать мира и признать Константина старѣйшимъ Государемъ земли Суздальской, представляя, что Князья Ростиславова племени мудры и храбры, а воины Новогородскіе и Смоленскіе *дерзки* въ битвахъ; что Мстиславъ въ дѣлѣ ратномъ не имѣетъ совмѣстника, и что превосходныя силы уступаютъ иногда превосходному искусству [166]. Князья слушали Боярина съ неудовольствіемъ. Другіе Вельможи, льстя ихъ самолюбію, говорили, что никогда еще враги не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздальской; что жители ея могли бы съ успѣхомъ противоборствовать соединенному войску всѣхъ Россіянъ, и *сѣдлами закидаютъ* Новогородцевъ.

112

Одобривъ сію безразсудную надменность и собравъ Военачальниковъ, Князья дали имъ приказъ не щадить никого въ битвѣ: убивать даже и тѣхъ, на коихъ увидятъ шитое золотомъ оплечье ([167]). «Вамъ брони, одежда и кони мертвыхъ,» сказали они: «въ плѣнъ возмемъ однихъ Князей, и рѣшимъ послѣ судьбу ихъ.» Отпустивъ Воеводъ, Георгій съ меньшими братьями заперся въ шатрѣ и вздумалъ уже дѣлить всю Россію; назначилъ Ростовъ для себя, Новгородъ для Ярослава, Смоленскъ для третьяго брата ([168]), а Кіевъ для Ольговичей, оставляя Галичь на свое дальнѣйшее распоряженіе. Написавъ договорную грамоту и взаимною клятвою утвердивъ оную, сіи Князья послали сказать непріятелямъ, что желаютъ биться съ ними на обширномъ Липецкомъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ: долго совѣтовался съ Константиномъ, обязалъ его торжественными обѣтами вѣрности, и ночью выступилъ изъ стана къ назначенному для битвы мѣсту, съ трубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ. Встревоженные полки Георгіевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ, ожидая нападенія, и едва было не обратились въ бѣгство. На разсвѣтѣ Мстиславъ и Константинъ приближились къ непріятелю, который зашелъ за дебрь и расположился на горѣ, окруженной плетнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ или битву на равнинѣ. Сей Князь отвѣтствовалъ: «не хочу ни того, ни другаго; и когда вы уже не боялись дальняго пути, то можете перейти и за дебрь, гдѣ мы васъ ожидаемъ.» Мстиславъ сталъ на другой горѣ, велѣвъ отборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастливо. На другой день Мстиславъ думалъ итти прямо ко Владиміру, но Константинъ не совѣтовалъ оставлять непріятеля назади, и боялся, чтобы миролюбивые Ростовцы, пользуясь случаемъ, не разбѣжались по городамъ. Между тѣмъ Георгіевы полки, видя движеніе въ станѣ Новогородцевъ и Смолянъ, вообразили, что Мстиславъ хочетъ отступить, и бросились съ горы, въ намѣреніи гнаться за нимъ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда Князь Новогородскій, сказавъ: «гора не защититъ и не побѣдитъ насъ; пойдемъ съ Богомъ и съ чистою совѣстію,» велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ. На одномъ крылѣ стоялъ Владиміръ Рюриковичь Смоленскій, на другомъ Константинъ, въ срединѣ Мстиславъ съ Новогородцами и Князь Псковскій. Учредивъ строй, обозрѣвъ всѣ ряды, Мстиславъ ободрилъ воиновъ краткою рѣчью. «Друзья и братья!» говорилъ онъ: «мы вошли въ землю сильную: станемъ крѣпко, призвавъ Бога помощника. Да никто не озирается вспять: бѣгство не спасеніе. Кому не умереть, тотъ будетъ живъ. Забудемъ на время женъ и дѣтей своихъ. Сражайтесь, какъ хотите: пѣшіе или на коняхъ.» Новогородцы отвѣтствовали: «сразимся пѣшіе, какъ отцы наши подъ Суздалемъ.» Оставивъ коней, они сбросили съ себя одежду, даже сняли сапоги, и съ громкимъ кликомъ устремились впередъ; за ними Мстиславъ и дружина конная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать ихъ стремленія. Смоляне также пѣшіе вступили въ бой, не хотѣвъ ждать Воеводы своего, который упалъ съ коня въ дебри. Князь Новогородскій, видя кровопролитіе, сказалъ Владиміру Псковскому: «не выдадимъ добрыхъ людей!» и мгновенно опередилъ всѣхъ; имѣя въ рукѣ топоръ, три раза съ дружиною проѣхалъ сквозь полки непріятельскіе, сѣкъ головы, оставлялъ за собою кучи труповъ. Лѣтописцы живо представляютъ ужасъ сей битвы, говоря, что сынъ шелъ на отца, братъ на брата, слуга на господина: ибо многіе Новогородцы сражались за Ярослава; многіе единокровные стояли другъ противъ друга подъ знаменами Георгія и Константина. Побѣда не была сомнительною. Новогородцы, Смоляне дружнымъ усиліемъ разстроили, смяли враговъ, и торжествуя показывали въ рукахъ своихъ хоругви Ярославовы. Еще Георгій стоялъ противъ Константина; но скоро обратился въ бѣгство за Ярославомъ. «Друзья!» сказалъ Князь Новогородскій своимъ храбрымъ воинамъ: «не время думать о корысти; надобно довершить побѣду» — и Новогородцы, ему послушные, не хотѣли прикоснуться къ добычѣ, съ жаромъ гнали Суздальцевъ, топили ихъ въ рѣкахъ, осуждая Смолянъ, которые обдирали мертвыхъ и грабили обозы непріятеля.

*Славная битва Липецкая.* *Апрѣля 21.*

Уронъ былъ великъ только со стороны побѣжденныхъ: ихъ легло на мѣстѣ 9233 человѣка. Въ остервененіи своемъ не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ; а Смоляне нашли въ Георгіевомъ станѣ и до-

говорную грамоту сего Князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переяславль, и пылая гнѣвомъ, задушилъ тамъ многихъ Новогородскихъ купцевъ въ темницѣ ([169]); а Георгій, утомивъ трехъ коней подъ собою, на четвертомъ прискакалъ въ Владиміръ, гдѣ оставались большею частію одни старцы и дѣти, жены и люди духовнаго сана. Видя вдали скачущаго всадника, они думали, что Князь ихъ одержалъ побѣду и шлетъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ съ себя одежду Княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вратами столицы; ѣздилъ вокругъ стѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ. Жители ужаснулись. Ночью пришли въ Владиміръ многіе раненые; а на другой день Георгій, созвавъ гражданъ, молилъ ихъ доказать ему свое усердіе мужественною защитою столицы. «Государь! усердіемъ не спасемся,» отвѣтствовали граждане: «братья наши легли на мѣстѣ битвы; другіе пришли, но безъ оружія: съ кѣмъ отразить врага?» Князь упросилъ ихъ не сдаваться хотя нѣсколько дней, чтобы онъ могъ вступить въ переговоры.

Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнаться за Георгіемъ и Ярославомъ, долго стоялъ на мѣстѣ битвы, и шелъ медленно ко Владиміру ([170]). Чрезъ два дни окруживъ городъ, сей Князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ: воины хотѣли итти на приступъ, чтобы воспользоваться симъ случаемъ; но человѣколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ. Георгій уже не думалъ обороняться, и на третій день пріѣхавъ въ станъ къ Новогородскому Князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Владиміру Смоленскому: «Вы побѣдители: располагайте моею жизнію и достояніемъ. Братъ мой Константинъ въ вашей волѣ.» Мстиславъ и Владиміръ, взявъ отъ него дары, были посредниками между имъ и Константиномъ. Принужденный выѣхать изъ столицы, Георгій омочилъ слезами гробъ родителя, въ душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастной войны; сѣлъ въ ладію съ женою, и поѣхалъ въ Городецъ Волжскій или Радиловъ. Въ числѣ немногихъ друзей отправился съ нимъ Епископъ Симонъ, знаменитый не только описаніемъ жизни святыхъ Иноковъ Кіевскихъ, но и собственными добродѣтелями; обязанный Георгію саномъ Святителя, онъ не измѣнилъ благотворителю своему въ злополучіи. Сей Князь въ 1215 году учредилъ особенную Епархію для Владимірской и Суздальской области, не хотѣвъ, чтобы онѣ зависѣли отъ Ростова ([171]).

*Великодушіе Мстислава.*

*Епископъ Симонъ.*

# ГЛАВА V.

## КОНСТАНТИНЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ И СУЗДАЛЬСКІЙ.

## Г. 1216 — 1219.

**Добросердечіе Константина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость юнаго Даніила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убійства въ Рязани. Смерть Константина.**

Мстиславъ возвелъ Константина на престолъ Великаго Княженія Владимірскаго, и шелъ смирить своего зятя, который, оставивъ гордость, прибѣгнулъ къ великодушію старшаго брата. «Будь моимъ отцемъ,» говорилъ онъ Константину: «я въ твоихъ рукахъ, и прошу у тебя хлѣба: не уже ли выдашь меня Князьямъ Новогородскому и Смоленскому?» Мстиславъ въ угодность Константину согласился на миръ и принялъ дары отъ Ярослава; но не хотѣлъ, чтобы дочь его жила съ Княземъ столь жестокосердымъ: взялъ ее къ себѣ и возвратился съ честію въ Новгородъ, освободивъ всѣхъ жителей онаго, бывшихъ въ Переяславлѣ ([172]).

Достигнувъ цѣли своей, Константинъ захотѣлъ утѣшить изгнаннаго Георгія, призвалъ его къ себѣ, объявилъ наслѣдникомъ Великаго Княженія и далъ ему Г. 1217.



113

Добросердечіе Константина. Суздаль (173). Съ искреннею дружбою обнявъ брата, Георгій клялся забыть прошедшее. Константинъ чувствовалъ слабость здоровья своего и желалъ въ случаѣ смерти оставить юнымъ сыновьямъ втораго отца въ ихъ старшемъ дядѣ.

г. 1217—1218. Мстиславъ, Герой сего времени, совершивъ одно дѣло, и ревнуя ознаменовать свое мужество новымъ, еще важнѣйшимъ подвигомъ, удалился въ южную Россію. Пользуясь его отсутствіемъ, Литовцы разорили нѣсколько селеній въ области Шелонской; а Рыцари Нѣмецкіе, занявъ Оденпе, старались укрѣпить сіе мѣсто. Дѣла Ливонскія. Владиміръ Псковскій находился тогда въ Новѣгородѣ, и принявъ начальство надъ войскомъ, осадилъ прежнихъ друзей своихъ, Нѣмцевъ, въ Оденпскомъ замкѣ. Въ то время, какъ жители города коварно предлагали миръ Россіянамъ, отшедшимъ далеко отъ стана, Нѣмцы напали на обозы Новогородцевъ: однакожь, потерявъ многихъ людей и въ томъ числѣ двухъ Воеводъ, должны были спасаться бѣгствомъ въ замокъ (174). Самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, едва ушелъ съ Дитрихомъ, братомъ Епископа Рижскаго, Альберта, и зятемъ Владиміра Псковскаго. Тѣснимые осаждающими, терпя голодъ, не смѣя вторично вступить въ бой, они требовали мира. Дитрихъ, въ залогъ вѣрности, остался въ рукахъ у Новогородцевъ, которые дали Рыцарямъ свободный пропускъ, взявъ въ добычу 700 коней Нѣмецкихъ. — Мстиславъ, возвратясь изъ Кіева, объѣхалъ Новогородскую область, наказалъ нѣкоторыхъ ослушныхъ или нерадивыхъ чиновниковъ, созвалъ гражданъ столицы на *Дворѣ Ярослава* и сказалъ имъ (175): Важное предпріятіе Мстислава. «Кланяюся Святой Софіи, гробу отца моего и вамъ, добрые Новогородцы. Иноплеменники господствуютъ въ знаменитомъ Княженіи Галицкомъ: я намѣренъ изгнать ихъ. Но васъ не забуду, и желаю, чтобы кости мои лежали у Святой Софіи, тамъ же, гдѣ покоится мой родитель.» Тщетно граждане, искренно огорченные, молили Князя великодушнаго, любимаго, не оставлять ихъ. Онъ дружески простился съ народомъ и спѣшилъ въ Кіевъ къ своимъ братьямъ, пылая нетерпѣніемъ собрать войско въ южной Россіи и вести оное къ берегамъ Днѣстра.

Честь и Вѣра предписывали Мстиславу сей подвигъ. Мы оставили юнаго Даніила на престолѣ Галицкомъ съ однимъ именемъ Князя: Бояре всѣмъ управляли, и находя вдовствующую супругу Романову опасною для ихъ своевольства, принудили ее выѣхать въ Бельзъ. Даніилъ проливалъ слезы, не хотѣлъ разлучиться съ нею, и въ гнѣвѣ ударилъ мечемъ одного изъ Вельможъ, взявшаго за узду коня его; однакожь Княгиня умолила сына остаться. Пылкость юнаго Даніила. Оскорбленный сею дерзостію Бояръ, Андрей, Король Венгерскій, пришелъ самъ съ войскомъ, смирилъ мятежниковъ, и виновнѣйшаго изъ нихъ, Владислава, оковалъ цѣпями. Но скоро бѣдствія Романова семейства возобновились. Тайно призванный Галичанами, Мстиславъ Нѣмый заставилъ Даніила бѣжать въ Венгрію; а Лешко Бѣлый отнялъ у Василька Бельзъ для своего тестя, Александра Владимірскаго (Василько, провождаемый многими Боярами, удалился въ Каменецъ). Уже Андрей вторично шелъ защитить Даніила; уже Мстиславъ Нѣмый, слабый, хотя и властолюбивый, бѣжалъ отъ страха, когда ужасный бунтъ открылся въ самой Венгріи. Свирѣпые Бароны, враги Королевы Гертруды, умертвили ее, готовивъ такую же участь и Королю. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ могъ думать единственно о собственной безопасности: чѣмъ Бояринъ Галицкій, Владиславъ (тогда освобожденный), умѣлъ воспользоваться, представляя ему, какъ вѣроятно, что отрокъ Даніилъ, сынъ отца ненавистнаго народу, не въ состояніи мирно управлять Княженіемъ, или, возмужавъ, не захочетъ быть данникомъ Венгріи; что Андрей поступитъ весьма благоразумно, ежели дастъ Намѣстника Галиціи, не природнаго Князя и не иноплеменника, но достойнѣйшаго изъ тамошнихъ Бояръ, обязавъ его въ вѣрности клятвою и еще важнѣйшими узами столь великаго благодѣянія. Желаніе Владислава исполнилось: предпочтенный другимъ Боярамъ, онъ съ дружиною Венгерскою пріѣхалъ господствовать въ свое отечество, назвался Княземъ и думалъ равняться саномъ съ потомками Св. Владиміра; а Даніилъ и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлому. Видя съ завистію, что богатая Галиція сдѣлалась почти областію Венгріи, сей Государь усердно взялъ Даніилову сторону, одержалъ верхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хотя не могъ завоевать Галича, однакожь услужилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего тестя, Александра, уступить имъ Тихомль и Перемиль. Тамъ могли они нѣ-

сколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ родительницею, печально смотря на башни Владимірскія, наслѣдственную столицу Романову. Туда съѣхались всѣ вѣрные Бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, готовые усердно служить и сыновьямъ, которые въ нѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россіяне и чужеземцы съ удивленіемъ видѣли въ ничтожномъ городкѣ Дворъ блестящій, составленный изъ витязей и Бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ Государемъ Польскимъ. Воевода Сендомирскій, именемъ Пакославъ, доброжелательствуя Романову семейству, хотѣлъ согласить выгоды онаго съ выгодами Венгровъ и Ляховъ, бывшихъ тогда явными врагами за Галичь; ѣздилъ къ Андрею, и безъ труда склонилъ его къ миру. Положили, чтобы малолѣтный сынъ Андреевъ, Коломанъ, женился на малолѣтной дочери Герцога Лешка, Саломеѣ, и княжилъ въ Галичѣ; чтобы Король уступилъ Перемышль Ляхамъ, и чтобы Владиміръ отдать Даніилу съ братомъ, а Любачевъ миротворцу Пакославу. Условія были исполнены: Александра выслали изъ Владимірской области, а Владислава, какъ хищника, заточили. Такимъ образомъ (говоритъ Лѣтописецъ) сей гордый Бояринъ безразсуднымъ честолюбіемъ погубилъ себя и дѣтей, коихъ никто изъ Князей Россійскихъ, оскорбленныхъ его дерзкимъ самозванствомъ, не хотѣлъ призрѣть (176). Можетъ быть, утомленные смятеніями и перемѣнами Галичане удовольствовались бы тогдашнимъ своимъ жребіемъ, если бы новое Правительство Венгерское наблюдало умѣренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумалъ утѣснять нашу Церковь. Уже въ первый годъ Коломанова властвованія, въ 1214, онъ писалъ къ Папѣ, Иннокентію III, что народъ и Князья Галицкіе, *подданные Венгріи*, испросивъ себѣ сына его въ Государи, желаютъ присоединиться къ Римской Церкви, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Папа не отмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и дозволилъ имъ отправлять Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ. Когда же Архіепископъ Гранскій именемъ преемника Иннокентіева, Гонорія III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ Королевскій на сына Андреева и Саломею, сей новый Государь, исполняя волю отца и Папы, изгналъ Епископа

Тиранство Венгровъ въ Галичѣ.

Россійскаго, Священниковъ нашихъ, и хотѣлъ обратить всѣхъ жителей въ Вѣру Латинскую (177). Народъ, уничиженный мятежами, преступленіями, и кознями Бояръ запутанный въ противорѣчіяхъ своей системы политической, не смѣлъ возстать на тирановъ совѣсти, довольствуясь безполезными жалобами. Къ несчастію Венгровъ, Андрей поссорился съ Герцогомъ Лешкомъ, отнялъ у него Перемышль съ Любачевымъ, и возбудилъ въ немъ столь великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей зятю. Таковымъ представился ему Мстиславъ Новогородскій. «Ты мнѣ братъ,» писалъ Лешко къ сему храброму Князю: «иди прославиться знаменитымъ подвигомъ мужества: Галичь, достояніе твоихъ предковъ, стенаетъ подъ игомъ утѣснителей.» Мстиславъ, подобно отцу *готовый всегда на дѣла великія*, не отказался отъ предложенія, столь лестнаго для его славолюбія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней южной столицѣ воинскими приготовленіями, тишина царствовала въ предѣлахъ Великаго Княженія Владимірскаго. Константинъ наслаждался спокойствіемъ подданныхъ и любовію братьевъ; не слѣдовалъ примѣру дяди и родителя: не требовалъ повиновенія отъ слабѣйшихъ Князей сосѣдственныхъ, и думалъ, что каждый изъ нихъ обязанъ давать отчетъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостію, двое изъ Владѣтелей Рязанскихъ дерзнули на гнусное злодѣяніе.

Убійства въ Рязани.

Коварный Глѣбъ, при Великомъ Князѣ Всеволодѣ хотѣвшій погубить своихъ родственниковъ доносомъ, условился съ братомъ, Константиномъ Владиміровичемъ, явно лишить ихъ жизни, чтобы господствовать надъ всею областію Рязанскою. Они съѣхались въ полѣ для общаго совѣта, и Глѣбъ далъ имъ роскошный пиръ въ шатрѣ своемъ. Князья, Бояре пили и веселились, не имѣвъ не малѣйшаго подозрѣнія. Хозяинъ ласкалъ, привѣтствовалъ безпечныхъ гостей; лице и голосъ злодѣя не измѣняли адской тайнѣ его сердца. Въ одно мгновеніе Глѣбъ и Константинъ Владиміровичь извлекаютъ мечи: вооруженные слуги и Половцы стремятся въ шатеръ. Начинается кровопролитіе. Ни одинъ изъ шести несчастныхъ Князей, ни одинъ изъ вѣрныхъ Бояръ ихъ не могъ спастися. Утомленные смертоубійствомъ,

114

изверги выходятъ изъ шатра и спокойно влагаютъ въ ножны мечи свои, дымящіеся кровію ([178]). Въ числѣ убіенныхъ находился и родный братъ Глѣбовъ, добродушный Изяславъ.

Злодѣйство было ужасно: еще ужаснѣе то, что виновники остались безъ наказанія. Великій Князь Константинъ — изнуренный, можетъ быть, недугами —
Г. 1218. довольствовался сожалѣніемъ о несчастныхъ; строилъ церкви, раздавалъ милостыню и съ восторгомъ лобызалъ святыя мощи, привозимыя къ нему изъ Греціи. Не за-долго до кончины своей онъ послалъ старшаго сына, именемъ Василька, княжить въ Ростовъ, а другаго, Всеволода, въ Ярославль, приказавъ имъ жить согласно, быть во нравахъ подобными ему, благотворить сиротамъ, вдовицамъ, Духовенству, и чтить Георгія какъ втораго отца. Константинъ преставился на 33 году отъ рожденія, оплакиваемый Боярами, слугами, нищими, Монахами ([179]). Хваля его мудрость и добродѣтель, Лѣтописецъ Суздальскій говоритъ, что сей Князь не только читалъ многія душеспасительныя книги, но и жилъ по ихъ правиламъ; былъ исполненъ Апостольской Вѣры и столь кротокъ, что старался не опечалить ни одного человѣка, любя дѣломъ и словомъ утѣшать всякаго. — Супруга Константинова немедленно постриглась надъ его гробомъ, и названная Агаѳіею, чрезъ два года кончила дни свои въ уединеніи монастырскомъ.

Смерть Константина. Г. 1219, Февраля 2.

---

# ГЛАВА VI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

### Г. 1219 — 1224.

---

**Безпокойства въ Новѣгородѣ. Великодушіе Посадника. Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстислава. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы. Слухъ о Татарахъ.**

Г. 1219. Безпокойства въ Новѣгородѣ.

По отбытіи Мстислава Новогородцы призвали къ себѣ его двоюроднаго племянника, Святослава Мстиславича, изъ Смоленска. Сей Князь не могъ обуздать своевольства чиновниковъ и народа. Посадникъ Твердиславъ, мужъ отличный достоинствами, взявъ подъ стражу какого-то мятежнаго Боярина, вооружилъ противъ себя многихъ его друзей и единомышленниковъ ([180]). Началось междоусобіе: одни стояли за Твердислава, другіе за Боярина; прочіе оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась въ явную войну. Цѣлую недѣлю были шумныя Вѣча при звукѣ колоколовъ; граждане, надѣвъ брони и шлемы, въ изступленіи своемъ обнажили мечи. Напрасно увѣщавали старцы, напрасно плакали жены и дѣти: казалось, что Новогородцы не имѣли ни законовъ, ни Князя, ни человѣчества. Чтобы еще болѣе воспалить усердіе своихъ друзей, Твердиславъ, устремивъ глаза на храмъ Софійскій, громогласно обрекъ себя въ жертву смерти, если совѣсть его не чиста предъ Богомъ и согражданами. «Да паду въ битвѣ первый» (говорилъ онъ) «или Небо да оправдаетъ меня побѣдою моихъ братьевъ!» Наконецъ злоба утолилась кровію десяти убитыхъ гражданъ; народъ образумился, требовалъ мира, и цѣлуя крестъ, клялся быть единодушнымъ. Тишина возстановилась; но Князь, недовольный Твердиславомъ, прислалъ своего Тысячскаго объявить на Вѣчѣ, что сей Посадникъ властію Княжескою смѣняется. Граждане хотѣли знать вину его. Святославъ гордо отвѣтствовалъ: *безъ вины!* «Я доволенъ,» сказалъ Твердиславъ: «честь моя остается безъ пятна: а вы, братья сограждане, вольны избирать и Посадниковъ и Князей.» Народъ вступился за него. «Вспомни условіе,» говорили Святославу Послы Вѣча: «ты далъ намъ клятву не смѣнять чиновниковъ безвинно. Когда же забываешь оную, то мы готовы съ поклономъ указать тебѣ путь; а Твердиславъ будетъ нашимъ Посадникомъ.» Святославъ, видя упрям-

ство народа, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ въ Кіевъ по волѣ отца своего, Мстислава Романовича, уступивъ
г. 1219 —1221. престолъ Новогородскій меньшему брату, Всеволоду ([181]). Правленіе сего Князя ознаменовалось также внутренними безпокойствами. Люди, посланные Новогородцами въ Двинскую землю для собранія дани, къ удивленію народа возвратились съ дороги, сказывая, что Великій Князь Георгій и Ярославъ Всеволодовичь не хотѣли пропустить ихъ чрезъ область Бѣлозерскую, имѣя будто бы тайное сношеніе съ Новогородскимъ Посадникомъ и Тысячскимъ ([182]). Народъ взволновался и смѣнилъ главныхъ чиновниковъ; однакожь чрезъ нѣкоторое время снова возвелъ Твердислава на степень Посадника. Всеволодъ безъ всякой основательной причины возненавидѣлъ и хотѣлъ убить сего знаменитаго человѣка, вооруживъ своихъ Дворянъ и многихъ гражданъ на *Дворѣ Ярослава*. Твердиславъ былъ тогда боленъ: усердные друзья вывезли его на саняхъ изъ дому и поручили великодушной защитѣ народа, который стекался къ нему толпами, готовый умереть за своего любимаго чиновника. Жители трехъ Концевъ стали въ ряды, и ждали Князя какъ непріятеля. Но Всеволодъ не дерзнулъ на кровопролитіе. Архіепископъ примирилъ враговъ; а Твердиславъ, желая спокойствія отечеству, добровольно сложилъ съ себя чинъ Посадника, тайно ушелъ въ монастырь Аркадьевскій, и навсегда отказался отъ свѣта.

Великодушіе Посадника.

Дѣла церковныя.

Самыя церковныя дѣла Всеволодова времени изъявляютъ легкомысліе Новогородцевъ: выгнавъ прежде Архіепископа Митрофана, народъ раскаялся и хотѣлъ загладить сію несправедливость: дозволилъ ему возвратиться и послалъ сказать его преемнику, Антонію, осматривавшему тогда свою Епархію, чтобы онъ ѣхалъ, куда хочетъ, и что Новогородъ имѣетъ уже инаго Святителя. Однакожь Антоній не послушался и признавалъ себя единственнымъ законнымъ Пастыремъ ([183]). Граждане были въ крайнемъ затрудненіи, и не зная, что дѣлать съ двумя Архіепископами, отправили ихъ въ Кіевъ на судъ къ Митрополиту, который, рѣшивъ тяжбу въ пользу Митрофана, послалъ Антонія Епископомъ въ Перемышль Галицкій.

Войны.

Воинскіе подвиги Новогородцевъ были удачны: хотя Всеволодъ не могъ взять Пертуева или нынѣшняго Пернау, однакожь разбилъ Нѣмцевъ за рѣкою Эмбахомъ. Древній Лѣтописецъ Ливонскій повѣствуетъ, что Рыцари въ битвѣ съ нашимъ передовымъ отрядомъ имѣли успѣхъ, и даже отняли знамя Князя Новогородскаго; но союзники ихъ, Латыши, видя многочисленность Россіянъ, обратились въ бѣгство. Сей Лѣтописецъ къ чести единоземцевъ своихъ прибавляетъ, что ихъ было только 200, а нашихъ 16,000; что Нѣмцы, отдѣленные отъ Новогородцевъ глубокимъ ручьемъ, сражались отъ 9 часовъ утра до захожденія солнечнаго, убили около пятидесяти непріятелей, въ цѣлости отступили и шли назадъ съ веселыми пѣснями ([184]).

Въ Россіи восточной были также воинскія дѣйствія. Глѣбъ Владиміровичь, убійца Князей Рязанскихъ, хотѣлъ еще довершить свое гнусное злодѣяніе. Провидѣніе спасло одного изъ сихъ Князей, Ингваря, сына Игорева, который господствовалъ въ Старой Рязани, и могъ рано или поздно отмстить смерть братьевъ: нанявъ Половцевъ, Глѣбъ шелъ осадить его столицу; но Ингварь побѣдилъ варваровъ. Ненавидимый всѣми добрыми Россіянами и самому себѣ ненавистный (обыкновенная мука злодѣевъ!), Глѣбъ бѣжалъ въ степи, подобно древнему братоубійцѣ Святополку гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, и тамъ въ безуміи скончалъ гнусную жизнь свою ([185]). — Ингварь наслѣдовалъ всю область Рязанскую, и съ дружиною Великаго Князя вторично разбилъ Половцевъ.

Вѣроятно, что Камскіе Болгары издревле торговали съ Чудскимъ народомъ, обитавшимъ въ Вологодской и Архангельской Губерніи: съ неудовольствіемъ видя новое господство Россіянъ въ сихъ мирныхъ странахъ, они хотѣли также быть завоевателями, и — болѣе обманомъ, нежели силою — взяли Устюгъ ([186]), Устюгъ.
неизвѣстно когда и кѣмъ основанный. Онъ имѣлъ прежде собственныхъ Князей; стоялъ, какъ сказываютъ, на высокой горѣ, верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго, и назывался, по имени ея, *Гледеномъ;* а названіе Устюжанъ произошло отъ устья рѣки Юга, сливающаго тамъ воды свои съ рѣкою Сухоною. Жители — вѣроятно, смѣсь Россіянъ съ Чудью — зависѣли отъ Великаго Князя Георгія и въ особенности отъ Ростовскаго. Чтобы утвердиться въ семъ городѣ, Болгары въ тоже время старались овладѣть берегами Унжи ([187]); но

115

были отражены, и скоро увидѣли войско Россіянъ въ собственной землѣ своей. Братъ Георгіевъ, Святославъ, съ сыновьями Муромскихъ Князей и съ сильнымъ ополченіемъ приплылъ туда Волгою, вышелъ на берегъ ниже устья Камы, и для безопасности судовъ оставивъ стражу, приближился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ тыномъ съ двумя оплотами, между коими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и топорами; за ними стрѣлки и копейщики. Одни подсѣкли тынъ, другіе зажгли оплоты; но сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице: задыхаясь отъ густаго дыма, воины Святославовы, ободренные рѣчью Князя, приступили съ другой стороны и зажгли городъ по вѣтру. Зрѣлище было ужасно: цѣлыя улицы пылали; огонь, раздуваемый бурею, лился быстрою рѣкою; отчаянные жители съ воплемъ бѣжали изъ города и не могли уйти отъ меча Россіянъ; только Князь Болгарскій и нѣкоторые его всадники спаслися бѣгствомъ. Другіе, не требуя пощады, убивали женъ, дѣтей своихъ и самыхъ себя, или сдѣлались жертвою пламени, вмѣстѣ со многими Россіянами, искавшими добычи въ городѣ. Святославъ, видя тамъ наконецъ однѣ кучи дымящагося пепла, удалился, провождаемый толпами плѣнниковъ, большею частію женъ и младенцевъ. Напрасно Болгары хотѣли отмстить ему, стекаясь отовсюду къ берегамъ Волги: Россіяне, готовые къ битвѣ, сѣли на ладіи, распустили знамена, и при звукѣ бубновъ, трубъ, свирѣлей, плыли медленно вверхъ по Волгѣ въ стройномъ ополченіи. Болгары только смотрѣли на нихъ съ берега. Святославъ близъ устья Камы сошелся съ Ростовцами, Устюжанами и съ Воеводою Георгіевымъ, который ходилъ опустошать ея берега, и взялъ нѣсколько городковъ Болгарскихъ. Сей успѣхъ казался столь важнымъ Великому Князю, что онъ встрѣтилъ брата за нѣсколько верстъ отъ столицы, благодарилъ его, осыпалъ дарами; три дни угощалъ всѣхъ воиновъ. Зимою явились въ Владимірѣ Послы Болгарскіе, требуя мира; но Георгій отвергнулъ ихъ предложеніе и готовился къ новому походу. Испытавъ многократно превосходную силу Россіянъ, Болгары всячески старались отвратить бѣдствіе войны; наконецъ, посредствомъ богатыхъ даровъ, обезоружили Великаго Князя. Послы наши ѣздили къ нимъ въ землю, гдѣ народъ утвердилъ сей миръ клятвою по закону Магометанскому. Георгій, будучи тогда самъ на берегахъ Волги, имѣлъ случай снова осмотрѣть ихъ, выбралъ мѣсто и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заложилъ Нижній Новгородъ, тамъ, гдѣ сливаются двѣ знаменитыя рѣки нашего отечества, и гдѣ скоро поселилось множество людей, привлеченныхъ выгодами торговли и судоходства (188).

*Новгородъ Нижній.*

Въ сіе время Князь Черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго, разбилъ Литовцевъ, которые искали добычи въ его области. — Но важнѣйшимъ успѣхомъ Россійскаго оружія было тогда освобожденіе Галича отъ ига чужеземцевъ. Кажется, что бывшій Князь Новогородскій, Мстиславъ, занимаясь въ Кіевѣ ратными приготовленіями, умѣлъ скрыть цѣль оныхъ: по крайней мѣрѣ Вельможи Андреевы, именемъ Коломана господствовавшіе на берегахъ Днѣстра, не взяли никакихъ мѣръ для обороны, и бѣжали въ Венгрію, какъ скоро Мстиславъ приближился (189). Столь легкій успѣхъ не могъ ослѣпить сего Князя: онъ зналъ, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступитъ ему сыновняго Королевства мирно, и что побѣда должна рѣшить судьбу онаго. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Даніилу: вопреки имъ, Мстиславъ сѣлъ на тронѣ Галицкомъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣлъ быть ему отцемъ; старался также сохранить любовь Герцога Польскаго, и не мѣшалъ ему владѣть частію западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владиміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брестъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Даніилъ жаловался тестю на хищность Герцога (190). Мстиславъ отвѣтствовалъ: «Лешко мой другъ.» Но когда неуступчивый Даніилъ осмѣлился искать управы силою; когда, выѣхавъ въ поле съ собственною дружиною, отнялъ у Ляховъ всѣ области Россійскія: тогда оскорбленный Герцогъ, считая Мстислава тайнымъ наставникомъ юнаго зятя, обвиняя того и другаго въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. «Отказываюсь отъ всякаго участія въ Галиціи,» велѣлъ онъ сказать Королю: «пусть властвуетъ въ оной сынъ твой. Изгонимъ только Россіянъ.» Андрей не могъ

*Освобожденіе Галича.*

желать инаго. Венгры и Ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Димитріемъ, Воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими, и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ Бояръ, повергаемыя къ его ногамъ вмѣстѣ съ ихъ золотыми цѣпями. Оставивъ зятя въ Галичѣ, Мстиславъ удалился къ предѣламъ Кіевскимъ. Непріятели осадили Даніила: хотя сей юноша смѣлыми, счастливыми вылазками дѣлалъ имъ много вреда, однакожь, исполняя повелѣніе тестя, долженъ былъ наконецъ выйти изъ города, очистилъ себѣ путь мечемъ, и за Днѣстромъ соединился съ Мстиславомъ, который, обнявъ его какъ витязя достойнаго, въ знакъ особенной дружбы подарилъ ему любимаго своего коня, и сказалъ: «Храбрый Князь! теперь иди въ Владиміръ: я пойду за Половцами. Мы отмстимъ врагамъ, и стыдъ нашъ падетъ на нихъ.» Онъ сдержалъ слово.

Союзники, Венгры, Ляхи, завоевавъ Галичь, не дремали; первые усилились новыми полками своими и Богемскими, присланными Андреемъ къ Коломану съ знаменитымъ Воеводою Фильнiемъ. Сей надменный Баронъ изъявлялъ величайшее презрѣніе къ Россіянамъ, и часто говорилъ въ пословицу: «Одинъ камень избиваетъ множество глиняныхъ сосудовъ. Острый мечь, борзый конь, и Русь у ногъ моихъ.» Ляхи непрестанными впаденіями тревожили область Владимірскую. Къ счастію, Даніилъ успѣлъ заключить миръ съ Князьями Литовскими, Жмутскими, Латышскими, и могъ наемнымъ ихъ войскомъ устрашить собственныя владѣнія Лешковы. Между тѣмъ дѣятельный Мстиславъ изготовился и двинулъ рать свою, усиленную Половцами, къ берегамъ Днѣстра. Воевода Андреевъ, гордый Фильній, не хотѣвъ подвергнуть юнаго Коломана опасностямъ битвы, оставилъ его въ укрѣпленномъ Галичѣ и ждалъ Россіянъ въ полѣ. Ляхи стояли на правомъ крылѣ: Венгры и Галичане на лѣвомъ; легкое войско ихъ находилось впереди. Россіяне показались: шли медленно и стройно; за ними Половцы. Владиміръ Рюриковичь предводительствовалъ одною частію войска, другою Мстиславъ, который, вдругъ отдѣляся отъ полковъ, сталъ на высокомъ холмѣ и долго смотрѣлъ на движенія непріятелей, такъ, что Владиміръ, встревоженный его отсутствіемъ, велѣлъ съ неудовольствіемъ напомнить ему, сколь время дорого, и сколь нужно дѣйствовать, не теряя онаго. «Не забывай» (говорилъ онъ), «что ты Военачальникъ, а не зритель. Твое бездѣйствіе можетъ погубить насъ.» Мстиславъ съѣхалъ съ холма и спѣшилъ оживить храбрость воиновъ, именемъ Св. Креста обѣщая имъ побѣду. Уже битва началася. Владиміръ не устоялъ противъ Ляховъ: они гнали Россіянъ, брали плѣнниковъ, добычу, и древними пѣснями отцевъ своихъ торжествовали побѣду (191). Венгры, Галичане также имѣли успѣхъ, и бѣдствіе нашихъ казалось совершеннымъ. Но Мстиславъ въ самое то время съ отборною дружиною и съ Половцами ударилъ въ тылъ непріятелю: изумленные, разстроенные Венгры падали мертвые цѣлыми рядами; самъ предводитель ихъ отдался въ плѣнъ, и скоро Ляхи къ отчаянію своему увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные Россіянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и всѣ легли на мѣстѣ. Одни Половцы брали плѣнниковъ, ловили коней, обнажали мертвыхъ: Россіяне, исполняя волю Князя, старались только о совершенномъ истребленіи непріятеля. Еще многіе Ляхи оставались назади, не вѣдали о гибели своихъ, и видя издали государственное знамя Польское, толпами стремились къ оному; но сіе знамя, съ изображеніемъ Бѣлаго орла, развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили тамъ смерть (192). Кровопролитіе было ужасно; вопль, стонъ несчастныхъ жертвъ достигалъ до Галича; трупы лежали кучами на пространствѣ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносили хвалами Мстислава храбраго, называя его, по тогдашнему обыкновенію, *краснымъ солнцемъ* отечества.

Сей Князь осадилъ Галичь. Боясь измѣны гражданъ (ибо жители всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ радостію принимали Мстислава), Венгры и Ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости, чтобы обороняться до послѣдней возможности; но Россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключился въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери, и еще съ гордостію отвергнулъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Чрезъ нѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждою, Венгры сдалися. Князь Россійскій уже не хотѣлъ слышать о милосердіи. Ему представили несчастнаго Коломана и юную супругу его, въ слезахъ, въ глубо-

116

кой горести: онъ велѣлъ за крѣпкою стражею отвезти ихъ въ Торческъ ([193]), а Бароновъ Венгерскихъ съ женами и дѣтьми отдалъ, какъ плѣнниковъ, своей дружинѣ и Половцамъ, въ награду за оказанное ими мужество. Только славный Архіепископъ Краковскій, Лѣтописецъ Кадлубко, и Канцлеръ Польскій Ивонъ, бывшіе въ Галичѣ, успѣли заблаговременно спастися отъ неволи бѣгствомъ ([194]). Герцогъ Лешко воспрепятствовалъ Даніилу соединиться съ тестемъ до битвы: сей юноша славолюбивый успѣлъ только видѣть свѣжіе трофеи Россіянъ на ея мѣстѣ. Новѣйшіе Историки пишутъ, что гордый, счастливый Мстиславъ, торжествуя оную, принялъ на себя имя *Царя Галицкаго*, и что Россійскіе Епископы вѣнчали его златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки ([195]).

Андрей, Король Венгерскій, былъ въ отчаяніи, и немедленно отправилъ Вельможу своего, именемъ Яроша, сказать Мстиславу, чтобы онъ прислалъ къ нему сына и всѣхъ плѣнниковъ, или скоро увидитъ въ Россіи многочисленное побѣдоносное войско Венгровъ. Мстиславъ не испугался угрозы, но хладнокровно отвѣтствовалъ, что побѣда зависитъ отъ Неба; что онъ ждетъ Короля, надѣясь съ Божіею помощію смирить гордость его. Андрей, изнуренный тогда въ силахъ походомъ Іерусалимскимъ, не имѣлъ желанія воевать, и прибѣгнулъ къ доброхотствующимъ ему Боярамъ Галицкимъ. Одинъ изъ нихъ, Судиславъ, плѣненный вмѣстѣ съ Коломаномъ, умѣвъ снискать особенную довѣренность Мстислава, склонилъ его къ миру, неожидаемо выгодному для Короля. Согласились, чтобы меньшій сынъ Андреевъ, именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданое отецъ назначилъ спорную Галицію ([196]). Слѣдственно Мстиславъ освободилъ сію землю отъ иноплеменниковъ единственно для того, чтобы добровольно уступить имъ оную, взявъ, можетъ быть, только мѣры для безопасности Церкви Греческой! Не любя тамошнихъ Бояръ мятежныхъ и нелюбимый ими, онъ хотѣлъ сначала, какъ мы сказали, возвратить Галицію Даніилу, желаемому народомъ; по хитрые Вельможи, тайные друзья Венгріи, представили ему, что Даніилъ возметъ ее, какъ наслѣдственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признательности, и съ лѣтами возрастая въ силахъ, въ честолюбіи, не уважитъ благотворителя; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанный милости тестя, не дерзнетъ ни въ чемъ его ослушаться, или въ противномъ случаѣ легко можетъ быть лишенъ Княженія. Мстиславъ—болѣе воинъ, нежели Политикъ — принялъ мнѣніе Бояръ, и съ радостію назвавъ Андрея сватомъ, освободилъ Коломана. Бракъ отложили за малолѣтствомъ жениха и невѣсты, съ обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи: женихъ былъ прежде помолвленъ на Царевнѣ Арменской, единственной наслѣдницѣ родительскаго престола. Боясь грѣха, Король требовалъ разрѣшенія отъ Папы, Гонорія III. Вѣроятно, что Герцогъ Лешко также писалъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на условія мира, заключеннаго Венграми съ Россіянами: ибо Гонорій (въ 1222 году) отвѣтствовалъ Андрею, что Галиція принадлежитъ Коломану, зятю Герцога Польскаго, возведенному на ея тронъ Апостольскою властію ([197]); что обязательство несправедливое, вынужденное бѣдствіемъ Коломановымъ, само собою уничтожается; что малолѣтство жениха и невѣсты даетъ время отцамъ размыслить основательнѣе о выгодахъ или невыгодахъ такого союза; что надобно подождать, и проч. Однакожь Андрей не хотѣлъ нарушить договора, и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое время отдалъ будущему зятю Перемышль, къ неудовольствію жителей и Герцога Лешка, который долженствовалъ, обманутый Венграми, самъ примириться съ Князьями Россійскими. Сей миръ имѣлъ несчастныя слѣдствія для Александра, Князя Бельзскаго, взявшаго сторону Венгровъ и Ляховъ во время ихъ перваго успѣха. Даніилъ и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омрачили добрую славу юности своей разореніемъ окрестностей Бельза, гдѣ народъ долго помнилъ оное и называлъ *злою ночью*: ибо воины сыновей Романовыхъ, свирѣпствуя тамъ отъ заката до восхожденія солнечнаго, не оставили камня на камнѣ ([198]). Одно великодушіе Мстислава спасло Александра: уваживъ ходатайство тестя, Даніилъ прекратилъ жестокое дѣйствіе мщенія и возвратился къ матери, которая, видя его уже способнаго править землею, обуздывать Вельможъ, смирять непріятелей, удалилась отъ свѣта въ тишину монастырскую.

Небла-горазумie Мстислава.

Въ сихъ происшествіяхъ юго-западной

Россіи участвовали слабые тогда Ольговичи какъ союзники Мстислава (199). Великій же Князь Георгій занимался единственно внутреннимъ правленіемъ собственной земли и внѣшнею безопасностію Новогородцевъ, пославъ къ нимъ осьмилѣтняго сына, Всеволода, на мѣсто Мстиславича, внука Романова, изгнаннаго народомъ. Опаснѣйшими ихъ врагами были тогда Альбертовы Рыцари: Новогородцы требовали сильной помощи отъ Георгія, и съ братомъ его, Святославомъ, вступивъ въ Ливонію, опустошили берега рѣки Аа. Лѣтописецъ Нѣмецкій говоритъ, что Россіяне своими жестокостями возбудили тогда гнѣвъ Рижской Богоматери (200): изъявляя ненависть къ ея новымъ храмамъ, разрушали Латинскія церкви, монастыри, плѣняли женъ, дѣтей и жгли хлѣбъ на поляхъ. Сынъ Владиміра Псковскаго, Ярославъ, съ войскомъ Литовскихъ союзниковъ встрѣтилъ Святослава близъ Кеси или нынѣшняго Вендена: Россіяне осадили сей городъ. Съ утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Нѣмцы всего удачнѣе дѣйствовали пращами, и тяжело ранили многихъ изъ нашихъ Бояръ подъ стѣною. На другой день узнавъ, что самъ Великій Магистръ Ордена, Волквинъ, ночью вошелъ въ крѣпость, и что къ осажденнымъ скоро прибудетъ новая помощь, — Святославъ отступилъ. Но военныя дѣйствія не прекратились: Латыши, послушные Нѣмцамъ, безпрестанно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова, и не могли насытиться кровію людей безоружныхъ; оставивъ домы и работы сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ, грабили, убивали путешественниковъ, земледѣльцевъ, уводили женщинъ, лошадей и скотъ. Дабы наказать сихъ разбойниковъ, граждане Псковскіе ходили осенью въ землю Латышей, гдѣ истребили все, что могли. — Не смотря на мирныя, весьма неискренныя предложенія съ обѣихъ сторонъ, Нѣмцы и Россіяне не давали покоя другъ другу. Первые, собравъ Ливь и Латышей, дерзнули вступить въ собственные наши предѣлы: обошли Псковъ и въ окрестностяхъ Новагорода, по сказанію Ливонскаго Лѣтописца, обратили въ пепелъ нѣсколько деревень. Латыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія столицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею местію, Нѣмцы спѣшили уйти безъ сраженія, и боясь Россіянъ, старались укрѣпиться въ восточной Ливоніи: строили замки, рыли въ нихъ колодези на случай осады, запасались хлѣбомъ, а всего болѣе оружіемъ и пращами. Возбуждаемыя Рыцарями, толпы Чуди два раза зимою приходили незапно изъ-за рѣки Наровы въ Ижорскую землю, издавна область Новогородскую; плѣнили множество людей, и побили весь скотъ, котораго не могли взять съ собою.

г. 1221—1222.

Происшествія въ Ливоніи.

Въ то время малолѣтный сынъ Георгіевъ, по желанію своихъ Бояръ, не находившихъ для себя ни выгодъ, ни удовольствія въ Новѣгородѣ, тайно собрался ночью и со всѣмъ Дворомъ уѣхалъ къ отцу. Народъ опечалился; сиротствуя безъ Главы, желалъ имѣть Княземъ хотя брата Георгіева; забылъ свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть къ Ярославу-Θеодору, и принялъ его съ живѣйшими знаками удовольствія: ибо надѣялся, что онъ будетъ грозою внѣшнихъ непріятелей. Ярославъ, выгнавъ хищныхъ Литовцевъ изъ южныхъ предѣловъ Новогородскихъ и Торопецкой области (201), хотѣлъ отличить себя важнѣйшимъ подвигомъ и быть защитникомъ сѣверныхъ Ливонцевъ, утѣсненныхъ тогда новыми пришельцами. г.1222.

Вальдемаръ II, мужественный Король Датскій, желая (какъ говоритъ современный Лѣтописецъ) «очиститься отъ грѣховъ своихъ и доказать усердіе къ Рижской Богоматери,» высадилъ многочисленное войско на берега Эстоніи, заложилъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержалъ надъ жителями побѣду, которая служила поводомъ къ основанію Данеброгскаго Ордена (202): ибо разсказываютъ басню, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ Датчанамъ, и что Небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревелѣ воиновъ и Епископовъ, чтобы утвердить тамъ Христіанскую Вѣру и власть свою, къ неудовольствію Рижскихъ Нѣмцевъ, которые считали себя господами Эстоніи. Шведы также прибыли въ сію несчастную землю, также хотѣли крестить язычниковъ. Бѣдные жители не знали, кого слушаться: ибо ихъ мнимые просвѣтители ненавидѣли другъ друга, и Датчане повѣсили одного Чудскаго старѣйшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ Нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ Эзельскій вооружился, побилъ Шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость,



117

основанную Датчанами на Эзелѣ. Скоро мятежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе, согласно изъявляли ненависть къ Нѣмцамъ; умертвили многихъ Рыцарей, Священниковъ, купцевъ, и мечи, обагренные ихъ кровію, были посылаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ Христіанства, вымыли свои домы, какъ будто бы оскверненные его обрядами, разрушили церкви и велѣли сказать Рижскому Епископу, что они возвратились къ древней Вѣрѣ отцевъ, и не оставятъ ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ Старѣйшины ихъ призвали Россіянъ въ города свои, уступили имъ часть богатства, отнятаго у Нѣмцевъ, и послали дары къ Новогородскому Князю, моля его о защитѣ ([203]).

Ярославъ, собравъ около 20,000 воиновъ, вступилъ въ Ливонію. Жители встрѣтили его съ радостію, выдавали ему всѣхъ Нѣмцевъ, заключенныхъ ими въ оковы, и приняли Россіянъ какъ друзей въ Юрьевѣ, Оденпе и другихъ мѣстахъ. Князь Новогородскій хотѣлъ итти къ Ригѣ; но убѣжденный Послами Эзельскими, обратился къ Эстоніи, чтобы освободить сію землю отъ ига Датчанъ. Близъ Феллина онъ къ изумленію своему увидѣлъ трупы многихъ Россіянъ повѣшенныхъ: Рыцари, предупредивъ его, снова завладѣли сею крѣпостію, и безчеловѣчно умертвили бывшихъ тамъ Новогородскихъ воиновъ. Огорченный Ярославъ клялся жестокимъ образомъ отмстить за такое злодѣйство, но, вмѣсто Рыцарей, наказалъ однихъ невинныхъ жителей Феллинской области: лилъ ихъ кровь, жегъ домы; довершилъ бѣдствіе сихъ несчастныхъ, которые искали убѣжища въ дикихъ лѣсахъ, стеная отъ Нѣмцевъ, Россіянъ и болѣзней. — Удовлетворивъ своему гнѣву, Ярославъ соединился съ приморскими жителями Эстоніи, осадилъ Ревель или Колывань, и стоялъ подъ его стѣнами четыре недѣли безъ всякаго важнаго успѣха. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно дѣйствуя пращами, что утомленный безполезными приступами Князь снялъ осаду и возвратился въ Новгородъ, хотя безъ славы, однакожь съ плѣнниками и добычею. Въ лѣтописи именно сказано, что наши воины принесли тогда съ собою не мало *золота*.

Народъ охотно повиновался Ярославу; но сей Князь — не извѣстно, для чего — самъ не захотѣлъ остаться въ Новѣгородѣ, и Георгій вторично прислалъ на его мѣсто юнаго сына своего, Всеволода ([204]). Надлежало обуздывать Литву, г.1224. бороться съ властолюбивыми Нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать Датчанъ: а Князь Новогородскій былъ десятилѣтній отрокъ! Его именемъ правили чиновники: чтобы удержать за Россіею Дерптъ, они уступили сей городъ одному изъ Владѣтелей Кривскихъ, мужественному Вячку, который начальствовалъ прежде въ Двинскомъ замкѣ Кукенойсѣ. Имѣя у себя не болѣе двухъ сотъ воиновъ, онъ утвердилъ свое господство въ сѣверной Ливоніи: бралъ дань съ жителей, строго наказывалъ ослушниковъ, безпрестанно тревожилъ Нѣмцевъ и счастливо отразилъ приступъ ихъ къ Юрьеву ([205]). Тогда Епископъ Альбертъ созвалъ всѣхъ Рыцарей, странствующихъ богомольцевъ, купцевъ, Латышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ утра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали туда и раскаленное желѣзо, чтобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работѣ осаждающихъ, которые, разводя большіе огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Латыши гремѣли щитами, Нѣмцы били въ литавры; а Россіяне также играли на трубахъ, стоя безпрестанно на стѣнѣ. Утомленные трудами, ежедневными битвами, Нѣмцы собрались на общій совѣтъ. «Не будемъ терять времени» (сказалъ одинъ изъ нихъ) «и возьмемъ городъ приступомъ. Доселѣ мы излишно щадили враговъ своихъ: нынѣ да погибнутъ всѣ безъ остатка! Кто первый изъ насъ войдетъ въ крѣпость, тому честь и слава; тому лучшій конь и знаменитѣйшій плѣнникъ. Но опасный Князь Россійскій долженъ быть повѣшенъ на

Мужественный Вячко.

деревѣ.» Одобривъ сіе предложеніе, Рыцари устремились на приступъ. Хотя жители и Россіяне бились мужественно; хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающихъ, и нѣсколько часовъ отражали Нѣмцевъ: однакожь принуждены были уступить превосходному числу враговъ. Въ слѣдъ за Рыцарями ворвались въ крѣпость и Латыши, убивая своихъ единоземцевъ, женъ, дѣтей безъ разбора. Долѣе всѣхъ оборонялись Россіяне (206). Никто изъ нихъ не могъ спастися отъ меча побѣдителей, кромѣ одного Суздальскаго Боярина: плѣнивъ его, Нѣмцы дали ему коня и велѣли ѣхать въ Новгородъ, чтобы объявить тамъ о бѣдствіи Россіянъ. Храбрый Вячко находился въ числѣ убитыхъ.

Новогородцы шли къ Юрьеву и стояли близъ Пскова: Рыцари не хотѣли ждать ихъ; надъ кучами мертвыхъ тѣлъ съ веселою музыкою отпѣли благодарный молебенъ, сожгли крѣпость и спѣшили удалиться. Ливонскій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Россіяне, не имѣя тогда надежды воевать счастливо, предложили миръ Епископу Рижскому; что Альбертъ заключилъ оный съ ихъ Послами, и выдалъ имъ изъ казны своей часть дани, которую они прежде собирали въ землѣ Латышей (207): ибо сей хитрый Епископъ иногда еще признавалъ Россіянъ господами Ливоніи, чтобы, обманывая ихъ, тѣмъ спокойнѣе властвовать надъ оною.

Новогородцы, примирясь съ Рижскимъ Орденомъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ города Русы вышелъ съ войскомъ противъ Литовцевъ и не могъ устоять въ битвѣ съ ними (208): сіи мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завоеваніяхъ, желая только вредить Россіянамъ и грабить селенія.

Набѣгъ Литвы.

Доселѣ, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее отечество наше безпрестанно терзаемое войнами междоусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена — столь, кажется, несчастныя — были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнуривъ Государство, поглотивъ гражданское благосостояніе онаго, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагладимые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній. *Россія* въ 1224 году *услышала о Татарахъ*....

Слухъ о Татарахъ.

Готовясь описывать рѣдкое народное несчастіе, гибель воинствъ и Княженій Россійскихъ, порабощеніе Государства, утрату лучшихъ областей его, считаемъ за нужное обозрѣть тогдашнее состояніе Россіи, отъ временъ Ярослава Великаго до нашествія сихъ грозныхъ иноплеменниковъ.

---

# ГЛАВА VII.

## СОСТОЯНІЕ РОССІИ СЪ XI ДО XIII ВѢКА.

**Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съѣзды. Право наслѣдственное. Враги внѣшніе. Правленіе. Обряды и чины Двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзія. Нравы. Древнѣйшее путешествіе въ Россію.**

Права Великихъ Князей.

Ярославъ, могущественный и самодержавный подобно Св. Владиміру, раздѣливъ Россію на Княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь Великимъ Княземъ, былъ Главою отечества и меньшихъ братьевъ, и чтобы Удѣльные Князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ Кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его (209). Отдавъ ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россію и Новгородъ, онъ думалъ, что Изяславъ и наслѣдники его, сильнѣйшіе другихъ Князей, могутъ удерживать ихъ въ границахъ нужнаго повиновенія и наказывать ослушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое Великое Княженіе раздробится, ослабѣетъ, и что Удѣльные Владѣте-

118

ли, чрезъ союзы между собою или съ иными народами, будутъ иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволодъ I долженствовалъ воевать съ частнымъ Княземъ его собственной области, а Святополкъ II отвѣтствовать какъ подсудимый на запросы Князей Удѣльныхъ ([210]). Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ Систему Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы Константинъ и Георгій II имѣли государственныя добродѣтели отца и дяди: то они могли бы возстановить Единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами.

Удѣлы. Ярославъ раздѣлилъ Государство на четыре области, кромѣ Полоцкой, оставленной имъ въ наслѣдіе роду старшаго брата его: въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенные Удѣлы — и Князья первыхъ стали послѣ называться *Великими* въ отношеніи къ частнымъ или *Удѣльнымъ*, отъ нихъ зависѣвшимъ ([211]). Волынія, Галиція, земля Дреговичей, отошли отъ Кіева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, утратило Суздаль, Ростовъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромѣ Тмутороканя, завоеваннаго Половцами); Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, иногда земля Вятичей во XII вѣкѣ принадлежали разнымъ Владѣтелямъ, не рѣдко обнажавшимъ мечь другъ на друга. Смоленское также имѣло частные Удѣлы: Торопецкій и Красенскій ([212]). Самый Новгородъ, древнее достояніе Государей Кіевскихъ, славный храбростію и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирать Князей, не могъ сохранить цѣлости владѣній своихъ. Псковитяне дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане.

Княжескіе съѣзды. Мономахъ, еще не будучи Великимъ Княземъ, видя съ горестію безначаліе и неустройство въ Россіи, хотѣлъ уменьшить сіе великое зло учрежденіемъ общихъ Княжескихъ Совѣтовъ или Съѣздовъ, которые иногда воспаляли въ сердцахъ любовь къ отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вреднаго междоусобія. Въ слѣдствіе такого Съѣзда несчастный Василько былъ ослѣпленъ, а Глѣбъ Рязанскій обагрилъ руки свои кровію братьевъ ([213]).

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наслѣдства. Мы уже замѣтили выше, что по древнему обычаю не сынъ, но братъ умершаго Государя или старшій въ родѣ долженствовалъ быть его преемникомъ ([214]). Мономахъ, убѣжденный народомъ властвовать въ столицѣ по кончинѣ Святополка Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ Владѣтелей Черниговскихъ былъ старѣе Всеволода I, то они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненавидѣли похитителей Великокняжескаго достоинства и воевали съ ними. Но истинными наслѣдниками Кіевскаго престола, согласно съ тогдашнимъ обыкновеніемъ, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя въ Удѣлахъ Туровскомъ и Пинскомъ ([215]). Право наслѣдственное.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внѣшнихъ? Одному особенному счастію надлежитъ приписать то, что Россія въ теченіе двухъ вѣковъ не утратила своей народной независимости, отъ времени до времени имѣя Князей мужественныхъ, благоразумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ отечество отъ свирѣпости Печенѣговъ, такъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ: они все еще тревожили Днѣпровскую область набѣгами, но уже не столь гибельными, какъ прежде; въ отношеніи къ своимъ дикимъ нравамъ чувствовали превосходство Россіянъ, любили называться Славянскими именами, и даже охотно крестились ([216]). Два раза Поляки были господами нашей древней столицы; но испытавъ ужасную месть Россіянъ и стеная отъ собственныхъ бѣдствій внутри Государства, волнуемаго мятежами, оставляли насъ въ покоѣ. Мужественные Князья Галицкіе — Владимірко, Ярославъ, Романъ — служили для Россіи щитомъ на Юго-Западѣ и держали Венгровъ въ страхѣ. Дунайскіе Болгары, съ 1185 году свободные отъ ига Грековъ, были тогда сильнымъ народомъ; въ 1205 году разбили Латинскаго Императора Балдвина, взяли его въ плѣнъ и доходили до вратъ Констан- Враги внѣшніе.

тинополя; но жили мирно съ нами. Сынъ ихъ Героя Асана, именемъ Іоаннъ, принужденный выѣхать изъ отечества, искалъ защиты Россіянъ, и съ помощію сихъ вѣрныхъ друзей — вѣроятно, знаменитаго Мстислава Галицкаго — въ 1222 году восшелъ на престолъ своего дяди ([217]). — Болгары Камскіе не имѣли духа воинскаго. Рыцари Нѣмецкіе вытѣснили Новогородцевъ и Кривичей изъ Ливоніи, но далѣе не могли распространить своихъ завоеваній; а Литовцы были не что иное, какъ смѣлые грабители. Другихъ, опаснѣйшихъ враговъ отечество наше тогда не знало, и не смотря на развлеченіе внутреннихъ силъ его, еще славилось могуществомъ въ отношеніи къ сосѣдамъ, наблюдая законы предковъ въ своемъ правленіи, успѣвая въ дѣлахъ воинскихъ, въ торговлѣ, въ гражданскомъ образованіи.

Правленіе. Что касается собственно до правленія, то оно въ сіи времена соединяло въ себѣ выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ другому противныхъ, государственныхъ уставовъ: самовластія и вольности. Когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окруженные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей, силою единодержавія въ цѣлой Россіи, повелѣвали народу: народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Но когда Государство раздѣлилось; когда лучи славы угасли надъ престоломъ Св. Владиміра, и вмѣсто одного явились многіе Государи въ Россіи: тогда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы Княжеской власти или противился ея дѣйствію. Самовластіе Государя утверждается только могуществомъ Государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ Монарховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древній уставъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ власть свою Тіунамъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ, налагалъ дани ([218]). Но граждане столицы, пользуясь свободою Вѣча, не рѣдко останавливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели. Жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами*, не имѣли сего права ([219]). Вѣроятно, что и въ столицахъ не всѣ граждане могли судить на Вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ-Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополитъ Кіевскій присутствовалъ на Вѣчѣ Софійскомъ. Архіепископъ Новогородскій ѣздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому ([220]). Подобно Князьямъ, Вельможамъ, богатымъ купцамъ, владѣя селами, Епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою властію; подъ главнымъ вѣдомствомъ Митрополита судили Іереевъ, Монаховъ и всѣ церковныя преступленія, наказывая виновныхъ эпитиміями ([221]). Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли переводъ Греческаго Номоканона или Кормчей Книги: она хранилась въ Новогородскомъ Соборѣ и служила правиломъ для разбирательства случаевъ, относящихся къ совѣсти Христіанъ ([222]). — Духовнымъ же особамъ были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убѣжденія разсудка, подкрѣпляемыя гласомъ Вѣры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на сердца людей. — Но Епископы, избираемые Княземъ и народомъ, въ случаѣ неудовольствія могли ими быть изгнаны ([223]). Въ отношеніяхъ гражданскихъ Святитель совершенно зависѣлъ отъ суда Княжескаго: такъ Ярославъ-Ѳеодоръ (въ 1229 году) судилъ какую-то важную тяжбу Епископа Ростовскаго, Кирилла, обвинилъ его и лишилъ почти всего имѣнія. (Къ чести сего Кирилла, славнаго необыкновеннымъ богатствомъ, скажемъ, что онъ, вмѣсто жалобъ, принесъ благодарность Небу; роздалъ остатокъ своего достоянія друзьямъ, нищимъ, и подобно Іову страдая тогда отъ недуга тѣлеснаго, постригся въ Схиму).

Восшествіе Государя на тронъ соединено было съ обрядами священными: Митрополитъ торжественно благословилъ Долгорукаго властвовать надъ южною Россіею; Кіевляне, Новогородцы сажали Князей на престолъ въ Софійскомъ храмѣ ([224]). Князь въ самой церкви, во время Литургіи, стоялъ съ покровенною главою, въ шапкѣ ([225]) или клобукѣ (можетъ быть, въ вѣнцѣ); украшалъ Вельможъ своихъ златыми цѣпями, крестами, гривнами; жаловалъ придворныхъ въ Казначеи, Ключники, Постельники, Конюшіе и проч. Что пре- Обряды и чины Двора.

жде называлось *Дружиною* Государей, то со времень Андрея Боголюбскаго уже именуется въ лѣтописяхъ *Дворомъ*: Бояре, Отроки и Мечники Княжескіе составляли оный.

Вой-ско. Сіи *Дворяне*, первые въ Россіи, были лучшею частію войска ([226]). Каждый городъ имѣлъ особенныхъ ратныхъ людей, *Пасынковъ* или Отроковъ Боярскихъ (названныхъ такъ для отличія отъ Княжескихъ) и Гридней или простыхъ Мечниковъ, означаемыхъ иногда общимъ именемъ воинской дружины([227]). Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вооружались простые граждане или сельскіе жители ([228]); но послѣдніе обязаны были давать лошадей для конницы. Совершивъ походъ — большею частію въ концѣ зимы — Князь обиралъ у воиновъ оружіе, чтобы хранить его до новаго предпріятія ([229]). Войско раздѣлялось на полки, конные и пѣхотные, на копейщиковъ и стрѣлковъ; послѣдніе обыкновенно начинали дѣло. Главный Воевода именовался Тысячскимъ: Князья имѣли своихъ Тысячскихъ, города также ([230]). Если сказанія Нестора о числѣ Олеговыхъ и Игоревыхъ воиновъ справедливы, то древнѣйшія ополченія Россійскія были многолюднѣе, нежели въ XI, XII и XIII столѣтіи: ибо сильнѣйшее *извѣстное* намъ войско въ теченіе сихъ вѣковъ состояло только изъ 50,000 ратниковъ ([231]). Воины надѣвали латы единственно въ то время, когда уже готовились къ битвѣ; самое оружіе, для облегченія людей, возили на телегахъ: отъ чего непріятель, пользуясь нечаянностію, иногда нападалъ на безоружныхъ. Войско робкое или малочисленное ограждало себя въ полѣ кольями и плетнемъ; такія же ограды деревянныя или *остроги* служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ*. Нѣмецкій Лѣтописецъ, хваля мѣткость нашихъ стрѣлковъ, говоритъ, что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ Рыцарей искусству оборонять города; но стѣнобитныя орудія или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны ([232]).

Торговля. Ни внутренніе раздоры, ни внѣшнія частыя войны не препятствовали въ Россіи мирнымъ успѣхамъ торговли, благодѣтельнымъ для гражданскаго образованія народовъ. Въ сіе время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили въ Кіевъ купеческіе флоты изъ Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что Князья, ожидая ихъ, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ присылали войско къ Каневу для обороны судовъ отъ хищныхъ Половцевъ ([233]). Днѣпръ въ теченіи своемъ отъ Кіева къ морю назывался обыкновенно *путемъ Греческимъ*. Мы уже говорили о предметахъ сей торговли. Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвѣтущій, горностаевые и другіе мѣха драгоцѣнные, чтобы обмѣнивать ихъ у купцевъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья ([234]). Половцы, овладѣвъ Тмутороканемъ и едва не всѣмъ Крымомъ, для собственныхъ выгодъ не мѣшали торговлѣ, и первые, кажется, впустили Генуезцевъ въ южную часть Тавриды ([235]). По крайней мѣрѣ сіи корыстолюбивые, хитрые Италіянцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія Татаръ имѣли торговыя заведенія въ Арменіи, слѣдственно уже господствовали на Черномъ морѣ ([236]). Въ самое то время, когда войско Россійское сражалось съ Половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговлѣ, для ея безопасности наблюдаютъ законы просвѣщенныхъ народовъ ([237]). Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравы, Венеціяне жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣною товаровъ и гостепріимствомъ Россіянъ, которые дозволяли Христіанамъ Латинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое богослуженіе, но запрещали имъ спорить о Вѣрѣ: такъ Владиміръ Рюриковичь Кіевскій выгналъ (въ 1233 году) какого-то Мартина, Пріора Латинскаго храма Св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими Монахами Католическими, *боясь* — какъ говоритъ Польскій Историкъ — *чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь Вѣра Греческая далека отъ истины* ([238])!

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ неурожая питая хлѣбомъ Суздальское Великое Княженіе, могли доставлять намъ и ремесленныя произведенія образованнаго Востока. Въ развалинахъ города Болгарскаго, въ 90 верстахъ отъ Казани и въ 9 отъ Волги, нашлися Армянскія надписи XII вѣка ([239]): вѣроятно, что Армяне, издавна славные купечествомъ, вымѣнивали тамъ Русскіе мѣха и *кожи* на товары Персидскіе и другіе. Донынѣ подъ име-

немъ *Болгаръ* разумѣются въ Турецiи восточные сафьяны, а въ Бухарiи юфть ([240]): изъ чего заключаютъ, что Азiя получала нѣкогда сей товаръ отъ Болгаровъ. Достойно примѣчанiя, что въ древнемъ ихъ отечествѣ, въ Казани, и нынѣ дѣлаются лучшiе изъ Русскихъ сафьяновъ. Въ упомянутыхъ развалинахъ найдены также Арабскiя надписи отъ 1222 до 1341 года по Христiанскому лѣтосчисленiю, вырѣзанныя отчасти надъ могилами *Ширванскихъ* и *Шамаханскихъ* уроженцевъ ([241]). — Земледѣльцы находятъ иногда въ окрестностяхъ сего мѣста золотыя мелочи, женскiя украшенiя, серебряныя Арабскiя монеты и другiя безъ всякой надписи, ознаменованныя единственно произвольными изображенiями, точками, звѣздочками, и безъ сомнѣнiя принадлежавшiя народу безграмотному (можетъ быть, Чудскому). Такiе любопытные памятники свидѣтельствуютъ о древнемъ цвѣтущемъ состоянiи Россiйской Болгарiи.

Новгородъ, серебромъ и мѣхами собирая дань въ Югрѣ ([242]), посылалъ корабли въ Данiю и въ Любекъ. Въ 1157 году, при осадѣ Шлезвига, Король Датскiй, Свендъ IV, захватилъ многiя суда Россiйскiя, и товары ихъ роздалъ, вмѣсто жалованья, воинамъ. Купцы Новгородскiе имѣли свою церковь на островѣ Готландiи, гдѣ цвѣлъ богатый городъ Визби, заступивъ мѣсто Винеты ([243]), и гдѣ до XVII вѣка хранилось преданiе, что нѣкогда товары Индѣйскiе, Персидскiе, Арабскiе шли чрезъ Волгу и другiя наши рѣки въ пристани Балтiйскаго моря. Извѣстiе вѣроятное: оно изъясняетъ, какимъ образомъ могли зайти на берега сего моря древнiя монеты Арабскiя, находимыя тамъ въ большемъ количествѣ. — Готландцы, Нѣмцы издавна живали въ Новѣгородѣ. Они раздѣлялись на два общества: *зимнихъ и лѣтнихъ гостей* ([244]). Правительство обязывалось за уставленную плату высылать къ Ижорѣ, на встрѣчу имъ, лодошниковъ: ибо сiи купцы, боясь пороговъ Невскихъ и Волховскихъ, обыкновенно перегружали товары въ легкiя лодки, внося въ Казну съ каждаго судна гривну кунъ, а съ нагруженнаго хлѣбомъ полгривны. Въ Новѣгородѣ отведены были особенные дворы Нѣмецкимъ и Готландскимъ купцамъ, гдѣ они пользовались совершенною независимостiю и вѣдались собственнымъ судомъ, избирая для того Старѣйшинъ; одинъ Посолъ Княжескiй могъ входить къ нимъ. Обиженный Россiяниномъ гость жаловался Князю и Тiуну Новогородскому; обиженный гостемъ Россiянинъ Старѣйшинѣ иноземцевъ. Сiи тяжбы рѣшились на дворѣ Св. Iоанна. Готландцы имѣли въ Новѣгородѣ божницу Св. Олава, Нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами. — Когда же, въ теченiе XIII столѣтiя, вольные города Германскiе, Любекъ, Бременъ и другiе, числомъ наконецъ до семидесяти, вступили въ общiй, тѣсный союзъ, славный въ Исторiи подъ именемъ Ганзы, Ганза.
утвержденный на правилахъ взаимнаго дружества и вспоможенiя, нужный для ихъ безопасности и свободы, для успѣховъ торговли и промышлености — союзъ столь счастливый, что онъ, господствуя на двухъ моряхъ, могъ давать законы народамъ и Вѣнценосцамъ — когда Рига и Готландiя присоединились къ сему братству: тогда Новгородъ сдѣлался еще важнѣе въ купеческой системѣ Европы Сѣверной: Ганза учредила въ немъ главную Контору, называла ее *матерiю* всѣхъ иныхъ, старалась угождать Россiянамъ, пресѣкая злоупотребленiя, служившiя поводомъ къ раздорамъ; строго подтверждала купцамъ своимъ, чтобы товары ихъ имѣли опредѣленную доброту, и чтобы купля въ Новѣгородѣ производилась всегда мѣною вещей безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, изъ коихъ выходили споры. Нѣмцы привозили тонкiя сукна, въ особенности Фламанскiя, соль, сельди и хлѣбъ въ случаѣ неурожая, покупая у насъ мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ. Ганза торжественно запрещала вводить въ Россiю серебро и золото; но купцы не слушались устава противнаго ихъ личнымъ выгодамъ, и доставляли Новугороду не мало драгоцѣнныхъ металловъ, привлекаемые туда славою его изобилия и разсказами, почти баснословными, о пышности Двора Княжескаго, Вельможъ, богатыхъ гражданъ. — Псковъ участвовалъ въ сей знаменитой торговлѣ, и Правительство обоихъ городовъ, способствуя успѣхамъ ея, довольствовалось столь умѣренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрымъ безкорыстiемъ ([245]).

Древняя Бiармiя, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли Шведскiе, Норвежскiе не преставали до самаго XIII вѣка ходить къ устью Сѣверной Двины ([246]). Лѣтописцы Скандинавскiе повѣствуютъ, что въ 1216 году знаменитый купецъ ихъ,

120

Гелге Богрансонъ, имѣвъ несчастную ссору съ Біармскимъ начальникомъ, былъ тамъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, кромѣ одного, именемъ Огмунда, ушедшаго въ Новгородъ. Сей Огмундъ ѣздилъ изъ Россіи въ Іерусалимъ, и возвратясь въ отечество, разсказалъ о жалостной кончинѣ Богрансона. Норвежцы хотѣли мстить за то Біармскимъ жителямъ, и въ 1222 году прибывъ къ нимъ на четырехъ корабляхъ, ограбили ихъ землю, взяли въ добычу множество *клейменаго* серебра, мѣховъ *бѣлыхъ* (247), и проч.

Договоръ съ Нѣмцами.

Смоленскъ имѣлъ также знатную торговлю съ Ригою, съ Готландіею и съ Нѣмецкими городами: чему доказательствомъ служитъ договоръ, заключенный съ ними Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1228 году (248).— Предлагаемъ здѣсь главныя статьи онаго, любопытныя въ отношеніи къ самымъ нравамъ и законодательству древней Россіи.

I. «Миръ и дружба да будутъ отнынѣ между Смоленскою областію, Ригою, *Готскимъ* берегомъ (Готландіею) и всѣми Нѣмцами, ходящими по *Восточному морю*, ко взаимному удовольствію той и другой стороны. А если — чего Боже избави — сдѣлается въ ссорѣ убійство, то за жизнь вольнаго человѣка платить десять гривенъ серебра, *пѣнязями* (деньгами) или кунами, считая оныхъ (кунъ) 4 гривны на одну гривну серебра. Кто ударитъ холопа, платитъ гривну кунъ; за поврежденіе глаза, отсѣченіе руки, ноги и всякое увѣчье 5 гривенъ серебра; за вышибенный зубъ 3 гривны (серебра же); за окровавленіе человѣка посредствомъ дерева $1^1/_2$ гривны, за рану безъ увѣчья тоже; кто ударитъ палицею, батогомъ, или схватитъ человѣка за волосы, даетъ $^3/_4$ гривны. Если Россіянинъ застанетъ Нѣмца или Нѣмецъ Россіянина у своей жены; также если Нѣмецъ или Россіянинъ обезчеститъ дѣвицу или вдову хорошаго поведенія, то взыскать съ виновнаго 10 гривенъ серебра. Пеня за обиду Посла и Священника должна быть двойная. Если виновный найдетъ поруку, то не заключать его въ оковы и не сажать въ темницу; не приставлять къ нему и стражи, пока истецъ не далъ знать о своей жалобѣ старѣйшему изъ единоземцевъ обидчика, предполагаемому миротворцу. — Съ воромъ, пойманнымъ въ домѣ или у товара, хозяинъ воленъ поступить, какъ ему угодно.

2. «Заимодавецъ чужестранный удовлетворяется прежде иныхъ; онъ беретъ свои деньги и въ такомъ случаѣ, когда должникъ осужденъ за уголовное преступленіе лишиться собственности. Если холопъ Княжескій или Боярскій умретъ, занявъ деньги у Нѣмца, то наслѣдникъ перваго — или кто взялъ его имѣніе — платитъ долгъ.

3. «И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны въ тяжбахъ представлять болѣе двухъ свидѣтелей изъ своихъ единоземцевъ. Испытаніе невинности посредствомъ раскаленнаго желѣза дозволяется только въ случаѣ обоюднаго на то согласія (249); принужденія нѣтъ. Поединки не должны быть терпимы (250); но всякое дѣло разбирается судомъ по законамъ той земли, гдѣ случилось преступленіе. Одинъ Князь судитъ Нѣмцевъ въ Смоленскѣ; когда же они сами захотятъ итти на *судъ общій*, то ихъ воля. Сею же выгодою пользуются и Россіяне въ землѣ Нѣмецкой. Тѣ и другіе увольняются отъ судныхъ пошлинъ: развѣ люди добрые и нарочитые присовѣтуютъ имъ что нибудь заплатить судьѣ.

4. «Пограничный Тіунъ, свѣдавъ о прибытіи гостей Нѣмецкихъ на Волокъ (251), немедленно даетъ знать тамошнимъ жителямъ, чтобы они везли на возахъ товары сихъ гостей и пеклись о личной ихъ безопасности. Жители платятъ за товаръ Нѣмецкій или Смоленскій, ими утраченный. Нѣмцы на пути изъ Риги въ Смоленскъ и на возвратномъ увольняются отъ пошлины: также и Россіяне въ землѣ Нѣмецкой. Нѣмцы должны бросить жеребей, кому ѣхать напередъ; если же будетъ съ ними купецъ Русской, то ему остаться позади. — Въѣхавъ въ городъ, гость Нѣмецкій даритъ Княгинѣ кусокъ полотна, а Тіуну Волокскому перчатки Готскія; можетъ купить, продать товаръ или ѣхать съ онымъ изъ Смоленска въ иные города. Купцы Русскіе пользуются такою же свободою на *Готскомъ березѣ* и вольны ѣздить оттуда въ Любекъ и другіе города Нѣмецкіе. — Товаръ, купленный и вынесенный изъ дому, уже не возвращается хозяину, и купецъ не долженъ требовать назадъ своихъ денегъ. — Нѣмецъ даетъ вѣсовщику за двѣ *капи* (252), или 24 пуда, куну *Смоленскую*, за гривну *купленнаго* золота ногату, за гривну серебра 2 векши, за серебряный сосудъ отъ гривны куну; въ случаѣ *продажи металловъ* ничего не платитъ; когда же покупаетъ вещи на серебро, то съ грив-

ны вноситъ куну Смоленскую. — Для повѣрки вѣсовъ хранится одна *капь* въ церкви Богоматери на горѣ, а другая въ Нѣмецкой божницѣ» (слѣдственно и въ Смоленскѣ была Католическая церковь): «съ симъ вѣсомъ должны и Волочане свѣрять пудъ, данный имъ отъ Нѣмцевъ.

5. «Когда Смоленскій Князь идетъ на войну, то ему не брать Нѣмцевъ съ собою: развѣ они сами захотятъ участвовать въ походѣ. И Россіянъ не принуждать къ военной службѣ въ землѣ Нѣмецкой.

6. «Епископъ Рижскій, Мастеръ Фолкунъ (Volquin) и всѣ другіе Рижскіе Властители признаютъ Двину вольною, отъ устья до вершинъ ея, для судоходства Россіянъ и Нѣмцевъ. Если — чего Боже избави — ладія Русская или Нѣмецкая повредится, то гость можетъ вездѣ пристать къ берегу, выгрузить товаръ и нанять людей для вспоможенія; но имъ болѣе договорной цѣны съ него не требовать.

«Сія грамота имѣетъ для Полоцка и Витебска то же дѣйствіе, что и для Смоленска. Она писана при Священникѣ Іоаннѣ, Мастерѣ Фолькунѣ и многихъ купцахъ Рижскаго *царства*, приложившихъ къ ней свои печати; а свидѣтелями подписались».... Слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ жителей Готландіи, Любека, Минстера, Бремена, Риги; а внизу сказано: «кто изъ Россіянъ или Нѣмцевъ нарушитъ нашъ уставъ, будетъ противенъ Богу.»

О семъ договорѣ упоминается и въ Нѣмецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма благопріятнымъ для купцевъ Ливонскихъ ([253]); но предки наши, давая имъ свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ: такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ гостей, *продавцевъ* серебра и золота, отъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умножить количество ввозимыхъ въ намъ металловъ драгоцѣнныхъ. Въ разсужденіи цѣны серебра замѣтимъ, что она со временъ Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвысилась относительно къ *Смоленской* холячей или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ въ *Правдѣ* 40 гривенъ пени кунами за убійство, а Мстиславъ Давидовичь въ уставѣ своемъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра, — слѣдственно ту же самую пеню ([254]): напротивъ чего Новогородскія куны унизились.

Деньги.

Не только купцевъ, но и другихъ чужеземцевъ, полезныхъ знаніями и ремесломъ, Россіяне старались привлекать въ свою землю: строителей, живописцевъ, лекарей. Отъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами ([255]); но въ 1194 году Владимірскій Епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Суздальскаго храма Богоматери, нашелъ между собственными церковниками искусныхъ мастеровъ и литейщиковъ, которые весьма красиво отдѣлали сію церковь снаружи и покрыли оловомъ, не взявъ къ себѣ въ товарищи ни одного *Нѣмецкаго* художника. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій, именемъ Милонѣгъ-Петръ, строитель каменной стѣны на берегу Днѣпра подъ монастыремъ Выдубецкимъ, столь удивительной для современниковъ, что они говорили объ ней какъ о великомъ чудѣ ([256]). Греческіе живописцы, украсивъ образами Кіевскую Лавру, выучили своему художеству добродѣтельнаго Монаха Печерскаго, Св. Алимпія, безкорыстнаго и трудолюбиваго: не требуя никакой мзды, онъ писалъ иконы для всѣхъ церквей, и занимая деньги на покупку красокъ, платилъ долги своею работою ([257]). Сей Алимпій есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ живописцевъ Россійскихъ. Кромѣ иконъ церковныхъ, они изображали на хартіяхъ въ священныхъ книгахъ разныя лица, безъ особеннаго искусства въ рисункѣ, но красками столь хорошо составленными, что въ шесть или семь вѣковъ свѣжесть оныхъ и блескъ золота ни мало не помрачились ([258]). — Замѣтимъ также, касательно рукодѣлій, что древніе Бояре Княжескіе обыкновенно носили у насъ *шитыя золотомъ оплечья:* и такъ искусство золотошвѣевъ — сообщенное намъ, какъ вѣроятно, отъ Грековъ — было извѣстно въ Россіи прежде, нежели во многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ ([259]).

Художества.

Мы упомянули о лекаряхъ: ибо врачеваніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и необходимѣйшимъ наукамъ людей. Во времена Мономаховы славились въ Кіевѣ Армянскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ пишутъ), взглянувъ на больнаго, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ противномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачь Николы Святоши былъ Сиріанинъ. Многія лекарства составлялись въ Россіи: лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ

Науки.



121

Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человѣчеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ Монаховъ старались узнавать силу цѣлебныхъ травъ для облегченія недужныхъ, и часто успѣхами своими возбуждали зависть въ лекаряхъ чужеземныхъ. Печерскій Инокъ Агапитъ самымъ простымъ зеліемъ и молитвою исцѣлилъ Владиміра II, осужденнаго на смерть искуснымъ врачемъ Армянскимъ (260).

Такимъ образомъ художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уединенія и молитвы. Тѣ же благочестивые Иноки были въ Россіи первыми наблюдателями тверди небесной, замѣчая съ великою точностію явленія Кометъ, солнечныя и лунныя затмѣнія; путешествовали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ странахъ знаменитыя святостію мѣста, и пріобрѣтая географическія свѣдѣнія, сообщали оныя любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая Грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли отъ забвенія память нашихъ древнѣйшихъ Героевъ, ко славѣ отечества и вѣка. Митрополиты, Епископы, ревностные проповѣдники Христіанскихъ добродѣтелей, сочиняли наставленія для мірянъ и Духовныхъ. Суздальскій Святитель, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, Монахъ Лавры Кіевской, описали ея достопамятности и житія первыхъ Угодниковъ, слогомъ уже весьма яснымъ и довольно чистымъ. Вообще Духовенство наше было гораздо просвѣщеннѣе мірянъ; однакожь и знатные свѣтскіе люди учились. Ярославъ I, Константинъ отмѣнно любили чтеніе книгъ. Мономахъ писалъ не только умно, но и краснорѣчиво. Дочь Князя Полоцкаго, Святая Евфросинія, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ церковныхъ (261). Верхуслава, невѣстка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о полку Игоревѣ* сочинено въ XII

Но зія. вѣкѣ (262), и безъ сомнѣнія мiряниномъ: ибо Монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ *соловья* стараго времени, Стихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, летая по *живымъ струнамъ*, *рокотали* или гласили *славу* нашихъ Витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь истреблялъ людей, огонь, зданія, и хартіи. Тѣмъ достойнѣе вниманія *Слово о полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину итти на Половцевъ и говоритъ (263): «Хочу преломить копіе свое на ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить тамъ свою голову или *шлемомъ испить Дону!*» Многочисленная рать собирается: «Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, знамена развѣваются въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода.» Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: «Они подъ звукомъ трубъ повиты, концемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, овраги знаемы; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся въ полѣ какъ волки сѣрые; ищутъ чести самимъ себѣ, а Князю славы.» Игорь, *вступивъ въ златое стремя*, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и ткани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ (264). Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ серебрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новые полки варваровъ: «Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ моря стрѣлами на воиновъ Игоревыхъ.» Всеволодъ впереди съ своею дружиною: «сыплетъ на враговъ стрѣлы, гремитъ о шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ сверкнетъ златый шишакъ его, тамъ лежатъ головы Половецкія.» Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная:

«земля облита кровію, усѣяна костями. Въ третій день пали наши знамена: *кроваваго вина* не достало; кончили пиръ свой храбрые Россіяне, напоили гостей и легли за отечество.» Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ (265) «поютъ веселыя пѣсни на берегу синяго моря, звеня Русскимъ золотомъ.» Сочинитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: «ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а Донъ вычерпать шлемами» — Рюрику и Давиду: «ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями калеными» — Роману и Мстиславу Волынскимъ (266): «Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, склоняютъ головы подъ ваши мечи булатные» — сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: «о вы, славнаго гнѣзда *шестокрильцы!* заградите поле врагу стрѣлами острыми.» Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Осмомысломъ*, (267) прибавляя: сидя высоко на престолѣ златокованномъ, ты *подпираешь* горы Карпатскія *желѣзными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли отдаленныя.» Въ тожь время Сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: «дружину твою, Князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея полизали. Ты самъ выронилъ *жемчужную* душу свою изъ мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье. «Въ описаніи несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: «на берегахъ Нѣмена (268) стелютъ они снопы головами, молотятъ цѣпами булатными, вѣютъ душу отъ тѣла. . . О времена бѣдственныя! Для чего нельзя было *пригвоздить* стараго Владиміра къ горамъ Кіевскимъ» (или сдѣлать безсмертнымъ)!... Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря въ чистое поле: «Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими крылами своими навѣялъ ты стрѣлы Ханскія на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ волновать синее море *и лелѣять* корабли на зыбяхъ его?... О Днѣпръ славный! ты пробилъ горы каменныя, стремяся въ землю Половецкую; ты несъ на себѣ ладіи Святославовы до стана Кобякова (269): принеси же и ко мнѣ друга милаго, да не шлю къ нему утреннихъ слезъ моихъ въ синее море!... О солнце свѣтлое! ты для всѣхъ тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воиновъ моего друга въ пустынѣ безводной?...» Но Игорь уже свободенъ: обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ коня, садится на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочинитель, мысленно одушевляя сію рѣку, заставляетъ оную привѣтствовать Князя: «Не мало тебѣ, Игорь, величія, Хану Кончаку досады (270), а Русской землѣ веселія.» Князь отвѣтствуетъ: «Не мало тебѣ, Донецъ, величія, когда ты лелѣешь Игоря на волнахъ своихъ, стелешь мнѣ траву мягкую на берегахъ *сребряныхъ*, одѣваешь меня теплыми мглами подъ сѣнію древа зеленаго, охраняешь гоголями на водѣ, чайками на струяхъ, чернетьми на вѣтрахъ (271).» Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Пирогощей Богоматери (272), и Сочинитель, повторивъ слова Бояновы: «худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы,» восклицаетъ: «счастлива земля и веселъ народъ, торжествуя спасеніе Игорево. Слава Князьямъ и дружинѣ!» Читатель видитъ, что сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными Стихотворству юныхъ народовъ.

Нравы. Со временъ Владиміра Святаго нравы долженствовали измѣниться въ древней Россіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ Христіанства, гражданскаго общежитія и торговли. Набожность распространялась: Князья, Вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри, и не рѣдко сами укрывались въ нихъ отъ суетъ міра. Достойные Святители и Пастыри Церкви учили Государей стыдиться злодѣяній, внушаемыхъ дикими, необузданными страстями; были ходатаями человѣчества и вступались за утѣсненныхъ (273). Россіяне, по старинному обыкновенію, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость какъ добродѣтель; явно имѣли наложницъ, но оскорбитель цѣломудренной жены наказывался какъ убійца (274)... Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народъ жаловался на

122

корыстолюбіе Тіуновъ и Князей ([275]). Лѣтописцы XIII вѣка съ отмѣннымъ жаромъ хвалятъ умѣренность древнихъ Владѣтелей Россійскихъ ([276]): «Прошли тѣ благословенныя времена (говорятъ они), когда Государи наши не собирали имѣнія, а только воевали за отечество, покоряя чуждыя земли; не угнетали людей налогами, и довольствовались одпѣми справедливыми Вирами, отдавая и тѣ своимъ воинамъ на оружіе. Бояринъ не твердилъ Государю: *мнѣ мало двухъ сотъ гривенъ;* а кормился жалованьемъ, и говорилъ товарищамъ: «*станемъ за Князя, станемъ за Русскую землю!* Тогда жены Боярскія носили не златыя, а просто *серебряныя* кольцы. Нынѣ другія времена!» — Однакожь ни миролюбивыя правила Христіанства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратнаго духа нашихъ предковъ; даже самые уставы церковные питали оный: такъ воинъ на канунѣ похода освобождался отъ всякой Эпитиміи ([277]). Сыновья Княжескіе возрастали въ полѣ и въ станахъ воинскихъ; еще не достигнувъ лѣтъ юношества, уже садились на коней и мечемъ грозили врагу ([278]). Къ сожалѣнію, сей духъ воинственный не былъ управляемъ благоразуміемъ человѣколюбія въ междоусобіяхъ Князей: злобствуя другъ на друга, они безъ стыда разоряли отечество, жгли селенія беззащитныя, плѣняли людей безоружныхъ.

Наконецъ скажемъ, что если бы Россія была единодержавнымъ Государствомъ (отъ предѣловъ Днѣстра до Ливоніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы въ могуществѣ никакой Державѣ сего времени; спаслась бы, какъ вѣроятно, отъ ига Татарскаго, и находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Греціею, заимствуя художества ея, просвѣщеніе, не отстала бы отъ иныхъ земель Европейскихъ въ гражданскомъ образованіи. Торговля внѣшняя, столь обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства съ Домами многихъ знаменитѣйшихъ Государей Христіанскихъ — Императоровъ, Королей, Принцевъ Германіи — дѣлали наше отечество извѣстнымъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Востока, Юга и Запада. Къ дошедшимъ до насъ чужестраннымъ извѣстіямъ о тогдашней Россіи принадлежитъ сказаніе Испанскаго Еврея, Веніамина, сына Іоны, о многихъ Азіатскихъ и Европейскихъ земляхъ, имъ видѣнныхъ. Въ 1173 году выѣхавъ изъ Сарагоссы, онъ долго путешествовалъ, и записывалъ свои примѣчанія, иногда съ довольною подробностію; но упомянувъ о Россіи, говоритъ только, что она весьма пространна; что въ ней много лѣсовъ и горъ; что жители отъ чрезмѣрнаго холода зимою не выходятъ изъ домовъ, ловятъ соболей и торгуютъ людьми ([279]).

Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Такимъ образомъ предложивъ Читателю извѣстія и нѣкоторыя мысли, служащія къ объясненію нашихъ древностей, обратимся къ описанію важныхъ происшествій.

# ГЛАВА VIII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

### Г. 1224 — 1238.

---

**Происхожденіе Татаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Мнѣнія о Татарахъ. Совѣтъ Князей. Избіеніе Пословъ Татарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія. Набѣги Литовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ южной Россіи. Льготныя грамоты Великаго Ярослава. Землетрясеніе. Затмѣніе солнца. Мятежъ въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніиловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сити. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе Батыево.**

**Г. 1224 Происхожденіе Татаръ.** Въ нынѣшней Татаріи Китайской, на Югѣ отъ Иркутской Губерніи, въ степяхъ неизвѣстныхъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ, скитались Орды Моголовъ, единоплеменныхъ съ Восточными Турками [280]. Сей народъ дикій, разсѣянный, питаясь ловлею звѣрей, скотоводствомъ и грабежемъ, зависѣлъ отъ Татаръ *Ніучей*, господствовавшихъ въ сѣверной части Китая; но около половины XII вѣка усилился, и началъ славиться побѣдами. Ханъ его, именемъ Езукай Багадуръ, завоевалъ нѣкоторыя области сосѣдственныя, и скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣтахъ, оставилъ въ наслѣдіе тринадцатилѣтнему сыну, Темучину, 40,000 подвластныхъ ему семействъ или данниковъ [281]. Сей отрокъ, воспитанный матерію въ простотѣ жизни пастырской, долженствовалъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ, покорить милліоны людей и сокрушить Государства знаменитыя сильными воинствами, цвѣтущими Искусствами, Науками и мудростію своихъ древнихъ Законодателей.

По кончинѣ Багадура многіе изъ данниковъ отложились отъ его сына. Темучинъ собралъ 30,000 воиновъ, разбилъ мятежниковъ, и въ семидесяти котлахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ виновниковъ бунта. Юный Ханъ все еще признавалъ надъ собою власть Монарха Татарскаго и служилъ ему съ честію въ разныхъ воинскихъ предпріятіяхъ; но скоро, надменный блестящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія, захотѣлъ независимости и первенства. Ужасать враговъ местію, питать усердіе друзей щедрыми наградами, казаться народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники Могольскихъ и Татарскихъ Ордъ добровольно или отъ страха покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пилъ ея воду, клялся дѣлить съ ними все *горькое* и *сладкое* въ жизни. Но Ханъ Кераитскій, дерзнувъ обнажить мечь на сего втораго Аттилу, лишился головы, и черепъ его, окованный серебромъ, былъ въ Татаріи памятникомъ *Темучинова гнѣва* [282]. Въ то время, какъ многочисленное войско Могольское, расположенное въ девяти станахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ шатрами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взирало на своего юнаго Монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился тамъ какой-то святый пустынникъ, или мнимый пророкъ, и возвѣстилъ собранію, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю, и что сей Владѣтель міра долженъ впредь именоваться *Чингисханомъ* **Чингисханъ.** или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы [283] южной Сибири и славные просвѣщеніемъ Игуры или Уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, назвалися подданными Чингисхана. Сіи Уйгуры, обожая идоловъ, терпѣли у себя Магометанъ и Христіанъ Несторіанскихъ; любили Науки, художества, и сообщили грамоту всѣмъ другимъ народамъ Та-

тарскимъ (284). Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ.

Достигнувъ столь знаменитой степени величія, сей гордый Ханъ торжественно отрекся платить дань Монарху Ніучей и сѣверныхъ областей Китая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку (285): «Китайцы издревле называютъ своихъ Государей *сынами Неба*; а ты *человѣкъ* — и смертный!» Большая каменная стѣна, служащая оградою для Китая, не остановила храбрыхъ Моголовъ: они взяли тамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣнныхъ старцевъ, какъ людей безполезныхъ. Монархъ Ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, вторично вступивъ въ Китай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Отчаянное сопротивленіе жителей не могло спасти города (286): Моголы овладѣли имъ (въ 1215 году) и зажгли дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Свирѣпые побѣдители нашли въ Пекинѣ богатую добычу и мудреца, именемъ Иличуцая, родственника послѣднихъ Императоровъ Китайскихъ, славнаго въ Исторіи благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣренность Чингисхана, спасъ милліоны несчастныхъ отъ погибели, умѣрялъ его жестокость и давалъ ему мудрые совѣты для образованія дикихъ Моголовъ.

Его завоеванія.

Еще Татары-Ніучи противоборствовали Чингисхану: оставивъ сильную рать въ Китаѣ, подъ начальствомъ мужественнаго предводителя, онъ устремился къ странамъ западнымъ, и сіе движеніе войска его сдѣлалось причиною бѣдствій для Россіи. Мы говорили о Туркахъ Альтайскихъ (287): хотя они, утѣсненные съ одной стороны Китайцами, а съ другой Аравитянами (во XII вѣкѣ завладѣвшими Персіею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время Калифамъ, освободились наконецъ отъ ига и были основателями разныхъ Государствъ могущественныхъ. Такъ въ исходѣ XI вѣка Монархъ Турковъ-Сельчуковъ (288), именемъ Челаддинъ, господствовалъ отъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Іерусалима, Никеи, и давалъ повелѣнія Багдадскому Калифу, Папѣ Магометанъ. Сіе Государство исчезло, ослабленное распрями частныхъ его Владѣтелей и завоеваніями Крестоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая Турецкая Династія Монарховъ Харазскихъ или Хивинскихъ (289), которые завладѣли большею частію Персіи и Бухаріею. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе, искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ велѣлъ умертвить Пословъ Могольскихъ... Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду Неба и меча своего; три ночи молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ во сновидѣніи обѣщалъ ему побѣду устами Епископа Христіанскаго, жившаго въ землѣ Игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для Христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ Хана Могольскаго. Началась война, ужасная остервененіемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бактріею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ (290), но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многолюдными городами и цвѣтущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Вѣры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ старѣйшинъ, въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть, и видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пепелъ. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ около ста тысячъ ратниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смотря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію Моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны (291): умертвили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчнаго рабства. Хива, Терметъ, Балхъ (гдѣ находилось 1200 мечетей и

200 бань для странниковъ) испытали подобную же участь, вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ, что она въ теченіе шести слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря, и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1223 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ отрядилъ двухъ знаменитыхъ Военачальниковъ, Судая Баядура и Чепновіана, съ повелѣніемъ взять Шамаху и Дербентъ. Первый городъ сдался, и Моголы хотѣли итти самымъ кратчайшимъ путемъ къ Дербенту, построенному, вмѣстѣ съ Каспійскою стѣною, въ VI вѣкѣ славнымъ Царемъ Персидскимъ Хозроемъ I, или Нуширваномъ, для защиты Государства его отъ Козаровъ (292). Но обманутые путеводителями Моголы зашли въ тѣсныя ущелія, и были со всѣхъ сторонъ окружены Аланами — Ясами, жителями Дагестана (293) — и Половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, Военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хитрости, отправилъ дары къ Половцамъ и велѣлъ сказать имъ, что они, будучи *единоплеменниками* Моголовъ, не должны возставать на своихъ братьевъ и дружиться съ Аланами, которые совсѣмъ инаго рода. Половцы, обольщенные ласковымъ привѣтствіемъ или дарами, оставили союзниковъ; а Моголы, пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили Аланъ. Скоро главный Ханъ Половецкій, именемъ Юрій Кончаковичь (294), раскаялся въ своей оплошности: узнавъ, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, онъ хотѣлъ бѣжать въ степи; но Моголы умертвили его и другаго Князя, Данила Кобяковича; гнались за ихъ товарищами до Азовскаго моря, до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили Ясовъ, Абазинцевъ, Касоговъ или Черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ Азовскихъ (295).

Многіе Половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами, скотомъ и богатствомъ. Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго: сей Ханъ взволновалъ Россію вѣстію о нашествіи Моголовъ; дарилъ Князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорилъ: «нынѣ они взяли нашу землю; завтра возьмутъ вашу.» Россіяне ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ у друга, кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные? Нѣкоторые называли ихъ Таурменами, другіе Печенѣгами, но вообще Татарами (296). Суевѣрные разсказывали, что сей народъ, еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный Гедеономъ, и нѣкогда заключенный въ пустыняхъ Сѣверо-Востока, долженствовалъ предъ концемъ міра явиться въ Азіи, въ Европѣ, и завоевать всю землю. Храбрый Князь Галицкій, пылая ревностію отвѣдать счастія съ новымъ и столь уже славнымъ врагомъ, собралъ Князей на совѣтъ въ Кіевѣ, и представлялъ убѣдительно, что благоразуміе и государственная польза обязываютъ ихъ вооружиться; что утѣсненные Половцы, будучи оставлены ими, непремѣнно соединятся съ Татарами и наведутъ ихъ на Россію; что лучше сразиться съ опаснымъ непріятелемъ внѣ отечества, нежели впустить его въ свои границы. Мстиславъ Романовичь Кіевскій (называемый въ лѣтописяхъ Старымъ и Добрымъ), Князь Черниговскій (297) того же имени (братъ Всеволода Чермнаго) и Мстиславъ Галицкій предсѣдательствовали въ Совѣтѣ, гдѣ находились также пылкіе юноши, Даніилъ Романовичь Волынскій, — Михаилъ, сынъ Чермнаго, и бывшій Князь Новогородскій, Всеволодъ Мстиславичь. Они долго разсуждали: наконецъ единодушно положили искать непріятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и Ханъ ихъ Бастый принялъ тогда же Вѣру Христіанскую.

Половцы бѣгутъ въ Россію.

Мнѣнія о Татарахъ.

Совѣтъ Князей.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ у Заруба и *Варяжскаго* острова: тамъ явились десять Пословъ Татарскихъ. «Слышимъ» — говорили они Князьямъ Россійскимъ — «что вы, обольщенные Половцами, идете противъ насъ; но мы ничѣмъ не оскорбили Россіянъ: не входили къ вамъ въ землю; не брали ни городовъ, ни селъ вашихъ, а хотимъ единственно наказать Половцевъ, своихъ рабовъ и *конюховъ*. Знаемъ, что они издревле враги Россіи: будьте же намъ друзьями; пользуясь случаемъ, отмстите имъ нынѣ, истребите злодѣевъ, и возьмите ихъ богатство.» Сіе благора-

124

Избіеніе Пословъ Татарскихъ. зумное миролюбіе показалось нашимъ Князьямъ или робостію или коварствомъ: забывъ правила народной чести, они велѣли умертвить Пословъ: но Татары еще прислали новыхъ, которые, встрѣтивъ войско Россійское, въ семнадцатый день его похода, на берегахъ Днѣпра, близъ Олешья, сказали Князьямъ: «И такъ вы, слушаясь Половцевъ, умертвили нашихъ Пословъ и хотите битвы? да будетъ! Мы вамъ не сдѣлали зла. Богъ единъ для всѣхъ народовъ: Онъ насъ разсудитъ.» Князья, какъ бы удивленные великодушіемъ Татаръ, отпустили сихъ Пословъ, и ждали остальнаго войска. Мстиславъ Романовичь, Владиміръ Рюриковичь и Князья Черниговскихъ Удѣловъ привели туда, подъ своими знаменами, жителей Кіева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились Волынцы и Галичане, которые на 1000 ладіяхъ плыли Днѣстромъ до моря, вошли въ Днѣпръ, и стали у рѣки Хортицы (298). Половцы также стекались къ Россіянамъ толпами. Войско наше расположилось станомъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что отрядъ Татарскій приближается, юный Князь Даніилъ съ нѣкоторыми любопытными товарищами поскакалъ къ нему на встрѣчу. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ ко Мстиславу Галицкому. Но вѣсти были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что Татары суть худые ратники, и не достойны уваженія; а Воевода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домарѣчичь, увѣрялъ, что сіи враги кажутся опытными, знающими, и стрѣляютъ лучше Половцевъ. Молодые Князья нетерпѣливо хотѣли вступить въ бой: Мстиславъ Галицкій, съ тысячею воиновъ ударивъ на отрядъ непріятельскій, разбилъ его совершенно. Стрѣлки наши оказали въ семъ дѣлѣ искусство и мужество (299). Лѣтописцы говорятъ, что Татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его въ ямѣ, но что Россіяне нашли, а Половцы, съ дозволенія Мстиславова, умертвили сего Могольскаго чиновника.

Надменные первымъ успѣхомъ, и взявъ въ добычу множество скота, всѣ Россіяне переправились за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екатеринославской Губерніи, близъ Маріуполя), гдѣ была легкая сшибка съ непріятелемъ (300). Мстиславъ Галицкій, поставивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ Яруну, начальнику Половцевъ, и Даніилу съ Россійскою дружиною итти впередъ; а самъ ѣхалъ на конѣ за ними, и скоро увидѣлъ многочисленное войско Татаръ. Битва началася (301). Маія 31. Битва на Калкѣ. Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; вмѣстѣ съ Олегомъ Курскимъ тѣснилъ густыя толпы ихъ, и копіемъ въ грудь уязвленный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ *Нѣмый*, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему помощь, и крѣпкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные Половцы не выдержали удара Моголовъ: смѣшались, обратили тылъ; въ безпамятствѣ ужаса устремились на Россіянъ, смяли ряды ихъ и даже отдаленный станъ, гдѣ два Мстислава, Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли изготовиться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользоваться честію побѣды, не далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи (302). Сіе излишнее славолюбіе Героя столь знаменитаго погубило наше войско: Россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали Россіянъ, убивъ ихъ множество, и въ томъ числѣ шесть Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; также отличнаго Витязя, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ *богатырей* (303). Земля Русская, по словамъ Лѣтописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; однихъ Кіевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали Россіянъ, чтобы взять ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился въ ладію, переѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ истребить всѣ суда, чтобы Татары не могли за нимъ гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичь; а Владиміръ Рюриковичь Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичь Кіевскій еще оставался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ ка-

менистой; видѣлъ бѣгство Россіянъ и не хотѣлъ тронуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дни бились съ Россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ окупъ за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода *Бродниковъ*, именемъ Плоскиня ([304]), служа тогда Моголамъ, отъ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ Россіянъ, и связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, Княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ Полководцамъ Чингисхановымъ. Остервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго, и вспомнивъ убіеніе своихъ Пословъ въ нашемъ станѣ, Моголы изрубили всѣхъ Россіянъ, трехъ Князей задушили подъ досками, и сѣли пировать на ихъ трупахъ! — Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ Моголами, которые, по извѣстію Татарскаго Историка, умышленно заманили Россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней([305]).

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ Россійскаго войска до самаго Днѣпра. Жители городовъ и селъ, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностію, выходили къ нимъ на встрѣчу со крестами; но Татары безжалостно убивали и гражданъ и земледѣльцевъ, слѣдуя правилу, что побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей, и что смерть первыхъ нужна для безопасности вторыхъ. Вся южная Россія трепетала: народъ, съ воплемъ и стенаніемъ ожидая гибели, молился въ храмахъ — и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обратились къ Востоку, и спѣшили соединиться съ Чингисханомъ въ Великой Бухаріи, гдѣ сей дикій Герой, собравъ всѣхъ Полководцевъ и Князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы странамъ завоеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ свое побѣдоносное войско, возвратившееся отъ Днѣпра: съ любопытствомъ слушалъ донесеніе Вождей, хвалилъ ихъ и щедро наградилъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественнымъ Царемъ Тангутскимъ, Чингисханъ пошелъ сокрушить его величіе ([306]).

Правило Татаръ.

Побѣдители скрываются.

Россія отдохнула: грозная туча какъ внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ внезапно и сокрылась. «Кого Богъ во гнѣвѣ Своемъ насылалъ на землю Русскую?» говорилъ народъ въ удивленіи: «откуда приходили сіи ужасные иноплеменники? куда ушли? извѣстно одному Небу и людямъ искуснымъ въ книжномъ ученіи ([307]).» — Селенія, опустошенныя Татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ; отцы, матери, друзья, оплакивали убитыхъ: но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ.

Удивленіе Россіянъ.

Князья южной Россіи, готовясь итти на Моголовъ, требовали помощи отъ Великаго Князя Георгія. Племянникъ его, Василько Константиновичь, шелъ къ нимъ съ дружиною Ростовскою, и стоялъ уже близъ Чернигова ([308]): тамъ свѣдалъ онъ о несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ, благодаря Небо за спасеніе жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущаго, Владимірцы утѣшались мыслію, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими Россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ, могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣды сего Героя возбуждали зависть. — Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій страхъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась Комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на Западѣ, озаряя небо лучемъ блестящимъ ([309]). Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма затмѣвали свѣтъ солнца; мгла тяготила воздухъ, и птицы, къ изумленію людей, падали мертвыя на землю. Вспомнили, что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи, и что отечество наше стенало тогда отъ враговъ иноплеменныхъ, голода и язвы.

Ужасныя предзнаменованія.

Провидѣніе, дѣйствительно готовое искусить Россію всѣми возможными для Государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ отложило ихъ; а Россіяне какъ бы спѣшили воспользоваться симъ временемъ, чтобы свѣжую рану отечества растравить новыми междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, исполняя тайное повелѣніе отца, вторично уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ Дворомъ своимъ и занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, пле-

Новыя междоусобія.

мянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, Князь Черниговскій. Они привели войско съ собою, грозя Новугороду: ибо Великій Князь досадовалъ на многихъ тамошнихъ чиновниковъ за ихъ своевольство. Новогородцы отправили къ Георгію двухъ Пословъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, отпустивъ къ нимъ сына; а Великій Князь требовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ (310), и сказалъ: «я поилъ коней своихъ Тверцею: напою и Волховомъ.» Вспоминая съ гордостію, что самъ Андрей Боголюбскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, Новогородцы укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ новыхъ Пословъ отвѣтствовали Георгію: «Князь! мы тебѣ кланяемся, но своихъ братьевъ не выдадимъ. Дерзнешь ли на кровопролитіе? у тебя мечь, у насъ головы: умремъ за Святую Софію.» Георгій смягчился; вступили въ переговоры, и шуринъ его, Михаилъ Черниговскій, поѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Правленіе сего Князя было мирно и счастливо. «Вся область наша» — говоритъ Лѣтописецъ Новогородскій — «бла- г.1225.
гословляла свой жребій, не чувствуя никакой тягости.» Георгій вышелъ изъ Торжка, захвативъ казну Новогородскую и достояніе многихъ частныхъ людей (311): Михаилъ, провождаемый знаменитыми чиновниками, ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу. Народъ любилъ Князя; но Михаилъ считалъ себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи. Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, когда Татары приближались къ Днѣпру, онъ стремился душею къ своей отчизнѣ, гдѣ снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные Новогородцы доказывали ему, что Князь, любимый народомъ, не можетъ съ покойною совѣстію оставить его (312): Михаилъ на *Дворѣ Ярослава* простился съ ними, сказавъ имъ, что Черниговъ и Новгородъ должны быть какъ бы единою землею, а жители братьями и друзьями; что свободная торговля и гостепріимство свяжутъ ихъ узами общихъ выгодъ и благоденствія. Нерѣдко задерживая у себя Князей ненавистныхъ, Новогородцы давали волю добрымъ жить съ ними, или, говоря тогдашнимъ языкомъ, *поклониться Святой Софіи:* изъявили благодарность Михаилу, отпустили его съ великою честію, и послали за Ярославомъ-Ѳеодоромъ.

Въ то время Литовцы, числомъ до 7000, ворвались въ наши предѣлы; грабили область Торопецкую, Новогородскую, Смоленскую, Полоцкую; убивали купцевъ, и плѣняли земледѣльцевъ. Лѣтописцы говорятъ, что сіи разбойники никогда еще не причиняли столь великаго зла Государству Россійскому (313). Ярославъ, предводительствуя своею дружиною Княжескою, соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ Торопецкимъ, съ братомъ его, Владиміромъ Псковскимъ, и настигъ непріятеля близъ Усвята; положилъ на мѣстѣ 2000 Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ Князей, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ. Князь Давидъ и любимый Меченосецъ Ярославовъ находились въ числѣ убитыхъ Россіянъ. Новогородцы не были въ сраженіи: доходили только до Русы и возвратились. Однакожь Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ и выслушавъ ихъ оправданіе, не изъявилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ слѣдующій годъ ходилъ съ войскомъ въ сѣверную, отдаленную часть Финляндіи, гдѣ никогда еще не бывали Россіяне; не обогатился въ сей бѣдной странѣ ни серебромъ, ни золотомъ, но отнялъ у многихъ жителей самое драгоцѣннѣйшее благо: отечество и вольность. Новогородцы взяли столько плѣнниковъ, что не могли всѣхъ увести съ собою: нѣкоторыхъ безчеловѣчно умертвили, другихъ отпустили домой (314). — Ярославъ въ сей же годъ отличился дѣломъ гораздо полезнѣйшимъ для человѣчества: отправилъ Священниковъ въ Корельскую землю, и не употребивъ никакихъ мѣръ насильственныхъ, крестилъ большую часть жителей уже давно подданныхъ Новагорода и расположенныхъ добровольно къ принятію Христіанства (315). Представивъ дѣйствіе благоразумнаго усердія къ Вѣрѣ, не скроемъ и несчастныхъ заблужденій суевѣрія: въ то время, какъ наши церковные учители проповѣдывали Кореламъ Бога истиннаго и человѣколюбиваго, ослѣпленные Новогородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на *Дворѣ Ярослава* (316). Къ чести Духовенства и тогдашняго Новогородскаго Архіепископа Антонія — который въ 1225 году возвратился изъ Перемышля Галицкаго — замѣтимъ, что въ семъ жалостномъ безуміи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенія со стороны Церковныхъ Пастырей.

Побѣги Литовскіе. г.1226. Походъ въ Финляндію. г.1227. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ.

Россіяне думали, что грозно опусто-

шивъ Финляндію, они уже на долгое время будутъ съ сей стороны покойны; но месть даетъ силы. Лишенные отцевъ, братьевъ, дѣтей, и пылая справедливою г. 1228. злобою, Финляндцы разорили селенія вокругъ Олонца и сразились съ Посадникомъ Ладожскимъ (317). Ихъ было около двухъ тысячь. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ плѣнниковъ, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, гдѣ Ижеряне и Корелы истребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ Ладожанами, праздно стоялъ на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа воиновъ Новогородскихъ, хотѣвшихъ убить какого-то чиновника, именемъ Судимира: Князь едва могъ спасти несчастнаго, скрывъ его въ собственной ладіи своей.

Нелюбовь къ Ярославу. Вообще Ярославъ не пользовался любовію народною. Желая имѣть Псковъ въ своей зависимости, онъ поѣхалъ туда съ Новогородскими чиновниками (318); но Псковитяне не хотѣли принять его, думая, что сей Князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворѣ Архіепископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. «Небо свидѣтель» — говорилъ онъ — «что я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла Псковитянамъ, и везъ для нихъ не оковы, а дары, овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя требуетъ мести.» Недовольный холодностію гражданъ, Князь призвалъ войско изъ Переславля Залѣсскаго, и Новогородцы съ изумленіемъ увидѣли шатры его полковъ вокругъ дворца (319). Славянскій Конецъ также наполнился толпами сихъ ратниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и страшныхъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ итти противъ Нѣмецкихъ Рыцарей; но граждане не вѣрили ему и боялись его тайныхъ замысловъ. Къ тому же бѣдные жаловались на дороговизну; отъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами 53½ копейки, пшеницы 89½, а пшена рубль 25 копеекъ (320). Ярославъ требовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но Псковитяне уже заключили особенный тѣсный союзъ съ Рижскимъ Орденомъ, и будучи обнадежены въ помощи Рыцарей, прислали въ Новгородъ одного Грека съ такимъ отвѣтомъ: «Князь Ярославъ! кланяемся тебѣ и друзьямъ Новогородцамъ; а братьевъ своихъ не выдадимъ, и въ походъ нейдемъ, ибо Нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венденъ) и Медвѣжью Голову, но брали вездѣ не города, а деньги; раздраживъ непріятелей, сами ушли домой, а мы за васъ терпѣли: наши сограждане положили свои головы на берегахъ Чудскаго озера; другіе были отведены въ плѣнъ. Теперь возстаете противъ насъ: но мы готовы ополчиться съ Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите въ плѣнъ женъ и дѣтей: вы не лучше поганыхъ.» Сіи укоризны относились вообще къ Новогородцамъ; однакожь народъ взялъ сторону Псковитянъ: рѣшительно объявилъ Князю, что не хочетъ воевать ни съ ними, ни безъ нихъ съ Орденомъ Нѣмецкимъ, и требовалъ, чтобы рать Переславская удалилась. Ярославъ велѣлъ полкамъ выступить, но въ досадѣ и гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новагорода, оставивъ тамъ юныхъ сыновей, Θеодора и Александра, подъ надзираніемъ двухъ Вельможъ (321). Псковитяне торжествовали; отпустили Нѣмцевъ, Чудь, Латышей, уже призванныхъ ими для защиты, и выгнали изъ города друзей Ярославовыхъ, сказавъ имъ: «подите къ своему Князю; вы намъ не братья.» Тогдашній союзъ Россіянъ съ Ливонскимъ Орденомъ и дружелюбныя ихъ сношенія съ Посломъ Гонорія III въ Ригѣ, Епископомъ Моденскимъ, столь обрадовали Папу, что онъ Сношенія съ Папою. въ 1227 году написалъ весьма благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ Князьямъ, обѣщая имъ миръ и благоденствіе въ объятіяхъ Латинской Церкви, и желая видѣть ихъ Пословъ въ Римѣ. «Ваши заблужденія въ Вѣрѣ (говорилъ онъ) раздражаютъ Небо и причиною всѣхъ золъ въ Россіи: бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не обратитесь къ истинѣ. Увѣщаемъ и молимъ, чтобы вы письменно изъявили на то добрую волю чрезъ надежныхъ Пословъ, а между тѣмъ жили мирно съ Христіанами Ливонскими» (322).

Съ сего времени Новгородъ былъ нѣсколько лѣтъ жертвою естественныхъ и Бѣдствія Новогородцевъ. гражданскихъ бѣдствій. Отъ половины Августа до самаго Декабря мѣсяца густая тьма покрывала небо и шли дожди безпрестанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ полѣ; житницы стояли пустыя. Народъ, желая кого нибудь обвинить въ семъ несчастіи, возсталъ противъ (323) новаго Владыки Новогородскаго, Арсенія

(ибо Антоній, слабый здоровьемъ, лишился языка и добровольно заключился въ монастырѣ Хутынскомъ). «Богъ наказываетъ насъ за коварство Арсенія,» говорили безразсудные: «онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынскую Обитель, и несправедливо присвоилъ себѣ его санъ, подкупивъ Князя.» Добрый, смиренный Пастырь молился денно и нощно о благѣ сограждан; но дожди не преставали, и народъ, послѣ шумнаго Вѣча, извлекъ Архіепископа изъ дому, гналъ, толкалъ, едва не умертвилъ его какъ преступника. Арсеній искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, наконецъ въ монастырѣ Хутынскомъ, откуда нѣмый Антоній долженъ былъ возвратиться въ домъ Святителей. Новогородцы дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ(324), и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили домъ Тысячскаго, Стольниковъ Архіерейскаго и Софійскаго, хотѣли повѣсить одного Старосту, и кричали, что сіи люди наводятъ Князя на зло. Избравъ новаго Тысячскаго, Вѣче послало сказать Ярославу, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ налогъ церковный, запретилъ Княжескимъ судьямъ ѣздить по области, и наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ сообразно съ уставомъ Новогородской вольности. «Или» — говорили ему Послы Вѣча — «наши связи съ тобою навѣки разрываются.» Еще Князь не далъ отвѣта, когда юные сыновья его, Ѳеодоръ и Александръ, устрашенные мятежемъ Новогородскимъ, тайно уѣхали къ отцу съ своими Вельможами. «Одни виновные могутъ быть робкими бѣглецами» (сказали Новогородцы): «не жалѣемъ объ нихъ. Мы не сдѣлали зла ни дѣтямъ, ни отцу, казнивъ своихъ братьевъ. Небо отмститъ вѣроломнымъ; а мы найдемъ себѣ Князя. Богъ по насъ: кого устрашимся?» Они клялися другъ другу быть единодушными, и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго; но Послы ихъ были задержаны на дорогѣ Княземъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ.

*Льготныя грамоты Великаго Ярослава.*

Доселѣ, описавъ несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествіяхъ сѣверной Россіи: обратимъ взоръ на полуденную. Михаилъ, возвратясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ, нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскомъ, и требовалъ помощи отъ Георгія, своего зятя, который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастію, тамъ былъ Кіевскій Митрополитъ Кириллъ, родомъ Грекъ, присланный Константинопольскимъ Патріархомъ изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, отвратилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племянника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ Удѣлъ Великаго Княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрезъ годъ брату Святославу (325). Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ потомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ Главу и посредника. Сей Герой, долго называемый *Удатнымъ* или счастливымъ, провелъ остатокъ жизни въ безпокойствахъ и раскаяніи. Обманутый злобными внушеніями Александра Бельзскаго, онъ возненавидѣлъ-было добраго зятя своего, мужественнаго Даніила, союзника Поляковъ, и хотѣлъ отнять у него владѣніе; узнавъ же клевету Александрову, спѣшилъ примириться съ Даніиломъ, и, вопреки совѣту другихъ Князей, оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ Галицкихъ и ссора съ Королемъ Венгерскимъ были для него также весьма чувствительнымъ огорченіемъ. Одинъ изъ Вельможъ, именемъ Жирославъ, увѣрилъ первыхъ, что Князь намѣренъ ихъ, какъ враговъ, предать на избіеніе Хану Половецкому, Котяну: они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли быть возвращены Духовникомъ Княжескимъ, посланнымъ доказать имъ неизмѣнное праводушіе, милосердіе Государя, который велѣлъ обличенному во лжи, безстыдному Жирославу, только удалиться, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Столь же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздорѣ съ Венграми. Нареченный его зять, юный сынъ Короля Андрея, послушавъ коварныхъ наушниковъ, уѣхалъ изъ Перемышля къ отцу съ жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущаго тестя. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль, Звенигородъ, Теребовль, Тихомль, и послалъ войско осадить Галичь, боясь самъ итти къ оному: ибо волхвы Венгерскіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Воевода Сендомирскій находился съ Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться; но Даніилъ, вѣрный тестю, убѣжденіями и хи-

*Происшествія въ южной Россіи.*

тростію удалилъ Поляковъ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ, и Король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, если бы Вельможа Галицкій, Судиславъ, вопреки Даніилову мнѣнію не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ, что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за Королевича, но и возвелъ зятя на тронъ Галицкій, оставивъ себѣ одно *Понизье*, или юго-восточную область сего Княженія. Случай безпримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ Бояръ, но въ противность желанію народа, не любившаго Венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе, что сей юный Князь изъявлялъ отмѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. «Льстецы обманули меня,» говорилъ Мстиславъ Боярамъ Даніиловымъ: «но если угодно Богу, то мы поправимъ сію ошибку. Я соберу Половцевъ, а сынъ мой, вашъ Князь, свою дружину: изгоню Венгровъ, отдамъ ему Галичь, а самъ останусь въ Понизьѣ.» Онъ не успѣлъ сдѣлать того, занемогъ и нетерпѣливо желалъ видѣть Даніила, чтобы поручить ему свое семейство; но кознями Вельможъ лишенный и сего утѣшенія, преставился въ Торческѣ Схимникомъ, подобно отцу заслуживъ имя *Храбраго* (326), даже Великаго, впрочемъ слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ Бояръ и виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ Моголовъ. Смертію его воспользовался Королевичь Венгерскій, Андрей, немедленно завладѣвъ Понизьемъ, какъ Удѣломъ Галицкимъ. Князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими посредника, возобновили междоусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даніила наслѣдникомъ городовъ своихъ: Пересопницы, Черторижска и Луцка (гдѣ прежде княжилъ Ингварь, братъ Нѣмаго; но Ярославъ сынъ Ингваревъ, насильственно занялъ Луцкъ, а Князь Пинскій Черторижскъ. Сіе случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даніилъ съ согласія тестя доставилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ, почти одного и безоружнаго; далъ ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: «плѣнимъ его не здѣсь, а въ столицѣ.» Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даніилѣ и получилъ отъ него въ Удѣлъ Перемиль съ Межибожьемъ. Взявъ Черторижскъ, Даніилъ плѣнилъ сыновей Князя Пинскаго, Ростислава, который, будучи союзникомъ Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даніилъ по кончинѣ Мстислава Храбраго не присвоилъ себѣ власти надъ другими Князьями. Владиміръ Рюриковичь вздумалъ мстить сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою постригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно Митрополитъ старался прекратить сію вражду. «Такія дѣла не забываются,» говорилъ Владиміръ, и собралъ многочисленное войско. Ханъ Половецкій, Котянъ, Михаилъ Черниговскій, Князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружественную связь съ Андреемъ, Королевичемъ Венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ, и долженствовали сами просить мира: ибо Даніилъ склонилъ Котяна на свою сторону, призвалъ Ляховъ, и съ Воеводою Сендомирскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи Пословъ Новогородскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ со всѣхъ сторонъ безопаснымъ, г. 1229. онъ немедленно поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани, а другимъ велѣлъ платить легкій оброкъ, уставленный древними Князьями (327). Народъ, какъ бы изъ великодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покоѣ — то есть, не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сію пеню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился Княжескій дворецъ, и гдѣ многіе люди держали сторону Ярослава.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ Новогородцамъ избрать иного

136

Святителя на мѣсто Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять Епархіею. Одни хотѣли имѣть Владыкою Епископа Волынскаго, Іоасафа; другіе Монаха и Діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые Грека. Судьба рѣшила выборъ: положили три жеребья на олтарь Св. Софіи; младенецъ, сынъ Михаиловъ, снялъ два: третій остался Спиридоновъ. Такимъ образомъ Діаконъ сдѣлался Главою Новогородскаго Духовенства и попечителемъ Республики ([328]), ибо Архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея. — Михаилъ поѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ Новѣгородѣ юнаго сына, Ростислава, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. «Дай Богъ» — сказалъ онъ гражданамъ — «чтобы вы съ честію возвратили мнѣ сына, и чтобы я могъ быть для васъ посредникомъ истины и правосудія.» Между тѣмъ Ярославъ овладѣлъ Волокомъ Ламскимъ, и задержалъ у себя Пословъ Михаиловыхъ, которые жаловались на сію несправедливость. Отвергнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Ярославъ ждалъ случая еще болѣе утѣснить Новогородцевъ. Сей Князь въ то же время поссорился и съ братомъ своимъ Георгіемъ; тайными внушеніями удалилъ отъ него племянниковъ, сыновей Константиновыхъ, и замышлялъ войну междоусобную; но Георгій старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съѣхались наконецъ въ Суздалѣ, гдѣ Великій Князь говорилъ столь благоразумно, столь убѣдительно, что Ярославъ склонился къ искреннему миру, обнялъ брата, и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его своимъ отцемъ и Государемъ ([329]).

Новогородцы, озабоченные набѣгомъ Литовцевъ въ окрестностяхъ Селигерскаго озера, не могли отмстить Ярославу за
г. 1230. обиду: разбили непріятелей въ полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло
Маія 3. Землетрясеніе. въ стѣнахъ своихъ. Предтечею его было землетрясеніе, общее во всей Россіи, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ что каменныя церкви разсѣдались. Ударъ почувствовали въ самую обѣдню, когда Владиміръ Рюриковичь Кіевскій, Бояре и Митрополитъ праздновали въ Лаврѣ память Св. Ѳеодосія; трапезница, гдѣ уже стояло кушанье для Монаховъ и гостей, поколебалась на своемъ основаніи: кирпичи падали сверху на столъ. Чрезъ десять дней необыкновенное затмѣніе солнца и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, также устрашили народъ, особенно въ Кіевѣ, гдѣ суевѣрные люди ждали конца своего, стенали на улицахъ и прощались другъ съ другомъ ([330]). Маія 14. Затмѣніе солнца.

Михаилъ, какъ бы желая ободрить Новогородцевъ, подобно другимъ изумленныхъ сими явленіями, пріѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней, совершилъ обрядъ торжественныхъ *постригъ* надъ юнымъ Ростиславомъ, и возвратился въ Черниговъ ([331]). Посадникомъ Новогородскимъ былъ тогда Водовикъ, человѣкъ свирѣпаго нрава, мстительный, злобный. Вражда его съ сыномъ знаменитаго Твердислава, чиновника гордаго, друга буйной вольности, а послѣ смиреннаго инока Аркадьевской Обители, произвела междоусобіе въ городѣ. Народъ волновался, шумѣлъ на Вѣчахъ; то Посадникъ, то непріятели его одерживали верхъ; дрались, жгли домы, грабили. Свирѣпый Водовикъ собственною рукою убилъ наконецъ одного изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Волховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Ярославу. Мятежъ въ Новѣгородѣ. «Небо» — говоритъ Лѣтописецъ — «оскорбленное сими беззаконіями, отъ коихъ Ангелы съ печалію закрываютъ лица свои крылами, наказало мое отечество.» Жестокій морозъ 14 Сентября побилъ всѣ озими: цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная ([332]): за четверть ржи платили въ Новѣгородѣ пять гривенъ или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубли, 65 копеекъ. Хотя жители славились богатствомъ; но сія неумѣренная дороговизна истощила всѣ средства пропитанія для города. Открылись голодъ, болѣзни и моръ. Голодъ и моръ. Добрый Архіепископъ, какъ истинный другъ отечества, не имѣя способовъ прекратить зло, старался по крайней мѣрѣ уменьшить дѣйствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ построилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ Станила, для скораго погребенія мертвыхъ, чтобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Станилъ съ утра до вечера вывозилъ трупы, и въ короткое время схоронилъ ихъ 3030. Съ нетерпѣніемъ ожидали Князя: ибо онъ далъ слово возвратиться къ нимъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и выступить въ поле для защиты ихъ областей; но Михаилъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, готовымъ объя-

вить ему войну за Новгородъ. Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и Посолъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго пріѣхали къ Великому Князю Георгію, моля его, для общей пользы Государства, быть миротворцемъ. Ярославъ упрекалъ Черниговскаго Князя *вѣроломствомъ*. «Коварныя его внушенія» – говорилъ онъ — «возбудили противъ меня Новогородцевъ.» Однакожь Митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и Послы возвратились съ мирною грамотою (333).

Узнавъ о томъ, Новогородцы велѣли сказать юному Михаилову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ Посадникомъ Водовикомъ, что отецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ Главою; чтобы Ростиславъ удалился, и что они найдутъ себѣ иного Князя. Народъ избралъ новаго Посадника и Тысячскаго, разграбилъ домы и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго корыстолюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а Новогородцы призвали Ярослава, который далъ имъ на Вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Ѳеодора и Александра (334).

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами (335). Бѣдные ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ, и самые трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ: но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали домы гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ, и грабили оные; а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствіе. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, которыхъ было сочтено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенныхъ тѣлъ и самыхъ живыхъ оставленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слыхать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. «Не было жалости въ людяхъ,» говоритъ Лѣтописецъ: «казалось, что ни отецъ сына, ни мать дочери не любитъ. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить хлѣба!» Кто могъ, бѣжалъ въ иныя области; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячь людей.

Новогородцы весною испытали еще иное бѣдствіе: весь богатый Конецъ Славянскій обратился въ пепелъ; спасаясь отъ пламени, многіе жители утонули въ Волховѣ; самая рѣка не могла служить преградою для огня. «Новгородъ уже кончался,» по словамъ лѣтописи (336)... Но великодушная дружба иноземныхъ купцевъ отвратила сію погибель. Свѣдавъ о бѣдствіи Новогородцевъ, Нѣмцы изъ за-моря спѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ, и думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о корысти, остановили голодъ; скоро исчезли ужасные слѣды его, и народъ изъявилъ живѣйшую благодарность за такую услугу. Г. 1231. Услуги Нѣмцевъ.

Михаилъ Черниговскій, не смотря на заключенный миръ въ Владимірѣ, дружелюбно принималъ Новогородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ покровительство. Самъ Великій Князь Георгій оскорбился симъ криводушіемъ и выступилъ съ войскомъ къ сѣвернымъ предѣламъ Черниговскимъ: онъ возвратился съ дороги; но Ярославъ, предводительствуя Новогородцами, и сыновья Константиновы выжгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской Губерніи), осаждали Мосальскъ и сдѣлали много зла окрестнымъ жителямъ (337). Такимъ образомъ древняя семейственная вражда возобновилась. Бѣглецы увѣряли, что Ярославъ ненавидимъ большею частію ихъ согражданъ, готовыхъ взять сторону Ольговичей: для того Князь Трубчевскій Святославъ, родственникъ Михаиловъ, отправился въ Новгородъ съ дружественными предложеніями; но свѣдалъ противное, и съ великимъ стыдомъ уѣхалъ назадъ. Послѣднею надеждою Новогородскихъ изгнанниковъ оставался Псковъ, гдѣ они дѣйствительно были приняты какъ братья. Тамъ находился сановникъ Ярославовъ (338): они заключили его въ цѣпи, и пылая злобою, желали кровопролитія. Граждане стояли за нихъ усильно, однакожь не долго. Ярославъ, самъ прибывъ въ Новгородъ, не пускалъ къ нимъ купцевъ, ни товаровъ. Нуждаясь во многихъ вещахъ — платя за берковецъ соли около 10 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ — Псков- Криводушіе Михаила. Г. 1232.

137

витяне смирились. Ярославъ не хотѣлъ дать имъ въ Намѣстники сына, юнаго Князя Θеодора, а далъ шурина своего, Георгія (339), котораго они приняли съ радостію, выгнавъ бѣглецовъ Новогородскихъ.

Сіи мятежные изгнанники ушли въ Медвѣжью Голову или Оденпе, къ сыну бывшаго Князя Псковскаго Владиміра,
г.1233. именемъ Ярославу (340), и съ помошію Ливонскихъ Рыцарей взяли Изборскъ: но Псковитяне схватили ихъ всѣхъ и выдали Князю Новогородскому. Въ числѣ плѣнниковъ находился и Ярославъ Владиміровичь: подобно отцу то врагъ, то союзникъ Нѣмцевъ, онъ считалъ Псковъ своимъ наслѣдіемъ, и хотѣвъ завоевать его съ бѣглецами Новогородскими, былъ вмѣстѣ съ ними заточенъ въ Переславль Суздальскій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ супруга его, жившая въ Оденпе, приняла смерть мученицы отъ
Святая Евпраксія. руки злобнаго пасынка, и погребенная въ монастырѣ Псковскомъ Св. Іоанна, славилась въ Россіи памятію своихъ добродѣтелей и чудесами (341).

Присутствіе Ярослава Всеволодовича было нужно для Новогородцевъ: но пораженный внезапною кончиною старшаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Θеодоръ, цвѣтущій красотою, готовился къ счастливому браку; невѣста пріѣхала; Князья и Вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ (342). Народъ изъявилъ искреннее участіе въ скорби нѣжнаго отца; а Князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечь для защиты Новогородцевъ, и привелъ къ нимъ свои полки многочисленные.

Ливонскіе Рыцари, приставъ къ Рос-
г.1234. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. сійскимъ мятежникамъ и захвативъ близъ Оденпе одного чиновника Новогородскаго (343), дали поводъ Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы, требуя мира, заключили его на условіяхъ выгодныхъ для Россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть Литовцевъ, которые едва было не взяли Русы, опустошивъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торопецкомъ Княженіи; загналъ въ густые лѣса; взялъ въ добычу триста коней, множество оружія и щитовъ. Сей народъ безпрестанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ, и хотѣлъ пріобрѣтать оные не мѣною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ Князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за Литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ратію Ливонскихъ Рыцарей; самъ Великій Магистръ, старецъ Вольквинъ, положилъ голову въ битвѣ, вмѣстѣ со многими витязями Нѣмецкими и Псковитянами, бывшими въ ихъ войскѣ (344).

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ Князя Мстислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двоюродному его брату, Святославу Мстиславичу, внуку Романову (345). Предводительствуя Полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году), и безъ жалости лилъ кровь гражданъ. Бѣдствіе Смоленска.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преставали. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Даніилъ мужественный. Потерявъ союзника въ Лешкѣ Бѣломъ, злодѣйски убитомъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Лешка, Герцогъ Владиславъ, сынъ Оттоновъ (346). Сей городъ, окруженный лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, не смотря на усильные приступы, въ коихъ Россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности, нежели Конрадовы Ляхи: но граждане хотѣли мира. Здѣсь Лѣтописецъ разсказываетъ случай довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Даніилову. Конрадъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего Князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сендомирскій Воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости; а Даніилъ въ простой одеждѣ, и закрывъ шлемомъ лице свое, сталъ за нимъ. Городскіе чиновники надѣялись ласковыми словами смягчить Посла. «Въ насъ течетъ одна кровь,» сказали они: «нынѣ служимъ брату Конрадову, а завтра будемъ служить самому Конраду. Можетъ ли онъ мстить намъ какъ измѣнникамъ или врагамъ, и видѣть спокойно Ляховъ Подвиги Даніиловы.

невольниками Россіянъ? Какая будетъ ему честь, если возметъ сей городъ? Жестокій иноплеменникъ, Даніилъ, присвоитъ ее себѣ одному.» Пакославъ отвѣтствовалъ: «Мой и вашъ Государь расположенъ къ милости; но Князь Россійскій не хочетъ о томъ слышать. Говорите съ нимъ сами: вотъ онъ!» Даніилъ снялъ шлемъ, и видя изумленіе городскихъ чиновниковъ, которые столь неосторожно его злословили, засмѣялся отъ добраго сердца: успокоилъ ихъ, доставилъ имъ выгодный миръ и далъ клятву, что Россіяне, участвуя въ Польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ, съ условіемъ, чтобы и Ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ лѣтописи, что никто изъ нашихъ древнихъ Князей, кромѣ Святаго Владиміра, такъ далеко не заходилъ въ землю Польскую, какъ Даніилъ.

Возвратясь въ отечество, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую область, плѣнилъ Королевича Андрея, и помня старую дружбу его отца, дозволилъ ему ѣхать въ Венгрію вмѣстѣ съ Бояриномъ Судиславомъ который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ металъ камнями въ сего мятежнаго Боярина, восклицая: «удались злодѣй, навѣки!» Но Судиславъ, нечувствительный къ великодушію Даніилову, думалъ только о мести, и Король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына, Белу, снова завоевать Галичь. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для Венгровъ. *Хляби небесныя*, по словамъ лѣтописи, *отверзлись на нихъ* въ горахъ Карпатскихъ: отъ сильныхъ дождей ущелія наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ наконецъ Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же твердую рѣшительность тамошняго начальника; слыша, что Ляхи и Половцы идутъ съ Даніиломъ защитить городъ; приступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха, и страшась быть жертвою собственнаго упрямства, онъ спѣшилъ удалиться, гонимый Судьбою и войскомъ Даніиловымъ. Множество Венгровъ погибло въ Днѣстрѣ, который былъ отъ дождей въ разливѣ, такъ, что въ Галицкой землѣ осталась пословица: *Днѣстръ сыгралъ злую игру Уграмъ*. Множество ихъ пало отъ меча Россіянъ или отдалося въ плѣнъ; другіе умирали отъ изнуренія силъ или отъ болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ Княженіемъ Галицкимъ было еще далеко отъ Даніила. Начались заговоры между Боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Даніила и Василька во дворцѣ или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился страннымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ шутку обнажилъ мечь: заговорщики въ ужасѣ, думая, что ихъ намѣреніе открылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить Короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ Венгры были счастливѣе. Городъ Ярославъ сдался имъ отъ невѣрности тамошняго Воеводы. Они приступили ко Владиміру, гдѣ начальствовалъ Бояринъ, дотолѣ извѣстный мужествомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, Король, по словамъ Лѣтописца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ Нѣмецкой. Венгры не могли бы взять Владиміра; но Бояринъ Даніиловъ измѣнилъ правиламъ великодушія, оробѣлъ, и безъ воли Княжеской заключивъ миръ съ Королемъ, отдалъ Бельзъ и Червенъ союзнику его, Александру. Съ другой стороны Вельможи Галицкіе, не чувствительные къ рѣдкому милосердію Даніила, простившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его стана къ непріятелю и довершили торжество Венгровъ, которые заняли Галичь, гдѣ сынъ Андреевъ, утвержденный отцемъ на престолѣ, господствовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даніиловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только въ послѣдствіи вѣроломство двухъ недостойныхъ Князей Россійскихъ. Изяславъ Владиміровичь, внукъ Игоря Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлался врагомъ Даніилу; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оставивъ Венгровъ, взялъ сторону своихъ братьевъ, чтобы снова измѣнить имъ. Наконецъ внезапная смерть Королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвратили Галичь Даніилу. Бояре не дерзнули противиться:



138

главный изъ нихъ, извѣстный мятежникъ Судиславъ, спѣшилъ уѣхать за Карпатскія горы, а Князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженнаго имъ наказанія, и схваченный на пути Даніиловыми воинами, умеръ, какъ вѣроятно, въ неволѣ.

Даніилъ могъ еще опасаться Венгровъ; но бѣдствіе встрѣтилось ему тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ смиривъ хищныхъ Ятвяговъ и Литовцевъ, которые въ особенности тревожили тогда область Пинскую, сей дѣятельный Князь вмѣшался въ ссору зятя своего, Михаила Черниговскаго, съ Владиміромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая быть его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Даніилъ великодушно отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: «за благодѣянія вашего отца.» Тщетно желавъ примирить враждующихъ онъ взялъ нѣсколько городовъ Черниговскихъ, и заключивъ миръ съ двоюроднымъ братомъ Михаиловымъ, Мстиславомъ Глѣбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое Княженіе; но Владиміръ, слыша о нашествіи Половцевъ, ведомыхъ къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умолилъ Даніила итти къ нимъ на встрѣчу. Когда жь они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалиться отъ битвы. «Нѣтъ!» сказалъ Даніилъ: «ты заставилъ меня противъ воли съ дружиною утомленною искать враговъ въ полѣ; теперь, видя ихъ передъ собою, могу единственно или побѣдить или умереть.» Хотя Даніилъ долго сражался какъ Герой, однакожь принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; а Половцы, усиленные Черниговцами, взявъ Кіевъ, плѣнили самого Князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Князья же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, тамъ обитавшихъ ([347]). Первый взялъ себѣ Кіевъ; вторый спѣшилъ вступить въ область Галицкую, и занялъ ея столицу, откуда горестный Даніилъ, свѣдавъ новые опасные умыслы тамошнихъ Бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время не стало Андрея, Короля Венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ, и Даніилъ, поручивъ брату Васильку оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что онъ тогда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержать за собою Галичь, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ Белина коронованія ([348]), велъ его коня (что было тогда знакомъ подданства). Уничиженіе безполезное! Даніилъ возвратился къ брату съ одними льстивыми обѣщаніями. Политика Венгровъ не измѣнилась. Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, слѣдственно безсильнымъ Владѣтелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ Герцогомъ Польскимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича: хотя иногда одолѣвалъ непріятелей, и плѣнилъ такъ называемыхъ Князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой Удѣлъ на Бугѣ, не далеко отъ Бреста): однакожь не могъ изгнать Михаила, и наконецъ согласился на миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую. — Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непрестанныхъ сшибокъ съ Ятвягами, бодрый Даніилъ ратоборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ Орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній: отнялъ ихъ, и плѣнилъ Нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитить Герцога Австрійскаго, его союзника, утѣсненнаго Императоромъ Фридерикомъ: но возвратился изъ Венгріи, уваживъ совѣтъ Короля Белы не мѣшаться въ дѣла Имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмѣвалъ другихъ современныхъ Князей Россійскихъ. Одинъ Ярославъ Всеволодовичь Новогородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая скоро обнаружится въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два Князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичь женился на Великой Княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михаиловъ, Изяславъ, недолго величался на тронѣ Кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичь изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но въ слѣдствіе переговоровъ Даніиловыхъ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ долженствовалъ г.1236. уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставивъ въ Но-

вѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древней столицѣ Россійской ([349]); а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ.

Великое Княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій отъ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ на Мордву, жечь села и хлѣбъ, плѣнять людей и брать скотъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ: но и тамъ рѣдко спасались отъ Россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ Отроки или молодые воины Ростовской и Переславской дружины были однажды жертвою ихъ мести и своей неосторожности ([350]). Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приступать къ Нижнему Новугороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска: другіе Князья Мордовскіе были *ротниками* или присяжными данниками Георгія, и многіе Россіяне селились въ ихъ землѣ, не смотря на то, что Болгары и Половцы тревожили оную. — Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шестилѣтняго несогласія ([351]): размѣнялись плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ, и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ сказываетъ, что ихъ *Труны*, или знатные люди, и чернь присягнули въ вѣрномъ исполненіи условій. Впрочемъ миръ не препятствовалъ симъ ревностнымъ Магометанцамъ изъявлять ненависть къ нашей Вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного Христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ такъ называемый Великій Градъ, и не хотѣвшаго поклониться Магомету. Купцы Россійскіе, бывъ свидѣтелями убійства, взяли тѣло сего Мученика, именемъ Аврамія, и съ честію отвезли въ Владиміръ, гдѣ Великій Князь, супруга его, дѣти, Епископъ, Духовенство, народъ встрѣтили оное со свѣщами и погребли въ монастырѣ Богоматери ([352]).

Война съ Мордвою.

Миръ съ Болгарами.

Мученикъ Аврамій.

Послѣ несчастной Калкской битвы Россіяне лѣтъ шесть не слыхали о Татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно древнимъ Обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтѣ. Чингисханъ, совершенно покоривъ Тангутъ, возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь — славную для Исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества — въ 1227 году, объявивъ наслѣдникомъ своимъ Октая или Угадая, старшаго сына, и предписавъ ему давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ ([353]): важное правило, коему слѣдовали Римляне, желая повелѣвать вселенною! Довершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей Китайскихъ и разрушивъ Имперію Ніучей, Октай жилъ во глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Китайскими художниками ([354]); но пылая славолюбіемъ и ревностію исполнить волю отца — коего прахъ, не далеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева — новый Ханъ далъ 300,000 воиновъ Батыю, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего отечества.

Смерть Чингисхана.

Его завѣщаніе.

Уже въ 1229 году какіе-то *Саксины* — вѣроятно, единоплеменные съ Киргизами — Половцы и стража Болгарская, отъ береговъ Яика гонимые Татарами или Моголами, прибѣжали въ Болгарію съ извѣстіемъ о нашествіи сихъ грозныхъ завоевателей ([355]). Еще Батый медлилъ; наконецъ, чрезъ три года, пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, не далеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратилъ въ пепелъ сію Болгарскую столицу, и велѣлъ умертвить жителей. Россіяне едва имѣли время узнать о томъ, когда Моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области, пославъ къ нашимъ Князьямъ какую-то *жену чародѣйку* и двухъ чиновниковъ ([356]). Владѣтели Рязанскіе — Юрій, братъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Пронскій и Муромскій — сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыево. Татары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. «Если желаете мира» говорили Послы — «то десятая часть всего вашего достоянія да будетъ наша.» Князья отвѣтствовали великодушно: «когда изъ насъ никого въ живыхъ не останется, тогда все возмите,» и велѣли Посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а Князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко стать за отечество и Вѣру, просили отъ него помощи. Но Великій Князь, надменный своимъ могуществомъ, хотѣлъ одинъ управиться съ Татарами, и съ благородною гордостію отвергнувъ ихъ требованіе, предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ.

Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ.

г. 1237.

Отвѣтъ Князей.

Нѣкоторые Лѣтописцы новѣйшіе раз-

139

сказываютъ слѣдующія обстоятельства: «Юрій Рязанскій, оставленный Великимъ Княземъ, послалъ сына своего, Ѳеодора съ дарами къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ жены Ѳеодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный Князь отвѣтствовалъ ему, что Христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умертвить его; а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о погибели любимаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, Іоанномъ, бросилась изъ высокаго терема на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось *заразомъ* или убоемъ. Отецъ Ѳеодоровъ, Юрій, имѣя войско малочисленное, отважился на битву въ полѣ, гдѣ легли всѣ витязи Рязанскіе, вмѣстѣ съ Князьями Пронскимъ, Коломенскимъ, Муромскимъ. Только одного Князя, Олега Ингворовича *Краснаго*, привели живаго къ Батыю, который, будучи удивленъ его красотою, предлагалъ ему свою дружбу и Вѣру: Олегъ съ презрѣніемъ отвергнулъ ту и другую; исходилъ кровію отъ многихъ ранъ, и не боялся угрозъ, ибо не страшился смерти (357).» — Въ лѣтописяхъ современныхъ нѣтъ о томъ ни слова: послѣдуемъ ихъ достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Заразъ.

Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ сей Князь затворился. Татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ отъ усталости. Въ шестый день, Декабря 21, по утру, изготовивъ лѣсницы, Татары начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его (358), Бояре, народъ, были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ, или связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ Монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли Іереевъ или кровію ихъ обагряли олтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ.

Взятіе Рязани.

Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ исчезъ вопль отчаянія: ибо уже некому было стенать и плакать (359). На семъ ужасномъ ѳеатрѣ опустошенія и смерти ликовали побѣдители, снося со всѣхъ сторонъ богатую добычу.—«Одинъ изъ Князей Рязанскихъ, Ингорь, по сказанію новѣйшихъ Лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ Бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей Бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ устремился въ слѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные Татары думали, что мертвецы Рязанскіе возстали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? *Слуги Князя Рязанскаго, полку Евпатіева*, отвѣтствовали сіи люди: *намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ Государя знаменитаго, и какъ Россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами и копьями.* Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе отдалися въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингорь возвратился въ область Рязанскую, которая представилась глазамъ его въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собравъ Іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло Князя Юрія, и привезъ его въ Рязань; а надъ гробами Ѳеодора Юрьевича, нѣжной его супруги Евпраксіи и сына поставилъ каменные кресты, на берегу рѣки Осетра, гдѣ стоитъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго (360).

Мужество Евпатія.

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную. Знаменитый Воевода его, Ере-

Коломенская битва.

мей Глѣбовичь, Князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей Татарскихъ ([361]); а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву, плѣнилъ Владиміра, втораго сына Георгіева, умертвилъ тамошняго Воеводу, Филипа Няньку, и всѣхъ жителей. Великій Князь содрогнулся: увидѣлъ, сколь опасны сіи непріятели, и выѣхалъ изъ столицы, поручивъ ея защиту двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками, дѣтьми Константина, и съ малою дружиною; расположился станомъ на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско, и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ, особенно бодраго, умнаго Ярослава ([362]).

*Сожженіе Москвы.*

2 Февраля Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и Воевода, Петръ Ослядюковичь, ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы, съ коннымъ отрядомъ подъѣхавъ къ Златымъ вратамъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріятели также, но кричали нашимъ: *не стрѣляйте!* и Россіяне съ горестію увидѣли предъ стѣною юнаго Владиміра Георгіевича, плѣненнаго въ Москвѣ Батыемъ. «Узнаете ли вашего Князя?» говорили Татары. Владиміра дѣйствительно трудно было узнать: столь онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ! Братья его и граждане не могли удержаться отъ слезъ; однакожь не хотѣли показывать слабости и слушать предложеній врага надменнаго. Татары удалились; объѣхали весь городъ и поставили шатры свои противъ Златыхъ вратъ, въ виду. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. «Умремъ» — говорили они дружинѣ — «но умремъ съ честію и въ полѣ.» Опытный Воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу ([363]).

*г. 1238. Взятіе Владиміра.*

Батый немедленно отрядилъ часть войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ сопротивляться: взявъ его, Татары по своему обыкновенію истребили жителей, но кромѣ молодыхъ Иноковъ, Инокинь и церковниковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ ([364]). Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣсницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, Вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери, и требовали, чтобы Епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ Схиму или въ Великій Образъ Ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые Россіяне простились съ міромъ, съ жизнію, но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ навѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье Мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: Татары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество Бояръ и народа затворились въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда Епископъ, сказавъ громогласно: «Господи! простри невидимую руку Свою и пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ,» благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо Татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами Княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ; и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, Татары раздѣлились: одни пошли къ Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ Февралѣ

Опустошеніе многихъ городовъ. мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ Великаго Княженія — Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ — то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы, и будучи усерднымъ Христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ Воеводство Дружины Бояриу Ярославу Михалковичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовый отрядъ его, составленный изъ 3000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ ([365]). Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя. Марта 4. Битва на Сити.

Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. «Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя!» говорили ему Татары. Герой Василько. «Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа, не могутъ быть мнѣ друзьями,» отвѣтствовалъ Василько: «о темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній ([366]).» Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный Князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. — Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. — Между тѣмъ Ростовскій Епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть мѣсто несчастной для Россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по Княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные остатки знаменитаго Князя и положилъ въ Ростовскомъ храмѣ Богоматери. Туда же привезли и тѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго Священника: вдовствующая Княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, Епископъ и народъ встрѣтили оное со слезами. Сей Князь былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хвалятъ его красоту цвѣтущую, взоръ свѣтлый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодѣтельность, умъ, знанія, добродушіе и кротость въ обхожденіи съ Боярами. «Кто служилъ ему,» говорятъ они: «кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, тотъ уже не могъ быть слугою инаго Князя.» Тѣло Василька заключили въ одной ракѣ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее отысканную послѣ голову Великаго Князя.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новугороду, и взявъ Волокъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославовъ), осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что Новогородцы усердною помощію спасутъ ихъ. Но въ сіе несчастное время всякой думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, Бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татары взяли наконецъ Торжекъ и не дали 5 Марта. никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться ([367]). Войско Батыя шло далѣе путемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ Лѣтописцевъ, падали на землю какъ трава скошенная. Уже Батый находился во 100 Спасеніе Новагорода. верстахъ отъ Новагорода, гдѣ плоды цвѣтущей, долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ — испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края — къ радостному изумленію тамошнихъ жителей, обратился назадъ къ Козельску (въ Губерніи Калужской). Сей городъ, весьма незнаменитый, имѣлъ тогда особеннаго Князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени Князей Черниговскихъ ([368]). Дружина его и народъ совѣтовались между собою, что дѣлать. «Нашъ Князь младенецъ,» говорили они: «но мы, какъ вѣрные Россіяне, должны за него умереть, чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую славу, а за гробомъ принять вѣнецъ безсмертія.» Сказали и сдѣлали. Татары семь Осада Козельска. недѣль стояли подъ крѣпостію и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами, и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многія стѣнобитныя орудія Татарскія, и положивъ 4000 непріятелей,

сами легли на ихъ трупахъ. Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Козельскъ *Злымъ* городомъ: имя славное въ такомъ смыслѣ! Юный Князь Василій пропалъ безъ вѣсти: говорили, что онъ *утонулъ въ крови*.

Батый, какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю Половецкую, къ Дону, и братъ Георгіевъ, Ярославъ — въ надеждѣ, что буря миновалась — спѣшилъ изъ Кіева ([369]) въ Владиміръ принять достоинство Великаго Князя. Отшествіе Батыево.

**КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.**

141

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

## ТОМЪ IV.



142

# ИСТОРІЯ
## ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

### ГЛАВА I.

#### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

#### Г. 1238—1247.

**Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе граждань. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ честимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій.**

Бодрость Ярослава. Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Въ такихъ обстоятельствахъ Государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть; но сей Князь хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣстное опустошеніе не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить слѣды онаго. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить Государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живыхъ предметы: ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими, и пріобрѣталъ любовь общую правосудіемъ (1). Возстановивъ тишину и благоустройство, Великій Князь отдалъ Суздаль брату Святославу, а Стародубъ Іоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человѣческаго сердца, забылъ свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ Небо за спасеніе еще многихъ Князей своихъ; не зналъ, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости — и слезами искренняго умиленія оросилъ гробъ Георгіевъ, перевезенный изъ Ростова въ Владиміръ. Георгій въ безразсудной надменности допустилъ Татаръ до столицы, не взявъ никакихъ мѣръ для защиты Государства; но онъ имѣлъ добродѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, питалъ бѣдныхъ, дарилъ Монаховъ — и граждане благословили его память. Г. 1239. Свойства Георгія.

Ко славѣ Государя попечительнаго о благѣ народномъ Великій Князь присоединилъ и славу счастливаго воинскаго подвига. Литовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Ярославъ, разбивъ ихъ, плѣнилъ Князя Литовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на тамошнемъ престолѣ Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившаго прежде въ Новѣгородѣ (2). Освобожденіе Смоленска.

Между тѣмъ Князья южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно, и думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Междоусобія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сію столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, который, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даниловымъ Перемышлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Даніилъ воспользовался отсутствіемъ Ростислава, ходившаго со всѣми Боярами на Литву; нечаянно об-

ступилъ Галичь; подъѣхалъ къ стѣнамъ, и видя на нихъ множество стоящаго народа, сказалъ: «Граждане! доколѣ вамъ терпѣть державу Князей иноплеменныхъ? не я ли вашъ Государь законный, нѣкогда вами любимый?» Всѣ отвѣтствовали единодушнымъ восклицанiемъ: «ты, ты нашъ отецъ, Богомъ данный! иди: мы твои!» Воевода Ростислава и Галицкiй Епископъ Артемiй хотѣли удержать народъ, но не могли, и должны были встрѣтить Даніила, скрывая внутреннюю досаду подъ личиною притворнаго веселiя. Никогда въ семъ городѣ, славномъ мятежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища столь умилительнаго: граждане, по выраженiю Лѣтописца, *стремились* къ Даніилу *какъ пчелы къ маткѣ, или какъ жаждущіе къ источнику водному*, поздравляя другъ друга съ Княземъ любимымъ. Даніилъ принесъ благодарность Всевышнему въ Соборной церкви Богоматери, поставилъ свою хоругвь на Нѣмецкихъ воротахъ, и восхищенный знаками народнаго усердiя, говорилъ, что никто уже не отниметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрiю, будучи женихомъ Королевны, Белиной дочери: а Бояре Галицкiе упали къ ногамъ Даніиловымъ. Рѣдкое милосердiе сего Князя не истощилось ихъ злодѣянiями; онъ сказалъ только: «исправтесь?» и надѣялся великодушiемъ обезоружить мятежниковъ ([3]). Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но тишина, возстановленная Даніиломъ въ сихъ утомленныхъ междоусобiями странахъ, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россiи единственно для того, чтобы овладѣть землею Половцевъ. Знаменитѣйшiй изъ ихъ Хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава Галицкаго, былъ еще живъ, и мужественно противился Татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ Астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгрiи, гдѣ Король, принявъ его въ подданство съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для селенiя ([4]). Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границахъ Россiи; завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшiй Владимiрскому храму Богоматери. Тогда жители Великаго Княженiя снова обезпамятѣли отъ ужаса: оставляя домы свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто, и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяславль, Татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, заслужила ихъ особенное вниманiе: они сравняли ее съ землею, убивъ Епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ, славный мужествомъ гражданъ во времена нашихъ междоусобiй. Сiи добрые Россiяне не измѣнили своей прежней славѣ и дали отпоръ сильный. Князь Мстиславъ Глѣбовичь, двоюродный братъ Михаиловъ, предводительствовалъ ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непрiятелей огромными камнями. Одержавъ наконецъ побѣду, долго сомнительную, Татары сожгли Черниговъ; но хотѣли отдыха, и черезъ Глуховъ отступивъ къ Дону, дали свободу плѣненному ими Епископу Порфирiю. Симъ знакомъ отличнаго милосердiя они хотѣли, кажется, обезоружить наше Духовенство, ревностно возбуждавшее народъ къ сопротивленiю. — Князь Мстиславъ Глѣбовичь спасъ жизнь свою и бѣжалъ въ Венгрiю ([5]).

Батый опустошаетъ южную Россiю.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ Днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византiйской Имперiи и въ Германiи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо Арабскiе Историки и Географы говорятъ объ ней въ своихъ творенiяхъ ([6]). Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кiевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра, и, по словамъ Лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положенiе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящiя главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ, — высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ Византiйскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился итти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенiя Песковъ), и хотѣлъ лестiю склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, — пепелъ Рязани, Владимiра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ, свидѣтель-

Г. 1240.

Красота Кiева.

ствовали грозную силу Моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ: но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ?

Великодушіе гражданъ.

Кіевляне умертвили Пословъ Мангу-Хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе Князя: Михаилъ Всеволодовичь, предвидя месть Татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ (7). Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичь, хотѣлъ овладѣть престоломъ Кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ Моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ Королю Венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ Вождя искуснаго и мужественнаго, Князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную Боярину Димитрію.

Осада и взятіе Кіева.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телегъ, ревъ вельблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію Лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ (8). — Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми Воеводами Могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть Гаюкъ (сынъ Великаго Хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы) Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей Китайскихъ, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгаріи и Княженія Суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались;» мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервененіе не уступало силѣ; но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины Россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной, и ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожь не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи: великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и Вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное, и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ Воеводѣ Россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, *мать градовъ Россійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины (9): въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости Св. Владиміра! Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ Князей. Остался только над-

144

гробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая.... Первое великолѣпное зданіе Греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго [10]. — Лавра Печерская имѣла туже участь. Благочестивые Иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища, и снявъ *златокованный* крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими [11]. Если вѣрить Лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые Иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ: что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый — узнавъ, что Князья южной Россіи находятся въ Венгріи — пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ [12], и не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо Татары не знали правилъ чести, и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичь, внукъ Игоревъ, Татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города; но взяли Владиміръ, Галичь и множество иныхъ городовъ. Великодушный Воевода Кіевскій, Димитрій, находился съ Батыемъ, и сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое Государство Венгерское; что Король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на Моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный Воевода Россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ, и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: «Батый какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе Князья Россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрными и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями Татарскими, а дѣвы о своей невинности: сколь многія изъ нихъ, желая спасти оную, бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены Боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою [13], всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ.» Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою Имперіею отъ временъ Θеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области [14]. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ, и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

Состояніе Россіи.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Напрасно новые Историки говорятъ о превосходствѣ Моголовъ въ ратномъ дѣлѣ [15]: древніе Россіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ воюя

или съ иноплеменниками или съ единоземцами, не уступали какъ въ мужествѣ, такъ и въ искусствѣ истреблять людей, ни одному изъ тогдашнихъ Европейскихъ народовъ. Но дружины Князей и города не хотѣли соединиться, дѣйствовали особенно, и весьма естественнымъ образомъ не могли устоять противъ полумилліона Батыева ([16]): ибо сей завоеватель безпрестанно умножалъ рать свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ. Еще Европа не вѣдала искусства огнестрѣльнаго, и неравенство въ числѣ воиновъ было тѣмъ рѣшительнѣе. Батый предводительствовалъ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ: въ Россіи жители сельскіе совсѣмъ не участвовали въ войнѣ, ибо плодами ихъ мирнаго трудолюбія питалось Государство и казна обогащалась. Земледѣльцы, не имѣя оружія, гибли отъ мечей Татарскихъ какъ беззащитныя жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать въ битвахъ одной славы и смерти, а не побѣды. Впрочемъ Моголы славились и храбростію, вселенною въ нихъ умомъ Чингисхана и сороколѣтними побѣдами ([17]). Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волахъ свои кибитки и семейства, женъ, дѣтей, и вездѣ находили отечество, гдѣ могло пастися ихъ стадо ([18]). Въ свободное отъ человѣкоубійствъ время занимались звѣриною ловлею: видя же непріятеля, безчисленныя толпы сихъ варваровъ какъ волны стремились одна за другою, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить его, и пускали тучу стрѣлъ, но удалялись отъ ручной схватки, жалѣя своихъ людей, и стараясь убивать враговъ издали. Ханы и главные начальники не вступали въ бой: стоя назади, разными маяками давали повелѣнія, и не стыдились иногда общаго бѣгства; но смертію наказывали того, кто бѣжалъ одинъ и ранѣе другихъ. Стрѣлы Моголовъ были весьма остры и велики, сабли длинныя, копья съ крюками, щиты ивовые или сплетенные изъ прутьевъ ([19]).

*Причина успѣховъ Батыевыхъ.*

*Свойство и оружіе Моголовъ.*

*Происшествія въ западной Россіи.*

Въ то время, какъ сіи губители свирѣпствовали въ южной Россіи, ея Князья находились въ Польшѣ. Король Венгерскій, видя Михаила изгнанникомъ, не хотѣлъ выдать дочери за его сына, и велѣлъ имъ удалиться. Даніилъ, готовый ѣхать тогда къ Белѣ IV, имѣлъ случай оказать свое великодушіе: убѣдилъ Великаго Князя, Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествія Батыева плѣненную имъ въ Каменцѣ; возвратилъ ее супругу, и забывъ вражду, обѣщалъ навсегда уступить ему Кіевъ, если благость Всевышняго избавитъ Россію отъ иноплеменниковъ; а Ростиславу отдалъ Луцкъ. Чтобы въ общей опасности дѣйствовать согласнѣе съ Белою, Даніилъ, прибывъ въ Венгрію, изъявилъ намѣреніе вступить съ нимъ въ свойство, и сына своего, юнаго Льва, женить на дочери Королевской; но спесивый Бела отвергнулъ сіе предложеніе, думая, что Батый не дерзнетъ итти за Карпатскія горы, и что несчастіе Россійскихъ Княженій есть счастіе для Венгріи: мысль ума слабаго, внушаемая обыкновенно взаимною завистію Державъ сосѣдственныхъ! Предсказавъ Королю гибельное слѣдствіе такой системы, Даніилъ спѣшилъ защитить свое Княженіе, но поздно: толпы бѣглецовъ извѣстили его о жалостной судьбѣ Кіева и другихъ нашихъ городовъ знаменитыхъ. Уже Татары стояли на границѣ. Даніилъ, окруженный малочисленною дружиною, искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой; тамъ нашелъ онъ супругу, дѣтей и брата, которые едва могли спастися отъ меча варваровъ; вмѣстѣ съ ними оплакалъ бѣдствіе отечества, и слыша о приближеніи Моголовъ, удалился въ Мазовію, гдѣ Болеславъ, сынъ Конрадовъ, далъ ему на время Вышегородъ, и гдѣ Даніилъ съ Василькомъ оставались до самаго того времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-западной Россіи. Получивъ сію утѣшительную вѣсть, они возвратились въ отечество: не могли отъ смрада въѣхать ни въ Брестъ, ни въ Владиміръ, наполненный трупами, и рѣшились жить въ Холмѣ, основанномъ Даніиломъ близь древняго Червена, и, къ счастію, уцѣлѣвшемъ отъ Могольскаго разоренія. Сей городокъ, населенный отчасти Нѣмцами, Ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалинъ всей окрестной страны казался тогда очаровательнымъ, имѣя веселые сады, насажденные рукою его основателя, новыя зданія и церкви, имъ украшенныя (въ особенности церковь Св. Іоанна, поставленную на четырехъ, искусно изваянныхъ головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ помостомъ и съ *Римскими* стеклами въ окнахъ). Какъ бы слѣдуя указанію Неба, столь чудесно защитившаго сіе пріятное мѣсто, Даніилъ назвалъ

*Спесь Короля Венгерскаго.*

145

Холмъ своимъ любимымъ городомъ, и подобно Ярославу, Суздальскому Великому Князю, неутомимо старался воскресить жизнь и дѣятельность въ областяхъ юго-западной Россіи. Ему надлежало не только вызвать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались, но и сражаться съ буйностію легкомысленныхъ Бояръ, которые думали, что внукъ Чингисхановъ опустошилъ наше Государство для ихъ пользы, и что имъ настало время царствовать. Воевода Дрогичинскій не впустилъ Князя въ сей городъ, а Бояре Галицкіе хотя и называли Даніила своимъ Государемъ, однакожь самовольно повелѣвали областями, явно надъ нимъ смѣялись, присвоили себѣ доходы отъ соли Коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье такъ называемымъ Княжескимъ *Оружникамъ*, и тайно сносились съ Михаиловымъ сыномъ, Ростиславомъ. Долго бѣгавъ отъ Татаръ изъ земли въ землю, Михаилъ, ограбленный Нѣмцами близъ Сирадіи, возвратился въ Кіевъ, и жилъ на островѣ противъ развалинъ сей древней столицы, пославъ сына въ Черниговъ. Онъ уже не помнилъ благодѣяній шурина, и старался ему злодѣйствовать. Ростиславъ хотѣлъ овладѣть Бакотою въ Понизьѣ; былъ отраженъ Даніиловымъ Печатникомъ, но занялъ Галичь и Перемышль. Столь мало Князья Россійскіе научились благоразумію въ несчастіяхъ, съ безсмысленнымъ властолюбіемъ споря между собою о бѣдныхъ остаткахъ Государства растерзаннаго! Не смотря на измѣны Бояръ и двухъ Епископовъ, Галицкаго и Перемышльскаго, друзей Михаилова сына; не смотря на изнуреніе своего Княжества и малочисленность войска, большею частію истребленнаго Татарами, Даніилъ смирилъ мятежниковъ и непріятелей; изгналъ Ростислава изъ Галича и плѣнилъ его союзниковъ, Князей Болоховскихъ, прежде облаготворенныхъ имъ и Василькомъ. Достойно замѣчанія, что сіи Князья умѣли спасти ихъ землю отъ хищности Батыевой, обязавшись сѣять для Татаръ пшеницу и просо. — Въ то же время оскорбленный Поляками Даніилъ осаждалъ и взялъ бы Люблинъ, если бы жители не испросили у него мира. Возстановивъ свою Державу, онъ ждалъ съ безпокойствомъ, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще нѣкоторые отряды Моголовъ не выходили изъ Россіи, довершая завоеваніе восточныхъ Удѣловъ Черниговскихъ, и Князь Мстиславъ, потомокъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, былъ умерщвленъ Татарами ([20]).

Слава Александра Невскаго.

Одинъ Новгородъ остался цѣлъ и невредимъ, благословляя милость Небесную и счастіе своего юнаго Князя, Александра Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ: пріятный голосъ сего Князя *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ ([21]). Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла слава Александрова. Достигнувъ лѣтъ юноши, онъ женился на дочери Полоцкаго Князя, Брячислава, и празднуя свадьбу, готовился къ дѣламъ ратнымъ; велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область отъ внезапныхъ нападеній Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что миръ въ сіи времена общихъ разбоевъ не могъ быть продолжителенъ.

Ливонскіе Рыцари, Финны и Шведы были непріятелями Новагорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для Россіянъ опаснѣе: ибо лишася Магистра своего, Вольквина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчастной битвѣ съ Литвою, присоединились къ славному Нѣмецкому Ордену Св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ достопамятномъ братствѣ. Когда Государи Европейскіе, подвигнутые и славолюбіемъ и благочестіемъ, вели кровопролитныя войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе видѣть Святыя мѣста ежегодно влекло толпы людей изъ Европы въ Іерусалимъ: многіе Нѣмецкіе Витязи, находясь въ семъ городѣ, составили между собою братское общество, съ намѣреніемъ покровительствовать своихъ единоземцевъ, бѣдныхъ и недужныхъ, служить имъ деньгами и мечемъ, — наконецъ быть защитниками всѣхъ богомольцевъ и неутомимыми врагами Сарациновъ. Сіе общество, въ 1191 году утвержденное Папскою Буллою, назвалося Орденомъ Св. Маріи Іерусалимской, и Рыцари его ознаменовали бѣлыя свои мантіи чернымъ крестомъ, давъ торжественный обѣтъ цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Великій Магистръ говорилъ всякому новому сочлену: «Если вступаешь къ намъ въ общество съ надеждою вести жизнь покойную и пріятную, то удалися, несчастный! ибо мы требуемъ, чтобы ты отрекся отъ всѣхъ

мірскихъ удовольствій, отъ родственниковъ, друзей и собственной воли: чтожь въ замѣну обѣщаемъ тебѣ? хлѣбъ, воду и смиренную одежду. Но когда придутъ для насъ времена лучшія, тогда Орденъ сдѣлаетъ тебя участникомъ всѣхъ своихъ выгодъ.» Сіи лучшія времена настали: Орденъ Св. Маріи, переселясь въ Европу, былъ уже столь знаменитъ, что Великій Магистръ его, Германъ Зальца, могъ судитъ Папу, Гонорія III, съ Императоромъ Фридерикомъ II (22); завоевалъ Пруссію — ревностно обращая ея жителей въ Христіанство, то есть, огнемъ и мечемъ — принялъ Ливонскихъ Рыцарей подъ свою защиту, далъ имъ Магистра, одежду, правила Ордена Нѣмецкаго, и наконецъ слово, что ни Литовцы, ни Датчане, ни Россіяне уже не будутъ для нихъ опасны.

Въ сіе время былъ Магистромъ Ливонскимъ нѣкто Андрей Вельвенъ, мужъ опытный и добрый сподвижникъ Германа Зальцы (23). Желая, можетъ быть, прекратить взаимныя неудовольствія Ливонскихъ Рыцарей и Новогородцевъ, онъ имѣлъ свиданіе съ юнымъ Александромъ: удивился его красотѣ, разуму, благородству, и возвратясь въ Ригу, говорилъ, по словамъ нашего Лѣтописца: «я прошелъ многія страны, знаю свѣтъ, людей и Государей, но видѣлъ и слушалъ Александра Новогородскаго съ изумленіемъ.» Сей юный Князь скоро имѣлъ случай важнымъ подвигомъ возвеличить свою добрую славу.

Король Шведскій, досадуя на Россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву, къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ (24). Сей Вождь опытный, дотолѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ надменно сказать Александру: «ратоборствуй со мною, если смѣешь; я стою уже въ землѣ твоей.» Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости Посламъ Шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принялъ благословеніе Архіепископа Спиридона, отеръ на прагѣ слезы умиленія сердечнаго, и вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицемъ сказалъ: «насъ не много, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ Княземъ!» Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые Новогородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15 Іюля приближился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли Шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный Ижерянинъ, Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современный Лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные Новогородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ Христіаниннъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся, и видитъ на морѣ легкую ладію, гребцевъ *одѣянныхъ мглою* и двухъ лучезарныхъ Витязей въ ризахъ червленныхъ. Сіи витязи совершенно походили на Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: «поможемъ родственнику нашему Александру!» По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ Князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ (25); но Александръ запретилъ ему говорить о томъ, и какъ молнія устремился на Шведовъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать на лице* Биргера. Витязь Россійскій, Гавріилъ Олексичь, гналъ Принца, его сына, до самой ладіи; упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ Воеводою Шведскимъ. Новогородецъ, Сбыславъ Якуновичь, съ однимъ топоромъ вломился въ средину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки ихъ или суда. Княжескій Ловчій, Яковъ Полочанинъ, предводительствуя горстію смѣлыхъ, ударилъ на цѣлый полкъ, и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратмиръ, вѣрный слуга Князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ: Отрокъ Александровъ, Савва, подсѣкъ его столпъ; шатеръ упалъ, и Россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки Шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму, и спѣшили уда-



146

литься. Главный Воевода ихъ, Спиридонъ, и Епископъ, по разсказамъ плѣнниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ, и сія достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе *Невскаго*. Обстоятельства ея тѣмъ для насъ любопытнѣе, что Лѣтописецъ, служа сему Князю, слышалъ ихъ отъ него самого и другихъ очевидцевъ (26).

Рыцари Ливонскіе не помогали Шведамъ, однакожь старались вредить Новугороду. Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, въ 1233 году (27) сосланный въ область Суздальскую, получилъ свободу, жилъ тогда у Нѣмцевъ въ Эстоніи и питалъ ихъ ненависть къ Россіянамъ. Во Псковѣ были также нѣкоторые измѣнники — чиновникъ Твердило и другіе — склонявшіе Рыцарей овладѣть симъ городомъ. Обнадеженные ими въ вѣрномъ успѣхѣ, Нѣмцы собрали войско въ Оденпе, Дерптѣ, Феллинѣ (28), и съ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ взяли Изборскъ. Псковитяне сразились съ ними; но претерпѣвъ великій уронъ, и желая спасти городъ, зажженный непріятелемъ, должны были согласиться на миръ постыдный. Рыцари хотѣли аманатовъ: знатнѣйшіе люди представили имъ своихъ дѣтей, и гнусный измѣнникъ, Твердило, началъ господствовать во Псковѣ, дѣляся властію съ Нѣмцами, грабя села Новогородскія. Многіе добрые Псковитяне ушли съ семействами къ Александру и требовали его защиты. Къ несчастію, сей Князь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами: досадуя на ихъ неблагодарность, онъ уѣхалъ къ отцу въ Переславль Залѣсскій, съ матерію, супругою и всѣмъ Дворомъ (29).

Между тѣмъ Нѣмцы вступили въ область Новогородскую, обложили данію Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи Россійскій городокъ Тесовъ, и грабили нашихъ купцевъ верстъ за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защитника отъ Ярослава Всеволодовича, и призналъ втораго сына его, Андрея, своимъ Княземъ; но зло не миновалось. Литва, Нѣмцы, Чудь, опустошали берега Луги, уводили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обработывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ Герою Невскому: Архіепископъ со многими Боярами отправился къ Александру, убѣждалъ, молилъ Князя, и склонилъ его забыть вину Новагорода.

Александръ прибылъ, и все перемѣнилось. Немедленно собралось войско: Новогородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы, весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ Нѣмцевъ. Александръ освободилъ нѣкоторыхъ; но Вожане и Чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены (30). г. 1241.

Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась отъ власти предателя, Твердила, и чужеземцевъ. Александръ завоевалъ Псковъ, возвратилъ ему независимость, и прислалъ въ Новгородъ скованныхъ Нѣмцевъ и Чудь. Лѣтописецъ Ливонскій сказываетъ, что 70 мужественныхъ Рыцарей положили тамъ свои головы, и что Князь Новогородскій, плѣнивъ 6 чиновниковъ, велѣлъ умертвить ихъ (31). Побѣдитель вошелъ въ Ливонію, и когда воины наши разсѣялись для собранія съѣстныхъ припасовъ, непріятель разбилъ малочисленный передовый отрядъ Новогородскій. Тутъ Александръ оказалъ искусство благоразумнаго Военачальника: зная силу Нѣмцевъ, отступилъ назадъ, искалъ выгоднаго мѣста и сталъ на Чудскомъ озерѣ. Еще зима продолжалась тогда въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и войско могло безопасно дѣйствовать на твердомъ льду. Нѣмцы острою колонною врѣзались въ наши ряды; но мужественный Князь, ударивъ на непріятелей съ боку, замѣшалъ ихъ; сломилъ, истреблялъ Нѣмцевъ и гналъ Чудь до самаго темнаго вечера. 400 Рыцарей пали отъ нашихъ мечей; пятьдесятъ были взяты въ плѣнъ, и въ томъ числѣ одинъ, который въ надменности своей хотѣлъ плѣнить самого Александра (32); тѣла Чуди лежали на семи верстахъ. Изумленный симъ бѣдствіемъ, Магистръ Ордена съ трепетомъ ожидалъ Александра подъ стѣнами Риги, и спѣшилъ отправить Посольство въ Данію, моля Короля спасти Рижскую Богоматерь отъ *невѣрныхъ*, жестокихъ Россіянъ; но храбрый Князь, довольный ужасомъ Нѣмцевъ, вложилъ мечь въ ножны и возвратился въ городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники, потупивъ глаза въ землю, шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками (33). Духовенство встрѣтило Героя со крестами и съ пѣснями священ-

г. 1242. Апрѣля 5.

ными, славя Бога и Александра; народъ стремился къ нему толпами, именуя его отцемъ и спасителемъ. Счастливый дѣломъ своимъ и радостію общею, сей добрый Князь пролилъ слезы, и съ чувствительностію сказалъ гражданамъ: «О Псковитяне! если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не найдутъ у васъ вѣрнаго пристанища въ злополучіи: то вы будете примѣромъ неблагодарности!» — Новогородцы радовались не менѣе Псковитянъ, и скоро Послы Ордена заключили съ ними миръ, размѣнялись плѣнными, и возвратили Псковскихъ аманатовъ, отказавшись не только отъ Луги и Водской области, но уступивъ Александру и знатную часть Летгалліи ([34]).

г. 1243 —1245. Въ сіе время Литовцы разбили Ярослава *Владиміровича*, который, оставивъ Нѣмцевъ, съ изволенія Александрова начальствовалъ въ Торжкѣ ([35]). Соединясь съ Тверскою дружиною, Ярославъ гнался за хищниками до Торопца, гдѣ они считали себя уже въ безопасности. овладѣвъ крѣпостію; но Герой Невскій приспѣлъ, взялъ городъ, истребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на стѣнахъ, другихъ въ бѣгствѣ, и въ томъ числѣ 8 Князьковъ Литовскихъ. Совершивъ подвигъ, Александръ отпустилъ войско, ѣхалъ съ малочисленною дружиною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго новыми толпами непріятелей: ударилъ неустрашимо, разсѣялъ оныя, благополучно возвратился въ Новгородъ. — Однимъ словомъ, Александръ, въ нѣсколько дней, семь разъ побѣдилъ Литовцевъ; воины его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣнниковъ къ хвостамъ конскимъ.

Сіи частные успѣхи не могли перемѣнить общей судьбы Россіянъ, уже данниковъ Татарскихъ. Батый, завоевавъ многія области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію, и приведши въ ужасъ Европу, вдругъ, къ общему удивленію, остановилъ бурное стремленіе Моголовъ и возвратился къ берегамъ Волги. Тамъ, именуясь Ханомъ, утвердилъ онъ свое владычество надъ Россіею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всѣми отъ устья Дона до рѣки Дуная ([36]). Никто не дерзалъ ему противиться: народы, Государи старались смягчить его смиренными Посольствами и дарами. Батый звалъ къ себѣ Великаго Князя. Ослушаніе казалось Ярославу неблагоразуміемъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ: презирая собственную личную опасность, Великій Князь отправился со многими Боярами въ станъ Батыевъ, а сына своего, юнаго Константина, послалъ въ Татарію къ Великому Хану Октаю, который въ сіе время, празднуя блестящія завоеванія Моголовъ въ Китаѣ и въ Европѣ, угощалъ всѣхъ старѣйшинъ народа. Никогда, по сказанію Историка Татарскаго, міръ не видалъ праздника столь роскошнаго, ибо число гостей было несмѣтно. — Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ Главою всѣхъ Князей Россійскихъ ([37]), отдавъ ему Кіевъ (откуда Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ). Такъ Государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ. Поступокъ Ярослава служилъ примѣромъ для Удѣльныхъ Князей Суздальскихъ: Владиміръ Константиновичь, юный Борисъ Васильковичь, Василій Всеволодовичь (внукъ Константиновъ) также *били челомъ* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

(Россія въ подданствѣ Моголовъ.)

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвратился изъ Китайской Татаріи; а Великій Князь, вторично принужденный ѣхать въ Орду со всѣми родственниками, долженъ былъ самъ отправиться къ берегамъ Амура, гдѣ Моголы, по смерти Октая, занимались избраніемъ новаго Великаго Хана. Ярославъ простился навѣки съ любезнымъ отечествомъ: сквозь степи и пустыни достигнувъ до Ханскаго стана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ трономъ Октаева наслѣдника, оправдалъ себя въ какихъ-то доносахъ, сдѣланныхъ на него г. 1246.
Хану однимъ Россійскимъ Вельможею, и получивъ милостивое дозволеніе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пути ([38]). Таким образомъ сей Князь несчастный, бывъ свидѣтелемъ и жертвою народнаго уничиженія Россіи, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія сомкнуть глаза въ нѣдрахъ святаго отечества! Вѣрные Бояре привезли его тѣло въ столицу Владимірскую. Говорили, что онъ былъ отравленъ; что мать новаго Хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія предложивъ Ярославу пищу изъ собственныхъ рукъ дала ему ядъ, который въ седьмый день прекратилъ его жизнь, и ясно обнаружился пятнами на тѣлѣ умершаго. Но Моголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ зло-

(Сентября 30. Кончина и свойства Ярослава.)

дѣвъ слабыхъ. Могъ ли Князь Владимірской области казаться страшнымъ Монарху, повелѣвавшему народами отъ Амура до устья Дунайскаго?

Ярославъ, въ юности жестокій и непримиримый отъ честолюбія, украшался и важными достоинствами, какъ мы видѣли: благоразуміемъ дѣятельнымъ и бодростію въ государственныхъ несчастіяхъ, бывъ возобновителемъ разрушеннаго Великаго Княженія; гибкостію и превосходствомъ ума своего снискалъ почтеніе варваровъ, Батыя и Гаюка, но не заслужилъ *ревностной* похвалы нашихъ Лѣтописцевъ, ибо не раздавалъ имѣнія церквамъ и Монахамъ, отличаясь, можетъ быть, Вѣрою просвѣщенною, а не суесвятствомъ. — Супруга его, именемъ Ѳеодосія, оставленная имъ въ Новѣгородѣ, скончалась тамъ въ 1244 году; за малое время до смерти постриглась въ Георгіевскомъ монастырѣ и была схоронена въономъ подлѣ ея сына, Ѳеодора(39).

Россія, огорченная смертію Ярослава, почти въ то же время свѣдала ужасныя обстоятельства кончины Михаиловой (40). Убіеніе Михаила. Узнавъ, что сынъ его, Ростиславъ, принятъ весьма дружелюбно въ Венгріи, и что Бела IV, въ исполненіе прежняго обязательства, наконецъ выдалъ за него дочь свою, Михаилъ вторично поѣхалъ туда совѣтоваться съ Королемъ о средствахъ избавить себя отъ ига Татарскаго: но Бела изъявилъ къ нему столь мало уваженія, и самъ Ростиславъ такъ холодно встрѣтилъ отца, что сей Князь съ величайшимъ неудовольствіемъ возвратился въ Черниговъ, гдѣ сановники Ханскіе переписывали тогда бѣдный остатокъ народа и налагали на всѣхъ людей дань поголовную, отъ земледѣльца до Боярина (41). Они велѣли Михаилу ѣхать въ Орду. Надлежало покориться необходимости. Принявъ отъ Духовника благословеніе и запасные Святые Дары, — ободренный, утѣшенный его Христіанскими наставленіями, онъ съ Вельможею Ѳеодоромъ и съ юнымъ внукомъ, Борисомъ Васильковичемъ Ростовскимъ, прибылъ въ станъ къ Моголамъ, и хотѣлъ уже вступить въ шатеръ Батыевъ; но волхвы или жрецы сихъ язычниковъ, блюстители древнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, требовали, чтобы онъ шелъ сквозь разложенный передъ ставкою священный огнь, и поклонился ихъ кумирамъ. «Нѣтъ!» сказалъ Михаилъ: «я могу поклониться Царю вашему, ибо Небо вручило ему судьбу Государствъ земныхъ; но Христіанинъ не служитъ ни огню, ни глухимъ идоламъ.» Услышавъ о томъ, свирѣпый Батый объявилъ ему чрезъ своего Вельможу, именемъ Эльдега (42), что должно повиноваться или умереть. «Да будетъ!» отвѣтствовалъ Князь; вынувъ Запасные Дары, вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ, Ѳеодоромъ, причастился Святыхъ Таинъ, и пылая ревностію Христіанскихъ Мучениковъ, пѣлъ громогласно святые Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хотѣлъ его смягчить моленіемъ и слезами; напрасно Вельможи Ростовскіе брали на себя грѣхъ и торжественное покаяніе, если Михаилъ исполнитъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ Князей нашихъ. «Для васъ не погублю души,» говорилъ онъ, и свергнувъ съ себя мантію Княжескую (43), примолвилъ: «возмите славу міра; хочу небесной.» По данному знаку убійцы бросились какъ тигры на Михаила, били его въ сердце, топтали ногами: Бояре Россійскіе безмолвствовали отъ ужаса. Одинъ Ѳеодоръ стоялъ покойно, и съ веселымъ лицемъ ободрялъ терзаемаго Князя, говоря, что онъ умираетъ, какъ должно Христіанину; что муки земныя непродолжительны, а награда небесная безконечна. Желая, можетъ быть, прекратить Михаилово страданіе, какой-то отступникъ Вѣры Христіанской, именемъ Доманъ, житель Путивля, отсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, тихо произнесенныя имъ слова: *Христіанинъ есмь!* Пишутъ, что самъ Батый, удивляясь твердости сего несчастнаго Князя, назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Ѳеодоръ пріялъ также вѣнецъ Мученика, и доказалъ, что онъ, утѣшая Михаила, не лицемѣрилъ: ибо раздираемый на части варварами, славилъ благость Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженныя на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ Россіянъ; а Церковь признала Святыми и великодушнаго Князя и вѣрнаго слугу его, которые, не имѣвъ силъ одолѣть Моголовъ въ битвѣ, рѣдкою твердостію доказали по крайней мѣрѣ чудесную силу Христіанства. — Юный Борисъ Васильковичь, оплакавъ жребій дѣда, долженъ былъ ѣхать къ Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границахъ Россіи, и получилъ дозволеніе возвратиться въ своей Удѣлъ; о Князьяхъ же Черниговскихъ съ того времени почти совсѣмъ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ: знаемъ единственно, что тамъ около 1261 года властвовалъ Ан-

дрей Всеволодовичь, зять Даніилова брата, Василька ([44]). Сыновья Михаиловы, по кончинѣ отца, княжили въ Удѣлахъ: Романъ въ Брянскѣ, Мстиславъ въ Карачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торуссѣ; а старшій ихъ братъ, Ростиславъ, зять Короля Белы, остался въ Венгріи, и получивъ въ Удѣлъ отъ своего тестя Банатъ Маховскій (въ Сервіи), назывался Государемъ сей области, Герцогомъ Болгаріи и повелителемъ Славоніи (Rex de Madschau Dux et Imperator Bulgariæ et Banus totius Sclavoniæ). Отъ сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховскіе и Боснійскіе; сестра же ихъ совокупилась бракомъ съ Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ.

Счастливѣе Князя Черниговскаго былъ Даніилъ въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Ордою. Послы за Послами являлись у него отъ имени Ханскаго, требуя, чтобы онъ искалъ милости Батыевой раболѣпствомъ или отказался отъ земли Галицкой. Накопецъ Даніилъ поѣхалъ къ сему завоевателю чрезъ Кіевскую столицу, управляемую Бояриномъ Ярослава Суздальскаго, Димитріемъ Ейковичемъ: встрѣтилъ Татаръ за Переяславлемъ, гостилъ у Куремсы, ихъ Темника, и въ окрестностяхъ Волги нашелъ Батыя, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, немедленно впустилъ его въ свой шатеръ безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ для православія нашихъ Князей. «Ты долго не хотѣлъ меня видѣть (сказалъ Батый), но теперь загладилъ вину повиновеніемъ.» Горестный Князь пилъ кумысъ, преклоняя колѣна и славя величіе Хана. Батый хвалилъ Даніила за соблюденіе Татарскихъ обычаевъ; однакожь велѣлъ дать ему кубокъ вина, говоря: «вы не привыкли къ нашему молоку.» Сія честь стоила не дешево: Даніилъ, пробывъ 25 дней въ Улусахъ, выѣхалъ оттуда съ именемъ слуги и данника Ханскаго. — Далѣе откроется, что сей Князь, лаская Моголовъ, хотѣлъ единственно усыпить ихъ на время, и думалъ о средствахъ избавить отечество отъ ига. Между тѣмъ Государи сосѣдственные, устрашенные его дружественною связію съ Ордою, начали оказывать къ нему гораздо болѣе уваженія. Не за-долго до того времени Король Бела имѣлъ съ нимъ новую вражду. Ростиславъ Михайловичь, зять Королевскій, предводительствуя Венграми, осаждалъ Ярославъ; съ обѣихъ сторонъ изъявляли

Даніилъ чествимъ въ Ордѣ.

остервененіе и казнили знатнѣйшихъ плѣнниковъ; въ томъ числѣ Россіяне умертвили славнаго гордостію Полководца Венгерскаго, Фильнію, и въ кровопролитной битвѣ одержали верхъ. Боясь, чтобы Моголы, какъ покровители Даніила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложилъ ему тѣсный союзъ, и выдалъ меньшую дочь, именемъ Констанцію, за его сына, Льва: чему способствовалъ Митрополитъ Кириллъ, избранный Даніиломъ и Василькомъ на мѣсто Іосифа; онъ ѣхалъ ставиться въ Константинополь черезъ Венгрію, говорилъ съ Белою и ручался своимъ Князьямъ за искренность сего Монарха. Утвердивъ вѣчный съ нимъ миръ, Даніилъ жилъ согласно и съ Поляками. Конрадъ умеръ его другомъ: Болеславъ Мазовскій также. Послѣдній, женатый на дочери Александра Бельзскаго, Анастасіи, въ угодность Даніилу отказалъ Мазовію брату своему, Самовиту ([45]).

Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ.

Описавъ случаи временъ Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, Монаха Францисканскаго, въ Татарію къ Великому Хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгріи: ибо Татары могли возвратиться. Нѣмецкій Императоръ писалъ ко всѣмъ Государямъ, чтобы они собрали войско для спасенія Царствъ и Вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ постился; Духовенство день и ночь молилось въ храмахъ. Одинъ Св. Людовикъ, мужественный Король Французскій, не терялъ бодрости, и спокойно отвѣтствовалъ матери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечь свой, смѣло встрѣтитъ варваровъ. Но Папа, Иннокентій IV, желая миромъ удалить бурю, отправилъ къ Хану Монаховъ съ дружелюбными письмами ([46]). Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ Пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Италіи чрезъ Россію, и сообщаетъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ ея состояніи и Моголахъ. Увидимъ, что Папа, думая о Татарахъ, не забывалъ и нашихъ предковъ, усильно домогаясь подчинить насъ Латинской Церкви. Несчастія Россіянъ давали ему тѣмъ болѣе надежды успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ.

«Въ Мазовіи» — пишетъ Карпинъ — «встрѣтили мы Князя Россійскаго, Василька» (брата Даніилова, ходившаго

тогда съ Мазовскимъ Герцогомъ на Ятвяговъ), «который разсказалъ намъ весьма много любопытнаго о Татарахъ. Узнавъ, что не должно ѣхать въ Орду съ пустыми руками, мы купили нѣсколько бобровыхъ и другихъ шкуръ. Конрадъ, Герцогъ Краковскій, Епископъ и Бароны Польскіе снабдили насъ также всякими мѣхами, прося Князя Василька быть нашимъ покровителемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали мы въ его столицу (Владиміръ Волынскій), гдѣ, отдохнувъ, желали бесѣдовать съ Россійскими Епископами, и предложили имъ письма отъ Папы, который убѣждалъ ихъ присоединиться къ Латинской Церкви; но Епископы и Василько отвѣтствовали, что они не могутъ ничего сказать намъ безъ Князя Даніила, брата Василькова, бывшаго тогда въ Ордѣ. Послѣ чего Василько отправилъ насъ съ вожатымъ въ Кіевъ, куда мы и прибыли благополучно, не смотря на глубокій снѣгъ, холодъ и многія опасности (47): ибо Литовцы безпрестанными набѣгами тревожатъ сію часть Россіи. Жителей вездѣ мало; они истреблены Моголами, или отведены ими въ плѣнъ. Въ Кіевѣ наняли мы Татарскихъ лошадей, а своихъ оставили: ибо онѣ могли бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни сѣна, ни соломы; а Татарскія, разбивая копытами снѣгъ, питаются одною мерзлою травою.

«Первое мѣсто, въ коемъ живутъ Моголы (близъ Кіева), называется *Хановымъ*. Они со всѣхъ сторонъ окружили насъ, спрашивая, за чѣмъ и куда ѣдемъ. Я отвѣчалъ, что мы Послы отца и владыки всѣхъ Христіанъ, который, ничѣмъ не оскорбивъ Государей Татарскихъ, съ крайнимъ изумленіемъ свѣдалъ о разореніи Венгріи и Польши, гдѣ живутъ *его подданные;* что онъ, желая мира, въ письмахъ своихъ убѣждаетъ Хановъ принять Вѣру Христіанскую, безъ коей нѣтъ спасенія. Моголы удовольствовались нѣкоторыми подарками и дали намъ вожатыхъ до Орды главнаго ихъ начальника. Онъ называется Куремсою, предводительствуетъ шестидесятью тысячами воиновъ и хранитъ западные предѣлы Могольскихъ владѣній. — Куремса отправилъ насъ къ Батыю, первѣйшему изъ Хановъ послѣ Великаго.

«Мы проѣхали всю землю Половецкую, обширную равнину, гдѣ текутъ рѣки Днѣпръ, Донъ, Волга, Яикъ, и гдѣ лѣтомъ кочуютъ Татары, повинуясь разнымъ Воеводамъ (48), а зимою приближаются къ морю *Греческому* (или Черному). Самъ Батый живетъ на берегу Волги, имѣя пышный, великолѣпный Дворъ, и 600,000 воиновъ, 160,000 Татаръ и 450,000 иноплеменниковъ, Христіанъ и другихъ подданныхъ. Въ Пятницу Страстныя недѣли провели насъ въ ставку его между двумя огнями, для того, какъ говорили Татары, что огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько разъ кланяться и вступить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и Вельможи на скамьяхъ; другіе на землѣ, мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго полотна, принадлежалъ Королю Венгерскому: никто не смѣетъ входить туда безъ особеннаго дозволенія, кромѣ семейства Ханскаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ, и Батый съ великимъ вниманіемъ читалъ письма Иннокентіевы, переведенныя на языки Славянскій, Арабскій и Татарскій. Между тѣмъ онъ и Вельможи его пили изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ: при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями. Батый имѣетъ лице красноватое (49); ласковъ въ обхожденіи съ своими, но грозенъ для всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ, и славится опытностію. — Онъ велѣлъ намъ ѣхать къ Великому Хану.

«Хотя мы были весьма слабы, ибо питались во весь постъ однимъ просомъ и пили только снѣжную воду, однакожь ѣхали скоро, пять или шесть разъ въ день мѣняя лошадей, гдѣ находили ихъ. Земля Половецкая во многихъ мѣстахъ есть дикая степь: жители истреблены Татарами, или бѣжали; другіе признали себя ихъ подданными. Она граничитъ къ Сѣверу съ Россіею, Мордвою, Болгаріею, Башкиріею (pays des Bastarques), отечествомъ Венгровъ, и съ Самоѣдами (Samogedes), обитающими на пустынныхъ берегахъ Океана (50); къ Югу съ Аланами (Оссетинцами), Черкесами, Козарами и Греціею. За Половцами начинается страна Кангитовъ (Канглей или Хвалисовъ), совершенно безводная, и мало населенная. Въ сей печальной степи (нынѣ Киргизской) умерли отъ жажды Бояре Ярослава, Князя

Россійскаго, посланные имъ въ Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся земля опустошена Моголами; жители, не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, и такъ же, какъ Половцы, не знаютъ хлѣбопашества, а кормятся однимъ скотоводствомъ.

«Около Вознесенія Христова въѣхали мы въ страну Бесерменовъ (Харазовъ или Хивинцевъ) «говорящихъ языкомъ Половцевъ, но исповѣдующихъ Вѣру Сарацинскую ([51]). Тамъ представилось намъ множество селъ и городовъ опустошенныхъ. Владѣтель ихъ, называемый Великимъ Султаномъ, погибъ со всѣмъ родомъ отъ меча Татарскаго. Сія земля имѣетъ большія горы и сопредѣльна къ Сѣверу (Востоку) съ Черными Китанами (въ Малой Бухаріи), гдѣ живетъ Сибанъ, братъ Батыевъ, и гдѣ находится дворецъ Ханскій ([52]). Далѣе мы увидѣли обширное озеро (Байкалъ), оставили его на лѣвой сторонѣ, и чрезъ землю кочующихъ Наймановъ въ исходѣ Іюня прибыли въ отечество Моголовъ, которые суть истинные Татары.

Уже нѣсколько лѣтъ они готовились къ избранію Великаго Хана; но Гаюкъ еще не былъ торжественно возглашенъ Октаевымъ преемникомъ; онъ велѣлъ намъ ждать сего времени, и послалъ къ матери, вдовствующей супругѣ Октаевой, именемъ Тураканѣ, у коей собирались всѣ чиновники и старѣйшины: ибо она была тогда правительницею. Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣстить болѣе 2000 человѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато украшенныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою ([53]). Одежда ихъ въ первый день была *пурпуровая бѣлая*, на другой день красная, на третій синеватая, а на четвертый алая. Народъ толпился внѣ ограды. У воротъ стояли воины съ обнаженными мечами; въ другія ворота, хотя оставленныя безъ стражи, никто не смѣлъ входить, кромѣ Гаюка. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и хотѣли насъ также поить; но мы отказались. Они вездѣ давали первое мѣсто намъ и Россійскому Князю Ярославу; тутъ же находились два сына Грузинскаго Царя, Посолъ Калифа Багдадскаго и многіе другіе Послы Сарацинскіе, числомъ до четырехъ тысячь: одни съ дарами, иные съ данію.

«Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣсяцъ въ семъ шумномъ станѣ, называемомъ Сыра Орда, и часто видѣли Гаюка. Когда онъ выходилъ изъ шатра своего, пѣвцы обыкновенно шли впереди и громко пѣли его славу. Наконецъ Дворъ переѣхалъ въ другое мѣсто, и расположился на берегу ручья, орошающаго прекрасную долину, гдѣ стоялъ великолѣпный шатеръ, называемый *Златая Орда*. Столпы сего шатра, внутри и снаружи украшеннаго богатыми тканями, были окованы золотомъ. Тамъ надлежало Гаюку торжественно возсѣсть на престолъ въ день Успенія Богоматери. Но ужасная непогода, градъ и снѣгъ препятствовали совершенію обряда до 24 Августа. Въ сей день собрались Вельможи, и смотря на Югъ, долго молились Всевышнему; послѣ чего возвели Гаюка на златый тронъ, и преклонили колѣна; народъ также. Князья и Вельможи говорили Императору: *мы хотимъ и требуемъ, чтобы ты повелѣвалъ нами.* Гаюкъ спросилъ: *желая имѣть меня Государемъ, готовы ли вы исполнять мою волю; являться, когда позову васъ; итти, куда велю, и предать смерти всякаго, кого наименую?* Всѣ отвѣтствовали: *готовы!...* *И такъ* (сказалъ Гаюкъ) *слово мое да будетъ отнынѣ мечемъ*! Вельможи взяли его за руку, свели съ трона и посадили на войлокъ, говоря Императору: *Надъ тобою Небо и Всевышній; подъ тобою земля и войлокъ. Если будешь любить наше благо, милость и правду, уважая Князей и Вельможъ по ихъ достоинству, то царство Гаюково прославится въ мірѣ, земля тебѣ покорится и Богъ исполнитъ всѣ желанія твоего сердца. Но если обманешь надежду подданныхъ, то будешь презрителенъ, и столь бѣденъ, что самый войлокъ, на которомъ сидишь, у тебя отнимется.* Тогда Вельможи, поднявъ Гаюка на рукахъ, возгласили его Императоромъ, и принесли къ нему множество серебра, золота, камней драгоцѣнныхъ и всю казну умершаго Хана, а Гаюкъ часть сего богатства роздалъ чиновникамъ въ знакъ ласки и щедрости. Между тѣмъ готовился пиръ для Князей и народа: пили до самой ночи, и развозили въ телегахъ мясо, вареное безъ соли.

«Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45 лѣтъ, росту средняго, отмѣнно уменъ, догадливъ и столь важенъ, что никогда не смѣется. Христіане, служащіе ему, увѣряли насъ, что онъ думаетъ принять Вѣру Спасителеву, ибо держитъ у себя

Христіанскихъ Священниковъ и дозволяетъ имъ всенародно передъ своимъ шатромъ отправлять Божественную службу по обрядамъ Греческой Церкви. Сей Императоръ говоритъ съ иностранцами только черезъ переводчиковъ, и всякой, кто подходитъ къ нему, долженъ стать на колѣна. У него есть гражданскіе чиновники и Секретари, но нѣтъ стряпчихъ: ибо Моголы не терпятъ ябеды, и слово Ханское рѣшитъ тяжбу. Что скажетъ Государь, то и сдѣлано; никто не смѣетъ возражать или просить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ, пылая славолюбіемъ, готовъ цѣлый міръ обратить въ пепелъ. Смерть Октаева удержала Моголовъ въ ихъ стремленіи сокрушить Европу: нынѣ, имѣя новаго Хана, они ревностно желаютъ кровопролитія, и Гаюкъ, едва избранный, въ первомъ совѣтѣ съ Князьями своими положилъ объявить войну Церкви нашей, Имперіи Римской, всѣмъ Государямъ Христіанскимъ и народамъ Западнымъ, если Св. Отецъ — чего Боже избави — не исполнитъ его требованій, то есть, не покорится ему со всѣми Государями Европейскими: ибо Моголы, слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣнно хотятъ овладѣть вселенною.

«Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ насъ, равно какъ и другихъ Пословъ. Секретарь его сказывалъ ему имя каждаго; однакожь не многіе изъ нихъ были впущены въ ставку Императорскую. Дары, поднесенные ими Хану, состояли въ шелковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также вельблюдахъ и лошакахъ, богато украшенныхъ. Между сими безчисленными дарами мы замѣтили одинъ зонтикъ, весь осыпанный драгоцѣнными камнями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло болѣе пяти сотъ телегъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ, шелковыми одеждами: что все было отдано Хану, Князьямъ и Вельможамъ, которые послѣ дарили тѣмъ своихъ чиновниковъ. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имѣли.

«Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ не хотѣлъ вступить съ нами въ переговоры, и мы около мѣсяца жили праздно, въ скукѣ, въ недостаткѣ, получая отъ Моголовъ на пять дней не болѣе того, что надлежало издержать въ одинъ день; а купить было нечего. Къ счастію, добрый Россіянинъ, золотарь, именемъ Комъ, любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ всѣмъ нужнымъ. Онъ сдѣлалъ печать для Хана и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и камнями драгоцѣнными съ разными изображеніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ свою работу. — Наконецъ Гаюкъ, призвавъ насъ, спросилъ, есть ли у Папы люди знающіе языкъ Татарскій, Русскій или Арабскій? Нѣтъ, отвѣчали мы: хотя въ Европѣ и находятся нѣкоторые Арабы, но далеко отъ того мѣста, гдѣ живетъ Папа. Впрочемъ мы брались сами перевести на Латинскій языкъ, что будетъ угодно Хану написать къ Св. Отцу. Въ слѣдствіе того пришелъ къ намъ Кадакъ, государственный Министръ, съ тремя Ханскими Секретарями, для сочиненія грамоты, которую мы, слушая ихъ, писали на Латинскомъ языкѣ, и толковали имъ каждое слово: ибо они боялись ошибки въ переводѣ, и спрашивали, ясно ли разумѣемъ, что пишемъ? Приставы наши говорили, что Ханъ отправитъ съ нами собственныхъ Пословъ въ Европу, если будемъ о томъ просить его; но сего мы не хотѣли: во-первыхъ для того, что они увидѣли бы несогласіе и междоусобіе Государей Христіанскихъ, столь благопріятное для невѣрныхъ; во-вторыхъ, ежели бы съ Послами Гаюка сдѣлалось какое несчастіе въ Европѣ, то онъ еще болѣе остервенился бы противъ Христіанъ. Къ тому же Ханъ не уполномочилъ бы сихъ Пословъ для заключенія надежнаго мира, а велѣлъ бы имъ единственно вручить письма Св. Отцу такого же содержанія, какъ и данныя намъ за его печатію (54).

«Откланявшись Гаюку и матери его, которая дала намъ по шубѣ лисьей и по красному кафтану, мы отправились въ обратный путь, 14 Ноября, чрезъ необозримыя пустыни; не видали ни селеній, ни лѣсовъ; ночевали въ степяхъ, на снѣгу, и пріѣхали къ Вознесенію въ станъ Батыевъ, чтобы взять у него письма къ Папѣ. Но Батый сказалъ, что онъ не можетъ ничего прибавить къ отвѣту Хана, и далъ намъ пропускъ, съ коимъ мы благополучно доѣхали до Кіева, гдѣ считали насъ уже мертвыми, равно какъ и въ Польшѣ. Князь Россійскій Даніилъ и братъ его, Василько, оказали намъ много ласки въ своемъ владѣніи, и собравъ Епископовъ, Игуменовъ, знатныхъ людей, съ общаго согласія объявили, что они *намѣрены признать Св. Отца Главою ихъ Церкви, подтверждая все сказанное ими о томъ прежде чрезъ особеннаго Посла, бывшаго у Папы.*»

Сіе важное извѣстіе согласно съ грамотами Иннокентія IV, съ лѣтописями Польскими и нашими собственными. Занимаясь великимъ намѣреніемъ свергнуть иго Батыево, Даніилъ съ горестію видѣлъ слабость Россіи, уныніе Князей и народа; не могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе, и долженствовалъ искать способовъ внѣ отечества. Единовѣрная Греція, стѣсненная Аравитянами, Турками, Крестоносцами, едва существовала: Даніилъ обратилъ глаза на Западъ, гдѣ Римъ былъ душею и средоточіемъ всѣхъ государственныхъ движеній. Сей Князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать Иннокентію, что желаетъ соединить Церковь нашу съ Латинскою, готовый подъ ея знаменами итти противъ Моголовъ. Началось дружелюбное сношеніе съ Римомъ [55]. Папа, называя Даніила Королемъ и любезнѣйшимъ сыномъ, велѣлъ Архіепископу ѣхать въ Галицію, и выбрать тамъ Святителей изъ ученыхъ Монаховъ Католическихъ; объявилъ снисходительно, что всѣ обряды Греческой Вѣры, не противные Латинской, могутъ и впредь быть у насъ соблюдаемы невозбранно (какъ-то служеніе на квасныхъ просфирахъ), и въ знакъ особенной благосклонности утвердилъ супружество Князя Василька, женатаго на родственницѣ *въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ* (такъ сказано въ письмѣ Иннокентіевомъ, гдѣ сія дочь Георгія Суздальскаго именована *Добравою);* наконецъ, чтобы обольстить Даніилово честолюбіе, предложилъ ему вѣнецъ Королевскій. Разумный Князь отвѣтствовалъ: «требую войска, а не вѣнца, украшенія суетнаго, пока варвары господствуютъ надъ нами [56].» Иннокентій обѣщалъ и войско: но Даніилъ въ ожиданіи того медлилъ объявить себя Католикомъ; оба хитрили, досадовали, и въ 1249 году Легатъ Папскій съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Посредничество Короля Венгерскаго утушило сію явную ссору: въ залогъ милости Иннокентій (въ 1253 или 1254 году) прислалъ къ Даніилу вѣнецъ съ другими Царскими украшеніями. Достойно замѣчанія, что Князь Галицкій, нечаянно встрѣтивъ Пословъ Римскихъ въ Краковѣ, не хотѣлъ видѣть ихъ, сказавъ: «мнѣ, какъ Государю, непристойно бесѣдовать съ вами въ землѣ чуждой.» Онъ вторично не хотѣлъ принять и короны; но убѣжденный матерію, вдовствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны Христіанъ отъ Батыя, и до всеобщаго Собора не осуждалъ Догматовъ Греческой Церкви: въ слѣдствіе чего Даніилъ призналъ Папу *своимъ отцемъ* и Намѣстникомъ Св. Петра, коего властію Посолъ Иннокентіевъ, Аббатъ Мессинскій, въ присутствіи народа и Бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ, и Князь Галицкій съ того времени именовался *Королемъ;* а Папа написалъ грамоту къ Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другимъ народамъ, чтобы они вмѣстѣ съ Галичанами *подъ знаменіемъ креста* ударили на Моголовъ [57]; но какъ отъ безразсуднаго междоусобія Христіанскихъ Государей сіе ополченіе не состоялось, то Даніилъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ Папы, Александра IV, который (въ 1257 году) писалъ къ нему, что «онъ забылъ *духовныя* и *временныя* благодѣянія Церкви, вѣнчавшей и помазавшей его на царство; не исполнилъ своихъ обѣтовъ, и погибнетъ, если съ новымъ раскаяніемъ не обратится на путь истины; что клятва церковная и булатъ мірскій готовы наказать неблагодарнаго [58].» Въ надеждѣ смирять Моголовъ Посольствами и дарами, новый Король Галицкій, богатый казною, сильный войскомъ, окруженный сосѣдами или несогласными или слабыми, уже смѣялся надъ злобою Папы, и строго наблюдая уставы Греческой Церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ Латинской было одною государственною хитростію [59].

*Политика Даніилова.* *Даніилъ Король Галицкій.*

Обращаясь къ путешествію Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствѣ, нравахъ и Вѣрѣ Моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясное понятіе о народѣ, который столь долгое время угнеталъ Россію.

«Татары (повѣствуетъ Карпинъ) отличны видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей, имѣя щеки выпуклыя и надутыя, глаза едва примѣтные, ноги маленькія; большею частію ростомъ не высоки и худы [60]; лицемъ смуглы и рябы. Они брѣютъ волосы за ушами и спереди на лбу, отпуская усы, бороду и длинныя косы назади; выстригаютъ себѣ также гуменцо, подобно нашимъ Священникамъ. Мужчины и женщины носятъ кафтаны парчевые, шелковые и клееношные, или шубы навыворотъ (получая ткани изъ Персіи, а мѣха изъ Россіи, Болгаріи, земли



150

Мордовской, Башкиріи) и какія-то странныя высокія шапки ([61]). Живутъ въ шатрахъ, сплетенныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ войлоками; вверху дѣлается отверстіе, чрезъ которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ: ибо у нихъ всегда пылаетъ огонь въ ставкѣ. Стада и табуны Могольскіе безчисленны: въ цѣлой Европѣ нѣтъ такого множества лошадей, вельблюдовъ, овецъ, козъ и рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная каша есть главная пища сихъ дикарей, довольныхъ малымъ ея количествомъ. Они не знаютъ хлѣба; ѣдятъ все нечистыми руками, обтирая ихъ объ сапоги или траву; не моютъ ни котловъ, ни самой одежды своей; любятъ кумысъ и пьянство до крайности, а медъ, пиво и вино получаютъ иногда изъ другихъ земель. Мужчины не занимаются никакими работами: иногда присматриваютъ только за стадами или дѣлаютъ стрѣлы. Младенцы трехъ и двухъ лѣтъ уже садятся на лошадь; женщины также ѣздятъ верхомъ, и многія стрѣляютъ изъ лука не хуже воиновъ; въ хозяйствѣ же удивительно трудолюбивы: стряпаютъ, шьютъ платье, сапоги; чинятъ телеги, навьючиваютъ вельблюдовъ. Вельможи и богатые люди имѣютъ до ста женъ; двоюродные совокупляются бракомъ, пасынокъ съ мачихою, невѣстки съ деверемъ. Женихъ обыкновенно покупаетъ невѣсту у родителей, и весьма дорогою цѣною. Не только прелюбодѣяніе, но и блудъ наказывается смертію, равно какъ и воровство, столь необыкновенное, что Татары не употребляютъ замко́въ; боятся, уважаютъ чиновниковъ, и въ самомъ пьянствѣ не ссорятся или по крайней мѣрѣ не дерутся между собою; скромны въ обхожденіи съ женщинами и ненавидятъ срамословіе; терпѣливо сносятъ зной, морозъ, голодъ, и съ пустымъ желудкомъ поютъ веселыя пѣсни; рѣдко имѣютъ тяжбы, и любятъ помогать другъ другу; но за то всѣхъ иноплеменныхъ презираютъ, какъ мы видѣли собственными глазами: на примѣръ, Ярославъ, Великій Князь Россійскій, и сынъ Царя Грузинскаго, будучи въ Ордѣ, не смѣли иногда сѣсть выше своихъ приставовъ. Татаринъ не обманываетъ Татарина; но обмануть иностранца считается похвальною хитростію.

«Что касается до ихъ Закона, то они вѣруютъ въ Бога, Творца Вселенныя, награждающаго людей по ихъ достоинству; но приносятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ войлока или шелковой ткани, считая ихъ покровителями скота; обожаютъ солнце, огонь, луну, называя оную великою царицею, и преклоняютъ колѣна, обращаясь лицемъ къ Югу; славятся терпимостію и не проповѣдуютъ Вѣры своей; однакожь принуждаютъ иногда Христіанъ слѣдовать обычаямъ Могольскимъ: въ доказательство чего разскажемъ случай, которому мы были свидѣтелями. Батый велѣлъ умертвить одного Князя Россійскаго, именемъ Андрея ([62]), будто бы за то, что онъ, вопреки Ханскому запрещенію, выписывалъ для себя лошадей изъ Татаріи, и продавалъ чужеземцамъ. Братъ и жена убитаго Князя, пріѣхавъ къ Батыю, молили его не отнимать у нихъ Княженія: онъ согласился, но принудилъ деверя къ брачному совокупленію съ невѣсткою, по обычаю Моголовъ ([63]).

«Не вѣдая правилъ истинной добродѣтели, они вмѣсто законовъ имѣютъ какія-то преданія, и считаютъ за грѣхъ бросить въ огонь ножикъ, опереться на хлыстъ, умертвить птенца, вылить молоко на землю, выплюнуть изо-рта пищу; но убивать людей и разорять Государства кажется имъ дозволенною забавою. О жизни вѣчной не умѣютъ сказать ничего яснаго, а думаютъ, что они и тамъ будутъ ѣсть, пить, заниматься скотоводствомъ и проч. Жрецы ихъ суть такъ называемые волхвы, гадатели будущаго, коихъ совѣтъ уважается ими во всякомъ дѣлѣ. (Глава ихъ, или Патріархъ, живетъ обыкновенно близъ шатра Ханскаго ([64]). Имѣя астрономическія свѣдѣнія, они предсказываютъ народу солнечныя и лунныя затмѣнія).

Когда занеможетъ Татаринъ, родные ставятъ передъ шатромъ копье, обвитое чернымъ войлокомъ: сей знакъ удаляетъ отъ больнаго всѣхъ постороннихъ. Умирающаго оставляютъ и родные. Кто былъ при смерти человѣка, тотъ не можетъ видѣть ни Хана, ни Князей до новой луны. Знатныхъ людей погребаютъ тайно, съ пищею, съ осѣдланнымъ конемъ, серебромъ и золотомъ; телега и ставка умершаго должны быть сожжены, и никто не смѣетъ произнести его имени до третьяго поколѣнія.—Кладбище Хановъ, Князей, Вельможъ, неприступно: гдѣ бы они ни скончали жизнь свою, Моголы отвозятъ ихъ тѣла въ сіе мѣсто; тамъ погребены многіе, убитые въ Венгріи. Стражи едва было не застрѣлили насъ,

когда мы нечаянно приближились къ гробамъ.

«Таковъ сей народъ, ненасытимый въ кровопролитіи. Побѣжденные обязаны давать Моголамъ десятую часть всего имѣнія, рабовъ, войско, и служатъ орудіемъ для истребленія другихъ народовъ. Въ наше время Гаюкъ и Батый прислали въ Россію Вельможу своего, съ тѣмъ, чтобы онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сыновей третьяго; но сей человѣкъ нахваталъ множество людей безъ всякаго разбора, и переписалъ всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ каждаго изъ нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы, хорька (65), и черною лисьею; а не платящіе должны быть рабами Моголовъ. Сіи жестокіе завоеватели особенно стараются искоренять Князей и Вельможъ; требуютъ отъ нихъ дѣтей въ аманаты, и никогда уже не позволяютъ имъ выѣхать изъ Орды. Такъ *сынъ Ярославовъ* и Князь Ясскій живутъ въ неволѣ у Хана. Начальники Могольскіе въ земляхъ завоеванныхъ именуются Баскаками, и при малѣйшемъ неудовольствіи льютъ кровь людей безоружныхъ: такъ истребили они *великое число Россіянъ, обитавшихъ въ землѣ Половецкой* (66).

Однимъ словомъ, Татары хотятъ исполнить завѣщаніе Чингисханово и покорить всю землю: для того Гаюкъ именуетъ себя въ письмахъ *Государемъ міра*, прибавляя: *Богъ на небесахъ, я на землѣ*. Онъ готовится послать въ Мартѣ 1247 году одну рать въ Венгрію, а другую въ Польшу; черезъ три года перейти за Донъ и 18 лѣтъ воевать Европу. Моголы и прежде, побѣдивъ Короля Венгерскаго, думали итти безпрестанно далѣе и далѣе; но внезапная смерть Хана, *отравленнаго ядомъ*, остановила тогда ихъ стремленіе (67). Гаюкъ намѣренъ еще завоевать Ливонію и Пруссію. Государи Европейскіе должны соединенными силами предупредить замыслы Хана, или будутъ его рабами.»

Провидѣніе спасло Европу: ибо Гаюкъ жилъ не долго, и преемникъ его, Мангу, озабоченный внутренними безпорядками въ своихъ Азіатскихъ владѣніяхъ, не могъ исполнить Гаюкова намѣренія. Но Западъ еще долгое время страшился Востока, и Святый Людовикъ, находясь въ Кипрѣ, въ 1253 году вторично отправилъ Монаховъ въ Татарію съ дружелюбными письмами, услышавъ, что Великій Ханъ принялъ Вѣру Спасителеву. Сей слухъ оказался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣли при себѣ Христіанскихъ Священниковъ, позволяли имъ спорить съ идолопоклонниками и Магометанами, даже обращать женъ Ханскихъ; но сами держались Вѣры отцевъ своихъ. Рубруквисъ, Посолъ Людовиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или *Козаріи* (гдѣ жили многіе Греки съ Готѳами подъ властію Моголовъ) (68), чрезъ нынѣшнюю землю Донскихъ Козаковъ, Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую Губернію, гдѣ въ густыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ разсѣянныхъ хижинахъ обитали Мокшане и Мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые только звѣриными кожами, медомъ и соколами (69). Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положилъ свою голову въ Венгріи, и Мокшане, узнавъ тамъ Нѣмцевъ, говорили объ нихъ съ великою похвалою, желая, чтобы они избавили міръ отъ ненавистнаго ига Татарскаго. Батый кочевалъ въ Казанской Губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя тамъ лѣто, а въ Августѣ мѣсяцѣ начиная спускаться внизъ по ея теченію, къ странамъ южнымъ (70). Въ станѣ Могольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество Россіянъ, Венгровъ, Ясовъ, которые, заимствуя нравы своихъ побѣдителей, скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. При Дворѣ сына Батыева, Сартака, жилъ одинъ изъ славныхъ Рыцарей Храма, и пользовался довѣренностію Моголовъ, часто разсказывая имъ о Европейскихъ обычаяхъ и силѣ тамошнихъ Государей. — Рубруквисъ отъ береговъ Волги отправился въ южную Сибирь, и пріѣхавъ къ Великому Хану, старался доказать ему превосходство Вѣры Христіанской (71); но Мангу равнодушно отвѣтствовалъ: «Моголы знаютъ, что есть Богъ, и любятъ Его всею душею. Сколько у тебя на рукѣ пальцевъ, столько или болѣе можно найти путей ко спасенію. Богъ далъ вамъ Библію, а намъ волхвовъ: вы не исполняете ея предписаній, а мы слушаемся своихъ наставниковъ, и ни съ кѣмъ не споримъ... Хочешь ли золота? Взявъ его изъ казны моей, иди, куда тебѣ угодно.» Посолъ Людовиковъ нашелъ при Дворѣ Ханскомъ Россійскаго Архитектора и Діакона, Венгровъ, Англичанъ и весьма искуснаго золотаря Парижскаго, именемъ Гильйома, жившаго у Мангу въ чести и въ великомъ изоби-

151

ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сѣлъ на престолѣ Владимірскомъ; а дядя ихъ Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ Орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ (83).

г. 1250. Удѣльные Князья Владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака, и часто бывали въ его станѣ — какъ то Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Васильковичь Бѣлозерскій — ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи (84). Дряхлость Батыева.

Въ сіе время Герой Невскій, коего имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ, обратилъ на себя вниманіе Рима, и получилъ отъ Папы, Иннокентія IV, письмо, врученное ему, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ, двумя хитрыми Кардиналами, Гальдомъ и Гемонтомъ (85). Посольство изъ Рима. Иннокентій увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Татаріи у Великаго Хана, съ вѣдома или по совѣту какого-то Боярина далъ слово Монаху Карпину принять Вѣру Латинскую, и безъ сомнѣнія исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному стаду Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастія; что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не слушаясь Бога и Римскаго Его Намѣстника; что Князь и народъ Россійскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Западныя Церкви; что Александръ долженъ, какъ вѣрный стражъ Христіанъ, немедленно увѣдомить Рыцарей Ливонскаго Ордена, если Моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніе хвалитъ Невскаго за то, что онъ не призналъ надъ собою власти Хана: ибо Иннокентій еще не слыхалъ тогда о путешествіи сего Князя въ Орду. Александръ, призвавъ мудрыхъ людей, совѣтовался съ ними, и написалъ къ Папѣ: «мы знаемъ истинное ученіе Церкви, а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ.» Онъ безъ сомнѣнія не повѣрилъ клеветѣ на память отца его: самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

Новогородцы встрѣтили Невскаго съ г. 1251. живѣйшею радостію: также и Митрополита Кирилла, который прибылъ изъ Владиміра, и къ общему удовольствію посвятилъ ихъ Архіепископа, Далмата (86). Внутреннее спокойствіе Новагорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію Князя Александра, г. 1251—1252. Болѣзнь Александрова. въ коей все Государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе Моголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ Орду множество золота для искупленія Россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, Бояръ и Духовенства: Александръ выздоровѣлъ, и желая оградить безопасностію сѣверную область Новогородскую, отправилъ Посольство къ Норвежскому Посольство въ Норвегію. Королю Гакону въ Дронтгеймъ, предлагая ему, чтобы онъ запретилъ Финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Карелію (87). Посламъ Россійскимъ велѣно было также узнать лично Гаконову дочь, именемъ Христину, на коей Александръ думалъ женить сына своего, Василія. Король Норвежскій, согласный на то и другое, послалъ въ Новгородъ собственныхъ Вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ богатыми дарами; но съ обѣихъ сторонъ желаемый бракъ не могъ тогда совершиться, ибо Александръ, свѣдавъ о новыхъ несчастіяхъ Владимірскаго Княженія, отложилъ семейственное дѣло до инаго, благопріятнѣйшаго времени, и спѣшилъ въ Орду, чтобы прекратить сіи бѣдствія.

Братъ его, Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго (88): княжа въ Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ; слушался юныхъ совѣтниковъ, и видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ Государствѣ отъ слабости Государей, винилъ въ томъ не самаго себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостію въ разсужденіи Моголовъ облегчить судьбу подданныхъ: въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, не-

Бѣгство Андреево. жели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ Боярами. Неврюй, Олабуга, прозваніемъ *Храбрый*, и Котья, Воеводы Татарскіе, уже шли въ сіе время наказать его за какое-то ослуша-
г. 1252, Іюля 24. ніе: настигнувъ Андрея у Переславля, разбили Княжескую дружину, и едва не схватили самого Князя. Обрадованныя случаемъ мстить Россіянамъ какъ мятежникамъ, толпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ Владимірскимъ; брали скотъ, людей; убили въ Переславлѣ Воеводу (89), супругу юнаго Ярослава Ярославича, плѣнили его дѣтей, и съ добычею удалились. — Несчастный Андрей искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ; но жители не хотѣли принять его. Онъ дождался своей Княгини во Псковѣ; оставилъ ее въ Колыванѣ или Ревелѣ у Датчанъ, и моремъ отправился въ Швецію, куда чрезъ нѣкоторое время пріѣхала къ нему и супруга. Но добродушная ласка Шведовъ не могла утѣшить его въ семъ произвольномъ изгнаніи: отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ.

Благоразуміе Александра. Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Сартака на Россіянъ, и признанный въ Ордѣ *Великимъ Княземъ*, съ торжествомъ въѣхалъ въ Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, Игумены, Священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ, также всѣ граждане и Бояре подъ начальствомъ Тысячскаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ Великомъ Княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и Священники къ олтарямъ. — Въ сіе время Татары отпустили отъ себя Рязанскаго Князя, Олега Ингварича, который, долгое время страдавъ въ неволѣ, чрезъ 6 лѣтъ умеръ въ отчизнѣ Монахомъ и Схимникомъ (90). Сынъ его, Романъ, наслѣдовалъ престолъ Рязанскій.

Выѣхавъ изъ Новагорода, Александръ оставилъ тамъ сына своего, Василія, который счастливо отразилъ Литовцевъ.
г. 1253. Псковъ, внезапно осажденный Ливонскими Рыцарями, защищался мужественно. Непріятель отступилъ, свѣдавъ, что идутъ Новогородцы; а Россіяне и Корела, опустошивъ часть Ливоніи, въ окрестностяхъ Наровы разбили Нѣмцевъ, такимъ образомъ наказанныхъ за нарушеніе мира и принужденныхъ согласиться на всѣ требованія побѣдителей (91).

Между тѣмъ, какъ Великій Князь радовался успѣхамъ оружія Новогород- г. 1255.
скаго, онъ былъ изумленъ нечаяннымъ извѣстіемъ, что сынъ его, Василій, съ безчестіемъ изгнанъ оттуда и пріѣхалъ въ Торжекъ. За годъ до сего времени, братъ Невскаго, Ярославъ, княживъ въ Твери, по какимъ-то неудовольствіямъ выѣхалъ оттуда съ Боярами, сдѣлался Княземъ Псковскимъ, и разными хитростями преклонилъ къ себѣ Новогородцевъ. Они стали жаловаться на Василія, Вѣтреность Новогородцевъ.
хотѣли послать Архіепископа съ челобитьемъ къ Александру, и вдругъ, забывъ благодѣянія Невскаго Героя, объявили Ярослава своимъ Правителемъ. Великій Князь, огорченный поступкомъ брата и народа, ему любезнаго, вооружился въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на Вѣчѣ умереть другъ за друга и стали полками на улицахъ. Впрочемъ не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе Бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ: они желали торговаться съ Великимъ Княземъ, чтобы предать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михалко, гражданинъ властолюбивый, который, лаская Посадника Ананію, тайно намѣревался заступить его мѣсто, и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, велѣвъ собраться тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане устремились за нимъ въ погоню; кричали: «онъ измѣнникъ! убьемъ злодѣя!» Но Посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ твердостію: *убейте прежде меня самого!* Въ благодарность за такую услугу Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и Посолъ Великаго Князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, чтобы они выдали ему Посадника, или разгнѣванный Государь будетъ ихъ непріятелемъ (92). Народъ отправилъ къ Александру Далмата Архіепископа и Клима Тысячскаго. «Новгородъ любитъ тебя и не хочетъ противиться своему законному Князю,» говорили ему сіи Послы: «иди къ намъ съ Богомъ, но безъ гнѣва, и не слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ананія

есть добрый гражданинъ.» Александръ, отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденія, требовалъ головы Посадника. Въ подобныхъ случаяхъ Новогородцы стыдились казаться малодушными. «Нѣтъ,» говорилъ народъ: «если Князь вѣритъ Новогородскимъ клятвопреступникамъ болѣе, нежели Новугороду, то Богъ и Святая Софія не оставятъ насъ. Не винимъ Александра, но будемъ тверды.» Они три дни стояли вооруженные. Наконецъ Князь велѣлъ объявить имъ, что онъ удовольствуется смѣною Посадника. Тогда Ананія съ радостію отказался отъ своего верховнаго сана, а коварный Михалко принялъ начальство. Александръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово не стѣснять правъ народныхъ, и съ честію возвратился въ столицу Владимірскую.

Скоро Шведы, Финны и Нѣмцы явились на берегахъ Наровы, и заложили
г. 1256. тамъ городъ (93). Встревоженные Новогородцы послали гонцевъ къ Александру и въ свои области для собранія людей ратныхъ. Хотя опасность миновалась — ибо Шведы ушли, не достроивъ крѣпости — но Великій Князь, немедленно прибывъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ изготовиться къ важному предпріятію, не сказывая ничего болѣе. Только у Копорья, гдѣ Митрополитъ далъ Невскому благословеніе на путь, свѣдали воины, что они идутъ въ Финляндію: устрашенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе Новогородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло множество людей; однакожь Россіяне достигли своей цѣли, то есть, опустошили знатную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію Шведскихъ Историковъ, нѣкоторые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ Шведовъ и насильственными ихъ поступками.

Поручивъ Новгородъ сыну своему, Василію, Александръ долженствовалъ
Смерть Батыева. снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла великая перемѣна (94). Батый умеръ: сынъ его — вѣроятно Сартакъ — хотѣлъ господствовать надъ Татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника согласно съ волею Великаго Хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ, и ввѣрилъ дѣла Россійскія своему Намѣст-
г. 1257. нику Улавчію. Сей Вельможа принималъ нашихъ Князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и братомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился тогда въ отечество и жилъ въ Суздалѣ). Вѣроятно, что они, свѣдавъ намѣреніе Татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому Княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно: въ слѣдъ за ними пріѣхали чиновники Татарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жителей, и поставили надъ ними Десятниковъ, Сотниковъ, Темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и Монаховъ. Хитрость достойная замѣчанія. Моголы, вступивъ въ наше отечество, съ равною свирѣпостію лили кровь и мірянъ и Духовныхъ, ибо не думали жить близъ его предѣловъ, и страшась оставить за собою многочисленныхъ враговъ, хотѣли мимоходомъ истребить всѣхъ людей; но обстоятельства перемѣнились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать въ привольныхъ окрестностяхъ Волги и Дона: Ханъ ея для своихъ выгодъ долженъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ щадить подданную ему Россію, богатую естественными и для самыхъ варваровъ нужными произведеніями; узнавъ же власть Духовенства надъ совѣстію людей, вообще усердныхъ къ Вѣрѣ, Моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало Россіянъ противоборствовать игу Татарскому, и чтобы Ханъ тѣмъ спокойнѣе могъ повелѣвать нами. Изъявляя уваженіе къ Духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога Русскаго, какъ думалъ народъ. — Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ Орды Глѣбъ Васильковичь: сей Князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ Великому Хану, и тамъ женился, безъ сомнѣнія на какой нибудь Могольской Христіанкѣ, ибо самыя жены Хановъ явно исповѣдывали Вѣру Спасителеву (95). Онъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды своему утѣсненному отечеству.

Исчисленіе жителей въ Россіи.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Великій Князь вторично ѣздилъ къ Улавчію съ г. 1257 —1258.
Борисомъ Ростовскимъ, съ Андреемъ Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (который, признавъ вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Намѣстникъ Ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также пла-

тилъ дань поголовную (96): Герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ Новогородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ Татарскими чиновниками и съ Князьями, Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые и Посадникъ Михалко, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ, и что сопротивленіе безполезно: народъ отвѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ Посадника и выбралъ другаго. Самъ юный Князь Василій, по внушенію своихъ Бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ, и не могъ ничѣмъ перемѣнить его: они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили Могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ Ханомъ, однакожь свободными отъ ига рабскаго.

Казнь Бояръ. Великій Князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю; а Бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца (97); столь власть родительская казалась священною!

г. 1259. Александръ остался въ Новѣгородѣ, и предвидя, что Ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско Ханово уже готово итти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и Великій Князь увѣдомилъ Моголовъ о его покорности (98). Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими товарищами явились на берегахъ Волхова для переписи людей, и начали было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники Могольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ Посадникова сына и Боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю Княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани, и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что Татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ (99). Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ Могольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву Хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ въ Владиміръ. Народъ поколебался: Бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную выю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ Лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая Моголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. — И такъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ Баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ Орду или чрезъ Великихъ Князей. — Моголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностію и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. — Вельможи Татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ Великое Княженіе черезъ Ростовъ, гдѣ вдовствующая супруга Василькова, Марія, Князь Борисъ и Глѣбъ угостили его съ любовію (100); но сей Государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи?

Отечество наше рабствовало отъ Днѣстра до Ильменя. Даніилъ Галицкій, будучи смѣлѣе Александра, тщетно думалъ по смерти Батыя избавиться отъ власти Моголовъ. Дѣятельностію ума необыкновеннаго возстановивъ свое Кня- Покушеніе Даніилово свергнуть иго.



154

женіе и загладивъ въ немъ слѣды Татарскаго опустошенія, онъ бралъ участіе въ дѣлахъ Европы, и два раза ходилъ помогать Белѣ Венгерскому, непріятелю Императора Фридерика и Короля Богемскаго ([101]). (Венгры, по словамъ Лѣтописца, удивлялись стройности полковъ Россійскихъ, ихъ Татарскому оружію, и пышности самого Князя, его богатой одеждѣ Греческой, обшитой золотыми кружевами, — саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ драгоцѣнными металлами съ блестящею рѣзьбою). Сія вражда была за области умершаго Герцога Австрійскаго, Фридерика: Бела, Императоръ и Король Богемскій хотѣли овладѣть ими. Первый объявилъ себя защитникомъ дочери Фридериковой, именемъ Гертруды, уступившей ему свои наслѣдственныя права; женилъ на ней Даніилова сына, Романа; отправилъ ихъ въ Юденбургъ (*), и клялся Гертрудѣ отдать ей Австрію и Стирію, какъ скоро завоюетъ оныя. Тѣмъ усерднѣе Даніилъ доброжелательствовалъ Королю Венгерскому; не смотря на глазную болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть, выступилъ въ поле съ Краковскимъ Герцогомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носсельтъ, выжегъ окрестности Троппавскія и возвратился, довольный мыслію, что никто изъ древнихъ Героевъ Россійскихъ, ни Св. Владиміръ, ни великій отецъ его, не воевалъ столь далеко въ землѣ Нѣмецкой. Хотя Бела не исполнилъ даннаго Гертрудѣ слова и даже не защитилъ ея супруга, осажденнаго Богемскимъ Принцемъ въ Юденбургѣ (такъ что Романъ, оставивъ беременную жену, принужденъ былъ уйти къ отцу): но Даніилъ остался другомъ Венгровъ. — Счастливыя войны съ Ятвягами и съ Литвою болѣе и болѣе прославляли мужество сего Князя ([102]). Первые, не находя безопасности и за своими лѣсистыми болотами, согласились платить ему дань черными куницами и серебромъ. Въ Литвѣ господствовалъ тогда славный Миндовгъ, баснословно производимый нѣкоторыми Лѣтописцами отъ племени древнихъ Римлянъ, а другими отъ нашихъ Князей Полоцкихъ ([103]). Онъ жилъ въ Керновѣ, повелѣвалъ всѣми иными Князьками Литовскими, и грабя сосѣдственныя земли Христіанскія, искалъ пріязни одного Даніила, который женился вторымъ бракомъ на его племянницѣ. Нѣсколько времени бывъ друзьями, они сдѣлались непріятелями. Миндовгъ, опасаясь честолюбивыхъ братьевъ Даніиловой супруги, Товтивила и Эдивида, велѣлъ имъ воевать Смоленскую область, но въ то же время замышлялъ ихъ убить. Племянники свѣдали и бѣжали въ Владиміръ Волынскій. Обрадованный случаемъ унизить гордость Миндовга, Даніилъ представилъ Ляхамъ и Рижскимъ Нѣмцамъ, что междоусобіе Князей Литовскихъ есть счастіе для Христіанъ, и что надобно онымъ воспользоваться. Нѣмцы дѣйствительно вооружились: Россіяне также; самые Ятвяги и Жмудь, въ угодность имъ, возстали на Литву. Даніилъ завоевалъ Гродно и другія мѣста Литовскія; но скоро Нѣмцы измѣнили, отчасти подкупленные Миндовгомъ, отчасти имъ обманутые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ Вѣру Латинскую, и заслужилъ покровительство легкомысленнаго Папы, Александра IV, давшаго ему санъ Королевскій ([104]). Чрезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилову сыну, Роману, Новогродокъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за его меньшаго брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ разбоямъ, гибельнымъ для Рижскаго Ордена, Мазовіи, Смоленскихъ, Черниговскихъ, даже Новогородскихъ областей.

Въ сіе время Даніилъ, ободряемый Королемъ Венгерскимъ, Ляхами и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ Моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакоту: юный Левъ Даніиловичь, выгнавъ ихъ оттуда, плѣнилъ Баскака Ханскаго. Темникъ Батыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца, и сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) итти къ Галичу, отвѣтствовалъ: «Даніилъ страшенъ!» Вся южная Россія съ безпокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даніилъ, плѣнивъ Изяслава, и пользуясь изумленіемъ Татаръ, отнялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Тетеревомъ, гдѣ Баскаки господствовали какъ въ своихъ Улусахъ. Онъ хотѣлъ даже освободить и Кіевъ, но возвратился съ пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую Литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даніилъ веселился

(*) Нейбургъ (отмѣтка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ И. Г. Р.).

мыслію о совершенной независимости, когда новыя безчисленныя толпы Моголовъ, ведомыя свирѣпымъ Бурондаемъ, преемникомъ слабаго Куремсы, явились на границахъ Литвы и Россіи. «Желаю знать, другъ ли ты Хану или врагъ?» сказали Королю Галицкому Послы Бурондаевы: «если другъ, то иди съ нами воевать Литву.» Даніилъ колебался, видѣлъ превосходство силъ Татарскихъ, медлилъ, и наконецъ послалъ Василька къ Бурондаю, съ дружиною и съ ласковыми словами, которыя сперва имѣли счастливое дѣйствіе. Сонмы Моголовъ устремились на Литву, дотолѣ имъ неизвѣстную; одни дремучіе лѣса и вязкія болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бѣдствіе. Хваля мужество, оказанное братомъ Даніиловымъ въ разныхъ сшибкахъ, Бурондай отпустилъ его въ Владиміръ. Прошло два года въ тишинѣ и спокойствіи для юго-западной Россіи. Даніилъ, именуя себя другомъ Ханскимъ, строилъ, укрѣплялъ города, и не переставалъ надѣяться, что Державы сосѣдственныя рано или поздно увидятъ необходимость дѣйствовать общими силами противъ варваровъ: но Бурондай открылъ глаза, и вступивъ въ область Галицкую, далъ знать ея Королю, чтобы онъ явился въ его станѣ какъ смиренный данникъ, или ждалъ казни. Даніилъ послалъ къ нему брата, сына, Холмскаго Епископа Іоанна и дары. «Хотите ли увѣрить насъ въ искренней покорности?» говорилъ Темникъ Хановъ: «разберите или предайте огню стѣны крѣпостей вашихъ; сравняйте ихъ окопы съ землею.» Василько и Левъ не смѣли ослушаться: города Даниловъ, Стожекъ, Кременецъ, Луцкъ Львовъ, не задолго до того времени основанный и названный именемъ старшаго сына Даніилова, обратились въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненавистныхъ Татарамъ. Бурондай веселился, смотря на пылающія стѣны и башни Владимірскія; хвалилъ повиновеніе Василька, и въ знакъ особеннаго удовольствія нѣсколько дней пировавъ въ его дворцѣ, пошелъ къ Холму, откуда горестный Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вторично спасло сей городъ хитростію Василька, который, будучи посланъ съ двумя Мурзами (знавшими Русскій языкъ) чтобы склонить жителей къ сдачѣ, взялъ въ руку камень, и сказавъ: «не велю вамъ обороняться,» кинулъ его на землю. Воевода Холмскій угадалъ мысль Князя, и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: «удалися; ты врагъ Государя нашего.» Василько дѣйствительно хотѣлъ, чтобы жители сопротивлялись, имѣя лучшихъ ратниковъ, укрѣпленія надежныя и много самострѣловъ, а Татары, не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ сіи Князья уговорили Сендомирскаго начальника сдаться, обѣщая ему и гражданамъ безопасность; но съ горестію должны были видѣть, что Моголы въ противность условію, рѣзали и топили народъ въ Вислѣ. Наконецъ Бурондай возвратился къ берегамъ Днѣпра, съ угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будутъ пепломъ, если ихъ Князья не захотятъ мирно рабствовать и платить дани Хану.

Слѣдственно важныя усилія и хитрости Даніиловы остались безполезными. Онъ не нашелъ помощи ни въ Краковѣ, ни въ Венгріи, къ единственному утѣшенію своему свѣдавъ на пути, что Василько побѣдилъ Миндовга, слабаго противъ Моголовъ, но ужаснаго для сосѣдственныхъ образованныхъ Государствъ. Какъ скоро Бурондай удалился, хищные Литовцы опустошили Мазовію, убили ея Князя Самовита и впали въ наше владѣніе близъ Камена, предводимые какимъ-то измѣнникомъ, Бояриномъ Рязанскимъ, Евстафіемъ. Василько, разбивъ ихъ на берегахъ озера Невельскаго, послалъ къ брату множество трофеевъ, коней осѣдланныхъ, щитовъ, шлемовъ и копій Литовскихъ.

Мы описали здѣсь случаи нѣсколькихъ лѣтъ относительно къ юго-западной Россіи, которая со временъ Батыева нашествія отдѣлилась отъ сѣверной, имѣя особенную систему государственную, связанную съ дѣлами Венгріи, Польши и Нѣмецкаго Ордена гораздо болѣе, нежели съ Суздальскими или Новогородскими. Послѣднія для насъ важнѣе: ибо тамъ рѣшилась судьба нашего отечества.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ въ Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство Моголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ Бесер-

155

менскимъ, Харазскимъ или Хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія: сіи люди откупали у Татаръ дань нашихъ Княженій, брали неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей, и въ случаѣ неплатежа объявляя должниковъ своими рабами, отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ Вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ (105): нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго Монаха, который, принявъ Вѣру Магометанскую въ Татаріи, хвалился милостію новаго Великаго Хана Коблая, и ругался надъ святынею Христіанства; тѣло его бросили псамъ на снѣденіе. Въ Устюгѣ находился тогда Могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жителей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гражданина, именемъ Марію, но умѣлъ снискать ея любовь, и свѣдавъ отъ нее, что Устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ Христіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человѣкъ добродѣтелями и набожностію пріобрѣлъ всеобщую любовь, и память его еще хранится въ Устюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ, забавляясь *соколиною* охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которое донынѣ именуется *Сокольею горою* (106).

Откупщики Бесерменскіе.

г. 1262.

Сіи происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное; Россіяне, наказавъ лихоимцевъ Харазскихъ, озлобили Татаръ, ихъ покровителей. Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: то и другое обвиняло Александра въ глазахъ Хановыхъ, и Великій Князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: Моголы не за-долго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра; онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные Россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. — Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Димитрію итти на Ливонскихъ Рыцарей. Сей юный Князь взялъ приступомъ Дерптъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился обремененный добычею. Кромѣ многихъ Новогородцевъ, съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій, Константинъ, зять Александровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и Князь Литовскій Товтивилъ, племянникъ Миндовговъ, который принялъ Вѣру Христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или — что гораздо вѣроятнѣе — будучи добровольно призванъ жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова: ибо Товтивилъ имѣлъ славу добраго Князя (107). Съ помощію Даніила Галицкаго и Ливонскихъ Рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость отъ дяди, и жилъ мирно съ Россіянами.

Александръ нашелъ Хана Берку въ Волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ Искусства и Науки; ласкалъ Ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою Капчакскую столицу, и позволилъ Россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять Христіанское богослуженіе, такъ, что Митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную Епархію подъ именемъ *Сарской*, съ коею соединили послѣ Епископію южнаго Переяславля (108). Великій Князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе Бесерменовъ изъ городовъ Суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ, и пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14 Ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концемъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ (109): постригся, принялъ Схиму, и слыша горестный плачь вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: «удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію!» Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда — по собственному выраженію одного изъ нихъ — гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ Великаго Князя, онъ въ собраніи Духовенства вос-

г. 1263.

Кончина и добродѣтели Александровы.

кликнулъ: «солнце отечества закатилось!» Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: «нестало Александра!» Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: ибо Невскій казался необходимымъ для Государства, и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, Бояре, народъ, въ глубокой скорби повторяли одно слово: «погибаемъ!»... Тѣло Великаго Князя уже везли въ столицу: не смотря на жестокій зимній холодъ, Митрополитъ, Князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ Историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ Ангеловъ хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего Князя! Имя *Святаго*, ему данное, гораздо выразительнѣе *Великаго*: ибо *Великими* называютъ обыкновенно *счастливыхъ*: Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства Государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ Государства. Самые легкомысленные Новогородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго Князя, говоря, что «онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю Русскую.» Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда *Великою Архимандритіею*), гдѣ и покоилось до самаго XVIII вѣка, когда Государь Петръ I вздумалъ перенести сіи остатки безсмертнаго Князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое бытіе.

Ноября 23.

По кончинѣ первыя супруги, именемъ *Александры*, дочери Полоцкаго Князя Брячислава, Невскій сочетался вторымъ бракомъ съ неизвѣстною для насъ Княжною *Вассою*, коей тѣло лежитъ въ Успенскомъ монастырѣ Владимірскомъ, въ церкви Рождества Христова, гдѣ погребена и дочь его, Евдокія (110).

Слава Александрова, по свидѣтельству нашихъ *Родословныхъ Книгъ*, привлекла къ нему изъ чужихъ земель — особенно изъ Германіи и Пруссіи (111) — многихъ именитыхъ людей, которыхъ потомство донынѣ существуетъ въ Россіи и служитъ Государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ. Выходцы изъ чужихъ земель.

Въ Княженіе Невскаго начались въ Волжской или Капчакской Ордѣ несогласія, бывшія предвѣстіемъ ея паденія. Ногай, одинъ изъ главныхъ Воеводъ Татарскихъ, надменный могуществомъ, не захотѣлъ повиноваться Хану, сдѣлался въ окрестностяхъ Чернаго моря Владѣтелемъ независимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, Императоромъ Греческимъ, который въ 1261 году, къ общему удовольствію Россіянъ, взявъ Царьградъ и возстановивъ древнюю Монархію Византійскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинію, за сего мятежника (112). Отъ имени Ногая произошло, какъ вѣроятно, названіе Татаръ Ногайскихъ, нынѣ подданныхъ Россіи. — Не смотря на внутреннее неустройство, Моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія, и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жители, ими утѣсненные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ Король Гаконъ обратилъ ихъ въ Вѣру Христіанскую и далъ имъ земли для поселенія (113). Мятежи въ Ордѣ.

156

# ГЛАВА III.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

### Г. 1263 — 1272.

Древнѣйшая грамота Новогородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Ѳеодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даніила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ.

Андрей Ярославичь долженъ былъ наслѣдовать престолъ Владимірскій; но
Г. 1264. какъ онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, то братъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался Великимъ Княземъ. Новогородцы также признали его своимъ Начальникомъ, выгнавъ юнаго Димитрія Александровича за его малолѣтство; но хотѣли, чтобы Ярославъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій (114). Мы имѣемъ подлинникъ сего торжественнаго договора,
Древнѣйшая грамота Новогородская. писаннаго отъ имени Архіепископа, Михаила Посадника, Тысячскаго Кондрата и всего Новагорода, отъ *старѣйшихъ* и *меньшихъ*. Тамъ сказано: «Князь Ярославъ! требуемъ, чтобы ты, подобно предкамъ твоимъ и родителю, утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ священный обѣтъ править Новымгородомъ по древнему обыкновенію, брать одни *дары* съ нашихъ областей, поручать оныя только Новогородскимъ, а не Княжескимъ чиновникамъ, не избирать ихъ безъ согласія Посадника, и безъ вины не смѣнять тѣхъ, которые опредѣлены братомъ твоимъ Александромъ, сыномъ его Димитріемъ и Новогородцами. Въ Торжкѣ и Волокѣ будутъ Княжескіе и наши Тіуны (или судіи): первые въ твоей части, вторые въ Новогородской (115); а въ Бѣжицахъ ни тебѣ, ни Княгинѣ, ни Боярамъ, ни Дворянамъ твоимъ селъ не имѣть, не покупать и не принимать въ даръ, равно какъ и въ другихъ владѣніяхъ Новагорода: въ Волокѣ, Торжкѣ, и проч.; также въ Вологдѣ, Заволочьѣ, Колѣ, Перми, Печерѣ, Югрѣ. Въ Русу можешь ты, Князь, ѣздить осенью, не лѣтомъ; а въ Ладогу посылай своего рыбника и медовара по грамотѣ отца твоего, Ярослава. Димитрій и Новогородцы дали Бѣжичанамъ и Обонежцамъ на три года право судиться собственнымъ ихъ судомъ: не нарушай сего временнаго устава, и не посылай къ нимъ судей. Не выводи народа въ свою землю изъ областей нашихъ, ни принужденно, ни волею. Княгиня, Бояре и Дворяне твои не должны брать людей въ залогъ по долгамъ, ни купцевъ, ни земледѣльцевъ. Отведемъ сѣнные покосы для тебя и Бояръ твоихъ; но не требуй отнятыхъ у насъ Княземъ Александромъ, и вообще не подражай ему въ дѣйствіяхъ самовластія. Тіунамъ и Дворянамъ Княжескимъ объѣзжающимъ волости (116), даются прогоны, какъ издревле установлено, и только одни ратные гонцы могутъ въ селахъ требовать лошадей отъ купцевъ. Что касается до пошлинъ, то купцы наши въ твоей и во всей землѣ Суздальской обязаны платить по двѣ векши съ лодки, съ возу и съ короба льну или хмѣля. Такъ бывало, Князь, при отцахъ и дѣдахъ твоихъ и нашихъ. Цѣлуй же святый крестъ во увѣреніе, что исполнишь сіи условія; цѣлуй не чрезъ посредниковъ, но самъ, и въ присутствіи Пословъ Новогородскихъ. А за тѣмъ мы кланяемся тебѣ, Господину Князю.» — Сія любопытная грамота свидѣтельствуетъ, что собственный доходъ Князей Новогородскихъ состоялъ въ *дарахъ*, а дань шла въ казну общественную; что избраніе областныхъ начальниковъ хотя и зависѣло отъ Князя, но требовало согласія Посадникова; что нѣкоторыя волости откупали право имѣть собственныхъ судей; что Новогородцы не дозволяли единоземцамъ своимъ переселяться въ другія Княженія; что купцы ихъ въ областяхъ сосѣдственныхъ торговали по большей части хмѣлемъ и льномъ; что Ладожане давали медъ и рыбу для стола Княжескаго, преимущественно изобилуя оными. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Вологдѣ, которая, по тамошнимъ

церковнымъ запискамъ, около 1147 году была торговымъ мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами, а въ слѣдующія времена городомъ знатнымъ, обнесеннымъ каменною стѣною; развалины ея башенъ и воротъ донынѣ примѣтны (117).

Ярославъ, клятвенно утвердивъ договоръ, пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, будучи вдовъ, женился на Ксеніи, дочери Г.1265. Бракъ Ярославовъ. какого-то Юрія Михайловича (118). Тамъ свѣдалъ онъ о важныхъ происшествіяхъ въ Литвѣ. Не стало Миндовга, Короля Литовскаго, злодѣйски убитаго ближними родственниками. Они умертвили и Мятежи въ Литвѣ. Товтивила Полоцкаго, коварно заманивъ его въ сѣти, и дали Полочанамъ своего Князя; а сынъ Товтивиловъ, спасаясь отъ сихъ убійцъ, пріѣхалъ въ Новгородъ (119). Россіяне съ горестію видѣли идолопоклонника на тронѣ православнаго, нѣкогда столь знаменитаго Княженія; но утѣшались междоусобіемъ и бѣдствіями Литовцевъ. Миндовгъ имѣлъ сына, именемъ Воишелга, который господствовалъ въ Новгородкѣ, изгнавъ оттуда Романа Даніиловича, и славился тиранствомъ, ежедневно плавая въ крови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще при жизни отца сдѣлался Христіаниномъ, и смягченный Вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую: уѣхалъ къ Даніилу Галицкому; крестилъ сына Львова, Юрія; отказался отъ свѣта; жилъ долго въ Обители Полонинскаго Игумена, Григорія, извѣстнаго благочестіемъ: хотѣлъ видѣть Іерусалимъ и гору Аѳонскую; возвратился съ пути, и на берегу Нѣмена основавъ монастырь, трудился въ ономъ нѣсколько лѣтъ, ревностно исполняя всѣ обязанности Инока. Миндовгъ ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ Христіанству; но вѣсть о несчастной смерти отца произвела въ Воишелгѣ дѣйствіе чрезвычайное: онъ затрепеталъ отъ гнѣва, схватилъ мечь, и свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ чрезъ три года снова надѣть ее, когда отмститъ врагамъ Миндовга (120). Сія месть была ужасна: собравъ полки, Воишелгъ явился въ Литвѣ какъ звѣрь свирѣпый, и признанный тамъ единодушно Государемъ, истребилъ множество людей, называя ихъ предателями. Триста семействъ Литовскихъ искали убѣжища во Псковѣ, крестились и нашли великодушнаго заступника въ Ярославѣ: ибо Новогородцы хотѣли-было умертвить сихъ несчастныхъ.

Въ то же время одинъ изъ родственниковъ Миндовговыхъ, именемъ Довмонтъ, выѣхалъ изъ отечества, и, къ удовольствію Псковитянъ, принявъ у нихъ Вѣру Христіанскую, снискалъ Г.1266. столь великую довѣренность между ими, что они безъ согласія Ярославова объявили его своимъ Княземъ, и дали ему войско для опустошенія Литвы (121). Довмонтъ оправдалъ сію довѣренность подвигами мужества и ненавистію къ соотечественникамъ: разоривъ область Литовскаго Князя Герденя, плѣнилъ его жену, двухъ сыновей, и на берегахъ Двины одержалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество Литовцевъ утонуло въ Двинѣ, и самъ Герденъ едва Іюня 18. ушелъ; а Псковитяне, славя храбрость Довмонта, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность Христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заступленію Святаго Леонтія, побѣдивъ непріятеля въ день памяти сего Мученика.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на Псковитянъ за самовольное избраніе Князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонта и привелъ для того въ Новгородъ полки Суздальскіе (122); но долженъ былъ отпустить ихъ назадъ. Новогородцы не хотѣли слышать о сей войнѣ междоусобной и сказали ему: «другу ли Святой Софіи быть непріяте- Г.1267. лемъ Пскова?» — Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ знатная часть Новагорода обратилась въ пепелъ. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли, и даже самыя купеческія суда въ приста- Маія 23. ни, нагруженныя товаромъ: Волховъ, по словамъ Лѣтописца, казался пылающимъ. Богатые граждане въ нѣсколько часовъ обѣдняли, а бѣдные разбогатѣли, въ общемъ смятеніи захвативъ чужія драгоцѣнныя вещи (123).

Сіе бѣдствіе не мѣшало Новогородцамъ заниматься дѣлами ратными: войско ихъ ходило съ Довмонтомъ и Псковитянами на Литву, сдѣлало много вреда непріятелю, и возвратилось безъ урона; другое осаждало Везенбергъ или Раковоръ въ Эстоніи, подвластной Датчанамъ, но не могло взять его. Желая загладить сію неудачу, Новогородцы сыскали искусныхъ мастеровъ, и велѣли имъ на дворѣ Архіепископскомъ строить

157

большія стѣнобитныя орудія (124); призвали Димитрія Александровича изъ Переславля съ войскомъ, Довмонта Псковскаго, и ждали самаго Великаго Князя: но Ярославъ, вмѣсто себя, прислалъ къ нимъ двухъ сыновей, Святослава и Михаила (125). Въ то время, какъ войско готовилось выступить, лазутчики Нѣмецкаго Ордена, называясь Послами отъ Риги, Феллина и Дерпта, явились въ Новѣгородѣ, говоря нашимъ Князьямъ, что Рыцарство Ливонское желаетъ остаться въ дружбѣ съ ними, не думаетъ помогать Датчанамъ и не вмѣшивается въ ихъ дѣла съ Россіянами. Нѣмцы дали клятву въ истинѣ своихъ увѣреній, и Новогородскій Бояринъ, отправленный къ Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ* — такъ у насъ именовали Рицарей Ливонскихъ — заставилъ ихъ присягнуть въ томъ же (126). Считая Нѣмцевъ друзьями, Россіяне надѣялись легко управиться съ Датчанами, шли къ Везенбергу тремя путями, разоряли селенія, и зная, что многіе жители скрываются въ одной неприступной пещерѣ съ своимъ имѣніемъ, посредствомъ какой-то искусственной машины пустили туда воду: бѣдные Эстонцы выскочили и безъ милости были изрублены въ куски; а добычу, найденную въ пещерѣ, Новогородцы отдали всю Князю Димитрію. Уже войско наше, приближаясь къ Раковору, стояло на берегахъ Кеголи, и вдругъ, къ изумленію своему, увидѣло сильные полки Нѣмецкіе, коими предводительствовалъ самъ Магистръ Ордена, именемъ Отто Фонъ-Роденштеинъ, и Епископъ Дерптскій Александръ, въ противность данной клятвѣ взявшіе сторону Датчанъ (127). Видя, что надобно развѣдаться съ ними мечемъ, Новогородцы немедленно перешли за рѣку и стали противъ *Желѣзнаго* Нѣмецкаго *полку*; сынъ Ярославовъ, Михаилъ, на лѣвомъ крылѣ; Довмонтъ Псковскій, Димитрій и Святославъ на правомъ. Ударили смѣло и мужественно съ обѣихъ сторонъ. «Ни отцы, ни дѣды наши» — говоритъ Лѣтописецъ — «не видали такой жестокой сѣчи.» Новогородцы, имѣя дѣло съ отборною Нѣмецкою фалангою, падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; Тысячкій, именемъ Кодратъ, пропалъ безъ вѣсти, а Князь Юрій Андреевичъ обратилъ тылъ. Псковитяне, Ладожане стояли дружно. Наконецъ Князь Димитрій и Новогородцы сломили непріятелей и гнали ихъ семь верстъ до самаго города: но возвратясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ Нѣмецкій, который врѣзался въ наши обозы. Между тѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные Вожди совѣтовали подождать утра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивать своихъ вмѣсто непріятелей, и съ трудомъ могли удержать пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ нетерпѣніемъ; но Рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дни стояли Россіяне *на костяхъ*, то есть, на мѣстѣ сраженія, въ знакъ побѣды, и рѣшились итти назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ, не могли заняться осадою городовъ. Вмѣсто добычи, они принесли съ собою трупы убіенныхъ, знаменитыхъ Бояръ, и схоронили тѣло Посадника Михаила въ Софійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его славную кончину. Избрали новаго Посадника, именемъ Павшу; а мѣсто Тысячскаго осталось праздно, ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кодратовой. — Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новѣгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе Историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5000 нашихъ и 1350 Нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дерптскій Епископъ.

[Margin: Война въ Ливоніи. — Г. 1268, Генваря 23. — Февраля 18.]

Злобствуя на Россіянъ, Магистръ Ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ область Псковскую: сжегъ Изборскъ, осадилъ Псковъ и думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей Князь былъ страшенъ не только для Литвы, но и для сосѣдственныхъ Нѣмцевъ, и не за-долго до того времени истребилъ ихъ отрядъ на границѣ. Мужественный Довмонтъ, осмотрѣвъ силу непріятелей и готовясь къ битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечь свой предъ олтаремъ и молился, да будутъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный Игуменомъ Исидоромъ (который собственною рукою препоясалъ ему мечь), Князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь Псковитянъ; десять дней бился съ Нѣмцами; ранилъ Магистра. Между тѣмъ Новогородцы съ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заставили Рыцарей отступить за рѣку Ве-

[Margin: Г. 1269. — Апрѣля 23.]

ликую; вошли въ переговоры съ ними и согласились дать имъ миръ. Тѣ и другіе остались при своемъ, потерявъ множество людей безъ всякой пользы ([128]).

Тогда Великій Князь Ярославъ прибылъ въ Новгородъ, и досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролитную, хотѣлъ ихъ смѣнить, или немедленно выѣхать изъ столицы. Граждане объявили рѣшительно, что они не согласны на первое, но молили его у нихъ остаться, ибо миръ, заключенный съ Нѣмцами, казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же, что Великій Князь дѣйствительно уѣхалъ, отправили въ слѣдъ за нимъ Архіепископа, который наконецъ уговорилъ Ярослава возвратиться изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили, однакожь, въ угодность Князю, граждане избрали въ Тысячскіе одного преданнаго ему человѣка, именемъ Ратибора, и начали готовиться къ войнѣ. Князья Суздальскихъ Удѣловъ и полки Ярославовы собралися въ Новгородъ, куда пріѣхалъ и Великій Владимірскій Баскакъ, Татаринъ Амраганъ ([129]). Сей чиновникъ Хана — имѣя, кажется, участіе и въ нашихъ государственныхъ совѣтахъ — одобрилъ намѣреніе Россіянъ итти къ Ревелю; но Датчане и Нѣмцы, ослабленные претерпѣннымъ ими урономъ, не захотѣли новой войны, и добровольно уступивъ намъ всѣ берега Наровы, обезоружили тѣмъ Ярослава.

Баскакъ.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, Великій Князь хотѣлъ-было вести полки свои въ землю Корельскую, чтобы утвердить ея жителей въ послушаніи: Новогородцы просили его не тревожить сихъ бѣдныхъ людей, и Князь отпустилъ войско, не предвидя для себя опасности. Увѣренный въ преданности нѣкоторыхъ чиновниковъ, а можетъ быть и въ покровительствѣ Татаръ, онъ худо исполнялъ заключенный имъ договоръ съ Новогородцами: дѣйствовалъ много какъ Государь самовластный; слышалъ ропотъ и не уважалъ его. Общее неудовольствіе возрастало. Вдругъ, къ изумленію Князя, ударили въ Вѣчевый колоколъ: насталъ грозный часъ суда народнаго, и люди со всѣхъ сторонъ бѣжали толпами къ Св. Софіи рѣшить судьбу отечества, какъ они думали. Первымъ опредѣленіемъ сего шумнаго Вѣча было изгнать Ярослава и казнить любимцевъ Княжескихъ: главнаго изъ нихъ умертвили; другіе ушли въ церковь Св. Николая и на Городище, къ

Г. 1270.

Ярославу, оставивъ домы свои въ жертву народу, разломавшему оные до послѣдняго бревна ([130]). Именемъ Новагорода вручили Князю грамоту обвинительную. «Для чего» — писали къ нему граждане — «завладѣлъ ты дворомъ Морткинича? для чего взялъ серебро съ Бояръ Никифора, Романа и Варѳоломея? Для чего выводишь отсюда иноземцевъ, мирно живущихъ съ нами? для чего птицеловы твои отнимаютъ у насъ рѣку Волховъ, а звѣроловы поля? Да будетъ нынѣ конецъ твоему насилію! Иди, куда хочешь; а мы найдемъ себѣ Князя.» Ярославъ послалъ сына и Тысячскаго своего на Вѣче, съ увѣреніемъ, что онъ сдѣлаетъ все угодное народу. «Нѣтъ!» отвѣтствовали ему граждане: «мы не хотимъ тебя. Удались, или будешь немедленно изгнанъ.» Великій Князь уѣхалъ; а Новогородцы отправили Посольство къ Димитрію Александровичу, думая, что онъ съ радостію согласится княжить у нихъ; но Димитрій отрекся, и велѣлъ имъ сказать: «не хочу престола, съ коего вы согнали моего дядю.»

Упреки Великому Князю.

Сей отказъ весьма огорчилъ Новогородцевъ. Въ то же время они получили извѣстіе отъ Василія, меньшаго Ярославова брата, что Великій Князь, пылая гнѣвомъ, готовится итти на нихъ съ полками Моголовъ, съ Димитріемъ Переславскимъ и съ Глѣбомъ Смоленскимъ (сыномъ Ростислава ([131]) Мстиславича). «Но будьте спокойны,» писалъ къ нимъ Василій: «Святая Софія есть моя отчина; я готовъ служить ей и вамъ.» Онъ поѣхалъ въ Орду, гдѣ любимецъ Великаго Князя, Ратиборъ, Тысячскій Новагорода, вооружилъ Хана противъ своихъ единоземцевъ, говоря ему: «Новогородцы враги твои; изгнали Ярослава съ безчестіемъ, разграбили наши домы и хотѣли насъ умертвить единственно за то, что мы требовали съ нихъ для тебя дани.» Обманутый Ханъ послалъ войско, чтобы смирить ослушниковъ; но Василій Ярославичь вывелъ его изъ заблужденія, объяснивъ ему, что Новогородцы ни чѣмъ не оскорбили Моголовъ, и что неудовольствія ихъ на Великаго Князя справедливы. Тогда Ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться; а Василій, оказавъ столь важную услугу Новогородцамъ, надѣялся быть ихъ Княземъ. Готовые умереть за права вольности, они укрѣпили столицу съ обѣихъ сторонъ высокимъ тыномъ, сносили



158

имѣніе въ средину города и ждали непріятелей.

Ярославъ приближился къ самому Городищу; но видя тамъ всѣхъ жителей вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ, обратился къ Русѣ, и занявъ оную своимъ войскомъ, прислалъ оттуда Боярина съ дружелюбными предложеніями въ Новгородъ. «Забываю» — говорилъ онъ — «сдѣланныя мнѣ вами обиды, и всѣ Князья Россійскіе будутъ моими поруками въ вѣрномъ исполненіи нашихъ условій.» Новогородцы отвѣтствовали ему чрезъ Посла: «Князь! ты объявилъ себя врагомъ Святыя Софіи: оставь же насъ въ покоѣ, или мы умремъ за отечество. Не имѣемъ Князя, но за насъ Богъ, правда и Святая Софія; а тебя не хотимъ.» Въ слѣдъ за Посломъ двинулось къ Русѣ ихъ войско многочисленное, въ коемъ находились Ладожане, Корелы, Ижерцы, Вожане и Псковитяне. Станъ ихъ былъ на одной сторонѣ рѣки, Ярославовъ на другой: прошла недѣля въ бездѣйствіи. Тогда Новогородцы получили грамоту отъ Митрополита Кирилла (132). Сей достойный Пастырь Церкви именемъ отечества и Вѣры заклиналъ ихъ не проливать крови: ручался за Ярослава и бралъ на себя грѣхъ, если они, въ изступленіи злобы, дали Богу клятву не мириться съ Великимъ Княземъ. Слова добродѣтельнаго старца тронули Новогородцевъ, и Послы Ярославовы, прибывъ къ нимъ въ станъ, довершили благое дѣло мира.

**Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ.**

Написали договоръ: Великій Князь утвердилъ оный цѣлованіемъ креста. Сія грамота также хранится въ нашемъ Архивѣ и содержаніемъ подобна первой; означимъ только нѣкоторыя прибавленія. Въ ней сказано отъ имени Новагорода: «Князь Ярославъ! забудь гнѣвъ на Владыку, Посадника и всѣхъ мужей Новогородскихъ; не мсти имъ ни судомъ, ни словомъ, ни дѣломъ. Не вѣрь клеветникамъ, не принимай доносовъ отъ раба на господина. Пословъ и купцевъ нашихъ, остановленныхъ въ Костромѣ и въ другихъ городахъ Низовскихъ, выпусти съ ихъ имѣніемъ; освободи также военноплѣнныхъ и всѣхъ должниковъ Новогородскихъ, задержанныхъ въ Торжкѣ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ, или твоихъ собственныхъ, или Княгининыхъ, или Боярскихъ (купецъ да идетъ въ свою Сотню (133), а селянинъ въ свой погостъ). Не раздавай никому государственныхъ даней. Возврати грамоту отца твоего, которую ты у насъ отнялъ; и вмѣсто новыхъ, данныхъ тобою, да имѣютъ силу прежнія, Ярославовы и Александровы грамоты. На Дворѣ Нѣмецкомъ торгуй единственно черезъ нашихъ купцевъ; а Двора не затворяй, и не посылай туда приставовъ. Село Святой Софіи останется ея неотъемлемою собственностію. Новогородцы не должны быть судимы въ землѣ Суздальской. Купцы наши да торгуютъ въ ней свободно по грамотѣ Ханской (134); бери тамъ установленныя пошлины, но въ областяхъ Новогородскихъ не заводи таможни. Судьи начинаютъ свои объѣзды съ Петрова дни,» и проч. На бѣлой сторонѣ сей хартіи, къ коей привязана свинцовая печать, написано, что Послы Хана Татарскаго, Чевгу и Банши, прибыли съ его грамотою въ Новгородъ, возвести Ярослава на престолъ. Столь велика была зависимость Князей Россійскихъ!

Ярославъ жилъ потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Не любя Довмонта, онъ далъ Псковитянамъ инаго Князя — но только на малое время — какого-то Айгуста (135), и зимою уѣхалъ въ Владиміръ, поручивъ Новгородъ Намѣстнику, Андрею Вратиславичу. Великое Княженіе Суздальское было спокойно, то есть, рабствовало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ Небо за облегченіе своей доли, которое состояло въ томъ, что преемникъ Хана или Царя Берки, братъ его, именемъ Мангу - Тимуръ, освободилъ Россіянъ отъ насилія откупщиковъ Харазскихъ. Историкъ Могольскій, Абульгази, хвалитъ Тимура за его острый умъ; но умъ не смягчалъ въ немъ жестокаго сердца, и память сего Хана запечатлѣна въ нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олегова, Романа, Князя Рязанскаго, принявшаго въ Ордѣ вѣнецъ Мученика. Еще Ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о Вѣрѣ съ купцами Бухарскими, и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ Магометаниномъ: примѣръ его служилъ закономъ для большей части Моголовъ, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая Вѣра обыкновенно производитъ изувѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть, Князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума: донесли

**Татары принимаютъ Магометову Вѣру.**

Тимуру, что онъ хулитъ ихъ Законъ. Тогда Романъ, принуждаемый дать отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти, и говорилъ такъ смѣло, что озлобленные варвары, заткнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго Князя по составамъ, и взоткнули голову его на копіе, содравъ съ нее кожу ([136]). Россіяне проливали слезы,
Іюля 19. но утѣшались твердостію сего втораго Михаила, и думали, что Богъ не оставилъ той земли, гдѣ Князья, презирая славу мірскую, столь великодушно умираютъ за Его святую Вѣру.

Великій Князь Ярославъ, слѣдуя примѣру отца и Александра Невскаго, ста-
Г. 1272. Кончина Ярослава. рался всѣми способами угождать Хану, и подобно имъ кончилъ жизнь свою на возвратномъ пути изъ Орды, куда онъ ѣздилъ съ братомъ Василіемъ и съ племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ ([137]). Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ сего Князя: видимъ только, что Ярославъ не умѣлъ ни довольствоваться ограниченною властію, ни утвердить самовластія смѣлою рѣшительностію; обижалъ народъ и винился какъ преступникъ; не отличался ратнымъ духомъ, ибо не хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, когда оно сражалось съ Нѣмцами; не могъ назваться и другомъ отечества, ибо вооружалъ Моголовъ противъ Новагорода.

Опишемъ разныя особенныя происшествія Ярославова времени. При семъ
Перемѣны въ Удѣлахъ. Государѣ сдѣлались нѣкоторыя перемѣны въ частныхъ Удѣлахъ Великаго Княженія. Василій Всеволодовичь, внукъ Константиновъ, умершій еще въ 1249 году, оставилъ на престолѣ Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтную дочь Марію, которая послѣ сочеталась бракомъ съ Θеодоромъ Ростиславичемъ *Чернымъ*, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, Удѣльнымъ Княземъ Можайска ([138]). Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль, наслѣдіе супруги его, и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ тещею. Къ сему извѣстію новѣйшіе Лѣтописцы прибавляютъ слѣдующую повѣсть: «Θеодоръ, бывъ въ Ордѣ, мужественною красотою и разумомъ столь плѣнилъ Царицу Могольскую, что она желала выдать за него дочь свою. Въ то самое время Марія скончалась въ Ярославлѣ, и народъ, объявивъ ея сына, Михаила, Владѣтельнымъ Княземъ, уже не хотѣлъ повиноваться Θеодору, который, лишась супруги и престола, согласился быть зятемъ Хана или Царя Капчакскаго. Всѣ пре- Князь Θеодоръ зять Хановъ.
пятствія исчезли: Ханъ позволилъ дочери креститься, и Константинопольскій Патріархъ торжественною грамотою утвердилъ ея благословенное супружество; а тесть построилъ для Θеодора великолѣпныя палаты въ Сараѣ и далъ ему множество городовъ: Черниговъ, Херсонъ, Болгары, Казань; по смерти же юнаго Михаила Θеодоровича, возвелъ сего любимаго зятя на престолъ Ярославскій, наказавъ его враговъ. Супруга Θеодорова, названная въ крещеніи Анною, построила въ Ярославлѣ храмъ Архистратига Михаила и заслужила имя добродѣтельной Христіанки» ([139]). Ежели сія повѣсть справедлива, то вѣроятно, что Θеодоръ былъ зятемъ не Мангу-Тимура, а Ногая, женатаго на Христіанкѣ и не хотѣвшаго принять Вѣры Магометанской.

Димитрій Святославичь, Князь Юрьева Польскаго, двоюродный братъ Ярослава, умеръ въ 1269 году ([140]); и съ того времени 70 лѣтъ не упоминается въ нашей Исторіи о Владѣтеляхъ Юрьевскихъ. Сей набожный Князь принялъ Схиму отъ Епископа Ростовскаго, и закрывая глаза навѣки, сказалъ ему: «Святый Владыко! ты совершилъ трудъ свой и приготовилъ меня къ пути дальнему, какъ добраго воина Христова. Тамъ, въ жизни вѣчной, царствуетъ Богъ милосердія: иду служить Ему съ вѣрою и надеждою.» Сіи послѣднія слова Димитріевы казались Лѣтописцамъ достопамятнѣе дѣлъ его, совершенно для насъ неизвѣстныхъ.

Лѣтъ за шесть до Ярославовой смерти Смерть и добродѣтели Короля Даніила.
преставился (и погребенъ въ Холмѣ) знаменитый Даніилъ, Король Галицкій ([141]), славный воинскими и государственными достоинствами, а еще болѣе отмѣннымъ милосердіемъ, отъ коего не могли отвратить его ни измѣны, ни самая гнусная неблагодарность Бояръ мятежныхъ: добродѣтель рѣдкая во времена жестокія и столь бурныя. Милостивый къ подданнымъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чтилъ Князей старшихъ; изъявлялъ нѣжную любовь къ матери и къ брату, получившему отъ него въ Удѣлъ область Владимірскую; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; наблюдалъ правило вѣрности въ сою-

захъ, побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь Державы Галицкой; нашествіемъ Моголовъ разстроенный въ видахъ своей Политики, не изумился, не утратилъ бодрости духа: хотя не могъ совершенно избавиться отъ ихъ свирѣпаго тиранства, но закрылъ глаза съ надеждою, что его потомки будутъ счастливѣе, слѣдуя принятой имъ системѣ держаться союза Государей Западныхъ, иногда обольщать варваровъ золотомъ и смиреніемъ, иногда устрашать силою, въ ожиданіи, что они, какъ Гунны Аттилины, какъ Обры, исчезнутъ, сокрушенные или внутреннимъ междоусобіемъ или общимъ усиліемъ Государей Европейскихъ. Сія надежда не совсѣмъ обманула Даніила: его преемники рабствовали менѣе иныхъ Князей Россійскихъ, уважаемые и Ханами и сосѣдственными Христіанскими Державами, которыя въ теченіе цѣлаго вѣка считали Княжество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны Моголовъ.

Происшествія въ Западной Россіи. Первымъ слѣдствіемъ кончины Даніиловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ (142). Василько остался Княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышльскимъ; Романъ Даніиловичь умеръ; третій братъ ихъ, Мстиславъ, господствовалъ въ Луцкѣ и Дубнѣ; меньшій, Шварнъ — кажется, любезнѣйшій отцу — въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Не смотря на миръ и союзъ, за нѣсколько лѣтъ до того времени утвержденный въ Тернавѣ между Болеславомъ и Даніиломъ, корыстолюбивые Бояре Шварновы не усомнились вмѣстѣ съ Литвою грабить Польскія владѣнія. Болеславъ хотѣлъ отмстить: дошло до битвы, въ коей дружина Шварнова претерпѣла великій уронъ; наконецъ примирились, ибо общая польза обѣихъ Державъ того требовала.

Хотя Княжество Даніилово раздѣлилось на части, однакожь его сыновья дѣйствовали согласно въ государственныхъ предпріятіяхъ и слушались дяди, опытнаго, благоразумнаго Василька, не смотря на то, что Князь Левъ съ неудовольствіемъ видѣлъ меньшаго брата властелиномъ Галича и Холма. Сія зависть еще усилилась отъ новаго происшествія, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной Россіи, но и для спокойствія другихъ земель сосѣдственныхъ. Бывшій Инокъ Воишелгъ, сынъ Миндовга, искренній другъ Василька и Шварна, своего зятя, съ ихъ помощію овладѣвъ большею частію Литвы, раздробленной на многія области, далъ послѣднему въ ней Удѣлъ, а наконецъ уступилъ ему и престолъ; снялъ съ себя одежду Княжескую и заключился въ монастырѣ Угровскомъ, исполняя произнесенный имъ обѣтъ. Россіяне надѣялись, что грабительства Литовскія уже не возобновятся, и что сей опасный народъ, правимый сыномъ Даніиловымъ, составитъ одну Державу съ Галицкимъ Княженіемъ; но Левъ, думая о пользѣ собственнаго властолюбія еще болѣе, нежели о благѣ отечества, не могъ снести равнодушно, что сильное Княжество Литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнулъ на месть подлую и свирѣпую. Онъ предложилъ Воишелгу съѣхаться съ нимъ въ Владимірѣ будто бы для какого-то важнаго дѣла. Сей Князь-Инокъ сомнѣвался, зная коварство Льва; но увѣренный въ безопасности словомъ добродушнаго Василька, пріѣхалъ въ Владиміръ, и сталъ въ монастырѣ Св. Михаила. На другой день былъ обѣдъ у знатнѣйшаго Вельможи Даніилова, Нѣмца Маркольта, гдѣ Князья по тогдашнему обыкновенію пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искуствомъ притворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Насталъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монастырь, куда, въ слѣдъ за нимъ, прискакалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселить любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ слуги Княжескіе окружили его, и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, претерпѣнныя Россіею отъ Литвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя Русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ, и съ честію погребли Воишелга въ обители Св. Михаила. Пишутъ, что сей Литовскій Князь, отъ природы жестокосердый, будучи Властителемъ, сверхъ одежды богатой носилъ *черную мантію* и потому заслужилъ названіе *волка въ кожѣ агнца* (143). Но онъ имѣлъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христіанской и любви къ нимъ, чтобы кровь Св. Владиміра, браками Даніила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала въ Литвѣ. Къ несчастію, столь важное для Россіянъ благодѣяніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ

въ юности умеръ, и Князь Литовскій, именемъ Тройденъ, Вѣрою язычникъ, сердцемъ Неронъ, сѣлъ на Миндовговомъ тронѣ. Скоро преставился и Князь Василько, о коемъ упоминается съ честію во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ, особенно въ Сербской Исторіи по его дружеству съ Королемъ Стефаномъ Драгутинымъ [144]. Сей достойный братъ Даніиловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неутомимый, кончилъ дни свои Монахомъ и труженикомъ: повѣствуютъ, что онъ жилъ нѣсколько времени въ дикой, заростшей кустарникомъ пещерѣ, оплакивая грѣхи прежняго мірскаго властолюбія и ратной дѣятельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михайловича Брянскаго, (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую, а Левъ Шварнову, то есть, Галичь, Холмъ и Дрогичинъ, утвердивъ престолъ свой въ новомъ городѣ Львовѣ, основанномъ еще при Даніилѣ.

Основаніе Кафы. Ко временамъ, нами описываемымъ, Историки относятъ возобновленіе древней Ѳеодосіи или основаніе нынѣшней Кафы [145]. Можетъ быть, Генуэзцы уже и ранѣе купечествовали въ Тавридѣ вмѣстѣ съ Венеціянами; но въ царствованіе Императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сего торговлею, и съ дозволенія Моголовъ завели тамъ гостиный дворъ, анбары и лавки: сперва, выпросивъ небольшую частицу земли, обвели ее рвомъ и валомъ, а послѣ начали строить высокіе домы, присвоили себѣ гораздо болѣе отданнаго имъ мѣста и сдѣлали каменную стѣну, назвавъ сей укрѣпленный, прекрасный городъ Кафою; овладѣли Судакомъ, Балаклавою, нынѣшнимъ Азовомъ или Танаисомъ, выгнали оттуда своихъ опасныхъ совмѣстниковъ, Венеціянъ, и стѣснили древній Херсонъ, гдѣ (въ 1333 году) находился уже *Латинскій* Епископъ, и гдѣ въ XVI вѣкѣ представлялись глазамъ путешественниковъ однѣ великолѣпныя развалины. Имѣя иногда ссоры и даже войну съ Моголами (въ 1343 году), Генуэзцы господствовали тамъ до паденія Греческой Имперіи, и были наконецъ истреблены Турками. Но еще и нынѣ видимъ въ Тавридѣ памятники сихъ образованныхъ Италіянцевъ, остатки ихъ зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ Историкъ, жили нѣкоторыя Генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія [146]. — Близъ Кафы находился еще знаменитый Могольскій городъ Крымъ (коего именемъ назвали и всю Тавриду), столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня [147]. Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности, и зная, что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостинницахъ: доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостію, запирали золото въ сундуки, и не давая ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети, въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко *Старый Крымъ* (на рѣкѣ Чуруксѣ, близъ Кафы) есть бѣдный остатокъ сего древняго города. Городъ Крымъ.

---

# ГЛАВА IV.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЬ.

### Г. 1272 — 1276.

---

*Споръ о Новогородскомъ Княженіи. Моголы идутъ на Литву. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ. Кончина Василія. Соборъ.*

Меньшій братъ Ярославовъ, Василій Костромскій, наслѣдовалъ престолъ Великаго Княженія, и немедленно отправилъ Пословъ въ Новгородъ, куда, вмѣстѣ съ ними, прибыли и Димитріевы. Тѣ и другіе остановились на *Дворѣ*

160

г. 1272. Споръ о Новогородскомъ Княженіи. *Ярослава*; тѣ и другіе ходатайствовали за своего Князя: ибо и Василій и Димитрій Александровичь желали присвоить себѣ Новгородъ, избыточный, сильный, и менѣе другихъ областей угнетенный игомъ Татарскимъ. Димитрій надѣялся на славу мужества, изъявленнаго имъ въ битвѣ Раковорской, и еще болѣе на память отца, Героя Невскаго; а Василій на услугу, недавно оказанную имъ въ Ордѣ Новугороду ([148]). Посадникъ Павша взялъ сторону перваго, и сынъ Александровъ, признанный Княземъ Новогородскимъ, спѣшилъ въ сію столицу. Василій, свѣдавъ о томъ, послалъ въ слѣдъ за нимъ Воеводу, чтобы схватить его на пути, а самъ хотѣлъ взять Переславль, но обратился съ войскомъ къ Октября 9. Торжку, и занявъ сей городъ, оставилъ тамъ своего Намѣстника или Тіуна. Князь Тверскій, Святославъ Ярославичь, помогая дядѣ, опустошалъ между тѣмъ берега Волги, Бѣжецкъ, Волокъ. Надлежало прибѣгнуть къ мечу или къ договорамъ: Новогородцы хотѣли употребить оба средства, и собравъ войско, послали Бояръ къ Великому Князю, чтобы укротить его гнѣвъ словами мирными. Но Василій, принявъ Пословъ съ отмѣнною честію, не согласился на миръ, и Димитрій съ сильными полками выступилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣлалась перемѣна. «Дружба Великаго Князя для насъ необходима,» думали многіе Новогородцы: «купцевъ нашихъ грабятъ теперь въ землѣ Суздальской; мы лишены подвозовъ, и терпимъ нужду въ хлѣбѣ. Не лучше ли, вмѣсто кровопролитія, исполнить желаніе Василіево, согласное съ народною пользою?» Сіе мнѣніе было наконецъ всѣми одобрено: остановясь въ Торжкѣ, войско не хотѣло итти далѣе. Самъ Димитрій не противился общей волѣ, и дружелюбно разстался съ Новогородцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему Посадника Павшу, объявили Василія своимъ Правителемъ. Такимъ образомъ Великій Князь достигъ цѣли; пріѣхалъ въ Новгородъ, и въ знакъ миролюбія забывъ недоброжелательство Боярина Павши, согласился, чтобы народъ возвратилъ ему санъ Посадника. Сей чиновникъ ушелъ-было изъ Торжка къ Димитрію, но боясь на старости лѣтъ остаться изгнанникомъ, прибѣгнулъ къ Василіеву великодушію и до кончины своей пользовался любовію согражданъ.

Чрезъ два года, спокойные для Россіи, Великій Князь отправился къ Хану. г. 1273. Въ сіе время Моголы ходили на Литву, приглашенные къ тому Львомъ Галицкимъ. Преемникъ Шварновъ, свирѣпый Тройденъ, нѣсколько лѣтъ бывъ союзникомъ Даниловыхъ сыновей, нечаянно взялъ Дрогичинъ и безжалостно умертвилъ большую часть жителей. Левъ, озлобленный его вѣроломствомъ, обратился къ Хану Мангу-Тимуру, желая истреблять враговъ врагами ([149]). Глѣбъ Смоленскій и Романъ Михайловичь Брянскій, тесть сына Василькова, Іоанна-Владиміра, соединились съ Татарами, долго терпѣвъ набѣги Литовцевъ, которые опустошили за Днѣпромъ самыя отдаленныя мѣста Черниговскаго Княжества. Моголы идутъ на Литву. Но сей походъ имѣлъ для Россіи болѣе вредныхъ слѣдствій, нежели благопріятныхъ: ибо Князья поссорились между собою, и взявъ одно предмѣстіе Новогродка, не захотѣли итти далѣе въ Литву; а Моголы на возвратномъ пути разорили множество нашихъ селъ, подъ именемъ друзей отнимая у земледѣльцевъ скотъ, имѣніе, одежду ([150]). «Дружба съ невѣрными» — говоритъ Лѣтописецъ — «не лучше брани; и сей случай да будетъ примѣромъ для потомства!»

Оставленные союзниками, Князья Галицкіе взяли въ Литвѣ два города, Турійскъ на берегу Нѣмена и Слонимъ (гдѣ Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ. жили Пруссы, которые искали тамъ убѣжища отъ притѣсненій Нѣмецкаго Ордена: Тройденъ населилъ ими и Гродно). Хотя Левъ и Владиміръ, сынъ Васильковъ, заключили-было миръ съ Тройденомъ; но гордый Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ Могольскаго оружія въ Литовской землѣ, прислалъ новую рать въ Галицію и велѣлъ имъ итти съ нею противъ Литвы. Они повиновались. Моголы осаждали Новогродокъ, Россіяне Гродно; но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Гродненскіе Пруссы въ особенности бились мужественно и въ нечаянномъ нападеніи плѣнили лучшихъ Бояръ Галицкихъ, однакожь должны были освободить ихъ, когда Россіяне, овладѣвъ главною башнею крѣпости, предложили честный миръ жителямъ ([151]).

Великій Князь по возвращеніи изъ г. 1276. Кончина Василія. Орды преставился въ Костромѣ на сороковомъ году отъ рожденія, къ горести Князей и народа, чтившихъ въ немъ Государя умнаго и добродушнаго ([152]).—

Въ его время чиновники Могольскіе сдѣлали вторично общую перепись людямъ во всѣхъ Россійскихъ областяхъ для платежа дани, и народъ, уже начиная привыкать къ рабству, сносилъ терпѣливо свое уничиженіе.

Къ главнымъ достопамятностямъ Василіева княженія принадлежитъ Соборъ бывшій въ 1274 году, когда Митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ изъ Кіева въ Владиміръ, съ Архимандритомъ Печерской Лавры, Серапіономъ, чтобы посвятить его тамъ въ Епископы ([153]). Кириллъ, знаменитый миротворецъ Князей и другъ отечества, свѣдавъ о многихъ безпорядкахъ въ дѣлахъ церковныхъ, ревностно желалъ исправить ихъ и созвалъ для того Епископовъ въ Владиміръ: Далмата Новогородскаго, Игнатія Ростовскаго, Θеогноста Переяславскаго или Сарскаго, Симеона Полоцкаго, и разсуждавъ съ ними, издалъ Церковныя правила, коихъ почти современный харатейный списокъ находится въ Синодальной библіотекѣ ([154]). «Донынѣ» — пишетъ Митрополитъ — «уставы церковные *были омрачены облакомъ Еллинской мудрости*; нынѣ же предлагаются ясно, и невѣдѣніе да не будетъ извиненіемъ. Уклоняяся отъ истинныхъ правилъ Христіанства, какое мы видѣли слѣдствіе? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу земли? не взяты ли грады наши? не истреблены ли Князи остріемъ меча? не отведены ли въ плѣнъ семейства? не опустошены ли церкви? не томимся ли ежедневно отъ ига безбожныхъ и нечестивыхъ враговъ? Се казнь за нарушеніе уставовъ Церкви!» Увѣренный, что нравственность мірянъ во многомъ зависитъ отъ нравовъ Духовенства, Кириллъ повелѣваетъ давать священный санъ единственно людямъ непорочнымъ, коихъ жизнь и дѣла извѣстны *отъ самаго дѣтства;* сосѣды и знакомые должны засвидѣтельствовать ихъ честность, трезвость, добрыя склонности. Житель иной области (слѣдственно неизвѣстный въ той Епархіи), рабъ неосвобожденный, гражданинъ не платящій дани, господинъ жестокій, *ротникъ* или многоклянущійся, лжесвидѣтель, убійца хотя и принужденный, мздоимецъ, безграмотный, незаконно женатый, отчуждаются отъ сего сана. Іерею надлежитъ имѣть 30 лѣтъ отъ рожденія, Діакону 29. Епископамъ строго запрещается брать съ нихъ деньги за поставленіе, кромѣ опредѣленныхъ Митрополитомъ *семи гривенъ* для крилошанъ. Всякая мзда, такъ называемая *посошная* и другія, отмѣнены. Далѣе сказано: «Мы свѣдали, что нѣкоторые Іереи въ странахъ Новогородскихъ отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ празднуютъ только и веселятся, не крестятъ никого и не отправляютъ службы Божественной: такіе да исправятся или да будутъ извержены! Единъ достойный Пастырь лучше тысящи беззаконныхъ. Извѣстно намъ также, что многіе люди, держася древнихъ языческихъ обыкновеній, сходятся въ святые праздники на какія-то бѣсовскія игрища, крикомъ и свистомъ сзываютъ подобныхъ себѣ пьяницъ, и бьются дрекольемъ до самой смерти, снимая съ убитыхъ одежду: отнынѣ кто не престанетъ тѣшить Діавола такими гнусными забавами, да будетъ отлученъ отъ церквей Божіихъ; да не пріемлютъ отъ него никакихъ приношеній, то есть, ни просфоръ, ни кутьи, ни свѣчь: когда же умретъ, да не отправляютъ по немъ Божественныя службы, и тѣло его да лежитъ далеко отъ святыхъ храмовъ!» Въ числѣ многихъ обыкновеній, противныхъ уставамъ церковнымъ, Кириллъ осуждаетъ *обливаніе* при крещеніи, говоря, что оно беззаконно, и что крестимый долженъ быть всегда *погружаемъ* въ сосудѣ особенномъ. — Такимъ образомъ, приписывая государственное бѣдствіе разврату народа и заблужденіямъ Духовенства, сей Митрополитъ хотѣлъ искоренить оные мѣрами согласными съ образомъ мыслей своего вѣка.

Соборъ.

161

# ГЛАВА V.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

### Г. 1276 — 1294.

**Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Князя Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева.**

Г. 1276. Состояніе Россіи. После страшной грозы Батыевой отечество наше какъ бы отдохнуло въ теченіе лѣтъ тридцати, будучи обязано внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному правленію Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Нѣкоторые частные грабежи Моголовъ, нѣкоторыя маловажныя распри Князей, и самая утрата государственной независимости уже казались легкимъ зломъ въ сравненіи съ общими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда Невская и Раковорская свидѣтельствовали, что Россіяне еще умѣютъ владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая даже грамотами Ханскими (155), доставляла и купцамъ и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ затрудненія. Въ такомъ состояніи находилось Великое Княженіе, когда Димитрій Александровичь восшелъ на престолъ онаго, къ несчастію подданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови Героя Невскаго.

Новогородцы тогда же признали Димитрія своимъ Княземъ, слѣдуя во-первыхъ древнему правилу, что Глава Россіи есть и Глава Новагорода, а во вторыхъ и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ Низовской (156), и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

Г. 1277. Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе Князья — Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Ѳеодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ — повели войско въ Орду, чтобы вмѣстѣ съ Ханомъ Мангу-Тимуромъ итти на Кавказскихъ Ясовъ или Аланъ, изъ коихъ Россіяне въ Дагестанѣ. многіе не хотѣли повиноваться Татарамъ и еще съ усиліемъ противоборствовали ихъ оружію (157). Князья наши завоевали Ясскій городъ Дедяковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знатную добычу, плѣнниковъ, и симъ подвигомъ заслужили отмѣнное благоволеніе Хана, изъявившаго имъ оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Ѳеодоръ Ярославскій и зять его, Михаилъ, сынъ Глѣбовъ, ходили и въ слѣдующій годъ помогать Татарамъ, или единственно исполняя волю Хана, или желая добычи, коею Моголы охотно дѣлились съ Россіянами, пользуясь ихъ мужествомъ (158). Татары Г. 1278. воевали тогда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣстнымъ въ Греческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что Небо послало его освободить отечество отъ ига Могольскаго; имѣлъ сперва удачу, и женился на вдовствующей супругѣ Царя Болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ наконецъ разбитъ Татарами и лишенъ жизни въ станѣ Ногаевомъ.

Между тѣмъ Великій Князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ* ихъ землю на *щитъ*, то есть, разоривъ оную и плѣнивъ многихъ жителей, за ослушаніе или явный бунтъ: въ надеждѣ, можетъ быть, на помощь Магистра Ливонскаго или Короля Шведскаго, они хотѣли свергнуть иго, возложенное Новымгородомъ на ихъ предковъ. Чтобы Нѣмцы и Шведы не могли Г. 1280. свободно приставать къ нашимъ берегамъ Финскаго залива, Димитрій заложилъ каменную крѣпость въ Копорьѣ, Копорье. гдѣ прежде находилась деревянная, въ его же время срубленная. Сія крѣпость сдѣлала раздоръ между Княземъ и народомъ; первый хотѣлъ присвоить оную лично себѣ и занять своею дружиною; а граждане не позволяли Князю владѣть чѣмъ нибудь въ области Новогородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ —

и Димитрій, съ досадою уѣхавъ въ Владиміръ, началъ готовиться къ войнѣ. Тщетно Посолъ, Архіепископъ Климентъ, преемникъ Далматовъ, уговаривалъ его оставить гнѣвъ на людей обыкшихъ соблюдать древнія права свои: Великій Князь пошелъ съ войскомъ въ область Новогородскую, началъ непріятельскія дѣйствія разореніемъ многихъ селеній и сталъ на Шелонѣ. Тамъ Архіепископъ Климентъ вторичнымъ моленіемъ и дарами склонилъ его къ миру: Новогородцы согласились поручить Копорье дружинѣ Княжеской, но съ того времени не взлюбили Димитрія, ожидая случая отмстить ему за сіе насиліе, который скоро и представился (159).

г. 1281. Ссора Князей Ростовскихъ. Димитрій, оставивъ своего чиновника въ Новѣгородѣ, возвратился въ Владиміръ, быть посредникомъ въ ссорѣ Князей Ростовскихъ. Борисъ Васильковичь еще въ 1277 году скончался въ Ордѣ, гдѣ была съ нимъ и супруга его, Марія (160). Глѣбъ Бѣлозерскій, наслѣдовавъ Ростовъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Сей меньшій Васильковъ сынъ отъ юности своей пользовался отмѣнною милостію Хановъ, и служилъ имъ на войнахъ усердно, чтобы тѣмъ лучше служить отечеству: ибо угнетаемые Моголами Россіяне всегда находили заступника и спасителя въ великодушномъ Глѣбѣ, вообще благотворительномъ, щедромъ, отцѣ сирыхъ и бѣдныхъ. По его кончинѣ сыновья Борисовы, Димитрій и Константинъ, господствуя въ Ростовѣ, отняли у Глѣбова сына, Михаила, наслѣдственную Бѣлозерскую область, и скоро поссорились между собою, такъ, что Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ Великому Князю, а Димитрій Борисовичь началъ собирать полки; но Великій Князь отвратилъ ненавистное кровопролитіе: самъ ѣздилъ въ Ростовъ и посредствомъ тамошняго Епископа, Игнатія, уговорилъ братьевъ жить согласно.

Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Въ то самое время собственный его меньшій братъ, Андрей Александровичь, Князь Городца Волжскаго, дѣйствуя по совѣту злодѣя, Семена Тонигліевича, и другихъ недостойныхъ Бояръ, вздумалъ овладѣть Великимъ Княженіемъ, вопреки государственному уставу или древнему обыкновенію, по коему старшій въ родѣ заступалъ мѣсто отца. Лестію и дарами задобривъ Хана, Андрей получилъ отъ него грамоту и войско, подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ Удѣльнымъ Князьямъ явиться къ нему въ станъ съ ихъ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться: Ѳеодоръ Ярославскій, Михаилъ Ивановичь Стародубскій (внукъ Всеволода III), и даже Константинъ Ростовскій, облагодѣтельствованный Димитріемъ, соединились съ Андреемъ. Изумленный сею внезапною грозою, Великій Князь искалъ спасенія въ бѣгствѣ; а Татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго Торжка, были разорены ими (161): они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей толпами въ плѣнъ, или убивали. Юныя Монахини, жены Священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ оборониться, и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось жителя (по словамъ лѣтописи), который не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось Декабря 19: въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ Татарами, и совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію къ Хану.

Димитрій Александровичь бѣжалъ къ Новугороду, и думалъ заключиться въ Копорьѣ. Новогородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильменѣ. «Стой, Князь!» говорили они: г. 1282. «мы помнимъ твои обиды. Иди, куда хочешь.» Они взяли дочерей и Бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ слово освободить ихъ, когда дружина Княжеская добровольно выступитъ изъ Копорья, гдѣ находился тогда и славный Довмонтъ Псковскій, зять Великаго Князя (162). Доброхотствуя тестю, онъ съ горстію воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужаго, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо Новогородцы немедленно осадили сію крѣпость, и принудивъ Довмонта выйти оттуда со всѣми людьми Княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть, гнушаясь злодѣяніемъ Андрея Александровича, но



162

жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, Новогородцы призвали его и возвели на престолъ Св. Софіи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки Ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жители изъявляли къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ Орду. Новогородцы также не могли быть спокойны: имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и боясь, чтобы Димитрій не занялъ хлѣбнаго Торжка, ввѣрили защиту сего для нихъ важнаго мѣста надежному Боярину, Семену Михайловичу; велѣли ему доставить оттуда весь излишній хлѣбъ водою въ Новгородъ, и соединились съ друзьями Андреевыми, меньшимъ его братомъ, Даніиломъ Московскимъ, и Святославомъ Тверскимъ ([163]). Они хотѣли изгнать Великаго Князя; встрѣтивъ же его готоваго къ битвѣ, въ пяти верстахъ отъ Дмитрова, остановились, и заключили миръ *на всей волѣ своей:* то есть, Димитрій отказался отъ Новагорода и далъ слово никогда не мстить его жителямъ. Но Андрей нашелъ гораздо усерднѣйшихъ помощниковъ въ Моголахъ: сіи варвары, всегда алчные къ злодѣйствамъ и добычѣ, не отказались и вторично услужить ему разореніемъ Великаго Княженія; напали со всѣхъ сторонъ на Суздальскія области, и стремились къ Переславлю, означая свой путь кровію и пожарами. Димитрій не могъ противиться: онъ бѣжалъ къ сильному Ногаю, который, бывъ прежде Воеводою Ханскимъ, тогда уже самовластно господствовалъ отъ степей Слободской Украинской и Екатеринославской Губерніи до береговъ Чернаго моря и Дуная.

Такимъ образомъ Князья Россійскіе въ самомъ источникѣ насилія искали способа защитить себя отъ оныхъ, и жертвовали послѣдними остатками народной гордости выгодамъ собственнаго, личнаго властолюбія. Димитрій не обманулся въ надеждѣ; убѣжденный его справедливостію, или желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратилъ ему
г. 1283 престолъ и власть, не мечемъ и не кровопролитіемъ, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнулъ быть ослушникомъ, ибо самъ новый Ханъ, Туданъ-Мангу ([164]), боялся Ногая. Братья примирились, хотя и не искренно; меньшій отказался отъ Великаго Княженія, и даже не могъ защитить своихъ друзей отъ мести Димитріевой. Мы упоминали о Вельможѣ Семенѣ Тонигліевичѣ, главномъ совѣтникѣ Андреевомъ, коему Лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: Великій Князь послалъ двухъ Бояръ умертвить его въ Костромѣ, гдѣ онъ жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, тайно схвативъ сего Вельможу, напрасно хотѣли свѣдать, не имѣетъ ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ: Семенъ отвѣтствовалъ: «Я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья мирятся: а мое дѣло вѣрно служить Государю.» Запираясь въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ Моголовъ, и слыша угрозы, онъ равнодушно сказалъ: «и такъ Великій Князь не боится вѣроломства? клялся быть другомъ Андреевымъ и грозитъ казнію его Боярамъ!» Тогда исполнители Димитріева повелѣнія убили сего человѣка жестокаго, но смѣлаго и рѣшительнаго: свойства, безъ коихъ злодѣи не могли бы такъ часто успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ.

Андрей молчалъ, и не смѣя ни въ чемъ г. 1283—1284.
спорить съ Димитріемъ, уступилъ ему Новгородъ, хотя, будучи въ Торжкѣ, не за долго до сего времени далъ клятву Новогородскимъ чиновникамъ жить или умереть съ ними ([165]). Онъ ходилъ даже вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и съ Татарами смирять Новогородцевъ, не хотѣвшихъ повиноваться его брату. Чтобы не раздражить Моголовъ и спасти свою область отъ разоренія, они согласились наконецъ зависѣть отъ Димитрія, уступивъ ему Волокъ.

Бѣдствіе Курской области.

Увидимъ, что Андрей, стараясь доказывать Великому Князю свое раскаяніе и миролюбіе, дѣйствовалъ какъ лицемѣръ; но прежде описанія его новыхъ злодѣйствъ изобразимъ тогдашнія бѣдствія области Курской, гдѣ господствовали Олегъ и Святославъ, потомки древнихъ Владѣтелей Черниговскихъ ([166]): первый въ Рыльскѣ и Ворголѣ, а второй въ Липецкѣ. Баскакомъ сего Княженія былъ Ахматъ Хивинецъ: взявъ на откупъ дань Татарскую, онъ угнеталъ народъ, не исключая ни Бояръ, ни Князей, и завелъ близъ Рыльска двѣ слободы, куда стекались негодяи всякаго рода, чтобы, снискавъ его покровительство, грабить окрестныя селенія. Олегъ съ согласія Святослава пожаловался на то Хану Телебугѣ, который, давъ ему отрядъ Моголовъ, велѣлъ разорить слободы Ахматовы: Князья же, исполняя въ точности приказъ его, вывели отту-

да своихъ бѣглыхъ людей; а другихъ оковали цѣпями. Ахматъ находился тогда у Ногая, и слыша, что сдѣлалось въ области Курской, описалъ ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его непріятелями. Сіе обвиненіе имѣло нѣкоторую тѣнь истины: ибо легкомыслепный Святославъ, еще прежде Олегова возвращенія изъ Орды, тревожилъ Баскаковы селенія ночными нападеніями, похожими на разбой. «Чтобы увѣриться въ справедливости моихъ словъ» — говорилъ Ахматъ Ногаю — «пошли сокольниковъ въ Олегову землю ловить лебедей, и вели ему къ тебѣ пріѣхать(167): увидишь, что онъ не послушается.» Олегъ не считалъ себя виновнымъ, ибо исполнилъ только волю Хана; но боясь клеветы Ахматовой, не захотѣлъ ѣхать къ Ногаю, который, будучи раздраженъ его ослушаніемъ, послалъ войско наказать мнимаго непріятеля. Могъ ли Князь двухъ или трехъ ничтожныхъ городковъ думать о сопротивленіи? Олегъ бѣжалъ къ Хану Телебугѣ, Святославъ въ лѣса Воронежскіе, а Моголы, разоривъ Курское владѣніе, схватили 13 Бояръ, также нѣсколько странниковъ, и предали ихъ скованныхъ въ жертву злобному Баскаку. Онъ злодѣйски умертвилъ первыхъ, освободилъ странниковъ, и подаривъ имъ окровавленныя одежды казненныхъ Бояръ, сказалъ: «ходите изъ земли въ землю, и громогласно объявляйте: *такъ будетъ всякому, кто дерзнетъ оскорбить Баскака!*» Разоренныя Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотомъ и другими плодами всемѣстнаго грабежа въ Курской области: люди бѣжали въ пустыни, не смотря на жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ, что слуги Баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ Бояръ, видѣли, что не-кого было стращать сими знаками его ужасной мести. Однакожь Ахматъ боялся ушедшихъ Князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оставивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бродяги, жители Баскаковыхъ деревень, скоро должны были всѣ разбѣжаться: ибо Святославъ возвратился, стерегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько человѣкъ умертвилъ, не заботясь о слѣдствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ Орды и родственникъ его, Олегъ, собрать, успокоить народъ, и съ Христіанскими обрядами воздать честь погребенія убитымъ Боярамъ, коихъ искаженные трупы еще висѣли на деревахъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли Курской, сей Князь торжественно объявилъ Святослава преступникомъ, говоря ему: «Мы были правы, а теперь стали виновны. Дѣло твое есть вторичный разбой, всего болѣе ненавистный Татарамъ, и въ самомъ нашемъ отечествѣ нетерпимый. Надлежало требовать суда отъ Хана: ты же не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрываясь въ темнотѣ лѣсовъ какъ злодѣй. Моя совѣсть чиста. Иди, оправдайся предъ Царемъ.» Но Святославъ не слушалъ ни упрековъ, ни совѣтовъ его, отвѣтствуя гордо: «я воленъ въ своихъ дѣлахъ; наказалъ враговъ моихъ, и правъ.» Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугѣ, и ревностно исполняя волю его, умертвилъ Святослава! Достойно замѣчанія, что лѣтописцы сего времени ни мало не винятъ убійцы, осуждая безразсудность убитаго: столь рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ, подвергалъ Россіянъ гнѣву сильнаго тирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечь въ сердце единокровнаго Князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо тѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести Татарской.... Но себя не спасъ: братъ Святослава, Александръ, убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями, и нашелъ способъ умилостивить Моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ, оставляя нашимъ Князьямъ право рѣзать другъ друга, и вступаясь иногда съ великою ревностію за утѣсненнаго, готовы были тогда же взять сторону противную.

Мы видѣли, что Ногай защитилъ Димитрія: увидимъ его и защитникомъ г.1285.
Андрея. Сей Князь Городецкій, живъ два года спокойно, призвалъ къ себѣ какого-то Царевича изъ Орды и началъ явно готовиться къ важнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ(168). Великій Князь предупредилъ ихъ: соединился съ Удѣльными Владѣтелями, выгналъ Царевича и плѣнилъ Бояръ Андреевыхъ. Сіе дѣйствіе могло оскорбить Хана и казалось дерзостію: Ростовцы поступили еще смѣлѣе. Съ неудовольствіемъ смотря на множество Татаръ, привлекаемыхъ къ нимъ корыстолюбіемъ и хотѣвшихъ быть во всемъ господами, они положи- г.1289.
ли на Вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель Ростовскій, Димитрій Борисовичь,

сватъ Великаго Князя, немедленно послалъ въ Орду брата своего, Константина, чтобы оправдать народъ или себя, и Ханъ на сей разъ не вступился за обиженныхъ Татаръ: чему были причиною или дары Княжескіе или тогдашнія внутреннія неустройства въ Ордѣ. Ногай болѣе и болѣе стѣснялъ власть Ханскую: наконецъ умертвилъ Телебугу, и возвелъ на престолъ его брата, именемъ Тохту. Къ несчастію, Россія не могла
г. 129.1 еще воспользоваться сими междоусобіями ея тирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать оную.

Великій Князь, обязанный всѣмъ покровительству Ногая, могъ быть еще спокойнѣе прежняго, видя его располагающаго судьбою Хановъ. Чтобы тѣмъ болѣе угодить ему, онъ послалъ въ Орду сына, юнаго Александра (который
г. 1292. тамъ и скончался). Но Андрей хитрыми происками успѣлъ склонить на свою сторону многихъ Удѣльныхъ Князей, въ особенности же Ѳеодора Ярославскаго, любимца и — какъ вѣроятно — зятя Ногаева, представляя имъ Димитрія опаснымъ и готовымъ стѣснить ихъ права, хотя Великій Князь совсѣмъ не думалъ о самовластіи ([169]). За нѣсколько лѣтъ до того времени оскорбленный Тверскимъ Владѣтелемъ, Михаиломъ Ярославичемъ, юношею гордымъ, онъ ходилъ вмѣстѣ съ Новогородцами воевать его области, но долженъ былъ заключить съ нимъ миръ у Кашина, не смѣвъ рѣшиться на битву и какъ бы признавъ независимость Тверскаго Княженія. Андрей и Ѳеодоръ, вступивъ въ тѣсную связь, очернили Димитрія въ глазахъ Ногая, весьма равнодушнаго къ справедливости и довольнаго случаемъ обогатить своихъ Моголовъ новымъ впаденіемъ въ Россію, гдѣ они били людей какъ птицъ, и брали добычу, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Ногай сказалъ слово, и многочисленные полки Моголовъ устремились на разрушеніе.

*Независимость Тверскаго Княженія.*

г. 1293. Дюдень, братъ Хана Тохты, предводительствовалъ ими; а Князья, Андрей и Ѳеодоръ, указывали ему путь въ сердце отечества. Димитрій находился въ Переславлѣ: не имѣя отважности встрѣтить Дюденя ни съ оружіемъ, ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности, онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ, къ вѣрному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на Великое Княженіе, и могли бы сдѣлать то безъ всякаго кровопролитія: ибо никто не думалъ сопротивляться волѣ Ногаевой; но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличь, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и еще нѣсколько другихъ городовъ были ими взяты какъ непріятельскіе, люди плѣнены, жены и дѣвицы обруганы. Духовенство, свободное отъ дани Ханской, не спаслося отъ всеобщаго бѣдствія: обнажая церкви, Татары выломали даже мѣдный полъ Собора Владимірскаго, называемый *чудеснымъ* въ лѣтописяхъ. — Въ Переславлѣ они не нашли ни одного человѣка: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣтьми. Даніилъ Александровичь Московскій, братъ и союзникъ Андреевъ, дружелюбно впустивъ Татаръ въ свой городъ, не могъ защитить его отъ грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе, коими сія часть Россіи тогда изобиловала, служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

*Опустошеніе Россіи.*

Дюдень, вступивъ въ Тверскую область, думалъ взять столицу, тѣмъ удобнѣе, что Князь Михаилъ находился въ Ордѣ. Къ счастію, Бояре и народъ изъявили великодушную смѣлость: съ обрядами священными давъ клятву другъ другу обороняться до послѣдняго человѣка, они составили войско, довольно сильное числомъ; многіе люди изъ другихъ областей, спасаясь отъ Моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣстѣ съ ея мужественными гражданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и Князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, любимый всѣми. Не зная, что Татары заняли Москву, онъ-было едва не попался къ нимъ въ руки; но одинъ сельскій Священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу безопасную. Духовенство встрѣтило Князя со крестами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые малодушные ободрились. Мужество въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же легко сообщается, какъ и робость. — Недостойный Князь Андрей, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ Татарскихъ, уже велъ Дюденя къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила готовы дать имъ отпоръ сильный, Моголы обратились къ Новогородской области, ибо искали въ Россіи не славы побѣдъ, а только одной безопасно добываемой коры-

сти (170). Разореніемъ Волока заключилось сіе губительство. Приславъ дары Воеводѣ Могольскому, Новогородцы объявили тамъ Андрею, что они всегда желали имѣть его своимъ Княземъ, и что ему нѣтъ нужды итти къ нимъ съ Татарами. Дюдень отступилъ, и вышелъ изъ Россіи. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ; союзникъ же его, Өеодоръ Ростиславичь, взялъ себѣ Переславль Залѣсскій. Сей Князь, по смерти братьевъ, Глѣба и Михаила Ростиславичей, господствовалъ и въ Смоленскѣ, но скоро долженъ былъ уступить оный племяннику, Александру Глѣбовичу, воину мужественному, который (въ 1285 году) счастливо отразилъ отъ столицы своей Князя Брянскаго, Романа Михайловича (171).

г. 1294.

Великій Князь ждалъ только отбытія полковъ Дюденевыхъ и хотѣлъ немедленно возвратиться въ свою наслѣдственную Переславскую область, зная, что усердный къ нему народъ возметъ его сторону. Андрей съ дружиною Новогородскою перехватилъ брата на пути, близъ Торжка. Великій Князь, оставивъ казну свою въ рукахъ Андреевыхъ, ушелъ въ Тверь, гдѣ юный Михаилъ принялъ его со всею должною честію, и вызвался быть миротворцемъ между ими, чтобы избавить отечество отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Епископъ Тверскій и Святославъ (Князь или Вельможа) поѣхали въ Торжекъ, убѣждали, молили Андрея, и наконецъ успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ. Великій Князь отказался отъ старѣйшинства и престола Владимірскаго, довольный наслѣдственнымъ Переславскимъ Удѣломъ; а Новогородцы получили обратно Волокъ. Согласно съ главнымъ условіемъ мира, Өеодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: онъ не могъ противиться волѣ Андреевой, но выѣзжая изъ сего города, обратилъ его въ пепелъ. Димитрій свѣдалъ о томъ уже въ послѣдніе часы своей жизни; занемогъ, постригся и близъ Волока умеръ на пути (172): Государь памятный одними несчастіями, претерпѣнными Россіею въ его Княженіе отъ Андреева безумнаго властолюбія! Лѣтописцы прибавляютъ, что въ сіи горестныя времена были страшныя небесныя знаменія, громы, вихри и смертоносныя болѣзни.

Кончина Димитріева.

Новогородцы при Димитріи также не пользовались ни внутреннимъ, ни внѣшнимъ миромъ. Въ 1287 году смѣненный Посадникъ, Симеонъ Михайловичь, несправедливо обвиняемый во злоупотребленіяхъ власти, былъ осажденъ въ домѣ своемъ шумными вооруженными толпами; но Архіепископъ спасъ его, проводивъ въ Софійскую церковь, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всѣми признанный невиннымъ, Посадникъ умеръ съ горести, видѣвъ легковѣріе и жестокость сограждanъ. *Конецъ* возставалъ на *Конецъ*, улица на улицу: такъ называемая Прусская была вся выжжена за Боярина Самуила Ратьшинича, убитаго ея жителями на Дворѣ Архіепископскомъ. Въ 1291 году крамольники опустошили богатыя лавки купеческія: народъ, въ слѣдствіе торжественнаго суда, утопилъ двухъ главныхъ виновниковъ сего злодѣйства.

Неустройства въ Новѣгородѣ.

— Нѣмцы часто тревожили Новогородцевъ, разбивали ихъ суда на Ладожскомъ озерѣ и хотѣли обложить данію Корелу: мужественный Посадникъ Симеонъ, въ устьѣ Невы побѣдивъ Нѣмецкаго Воеводу Трунду, истребилъ большую часть его *шнекъ* и *лойвъ* или судовъ. Шведы, раздраженные нападеніемъ отряда Новогородскаго на Финляндію, приходили разорять землю Ижерскую и Корельскую. Ихъ было 800 человѣкъ: ни одинъ не спасся; жители сихъ областей сами собою управились съ ними. Но въ слѣдующій годъ (1293) Шведы заложили крѣпость на границахъ Кореліи, нынѣшній Выборгъ, и Новогородцы, приступивъ къ ней съ малыми силами, возвратились безъ успѣха. Король Шведскій, Биргеръ, желалъ утвердиться въ Кореліи для того, чтобы обуздать ея свирѣпыхъ жителей, непрестанно безпокоившихъ его сѣверовосточныя владѣнія и грабившихъ суда купеческія на Финскомъ заливѣ; хотѣлъ также укоренить въ ней Латинскую Вѣру и присвоить себѣ господство надъ торговлею Нѣмцевъ съ Новымгородомъ: чему свидѣтельствомъ служитъ грамота, данная Биргеромъ Любеку и другимъ городамъ приморскимъ, въ коей онъ, обѣщая имъ покровительство, строго запрещаетъ ихъ купцамъ возить оружіе и всякое желѣзо въ Россію (173).

Дѣла съ Нѣмцами и Шведами.

Набѣги Литовцевъ продолжались, особенно на области Тверскую и Новогородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцева, Ржева, Твери, но и Москвитяне съ Дмитровцами долженствовали вооружиться (въ 1285 году), и соединенными силами поразивъ толпы сихъ хищниковъ, убили ихъ Князя, именемъ Домонта (174).

Набѣги Литвы.

164

Гораздо важнѣе и несчастнѣе для Россіи, какъ пишетъ Историкъ Длугошъ, было (въ 1280 году) сраженіе Льва Даніиловича Галицкаго съ Поляками. По кончинѣ добраго Болеслава, умершаго бездѣтнымъ, Левъ думалъ быть его наслѣдникомъ и Государемъ всей Польши; не могъ преклонить къ тому Вельможъ Краковскихъ (избравшихъ Лешка, Болеславова племянника) и желая силою овладѣть нѣкоторыми изъ ближайшихъ ея городовъ, самъ ѣздилъ въ Орду къ Ногаю требовать отъ него войска ([175]). Однакожь, не смотря на многочисленныя толпы Моголовъ, данныя ему Ханомъ, Воеводы Лешковы одержали надъ нимъ блестящую побѣду, взявъ 2000 плѣнниковъ, семь знаменъ, и положивъ на мѣстѣ 8000 человѣкъ. Князья благоразумные, Владиміръ-Іоаннъ и Мстиславъ Даніиловичь, весьма неохотно участвовали въ семъ походѣ, осуждая призваніе Моголовъ, которымъ слѣпое властолюбіе Льва указывало путь къ дальнѣйшимъ опустошеніямъ странъ Христіанскихъ. Но Провидѣніе охраняло Западъ. Такъ сильные Вожди Ханскіе, Ногай и Телебуга, въ 1285 году предпріявъ совершенно разрушить Венгерскую Державу, и взявъ съ собою Князей Галицкихъ, наполнили стремнины Карпатскія трупами своихъ воиновъ. Россіяне были для нихъ худыми путеводителями: гдѣ надлежало итти три дни, тамъ Моголы скитались мѣсяцъ; сдѣлался голодъ, моръ, и Телебуга возвратился *пѣшъ съ одною женою* и *кобылою*, по словамъ Лѣтописца. Около ста тысячь варваровъ погибло въ горахъ и пустыняхъ. Не смотря на то, Ногай и Телебуга въ 1287 году съ новыми силами явились на берегахъ Вислы: Герцогъ Лешко бѣжалъ изъ Кракова; никто не мыслилъ обороняться въ Польшѣ; но, къ ея спасенію, Вожди Татарскіе боялись, ненавидѣли другъ друга; не захотѣли дѣйствовать совокупно, и безъ битвы плѣнивъ множество людей, удалились. Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галиціи, требуя гостепріимства отъ ея Князей, вмѣстѣ съ нимъ неволею ходившихъ за Вислу; а въ благодарность за оное Моголы грабили, убивали Россіянъ и сообщили имъ язву, отъ коей умерло въ однихъ Львовыхъ областяхъ 12,500 человѣкъ, и которая, если вѣрить сказанію Длугоша, произошла отъ того, что Моголы испортили воды въ Галиціи ядомъ, будто бы извлеченнымъ ими изъ мертвыхъ тѣлъ ([176]). Сіе бѣдствіе увѣрило Льва Даніиловича, что должно не призывать, а всячески отводить Моголовъ отъ покушеній на Западъ: ибо Галичь и Волынія, служа имъ перепутьемъ, страдали въ такомъ случаѣ не менѣе тѣхъ земель, куда стремились сіи варвары.

*Дѣла съ Польшею.*

Здѣсь подробныя сказанія Волынскаго Лѣтописца о происшествіяхъ его отчизны заключаются извѣстіемъ о болѣзни и кончинѣ Владиміра-Іоанна Васильковича, любителя правды, кроткаго, милостиваго, трезваго, и за особенную ученость по тогдашнему времени названнаго *Философомъ*. Сей добрый Князь Владимірскій четыре года страдалъ какъ Іовъ. Нижняя губа его начала гнить; лекарства не помогали: но снося терпѣливо боль, онъ занимался дѣлами и ѣздилъ на конѣ. Недугъ усилился: вся мясная часть бороды отпала; нижніе зубы и челюсть выгнили. Предвидя смерть, Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные поясы отцевскіе и собственные, монисты бабкины, материны, большія серебряныя блюда, золотые кубки, слилъ ихъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ вмѣстѣ съ Княжескими стадами. Не имѣя дѣтей, онъ въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мстислава Даніиловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверскаго): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова*, какъ говорилъ сей Епископъ. «А что братъ нашъ Левъ далъ въ память родителя моего?» сказалъ Владиміръ; «господствуя въ трехъ Княженіяхъ, Галицкомъ, Перемышльскомъ, Бельзскомъ, хочетъ взять и Брестъ; но не обманетъ меня.» Тщетно и Юрій притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный имъ Удѣла, и надѣялся вымолить у дяди сію же область. Умирая, Владиміръ отказалъ супругѣ, именемъ Еленѣ, городъ Кобринъ, поручилъ ее наслѣднику своему, равно какъ и юную питомицу ихъ, неизвѣстную Княжну Изяславу, взятую ими въ пеленахъ отъ матери — и преставился въ Любомлѣ (въ 1289 году), а погребенъ, *обвитый бархатомъ съ кружевами*, въ Владимірѣ, въ церкви Св. Богоматери, Епископомъ Евсегеніемъ. Нѣжная супруга и сестра Ольга оплакали его вмѣстѣ съ поддан-

*Кончина Князя Владиміра Волынскаго.*

ными и бывшими тамъ иноземцами, въ числѣ коихъ Лѣтописецъ именуетъ Евреевъ, сказывая далѣе, что сей Князь былъ отмѣнно высокаго росту и прекрасный лицемъ, имѣлъ желтые кудреватые волосы, голосъ толстый, и стригъ бороду вопреки обыкновенію; что онъ построилъ городъ Каменецъ за Брестомъ на рѣкѣ Льстнѣ (гдѣ всѣ мѣста по кончинѣ Романа, отца Даніилова, 80 лѣтъ пустѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпости, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финифтью, и надѣлилъ священными книгами, имъ самимъ списанными; что наслѣдникъ Владиміровъ, Мстиславъ, уподоблялся ему въ добродѣтеляхъ: одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреста, Каменца, Бѣльска, и въ наказаніе обложилъ ихъ жителей необыкновенною податію (177). Лѣтописецъ Волынскій жилъ въ сіе время: онъ называетъ его счастливымъ. Уже Татары не безпокоили западной Россіи, и были довольны, получая отъ ея Князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели Литовскіе, братья Будикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мстислава, уступивъ ему Волковыескъ. Ятвяги, отчасти присоединенные къ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять Россіянъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ и представляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куницъ, и даже серебро. Польша терзалась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовитовичи, враги Генрика Вратиславскаго, искали благосклонности Князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взялъ его отъ измѣны Вельможъ Болеславовыхъ, но возвратился съ великою добычею, разоривъ область Генрикову, и заключивъ тѣсный союзъ съ Королемъ Богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія отдохнули, славя мудрость и знаменитость своихъ Государей. Еще родъ Святополка-Михаила господствовалъ въ Пинскѣ: послѣдній Князь его, намъ извѣстный, былъ Георгій Владиміровичь, *добрый* и *правдивый* (отъ того же, вѣроятно, колѣна произошли Князья *Степанскіе*, упоминаемые въ лѣтописи Волынской). — Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое Княженіе Тверское, которое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ Епископію. Первый Святитель Тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже многія, богатыя волости, Олешну и другія, данныя ему Княземъ (178); а преемникъ Симеоновъ, Игуменъ Андрей, былъ сынъ Литовскаго Князя Герденя и Христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Сего втораго Епископа Тверскаго ставилъ уже новый Митрополитъ Максимъ: ибо Кириллъ (въ 1280 году) скончался въ Переславлѣ Залѣсскомъ, бывъ Главою нашей Церкви 31 годъ; тѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто нибудь изъ древнихъ Митрополитовъ Россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ, истинно Пастырскихъ. Онъ мирилъ Князей съ народомъ, просвѣщалъ Духовенство, искоренялъ заблужденія, одушевленный ревностію къ Вѣрѣ и къ чистотѣ Евангельскаго ученія. Разскажемъ одинъ любопытный случай, который ясно представляетъ благоразуміе сего Митрополита (179). Услышавъ, что Епископъ Ростовскій, Игнатій, вздумалъ судить давноумершаго добраго Князя Глѣба Васильковича, и какъ недостойнаго велѣлъ ночью перенести въ гробѣ изъ Соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кириллъ, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, отлучилъ Епископа отъ службы, и наконецъ простивъ его изъ уваженія къ ревностному предстательству Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго, сказалъ ему: «Игнатій! оплакивай во всю жизнь свое безуміе, дерзнувъ осудить мертвеца прежде суда Божія! Когда Глѣбъ былъ живъ и властвовалъ, ты искалъ въ немъ милости, бралъ отъ него дары, вкусно ѣлъ и пилъ за столомъ Княжескимъ, и въ благодарность за то обругалъ тѣло покойника! Кайся во глубинѣ сердца, да проститъ Богъ твое согрѣшеніе!» — Кириллъ посылалъ Епископа Сарскаго, Ѳеогноста, къ Патріарху Константинопольскому, Іоанну Векку, славному ученостію и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Іоаннъ хотѣлъ подчинить Церковь Восточную Западной. Патріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность Царю Михаилу Палеологу, а Царь для безопасности своего Царства и въ надеждѣ, что Папа примиритъ его съ братомъ Св. Людовика, опаснымъ Карломъ д'Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ Имперіи Греческой. Россійскій Епископъ видѣлъ въ Константинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казнь многихъ ревност-

Добродѣтели Кирилла Митрополита.

ныхъ сановниковъ Церкви (180), громогласно осуждавшихъ Царя, и возвратился (въ 1279 году) къ Митрополиту съ извѣстіями печальными. Духовенство Россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло Главы, ибо не хотѣло, какъ вѣроятно, принять новаго Митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ въ 1283 году былъ посвященъ старцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на Патріаршество по смерти Императора Михаила, и предавшимъ анаѳемѣ уставы Латинской Церкви.—Въ одной лѣтописи сказано, что преемникъ Кирилловъ, Грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ Орду, и послѣ сзывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ Епископовъ въ Кіевъ (181); но сіе извѣстіе, не подтверждаемое другими достовѣрнѣйшими Лѣтописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни Митрополиты, ни Епископы наши не бывали въ Ордѣ, кромѣ Сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Достойно замѣчанія, что Епископъ Ѳеогностъ ѣздилъ оттуда въ Константинополь не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ Ханскаго Посла къ Императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай — въ тотъ самый годъ, какъ Дюденево войско злодѣйствовало въ Россіи — былъ побѣжденъ Ханомъ Тохтою и найденъ между убитыми (182). Смерть Ногаева. Кажется, что въ сіе время уже разные Воеводы Могольскіе присвоивали себѣ имя Царей: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о какомъ-то Царѣ Токтомерѣ, который (около 1293 году) пріѣзжалъ въ Тверь, утѣснялъ народъ и возвратился съ богатою корыстію въ Улусы.

---

# ГЛАВА VI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

### Г. 1294 — 1304.

---

**Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Даніила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Миръ съ Даніею. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота.**

Наконецъ властолюбивый Андрей уже Г. 1294. могъ назваться законнымъ Великимъ Княземъ Россіи; никто не спорилъ съ нимъ о семъ достоинствѣ. Константинъ Борисовичь, по кончинѣ старшаго брата, сѣлъ на престолѣ Ростовскомъ, отдавъ Угличь своему сыну, Александру. Браки. Великій Князь и Михаилъ Тверскій женились на дочеряхъ умершаго Димитрія Борисовича, и два года протекли въ тишинѣ (183).

Но могъ ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви отъ народа и почтенія отъ Князей? Онъ не имѣлъ и тѣхъ свойствъ, коими злодѣи человѣчества закрашиваютъ иногда черноту Свойства Андреевы. свою: ни ревностнаго славолюбія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, истреблялъ Христіанъ руками Моголовъ, не обнажавъ меча, не видавъ опасности, и проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права назваться побѣдителемъ?

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи Великому Князю надлежало бы имѣть превосходную душу Александра Невскаго, чтобы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ быть Главою частныхъ Владѣтелей, изъ коихъ всякой искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Ѳеодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Даніилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ. Открылась распря, дошедшая до Г. 1295. вышняго судилища Ханова: самъ Великій Князь ѣздилъ въ Орду съ своею молодою супругою, чтобы снискать милость Тохты (184). Посолъ Ханскій, из- Г. 1296—1297. Судъ Князей. бранный быть миротворцемъ, созвалъ Князей въ Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ стороны: Михаилъ Тверскій

взялъ Даніилову (Іоаннъ же находился въ Ордѣ; вмѣсто его говорили Бояре Переславскіе); Ѳеодоръ Черный и Константинъ Борисовичь стояли за Андрея. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержать ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгоряченные споромъ Князья и Вельможи взялись-было за мечи. Епископы, Владимірскій Симеонъ и Сарскій Исмаилъ, ставъ посреди шумнаго сонма, не дали братьямъ рѣзаться между собою ([185]). Судъ кончился миромъ, или, лучше сказать, ничѣмъ. Посолъ Хановъ взялъ дары, а Великій Князь, давъ слово оставить братьевъ и племянника въ покоѣ, въ тоже время началъ собирать войско, чтобы смирить ихъ какъ мятежниковъ. Желая воспользоваться отсутствіемъ Іоанна, онъ хотѣлъ завладѣть Переславлемъ, но встрѣтилъ подъ Юрьевымъ сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Іоаннъ, отправляясь къ Хану, поручилъ свою область защитѣ Михаила Ярославича. Вторично вступили въ переговоры и вторично заключили миръ, который, сверхъ чаянія, не былъ нару-
г. 1295 —1304. шенъ до самой кончины Андреевой. Князья иногда ссорились, однакожь не прибѣгали къ мечу, и находили способъ мириться безъ кровопролитія.

Сеймы Княжескіе. Древніе Сеймы Княжескіе, учрежденные Мономахомъ при Святополкѣ II, тогда возобновились, въ обстоятельствахъ подобныхъ, и съ тѣмъ же добрымъ намѣреніемъ: ибо ни Святополкъ, ни Андрей не могъ силою обуздывать частныхъ Владѣтелей, и словесныя убѣжденія, за недостаткомъ иныхъ средствъ, казались нужными. Въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ присутствовали и знаменитыя Духовныя особы, какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смерти Ѳеодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ ([186]), гдѣ Андрей съ братомъ Даніиломъ, съ племянникомъ Іоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ всѣ дѣла дружелюбно, но гдѣ Князья Тверскій и Переславскій не могли въ чемъ-то согласиться, доселѣ дѣйствовавъ единодушно. Хитрый Михаилъ привлекъ было-на свою сторону и Новогородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по коему они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ утѣсненій отъ Великаго Князя и самаго Хана; Новгородъ обѣщалъ правосудіе всѣмъ Тверскимъ истцамъ въ его области, а Михаилъ отступался отъ закабаленныхъ ему должниковъ Новогородскихъ, и проч. ([187]). Андрей не могъ помѣшать сему оскорбительному для него союзу, и безъ сомнѣнія былъ доволенъ размолвкою Михаила съ Іоанномъ, которая уменьшала могущество перваго. Но Іоаннъ, названный въ лѣтописяхъ тихимъ или кроткимъ, тѣмъ согласнѣе жилъ съ дядею своимъ, Даніиломъ, и въ 1302 году умирая бездѣтенъ, отказалъ ему Переславль ([188]). Князь Московскій, въѣхавъ въ сей Москва усиливается.
городъ, выгналъ оттуда Бояръ Андрея, который считалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Іоанновымъ, и негодуя на властолюбіе меньшаго брата, поѣхалъ съ жалобою къ Хану. Область Переславская вмѣстѣ съ Дмитровымъ была по Ростовѣ знаменитѣйшею въ Великомъ Княженіи, какъ числомъ жителей, Бояръ, людей военныхъ, такъ и крѣпостію столичнаго ея города, обведеннаго глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою двѣнадцати башенъ. Сіе важное пріобрѣтеніе еще болѣе утверждало независимость Московскаго Владѣтеля: Даніилъ же, за два года передъ тѣмъ, побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Рязанскаго Князя, Константина Романовича, *убивъ* въ сраженіи и *многихъ Татаръ:* смѣлость удивительная, и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіяне начали ободряться, и пользуясь дремотою Хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства. Смѣлость Россіянъ.

Между тѣмъ, какъ Андрей искалъ суда въ Ордѣ, Даніилъ внезапно скончался, однакожь успѣвъ принять Схиму, по тогдашнему обыкновенію людей набожныхъ. Онъ первый возвеличилъ достоинство Владѣтелей Московскихъ, и первый изъ нихъ былъ погребенъ въ семъ городѣ, въ *церкви Св. Михаила* ([189]), оставивъ по себѣ долговременную память Князя добраго, справедливаго, благоразумнаго, и приготовивъ Москву заступить мѣсто Владиміра. Смерть Даніила Московскаго.

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой, Переславцы единодушно объявили Княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія, у нихъ бывшаго, и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей вторично не занялъ ихъ города. Георгій, успокоивъ народъ, и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ или въ безпечности Хана, не только безъ стра-



166

ха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, Удѣлъ Смоленскій, и привелъ плѣнникомъ тамошняго Князя, Святослава Глѣбовича, Θеодорова племянника ([190]).

Наконецъ Великій Князь, бывъ цѣлый годъ въ Ордѣ, возвратился съ Послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславлѣ на общій Сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ, въ присутствіи Митрополита Максима, читали ярлыки или грамоты Ханскія, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю, да наслаждается Великое Княженіе тишиною, да пресѣкутся распри Владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ. Андрей, Михаилъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно Великій Князь, хваляся впрочемъ милостію Тохты, не достигнулъ своей цѣли ([191]).

Въ сихъ Княжескихъ съѣздахъ не участвовали ни Рязанскіе, ни Смоленскіе, ни другіе Владѣтели. Нашествіе Моголовъ уничтожило и послѣднія связи между разными частями нашего отечества: Великій Князь, не удержавъ господства надъ собственными Удѣлами Владимірскими, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла иныхъ областей и быть — ежели бы и хотѣлъ — душею общаго согласія, порядка, справедливости? Какъ въ Великомъ, такъ и въ частныхъ Княженіяхъ единокровные возставали другъ на друга. Александръ Глѣбовичь, отразивъ (въ 1298 году) дядю своего, Θеодора Чернаго, отъ Смоленска ([192]), хотѣлъ (чрезъ два года) взять Дорогобужъ, городъ Смоленской области, ему непослушный; отнялъ у жителей воду, но разбитый ими съ помощію Князя *Вяземскаго*, Андрея, его родственника, отступилъ, исходя кровію отъ тяжелой раны. Романъ Глѣбовичь, братъ Александровъ, также былъ уязвленъ стрѣлою; а юный сынъ послѣдняго палъ мертвый на мѣстѣ сраженія.

*Междоусобія въ Княженіяхъ.*

Мужество Россіянъ гораздо счастливѣе ознаменовалось тогда въ битвахъ съ врагами иноплеменными... Ливонскіе Рыцари (въ 1299 году) неожидаемо осадили Псковъ, и разграбивъ монастыри въ его предмѣстіи, убивали безоружныхъ Монаховъ, женщинъ, младенцевъ ([193]). Князь Довмонтъ, уже старецъ лѣтами, но еще воинъ пылкій, немедленно вывелъ свою дружину малочисленную, сразился съ Нѣмцами на берегу Великой, смялъ ихъ въ рѣку, и взявъ въ добычу множество оружія, брошеннаго ими въ бѣгствѣ, отправилъ плѣнниковъ, граждан Эстонскаго Феллина, къ Великому Князю. Командоръ Ордена, предводитель Нѣмцевъ, былъ раненъ въ семъ несчастномъ для нихъ сраженіи, о коемъ Ливонскіе Историки не упоминаютъ, и которое было послѣднимъ знаменитымъ дѣломъ храбраго Довмонта. Онъ преставился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ какой-то заразительной болѣзни, смертоносной тогда для многихъ Псковитянъ, и кончина его была долгое время оплакиваема народомъ, самыми женами и дѣтьми. Довмонтъ, названный въ крещеніи Тимоθеемъ, хотя родился и провелъ юность въ землѣ варварской, ненавистной нашимъ предкамъ, но принявъ Вѣру Спасителеву, вышелъ изъ купѣли усерднымъ Христіаниномъ и вѣрнымъ другомъ Россіянъ; тридцать-три года служилъ Богу истинному и второму своему отечеству добрыми дѣлами и мечемъ: удостоенный сана Княжескаго, не только прославлялъ имя Русское въ битвахъ, но и судилъ народъ право, не давалъ слабыхъ въ обиду, любилъ помогать бѣднымъ. Женатый на Маріи, дочери Великаго Князя Димитрія, не оставлялъ сего изгнанника въ несчастіи, и готовъ былъ положить за него свою голову; по смерти же Димитрія свято наблюдалъ обязанности Князя Удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта болѣе всѣхъ другихъ Князей; воины, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: «добрые мужи Псковичи! кто изъ васъ старъ, тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ братъ ([194])! Помните отечество и Церковь Божію!» Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась *Довмонтовою*, и которую послѣ (въ 1309 году) Посадникъ Борисъ довелъ отъ церкви Св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ Литовскій пишетъ, что Довмонтъ господствовалъ и надъ *Полоцкою* областію; но въ 1307 году Литовцы *купили* оную у Нѣмецкихъ Рыцарей: ибо какой то изъ тамошнихъ Князей, обращенный въ Латинскую Вѣру, отказалъ

*Война съ Орденомъ Ливонскимъ.*

*Кончина и слава Довмонтова.*

сей городъ Рижской Церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Шведы, основавъ въ Кареліи Выборгъ, въ 1295 году заложили и нынѣшній Кексгольмъ: Воеводою ихъ былъ Витязь Сигге ([195]). Новогородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного Шведа живаго, срыли валъ, и чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ Шведскій, состоящій изо ста-одиннадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ Государственный Правитель или Маршалъ, Торкель Кнутсонъ предводительствовалъ онымъ, и началъ строить новый городъ, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго С. Петербурга, при устьѣ Охты, употребивъ для того весьма искусныхъ Римскихъ художниковъ, и назвавъ сію крѣпость Ландскроною или *Вѣнцемъ земли*. Лѣтописецъ нашъ говоритъ только, что Великаго Князя не было тогда въ Новѣгородѣ, и что Шведы, оставивъ въ крѣпости войско, удалились; но Историки Шведскіе пишутъ, что Россіяне, имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ, хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что Маршалъ Торкель, увѣдомленный о семъ черезъ лазутчиковъ, велѣлъ оградить истокъ Невы потаенными сваями; что Новогородцы, видя неудачу, вышли изъ лодокъ, напали на Шведовъ и съ великимъ урономъ отступили; что знаменитый Матѳей Кеттильмундсонъ, бывшій послѣ опекуномъ Шведскаго Короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками, громогласно вызывая на поединокъ храбрецовъ Россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова ([196]). Сіе извѣстіе можетъ быть отчасти справедливо: ибо невѣроятно, чтобы Новогородцы безпрепятственно дали Маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣдительно звали къ себѣ Великаго Князя Андрея, который, долго медливъ, наконецъ весною 1301 году пришелъ съ полками Низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодомъ и болѣзнями, Шведы все еще бились мужественно, подъ начальствомъ славнаго Витязя, Стена, храбраго, но безпечнаго или слишкомъ надменнаго: ибо онъ не хотѣлъ заблаговременно требовать вспоможенія отъ Правителя Швеціи, хладнокровно

Ландскрона.

отвѣтствуя другому благоразумнѣйшему витязю, именемъ Амундсону: «начто безпокоить Великаго Маршала?» Россіяне огнемъ и пращами въ нѣсколько дней истребили большую часть внѣшнихъ укрѣпленій, и не слушая никакихъ предложеній Стеновыхъ, готовились къ рѣшительному приступу. Тогда Амундсонъ напомнилъ своему начальнику слова его: «начто безпокоить Великаго Маршала?» и вмѣстѣ съ нимъ былъ изрубленъ побѣдителями. Новогородцы взяли крѣпость и сравняли ее съ землею, плѣнивъ горсть Шведовъ, которые долго оборонялись въ погребѣ ([197]). Сей успѣхъ остался въ лѣтописяхъ единственнымъ достохвальнымъ дѣломъ Андреевымъ: по крайней мѣрѣ онъ участвовалъ въ ономъ, имѣя въ предметѣ безопасность отечества. Михаилъ Ярославичь также хотѣлъ итти къ берегамъ Невы; но узналъ на пути, что страшная Ландскрона уже не существуетъ.

Миръ съ Даніею.

Успокоенные со стороны Шведовъ, Новогородцы отправили за море Пословъ и заключили миръ (въ 1302 году) съ Королемъ Датскимъ Эрикомъ VI, чтобы прекратить свои частыя войны съ Эстоніею, его областію. Впрочемъ не надѣясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и внѣшнихъ враговъ и Князей Россійскихъ, они въ тотъ же годъ заложили у себя большую *каменную* крѣпость: ибо вольность ихъ ограждалась дотолѣ однимъ бреннымъ *деревомъ* ([198]). Умноженіе опасностей требовало защиты твердѣйшей: умноженіе частныхъ и казенныхъ прибытковъ доставляло Правительству способъ воздвигнуть оную, безъ излишней тягости для гражданъ.

Іюля 27. Смерть Андреева.

Великій Князь Андрей скончалъ жизнь свою Схимникомъ въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства ([199]). Никто изъ Князей Мономахова роду не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ сей недостойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ Городцѣ, далеко отъ священнаго праха родительскаго.

Разныя бѣдствія.

Ужасы естественные и всякія несчастія ознаменовали десятилѣтнее время его княженія, такъ же, какъ и Димитріево. Къ числу тогдашнихъ явленій, воздушныхъ и небесныхъ, обыкновенно страшныхъ для народа, принадлежала славная Комета 1301 года, описанная Китайскими Астрономами и воспѣтая въ стихахъ Пахимеромъ. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ

167

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ Княжескій (въ 1298) со всею казною и драгоцѣнностями; не успѣли вынести ни серебра, ни золота, ни оружія; самъ Князь Михаилъ, ночью пробужденный огнемъ, едва могъ спастися съ юною супругою отъ пламени. Въ Новѣгородѣ обратились въ пепелъ многія улицы (въ 1299), Варяжская, Холопья, и Нѣмецкій гостиный дворъ (200). Изверги, пользуясь общимъ смятеніемъ, грабили имѣніе, снесенное въ церкви; убивали сторожей: злодѣйство, о коемъ Лѣтописецъ говоритъ съ праведнымъ омерзѣніемъ.

Въ Княженіе Андреево (въ 1299 году) Митрополитъ Максимъ оставилъ навсегда Кіевъ, чтобы не быть тамъ свидѣтелемъ и жертвою несноснаго тиранства Моголовъ, и со всѣмъ Клиросомъ переѣхалъ въ Владиміръ (201); даже большая часть Кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. Послѣ Ярослава и сына его, Александра Невскаго, Великіе Князья уже не имѣли никакой власти надъ странами Днѣпровскими. Кто изъ потомковъ Св. Владиміра господствовалъ въ оныхъ, неизвѣстно (въ лѣтописяхъ упоминается только о Князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мстиславу Даніиловичу). Левъ Галицкій не заботился о древней столицѣ своихъ предковъ, оставленной такимъ образомъ въ жертву варварамъ. Любимый, оплаканный подданными, онъ скончался мирно и тихо въ 1301 году, доживъ до глубокой старости, и велѣвъ предать землѣ тѣло свое безъ всякихъ знаковъ пышности (202): Монахи одѣли его въ простой саванъ и вложили ему въ руку изображеніе креста. Въ городѣ Львовѣ показываютъ двѣ харатейныя жалованныя грамоты, будто бы данныя симъ Княземъ тамошнему храму Св. Николая и Крылосскому (близъ Галича) Успенія Богоматери на имѣніе и на исключительное право суда Епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ (203). Слогъ обѣихъ есть новое, неискусное смѣшеніе

Митрополиты въ Владимірѣ.

Кончина Льва Галицкаго.

языка Русскаго съ Польскимъ; въ обѣихъ именуются *особенные Митрополиты Галицкіе*, коихъ не бывало, и въ одной названъ тогдашній *Кіевскій* Митрополитъ *Кипріаномъ:* а Кипріанъ пасъ Церковь уже во время Димитрія Донскаго и сына его. — Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который по смерти дяди, Мстислава Даніиловича, наслѣдовавъ и Владимірскую область, возобновилъ титулъ своего дѣда и подобно Даніилу именовался *Королемъ Россійскимъ*, Rex Russiæ, какъ изображено на печати сего Князя, сохраненной въ Архивѣ Кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами Галицкихъ Владѣтелей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена (204).

Послѣ несчастной для Нѣмцевъ осады Пскова Россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Магистръ въ 1304 году призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и Епископовъ на Сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими Князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбитъ Новогородцевъ или Псковитянъ и тѣмъ навлечетъ на себя месть ихъ (205).

Двинская грамота.

Въ числѣ нашихъ собственныхъ памятниковъ сего времени замѣтимъ грамоту, писанную Великимъ Княземъ къ Посадникамъ, Казначеямъ и къ Старостамъ Заволочья (206). Тамъ сказано, что въ силу договора, заключеннаго Андреемъ съ Новымгородомъ, онъ можетъ посылать три *ватаги* для ловли на море, подъ начальствомъ *Атамана* Крутицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну Атаманову, когда пошлютъ его оттуда съ морскими птицами; что ловцы Новогородскіе, согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Димитріевыхъ, не должны въ Заволочьѣ ходить на *Терскую* сторону, и проч. Такимъ образомъ Великіе Князья, участвуя въ народныхъ промыслахъ, старались умножать свои доходы.

# ГЛАВА VII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

### Г. 1304 — 1319.

**Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новогородскія. Узбекъ. Мужество Новогородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Татарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаилова. Городъ Маджары. Разбои Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія.**

Г. 1304—1305. Споръ о Великомъ Княженіи.

Какъ жизнь, такъ и кончина Андреева была несчастіемъ для Россіи. Два Князя объявили себя его наслѣдниками: Михаилъ Тверскій и Георгій Даніиловичь Московскій; но первый съ большимъ правомъ, будучи внукомъ Ярослава Всеволодовича и дядею Георгіевымъ, слѣдственно старѣйшимъ въ родѣ. Сіе право казалось вообще неоспоримымъ, и Бояре Великаго Княженія, предавъ землѣ тѣло Андреево, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила Государемъ Владимірскимъ. Новогородцы также признали его своимъ Главою, въ увѣреніи, что Ханъ утвердитъ за нимъ Великое Княженіе. Михаилъ обязался, подобно отцу, блюсти ихъ уставы, возстановить древнія границы между Новымгородомъ и землею Суздальскою (207); не требовать бывшихъ волостей Димитріевыхъ и Андреевыхъ: купленныя же имъ самимъ, Княгинею или Боярами его въ землѣ Новогородской, отдать на выкупъ или прежнимъ владѣльцамъ или Правительству; не позволять *самосуда* ни себѣ, ни Княжескимъ судіямъ, но рѣшить тяжбы единственно по законамъ; отправлять людей своихъ за Волокъ только изъ Новагорода, въ двухъ ладіяхъ, и проч.

Добрый Митрополитъ Максимъ тщетно уговаривалъ Георгія не искать Великаго Княженія, обѣщая ему именемъ Ксеніи, матери Михаиловой, и своимъ собственнымъ любые города въ прибавокъ къ его Московской области (208). Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ Хану, оставивъ Россію въ несогласіи и въ мятежѣ. Одни города стояли за Князя Тверскаго, иные за Московскаго. Георгій едва могъ спастися отъ друзей Михаиловыхъ, которые не хотѣли пустить его въ Орду и думали задержать на пути въ области Суздальской; а Бориса Даніиловича, пріѣхавшаго въ Кострому, схватили и послали въ Тверь. Но вторый Георгіевъ братъ, Іоаннъ, разбилъ Тверитянъ, хотѣвшихъ взять Переславль, и Воевода ихъ, Акинѳъ, остался на мѣстѣ сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣстники Михаиловы хотѣли въѣхать въ Новгородъ: жители не впустили ихъ, сказавъ: «мы избрали Михаила *съ условіемъ*, да явитъ грамоту Ханскую, и будетъ тогда Княземъ нашимъ, но не прежде!» — Въ другихъ областяхъ господствовало безначаліе и неустройство. Граждане Костромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали (209); а чернь Нижняго Новагорода, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвила многихъ Бояръ, какъ мнимыхъ враговъ отечества. Князь Нижегородскій, Михаилъ, сынъ Андрея Ярославича, находился въ Ордѣ: онъ тамъ женился, и возвратясь въ свой Удѣлъ, казнилъ виновниковъ сего беззаконнаго Вѣча: ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права Княжескаго.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михаилъ превозмогъ соперника, и пріѣхалъ съ Ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ возвелъ его на престолъ Великаго Княженія (210). Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія, и дважды приступалъ къ Москвѣ. однакожь безъ успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ Современные Лѣтописцы винятъ одного Князя Московскаго, который въ противность древнему обыкновенію спорилъ съ дядею о старѣйшинствѣ. Сверхъ сего Георгій по качествамъ черной души своей заслуживалъ всеобщую ненависть, и едва утвердясь на престолѣ наслѣдственномъ, гнуснымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ

Г. 1305—1308.

Злодѣйство Князя Московскаго.

168

святѣйшимъ законамъ человѣчества. Мы говорили о несчастной судьбѣ Рязанскаго Владѣтеля, Константина, плѣненнаго Даніиломъ: онъ шесть лѣтъ томился въ неволѣ; Княженіе его, лишенное Главы, зависѣло нѣкоторымъ образомъ отъ Московскаго ([211]). Георгій велѣлъ умертвить Константина, считая сіе злодѣйство нужнымъ для безпрекословнаго господства надъ Рязанью, и весьма ошибся: ибо сынъ убіеннаго, Ярославъ, подъ защитою Хана спокойно наслѣдовалъ престолъ отеческій какъ Владѣтель независимый, оставивъ въ добычу Георгію изъ городовъ своихъ одну Коломну.—Самые меньшіе братья Георгіевы, дотолѣ служивъ ему вѣрно, не могли съ нимъ ужиться въ согласіи. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ Даніиловичи, уѣхали въ Тверь, безъ сомнѣнія недовольные его жестокостію.

Дѣла Новогородскія. Михаилъ нѣсколько лѣтъ властвовалъ спокойно, и жилъ большею частію въ Твери ([212]). Его Намѣстники правили Великимъ Княженіемъ и Новымгородомъ, коего чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ они письменно жаловались Михаилу на двухъ Княжескихъ Вельможъ, Ѳеодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи Ливонскихъ Рыцарей (въ 1307 году), уѣхалъ изъ города, принудивъ тѣмъ оставленныхъ безъ вождя Псковитянъ заключить съ Магистромъ, Гертомъ фонъ-Йокке, не весьма выгодный миръ, и разорилъ многія села Новогородскія: вторый, утѣсняя Кореловъ, заставилъ ихъ бѣжать къ Шведамъ, и силою бралъ, что ему не принадлежало ([213]). Новогородцы желали навсегда избавиться отъ такихъ недостойныхъ Правителей, взносили деньги за села, купленныя въ ихъ областяхъ сими Боярами, и предоставляли себѣ условиться изустно съ Княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ Святой Софіи и былъ принятъ гражданами съ обыкновенными знаками усердія; однакожь не хотѣлъ самъ предводительствовать ими, когда они, построивъ новую крѣпость на мѣстѣ нынѣшняго Кексгольма, ходи-
г. 1310. ли на судахъ въ Финляндію до рѣки Черной, гдѣ сожгли городъ Ванай, осажда-
г. 1311. ли Шведовъ въ замкѣ, на скалѣ неприступной, и разорили множество селеній ([214]). У бѣдныхъ жителей, по словамъ Лѣтописца, не осталось ни одной рогатой скотины: ибо Россіяне истребили тамъ все, чего не могли увести съ собою.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, Новогородцы начали ссориться съ Княземъ, жалуясь, что онъ не исполняетъ договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаилъ, занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускать къ г. 1312.
нимъ хлѣба, народъ встревожился, и не смотря на весеннюю распутицу, отправилъ въ Тверь своего Архіепископа, Давида, чтобы обезоружить Великаго Князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно желали его съ обѣихъ сторонъ ([215]): Новогородъ, опустошенный въ сіе время пожаромъ, имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ, и лишенный оныхъ, могъ быть жертвою голода; а Михаилъ долженствовалъ немедленно ѣхать въ Орду. Ханъ Тохта умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился, славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ Вѣрѣ Магометовой, возстановленной имъ во всѣхъ Могольскихъ владѣніяхъ ([216]): ибо Тохта былъ, кажется, язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Историкъ Абулгази пишетъ, что многіе Татары, въ знакъ особенной любви къ сему Царю, назвалися его именемъ, Узбеки.
или *Узбеками*, донынѣ извѣстными въ Хивѣ и въ земляхъ окрестныхъ.

Взявъ съ Новогородцевъ 1500 гривенъ серебра ([217]), Михаилъ возвратилъ имъ г. 1313.
своихъ намѣстниковъ, и поѣхавъ въ Орду, жилъ тамъ цѣлые два года. Столь долговременное отсутствіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдствія для него и для Россіи. Шведы сожгли Ладогу: Корелы, впустивъ ихъ въ Кек- г. 1314.
стольмъ, умертвили тамъ многихъ Россіянъ ([218]). Хотя Новогородцы отмстили тѣмъ и другимъ, подъ начальствомъ Михаилова Намѣстника выгнали Шведовъ и казнили измѣнниковъ Корельскихъ, но винили Михаила, что онъ, пресмыкаясь въ Ордѣ у ногъ Хановыхъ, забываетъ отечество. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родственникъ его, Князь Ѳеодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу Намѣстниковъ Михаиловыхъ, и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ Начальникомъ, объявили даже войну Великому Князю. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли Новогородцы, на другомъ сынъ Михаиловъ, Димитрій, съ вѣрною Тверскою ратію. Къ счастію,

осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе, и Новогородцы согласились на миръ; а Князь Московскій, обѣщая благоденствіе и вольность, сѣлъ на престолѣ Святыя Софіи. г. 1315.

Скоро позвали Георгія къ Хану, дать отвѣтъ на справедливыя жалобы Михаиловы (219). Онъ поручилъ Новгородъ брату своему Аѳанасію, и взявъ съ собою богатые дары, надѣялся быть правымъ въ такомъ судилищѣ, гдѣ предсѣдательствовало алчное корыстолюбіе. Но Михаилъ уже несъ обнаженный мечь и грамоту Узбекову (220). Сильные полки Моголовъ окружали его и вступили въ Россію съ Воеводою Тайтемеремъ. Сія грозная вѣсть поколебала, однакожь не смирила Новогородцевъ. Исчисляя въ мысляхъ всѣ одержанныя ими побѣды со временъ Рюрика до настоящаго, и вспомнивъ, что самъ Михаилъ великодушною рѣшимостію спасъ Тверь отъ нашествія Моголовъ, они вооружились и ждали непріятеля близъ Торжка. Прошло шесть недѣль. Наконецъ явилась сильная рать Михаилова, Владимірская, Тверская и Могольская. Переговоровъ не было: вступили въ бой, жестокій, хотя и неравный. Никогда Новогородцы не изъявляли болѣе мужества; чиновники и Бояре находились впереди; купцы сражались какъ Герои. Множество ихъ легло на мѣстѣ; остатокъ заключился въ Торжкѣ, и Михаилъ, какъ побѣдитель, велѣлъ объявить, чтобы Новогородцы выдали ему Князей Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, если хотятъ мира. Слабые числомъ, обагренные кровію, своею и чуждою, они единодушно отвѣчали: «умремъ за Святую Софію и за Аѳанасія; честь всего дороже.» Михаилъ требовалъ по крайней мѣрѣ одного Ѳеодора Ржевскаго: многіе и того не хотѣли; наконецъ уступили необходимости, и еще обязались заплатить Великому Князю знатное количество серебра. Нѣкоторые изъ Бояръ Новогородскихъ вмѣстѣ съ Княземъ Аѳанасіемъ остались аманатами въ рукахъ побѣдителя; другіе отдали ему все, что имѣли: коней, оружіе, деньги. Написали слѣдующую грамоту (221): «Великій Князь Михаилъ условился съ Владыкою и съ Новымгородомъ не воспоминать прошедшаго. Что съ обѣихъ сторонъ захвачено въ междоусобіе, того не отыскивать. Плѣнники свободны безъ окупа. Прежняя Тверская Ѳеоктистова грамота должна имѣть всю силу свою. Новгородъ платитъ Князю въ разные

г. 1316, Февраля 10. Мужество Новогородцевъ.

сроки, отъ второй недѣли Великаго поста до Вербной, 12,000 гривенъ серебра (222), зачитая въ сей платежъ взятое въ Торжкѣ у Бояръ Новогородскихъ имѣніе. Князь, принявъ сполна вышеозначенную сумму, долженъ освободить аманатовъ, изрѣзать сію грамоту и править нами согласно съ древнимъ уставомъ.»

Сей миръ, вынужденный крайностію, не могъ быть истиннымъ, и Великій Князь, свѣдавъ, что Послы Новогородскіе тайно ѣдутъ въ Орду съ жалобою на него, велѣлъ переловить ихъ; отозвалъ Намѣстниковъ Княжескихъ изъ Новагорода, и пошелъ туда съ войскомъ (223). Новогородцы укрѣпили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, Кореловъ, Ижерцевъ, Вожанъ, и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовію къ вольности и ненавистію къ Великому Князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ими, но робкихъ, безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на Вѣчѣ и грозилъ имъ казнію; свергнулъ одного Боярина съ моста за мнимую измѣну, а другаго, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ.— Такое ужасное остервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новѣгородѣ ратниковъ изумили Великаго Князя: онъ стоялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился отступить, и вздумалъ, къ несчастію, итти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Кони, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щитовъ своихъ, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ наконецъ изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

Тогда Новогородцы прислали въ Тверь Архіепископа Давида (224), безъ всякой надменности моля Великаго Князя освободить ихъ аманатовъ; предлагали ему серебро, миръ и дружбу. «Дѣло сдѣлано,» говорили они: «желаемъ спокойствія и тишины.» Михаилъ отвергнулъ сіе предложеніе; стыдился мира *безчестнаго;* хотѣлъ побѣдить и даровать его. г. 1317.

Между тѣмъ Георгій жилъ въ Ордѣ, три года кланялся, дарилъ и пріобрѣлъ наконецъ столь великую милость, что юный Узбекъ, давъ ему старѣйшинство между Князьями Россійскими; женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, г. 1318. Георгій зять Хановъ.

169

названной въ крещеніи Агаѳіею (225): дѣло не весьма согласное съ ревностію сего Хана къ Вѣрѣ Магометанской! Провождаемый Моголами и Воеводою ихъ, Кавгадыемъ, Георгій возвратился въ Россію, и пылая нетерпѣніемъ сокрушить врага, хотѣлъ немедленно завоевать Тверь. Михаилъ отправилъ къ нему Пословъ. «Будь Великимъ Княземъ, если такъ угодно Царю,» сказали они Георгію именемъ своего Государя: «только оставь Михаила спокойно княжить въ его наслѣдіи; иди въ Владиміръ, и распусти войско.» Отвѣтомъ Князя Московскаго было опустошеніе Тверскихъ селъ и городовъ до самыхъ береговъ Волги (226). Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ Княжескій Епископа и Бояръ «Судите меня съ племянникомъ,» говорилъ онъ: «не самъ ли Ханъ утвердилъ меня на Великомъ Княженіи? не заплатилъ ли я ему *выхода* или Царской пошлины? Теперь отказываюсь отъ сего достоинства, и не могу укротить злобы Георгія. Онъ ищетъ головы моей; жжетъ, терзаетъ мою наслѣдственную область. Совѣсть меня не упрекаетъ; но можетъ быть ошибаюсь Скажите ваше мнѣніе: виновенъ ли я предъ Георгіемъ?» Епископъ и Бояре, умиленные горестію и добросердечіемъ Князя, единогласно отвѣчали ему: «Ты правъ, Государь, предъ лицемъ Всевышняго, и когда смиреніе твое не могло тронуть ожесточеннаго врага, то возьми праведный мечь въ десницу; иди: съ тобою Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть за добраго Князя.» — «Не за меня одного (сказалъ Михаилъ), но за множество людей невинныхъ, лишаемыхъ крова отеческаго, свободы и жизни. Вспомните рѣчь Евангельскую: *кто положитъ душу свою за друга, той великъ наречется*. Да будетъ намъ слово Господне во спасеніе!» Великій Князь, предводительствуя войскомъ мужественнымъ, встрѣтилъ полки Георгіевы, соединенные съ Татарами и Мордвою, въ 40 верстахъ отъ Твери, гдѣ нынѣ селеніе Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаилъ искалъ смерти: шлемъ и латы его были всѣ изстрѣлены, обсѣчены, но Князь цѣлъ и невредимъ; вездѣ отражалъ непріятелей и наконецъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Сія побѣда спасла множество несчастныхъ Россіянъ, жителей Тверской области, взятыхъ въ неволю Татарами: смотря издали на кровопролитіе, безоружные, скованные, они помогали своему Князю усердными молитвами,

Умѣренность и добродушіе Михаила.

Декабря 22. Побѣда надъ Татарами.

и видя его торжество, плакали отъ радости. Михаилу представили жену Георгіеву, брата его Бориса Даніиловича и Воеводу Узбекова, Кавгадыя, вмѣстѣ съ другими плѣнниками (227). Великій Князь запретилъ воинамъ убивать Татаръ, и ласково угостивъ Кавгадыя въ Твери, съ богатыми дарами отпустилъ его къ Хану. Сей лицемѣръ клялся быть ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія, и говорилъ, что они воевали Тверскую область безъ повелѣнія Узбекова.

Князь Московскій бѣжалъ къ Новогородцамъ, которые, еще не знавъ объ успѣхѣ его въ Ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшиваться въ ихъ распрю. (Въ сіе время они мстили Шведамъ за разбитіе нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часть Финляндіи; взяли городъ *Финскаго Князя* и другой *Епископовъ*, или нынѣшній Або)(228). Узнавъ торжество Михаилово, Новогородцы вступились за Георгія; собрали полки и приближились къ Волгѣ. На другой сторонѣ ея развѣвались знамена Тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожь Великій Князь не хотѣлъ вторичной жестокой битвы, и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ Орду. «Ханъ разсудитъ насъ» — говорилъ Михаилъ — «и воля его будетъ мнѣ закономъ. Возвращаю свободу супругѣ твоей, брату и всѣмъ Новогородскимъ аманатамъ.» На семъ основаніи сочинили договорную грамоту, въ коей *Георгій* именованъ *Великимъ Княземъ* и по коей Новогородцы, въ ожиданіи суда Узбекова, могли свободно торговать въ Тверской области, а Послы ихъ ѣздить чрезъ оную безопасно (229). Къ несчастію, жена Георгіева скоропостижно умерла въ Твери, и враги Михайловы распустили слухъ, что она была отравлена ядомъ. Можетъ быть, самъ Георгій вымыслилъ сію клевету: по крайней мѣрѣ охотно вѣрилъ ей, и воспользовался случаемъ очернить своего великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провождаемый многими Князьями и Боярами, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ Хану; а неосторожный Михаилъ еще долго медлилъ, пославъ въ Орду двѣнадцати-лѣтняго сына, Константина, защитника слабаго и безсловеснаго.

Между тѣмъ, какъ врагъ его ревностно дѣйствовалъ въ Сараѣ и подкупалъ Вельможъ Могольскихъ, Великій Князь, имѣя чистую совѣсть, и готовый всѣмъ

жертвовать благу Россiи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у Епископа, поѣхалъ. Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ, и ввѣряя Духовнику свою тайную мысль, сказалъ: « Можетъ быть, въ послѣднiй разъ открываю тебѣ внутренность души моей. Я всегда любилъ отечество, но не могъ прекратить нашихъ злобныхъ междоусобій: по крайней мѣрѣ буду доволенъ, если хотя смерть моя успокоитъ его» (230). Михаилъ, скрывая сіе горестное предчувствіе отъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвратиться. Посолъ Ханскій, именемъ Ахмылъ, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ. » Спѣши къ Царю, » говорилъ онъ: «или полки его чрезъ мѣсяцъ вступятъ въ твою область. Кавгадый увѣряетъ, что ты не будешь повиноваться. » Устрашенные симъ извѣстіемъ, Бояре совѣтовали Великому Князю остановиться. Добрые сыновья Михаиловы, Димитрій и Александръ, также заклинали отца не ѣздить въ Орду, и послать туда кого нибудь изъ нихъ, чтобы умилостивить Хана. «Нѣтъ» отвѣчалъ Михаилъ: « Царь требуетъ меня, а не васъ: подвергну ли отечество новому несчастію? Можемъ ли бороться со всею силою невѣрныхъ? За мое ослушаніе падетъ множество головъ Христіанскихъ; бѣдныхъ Россіянъ толпами поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ надобно будетъ умереть и тогда (231): не лучше ли же нынѣ, когда могу еще своею погибелію спасти другихъ! » Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ Удѣлы, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно, и простился съ ними навѣки.

Сентября 6. Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря *Сурожскаго* или Азовскаго, при устьѣ Дона (232); вручилъ дары Хану, Царицѣ, Вельможамъ, и шесть недѣль жилъ спокойно въ Ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ Вельможамъ своимъ, чтобы они разсудили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни. Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ Царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ Баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ Хану всей опредѣленной дани. Ве-

Судъ въ Ордѣ.

ликій Князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею! Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго, и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечь на Посла Царева и ядомъ отравилъ жену Георгіеву. Великій Князь отвѣчалъ: « Въ битвѣ не узнаютъ Пословъ: но я спасъ Кавгадыя, и съ честію отпустилъ его. Второе обвиненіе есть гнусная клевета: какъ Христіанинъ свидѣтельствуюсь Богомъ, что у меня и на мысли не было такого злодѣянія.» Судіи не слушали его, отдали подъ стражу, велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные Бояре и слуги не отходили отъ своего злосчастнаго Государя: приставы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку, и раздѣлили между собою всѣ драгоцѣнныя одежды Княжескія.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и Послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава Ханов продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два, и разительно представляла ихъ величие: нѣсколько сотъ тысячь людей было въ движеніи (233); каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телегахъ везли товары Индѣйскіе и Греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда тронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный Князь терпѣлъ уничиженіе и муку съ великодушною твердостію. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ, и готовый умереть какъ должно Христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные Бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ ихъ, и съ веселымъ лицемъ говорилъ (234): » Друзья! вы долго видѣли меня въ чести и славѣ: будемъ ли неблагодарны? Вознегодуемъ ли на Бога за уничиженіе кратковременное? Выя моя скоро освободится отъ сего древа, гнетущаго оную.» Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ Псалмовъ Давидовыхъ; Отрокъ Княжескій держалъ передъ нимъ книгу и пере-

Пышная забава Ханская.

Великодушная кончина Михаилова.



170

вертывалъ листы: ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ, и вдругъ какъ бы тронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: «не унывай! Царь поступаетъ такъ и съ родными въ случаѣ гнѣва; но завтра, или скоро, объявятъ тебѣ милость, и снова будешь въ чести.» Торжествующій злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ Государемъ въ землѣ своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами: онъ всталъ и пошелъ въ вежу или шатеръ, читая тихимъ голосомъ изъ Псалма: *Вси видяще мя покиваху главами своими... Уповаю на Господа!* — Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. «Я никогда не зналъ постыднаго бѣгства,» отвѣчалъ Михаилъ: «оно можетъ только спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будетъ!»

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близъ Вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ Ясскаго города Тетякова, въ 1277 году взятаго нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ Царю со мнимыми доказательствами, что Великій Князь есть злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ: наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ Заутреню (ибо съ нимъ были Игуменъ и два Священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставятъ вѣрныхъ Бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъявляли Государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ (235). Михаилъ, взявъ у Священника Псалтирь, и разогнувъ оную, читалъ слова: *сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему; «Государь! въ семъ же Псалмѣ, столь тебѣ извѣстномъ, написано: *возверзи на Господа печаль твою.*» Великій Князь продолжалъ: *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію...* Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ ставку одинъ изъ его Отроковъ съ лицемъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что Князь Георгій Даніиловичь, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру. «Вѣдаю, для чего,» отвѣтствовалъ Михаилъ (236), и немедленно послалъ юнаго сына своего къ Царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жалости. Георгій и Кавгадый остановились близъ шатра, на площади, и сошли съ коней, отрядивъ убійцъ совершить беззаконіе. Всѣхъ людей Княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ именемъ *Романецъ* (слѣдственно Христіанской Вѣры) вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ставку для грабежа, позволеннаго у Моголовъ въ такомъ случаѣ. — Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти Святаго Мученика — ибо таковымъ справедливо признаетъ его наша Церковь — сѣли на коней и подъѣхали къ шатру. Тѣло Михаилово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: «онъ твой дядя: оставишь ли трупъ его на поруганіе?» Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою (237).

Ноября 22. Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительностію приняла и старалась утѣшить юнаго Константина; защитила и Бояръ его, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство: другіе же, схваченные злобными врагами ихъ Государя, были истерзаны и заключены въ оковы. — Георгій послалъ тѣло Великаго Князя въ Маджары, городъ торговый (на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской Губерніи), гдѣ, какъ вѣроятно, обитали нѣкогда Угры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедіи (238). Городъ Маджары. Тамъ многіе купцы, знавъ лично Михаила, желали прикрыть оное драгоцѣнными плащеницами и внести въ *церковь*; но Бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному трупу, и поставили его въ хлѣвѣ. Въ Ясскомъ городѣ *Бездежѣ* они также не хотѣли остановиться у *церкви Христіанской*; днемъ и ночью стерегли тѣло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ монастырѣ Спас- Г. 1319.

скомъ (въ Кремлѣ, гдѣ стоитъ еще древняя церковь Преображенія).

Злодѣй Кавгадый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ жизнь свою внезапно; увидимъ, что Провидѣніе наказало и жестокаго Георгія; а память Михаилова была священна для современниковъ и потомства: ибо сей Князь, столь великодушный въ бѣдствіи, заслужилъ славное имя *отечестволюбца* (239). Кромѣ однихъ Новогородцевъ, считавшихъ его опаснымъ врагомъ народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные Тверитяне: ибо онъ возвеличилъ сіе Княженіе и любилъ ихъ дѣйствительно какъ отецъ. Сверхъ достоинствъ государственныхъ — ума проницательнаго, твердости, мужества — Михаилъ отличался и семейственными: нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтямъ, въ особенности къ матери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ правилахъ благочестія и скончавшей дни свои Монахинею (240).

Разбои Моголовъ. При семъ Великомъ Князѣ Ростовъ, Кострома и Брянскъ были жертвою хищныхъ Татаръ. Наслѣдникъ Константина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ Ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) пріѣхалъ отъ Хана въ столицу свою съ двумя Могольскими Вельможами, коихъ грабительство и насиліе остались въ ней надолго памятными (241). Такіе разбойники назывались обыкновенно *Послами*. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году) убивъ въ Костромѣ 120 человѣкъ, опустошилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взялъ сокровища церковныя, плѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло отъ междоусобія двухъ Князей. Тамъ господствовалъ Василій, внукъ Романовъ (242): изгнанный дядею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою Моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на усердіе жителей, спѣшилъ отразить ихъ; но граждане измѣнили ему: бросили знамена и побѣжали. Онъ не хотѣлъ уступить, и легъ на мѣстѣ битвы со всею дружиною Княжескою, оказавъ рѣдкое, но безполезное мужество. Побѣдители расхитили городъ.

Въ Брянскѣ находился тогда новый Митрополитъ, преемникъ Максимовъ (243): онъ едва могъ, ушедши въ церковь, спастися отъ лютости Татаръ. По кончинѣ Максима (въ 1305 году) какой-то Игуменъ Геронтій вздумалъ-было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ утварь Святительскую и жезлъ Пастыря; но Патріархъ Аѳанасій въ угодность Князю Галицкому, отвергнувъ Геронтія, (въ 1308 году) посвятилъ въ Митрополиты *для всей Россіи* Петра, Волынскаго Игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ Пастырскихъ обязанностей, что Духовенство сѣверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ Тверскій Епископъ, сынъ Князя Литовскаго Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего Митрополита; но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на Соборѣ въ Переславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ присутствовали Епископъ Ростовскій, Игумены, Священники, Князья, Вельможи и Посолъ Цареградскаго Патріарха. Истиною и любовію заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: *Миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!*.... Петръ Митрополитъ. Въ другихъ случаяхъ сей кроткій Архипастырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ Епископскій санъ съ Исмаила Сарскаго, безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно къ Церкви или отечеству, и предалъ анаѳемѣ какого-то опаснаго еретика Сеита, обличеннаго имъ въ богопротивномъ умствованіи, но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель Вѣры Христіанской, Петръ склонялъ Князей къ миролюбію, заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Василіемъ и старался прекратить вражду между Князьями Тверскимъ и Московскимъ (244); не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ по крайней мѣрѣ оградить безопасностію церкви святыя и домы ея служителей; ѣздилъ въ Орду съ Михаиломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ называемый *ярлыкъ* или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него Хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды Россійскаго Духовенства. Мы имѣемъ сей ярлыкъ и многіе иные новѣйшіе, достопамятные содержаніемъ и слогомъ. Ханъ пишетъ (245): «Вышняго и безсмертнаго Бога волею и силою, величествомъ и милостію. Узбеково слово ко всѣмъ Князьямъ великимъ, среднимъ и нижнимъ, Воеводамъ, книжникамъ, Баскакамъ, писцамъ, мимоѣздящимъ Посламъ, сокольникамъ, пардусникамъ во всѣхъ Улусахъ и странахъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть *держитъ* и слово наше *владѣетъ*. Да никто не обидитъ въ Руси церковь Ярлыкъ Ханскій.

171

Соборную, Петра Митрополита и людей его, Архимандритовъ, Игуменовъ, Поповъ, и проч. Ихъ грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, хуторы, свободны отъ всякія дани и пошлины: ибо все то есть Божіе; ибо сіи люди молитвою своею блюдутъ насъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудны единому Митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ ихъ и грамотами прежнихъ Царей Ординскихъ. Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за насъ и дѣтей нашихъ. Кто возметъ что нибудь у Духовныхъ, заплатитъ втрое; кто дерзнетъ порицать Вѣру Русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню, да умретъ! и проч. Писано Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, четвертаго *Ветха* (то есть, въ четвертый день ущерба луны) на поляхъ.» Говоря о даняхъ, собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ именуетъ *поплужную*, или съ каждой сохи, мостовую, береговую; увольняетъ церковниковъ отъ воинской службы, подводъ и всякой работы. Въ такомъ порабощеніи находились Россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ Ханскихъ пошлинниковъ или откупщиковъ Царской дани, между коими бывали иногда и Жиды, обитатели Крыма или Тавриды (246).

Къ сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отъ чего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и на скотъ (247). Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ Псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ домы и села богатыхъ людей, такъ, что Правительство долженствовало употребить весьма строгія мѣры для возстановленія тишины и казнить пятьдесятъ главныхъ мятежниковъ. *Зобница* ржи стоила тамъ 5 гривенъ. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая, смертоносная болѣзнь. Разныя бѣдствія.

# ГЛАВА VIII.

## ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГІЙ ДАНІИЛОВИЧЪ, ДИМИТРІЙ И АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ.

(Одинъ послѣ другаго.)

Г. 1319 — 1328.

**Горесть Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина.**

г. 1319. Утвержденный Ханомъ на Великомъ Княженіи, и взявъ съ собою юнаго Константина Михайловича и Бояръ Тверскихъ въ видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ господствовать въ Владиміръ, а брата своего, Аѳанасія, послалъ Намѣстникомъ въ Новгородъ. Услышавъ о томъ, нѣжная супруга Михаилова, сыновья, Епископъ и Вельможи изумились: они еще не знали происшедшаго въ Ордѣ, но угадывая свое несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ Москву, чтобы развѣдать тамъ о судьбѣ Великаго Князя. Гонцы возвратились съ подробнымъ извѣстіемъ о всѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ Михаиловой кончины. Горесть была общая: Церковь и народъ дѣлили оную съ Княжескимъ семействомъ. Чрезъ нѣсколько дней, посвященныхъ слезамъ и молитвѣ, Димитрій, какъ старшій сынъ, наслѣдовавъ власть родителя, отправилъ Посольство въ Владиміръ. Меньшій братъ Горесть Тверитянъ.

его, Александръ, и Бояре Тверскіе предстали Георгію въ одеждѣ печальной; не хотѣли укорять его: молили только отдать имъ драгоцѣнные остатки Князя, равно любезнаго супругѣ, дѣтямъ и народу. Георгій согласился, съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой (248). Вдовствующая Великая Княгиня Анна и Димитрій Михайловичь съ братьями выѣхали по Волгѣ въ ладіяхъ на встрѣчу ко гробу Михаилову: Епископъ, Духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрѣлище было умилительно. Народъ вопилъ, стремился къ тѣлу и громогласно звалъ Михаила, какъ бы надѣясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поставили передъ монастыремъ Архангельскимъ, гдѣ безчисленное множество людей тѣснилось лобызать оную. Снявъ крышку, съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденныхъ ни дальнимъ путемъ отъ береговъ моря Каспійскаго, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ Небо за сіе чудо, и погребеніе казалось ему уже не печальнымъ обрядомъ, но торжествомъ Михаиловой святости. — Чувствительная, набожная Княгиня Анна отказалась отъ міра и кончила дни свои Монахинею; а Димитрій и Александръ, отеревъ слезы, думали только о мести.

г.1320. Георгій ходилъ между тѣмъ съ войскомъ къ Рязани, и заставивъ тамошняго Князя, Іоанна Ярославича, согласиться на всѣ его предложенія (249), готовился къ нападенію на Тверскую область, увѣренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михаиловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего, Константина, и Бояръ Михаиловыхъ, бывшихъ аманатами въ Владимірѣ: послалъ Тверскаго Епископа, Варсонофія, въ Переславль и заключилъ миръ, (г.1321.) давъ Георгію 2000 *рублей* (Рубли.) и слово не спорить съ нимъ о Великомъ Княженіи. (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о *рубляхъ* (250): они были не что иное, какъ отрубки серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ). — Обманутый коварнымъ миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ, коего чиновники звали его предводительствовать войскомъ: ибо (г.1322. Война съ Шведами.) Шведы старались овладѣть Кореліею и Кексгольмомъ. Георгій приступилъ къ Выборгу, и хотя имѣлъ съ собою шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, но осаждалъ сію крѣпость безъ успѣха отъ 12 Августа до 9 Сентября (251). Злобясь на Шведовъ, Россіяне вѣшали плѣнниковъ.

По возвращеніи въ Новгородъ Георгій оплакалъ кончину вѣрнаго брата, Аѳанасія, и свѣдалъ, что Князь Іоаннъ Даніиловичь, бывъ въ Ордѣ, пріѣхалъ оттуда съ Посломъ Узбековымъ, Ахмыломъ, который, объявивъ намѣреніе учредить благоустройство въ областяхъ Великаго Княженія, лилъ кровь людей, взялъ Ярославль какъ непріятельскій городъ, и съ торжествомъ отправился назадъ къ Хану, дать ему отчетъ въ своемъ успѣшномъ Посольствѣ (252). Вторая вѣсть была для Георгія еще горестнѣе: Димитрій Михайловичь нарушилъ данное ему слово, выходилъ для себя въ Ордѣ достоинство Великаго Князя, и Царь Узбекъ прислалъ съ грамотою Вельможу Севенчь-Буга возвести его на престолъ Владимірскій. Тщетно Георгій молилъ Новогородцевъ итти вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру: онъ долженъ былъ ѣхать туда одинъ, и на пути едва не попался въ руки къ Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обозъ и казну. Георгій бѣжалъ во Псковъ, гдѣ чиновники и народъ, помня завѣщаніе Александра Невскаго (253), приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь дѣйствовать всѣми силами противъ Нѣмцевъ. Эстонскіе Рыцари, не смотря на миръ, убивали тогда купцевъ и звѣролововъ Псковскихъ на Чудскомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Озабоченный собственною опасностію, Великій Князь уѣхалъ въ Новгородъ; (г.1323. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими.) а Псковитяне разорили Эстонію до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячь плѣнниковъ, и не пощадивъ святыни церквей. Предводителемъ ихъ былъ Князь Литовскій Давидъ, славный въ Исторіи Нѣмецкаго Ордена подъ именемъ *Кастеллана Гарденскаго*. Заслуживъ благодарность Псковитянъ, онъ возвратился въ Литву, и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу (254). Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія, и въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣстницы для приступа. Хотя Намѣстникъ Изборскій, Евстафій (родомъ Князь) нечаянно ударивъ на обозы Нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ Россійскихъ плѣнниковъ; однакожь граждане находились въ крайности, и посы-

лали гонца за гонцемъ въ Новгородъ, требуя помощи. Въ сіе время приспѣлъ мужественный Давидъ Литовскій, соединилъ дружину свою съ полками осажденныхъ. разбилъ Нѣмцевъ на голову, взялъ въ добычу станъ ихъ и всѣ снаряды. Слѣдствіемъ побѣды былъ выгодный для Псковитянъ, осьмнадцати-лѣтній миръ съ Орденомъ.

Свѣдавъ, что Димитрій Михайловичь, сверхъ покровительства Узбекова, имѣетъ сильное войско въ Великомъ Княженіи, и что народъ, любивъ отца его, изъявляетъ усердіе и къ сыну, Георгій рѣшился на нѣкоторое время остаться въ Новѣгородѣ: ибо могъ отсутствіемъ утратить и сей важный престолъ. Новогородцы ходили съ нимъ къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, на острову *Орѣховомъ*, заложили крѣпость Орѣховскую или нынѣшній Шлиссельбургъ, чтобы Шведы не могли свободно входить въ сіе озеро. Услышавъ о томъ, и желая прекратить войну столь часто бѣдственную для Шведской Кореліи и Финляндіи, юный Король Магнусъ прислалъ Вельможъ въ станъ Георгіевъ съ дружелюбнымъ предложеніемъ, соотвѣтственнымъ обоюдной пользѣ. Оно было принято. Россіяне, заключивъ договоръ съ
Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Послами, въ своей новой крѣпости торжествовали миръ, коего главное условіе состояло въ возстановленіи древнихъ предѣловъ между обѣими Державами въ Кореліи и въ Финляндіи (255).

Новогородцы должны были въ сіе время управиться съ Устюжанами, грабившими ихъ купцевъ на пути въ Югорскую землю, и съ Литовцами, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Ловоти. Разбивъ послѣднихъ, они взяли Устюгъ; но довольные сдѣланнымъ тамъ опустошеніемъ, на берегахъ Двины за-
г. 1324. Князья Устюжскіе. ключили миръ съ *Князьями Устюжскими*, Намѣстниками Ростовскаго (256). Тогда Георгій, заслуживъ искреннюю признательность Новогородцевъ, и обнадеженный въ ихъ вѣрности, дружески простился съ ними: онъ поѣхалъ къ Хану, чтобы вторично снискать его милость, низвергнуть Димитрія и вновь утвердить за собою Великое Княженіе. Сіе путешествіе достойно замѣчанія тѣмъ, что Георгій ѣхалъ отъ береговъ Двины чрезъ область Пермскую; сѣлъ тамъ на ладію, и рѣкою Камою плылъ до нынѣшней Казанской Губерніи.

г. 1325. Въ слѣдующій годъ отправился къ Хану и Димитрій. Тамъ они увидѣли другъ друга, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову, — затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, — вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій испустилъ духъ; а Димитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій..... Такъ одно злодѣяніе раждаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба, по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго! Ноября 21. Убіеніе Георгія и Димитрія.

Тѣло Георгіево привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичь, г. 1326. и погребли въ церкви Архангела Михаила. Митрополитъ Петръ съ четырмя Епископами совершилъ сей обрядъ печальный (257). Князь Іоаннъ и самый народъ проливалъ искреннія слезы, умиленный столь бѣдственною кончиною Государя хотя и не добродѣтельнаго, однакожь знаменитаго умомъ и славными предками. Новогородцы сожалѣли объ немъ: Тверитяне хвалили дѣло своего Князя, съ безпокойствомъ ожидая суда Узбекова.

Ханъ долго молчалъ. Друзья Князя Московскаго безъ сомнѣнія представляли ему (258), что убійство столь наглое, совершенное предъ его глазами, требуетъ наказанія, или будетъ пятномъ для чести Царской, знакомъ слабости и поводомъ къ новымъ опаснымъ своевольствамъ Князей Россійскихъ; что Ханъ, сверхъ того, долженъ вступиться за Георгія какъ за своего зятя. Прошло десять мѣсяцевъ. Братъ Димитріевъ, Александръ, спокойно возвратился изъ Орды съ Ханскими пошлинниками, надѣясь, что дѣло уже кончилось, и что Узбекъ не думаетъ о мести. Но вдругъ вышло грозное повелѣніе, и несчастнаго Димитрія убили въ Ордѣ (вмѣстѣ съ Княземъ Новосильскимъ, потомкомъ Михаила Черниговскаго, обвиненнымъ также въ какомъ-то преступленіи). Сентября 15. Сія вѣсть, равнодушно принятая въ Москвѣ и въ Новѣгородѣ, огорчила добрыхъ Тверитянъ, усердныхъ къ Государямъ, и видѣвшихъ въ юномъ своемъ Князѣ славную жертву любви сыновней. Димитрій Михайловичь, прозваніемъ *Грозныя очи* (259), смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣтъ отъ рожденія; женатый на дочери Князя Литовскаго, Гедимина, онъ не оставилъ дѣтей.

Не смотря на казнь Димитріеву, Узбекъ въ знакъ милости призналъ его брата Великимъ Княземъ Россійскимъ: по крайней мѣрѣ такъ названъ Алек- г. 1327.

сандръ Михайловичь въ договорной грамотѣ, коею Новогородцы, не имѣя тогда Главы, и терпя отъ внутреннихъ неустройствъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему Властителю ([260]). Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повтореніе Ярославовыхъ и Михаиловыхъ, съ прибавленіемъ, что Новогородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или Боярами его купленныя, если Княжескіе Дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла иныхъ волостей, и принимать вольныхъ жителей на свою землю. — Но милость Узбекова и вѣрность Новогородцевъ скоро измѣнились.

Въ концѣ лѣта явился въ Твери Ханскій Посолъ, Шевкалъ ([261]), сынъ Дюденевъ и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія Татарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намѣренъ обратить Россіянъ въ Магометанскую Вѣру, убить Князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолѣ, и всѣ города наши раздать своимъ Вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ Христіанъ, и что Моголы умертвятъ ихъ всѣхъ до единаго. Сей слухъ могъ быть неосновательнымъ: ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго и столь несогласнаго съ Политикою Хановъ, хотѣвшихъ всегда быть покровителями Духовенства и Церкви въ набожной Россіи. Но люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ тирановъ способными ко всякому злодѣйству; самая грубая клевета кажется имъ доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасенія Вѣры и православныхъ Государей, окружили Князя, юнаго и легкомысленнаго. Забывъ примѣръ отца, великодушно умершаго для спокойствія подданныхъ, Александръ съ жаромъ представлялъ Тверитянамъ, что жизнь его въ опасности; что Моголы, убивъ Михаила и Димитрія, хотятъ истребить и весь родъ Княжескій; что время справедливой мести настало; что не онъ, а Шевкалъ замыслилъ кровопролитіе, и что Богъ есть надежда правыхъ. Граждане, усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: Князь на разсвѣтѣ, 15 Августа, повелъ ихъ ко дворцу Михаилову, гдѣ жилъ братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили Татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервененіемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, Моголы заключились во дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остаткомъ Ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного Татарина живаго. Граждане умертвили и купцевъ Ординскихъ ([262]). *Истребленіе Моголовъ въ Твери.*

Сіе дѣло, внушенное отчаяніемъ, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россія готова возстать и сокрушить свои цѣпи; но Россія только трепетала, боясь, чтобы мщеніе Хана, заслуженное Тверитянами, не коснулось и другихъ ея предѣловъ. Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клялся истребить гнѣздо мятежниковъ; однакожь, дѣйствуя осторожно, призвалъ Іоанна Даніиловича Московскаго, обѣщалъ сдѣлать его Великимъ Княземъ, и давъ ему въ помощь 50,000 воиновъ, предводимыхъ пятью Ханскими Темниками, велѣлъ итти на Александра, чтобы казнить Россіянъ Россіянами. Къ сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы съ Владѣтелемъ своимъ, Александромъ Васильевичемъ, внукомъ Андрея Ярославича ([263]). Тогда Князь Тверскій могъ умереть великодушно, или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки Моголовъ, чтобы спасти подданныхъ; но сынъ Михаиловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности, и думалъ искать убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда ѣхали уже Намѣстники Московскіе: граждане не хотѣли объ немъ слышать. Между тѣмъ Іоаннъ и Князь Суздальскій, вѣрные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, не смотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Малодушный Александръ, оставивъ свой добрый, несчастный народъ, ушелъ во Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу. Началось бѣдствіе. Тверь, Кашинъ, Торжекъ, были взяты, опустошены со всѣми пригородами; жители истреблены огнемъ и мечемъ, другіе отведены въ неволю. Самые Новогородцы едва спаслися отъ хищности Моголовъ, давъ ихъ *Мщеніе Ханское.*

Посламъ 1000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ Воеводъ Узбековыхъ.

Ханъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины Тверскихъ городовъ и селній казались ему славнымъ памятникомъ Царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ. Въ то же время казнивъ Рязанскаго Владѣтеля, Іоанна Ярославича ([264]), онъ посадилъ его сына, Іоанна Коротопола, на сей кровію отца обагренный престолъ, и будучи доволенъ вѣрностію Князя Московскаго, далъ ему самую милостивую грамоту на Великое Княженіе, пріобрѣтенное бѣдствіемъ столь многихъ Россіянъ.

Казнь Рязанскаго Князя. г. 1328.

Описавъ слѣдствія Георгіевой кончины, обратимъ вниманіе Читателя на южныя области Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго отечества, коего жители брали столь мало участія въ судьбѣ Кіевлянъ, Волынянъ, Галичанъ, что Лѣтописцы Суздальскіе и Новогородскіе не говорятъ объ ней почти ни слова; а Волынскій не доходитъ до временъ наиболѣе любопытныхъ важностію происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, платившій нѣсколько вѣковъ дань Россіи, и болѣе ста лѣтъ умѣвъ только грабить, свѣдалъ отъ насъ и Нѣмцевъ дѣйствія военнаго и гражданскаго искусства, въ грозномъ ополченіи выступилъ изъ темныхъ лѣсовъ на ѳеатръ міра и быстрыми завоеваніями основалъ Державу именитую ([265]). Говоримъ о Литвѣ, уже сильной при Миндовгѣ и Тройденѣ, но еще гораздо сильнѣйшей при Гедиминѣ. Сей человѣкъ, разума и мужества необыкновеннаго, былъ Конюшимъ Литовскаго Князя Витена или, вѣроятно, Буйвида ([266]): злодѣйски умертвивъ Государя своего, онъ присвоилъ себѣ господство надъ всею землею Литовскою. Нѣмцы, Россіяне, Ляхи, скоро увидѣли его властолюбіе. Гедиминъ искалъ уже не добычи, но завоеваній — и древнее Пинское Княженіе, гдѣ долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружія присоединено къ Литвѣ ([267]). Союзы брачные служили ему также способомъ пріобрѣтать земли. Выдавая дочерей за Князей Россійскихъ съ однимъ благословеніемъ, онъ требовалъ богатаго вѣна отъ сватовъ: дозволилъ сыновьямъ, Ольгерду и Любарту креститься; женилъ перваго на Княжнѣ Витебской, а втораго на Владимірской: Ольгердъ наслѣдовалъ по смерти тестя всю его землю; а Любартъ получилъ Удѣлъ въ Волыніи. Юрій Львовичь, Галицкій и Волынскій, скончался около 1316 года: ибо въ сіе время уже господствовали тамъ Андрей и Левъ, вѣроятно сыновья его, коихъ имена извѣстны намъ единственно по ихъ сношеніямъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и которые въ грамотахъ своихъ называлисъ *Князьями всей Русской земли, Галицкой и Владимірской* ([268]). Одинъ изъ сихъ Князей, какъ надобно думать, былъ и тестемъ Любартовымъ: Историкъ же Литовскій именуетъ его *Владиміромъ*, разсказывая слѣдующія обстоятельства:

Литовцы завоеватели.

Сомнительное повѣствованіе Стрыковскаго.

«Опасаясь властолюбивыхъ замысловъ Гедимина, Князья Россійскіе, Владиміръ и Левъ, хотѣли предупредить ихъ, и въ то время, какъ онъ воевалъ съ Нѣмцами, напали на Литву. Владиміръ опустошилъ берега Виліи: Левъ взялъ *Брестъ и Дрогичинъ, бывшіе тогда уже во власти Гедиминовой*. Сей мужественный витязь, въ 1319 году побѣдою окончивъ войну съ Орденомъ, немедленно устремился на Владиміръ (гдѣ княжилъ тесть Любартовъ). Подъ стѣнами онаго началася битва, въ коей Татары стояли за Россійскаго Князя противъ Россіянъ ([269]): ибо Гединимъ имѣлъ Полочанъ въ своемъ войскѣ, а Князь Владимірскій наемную Ханскую конницу. Густыя толпы Литовцевъ рѣдѣли, осыпаемыя стрѣлами Татарскими; но Гединимъ, поставивъ въ ряды пѣхоту, вооруженную пращами и копьями, обратилъ Моголовъ въ бѣгство. Россіяне замѣшались. Тщетно жены и старцы, зрители битвы, съ городскихъ стѣнъ кричали имъ, что она рѣшитъ судьбу отечества: Князь Владиміръ, оказавъ мужество достойное Героя, палъ въ сраженіи, и войско, лишенное бодрости, разсѣялось. Городъ сдался. Гединимъ, поручивъ его своимъ Намѣстникамъ, спѣшилъ къ Луцку, откуда Левъ, устрашенный несчастіемъ Владиміра, бѣжалъ къ Брянскому Князю, Роману, своему зятю ([270]): граждане не оборонялись, и побѣдитель, изъявляя благоразумную кротость, увѣрилъ всѣхъ Россіянъ въ безопасности и защитѣ. Утружденное войско его отдыхало цѣлую зиму. Наградивъ щедро Полководцевъ, онъ жилъ въ Брестѣ, и готовился къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

«Какъ скоро весна наступила и земля покрылась травою, Гединимъ съ новою

бодростію выступилъ въ поле, взялъ Овручь, Житоміръ, города Кіевскіе и шелъ къ Днѣпру. Въ Кіевѣ властвовалъ Станиславъ, одинъ изъ потомковъ Св. Владиміра ([271]): онъ имѣлъ время призвать Моголовъ, соединился съ Олегомъ Переяславскимъ, съ изгнаннымъ Княземъ Луцкимъ Львомъ, съ Романомъ Брянскимъ; верстахъ въ 25 отъ столицы, на берегу Ирпени, встрѣтилъ непріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но отборная дружина Литовская, ударивъ съ боку на Россіянъ, смяла ихъ. Олегъ положилъ голову на мѣстѣ битвы: Левъ также. Станиславъ и Романъ ушли въ Рязань; а Гедиминъ, отдавъ всю добычу воинамъ, осадилъ Кіевъ. Еще жители не теряли надежды и мужественно отразили нѣсколько приступовъ; наконецъ, не видя помощи ни отъ Князя Станислава, ни отъ Татаръ, и зная, что Гедиминъ щадитъ побѣжденныхъ, отворили ворота ([272]). Духовенство вышло со крестами, и вмѣстѣ съ народомъ присягнуло быть вѣрнымъ Государю Литовскому, который, избавивъ Кіевъ отъ ига Моголовъ, оставилъ тамъ Намѣстникомъ племянника своего, Миндова, Князя Голшанскаго, Вѣрою Христіанина, и скоро завоевалъ всю южную Россію до Путивля и Брянска.»

Сіе повѣствованіе Историка не весьма основательнаго едва ли утверждено на какихъ нибудь современныхъ или достовѣрныхъ свидѣтельствахъ ([273]). Оно тѣмъ сомнительнѣе, что Баскаки Ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господствовалъ тогда не Миндовъ, а Князь Россійскій ([274]). Не зная, когда именно Литовцы овладѣли странами Днѣпровскими, знаемъ только, что Кіевъ при Димитріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ сомнѣнія и Черниговская область). Такимъ образомъ наше отечество утратило, и на-долго, свою древнюю столицу, мѣста славныхъ воспоминаній, гдѣ оно расло въ величіи подъ щитомъ Олеговымъ, свѣдало Бога истиннаго посредствомъ Св. Владиміра, пріяло законы отъ Ярослава Великаго и художества отъ Грековъ!.... Что касается до Княженія Владиміро-Волынскаго, то оно, въ противность ложному сказанію Литовскаго Историка, вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ, преставились около 1324 года. Объ нихъ-то Король Польскій, Владиславъ Локетекъ, говоритъ въ письмѣ къ Папѣ Іоанну XXII ([275]): «Извѣстно Ваше Святѣйшество о кончинѣ двухъ послѣднихъ Князей Россійскихъ, бывшихъ для насъ твердою защитою отъ свирѣпости Татаръ. Сіи жестокіе враги Христіанства безъ сомнѣнія пожелаютъ нынѣ овладѣть Россіею смежною съ нашими землями, и мы будемъ въ величайшей опасности.» Но Андрей и Левъ оставили малолѣтнаго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Даніилова. Въ дружескихъ Латинскихъ грамотахъ къ Великимъ Магистрамъ Ордена Нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатями Епископа, Княжескаго пѣстуна и Воеводъ Бельзскаго, Перемышльскаго, Львовскаго, Луцкаго, онъ писался *природнымъ Княземъ и Государемъ всей Малой Россіи*, обязываясь предохранять землю Рыцарей отъ набѣга Моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то въ Владимірѣ, то во Львовѣ ([276]). Бояре, въ малолѣтство его управляя Княжествомъ, не дерзнули остановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ Литовскаго оружія, довольные тѣмъ, что Гедиминъ не отнималъ собственныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ вѣроятно) и надѣясь, можетъ быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Востоку и сближаясь съ Татарскими, обратитъ на себя грозную силу Хана, или погибнетъ или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопріятнымъ для нашего отечества.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискать дружбу Моголовъ; по крайней мѣрѣ никогда не воевалъ съ ними и не платилъ имъ дани. Властвуя надъ Литвою и завоеванною частію Россіи, онъ именовалъ себя *Великимъ Княземъ Литовскимъ* и *Россійскимъ* ([277]); жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной; правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя Вѣру Греческую, и не мѣшая народу зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ Митрополита Московскаго; украшалъ новую столицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, и желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную войну съ Нѣмецкимъ Орденомъ, писалъ къ Папѣ Іоанну: «Одолѣвая Христіанъ въ битвахъ, я не хочу истреблять Вѣры ихъ, а только защищаюсь отъ враговъ, подобно всѣмъ другимъ Государямъ. Мо-

Судьба южной и западной Россіи.

Послѣдній Князь Галицкій.

Характеръ Гедимина.

нахи Доминиканскіе и Францисканскіе окружаютъ меня: даю имъ волю учить и крестить людей въ моемъ Государствѣ; самъ вѣрю Святой Троицѣ, желаю повиноваться тебѣ, Главѣ Церкви и Пастырю Царей; ручаюсь и за моихъ Вельможъ: только усмири злобу Нѣмцевъ (278), »и проч. Іоаннъ, обрадованный столь благословеннымъ извѣстіемъ, отправилъ въ Литву Епископа Алетскаго, Варѳоломея и Бернарда, Игумена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный непріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ Прусскаго Ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли, встрѣтилъ Пословъ Іоанновыхъ весьма немилостиво, и сказалъ имъ: «Я не знаю вашего Папы и знать не желаю. Исповѣдую Вѣру моихъ предковъ, и не измѣню ей до гроба.» Потупивъ глаза въ землю, они должны были удалиться; и съ того времени Гедиминъ слылъ въ Европѣ коварнымъ обманщикомъ. Впрочемъ Исторія отдаетъ справедливость многимъ его достохвальнымъ дѣламъ и качествамъ. Онъ старался образовать народъ свой; дозволялъ Ганзейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ всякой пошлины; призывалъ людей ремесленныхъ, серебрениковъ, каменщиковъ, механиковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ новыхъ поселенцевъ отъ дани, ручаясь имъ за безопасность личную и цѣлость собственности, которую они пріобрѣтутъ своимъ трудолюбіемъ; давалъ имъ Гражданское Право Риги и всѣ возможныя выгоды; построилъ для Христіанъ церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ, и не терпя Монаховъ, подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ Иноковъ добродѣтельныхъ, не мѣшая имъ распространять Вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній, и ставилъ себя Христіанамъ въ примѣръ честности. Сіи обстоятельства извѣстны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году Любекскимъ, Ростокскимъ, Штетинскимъ и другимъ Нѣмцамъ, за его Княжескою печатію (279).

Нѣтъ сомнѣнія, что вся древняя область Кривская, или нынѣшняя Бѣлоруссія, уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ Князей, и довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ Удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его, Воиномъ, пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ, для заключенія мира, Князь Полоцкій Василій и Минскій Ѳеодоръ Святославичь, вѣроятно потомки Св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына, Изяслава (280).

---

# ГЛАВА IX.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНІИЛОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

### Г. 1328 — 1340.

**Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новогородскія. Закамское серебро. Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.**

г. 1328. Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ Великаго Княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что Моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ (281) — то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Великое Княженіе, занятые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды, или устрашаемые

Сѣверная Россія отдыхаетъ.

примѣромъ Твери, гдѣ Шевкалъ былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ уничиженіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, Бояре наслаждаться избыткомъ; кони Татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное.

Москва глава Россіи. Сія, дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе Великіе Князья любили свои Удѣльные или наслѣдственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ только обрядъ восшествія на главный престолъ Россійскій: Димитрій Александровичь жилъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ, Михаилъ Ярославичь въ Твери; слѣдуя той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даніиловичь не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и каѳедра Митрополіи ([282]): ибо Святый Петръ, имѣвъ нѣсколько разъ случай быть въ семъ городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и добраго Князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую тогда уже одними Намѣстниками Княжескими, и переселился къ Іоанну. «Если ты»— говорилъ онъ Князю въ духѣ пророчества, какъ пишетъ Митрополитъ Кипріанъ въ житіи Св. Петра—«если ты успокоишь мою старость, и воздвигнешь здѣсь храмъ достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей, и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ; Святители

Предсказаніе Митрополита. захотятъ обитать въ ономъ, *и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ.*» ([283]). Іоаннъ исполнилъ желаніе старца, и въ 1326 году, 4 Августа, заложилъ въ Москвѣ *на площади первую* церковь *каменную* во имя Успенія Богоматери, при великомъ стеченіи народа. Святый Митрополитъ, собственными руками построивъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ, зимою преставился; надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освятилъ сію церковь Епископъ Ростовскій, и новый Митрополитъ, именемъ Ѳеогностъ, родомъ Грекъ, основалъ свою каѳедру также въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ Князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя Главу Духовенства, захотятъ исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія истерзанныя Моголами, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію Монархіи, Кіевъ купѣлію Христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и Вѣра.— Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко. Обратимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ Великаго Князя было ѣхать въ Орду вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Александра Тверскаго, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками Новогородскими ([284]). Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ Княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Въ слѣдствіе того Послы Великаго Князя и Новогородскіе, Архіепископъ Моисей и Тысячскій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ Хану, и тѣмъ укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ Россіянъ. «И такъ вмѣсто защиты» — отвѣтствовалъ Князь Тверскій—«я нахожу въ васъ гонителей! Христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предаютъ своихъ братьевъ! Жизнь суетная и горестная не прельщаетъ меня: я готовъ жертвовать собою для общаго спокойствія» ([285]). Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: «Останься съ нами: клянемся, что тебя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ умремъ съ тобою.» Они велѣли Посламъ удалиться, и вооружились. Такъ народъ дѣйствуетъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плѣненный славою великодушія. Чѣмъ рѣже бываютъ сіи случаи,

Милость Хана къ Іоанну.

Великодушіе Псковитянъ.

175

тѣмъ они достопамятнѣе въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымгородомъ выгоды Нѣмецкой торговли, Псковитяне славились въ сіе время и богатствомъ и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и построили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравѣ (286).

г. 1329. Іоаннъ, боясь казаться Хану ослушникомъ или нерадивымъ исполнителемъ его воли, пріѣхалъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ и многими Князьями Россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Александровы, Константинъ и Василій, также Князь Суздальскій, Александръ Васильевичь. Ни угрозы, ни воинскія приготовленія Іоанновы не могли поколебать твердости Псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, Великій Князь шелъ медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки (287); но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ Митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ Церкви, устрашила народъ. Однакожь граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаилова. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. «Да не будетъ проклятія на моихъ друзьяхъ и братьяхъ ради меня!» сказалъ онъ имъ со слезами: «иду изъ вашего града, освобождая васъ отъ данной мнѣ клятвы.» Александръ уѣхалъ въ Литву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Сологa, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удалился. Великій Князь былъ доволенъ, и Митрополитъ, разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ Ханскаго гнѣва, но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ (288), гналъ своего родственника и заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ Христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи. — Новогородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ, и спѣшили домой, чтобы смирить Нѣмцевъ и Князей Устюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ Посла, а вторые купцевъ и промышленниковъ на пути въ землю Югорскую (289). Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ Новогородское Правительство отмстило за то и другое оскорбленіе.

Страхъ, наведенный Іоанномъ на Псковъ, не имѣлъ желаемаго дѣйствія: ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ Литовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ Псковитянамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился (290). Они приняли его съ радостію и назвали своимъ Княземъ: то есть, отложились отъ Новагорода, и выбравъ даже особеннаго для себя Епископа, именемъ Арсенія, послали его ставиться къ Митрополиту, бывшему тогда въ Волыніи. Александръ Михайловичь и самъ Гедиминъ убѣждали Ѳеогноста исполнить волю Псковитянъ; однакожь Митрополитъ съ твердостію отказалъ имъ, и въ тоже время — съ Епископами Полоцкимъ, Владимірскимъ, Галицкимъ, Перемышльскимъ, Хелмскимъ — посвятилъ Архіепископа Василія, избраннаго Новогородцами, коего Епархія, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, долженствовала заключать въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ стерпѣлъ сіе непослушаніе отъ Митрополита, уважая въ немъ Главу Духовенства, но хотѣлъ перехватить Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ на ихъ возвратномъ пути изъ Волыніи, такъ, что они едва могли спастися, избравъ иную дорогу, и принуждены были откупиться отъ Кіевскаго неизвѣстнаго намъ Князя Ѳеодора, который гнался за ними до Чернигова съ Татарскимъ Баскакомъ.

г. 1330—1332.

Особенный Епископъ во Псковѣ.

Между тѣмъ какъ Іоаннъ, частыми путешествіями въ Орду доказывая свою преданность Хану, утверждалъ спокойствіе въ областяхъ Великаго Княженія, Новгородъ былъ въ непрестанномъ движеніи отъ внутреннихъ раздоровъ, или отъ внѣшнихъ непріятелей, или ссорясь и мирясь съ Великимъ Княземъ (291). Зная, что Новогородцы, торгуя на границахъ Сибири, доставали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ требовалъ онаго для себя, и получивъ отказъ, вооружился, собралъ всѣхъ Князей Низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ, Торжекъ, и разорялъ окрестности. Тщетно Новогородцы звали его къ себѣ, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствіе: онъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и самъ Архіепископъ Василій,

Происшествія Новогородскія.

Закамское серебро.

г. 1333.

ѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умилостивить. Новогородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ села и деревни, беззаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ области; но Іоаннъ не согласился, и въ гнѣвѣ уѣхалъ тогда къ Хану.

Сія опасность заставила Новогородцевъ примириться съ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Святитель Василій, забывъ ихъ строптивость, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ Клиросомъ, благословилъ народъ, чиновниковъ, и крестилъ сына у Князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, Новогородцы подружились съ Гедиминомъ, не смотря на то, что онъ въ сіе же время вступилъ въ родственный союзъ съ Іоанномъ Даніиловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона (292), дочь или внуку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасіею). Еще въ 1331 году (какъ разсказываетъ одинъ Лѣтописецъ), Гедиминъ, остановивъ Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ, ѣхавшихъ въ Волынію, принудилъ ихъ дать ему слово, что они уступятъ Нариманту, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и потомственное владѣніе (293). Обстоятельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣтъ онаго; и могло ли обѣщаніе, вынужденное насиліемъ, быть дѣйствительнымъ обстоятельствомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что Гедиминъ единственно изъявилъ Новогородцамъ желаніе видѣть Нариманта ихъ Удѣльнымъ Княземъ, обѣщая имъ защиту, или они сами вздумали такимъ образомъ пріобрѣсти опую, опасаясь Іоанна столько же, сколько и внѣшнихъ

Политика Новагорода.

враговъ: Политика не весьма согласная съ общимъ благомъ Государства Россійскаго; но заботясь исключительно о собственныхъ выгодахъ — думая, можетъ быть, и то, что Россія, истерзанная Моголами, стѣсняемая Литвою, должна скоро погибнуть, Новогородцы искали способовъ устоять въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстилъ Новогородцевъ, что онъ уже Христіанинъ и желаетъ *поклониться Святой Софіи*. Народное Вѣче отправило за нимъ Пословъ, и взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Новугороду, отдало ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья *въ отчину* и *въ дѣдину*, съ правомъ наслѣдственнымъ для его сыновей и внуковъ (294). Сіе право состояло въ судебной и воинской власти, соединенной съ нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Однакожь Новогородцы все еще старались утишить гнѣвъ Великаго Князя, и наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, Митрополита Ѳеогноста, съ коимъ дѣятельный Архіепископъ Василій имѣлъ свиданіе въ Владимірѣ (295). Іоаннъ, возвратясь изъ Орды въ Москву, выслушалъ милостиво ихъ Пословъ, и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ неудовольствія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія за оказанную ему почесть и привѣтливость жителей, умѣвшихъ иногда ласкать Князя, Іоаннъ позвалъ въ Москву Архіепископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чтобы за роскошное угощеніе отплатить имъ такимъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъявленіяхъ доброжелательства онъ согласился съ Новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирить Псковитянъ, исполняя волю Татаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но отложили походъ до инаго времени.

г. 1334.

г. 1335.

Спокойные съ одной стороны, Новогородцы искали враговъ въ стѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя Посадника, народъ ограбилъ домы и села нѣкоторыхъ Бояръ (296): въ семъ году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя непріятельскими станами. Несогласіе въ дѣлахъ внутренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ Вѣча или на общей волѣ граждапъ, естественнымъ образомъ раждало сіи частые мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свободы, всегда безпокойной и всегда любезной народу. Половина жителей возстала на другую: мечи и копья сверкали на обоихъ берегахъ Волхова. Къ счастію, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Примиренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялися на мосту, и скромный Лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія Небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и не на

176

долго. Чрезъ нѣсколько времени опять упоминается въ Новогородской лѣтописи о возмущеніи, въ коемъ пострадалъ
г.1337. одинъ Архимандритъ, запертый и стрегомый народомъ въ церкви какъ въ темницѣ.

Согласіе съ Великимъ Княземъ было вторично нарушено походомъ его войска въ Двинскую область (297). Истощая казну свою частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, и видя, что Новогородцы не расположены добровольно подѣлиться съ нимъ сокровищами Сибирской торговли, онъ хотѣлъ вооруженною рукою перехватить оныя. Полки Іоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встрѣченные сильнымъ отпоромъ Двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли успѣха, и возвратились, потерявъ множество людей. Сіе непріятельское дѣйствіе заставило Новогородцевъ опять искать дружбы Псковитянъ чрезъ ихъ общаго духовнаго Пастыря: Архіепископъ Василій отправился во Псковъ; но жители, считая Новогородцевъ своими врагами, уже не хотѣли союза съ ними: приняли Владыку холодно и не дали ему обыкновенной такъ называемой судной *пошлины* или десятой части изъ судебныхъ казенныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ Церкви, и слѣдуя примѣру Митрополита Ѳеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Псковитяне на сей разъ выслушали оное спокойно, и разгнѣванный Архіепископъ уѣхалъ, видя, что они не вѣрятъ дѣйствію клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или Политикою, и несогласной съ духомъ Христіанства.

Впрочемъ Великій Князь, испытавъ неудачу, оставилъ Новогородцевъ въ покоѣ, встревоженный перемѣною въ судьбѣ Александра Михайловича. Живъ около десяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непрестанно помышлялъ о своей отчизнѣ и средствахъ возвратиться съ безопасностію въ ея нѣдра. «Если умру въ изгнаніи» — говорилъ онъ друзьямъ — «то и дѣти мои останутся безъ наслѣдія (298).» Псковитяне любили его, но сила не соотвѣтствовала ихъ усердію: онъ предвидѣлъ, что Новогородцы не откажутся отъ древней власти надъ ними, воспользуются первымъ случаемъ смирить сихъ ослушниковъ, выгонятъ его или оставятъ тамъ изъ милости своимъ Намѣстникомъ. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему Тверскаго престола: ибо сей Литовскій Князь избѣгалъ войны съ Ханомъ. Александръ могъ бы обратиться къ Великому Князю (299); но будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся скорѣе умилостивить грознаго Узбека, и послалъ къ нему юнаго сына своего, Ѳеодора, который (въ 1336 году) благополучно возвратился въ Россію съ Посломъ Могольскимъ. Привезенныя вѣсти были таковы, что Александръ рѣшился самъ ѣхать въ Орду, и взявъ заочно благословеніе отъ Митрополита Ѳеогноста, отправился туда съ Боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный!» сказалъ онъ Хану съ видомъ покорности, но безъ робости и малодушія: «я заслужилъ гнѣвъ твой, и вручаю тебѣ мою судьбу. Дѣйствуй по вну- Ханъ шенію Неба и собственнаго сердца. Ми- прощаетъ луй или казни: въ первомъ случаѣ про- Александра. славлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? она предъ тобою (300).» Свирѣпый Ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и съ удовольствіемъ объявилъ Вельможамъ своимъ, что «Князь Александръ смиренною мудростію избавляетъ себя отъ казни.» Узбекъ, осыпавъ его знаками благоволенія, возвратилъ ему достоинство Князя Тверскаго.

Александръ съ восхищеніемъ при- г.1338. былъ въ свою отечественную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ такою же искреннею радостію. Тверь, въ 1327 году опустошенная Моголами, уже возникла изъ своего пепла трудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собралися, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностію къ святынѣ, сіяли въ прежнемъ велелѣпіи. Добрый Константинъ, возстановитель сего Княженія (301), охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною столь великаго несчастія, и желалъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменитость и силу, пріобрѣтенныя во дни Михаиловы. Александръ призвалъ супругу и дѣтей изъ Пскова, велѣвъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь; и надѣялся жить единственно для счастія подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Іоаннъ — видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости Князей — съ самаго

восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ Князьями древнихъ удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, который, будучи внукомъ старшаго сына Ярославова, имѣлъ законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступилъ оное Іоанну, однакожь, господствуя въ своей частной области, управлялъ и Владиміромъ (302): такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ, сказывая, что сей Князь перевезъ-было оттуда и древній Вѣчевый колоколъ Успенской Соборной церкви въ Суздаль, но возвратилъ оный, устрашенный его глухимъ звукомъ. Когдажь Александръ (въ 1333 году) преставился бездѣтнымъ, Іоаннъ не далъ Владиміра его меньшему брату, Константину Васильевичу, и пользуясь благосклонностію Хана, началъ смѣлѣе повелѣвать Князьями; выдалъ дочь свою за Василія Давидовича Ярославскаго, другую за Константина Васильевича Ростовскаго, и дѣйствуя какъ Глава Россіи, предписывалъ имъ законы въ собственныхъ ихъ областяхъ. Такъ Московскій Бояринъ или Воевода, именемъ Василій Кочева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ и казался истиннымъ Государемъ: свергнулъ тамошняго Градоначальника, старѣйшаго Боярина Аверкія; вмѣшивался въ суды, въ расправу; отнималъ и давалъ имѣніе (303). Народъ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что Князья его лишились власти, и что Москва тиранствуетъ! Самые Владѣтели Рязанскіе долженствовали слѣдовать за Іоанномъ въ походахъ; а Тверь, сѣтуя въ развалинахъ и сиротствуя безъ Александра Михайловича, уже не смѣла помышлять о независимости. Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей Князь возвратился, бодрый, дѣятельный, честолюбивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолѣ Великокняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть на ономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости Ханской? Владѣтели Удѣльные хотя и повиновались Іоанну, но съ неудовольствіемъ, и рады были взять сторону Тверскаго Князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго: такъ и поступилъ Василій Ярославскій, начавъ изъявлять недоброжелательство тестю и заключивъ союзъ съ Александромъ. Боясь утратить первенство, и лестное для властолюбія, и нужное для спокойствія Государства, Іоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника.

Іоаннъ повелѣваетъ Князьями.

Въ сіе время многіе Бояре Тверскіе, недовольные своимъ Государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами: что было тогда не безчестною измѣною, но дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу Князя Великаго или Удѣльнаго, Бояринъ всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя (304). Вѣроятно, что Александръ. бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые Вельможи завидовали: на примѣръ, мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый Нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ Двора его. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для Тверскихъ Бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они безъ сомнѣнія не старались успокоить Великаго Князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Іоаннъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйшее средство погубить Тверскаго Князя: отправивъ юнаго сына, Андрея, къ Новогородцамъ, чтобы прекратить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ Орду и взялъ г. 1339.
съ собою двухъ старшихъ сыновей, Симеона и Іоанна; представилъ ихъ величавому Узбеку, какъ будущихъ надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода; искуснымъ образомъ льстилъ ему, сыпалъ дары, и совершенно овладѣвъ довѣренностію Хана, могъ уже смѣло приступить къ главному дѣлу, то есть, къ очерненію Тверскаго Князя. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ описалъ его закоснѣлымъ врагомъ Моголовъ, готовымъ возмутить противъ нихъ всю Россію и новыми непріятельскими дѣйствіями изумить легковѣрное милосердіе Узбеково (305). Царь, устрашенный опасностію, послалъ звать въ Орду Александра, Василія Ярославскаго и другихъ Князей Удѣльныхъ, коварно обѣщая каждому изъ нихъ, и въ особенности первому, отмѣнные знаки милости. Іоаннъ же, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, немедленно возвратился въ Москву ожидать слѣдствій.

Хотя Посолъ Татарскій всячески увѣ-

177

рялъ Александра въ благосклонномъ къ нему расположеніи Узбековомъ, однакожь сей Князь, опасаясь злыхъ внушеній Іоанновыхъ въ Ордѣ, послалъ туда напередъ сына своего, Θеодора, чтобы узнать мысли Хана; но получивъ вторичный зовъ, долженъ былъ немедленно повиноваться ([306]). Мать, братья, Вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитріеву. Казалось, что самая Природа остерегала несчастнаго Князя: въ то время, какъ онъ сѣлъ въ ладію, зашумѣлъ противный вѣтеръ, и гребцы едва могли одолѣть стремленіе волнъ, которыя несли оную назадъ къ берегу. Сей случай казался народу бѣдственнымъ предзнаменованіемъ. Василій Михайловичь проводилъ брата за нѣсколько верстъ отъ города; а Константинъ лежалъ тогда въ тяжкой болѣзни: чувствительный Александръ всего болѣе жалѣлъ о томъ, что не могъ дождаться его выздоровленія. — Вмѣстѣ съ Тверскимъ Княземъ поѣхали въ Орду Романъ Михайловичь Бѣлозерскій ([307]) и двоюродный его братъ, Василій Давидовичь Ярославскій. Ненавидя послѣдняго, и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ Ханомъ, Великій Князь тайно отправилъ 500 воиновъ схватить его на пути; но Василій отразилъ ихъ, и ѣхалъ въ Орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Іоанна, своего тестя.

Несчастіе Александра.

Юный Θеодоръ Александровичь, встрѣтивъ родителя въ Улусахъ, со слезами извѣстилъ его о гнѣвѣ Хана. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Александръ, и понесъ богатые дары Узбеку и всему его Двору. Ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Прошелъ мѣсяцъ: Александръ молился Богу и ждалъ суда. Нѣкоторые Вельможи Татарскіе и Царица вступались за сего Князя; но прибытіе въ Орду сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло: Узбекъ, подвигнутый ими или друзьями хитраго ихъ отца, безъ всякихъ изслѣдованій объявилъ, что мятежный, неблагодарный Князь Тверскій долженъ умереть. Еще Александръ надѣялся: ждалъ вѣстей отъ Царицы, и сѣвъ на коня, спѣшилъ видѣть своихъ доброжелателей; узнавъ же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вмѣстѣ съ сыномъ причастился Святыхъ Таинъ, обнялъ вѣрныхъ слугъ и бодро вышелъ на встрѣчу къ убійцамъ, которые, отрубивъ голову ему и юному Θеодору, *розняли ихъ по составамъ* ([308])!

Октября 28.

Сіи истерзанные остатки несчастныхъ Князей были привезены въ Россію, отпѣты въ Владимірѣ Митрополитомъ Θеогностомъ и преданы землѣ въ Тверской соборной церкви, подлѣ Михаила и Димитрія: четыре жертвы Узбекова тиранства, оплаканныя современниками и отмщенныя потомствомъ! Никто изъ Хановъ не умертвилъ столько Россійскихъ Владѣтелей, какъ сей: въ 1330 году онъ казнилъ еще Князя Стародубскаго, Θеодора Михайловича, думая, что сіи страшныя дѣйствія гнѣва Царскаго утвердятъ господство Моголовъ надъ Россіею. Оказалось слѣдствіе противное и не Ханъ, но Великій Князь воспользовался бѣдственною кончиною Александра, присвоивъ себѣ верховную власть надъ Тверскимъ Княженіемъ: ибо Константинъ и Василій Михайловичи уже не дерзали ни въ чемъ ослушаться Іоанна, и какъ бы въ знакъ своей зависимости должны были отослать въ Москву вещь по тогдашнему времени важную: Соборный колоколъ отмѣнной величины, коимъ славились Тверитяне ([309]). Узбекъ не зналъ, что слабость нашего отечества происходила отъ раздѣленія силъ онаго, и что способствуя Единовластію Князя Московскаго, онъ готовитъ свободу Россіи и паденіе Царства Капчакскаго.

Новогородцы, столь безжалостно отвергнувъ Александра въ несчастіи, и способствовавъ его изгнанію, тужили о погибели сего Князя: ибо предвидѣли, что Іоаннъ, не имѣя опаснаго соперника, будетъ менѣе уважать ихъ вольность. Между тѣмъ они старались обезпечить себя со стороны внѣшнихъ непріятелей. Миръ, въ 1323 году заключенный со Шведами, продолжался около пятнадцати лѣтъ. Король Магнусъ, владѣя тогда Норвегіею, распространилъ его и на сію землю, не рѣдко тревожимую Новогородцами, которые издавна господствовали въ восточной Лапландіи. Такъ они, по лѣтописямъ Норвежскимъ, въ 1316 и 1323 году опустошили предѣлы Дронтгеймской области, и Папа, Іоаннъ XXII, уступилъ Магнусу часть церковныхъ доходовъ, чтобы онъ могъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры для защиты своихъ границъ сѣверныхъ отъ Россіянъ ([310]). Вельможа сего Короля, именемъ Гаквинъ, въ 1326 году, Іюня 5, подписалъ въ Новѣгородѣ особенный мирный договоръ, по коему Россіяне и Норвежцы на десять лѣтъ

Миръ съ Норвегіею.

обѣщались не безпокоить другъ друга набѣгами, возстановить древній рубежъ между обоюдными владѣніями, забыть прежнія обиды и взаимно покровительствовать людей торговыхъ (311). Но въ 1337 году Шведы нарушили миръ: дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ Россійскимъ Кореламъ; помогли имъ умертвить купцевъ Ладожскихъ, Новогородскихъ и многихъ Христіанъ Греческой Вѣры, бывшихъ въ Кореліи; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности Новогородцы увидѣли худое къ нимъ усердіе Нариманта и безполезность оказанной ему чести: еще и прежде (въ 1335 году) — не смотря на его княженіе въ ихъ области и на родственный союзъ Іоанновъ съ Гедиминомъ — шайки Литовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали въ предѣлахъ Торжка: за что Великій Князь приказалъ своимъ Воеводамъ сжечь въ сосѣдственной Литвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣченъ и другіе, принадлежавшіе нѣкогда къ Полоцкому Княженію (312). Хотя сіи непріятельскія дѣйствія тѣмъ и кончились, однакожь доказывали, что дружба Гедимина съ Россіянами была только мнимая. Когда же Новогородцы, встревоженные нечаянною ратію Шведскою, потребовали Нариманта (бывшаго тогда въ Литвѣ) предводительствовать ихъ войскомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именемъ Александра, изъ Орѣхова, оставивъ тамъ одного Намѣстника. Но Шведы имѣли болѣе дерзости, нежели силы: гордо отвергнувъ благоразумныя предложенія Новогородскаго Посадника Ѳеодора, ушли отъ Копорья и не могли защитить самыхъ окрестностей Выборга, гдѣ Россіяне истребили все огнемъ и мечемъ. Скоро начальникъ сей крѣпости далъ знать Новогородцамъ, что предмѣстникъ его самъ собою началъ войну, и что Король желаетъ мира. Написали договоръ, согласный съ Орѣховскимъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ клятвенно утвержденный въ Лундѣ, гдѣ Послы Россійскіе нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы Шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ Кореловъ; но Магнусъ не согласился, отвѣтствуя, что сіи люди уже приняли Вѣру Латинскую, и что ихъ число весьма не велико (313). «Корелы» — сказалъ онъ — «бываютъ обыкновенно виною раздоровъ между нами; и такъ возьмемъ строгія мѣры для отвращенія сего зла: впредь казните безъ милости нашихъ бѣглецовъ; а мы будемъ казнить вашихъ, чтобы они своими злобными навѣтами не мѣшали намъ жить въ согласіи.»

*Непріязнь Шведовъ.* *Разбои Литовскіе.*

Окончавъ дѣло съ Шведами, Новогородцы отправили обыкновенную Ханскую дань къ Іоанну: но Великій Князь, не довольный ею, требовалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будто бы для Узбека (314). Они ссылались на договорныя грамоты и на древнія Ярославовы, по коимъ отечество ихъ было свободно отъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ Княжескихъ. «Чего не бывало отъ начала міра, того и не будетъ,» отвѣтствовалъ народъ Посламъ Московскимъ: «Князь, цѣловавъ святый крестъ въ соблюденіи нашихъ уставовъ, долженъ исполнить клятву.» Прошло нѣсколько времени: Великій Князь ждалъ вѣстей изъ Орды. Когда же Ханъ отпустилъ его сыновей съ честію, и всѣхъ другихъ Князей съ грознымъ повелѣніемъ слушаться Московскаго: тогда Іоаннъ объявилъ гнѣвъ Новугороду и вывелъ оттуда своихъ Намѣстниковъ, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизить гордость сего величаваго народа и рѣшить вѣчную прю его вольности со властію Княжескою. Къ счастію Новогородцевъ, онъ долженъ былъ обратить силы свои къ иной цѣли.

*Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ.*

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ, чтобы Князья Смоленскіе когда нибудь ѣздили въ Орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣяній, живъ въ другихъ областяхъ, вообще рѣдко упоминаютъ о Смоленскѣ и его происшествіяхъ. Возможно ли, чтобы Княженіе, столь малосильное, одно въ Россіи спаслося отъ ига, когда и Новгородъ, еще отдаленнѣйшій, долженствовалъ повиноваться Царю Капчакскому? Въ Смоленскѣ господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичь, внукъ Глѣбовъ, съ коимъ Димитрій, Князь Брянскій, въ 1334 году имѣлъ войну (315). Татары помогали Димитрію; однакожь ни въ чемъ не успѣли, и Князья, проливъ много крови, заключили миръ. Вѣроятно, что Ханъ не участвовалъ въ предпріятіи Димитрія, и что сему послѣднему служила за деньги одна вольница Татарская; но Іоаннъ Александровичь ободрился счастливымъ опытомъ своего мужества, и вступивъ въ союзъ съ Ге-



178

диминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости (316). По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отрядилъ въ Россію Могольскаго Воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ Князьямъ итти на Смоленскъ. Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, выступилъ съ одной стороны, а съ другой сильная рать Великокняжеская. Подъ знаменами Московскими шли Константинъ Васильевичь Суздальскій, Константинъ Ростовскій, Іоаннъ Ярославичь Юрьевскій, Князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Витебской области, и Ѳеодоръ Ѳоминскій, Князь Смоленскаго Удѣла (317). Не имѣя особенной склонности къ воинскимъ дѣйствіямъ, Іоаннъ Даніиловичь остался въ столицѣ, и ввѣрилъ начальство двумъ своимъ Воеводамъ. Казалось, что соединенные полки Моголовъ и Князей Россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушить Державу Смоленскую; но подступивъ къ городу, они только взглянули на стѣны, и не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣроятно, что Россіяне не имѣли большаго усердія истреблять своихъ братьевъ, и что Воевода Узбековъ, смягченный дарами Смолянъ, взялся умилостивить Хана.

Г. 1340. Походъ къ Смоленску.

Симъ заключилось достопамятное правленіе Іоанна Даніиловича: остановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ Княжескую одежду на мантію Схимника и кончилъ жизнь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, указавъ наслѣдникамъ путь къ Единовластію и къ величію (318). Но справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной Политики. Судъ Исторіи, единственный для Государей — кромѣ суда Небеснаго — не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога.

Марта 31. Кончина и достоинства Іоанновы.

Не смотря на коварство, употребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣстника, Москвитяне славили его благость, и прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и Государя-отца: ибо сей Князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ Великое Княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственности и личную, строго казнилъ татей и былъ вообще правосуденъ (319). Жители другихъ областей Россійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ потомковъ Михаила Черниговскаго, Князь Василій Пантелеймоновичь, умертвилъ дядю роднаго Андрея Мстиславича; такъ Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, возвращаясь изъ Орды передъ Смоленскимъ походомъ, схватилъ на дорогѣ родственника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ Хану съ данію, ограбилъ его и лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ Брянцы, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвили (въ 1340 году) Князя Глѣба Святославича, въ самый великій для Россіянъ праздникъ, въ день Св. Николая, не смотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ Митрополита Ѳеогноста (320).

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту*, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отъ чего и прозванъ *Калитою* (321). Кромѣ Собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ), церковь Іоанна Лѣствичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ, и бывшая тогда Архимандритіею, которую основалъ еще отецъ Іоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви Св. Даніила: Іоаннъ же перевелъ сію Обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ, и въ ней постригся предъ кончиною. — Украшая столицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (въ 1339 году) дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій въ его время *Кремникъ* или Кремль, бывшій внутреннею крѣпостію или, по старинному именованію, *Дѣтинцемъ* (322). Въ княженіе Іоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія: ужасное наводненіе отъ сильна-

Прозваніе Калиты.

Кремникъ.

го дождя и голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью.* Но подданные, облаготворенные дѣятельнымъ, отеческимъ правленіемъ Калиты, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время.

Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и въ другія области работу Нѣмецкихъ фабрикъ. Востокъ, Греція, Италія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои товары. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками Татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбековы, данныя Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ *Холопій городокъ*, съѣзжались купцы Нѣмецкіе, Греческіе, Италіянскіе, Персидскіе, и Казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра, какъ увѣряетъ одинъ Писатель XVII вѣка (323): безчисленныя суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый лугъ Моложскій, и народъ веселился въ семидесяти питейныхъ домахъ. Сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI столѣтія.

Торгъ на Мологѣ.

Мурза Четъ.

Добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ Орды выѣхалъ въ Москву Татарскій Мурза Четъ, названный въ крещеніи Захаріею, отъ коего произошелъ Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ; а изъ Кіева Вельможа Родіонъ Несторовичь, предокъ Квашниныхъ, который былъ вызванъ Іоанномъ еще во время Михаила Тверскаго и привелъ съ собою 1700 Отроковъ или Дѣтей Боярскихъ (324). Лѣтописецъ разсказываетъ, что сей Родіонъ, возведенный Московскимъ Княземъ на первую степень Боярства, возбудилъ зависть во всѣхъ другихъ Вельможахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинѳъ Гавриловичь, не хотѣвъ уступить ему старшинства, бѣжалъ къ Михаилу Тверскому, съ сыновьями своими, оставивъ въ *челядни*, или въ людской избѣ, новорожденнаго внука Михаила, прозваннаго *Челяднею;* что усердный Родіонъ спасъ Іоанна Даніиловича въ битвѣ съ Тверитянами подъ городомъ Переславлемъ, въ 1304 году, зашедши имъ въ тылъ, и собственною рукою отрубивъ голову Акинѳу, привезъ оную на копьѣ къ Князю; что Іоаннъ наградилъ его половиною Волока, а Родіонъ отнялъ другую у Новогородцевъ, выгнавъ ихъ Намѣстника, и получилъ за то отъ Великаго Князя еще иную волость въ окрестностяхъ рѣки Восходни. Сіи обстоятельства прописаны также въ челобитной Квашнина, поданной Царю Іоанну Васильевичу на Бутурлиныхъ, потомковъ Боярина Акинѳа, во время несчастныхъ споровъ о Боярскомъ старѣйшинствѣ.

Древняя Русская пословица: *близъ Царя, близъ смерти*, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество носило цѣпи Моголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ на Страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостію Царскою или по крайней мѣрѣ съ головою! Такъ Іоаннъ Даніиловичь, въ началѣ своего Великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ завѣщаніе и распорядилъ наслѣдіе между тремя сыновьями и супругою, именемъ Еленою, которая преставилась Монахинею въ 1332 году (325). Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ Княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ, какіе города принадлежали тогда къ Московской области, и какъ велико было достояніе Князей. Послѣ обыкновенныхъ словъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,» Іоаннъ говоритъ: «Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ Ордѣ, куда ѣду, оставляю сію *душевную* грамоту, написанную мною добровольно, въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи. Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ Москву: отдаю Симеону Можайскъ, Коломну съ волостями, Ивану Звенигородъ и Рузу; Андрею Лопастну, Серпуховъ, Перемышль; Княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми села, бывшія въ ея владѣніи» (слѣдуютъ имена ихъ)... «также оброкъ *городскихъ волостей*; а купеческія пошлины, въ оныхъ собираемыя, остаются доходомъ нашихъ сыновей. Ежели Татары отнимутъ волость или село у кого изъ васъ, любезныя дѣти, то вы обязаны снова уравнять свои части или Удѣлы. Люди *численые*» — то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную — «должны быть подъ общимъ вашимъ вѣдѣніемъ; а въ раздѣлъ идутъ единственно купленные мною. Еще при жизни далъ я сыну Симеону изъ золота четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши,

Завѣщаніе Великаго Князя.

блюдо съ жемчугомъ, и два ковша, а серебромъ три блюда; Ивану изъ золота четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, а серебромъ три блюда: Андрею изъ золота четыре цѣпи, поясъ Фряжскій жемчужный, другой съ крюкомъ на червленомъ шелку, третій Ханскій, два ковша, двѣ чарки, а серебромъ три блюда. Золото Княгинино отдалъ я дочери Фетиньѣ: четырнадцать колецъ, новый сдѣланный мною складень, ожерелье матери ея, *чело* и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю Княгинѣ своей съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ и шапку золотую, Ивану желтую обьяринную шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами, Андрею шубу соболью съ наплечками низанными жемчугомъ и портище алое съ нашитыми бармами, а двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ, меньшимъ дѣтямъ, *Марьѣ* и Ѳедосьѣ. Серебряные поясы и другія одежды мои раздать Священникамъ, а 100 рублей оставленныхъ мною у Казначея, по церквамъ. Большое серебряное блюдо о четырехъ кольцахъ отослать въ Храмъ Владимірскія Богоматери. Прочее серебро и Княжескія стада — кромѣ двухъ, отданныхъ мною Симеону и Ивану — раздѣлить моей супругѣ и дѣтямъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему, приказываю меньшихъ братьевъ и Княгиню съ дочерями: будь имъ по Богѣ главнымъ защитникомъ. — Грамоту писалъ Дьякъ Великокняжескій Кострома, при духовныхъ отцахъ моихъ, Священникахъ Ефремѣ, Ѳеодосіи и Давидѣ; кто нарушитъ оную, тому Богъ судія.» — Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и Св. Іоанна Предтечи, и съ надписью: *печать Великаго Князя Ивана*; а другая свинцовая (326). — Въ семъ завѣщаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ Великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая только своею отчиною, не могъ ихъ отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ Хана.

Исчисляя свои села, Великій Князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ Костромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался пріобрѣтать наслѣдственную собственность и внѣ Московской области, къ неудовольствію другихъ Князей и вопреки условію, заключенному съ Новогородцами. Но еще несравненно важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ были города Угличь, Бѣлозерскъ и Галичь, купленные Іоанномъ Даніиловичемъ (327): первые два у потомковъ Константина I, а третій у наслѣдниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донскаго: чему надлежало случиться не задолго до преставленія Калиты. Однакожь сіи Удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминается объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ.

**Ярославская грамота.** Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Іоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ Архимандриту Спасской обители (328). Сей Князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру дѣда, Ѳеодора Чернаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубля; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ *яма* или подводъ, отъ постоя и стражи: далѣе говоритъ: «Судіи мои, Намѣстники и Тіуны, да не шлютъ *Дворянъ* своихъ за людьми Св. Спаса безъ вѣдома Игумена, который одинъ судитъ ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ судіею, буде истецъ или отвѣтчикъ не есть человѣкъ монастырскій; въ послѣднемъ случаѣ часть денежной пени, налагаемой на виновнаго, идетъ въ казну Св. Спаса, а другая въ Княжескую. Жители *иныхъ* областей, перезванные Игуменомъ въ его вѣдомство, считаются людьми монастырскими; но работники ихъ, приписанные къ моимъ селеніямъ, остаются подъ судомъ Княжескимъ. Чернорizцы и Крылошане Спасскіе, торгуя въ пользу святой Обители, увольняются отъ пошлинъ: что однакожь не уничтожаетъ древняго устава о перевозахъ и бобровыхъ рѣкахъ.» Сія харатейная грамота скрѣплена черною восковою печатію, и свидѣтельствуетъ, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому сану, и въ противность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя Христіанскія Обители, основанныя единственно для трудовъ душеспасительныхъ и чуждыя міру.

Наконецъ, описавъ Княженіе Іоанно-

Судьба Галича. во, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи, какъ о *Россійской* области. Внукъ Юрія Львовича, Князь Георгій, скончался около 1336 года, не оставивъ дѣтей, и Ханъ прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію; но жители, по сказанію одного современнаго Историка (329), тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія Ханскаго поддалися Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зятю Гедиминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ уставовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или Боярскаго: безъ чего городъ Львовъ — гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ Моголовъ, Армянъ и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ покориться сему Князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ Греческомъ Исповѣданіи, онъ въ угодность Папѣ и Королю Польскому, своему родственнику, сдѣлался Католикомъ: ибо Вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, растерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданныхъ въ Латинскую Вѣру; сверхъ того угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя Нѣмцами, Ляхами, Богемцами, и слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казимиръ, свойкъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ Вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичь, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ, присягнули ему какъ законному Государю, и сокровища древнихъ Князей Галицкихъ — богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ частію Животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанныя алмазами — были отвезены изо Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, Король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный договоръ съ Литвою, уступилъ Кестутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на Княжнѣ Владимірской, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое Княженіе или Королевство Даніилово, и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ Св. Владиміра, долго называемое *городами Червенскими*, а послѣ *Галичемъ*, было раздѣлено между иноплеменниками.

---

# ГЛАВА X.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

### Г. 1340 — 1353.

---

**Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона Гордаго. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ Западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый Клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь всея Руси. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи.**

г.1340. Смерть Іоаннова была важнымъ происшествіемъ для Князей Россійскихъ: они спѣшили къ Хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать Великаго Княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства Московскихъ Владѣтелей. Но Симеонъ Іоанновичь (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ) также поѣхалъ съ братьями Маія 29.
въ Орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщалъ

заслужить милость Царскую, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ: прочіе долженствовали ему повиноваться какъ Главѣ или старѣйшему (330). Безъ сомнѣнія не краснорѣчіе юнаго Симеона и не дружба Ханова къ его родителю произвела сіе дѣйствіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: корысть и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ степяхъ Татаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Черпаго моря, Дона и Волги, узнавъ пріятности роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и тѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностію: обольщались золотомъ какъ главнымъ средствомъ наслажденія. Любимцы прежнихъ Ханова искали завоеваній: любимцы Узбековы требовали взятокъ и продавали его милости; а Князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея Вельможъ, и называясь смиреннымъ именемъ слугъ Ханскихъ, сдѣлались могущественными Государями.

Корыстолюбіе Моголовъ.

Симеонъ, въ бодрой юности достигнувъ Великокняжескаго сана, умѣлъ пользоваться властію, не уступалъ въ благоразуміи отцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ Хановъ до уничиженія, но строго повелѣвалъ Князьями Россійскими и заслужилъ имя *Гордаго*. Торжественно возсѣвъ на престолъ въ Соборномъ храмѣ Владимірскомъ, онъ при гробѣ отца клялся братьямъ жить съ ними въ любви, имѣть всегда однихъ друзей и враговъ (331); взялъ съ нихъ такую же клятву, и скоро имѣлъ случай доказать твердость своего правленія. Считая себя законнымъ Государемъ Новагорода, онъ послалъ Намѣстникомъ въ Торжекъ для собранія дани. Недовольные симъ дѣйствіемъ самовластія, тамошніе Бояре призвали Новогородцевъ, которые, заключивъ Намѣстниковъ Княжескихъ въ цѣпи, объявили Симеону, что онъ только Государь Московскій; что Новгородъ *избираетъ* Князей и не терпитъ насилія. Симеонъ, не споря съ ними о правахъ, готовилъ войско. Новогородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали отъ себя Новогородскихъ чиновниковъ и Бояръ своихъ, убивъ одного знатнѣйшаго и разломавъ домы прочихъ; освободили Намѣстниковъ Симеоновыхъ, и съ усердными восклицаніями приняли Великаго Князя, окруженнаго полками Московскими, Суздальскими, Ярославскими и другими (332). Всѣ Удѣльные Князья и Бояре ихъ составляли Его Дворъ воинскій. Тутъ же былъ и Митрополитъ Ѳеогностъ. Встревоженные Новогородцы велѣли областнымъ жителямъ итти въ столицу для ея защиты; послали Архіепископа съ Боярами въ Торжекъ требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую въ области сего пограничнаго города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тѣмъ, что Великій Князь, слѣдуя обыкновенію, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Твердость Симеона Гордаго. Октября 1.

Согласивъ честь Княжескую съ обычаемъ народа вольнаго, Симеонъ распустилъ войско, и вдругъ услышалъ, что Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, Князь Витебскій, осадилъ Можайскъ, съ намѣреніемъ завоевать его для Владѣтеля Смоленскаго, союзника Литвы (333). Великій Князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ сыновей особенный Удѣлъ. Ольгердъ, вторый сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и славолюбіемъ: велъ жизнь трезвую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду; не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе тратили время въ суетныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ Вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою.

Г. 1341.

Свойства Ольгердовы.

Въ тотъ же годъ умеръ и знаменитый Ханъ Капчакскій Узбекъ, памятный въ нашей Исторіи разореніемъ Твери и бѣдствіями Михаилова рода, союзникъ и пріятель Папы Венедикта XII, который надѣялся склонить его къ Христіанству, и коему онъ дозволялъ утверждать Вѣру Латинскую въ странахъ Черноморскихъ, особенно въ землѣ Ясовъ, обращенныхъ Монахомъ Римскимъ Іоною Валентомъ; жена Ханова и сынъ присылали дары Венедикту, и Генуэзцы, жители Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ Пословъ Татарскихъ (334). Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, терпя Христіанъ единствен-

Сношенія Папы съ Ордою.

но какъ Политикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Вѣры, открылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ братьевъ, и Князья Россійскіе вмѣстѣ съ Митрополитомъ долженствовали немедленно ѣхать въ Орду, чтобы смиренно пасть предъ окровавленнымъ ея трономъ. Съ честію и милостію отпустивъ Симеона, Ханъ долго держалъ Митрополита, требуя, чтобы онъ, богатый доходами, серебромъ и золотомъ, ежегодно платилъ церковную дань Татарамъ; но Θеогностъ ссылался на льготныя грамоты Хановъ, и Чанибекъ удовольствовался наконецъ шестью стами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо — что достойно замѣчанія — не дерзнулъ самовольно отмѣнить устава своихъ предковъ; а Θеогностъ, за его твердость, былъ прославленъ нашимъ Духовенствомъ. Все осталось, какъ было при Узбекѣ; одинъ Князь Пронскій, Ярославъ, сынъ убіеннаго Александра, милостію новаго Хана распространилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Іоаннъ Коротополъ, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, Вельможею Чанибека, Ярославъ осадилъ Іоанна въ столицѣ: сей злодѣй ночью бѣжалъ, однакожь не избавился отъ казни: его умертвили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ([335]). Къ сожалѣнію, Татары, будучи орудіями справедливой мести, не могли дѣйствовать безкорыстно: они хотѣли добычи, и плѣнили многихъ жителей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ того времени въ Ростиславлѣ (нынѣ селѣ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его — кажется, добровольно — уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Коротопола, Олегу.

г. 1342.

Убіеніе Коротопола.

Дѣла Псковскія и Новогородскія.

Въ отсутствіе Симеона Псковитяне воевали съ Ливонскими Нѣмцами, которые убили въ Летгалліи Пословъ ихъ. Во Псковѣ начальствовалъ Князь Александръ Всеволодовичь, коего родъ намъ неизвѣстенъ: отмстивъ Нѣмцамъ разореніемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковитяне тщетно убѣждали его возвратиться, представляя ему свою опасность: тщетно молили и Новогородское Правительство дать имъ Намѣстника и войско([336]). Такъ говоритъ ихъ собственный Лѣтописецъ, прибавляя, что Нѣмцы заложили крѣпость Нейгаузенъ въ границахъ Россіи на берегу рѣки Пижвы; что Псковитяне, взявъ предмѣстіе Ругодива или Нарвы (города основаннаго Датчанами въ 1223 году), и слыша о сильныхъ вооруженіяхъ Ордена, отправили въ Витебскъ Пословъ, которые сказали Ольгерду: «Братья наши, Новогородцы, въ злобѣ своей не помогаютъ намъ. Государь! вступись за утѣсненныхъ.» Но Лѣтописецъ Новогородскій обвиняетъ Псковитянъ въ вѣроломствѣ; они сами, по его извѣстію, выслали Князя Александра Всеволодовича, и встрѣтивъ Новогородцевъ, шедшихъ защитить ихъ отъ Рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась, и что Нѣмцы строятъ крѣпость на своей землѣ. Сіе было въ началѣ весны: 20 Іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали итти въ Ливонію; но Рыцари, истребивъ ихъ передовый отрядъ, вдругъ осадили Изборскъ, и схвативъ племянника Гедиминова, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего Князя, Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жители, не имѣя ни капли воды, долженствовали бы сдаться, если бы Нѣмцы не отступили отъ города, испуганные, какъ вѣроятно, слухомъ о Литовской силѣ. Хотя Псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ, однакожь молили Ольгерда снова принять Вѣру Христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ областяхъ, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но какъ сей юный Князь, оставивъ у нихъ Намѣстника, въ слѣдъ за отцемъ уѣхалъ въ Литву, то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: Конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ Архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ ([337]). Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ города, на полѣ, даже въ лодкахъ, непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, такъ что Архіепископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другаго рода несчастіе состояло въ дерзости и междо-

181

усобіи гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія толпа ихъ удальцевъ опустошила Устюжну и волости Бѣлозерскія, которыя зависѣли отъ Великаго Князя. Еще въ 1294 году одинъ изъ знатныхъ Бояръ Новогородскихъ, построивъ крѣпость близъ границъ Эстонскихъ, хотѣлъ тамъ властвовать независимо: оскорбленное Правительство велѣло срыть оную и сжечь его село. Сей примѣръ должнаго наказанія не могъ обуздать своевольныхъ: сынъ умершаго Посадника Варѳоломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ, и разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умертвили жители какъ разбойника; но чернь Новогородская, преданная ему, думала, что онъ убитъ слугами Посадника Ѳеодора и требовала мести. Граждане раздѣлились на два Вѣча: одно было у Св. Софіи за Луку, другое на дворѣ Ярослава за Посадника. Архіепископъ и Намѣстникъ Княжескіи едва отвратили кровопролитіе.

Однакожь Новогородцы были готовы стоять всѣми силами за Псковитянъ, которые, въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшились смѣлѣе воевать Ливонію, предводимые какимъ-то Княземъ Іоанномъ
г.1343. и Евстафіемъ Изборскимъ (338). Они пять дней не сходили съ коней, опустошая села вокругъ Оденпе. Магистръ Бурхардъ гнался за ними до границы, и съ жаромъ началъ битву, въ коей Россіяне, утомленные и гораздо слабѣйшіе числомъ, купили побѣду кровію нѣкоторыхъ лучшихъ Бояръ своихъ, а Нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ витязей, Іоанна Левенвольда. Между тѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ Священникъ, прибѣжавъ съ мѣста битвы, объявилъ, что Нѣмцы умертвили всѣхъ Россіянъ; но отправленные гонцы Псковскіе нашли рать свою уже подъ стѣнами Изборска, гдѣ Князья и воины отдыхали, среди плѣнниковъ и трофеевъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріятелей внутри собственныхъ владѣній. Историкъ Ливоніи говоритъ, что сія земля могла тогда справедливо назваться «небомъ Дворянъ, раемъ Духовенства, золотымъ рудникомъ иностранцевъ и адомъ утѣсненныхъ земледѣльцевъ (339)». Въ 1343 году открылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умертвилъ множество Датчанъ и Нѣмцевъ, осадилъ Ревель, взялъ крѣпость Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечь и голодъ истребили большую часть бѣдныхъ жителей, и Король Датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ Нѣмецкому Ордену всѣ права свои на Эстонію.

Въ Литвѣ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ, Евнутій, княжилъ въ Вильнѣ, Наримантъ въ Пинскѣ, Кестутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ольгердомъ: будучи оба властолюбивы, они условились соединить раздробленное отечество, и неожи- г.1345. даемо взяли Вильну съ другими городами. Евнутій ушелъ въ Смоленскъ, Наримантъ къ Хану Татарскому (340): Ольгердъ же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими братьями, сдѣлался Владыкою единодержавнымъ. Устроивъ порядокъ внутри Государства, сей Князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что Новогородцы явно поносятъ честь его; сверхъ того изгнанникъ Евнутій прибѣгнулъ къ Великому Князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный Христіанскимъ именемъ Іоанна, и хвалился дружбою Россіянъ. Ольгердъ вступилъ въ область Шелонскую: завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова, и велѣлъ сказать Новогородцамъ: «вашъ Посадникъ Евста- г.1346. фій осмѣлился всенародно назвать меня псомъ: обида столь наглая требуетъ мести; иду на васъ.» Они вооружились, чтобы сразиться съ Литвою. Но Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву отечеству, и тѣмъ удовольствовать раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ Исторіи Новогородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ уничиженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ Россійскихъ, и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ Орденомъ, коего Великій Магистръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Ли- г.1347. твою блестящую побѣду, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо

Постыдное дѣло Новогородцевъ.

жители сихъ городовъ сражались подъ знаменами Ольгерда ([341]).

Гораздо лучше и великодушнѣе поступили Новогородцы въ дѣлахъ съ Швеціею. Король Магнусъ, легкомы-

Война съ Магнусомъ. сленный, надменный, вздумалъ загладить грѣхи своего нескромнаго сластолюбія, услужить Папѣ и прославиться подвигомъ благочестивымъ; собралъ въ Стокгольмѣ Государственный Совѣтъ и предложилъ ему силою обратить Россіянъ въ Латинскую Вѣру, требуя людей и денегъ. Сіе намѣреніе казалось Совѣту достохвальнымъ; но Швеція, истощенная корыстолюбіемъ Духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или *доходамъ Св. Петра;* презрѣлъ неудовольствіе Епископовъ, и нанялъ многихъ Нѣмецкихъ воиновъ. Въ сіе время славилась тамъ пророчествами и святостію вдовствующая супруга Вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта ([342]): она, какъ вдохновенная Пиѳія, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но итти на Россію съ одними набожными Шведами и Готами, достойными воевать для успѣховъ истины: въ противномъ случаѣ грозила ему бѣдствіемъ. Король смѣялся надъ ея предсказаніемъ, и съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову

г. 1348. Березовому или Біорку, послалъ объявить Новогородцамъ, чтобы они избрали Русскихъ *Философовъ* для прѣнія со Шведскими о Вѣрѣ, и приняли Латинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевать съ нимъ. Архіепископъ Василій, Посадникъ, всѣ чиновники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: «Ежели Король хочетъ знать, какая Вѣра лучше, Греческая или Римская, то можетъ для состязанія отправить людей ученыхъ къ Патріарху Цареградскому: ибо мы приняли Законъ отъ Грековъ, и не намѣрены входить въ суетные споры. Когда же Новгородъ чѣмъ нибудь оскорбилъ Шведовъ, то Магнусъ да объявитъ свои неудовольствія нашимъ Посламъ.» Бояринъ Козма Твердиславичь поѣхалъ для свиданія съ Королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію, желаетъ только обратить Россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началася. Шведы приступили къ Орѣхову, предлагая окрестнымъ жителямъ на выборъ смерть или Папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ Новогородцахъ. Воины стекались къ нимъ изъ областей въ Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще Намѣстникъ сына Гедиминова, Нариманта) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человѣкъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что Россіяне идутъ со всѣхъ сторонъ окружить его флотъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный Король увѣрился въ истинѣ Бригиттина предсказанія, оставилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпости, и возвратился въ отечество съ однимъ стыдомъ и съ десятью плѣнниками, въ числѣ коихъ были Аврамъ Тысячскій и Козма Твердиславичь, взятые въ Орѣховѣ. Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ, и неволею крестивъ жителей по обрядамъ Римской Церкви, *великодушно* освободилъ ихъ; что они дали ему клятву склонить всѣхъ своихъ единоземцевъ къ принятію Латинской Вѣры, но *коварно* обманули его, и дѣйствовали послѣ какъ самые злѣйшіе непріятели Шведовъ и Папы ([343]).

Великій Князь по видимому мало заботился о Новогородцахъ, и только однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ три недѣли, призванный ими чрезъ Архіепископа. Слыша о нападеніи Шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ выступилъ съ войскомъ, но возвратился въ Москву за какимъ-то Ханскимъ дѣломъ, и вмѣсто себя велѣлъ итти въ Новгородъ брату своему Іоанну съ Константиномъ Ростовскимъ ([344]); а сіи Князья — свѣдавъ, что Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ — немедленно ушли назадъ, *не принявъ*, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *Архіепископскаго благословенія, ни челобитья Новогородскаго.* Вѣроятно, что не робость, но хитрыя намѣренія политическія были тому причиною: Симеонъ хотѣлъ, кажется, довести сей величавый народъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ онымъ. — «Князь оставляетъ насъ,» говорили Новогородцы: «возложимъ упованіе на Бога и на Святую Софію.» Вспомогательная дружина Псковская была въ ихъ станѣ подъ Ладогою; они хотѣли доказать свою благодарность за сіе усердіе, и тор-



182

жественно объявили, что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредь называться *младшимъ братомъ Новагорода*, «Одна любовь и Вѣра да утвердятъ искренній, вѣчный союзъ между нами!» сказали Новогородцы Псковитянамъ: «не будемъ давать вамъ Посадниковъ; не будемъ требовать васъ на судъ къ Св. Софіи; правьте и рядите сами: а для суда Церковнаго Архіепископъ изберетъ Намѣстника изъ вашихъ согражданъ (345).» Такимъ образомъ отчизна Св. Ольги пріобрѣла гражданскую независимость — и, къ сожалѣнію, запятнала себя чернымъ дѣломъ неблагодарности. Когда Новогородцы въ Августѣ мѣсяцѣ приступили къ Орѣхову, и видя упорство Шведовъ, рѣшились зимовать въ станѣ: Псковитяне, не захотѣвъ терпѣть ненастья и холода, объявили, что идутъ обратно въ землю свою, разоряемую Нѣмцами. Ливонскіе Рыцари дѣйствительно, нарушивъ тогда миръ, выжгли села на границѣ въ области Изборской, Островской, и самое предмѣстіе Пскова: слѣдственно обстоятельства извиняли Псковитянъ, и Новогородцы, согласные на ихъ отступленіе, желали единственно, чтобы оно было ночью, и чтобы непріятель не видалъ его; но чиновники Псковскіе, въ досаду великодушнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ стана въ самый полдень, затрубили въ трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадовали Шведовъ, которые, стоя на валу, громко смѣялись (346). Оставленные Великимъ Княземъ и союзниками, Новогородцы не уныли, сдѣлали приметъ къ стѣнамъ крѣпости, взяли оную 24 Февраля, убивъ или плѣнивъ 800 непріятелей, и торжествовали сей успѣхъ какъ славное происшествіе для отечества и Вѣры. Они положили употребить отнятое ими у Шведовъ серебро на украшеніе церкви Бориса и Глѣба, отправили плѣнниковъ въ Москву къ Симеону, и не смотря на худую вѣрность Псковитянъ, сдержали данное имъ слово, считая ихъ съ того времени уже не подданными, а совершенно вольными въ избраніи гражданскихъ Правителей (347). — Чтобы озаботить Магнуса съ другой стороны его владѣній, Новогородцы изъ Двинской земли ходили воевать Норвегію; разбили также Шведовъ подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣнниками, съ условіемъ, чтобы область Яскиская, Эграпская и

Псковъ братъ Новагорода.

г. 1349 —1350.

часть Саволакса принадлежали Россіи: Систербекъ остался границею. Договоръ былъ подписанъ Королемъ, Графомъ Генрикомъ Голштейнскимъ, Вельможами Турсономъ, Геннингомъ, Священникомъ Вамундомъ и двумя Готландскими купцами; также Новогородскимъ Посадникомъ Юріемъ, Тысячскимъ Авраамомъ и другими Боярами (348). Хотя Король въ 1351 году замышлялъ новую войну противъ Россіянъ, и Папа въ угодность ему дозволилъ его витязямъ ознаменоваться святымъ крестомъ; но внутренніе раздоры и несчастія Швеціи не допустили сего вѣтренаго Монарха вторично безумствовать для мнимаго душевнаго спасенія.

Между тѣмъ Великій Князь былъ занятъ иными дѣлами. Узнавъ, что Ольгердъ, тѣснимый Нѣмцами, прислалъ къ Хану брата своего, Коріяда, требовать помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, что сей коварный язычникъ есть врагъ Россіи подвластной Татарамъ, слѣдственно и самихъ Татаръ; а Ханъ, убѣжденный представленіями Московскихъ Бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими Послами Литовскими (349). Столь беззаконное дѣйствіе могло справедливо раздражить Ольгерда; но, вмѣсто злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе быть его другомъ: ибо тогдашнія обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новыхъ непріятелей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Литвою, отдавшаго Любарту и Кестутію всю западную Волынію съ городомъ Брестомъ: перемѣнивъ мысли, Казимиръ въ 1349 году отнялъ у нихъ сіе владѣніе, изъ милости давъ Любарту одинъ Луцкъ, а нѣкоторыхъ частныхъ Князей Россійскихъ, потомковъ Св. Владиміра, оставивъ господствовать въ ихъ Удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ (350). Сіе происшествіе заставило Ольгерда и братьевъ его искать дружбы Симеоновой, тѣмъ естественнѣе, что Король Польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быть гонителемъ Церкви Греческой, тѣснилъ Духовенство въ Волыніи, и православныя церкви обращалъ въ Латинскія. Граждане стенали: утративъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за Вѣру отцевъ, и гнушаясь насиліемъ Папистовъ, славили терпимость Литовскаго Правленія; а гласъ народа единокровнаго громко отзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія,

Хитрость Ольгердова.

что и Митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за Князей Литовскихъ — которые не мѣшали ему повелѣвать Духовенствомъ въ Волыніи — особенно же за Любарта, усерднаго сына нашей Церкви ([351]). И такъ Великій Князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріада, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ тѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ: Любартъ женился на Ростовской Княжнѣ, племянницѣ Симеона; язычникъ Ольгердъ на его свояченѣ Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе второе бракосочетаніе затрудняло совѣсть Великаго Князя; но Митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ Христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной Вѣрѣ. Изгнанникъ Евнутій, покровительствуемый Россіею, могъ безопасно возвратиться въ отечество: братья дали ему Удѣлъ въ Минской области.

Браки.

Въ то время, когда Государь Польскій веселился и торжествовалъ свои успѣхи въ Краковѣ, Литовскіе Князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи, и желая еще болѣе усыпить Казимира, обѣщали ему принять Римскую Вѣру, такъ, что Папа, Климентъ VI, уже готовился послать имъ знаки Королевскаго сана ([352]). Но хитрость обнаружилась: увѣренные въ дружбѣ Московскаго Князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей въ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кестутій и Любартъ ударили на Поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи. — Съ сего времени *четыре* народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. *Моголы*, по сказанію Флорентійскаго современнаго Историка ([353]), изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю Брацлавскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россійскихъ Князей. Людовикъ, Король Венгерскій, его покровитель, старался вытѣснить ихъ оттуда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казимиромъ Великимъ, перешелъ за Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Татарскаго. Однакожь Моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра ([354]). *Венгрія* хотѣла присвоить себѣ Галицію, и наконецъ долженствовала уступить оную *Польшѣ*; а Князья *Литовскіе* удерживали въ своемъ подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша составили одно Государство.

Раздѣлъ западной Россіи.

Не смотря на союзъ Гедиминовыхъ сыновей съ Великимъ Княземъ, Псковитяне сдѣлались непріятелями Литвы. Намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ у нихъ Вельможа Княжескаго рода, именемъ Юрій Витовтовичь, въ 1349 году убитый Нѣмцами, въ нечаянномъ набѣгѣ, подъ стѣнами Изборска ([355]): мужъ храбрый и благочестивый Христіанинъ, оплаканный народомъ и погребенный въ Соборной церкви. Его кончина прервала связь гражданъ Псковскихъ съ Литвою. Взявъ крѣпость, заложенную Нѣмцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велѣли сказать Князю Андрею: «ты не хотѣлъ самъ управлять нами: мы же не хотимъ теперь ни твоихъ Намѣстниковъ, ни тебя.» Въ слѣдствіе чего Ольгердъ задержалъ купцевъ Псковскихъ, отнявъ у нихъ товары; а сынъ его, Андрей, княжившій тогда въ Полоцкѣ, опустошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Ссора Псковитянъ съ Литвою.

Но хитрый Ольгердъ пользовался дружбою Симеона. Свѣдавъ, что Великій Князь, недовольный Смоленскимъ Владѣтелемъ, союзникомъ Литвы, намѣренъ объявить ему войну, Ольгердъ желалъ быть ихъ миротворцемъ ([356]). Послы Литовскіе нашли Симеона, провождаемаго братьями и другими Князьями, въ Вышегородѣ на берегу Протвы, и вручили ему богатые дары вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ отъ своего Государя. Великій Князь уважилъ его ходатайство, но шелъ далѣе къ рѣкѣ Угрѣ: тамъ, встрѣтивъ Пословъ Смоленскихъ, онъ заключилъ миръ и возвратился въ Москву, быть свидѣтелемъ и, какъ вѣроятно, жертвою ужаснаго гнѣва Небеснаго.

Ольгердъ миротворецъ. Г. 1352.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при устьѣ Дона, въ Бездежѣ, въ Астрахани и въ Сараѣ ([357]). Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Черной смерти*, началась въ Китаѣ, истребила тамъ около тринадцати милліоновъ людей, и достигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ, равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Гер-

Черная смерть.

183

маніи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человѣкъ. Въ Парижѣ отчаянный народъ требовалъ казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; оттуда, или изъ Нѣмецкой земли, перешла она во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Не льзя, говорятъ Лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый Іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напротивъ того нѣкоторые изъявляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ носили въ церковь; служили Панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили оставить міръ и заключались въ монастыряхъ, или отказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ, и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всѣмъ умереть должно. — Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные Псковитяне звали къ себѣ Архіепископа Василія, благословить ихъ и вмѣстѣ съ ними принести жертву моленія Всевышнему: какъ достойный Пастырь Церкви онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность (358). Встрѣченный народомъ со изъявленіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы Святительскія; взялъ крестъ, и провождаемый Духовенствомъ, всѣми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли Божественныя пѣсни; Иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, которое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковитяне, вкусивъ сладость Христіанскаго умиленія, терпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія зараженный язвою, на возвратномъ пути скончался, къ великому сожалѣнію Новогородцевъ и примиренныхъ съ нимъ Псковитянъ. Сей Архіепископъ былъ отмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное участіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Софійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью Греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго (359), и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ Епископу Тверскому Ѳеодору, доказывая въ ономъ; что «рай и адъ дѣйствительно существуютъ на землѣ, Земный рай.
вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ *мысленными* или духовными.» Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія страждущихъ Псковитянъ, осудимъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ, и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники Новогородскіе видѣли оный издали? — Василій первый изъ Архіепископовъ получилъ отъ Митрополита *крещатыя ризы* въ знакъ отличія и *бѣлый клобукъ*, какъ Бѣлый Клобукъ.
пишутъ, отъ Патріарха Цареградскаго, донынѣ хранимый въ Новогородской Софійской ризницѣ и прежде носимый въ Греціи тѣми Святителями, которые бывали поставляемы изъ Бѣлаго Духовенства (360).

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 Августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ областяхъ Россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Такимъ образомъ отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и Государства опустѣли. Ино-

странные Историки сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножался ([361]): столь чудесна Природа, всегда готовая замѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что *вся Россія* испытала тогда гнѣвъ Небесный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ короткое время скончались тамъ Митрополитъ Ѳеогностъ, Великій Князь, два сына его

Г. 1353. Кончина Симеонова. и братъ Андрей Іоанновичъ ([362]). Симеонъ имѣлъ не болѣе тридцати-шести лѣтъ отъ рожденія. Сей Государь, хитрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ Орду, чтобы соблюсти тишину въ Государствѣ; пользуясь отмѣнною благосклонностію Хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго Княженія свободу не платить дани Моголамъ, и первый, кажется, именовалъ себя Вели-

Великій Князь всея Руси. кимъ Княземъ *всея Руси*, какъ то вырѣзано на его печати ([363]). Видя внезапную смерть предъ собою, онъ постригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе. По кончинѣ первой супруги въ 1345 году, Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смоленскихъ Князей, Ѳеодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ Намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу, будто бы для

Привидѣніе. того, что « она на свадьбѣ была испорчена и всякую ночь казалась супругу мертвецомъ ([364]).» Къ общему неудовольствію и соблазну правовѣрныхъ, Евпраксія вышла за Князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго; а Симеонъ женился въ третій разъ на Княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею четырехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ, и *пятьдесятъ верховыхъ* коней ([365]). « Кто изъ Бояръ » — пишетъ Великій Князь — «захочетъ служить моей Княгинѣ, тотъ, владѣя нашими селами, обязанъ давать ей поло-

Завѣщаніе. вину дохода. Всѣмъ людямъ купленнымъ или за вину взятымъ мною въ рабство: сельскимъ Тіунамъ (прикащикамъ), старостамъ, ключникамъ, или женатымъ на ихъ дочеряхъ ([366]), объявляю вѣчную свободу. — Вамъ, любезные братья (ибо Андрей жилъ еще около шести недѣль) «поручаю супругу и Бояръ моихъ, и приказываю то же, что намъ отецъ приказывалъ: живите согласно, не перемѣняйте уставленнаго мною въ дѣлахъ государственныхъ или судныхъ; не внимайте клеветникамъ и ссорщикамъ; слушайтесь добрыхъ, старыхъ Бояръ и нашего Владыки *Алексія*.» Сей знаменитый Святитель былъ крестникъ Іоанна Св. Алексій. Даніиловича, сынъ Черниговскаго Боярина, Ѳеодора Бяконта, служившаго еще отцу его, и назывался мірскимъ именемъ Елевѳерія ([367]): въ самой цвѣтущей юности возненавидѣвъ свѣтъ, къ огорченію родителей онъ постригся въ Московской Обители Св. Богоявленія, за добродѣтель свою получилъ санъ Митрополитова Намѣстника, и жилъ въ одномъ домѣ съ Ѳеогностомъ, 12 лѣтъ управляя всѣми дѣлами церковными, между тѣмъ, какъ Митрополитъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ Орду и въ отдаленныя Епархіи Россійскія. Сіи путешествія иногда не дѣлали чести Ѳеогносту: Епископы обязывались щедро дарить его, сверхъ угощенія, весьма для нихъ тягостнаго. Но Алексій не думалъ о мздѣ и съ неутомимою дѣятельностію занимался только общимъ церковнымъ благоустройствомъ. Поставленный Епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и Двора Княжескаго былъ назначенъ заступить мѣсто Ѳеогноста, который, готовясь къ смерти, писалъ о томъ къ Патріарху, а Симеонъ къ Императору, Іоанну Кантакузину. Митрополитъ отправилъ Послами въ Царьградъ Артемія Коробьина и Михаила Грека, Симеонъ Дементія Давидовича и Юрія Воробьина: они возвратились уже по кончинѣ Великаго Князя, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ столицу Имперіи для поставленія. Еще при жизни Ѳеогноста Терновскій Патріархъ самовольно объявилъ Митрополитомъ Россіи какого-то Инока Ѳеодорита, и прислалъ его въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее Духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ Патріархомъ, и единодушно отвергнуло Ѳеодорита, какъ самозванца ([368]).

Хотя Симеонъ умѣлъ быть дѣйствительно Главою Князей Удѣльныхъ, однакожь власть его не могла отвратить нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Константинъ Тверскій ссорился съ невѣст- Ссоры Удѣльныхъ Князей.

184

кою Анастасіею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея, Всеволодомъ Холмскимъ, насильственно захватывая ихъ Бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ поѣхалъ съ жалобами къ Великому Князю и въ Орду въ слѣдъ за дядею, который тамъ и скончался. Ханъ — согласно, можетъ быть, съ волею Симеона — отдалъ Всеволоду Тверское Княженіе, а Василій Михайловичь Кашинскій, братъ Константиновъ, взявъ дань съ Холма, спѣшилъ къ Моголамъ съ богатыми дарами. Дядя и племянникъ встрѣтились въ городѣ Бездежѣ какъ непріятели: вторый ограбилъ перваго, и зная, что никто съ пустыми руками не бываетъ правъ въ Ордѣ, покойно сѣлъ на престолѣ Тверскаго Княженія; но тамошній Епископъ Ѳеодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ того и другаго Князя, будучи зятемъ Всеволода и тестемъ Михаила, сына Василіева; однакожь Василій не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и тѣснилъ его владѣніе (369).

Обновленіе Мурома. Въ государствованіе Симеона Князь Юрій Ярославичь Муромскій обновилъ *древній* Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ Лѣтописцы: то есть, онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; Бояре, купцы начали селиться вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру (370). Сей Юрій, по святомъ Глѣбѣ, есть достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ Князей, о коихъ наша Исторія говоритъ мало: ибо они жили тихо отъ недостатка въ силахъ, и со временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе отъ Великихъ Князей Владимірскихъ, нежели отъ Рязанскихъ, хотя ихъ Удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Начало Троицкой Лавры. Къ церковнымъ достопамятностямъ сего времени принадлежитъ начало Троицкой Лавры, столь знаменитой и по важнымъ государственнымъ дѣяніямъ, коихъ она была ѳеатромъ. Одинъ изъ Бояръ Ростовскихъ, Кириллъ, съ неудовольствіемъ видя уничиженіе своего Князя и самовольство Московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калитѣ, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, Удѣлъ меньшаго брата Симеонова, Андрея. Тамъ охотно селились люди неизбыточные: ибо Намѣстникъ Княжескій давалъ имъ льготу и выгоды: Кириллъ же, нѣкогда богатый, отъ разныхъ несчастій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Стефанъ и Варѳоломей (названный въ Монашествѣ Сергіемъ) искали убѣжища отъ мірскихъ печалей въ трудахъ святости: первый сдѣлался Игуменомъ Богоявленской Обители въ Москвѣ, а вторый, живъ долго пустынникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близъ деревянной церкви Св. Троицы, имъ созданной, основалъ нынѣшнюю Лавру: ибо слава о добродѣтели его привлекла къ нему многихъ Иноковъ (371). Строгая набожность и Христіанское смиреніе возвеличили Св. Сергія между современниками: Митрополитъ, Князья, Бояре изъявляли къ нему отмѣнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочестиваго мужа исполнителемъ трудныхъ государственныхъ порученій.

Художества въ Россіи. Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о состояніи художествъ въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для Историка. Въ Княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ три церкви: Соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый Греческими живописцами Ѳеогноста Митрополита, вторый *Россійскими придворными*, *Захаріею*, *Іосифомъ* и *Николаемъ* съ товарищами, а третій иностранцемъ *Гойтаномъ* (372). Въ сіе же время отличался въ литейномъ искусствѣ Россіянинъ Борисъ: онъ лилъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ для церквей Соборныхъ. Греція все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею, присылая намъ не только Митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили Русскихъ. Образованная Германія могла также способствовать успѣху гражданскихъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи *бумагу*, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе (373). Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ Нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

# ГЛАВА XI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЪ.

### Г. 1355 — 1359.

**Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.**

Г. 1353 —1355. Всѣ Князья Россійскіе поѣхали въ Орду, узнать, кто будетъ ихъ Главою; а Новогородцы особенно послали туда Боярина своего Судокова, просить Хана, чтобы онъ удостоилъ сей чести Константина Суздальскаго, благоразумнаго и твердаго (374). Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ Іоанна Іоанновича Московскаго, тихаго, миролюбиваго и слабаго.

**Характеръ Великаго Князя.**

Еще новый Государь не возвратился изъ Орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ Княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Лопасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калитины наслѣдники. Сей предлогъ войны могъ казаться отчасти справедливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ, и плѣнивъ Лопаснинскаго Намѣстника Іоаннова, не устыдился мучить его тѣлесно (375); наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и заслуживъ ненависть Москвитянъ, хвалился любовію Рязанцевъ, которые, примѣтивъ въ немъ смѣлость и рѣшительность, въ самомъ дѣлѣ ожидали отъ него геройскихъ подвиговъ.

**Жестокость Олегова.**

Кроткій Іоаннъ уклонился отъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего Намѣстника, и терпѣливо сносилъ ослушаніе Новогородцевъ, не хотѣвшихъ быть ему подчиненными, до самаго того времени, какъ Суздальскій Князь, Константинъ Васильевичь, ими любимый, скончался (376): тогда, уже не видя достойнаго соперника для Великаго Князя, они приняли Намѣстниковъ Іоанновыхъ; а Чанибекъ утвердилъ Нижній, Городецъ и Суздаль за сыномъ Константиновымъ, Андреемъ: ибо самое ближайшее право наслѣдственное для Владѣтелей Россійскихъ не имѣло силы безъ Ханскаго согласія. Такъ Іоаннъ Ѳеодоровичь Стародубскій по кончинѣ старшаго брата, Димитрія, ждалъ цѣлый годъ грамоты Чанибековой, безъ коей онъ не могъ назваться Княземъ сего Удѣла.

Время Государей тихихъ рѣдко бываетъ спокойно: ибо мягкосердечіе ихъ Г. 1354 —1359.
имѣетъ видъ слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и мятежниковъ внутреннихъ. Ольгердъ, выдавъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго, брата Андреева, и женивъ племянника, Димитрія Коріядовича, на дочери Великаго Князя, старался, не смотря на то, болѣе и болѣе стѣснять Россію. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ Литовскаго Княженія, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависитъ отъ сильнаго: еще не довольный симъ правомъ, Ольгердъ хотѣлъ совершенно овладѣть ими, и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Іоанна Васильевича, коего отецъ получилъ тогда отъ Хана грамоту на Удѣлъ Брянскій (377). Василій скоро умеръ, и сей несчастный городъ, бывъ долгое время жертвою мятежнаго безначалія, наконецъ (въ 1356 году) поддался Литвѣ. Чтобы открыть себѣ путь къ Тверскому и Московскому Княженію, Ольгердъ занялъ-было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но Тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опаснымъ намѣреніемъ, спѣшили вооружиться и выгнали оттуда Литовцевъ. Съ другой стороны Андрей Ольгердовичь, Князь Полоцкій, все еще злобствовалъ на Псковитянъ, называя ихъ вѣроломными измѣнниками: они также

**Властолюбіе Ольгердово.**

мстили ему за разбой разбоями въ его области, предводимые мужественнымъ Евстафіемъ Изборскимъ.

Меж-доусобія. Внутри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ страдали отъ междоусобія. Мы упоминали о Князѣ Юріи Ярославичѣ Муромскомъ ([378]): родственникъ его Ѳеодоръ Глѣбовичь, собравъ многочисленную толпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юрія, обольстилъ Бояръ и вмѣстѣ съ знатнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искать милости Ханской. Князь Юрій чрезъ недѣлю возвратился въ Муромъ, взялъ остальныхъ Бояръ и также отправился къ Чанибеку. Въ Ордѣ былъ торжественный судъ между ими. Ѳеодоръ превозмогъ: Ханъ отдалъ ему не только Княженіе, но и самаго Юрія, скоро умершаго въ несчастіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ Князей Муромскихъ заключилась ихъ краткая Исторія; родъ оныхъ исчезъ, и столица, какъ увидимъ, присоединилась къ Великому Княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его, Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, не могла быть прекращена ни Великимъ Княземъ, ни Митрополитомъ Алексіемъ, желавшимъ усовѣстить ихъ въ Владимірѣ, гдѣ они для того съѣзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровительствуемый Іоанномъ, угнеталъ Всеволода, къ огорченію добраго Тверскаго Епископа Ѳеодора, хотѣвшаго даже оставить свою Епархію, чтобы не быть свидѣтелемъ сей несправедливости ([379]). Дядя требовалъ суда въ Ордѣ, узнавъ, что племянникъ, остановленный на пути Великокняжескими Намѣстниками, проѣхалъ туда черезъ Литву — и Ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода Посламъ Василія, который уже обходился съ нимъ какъ съ невольникомъ, отнималъ имѣніе у Бояръ Холмскихъ и налагалъ тяжкія дани на чернь.

Въ Новѣгородѣ былъ великій мятежъ по случаю смѣны Посадника. Мы видѣли, что и Симеонъ мало входилъ въ дѣла тамошняго внутренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ тѣмъ болѣе самовольствовалъ, не уважая Намѣстниковъ Княжескихъ. Граждане Конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяти знаменитѣйшаго, вопреки общей волѣ отставили Посадника Андреяна; пришли въ доспѣхахъ на Дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умертвили нѣкоторыхъ Бояръ, и выбрали Сильвестра на мѣсто Андреяново ([380]). Софійская Сторона хотѣла отмстить Славянской: обѣ готовились къ войнѣ. Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не теряла правъ своихъ и могла смягчать сердца ожесточенныя злобою. Владыко Моисей, Схимникъ, прозьбою народа изведенный изъ двадцатилѣтняго уединенія, чтобы вторично править Церковію, и за болѣзнію принужденный возвратиться въ оное; новый Архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ Ключниковъ Софійскихъ; Архимандритъ Юрьевскій, Игумены явились среди шумнаго стана воинскаго: ибо таковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію отечества какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣтьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови братьевъ. Мятежъ утихъ; самые неистовые съ умиленіемъ внимали гласу святаго отшельника, стоявшаго на прагѣ смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновниковъ дѣйствія насильственнаго и беззаконнаго: села честолюбиваго Сильвестра и другихъ Вельможъ Славянскаго Конца были *взяты на щитъ*, то есть, разорены по опредѣленію Вѣча. Пострадали и невинные: ибо осторожная разсмотрительность не свойственна мятежному суду народному. На мѣсто Сильвестра избрали новаго Посадника, и городъ успокоился. Дѣйствіе духовной власти въ Новѣгородѣ.

Въ самой тихой Москвѣ, не знакомой съ бурями гражданскаго своевольства, открылось дерзкое злодѣяніе, и дремлющее Правительство оставило виновниковъ подъ завѣсою тайны. Смертоубійство въ Москвѣ. Тысячскій столицы, именемъ Алексій Петровичь, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно Князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ Заутрени найденъ мертвый среди городской площади со всѣми признаками убіеннаго — кѣмъ? неизвѣстно ([381]). Говорили явно, что онъ имѣлъ участь Андрея Боголюбскаго, и что ближніе Бояре, подобно Кучковичамъ, умертвили его въ слѣдствіе заговора. Народъ встревожился: угадывали злодѣевъ; именовали ихъ и требовали суда. Въ самое то время нѣкоторые изъ Московскихъ Вельможъ — опасаясь, какъ вѣроятно, торжественнаго обвиненія — уѣхали съ семействами

въ Рязань къ Олегу, врагу ихъ Государя, и слабый Іоаннъ, давъ время умолкнуть общему негодованію, снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу.

Дѣла церковныя. Даже и Церковь Россійская въ Іоанново время представляла зрѣлище неустройства и соблазна для Христіанъ вѣрныхъ. Въ годъ Симеоновой кончины Архіепископъ Новогородскій, Моисей, отправилъ Посольство къ Греческому Царю и къ Патріарху жаловаться на беззаконное самовластіе Митрополита: вѣроятно, что дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими наши Митрополиты отягчали Духовенство, называя оные учтивымъ именемъ даровъ (382). Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились съ дружественными грамотами отъ Императора Іоанна Кантакузина, и Патріарха Филоѳея, украшенными *златою печатію,* какъ сказано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ намъ неизвѣстно; но кажется, что Филоѳей, какъ хитрый Грекъ, отдѣлался только ласковыми словами: ибо не хотѣлъ ссориться съ Россійскими Митрополитами, которые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ Святителю Моисею онъ прислалъ ему *крещатыя ризы* или *Полиставріонъ*.*

Сія жалоба Новогородскаго Духовенства на Главу Церкви — вынужденная сребролюбіемъ предмѣстника Алексіева, Ѳеогноста — оскорбляла достоинство Митрополитовъ. Другое происшествіе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патріархъ Филоѳей, вмѣсто одного законнаго Митрополита для Россіи, поставилъ въ Константинополѣ двухъ: Св. Алексія, избраннаго Великимъ Княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, Грека). Сія новость изумила наше Духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою (383): Романъ же, обязанный Святительствомъ дѣйствію корысти, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ, и требовалъ серебра отъ Епископовъ. Св. Алексій — *не искавъ чести,* по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* — вторично отправился въ Константинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ, и Филоѳей, желая примирить совмѣстниковъ, объявилъ его Митрополитомъ Кіевскимъ и Владимірскимъ, а Романа Литовскимъ и Волынскимъ. Не смотря на то, сей послѣдній безъ дозволенія Алексіева жилъ нѣсколько времени въ Твери, и вмѣшивался въ дѣла Епархіи, призванный, кажется, Всеволодомъ Холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360 году) Князя Василія Михайловича отдать племянникамъ третію часть Тверскаго Княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при Дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону Епископа Ѳеодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Добродѣтели Св. Алексія. Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая въ тяжкой болѣзни, требовала его помощи. Ханъ писалъ къ Великому Князю: «мы слышали, что Небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго *Попа* вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей супругѣ (384)!» Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога, и не обманулся: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время Ханскій Посолъ Кошакъ обременялъ Россійскихъ Князей беззаконными налогами: милость Царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибекъ — какъ называютъ его наши Лѣтописцы — жилъ не долго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго Калифа, Гарунъ-Алрашида, Зебеидою) и навьючивъ 400 вельблюдовъ взятыми въ добычу драгоцѣнностями, сей Ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ Вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ столь ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ Вельможу Иткара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: Св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра; снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для Государства и Церкви. Великій Князь, его семейство, Бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго Митрополита какъ утѣшителя Небеснаго, и — что было всего трогательнѣе — осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ расцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ нео-



186

быкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: «о Владыко! ты даровалъ намъ *житіе мирное:* чѣмъ изъявимъ тебѣ свою признательность?» Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодѣяніямъ государственнымъ! — Успокоивъ Россію, Митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія, стараясь обновить церковное устройство и велелѣпіе храмовъ.

Слова юнаго Димитрія.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро Царевичь Татарскій, Мамать-Хожа, пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему, что время утвердить законный рубежъ между Княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то есть, корыстолюбивый Царевичь, уже славный злодѣяніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій Князь, ссылаясь на грамоты Ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впуститъ Посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго Ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ симъ Вельможею, который скоро долженствовалъ возвратиться въ Орду, и заплатилъ тамъ жизнію за убіеніе какого-то любимца Царева (385).

Г. 1359, Ноября 13. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя.

Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался Монахомъ на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ имя *Кроткаго*, не всегда достохвальное для Государей, если оно не соединено съ иными правами на общее уваженіе. — Подобно отцу и брату, онъ написалъ духовную, въ коей приказываетъ Москву двумъ юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая треть ея доходовъ шестилѣтнему племяннику, Владиміру Андреевичу, и веля имъ вообще блюсти, судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ или *численыхъ* людей; отдаетъ супругѣ Александрѣ разныя волости и часть Московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и Коломну съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; утверждаетъ за Владиміромъ Андреевичемъ Удѣлъ отца его, за вдовствующею Княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волости, съ тѣмъ, чтобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья Великаго Князя и Владиміръ Андреевичь, а послѣ Маріи одинъ Димитрій (386). Изъ драгоцѣнностей оставляетъ Димитрію икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную сергу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые; Іоанну также саблю и шишакъ, жемчужную сергу, стаканъ Цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу; отказываетъ, вмѣсто *руги*, нѣкоторую долю Княжескихъ прибытковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даетъ волю Казначеямъ своимъ, сельскимъ Тіунамъ, Дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ, и проч.

Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ временъ, связаннымъ съ нашею Исторіею, было происхожденіе нынѣшней Молдавской области, гдѣ въ теченіе семи вѣковъ, отъ третьяго до десятаго, толпились полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и стремясь грабить Имперію Греческую.

Несторъ говоритъ, что Славяне Россійскіе, Лутичи и Тиверцы, издавна жили по Днѣстру до самаго моря и Дуная, имѣя селенія и *города*. Князья Галицкіе во XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали тогда, подъ именемъ Волоховъ, остатки древнихъ Гетовъ, смѣшенныхъ съ Римскими поселенцами перваго столѣтія, также нѣкоторые Печенѣги и Половцы. Замѣтимъ еще, что въ Россійской Географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серетъ, Хотинъ, въ числѣ *нашихъ старинныхъ* городовъ (387). Паденіе Галицкаго Княженія оставило Молдавію въ жертву Татарамъ, и сія земля, граждански образованная Россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же Моголы, устрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около половины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ (388), живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ Графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ *Россіянъ* и поселились между ими на рѣкѣ *Молдавѣ;* сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости столь размножились, что вытѣснили хозяевъ, и возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую Держа-

ву, названную *Молдавіею*, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ Воеводъ, и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣтельствуютъ подлинныя грамоты Молдавскихъ Господарей (389). Такимъ же образомъ произошло и Княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрить преданію, во XII или въ XIII столѣтіи вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоземцами, Волохами, основалъ Терговисто, Бухарестъ, и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе, избираемые народомъ Воеводы, которые зависѣли иногда отъ сильныхъ Государей Венгерскихъ (390).

# ГЛАВА XII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

### Г. 1359 — 1362.

**Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій.**

г. 1359. Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Въ одно время съ Великимъ Княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и Ханъ Бердибекъ, бывъ жертвою своего гнуснаго распутства, и Кульпа, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей Христіанской Вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, Римскими Миссіонаріями или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ (391). Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для Христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ, и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-Хана. Князья Россіи явились въ Ордѣ съ дарами, и новый Царь далъ Великое
г. 1360—1361. Княженіе Димитрію Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, не захотѣлъ сей чести (392). Современники удивились такой
Наслѣдственное право. несправедливости, разсуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду Князей Московскихъ: мнѣніе основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола Россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

Избранный Ханомъ Великій Князь въѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію жителей обѣщая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и Митрополита; но Алексій, благословивъ его на Княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ Святителя Петра, и жить близъ его чудотворнаго гроба (393). — Новгородъ, не любя и боясь самовластія Князей Московскихъ, охотно принялъ Намѣстниковъ Димитрія Константиновича; а Димитрій, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на всѣ предложенныя ему тамъ условія (394). — Въ сіе время Новогородцы не имѣли войны, однакожь старались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну Софійскую, собранную Архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменныя городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и Святая Софія нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и Шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ.

22 Юня.

187

диминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости ([316]). По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отрядилъ въ Россію Могольскаго Воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ Князьямъ итти на Смоленскъ. Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, выступилъ съ одной стороны, а съ другой сильная рать Великокняжеская. Подъ знаменами Московскими шли Константинъ Васильевичь Суздальскій, Константинъ Ростовскій, Іоаннъ Ярославичь Юрьевскій, Князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Витебской области, и Ѳеодоръ Ѳоминскій, Князь Смоленскаго Удѣла ([317]). Не имѣя особенной склонности къ воинскимъ дѣйствіямъ, Іоаннъ Даніиловичь остался въ столицѣ, и ввѣрилъ начальство двумъ своимъ Воеводамъ. Казалось, что соединенные полки Моголовъ и Князей Россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушить Державу Смоленскую; но подступивъ къ городу, они только взглянули на стѣны, и не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣроятно, что Россіяне не имѣли большаго усердія истреблять своихъ братьевъ, и что Воевода Узбековъ, смягченный дарами Смолянъ, взялся умилостивить Хана.

*Г. 1340. Походъ къ Смоленску.*

Симъ заключилось достопамятное правленіе Іоанна Даніиловича: остановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ Княжескую одежду на мантію Схимника и кончилъ жизнь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, указавъ наслѣдникамъ путь къ Единовластію и къ величію ([318]). Но справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной Политики. Судъ Исторіи, единственный для Государей — кромѣ суда Небеснаго — не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога.

*Марта 31. Кончина и достоинства Іоанновы.*

Не смотря на коварство, употребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣстника, Москвитяне славили его благость, и прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и Государя-отца: ибо сей Князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ Великое Княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственности и личную, строго казнилъ татей и былъ вообще правосуденъ ([319]). Жители другихъ областей Россійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ потомковъ Михаила Черниговскаго, Князь Василій Пантелеймоновичь, умертвилъ дядю роднаго Андрея Мстиславича; такъ Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, возвращаясь изъ Орды передъ Смоленскимъ походомъ, схватилъ на дорогѣ родственника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ Хану съ данію, ограбилъ его и лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ Брянцы, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвили (въ 1340 году) Князя Глѣба Святославича, въ самый великій для Россіянъ праздникъ, въ день Св. Николая, не смотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ Митрополита Ѳеогноста ([320]).

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту*, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отъ чего и прозванъ *Калитою* ([321]). Кромѣ Собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ), церковь Іоанна Лѣствичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ, и бывшая тогда Архимандритіею, которую основалъ еще отецъ Іоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви Св. Даніила: Іоаннъ же перевелъ сію Обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ, и въ ней постригся предъ кончиною. — Украшая столицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (въ 1339 году) дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій въ его время *Кремникъ* или Кремль, бывшій внутреннею крѣпостію или, по старинному именованію, *Дѣтинцемъ* ([322]). Въ княженіе Іоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія: ужасное наводненіе отъ сильна-

*Прозваніе Калиты.*

*Кремникъ.*

го дождя и голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью.* Но подданные, облаготворенные дѣятельнымъ, отеческимъ правленіемъ Калиты, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время.

Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и въ другія области работу Нѣмецкихъ фабрикъ. Востокъ, Греція, Италія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои товары. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками Татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбековы, данныя Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, Торгъ на Мологѣ. гдѣ существовалъ *Холопій городокъ*, съѣзжались купцы Нѣмецкіе, Греческіе, Италіянскіе, Персидскіе, и Казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра, какъ увѣряетъ одинъ Писатель XVII вѣка (323): безчисленныя суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый лугъ Моложскій, и народъ веселился въ семидесяти питейныхъ домахъ. Сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI столѣтія.

Мурза Четъ. Добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ Орды выѣхалъ въ Москву Татарскій Мурза Четъ, названный въ крещеніи Захаріею, отъ коего произошелъ Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ; а изъ Кіева Вельможа Родіонъ Несторовичь, предокъ Квашниныхъ, который былъ вызванъ Іоанномъ еще во время Михаила Тверскаго и привелъ съ собою 1700 Отроковъ или Дѣтей Боярскихъ (324). Лѣтописецъ разсказываетъ, что сей Родіонъ, возведенный Московскимъ Княземъ на первую степень Боярства, возбудилъ зависть во всѣхъ другихъ Вельможахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинѳъ Гавриловичь, не хотѣвъ уступить ему старшинства, бѣжалъ къ Михаилу Тверскому, съ сыновьями своими, оставивъ въ *челядни*, или въ людской избѣ, новорожденнаго внука Михаила, прозваннаго *Челяднею;* что усердный Родіонъ спасъ Іоанна Даніиловича въ битвѣ съ Тверитянами подъ городомъ Переславлемъ, въ 1304 году, зашедши имъ въ тылъ, и собственною рукою отрубивъ голову Акинѳу, привезъ оную на копьѣ къ Князю; что Іоаннъ наградилъ его половиною Волока, а Родіонъ отнялъ другую у Новогородцевъ, выгнавъ ихъ Намѣстника, и получилъ за то отъ Великаго Князя еще иную волость въ окрестностяхъ рѣки Восходни. Сіи обстоятельства прописаны также въ челобитной Квашнина, поданной Царю Іоанну Василіевичу на Бутурлиныхъ, потомковъ Боярина Акинѳа, во время несчастныхъ споровъ о Боярскомъ старѣйшинствѣ.

Древняя Русская пословица: *близъ Царя, близъ смерти*, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество носило цѣпи Моголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ на Страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостію Царскою или по крайней мѣрѣ съ головою! Такъ Іоаннъ Даніиловичь, въ началѣ своего Великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ завѣщаніе и распорядилъ наслѣдіе между тремя сыновьями и супругою, именемъ Еленою, которая преставилась Монахинею въ 1332 году Завѣщаніе Великаго Князя. (325). Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ Княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ, какіе города принадлежали тогда къ Московской области, и какъ велико было достояніе Князей. Послѣ обыкновенныхъ словъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,» Іоаннъ говоритъ: «Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ Ордѣ, куда ѣду, оставляю сію *душевную* грамоту, написанную мною добровольно, въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи. Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ Москву: отдаю Симеону Можайскъ, Коломну съ волостями, Ивану Звенигородъ и Рузу; Андрею Лопастну, Серпуховъ, Перемышль; Княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми села, бывшія въ ея владѣніи» (слѣдуютъ имена ихъ)... «также оброкъ *городскихъ волостей*; а купеческія пошлины, въ оныхъ собираемыя, остаются доходомъ нашихъ сыновей. Ежели Татары отнимутъ волость или село у кого изъ васъ, любезныя дѣти, то вы обязаны снова уравнять свои части или Удѣлы. Люди *численые*» — то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную — «должны быть подъ общимъ вашимъ вѣдѣніемъ; а въ раздѣлъ идутъ единственно купленные мною. Еще при жизни далъ я сыну Симеону изъ золота четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши,

173

блюдо съ жемчугомъ, и два ковша, а серебромъ три блюда; Ивану изъ золота четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, а серебромъ три блюда: Андрею изъ золота четыре цѣпи, поясъ Фряжскій жемчужный, другой съ крюкомъ на червленомъ шелку, третій Ханскій, два ковша, двѣ чарки, а серебромъ три блюда. Золото Княгинино отдалъ я дочери Фетиньѣ: четырнадцать колецъ, новый сдѣланный мною складень, ожерелье матери ея, *чело* и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю Княгинѣ своей съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ и шапку золотую, Ивану желтую обьяринную шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами, Андрею шубу соболью съ наплечками низанными жемчугомъ и портище алое съ нашитыми бармами, а двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ, меньшимъ дѣтямъ, *Марьѣ* и Ѳеодосьѣ. Серебряные поясы и другія одежды мои раздать Священникамъ, а 100 рублей оставленныхъ мною у Казначея, по церквамъ. Большое серебряное блюдо о четырехъ кольцахъ отослать въ Храмъ Владимірскія Богоматери. Прочее серебро и Княжескія стада — кромѣ двухъ, отданныхъ мною Симеону и Ивану — раздѣлить моей супругѣ и дѣтямъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему, приказываю меньшихъ братьевъ и Княгиню съ дочерями: будь имъ по Богѣ главнымъ защитникомъ. — Грамоту писалъ Дьякъ Великокняжескій Кострома, при духовныхъ отцахъ моихъ, Священникахъ Ефремѣ, Ѳеодосіи и Давидѣ; кто нарушитъ оную, тому Богъ судія.» — Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и Св. Іоанна Предтечи, и съ надписью: *печать Великаго Князя Ивана;* а другая свинцовая (326). — Въ семъ завѣщаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ Великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая только своею отчиною, не могъ ихъ отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ Хана.

Исчисляя свои села, Великій Князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ Костромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался пріобрѣтать наслѣдственную собственность и внѣ Московской области, къ неудовольствію другихъ Князей и вопреки условію, заключенному съ Новогородцами. Но еще несравненно важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ были города Угличь, Бѣлозерскъ и Галичь, купленные Іоанномъ Даніиловичемъ (327): первые два у потомковъ Константина I, а третій у наслѣдниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донскаго: чему надлежало случиться не задолго до преставленія Калиты. Однакожь сіи Удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминается объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ.

Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Іоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ Архимандриту Спасской обители (328). Сей Князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру дѣда, Ѳеодора Чернаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубля; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ *яма* или подводъ, отъ постоя и стражи: далѣе говоритъ: «Судіи мои, Намѣстники и Тіуны, да не шлютъ *Дворянъ* своихъ за людьми Св. Спаса безъ вѣдома Игумена, который одинъ судитъ ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ судіею, буде истецъ или отвѣтчикъ не есть человѣкъ монастырскій; въ послѣднемъ случаѣ часть денежной пени, налагаемой на виновнаго, идетъ въ казну Св. Спаса, а другая въ Княжескую. Жители *иныхъ* областей, перезванные Игуменомъ въ его вѣдомство, считаются людьми монастырскими; но работники ихъ, приписанные къ моимъ селеніямъ, остаются подъ судомъ Княжескимъ. Черноризцы и Крылошане Спасскіе, торгуя въ пользу святой Обители, увольняются отъ пошлинъ: что однакожь не уничтожаетъ древняго устава о перевозахъ и бобровыхъ рѣкахъ.» Сія харатейная грамота скрѣплена черною восковою печатію, и свидѣтельствуетъ, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому сану, и въ противность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя Христіанскія Обители, основанныя единственно для трудовъ душеспасительныхъ и чуждыя міру. Ярославская грамота.

Наконецъ, описавъ Княженіе Іоанно-

Судьба Галича. во, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи, какъ о *Россійской* области. Внукъ Юрія Львовича, Князь Георгій, скончался около 1336 года, не оставивъ дѣтей, и Ханъ прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію; но жители, по сказанію одного современнаго Историка (329), тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія Ханскаго поддалися Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зятю Гедиминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ уставовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или Боярскаго: безъ чего городъ Львовъ — гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ Моголовъ, Армянъ и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ покориться сему Князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ Греческомъ Исповѣданіи, онъ въ угодность Папѣ и Королю Польскому, своему родственнику, сдѣлался Католикомъ: ибо Вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, растерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданныхъ въ Латинскую Вѣру; сверхъ того угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя Нѣмцами, Ляхами, Богемцами, и слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казимиръ, своякъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ Вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичь, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ, присягнули ему какъ законному Государю, и сокровища древнихъ Князей Галицкихъ — богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ частію Животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанныя алмазами — были отвезены изо Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, Король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный договоръ съ Литвою, уступилъ Кестутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на Княжнѣ Владимірской, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое Княженіе или Королевство Даниилово, и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ Св. Владиміра, долго называемое *городами Червенскими*, а послѣ *Галичемъ*, было раздѣлено между иноплеменниками.

---

# ГЛАВА X.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

### Г. 1340 — 1353.

---

**Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона Гордаго. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ Западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый Клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь всея Руси. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи.**

Г. 1340. Смерть Іоаннова была важнымъ происшествіемъ для Князей Россійскихъ: они спѣшили къ Хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать Великаго Княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства Московскихъ Владѣтелей. Но Симеонъ Іоанновичъ (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ) также поѣхалъ съ братьями Маія 29. въ Орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщалъ

заслужить милость Царскую, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ: прочіе долженствовали ему повиноваться какъ Главѣ или старѣйшему (330). Безъ сомнѣнія не краснорѣчіе юнаго Симеона и не дружба Ханова къ его родителю произвела сіе дѣйствіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: корысть и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ степяхъ Татаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ пріятности роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и тѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностію: обольщались золотомъ какъ главнымъ средствомъ наслажденія. Любимцы прежнихъ Хановъ искали завоеваній: любимцы Узбековы требовали взятокъ и продавали его милости; а Князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея Вельможъ, и называясь смиреннымъ именемъ слугъ Ханскихъ, сдѣлались могущественными Государями.

Корыстолюбіе Моголовъ.

Симеонъ, въ бодрой юности достигнувъ Великокняжескаго сана, умѣлъ пользоваться властію, не уступалъ въ благоразуміи отцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ Хановъ до уничиженія, но строго повелѣвалъ Князьями Россійскими и заслужилъ имя *Гордаго*. Торжественно возсѣвъ на престолъ въ Соборномъ храмѣ Владимірскомъ, онъ при гробѣ отца клялся братьямъ жить съ ними въ любви, имѣть всегда однихъ друзей и враговъ (331); взялъ съ нихъ такую же клятву, и скоро имѣлъ случай доказать твердость своего правленія. Считая себя законнымъ Государемъ Новагорода, онъ послалъ Намѣстникомъ въ Торжекъ для собранія дани. Недовольные симъ дѣйствіемъ самовластія, тамошніе Бояре призвали Новогородцевъ, которые, заключивъ Намѣстниковъ Княжескихъ въ цѣпи, объявили Симеону, что онъ только Государь Московскій; что Новгородъ *избираетъ* Князей и не терпитъ насилія. Симеонъ, не споря съ ними о правахъ, готовилъ войско. Новогородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали отъ себя Новогородскихъ чиновниковъ и Бояръ своихъ, убивъ одного знатнѣйшаго и разломавъ домы прочихъ; освободили Намѣстниковъ Симеоновыхъ, и съ усердными восклицаніями приняли Великаго Князя, окруженнаго полками Московскими, Суздальскими, Ярославскими и другими (332). Всѣ Удѣльные Князья и Бояре ихъ составляли Его Дворъ воинскій. Тутъ же былъ и Митрополитъ Ѳеогностъ. Встревоженные Новогородцы велѣли областнымъ жителямъ итти въ столицу для ея защиты; послали Архіепископа съ Боярами въ Торжекъ требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую въ области сего пограничнаго города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тѣмъ, что Великій Князь, слѣдуя обыкновенію, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Твердость Симеона Гордаго. Октября 1.

Согласивъ честь Княжескую съ обычаемъ народа вольнаго, Симеонъ распустилъ войско, и вдругъ услышалъ, что Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, Князь Витебскій, осадилъ Можайскъ, съ намѣреніемъ завоевать его для Владѣтеля Смоленскаго, союзника Литвы (333). Великій Князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ сыновей особенный Удѣлъ. Ольгердъ, вторый сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и славолюбіемъ: велъ жизнь трезвую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду; не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе тратили время въ суетныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ Вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою.

Г. 1341.

Свойства Ольгердовы.

Въ тотъ же годъ умеръ и знаменитый Ханъ Капчакскій Узбекъ, памятный въ нашей Исторіи разореніемъ Твери и бѣдствіями Михаилова рода, союзникъ и пріятель Папы Бенедикта XII, который надѣялся склонить его къ Христіанству, и коему онъ дозволялъ утверждать Вѣру Латинскую въ странахъ Черноморскихъ, особенно въ землѣ Ясовъ, обращенныхъ Монахомъ Римскимъ Іоною Валентомъ; жена Ханова и сынъ присылали дары Бенедикту, и Генуэзцы, жители Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ Пословъ Татарскихъ (334). Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, терпя Христіанъ единствен-

Сношенія Папы съ Ордою.

но какъ Политикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Вѣры, от-
г. 1342. крылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ братьевъ, и Князья Россійскіе вмѣстѣ съ Митрополитомъ долженствовали немедленно ѣхать въ Орду, чтобы смиренно пасть предъ окровавленнымъ ея трономъ. Съ честію и милостію отпустивъ Симеона, Ханъ долго держалъ Митрополита, требуя, чтобы онъ, богатый доходами, серебромъ и золотомъ, ежегодно платилъ церковную дань Татарамъ; но Ѳеогностъ ссылался на льготныя грамоты Хановъ, и Чанибекъ удовольствовался наконецъ шестью стами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо — что достойно замѣчанія — не дерзнулъ самовольно отмѣнить устава своихъ предковъ; а Ѳеогностъ, за его твердость, былъ прославленъ нашимъ Духовенствомъ. Все осталось, какъ было при Узбекѣ; одинъ Князь Пронскій, Ярославъ, сынъ убіеннаго Александра, милостію новаго Хана распространилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Іоаннъ Коротополъ, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, Вельможею Чанибека, Ярославъ осадилъ Іоанна въ

Убіеніе Коротопола.

столицѣ: сей злодѣй ночью бѣжалъ, однакожь не избавился отъ казни: его умертвили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (335). Къ сожалѣнію, Татары, будучи орудіями справедливой мести, не могли дѣйствовать безкорыстно: они хотѣли добычи, и плѣнили многихъ жителей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ того времени въ Ростиславлѣ (нынѣ селѣ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его — кажется, добровольно — уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Коротопола, Олегу.

Дѣла Псковскія и Новогородскія.

Въ отсутствіе Симеона Псковитяне воевали съ Ливонскими Нѣмцами, которые убили въ Летгалліи Пословъ ихъ. Во Псковѣ начальствовалъ Князь Александръ Всеволодовичь, коего родъ намъ неизвѣстенъ: отмстивъ Нѣмцамъ разореніемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковитяне тщетно убѣждали его возвратиться, представляя ему свою опасность: тщетно молили и Новогородское Правительство дать имъ Намѣстника и войско (336). Такъ говоритъ ихъ собственный Лѣтописецъ, прибавляя, что Нѣмцы заложили крѣпость Нейгаузенъ въ границахъ Россіи на берегу рѣки Пижвы; что Псковитяне, взявъ предмѣстіе Ругодива или Нарвы (города основаннаго Датчанами въ 1223 году), и слыша о сильныхъ вооруженіяхъ Ордена, отправили въ Витебскъ Пословъ, которые сказали Ольгерду: « Братья наши, Новогородцы, въ злобѣ своей не помогаютъ намъ. Государь! вступись за утѣсненныхъ. » Но Лѣтописецъ Новогородскій обвиняетъ Псковитянъ въ вѣроломствѣ; они сами, по его извѣстію, выслали Князя Александра Всеволодовича, и встрѣтивъ Новогородцевъ, шедшихъ защитить ихъ отъ Рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась, и что Нѣмцы строятъ крѣпость на своей землѣ. Сіе было въ началѣ весны: 20 Іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали итти въ Ливонію; но Рыцари, истребивъ ихъ передовый отрядъ, вдругъ осадили Изборскъ, и схвативъ племянника Гедиминова, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего Князя, Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жители, не имѣя ни капли воды, долженствовали бы сдаться, если бы Нѣмцы не отступили отъ города, испуганные, какъ вѣроятно, слухомъ о Литовской силѣ. Хотя Псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ, однакожь молили Ольгерда снова принять Вѣру Христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ областяхъ, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но какъ сей юный Князь, оставивъ у нихъ Намѣстника, въ слѣдъ за отцемъ уѣхалъ въ Литву, то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: Конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ Архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ (337). Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ города, на полѣ, даже въ лодкахъ, непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, такъ что Архіепископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другаго рода несчастіе состояло въ дерзости и междо-

181

усобіи гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія толпа ихъ удальцевъ опустошила Устюжну и волости Бѣлозерскія, которыя зависѣли отъ Великаго Князя. Еще въ 1294 году одинъ изъ знатныхъ Бояръ Новогородскихъ, построивъ крѣпость близъ границъ Эстонскихъ, хотѣлъ тамъ властвовать независимо: оскорбленное Правительство велѣло срыть оную и сжечь его село. Сей примѣръ должнаго наказанія не могъ обуздать своевольныхъ: сынъ умершаго Посадника Варѳоломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ, и разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умертвили жители какъ разбойника; но чернь Новогородская, преданная ему, думала, что онъ убитъ слугами Посадника Ѳеодора и требовала мести. Граждане раздѣлились на два Вѣча: одно было у Св. Софіи за Луку, другое на дворѣ Ярослава за Посадника. Архіепископъ и Намѣстникъ Княжескій едва отвратили кровопролитіе.

Однакожь Новогородцы были готовы стоять всѣми силами за Псковитянъ, которые, въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшились смѣлѣе воевать Ливонію, предводимые какимъ-то Княземъ Іоанномъ г.1343. и Евстафіемъ Изборскимъ (338). Они пять дней не сходили съ коней, опустошая села вокругъ Оденпе. Магистръ Бурхардъ гнался за ними до границы, и съ жаромъ началъ битву, въ коей Россіяне, утомленные и гораздо слабѣйшіе числомъ, купили побѣду кровію нѣкоторыхъ лучшихъ Бояръ своихъ, а Нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ витязей, Іоанна Левенвольда. Между тѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ Священникъ, прибѣжавъ съ мѣста битвы, объявилъ, что Нѣмцы умертвили всѣхъ Россіянъ; но отправленные гонцы Псковскіе нашли рать свою уже подъ стѣнами Изборска, гдѣ Князья и воины отдыхали, среди плѣнниковъ и трофеевъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріятелей внутри собственныхъ владѣній. Историкъ Ливоніи говоритъ, что сія земля могла тогда справедливо назваться «небомъ Дворянъ, раемъ Духовенства, золотымъ рудникомъ иностранцевъ и адомъ утѣсненныхъ земледѣльцевъ (339)». Въ 1343 году открылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умертвилъ множество Датчанъ и Нѣмцевъ, осадилъ Ревель, взялъ крѣпость Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечь и голодъ истребили большую часть бѣдныхъ жителей, и Король Датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ Нѣмецкому Ордену всѣ права свои на Эстонію.

Въ Литвѣ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ, Евнутій, княжилъ въ Вильнѣ, Наримантъ въ Пинскѣ, Кестутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ольгердомъ: будучи оба властолюбивы, они условились соединить раздробленное отечество, и неожи- г.1345. даемо взяли Вильну съ другими городами. Евнутій ушелъ въ Смоленскъ, Наримантъ къ Хану Татарскому (340): Ольгердъ же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими братьями, сдѣлался Владыкою единодержавнымъ. Устроивъ порядокъ внутри Государства, сей Князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что Новогородцы явно поносятъ честь его; сверхъ того изгнанникъ Евнутій прибѣгнулъ къ Великому Князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный Христіанскимъ именемъ Іоанна, и хвалился дружбою Россіянъ. Ольгердъ вступилъ въ область Шелонскую: завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова, и велѣлъ сказать Новогородцамъ: «вашъ Посадникъ Евста- г.1346. фій осмѣлился всенародно назвать меня псомъ: обида столь наглая требуетъ мести; иду на васъ.» Они вооружились, чтобы сразиться съ Литвою. Но Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву отечеству, и тѣмъ удовольствовать раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ Исторіи Новогородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ уничиженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ Россійскихъ, и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ Орденомъ, коего Великій Магистръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Ли- г.1347. твою блестящую побѣду, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо

Постыдное дѣло Новогородцевъ.

жители сихъ городовъ сражались подъ знаменами Ольгерда (341).

Гораздо лучше и великодушнѣе поступили Новогородцы въ дѣлахъ съ Швеціею. Король Магнусъ, легкомысленный, надменный, вздумалъ загладить грѣхи своего нескромнаго сластолюбія, услужить Папѣ и прославиться подвигомъ благочестивымъ; собралъ въ Стокгольмѣ Государственный Совѣтъ и предложилъ ему силою обратить Россіянъ въ Латинскую Вѣру, требуя людей и денегъ. Сіе намѣреніе казалось Совѣту достохвальнымъ; но Швеція, истощенная корыстолюбіемъ Духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или *доходамъ Св. Петра;* презрѣлъ неудовольствіе Епископовъ, и нанялъ многихъ Нѣмецкихъ воиновъ. Въ сіе время славилась тамъ пророчествами и святостію вдовствующая супруга Вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта (342): она, какъ вдохновенная Пиѳія, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но итти на Россію съ одними набожными Шведами и Готами, достойными воевать для успѣховъ истины: въ противномъ случаѣ грозила ему бѣдствіемъ. Король смѣялся надъ ея предсказаніемъ, и съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову Березовому или Біорку, послалъ объявить Новогородцамъ, чтобы они избрали Русскихъ *Философовъ* для прѣнія со Шведскими о Вѣрѣ, и приняли Латинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевать съ нимъ. Архіепископъ Василій, Посадникъ, всѣ чиновники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: «Ежели Король хочетъ знать, какая Вѣра лучше, Греческая или Римская, то можетъ для состязанія отправить людей ученыхъ къ Патріарху Цареградскому: ибо мы приняли Законъ отъ Грековъ, и не намѣрены входить въ суетные споры. Когда же Новгородъ чѣмъ нибудь оскорбилъ Шведовъ, то Магнусъ да объявитъ свои неудовольствія нашимъ Посламъ.» Бояринъ Козма Твердиславичь поѣхалъ для свиданія съ Королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію, желаетъ только обратить Россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началася. Шведы приступили къ Орѣхову, предлагая окрестнымъ жителямъ на выборъ смерть или Папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ Новогородцахъ. Воины стекались къ нимъ изъ областей въ Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще Намѣстникъ сына Гедиминова, Нариманта) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человѣкъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что Россіяне идутъ со всѣхъ сторонъ окружить его флотъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный Король увѣрился въ истинѣ Бригиттина предсказанія, оставилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпости, и возвратился въ отечество съ однимъ стыдомъ и съ десятью плѣнниками, въ числѣ коихъ были Аврамъ Тысячскій и Козма Твердиславичь, взятые въ Орѣховѣ. Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ, и неволею крестивъ жителей по обрядамъ Римской Церкви, *великодушно* освободилъ ихъ; что они дали ему клятву склонить всѣхъ своихъ единоземцевъ къ принятію Латинской Вѣры, но *коварно* обманули его, и дѣйствовали послѣ какъ самые злѣйшіе непріятели Шведовъ и Папы (343).

Война съ Магнусомъ.

г. 1348.

Великій Князь по видимому мало заботился о Новогородцахъ, и только однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ три недѣли, призванный ими чрезъ Архіепископа. Слыша о нападеніи Шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ выступилъ съ войскомъ, но возвратился въ Москву за какимъ-то Ханскимъ дѣломъ, и вмѣсто себя велѣлъ итти въ Новгородъ брату своему Іоанну съ Константиномъ Ростовскимъ (344); а сіи Князья — свѣдавъ, что Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ — немедленно ушли назадъ, *не принявъ*, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *Архіепископскаго благословенія, ни челобитья Новогородскаго*. Вѣроятно, что не робость, но хитрыя намѣренія политическія были тому причиною: Симеонъ хотѣлъ, кажется, довести сей величавый народъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ онымъ. — «Князь оставляетъ насъ,» говорили Новогородцы: «возложимъ упованіе на Бога и на Святую Софію.» Вспомогательная дружина Псковская была въ ихъ станѣ подъ Ладогою; они хотѣли доказать свою благодарность за сіе усердіе, и тор-



182

жественно объявили, что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредь называться *младшимъ братомъ Новагорода,* « Одна любовь и Вѣра да утвердятъ искренній, вѣчный союзъ между нами!» сказали Новогородцы Псковитянамъ: «не будемъ давать вамъ Посадниковъ; не будемъ требовать васъ на судъ къ Св. Софіи; правьте и рядите сами: а для суда Церковнаго Архіепископъ изберетъ Намѣстника изъ вашихъ согражданъ (345).» Такимъ образомъ отчизна Св. Ольги пріобрѣла гражданскую независимость — и, къ сожалѣнію, запятнала себя чернымъ дѣломъ неблагодарности. Когда Новогородцы въ Августѣ мѣсяцѣ приступили къ Орѣхову, и видя упорство Шведовъ, рѣшились зимовать въ станѣ: Псковитяне, не захотѣвъ терпѣть ненастья и холода, объявили, что идутъ обратно въ землю свою, разоряемую Нѣмцами. Ливонскіе Рыцари дѣйствительно, нарушивъ тогда миръ, выжгли села на границѣ въ области Изборской, Островской, и самое предмѣстіе Пскова: слѣдственно обстоятельства извиняли Псковитянъ, и Новогородцы, согласные на ихъ отступленіе, желали единственно, чтобы оно было ночью, и чтобы непріятель не видалъ его; но чиновники Псковскіе, въ досаду великодушнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ стана въ самый полдень, затрубили въ трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадовали Шведовъ, которые, стоя на валу, громко смѣялись (346). Оставленные Великимъ Княземъ и союзниками, Новогородцы не уныли, сдѣлали приметъ къ стѣнамъ крѣпости, взяли оную 24 Февраля, убивъ или плѣнивъ 800 непріятелей, и торжествовали сей успѣхъ какъ славное происшествіе для отечества и Вѣры. Они положили употребить отнятое ими у Шведовъ серебро на украшеніе церкви Бориса и Глѣба, отправили плѣнниковъ въ Москву къ Симеону, и не смотря на худую вѣрность Псковитянъ, сдержали данное имъ слово, считая ихъ съ того времени уже не подданными, а совершенно вольными въ избраніи гражданскихъ Правителей (347). — Чтобы озаботить Магнуса съ другой стороны его владѣній, Новогородцы изъ Двинской земли ходили воевать Норвегію; разбили также Шведовъ подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣнниками, съ условіемъ, чтобы область Яскиская, Эграпская и часть Саволакса принадлежали Россіи: Систербекъ остался границею. Договоръ былъ подписанъ Королемъ, Графомъ Генрикомъ Голштейнскимъ, Вельможами Турсономъ, Геннингомъ, Священникомъ Вамундомъ и двумя Готландскими купцами; также Новогородскимъ Посадникомъ Юріемъ, Тысячскимъ Авраамомъ и другими Боярами (348). Хотя Король въ 1351 году замышлялъ новую войну противъ Россіянъ, и Папа въ угодность ему дозволилъ его витязямъ ознаменоваться святымъ крестомъ; но внутренніе раздоры и несчастія Швеціи не допустили сего вѣтренаго Монарха вторично безумствовать для мнимаго душевнаго спасенія.

*Псковъ братъ Новагорода.*

*Г. 1349 —1350.*

Между тѣмъ Великій Князь былъ занятъ иными дѣлами. Узнавъ, что Ольгердъ, тѣснимый Нѣмцами, прислалъ къ Хану брата своего, Коріяда, требовать помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, что сей коварный язычникъ есть врагъ Россіи подвластной Татарамъ, слѣдственно и самихъ Татаръ; а Ханъ, убѣжденный представленіями Московскихъ Бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими Послами Литовскими (349). Столь беззаконное дѣйствіе могло справедливо раздражить Ольгерда; но, вмѣсто злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе быть его другомъ: ибо тогдашнія обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новыхъ непріятелей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Литвою, отдавшаго Любарту и Кестутію всю западную Волынію съ городомъ Брестомъ: перемѣнивъ мысли, Казимиръ въ 1349 году отнялъ у нихъ сіе владѣніе, изъ милости давъ Любарту одинъ Луцкъ, а нѣкоторыхъ частныхъ Князей Россійскихъ, потомковъ Св. Владиміра, оставивъ господствовать въ ихъ Удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ (350). Сіе происшествіе заставило Ольгерда и братьевъ его искать дружбы Симеоновой, тѣмъ естественнѣе, что Король Польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быть гонителемъ Церкви Греческой, тѣснилъ Духовенство въ Волыніи, и православныя церкви обращалъ въ Латинскія. Граждане стенали: утративъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за Вѣру отцевъ, и гнушаясь насиліемъ Папистовъ, славили терпимость Литовскаго Правленія; а гласъ народа единокровнаго громко отзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія,

*Хитрость Ольгердова.*

что и Митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за Князей Литовскихъ — которые не мѣшали ему повелѣвать Духовенствомъ въ Волыніи — особенно же за Любарта, усерднаго сына нашей Церкви ([351]). И такъ Великій Князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріяда, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ тѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ: Любартъ женился на Ростов-

Браки. ской Княжнѣ, племянницѣ Симеона; язычникъ Ольгердъ на его свояченѣ Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе второе бракосочетаніе затрудняло совѣсть Великаго Князя; но Митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ Христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной Вѣрѣ. Изгнанникъ Евнутій, покровительствуемый Россіею, могъ безопасно возвратиться въ отечество: братья дали ему Удѣлъ въ Минской области.

Въ то время, когда Государь Польскій веселился и торжествовалъ свои успѣхи въ Краковѣ, Литовскіе Князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи, и желая еще болѣе усыпить Казимира, обѣщали ему принять Римскую Вѣру, такъ, что Папа, Климентъ VI, уже готовился послать имъ знаки Королевскаго сана ([352]). Но хитрость обнаружилась: увѣренные въ дружбѣ Московскаго Князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей въ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кестутій и Любартъ ударили на Поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи. — Съ сего

Раздѣлъ западной Россіи. времени *четыре* народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. *Моголы*, по сказанію Флорентійскаго современнаго Историка ([353]), изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю Брацлавскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россійскихъ Князей. Людовикъ, Король Венгерскій, его покровитель, старался вытѣснить ихъ оттуда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казимиромъ Великимъ, перешелъ за Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Татарскаго. Однакожь Моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра ([354]). *Венгрія* хотѣла присвоить себѣ Галицію, и наконецъ долженствовала уступить оную *Польшѣ*; а Князья *Литовскіе* удерживали въ своемъ подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша составили одно Государство.

Не смотря на союзъ Гедиминовыхъ сыновей съ Великимъ Княземъ, Псковитяне сдѣлались непріятелями Литвы. Ссора Псковитянъ съ Литвою.
Намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ у нихъ Вельможа Княжескаго рода, именемъ Юрій Витовтовичъ, въ 1349 году убитый Нѣмцами, въ нечаянномъ набѣгѣ, подъ стѣнами Изборска ([355]): мужъ храбрый и благочестивый Христіанинъ, оплаканный народомъ и погребенный въ Соборной церкви. Его кончина прервала связь гражданъ Псковскихъ съ Литвою. Взявъ крѣпость, заложенную Нѣмцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велѣли сказать Князю Андрею: «ты не хотѣлъ самъ управлять нами: мы же не хотимъ теперь ни твоихъ Намѣстниковъ, ни тебя.» Въ слѣдствіе чего Ольгердъ задержалъ купцевъ Псковскихъ, отнявъ у нихъ товары; а сынъ его, Андрей, княжившій тогда въ Полоцкѣ, опустошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Но хитрый Ольгердъ пользовался дружбою Симеона. Свѣдавъ, что Великій Князь, недовольный Смоленскимъ Владѣтелемъ, союзникомъ Литвы, намѣренъ объявить ему войну, Ольгердъ желалъ Ольгердъ миротворецъ. Г. 1352.
быть ихъ миротворцемъ ([356]). Послы Литовскіе нашли Симеона, провождаемаго братьями и другими Князьями, въ Вышегородѣ на берегу Протвы, и вручили ему богатые дары вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ отъ своего Государя. Великій Князь уважилъ его ходатайство, но шелъ далѣе къ рѣкѣ Угрѣ: тамъ, встрѣтивъ Пословъ Смоленскихъ, онъ заключилъ миръ и возвратился въ Москву, быть свидѣтелемъ и, какъ вѣроятно, жертвою ужаснаго гнѣва Небеснаго.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ Черная смерть.
странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при устьѣ Дона, въ Бездежѣ, въ Астрахани и въ Сараѣ ([357]). Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Черной смерти*, началась въ Китаѣ, истребила тамъ около тринадцати милліоновъ людей, и достигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ, равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Гер-

маніи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человѣкъ. Въ Парижѣ отчаянный народъ требовалъ казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; оттуда, или изъ Нѣмецкой земли, перешла она во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Не льзя, говорятъ Лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый Іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напротивъ того нѣкоторые изъявляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ носили въ церковь; служили Панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили оставить міръ и заключались въ монастыряхъ, или отказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ, и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всѣмъ умереть должно. — Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные Псковитяне звали къ себѣ Архіепископа Василія, благословить ихъ и вмѣстѣ съ ними принести жертву моленія Всевышнему: какъ достойный Пастырь Церкви онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность (358). Встрѣченный народомъ со изъявленіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы Святительскія; взялъ крестъ, и провождаемый Духовенствомъ, всѣми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли Божественныя пѣсни; Иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, которое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковитяне, вкусивъ сладость Христіанскаго умиленія, терпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія зараженный язвою, на возвратномъ пути скончался, къ великому сожалѣнію Новогородцевъ и примиренныхъ съ нимъ Псковитянъ. Сей Архіепископъ былъ отмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное участіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Софійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью Греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго (359), и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ Епископу Тверскому Ѳеодору, доказывая въ ономъ, что «рай и адъ дѣйствительно существуютъ на землѣ, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ *мысленными* или духовными.» Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія страждущихъ Псковитянъ, осудимъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ, и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники Новогородскіе видѣли оный издали? — Василій первый изъ Архіепископовъ получилъ отъ Митрополита *крещатыя ризы* въ знакъ отличія и *бѣлый клобукъ*, какъ пишутъ, отъ Патріарха Цареградскаго, донынѣ хранимый въ Новогородской Софійской ризницѣ и прежде носимый въ Греціи тѣми Святителями, которые бывали поставляемы изъ Бѣлаго Духовенства (360).

Земный рай. Бѣлый Клобукъ.

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 Августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ областяхъ Россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Такимъ образомъ отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и Государства опустѣли. Ино-

странные Историки сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножался ([361]): столь чудесна Природа, всегда готовая замѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что *вся Россія* испытала тогда гнѣвъ Небесный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ короткое время скончались тамъ Митрополитъ Ѳеогностъ, Великій Князь, два сына его

Г. 1353. Кончина Симеонова.

и братъ Андрей Іоанновичъ ([362]). Симеонъ имѣлъ не болѣе тридцати-шести лѣтъ отъ рожденія. Сей Государь, хитрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ Орду, чтобы соблюсти тишину въ Государствѣ; пользуясь отмѣнною благосклонностію Хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго Княженія свободу не платить дани Моголамъ, и первый, кажется, именовалъ себя Вели-

Великій Князь всея Руси.

кимъ Княземъ *всея Руси*, какъ то вырѣзано на его печати ([363]). Видя внезапную смерть предъ собою, онъ постригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе. По кончинѣ первой супруги въ 1345 году, Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смоленскихъ Князей, Ѳеодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ Намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу, будто бы для того, что «она на свадьбѣ была испор-

Привидѣніе.

чена и всякую ночь казалась супругу мертвецомъ ([364]).» Къ общему неудовольствію и соблазну правовѣрныхъ, Евпраксія вышла за Князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго; а Симеонъ женился въ третій разъ на Княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею четырехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ, и *пятьдесятъ верховыхъ* коней ([365]). «Кто изъ Бояръ» — пишетъ Великій Князь — «захочетъ служить моей Княгинѣ, тотъ, владѣя нашими селами, обязанъ давать ей поло-

Завѣщаніе.

вину дохода. Всѣмъ людямъ купленнымъ или за вину взятымъ мною въ рабство: сельскимъ Тіунамъ (прикащикамъ), старостамъ, ключникамъ, или женатымъ на ихъ дочеряхъ ([366]), объявляю вѣчную свободу. — Вамъ, любезные братья (ибо Андрей жилъ еще около шести недѣль) «поручаю супругу и Бояръ моихъ, и приказываю то же, что намъ отецъ приказывалъ: живите согласно, не перемѣняйте уставленнаго мною въ дѣлахъ государственныхъ или судныхъ; не внимайте клеветникамъ и ссорщикамъ; слушайтесь добрыхъ, старыхъ Бояръ и нашего Владыки *Алексія*.» Сей знамени-

тый Святитель былъ крестникъ Іоанна Даніиловича, сынъ Черниговскаго Боярина, Ѳеодора Бяконта, служившаго еще отцу его, и назывался мірскимъ именемъ Елевѳерія ([367]): въ самой цвѣтущей юности возненавидѣвъ свѣтъ, къ огорченію родителей онъ постригся въ Московской Обители Св. Богоявленія, за добродѣтель свою получилъ санъ Митрополитова Намѣстника, и жилъ въ одномъ домѣ съ Ѳеогностомъ, 12 лѣтъ управляя всѣми дѣлами церковными, между тѣмъ, какъ Митрополитъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ Орду и въ отдаленныя Епархіи Россійскія. Сіи путешествія иногда не дѣлали чести Ѳеогносту: Епископы обязывались щедро дарить его, сверхъ угощенія, весьма для нихъ тягостнаго. Но Алексій не думалъ о мздѣ и съ неутомимою дѣятельностію занимался только общимъ церковнымъ благоустройствомъ. Поставленный Епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и Двора Княжескаго былъ назначенъ заступить мѣсто Ѳеогноста, который, готовясь къ смерти, писалъ о томъ къ Патріарху, а Симеонъ къ Императору, Іоанну Кантакузину. Митрополитъ отправилъ Послами въ Царьградъ Артемія Коробьина и Михаила Грека, Симеонъ Дементія Давидовича и Юрія Воробьина: они возвратились уже по кончинѣ Великаго Князя, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ столицу Имперіи для поставленія. Еще при жизни Ѳеогноста Терновскій Патріархъ самовольно объявилъ Митрополитомъ Россіи какого-то Инока Ѳеодорита, и прислалъ его въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее Духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ Патріархомъ, и единодушно отвергнуло Ѳеодорита, какъ самозванца ([368]).

Св. Алексій.

Хотя Симеонъ умѣлъ быть дѣйствительно Главою Князей Удѣльныхъ, однакожь власть его не могла отвратить нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Константинъ Тверскій ссорился съ невѣст-

Ссоры Удѣльныхъ Князей.

кою Анастасіею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея, Всеволодомъ Холмскимъ, насильственно захватывая ихъ Бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ поѣхалъ съ жалобами къ Великому Князю и въ Орду въ слѣдъ за дядею, который тамъ и скончался. Ханъ — согласно, можетъ быть, съ волею Симеона — отдалъ Всеволоду Тверское Княженіе, а Василій Михайловичь Кашинскій, братъ Константиновъ, взявъ дань съ Холма, спѣшилъ къ Моголамъ съ богатыми дарами. Дядя и племянникъ встрѣтились въ городѣ Бездежѣ какъ непріятели: вторый ограбилъ перваго, и зная, что никто съ пустыми руками не бываетъ правъ въ Ордѣ, покойно сѣлъ на престолѣ Тверскаго Княженія; но тамошній Епископъ Ѳеодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ того и другаго Князя, будучи зятемъ Всеволода и тестемъ Михаила, сына Василіева; однакожь Василій не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и тѣснилъ его владѣніе ([369]).

Обновленіе Мурома.

Въ государствованіе Симеона Князь Юрій Ярославичь Муромскій обновилъ *древній* Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ Лѣтописцы: то есть, онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; Бояре, купцы начали селиться вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру ([370]). Сей Юрій, по святомъ Глѣбѣ, есть достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ Князей, о коихъ наша Исторія говоритъ мало: ибо они жили тихо отъ недостатка въ силахъ, и со временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе отъ Великихъ Князей Владимірскихъ, нежели отъ Рязанскихъ, хотя ихъ Удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Начало Троицкой Лавры.

Къ церковнымъ достопамятностямъ сего времени принадлежитъ начало Троицкой Лавры, столь знаменитой и по важнымъ государственнымъ дѣяніямъ, коихъ она была ѳеатромъ. Одинъ изъ Бояръ Ростовскихъ, Кириллъ, съ неудовольствіемъ видя уничиженіе своего Князя и самовольство Московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калитѣ, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, Удѣлъ меньшаго брата Симеонова, Андрея. Тамъ охотно селились люди неизбыточные: ибо Намѣстникъ Княжескій давалъ имъ льготу и выгоды: Кириллъ же, нѣкогда богатый, отъ разныхъ несчастій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Стефанъ и Варѳоломей (названный въ Монашествѣ Сергіемъ) искали убѣжища отъ мірскихъ печалей въ трудахъ святости: первый сдѣлался Игуменомъ Богоявленской Обители въ Москвѣ, а вторый, живъ долго пустынникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близъ деревянной церкви Св. Троицы, имъ созданной, основалъ нынѣшнюю Лавру: ибо слава о добродѣтели его привлекла къ нему многихъ Иноковъ ([371]). Строгая набожность и Христіанское смиреніе возвеличили Св. Сергія между современниками: Митрополитъ, Князья, Бояре изъявляли къ нему отмѣнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочестиваго мужа исполнителемъ трудныхъ государственныхъ порученій.

Художества въ Россіи.

Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о состояніи художествъ въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для Историка. Въ Княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ три церкви: Соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый Греческими живописцами Ѳеогноста Митрополита, вторый *Россійскими придворными*, *Захаріею*, *Іосифомъ* и *Николаемъ* съ товарищами, а третій иностранцемъ *Гойтаномъ* ([372]). Въ сіе же время отличался въ литейномъ искусствѣ Россіянинъ Борисъ: онъ лилъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ для церквей Соборныхъ. Грекія все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею, присылая намъ не только Митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили Русскихъ. Образованная Германія могла также способствовать успѣху гражданскихъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи *бумагу*, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе ([373]). Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ Нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

# ГЛАВА XI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЪ.

### Г. 1355 — 1359.

**Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.**

Г. 1353 —1355. Всѣ Князья Россійские поѣхали въ Орду, узнать, кто будетъ ихъ Главою; а Новогородцы особенно послали туда Боярина своего Судокова, просить Хана, чтобы онъ удостоилъ сей чести Константина Суздальскаго, благоразумнаго и твердаго (374). Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ Іоанна Іоанновича Московскаго, тихаго, миролюбиваго и слабаго.

Характеръ Великаго Князя.

Еще новый Государь не возвратился изъ Орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ Княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Лопасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калитины наслѣдники. Сей предлогъ войны могъ казаться отчасти справедливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ, и плѣнивъ Лопаснинскаго Намѣстника Іоаннова, не устыдился мучить его тѣлесно (375); наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и заслуживъ ненависть Москвитянъ, хвалился любовію Рязанцевъ, которые, примѣтивъ въ немъ смѣлость и рѣшительность, въ самомъ дѣлѣ ожидали отъ него геройскихъ подвиговъ.

Жестокость Олегова.

Кроткій Іоаннъ уклонился отъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего Намѣстника, и терпѣливо сносилъ ослушаніе Новогородцевъ, не хотѣвшихъ быть ему подчиненными, до самаго того времени, какъ Суздальскій Князь, Константинъ Васильевичь, ими любимый, скончался (376): тогда, уже не видя достойнаго соперника для Великаго Князя, они приняли Намѣстниковъ Іоанновыхъ; а Чанибекъ утвердилъ Нижній, Городецъ и Суздаль за сыномъ Константиновымъ, Андреемъ: ибо самое ближайшее право наслѣдственное для Владѣтелей Россійскихъ не имѣло силы безъ Ханскаго согласія. Такъ Іоаннъ Ѳеодоровичь Стародубскій по кончинѣ старшаго брата, Димитрія, ждалъ цѣлый годъ грамоты Чанибековой, безъ коей онъ не могъ назваться Княземъ сего Удѣла.

Время Государей тихихъ рѣдко бываетъ спокойно: ибо мягкосердечіе ихъ имѣетъ видъ слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и мятежниковъ внутреннихъ. Ольгердъ, выдавъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго, брата Андреева, и женивъ племянника, Димитрія Коріядовича, на дочери Великаго Князя, старался, не смотря на то, болѣе и болѣе стѣснять Россію. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ Литовскаго Княженія, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависитъ отъ сильнаго: еще не довольный симъ правомъ, Ольгердъ хотѣлъ совершенно овладѣть ими, и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Іоанна Васильевича, коего отецъ получилъ тогда отъ Хана грамоту на Удѣлъ Брянскій (377). Василій скоро умеръ, и сей несчастный городъ, бывъ долгое время жертвою мятежнаго безначалія, наконецъ (въ 1356 году) поддался Литвѣ. Чтобы открыть себѣ путь къ Тверскому и Московскому Княженію, Ольгердъ занялъ-было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но Тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опаснымъ намѣреніемъ, спѣшили вооружиться и выгнали оттуда Литовцевъ. Съ другой стороны Андрей Ольгердовичь, Князь Полоцкій, все еще злобствовалъ на Псковитянъ, называя ихъ вѣроломными измѣнниками: они также

Г. 1354 —1359. Властолюбіе Ольгердово.

185

мстили ему за разбой разбоями въ его области, предводимые мужественнымъ Евстафіемъ Изборскимъ.

Меж-доусобія. Внутри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ страдали отъ междоусобія. Мы упоминали о Князѣ Юріи Ярославичѣ Муромскомъ ([378]): родственникъ его Ѳеодоръ Глѣбовичь, собравъ многочисленную толпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юрія, обольстилъ Бояръ и вмѣстѣ съ знатнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искать милости Ханской. Князь Юрій чрезъ недѣлю возвратился въ Муромъ, взялъ остальныхъ Бояръ и также отправился къ Чанибеку. Въ Ордѣ былъ торжественный судъ между ими. Ѳеодоръ превозмогъ: Ханъ отдалъ ему не только Княженіе, но и самаго Юрія, скоро умершаго въ несчастіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ Князей Муромскихъ заключилась ихъ краткая Исторія; родъ оныхъ исчезъ, и столица, какъ увидимъ, присоединилась къ Великому Княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его, Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, не могла быть прекращена ни Великимъ Княземъ, ни Митрополитомъ Алексіемъ, желавшимъ усовѣстить ихъ въ Владимірѣ, гдѣ они для того съѣзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровительствуемый Іоанномъ, угнеталъ Всеволода, къ огорченію добраго Тверскаго Епископа Ѳеодора, хотѣвшаго даже оставить свою Епархію, чтобы не быть свидѣтелемъ сей несправедливости ([379]). Дядя требовалъ суда въ Ордѣ, узнавъ, что племянникъ, остановленный на пути Великокняжескими Намѣстниками, проѣхалъ туда через Литву — и Ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода Посламъ Василія, который уже обходился съ нимъ какъ съ невольникомъ, отнималъ имѣніе у Бояръ Холмскихъ и налагалъ тяжкія дани на чернь.

Въ Новѣгородѣ былъ великій мятежъ по случаю смѣны Посадника. Мы видѣли, что и Симеонъ мало входилъ въ дѣла тамошняго внутренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ тѣмъ болѣе самовольствовалъ, не уважая Намѣстниковъ Княжескихъ. Граждане Конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяти знаменитѣйшаго, вопреки общей волѣ отставили Посадника Андреяна; пришли въ доспѣхахъ на Дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умертвили нѣкоторыхъ Бояръ, и выбрали Сильвестра на мѣсто Андреяново ([380]). Софійская Сторона хотѣла отмстить Славянской: обѣ готовились къ войнѣ. Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не теряла правъ своихъ и могла смягчать сердца ожесточенныя злобою. Владыко Моисей, Схимникъ, прозьбою народа изведенный изъ двадцатилѣтняго уединенія, чтобы вторично править Церковію, и за болѣзнію принужденный возвратиться въ оное; новый Архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ Ключниковъ Софійскихъ; Архимандритъ Юрьевскій, Игумены явились среди шумнаго стана воинскаго: ибо таковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію отечества какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣтьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови братьевъ. Мятежъ утихъ; самые неистовые съ умиленіемъ внимали гласу святаго отшельника, стоявшаго на прагѣ смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновниковъ дѣйствія насильственнаго и беззаконнаго: села честолюбиваго Сильвестра и другихъ Вельможъ Славянскаго Конца были *взяты на щитъ*, то есть, разорены по опредѣленію Вѣча. Пострадали и невинные: ибо осторожная разсмотрительность не свойственна мятежному суду народному. На мѣсто Сильвестра избрали новаго Посадника, и городъ успокоился. (Дѣйствіе духовной власти въ Новѣгородѣ.)

Въ самой тихой Москвѣ, не знакомой съ бурями гражданскаго своевольства, открылось дерзкое злодѣяніе, и дремлющее Правительство оставило виновниковъ подъ завѣсою тайны. Тысячскій столицы, именемъ Алексій Петровичь, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно Князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ Заутрени найденъ мертвый среди городской площади со всѣми признаками убіеннаго — кѣмъ? неизвѣстно ([381]). Говорили явно, что онъ имѣлъ участь Андрея Боголюбскаго, и что ближніе Бояре, подобно Кучковичамъ, умертвили его въ слѣдствіе заговора. Народъ встревожился: угадывали злодѣевъ; именовали ихъ и требовали суда. Въ самое то время нѣкоторые изъ Московскихъ Вельможъ — опасаясь, какъ вѣроятно, торжественнаго обвиненія — уѣхали съ семействами (Смертоубійство въ Москвѣ.)

въ Рязань къ Олегу, врагу ихъ Государя, и слабый Іоаннъ, давъ время умолкнуть общему негодованію, снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу.

Дѣла церковныя. Даже и Церковь Россійская въ Іоанново время представляла зрѣлище неустройства и соблазна для Христіанъ вѣрныхъ. Въ годъ Симеоновой кончины Архіепископъ Новогородскій, Моисей, отправилъ Посольство къ Греческому Царю и къ Патріарху жаловаться на беззаконное самовластіе Митрополита: вѣроятно, что дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими наши Митрополиты отягчали Духовенство, называя оные учтивымъ именемъ даровъ (382). Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились съ дружественными грамотами отъ Императора Іоанна Кантакузина, и Патріарха Филоѳея, украшенными *златою печатію*, какъ сказано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ намъ неизвѣстно; но кажется, что Филоѳей, какъ хитрый Грекъ, отдѣлался только ласковыми словами: ибо не хотѣлъ ссориться съ Россійскими Митрополитами, которые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ Святителю Моисею онъ прислалъ ему *крещатыя ризы* или *Полиставріонъ*.

Сія жалоба Новогородскаго Духовенства на Главу Церкви — вынужденная сребролюбіемъ предмѣстника Алексіева, Ѳеогноста—оскорбляла достоинство Митрополитовъ. Другое происшествіе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патріархъ Филоѳей, вмѣсто одного законнаго Митрополита для Россіи, поставилъ въ Константинополѣ двухъ: Св. Алексія, избраннаго Великимъ Княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, Грека). Сія новость изумила наше Духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою (383): Романъ же, обязанный Святительствомъ дѣйствію корысти, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ, и требовалъ серебра отъ Епископовъ. Св. Алексій — *не искавъ чести*, по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* — вторично отправился въ Константинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ, и Филоѳей, желая примирить совмѣстниковъ, объявилъ его Митрополитомъ Кіевскимъ и Владимірскимъ, а Романа Литовскимъ и Волынскимъ. Не смотря на то, сей послѣдній безъ дозволенія Алексіева жилъ нѣсколько времени въ Твери, и вмѣшивался въ дѣла Епархіи, призванный, кажется, Всеволодомъ Холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360 году) Князя Василія Михайловича отдать племянникамъ третію часть Тверскаго Княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при Дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону Епископа Ѳеодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Добродѣтели Св. Алексія. Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая въ тяжкой болѣзни, требовала его помощи. Ханъ писалъ къ Великому Князю: «мы слышали, что Небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго *Попа* вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей супругѣ (384)!» Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога, и не обманулся: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время Ханскій Посолъ Кошакъ обременялъ Россійскихъ Князей беззаконными налогами: милость Царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибекъ — какъ называютъ его наши Лѣтописцы—жилъ не долго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго Калифа, Гарунъ-Алрашида, Зебеидою) и навьючивъ 400 вельблюдовъ взятыми въ добычу драгоцѣнностями, сей Ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ Вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ столь ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ Вельможу Иткара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: Св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра; снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для Государства и Церкви. Великій Князь, его семейство, Бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго Митрополита какъ утѣшителя Небеснаго, и — что было всего трогательнѣе — осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ расцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ нео-



186

Слова юнаго Димитрія. быкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: «о Владыко! ты даровалъ намъ *житіе мирное*: чѣмъ изъявимъ тебѣ свою признательность?» Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодѣяніямъ государственнымъ! — Успокоивъ Россію, Митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія, стараясь обновить церковное устройство и велелѣпіе храмовъ.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро Царевичь Татарскій, Мамать-Хожа, пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему, что время утвердить законный рубежъ между Княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то есть, корыстолюбивый Царевичь, уже славный злодѣяніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій Князь, ссылаясь на грамоты Ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впуститъ Посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго Ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ симъ Вельможею, который скоро долженствовалъ возвратиться въ Орду, и заплатилъ тамъ жизнію за убіеніе какого-то любимца Царева ([385]).

Г. 1359, Ноября 13. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался Монахомъ на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ имя *Кроткаго*, не всегда достохвальное для Государей, если оно не соединено съ иными правами на общее уваженіе. — Подобно отцу и брату, онъ написалъ духовную, въ коей приказываетъ Москву двумъ юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая треть ея доходовъ шестилѣтнему племяннику, Владиміру Андреевичу, и веля имъ вообще блюсти, судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ или *численыхъ* людей; отдаетъ супругѣ Александрѣ разныя волости и часть Московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и Коломну съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; утверждаетъ за Владиміромъ Андреевичемъ Удѣлъ отца его, за вдовствующею Княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волости, съ тѣмъ, чтобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья Великаго Князя и Владиміръ Андреевичь, а послѣ Маріи одинъ Димитрій ([386]). Изъ драгоцѣнностей оставляетъ Димитрію икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную сергу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые; Іоанну также саблю и шишакъ, жемчужную сергу, стаканъ Цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу; отказываетъ, вмѣсто *руги*, нѣкоторую долю Княжескихъ прибытковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даетъ волю Казначеямъ своимъ, сельскимъ Тіунамъ, Дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ, и проч.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ временъ, связаннымъ съ нашею Исторіею, было происхожденіе нынѣшней Молдавской области, гдѣ въ теченіе семи вѣковъ, отъ третьяго до десятаго, толпились полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и стремясь грабить Имперію Греческую. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Несторъ говоритъ, что Славяне Россійскіе, Лутичи и Тиверцы, издавна жили по Днѣстру до самаго моря и Дуная, имѣя селенія и *города*. Князья Галицкіе во XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали тогда, подъ именемъ Волоховъ, остатки древнихъ Гетовъ, смѣшенныхъ съ Римскими поселенцами перваго столѣтія, также нѣкоторые Печенѣги и Половцы. Замѣтимъ еще, что въ Россійской Географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серетъ, Хотинъ, въ числѣ *нашихъ старинныхъ* городовъ ([387]). Паденіе Галицкаго Княженія оставило Молдавію въ жертву Татарамъ, и сія земля, граждански образованная Россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же Моголы, устрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около половины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ ([388]), живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ Графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ *Россіянъ* и поселились между ими на рѣкѣ *Молдавѣ*; сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости столь размножились, что вытѣснили хозяевъ, и возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую Держа-

ву, названную *Молдавіею*, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ Воеводъ, и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣтельствуютъ подлинныя грамоты Молдавскихъ Господарей (389). Такимъ же образомъ произошло и Княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрить преданію, во XII или въ XIII столѣтіи вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоземцами, Волохами, основалъ Терговисто, Бухарестъ, и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе, избираемые народомъ Воеводы, которые зависѣли иногда отъ сильныхъ Государей Венгерскихъ (390).

---

# ГЛАВА XII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

### Г. 1359 — 1362.

---

**Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій.**

Г. 1359. Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Въ одно время съ Великимъ Княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и Ханъ Бердибекъ, бывъ жертвою своего гнуснаго распутства, и Кульпа, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей Христіанской Вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, Римскими Миссіонаріями или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ (391). Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для Христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ, и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-Хана. Князья Россіи явились въ Ордѣ съ дарами, и новый Царь далъ Великое
г. 1360—1361. Княженіе Димитрію Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, не захотѣлъ сей чести (392). Наслѣдственное право. Современники удивились такой несправедливости, разсуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду Князей Московскихъ: мнѣніе основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола Россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

Избранный Ханомъ Великій Князь въѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію 22 Іюня. жителей обѣщая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и Митрополита; но Алексій, благословивъ его на Княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ Святителя Петра, и жить близъ его чудотворнаго гроба (393). — Новгородъ, не любя и боясь самовластія Князей Московскихъ, охотно принялъ Намѣстниковъ Димитрія Константиновича; а Димитрій, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на всѣ предложенныя ему тамъ условія (394). — Въ сіе время Новогородцы не имѣли войны, однакожь старались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну Софійскую, собранную Архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменныя городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и Святая Софія нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и Шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ.

187

Пріобрѣтенія Ольгердовы. По кончинѣ Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына, Князя Святослава, и безпокоилъ Тверскую область (395). Россія, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобіе Моголовъ, въ то же время опасалась быть жертвою Литовскаго завоевателя.

Мятежи въ Ордѣ. Царство Капчакское явно клонилось къ паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнуряли его внутреннія силы. Одинъ изъ Полководцевъ, именемъ Хидырь, кочевавъ за рѣкою Ураломъ, пришелъ на берега Волги, обольстилъ Вельможъ Ординскихъ, убилъ Навруса, Царицу Тайдулу, и сдѣлался Великимъ Ханомъ (396). Еще Князья наши рабски повиновались симъ хищникамъ: Константинъ Ростовскій выходилъ въ Ордѣ грамоту на всю наслѣдственную область свою, а Димитрій Іоанновичь, внукъ Давида Галицкаго, на *Галичь*, хотя сей Удѣлъ былъ купленъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою. Великій Князь, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій долженствовали предъ Ханскимъ

Судъ Князей съ Болгарами. Посломъ судиться въ Костромѣ съ Болгарами, ограбленными шайкою нашихъ разбойниковъ: Князья, отыскавъ виновныхъ, выдали ихъ и сами поѣхали въ Орду съ данію. Но Хидырь уже плавалъ

г. 1361. въ крови своей, убіенный сыномъ Темирхожею. Сей злодѣй царствовалъ спокойно только шесть дней; въ седьмый открылся бунтъ: Темникъ Мамай, сильный и грозный, возмутилъ Орду, умертвилъ Темирхожу, перешелъ съ луговой на правую сторону Волги и назвалъ Ханомъ какого-то Авдула. Явились и другіе Цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ Чанибековъ, хотѣлъ заступить мѣсто отца, но скоро погибъ; многіе Вельможи заключились въ Сараѣ съ Ханомъ Мурутомъ, братомъ Хидыревымъ; Князь Булактемирь овладѣлъ землею Болгарскою, а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ нынѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались между собою въ ужасномъ остервененіи; тысячи падали въ битвахъ или гибли въ степяхъ отъ голода. — Князья наши не знали, кто останется повелителемъ или тираномъ Россіи, и спѣшили удалиться отъ ѳеатра убійствъ; нѣкоторые были ограблены въ столицѣ Ханской, другіе на возвратномъ пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрій Іоанновичь Московскій также находился въ Ордѣ, но успѣлъ выѣхать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая Княгиня Александра, Митрополитъ Алексій и вѣрные Бояре пеклися о благѣ отечества и Государя: дѣйствуя по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ объявилъ себя тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго въ достоинствѣ Великокняжескомъ, и звалъ его на Ханскій судъ, чтобы рѣ- г. 1362.
шить дѣло безъ кровопролитія. Царство Капчакское уже раздѣлилось; но кто господствовалъ въ Сараѣ, тотъ казался еще законнымъ Ханомъ Орды, и Бояре Московскіе вмѣстѣ съ Суздальскими отправились къ Муруту. Вѣроятно, что сія честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, тѣснимый свирѣпымъ Мамаемъ, и будучи на тронѣ Батыевомъ только призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными Державами? Однакожь, представляя лице древнихъ Хановъ, Мурутъ судилъ Пословъ, и призналъ малолѣтняго Димитрія Іоанновича Главою Князей Россійскихъ, для того, какъ вѣроятно, что соединяя знаменитую Московскую Державу съ областями Великаго Княженія, надѣялся воспользоваться его силами для утвержденія собственнаго престола. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія.

Но какъ сей Ханъ могъ послать только грамоту, а не войско въ Россію, то Князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хотѣлъ выѣхать ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля Залѣсскаго. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Всѣ Бояре Московскіе, одушевленные ревностію, сѣли на коней, и выступили подъ начальствомъ трехъ юныхъ Князей, Димитрія Іоанновича, меньшаго брата его и Владиміра Андреевича (397). Бывшій Великій Князь не ожидалъ того: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажить меча, и бѣжалъ въ Суздаль; а Димитрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами сѣлъ на тронъ Андрея Боголюбскаго въ Владимірѣ, жилъ тамъ нѣсколько дней, и возвратясь въ Москву, распустилъ войско: ибо не думалъ гнать своего предмѣстника, оставивъ его спокойно княжить въ Удѣлѣ наслѣдственномъ.

Отрокъ Димитрій. Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцати-лѣтняго отрока взяла кормило Государства раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія: Іоаннъ Іоанновичь и Димитрій Суз-

дальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, съ тою смѣлою рѣшительностію, коими не многіе Государи славятся въ Исторіи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе не даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго Князя и величіе Россіи.

**КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.**

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КЪ I ТОМУ

# ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

189

(1) Сія мнимая Орфеева Поэма состоитъ изъ 1373 стиховъ. Вѣроятнѣе, что она есть произведеніе Стихотворца Ономакрита, Ксерксова современника. См. ея географическое изъясненіе въ Маннерт. Geographie der Griechen und Römer, Т. IV, стр. 27 и слѣд. Не говорю еще о новѣйшей Поэмѣ Аргонавтовъ, сочиненной Аполлоніемъ Родосскимъ.

(2) См. Одис. XI, 13.

(3) Нынѣшніе Греки и Турки называютъ его также Μαυρο θάλασσα, Kara Deguiz или Denghis (Баер. Opuscula, de Cimmeriis стр. 127).

(4) Понтъ Эвксинскій (или Черное море) назывался прежде Ἄξενος, то есть *негостепріимнымъ;* а послѣ дали ему имя Εὔξεινος, то есть *гостепріимнаго* (Страбон. Geographia cum notis Casauboni, изд. Амстердамское, кн. VII, стр. 458). — Греки именовали сперва Гипербореями всѣхъ людей живщихъ за Ѳракіею, откуда вѣялъ къ нимъ сѣверный вѣтеръ (См. Маннерт. Geographie der Griechen, Т. IV, стр. 48); а послѣ Стихотворцы въ воображеніи своемъ отдалили сихъ мнимосчастливыхъ смертныхъ — коихъ Гомеръ въ Иліадѣ называетъ Авіями, а мнимый Орфей Макровіями — къ самымъ полунощнымъ границамъ міра, гдѣ возвышаются Рифейскія горы, подобно Гипербореямъ баснословныя (см. Страбона кн. VII, стр. 452, 458): ибо сомнительно, чтобы Греки разумѣли подъ симъ именемъ наши Уральскія горы, какъ думалъ Герберштейнъ, а за нимъ Штраленбергъ и другіе Географы. Помпоній Мела, Плиній, Солинъ, такимъ образомъ говорятъ о славныхъ Гипербореяхъ. «Земля у нихъ плодоносная, воздухъ чистый и благорастворенный. Они живутъ долѣе и счастливѣе всѣхъ иныхъ людей: ибо не знаютъ болѣзней, ни злобы, ни войны, и проводятъ дни свои въ невинной, безпечной веселости и въ гордомъ спокойствіи. Жилища ихъ суть прекрасные лѣса и дубравы, а плоды древесные служатъ имъ пищею; они умираютъ равнодушно и единственно тогда, какъ жизнь уже теряетъ для нихъ всѣ прелести: даютъ пиръ друзьямъ и родственникамъ; украшаютъ вѣнками свою голову и бросаются въ волны морскія.» Сіе описаніе, основанное на баснословіи Грековъ, плѣнило воображеніе нѣкоторыхъ ученыхъ мужей Сѣвера, и всякой изъ нихъ хотѣлъ быть единоземцемъ счастливыхъ Гипербореевъ. Олавъ или Олофъ Верелій, Шведскій Профессоръ, доказывалъ, что Гипербореи обитали въ его отечествѣ. Рудбекъ, также Шведъ, утверждалъ, что самое имя ихъ есть Скандинавское: Yfwerborgen, люди *высокаго роду* (Atlantica, Т. I, стр. 367). Торфей хотѣлъ обратить Норвегію въ страну Гиперборейскую. Мы, Русскіе, могли бы также объявить права свои на сію честь и славу! — Петербургскіе Академики, Баеръ и Фишеръ, писали о Гипербореяхъ. Любопытные найдутъ еще въ Mém. de l'Acad. des Inscr. Т. X, стр. 176 и 198, два разсужденія о томъ же предметѣ.

(5) См. о городѣ Ольвіи Страбон. Geograph. ст. 470. Не давно, по разнымъ памятникамъ, отрытымъ въ землѣ, узнали мы его мѣсто: на Бугскомъ Лиманѣ, близъ деревни Ильинской, принадлежащей Графу Кушелеву. Ученый Келеръ занимается описаніемъ сихъ важныхъ древностей. — Діонъ Хризостомъ, славный Ораторъ Траянова времени, говоритъ въ Orat. Borysthenit. о своемъ путешествіи въ Ольвію. Діонъ произнесъ тамъ, въ Юпитеровомъ храмѣ, высокопарную рѣчь, и плѣнилъ народъ своимъ краснорѣчіемъ. — Діодоръ Сицилійскій (XII, 31) сказываетъ, что въ теченіе 85 Олимпіады (которая началась за 440 лѣтъ до Рождества Христова) Воспорское Царство уже существовало. Г. Келеръ издалъ описаніе двухъ статуй, посвященныхъ Воспорскою Царицею Комосаріею богинямъ Нергесѣ и Астарѣ лѣтъ за 200 до Р. Х. и найденныхъ въ Таврической Губерніи (см. Dissertation sur le monument de la Reine Comosarie). Г. Буле весьма удовлетворительно изъяснилъ надпись сего памятника (см. *Москов. Учен. Вѣдомости,* 1805, No. 28). — См. о Херсонѣ Страбона Geogr. стр. 474.

(6) Киммеріане, изгнанные Скиѳами (за 650 лѣтъ до Р. Х.) удалились отчасти въ Малую Азію, отчасти въ Германію, откуда они чрезъ нѣсколько вѣковъ, подъ именемъ Цимбровъ, ворвались въ Римскія владѣнія. Сіе мнѣніе есть общее; но Гаттереръ думаетъ, что Цимбры, побѣжденные Маріемъ, за 114 лѣтъ до Р. Х. вышли прямо изъ Крыма, будучи снова вытѣснены Скиѳами: см. Commentationes Societatis Scientiarum Gottingensis, Т. XII, стр. 146. — Геродотъ пишетъ (кн. IV), что въ его время были еще въ Скиѳіи *Киммерійскія стѣны, Киммерійскій проливъ* и страна *Киммерія.* Всѣмъ извѣстно названіе Воспора Киммерійскаго, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ.

(7) Геродотъ пишетъ, что Скиѳы, извѣстные Персамъ подъ именемъ Саковъ, сами себя называли Сколотами. — Баеръ доказываетъ, что Геродотовъ Араксъ есть Волга (Opuscula, стр. 68—71). О Скиѳахъ въ южной Азіи см. Діодора Сиц. кн. II.

(8) Герод. кн. IV.

(9) См. Страбон. Geograph. стр. 474. Геродотъ измѣряетъ такъ называемыми *Олимпійскими* стадіями: въ каждой изъ нихъ считалось 600 Греческихъ или 569 Парижскихъ футовъ (см. Commentationes Sociel. Scient. Gottingensis, Т. II, стр. 123). Вопреки разстоянію, означенному Геродотомъ, Рудбекъ искалъ Меланхленовъ близъ Ладоги и Онеги, ибо Греческій Историкъ сказываетъ, что за Меланхленами находились *озера!*

(10) Гаттереръ подъ именемъ Ирковъ разумѣетъ Аорсовъ; но Помпоній Мела и Плиній, слѣдуя Геродоту въ описаніи народовъ сѣверныхъ, называютъ ихъ Турками.

(11) Аргиппеи разсказывали еще ѳ другихъ людяхъ съ козьими ногами, а Исседоны о Циклопахъ-Аримаспахъ. О Сибир. рудникахъ см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 88. Уже во времена Авраамовы было много серебра и золота въ Азіи и въ Египтѣ.

(12) См. Геродота, кн. I, въ концѣ. Тогда была у Массагетовъ Царица Томира или Томирисъ.

(13) Извѣстно, что Донъ въ Тульской Губерніи дѣйствительно вытекаетъ изъ Ивановскаго *озера:* чего Страбонъ и другіе новѣйшіе Географы не знали.

(14) Баеров. Opuscula, стр. 215—217.

(15) Герод. кн. IV.

(16) Трога Помпея, сокращеннаго Юстиномъ. Филиппъ вывелъ изъ Скиѳіи 20,000 женщинъ и дѣтей.

(17) Страбонъ пишетъ, что Воспорскій Царь Парисадъ добровольно поддался Митридату. О побѣдахъ Александра Великаго см. Арріана. Геродотъ называетъ Гетовъ *безсмертными,* ибо они вѣрили, что смерть переводитъ человѣка въ дру-

гую жизнь. Римляне обыкновенно именовали ихъ Даками. Они по смерти Беребиста начали утѣснять Гетовъ; но въ царствованіе Домиціана явился въ Дакіи новый Герой, Децебалъ, который принялъ къ себѣ многихъ Римскихъ воиновъ, основалъ крѣпости, и старался образовать народъ свой. Счастливый во всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ до временъ Траяна, Децебалъ уступилъ наконецъ побѣду сему знаменитому Императору, и гнушаясь рабствомъ, умертвилъ себя добровольно (см. Діона Кас. LXVIII, 14). Въ Страбоново время Даки еще имѣли до 40,000 воиновъ.

(18) См. Діона Хризост. Orat. Boristh.

(19) Вотъ слова Діодоровы (кн. II) по Латинскому переводу: Hi (Sauromatae) multis post annis numero et viribus aucti, magnam Scythiae partem devastarunt, et omnibus, quos debellaverant, internecione sublatis, maximam regionis partem desolavere. Географы первыхъ вѣковъ все еще твердили о Каллипидахъ и другихъ Скиѳскихъ народахъ, повторяя Геродотовы извѣстія о Черноморской Скиѳіи, и мѣшая ихъ съ новѣйшими, то есть, бывшее съ настоящимъ. Слова Плиніевы (IV, 25): Scytharum verum nomen usque quoque transiit in Sarmatas atque Germanos: nec aliis prisca illa duravit appellatio, quam qui extremi gentium harum, ignoti prope caeteris mortalibus, degunt.

(20) См. Тунмана Gesch. der Völker am Schwarz. Meere, стр. 10, также Маннерт. Geogr. IV, 139. Нѣкоторые причисляютъ Роксоланъ къ Скиѳскимъ народамъ; но Римляне, по сказанію Плинія, называли Скиѳами и Сарматовъ. Тацитъ, не только краснорѣчивѣйшій Историкъ, но и лучшій Географъ своего времени, именуетъ Роксоланъ Сарматами (кн. I, § 79), а не Германцами, какъ желаетъ доказать Гаттереръ. Къ сему прибавимъ еще два обстоятельства: 1) Страбонъ говоритъ, что Роксолане жили на колесницахъ (въ кибиткахъ), подобно Сарматскимъ и другимъ Азіатскимъ народамъ (кн. VII); 2) Язиги въ договорѣ съ Римлянами требовали для себя невозбраннаго сообщенія съ Роксоланами (см. Діона Касс. кн. LXXI): чѣмъ также подтверждается ихъ народное братство. Помпоній Мела пишетъ, что Сарматы раздѣлялись на множество племенъ (una gens, aliquot populi et aliquot nomina), изъ коихъ всякое имѣло особенное имя свое, но всѣ говорили однимъ языкомъ: какимъ? не знаемъ, вопреки Татищеву, который безпрестанно толкуетъ намъ слова *Сарматскія*, воображая, что сей языкъ и Финскій есть одинъ. Миллеръ скромнымъ образомъ замѣтилъ ошибку; но Русскіе Историки не послушались его, и Болтинъ также говоритъ о языкѣ Сарматскомъ, неизвѣстномъ никому въ ученомъ свѣтѣ. — Геродотъ (кн. IV) разсказываетъ, что Савроматы произошли отъ смѣшенія Амазонокъ съ юношами Скиѳскими: по тому жены первыхъ всегда ходили воевать вмѣстѣ съ мужьями, и всякая дѣвица долженствовала убить непріятеля прежде своего супружества. Плиній называетъ Сарматовъ народомъ Мидійскимъ. Гаттереръ ясно доказываетъ, что они пришли изъ Азіи въ Европу лѣтъ за 80 до Р. Х. (см. Comment. Societ. Scient. Gottingensis, T. XII, 157-159).

Обширная Птолемеева Сарматія, изображаемая на всѣхъ картахъ древняго міра, дѣйствительно существовала только, по выраженію ученаго Тунмана (Gesch. der Oestl. Völk., 12) въ головѣ сего Александрійскаго Математика и Географа. Впрочемъ Птолемею не хотѣлось разстаться съ именемъ Скиѳіи, которое со временъ Геродотовыхъ было въ общемъ употребленіи: и для того онъ сохранилъ оную въ своемъ землеописаніи, назначивъ ей предѣлами всю страну отъ сѣверо-восточныхъ береговъ моря Каспійскаго до Имая (Альтайскихъ горъ въ Тобольской Губерніи, какъ думаютъ), и далѣе къ Серикѣ или къ границамъ Китайскимъ.

(21) См. Плинія кн. IV, гл. 12. Греки и Римляне называли ихъ *Метанастами* или *переселенцами*. Вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ остались въ нынѣшней Россіи, въ окрестностяхъ Азовскаго и Чернаго моря (см. ниже); но объ нихъ не упоминается въ Исторіи. Одинъ Птолемей говоритъ во второмъ вѣкѣ о Язигахъ Меотисскихъ (Cl. Ptol. Geographia. кн. III).

(22) См. Діона Хр. Orat. Boristh.

(23) См. Штрит. Memor. populorum, T. IV, стр. 332, и Тунмана Gesch. der Oestl. Völk. стр. 17. Діонисій Харакскій упоминаетъ объ Аланахъ еще въ первомъ вѣкѣ, называя ихъ сильнымъ народомъ и богатымъ конями, обитающимъ отъ нынѣшняго Кинбурна на Сѣверъ между Дономъ и Днѣпромъ, въ сосѣдствѣ съ Роксоланами, *единоплеменными* съ ними, по сказанію Плинія (кн. IV, 25). Моисей Хоренскій полагаетъ Аланъ близъ Кавказа. Всѣхъ подробнѣе говоритъ объ нихъ Амміанъ Марцеллинъ, Историкъ IV вѣка (кн. XXXI, гл. 2). — Прокопій Кес. называетъ Аланъ Готѳскимъ народомъ, ибо они считались Массагетами, то есть, *Великими Гетами*: въ его же время не различали Гетовъ, народа Ѳракійскаго, и Готѳовъ, во первыхъ по сходству имени, а во вторыхъ и по тому, что Готѳы, завоевавъ Дакію, смѣшались съ древними ея жителями, Гетами. Дегинъ думаетъ (см. Histoire des Huns), что Алане обитали нѣкогда среди горъ Уральскихъ, и что названіе ихъ произошло отъ слова *Алинъ*, которое означаетъ гору. — Амміанъ Марцеллинъ пишетъ, что *мечь* былъ единственнымъ божествомъ Аланъ: воткнувъ его въ землю, они покланялись ему какъ идолу (см. выше о Скиѳахъ). Сей Историкъ прибавляетъ, что Алане вообще сходствовали обычаями съ Гуннами.

(24) Объ нихъ говорятъ Страбонъ, Плиній, Тацитъ (см. Тунмана Gesch. der Oestl. Völk. 17—20).

(25) Дакію составляли Молдавія, Валахія, Трансильванія, даже часть Венгріи и Баннатъ Темесварскій (см. Маннерт. Geographie, IV, 172). — О Готѳахъ см. Штрит. Memor. popul. I, 37—240. Здѣсь можемъ упомянуть о гипотезѣ болѣе остроумной, нежели вѣроятной, коею изъясняютъ ужасное остервененіе народовъ Германскихъ противъ Рима. Утверждаютъ, что Готѳы жили нѣкогда въ Скиѳіи на Черномъ морѣ, имѣли участіе въ войнахъ Митридата, и побѣжденные Легіонами Республики (уже во время Трояново, какъ думаетъ Далинъ) искали убѣжища въ странахъ полуночныхъ, съ вождемъ своимъ *Одиномъ*, который оружіемъ и мудростію покорилъ себѣ знатную часть Сѣвера и вселилъ въ народы его ненависть къ Риму. Въ одной Греческой, такъ называемой *Пасхальной лѣтописи* дѣйствительно сказано, что Траянъ въ 106 году воевалъ съ Персами и Готѳами: слѣдственно послѣдніе обитали тогда близъ Персіи? Но Готѳы въ третьемъ вѣкѣ пришли въ Дакію изъ Скандинавіи, какъ пишетъ ихъ Историкъ VI столѣтія, Іорнандъ (см. его сочиненіе de rebus Geticis, Гамбург. изд. 1611 года, стр. 83). Еще вѣка за три до Христіанскаго лѣтосчисленія славный Пиѳеасъ, Марсельскій уроженецъ, имѣвъ случай видѣть отдаленныя сѣверныя земли, въ окрестностяхъ моря Бальтійскаго нашелъ Готѳовъ, которыхъ онъ и Плиній называютъ Гуттонами, Тацитъ Готонами, Птолемей Гитонами. Впрочемъ Пиѳеасъ слылъ великимъ лжецомъ, ибо хотѣлъ увѣрить современниковъ, что на Сѣверѣ Европы нѣтъ уже ни земли, ни моря, ни воздуха, и сти-

хія, перемѣшанныя между собою, образуютъ какое-то непроницаемое вещество (см. Страбона, стр. 163). По его словамъ, онъ доѣзжалъ отъ Испаніи до рѣки Дона и полунощнаго острова *Туле* за Британніею. Что касается до Исторіи Одина, Скандинавскаго Магомета, то она принадлежитъ вообще болѣе къ баснословію Скальдовъ, нежели къ достовѣрной Исторіи. По сказанію *Эдды*, онъ вышелъ изъ Азгарда; а какъ Страбонъ упоминаетъ о Скиѳскомъ народѣ Азіяхъ (стр. 779), извѣстныхъ также Плинію и Птолемею, то Сѣверные Повѣствователи (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. I, стр. 2) безъ всякаго сомнѣнія выводятъ Одина изъ окрестностей Дона. Нѣкоторые увѣрены даже, что баснословный Азгардъ есть нашъ Азовъ. Маллетъ говоритъ (Histoire de Dannemarc. I, 54), что древнее Кельтское слово *Азъ* знаменовало *Господина* и *Бога*: можетъ быть, Исландскіе Стихотворцы хотѣли сказать только, что Одинъ родился въ *странѣ боговъ*.

(26) См. Memor. popul. I, 42. — Іорнандъ (de rebus Geticis стр. 103) говоритъ, что Готѳамъ повиновались и *Меря* и *Мордва*, Merens, Mordens. Линней пишетъ, что многія огородныя травы, растущія единственно на степяхъ Азіатской Россіи, сдѣлались извѣстны въ Европѣ тогда, какъ Готѳы заняли Италію. Въ числѣ сихъ травъ онъ именуетъ шпинатъ, лебеду, чернобыльникъ, дикій хмѣль (см. Шлецер. Probe Ruff. Annal. стр. 45).

(27) Скандинавы издревле называли *Эстландіею* всѣ восточные берега моря Бальтійскаго (см. Далина Gesch. des Schwedisch. Reichs, I, 297) отъ устья Вислы до залива Финскаго.

Іорнандъ de rebus Geticis, стр. 103: Post Herulorum caedem idem Hermanricus in Venetos arma commovit, qui quamvis armis desperiti, sed numerositate pollentes, primo resistere conabantur..... Nam hi, ut initio expositionis, vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Sclavi, qui quamvis nunc, ita facientibus peccatis nostris, ubique desaeviunt, tamen tunc omnes Hermanrici imperiis serviere. Haestorum quoque similiter nationem, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident., idem ipse prudentiae virtute subegit. То есть: «Побѣдивъ Геруловъ» (обитавшихъ въ сіе время еще при Бальтійскомъ морѣ) «Германрикъ пошелъ войною на Венетовъ, которые были въ дѣлѣ ратномъ неискусны, но многочисленны и старались сперва оборонятся. Хотя Венеты, Анты, Славяне, называются нынѣ сими тремя разными именами, однакожь происходятъ отъ одного племени. Теперь они за грѣхи наши вездѣ свирѣпствуютъ, но прежде всѣ повиновались Германриковой власти. Онъ также покорилъ Эстовъ на берегахъ Германскаго Океана,» и проч.

(28) См. Геродота, кн. III, и Баера de numo Rhodio въ его Opuscul. ad Historiam Antiquam, стр. 500. Зная единственно Адріатическихъ Венетовъ, Греки искали Эридана въ Италіи, и думали, что онъ есть рѣка По. Но Діодоръ Сицилійскій (кн. V) и Плиній (кн. XXXVII, гл. 2 и 3) ясно говорятъ, что янтарь собирается въ Сѣверной Европѣ, и что тамъ, а не въ Италіи, течетъ славная рѣка Эриданъ. Баеръ разумѣетъ подъ симъ именемъ Западную Двину (Opuscula, стр. 527, 528).

Нѣкоторые считаютъ Славянами и Венетовъ Италіянскихъ, будто бы пришедшихъ съ Антеноромъ изъ Фригіи послѣ разрушенія Трои, и говорятъ: «Венеты назывались и Генетами, коихъ имя *безъ сомнѣнія* произошло отъ Греческаго слова Αἶνος, *хвала*» — см. Іорнанда de reb. Get. гл. 29, и Павла Діак. de gest. Longobard. кн. II, гл. 14 — «*хвала* то же, что и *слава*, отъ которой происходитъ имя Славянъ: и такъ Венеты были Славяне!» Но Страбонъ, которому надлежало знать Италіянскихъ Венетовъ, признаетъ ихъ (стр. 298) за одинъ народъ съ Белгическими Галлами-Венетами, побѣжденными Цесаремъ въ морскомъ сраженіи: Hos ego Venetos (Белгическихъ) existimo Venetiarum in Adriatico sinu esse auctores. — Гомерова Поэма столь прославила Трою, что всѣ народы хотѣли быть Троянами. Эней вышелъ изъ Трои: Одинъ Скандинавскій также (см. предисловіе къ Исландской *Эддѣ*): слѣдственно и Славянамъ надлежало дать право гражданства въ Иліонѣ.

Донынѣ въ Германіи именемъ Вендовъ означаютъ Славянъ: думаютъ, что Нѣмцы назвали ихъ такъ отъ глагола sich wenden, *обращаться, переходить съ мѣста на мѣсто*. Финны и всѣхъ Русскихъ именуютъ *Венналенами*.

(29) См. Шлецер. Nord. Gesch. 10—34 и Геснер. de Phoenicum navigationibus extra columnas Herculis. Въ Азіи цвѣли уже государства, когда въ Европѣ жили одни дикіе люди. Кадму и Финикіянамъ, основателямъ Кадикса, принадлежитъ честь и слава Европейскаго образованія. Мореходцы ихъ года по три не возвращались въ отечество (см. Шлецер. Versuch einer Geschichte des Handels und der Schiffahrt in den ältesten Zeiten). Къ сожалѣнію, всѣ книги Финикіянъ пропали, и только нѣкоторыя ихъ географическія свѣдѣнія дошли до насъ посредствомъ Грековъ. Стихотворецъ Авіенъ говоритъ о путешествіи Карѳагенца Имилькона въ сѣверную часть міра еще за 150 лѣтъ до Пиѳеаса (см. Шпренгеля Gesch. der Entdeckungen стр. 57).

Янтарь и олово, привозимое Финикіянами изъ Британніи, были уже извѣстны Гомеру. Страбонъ (кн. III) разсказываетъ, что Финикіяне ходили къ островамъ Касситерскимъ, или Британскимъ, для купли олова, и таили сію торговлю отъ другихъ народовъ. Какой-то Финикіянинъ, видя, что одинъ Римскій мореплаватель не отстаетъ отъ него (въ надеждѣ узнать путь къ упомянутымъ островамъ) поставилъ на мель корабль свой и Римскій: за что согражданe наградили его деньгами изъ казны общественной. — Однакожь мы не хотимъ говорить утвердительно о *непосредственномъ* сношеніи Венедовъ съ Финикіянами, которымъ и Германцы, сосѣды первыхъ, могли доставлять янтарь. Въ Тацитово время онъ шелъ единственно изъ земли Эстовъ (Descr. German. XLV), куда въ церствованіе Нерона ѣздилъ для того одинъ Всадникъ Римскій (см. Плинія, кн. XXXVII, гл. 3). Сіи Эсты были народомъ Германскимъ, называли янтарь Glesum (Glas), и говорили языкомъ сходнымъ съ Британскимъ. Тунманъ заключаетъ (Untersuchungen über die ält. Gesch. Nordisch. Volk. стр. 9) что они, завладѣвъ берегами Бальтійскими, принудили Венедовъ удалиться въ Литву, Россію, и проч. Гарткнохъ того же мнѣнія (Alt- und Neues Preussen, гл. 1, стр. 10, 23). Онъ думаетъ, что имя Прусской Шалавоніи (Schalauen), Вендена, Виндау, Ушевенде въ Ливоніи и Курляндіи произошло отъ Славянъ и Венедовъ, которые жили тамъ прежде Эстовъ. Германскіе Эсты могли вмѣстѣ съ Готѳами переселиться въ Дакію.

Прибавимъ однакожь, что нѣкоторые изъяснители древностей считаютъ не Пруссію, а Ютландію тою землею, гдѣ Финикіяне и Римляне искали янтаря: см. Шпренгеля Gesch. der Entdeckung. 51 и 114.

(30) Тацитъ пишетъ (Descr. Germ. XLI), что они жили въ сосѣдствѣ съ Невками Дакійскими,

а Плиній (кн. IV, гл. 13): quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris tradunt. — Если вѣрить извѣстію Космографа Эѳика (Aethici Cosmographia, стр. 26 въ изд. 1685 года), то Юлій Цесарь посылалъ трехъ ученыхъ мужей для измѣренія міра и для его описанія: Зенодокса въ страны восточныя, Ѳеодота въ сѣверныя, Поликлита въ южныя. Эѳикъ жилъ послѣ временъ Константина Великаго (см. Дю-Канж. Constantinop. Christ. I, 62) (*).

(31) Птолемея Geograph. кн. III, стр. 73: Tenent autem Sarmatiam maxime gentes Venedae per totum Venedicum sinum (Бальт. море). Тунманъ (Untersuch. über die Gesch. nord. Völk. стр. 9) думаетъ, что въ Птолемеево время уже не было Венедовъ въ земляхъ приморскихъ, и что сей Географъ сообщаетъ древнѣйшія и новыя извѣстія безъ всякаго разбора. — Не ссылаемся на Пеутингерскую карту: ибо крайне сомнительно, чтобы она сочинена была въ III вѣкѣ, какъ прежде полагали Ученые. Маннертъ (утверждая сіе мнѣніе въ его разсужденіи de Tabulae Peutingerianae aetate), долженъ былъ согласиться, что въ ней есть по крайней мѣрѣ нѣкоторыя вставки монашескія новѣйшихъ временъ: на примѣръ, имя *Константинополя:* слова подъ Римомъ: ad Stum Petrum; надпись пустыни между Египтомъ и Палестиною: Desertum ubi quadraginta annis erraverunt filii Israël ducente Moyse, и проч. — Гаттереръ считаетъ Птолемеевыхъ Венедовъ Нѣмцами, т. е. Вандалами, воображая, что Славяне назвались ихъ именемъ, занявъ послѣ берега моря Бальтійскаго (см. его Weltgesch. и Comment. Societ. Gottingensis, XII, 263).

Преторій (см. его Orb. Goth.) думалъ, что Бальтійское море получило имя свое отъ *бѣлыхъ* береговъ. *Бальтасъ* значитъ на Латышскомъ языкѣ *бѣлить*. Рыцари Нѣмецкаго Ордена, завоеватели Пруссіи, назвали ея берега, гдѣ находился янтарь, *Витландіею*, или *Бѣлою землею* (Баер. Conjectura de nomine Balthici maris, въ Комент. С. Петербургск. Академіи, V, 359). Шенингъ говоритъ, что слово *Бальте* или *Бельте* на древнемъ сѣверномъ языкѣ знаменуетъ *поясъ*. Готѳы могли такъ назвать море свое, воображая, что оно какъ поясъ окружаетъ землю (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 24). Въ Плиніевой Исторіи уже находимъ имя сѣвернаго острова Бальтіи: Пиѳеасъ называетъ его *Базиліею*.

(32) «Мы должны» — говоритъ ученый Гейне — «искать древнѣйшихъ свидѣтельствъ о народѣ, и время ихъ считать первою эпохою бытія его для Исторіи. Гдѣ онъ былъ прежде? или откуда вышелъ? узнаемъ развѣ за предѣлами сего міра, extra anni solisque vias.»

Нѣкоторые Ученые (не говорю уже о Мавро-Урбинахъ, Раичахъ и подобныхъ Историкахъ) доказываютъ, что Венеды-Славяне были Скиѳы. «Филиппъ Македонскій, по ихъ мнѣнію, разрушилъ Монархію Скиѳскую; изъ остатковъ ея, кажется, произошли другіе народы, а въ числѣ ихъ и Венеды: ибо нѣкоторыя Скиѳскія имена, сохраненныя Историками, могутъ быть изъяснены языкомъ Славянъ» (см. Allgem. Weltgesch. nach dem Plane Guthrie und Gray, T. III, или въ Гебгарди Gesch. der Wenden, I, въ предисл. стр. 21). Но 1) Филиппъ не истребилъ Скиѳовъ: черезъ 250 лѣтъ по его кончинѣ они жили въ окрестностяхъ Чернаго моря, сражались съ Митридатомъ, съ Римлянами и съ Гетами. 2) Венеды еще до временъ Филипповыхъ были уже извѣстны на берегахъ моря Бальтійскаго. 3) Нравы Венедовъ, изображенные Тацитомъ, ни мало не сходствовали съ обычаями Скиѳовъ. 4) Слова языка Скиѳскаго, приводимыя Геродотомъ, такъ мало подходятъ къ Славянскимъ, что ими скорѣе можно доказать несходство сихъ двухъ языковъ. На примѣръ (кн. IV): Эксампеосъ, *горькій источникъ;* Арима, *одинъ;* Спу, *глазъ, око;* Оіоръ, *мужъ;* Апіа, *земля;* Пата, *умертвить, задавить.* — Если же мы, согласно съ Эфоромъ, назовемъ всѣхъ полунощныхъ жителей Скиѳами, въ такомъ случаѣ конечно и Славяне будутъ Скиѳы; но сіе *общее* имя народовъ различныхъ объяснитъ ли для насъ ихъ происхожденіе (*)?

(33) См. въ твореніяхъ Жебленевыхъ, sur la grammaire comparative, о связи Европейскихъ языковъ съ Восточными. — Сію вѣроятность Азіатскаго происхожденія всѣхъ народовъ подтверждаетъ славный Линней замѣчаніемъ весьма любопытнымъ. Онъ говоритъ: «Первые люди, созданные Богомъ, жили между Тропиками: не только Св. Писаніе, но и самая нагота человѣка свидѣтельствуетъ, что мы нѣкогда существовали тамъ, гдѣ находимъ животныхъ безъ шерсти: слоновъ, носороговъ, Индѣйскихъ собакъ, и гдѣ *всегдашніе* древесные плоды служили ему вкусною и самою естественною пищею. Потопъ истребилъ людей, и ковчегъ Ноевъ, какъ сказано въ Св. Писаніи, остановился на горѣ Араратской, откуда цѣпь горъ идетъ къ Сибири и Татаріи, странамъ *высочайшимъ*, изъ коихъ текутъ многія рѣки въ море Ледовитое, Каспійское, Океанъ Восточный и во всѣ земли окружныя. Сіи мѣста долженствовали казаться Ноеву семейству лучшими и безопаснѣйшими для обитанія, и Богъ произвелъ тамъ хлѣбъ, которымъ болѣе всего питается человѣкъ внѣ Тропиковъ, и который (что извѣстно Ботаникамъ) растетъ *дикій* въ одной Россіи восточной. Гейнцельманнъ нашелъ въ степяхъ Башкирскихъ пшеницу и ячмень. Жители Сибирскіе пекутъ хлѣбы изъ дикой ржи. Слѣдственно можно заключить, что Сибирь была первымъ отечествомъ Ноевыхъ потомковъ», и проч. (см. Шлецер. Probe Russisch. Annal. стр. 45—46). Шлецеръ, напечатавъ сіе мѣсто изъ Линнеевой рукописной Диссертаціи, прибавляетъ: «Мысль новая и прекрасная! она разительнымъ образомъ доказываетъ пользу Естественной Исторіи для Исторіи народовъ.» Г. Озерецковскій (см. его *Путешествіе по озерамъ Ладож. и Онежск.* стр. 34), говоритъ, что въ Сибири называютъ дикою рожью и траву колосникъ (Elynus arenarius).

Антонъ (см. его Versuch über der alten Slaven Ursprung) замѣчаетъ, что въ языкѣ нашемъ есть имя слона, вельблюда, обезьяны, которыхъ нѣтъ въ Европѣ. Другіе считаютъ названія нѣкоторыхъ древнихъ городовъ въ Азіи Славянскими: на примѣръ, Смирны. Но это не доказательство, чтобы Славяне уже *какъ народъ особенный* существовали въ Азіи.

(34) Для того назывались они *Гамаксобіями* (quia pro sedibus plaustra habent dicti Hamaxobii, пишетъ Мела, кн. II. стр. 39). — Слова Тацитовы о Венедахъ: domos figunt et pedum usu ac pernicitate gaudent, quæ omnia diversa Sarmatis sunt, in plaustro equoque viventibus.

(35) См. Memor. popul. I, 452. Такъ описываетъ ихъ Амміанъ Марцеллинъ (XXX, 2): «Гун-

(*) «Нѣкоторые считаютъ Венедовъ Плинія и Тацита Германскимъ народомъ» (отмѣтка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Н. Г. Р.)

(*) Плиній и Птолемей упоминаютъ о народѣ Serbi: вотъ древнѣйшее имя Славянъ. Добров. — По Константину еще въ X вѣкѣ жили Σέρβοι въ Россіи подлѣ Хорватовъ. (Отмѣтка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Н. Г. Р.).

ны, прежде едва извѣстные, имѣютъ отвратительныя лица и щеки изрѣзанныя ножемъ, для того, чтобы не росла борода. Они всѣ безобразны, толстошеи, сутулы и кажутся не людьми, а грубыми болванами; ѣдятъ траву, коренья и сырое мясо, согрѣвъ его на сѣдлѣ подъ собою; не знаютъ домовъ, убѣгая ихъ какъ могилъ; скитаются всегда по горамъ и лѣсамъ, привыкаютъ терпѣть холодъ и зной, жажду и голодъ; носятъ одежду изъ полотна или кожъ звѣриныхъ, и гноятъ ее на своемъ тѣлѣ; на лошадяхъ ѣдятъ и спятъ; не сходятъ съ нихъ и во время народныхъ совѣтовъ; говорятъ нескладно и темно; живутъ безъ Вѣры и законовъ; не имѣютъ понятія о чести и нравственности; свирѣпы, лживы, хищны,» и пр.— Іорнандъ, ненавидя Гунновъ за порабощеніе единоземцевъ его, разсказываетъ нелѣпую басню о происхожденіи сего народа. «Въ войскѣ Готѳскаго Царя Филимера (говоритъ онъ) завелись волшебницы или вѣдьмы; будучи имъ высланы изъ стана, онѣ ушли въ степь и прижили тамъ съ Фаунами (quos Faunos Ficarios vocant) безобразныхъ Гунновъ, которые долго обитали на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, и наконецъ перешли на другую сторону, въ слѣдъ за ланію, указавшею имъ путь черезъ сіе море.» Византійскіе Историки говорятъ только, что Гунны пришли изъ Азіи чрезъ рѣку Донъ. Дегинъ, по Китайскимъ лѣтописямъ, опредѣляетъ ихъ древнее жилище между рѣкою Иртышемъ и Китаемъ. Они безпрестанно опустошали сію Имперію, и славная стѣна Китайская построена вѣка за три до Христіанскаго лѣтосчисленія для защиты отъ ихъ набѣговъ. Гунны, около Рождества Христова, раздѣлились на Южныхъ и Сѣверныхъ: первые смѣшались съ Китайцами и Татарами; вторые, основавъ разныя области въ Татаріи, явленіемъ своимъ устрашили Европу (см. Histoire générale des Huns). Слѣдственно одинъ изъ народовъ Сибирскихъ уже въ IV вѣкѣ сдѣлался намъ извѣстенъ по Исторіи. — Гунны по общему мнѣнію были Калмыки. Гаттереръ причисляетъ къ нимъ Массагетовъ, Саковъ, Хоразовъ или древнихъ жителей Хивы (см. Comment. Societ. Gottingensis. T. XIV. стр. 24).

Іорнанд. de rebus Geticis, стр. 105: Hermanricus (уязвленный двумя измѣнниками) tam vulneris dolorem, quam etiam incursiones Hunnorum non ferens, grandaevus et plenus dierum, centesimo decimo anno vitae suae defunctus est. Ам. Марц. сказываетъ, что онъ умертвилъ самъ себя.

(36) См. выше, примѣч. 27. Прокопій (de bell. Goth. кн. III, гл. 4): Nomen etiam quondam Sclavenis Antisque unum erat..... Una est lingua. Тамъ же, кн. IV, гл. 4: ulteriora ad Septentrionem (страны дальнѣйшія отъ Чернаго моря къ Сѣверу) habent Antarum populi infiniti (заняты многочисленными племенами Антовъ).

(37) Іорнанд. de rebus Geticis, стр. 130. Всѣ они были распяты на крестѣ: in exemplo terroris cruci adfixit (Винитаръ).

(38) См. Присково описаніе посольства отъ Императора къ Аттилѣ (Memoriae populorum T. I, стр. 513), гдѣ Ромулъ исчисляетъ Аттилины завоеванія. Прискъ разсказываетъ весьма любопытныя подробности объ Аттилѣ, у котораго онъ самъ былъ нѣсколько дней. Греческіе послы нашли его въ станѣ воинскомъ. Аттила, принявъ ихъ и дары Императорскіе съ великою гордостію, велѣлъ имъ ѣхать за собою въ одно мѣстечко, гдѣ онъ жилъ обыкновенно въ мирное время. Тамъ встрѣтили его молодыя дѣвицы, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, и пѣли въ честь ему пѣсни на языкѣ Скиѳскомъ. Деревянная стѣна окружала дворецъ, также деревянный, построенный на возвышеніи. Аттила, въ утренніе часы выходя изъ дому, садился у дверей и рѣшилъ тяжбы народныя; въ день принималъ пословъ изъ разныхъ частей міра, а ввечеру ужиналъ съ ними. Всѣ другіе ѣли съ блюдъ серебряныхъ и пили изъ золотыхъ стакановъ: Аттилѣ подавали только деревянные. Въ концѣ ужина являлись Гуннскіе Стихотворцы, пѣть и славить великія побѣды Царя. Друзья и товарищи его, оживленные воспоминаніемъ битвъ, изъявляли удовольствіе; старцы, лѣтами обезоруженные, плакали отъ умиленія. Аттила, всегда мрачный и задумчивый, безмолвствовалъ, лаская рукою маленькаго сына своего, которому волхвы Гуннскіе обѣщали успѣхи и славу отца. Одежда, мечи и кони вождей его блистали золотомъ и драгоцѣнными каменьями: самъ Аттила презиралъ наружныя украшенія. — Не только Гунны, но и другіе народы, имъ подвластные, любили сего удивительнаго человѣка за его великія свойства и правосудіе. Многіе Греки и Римляне добровольно служили ему. Одинъ изъ нихъ сказалъ Приску: «Я люблю Скиѳскіе нравы. Мы часто воюемъ; но за то въ мирное время наслаждаемся совершеннымъ покоемъ, и не боимся утратить любезной собственности. Въ бывшемъ моемъ отечествѣ, въ Римской Имперіи, властвуютъ тираны, а малодушные рабы не смѣютъ обороняться. Тамъ нѣтъ правосудія, ни равенства въ государственныхъ податяхъ, и сильные угнетаютъ слабыхъ.» — Въ числѣ пословъ Императорскихъ былъ человѣкъ, который взялся умертвить грознаго Царя Гунновъ: Аттила зналъ о семъ умыслѣ, но великодушно презрѣлъ его. Воинское счастіе вскружило ему голову, такъ же, какъ и Герою Македонскому. Александръ хотѣлъ называться Юпитеровымъ сыномъ: Аттила говорилъ о себѣ, что онъ *бичь Небесный и млатъ вселенныя*; что *звѣзды падаютъ и земля трепещетъ отъ его взора.* — Мы привыкли воображать Гунновъ чудовищами: надобно думать, что Аттила былъ не очень безобразенъ, ибо Гонорія, сестра Императора Валентіана, предлагала ему руку свою.

(39) См. Іорнанд. de reb. Get. стр. 135. — Гепиды въ слѣдъ за Готѳами пришли съ береговъ моря Балтійскаго.

(40) Іорнанд. de reb. Get. стр. 134. Sauromatae vero, quos Sarmatas diximus..... et quidam ex Hunnis in parte Illyrici ad castrum Martenam sedes sibi datas coluere. Алане владѣли въ Испаніи Лузитанскою и Карѳагенскою провинціями; но многіе изъ нихъ остались между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, гдѣ они жили и въ 557 году (см. Memor. popul. I, 644). Въ Эрбелотовой *Восточной Библіотекѣ* упоминается объ Аланскомъ Князѣ, обитавшемъ въ IX вѣкѣ близъ Дербента; Чингисханъ воевалъ тамъ съ Аланами (см. Hist. des Tatars d'Abulgasi, стр. 309). Карпинъ (въ Бержерон. Voyages стр. 58) и Рубруквисъ, или Рузброкъ (стр. 24), Монахи и путешественники XIII вѣка, также говорятъ о Кавказскихъ Аланахъ, сказывая, что они назывались и Ясами (Asses, Acias), о коихъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, были Христіане, искусные кузнецы и слесари; дѣлали прекрасное оружіе и хранили свою независимость. Полковникъ Герберъ описываетъ въ горахъ Кавказскихъ деревню Кубеша, гдѣ всякой житель есть оружейный мастеръ или серебреникъ. Миллеръ (Sammlung Russ. Gesch.) признаетъ сихъ людей, говорящихъ совсѣмъ особеннымъ языкомъ, потомками древнихъ Аланъ. Стриковскій мечтаетъ, что Алане перешли въ Литву (см. ниже, прим. 388).

(41) Memoriae popul, T. I, 545—568, и T. II. 495. Первое извѣстіе объ Аграхъ находится въ Прискѣ

(Memor. popul. I. 642): онъ называетъ ихъ Гуногурами, Урогами, Сарагурами — Агаѳія Унугурами, Ѳеофилактъ Гунугурами, Огорами — Менандеръ Унигурами и Унгурами — Іорнандъ Гунугарами, прибавляя, что они торгуютъ мѣхами — Прокопій Утигурами и Кутригурами (см. Тунмана Gesch. der Oestl. Völk. ст. 30 и Гебгарди Gesch. der R. Hungarn, I, 321). Штраленбергъ, а за нимъ Татищевъ и Болтинъ говорятъ, что имя Угры есть Славянское, означая людей живущихъ *у горъ;* но Греки называли ихъ симъ или подобнымъ именемъ еще прежде, нежели узнали Славянъ (Memor. popul. I, 570). Нынѣшнюю Башкирію считаютъ древнимъ отечествомъ Угорскихъ народовъ (см. Тунмана Gesch. der Oestl. Völker стр. 30); можетъ быть, они жили и гораздо далѣе на Востокъ. Абульгази (Histoire des Tatars, стр. 91-98) пишетъ о многочисленномъ народѣ Азіатскомъ, Угурахъ и Уйгурахъ, которые долгое время обитали въ Великой Татаріи и раздѣлились на двѣ части: одни остались въ первобытномъ отечествѣ, имѣя тамъ селенія и города; другіе же удалились къ Иртышу, вели тамъ жизнь кочевую и ловили звѣрей, бобровъ, куницъ, соболей, бѣлокъ. Сіи Угуры могли распространиться оттуда до Уфимской Губерніи. Юговосточные единоземцы ихъ были гораздо просвѣщеннѣе: знали хорошо Турецкій языкъ и служили писарями въ канцеляріи Чингисхана. См. ниже примѣч. 302.

Болгары называются также разными именами въ Византійской Исторіи (см. Memor. popul. II, 441). Вопреки Нестору (въ печат. стр. 145) многіе считали ихъ Славянами, для того, что сей народъ, завоевавъ послѣ ту часть Мизіи, гдѣ жили Славяне, смѣшался съ ними и въ теченіе времени принялъ языкъ ихъ; но Болгары говорили прежде особеннымъ языкомъ. Древнѣйшія собственныя имена ихъ совсѣмъ не Славянскія, а подобны Турецкимъ (см. роспись Болгарскихъ Царей въ Memor. popul. II, 457) равно какъ и самые обычаи (см. Тунмана Gesch. der Oestl. Völk. стр. 36). Историки Византійскіе именуютъ Угровъ и Болгаровъ Гуннами (Memor. popul. I, 451 и II, 441). Болгары, по Восточнымъ лѣтописямъ, обитали издревле на берегу Волги, гдѣ найдемъ ихъ и въ X вѣкѣ. Византійцы полагаютъ *Великую* или *Старую Болгарію* между Волгою и Дономъ (Memor. popul. II, 441). Діоклеасъ (въ Швандтнер. изданіи Script. rerum Hung. etc. III, 478) и Никифоръ Григора, Историкъ XIV вѣка, пишутъ, что они названы такъ отъ рѣки Волги, обитавъ нѣкогда въ окрестностяхъ ея: въ чемъ Миллеръ сомнѣвается — «ибо Греки и Римляне (говоритъ «онъ) именовали ее *Ра*, а Восточные народы «*Атель* или *Этель*.» Но Арабскіе Историки (см. Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Bulgar) называютъ Волгу *Булгаромъ*. Остается знать, народъ ли отъ рѣки, или рѣка отъ народа получила свое имя? Моисей Хоренскій, Армянскій Историкъ, первый упоминаетъ о Болгарахъ, сказывая, что еще за 100 лѣтъ до Рожд. Хр. многіе изъ нихъ вышли изъ своего древняго отечества, изгнанные внутреннимъ мятежемъ, и поселились въ Арменіи (Mos. Chor. Hist. Arm. стр. 90 и 100).

Угры и Болгары вытѣснены были изъ Азіатской Россіи Савирами, народомъ мужественнымъ и безпокойнымъ, который скоро перешелъ къ горамъ Кавказскимъ, и воевалъ тамъ съ Римлянами и съ Персами до 578 года. Съ сего времени нѣтъ уже объ немъ ни слова въ лѣтописяхъ.

Готѳы, оставшіеся въ Тавридѣ, назывались Готѳами-Тетракситами: см. ниже, примѣч. 88.

(42) *Можно:* но въ самомъ дѣлѣ Историкъ не поручится за истину сей этимологіи. По крайней мѣрѣ Русскіе Славяне совсѣмъ не думали изъяснять своего имени *славою*, ибо писались *Словенами;* въ Венгріи и Польшѣ называются *Словаками*, въ Богеміи Слованами (см. Гебгарди Geschichte der Wendisch-Slavischen Staaten, T. I). Утверждаясь на томъ, многіе производятъ имя ихъ отъ *слова*, говоря, что сей народъ, не разумѣя языка другихъ, назвалъ ихъ Нѣмцами, то есть *нѣмыми*, а себя *словеснымъ* или Словенами. Предки наши дѣйствительно разумѣли всѣхъ иноплеменныхъ подъ именемъ Нѣмцевъ (см. сей *Исторіи* T. II, примѣч. 64) и мысль, что оно произошло отъ Германскихъ Неметовъ, кажется неосновательною; однакожь многія собственныя имена Славянъ — на примѣръ: Свято*славъ*, Ростис*лавъ*, Мстис*лавъ* — заставляютъ думать, что и въ народномъ имени былъ у нихъ А, а не О. Византійскіе Историки писали всегда *Склавини, Склави;* Готѳскій Іорнандъ такъ же; а Моисей Хоренскій, сочинитель Армянской Исторіи, *Скалаваци* (Mos. Chor. Geograph. 347). — Говорить ли о другихъ толкованіяхъ, совсѣмъ невѣроятныхъ и даже смѣшныхъ? Думаютъ, что первый Славянинъ на вопросъ иностранца, кто онъ? отвѣтствовалъ: *человѣкъ* или *чловѣкъ*. Иностранцу послышалось: *Словекъ* — изъ сего вышло *Словакъ* и Словени. Нѣкоторые производятъ сіе имя отъ Склова или Шклова, извѣстнаго городка на Днѣпрѣ — отъ рѣки Лабы или Эльбы — отъ *Салавы*, означающей на Литовскомъ языкѣ *мысъ*, и проч. и проч. (см. Гебгарди Gesch. der Wenden, T. I, стр. 64-66). Мы видѣли, что самое древнее въ лѣтописяхъ имя Славянъ было Венеды (см. выше, примѣч. 27). Византійскій Историкъ Прокопій сказываетъ намъ еще, что Анты и Славяне именовались нѣкогда *Спорами*, отъ того, что жили въ разсѣяніи (*σποραδην*): но никакія лѣтописи не упоминаютъ о *Спорахъ*. Добровскій думаетъ, что Прокопій, слыша объ имени Славянскихъ Сербовъ, обратилъ его въ *Спори*. — Замѣтимъ еще, что Славяне назывались въ Германіи *Соланами* (см. Гебг. T. I, стр. 65); а наконецъ заключимъ тѣмъ, что малѣйшій случай, малѣйшее обстоятельство, совсѣмъ неизвѣстное по лѣтописямъ, раждаетъ иногда народное имя, котораго никакая историческая ученость изъяснить не можетъ.

(43) См. выше, примѣч. 36. Въ другомъ мѣстѣ (de Bel. Goth. кн. III, гл. 43), Прокопій говоритъ, что Анты къ Западу граничили съ Славянами, которые жили отчасти близъ Дуная, отчасти на самыхъ полунощныхъ берегахъ его (Memor. popul. II, 2 и 31). Іорнандъ пишетъ такъ (de rebus Geticis, стр. 85): «На сѣверной сторонѣ горъ Карпатскихъ, отъ источниковъ Вислы, на пространствахъ неизмѣримыхъ обитаетъ многочисленный народъ Венедовъ, который по разнымъ племенамъ и мѣстамъ называется разными именами, но извѣстенъ подъ двумя главными: Славянъ и Антовъ. Славяне живутъ (a civitate nova et Sclavino Rumunnense, et lacu qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Viscla tenus) отъ Новаго города, Румунненской области и Музіанскаго озера до самаго Днѣстра, а на Сѣверъ до Вислы; болота и лѣса служатъ имъ вмѣсто крѣпостей. Анты же, храбрѣйшіе (или сильнѣйшіе) изъ обитателей Черноморскаго берега, занимаютъ всю страну отъ Днѣстра до рѣки Дуная.» Сей *Новый-городъ*, по-Гречески *Неа*, по-Латини *Нове*, существовалъ въ Мизіи, не далеко отъ болотъ Эссекскихъ или Мурсійскихъ, которыя Іорнандъ могъ назвать Lacus Musianus вмѣсто Mursianus (см. Бишинг. Erdbeschr., T. II, стр. 481, Гамбург. изд. 1788). Христофоръ Іорданъ (см. его de originibus Slavicis, T. II, стр.

157. 158) столь же вѣроятно полагаетъ, что въ Іорнандѣ надобно читать lacus Mysianus, а не Musianus, и что его Румунненская область есть нынѣшній Волошскій округъ Ромунаци, Romunazzi, на западномъ берегу Алуты. Другіе же читаютъ сіе мѣсто въ Іорнандѣ такъ: a civitate Novietunense et lacu, думая, что имя Sclavinorum стояло въ древней рукописи только для объясненія вверху надъ Novietunense, а переписчики вставили оное въ строку между Noviet и unense. См. Дуриха Bibl. Slav. II, и Добровск. Slavin 294—297.

Мы не можемъ *точно* опредѣлить времени, въ которое Славяне овладѣли тою частію Германіи, гдѣ прежде обитали Тацитовы Свевы (см. Versuch in der ältesten Gesch. der Slav. in Teutschland von Gercken). Гаттереръ думаетъ, что они утвердились въ Богеміи, Моравіи, Саксоніи и Турингіи въ 534 году, а въ Стиріи и Поммераніи отъ 569 до 588. Шлецеръ (Nord. Gesch. 23), именуетъ 33 народа изъ обитавшихъ въ Германіи Славянъ. Тунманъ замѣчаетъ, что къ сему числу можно еще прибавить нѣсколько именъ. Знатнѣйшіе были, кромѣ Чеховъ Богемскихъ и Моравовъ, Сорабы или Сербы въ Верхней Саксоніи, Лутичи въ Лаузицѣ, Вильцы или Поморяне въ нынѣшней Поммераніи, Оботриты въ Мекленбургѣ, Укры въ Бранденбургѣ. Шлецеръ утверждалъ, что нѣкоторые народы Славянскіе издревле могли обитать въ Германіи. Тунманъ другаго мнѣнія (см. его Anmerk. über die Nord. Gesch. стр. 100—134).

Въ 590 году Славяне жили, по извѣстіямъ Византійскимъ (Memor. popul. II, 54) на самомъ краю *Западнаго Океана* или моря Бальтійскаго. Вѣрю, что Тацитовы Эсты (см. выше примѣч. 29) были Германцы; но быть можетъ, что нѣкоторые Славяне-Венеды и въ первомъ и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ все еще обитали въ древнемъ своемъ отечествѣ при Бальтійскомъ морѣ, то есть, въ сосѣдствѣ съ народами Готѳскими или Нѣмецкими.

(44) Славянъ можно назвать Сарматами *такъ же, какъ* и Скиѳами: то и другое имя давалось часто всѣмъ народамъ сѣвернымъ и неизвѣстнымъ. Ни Готѳскій Историкъ Іорнандъ, ни Византійскій не называютъ Антовъ, Венедовъ и Славянъ Сарматами, которые были Азіатскимъ кочевымъ народомъ.

Гиббонъ (History of the decl. and fall of Rom. Emp. T. V, гл. XLII) объявляетъ намъ, что Славяне около VI вѣка имѣли 4600 деревень въ Россіи и Польшѣ. Онъ ссылается на географическій отрывокъ 550 года, напечатанный въ Histoires de Peuples Графа Бюата (T. II, стр. 145) и хранимый въ библіотекѣ Миланской. Сіе любопытное извѣстіе заставило меня выписать изъ Парижа Бюатову забытую Исторію. Что жь вышло? Сей отрывокъ, переведенный съ Латинскаго на Французскій, писанъ *единственно* по мнѣнію нашего ученаго Графа въ X вѣкѣ, а сочиненъ, *только по его же мнѣнію,* около 550 года. Правда, что именованные тамъ народы суть большею частію Славяне; однакожь не одни Польскіе и Россійскіе, но и Нѣмецкіе. На примѣръ: Vuilces, Вильцы; Linaa, Лины; Surbi, Сорбы; Nord-Abtrezi, Oster-Abtrezes, Сѣверные и Восточные Оботриты; Hebfeldes, Гевельды; Bethemares, Поморяне (думаю); Miloxes, Мильцы; Sitices, Ситины; Marhariens, Марваны (Моравы); Lendizes, Лютичи; Prissans, Бризаны; Smeldingon, Смельдинги, Эльбскіе жители, о коихъ упоминается въ Исторіи Карла Великаго; Lunsitzes, жители Лаузица, и проч. Только слѣдующія имена могутъ означать Славянъ Россійскихъ и Польскихъ: Zerivars, можетъ быть Хорваты (grand royaume, d'où sont venues toutes les nations des Sclaves comme elles l'assurent); Wuislane, Висляне: Sleenzane, Силезійцы; Opolines, Поляне; Busans, Вужане; Sebbirozi, Сѣверяне; Unlize, Угличи, или Суличи; Nerivans, не Древляне ли? Именуются еще Bruzes, Пруссы; Seravices, жители Сервіи; Chazirozes, Хазары или Козары; Vulgari, Болгары; Thalaminzes, Далматы; Ungare, Венгры — и наконецъ самые Россіяне, Ruzzes: сильнѣйшее доказательство, что сей отрывокъ сочиненъ не въ VI вѣкѣ, а гораздо послѣ! Авторъ даетъ каждому народу по нѣскольку городовъ (cités): Гиббонъ счелъ ихъ и называетъ *деревнями* (villages), отчасти Россійскими, отчасти *Польскими!* — Въ началѣ отрывка сказано (такъ переводитъ Бюатъ): Description des cités et régions, situées au coté septentrional du Danube. Ceux-ci sont ceux qui habitent le plus près des frontieres des Danaens: т. е. *Грековъ,* толкуетъ Бюатъ; но гораздо вѣроятнѣе, что сочинитель называетъ симъ именемъ Датчанъ. Нѣкоторыя имена такъ испорчены, что не льзя отгадать ихъ значенія; на примѣръ: Phesnuzes, Thadeses, Glopéans, Zuyréans, Attarozes, Eptaradices и проч. Вообще кажется, что и самъ Авторъ писалъ на-обумъ, не имѣя вѣрнаго географическаго свѣдѣнія о сихъ народахъ.

(45) Птолемей Александрійскій во II вѣкѣ описалъ всѣ страны отъ моря Бальтійскаго до Чернаго, Азовскаго, и до глубины сѣверной Азіи; но повѣримъ ли, чтобы онъ, живучи въ Египтѣ, дѣйствительно имѣлъ свѣдѣніе о мѣстахъ столь отдаленныхъ, и чтобы его terra incognita начиналась только за шестьдесятъ-первымъ градусомъ широты? Ни купцы, пріѣзжавшіе въ Александрію изъ разныхъ земель, ни славная тамошняя библіотека (см. Гаттерер. въ Comment. Societ. Gotting. XII, 210, и Маннерт. Geograph. IV, 132) не могли открыть ему, какіе народы жили тогда въ Россіи сѣверной. Что значатъ пустыя народныя имена, щедрою рукою разбросанныя на его картахъ Сарматіи, и совсѣмъ неизвѣстныя для Исторіи: Карвоны, Осіи, Салы, Кареоты, Пагириты, Офлоны, и проч.? Пусть Гаттереръ рѣшитъ, кого изъ нихъ должно считать Финнами, кого Нѣмцами; пусть Добнеръ (см. его Annales Bohemorum или примѣчанія на Гагека) старается увѣрить себя, что они всѣ были Славяне; что имя Птолемеевыхъ Суланъ происходитъ отъ *соли,* Биссовъ отъ *пѣшихъ,* Бастарновъ отъ *пастыря,* Піеннатовъ отъ *пѣны,* Ставанъ отъ *стою,* Судиновъ отъ суда или *сосуда;* но гдѣ историческія доказательства? Понимаю, что Римляне I и II вѣка могли знать приморскихъ жителей Сѣвера и сосѣдовъ Дакіи: для того нахожу любопытнымъ, что пишетъ объ нихъ Тацитъ или Плиній; замѣчаю и сказаніе Птолемеево о Венедахъ, ибо они уже были извѣстны двумъ вышеупомянутымъ Историкамъ-Географамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ выходятъ на ѳеатръ Исторіи. Птолемей зналъ ли внутренность Россіи, объявляя намъ, что Донъ вытекаетъ изъ горъ Рифейскихъ, и что Азовское море простирается къ Сѣверу отъ 48 градуса широты до 54? Къ тому же въ Географіи его видны многія прибавленія новѣйшихъ временъ (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 176). Могъ ли онъ знать Гунновъ (Хуновъ) между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ, Аваровъ (Авариновъ) и Прусскихъ Галиндовъ? Однимъ словомъ, Птолемеево сочиненіе любопытно и важно описаніемъ тогдашнихъ извѣстныхъ земель, а не сѣверной Россіи. Онъ первый изъ древнихъ Географовъ означаетъ теченіе Волги или Ра отъ баснословныхъ горъ Гиперборейскихъ къ морю Каспійскому; но кто поручится, чтобы и сія рѣка не была вставлена въ Птолемеево твореніе новѣйшими Географами?

(46) (См. Memor. popul. T. II, 24—78.) Если дѣйствительно Моисей Хоренскій, жившій въ V вѣкѣ, былъ сочинителемъ Армянской Исторіи (въ чемъ Тунманъ сомнѣвается), то онъ ранѣе всѣхъ говоритъ о Славянахъ. Въ Географіи Птолемеевой (см. выше, примѣч. 44) есть имя сѣвернаго народа *Ставани:* нѣкоторые думаютъ, что надобно читать *Славяне*.

(47) Славяне разорили славный въ Далмаціи городъ Эпидавръ, и почти всѣхъ его жителей умертвили; только немногіе укрылись на крутой неприступной скалѣ, начали обрабатывать ее и мало по малу основали городъ Рагузу. Прокопій говоритъ, что Славяне въ своихъ нашествіяхъ всякой разъ убивали или плѣняли до 200,000 человѣкъ.

(48) Построенная Анастасіемъ между Селивріею и Чернымъ моремъ для удержанія Болгаровъ въ ихъ набѣгахъ. — Славяне и Болгары приближались къ Царюграду въ 559 году.

(49) Славяне платили имъ за перевозъ по червонцу съ человѣка (см. Прокопія въ Memor. popul. T. II, 40).

(50) Въ Таугастъ Туркестанскій и къ сосѣдственнымъ Мукритамъ: см. Memor. popul. I, 719, и Дегина Histoire des Huns, кн. V, 368, и слѣд.

(51) См. Memor. popul. III, 44, и слѣд. Посолъ отъ Дизавула прибылъ въ Константинополь въ 568 году. Менандеръ называетъ Турковъ Саками, а Ѳеофанъ Массагетами. Восточные Историки говорятъ, что старшій Іафеѳовъ сынъ именовался Туркомъ, отъ коего произошелъ сей народъ (см. Эрбелот. Bibl. Orient.), единоплеменный съ Татарами.

Императоръ послалъ къ Хану Турецкому Земарха (см. Дегин. кн. V, 386, и Memor. popul. III, 50—52). Ханъ, за неимѣніемъ вина (ибо въ сей странѣ, по словамъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, нѣтъ винограда) потчивали Грековъ какимъ-то особеннымъ питьемъ, вѣроятно кумысомъ. Земархъ переѣхалъ черезъ рѣки Волгу, Яикъ или Уралъ, и проч.

(52) Сіи золотыя и серебряныя вещи, хранимыя въ нашей Кунсткаммерѣ, большею частію найдены близъ Иртыша и Тобола, а въ могилахъ степей Енисейскихъ однѣ стрѣлы, кинжалы, ножи изъ красной мѣди: слѣдственно народъ, тамъ обитавшій, еще не употреблялъ желѣза (см. въ *Ежемѣсяч. Сочиненіяхъ* 1764 г. Изъясненіе Сибирскихъ Древностей, стр. 483 и слѣд.) Сіи могилы должны быть по тому гораздо древнѣе временъ Чингисхановыхъ. — Алтайскіе Турки славились богатствомъ, дѣлая изъ чистаго золота столы, сѣдалища, конскіе приборы (см. Memor. popul. III, 65, и Дегин. Histoire des Huns, кн. V, 386).

(53) Ханъ подарилъ Земарху одну молодую женщину народа *Киргизскаго*, *Χερχὶς* (см. Memor. popul. III, 52), а не *Черкесскаго*, какъ думалъ Дегинъ. И такъ Киргизы въ 569 году сдѣлались извѣстны въ лѣтописяхъ. — Мы называемъ Огоровъ или Аваровъ Гуннами, слѣдуя Византійскимъ Историкамъ, сказывающимъ, что Огоры жили прежде на Востокъ отъ Волги: см. Memor. popul. I, 625 и 643. Сіи Авары-самозванцы именуются Pseudabares.

(54) См. Менандра въ Memor. popul. I, 647.

(55) Когда посолъ Тиберіевъ въ 580 году пріѣхалъ къ Хану Турецкому съ дружескими увѣреніями, сей Ханъ сказалъ ему: «Не вы ли, Римляне, говорите десятью языками, и на всѣхъ равно обманываете людей? . . . . Мы Турки не знаемъ обмана, ни лжи: да будетъ же вамъ извѣстно, что я найду способъ отмстить вашему Государю. Онъ увѣряетъ меня въ своемъ благорасположеніи, и въ то же время дружится съ Аварами, нашими бѣглыми рабами. Вы говорите, что чрезъ одинъ Кавказъ можно достигнуть вашей страны: но я вѣдаю теченіе Днѣпра и Дуная; знаю, гдѣ и какъ вступили Авары въ Римскую Имперію; знаю и силы ваши. Вся земля отъ Востока до Запада мнѣ повинуется,» и проч. Въ 581 году область Турецкая раздѣлялась на восточную и западную; но скоро та и другая ослабѣла. Китайцы, Персы, Аравитяне утѣсняли ихъ, до самаго того времени, какъ Турки прославились во времена Калифовъ (см. древнюю ихъ Исторію въ Дегинѣ и въ Штрит. Memor. popul. T. III).

(56) Менанд. въ Memor. popul. T. II, 47 и слѣд. — Гебгарди хочетъ подъ сими Славянами разумѣть Антовъ; но если бы Лавритасъ былъ Княземъ Антскимъ, то онъ не могъ бы отвѣчать Аварамъ, что никто еще не отнималъ вольности у Славянъ: ибо Анты за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ были уже порабощены Ханомъ; и Византійскіе Лѣтописцы не могли бы сказать, что до сего времени никто еще не тревожилъ Славянъ въ собственной землѣ ихъ (Memor. popul. T. II, стр. 49). Съ 602 году лѣтописи уже не говорятъ объ Антахъ.

Іоаннъ, начальникъ городовъ Иллирическихъ, былъ отправленъ Тиверіемъ къ Аварамъ со множествомъ судовъ, на которыхъ онъ перевезъ войско ихъ въ Греческое владѣніе. Баянъ шелъ черезъ Иллирію, и снова переправился за Дунай къ Славянамъ. Мы не знаемъ, для чего онъ, владѣя страною Гепидовъ, не хотѣлъ прямо оттуда напасть на Славянъ, которые также обитали въ Дакіи къ Востоку и Сѣверу.

(57) Фредегарій Схоластикъ, Лѣтописецъ VIII вѣка (см. его Chron. гл. 48, стр. 135) разсказываетъ, что Авары, пріѣзжая на зиму къ Славянамъ, оскорбляли цѣломудріе ихъ женъ и дочерей; брали съ народа тягостную дань и всячески его угнетали (см. ниже, примѣч. 84). Гебгарди пишетъ, что Авары презирали Славянъ за ихъ хлѣбопашество и называли буйволами (у Фредегарія bifulcus, но въ другомъ смыслѣ): имя, которое донынѣ считается оскорбительнѣйшею бранью въ земляхъ Славянскихъ (см. Gesch. der Wenden, T. I, стр. 95).

Греческій Полководецъ, узнавъ отъ перемётчика, когда и гдѣ Славяне хотятъ сдѣлать нападеніе, взялъ мѣры для лучшей обороны (Memor. popul. II, 72).

(58) Ѳеофилактомъ, Анастасіемъ и Ѳеофаномъ (см. Memoriae populorum, T. II, стр. 53—54 въ описаніи 590 году).

(59) См. Геркена Versuch in der Gesch. der Slaven, §. 11, 12, и Фредегарія въ Дюшен. собраніи Франкскихъ лѣтописей, гл. 48. Фредегарій говоритъ объ немъ: negotians, natione Francus; но сочинитель Хроники de conversione Bajoariorum, жившій въ половинѣ IX вѣка, называетъ его Славяниномъ: quidam Slavus, Samo nomine. Г. Пельцель (въ Abhandl. einer Privatgesellschaft in Böhmen, T. I, стр. 226) доказываетъ, что Фредегарій употребляетъ имя negotians въ смыслѣ воина, а не купца.

(60) Константинъ въ книгѣ своей *о Правленіи* говоритъ, что Славяне пришли въ Далмацію изъ Великой или Бѣлой Хроватіи и Великой или Бѣлой Серівіи — то есть, по мнѣнію лучшихъ Историковъ (Гелазія, Бандури, Гаттерера, Геркена), съ береговъ Эльбы, Моравы и Вислы, гдѣ жили прежде Сербы или Сорабы, и Хорваты или нынѣшніе Кроаты. Сіе случилось во время Ираклія, который царствовалъ отъ 610 до 641 года. — Тогда же, или скоро послѣ, Славяне заняли

Крайнъ, Каринтію, Стирію, Фріуль (см. Герк. Versuch и проч. стр. 49).

(61) Штриттеръ замѣчаетъ, что Византійскіе Историки не объявляютъ времени, въ которое Славяне поселились на южной сторонѣ Дуная. Они завладѣли Пелопоннесомъ при Константинѣ Копронимѣ въ 746 году (Memor. popul. II, 78). Слѣды ихъ сохранились въ Мореѣ: *начальники* донынѣ именуются тамъ *Воеводами*. Шатобріанъ считаетъ Майнотовъ потомками Славянскаго народа (см. его *Путешествіе*, Т. I). — 5000 Славянъ удалились въ 665 году съ Абдерахманомъ, Княземъ Сарацинскимъ, въ Сирію. Юстиніанъ II въ 688 году отправилъ многихъ Славянъ изъ Ѳракіи за Геллеспонтъ въ Опсиціумъ; 30,000 изъ нихъ составили Легіонъ его тѣлохранителей, которыхъ онъ считалъ непобѣдимыми. Чрезъ 70 лѣтъ послѣ того 208,000 Славянъ перешли за Черное море, въ Виѳинію, и на берегахъ Артанаса основали свои жилища. Memor. popul. T II.

(62) Одинъ изъ нихъ занималъ въ длину 50 верстъ. Въ горахъ Кавказскихъ, между Грузіею и Черкесами донынѣ живетъ народъ Аварскій, говоритъ особеннымъ языкомъ и повинуется разнымъ маленькимъ Князькамъ. Главный изъ сихъ Князей, Усмей-Аваръ, въ 1727 году пріѣзжалъ въ станъ къ Русскимъ, и сказалъ, что «славныя дѣла ихъ возбудили въ немъ любопытство видѣть такихъ Героевъ; что одинъ изъ его предковъ, изгнанный изъ отечества, помощію Россіянъ былъ снова возведенъ на Княжескую степень свою, и что онъ хранитъ еще грамоту, данную Русскимъ Государемъ сему предку.» Начальникъ войска желалъ видѣть сію грамоту: вышло, что она Татарская и подписана славнымъ Батыемъ, завоевателемъ Россіи въ XIII вѣкѣ (см. въ Миллер. Sammlung Russ. Gesch. извѣстія нашего Артиллерійскаго Полковника Гербера). — Авары Кавказскіе могутъ быть остаткомъ тѣхъ древнихъ, истинныхъ Аваровъ, которыхъ побѣдили Турки Алтайскіе, и которыхъ именемъ назвалися Огоры, т. е. Лжеавары.

(63) См. Memor. popul. II, 501—510.

(64) Говоримъ о Россійскихъ Славянахъ.

(65) Въ одномъ мѣстѣ пишетъ Несторъ (стр. 6): «по мнозѣхъ же временѣхъ (послѣ Потопа) сѣли суть Словени по Дунаеви, гдѣ есть Угорская земля и Болгарская, и отъ тѣхъ Словенъ разыдошась по земли.... *Волохомъ* бо нашедшимъ на Словени на Дунайскіе и насилящимъ имъ, Словены же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ,» и проч. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 10): «Словенску же языку, *яко же рекохомъ, живущу на Дунаю*, придоша отъ Скиѳъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи *Болгаре*, сѣдоша по Дунаеви, *насельницы* (не *насильницы*) Словеномъ быша.» Тунманъ заключилъ изъ сихъ двухъ сказаній, что Несторъ подъ именемъ Волоховъ разумѣетъ Болгаровъ, ибо тому и другому народу приписываетъ одно дѣйствіе. Нѣтъ: Лѣтописецъ говоритъ, что Славяне изгнаны изъ *Болгаріи Болгарами*, а изъ *Венгріи Волохами*: «пріидоша *Угри* Бѣліи и наслѣдиша землю Словенску, прогнавше *Волохи*, иже бѣша пріяли землю Словенску» (Нест. стр. 10) — то есть, Венгрію, гдѣ Угры или Венгры въ концѣ IX вѣка дѣйствительно нашли *Волоховъ*, по извѣстію Лѣтописца Венгерскаго (Anonymi Hist. Ducum Hung. гл. XXIV, XXVI, XLIV). Болгары и Волохи весьма различны: первые суть Турки (см. выше, примѣч. 41), а вторые остатокъ древнихъ Гетовъ или Ѳраковъ (см. Тунмана Ueber die Gesch. der Wlachen, стр. 323), смѣшенныхъ въ Дакіи съ Римскими поселенцами (см. выше, примѣч. 17); но какъ многіе Волохи обитали и на южныхъ берегахъ Дуная, переходя съ мѣста на мѣсто, то Анна Комнина пишетъ, что въ просторѣчіи назывались Волохами Болгары, которые вели жизнь пастырскую или кочевую (Memor. popul. II, 670). Обыкновенные союзы тѣхъ и другихъ въ воинскихъ дѣлахъ были причиною, что лѣтописецъ Никита Хоніатскій и новѣйшіе иногда разумѣли Болгаровъ подъ именемъ Волоховъ (Memor. popul. II, 673. 678. 686). Такъ Рубруквисъ, путешественникъ XIII вѣка, говоритъ: ces Bulgares sortirent aussi de la grande Bulgarie, de même que ceux qui sont au-delà du Danube près de Constantinople, qu'on appelle Flac (см. въ Бержерон. Voyages en Asie, стр. 47). И въ Татарской Исторіи Абульгази Хана (стр. 45) Болгары именованы Влахами, когда онъ пишетъ о войнѣ Огусъ-Хана съ Россіянами, Башкирцами и *Влахами* (ибо въ сосѣдствѣ съ Башкиріею жили Болгары).

Именемъ Волошской земли (у Нѣмцевъ Wälschland) наши предки означали всегда Италію: Wloch на Польскомъ языкѣ Италіянецъ. Несторъ говоритъ (стр. 5): «по сему же морю сѣдять (Варяги) къ Западу до земли *Агнянскія* и до *Волошскія*:» здѣсь разумѣется Италія. Славяне назвали нынѣшнихъ жителей Дакіи Волохами по сходству ихъ языка съ Италіянскимъ, и для того, что Волохи сами себя, отчасти справедливо, именуютъ *Румунье* или Римлянами. Уже во время Киннама они считались переселенцами Италійскими (Memor. popul. II, 901). Половина ихъ языка состоитъ изъ Латинскихъ словъ (см. Тунман. Ueber die Gesch. der Wlachen, стр. 339). Тунманово мнѣніе, что имя Волоховъ происходитъ отъ Славянскаго глагола *влеку*, достойно ли опроверженія? — Въ какое время, буде сказаніе Нестора справедливо, они пришли въ Венгрію и вытѣснили оттуда Славянъ? вѣроятно въ VII или въ VIII вѣкѣ, когда сила Аваровъ ослабѣла.

Несторъ говоритъ выше (стр. 5, 6): «смѣси Богъ языки (по разрушеніи Столпа Вавилонскаго) и раздѣли на 72 языка, и разсѣя по всей земли... Отъ сихъ же 72 языку бысть языкъ Словенескъ отъ племени Афетова, *Норици*, еже есть Словени.» То есть, Лѣтописецъ утверждаетъ, что въ исчисленіи семидесяти-двухъ народовъ подъ именемъ Нориковъ разумѣются Славяне. Сіи Норики сдѣлались извѣстны во время Римлянъ, и жили въ Австріи, Стиріи, Каринтіи, Крайнѣ (см. Маннерт. Geographie der Griechen und Römer, III, 616), гдѣ въ Несторово время уже обитали Славяне: по тому онъ не различаетъ ихъ. Но древніе Норики считаются Кельтами или Галлами.

(66) Въ печатн. *Нест.* стр. 7, 8. Впрочемъ люди знающіе сомнѣваются въ истинѣ сего Андреева путешествія, и самъ Несторъ пишетъ о томъ единственно по слуху и народнымъ разсказамъ: «Андрею учащу въ Синопѣ, *яко же рекоша*, и пришедшу ему,» и проч. Ипполитъ, ученикъ Иринея, и славный Оригенъ повѣствуютъ, что Св. Апостолъ Андрей былъ въ Скиѳіи: заключили изъ сего, что онъ могъ быть и въ сѣверной Россіи (см. Баеров. Origines Russicae, въ Коммент. нашей Академіи Т. VIII, стр. 390 и слѣд.). Митрополитъ Платонъ (*Церк. Ист.* I, 12) благоразумно замѣчаетъ, что въ Апостольскія времена едва ли существовало обыкновеніе *ставить кресты* гдѣ-нибудь. Авторъ *Степен. Книги* прибавляетъ, что Св. Андрей *водрузилъ* жезлъ свой въ селѣ Друзинѣ близъ Новагорода, и что на семъ мѣстѣ сооружена церковь во имя *Андрея Первозваннаго*.

Несторъ при семъ случаѣ описываетъ Славянскія бани такимъ образомъ: «Пріде (Св. Апо-

194

столъ) въ Словени, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють, хвощутся, и дивися . . . И рече (въ Римѣ): видѣхъ (у Славянъ) бани древени, и пережгуть каменіе румяно, и розволокутся нази и облѣются *квасомъ* усніянымъ (щелокомъ) и возмуть на ся прутье младое, бьются сами, тольма, едва слѣзуть ли живы, и облѣются водою студеною, и тако оживуть. И то творять по вся дни, не мучими никимъ же, но сами ся мучать; а то творять *мовенье*, а не *мученье*.» Лѣтописецъ хотѣлъ представить сіе древнее обыкновеніе страннымъ.

(67) Симъ опровергается мнѣніе Тунмана и Гаттерера, полагавшихъ, что Славяне Дунайскіе, утѣсненные Кувратомъ и сыномъ его, населили Россію въ VII вѣкѣ. Тунманъ утверждалъ сію вѣроятность сказаніемъ Никифора Патріарха (Memor. popul. II, 501), что Кувратъ, возставъ противъ Аваровъ, выгналъ изъ отечества весь народъ, данный ему ихъ Ханомъ: Cubratus contra Avarorum Chaganum rebellat, populumque omnem, quem ab ipso acceperat, contumeliose habitum patriis sedibus expellit. Извѣстіе темное: какой народъ? откуда изгнанъ? Можетъ быть, здѣсь говорится о какой-нибудь маловажной Ордѣ. Никифоръ умѣлъ бы назвать Славянъ именемъ ихъ, столь извѣстнымъ. — Болгары завладѣли Мизіею около 678 года (Memor. popul. II, 506—509). Аспарухъ нашелъ тамъ Славянъ, именуемыхъ *Сѣверами*: въ Россіи также увидимъ *Сѣверянъ*. Но быть можетъ, что они перешли не изъ Болгаріи къ намъ, а отъ насъ въ Болгарію.

(68) См. выше стр. 7 и 15. Вѣроятно, что древнія жилища Славянъ простирались отъ береговъ Пруссіи на Востокъ до Губерніи Смоленской и Черниговской. Гаттерeръ считаетъ Андрофаговъ и Меланхленовъ Германцами.

(69) См. выше, примѣч. 17; см. также Маннерт. Res Traiani ad Danubium gestae.

Въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, произведеніи XII вѣка (см. сей *Исторіи* Т. III, въ статьѣ о нашей древней словесности), говорится о *сѣчахъ* (а не *вѣчахъ*, какъ напечатано) Трояновыхъ, о *тропѣ* его и *седмомъ вѣкѣ Трояновомъ*, въ которомъ жилъ Полоцкій Князь Всеславъ (см. въ сей напечатанной повѣсти стр. 6, 14, 35). Извѣстна via Traiani, изображенная на Сульцеровой картѣ Валахіи: сія via, дорога или *тропа*, простирается отъ береговъ Дуная до Прута, и далѣе на Востокъ по южной Россіи (см. Кантемир. *Описаніе Молдавіи* и Бишинг. Erdbeschr. II, 770). Отъ временъ Трояна до Всеслава прошло гораздо болѣе *семи* вѣковъ; но 1) лѣтосчисленіе народа безграмотнаго не бываетъ вѣрно; 2) сочинитель *Слова о полку Игоревѣ* могъ также ошибиться, или 3) число *семь* есть описка.

Объ Александрѣ Великомъ см. ниже примѣч. 70, также Станислав. Сарницк. Annales Polonorum, кн. II, стр. 877 — Мавра Урбина *Исторіографію народа Славянскаго*, стр. 3, и Раича Исторію *разныхъ Славянскихъ народовъ*, изд. Вѣнскаго 1, 3. Ѳеофилактъ, Визант. Историкъ, именно называетъ Славянъ древними Гетами (Memor. popul. II, 3); но не для того ли, что первые заняли въ VI вѣкѣ отечество послѣднихъ? Самые древніе жители Иллирика и Панноніи могли быть единоплеменники Славянъ. Думаютъ, что древнѣйшіе обитатели Венгріи гордо называли себя *Панами*, т. е. господами, и что отъ сего родилось имя Панноніи. Нѣмецкій Писатель Антонъ замѣчаетъ, что имена древнихъ Иллирическихъ городовъ кажутся Славянскими. Впрочемъ останемся при одномъ чаяніи.

(70) «И отъ тѣхъ Ляховъ прозвашась Поляне,» и проч. Добнеръ (см. его Annales Bohemorum или примѣчанія на Гагека) думалъ, что имя Поляковъ составлено изъ предлога *по* и народнаго имени *Влахи!*

«Бяста бо два брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другый Вятко,» и проч. Татищевъ думаетъ, что Несторъ ошибся, и что Вятичи были не Славяне, а Сарматы! «Имя ихъ (говоритъ онъ) есть Сарматское и знаменуетъ на семъ языкѣ (никому въ мірѣ неизвѣстномъ) людей *грубыхъ, безпокойныхъ*, каковы они и въ самомъ дѣлѣ были. Чуваши донынѣ именуются на Мордовскомъ языкѣ *Ветке*: слѣдственно они Вятичи!» Миллеръ въ своей рѣчи о происхожденіи народа Россійскаго повторяетъ слова Татищева, вопреки Нестору, который собственными глазами видѣлъ Вятичей!

Лѣтописецъ не означаетъ области Древлянъ: но мы увидимъ далѣе въ Россійской Исторіи, что Овручь и Коростенъ имъ принадлежали: первый есть и нынѣ городъ, а вторый мѣстечко Искорость въ Волынской Губерніи на рѣкѣ Ушѣ, между Овручемъ и Житомиромъ. Авторъ *Степенной Книги* признается, что въ его время уже не знали, гдѣ было отечество Древлянъ, и что нѣкоторые искали онаго въ Новогородской области, въ которой одна Пятина (или округа) называлась Деревскою, а другіе въ землѣ Сѣверянъ!

«Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Велыняне» (т. е. они послѣ назывались Волынцами, отъ стариннаго города Волыни, бывшаго между Владиміромъ и Львовымъ: см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 21). — «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне.» Слѣдственно подъ общимъ именемъ Волынцевъ разумѣлись въ новѣйшія времена и Бужане и Дулѣбы. Читателямъ извѣстно, что есть два Буга: одинъ впадаетъ съ Днѣпромъ въ Лиманъ, а другой въ Вислу. Дулѣбы жили въ западной Волыніи.

«Лутичи (въ нѣкоторыхъ спискахъ *Луцаци*) и Тиверцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря. Суть грады ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скиѳь.» Слѣдственно часть Молдавіи и Бессарабія принадлежали Россійскимъ Славянамъ. Нынѣшній Акерманъ назывался Бѣлымгородомъ (*Воскресенск. Лѣт.* I, 20) и едва ли не ими основанъ. Отъ Ушицы до устья Днѣстра могли издревле существовать и другіе города Княженія Галицкаго. Отъ имени Лутичей и Тиверцевъ, кажется, названы тамъ города Лутовиска и Тирава. Баеръ производитъ оное отъ рѣки Тибиска или Тисы: для чего же не отъ древняго Тираса, или Днѣстра? Древнѣйшіе Польскіе Историки, Кадлубекъ или Кадлубко (Hist. Polon. стр. 787) и Богуфалъ упоминаютъ о Тивіанцахъ, обитавшихъ близъ Днѣстра и служившихъ Князю Галицкому во XII вѣкѣ: названіе сходно съ Тиверцами; однакожь не оспориваю Тунмана, думающаго, что Кадлубекъ говоритъ о Волохахъ, называемыхъ по-Турецки *Тьюбанъ*. Нѣкоторые Волохи могли и тогда обитать въ Молдавіи. — Гельмольдъ, Историкъ XII вѣка, пишетъ о Бальтійскихъ Славянахъ Лутичахъ (Chron. Slav. гл. II), бывшихъ, какъ вѣроятно, одного племени съ Днѣстровскими.

Несторъ говоритъ о Бѣлыхъ Хорватахъ и Хорутанахъ (въ печатн. стр. 6), называя иногда и тѣхъ и другихъ просто Хорватами. Одни были нынѣшніе Кроаты, побѣдившіе Болгарскаго Царя Симеона въ 942 году (см. печатн. *Нест.* стр. 36, и Memor. popul. II, 602); а Бѣлые Хорваты обитали гораздо ближе къ Кіеву — думаю, въ окрестности горъ Карпатскихъ, едва ли не отъ нихъ имени такъ названныхъ — служили Олегу, вое-

вали противъ Владиміра, и съ X вѣка утратили сіе имя въ нашихъ лѣтописяхъ. Константинъ Багрянородный (de Adm. Imp. гл. 30 и 31) пишетъ также о двухъ Хроватіяхъ: Иллирической и *Бѣлой* или *Великой*, за *Турціею*, т. е. Венгріею, и ultra Bagibaream (см. Ансельма Бандури Animadversiones in libr. Constant. de Adm. Imp. стр. 91–92, и въ началѣ сихъ примѣчаній Делилевы Adnotationes in tab. geograph. ex Const. Porph.) По мнѣнію Бандури *Вагиварея* есть испорченное Славянское имя Карпатскихъ или *бабьихъ горъ*, какъ ихъ нѣкоторые называютъ (а Добнеръ утверждаетъ, что Константинъ разумѣетъ здѣсь Баварію). Делиль говоритъ: quod ad Chrobatiam Albam attinet, ad montes Chrobatos porrectam fuisse Constantinus ait; hos autem non diversos esse ab iis, quos Crapack populares vocant, nominum affinitas svadet. Нарушевичь имепуетъ Червенную Россію или Галицію Chrobacya Czerwona (см. его Hist. Narodu Polsk. II, 53, 55, 69). — Константинъ Багрянородный такимъ образомъ называетъ Славянъ Россійскихъ въ X вѣкѣ: Δερβλενινοι, Древляне; Σερβιοι, Сѣверяне; Κριβιταινοι, Кривичи; Δρεγεβιται, Дреговичи; Λενζανηνοι, Βερβιανοι, Ουλτινοι: послѣдніе три народа не суть ли *Лучане* Волынскіе (отъ коихъ Луцкъ получилъ свое имя), *Тиверцы* и *Лутичи?* — Миллеръ думалъ, что Дорогобужъ названъ отъ имени Дреговичей. Нарушевичь (Hist. Nar. Polsk. II, 416) искалъ ихъ близъ Дрогичина Хельмскаго въ Галиціи. — Въ Греческой Имперіи, въ окрестностяхъ Өессалоники, одно мѣсто называлось *Другувитами* (см. Memor. popul. II, 95): тамъ обитали Славяне, однородцы, какъ вѣроятно, нашихъ Дреговичей.

Татищевъ опять толкуетъ намъ, что Кривичи были не Славяне, а Сарматы: «ибо слово *Криве* на Сарматскомъ языкѣ значитъ *верховье рѣкъ*.» А мы опять повѣримъ Нестору, который причисляетъ ихъ къ Славянамъ. Объ имени Кривичей скажемъ свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ. Владѣніе сего народа было весьма обширно, такъ, что Литовцы всю Россію называли Krewen-Zemla, или землею Кривичей.

«Рѣчки ради, яже течеть въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане . . . *Отъ нихъ же* Кривичи; сѣдять наверхъ Волги,» и проч. См. ниже, примѣч. 72.

Одни Ильменскіе поселенцы, какъ говоритъ Несторъ, назывались въ Россіи Славянами; всѣ другіе приняли имена особенныя, или отъ мѣста или отъ вождей своихъ. Ильмень въ древнѣйшихъ рукописяхъ называется вездѣ Ильмеромъ. — Я говорю, что Новгородъ основанъ *послѣ* Рождества Христова: ибо его не было еще въ то время, какъ Святый Андрей, по словамъ Несторовымъ, приходилъ въ Россію: «и пріиде въ Словены, идѣже *нынѣ* Новгородъ» (въ печатн. стр. 8). — Миллеръ думалъ, что Готѳскій Историкъ, Іорнандъ, подъ именемъ Civitas Nova (см. выше, примѣч. 43) разумѣетъ Новгородъ: a Civitate Nova — et lacu, qui appellatur Musianus usque ad Danastrum, et *in Boream Viscla tenus*. Если бы Іорнандъ говорилъ о Россійскомъ Новѣгородѣ и хотѣлъ описывать землю Славянъ отъ Сѣвера къ Югу, то онъ не могъ бы сказать: «до рѣки Днѣстра, а *на Сѣверъ до Вислы*,» ибо Висла гораздо южнѣе Новагорода. — Восточный Историкъ X вѣка, Массуди, упоминаетъ о землѣ *Нукбардъ* или *Нукирадъ*, сосѣдственной съ Славянскою. Дегинъ думалъ, что сіе имя означаетъ Новгородъ. См. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi, I, 4.

Древній Лѣтописецъ не сообщаетъ никакихъ обстоятельныхъ извѣстій о построеніи Новагорода: за то находимъ ихъ множество въ сказкахъ, сочиненныхъ большею частію въ XVII вѣкѣ, и внесенныхъ невѣждами въ лѣтописи. Предлагаемъ здѣсь выписку изъ оныхъ для любопытныхъ: «Отъ правнука Іафеѳова, Скиѳа, произошли пять братьевъ и Князей, именемъ Словенъ, Русъ (самые мудрѣйшіе и храбрые), Болгаръ, Команъ, Истеръ. Всѣ они жили на берегахъ Чернаго моря до 3099 году отъ С. М. Въ сіе время Словенъ и Русъ съ народомъ своимъ оставили древнюю отчизну, *ходили по странамъ вселенныя*, обозрѣвали безмолвныя пустыни какъ *орлы быстрокрылатые*, 14 лѣтъ искали селенія по сердцу своему, и наконецъ пришли къ озеру *Мойску*. Тогда *волхвованіе* открыло имъ, что сіе мѣсто должно быть для нихъ отечествомъ. Словенъ поселился на рѣкѣ *Мутной*, основалъ городъ *Словенскъ*, и назвалъ рѣку *Мутную Волховомъ*, протокъ ея *Волховцемъ* (по имени двухъ сыновей), другую рѣку *Шелонею*, а озеро Ильмеромъ (въ честь жены своей Шелоны и сестры Ильмеры). Старшій сынъ былъ *лютый чародѣй*, принималъ на себя образъ крокодила, скрывался въ рѣкѣ, топилъ и пожиралъ людей, не хотѣвшихъ обожать его какъ Перуна. Онъ жилъ въ особенномъ городкѣ на берегу рѣки, въ томъ мѣстѣ, которое именуется Перынью, и гдѣ язычники покланялись ему. Они увѣряли, что Волховъ *сѣлъ въ боги;* но мы знаемъ, что бѣсы утопили его въ рѣкѣ. Надъ тѣломъ злаго чародѣя, волнами извергеннымъ въ Перыни, злочестивые отправили тризну и насыпали высокую могилу, которая черезъ три дни провалилась въ адъ. — Именемъ *Волховцева* сына, *Жилотуга*, названъ особенный протокъ рѣки Волхова, гдѣ онъ утонулъ младенцемъ» (подобно какъ Тиберинъ въ Тибрѣ: см. Т. Ливія, кн. I, отдѣл. 3). — «Братъ Словеновъ, Русъ, основалъ городъ *Русу* и назвалъ тамъ одну рѣку *Порусьею*, а другую *Полистою:* такъ именовались жена и дочь его. Потомки сихъ Князей обогатились и прославились мечемъ своимъ, завладѣвъ всѣми странами сѣверными до Ледовитаго моря и *желтовидныхъ водъ*, и за высокими каменными горами въ землѣ *Сибири* до Оби, и до устья *бѣловидныя, млечныя* рѣки, гдѣ ловятъ звѣря *дынку* или соболя. Они воевали въ Египтѣ, въ странахъ Іерусалимскихъ, Еллинскихъ и варварскихъ; міръ ужасался ихъ храбрости. Во время Александра Македонскаго управляли Словенами и Руссами Князья Великосанъ, Асанъ, Авехасанъ. Сей Монархъ, слыша всеобщія жалобы на ихъ жестокость, сказалъ: *что мнѣ дѣлать съ такими сыроядцами, обитающими за морями и горами непроходимыми?* и написалъ къ нимъ, слово въ слово, грамоту слѣдующую: *Александръ, Царь Царемъ, бичь Божій и предвитезный Рыцарь, всего свѣта обладатель, и всѣхъ иже подъ солнцемъ грозный повелитель, покорнымъ мнѣ милосердый пощадитель, а непокорнымъ же яростный мечь, въ далекомъ, разстоятельномъ и незнаемомъ краѣ вашемъ отъ нашего величества честь и миръ и милость вамъ, храбросердому народу, славнѣйшему колѣну Русскому, Княземъ и Владыкомъ отъ моря Варяжскаго до Хвалижскаго, великолѣпнымъ и милымъ моимъ, храброму Великосану, мудрому Асану, счастному Авехасану, вѣчно радоватися, яко самѣхъ васъ любезно цѣлую, яко други по сердцу моему. Да будете данницы нашему величеству, и сію милость даю вашему владычеству: аще каковый народъ вселится во предѣлахъ вашихъ, да будетъ вамъ и по васъ сродству вашему подлежимъ вѣчнѣй работѣ; во иные же предѣлы отнюдъ да не вступитъ нога ваша. Сіе же достохвальное дѣло затвержено симъ нашимъ листомъ и подписано моею* Царскою высокодержав-

*ною десницею, и запечатано нашимъ перстнемъ, и дано вашей честности на вѣки безконечные. Аминь. Писана же сія наша грамота въ мѣстѣ нашего предѣла, въ велицѣй Александріи, мѣсяца Примуса, начальнѣйшаго дня.* — Припись Царскія руки *златопернатыми* буквами: *мы Александръ, сынъ великихъ боговъ Юпитера и Венусы въ небѣ, земскихъ же Филиппа и Олимпіады, высокодержавною правицею утвердихъ вѣчно.* — Словено-Русскіе Князья, обрадованные такою грамотою, повѣсили оную въ своемъ капищѣ съ правой стороны идола Велеса, уставивъ великій праздникъ въ день ея написанія. — Чрезъ нѣсколько времени возстали отъ ихъ рода два Князя, Ляхъ (Мамохъ, Лалохъ) и *Лахернъ*, воевали землю Греческую и ходили подъ самый царствующій градъ: тамъ, близъ моря, положилъ свою голову Князь Лахернъ (гдѣ созданъ былъ послѣ монастырь Влахернскій), а товарищъ его съ глубокою язвою и съ великимъ богатствомъ возвратился въ отечество. Въ *Сидерѣхъ* же (*σίδηρα?*), или въ Мордвѣ и въ Черемисѣ, княжили тогда два брата, *Діюлель* и *Дидиладъ*, которыхъ язычники назвали богами, за то, что они научили ихъ пчеловодству. — Скоро ужасный моръ опустошилъ землю Словенскую; остальные жители ушли на *Бѣлыя воды*, т. е. Бѣлоозеро, или Тинное озеро, и назвалися Весью; другіе на Дунай, къ древнимъ племенамъ своимъ; а въ Словенскѣ и въ Русѣ обитали тогда одни дикіе звѣри. Чрезъ нѣкоторое время Словени возвратились на берега Волхова и привели съ собою многихъ Скиѳовъ и Болгаровъ; но скоро Бѣлые Угры явились въ странѣ ихъ и разорили оную до конца. Тогда Словени Черноморскіе, услышавъ о запустѣніи отечественной земли своей, опять пришли туда съ безчисленнымъ множествомъ Скиѳовъ, Болгаровъ и всякихъ иноплеменниковъ, поставили новый городъ, отъ стараго Словенска внизъ по Волхову съ версту, дали ему имя *Великаго Новаграда*, и выбрали старѣйшину, Князя Гостомысла. Нѣкоторые *изъ нихъ* назвались Полянами, другіе Кривичами, *Сербами, Болгарами, Чудью, Мерею, Лопью, Мордвою;* земля Русская, свергнувъ въ себя *ризы сѣтованія, облеклась въ порфиру и виссонъ,* уже *не вдовствуя*, но *опочивая* много лѣтъ съ мудрымъ Гостомысломъ. Сынъ его, Словенъ, построилъ въ землѣ Чудской городъ Словенскъ, и черезъ 3 года умеръ; а внукъ Гостомысловъ, Изборъ, переименовалъ сей городъ *Изборскимъ*, и также въ юности умеръ отъ жала змін.» Конецъ басни увидимъ въ другомъ мѣстѣ (ниже, примѣч. 91). И многіе вѣрили симъ нелѣпостямъ! Вѣрили (умалчивая о другомъ), что на берегахъ Волхова былъ у Славянъ городъ за 4200 лѣтъ до нашего вѣка! Не только въ древней Несторовой лѣтописи, но и въ самой Никоновской, въ самыхъ Хронографахъ и въ Степенной Книгѣ XVI вѣка не упоминается еще о Словенскѣ: сей вымыселъ принадлежитъ, кажется, седьмому-надесять столѣтію. «Но близъ Новагорода есть мѣсто именуемое *Городище,*» замѣчаетъ Миллеръ: оно доказываетъ только, что тамъ былъ прежде застроенъ *сей* городъ, названный *новымъ*, когда его перенесли на другое мѣсто. Гебгарди думаетъ, что Ильменскіе поселенцы пришли изъ окрестностей Неи или Нови, и въ память сей крѣпости основали Новгородъ.

(71) Лѣтописецъ сказываетъ единственно, что Кіевъ, подобно Новугороду, еще не существовалъ во время Апостола Андрея: «слѣзе (Св. Андрей) съ горы, идѣже *послѣ* бысть Кыевъ» (въ печатн. стр. 8). Стриковскій пишетъ (кн. XI, гл. 3), что Кіевъ основанъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ 430 году. — Псковская Синодальная Лѣтопись XV или XVI вѣка (которая хранится въ Патріаршей Библіотекѣ подъ No. 349, л. 154) начинается такъ: «Въ лѣто 6362 бѣяху три браты; единому имя Кый . . . И поставиша градъ на горѣ и нарекоша имя граду тому Кыевъ:» и такъ онъ будто бы основанъ уже въ 854 году? Но сіе новое извѣстіе не достойно уваженія (см. еще новѣйшую сказку о строителяхъ Кіева, ниже, примѣч. 282). Въ *Пушкин.* и *Кенигсберг.* спискѣ: «бяху (Кій съ братьями) мужи мудри и смыслени;» а въ *Троицк.:* «знатливы (знающіе) и разумни.» — Въ *Кенигсберг.* сказано, что Лѣтописецъ не знаетъ, къ которому Царю приходилъ Кій; но въ харатейныхъ находятся только слова: «приходившю ему ко Царю, яко же сказуютъ, велику честь пріялъ отъ Царя.» — Шлецеръ думаетъ (его Nest. I, 103), что древнее сказаніе о Кіи-перевозчикѣ, опровергаемое нашимъ Лѣтописцемъ, могло быть справедливо. «Франкфуртъ (говоритъ онъ), Охсенфуртъ и другіе города произошли такимъ же образомъ. На Днѣпрѣ еще не было моста, но уже было сообщеніе между обитателями его восточнаго и западнаго берега. Нѣкто, именемъ Кій, перевозилъ людей въ лодкѣ; тутъ, мало по малу, завелось селеніе; селеніе обратилось наконецъ въ городъ,» и проч. Князь Щербатовъ, оставивъ достовѣрнаго Нестора и послѣдовавъ Автору Синопсиса, выписаннаго большею частію изъ Польскихъ Историковъ, Длугоша и Стриковскаго, сказываетъ, что Щекъ создалъ городъ Щековицу, Хоривъ Хоривицу или Вышегородъ, а сестра ихъ городъ Лыбедь: совершенная басня! такихъ городовъ не бывало въ Россіи; и Несторъ пишетъ, что всѣ три брата построили одинъ Кіевъ. Польскіе Историки отъ недоразумѣнія сочли *горы* за *города.* — Татищевъ думаетъ, что имя Кіева или Кивы есть Сарматское и значитъ *горы:* онъ, кажется, не вѣритъ сказанію о трехъ братьяхъ. Щербатовъ находитъ имена ихъ Арабскими и Персидскими, и заключаетъ изъ того, что Кіевъ построенъ не Славянами, а Гуннами, хотя Гунны разрушали города, а не строили ихъ, и говорили безъ сомнѣнія не Арабскимъ и не Персидскимъ языкомъ. Рейнегсъ утверждаетъ, что «сей городъ основанъ *Готѳами*, ибо имя его есть *Финико-Арабское* и значитъ *мѣсто любимое, радостное*» (см. Reineggs Beschreibung des Kaukasus, II, 200). Болтинъ признаетъ Аваровъ строителями Кіева, и говоритъ, что *Кіевъ* по-Венгерски есть веселый, *Горогъ* кривый, *Сцегъ* кормило, *Лебегесъ* трепетаніе: слѣдственно Кій, Хоривъ, Щекъ и Лыбедь были Авары, которые говорили однимъ языкомъ съ Венграми!» Но мы не видимъ нужды отвергать сказаніе Нестора, который приписываетъ строеніе Кіева Славянскимъ Полянамъ (слѣдственно не *Варяги*, какъ сказано въ Софійской Новогородской и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ, а Славяне были первыми жителями сего города). Имена древнія не всегда могутъ быть изъяснены языкомъ новѣйшимъ: изъ чего не слѣдуетъ, чтобы они произошли отъ инаго языка. Къ тому же Славянское мѣстоименіе *кій*, слова *щека, щекотать, гора, лебедь* и многія другія столь же близки къ именамъ Кіевскихъ братьевъ и сестры, какъ и Персидскія или Венгерскія *Кея, Хурехъ, Горогъ, Лебегесъ,* и проч. Болтинъ думалъ, что гора, гдѣ жилъ Кій, есть та самая, на коей построена Кіевская старая крѣпость. — На рѣчкѣ Лыбеди стоитъ загородный домъ нынѣшняго Кіевскаго Митрополита. Сіе мѣсто называется Шулявщино, окружено рощею и служитъ гуляньемъ для Кіевскихъ жителей. См. *Извѣстіе о погребенныхъ въ Кіевѣ Князьяхъ*, стр. 1.

Баеръ, желая утвердить истину Несторова сказанія, искалъ нашего Кія въ Готѳскомъ Королѣ *Книвѣ*, воевавшемъ въ Панноніи съ Императоромъ

Деціемъ. Миллеръ, не находя въ Византійскихъ лѣтописяхъ никакого извѣстія о походѣ Кія въ Царьградъ, думалъ, что сей Князь служилъ въ войскѣ тѣхъ Гунновъ, которые при Ѳеодосіи II разоряли Имперію. Баеръ излишно уважалъ сходство именъ, недостойное замѣчанія, если оно не утверждено другими историческими доводами. Что ни будь одно: или вѣрить въ семъ случаѣ Нестору, или не вѣрить; если вѣрить, то Кій былъ Славянскій Князь, а не Готѳскій. Миллеръ же напрасно думалъ, будто Несторъ говоритъ о *войнѣ* Кія съ Императоромъ: во всѣхъ старинныхъ спискахъ лѣтописи его сказано единственно то, что Кій ходилъ въ Константинополь и былъ съ честію принятъ Царемъ Греческимъ; Византійскіе Историки могли умолчать о такомъ неважномъ происшествіи.

(72) Миллеръ въ рѣчи своей *о происхожденіи народа Россійскаго* несправедливо говоритъ, что Лѣтописецъ нашъ нигдѣ не именуетъ основателей Полоцка Кривичами. Въ Несторѣ (стр. 17): «первыи насельницы въ Новѣгородѣ Словени, въ Полоцку Кривичи.» Въ *Архангел. Лѣт.*, стр. 4, названъ Изборскъ городомъ Кривичей. Константинъ Багрянородный пишетъ о Новѣгородѣ, Кіевѣ, Вышегородѣ, Смоленскѣ, Любечѣ, называя ихъ *Немоградъ*, *Кіова*, *Вусеградъ*, *Черниговa*, *Милиниска*, *Теліуца* (Memor. popul. II, 981). Кіевъ, по его извѣстію, назывался еще *Самватасъ*. Не хотѣлъ ли Константинъ написать: *сама мать*, ибо Кіевъ назывался въ древности *матерію* городовъ Русскихъ? см. въ печатн. *Несторѣ*, стр. 19. Графъ I. Потоцкій толковалъ, что *Самватасъ* происходитъ отъ слова *ботъ*, на которомъ Кій перевозилъ людей; а Добровскій (Slovanka 246) сказываетъ намъ, что это Шведское имя; что Sam значитъ *вмѣстѣ*, а bat *лодка* или *ботъ;* что въ Кіевѣ *собирались* Варяжскія суда, и для того сіе мѣсто названо Варягами *Самбатомъ*, или *сборнымъ мѣстомъ лодокъ*. — Арабскій Географъ XV вѣка, Бакуй (донынѣ еще не изданный) упоминаетъ о знаменитомъ Славянскомъ городѣ Maschphat близъ Козаріи: см. Шпренгеля Gesch. der Entdeck. 160.

(73) О Переславскомъ озерѣ см. *Никон. Лѣт.* II, 229. Оно же называется и Плещеево. Іорнандъ упоминаетъ о Мери (Merens) въ числѣ народовъ, покоренныхъ въ IV вѣкѣ Готѳскимъ Царемъ Эрманарихомъ (см. выше, примѣч. 26). Мордва и Черемисы сами себя именуютъ *Мари;* однакожь изъ того не слѣдуетъ, чтобы Несторъ подъ именемъ Мери разумѣлъ ихъ, ибо говоритъ о тѣхъ и другихъ въ особенности.

Народъ Мурома, обитавшій въ Губерніи Нижегородской, оставилъ памятникъ бытія своего въ названіи города Мурома.

Несторъ не означаетъ земли Черемисской, Мещерской, Мордовской, а только полагаетъ оную въ сосѣдствѣ съ Мерею. Мордва (Іорнандовы Mordens: см. выше, примѣч. 26) и Черемисы издревле жили тамъ, гдѣ живутъ и нынѣ: первые наиболѣе въ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской Губерніяхъ; а вторые отъ Нижняго на лѣвомъ берегу Волги. Въ лѣтописяхъ среднихъ временъ именованы Мещерою нынѣшніе Мокшане, родъ Мордвы, обитающіе въ Пензенской и Тамбовской Губерніяхъ, въ окрестностяхъ рѣки Мокши (см. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 86.) Мещеряками называются нынѣ Татары, живущіе въ землѣ Башкирской. Они тамъ пришельцы, равно какъ и Тептери, смѣсь Черемисовъ съ Вотяками, Чувашами и Татарами, которые въ XVI вѣкѣ, по разрушеніи Казанскаго Царства, ушли къ Башкирцамъ.

Ливонія получила имя свое отъ Ливи, народа Финскаго, котораго остатки существуютъ нынѣ въ Курляндіи, отъ Ангерскаго озера и береговъ залива Рижскаго до Виндавской границы, а въ Ливоніи (или Губерніи Лифляндской) въ окрестностяхъ рѣки Салиса и на островѣ Рунѣ. Другіе Ливонцы принадлежатъ къ народу Латышей (о которомъ см. ниже, примѣч. 80). Имя Ливоніи сдѣлалось извѣстно въ Европѣ не прежде XII вѣка.

Не только Эстонцы или Эстляндцы, Вожане или Водь (въ нынѣшней Ораніенбаумской округѣ: см. *Новогород. Лѣт.* 134) Ижорцы, Корелы, но и первобытные жители Двинской земли или Архангельской Губерніи, Вологодской, Вятской, Пермской, назывались Чудью (см. *Двинск. Лѣт.* въ Трудахъ Вольн. Росс. Собранія, *Журналъ Путешествія* Рычкова и *Казанск. Исторію*, стр. 190 и слѣд.). Миллеръ въ *Рѣчи* своей *о происхожденіи народа Россійскаго* пишетъ: «*Чудь* знаменуетъ на Русскомъ языкѣ вообще *первобытныхъ жителей*» (не лучше ли сказать: *иноплеменниковъ*, или *чуждыхъ?):* « ибо ежели вы на берегахъ Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое нибудь укрѣпленіе, могилу, древнее зданіе, спросите у жителей: кто соорудилъ ихъ? то они вамъ отвѣтствуютъ: *Чудь, народъ, который обиталъ здѣсь прежде Русскихъ.*» Іорнандъ называетъ Чудь Thiudos. Баеръ думалъ, что имя Скиѳы и Чудь есть одно.

Имя города Нарвы происходитъ отъ имени *Наровской* Чуди.

Шлецеръ (см. его Nest. I, 50) несправедливо считалъ Емь Ижорцами. они въ нашихъ лѣтописяхъ обыкновенно именуются Ижерянами; были издревле подданными Новогородцевъ и *сами воевали съ Емью* (см. *Новогород. Лѣт.* 106 и 107). Татищевъ и Болтинъ столь же несправедливо полагали сей народъ между Ладожскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ, въ Двинской землѣ, со XII вѣка (если не ранѣе) провинціи Новогородской (см. *Новогород. Лѣт.* 59). Что Емью именовались Финляндцы, ясно доказывается слѣдующими извѣстіями *Лѣтописца Новогородскаго:* 1) Сумь (*Суома*, какъ называютъ себя Финляндцы) и Емь въ 1240 году шли на корабляхъ противъ Новагорода и хотѣли *взять Ладогу:* Князь Александръ *встрѣтилъ* ихъ (стр. 132, 133) *на рѣкѣ Невѣ:* слѣдственно они жили не между Ладожскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ. 2) Въ 1256 году Князь Александръ шелъ изъ Новагорода на Емь *чрезъ Копорье* (стр. 142, 143). 3) Въ 1228 году Ладожане побили Емь: непріятель, спасаясь отъ нихъ бѣгствомъ въ землю свою, былъ истребленъ Ижорцами и Корелами (стр. 107): пусть Читатель взглянетъ на карту. 4) Въ 1311 году Новогородцы воевали за моремъ, т. е. за Финскимъ заливомъ, съ Емью, и взявъ ихъ городъ *Ванай*, на Черной рѣкѣ, опустошили берега Перны: мы знаемъ въ Новой Финляндіи *Ванакиле* и *Перно* (см. Бишинг. Erdbeschr.). *Черною* именуется въ нашихъ лѣтописяхъ одна изъ рѣкъ западо-южной Финляндіи (*). — Мѣстечко *Емсе* въ Тавастландскомъ Графствѣ также напоминаетъ *Емь*. Одинъ изъ моихъ пріятелей, знакомый съ сими мѣстами, писалъ ко мнѣ, что тамошніе жители донынѣ называютъ себя Hämi, и что имя Суми или Суоми въ особенности принадлежитъ Финляндцамъ сѣвернымъ. — Адамъ Бременскій, по мнѣнію Шлецера, называетъ Ямь Lami, а Гервазій, Авторъ XIII вѣка, Jamenses, вмѣсто Jamenses — Іорнандъ именуетъ Весь Vas.

Въ *Больш. Чертежѣ*, стр. 317: «Тѣ города по Сысвѣ и по Сосвѣ *Югра.*» Герберштейнъ на картѣ Россіи полагаетъ Югру за Обью. Доселѣ Историки и Географы наши искали Югры на берегахъ Юга, Двины и Мезени. Описаніе похода Россіянъ

(*) Такъ исправлено сіе мѣсто въ Прибавленіяхъ къ IX тому, изд. 1819 года.

196

въ землю Югорскую около 1500 года ясно доказываетъ, что она была за Каменнымъ Поясомъ: см. сей *Исторіи* Т. VI. Имя Остяковъ есть новое Татарское: покоривъ часть Сибири въ XIII вѣкѣ, Татары назвали ея жителей *Уштяками*, т. е. *людьми дикими*. Вогуличи именуютъ Березовскихъ Остяковъ *Мансами*: такъ называются и сами Вогуличи.

Теперь нѣтъ особеннаго народа Печорскаго. Думаю, что такъ назывались нынѣшніе Зыряне (см. ниже), а не Самоѣды, которые въ Несторовой лѣтописи именуются особенно Самоядью.

(74) Меря, Мурома, Весь, уже давно обратились въ Россіянъ. Зыряне или Сыряне живутъ на берегахъ Выми, Сычолы, Вычегды, и проч. Они принадлежали ко многочисленному народу Пермскому и говорятъ съ нимъ почти однимъ языкомъ, котораго словарь напечатанъ Миллеромъ въ его Samml. Russ. Gesch. Болтинъ, не знавъ того, пишетъ, что Зыряне утратили языкъ свой и сдѣлались совершенно Русскими: см. *Путешествія Академика Лепехина*, Т. IV, стр. 404, Фишер. *Сибирск. Исторію*, стр. 81, 99, 100, и въ Миллер. Sammlung Russ. Gesch. словари Чудскихъ народовъ. Живъ долго между Татарами, Чуваши заимствовали отъ нихъ множество словъ; но языкъ ихъ въ основаніи есть также Финскій.

(75) См. Тацит. Descript. Germaniae, гл. 46. Венеды, по его словамъ, граничили къ Сѣверу съ Финнами. Гаттереръ думаетъ, что Финны жили тогда въ Курляндіи, Самогитіи, сѣверной Литвѣ. Fenni, de quibus Plinius (ибо толкуютъ, что его Eningia есть описка вмѣсто Feningia) Tacitusque loquuntur, mortalium omnium pauperrimi Tacito visi, Curlandiam, Samogitiam et maxime septentrionalia Lituaniae tenuerunt (см. *Commentationes Societ. Gottingensis*, T. XII, стр. 208, и Шлецер. Nord. Gesch. стр. 43*). Можетъ быть, въ глубокой древности Финны пришли изъ сѣверной Азіи въ Европу; по крайней мѣрѣ языкъ ихъ весьма отличенъ отъ коренныхъ языковъ Европейскихъ, а сходенъ съ Венгерскимъ (см. D. Gyarmathi Affinit. ling. Hungaricae cum linguis Fennicae originis). Баеръ (а за нимъ и Гаттереръ) производитъ Финновъ отъ Скиѳовъ; но образъ жизни первыхъ, описанный Тацитомъ, не представляетъ ничего Скиѳскаго. Non arma, non equi; victui herba, vestitui pelles, cubile humus: можно ли отнести такое описаніе къ Геродотовымъ Скиѳамъ, сходнымъ съ нашими Киргизами или Татарами?

(76) Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Весь, Меря и Мурома были единоплеменники Мордвы и другихъ Финскихъ народовъ.

(77) Такъ означаетъ Торфей границы ея (Historia Norveg. T. I, стр. 102, и Шлецер. Nord. Gesch. 500). Въ древнихъ Скандинавскихъ извѣстіяхъ Бѣлое море называется Гандвикъ (Hist. Norveg. I, 163). — Квенландія значитъ *женская земля*. Сіе имя заставило Адама Бременскаго баснословить о сѣверныхъ Амазонкахъ (въ Линденброг. изданіи стр. 59). — Финскія чародѣйства подробно описываются въ сѣверныхъ сказкахъ (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 437 и его Nestor. Ч. II, стр. 45; также Торф. Hist. Norveg. T. II, стр. 165.

(78) Исландія, островъ необитаемый до 874 года, и въ сіе время населенный Норвежцами, не хотѣвшими повиноваться Гаральду, первому Деспоту сѣверному, прославилась своими лѣтописями, которыя служатъ главнымъ источникомъ для Скандинавскихъ Историковъ. Лучшій Исландскій Лѣтописецъ есть Снорро или Снорри Стурлезонъ или Стурлузонъ, бывшій въ XIII вѣкѣ Лагманомъ острова, то есть, блюстителемъ законовъ. Отъ лѣтописей, достойныхъ уваженія, надобно отличать Исландскія *Саги*, или сказки, весьма недостовѣрныя, Лейбницъ, Ире, Маллетъ, Шлецеръ, признаютъ ихъ болѣе романами, нежели Исторіею, хотя Шперлингъ и самый ученый Брингъ другаго мнѣнія, считая Поэзію Скальдовъ историческою драгоцѣнностію. Въ *Сагахъ*, какъ и во всѣхъ народныхъ сказкахъ, есть конечно истинныя древнія преданія: только онѣ сочинены уже гораздо послѣ десятаго вѣка — и кто отличитъ въ нихъ ложь отъ истины?

(79) См. Отерово путешествіе въ Форстеровой Geschichte der Entdeckungen im Norden.

(80) Нѣтъ нужды спорить съ тѣми, которые производятъ Латышей отъ Римлянъ, Македонянъ, Евреевъ, Сарациновъ, и проч. Большая половина языка ихъ есть Славянская (см. Тунмана Ueber Nordl. Völker): по упомянемъ о мнѣніи ученаго Гаттерера. Онъ признаетъ сей народъ Сарматами, говоря: «Ежели Финны Скиѳы, а Славяне Дако-Геты, то не можно ли Латышей произвести отъ Азіатскихъ Сарматовъ?» (см. его Weltgeschichte, стр. 737, особенно же Commentationes Societ. Gottingensis, T. XI и XII). Но кто *доказалъ*, что Финны Скиѳы, а Дако-Геты Славяне? см. выше, примѣч. 69, 75. Нравы Латышей, извѣстные намъ съ IX вѣка по описанію Вульфстанову, не имѣли и не имѣютъ никакого сходства со нравами Сарматовъ. Вся Гаттерерова *система народовъ* основана на словѣ *если!*

(81) *De reb. Geticis*, стр. 85: Ad littus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulæ fluminis ebibuntur, Vidioarii resident, ex diversis nationibus aggregati. Сіе мнѣніе ученаго Тунмана кажется мнѣ вѣроятнымъ. Многіе Готѳы и Славяне, бывшіе въ Дакіи, могли возвратиться къ Латышамъ и сообщить имъ нѣкоторыя слова Латинскія, находящіяся въ языкѣ послѣднихъ. Стриковскій и Преторій разсказываютъ, что Видвутъ, оскорбленный междоусобіемъ народнымъ, говорилъ такъ своимъ единоземцамъ: «Если бы вы имѣли хотя разумъ пчелъ, то ссоры ваши давно бы прекратились. Знаете, что рой повинуется одной маткѣ, и что она для каждой пчелы опредѣляетъ особенную работу, выгоняя лѣнивыхъ изъ улья. Воспользуйтесь симъ примѣромъ; изберите Государя, и вручите ему судьбу вашу, да судитъ распри гражданъ, отвращаетъ убійства, злоупотребленіе силы, и печется о всеобщей безопасности! — Народъ единодушно избралъ его въ Цари: ибо Видвутъ былъ знаменитъ какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и въ чужихъ земляхъ, умомъ и богатствомъ. Болѣе кроткими наставленіями, нежели строгостію, онъ пріучилъ своихъ подданныхъ къ трудолюбію, земледѣлію, скотоводству.» — Вотъ народная сказка, которая можетъ имѣть нѣкоторое историческое основаніе.

Леттландіею называлась южная часть Ливоніи, гдѣ жили Латыши (а не Ливь).

(82) Въ нынѣшнемъ Натангенѣ, гдѣ село Гросвальденъ.

(83) Несторъ говоритъ: *почаша держати родъ ихъ* (Кія и братьевъ его) *Княженіе въ Поляхъ, а въ Деревлѣхъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новѣгородѣ*, и проч. — Полянъ обижали (пишетъ Несторъ) Древляне съ иными *окольными*.

(84) Несторъ (стр. 11): «въ сіи же времена» (Ираклієвы, или въ началѣ VII вѣка) «быша Обри, иже воеваша на Царя Ираклія и мало его не яша.» Ханъ Аварскій въ 619 году дѣйствительно едва не схватилъ Ираклія (см. Memor. popul. I, 743). Но Авары (чего не зналъ Русскій Лѣтописецъ) были извѣстны Грекамъ гораздо ранѣе временъ Ираклієвыхъ (Memor. popul. I, 642). — Далѣе: «Сіи же Обри воеваша на Словены, и примучиша Дулѣбы, сущая Словены, и насилье творяху женамъ Дулѣбскимъ: аще поѣхати бяше Обрину, не

дадяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ въ телегу и повезти Обрина; и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ Обринъ... И есть притча въ Руси и до сего дне: *погибоша аки Обри*, ихъ же нѣсть племене, ни наслѣдка.»

(85) См. Memor. popul. III, 549 и слѣд. Нѣкоторые Арабскіе Писатели считаютъ Козаровъ за одинъ народъ съ Грузинами (см. Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Khozar). Тунманъ и Шлецеръ думали, что Несторъ Бѣлыми Уграми называетъ также Козаровъ, говоря: «Си бо Угры почаша быти при Иракліи Цари, иже находиша на Хоздроя, Царя Перскаго.» Византійская Исторія въ самомъ дѣлѣ начинаетъ много говорить о Козарахъ съ 626 года, когда Ираклій ввелъ ихъ въ войну съ Персіею; однакожь извѣстіе Несторово (стр. 10), что Бѣлые Угры завладѣли послѣ землею Славянскою (см. выше, примѣч. 65), можетъ относиться только къ дѣйствительнымъ Euграмъ: ибо Лѣтописецъ нашъ, какъ онъ сказалъ выше (стр. 6), означаетъ симъ именемъ Венгрію, ими завоеванную. Греческіе Историки называютъ и Венгровъ и Козаровъ Турками (Memor. popul. III, 543, 607): не вообразилъ ли Несторъ, что мнимые Турки, помогавшіе Ираклію въ войнѣ Персидской, были Венгры? Впрочемъ Угры могли вмѣстѣ съ ними участвовать въ сей войнѣ. Надобно также знать, что Венгрія въ среднихъ вѣкахъ называлась *Бѣлою:* Alba Ungaria (см. Гебгарди Gesch. des K. Ungarn, I, 362, Пестскаго изданія, 1802). — Татищевъ и Болтинъ несправедливо думали, что Козары и Хвалисы одинъ народъ (см. ниже, примѣч. 493). — Моисей Хоренскій (Hist. Arm. кн. II, стр. 183) называетъ Козаровъ Хазирами, а нѣкоторые Византійцы Аказирами.

(86) Петръ Великій и храброе войско его, взявше Дербентъ, съ удивленіемъ видѣли остатки сей стѣны, проведенной чрезъ горы и пустыни отъ Каспійскаго моря къ Черному. Князь Димитрій Кантемиръ, мужъ просвѣщенный и любопытный, описалъ ея развалины. «Въ долинахъ, говоритъ онъ, стоятъ еще многія башни съ воротами, похожія на башни Московскія. Стѣны въ толщину болѣе сажени; огромные камни, изъ коихъ она сдѣлана, безъ желѣза и безъ извести, сплочены весьма крѣпко (см. Баера de muro Caucaseo въ Коммент. Академіи Наукъ, T. I, или въ его Opusc. стр. 94; см. также Эрбелот. Bibl. Orient. подъ словомъ Khozar).

(87) Д'Анвиль пишетъ, что въ началѣ V вѣка Татарскій Князь, именемъ Тулунъ или Турунъ, первый назвался Каганомъ или Ханомъ (см. его Mémoire sur les peuples de la Dace, въ Mém. de l'Acad. des Inscript. T. LII).

(88) См. Voyage de Rubruquis, въ Бержерон. изд. стр. 1. Кромѣ принадлежавшаго Греческимъ Императорамъ Херсона и юго-западной приморской области Дори, гдѣ жили 3000 независимыхъ Готѳовъ Христіанской Вѣры, остатокъ тѣхъ, которые въ IV вѣкѣ, при Эрманарихѣ, господствовали надъ всею восточною Европою. Сіи малочисленные Готѳы, вѣрные союзники Константинополя, славились храбростію и гостепріимствомъ, любили земледѣліе, жизнь сельскую и не терпѣли городовъ въ странѣ своей. Іустиніанъ I, для ихъ защиты, оградилъ Дори, въ нѣкоторыхъ опасныхъ мѣстахъ, каменною стѣною (см. Прокоп. de Aedif. кн. III, гл. 7). Они уже въ концѣ IX вѣка были покорены Ханомъ Козарскимъ (см. Memor. popul. I, 245 и слѣд.).

Юстиніанъ II, свергнутый съ престола Тиверіемъ, ушелъ къ Хану Козаровъ и женился на его дочери, которую онъ послѣ вѣнчалъ царскимъ вѣнцемъ въ Константинополѣ. Филиппикъ также искалъ ихъ защиты. Императоръ Левъ женилъ сына своего, Константина, на Княжнѣ Козарской; отъ сего брака родился сынъ, который царствовалъ подъ именемъ Льва Козарскаго.

(89) Несторъ, описывая сіе происшествіе, еще не опредѣляетъ лѣтъ.

Въ *Пушкинск.* спискѣ: «И рѣша старци Козарстіи: *не добра дань, Княже, мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекоша сабями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ.* Се же сбыся все; не отъ своея воля рекоша, но отъ Божія повелѣнья, яко при Фараонѣ: еда приведоша Моисея предъ Фараона и рѣша старѣйшины: *се хочеть смирити область Египетскую;* яко же и бысть... яко же бысть володѣютъ Козары Русскіе до нынѣшняго дне.» — Послѣ о дани Козарской сказано въ *Кенигсберг.* спискѣ: «имаху Козаре на Полехъ и на Сѣверѣ и на Вятичехъ по *бѣлой дѣвици,*» ошибкою вмѣсто *вѣверицы;* въ *Пушкин.* и въ печатномъ *Никонов.:* «по бѣлѣй вѣверицѣ;» въ *Троицк.:* «по бѣлѣ и по вѣверицѣ.» Но то и другое имя значитъ одно. — Шлецеръ (см. его Nestor Ч. III, стр. 64) спрашиваетъ: «для чего Козары брали дань съ Кіевскихъ Славянъ бѣлками, а не медвѣдями? и заключаетъ, что Русскіе Славяне не имѣли оружія, потребнаго для медвѣжьей ловли! Козары брали дань кожами звѣрей самыхъ обыкновенныхъ, и вѣверицы могли имъ быть нужнѣе медвѣдей для одежды.

(90) См. *Абульфеду,* въ Бишин. Historisch. Magaz. T. V, стр. 365, Эрбелот. Bibliothèque Orientale при имени Khosar, Balangiar, и Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian Traveller of the tenth century, translated by W. Ousely, стр. 185–190. Переведемъ здѣсь любопытныя извѣстія о Козарахъ изъ послѣдней книги и Chrestomathie Arabe, par Silvestre de Sacy:

«Каганъ (или Хаканъ) долженъ быть всегда Императорскаго поколѣнія. Только въ важнѣйшихъ дѣлахъ можно имѣть къ нему доступъ; входящіе падаютъ ницъ и ждутъ, чтобы онъ велѣлъ имъ встать, приближиться и говорить. Никто не смѣетъ ѣхать верхомъ мимо Кагановой могилы: надобно сойти съ коня, поклониться гробу, итти пѣшкомъ и сѣсть на лошадь единственно тогда, какъ могила уже сокроется отъ глазъ. Если Каганъ скажетъ знатному чиновнику: *поди, умри,* то чиновникъ немедленно идетъ домой и убиваетъ себя. Иногда самые бѣдные люди Каганскаго поколѣнія восходятъ на тронъ въ свою очередь. Я слышалъ, что одинъ молодой человѣкъ сидѣлъ въ лавкѣ, торгуя бездѣлицами, и что народъ говорилъ объ немъ: *по смерти нынѣшняго Кагана онъ сядетъ на престолъ!* Но сей человѣкъ былъ Мусульманинъ, а Каганъ долженъ быть всегда Іудейской Вѣры» (которую, по сказанію Восточнаго Историка, Массуди, жившаго въ X вѣкѣ, принялъ въ 740 году Козарскій Владѣтель Була: см. ниже). «Съ Царемъ судятъ девять чиновниковъ, которые могутъ быть Мусульмане, Евреи, Христіане, идолопоклонники. Меньшая часть жителей Іудейскаго закона, а большая Магометанскаго и Христіанскаго... Городъ Атель окруженъ верстъ на семдесятъ плодоносными полями... Главная пища жителей есть рыба и пшено; медъ и воскъ привозятъ къ нимъ изъ Россіи. Знатнѣйшіе граждане Ательскіе суть Мусульмане и купцы; языкъ ихъ Турецкій... Въ землѣ Козарской есть городъ Асмидъ, весьма богатый садами. Дорога отъ Дербента къ Сериру вся окружена ими; тутъ родится и виноградъ.» (Oriental Geography).



197

Массуди около 947 года пишетъ слѣдующее: «По рѣкѣ, раздѣляющей столицу Козарскую на двѣ части, ходятъ вверхъ большія суда, нагруженныя товарами Ховарезмскими. На другихъ судахъ изъ земли Бертасъ привозятъ шкуры черныхъ лисицъ, самыя славныя и дорогія. Есть и красныя, пестрыя, бѣлыя. Такъ называемыя Арабскія малоцѣннѣе всѣхъ иныхъ. Черныя идутъ единственно изъ сей земли или сосѣдственныхъ съ нею. Цари народовъ варварскихъ покупаютъ оныя весьма дорогою цѣною для шапокъ и шубъ. Изъ Козаріи отправляютъ ихъ не только въ Дербентъ, въ Берду и другія мѣста въ Хорасанѣ, но и въ страны Франковъ, въ Испанію» (Chrestomathie Arabe par S. de Sacy).

Хотя въ Козаріи было много городовъ, изъ коихъ Нубійскій Географъ (Шерифъ аль-Эдризи, писавшій около 1153 года) именуетъ Куранъ, Гадранъ, Сегесанъ, Самандаръ, Альбанду, Садилъ и Ферузъ-Канадъ: но многіе люди жили тамъ еще въ шатрахъ или въ кибиткахъ. Дворецъ Кагановъ, на западномъ берегу Волги, былъ кирпичный; а другія жилища всѣ мазанки. Обыкновенная воинская дружина сихъ Государей состояла изъ 12,000 человѣкъ (Orient. Geogr.). — По другимъ Восточнымъ извѣстіямъ Каганская столица находилась ближе къ Дербенту.

Массуди пишетъ (см. Клапрота Rußland's Vergrößerungen, стр. 182—201), что Козары имѣли въ особенности и Царя и Кагана; что послѣдній жилъ во дворцѣ у перваго, былъ весьма уважаемъ, но не вмѣшивался ни въ какія дѣла и скрывался отъ людей; что въ случаѣ бѣдствія народъ приходилъ къ Царю и говорилъ ему: «нынѣшній Каганъ несчастливъ: умертви его или выдай намъ.» Царь тогда убивалъ или спасалъ Кагана. «Не знаю (говоритъ Массуди), таковъ ли всегда былъ обычай у Козаръ, или введенъ не давно.» Другіе Историки молчатъ о разности между Царемъ и Каганомъ. Эбнъ-Гаукаль прибавляетъ только слѣдующую странность: «Избравъ Кагана, Вельможи надѣваютъ ему шелковую петлю на шею, давятъ его и спрашиваютъ: сколько лѣтъ онъ хочетъ царствовать? Каганъ означаетъ лѣта, и тогда снимаютъ петлю; но если сей Царь переживетъ опредѣленный имъ срокъ, то его убиваютъ!»

Константинъ Багрянородный, описывая въ X вѣкѣ только южныя области Козарскія на берегахъ Азовскаго и Чернаго моря, не упоминаетъ объ ихъ Волжскихъ или Каспійскихъ владѣніяхъ; но въ его время Каганы еще господствовали въ нынѣшней Астраханской Губерніи по Восточнымъ извѣстіямъ (см. нашей *Исторіи* годъ 1021), хотя Узы, народъ Турецкаго племени, уже кочевали тогда между Волгою и Дономъ, или съ согласія или противъ воли Козаровъ (см. Конст. Багрянород. въ Бандури Т. I, стр. 105, 106, и Делилеву географич. карту тамъ же, стр. 32, 33). Узы (Οὖζοι, Οὖζ) называются въ Византійскихъ лѣтописяхъ Гуннами и Скиѳами. Одинъ новѣйшій Глика причисляетъ ихъ именно къ Печенѣгамъ (Memor. pop.). Баеръ безъ всякаго основанія считалъ Узовъ и Половцевъ или Комановъ за одинъ народъ: Скилиціи и Анна Комнина говорятъ особенно о томъ и другомъ. Ученый Прай (см. его Dissert. VI, стр. 111), ссылаясь на Дегина, несправедливо пишетъ: Abulfedha et Benschunach Uzos pro Comanis et vicissim usurpant. Дегинъ говоритъ о Туркоманахъ, а Туркоманы не Половцы, хотя и не сомнѣваюсь въ ихъ сродствѣ: ибо, кромѣ Глики, самъ Несторъ прибавляетъ (*Рос. Библіот.* 145): «Измаиловъ же родъ двѣнадцати сыновъ, отъ нихъ же суть Торкмени, Печенѣги, Торки и Половци.» Дегинъ сказываетъ, что Арабскіе Историки называютъ Узовъ Gozz. Если не ошибаюсь, то они въ лѣтописи Несторовой именуются Торками (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 112).

Имя города Саркела, по толкованію Константина Багрянороднаго и Продолжателя его, значило на языкѣ Козаровъ *бѣлую гостинницу* или *бѣлый домъ* (Memor. popul. Т. III, стр. 567). На Турецкомъ языкѣ оно значитъ *бѣлый городъ* (Баер. Geographia Russ. ex Const. Porph. въ Коммент. Академіи, Т. IX, стр. 399). По тому ученый Делиль (см. въ началѣ Бандури Animadvers. in Const. Porph. libros de Themat.) вообразилъ, что Саркелъ есть нынѣшній Бѣлгородъ въ Курской Губерніи, и что Константинъ назвалъ Танаисомъ не Донъ, а Донецъ. Баеръ, д'Анвиль (въ Mémoire sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace: см. *Mém. de l'Acad.* des Inscr. год. 1758—1760) и другіе повѣрили ему; но сіе мнѣніе кажется несправедливымъ. Бѣлгородъ Курскій извѣстенъ только съ XVI вѣка (см. сей *Исторіи* годъ 1502, въ примѣч.) и названъ *Бѣлымъ* отъ своего положенія на мѣловой горѣ, съ которой перенесли его въ долину (см. *Большой Чертежъ*). Люди, отправленные Императоромъ Ѳеофиломъ, приплыли на судахъ къ тому мѣсту, гдѣ надлежало имъ строить Саркелъ (Memor. popul. Т. III, стр. 567—568): а Донецъ въ окрестностяхъ Бѣлагорода не удобенъ для судоходства (см. *Записки* В. Зуева, стр. 170). Козары, овладѣвъ Тавридою, желали имѣть Саркелъ для защиты отъ Печенѣговъ (см. Кедрина въ Memor. popul. Т. III, стр. 568), которые еще жили тогда, по извѣстію Константинову, на берегахъ Яика и Волги: не Донецъ, но Донъ могъ быть границею между ими и Козарами. Делиль и Баеръ напрасно также говорятъ, будто Константинъ полагаетъ Саркелъ въ верховьѣ рѣки Танаиса: онъ, Продолжатель его и Кедринъ пишутъ только, что сей городъ стоялъ на берегу ея (Memor. popul. Т. III, стр. 567—568). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ Императоръ (Бандури Т. I, стр. 113), что Донъ течетъ отъ Саркела: Tanais qui à Sarcel venit. Въ Астрахани можно сказать, что Волга течетъ отъ Царицына: слѣдуетъ ли, чтобы Царицынъ находился въ верховьѣ Волги? Константинъ не зналъ никакихъ мѣстъ на Дону выше Саркела, и для того употребилъ сіе выраженіе. Въ *Хожденіи Митрополита Пимена къ Царюграду*, писанному въ исходѣ XIV вѣка, сказано, что на Дону, въ двухъ дняхъ плаванія внизъ отъ устья Медвѣдицы, находились развалины древняго города *Серклія* (см. нашей *Исторіи* Т. V, примѣч. 133): вотъ мѣсто *Саркела*, если не ошибаюсь.

О Кагановомъ и другихъ *городищахъ* см. въ *Описаніи Харькова*, стр. 101; также въ *Географ. Словарь Рос. Госуд.* подъ именемъ *Воронежъ*. Въ *Большомъ Чертежѣ* упоминается о многихъ городищахъ на берегахъ Донца (стр. 47—50). Имена: *Колодезь Каганской, Перевозъ Каганской,* свидѣтельствуютъ, что сіи мѣста принадлежали Козарамъ.

Греческій Царь Михаилъ отправилъ въ Козарію Философа Константина, обратившаго ея жителей въ Христіанство. Они изъ благодарности хотѣли осыпать его дарами; но Константинъ требовалъ только освобожденія Греческихъ невольниковъ: что ими съ радостію было исполнено (см. Vitae ambae SS. Cyrill. et Method. in Act. Sanct. 9 Марта, Ассемани Kalend. Eccl. univers. III, 4; см. также нашу Минею, въ житіи Святыхъ Константина и Меѳодія). Между тѣмъ Каганы, не препятствуя народу креститься, сами еще оставались въ Іудейскомъ Законѣ (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 24, въ описаніи 1021 года). Св. Константинъ или Кириллъ чрезъ нѣсколько лѣтъ прославился изобрѣтеніемъ буквъ Славянскихъ и переводомъ церков-

ныхъ книгъ съ Греческаго (см. ниже статью *о языкѣ и грамотѣ Славянъ.*

Изъ прибавленій въ концѣ VIII тома, издан. 1819 года: *Древнее восточное извѣстіе, найденное Г. Френомъ въ Арабскомъ космографическомъ твореніи:* «Чудеса земель и морей»: «Козары (или Хазары) живутъ на Козарскомъ морѣ, которое теперь называется Курсюмъ (Кульсюмъ). Ибнъ-улъ-Азиръ пишетъ, что они Грузины; но это не правда: ибо Грузины суть Армяне, Закона Христіанскаго. У нихъ 4 города: Хамлидшъ, Белендшеръ и Семендеръ» (имя четвертаго пропущено). «Говорятъ, что они всѣ построены Ануширваномъ. Козары раздѣляются на два класса: на воиновъ, которые суть Магометане, и на подданныхъ, которые суть Іудеи. Прежде, равно какъ и Турки, они не имѣли Вѣры, — кромѣ знатныхъ... Ибнъ-улъ-Азиръ повѣствуетъ, что Государь Константинопольскій во время Гарунаэръ-Рашида выгналъ Іудеевъ изъ земли своей; что Іудеи ушли къ Козарамъ, и видя въ нихъ людей добросердечныхъ, предложили имъ свою Вѣру; что Козары, находя ее лучше собственной, приняли оную и нѣсколько времени хранили; что войско Хоросанское пришло и завоевало ихъ страну... Ибнъ-улъ-Азиръ сказываетъ также, что Козары въ 254 (868) году приняли Магометовъ Законъ; что они въ войнѣ съ Турками просили вспоможенія у Хорезмскихъ жителей, которые отвѣтствовали имъ: *вы невѣрные: если сдѣлаетесь Мусульманами, то поможемъ вамъ.* Козары, за исключеніемъ ихъ Царя, приняли тогда Вѣру Магометову. Хорезмцы сдержали слово, заставивъ Турковъ удалиться. Послѣ чего и Царь Козарскій обратился въ Правовѣріе. Достоинство Хакана (или Кагана) принадлежало у нихъ одному роду. Хаканъ возводилъ Царя на престолъ; не имѣлъ права ни повелѣвать, ни запрещать, но былъ весьма уважаемъ... Одинъ Царь могъ входить къ нему,» и проч. (Остальное есть повтореніе Восточныхъ извѣстій, сообщенныхъ нами въ семъ 90 примѣч.)

Изъ прибавленій въ концѣ X тома, изданія 1824 года: *Сказаніе Ибнъ-Фоцлана о Козарахъ* (*). «*Хазаръ* (или Козаръ) есть названіе земли, коей столица *Итиль:* такъ именуется и рѣка (Волга), текущая изъ Россіи и Болгаріи... Большая часть города на западной сторонѣ сей рѣки, гдѣ живетъ и Царь, по-Хазарски *Илекъ* и *Бакъ*... Вокругъ стѣна съ четырмя воротами: однѣ ведутъ къ рѣкѣ, другія въ поле... Въ городѣ есть площади и бани... Жителей Магометанскаго Закона считается болѣе десяти тысячь; у нихъ 30 храмовъ...

Въ ближней дружинѣ Царской 4000 человѣкъ. Царь Іудейской Вѣры, а подданные Магометанской и Христіанской (см. ниже); идолопоклонниковъ не много, Іудеевъ еще менѣе. Идолопоклонники, привѣтствуя другъ друга, падаютъ ницъ и слѣдуютъ священнымъ обрядамъ по древнимъ обычаямъ, которые не сходствуютъ ни съ Магометанскими, ни съ Іудейскими, ни съ Христіанскими. — У Царя всегда 12000 воиновъ; на мѣсто умирающихъ избираютъ другихъ. Имъ даютъ не большее жалованье, и то рѣдко, въ случаѣ войны или какой важной опасности...

Казна беретъ пошлину съ ввозимыхъ товаровъ и десятину; а съ жителей разныя подати, налагаемыя на все съѣстное...

Просителей не допускаютъ до Царя; къ нему ходятъ только судьи (числомъ девять: см. выше въ семъ 90 примѣч.); между ими и Царемъ есть особенный посредникъ, который доноситъ ему о дѣлѣ, а судьямъ объявляетъ его указъ для исполненія.

Вокругъ города нѣтъ селъ: граждане лѣтомъ выходятъ на свои поля, засѣваютъ землю, собираютъ хлѣбъ и свозятъ его къ рѣкѣ или въ степь, на телегахъ или въ судахъ. Срацинское пшено и рыба составляютъ главную пищу жителей; все другое привозятъ къ нимъ изъ Россіи, Булгаріи и Куявы (Кіева). — Въ восточной части города живутъ большею частію купцы; тамъ и складка товаровъ.

Языкъ Хазарскій разнится отъ Турецкаго и Персидскаго... Хазары не сходствуютъ съ Турками: черноволосы, и раздѣляются на два рода: одни именуются *Кара-Хазаръ* (то есть, черные Хазары), лицемъ смуглы, и кажутся Индѣйскимъ народомъ; другіе бѣлы, прекрасны и стройны. У нихъ всѣ рабы идолопоклонники, которые считаютъ дозволеннымъ продавать дѣтей своихъ въ неволю...

Царь Хазарскій, называемый Хаканомъ (или Каганомъ), показывается только однажды въ 4 мѣсяца, выѣзжая гулять въ мѣста пріятныя. Его именуютъ Великимъ Хаканомъ, а Намѣстника его Хаканомъ *Бг* (Bh): послѣдній предводительствуетъ войскомъ, управляетъ Государствомъ, наказываетъ преступниковъ, является всенародно, даетъ повелѣнія Царямъ сосѣдственнымъ, ежедневно видитъ верховнаго Хакана, входитъ къ нему съ важностію, скромностію, благоговѣніемъ, и всегда съ босыми ногами; привѣтствуетъ его, держа въ рукѣ кусокъ дерева: зажигаетъ оное и садится съ Царемъ на тронѣ, по правую руку. За нимъ входятъ такъ называемый *Кендеръ-Хаканъ* и *Чаушіаръ*. Никто изъ другихъ людей не можетъ бесѣдовать съ Великимъ Царемъ...

По древнему обычаю, для умершаго верховнаго Царя строятъ большой дворецъ съ двадцатью комнатами, къ каждой изъ нихъ роютъ могилу, и засыпаютъ ея дно истертыми въ порошекъ камнями и неморенною известью. Подъ дворцемъ течетъ большая рѣка: въ нее ставятъ гробницу, для того, какъ сказываютъ, чтобы не могли приближиться къ ней ни Сатана, ни люди, ни черви, ни другіе гады. Схоронивъ Царя, отсѣкаютъ головы погребателямъ, дабы никто не зналъ, гдѣ гробница его: ее называютъ раемъ; о Хаканѣ же говорятъ, что онъ вошелъ въ рай.

У Царя 25 женъ, присылаемыхъ ему обыкновенно сосѣдственными Государями изъ числа ихъ родственницъ, и 60 наложницъ, отличныхъ красотою: каждая живетъ въ особенной палатѣ, въ *куббѣ* покрытой деревомъ Индѣйскихъ платановъ; у всякой *куббы* шатеръ, и ко всякой наложницѣ приставленъ евнухъ для храненія...

Когда Царь выѣзжаетъ верхомъ, все войско за нимъ слѣдуетъ, но такъ, что между Царскимъ конемъ и сими всадниками бываетъ цѣлая миля разстоянія. Народъ вдали падаетъ ницъ, и поднимаетъ голову единственно тогда, когда Царь уже проѣдетъ.

Для властвованія Хаканова назначается 40 лѣтъ: по истеченіи сего срока граждане и вельможи немедленно убиваютъ Хакана, дабы предупредить разслабленіе его ума и души.

Войско Хазарское не должно никогда обращать тыла: каждый ратникъ лишается жизни за бѣгство. Если бѣгутъ военачальники, или даже самъ Намѣстникъ Царскій, то Хаканъ наказываетъ виновныхъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и женами: отдаетъ ихъ другимъ, вмѣстѣ съ домомъ, скотомъ, оружіемъ преступника, коего иногда разсѣкаютъ надвое, и вѣшаютъ разсѣченнаго на крестѣ, иногда на деревѣ за шею; иногда же изъ милости опредѣляютъ къ конюшнѣ Царской.

Магометанъ вѣдаетъ въ Итилѣ чиновникъ Ха-

(*) Изъ сочиненія Г. Академика Френа: de Chasaris, который нашелъ сію любопытную статью (здѣсь сокращенную) въ Географическомъ Словарѣ Якутовомъ.

198

канскій ихъ Вѣры, именуемый *Хисме* (Chismeh). Они имѣютъ въ городѣ главный храмъ съ высокою башнею, и собираются тамъ для торжественнаго Богослуженія всякую Пятницу. Въ 310 (922) году Царь, узнавъ, что Магометане разорили Христіанскую церковь въ землѣ *Бабундшъ*, велѣлъ разрушить башню Магометанскаго храма и казнить проповѣдниковъ Алкорана...

*Весь* Хазары и Царь ихъ суть Іудейской Вѣры: Славяне и другіе сосѣдственные народы ему повинуются. Нѣкоторые думали, что подъ Хазарами должно разумѣть Ядшудша и Мадшудша (т. е. Гога и Магога).

(91) Несторъ пишетъ: *имаху дань Варязи на Словенѣхъ... а Козаре на Полехъ... по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма:* не вѣроятно, чтобы два народа брали совершенно одинакую дань. Лѣтописецъ, кажется, не зналъ, чѣмъ Варяги обложили Ильменскихъ Славянъ; а говоритъ только, *что* Поляне давали Козарамъ.

Въ нѣкоторыхъ новыхъ спискахъ Нестора сказано, что Славяне, изгнавъ Варяговъ, начали ставить города: въ древнихъ нѣтъ сего прибавленія.

Сообщаемъ здѣсь конецъ сказки, внесенной нами въ примѣчаніе 70: «Когда Гостомыслъ дожилъ до глубокой старости и не могъ уже править такими многочисленными, безпокойными народами: тогда сей великій мужъ, *сѣдый умомъ* и *власами*, призвавъ начальниковъ Русской земли, увѣщавалъ ихъ итти, по смерти его, за море въ Прусскую и Варяжскую землю, къ тамошнимъ *Самодержцамъ*, отъ рода *Августа Кесаря*, и предложить имъ власть надъ землею Славянскою. Гостомыслъ скоро умеръ, и Новогородцы погребли его съ великою честію на мѣстѣ именуемомъ *Волотово*, но долго не хотѣли Самодержавія и выбирали только *Посадниковъ*; наконецъ безпорядки и междоусобіе заставили ихъ отправиться въ *Варяжскую землю* и въ *Пруссію* къ тамошнему *Курфирсту* Рюрику, потомку Августову въ XIV колѣнѣ, который согласился управлять ими.» Сіи сказочники объявляютъ намъ, что Цесарь Августъ имѣлъ братьевъ: *Прусса*, Августула, Киринія, *Иллирика*, Ипіона, сродника Эвельгерда и проч. Такими и подобными историческими баснями отличался у насъ какой-то Діаконъ Холопьяго монастыря (донынѣ существующаго при устьѣ рѣки Мологи), именемъ Тимоѳей Каменевичь Рвовскій. Онъ жилъ и писалъ около 1699 году. Я нашелъ его сочиненія въ Синодальной библіотекѣ, въ рукописной книгѣ, названной *о древностяхъ Россійскаго Государства*, No. 529, Т. II: мы упомянемъ объ немъ въ другихъ примѣчаніяхъ.

Выпишемъ слова Несторовы о Руси: «Идоша за море къ Варягомъ *къ* Руси: сице бо ся зваху ти Варязи, яко сіи друзіи зовуться Урмяне,» и проч. (см. ниже, примѣч. 103). Далѣе: «и отъ тѣхъ прозвася Руськая земля, а Новогородци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словени» (а въ другихъ спискахъ: «и суть Новогородстіи людіе и до нынѣшняго дни отъ рода Варежьска: преже бо бѣша Словени»). То есть, Несторъ говоритъ, что *древніе* Новогородскіе Славяне отъ временъ Рюрика смѣшались съ племенемъ Варяжскимъ. — Слѣдственно имя нынѣшней Россіи происходитъ отъ Варяговъ-Руси, а не отъ *разсѣянія*, какъ думали нѣкоторые, согласно съ извѣстіемъ Прокопія о Спорахъ, ибо Варяги не были Славянами. Въ древнія времена писали у насъ *Русь*, послѣ *Русія*, а наконецъ обратили букву У въ О. Татищевъ думалъ, что Митрополитъ Макарій первый ввелъ сію новость: но во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ *Степенной*, такъ называемой *Макаріевой Книги*, во всѣхъ рукописяхъ XVI вѣка, сколько мнѣ случалось ихъ видѣть, употребляется названіе *Русь* и *Русія*. Болтинъ несправедливо также говоритъ, что *со временъ* Макаріевыхъ *начали* производить имя Россовъ отъ *разсѣянія*: нѣтъ, гораздо прежде: ибо Герберштейнъ пишетъ, что въ его время сіе мнѣніе было уже общимъ въ Россіи (см. Rerum Moscoviticarum Comment. стр. 1).

Нѣкоторые новѣйшіе Лѣтописцы, вопреки Несторову сказанію, производили имя Руси отъ рѣки Порусья, говоря (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 61): «и пришедше Словени съ Дуная и сѣдше у *езера Ладожьскаго*» (чего нѣтъ въ древней лѣтописи) «и оттолѣ пришедше сѣдоша около езера Ильменя, и нарекошася Русь, рѣки ради Руссы, еже впадаетъ въ езеро Ильмень» (въ Полисту).

(92) «Ляхове же и Прусь и Чудь присѣдять къ морю Варяжскому» — говоритъ Несторъ. Достойно примѣчанія, что одинъ Арабскій Географъ упоминаетъ о *Варанкскомъ* морѣ, какъ о заливѣ Сѣвернаго, и сказываетъ, что *Варанкъ* есть имя народа, обитающаго на его берегахъ: Mare Warank exit ex ambiente mari Septentrionali versus meridiem, habetque longitudinis et latitudinis, quot satis sit. Warank est nomen gentis, quæ littora ejus obsidet (см. Абульфеду въ Бишинг. Hist. Magaz. T. IV, стр. 151).

(93) Гельмольдъ пишетъ: Exercitus Northmannorum collectus de fortissimis Danorum, Sveonum, Norveorum.

(94) Въ 516 году, по извѣстію Григорія Турскаго. Долго читали въ церквахъ молитву: à furore Normannorum libera nos, Domine — то есть: *сохрани насъ, Господи, отъ свирѣпства Норманновъ*.

(95) См. Форстерово сочиненіе: Von den Entdeckungen in Norden. Они въ 1001 году были занесены бурею къ Американскимъ берегамъ; послѣ нѣсколько разъ ѣздили туда изъ Гренландіи, и назвали сію новую землю Винландіею. Адамъ Бременскій упоминаетъ объ ней.

(96) Саксонъ, Авторъ XIII вѣка, прозванный Грамматикомъ по его чистому Латинскому слогу, дозволилъ себѣ выдумать всю начальную Исторію Скандинавіи, основываясь будто бы на древнихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ, неизвѣстныхъ ни одному человѣку, кромѣ его. Не только благоразумные Критики — Маллетъ, Шлецеръ — но и самъ Шведскій повѣствователь Далинъ, весьма склонный къ баснословію, отвергаетъ древнюю Исторію Саксонову. Не смотря на то, Миллеръ въ своей Академической рѣчи съ важностію повторилъ сказки сего Датчанина о Россіи, замѣтивъ, что Саксонъ пишетъ о Русской Царевнѣ Риндѣ, съ которою *Одинъ* прижилъ сына *Боуса*, и что у насъ есть также сказка о Бовѣ Королевичѣ, сынѣ *Додона*: «имена Боусъ и Бова, Одинъ и Додонъ, сходны: слѣдственно не должно отвергать сказаній Грамматика!» (см. Миллерово сочиненіе *о народахъ въ Россіи обитавшихъ*, въ статьѣ *о Готѳахъ*).

Для читателей любопытныхъ предложимъ здѣсь сіи весьма недостовѣрныя извѣстія о древней Россіи.

Фротонъ I, Король Датскій, по мнѣнію Торфееву современникъ Христа, въ морскомъ сраженіи побѣдилъ Россійскаго Царя или Тирана (Сакс. Граммат. Hist. Dan. кн. II, стр. 21), именемъ Траннона: взялъ городъ его Роталу въ Ливоніи (см. Грубер. Liefländ. Chronik) и *Пелтискъ* или Полоцкъ, столицу Веспазія, другаго Царя Россійскаго; завоевалъ еще дальнѣйшую страну какого-то Царя Гандувана и женился на его дочери. — Въ I вѣкѣ Норвежскій Владѣтель Галфданъ воевалъ въ земляхъ Востока, Россіи и Ливоніи, убилъ на поединкѣ славнаго Царя Сигтригга и женился на дочери Россійскаго Государя Эймунда, именемъ Альмвейгѣ или Альфіии (Торф. Hist. Norveg. I, 173). — Швед-

скій Король Готбротъ также счастливо воевалъ въ Россіи (Сакс. Грам. стр. 28). Наслѣдникъ его Готеръ погибъ съ сраженіи съ Боемъ, сыномъ Отина (или славнаго Одина) и Россійской Царевны Ринды. Колдунъ Финскій предсказалъ Отину сей случай; но мужественный Бой, самъ раненный въ битвѣ, умеръ на третій день и погребенъ съ великою честію Россійскими воинами, которые насыпали высокій курганъ надъ его могилою, да служитъ долговременнымъ памятникомъ славы Боевой (Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 44, 46). Сынъ Готеровъ и преемники его имѣли многія войны съ Россіянами въ теченіе II вѣка.

Фротонъ III, Король Датскій, въ III вѣкѣ по исчисленію Торфееву, женился на дочери какого-то Царя Гунновъ, приворотилъ ее къ себѣ волшебнымъ питіемъ, и развелся съ нею: за что тесть его объявилъ ему войну и соединился съ Россіянами, но былъ побѣжденъ (Сакс. Грам. Hist. Dan. 69, 86, 89). Фротонъ отдалъ Гольмгардскую (или Новогородскую) область Царю Олимару, Эстію (Эстонію) другому Царю, а третьему Коногардію, также Россійскую землю. — Въ Исландскихъ повѣстяхъ упоминается о знаменитомъ Россійскомъ Государѣ Зигурламѣ, который, по мнѣнію Торфея (Hist. Norv. I, 420), жилъ въ III вѣкѣ. Гейррида, дочь Русскаго богатыря и Владѣтеля Гейрравда, вышла за Норвежца Аугмунда, и не малая часть Россіи была ея приданымъ или наслѣдіемъ (Торф. Hist. Norv. I, 273). Оддъ, другой витязь Норвежскій, женатый на Силкизифѣ, Царевнѣ Россійской, также господствовалъ въ отечествѣ ея. Болѣе всѣхъ Россійскихъ Государей славился тогда могуществомъ и богатствомъ Гроллавгъ; а супруга его Герборгъ, сынъ Герлавгъ, дочь Гергерда, не менѣе славились красотою. Норвежецъ Гейдрикъ (Торф. Hist. Norv. I, 432) совокупился бракомъ съ Гергердою, и взялъ за нею въ приданое Виндландію (или Финляндію, какъ толкуютъ).

Одна пристань или городъ въ Россіи назывался Альдейгіабургомъ или Альдейгабургомъ (см. ниже примѣч. 485). Тамошній Владѣтель Ингварь былъ умерщвленъ Стурлавгомъ Трудолюбивымъ, который, на его дочери Ингигердѣ женивъ Фрамора, отдалъ ему сію область (Торф. Hist. Norv. I, 201). Трандійскій Король Эстейнъ, осадивъ Альдейгабургъ, убилъ его Владѣтеля, именемъ Гергейра (Торф. Hist. Norv. I, 296). Біартмаръ, Графъ (Comes) Альдейгабургскій, не уступалъ въ силѣ Королямъ (Торф. Hist. Norv. I, 422). Сіи происшествія Торфей относитъ ко II или III вѣку.

Сынъ Фротона III, Фридлевъ, былъ воспитанъ въ Россіи (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. VI, стр. 96) и съ помощію тамошняго Царя восшелъ на престолъ отеческій. — Старкатеръ, витязь Датскій, обративъ въ бѣгство Россійскаго Князя (Principem) Флокка, овладѣлъ его несмѣтными сокровищами, множествомъ серебра и золота (Сакс. Грам. кн. VI, стр. 104, 105), и на поединкѣ одолѣлъ Визинна, богатыря нашего, въ царствованіе Фротона IV, т. е. въ IV вѣкѣ по хронологіи Торфеевой). — Лѣтъ черезъ сто или болѣе Гальданъ, Король Датскій, помогалъ Россіянамъ противъ Шведскаго (Сакс. Грам. кн. VII, стр. 135); и Король Ярмерикъ воевалъ съ ними.

Знаменитый Король Сѣверный, Иваръ Видфадме, покоривъ Швецію, Данію, завоевалъ и часть Государства нашего. Дочь его Авдура Діупаудга (Торф. Hist. Norv. I, 442) или *пребогатая* (prædives), овдовѣвъ, ушла въ Россію съ малолѣтнымъ сыномъ Гаральдомъ и сочеталась бракомъ съ тамошнимъ Владѣтелемъ Радбардомъ. Иваръ, досадуя на зятя, хотѣлъ мстить ему, но утонулъ въ морѣ, и Гаральдъ съ помощію своего вотчима сдѣлался Королемъ Датскимъ, въ началѣ VII вѣка по Торфееву лѣтосчисленію. Сынъ Радбардовъ, мужественный Рандверъ, не довольный своимъ наслѣдственнымъ Россійскимъ Царствомъ, отправился въ Норвегію и Англію, гдѣ погибъ въ сраженіи. Родъ его долго царствовалъ въ Швеціи, Даніи и Норвегіи. Внукъ Радбардовъ, Регнальдъ, господствуя въ нашемъ отечествѣ, ходилъ въ Скандинавію помогать сыну Рандверову, Сигурту, который въ 735 году лишилъ жизни дядю своего, Гаральда.

Во время Карла Великаго жилъ славный Датскій Король, Регнеръ Лотброкъ, и завоевалъ Ливонію. Сыновья убитаго Короля ея, Діана, женатые на Россійскихъ Царевнахъ, съ помощію своего тестя сражались мужественно; но Регнеръ, побѣдивъ ихъ и завладѣвъ Россіею, Финляндіею, Біарміею, отдалъ сіи земли сыну своему, Витсерку. Царствованіе его было не долговременно: сынъ Ливонскаго Короля, именемъ Даксонъ, взялъ Витсерка и сжегъ на кострѣ (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. IX, стр. 174).

Симъ заключаемъ выписку изъ Саксона и повѣстей Исландскихъ о древней Россіи.

(97) *Гардъ* знаменуетъ не только городъ, но и страну. Датчане именовали Россію Острогардомъ, т. е. *восточною страною:* ибо она лежитъ отъ нихъ къ Востоку. Гардерикъ означаетъ или просто *государство* или *землю, въ которой есть города;* Гольмгардъ *землю острововъ*, insularum regio, или *городъ на островѣ*. Бангеръ думалъ, что Скандинавы назвали Россію Греціею отъ Вѣры, принятой Славянами отъ Грековъ, вмѣстѣ съ ихъ азбукою; но такъ именовалась она въ Скандинавіи еще и во время язычества (см. Баеров. Geograph. Russiæ ex Script. Septentr. въ Коммент. Академіи, T. X, стр. 371, и *разсужденіе* Ученаго Ире *о путешествіи Скандинавовъ въ Грецію,* въ Шлец. Nord. Gesch. 549—556) вѣроятно для того, что Норманы ѣздили въ Грецію обыкновенно черезъ Россію, и въ мысляхъ своихъ какъ бы соединяли сіи двѣ страны. Сѣверные Писатели именовали Россію и Хунигардомъ, то есть, по изъясненію Гельмольдову, *страною Гунновъ*. Гунны конечно могли въ IV и V вѣкѣ владѣть частію Россіи; но вѣроятнѣе, что имя Chunigard произошло отъ испорченнаго имени Кіева, называемаго Сѣверными Авторами Chive, Cuieua, Koenugardia.

*Рунами* именуются старыя письмена Скандинавскія. Ученые долго спорили о ихъ древности. По крайней мѣрѣ извѣстно, что сіи буквы употреблялись въ Скандинавіи уже около VII или VIII вѣка; ихъ находятъ еще на памятникахъ и гробахъ языческихъ, хотя, кромѣ сихъ надписей, не имѣемъ иныхъ *древнихъ* и важныхъ для Исторіи монументовъ Руническихъ (см. въ Шлецер. *Сѣвер. Ист.* Von der Schreibkunst in Norden). Жители Далекарліи донынѣ употребляютъ Руническіе знаки (см. Далинову Gesch. des Schwed. R. T. I, стр. 180).

(98) Дюшен. Historiæ Francorum Scriptores T. II, 389, 524, 850: Classis Danorum in regnum Clotharii appulit, Ducibus Rorico et Godefrido (г. 850)... Northmannorum Rex Roricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Ludovicum dirigit (г. 845)... Roric, natione Nordmannus, qui temporibus Ludovici Imperatoris cum fratre Harioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit, post obitum Imperatoris, defuncto fratre, apud Lotharium, qui patri successit in regno, proditionis crimine falso insimulatus, tentus et in custodiam missus est; unde fuga lapsus, in fidem Ludovici, Regis Orientalium Francorum veniens... collecta Danigenarum non modica manu, cœpit piraticam exercere... venitque (г. 850) per ostia Rheni flu-

minis Dorestadum, и проч. — Другія имена см. въ Баеровомъ сочиненіи de Varagis въ Коммент. Академіи, Т. IV, или въ его Opusc. стр. 339. Въ договорахъ первыхъ Князей Русскихъ съ Греческою Имперіею называются многіе Бояре ихъ также Скандинавскими именами; на примѣръ: «Мы отъ роду *Руського* Карлъ Инегельдъ, Веремундъ, Рулавъ, Руальдъ, и *проч.* посланы отъ Ольга, Великого Князя Руського,» и *проч.* (см. печатн. *Нестора*, стр. 26).

(99) Russios, quos alio nomine Nordmannos vocamus (стр. 92); и въ другомъ мѣстѣ (стр. 144) онъ то же повторяетъ.

(100) Анна Комнина пишетъ, что Варяги (или, по Греческому произношенію, *Варанги*) были изъ Туле, т. е. изъ Скандинавіи. Кедринъ также признаетъ ихъ Скандинавами. Когда Эрикъ, *Датскій* Король, пріѣхалъ въ Царьградъ, то Варяги получили дозволеніе итти къ нему: ибо онъ былъ Государемъ *ихъ* народа. Норвежскаго Принца Гаральда избрали Константинопольскіе Варяги, какъ *своего единоземца*, въ начальники ихъ дружины (см. *разсужденіе* Баера de Varagis, въ Коммент. Академіи, Т. IV). Впрочемъ между Константинопольскими Варягами были другіе чужеземные воины: Англы, Франки (см. Memor. popul. T IV, стр. 431 и слѣд.).

(101) См. ученаго Ире Reise der Normänner im Mittel-Alter, въ Шлецер. Nord. Gesch. стр. 546. Еще отъ временъ Константина Великаго Римляне называли Готѳскую дружину Fœderati, или *союзники*. Шведы уже въ половинѣ IX вѣка имѣли сообщеніе съ Царемградомъ (см. ниже, примѣч. 110). Константинъ Багрянородный называетъ Варяговъ Фарганами (см. Memor. popul. IV, 433). — Упомянемъ еще о трехъ толкованіяхъ Варяжскаго имени. Нѣкоторые хотѣли производить его отъ Финскаго слова *Варасъ*, т. е. *воръ*: ибо не только Скандинавскіе витязи, но и самые Короли ихъ не стыдились быть разбойниками, и часто опустошали Эстонію. На примѣръ: «Король Гейдерихъ съ сильнымъ войскомъ разбойничалъ на восточныхъ берегахъ моря Бальтійскаго,» сказано въ Hervarar Saga, гл. XIII. Финны конечно могли такъ назвать ихъ; но трудно вообразить, чтобы сами Норманы приняли сіе бранное, чужеземное имя и назвались имъ въ Россіи, гдѣ Князья ихъ властвовали, и въ Константинополѣ, гдѣ они хранили дворецъ Императоровъ. — Вотъ другое толкованіе: «Въ Нормандіи донынѣ называется Varech то, что выбрасывается морскими волнами на берегъ, а *береговое право* жителей на все, что они спасаютъ отъ кораблекрушенія, droit de varech. Сіе слово конечно введено тамъ Скандинавами, когда они овладѣли Нормандіею, и должно значить *морское*, maritimus, marinus. Норманы, приставая къ берегамъ чужеземнымъ, назывались, можетъ быть, Варягами въ смыслѣ *мореплавателей*; а Финны и Славяне обратили сіе имя въ собственное.» Такъ говоритъ Миллеръ въ Samml. Russ. G.; но вѣроятно ли, чтобы тѣлохранители Императорскіе въ Константинополѣ, служившіе не на корабляхъ, а стоявшіе на караулѣ въ спальнѣ Царя и провождавшіе его въ церковь, именовались *морскими людьми?* Къ тому же Varech значитъ собственно *кораблекрушеніе*: всякія разбитыя, потонувшія суда называются по-Французски varech. — Третіе изъясненіе гораздо вѣроятнѣе: «Имя *Варягъ* могло произойти отъ древняго Нѣмецкаго War, *война*, и знаменовать *воина*; оно сохранилось въ языкѣ Англійскомъ.» Замѣтимъ, что въ Германскихъ законахъ IX вѣка упоминается о *Варгенгахъ*, или нашихъ Варягахъ, какъ надобно думать; на примѣръ: si quis Wargengum occiderit, solidos sexcentos in dominico componat (см. изданный Петромъ Георгишемъ Corpus juris Germanici antiqui, стр. 782); то есть: «кто убьетъ *Варгенга*, платитъ въ казну 600 солидовъ.» Здѣсь сіе имя употреблено, кажется, въ смыслѣ *военнаго человѣка*, а можетъ быть и *союзника*.

(102) Первый, какъ говоритъ Константинъ въ книгѣ *о правленіи* (Memor. popul. T. II, стр. 982), назывался по-Славянски *Нессупи* (такъ надобно читать вмѣсто *Эссупи*), то есть, *не спи*; вторый *Островунипрагъ* (островный прагъ); третій *Геландри*; четвертый *Неаситъ* (птица неясыть, или пеликанъ); пятый *Вульнипрагъ* (вольный прагъ); шестый *Веручи* (βερουτζη, quasi dicas aquæ scaturigo: *ручей или вертящій?*); седьмый *Напрези*; а по-Русски: первый также *Нессупи*, вторый *Ульворси*, четвертый *Аифаръ*, пятый *Баруфоросъ*, шестый *Леанти*, седьмый *Струвунъ*. Константинъ толкуетъ Славянскія имена справедливо, кромѣ третьяго и седьмаго: *Геландри* не есть *шумный*, а *Напрези* не *малый прагъ*, какъ онъ говоритъ; первое слово не имѣетъ никакого значенія въ языкѣ Славянскомъ, а второе можетъ происходить отъ стариннаго глагола *прягу* или *связываю*. Вѣроятно, что сей *малый* водопадъ не мѣшалъ дѣйствію парусовъ, и что его назвали такъ отъ крика лодошниковъ: «напрягай или навязывай парусы!» — Баеру казались Русскія имена совсѣмъ непонятными; но Струбе и Тунманъ признаютъ ихъ Скандинавскими. 1. *Нессупи* и на семъ языкѣ можетъ значить *не спи*: *не* есть отрицаніе; sof или suef *спи*; розница между Славянскимъ и Норманскимъ именемъ такъ мала, что Константинъ не хотѣлъ и замѣтить ее. — 2. *Ульворси* или *Гульворси* составлено изъ *гольмъ*, т. е. островъ, и *форсъ*, т. е. порогъ: смыслъ выходитъ тотъ же, что и на Славянскомъ. — 3. *Геландри* по-Исландски *шумящій*: вѣроятно, что переписчики Константиновой книги выпустили Славянское имя сего порога и назвали Норманское Славянскимъ. — 4. *Аэифаръ* или Аэнваръ, Aeifar, на древнемъ Нѣмецкомъ языкѣ означаетъ аиста: сіе имя (говоритъ Струбе) находится во всѣхъ Голландскихъ лексиконахъ (Oyevaer). Скандинавы, не зная пеликановъ въ сѣверныхъ странахъ своихъ, назвали ихъ аистами. — 5. *Баруфоросъ* на *Скандинавскомъ* языкѣ почти тоже, что *вольный прагъ*: var *тихій*, *смирный*, а fors *порогъ*. — 6. *Леанти* происходитъ отъ глагола laiu, leiu, *течь сильно* или *кипѣть*: что отвѣтствуетъ смыслу имени Славянскаго *вертящій*. — 7. *Струбунъ* значитъ по-Готѳски *навязывай*, Stroup-on (см. Тунмана Ueber einige Gegenstände der Russ. Geschichte, и Струбе Dissertation sur les anciens Russes, также Лерберг. Untersuchungen, стр. 350 и слѣд. Послѣдній не соглашается съ двумя первыми въ нѣкоторыхъ изъясненіяхъ, но согласенъ въ главномъ. — И такъ сіе важное мѣсто въ Константиновомъ сочиненіи доказываетъ: 1) что около половины X вѣка говорили въ Россіи двумя языками, и что 2) Русскимъ назывался Скандинавскій, бывшій конечно нѣсколько времени въ употребленіи между нашими Князьями и Вельможами Норманскаго происхожденія, но мало по малу оставленный ими, подобно какъ Болгары забыли свой языкъ между Славянами, а Франки между Галлами. Сіе ни мало не удивительно: Скандинавы приходили въ Россію большею частію безъ семействъ, и женились на Славянкахъ; дѣти, воспитываемыя матерями, должны были знать лучше языкъ ихъ, нежели отцевскій, которому надлежало совсѣмъ исчезнуть въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ. Однакожь нѣкоторыя Скандинавскія и Шведскія слова донынѣ остались въ языкѣ Русскомъ; на примѣръ: Besman *безменъ*, Grus *грузъ*, и проч.

(103) Въ печатн. стр. 5: «Ляхове же и Пруси и Чудь присѣдять къ морю Варяжскому. Посему же сѣдять Варяги сѣмо къ Въстоку предѣла Симова; *по тому же морю сѣдять* (Варяги) *къ Западу до земли Агнянскія* и до Волошскія» (Италіи): то есть, Шведы къ Востоку или предѣлу Симову, Норвежцы и Датчане къ Западу. Далѣе: «Идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо ся зваху ти Варязи, яко се друзіи зовуться Свіе, друзіи же Урмяне, Англяне, друзіи Готе.» Часть Лапландіи, которою владѣли Норвежцы, называлась по-Русски Мурманскимъ Лопорьемъ. Струбе, въ Dissertation sur les anciens Russes, пишетъ, что Финны называютъ Датчанъ Йотами.

(104) См. Штриттеровы Memor. popul. T. IV, стр. 431, *объ имени, отечествѣ* и *родѣ Варяговъ*. — Англяне, Angli, уже извѣстные Тациту въ числѣ Свевскихъ народовъ, обитали прежде на сѣверныхъ берегахъ Эльбы, и вмѣстѣ съ Саксонами въ V вѣкѣ овладѣли Англіею; они, подобно Скандинавамъ, издревле славились морскими разбоями.

(105) Въ чемъ согласны всѣ ученые Историки, кромѣ Татищева и Ломоносова. Первый хотѣлъ непремѣнно сдѣлать Русскихъ Варяговъ Финляндцами, не думая о томъ, что сіи послѣдніе называются въ нашихъ лѣтописяхъ Емью (см. выше, примѣч. 73); что имена Варяжскія, сохраненныя Несторомъ, не Финскія, а Скандинавскія; что изъ Россіи, какъ говоритъ Несторъ, ходили къ Варягамъ по Западной Двинѣ (см. печатн. *Нест.* стр. 7); что они жили на морѣ къ *Англіи* (*Нест.* стр. 5). Онъ долженъ былъ опровергнуть еще другое возраженіе: Лѣтописецъ говоритъ, что Варяги пришли *изъ-за моря*; а Финны и Славяне обитали на одной сторонѣ Бальтійскаго. Татищевъ отвѣтствуетъ: «Финны жили за Ладожскимъ озеромъ, которое на ихъ языкѣ называется *(будто бы)* Русскимъ моремъ: слѣдственно Несторъ могъ привести Варяговъ Русь или Финновъ *изъ-за моря!*» Такъ не заключаютъ Историки: ему надлежало бы доказать, что и Славяне именовали Ладожское озеро моремъ; но древняя лѣтопись наша говоритъ, что сіе озеро всегда называлось (*Нест.* стр. 7) *озеромъ* Невомъ. Для чего онъ не подумалъ лучше о Финскомъ заливѣ? Любопытно знать главную причину, которая заставила Татищева признать Финновъ Варягами Русью: «Въ Финляндіи есть гора, называемая *Русскою*, и жители имѣютъ по большой части *русые* волосы: слѣдственно Финны суть Руссы» (Исторія Татищ. Т. I, стр. 390). Можно ли вообразить, чтобы въ землѣ *Русской* одну гору преимущественно назвали *Русскою?* Что же принадлежитъ до цвѣта волосовъ, то и Славяне казались Грекамъ по большей части русыми (см. Memor. popul. II, 29), вопреки Болтину, который, не справясь съ извѣстіями современныхъ Византійскихъ Историковъ, называетъ древнихъ Славянъ *черноволосыми*, утверждая тѣмъ ихъ мнимое Азіатское происхожденіе. — Въ *Степенной Книгѣ* сказано, что Рюрикъ вышелъ изъ Пруссіи (см. ниже, примѣч. 111): по сему Ломоносовъ утверждалъ, что Варяги-Русь были Пруссы, то есть, Латыши, единоплеменники Славянъ: Новгородъ безъ великаго стыда могъ требовать отъ нихъ Владѣтелей; гораздо оскорбительнѣе повиноваться Князьямъ иноплеменнымъ. Къ тому же Польскіе Историки — Длугошъ, Кромеръ, Стриковскій — нашли знаменитыхъ Римлянъ между Латышами: слѣдственно Варяги наши могли быть родственниками Цесарей: чѣмъ въ Герберштейново время уже хвалились Русскіе: hosce fratres originem à Romanis traxisse gloriantur Rutheni (Rerum Mosc. Com. стр. 3), и сочинитель *Книги Степенной* доказываетъ, что Рюрикъ именно происходитъ отъ Августа! Но если мы захотимъ соображать Исторію съ пользою народнаго тщеславія, то она утратитъ главное свое достоинство, истину, и будетъ скучнымъ романомъ. Собственныя имена Варяговъ не Латынскія, не Славянскія: слѣдственно они не древніе Пруссы, не Славяне. Несторъ же весьма ясно отличаетъ ихъ отъ Пруссовъ, говоря (стр. 5): «*Прусь* и *Чудь* присѣдять къ морю *Варяжскому;* по сему же морю сѣдять *Варязи.*»

(106) Симъ молчаніемъ Ломоносовъ хотѣлъ опровергнуть ясную, неоспоримую истину, что Рюрикъ и братья его были Скандинавы; но Шведы и Датчане имѣютъ ли собственную подробную, вѣрную Исторію сего времени? Нѣтъ: Саксонъ Грамматикъ выдумывалъ, Торфей угадывалъ, Далинъ обратилъ сказки древнихъ о Гетахъ и Скиѳахъ въ Шведскія лѣтописи! Ссылаемся на благоразумнаго Маллета, который весьма основательно доказываетъ ненадежность всѣхъ источниковъ древней Скандинавской Исторіи. Многія смѣлыя предпріятія Норманновъ въ VIII и въ IX вѣкѣ извѣстны намъ единственно по тому, что память ихъ сохранилась въ иностранныхъ лѣтописяхъ, которыя служили источникомъ для новѣйшихъ Историковъ Скандинавіи. Такимъ образомъ и Далинъ, узнавъ изъ Нестора о Рюрикѣ, пишетъ, что сей Князь былъ Шведскій Принцъ Эрикъ Біэрнсонъ (Т. I, стр. 410 въ Нѣм. переводѣ его Исторіи)! Не считаю за нужное говорить здѣсь о всѣхъ нелѣпостяхъ ученаго Далина, который объявляетъ намъ, что около Рождества Христова большая часть Швеціи скрывалась еще подъ водою; что сѣверная Россія въ глубокой древности состояла изъ однихъ острововъ и была Шведскою провинціею отъ Новагорода до Кіева! — Шлецеръ замѣчаетъ въ своемъ *Несторѣ*, что въ *Исландскихъ повѣстяхъ*, Herands и Bose Sage, упоминается о трехъ славныхъ Упландскихъ морскихъ разбойникахъ, которыхъ имена похожи на имя Рюрика, Синеуса и Трувора (Rörerkr, Siggeir, Tuares), но которые, по симъ сказкамъ, жили не въ то время.

(107) Далинъ замѣчаетъ, что Стурлезонъ именуетъ сію область Sialand; но сіе не доказываетъ, чтобы она въ тоже время не называлась и Рос-лагеномъ. Sialand означаетъ вообще приморскую землю. — Далинъ производитъ имя Рос-лагена отъ Шведскаго глагола го, т. е. *грести весломъ* (Schw. Gesch. I, 306).

(108) Даже и въ лѣтописяхъ XIII вѣка Готландцы не именуются у насъ Шведами. Въ Швеціи, въ Норвегіи каждый уголокъ земли составлялъ нѣкогда особливое Королевство или Графство (см. Далина I, 306). Потому Несторъ могъ говорить въ особенности о Варягахъ-Свіяхъ или Шведахъ, и Варягахъ-Руси, едва ли знавъ, что послѣдніе вышли изъ той страны, которая въ его время составляла часть общей Державы Шведской. — Тунманъ, Гаттереръ (Comment. Societ. Gotting. XIII, 126), Шлецеръ признаютъ Рюрика и братьевъ его Шведами. — По извѣстію Видекинда, описавшаго войну Шведскую съ Русскими въ бѣдственныя времена Лжедимитріевъ, Архимандритъ Купріанъ, Депутатъ Новагорода, убѣждая Бояръ Московскихъ избрать въ Цари Шведскаго Принца Карла, сказалъ, что и первый Князь нашъ былъ изъ Швеціи (см. Шлецер. *Нестора* I, 184): «слѣдственно» (заключаетъ Шлецеръ) «въ началѣ XVII вѣка сами Русскіе были увѣрены, что Несторъ именовалъ Варягами-Русью Шведовъ.» Но справедливо ли сіе обстоятельство? Видекиндъ могъ выдумать его.

(109) См. Finnisches Lexicon и Гупелеву Estische Grammatik; также Далин. Gesch. des Reichs Schw. I, 306

(110) Т. III, стр. 195: Misit Theophilus Imp. cum eis (съ послами къ Людовику Благочестивому или Добродушному) quosdam, qui se, id est gen-

tem suam Rhos vocari dicebant: quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiæ, sicut asserebant, caussa direxerat: petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate Imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per Imperium suum tutum habere possent: quoniam itinera, per quæ ad eum Constantinopolin venerant, inter barbaras et nimiæ feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit: quorum adventus caussam Imperator diligentius investigans, comperit, eos gentis esse Sueonum, exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiæ petitores ratus, penes se eo usque retinendos judicavit, quoad veraciter inveniri posset, utrum fideliter eo nec ne pervenerint: idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit. et quod illius amore libenter susceperit, ac, si fideles invenirentur, et facultas absque illorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos: sin alias, una cum missis nostris ad ejus præsentiam dirigendos, ut, quid de talibus fieri deberet, ipse decernendo efficeret.

Гаканъ (Hakan) есть собственное, весьма обыкновенное имя Скандинавское (см. Исторію Далинову). Сходство его съ именемъ Хакана, которымъ назывались Цари Козарскіе, заставило нѣкоторыхъ думать, что мнимые Послы Русскіе были Козары: такъ мыслилъ не только Болтинъ, но и Шлецеръ въ своихъ Proben Russ. Annal. Но Козары въ концѣ седьмаго вѣка, въ осьмомъ и девятомъ имѣли безпрестанное сношеніе съ Константинополемъ: могъ ли Императоръ Ѳеофилъ говорить о друзьяхъ и союзникахъ какъ о народѣ ему неизвѣстномъ? могъ ли назвать ихъ чуждымъ именемъ и отправить въ Германію, чтобы они удобнѣе возвратились оттуда въ землю свою, *сопредѣльную* съ его Таврическими владѣніями? — Миллеръ воображалъ сихъ Пословъ Варягами-Русью, которые будто бы еще прежде Рюрика утвердились въ Кіевѣ, пріѣзжали оттуда въ Константинополь, и назвали своего Князя Каганомъ для того, что сіе имя было въ великомъ почтеніи у Грековъ. Если бы Миллеръ видѣлъ *Житіе Владиміра*, харатейную рукопись XIII или XV вѣка, хранимую въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, то могъ бы доказать, что самые Русскіе или Кіевскіе Государи именовались Каганами: ибо такъ называется Владиміръ въ *Житіи* его. Однакожь сіи послы народа Россовъ были конечно не изъ Кіева, куда Греческій Императоръ не могъ отправить ихъ чрезъ Нѣмецкую землю. Кіевъ принадлежалъ тогда Козарамъ: сообщеніе между ими и Греціею было свободно моремъ или сухимъ путемъ, чрезъ Болгарію: гдѣ тутъ *многія варварскія земли*, о которыхъ Ѳеофилъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ Людовику? Но если Послы (что всего вѣроятнѣе) пріѣзжали изъ Швеціи, то они въ самомъ дѣлѣ могли возвратиться въ свое отечество чрезъ Германію удобнѣе, нежели чрезъ владѣнія многочисленныхъ Славянскихъ и Финскихъ народовъ, еще полудикихъ въ IX вѣкѣ. — Шведы были уже извѣстны при дворѣ Людовика, который въ 829 году самъ отправлялъ къ нимъ посольство (см. Далина).

(111) Въ *Степен. Книгѣ* I, 7 и 79: «Рюрикъ, иже пріиде изъ Варягъ... Бѣ отъ племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется, и егда живяху за моремъ, Варяги именовахуся.» Въ нѣкоторыхъ спискахъ сокращеннаго Нестора сказано также: «пріиде Рюрикъ *изъ Пруссъ*.»

О *Руссѣ* и *Руснѣ* см. Гарткноха Alt und Neu. Preuß. стр. 9. Имя Pruzzi сдѣлалось извѣстно въ 997 году: въ первый разъ употребилъ его безъименный сочинитель жизни Св. Адальберта (Acta Borussica T. II, стр. 1). Всего вѣроятнѣе, что оно произошло отъ рѣки Русы или Русны, а не отъ сосѣдства съ Россіею, какъ многіе толковали. Такъ *Поволожьемъ* назывались окрестности Волги, *Поморьемъ* окрестности моря, и проч.; никогда же не бывало *Погреціи* или *Почудья* или *Понѣмечья*.

О переселеніи Скандинавовъ въ Пруссію см. Lucas David's Preußische Chronik. I, стр. 14, 15, 18 Славный Видвутъ былъ изъ числа ихъ, также и Первосвященникъ Криве или Криво. — Лѣтописцы Прусскіе говорятъ о частыхъ войнахъ *Россіянъ* съ Пруссами въ VI вѣкѣ (Lucas Dav. Chr. 41, 45, 53, 55). Князь первыхъ, союзникъ Мазовскаго, именовался Чимбахъ или Чинбегъ. Или сіи Лѣтописцы смѣшиваютъ новѣйшія дѣянія съ древними, или повѣствованіе ихъ доказываетъ, что Россіяне прежде Рюриковыхъ временъ жили гдѣ нибудь въ ближнемъ сосѣдствѣ съ Пруссами.

О *Прусской* улицѣ въ Новѣгородѣ см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 108; и во многихъ мѣстахъ *Новогород. Лѣт.* объ ней упоминается.

Географъ Равенскій, изданный въ 1688 году Монахомъ Першерономъ, говоритъ (стр. 140): Item juxta Oceanum est patria, quæ dicitur Roxolanorum, Suaricum, Sauromatum, per quam patriam inter cetera transeunt flumina, quæ dicuntur, fluvius maximus, qui dicitur Vistula, quia nimis undosus in Oceano mergitur, et fluvius, qui nominatur Lutta (по мнѣнію Гаттерера *Ритта* или Руса). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 293) онъ пишетъ, что Сѣверный Океанъ есть полуночная граница міра, обтекая землю Роксоланъ, Сарматовъ, Скиѳовъ, Ререфенновъ, Скридефенновъ и Германію, гдѣ обитаютъ Датчане, Саксоны, Фризы. Сей Географъ обезображенъ переписчиками; однакожь достоинъ вниманія, и Лейбницъ, изъясняя происхожденіе Франковъ, ссылается на его свидѣтельство.

Лѣтописцы среднихъ вѣковъ любили давать народамъ имена древнія, сходныя: такъ и Лука Давидъ въ своей Хроникѣ называетъ Россіянъ Роксоланами. Миллеръ въ рѣчи своей о древностяхъ нашего отечества, вмѣстѣ съ Баеромъ признавъ Варяговъ Скандинавами, справедливо доказалъ ошибку тѣхъ, которые единственно по сходству имени считаютъ Варяговъ-Русь *древними* Роксоланами: ибо первые жили на Сѣверѣ, а другіе въ окрестностяхъ Азовскаго моря. Нынѣ трудно повѣрить гоненію, претерпѣнному Авторомъ за сію Диссертацію въ 1749 году. Академики по Указу судили ее: Ломоносовъ, Поповъ, Крашенинниковъ, Струбе, Фишеръ на всякую страницу дѣлали возраженія. Исторія кончилась тѣмъ, что Миллеръ занемогъ отъ безпокойства, и Диссертацію, уже напечатанную, запретили. Наконецъ Миллеръ согласился, что Варяги-Русь могли быть Роксолане въ смыслѣ Географа Равенскаго, а *не древніе*.

Варяги-Русь, по словамъ Нестора, были *изъ-за моря*, а Пруссія съ Новогородскою и Чудскою землею на одной сторонѣ Балтійскаго: сіе возраженіе не имѣетъ никакой силы: что приходило моремъ, называлось всегда заморскимъ; такъ о Любекскихъ и другихъ Нѣмецкихъ корабляхъ говорится въ *Новогород. Лѣт.*, что они приходили къ намъ *изъ-за моря*.

112) И такъ Бертинскія лѣтописи первыя упоминаютъ о Россахъ: по Византійскимъ сдѣлались они извѣстны уже за половину IX вѣка. Хотя Никифоръ Григора, Писатель XIV вѣка, увѣряетъ, что еще при Дворѣ Константина Великаго одинъ *Россійй* Князь былъ Стольникомъ; однакожь всѣ благоразумные Историки считаютъ сіе извѣстіе ложнымъ: ибо никто изъ *древнѣйшихъ* Византійскихъ Лѣтописцевъ не говоритъ до IX вѣка о Россахъ (см. Штриттеровы Memor. popul. T. II, стр. 956).

Въ описаніи Антіохійскаго Собора 363 году упоминается о *Россскомъ* Епископѣ; но сей Епископъ именовался такъ отъ города Росса (Ῥωσσος) въ Киликіи: не оттуда ли былъ и Стольникъ Константиновъ, о которомъ пишетъ Никифоръ? (см. Баер. Origines Russiæ въ Коммент. Академіи, Т. VIII, стр. 392). Другой городъ во Ѳракіи назывался Русіонъ. — Многихъ также ввелъ въ заблужденіе Латинскій Ѳеофановъ переводчикъ, который изъ словъ ῥουσια χελανδια, т. е. *красныя ладіи*, сдѣлалъ Russorum chelandia, т. е. *Русскія ладіи*: чѣмъ хотѣли доказать мнимую извѣстность народа Русскаго въ Греціи около 774 году (см. Штр. Memoriæ Т. II, стр. 957).

(113) Говорить ли о мнимомъ происхожденіи Русскихъ отъ Роса, о которомъ будто бы упоминается въ главѣ 38 и 39 Пророка Iезекіиля? Татищевъ уже доказалъ сію ошибку: Еврейское слово *Росъ* означаетъ *главу* или *начальника;* оно не есть собственное имя. Нѣкоторые Византійскіе Писатели также производили Россовъ отъ Росса, какого-то знаменитаго мужа, будто бы избавившаго согражданъ отъ ига тирановъ (см. Штрит. Memor. popul. T. II, стр. 939).

Мы должны упомянуть здѣсь о Dissertation sur les anciens Russes, сочиненіи Г. Струбе, въ коемъ онъ силится доказывать, что Несторовы Варяги-Русь были Готѳы Роксолане, будто бы жившіе между Бальтійскимъ и Ледовитымъ моремъ, въ землѣ, которая въ Исландскихъ сказкахъ именуется Ризаландіею, Risaland или *страною Великановъ*. Струбе говоритъ, что Роксолане, по Географіи Страбоновой, обитали въ самой глубинѣ Сѣвера! Можно ли Академику такимъ образомъ изъяснять Страбона, не имѣвшаго идеи о Сѣверной Европѣ? Сей Географъ самъ признается, что ему извѣстны только земли Черноморскія, а Германія до рѣки Эльбы; что описанія Сѣвера основаны единственно на догадкахъ, и никто не знаетъ, есть ли народы между Восточными Германцами и Океаномъ (an aliud genus hominum orientalibus Germanis et Oceano sit interjectum: см. Страбон. Geograph. стр. 452). Роксолане, по его словамъ, жили *сѣвернѣе Атмоновъ, Сидонянъ, Певковъ*, и кочевали лѣтомъ между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, а зимою въ окрестныхъ болотахъ Азовскаго моря (кн. VII, стр. 471, 472): Peucini, qui insulam Istri Peucen occuparunt, et Roxolani maxime septentrionales, qui campos inter Tanain et Borysthenem incolunt... Hyeme in paludibus Moeotidi propinquis, æstate etiam in campis. Какъ еще далеко оттуда Ледовитое море! Ризаландія, земля Великановъ, или Йотунгеймъ, принадлежитъ къ баснословію Исландскому: тамъ обитали не Варяги-Русь, а злые духи, оборотни, чудовища (см. SamsonFagre Saga) или, какъ воображаетъ Далинъ, древніе Готѳы, которые, будучи велики ростомъ, прозвались Великанами (см. его Gesch. des R. Schw. I, 61).

(114) Штриттеръ въ своей Россійской Исторіи пишетъ, что Славяне въ 859 году изгнали Варяговъ: такъ сказано единственно въ *Никонов. Лѣт.;* но во всѣхъ древнихъ спискахъ Нестора: «*въ лѣто* 6367 (то есть, въ 859 году) *имаху дань Варяги изъ заморья.*» Славяне отказались платить сію дань уже въ слѣдующіе годы. Слова Несторовы: «въ лѣто 6368, 6369, 6370, *быша Варязи изъ заморья, и не даша имъ дани, и почаша сами собѣ володѣти.*» Откуда взялъ Штриттеръ, что Варяги, обложивъ данію Славянъ, «частію возвратились домой, частію остались въ землѣ побѣжденныхъ, чтобы властвовать надъ ними?»

(115) «Имаху бо обычаи свои и законъ отцевъ своихъ,» говоритъ Лѣтописецъ.

(116) Гаттереръ думаетъ, что Норманы овладѣли Россіею при Королѣ Иварѣ Видфадмѣ, который въ концѣ VI вѣка (по лѣтосчисленію Торфееву, а по Далинову уже въ VIII) соединилъ Данію со Швеціею; завоевалъ часть Саксоніи, Нортумберландъ въ южной Британніи и *многія земли* на восточныхъ берегахъ Бальтійскихъ (см. Гаттер. Allgem. Weltgeschichte). Миллеръ приписываетъ сіе завоеваніе потомку его, славному Рангару Лодброку, современнику Карла Великаго (см. Мил. Origines gentis et nominis Russorum); а Тунманъ Эрику Рефильсону, умершему въ 852 году (см. Тун. сочиненіе Ueber einige Gegenstände der Russ. Gesch.).

(117) См. въ печатномъ *Несторѣ* о изобрѣтеніи Славянскихъ писменъ, стр. 21.

(118) Въ древнемъ *Пушкин.* и во многихъ другихъ полныхъ спискахъ Нестора сказано: «Наченшу Михаилу царствовати, начаша прозыватися Руськая земля. О семъ бо увѣдѣхомъ, яко при семъ Царѣ приходиша Русь на Царьгородъ, яко пишется въ лѣтописаньи Гречестѣмъ. Тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ.»

(119) См. ниже, примѣч. 260.

(120) Того, разумѣю, которое относится собственно къ нашимъ внутреннимъ происшествіямъ: не говорю о Византійскомъ, которая явно несправедливомъ въ показаніяхъ Нестора; не говорю также о противорѣчіи въ годахъ, о ложныхъ соображеніяхъ *Никонов. Лѣтописца, Архангельскаго* и другихъ новыхъ. Шлецеръ думаетъ, что Государство Россійское основалось *въ срединѣ* IX вѣка (см. его Nestor, Ч. III, стр. 12): можетъ быть; но какъ *доказать*, что древній Лѣтописецъ ошибся, и что Рюрикъ пришелъ ранѣе 862 года?

(121) Memor. popul. II, 29. Нѣкоторые пишутъ, что Славяне омывались три раза во всю жизнь свою: въ день рожденія, женидьбы и смерти (см. въ Раичевой *Исторіи Славян. народовъ* кн. 1, гл. V).

(122) Memor. popul. Т. II, стр. 28—29, и Маврик. Strategicum Упсальскаго изданія, кн. II, гл. 5. Императоръ Маврикій сочинилъ XII книгъ о военномъ искусствѣ, изданныхъ Шефферомъ въ 1664 году: для насъ всего любопытнѣе въ нихъ описаніе Славянскихъ нравовъ, которое читатель найдетъ въ Масков. Gesch. der Deutschen, Т. II, въ примѣч. стр. 211, 212. — Императоръ Левъ Мудрый въ своей Тактикѣ *повторяетъ* сказанія Маврикіевы о Славянахъ.

(123) Выше, стр. 15.

(124) Memor. popul. II, 36.

(125) См. Маврик. Strateg. кн. II, гл. 5, — Тацита о Венедахъ, Прокопія въ Memor. popul. II, 29, 33, и Фредегарія Chron. гл. 48. Маврикій пишетъ, что ядъ, коимъ Славяне намазывали стрѣлы, былъ весьма дѣйствителенъ и могъ заразить все тѣло уязвленнаго, ежели не давали ему принять Ѳеріака, либо другихъ лекарствъ, или не вырѣзывали мяса вокругъ раны. — Луки у Славянъ были деревянные. Ни Прокопій, ни Маврикій не говорятъ о мечахъ; но предки наши безъ сомнѣнія употребляли ихъ, ибо Лавритасъ, вождь Славянскій, въ отвѣтъ Аварскому послу сказалъ: «никто не покоритъ насъ, доколѣ будутъ война и *мечи* въ свѣтѣ» (см. выше, стр. 14).

(126) См. выше, стр. 14.

(127) См. въ Memor. popul. II, 34, 43.

(128) Vita S. Severini, гл. II — въ Гебгарди Gesch. der Wenden, Т. I, стр. 12. Греческіе поселяне называли ихъ *Скамарами*. Добнеръ думаетъ, что сіе имя есть Славянское и происходитъ отъ слова *кама*, означающаго *яму* или *пещеру*.

(129) Memor. popul. II, 37. Славяне сажали плѣнниковъ на колъ, запирали въ хлѣвы и сожигали вмѣстѣ съ скотомъ, котораго не могли увести съ собою.

(130) Memor. popul. T. II, стр. 59.

(131) Маврикій говоритъ, что они скрываютъ свое имѣніе какъ воры. — Поморяне (пишетъ Гельмольдъ), отправляясь на войну, также зарывали все драгоцѣнное въ землю. И въ наши времена нигдѣ простые люди не говорятъ столько о *кладахъ* и тайныхъ сокровищахъ, какъ въ земляхъ Славянскихъ.

(132) Слова Прокопіевы: ingenium ipsis nec malignum, nec fraudulentum, et cum simplicitate mores Hunnicos in multis retinent. Маврикіевы: Qui sunt in captivitate apud eos, non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur, sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici.

(133) Адамъ Бременскій: Moribus et hospitalitate — ut nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri (кн. II, гл. 12). Маврикій: Sunt quoque aduersus peregrinos benigni magnoque studio servant incolumes salvosque de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per incuriam ejus, qui servare talem debet, accidat, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicinus ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum.

(134) Козма Прагскій въ Менкен. Script. rer. Germ. I, 1970, и Vita Ottonis, стр. 690. Далѣе см. Гельмольда Chron. Slavorum, кн. I, гл. 83.

(135) См. выше, стр. 8.

(136) См. Маврик. Strateg. Св. Вонифатій, жившій въ половинѣ VIII вѣка, въ письмѣ своемъ къ Королю Англійскому такъ говоритъ о Нѣмецкихъ Славянахъ или Вендахъ: Winedi, quod est fœdissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset; et laudabilis mulier inter illas esse judicatur, quæ propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo. См. Abhandl. Böhmischer Gesellsch. Ч. III, стр. 158; также Дитмара Chron. стр. 419, и Д. Антона Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten &c. стр. 125. Г. Добровскій (Abhandl. der Böhm. Gesellsch. годъ 1787 стр. 159) находитъ въ имени *свадьбы* и *свата* доказательство, что Славяне отмѣнно уважали бракъ: ибо сіи имена, какъ онъ думаетъ, происходятъ отъ *святости*. Докторъ Антонъ оспориваетъ мнѣніе Добровскаго, и толкуетъ, что *сватъ* есть *свидѣтель*. Оба не правы. *Свататься* значило прежде *сговариваться, соглашаться*: такъ въ Нестор. лѣтописи сказано (въ печатн. стр. 123): «Изяславъ *сватается* со Всеславомъ, мысля на *наю*» (насъ двухъ). — Прелюбодѣяніе наказывалось у Польскихъ Славянъ весьма жестоко. Виновному отдавали на выборъ, быть евнухомъ или умереть (см. Дитм. Chron. кн. VIII въ началѣ).

(137) См. Abhandlung von den Heyrathsgebräuchen der Oberlausitzischen Wenden, Гебгарди въ Geschichte der Slaven, T. I, стр. 8, и Антона Versuch стр. 127. Вѣно означало у древнихъ Славянъ плату, которую женихъ давалъ за невѣсту отцу или сродникамъ ея.

(138) Memor. popul. II, 72.

(139) Антон. Versuch, стр. 54.

(140) Vita S. Ottonis, стр. 682.

(141) Гебгарди Gesch. der Wenden, I, 9. Другіе народы языческіе, Пруссы, Герулы, поступали такъ же (см. Гарткнох. Antiqu. Pruss. Dissert. XIII, стр. 188, и Масков. Geschichte der Deutschen, кн. XI, гл. 24). Вообще находимъ великое сходство между правами Славянъ и народовъ Германскихъ.

(142) Chron. Slavorum, въ издан. Линденброг. стр. 202.

(143) См. печат. Нестора, стр. 12. Увидимъ послѣ, что и Князья Россійскіе дозволяли себѣ огоженство. Козма Прагскій говоритъ, что древніе Богемцы, подобно нашимъ Сѣверянамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, не знали брака.

(144) Въ точности ли справедливо сіе описаніе нравовъ? Не излишно ли Несторъ хвалитъ Кіевлянъ, между которыми онъ самъ жилъ? Не излишно ли чернитъ другихъ Славянъ, можетъ быть, для того, что они и въ его время не хотѣли еще совсѣмъ оставить идолопоклонства? О свойствѣ же Новогородцевъ, отдаленныхъ отъ Кіева, не говоритъ ни слова: видно, что ихъ древніе обычаи и преданія были ему мало извѣстны. — О жилищахъ Славянъ см. въ Memor. popul. II, 29. Іорнандъ (de reb. Get. стр. 85): hi paludes sylvasque pro civitatibus habent. Древнее Славянское обыкновеніе, зарывать хлѣбъ въ землю, донынѣ существуетъ въ Молдавіи и Валахіи. См. выше, примѣч. 131.

(145) Маврикій: Abundant copia brutorum omnis generis et terræ nascentium, quæ comportant in cumulum; præcipue vero milii (просо) et panici (гречиха? (см. Плин. H. N. XVIII, 7).

(146) См. Гебгарди Gesch. der Slaven T. I, стр. 42. Послѣ будемъ говорить о сходствѣ многихъ Латинскихъ и Славянскихъ словъ.

(147) См. выше, примѣч. 134. — Memor. popul. II, 29, и Гельмольд. Chron. Slavor. кн. I, гл. 83. Древніе Латыши и сѣверные Нѣмцы также любили медъ. Вульфстанъ, который жилъ во время Англійскаго Короля Альфреда, т. е. въ IX вѣкѣ, говоритъ, что Пруссія изобилуетъ пчеловодствомъ; что самые бѣдные люди пьютъ медъ, а богатые кобылье молоко (см. Форстер. Entdeckungen in Norden стр. 99). — Эдда называетъ Miod божественнымъ питіемъ. Жители Дакіи въ V вѣкѣ, по словамъ Приска, употребляли вмѣсто вина Μέδον (Memor. popul. I, 504). Сіе имя не есть только Славянское, какъ нѣкоторые думали: на древнемъ языкѣ Греческомъ Μέθη значитъ *пьянство*, Μέθυ *чистое вино*, Μεθυδωτις Бахусъ.

(148) Memor. popul. II, 29, и въ Машев. Alterthümer der Obotriten изображеніе 16 и 20.

(149) Гебг. Gesch. der W. u. der Slav. T. I, стр. 44-45.

(150) Адамъ Бременскій называетъ сей городъ Юлиномъ, а Гельмольдъ Виннетою (см. перваго Hist. Eccl. стр. 19 и Chron. Slav. втораго, кн. I, гл. 2). Баеръ думалъ, что имя Юлина есть описка (см. Шлец. Nordische Gesch. стр. 505); но многіе утверждали, что оно происходитъ отъ Юлія Цесаря, такъ же какъ Волгастъ значитъ Julia-Augusta, а Деминъ Domina mundi (см. *Вандалію* Альберта Кранца кн. II, гл. 33). Ни Юлій Цесарь, ни Римскія войска никогда въ сихъ мѣстахъ не бывали.

(151) Гебгарди Gesch. der Slaven T. I, стр. 45. — Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о торговлѣ Славянъ Россійскихъ до *временъ Рюриковыхъ*.

(152) Vita S. Ottonis, въ описаніи Славянскихъ храмовъ въ Штетинѣ, и Бекман. Beschreibung der Mark Brandenburg стр. 392 и 398. Карлъ Великій уставилъ, чтобы никто не смѣлъ въ Германіи продавать оружія Славянамъ (*Гебгарди* Gesch. der Slav. T. I, стр. 45): «слѣдственно» — говорятъ нѣкоторые — «они не умѣли сами дѣлать его.» Заключеніе не весьма убѣдительное. Англичане, ведя войну съ Французами, не хотятъ, чтобы Шведы или Нѣмцы возили моремъ оружіе въ Руанъ или въ Брестъ; но у Французовъ есть Версальская фабрика и другія.

(153) См. Тунмана Ueber die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotriten стр. 262. Многія Нѣмецкія слова рудокопнаго искусства могутъ быть изъяснены только Славянскими. Тунманъ заключаетъ, что Нѣмцы заимствовали оное отъ Богемскихъ Вендовъ.

(154) См. Hofpredigers Masch Gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten, и Voyage en Basse Saxe

Графа Потоцкаго. Сіи любопытныя древности хранились въ Рацебургской библіотекѣ и въ Нейбрандебургѣ въ Шпонгольцскомъ кабинетѣ. См. также Бекман. Beschreib. der Mark Brandenburg, T. II, стр. 376.

(155) Гельмольдъ въ Chron. Slavorum: casas de virgultis contexunt, necessitati tantum consulentes adversus tempestates et pluvias. О городахъ и храмахъ Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 41, и Vita S. Ottonis, стр. 680.

(156) См. выше, стр. 15. Докторъ Антонъ толкуетъ, что имя *гусли* происходитъ отъ *гуся!* См. его Erste Linien стр. 142—146. Между Славянскими древностями нашли изображеніе воина, играющаго на волынкѣ (см. Маш. Gottesdienstl. Alterthümer der Obotriten).

(157) Memor. popul. II, 61. Прокопій называетъ сіи пѣсни Аварскими единственно для того, что Греки считали Аваровъ и Славянъ какъ бы за одинъ народъ. См. еще Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 6.

(158) Д. Антона Versuch ꝛc. стр. 33 и 143, Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 7, и Vita S. Ottonis (см. ниже).

(159) Я выписалъ сіи древнія *Русскія* имена изъ харатейнаго Евангелія 1144 года (см. ниже, примѣч. 529): они употреблялись всѣми племенами Славянскими, съ нѣкоторою разностію по климатамъ. Вотъ Малороссійскія и Польскія для сравненія:

| | *Малорос.* | *Польск.* |
|---|---|---|
| Генварь ..... | Сѣчень ...... | Styczeń. |
| Февраль ..... | Лютый ...... | Luty. |
| Мартъ ...... | Березозоль ... | Marzec. |
| Апрѣль ...... | Цвѣтень ..... | Kwiecień. |
| Май ......... | Травень ..... | May. |
| Іюнь ........ | Червецъ ..... | Czerwiec. |
| Іюль ........ | Липецъ ...... | Lipiec. |
| Августъ ..... | Серпень ..... | Sierpień. |
| Сентябрь .... | Вресень ..... | Wrzesień. |
| Октябрь ..... | Паздерникъ .. | Pazdziernik. |
| Ноябрь ...... | Листопадъ ... | Listopad. |
| Декабрь ..... | Студень ..... | Grudzień. |

Добровскій (Slovanka, стр. 71) изъясняетъ, что *Просинецъ* есть Beth-Monat, отъ глагола *просить!* Онъ не вспомнилъ о *просѣ*, коимъ издревле питались Славяне: это было бы вѣроятнѣе. — *Сѣчень* отъ *сѣку:* или въ смыслѣ жестокихъ морозовъ, которые еще бываютъ у насъ въ Февралѣ, или Славяне что нибудь *сѣкли, рубили* въ семъ мѣсяцѣ. — У насъ есть слово *подзолъ* отъ *золы:* думаю, что Славяне жгли *березовую золу* для щелока въ Апрѣлѣ (*). — Г. Калайдовичь, служащій въ Москов. Архивѣ Иностран. Коллегіи, по своей благосклонности сообщилъ мнѣ слѣдующее о мѣсяцѣ Изокѣ: «Сіе имя дано ему, какъ вѣроятно, отъ пѣвчей птицы, которая, можетъ быть, появляется въ Іюнѣ: доказательство отыскано мною въ Шестодневѣ Василія Великаго, книгѣ переведенной, думаю, Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка: она поднесена Князю Болгарскому Симеону, и списана въ Сербскомъ монастырѣ Преображенія на Аѳонской горѣ, въ 1263 году, при Сербскомъ Королѣ Стефанѣ Урошѣ. Сочинитель предисловія, описывая красоты весны и лѣта, говоритъ о соловьяхъ, союхъ, иволгахъ, желнахъ, щурахъ, ласточкахъ, скворцахъ, *изокахъ*, такимъ образомъ: *Егда же видимъ въ годы часы приступающе и дождь земли даемъ и сію растущу и трѣвою* (травою) *покрываему и нивы, волнующесе дубравы и обрастьше горы и обродивша овоща, пустимъ на хвалу языкъ* (языкъ); *рцѣмъ съ блаженнымъ Давидомъ и съ тѣмъ въспоимъ, рекуще, яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи; вси премудростію сътвори. Егда слышимъ пѣсниваые птице, различными гласы поюще пѣсни красные: славіе же поюще, косы же и сое, влъгы и желъны, щоры же и* изоки, *ластовицы же и скворанцье, и ины птице,*» и проч. Теперь остается намъ узнать, какая именно птица называлась *изокомъ*. — Въ первомъ изданіи сей *Исторіи* я сказалъ, что *Рюенъ*, какъ дождливый мѣсяцъ, могъ быть такъ названъ отъ глагола *рюмить, плакать, слезить:* мы обыкновенно воображаемъ Сентябрь печальнымъ и говоримъ въ пословицу: *смотрѣть Сентябремъ.* Но изъясненіе Г. Добровскаго, отъ глагола *реву*, не вѣроятнѣе ли? «Тогда, пишетъ онъ (Slovanka 72), бываютъ олени въ течкѣ, бѣгаются и *ревутъ*.» Въ Сентябрѣ *ревутъ* и другіе звѣри; *ревутъ* и *вѣтры*. Въ старомъ переводѣ одной Византійской лѣтописи, находящейся въ *Императорской* публичной Библіотекѣ, Авторъ, описывая царствованіе Михаила Дуки, говоритъ: «По сихъ же просѣдошася нашествія варварская, и паки дохнувша *вихри* отвсюду и шумы воспущаху и *руянія* творяху: не бяше бо корабника, на сихъ помогающаго.» *Руяніе* близко къ *Рюену*. — Въ нашей древнѣйшей лѣтописи (см. сей *Исторіи* T. II, примѣч. 182): «пойдоша на колѣхъ, *А* по *груду* пути: бѣ бо мѣсяцъ *Груденъ*» (слѣдственно въ *Россіи* употреблялись сіи древнія названія мѣсяцевъ). Союзъ *А* означаетъ всегда какую-то противность, или чрезвычайность; не льзя сказать: «ѣхали на колесахъ, *а* по землѣ;» но можно: «ѣхали на колесахъ, *а* по снѣгу.» Вѣроятно, что *груднымъ* назывался первый зимній путь, еще малоснѣжный, шероховатый, бойкій: ибо въ лѣтописи XVI вѣка (см. T. VIII, примѣч. 504) сказано: «а зима была гола, и ходъ конемъ былъ нужно *грудовато*.» Не Южные, но Сѣверные Славяне могли такъ именовать мѣсяцы. Богемцы называли Груднемъ Генварь, а послѣ Февраль (см. Slovanka 72).

Изъ Прибавл. въ концѣ VIII т. изд. 1819 года: Слѣдующее толкованіе имени *Рюена*, или Сентября, кажется мнѣ вѣроятнѣйшимъ. Сербы называютъ *Руемъ* или *Рюемъ* желтое деревцо (*желтникъ*, Rhus cotinus, Perucken-Baum, Gelb-Holz, по Волошски *дацикъ*), употребляемое въ краску. Они и все *желтое* — на примѣръ вино — называютъ *руино* и *руевно* (см. Сербскій Словарь Вука Стефановича). Славяне дали Сентябрю имя *желтаго* (Рюена) отъ желтѣющихъ тогда древесныхъ листьевъ. (Октябрь назывался у нихъ *Листопадомъ*).

Изъ Прибавл. въ концѣ IX т. изд. 1821 года: Г. Калайдовичь пишетъ ко мнѣ слѣдующее: «Экзархъ Болгарскій въ своемъ предисловіи *Шестоднева* ставитъ *изока* въ числѣ птицъ; но въ переводѣ сихъ бесѣдъ Василія Великаго (стр. 240) говоритъ: *не точью бо изоци въ дождъ се раждаютъ;* въ подлинникѣ же здѣсь: οὐ γὰρ μόνον τέττιγας ἐν ἐπομβρίαις ἀνίησιν: слѣдственно *изокъ* не птица, а *кузнечикъ* или *кобылка*, cicada. Такъ и переводитъ сіе мѣсто Епифаній Славинецкій: *не бо точію* сверщы *въ надожденіихъ выходятъ. Сверщъ*, какъ изъясняется въ Кіевскомъ *Лексиконѣ Славенорос.* 1627 года, есть *коникъ, скачокъ, сверщокъ*. Въ другомъ мѣстѣ *Шестоднева* по Епифаніеву переводу: *кій образъ пѣснопѣнія сверща?* Въ подлинникѣ опять имя τέττιξ. Не удивительно, что Экзархъ Болгарскій включилъ своего *изока* въ статью птицъ, слѣдуя Василію Великому, который въ девятой бесѣдѣ также относитъ летающихъ насѣкомыхъ къ роду пернатыхъ. И въ Премудрости Іисуса Сираха (гл. II, ст. 3) сказано: *мала есть*

---

(*) Березозолъ — золъ для березъ: изъ нихъ тогда выпускаютъ сокъ (отмѣтка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ И. Г. Р.).

*въ пернатыхъ пчела.* Древніе думали, что кузнечики издаютъ голосъ или поютъ: извѣстно, что сіи насѣкомыя производятъ звукъ частымъ движеніемъ своихъ крыльевъ, являясь во множествѣ послѣ сильныхъ дождей, въ красные дни, и болѣе въ Іюнѣ мѣсяцѣ, названномъ ихъ именемъ, т. е. *Изокомъ.*»

(160) Memor. popul. II, 28. Маврикій говоритъ: neminem ferant imperantem.

(161) Вотъ причина великаго къ нимъ уваженія во времена глубокой древности, когда письмо и типографіи были неизвѣстны! Нынѣ учатся изъ книгъ; а прежде учились только у старцевъ: они давали совѣты, и лучше другихъ могли удовлетворять самому любопытству.

(162) Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что Баянъ въ концѣ VI вѣка опустошалъ и жегъ *селенія* Дунайскихъ Славянъ (Memor. popul. II, 48).

(163) Шурцфлейшъ de rebus Slavicis 468.

(164) См. выше, стр. 15, и Гебгарди Gesch. der Slav. I, 49.

(165) Гельмольдъ въ Chron. Slavor. (кн. I, гл. 16) пишетъ, что Мекленбургскій Князь Мистивой, въ 1013 году оскорбленный Саксонскимъ Герцогомъ, собралъ въ Ретрѣ старѣйшинъ изъ всѣхъ областей Славянскихъ, и требовалъ отъ нихъ мести. См. Chron. Дитмара Мерзебургскаго (писавшаго въ самомъ началѣ XI вѣка) кн. VI. Маша Ueber die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotrit. и Тунмана разсужденіе о семъ предметѣ.

(166) Козма Прагскій, кн. I, стр. 1972, въ изд. Менкен.

(167) Паганъ, Владѣтель Болгарскій, приходилъ къ Императору съ своими *Боилядами* (Μετα των Βοιλαδων αυτου): симъ именемъ означались безъ сомнѣнія Бояре. Никифоръ Патріархъ толкуетъ, что оно знаменовало Вельможу или начальника (Memor. popul. II, 525). — Въ древнѣйшихъ спискахъ Нестора вездѣ стоитъ *Бояре;* но въ *Сборникѣ*, не давно найденномъ въ Воскресенскомъ монастырѣ и писанномъ въ 1073 году для В. К. Святослава (см. Т. II, примѣч. 132) два раза встрѣчается имя *Болярѣ:* такъ писали у насъ и въ новѣйшія времена, производя его отъ слова *большой, болѣе* (но не отъ глагола *болѣть*, какъ нѣкоторые толкуютъ). — О Воеводѣ см. Гебгарди Gesch. der Slav. I, 52. Нѣмецкое слово Герцогъ и Латинское Dux имѣютъ тотъ же смыслъ и то же происхожденіе. — Польскій Воевода былъ предводителемъ Дворянъ на войнѣ, а въ мирное время начальствовалъ въ ихъ собраніяхъ и въ судахъ. Воеводы Россійскіе имѣли также воинскую и судебную власть.

(168) Vita S. Ottonis. См. также Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 52. Добровскій (Slovanka 219) производитъ Князя отъ слова *конь*, въ смыслѣ *начала*, какъ у Грековъ Ἄρχων произошелъ отъ ἀρχή. — Въ Лаузицѣ изъ учтивости называютъ всякаго *Княземъ*, т. е. господиномъ, хозяйку *Княгинею*, а Священника *Княземъ духовнымъ* (см. Шлецер. Russische Annalen Ч. I, стр. 174).

(169) Memor. popul. T. II, стр. 395, — Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 52, и Добнеръ ad Hagecium T. II, стр. 56. Поляки говорятъ: *Панъ Богъ*, такъ же, какъ мы говоримъ *Господь-Богъ. Нашъ Панъ* есть Христосъ.

(170) Memor. popul. T. II, стр. 89 и 395. Константинъ говоритъ всегда *Жупаны-старѣйшины*, οἱ γεροντες, senes. Іоаннъ Луцій пишетъ, что сіе имя происходитъ отъ древняго слова Zupa, которое означало *народъ* или *населенную страну:* Zupania a Zupa deducitur, quod populum vel regionem aliquam populatam significat (см. его de regno Dalm. et Croat. кн. I, гл. 13, стр. 78). Гелазій Добнеръ не вѣритъ его толкованію: nam meo quidem judicio contrarium prorsus sentiendum est, Zupasque seu Zupanias à Zupanis nomen suum traxisse, nam qua radice Slavica id oriatur, ut Zupa habitatam terram significet, nuspiam reperio (въ примѣч. на Гагек. лѣтопись, Ч. II). Но въ *Уставѣ* Стефана, Царя Сербскаго, сочиненномъ въ 1249 (*) году, дѣйствительно употреблено слово *Жупа* въ смыслѣ *жительства* или *селенія*. Въ статьѣ 54, *о смертоубійствѣ*, сказано такъ: «*Аще біетъ Властелинъ Серба у граду или у жупы*» (см. Раичеву *Исторію Славянск. народовъ*, IV, 242 и 255). Собственное Добнерово изъясненіе, что Zupan есть *сопанъ* или *товарищъ Пановъ* совсѣмъ несправедливо: ибо Славяне говорили и писали *Жупанъ*. Дурихъ (Bibliotheca Slavica T. I, 125) видѣлъ одно весьма древнее Славянское Евангеліе, на которомъ подписано: *азъ Жюпанъ Ханьшь Брѣнеръ отъ Брашевъ* (т. е. изъ Брасковіи, Трансильванскаго города Кронштата) *написахъ сію книгу четверо-благовѣстіе*. Въ нашей Кормчей Книгѣ, гл. 46, сказано: *довлѣетъ бо Жупаномъ часть Княжа.* Симъ опровергается и мнѣніе Д. Антона, что Zupan есть *Судпанъ* или *Панъ судящій*. Греческіе и Латинскіе Историки, не имѣя въ своей азбукѣ Ж, писали Ζουπανος, Zupanus. — На Польскомъ языкѣ Zupa значитъ *соляную варницу, соляный анбаръ* и *рудокопню;* Zupan *полукафтанье*.

(171) Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 52-57. Въ XI вѣкѣ начальствовали въ Босніи два Жупана, а другіе слабѣйшіе Князья не смѣли такъ именоваться. Король Далматскій Мунимиръ въ 892 году пожаловалъ главныхъ своихъ придворныхъ чиновниковъ въ Жупаны. Въ XI и XII вѣкѣ самые Короли Славянскіе въ Сервіи и Далмаціи гордились именемъ *Великихъ Жупановъ*.

(172) Д. Антонъ Versuch ꝛc. стр. 90. Другіе утверждаютъ, что слово Краль произошло отъ имени Карла Великаго (см. въ Neuern Abhandl. der Böhm. Gesellsch. der Wissenschaft. Добровск. Исторію Богемск. языка, T. I, стр. 324). На языкѣ Армянскомъ *Король* есть *сильный, могущественный* (Bibliotheca Slavica T. I, стр. 302.

(173) Гебг. Gesch. der Slav. I, 53, 54.

(174) Шреттер. III Abhandlung aus dem Oesterreichischen Staatsrechte стр. 116, и Гебгард. I, 54. Исторія сохранила намъ примѣръ еще страннѣйшаго обыкновенія въ Богеміи: Король, отправляясь къ Нѣмецкому Императору, могъ на пути своемъ жечь деревни (Добнер. Monumenta Historica Boemiæ IV, 54, и Гебгарди Gesch. der Slav. I, 54).

(175) Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 54.

(176) Гельмольд. Chron. Slav. кн. I, гл. 84, стр. 68; также Vita S. Ottonis стр. 670. Имя *Прове* значило *правый* или *правъ*.

(177) См. Саксон. Граммат. Hist. Dan. стр. 291, изд. 1644 года, и Дитм. Мерзебург. Chron. кн. VI. Обрядъ класть оружіе и золото, при заключеніи мира, къ ногамъ идоловъ, былъ соблюдаемъ Россійскими Славянами (см. въ сей *Исторіи* описаніе временъ Игоря I).

(178) Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 57. Сія дань называлась въ земляхъ Нѣмецкихъ Славянъ *Воеводскою трагою*.

(179) См. *Нест.* стр. 11, 12, и Прокопія въ Memor. popul. II, 28.

(180) См. выше, примѣч. 167. — Увидимъ послѣ, что Древляне до самаго Святослава — вѣроятно, и гораздо прежде Рюрика — имѣли собственныхъ Князей.

(181) Прокопій въ Memor. popul. T. II, стр. 28; unum enim Deum fulguris effectorem, Dominum hujus universitatis solum, agnoscunt.

---

(*) 1349 (Поправка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Н. Г. Р.)

(182) Fatum minime norunt, ne dum illi in mortales aliquam vim attribuunt (Memor. popul. T. II, стр. 28). — Ломоносовъ (а за нимъ и Леклеръ), основываясь на понятіи Славянъ о божественности рѣкъ, думалъ, что самое имя Вышняго Существа, Бога, происходитъ отъ Буга: мысль совсѣмъ невѣроятная! Славяне покланялись Творцу и Міроправителю безъ сомнѣнія гораздо прежде, нежели рѣкамъ; и самые дикіе народы искали *главныхъ* боговъ своихъ на небесахъ, выше солнца и звѣздъ, а не въ водѣ и не между рыбами. — Докторъ Антонъ производитъ имя Бога отъ глагола *бѣгу*, воображая, что движеніе тѣлъ небесныхъ сообщило какъ Грекамъ (*Θεος Богъ, θέω бѣгу)*, такъ и Славянамъ первое понятіе о вышнемъ Существѣ. Другіе утверждаютъ, что названіе Богъ имѣетъ смыслъ *богатаго, обогащающаго* (см. *Кутеинскій Лексиконъ* 1653 года, стр. 245). Толкованія безполезныя и ни мало не убѣдительныя! Никто не изъяснитъ намъ, для чего древніе Славяне назвали Міроправителя Богомъ, Греки Θεος, Нѣмцы Gott, и проч. Мы знаемъ имя Его на 200 языкахъ: одно Монгольское, *Бурханъ*, имѣетъ нѣкоторое сходство съ Славянскимъ именемъ Бога (см. Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, или *Сравнительные словари всѣхъ языковъ*, напечатанные въ С. Петербургѣ).

(183) Гебг. Gesch. der Wend. u. d. Slav. T. I, стр. 23.

(184) Гельмольд. Chron. Slav. кн. I. гл. 84. См. также Гебгарди Gesch. der Slav. 21, 24. Славяне и всѣхъ добрыхъ боговъ именовали *Бѣлыми*.

(185) Гельм. въ Chron. кн. I, гл. 53: malum deum sua lingua Diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant. Имя *черта*, которымъ Христіанскіе Славяне назвали Діавола, произошло, думаю, отъ Чернобога. Въ Верхнемъ Лаузицѣ есть гора именуемая *Чернебогъ;* а въ Сервіи былъ городокъ *Чернобожскій*. См. Ант. Versuch, стр. 52, Маша и Тунмана von den Alterthüm. der Obotriten, 305, I Соборное Посланіе Св. Апостола Петра гл. 5, ст. 8, и Гебг. въ Gesch. der Slav. I, 23.

(186) Несторъ стр. 33, Д. Антонъ стр. 146, и Гебг. T. I, стр. 22.

(187) Гельмольдъ пишетъ Zuantevit, а Саксонъ Грамматикъ Svantovitus. Нѣкоторые, считая сего идола Славянскимъ Фебомъ, думаютъ, что надобно писать *Свѣтовидъ;* но вѣроятнѣе, что кумиръ его назывался *Святовидомъ*, то есть, *святымъ образомъ*. См. Лудевиг. de Idolis Slavorum въ Opusc. miscell. T. II, Сакс. Грамм. Hist. Dan. гл. XIV, стр. 320—321, Гельмольда кн. II, гл. 12, стр. 89-90, и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 25 въ примѣчаніи (*).

(188) См. Русской переводъ его, стр. 66. — Св. Мученикъ Витъ жилъ во время Діоклитіаново, а Монахи Корбейскіе проповѣдывали Христіанство на островѣ Рюгенѣ въ царствованіе Императора Людовика Благочестиваго. Святовидово идолопоклонство началось бы только въ IX вѣкѣ, еслибъ сказаніе Гельмольда и Саксона было справедливо.

(189) Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. XIV, стр. 327. Dignum numen, говоритъ онъ, cujus effigies tam deformiter à volucribus fœdaretur! Тунманъ думалъ, что Рюгенскій Поревитъ былъ Перунъ нашихъ Славянъ, и что онъ же назывался какъ Святовидомъ, такъ и Ругевитомъ; но различныя изображенія сихъ идоловъ противорѣчатъ сему мнѣнію. См. Гебг. T. I, стр. 27. Нѣкоторые считаютъ Поренута богомъ беременныхъ женщинъ.

(190) См. Маша Ueber die Alterthüm. der Obotriten и Потоцк. Voyage en Saxe. На мѣдной бляхѣ, хранящейся вмѣстѣ съ другими Славянскими древностями въ Шпонгольцскомъ Кабинетѣ, изображенъ Радегастъ и жертвенникъ, на которомъ лежитъ отрубленная голова: Г. Машъ считаетъ ее головою Мекленбургскаго Епископа Іоанна, принесеннаго въ жертву Радегасту. — Адамъ и Гельмольдъ пишутъ: simulacrum ejus auro, lectus ostro paratus. Первый о храмѣ Упсальскомъ: totum auro paratum (De situ Daniæ. стр. 143).

(191) Въ городѣ Саксенъ-Лауенбургскаго Герцогства, которое составляло нѣкогда землю Славянскихъ Полабовъ. См. Гельмольда гл. 53, Маша Alterthüm. der Obotriten, Тунмана стр. 274, и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 25.

(192) Въ странахъ Бальтійскихъ, около Вислы и горъ Карпатскихъ: см. Тунмана Ueber die Alterthüm. der Obotriten, стр. 273—274, и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 26.

(193) См. въ *Хроникѣ* Матв. Стриковскаго о богахъ Латышскихъ, и Маша Ueber die Alterthüm. der Obotriten.

(194) См. Маша Alterthüm. der Obotriten и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 26.

(195) Vita S. Ottonis, стр. 479, 495, 502 — и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 27.

(196) Въ нынѣшнемъ Герцогствѣ Голштейнскомъ. См. Гельмольда гл. 84.

(197) Потоцк. Voyage en Saxe, стр. 85, фигур. 12. Въ противность тому Гельмольдъ пишетъ (кн. I, гл. 84), что сей богъ никакъ не изображался у Славянъ.

(198) См. Маша Alterthüm. der Obotriten, Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 28, и Тунмана стр. 316.

(199) См. Chron Дитмара Мерзебургскаго, стр. 417. Я не говорю о *Кродѣ*, *Флинцѣ* и другихъ мнимыхъ богахъ Славянскихъ, о которыхъ не находимъ извѣстія въ достовѣрныхъ Историкахъ.

(200) Живутъ въ Далмаціи. Земля къ южной части залива Венеціянскаго, между Истріею и Далмаціею, называется собственно Морлахіею. См. Д. Антона Erste Linien etc. стр. 50.

(201) Каллубека, Длугоша, Кромера, Стриковскаго, Гваньини. Сходство между Греческимъ или Римскимъ и Славянскимъ баснословіемъ весьма замѣтно. Стриковскій упоминаетъ о матери Кастора и Поллукса, *Греческой Ледѣ*. Нѣкоторые Писатели Россійскіе, вообразивъ, что она есть Славянская Венера, догадкою обратили Леля въ Купидона, а Полеля въ Гименея.

(202) Несторъ стр. 70. Славянскій глаголъ *перу* значитъ не только *пру*, но и *бью, ударяю;* валекъ, которымъ въ мытьѣ колотятъ бѣлье, для того назывался въ старину *пряльникомъ:* слѣдственно имя Перуна означало *бога разящаго*. Въ новѣйшія времена стали называть Перуномъ молнію. Стриковскій, Гваньини и Сочинитель Синопсиса говорятъ, что Кіевскій Перунъ стоялъ на желѣзныхъ ногахъ, въ рукѣ держалъ камень, на подобіе молніи украшенный рубинами и карбункулами; что одежда Перунова была искусно вырѣзана изъ дерева; что дубовый костеръ вѣчно пылалъ предъ идоломъ, и если жрецы отъ нерадѣнія давали огню угаснуть, то наказывались смертію какъ преступники и враги бога. Не находя сихъ подробностей въ Несторѣ, сомнѣваемся включить ихъ въ Исторію; но можемъ вѣрить Стриковскому, что древніе Латыши посвящали неугасимый огонь своему идолу *Перкуну*, который знаменовалъ одно съ Перуномъ Славянскимъ. Въ Далмаціи есть лѣсъ именуемый Pirun Dabrave. Можно заключить, что и Славяне Иллирическіе обожали Перуна (см. Д. Антона Versuch стр. 49).

Изъ прибавленій въ концѣ VIII тома изд.

---

(*) D. (т. е. Добров.) Swatowit, der Heilige Sieger (отмѣтка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ И. Г. Р.)

1819 года: У Индѣйцевъ въ Генварѣ мѣсяцѣ бываетъ праздникъ, называемый *Перунъ-Понголь*, или *Великій Понголь*. Въ сей день они варятъ пшено съ молокомъ, и смотря, какъ оно кипитъ, гадаютъ будущее. *Понголь* значитъ собственно *кипитъ*. См. Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par Sonnerat, T. I, p. 240. И такъ имя *Перунъ* не есть ли древнее Индѣйское? Славяне могли назвать имъ Бога въ смыслѣ *Великаго*.

(203) Такъ они названы въ древнѣйшихъ спискахъ Нестора, въ *Пушкин.* и *Троицк. Стрибогъ*, кажется, былъ Славянскимъ Эоломъ. Въ древнемъ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано: *се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на полкы Игоревы*. Народъ Русскій признаетъ Св. Власія покровителемъ стадъ: не для того ли, что его имя сходно съ Волосовымъ?

(204) См. также Минею 15 Іюля, въ житіи Владиміра, и въ рукописномъ такъ называемомъ *Новогород. Лѣтописцѣ по* 1717 *годъ* (хранящемся въ Архивѣ Иностранной Коллегіи) главу *о идолѣхъ*.

(205) См. Стриковскаго въ описаніи Литовскихъ идоловъ. Имя сего бога напоминаетъ слова *ладъ* и *ладить*: въ старинныхъ Русскихъ пѣсняхъ *ладо* значитъ мужа; на примѣръ: *у меня ладо злѣя скоропѣя*, и проч. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* Ярославна называетъ супруга *ладою*, стр. 38 и 39.

(206) Онъ пишетъ: *Греки;* но Бангертъ и Гартнохъ доказали, что Адамъ называетъ такъ Русскихъ (см. въ Коммент. нашей Академіи Баерову Geograph. Russ. ex Script. Sept. T. X, стр. 371, или Шлец. Nord. Gesch. стр. 495).

(207) См. Кантемирово описаніе Молдавіи и Сульцер. Исторію Дакіи, T. II, стр. 322.

(208) См. Синопсисъ и Ломоносова *Рос. Исторію*. Въ первомъ сказано, что играющіе воспѣваютъ имя *Купала;* но мы не знаемъ ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы оно упоминалось. Сочинитель бралъ свои извѣстія изъ Польскихъ Историковъ, и говоря о богахъ Хорсѣ, Мокошѣ, Симарглѣ, ссылается, вмѣсто Нестора, на Стриковскаго; согласно съ нимъ осуждаетъ также качели, древнюю забаву Славянскую, называя ихъ *Діавольскою сѣтію:* но забавы язычниковъ не всѣ принадлежали къ ихъ Вѣрѣ. См. еще нашей *Исторіи* T. VII, въ описаніи времени Василія Іоанновича, при концѣ; также *Путешеств.* Академика *Лепехина* Ч. IV, стр. 410, и Раичеву *Исторію Славянскихъ народовъ*, кн. I, гл. 21, стр. 172.

(209) Чему я самъ нѣсколько разъ бывалъ свидѣтелемъ. Пѣсня, которую поютъ въ такомъ случаѣ, напечатана въ *Абевегѣ Русскихъ суевѣрій* стр. 224. — Наши святошныя игрища не имѣютъ связи ни съ Римскимъ праздникомъ Януса, въ первой день Генваря (когда чиновники Республики, въ *новой* одеждѣ ходили жертвовать въ храмъ Юпитерову), ни съ Италіянскимъ Карнаваломъ, который отъ 7 Генваря продолжается до самаго Великаго поста (*).

(210) Недѣля отъ седмицы Св. Отецъ до Троицына дня называлась у насъ въ старину *Русалною* (см. сей *Исторіи* T. III, примѣч. 10). Авторъ Синопсиса, ссылаясь только на Кромера и Гваньини, въ числѣ Русскихъ боговъ называетъ еще *Посвиста* или *Похвиста*, бога ведра и ненастья. Въ Русскихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ о древнемъ идолопоклонствѣ нашихъ предковъ говорится о *Чурѣ*, Славянскомъ Терминѣ, богинѣ Ладѣ или Венерѣ, Лелѣ и Полелѣ, или Купидонѣ и Гименеѣ, Дидѣ или Антеросѣ, *Царѣ морскомъ* или Нептунѣ, Зимстерлѣ или Флорѣ, и проч.; но догадки и выдумки не принадлежатъ къ Исторіи. Нѣкоторые обратили бога Лада въ богиню, а припѣвъ *дидисъ*, т. е. *великій* (см. выше) въ Купидона Дида или въ Антероса. Чуромъ именовался въ старину рубежъ; но чтобы Славяне обожали въ немъ Термина, о томъ не имѣемъ никакого историческаго свѣдѣнія. О Лелѣ и Полелѣ упоминаетъ Стриковскій и Гваньини, сравнивая ихъ (см. выше) съ Касторомъ и Поллуксомъ, дѣтьми *Греческой Леды*, а не съ Купидономъ и Гименеемъ. Самъ Авторъ Синопсиса не причисляетъ ихъ къ *Русскимъ* богамъ. Хотя Стриковскій, основываясь на Длугошѣ, и говоритъ, что не только въ Литвѣ, но и въ Россіи народъ величаетъ Леду, мать Кастора и Поллукса, въ припѣвѣ *Ладо, Ладо;* но сіе имя, по его же извѣстію (см. выше), означало бога Лада. Развѣ изъ одного народнаго припѣва *лели, люли*, заключимъ, что наши предки боготворили Леля? — Зимстерла вышла, догадкою или ошибкою, изъ *Семаргла*, о которомъ пишетъ Несторъ. Мавро-Урбинъ, знавъ о Славянскомъ идолослуженіи единственно то, что говорятъ Польскіе Историки, называетъ сію мнимую богиню *Зимцерлою*. — *Царь морскій*, *чуда морскія*, *Баба-Яга*, *Волоты* или Великаны, *Полканъ* или *Кентавръ*, вымышлены Русскими сказочниками, и не относятся къ древней Славянской Вѣрѣ.

(211) Главные идолы были такой величины, что нѣсколько воловъ не могли сдвинуть ихъ съ мѣста (Vita S. Ottonis и Тунм. Ueber die Alterthüm. der Obotrit. стр. 293.) Но между огромными кумирами въ храмѣ Ретрскомъ стояли и маленькіе, литые, на тронахъ или круглыхъ подножіяхъ, и каждый имѣлъ свои особенныя жертвенныя орудія. См. Маша и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 29.

(212) Козма Прагскій въ Менкен. изданіи T. I, стр. 2074, и Vita S. Ottonis, 680. Въ послѣдней сказано: Erat præterea ibi (въ Штетинѣ) quercus ingens et frondosa, et fons subter eam amœnissimus, quam plebs simplex numinis alicujus inhabitatione sacram æstimans, magna veneratione colebat.

(213) См. Chron. Дитм. к. VI.

(214) Въ рукописномъ *житіи Муромскаго благовѣрнаго Князя Константина Святославича*, которое хранится въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, и въ которомъ многія мѣста отмѣчены рукою Екатерины Великой, именно сказано, что наши язычники приносили жертвы (*требы кладуще*) озерамъ и рѣкамъ. Впрочемъ сіе *Житіе*, равно какъ и печатное (см. Прологъ, Маія 21) писано не ранѣе XVI вѣка (см. сей *Исторіи* T. III, примѣч. 153). Далѣе въ *Житіи Константина* говорится о Русскихъ язычникахъ: « очныя ради немощи (въ кладезяхъ) умывающеся, и *сребреницы* въ ня повергающе.» И нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи поселяне дѣлаютъ то же (что я видѣлъ собственными глазами). См. еще Синопсисъ, Рос. Исторію Ломоносова и Раича, который описываетъ такія же обыкновенія у Сербовъ.

(215) Гельм. въ Chron. Slav. кн. I, гл. 84, и Vita S. Ottonis. Сочинитель именуетъ сіе дерево hastam Julii Cæsaris, *копьемъ Юлія Цесаря*.

(216) Въ рукописномъ *Житіи Муром. Князя Константина:* «дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе, и симъ покланяющеся,» и проч.

(217) Memor. popul. T. II, стр. 984. Сей островъ Св. Григорія долженъ быть Хортица.

(218) Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 30.

(219) Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 322, Машъ Ueber die Alterthüm. der Obotriten, и Chron. Дитм. Мерзебург. стр. 415.

(220) См. изображеніе сихъ требищъ въ Бекман.

(*) Коляда. Das Lateinische Colenda des Mittelalters, ein Geschenk zum neuen Jahre. (Отмѣтка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Н. Г. Р.)

Histor. Beschreibung der Mark Brandenburg, Ч. II, стр. 347; см. также Гебгарди Gesch. der Wend. I, 31.

(221) Подобныя существуютъ донынѣ въ Англіи, Ирландіи, Вестфаліи, Брауншвейгѣ (см. Маллет. *Исторію Даніи* Т. I, гл. XII). Историки признаютъ сіи монументы Славянскими въ Мекленбургѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ обитали Венды.

(222) Vita S. Ottonis, стр. 680.

(223) Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. XIV, стр. 319.

(224) Сей храмъ былъ основанъ на столпахъ, которые имѣли *образъ звѣриныхъ роговъ:* такъ по крайней мѣрѣ изъясняетъ сіе мѣсто Нѣмецкій переводчикъ Дитмаровой Хроники, Г. Урзинусъ, стр. 328. — См. Гельм. Chron. кн. I, гл. 53.

(225) Только въ Патерикѣ Кіевскомъ, въ житіи Исаіи Чудотворца, сказано, что сей Угодникъ разорялъ *капища* въ Ростовской области.

(226) Гебг. Gesch. d. Wend. T. I, стр. 34—36, Сакс. Грам. Hist. Dan. 320—321, и Гельм. Chron. Slav. кн. I, гл. 53.

(227) Несторъ, стр. 71, и Гельм. Chr. Slav. гл. 23.

(228) Сакс. Грам. кн. XIV, стр. 320—321, Vita S. Ottonis, стр. 681, и Дитм. Мерзебург. Chron. кн. VI.

(229) Сакс. Грам. кн. XIV, стр. 320.

(230) Гебг. Gesch. d. Slav. T. I, стр. 36. Извѣстно, что Русскіе земледѣльцы въ день Св. Флора и Лавра приводятъ лошадей своихъ къ церкви: сіе обыкновеніе не происходитъ ли отъ древняго язычества?

(231) Гельм. въ Chron. Slav. гл. 84.

(232) Д. Антон. стр. 71, и Гебг. Т. I, стр. 36. Наши Родительскія Субботы напоминаютъ сей древній обычай Славянъ. Въ Богеміи поютъ тогда:

Giz nesem smrt ze wsy,
Nove leto do wsy.
Witey leto libezne,
Obilicko zelene.

То есть: «уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!» — Длугошъ несправедливо мыслилъ, что сіе торжество означаетъ уничтоженіе идолопоклонства и введеніе Христіанской Вѣры въ земляхъ Славянскихъ.

(233) Козма Прагск. кн. III, подъ годомъ 1093, и Дитм. Chron. кн. I. Slavi, говоритъ послѣдній, qui cum morte temporali omnia putant finiri.

(234) Д. Антонъ и Гебг. Т. I, стр. 36. Въ урны клали разныя вещи, которыя принадлежали умершему: ножницы, Римскія монеты, дѣтскія игрушки, маленькіе кумиры.

(235) Mem. popul. II, 61. *Страва* значитъ на Польскомъ языкѣ *кушанье, пищу*. Отъ сего древняго Славянскаго имени происходитъ глаголъ Русскій *травить*.

(236) *Тризна* есть *подвигъ*, tournoi. — См. Нестор. стр. 12. Въ лѣтописи его упоминается о могилѣ Аскольда, Дира, Олега въ Кіевѣ; также о высокой могилѣ Игоря и внука его, Олега, въ землѣ Древлянской. — Въ *Житіи Муромскаго Кн. Константина:* «кони закалающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе, и битвы и *кроеніе* и лицъ настреканія и драпія творяще.» *Кроеніе* значитъ здѣсь изрѣзаніе лица ножемъ въ знакъ печали. Такъ сказано въ III Моисеевой книгѣ, гл. 19, ст. 28: «кроенія не сотворите на тѣлѣ вашемъ о души.»

(237) Vita S. Columbani, въ Ассем. Kalend. Eccl. Univ. II, 21, и Гебг. Gesch. d. Slav. I, 13. — Гельмольдъ, кн. I, гл. VI, пишетъ о Славянахъ: nec est aliqua barbaries sub cœlo, quæ Christocolas ac Sacerdotes magis exhorreat. — Германскіе Венды со временъ Карла Великаго нѣсколько разъ принимали Христіанскую Вѣру, но только неволею, и снова обращались къ идолопоклонству, которое совершенно истребилось между ими только въ XIII вѣкѣ. Болгары, Чехи и Моравы крестились около половины IX вѣка (см. Мозгеймову *Церковную Исторію)*; а Славяне Иллирическіе при Императорѣ Василіи Македонскомъ, который началъ царствовать въ 867 году (см. Константина Багрянороднаго de adm. imp. гл. IX, и Мозг. *Церк. Исторію)*.

(238) Прокопій называетъ его *варварскимъ:* lingua barbara (Memor. popul. T. II, стр. 29).

(239) См. ниже, о грамотѣ Славянъ.

(240) Въ чемъ всякой, развернувъ лексиконы языка нашего, Польскаго, Богемскаго, Иллирическаго, можетъ легко увѣриться. — Кромѣ общаго, мы имѣемъ нѣсколько особенныхъ нарѣчій: Украинское, Суздальское, Новогородское. Въ Суздальскомъ много чуждыхъ, неизвѣстныхъ словъ; на примѣръ, Богъ называется *Стодъ*, отецъ *Хрутинъ*, сестра *Миндра*, жена *Эльтона*, дѣва *Шиктора* (см. *Сравнительные Словари всѣхъ языковъ*, напечатан. въ С. Петербургѣ 1787).

(241) См. Гаттерера Einleitung in die Synchr. Universalhistorie, стр. 127.

(242) De orig. Slav. стр. 108. — Добров. Litterarisch. Magazin von Böhmen. — Поповича, Австрійскаго ученаго Славянина, Untersuchungen vom Meere, — Гаттерера Synchr. Universalhist. и *Сравнительн. Словари*. — Въ раздѣленіи Славянскихъ нарѣчій слѣдую ученому Богемцу Добровскому (см. Abhandlungen der Böhm. Gesellsch., годъ 1791, стр. 313—314), который могъ судить о томъ лучше Гаттерера, Шлецера, Ридигера, и проч. «Ежели отмѣны въ двухъ или трехъ нарѣчіяхъ (говоритъ онъ) могутъ быть подведены подъ общія правила одной Грамматики, то ихъ не должно считать разными нарѣчіями, хотя нѣкоторыя слова иначе произносятся, и нѣкоторыя имѣютъ смыслъ особенный. Но ежели два нарѣчія существенно несогласны въ Грамматикѣ, тогда признаю ихъ разными.»

(243) См. Untersuch. vom Meere. Болгарскимъ нарѣчіемъ говорятъ въ Турецкой Болгаріи и въ Расціи, т. е. Восточной Сервіи или древней Дарданіи, названной такъ отъ рѣки Раски; а Славонскимъ въ Славоніи.

(244) См. Гаттерер. Universalhist. Послѣдній человѣкъ, который говорилъ по-Славянски на островѣ Рюгенѣ, умеръ въ 1404 году (см. Untersuchungen der v. d. Königl. Academie zu Berlin auf d. J. 1752 aufgegebenen historisch. Fragen, стр. 30). Нѣмцы, покоривъ Славянъ въ Германіи, старались истребить языкъ ихъ.

(245) См. Лаузицкія Provinzialblätter стр. 101. Замѣтимъ, что есть сходство даже между Индѣйскимъ Санскритскимъ и нашимъ языкомъ; на примѣръ: *эторонъ*, второй; *піете*, піетъ; *тону*, тонкій; *мри*, умри; *сото*, сто; *чотуръ*, четыре; *тритіе*, третіе; *томо*, темно; *моду*, медъ. Въ Индѣйскомъ языкѣ имена существительныя оканчиваются на *твон*, въ Славянскомъ на *тво;* на примѣръ: *богатство*, *безумство*, и проч. (см. Шлегеля Ueber die Sprache und Weisheit der Indier, стр. 11 и далѣе). Самое измѣненіе дѣйствительныхъ глаголовъ Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Славянскихъ бываетъ по одному закону. Въ изъявительномъ наклоненіи настоящаго времени, множественнаго числа, перваго лица, главная буква въ Латинскомъ и Славянскомъ M: *любимъ, читаемъ*, amamus, legimus. Окончаніе единственнаго числа, въ третьемъ лицѣ, то же на всѣхъ трехъ языкахъ: *любитъ*, amat, liebet; во множественномъ числѣ одно на Латинскомъ и Славянскомъ: accipiunt, legunt, *принимаютъ, читаютъ*. Во второмъ лицѣ отличительная буква есть также одна: docetis, учи-

204

те, lehret; а въ повелительномъ наклоненіи еще болѣе сходства: *любите*, *учите*, amate, docete (такъ и въ Греческомъ).

(246) Въ именахъ существительныхъ: *Матерь*, μήτηρ, mater, Mutter. — Πατήρ, Vater, pater, по-Малороссійски *батько*, у Славянъ Иллирическихъ Bascta, въ Русскомъ языкѣ уменьшительное *батюшка;* слово *отецъ* есть древнее Кельтское *Атъ*, также сходное съ pater: см. Dictionnaire Celtique par Baillet. Сей Ученый назвалъ Кельтскимъ языкъ Гальскій, Кимрскій и Басконскій (le Basque), которыхъ однакожь нельзя считать однимъ языкомъ: см. Шлецер. Nord. Gesch. 340. — *Братъ*, Bruder, frater. Граждане одного цеха назывались въ Аѳинахъ Φράτορες, а собратства ихъ Φρατρίαι. — *Сестра*, soror, Schwester. — *Свекоръ*, *свекровь*, socer, socrus, Schwiegervater, Schwiegermutter. — *Сынъ*, Sohn. — *Дочь* по-Тевтонски *Дотеръ:* отъ чего произошло Нѣмецкое Tochter. — *Деверь*, δαήρ. — *Люди*, Leute, λαός. — *Мужъ*, Mann, mas (мужескій). — *Вдова*, vidua, Wittwe. — *Жена*, γυνή. — Пастырь, pastor, βοτήρ. — *Око*, oculus, Auge. — *Брада*, Bart, barba. — *Пята*, πτέρνα. — *Волосъ*, pilus. — *Брови*, Augenbraunen, по-Англійски brow. — *Сердце*, Herz, κῆρ, καρδία, cor. — *Уста*, ςόμα. — *Спина*, spina (крестецъ: supinus, навзничь, *на спинѣ* лежащій). — *Кость*, οςέον, costa (ребро), Knochen. — *Ребро*, Ribbe. — *Ноготь*, Nagel. — *Слюна*, saliva. — *Кровь*, cruor. — *Солнце*, sol, Sonne. — *Огнь*, ignis (πῦρ и Feuer, по Англо-Саксонски, Шведски и Датски Fyr, имѣютъ одно происхожденіе). — *Пламя*, flamma, Flamme, Φλόξ. — *Лучь*, λύκη, lux (свѣтъ), Licht. — *Мѣсяцъ*, μήν, mensis. — *День*, dies; у Грековъ δήν значитъ *давно*, δηναιός, *давнишній*. — *Вечеръ*, vesper, ἕσπερος. — *Ночь*, nox, νύξ, Nacht. — *Вѣтеръ*, ventus, Wind. — *Тепло*, tepor (Греческое θέρμη близко къ Нѣмецкому Wärme). — *Копоть*, καπνός. — *Вода*, vadum (иногда *мелкая*, иногда просто *вода)*, ὕδωρ, Wasser. — *Ведро*, ὑτρία, hydria. — *Влага*, φλέγμα. — *Глыба*, gleba. — *Паръ*, vapor. — *Роса*, ros, δρόσος. — *Пыль*, pulvis. — *Поле*, βῶλος. — *Долина*, Thal. — *Стезя*, Steg. — *Море*, mare, Meer. — *Волна*, Welle. — *Соль*, sal, Salz, ἅλς. — *Гора*, ὄρος (Нѣмецкое слово Berg и Славянское *верхъ* есть одно). — *Холмъ*, culmen, κολωνός (древнее Германское слово Holm означало не только *островъ*, но и *холмъ)*. — *Скала* по-Славянски *гора* каменная, а по-Латини scala, *крыльцо*, ибо ступени его подобны *уступамъ горъ*. Греческій глаголъ σκάλλω *(рою, долблю)* имѣетъ, кажется, близкое отношеніе къ сему имени. — *Сребро*, Silber. — *Гость*, Gast, hospes (также Латинское имя hostis означало сперва не врага, а *чужестранца*, слѣдственно *гостя)*. — *Бой*, βοή. — *Вой*, βοή. — *Кликъ*, κλῆσις. — *Звонъ*, *звукъ*, φωνή, sonus. — *Сонъ*, somnus. — *Обитаніе*, habitatio. — *Ужинъ*, cœna. — *Рушеніе*, ruina. — *Селеніе*, colonia. — *Цѣль*, τέλος, Ziel. — *Покой*, quies. — *Цѣлость*, salus. — *Корыстью* называлась прежде воинская добыча; а воинъ назывался по-Гречески κορυςής. — *Домъ*, δόμος, domus; *дома*, domi. — *Дверь*, θύρα, Thüre. — *Сѣно*, fœnum. — *Ось*, axis, ἄξων, Achse. — *Сѣкира*, securis. — *Скамья*, scamnum. — *Труба*, tuba. — *Валекъ*, volgiolus. — *Иготь*, ἴγδη. — *Сито*, Sieb (по-Гречески σήθω *сѣю ситомъ)*. — *Ремень*, Riemen. — *Иго*, ζυγός, jugum, Joch. — *Коробъ*, corbis, Korb. — *Скринъ* (скринка), scrinium, Schrank. — *Кадь*, cadus, κάδος. — *Ворота*, porta. — *Дельва* (бочка), dolium, Tonne. — *Якорь*, Anker, anchora, ἄγκυρα. — *Щеть*, seta. — *Мѣра*, μέτρον, mensura, Maaß. — *Бремя*, βάρος. — *Щитъ*, Schild, scutum. — *Мельница*, μύλη, mola, Mühle. — *Баня*, Bad, βαλανεῖον, balneum. — *Весь*, vicus. — *Древо*, δρῦς, δένδρον. — *Кора*, cortex. — *Клей*, κόλλα. — *Липа*, Linde. — *Береза*, Birke, betula. — *Мохъ*, Moos, muscus. — *Гнѣздо*, nidus, Nest. — *Сокъ*, succus, Saft. — *Жиръ*, ςέαρ. — *Вино*, vinum, Wein, οἶνος. — *Млеко*, Milch, lac. — *Яицо*, Ey, ovum. — *Ленъ*, λίνον, linum, Lein. — *Конопли*, cannabis, κάνναβις. — *Сѣмя*, semen, Saame. — *Зерно*, Kern. — *Мята*, menta, Münze. — *Шелкъ*, sericum; а на Шведскомъ языкѣ silk; по-Англійски такъ же. — *Волна*, Wolle, lana. — *Имя*, ὄνομα, nomen, Name. — *Воръ*, φώρ, fur. — *Рѣчь*, ῥῆσις, Rede. — *Даръ*, δῶρον, donum. — *Работа*, Arbeit, labor. — *Гробъ*, Grab. — *Гладкость*, γλαφυρότης, glabries, Glätte. — *Лѣпость*, lepor, lepos. — *Кругъ*, Kreis. — *Рядъ*, ordo, Reihe. — *Воля*, βουλή, βούλημα, voluntas, das Wollen. — *Лесть*, List. — *Спѣхъ* (поспѣхъ), σπεῦσις. — *Знамя*, σημαία. — *Пеня*, ποινή, pœna. — *Любовь*, Liebe (отъ сего происходитъ въ Латинскомъ языкѣ lubido, lubet, или libet). — *Овца*, ovis, ὄϊς. — *Быкъ*, bos, βοῦς. — *Агнецъ*, agnus, ἀμνός. — *Свинья*, Schwein, σῦς, sus. — *Поросенокъ*, porcus. — *Бобръ*, Biber, fiber. — *Левъ*, λέων, leo, Löwe. — *Осля*, asellus, Esel. — *Мышь*, μῦς, mus, Maus. — *Муха*, musca, Mücke, μυῖα. — *Гусь*, Gans, anser. — *Котъ*, catus, Kater. — *Голубь*, columbus. — *Ворона*, κορώνη. — *Чижикъ*, Zeisig.

Въ именахъ числительныхъ: *Единъ*, unus, eins, εἷς; *два*, duo, δύο, zwey; *три*, tres, τρεῖς; *четыре*, τέσσαρες; *пять*, πέντε; *шесть*, sex, sechs, ἕξ; *семь*, sieben, septem, ἕπτα; *осмь*, ὀκτώ, octo, acht; *десять*, δέκα, decem, zehn; *сто*, centum; *тысяча*, Tausend. — *Оба*, ambo, ἄμφω.

Въ прилагательныхъ: *Лѣвый*, lævus, λαιός, link; *десный*, δέξιος, dexter, rechter; *прежній*, prior; *лѣпый*, lepidus; *новый*, novus, νέος, neu; *ветхій*, vetus; *блеклый*, welk; *юный*, jung, junior *(юнѣйшій)*; *правый*, probus; *сухій*, siccus; *чистый*, castus; *кривый*, curvus; *свирѣпый*, severus; *тонкій*, tenuis, dünn; *короткій*, curtus, kurz; *легкій*, levis, leicht; *нагій*, nackt, nudus; *сладкій*, suavis, süß, γλυκύς; *пѣшій*, pedester, πεζός; *сытъ*, satur, satiatus, satt (а по-Гречески σιτία значитъ *яство*, *кушанье*, σιτέω, *насыщаю* и *насыщаюсь)*; *долгій*, δολιχός; *постный*, ἄπαςος (по-Нѣмецки fasten, *поститься)*; *достойный*, dignus; *святый*, sanctus, σεπτός; *слабый*, schlaff; *лѣнивый*, lenis; *живый*, vivus; *мертвый*, mortuus; *рыжій*, russus *(красный)*, ῥουσσαῖος; *строгій*, streng; *полный*, plenus.

Въ мѣстоименіяхъ: *мнѣ*, *мя*, μοί, μέ, mihi, me, mich; *ты*, tu, du; *тебѣ*, *тя*, tibi, te, dir, dich; *себѣ*, *ся (себя)*, sibi, se, sich; *мой*, meus, mein, ἐμός; *твой*, tuus, dein; *его*, ejus; *свой*, suus, sein; *мы*, ἡμεῖς; *нашъ*, noster; *вы*, vos; *вашъ*, vester; *какій*, qualis; *такій*, τοῖουτος, τοῖος, talis.

Въ глаголахъ: *есмь*, εἰμί, sum; *еси*, εἶς, es; *есть*, ἐςί, est, ist; *есмы*, ἐσμέν, sumus; *есте*, ἐςέ, estis; *суть*, sunt, sind, εἰσί; *яду* (ѣмъ), ἔδω, edo, esse; *пію*, πίνω *(пить*, poto); *гряду*, gradior; *сидѣть*, sedere, sitzen; *стою*, sto, stehe; *видѣть*, videre, εἰδέω; *даю*, do, δίδωμι; *строить*, struere: *кормлю*, χορέω; *сѣку*, seco; *вью*, vieo, winde; *бить*, battuo: *пасти*, pascere; *сосу*, sugo, sauge; *лежу*, λέγω (Гомеръ употребляетъ сей глаголъ въ такомъ смыслѣ), liege; *клоню*, κλίνω, clino; *плыву*, πλέω; *везу*, veho; *деру*, δέρω; *пеку*, πέπτω; *влеку*, ἕλκω; *вѣрю*, ferveo; *варю*, wärme; *вѣю*, wehe; *кую*, cudo; *прошу*, rogo; *отпираю*, aperio; *кричу*, quirito, κράζω, schreie; *гремѣть*, βρέμω; *стонать*, stöhnen; *мѣшать*, mischen, miscere; *верчу*, verto; *дѣлю*, theile; *дремлю*, dormio, dormito; *трепещу*, τρέμω, tremo; *лижу*, lecke, λείχω, lingo; *орю*, aro, ἀρόω; *глотаю*, glutio; *скоблю*, scabo

*валяю*, volvo, walze; *сью*, sae, sero; *кличу*, καλέω; *мелю*, molo, mahle; *лгу*, lüge; *число*, zähle; *могу*, *мочь*, mögen; *тру*, tero; *совѣтую*, suadeo; *усиляю*, помогаю, auxilior; *плету*, plecto, πλέκω, flechte; *шью*, suo; *рву*, ruo; *слаблю*, labo; *граблю*, rapio, raube.

(247) На примѣръ, *карканье, блеянiе, кваканье*, и проч.

(248) Это справедливо замѣтилъ Левекъ. Можно думать, что глаголъ *быть* въ настоящемъ времени образованъ по-Греческому и Латинскому въ новѣйшiя времена. «Никто не сомнѣвается (пишетъ Шлецеръ въ Proben Russ. Annal. стр. 71), чтобы Нѣмецкiй, Греческiй и Латинскiй не были въ основанiи однимъ языкомъ — Славянскiй также.» Юнiусъ, Ире, доказывали великое сходство Греческаго и Готѳскаго. Поповичь говоритъ, что Греки утратили коренное значенiе многихъ древнихъ словъ, и должны искать его въ Славянскомъ языкѣ, гдѣ оно сохранилось (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 325). Такъ Ире изъяснилъ нѣкоторыя Греческiя слова древними Нѣмецкими.

(249) См. выше, стр. 12.

(250) *Скиѳскимъ*, говоритъ ученый Ире (см. его Proœmium или предисловiе въ Лексиконѣ Шведо-Готѳскомъ); но Скиѳы пришли изъ Азiи уже въ то время, когда Европа имѣла своихъ жителей (см. выше, стр. 3). *Кельтскимъ*, скажетъ Пеллутье, написавшiй Histoire des Celtes: ибо Греческiе и Римскiе Историки признаютъ Кельтовъ самыми древнѣйшими Европейцами, предками Галловъ и Германцевъ, жившими на обѣихъ сторонахъ Рейна, на Дунаѣ, Днѣпрѣ, гдѣ они смѣшались съ народами Ѳракiйскими и Скиѳами (см. Страб. Geograph. стр. 58 и 465), на берегахъ Сѣвернаго Океана, близъ горъ Рифейскихъ (см. Плутарха въ жизни Камилла), въ Италiи и въ Испанiи, такъ что Птолемей всю Европу называетъ Кельтикою. Но Шлецеръ замѣчаетъ справедливо, что сiе имя, подобно Скиѳiи, есть болѣе географическое, нежели историческое, означая у Древнихъ, по системѣ Эфоровой, западную часть свѣта со всѣми ея жителями безъ всякаго различiя въ народахъ. Если бы Эѳiопы перешли изъ Африки на Рейнъ, то Эфоръ назвалъ бы ихъ Кельтами. Юлiй Цесарь въ самой Галлiи отличаетъ Кельтовъ отъ народовъ Аквитанскаго и Бельгскаго, имѣвшихъ языки и нравы особенные; но Греки, по своему невѣжеству, именовали Кельтами и Скиѳами народы многiе и совсѣмъ не единоплеменные.

(251) См. Ире proœmium, стр. XXI, XXVIII. Геродотъ (кн. II) сказываетъ, что Эллада называлась нѣкогда Пеласгiею; что древнiе Аттики были Пеласги, которые жили прежде во Ѳракiи. Гекатей Милетскiй по извѣстiю Страбонову (кн. VI) говоритъ также, что Ѳраки населили Аттику.

(252) См. Шлец. Nord. Gesch. стр. 599.

(253) См. Religion des Gaulois T. I, стр. 39, и Тунман. Erklärung einer alten Preuß. Aufschrift стр. 229. — Доказано, что Готѳы еще прежде имѣли буквы; но Ульфила, переводя Евангелiе, изобрѣлъ только нѣкоторыя новыя (Ире Analecta Ulfil. Diss. I; см. также Шлец. Nord. Gesch., Маллетову Histoire de Dannemarc и Тунмана). Бетикою называлась часть Испанiи отъ рѣки Анаса на полдень до моря. Руны были извѣстны въ Германiи и въ Британнiи (см. von der Schreibkunst im Norden въ Шлец. Nord. Gesch.). Фортунатусъ, Поэтъ VI вѣка, упоминаетъ объ нихъ въ стихахъ своихъ (Шлец. Nord. Gesch. стр. 611).

(254) См. Тунмана Erklär. einer Preuß. Aufschrift стр. 229.

(255) Геренов. Ideen über den Verkehr der alten Welt, T. II, стр. 556.

(256) Турдетане увѣряли во время Страбоново, что они уже 6000 лѣтъ умѣютъ читать и писать. Сiи 6000 лѣтъ могутъ быть опискою (см. Шлец. Nord. Gesch. стр. 596).

(257) См. Тунмана Erklär. alt. Preuß. Aufschr. стр. 230—232, и Битнер. Vergleichungstafeln der Schriftarten verschiedener Völk. Tab. II.

(258) Тацитъ сказалъ о Германцахъ: litterarum secreta viri pariter ac feminæ ignorant. Изъ сего нѣкоторые заключили, что они въ его время не знали письма; но Римскiй Историкъ говоритъ о *тайныхъ* любовныхъ *письмахъ*, хваля супружескую вѣрность и цѣломудрiе Германцевъ. Лаблеттери, Тунманъ, Миллеръ и другiе такъ разумѣли слова его. Самъ же онъ пишетъ (Descr. Germaniæ), что многiе памятники между Рецiею и Германiею были исписаны буквами. Жители Паннонiи узнали искусство писать отъ Римлянъ.

(259) Плиний кн. VII, гл. 57: Utique in Græciam intulisse e Phœnice Cadmum sedecim numero, quibus Trojano bello Palamedem adjecisse quatuor, totidem post Simonidem Melicum... In Latium eas (буквы) attulerunt Pelasgi.

(260) См. Voigts Untersuchung über die Einführung der Buchstaben in Böhmen, въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen, Ч. I, стр. 164 и слѣд. Одинъ Лѣтописецъ Россiйскiй среднихъ временъ, повторяя Несторово извѣстiе о буквахъ Кирилловыхъ, прибавляетъ: «преже убо Словени не имѣяху письменъ, *но начертаньми и нарѣзаньми* читаху и гадаху» (см. въ Синодальн. библiотекѣ рукописн. книгу о *древностяхъ Россiйск. Государства*, подъ No. 529, T. I, кн. 2). То же извѣстiе найдено Г. Калайдовичемъ въ сочиненiи Монаха *Храбра* о письменахъ, гдѣ сказано: «прежде убо Словени не имѣху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтѣху и гатааху, погани суще.» Сiе сочиненiе внесено въ книгу (въ Синод. библiотекѣ подъ No. 85), писанную въ 1348 году для Болгарскаго Царя Александра Iеромонахомъ Лаврентiемъ Тахомъ. Александръ извѣстенъ намъ по Исторiи: онъ умеръ въ 1350 году.

(261) Acta Sanctorum IX Mart., Добнер. Annales Bohemorum Ч. III, Коля Introductio in hist. et rem litt. Slavorum, гл. II, и въ *Несторѣ* стр. 20. Византiйскiе Лѣтописцы не упоминаютъ о семъ происшествiи. Несторъ описываетъ его между случаями 898 году: явная ошибка! Михаилъ убитъ въ 867 году, а Константинъ или Кириллъ и Меѳодiй, какъ самъ Несторъ пишетъ, были имъ отправлены въ Моравiю (а не въ городъ Раву, какъ думалъ Татищевъ). Они перевели на Славянскiй языкъ Евангелiе, Апостолъ, Псалтирь и Октоихъ. — Нѣкоторые суевѣры возстали противъ сей новости, доказывая, что одни Евреи, Греки и Римляне могутъ имѣть грамоту: ибо на крестѣ Спасителя не было иныхъ надписей, кромѣ Еврейской, Еллинской и Латинской. Но Папа утвердилъ письмена Моравскiя, и сказалъ, что Бога должно славить на всѣхъ языкахъ. Потомъ Константинъ отправился въ Болгарiю учить Христiанству; а Меѳодiй, Епископъ Паннонiи, избралъ двухъ Священниковъ, искусныхъ въ языкѣ и въ письмѣ, которые въ шесть мѣсяцевъ, отъ Марта до 12 Октября, перевели съ Греческаго на Славянскiй всѣ книги церковныя. — Такъ повѣствуетъ Несторъ. Въ книгѣ *Житiй Святыхъ*, въ описанiи дѣлъ Константина и Меѳодiя 15 Маiя, сказано, что они прежде — (въ 858 году: см. Гаттерер. Weltgeschichte стр. 578) — обратили уже многихъ Козаровъ въ Христiанство; что Царь Михаилъ для того послалъ ихъ и въ Моравiю, убѣдивъ Константина принять санъ Архiерейскiй; что сей мужъ



205

добродѣтельный еще въ Царѣградѣ изобрѣлъ азбуку Славянскую и началъ переводить *Евангеліе отъ Іоанна;* что Моравскій Князь, Ростиславъ, принявъ его и Меѳодія съ великою ласкою, велѣлъ отрокамъ учить новую азбуку и переведенныя книги, Часословъ и Псалтирь; что святые мужи въ четыре года утвердили всю землю Славянскую въ истинной Вѣрѣ, перевели Евангеліе, Апостолъ, Литургіаріонъ, и совершали Божественную службу на языкѣ Славянскомъ; что Епископы Западной Церкви вознегодовали по тѣмъ причинамъ, о которыхъ говоритъ Несторъ, и Папа, Николай IX, позвалъ въ Римъ Константина и Меѳодія, но самъ въ то же время умеръ; что преемникъ его, Адріанъ II, одобрилъ ихъ дѣло и предалъ анаѳемѣ хулителей новой Литургіи; что они, Константинъ и Меѳодій, служили въ Римѣ обѣдню на языкѣ Славянскомъ; что Константинъ занемогъ тамъ, принялъ на себя святую схиму, названъ *Кирилломъ*, вручилъ Епископство свое Меѳодію, скончался и погребенъ въ Церкви Св. Климента (слѣдственно не ѣздилъ въ Болгарію, какъ говоритъ Несторъ); а Меѳодій Епископъ жилъ долгое время въ Панноніи и перевелъ множество книгъ съ Греческаго. Ежели Константинъ и братъ его жили въ Моравіи четыре года и пріѣхали въ Римъ скоро по смерти Николая IX, то Славянская грамота изобрѣтена ими въ 863 году: ибо сей Папа умеръ въ 867. Римскіе Acta Sanctorum и всѣ иностранные Писатели согласны по крайней мѣрѣ въ главномъ съ нашею Минеею (см. Шлец. *Нестора* Ч. III, стр. 198—241). Папа Іоаннъ VIII въ Буллѣ своей, писанной въ 880 году къ Моравскому Князю Святополку, именно называетъ Константина изобрѣтателемъ буквъ Славянскихъ: litteræ Slavonicæ à Constantino quodam repertæ. Такое свидѣтельство всѣхъ другихъ важнѣе и достовѣрнѣе. Извѣстіе Несторово, что два Священника, избранные Меѳодіемъ, *въ шесть мѣсяцевъ* перевели *всѣ* церковныя книги, раждаетъ вопросъ: *какія? всю* ли Библію, то есть, Ветхій Завѣтъ (ибо Новый былъ уже переведенъ Константиномъ и Меѳодіемъ)? Это кажется невозможнымъ. Шлецеръ думаетъ, что они въ шесть мѣсяцевъ только *списали* новую Славянскую Библію; но Лѣтописецъ говоритъ: *преложиста;* да и важно ли знать время, употребленное на ея списываніе?

Я обязанъ Г. Калайдовичу слѣдующимъ любопытнымъ извѣстіемъ: «Въ Московск. Синод. Библіотекѣ (No. 66), хранится въ *подлинникѣ* книга *Небеса*, переведенная съ Греческаго языка на Славянскій Іоанномъ, Экзархомъ Болгарскимъ, въ исходѣ IX или въ началѣ X вѣка. Онъ пишетъ, что азбука Славянская изобрѣтена и Евангеліе преложено Константиномъ или Кирилломъ; что Меѳодій перевелъ всѣ *уставныя книги*, числомъ 60; что Монахъ Дуксъ убѣдилъ его (Экзарха) перевести книгу *Небеса* (сочиненную Іоанномъ Дамаскинымъ)» и проч. Ежели сія Славянская рукопись дѣйствительно писана въ исходѣ IX или въ началѣ X вѣка, то она есть древнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ.

(262) Буква Ш есть Еврейская ש. Фришъ считаетъ Б и Ь также Еврейскими (см. его Hist. linguæ Sclavonicæ etc. гл. I). Нѣкоторые утверждали, что Ѫ употребляемъ въ Россіи только со временъ Митрополита Кипріана или съ XIV вѣка; но сіи господа не видали харатейнаго Евангелія Софійскаго, найденнаго въ Петербургѣ между книгами Екатерины Великой въ 1806 году и писаннаго съ юсами въ половинѣ XI вѣка (см. нашей Исторіи Т. II, примѣч. 114). Ѫ то же, что У. Даже вмѣсто Ю писали I-Ѫ. Въ одной же Болгарской рукописи 1348 года, *о писменахъ Славянскихъ* (см. выше, примѣч. 260) сія буква употребляется вмѣсто всѣхъ гласныхъ: вмѣсто А, И, О, У, Ю и Я.

(263) Несторъ говоритъ: «симъ бо первая преложены *книги* (т. е. Библія) въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словенская, *еже грамота есть въ Руси.*»

(264) Нѣкоторые воображали Св. Іеронима Далматскимъ Славяниномъ (хотя Славяне вошли въ Далмацію только въ VII вѣкѣ: см. выше, стр. 21); а какъ Іеронимъ, по его словамъ, перевелъ Библію на *свой народный языкъ*, то думали, что ему надлежало быть и первымъ изобрѣтателемъ буквъ Славянскихъ. Несправедливость сего мнѣнія уже замѣтили Бандури, Коль, Ассемани и другіе. Іеронимъ перевелъ Библію не на Славянскій, а на Латинскій языкъ, которымъ говорили тогда въ Далмаціи. Оставляемъ Д. Антону (въ Geschichte der Germanen, стр. 378—379) доказывать, что Славяне обитали *искони* въ Иллиріи: ибо древніе жители ея, по извѣстію Амміана Марцеллина, дѣлали изъ ячменя питье и называли его Sabaja: нѣтъ сомнѣнія, какъ думаетъ Антонъ, что сіе имя есть Славянское, и происходитъ отъ глагола *запивать!*

(265) То есть, 1222 году (Ассем. Kalendaria Ecclesiæ Universæ T. IV, стр. 443).

(266) Такъ называемый *Сборникъ*, отданный Кн. Щербатовымъ въ библіотеку Эрмитажа, и Евангеліе Софійское (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 114).

(267) См. Шлецер. Nestor Ч. II, стр. 327, Добровскаго Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen T. V, стр. 318, и Voigts Untersuch. über die Einführ. der Buchstab. въ томъ же сочиненіи, Т. I, стр. 176. — Однакожь не всѣ Ученые такъ думали. Богемецъ Добнеръ утверждалъ, что истинная Кириллова азбука есть Глагольская, и что наша, изобрѣтенная послѣ, несправедливо названа симъ именемъ (Abhandlungen der Böhmisch. Gesellschaft der Wissenschaften, годъ 1785, стр. 101—139):

1) «Буквы Глагольскія, грубыя и нескладныя, имѣютъ всѣ признаки древности, и не сходны ни съ какими другими: Кирилловскія же суть не что иное, какъ Греческія, и не могли бы въ IX вѣкѣ прослыть новымъ изобрѣтеніемъ. Между ими видимъ только *семь* не Греческихъ буквъ, которыя взяты изъ Глагольской азбуки.» — Ученому Греку Кириллу всего естественнѣе было дать Славянамъ Греческія писмена; надлежало выдумать новыя единственно для такихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ въ языкѣ Греческомъ. Не всѣ, но только двѣ изъ сихъ новыхъ буквъ одинаковы съ Глагольскими; на примѣръ: Ш, Щ. Не правда также, чтобы другія Глагольскія совсѣмъ не походили на Кирилловскія. Изобрѣтатель первыхъ, желая отличиться, писалъ иныя на оборотъ Е, З — З, ₼, — Р, Ь; къ другимъ прибавлялъ черты (П, Г — Ш, П) и хитрилъ въ красивости (Л, ɦ — М, ₼); буква Ф совершенно та же. Кирилловскія писмена имѣютъ образъ Греческихъ IX вѣка (см. Монфоконову Греческ. Палеографію, также примѣры въ Ephemerid. Græco-Moscis, Т. I, и въ Ламб. Commentar. de Bibliotheca Vindobonensi): доказательство, что Славяне приняли ихъ дѣйствительно во время Константина и Меѳодія, а не въ новѣйшія времена, когда образъ Греческихъ буквъ уже перемѣнился. «Но для чего же Кириллъ былъ названъ *изобрѣтателемъ?*» Для того, что Славяне прежде не имѣли грамоты, и что нѣкоторыя буквы въ семъ алфавитѣ дѣйствительно *изобрѣтены* имъ. — 2) «Римскіе Духовные въ XI вѣкѣ называли Славянскій алфавитъ Готѳскимъ» (dicebant enim gothicas literas a quodam Methodio hæretico fuisse repertas, говоритъ Ѳома Архидіаконъ Спалатрскій, въ Швандтнер. собраніи Script. rer.

Hung. T. III, стр. 552—554): «слѣдственно они разумѣли подъ симъ пменемъ не Кирилловскій, а Глагольскій, дѣйствительно сходный въ кудрявости съ Готѳскими буквами.» Римскіе Духовные называли Славянскій алфавитъ Готѳскимъ единственно для того, что они считали Готѳовъ и Славянъ за одинъ народъ (см. въ Швандтнер. собраніи Script. rer. Hung. T. II, стр. 119, слова Далматскаго Аббата Лудовика Тубера: præter Gothas, quos Slavenos nuncupant, и проч.; см. также въ Ассем. Kalend. Eccl. I, 318). — 3) «Имя *Кирилловской* азбуки есть *новое;* мнимый изобрѣтатель ея только за 50 дней до кончины своей былъ названъ *Кирилломъ:* спрашиваю, какъ же она прежде называлась?» Азбукою или грамотою, или *Славянскою* азбукою, и проч. Кирилловскою стали называть ее конечно въ новѣйшія времена, когда Славяне Далматскіе ввели у себя другую, т. е. Буквицу или Глагольскую. — 4) «Далматскіе Славяне употребляютъ Буквицу, Россіяне Кирилловскую: слѣдственно первая древнѣе, ибо Россіяне приняли Христіанство 100 лѣтъ послѣ Далматовъ, т. е. въ княженіе Владиміра.» Во-первыхъ Христіанство вошло въ Россію еще въ 867 году, по извѣстію Византійскихъ современныхъ Лѣтописцевъ (о чемъ см. ниже); во-вторыхъ, ежели другіе Славяне, на прим. Сербы, *по мнѣнію Добнера* оставили *древнѣйшую* азбуку свою, принявъ новѣйшую Кирилловскую, то и Далматскіе могли промѣнять Кириллову на Буквицу. — 5) «Пусть покажутъ намъ Кирилловское письмо девятаго столѣтія!» Отвѣчаемъ: пусть покажутъ намъ Глагольское письмо ранѣе XIII столѣтія! По крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ существовала Кирилловская грамота: сіи буквы видимъ уже въ надписи Кіевской церкви, достроенной въ 996 году (см. ниже, примѣч. 473, и выше, примѣч. 261, въ концѣ). — 6) «Но въ предисловіи харатейной Глагольской Псалтири 1222 году какой-то *Николай* говоритъ, что она списана съ подлинника временъ Ѳеодора, *послѣдняго* Епископа Салонскаго; а какъ ученый Ассемани доказалъ, что *послѣднимъ* Салонскимъ Епископомъ надлежитъ считать Ѳеодора, жившаго въ концѣ IX вѣка, то слѣдуетъ, что Глагольскими буквами уже писали въ IX вѣкѣ.» Добнеръ не хотѣлъ замѣтить, что самъ Ассемани сомнѣвается въ истинѣ сего извѣстія; въ подлинникѣ (думаетъ онъ) стояло, можетъ быть, только: scriptum impensis et mandato Theodori Episcopi; а догадливый писецъ Николай прибавилъ отъ себя: ultimi Salonitani Episcopi (Ассем. Kalend. Eccl. Univ. T. IV, стр. 445 въ примѣч.) Къ тому же сіе Евангеліе могло быть списано Николаемъ съ Кирилловскаго, а не съ Глагольскаго подлинника. — 7) «Французскіе Бенедиктинскіе Монахи въ своей *Новой Системѣ Дипломатики,* Ч. II, стр. 166, говорятъ о Болгарской рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ подъ No. 2340 и писанной лѣтъ за 800 или 900 до нашего времени: сія же рукопись есть Глагольская.» Но ежели Французскіе Монахи ошиблись въ своемъ *мнѣніи* тремя стами лѣтъ? На рукописи не означено ея древности, ибо они не сказали бы тогда: за 800 или 900 лѣтъ.» Мы знаемъ также, что въ Болгаріи употребляются не Глагольскія буквы, а Кирилловскія.

Любопытные могутъ видѣть Буквицу во Франц. Энциклопедіи. Я имѣлъ въ рукахъ своихъ букварь Іеронимовскій, напечатанный въ 1753 году въ Римской Типографіи Пропаганды, и молитвенникъ изданный въ Венеціи. Первая книга, напечатанная Глагольскими буквами, есть Новый Завѣтъ, изданный въ Тибингенѣ въ 1553 (*) году (см. Abhandl. einer Privat-Gesellsch. in Böhm. T. I, стр. 176-177).

(268) Богемскіе Историки пишутъ (см. Добнера въ Annal. Bohemorum Ч. III, стр. 188), что Константинопольскій Патріархъ Фотій, недовольный Меѳодіемъ за его сношенія съ Римомъ, поставилъ въ Моравію инаго Епископа Агаѳона, а въ Нейтру Горяздоса; но Князья Моравскіе не хотѣли принять ихъ. Агаѳонъ былъ Греческимъ посломъ въ Германіи около 873 года, а Гораздосъ Болгарскимъ Архіепископомъ въ 880 (Гебг. Gesch. des Staats Mähren, стр. 28). Съ того времени, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, не находимъ уже ни одного Греческаго Епископа въ Моравіи.

(269) См. Буллу его 968 году (въ Исторіи Козмы Прагскаго, въ Менкен. собран. Script. rer. Germ. T. I, стр. 1994), въ коей онъ запрещаетъ употребленіе Славянскаго или Русскаго языка; и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ изобрѣтена Кириллова азбука, не осталось даже никакихъ слѣдовъ ея. Время и Паписты истребили тамъ всѣ древнія Славянскія рукописи (см. Abhandl. der Böhm. Gesellsch. на 1785 годъ, стр. 136).

(270) См. выше, примѣч. 262, и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 20.

(271) Сильнѣйшею изъ нихъ была область Кривичей, владѣвшихъ Полоцкою, Витебскою (въ верховьѣ Двины), Псковскою, Смоленскою и, можетъ быть, частію Тверской Губерніи. Латыши донынѣ именуютъ Россіянъ Кревами или Кривичами. — Напрасно многіе воображаютъ Новгородъ уже великимъ и знаменитымъ прежде Рюрика: народная пословица, свѣданная нами отъ Кранца, писавшаго въ XV и XVI вѣкѣ: quis potest contra Deum et magnam Novgardiam? *кто противъ Бога и великаго Новаграда?* (Wandalia, стр. 5) можетъ относиться единственно ко временамъ позднѣйшимъ. Въ IX вѣкѣ область его, окруженная на Югъ Кривичами, а на Западъ, Сѣверъ и Востокъ разными Финскими племенами, едва ли составляла и половину нынѣшней Губерніи Новогородской.

(272) Гроза, которая сокрушила величіе Рима, и нѣсколько вѣковъ свирѣпствовала въ Европѣ, начала утихать уже въ концѣ VI вѣка. Все бывшее исчезло: явились новыя правленія, новые обычаи и законы; прославились новыя имена народовъ. Германцы, оставивъ большую половину своего древняго отечества Славянамъ, властвовали въ Англіи, Галліи, Италіи; но въ VIII вѣкѣ уступили Испанію Аравитянамъ, пришедшимъ въ Европу съ мечемъ, Алкораномъ и съ любовію къ Наукамъ. Карлъ Великій, въ послѣдній годъ сего вѣка, основалъ Имперію Западную, несравненно сильнѣйшую Восточной, которая ужасалась всякаго непріятеля, но дерзала еще именоваться Римскою. Скандинавія — officina gentium, vagina nationum — какъ говоритъ Іорнандъ — раздѣленная на малыя Королевства, повелѣвала морями: ея безчисленные витязи, скучая тѣсными предѣлами отечества, суровымъ его климатомъ и праздностію, трубили въ рога, стремились отъ пиршествъ на легкіе корабли свои, искали добычи, новыхъ земель и завоеваній. Азіатскіе народы — Болгары, Козары — господствовали на западныхъ и сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Калифы, наслѣдники Магометовы, еще славились на Востокѣ. — Въ сіе время начинается Исторія Государства Россійскаго.

(273) Несторъ: «почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, и воевать почаша сами на ся.» Въ *Никонов. Лѣт.* сказано, что они долго спорили между собою, отъ кого требовать Вла-

(*) 1563 (поправка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ И. Г. Р.)

лѣтелей: одни предлагали Козаровъ, другіе Полянъ, — *Дунаичей* и Варяговъ; нѣкоторые единоземцевъ своихъ: *и бысть о семъ молва велія.* Все вымыслы и догадки.

(274) Преданіе о Гостомыслѣ сомнительно: въ Несторовой лѣтописи, въ самой *Никонов.* и въ *Степен. Книгѣ* нѣтъ о томъ ни слова. Однакожь Герберштейнъ, который въ 1517 и 1526 году пріѣзжалъ въ Москву, говоритъ уже о семъ знаменитомъ Новогородскомъ мужѣ (Rerum Moscovit. Commentarii, стр. 3). Въ историческомъ отрывкѣ, внесенномъ въ лѣтопись Попа Іоанна (стр. 317), названъ Гостомыслъ первымъ Новогородскимъ Посадникомъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ *дополненнаго* Нестора (на примѣръ, Софійскаго Новогородскаго) сказано также, что Славяне, *пришедши на Ильмень съ Дуная*, выбрали Гостомысла въ старѣйшины: но въ такомъ случаѣ ему надлежало бы умереть за нѣсколько вѣковъ до Рюрика (см. выше, примѣч. 70 и 91).

(275) Я не вижу причины думать, чтобы Весь и Чудь *тогда уже* зависѣли отъ Славянъ: тѣ и другіе, по извѣстію Несторову, искали Государей: слѣдственно они имѣли равныя права. Въ Псковской лѣтописи (въ Синодальн. Библіот. No. 349) именно сказано, что каждый изъ упомянутыхъ народовъ имѣлъ особенное правленіе: «Новогородцы свою власть имѣяху, а Кривичи свою, а Чудь своими владѣху, и дань даваху Варягомъ» (л. 154 на обор.).

(276) Миллеръ — см. въ его *Описаніи народовъ, издревле обитавшихъ въ Россіи*, статью о *Варягахъ* — думалъ, что Славяне и Финны звали Варяговъ не для правленія, а единственно для защиты границъ своихъ, и что Рюрикъ былъ *похитителемъ* власти. Но ясныя слова Лѣтописца: *да пойдете княжить и володѣть нами*, опровергаютъ сіе мнѣніе. Не внѣшніе враги, счастливо изгнанные Славянами, а внутренніе безпорядки принудили ихъ искать Князей за моремъ; слѣдственно они хотѣли *властителей:* ибо одна гражданская власть могла пресѣчь зло неустройства и безначалія. Такъ ли было дѣйствительно, не знаемъ; но такъ говоритъ Лѣтописецъ. Истину знали вѣрно одни современники.

(277) Въ *Пушкин.*, въ *Троицк.* и во всѣхъ старыхъ спискахъ находимъ имя *Рюрикъ*, а не *Рурикъ*, какъ писали уже въ новѣйшія времена. — Въ *Никон. Лѣт.* прибавлено: *онижь* (Варяги) *бояхусь звѣринаго ихъ* (Славянъ и Финновъ) *обычая и нрава, и едва избрашась три брата.* Народъ, который жертвуетъ вольностію порядку и гражданской безопасности, не имѣетъ уже *звѣрскихъ обычаевъ*, и смѣлые Варяги конечно не испугались власти, съ такимъ добродушіемъ имъ предложенной. — Замѣтимъ, что Кіевъ былъ основанъ тремя *братьями;* что Радимичи и Вятичи назвались именемъ двухъ *братьевъ;* что Славяне и Финны призвали изъ Варяжской земли трехъ *братьевъ:* сіе *братство* можетъ показаться сомнительнымъ.

(278) *Избрашася* 3 *братья съ роды своими, и поиша по собѣ всю Русь; пріидоша* — и проч. Слова: *пояша по собѣ всю Русь*, знаменуютъ, можетъ быть, что братья раздѣлили *между собою* Чудскую и Славянскую землю, которая назвалась послѣ *Русью;* а не то, чтобы они взяли *съ собою всѣхъ* Русскихъ Варяговъ. Лѣтописецъ уже выше сказалъ, *съ кѣмъ* сіи братья пришли въ нашу страну: *съ роды своими,* то есть, съ семействами, съ родственниками.

Въ *Пушкин.* харатейномъ спискѣ Нестора: *пріидоша старѣйшій Рюрикъ . . . а другой Синеусъ на Бѣлѣозерѣ*, а *третій* (въ) *Изборстѣ Труворъ.* Названіе мѣста, гдѣ княжилъ Рюрикъ, пропущено; въ *Троицкомъ* (что достойно замѣчанія) также; но вверху приписано, надъ именемъ Рюрика: *Новг . . .* По всѣмъ инымъ извѣстнымъ спискамъ Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ; только въ *Кенигсбергскомъ, Хлѣбниковскомъ* и въ *Ипатьевскомъ*, гораздо новѣйшихъ, сказано такъ: «Избрашась 3 братья и пріидоша къ *Словеномъ первое, и срубиша городъ Ладогу, и сѣде въ Ладогѣ* старѣй Рюрикъ.» Далѣе: «по двою же лѣту умре Синеусъ и Труворъ, и прія всю власть Рюрикъ одинъ, и *пришедъ ко Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ и прозва Новгородъ* и сѣде ту.» Сіе мѣсто о Ладогѣ и Новѣгородѣ, основанномъ будто бы Рюрикомъ, прибавлено безъ сомнѣнія въ новѣйшія времена: вотъ доказательства: 1) Рюрикъ прибылъ къ Славянамъ въ 862 году; ежели онъ два года, т. е. по смерть братьевъ его, жилъ въ Ладогѣ, то ему надлежало переселиться въ Новгородъ уже въ 864 году: но во *всѣхъ* спискахъ, въ самомъ *Ипатьев., Хлѣбников., Кенигсбергскомъ*, сказано, что сей Князь въ 863 году уже былъ въ *Новѣгородѣ: Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ въ лѣто* отъ созданія міра 6371 (863 отъ Р. Х.), 6372» — и такъ далѣе. 2) Онъ не могъ срубить Новагорода, ибо Несторъ, по самому *Ипат., Хлѣбн.* и *Кенигсберг.* списку, уже сказалъ въ началѣ, что Славяне построили Новгородъ въ одно время съ Кіевомъ, пришедши съ Дуная: слѣдственно гораздо ранѣе временъ Рюриковыхъ. Также въ самомъ *Ипат., Хлѣбн.* и въ *Кенигсберг.* спискѣ подтверждено извѣстіе Несторово, что древнѣйшіе основатели или жители Новагорода были Славяне, а не Варяги, населившіе его уже со временъ Рюриковыхъ (см. печатн. *Нестора* по *Кенигсберг.* списку, стр. 17). Какой нибудь любитель Русской Исторіи, списывая Нестора съ древняго подлинника, гдѣ пропущено было имя Новагорода (такъ же, какъ въ *Пушкин.* и *Троицк.:* «Рюрикъ старѣйшій . . . а другой, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ») вставилъ Ладогу для того, что она, по народному преданію, уже существовала во времена Рюрика, и что въ ней донынѣ есть мѣсто называемое *Рюриковымъ домомъ.* За одною вставкою слѣдовала другая: «Новагорода конечно не было, ежели Великій Князь жилъ сперва въ *Ладогѣ:*» думая такъ, сей же или другой любитель Исторіи, безъ всякаго соображенія, прибавилъ обстоятельство, что Рюрикъ послѣ основалъ Новгородъ. Герберштейнъ, въ началѣ XVI вѣка, имѣлъ Несторову лѣтопись съ такою поправкою, и говоритъ: Rurik principatum Novuogardiæ obtinet, sedemque suam ponit in Ladoga (Rerum Moscov. Comment. стр. 3). Стриковскій, не понявъ его, обратилъ городъ въ островъ Ладожскаго озера. Но Длугошъ, Польскій Историкъ XV вѣка, выбравъ изъ Нестора всѣ свои извѣстія о Россіи, не упоминаетъ о Ладогѣ, и пишетъ, что Князь Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ: primus autem dictus est Rurek, qui in Nouogrod, secundus Scyniew, qui in Bialeiezioro, tertius Trubor, qui in Zborsk sedes suas posuerunt (его Hist. Pol. кн. 1, стр. 48 и слѣд.). Наконецъ предложимъ самое важнѣйшее свидѣтельство. Въ харатейномъ сокращеніи Нестора, которое писано въ XIII вѣкѣ и найдено мною въ *Древнихъ правилахъ Софійскихъ* (Новогородскаго Собора) или въ Кормчей Книгѣ (Синодальн. библіотеки No. 82) сказано: «старѣй Рюрикъ сѣде *Новѣгородѣ*, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ,» и проч. — Рюрикъ *могъ* построить Ладогу (о чемъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ); она *могла* даже существовать и прежде его, хотя лѣтописи наши упоминаютъ объ ней въ первый разъ около 1105 году (см. напе-

чат. въ Москвѣ *Новгород. Лѣтоп.* стр. 9); но дѣло состоитъ въ томъ, что Рюрикъ, по истинному сказанію Нестора, княжилъ съ самаго начала въ Новѣгородѣ. Симъ опровергается заключеніе Миллера и другихъ, что «Новогородцы не хотѣли принять къ себѣ Рюрика, а велѣли ему жить въ Ладогѣ для удобнаго отраженія морскихъ разбойниковъ, Варяговъ» — слѣдственно единоземцевъ его: странная довѣренность!

Въ *Кенигсберг.* спискѣ, которой теперь у меня въ рукахъ, написано ошибкою: *Сидеунасъ на Бѣлѣозерѣ*, вмѣсто *Синеусъ на Бѣлѣозерѣ*; а другою новѣйшею рукою прибавлено вверху: *Синеусъ*; изъ него вышло: «Синеусъ *сиде у насъ* на Бѣлѣозерѣ.» Татищевъ изъ сей же *описки* заключилъ, что Несторъ, сочинитель лѣтописи, былъ родомъ изъ Бѣлаозера! — Городъ Бѣлозерскъ, по древнему преданію его жителей, стоялъ въ IX вѣкѣ на сѣверномъ берегу озера: Владиміръ, какъ они сказываютъ, перенесъ его на то мѣсто, гдѣ вытекаетъ рѣка Шексна (см. Миллеровъ *Географич. Лексиконъ*); нынѣ сей городъ находится, какъ извѣстно, на южной сторонѣ Бѣлаозера.

Въ *Архангельск. Лѣтописцѣ*, стр. 4: «Труворъ сѣде во Изборску, а то нынѣ пригородокъ Псковскій, а тогда былъ въ Кривичехъ большій городъ» — нынѣшняя слобода Изборскъ въ 26 верстахъ отъ Пскова. Миллеръ, желая Скандинавскимъ языкомъ изъяснить имя его, говоритъ, что Изборскъ значитъ *Исаборгъ* (см. въ его *Описаніи древнихъ народовъ* и проч. статью о *Варягахъ*), т. е. городъ на рѣкѣ Исѣ. Но Иса далеко отъ Изборска.

«Синеусъ и Труворъ (говоритъ Миллеръ) построили, кажется, Изборскъ и Бѣлоозеро на границахъ Лифляндіи и Біарміи, чтобы тѣмъ удобнѣе оберегать внѣшніе предѣлы Россіи.» Они не *построили* сіи города, а только жили въ нихъ, по сказанію Лѣтописца: *для* того ли, чтобы оберегать границы, или *для* того, что западные Кривичи и Весь хотѣли имѣть особенныхъ правителей, мы не знаемъ. Согласимся на первое: слѣдуетъ ли изъ того, чтобы Князья были единственно *наемными* стражами, а не Властителями, какъ думалъ Миллеръ? Всякой Государь есть стражъ государства.

Замѣтимъ, что Изборскъ два раза былъ переносимъ съ мѣста на мѣсто: въ 1303 и въ 1330 (см. *Псков. Лѣт.*).

(279) См. *Книгу Степен.*, *Никоновск.*, также *Софійскую*, письменную Новогородскую и *Подробную Лѣтопись*, изданную Львовымъ.

(280) *Архангельск.*, *Никон.* и *Софійск. Лѣт.* причисляютъ Мерю къ народамъ, вызвавшимъ Рюрика съ братьями; но древній Лѣтописецъ именуетъ только Кривичей, Славянъ или Новогородцевъ, Чудь и Весь, которые хотѣли Князей: изъ сего должно заключить, что Варяги уже послѣ овладѣли страною Полочанъ, Мери и Муромы. Въ *Воскресен.* и другихъ лѣтописяхъ именно прибавлено, что Рюрикъ и братья его, утвердившись въ Россіи, *почаша* воевать всюду.

(281) См. Шведск. Далинову Gesch. des R. Schwed. T. I, и Маллет. Histoire de Dannemarc.

(282) Въ *Архангельск. Лѣт.* сказано: «за то, что онъ не далъ имъ ни града, ни села.» — Въ древнихъ спискахъ стоитъ *Аскольдъ* и *Скальдъ*, а не *Оскольдъ*.

Въ Несторѣ: «и бяста у него (у Рюрика) два мужа ни племени его, ни Боярина; и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ.» Въ *Кенигсбергск.* спискѣ ошибкою: «ни племени его, но Боярина.» Татищевъ назвалъ ихъ потому знаменитыми мужами. Они уже по кончинѣ Синеуса и Трувора отправились изъ Новагорода — слѣдственно въ 864 году — и должны были итти чрезъ владѣнія независимыхъ Славянъ, которые едва ли могли пропустить ихъ дружелюбно. Въ *Архангельск. Лѣт.* сказано, что они плыли Днѣпромъ мимо Смоленска, и не смѣли войти въ сей городъ *великій и многолюдный*. Такія прибавленія въ новыхъ лѣтописяхъ явно основаны на догадкѣ. У насъ есть новѣйшая сказка о началѣ Кіева (см. въ Синодальн. библіот. книгу о *древностяхъ Рос. Государства* подъ No. 529), въ коей Авторъ пишетъ, что Аскольдъ и Диръ, отправленные изъ Новагорода Олегомъ послами въ Царьградъ, увидѣли на пути Кіевъ, плѣнились красотою онаго и завладѣли имъ, убивъ Кія, братьевъ и сестру его. Тутъ же сказано, что Кій, Щекъ и Хоривъ были разбойники въ Новогородской области; что Новогородцы посадили ихъ съ сестрою Лыбедью и съ 27 товарищами въ темницу и хотѣли повѣсить; что Князь изъ жалости далъ имъ свободу; что сіи разбойники два мѣсяца шли дикими мѣстами до рѣки Днѣпра, впадающаго въ *Теплое* море, по коему живутъ Варяги; что Кій основалъ тамъ Кіевъ, и принявъ къ себѣ многихъ бродягъ, началъ обработывать землю; что товарищи его назвалися Древлянами, и проч.

«Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ и многи Варяги совокуписта.» Вѣроятно, что Варяги, свѣдавъ о завоеваніи Кіева, пришли туда изъ Новагорода по слѣдамъ Аскольда и Дира.

Баеръ думалъ, что Аскольдъ и Диръ есть имя одного человѣка; что слово *Діаръ* означало на языкѣ Скандинавскомъ *вельможу* или *полководца*, и что Русскій Лѣтописецъ по незнанію обратилъ его въ другое *собственное* имя. Сія мысль полюбилась Татищеву и Миллеру. Но Шлецеръ доказалъ ошибку Баерову. Названіе Діаръ совсѣмъ не употребительно въ языкѣ Скандинавскомъ, и встрѣчается только одинъ разъ въ Стурлезонѣ, который говоритъ, что въ Скандинавію пришли съ *Одиномъ* 12 Diar: сіе имя есть множественнаго числа; въ единственномъ оно Di, и въ самомъ дѣлѣ означало не *вельможу*, не *полководца*, а *первосвященника* (см. Шлецеров. Oskold und Dir, eine Russ. Geschichte). Самъ Баеръ, не увѣренный въ истинѣ своего толкованія, прибѣгнулъ къ другому, еще менѣе основательному: «На Арабскомъ и Турецкомъ языкѣ Dijar означаетъ *собраніе домовъ*, страну, область: по тому Козары, говорившіе Турецкимъ языкомъ, назвали Аскольда *Діяромъ*, или правителемъ области!» Но *область* не есть *правитель*. Къ тому же Несторъ опредѣляетъ даже разныя мѣста, гдѣ Аскольдъ и Диръ были погребены въ Кіевѣ: онъ еще собственными глазами видѣлъ ихъ могилы. Надобно имѣть основательные доводы, чтобы оспоривать Лѣтописца древняго въ случаѣ возможномъ: Баеръ и Миллеръ не представили ихъ. Мы знаемъ Императоровъ Римскихъ, которые избирали себѣ товарищей въ правленіи: для чего же было не княжить вмѣстѣ Аскольду и Диру, храбрымъ витязямъ и друзьямъ.

(283) Россы, по извѣстіямъ Византійскимъ, ограбили всѣ монастыри и селенія прекрасныхъ острововъ Плати, Іатра, Теревинѳа, убивъ множество людей. Въ Теревинѳѣ жилъ тогда изгнанникомъ благочестивый Патріархъ Игнатій, и едва могъ спасти жизнь свою (см. Баера de Russorum prima expeditione Constantinopolitana, въ Коммент. Академіи, T. VI, стр. 376—378). Фотій поставилъ ему въ вину то, что онъ, лишенный сана духовнаго, дерзнулъ снова освятить Теревинѳскую церковь, опустошенную Россіянами. Императоръ, Ва-

силій Македонскій, въ 867 году возвратилъ Игнатію достоинство Патріарха, удаливъ Фотія.

Несторъ говоритъ, что Россіяне вошли въ *Судъ*, то есть, гавань Цареградскую (см. ниже, примѣч. 308). — О семъ нападеніи *Россовъ* пишутъ Византійскіе Историки, Левъ Грамматикъ, неизвѣстный Продолжатель Константиновъ, Георгій Монахъ и проч., не опредѣляя времени; одинъ Симеонъ Логоѳета сказываетъ, что Россы осаждали съ моря Константинополь въ *десятый* годъ Михаилова правленія; а какъ Михаилъ назывался Императоромъ уже съ 842 году, то многіе думали, что хронологія Логоѳеты несогласна съ Несторовою, и что нападеніе Россовъ было въ 852. Но Византійскій Лѣтописецъ говоритъ, что оно случилось во время Фотіева Патріаршества: Фотій же сдѣлался Патріархомъ только въ 858 году. Ученый Баеръ весьма основательно рѣшилъ сомнѣніе. Михаилъ царствовалъ 14 лѣтъ подъ опекою матери своей, Ѳеодоры: Логоѳета исключаетъ ихъ, и разумѣетъ *десятый годъ его собственнаго, личнаго правленія*, слѣдственно 866 (см. de Russorum prima expeditione Constantinopolitana, Коммент. С. Петерб. Академіи Т. VI); слѣдственно Штриттеръ несправедливо вмѣстилъ походъ Аскольда и Дира въ случаи 859 года (см. его *Россійск. Исторію* Т. I, стр. 17—18); несправедливо думалъ, вопреки нашему древнему Лѣтописцу, что Варяги завладѣли Кіевомъ еще прежде *Рюрикова княженія* въ Новѣгородѣ. Сочинитель *Никон. Лѣт.* хотѣлъ такимъ же образомъ поправить Нестора, и выдумалъ *разные* походы Аскольда и Дира къ Царюграду: чему вѣрилъ и *Миллеръ*. — Несторъ говоритъ: въ 14 лѣто Михаила Царя:» то есть, въ 14 Индиктъ Михаилова Царствованія, или въ 866 году.

См. Memor. popul. Т. II, стр. 957—958. Греки воображали, что на Сѣверѣ, около источниковъ рѣки Днѣпра, есть великая гора Тавръ (см. Баер. Origines Russicæ, въ Коммент. Академіи Т. VIII, стр. 402).

Шлецеръ не признаетъ сихъ *Россовъ* Кіевскими.* «Вѣроятно ли (говоритъ онъ въ своемъ Nestor, Ч. II, стр. 258), чтобы Аскольдъ и Диръ, едва утвердясь въ Кіевѣ съ горстію Варяговъ, собрали такъ скоро многочисленное войско и дерзнули приступить къ Царюграду?» Вѣроятно, если Аскольдъ и Диръ въ 864 году — или ранѣе, ибо древняя хронологія нашего Лѣтописца подвержена сомнѣнію (см. выше, стр. 30) — могли завладѣть Кіевомъ; если дружина ихъ, какъ пишетъ Несторъ, была усилена Варягами, пришедшими въ слѣдъ за ними изъ Новагорода, если они также взяли съ собою и Кіевлянъ. Впрочемъ мы не видимъ отмѣнной многочисленности ихъ войска. Историки Византійскіе говорятъ о двухъ стахъ лодкахъ, на которыхъ едва ли было и 10,000 человѣкъ (см. ниже). Они шли не взять Константинополь, а грабить приморскіе монастыри и селенія. Михаилъ, не имѣя на тотъ разъ флота въ готовности, могъ удалить грабителей только молитвою или золотомъ. Преемникъ его, Василій Македонскій, отправилъ къ нимъ дары, желая избавить берега Чернаго моря и Воспора отъ новаго опустошенія. Слова Фотія, что Россіяне господствовали уже надъ сосѣдственными землями, изъясняются вѣроятнымъ предположеніемъ, что Аскольдъ и Диръ, утвердясь въ Кіевѣ, покорили нѣкоторыя Славянскія племена въ его окрестностяхъ. Къ тому же молва народная всегда увеличиваетъ силу непріятеля новаго. — Тѣ же самые Византійскіе Историки, которые пишутъ о нападеніи *Россовъ* при Михаилѣ: Левъ Грамматикъ, Константиновъ Продолжатель, Симеонъ Логоѳета, Георгій Монахъ, Кедринъ, Зонара, описываютъ и походъ Игоревъ *изъ Кіева* въ 941, называя тѣхъ и другихъ непріятелей однимъ именемъ: слѣдственно они считали ихъ однимъ народомъ, уже весьма извѣстнымъ въ Константинополѣ около 902 году, ибо многіе Кіевскіе Россы служили тогда въ Греческомъ флотѣ (Memor. popul. Т. II, стр. 972): о чемъ будемъ говорить ниже. Гдѣ истина сама собою представляется глазамъ Историка, тамъ нѣтъ нужды прибѣгать къ страннымъ гипотезамъ и выдумывать еще другихъ Россовъ, которые, по мнѣнію Шлецера, «въ 866 году приходили на 200 судахъ къ Царюграду, неизвѣстно откуда, *только не изъ Кіева;* названы такъ, неизвѣстно для чего; ушли, неизвѣстно куда, и послѣ совсѣмъ исчезли въ Исторіи, уступивъ имя и мѣсто Россіянамъ Кіевскимъ!» Народы не падаютъ съ неба, и не скрываются въ землю, какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія.

Удовольствія малой и низкой души были единственнымъ предметомъ Императора Михаила, а добродѣтель казалась ему врагомъ удовольствія. Онъ жилъ на Гипподромѣ, и восхищаясь ристаніемъ, не хотѣлъ слушать людей, которые приходили ему сказывать о близости непріятелей; велѣлъ даже сломать такъ называемыя сторожевыя башни, чтобы звукъ набата не безпокоилъ ушей его. Неронъ по крайней мѣрѣ любилъ музыку и поэзію: Михаилъ однихъ коней и распутство.

(284) Во время Императора Льва Македонскаго два брата, именемъ Гальвій и Кандидъ, похитили ризу Богоматери въ домѣ одной старой Галилейской Жидовки, принесли въ Константинополь и наконецъ отдали въ храмъ Богоматери Влахернской (см. въ Мин. Чет. Іюля 2, сказаніе о семъ случаѣ, и Баера de Russ. prima exped. Constant. стр. 380). Сія церковь есть славнѣйшая въ лѣтописяхъ Восточнаго Христіанства. Имя *Влахернъ* произошло отъ какого-то Влахерна, будто бы княжившаго не далеко отъ Византіи еще прежде временъ Константина Великаго. Дюканжъ подробно описываетъ ея великолѣпіе и чудеса, которыя въ ней случились (Constantinopolis Christiana стр. 83). — О ризѣ Богоматери пишутъ здѣсь Левъ Грамматикъ и Симеонъ Логоѳета; Продолжатель Константиновъ говоритъ только, что Россы, *удовлетворивъ гнѣву Небесному*, возвратились домой, и что молитва Фотіева защитила Царьградъ. Вотъ слова Кедрина и Зонары: «Россы, испытавъ гнѣвъ Божій, удалились» (Memor. popul. Т. II, 957—958). Самъ Фотій въ окружной грамотѣ своей къ Архіепископамъ Восточнымъ, упоминая о нападеніи Россовъ (Барон. Annal. Eccles. X, 253), молчитъ о дѣйствіи святой ризы. Татищевъ, въ утвержденіе сего чуда, приводитъ (см. Исторіи его Т. II, стр. 364) молитву изъ Акаѳиста Богоматери, гдѣ сказано: *яко же иногда древле всесильнымъ воеводствомъ спасла еси царствующій градъ свой отъ Скиѳскаго воеводы, звѣрообразнаго, лукаваго вепря, онаго прегордаго Кагана, и развирѣпѣющимъ моремъ тьмочисленныя воинства потопила еси.* Хотя Русскіе Князья и назывались Каганами: ибо въ древнемъ харатейномъ спискѣ *Житія Владимірова* (см. выше, примѣч. 110) сказано: *похвалимъ же великаго Кагана нашей земли, Володимера* (см. также *Слово о полку Игоревѣ*, стр. 44. Московскаго изданія): но въ сей молитвѣ говорится о другомъ чудѣ, которое описано въ Синаксаріи, читаемомъ въ Субботу пятыя недѣли Поста (см. Тріодіонъ), и случилось въ VII вѣкѣ. Подъ именемъ *гордаго Кагана* разумѣется Ханъ Аварскій, приступавшій моремъ и сухимъ путемъ къ Царюграду въ 626 году (Memor. popul. Т. I, стр. 747). — Кіевскіе жители

употребляли имя *Кагана*, вмѣсто Государя, для того, что они долгое время были подвластны Хазарскимъ Великимъ Каганамъ. Далинъ (см. его Gesch. des R. Schwed. Т. I, стр. 400) угадывалъ, что Императоръ откупился отъ Россовъ золотомъ. Шлецеръ нашелъ въ лѣтописяхъ Франкскихъ, изданныхъ Дюшеномъ, что риза же Богоматери спасла городъ Шартръ отъ свирѣпости Норманов (см. его *Нестора* Ч. II, стр. 235).

(285) См. Memor. popul. Т. II, стр. 958, Баера de Russ. prima exped. Const. и Бароніевы Annales Eccl. X, 253. Напрасно жестокій ненавистникъ Фотія, ученый Ассемани, доказываетъ намъ, что сей великій Патріархъ хотѣлъ обмануть современниковъ и потомство, и сочинилъ *мнимое* свое посланіе уже тогда, какъ Игнатій снова управлялъ Церковію: ибо (говоритъ Ассемани) Депутаты Восточныхъ Престоловъ на *осьмомъ* Соборѣ, бывшемъ въ 869 году, объявили, что они не имѣли никакого сношенія съ Фотіемъ (Kalend. Eccl. Univ. II, 254, 256). Фотій превосходилъ всѣхъ современниковъ въ учености: чему доказательствомъ служитъ его такъ называемая *Библіотека* или выписки изъ разныхъ книгъ, сдѣланныя имъ для своего брата. Въ сихъ выпискахъ упоминается о двухъ или трехъ стахъ сочиненіяхъ, намъ совсѣмъ неизвѣстныхъ (см. Extraits de Photius, въ Mémoires de l'Académie des Inscr. etc. годъ 1738). — Древнее истинное преданіе, что *Христіанство вошло въ Россію при Фотіи*, ввело новѣйшихъ Лѣтописцевъ въ грубую ошибку: не сообразивъ разности временъ, они говорятъ, что Фотій крестилъ Ольгу (см. ея *житіе* въ Прологѣ), и что Фотій же прислалъ Епископовъ ко Владиміру!

(286) Memor. popul. Т. II, стр. 962—964. — Михаилъ умерщвленъ въ 867 году, 23 Сент. (см. Круга Byz. Chron. 3). Императоръ Василій Македонскій возвратилъ Игнатію санъ Патріаршій (см. Баера de Russ. prima exped. Const.). — Константинъ такъ повѣствуетъ: «Князь и Вельможи Русскіе, въ торжественномъ собраніи слушая Евангельское ученіе, не хотѣли вѣрить ему, но сказали Греческому Епископу: *брось въ огонь сію книгу, и ежели она не сгоритъ, то мы повѣримъ ея святости*. Епископъ исполнилъ ихъ волю, и Евангеліе осталось невредимо. Тогда, убѣжденные чудомъ, Князь и Вельможи приняли Христіанство.» Въ *Никон. Лѣт.* упоминается о семъ случаѣ, Т. I, стр. 21—22, и въ *Степен. Книгѣ* Т. I, стр. 85.

(287) Въ договорѣ Игоревомъ съ Греками сказано: «Мы же Русь, елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковію Св. Иліи.» Далѣе: «а иже преступитъ се отъ страны нашея, или Князь, или инъ кто, или крещенъ или не крещенъ.» (См. въ Несторѣ стр. 44).

(288) См. выше, примѣч. 261. Варяги исповѣдывали Вѣру Одинову (см. Исландскую Эдду).

(289) *Никон. Лѣт.* говоритъ, что въ 864 году Болгары умертвили сына Аскольдова; что въ 865 Аскольдъ и Диръ воевали съ Полочанами, въ 866 съ Греками, а въ 867 побили множество Печенѣговъ: то есть, сочинитель сей новой лѣтописи выдумалъ на каждый годъ особенную войну для Князей Кіевскихъ — забывъ, что въ 865 году Полоцкъ уже принадлежалъ Рюрику (слѣдственно Варягамъ, Аскольду и Диру, надлежало бы воевать съ Варягами); забывъ, что въ 867 году еще не было Печенѣговъ близъ Кіева. Въ *Воскресенск.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что Аскольдъ и Диръ, за нѣсколько времени до своего Константинопольскаго похода, воевали съ Древлянами и *Угличами* (см. ниже, примѣч. 362); но въ харатейныхъ, вѣрныхъ спискахъ Нестора нѣтъ сего обстоятельства. Въ Демидовскомъ Хронографѣ, находящемся въ Университетской библіотекѣ, есть слѣдующее мѣсто: «При Царѣ Михаилѣ, въ лѣто 6360, ходили Русь войною изъ Кіева града, *Князь именемъ Бравалинъ*, воевати на Греки, на Царьградъ, и повоеваша Греческую землю, отъ Херсона и до Скуруева и до Сурожа... о томъ писано въ *Чюдесѣхъ Св. Стефана Сурожскаго*» (ни въ Прологѣ, ни въ Минеѣ нѣтъ сего извѣстія).

Въ *Никон. Лѣт.* еще прибавлено: «возвратишася Аскольдъ и Диръ въ малѣ дружинѣ, и бысть въ Кіевѣ плачь велій... Бысть въ Кіевѣ гладъ велій.»

(290) См. Маллетову Histoire de Dannemarc Т. I, 146.

(291) По рукописному житію Св. Князя Константина (см. выше, примѣч. 214). Онъ нашелъ въ Муромѣ всѣ древнія обыкновенія Славянской Вѣры. Св. Аврамій (см. *Прологъ)* разрушилъ въ Ростовѣ Кумиръ *Велесовъ*. Въ *Воскресенск. Лѣт.* предъ годомъ 866 сказано: «Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ, и роди сынъ и нарече ему имя Игорь; возрастъ же и бысть храборъ и мудръ.» Въ *Никон. Лѣт.* означено, что Игорь родился въ 865 году. Но въ харатейныхъ написано только, что онъ по смерти Рюрика остался младенцемъ: *бѣ бо дѣтескъ вельми*. — Въ *Степен. Кн.* съ большею вѣроятностію прибавлено: «остави (Рюрикъ Игоря) яко двою лѣтъ.» Въ нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ повѣстяхъ Олегъ названъ *племянникомъ* Рюрика *(Др. Рос. Вивліоѳ.* XVI, 53); сказано также, что послѣдній умеръ въ *городѣ Корелѣ*.

(292) Сказка, что Олегъ на пути своемъ въ Кіевъ построилъ Москву, есть новое изобрѣтеніе, которымъ Г. Елагинъ напрасно укоряетъ Митрополита Макарія. Она находится въ краткихъ историческихъ повѣстяхъ (не смѣю назвать ихъ лѣтописями), сочиненныхъ около времени Царя Алексія Михайловича: на примѣръ, въ Кикинской рукописи библіотеки Миллеровой (въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No. 4). Въ доказательство ума и знаній сего изобрѣтателя привожу слова его: «Пріиде же (Олегъ) на рѣку глаголемую Москву, въ нея же ту *прилежатъ* двѣ рѣцѣ: единой имя Неглинна, а друзѣй Яуза; и постави ту градъ малъ, и прозва его Москва, и посади ту на Княженіе отъ сродниковъ своихъ. Пріиде же и въ Кіевъ, и убивъ *тріехъ братовъ*, Кіевскихъ начальниковъ, *Кія, Щека, Хорива*.» Довольно. — Въ Несторѣ: «и приде къ Смоленску съ Кривичи и прія градъ.» Въ войскѣ Олеговомъ были не одни Кривичи: Несторъ, кажется, хочетъ сказать, что они болѣе другихъ помогли ему взять городъ. *Арханг. Лѣт.* придумалъ разныя обстоятельства. «Князь Русскій стоялъ на берегу Днѣпра въ шатрахъ разноцвѣтныхъ. Старѣйшины Кривичей, видя ихъ, съ удивленіемъ спросили: кто является намъ *въ такой славѣ? Князь* или *Царь?* Тогда Олегъ вышелъ изъ шатра, держа на рукахъ Игоря, и сказалъ имъ: се Игорь, Князь Русскій! и Кривичи нарекли его своимъ Государемъ.» Такъ въ новѣйшія времена украшали простыя Несторовы сказанія. — По одной догадкѣ прибавлено въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что Смоленскіе Кривичи отказались платить дань Олегу, и что онъ за то взялъ ихъ городъ.

Въ *Троицк.* спискѣ именно сказано, что Олегъ оставилъ въ Смоленскѣ *Боярина*: въ *Пушкин.*: «посади мужъ свой.» Въ первомъ нѣтъ о Любечѣ; но во второмъ: «взя Любецъ и посади мужи свои.» Нынѣ Любечь есть торговое мѣстечко, Губерніи Черниговской, на Днѣпрѣ.

Новые Историки и Лѣтописцы Русскіе говорятъ отъ себя, или вѣря Стриковскому, что бѣдствіе, претерпѣнное Аскольдомъ и Диромъ на Воспорѣ, заставило Олега итти къ Кіеву; но между сими двумя случаями прошло 16 лѣтъ. Изъ Несторовыхъ словъ: *придоста къ горамъ Кіевскымъ, и увѣдѣ Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжита,* заключимъ ли, что сей Князь только подъ Кіевомъ узналъ о державѣ ихъ? Вѣроятно ли, чтобы между Варягами Кіевскими и Новогородскими въ теченіе осьмнадцати лѣтъ не было никакого сообщенія? Вѣроятно ли, чтобы Олегъ съ войскомъ многочисленнымъ скитался безъ цѣли и намѣренія, не зная, какія мѣста встрѣтятся ему на пути его?

(293) Нынѣшній такъ называемый *Старый городъ*, между Кіево-Печерскою крѣпостію и Подоломъ: мѣсто рѣдкое своимъ красивымъ видомъ. Олегъ, по *Никон. Лѣт.*, сказался больнымъ, велѣвъ объявить Кіевскимъ Владѣтелямъ, что у него множества *бисера драгоцѣннаго,* и что ему надобно говорить съ ними о важномъ дѣлѣ! Жаль, что сія выдумка укрылась отъ вниманія нѣкоторыхъ Историковъ: они доказали бы намъ, что купцы Новогородскіе въ IX вѣкѣ торговали *жемчугомъ восточнымъ!*

(294) И такъ Олегъ признавалъ Игоря законнымъ Государемъ и думалъ властвовать его именемъ. Въ лѣтописи: «и *вынесоша* Игоря:» слѣдственно младенца (см. выше, примѣч. 291).

(295) Не Ольгинъ, какъ думалъ Щербатовъ, повѣривъ *Синопсису.* Кто былъ сей Ольма, безъ сомнѣнія знаменитый человѣкъ въ древнемъ Кіевѣ? неизвѣстно. Шлецеръ (Nestor T. II, стр. 63) называетъ его строителемъ церкви Св. Николая: по чему? Лѣтописецъ не говоритъ того. — Далѣе: «а могила Дирова за *Св.* Орпною.» Не за монастыремъ ли *Св.* Ирины, основаннымъ при Ярославѣ? См. печатн. *Нест.* стр. 105 и *Путешествіе въ Кіевъ нѣкоторыхъ духовныхъ особъ.* Татищевъ думалъ, что Кіевляне построили въ новѣйшія времена церковь надъ могилою Аскольда въ знакъ его Христіанскаго благочестія: догадка сомнительная. Ежели бы въ древнемъ Кіевѣ было преданіе о Христіанской Вѣрѣ сего Князя, то Несторъ сохранилъ бы оное въ своей лѣтописи.

(296) «И сѣде Олегъ княжа въ Кыевѣ, и рече Олегъ: се буди *мати* градомъ Русьскымъ; и бѣша у него Варяги и Словени и прочіи, и *прозвашася Русь.*» Но Аскольдъ и Диръ еще до Олега сдѣлали имя *Руси* извѣстнымъ въ сихъ мѣстахъ и въ Греціи, такъ что Кіевская область въ XII и въ XIII вѣкѣ преимущественно называлась у насъ *Русью* (см. сей *Исторіи* T. II, примѣч. 316, и T. III, примѣч. 74, годъ 1193).

(297) Мы видѣли, что онъ въ Смоленскѣ оставилъ своего Боярина. Въ договорѣ, заключенномъ послѣ Россіянами съ Греціею (см. ниже), сказано, что Олегъ имѣлъ подъ рукою своею многихъ Князей или Вельможъ, которые управляли городами.

(298) *Гривна* означала 1) украшеніе золотое, носимое Князьями и Вельможами на шеѣ; 2) вѣсъ и монету числительную. Въ *Уставѣ ратныхъ дѣлъ,* писанномъ въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, сказано (T. II, стр. 17), что «ядро пищали (пушки) *Василиска* вѣсило 70 *гривенокъ*, и что 240 такихъ ядеръ составляли 168 *контаревъ,* а въ контарѣ два пуда съ половиною (стр. 18).» Слѣдственно *гривенка* въ общемъ смыслѣ вѣса означала *фунтъ* (такъ показано и въ нашихъ древнихъ рукописныхъ Ариѳметикахъ, съ прибавленіемъ, что *малая* гривенка есть $^1/_2$ фунта). Но въ металлахъ драгоцѣнныхъ подъ именемъ *гривны* разумѣли только 48 золотниковъ или Нѣмецкую марку. Леонтій Магницкій въ Ариѳметикѣ своей, напечатанной по приказанію Государя Петра Великаго въ 1703 году, и выбранной отчасти изъ старинныхъ математическихъ Славянскихъ книгъ, говоритъ (листъ 37, на оборотѣ), что гривна серебра имѣетъ въ себѣ 16 лотовъ, а гривна золота 56 червонцевъ. Имѣемъ еще вѣрнѣйшее свидѣтельство. Въ Посольскихъ дѣлахъ Прусскихъ (см. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи No. 1, л. 146, годъ 1518) сказано: «Зоветця *марка,* а у насъ по-Русски *гривенка* (серебра)... и кояждо гривенка на 16 лотовъ раздѣлитца.» — И въ лѣтописи Несторовой и въ Русской Правдѣ за числомъ гривенъ означается металлъ, когда говорится о золотѣ; но гдѣ рѣчь идетъ просто о гривнахъ, тамъ всегда разумѣется серебро. Но какъ *ходячая монета* древнихъ Россіянъ была дѣйствительно не серебряная, а *кожаная* (см. ниже, примѣч. 524 и 527), то подъ именемъ гривны надобно разумѣть единственно монету *числительную*, которая *сначала* хотя и представляла цѣну серебра, но скоро, не имѣя достоинства внутренняго, унизилась въ отношеніи къ металлу и къ вещамъ.

(299) «Устави (Олегъ) дани Словеномъ, Кривичамъ и Мерямъ Варягомъ дань даяти, отъ Новагорода гривенъ 300, *мира дѣля*» (для). По точному смыслу лѣтописи не одинъ Новгородъ, но и другіе народы Русскіе платили Варягамъ, хотя Несторъ сказываетъ только, чѣмъ обложены были Новогородцы, для соблюденія мира и дружбы съ корыстолюбивыми воинами Скандинавскими. Вмѣсто того, чтобы давать имъ жалованье изъ казны, Олегъ разложилъ его на свои области. Узнаемъ въ послѣдствіи, что Новгородъ, кромѣ сего жалованья, платилъ еще особенную дань Государямъ Кіевскимъ.

(300) То есть, между сими народами, по Несторовой Географіи, не было иныхъ. Кривичи восточные, или Смоленскіе, могли граничить съ Клещинскою Мерею въ нынѣшней Московской Губерніи. О дани Древлянской сказано: «по чернѣ кунѣ:» съ человѣка или съ дыма? второе вѣроятнѣе. Домы можно было исчислить скорѣе людей. Такъ Кіевляне, Сѣверяне и другіе платили Козарамъ по бѣлкѣ съ дыма. — Олегъ, уже прежде взявъ на Днѣпрѣ городъ Сѣверянъ, Любечь, еще не завоевалъ тогда всей ихъ области. — О дани Радимичей: «и вдаша Ольгови по щлягу, яко же Козаромъ.» Они платили одну дань съ Вятичами, которые (что увидимъ въ княженіе Святослава) давали Хану *по щлягу съ сохи.* Сія монета (у Поляковъ szeląg) есть тоже, что шиллингъ Нѣмецкихъ народовъ. — Слѣдственно Радимичи имѣли уже *деньги* въ IX вѣкѣ? Сначала сказалъ Лѣтописецъ, что Козары обложили ихъ только вѣверицами (см. T. I, стр. 25); но быть можетъ, что Радимичи и Вятичи, имѣвъ долговременное сношеніе съ Козарами, получили отъ нихъ монету. — По миролюбивому расположенію Козаровъ новѣйшіе Арабскіе Историки говорятъ, что мнимый праотецъ сего народа, именемъ *Козаръ,* былъ человѣкъ кроткій, благодѣтельный и молчаливый (см. въ Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Khozar).

(301) Въ лѣтописи сказано только, что Олегъ *имѣлъ рать* съ Суличами; но какъ наслѣдники его безъ войны уже владѣли берегами Сулы, то заключаемъ, что сей народъ былъ покоренъ Олегомъ. Суличи принадлежали ко племени Сѣверянъ (см. *Несторъ* стр. 7). — Лутичи и Тиверцы жили по Днѣстру до самаго моря: быть можетъ, что Печенѣги, завладѣвъ въ X вѣкѣ берегомъ Черно-

морскимъ, принудили ихъ отчасти удалиться въ Подольскую Губернію или Галицію.

(302) Сихъ Угровъ, то есть, нынѣшнихъ Венгровъ, Несторъ въ одномъ мѣстѣ называетъ *Черными*, а древнихъ Угровъ, извѣстныхъ еще въ Ираклієво время, *Бѣлыми* (см. выше, примѣч. 41). «Придоша» *(Несторъ*, стр. 10) «Угры *Бѣли* и наслѣдиша землю Словенску.» Ниже, стр. 11: «идоша Угри *Черніи*» — такъ въ харатейныхъ и другихъ спискахъ, кромѣ *Кенигсберг.*, гдѣ нѣтъ сего прилагательнаго) — «мимо Кыевъ, послѣ же при Ользѣ (Олегѣ).» По Восточному обыкновенію *бѣлое* означало у Славянъ или *великое* или *древнее*: такъ Великая или древняя Хроватія называлась *Бѣлою* (Memor. popul. II, 390); такъ Дунайскіе Болгары въ Игоревомъ договорѣ *(Нест.* стр. 42) именованы *Черными* въ отношеніи къ Великой Болгаріи; такъ Венгрія около X вѣка раздѣлялась на *Бѣлую* и *Черную* (см. Гебгард. Gesch. des R. Hungarn, T. I, стр. 362 и 376 Пестск. изд. 1802). Константинъ Багрянородный пишетъ, что Венгры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедіи, страны Козарской, обитали тамъ три года, и помогали Кагану на войнѣ (въ Бандури T. I, стр. 107). Тунманъ изъясняетъ, что вмѣсто *трехъ* лѣтъ надобно читать 203 года (Gesch. der Oestl. Volk. стр. 106): «ибо Угры съ 680 году находились въ подданствѣ у Kагановъ.» Но сіи изгнанные Печенѣгами Угры могли быть новыми пришельцами. Константинъ говоритъ, что они не имѣли Государя, ни *собственнаго*, ни *чужеземнаго* (principem vel indigenam vel alienigenam habuerunt nunquam): слѣдственно не были дѣйствительными подданными Кагана, хотя и помогали ему на войнѣ, кажется, за то, что онъ дозволилъ имъ обитать въ его владѣніяхъ. — Исторія древнѣйшихъ Угровъ, или Уроговъ, Гунигуровъ, Сарагуровъ и проч. исчезаетъ въ Византійскихъ лѣтописяхъ около VI вѣка. Кажется, что сей народъ, побѣжденный Козарами, смѣшался съ ними.

Спрашивается, откуда пришли Венгры? Несторъ пишетъ: *отъ Востока;* а древнѣйшій Венгерскій Лѣтописецъ говоритъ: *изъ-за Суздаля* (см. ниже). Путешественники XIII вѣка, Іуліанъ, Планъ Карпинъ, Рубруквисъ, нашли въ сосѣдствѣ съ Казанскою Болгаріею, между Ураломъ и Волгою, людей говорящихъ языкомъ Венгерскимъ (см. Берхероновы Voyages en Asie T. I, и Прая Dissert. II in ann. veter. Hung. стр. 36—39). Рубруквисъ именуетъ сію страну Pascatir, т. е. Башкиріею: изъ тѣхъ же, или окрестныхъ мѣстъ, вышли, какъ вѣроятно, въ V вѣкѣ и древнѣйшія Угорскія племена, Унногуры, Гуннагары и проч. (см. выше, примѣч. 41). Башкирцы говорятъ нынѣ языкомъ Татарскимъ: надобно думать, что они приняли его отъ своихъ побѣдителей и забыли собственный въ долговременномъ общежитіи съ Татарами. — Другіе искали древняго отечества Венгровъ или Угровъ за Каменнымъ поясомъ на берегахъ Оби и Сосвы, въ землѣ Югорской (см. выше, примѣч. 73), основываясь во-первыхъ на сходствѣ имени, а во-вторыхъ и на сходствѣ языка Вогуличей и Березовскихъ Остяковъ съ Венгерскимъ (Прая Dissert. II in ann. vet. Hung. стр. 18—34, и Гіармати Affinitas linguæ Hung. cum linguis Fenicæ originis); то есть, полагали Венгровъ единоплеменниками Финновъ. Такъ думали и Россіяне XVI вѣка, по увѣренію Герберштейна (Rer. Moscovit. Comment. 63). Но Константинъ Багрянородный называетъ Венгровъ Турками, и въ языкѣ первыхъ находится весьма много Турецкихъ словъ (см. Прая Dissert. V in an. vet. Hung. стр. 106—108). Имена древнихъ вождей Маджарскихъ суть также неоспоримо Турецкія: Сальмуцъ, Арпадъ, Кузанъ, Карханъ, Салтанъ, и проч. (Memor. popul. III, 590). Самый народный характеръ отличаетъ Венгровъ отъ Финновъ: первые имѣли всегда духъ воинственный, сражались обыкновенно на коняхъ и жили, какъ Половцы и другія Татарскія племена, въ *вежахъ* (Нест. стр. 20) или въ кибиткахъ. Впрочемъ нѣкоторые и Финновъ производятъ отъ Гунновъ и считаютъ единоплеменниками Аваровъ, Печенѣговъ и другихъ Турецкихъ народовъ (см. Прая Dissert. I, стр. 8—14): вѣрю; но Финны утратили свой первобытный Азіатскій характеръ, отдѣлясь отъ нихъ въ глубокой древности; а Маджары сохранили его.

Венгры сами себя называютъ Маджарами или Мадіарами, и въ Восточныхъ лѣтописяхъ извѣстны подъ симъ же именемъ. Но вѣроятно, что общее, древнѣйшее имя сего народа есть Угры, и что Маджарами называлось прежде какое нибудь особенное, сильное племя. Константинъ Багрянородный говоритъ, что Венгры въ IX вѣкѣ раздѣлялись на семь поколѣній, изъ которыхъ одно именовалось Μεγέρη (въ Бандури T. I, стр. 109): кажется, *Маджарами*.

Далѣе Константинъ пишетъ, что въ странѣ Лебедіи, названной такъ по имени знаменитѣйшаго Воеводы Угорскаго, Лебедія, течетъ рѣка Хингилъ: вѣроятно, Ингулъ или Ингулецъ (Memor. popul. III, 608). Область Угровъ не простиралась ли отъ Харьковской Губерніи до пороговъ Днѣпровскихъ и до устья рѣки Ингульца? Оттуда могли они имѣть сообщеніе съ Дунайскими Болгарами, о которомъ упоминаютъ Византійскіе Лѣтописцы между 829 и 842 годами (Memor. popul. III, 614). Тунманъ искалъ Лебедіи въ верховьѣ Ингула, въ бывшемъ Кіевскомъ Воеводствѣ (Gesch. der Oestl. Volk. 142), гдѣ монастырь и лѣсъ донынѣ именуются Лебединскимъ (см. Hist. de la Tauride, par Sestrencewicz, II, 89). — Съ Несторовымъ сказаніемъ, что Угры шли мимо Кіева, согласны и Венгерскія лѣтописи (см. ниже); но когда? Несторъ назначаетъ 898 годъ, *Нотарій Короля Белы* 884, Константинъ 894, или 899. По извѣстіямъ Франкскихъ Лѣтописцевъ (Шлец. Nestor, III, 140), Угры завладѣли Молдавіею въ 894, а по мнѣнію Тунмана (стр. 107) и Гаттерера (Allgem. Weltgesch. стр. 570) еще въ 883.

Въ Кавказской Губерніи, на рѣкѣ Кумѣ, видны остатки и развалины каменныхъ зданій, называемые *Маджарами* (см. Samml. Russ. Gesch. IV, 22, и Бишинг. Hist. Magazin V, 533). Думаютъ, что на семъ мѣстѣ былъ городъ Угровъ, бѣжавшихъ отъ Печенѣговъ на границу Персіи. Имя, кажется, дѣйствительно происходитъ отъ нихъ. Хотя нѣкоторые ученые путешественники утверждали, что славныя развалины Кумскія суть единственно остатки великолѣпнаго Магометанскаго кладбища, принадлежавшаго Моголамъ, которые съ XIII вѣка господствовали между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ (см. Гильденштет. Reisen durch Rußland, II, 27, и Палласовъ Voyage dans les gouvern. merid. de l'emp. de Russie I, 264); однакожъ о *городѣ Маджарахъ* именно упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ XIV вѣка. — Палласъ говоритъ еще о *Маджарскомъ* соляномъ озерѣ, близъ Кумы, и другихъ развалинахъ, извѣстныхъ Черкесамъ подъ именемъ *Маджаръ-Юпа* или *домовъ Маджарскихъ*.

Шлецеръ хочетъ доказывать, что мѣсто Угорское близъ Кіева названо такъ отъ своего положенія *у горы;* но самая гора называлась симъ именемъ. Несторъ говоритъ: «Приплы *подъ* Угорское . . . Несоша на гору, еже нынѣ зовется Угорское» (Нест. стр. 18 и 19).



209

Безъименный Венгерскій Лѣтописецъ, такъ называемый Нотарій Короля Белы, писавшій не ранѣе XIII вѣка, разсказываетъ слѣдующую *сказку:* «Угры подъ начальствомъ Воеводы Альма, *родственника славнаго Аттилы,* въ 884 году тронулись изъ Скиѳіи, гдѣ знатные люди и пастухи носятъ собольи шубы, гдѣ въ рѣкахъ блистаютъ драгоцѣнные камни, гдѣ золота и серебра множество; вошли въ *Суздаль*, и въ окрестностяхъ Кіева переправились чрезъ Днѣпръ. Тамъ вздумали они завладѣть Россіею. Ея Герцоги или Воеводы (duces), узнавъ о семъ намѣреніи, призвали къ себѣ на помощь семь Куманскихъ (Половецкихъ) Воеводъ; но *Духъ Святый* былъ союзникомъ Альма. Сей Герой сѣлъ на коня и сказалъ воинамъ: *о Скиѳы, товарищи! вы, долженствующіе оружіемъ пріобрѣсти себѣ отечество! испугаетесь ли множества Россіянъ и Кумановъ, подобныхъ нашимъ псамъ, которые боятся голоса своихъ господъ? Не число, но великодушіе побѣждаетъ. Развѣ не знаете, что одинъ левъ, по словамъ нѣкотораго Философа, обращаетъ въ бѣгство многихъ еленей? Не погибъ ли Киръ съ 330,000 воиновъ въ Скиѳіи? Не бѣжалъ ли отъ нашихъ предковъ Дарій, потерявъ 800,000 человѣкъ, и самъ Александръ, сынъ Короля Филиппа и Королевы Олимпіады? И такъ поразимъ сихъ непріятелей какъ мухъ!* Угры, затрубивъ въ воинскія трубы, на голову побили Русскихъ, и мечами своими сѣкли головы Половецкія какъ сырыя тыквы (crudas cucurbitas). Видя сіе геройство, Воеводы Русскіе согласились давать Альму ежегодно по 10,000 марокъ, и сверхъ того съѣстный запасъ, одежду и другія надобности, прося его, чтобы онъ шелъ чрезъ Галицію за лѣсъ *Говосъ*, въ Паннонію, гдѣ нѣкогда царствовалъ его предокъ Аттила; гдѣ много рѣкъ изобильныхъ рыбою, и гдѣ живутъ Славяне, Болгары, Влахи, Римскіе пастыри. Альмъ согласился: тогда Воеводы, Кіевскій и Суздальскій, прислали ему аманатовъ, 10,000 марокъ, 1000 лошадей съ нарядными уздами и сѣдлами, 100 мальчиковъ Куманскихъ, 40 вельблюдовъ, и проч. Воеводы Куманскіе, видя милость Альмову, упали къ ногамъ его и сказали: *отнынѣ будь Государемъ нашимъ, и куда судьба поведетъ тебя, туда и мы съ тобою!* Съ обѣихъ сторонъ, Угры и Куманы, дали другъ другу присягу въ вѣрности и вмѣстѣ отправились въ Паннонію; а съ ними и многіе Русскіе, которые донынѣ живутъ въ разныхъ мѣстахъ Венгріи. Жители Кіевскіе повели ихъ къ городу Лодомиру или *Владиміру*. Тамошній Воевода съ дарами встрѣтилъ Альма, который пробылъ въ семъ мѣстѣ 3 недѣли. Воевода Владимірскій далъ ему аманатовъ, 2000 марокъ серебра, 100 марокъ золота, 300 коней съ уздами и сѣдлами, 25 вельблюдовъ, 1000 воловъ и проч. Въ четвертую недѣлю пришелъ Герцогъ Альмъ въ Галицію и захотѣлъ отдохнуть. Галицкій Воевода со всѣми своими вышелъ босой на встрѣчу къ нему, принялъ его какъ Государя, далъ ему аманатовъ, 100 лучшихъ Арабскихъ и 300 другихъ коней, 3000 марокъ серебра, 200 марокъ золота, для него и для всѣхъ воиновъ; но чрезъ мѣсяцъ просилъ его итти на Западъ, въ Паннонію, гдѣ царствовалъ нѣкогда Аттила, и проч. Альмъ согласился, и Воевода Галицкій далъ ему 2000 стрѣльцовъ и 3000 крестьянъ, чтобы проложить дорогу чрезъ лѣсъ *Говосъ* до границъ Венгріи,» и проч. (Anonymi Belæ Regis Notarii Historia Hungarica, въ *Швандтнеровомъ собраніи Венгерскихъ Историковъ* Т. I, стр. 3—10). Сказка недостойная имени лѣтописи! Такъ думали всѣ хорошіе Историки — Прай, Туманъ, Гаттереръ, Гебгарди. Шлецеръ убѣдительнѣе другихъ представилъ ея нелѣпость (см. его Nestor, Ч. III, стр. 132). Нотарій Короля Белы, видя въ свое время Россіянъ и Комановъ между Венгерцами, думалъ сею баснею изъяснить, какимъ образомъ они зашли въ его отечество. Но Половцевъ не было тамъ до 1070 году (см. Гебгард. Gesch. des Reichs Hungarn и Шлец. Nestor, Ч. III, стр. 137). Въ Россіи также не знали ихъ при Олегѣ. Волынскій городъ Владиміръ построенъ уже Великимъ Княземъ Владиміромъ. Такіе анахронизмы доказываютъ невѣжество Венгерскаго Лѣтописца. Нотарій, по вѣроятному мнѣнію Шлецера, хотѣлъ оправдать властолюбивые замыслы Венгерцевъ, которые въ его время старались присвоить себѣ Галичь и Владиміръ: для того онъ выдумалъ, что сіи области были нѣкогда въ подданствѣ у Герцога Альма. — Россіяне, живущіе въ разныхъ округахъ или Графствахъ Венгріи, на лѣвой сторонѣ Дуная, поселились тамъ безъ сомнѣнія въ древнія времена, но только уже Христіанами (не ранѣе XI или XII вѣка): ибо они всѣ были Греческаго Исповѣданія, слѣдственно не въ Католической Венгріи приняли Христіанскую Вѣру. Хотя Византійскіе Лѣтописцы, Іоаннъ Скилицисъ, Кедринъ, Зонара, говорятъ о двухъ Венгерскихъ Князьяхъ, Булосудѣ (Бульцѣ) и Гилѣ, которые въ X вѣкѣ крестились въ Царѣградѣ и взяли съ собою монаха Іероѳея, названнаго первымъ Епископомъ народа ихъ (Memor. popul. Т. III, стр. 620); но сей случай не имѣлъ важныхъ слѣдствій, и Христіанство утверждено въ Венгріи только при Гейзѣ, Римскими, а не Греческими Миссіонаріями (Гебгарди Gesch. des Reichs Hungarn, Т. I, стр. 361). — Жестокія утѣсненія заставили наконецъ бѣдныхъ Венгерскихъ Россіянъ пристать къ Уніи. Одинъ изъ нихъ, Г. Орлай, Штабъ-Лекарь Двора нашего, говоритъ въ сочиненіи своемъ о *Карпато-Россахъ:* «мы лишились отечества, Закона прародительскаго и свободы!» Число ихъ, по извѣстію Г. Орлая, простирается до 800,000. Они говорятъ и пишутъ совершенно Русскимъ нарѣчіемъ. Въ примѣръ сообщаю одно изъ ихъ новѣйшихъ стихотвореній:

Русскія Музы! съ Карпатскихъ снидите горъ,
До Уга; во мой ставтеся Владычій дворъ.
Внушите: отъ Песта вѣсть радостну пріяхъ,
Что праздникъ строится на Дунайскихъ струяхъ.
Францішкъ, Графъ Сечени, Угорскій Аполло,
Его же имя во Европѣ процвѣло,
Венгерскія библіоѳеки создатель,
Здѣшнихъ народовъ Музамъ истый пріятель,
На день Обручнику Іосифу святый,
Князю Палатіну тезоименитый,
Готовитъ пиръ и изрядное торжество,
Сообщай себѣ въ томъ все отечество.
Для того подданнымъ Музамъ разгласилъ Соборъ,
Да сберутся на Парнасъ, то есть, его дворъ.
Той Царевичу представитъ оныхъ лики,
Игры, привѣты и веселы мусики.
Въ храмъ Славы показуетъ Музамъ дорогу,
Аможе съ вами тщуся, колико могу.
Сихъ ради и вы, моя дщеры любезны!
Кончайте скорьбь, и ліять потоки слезны.
Невску престаньте Нимфу плакати (*):
Дастъ Небо ей во сестрѣ равной востати.
Прочь слезы, и черны ризы! мракъ отходитъ;
Вновь солнце восходяй, новъ свѣтъ намъ вово-
дитъ...
Вѣмъ: Палласъ при Невѣ престолъ положи-
ла — ...
Карпатъ Славяновъ есть истый отецъ, мати;
Но разсѣянны дѣти то не ищутъ знати.

(*) Великую Княгиню Александру Павловну.

Буди тако: вы отъ Перемесскихъ токовъ
Далеко: да живетъ тамо Сумароковъ!
Любовь, вѣрность, кротость, простота природна,
Паче правилныхъ риѳмовъ Княземъ угодна —
и проч.

Несторъ пишетъ далѣе, что Угры шли чрезъ горы названныя послѣ *Угорскими:* то есть, Карпатскія.

(303) По *Троицк.* списку, отъ 885 до 906 года. Сію пустоту наполняетъ Несторъ извлеченіемъ изъ Византійскихъ лѣтописей о царствованіи Льва и Александра (которое ни мало не касается до нашей Исторіи), сказаніемъ объ Уграхъ, Славянскихъ буквахъ, переводѣ церковныхъ книгъ, Апостолѣ Павлѣ и Андроникѣ, мнимыхъ учителяхъ Славянскаго народа, и наконецъ о бракѣ Игоревѣ: «Игореви же взрастшу, и хожаше по Ользѣ и слушаше его.» Другими словами: «онъ не имѣлъ никакой власти при Олегѣ!»

Городъ Псковъ обыкновенно именуется Плесковымъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ: слѣдственно онъ уже существовалъ тогда по словамъ Нестора, вопреки баснословію *Степенной Книги*, говорящей (стр. 30), что на его мѣстѣ, при Ольгѣ, былъ великій *лѣсъ со многими дубравами*, и что она, увидѣвъ тамъ *чудесное сіяніе*, предсказала бытіе Пскова. Татищевъ дополнилъ сіе извѣстіе, сказавъ, что Ольга, возвратясь въ Кіевъ, послала множество серебра и золота въ Изборскую область на строеніе новаго города (его *Ист.* Т. II, стр. 41). Елагинъ, вѣря ему болѣе нежели древнему Лѣтописцу, удивляется заблужденію великаго Историка Ломоносова и невѣжеству Миллера, которые говорятъ, что Псковъ уже былъ въ 903 и 947 году! — Рукописное *Житіе Св. Ольги,* которое я нашелъ въ Троицкой библіотекѣ, сочинено не ранѣе XVI вѣка: такъ думаю по новому слогу его. Слѣдственно оно не можетъ имѣть никакой исторической достовѣрности въ происшествіяхъ древнихъ.

Въ *Житіи Ольги* и въ *Степен. Книгѣ* сія дѣвица сельская говоритъ весьма умную рѣчь *нескромному* Игорю: напоминаетъ ему обязанности Государей; увѣряетъ его, что она во глубинѣ рѣки спасетъ свою невинность, и проч. и проч. См. также Минею.

(304) Memor. popul. II, 972 и 1035.

(305) Несторъ именуетъ здѣсь и Вятичей, но, кажется, ошибкою: ибо самъ говоритъ послѣ, что до временъ Святославовыхъ они не признавали надъ собою господства Князей Россійскихъ. Олегъ, по *Троиц.* списку, ходилъ къ Царюграду въ 906 (а не 907 году): «въ лѣто 6914 иде Олегъ,» и проч.

(306) Днѣпровскіе пороги, говоритъ Г. Зуевъ, суть не что иное, какъ быстрое стремленіе воды по камнямъ большимъ и малымъ, которые лежатъ въ рѣкѣ и мѣшаютъ судоходству. Они простираются на 65 верстъ. Главныхъ считается 13 (см. *Записки В. Зуева* стр. 253). Правительство давно уже старается очистить безопасный путь для судовъ сквозь сіи пороги.

(307) Константинъ, говоря о своемъ времени, именуетъ Печенѣговъ; но Лѣтописецъ нашъ еще не упоминаетъ объ нихъ при Олегѣ. Впрочемъ они, по Византійскимъ и другимъ извѣстіямъ, могли уже быть тогда въ Екатеринославской Губерніи (см. ниже). Достойно замѣчанія, что имя главнаго порога, *Ненасытскаго* (см. *Записки Г. Зуева*), отъ временъ Константиновыхъ сохранилось донынѣ: Императоръ называетъ его Νεασητ, ибо тамъ на высокихъ камняхъ гнѣздились *неясыти*. Россіяне находили способъ проводить суда чрезъ другіе пороги, но въ семъ мѣстѣ обыкновенно влекли ихъ берегомъ (Memor. popul. II, 982).

(308) Гиббонъ такъ описываетъ характеръ сего Императора: «Леонъ удостоился имени Философа. Соединеніе власти съ мудростію, тонкаго умозрѣнія съ полезною дѣятельностію, можно назвать совершенствомъ человѣка; но Леонъ былъ весьма далекъ отъ сего воображаемаго превосходства. Разумъ господствовалъ ли въ немъ надъ страстями? Леонъ провелъ жизнь свою въ роскоши Двора, въ обществѣ женъ и наложницъ. Милосердіе и миролюбіе его было дѣйствіемъ слабости и характера безпечнаго. Побѣдилъ ли онъ предразсудки свои и народные? душа его омрачалась самымъ ничтожнымъ суевѣріемъ. Законы его утвердили излишнюю власть Духовенства и заблужденіе народа: его пророчества о судьбѣ Имперіи основаны на Астрологіи и мнимомъ волшебствѣ. Но Леонъ названъ мудрымъ, для того, что былъ воспитанъ ученымъ Фотіемъ; что многія книги имъ или подъ его именемъ написаны, и что онъ жилъ во времена общаго невѣжества» (Decline and fall of the Roman Empire T. VIII, гл. XLVIII).

Несторъ пишетъ: «замкнули (Греки) *Судъ.*» Въ разныхъ новѣйшихъ спискахъ его прибавлено: «цѣпію, веригами.» Русскіе Историки толковали, что онъ подъ именемъ Суда разумѣетъ Воспоръ, или каналъ соединяющій Черное море съ Бѣлымъ или съ Пропонтидою; но Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что въ случаѣ опасности Греки преграждали цѣпію не каналъ, а только гавань или заливъ его, называемый Рогомъ, Κέρας, Sinus Ceraticus (Дю-Канж. Constantinopolis Christiana, глав. VI Catena, стр. 9—10). Въ 707 году сія цѣпь спасла Царьградъ отъ Аравитянъ, а въ 822 отъ мятежника Ѳомы; но не могла спасти его въ XIII вѣкѣ отъ Крестовыхъ воиновъ, ни въ XV отъ Турковъ. Она была проведена отъ Акрополя до Галатской башни, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сей заливъ несравненно уже Воспора (см. планъ древняго Константинополя въ Бандури, Т. II, и въ Шевалье Voyage de la Propontide T. I). Шлецеръ предлагаетъ другое изъясненіе: онъ думаетъ, что Несторовъ *Судъ* есть окопъ, или Византійское слово Σοῦδα, которое значитъ *ровъ* обнесенный тыномъ: fossa, seu potius vallum vel sudes (тынъ), quibus vallum ipsum et castra muniuntur (см. его Nestor, Ч. III, стр. 258 и слѣд.); но сіе изъясненіе явно несправедливо. Лѣтописецъ четыре раза говоритъ о *Судѣ*. 1) Аскольдъ и Диръ вошли со флотомъ *внутрь Суду (Несторъ* стр. 17); 2) Греки замкнули *Судъ* отъ флота Олегова; 3) Игорь пожегъ весь *Судъ* (стр. 4), не *Суды*, какъ сказано въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ спискахъ; 4) Ольга, прибывъ въ Царьградъ на кораблѣ, долго стояла въ *Судѣ* (стр. 54). Какимъ же образомъ флотъ Аскольда и Дира вошелъ *внутрь окопа?* какъ *замкнуть окопъ*, и какъ Ольга могла въѣхать въ него съ кораблемъ своимъ? Но разумѣя подъ именемъ *Суда* гавань, все находимъ яснымъ. Такъ и древній *Новогород. Лѣт.*, напечатанный въ Москвѣ, говоритъ (стр. 66), что Франки, овладѣвшіе въ 1204 году Константинополемъ, вошли сперва въ *Судъ, разбивъ* желѣзные замки его: мы знаемъ, что они вошли въ гавань Цареградскую, разбивъ цѣпь, которою онъ былъ замкнутъ (Constant. Christiana, гл. V). *Судъ* древнее ли Русское имя, означавшее *судовую* пристань? или Византійское Σοῦδα, которое, можетъ быть, употреблялось и въ смыслѣ укрѣпленной гавани? или Германское Sund, какъ Варяги могли назвать заливъ Воспора (см. Круга Byz. Chron. 197)? Послѣднее кажется вѣроятнѣе.

(309) Магометъ велѣлъ тащить, отъ деревни Бешикташа до Галаты, 80 галеръ по сосновымъ *насаленнымъ* доскамъ, въ то мѣсто гавани, которое называется нынѣ Кассимъ-Паша (см. *Кантемир. Исторію Оттом. Порты*, кн. III, и Риттерово

*описаніе Константинопол. осады*, въ Нѣмец. Allgem. Gesch). Турецкіе сказочники также говорятъ, что парусы сихъ галеръ развѣвались на сухомъ пути. — Въ нѣкоторыхъ Русскихъ историческихъ повѣстяхъ прибавлено слѣдующее забавное обстоятельство: «сотвори (Олегъ) кони и люди бумажны вооружены и позлащены, и пусти на воздухъ на градъ; видѣвъ же Греци и убояшася» *(Др. Рос. Вивліов.* XVI, 54).

Несторъ утверждаетъ, что Греки дѣйствительно хотѣли отравить Россіянъ, и удивленные догадкою Князя, сказали: «нѣсть се Олегъ, но Св. Димитрій, посланъ отъ Бога на ны.» Димитрій Солунскій былъ храбрый воинъ.

Въ лѣтописи сказано, что Олегъ требовалъ съ Грековъ «по 12 гривенъ на человѣкъ.» Г. Болтинъ хотѣлъ доказать, что здѣсь слово *человѣкъ* есть винительный падежъ множественнаго числа, и что Олегъ взялъ 12 гривенъ на людей, бывшихъ въ каждой лодкѣ: «ибо Лѣтописецъ сказалъ бы въ единственномъ: *на человѣка*.» Г. Болтинъ не замѣтилъ, что Несторъ и во многихъ другихъ случаяхъ не различаетъ падежей именительнаго и винительнаго; на примѣръ Ольга, по всѣмъ древнимъ спискамъ, говоритъ Древлянамъ: «пойду за *Князь* вашъ, а не *Князя*. Ежели бы Олегъ требовалъ дани на суда, то Лѣтописецъ не имѣлъ бы нужды означать въ семъ мѣстѣ число людей; но онъ тотчасъ прибавляетъ: *а въ корабль* 40 *мужъ*, чтобы исчислить сумму.

Въ *Троицк.*: «дабы не воевалъ (Олегъ) гражанъ по пристанищемъ.» Къ сожалѣнію, въ *Пушкин.* харатейномъ спискѣ нѣтъ 12 листовъ, и я долженъ былъ отъ 898 году до 929 руководствоваться однимъ *Троицкимъ*, сравнивая его съ *Ипатьев.*, *Хлѣбников.* и съ другими новѣйшими.

(310) Въ подлинникѣ: «12 гривенъ на *ключь*.» Татищевъ, желая умѣрить дань, сказалъ, что *ключь* есть лодка; но чѣмъ же можно утвердить истину сего толкованія? Въ какой старинной Русской книгѣ, въ какомъ Славянскомъ нарѣчіи слово *ключь* знаменуетъ лодку? (Поляки называютъ *ключемъ* нѣсколько деревень составляющихъ одно владѣніе: eine Herrschaft, eine Reihe von Landgütern, сказано въ Лексиконѣ Г. Линде. Другіе толкуютъ, что *ключь* есть *весло*: ибо мы называемъ *уключиною* на лодкѣ столбикъ съ петлею или два столбика, между коими ходитъ гребное весло.)

Несторъ уже означилъ выше Олегово требованіе (см. выше, примѣч. 309) и сказалъ, что Греки *согласились* на оное: «и яшася Греци по се.» Слѣдственно они дали по 12 гривенъ на воина, и слово *ключь* употреблено здѣсь въ смыслѣ *человѣка*. Всякой языкъ имѣетъ нѣкоторыя особенныя выраженія, въ коихъ принадлежность вещи берется за самую вещь. Такъ Несторъ пишетъ: «по бѣлѣй вѣверицѣ *отъ дыма*,» вмѣсто *съ дома*, и: «по шлягу *отъ рала*, вмѣсто *земледѣльца* (въ печатн. стр. 16 и 56). Можно думать, что каждый Славянинъ, запирая драгоцѣннѣйшую собственность, обыкновенно ходилъ съ ключемъ, привязаннымъ къ поясу (что дѣлаютъ и нынѣ Русскіе крестьяне и простолюдины); отъ того стали говорить: *на ключь*, вмѣсто: *на человѣка*. Въ семъ же смыслѣ сказано въ *Арханг. Лѣт.* (стр. 43), что Новогородцы дали Варягамъ по гривнѣ *на щитъ*, вмѣсто *на воина*. Прибавимъ также, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ именно сказано: «нача (Олегъ) дань имати на 2000 кораблей, *на человѣка* по 12 гривенъ» (см. *Московск. Лѣтоп.* л. 139, въ Синодальн. Библіот. No. 52).

Чтобы судить о вѣроятности означенной дани, надобно имѣть понятіе 1) вообще о суммахъ, какія Норманы или наши Варяги брали въ IX и X вѣкѣ съ народовъ, ими побѣждаемыхъ, и 2) о тогдашнемъ богатствѣ Грековъ. Въ 810 году Норманы пришли на 200 корабляхъ въ Фрисландію и взяли съ жителей 100 фунтовъ серебра (Annales Fuldenses, въ Дюшенѣ Т. II, стр. 541). Городъ Парижъ заплатилъ имъ въ 845 году 7000 Фунтовъ серебра (Т. III, стр. 201). Карлъ *Плѣшивый*, заключивъ миръ съ Норманами, далъ имъ въ 866 году 4000 Фунтовъ серебра (Дюшен. Т. III, стр. 225). Въ 884 году они требовали съ Карломана, 12,000 Фунтовъ чистаго, пробнаго серебра (XII millia pondera argenti puri atque probati), обязываясь 12 лѣтъ не тревожить набѣгами областей его (Annales Metenses, Т. III, стр. 320). Сіи мѣста лѣтописей приведены Г. Кругомъ въ его сочиненіи Münzkunde Russlands, стр. 166—173. Что принадлежитъ до Грековъ, то они въ X вѣкѣ были конечно самымъ богатѣйшимъ народомъ Европы. На примѣръ: въ 902 году жалованье войска ихъ, отправленнаго въ Критъ, составляло 271,010 *солидовъ* или червонцевъ. Императоры ежегодно дарили въ церковь Св. Софіи 120 литръ золота. Кто хотѣлъ войти въ число Императорскихъ тѣлохранителей, тотъ вносилъ въ казну 504 *солида* (см. Констант. de Cerim. стр. 378, 20, 21, 107, 400; въ сочин. Г. Круга Münzk. Russl. стр. 177, 185). Въ Константинополѣ безъ сомнѣнія можно было собрать нѣсколько милліоновъ рублей (о цѣнѣ гривны въ древней ходячей Россійской монетѣ см. ниже, примѣч. 527). Однакожь вѣроятнѣе, что Несторъ увеличилъ взятую дань или число Олеговыхъ воиновъ. Россіяне, въ 1043 году приступивъ къ Константинополю, требовали съ Грековъ по три фунта золота на каждаго изъ своихъ ратниковъ; но Императоръ отвергнулъ сіе требованіе какъ нелѣпое (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 37).

*Укладами* называлась дань или налоги. — Здѣсь упоминается о Переяславлѣ: слѣдственно сей городъ (на рѣкѣ Трубежѣ, въ 60 верстахъ отъ Кіева; ибо мы не знаемъ инаго въ древней Россіи) былъ уже въ Олегово время? Полтескъ есть Полоцкъ. — Въ *Кенигсберг.* спискѣ сказано ниже: «*Великіе* Князи;» въ другихъ просто: «Князи,» подданные Олеговы.

(311) Въ *Кенигсберг.* и другихъ спискахъ: «да приходяще Русь, слюбное емлють, елико хотяче.» Въ *Никонов.*: «*сгьдное*;» въ печатномъ Несторѣ также; въ *Троицк.*: «дань емлють, елико хотяче.» Истинное Несторово слово есть *сольбное*, которое употреблено въ договорѣ Игоря съ Греками (см. ниже) по харатейнымъ спискамъ, въ такой же связи, какъ и здѣсь. *Сольба* значитъ посольство; а *сольбнымъ* называлось то, что давалось чужестраннымъ посламъ на содержаніе. Писецъ въ *Троицк.* спискѣ хотѣлъ изъяснить сіе значеніе словомъ *дань*, котораго древній смыслъ есть *даръ*. — Несторъ именуетъ здѣсь Русью пословъ, отличая ихъ отъ купцевъ Русскихъ. Трактатъ Игоревъ объясняетъ темное въ Олеговыхъ условіяхъ.

Въ Константинополѣ жалованье войску, церковнымъ служителямъ и хлѣбъ изъ казенныхъ магазиновъ выдавались обыкновенно *по-мѣсячно* (см. Дюканж. Glossar. въ словахъ Μηναια, Μηναιορογιον). Греки обязывались только 6 мѣсяцевъ содержать всякаго купца Русскаго: иначе сіи гости долговременнымъ пребываніемъ своимъ въ Царѣградѣ могли бы обременить ихъ.

(312) Въ *Троицк.*: «да творятъ имъ *мовницы* (въ Кенигсберг. *мовь*) елико хотять.» *Мовницею* и *мовью* называлась баня. Такъ въ *Пушкин.* и *Троицк.* сказано, что Ольга для пословъ Древлянскихъ (см. ниже) велѣла *сотворить мовь*, т. е. изготовить баню. Издатель Кенигсберг. списка, вспомнивъ Польское слово Mowa *(рѣчь)*, изъяс-

няетъ, что выраженіе: «да творять *имъ* мовь, елико хотять,» знаменуетъ: *да объявять имъ!* Константинополь славился народными банями (Constantinopolis Christiana, гл. XXVII, стр. 88). Дю-Канжъ описываетъ ихъ двадцать четыре; такъ называемыя *Зевксипповы* были украшены мраморомъ и статуями великихъ Поэтовъ, Ораторовъ, воиновъ; въ нѣкоторыхъ баняхъ мылись и женщины и мужчины (Balneum duplex, въ Constant. Christ. стр. 94).

(313) Между городскими стѣнами и Воспоромъ. Тамъ была церковь и монастырь Св. Мамы, дворецъ, портикъ и гавань (Бандури Imperium Orientale T. II, стр. 719, и Дю-Канж. Constant. Christiana, кн. IV, стр. 185). Французы, овладѣвъ Константинополемъ въ 1204 году, увезли голову Св. Мамы, которая хранилась въ тамошней церкви. Далѣе въ лѣтописи: «возьмуть мѣсячное свое, *первое* отъ града Кыева, и *пакы* изъ Чернигова, изъ Переяславля, и прочіи грады.» Шлецеръ не находитъ тутъ смысла: Болтинъ, въ примѣчаніяхъ на Исторію Щербатова, говоритъ, что сіи слова ошибкою перенесены изъ одной статьи въ другую; но они и въ Игоревомъ договорѣ стоятъ въ такой же связи. Ошибки нѣтъ, и смыслъ ясенъ: сочинитель договора означаетъ, изъ *какихъ* городовъ Россіяне пріѣзжали въ Константинополь: 1) Кіевляне, 2) Черниговцы — и проч. Слова: *первое* и *паки* (вмѣсто: *во-первыхъ* и *во-вторыхъ*) относятся здѣсь единственно къ порядку, въ которомъ наименованы жители сихъ городовъ.

(314) Несторъ говоритъ о двухъ Царяхъ Греческихъ: Львѣ и братѣ его Александрѣ, который дѣйствительно имѣлъ титулъ Царя (см. ниже, примѣч. 317), хотя Левъ по смерть свою одинъ управлялъ Имперіею (см. *Гиббона* T. VIII, гл. 48, стр. 365. Базельск. изданія). Политика могла заставить Олега чтить боговъ и Вѣру главнаго народа въ государствѣ своемъ.

(315) Стриковскій (см. въ его Хроникѣ гл. III) видѣлъ на Галатскихъ воротахъ, противъ Константинополя, изображеніе всадника, бывшаго Московскимъ гербомъ, и думалъ, что сей всадникъ списанъ тамъ съ древняго щита Олегова! Князь *могъ* повѣсить щитъ свой на Цареградскихъ воротахъ, но Греки не захотѣли бы долго имъ любоваться; и Св. Георгій не былъ конечно гербомъ Олеговымъ. Въ другомъ мѣстѣ Стриковскій пишетъ, что подъ симъ гербомъ находилась Греческая надпись, и что содержаніемъ ея были славныя дѣла Владиміра Святаго, зятя Греческихъ Императоровъ. — Норманскіе храбрецы выставляли иногда щиты свои на городскихъ воротахъ въ знакъ мира: чѣмъ Ютландскіе Короли, Готфридъ и Сигфридъ, въ 882 году обманули воиновъ Императора Карла *Тучнаго*, заманивъ ихъ безоружныхъ въ крѣпость свою и взявъ въ полонъ (см. Fortsetzung der Allgem. Weltgesch. Ч. XXXII, стр. 395).

Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ на возвратный путь велѣлъ сшить Русскимъ *прѣ паволочиты*, парусы изъ шелковой ткани, а Славянамъ *кропиные* или *полотняные* (ибо изъ кропивы дѣлается особенный родъ полотна); но что вѣтеръ разодралъ ихъ, и Славяне сказали: «намъ не даны такіе парусы; возмемся опять за свои *толстины*,» или холстинные. Несторъ повѣрилъ сказкѣ. Такъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, желая изобразить богатство добычи его въ землѣ непріятельской, сочинитель говоритъ, что Русскіе *мостили мосты на болотахъ* Половецкими узорочьями (стр. 11). — Древнее слово *прѣ* или *пря* (такъ въ нѣкоторыхъ спискахъ) имѣетъ связь съ глаголомъ *пряду*.

Въ *Троицк.* спискѣ: «и пріиде Олегъ въ Кыеву, неся злато и паволоки, овощи и вина, и всякыя узорочья, и прозваша Ольга *вѣщій;* бяху бо людье погани и *невѣголоси*» — то есть *невѣжды* (см. *Стоглав.* вопросъ 16, гл. 41).

(316) Левъ Грамматикъ, Симеонъ Логоѳета, Продолжатель Константиновъ, Георгій Монахъ, Кедринъ, Зонара — самые тѣ, которые повѣствуютъ о нападеніи Россіянъ въ 866 и 941 году. Но слѣдуетъ ли заключить, что происшествіе, ими не описанное, должно быть выдумкою? Нѣтъ: 1) вообще отъ 813 до 959 года Византійская Исторія, по замѣчанію Баера, весьма неполна (см. Шлецер. Nestor Ч. I, стр. 13); 2) не всѣ лѣтописцы Византійскіе дошли до насъ: 3) чего нѣтъ въ извѣстныхъ намъ, могло быть въ утраченныхъ, ибо мы видимъ, что многіе изъ нихъ говорятъ о случаяхъ, о которыхъ молчатъ другіе, описывая то же время; 4) Скилицій, Кедринъ, Зонара, называютъ Св. Владиміра зятемъ Василія и Константина, но не пишутъ ни слова, когда и какъ Россійскій Князь женился на Аннѣ: слѣдственно *не всѣ* важные случаи описаны Византійскими Историками.

Всѣ народы въ юности своей, не зная письменъ, любили историческія пѣсни и сказки, подобныя Исландскимъ Сагамъ: *Слово о полку Игоревѣ* даетъ намъ понятіе о нашихъ древнихъ сказкахъ. Несторъ могъ заимствовать изъ нихъ нѣкоторыя обстоятельства: на примѣръ, число кораблей Олеговыхъ, *сопровождаемыхъ конницею;* его *сухопутное плаваніе;* непомѣрную дань, будто бы взятую имъ съ Грековъ; щитъ повѣшенный на воротахъ Константинопольскихъ, и *паволоки вмѣсто парусовъ*. Истина служитъ основаніемъ для исторической Поэзіи; но Поэзія не Исторія: первая болѣе всего хочетъ возбуждать любопытство, и для того мѣшаетъ быль съ небылицею; вторая отвергаетъ самые остроумные вымыслы и хочетъ только истины.

Описавъ походъ Олеговъ, Несторъ говоритъ: «въ лѣто 6415—6418 явися звѣзда велика на Западѣ *копіинымъ* образомъ.» О сей Кометѣ упоминаютъ разныя, Византійскія и Франкскія лѣтописи; въ послѣднихъ именно сказано, что она имѣла образъ длиннаго *копья*. Только Несторъ ошибся годами: Комета являлась въ 905 году по Р. Х. (см. Cométographie I, 352).

(317) Самыя первыя условія Олеговы съ Греками описаны имъ, кажется, по словесному преданію о выгодѣ ихъ для Россіянъ и по соображенію съ новѣйшими договорами: они предложены кратко и не имѣютъ точности, соблюденной въ договорахъ 911 и 945 года. Лѣтосчисленіе въ *Троицк.* спискѣ отстаетъ здѣсь годомъ противъ иныхъ, такъ же, какъ и въ извѣстіи о походѣ Олеговомъ къ Царюграду (см. ниже, примѣч. 325). Въ концѣ самаго договора, по *Троицкому* же списку, стоитъ: «мѣсяца Сент. въ 2 Недѣлю, *пятоенадесять* лѣто созданье міра.» *Пятоенадесять* лѣто означаетъ 15 Индиктъ: слѣдственно договоръ заключенъ, по нынѣшнему лѣтосчисленію, въ Сентябрѣ 911 года, за 8 мѣсяцевъ до кончины Императора Льва, умершаго въ 912 году, Маія 11, по точнымъ словамъ Константинова Продолжателя: Maii 11, die 3, indictione 15 diem obiit Leo. Здѣсь ошибка единственно во дни недѣли: 11 Маія было въ семъ году не Вторникомъ, а Понедѣльникомъ. Императоръ Александръ умеръ въ 913 году, Іюня 6, въ Воскресенье, чрезъ годъ и нѣсколько дней послѣ брата. Напрасно Паджи, вопреки современному Лѣтописцу, относитъ кончину Льва въ XIV Индикту (см. Круга Chronologie der Byzantier стр. 81-93).

Шлецеръ (см. его Nest. IV, 10, 11) въ опроверженіе Олегова трактата говоритъ, что «въ немъ именованы Царями Греческими Левъ, *Александръ*

и *Константинъ:* Левъ же не имѣлъ соправителя, и Константинъ восшелъ на престолъ уже въ 912 году.» Но Кедринъ пишетъ, что Императоръ Левъ еще задолго до смерти своей короновалъ сего младенца. По Русскому переводу (Т. II, л. 91): «Императоръ сына своего, Константина, увѣнчалъ рукою Евфимія Патріарха.» Что касается до Александра, то онъ и при жизни Льва назывался Царемъ. Левъ Грамматикъ, въ описаніи Львова государствованія (гл. V), сказываетъ, что крестнымъ отцемъ Зоина сына, Константина (въ 905 году), былъ *Царь Александръ.*

(318) Между сими новыми послами именованы и тѣ, которые заключили прежнія условія съ Греками. Въ разсужденіи именъ слѣдую *Троицкому* списку, какъ древнѣйшему; но многія и въ немъ безъ сомнѣнія испорчены. Всѣ они раздѣлены точками въ подлинникѣ.

(319) *Отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его:* древнее Русское, сильное выраженіе.

Ниже въ *Троицк.:* «многажды право судихомъ (о мирѣ), но точію православесно» — въ другихъ *простословесно:* изъ чего должно, кажется, заключить, что прежнія условія не были письменныя.

(320) Ни слова объ Игорѣ: доказательство, что онъ при Олегѣ не имѣлъ власти.

Подлинный договоръ во многихъ мѣстахъ невразумителенъ отъ того, что писецъ (можетъ быть, еще прежде Нестора) внесъ оглавленіе статей въ ихъ содержаніе. На примѣръ: «иже ся ключить проказъ, *да елико явѣ будеть показаньи явленными,* да имѣютъ о таковомъ явленьи (свидѣтельства). *А ему же начнуть не яти вѣры,* да не клянется часть та, иже ищеть.» Здѣсь означенныя косыми буквами слова кажутся мнѣ оглавленіемъ. Для чего вѣрили въ судѣ, за недостаткомъ свидѣтелей, присягѣ отвѣтчика, а не истца? угадать не трудно. Законодатель полагаетъ, что и тотъ и другой могутъ быть безсовѣстны: вѣря ложной клятвѣ перваго, судья только *оправдываетъ виновнаго;* но принимая ложь втораго за истину, онъ *наказываетъ невиннаго.* Россіянамъ извѣстно изрѣченіе великаго ума: «лучше оправдать многихъ виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго.» Законы Ярославовы также отвергаютъ присягу истца.

(321) Въ *Хлѣбников., Ипатьевск.* и въ другихъ: «Аще есть имовитъ (убійца) да часть его, сирѣчь, иже его будеть по закону, да возметь ближній убіеннаго.» Въ *Троицк.* выпущены слова: «сирѣчь иже;» но то и другое ясно. Далѣе въ *Ипатьев.* и *Хлѣбниковскомъ:* «*а и жена* убившаго да имѣеть толицѣмъ же пребудеть по закону.» Въ *Троицк.:* «*а жена* убившаго, да имѣеть та, олицѣмъ же пребудеть по закону.» Татищевъ и Ломоносовъ толкуютъ, что родственникъ убитаго бралъ себѣ имѣніе и *жену* убитаго! По законамъ Ладислава, Короля Венгерскаго, жена и дѣти убійцы получали третію часть изъ его имѣнія (Decret. S. Ladisl. кн. II, гл. VIII). Въ договорѣ Игоревомъ сія статья предложена такъ: «аще ли ускочить створивый убой, и аще будеть имовитъ, да возмуть имѣніе его ближніи убіенаго.» Нѣтъ о женѣ ни слова.

(322) «Да держится тяжи;» а Татищевъ говорить: *судъ кончить* — то есть, совсѣмъ противное.

Въ Греческой литрѣ было 72 золотника, а литра серебра цѣною равнялась съ пятью *солидами* или червонцами (см. Dissertation sur l'état de la monnaie Romaine въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions годъ 1718—1725, стр. 364, и сочиненіе Г. Круга Zur Münzkunde Rußlands, стр. 153). Ярославовы законы опредѣляютъ 12 гривенъ пени за ударъ мечемъ и сосудомъ: изъ чего слѣдовало бы, что 12 гривенъ Ярославова времени равнялись цѣною съ 25 червонцами; но должно замѣтить, что Олегъ въ договорѣ своемъ могъ возвысить сію пеню для безопасности Россіянъ, жившихъ въ Царѣградѣ (см. о гривнѣ выше, примѣч. 298, и ниже, примѣч. 527).

Ниже: «да сойметь съ собе и ты самыя порты, въ нихъ же хожаше.» Портами называлась вообще одежда; теперь въ семъ значеніи осталось только имя *портной.*

(323) Въ *Троицк.* и въ нѣкоторыхъ: «мечьтая образомъ искусъ творити.» Выраженіе: *творить искусъ,* значило *дѣлать обыскъ.* Такъ ниже, въ статьѣ VIII, сказано, что купецъ вездѣ можетъ искать бѣлаго своего невольника, и что всякой, кто не дасть *творить сего искушенія,* признается виновнымъ. Писцы, не разумѣя сего выраженія, обратили слово *мечьтая въ мученіе.* — Въ сей V статьѣ выше сказано о ворѣ по *Ипатьевск.* и *Хлѣбников.* списку: «отдасть *трейчи:*» втрое?

*Снабдѣти* лодью есть *сохранить, соблюсти.* Такъ въ Псалтири (Пс. 78, ст. 11) сказано: *снабди сыны умерщвленныхъ.* Только въ нынѣшнемъ просторѣчіи глаголъ сей значитъ *надѣлить.*

Ниже: «отъ бури или бороненья земленаго ради:» слово *бороненье* значитъ *препятствіе.* Славянскій глаголъ *бранити* значитъ то же, что *возбранять.*

Ниже: «да егда ходимъ въ Греки, ли сольбою Цареви вашему, ли съ куплею.» Татищевъ обратилъ *сольбу,* то есть посольство, *въ мольбу,* и доказываетъ, что Кіевскіе Христіане ѣздили молиться въ Константинополь.

Далѣе: «Спотружаемся гребцемъ тоя лодьи мы Русь, да проводимъ ю и съ куплею по-здорову. Аще ключится близъ *Греческыя* земли такоже проказа лодьи Рустѣй, да проводимъ ю въ Русьскую землю.» Весьма вѣроятно, что здѣсь описка, и что надобно читать: «близъ *Русьскыя* (вмѣсто *Греческыя)* земли», а вмѣсто: «лодьи Рустѣй», должно стоять: «лодьи *Греческой.*» Симъ замѣчаніемъ (и нѣкоторыми другими) обязанъ я почтенному А. П. Ермолаеву, любителю и знатоку нашихъ Древностей.

(324) Сію наполненную описками статью можно изъяснить только шестою статьею Игорева договора (см. ниже): та и другая одного содержанія. Здѣсь писецъ также внесъ оглавленія — на примѣръ: *еже требуеть на войну ити; о плѣненіи, о Руси, о Крестьянѣхъ* (Христіанахъ) — въ самый трактатъ: отъ чего вышло повтореніе, замѣченное имъ или кѣмъ нибудь (вѣроятно на полѣ) словомъ *многажды* — на прим. *о плѣненіи многажды;* а другой писецъ включилъ въ содержаніе и сіи слова.

Ниже: «или мнится въ куплю па день челядиная цѣна.» Слово *мнится* то же, что *вмѣнится* (см. *Лексиконъ Славянороссійскій,* напечатанный въ типографіи *общежительнаго монастыря Кутеинскаго* въ 1653 году, стр. 80). *Цѣна на день* есть цѣна того времени или настоящая.

Далѣе: «тако же аще и отъ рати ятъ будеть, да возвратится во свою землю, и дана будеть цѣна его, якоже реченное, якоже есть купля;» а ниже сказано, что цѣна выкупная есть 20 златыхъ, то есть Византійскихъ *номисмъ* или *солидовъ,* которые имѣли вѣсъ Голландскихъ червонцевъ или не много болѣе (см. Рейске Comment. ad Cerim. Const. Porph. стр. 44, и сочиненіе Г. Круга Münzkunde Rußlands I, 137).

Далѣе въ *Троицк.:* «еже требуеть на войну итти, егда потребу творити, и сихъ почтити Царя вашего (не *нашего),* да аще въ кое время елико

ихъ придетъ, и хотять остати у Царя вашего, своею волею да будуть.» Греки, соглашаясь возвратить всѣхъ невольниковъ въ Россію, исключаютъ Русскихъ воиновъ, которые добровольно захотятъ служить Императорамъ. Наши толкователи, соединивъ съ сими словами слѣдующія: о *Руси*, о *плѣненьи*, написанныя въ *Кенигсбергскомъ*: «отъ Руси отполонени,» думали, что Царю Греческому надлежало выкупить Русскихъ плѣнниковъ; но сіе изъясненіе совсѣмъ не основано на словахъ лѣтописи.

Ниже въ договорѣ: *по нужи проданъ будеть*, то есть, отнятъ подъ видомъ купли; на примѣръ, если бы Грекъ, отнявъ невольника у купца Русскаго, и бросивъ ему нѣсколько денегъ, сказалъ, что сей невольникъ имъ купленъ.

Далѣе: «Аще кто искушенья (обыска), того не дасть творити, местникъ да погубить правду свою.» Татищевъ изъяснялъ, что *искушеніе* есть истязаніе, *местникъ* городской начальникъ, а *погубить правду* нарушить законъ. Всѣ три изъясненія несправедливы и даже не имѣютъ смысла. *Искушеніе* обыскъ (въ Лексиконѣ Кутеинскомъ: «досвѣтченье, довѣдываніе»); *местникъ* то же, что мститель, врагъ или противникъ въ тяжбѣ; а *погубить правду* значитъ лишиться своего права въ судѣ, быть обвиненнымъ.

(325) Такъ въ *Троицкомъ*. — Въ сей статьѣ и слѣдующей опять внесены оглавленія въ слова договора, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ.

(326) «Си бо вся да творятъ Русь Грекомъ, идѣ же аще ключиться таковое.» Сіе относится къ тремъ предъидущимъ статьямъ.

(327) См. выше, примѣч. 317. Я воспользовался здѣсь умнымъ замѣчаніемъ Г. Круга и принялъ его мнѣніе, что переписчикъ договора вмѣсто: *киноварнымъ писаньемъ*, ошибкою поставилъ: *Ивановымъ писаньемъ* или *написаньемъ*: ибо выраженіе: δια κιναβαρεως γραμματα обыкновенно употреблялось въ Византійскихъ трактатахъ; напротивъ того ни въ нихъ, ни въ Русскихъ *древнихъ* не находимъ имени писцевъ. Договоры Грековъ съ другими народами, имѣвшими буквы, писывались обыкновенно на двухъ языкахъ (см. въ Менандеровыхъ *Посольствахъ* извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Іустиніаномъ и Персидскимъ Царемъ Хозроемъ).

(328) Memor. popul. I, 8 и 103. Александръ думалъ племянника своего, Константина, сдѣлать евнухомъ, чтобы увѣнчать безумныя дѣла свои. Патріархъ Славянинъ назывался Никитою.

(329) Memor. popul. II, 983.

(330) *Фофудьями*, какъ въ лѣтописи сказано: слово не Русское (ибо въ Славянскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ буквы Ф), но Греческое φουφουδοτος (см. Дюканж. Визант. Лексик.), то есть, *носимый съ поясомъ кафтанъ*. Оно есть прилагательное имя и составлено изъ Еврейскаго слова *фуфель*, *поясъ*, и Греческаго глагола δέω или δω, *связываю*. Шлецеръ не справился съ Лексикономъ Византійскаго языка, и не зналъ, что такое Несторовы *фофудьи*. Далѣе: «еще же (велѣ имъ показати) чудеса Бога своего, страсти Господнѣ, вѣнецъ, и гвоздья, и хламиду багряную, и мощи Святыхъ.» По Византійскимъ лѣтописямъ, около сего времени Царь Левъ угощалъ пословъ *Сарацынскихъ*, и показывалъ имъ всѣ драгоцѣнности церковныя (см. Кедрина и Льва Грамматика).

(331) Несторъ: «и живяше Олегъ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, *княжа въ Кыевѣ*:» въ противность чему *Арханг. Лѣт.* говоритъ о путешествіи Олега въ Новгородъ и смерти его въ Ладогѣ.

(332) Въ одной *Исландской Сагѣ*, сообщенной намъ Торфеемъ, есть такая же басня о рыцарѣ Орварѣ Оддѣ. Вѣщунья предсказала ему смерть отъ любимаго коня его, именемъ *Факса*. Конь умеръ, и рыцарь, стоя на его могилѣ, думалъ, что вся опасность миновалась; но *ящерица* (lacerta) выползла изъ гніющаго черепа Факсова, и въ пяту укусила Овара (Торф. Hist. Norveg. T. I, кн. VI, гл. 6, стр. 273). Кіевскіе ли Варяги передали сію сказку сѣвернымъ землякамъ своимъ, или сѣверные Кіевскимъ?

(333) То есть, мы полагаемъ, что Хорваты, имъ покоренные, жили въ окрестности сихъ горъ (см. выше, примѣч. 70).

(334) Что Юмъ говоритъ о своихъ Англо-Саксонцахъ, можемъ отнести къ Русскимъ Варягамъ и Славянамъ: «Народъ, столь мало зависимый отъ уставовъ гражданскихъ, могъ ли съ точностію слѣдовать обыкновеніямъ наслѣдственной власти? Ежели сынъ умершаго Короля былъ въ совершенныхъ лѣтахъ, то онъ безспорно восходилъ на тронъ; а ежели оставался въ малолѣтствѣ, то ближній родственникъ его присвоивалъ себѣ власть и сообщалъ ее дѣтямъ своимъ.» *Истор. Англ.* T. II, въ началѣ.

(335) Здѣсь новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ о войнѣ Игоря съ Угличами (см. ниже, примѣч. 362). Отъ похода Олегова до 945 года лѣтосчисленіе *Троицкаго* списка все еще отстаетъ годомъ отъ другихъ: «Въ лѣто 6420 заратишася Древляне по Олговѣ смерти... Въ лѣто 6421 иде Игорь на Древляны... Приде Симеонъ Болгарьскый на Царьградъ... Въ лѣто 6422 придоша Печенѣзи... Въ лѣто 6427 поставленъ бысть Романъ Царемъ въ Грецѣхъ... Въ лѣто 6449 Симеонъ иде па Хорваты и побѣжденъ бысть.» Въ *Пушкин.* и въ другихъ спискахъ все относится къ слѣдующему году, отчасти справедливѣе: на примѣръ, по сказанію Кедрина, Хорваты разбили войско Болгарское въ 15 Индиктъ, 27 Маія (Memor. popul. II, 602): слѣдственно въ 942 году. Романъ сдѣлался Греческимъ Императоромъ въ 920 году (см. Круга Byz. Chron. 141, 142).

(336) Memor. popul. III, 796—932. Нѣмецкіе Лѣтописцы называютъ ихъ *Пеценацами* и *Пеципегами*, Византійскіе *Пацинакитами* и *Пацинаками*, Венгерскіе *Биссенами* и *Бессами*, Польскіе и Русскіе Печенѣгами (см. Шлецер. Gesch. der Deutschen in Siebenbürgen, стр. 452). — Мы не знаемъ языка ни Гунновъ, ни Аваровъ, ни Печенѣговъ. Знаемъ только, что послѣдніе говорили однимъ языкомъ съ Команами или Половцами: въ чемъ увѣряетъ насъ свидѣтельство Анны Комнины (Memor. popul. III, 908). — Дунайскіе Болгары до самаго завоеванія Мизіи были, кажется, народомъ кочующимъ. Волжскіе и Камскіе имѣли селенія и города, но уже въ позднѣйшія времена. — Болгары, завоеватели Мизіи, давно обратились въ Славянъ по языку и нравамъ своимъ. — Константинъ (въ Бандури T. I, стр. 106) пишетъ, что три колѣна Печенѣговъ, славнѣйшія храбростію, именовали себя *Кангаръ* (см. выше, примѣч. 90). — Далѣе Константинъ говоритъ (въ Бандури стр. 105), что Печенѣги жили въ сосѣдствѣ съ Узами и *Мазарами*, и что Узы съ помощію *Хазаровъ* выгнали ихъ оттуда. Нѣкоторые ученые (Тунманъ, Гаттереръ) думали, что здѣсь имя *Мазары* ошибкою стоитъ вмѣсто *Хазаровъ*; напротивъ того иные мыслятъ, что послѣднее есть описка (вмѣсто *Мазаровъ*). Если бы Козары выгнали Печенѣговъ изъ *отдаленныхъ* Уральскихъ окрестностей, то вѣроятно ли, чтобы сей народъ — т. е. Печенѣги — осмѣлились въ бѣгствѣ своемъ *приближиться* къ нимъ съ другой стороны и завладѣть частію ихъ

собственныхъ Азовскихъ и Таврическихъ владѣній? Подъ именемъ Константиновыхъ Мазаровъ гораздо скорѣе можно разумѣть единоплеменниковъ Венгерскаго или Маджарскаго народа, который безъ сомнѣнія не весь оставилъ свои древнія жилища; не весь перешелъ въ область Козарскую: его-то, думаю, называетъ Абульгази (Hist. des Tatars, стр. 45) Мадзарами (Madsahres) и полагаетъ ихъ, за нѣсколько вѣковъ до временъ Чингисхана, въ сосѣдствѣ съ Россіянами и Казанскими Болгарами около Урала и Волги. — О Лебедіи см. выше, примѣч. 302.

(337) Post aliquot annos, по словамъ Константина (въ Бандури T. I, 108). Франкскіе Лѣтописцы согласно говорятъ, что Печенѣги выгнали Угровъ изъ Молдавіи въ 896 году: см. Шлец. Nestor III, 140; также Констант. Багр. въ Бандури I, 106, Баеров. Geograph. Russ. ex Const. Porph. въ Коммент. Акад. IX, 399, и Гаттер. Allgem. Weltgesch. 582. Константинъ полагаетъ только *день ѣзды* отъ Россіи до владѣній Печенѣжскихъ, отъ Узіи и Хазаріи пять дней, отъ Аланіи (въ Кавказской Губерніи) шесть, отъ Мордіи (Мордвы) десять.

(338) См. Шлец. Gesch. der Deutsch. in Sieb. 224—225.

(339) Извѣстія Франкскихъ Лѣтописцевъ заставляютъ думать, что сей народъ утвердился въ Молдавіи еще съ 896 года (см. выше, примѣч. 337). Печенѣги, о которыхъ говоритъ здѣсь Несторъ, шли, кажется, изъ Лебедіи. Въ княженіе Олегово могли они ходить оттуда къ Дунаю, не захватывая Россіи, чрезъ владѣнія Козаровъ и Херсонцевъ.

(340) Конст. Багрян. въ Бандури T. I, стр. 56.

(341) Memor. popul. II, 973. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора сказано, что Игорь еще въ 921 году приготовилъ сильное войско и множество кораблей. — Кедринъ и Зонара говорятъ о 15,000 судовъ! Число безъ сомнѣнія увеличено. Современный Историкъ Ліутпрандъ (о которомъ см. ниже), кажется, справедливѣе пишетъ, что Игорь имѣлъ *тысячу* и *болѣе* судовъ (кн. V, гл. 6). Левъ Грамматикъ полагаетъ, что Россіянъ всего на все было только 10,000 человѣкъ (Memor. popul. II, 967). — Тогда правилъ Имперіею одинъ Романъ Лакапинъ, тесть Константина Багрянороднаго, и не давалъ послѣднему никакой власти.

(342) Онъ пишетъ, что Россіяне забавлялись муками несчастныхъ плѣнниковъ: распинали ихъ, разстрѣливали и вбивали имъ въ голову желѣзные гвозди. Кедринъ тоже слово въ слово (см Русскій переводъ его, листъ 109, и Memor. popul II, 970). Греки любили увеличивать звѣрство своихъ непріятелей. — Протовестіарій былъ хранителемъ царскихъ одеждъ и первымъ по Доместикѣ или начальникѣ сухопутныхъ войскъ (см. Кодина *о чинахъ Константинопольскаго Двора*).

(343) Онъ стоялъ на Европейскомъ берегу Воспора. Въ *Воскресен. Лѣт.*: «Романъ же посла дромоны» (суда, у Дю-Канжа navis oblonga) «елико бяху въ Константинѣградѣ съ Ѳеофаномъ на Русь. Ѳеофанъ же лодейныя воя прежде урядивъ и уготовивъ, и слюзами себе утвердивъ, Руси ожидая, въ ладіяхъ на ня хотя ити съ окрестнаго глаголемаго Фара, стражница, въ ней же огнь влагаемъ на просвѣщеніе въ нощи: се на устьи Понта стражу дѣя, зане ту часто разбойничество и на страны нагнанія,» и проч.

О повелѣніи брать Грековъ живыхъ пишетъ Ліутпрандъ въ Hist. кн V, гл. 6; не милосердіе, но корыстолюбіе заставило Игоря дать оное: ибо Россіяне торговали плѣнниками. Тѣмъ болѣе не вѣрю Византійскимъ Лѣтописцамъ, чтобы воины Игоревы убивали всѣхъ Грековъ, которые попадались имъ въ руки. — *Υγρον πυρ*, Греческій огонь, изобрѣтенъ, какъ извѣстно, въ VII вѣкѣ Грекомъ Каллиникомъ. Въ наше время не умѣютъ составлять его. — Россіяне, по словамъ Лѣтописца, говорили: «якоже молнія иже на небеси, Греци имуть у собе; пущающе жгуть насъ, и сего ради не одолѣхомъ имъ.» Игорь, по Несторову извѣстію, опустошилъ Виѳинію и Пафлагонію прежде Европейскихъ береговъ Воспора; но Греческіе Историки всѣ согласно повѣствуютъ, что флотъ его, уже разбитый Ѳеофаномъ, присталъ къ берегамъ Виѳиніи. Несторъ пишетъ еще, что Россіяне выжгли *Судъ* или гавань Царегpадскую; а Византійцы говорятъ только о *Стенѣ*: Stenum enim, ita dictum, igne vastaverunt (Memor. popul II, 969). Подъ симъ именемъ разумѣлись вообще берега Воспора Ѳракійскаго; иногда же одинъ Европейскій берегъ, отъ Св. Мамы до Чернаго моря. Лѣтописецъ нашъ поставилъ *Судъ* вмѣсто *Стена*. Гавань осталась цѣла, ибо изъ нее вышелъ тогда же флотъ Греческій.

(344) Отъ Іюня до Сентября (Memor. popul. II, 967—970).

(345) Эльмакинъ или Альмакинъ, крещеный Арабъ, бывшій въ 1302 году Секретаремъ Египетскаго Калифа, говоритъ (Historia Saracenica стр. 213): hoc anno, scilicet 329 (т. е. 940—941) oppugnarunt Russæ Constantinopolin; sed restiterunt iis Romani, qui persequuti eos sunt, et in regionem suam se recipere coëgerunt. Ліутпрандъ (Historia кн. V, гл. 6) пишетъ, что флотъ Греческій, во время Игорева нападенія, былъ въ отсутствіи. «Императоръ, думая, какъ отразить враговъ, провелъ безъ сна нѣсколько ночей; узнавъ же, что въ гавани есть 15 ветхихъ судовъ, велѣлъ исправить ихъ и выслалъ оныя съ огнемъ противъ Игоря. Вѣтеръ, мѣшавшій дѣйствію сего огня, утихъ, и Греки зажгли суда непріятельскія. Россіяне, чтобы спастись отъ пламени, бросались въ воду: многіе утонули отъ тягости своихъ шлемовъ и латъ; другіе боролись съ волнами и также погибли; живы остались единственно тѣ, которые ушли на берегъ. Греческія большія суда не могли гнаться за Русскими лодками, плавающими въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ» — и проч.

(346) Прастѣна, Володислава. Такое множество пословъ удивляетъ насъ; но въ древнія времена оно было знакомъ особеннаго уваженія къ Монарху или народу, который принималъ ихъ (см. sur les fonctions des Ambassadeurs chez les Anciens, въ Mem. de l'Acad. des Inscr. год. 1734—1737). Можемъ найти и другую причину: Императоры *дарили* пословъ, и для того Россіяне любили ѣздить къ нимъ съ порученіями отъ своего Двора.

(347) «Иваръ, солъ Игоревъ, и *обчи* слы Вуефастъ Святославль, сынъ Игоревъ» (Святослава, сына Игорева) «и Скусеви Ольги Княгини — Канпцарь Передславинъ, Шихбергъ Сваиндръ, жены Улѣбовы» — (*нетія* Игорева, какъ сказано выше) — «Прастѣнъ, Акунь, нетій Игоревъ» (Акуна, нетія Игорева). Г. Болтинъ толковалъ, что «*Нетій* было названіе достоинства, перваго по Боярахъ» — см. его *Примѣчанія на Исторію Щербатова* T. II, стр. 232 — и что «оно происходитъ отъ Шведскаго слова naett (*чистый*, изящный);» но сіе имя есть древнее Славянское и значитъ сестрина сына: такъ въ *Никонов. Лѣт.* V, 88, сказано: «служа Царю Мусульману съ нетіи своими, рекши съ сестрinычи.» Слѣдственно Рюрикъ имѣлъ дочь. — Передслава была, кажется, супругою Игорева племянника Улѣба, а не Князя Святослава, какъ пишетъ мнимый Іоакимъ или Татищевъ.

(348) 16 Дек. 944 г. Романъ былъ сверженъ съ престола Стефаномъ и Константиномъ, неблагодарными дѣтьми своими (Круга Byz. Chron. 230).

(349) См. выше стр. 81.

(350) «Входяще же Русь въ градъ, да не имѣють волости купити паволокъ лише *пятидесяти* золотникъ» — а не *осьми*, какъ говоритъ Татищевъ, принявъ *Н* за *И* — «и *отъ тѣхъ* паволокъ аще кто купить, да показываетъ, ѐ Цареву мужу, и тотъ ѐ запечатаетъ и дастъ ему.» Ліутпрандъ, какъ онъ самъ пишетъ, долженъ былъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Царяграда показать всѣ драгоцѣнныя ткани, имъ купленныя: городскіе чиновники приложили къ нимъ печать, но удержали самыя лучшія, возвративъ ему деньгами, чего онѣ стоили, и сказывая, что сіи ткани запрещено вывозить изъ Константинополя: «ибо Греки, превосходя иные народы богатствомъ и мудростію, должны превосходить ихъ и красотою одежды» (Legatio Liutprandi etc. въ Муратори Т. II, стр. 487, Круга Münzkunde Rußlands стр. 93—97).

Греки не хотѣли, чтобы Россіяне, получая даромъ все съѣстное, заживались въ Константинополѣ.

(351) Въ Олеговомъ трактатѣ нѣтъ сего условія: слѣдственно здѣсь упоминается о другомъ договорѣ, заключенномъ съ Греками, можетъ быть, въ началѣ Игорева княженія. Татищевъ вмѣсто паволоки написалъ: «по два кафтана;» но паволока не кафтанъ, а ткань. — Надобно думать, что нѣкоторыя особенныя ткани, опредѣленной доброты и мѣры, ходили въ Греціи какъ деньги. Протоспаѳарій, или начальникъ тѣлохранителей Императорскихъ (меченосцевъ), именемъ Эпифаній, отправленный въ Ломбардію, взялъ съ собою на издержки между прочимъ и разноцвѣтныя ткани (Констант. de Cerim. стр. 382, въ Круговой сочиненіи Münzkunde Rußl. стр. 86). Греки выкупали плѣнныхъ шелковыми одеждами (Memor. popul. II, 82). Норманы означали цѣну вещей тканями (Ире Glossarium подъ словомъ Vadmal). Далѣе Татищевъ вмѣсто двухъ золотниковъ поставилъ *двадцать*.

(352) Въ Олеговомъ договорѣ положено выкупу 20 золотниковъ за каждаго Греческаго невольника.

(353) Въ *Пушкинск.* и *Троицк.*: Князь Русьскій да воюетъ на тѣхъ странахъ,» и проч. Въ *Кенигсб.* ошибкою поставлено: «на *всѣхъ* странахъ.» Русскіе въ окрестностяхъ Херсонскаго владѣнія могли воевать съ Козарами и Печенѣгами.

(354) Въ Олеговомъ договорѣ сказано тоже, съ прибавленіемъ другихъ обстоятельствъ.

(355) При устьѣ Днѣпра, нынѣ Березань (Memor. popul. II, 984). У Нестора, вмѣсто *Еѳерія*, стоитъ имя *Елевѳерія*. — Въ *Историческомъ изслѣдованіи о мѣстоположеніи Тмутороканскаго Княженія*, стр. 36—37, сказано, что область Россіи простиралась тогда до устья Днѣпровскаго: при чемъ Авторъ ссылается на сіе мѣсто Игорева договора. Напротивъ, оно доказываетъ, что устьемъ Днѣпра владѣли Херсонцы, когда Россіянамъ не позволялось тамъ зимовать. Въ подлинникѣ: *егда придеть осень, да идуть въ домы своя, въ Русь*. Слѣдственно Россіяне были тамъ *не дома* или не въ своемъ владѣніи: но могли, кажется, вмѣстѣ съ Херсонцами ловить рыбу въ Лиманѣ или въ морѣ. Даже и пороги Днѣпровскіе находились уже внѣ Россіи, въ области Печенѣговъ (см. выше, примѣч. 307).

(356) См. Констант. Багрянород. de Adm. Imp. въ Бандури Т. I, стр. 113.

(357) См. выше, стр. 83.

(358) Въ Царѣградѣ была славная церковь Св. Иліи; но здѣсь, какъ увидимъ ниже, говорится о Кіевской. — Слово *обручь* значитъ тоже, что кольцо, — Далѣе слѣдуютъ заклинанія, какъ и въ началѣ. — Татищевъ означилъ годъ и число договора (Апрѣля 20); но ихъ нѣтъ въ лѣтописи.

(359) Несправедливо считаютъ церковь Св. Николая древнѣйшею въ Кіевѣ. Несторъ пишетъ только, что она въ его время стояла на могилѣ Аскольдовой; а когда построена, неизвѣстно. Соборная церковь Св. Иліи была, по словамъ Лѣтописца, *надъ ручаемъ, конецъ Пасыничъ бесѣды и Козаръ*: думаю, что *бесѣдою Пасынковъ и Козарами* назывались двѣ улицы или части древняго Кіева, и что сія церковь находилась между ими. Имя *бесѣда* означало въ старину *сѣдалище*. Въ *Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ*, стр. 3, сказано: «подернута *бесѣда* рытымъ бархатомъ; на бесѣдѣ то сидитъ Купавъ молодецъ.»

Татищевъ прибавилъ здѣсь отъ себя: «Варяги, *Славяне* и Руссы.» Несторъ отличаетъ первыхъ только отъ Славянъ, а не отъ Руси.

(360) *Челядью*, т. е. рабами или невольниками, которыми торговали Россіяне.

(361) Константинъ называетъ ихъ по-Русски *Гирами* (γυρα). На языкѣ Оссетинцевъ *Гиръ* значитъ округъ или область (см. Гильденштет. Reisen, Т. I, стр. 469).

(362) Не только Князья, но и всякой знаменитый Воевода имѣлъ свою особенную дружину.

Можетъ быть, для объясненія зависти Игоревыхъ воиновъ въ нѣкоторыхъ *новѣйшихъ* спискахъ къ описанію случаевъ 914 года, когда Игорь усмирилъ Древлянъ, прибавлено слѣдующее: «И бѣ у него Воевода Свѣнельдъ, и примучи *Угличи*, и возложи на ня дань Игорь и вдасть Свѣнельду, и не вдашется ему единъ градъ, именемъ Пересѣченъ, и сѣде около его три лѣта, и одва взятъ его. И бяше сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ, и по семъ пріидоша межи *Воинь Дестръ* и сѣдоша тамо. И дасть (Игорь) дань Деревскую Свѣнельду, и рѣша дружина Игорева: *се далъ еси единому мужеви много*. По семъ послѣ скажемъ.» Угломъ называлась прежде рѣка Орель въ Екатеринославской Губерніи, какъ говоритъ Лѣтописецъ въ описаніи войны нашихъ Князей съ Половцами въ 1185 году. И такъ подъ именемъ *Угличей* (если оно не описка вмѣсто *Суличей*: см. выше, стр. 77) надлежало бы разумѣть Славянъ, которые обитали нѣкогда близъ рѣки Орели, и поселились наконецъ не далеко отъ Переяславля и Кіева, гдѣ былъ городъ Пересѣченъ (см. *Воскресенск. Лѣт.* II, 31). Слова: «межи *Воинь Дестръ*,» должны быть опискою, вмѣсто: «межи *Воинь и Днѣпръ*:» ибо Воинемъ называлась рѣка или мѣсто за Переяславлемъ на Востокъ (см. ниже). Но извѣстіе о притѣсненныхъ мнимыхъ Угличахъ и щедрости Игоря въ отношеніи къ Свѣнельду кажется прибавленіемъ новѣйшаго Автора: оно несогласно съ сказаніемъ Нестора, который совсѣмъ не упоминаетъ о народѣ такого имени въ описаніи Славянскихъ племенъ, и сказываетъ, что Игорь взялъ Древлянскую дань себѣ, а не для Свѣнельда, и что онъ еще увеличилъ ее: «примышляше къ *первой* дани.»

(363) См. ниже, примѣч. 401. Мы уже сказали выше, что Коростенъ есть нынѣшнее мѣстечко Искорость въ Волынской Губерніи на рѣкѣ Ушѣ.

(364) См. переводъ Массуди въ Клапрот. Rußlands Vergrößerungen, стр. 182—257. Вотъ что онъ говоритъ о Славянахъ и Россіянахъ (Russ): «Они живутъ на одной сторонѣ города (Ателя) и сжигаютъ умершихъ съ ихъ женами: это Индѣйское обыкновеніе... Сіи язычники составляютъ часть Козарскаго войска... Россіяне и другіе народы, изъ коихъ многолюднѣйшій именуется Модеанами, ѣздятъ съ товарами въ Грецію и въ Козарскую землю. Въ 300 году Эгиры или послѣ

того (въ 912 Р. Х.) пришло 5000 кораблей, а въ каждомъ 100 человѣкъ, въ Каналъ Нитисъ (Азовское море?), имѣющій соединеніе съ рѣкою Козарскою» (Волгою? ибо Арабскіе Географы считали Донъ рукавомъ Волги). «Тамъ стояло множество Козаровъ, чтобы удерживать непріятелей, приходящихъ моремъ и сухимъ путемъ; особенно же Турковъ или Ghus» (вѣроятно, Узовъ или Печенѣговъ). «Турки переходятъ черезъ сію рѣку не лѣтомъ, а зимою по льду: иногда самъ Царь Козарскій выходитъ противъ нихъ. Россіяне послали къ Царю и требовали дозволенія плыть его рѣкою въ Каспійское море, обѣщая ему за то часть добычи. Онъ согласился. Россіяне вошли въ Каналъ и въ устье рѣки; плыли ею вверхъ до рѣки Козарской, до города Эбеля (Ателя), и чрезъ городъ до Каспійскаго моря, гдѣ они высадили войско въ Иракѣ, въ Дилемѣ, Табаристанѣ, Астекунѣ, Нефатѣ, Адзарбайдшанѣ; пролили множество крови, жгли и грабили. Жители давно не видали никого кромѣ купцевъ и рыбаковъ на семъ морѣ; но вооружились и сражались съ ними. Россіяне доходили до Нефаты, извѣстной подъ именемъ Баку и принадлежащей къ Царству Ширванскому, гдѣ властвовалъ тогда Али, сынъ Гитсима. Грабивъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, они возвратились къ устью рѣки Козарской и послали къ Царю множество добычи. У него нѣтъ кораблей, и люди его не умѣютъ править ими. Но Магометане, ему служащіе, сказали: *не хотимъ тебѣ повиноваться, когда ты даешь Россіянамъ лить кровь, плѣнять правовѣрныхъ*. Царь извѣстилъ о томъ Россіянъ: они вышли на берегъ и сразились съ Мусульманами, коихъ было 15,000; въ томъ числѣ и нѣсколько Христіанъ, живущихъ въ Эбелѣ (Ателѣ). Битва продолжалась три дни. Богъ далъ побѣду Мусульманамъ. Многіе Россіяне пали, многіе утонули; тысячь пять ушли на корабляхъ и хотѣли еще грабить въ землѣ Бертасѣ, въ Булгаріи: тамъ Магометане истребили ихъ. Число Россіянъ убитыхъ на рѣкѣ Козарской простиралось до 30,000. Съ того времени они уже не дерзали являться въ сихъ мѣстахъ.»

Абульфеда въ Annal. Moslem., стр. 265: Anno 332 (г. 943—944) Russorum aliqua natio, domo egressa navibus, per mare Caspium et fluvium Corr subvecta usque ad urbem Bardaah penetrabat, eam occupabat, cædibus et rapinis complebat, et tandem domum eadem, qua venerat, via redibat. — Абульфарагія или Абульфараджа, или Баръ-Еврея Chronicon Syriacum, стр. 193: Anno, quo Mostacphius regnare cœperat (г. 944), exierunt varii populi, Alani, Sclavi et Lazgi, qui usque ad Adorbiganam progressi urbem expugnarunt Bardoam, in qua ad 20,000 occiderunt (т. е. убили въ Бардѣ до 20,000 человѣкъ). Барда есть нынѣ мѣстечко, называемое Берде. — Абульфеда жилъ въ XIV, Абульфараджъ въ XIII вѣкѣ.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, изд. 1819 года: *Древнія Восточныя извѣстія о Россіянахъ и Козарахъ, найденныя ученымъ Гм. Френомъ въ собраніи Арабскихъ рукописей С. Петербургской Академіи Наукъ*. (Переводъ съ Нѣмецкаго.) I. Якутъ, Арабскій Писатель XIII вѣка, въ своемъ Географическомъ Словарѣ (коего донынѣ извѣстны 3 экземпляра въ Европейскихъ библіотекахъ: въ Копенгагенской, Оксфордской и Санктпетербургской Академической) говоритъ слѣдующее:

«Русь есть народъ сосѣдственный съ Славянами и Турками. Онъ имѣетъ свой языкъ, свою Вѣру. Макаллези (Географъ XI вѣка) пишетъ, что Русскіе живутъ на островѣ *Вабіи*» (можетъ значить: *гдѣ зловредный воздухъ*) «окруженномъ водами озера и служащемъ для нихъ (Русскихъ) вмѣсто крѣпости. Число ихъ полагаютъ до 100 милліоновъ. Полей и стадъ они не имѣютъ. Славяне (Болгары? см. ниже) грабятъ ихъ въ своихъ набѣгахъ. Всякому новорожденному сыну отецъ подаетъ мечь и говоритъ: *твое единственно то, чего добудешь мечемъ*. Если тяжущіеся не довольны судомъ Короля (Князя), то сей говоритъ имъ: *судитесь мечемъ*. У кого мечь острѣе, тотъ и побѣдитель. Они-то (въ 912 или 944 году?) опустошили Барду, но были истреблены Всевышнимъ.»

«Ахметъ, сынъ Фоцлана, посланный» (въ 922 году, въ княженіе Игоря) «Калифомъ Муктедиромъ изъ Багдада къ Королю Славянъ» (не Славянъ, а Болгаровъ, какъ видно изъ другихъ мѣстъ Якутова Словаря) «описалъ все видѣнное имъ на пути: я читалъ его записки, и сообщаю оныя здѣсь, не безъ удивленія.

«Я видѣлъ Русскихъ купцевъ — говоритъ онъ — въ пристани рѣки Итиля (Волги). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ на себя съ боку грубую одежду (grobes Gewand), такъ, что одна рука остается свободною. У всякаго топоръ, большой ножъ и мечь. Никогда не ходятъ они безъ сего оружія. Мечи ихъ широки и работы Европейской. У всякой женщины привязана къ грудямъ маленькая коробочка, желѣзная, мѣдная, серебряная или золотая, соразмѣрно съ достаткомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу привязанъ большой ножъ. На шеѣ цѣпи, золотыя и серебряныя. Мужъ, имѣя 10,000 драхмъ, заказываетъ для жены цѣпь золотыхъ дѣлъ мастеру; пріобрѣтая еще 10,000, даетъ ей другую — и такъ далѣе. Богатыя жены носятъ по нѣскольку цѣпей. Главнымъ ихъ украшеніемъ считается зеленой бисеръ (falsche grüne Perlen). Мужья платятъ драхму за бисерину для женскаго ожерелья.

«Они самые нечистоплотные люди; никогда не омываются послѣ естественнаго испражненія, ни послѣ ночныхъ грезъ. — Приплывая изъ своей земли, бросаютъ якорь на широкой рѣкѣ Итилѣ; выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные домы на обѣихъ ея сторонахъ. Въ каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20. У всякаго длинная, широкая лавка, на коей онъ сидитъ съ своею дѣвкою (женою?) и съ продажными невольницами.» (Описывается безстыдство ихъ въ обхожденіи съ женщинами, при свидѣтеляхъ и купцахъ, къ нимъ входящихъ для осмотра невольницъ() . . . «Всякое утро дѣвка приноситъ господину чашу съ водою: онъ моетъ себѣ лицо, руки, волосы; а она чешетъ ему голову гребнемъ — и вся нечистота остается въ чашѣ. — Не смотря на то, господинъ полощетъ въ ней ротъ; а за нимъ и другіе, съ нимъ живущіе, въ той же чашѣ, не перемѣняя воды.

«Вошедши въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ« (cider, яблоновкою?) «къ высокому деревянному болвану, окруженному маленькими; падаетъ ницъ и говоритъ: *о Владыко! я пріѣхалъ издалека съ* такимъ-то числомъ *невольницъ, соболей, шкуръ . . . вотъ тебѣ даръ мой!* Кладетъ все передъ болваномъ, говоря: *пошли мнѣ добраго купца съ серебряными и золотыми деньгами!* Уходитъ; но въ случаѣ худаго торга опять идетъ къ болвану съ дарами; приноситъ оные и маленькимъ болванамъ, моля ихъ о заступленіи, и кланяясь имъ смиренно. Когда же выгодно сбываетъ все съ рукъ, тогда говоритъ: *Владыка помогъ мнѣ; теперь я долженъ заплатить ему*. Убиваетъ нѣсколько быковъ, овецъ; раздаетъ мясо бѣднымъ, кладетъ остатокъ передъ большимъ и маленькими

истуканами; вѣшаетъ на первомъ головы убитой скотины — и когда собаки ночью съѣдятъ все мясо, всѣ головы, купецъ говоритъ: *Владыка благоволитъ ко мнѣ: онъ скушалъ даръ мой.*

«Кто изъ нихъ занеможетъ, для того разбиваютъ вдали шатеръ, переносятъ его въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ съ водою, не подходятъ къ больному близко и не говорятъ съ нимъ, но ежедневно посѣщаютъ его, особенно бѣднаго или раба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ своимъ; если же умретъ, то свободнаго предаютъ огню, а раба оставляютъ въ снѣдь псамъ и хищнымъ птицамъ.

«На вора или разбойника надѣваютъ петлю, вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ, и такъ оставляютъ, пока отъ вѣтра и дождя истлѣетъ.

«Слыша, что они сжигаютъ своихъ умершихъ начальниковъ съ обрядами весьма странными, я ждалъ случая видѣть оные — и видѣлъ собственными глазами. Умершаго опустили въ могилу и 10 дней надъ нимъ сѣтовали, пока скроили и сшили ему одежду. Бѣднаго обыкновенно кладутъ въ новую маленькую ладью и сжигаютъ въ ней; имѣніе же богатаго, собравъ, дѣлятъ на три части: одну даютъ родственникамъ; на другую шьютъ ему платье; на третью покупаютъ меду (cider), чтобы пить его въ тотъ день, въ который *дѣвка* (жена?) покойника убиваетъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ своимъ сожигается. Вино пьютъ они день и ночь, такъ, что нѣкоторые, держа стаканъ въ рукѣ, умираютъ.

«По смерти знатнаго мужа родные спрашиваютъ у его *дѣвокъ* и отроковъ: *кто изъ васъ хочетъ умереть съ нимъ?* Одинъ изъ нихъ отвѣтствуетъ: я! Послѣ чего спрашиваютъ у дѣвокъ: *кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ?* Одна говоритъ: я! Тогда приставляютъ къ ней двухъ женщинъ, чтобы всюду ходить за нею и даже мыть ей ноги; а родные начинаютъ кроить платье умершему и все нужное готовить. Между тѣмъ *дѣвка* всякой день пьетъ, поетъ и веселится. Когда же насталъ день сожженія, я пошелъ на рѣку, къ ладьѣ умершаго; но ладья уже стояла на берегу, на четырехъ столбахъ, окруженныхъ большими деревянными, человѣкообразными фигурами (болванами). Люди ходили взадъ и впередъ, произнося слова, для меня невразумительныя. Мертвый лежалъ вдали, въ своей могилѣ. Принесли скамью на ладью съ стегаными покрывалами, Греческою парчею и подушками изъ такой же парчи. Пришла старуха, именуемая Ангеломъ смерти, и все разостлала на упомянутой скамьѣ. Сія-то женщина занимается шитьемъ платья и всѣми приготовленіями; она же убиваетъ и *дѣвку*... Тогда вынули мертваго изъ могилы: онъ былъ въ полотняной одеждѣ, въ коей умеръ. Отъ жестокаго холода сей земли трупъ весь почернѣлъ. Въ могилѣ съ мертвымъ стоялъ медъ, лежали плоды и лютня: ихъ также вынули. Умершій, кромѣ цвѣта, не измѣнился ни въ чемъ. Надѣли на него исподнее платье, сапоги, поясъ, камзолъ, кафтанъ парчевой съ золотыми пуговицами и соболью шапку; отнесли его въ ладью, положили на стеганое покрывало, обклали подушками; принесли медъ, плоды, благовонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, и все поставили передъ нимъ или возлѣ; положили съ боку оружіе умершаго. Привели собаку, разрѣзали ее на двѣ части и бросили въ ладью; привели двухъ коней, двухъ коровъ, изрубили ихъ мечами и бросили мясо въ ладью; принесли еще пѣтуха съ курицею, зарѣзали и бросили туда же.

«Между тѣмъ *дѣвка*, коей надлежало умереть, ходила съ мѣста на мѣсто, и вошла въ одну изъ комнатъ (Gemächern), гдѣ легъ къ ней другъ или родственникъ господина ея, и сказалъ: *если бы ты не сдѣлала сего, то кто бы посѣтилъ* (heimgesucht) *тебя?* — Это было въ Пятницу послѣ обѣда. *Дѣвку* подвели къ чему-то сдѣланному ими на подобіе колодезнаго сруба: она стала на руки мужчинъ, заглянула въ срубъ и произнесла какія-то слова. Ее спустили съ рукъ и снова подняли, въ другой и въ третій разъ. Ей подали пѣтуха: отрѣзавъ ему голову, она кинула его; а другіе взяли и бросили въ ладью. Я требовалъ объясненія. Въ первой разъ, отвѣтствовалъ мнѣ переводчикъ, *дѣвка* сказала: *вижу здѣсь отца и мать свою.* Въ другой разъ: *теперь вижу всѣхъ моихъ умершихъ родственниковъ.* Въ третій разъ: *тамъ господинъ мой: онъ сидитъ въ раю, прекрасномъ, зеленомъ* (цвѣтущемъ). *Съ нимъ мужи и юноши. Онъ зоветъ меня: пустите меня къ нему!* Ее повели на ладью. Она сняла съ себя запястье и отдала старухѣ, называемой *Ангеломъ смерти;* снявъ и кольцы съ ногъ, отдала ихъ двумъ служащимъ ей дѣвкамъ, коихъ называютъ дочерями *Ангела смерти*. Послѣ чего внесли дѣвку на ладью и ввели въ (сдѣланную тамъ) комнату. Пришли мужчины съ щитами и палицами, и дали ей стаканъ меду. Она взяла его, запѣла и выпила. Переводчикъ сказалъ мнѣ: *это въ знакъ прощанія съ ея милыми.* Ей дали другой стаканъ: она, взявъ его, запѣла длинную пѣсню. Но старуха велѣла ей скорѣе выпить и войти въ комнату, гдѣ лежалъ господинъ ея. Дѣвка перемѣнилась (въ лицѣ) и не хотѣла итти туда, засунувъ голову между комнатою и ладьею. Старуха схватила ее за голову, втащила въ комнату и сама вошла съ нею. Тутъ мужчины начали бить палицами въ щиты, чтобы другія дѣвки не слыхали ея крика и не устрашились бы также умереть нѣкогда вмѣстѣ съ ихъ господами. Послѣ того вошли въ комнату 6 мужчинъ для совокупленія съ нею... Наконецъ положили *дѣвку* возлѣ умершаго господина. Двое взяли ее за ноги, двое за руки; а старуха, *Ангелъ смерти*, надѣла ей петлю на шею и подала веревку двумъ остальнымъ мужчинамъ, чтобы тянуть за оную; взяла широкой ножъ, и вонзивъ его въ бокъ ей между ребрами, извлекла оный; а мужчины тянули за веревку, пока *дѣвка* испустила духъ.

«Тогда явился ближайшій изъ родственниковъ, нагой; взялъ въ одну руку полѣно, зажегъ его, пошелъ задомъ къ ладьѣ, держась другою рукою за т. у., и зажегъ дерево подъ ладьею. Другіе пришли также съ пылающими отрубками и бросили ихъ на костеръ. Скоро все запылало: костеръ, ладья, комната, тѣло господина и *дѣвки*, и все бывшее въ ладьѣ. Въ ту же минуту подулъ сильной вѣтеръ, и пламя расширилось.

«Подлѣ меня стоялъ одинъ Русской, разговаривая съ моимъ переводчикомъ. Я спросилъ у переводчика, что говоритъ ему Русской? Вотъ что, отвѣчалъ онъ: *вы Аравитяне очень глупы: человѣка, которой былъ вамъ милѣе всѣхъ, зарываете въ землю, гдѣ служитъ онъ пищею червямъ; но мы въ минуту сожигаемъ его, чтобы онъ вдругъ перешелъ въ рай.* Тутъ Русской захохоталъ во все горло и сказалъ: *Владыка въ знакъ любви къ умершему послалъ вѣтеръ, чтобы онъ скорѣе обратился въ пепелъ.* Въ самомъ дѣлѣ менѣе, нежели въ часъ, сгорѣла вся ладья съ трупами.

«На берегу, гдѣ стояла ладья, они сдѣлали нѣчто подобное круглому холму, поставили въ срединѣ онаго столбъ и написали на немъ имя умершаго и Короля (Князя) Русскаго. Послѣ чего разошлися по домамъ.

214

«Короли Русскіе обыкновенно держатъ при себѣ, въ своемъ замкѣ или городкѣ, 400 храбрѣйшихъ воиновъ (дружину). Нѣкоторые изъ нихъ умираютъ съ ними или жертвуютъ имъ своею жизнію. Каждый (воинъ) имѣетъ дѣвку, которая служитъ ему, моетъ голову, готовитъ пищу; а другая бываетъ его наложницею. Сіи 400 сидятъ внизу на большомъ диванѣ Королевскомъ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями. Съ Королемъ сидятъ на диванѣ 40 дѣвокъ или наложницъ. Онъ не стыдится ласкать ихъ въ присутствіи своей дружины, на диванѣ. Когда ему надобно ѣхать верхомъ, то лошадь подводятъ для него къ дивану, съ коего онъ на нее садится; а съ лошади сходитъ также прямо на диванъ.

«У него (Короля или Князя) есть Намѣстникъ, который предводительствуетъ войскомъ, воюетъ съ непріятелями и заступаетъ его мѣсто для подданныхъ.»

«Вотъ извѣстія, слово въ слово выписанныя мною изъ сочиненія Фоцланова. Пусть самъ Авторъ отвѣтствуетъ за ихъ достовѣрность. Но Богъ знаетъ истину лучше всѣхъ другихъ! Что касается до нашего времени, то Русскіе уже Христіане, какъ извѣстно.»

Доселѣ Якутъ. Скажу вмѣстѣ съ нимъ: пусть самъ Авторъ отвѣтствуетъ за достовѣрность сего любопытнаго извѣстія! По крайней мѣрѣ оно согласно съ извѣстіями Нестора и другихъ древнихъ повѣствователей о правахъ *Славянъ* вообще и *Славянъ Россійскихъ* въ особенности: мы знаемъ, что жены первыхъ умирали съ мужьями, и что послѣдніе жгли мертвыхъ (см. Т. I, стр. 37 и 61). Посолъ Калифовъ видѣлъ Россіянъ или въ столицѣ Болгарской, какъ надобно думать, или въ Козарскомъ Ателѣ. Восточные Писатели говорятъ, что миролюбивые Козары должны были уступить безпокойнымъ, мятежнымъ Россіянамъ всѣ острова Волжскіе, на коихъ сіи послѣдніе сѣяли пшеничку (кики, Zea mays): для того будто бы Турки назвали ее *Русскою (кукурузи*: см. Эрбелот. Bibl. Orient. подъ словомъ Rous).

II. Слѣдующее извѣстіе переведено изъ Арабскаго Космографическаго творенія, названнаго *Чудесами земель и морей*. Сочинитель, *Шемсъ-удъ-динъ Абу-Абдъ-улла Мугаммедъ*, родомъ изъ Дамаска, жилъ, какъ вѣроятно, между годами 1283—1392.

«Русскіе — говоритъ онъ — названы такъ отъ города *Русіи*, стоящаго на сѣверномъ берегу Русскаго (Чернаго?) моря. По другимъ сказаніямъ, сіе имя происходитъ отъ Руса, Туркова сына, внука Таудшева. Они живутъ на островахъ Меотисскаго моря (Азовскаго) и ходятъ на судахъ воевать Козарскую землю. Ходятъ туда для разбоевъ и другимъ каналомъ (рукавомъ рѣки или моря), впадающимъ въ Козарское море. Прежде были они языческой Вѣры, но приняли Христіанскую. Мертвыхъ сжигаютъ. Нѣкоторые брѣютъ себѣ бороду; другіе красятъ ее желтою краскою. Имѣютъ свой особенный языкъ. — Ибнъ-улъ-Азиръ» (Историкъ Арабскій, умершій въ 1232 г.) «говоритъ въ своей лѣтописи, что сыновья Романовы (Василій и Константинъ), царствуя въ Константинополѣ, требовали помощи Государя Русскаго на врага ихъ, и выдали за него (Владиміра) при семъ случаѣ сестру свою; но какъ она не хотѣла быть супругою иновѣрца, то онъ сдѣлался Христіаниномъ: что было началомъ Христіанской Вѣры между Русскими, въ 375 (985) году» (т. е. по лѣтосчисленію Нестора въ 988).

(365) Татищевъ, ссылаясь на *Ростовскую лѣтопись*, полагаетъ рожденіе Святослава въ 920 году; но въ первой, въ *Ипатьев.*, *Хлѣбниковск.* и *Воскресенской* означено, что сей Князь родился въ 942: слѣдственно въ 39 годъ Ольгина замужства? вѣроятно ли? Въ 946 году Святославъ уже могъ воевать, хотя, по словамъ Лѣтописца, былъ еще *дѣтескъ*, т. е. очень молодъ; а въ 970 сыновья его начальствовали въ удѣльныхъ областяхъ (см. ниже). Въ годъ Игоревой кончины Святославу могло быть лѣтъ 12. Въ такомъ случаѣ Ольга родила его будучи по крайней мѣрѣ сорока трехъ лѣтъ (см. ниже, примѣч. 382).

(366) «Кормилецъ его Асмудъ, Воевода бѣ Свѣнельдъ, *то же отецъ Мистишинъ*.» Но кто былъ Мистиша, Лѣтописецъ не сказываетъ: можетъ быть, и самъ не зналъ, взявъ сіе имя изъ какой нибудь древней исторической сказки или пѣсни.

(367) Такъ Гомеровы Поэмы, будучи зеркаломъ древнихъ обычаевъ и нравовъ, весьма любопытны для самаго Историка.

(368) Здѣсь Несторъ описываетъ положеніе древняго Кіева: чѣмъ мы воспользуемся въ другомъ мѣстѣ.

(369) Въ *Пушкинскомъ*: «уже мнѣ своего не *кресити*.» Древній глаголъ *кресить* значилъ то же, что *воскрешать* или *возстановлять*.

(370) «Сѣдяху въ *перегбѣхъ*, въ великыхъ *сустугахъ* гордящеся.» *Перегибами* назывались, кажется, нѣкоторыя особенныя лодки. *Сустуги* могутъ значить кривлянье.

(371) Въ *Никонов.* и въ другихъ новыхъ спискахъ означено даже число ихъ: *сорокъ*.

(372) См. *Волынскія Записки* Г. Руссова, стр. 100. Онъ пишетъ, что древній Коростенъ принадлежитъ нынѣ помѣщикамъ Любовицкимъ, и называется селомъ Дѣдичнымъ; что въ лѣсу видно мѣсто города и воротъ; что тамъ, гдѣ былъ Ольгинъ станъ, находится теперь деревенька Шатрицы.

(373) Ольга, любивъ мужа, хотѣла, чтобы Игоревы тѣлохранители и по кончинѣ сего Князя составляли особенную дружину. — Лѣтописецъ думалъ, кажется, почтить женскую чувствительность Ольги, сказывая, что она не хотѣла быть зрительницею кровопролитія.

(374) *Цѣрь*. Въ рукописномъ житіи Ольги сказано: *сѣру съ огнемъ*. С. Стурлезонъ разсказываетъ (II, 61), что Гаральдъ, зять Ярослава Великаго (см. нашей *Исторіи* Т. II), около половины XI вѣка, для взятія одного города въ Сициліи также употребилъ птицъ, привязавъ къ нимъ смолу съ сѣрою. — Когда Древляне предлагали дань Великой Княгинѣ, она сказала имъ: «нынѣ у васъ нѣтъ меду, ни скоры; азъ бо не хощу тяжкы дани взложити, яко же и мужъ мой.»

(375) Сватовство кажется сомнительнымъ: Ольгѣ было тогда уже за 50 лѣтъ.

(376) Олегъ, по извѣстію Лѣтописца, основалъ многіе города. — *Вѣно* значитъ *приданое*; иногда *выводное*, или то, что женихъ даетъ за невѣсту. Примѣры увидимъ въ княженіе Владиміра и Ярослава. — О Вышегородѣ см. въ Memor. popul. II, 982.

(377) Несторъ: «уставляюще уставы и уроки; суть *становища ея* и ловища:» то есть, извѣстны мѣста, гдѣ находились ея станы, и гдѣ она ловила звѣрей. *Становищами* также назывались въ старину хуторы и домы, гдѣ можно было *приставать*. Такъ сказано въ *Лѣтописцѣ Соловецкаго Монастыря*, стр. 25, что Игуменъ Филиппъ въ 1561 году построилъ въ *Заяцкомъ становище каменное съ поварнею*.

Далѣе въ *Троицк.* спискѣ: «Иде Ольга къ Новугороду, сына своего, Святослава, оставивше Кыевѣ, и нача уставливати по Мьстѣ и *погосты* и дани, и по Лузѣ оброки устави и дани, и *ловища* ея суть и до сего дни по всей земли Русьтѣй и

Новогородьстѣй, знамянья же и мѣста и погосты; и сани ея стоять въ Плъсковѣ и нынѣ; и по Днѣпру *перевѣсища* ея суть, и по Деснѣ, и есть село ея у Кыева близь на Деснѣ *Ольжищи* и до сего дни.» Слово *погостъ* употребляется нынѣ въ двухъ смыслахъ, означая село съ деревнями прихода его и мѣсто вокругъ церкви, гдѣ погребаютъ мертвыхъ. Въ древнія времена погостомъ называлась округа или нѣсколько деревень, подсудныхъ одному начальству. Раздѣленіе областей на такія округи могло быть въ Ольгино время дѣломъ великой законодательной мудрости. — *Ловище* есть мѣсто звѣриной и рыбной ловли, а *перевѣсище* мѣсто *перевѣса*, или сѣтей развѣшенныхъ для ловленія птицъ (см. въ новомъ изд. *Русской Правды* стр. 78, и въ *Уложеніи* гл. XVII, отдѣлен. 23). Историки наши несправедливо думали, что Ольга *распорядила* въ государствѣ звѣриную, птичью и рыбную ловлю: здѣсь говорится о *мѣстахъ*, гдѣ Княгиня *сама* забавлялась ловлею. мѣстахъ извѣстныхъ и въ Несторово время подъ именемъ *Ольгиныхъ*. Такъ называлась и въ XV вѣкѣ одна гора близъ Пскова (см. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 197). Лѣтописецъ называетъ ихъ *знаменіемъ* ея, т. е. памятникомъ. Каменевичь-Рвовскій (см. выше, примѣч. 91), описывая путешествіе сей Княгини, говоритъ, что она была и въ Ярославской Губерніи, гдѣ въ его время, т. е. въ XVII вѣкѣ, одинъ большой камень на берегу Волги, въ верстѣ отъ устья Мологи, именовался *Ольгинымъ*; что тамъ же сынъ ея Святославъ въ окрестностяхъ небольшаго озера ловилъ птицъ, соколовъ, кречетовъ, и прозвалъ сіе озеро въ свое имя *Святославлимъ*: оно называется нынѣ Святымъ. Но Каменевичь забылъ, что Великая Княгиня путешествовала безъ сына. — Татищевъ увѣрялъ, что село Ольжищи или Ольжичи донынѣ существуетъ близъ Днѣпра и Чернигова. Я справлялся и получилъ въ отвѣтъ отъ Г. Черниговскаго Губернатора, Барона Френздорфа, что такого селенія не бывало въ Черниговской Губерніи; нѣтъ и близъ Кіева на Деснѣ. Оно было ниже Моровска по нашимъ лѣтописямъ XII вѣка.

(378) Татищевъ, ссылаясь на какую-то лѣтопись Симона Епископа (который никогда не бывалъ Лѣтописцемъ), полученную имъ отъ Волынскаго, говоритъ, что «Ольга хотѣла, но не могла креститься въ Кіевѣ, боясь народа, и для того, по данному ей отъ Христіанъ совѣту, отправилась въ Константинополь.» Но мы знаемъ, что народъ терпѣлъ Христіанъ въ Кіевѣ. Ольга же могла бы и тайно окреститься.

Патріархъ, крестившій Ольгу, названъ во многихъ спискахъ Несторовой лѣтописи Фотіемъ: его уже около 60 лѣтъ не было на свѣтѣ; могъ крестить ее Ѳеофилактъ или Поліевктъ.

Мы слѣдуемъ Несторовой хронологіи; однакожь замѣтимъ ея несогласіе съ Византійскими извѣстіями. Кедринъ, Историкъ XI вѣка, сказавъ, что въ 945 году Императоръ Константинъ Багрянородный взялъ Романа въ соправители, и что два Князя Турецкіе (или Венгерскіе) приняли Вѣру Христову въ Царѣградѣ, говоритъ о крещеніи Ольги, о смерти Романовой супруги Берты или Евдокіи, о пораженіи Хавдаса, вождя Арабскаго, и наконецъ о смерти Патріарха Ѳеофилакта. Жена Романова умерла въ 949 году (см. Дюканж. Famil. August. Byzant. стр. 143): слѣдственно Ольга крестилась или въ семъ году или еще прежде? Хавдасъ былъ побѣжденъ два раза, въ 950 и 956 г. (Аль-Макин. Historia Saracenica г. Эгиры 339 и 345), а Ѳеофилактъ умеръ въ 956. — Но въ книгѣ, приписываемой самому Константину Багрянородному (de Cerim. Aul. Byzant.) сказано, что онъ угощалъ Великую Княгиню Россійскую 9 Сентября въ Среду и 18 Октября въ Воскресенье: по церковному Пасхальному кругу сіи числа были Средою и Воскресеньемъ въ 946 и 957 годахъ. Далѣе въ томъ же Константиновомъ повѣствованіи говорится о дѣтяхъ Романовыхъ; а какъ Романъ въ 946 году еще самъ находился отрокомъ (хотя и женатымъ), то надобно, чтобы Ольга крестилась въ 957 году, когда онъ уже могъ имѣть дѣтей отъ второй супруги своей Ѳеофаніи (см. Круга Chronologie der Byzantier стр. 267 и слѣд.; также Архіеписк. Евгенія Булгара *Разысканія о времени крещенія Ольги*).

(379) Memor. popul. II, 976—979. Выписываемъ здѣсь подробности. Ольга, вошедши во дворецъ, остановилась тамъ, гдѣ Логоѳетъ или Канцлеръ обыкновенно предлагалъ иноземнымъ посламъ вопросы. За нею стали, у балясъ, Россійскіе послы или чиновники (Ἀποκρισιαριοι) и купцы. Логоѳетъ ввелъ Великую Княгиню въ посольскую залу, гдѣ Императоры въ такихъ случаяхъ обыкновенно сидѣли на золотыхъ креслахъ, между всѣми чиновниками Двора, изъ коихъ всякой отличался особеннымъ знакомъ. Поговоривъ съ Императоромъ, она долженствовала итти чрезъ разныя комнаты въ Августеонъ или круглое зданіе со многими крытыми переходами, и тамъ сѣла. Когда Императоръ возвратился изъ залы въ палату, тогда слѣдовало второе представленіе въ комнатахъ у Императрицы. Въ залѣ Юстиніановой было возвышенное мѣсто, покрытое багрянаго цвѣта коврами: на оном стоялъ тронъ Императора Ѳеофила, а съ другой стороны золотыя царскія кресла; на тронѣ сидѣла Императрица, на креслахъ невѣстка ея. Ольгу проводили изъ Августеона въ ближайшую горницу, и ввели въ залу, когда собрались тамъ придворныя госпожи. Церемоніймейстеръ именемъ Царицы предложилъ Великой Княгинѣ нѣкоторые вопросы: послѣ чего Ольга вышла въ другую комнату, называемую Σχολα. Императрица также удалилась въ свои внутреннія комнаты. Туда же отвели и Княгиню Россійскую, гдѣ Императоръ находился со всѣмъ Царскимъ семействомъ; посадивъ ее, онъ вступилъ съ нею въ разговоръ. — Предъ обѣдомъ Княжескія особы кланялися Императрицѣ до земли: Ольга же только кивнула головою. Послы Россійскіе обѣдали въ *златой палатѣ* (Χρυσοτρικλινω). — Закуски были приготовлены для Императорскаго семейства и гостьи въ обыкновенной столовой комнатѣ.

(380) Въ *номисмѣ*, въ *солидѣ* или въ червонцѣ было 12 миліарезій (см. Дюканжа въ словѣ Μιλιαρισιον); но Византійскіе червонцы содержали въ себѣ 70 грановъ золота, а въ Голландскихъ только 57.

(381) Мы опредѣляемъ здѣсь цѣну обыкновенныхъ Миліарезій (или Миліаризій); но у Грековъ были еще двойныя, διπλατα μιλιαρισια (см. сочин. Г. Круга Münzkunde Rußlands, стр. 158). Въ такомъ случаѣ Ольга взяла 32 червонца. — Царь Іоаннъ Вас. дарилъ иногда женѣ Хана Крымскаго однимъ *золотымъ* или червонцемъ!

Константинъ въ книгѣ de Cer. Aul. Byz. не говоритъ ни слова о крещеніи Ольги; молчаніе его заставило ученаго Геснера сомнѣваться въ истинѣ сего случая. Но въ книгѣ, сочиненной *единственно* для описанія придворныхъ обрядовъ, нужно ли было говорить о крещеніи Ольгиномъ? Вотъ слова Кедрина (писавшаго въ половинѣ XI вѣка) и Зонары: «*Ольга*, супруга Князя Россійскаго, который ходилъ со флотомъ противъ Грековъ, по смерти мужа была въ Константинополѣ; крестилась тамъ, оказала великое усердіе къ Вѣрѣ истинной и съ честію возвратилась въ отечество» (Memor. popul. II, 976). — Продолжатель лѣтописи Региноновой

215

также упоминаетъ о крещеніи Ольги въ *царствованіе Романа* — вѣроятно, сына Константинова. Онъ называетъ ее Королевою Ругійскою, *Еленою* (см. Ассемани Kalend. Eccl. univ. IV, 20). Не говорю о свидѣтельствѣ Длугоша, которое доказываетъ только, что онъ читалъ Нестора; а новѣйшіе Богемскіе Лѣтописцы, упоминая о крещеніи Ольги, повторяютъ Длугоша.

(382) Въ древнихъ спискахъ, въ *Пушкин.* и въ *Троицк.*, сказано, что Греческимъ Царемъ былъ тогда Цимискій: въ новѣйшихъ, въ *Кенигсберг.* и другихъ, сія Несторова ошибка поправлена, и вмѣсто Цимискія поставленъ Константинъ. Слова Лѣтописца: «Приде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущу зѣло лицемъ и смыслену, удивився Царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: *подобна еси царствовати въ градѣ съ нами.* Она же разумѣвши, рече ко Царю: *азъ погана есмь; да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли не самъ, то не крещуся.* И крести ю Царь съ Патріархомъ, и возва ю Царь и рече ей: *хощу пояти собѣ женѣ.* Она же рече: *како хощеши мя пояти? крестилъ мя самъ и нарекъ мя дщерью, а (въ) Хресьянѣхъ того нѣсь закона...* И рече Царь: *переклюкала мя еси*, Ольго.» (*Переклюкала* есть собственно *перекривила* или перехитрила, отъ слова: *клюка*, т. е. загнутая или *кривая* палка.) Ежели Ольга въ 903 году вышла замужъ и двѣнадцати лѣтъ, то въ 955 было ей уже 64 года: одна Нинонъ Ланкло прельщала въ такой старости — и для того Шлецеръ въ своей краткой Рос. Исторіи называетъ ее *Сѣверною Нинонъ! Архангел. Лѣт.* говоритъ, что она десяти лѣтъ вышла за Игоря: положимъ! Сей же Лѣтописецъ прибавляетъ слѣдующее: «Ольга, пришедъ къ церкви, не видя Царя, и рече: *кому мя крестити?* Патріархъ же рече: *азъ крещу тя.* Ольга жь посла къ Царю и рече: *аще не крестишь мя самъ, то не крещуся.*» — Несторъ, описывая, какъ Патріархъ училъ ее, говоритъ: «Она же *поклонивши главу* стояше аки губа напаема, внимающе ученья.» Можетъ быть, Лѣтописецъ видѣлъ образъ, который представлялъ Ольгу въ семъ положеніи. — Далѣе: и дасть ей (Царь) дары многи, злато и сребро, паволоки и ссуды (сосуды) различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дщерью собѣ.» Въ ея житіи, напечатанномъ въ Прологѣ, сказано: «пріимши крестъ и Пресвитера, иде въ свою землю, и той *крестъ* и донынѣ стоитъ во Святѣй Софіи» (Кіевской Соборной церкви) «въ олтарѣ, на деснѣй странѣ, имѣяй письмена сице: *обновися Россійская земля святымъ крещеніемъ, его же пріятъ Ольга Благовѣрная Княгиня.* Сего креста нѣтъ, и никто не слыхивалъ объ немъ въ Кіевѣ.

(383) Нынѣ маленькая рѣчка, текущая внѣ города Кіева, къ Сѣверу, и впадающая въ Днѣпръ. — Татищевъ вмѣсто *Суда*, ему неизвѣстнаго, поставилъ здѣсь *Скутари*; далѣе говоритъ, что Святославъ не любилъ Грековъ, и что Ольга, одаривъ пословъ, отпустила ихъ съ великою честію: въ лѣтописи нѣтъ о томъ ни слова. — — Шлецеръ въ своемъ Nestor съ жаромъ утверждаетъ, что гордый Императоръ Греческій не могъ *требовать даровъ* отъ Княгини Россійской.

(384) *Βουλλα χρυσῆ δισολδια.* Золотая печать сей грамоты стоила два *солида* или червонца. Когда въ 946 году представляли пословъ Эмира Тарсійскаго Императорамъ, тогда многіе *крестившіеся* Россіяне, вооруженные мечами, были во дворцѣ и держали въ рукахъ знамена. Въ 949 году находилось около 600 Россіянъ въ Греческомъ флотѣ, отправленномъ къ острову Криту. Полководецъ Никифоръ Фока въ 962 и 963 году имѣлъ также Россіянъ въ войскѣ своемъ (Memor. popul. II, 973, 974, 980). Арабскій Историкъ, Ахметъ Эби-Абдаль-Вегабъ, прозванный Новайри, пишетъ въ Histoire de Sicile, переведенной Французскимъ Профессоромъ Коссенемъ, что въ срединѣ *Шуаля* 353 (т. е. 25 Окт. 964 году) Греки, имѣя съ собою многихъ Персовъ, Армянъ и *Россіянъ*, окружили въ Сициліи Аль-Гассана. Сія Исторія напечатана при Voyage en Sicile, par le Baron de Riedesel.

(385) Татищевъ пишетъ (г. 964): «тогда же отрѣши Ольга *Княжее*, а уложила брать отъ жениха по чернѣ кунѣ, какъ Князю, такъ и Боярину отъ его подданнаго.» Въ примѣчаніи говоритъ, что сіе мѣсто взято имъ изъ Раскольничьей лѣтописи; что *Княжимъ* называлось, можетъ быть, право господъ растлѣвать невѣстъ въ своихъ помѣстьяхъ, и ссылается на Геродота! Мнимая Раскольничья лѣтопись такъ же достовѣрна, какъ Іоакимъ.

(386) Вятичи жили на Окѣ. Несторъ пишетъ: «Въ лѣто 6472 Святославъ налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: *кому даете дань?* Онижь рѣша: *Козаромъ по щлягу отъ рала даемъ.*» Далѣе: «Въ лѣто 6474 Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ взложи.» И такъ Святославъ въ 6472 году приходилъ къ Вятичамъ единственно за тѣмъ, чтобы предложить имъ вопросъ? Сомнительно также, чтобы они *въ сіе время* платили дань Кагану: Русскіе и Печенѣги жили между ними и Козарскимъ владѣніемъ. Но быть можетъ, что Вятичи все еще назывались подданными могущественнаго Кагана, въ надеждѣ на его защиту.

(387) Названія Саркелъ и Бѣлая Вежа имѣютъ одинъ смыслъ: *вежа* означаетъ и шатеръ и башню городскую; а Саркелъ *бѣлый городъ* (Баер. Geographia ex Const. Porph. въ Коммент. Академіи Т. IX, стр. 399). Сей городъ былъ на Дону (см. выше, примѣч. 90). Другая Новая Бѣлая Вежа находилась между Нѣжинымъ и Роменомъ, въ верховьѣ рѣки Остера (см. *Большій Чертежъ*, стр. 149—150, и нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 219). Татищевъ и Болтинъ несправедливо полагали древнюю Козарскую Вежу при устьѣ Днѣпра, гдѣ цвѣла нѣкогда славная Ольвія. Первый ссылался на договоръ Игоревъ съ Греками; но тамъ, по всѣмъ спискамъ Несторовой лѣтописи, говорится о *Бѣлобережьѣ* при устьѣ Днѣпра: Татищевъ не разобралъ или хотѣлъ поправить, и въ Исторіи своей обратилъ имя сего мѣста въ *Бѣлую Вежу*. Онъ не зналъ, что Херсонцы, а не Козары владѣли Восточными берегами Днѣпра и приморскою землею отъ Крыма до Лимана (см. Баер. Geograph. Russ. ex Const. Porph. въ Коммент. Акад. Т. IX, стр. 397 и 398).

(388) О Кавказскихъ Оссахъ или Оссетинцахъ см. Гильденштета Reisen durch Rußland, Т. I, стр. 470. Арабскіе и Татарскіе Историки называютъ Ясовъ Аланами (см. выше, примѣч. 40). Часть горъ Кавказскихъ именовалась у насъ въ XIII и въ XIV вѣкѣ *Ясскими* (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 291). Ясскій городъ Дедяковъ или Тетяковъ былъ въ Дагестанѣ (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 157). Тамъ Яссы или Алане сражались съ Татарами (см. Абульгази Histoire des Tatars, 308, 309). Близъ устья Волги находился городъ Аланъ или Ясовъ (см. Рубрукиса въ Бержерон. Voyages, 137). Думаю, что имя сего народа произошло отъ древнихъ Язиговъ, которые смѣшались съ Аланами (см. выше, примѣч. 21). Въ надписи временъ Адріановыхъ, найденной въ Трансильваніи, Сарматскіе Язиги, перешедшіе около половины I вѣка въ Дакію, именно названы Ясами: e x v o t o XXX. m a g n o e t i n v i c t o I m p e r. Caes. T. Ael. H a d r i a n o. A n t o n i n o. P i o. A u g. P o n t. M a x.

Trib. pop. XVI cos. III p. p. pro. salute. et. felici. Pont. Max. et. annal. Faustinae. Aug. coniugi. C. Clod. VI. Praef. M. Dacorum. Jassiorum. hanc. statuam. in. auraria. numinibus. Maiestatiq. eor. (см. Прая Dissert. VI, стр. 123).

О Касахіи см. Баер. Geograph. Russ. ex Const. Porph. Коммент. Академіи Т. IX, 382—383, и Академика Гильденштета Reisen durch Rußland, I, 466. Вѣроятно, что въ Константиново время и послѣ Черкесы были извѣстны какъ въ Россіи, такъ и въ Греціи подъ симъ общимъ именемъ. Татары въ 1224 году шли съ Востока къ Дону чрезъ землю Касоговъ *(Никон. Лѣтоп.* II, 349).

(389) См. о Таматархѣ извѣстіе Конст. Багрянород. въ Бандури, I, 113. Греки называли сей городъ также *Матархою* и *Метрахою;* а Нубійскій Географъ именуетъ его Метрехою (см. Тунман. Ueber die Gesch. Oestl. Völk. 156). Баеръ *первый* сказалъ, что имя *Тмуторокань* есть одно съ именемъ *Таматархи* (см. его *Азовскую Исторію* въ Samml. Russ. Gesch. II, 77). Островъ Таманъ называется въ житіи Св. Никона *Тмуторокансклмъ* (см. *Патер.* лист. 72).

(390) Могущество Козаровъ ослабѣло отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ завоеваній Олеговыхъ и внутреннихъ междоусобій: ибо нѣкоторыя племена Козарскія, недовольныя Каганомъ, оставили свое отечество и перешли къ Уграмъ въ Паннонію (см. извѣстія Конст. Багр. въ Бандури Т. I, стр. 108). — Татищевъ пишетъ, что Святославъ привелъ многихъ Касоговъ и Ясовъ въ Кіевъ на поселеніе, разоривъ собственные города ихъ, которыхъ слѣды видны еще на берегахъ Днѣстра, Дуная, Буга и Днѣпра. 1) Ясы и Касоги жили въ Азіи; 2) въ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Святославъ переселилъ Касоговъ и Ясовъ въ Кіевъ.

(391) Такъ Византійскіе Историки описываютъ причину сей войны (Memor. popul. II, 987). Несторъ говоритъ просто: *иде Святославъ на Дунай на Болгары.* О 15 центнерахъ золота, присланныхъ къ Святославу съ Калокиромъ, о числѣ Россіянъ и проч. говоритъ Левъ Діаконъ, Византійскій Лѣтописецъ X вѣка, нынѣ издаваемый Гм. Газе въ Парижѣ, а прежде извѣстный намъ только по выпискамъ Ф. Паджи или Паги въ замѣчаніяхъ на Баронія. Левъ писалъ Исторію Византійскую отъ временъ Константина VIII до смерти Цимисхія. Онъ сказываетъ, что Болгары совсѣмъ не ожидали Святослава, и что ихъ собралось на берегу 30,000 (ad Baron. г. 968). Теперь въ рукахъ у меня шестая и девятая книга сей Исторіи. — Въ нашей лѣтописи сказано, что Святославъ взялъ 80 городовъ Болгарскихъ. — Татищевъ пишетъ, что Касоги, Ясы и Козары соединились съ Болгарами противъ Святослава: чего нѣтъ въ лѣтописи, и быть не могло. Сіи народы жили совсѣмъ въ другой сторонѣ. — Далѣе Несторъ: *«емля* (Святославъ) дань на Грецѣхъ.»

(392) Въ нынѣшнемъ Преславѣ. Византійскіе Лѣтописцы именуютъ его *Великимъ Переяславомъ* или *Перѳлавомъ,* ἡ μεγάλη Περϑλάβα. Въ древнѣйшія времена онъ назывался Марціанополемъ, отъ имени Марціаны, сестры Траяновой.

(393) «Отступиша Печенѣзи отъ града, *и не бяше льзъ коня напоити на Лыбеди Печенѣзи»* (а не *Печенѣгомъ).* Вотъ изъясненіе Татищева: *«Печенѣговъ* было такъ много, что въ рѣкѣ Лыбеди не доставало воды для напоенія всѣхъ лошадей ихъ.» Нѣтъ: Лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Кіевляне не могли поить коней своихъ на Лыбеди *ради стоявшихъ* тамъ Печенѣговъ. Увидимъ ниже, что измѣнникъ Блудъ не смѣлъ умертвить Ярополка въ Кіевѣ, зная усердіе граждаиъ столицы къ ихъ Государю: сію мысль выражаетъ Несторъ слѣдующимъ образомъ: «мысляше (Блудъ) убити Ярополка, но *«гражаны не бѣ льзъ убити его»* — то есть, *ради* или отъ граждань. Одно мѣсто объясняетъ другое.»

Далѣе: «Ты, Княже, чюжей земли ищешь и блюдешь, а своей *ся охабивъ.» Охабляться* значило *остерегаться* (см. Лексиконъ Кутеинскій), также *удаляться* отъ чего нибудь, или *оставлять* что нибудь. Владиміръ велѣлъ своимъ воинамъ итти за Перуномъ до пороговъ Днѣпровскихъ, а тамъ *охабиться* его, или оставить (см. въ печат. *Нест.* стр. 83).

(394) «Яко то есть середа земли моей.» Но Болгарія не могла быть срединою его владѣній: или онъ въ гордости своей мечталъ, что Греція, Венгрія и Богемія должны отъ него зависѣть? — Далѣе въ *Пушкин.* и *Троицк.*: «изъ Чехъ же и изъ Угровъ сребро и *комони.»* Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* кони также называются *комони.*

(395) Continuator Reginonis годъ 959, Annalista Hildesheimensis въ томъ же году, Ламбертъ Ашаффенбургскій въ 960. Нѣмецкіе Лѣтописцы говорятъ, будто бы Россіяне требовали отъ Императора Христіанскихъ учителей. Ламбертъ (который жилъ въ XI вѣкѣ) пишетъ, что Оттонъ дѣйствительно послалъ въ Россію Епископа Адальберта, но что сей Епископъ едва могъ спастись оттуда бѣгствомъ. Вотъ слова Ламбертовы въ описаніи происшествій 960 года: venerunt legati Russiæ gentis ad Regem Ottonem, deprecantes ut aliquem suorum Episcoporum transmitteret, qui ostenderet eis viam veritatis, qui consensit deprecationi eorum, mittens Adalbertum Episcopum, fide Catholicum, qui etiam vix evasit manus eorum (стр. 314 въ Струвіевомъ изданіи Нѣм. Лѣтописцевъ, Rerum Germanicarum Scriptores). Сей Лѣтописецъ не именуетъ Ольги; но современный Продолжатель Регинона точно говоритъ: Legati Helenæ Reginæ Rugorum (вмѣсто Russorum). Вѣроятно ли, чтобы Ольга, принявъ Вѣру Греческую, хотѣла имѣть духовныхъ Пастырей Римской Церкви, уже несогласной съ первою? Раздѣленіе Церквей, Западной и Восточной, произошло еще около 880 году. Адальбертъ былъ посыланъ Оттономъ не къ Русскимъ, а Ругенскимъ Славянамъ (см. Гебгарди Gesch. des Reichs Rügen, Ассемани Kalend. IV, 21, и l'Art de vérif. les Dates, I, 61). Ученый Ассемани думаетъ, что сіе извѣстіе въ Регинововомъ Продолжателѣ надобно читать такъ: Legati Helenæ Reginæ Russorum, quæ sub Romano Imp. Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est; nec non legati Rugorum, ad Regem Ottonem venientes, и проч. Мнѣніе его вѣроятно, равно какъ и то, что Ламбертъ хотѣлъ написать Legati Rugiæ gentis, а не Russiæ. Ссылаются еще на Дитмара Мерзебургскаго, который именно пишетъ, что Адальбертъ былъ изгнанъ язычниками изъ Россіи (Ditm. Chron. кн. II); но и тутъ писецъ могъ поставить Russia вмѣсто Rugia. Жители Рюгена въ 956 году давали Нѣмецкому Императору вспомогательное войско (Гебг. Gesch. des R. Rügen, стр. 7). Они до самаго XII вѣка еще покланялись идоламъ, вопреки Шлецеру (см. его Nest. IV, 111).

(396) Мнимый Іоакимъ говоритъ, что Святославъ былъ женатъ на дочери Венгерскаго Короля, Предславѣ; но въ сіе время никакой Венгерской Принцессы не бывало за Россійскимъ Княземъ (см. Генеалогію Королей Венгерскихъ, Regum Hungariæ ex optimis scriptoribus explicat. Geneal. въ Камерар. de rebus Turc., Hung. et Moscovit. стр. 548).

(397) То есть, родомъ изъ Любеча. Въ *Никонов.*

216

*Лѣт.* сказано, что Ольга, въ гнѣвѣ своемъ на Малушу, сослала ее въ деревню свою *Будутино,* гдѣ и родился Владиміръ. Въ *Арханг. Лѣт.*: «бѣ бо умирая Ольга отдасть село то пресвятѣй Богородицѣ.» Вѣрить ли симъ прибавкамъ новѣйшихъ Лѣтописцевъ? Считать ли также Владиміра незаконнорожденнымъ, какъ думалъ Г. Елагинъ? Древній Лѣтописецъ не именуетъ Владиміровой матери наложницею. Святославъ могъ имѣть и двухъ женъ.

Татищевъ — неизвѣстно, почему — назвалъ Добрыню однимъ изъ пословъ Новогородскихъ. Стриковскій же обратилъ его въ женщину.

(398) Здѣсь Татищевъ разсказываетъ цѣлую исторію, которой нѣтъ въ лѣтописи. «Святославъ (говоритъ онъ), выступивъ изъ Переяславца въ 968 году, оставилъ тамъ Воеводу своего, именемъ Волка. Болгары, свѣдавъ объ отсутствіи Князя, собрали войско и хотѣли взять городъ. *Волкъ,* боясь измѣны гражданъ и не имѣя довольнаго количества съѣстныхъ припасовъ, тайно приготовилъ *на берегу* лодки, и разгласилъ, что хочетъ обороняться до послѣдняго человѣка; велѣлъ также порѣзать всѣхъ коней и солить мяса: ночью же зажегъ въ разныхъ мѣстахъ городъ, и когда Болгары, думая воспользоваться пожаромъ, приступили къ стѣнамъ городскимъ, хитрый Воевода убрался на свои лодки, взялъ Болгарскія, бывшія на другой *сторонѣ рѣки,* и со всѣми Россіянами отправился внизъ по Дунаю. Непріятели, лишенные лодокъ своихъ, не могли за нимъ гнаться. Онъ вошелъ въ Днѣстръ, и соединился съ Святославомъ.» Сказка не складная. Сочинитель ея думалъ, что Переяславецъ, или нынѣшній Преславъ, стоитъ на берегу Дуная; но отъ города до сей рѣки будетъ нѣсколько верстъ (см. Бишингову Географію въ описаніи Европейской Турціи). Надобно также знать, что Россіяне ходили изъ Кіева въ Болгарію Днѣпромъ, моремъ и Дунаемъ, а не рѣкою *Днѣстромъ.* — Болтинъ удивился, что К. Щербатовъ не зналъ повѣсти о хитромъ *Волкѣ;* но для чего же самъ Болтинъ не отыскалъ ее въ лѣтописяхъ, а только ссылается на Татищева? Догадка, что Святославу надлежало въ Переяславцѣ оставить *гарнизонъ* или *засаду,* какъ говорили въ старину, была причиною сего вымысла, *раскрашеннаго* Елагинымъ.

(399) Memor. popul. II, 989. Левъ Діаконъ (см. выше, примѣч. 391) пишетъ, что Калокиръ, имѣвъ случай подружиться съ Россіянами въ *Сиріи,* единственно съ тѣмъ намѣреніемъ и привелъ ихъ въ Болгарію, чтобы итти съ ними послѣ на Царьградъ.

(400) Memor. popul. II, 996. Сіи знаки были златый вѣнецъ, повязка виссонная (tænia byssina) и красные башмаки или сапоги (Memor. popul. II, 1008).

(401) Греки писали Τζιμισκης: имя прилагательное, взятое изъ языка Армянскаго; значитъ: adolescentulus, *юноша* (см. Дюканж. Glossar. стран. 1570). — Левъ сказываетъ, что и Никифоръ уже готовился къ войнѣ съ Россіянами, и что онъ, желая быть увѣреннымъ въ доброжелательствѣ Болгаровъ, обѣщалъ женить сыновей Романовыхъ на ихъ Царевнахъ, которыя и были отправлены въ Царьградъ съ Греческими послами, Епископомъ Филоѳеемъ и сановникомъ Никифоромъ: см. Memoriæ populorum II, 989. и Льва Діакона кн. VI, который пишетъ еще слѣдующее: «Святославъ требовалъ, чтобы Императоръ заплатилъ ему великую сумму денегъ за счастливую Болгарію; иначе грозился выгнать Грековъ изъ Европы, имъ не принадлежащей. Цимискій отвѣтствовалъ, что Христіане любятъ миръ, но принуждены будутъ силою выгнать Россіянъ изъ Болгаріи; что вѣроломный Игорь, съ безчисленными ладіями подступивъ къ Царюграду, ушелъ въ Босфоръ Киммерійскій только едва ли съ десятью, и послѣ, взятый въ плѣнъ *Германцами* (Древлянами), кончилъ жизнь бѣдственно: привязанный къ двумъ деревамъ, былъ разорванъ на-двое; что Святославъ также погибнетъ, и проч. Гнѣвный Князь Россійскій сказалъ: нѣтъ нужды Императору итти сюда; сами явимся предъ Константинополемъ, и докажемъ, что мы не подлые ремесленники, а воины благородные; не жены, не дѣти, коихъ пугаютъ масками.» и проч. Далѣе: «Императоръ составилъ легіонъ изъ храбрыхъ, юныхъ воиновъ, и назвалъ *Безсмертными...* Онъ велѣлъ Бардѣ Склиру и Патрикію Петру оберегать границы, учить войско и посылать людей знающихъ Русскій языкъ для развѣдыванія о непріятелѣ,» и проч.

(402) Memor. popul. II, 989 и слѣд. Несторъ пишетъ, что города, разоренные тогда Россіянами, до его времени были пусты. Кедринъ и Зонара говорятъ, что у Святослава было 308,000 воиновъ; а у Барды 12,000!! Левъ Діаконъ уменьшаетъ число первыхъ до 30,000, а послѣднихъ до 10,000, сказывая, что Россіяне потеряли въ битвѣ слишкомъ 20,000, а Греки только 55! По его извѣстію, Барда раздѣлилъ свое войско на три части: съ одною шелъ прямо въ лице непріятелю, а другіе двѣ скрывъ въ лѣсу, велѣлъ имъ нечаянно ударить на его фланги.

(403) Въ лѣтописи: «*Уже намъ не камо ся дѣти, волею и неволею стати противу, да не посрамимъ земли Русьскыя, но ляжемъ костьми ту: мертвыи бо срама не имуть. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко; язъ же предъ вами пойду. Аще моя глава ляжеть, то промышляйте о собѣ. И рѣша вои: идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ.*»

(404) См. Льва Діакона. Съ остальнымъ войскомъ и съ осадными орудіями шелъ назади полководецъ Василій. Сей Историкъ сказываетъ, что Россіяне не успѣли занять ущелій, чрезъ кои надлежало проходить Грекамъ.

(Изъ прибавленія въ концѣ VIII тома изданія 1819 года): Имѣя теперь всю Хронику Льва Діакона, выписываю въ добавленіе нѣкоторыя обстоятельства изъ его осьмой книги.

Цимискій, сверхъ галеръ, отправилъ изъ Константинополя 300 кораблей къ Доростолу. Онъ узналъ въ Адріанополѣ, что ущелья не заняты *Скиѳами*, т. е. Россіянами. Говоритъ рѣчь къ войску. Въ сраженіи подъ стѣнами Переяславца *убиваютъ* 8500 Россіянъ; ни слова о *воинскомъ ученьѣ,* о коемъ говорятъ другіе Византійскіе Лѣтописцы. Ѳеодосій Мезоникъ первый всходитъ на стѣну. Россіяне заключаются въ замкѣ или во дворцѣ, гдѣ находилось сокровище Болгарское или казна. Приводятъ Бориса къ Императору. Греки, осадивъ дворецъ, зажигаютъ его. Изгнанные пламенемъ, 7000 Россіянъ выходятъ на открытое мѣсто, сражаются и гибнутъ. Сфенкалъ съ немногими спасается. Цимискій посылаетъ плѣнныхъ къ Святославу, съ предложеніемъ, чтобы онъ немедленно оставилъ Мизію, или шелъ на битву съ Римлянами. Святославъ не могъ ждать успѣха; но, ослѣпленный безразсудностію *Скиѳскою,* и гордясь побѣдою надъ Болгарами, мечталъ, что управится и съ Цимискіемъ. Онъ предаетъ смерти 300 Болгаровъ, другихъ ввергаетъ въ темницу, и спѣшитъ встрѣтить непріятеля. Россіяне, засѣвъ въ тѣсномъ мѣстѣ, побили Греческій передовый отрядъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ схватили въ лѣсу и привели къ Императору, который велѣлъ умертвить сихъ плѣнниковъ. — Кровопролитная, долго

сомнительная битва рѣшилась ввечеру счастливымъ ударомъ Цимискіевой конницы.

(405) А послѣ онъ снялъ знаки Царскаго достоинства съ Бориса, и всю Болгарію объявилъ провинціею Имперіи.

(406) Греки называли его также Дристрою, Дистрою и Дристрономъ.

(407) См. Льва Діакона, кн. IX. Онъ пишетъ, что Императоръ расположился станомъ на возвышеніи предъ Доростоломъ, укрѣпивъ оный рвомъ и валомъ, также рядомъ копій и щитовъ; что воины Святославовы въ первый разъ показались тогда на коняхъ, но не умѣли править ими; что они весьма испугались прихода Греческихъ огненныхъ судовъ, вспомнивъ о сожженіи Игорева флота, и ввели ладіи свои въ безопасное мѣсто; что щиты у Россіянъ доставали до ногъ, а брони были кольчужныя; что Сфенкала, третьяго начальника по Святославѣ, убилъ одинъ Римлянинъ; что Грекъ Ѳеодоръ Лалаконъ раздроблялъ шлемы и головы непріятелей желѣзною булавою; что Россіяне старались обратить въ пепелъ военныя махины Грековъ; что Магистръ Іоаннъ пьяный упалъ въ битвѣ съ лошади; что Скиѳы — т. е. Россіяне — сочли его Императоромъ по блестящему его оружію и богатымъ коврамъ сѣдла; что они, смѣясь Грекамъ, взоткнули голову Іоаннову на колъ, и въ слѣдующій день гордо на нихъ ударили, но устрашенные смертію великана Икмора, перваго сановника по Святославѣ, обезглавленнаго Императорскимъ тѣлохранителемъ Анемасомъ, завопили и дали тылъ; что ночью, отыскивая своихъ мертвыхъ, сжигали ихъ предъ городскою стѣною на разныхъ кострахъ, а послѣ, совершая жертвоприношеніе, погружали младенцевъ и *пѣтуховъ* въ Дунай и задушали ихъ (по Латин. переводу: suffocaverunt, undis fluminis mersos). Тутъ Левъ Діаконъ прибавляетъ слѣдующее: «Сказываютъ, что они, слѣдуя языческимъ обрядамъ древнихъ Грековъ, совершаютъ жертвы и возліянія въ честь усопшихъ, будучи научены тому или Анахарсисомъ и Ксамолксидомъ, ихъ Философами, или товарищами Ахилла: ибо Арріанъ говоритъ въ своемъ Периплѣ, что Ахиллъ былъ Скиѳъ изъ городка Мирмикіона, находящагося при озерѣ Меотисѣ; что изгнанный Скиѳами за необузданность, жестокость и гордость, поселился въ Ѳессаліи: чему яснымъ доказательствомъ служатъ покрой одежды съ застежкою, сраженіе пѣшее, волосы русые, глаза голубые, дерзость, ярость, лютость, въ коихъ Агамемнонъ упрекаетъ его сими словами: *ты любишь всегда распрю, ссоры и драки*. . . Народъ Скиѳскій славится дерзостію, мужествомъ, силою,» и проч.

Воевода Святославовъ, Сфенкалъ или Сфагелъ, начальствовалъ (какъ мы сказали) въ Переяславцѣ: онъ спасся оттуда бѣгствомъ. Вѣроятно, что симъ именемъ Греческіе Историки называютъ Воеводу Свѣнельда, который однакожь возвратился живъ и здоровъ въ Россію.

(408) По Латинскому переводу Кедрина: qui enim vitam toleraturi essent fuga servatam, contemnentibus ipsos porro vicinis populis, quibus antea terrori fuissent (Memor. popul. II, 1004). См. еще Льва Діакона, кн. IX. Совѣтъ Святославовъ называетъ онъ *Коментомъ:* quod sua lingua Comentum apellant. — Ломоносовъ соединилъ сію рѣчь съ тою, которая находится въ Несторовой лѣтописи (см. выше, примѣч. 403); но первую говорилъ Святославъ не въ Доростолѣ, а въ Греціи, идучи къ Царюграду.

(409) «Нѣкоторая благочестивая жена» (пишетъ Кедринъ), «подтвердила въ Константинополѣ истину сего явленія. Она видѣла во снѣ Богоматерь, которая говорила: *Ѳеодоре! мой и твой другъ Іоаннъ въ опасности: спѣши къ нему на помощь*» (Memor. popul. II, 1006). Левъ Діаконъ описываетъ сію битву иначе, сказывая, что Россіяне 24 Іюля, въ шестый день недѣли, передъ закатомъ солнца вышли густою фалангою изъ крѣпости, держа въ рукахъ метательныя копья; что Анемасъ ударилъ Святослава мечемъ въ шею, и что сей Князь обязанъ былъ спасеніемъ жизни кольчугѣ своей и щиту; что Россіяне, ободренные смертію Анемаса, погнали Грековъ; что Императоръ, велѣвъ ударить въ тимпаны и взявъ копье, остановилъ бѣгущихъ; что вихрь ослѣпилъ тогда Россіянъ пылью, и Св. Ѳеодоръ на конѣ явился; что Варда Склиръ заставилъ ихъ отступить къ стѣнѣ; что уронъ Грековъ состоялъ только въ *трехъ стахъ пятидесяти* убитыхъ; что Святославъ едва не попался въ плѣнъ, всю ночь крушился, и въ слѣдующій день, на разсвѣтѣ, прислалъ пословъ къ Императору, заключилъ миръ, съ условіемъ отдать Доростолъ и Болгарію Грекамъ, освободить ихъ плѣнниковъ и возвратиться въ отечество. Леонъ говоритъ только объ одной битвѣ. *Шестый* день недѣли, имъ означенный, нейдетъ къ 24 Іюля въ 971 году, ни къ 8 Іюня, когда празднуется память Ѳеодора Стратилата. — Лѣтописцы Византійскіе прибавляютъ еще, что Цимискіевъ полководецъ, Ѳеодоръ, сбитый съ коня и окруженный непріятелями, схватилъ одного изъ нихъ и защитился имъ отъ ударовъ Россіянъ; что Императоръ хотѣлъ всячески отрѣзать Святослава отъ Доростола, и проч.

(410) Несторъ говоритъ только, что Святославъ, по возвращеніи своемъ изъ Греціи въ Болгарію, увидѣлъ малочисленность Россійскаго войска, и немедленно заключилъ миръ съ Цимискіемъ, который находился тогда въ Дистрѣ или Доростолѣ; но ежели Великій Князь былъ побѣдителемъ, то какимъ образомъ очутился Императоръ въ Доростолѣ, *Болгарскомъ* городѣ?

(411) Несторъ сказываетъ, что Греческіе послы были у Святослава съ дарами; что сей Князь совѣтовался съ дружиною и вторично отправилъ своихъ пословъ къ Цимискію, и что Императоръ велѣлъ писать на хартіи рѣчи ихъ. Далѣе: «нача глаголати солъ, и нача писецъ писати, глаголя сице, равно *другагo свѣщанья* бывшаго при Святославѣ, Велицѣмъ Князѣ Рустѣмъ, и при Свѣнальдѣ (или Свѣнельдѣ) писано при Ѳеофилѣ Синкелѣ, къ Ивану, нарицаемому Цимискію, въ Дистрѣ,» Татищевъ вздумалъ исправить мнимую ошибку Лѣтописца, и вмѣсто словъ: *при Святославѣ*, написалъ: *при Игорѣ*, воображая, что рѣчь идетъ о трактатѣ Игоревомъ; издатель печатнаго *Нестора* сдѣлалъ тоже. Но здѣсь подъ *другимъ свѣщаніемъ* разумѣются мирныя условія, заключенныя Греческимъ посломъ, Ѳеофиломъ Синкеломъ съ Княземъ Святославомъ и Свѣнальдомъ (у Грековъ назывался Синкеломъ духовный чиновникъ, который уступалъ въ достоинствѣ одному Патріарху). Сіи условія были основаніемъ торжественнаго договора, писаннаго на хартіи уже въ присутствіи самаго Цимискія. Во всѣхъ спискахъ Нестора, какъ въ харатейныхъ, такъ и въ самомъ Кенигсбергскомъ, стоитъ имя Святослава, а не Игоря; но Татищеву хотѣлось увѣрить насъ, что при семъ случаѣ былъ возобновленъ Игоревъ трактатъ, и что Святославовъ есть не что иное, какъ прибавленіе къ оному.

(412) Дѣти Романовы, еще младенцы, которыхъ Цимискій называлъ сотоварищами въ правленіи.

(413) «Да будемъ *золоти* яко золото се:» ибо Славяне полагали золото къ ногамъ идоловъ, когда клялися въ вѣрномъ соблюденіи мира. Въ нашемъ языкѣ золото получило имя свое отъ *жел-*



217

*таго* цвѣта. Иллирическіе Славяне называютъ *желчь* zlatenica, а Богемскіе zlautenice. И въ переводѣ нашей Библіи слово *златеница* употреблено въ смыслѣ *желчи:* см. Пророка Амоса, гл. IV, ст. 9. «Да будемъ желты,» есть то же, что: «да будемъ мертвы.» Въ одномъ *Пушкин.* спискѣ, вмѣсто *золоти* стоитъ *колоти*. Это безъ сомнѣнія описка.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано при концѣ договора: «сотворихомъ нынѣ къ вамъ *Пинехрусу.*» Татищевъ изъясняетъ, что *Пинехруса* на Греческомъ языкѣ знаменуетъ *письменное* или *твердое обязательство!* Слово безъ сомнѣнія Греческое, и состоитъ, кажется, изъ πινα и χρυση *(златая).* Извѣстны слова πινάκιον, πινακις, *доска для письма*, Schreibtafel. Грамота съ печатью золотою называлась Βουλλα χρυσῆ; не то ли же значила и πινα χρυσῆ?

(414) Левъ Діаконъ пишетъ: Imperator, quia pace exercitus incolumis foret, bello contra interitu periret, fœdus percussit, et singulis tritici medimnos duos (т. е. по двѣ мѣры) mensus est. Qui frumentum acceperunt, numeratos dicunt ad 22,000, qui ex 60,000 exercitus Russi' interitum evasere; 38,000 enim Romana acies confoderat. И такъ у Святослава изъ 60,000 оставалось еще 22,000 воиновъ, коимъ Императоръ далъ пшеницы? Но по извѣстію Нестора онъ и въ походѣ къ Царюграду не имѣлъ болѣе 10,000.

(415) «И не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по *полугривнѣ глава коняча.*» Надобно полагать, что гривна ходячей Русской монеты въ отношеніи къ серебру была тогда еще гораздо дороже, нежели въ XIII вѣкѣ (см. ниже, примѣчаніе 527).

(416) Стриковскій пишетъ, что Князь Печенѣжскій вырѣзалъ на сей чашѣ слова: *Пойдешь за чужимъ, свое утратишь.* Изрѣченіе хорошо; но Стриковскій не подумалъ о томъ, что варвары Печенѣги не умѣли писать. И Нѣмцы и Славяне пивали изъ черепа своихъ непріятелей. Такъ Болгарскій Царь Крумъ, убивъ въ 811 году Императора Никифора, оправилъ черепъ его въ серебро, и Князья Славянскіе употребляли сію мертвую голову вмѣсто покала (Memor. popul. II, 540).

(417) Мы не знаемъ точно, какъ Россія была раздѣлена между ими; но вѣроятно, что Весь, Чудь и западные Кривичи принадлежали къ Новогородской области Владиміра (ибо войско его, какъ увидимъ послѣ, состояло изъ сихъ народовъ); что Древлянское Княжество ограничивалось одною Волынскою Губерніею, и что всѣ другія земли Россійскія признавали надъ собою власть Кіевскаго Великаго Князя.

(418) Несторъ пишетъ: въ *гроблю*. Сіе древнее слово употребляется въ двоякомъ смыслѣ, означая *плотину* и *ровъ*. Въ Академическомъ Словарѣ не упомянуто о *первомъ* смыслѣ, который имѣетъ она въ языкѣ Польскомъ (grobla) и Малороссійскомъ. Болтинъ, обвиняя Щербатова въ невѣжествѣ, и самъ, кажется, не зналъ (вмѣстѣ съ Татищевымъ), что *гробля*, кромѣ *плотины*, значитъ еще и глубокую *яму* или *ровъ*. Щербатовъ думалъ, что гроблею называлась рѣка. Въ новѣйшихъ лѣтописяхъ (на примѣръ, въ *Архангельской*) здѣсь именно сказано: «съ мосту чрезъ *ровъ.*»

Въ *Никон. Лѣт.* прибавлены къ словамъ Ярополка восклицанія и другія пустыя слова. Г. Руссовъ въ *Волынскихъ Запискахъ*, стр. 100, говоритъ: «тутъ же близъ (Овруча и) рѣки Уши видитъ (путешественникъ) насыпь, кости Древлянскаго Князя Олега покрывающую.» Онъ сказываетъ также, что въ Овручѣ есть древняя церковь, построенная будто бы Св. Владиміромъ и называемая Васильевскою.

(419) *Никонов. Лѣт.* по своему обыкновенію дополняетъ Нестора вымыслами и сказываетъ, что въ 978 году Ярополкъ побѣдилъ Печенѣговъ; что въ 979 онъ взялъ въ Русскую службу Князя ихъ *Ильдею* и далъ ему разные города; что были *знаменія въ лунѣ, въ солнцѣ и въ звѣздахъ*, страшные громы, вихри — и проч. Въ сей же лѣтописи и *Воскресен.* сказано, что въ 979 году приходили къ Ярополку Греческіе послы и заключили съ нимъ миръ, обѣщая платить ему дань, такъ же, какъ отцу и дѣду его.

(420) Татищевъ написалъ отъ себя, что Рогволодъ былъ изъ *Варяжскихъ Князей пришедшихъ съ Рюрикомъ:* слѣдственно за 118 лѣтъ? Люди рѣдко доживаютъ до такой старости. Или онъ хотѣлъ сказать, что сей Князь *произошелъ отъ ихъ рода?* Но Лѣтописецъ именно говоритъ, что *самъ* Рогволодъ прибылъ изъ-за моря.

(421) Въ *Троицк.*: «не хочу *изути* робичича» — т. е. *разуть*. По древнему обыкновенію новобрачная должна была въ первую ночь разувать мужа. Олеарій, описывая Россію въ XVII вѣкѣ, упоминаетъ еще о семъ обыкновеніи. Въ продолженіи Нестора (въ печатн. стр. 185) сказано: «Добрыня поноси дщери его и повелѣ Володимеру *быти съ нею предъ отцемъ ея и матерію*, и потомъ отца уби.» Справедливо ли сіе гнусное обстоятельство? Несторъ молчитъ о томъ.

(422) Въ *Троицк.* и въ *Пушкин.*: «и стоя Володимеръ обрывся на *Дорогожичи*, межи *Дорогожичемъ* и *Капичемъ;* и есть ровъ тотъ и до сего дни.» Урочища близъ Кіева, о коихъ и послѣ упоминается. Далѣе въ *Троицк.* и *Пушкин.*: «Блудъ затворися съ Ярополкомъ льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему приступати къ граду бранью; а самъ мысляше убити Ярополка; гражаны же не бѣ льзѣ убити его» — то есть, ради усердныхъ гражданъ. Далѣе: «и замысли лесть, веля ему не излазити на брань.» Сіе подало мысль *Никон. Лѣтописцу* прибавить, что Блудъ съ самаго начала обманывалъ *весьма храбраго* Ярополка, говоря: «не можетъ противу тебе стати братъ твой меньшій Володимеръ, яко же синица на орла брань сотворити. . . Не утружай воинства своего собирая.»

(423) Татищевъ обратилъ имя Рось въ *Тергу*, которой нигдѣ не бывало. *Рось* течетъ въ Кіевской Губерніи и съ западной стороны впадаетъ въ Днѣпръ. Бѣлая Церковь и Богуславъ стоятъ на берегу сей рѣки.

(424) «И Варяжко бѣжа въ Печенѣги, и одва привабн его Володимеръ, ходивъ къ нему ротѣ.» Въ *Никонов.* и въ другихъ сказано, что Варяжко, мстя Ярополкову смерть, разорялъ съ Печенѣгами Владиміровы области; но сего обстоятельства, къ чести добраго слуги и памяти его, нѣтъ въ древней лѣтописи. — Нѣтъ и того, чтобы Владиміръ (какъ говоритъ Татищевъ) «три дни честивъ Блуда, потомъ умертвилъ его, сказавъ: *я исполнилъ свое обѣщаніе, а теперь наказываю измѣнника, убійцу Государя своего.*» Такъ поступилъ не Владиміръ Святый, а Владимірко Галицкій, какъ увидимъ въ Исторіи XII вѣка.

Отъ сего Блуда происходитъ фамилія Блудовыхъ (см. *Родословную книгу*).

(425) «Бѣ бо привелъ ю отецъ его Святославъ и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея» (*Нест.* стр. 67).

(426) Ламбертъ Ашаффенбургскій ad ann. 973: Otto Imperator senior cum juniore venit Quidlinburg, ibique celebravit sanctum Pascha X Kal. Aprilis. Illucque venerunt Legati plurimarum gentium, videlicet Romanorum, Græcorum, Beneventanorum, Italorum, Hungarorum, Danorum, Scla-

vorum, Bulgarorum atque Russorum cum magnis muneribus (съ великими дарами).

(427) «Рѣша Варяги Володимеру: се градъ нашъ; хощемъ имати окупъ,» и проч. «Рече Володимеръ: пождите еще, даже вы куны сберуть за мѣсяцъ, и не да имъ» — и проч. Далѣе Несторъ говоритъ просто: «и раздая имъ грады;» а Татищевъ: «давъ грады и села на содержаніе ихъ.»

(428) Еще при Игорѣ стоялъ Перунъ на семъ холмѣ (см. выше, и въ *Несторѣ* стр. 45).

(429) «Володимеръ залеже ю не по браку.» Сказавъ, что она была уже беременна (*бѣ не праздна*), Лѣтописецъ называетъ Святополка сыномъ двухъ отцевъ. — Имя *водимая* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 70) означало законную супругу.

(430) Начало Польскихъ лѣтописей затемнено баснями. Преданіе о Ляхѣ, Кракѣ, Вендѣ, и проч. есть не что иное, какъ сказка. Достовѣрнымъ можно считать единственно то, что Польскіе Славяне, около половины IX вѣка, бывъ до того времени игралищемъ несогласныхъ Воеводъ своихъ, избрали себѣ въ Государи Піаста или Пяста, котораго потомки царствовали до конца XIV вѣка. — Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ, древнѣйшіе Историки Польскіе, моложе Нестора: вторый цѣлымъ вѣкомъ.

(431) Длугошъ упоминаетъ о сей войнѣ единственно по извѣстію Несторову, прибавляя отъ себя, что счастіе благопріятствовало той и другой сторонѣ (Historia Polonica, кн. II, стр. 108). Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ не знали Нестора. Длугошъ пользовался Кадлубекомъ и Несторомъ; Кромеръ также; Стриковскій бралъ извѣстія свои о древней Россіи изъ Длугоша, Кромера и Герберштейна.

Отъ Червена произошло имя *Червенной Россіи*, которую иностранцы обратили въ *Красную*. Сей въ нашей Исторіи достопамятный городъ есть нынѣ простое селеніе и называется *Чернеевъ*, близъ Хелма, на Югѣ. Положеніе его объясняется слѣдующими мѣстами *Волынской лѣтописи*: «Кондратови ставшю, гдѣ нынѣ градъ *Холмъ* стоитъ, пославшю ему къ *Червну* воевати.» И такъ Червенъ находился близъ Холма или Хелма. Еще: «бишась у воротъ *Червенскихъ*, а застава бѣ въ *Уханяхъ*.» Галицкое мѣстечко *Ухани* не далеко отъ нынѣшняго Чернеева, который находится между онымъ и Хелмомъ (см. въ сей Исторіи Т. III, прим. 134).

Изъ прибавленій въ концѣ VIII тома, издан. 1819 года. «На Югѣ отъ мѣстечка Уханей, на рѣкѣ Гучвѣ, ниже Тышовцовъ, близъ Комарова, есть деревня *Чермо*, гдѣ видны остатки земляныхъ укрѣпленій. Въ старыхъ крѣпостяхъ сіе мѣсто называется *Чермно* или *Червоногродъ*.» Вотъ извѣстіе, сообщенное мнѣ Зоріаномъ Д. Ходаковскимъ, который ревностно занимается отысканіемъ древностей и мѣстныхъ достопамятностей народа Славянскаго вообще. Я обязанъ ему и другими замѣчаніями, внесенными въ сіи прибавленія съ означеніемъ его имени.

(432) См. о Латышскомъ народѣ выше, стр 23. Польскіе Историки называютъ Ятвяговъ Iazvingi (см. Кромера de origine Polonorum и проч. книг. IV; стр. 51; также Стриковскаго, кн. V, гл. 9). Сей отмѣнно мужественный народъ былъ наконецъ истребленъ Поляками, Россіянами и Литвою.

*Никон. Лѣт.* говоритъ, что Великій Князь *два раза* усмирилъ Вятичей; а Татищевъ: «иде Владиміръ въ 982 году) въ поле, и покоривъ землю Польскую, градъ Суздаль *утвердилъ*.» Татищевъ ссылается на Стриковскаго; но сей Историкъ пишетъ о мнимомъ завоеваніи Суздаля уже по крещеніи Владиміровомъ (о чемъ см. ниже), и признается, что сей городъ ему совсѣмъ неизвѣстенъ; болѣе ничего. — См. Стурлез. Historiæ Regum Septentrionalium T. I, стр. 197, и ниже, примѣч. 484. Стурлезонъ говоритъ объ *Эстляндіи*; но подъ симъ именемъ разумѣлась и Ливонія: см. Баера въ Коммент. Академіи, T. X, стр. 379.

(433) Въ лѣтописи сказано, что сей Варягъ пришелъ изъ Греціи; но онъ и въ Кіевѣ могъ принять Христіанскую Вѣру.

(434) См. *Книгу житій Святыхъ*, мѣсяца Іюля 12. Несторъ говоритъ, что мѣсто, гдѣ убійцы погребли сихъ Мучениковъ, никому не извѣстно.

(435) Рѣка Пищана, въ Могилевской Губерніи, именуется нынѣ Пещаномъ и впадаетъ въ рѣку Сожь или Сожу.

(436) См. выше, стр. 24. и ниже, примѣч. 518. Въ харатейныхъ спискахъ: «иде Володимеръ на Болгары въ лодьяхъ;» но во многихъ другихъ прибавлено; «*Низовскіе* Болгары.» Въ *Воскресен.* и нѣкоторыхъ именно сказано: «Болгары, *иже* по *Волзѣ*.» Въ *Степен. Книгѣ* (I, стр. 92): и нижніе Болгары *Волжскіе* и Камскіе покори подъ ся.» Обстоятельство, что Добрыня съ любопытствомъ осматривалъ одежду плѣнниковъ, свидѣтельствуетъ, что Россіяне еще не знали сихъ Болгаровъ; но Дунайскіе были уже имъ давно извѣстны. Увидимъ послѣ, что Россіяне обыкновенно ходили Волгою къ Низовскимъ Болгарамъ. Восточные Географы пишутъ, что Россіяне въ 968 году взяли и разрушили славный городъ сего народа, именемъ Болгаръ (см. Эрбелотову Bibl. Orient. подъ словомъ Bulgar). Въ 967 году Святославъ воевалъ съ Дунайскими, а не Камскими Болгарами: что могло, по мнѣнію Миллера, ввести въ ошибку или Арабскихъ Географовъ, или Эрбелота, который сообщилъ намъ сіе извѣстіе.

Иностранцы, Левекъ и Штриттеръ, не сдѣлали ошибки нашихъ Историковъ, которые говорятъ здѣсь о Дунайскихъ Болгарахъ. Татищевъ присоединяетъ къ нимъ еще Сербовъ.

(437) Несторъ говоритъ (въ печатн. стр. 145) «Сіи суть отъ пустыни Этверскія, межи Востокомъ и Сѣверомъ; числомъ ихъ четыре колѣна: Торкмени, Печенѣзи, Торки и Половцы.» Туркоманы были уже славны въ Несторово время, овладѣвъ въ 1074 году Сиріею, а въ 1082 году Іерусалимомъ, хотя и не на долго. Нынѣшніе Османскіе или Оттоманскіе Турки были тогда еще неизвѣстны. — Наши Лѣтописцы называли Торковъ и Берендѣевъ Черкасами (см. сей *Исторіи* T. II, примѣч. 218 и 347). Бишингъ (Erdbeschr. T. I, стр. 1194) или Туманъ полагаетъ на угадъ Россійскихъ Торковъ близъ Перекопа, и говоритъ, что они были остаткомъ Угровъ и Болгаровъ. Въ 1080 году Торки обитали не далеко отъ Переяславля. Несторъ пишетъ: «въ лѣто 6588 заратишасъ Торки *Переяславльстіи*.» Другіе перешли къ Россіянамъ и поселились въ Кіевской Губерніи, между рѣками Стугною и Росью (въ печатн. *Нест.* стр. 137). Въ 1114 году Печенѣги и *Торки* были изгнаны Половцами изъ окрестностей Дона (см. сей *Исторіи* T. II, примѣч. 218).

(438) Въ Подлинникѣ: «и рече Добрыня: соглядахъ колодникъ, иже вси въ сапозѣхъ: *симъ дани не дати; пойдемъ искати лапотникъ*.... И рѣша Болгаре: толи не будетъ межи нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмѣль погрязнетъ.»

(439) См. въ печатн. *Несторѣ* стр. 185. — Село Предславино могло быть названо именемъ Владиміровой и Рогнѣдиной дочери, о которой ниже упоминается. — Въ печатн. *Несторѣ* рѣчь Изяславова взята изъ *Никон. Лѣт.*: «егда единъ жити хощеши, или безсмертенъ мнишися? пріими мечь сей, *вонзи прежде во утробу мою, да не вижу азъ смерти матери моея!*» Но по древ-

218

нимъ спискамъ Нестора, и по самому *Кенигсберг.*, сей юный Князь говоритъ только: «отче! еда единъ мнишися ходя?» (въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено *хотя*). Владиміръ отвѣтствуетъ: «а кто тя мнѣлъ сдѣ?» Я долженъ былъ прибавить нѣсколько словъ для ясности.

(440) Нынѣ *Заславъ*, бывшій Литовскій городокъ Минскаго Повѣта, или мѣстечко не далеко отъ Минска.

(441) «Придоша Болгаре Вѣры Бохмиче» (Магометанской).

(442) Лѣтописецъ хочетъ сказать, что первые Кіевскіе Христіане (со времепъ Аскольда и Дира) были Греческаго Исповѣданія, а не Католики.

(443) Древній Лѣтописецъ не именуетъ его ни Константиномъ, ни Киромъ, вопреки *Степен. Книгѣ, Никонов.* и другимъ новымъ лѣтописямъ. Въ нѣкоторыхъ сказано, что онъ остался у Владиміра, *книги переводя и его уча.*

(444) Въ харатейныхъ спискахъ Нестора слѣдуетъ здѣсь извлеченіе изъ Библіи, которое занимаетъ 11 листовъ. Греческій Философъ говоритъ много лишняго о Болгарахъ (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 125). — И Болгарскій Государь, именемъ Богорисъ, въ 860 году обращенъ былъ въ Христіанство, по свидѣтельству Византійскихъ Лѣтописцевъ, картиною Страшнаго Суда, написанною Монахомъ Меѳодіемъ (Memor. popul. II, 571 — 572).

(445) Или *ропати*, т. е. капища.

(446) Сей Патріархъ назывался Николай Хрисовергій, а не Сергій, не Фотій, какъ говорятъ новѣйшіе Лѣтописцы Русскіе.

(447) См. въ Бандури Animadversiones in Const. Porph. T. II, стр. 112 и слѣд. Въ семъ отрывкѣ не достаетъ начала: «Князь Россійскій» (говоритъ сочинитель) «желая лучше узнать Христіанскую «Вѣру, отправилъ пословъ въ Римъ. Тамъ съ великимъ любопытствомъ осматривали они украшеніе храмовъ и старались развѣдать все, что касается до священнослуженія; видѣли и Патріарха Римскаго, именуемаго Папою; приняли отъ него дальнѣйшія наставленія, возвратились въ отечество и донесли обо всемъ Государю, склоняя его въ пользу Римской Вѣры. Но Бояре Княжескіе, особенно тѣ, которые подали ему совѣтъ изслѣдовать Вѣры, говорили: *Нѣтъ, Государь! надобно прежде узнать Вѣру Грековъ. Сказываютъ, что Константинополь еще знаменитѣе Рима: пошли и въ Грецію тѣхъ же людей, да изберемъ лучшую изъ двухъ Вѣръ Христіанскихъ.* Благоразумный Князь отправилъ въ Царьградъ *упомянутыхъ четырехъ мужей,* которые объявили тамошнему Императору, Василію *Македонскому,* причину своего многотруднаго путешествія. Онъ съ радостію далъ имъ нѣкоторыхъ людей ученыхъ, чтобы показывать все любопытное въ городѣ и отвѣтствовать на ихъ вопросы. Россіяне пришли наконецъ въ славнѣйшую и великолѣпную церковь Св. Софіи, когда совершалась въ ней торжественная служба: въ день ли Св. Іоанна Златоустаго, или Успенія Богородицы? не могу сказать навѣрное. Послы съ любопытствомъ осматривали храмъ и наблюдали чинъ служенія. Видя множество свѣтильниковъ, и внимая пѣнію святыхъ гимновъ, они изумились. Слушая послѣ вечерней и утренней молитвы святую литургію, Россіяне хотѣли вѣдать, что такое знаменуетъ *большій* и *малый входъ* (ἡ μικρα και ἡ μεγαλη εἰσοδος); для чего Діаконы и Подділконы выходятъ изъ олтаря съ свѣщами и *рипидами*, а Священники, Епископы и самъ Патріархъ съ Божественными Святыми Тайнами; также для чего народъ, падая ницъ, взываетъ: *Господи помилуй!* Язычники смотрѣли на сіи обряды равнодушно, хотя и со вниманіемъ. Но милосердый Богъ отверзъ имъ очи, да созерцаютъ чудо великое, и да познаютъ истину . . . Видѣвъ сіе удивительное явленіе, они взяли за руки своихъ вожатыхъ и сказали имъ: *все было здѣсь ужасно и величественно; но что мы теперь видѣли, превосходитъ естество человѣческое. Намъ явились юноши крылатые въ свѣтлой, необыкновенной одеждѣ, которые, не касаясь земли, пѣли на воздухѣ* Святъ, Святъ, Святъ! *что насъ болѣе всего привело въ изумленіе.* Вожатые отвѣтствовали имъ: *Не вѣдая, можетъ быть, всѣхъ таинствъ Христіанства, вы не знаете, что сами Ангелы нисходятъ съ неба и вмѣстѣ съ нашими Священниками совершаютъ Божественную службу.* Россіяне говорили: *ваши слова истинны; другихъ доказательствъ не надобно: ибо мы все видѣли собственными глазами. Отпустите насъ въ отечество, да повѣдаемъ о томъ Князю нашему* . . . Возвратясь въ Россію, они сказали Государю: *намъ показывали много великолѣпнаго въ Римѣ; но то, что мы въ Константинополѣ видѣли, приводитъ умъ человѣческій въ изступленіе,*» и проч. Далѣе повѣствуетъ сочинитель, что Греческій Царь прислалъ къ Россійскому Князю Епископа съ двумя помощниками, Кирилломъ и Аѳанасіемъ, которые изобрѣли для Россіянъ 35 новыхъ буквъ. Слышавъ конечно о святыхъ мужахъ Кириллѣ и Меѳодіи, изобрѣтшихъ Славянскія письмена, сей безъименный сочинитель обратилъ Меѳодія въ Аѳанасія, а Славянъ Моравскихъ въ Россіянъ. Онъ говоритъ, что Кириллъ и Аѳанасій славны учеными и Христіанскими твореніями своими (neque solum divinæ scripturæ notitia repleti, sed etiam in humanioribus litteris probe exercitati, ut eorum scripta testificantur): мы знаемъ дѣйствительно Кирилла и Аѳанасія, Архіепископовъ Александрійскихъ, славныхъ Богослововъ; но они жили въ IV и V вѣкѣ.

Въ прибавленіи книги, изданной въ Кельнѣ (въ 1676 году, подъ заглавіемъ: Christophori Sandii nucleus Historiæ Ecclesiasticæ (*Христофора Сандія Ядро Церковной Исторіи*), напечатано (стр. 61—64) письмо къ Великому Князю Владиміру отъ Іоанна Смеры, его Медика, будто бы посыланнаго имъ для наблюденія Вѣръ и нравовъ въ чужихъ земляхъ. Смера пишетъ изъ Александріи: жалѣетъ, что оставилъ Россію и Государя милостиваго; не знаетъ, какъ возвратиться; сказываетъ, что онъ едва не погибъ въ своемъ трудномъ путешествіи; былъ въ Панноніи, Сервіи, Болгаріи, Мизіи, въ славной Имперіи Греческой, Антіохіи, Іерусалимѣ; наконецъ пріѣхалъ въ Александрію; видѣлъ тамъ многія великолѣпныя Синагоги, въ коихъ молятся люди подобные аспидамъ и василискамъ; видѣлъ и церкви Христіанъ, *Богослововъ,* добрыхъ, миролюбивыхъ, подобныхъ Ангеламъ. «У нихъ уже нѣтъ идоловъ» — говоритъ Медикъ Владиміровъ — «нѣтъ въ церквахъ ничего, кромѣ столовъ и скамей. Они ежедневно собираются для молитвы передъ разсвѣтомъ, по захожденіи солнца, иногда въ третьемъ или девятомъ часу дня, и называются Новымъ Израилемъ. Ихъ ученію слѣдуютъ и нѣкоторые Цари съ своими Докторами. Я самъ принимаю оное, уже крещенный водою и Духомъ во имя Отца, Бога всемогущаго, и Сына Его, Христа, и Св. Духа, исходящаго отъ перваго. Для того посылаю къ тебѣ ихъ книгу, именуемую Евангеліемъ, съ ученіемъ Апостоловъ. И людей столь благоправныхъ утѣсняютъ въ областяхъ Имперіи! Греки хитрые, гордые, подражая Римлянамъ, дѣлаютъ иногда добро единственно по лукавству, чтобы привлекать людей простыхъ въ свои Синагоги или церкви. Они

(кто?) вѣруютъ въ Бога всемогущаго, въ Его Сына единороднаго, Іисуса, рожденнаго дѣйствіемъ Св. Духа отъ Дѣвы Маріи.» и проч. Слѣдуетъ весь Символъ Христіанской Вѣры. Далѣе сказано, что Греки, Императоръ, Патріархи и Вельможи его, оставляя ученіе Бога истиннаго, также называютъ себя Новымъ Израилемъ, порабощаютъ своихъ бѣдныхъ братьевъ, берутъ съ нихъ дань, не велятъ имъ жениться, заниматься свободными художествами, употреблять оружія; хотятъ быть обожаемы по смерти, даютъ свои имена храмамъ, ставятъ въ оныхъ свои изображенія, чтятъ идоловъ, бьютъ въ ладоши, топаютъ ногами, поютъ въ церквахъ, и проч.; а Христіанъ, собирающихся въ мѣстахъ уединенныхъ на кладбищахъ, въ лѣсахъ, въ пещерахъ, именуютъ чародѣями. «Изгибнутъ» — пишетъ Смера — «гордые Греки въ огнѣ вѣчномъ; а Славяне, по книгамъ Іудейскимъ и Христіанскимъ, присоединятся нѣкогда съ великою ревностію къ истинной Вѣрѣ Бога Израилева . . . . И такъ, о Царь! не должно тебѣ принимать ни Вѣры, ни нравовъ Греческихъ; а если примешь ихъ, то уже никогда не увидишь меня: останусь здѣсь ждать суда Христова. Писано желѣзными буквами на двѣнадцати дскахъ мѣдныхъ, въ л. Александріи Египетской 5587, Фараоновъ 1179, Александра славнаго царствованія 5, Индикш. I, Луны 7, Ид. 14. Такъ вѣрно доношу тебѣ Медикъ и Риторъ твой Иванецъ Смера Половлянинъ» (а въ другомъ спискѣ стоитъ: «Іоаннъ Смера Половецъ).» — Сія грамота, какъ извѣщаютъ насъ, писана на языкѣ Болгарскомъ, secundum antiquam doctrinam Russicam (!!) такими буквами νου οδρηδκωξϕκτξρ (слѣдственно Греческими?) и найдена въ 1567 году въ Спасскомъ монастырѣ Перемышльской области, не далеко отъ древняго Самбора. Витебскій Діаконъ, Андрей Колодинскій, перевелъ ее на Польскій языкъ, а Виссоватій на Латинскій. Предположивъ ея достовѣрность, согласимся съ ученымъ Шпренгелемъ (см. его рукописное сочиненіе über eine dunkle Stelle in der Russischen Geschichte), что Египетскіе *Богословы* или Христіане Смерины могли быть раскольники *Павлисты*, названные такъ отъ имени Апостола Павла, гонимые въ Имперіи и нашедшіе убѣжище въ Египтѣ; но можемъ ли вѣрить сему письму? Не говоря о содержаніи, о слогѣ, о буквахъ, доскахъ, о языкѣ Болгарскомъ secundum antiquam doctrinam Russicam, замѣтимъ лѣтосчисленіе и подпись. Означенъ годъ 5587 отъ сотворенія міра: по какой же системѣ хронологической? если по Александрійской (между коею и Греческою 16 лѣтъ розницы), то Владиміръ жилъ около половины седьмой тысячи. Что такое 1179 годъ Фараоновъ и пятое лѣто Александрова царствованія? Какъ *Луна* замѣшалась въ *Индиктъ* и въ *Иды?* Иванецъ, Іоаннъ, есть имя Христіанское, котораго бывшій язычникъ Смера не могъ имѣть въ Россіи языческой. Онъ называется Половляниномъ или Половцемъ: но Половцы сдѣлались извѣстны въ Россіи уже при внукахъ Владиміровыхъ. — Не будемъ глупѣе глупыхъ невѣждъ, хотящихъ обманывать насъ подобными вымыслами. Авторъ письма, знавъ о Владимірѣ изъ Дитмара, Мѣховскаго, Кромера, хотѣлъ побранить Грековъ: вотъ источникъ вымысла!

(448) Въ печатномъ житіи Св. Великаго Князя Владиміра сказано, что въ сіе время бывшіе Христіане Кіевскіе или снова обратились въ язычество, или ушли изъ Россіи, или таили Вѣру свою; но древній Лѣтописецъ не говоритъ, чтобы Святославъ, Ярополкъ и Владиміръ гнали Христіанъ и разоряли храмы ихъ: имѣвъ прежде церкви въ Кіевѣ, они, какъ вѣроятно, и тогда молились въ оныхъ.

(449) Несторъ говоритъ (въ печатн. стран. 79): «и ста Володимеръ въ *Лимени,*» то есть гавани Херсонской или заливѣ (Лиманѣ); слѣдственно Россіяне пришли на судахъ. — Древнѣйшій Херсонъ запустѣлъ еще прежде Страбоновыхъ временъ: vetusta Chersonesus (говоритъ онъ въ VII книгѣ) nunc diruta. Слѣды его описаны ученымъ Палласомъ въ Voyage entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie, T. II, стр, 60 и слѣд. Сей городъ стоялъ на мысу Фанарійскомъ, гдѣ видны еще остатки башенъ и стѣнъ. — Развалины *новѣйшаго* Херсона или Корсуня, какъ называли его въ старину Русскіе, находятся верстахъ въ двухъ отъ Севастополя. Въ то время, какъ наши войска заняли Крымъ, многія стѣны были совершенно цѣлы, вмѣстѣ съ прекрасными городскими воротами и двумя башнями; теперь онѣ уже не существуютъ: изъ нихъ брали камни для строенія домовъ въ Севастополѣ. Множество рѣзнаго мрамора, найденнаго въ развалинахъ, доказываетъ, что въ семъ новомъ Херсонѣ господствовала роскошь. Донынѣ охотники вырываютъ тамъ Римскія и Византійскія монеты золотыя, серебряныя и мѣдныя. Не только городъ, но и селенія вокругъ его были окружены каменными стѣнами и башнями для защиты отъ варваровъ. — Херсонъ, вольный до Митридата, зависѣлъ съ того времени отъ Царей Воспорскихъ и наконецъ отъ Римскихъ Императоровъ. Константинъ Великій въ 322 году освободилъ его отъ всякой дани, и Херсонъ властвовалъ въ южной Тавридѣ до самой Кафы. Судакъ и Кафа, цвѣтущіе при Генуэзцахъ, затмили блескъ сего города. Въ 1333 году онъ былъ еще столицею Архіепископа Западной Церкви; но въ 1578 году стояли уже однѣ пустыя Херсонскія стѣны (см. Бишингов. Erdbeschreibung, T. I, стр. 1214; также Маннерт. Geographie der Gr. und der Röm. T. IV, стр. 299).

(450) «Корсуняне, подкопавше стѣну градскую, крадяху сыплемую персть, и ношаху собѣ въ градъ, сыплюще посреди града, и воини (Владиміровы) присыпаху болѣ.» Нѣкоторые толковали, что воины сыпали землю въ городскій ровъ; но имъ прежде надлежало защитить себя валомъ, который назывался по-Русски *спомъ* и *приспомъ*, отъ глагола *сыплю* и *присыпаю*.

(451) «Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, и рече: *аще се ся сбудеть, самъ ся крещу ту.*» Но Владиміръ, и взявъ Херсонъ, не хотѣлъ еще креститься безъ нѣкотораго условія, какъ увидимъ ниже.

О развалинахъ водовода см. Палласа Voyage etc. II, 67.

(452) Историки Византійскіе, Арабскіе и Нѣмецкіе говорятъ о бракосочетаніи Владиміра съ Анною, сестрою Императора Василія (Memor. popul. II, 25, Эрбелот. Bibl. Orient. III, 137, и Дитмар. Chron. кн. 7). Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, ошибся въ имени Греческой Царевны, назвавъ ее, вмѣсто Анны, Еленою; онъ несправедливо думалъ также, что Оттонъ III хотѣлъ на ней жениться (см. Трееp. Disp. de perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum imperium. стр. 14).

(453) Memor. popul. II, 1009, и Эль-Мак. Historia Saracenica. стр. 251. Бунтъ Склира и Фоки подробно описанъ Кедриномъ (см. Русскій переводъ его л. 147).

Константинъ Багрянородный, въ наставленіи данномъ Роману, торжественно запрещаетъ Дому своему вступать въ родственный союзъ съ Князьями Россовъ, Хазаровъ и Венгровъ (см. Констант. de Adm. Imp. гл. 13). Эль-Макинъ разсказываетъ, что Императоръ Василій, боясь успѣховъ мятежника Фоки, послалъ къ Россійскому Князю, быв-

219

шему врагу своему, просить у него войска; что сей Князь требовалъ за то руки Царевниной, и согласился быть Христіаниномъ (Historia Saracenica, стр. 251). Дитмаръ пишетъ, что сама Греческая Царевна уговорила его принять Вѣру Христіанскую.

(454) Въ харатейномъ *Пушкин.* спискѣ: «она же не хотяше ити яко въ *полонъ*.»

(455) Наши Богословы думаютъ, что сіе Владимірово прозрѣніе было *духовное* (см. Платонову *Церковную Росс. Исторію*, I, 27). Съ Апостоломъ Павломъ случилось тоже. — Анна, по сказанію Татищева, свѣдавъ о болѣзни Владиміра, догадалась, что онъ раздумалъ креститься, и что Богъ хотѣлъ за то наказать его симъ недугомъ. Въ Кипинской Архивской рукописи: «и нача мыслити (Владиміръ), «яко бози его наказуютъ, яко Вѣру ихъ повергъ, а Христіанскую хощетъ пріяти.» Авторъ *Степен. Книги* вымыслилъ длинную рѣчь, будто бы произнесенную Владиміромъ по крещеніи.

Въ *Пушкин.* спискѣ и въ другихъ стоитъ имя церкви Св. Василія, а въ новѣйшихъ Св. *Іакова*: ошибка произведенная словами: «крести Володимера, *и яко вѣзложи* руку.» Какой нибудь невѣжда принялъ ихъ за имя церкви. Въ *Ипатьевск.* и *Хлѣбн.* названа сія церковь *Св. Софіею.* Здѣсь Несторъ опровергаетъ мнѣніе тѣхъ людей, которые въ его время думали, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ или въ Василевѣ. — Въ рукописномъ харатейномъ житіи Владиміра сказано (также въ Минеяхъ и въ другихъ мѣстахъ), что сей Князь названъ былъ въ крещеніи *Василіемъ.* — Несторъ говоритъ здѣсь только о Епископѣ Херсонскомъ; но въ Херсонѣ были Митрополиты (см. Кодина de Officiis Magnæ Ecclesiæ Constantinopolitanæ, стр. 339).

(456) Memor. popul. II, 1009.

(457) Несторъ говоритъ: «за вѣно.» *Архангел. Лѣт.* думалъ, что Владиміръ подарилъ Херсонъ Епископамъ и Пресвитерамъ за *вѣнчаніе!* — Сочинители *Книги житій Святыхъ*, описывая подвиги Св. Философа Константина (XI Маія), сказываютъ, что онъ, будучи въ Херсонѣ, нашелъ мощи Климента и *нѣкоторую часть* ихъ отвезъ въ Римъ: слѣдственно Владиміръ могъ взять *остатокъ.*

(458) Несторъ говоритъ: «двѣ *капищи* и четыре кони мѣдяны.» Здѣсь слово *капище* не можетъ означать кумирницы или храма языческаго. Въ нашей Библіи (*Исходъ*, XXIII, 24) оно употреблено въ смыслѣ кумира. Въ *Никонов.* и другихъ лѣтописяхъ названы сіи *капища болванами.* Татищевъ пишетъ: *вдавъ*, вмѣсто *взя же*, и *мѣдныя иконы*, вмѣсто *коней;* но Лѣтописецъ говорилъ уже объ иконахъ выше (см. въ печатн. *Нест.* стр. 82). Далѣе Несторъ сказываетъ, что нѣкоторые люди его времени считали сіи мѣдныя вещи мраморными. — Герберштейнъ пишетъ, что Новогородцы, по взятіи Херсона, вывезли оттуда *мѣдныя врата* и *большой колоколъ.* Западныя, рѣзныя врата Софійскаго Новогородскаго Собора дѣйствительно называются *Херсонскими*, но сдѣланы Нѣмецкими художниками, которые внизу изобразили самихъ себя въ Германской старинной одеждѣ и написали имена: *Мастеръ Аврамъ, Ванзмутъ, мастеръ Никвнъ Мепеги*, а выше: Riquin me fec. (Въ послѣднемъ словѣ первая буква похожа на Р, а С также не ясно; но должно, кажется, читать: fecit; т. е. «Риквинъ сдѣлалъ меня:» изъ чего, по недоразумѣнію, вышла Руская надпись *Мепеги*). Надъ главою благословляющаго Епископа: Wikmannus Megideburgensis Epc., т. е. «Викманъ, Епископъ Магдебургскій» (который умеръ въ 1149 году: (см. S. F. v. Herberstein, v. S. Adelung, 446). Надъ изображеніемъ другаго Святителя: Alexander Epc. de Blucich; т. е. «Александръ Епископъ.» Имя *Блуцихъ* должно означать городъ; но какой? Всѣ надписи, и Латинскія и Русскія, весьма грубы, неисправны. Въ *Новогород. Лѣт.*, г. 1336, сказано, что Новогород. Архіепископъ Василій сдѣлалъ въ Софійскую церковь *мѣдныя вызолоченныя двери* (см. нашей Исторіи Т. IV, примѣч. 328): не сіи ли, такъ называемыя *Херсонскія?* Но кажется, что онѣ были сдѣланы для другаго, большаго мѣста или отверстія: четвероугольники, ихъ составляющіе, находятъ краями одинъ на другой, закрывая часть изображеній и надписей (см. Г. Аделунга въ его S. F. v. Herberstein 448). Далинъ пишетъ (см. нашей *Исторіи* Т. III, примѣчаніе 85), что Херсонскими назывались въ Новогород. Соборной Церкви врата Сигтунскія, похищенныя Россіянами въ 1188 году; но въ сей церкви есть другія врата, именуемыя *Шведскими.* Въ 1528 г. Архіеп. Макарій также сдѣлалъ новыя Царскія двери въ Софію (см. Архив. *Рост. Лѣт.* л. 585). Миллеръ нашелъ въ женскомъ Александровскомъ монастырѣ (Губерн. Владимірской) церковныя мѣдныя врата, вывезенныя Іоанномъ Грознымъ изъ Новагорода (см. Миллер. *Путешествіе къ Троицѣ*).

Герберштейнъ выдавалъ иногда сказки за Рускія лѣтописи: такъ онъ говоритъ, что Новогородцы (ut annales eorum referunt) семь лѣтъ осаждали Херсонъ; что жены ихъ вышли между тѣмъ за мужъ за рабовъ; что сіи рабы встрѣтили господъ съ оружіемъ; но господа, оставивъ мечи и копья, пошли на нихъ съ бичами, и тѣмъ обратили въ бѣгство своихъ бывшихъ слугъ, которые укрѣпились въ одномъ мѣстѣ, названномъ послѣ *Холопьимъ городомъ* (Гербершт. Rerum Moscoviticarum Commentarii стр. 55). Сія басня, повторенная Стриковскимъ, Витсеномъ въ его Noord en Oost Tartarye, и сочинителемъ *Ядра Росс. Исторіи*, взята изъ древней Греческой сказки о рабахъ Скиѳскихъ. Новогородцы и Псковитяне, какъ упомянуто въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (см. въ Синодальн. библ. No. 349, л. 37), дѣйствительно ходили подъ Херсонъ съ Владиміромъ; правда и то, что на берегу Мологи, въ 60 верстахъ отъ устья сей рѣки, былъ въ XIV, XV и въ XVI вѣкѣ *Холопій городъ*, извѣстный по его славнымъ ярмонкамъ; правда, что сіе мѣсто донынѣ именуется *Старымъ Холопьимъ* и находится въ дачахъ Графа А. И. Мусина-Пушкина (Ярославской Губерніи, въ Мологскомъ Уѣздѣ); правда, что не далеко оттуда есть два жительства: *Станово* (Графа М. Пушкина), гдѣ, по разсказамъ, находился *станъ* холопей, и *Боронишино* (Г. Горихвостова), гдѣ они будто бы оборонялись: но въ лѣтописяхъ Новогородскихъ нѣтъ ни слова о семъ мнимомъ возмущеніи рабовъ, и вѣроятно, что названіе мѣстъ, котораго причина въ самомъ дѣлѣ неизвѣстна, подало мысль къ возобновленію Греческой сказки, отнесенной послѣ къ Вятчанамъ, будто бы рабамъ Новогородскимъ (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 33).

Въ *Никон. Лѣт.* и въ *Степен. Книгѣ* сказано, что Великій Князь, по своемъ бракосочетаніи, далъ пиръ Херсонскимъ сиротамъ и вдовамъ; что Цареградскій Патріархъ Фотій, *котораго уже около ста лѣтъ не было на свѣтѣ*, прислалъ къ нему Митрополита; что отъ Грековъ пріѣзжали къ Владиміру въ Херсонъ послы съ дарами, а отъ Папы съ мощами Святыхъ; что Князь Печенѣжскій Метимагакъ, или Метигай, тамъ крестился и проч. Древній Лѣтописецъ не знаетъ сихъ обстоятельствъ.

(459) Несторъ по харатейнымъ спискамъ говоритъ: «Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на ручай: 12 муже пристави *тети* жезліемъ.» *Тети* значитъ сѣчь: этотъ глаголъ употребляется и въ *Словѣ о полку Игоревѣ*. — Далѣе; «пройде сквозѣ порогы и изверже и́ вѣтръ на *рѣнь*, и оттолѣ просly *Перуня Рѣнь*.» *Рѣль, рѣлка* значила мысъ (см. Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 586, и сей *Исторіи* Т. VII, примѣч. 370). Въ *Синопсисѣ* Кіевскомъ *рѣнь* изъяснена словомъ *холмъ*. Тамъ прибавлены слѣдующія обстоятельства: «Старые люди разсказываютъ, что идолъ, влекомый Христіанами съ горы Днѣпровской, вопилъ и рыдалъ: для того прозвали сію гору (ниже монастыря Златоверхаго Михаила) *Чортовымъ беремищемъ*, или *тягостію* и бѣдствіемъ сего злаго духа. Когда онъ плылъ рѣкою, суевѣрные язычники кричали: *видибай!* т. е. *выплывай*. Онъ дѣйствительно выплылъ на берегъ: и сіе мѣсто названо *Выдибичи*, а послѣ *Выдубичи* (гдѣ стоитъ нынѣ монастырь *Выдубецкій*). Однакожь Христіане утопили идола, привязавъ къ нему тяжелый камень. Митрополитъ Кіевскій Михаилъ» (см. о немъ ниже)» создалъ тамъ церковь во имя Архистратига Михаила, въ память того, что сей Архистратигъ, низвергнувъ нѣкогда Сатану съ неба, помогъ низвергнуть его и съ горы Днѣпровской.» Но сія церковь существуетъ только со времень Всеволода (см. въ печатн. *Нест.* стр. 129).

Здѣсь Татищевъ прибавляетъ, что *Митрополитъ* и Попы, ходя по городу, учили народъ Вѣрѣ Христіанской, и что нѣкоторые люди, окаменѣлые сердцемъ, не хотѣли слушать ихъ и бѣжали въ пустыни. Въ *Степен. Книгѣ* сказано, что и самъ Владиміръ дружески бесѣдовалъ съ гражданами о Вѣрѣ.

(460) Владиміръ, по словамъ Лѣтописца, сказалъ: «аще не обрящется кто на рѣцѣ, богатъ ли или убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ.»

(461) Въ *Днѣпръ*, а не въ *Почайну*. Несторъ зналъ всѣ обстоятельства лучше, нежели писатели новѣйшіе. Въ харатейныхъ Прологахъ XIV вѣка сказано, что мѣсто крещенія на рѣкѣ *Почайнѣ* издревле именуется *Святымъ*, гдѣ стоитъ церковь *Петрова*; а въ печатномъ: «идѣже нынѣ церковь есть святыхъ Мучениковъ *Бориса и Глѣба*.

(462) Въ *Синопсисѣ*, *Степен. Книгѣ*, въ *Никон. Лѣт.* и другихъ новѣйшихъ сказано, что сыновья Владиміровы крестились прежде народа: но древній Лѣтописецъ говоритъ только (въ печатн. *Нест.* стр. 84): «Володимеръ просвѣщенъ, и сынове его и земля его.» Въ *Синопсисѣ* прибавлено, что они были крещены не въ Днѣпрѣ и не въ Почайнѣ, а въ *источникѣ надъ Днѣпромъ*, который съ того времени прозванъ *Крещатикомъ*. Сей колодезъ находится во рву, между двумя крутыми горами. Недавно обдѣлали его камнемъ и поставили надъ нимъ столпъ, изъ коего льется вода и течетъ мелкимъ ручьемъ въ Днѣпръ. Въ житіи Св. Владиміра находятся слѣдующія подробности: «Владиміръ, возвратясь изъ Херсона въ Кіевъ, отпустилъ всѣхъ своихъ женъ, и любезнѣйшей изъ нихъ, *Рогнѣдѣ*, велѣлъ сказать, чтобы она избрала себѣ какого нибудь Вельможу въ супруги. *Бывъ Княгинею*, отвѣтствовала она, *могу ли быть рабою у слуги твоего? не хочу инаго мужа, но желаю креститься*. Съ нею сидѣлъ тогда Ярославъ, сынъ ея, *хромый* отъ рожденія. Онъ изъявилъ благодарность Небу за добрую волю матери своей, и въ туже минуту исцѣлился, къ радости Владиміра. Рогнѣда, принявъ Вѣру Христіанскую, постриглась, и была названа Анастасіею.» — Но Рогнѣда, когда возвратился Великій Князь изъ Херсона, жила въ Изяславлѣ, а не въ Кіевѣ (см. выше, стр. 126). Ярославъ же остался *хромъ* навсегда, какъ увидимъ послѣ.

(463) Въ Несторѣ: «повелѣ *рубити* церкви и постави церковь Св. Василія на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ.» И нынѣ существуетъ древняя Васильевская церковь въ Кіевѣ близъ Десятинной; но стоитъ на ровномъ мѣстѣ, а не на холмѣ. — О Варяжск. мученикѣ см. выше, стр- 124. — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано (см. *Воскресен.* I. 153), что *первая*, Владиміромъ построенная церковь въ Кіевѣ, освященная 26 Ноября, была во имя Св. Георгія. Далѣе Несторъ говоритъ только: «и начаста ставити по градомъ церкви и Попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ.» Онъ не именуетъ ни Епископовъ, ни городовъ, куда были посланы Священники. Но *Лѣт. Никонов.* и сочинитель *Книги Степенной* сказываютъ, что «Кіевскій Митрополитъ съ *шестью* Епископами *Фотія* Патріарха, съ Добрынею и съ Анастасомъ Корсунскимъ, ходилъ въ Новгородъ, и *сокрушилъ* тамъ идоловъ: а послѣ въ Ростовъ, гдѣ также насадилъ Христіанство. Черезъ годъ самъ Великій Князь отправился съ двумя *Фотіевыми* Епископами въ Суздальскую землю, крестилъ народъ и построилъ городъ Владиміръ на Клязьмѣ.» — Авторъ *Синопсиса* повѣствуетъ (ссылаясь на Стриковскаго) что Великій Князь съ тремя Епископами Патріарха Сергія, Іоакимомъ, Ѳеодоромъ и Ѳомою, ѣздилъ въ Суздальскую, Ростовскую и Новогородскую область для крещенія тамошнихъ жителей; оставилъ въ городѣ Владимірѣ, имъ основанномъ, Епископа Ѳеодора, въ Ростовѣ Ѳому, въ Новѣгородѣ Іоакима.» Сей невѣжда, повѣривъ Стриковскому, говоритъ еще, что столицею Великихъ Князей былъ *съ того* времени Владиміръ на Клязьмѣ! Правда, что и въ другихъ новѣйшихъ лѣтописяхъ находится слѣдующее: «въ лѣто 6498 Володимеръ, пришедъ изъ Кіева въ Суздальскую землю, постави градъ во свое имя и спомъ посыпа» окружилъ валомъ) «и церковь Св. Богородицу Соборную древяну постави» (см. *Воскресен.* I, 153). Сіе извѣстіе основано на сказаніи Лѣтописца Суздальскаго, жившаго въ исходѣ XII столѣтія. Онъ говоритъ, что Владиміръ на Клязьмѣ построенъ Владиміромъ *Великимъ* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 37): дѣйствительно Владиміромъ и Великимъ, но только не Святымъ, а Мономахомъ (см. сей *Исторіи* Т. II, прим. 238). Въ Новогородской лѣтописи, напечатанной въ *Продолженіи Древ. Россійской Вивліоѳики*, сказано: «пріиде къ Новугороду Акимъ Архіепископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ поверзавше, ужи (веревками) волочаху по калу, біюще жезліемъ, и заповѣда никомужь нигдѣ же не пріати. И се иде Пидьблянинъ« (*Пидьбою* называлось мѣсто близъ Новагорода: см. *Новог. Лѣт.* стр. 111) — «рано на рѣку, хотя горьнци (горшки) везти въ городъ; и сице Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ. *Ты*, рече, *Перушице*, *до-сити* (досыта) *еси пилъ и ялъ, а нынѣ плови уже проче*. И плы съ свѣта въ окромѣшное.» Баронъ Герберштейнъ пишетъ, что Перунъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится монастырь *Перунскій*; что идолъ, когда Новогородцы бросили его въ воду, плылъ вверхъ по рѣкѣ, и бросивъ имъ на мостъ палицу, закричалъ: *храните ее, граждане, въ память мою;* что сей голосъ въ нѣкоторой день ежегодно бываетъ слышимъ въ Новѣгородѣ; что жители, по-

спѣшно собираясь тогда на мосту, дерутся палицами, и Градоначальникъ едва можетъ разнимать ихъ (Rer. Moscov. Com. стр. 55). Сію баснію, которая находится и въ *Степен. Книгѣ*, повторилъ Стриковскій, а за нимъ сочинитель Кіевскаго *Синопсиса*. — Изъ всѣхъ сказаній мнимаго Іоакима самое любопытнѣйшее есть о введеніи Христіанской Вѣры въ Новѣгородѣ; жаль, что оно выдумка, основанная единственно на старинной пословицѣ: *Путята крести мечемъ*, а *Добрыня огнемъ!* «Новогородцы» (говоритъ сей Іоакимъ) «возмущаемые Тысячскимъ Угоняемъ и жрецомъ Богомиломъ или *Соловьемъ*, какъ онъ названъ по его краснорѣчію, не хотѣли креститься. Воевода Владиміровъ Путята, имѣя съ собою Ростовцевъ, вступилъ въ бой съ непокорными гражданами, а Добрыня велѣлъ зажечь ихъ домы.» О Путятѣ упоминается въ народныхъ пѣсняхъ:

*Противъ двора Путятина,*
*Противъ терема Зыбатина,*
*Стараго Путяти темной лѣсъ.*

Впрочемъ одинъ знаменитый Воевода Путята жилъ гораздо послѣ Владиміра (см. ниже).

Несторъ, описавъ языческія обыкновенія древнихъ Славянъ Россійскихъ, прибавляетъ: се же творять Вятичи *нынѣ* — Кривичи и прочіи погании, не вѣдуще закона Божія.» Слѣдственно между сими народами Русскими и въ его время было еще много не-Христіанъ. — Въ житіи благовѣрнаго Князя Константина Святославича сказано, что Муромъ и въ XIII вѣкѣ былъ еще наполненъ язычниками (см. нашей *Исторіи* Т. III, прим. 153). Св. Аврамій крестилъ многихъ язычниковъ въ Ростовѣ уже тогда, какъ сей городъ былъ *Владимірскою* областію (см. *Прологъ* и *Минею* Окт. 29): слѣдственно послѣ или во время Андрея Боголюбскаго, а не при Владимірѣ Великомъ, какъ нѣкоторые думали, и не въ началѣ XI вѣка, какъ показано въ Мѣсяцесловѣ.

(464) Рогнѣда, названная въ лѣтописи *первою* супругою Владиміра, вышла за-мужъ около 970 году. Увидимъ, что Всеволодъ III, сынъ Георгія Долгорукаго, послалъ княжить въ Новгородъ сына, именемъ Святослава, когда ему не было еще и пяти лѣтъ отъ роду. Разумѣется, что Вельможи правили именемъ малолѣтнаго Князя.

У Владиміра было 12 сыновей безъ Святополка. Мы не знаемъ, отъ кого родились Станиславъ, Позвиздъ и Судиславъ. Несторъ упоминаетъ объ нихъ въ 988 году: слѣдственно они не могли быть дѣтьми Греческой Царевны чрезъ нѣсколько недѣль по ея замужствѣ. Татищевъ признавалъ Анну матерію Бориса и Глѣба; но развѣ Лѣтописецъ не ясно говоритъ, что они родились отъ *Болгарыни*, и гораздо прежде Владимірова крещенія? см. въ печатн. *Несторъ* стр. 71.

Система Удѣловъ была общею въ Европѣ. Рюрикъ, не имѣвъ сыновей, раздавалъ области Боярамъ, которые назывались Князьями (см. выше, стр. 70 и 82).

(465) Сего Вышеслава называетъ Лѣтописецъ *старшимъ*, но только въ отношеніи къ Ярославу, говоря: «посади Ярослава въ Ростовѣ: умершу же *старѣйшему* Вышеславу, посади Ярослава въ Новѣгородѣ.»

(466) Въ *Патерикѣ* (см. житіе Стефана, Игум. Печер.) именно сказано, что сей городъ построенъ Св. Владиміромъ; но когда? Татищевъ пишетъ: «въ 992 году.» Сего извѣстія нѣтъ въ лѣтописи. Новѣйшіе Лѣтописцы — тѣ, которые въ XVI вѣкѣ дополняли Нестора баснями — едва ли знавъ, что есть на свѣтѣ Волынскій Владиміръ (ибо сія часть древней Россіи принадлежала тогда Литвѣ) искали Всеволодова Удѣла на берегахъ Клязьмы. Татищевъ и Болтинъ справедливо обличали ихъ невѣжество. Разныя мѣста въ продолженіи Несторовой лѣтописи доказываютъ, что древній Владиміръ находился на границахъ Польши; мы замѣтимъ ихъ ниже. О новѣйшемъ Владимірѣ на Клязьмѣ не упоминается до XII вѣка.

(467) См. выше, стр. 105. Несторъ говоритъ (въ печатн. стр. 67): «Бѣ бо Рогволодъ пришелъ изъза моря, имяше власть въ Полотескѣ, а Туръ въ Туровѣ, отъ него же Туровцы прозвашась.» Новѣйшіе Лѣтописцы, не хотѣвъ обдѣлить и трехъ меньшихъ сыновей Владиміровыхъ, даютъ Станиславу Смоленскъ, Позвизду Луцкъ, Судиславу Псковъ. Въ житіи Св. Владиміра сказано, что Луцкъ былъ отданъ Владимірову *сыну* Брячиславу: развѣ *внуку?* Брячиславомъ назывался сынъ Изяславовъ. Длугошъ говоритъ (Hist. Polon. T. I, стр. 145), что Владиміръ назначилъ тремъ меньшимъ сыновьямъ, Станиславу, Позвизду и Судиславу, Княженіе Кіевское и *Берестовское*, которыя долженствовали быть ихъ Удѣломъ по кончинѣ отца. Сей Историкъ думалъ, что *сельцо* Берестовое (см. въ печатн. *Нест.* стр. 71) есть городъ.

(468) «И рече Володимиръ: *се не добро, еже есть мало городовъ около Кыева*, и нача ставити городы по Деснѣ, и по Встри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати (набирати) мужи лучшія отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чуди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады: *бѣ бо* рать отъ Печенѣгъ,» и проч. Согласно съ Татищевымъ и съ Авторомъ *Степенной Книги*, думаю, что Несторъ союзомъ *бо* хотѣлъ означить здѣсь причину строенія городовъ. Новѣйшіе Лѣтописцы не поняли того, и говорятъ просто о войнѣ Князя Владиміра съ Печенѣгами въ 988 году.

Бѣлгородъ, нынѣ Бѣлогородка, есть мѣстечко Кіевской Губерніи на рѣкѣ Рупинѣ. Тамъ не осталось уже ничего древняго, кромѣ вала.

Несторъ говоритъ, что у Владиміра, еще *идолопоклонника*, было 300 наложницъ въ Бѣлѣгородѣ: слѣдственно Великій Князь живалъ тамъ и прежде. Въ лѣтописи: «*заложи* Бѣлгородъ,» т. е. городскую стѣну. Такъ, на примѣръ, сказано въ лѣтописяхъ XII вѣка (см. *Росс. Библіот.* стр. 287), что Всеволодъ *заложилъ* Переяславль Суздальскій, въ которомъ онъ уже княжилъ за нѣсколько лѣтъ до того времени.

Описанныя здѣсь происшествія слѣдуютъ у Нестора въ такомъ порядкѣ: Владиміръ началъ строить города близъ Кіева въ 988 году; церковь Богоматери заложена въ 989, а Бѣлгородъ въ 990. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Владиміръ въ 990 году послалъ *Македонскаго Философа* Марка обращать Низовскихъ или Казанскихъ Болгаровъ въ Христіанскую Вѣру; что четыре Князя ихъ крестились въ Кіевѣ; что въ сей годъ родилось множество всякихъ плодовъ, и были Греческіе послы у Великаго Князя; что въ 991 году пришли изъ Греціи каменосѣчцы, случилось наводненіе, пріѣзжали послы изъ Рима, и Князь Печенѣжскій Кучугъ, сдѣлавшись усерднымъ Христіаниномъ, заслужилъ дружбу Владиміра, Митрополита и Бояръ; что въ 992 году ходилъ Владиміръ на Печенѣговъ, угощалъ въ Кіевѣ пословъ Болеслава Ляшскаго и Андриха Чешскаго, оплакалъ кончину Митрополита Михаила, и принялъ новаго, именемъ Леонта (Леона), отъ Патріарха *Фотія;* что сей Леонтъ поставилъ въ Епископы Новугороду Іоакима, Чернигову Неофита, Ростову Ѳеодора, Владиміру Стефана, Бѣлугороду Никиту и проч. Татищевъ разсказываетъ, что въ 990 году Владиміръ воевалъ съ Польскимъ Королемъ Мечиславомъ, а въ 992 ходилъ съ двумя Епископами ко

Днѣстру и построилъ Червенскій городъ Владиміръ. Повторяя сказку Никоновской лѣтописи о послахъ Римскихъ, сей Историкъ прибавляетъ (ссылаясь на какой-то Хрущовскій списокъ), что Патріархъ Константинопольскій былъ недоволенъ сношеніями Владиміра съ Папою и совѣтовалъ ему отказаться отъ переписки съ Главою Западной Церкви. — Въ древней лѣтописи нѣтъ ни одного изъ сихъ обстоятельствъ.

(469) См. выше, стр. 77. Невѣроятно, чтобы Владиміръ ходилъ въ нынѣшнюю, столь отдаленную Кроацію. Можетъ быть, Хорваты, обитатели южной Галиціи, прилежащей къ горамъ Карпатскимъ, еще не зависѣли тогда отъ Россіи, и Великій Князь старался ихъ покорить.

(470) Несторъ говоритъ: «Володимеръ же приде въ *товары* (въ станъ), посла *биричи* по *товаромъ,*» и проч. *Биричь* или *бирючь* есть Герольдъ или провозвѣстникъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено ошибкою *Берендичи*, вмѣсто *Биричи.*

Далѣе въ *Троицк.*: «*мтрью сварящу* и оному мнущу усніе (кожу), разгнѣвався на мя, и преторже рукама сыром» . . . (наверху поставлено: «кожу;» а въ *Пушкин.*: «черева») . . . Слова: *сварящу* (съ) *матерью*, значатъ, что онъ *бранился съ матерью.* Ниже сказано, что Владиміръ на канунѣ поединка велѣлъ своимъ ратникамъ изготовиться къ битвѣ. Въ *Воскресен.*: «размѣривше межи обѣма полкома, и пустиша я.»

(471) Въ харатейныхъ спискахъ: «зане переялъ славу отрокъ тотъ.» Поправка Татищева и другихъ: «зане Переяславъ отроку тому имя,» есть ошибка. — Длугошъ, не понявъ Нестора, говоритъ: Wladimirus illic castrum Berestaw (Переяславль) erexit eo quod vir, qui vicerat, ex Berestaw ortus esset (Hist. Polon. T. I, стр. 123). Стриковскій повторилъ его слова и назвалъ также богатыря Русскаго Переяславскимъ уроженцемъ; но въ древней Россіи не было инаго Переяславля, кромѣ Трубежскаго.

(472) См. выше, стр. 80. Развѣ положимъ, что новѣйшій переписчикъ сихъ договоровъ отъ себя вставилъ имя Переяславля?

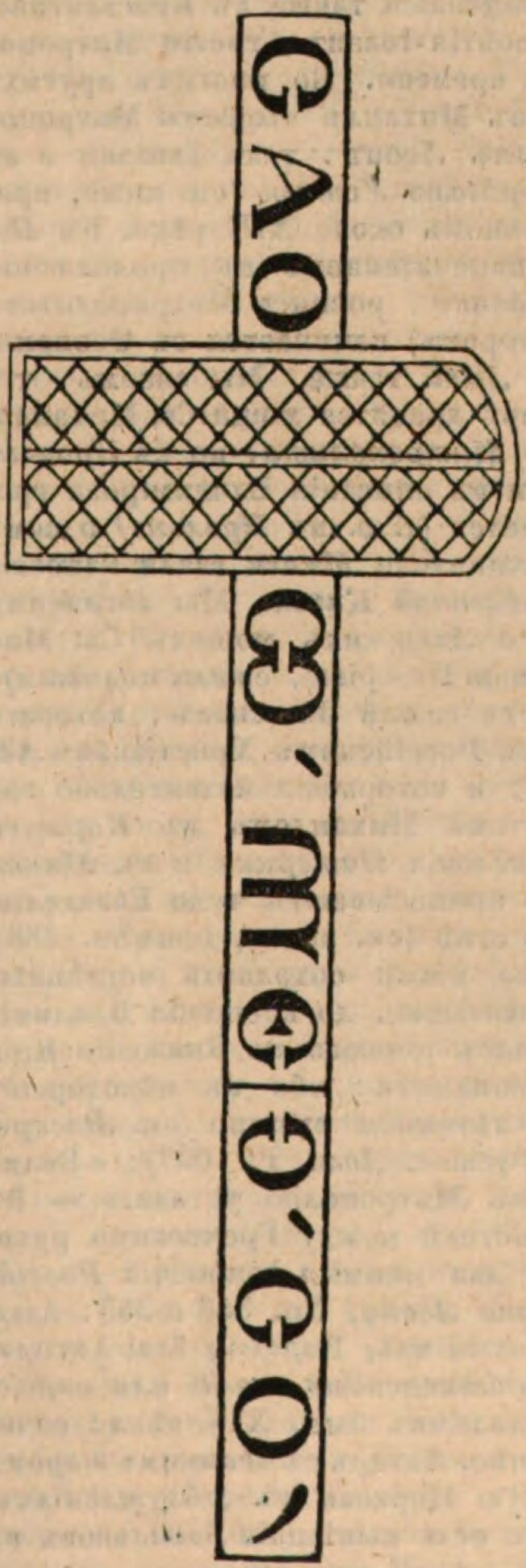
Здѣсь въ *Никон. Лѣт.* годы происшествій означены ложно, и *прибавлено,* что въ 994 году Владиміръ ходилъ на Болгаровъ, были засухи, и Русскіе послы возвратились — отъ Папы; а въ 997 году Великій Князь воевалъ съ Болгарами Волжскими и Камскими.

(473) См. въ печатн. *Несторѣ* стр. 85 и 87. Лѣтописецъ говоритъ: «Володимеръ рекъ сице: *даю Церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть*, и положи написавъ клятву въ церкви сей, и рекъ: *аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ,* и вдастъ десятину Анастасу Корсунянину.» Не только Іудеи, но и самые древніе язычники давали Священникамъ десятину (см. Геродот. кн. I, стр. 65 въ Русскомъ переводѣ). Христіане, по совѣту Святыхъ Отцевъ, также слѣдовали сему обыкновенію; но Церковь *Греческая* никогда не признавала онаго *закономъ.* Карлъ Великій и наконецъ Соборы Западной Церкви въ IX вѣкѣ первые уставили, что міряне *обязаны* давать монастырямъ и Духовенству десятую часть отъ своего прибытка.

Татищевъ говоритъ, что сказаніе о *десятинѣ* едва ли не прибавлено къ древней лѣтописи Попами новѣйшихъ временъ; что слогъ въ семъ мѣстѣ кажется новымъ, и въ разныхъ спискахъ употреблены разныя слова; что обыкновеніе давать Церкви десятую часть отъ всѣхъ Государевыхъ и *народныхъ* доходовъ во-первыхъ безразсудно, во-вторыхъ не могло бы совершенно исчезнуть въ памяти людей, ежели бы оное когда нибудь существовало въ Россіи. Отвѣтствуемъ: 1) сіе мѣсто находится въ самыхъ древнихъ спискахъ XIV вѣка, въ *Пушкинскомъ* и въ *Троицкомъ,* и въ самыхъ новѣйшихъ слова тѣ же безъ всякой розницы; 2) безразсудно или нѣтъ, но въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ была уставлена церковная десятина; 3) Лѣтописецъ не говоритъ, чтобы *народъ* давалъ ее: одинъ Князь жертвовалъ частію своего избытка въ пользу Церкви, имъ сооруженной. — Кажется, что наслѣдники Владиміровы отмѣнили сію дань, и что Лѣтописецъ *не безъ намѣренія* хотѣлъ напомнить имъ клятву Равноапостольнаго Князя. И другіе Князья Россійскіе давали послѣ церквамъ десятину.

Сіе извѣстіе древняго Лѣтописца подало мысль какому нибудь Духовному XIII вѣка сочинить *Уставъ Св. Владиміра о десятинахъ* и церковныхъ судахъ (см. ниже, примѣч. 506).

Десятинная церковь Рождества Богородицы находится въ старомъ городѣ Кіевѣ близъ церкви Андреевской. Она была разрушена во время нашествія Батыева. Остался одинъ придѣлъ ея. На внѣшней полуденной его стѣнѣ вдѣлана каменная доска, длиною 6 аршинъ, шириною ¼ аршина, съ слѣдующею надписью, изображенною выпуклыми буквами, цвѣту сѣроватаго или свинцоваго: С А Ѳ Ф М Е). (С О; а выше: Н. О. Значеніе сихъ буквъ нельзя узнать для того, что доска не цѣлая, а составлена изъ *трехъ* отломковъ, отысканныхъ въ развалинахъ старой церкви и вставленныхъ въ стѣну придѣла.




(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, изд. 1819 года). Вотъ вѣрнѣйшее изображеніе буквъ въ надписи церкви Десятинной:

*З. Д. Ходаковскій.*



221

Сочинитель *Книги Степен.* разсказываетъ, что Владимiръ и Кiевскiй Митрополитъ со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, со множествомъ народа, псалмопѣнiемъ, свѣщами и кадилами, пришли на мѣсто, гдѣ лежало тѣло Св. Ольги, вырыли его, увидѣли нетлѣнныя мощи, перенесли ихъ въ Соборную или Десятинную церковь Богоматери и положили въ каменномъ гробѣ. Несторъ, описавъ кончину Ольги, говоритъ по *Троицк.* списку: «се бо вси человѣци прославляють, видяще *лежащю* въ тѣлѣ за многа лѣта.» Въ лѣтописи Попа Iоанна еще яснѣе (стр. 267): «лежащю ю» — слѣдственно Ольгу? слѣдственно мощи ея были извѣстны въ Несторово время? Но въ *Пушкин.* слова: «видяще лежащая въ тѣлѣ,» могутъ относиться вообще къ Праведникамъ, о которыхъ выше упоминается. Въ *Воскресен.* прибавлено: «тѣло ея по смерти нетлѣнно соблюде.»

Анастасъ Корсунянинъ слыветъ у насъ Протопопомъ, для того, что или Стриковскiй, или переводчикъ его и Авторъ Синопсиса назвали его симъ именемъ, а сочинители *Житiй Святыхъ* повѣрили Синопсису. Въ *Воскресен. Лѣт.* именованъ Анастасъ просто Iереемъ.

(474) Въ *Никон. Лѣт.* и *Степен. Книгѣ* сказано, что отъ Патрiарха Цареградскаго прiѣхалъ въ Херсонъ ко Владимиру Митрополитъ, именемъ Михаилъ, родомъ Сиринъ, который насадилъ Вѣру Христiанскую въ Россiи, завелъ училища, былъ мудръ, тихъ, иногда же *свирѣпъ* или строгъ; что мѣсто его въ 992 году заступилъ Грекъ Леонтiй или Леонъ, посвященный также въ Константинополѣ, а мѣсто Леонтiя Iоаннъ, третiй Митрополитъ Владимiрова времени. Во многихъ другихъ лѣтописяхъ названъ Михаилъ вторымъ Митрополитомъ, а первымъ Леонъ: такъ сказано и въ мнимомъ *Владимiровомъ Уставѣ* (см. ниже, примѣч. 506), сочиненномъ около XIII вѣка. Въ *Новогород. Лѣт.*, напечатанномъ въ продолженiи *Древ. Рос. Вивлiоѳики*, роспись Митрополитовъ (согласно съ Несторомъ) начинается съ Ѳеопемпта; въ *Архангел. Лѣт.* также. Мы знаемъ, что въ Печерской Лаврѣ хранятся мощи Св. Михаила, *перваго Кiевскаго Митрополита;* но въ *Прологѣ* нѣтъ его житiя, и въ описанiи Владимiрова крещенiя не упоминается (т. е. въ *Прологѣ)* о семъ Митрополитѣ. Сочинители *Минеи* взяли извѣстiе объ немъ изъ *Степенной Книги.* Мы согласимъ преданiе Церкви о Лаврскихъ мощахъ Св. Михаила съ достовѣрною Исторiею, ежели положимъ, что онъ былъ тотъ самый Епископъ, котораго прислалъ Фотiй къ Россiйскимъ Христiанамъ Аскольдова времени, и который дѣйствительно названъ Митрополитомъ Михаиломъ въ *Кормчей Книгѣ*, въ предисловiи *Патерика* и въ *Минеѣ* (Iюля 15): ему-то приписываютъ чудо Евангелiя, не сгорѣвшаго въ огнѣ (см. выше, примѣч. 286). Кiевскiе Христiане могли сохранить нетлѣнныя мощи его, какъ святыню, до крещенiя Владимiрова. Или онъ пасъ церковь въ Княженiе Ярослава, прежде Ѳеопемпта: ибо въ нѣкоторыхъ спискахъ древней лѣтописи сказано (см. *Воскресенск.* I, 185, и *Ростов. Лѣт.* г. 1037): «Великiй Князь Ярославъ Митрополiю устави.» — Въ Синодальной библiотекѣ между Греческими рукописями находятся два мнимыя сочиненiя *Россiйскаго Митрополита Леона,* No. 353 и 355: *Λεοντος Μητροπολιτου Ρωσιας πρὸς Ρωμαίους ἤτοι Λατινους περὶ τῶν ἀζυμων*, о *безквасномъ хлѣбѣ или опрѣснокахъ.* Списокъ долженъ быть XIV вѣка: сочиненiе едва ли древнѣе. Авторъ съ великимъ жаромъ уличаетъ Латинскую Церковь въ заблужденiяхъ.

(475) Сей городъ есть нынѣшнiй Васильковъ въ Кiевской Губернiи.

(476) *Гридями* назывались тѣлохранители Княжескiе, а Гридницею та комната во дворцѣ, гдѣ они собирались. Болтинъ думалъ, что здѣсь *гридница* значитъ *кухню*, и производилъ сiе имя отъ Шведскаго глагола Græddа, *жарить*, *печь.* Оно въ самомъ дѣлѣ есть Норманское, но происходитъ отъ Гридня, а Гридень отъ Шведскаго слова Gred, т. е. *мечь.* Сiи отборные воины дружины Княжеской дѣйствительно назывались послѣ *Мечниками.* Въ продолженiи Несторовой Лѣтописи сказано, что горожане Боголюбскiе убили *Дѣтскихъ* (Отроковъ) и *Мечниковъ* Князя Андрея (см. *Россiйск. Библiот.* стр. 254).

Въ рукописномъ житiи Св. Владимiра прибавлено: «Въ праздники Господскiе три трапезы поставляше (Владимiръ): первую Митрополиту со Епископы и со Черноризцы и съ Попы; вторую нищимъ и убогимъ; третiю себѣ и Бояромъ своимъ и всѣмъ мужамъ своимъ.» — Мы написали выше, что Владимiръ велѣлъ сварить 300 *варь* меду: въ древней лѣтописи сказано: *проварь,* а въ новѣйшихъ «300 *берковскыхъ*,» или берковцевъ. — Въ *Ипатьевск.* и въ *Хлѣбниковск.* сказано, что Вел. Князь возвратился тогда въ Кiевъ къ празднику Успенiя.

(477) «Взимати всяку потребу, питье и яденья, и отъ *скотницъ кунами.*» *Кунами* назывались въ старину деньги, а *скотницею* казна. Болтинъ думалъ, что надобно читать *скатница*, и что сiе имя есть Шведское skatt, т. е. *деньги, казна, сокровище:* но когда Латинское слово pecunia *(деньги, имѣнiе, богатство)* происходитъ отъ pecus (скотъ), то и древнее Русское имя *скотница*, въ смыслѣ казны, не можетъ ли имѣть такого же происхожденiя? Домашнiй скотъ былъ первымъ богатствомъ людей. Несторъ говоритъ (въ печатн. стр. 99): «и начаша *скотъ* брати, отъ мужа по четыре куны, а отъ старостъ по десяти гривенъ,» и проч. Слѣдственно имя *скотъ* также означало у насъ *деньги.*

(478) «Умножишась зѣло *разбоеве.*» Подъ *разбоемъ* разумѣли въ то время убiйство (см. сей *Исторiи* Т. II, примѣч. 71). *Вира* есть Германское Wehrgeld, употребляемое въ *Саксонскихъ законахъ* (Lex. Saxon. Tit. II, *Слово* Академика Струбе *о началѣ и перемѣнахъ законовъ Россiйскихъ*, стр. 10, и Юма *Англ. Исторiю* Т. II, главу о законахъ Англо-Саксон.). Такъ называли Германцы денежную пеню за убiйство. Отъ Варяговъ вошло сiе слово (по-Шведски Ога) въ древнее Русское законодательство.

(479) «И бѣ живя съ Князи окольними мирно: съ Болеславомъ Лятьскимъ, и съ Стефаномъ Угорскимъ, и съ Андрихомъ (Удальрикомъ) Чешескымъ.» Несторъ говоритъ о томъ въ описанiи случаевъ 996 года; но Стефанъ началъ властвовать уже въ 997 году, Болеславъ въ 999, а Ульрикъ или Удальрикъ въ 1012. Впрочемъ всѣ они были Владимiровыми современниками. Длугошъ, прочитавъ сiе мѣсто въ Несторѣ о мирѣ Владимiра съ Болеславомъ, говоритъ, что Князь Россiйскiй, *боясь* могущественнаго Государя Польскаго, отправилъ къ нему въ 1001 году знаменитыхъ пословъ и требовалъ его дружбы: на что Болеславъ охотно согласился, считая прiязнь Россiянъ выгодною для земли своей (Hist. Polon. Т. I, стр. 135).

(480) Въ харатейныхъ спискахъ: «и рѣша ему (Владимiру) Епископи и старци: рать многа, оже *Вира*, то на оружьи и на конихъ буди.» Это не весьма ясно. То ли, что Владимiръ, Вирою сохраняя жизнь воиновъ, долженъ быть съ ними въ полѣ для отраженiя враговъ? или то, что деньги собираемыя за убiйство (Вира), должны быть имъ

употребляемы на оружіе и на коней? Слово *буди* къ Владиміру ли относится или къ Вирѣ? — Татищевъ прибавилъ многія обстоятельства въ семъ мѣстѣ.

Далѣе въ Несторѣ: «Володимеру же шедшю къ Новугороду по верховніе вои на Печенѣгы; бѣ бо рать велика безпрестани.» Князь Щербатовъ думалъ, что Владиміръ пошелъ къ Новугороду воевать съ Печенѣгами. Болтинъ смѣялся надъ его ошибкою, говоря, что сіи непріятели совсѣмъ не тамъ жили, и что вмѣсто словъ *шедшю на Печенѣги*, надобно читать: *на Чудь*. Такъ написалъ и Татищевъ; но всѣ трое равно ошиблись. Несторъ хотѣлъ сказать, что Владиміръ пошелъ въ Новгородъ *за* верховыми воинами (ибо сѣверо-западная Россія называлась въ отношеніи къ южной верховьемъ), чтобы съ ними итти послѣ на Печенѣговъ.

(481) См. ниже о словѣ *Вѣче*, примѣч. 495.

(482) Въ подлинникѣ сказано, что умной старикъ Бѣлогородскій велѣлъ женщинамъ сдѣлать *цѣжь* изъ отрубей, овса и пшеницы. Сіе слово напоминаетъ Нѣмецкое Sas. — Лѣтописецъ говоритъ, что граждане нашли *лукно* меду въ Княжей *медушѣ*: такъ называлось мѣсто, гдѣ стоялъ медъ.

(483) Татищевъ назвалъ Мальфриду или Мальфреду Чехинею, матерью Святослава. — О Рогнѣдѣ см. выше, примѣч. 462. — *Никон. Лѣт.* хвалитъ Изяслава, называя его кроткимъ, *слезнымъ*, терпѣливымъ, *умильнымъ* любителемъ Св. Писанія и Духовенства. Татищевъ ошибкою приписалъ сію хвалу сыну его, Всеславу, который умеръ младенцемъ. Рогнѣда, мать Изяславова, вышла за-мужъ въ 979 или 980 году; положимъ, что Изяславъ родился въ 981, и женился семнадцати лѣтъ: слѣдственно сынъ его, Всеславъ, въ 1003 году могъ умереть лѣтъ четырехъ. Елагинъ, не сообразивъ того, и вѣря Татищеву, говоритъ (его Исторіи Т. I, стр. 464), что «*юный Князь Всеславъ* насаждалъ Евангельскія добродѣтели, соблюдалъ миръ съ Державами сосѣдственными, чуждался властолюбія,» и проч. и проч.

По извѣстію Кедрина, Анна умерла послѣ Владиміра. Mortua Anna, говоритъ онъ, Imperatoris sorore, in Rossia, defuncto iam ante Vladimiro marito (Memor. popul. II, 1010). Но мы вѣримъ Нестору, тѣмъ болѣе, что сказаніе его согласно съ извѣстіемъ современнаго Нѣмецкаго Лѣтописца: тѣло Владиміра (какъ пишетъ Дитмаръ въ концѣ VII книги) было погребено тамъ же, гдѣ стоялъ гробъ супруги его, Княжны Греческой — слѣдственно она умерла прежде.

Здѣсь открылось *Никонов. Лѣтописцу* свободное поле для вымысловъ. Желая наполнить пустоту въ древней лѣтописи, онъ сказываетъ, что въ 1000 году Володарь, забывъ благодѣянія Великаго Князя, шелъ осадить Кіевъ съ *Половцами* (которыхъ имя въ сіе время было еще неизвѣстно въ Россіи); что Владиміръ находился тогда въ Дунайскомъ Переяславцѣ; что богатырь его Александръ Поповичь умертвилъ Володаря и разбилъ Половцевъ; что Владиміръ за такую храбрость надѣлъ на Поповича золотую гривну и сдѣлалъ его *Вельможею въ палатѣ своей*; что въ тотъ же годъ умеръ Рахдай *Удалой*, разливались воды и были у Владиміра послы отъ Папы, отъ Королей Богемскаго и Венгерскаго; что въ 1001 году Александръ Поповичь и Янъ *Усмошвецъ*, убившій нѣкогда великана Печенѣжскаго, разогнали множество Печенѣговъ и привели въ Кіевъ Князя ихъ Родмана; что обрадованный Владиміръ далъ *свѣтлый* праздникъ народу и послалъ гостей своихъ (купцевъ) въ Римъ, Іерусалимъ, Египетъ, Вавилонъ, *для наблюденія чужеземныхъ* обычаевъ; что въ 1002 году родился Святославу сынъ *Янъ*, шли дожди и было *теченіе* звѣздамъ; въ 1003 году *умножились* всякіе плоды; въ 1004 Александръ Поповичь и Янъ Усмошвецъ обратили въ бѣгство Печенѣговъ, осаждавшихъ Бѣлгородъ; было еще знаменіе въ солнцѣ, въ лунѣ и въ звѣздахъ; *Андриха Добрянкова* храбраго отравили слуги его, а Темира, Князя Печенѣжскаго, убили сродники. Въ тотъ же годъ, по сказанію сего Лѣтописца, Митрополитъ Леонтій заключилъ въ темницу инока Андреяна скопца, который *укорялъ* церковные законы, Епископовъ, Пресвитеровъ, Иноковъ; но виновный раскаялся и снова обратился на путь истины. Далѣе узнаемъ мы, что въ 1008 году Митрополитъ Іоаннъ построилъ въ Кіевѣ церковь каменную Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, а въ Переяславлѣ Воздвиженія Честнаго Креста; что въ томъ же году саранча опустошала поля, и Владиміръ простилъ славнаго разбойника Могута, который раскаялся, оказалъ великое смиреніе, и наконецъ, предвидѣвъ смерть свою, почилъ о Господѣ въ домѣ Митрополита. — Историки наши вѣрили симъ весьма нехитрымъ вымысламъ и включали ихъ въ свое повѣствованіе. Татищевъ прибавилъ еще, что въ 1006 году Волжскіе Болгары присылали многіе дары къ Великому Князю, требуя права торговать свободно во всѣхъ городахъ по Окѣ и Волгѣ; что Владиміръ далъ имъ *печати*, но велѣлъ торговать единственно въ городахъ, а не въ селахъ, — съ купцами, а не съ Дворянствомъ, не съ крестьянами, и проч.

(484) Histor. Reg. Septentr. T. I, Tryggwasons Saga, гл. 96, стр. 317. Музы Скандинавскія воспѣли сію войну и жестокія битвы ея.

Стурлезонъ (I, 197) повѣствуетъ слѣдующее: «Когда Астрида съ Олофомъ плыла на кораблѣ въ Россію, морскіе разбойники взяли ихъ въ плѣнъ и разлучили. Сигурдъ, посланный Владиміромъ для собранія дани въ Эстляндію, нашелъ тамъ своего племянника, выкупилъ его изъ неволи и привезъ въ столицу. Чрезъ нѣсколько времени юный Олофъ встрѣтился съ однимъ изъ разбойниковъ, взявшихъ на Бальтійскомъ морѣ корабль Астридинъ, и разсѣкъ ему голову топоромъ. Желая спасти племянника, Сигурдъ отвелъ его къ супругѣ Владиміровой, *Арлогіи*, и просилъ ея защиты. Княгиня вступилась за Принца и велѣла стражѣ разогнать народъ, который искалъ убійцы; а мать Олофова заплатила пеню родственникамъ убитаго. Никто изъ чужестранныхъ Принцевъ, безъ особеннаго дозволенія отъ Правительства, не могъ тогда жить въ Россіи: Княгиня исходатайствовала сіе позволеніе для Олофа, и старалась довершить его воспитаніе наилучшимъ образомъ. Онъ съ великимъ прилѣжаніемъ учился воинскому искусству и заслужилъ милость Владиміра, давшаго ему начальство надъ своимъ пограничнымъ войскомъ; но завистливые Бояре увѣрили Князя, что сей чужеземецъ, любимый народомъ, можетъ быть опасенъ, и юный Олофъ выѣхалъ изъ Россіи.» — Далѣе Стурлезонъ (стр. 233), ссылаясь на какую-то Хронику подъ заглавіемъ Imago Mundi, разсказываетъ, что Олофъ, «принявъ Вѣру Христіанскую, былъ вторично у Владиміра, ѣздилъ отъ него въ Грецію и привезъ къ нему оттуда ученаго мужа, именемъ Павла, который съ помощію Великой Княгини *Арлогіи* уговорилъ Владиміра и подданныхъ его креститься: что случилось въ царствованіе Императора Оттона.» Владиміръ жилъ дѣйствительно въ одно время съ Оттономъ III. Сію повѣсть Стурлезонову можно *отчасти* согласить и съ Несторовою, ежели подъ

222

именемъ *Павла* будемъ разумѣть того Греческаго Философа, который, по извѣстію нашего Лѣтописца, изъяснялъ Владиміру Вѣру Христіанскую.

Кардиналъ Бароній повторяетъ въ своихъ *Церковныхъ Лѣтописяхъ* (Annal. Eccl. T. XI, стр. 30—31) сказку о Римскомъ Св. Мученикѣ Бонифатіи, который будтобы въ началѣ XI вѣка крестилъ Россіянъ; но должно знать, что сей мученикъ былъ не въ Россіи, а въ Пруссіи (см. Гарткнох. Alt- und Neues Preußen, стр. 456).

(485) Ежели откинуть слогъ *га*, *Альдейгабургъ* можетъ значить на Готѳскомъ языкѣ *старый городъ;* но вѣроятнѣе, что сіе имя дано ему отъ Ладожскаго озера, которое называлось *Альдескъ, Альда* (Рудбек. Atlantica T. I, стр. 659—660), *Альдагенъ* (см. сей *Исторіи* T. III, примѣч. 244) и даже *Альдога* (см. *Географ. Лексик.* Миллеровъ подъ словомъ *Ладога*, и Шлец. Nord. Gesch. стр. 501). Рюрикъ, можетъ быть, основалъ городъ Ладогу, желая имѣть удобное сообщеніе съ единоземцами своими чрезъ Финскій заливъ, и назвалъ ее Альдейгабургомъ, т. е. *городомъ Альдогскимъ;* быть можетъ, что она построена еще и ранѣе Варягами, завоевателями сѣверныхъ областей Славянскихъ; хотя лѣтописи наши и не упоминаютъ объ ней до XII вѣка. Имя *Альдога*, отъ перестановки двухъ буквъ, обратилось въ Ладогу: такъ стали въ Россіи называть сей городъ, отбросивъ окончаніе *бургъ*. Извѣстно, что простой народъ говоритъ у насъ *Питеръ* вмѣсто Петербурга. — Миллеръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Ладога была Альдейгабургомъ, который 1) по свидѣтельству всѣхъ Историковъ (какъ онъ пишетъ) принадлежалъ Россіи только въ позднѣйшія времена; 2) Невскіе пороги долженствовали препятствовать судоходству; 3) ежели Альдейгабургъ Ладога, то для чего же Скандинавскіе корабли тамъ останавливались и не доходили до Новагорода? (см. его *Рѣчь о происхожденіи народа Россійскаго*)... Но 1) какіе же Историки упоминаютъ о *древнемъ независимомъ* Альдейгабургѣ? Исландскіе басенники, которыхъ хронологію опредѣляетъ Торфей на угадъ. Первое достовѣрное свидѣтельство о бытіи сего города находится въ Стурлезоновой лѣтописи и принадлежитъ ко временамъ Владиміра и Ярослава (Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 318 и 516). Къ тому же Ладога могла быть въ началѣ и независимымъ городомъ, если она прежде Рюриковыхъ временъ построена Варягами, открывшими себѣ въ VIII или въ IX вѣкѣ путь въ Неву и Ладожское озеро. 2) Хотя стремленіе воды очень быстро въ Невскихъ порогахъ, но черезъ нихъ ходятъ самыя большія и грузныя суда (см. Озерецковскаго *Описаніе Ладожскаго озера*, стр. 3, 4). 3) Датчане, Норвежцы и Шведы останавливались въ Ладогѣ для того, что пороги Волховскіе мѣшали имъ плыть вверхъ рѣкою до Новагорода.

(486) При Олегѣ Новгородъ платилъ 300 гривенъ Варягамъ (см. выше, стр. 76).

Владиміръ говоритъ: *«Теребите* пути, и мосты мостите.» *Теребить путь* значило *прокладывать дорогу*. Великій Князь хотѣлъ, кажется, устрашить сына такими приготовленіями. Впрочемъ и дороги сего времени не могли быть еще весьма удобны для походовъ войска. — Длугошъ, худо разумѣвъ Нестора, пишетъ (Hist. Polon. T. I, стр. 145), что Ярославъ взялъ Кіевъ и завладѣлъ сокровищами отца своего, который жилъ въ *городѣ* Берестовѣ (in castro Berestow); что оскорбленный Владиміръ собралъ войско, но занемогъ отъ горести, и велѣвъ Борису, сыну своему, итти противъ Ярослава, умеръ; что Ярославъ между тѣмъ призвалъ къ себѣ на помощь Варяговъ и *Печенѣговъ*, и проч. Стрыковскій также говоритъ за Длугошемъ, что Ярославъ взялъ Кіевъ при жизни отца.

Татищевъ прибавляетъ, что не задолго до Владиміровой кончины были у сего Князя послы отъ Болеслава, также Венгерскіе и Чешскіе; что Владиміръ обѣщалъ выдать большую дочь свою за Государя Чешскаго, а меньшую, любимую, за Венгерскаго, и хотѣлъ весною съѣхаться съ ними въ городѣ Владимірѣ. Но Герцогъ Ульрикъ и Король Стефанъ уже имѣли тогда супругъ.

(487) «Умреже на Берестовомъ, и поташа и́: бѣ бо Святополкъ въ Кыевѣ.» Соглашаемся съ Татищевымъ, что не Святополкъ, но придворные хотѣли утаить кончину Владимірову, боясь Святополкова властолюбія, и желая, чтобы Борисъ заступилъ мѣсто отца.

(488) Обстоятельство, что монументъ Владиміровъ стоялъ среди храма, подлѣ гробницы супруги его, взялъ я изъ Дитмара, современнаго Владиміру Лѣтописца, котораго единоземцы, приходившіе съ Болеславомъ *Храбрымъ* въ Кіевъ, собственными глазами видѣли сей памятникъ, разрушенный, какъ надобно думать, Татарами (см. Дитмар. Chron. въ концѣ VII книги). Митрополитъ Кіевскій (какъ сказываютъ), Петръ Могила, въ 1636 году осматривая окрестности Десятинной церкви, разоренной Батыемъ, увидѣлъ яму; велѣлъ глубже раскопать ее, нашелъ два гроба мраморные и по надписи узналъ, что въ нихъ лежали кости Владиміра и Царевны Анны. Онъ вынулъ голову Святаго Князя и положилъ ее въ Кіевопечерской церкви, гдѣ она и теперь хранится (см. *Историч. Описаніе Кіевск. Лавры*, стр. 80). Но что же Петръ Могила сдѣлалъ съ гробницами? Опять зарылъ въ землю? гдѣ? Викарій нынѣшняго Митрополита Кіевскаго, будучи еще типографомъ, внесъ сіе извѣстіе въ описаніе Лавры *изъ тетрадки покойнаго Архимандрита Зосимы*, который записывалъ въ ней разныя достопамятности. Я не могъ узнать ничего болѣе, кромѣ слѣдующаго: «Въ правленіе Епархіею Кіевскою Митрополита Арсенія Могилянскаго, старица Кіево-Фроловскаго монастыря, Княгиня Нектарія Борисовна Долгорукова (супруга знаменитаго несчастливца, казненнаго въ царствованіе Анны Іоанновны), получивъ благословеніе сего Архипастыря, возобновила древніе остатки Десятинной церкви. Задѣлывая трещину въ стѣнѣ олтаря, и копая землю, каменщики отрыли двѣ мраморныя доски, подобныя той, которою покрыта Ярославова гробница въ Софійскомъ храмѣ. Тогдашній Священникъ сей церкви не сказалъ ничего Митрополиту, и любопытный памятникъ былъ опять засыпанъ землею, а слова Греческія, изображенныя на внѣшней стѣнѣ между большими, круглыми, муравлеными украшеніями, представляющими описаніе ветхой церкви, сбиты работниками для бѣленія. Все сказанное слышалъ я отъ жившей тогда въ семъ приходѣ госпожи Хитровой, родственницы помянутой Долгоруковой» — говоритъ достойный Протоіерей Іоаннъ Леванда, ученый любитель нашихъ древностей, въ письмѣ къ Н. Н. Бантышу-Каменскому, отвѣтствуя на мои вопросы.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора мраморная рака Владимірова названа *корстою:* «и вложиша и́ въ *корьсту* мраморяну.» — Дитмаръ называетъ Десятинную церковь храмомъ Св. Климента: тамъ лежали мощи сего Папы (см. въ *Мин. Чет.* житіе Владиміра) и могъ быть предѣлъ ему посвященный.

(489) Historia Saracenica стр. 251.

(490) Дитмаръ, согласно съ Несторомъ описывая его чрезмѣрное любострастіе, говоритъ, что

Владиміръ богатою милостынею хотѣлъ загладить грѣхи свои.

(491) См. *Никон. Лѣт.* Мощи Ильи Муромца, извѣстнаго намъ только по сказкамъ, хранятся въ пещерахъ Кіевскихъ.

(492) Дитмаръ говоритъ (въ концѣ VII книги), что Владиміръ неумѣренностію въ любострастіи вредилъ своему здоровью, *отъ природы слабому*, но умеръ въ старости, имѣвъ время насытиться жизнію. Древній Лѣтописецъ нашъ не означаетъ лѣтъ сего Князя: новѣйшіе, по одному вѣроятному соображенію, говорятъ, что онъ скончался на 63 году отъ рожденія.

(493) Вся Ливонія, какъ мы уже говорили, платила дань Владиміру; онъ завоевалъ землю Ятвяговъ (гдѣ нынѣ Бѣлый Стокъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ) и города Червенскіе или Галицію. Литовцы, жившіе за Двиною, оставались еще независимы до временъ Ярослава Великаго. По Игореву заключенному съ Греками трактату устье Днѣпра находилось внѣ Россіи. Вѣроятно, что владѣнія наши простирались единственно до пороговъ: ибо Владиміръ, боясь, чтобы идолопоклонники Россіяне не вытащили брошеннаго въ Днѣпръ Перуна, велѣлъ своей дружинѣ итти за нимъ только до сего мѣста. Мстиславъ, сынъ Владиміровъ, господствовалъ въ Воспорскомъ Тмутороканѣ. Съ княженія Ярослава Великаго лѣтописи наши говорятъ о частыхъ войнахъ Новогородцевъ *съ сосѣдственными* Финляндцами или Емью. Если вѣрить одному Руническому памятнику, то Россія уже при Владимірѣ граничила въ Лапландіи съ Норвегіею (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 61). Не льзя съ точностію опредѣлить, какъ далеко въ сіе время простиралась область Мери, или Ростовская, на Сѣверъ и Востокъ, но безъ сомнѣнія не далѣе нынѣшней Ярославской и Костромской Губерніи. Столь же не ясны древнія границы Россійскія по теченію Дона: увидимъ въ Исторіи XII вѣка, что Княженіе Рязанское, бывшее Удѣломъ Черниговскаго, заключало въ себѣ и часть нынѣшней Воронежской Губерніи; далѣе къ Югу скитались Азіатскія Орды: Печенѣги, Половцы.

О Хвалисахъ говоритъ Несторъ (въ печатномъ стр. 145): *Хвалисы и Болгаре суть отъ дщерей Лотовыхъ* (слѣдственно единоплеменники). Онъ сказываетъ (стр. 7), что въ его время можно было итти Волгою въ Болгары, *Хвалисы* и въ часть Симову, т. е. по Несторовой Космографіи въ Персію, Бактрію, Индію. — Древніе Россіяне называли Хвалисами, а Греки Хоалитами (Memor. popul. III, 52, и Дегина Hist. des Huns. кн. V, стр. 589) Канглей, обитавшихъ и въ XIII вѣкѣ, по извѣстію Карпина и Рубруквиса, на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами (см. въ Бержероновомъ изданіи Voyage de Rubruquis стр. 46, 47). Сіи Канглы хвалились, что они происходятъ отъ древнихъ Римлянъ; но Абульгази Ханъ причисляетъ ихъ къ Татарамъ, увѣряя, что родоначальникъ *Канглей* названъ такъ отъ *изобрѣтенія* телегъ (Hist. des Tatars, стр. 41 и 85) и сказывая, что они жили нѣкогда около Туркестана. Киннамъ упоминаетъ о *Халисіяхъ*, людяхъ Магометанской (или, какъ въ другомъ мѣстѣ сказано, Іудейской) Вѣры, обитавшихъ въ Венгріи около половины XII вѣка (Memor. popul. III, 676) и, вѣроятно, пришедшихъ туда или съ Печенѣгами, или съ Команами. Туманъ и Гаттереръ считали Уральскихъ и Волжскихъ Канглей остаткомъ Печенѣговъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія въ ихъ народномъ сродствѣ. — Послѣ Россіяне называли Хвалисами Татаръ Каспійскихъ. Такъ сказано въ лѣтописи Келаря Авраміа (стр. 16), что Годуновъ искалъ невѣсты *для* сына своего въ *Татарскихъ царствахъ*, въ *Хвалисахъ*. Памятникомъ сего древняго имени остался нынѣшній городъ Саратовской Губерніи, Хвалынскъ.

(494) См. выше. стр. 82 и 94.

(495) См. выше, стр. 138. Древній *Новгород. Лѣт.* обыкновенно пишетъ *Вѣче*, а не *Вече*, ибо оно въ корнѣ своемъ имѣетъ связь съ глаголами *вѣдать*, *вѣщать*. Въ старину вмѣсто *вѣщать* говорили *вѣчать*: такъ въ *Новгород. Лѣт.* (стр. 66) сказано: «*увѣчаста*, яко не воевати,» и пр. Народныя собранія Англо-Саксоновъ именовались Witenagemot, то есть: «собраніе *знающихъ* людей,» отъ слова witan, *вѣдать* (см. въ Юмовой *Англ. Исторіи* Т. II, статью Witenagemot). Въ Польшѣ Дворянскій судъ въ дѣлахъ вотчинныхъ назывался Wieca. — Увидимъ *Вѣча* въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, Владимірѣ и многихъ другихъ городахъ.

(496) Въ печатн. *Несторѣ* стр. 63: *имаше же и за убьеныя, глаголя, яко родъ его возметь.*

(497) Въ печатн. *Несторѣ* стр. 67.

(498) См. выше, стр. 82, или въ *Несторѣ* стр. 25: «по тѣмъ бо городомъ сидяху *Князи*, *подъ Ольгомъ суще.*»

(499) Несторъ стр. 186: «воздвигни отчину ея.»

(500) Слѣдующее мѣсто доказываетъ, что Посадники были Намѣстники: «пріиде Володимеръ къ Новугороду, и рече къ *Посадникомъ* Ярополчимъ: идите къ брату моему,» и проч. См. печатн. *Нестора*, стр. 67.

(501) Въ *Нест.* стр. 89: «Бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о устрои земнѣмъ, и о работѣхъ» (въ *Пушкин.* о ратехъ): «и о уставѣ земнѣмъ.» Тамъ же см. стр. 88 и 90.

(502) См. выше, стр. 47.

(503) См. Стирнг. de jure Sweonum et Gothorum antiquo; также Jut. Lawbook въ Dissertation sur les anciens Russes, стр. 51. — Hæredibus occisi vindictum jura concesserunt. Стирнг. стр. 349. — Leges Suetiæ furem etiam diurnum, si aliter capi non possit, occidere permittunt: Стирнг. стр. 351. Для сравненія см. выше, въ договорѣ Олегов. статью IV, V, и въ Игорев. статью XII.

(504) См. выше, стр. 84.

(505) См. выше, примѣч. 97. Саксонъ Грамматикъ увѣряетъ, что Датскій Король Фротонъ обнародовалъ, за нѣсколько вѣковъ до введенія Христіанства въ Скандинавіи, законы воинскіе и гражданскіе (см. Маллет. Histoire de Dannemarc, Т. I, гл. 8). Сіи краткіе уставы или правила, по словамъ Далина, были вырѣзываемы на деревѣ (Gesch. des Schw. R. T. I, стр. 151). Хотя Саксонъ не можетъ быть надежнымъ порукою истины, и Далинъ говоритъ единственно по догадкѣ; но вѣроятно ли, чтобы древніе Скандинавы, исписывая Рунами гробы и камни, не употребляли ихъ для начертанія законовъ, которые служатъ основаніемъ гражданскихъ обществъ?

(506) Впрочемъ подложный Уставъ Владиміровъ достоинъ замѣчанія своею древностію; онъ сочиненъ не позже XIII вѣка: ибо харатейный, найденный мною въ Синодальной библіотекѣ (въ Кормчей Книгѣ, No. 82), писанъ въ княженіе Димитрія Александровича Новогородскаго, слѣдственно около 1280 году. Напечатанный въ *Древней Вивліоѳикѣ* есть испорченный и новыми умниками дополненный списокъ. Вотъ древній, отъ слова до слова:

*Уставъ Св. Князя Володиміра, крестившаго Руськую землю, о церковныхъ судѣхъ.*

«Въ имя Отца и Сына и Св. Духа. Се язъ Князь Василій, нарицаемый Володимиръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ и блаженныя Княгины Олгы, всприялъ есмь святое крещеніе отъ Грець-

скаго Царя и отъ *Фотія* Патріарха Царегородьского; взялъ перьваго Митрополита Леона Киеву, иже крьсти всю землю Русьскую святымъ крещеньемъ. Потомъ же лѣтомъ многымъ минувшемъ, создахъ церковь Св. Богородица Десятиньную, и дахъ ей десятину по всей земли Русьстѣй изъ Княженія въ Сборную церковь, отъ всего Княжа суда десятую векшю, а изъ торгу десятую недѣлю; а изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякого стада и отъ всякого жита чудному Спасу и чуднѣй его матери. — Потомъ, разверзше Грецьскый Номаканонъ, и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаеть сихъ судовъ и тяжь Князю судити, ни Бояромъ его, ни судьямъ, и язъ, сгадавъ съ своею Княгинею съ Анною и съ своими дѣтми, далъ есмь ты суды церквамъ, Митрополиту и всѣмъ Пискупіямъ по Руськой земли. А по семь не надобѣ вступатися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка, ни въ люди церковные, ни во всѣ суды ихъ. То все далъ есмь по всѣмъ городомъ и по погостамъ и по свободамъ» (слободамъ) «гдѣ нь» (ни) «суть Хрстіане, и своимъ Тіуномъ» (чиновникамъ, судіямъ) «приказываю церковнаго суда не обидѣти, ни судити безъ владычня Намѣстника. А се церковніи суды: *роспустъ* (разводъ), *смилное»* (брачное), *«заставанье»* (въ прелюбодѣяніи и блудѣ) *«пошибанье»* (драка) «промежи мужемъ и женою о животѣ, *умычка»* (похищеніе дѣвицы или жены) «въ племени или въ сватьствѣ поимуться, *вѣтьство»* (волшебство) «зеліинчьство» (отрава) *«потвори»* (колдовство) «чародѣянія, волхвованія, урекація *три:* бляднею, и зельи и еретичьствомъ, *зубоѣжа»* (укушеніе) «или сынъ отца бьеть, или матерь, или дчи» (дочь) «или сноха» (споха) «свекровь, братья или дѣти *тяжуть о задницю»* (имѣютъ тяжбу о наслѣдствѣ), «церковная татба, мертвецы сволочать» (раздѣнутъ), «крестъ посѣкуть, или на стѣнахъ рѣжуть» (въ церкви) — «скотъ или псы или *потки»* (*птицы:* такъ сказано въ одной Синодальн. лѣтописи, No 347, л. 326, при описаніи тумана: *потки не видяху, камо летѣти*) «безъ великы нужи введеть» (въ церковь) «или ино что неподобно церкви подѣеть, или два друга имѣтася бити» (въ дракѣ) «единаго жена иметь за *лоно* другаго и раздавить, или кого застануть съ четвероножиною, или кто молиться подъ овиномъ, или въ рощеньи» (въ рощѣ) «или у воды, или дѣвка дѣтя повьржеть (повержетъ), тѣ всѣ суды церкви даны суть. Князю и Бояромъ и судьямъ ихъ въ ты суды не лзѣ вступатися: то все далъ есмь по првыхъ Царей уряженью и по Вселеньскыхъ святыхъ семи Зборовъ» (соборовъ) «великыхъ Святитель. Аже кто преобидить нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона Божія, и горе собѣ наслѣдують. А своимъ Тіуномъ приказываю суда церковнаго не обидѣти и съ суда давати 9 части Князю, а десятая Святѣй Церкви. А кто пообидить судъ церковный, платити ему собою; а передъ Богомъ томуже отвѣчати на страшнѣмъ судѣ, передъ тмами Ангелъ, идѣже когождо дѣла не скрыются, благая или злая, идѣже не поможеть никто же кому, но токмо правда избавить отъ вторыя смерти, отъ вѣчныя муки, отъ *хрещенія неспасенаго*, отъ огня негасимаго. Господь рече: въ день месть вздамъ сдержащимъ неправду; въ разумѣ тѣхъ огнь не угаснеть и червь ихъ не умреть. Створшимъ же благая въ жизнь и въ радость неизреченную, а створшимъ злая въ вскрешенье суда, имъ же рече неизмолимъ судъ обрѣсти.

«Се же искони уставлено есть и поручено святымъ Пискупьямъ: городскые и торговые всякая мѣрила и спуды и свѣсы и *ставила»* (думаю гири) — «отъ Бога тако искони уставлено. Пискупу блюсти безъ пакости, ни умалити, ни умножити; за все то дати ему слово въ день суда великаго, яко же и о душахъ человѣческихъ. — А се церковные люди: Игуменъ, Попъ, Дьяконъ, дѣти ихъ, Попадія, и кто въ Клиросѣ; Игуменья, Чернець, Черница, Проскурница (просвирница) *«паломникъ»* (странникъ: см. сей *Исторіи* Т. IV, прим. 167) — «Лечець» (лекарь) *«прощеникъ»* — кто въ святомъ мѣстѣ чудеснымъ образомъ выздоровѣлъ: см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 373, годъ 1348 — *«задушьный* человѣкъ» — рабъ освобожденный господиномъ для спасенія души, какъ толкуетъ Герберштейнъ въ Rer. Mosc. Comment. стр. 33 — «сторонникъ» (чужеземецъ), «слѣпець, хромець, манастыреве, болницы, гостинницы, страннопріимници: то люди церковные, *богадѣльные»* (отъ словъ: *Бога дѣля* или *Бога ради*). «Митрополитъ или Пискупъ вѣдаетъ межи ими судъ, или обида, или котора, или вражда, или задница» (споръ о наслѣдствѣ). «Аже будеть иному человѣку съ тымъ человѣкомъ рѣчь, то обчи» (общій) «судъ.

«Кто переступить си правила, яко же есмы управили по Святыхъ Отецъ правиломъ и по прьвыхъ Царевъ управленью, кто имѣть переступити правила си, или дѣти мои, или правнучата, или въ которомъ городѣ Намѣстникъ, или Тіунъ, или судья, а пообидять судъ церковный, или кто иный, да будуть прокляти въ сій вѣкъ и въ будущій семію Зборовъ Святыхъ Отецъ Вселенскыхъ.»

Къ счастію истины и нашему, Авторъ не зналъ хронологіи Византійской: иначе древность слога могла бы обмануть самыхъ знатоковъ, и мы приписали бы тогда Владиміру сочиненіе какого нибудь Монаха. — Еще одно замѣчаніе: въ семъ уставѣ сказано, что тяжбы дѣтей и братьевъ о наслѣдствѣ подсудны единственно Духовенству; но Ярославовъ доказываетъ противное: тамъ именно (въ новомъ изданіи стр. 93) написано, что ихъ судитъ Князь чрезъ своихъ Отроковъ.

(507) Выраженіе, употребляемое въ нашей древней лѣтописи: *ставить стягъ* (въ печатн. *Нест.* стр. 173) значило *строиться.* — О *трубахъ воинскихъ* см. выше, стр. 106. — Претичь говоритъ Князю Печенѣжскому, что онъ пришелъ въ *сторожехъ* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 58). — Несторъ сказываетъ, что Славяне Русскіе издревле употребляли мечи *обоюду острые* (въ печатномъ стр. 15). О копьяхъ и стрѣлахъ см. въ печатн. *Нест.* стр. 49 и 58. — Печенѣги напрасно осаждали Кіевъ и Бѣлгородъ (въ печатн. *Нест.* стр. 57 и 90). — Святославъ взялъ Козарскую Бѣлую Вежу, Переяславецъ и другіе укрѣпленные города въ Болгаріи. Владиміръ присыпалъ землю къ стѣнамъ Херсонскимъ, и подъ Кіевомъ окопался въ станѣ (см. выше, стр. 130).

(508) Memor. popul. II, 986. — Греки сего времени называютъ Русскіе корабли *Ρουσικα καραβια* (см. Констант. Багрян. de Cerim. кн. II, гл. 44). Корабль и *καραβος* есть одно имя: Греки заимствовали его, кажется, отъ Славянъ. Оно имѣетъ связь съ глаголомъ *коробить* и *коробомъ*. — О легкости Русскихъ военныхъ судовъ говоритъ Ліутпрандъ (Historia etc. кн. V, гл. 6). — Константинъ Багрянородный пишетъ, что на семи Русскихъ корабляхъ, присланныхъ въ помощь Грекамъ, находилось 415 человѣкъ (de Cerim. кн. II, гл. 44, въ Memor. popul. II, 972); въ Олеговомъ флотѣ на всякомъ кораблѣ было 40 воиновъ; для каждаго паруса выходило 30 локтей (ulnarum) полотна (Memor. popul. II, 974). — О строеніи Русскихъ судовъ см. ниже.

(509) Выше, стр. 136.

(510) См. выше. Славянское имя *отрокъ*, подобно Латинскому adolescentulus, означало и юношу или вообще молодаго человѣка. Обычай Князей Россійскихъ имѣть дружину многочисленную вокругъ себя есть древній Германскій, описанный Тацитомъ: «Благородные юноши» (говоритъ сей Историкъ) «не стыдятся быть въ дружинѣ Князя великодушнаго. Они стараются превзойти другъ друга заслугами: онъ старается имѣть ихъ какъ можно болѣе числомъ и знаменитѣе мужествомъ; ими побѣждаетъ на войнѣ, ими славится въ мирное время . . . Князю стыдъ и безчестіе уступить дружинѣ въ храбрости: дружинѣ стыдъ и безчестіе не равняться храбростію съ Княземъ . . . Беречь, спасать его жизнь, уступать ему даже славу свою, есть главная обязанность дружины. Князь сражается для побѣды: дружина единственно для Князя» (de situ, morib. et pop. Germaniæ, гл. XIII и XIV). Сихъ отборныхъ воиновъ Тацитъ называетъ Comites.

Мы различаемъ Отроковъ Княжескихъ и Бояръ дружины, основываясь на лѣтописи Несторовой и законахъ Ярославовыхъ. 1) Владиміръ безъ сомнѣнія не съ Отроками совѣтовался о дѣлахъ государственныхъ; 2) въ Русской Правдѣ (нов. изданіе стр. 1 и 22) опредѣляется за голову *мужа Княжа*, или Боярина, 80 гривенъ пени, а за голову Княжескаго Отрока 40 гривенъ. — *Отрокъ* или *Дѣтскій* былъ знатнѣе Гридня или Мечника: ибо первому за трудъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ слѣдственныхъ давали полгривны награжденія, а второму только 5 *кунъ* (см. въ печатн. *Рус. Правдѣ* стр. 81).

(511) По крайней мѣрѣ лѣтопись упоминаетъ только о жалованьѣ Варягамъ и Гриднямъ (см. выше).

(512) См. Констант. Багрян. въ Бандури Т. I, гл. VI, стр. 57, и Баерово изъясненіе описанныхъ Константиномъ товаровъ въ Geograph. Russiæ ex Script. Sept. въ Коммент. Академіи, Т. X, стр. 410. — Олегъ привезъ плоды изъ Царяграда (см. выше).

(513) Memor. popul. II, 982. — См. о Лучанахъ выше. — Гиббонъ въ History of the decline of the R. E. гл. LV, говоритъ о древнихъ Русск. лодкахъ такъ, какъ могъ бы говорить очевидецъ. «Дно ихъ» (пишетъ онъ) «состояло изъ *одной* выдолбленной липы или ивы (beech or willow), къ которой прибивались разныя доски въ вышину на 12, а въ длину на 60 футовъ. Онѣ были безъ палубы, съ двумя рулями и съ мачтою. Въ нихъ садилось обыкновенно отъ 40 до 70 человѣкъ, съ оружіемъ и съ запасомъ какъ соленой рыбы, такъ и прѣсной воды.» Надобно знать, что Гиббонъ взялъ сіи подробности изъ Description de l'Ucranie par le Sieur de Beauplan (Rouen 1660, стр. 55). но Бопланъ описываетъ Козачьи лодки XVII вѣка, а не Олеговы, не Игоревы, которыя могли быть совсѣмъ иначе построены. — Константинъ называетъ Витичевъ Βιτετζεβη. Ученый Баеръ, худо зная нашу древнюю Географію, обратилъ (Коммент. Ак. X, 408) сіе имя въ Витебскъ; но городъ Витичевъ стоялъ на берегу Днѣпра ниже Кіева и Триполя (см. *Большой Чертежъ*, стр. 145). — О Неясытскомъ порогѣ см. *Записки Г. Зуева*, стр. 254, также *Большой Чертежъ*, стр. 157, гдѣ описаны 14 пороговъ Днѣпровскихъ: Константинъ же говоритъ только о *семи*. — Мы не хотѣли здѣсь повторить тѣхъ Константиновыхъ извѣстій, которыя сообщены выше, въ описаніи Олегова похода.

(514) Memor. popul. II, 987. Сіе извѣстіе кажется сомнительнымъ. Гиббонъ думаетъ, что вмѣсто Συρια надобно читать Συανια: страна Кавказская, описанная Плиніемъ, и въ XI вѣкѣ еще извѣстная подъ симъ именемъ (Memor. popul. IV, 231).

(515) Въ печатн. *Несторѣ* стр. 7. Тамъ о судоходствѣ древнихъ Россіянъ вообще сказано слѣдующее:

«Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловоти; по Ловоти внити въ Ильмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ, втечетъ въ озеро великое Ново (Нево, Ладожское); того озера внидетъ устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду: а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковского» (Волоковскаго, Волковскаго) «лѣса и потечетъ на полдни, а Двина изъ того же лѣса потечетъ, а идетъ на полунощье, и внидетъ въ море Варяжское. Изъ того же лѣса потече Волга на Въстокъ и втечетъ семьюдесять жерелы въ море Хвалиское.» Двина и Волга дѣйствительно имѣютъ начало свое не далеко одна отъ другой въ Тверской Губерніи: первая вытекаетъ изъ озера Охвата, а вторая изъ озера Пена (въ Осташковскомъ Уѣздѣ); но верьховье Днѣпра находится въ Смоленской Губерніи, между Бѣлымъ и Сычовкою. Впрочемъ Несторъ конечно не ошибся, и видно, что въ его время лѣса Смоленской и Тверской Губерніи, которыми окружены истоки сихъ рѣкъ, назывались однимъ именемъ. Далѣе: тѣмъ же изъ Руси можетъ ити по Волзѣ въ Болгары и въ Хвалисы на Востокъ дойти въ жрѣбій Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова» (Египта, Еѳіопіи) — «а Днѣпръ течетъ въ Понтское море треми жерелы, еже море словетъ Руськое.»

(516) Memor. popul, II. 980, и The oriental Geography of Ebn-Haukal, стр. 191. Вотъ что онъ говоритъ о Россіи: «Близъ Козаріи, на берегахъ Ателя (Волги), есть народъ Бертасъ; но земля сихъ людей называется вообще и Козарскою, Русскою (Rus) или Серирь. . . . Руси три поколѣнія: одно близъ Болгаріи; Царь его живетъ въ городѣ *Гунабѣ*, который обширнѣе столицы Болгарской. Другое поколѣніе называется *Артанами* или *Артаями*: Царь его живетъ въ *Артѣ*; а третіе поколѣніе, именемъ *Дшелабе*, обитаетъ выше. Но для торговли никто не ѣздитъ далѣе Болгарской столицы; никто не ѣздитъ до Арты, ибо жители убиваютъ всякаго иноземца. Арта производитъ свинецъ и олово (?), и звѣря называемаго черною куницею или Скиѳскимъ соболемъ. Русскіе жгутъ мертвыхъ и не брѣютъ бородъ.» Сіе извѣстіе любопытно; но имена поколѣній и городовъ непонятны.

(517) См. Стурлез. Hist. Regum. Sept. T. I, стр. 449, и Торфеев. Hist. Norvegiæ, T. II, стр. 68, о торговлѣ Новогородской. — Олегъ назвался купцемъ, ѣдущимъ изъ Новагорода въ Грецію (см. выше, или въ печатн. *Несторѣ*, стр. 18). — О Виннет. см. *Адам.* Hist. Eccles. стр. 19. и Гельм. Chron. Slav. стр. 4. Адамъ называетъ Россію Греціею: (см. ниже, примѣч. 522). Гельмольдъ повторяетъ его слова. — О зависимости Ливоніи или Эстляндіи отъ Владиміра см. выше, стр. 124; о тамошней ярмонкѣ въ Стурл. T. I, стр. 274; о богатствѣ Россіи въ Баер. Geogr. Russ. Script. ex Sept. Коммент. Акад. X, 411, и въ Гельмольд. Chron. стр. 3.

(518) О торговлѣ Государей Скандинавскихъ см. Стурл. Hist. Reg. Sept. I, 618. — Олегъ бралъ дань съ Древлянъ *черными куницами* (въ печатн.

224

*Нест.* стр. 19). Сіи же Древляне предложили въ дань Ольгѣ *медъ* и *скору* или шкуры (въ печатн. *Нест.* стр. 50). О Радимичахъ сказываетъ Несторъ (стр. 72), что они платятъ дань Руси и *повозъ везутъ*. Сочинители *Россійскаго Словаря* дали сему изрѣченію иной смыслъ, говоря, что оно значитъ *отправлять гоньбу*. Обязанность содержать почту — ежели бы она и дѣйствительно была при Владимірѣ — не такъ важна, чтобъ означать ею подданство людей.

(519) Баер. Geogr. Russ. Въ Коммент. Академіи, Т. X, стр. 406.

(520) См. Выше, стр. 91.

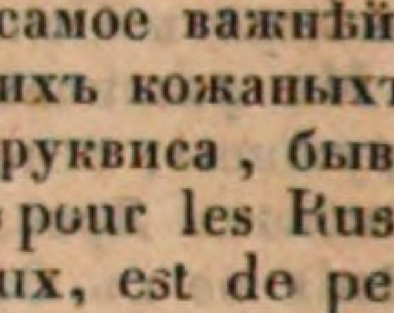
(521) Memor. popul. III, 986. См. также выше. стр. 147, о товарахъ, которые шли изъ Греціи въ Хазарію, Печенѣжскую землю и Россію. Константинъ въ числѣ сихъ товаровъ именуетъ πραυδια, родъ повязокъ и поясовъ (см. Баера, въ Коммент. Акад. X, 410). Сафьяны обыкновенно употреблялись тогда на обувь (см. выше, примѣч. 400).

(522) См. Дитм. Chronic. въ Лейбниц. изданіи, стр. 426: in magna hac civitate (т. е. въ Кіевѣ) quæ istius regni caput est, plusquam quadringenta habentur ecclesiæ et mercatus VIII. Такъ называемый Саксонскій Лѣтописецъ Annalista Saxo, повторилъ Дитмарово сказаніе о Кіевѣ, но говоритъ только о 300 церквахъ (см. Eccard. Corp. Histor. medii ævi, T. I, годъ 1018). Адамъ Брем. въ Hist. Eccles. кн. II, гл. 13: Ostragard Ruziæ, cujus metropolis civitas est Chive (Кіевъ) aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Græciæ (Россіи).

(523) Описавъ прибытіе Древлянскихъ пословъ въ Кіевъ (см. выше, стр. 98) Несторъ говоритъ по харатейнымъ спискамъ: бѣ бо *тогда вода текуще* въ *здолъ*» (а не *возлѣ*) «*горы Кіевскыя*, а на Подольѣ не сѣдяху лудье, но на горѣ. Градъ же бѣ Кыевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гардятинъ и Нифовъ» (не *Никифоровъ*); а дворъ Княжь бяше въ городѣ, идѣже есть» (см. *Воскресен. Лѣт.*) «дворъ Воротиславль и Чюдинъ; а Перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града другый дворъ, идѣже есть дворъ Деместиковъ за Св. Богородицею надъ горою, дворъ теремны: бѣ бо ту теремъ каменъ.» И такъ начало Подола должно отнести въ XI вѣку, въ которомъ жилъ Несторъ: тогда Днѣпръ удалился своимъ теченіемъ отъ горы Кіевской.

Въ Memor. popul. II, 982: Nemogarda (Новгородъ), ubi Sphendosthlabus, Ingor Russiæ principis filius, habitabat. Шлецеръ забылъ сіе мѣсто, говоря, что никто изъ Византійскихъ Историковъ не именуетъ *Игоря*.

(524) Имя *мордки* происходитъ отъ *морды* животнаго. Въ *Древнемъ Лѣтописцѣ* (Т. II, стр. 406), въ *Никон.* (V, 42), и въ другихъ именно сказано, что сіи деньги, или куньи мордки, ходили въ Новѣгородѣ до самаго XV вѣка. Въ Уставѣ Новогородскаго Князя Святослава Ольговича, изданномъ въ 1137 году, написано «емлеть Пискупъ за десятину» (вмѣсто десятины) «отъ виръ и продажъ 100 гривенъ *новыхъ* кунъ, иже выдаваеть Домажиричь» (см. харатейную *Кормчую Книгу* временъ Князя Димитрія, сына Александра Невскаго, въ Синодальной библіотекѣ подъ No. 82): слѣдственно Казна отъ времени до времени выпускала новую кожаную монету, т. е. съ новымъ клеймомъ. — Герберштейнъ, который былъ въ Москвѣ при Василіи Іоанновичѣ, въ началѣ XVI вѣка, также пишетъ, что древніе Россіяне употребляли вмѣсто денегъ, мордки и уши бѣлокъ и другихъ животныхъ: ante monetam proboscide et auriculis aspreolorum aliorumque animalium utebantur (Rer. Moscov. Comment. стр. 42). Гваньини, современникъ Царя Іоанна Василіевича говоритъ о цѣлыхъ шкурахъ: ante usum vero monetæ aspreolorum aliorumque animalium pellibus utebantur (Rer. Moscov. Auctores varii, стр. 158). Въ Польшѣ до исхода XIII вѣка ходили деньги кожаныя. Мѣховскій пишетъ: sub regimine hujus Regis Bohemiæ (Вѣнцеслава) grossi Bohemici et denarii argentei in Poloniam inducti sunt; prius siquidem argento nigro (олово?) et pelliculis capitum aut extremitatum asperiolorum utebantur Poloni (Hist. Polon. кн. VI, гл. 4, годъ 1298); а Стриковскій (*Хроник. Литов.* кн. X, гл. 4) по старому Русскому переводу: «Предъ тѣмъ частками сѣченаго злата и сребра, таже кожицами куньими, бѣльими, лисьими и прочаго звѣря товарами противу разныхъ замѣнъ Поляки, Русь, Литва и Мазуры обыклы бяху купли своя совершати.» По сказанію Нейштета, Автора Хроники Ливонской XVI столѣтія, монета Ливонцевъ во XII вѣкѣ состояла въ бѣльихъ ушкахъ съ серебряными гвоздиками. — Наконецъ самое важнѣйшее свидѣтельство о нашихъ древнихъ кожаныхъ деньгахъ есть извѣстіе Монаха Рубруквиса, бывшаго въ Россіи около 1253 года: «pour les Russiens, la monnaie qui a cours entr'eux, est de petites pièces de cuir, marquetées de couleurs (см. въ Бержерон. Voyages, T. I, Voyage de Rubruquis, стр. 91).

Въ Дѣвичьемъ Александровскомъ монастырѣ, въ Владимірской Губерніи, еще недавно хранились въ боченкѣ, вмѣстѣ съ другими старинными вещами, многіе кожаные лоскутки, внесенные въ опись монастырскую подъ именемъ *кожаныхъ денегъ:* я съ любопытствомъ разсматривалъ оные. Нѣкоторые такой величины , другіе менѣе; на первыхъ изображенъ крючекъ, на вторыхъ звѣздочка. На одномъ выпечатано слово *Кудма:* такъ именована въ *Большомъ Чертежѣ* рѣка впадающая въ Сѣверную Двину, не далеко отъ нынѣшняго Архангельска (слѣдственно въ древней Новогородской области). Сіи лоскутки — безполезные, кажется, для всякаго инаго употребленія — дѣйствительно могли быть монетами: но какихъ временъ? Указъ Петра I, 1700 года, Марта 8 (данный изъ Приказа Большой Казны) свидѣтельствуетъ, что и въ это время еще ходили кожаныя деньги въ Калугѣ и въ окрестныхъ областяхъ. Въ Воронежскомъ Цейгаузѣ хранились — думаю, хранятся и нынѣ — мелкія кожаныя монеты: на одной сторонѣ оныхъ изображенъ Св. Георгій, а на другой слова *Царь* и *Великій Князь Иванъ* (см. Шерер. Nestors Jahrbücher, стр. 58).

(525) Византійскія золотыя монеты, *Номисмы* или *Солиды*, имѣли вѣсъ нашихъ золотниковъ (см. сочиненіе Г. Круга, Münzkunde Russlands, книжка I, стр. 134), которыхъ имя произошло отъ *золота*, т. е. отъ сихъ Греческихъ золотыхъ монетъ.

(526) См. выше, стр. 76. Шлецеръ не вѣритъ, чтобы Радимичи имѣли монету; но Козары имѣли оную, и вѣка два господствуя надъ симъ краемъ, могли ввести тамъ металлы въ употребленіе. Подъ древнимъ Славянскимъ именемъ *щляга* надобно разумѣть мелкія *серебряныя* деньги: мѣдныя едва ли ходили тогда въ Россіи. Новогородцы не ранѣе XV вѣка начали употреблять Шведскіе *ортуги* (см. *Лѣтоп. Новог.* Попа Іоанна, стр. 682). — Въ XIV вѣкѣ, когда Новгородъ довольствовался еще лоскутками кожаными, въ Москвѣ уже обращались Русскія серебряныя деньги: ибо мы имѣемъ монеты Димитрія Донскаго.

(527) Издатели Ярославовыхъ законовъ сказываютъ, что *гривна серебра* въ Ярославово время

содержала въ себѣ 2 *гривны кунами*, а въ Мономахово семь съ половиною. Но гдѣ доказательство? Издатели не представили его, и не могли представить: ибо ни въ *Русской Правдѣ*, ни въ Несторовой лѣтописи нѣтъ слова о гривнахъ *серебра;* вездѣ говорится или просто о гривнѣ, или о гривнѣ *золота*.

Однакожь мы дѣйствительно знаемъ соразмѣрную цѣну серебра и кунъ, бывшую у насъ въ XIII вѣкѣ. Въ договорѣ Смоленскаго Князя, Мстислава Давидовича, съ Нѣмецкими городами въ 1228 году сказано: «оже убьютъ волнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра, *по четыре гривны кунами,*» т. е. полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра — «а за холопа гривна серебра. Аже кто холопа ударитъ, гривна *кунъ*» (см. сей трактатъ въ нашей *Исторіи* Т. III, примѣч. 248). Знаемъ еще, что въ страшный голодъ 1230 году Новогородцы за четверть ржи платили *гривну серебра* или *семь* гривенъ кунами (см. въ *Продолж. Рос. Вивліоѳ. Новогород. Лѣт.* стр. 499 и напечатан. въ Москвѣ *Лѣт. Новогород.* стр. 119). Слѣдственно гривна кунъ имѣла тогда разную цѣну въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Вопреки Издателямъ *Русской Правды,* гривна серебра при Ярославѣ не могла равняться только съ двумя гривнами кунъ: Ярославъ опредѣляетъ 40 гривенъ пени за убійство, а Князь Смоленскій въ 1228 году 10 гривенъ серебра: вѣроятно ли, чтобы въ XI вѣкѣ платили за жизнь вдвое болѣе серебромъ, нежели въ XIII столѣтіи, когда отъ успѣховъ торговли надлежало размножиться драгоцѣннымъ металламъ въ Россіи?

(528) См. выше, стр. 24, 121, 125.

(529) Въ Синодальной библіотекѣ, подъ No. 14, находится драгоцѣнное харатейное Евангеліе. Въ концѣ его тою же рукою подписано: *въ лѣто* 6652 *напсашася книгы си* 50 *дній, и початы псати Октября* въ 1, *а кончишася Ноября* въ 19... На той же страницѣ древность сей книги засвидѣтельствована двумя слѣдующими подписями: *въ лѣто* 7187, *а отъ Рождества Христова* 1679, *Ноемврія* 28, *назнаменахъ азъ смиренный Досоѳей, Архіепископъ и Митрополитъ Сучавскій и всея Молдавіи и Ексархъ* Плагинонъ и *Мѣстодержитель Севастійскаго, да отслется сіе Св. Евангеліе на свое мѣсто на Крылосъ, се бо, яко ниже свидитель* (свидѣтель), 6652 *бяше тогда отъ созданія, егда написася. Уже ся минули* 535 *лѣтъ. Греческаго же Царства* 2 *лѣта Іоанна Комнина Константиноградскаго.* Здѣсь, въ титулѣ Молдавскаго Архіепископа, замѣтимъ слово *Плагинонъ,* Εξαρχος Πλαγηνων: симъ именемъ означались *единственно* Молдавскіе и Волошскіе Епископы. Д'Анвиль производитъ его отъ имени *Печенѣговъ*, которые нѣкогда жили тамъ (см. Mém. de l'Acad. des inscr. LII, 224, статью sur les peuples de la Dace). Не вѣроятнѣе ли, что это взято изъ Латинскаго языка (plaga. plagia)? Вторая подпись: Въ *лѣто* 7083, *а отъ Рождества Христова* 1576 (1575) *мѣсяца Іюня* 12, *я Гедіонъ Болобанъ Епископъ Галицкій, Львовскій и Каменца Подольскаго въ сее время наѣхалъ на столѣ Епископскомъ, на Крылосѣ, и читалъ при церкви столичной сіе книги Евангеліе напрестольное тетръ* (отъ Греческ. τετρα, *четыре), оно же свидѣтельствуется положено быти отъ лѣтъ давныхъ.* — Сіе Евангеліе Славянское, писанное въ 1144 году отъ Р. Х., есть одно изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Для сравненія съ нынѣшнимъ печатнымъ выписываемъ слѣдующее мѣсто изъ Іоанна:

| *Въ харатейномъ:* | *Въ печатномъ:* |
| --- | --- |
| «Искони баше слово, и слово бяше отъ Бога и Богъ баше слово. Се бѣ искони отъ Бога. Все тѣмъ бы и беж него ни что же не бы, еже бы. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ въ тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не постиже. Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога; имя емоу Іоанъ. Сь приде въ съвѣдѣтельство, да съвѣдѣтельствуетъ о свѣтѣ, да вси вѣроу имоуть имъ. Не бѣ тъ съвѣтъ; нъ да послоушьствуеть о свѣтѣ. Бѣ свѣтъ истиньнъ, иже просвѣщаеть всего человѣка, грядоущяго въ міръ. Въ мірѣ бѣ и міръ тѣмъ бысть, и міръ его не позна; въ своя пріде и свои его не пріяша; елико же ихъ пріятъ и́, дасть имъ область чадомъ Божьемъ быти, вѣроующимъ въ имя его, иже не отъ крови, ни отъ похоти плътьскы, ни отъ похоти моужскы, нъ отъ Бога родішася. И слово плъть бысть и въселися въ насъ, и відѣхомъ славоу его, славоу яко единочадаго отъ отца, испълнь благодѣти и истины. Іоанъ съвѣдѣтельствуеть о немъ, и възва глаголя: сь бѣ, его же рѣхъ грядый по мнѣ, предъ мъною бысть, яко първѣй менѣ бѣ, и отъ испълненья его мы вси пріяхомъ благодѣть возъ благодѣть, яко законъ Мосеемъ данъ бысть, благодѣть и истина Іисусъ Христомъ бысть.» | «Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтится и тма его не объятъ. Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога; имя ему Іоаннъ. Сей пріиде во свидѣтельство, да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ, да вси вѣру имутъ ему. Не бѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ. Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Въ мірѣ бѣ и міръ тѣмъ бысть, и міръ его не позна. Во своя пріиде и свои его не пріяша. Елицы же пріяша его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя его, иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. И Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его, славу яко единороднаго отъ отца, исполнь благодати и истины. Іоаннъ свидѣтельствуетъ о немъ и возва глаголя, сей бѣ, его же рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть, яко первѣе мене бѣ; и отъ исполненія его мы вси пріяхомъ, и благодать возъ благодать: яко законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть.» |

Въ харатейномъ Евангеліи 1307 году, которое хранится въ той же Синодальной библіотекѣ подъ No. 18, видимъ уже нѣкоторыя отмѣны въ сравненіи съ Евангеліемъ XII вѣка; вмѣсто: *искони бяше слово,* тамъ поставлено: *искони бѣ слово — се бѣ искони у Бога* (προς τον θεον) вмѣсто: *отъ Бога — свѣтъ свѣтится* вмѣсто *свѣтитъ — тьма его не объятъ,* вмѣсто *нѐ постиже — да свѣдѣтельствуетъ* вмѣсто *послоушьствуеть — благодать* вмѣсто *благодѣть* и проч. — то есть, сей новѣйшій списокъ гораздо ближе къ Острожскому печатному Евангелію, и доказываетъ, что еще въ XIII столѣтіи переводъ Св. Писанія былъ исправленъ или исправляемъ. Ученые люди, собранные Константиномъ, Острожскимъ Княземъ, для изданія Библіи, перемѣнили опять нѣкоторыя слова; вмѣсто: *искони бѣ слово,* поставили: *въ началѣ* (ἐν ἀρχῇ) *бѣ слово,* и проч. Въ изданіи Славянской Библіи при Царѣ Алексіи Михайловичѣ нѣтъ почти никакихъ отмѣнъ противъ Острожскаго, кромѣ трехъ или четырехъ мѣстъ означенныхъ въ предисловіи; но Библія, напечатанная при Имп. Елисаветѣ Петровнѣ, уже гораздо болѣе исправлена.

Не только Библія, но и другія церковныя книги въ Россіи XII вѣка были одного перевода съ нынѣшними: въ доказательство предлагаемъ слѣдующее мѣсто изъ нашей печатной Минеи и харатейнаго *Стихираря*, писаннаго въ 1153 году и хранящагося въ Синодальной библіотекѣ подъ No. 15.

*Служба Св. Симеону* 1 *Сентября.*

| *Въ Стихир. харатейн.* | *Въ Минеѣ печат.:* |
| --- | --- |
| «Преподобьне отче, добру | «Преподобне отче, добру изо- |

обрѣте лѣствицю, ею же взиде на высоту, юже обрѣте Илия колесницю огньну; нъ тъ убо въсхода инѣмь не остави. Ты же и по съмѣрти имаши стълпъ свой. Небесьный человѣце, земльный Ангеле, свѣтило не угасая вьселеныя, Сумеоне преподобне, моли съпастися доушамъ нашимъ.»

брѣлъ еси лѣствицу, ею же восшелъ еси на высоту, юже обрѣте Иліа колесницу огненну: но онъ убо восхода инымъ не остави, ты же и по смерти имаши столпъ твой. Небесный человѣче, земный Ангеле, свѣтильниче неусыпный вселенныя, Симеоне преподобне, моли, еже спастися душамъ нашимъ.»

Довольно для знающихъ. — Сіи двѣ рукописи 1144 и 1153 году уступаютъ въ древности только двумъ *Сборникамъ* и Евангелію, находящемуся въ С. Петербург. Император. Библіотекѣ (см. выше, примѣч. 167, и Т. II, примѣч. 114). Недавно Г. Ганкенштейнъ издалъ *Разсмотрѣніе церковной Славянской рукописи*, которую онъ досталъ за рѣдкость и считаетъ памятникомъ VIII вѣка (см. Recension der ältest. Urkunde der Slavisch. Kirchengeschichte etc.) Нужно ли опровергать его ложное мнѣніе о буквахъ ея, будто бы не Русскихъ, т. е. не Кирилловскихъ? надобно только взглянуть на нихъ, чтобы увѣриться въ противномъ. Г. Ганкенштейнъ не видалъ нашихъ древнихъ харатейныхъ книгъ: сравнивая ихъ, онъ нашелъ бы, что его рукопись имѣетъ всѣ признаки XIII вѣка. Она старѣе вышеупомянутаго Синодальнаго Евангелія No. 18 и новѣе No. 14.

Есть другой, печатной *Русской* переводъ Библіи, по крайней мѣрѣ пяти книгъ Моисеевыхъ, Царствъ, нѣкоторыхъ Пророковъ, Апостола. Книги Моисеевы изданы въ 1519 году, и въ заключеніи ихъ сказано: *Божіею помощію, повелѣніемъ и пильностію* (стараніемъ) *ученаго мужа въ лекарскихъ наукахъ, Доктора Франциска Скорины съ Полоцка, у великомъ мѣстѣ Празскомъ* (то есть, великомъ городѣ Прагѣ). Книги Царствъ, Іудиѳъ, Эсѳирь, Іова, Пророка Даніила, печатаны такими же буквами; но въ моемъ экземплярѣ нѣтъ ни заглавнаго, ни послѣдняго листа. Апостолъ изданъ въ 1527 (*) году въ Вильнѣ, *працею* (трудомъ, Польск. Praca) *и великою пильностію Доктора Франциска Скорины съ Полоцка*. Тутъ красными буквами напечатано извѣстіе, что Докторъ Скорина перевелъ и всю Библію, *въ дому почтиваго мужа Якова Бабича, наистаршаго Бурмистра славнаго и великаго мѣста Виленскаго*. Сіи книги рѣдки. Въ доказательство, что переводъ ихъ весьма несходенъ съ нашимъ древнимъ Славянскимъ, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ Іова, гл. 10.

*Переводъ Скорины:*

«Тоскнится душя моей въ животѣ моемъ; выпущу противъ собѣ глаголы моя. Прореку въ горькости души моея и реку къ Богу: не погубляй мене. Сповѣждь ми, чему мя такъ судишь? Ичи ли добро ся тобѣ видить гонити мя и погубити мя, дѣло рукъ своихъ, и совѣтъ нечестивыхъ укрѣпити? Ичи тѣлесные очи у тебе суть, или яко видить человѣкъ, по тому жь и ты смотрѣти будешь? Таковы ли же суть дніе твои яко и людскіе, и лѣта твоя яко времена человѣческая, яко питаешися о грѣсѣхъ моихъ, и беззаконіе мое слѣдилъ еси? Да вѣси, яко нечестія не учиних; нѣсть убо кто изъ руки твоея могый исторгнути. Руцѣ твои, Господи, створистѣ мя и създастѣ мя всего окрестъ. И тако наглѣ отметаешь мене. Вспомяни, молю ти ся, иже яко бы грязь слѣпилъ мя еси, и въ персть паки премѣняешь мя. Се яко млеко издоихъ мя еси, и яко сыръ утвердилъ мя еси. Кожею и тѣломъ пріодѣлъ мя еси; костями и жилами споилъ мя еси. Животъ и милосердіе далъ еси мнѣ, и навежденіе твое стерегло есть духа моего. Аще ли таиши того въ сердцѣ своемъ, но вѣмъ яко вся сія помнишп. Согрѣшилъ ли есмь, и на часъ прозрѣлъ ми еси, и чему отъ беззаконія моего чиста мя быти не дозволиши? И буду ли неучтивый, горе мнѣ будеть; пакъ ли справедливый, не вознесу главы моея, насыщенный болѣсти и горкости. И гордости дѣля яко бы львицю имѣши мя, и навернувшися дивнѣ мя мучиши. Обновляешь свѣтки твоя противу мнѣ и помножаешь гнѣвъ твой на мя, и болѣсти воюютъ въ тѣлѣ моемъ. Чему вывелъ мя еси изъ ложеснъ матерняхъ? Раднѣй быхъ загинуль былъ, ижъ бы око не соглядало мене, и быхъ яко бы не бывый, изъ утробы препесоша мя въ гробъ. Ичи ли краткость дній моихъ не искончалася скоро? Остави мя, молю ти ся, да быхъ оплакалъ мало болѣсть мою, поки еще не пойду, отнюдуже не вернуся: въ землю темную и покрытую мракомъ смерти, въ землю бѣды и темности, гдѣ же то стѣнь смерти и несть ни единого ряду, но вѣчный страхъ пребываетъ.»

*Въ нашей Библіи:*

«Труждаюся душею моею: стеня испущу на мя глаголы моя, возглаголю горестію души моея одержимъ, и реку къ Господеви: не учи мя нечествовати, и почто ми сице судилъ еси? Или добро ти есть, аще вознеправдую; яко презрѣлъ еси дѣла руку твоею, совѣту же нечестивыхъ внялъ еси; или якоже человѣкъ видитъ, видиши; или якоже зритъ человѣкъ, узриши; или житіе твое человѣческо есть, или лѣта твоя яко дніе мужа; яко истязалъ еси беззаконіе мое и грѣхи моя изслѣдилъ еси. Вѣси бо, яко не нечествовахъ: но кто есть изъимаяй изъ руку твоею; руцѣ твои сотвористѣ мя, и создастѣ мя: по томъ же преложивъ, поразилъ мя еси. Помяни, яко бреніе мя создалъ еси, въ землю же паки возвращаеши мя. Или не якоже млеко измелзилъ мя еси, усырилъ же мя еси равно сыру. Кожею же и плотію мя облеклъ еси, костьми же и жилами сшилъ мя еси. Животъ же и милость положилъ еси у мене: посѣщеніе же твое сохрани мой духъ. Сія имѣяй въ тебѣ, вѣмъ, яко вся можеши и невозможно тебѣ ничто же. Аще бо согрѣшу, храниши мя, отъ беззаконія же не безвинна мя сотворилъ еси. Аще бо нечестивъ буду, лютѣ мнѣ: аще же буду праведенъ, не могу возникнути: исполненъ бо есмь безчестія; ловимъ бо есмь аки левъ на убіеніе, пакиже преложивъ лютѣ убиваеши мя. Обновляяй на мя испытаніе мое, гнѣва бо великаго на мя употребилъ еси, и навелъ еси на мя искушенія. Почто убо мя изъ чрева извелъ еси, и не умрохъ; око же мене не видѣло бы, и быхъ бы аки не былъ. Почто убо изъ чрева во гробъ не снидохъ; или не мало есть время жизни моея; остави мене почити мало, прежде даже отъиду, отнюдуже не возвращуся, въ землю темну и мрачну, въ землю тмы вѣчныя, идѣже нѣсть свѣта, ниже видѣти живота человѣческаго.»

Скорина, переводивъ Библію съ Латинскаго (а не съ Греческаго), писалъ языкомъ своего отечества и времени, который гораздо сходнѣе съ нынѣшнимъ Русскимъ нарѣчіемъ, нежели языкъ древней Славянской Библіи, переведенной въ Моравіи. Какимъ образомъ сей Полоцкій Докторъ могъ печатать свою Библію въ Прагѣ, гдѣ, сколько извѣстно, никогда не бывало Славянской типографіи? Ученый Богемецъ Добровскій *предполагаетъ*, что Скорина въ 1515 году ѣздилъ съ Королемъ Сигизмундомъ въ Вѣну, изъ Вѣны съ послами его въ Венецію, досталъ тамъ матрицы для Славянскихъ буквъ и жилъ нѣсколько лѣтъ въ Прагѣ, когда Сигизмундъ, опекунъ молодаго Людовика, участвовалъ чрезъ своихъ Министровъ въ дѣлахъ Богемскаго Королевства (см. N. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissensch. T. II, въ историч. отдѣленіи стр. 186). — Скоринина Библія не есть древнѣйшая изъ печатныхъ Славянскихъ книгъ. Въ библіотекѣ Московской Духовной Типографіи хранится Евангеліе 1513 года, напечатанное въ Угровлахіи (Молдавіи); а въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго *Часословецъ* (*) 1491 года, съ такимъ

(*) 1525 (поправка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Н. Г. Р.).

(*) Gebethbuch (приписка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Н. Г. Р.)

*послѣсловіемъ:* «Доконана бысть сія книга у великомь градѣ у Краковѣ при державѣ Великаго Короля Польскаго Казимира, и доконана бысть мѣщаниномъ Краковьскымъ Швайполтомь Фѣоль изъ Нѣмець, Нѣмецкого роду Франкь» (т. е. Франковъ) «и скончашася по Божіемъ пароженіемъ» (по Рождествѣ Христ.) «14 сътъ, девятьдесятъ и 1 лѣто» (т. е. 1491). Въ *Пращицѣ*, л. 226, упоминается о Псалтири напечатанной также въ 1491 году и также въ Краковѣ. Слѣдственно древнѣйшая типографія Славянская была въ Краковѣ: кто завелъ ее, и въ которомъ году? не знаемъ.

(530) Іордана de Origin. Slavicis, Sectio LI, стр. 118, и Коля Introd. in historiam et rem literariam Slavorum, кн. I, гл. 3. О переводахъ другихъ Славян. Библій см. Добровскаго Ueber den ersten Text der Böhmisch. Bibelübersetzung въ Neu. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, T. III, стр. 240.

(531) Тамъ сказано, что сія Библія переведена еще *за Великаго Владиміра*, т. е. при Владимірѣ.

(532) См. въ печатн. *Несторѣ* стр. 20. Тутъ же говоритъ Несторъ: «Словенскъ языкъ и Русьскый одинъ есть.» Въ рукописной *Степен. Книгѣ*, полученной мною отъ Болохнинскаго купца Латухина, церковныя книги наши именно названы переводомъ Константина и Меѳодія: «Философи тіи преложиша Псалтирь и Октоихъ и прочая книги, яже и доднесь въ Россіи церковныя чины ими исправляются.» См. и печатн. *Степен. Кн.* I, стр. 83—86. Въ одной рукописной Новогородской лѣтописи, наполненной многими баснями, сказано: «вѣдати подобаетъ, яко *Славено-Россійскій* народъ въ лѣто 790 отъ Рождества Христова начатъ письмена имѣти; зане въ томъ годѣ Царь Греческій брань съ Словяны имѣя и миръ съ ними содѣла, посла имъ въ знаменіе пріятства литеры, сирѣчь слова азбучныя. Сія отъ Греческаго писанія вновь составишася ради Словянъ; и отъ того времени *Россы* начаша писанія имѣти.» Въ 790 году еще не было *Славено-Россійскаго* народа. Доказательствомъ, что въ окрестностяхъ Ѳессалоники или Солуня жили Славяне-Сербы, служитъ извѣстіе Константина Багрянороднаго (Memor. popul. II, 151): Principatu autem Serviæ a patre ad duos fratres devoluto, alter, sumta populi parte dimidia, ad Romanorum Imperatorem Heraclium confugit, qui et excepto locum ad inhabitandum dedit in Thessalonicæ themate, quod ex eo tempore Servia nuncupatur. Это случилось въ началѣ VII вѣка. И нынѣ существуетъ, близъ Ѳессалоники, городокъ Сервица. — Хотя, по сказанію же Константина, Сербы перешли оттуда въ нынѣшнюю землю свою; но вѣроятно, что многіе изъ нихъ остались въ Солунской области (Memor. popul. II, 153).

(533) См. выше стр. 39 и 135 о богатырѣ *усмарѣ*.

(534) См. въ печатн. *Нест.* стр. 47. Въ Коростенѣ горѣли, по словамъ Нестора, клѣти, *вежи* и проч. Вежами назывались и шатры и *башни*.

(535) Несторъ говоритъ, что Кіевскій народъ *подрубилъ сѣни* подъ святымъ Варяжскимъ Мученикомъ и сыномъ его (въ печатн. стр. 72), и что тѣло умершаго Владиміра *спустили изъ дому по веревкамъ* (въ печат. *Нест.* стр. 93): заключаю, что сіи домы были высокіе, и что сѣни находились въ верхнемъ жильѣ. — Погреба или выходы, гдѣ стоялъ медъ, назывались *медушами* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 91). — Для того, чтобы спустить внизъ тѣло Владиміра, разобрали *помостъ между* двумя клѣтьми (въ печатн. *Нест.* стр. 93) т. е., полъ въ сѣняхъ. — О голубницахъ и одринахъ см. въ печатн. *Несторѣ*, стр. 51.

(536) «Суть бо Греци льстивы и до сего дни,» говоритъ Несторъ (въ печатн. стр. 67).

(537) См. выше, стр. 113.

(538) См. въ печатн. *Нест.* стр. 73.

(539) По ихъ совѣту Владиміръ хотѣлъ привести человѣка въ жертву идоламъ (см. выше, стр. 124). Совѣтъ *старца* избавилъ Бѣлгородъ отъ Печенѣговъ (см. выше, стр. 138).

**КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ I ТОМА.**

226

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КО II ТОМУ

# ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Въ печати. *Несторъ*, стр. 69: «отецъ» (Владиміръ) «его не любяше.»

См. Дитм. Chron. кн. VII. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, что сынъ Владиміровъ и зять Короля Польскаго, заключенный отцемъ въ темницу, ушелъ наконецъ къ своему тестю; а въ другомъ, что сей ушедшій къ Болеславу Россійскій Князь назывался Святополкомъ (Звентепулкомъ). Кадлубекъ пишетъ, что Болеславъ, взявъ Кіевъ (см. ниже), возвелъ на престолъ Россійскій своего родственника: sui sanguinis Regem creat *(Hist. Polon.* кн. II, стр. 648).

Дитмаръ прибавляетъ, что Король Польскій, свѣдавъ о заключеніи своей дочери, зятя и Рейнберна, старался отмстить Владиміру: quantum potuit vindicare non destitit (стр. 418). Выше онъ говоритъ, что Болеславъ опустошилъ тогда великую часть Россіи: слѣдственно воевалъ съ Владиміромъ? Несторъ того не пишетъ.

(2) Рѣка Полтавской Губерніи, впадающая въ Трубежъ. Въ *Архангел. Лѣт.* сказано, что Борисъ имѣлъ у себя 8000 воиновъ.

(3) Въ *Пушкин.*: «призва Вышегородскые Болярьцѣ.»

(4) Борисъ, по словамъ Нестора, сказалъ: «не створи ему (Святополку), Господи, въ семъ грѣха.» Вотъ слава Христіанства! Въ *Ипат., Хлѣб., Воскрес.* I, 167, и въ другихъ лѣтописяхъ сей Князь изображенъ такими словами: «Тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, плеча высоцѣ, въ чреслѣхъ тонокъ, очима добръ и веселъ; брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще; свѣтясь царскы, крѣпокъ тѣломъ, всяческы украшенъ, аки цвѣтъ во юности своей; на ратехъ храборъ, въ совѣтѣхъ мудръ, и благодать Божія цвѣтяше на немъ.» Новѣйшіе Лѣтописцы прибавили много пустыхъ словъ въ повѣствованіи о Борисовой кончинѣ.

(5) Кромѣ Моисея *Угрина*, Георгіева брата, ушедшаго въ Кіевъ къ Владиміровой дочери, Передславѣ. Вмѣстѣ со многими Россіянами плѣненный Болеславомъ, онъ, какъ вторый Іосифъ, не хотѣлъ промѣнять своего цѣломудрія и рабства на любовь одной знатной красавицы, которая, желая отмстить ему за такую нечувствительность, осудила его быть Абелардомъ (см. *Житіе Моисея въ Патерикѣ).* Ефремъ, Новогородскій Чудотворецъ, былъ также братъ Георгія Угрина (какъ написано въ *Прологѣ* Генв. 28), Конюшій Бориса и Глѣба. Онъ взялъ отрубленную голову брата и велѣлъ положить ее въ гробъ съ собою. Далѣе пишутъ, что Ефремъ, создавъ на берегу рѣки Твери церковь во имя Св. Бориса и Глѣба, скончался въ 6523 году. Но сіи Мученики, кажется, признаны Святыми въ 6580 г. (см. ниже).

Несторъ говоритъ, что добрые Россіяне *тайно* погребли тѣло Борисово въ Вышегородѣ, въ церкви Св. Василія, но не могли отыскать искаженнаго трупа Георгіева. Въ нѣкоторыхъ спискахъ именно означено, что Св. Борисъ убитъ Іюля въ 24 день.

(6) «И пришедшю ему на Волгу» — въ нѣкоторыхъ спискахъ: *на усть Тмы* — «на поли подтчеся конь въ рвѣ,» и проч. Какимъ образомъ Глѣбъ выѣхалъ изъ Мурома на берегъ Волги? Это не дорога въ Кіевъ. Развѣ гонецъ Святополковъ нашелъ его гдѣ нибудь въ Нижегородской Губерніи, которой часть принадлежала къ древнему Муромскому Княженію, то есть, за Волгою? или тогдашніе дремучіе лѣса Московской Губерніи были еще непроходимы, и Глѣбу надлежало ѣхать въ Смоленскъ черезъ Тверскую? Сочинитель *Минеи* (Маія 2) заставилъ его отправиться изъ Мурома къ *устью Волги*, а оттуда *водою* къ Смоленску. Далѣе: «и пріиде къ Смоленску, и пойде отъ Смоленска яко *зрѣемо»* — то есть, сей городъ былъ у него еще въ виду — «и ста на *Смядинѣ* въ насадѣ.» Такъ называлась рѣчка, впадавшая въ Днѣпръ ниже Смоленска; она уже пересохла (см. *Описаніе Смоленска).*

*Плачь* Глѣбовъ о Борисѣ достоинъ замѣчанія въ лѣтописи: онъ нѣженъ и краснорѣчивъ. На примѣръ: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы ми умрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое Ангельское, умерлъ быхъ съ тобою. Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Гдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказанья» — и проч. Въ *Арханг.* и въ другихъ новыхъ лѣтописяхъ здѣсь прибавлены маловажныя обстоятельства.

Вѣроятно, что поваръ Глѣбовъ былъ родомъ изъ Торковъ, и для того названъ *Торчинъ.*

Далѣе: «по семъ же вземше везоша и положиша й (Глѣба) у брата своего Бориса, у церкве Святаго Василія.» Въ *Никон. Лѣт.*, въ *Новогород.* Попа Іоанна, въ *Степен. Книгѣ* и во многихъ другихъ сказано, что мѣсто, гдѣ лежало Глѣбово тѣло, ознаменовалось чудесами: «иногда показывался надъ нимъ столпъ огненный, иногда *свѣча*, не только ночью, но и *днемъ*; ловцы, пастухи, странники, часто слышали тамъ Ангельское пѣніе. Наконецъ граждане Смоленскіе вспомнили о Мученикѣ, послали туда Священниковъ съ крестами, принесли его тѣло въ городъ,» и проч. — Глѣбъ умерщвленъ, по извѣстію многихъ лѣтописцевъ, 5 Сент. *въ Понедѣльникъ:* такъ и было въ 1015 году. Христіанскія имена Бориса и Глѣба были Давидъ и Романъ.

(7) Левекъ, повѣривъ Щербатову, говоритъ, что Святославъ хотѣлъ бѣжать къ Андрею, Венгерскому Королю, женатому на его сестрѣ *Премиславѣ*. Но Андрей восшелъ на престолъ въ 1045 году (см. Прая Annal. Reg. Hungariae, книга I, стр. 54) и супруга его была не Владимірова, а Ярославова дочь (см. Прая Dissert. VII in An. Vet. Hung. стр. 130: erat hæc Nastasia Iaroslai filia). — Несторъ, сказавъ о братоубійствахъ Святополка, прибавляетъ: «Лютѣ бо граду тому, въ немъ же Князь унъ (юнъ), *любяй вино пити съ гуслями* и со младыми свѣтникы» (совѣтники): «сяковыя даетъ Богъ за грѣхи, а старыя и мудрыя отъемлетъ.» Увидимъ ниже, что Святополкъ любилъ пить.

Далѣе: «и нача даяти овѣмъ *корзна*, а другымъ кунами.» Татищевъ, вмѣсто перваго слова, написалъ *шкурами*. Но корзномъ называлась верхняя одежда. Такъ Князь Владиміръ, желая защитить Игоря, покрылъ его своимъ *корзномъ*, т. е. епанчею (см. въ печатн. *Нест.* стр. 204).

(8) Въ *Троиц.* и *Пушкин.*: «Варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху Новогородцемъ и женамъ ихъ.» *Ракома* подлѣ Новагорода (нынѣ селеніе на берегу Ильменя) была тоже, что Берестовое подлѣ Кіева: сельскимъ жилищемъ Князей. Въ лѣтописи сказано, что Новогородцы побили Варяговъ на *дворѣ Парамоновомъ*. Въ *Но-*

*вогород.* Попа Іоанна: «и се слышавъ Ярославъ, разгнѣвася — и сбра воя славны тысящу и обольстивъ *я* исьсѣче, *иже бяху Варягы тѣ изсѣкли*, а друзіи бѣжаша изъ города.» — Передслава была, вѣроятно, дочь Рогнѣды. — Въ *Новогород.* Попа Іоанна: «топерво ми ихъ (Ярославу Новогородцевъ) *золотомъ* окупати.» Тамъ же сказано, что Ярославъ собралъ 3000 Новогородцевъ, а Варяговъ 1000. Въ харатейныхъ: «собравъ Варяговъ 1000» (въ *Ипат.* и *Хлѣбн.* 6000) «а прочихъ 40,000» (въ другихъ спискахъ 30,000) — т. е. не однихъ Новогородцевъ, но и другихъ Россіянъ, можетъ быть Чуди, Псковитянъ, Кривичей. Въ *Пушкин.* и въ *Троицк.* Ярославъ говоритъ словами Св. Писанія: «суди, Господи, по правдѣ, и да скончается злоба грѣшнаго.»

(9) Въ Несторѣ: «и стояша мѣсяцъ три.» Въ харат. *Новогород.*: «и нача Днѣпръ мерзнути.» Напомнимъ Читателю, что Владиміръ скончался въ 1015 году, Іюля 15: ежели Ярославъ пришелъ къ Днѣпру въ 1016 году, какъ означено въ лѣтописи, и стоялъ безъ дѣйствія *три мѣсяца*, до осени и *заморозовъ*, то между кончиною Владиміровою и битвою Любечьскою прошло около 16 мѣсяцевъ: ибо Несторъ начинаетъ свои годы съ Марта (см. ниже, примѣч. 50). Татищевъ обратилъ для лучшей вѣроятности Несторовы *три мѣсяца* бездѣйствія въ три седмицы, и сказываетъ еще, что *большая вода* не позволяла войскамъ переправиться черезъ Днѣпръ. — Въ *Ипат.* и *Хлѣбн.* сказано, что Ярославъ стоялъ на *сей* сторонѣ Днѣпра, т. е. на правой.

Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна и въ *Никон.* ругатель, Воевода Святополковъ, названъ *Волчій Хвостъ* (см. сей Исторіи Т. I, стр. 124). Онъ говоритъ: «а вы плотници суще, а поставимъ вы (къ) хоромомъ рубити нашимъ.» Видно, что Новогородцы были тогда лучшими плотниками. Далѣе въ харатейн. *Новогород.*: «и бяше Ярославу мужъ въ пріязнь у Святополка, и посла къ нему Ярославъ нощью Отрокъ свой и рекъ къ нему: *что тому велищи творити? меду мало варено, а дружины много.* И рече ему мужъ тъ (тотъ): рчи тако Ярославу: даче (да аще) меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати.» — По списку *Троицк.* говорятъ Новогородцы: «кто не пойдетъ съ нами, то сами погубимъ;» а въ *Пушкин*: «сами *потнемъ*», то есть, убьемъ.

Далѣе: «и не бѣ льзѣ озеромъ Печенѣгомъ помогати.» Въ харат. *Новогород.* Ярославъ говоритъ своимъ передъ сраженіемъ: «знаменайтеся; повивайте собѣ убрусы (убрусами) голову.»

Здѣсь сказано въ *Кенигсберг.* и во многихъ другихъ спискахъ: «бѣ же Ярославъ тогда двадцати осьми лѣтъ.» Это описка. Въ харатейной: «и бы тогда Ярославъ въ *Новѣгородѣ* лѣтъ 28;» то есть, отъ 988 года, къ которому Лѣтописецъ относитъ раздѣленіе Государства на области, до 1016 года прошло 28 лѣтъ. — О награжденіи воиновъ говорится въ харат. *Новгород.* и Попа Іоанна лѣтописи. Если у Ярослава было, какъ пишетъ Несторъ, 40,000 воиновъ, и если гривна XI вѣка равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 года, то сей Князь раздалъ имъ 125 пудъ серебра (см. сей Исторіи Т. I, примѣчаніе 298 и 527): много по тогдашнему времени! Надобно исключить убитыхъ: за то онъ далъ каждому старостѣ и Новогородцу 10 гривенъ. — Въ лѣтописи Попа Іоанна сказано, что Ярославъ тогда же сочинилъ *Правду* или законы для Новогородцевъ: въ *Никонов.* и въ другихъ лѣтописяхъ говорится о награжденіи воиновъ и сочиненіи *Правды* уже въ 1020 году, а здѣсь сказано, что Ярославъ построилъ Златыя врата (см. ниже) со многими церквами, и щедро наградилъ бѣдныхъ; что въ то же лѣто Печенѣги, обступивъ столицу, *вскѣклись* въ Кіевъ, и что Ярославъ къ вечеру побѣдилъ ихъ. Къ сему извѣстію въ *Архангельск. Лѣт.* прибавлено: «Сѣтное и до сего дни словетъ.» Тутъ чего нибудь не достаетъ.

(10) Императоръ въ Мерзебургѣ получилъ первое извѣстіе о вступленіи Россіянъ въ Польшу: что однако же не имѣло никакихъ важныхъ слѣдствій. Et tunc primo comperit Rossorum Regem, ut sibi per internuntium promisit suum, Boleslaum petiisse, nihilque ibi ad urbem possessam profecisse. (Дитм. кн. VII). Видно только, что Россіяне осаждали Польскій городъ. Дитмаръ относитъ сей случай къ 1017 году, и прибавляетъ, что *скоро* (т. е. въ 1018 году) самъ Болеславъ вступилъ въ Россію, снова возвелъ на престолъ своего зятя и возвратился съ торжествомъ. Въ VIII книгѣ онъ уже подробно описываетъ несчастія, претерпѣнныя тогда Россіею.

Собственныя наши лѣтописи подтверждаютъ истину Дитмарова сказанія о нападеніи Великаго Князя на Польшу въ 1017 году. Несторъ пишетъ: «въ лѣто 6525 (1017) Ярославъ иде» (здѣсь пропускъ въ *Троицк.* и *Пушкин.* спискѣ) . . . . . «и погорѣ церквей много Кыевѣ.» Кудажъ ходилъ онъ въ семъ году? *къ Кіеву*, сказано во многихъ спискахъ; но онъ былъ тамъ уже въ 1016. Древній *Новогород. Лѣт.* говоритъ: «въ лѣто 6525 Ярославъ иде къ *Берестью*:» такъ назывался въ старину нынѣшній Брестъ Литовскій, который принадлежалъ Туровскому Княженію и былъ тогда на границѣ Польской. — Нарушевичь разсказываетъ въ своей Исторіи (Т. II, стр. 177—178), что Король, въ семъ году побѣдивъ Великаго Князя на Бугѣ, взялъ обозъ и нѣсколько городовъ, *осаждалъ Кіевъ, сжегъ часть его и вышелъ изъ Россіи, узнавъ о приближеніи Нѣмцевъ къ рѣкѣ Одеру.* Никто изъ лѣтописцевъ не говоритъ о томъ. Дитмаровы, выше приведенныя слова: nihilque ad urbem possessam profecisse, относятся къ осадѣ не Кіева, а Польскаго города (см. Нѣмецк. переводъ Дитмара, стр. 512). Нарушевичь сообщилъ свою догадку за вѣрное происшествіе. «Въ 1017 году» — пишетъ онъ, стр. 176 въ примѣч. — «былъ пожаръ въ Кіевѣ: нѣтъ сомнѣнія (zapewne), что Болеславъ тогда осаждалъ сей городъ.»

Дитмаръ именно говоритъ (въ концѣ VIII кн.), что Императоръ или Нѣмцы совѣтовали Болеславу воевать съ Россіянами, и что у Короля было 500 Венгровъ и 300 Нѣмецкихъ воиновъ, также 1000 Печенѣговъ.

(11) Въ *Никонов.* и во многихъ другихъ спискахъ Нестора: «погорѣ градъ, и церквей много, яко до *седьми сотъ.*» Татищевъ поправилъ: «и *домовъ* до 700.» — Не только въ *Никонов.*, но и въ древней *Новогород. Лѣт.* сказано, что въ 1017 году заложена церковь Св. Софіи въ Кіевѣ: она, по извѣстію Дитмара (стр. 426), была разрушена пожаромъ сего году. Ярославъ въ 1037 году заложилъ новую (см. ниже), распространивъ Кіевъ и сдѣлавъ *Златыя врата*, о коихъ *Никон.* и *Воскресен. Лѣт.* говорятъ еще въ 1017 году, въ противность Нестору.

(12) См. Мартин. Галлус. стр. 62, Кадлубека кн. II, стр. 648, и Длугоша, кн. II, стр. 151 — 152. Въ послѣднемъ: Nil hoc hamo hactenus opus est, neque ut pisces comprehendamus, sed qualiter hosti occurramus curandum, ne hostis infesti et potentis, effusionem sanguinis nostri sitientis, hamo involvamur — то есть: «чтобы не попасться на уду врагу сильному,» и проч.

Несторъ говоритъ: «Ярославъ же, совокупивъ

Русь, и Варяги, и Словени.» Длугошъ прибавляетъ: «и Печенѣги»; но Печенѣги были тогда съ Болеславомъ, по извѣстію Дитмара. — Въ *Воскресен.* сказано, что Ярославъ пришелъ въ *Вильню* (Волынію) и сталъ на Бугѣ.

Въ *Троицк.* и во многихъ: «кормилецъ Воевода именемъ *Блудъ.*» Въ древнѣйшемъ *Пушкин.*, также въ *Кенигсберг.* и другихъ: «именемъ *Буды.*» У Длугоша Budy. Сей Воевода, пѣстунъ Ярославовъ, могъ быть дѣйствительно самый предатель Ярополковъ, и въ 1018 году лѣтъ семидесяти. Владиміръ не имѣлъ правилъ Фридриха Великаго въ разсужденіи измѣнниковъ, когда Анастасъ пользовался его милостію и довѣренностію.

(13) «Да то ти прободемъ *трескою*» (въ новѣйшихъ спискахъ: *копіемъ*) «черево твое толстое.» Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ также описываютъ сію брань. Русской *варваръ*, по ихъ словамъ, сравниваетъ Болеслава съ обойденнымъ вепремъ, съ дикою свиньею, которая валялась въ нечистотѣ, попалась въ тенета, будетъ затравлена собаками, и проч. (Кадлуб. Hist. Polon. кн. II, стр. 649). Король въ отвѣтѣ своемъ называетъ гордаго Россіянина дикимъ осленкомъ, котораго съѣстъ *вепрь*. «Ежели я кабанъ» — говоритъ онъ — «то знай, что сильный кабанъ съ Божіею помощію можетъ растерзать собакъ. Но оружіемъ, а не словами перевѣдаюсь съ тобою.» Длугошъ говоритъ тоже, что Несторъ. — Читатель вспомнитъ подобную насмѣшку Короля Французскаго надъ тучностію Вильгельма Завоевателя. У Гомера также битвы начинаются перебранкою.

Далѣе: «бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко на кони не могы сидѣти; но бяше смысленъ . . . . «и *вбреде* въ рѣку.» Нарушевичь говоритъ: jedni w brod, drudzy w plaw. Дитмаръ пишетъ, что Россіяне напрасно хотѣли противиться; что они въ бѣгствѣ своемъ потеряли множество людей, а Болеславъ мало; что изъ Нѣмцевъ былъ тогда убитъ рыцарь Генрикъ. Въ *Никон.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что Воевода Блудъ лишился жизни въ семъ несчастномъ сраженіи.

(14) Дитмаръ сказываетъ, что городъ, принадлежавшій брату Россійскаго *Короля*, (Владиміръ, Брестъ или Туровъ) былъ взятъ приступомъ, а жители отведены въ неволю. Длугошъ замѣчаетъ, что тогдашніе города Россійскіе, построенные изъ одного дерева, безъ каменныхъ стѣнъ, не могли сопротивляться Болеславу (Hist. Polon. книга II, стр. 151).

Дитмаръ говоритъ далѣе, что Болеславъ велѣлъ осадить Кіевъ Печенѣгамъ: urbs Kitana (Kiovia) ab hostibus *Pedenis*, hortatu Boleslai, crebra impugnatione invaditur; а Нарушевичь читаетъ: ab hostibus *Polonis*.

(15) Такъ пишетъ Дитмаръ, котораго знакомцы были тогда съ Королемъ Польскимъ и видѣли все собственными глазами. Нарушевичь именуетъ сего Архіепископа Анастасіемъ (Hist. Narodu Polsk. T. II, стр. 191). — Дитмаръ говоритъ, что *девять* сестеръ Ярославовыхъ и жена его находились тогда въ Кіевѣ: Несторъ упоминаетъ только о двухъ Владиміровыхъ дочеряхъ. Польскіе Историки называютъ Передславину сестру *Мечиславою*, или *Мстиславою* (Длугошъ Hist. Pol. I, стр. 154).

Польскіе Историки разсказываютъ, что Болеславъ, въѣзжая въ Кіевъ, мечемъ своимъ, въ знакъ побѣды, разрубилъ тамошнія *Златыя врата* (Длугошъ: illam in sui medio dividens; что сей удивительный мечь былъ данъ Болеславу Ангеломъ (Богуфал. стр. 25 и Кадлуб. Hist. Polon. кн. II, стр. 645), и названъ *щербцемъ* по *щербинѣ*, которая сдѣлалась на его лезвеѣ отъ разрубленія Кіевскихъ воротъ (Март. Галлусъ стр. 69, Кадл. стр. 645, Богуфал. стр. 25); что онъ въ позднѣйшія времена хранился въ арсеналѣ Краковскомъ, и что Короли Польскіе всегда ходили съ нимъ на войну (Кадлуб. стр. 645). Изрядныя басни: замѣтимъ ниже и другія.

Дитмаръ пишетъ, что жена Святополкова оставалась въ Россіи, когда сей Князь бѣжалъ въ Польшу.

(16) Въ *Троицк.* и въ иныхъ спискахъ названъ Посадникъ Новогородскій Константиномъ. — О *кунахъ* см. ниже. Въ Несторѣ: «начаща *скотъ*» (деньги) «сбирати, отъ мужа по 4 куны, отъ Старостъ по 10 гривенъ, а отъ Бояръ по 18 гривенъ.» По извѣстіямъ Скандинавскимъ, многіе Норвежцы пришли тогда на корабляхъ къ Ярославу (см. Торф. Hist. Norveg. Ч. III, стр. 97). Въ *Архангельск.* означено ихъ число: 14,100.

(17) См. Дитм. Chron. кн. VIII. Татищевъ говоритъ, что на Поляковъ были жалобы: въ лѣтописи нѣтъ того. Несторъ называетъ сей поступокъ Святополковъ *безуміемъ.* — Дитмаръ о сестрахъ Ярославовыхъ (стр. 426): quarum unam, prius desideratam, antiquus fornicator Boleslaus, oblita contectali sua, injuste duxerat. См. также Длугош. Hist. Polon. кн. II, стр. 168. Въ *Воскресенск.* спискѣ и во многихъ, кромѣ *Пушкин.*, *Троицк.*, *Кенигсберг.*, сказано: «и тогда Болеславъ положи себѣ на ложе Передславу, сестру Ярославлю.» Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, увѣряетъ, что она была главною причиною войны, и что Ярославъ, не хотѣвъ выдать сестры за Короля, сдѣлалъ его своимъ жестокимъ врагомъ. Ломоносовъ несправедливо называетъ сію Княжну *супругою* Болеслава (о женахъ его см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II, 202). — Польскіе Историки (Длугошъ, Кромеръ, Сарницкій и другіе) говорятъ, что Болеславъ, предъ выступленіемъ изъ Кіева, въ знакъ владычества своего надъ Россіянами, и слѣдуя примѣру Геркулеса, поставилъ столпы желѣзные въ Днѣпрѣ, гдѣ впадаетъ въ него рѣка *Сула*. Но древнѣйшій ихъ писатель, Кадлубекъ, сказываетъ, что желѣзный столпъ поставленъ Болеславомъ не въ Россіи, а въ *Саксоніи,* въ рѣкѣ *Салѣ*, и что въ Кіевѣ онъ зарубилъ только *Златыя врата*, означивъ сими двумя памятниками границы своихъ владѣній на Западѣ и Востокѣ (Hist. Polon. кн. II, стр. 618). Сарницкій пишетъ, что Король положилъ въ Днѣпрѣ мѣдныя трубы, которыя отъ теченія воды издаютъ звуки и произносятъ имя Болеслава. «Другіе же (говоритъ онъ) увѣряютъ, что сіи звуки раждаются отъ пустоты, находящейся въ скалѣ надъ рѣкою» (Sarnicii Annal. Polon. кн. VI, стр. 1048). Нарушевичь не осмѣлился повторить точныхъ словъ земляка своего (Hist. N. P. II, 194).

(18) Мартинъ Галлусъ (стр. 62, 63) и Кадлубекъ описываютъ дѣйствія въ такомъ порядкѣ:

Ярославъ, слыша о вступленіи Короля въ Россію, оставляетъ государство (по словамъ Кадлубека: hamum cum regno abjicit: (см. выше прим. 12) и бѣжитъ, неизвѣстно куда. Болеславъ беретъ Кіевъ, возводитъ тамъ какого-то родственника на престолъ, идетъ назадъ и распускаетъ большую часть войска. Князь Россійскій гонится за нимъ, будучи во сто разъ сильнѣе его (по словамъ Мартина: hostes vero quasi centies tantum fuere; сражается на Бугѣ, и побѣжденъ. Чрезъ нѣсколько времени Великій Князь тамъ же сходится съ Болеславомъ, насмѣхается надъ нимъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ знаменитѣйшими вельможами (см. Кадлубека). Ихъ ведутъ къ Болеславу *на смычкахъ,* какъ гончихъ собакъ, и великодушный побѣдитель говоритъ: *низко ругаться надъ уни-*



229

*чиженными судьбою; что случилось съ другими, можетъ случиться и съ нами.* «Однакожь» — замѣчаетъ остроумный Кадлубекъ — «плѣнникамъ не должно было жаловаться на сіи *смычки*, ибо самъ Князь Россійскій называлъ своихъ воиновъ псами» (см. выше, примѣч. 13).

Длугошъ описываетъ даже четыре сраженія, и въ разныя времена, такимъ образомъ: «Болеславъ въ 1008 году побѣдилъ Ярослава на Бугѣ, — взялъ столицу, и разставилъ войско свое по городамъ. Ярославъ думалъ тѣмъ воспользоваться и приближился къ Кіеву; но снова побѣжденный, ушелъ въ Новгородъ. Король за вѣроломство Святополково отдавъ Кіевъ на разграбленіе Полякамъ (съ котораго времени сія столица утратила свое великолѣпіе) хотѣлъ спокойно возвратиться въ отечество; но Ярославъ въ 1009 году догналъ его на границѣ съ войскомъ Россіянъ, *Половцевъ*, *Печенѣговъ*, Варяговъ» . . . (здѣсь Длугошъ превозноситъ удивительное мужество Болеслава, который, ободривъ своихъ малочисленныхъ Героевъ Демосѳеновскою рѣчью, нападаетъ на враговъ. . . . Omnia enim erant tumultus, timoris et fuga plena) . . . . «Ярославъ, въ *третій* разъ обращенный въ бѣгство, сбрасываетъ съ себя знаки Княжескаго достоинства, и на перемѣнныхъ лошадяхъ скачетъ — неизвѣстно, куда. Въ 1018 году онъ началъ *вторую* войну, сошелся съ Болеславомъ на томъ же несчастномъ Бугѣ, въ *четвертый* разъ бѣжалъ отъ него, и признавъ свое безсиліе, заключилъ съ нимъ миръ. Король удовольствовался данію весьма умѣренною, и плѣнныхъ Россіянъ отпустилъ домой (Hist. Polon. кн. II, стр. 151 — 168). Кромеръ, Стриковскій и другіе повторили сказку Длугоша, смѣсь Несторовыхъ и древнихъ Польскихъ извѣстій, раскрашенную вымысломъ. Но сказаніе Дитмара, современнаго Историка, утверждаетъ истину Несторова повѣствованія и лѣтосчисленія. Впрочемъ и Мартинъ Галлусъ относитъ взятіе Кіева къ 1018 году.

Длугошъ и Кромеръ говорятъ, что Болеславъ принялъ тогда данное ему отъ *Россіянъ* имя *Храбраго* (Chrobri, hoc est, acris appellationem propter excellentem virtutem et animi magnitudinem a Russis tributam accepit), и построилъ новый замокъ близъ Вислицы, на рѣкѣ Нидѣ.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года). Сіе мѣсто и нынѣ именуется *Хроберзъ*. О рѣкѣ Вислицѣ говоритъ Длугошъ (кн. I, стр. 11): Wislica, cujus fons circa villam Strzoza, ostia circa villam Rybitwy.

(19) Сраженіе было въ Пятницу. Въ лѣтописяхъ *Никонов.* и Попа Іоанна прибавлено; «мнози вѣрніи видяху Ангела помогающе Ярославу.» — Князь Щербатовъ думалъ, что Берестье и Берестовое есть одно мѣсто. — Лѣтописецъ сказываетъ, что Богъ, внявъ молитвѣ Ярослава, наказалъ Святополка подобно Каину: «Нападе нань Бѣсъ, и разслабѣша кости его; не можаше сѣдѣти, и несяхутъ на носилѣхъ. . . . . Онъ же, въ немощи лежа, всхопився (вскочилъ), глаголаше; о! се женуть» — и проч. О смерти его говоритъ онъ только: «испроверже злѣ животъ свой. . . . . есть же могила его въ пустынѣ» (между Польшею и Богеміею) «и до сего дне; исходитъ же отъ нея смрадъ золъ.» Въ *Никонов.* прибавлено: «ибо разсѣдшеся земля пожре его.» Кромеръ пишетъ тоже; но Длугошъ, имѣвъ у себя древнѣйшій списокъ Нестора (въ коемъ не было еще прибавленій) не говоритъ о семъ обстоятельствѣ.

(20) Новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ: «того же лѣта начатъ (Ярославъ) взыскати святыхъ тѣлесъ Бориса и Глѣба.» Слѣдуетъ описаніе чудесъ, бывшихъ надъ тѣломъ Св. Глѣба. Во-первыхъ Несторъ и *древній рукописный* Прологъ молчатъ о томъ; во-вторыхъ Ярославъ имѣлъ время и прежде, то есть въ 1016 и 1017 году, узнать, гдѣ погребены святые Мученики. — Тѣ же Лѣтописцы, *Никонов.* и другіе, сказываютъ, что въ 1020 году Великій Князь разгнѣвался (Татищевъ прибавляетъ: *за непослушаніе*) на Коснятина, Посадника Новогородскаго, Добрынина сына, заточилъ его въ Ростовѣ (или въ Муромѣ) на три года, и велѣлъ наконецъ *умертвить*. Въ Новогородск. лѣтописи Попа Іоанна упоминается только о *заточеніи;* но сіе извѣстіе сомнительно: его нѣтъ ни въ древн. Несторовой, ни въ харат. Новогородской. — Въ Кирилловской лѣтописи XV вѣка (Синод. библіот. No. 349, л. 229, на обор.) прибавлено, что въ сіе время скончался сынъ Ярославовъ *Илья, посаженный* отцемъ въ Новѣгородѣ (см. также лѣтопись Попа Іоанна, стр. 312).

(21) «И пришедшу ему (Брячиславу) къ *Судомѣ* рѣцѣ» (не *Судомѣрѣ*) «Ярославъ выйде изъ Кыева, и въ *седьмый* день постиже и ту:» то есть, въ седьмый день обратнаго похода Брячиславова. Рѣка Судома означена на картѣ Росс. Государства, сочиненной при Импер. Депо. Тутъ селенія Дубровки, Порѣчье, Сорокино и проч.

Въ новѣйшихъ лѣтописяхъ прибавлено: «Призва его» (Ярославъ Брячислава) «и вда ему два града, *Свячь* и *Вибдескъ*, и рече ему: *буди же со мною одинъ*. И воеваша Брячиславъ съ Ярославомъ вся дни живота своего.» *Вибдескъ* есть Витебскъ, а *Свячь* долженъ быть нынѣшнее мѣсто Усвятъ въ Витебской Губерніи.

(22) См. Торфеев. Hist. Norveg. Ч. III, стр. 97. Брячислава называютъ Норвежскіе Писатели *Вратиславомъ*, Ярослава *Ярислейфомъ*, а Святополка *Буриславомъ*.

(23) Memor. popul. T. II, 1010. Кедринъ пишетъ, что Андроникъ завладѣлъ Тавридою съ помощію *брата* Владиміра (вмѣсто сына), именемъ *Сфенга*. Тогдашній Великій Князь, Святополкъ, занятый войною съ Ярославомъ, не могъ помогать Грекамъ.

(24) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90, и Oriental Geography, въ предислов. стр. XXVIII. Левитъ Іегуда (Iehudah) назвалъ сію книгу *Сеферъ Козри*. Ученый Буксдорфъ напечаталъ ее въ Базелѣ, въ 1660 году, съ Латинскимъ переводомъ, и говоритъ объ ней: liber multiplicis doctrinæ ac multæ laudis. — Въ нашествіе Татаръ, въ XIII вѣкѣ уже не видимъ никакихъ слѣдовъ Козарской Державы на берегахъ Каспійскаго моря. Ясы владѣли тогда городомъ при устьѣ Волги (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 388).

(25) Святославъ побѣдилъ Касоговъ*, однакожь не овладѣлъ, кажется, ихъ страною (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 105). — Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Князь Мстиславъ Владиміровичь, сынъ *Мономаховъ*, сражался съ *Ординскимъ* Княземъ *Редегою*, убилъ его, взялъ двухъ Редегиныхъ сыновей, крестилъ, и назвавъ одного Юрьемъ, а другаго Романомъ, выдалъ за послѣдняго свою дочь. Нѣтъ сомнѣнія, что сія сказка основана на поединкѣ Касожскаго витязя Редеди со Мстиславомъ, сыномъ не Мономаховымъ, а Владиміра Святаго.

Въ то время, какъ Мстиславъ имѣлъ войну съ Касогами, Ярославъ, по *Ипатьев.* и *Хлѣбников.* списку, ѣздилъ въ Брестъ.

(26) Татищевъ, желая объяснять происшествія, разсказываетъ, что Мстиславъ требовалъ отъ Великаго Князя новыхъ земель въ прибавокъ къ своему Удѣлу и получилъ *Муромъ*, но не былъ тѣмъ доволенъ. Симъ извѣстіемъ Татищевъ хотѣлъ утвердить свое мнѣніе, что Тмуторокань находился въ сосѣдствѣ съ Муромскимъ Княженіемъ.

Козары должны были составлять знатнѣйшую часть жителей въ области Тмутороканской, гдѣ могли оставаться также потомки древняго Воспорскаго народа, смѣшаннаго съ Готѳами, Уграми и проч. См. сей *Исторіи* Т. I, стр. 24, примѣч. 88.

Несторъ въ первый разъ упоминаетъ здѣсь о Суздальской области, населенной прежде Мерею, т. е. Чудскимъ народомъ (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 21).

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора: «въ сеже лѣто въсташа волсви въ Суждали, избиваху *старую чадь*» — въ *Воскресенск.* и въ другихъ прибавлено: *бабы* — «по Дьяволю наученью и бѣсованью, глаголаше, яко си держать *гобино.*» Подъ именемъ *старой чади* разумѣются старые люди: *гобино* есть *изобиліе* (см. Лексиконъ Кутеинскій). Несторъ называетъ здѣсь волхвами не обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ, но самихъ обвинителей, которые хвалились откровеніемъ свыше, увѣряя, что они знаютъ тайную причину голода, столь великаго, что мужья отдавали женъ своихъ въ рабство для прокормленія.

(27) Около сего времени былъ въ Скандинавіи знаменитый Ярль или Принцъ, Финъ *Слѣпый* (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. II, стр. 137 и Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 9). Баеръ считалъ сего Якуна Іаковомъ, сыномъ Швед. Короля Олофа и шуриномъ Ярослава (см. Баер. въ Коммент. Акад. IV, 291).

Лиственъ есть нынѣ мѣстечко близъ Городни. Тамъ видны остатки древнихъ укрѣпленій.

Татищевъ говоритъ, что Мстиславъ поставилъ *Сѣверянъ* въ срединѣ, а *Черниговцевъ* на крылѣ; но то и другое имя означало однихъ людей: Черниговъ былъ въ землѣ Сѣверянъ. Далѣе см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 182.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года). Въ Пушкинскомъ древнѣйшемъ спискѣ Нестора: «Приде Якунъ съ Варяги, и бѣ Якунъ слѣпъ: *луда* бѣ у него золотомъ истъкана; и приде къ Ярославу.» Въ другомъ мѣстѣ, въ житіи Матѳея, Инока Печерскаго, Несторъ пишетъ: «единою бо ему стоящю въ церкви . . . . . видѣ обиходяща бѣса въ образѣ Ляха въ *лудѣ.*» Думаю (вмѣстѣ съ другими), что *луда* означала вообще *покрышку* и въ особенности *маску*, иногда Verkappung, habit de masque, *гаерскую одежду.* У Поляковъ ludzic, какъ изъясняетъ Линде, есть locken, berücken, äffen, *обманывать* (что есть дѣйствіе маски). У насъ *лудить* значитъ *покрывать* оловомъ внутренность какого нибудь металлическаго сосуда; *лудами* называются камни, *закрываемые* водою; *лудъ* есть глупецъ, у Линде ineptus, человѣкъ какъ бы съ *закрытымъ* умомъ, въ противность тому, что называется у Нѣмцевъ offener Kopf. Слѣпой витязь Якунъ, какъ славный Богемецъ Зиска или Циска, могъ носить повязку на больныхъ глазахъ, чтобы закрывать ихъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и воздуха. И въ Скандинавіи и вездѣ употребляются сіи повязки, Augenbinden. Якунова была *златотканная*, для того, что слѣпецъ хотѣлъ обратить ее въ украшеніе. — *Луда* на бѣсѣ, *въ образѣ Ляха,* знаменуетъ маску или habit de masque.

Въ *новыхъ* изданіяхъ Патерика, вмѣсто Якуновой *луды*, поставлена *одежда;* но вѣроятно ли, чтобы Лѣтописецъ, сказавъ: «и бѣ Якунъ слѣпъ,» непосредственно прибавилъ: «*одежда* бѣ у него золотомъ исткана,» какъ бы въ слѣдствіе его слѣпоты или глазной болѣзни? Одежды *златотканныя* не были въ сіе время рѣдкостію или чрезвычайностію для Князя Владѣтельнаго: Скандинавы обыкновенно покупали ихъ въ Россіи, въ Новѣгородѣ (см. Т. I, стр. 148). Далѣе пишетъ Несторъ, что сей витязь оставилъ златую *луду* свою на мѣстѣ битвы: могъ ли Якунъ сражаться въ *златотканной* одеждѣ? Сражались въ латахъ. Древніе полкокодцы носили сверхъ латъ мантію (χλαμυς, pallium); но мантія или хламида называлась у древнихъ Россіянъ *корзномъ*, *кочемъ* или *коцемъ* (см. Т. IV, примѣч. 43), а не *лудою.*

(28) Сей Городецъ былъ противъ Кіева, на Восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, примѣч. 136, 183 и 204). Нынѣшній Остеръ назывался также *Городцемъ Стрецкимъ* и *Въстрѣскымъ*, т. е. Остерскимъ (см. *Воскр. Лѣт.* II, 8, и *Хлѣбников.* подъ годомъ 6649). Извѣстенъ еще и третій Городецъ, бывшій на Сеймѣ рѣкѣ (см. *Больш. Чертежъ*). Татищевъ же думалъ, что Городцами назывались Вышегородъ и Юрьевъ.

Въ Несторѣ: «И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю; Ярославъ прія *сю* сторону, а Мстиславъ *ону.*» Надобно вспомнить, что Несторъ жилъ и писалъ въ Кіевѣ. — Далѣе: «и начаста жити мирно и въ братолюбствѣ, и уста (преста) усобица и мятежъ, и бысть тишина велика въ земли.» Слово *усобица* гораздо лучше междоусобія, нынѣ употребляемаго въ семъ смыслѣ.

(29) Кельха Liefland. Historia. стр. 31. Ярославъ, названный въ крещеніи Георгіемъ или *Юріемъ*, далъ Ливонскому *Юрьеву* свое имя. — Несторъ пишетъ. «Въ лѣто 6536 (1028) знаменье явися на небеси, яко видѣти всей земли.» Кедринъ упоминаетъ о сей Кометѣ: она являлась, по его извѣстію, 31 Октября (см. Cométographie I, 369). — *Никон. Лѣт.* говоритъ: «Въ лѣто 6537 Ярославъ ходи на *Ясы и взятъ ихъ* . . . Въ лѣто 6538 преставися Новогородскій Епископъ Іоакимъ, и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше.» Сей невѣжда самъ себѣ противорѣчитъ, говоря за Несторомъ, что 6537 лѣто было *мирно* и прибавляя, что въ семъ же году Ярославъ *воевалъ.* Слова: *взятъ ихъ*, дали мысль Татищеву написать, что Ясы *переведены* Великимъ Княземъ на берега Рси, или Роси. — Мы уже замѣтили, что древній Лѣтописецъ совсѣмъ не упоминаетъ о Епископѣ Іоакимѣ: въ харат. Новогородской лѣтописи также нѣтъ ни слова о кончинѣ его въ 1030 г. Ефремъ означенъ въ Помянникѣ четвертымъ Новогородскимъ Епископомъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ прибавлено, что онъ училъ (Татищевъ говоритъ, языку *Греческому)* пять лѣтъ, а Епископства не сподобился.

(30) Бельзъ и нынѣ существуетъ въ Галиціи. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора стоитъ *Бельзье*, въ другихъ *Бельзы, Бзы,* даже *Обезы.* Лѣтописецъ сказываетъ, что Ярославъ въ 1022 году ходилъ къ Берестью, на границу Польскую — не знаемъ, за чѣмъ: можетъ быть, онъ снова хотѣлъ тогда воевать съ Болеславомъ или вступить съ нимъ въ мирные переговоры. — Въ 1030 году Болеслава уже не было на свѣтѣ: онъ умеръ въ 1025 (см. Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II, 202). Несторъ говоритъ о мятежѣ, безпорядкахъ, избіеніи Бояръ, Епископовъ и Священниковъ въ землѣ Ляховъ по кончинѣ Болеслава *Великаго* (такъ онъ называетъ его): но сіе возмущеніе случилось уже по смерти Мечислава (см. Нарушев. Hist. N. P. II, 290, 291, въ Длугошѣ кн. II, стр. 193—194).

О войнѣ 1032 года упоминаетъ Длугошъ (а за нимъ и Кромеръ) единственно по извѣстію Нестора, прибавляя отъ себя, что Мечиславъ удержалъ въ подданствѣ Россійскіе города, завоеванные отцемъ его. Сей Историкъ говоритъ, что Ярославъ населилъ своими плѣнниками окрестности рѣки *Порси* (prope fluvium Porszy, etc.): то есть, Длугошъ не разумѣлъ, что въ словахъ Несторовыхъ: «посади по Рси,» *по* есть союзъ. — Слѣдственно

230

на Рси жили не Ясы, какъ пишетъ Татищевъ (см. выше, примѣч. 29). Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ быть Корсунь, Богуславъ, Юрьевъ.

(31) Болтинъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на Исторію Щербатова, говоритъ, что кромѣ Полоцкаго были въ сіе время и другіе Удѣльные Князья въ Россіи, и что дѣти или внучата Святослава Владиміровича княжили тогда въ Древлянской землѣ, *хотя объ нихъ и не упоминается въ лѣтописяхъ:* по чему же Болтинъ зналъ, что Святославъ имѣлъ дѣтей, и что они владѣли Древлянскою землею, когда лѣтописи не говорятъ о томъ? Впрочемъ Болтинъ могъ бы сослаться на Никон. *Лѣт.*, гдѣ сказано, что въ 1002 родился у Святослава Владиміровича сынъ Янъ. Въ Родословныхъ Книгахъ Святославъ показанъ бездѣтнымъ.

Мстиславова смерть въ *Пушкин.*, *Кенигсберг.* и многихъ другихъ спискахъ, согласно съ Византійскою хронологіею, означена въ 1036 году; но въ *Троицк.* и въ *Никонов.* въ 1033, а въ Исторіи Татищева въ 1034. — Мстиславъ названъ *Удалымъ* въ *Никон. Лѣт.* I, 131. — Далѣе: «И положиша (Мстислава) у Святаго Спаса, юже самъ заложилъ: бѣ бо създано ея при немъ възвыше яко на кони стояще досящи» — то есть, человѣкъ, сидя на конѣ, не могъ уже рукою достать верхняго ряду кирпичей. — Татищевъ прибавляетъ, что Евстафій, сынъ Мстиславовъ, умеръ въ Тмутороканѣ.

(32) Стурлезонъ разсказываетъ, что какой-то Висивальдъ, Князь Русской, сватался за прекрасную вдовствующую Королеву Шведскую, Сигриду Сторраду, которая велѣла умертвить его вмѣстѣ съ другимъ женихомъ своимъ, Королемъ Вестфольдскимъ, за такую ихъ дерзость (Hist. Reg. Sept I, 261). Далинъ считаетъ сего Князя Всеволодомъ, сыномъ Владиміра, изгнаннымъ изъ Россіи войною междоусобною, и безъ всякаго хронологическаго соображенія пишетъ, что жестокая Сигрида не хотѣла ни въ чемъ уступить славной Ольгѣ, которая управляла тогда Россіею (Gesch. des R. Schwed. I, 451). Ежели Сигрида въ 981 вышла за-мужъ, какъ онъ говоритъ, то по смерти Владиміровой — то есть, когда Всеволодъ могъ пріѣхать въ Швецію — сей красавицѣ было по крайней мѣрѣ лѣтъ 50.

(33) См. сей *Исторіи* Т. I, прим. 485, и Стурлез. Hist. Reg. Sept. I, 517. «Ингигерда» (говоритъ сей Лѣтописецъ) «отдала Альдейгабургъ въ управленіе родственнику своему, Ярлю (Принцу) Рагнвальду. У нее было *три* сына отъ Ярослава: Вальдимаръ (Владиміръ), Висиволдъ (Всеволодъ) и *Гольти*, то есть, *ловкій*, *быстрый.*» Мы не знаемъ, котораго изъ сыновей Ярославовыхъ Скандинавы означали симъ послѣднимъ именемъ: можетъ быть, Илію (см. выше, прим. 20). Объ имени Анны см. ниже.

( 4) «Тоняху въ *Сѣтомли*, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ.» Мы не знаемъ рѣки Сѣтомли. Болтинъ думалъ, что рѣка Вета, ниже Кіева, могла такъ называться; но трудно вообразить, чтобы въ маленькой рѣчкѣ потонуло множество Печенѣговъ. Сіе имя означало, можетъ быть, рукавъ Днѣпра.

Вѣроятно, что многіе изъ Печенѣговъ ушли къ Дунаю, гдѣ обитали ихъ товарищи; нѣкоторые остались еще между Волгою и Днѣпромъ, гдѣ скоро начали господствовать Половцы.

См. описаніе *Златыхъ вратъ* Цареградскихъ въ Дюканж. Constantinopol. Christ. стр. 52—53. Ѳеодосій Великій соорудилъ ихъ, побѣдивъ тирана Максима. Онѣ названы такъ отъ *золотыхъ* украшеній. Слѣдующая надпись была изображена надъ оными:

Hæc loca Theodosius decorat post fata tyranni.
Aurea sæcla gerit. qui portam construit auro.

Ярославъ надъ Златыми Кіевскими вратами сдѣлалъ церковь Благовѣщенія: «того дѣля (для), атъ всегда радость граду тому святымъ благовѣщеніемъ будетъ» (см. *Ипат.* и *Хлѣбн.*).

О Митрополіи см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 474. Въ лѣтописи: «при семъ (Ярославѣ) Черноризцы почаша множитися и *монастыреве починаху* быти.» И такъ прежде еще не было монастырей въ Россіи? Несторъ говоритъ ниже, что они уже существовали въ Антоніево время; но Антоній возвратился въ Россію въ Княженіе Ярослава, а не Владиміра (послѣднее сказано въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ: см. ниже). — Далѣе въ *Ипат.* и *Хлѣбников.*: «Володимеръ землю взоре» (вспахалъ) «Ярославъ же насѣа книжными словесы сердца вѣрныхъ людей.»

Обстоятельство, что Ярославъ построилъ вмѣстѣ монастырь Св. Георгія, ему соименнаго, и Св. Ирины, заставило думать Татищева, что Великая Княгиня, Ингигерда, называлась Христіанскимъ именемъ Ирины: вѣроятно; однакожь на ея древнихъ иконахъ, которыя хранятся въ Новогородскомъ Архіерейскомъ домѣ, изображено имя *Анны.* Въ письменномъ *Софійскомъ Уставѣ* она также называется *Анною*, подъ 5 числомъ Сентября и четвертымъ Октября. Согласимъ одно съ другимъ, положивъ, что Ярославова супруга именовалась въ свѣтѣ Ириною, а передъ кончиною постриглась и была названа въ монашествѣ Анною. Память ея празднуется въ Софійскомъ Новогородскомъ Соборѣ Февраля 10 и еще Окт. 4, вмѣстѣ съ памятію сына Ярославова Владиміра. Неизвѣстно, кто уставилъ первое празднество; а второе Архіепископъ Евфимій въ 1439 году, какъ сказано въ Софійской лѣтописи подъ годомъ 6947. Гробъ ея стоитъ внутри Новогородской Софійской церкви на южной сторонѣ, съ надписью: «Святая благовѣрная Княгиня Анна, мать Св. благовѣрн. Кн. Владиміра Ярославича, Королевна Шведская, Олава перваго Шведскато Короля дочь, называлася въ своей земли Ингегерда, которая прежде была невѣста Олава, Короля Норвежскаго, потомъ супруга Ярослава Владиміровича Новогородскаго и Кіевскаго; преставилася въ лѣто отъ С. М. 6559, отъ Р. Х. 1051; положены мощи ея въ Новогородскомъ Софійскомъ Соборѣ.» Въ Софійской лѣтописи прибавлено: «Архіепископъ Евфимій позлати гробъ Князя Владимера, внука Великаго Владимера, и *подписа;* такожде и матери его Анны гробъ *подписа,* и покровы положи, и память имъ устави творити Октоврія въ 4 день.» Но слогъ выше приведенной надписи, изображенной на стѣнѣ, не есть древній. Самыя имена Ингигерды и Олава едва ли были извѣстны Россіянамъ XV вѣка. Годъ Анниной кончины также означенъ несогласно съ лѣтописями: сія Княгиня умерла въ 6558, а не 6559 году.

Въ харатейныхъ: «и книгамъ прилѣжа Ярославъ и почитая ѐ часто въ нощи и въ днѣ.» Слѣдуетъ похвала ученію, въ которой сказано, что *книжныя словеса суть рѣки напаяющія вселенную; что ими утѣшаемся въ печаляхъ*, и проч. Далѣе: «Ярославъ же, якожь рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ: многы написавъ, положи въ Святѣй Софьи церкви.» Слѣдственно онъ и *самъ* списывалъ книги.

(35) Донынѣ Подлѣсье, или Полѣсье, гдѣ жили Ятвяги, богато рыбными ловлями и пчеловодствомъ. Польскіе Историки описываютъ характеръ сего народа дикимъ и неукротимымъ. Въ *Никонов.* и *Воскресенск. Лѣт.* прибавлено, что Ярославъ *не могъ взять Ятвяговъ.*

Мазовшане отложились отъ Королев тва Польскаго во время тамошняго междоцарствія. — Здѣсь подъ именемъ Литвы должно разумѣть жителей сѣверовосточной Пруссіи и нынѣшней Литовской Губерніи, особенно ея сѣверной части: ибо южная принадлежала къ землѣ Ятвяжской. Древній народъ Литовскій жилъ въ густыхъ лѣсахъ. Стриковскій сочинилъ его Исторію, выбравъ оную изъ лѣтописей Польскихъ, отъ части изъ нашихъ, Ливонскихъ, Прусскихъ, изъ пѣсенъ и сказокъ. Мнимыя древнія извѣстія о происхожденіи Великаго Герцогства Литовскаго баснословны и явно основаны на догадкахъ. Говорятъ, что какой-то знаменитый Римлянинъ Палемонъ, во время *или* Августа Кесаря, *или* Нерона *или* Аттилы, приплылъ въ Литву, образовалъ ея дикихъ жителей и началъ тамъ властвовать какъ Государь. Его сыновья: Боркъ, Спера, Конъ, были основателями замковъ или городовъ Юрборга, Ковна, Сперы. Двое умерли бездѣтными. Третій оставилъ сыновей Керна и Гимбута, которые въ 1058 году воевали съ Россіянами (см. Матѳ. Стриковск. Хронику Литовск. гл. VII). *Сколько же вѣковъ* жилъ Палемонъ съ *дѣтьми* своими, если Августъ, Неронъ или Аттила заставили его бѣжать изъ Италіи, и если *внуки* Палемоновы господствовали въ Литвѣ около половины XI столѣтія? Смѣтливый Кояловичь, сократитель Матѳея Стриковскаго, видя такую хронологическую нелѣпость, прибавилъ отъ шести до десяти вѣковъ, и пишетъ (Hist Litv. стр. 29), что Италіянскіе выходцы долженствовали поселиться въ Литвѣ около 900 года. Исторія Палемонова есть сказка, основанная единственно на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ языка Литовскаго съ Латинскими. Слѣдственно и въ древней Россіи надобно искать Римскихъ поселенцевъ, ибо языкъ нашъ также сходствуетъ съ Латинскимъ? — Въ лѣтописи Кведлинбургской упоминается о Литвѣ подъ 1009 годомъ: in confinio Russiæ et Lituæ etc. (въ Лейбниц. изданіи, стр. 287). Изъ другихъ Лѣтописцевъ никто не говоритъ объ ней ранѣе Нестора.

Въ *Новогород*. Попа Іоанна и въ *Никон. Лѣт.* прибавлено, что Владиміръ или Ярославъ въ годъ Литовской войны (1044), весною, заложилъ Новгородъ: крѣпость ли тамошнюю? или *Никон. Лѣт.* говоритъ здѣсь о Литовскомъ Новогродкѣ? — Въ Несторѣ такъ означены годы происшествій: въ 1038 война съ Ятвягами, въ 1040 съ Литвою, въ 1041 «иде Ярославъ на Мазовшаны въ лодьяхъ.» Въ 1042 Владиміръ ходилъ на Ямь. Несторъ причисляетъ Ямь къ данникамъ Россіи (въ печат. стр. 10): то есть, Новогородцы издревле ходили въ Финляндію собирать дань съ ея жителей или разорять сію землю.

(36) См. Memor. popul II, 1010—1016. Такъ Византійскіе Лѣтописцы говорятъ о причинѣ войны: изъ нихъ взяли мы всѣ обстоятельства, которыхъ нѣтъ въ нашемъ Лѣтописцѣ. Они справедливо полагаютъ смерть Мстислава въ 1036 году, но ошибаются, говоря въ тоже время о кончинѣ Ярослава и восшествіи на престолъ Изяслава. Имена сихъ Князей такъ написаны въ Кедринѣ: *Носисѳлавосъ*, *Еросѳлавосъ*, *Зинисѳлавосъ* (Memor. popul II, 1011). — Тогда, по ложному сказанію Византійскихъ Историковъ, царствовалъ въ Росс и Владиміръ, человѣкъ вспыльчивый и необузданный, который, желая отмстить Грекамъ, и призвавъ вспомогательное войско съ *сѣверныхъ острововъ Океана*, посадилъ 100,000 ратниковъ на суда.

(37) Memor. popul. II, 1014. Фунтъ Византійскій состоялъ изъ 72 золотниковъ. Греческіе Историки справедливо называютъ сіе требованіе нелѣпымъ.

(38) Въ харатейныхъ: «и взя Князя въ корабль Иванъ Творимиричь, и Воеводы Ярославля.» — Въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Россіяне, пришедши къ Дунаю, говорили Князю: «станемъ здѣсь на полѣ;» а Варяги: «пойдемъ къ Царюграду;» что Владиміръ исполнилъ желаніе Варяговъ; что Греки, видя ихъ, начали погружать въ море пелены съ мощами Святыхъ; что вдругъ сдѣлалась буря, и Варяги обратились въ бѣгство. — Въ *Никон. Лѣт.*: «и сташа на брезѣ нази, и хотяща пойти въ Русь, и не иде съ ними никто же отъ дружины Княжей. Вышата же рече: *нейду къ Ярославу* — выйде изъ корабля, и рече Вышата: *азъ иду съ ними.*» Это противорѣчіе. Воины хотѣли итти въ Россію, слѣдственно къ Ярославу. Щербатовъ же сдѣлалъ Вышату бунтовщикомъ!

Византійцы пишутъ о 24 галерахъ, Несторъ о 14 ладіяхъ, разбитыхъ Владиміромъ.

(39) См. въ Бандури (Т. I, стр. 18) безъименнаго описателя Константинопольскихъ древностей, жившаго около 1100 году; также Memor. popul. II, 1038, и Гиббона Hist. of the Decl. гл. LV, примѣч. 66. Сія мѣдная статуя, привезенная изъ Антіохіи, изображала Іисуса Навина или Беллерофона (an odd dilemma! говоритъ Гиббонъ), побѣдителя баснословной Химеры. Французы, овладѣвъ Константинополемъ въ началѣ XIII вѣка, сплавили оную.

(40) Сіе извѣстіе находится въ Мартинѣ Галлусѣ, Богуфалѣ и новѣйшихъ Польскихъ Историкахъ: Нарушевичь сомнѣвается въ его истинѣ (Hist. Narodu Polsk. II, 264—288). Разсказываютъ, будто Папа выпустилъ Казимира изъ монастыря на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы Поляки ежегодно присылали въ Римъ нѣкоторую сумму денегъ на масло особенной лампады въ церкви Св. Петра; 2) чтобы они подбривали себѣ голову, какъ Монахи тогдашняго времени; и 3) чтобы Дворяне, въ большіе праздники, носили на шеѣ епитрахиль, какъ Священники и Діаконы (см. Длугош. Hist. Pol. I, 211, и Кром. стр. 50).

Несторъ говоритъ о супружествѣ Казимира въ описаніи 1043 году. Мартинъ Галлусъ, почти современникъ Несторовъ, называетъ жену Казимирову только *благородною* Россіянкою (nobilem de Russia), а Богуфалъ дочерью *Романа Одоновича, Князя Россійскаго*. Лѣтописецъ Саксонскій (Annalista Saxo) не именуетъ отца ея, говоря просто: duxitque (Казимиръ) uxorem Regis Russiæ filiam. Длугошъ и Кромеръ, взявъ свое извѣстіе объ ней изъ Нестора, прибавляютъ, что она была дочь Анны, Греческой Царевны. Анна умерла въ 1011 году: слѣдственно супруга Казимирова не могла имѣть въ 1043 году менѣе 32 лѣтъ. Несторъ и сочинитель житія Моисея Угрина упоминаютъ только о двухъ Владиміровыхъ дочеряхъ, взятыхъ въ плѣнъ Болеславомъ: о Передславѣ и другой безъименной. Возвратились ли онѣ? и сія Марія была ли плѣнницею? не знаемъ. — О богатствѣ невѣсты пишетъ не только Длугошъ (Hist Pol. I. 218), но и Мартинъ Галлусъ: cum magnis divitiis (стр. 70).

О Росс. плѣнникахъ, тогда освобожденныхъ, сказано въ печатномъ Несторѣ, *Воскресенск.* и *Никон. Лѣт.* (гдѣ Болеславъ несправедливо названъ отцемъ Казимировымъ); но въ харатейныхъ просто: «и вдасть Казимиръ за вѣно людій 800.»

О великанѣ Моиславѣ см. въ Длугош. Hist Pol. I. 220. Длугошъ несправедливо пишетъ, что Мазовія названа такъ по имени Моислава (см. Наруш. Hist. Narodu Polsk. II. 328). Сей Историкъ и Кромеръ говорятъ, что Ярославъ только *помогъ* Казимиру. Вотъ слова нашего Лѣтописца: «Ярославъ

231

иде на Мазовшаны и Князя ихъ убп Моислава и покори я Казимиру.»

(41) См. Исторію Гаральда въ Стурлез. Hist Reg. Sept. II, 54. Греческая Императрица Зоя, воспламененная къ нему страстію, не хотѣла отпустить его; но онъ, съ помощію своей дружины Варяжской, тайно ушелъ къ Ярославу. — Будучи не только герой, но и стихотворецъ, Гаральдъ въ своихъ походахъ сочинилъ 16 пѣсенъ, изъ коихъ всякая заключалась воспоминаніемъ о любезной дочери Ярославовой; на примѣръ: «Мы видѣли берега Сициліи, и плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, для того, что смѣлые подвиги воинскіе лучше бездѣйствія, и чтобы заслужить любовь Русской красавицы.» Маллетъ перевелъ на Французскій языкъ слѣдующую Гаральдову пѣсню:

«Легкія суда наши окружили Сицилію. О время славы блестящей! Темный корабль мой, людьми обремененный, быстро разсѣкалъ волны. Думая только о войнѣ и битвахъ, я не искалъ инаго счастія; но Русская красавица меня презираетъ!

«Въ юности своей я сражался съ народами Дронтгеймскими. Число непріятелей было велико: кровь лилась рѣкою. Младый Царь ихъ палъ отъ руки моей. Но Русская красавица меня презираетъ!

«Однажды было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ: зашумѣла буря; взволновалось море, и грузный корабль наполнился водою — мы вычерпали оную, и спаслися. Я надѣялся быть счастливымъ; но Русская красавица меня презираетъ!

«Въ чемъ я не искусенъ? сражаюсь храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ; но Русская красавица меня презираетъ!

«Развѣ не слыхала она, какую храбрость оказалъ я въ землѣ южной, въ какой жестокой битвѣ одержалъ побѣду, и какіе памятники славы моей тамъ остались? Но красавица Русская меня презираетъ!

«Рожденный въ Верхней Норвегіи, гдѣ жители столь искусно стрѣляютъ изъ луковъ, я захотѣлъ лучше плавать на корабляхъ, страшныхъ для поселянъ, между скалами морскими, и былъ въ неизмѣримости Океана, за предѣлами земель обитаемыхъ. Но Русская красавица меня презираетъ!»

Елисавета *не презирала его:* онъ слѣдовалъ единственно обыкновенію тогдашнихъ нѣжныхъ Рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своихъ любовницъ. — По лѣтосчисленію Далина, Гаральдъ женился на Елисаветѣ въ 1045 году (см. Gesch. des R. Schw. II, 7). Она скоро умерла, оставивъ двухъ дочерей, Ингигерду и Марію (Стурлез. Hist. Reg Sept. II, 94): первая вышла за Филиппа, Короля Шведскаго. Мужественный зять Ярославовъ положилъ свою голову въ Англіи, сражаясь съ Королемъ Гаральдомъ Годвинсономъ въ 1066 году.

(42) Г. Левекъ въ своемъ Mémoire sur les anciennes rélations de la France avec la Russie *(Mémoires de l'Institut. National* T. I) говоритъ слѣдующее: «Генрикъ зналъ, чего стоило отцу его, Роберту, супружество съ Бертою, родственницею ему въ четвертомъ колѣнѣ. Папа отлучилъ Роберта отъ Церкви: такая же участь готовилась всякому Монарху, который осмѣлился бы сочетаться бракомъ съ самою отдаленнѣйшею родственницею, въ пятомъ или шестомъ колѣнѣ; а Генрикъ былъ родственникомъ почти всѣхъ Государей Европейскихъ. Онъ лишился первой супруги, дочери Императора Конрада, и женился на Аннѣ, Княжнѣ Россійской. Можетъ быть, самъ Папа, чтобы войти въ сношеніе съ Россіею, хотѣлъ сего союза,» и проч. —

*Acta Sanctorum*, въ житіи Констант. Философа или Кирилла (въ Шлецер. Нест. Ч. III, стр. 232): Anno incarnati Verbi 1048, quando Henricus Rex Francorum misit in Rabastiam (Россію) Catalaunensem (Шалонскаго, т. е. Шалона на Марнѣ) Episcopum Rogerum, pro filia Regis illius terræ, Anna nomine, quam debebat ducere uxorem, deprecatus est Odalricus, præpositus S. Mariæ Remensis Ecclesiæ, eundem Episcopum, quatenus inquirere dignaretur, utrum in illis partibus esset Cersona (Херсонъ), ubi S. Clemens requiescere legitur . . . Quod et fecit: nam a Rege illius terræ, scilicet Jerosolavo, hoc didicit, etc. То есть: «въ 1048 году Р. Х., когда Генрикъ послалъ въ Россію Шалонскаго Епископа Рогера за невѣстою своею Анною, дочерью тамошняго *Короля*, Одальрикъ, Настоятель Реймской церкви Св. Маріи, просилъ сего Епископа развѣдать, въ тѣхъ ли странахъ находится Херсонъ, гдѣ, по сказанію, лежатъ мощи С. Климента? Что Рогеръ и сдѣлалъ, свѣдавъ отъ Короля оной земли, Ярослава,» и проч.

См. также Rerum Gallicarum et Francicarum Scriptores, T. XI, стр. 157, 161, 197, 219, 247, 319, 355, 409, 411, 443, 499, 563, 564, 565, 653. Французскіе Лѣтописцы несогласны въ означеніи года свадьбы Генриковой: нѣкоторые полагаютъ ее въ 1044 году, иные въ 1051, и сказываютъ, что за невѣстою ѣздилъ Вальтерій или Готье (Gautier), Епископъ Москій, съ другими сановниками. Выписываемъ здѣсь любопытнѣйшее: Misit Rex Walterium, Episcopum Meldensem, et Wascelinum de Chalinaco cum aliis ad quemdam Regem in finibus Græciæ, qui vocabatur Gerisclo, de terra Rusciæ, ut filiam ejus sibi nuptum daret; quod ille gratanter accepit, eamque cum multis donis in Franciam misit, ut ex Clario Monacho discimus . . . Rex duxit uxorem Scythicam et Russam . . . Bertradam (вмѣсто Анны), Julii Claudii Regis Russiæ filiam . . . A. 1052 Philippus natus est, Regis filius ex Anna, filia Georgii, Regis Slavorum . . . Li Roi Henriz prist à fame Annte, la fille au Roi Ruffin. Cele dame pensoit plus aux choses à venir que aux choses presentes, ce est à dire, qu'elle pensoit plus à Dieu qu'aux choses du siecle; dont il avint qu'ele fist estorer à Senlix une yglise en l'enor S. Vincent . . . Гервазій, Архіепископъ Реймскій, въ 1062 году писалъ къ Папѣ Александру: Regnum nostrum non mediocriter conturbatum est: Regina enim nostra Comiti Radulpho (де-Крепи) nupsit, quod factum Rex noster quam maxime dolet. Для сего брака Рудольфъ де-Крепи оставилъ первую жену свою. Гервазій говоритъ о томъ: de uxore vero Comitis Radulphi, quæ vestræ conquesta est paternitati, se a viro injuriâ esse dimissam, id vobis notum esse volumus, и проч. — Папа Николай II (въ 1059 г.) въ ласковомъ письмѣ къ Аннѣ, gloriosæ Reginæ, хвалитъ ея набожность и благодѣтельность; совѣтуетъ ей питать въ Королѣ усердіе ко благу Государства и Церкви, воспитывать сыновей въ чистыхъ правахъ, и проч.

Іезуитъ Менетріе увѣрялъ, что онъ нашелъ во Франціи гробъ Королевы Анны, въ Аббатствѣ Вильерскомъ, близъ Ферте-Але (en l'Abbaye de Villiers, près de la Ferté-Alais, en Gâtinois) съ надписью: hic jacet domina Agnes, uxor quondam Henrici Regis (см. Journal des Savans, 22 Іюня 1682); но отецъ Менетріе отъ себя прибавилъ слово Regis, чтобы Агнесу, вдову какого-то Генрика, обратить въ Королеву Французскую.

Въ лѣтописи Ламберта Ашаффенбургскаго подъ годомъ 1043 находится слѣдующее извѣстіе: Rex (Henricus) Incarnationem Domini Goslariæ celebravit . . . Ibi, inter diversarum provinciarum Legatos, Legati *Ruscorum* tristes redierunt, quia de filia Re-

gis sui, quam Regi Henrico nupturam speraverant, certum repudium reportabant. То есть: «въ 1043 году послы Россійскіе съ неудовольствіемъ уѣхали изъ Гослара отъ Короля Нѣмецкаго, Генрика: ибо надѣялись, что онъ женится на дочери ихъ Князя, но получили отказъ.» Вѣроятно, что Ярославъ предлагалъ Королю Нѣмецкому руку той самой дочери, которая послѣ вышла за Государя Французскаго.

(43) См. Mémoire Левек. и Recueil des Historiens de France, T. XI, 433 и 564.

(44) Туроц. Chron. Hung. гл. XLII, стр. 108, и Праев. Annal. Reg Hungariæ, кн. I, стр. 54. Послѣдній говоритъ *(Dissertatio* VII *in annal. vet.)*: erat hæc Nastasia Iaroslasi Wladimerovichi filia, à nostris deinde Agmunda dicta. — См. нашей *Исторіи* T. I, примѣч. 302. Въ грамотѣ Гейзы II, писанной въ 1058 году, упоминается о Герцогѣ Дамаславѣ, жившемъ при Андреѣ I: Прай считаетъ сего Дамаслава Россіяниномъ, пріѣхавшимъ въ Венгрію съ Агмундою или Анастасіею (Dissert. VII in annal. vet. 130).

(45) Саксон. Грам. *Hist. Dan.* кн. XI, стр. 207: Cujus (Гаральдовы) filii duo confestim (послѣ Гастингскаго сраженія) in Daniam cum sorore migrarunt, quos Sveno paterni eorum meriti oblitus, puellamque Rutenorum Regi *Waldemaro*, qui et ipse *Iarislavus* a suis est appellatus, nuptum dedit. — Въ Торфеев. *Hist. Norv.* Ч. III, стр. 377: Regis Haraldi Godvini filia, nomine Gyda, nupsit Valdemaro, Russiæ Regi, *filio* Iarisleifi ex Ingigerde Sveciæ Regis Olafi, cognomento Sveonis, filia. Увидимъ ниже, что супругъ Гидинъ былъ дѣйствительно Владиміръ и Великій Князь (Rex) Россійскій, но только не *сынъ*, а *внукъ* Ярославовъ. Владиміръ Ярославичь, женатый, по нашимъ лѣтописямъ, неизвѣстно на комъ, имѣлъ сына Ростислава и *Ярополка*, какъ показано въ Родословныхъ Книгахъ. Могъ ли сей Владиміръ, умершій прежде отца, жениться на дочери Гаральда, когда сей послѣдній самъ женился только въ 1055 году (см. Юмову Англ. Исторію въ описаніи сего года), и когда Гида выѣхала изъ Англіи черезъ 14 лѣтъ по смерти своего мнимаго супруга?

Несторъ пишетъ, что Владиміръ въ 1045 году заложилъ Св. Софію въ Новѣгородѣ, а въ 1052 умеръ и погребенъ въ сей церкви, имъ созданной. Но въ харат. *Новогород. Лѣт.* прибавлено, что въ 1045 году по заутренѣ въ 3 часу, въ *Субботу Марта* 15 (развѣ 16?) сгорѣла Св. Софія, и въ тоже лѣто заложена Владиміромъ новая: слѣдственно прежде каменной была деревянная. Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна сказано, что Владиміръ началъ строить каменную церковь въ 1045 году, а деревянная, *дубовая*, сгорѣла въ 1049, въ Субботу, Марта 4 (сіе число было тогда дѣйствительно Субботнымъ днемъ). Послѣдняя стояла въ концѣ Епископской улицы, на берегу Волхова (гдѣ какой-то Сотко заложилъ въ 1167 году каменную церковь Бориса и Глѣба); славилась внутреннимъ украшеніемъ и своими *тринадцатью верхами*. Въ нѣкоторыхъ историческихъ рукописяхъ находится слѣдующее обстоятельство: «Деревянная церковь Софіи была сооружена Епископомъ Іоакимомъ. Каменную строили семь лѣтъ, а служба отправлялась тогда въ придѣлѣ Іоакима и Анны, гдѣ лежитъ тѣло перваго Епископа Іоакима. Живописцы, призванные изъ Царяграда, хотѣли написать въ главѣ образъ Христа съ рукою *благословляющею;* но сія рука чудеснымъ образомъ *сжалась*. Живописцы поправили: опять сдѣлалось тоже — и въ четвертый день они услышали голосъ: *не пишите меня съ рукою благословляющею, ибо я въ рукѣ держу Великій Новгородъ, и когда разнюму персты, тогда будетъ ему гибель.*»

Владиміръ Ярославичь родился въ 1020 году: слѣдственно жилъ только 32 года. Онъ умеръ Октября 4, по сказанію древней Новогородской лѣтописи, и рака его стоитъ въ храмѣ Софійскомъ близъ олтаря. Въ эпитафіи, на стѣнѣ, означены лѣта жизни и дѣла сего Князя: походъ на Ямь и на Грековъ. Архіепископъ Евфимій въ 1439 году уставилъ праздновать его память въ Новогородскомъ Соборѣ (см. выше, примѣч. 31). Нынѣшніе гробы Владиміра и супруги Ярославовой деревянные и не старинной работы: древніе, можетъ быть обложенные серебромъ, похищены, какъ вѣроятно, въ началѣ XVII вѣка Шведскимъ Генераломъ Яковомъ де-ла-Гарди, который бралъ изъ церквей Новогородскихъ все драгоцѣнное.

(46) Изяславъ родился въ 1025 году, Святославъ въ 1027, Всеволодъ въ 1030, Вячеславъ по *Троицк.* и *Никонов.* списку въ 1033, а по *Кенигсберг.*, *Пушкин.* и другимъ въ 1036, т. е. въ годъ Мстиславовой смерти. Татищевъ говоритъ, что Вячеславъ родился въ 1034, а Игорь въ 1036; годы послѣдняго не означены въ лѣтописяхъ. Сей же Историкъ прибавляетъ, что въ 1032 году Богъ далъ Ярославу дочь.

Въ *Воскресенск. Лѣт.* (I, 187) и многихъ другихъ: «сей же Казиміръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля.» Въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ (Синод. библ. No. 163) Изяславова супруга названа только Ляховицею, а въ печатномъ (см. житіе Моисея Угрина) дочерью Болеслава *Храбраго*. Болеславъ имѣлъ трехъ дочерей, изъ коихъ одна умерла Игуменьею, другая была за Маркграфомъ Мейсенскимъ, а третья за Святополкомъ (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. II, 202). Въ Польскихъ лѣтописяхъ упоминается только объ одной дочери Мечислава, выданной за Принца Венгерскаго (см. Наруш. II, 248, 249). — Супруга Ярославова скончалась въ 1107 году (см. *Ипат.*, *Хлѣбников.* и *Воскр. Лѣт.*).

(47) Евдокія, Ѳеодора и Зоя были дочери Константина, брата супруги Св. Владиміра. Евдокія постриглась; вторая скончалась въ глубокой старости дѣвицею. Зоя не имѣла дѣтей ни отъ котораго мужа (см. Дюкан. Famil. August. Byzant. стр. 144, 145, и Русск. переводъ Кедрина, листъ 172 и слѣд.).

(48) *Historia Archiepiscoporum Bremensium*, въ Линденбр. изданіи стр. 89: Ida, nobilis fœmina de Svevia nata, fuerat filia fratris Imperatoris Henrici III, filia quoque sororis Leonis Papæ, qui et Bruno. Hæc nupsit Lippoldo, filio Dominæ Glismodis, et peperit *Odam* sanctimonialem de Rinthelen, quam postea claustro absolvit... et tradidit *Regi* Ruziæ, cui peperit *filium Warteslaw;* sed Rege mortuo, Oda infinitam pecuniam in opportunis locis sepeliri fecit, et in Saxoniam rediit *cum filio* et parte pecuniæ, et sepultores occidi fecit... Warteslaw autem, revocatus in Ruziam, pro patre regnavit, et ante obitum suum recuperavit pecuniam, quam mater absconderat. То есть: «Ида, племянница Императора Генрика III и Папы Леона, вышла за Леопольда, Графа Штадскаго, и родила Оду, которая, живъ нѣсколько времени Монахинею въ обители Ринтельнской, возвратилась въ свѣтъ, сочеталась бракомъ съ Россійскимъ Княземъ и родила ему сына *Вартеслава;* а по смерти мужа, зарывъ великія сокровища въ нѣкоторомъ удобномъ мѣстѣ, выѣхала съ сыномъ и съ деньгами въ Саксонію (гдѣ вышла за втораго мужа). Вартеславъ чрезъ нѣсколько времени былъ призванъ въ Россію, княжилъ на престолѣ отца, и воспользовался сокровищами, оставленными тамъ его матерію.»

232

То же разсказываетъ и Альбертъ Штадскій въ своей хроникѣ, и также не именуетъ супруга Одина. По собственнымъ нашимъ лѣтописямъ не знаемъ никакого Князя *Вартеслава*. Г. Траеръ въ своемъ разсужденіи: Abstammung Ruſſ. Kayſ. Hauſes und Braunſchweig-Lüneburg. Herzoge von einer Deutſch. Stamm-Mutter, доказывалъ, что Ода была за Всеволодомъ, и что Вартеславъ есть Владиміръ Мономахъ; но мать Владимірова — Гречанка, по извѣстію Нестора — умерла прежде супруга. Гораздо вѣроятнѣе, что Нѣмецкіе Лѣтописцы обратили *Вячеславича* (Бориса) въ Вартеслава. — О Кунигундѣ говоритъ такъ называемый Саксонскій Лѣтописецъ (Annalista Saxo, въ Эккард. Corp. hist. med. ævi T. I, стр. 493): Cunigunda nupsit Regi Ruzorum, genuitque filiam, quam nobilis quidam de Thuringia. Gunterus nomine, accepit, genuitque ex illa Sizonem Comitem... Въ другомъ мѣстѣ (стр. 599): Habuit idem Cono Comes uxorem, nomine Cunigundam, filiam Ottonis Marchionis de Orlagemunde. Hæc primum nupserat Regi de Ruzia, quo defuncto, reversa in patriam nupsit huic Cononi. То есть: «Кунигунда, дочь Оттона, Графа Орламиндскаго (и Маркграфа Мейссенскаго) вышла за Князя Россійскаго и прижила съ нимъ дочь, на которой женился послѣ Гинтеръ (Графъ Шварцбургскій); отъ сего брака родился Графъ (Шварцбургскій) Сицо. По смерти Князя Россійскаго Кунигунда возвратилась въ отечество и сочеталась вторымъ бракомъ съ Кономъ (Графомъ Бейхлингенскимъ).» Г. Ренинкъ полагаетъ Кунигундинымъ супругомъ Святослава (см. Verſuch einer zuverläſſigen Nachricht von dem erſten Gemahle der Gr. Kunigunde); но Святославъ умеръ пятидесяти лѣтъ: супруга его не могла быть молодою вдовою; или надобно предположить, что она была втораго брака. Вячеславъ умеръ двадцати-четырехъ лѣтъ (см. выше, примѣч. 46), Игорь также въ юношествѣ; первый оставилъ только *одного* сына, а вторый *двухъ* (см. ниже).

(49) Въ годъ Мстиславовой смерти Несторъ говоритъ только: «Епископа постави Жидяту.» Въ *Новогородск. Лѣт.* Попа Іоанна и въ другихъ онъ названъ Лукою. Въ *Никон.* сказано, что Ярославъ, ради войны съ Греками, избралъ Митрополита безъ согласія Патріарха Константинопольскаго; но это одна пустая догадка. Несторъ говоритъ, что Россіяне черезъ *три* года заключили миръ съ Греціею: слѣдственно въ 1051 году они уже не имѣли войны. — Вѣроятно, что Митрополитъ Ѳеопемптъ скончался прежде Иларіонова избранія. — Въ нашихъ рукописныхъ *Каталогахъ* означены всѣ Митрополиты и Епископы Россійскіе, время ихъ жизни и паствы; но сіи Каталоги сочинены въ новѣйшія времена, обезображены грубыми историческими ошибками и не согласны одинъ съ другимъ. Они выбраны изъ лѣтописей, и безъ всякаго разсмотрѣнія.

(50) «Аще ли будете ненавидно живуще, въ распряхъ и которающеся, то погибнете сами и волость отецъ своихъ и дѣдъ своихъ погубите, юже налѣзоша трудомъ своимъ и потомъ.»

Ни въ *Пушкин.*, ни *Кенигсберг.* спискѣ не упоминается здѣсь объ *Игорѣ*, пятомъ сынѣ Ярослава; въ *Троицк.* уже *другою рукою* написано внизу: «а Игорю Володимерь.» Новѣйшіе Лѣтописцы включили имя сего Князя, видя въ послѣдствіи, что онъ господствовалъ въ Владимірѣ. Но городъ Владиміръ принадлежалъ сначала къ области Великаго Княженія, и былъ отданъ Игорю уже отъ брата старшаго какъ *частный* Удѣлъ *Кіевскій*. Для того, по смерти Вячеслава, братья перевели Игоря въ Смоленскъ, Удѣлъ особенный. — Въ одной лѣтописи XV вѣка (Синодал. Библіот. No. 349, л. 227) и въ *Новогород.* Попа Іоанна (стр. 311) сказано, что Изяславъ взялъ себѣ Новгородъ и Кіевъ съ городами его, Святославъ Черниговъ и *всю страну восточную* до Мурома; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволожье (т есть, мѣста по Волгѣ). Такъ въ самомъ дѣлѣ были раздѣлены между ими области. — Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Синодал. Библ. No. 354, лист. 257) одинъ сынъ Ярославовъ названъ Романомъ, другой Юрьемъ (вѣроятно Игорь), а третій Андреемъ думаю, Всеволодъ, который построилъ въ Кіевѣ церковь во имя Св. Андрея (см. ниже).

Въ лѣто иси означено, что Ярославъ умеръ *семидесяти-шести лѣтъ* въ 6562 году, въ первую *Субботу* поста Св. Ѳеодора: то есть, въ Ѳеодорову Субботу (такъ въ харат. *Пушкинск.* спискѣ): слѣдственно 19 Февраля (а не 20, какъ прибавлено въ другихъ спискахъ: ибо Пасха была тогда 3 Апрѣля), и въ 1054 году по нынѣшнему счисленію съ Генваря, а по древнему въ 6561: ибо Несторъ *начинаетъ годъ съ Марта, а не съ Сентября.* Вотъ доказательства: Изяславъ, по извѣстію Лѣтописц ам. ниже) ушелъ изъ Кіева *Сентября* 15 въ 6576 году, а возвратился въ столицу черезъ *семь* мѣсяцевъ (и 16 дней) Маія 2, 6577 году: что случилось бы не въ *двухъ*, а въ *одномъ* году, если бы о ъ начинался съ Сентября. — Олегъ въ *Февралѣ* мѣсяцѣ воевалъ съ Мстиславомъ, и Лѣтописецъ говоритъ: «се же бысть *исходящу* лѣту 6604, Индикта 4 на полы» (въ половинѣ): слѣдственно Индиктъ считался тогда въ Россіи, какъ и въ Греціи, съ Сентября, а годъ съ Марта. — Въ 6615 году, *Августа* 12, разбитъ непріятель; а *послѣ*, въ Генварѣ *того же году*, умерла мать Святополкова; въ 6617, Іюля 10, скончалась Евпраксія, и въ *тоже* лѣто, *Декабря* 2, Дмитръ Иворовичь взялъ Половецкія вежи; въ 6618 *весною* Святополкъ и Владиміръ ходили къ Воиню, и въ *тоже* лѣто *Февраля* 11, явился огненный столпъ надъ монастыремъ Печерскимъ; въ 6621 умеръ Давидъ Маія 25, и въ *тожь* лѣто преставилась Янка Ноября 3: слѣдственно новый годъ не былъ начинаемъ съ Сентября.

Ежели Ярославу въ 1054 году было *семдесять-шесть* лѣтъ, то Владиміръ женился на Рогнѣдѣ прежде 980 года.

Лѣтописецъ говоритъ, что во время кончины отца Изяславъ былъ въ Новѣгородѣ, а Святославъ въ Владимірѣ.

Въ харатейныхъ: «Всеволодъ же спрята тѣло отца своего; вложьше на сани, везоша и Кыеву, Попове поюще обычныя пѣсни.»

(51) Сей памятникъ, вышиною 2 аршина, длиною $3^1/_2$, шириною 19 вершковъ, сдѣланъ изъ мрамора бѣло-синеватаго, и находится въ придѣлѣ съ лѣвой стороны большаго олтаря. Половина монумента скрыта въ стѣнѣ. На камнѣ вырѣзаны кресты, съ буквами *IC. XC.*, также птичьи головы, деревья, цвѣты, и проч.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года): На памятникѣ Ярослава Великаго изображены еще буквы NIKA (Греческое слово, означающее *побѣду). (Сообщено отъ З. Ходаковскаго.)*

(52) См. харат. *Новогородск. Лѣт.* стр. 112, гдѣ сказано: «(Князь Михаилъ) цѣлова крестъ на всей воли Новогородьской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ» (см. также сей *Исторіи* I. III, примѣч. 5).

Въ харат. *Новогородск. Лѣт.* стр. 80: «Мстиславъ же сзва Вѣче на *Ярославлѣ* дворѣ.» Сей Дворъ былъ на *Торговой Сторонѣ* въ Новѣгородѣ, за мостомъ отъ Софійскаго Собора. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: близъ рѣки Вол-

хова, идѣже нынѣ Николая Чудотворца церковь; и донынѣ зовется *Ярославле дворище.*»

(53) Въ 1044 году. Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Ярославъ положилъ ихъ кости въ Владимірской церкви Св. Богородицы; но древній Лѣтописецъ говоритъ здѣсь о Кіевской.

(54) Въ *Никон. Лѣт.* и въ рукописныхъ Новогородскихъ: «и собравъ отъ Старость и отъ Пресвитеровъ дѣтей 300, и повелѣ учити книгамъ.»

(55) Кромеръ, стр. 45: Ex Polonia agrestes complures ad Porsam (вмѣсто Рси) amnem non procul a Kiovia collocantur (Ярославъ и Мечиславъ), ut agros, ob assidua bella cultoribus exinanitos, colerent.

(56) Св. Георгій представленъ съ вѣнцемъ на главѣ; на плечахъ хламида, изъ-подъ коей видна часть брони; на лѣвой рукѣ щитъ, въ правой копье. Надпись: ὁ Γεωργιος, и буквы точно имѣютъ образъ Греческихъ первагонадесять вѣка. На другой сторонѣ, вокругъ: *χ Ярославле сребро.* Въ срединѣ надписи знакъ подобный трезубцу; на бокахъ стоятъ 3 буквы: М. А. И. Думаю, что сіи буквы Греческія, а не Русскія; что третья есть N, и что онѣ знаменуютъ: Μεγαλου Αρχοντος νόμισμα, то есть: *Великаго Князя монета.* Византійцы дѣйствительно именовали нашихъ Князей *Архонтами* (Memor. popul. II, 976). Можетъ быть, Ярославъ первый хотѣлъ имѣть собственныя серебряныя деньги въ Россіи, и велѣлъ художнику Византійскому сдѣлать въ Кіевѣ нѣсколько монетъ для опыта. Сія драгоцѣнность находится въ Кабинетѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина. Я видѣлъ еще двѣ, безъ всякаго сомнѣнія древнія монеты или медали, золотую и серебряную, съ изображеніемъ К. Владиміра и съ подписью: «К. Владиміръ на столѣ (престолѣ) своемъ;» но не знаемъ, которой, Святой, Мономахъ или Владимірко Галицкій. Сіи монеты принадлежатъ одному Малороссійскому Дворянину.

(57) См. *Никонов. Лѣт.* I, 142, и *Степен. Кн.* I, 224. Тамъ сказано, что въ 1051 году пріѣхали изъ Греціи въ Кіевъ три пѣвца съ своими семействами. Названіе *демественное* есть *Греческое* испорченное и происходитъ отъ слова Δομέςικος, *уставщикъ*, qui curat, ut recte canatur (говоритъ Дюканжъ), cantum imponit seu inchoat.

(58) См. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 745 и слѣд. Сей Лѣтописецъ разсказываетъ, что Ярославъ хотѣлъ отдать Олофу землю *Вулгарію*, гдѣ жили язычники (можетъ быть, область сосѣдственную съ Казанскою Болгаріею: ибо народъ Болгарскій не зависѣлъ отъ Россіи). Занимаясь единственно святостію, Олофъ думалъ только о спасеніи души своей, лечилъ больныхъ и дѣлалъ чудеса (стр. 748 и 749); но увидѣвъ, къ несчастію, во снѣ тѣнь Олофа Триггвасона, которая подала ему надежду быть снова Королемъ Норвежскимъ, рѣшился, въ противность совѣту Ярославову и жены его Ингигерды, возвратиться въ отечество, гдѣ онъ положилъ свою голову на мѣстѣ сраженія въ 1030 году. Сынъ его Магнусъ жилъ въ Россіи до 1033 году.

(59) Многіе Лѣтописцы говорятъ, что Король Шведскій отослалъ несчастныхъ Англійскихъ Принцевъ, Эдвина, или Эдмунда, и Эдуарда въ Королю Венгерскому *Соломону;* но Соломона еще не было тогда на свѣтѣ (см. Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 28). Даже и славный Историкъ Юмъ повторилъ слова невѣждъ. Далинъ угадывалъ, что Монахи Лѣтописцы вмѣсто Holmgardia поставили Hungaria (Gesch. Schw. I, 475). Онъ не зналъ, кажется, что Адамъ Бременскій, почти современный Историкъ, именно такъ пишетъ: filii ejus (Эдмундовы) in *Ruzziam* exilio sunt damnati въ Линденброг. изданіи стр. 26). Впрочемъ быть можетъ, что Англійскіе Принцы выѣхали послѣ изъ Россіи въ Венгрію (см. Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 28).

Венгерскіе Принцы, Андрей и Леванта, дѣти Ладислава *Плѣшиваго* и какой-то безъименной Россіянки (Туроц. Chron. Hung. стр. 108 въ Швандтнер. изданіи) долгое время жили въ нашемъ отечествѣ: тамъ Андрей узналъ, что Венгерцы избираютъ его въ Короли (см. Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 50).

(60) См. въ Кіевск. Патерикѣ *сказаніе о церкви Печерской.* Симонъ, по сему извѣстію, Князя Африкана сынъ, былъ изгнанъ изъ отечества своимъ дядею, Якуномъ *слѣпымъ*, и привелъ съ собою въ Россію около 3000 Варяговъ, также нѣсколько Латинскихъ Священниковъ. Въ Скандинавскихъ Историкахъ нѣтъ ни слова о Князѣ Африканѣ.

(61) См. о Нермякахъ и Самоѣдахъ въ печатн. *Нест.* стр. 10, 145, 146, и ниже, примѣч. 64. Слѣдственно Шлецеръ (Nord. Gesch. 292) и другіе несправедливо говорятъ, что Русскіе узнали Самоѣдовъ только въ XV вѣкѣ. Имя сего народа производятъ отъ *Самеядна:* такъ Лапландцы называютъ свою землю; а Русскіе, говоритъ Фишеръ (въ *Сибирск. Исторіи*, стр. 72, 73) считали нѣкогда Лапландцевъ (Лопарей) и Самоѣдовъ за одинъ народъ. Иные толкуютъ, что Самоядь есть Финское слово Suomilätti, то есть, *Финнами оставленные* жители: сіе изъясненіе предполагаетъ, что тѣ и другіе обитали вмѣстѣ, и что Финны оставили наконецъ Самоѣдовъ (см. Прая Dissert. in ann. vet. Hung. стр. 40). Языкъ послѣднихъ отличенъ отъ Финскаго и сходствуетъ съ языкомъ Остяковъ Томскихъ, Нарымскихъ, Енисейскихъ, Каймашей, Карагасовъ и проч. (см. Фиш. *Сибирск. Исторію):* думаютъ, что Самоѣды были изгнаны изъ Сибири Татарами. — Часть Лапландіи принадлежала Новугороду еще прежде Ярослава, если Руническая харатейная грамота, въ 1677 году напечатанная въ Норвежскомъ городкѣ Шеенѣ, не есть изобрѣтеніе какого нибудь любителя древностей. Ученый Спарфенфельдъ получилъ оную отъ Пастора Николая Голфварда. Она содержитъ въ себѣ распредѣленіе границъ между Россіею и Норвегіею во время Свенона I, Датскаго Короля, жившаго въ концѣ X вѣка. Въ ней сказано, что Государь Россійскій можетъ брать дань съ жителей приморскихъ, горныхъ и лѣсныхъ до самыхъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ Норвегіи. Я нашелъ сіе извѣстіе въ рукописномъ извлеченіи, сдѣланномъ въ Стокгольмѣ изъ Лѣтописцевъ Скандинавскихъ для Екатерины Великой.

(62) Главные изъ нихъ были Тореръ и Карлъ, отправленные для торговли въ Біармію самимъ Королемъ Олофомъ. Приплывъ туда во время *славной* ярмонки и накупивъ *мѣховъ*, они вздумали еще ограбить кладбище: ибо жители имѣли обыкновеніе зарывать въ могилу часть богатства, оставляемаго умершими. Сіе мѣсто было окружено лѣсомъ и заборомъ; въ срединѣ, на площади, стоялъ истуканъ бога Йомалы, съ драгоцѣннымъ ожерельемъ на шеѣ; а передъ нимъ, въ серебряной чашѣ, лежали деньги. Норвежцы зашли туда въ глубокую ночь, и похитили все, что могли; но желая еще снять ожерелье съ идола, крѣпко привязанное, отсѣкли ему голову... Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога. Воры спасались бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи неискусны въ дѣлѣ воинскомъ, не могли ничего сдѣлать отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до кораблей своихъ

(см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. I, гл. CXLII, de itinere in Biarmiam, стр. 618 и слѣд.).

Стурлезонъ не именуетъ города Біармскаго. Въ Dissertation sur les anciens Russes, стр. 36, приведено одно мѣсто изъ Торфеевой Норвежской Исторіи, гдѣ столица Біарміи названа Гольмгардомъ: я не умѣлъ найти сего мѣста въ Торфеѣ. Онъ пишетъ (Hist. Norv. T. I, стр. 165), что Гольмгардъ былъ древнею столицею и Княжествомъ Россіи, которое досталось на часть Ярославу, сыну Владиміра Великаго. Мы знаемъ, что Ярославъ княжилъ въ Новѣгородѣ: слѣдственно имя Гольмгардъ, по Торфееву сказанію, означало сію первобытную столицу Россіи, а не Біарміи. Струбе, Авторъ Диссертаціи, и Миллеръ непремѣнно хотѣли доказать, что наши Колмогоры и древній Гольмгардъ есть одно мѣсто. Имя сходно; но Колмогоры по нашимъ историческимъ памятникамъ извѣстны только съ XIV вѣка: въ первый разъ упоминается объ нихъ въ грамотѣ Вел. Кн. Іоанна Іоанновича, сына Калитина (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 386); тамъ жили Новогородскіе Двинскіе Посадники. Г. Крестининъ, Архангельскій уроженецъ, пишетъ, что Колмогоры составились изъ трехъ деревень: Курцева, Качкова, Падрокурья (см. его *Начертаніе исторіи* сего города). Имя ихъ есть, кажется, вмѣстѣ и Финское и Русское: *колмъ* на Финскомъ языкѣ значитъ *три*. И въ Большомъ Чертежѣ и въ Двинской лѣтописи сей городъ всегда называется Колмогорами, а не Холмогорами. — Мнимый Іоакимъ, Татищевъ и Елагинъ искали Гольмгарда въ окрестностяхъ Новагорода, не знавъ, что Скандинавскіе писатели называли такъ иногда самый Новгородъ, иногда всю Россію сѣверную.

Вотъ баснословное описаніе Йомалина храма: «Построенный весьма искусно изъ самаго лучшаго дерева, онъ былъ украшенъ золотомъ и камнями драгоцѣнными, ярко озарявшими всѣ окружныя мѣста (Sturlaugs Saga, стр. 47, 49). На головѣ Йомалы блистала золотая корона съ двѣнадцатью рѣдкими камнями; ожерелье его цѣнилось въ 300 марокъ (150 фунтовъ) золота; на колѣняхъ сего идола стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами, и такой величины, что четыре человѣка могли напиться изъ нее досыта. Его одежда цѣною своею превосходила грузъ трехъ самыхъ богатѣйшихъ кораблей.» См. Herrauds и Bosa Saga, стр. 33, въ Шлецер. Nord. Gesch. стр. 439.

Норвежцы до самаго XIII вѣка ходили на корабляхъ въ Біармію (см. Далин. Gesch. des R. Schw. II. 144, въ примѣч.). Бѣлое море и часть Ледовитаго къ берегамъ Архангельской Губерніи долго назывались въ Россіи *Мурманскимъ*, то есть, Норманскимъ или Норвежскимъ моремъ (см. Двинск. лѣтопись въ *Труд. Вольн. Рос. Соб.* Т. I, стр. 126). Но Болтинъ говоритъ, что Мурманское значитъ *поморское* (Примѣч. на Леклера Т. I, стр. 45): ибо Татищевъ увѣрялъ, что *Маурена* значитъ на *Сарматскомъ* языкѣ *поморье*.

(63) См. Отерово путешествіе въ Форстер. Gesch. der Entdeckungen in Norden.

(64) Двинской Лѣтописецъ (*Труд. Вольн. Рос. Собр.* Т. I, стр. 114, 115) говоритъ, что они зависѣли отъ Новагорода еще при Владимірѣ, который просвѣтилъ ихъ крещеніемъ вмѣстѣ съ Россіянами. Первое вѣроятно, ибо народъ въ Архангельской Губерніи донынѣ сохранилъ (см. *Записки Лепех.* Т. IV) нѣкоторые обычаи *языческихъ Славянъ*: изъ чего можно заключить, что Россіяне еще въ идолопоклонствѣ овладѣли Двинскою областію; но второе сомнительно: ибо Норвежцы, посланные Королемъ Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, въ Біармію, нашли ея жителей идолопоклонниками. Г. Крестининъ полагаетъ, что земля Двинская была завоевана Новогородцами прежде Рюриковыхъ временъ (см. *Начерт. Ист. Холмог.* и *Начатки*); но страна Веси (послѣ область Бѣлозерская), тогда еще независимая, находилась между сею землею и Новогородскою.

Объ имени Заволочья см. Двинск. Лѣтоп. стр. 113. *Волокъ* означаетъ 1) пространство между рѣками судоходными, чрезъ кое перевозили или перетаскивали суда; 2) также мѣсто лѣсное, закрытое, *заволоченное* (см. *Словарь Географ. Рос. Государ.* I, 977 и 1021). Если Двинская земля названа *Заволочьемъ* въ первомъ смыслѣ, то подъ *волокомъ* разумѣлось пространство между Онегою и Двиною.

Въ Архангельскомъ монастырѣ уцѣлѣли двѣ, весьма древнія грамоты харатейныя Новогородскаго Архіерея Іоанна: первая къ тамошнему Игумену Лукѣ, вторая къ Двинскимъ Посадникамъ (см. Крестинина *Начертаніе Холмогоръ*, стр. 4 и 5). Въ нихъ годъ не означенъ; но въ лѣтописяхъ, въ Помянникѣ и въ Каталогѣ Новогородскихъ Святителей наименованы два Іоанна: первый хиротонисанъ въ 1110 году, а вторый въ 1165. Грамота писана тѣмъ или другимъ.

Несторъ пишетъ (въ печатн. стр. 145, 146): «се же хочю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Юря Тароговичь Новъгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру — люди, яже суть дань дающе Новугороду — и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуда иде въ Югру. Югра же языкъ есть *нѣмъ*» (т. е. иноплеменный) «и сѣсѣдятся съ Самоѣды на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: давно находимъ мы чюдо, его же нѣсьмы слышали преже сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть горы заидуче лукоморя» (т. е. за лукоморьемъ или морскою лукою), «имъ же высота до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяче высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и ту де молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, да кажуть на желѣзо, и помовають рукою, просяче желѣза. Кто дасть имъ ножь, ли сѣкиру, дають скорою (шкурами) противу. Есть же путь до горъ тѣхъ, и непроходимо пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ: тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощьи. — Мнѣ же рекшю къ Юрятѣ: *си суть людье заклепени Олександромъ Макидоньскимъ Царемъ*, яко же сказаетъ Меѳодій Патарійскій»: или Патарскій Епископъ, славный врагъ Оригеновой ереси (см. его житіе въ Минеяхъ и въ Прологѣ Іюня 20). Я нашелъ въ Синодальной библіотекѣ и сочиненіе Меѳодіево, о коемъ здѣсь говоритъ Несторъ, подъ заглавіемъ: *Меѳодіа, Епископа Патарскаго, слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ* (см. книгу въ листъ подъ No. 20). Изъ сего древняго перевода выпишу здѣсь мѣста, на кои ссылается Несторъ: «Свободися Израиль отъ работы сыновъ Измаилевъхъ: съй бо Гедеонъ съсѣче пльки ихъ и отгна ихъ отъ въселенныя въ пустыня Еѳривьскую, изъ нея же бѣху, и оставше 12 колѣнъ... Александръ исъшедъ на въстокъ, уби Даріа Мидскаго, и облада градовы и странами многами, и обыде вься земля, и сънииде до морѣ нарицаемаго *Солнечнаа страна*, идѣ же видѣ нечистыя языкы скврънны; сынове же сыновъ Іафетовѣхъ и внуци его гнушахуся ихъ; ихъ же нечистоту видѣвъ Александръ: ядѣху бо вьсѣкъ (всякъ) нечистый видъ и прочаа животна мрьскаа же (мерзкая) и скврънна, коморя и мухы и зъмія и мрьтвыя плъти (плоти) и извръгъ младыихъ (выкидышей)... мрътъвца же (мертвеца) не погрибааху, но и тѣхъ ядѣху. Сіа вьсѣ видѣвъ Александръ, помолися Богу прилѣжно, и събра

всѣхъ ихъ, и жены и чяда ихъ, и изъведе ихъ отъ Въстока и погна въ слѣдъ ихъ до предѣлъ Сѣверныхъ, имъ же пѣсть въхода отъ Въстока до Запада: понеже бѣ Александръ помолился Богу, и услыша его, и повелѣ Богъ двѣма горама, пма же имя *Мази и Вора*, и приближистѣ ся другъ другу яко лактій 12, и сътвори врата мѣдна, и помаза ихъ *асангитомъ*, яко да аще помыслять отъврѣсти желѣзомъ, не възмогуть; аще ли растопити огнемъ, то и тако не възмогуть» (см. Баер. de muro Caucas. въ его Opusc. стр. 112, и Observat. du Moine Bacon въ Бержерон. Voyages): «естьство же Асингитово ни желѣзнаго разсѣченія боится, ни огньнаго растопленія... Слыши убо Іезекіилево пророчьство, глаголящее: въ последняя дьни и времена изыдять на земля Израилеву отъ странъ сѣверныхъ Гогъ и Магогъ», и проч. (см. въ Mém. de l'Acad. des Inscr. г. 1761-1763 сочиненіе д'Анвиля du rempart de Gog et de Magog). Оставимъ повѣсть Византійскаго Меѳодія и догадку Несторову; но сказаніе Юрья Тароговича весьма любопытно и важно для нашей Исторіи, свидѣтельствуя, что *Россіяне въ XI вѣкѣ уже бывали за хребтомъ горъ Уральскихъ*, и что Сибирскіе народы вымѣнивали въ Югрѣ желѣзныя орудія на шкуры.

Въ *Никонов*. и другихъ лѣтописяхъ сказано, что въ 1032 году ходилъ какой-то *Улѣбъ* изъ Новагорода на *Желѣзныя врата*, и что многіе Новогородцы тамъ погибли: сего извѣстія нѣтъ ни въ Несторѣ, ни въ харатейной Новогородской, ни въ лѣтописи Попа Іоанна: для того мы не внесли его въ Исторію. *Желѣзными Вратами* называли Россіяне Дербентъ (см. въ *Воскр. Лѣт.* житіе Князя Михаила Ярославича Тверскаго, гдѣ сказано, что Царь Татарскій находился *за рѣкою Теркомъ, близъ Вратъ Желѣзныхъ)*; по Татищеву хотѣлось, чтобы сіе имя означало хребетъ сѣверныхъ Уральскихъ горъ, и для того онъ прибавилъ, что Новогородцы, ходившіе на *Желѣзныя Врата*, были побѣждены отъ Югровъ. Миллеръ принялъ его мнѣніе. — Можно думать, что подъ именемъ *Желѣзныхъ Вратъ* разумѣли у насъ и землю Мордовскую или Черемисскую: въ баснѣ о древнемъ Словенскѣ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 70) страна ихъ названа *Сидерами;* по-Гречески *Сидера* или *Сидира* есть *Желѣзная*.

(65) Въ лѣтописи, напечатанной въ *Продолж. Древ. Рос. Вивліоѳики*, сей уставъ весьма не полонъ, и вторая часть его несправедливо названа *Правдою дѣтей Ярославовыхъ*, которыя не сочиняли *новыхъ* законовъ, но только отмѣнили одинъ (см. ниже), утвердивъ всѣ другіе: «а ина все яко же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его уставиша» (см. новое изд. *Русск. Правды*, стр. 10). Татищевъ пишетъ, что Ярославъ въ 1035 году велѣлъ дѣтямъ своимъ, Изяславу и Святославу, призвать знатныхъ людей въ Кіевъ изъ разныхъ городовъ и сочинить законы для Государства: сего извѣстія нѣтъ нигдѣ. Въ 1035 году Изяславу было 10, а Святославу 8 лѣтъ отъ роду.

Новые Издатели *Русской Правды* сдѣлали другую ошибку, не менѣе важную, назвавъ первую часть Ярославовымъ уставомъ, а вторую *Мономаховымъ*. Причиною сей ошибки было то, что подъ статьею о мѣсячныхъ ростахъ сказано въ подлинникѣ: «а се уставилъ Володимеръ Всеволодичь, по Святополчѣ съзвавъ дружину свою» — и проч.) — «и устави *до третьяго рѣза*» (роста). Издатели вообразили, что все слѣдующее есть уже Владиміровъ уставъ. Но здѣсь внесенъ только прибавленный Мономахомъ законъ о ростахъ, подобно какъ выше вписанъ новый законъ Ярославичей о денежныхъ пеняхъ за всякое убійство: уставъ же съ начала до конца Ярославовъ. Вѣроятно ли, чтобы Ярославъ не предписалъ еще никакихъ правилъ для наслѣдства, столь важныхъ и необходимыхъ въ гражданскомъ обществѣ? И въ Олегово время были уже па то законы въ Россіи (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 84). — Представимъ другое неоспоримое доказательство. Въ мнимомъ уставѣ Владиміровомъ (гл. V, стат. 2) сказано: «аще гдѣ налѣзеть ударенный своего истьця (холопа), кто ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити, но сынове его по отци уставиша на куны.» Спрашиваю: гдѣ Ярославъ говоритъ о томъ, ежели уставъ его кончится, по раздѣленію Издателей, двадцатьдевятою главою? И какимъ образомъ законъ Ярослава и дѣтей его могъ бы зайти въ уставъ Мономаховъ?

Самый древнѣйшій списокъ *Правды* нашелъ я въ библіотекѣ Синодальной, въ харатейной Кормчей Книгѣ (No. 82). Въ началѣ стоитъ слѣдующая надпись: «Въ лѣто *шесть тысячь, семь сотъ*» — (третья числительная буква изгладилась) — «написаны быша книги сія повелѣніемъ благовѣрнаго Князя Новогородьского Дмитрія» (сына Александра Невскаго) «а стяжаніемъ боголюбиваго Архіепископа Новогородьского Климента» (слѣдственно около 1280 году) «и положены быша въ церкви Св. Софія, на почитаніе (чтеніе) Священникомъ и на послушаніе Крестьяномъ (Христіанамъ), а собѣ на спасеніе души.» Сія книга, любопытная и по другимъ, внесеннымъ въ нее сочиненіямъ, въ началѣ XVI вѣка была уже въ Москвѣ, и Великій Князь Василій Іоанновичь (что написано на ея переплетѣ), отпуская въ Новгородъ Архіепископа Макарія въ 1524 году, далъ ему оную какъ драгоцѣнность и велѣлъ снова положить въ Софійскую церковь. — Въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина есть другой, также харатейный, но, думаю, новѣйшій списокъ *Правды*, которымъ я также пользовался. Въ печатномъ же находятся неисправности, большею частію умышленныя, то есть, мнимыя поправки.

(66) На примѣръ, въ нихъ говорится объ *Изгояхъ* (см. ниже), жителяхъ Новогородскихъ, и проч. Но Ярославъ, будучи Великимъ Княземъ, безъ сомнѣнія далъ сей уставъ цѣлому государству. Дѣти Ярославовы и Мономахъ съ *Боярами Кіевскими, Переяславскими, Черниговскими* (см. ниже) отмѣнили и прибавили нѣкоторыя статьи: ясно, что въ Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ дѣла судились также по законамъ Ярославовымъ, весьма сходнымъ съ гражданскимъ уставомъ Децемвировъ (см. Commentaire sur la loi des douze tables par Bouchaud). Та же простота и краткость; но Римляне, будучи стѣснены въ Италіи на маломъ пространствѣ, имѣли нужду въ лучшей земской *исправѣ* (полиціи) и въ точнѣйшемъ означеніи недвижимой собственности. Не предвидя еще многихъ тяжбъ, весьма обыкновенныхъ въ долговременномъ гражданскомъ общежитіи, законодатели Римскіе опредѣляютъ уже мѣру дорогъ и пустырей между строеніями; опредѣляютъ также, что плодъ, упавшій съ вѣтви на чужую землю, принадлежитъ хозяину дерева! У насъ были совсѣмъ другія обстоятельства: малое число жителей и владѣнія обширныя. Римлянамъ надлежало скорѣе образоваться, Россіянамъ долѣе сохранить естественную простоту нравовъ. Во всѣхъ юныхъ обществахъ гражданскихъ родители имѣли власть неограниченную надъ дѣтьми своими: въ *двѣнадцати дскахъ* она утверждается закономъ; но въ Ярославовой *Правдѣ* нѣтъ объ ней ни слова: надобно думать, что сія власть была еще святѣе въ Россіи, когда законодатель не считалъ нужнымъ и говорить о томъ.

(67) Издатели *Русской Правды* напечатали: «аще убіетъ *мужъ* мужа — то положити за голову 80 гривенъ. Аще ли будетъ Русинъ, ли Гридинъ, ли купецъ, 40 гривенъ положити зань.» Думая, что за убіеніе *мужа* платили вдвое, нежели за Гридня и купца, они толкуютъ, что подъ именемъ перваго надлежитъ разумѣть Боярина. Нѣтъ; въ харатейныхъ подлинникахъ сказано такъ: «Оже убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата... Оже ли не будетъ кто его местя, то положити за голову 80 гривенъ, аче будетъ *Княжь мужъ* или Тіуна Княжя» (о Тіунѣ см. ниже)... «Ачи ли будетъ Русинъ (въ Пушк. *горожанинъ)* любо Гридь (Гридень), любо купецъ, любо Мечникъ, то 40 гривенъ положити зань.» *Мужъ* только съ прибавленіемъ *Княжь* означалъ Боярина; но слова: «оже убьетъ мужъ мужа,» надобно разумѣть: «ежели человѣкъ убьетъ человѣка.» Первый союзъ *аче* относится къ предъидущему: Издатели напрасно отдѣлили его точкою; напрасно выпустили слова: *Мужъ Княжь;* напрасно также, слѣдуя худому списку Попа Іоанна, вставили здѣсь имя *ябетника,* которое есть описка, вмѣсто: *любо Тіунъ*, и котораго нѣтъ въ другихъ спискахъ.

Въ уставѣ, помѣщенномъ въ Новогородской лѣтописи Попа Іоанна (стр. 338), сказано, что Изяславъ, сынъ Ярославовъ, по сему закону велѣлъ жителямъ Дорогобужа (Дорогобудьцамъ) внести 80 гривенъ за его *стараго конюха* (или Тіуна Конюшаго, чиновника важнаго) ими убитаго. — Издатели *Правды* сравниваютъ Огнищанъ съ нынѣшними Однодворцами, и толкуютъ, что сіе имя принадлежало свободнымъ людямъ, которые имѣли собственныя земли въ деревняхъ, нанимали работниковъ, не платили податей и могли избирать добровольно всякое иное состояніе. Слова написанныя единственно изъ головы! Огнищанами именовались вообще люди нарочитые, граждане первостепенные. Такъ въ древней *Новогород. Лѣт.* (стр. 35, Москов. изд.) сказано, что Князь Ростиславъ, будучи въ Великихъ Лукахъ, звалъ къ себѣ на судъ изъ Новагорода Огнищанъ, Гридней (Мечниковъ, военныхъ людей) и лучшихъ купцевъ. Однодворцы не могли бы стоять въ гражданскомъ порядкѣ выше богатаго купечества и воиновъ. Тіуномъ *Огнищнымъ* именовался ихъ судія. — Имя Огнищанъ, которое встрѣчается только въ лѣтописяхъ Новогородскихъ, произошло въ глубокой древности отъ слова *огнище* или *очагъ*, знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ обратилось въ названіе *Житыхъ* людей (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 306, и Т. V, примѣч. 106).

*Людинъ* есть число единственное *людей:* такъ назывались, кромѣ Бояръ, собственно всѣ граждане вольные. Народы Германскіе то же разумѣли подъ именемъ Leute (Leudes въ законахъ Визиготскихъ, Лонгобардскихъ и проч. См. Дюканж. или Дюфрен. Glossarium ad Script. mediæ et infimæ Latinitatis). — Здѣсь мы соединили главу I, III, VII, VIII и IX по раздѣленію новыхъ Издателей Правды. Писцы безъ сомнѣнія перемѣшали статьи.

Въ подлинникѣ (статья 1): «*Изгой* любо Словенинъ.» *Изгоями* назывались жители области пограничной съ Ливоніею (см. нашу *Исторію* Т. IV, примѣч. 336, и новое изд. Правды, стр. 8), и населявшіе особенную улицу въ Новѣгородѣ: объ нихъ упоминается въ древнемъ Новогородскомъ *Уставѣ о мостовыхъ* (см. ниже) и въ лѣтописи Псковской; вѣроятно, что они были Латышскаго или Чудскаго племени.

См. XVIII главу мнимаго Устава Мономахова. Въ Софійскомъ подлинникѣ: «оже кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, яко же и мужа; а оже будетъ *виноватъ*, то полвиры, 20 гривенъ.» Издатели напечатали *виновата,* вмѣсто *виноватъ,* и толкуютъ: «если мужъ за важную вину жену наказуя, убьетъ ее до смерти, то взыскать съ него полвиры.» Они думали, что жена означаетъ здѣсь *супругу;* но супруга была тогда собственностію мужа, который ни въ какомъ случаѣ не отвѣтствовалъ правосудію за свои поступки въ отношеніи къ ней. Законодатель говоритъ о *женщинѣ:* изобличенный убійца ея платилъ вдвое менѣе, нежели убійца мужчины.

См. въ печатн. *Рус. Правдѣ* стр. 84. Въ подлинникѣ: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины убьенъ, за холопа урокъ заплатити» — т. е. господинъ убитаго получалъ сей урокъ — «или за рабу, а Князю 12 гр. продаже.» Издатели вообразили, что сей законъ наказывалъ убійцу *своего* раба; но здѣсь говорится о *чужомъ* рабѣ, котораго, по уставу Ярославову (въ печатн. стр. 69), свободный человѣкъ могъ умертвить законнымъ образомъ въ случаѣ обиды.

Въ *Правдѣ* лѣтописи Новогородской (стр. 338) названъ сельскій Тіунъ *Старостою.* — Тіуномъ сельскимъ и ремесленникомъ могъ быть конечно и свободный человѣкъ; но здѣсь говорится о людяхъ рабскаго состоянія; иначе за ихъ убіеніе надлежало бы взыскивать виру или 40 грив., а не 12. Выше сказано (въ печатн. стр. 11): «аже кто убъетъ Княжя Мужа... то 80 гривенъ; паки ли людинъ (людина или свободнаго), то 40 гривенъ.»

Въ подлинникѣ (въ печатн. стр. 24): «А за *смердій холопъ* 5 гривенъ.» Имя *смердъ* означало обыкновенно крестьянина и чернь, то есть, простыхъ людей, не военныхъ, не чиновныхъ, не купцевъ. Въ первомъ смыслѣ оно часто употребляется въ древней лѣтописи; на примѣръ (въ печатн. *Нест.* стр. 168): «оже то начнетъ *орати* смердъ.» Въ Русской Правдѣ (печатн. стр. 47) сказано: «то ти уроци *смердомъ,* оже платять Князю продажю.» Здѣсь подъ именемъ смердовъ разумѣется вообще простой народъ. Олегъ (см. въ печатн. *Нест.* стр. 124), не желая совѣтоваться въ Кіевѣ съ Духовенствомъ, съ Боярами и съ градскими людьми, отвѣтствовалъ на приглашеніе Князей: «Нѣсть мене лѣпо судити Епископу или *смердомъ.*» Симъ названіемъ онъ хотѣлъ унизить Бояръ Княжескихъ; но употребилъ оное въ смыслѣ *черни,* а не *земледѣльцевъ.* — Вѣроятно, что имя *смердъ* произошло отъ глагола *смердѣть.* Американцы, жители береговъ Миссиссипи, также называютъ чернь людьми *смрадными* (см. Робертсонову *Исторію Америки,* Т. II, въ статьѣ *о правленіи).*

Издатели Правды вмѣсто: «а за смердій холопъ,» т. е. простаго, не Боярскаго холопа, напечатали: «а смерди и холопъ 5 гривенъ,» и толкуютъ, что за голову земледѣльца и холопа платили равную пеню. Ошибка грубая: ибо смерды были свободные люди, и ни въ какомъ случаѣ не могли равняться съ холопями; здѣсь говорится не о смердахъ, но объ ихъ рабахъ. Смерды платили Князю *продажу,* дань или пени; а съ холопа не было никакого денежнаго взысканія, ибо онъ не имѣлъ собственности.

За рабу, какъ видимъ, платили болѣе, нежели за раба: по тому ли, что убіеніе слабой жены считалось важнѣйшимъ преступленіемъ? Но выше сказано, что убійца свободной жены вносилъ въ казну только полвиры. Не уже ли раба, какъ вещь или товаръ, стоила въ то время дороже холопа?

(68) См. законы Саксонцевъ, Франковъ и проч., изданные Голдастомъ, Линденброкомъ, Георгишемъ. Въ древнихъ Шведскихъ сказано: «наслѣдники убитаго имѣютъ право мести.» (Стирнгок. de Iure

Sueonum ac Gothorum antiquo, кн. II, гл. IV, стр. 349; см. также *Рѣчь* Струбе *о началѣ Рос. законовъ*, стр. 10).

Не одни народы Нѣмецкіе, но и Греки во время Троянской войны брали деньги съ убійцъ, и сіи пени назывались ΑΠΟΙΝΑΙ (см. въ IX книгѣ Иліады рѣчь Нестора къ Ахиллесу). Древніе Ирландцы имѣли такое же обыкновеніе: см. Юмову *Англ. Исторію* Т. II, *о законахъ Англо-Саксонскихъ*.

(69) См. Ире Glossarium и Юмову *Англ. Исторію* Т. II, *о правленіи и правахъ Англо-Саксонцевъ*. — Издатели Русской Правды и Татищевъ думали, что Тіунами назывались судьи *уѣздные*; но сіе имя вообще знаменовало Вельможу или Намѣстника Государева, имѣвшаго судебную власть. Такъ въ древней лѣтописи Новогородской, напечатанной въ Синодальной типографіи, сказано (стр. 110), что Ярославъ оставилъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей съ *Тіуномъ* Якимомъ; такъ въ Новогородскихъ грамотахъ XIV вѣка предлагается условіе Князю, чтобы онъ не держалъ въ Вологдѣ своего Тіуна или Намѣстника. Судебникъ Царя Іоанна Василіевича представитъ намъ должность Тіуновъ въ XVI вѣкѣ.

(70) То есть, конюшіе, повара, хотя можетъ быть, и холопи. Увидимъ ниже, что Тіунъ или чиновный слуга Боярскій, поставленный здѣсь наровнѣ съ людьми свободными, былъ рабскаго состоянія.

(71) См. въ печатн. *Правдѣ* стр. 58, 61, 95, 97.

(72) «Оже будеть убилъ или въ *свадѣ* или въ *пиру*.» Свада значитъ сваръ или ссору на языкѣ Богемскомъ. Въ пиру тоже, что въ хмѣлю или въ пьянствѣ. — См. въ печатн. *Рус. Правдѣ* стр. 11, 16, 26.

Кажется, что слово *вервь*, употребленное въ смыслѣ округи, есть Норманское или Шведское Hwarf.

«Въ которой верви голова ляжеть» — значитъ: *гдѣ совершится убійство*, а не тамъ, *гдѣ будетъ мертвое тѣло поднято*, какъ говорятъ Издатели *Рус. Правды*,

По Шведскимъ законамъ округа или волость также платила 40 марокъ пени, въ случаѣ, если убійца скрывался (см. *Рѣчь Струбе* стр. 12).

«Будетъ ли сталъ па разбой безъ всякія свады.» Издатели Русской Правды весьма благоразумно замѣтили, что здѣсь слово *разбой* употреблено въ смыслѣ убійства; иначе выраженіе: «разбой безъ всякой ссоры,» не имѣло бы никакого смысла. Въ Кормчей Книгѣ (Градскаго закона грань 39) сказано: «нарочитіи разбойницы на мѣстѣхъ, на нихъ же разбой творяху, повѣшени да будутъ, да видѣнія ради убоятся начинающіи таковая, и да будетъ утѣшеніе сродникомъ убіенныхъ отъ нихъ.» Слѣдственно именемъ разбойниковъ означены убійцы.

Здѣсь сказано просто: «на потокъ;» но въ другомъ мѣстѣ (нов. изд. статья XVII, стр. 38) изъяснено, кому отдавали злодѣевъ: «выдати его Князю на потокъ.» Человѣкъ, лишенный такимъ образомъ вольности, дѣлался рабомъ, холопомъ, и Князь могъ продать его какъ товаръ. Издатели *Правды Русской* думали, что *потокъ* есть заточеніе.

Далѣе въ подлинникѣ: «на разграбленіе» — то есть, преступникъ лишался не только свободы, но и собственности. Не думаю, чтобы народъ могъ дѣйствительно разграбить его имѣніе: гораздо вѣроятнѣе, что оно также шло въ казну.

(73) Въ подлинникѣ: «рогомъ.» Въ лѣтописи Псковской сказано (год. 6981), что Посадники, наливъ кубки и *роги злащенны* медомъ и виномъ, били челомъ Софіи, невѣстѣ Вел. Князя Іоанна, Въ старину пивали изъ роговъ или сосудовъ, на подобіе рога сдѣланныхъ. — См. въ *Рус. Правдѣ* стр. 31 и 34.

(74) Нѣмецкіе законы опредѣляли цѣну особенную всякому поврежденному члену: головѣ, глазу, носу, ушамъ, зубамъ, бородѣ, усамъ, рукѣ, ногѣ; даже всякому пальцу и составу его: см. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 12; далѣе см. въ *Рус. Правдѣ* стр. 69, 76, 77.

(75) У Шведовъ былъ такой же законъ: см. *Рѣчь* Струбе, стр. 12 и 13, въ *Рус. Правдѣ* стр. 67, и Юмов. *Англ. Исторію* Т. II, о законахъ Англо-Саксонскихъ, 70, 71.

(76) «Аще ли кровавъ придеть, али будеть самъ почалъ, а вылѣзуть послуси, то то ему платежь, оже *й билъ*» (въ другомъ харатейномъ спискѣ *били*). Смыслъ ясенъ. Издатели Русской Правды говорятъ: «вмѣсто удовлетворенія, котораго *онъ искалъ*, да вмѣнятся ему тѣ язвы, кои онъ получилъ.» Выходитъ насмѣшка, о которой совсѣмъ не думалъ законодатель; раны не могли быть удовлетвореніемъ для раненнаго. Сказано только, что онъ, начавъ самъ драку, и бивъ другихъ, терялъ право на законное удовлетвореніе; или, по другому списку, не наказывался: ибо раны уже были ему наказаніемъ.

(77) См. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 10.

(78) См. статью XII, въ печатн. стр. 38, также стат. XXIII, стр. 46. Клѣтью называлась прежде всякая горница, а не одна кладовая. — Воръ по Русскимъ законамъ платилъ *три гривны*, а по Датскимъ *три марки*. Обыкновенная *вира* или пеня за убіеніе людина состояла у насъ, какъ выше показано, въ 40 *гривнахъ*, а въ *Швеціи* въ 40 *маркахъ* (см. Рѣчь Струбе, стр. 10): и такъ здѣсь марка и гривна означаютъ одно. Впрочемъ у Скандинавовъ были разныя марки: 1) *марка серебра* состояла изъ 16 лотовъ сего металла, иногда же только изъ 8; 2) *марка лотная*, mark lodig, изъ трехъ золотниковъ серебра; 3) *марка ортуговъ*, mark ortugh, изъ 24 ортуговъ, т. е. мѣдныхъ монетъ (см. Ире Glossarium Suiogothicum). — Славяне Дунайскіе держали хлѣбъ въ *ямахъ*: и Россійскіе также. Въ подлинникѣ (печат. стр. 47): «То ти уроци смердомъ, оже платять Князю продажю; а оже будуть холопи татье»... ихъ же Князь продажею не казнить, то двойци платити истьчю за обиду.» Издатели *Правды* ошиблись, написавъ: «се суть цѣны уставленныя, по коимъ взыскивать съ поселянъ пеню на Князя.» Нѣтъ: здѣсь уставлена цѣна въ пользу хозяина украденныхъ вещей, а не для казны; ибо воръ платилъ оную единственно въ томъ случаѣ, когда не могъ возвратить вещи лицемъ (въ печатн. стр. 46: *паки ли лица не будеть)*; а слова: «оже платять Князю,» объясняются слѣдующими: «а оже будуть холопи татье.» Вотъ истинный смыслъ: «сіи цѣны уставлены для виновныхъ смердовъ, т. е. свободныхъ простыхъ людей, съ *которыхъ* обыкновенно взыскивается и въ казну пеня; но если воры будутъ холопи, съ коихъ (ибо они не суть вольные люди) Государь не беретъ пени, то хозяинъ взыскиваетъ съ нихъ (съ господина) за вещь двойную цѣну.» Пеня казенная за воровство означена выше: см. въ печатн. *Правдѣ* стр. 45 и 46.

Прежде сказано, что коневый тать лишается достоянія и вольности. Можно согласить то и другое: имуществомъ вора удовлетворяли хозяину коня; прочее отдавали на разграбленіе, а вора Князю. — Здѣсь въ Пушк. харатейномъ спискѣ *Правды* сказано: «а будеть былъ *Княжь* конь, то платити за него 3 гривны, а за *иныхъ* по 2 гривны.» Въ Новогородской лѣтописи, напечатанной въ Вивліоѳикѣ: «а за Княжь конь, иже той съ пят-

*номъ»* — т. е. съ клеймомъ — «3 гривны, а за смердій» (то есть, за лошадь простаго человѣка) «2 гривны.»

Въ подлинникѣ: «за *лонщину.*» И нынѣ во многихъ Губерніяхъ называютъ годовиковъ *лонщаками.* Польское слово Lonsk и Богемское Lonsky значатъ тоже.

(79) Въ одномъ спискѣ *Правды*, полученномъ мною отъ Г. Горюшкина, и въ лѣтописи *Засѣцкаго,* писанной въ XV вѣкѣ и хранящейся въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, No. 602, находится подъ статьею о *рѣзоимствѣ* вычисленіе, сколько прибыли въ извѣстное число лѣтъ можно имѣть отъ всякаго скота; и сей расчетъ несомнительно опредѣляетъ цѣну *ногатъ* и *рѣзаней,* то есть, отношеніе ихъ къ *гривнѣ.* На примѣръ: «отъ 22 козъ приплода на 12 лѣтъ 90,112 козъ, а то кунами 27,033 *гривны* и 30 *рѣзань;* а коза метана по 6 *ногатъ.*» Слѣдственно въ *гривнѣ* 20 *ногатъ,* а въ *ногатѣ* $2^1/_2$ *рѣзани.* Вторый примѣръ: «а на тѣхъ овчахъ и на баранѣхъ рунъ 360,446, а на тѣхъ рунѣхъ кунами 7,208 *гривенъ* и 46 *рѣзань;* а руно чтено по *рѣзани:* слѣдственно въ *гривнѣ* 50 *рѣзаней.* И такъ Издатели *Русской Правды* ошиблись, сказавъ на угадъ (стр. 18), что въ гривнѣ кунъ 20, въ кунѣ четыре ногаты, а въ ногатѣ рѣзаней 8. Они не сообразили того, что за овцу, по уставу Ярославову, надлежало платить 5 кунъ, а за жеребенка 6 ногатъ: не уже ли первая была дороже послѣдняго? — И кунъ не могло быть 20 въ *гривнѣ;* слѣдующія мѣста *Правды* служатъ доказательствомъ: «начинщикъ драки (стр. 33) платитъ 3 гривны за окровавленіе битаго; а ежели нѣтъ знаковъ, то 60 кунъ:» для чего же не *три* гривны, когда въ *гривнѣ двадцать* кунъ? и можно ли платить одно за побои безъ язвы и съ язвою? Далѣе, стр. 46: «за коня Княжескаго 3 гривны, за инаго двѣ... за корову 40 кунъ:» для чего же и за послѣднюю не *двѣ гривны,* какъ за коня, если въ гривнѣ 20 кунъ? Далѣе стр. 74: «Отроку *двѣ* гривны и 20 кунъ:» для чего же не *три гривны?* Судя по означенной цѣнѣ вещей, видимъ, что гривна содержала въ себѣ около 20 кунъ, но *не двадцать,* а безъ сомнѣнія *двадцать пять:* ибо ни въ лѣтописяхъ, ни въ *Правдѣ* не находимъ сего числа въ показаніи, *ни пятидесяти,* ни *семидесяти пяти кунъ;* но вмѣсто того, чтобы сказать *двѣ гривны* и 10 *кунъ, гривна* и 15 *кунъ,* говорили и писали *шестьдесятъ, сорокъ кунъ* (такъ и нынѣ говоритъ народъ: *сорокъ алтынъ,* вмѣсто *рубля двадцати копеекъ).* Въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библ. No. 82), гдѣ вписаны Ярославовы законы, находятся также отвѣты Новогородскаго Епископа Нифонта (жившаго около половины XII вѣка), на вопросы какого-то Кирика: въ нихъ сказано, что за *гривну* служатъ въ церквахъ *пять* сорокоустій, а за *шесть* кунъ одно («сорокоустье на гривну пятью служити, а на шесть кунъ одиною»). Мѣста, выше приведенныя нами изъ устава Ярославова, свидѣтельствуютъ, что въ гривнѣ не могло быть *тридцати* кунъ; но въ заказанныхъ вдругъ пяти сорокоустьяхъ Священники могли уступать на каждое по кунѣ. — Въ прибавленіи Горюшкинскаго списка и лѣтописи Засѣцкаго нѣкоторый скотъ оцѣненъ дороже, нежели въ *Правдѣ:* кобыла въ 3 гривны, корова въ 2 гривны, овца въ 6 ногатъ, баранъ въ 10 рѣзаней, свинья въ 10 ногатъ или $^1/_2$ гривны. Тутъ же показано, что *рой пчелъ* стоитъ 10 ногатъ. Ежели въ XI вѣкѣ гривна Новогородская въ отношеніи къ серебру равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 году (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 298 и 527) то, полагая гривну или полфунта серебра въ 10 рублей серебряныхъ, можемъ опредѣлить цѣну сихъ вещей въ отношеніи къ нынѣшней монетѣ такимъ образомъ:

| *По законамъ Ярославовымъ:* | Руб. | Коп. | *По упомянутому прибавленію Горюшк. списка:* | Руб. | Коп. |
|---|---|---|---|---|---|
| Конь Княжескій | 7 | 50 | . . . . . | — | — |
| Простой . . | 5 | — | . . . . . | — | — |
| Кобыла . . . | 6 | — | . . . . . | 7 | 50 |
| Жеребецъ неѣзжалый . | 2 | 50 | . . . . . | — | — |
| Жеребенокъ . | — | 75 | . . . . . | — | — |
| Волъ . . . | 2 | 50 | . . . . . | — | — |
| Корова . . . | 4 | — | . . . . . | 5 | — |
| Трехлѣтній бык | 3 | — | . . . . . | — | — |
| Годовикъ . . | 1 | 25 | . . . . . | — | — |
| Теленокъ . . | — | 50 | . . . . . | — | — |
| Свинья . . . | — | 50 | . . . . . | 1 | 25 |
| Поросенокъ . | — | $12^1/_2$ | . . . . . | — | — |
| Овца . . . . | — | 50 | . . . . . | — | 75 |
| Баранъ . . . | — | $50^1/_2$ | . . . . . | — | 50 |
| Рой пчелъ . . . . |  |  | . . . . . | 1 | 25 |

Сія оцѣнка покажется чрезмѣрно высокою, особенно тѣмъ, которые, судя о достоинствѣ старинныхъ монетъ — на примѣръ, рублей XV и XVI вѣка — по ихъ нынѣшнимъ названіямъ, привыкли удивляться тогдашней дешевизнѣ вещей и не знаютъ, что рубль Великаго Князя Василія Іоанновича содержалъ въ себѣ около пяти нынѣшнихъ серебряныхъ: о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь представимъ только слѣдующія нужныя замѣчанія: 1) въ половинѣ X вѣка молодая лошадь стоила въ Константинополѣ 12 червонцевъ, а мулъ пятнадцать (Constant. Porph. de Cerim. стр. 265, въ сочин. Г. Круга Münzkunde Rußlands стр. 102); въ древнихъ Саксонскихъ законахъ оцѣненъ конь и быкъ въ два червонца (см. *Рѣчь Струбе* стр. 13). 2) Нѣтъ сомнѣнія, что Россійскій законодатель цѣнилъ самыхъ *лучшихъ* коней, лучшихъ быковъ, и проч.: пять дурныхъ лошадей не стоятъ двухъ хорошихъ. — Выпишемъ еще нѣкоторыя статьи изъ прибавленій лѣтописи Засѣцкаго и Горюшкинскаго списка *Правды:* «А въ селѣ сѣяно ржи на два плуга 16 кадей» (64 четверти: см. сію *Исторію* Т. III, примѣч. 8) «Ростовьскыхъ, а того на одно лѣто прибытка на 2 плуга 100 копенъ ржи, а на 12 лѣтъ 1000 копенъ и 200 копенъ ржи. А ржи немолоченые 40 копенъ, а на ту рожь прибытка на одно лѣто 20 копенъ... А полбы немолоченой 15 копенъ, а на то прибытка на одно лѣто 7 копенъ... А овса молоченаго 20 половникъ и единъ, а на то прибытка на одно лѣто 11 половникъ овса. Ячмени молоченаго 6 половникъ, а на то прибытка на едино лѣто 3 половникы... А того же села пять стожей (стоговъ) сѣна, а то на 12 лѣтъ 60 стогъ сѣна, а стогъ по гривнѣ. А жонка съ дчерью, тѣмъ *страды* (жалованья) на 12 лѣтъ по гривнѣ на лѣто 20 гривенъ и 4 гривны кунами.»

Въ 1209 году жители Оденпе или Медвѣжьей Головы (какъ называется сей городъ въ нашихъ лѣтописяхъ) заплатили Князю Россійскому 400 марокъ (или гривенъ) *ногатами.* Въ 1210 году осажденные жители Варполя (нынѣ Верпеля въ Эстоніи) дали ему 700 марокъ также *ногатами* (см. изданную Груберомъ Liefländ. Chronik, Т. 1, стр. 78 и 95).

(80) Такъ въ Пушкин. спискѣ и во всѣхъ другихъ (см. въ печатн. стр. 71); а въ Софійскомъ ошибкою вмѣсто *бобра* поставлена *борть,* о которой ниже говорится особенно. Слова: «аже будетъ на земли знаменіе, имъ же ловлено, или сѣть,»

доказываютъ, что здѣсь идетъ дѣло о звѣрѣ, а не о деревѣ бортномъ.

(81) Въ печатн. стр. 80.

(82) Въ печатн. стр. 72. Въ подлинникѣ: «аже разнаменаетъ (раззнаменуетъ) борть.» Можетъ быть не всѣ знаютъ, что борть есть выдолбленное дерево, въ которомъ водятся дикія пчелы; хозяинъ на сихъ деревьяхъ изображалъ знаки.

(83) Въ печатн. стр. 75. Въ подлинникѣ: «оже будуть бчелы (пчелы) не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли *олекъ*, то 5 кунъ.» Ясно, что *олекъ* значитъ *пустой*. Сіе неизвѣстное Русское слово напоминаетъ Нѣмецкое leck.

(84) Въ печат. стр. 78. Въ Пушкинскомъ: «аще кто посѣчеть *верею* перевѣсную.» Въ Софійскомъ: «аще перетнеть вървъ (вервь) въ перевѣсѣ.» Издатели напечатали то и другое. *Верея* не ошибкою ли поставлена вмѣсто *верви?* если не ошибкою, то она должна значить столбикъ или шестъ, къ которому привязываютъ сѣть.

Въ подлинникѣ: «за куря.» Рѣчь идетъ о дикихъ птицахъ. — Въ Пушкинскомъ упоминается здѣсь о псѣ украденномъ: но въ Софійскомъ нѣтъ его: кажется и быть не должно.

(85) Въ печатн. стр. 77. Въ Софійскомъ безъ сомнѣнія описка: *семь кунъ*, вмѣсто *шестидесяти*. Въ подлинникѣ конецъ числительной буквы могъ стереться, и *Кси* показалось З. — Донынѣ говорятъ: «лодки съ *набоями*.» Г. Кругъ (въ сочин. Münzkunde Rußlands, стр. 82). думалъ, что здѣсь говорится о лодкахъ *обитыхъ* кожею.

(86) Въ печатн. стр. 47, 68 и 101. Въ подлинникѣ: «оже будуть холопи татье, любо Княжи, или Боярстіи или *черньчи*.» Издатели думали, что симъ послѣднимъ именемъ означались монастырскіе холопи; но мы видѣли выше (см. прим. 67. и въ печат. *Правдѣ* стр. 23, 24), что холопи были обыкновенно или Княжескіе, или Боярскіе, или *смердьи*, то есть, простыхъ людей; ихъ же безъ сомнѣнія называли и *черньчими*, или холопями *черни*.

(87) Въ печатн. стр. 36, 38, 40, 41. Въ спискѣ Попа Іоанна сказано здѣсь, что всякой гражданинъ долженъ или немедленно *итти* на *сводъ*, или представить поручителей *за пять дней*, т. е. въ 5 дней.

(88) Въ печатн. стр. 41: «оже кто познаетъ челядь свою украденную, и пойметь и, то вести по *конамъ*» — т. е. по *означеніямъ* или *показаніямъ; конъ* есть начало, предѣлъ. — Далѣе: «а то» (украденный холопъ) «есть не скотъ; не льзѣ речи: *не вѣдаю, у кого купилъ есмь;* но по языку итти до конца.»

(89) См. Въ печатн. стр. 35, 97, 98, 99. Выраженіе (стран. 99): «повести дѣеть,» значитъ: «указываетъ ему дорогу.»

(90) Въ печатн. стр. 100. Въ Софійской: «аже кто *крьнеть* чюжъ холопъ:» т. е. *купитъ*, присвоитъ себѣ или закабалитъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Игорева договора съ Греками, въ 944 году, слово *крьнетъ* также употреблено вмѣсто *купитъ*.

(91) См. *Рѣчь* Струбе, стр. 16. Въ *Русской Правдѣ*, стр. 36: «аще кто всядетъ на чюжь конь не прошавъ, то *три* гривны» — (а не одна гривна, какъ въ печатной). Въ Ютландскихъ законахъ, низкимъ языкомъ Нѣмецкимъ: Ritt jemand eines andern Mannes Perd, ane des sinen Willen, deme dat Perd thobôret, de brikt davor dre Mark an den Bonden. Ютландскій законъ новѣе Ярославова; но сіе сходство доказываетъ, что основаніемъ того и другаго былъ одинъ древнѣйшій законъ Скандинавскій или Нѣмецкій.

(92) Въ печатн. стр. 64, 65. Въ харат. Пушкинскомъ: «еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же *копу* емлеть» Въ Софійскомъ: «*кову* емлеть.» Издатели говорятъ, что «*копа* есть денежная плата: ибо донынѣ въ Малороссіи называется такъ числительная умственная монета, состоящая изъ 50 копеекъ.» Но думаю, что истинное слово подлинника есть *кова*, и что оно происходитъ отъ глагола *ковать*, въ образномъ смыслѣ, вмѣстѣ съ именами *ковъ* и *ковникъ*. Такъ могли называться деньги, за которыя слуга шелъ въ неволю временную: онъ ими какъ бы *оковывалъ* себя. Далѣе въ подлинникѣ: «оже ли господинъ отслетъ его на свое *орудье*, а погынетъ (погибнетъ) безъ него, того ему не платити.» Издатели справедливо изъяснили, что здѣсь *орудье* значитъ дѣло.

Въ Софійскомъ: «изъ хлѣва,» а въ Пушкинскомъ: «изъ *забоя*,» въ смыслѣ загороды.

Далѣе: «аже господинъ преобидитъ *закупа* (наемника), а уведетъ *кову* (въ Пушкинскомъ: *копу*) его или *отарицю*.» Не разумѣя словъ: «уведетъ *кову*» (т. е. не дастъ полнаго договорнаго жалованья), многіе писцы поставили: «увѣдетъ вражду,» зная смыслъ *кова*. Нѣкоторые прибавили еще, «утвердитъ цѣну.» Издатели не ошиблись въ главномъ смыслѣ; но пустое слово *вражда* заставило ихъ сказать лишнее. *Отарицею*, какъ видно, называлась также плата, получаемая наемными земледѣльцами отъ хозяина или господина.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, издан. 1819 года). Крестьяне Минской Губерніи называютъ нынѣ *отарицею* оброкъ господскій. *Сообщено отъ З. Ходаковскаго).*

(93) Въ печат. стр. 48, 52. Въ Софійскомъ спискѣ деньги названы здѣсь *скотомъ:* «а оже кто *скота* възыщеть.»

(94) «Аже кто купьць купцю дасть въ *куплю* куны или въ *гостьбу*.» Издатели *Правды* толкуютъ, что *купля* есть торгъ мелочной, а *гостьба* обтовой или воловой. Лучше сказать, что гостями назывались купцы иногородные, или которые въ чужихъ земляхъ торговали.

(95) Въ печатн. стр. 57, 58, 59, 60 и 100.

(96) Въ печатн. *Правдѣ*, стр. 50, сказано: «занеже ему было годѣ, ялъ и хранилъ.» Здѣсь слова раздѣлены не такъ, и не имѣютъ смысла. Въ харатейныхъ: «занеже ему бологодѣялъ (благодѣялъ) и хоронилъ товаръ его.»

(97) Въ печатн. стр. 50 и 51: «аже кто дасть куны въ *рѣзы* (ростъ) или медъ въ *наставы*, или жито въ *присопъ*.» Издатели справедливо говорятъ, что *наставъ* и *присопъ* означаютъ придачу, лихву, и что до нашихъ временъ сохранилось между крестьянами обыкновеніе брать хлѣбъ въ займы *подъ гребло*, а возвращать его съ *верхомъ*. Увидимъ послѣ законъ Мономаховъ въ облегченіе должниковъ. — Издатели *Правды* (стр. 54) доказываютъ ошибку Татищева, который въ примѣчаніяхъ на Судебникъ (статья 36) утверждаетъ, что у насъ въ старину заимодавцы брали только *десять на сто*. Онъ, по ихъ мнѣнію, не вразумился въ истинный смыслъ Іоаннова Устава, гдѣ (въ статьѣ 133) сказано: «впредь отъ лѣта 7071 новые долги на служилыхъ людехъ правити вся сполна; да *вполы* на деньги росты, *какъ идетъ на пять шестой*.» Здѣсь — говорятъ Издатели — Царь велитъ брать съ людей служивыхъ на *пять шестой*, или одинъ на пять, какъ *половинные* росты: «слѣдственно *полные*, обыкновенные росты были *два на пять* или 40 на 100.» Нѣтъ, обыкновенно брали тогда уже *одинъ на пять*, а Царь уменьшаетъ сей ростъ вдвое для служивыхъ людей.

(98) Въ печатн. стран. 26, 34. Въ подлинникѣ: «оже ли будетъ Варягъ или *Колбягъ*.» Татищевъ

236

думалъ, что Колбягами назывались жители Колберга, пріѣзжавшіе торговать къ Новогородцамъ.

(99) Въ печатн. стр. 70, 81, 82. Въ харатейныхъ: «оже иметь (возметъ) на желѣзо по свободныхъ людій рѣчи, любо *запа* нань будеть, любо *прохоженіе ночное*.» Издатели не хотѣли включить сего мѣста въ свой переводъ, замѣтивъ единственно, что сіи слова должны относиться къ обрядамъ, кои наблюдались при желѣзномъ испытаніи. Смыслъ кажется мнѣ яснымъ. *Запа* есть *чаяніе, подозрѣніе*. Говорятъ: *внезапу, нечаянно*. Ежели свободные люди не могли совершенно уличить судимаго, но свидѣтельствовали одну вѣроятность, одно подозрѣніе, сказывая, что они видѣли сего человѣка *идущаго ночью*, въ необыкновенный часъ, близъ того мѣста, гдѣ совершилось преступленіе: въ такомъ случаѣ истецъ могъ обвиняемаго вызвать на опытъ желѣза: ибо въ случаѣ яснаго свидѣтельства не было нужды въ семъ испытаніи. — Выше сказано, что присяга достаточна и въ *трехъ* гривнахъ (въ печатн. стр. 52).

(100) Сіе обыкновеніе перешло къ намъ изъ Скандинавіи. Въ древнихъ Шведскихъ законахъ сказано: «всѣ сомнительныя дѣла должны быть рѣшены *желѣзомъ* и судомъ Божіимъ. Кого огонь не сожжетъ, тотъ невиненъ; кого сожжетъ, тотъ преступникъ» (Стирнг. de jure Sueonum). Въ Софокловой Антигонѣ вѣстникъ говоритъ Царю Креону, что стража его, въ *доказательство своей невинности, готова вынуть руками изъ огня желѣзо раскаленное*. Слѣдственно и древніе Греки употребляли сіе испытаніе. Плиній разсказываетъ, что нѣкоторые жрецы въ день торжества, посвященнаго солнцу, босыми ногами плясали на пылающихъ угляхъ. Извѣстно, что Кафры Мозембикскаго берега, Гвинейскіе Негры, жители Сіама и даже Калмыки прибѣгаютъ къ огню въ недоказанныхъ обвиненіяхъ (см. Petersburg. Journal, г. 1778, стр. 270).

Гаральдъ Гилле, бывшій послѣ Королемъ Норвежскимъ, доказалъ свое законное рожденіе тѣмъ, что раскаленное желѣзо не сожгло ногъ его. Король Сигурдъ, Магнусъ и другіе прибѣгали къ сему испытанію (см. Стирнг. de jure Sueonum). Въ Англіи Эмма, мать Эдуарда *Исповѣдника*, также должна была оправдаться дѣйствіемъ огня.

Монтескьё говоритъ (Esprit des Lois, кн. XXVIII, гл. XVII), что огненное испытаніе дѣйствительно, по крайней мѣрѣ отчасти, доказывало невинность или преступленіе. «Кожа у людей воинственныхъ (древнихъ Германцевъ) должна была такъ загрубѣть, что слѣды обожженія легко могли исчезать на ней; когда же черезъ три дни оставался знакъ, то онъ свидѣтельствовалъ малодушную нѣгу обвиняемаго, которая предполагала и другіе пороки.» Вотъ остроуміе!

(101) См. Origine des Lois, par Goguet, T. I.

(102) Въ печатн. стр. 84 — 95. Въ Софійскомъ: «аже въ Боярѣхъ или въ дружинѣ, то за Князя задница» (оставшееся имѣніе) «нейдетъ.» Въ Пушкинскомъ: «аще въ Боярстѣй дружинѣ.» Вѣроятно, что Князь былъ наслѣдникомъ только однихъ смердовъ, или простыхъ, не военныхъ гражданъ.

(103) Надобно думать, что въ городахъ или мѣстечкахъ, гдѣ не было собственныхъ Княжескихъ домовъ, судъ производился у Тіуновъ.

(104) См. Въ *Русс. Правдѣ* стр. 17, 18, 22, 26, 73, 74, 81, 93. 94. *Дѣтскій* тоже, что *Отрокъ*. — Издатели *Правды* толкуютъ, что въ старину, когда еще не было письма въ обыкновеніи, помощникъ судейскій *мѣтилъ* на биркахъ, сколько взято денегъ съ виновныхъ, и для того названъ *мѣтельникомъ*: можетъ быть и для того, что онъ *мѣтилъ на хартіи*, или записывалъ доносы, свидѣтельства, взысканія. Впрочемъ Отрокъ и писецъ, или Мѣтельникъ, не одинъ человѣкъ: первому давали въ нѣкоторыхъ случаяхъ 2 гривны и 20 кунъ; а второму 10 кунъ (см. въ печатн. стр. 73). И въ другомъ мѣстѣ говорится о каждомъ особенно (стр. 18). Вирнику съ Отрокомъ шло на недѣлю 7 ведеръ солоду, пшена 7 *уборковъ* (бураковъ, небольшихъ мѣръ), гороху тоже, хлѣбовъ 7, соли 7 *голважень* или ступокъ, баранъ или полоть ветчины, или деньгами двѣ ногаты, въ скоромный день 2 курицы, а въ постный деньгами куна. Онъ имѣлъ четырехъ лошадей и бралъ на нихъ овса, сколько онѣ могли съѣсть *(а конемъ на воротъ всути овесъ)*. Изъ двойной *виры*, то есть осьмидесяти гривенъ, давали ему 16 гривенъ, 10 кунъ и 12 *векшей*, также гривну *ссадную* — или *прикладную*, *перекладную* — да за *голову* 3 гривны. «*Перекладною*» — такъ говорятъ Издатели — называлась гривна, которую получалъ Вирникъ за то, что, объѣзжая волость, онъ *перекладывался* съ воза на возъ.» — Въ статьѣ о *накладахъ* или прибавкахъ къ 12 гривнамъ *продажи*, взыскиваемымъ въ казну за срубленіе межеваго столба и за другія вины, сказано (въ печатн. стр. 73): «Отроку (судьѣ) 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати съ Отрокомъ» (т. е. съ помощникомъ или писаремъ: см. въ печатн. стр. 88, гдѣ товарищъ *мостника* также названъ Отрокомъ) «на дву коню, сути же на ротъ овьсъ (овесъ), а мясо дати овьнъ (барана) или полть, а инѣмь кормомь, что има чрево възметь» (сколько они двое съѣдятъ). «Писчю (писцу) 10 кунъ, *перекладнаго* пять кунъ, а за мѣхъ» (въ которомъ, думаю, писецъ возилъ свои хартіи) «двѣ ногатѣ» Судья, въ случаѣ неосновательнаго уголовнаго доноса, взыскивалъ съ доносителя гривну, съ отвѣтчика, освобожденнаго отъ виры, гривну и еще 9 кунъ такъ называемаго *помощнаго* (а Мѣтельникъ 9 *векшей*) — Издатели говорятъ: «отъ верви;» но въ харатейныхъ спискахъ поставлено: «отъ виры». Отъ спорной бортной земли давали Отроку 30 кунъ, и наконецъ отъ всякаго дѣла *(инѣхъ всѣхъ тяжь, кому помогуть)* 4 куны (а Мѣтельнику 6 *векшей*): что называлось *судебными уроками*. Другая судейская пошлина называлась *ротною* или присяжною: Отрокъ получалъ за *голову* или убійство 30 кунъ, и 27 кунъ за тяжбу о землѣ пашенной и бортной (вѣроятно, съ виновнаго), и отъ *свободы* 9 кунъ (Издатели по новѣйшимъ спискамъ напечатали: *свободивше челядинъ*).

Здѣсь въ первый разъ мы упоминаемъ о *векшахъ* или мелкихъ кожаныхъ монетахъ: сколько ихъ было въ кунѣ, не знаю, но не болѣе *десяти*, какъ думаю. Издатели *Правды Русской* полагаютъ въ гривнѣ 400 векшей, а Татищевъ 380, увѣряя, что онъ видѣлъ сіи древніе лоскутки въ Новѣгородѣ.

(105) См. Новогор. Лѣт. Попа Іоанна стр. 337, и *рѣчь* Струбе стр. 17.

(106) Чему доказательствомъ служитъ законъ, по которому за убійство въ ссорѣ виновный лишался жизни (если родственники убитаго хотѣли того); а смертоубійца разбойникъ лишался единственно свободы (см. выше).

Слѣдующія мѣста находятся только въ новѣйшихъ спискахъ *Русской Правды* (и для того мы не внесли ихъ въ содержаніе):

1. «А кто конь купить Княжь, Боярынъ или купечь или *сирота*, а будеть въ конѣ червь или проѣсть (рана), а то пройдеть къ Государю, у кого будеть купилъ, а тому свое *серебро* взяти опять взадъ.» Нигдѣ въ Ярославовыхъ законахъ не упоминается о *серебрѣ*; деньги обыкновенно

разумѣются подъ именемъ *кунъ*. Смыслъ тотъ, что за проданную больную лошадь надлежало возвратить деньги.

2. «Иже изломитъ копье другу, любо щитъ, любо портъ (одежду), да аще у себя начнетъ держати, то пріяти скота (деньгами) у него, иже что есть изломилъ; аще ли начнетъ скотомъ приметати, заплатити ему предъ чадію» (людьми) «или начнетъ вѣдати, сколько будетъ далъ на немъ.» Смыслъ: «кто, взявъ чужую вещь, испортитъ оную, тотъ обязанъ деньгами удовольствовать хозяина, и при свидѣтеляхъ; или хозяинъ имѣетъ право взыскать съ него цѣну вещи.»

3. «Оже человѣкъ, полгавъ куны у людей, а побѣгнетъ въ чужую землю, вѣры ему не яти, яко и татю.» Но какимъ же образомъ въ чужей землѣ могли знать, что ему не надлежало вѣрить? Или здѣсь говорится о бѣглецѣ поиманномъ?

4. «Иже утяжутъ въ муцѣ, а посѣдитъ у *Дворянина*, 50 (не 80) ногатъ за ту муку; а у колокольницы бьютъ кнутомъ, за ту муку 80 гривенъ.» Смыслъ: «Если доказано будетъ, что Дворянинъ безъ вины держалъ въ темницѣ слугу вольнаго, или сѣкъ его кнутомъ у колокольни, то взыскать съ Дворянина (означенную) пеню.» Имя *Дворянина* новѣе Ярославовыхъ временъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ онаго ни въ *Правдѣ*, ни въ лѣтописи Несторовой.

Въ Уставѣ Ярослава опредѣлено и жалованье, которое давалось *городнику* и *мостнику*, или строителямъ городскихъ стѣнъ и мостовъ; первый бралъ куну за начало работы, ногату при совершеніи дѣла, и на всякую недѣлю 7 хлѣбовъ, 7 *уборoковъ* пшена, 7 *луконъ* овса на 4 лошади (вѣроятно, около двухъ четвертей), солоду 10 луконъ на все время, а деньгами (на-мясо, рыбу и *вологу* или питье) 7 кунъ еженедѣльно. *Мостнику* давали ногату за 10 лакшей, а въ починкѣ стараго моста куну за всякую *городню* (такъ назывались рѣжи или срубы мостовые въ водѣ), сверхъ нужной пищи и овса на двухъ лошадей, ибо онъ ѣздилъ обыкновенно самдругъ, съ Отрокомъ или помощникомъ (см. въ печатн. стр. 87, 88).

(107) См. Esprit des Lois, кн. XXVIII гл. III.

(108) Ярославовъ Уставъ о мостовыхъ выписываю изъ Пушкинской харатейной *Правды*:

«А се уставъ Ярославль о мостѣхъ: Осмениномъ поплата въ Людинъ Конецъ чрезъ греблю (ровъ) до Добрыни улици, въ городняя ворота до Пискупли улици, съ *Прусы*» — жителями Прусской улицы — «до Бориса и Глѣба; а Тигожанамъ до Коломлянъ, а Нерединцамъ до Бережанъ, а Бережанамъ до Пидьблянъ, а Пидьблянамъ до Чудницевѣ улицѣ, съ Загородци до городнихъ воротъ; а Владыцѣ (Епископу) сквозѣ городняя ворота съ Изгои, и съ другимъ (другими?) Изгои до Острой городни.» Здѣсь описываются Сотни, на которыя были раздѣлены граждане: «1) Давыжа ста, 2) Слѣпчева ста, 3) Бобыкова ста, 4) Олексина ста, 5) Ратиборова ста, 6) Кондратова ста, 7) Романова ста, 8) Сидорова ста, 9) Гаврилова ста, 10) Княжа ста, 11) Княжа ста.» — За симъ именуются области Новогородскія (коихъ именами также назывались, можетъ быть, Сотни или части города): 12) «Ржевская, 13) Бѣжичкая, 14) Вочкая» (отъ имени народа Водь) «15) Обониская» (или Обонежская, т. е. за Онегою) «16) Луская» (отъ рѣки Луги) «17) Лопьская» (одинъ изъ уѣздовъ Новогородскихъ назывался *Лопцею*: см. въ Т. VI сей *Исторіи* договоръ Новогородцевъ съ Королемъ Польскимъ въ 1471 году) «18) Волоховская, 19) Яжелбичкая.» Слѣдуетъ продолженіе городскаго устава о мостовыхъ: «до торгу (мостить) Софьяномъ» (жителямъ Софійской части) «до Тысьчкого, Тысячкому до Вощникъ» (гдѣ, можетъ быть, продавался воскъ) «отъ Вощникъ Посаднику до Великаго ряда, Князю до Нѣмецкого *вымола*» (не мельницы ли?) «Нѣмчемь до Еваня вымола, отъ Еваня вымола Гтомъ (Готамъ) до Геральда вымола до задьнего, отъ Геральдова вымола до Бутятина вымола» — въ другихъ спискахъ прибавлено: *Огнищанамъ* — «Ильинцамъ до Матвѣева вымола, Михайловѣ улицѣ» (или *Михайловцамъ*, какъ въ другихъ спискахъ) «до Бардовѣ улици, а Витковлянамъ до клемяныхъ (клейменыхъ?) сѣней.»

Сказано, что Яжелбицкая часть или Сотня даетъ или дѣлаетъ *двои рилѣ*. *Рилами* или *релями* назывались перила: см. Т. V, примѣч. 386, годъ 1435, и Т. IX, примѣч. 95, г. 1564.

Ярославъ, какъ вѣроятно, только учредилъ обязанности городскихъ жителей, а Посадники записали и всегда наблюдали сіе учрежденіе. Онъ не могъ написать: «до Бориса и Глѣба,» ибо сей церкви Новогородской тогда еще не было (см. выше, примѣч. 45): чтобы яснѣе означить мѣсто, въ новѣйшія времена назвали оную въ Уставѣ; или сей Уставъ принадлежитъ не Ярославу *Великому*, а другому: можетъ быть, отцу Александра Невскаго. — Имя Конца Неревскаго или Неровскаго происходитъ отъ рѣки Наровы, Горничьскаго отъ гончаровъ, а Плотинскаго отъ плотины или плотниковъ. Сверхъ пяти Концевъ тамъ были еще три: *Загородской*, *Неровской за городомъ* и *Петровской;* но объ нихъ не упоминается въ лѣтописяхъ до XV вѣка.

Въ *Указателѣ Россійскихъ законовъ* напечатанъ — и весьма неисправно — мнимый Ярославовъ *Уставъ о церковныхъ судахъ*. Предлагаемъ его здѣсь согласно съ лучшими списками (впрочемъ не имѣю ни одного харатейнаго и древнѣе XVI вѣка).

«Се язь Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью отца своего сгадалъ есми съ Митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми со Греческимъ Номоканономъ, аже не подобаетъ сихъ тяжь судити Князю и Бояромъ. Далъ есмь Митрополитомъ и Епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ городамъ и по всей области, гдѣ Крестьянство есть. Аже кто умчитъ» (уведетъ или похититъ) «дѣвку или насилитъ, аже Боярская дчи» (дочь) «за соромъ» (срамъ) «ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а *меньшихъ* Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота. Добрыхъ людей» (ихъ дочери) «за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ» (съ похитителей) «по гривнѣ серебра Епископу; а Князь казнитъ. Аже кто пошибаетъ» (ударитъ) «Боярскую дщерь или Боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота; а нарочитыхъ людей» (именитыхъ гражданъ) «*3 рубли*, а Епископу 3 рубли, а простой чади» (за дочь простаго гражданина) «15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ, а Князь казнитъ. — Аже пуститъ Бояринъ *Великъ* жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а нарочитыхъ людей 3 рубли, а Епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ; а Князь казнитъ. Аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудетъ» (родитъ) «обличивъ ю пояти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупитъ» (т. е. родные должны выкупить преступницу). «Аже дѣвку умолвитъ» (пригласитъ) «кто къ себѣ и дастъ въ толоку» — (позволитъ кому наглымъ поступкомъ оскорбить ея цѣломудріе) — «на умолвницѣ» (съ того, кто



237

звалъ ее къ себѣ) «Епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны серебра, а на толочныхъ» (съ обидчиковъ) «по рублю, а Князь казнить. Аже мужъ отъ жены блядеть, Епископу въ винѣ» (виноватъ передъ Епископомъ) «а Князь казнить. Аже мужъ оженится иною женою, съ старою не распустився, мужъ Епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный» — (чтобы родные выкупили ее) — «а съ старою жити. Аже женѣ лихій недугъ болить, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее не пустити» (не разводиться съ нею) «такоже и женѣ не лзѣ пустити мужа. Аже кумъ съ кумою створить блудъ, Епископу гривна золота, и въ епитимьи. Аже кто *зажжеть дворъ или гумно* или что иное, Епископу 100 гривенъ, а Князь казнить. Аже кто съ сестрою согрѣшить, Епископу 100 гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону. Аже ближній родъ» (ближняя родня) «пойметься, Епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитимью да примуть. Аже двѣ жены кто *водить*» — (возметъ, и потому Несторъ называетъ Владиміровыхъ женъ *водимыми)* — «Епископу 40 гривенъ, а которая подлегла» (то есть, послѣдняя), та поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону; а иметь лихо водити ю» — (если будетъ не хорошо обходиться съ нею) — «казнью казнить его. Аже мужъ съ женою по своей воли распуститься, Епископу 12 гривенъ; а *буде не вѣнчался,* Епископу гривенъ. Аже кто сблудить съ Черницею, Епископу сто гривенъ, а съ животною 12 гривенъ, а въ епитимью вложить. Аже свекоръ съ снохою сблудить, Епископу 100 гривенъ, а епитимья по закону. Аже кто съ двѣмя сестрами падется» (попадется), «Епископу 30 гривенъ. Аже кто съ мачихою сблудить, Епископу 40 гривенъ. Аже два брата будуть со единою женою, Епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный. Аже дѣвка не всхощетъ замужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что створить» (дѣвка) «надъ собою, отецъ и мати Епископу въ винѣ, а исторъ» (проторь) «имъ платити; тако же и отрокъ» (то есть они виноваты, если и сына женятъ насильно). «Аже кто зоветь чюжу жену блядью Великихъ Бояръ» (т. е. ихъ жену) «за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а Князь казнить; а будеть» (жена) «меньшихъ Бояръ, за соромъ ей 3 гривны золота, а Епископу 3 гривны золота; а будеть» (жена) «городскихъ людей, за соромъ 3 гривны серебра, а Епископу 3 гривны серебра; а сельскихъ людей за соромъ гривна серебра, а Епископу гривна серебра. Аже пострижеть голову или *бороду,* Епископу 12 гривенъ, а Князь казнить. Аже мужъ иметь красти коноплю или ленъ и всякое жито, Епископу въ винѣ со Княземъ наполы; тако же и женка, иже иметь красти» (если и женщина украдетъ). «Аже мужъ крадеть бѣлые порты или полотна, портищи и понѣвы» (понявы) «тако же и женка, Епископу въ винѣ со Княземъ наполы. Свадебное и сговорное, бой, убійство и душегубство аже что чинится, платять виру Князю наполы со Владыкою. Аже мужа два бьеться, одинъ другаго укусить или одереть, Епископу 3 гривны. Аже мужъ бьеть чюжу жену, за соромъ ей по закону, а Епископу 6 гривенъ. Аже сынъ бьеть отца или матерь, да казнять его волостельскою» (гражданскою) «казнію, а Епископу въ винѣ. — Аже Чернецъ, или Черница, или Попъ, или Попадья, или проскурница (просвирница) впадуть въ блудъ, тѣхъ судити Епископу оприснь (опричь) міряпъ, и во что ихъ осудить воленъ. Аже Попъ или Чернецъ упьются безъ времени» (не вовремя) «Епископу въ винѣ. Аже Чернецъ или Черница растрижеться, Епископу въ винѣ, во что ихъ обрядить» (осудитъ). «А что дѣется въ домовныхъ людехъ и въ церковныхъ и въ монастырехъ, а не вступаються Княжи волостели въ то, а то вѣдають Епископли волостели, и *безатщина* ихъ» — (думаю, *беззадщина*, имѣніе человѣка умершаго, который не оставилъ наслѣдниковъ) — «Епископу идеть. — А кто уставленіе мое порушить» (нарушитъ) «или сынове мои, или внуцы мои, или правнуцы мои, или отъ рода моего кто, или отъ Бояръ, а порушить рядъ мой и вступиться въ суды Митрополичи, что есми далъ Митрополиту и Епископомъ по всѣмъ городомъ, по правиломъ Святыхъ Отецъ судивше казнити по закону; а кто иметься въ тѣ суды въ церковныя вступати, Крестьянско (Христіанское) имя не нареченться на томь, а отъ Святыхъ да будеть проклятъ.»

Въ *Указатель* напечатаны тутъ же сельскіе законы Греческіе (см. *Судебникъ*, издан. при Академіи. стр. 217), которыхъ нѣтъ въ спискахъ Ярославова Церковнаго Устава, и которые не имѣютъ съ нимъ ни малѣйшей связи. Сей подложный Уставъ не былъ еще извѣстенъ у насъ въ XIII вѣкѣ, ибо не вписанъ въ Софійскую Новогородскую книгу законовъ (см. выше, примѣч. 65) или Кормчую. Не говоря о многихъ другихъ его нелѣпостяхъ, замѣтимъ слѣдующую: вѣроятно ли, чтобы за брань, оскорбительную для жены Боярской, виновный платилъ 10 гривенъ (5 фунтовъ *золота*, когда убійца Боярина наказывался только осьмидесятью гривнами кунъ при Ярославѣ? Зажигатель гумна и дома, какъ уставлено въ *Правдѣ*, судился гражданскимъ судомъ; а здѣсь сказано, что онъ даетъ пеню Епископу. То же противорѣчіе въ законѣ о побояхъ и воровствѣ. *Архангельск. Лѣт.* сообщаетъ одно начало сего Устава съ прибавленіемъ: далъ есми Митрополитомъ и Епископомъ, и Попомъ, и Дьякономъ, свободу по всѣмъ градомъ; не емлють съ нихъ, ни съ ихъ людей, ни мытъ, ни явку, ни *тамгу*, ни восмьничья.» Сомнѣваюсь, чтобы слово *Тамга* употреблялось въ Россіи прежде нашествія Батыева.

(109) См. выше, примѣч. 50. Берега Угры и Протвы составляли часть Смоленскаго Удѣла (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 289, 291); также и городъ Торопецъ.

(110) Татищевъ сказалъ — а за нимъ Болтинъ и другіе повторили — что Стриковскій упоминаетъ о *Голядахъ*, обитавшихъ гдѣ-то въ Литвѣ: ни Стриковскій, ни Кояловичь не говорятъ объ нихъ ни слова. Имя Прусской *Галиндіи* есть весьма древнее (см. Гарткноха Alt und Neues Preußen); и въ Птолемеевой Географіи, между Европейскими Сарматами, находимъ Galindae. Уже Ярославъ Великій воевалъ въ Мазовіи, которая граничитъ въ Галиндіею. — Святославъ Ольговичь, по нашимъ лѣтописямъ, въ 1147 году *взялъ людъ Голядь вверхъ Поротвы* (въ *Никонов.* и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ поставлено *градъ* вмѣсто *людей).* Несторъ въ описаніи Славянъ Россійскихъ не упоминаетъ о *Голядахъ:* они могли быть переселенцами изъ Галиндіи.

(111) Татищевъ прибавляетъ отъ себя, что Князья плѣнили множество Торковъ и разселили ихъ по городамъ. — Въ Несторѣ о первомъ Всеволодовомъ походѣ (въ 1055 году) сказано такъ: «иде Всеволодъ на Торкы зимѣ къ *Воиню.*» Издатель Кенигсбергскаго списка напечаталъ: «иде *войною,*» не знавъ, что Воинемъ называлось мѣсто за Сулою (см. ниже). Въ другой разъ ходили Ярославичи на Торковъ въ 1060 году.

(112) Несторъ говоритъ по харатейнымъ спискамъ (въ *Никонов.* II, 14): «Кумани, рекше По-

ловцы.» Половцы есть Русское имя: нѣкоторые производятъ его отъ *поля*, другіе отъ *лова;* второе справедливѣе. Польское polow значитъ добычу. Половцы сами себя называли Capchat, какъ говоритъ путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ (см. его Voyages въ Бержерон. издан. стр. 26). Абульгази даетъ общее имя *Кипчакъ* всѣмъ народамъ обитавшимъ между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ или Ураломъ, и причисляетъ ихъ къ Татарамъ (см. его Hist. des Tat. 45, 47).

О сродствѣ Печенѣговъ съ Половцами см. печатн. Нестор. или *Рос. Библіот.* стр. 145. Анна Комнина пишетъ, что Печенѣги и Команы говорили однимъ языкомъ (Memor. popul. III, 908).

Объ Узахъ-Торкахъ см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90. Узы около 1050 года имѣли войну съ Печенѣгами, а въ 1065 году перешли за Дунай, опустошили землю Болгарскую, Македонію и часть Ѳракіи. Константинъ Дука хотѣлъ отразить ихъ; но свѣдалъ, что они, истребленные отчасти *голодомъ*, язвою, Печенѣгами и Болгарами, отступили за Дунай. Наконецъ Узы добровольно поддалися Императору, и въ царствованіе Романа Діогена и Алексія Комнина воевали подъ знаменами Греческими (Memor. popul. III, 938 — 947). — Обитая между Волгою и Дономъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, Узы въ нашествіи своемъ на Дунайскую Болгарію долженствовали захватить часть Россіи; а Несторъ около сего времени говоритъ о Торкахъ, сказывая, что они въ 1060 году ушли изъ Россіи и *погибли отъ голода:* то же говорятъ Византійскіе Лѣтописцы объ Узахъ.

Думаю, что Восточные Печенѣги изгнаны Половцами въ 1036 году; тогда они ворвались въ южную Россію, и будучи побѣждены Ярославомъ (см. выше), ушли въ Молдавію. Нѣкоторые изъ нихъ оставались еще между Половцами (см. ниже, прим. 218).

Въ печатн. *Несторѣ* стр. 14: «Половцы законъ держать отецъ своихъ кровь проливати, и хвалящеся о семъ, и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомеки и сусолы, и поимають мачехи своя и ятрови.» См. также Шлецер. Gesch. der Deutsch. in Siebenbürgen. 225. Въ Chron. Zwetl. сказано: Chomani (Половцы), gens immundissima, quae carnibus utebatur fere crudis pro cibo, et lacte equorum et sanguine pro potu. — Сраженіе Всеволода съ Половцами было 2 Февраля.

(143) Рѣка Волховъ шла вверхъ: Татищевъ замѣчаетъ, что сіе могло быть отъ причины весьма естественной; а именно, весною, отъ скопленія льду выше пороговъ. Волховъ дѣйствительно течетъ иногда обратно въ озеро Ильмень.

О Кометѣ см. Cométographie стр. 373. Несторъ упоминаетъ объ ней въ 1064 году: но кажется, что она являлась въ 1066.

Несторъ говоритъ, что младенца урода бросили въ *Сѣтомль:* см. выше, примѣчаніе 34. Далѣе: «его же *позоровахомъ* до вечера:» слѣдственно онъ жилъ тогда въ Кіевѣ.» Далѣе: «на лицѣ ему срамніи удове; иного не лзѣ сказати срама ради. И солнце не бысть свѣтло, но аки мѣсяцъ бысть, его же невѣгласи глаголють *снѣдаему сущю*» (и такъ сія басня о причинѣ затмѣній была тогда извѣстна въ Россіи).

Далѣе въ харатейныхъ спискахъ: Нарицающеся Хрестьяне, а погански живуще; се бо не погански ли живемъ? Аще бо кто усрящеть черноризца, *единицъ* ли, свинью ли, или конь *лысъ*, то взвращается. Се бо по Дьяволю наученью *кобь* сію держать. Друзіи же и зачиханью вѣрують, еже бываеть на здравіе главѣ . . . . . Дьяволъ льстить, преваблля ны отъ Бога трубами и скоморохи, гусльми и *русальче:* видимъ бо игрища утолочена и людей много множество, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоять (пусты). Егда же бываеть годъ (время) молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви,» и пр. *Единицами* не назывались ли Монахини? Сіе Греческое слово также происходитъ отъ Μονος. *Кобь* значитъ то же, что *кобленіе*, т. е. волхвованіе (оттуда происходитъ глаголъ *кобенить*, т. е. коверкать); *русалье* игрище. — Примѣту *лысыхъ* коней мы уже забыли; но другія и нынѣ извѣстны.

(144) Онъ умеръ въ 1063 году. — Здѣсь замѣтимъ хронологическое несогласіе въ харатейныхъ спискахъ. По *Суздальскому* или *Пушкинскому*, Вячеславъ умеръ въ 1058 году; Ярославичи освободили Судислава въ 1059; Игорь скончался и Торки погибли въ 1060; Половцы разбили Всеволода въ 1061. По *Троицкому* все годомъ ранѣе; но далѣе лѣтосчисленіе согласно: ибо въ *Пушкин.* означенъ мирнымъ только одинъ 1062 годъ, а въ *Троиц.* два: 1061 и 1062.

Замѣтимъ также разныя прибавки Никоновской и другихъ новѣйшихъ лѣтописей: «Изяславъ оставилъ въ Новѣгородѣ Посадникомъ Остромира — Татищевъ назвалъ его Стромиломъ — который въ 1054 году ходилъ на Чудь и былъ въ сраженіи убитъ непріятелями.» Остромиръ тогда дѣйствительно управлялъ Новымгородомъ. Лѣтопись Попа Іоанна упоминаетъ объ немъ и — что всего достовѣрнѣе — писецъ древняго Софійскаго Евангелія заключаетъ трудъ свой словами: Почахъ ѐ» (т. е. Евангеліе) «писати въ лѣто 6564 (1056), а оконьчахъ ѐ въ лѣто 6565. Написахъ же Евангеліе се рабу Божію наречену сущу въ крщеніи *Іосифъ*, а мірьскы *Остромиръ*, близоку (ближнему, свойственнику) «сущу Изяславову Князю. Изяславу же Князю тогда предръжящу обѣ власти, и отца своего Ярослава, и брата своего Володиміра. Самъ же Изяславъ Князь правляше столъ отца своего Ярослава Кыевѣ, а брата своего столъ поручи правити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ.» Сей писецъ, Діаконъ Григорій, желаетъ въ концѣ здравія Остромиру и подружію (т. е. супругѣ) его, Ѳеофанѣ, и чадамъ ея, подружіямъ чадъ ея, и проч. Вотъ явное доказательство, что Остромиръ былъ живъ въ 1057 году, и что *Никонов. Лѣт.* несправедливо говоритъ о его смерти въ 1054. Далѣе: 2) «Изяславъ въ томъ же году самъ (по *Воскресенск. Лѣт.* Остромиръ) пошелъ на Чудь и взялъ *Осекъ Кединивъ*» — въ другихъ спискахъ: *Кепедивъ*, *Декипивъ* — «или *Солнечную руку.*» Солнце по-Эстонски *пяѣвъ* или *пяйвъ*, рука *касси*. — 3) «Въ 1055 году Новогородскій Епископъ Лука былъ оклеветанъ своимъ холопомъ Дудикомъ въ непристойныхъ рѣчахъ. Митрополитъ Кіевскій, Ефремъ» — объ немъ совсѣмъ не упоминается въ Несторѣ — призвавъ Луку въ Кіевъ, осудилъ его, будучи обманутъ клеветникомъ и товарищами его, Демьяномъ и Козмою: но черезъ три года Епископъ оправдался, а Дудикъ, которому отрѣзали носъ и обѣ руки, ушелъ къ Нѣмцамъ. Лука умеръ на возвратномъ пути изъ Кіева въ Новгородъ.» А въ лѣтописи Попа Іоанна сказано, что онъ снова управлялъ тамошнею Церковію. — 4) «Въ 1059 году Изяславъ воевалъ съ какими-то Ссолами» — въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: съ *Колыванцами*, или нынѣшними Ревельцами — «и велѣлъ имъ платить въ казну 2000 гривенъ; но сіи люди изгнали собирателей дани, и пожгли около Юрьева *города* и *хоромы*. Наконецъ Псковичи и Новогородцы сразились съ ними: Россіянъ убито 1000, а Ссоловъ безчисленное множество.» Ни совре-

*

238

менный Лѣтописецъ, ни древній Новогородскій не упоминаютъ о семъ народѣ. Означеніе дани также весьма сомнительно. Кадлубекъ говоритъ о *Солодамистахъ*, Длугошъ о *Слонцахъ*, Кромеръ о *Солингахъ*, обитавшихъ въ Литвѣ или на границахъ Пруссіи. Въ Ливоніи была область Saccala (см. Liefländ. Chron. издан. Груберомъ, стр. 69). 5) «Въ 1060 году поставленъ Епископъ Новогородскій Стефанъ, котораго черезъ 8 лѣтъ задавили свои холопи на пути въ Кіевъ.» — Въ *Воскресен. Лѣт.* сказано, что Ярославичи по смерти Игоря раздѣлили Смоленскъ на три части.

(115) Татищевъ даетъ ему, по смерти отца, Ростовъ и Суздаль, а по смерти Игоря, Владиміръ Волынскій, говоря, что сей Князь, не будучи доволенъ своимъ удѣломъ, завоевалъ Тмуторокань. Но во многихъ спискахъ Нестора именно сказано, что Ростиславъ бѣжалъ изъ Новагорода. Болтинъ укорялъ К. Щербатова и тѣмъ, что сей Историкъ вѣрилъ лѣтописямъ болѣе, нежели Татищеву.

(116) Въ Несторѣ: «Ростиславъ же отступи кромѣ (вонъ) изъ города, не убоявся его, но не хотя противу стрыеви (дяди) оружья взяти.» — Татищевъ пишетъ, что въ томъ же 1064 году Изяславъ разбилъ 12,000 Половцевъ на *Сіовскѣ*: что такое Сіовскъ? Былъ городъ Сновскъ, на рѣкѣ Сновѣ. Не Изяславъ, но Святославъ (какъ увидимъ ниже) разбилъ Половцевъ, и не въ 1064, а въ 1068 году.

(117) См. Дю-Канжа Glos. ad Script. med. Graec. и med. Latin. подъ словомъ Κατεπάνω и Catapanus. — Татищевъ пишетъ отъ себя: «Ростиславъ, *Князь Владиміра* и *Червени*, бралъ дань отъ Косоговъ и Ясъ, его же убоявся, Греки послали Катопана,» и проч. Ему хотѣлось, кажется, чтобы Ростиславъ умеръ въ Галиціи или Волыніи: ибо онъ не именуетъ здѣсь Тмутороканя. Сей Историкъ прибавляетъ еще, что Херсонцы убили Катапана, *боясь мщенія отъ Русскихъ*. — Несторъ такъ повѣствуетъ о смерти несчастнаго Князя: «Пьющу Ростиславу съ дружиною своею, и рече Котопанъ: *Княже! хочю на тя пити.* Оному же рекшю: *пій*. Онъ же испивъ половину, а половину дасть Князю пити, *дотиснувся пальцемъ* въ чашю: бѣ бо имѣя *подъ ногтемъ* раствореньe смертное.» — Когда злодѣй, будучи уже въ Херсонѣ, объявилъ день Ростиславовой смерти, то ясно, что сей городъ находился не далеко отъ Княженія Тмутороканскаго; въ пять или шесть дней онъ не могъ бы доѣхать до Севастополя изъ Рязани, ни съ береговъ Ворсклы, гдѣ Татищевъ и Болтинъ искали Тмутороканя. — Былъ еще городокъ сего имени въ области Кіевской: по крайней мѣрѣ въ описаніи городовъ Русскихъ, включенномъ въ разные списки Нестора (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 20) сказано: «на Днѣпрѣ Кіевъ, Вышегородъ, Мирославицы, *Тмуторокань*.» Впрочемъ Авторъ могъ здѣсь имѣть въ мысляхъ и древній Боспорскій городъ, знавъ только его имя по лѣтописямъ XI вѣка. Сей географическій отрывокъ достоинъ примѣчанія, хотя онъ писанъ уже въ то время, когда въ Москвѣ были *каменныя стѣны*: слѣдственно не ранѣе XIV вѣка.

Ростиславъ положенъ въ Тмутороканской, созданной Мстиславомъ церкви Святыя Богородицы. Татищевъ пишетъ, что онъ былъ ростомъ *средній*, вмѣсто *лѣпъ*, и прибавляетъ еще, что «Княгиня его хотѣла уѣхать съ дѣтьми, по смерти мужа, въ *Венгерскую землю къ отцу своему*, и что Изяславъ не далъ ей дѣтей, а самой ѣхать не запретилъ.» Ни слова въ лѣтописяхъ; и мы не знаемъ, на комъ былъ женатъ Ростиславъ.

(118) Несторъ говоритъ въ 1064 году: «Всеславъ же въ се лѣто рать почалъ.» Въ Псковской Синодальной лѣтописи (No. 349. л. 166) сказано, что Всеславъ въ 1065 году осаждалъ Псковъ: «много тружався съ многыми замысленіи и пороками» (стѣнобитными орудіями) «шибавъ, отъиде, ничтоже успѣвъ.» — О ненависти Полоцкихъ Князей къ роду Ярославичей см. въ печатн. *Несторѣ* стр. 186.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора: «Матери бо родивши, бысть ему (Всеславу) язвено на главѣ его; рекоша бо волсви матери его: *се язвено: наважи нань, да носить ѐ до живота своего* — еже *носить Всеславъ и до сего дне* на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопролитье.» И такъ Всеславъ, умершій въ 1101 году, былъ еще живъ, когда Несторъ сочинялъ свою лѣтопись.

Всеславъ взялъ Новгородъ, по харатейнымъ спискамъ Нестора, въ 1067 году, а по древней Новогородской лѣтописи въ 1066. Въ послѣдней сказано: «и колоколы съима у Святыя Софіи. О! великая бяше бѣда въ часъ тый! и паникадила съима!» Кажется, что въ Новѣгородѣ начальствовалъ тогда сынъ Великаго Князя Мстиславъ, который, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ. Сіе можно заключить изъ слѣдующаго мѣста одной краткой лѣтописи XV вѣка (въ Синодальн. библіот. No. 349): «въ Новѣгородѣ Изяславъ посади сына своего, Мьстислава и побѣдиша и́ на Черехѣ, и бѣжа къ Кыеву, и по взятіи града преста рать.» То же и въ лѣтописи Попа Іоанна (стр. 312).

Въ харатейныхъ о взятіи Минска: «а жены и дѣти *вдаша на щиты*.» *Взять на щитъ* значило *плѣнить*. Сіе выраженіе было весьма употребительно: также и другое: «взять городъ копьемъ,» то есть, приступомъ (см. въ печатн. *Нест.* страница 61).

Лѣтописецъ называетъ рѣку Нѣменъ Немизою. — Далѣе: «и тако яша Всеслава на Рши у Смоленска.» Татищевъ прибавляетъ, что *Святославъ* далъ совѣтъ обмануть Всеслава.

(119) Несторъ говоритъ здѣсь, что Богъ наводитъ *иноплеменниковъ* на землю грѣшныхъ, а войны *междоусобныя* бываютъ отъ Діавола: не льзя сильнѣе и короче выразить ужаса послѣднихъ.

Здѣсь видимъ, что Князья, выходя въ поле, раздавали оружіе и коней воинамъ.

Далѣе Несторъ пишетъ: «Нача людіе корити на Воеводу на Коснячка; идоша на гору съ Вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля, и рекоша: *пойдемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба*; а половина ихъ иде по мосту. Си же придоша на Княжь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ съ дружиною своею, начаша прѣтися со Княземъ, стояще долѣ (внизу). Князю же изъ оконца зрящю, и дружинѣ стоящю (стоящей) у Князя, рече Тукы, братъ Чюдинъ, Изяславу: *видиши, Княже, людье взвыли: посли*, атъ (да) *Всеслава блюдутъ*. И се ему глаголющу, другая половина людій приде отъ погреба, отворивше погребъ, и рекоша дружина *Князю: се зло есть: посли ко Всеславу, атъ* призвавше лестью ко оконцю *пронзуть й мечемъ*. И не послуша сего Князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю,» и проч. Народъ отворилъ *сперва* городскую темницу, именуя заключенныхъ въ ней *дружиною своею*, а *послѣ* вздумалъ освободить и Всеслава. Наши Историки не такъ понимали сіе мѣсто. — Въ лѣтописи сказано, что заключенный Всеславъ въ день Воздвиженія *Креста* (14 Сентября) усердно молилъ его о своемъ избавленіи, которое и случилось на другой день, въ наказаніе Изяславу, преступившему клятву и *крестное* цѣлованіе. — Здѣсь

въ *Кенигсберг.* годы означены несправедливо; слѣдую харатейнымъ.

(120) Въ печатномъ Кіевскомъ Патерикѣ, въ житіи Св. Никона, сотрудника Антоніева (см. ниже), сказано, что «Никонъ, по смерти Ростислава ходивъ изъ Тмуторокана въ Черниговъ, упросилъ Святослава Ярославича снова отправить туда сына своего, Глѣба,» который дѣйствительно княжилъ въ Воспорской области черезъ два года по кончинѣ Ростислава. Въ царствованіе Екатерины Великой найденъ между развалинами древняго Тмуторокания, или Фанагоріи, мраморный камень съ надписью: «въ лѣто 6576 (1068), Индикта 6, Глѣбъ Князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Кърчева (Керчи) 10,000 и 4000 (то есть, 14,000) *саженъ»* (см. *Изслѣдованіе о Тмутороканѣ* стр. 58 и *Письмо о Тмутороканскомъ камнѣ* А. Н. Оленина). Сей камень хранится тамъ и нынѣ.

(121) Длугошъ называетъ ее Вышеславою, «единственною дочерью Князя Россійскаго, которой по наслѣдству принадлежала большая часть Россіи» (Principis Russiæ filia, patris sui unica, cui magna pars Russiæ ex successione paterna debebatur). Кромеръ (стр. 56) говоритъ, что имя родителя ея неизвѣстно (cujus non extat nomen). Губнеръ въ своихъ генеалогическихъ таблицахъ вздумалъ назвать сію Княжну дочерью *Выслава*, сына Ярославова, Князя Владимірскаго, котораго не бывало. Ломоносовъ написалъ имя *Вячеслава* вмѣсто *Выслава.* Татищевъ, знавъ Кромера по Русскому переводу, не хотѣлъ оставить читателей въ недоумѣніи, и говоритъ въ своей Исторіи: «сего году (1065) выдана Вышеслава, дочь *Святослава* Черниговскаго, за Болеслава Польскаго.» — Не знаю также, гдѣ сей Историкъ нашелъ, что въ 1067 г. умерла *Княгиня Всеволодова.*

(122) Щербатовъ говоритъ за Стриковскимъ, что народъ встрѣтилъ Изяслава въ *тридцати верстахъ* отъ столицы. — Несторъ пишетъ: «и сѣде Всеславъ въ Кыевѣ мѣсяцъ семь.» Изяславъ ушелъ Сентября 15, а возвратился въ столицу Маія 2: слѣдственно черезъ 7 мѣсяцевъ и 16 дней. — Стриковскій разсказываетъ, что Князья Литовскіе, Кернъ и Гимбутъ, пользуясь несчастіемъ Россіи, утѣсненной тогда Болеславомъ и Половцами, опустошили ея предѣлы, и завоевали Бряславль въ области Князя Полоцкаго. Никто изъ современныхъ Лѣтописцевъ не говоритъ о томъ. Кернъ и Гимбутъ никогда не существовали. Имена городовъ и мѣстъ служили поводомъ къ изобрѣтенію сказки о древнихъ Князьяхъ Литовскихъ (см. выше, прим. 35).

(123) Длугошъ, Hist. Pol. кн. III, стр. 265, Кромер. стр. 57, Наруш. II, 401. Они несправедливо говорятъ, что Болеславъ *взялъ* Перемышль: ибо въ семъ городѣ и послѣ того, какъ увидимъ, властвовали Князья Россійскіе. Несправедливо также, чтобы Король прожилъ цѣлый годъ въ Кіевѣ: онъ вступилъ въ нашу столицу 2 Маія, а въ Мартѣ, съ котораго начался новый годъ, Поляковъ уже тамъ не было. Длугошъ описываетъ сію войну по извѣстіямъ Несторовымъ, украшая ихъ собственными вымыслами. Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ (первый на стр. 71, второй стр. 659) разсказываютъ только, что Болеславъ, довольствуясь славою побѣды, возобновилъ на вратахъ Кіевскихъ *зарубку* своего прадѣда (см. выше, примѣч. 15) и *выбралъ Князя для* Россіянъ, который звалъ Болеслава къ себѣ въ гости, обѣщая дать ему столько *талантовъ* или *марокъ золота*, сколько шаговъ ступитъ его конь на семъ переѣздѣ; что Болеславъ, вошедши къ нему во дворецъ, схватилъ Князя за бороду, и въ знакъ особенной милости едва не выдралъ ее, говоря Боярамъ Россійскимъ: *вотъ страшная голова, которой вамъ надобно бояться! вотъ человѣкъ, отъ насъ удостоенный чести!*

(124) Въ харат. *Новогород. Лѣт.* сказано, что въ сіе время сгорѣло *Подоліе;* однакожь не въ Кіевѣ, а въ Новѣгородѣ, коего часть также называлась Подоломъ.

(125) Въ харат. *Новогород.*: «Мѣсяца Октября въ 23 (г. 1069) на Святаго Якова брата Господня, въ Пятничю, въ час 6 дни, опять приде Всеславъ къ Новугороду. Новогородци же поставиша полкъ противу ихъ у звѣринця на *Къземли.* И пособи Богъ Глѣбу Князю съ Новогородци. О! велика бяше сѣця (сѣча) Вожаномъ! и паде ихъ безчисльное число; а самого Князя отпустиша Бога дѣля; а на заутріе обрѣтеся крестъ честный Володимірь у Святѣй Софіи, при Епископѣ Ѳедорѣ.» Въ 1069 году Октября 23 было дѣйствительно въ Пятницу. — Въ Никоновской и въ другихъ поставлено: *на Гзени,* вмѣсто: на *Кземли;* у Татищева: «на рѣкѣ *Визени.*» Сраженіе было подъ самымъ Новымгородомъ, гдѣ нѣтъ никакой *рѣки Визени. Кземлею* называлось урочище подлѣ городскаго звѣринца. — Въ 1068 году Глѣбъ княжилъ еще въ Тмутороканѣ (см. выше, примѣч. 120). Вѣроятно, что Святославъ (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 312) по изгнаніи Великаго Князя отправилъ Глѣба въ Новгородъ, чтобы не дать сей области хищнику Всеславу. — Князь Полоцкій, ограбивъ въ 1066 году Софійскую церковь, взялъ тамъ и крестъ Владиміра Ярославича: Новогородцы отняли сей крестъ у побѣжденнаго. — *Вожанами* или *Водью* назывались Чудскіе жители нынѣшней Ораніенбаумской Округи, принадлежавшей Новугороду: они, какъ видно, потеряли много людей въ сраженіи.

Въ 1069 году заложена была церковь Св. *Михаила* въ Кіевскомъ Выдубецкомъ монастырѣ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 459) названномъ послѣ *Всеволодовымъ.*

Мстиславъ Изяславичь умеръ въ 1069 году. — Ярополкъ побѣдилъ Всеслава у *Голотичьска:* въ географическомъ отрывкѣ XIV или XV вѣка (см. выше, примѣч. 117) сей городъ именованъ подъ надписію Литовскихъ. На рѣкѣ Нѣменѣ, въ Литовской Губерніи, есть нынѣ мѣстечко *Олита.* — Татищевъ говоритъ, что Ярополкъ *овладѣлъ* и городомъ Полоцкимъ; но тамъ княжилъ Всеславъ до самой кончины.

Далѣе: «воеваша Половци у *Растовця* и у *Неятина».* Татищевъ пишетъ: «у Ростовца и Снятина на рѣкѣ Сулѣ.» Снятинъ былъ конечно на Сулѣ: но это совсѣмъ другой городъ. Въ географическомъ, вышеупомянутомъ отрывкѣ сказано: «на *Деснѣ* Черниговъ, Омѣльники, Сновескъ, Брянечьскъ, *Рястовечь, Неятинъ,* Новгородъ Сѣверскій,» и проч. Города по Деснѣ и Сулѣ были построены Владиміромъ Великимъ.

(126) Въ харат. *Новогород. Лѣт.* сказано, что мощи Бориса и Глѣба были тогда перенесены съ Альты; но онѣ уже давно лежали въ Вышегородѣ, по извѣстію Нестора.

Съ Митрополитомъ Георгіемъ были тамъ Епископы Переяславскій Петръ, Неофитъ Черниговскій, Никита Бѣлогородскій (см. *Воскресен. Лѣт.),* Михаилъ Юрьевскій, и многіе Игумены: Ѳеодосій Печерскій, Софроній Михайловскій, Германъ Спасскій, Николай Переяславскій и другіе. *Никон. Лѣт.* именуетъ здѣсь Іоанна, Епископа *Хелмскаго;* но тогда не было еще и города Хельма или Холма, основаннаго Даніиломъ Галицкимъ въ XIII вѣкѣ.

Несторъ пишетъ, что «Митрополитъ Георгій худо вѣрилъ святости новыхъ Мучениковъ; но когда открыли Борисову деревянную раку, вся цер-

ковь исполнилась благоуханія, и Георгій, объятый *ужасомъ*, палъ ницъ, моля Святыхъ Угодниковъ простить ему невѣріе. Ярославичи цѣловали Борисовы мощи и переложили въ каменный гробъ. Глѣбова каменная рака остановилась въ дверяхъ; народъ воскликнулъ: *Господи помилуй!* и въ ту минуту она прошла свободно». Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора (см. *Воскресен. Лѣт.* I, 205) находится слѣдующее обстоятельство: «Митрополитъ рукою Св. Глѣба благословилъ Князей. Святославъ прикладывалъ оную къ головѣ, глазамъ и къ вереду, бывшему у него на шеѣ. Въ то время, какъ пѣли Литургію, сей Князь почувствовалъ у себя что-то на головѣ, и снялъ *клобукъ* свой. Вельможа, именемъ Бернъ, увидѣлъ на ней ноготь Глѣбовъ, и подалъ его Святославу, который съ великою радостію принялъ такую святыню.» Слѣдственно Князья, вмѣсто короны, носили *клобуки* и не снимали ихъ въ церкви? — Въ *Воскр. Лѣт.* прибавлено, что съ того времени *утвердился* въ Россіи праздникъ Бориса и Глѣба, 2 Мая.

Житіе Бориса и Глѣба описано, вмѣстѣ съ житіемъ Владиміра и Ѳеодосія Печерскаго, въ самыхъ древнихъ харатейныхъ Прологахъ, гдѣ нѣтъ ни слова даже о Св. Ольгѣ, ни слова о Св. Антоніи Печерскомъ. Бандури пишетъ, что самые Уніаты чтутъ сихъ братьевъ-мучениковъ Святыми (см. его Animadvers. in lib. Const. Porph. de Adm. стр. 116) — «вмѣстѣ съ Ольгою и Владиміромъ,» прибавляетъ Ассемани (Kalend. I. U. IV, 52). Въ обыкновенныхъ Уніатскихъ мѣсяцесловахъ я не нашелъ Россійскихъ Святыхъ; къ Греческимъ прибавленъ тамъ одинъ Іоасафатъ, Архіепископъ Полоцкій, *убіенный*, какъ сказано, *отъ распролюбныхъ враговъ:* симъ именемъ они величаютъ насъ Православныхъ. Но въ концѣ Требника ихъ, въ *Соборникѣ дванадесяти мѣсяцей*, дѣйствительно поставлены Св. Борисъ, Глѣбъ, Владиміръ, Антоній и Ѳеодосій (Ольги нѣтъ).

(127) «Святославъ же и Всеволодъ внидоста въ Кыевъ мѣсяца Марта 22, и сѣдоста на столѣ на *Берестовомъ*,» т. е. въ загородномъ дворцѣ Кіевскомъ; а Татищевъ говоритъ, что они въ слѣдъ за Изяславомъ ходили съ войскомъ къ *Берестью*, т. е. въ Брестъ. Также несправедливо пишетъ онъ, что въ семъ же году *освящена* церковь Печерская. Слова Лѣтописца: «*основана* бысть церковь Печерская Игуменомъ Ѳеодосьемъ и Епископомъ Михаиломъ (Юрьевскимъ?): Митрополиту Георгію тогда сущу въ Грьцѣхъ.»

(128) Ламбертъ Ашаффенбургскій говоритъ о томъ въ описаніи 1075 году, а Зигбертъ Гемблурскій (Gemblacensis) въ 1073. По извѣстію перваго, Изяславъ (Ruzenorum Rex, Demetrius nomine) видѣлся съ Генрикомъ въ исходѣ Декабря или въ Генварѣ, и былъ порученъ отъ Императора Саксонскому Маркграфу Деди. — Зигбертъ именно говоритъ, что Великій Князь обѣщалъ Генрику признать себя его данникомъ (se et regnum Russorum ei submittens, si ejus auxilio restitueretur), ежели онъ возвратитъ ему престолъ.

Ламбертъ называетъ Бурхарда братомъ супруги Князя Россійскаго, Изяславова гонителя, женатаго, по мнѣнію Траера, на Одѣ, дочери Леопольда, Графа Штадскаго, и сестрѣ Бурхардовой, или, по мнѣнію Реника, на Кунигундѣ, дочери Оттона, Графа Орламиндскаго. Реникъ *предполагаетъ*, что Ламбертъ ошибся: ибо Кунигунда была не *сестра*, а *племянница* Бурхарду. Мы признаемъ супругою Одинымъ Вячеслава (см. выше, примѣч. 48). Ошибка Ламбертова состоитъ единственно въ томъ, что Изяслава выгнали другіе братья, а не шуринъ Бурхардовъ, давно умершій.

Татищевъ по своему раздѣлилъ государство, и пишетъ смѣло, что Святославъ отдалъ Всеволоду Черниговъ, Борису, *сыну* своему *(племяннику*, какъ увидимъ) Вышегородъ, Глѣбу Переяславль, Давиду Новгородъ, Олегу Ростовъ. Лѣтописецъ не говоритъ о томъ; въ Кіевскомъ же Патерикѣ (листъ 54) именно сказано, что Святославъ, по изгнаніи брата, сѣлъ въ Кіевѣ на престолѣ, а Всеволодъ возвратился въ Переяславль.

(129) Ламбертъ: tantum regi deferens auri et argenti, et vestium *(одеждъ*, но вѣроятнѣе *паволокъ)* preciosarum, ut nulla retro memoria tantum regno Teutonico uno tempore illatum referatur. Послы Генриковы, видя драгоцѣнности Государя Кіевскаго, сказали: «сего суть *кметье*» (не *сметье)* «луче.» *Кметье* есть дружиня: см. T. III, примѣч. 268, 272.

(130) Quorum unus vester notus est et fidus amicus: вѣроятно, знаменитый духовный чиновникъ, коего Изяславъ могъ узнать въ Польшѣ. Сіе письмо напечатано въ Барон. Annal. Eccl. T. XI, стр. 472. Вотъ важнѣйшее мѣсто подлинника: Filius vester, limina Apostolorum visitans, ad nos venit, et quod regnum illum dono S. Petri per manus nostras vellet obtinere, eidem Beato Petro debita fidelitate exhibita, devotis precibus postulavit, indubitanter asseverans, illam suam petitionem vestro consensu ratam fore ac stabilem, si Apostolicæ authoritatis gratia ac munimine donaretur. Cujus votis et petitionibus, quia justæ videbantur, tum ex consensu vestro, tum ex devotione poscentis, tandem assensum praebuimus, et regni vestri gubernacula sibi ex parte Beati Petri tradidimus, и проч.

Григоріево къ Болеславу письмо, отъ 12 Мая, есть 73 въ Epist. Greg. VII, кн. 2. Папа именно говоритъ о деньгахъ или сокровищахъ: pecunia quam Regi Russorum abstulistis. Нѣтъ ни слова о земляхъ и городахъ, какъ нѣкоторые пишутъ.

(131) Здѣсь Татищевъ разсказываетъ множество подробностей, будто бы взятыхъ имъ изъ Нестора. «Князь Чешскій (говоритъ онъ), слыша, что Россіяне соединились съ Поляками, заключилъ миръ съ Королемъ *Владиславомъ* (развѣ Болеславомъ?) чрезъ Воеводу своего, *Лопату*, и далъ ему 1000 гривенъ серебра. *Владиславъ* (опять таже ошибка въ имени) объявилъ Россійскимъ Князьямъ, что онъ не хочетъ воевать съ Богемскимъ Герцогомъ, а желаетъ итти на Поморянъ и Пруссовъ. Но Владиміръ и Олегъ сказали: *мы враги Чехамъ, а не Пруссамъ; не остыдимъ своихъ отцевъ и не возвратимся безъ мира* — пошли въ Богемію и завоевали Глацъ. Вратиславъ, тогдашній Герцогъ Богемскій, прислалъ ко Владиміру брата своего, Епископа, и многихъ Вельможъ съ дарами. Князья взяли 1000 гривенъ серебра и благополучно возвратились въ отечество.» Въ лѣтописяхъ нѣтъ о томъ ни слова.

Самъ Владиміръ Мономахъ въ *Духовной* своей (стр. 32) пишетъ слѣдующее: «идохъ Переяславлю (къ) отцю, а по Велицѣ дни Володимерю *на сутейску*» (на границу?) «*мира творить съ Ляхы;* оттуда» (изъ Переяславля) «пакы на лѣто Володимерю опять. Та посла мя Святославъ въ Ляхы; ходивъ *за Глоговы*» (Глогау въ Силезіи) «до Чешскаго лѣса; ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяца; и въ то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее, Новгородское» — т. е. сынъ Мстиславъ, Князь Новогородьскій — «та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю; та же Турову.» Мстиславъ и по *Кіевск. Лѣт.* родился въ 1076 году.

Нарушевичь, согласно съ Длугошемъ, относитъ войну Богемскую къ 1062 году. Мартинъ Галлусъ не означаетъ времени; но Каллубекъ говоритъ объ ней уже гораздо послѣ войны Россійской, бывшей въ 1069 году. Ламбертъ Ашаффенбургскій

пишетъ, что Герцогъ Польскій — такъ онъ называетъ Болеслава — тревожилъ землю Чешскую въ 1073 году (см. Гебгарди Gesch. des R. Böhm. кн. VII, 390). Извѣстіе Нестора всего достовѣрнѣе.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома изд. 1819 года): Въ Красноставскомъ Повѣтѣ, на древнихъ предѣлахъ Волыніи, существуетъ и нынѣ деревня *Сутескъ* (см. также примѣч. 192). *(Сообщено З. Ходаковскимъ.)*

(132) «Преставися Святославъ мѣсяца Декабря въ 27 день, отъ *рѣзанья желвве*, и положенъ Черниговѣ у Св. Спаса, и сѣде по немъ Всеволодъ на столѣ мѣсяца Генваря.» Татищевъ пишетъ, что Святославъ умеръ отъ *чирьевъ*. Желвію называлась всякая затвердѣлость: отъ сего слова происходитъ *железа* и *желвакъ*.

Въ библіотекѣ Воскресенскаго, Новоіерусалимскаго монастыря нашелся *Сборникъ*, писанный въ 1073 году повелѣніемъ сего Князя въ листъ на пергаминѣ, въ два столбца. На оборотѣ перваго листа изображено красками и золотомъ семейство Святослава: сыновья, супруга его и самъ онъ: надъ ними имена: *Глѣбъ, Ольгъ, Давыдъ, Романъ, Ярославъ, Княгыни, Святославъ*. Меньшій сынъ (Ярославъ) представленъ младенцемъ: другіе, взрослыми; отецъ съ усами. На всѣхъ длинные кафтаны съ поясомъ; на головахъ высокія синія шапки; на Княгинѣ покрывало: на Святославѣ шапка отличная, не столь высокая; Княжеская мантія сверхъ кафтана и сапоги зеленые. Вверху надпись золотомъ: «желанія сердца моего, Господи, не прѣзьри, нъ пріими ны вся и помилуй ны;» а на оборотѣ втораго листа, въ фигурномъ четвероугольникѣ: «Великый въ Князихъ Князь Сватославъ въжделаніемь зѣло въжделавъ дьржаливый Владыка бявити покръвеныя разумы въ глубинѣ многострѣпътьныхъ (многотрудныхъ?) сихъ книгъ прѣмудраго Василія въ разумѣхъ, повелѣ мнѣ немудровѣдію премѣну сътворити рѣчи инако, набъдяща» (наблюде, наблюдая) «тожьство разумъ его, яже акы бьчела» (пчела) «любодѣльна съ всякого цвѣта псанію» (писанія) «събравъ акы въ единъ сътъ» (сотъ) «въ вельмысльное сердце свое, проливаетъ акы сътъ сладъкъ изъ устъ своихъ предъ Боляры на въразумѣніе тѣхъ мысльмъ, являяся имъ новый Птоломей, не вѣрою, нъ желаніемъ паче, и сбора дѣля многочьстьныихъ божествьныхъ кънигъ всѣхъ, ими же и своя клѣти испълнь, вѣчьную си память сътвори, еже памяти вину въсприяти.» На 4 листѣ съ конца такое послѣсловіе: «А коньць всѣмъ книгамъ. Оже ти собѣ не любо, то того и другу не твори. Въ лѣто 6581 (1073) написа Іоаннь Диакъ изборникъ съ великууму Князю Святославу.» Въ сей рукописи вмѣсто Щ употребляются Ш и Т; на примѣръ: *аште избавляюште, хотяште*. Листовъ въ книгѣ 264, а статей во второй половинѣ 189; послѣдняя есть: *лѣтописьць вькратьць отъ Августа даже и до Константина и Зоя, Царь Грьчьскыихъ*. Любопытна только древность слога.

Объ Изяславѣ говоритъ Несторъ: «пойде съ Ляхи; Всеволодъ же пойде противу ему.» Ежели бы самъ Король вторично приходилъ съ Изяславомъ, то Лѣтописецъ безъ сомнѣнія, какъ и прежде, упомянулъ бы объ немъ. Вѣроятно, что Болеславъ только позволилъ Великому Князю набрать охотниковъ. Но здѣсь Длугошъ обрадовался случаю выдумать цѣлую исторію къ мнимой чести Короля своего, и разсказываетъ, какъ Болеславъ завоевалъ всю Волынію, и взялъ аманатовъ отъ *Владимірскаго Князя Игоря* (умершаго за 17 лѣтъ передъ тѣмъ); какъ, собравъ *Префектовъ, Трибуновъ, Центуріоновъ* и рядовыхъ своихъ воиновъ, сильною рѣчью оживилъ ихъ мужество, разбилъ Всеволода, осадилъ Кіевъ; какъ въ столицѣ нашей сдѣлался моръ; какъ послы Русскіе низко кланялись Болеславу; какъ онъ въ *другой разъ* завладѣлъ Кіевомъ, и впалъ тамъ въ гнусный порокъ самаго неумѣреннаго сластолюбія, in spurcissimum Sodomiæ scelus, Rhuthenorum detestabiles mores imitatus, и проч. и проч. Кромеръ и Нарушевичь повторяютъ Длугошеву басню. Не имѣю нужды говорить здѣсь о другой, весьма старой, взятой изъ Геродота, Трога Помпея или Юстина, о рабахъ Польскихъ (вмѣсто Скиѳскихъ), которые въ отсутствіе господъ своихъ женились на ихъ супругахъ и дочеряхъ: то же самое разсказывали у насъ о холопяхъ Новогородскихъ (см. Т. I, примѣч. 458). Добродушному читателю остается жалѣть о бѣдныхъ Историкахъ, которые съ важностію и велерѣчіемъ описываютъ такія происшествія.

(133) «Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца Маія 4 день, и бысть княженія его 8 дній, и бѣжа.» Татищевъ и другіе называютъ Бориса сыномъ Святослава: ошибка важная, ибо сей Князь достопамятенъ по крайней мѣрѣ своею гордою смѣлостію. Не только въ харатейныхъ спискахъ, но и въ другихъ новѣйшихъ, въ самомъ печатномъ Никоновскомъ, въ самой Родословной Книгѣ онъ названъ Борисомъ *Вячеславичемъ*, т. е. сыномъ Вячеслава, Смоленскаго Князя, умершаго въ 1057 году. — Далѣе Татищевъ прибавляетъ, что Владиміръ Мономахъ *выгналъ* Бориса изъ Чернигова; что Царь Греческій Михаилъ требовалъ помощи отъ Князей Россійскихъ; что Мономахъ ходилъ на Херсонцевъ; что Михайлъ тогда *умеръ*, а Никифоръ восшелъ на престолъ Византійскій.» Михаилъ тогда не умеръ, а былъ постриженъ, и Никифоръ сдѣлался Императоромъ не въ 1076, а въ 1078 году. Г. Сестренцевичь повторилъ сказаніе Татищева (Hist. de la Tauride, I, 308), воображая, что оно взято изъ лѣтописей.

Въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна (стр. 312) сказано, что Новогородцы *выгнали* Глѣба, и что онъ, *бѣжавъ* за Волокъ, былъ тамъ убитъ Чудью — а Татищевъ говоритъ: «Емью.» Тѣло Глѣба погребено въ Черниговѣ Іюля 23, за церковію Спаса, близъ могилы Святославовой. Въ житіи Никиты Печерскаго (Патер. л. 115) написано, что сей затворникъ угадалъ день Глѣбовой смерти и велѣлъ объявить о томъ Изяславу.

(134) Въ *Духовной Мономаха*, стр. 33: «И Святославъ умре и язъ пакы Смолиньску, а (изъ) Смолиньска *той же зимѣ* та къ Новугороду, на весну Глѣбови въ помочь» — воевавшему тогда, можетъ быть, съ сосѣдственною Чудью — «а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ, и на *другую зиму* съ Святополкомъ подъ Полтескъ, и ожгоша Полтескъ. Онъ иде Новугороду, а язъ съ Половци на *Одрьскъ*» — описка вмѣсто *Дрьютескъ*, бывшій городъ Друцкъ на рѣкѣ Друцѣ въ Минской Губерніи — «а та Чернигову. И пакы къ отцю придохъ Чернигову, и *Олегъ приде изъ Володимеря выведенъ*, и возвахъ й къ собѣ на обѣдъ съ отцемъ въ Черниговѣ на краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривень золота» — то есть, 150 Фунтовъ; но сіе число, означенное въ подлинникѣ буквою Т, кажется мнѣ сомнительнымъ; а другихъ списковъ Владимірова завѣщанія мы не имѣемъ. — Ежели Святославъ умеръ въ Декабрѣ 1076 году, то Владиміръ въ 1077, *весною*, ходилъ въ Новгородъ ко Глѣбу (еще до прибытія Изяслава, за годъ до Глѣбовой смерти); въ томъ же 1077 году, *лѣтомъ*, въ область Полоцкую со Всеволодомъ, въ Іюлѣ или въ Августѣ, когда уже

240

Изяславъ возвратился; а *зимою* въ 1078 съ Святополкомъ, который оттуда отправился въ Новгородъ, чтобы заступить мѣсто Глѣба, въ семъ году убитаго. Олегъ, по сказанію Нестора, бѣжалъ изъ Чернигова въ Апрѣлѣ 1078 года, и могъ обѣдать у Владиміра или въ концѣ зимы, или въ началѣ весны.

(135) Несторъ именуетъ Ивана Жирославича, Тукія, Чюдина брата, и Порѣя, заключая: «и инии мнози въ 25.» Думаю, что въ подлинникѣ стояло тутъ число съ *мѣсяцемъ*. Сраженіе было на берегахъ *Сожицы:* не *Оржицы* ли, между Золотоношею и Пирятинымъ?

Татищевъ пишетъ, что Святославичи не были довольны Тмутороканскою и *Муромскою* областями: ему хотѣлось приближить одну къ другой.

(136) Въ *Духовной* Мономаха, стр. 34: «И пакы и (изъ) Смолиньска же̂ пришедъ и проидохъ сквозѣ Половечьскыи вои, бьяся до Переяславля.» — Несторъ: «Олга же тогда и Бориса не бяше въ градѣ» (въ Черниговѣ). Татищевъ сказываетъ намъ, что они ѣздили въ Тмуторокань.

Далѣе: «Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ отъ Стрежени (рѣки Стрижени) и *отя* (отбивъ) врата, и отвориша градъ околній, и пожгоша,и людемъ же вбѣгшимъ въ *днѣшній* градъ:» въ новѣйшихъ спискахъ справедливо поставлено: «*внутренній* градъ;» ибо слово *днѣ* означало *внутри:* такъ въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукоп. стр. 717) сказано: «позлащенъ *днѣ* и *внѣ*.» Въ лѣтописи о мѣстѣ сраженія: «у села, на *Нежатинѣ нивѣ*.» — Далѣе: «Привезоша и̂ (тѣло Изяслава) въ лодьи и̂ поставиша противу *Городце*, и изыдоша противу ему весь градъ Кыевъ.» Сей Городецъ или Городокъ былъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кіева (см. выше, примѣч. 28).

Изяславъ убитъ 3 Октября 1078. Супруга его вдовствовала 30 лѣтъ и скончалась въ 1107 году.

(137) См. выше, стр. 43.

(138) Въ житіи Антонія (*Патер.* л. 2) сказано: что въ онъ первый разъ возвратился въ Россію при Владимірѣ, и жилъ близъ села Берестова въ пещерѣ, ископанной Варягами (см. ниже); при Святополкѣ ходилъ снова въ гору Аѳонскую, и вторично возвратился въ княженіе Ярослава. Извѣстіе современнаго Лѣтописца достовѣрнѣе.

Далѣе Несторъ: «ископа (Иларіонъ) печерку малу двусажену.» — Пишутъ (*Патер.* Кіевск. л. 193), что Антоній постригъ Иларіона: когда же? Первый былъ еще самъ бѣльцемъ, когда вторый уже пасъ Церковь. Слова Несторовы: «Богъ Князю вложивъ въ сердце, и постави и̂ Митрополитомъ, а си печерка тако ста; *и не по мнозѣхъ* днехъ бѣ нѣкій человѣкъ, именемъ мірскимъ (какимъ?) отъ града Любча, и взложи сему Богъ въ сердце въ *страну* ити (т. е. въ чужую); онъ же устремился въ Святую гору..... И умоли Игумена (Аѳонскаго), дабы нань взложилъ образъ Мнишескы,» и проч.

Лѣтописецъ сказываетъ, что пещеры находились подъ *ветхимъ монастыремъ:* ибо въ его время былъ уже новый монастырь, на другомъ мѣстѣ.

Далѣе Несторъ: «А самъ (Антоній) иде въ гору, и ископа печеру, яже есть подъ новымъ монастыремъ, *въ ней же сконча животъ свой*, не выходя изъ печеры лѣтъ сорокъ.» Слѣдственно Антоній скончался не въ 1073 году, какъ означено въ *Патерикѣ* и *Никон. Лѣтоп.*, а гораздо послѣ. Странно, что Издатель *Патерика* худо зналъ Нестора: иначе, опровергая въ предисловіи (л. 4) ложь Католиковъ о мнимомъ гробѣ Антонія, будто бы въ Римѣ находящемся, онъ сказалъ бы, что сей мужъ Святый, по *точнымъ словамъ нашего древняго Лѣтописца*, преставился въ Кіевѣ.

Далѣе Несторъ: «въ си же времена приключися прити Изяславу изъ Ляховъ и нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ (за) Всеслава, и *присла* въ ночь поя Антонья Чернигову.» Въ *Патерикѣ* сказано, что Святославъ, узнавъ о семъ гнѣвѣ, прислалъ за Антоніемъ. Онъ жилъ тамъ на Болдиныхъ горахъ, въ пещерѣ, имъ выкопанной, гдѣ послѣ основали монастырь Св. Богородицы, и возвратился въ Кіевъ, можетъ быть, по вторичномъ изгнаніи Великаго Князя.

Слова въ *Патерикѣ*, л. 46: «случися имъ ити мимо *единаго* села Печерскаго монастыря,» доказываютъ, что монастырю принадлежали разныя села. См. тамъ же, л. 74, 77, 79, 80. Святославъ отдалъ подъ церковь загородное мѣсто, собственно ему принадлежавшее.

Далѣе сказано въ Патерикѣ, что Симонъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ тремя тысячами Варяговъ и многими Духовными, которые всѣ оставили Вѣру Латинскую для Греческаго православія; что Антоній предсказалъ Ярославичамъ несчастное слѣдствіе Альтскаго сраженія съ Половцами, а Симону долголѣтную жизнь и мирную кончину; что Св. Ѳеодосій, любя сего знаменитаго Варяга, далъ ему *прощальную* хартію или писменную молитву, которую съ *того времени начали* влагать въ руки умершимъ; что Бояринъ Изяславовъ, Судиславъ Геуевичь или Климентъ, подарилъ въ монастырь двѣ гривны или фунтъ золота (л. 46) также златый вѣнецъ и богатое Евангеліе, исполняя обѣтъ свой, произнесенный имъ въ часъ кровопролитной битвы.

Несторъ: «Изяславъ же постави монастырь Св. Дмитрія, и выведе Варлаама на Игуменство къ Св. Дмитрію, хотя створити выше сего монастыря, надѣяся богатьствомъ. Мнози бо монастыри отъ Царь и отъ Бояръ и отъ богатьства поставлени, но не суть таци (такіе), каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ. Антоній бо не имѣ злата ни серебра, но стяжа слезами,» и проч. Несторъ былъ краснорѣчивый Писатель своего времени.

Далѣе Несторъ: «(Ѳеодосій) совокупи братье числомъ *сто*, и нача искати правила Чернечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ Чернецъ монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ Митрополитомъ Георьгіемъ, и нача у сего искати устава Чернецъ Студійскыхъ, и обрѣтъ у него и списа,» и проч. Въ *Патерикѣ* сказано, что Монахъ Печерскій Ефремъ списалъ сей уставъ въ Константинополѣ (*Пат.* л. 100 на об. и выше, л. 42, 44 и 55).

Несторъ: «Братья несоша и̂ (Ѳеодосія) въ келью и положиша на одръ, и шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде къ нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ, и сѣдящама у него, рече ему Ѳеодосій: *се предаю ти монастырь на сблюденье*. . . . Князь же цѣловалъ его» — и пр. И такъ Глѣбъ пріѣзжалъ въ то время (въ 1074 г.) къ отцу своему въ Кіевъ.

Въ Кіевскомъ Патерикѣ Синодальной Библіотеки, писанномъ, думаю, въ XV вѣкѣ, въ посланіи Симона Епископа (жившаго въ XII вѣкѣ) къ блаженному Поликарпу находится слѣдующее: «Отъ того, брате, Печерскаго монастыря мнози Епископи поставлени быша во всю Руськую землю, яко отъ самого Христа, Бога нашего, Апостоли во всю вселенную послани быша. Первый *Ростовскій Леонтій Священномученикъ*, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, и се бысть первопрестольникъ, его же невѣрніи, много мучивше, *убиша;* и се третій гражданинъ небесный бысть *Руськаго* міра съ онѣма Варягома» — убитыми въ Кіевѣ при Владимірѣ — «вѣнчався отъ Христа.» Для

чего въ печатномъ (л. 193) выпущено сіе любопытное мѣсто, которое свидѣтельствуетъ, что Леонтій Ростовскій былъ не Грекъ, присланный отъ Патріарха Фотія, тогда уже давно истлѣвшаго, къ Владиміру Святому (какъ пишутъ въ *Прологѣ*), а Россіянинъ и Монахъ Печерскій, Изяславовъ современникъ (см. *Патерикъ*, л. 103)? И такъ добродѣтельный Леонтій былъ дѣйствительно жертвою своей ревности къ успѣхамъ Христіанства въ Ростовѣ? чего мы также не знали. — О Кукшѣ говоритъ Симонъ: «Вятичи крести и много чудеси створи. По многихъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ.» — Слѣдственно Вятичи приняли Вѣру Христіанскую или въ исходѣ XI или уже во XII вѣкѣ. Они жили въ Курской, Орловской и въ Калужской Губерніи: Брянскъ, Козельскъ, Мценскъ, называются *ихъ* городами въ лѣтописяхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ Писателей думали, что Вятичами назывались жители города Вятки! — Далѣе Симонъ пишетъ къ Поликарпу: «аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца *стараго Ростовскаго.*» Думаю, что онъ называетъ такъ Несторову лѣтопись, переписанную въ Ростовѣ. Поликарпъ заключаетъ житіе Агапиты сими словами: «якоже блаженный *Несторъ* «въ лѣтописцѣ написа.» Вѣроятно, что оба ссылаются на одну книгу.

Въ Патерикѣ, въ житіи Антонія (л. 3.), сказано, что Изяславъ за постриженіе любимца своего Ефрема и Варлаама разгнѣвался на Монаховъ Печерскихъ, и что Антоній со всею братіею хотѣлъ удалиться въ иную страну; но супруга Изяславова, *Ляхиня*, умолила Великаго Князя оставить ихъ въ покоѣ. Современный Лѣтописецъ не упоминаетъ о семъ вторичномъ гоненіи.

Варлаамъ, сынъ Іоанна и внукъ Вышаты, несправедливо, кажется, названъ тамъ правнукомъ *Остромира*. Знаменитый Новогородскій Посадникъ Остромиръ имѣлъ дѣйствительно сына Вышату, который въ 1064 году ушелъ съ Ростиславомъ въ Тмуторокань; но могъ ли внукъ сего Вышаты быть постриженъ въ 1056 году (см. *Патер.* л. 97)? Дѣдъ Варлаамовъ былъ конечно главный Воевода Ярославовъ, плѣненный Греками (см. выше, стр. 17); сынъ его Іоаннъ, или Янь Вышатичь, около 1071 году собиралъ государственную дань на Бѣлѣозерѣ и послѣ былъ Тысячскимъ или Воеводою въ Кіевѣ (см. ниже и въ печатн. *Несторъ* стр. 129).

(139) Memor. popul. II, 975.

(140) См. въ печат. *Нест.* стр. 123, и Memor. popul. II, 1036, 1037.

(141) Въ *Ростов. Лѣт.*: «Глаголюще, яко сіи жито держатъ, а сіи медъ, а сіи рыбы, а сіи скору... Они же (волхвы) въ мечтѣ прорѣзавше за плечима, вынимаста любо жито, любо рыбы, или вѣверицу... И бѣ у нихъ людей 300 человѣкъ... Испытавъ (Янь), чія еста смерда, и рече: выдайте волхва, яко смерда моего Князя и моя. Они же не послушаша. Янь же самъ пойде безъ оружія, и рѣша Отроки: не ходи безъ оружія; изсрамотятъ тя. И бѣ 12 Отроковъ съ нимъ, и пойде къ лѣсу. Они же исполчившеся... Яневи же идущу съ топоркомъ, и выступиша отъ нихъ три мужа, глаголюще: видя идеши на смерть. Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ пойде; и они сунушася на Яня, и единъ грѣшися» (промахнулся) «Яня топоромъ; а Янь, оборотивъ топорокъ, удари тыліемъ, и повелѣ Отрокомъ сѣщи я. Они же бѣжаша въ лѣсъ, и убиша ту Попина Янева. Янь же рече Бѣлозерцомъ: аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ за лѣто... и рече има: что ради изгубиша только человѣкъ? Они же рѣша, яко тіи держатъ обиліе... аще ли хощеши, то предъ тобою выймевѣ жито или рыбу. Янь же рече: лжета: сотворилъ Богъ человѣка отъ земли, составленъ костьми и жилами и отъ крове, и нѣсть въ немъ ничто же.» и проч. Далѣе говорятъ волхвы: «Богъ мывся въ мовници и вспотився, отреся *ветхомъ*, и верже съ небесе на землю.» *Ветхъ* тоже, что ветошка.

Далѣе въ харатейныхъ: «и повелѣ Янь вложити *рубль* въ уста има и привязати я́ къ *упругу* и пусти предъ собою (въ) лодьѣ.» И такъ *рублемъ* называли кляпъ, брусокъ, отрубокъ. *Упругъ* не есть ли мачта или щегла? Янь велѣлъ повѣсить злодѣевъ при устьѣ Шексны, тѣмъ людямъ, у которыхъ они умертвили матерей, сестеръ или дочерей. Тѣла ихъ были съѣдены дикимъ медвѣдемъ. — Сіе случилось тогда, какъ Изяславъ находился въ изгнаніи, а братъ его, Святославъ, княжилъ въ Кіевѣ.

(142) См. Т. Ливія, кн. I, отдѣл. 56: itaque quum ad publica prodigia Etrusci tantum vates adhiberentur, etc. — Въ *Ростов. Лѣт.*: «Ключися нѣкоему Новогородцу пріити въ Чудь къ кудеснику: онъ же нача призывати бѣсы во храмину свою... Новогородцу же сѣдящу на празѣ. Кудесникъ же лежаше оцѣпенѣвъ, и шибе имъ бѣсъ... Онъ же (Новогородецъ) помянувъ на себѣ крестъ, и отшедъ постави крестъ кромѣ тоя храмины... Онъ же (волхвъ) рече: бози наши живутъ въ безднѣ, образомъ черни и крылаты, хвосты имуще: восходятъ же и подъ небо слушающе Бога вашего; и аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то возносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ, той въ бездну. Пачеже женами бѣсовская волшвенія бываютъ; искони бо бѣсъ жену прельсти, а жена мужа... Жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою,» и проч.

(143) Топоръ былъ у него подъ *скутомъ*, говоритъ Лѣтописецъ: т. е. спрятанъ подъ одеждою. Епископомъ Новогородскимъ, по новѣйшимъ лѣтописямъ и Каталогу, былъ тогда Ѳеодоръ. Объ немъ сказано въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: «свой песъ его уяде, и съ того умре.» Мѣсто Ѳеодора заступилъ въ Новѣгородѣ Епископъ Германъ въ 1078 году, по сказанію *Никон. Лѣт.*

(144) Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ, что древній Россійскій городъ *Владиміръ* былъ не на Клязмѣ, а въ Волыніи близъ Турова. — Татищевъ отдаетъ сей послѣдній городъ не Ярополку, а Давиду, сыну умершаго Игоря Ярославича.

(145) Несторъ: «приде Романъ съ Половци къ *Воиню*. Всеволодъ же ста у Переяславля и сотвори миръ съ Половци.» И такъ урочище *Воинь* было не далеко отъ Переяславля. Нынѣ есть рѣка *Вюнка*, впадающая въ Остеръ. — Мономахъ въ своей *Духовной* говоритъ: «идохомъ Переяславлю и стахомъ «въ обровѣ» — т. е. *окопѣ*.

Романа умертвили 2 Августа. Несторъ: «суть кости его (Романовы) и доселѣ»... гдѣ? не сказано.

Читателямъ извѣстно, кто былъ Ростиславъ: внукъ Ярославовъ, отравленный ядомъ въ Тмутороканѣ. Давидъ и Володарь бѣжали туда 18 Маія — Татищевъ говоритъ: «первый изъ Турова, второй изъ Перемышля.»

Игуменъ Даніилъ, современникъ Несторовъ, говоритъ въ своемъ *Хожденіи* или путешествіи ко Святымъ Мѣстамъ (см. ниже): «и въ томъ островѣ (Родѣ) былъ Олегъ, Князь Русьскы, двѣ лѣтѣ и двѣ зимѣ.» По сказанію Нестора, сей Князь, сосланный въ 1079 году, возвратился уже въ 1083. Команы или Половцы, заключивъ миръ съ Императоромъ Никифоромъ въ 1078 году, были тогда союзниками и друзьями Грековъ (Memor. popul.



241

III, 960). Татищевъ пишетъ, что Козары отвезли Олега въ Грецію; но они, какъ говоритъ Лѣтописецъ, были только совѣтниками Половцевъ. И такъ Болтинъ напрасно удивляется невѣжеству Щербатова, сказывая намъ, что «Половцы не могли отослать Олега въ Константинополь, не имѣвъ никогда и никакой связи съ Греками.» Козары Тмутороканскіе составляли часть войска Романова и брата его въ семъ несчастномъ для обоихъ походѣ.

Татищевъ разсказываетъ, что въ «сіе время — то есть, въ 1082 году — *Царь Нѣмецкій* Генрикъ присылалъ ко Всеволоду Епископа Ольмуцкаго Адельберта, упрашивая Великаго Князя итти войною на Гейзу, Короля Венгерскаго; что Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ и съ племянниками, Давидомъ и Ярополкомъ, выступилъ къ горамъ (Карпатскимъ), но возвратился, жалѣя войска, и послалъ Боярина Чудина къ Императору, стараясь примирить его съ Гейзою.» Сего извѣстія нѣтъ въ лѣтописяхъ, и Короля Гейзы давно уже не было тогда на свѣтѣ (см. Прая Annal. Regum Hung. кн. II, стр. 77). — Татищевъ въ описаніи сего же лѣта говоритъ о морѣ, бывшемъ гораздо послѣ.

(146) См. *Духовн. Мономаха*, стр. 34, 35, 36. Владиміръ говоритъ: «тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю, и повоевавъ до *Лукамля* и до *Логожьска*, та на Дрьютьскъ воюя», и проч. Лукамль, нынѣ Лукомля, есть мѣстечко въ Могилевской Губерніи (въ округѣ Сѣннаго). Логожскъ былъ или тамъ же, или въ Минской Губерніи, гдѣ на Польскихъ картахъ означено мѣстечко Lohoysk. — Далѣе: «и на ту осень идохомъ съ Черниговцы и съ Половци-Читеевичи къ Меньску, изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины.»

Несторъ: «заратишася Торци *Переяславстіи*:» остатокъ народа кочующаго, отчасти истребленнаго моромъ въ 1060 году (см. выше).

Въ *Духовн. Мономаха* стр. 35: «А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и язъ шедъ съ Черниговцы и съ Половци, на Деснѣ изымахомъ Князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша, и на заутрее за Новымгородомъ (Сѣверскимъ) разгнахомъ сильны вои Белкатгина, а Семичи (которые были по Семи) «и полонъ весь отъяхомъ. — А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходимъ первую зиму... Томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половцихъ за Хороль, иже Горошинъ (на Сулѣ) взяша. И ходихомъ за Супой» (рѣку впадающую въ Днѣпръ), и ѣлучи къ Прилуку городу» (въ Полтавской Губерніи) «и срѣтоша ны внезапу Половечьскіе Князи 8000, и хотѣхомъ съ ними *ради* битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ въ городъ; только Семцю яша одиного живого, и смердъ нѣколико, а наши онѣхъ болѣ избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти въ руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи, и заутра на Госпожинъ день идохомъ къ Бѣлѣ Вежѣ (въ верховьѣ Остера), и Богъ ны поможе, и Святая Богородица: избиша 900 Половецъ, и два Князя яша, Багубарсова брата Асиня (Осеня) и Сакзя, а два мужа только утекоста. И потомъ на Святославль» (городъ неизвѣстный) «гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый» (городъ за Стугною отъ Кіева) «и потомъ на Гюргевъ» (Юрьевъ на Роси) «по Половцихъ. И паки на той же сторонѣ у Красна» (близъ Василева) «Половци побѣдихомъ, и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина» (можетъ быть, у Вороны, древняго городка на Сулѣ) «веже взяхомъ.» — Мы не можемъ опредѣлить точнаго времени сихъ происшествій Всеволодова княженія, о коихъ Лѣтописецъ не упоминаетъ, сказывая, что Олегъ сосланъ и Ратиборъ сдѣланъ Посадникомъ Тмутороканскимъ въ 1079 году; что Торки усмирены Владиміромъ въ 1080; что Давидъ и Володарь ушли Маія 18 и завладѣли Тмутороканемъ въ 1080; что въ 1082 умеръ *Осень* (а не *осенью*, какъ въ печатномъ) Ханъ Половецкій, отецъ Аэпы и дѣдъ супруги Мономаховой (см. ниже), и что Олегъ возвратился изъ Греціи въ 1083.

(147) Татищевъ пишетъ, что Ярополкъ, уже изгнанный Ростиславичами и *Давидомъ Игоревичемъ*, пріѣхалъ въ Кіевъ; но въ лѣтописи: «приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день; въ се же время выбѣгоста Ростиславича два» (о Давидѣ Игоревичѣ ни слова) «отъ *Ярополка* и пришедше прогнаста Ярополка.» Слѣдственно онъ прежде былъ у Всеволода. Надобно думать, что Ростиславичи, въ отсутствіе его завладѣвъ Княженіемъ, прогнали дядю, когда онъ возвращался въ свою столицу.

Объ Олешьѣ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ 1224 году, когда Россіяне шли противъ Татаръ; оно названо во многихъ спискахъ Отшельемъ, въ другихъ именно Олешьемъ (*Новогор. Лѣт.* стр. 101), и есть нынѣшнее селеніе Алешки, противъ Херсона. Генуэзцы называли его Elice.

Древній городъ Дорогобужъ есть нынѣ мѣстечко того же имени на берегу Горыни, близъ Ровна.

(148) Мономахъ въ своей *Духовной* пишетъ только: «и пакы (ходихъ) по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ.» Слѣдственно и другой сынъ Изяславовъ, Святополкъ, Новогородскій Князь, возставалъ на дядю? Впрочемъ сіи слова не весьма ясны, и мы не хотѣли внести въ Исторію обстоятельства сомнительнаго. — Микулинъ былъ городъ Червенскій или Галицкій (см. *Никонов. Лѣтоп.* II, 85).

Татищевъ объявляетъ намъ, что Ярополкъ озлобился на Всеволода за то, что сей Князь отдалъ Дорогобужъ Давиду Игоревичу; а Болтинъ удивляется, что Щербатовъ не зналъ сего вымышленнаго обстоятельства! Татищевъ сказываетъ еще, что Мономахъ *отправилъ* въ Кіевъ мать и жену Ярополкову, а самъ *остался* въ Владимірѣ. Лѣтописецъ говоритъ: «матерь Ярополчю и жену его и дружину *приведе* Кыеву.»

Длугошъ по своему обыкновенію вымыслилъ, что *Болеславъ*, Король Польскій, хотя и не могъ самъ итти съ Ярополкомъ, но далъ ему отрядъ войска, который испугалъ Владиміра и заставилъ его примириться съ изгнанникомъ (Hist. Polon. кн. III, стр. 289). Длугошъ ошибся здѣсь въ лѣтосчисленіи *осмью* годами: въ 1086 царствовалъ уже *Владиславъ*, а не *Болеславъ*. — Татищевъ сказываетъ, что Всеволодъ возвратилъ Ярополку семейство и казну его. — Мономахъ въ своей *Духовной* три раза упоминаетъ о походѣ въ Владиміръ (стр. 35, 36, 38): «и на ту весну (ходихъ) къ Ярополку совокупляться на Броды (городъ въ Галиціи)... И на ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихомъ... И потомъ ходивъ Володимерю, пакы Ярополка посадихъ, и Ярополкъ умре.»

Звенигородъ существуетъ и нынѣ въ Галиціи подъ именемъ *Дзвиногрода* между Станиславовымъ и Каменцемъ-Подольскимъ; онъ принадлежалъ тогда къ Владимірской области. — Другой Звенигородъ находится въ Кіевской Губерніи, недалеко отъ Богуславля.

Въ лѣтописи: «лежащу (Ярополку) на *возѣ*.» Въ Кенигсберг. спискѣ сей возъ нарисованъ и поставленъ на сани: искусный художникъ XVI вѣка догадался, что 22 Ноября могла быть зима! — Отроки Ярополковы, *Радко Воикинъ* и другіе,

отвезли его тѣло въ Владимiръ, изъ Владимира въ Кiевъ.

(149) Несторъ, описывая собранiе Князей въ 1097 году, сказываетъ, что Давидъ Игоревичь и Ростиславичи взяли себѣ въ удѣлъ города *отданные* имъ *Всеволодомъ:* первый Владимiрскую область, а послѣднiе Перемышль и Теребовль.

(150) Несторъ: «со псалмы и пѣсни проводиша до Св. Дмитрея, спрятавше тѣло его, съ честью положиша й въ рацѣ мраморянѣ, въ церкви Св. Апостола *Петра,* юже бѣ самъ началъ злати прежъ, мѣсяца Декабря въ 5 день.» Въ крещенiи онъ былъ названъ, думаю, Петромъ. Татищевъ прибавляетъ, что Кiевляне имѣли къ нему великую любовь, и желали, чтобы Ярополкъ княжилъ въ столицѣ по смерти Всеволодовой.

(151) Скоро увидимъ, что Посадники Черниговскаго Князя правили Муромомъ. — Татищевъ прибавляетъ (будто бы изъ Нижегородскаго и Макарьевскаго списка), что торгующiе Болгары, ограбленные на Окѣ и Волгѣ, жаловались Олегу и брату его, Ярославу, но не получивъ управы, взяли Муромъ. Въ сiе время Олегъ жилъ въ Тмутороканѣ: Татищевъ воображалъ сiю область близъ Мурома. Онъ говоритъ еще о походѣ Всеволода *для усмиренiя* Ростиславичей и войнѣ съ Поляками въ 1088 году: чего также нѣтъ въ лѣтописяхъ. Въ Ростовской и другихъ сказано только: «ходи Всеволодъ къ Перемышлю.» Въ семъ году умеръ Никонъ, знаменитый Игуменъ Печерскiй (см. его житiе въ *Патерикѣ);* а въ 1089, по лѣтописи Священника Iоанна, дочь Всеволодова (чего нѣтъ въ другихъ). — Въ 1091 году Игуменъ и Монахи Печерскiе отрыли мощи Св. Ѳеодосiя и перенесли ихъ въ церковь. Самъ Несторъ выкопалъ ихъ (рогалiею или заступомъ) и собственными глазами видѣлъ, что составы тѣла не распались и волосы на головѣ лежали плотно *(притяскли бяху).* — Любопытные могутъ читать о томъ въ *Патерикѣ;* а мы замѣтимъ здѣсь одно обстоятельство: Епископъ Стефанъ, желая видѣть мощи, прiѣхалъ въ Лавру *на конѣ.* — Татищевъ *прибавляетъ,* что Великiй Князь съ Княгинею и дѣтьми былъ на другой день въ монастырѣ Печерскомъ и послѣ далъ праздникъ у себя, во дворцѣ Кiевскомъ. — По *Воскресен. Лѣт.* Несторъ, говоря о пренесенiи мощей, прибавляетъ: «азъ грѣшный, иже и лѣтописанiе се въ то время писахъ.»

(152) «Въ си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе *корсты,* яко продахомъ *корсты* оть Филиппова дне до мясопуста 7000.» Въ Кенигсбергскомъ спискѣ стоитъ *крсты,* а догадливый Издатель поставилъ *кресты.* Но корстами назывались гробы (см. сей *Исторiи* Т. I, примѣч. 488). — Слѣдственно въ Кiевѣ умирало тогда около ста человѣкъ въ день.

Затмѣнiе солнца было, по сказанiю Нестора, въ 1091 году, Маiя 21 во второмъ часу дня: точно такъ показано и въ астрономическихъ таблицахъ, напечатанныхъ въ l'Art de vérifier les Dates, T. I, стр. 72. Въ томъ же году случилось и землетрясенiе *(стукну земля,* говоритъ Несторъ), а въ 1092 какое-то знаменiе небесное *(яко кругъ бысть посредѣ неба).* — Осудимъ ли суевѣрiе Нестора, когда и Ѳукидидъ, приступая къ описанiю войны Пелопонесской, съ ужасомъ говоритъ о солнечныхъ затмѣнiяхъ, чрезвычайныхъ засухахъ, тогда бывшихъ, и проч.; когда Титъ Ливiй, исчисляя угрозы Неба при вступленiи Аннибала въ Италiю, сказываетъ намъ, что курицы обращались тогда въ пѣтуховъ, а пѣтухи въ курицъ (кн. XXII въ началѣ)?

Несторъ: «въ се же лѣто (1091) Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и *кличаномъ* (крикунамъ) кликнувшимъ, спаде превеликъ змiй отъ небесе; ужасошася вси людье.» Въ *Степенной* (стр. 229): «Хотя ему (Всеволоду) Богъ возбранити отъ самоутѣшнаго въ человѣцѣхъ обычая, иже съ богопротивнымъ волхвованiемъ начатъ таковые позоры отчеругателъ, Хама сынъ, именемъ Нимродъ, гигантъ создавый Вавилонъ.» Далѣе говоритъ Сочинитель, что *земля стукнула, когда* упалъ змѣй. — Духовенство, какъ видно, не одобряло звѣриной ловли, любимой охоты нашихъ древнихъ Князей. — Въ томъ же 1091 году явился волхвъ въ Ростовѣ *скоро* погибшiй.

Далѣе въ лѣтописи: «Предивно бысть Полотьскѣ, въ мечтѣ бываше въ нощи *тутно* станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣсы,» и проч. Татищевъ изъясняетъ, что *Тутонъ* есть *Сарматское имя мертвеца;* но въ Кутеинскомъ лексиконѣ 1653 году (стр. 174) показано, что *тутно* значитъ *громъ.* Лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что былъ шумъ на улицахъ.

(153) Въ *Большомъ Чертежѣ* Песоченъ названъ городомъ *Песчаною:* нынѣ село въ Полтавской Губернiи. — Лѣтописецъ говоритъ о *трехъ* городахъ, взятыхъ Половцами; но именуетъ только два: Татищевъ дополнилъ его, назвавъ здѣсь городъ Устье, который находился близъ Переяславля (см. въ печатн. Нест. стр. 143).

Болтинъ, ссылаясь на лѣтопись Кривоборскаго, которая есть не что иное, какъ сокращенiе Несторовой, наполненное описками (она теперь у меня), говоритъ, что Василько воевалъ не Польшу, а Кiевскую область: ибо сей Князь, по словамъ нашего Критика, не имѣлъ причины тревожить Польскую землю. Болтинъ не вспомнилъ слѣдующихъ словъ Васильковыхъ (см. въ печатн. Нест. стр. 159): «азъ бо Ляхомъ много зла сотворилъ.» Даже и Польскiе Историки описываютъ сiю войну. «Василько — говоритъ Длугошъ, Hist. Pol. кн. III, стр. 300 — «узнавъ о бѣгствѣ Короля Болеслава и нашихъ мятежахъ, съ наемными Половцами разорилъ многiя области Государства Польскаго.» Далѣе онъ баснословитъ, что скоро вся Россiя, будто бы до того времени подвластная его Королямъ, отложилась отъ Владислава (кн. IV, 316 — 317).

(154) Несторъ: «Се же Кыевѣ княжа, быша ему печали болше, паче неже сѣдящю ему въ Переяславли. Печаль бысть ему отъ сыновецъ (племянниковъ) своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти имъ.» — Далѣе: «нача любити смыслъ уныхъ (юныхъ), свѣтъ (совѣтъ) творя съ ними. Си же начаша заводити негодовати дружины своея первыя и людемъ не ходити Княжей правды (на судъ Княжескiй) и начаша Тiуни грабити люди,» и проч. — Хваля Всеволода, Лѣтописецъ говоритъ: «въздержася отъ пьянства и отъ похоти.» Слѣдственно трезвость была тогда не весьма обыкновенною добродѣтелiю.

(155) Ярославъ (какъ повѣствуетъ здѣсь Лѣтописецъ) сказалъ Всеволоду: «да ляжеши, идѣ же азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тебя паче братьи твоей.» — Онъ умеръ (въ 1093, а не въ 1094, какъ въ *Никон. Лѣт.*) въ Среду на Страстной недѣлѣ, и погребенъ въ Четвертокъ: доказательство, какъ спѣшили тогда хоронить мертвыхъ!

(156) Евпраксiя постриглась въ 1106 году, а скончалась въ 1109, Iюля 10, Екатерина (по *Кiевск. Лѣт.* Ирина) въ 1108, Янка въ 1113 году. Евпраксiя положена въ монастырѣ Печерскомъ у южныхъ дверей. Лѣтописецъ говоритъ: «и сдѣлаша надъ нею *«божонку* (божницу), идѣ же лежитъ тѣло ея.» О Янкѣ сказано въ *Ростов. Лѣт.*

242

(лист. 74, а въ печатн. *Воскрес.* I, 217): «въ лѣто 6594 (1086) Всеволодъ заложи церковь Св. Андрея, и сотвори у нея монастирь, въ немъ же пострижеся и дщи его дѣвою, именемъ Янка, и совокупи Черноризицы многи, и пребываше съ ними по монастырскому чину.» Въ *Степен.* то же другими словами (стр. 228). Татищевъ прибавляетъ, что Монахиня Янка любила читать книги, и сама учила молодыхъ дѣвицъ грамотѣ, пѣть, шить и проч.

Вторая супруга Всеволодова, мать Ростислава (см. въ печатн. *Несторѣ* стр. 137 и 157) наименована Анною во многихъ спискахъ Нестора: кто она была, неизвѣстно. Миллеръ и другіе называютъ ее Княжною Половецкою: съ чего же? Сія Княгиня скончалась въ 1111 году Окт. 7, и положена въ монастырѣ Св. Андрея (см. *Кіевск. Лѣт.*)

(157) Въ Chronic. Th. Engelhusen, въ Лейбниц. Script. Brunsv. II, 1090: Anno 1089 Imperator duxit filiam Regis Russorum (женился на дочери *Короля* Россійскаго). Тутъ Лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: «Желая испытать цѣломудріе Агнесы, Генрикъ велѣлъ одному Барону искать ея любви. Она не хотѣла слушать прелестника: наконецъ докуками его выведенная изъ терпѣнія, назначила ему мѣсто и время для тайнаго свиданія. Вмѣсто Барона явился самъ Императоръ, ночью, въ потемкахъ, и вмѣсто любовницы встрѣтилъ дюжихъ слугъ, одѣтыхъ въ женское платье, которые, исполняя приказъ Императрицы, высѣкли его безъ милосердія, какъ оскорбителя ея чести. Въ мнимомъ Баронѣ узнавъ своего мужа, Агнеса сказала: для чего шелъ ты къ законной супругѣ въ видѣ прелюбодѣя? Раздраженный Генрикъ, считая себя обманутымъ, казнилъ Барона, а цѣломудренную Агнесу обругалъ съ гнусною жестокостію: нагую показалъ молодымъ людямъ, велѣвъ имъ также раздѣться.» См. еще Гебгарди Erläuterung der Europ. Kayser- und Königl. Häuser, табл. 9. гдѣ приведены свидѣтельства разныхъ Нѣмецкихъ Лѣтописцевъ. Агнеса или Адельгейда чрезъ 3 года развелась съ Генрикомъ.

Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, называетъ Евпраксію только *Русскою дѣвою* (Ruthena puella), а Длугошъ (Hist. Pol. кн. IV, 312) именно родною сестрою Святополка, Изяславова сына (см. также Нарушев. Hist. Nar. Polsk. III, 22).

(Изъ Прибавленій въ концѣ IX тома издан. 1821 года) Нѣкоторые изъ современныхъ Лѣтописцевъ именуютъ сію вторую Генрикову супругу *Пракседою.* Паги въ Примѣчаніяхъ на Баронія (г. 1093, II): Adeleidem conjugem, *Praxedem* etiam ab Auctoribus coaetaneis apellatam. Вѣроятно, что она была *Евпраксія,* вторая дочь Всеволодова. Неистовый Генрикъ, предавъ ея цѣломудріе въ жертву скверному насилію, хотѣлъ, чтобы и сынъ его, Конрадъ, имѣлъ въ томъ участіе; но Конрадъ изъявилъ омерзѣніе къ такому гнусному дѣлу и поссорился съ отцемъ за свою несчастную мачиху (см. Паги г. 1193, II, p. 313). Адельгейда или Праксела ушла къ Матильдѣ, Графинѣ Тосканской (см. Лейбн. Scrip. Brunsv. I, 672), жаловалась на Генрика *Синоду* Константійскому (въ 1094 году) и была совершенно оправдана (въ 1095 г.) Синодомъ Піаченцскимъ (Паги: adhæc Bertoldus citatus testatur, in ea Synodo *Praxidem* Imperatricem à spurcitiis, quas invita pertulerat, absolutam esse). Современный Историкъ-Стихотворецъ, Пресвитеръ Донницо, въ описаніи Матильдиной жизни говоритъ о Праксeдѣ, что она боялась мужчинъ, какъ агница боится волчьяго зуба, dentem lupinum (Script. Brunsv. I, 672).

(158) Сей достопамятный остатокъ древности находится въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Старыхъ Софійскихъ правилахъ* (Синод. библ. No. 82) подъ такимъ оглавленіемъ: «Іоанна Митрополита Русскаго, нареченнаго *Пророкомъ Христа,* написавшаго *Правило церковное* отъ Святыхъ книгъ вкратцѣ Іякову Черноризьцю.» Здѣсь выписываю тѣ мѣста, о которыхъ упоминаю въ *Исторіи:*

«Иже дщерь благовѣрнаго Князя даяти за мужъ въ ину страну, идѣ служать опрѣснокы и скверьнояденіимъ отметаються, не достойно и зѣло не подобно правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ. Съчтаніемъ (сочетаніемъ) Божествьный уставъ и мірскый уставъ тоя же Вѣры благовѣрьство повелѣваеть поимати.»

«Прошалъ (спрашивалъ) о нѣкыхъ еси (*Черноризецъ Іаковъ*) иже купять челядь, створившимъ общихъ молитвъ, ядшимъ съ ними *(съ которыми они и молились и пѣли вмѣстѣ)*, послѣди же продавше въ поганыя, которую симъ пріяти епитемью, и рчемъ, якоже рчено есть въ законѣ: Хрестьяна *(Христіанина)* человѣка ни Жидовину, ни еритику продати.»

«Иже своею волею ходять къ поганымъ купля ради и скверьньно ядять, сихъ отвѣщеваемъ въ схыщники и лихиманьникы (лихоимцы) и неправедникы и мездьникы.» Но далѣе говоритъ, что ихъ не должно за ихъ *скотолюбіе* (т. е. любовь къ *деньгамъ*) отлучать отъ церкви, но что имъ надобно очиститься молитвою.

«Иже третьи братучада поимають *(съ ними совокупляются)*, аще и внѣшній законъ повелѣваеть, нъ *(но)* и сихъ въ опитемью вложи.» *Братучадами* первыми назывались двоюродные, т. е. дѣти двухъ братьевъ; вторыми внучатные, третьими правнучатные (см. Кормчую Книгу о *беззаконныхъ брацѣхъ,* гл. 51).

«Яко же еси реклъ: оже не бывають на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но Бояре токмо и Князи вѣнчяються; простымъ же людемъ яко именемъ и *плесканіемъ* разумъ даемь всякъ. — Иже кромѣ *(внѣ)* Божествьныя церкви, кромѣ *(безъ)* благословенія творяще свадбу, тайно пониманіе нарчеть *(должно назвать тайнымъ совокупленіемъ)*. Иже тако поимають, яко же блудьнымъ опитемьи дають.» Сіе *плесканіе* (водою) конечно было въ Россіи остаткомъ языческихъ брачныхъ обрядовъ.

«Иже третья жену поялъ и Іерей благословилъ будеть, вѣдая иль не вѣдая, да извержеться.»

«Подобаеть воину наказаніе имъ (Іереямъ) дати» — т. е. Іереи должны наставлять воиновъ. Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 г.: здѣсь *воину* можетъ значить *выну*. Далѣе: «О горе вамъ, яко имя мое васъ ради хулу пріимаеть въ языцѣхъ! Иже въ монастырехъ часто пиры творять, съзывають мужи вкупѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ другу преспѣвають, кто лучій творить пиръ *(стараются превзойти другъ друга въ пированіи)*... подобаеть сихъ всею силою взбраняти Архіереи, научающе.... яко пьянства зла много послѣдуимъ *(производитъ много иного зла)*: неудержаніе, нечистота, блудьство, нечистословіе; да не реку: и злодѣяніе! Къ симъ и болѣзнь тѣлесная.»

«Иже свое подружіе оставять и поимають *(возмутъ)* инѣхъ, также и жены *(если и жены оставятъ мужей)*, не пріимаемъ въ причащеніе, доньдеже престануть отъ грѣхъ. Также жену не-дѣвицю свари *(накажи словами ту, которая выходитъ замужъ, утративъ дѣвство)*.

Гдѣ же пеня денежная, будто бы собираемая нашимъ древнимъ Духовенствомъ съ прелюбодѣевъ, какъ означено въ мнимомъ церковномъ уставѣ Князя Ярослава (см. выше, примѣч. 108)? Епископы учили добродѣтели, а не корыстовались порокомъ,

и наказаніе состояло единственно въ отлученіи отъ церкви. —

О чудесахъ, бывшихъ при строеніи Лавры Кіевской, см. въ *Патерикѣ* лист. 74 и слѣд. Повѣствуютъ, что огнь и роса чудесно ознаменовали мѣсто, гдѣ надлежало строить церковь Печерскую; что сама Богородица выслала изъ Царяграда зодчихъ въ Кіевъ, давъ имъ намѣстную икону свою, мощи Святыхъ Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Арефы, Іакова, Ѳеодора, и что на сихъ мощахъ основаны церковныя стѣны, размѣренныя златымъ поясомъ Варяга Симона (см. выше): въ широту на 20 поясовъ, въ длину на 30, въ высоту на 50; что купцы Византійскіе, удивленные разными, бывшими тогда чудесами, подарили на украшеніе олтаря мусію, привезенную ими въ Кіевъ для продажи; что лице Богоматери само собою изобразилось въ олтарѣ, гдѣ работали Греческіе художники вмѣстѣ съ Св. Алимпіемъ, Монахомъ Печерскимъ, который учился у нихъ составлять мусію; что каменная дска и столпцы для престола были невидимою рукою внесены въ запертую церковь; что Ангелы призвали Епископовъ на освященіе храма, Іоанна Черниговскаго, Исаія Ростовскаго, Антонія Юрьевскаго, Луку Бѣлогородскаго, и пѣли: *кто есть сей Царь славы*, и проч. Все сказанное описано блаженнымъ Епископомъ Симономъ, который жилъ въ XII и въ началѣ XIII вѣка. Говоря о мастерахъ и живописцахъ Византійскихъ, скончавшихъ житіе въ Кіевской Лаврѣ, онъ пишетъ къ другу своему, Св. Поликарпу (такъ въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ): «суть же и нынѣ у васъ свитки ихъ въ полатахъ и книги ихъ Греческіа блюдоми въ память.» Онъ разсказываетъ еще, что Мономахъ, въ юности своей исцѣленный отъ недуга златымъ поясомъ Варяга Симона, снялъ мѣру Печерской церкви и создалъ такую же въ своемъ Княженіи, въ городѣ Ростовѣ, а сынъ его Георгій въ Суздалѣ, означивъ на хартіи, гдѣ чему быть.

Несторъ называетъ здѣсь Кіевскую Лавру *Монастыремъ Ѳеодосіевымъ*. — При Всеволодѣ освятили еще церковь Св. Михаила Выдубецкаго или (какъ тогда именовали) *Всеволожа* монастыря, въ 1088 году.

(159) Несторъ. «его же людье вси рекоша: се *навье* (навь) пришелъ.» Во многихъ спискахъ поставлено: «*се намъ* пришелъ.» *Навь* или *навье* означало *мертвеца*. Описавъ, какъ въ Полоцкѣ невидимые Духи убивали гражданъ, Несторъ прибавляетъ: «человѣци глаголаху, яко *навье* бьютъ Полочаны.» Такъ объяснено сіе слово и въ *Каталогѣ Епископовъ*.

(160) Въ *Троицк.* и *Кенигсберг.* спискѣ: «въ се же лѣто (6597 или 1089) преставися Іоаннъ Митрополитъ . . . въ се же лѣто приведе Янка Митрополита Іоанна скопчину . . . отъ *года бо до* года пребывъ умре (слѣдственно въ 1090) . . . Въ се же лѣто (т. е., въ 1089) священа бысть церковь Св. Михаила Ефремомъ, *Митрополитомъ тоя* церквы . . . бѣ бо *преже* въ Переяславли Митрополья.» Въ *Ростов. Лѣт.* сказано, что *Митрополитъ* Ефремъ святилъ церковь Св. Михаила въ 1088 году, Митрополитъ Іоаннъ скончался въ 1089, другой Іоаннъ скопецъ прибылъ съ Янкою въ 1090, и въ томъ же году Митрополитъ Ефремъ, строитель Переяславской церкви Св. Михаила, заложилъ тамъ другія церкви. Слѣдственно въ *одно время* были въ Россіи Митрополитами Іоаннъ и Ефремъ? Надобно думать, что Всеволодъ, любя Переяславль, учредилъ тамъ особенную Митрополію, уничтоженную по его кончинѣ, ибо Несторъ говоритъ: «бѣ бо *преже*.» Не разумѣвъ того, *Никон. Лѣт.* прибавилъ отъ себя: «живяху множае тамо (въ Переяславлѣ) Митрополити Кіевстіи и всея Россіи.» Нѣтъ, Ефремъ не былъ *тогда Кіевскимъ*. Несторъ и въ 1091 году, описывая пренесеніе мощей Ѳеодосіевыхъ, называетъ сего Святителя Переяславскимъ; но быть можетъ, что онъ, по смерти Іоанна скопца, заступилъ его мѣсто и сдѣлался Митрополитомъ всей Россіи: съ чѣмъ согласенъ и *Каталогъ Епископовъ*, гдѣ Ефремъ показанъ Митрополитомъ Кіевскимъ съ 1092 году (Синод. библ. No. 67). Болтинъ (*Примѣч. на Ист. Щерб.* II, 48., и слѣд.) ошибся, утверждая, что въ Россіи не бывало Ефрема Митрополита, и что во всѣхъ *Степенныхъ спискахъ* Іоаннъ скопецъ означенъ десятымъ, а Никифоръ первымъ-надесять Митрополитомъ. Во первыхъ что такое *Степенные списки?* Каталоги Епископовъ? или Степенныя книги? Но и въ тѣхъ и въ другихъ преемникомъ Іоанна скопца названъ Ефремъ, Ефремовымъ Николай, а Никифоръ уже Николаевымъ (см. ниже). Далѣе пишетъ Несторъ; «Се бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ; бѣ бо тогда много зданья вздвиже. Докончавъ церковь Св. Михаила (въ Переяславлѣ), заложи на воротѣхъ *городныхъ* во имя Ѳеодора, и по семъ Св. Андрея отъ церкве у воротъ, и строенье *банное* — сего жь не бысть преже въ Руси — и *градъ* бѣ заложилъ каменъ отъ церкве Св. Ѳеодора.» *Никон. Лѣт.*, не довольный *баннымъ* строеніемъ, прибавляетъ, что Ефремъ завелъ больницы, гдѣ даромъ лечили бѣдныхъ, и что онъ тоже самое сдѣлалъ и въ *своемъ* городѣ *Милитинѣ* (въ Малой Арменіи). Отдадимъ справедливость благоразумной догадкѣ Болтина, который *первый* замѣтилъ, что Несторъ подъ словомъ *градъ* разумѣетъ здѣсь *ограду* церковную, а *баннымъ* строеніемъ называетъ особенное зданіе, гдѣ ставили купѣль для крещенія взрослыхъ людей. Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи, дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ Христіанскихъ (на примѣръ, въ Софійской Цареградской) и назывались *Баптистиріонъ* (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, говоритъ Дюканжъ, стр. 174). Слово *баня* и въ нашемъ Новомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ крещенія (*баня пакибытія*, въ Посл. къ Тим. III, 5). Самъ Несторъ (въ *Никоновск.* II, 8) говоритъ о Христѣ: «*баню нетлѣнія* дарова, свою кровь за насъ изліяя.» Невѣжды думали, что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи сего мѣста, предложенномъ въ особенной книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется *банею глава церковная*, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви съ главами! Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ построенные еще до временъ Ефремовыхъ и донынѣ цѣлые, свидѣтельствуютъ противное. Мы, не ѣздивъ въ Кіевъ, знали, что Польское слово bania знаменуетъ какъ *главу*, такъ и всякое *круглое зданіе* (съ *круглою* кровлею). — Въ *Патерикѣ* сказано, что Ефремъ скопецъ былъ первымъ Бояриномъ Великаго Князя, Изяслава, который гналъ Св. Антонія за постриженіе сего любимца; сказано еще, что Ефремъ, ходивъ въ Царьградъ, списалъ тамъ уставъ Студійскаго монастыря для своей Печерской обители: обстоятельство несогласное съ извѣстіемъ Лѣтописца (см. выше, примѣч. 138). Въ древнемъ *рукописномъ* Патерикѣ нѣтъ о томъ ни слова; однакожь Епископъ Симонъ въ письмѣ къ Поликарпу (см. выше) именуетъ Святителя Ефрема въ числѣ знаменитыхъ Печерскихъ иноковъ. Въ Каталогахъ онъ названъ Грекомъ (что и вѣроятно: ибо предки наши *не скопились*). Грекъ и евнухъ могъ постричься въ Кіевѣ; но сомнительно, что-

бы такой человѣкъ былъ первымъ Вельможею Изяславовымъ *(предержай у него вся)*.

(161) Вотъ что сказано въ Каталогѣ Епископовъ (лист. 7, Синод. Библ. №. 67): «Повѣствуется же и сіе, яко во дни сего Митрополита (Ефрема) бѣ пренесеніе мощей Святителя Христова Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ Баръ градъ Италійскій, и сей Митрополитъ уставилъ въ Россіи праздновати той пренесенія Николаева праздникъ.»

(162) См. *Никонов. Лѣт.* Ч. I, стр. 192. Хр. Готл. Фризій въ сочиненіи: de Episcopatu Kioviensi Commentatio, пишетъ, что будто бы еще Ярославъ Великій просилъ Епископа у Папы Венедикта VIII, и что Венедиктъ въ 1021 году прислалъ въ Кіевъ Святителя Алексія, Болгарскаго уроженца, искуснаго въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ; что сей Алексій основалъ новую Кіевскую Епископію, и первый служилъ въ Софійской церкви, но долго терпѣвъ отъ зависти Греческаго Духовенства, наконецъ выѣхалъ изъ Россіи и скончался въ Болгаріи. Фризій ссылается на Орловія, также Никанора и Кассіана, писавшихъ de initiis Religionis Christianae in Russia.

(163) Въ *Новгород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 312, 313: «Сынъ Изяславль (Святополкъ) иде къ Кыеву, и присла Всеволодъ внука своего (въ Новгородъ) Мьстислава, сына Володимеря,» и проч. Сіе обстоятельство, что Всеволодъ *тогда* же прислалъ въ Новгородъ Мстислава, утверждается словами пословъ Новогородскихъ въ 1102 году: «а сего (Мстислава) ны далъ Всеволодъ, а вскормили есмы собѣ Князь» (въ печатн. *Нест.* 167).

(164) Въ Лѣтописи: «но свѣтъ (совѣтъ) створи (Святополкъ) съ пришедшими съ нимъ.» Далѣе говорятъ ему Бояре: «Аще бы пристроилъ 8000, не лихо то есть.» Татищевъ думалъ, что они говорятъ здѣсь о числѣ Половцевъ. — Далѣе: «наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ *продажъ*» — т. е. отъ налоговъ, или отъ судныхъ пошлинъ.

Несогласіе было между Святополкомъ и Владиміромъ: ибо Ростиславъ во всемъ слушался брата. Лѣтописецъ говоритъ въ *двойственномъ* числѣ: *уладита, цѣловаста*, и проч. Соединенное войско стояло у Св. Михаила Выдубецкаго. Татищевъ, по своему обыкновенію, вымышляетъ здѣсь *причины* Княжеской ссоры.

(165) Торческъ есть нынѣ селеніе Торчица, на берегу Торчи, въ Пятигорскомъ Уѣздѣ. Несторъ называетъ жителей сего города Торками (въ печатн. стр. 137). Триполь или Треполь, на Днѣпрѣ, ниже Кіева. О Янѣ, Воеводѣ Кіевскомъ, см. въ печатн. *Нест.* стр. 129. Лѣтописецъ (см. *Никон.* Ч. I, стр. 194), говоритъ, что Ѳеодосій весьма любилъ Яня и жену его, Марію, за ихъ благочестіе и согласіе. Однажды спросила у него Марія, гдѣ будетъ гробъ ея? «Тамъ же, гдѣ и мой,» отвѣтствовалъ Св. Игуменъ. Она дѣйствительно была погребена въ Лаврѣ, близъ Ѳеодосіева гроба.

(166) Въ лѣтописи: «межи валома:» ибо тогда всякой укрѣпленный городъ былъ окружаемъ *двумя* валами, между которыми оставалось не малое пространство. — Неважныя прибавленія Татищева оставляемъ въ семъ мѣстѣ безъ замѣчанія.

Святополкъ ушелъ въ Триполь; оттуда же ночью въ Кіевъ.

Ростиславу было тогда 23 года: онъ родился въ 1070 году (въ печатн. *Нест.* стр. 121), и погребенъ въ Софійской церкви близъ Всеволодова гроба. — Въ *Патерикѣ* (л. 132) написано, что Григорій, Чудотворецъ Печерскій, предсказалъ Ростиславу кончину его; что сей юный Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: «мнѣ ли смерть повѣдаеши отъ воды, умѣющу плавати посредѣ ея? самъ тоя вкусиши» — и велѣлъ утопить святаго мужа.

(167) Въ лѣтописи: «на Желани.» Нынѣ есть село Жиляны близъ Кіева и Бѣлогородки. — Несторъ (сказавъ, что сіе несчастіе случилось на канунѣ памяти Св. Бориса и Глѣба) пишетъ: «Бысть плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ нашихъ ради... Се бо на ны Богъ попусти поганыхъ, и не яко милуя ихъ, но насъ кажа (наказывая); се бо есть батогъ Его... Въ *праздники* Богъ намъ наводитъ сѣтованье: яко же ся створи въ се лѣто первое зло на Вэнесенье Господне, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ *новый* Русьскыя земли.» — Половцы, оставивъ Торческъ, грабили между Кіевомъ и Вышегородомъ (въ лѣтописи: спустиша *на воропъ*). Татищевъ говоритъ, что Половцы отняли воду у жителей Торческа, пересыпавъ рѣку и давъ ей другое теченіе; говоритъ еще, что они разбили Святополка посредствомъ употребленной ими хитрости: въ лѣтописи нѣтъ ни того, ни другаго обстоятельства. — Въ сіе время (г. 1093) умеръ Ростиславъ, сынъ Мстислава, извѣстнаго по его злодѣянію въ Кіевѣ (см. выше, стр. 78) и внукъ Изяслава. Въ *Кенигсберг.* онъ названъ ошибкою сыномъ Изяславовымъ.

(168) Сказаніе о женитьбѣ Святополка во многихъ спискахъ пропущено, но есть въ *Кенигсберг., Ростов.* и проч. — Святополкъ, по харат. *Новогород. Лѣт.* (стр. 3) родился въ 1050 году. На комъ онъ былъ женатъ прежде, неизвѣстно, но тогда имѣлъ уже взрослаго сына, Ярослава (или *Ярославца*) и двухъ дочерей (см. ниже).

Несторъ; се уже третіе наведе (Олегъ) поганыя на Русьскую землю.» Издатель печатнаго Нестора безъ всякаго смысла поставилъ здѣсь *Бога*, вмѣсто *Олега*, который дѣйствительно въ третій разъ привелъ тогда варваровъ съ собою: 1) вмѣстѣ съ Борисомъ, 2) съ Романомъ (см. выше, стр. 50, 55).

Мономахъ пишетъ въ своей *Духовной* (стр. 38): «Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 дній о малу... Не вдадуче имъ въ острогъ» (здѣсь не льзя разобрать нѣкоторыхъ словъ)... «Жаливси Христьяныхъ душъ и селъ горящихъ, и монастырь, и рѣхъ: *не хвалитися поганымъ* — и вдахъ брату отца своего мѣсто городъ... И вынидыхомъ на Св. Бориса день изъ Чернигова... И ѣхахомъ (стр. 33) сквозѣ полкы Половечьскіе не въ 100 дружинѣ» (т. е. съ нимъ было менѣе 100 человѣкъ) — «и съ дѣтьми и съ женами, и облизахутся на насъ акы волци стояще.»

(169) Сіе прекрасное мѣсто лѣтописи Несторовой выпущено Издателемъ (см. оное въ *Никон. Лѣт.* Ч. II, 7 и 8). Далѣе говоритъ Лѣтописецъ: «и не бѣ сего слышано въ днехъ первыхъ въ земли Русьстѣй, яже видѣста очи наша за грѣхи наши.»

Въ семъ же 1094 году скончался Владимірскій Епископъ, Св. Стефанъ, Апрѣля 27. Онъ былъ Печерскимъ Игуменомъ послѣ Ѳеодосія, достроилъ славную церковь Богоматери, перевелъ Монаховъ въ новый монастырь, оставивъ нѣкоторыхъ въ старомъ для погребенія тамъ мертвыхъ, и первый уставилъ пѣть Литургію за умершую братію и блаженныхъ *Ктиторовъ* или строителей храмовъ. Изгнанный (неизвѣстно, за что) иноками Печерскими, Стефанъ основалъ другой монастырь, близъ Лавры, на Кловѣ, во имя Богоматери Влахернской, и въ память ея чудеснаго явленія художникамъ Греческимъ, посланнымъ ею въ Кіевъ для украшенія Лавры (см. выше, примѣч. 158). Наконецъ онъ былъ Владимірскимъ Епископомъ (см. Кіевск. *Патер.* л. 89 и 90).

(170) Святополковъ Бояринъ, Славята, начальствовалъ надъ ними; однакожь не онъ, но дружина уговорила Владиміра быть клятвопреступникомъ (Татищевъ ошибся). Далѣе: «Присла Володимеръ отрока своего Бандюка по Итлареву чадь, и рече Бандюкъ Итлареви: зоветъ вы Князь Володимеръ, рекъ тако: *обувшеся въ теплѣй збѣ, заутрокавше у Ратибора, пріидите ко мнѣ.* И рече Итларь: тако буди. Яко влѣзоша въ *истопку* (въ горницу), тако запрени быша. Взлѣзте на истопку, прокопаша верьхъ, и тако Олбегъ Ратиборичь пріима лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя въ сердце.»

(171) Татищевъ искалъ Юрьева при устьѣ Остера; но сей городъ стоялъ на берегу Роси. Въ Несторѣ: «придоша Половци къ Гюргеву, стояша около его лѣто все и мало не взяша его. Святополкъ же омири ѐ. Половци же не идоша за *Рось*» — слѣдственно тутъ былъ Юрьевъ — «Гюрьевци же выбѣгоша и идоша Кыеву» (съ Епископомъ Мариномъ). Въ Кодиновой росписи Епархій, подчиненныхъ Кіевской Митрополіи, также сказано, что Юрьевъ на берегу Роси: S. Georgius ad Russum fluvium (см. Memor. popul. II, 1037).

Лѣтописецъ говоритъ, что Половцы сожгли *оставленный* жителями Юрьевъ, и что Великій Князь, построивъ Святополчь на *Вытечевѣ холмѣ*, населилъ сей городъ Юрьевцами, также *Засаковцами*, и проч. Городъ *Витичевъ* былъ на Днѣпрѣ, ниже Кіева (см. *Больш. Чертежъ*): тамъ, вѣроятно, находился и Святополчь, о коемъ еще упоминается въ лѣтописяхъ при нашествіи Татаръ въ 1224 году. Юрьевцы скоро возвратились на прежнее свое мѣсто (см. ниже). Саковъ былъ гораздо ниже Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, примѣч. 328)

(172) Въ харат. *Новогород.* стр. 8: «въ лѣто 6603 иде Святополкъ и Володимеръ на Давыда Смольньску, и вдаша Давыду Новъгородъ.» Въ *Новогород.* Попа Іоанна, стр. 313: «княживъ пять лѣтъ (Мстиславъ въ Новѣгородѣ), иде къ Ростову; а Давыдъ приде къ Новугороду княжить, и по *двою лѣту* выгнаша и́, и приде Мьстиславъ опять.» Если Давидъ, какъ сказано выше, въ 1095 году изгнанъ изъ Смоленска, то онъ не жилъ *двухъ лѣтъ* въ Новѣгородѣ: ибо Мстиславъ возвратился изъ Ростова въ томъ же 1095 году.

Татищевъ пишетъ *отъ себя*, что «Владиміръ самъ ѣздилъ тогда въ Новгородъ; что жители дали клятву быть вѣрными Мстиславу до его смерти и не имѣть иныхъ Князей, кромѣ Мономаховыхъ потомковъ; что Владиміръ женилъ Мстислава на Крестинѣ, *дочери Новогородскаго Посадника*,» и проч.

Сей Историкъ назвалъ Изяслава Княземъ Смоленскимъ, разсказывая, что Давидъ выслалъ его изъ Смоленска, и что самъ Владиміръ Мономахъ велѣлъ сыну занять Муромъ; но мы увидимъ ниже, что Мономахъ былъ недоволенъ симъ Изяславовымъ поступкомъ. — Нѣтъ также въ лѣтописяхъ, чтобы Олегъ (какъ пишетъ Татищевъ) грабилъ Ростовскую и Суздальскую землю, и чтобы Владиміръ въ 1095 году воевалъ съ Херсонцами.

Въ Несторѣ: «въ се же лѣто (1095) придоша *прузи* (саранча) Іюля въ 28 день, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно; идяху къ полунощнымъ странамъ, ядуще траву и проса.» Здѣсь Стриковскій, а за нимъ и Щербатовъ, говоритъ о нападеніи *Пруссовъ* на Россію!

(173) Князья звали Олега на съѣздъ въ Кіевъ уже въ 1096 году: онъ ушелъ Маія 3 изъ Чернигова въ Стародубъ, который былъ въ осадѣ 33 дни. Татищевъ пишетъ, что Святополкъ хотѣлъ сжечь Стародубъ, но Владиміръ тому воспротивился; что они сдѣлали *приметъ* къ стѣнамъ (т. е. обклали оныя деревомъ) и грозили обратить городъ въ пепелъ, желая единственно устрашить жителей; что Великій Князь и Мономахъ, смиривъ Олега, тайно между собою положили отдать ему Муромъ, Давиду Святославичу Черниговъ, братьямъ его, Ярославу и *Святославу, Сѣверскую землю* и Тмуторокань, а Смоленскъ Изяславу Владиміровичу. Но Сѣверскою землею называлась самая Черниговская область, и *Святослава* Святославича не бывало.

(174) Въ лѣтописи: «воева Куря съ Половци у Переяславля, и Устье пожже.» Слѣдственно сіе мѣсто находилось близъ Переяславля, вѣроятно при самомъ устьѣ Трубежа.

Далѣе: «и придоста къ *Зарубу*, перебродистася.» И сіе мѣсто было на западномъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Трубѐжа, гдѣ въ *Большомъ Чертежѣ* (стр. 146) означена гора *Зарубина*.

Далѣе: «акы тестя своего и врага (Святополкъ Тугоркана) привезше и́ Кыеву, погребоша и́ на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другимъ въ монастырь идуще.» Татищевъ говоритъ о высокой могилѣ. — Далѣе: того же мѣсяца (Іюля), въ Пятокъ, приде второе Бонякъ безбожный *шелудивый* отай (тайно) хищникъ Кыеву внезапу, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша *болонье*» — (не *лѣсъ*, какъ сказано въ Академическомъ Словарѣ, а пространство между двумя городскими валами, гдѣ бывали огороды, нѣкоторыя строенія, паства *для* скотины: см. выше примѣч. 166, *Ростов. Лѣт.* л. 80 на обор. и Болт. Примѣч. на Истор. Щерб. II, 194) — «И взвратишася въ монастырь и вжгоша Стефановъ и деревней Германа» — не *деревни*, какъ думалъ Татищевъ, а *деревянный* Германовъ — «и придоша въ монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря и поставиша *стяга* (знамя) два предъ враты монастырскыми; намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати. Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, износяху аще что обрѣтаху въ кельи. По семъ вжгоша домы Св. Владычицы и придоша къ церкви и зажгоша двери, еже къ Угу (Югу) устроеніи, и вторыя еже къ Сѣверу, влѣзше въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпяше: еще бо не скончалися бяху грѣси ихъ. Тѣжь глаголаху: *гдѣ есть Богъ ихъ* (Русскихъ)? *да поможетъ имъ.* И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмѣхающеся: не вѣдуще, яко Богъ кажетъ (наказываетъ) раби своя напастьми ратными, да явятся яко злато искушено въ горну. Крестьяномъ бо многыми скорбьми внити въ царство небесное; а симъ поганымъ и ругателямъ, на семъ свѣтѣ пріимшимъ веселье и *простороньство* (просторъ, покой), а на ономъ свѣтѣ пріимуть муки. . . Убиша нѣколико отъ братья нашея,» и проч.

Вѣроятно, что Бонякъ спѣшилъ удалиться, свѣдавъ о несчастіи Тугоркана. Мономахъ въ Духовной пишетъ (скр. 40): «Идохомъ съ Святополкомъ на Боняка, за Рось.»

Сей Ханъ взялъ тогда въ плѣнъ двухъ святыхъ Печерскихъ иноковъ, Евстратія Постника и Никона Сухаго (см. *Патер.* л. 172 на об.).

(175) Въ харатейной *Пушк.* и въ другихъ: «Олегъ же выйде изъ Стародуба и приде Смолиньску, и не пріяша его Смолняне, и иде къ *Рязаню*» (Рязани: здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ городѣ). Слѣдуетъ описаніе войны съ Половцами, а тамъ: «Олгови обѣщавшюся прити съ братомъ (Давидомъ) Кыеву и обрядъ (порядокъ) положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску, и поимъ вои, пойде къ Мурому.» Татищевъ счелъ за нужное прибавить, что Давида не было тогда въ Смоленскѣ, и что сей Князь

(лист. 74, а въ печатн. *Воскрес.* I, 217): «въ лѣто 6594 (1086) Всеволодъ заложи церковь Св. Андрея, и сотвори у нея монастирь, въ немъ же постриже ся и дщи его дѣвою, именемъ Янка, и совокупи Черноризицы многи, и пребываше съ ними по монастырскому чину.» Въ *Степен.* то же другими словами (стр. 228). Татищевъ прибавляетъ, что Монахиня Янка любила читать книги, и сама учила молодыхъ дѣвицъ грамотѣ, пѣть, шить и проч.

Вторая супруга Всеволодова, мать Ростислава (см. въ печатн. *Несторъ* стр. 137 и 157) наименована Анною во многихъ спискахъ Нестора: кто она была, неизвѣстно. Миллеръ и другіе называютъ ее Княжною Половецкою: съ чего же? Сія Княгиня скончалась въ 1111 году Окт. 7, и положена въ монастырѣ Св. Андрея (см. *Кіевск. Лѣт.*)

(157) Въ Chronic. Th. Engelhusen, въ Лейбниц. Script. Brunsv. II, 1090: Anno 1089 Imperator duxit filiam Regis Russorum (женился на дочери *Короля* Россійскаго). Тутъ Лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: «Желая испытать цѣломудріе Агнесы, Генрикъ велѣлъ одному Барону искать ея любви. Она не хотѣла слушать прелестника: наконецъ докуками его выведенная изъ терпѣнія, назначила ему мѣсто и время для тайнаго свиданія. Вмѣсто Барона явился самъ Императоръ, ночью, въ потемкахъ, и вмѣсто любовницы встрѣтилъ дюжихъ слугъ, одѣтыхъ въ женское платье, которые, исполняя приказъ Императрицы, высѣкли его безъ милосердія, какъ оскорбителя ея чести. Въ мнимомъ Баронѣ узнавъ своего мужа, Агнеса сказала: для чего шелъ ты къ законной супругѣ въ видѣ прелюбодѣя? Раздраженный Генрикъ, считая себя обманутымъ, казнилъ Барона, а цѣломудренную Агнесу обругалъ съ гнусною жестокостію: нагую показалъ молодымъ людямъ, велѣвъ имъ также раздѣться.» См. еще Гебгарди Erläuterung der Europ. Kayser- und Königl. Häuser, табл. 9. гдѣ приведены свидѣтельства разныхъ Нѣмецкихъ Лѣтописцевъ. Агнеса или Адельгейда чрезъ 3 года развелась съ Генрикомъ.

Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, называетъ Евпраксію только *Русскою дѣвою* (Ruthena puella), а Длугошъ (Hist. Pol. кн. IV, 312) именно родною сестрою Святополка, Изяславова сына (см. также Нарушев. Hist. Nar. Polsk. III, 22).

(Изъ Прибавленій въ концѣ IX тома издан. 1821 года) Нѣкоторые изъ современныхъ Лѣтописцевъ именуютъ сію вторую Генрикову супругу *Пракседою*. Паги въ Примѣчаніяхъ на Баронія (г. 1093, II): Adeleidem conjugem, *Praxedem* etiam ab Auctoribus coaetaneis apellatam. Вѣроятно, что она была *Евпраксія*, вторая дочь Всеволодова. Неистовый Генрикъ, предавъ ея цѣломудріе въ жертву скверному насилію, хотѣлъ, чтобы и сынъ его, Конрадъ, имѣлъ въ томъ участіе; но Конрадъ изъявилъ омерзѣніе къ такому гнусному дѣлу и поссорился съ отцемъ за свою несчастную мачиху (см. Паги г. 1193, II, p. 313). Адельгейда или Пракседа ушла къ Матильдѣ, Графинѣ Тосканской (см. Лейбн. Scrip. Brunsv. I, 672), жаловалась на Генрика *Синоду* Константійскому (въ 1094 году) и была совершенно оправдана (въ 1095 г.) Синодомъ Піаченцскимъ (Паги: adhæc Bertoldus citatus testatur, in ea Synodo *Praxidem* Imperatricem à spurcitiis, quas invita pertulerat, absolutam esse). Современный Историкъ-Стихотворецъ, Пресвитеръ Донницо, въ описаніи Матильдиной жизни говоритъ о Пракседѣ, что она боялась мужчинъ, какъ агница боится волчьяго зуба, dentem lupinum (Script. Brunsv. I, 672).

(158) Сей достопамятный остатокъ древности находится въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Старыхъ Софійскихъ правилахъ* (Синод. библ. No. 82) подъ такимъ оглавленіемъ: «Іоанна Митрополита Русскаго, нареченнаго *Пророкомъ Христа*, написавшаго *Правило церковное* отъ Святыхъ книгъ вкратцѣ Іякову Черноризцю.» Здѣсь выписываю тѣ мѣста, о которыхъ упоминаю въ *Исторіи*:

«Иже дщерь благовѣрнаго Князя даяти за мужъ въ ину страну, идѣ служать опрѣснокы и скверноядѣніемъ отметаються, не достойно и зѣло не подобно правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ. Съчтаніемъ (сочетаніемъ) Божественый уставъ и мірскый уставъ тоя же Вѣры благовѣрьство повелѣваеть поимати.»

«Прошалъ (спрашивалъ) о нѣкыхъ еси (*Черноризецъ Іаковъ*) иже купять челядь, створившимъ общихъ молитвъ, ядшимъ съ ними *(съ которыми они и молились и пили вмѣстѣ)*, послѣди же продавше въ поганыя, которую симъ пріяти епитемью, и рчемъ, якоже рчено есть въ законѣ: Хрестьяна *(Христіанина)* человѣка ни Жидовину, ни еритику продати.»

«Иже своею волею ходять къ поганымъ купля ради и скверньно ядять, сихъ отвѣщеваемъ въ схыщники и лихиманьникы (лихоимцы) и неправедникы и мездьникы.» Но далѣе говоритъ, что ихъ не должно за ихъ *скотолюбіе* (т. е. любовь къ *деньгамъ*) отлучать отъ церкви, но что имъ надобно очиститься молитвою.

«Иже третьи братучада поимають *(съ ними совокупляются)*, аще и внѣшній законъ повелѣваеть, *(но)* и сихъ въ опитемью вложи.» *Братучадами* первыми назывались двоюродные, т. е. дѣти двухъ братьевъ; вторыми внучатные, третьими правнучатные (см. Кормчую Книгу о *беззаконныхъ брацѣхъ*, гл. 51).

«Яко же еси реклъ: оже не бывають на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но Бояре токмо и Князи вѣнчяються; простымъ же людемъ яко именемъ и *плесканіемъ* разумъ даемь всякъ. — Иже кромѣ *(внѣ)* Божественыя церкви, кромѣ *(безъ)* благословенія творяще свадбу, тайно поиманіе парчеть *(должно назвать тайнымъ совокупленіемъ)*. Иже тако поимають, яко же блудьнымъ опитемьи дають.» Сіе *плесканіе* (водою) конечно было въ России остаткомъ языческихъ брачныхъ обрядовъ.

«Иже третья жену поялъ и Іерей благословилъ будеть, вѣдая или не вѣдая, да извержеться.»

«Подобаеть воину наказаніе имъ (Іереямъ) дати» — т. е. Іереи должны наставлять воиновъ. Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 г.: здѣсь *воину* можетъ значить *выну*. Далѣе: «О горе вамъ, яко имя мое васъ ради хулу пріимаеть въ языцѣхъ! Иже въ монастырехъ часто пиры творять, сзывають мужи вкупѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ другу преспѣвають, кто лучій творить пиръ *(стараются превзойти другъ друга въ пированіи)* . . . подобаеть сихъ всею силою взбраняти Архіереи, научающе . . . . яко пьянства зла иного послѣдуимъ *(производитъ много иного зла)*: нездержаніе, нечистота, блудьство, нечистословіе; да не реку: и злодѣяніе! Къ симъ и болѣзнь тѣлесная.»

«Иже свое подружіе оставять и поимають *(возмутъ)* инѣхъ, также и жены *(если и жены оставятъ мужей)*, не пріимаемъ въ причащеніе, дондеже престануть отъ грѣхъ. Также жену не-дѣвицю свари *(накажи словами ту, которая выходитъ замужъ, утративъ дѣвство)*.

Гдѣ же пеня денежная, будто бы собираемая нашимъ древнимъ Духовенствомъ съ прелюбодѣевъ, какъ означено въ мнимомъ церковномъ уставѣ Князя Ярослава (см. выше, примѣч. 108)? Епископы учили добродѣтели, а не корыстовались порокомъ,

и наказаніе состояло единственно въ отлученіи отъ церкви. —

О чудесахъ, бывшихъ при строеніи Лавры Кіевской, см. въ *Патерикѣ* лист. 74 и слѣд. Повѣствуютъ, что огнь и роса чудесно ознаменовали мѣсто, гдѣ надлежало строить церковь Печерскую; что сама Богородица выслала изъ Царяграда зодчихъ въ Кіевъ, давъ имъ намѣстную икону свою, мощи Святыхъ Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Арефы, Іакова, Ѳеодора, и что на сихъ мощахъ основаны церковныя стѣны, размѣренныя златымъ поясомъ Варяга Симона (см. выше): въ широту на 20 поясовъ, въ длину на 30, въ высоту на 50; что купцы Византійскіе, удивленные разными, бывшими тогда чудесами, подарили на украшеніе олтаря мусію, привезенную ими въ Кіевъ для продажи; что лице Богоматери само собою изобразилось въ олтарѣ, гдѣ работали Греческіе художники вмѣстѣ съ Св. Алимпіемъ, Монахомъ Печерскимъ, который учился у нихъ составлять мусію; что каменная дска и столпцы для престола были невидимою рукою внесены въ запертую церковь; что Ангелы призвали Епископовъ на освященіе храма, Іоанна Черниговскаго, Исаія Ростовскаго, Антонія Юрьевскаго, Луку Бѣлогородскаго, и пѣли: *кто есть сей Царь славы*, и проч. Все сказанное описано блаженнымъ Епископомъ Симономъ, который жилъ въ XII и въ началѣ XIII Вѣка. Говоря о мастерахъ и живописцахъ Византійскихъ, скончавшихъ житіе въ Кіевской Лаврѣ, онъ пишетъ къ другу своему, Св. Поликарпу (такъ въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ): «суть же и нынѣ у васъ свитки ихъ въ полатахъ и книги ихъ Греческія блюдоми въ память.» Онъ разсказываетъ еще, что Мономахъ, въ юности своей исцѣленный отъ недуга златымъ поясомъ Варяга Симона, снялъ мѣру Печерской церкви и создалъ такую же въ своемъ Княженіи, въ городѣ Ростовѣ, а сынъ его Георгій въ Суздалѣ, означивъ на хартіи, гдѣ чему быть.

Несторъ называетъ здѣсь Кіевскую Лавру *Монастыремъ Ѳеодосіевымъ*. — При Всеволодѣ освятили еще церковь Св. Михаила Выдубецкаго или (какъ тогда именовали) *Всеволожа* монастыря, въ 1088 году.

(159) Несторъ. «его же людье вси рекоша: се *навье* (навь) пришелъ.» Во многихъ спискахъ поставлено: «се *намъ* пришелъ.» *Навь* или *навье* означало *мертвеца*. Описавъ, какъ въ Полоцкѣ невидимые Духи убивали гражданъ, Несторъ прибавляетъ: «человѣци глаголаху, яко *навье* бьють Полочаны.» Такъ объяснено сіе слово и въ *Каталогѣ Епископовъ*.

(160) Въ *Троицк*. и *Кенигсберг*. спискѣ: «въ се же лѣто (6597 или 1089) преставися Іоаннъ Митрополитъ . . . въ се же лѣто приведе Янка Митрополита Іоанна скопчину . . . отъ *года бо до* года пребывъ умре (слѣдственно въ 1090) . . . Въ се же лѣто (т. е., въ 1089) священа бысть церковь Св. Михаила Ефремомъ, *Митрополитомъ тоя* церквы . . . бѣ бо *преже* въ Переяславли Митрополья.» Въ *Ростов. Лѣт*. сказано, что *Митрополитъ* Ефремъ святилъ церковь Св. Михаила въ 1088 году, Митрополитъ Іоаннъ скончался въ 1089. другой Іоаннъ скопецъ прибылъ съ Янкою въ 1090, и въ томъ же году Митрополитъ Ефремъ, строитель Переяславской церкви Св. Михаила, заложилъ тамъ другія церкви. Слѣдственно въ *одно время* были въ Россіи Митрополитами Іоаннъ и Ефремъ? Надобно думать, что Всеволодъ, любя Переяславль, учредилъ тамъ особенную Митрополію, уничтоженную по его кончинѣ, ибо Несторъ говоритъ: «бѣ бо *преже*.» Не разумѣвъ того, *Никон. Лѣт*. прибавилъ отъ себя: «живяху множае тамо (въ Переяславлѣ) Митрополити Кіевстіи и всея Россіи.» Нѣтъ, Ефремъ не былъ *тогда Кіевскимъ*. Несторъ и въ 1091 году, описывая пренесеніе мощей Ѳеодосіевыхъ, называетъ сего Святителя Переяславскимъ; но быть можетъ, что онъ, по смерти Іоанна скопца, заступилъ его мѣсто и сдѣлался Митрополитомъ всей Россіи: съ чѣмъ согласенъ и *Каталогъ Епископовъ*, гдѣ Ефремъ показанъ Митрополитомъ Кіевскимъ съ 1092 году (Синод. библ. No. 67). Болтинъ (*Примѣч. на Ист. Щерб*. II, 48., и слѣд.) ошибся, утверждая, что въ Россіи не бывало Ефрема Митрополита, и что во всѣхъ *Степенныхъ спискахъ* Іоаннъ скопецъ означенъ десятымъ, а Никифоръ первымъ-надесять Митрополитомъ. Во первыхъ что такое *Степенные списки?* Каталоги Епископовъ? или Степенныя книги? Но и въ тѣхъ и въ другихъ преемникомъ Іоанна скопца названъ Ефремъ, Ефремовымъ Николай, а Никифоръ уже Николаевымъ (см. ниже). Далѣе пишетъ Несторъ; «Се бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ; бѣ бо тогда многа зданья вздвиже. Докончавъ церковь Св. Михаила (въ Переяславлѣ), заложи на воротѣхъ *городныхъ* во имя Ѳеодора, и по семъ Св. Андрея отъ церкве у воротъ, и строенье *банное* — сего жь не бысть преже въ Руси — и *градъ* бѣ заложилъ каменъ отъ церкве Св. Ѳеодора.» *Никон. Лѣт.*, не довольный *баннымъ* строеніемъ, прибавляетъ, что Ефремъ завелъ больницы, гдѣ даромъ лечили бѣдныхъ, и что онъ тоже самое сдѣлалъ и въ *своемъ* городѣ *Милитинѣ* (въ Малой Арменіи). Отдадимъ справедливость благоразумной догадкѣ Болтина, который *первый* замѣтилъ, что Несторъ подъ словомъ *градъ* разумѣетъ здѣсь *ограду* церковную, а *баннымъ* строеніемъ называетъ особенное зданіе, гдѣ ставили купѣль для крещенія взрослыхъ людей. Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи, дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ Христіанскихъ (на примѣръ, въ Софійской Цареградской) и назывались *Баптистиріонъ* (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, говоритъ Дюканжъ, стр. 174). Слово *баня* и въ нашемъ Новомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ крещенія (*баня пакибытія*, въ Посл. къ Тим. III, 5). Самъ Несторъ (въ *Никоновск*. II, 8) говоритъ о Христѣ: «*баню нетлѣнія* дарова, свою кровь за насъ излія.» Невѣжды думали, что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи сего мѣста, предложенномъ въ особенной книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется *банею глава церковная*, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви съ главами! Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ построенные еще до временъ Ефремовыхъ и донынѣ цѣлые, свидѣтельствуютъ противное. Мы, не ѣздивъ въ Кіевъ, знали, что Польское слово bania знаменуетъ какъ *главу*, такъ и всякое *круглое зданіе* (съ *круглою* кровлею). — Въ *Патерикѣ* сказано, что Ефремъ скопецъ былъ первымъ Бояриномъ Великаго Князя, Изяслава, который гналъ Св. Антонія за постриженіе сего любимца; сказано еще, что Ефремъ, ходивъ въ Царьградъ, списалъ тамъ уставъ Студійскаго монастыря для своей Печерской обители: обстоятельство несогласное съ извѣстіемъ Лѣтописца (см. выше, примѣч. 138). Въ древнемъ *рукописномъ* Патерикѣ нѣтъ о томъ ни слова; однакожь Епископъ Симонъ въ письмѣ къ Поликарпу (см. выше) именуетъ Святителя Ефрема въ числѣ знаменитыхъ Печерскихъ иноковъ. Въ Каталогахъ онъ названъ Грекомъ (что и вѣроятно: ибо предки наши *не скопились*). Грекъ и евнухъ могъ постричься въ Кіевѣ; но сомнительно, что-

243

бы такой человѣкъ былъ первымъ Вельможею Изяславовымъ *(предержай у него вся)*.

(161) Вотъ что сказано въ Каталогѣ Епископовъ (лист. 7, Синод. Библ. No. 67): «Повѣствуется же и сіе, яко во дни сего Митрополита (Ефрема) бѣ пренесеніе мощей Святителя Христова Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ Баръ градъ Италійскій, и сей Митрополитъ уставилъ въ Россіи праздновати той пренесенія Николаева праздникъ.»

(162) См. *Никонов. Лѣт.* Ч. I, стр. 192. Хр. Готл. Фризій въ сочиненіи: de Episcopatu Kioviensi Commentatio, пишетъ, что будто бы еще Ярославъ Великій просилъ Епископа у Папы Венедикта VIII, и что Венедиктъ въ 1021 году прислалъ въ Кіевъ Святителя Алексія, Болгарскаго уроженца, искуснаго въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ; что сей Алексій основалъ новую Кіевскую Епископію, и первый служилъ въ Софійской церкви, но долго терпѣвъ отъ зависти Греческаго Духовенства, наконецъ выѣхалъ изъ Россіи и скончался въ Болгаріи. Фризій ссылается на Орловія, также Никанора и Кассіана, писавшихъ de initiis Religionis Christianae in Russia.

(163) Въ *Новгород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 312, 313: «Сынъ Изяславль (Святополкъ) иде къ Кыеву, и присла Всеволодъ внука своего (въ Новгородъ) Мьстислава, сына Володимеря,» и проч. Сіе обстоятельство, что Всеволодъ *тогда* же прислалъ въ Новгородъ Мстислава, утверждается словами пословъ Новогородскихъ въ 1102 году: «а сего (Мстислава) ны далъ Всеволодъ, а вскормили есмы собѣ Князь» (въ печатн. *Нест.* 167).

(164) Въ Лѣтописи: «но свѣтъ (совѣтъ) створи (Святополкъ) съ пришедшими съ нимъ.» Далѣе говорятъ ему Бояре: «Аще бы пристроилъ 8000, не лихо то есть.» Татищевъ думалъ, что они говорятъ здѣсь о числѣ Половцевъ. — Далѣе: «наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ *продажъ*» — т. е. отъ налоговъ, или отъ судныхъ пошлинъ.

Несогласіе было между Святополкомъ и Владиміромъ: ибо Ростиславъ во всемъ слушался брата. Лѣтописецъ говоритъ въ *двойственномъ* числѣ: *уладита, цѣловаста*, и проч. Соединенное войско стояло у Св. Михаила Выдубецкаго. Татищевъ, по своему обыкновенію, вымышляетъ здѣсь *причины* Княжеской ссоры.

(165) Торческъ есть нынѣ селеніе Торчица, на берегу Торчи, въ Пятигорскомъ Уѣздѣ. Несторъ называетъ жителей сего города Торками (въ печатн. стр. 137). Триполь или Треполь, на Днѣпрѣ, ниже Кіева. О Янѣ, Воеводѣ Кіевскомъ, см. въ печатн. *Нест.* стр. 129. Лѣтописецъ (см. *Никон.* Ч. I, стр. 194), говоритъ, что Ѳеодосій весьма любилъ Яня и жену его, Марію, за ихъ благочестіе и согласіе. Однажды спросила у него Марія, гдѣ будетъ гробъ ея? «Тамъ же, гдѣ и мой,» отвѣтствовалъ Св. Игуменъ. Она дѣйствительно была погребена въ Лаврѣ, близъ Ѳеодосіева гроба.

(166) Въ лѣтописи: «межи валома:» ибо тогда всякой укрѣпленный городъ былъ окружаемъ *двумя* валами, между которыми оставалось не малое пространство. — Неважныя прибавленія Татищева оставляемъ въ семъ мѣстѣ безъ замѣчанія.

Святополкъ ушелъ въ Триполь; оттуда же ночью въ Кіевъ.

Ростиславу было тогда 23 года: онъ родился въ 1070 году (въ печатн. *Нест.* стр. 121), и погребенъ въ Софійской церкви близъ Всеволодова гроба. — Въ *Патерикѣ* (л. 132) написано, что Григорій, Чудотворецъ Печерскій, предсказалъ Ростиславу кончину его; что сей юный Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: «мнѣ ли смерть повѣдаеши отъ воды, умѣющу плавати посредѣ ея? самъ тоя вкусиши» — и велѣлъ утопить святаго мужа.

(167) Въ лѣтописи: «на Желани.» Нынѣ есть село Жиляны близъ Кіева и Бѣлогородки. — Несторъ (сказавъ, что сіе несчастіе случилось на канунѣ памяти Св. Бориса и Глѣба) пишетъ: «Бысть плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ нашихъ ради... Се бо на ны Богъ попусти поганыхъ, и не яко милуя ихъ, но насъ кажа (наказывая); се бо есть батогъ Его... Въ *праздники* Богъ намъ наводитъ сѣтованье: яко же ся створи въ се лѣто первое зло на Вэнесенье Господне, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ *новый* Русьскыя земли.» — Половцы, оставивъ Торческъ, грабили между Кіевомъ и Вышегородомъ (въ лѣтописи: спустиша *на воропъ*»). Татищевъ говоритъ, что Половцы отняли воду у жителей Торческа, пересыпавъ рѣку и давъ ей другое теченіе; говоритъ еще, что они разбили Святополка посредствомъ употребленной ими хитрости: въ лѣтописи нѣтъ ни того, ни другаго обстоятельства. — Въ сіе время (г. 1093) умеръ Ростиславъ, сынъ Мстислава, извѣстнато по его злодѣянію въ Кіевѣ (см. выше, стр. 78) и внукъ Изяслава. Въ *Кенигсберг.* онъ названъ ошибкою сыномъ Изяславовымъ.

(168) Сказаніе о женитьбѣ Святополка во многихъ спискахъ пропущено, но есть въ *Кенигсберг.*, *Ростов.* и проч. — Святополкъ, по харат. *Новогород. Лѣт.* (стр. 3) родился въ 1050 году. На комъ онъ былъ женатъ прежде, неизвѣстно, но тогда имѣлъ уже взрослаго сына, Ярослава (или *Ярославца*) и двухъ дочерей (см. ниже).

Несторъ; се уже третіе наведе (Олегъ) поганыя на Русьскую землю.» Издатель печатнаго Нестора безъ всякаго смысла поставилъ здѣсь *Бога,* вмѣсто *Олега,* который дѣйствительно въ третій разъ привелъ тогда варваровъ съ собою: 1) вмѣстѣ съ Борисомъ, 2) съ Романомъ (см. выше, стр. 50, 55).

Мономахъ пишетъ въ своей *Духовной* (стр. 38): «Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 днiй о малу... Не вдадуче имъ въ острогъ» (здѣсь не льзя разобрать нѣкоторыхъ словъ)... «Жаливси Христьяныхъ душъ и селъ горящихъ, и монастырь, и рѣхъ: *не хвалитися поганымъ* — и вдахъ брату отца своего мѣсто городъ... И выидыхомъ на Св. Бориса день изъ Чернигова... И ѣхахомъ (стр. 33) сквозѣ полкы Половечьскіе не въ 100 дружинѣ» (т. е. съ нимъ было менѣе 100 человѣкъ) — «и съ дѣтьми и съ женами, и облизахутся на насъ акы волци стояще.»

(169) Сіе прекрасное мѣсто лѣтописи Несторовой выпущено Издателемъ (см. оное въ *Никон. Лѣт.* Ч. II, 7 и 8). Далѣе говоритъ Лѣтописецъ: «и не бѣ сего слышано въ днехъ первыхъ въ земли Русьстѣй, яже видѣста очи наша за грѣхи наши.»

Въ семъ же 1094 году скончался Владимірскій Епископъ, Св. Стефанъ, Апрѣля 27. Онъ былъ Печерскимъ Игуменомъ послѣ Ѳеодосія, достроилъ славную церковь Богоматери, перевелъ Монаховъ въ новый монастырь, оставивъ нѣкоторыхъ въ старомъ для погребенія тамъ мертвыхъ, и первый уставилъ пѣть Литургію за умершую братію и блаженныхъ *Ктиторовъ* или строителей храмовъ. Изгнанный (неизвѣстно, за что) иноками Печерскими, Стефанъ основалъ другой монастырь, близъ Лавры, на Кловѣ, во имя Богоматери Влахернской, и въ память ея чудеснаго явленія художникамъ Греческимъ, посланнымъ ею въ Кіевъ для украшенія Лавры (см. выше, примѣч. 158). Наконецъ онъ былъ Владимірскимъ Епископомъ (см. Кіевск. *Патер.* л. 89 и 90).

(170) Святополковъ Бояринъ, Славята, начальствовалъ надъ ними; однакожь не онъ, но дружина уговорила Владиміра быть клятвопреступникомъ (Татищевъ ошибся). Далѣе: «Присла Володимеръ отрока своего Бандюка по Итлареву чадь, и рече Бандюкъ Итлареви: зоветь вы Князь Володимеръ, рекъ тако: *обувшеся въ теплљй збљ, заутрокавше у Ратибора, пріидите ко мнљ.* И рече Итларь: тако буди. Яко влѣзоша въ *истопку* (въ горницу), тако запрени быша. Взлѣзте на истопку, прокопаша верьхъ, и тако Олбегъ Ратиборичь пріима лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя въ сердце.»

(171) Татищевъ искалъ Юрьева при устѣ Остера; но сей городъ стоялъ на берегу Роси. Въ Несторѣ: «придоша Половци къ Гюргеву, стояша около его лѣто все и мало не взяша его. Святополкъ же омири ѐ. Половци же идоша за *Рось*» — слѣдственно тутъ былъ Юрьевъ — «Гюрьевци же выбѣгоша и идоша Кыеву» (съ Епископомъ Мариномъ). Въ Кодиновой росписи Епархій, подчиненныхъ Кіевской Митрополіи, также сказано, что Юрьевъ на берегу Роси: S. Georgius ad Russum fluvium (см. Memor. popul. II, 1037).

Лѣтописецъ говоритъ, что Половцы сожгли *оставленный* жителями Юрьевъ, и что Великій Князь, построивъ Святополчь на *Вытечевљ холмљ*, населилъ сей городъ Юрьевцами, также *Засаковцами*, и проч. Городъ *Витичевъ* былъ на Днѣпрѣ, ниже Кіева (см. *Больш. Чертежъ*): тамъ, вѣроятно, находился и Святополчь, о коемъ еще упоминается въ лѣтописяхъ при нашествіи Татаръ въ 1224 году. Юрьевцы скоро возвратились на прежнее свое мѣсто (см. ниже). Саковъ былъ гораздо ниже Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, примѣч. 328)

(172) Въ харат. *Новогород.* стр. 8: «въ лѣто 6603 иде Святополкъ и Володимеръ на Давыда Смольньску, и вдаша Давыду Новъгородъ.» Въ *Новогород.* Попа Іоанна, стр. 313: «княживъ пять лѣтъ (Мстиславъ въ Новѣгородѣ), иде къ Ростову; а Давыдъ приде къ Новугороду княжить, и по *двою лљту* выгнаша ѝ, и приде Мьстиславъ опять.» Если Давидъ, какъ сказано выше, въ 1095 году изгнанъ изъ Смоленска, то онъ не жилъ *двухъ лљтъ* въ Новѣгородѣ: ибо Мстиславъ возвратился изъ Ростова въ томъ же 1095 году.

Татищевъ пишетъ *отъ себя*, что «Владиміръ самъ ѣздилъ тогда въ Новгородъ; что жители дали клятву быть вѣрными Мстиславу до его смерти и не имѣть иныхъ Князей, кромѣ Мономаховыхъ потомковъ; что Владиміръ женилъ Мстислава на Крестинѣ, *дочери Новогородскаго Посадника,*» и проч.

Сей Историкъ назвалъ Изяслава Княземъ Смоленскимъ, разсказывая, что Давидъ выслалъ его изъ Смоленска, и что самъ Владиміръ Мономахъ велѣлъ сыну занять Муромъ; но мы увидимъ ниже, что Мономахъ былъ недоволенъ симъ Изяславовымъ поступкомъ. — Нѣтъ также въ лѣтописяхъ, чтобы Олегъ (какъ пишетъ Татищевъ) грабилъ Ростовскую и Суздальскую землю, и чтобы Владиміръ въ 1095 году воевалъ съ Херсонцами.

Въ Несторѣ: «въ се же лѣто (1095) придоша *прузи* (саранча) Іюля въ 28 день, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно; идяху къ полунощнымъ странамъ, ядуще траву и проса.» Здѣсь Стриковскій, а за нимъ и Щербатовъ, говоритъ о нападеніи *Пруссовъ* на Россію!

(173) Князья звали Олега на съѣздъ въ Кіевъ уже въ 1096 году: онъ ушелъ Маія 3 изъ Чернигова въ Стародубъ, который былъ въ осадѣ 33 дни. Татищевъ пишетъ, что Святополкъ хотѣлъ сжечь Стародубъ, но Владиміръ тому воспротивился; что они сдѣлали *приметъ* къ стѣнамъ (т. е. обклали оныя деревомъ) и грозили обратить городъ въ пепелъ, желая единственно устрашить жителей; что Великій Князь и Мономахъ, смиривъ Олега, тайно между собою положили отдать ему Муромъ, Давиду Святославичу Черниговъ, братьямъ его, Ярославу и *Святославу, Сљверскую землю* и Тмуторокань, а Смоленскъ Изяславу Владиміровичу. Но Сѣверскою землею называлась самая Черниговская область, и *Святослава* Святославича не бывало.

(174) Въ лѣтописи: «воева Куря съ Половци у Переяславля, и Устье пожже.» Слѣдственно сіе мѣсто находилось близъ Переяславля, вѣроятно при самомъ устьѣ Трубежа.

Далѣе: «и придоста къ *Зарубу,* перебродистася.» И сіе мѣсто было на западномъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Трубѣжа, гдѣ въ *Большомъ Чертежљ* (стр. 146) означена гора *Зарубина.*

Далѣе: «акы тестя своего и врага (Святополкъ Тугоркана) привезше ѝ Кыеву, погребоша ѝ на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другимъ въ монастырь идуще.» Татищевъ говоритъ о высокой могилѣ. — Далѣе: того же мѣсяца (Іюня), въ Пятокъ, приде второе Бонякъ безбожный *шелудивый* отай (тайно) хищникъ Кыеву внезапу, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша *болонье*» — (не *лљсъ,* какъ сказано въ Академическомъ Словарѣ, а пространство между двумя городскими валами, гдѣ бывали огороды, нѣкоторыя строенія, паства для скотины: см. выше примѣч. 166, *Ростов. Лљт.* л. 80 на обор. и Болт. Примѣч. на Истор. Щерб. II, 194) — «И взвратишася въ монастырь и вжгоша Стефановъ и деревней Германа» — не *деревни*, какъ думалъ Татищевъ, а *деревянный* Германовъ — «и придоша въ монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря и поставиша *стяга* (знамя) два предъ враты монастырскыми; намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати. Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, износяху аще что обрѣтаху въ кельи. По семъ вжгоша домы Св. Владычицы и придоша къ церкви и зажгоша двери, еже къ Угу (Югу) устроеніи, и вторыя еже къ Сѣверу, влѣзше въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпяше: еще бо не скончалися бяху грѣси ихъ. Тѣжь глаголаху: *гдљ есть Богъ ихъ* (Русскихъ)? *да поможетъ имъ.* И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмѣхающеся: не вѣдуще, яко Богъ кажетъ (наказываетъ) раби своя напастьми ратными, да явятся яко злато искушено въ горну. Крестьяномъ бо многими скорбьми внити въ царство небесное; а симъ поганымъ и ругателямъ, на семъ свѣтѣ пріимшимъ веселье и *просторонство* (просторъ, покой), а на ономъ свѣтѣ пріимуть муки... Убиша нѣколико отъ братья нашея,» и проч.

Вѣроятно, что Бонякъ спѣшилъ удалиться, свѣдавъ о несчастіи Тугоркана. Мономахъ въ Духовной пишетъ (скр. 40): «Идохомъ съ Святополкомъ на Боняка, за Рось.»

Сей Ханъ взялъ тогда въ плѣнъ двухъ святыхъ Печерскихъ иноковъ, Евстратія Постника и Никона Сухаго (см. *Патер.* л. 172 на об.).

(175) Въ харатейной *Пушк.* и въ другихъ: «Олегъ же выйде изъ Стародуба и приде Смолиньску, и не пріяша его Смолняне, и иде къ *Рязаню*» (Рязани: здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ городѣ). Слѣдуетъ описаніе войны съ Половцами, а тамъ: «Олгови обѣщавшюся прити съ братомъ (Давидомъ) Кыеву и обрядъ (порядокъ) положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску, и поимъ вои, пойде къ Мурому.» Татищевъ счелъ за нужное прибавить, что Давида не было тогда въ Смоленскѣ, и что сей Князь

244

находился въ Торопцѣ. Но смѣлый народъ часто дѣлалъ по своему въ древней Россіи, не слушаясь Князей, и граждане Смоленскіе могли, въ противность Давидовой волѣ, не принять Олега, боясь его безпокойнаго характера. — Замѣтимъ, что упомянутый городъ Торопецъ уже существовалъ въ сіе время. Несторъ, описывая житіе Черноризца Исакія, называетъ его Торопчаниномъ (въ *Никонов.* Ч. I, стр. 174). — Изяславъ убитъ подъ Муромомъ. О воинахъ его говоритъ Лѣтописецъ: «побѣгоша ови чрезъ *лѣсъ*, друзіи въ городъ.» Татищевъ вмѣсто лѣса, написалъ рѣку *Лесію*.

(176) Лѣтописецъ: «Мстиславъ же сдумавъ съ Новогородци и послаша Добрыню;» а Татищевъ все расплодилъ. Далѣе: «Токмо остави (Олегъ въ Суздалѣ) дворъ монастырскый (*Печерскаго* монастыря) и церковь, яже тамо есть Св. Дмитрея, еже бѣ далъ Ефремъ и съ селы.» Суздаль, будучи Всеволодовымъ городомъ, принадлежалъ къ Епархіи Ефрема Переяславскаго.

(177) Сіе письмо взято изъ древнѣйшаго харатейнаго списка Несторова, т. е. Пушкинскаго, и напечатано вмѣстѣ съ *Духовною* Мономаха, стр. 48 и слѣд. Оно было послано или съ Вячеславомъ или въ тоже время, ибо Владиміръ говоритъ въ своей грамотѣ, что сей меньшій сынъ его находится съ братомъ Мстиславомъ въ дѣдовской области (стр. 57), но писано еще прежде Олегова изгнанія изъ Мурома — что доказывается словами: «а ты (Олегъ) сѣдиши въ своемъ» (удѣлѣ). — Я ничего не прибавилъ, а только сократилъ. Вотъ нѣкоторыя изъ сихъ мѣстъ въ подлинникѣ (стр. 52): «А мы что есмы? Человѣци грѣшни, ли сей день живи, а утро мертви: день въ славѣ и въ чти, а заутра въ гробѣ и безъ памяти: иніи собранье наше раздѣлять. Зри, брате, отца наю» (нашихъ двухъ отцевъ): «что взяста, или чимъ има по ротѣ? Токмо оже еста» (они *двое* сотворили) «створила души свои» (душѣ своей)... «И бяше тебѣ узрѣвше кровь его (Изяславу) и тѣлу увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, якожь агнцю заколену, и рещи бяше стояще надъ нимъ: *Увы мнѣ! что створихъ? Свѣта сего мечетнаго* (мечтательнаго) *кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы*... А сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсь въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею въ пѣсни имѣсь» — (думаю, *которая въ пѣсняхъ* совершилась) — «не видѣхъ бо ею (ихъ двухъ) первѣе радости, ни вѣнчанья ею за грѣхи своя! А Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ (скоро) съ первымъ словомъ, да съ нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядетъ акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшуся о Бозѣ.» Надобно думать, что Изяславъ, подобно Мстиславу крестный сынъ Олеговъ, женился въ Ростовѣ или въ Муромѣ, не за долго до кончины своей. Далѣе, въ подлинникѣ стр. 55, 57: «да не выискивати было чужего, ни мене въ соромъ, ни въ печаль ввести; научиша бо и паробци (слуги), да быша собѣ налѣзли, по оному налѣзоша зло. Ожели кто (изъ) васъ не хочеть добра, ни мира Хрестьяномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его.» Мономахъ говоритъ еще въ письмѣ: «съ братомъ твоимъ (Давидомъ) *рядилися* (а не *родилися*, какъ въ печатномъ) «есвѣ» (мы *двое*, т. е. Святополкъ и Владиміръ) «а не children поможеть» (не можетъ) «рядитися безъ тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже; ни рекла есвѣ» (мы *двое* не сказали ему): «*сли къ брату, дондеже уладимся.*» Видно, что Олегъ, взявъ Ростовъ, отвѣтствовалъ такъ миролюбивому Мстиславу: *сли къ отцу*, и проч. — Въ харатейной лѣтописи за Мономаховою грамотою слѣдуетъ молитва къ Богоматери, выписанная также (какъ вѣроятно) изъ бумагъ Владиміровыхъ.

(178) Въ лѣтописи: «и наста Ѳеодорова недѣля поста и приспѣ Ѳеодорова Суббота» (т. е. первой недѣли день, въ который обыкновенно отправляется служба Св. Мученику Ѳеодору) — «а Мстиславу сѣдящю на обѣдѣ, приде ему вѣсть,» и проч. Въ сіе время Ѳеодорова Суббота была (по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Января) 1097 году, Марта 1. Далѣе: «И власть Мстиславъ *стягъ* Володимірь (знамя Владимірово) Половчину, именемъ Кунуй» (а Татищевъ назвалъ самого Половчина *Владиміромъ Куманомъ*) — «и вдавъ ему пѣшьцѣ «(пѣхоту) и постави и на правѣмъ крылѣ, и заведъ Кунуй пѣшьцѣ, напя (натянулъ) стягъ Володимерь, и убояся (Олегъ)... И поидоша къ боеви противу собѣ, Олегъ противу Мстиславу, и Ярославъ (братъ Олеговъ) противу Вячеславу. Мстиславъ же, перешедъ пожаръ» (выжженныя Олегомъ мѣста) «съ Новогородци и ступишася на Кулачьцѣ» (не рѣкѣ ли Каменкѣ?) «и бысть брань крѣпка, и нача одалати (одолѣвати) Мстиславъ, и видѣ Олегъ, яко стягъ Володимірь нача заходити въ тылъ его, побѣже.» Татищевъ украсилъ описаніе битвы многими подробностями, и пишетъ, что Мстиславъ имѣлъ въ рукахъ своихъ жену и дѣтей Олеговыхъ; что онъ, взявъ Муромъ, вынулъ тѣло брата и велѣлъ отвезти въ Новгородъ. Перваго обстоятельства нѣтъ въ лѣтописяхъ; что касается до втораго, то Лѣтописецъ, сказавъ о смерти Изяславовой, *непосредственно* говоритъ: «Положиша и въ монастыри Св. Спаса, и оттуда перенесоша и Новугороду.» Должно заключить, что это было еще прежде Мстиславовой побѣды. — Описаніе сей войны также опровергаетъ мнѣніе Щербатова и другихъ, которые утверждали, что Владиміръ на Клязмѣ существуетъ съ X вѣка: если бы между Суздалемъ и Муромомъ былъ тогда городъ, то Лѣтописецъ безъ сомнѣнія упомянулъ бы объ немъ. Я думаю, что сіе описаніе внесено въ Несторову лѣтопись какимъ нибудь очевидцемъ, т. е. Муромскимъ, Суздальскимъ или Ростовскимъ жителемъ: оно подробностію своею отличается отъ всѣхъ Несторовыхъ сказаній. Индиктъ и годъ означены въ концѣ: чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ: «Пойде (Мстиславъ) Новугороду, въ свой градъ, молитвами преподобнаго *Епископа* (а не Архіепископа) Никиты. Се же бысть исходящю лѣту (6604), Индикта 4 на полы.» Мстиславъ началъ воевать съ Олегомъ въ Февралѣ 6604, но возвратился уже въ 6605 году по тогдашнему лѣтосчисленію съ Марта. Сраженіе подъ Суздалемъ было уже въ началѣ 6605: такъ и показано въ харатейной Новогородской, съ прибавленіемъ, что въ томъ же году сгорѣло зарѣчье (онъ полъ) и дѣтинецъ (замокъ или крѣпость) и побили *Книну чадь* (вѣроятно людей Княгининыхъ) въ Новѣгородѣ. — Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Владыка Новогородскій, Никита, поставленъ въ 1096 году на мѣсто Германа умершаго въ 1095. Сей Никита на свои деньги велѣлъ расписать Св. Софію и скончался въ 1108 году. Преемникомъ его былъ Іоаннъ (см. *Нов. Лѣт.* Попа Іоанна (стр. 377).

Татищевъ пишетъ, что въ 1096 году умеръ Митрополитъ Ефремъ, и что Великій Князь на его мѣсто избралъ Святителя *Полоцкаго* Никифора, *поставленнаго Епископами Россійскими*. Историкъ нашъ не замѣтилъ, что прежде Никифора былъ еще Митрополитъ Николай.

(179) О семъ древнемъ обыкновеніи см. въ печатн. *Нест.* стр. 165, гдѣ Владиміръ говоритъ Давиду: «сѣдиши съ братьею на *одномъ* коврѣ.» — Штриттеръ, видя въ *Никонов.* слова: «сняшась на *любви*» (вмѣсто на *Любечѣ*) пишетъ, что со-

браніе Князей было въ Кіевѣ. Но Лѣтописецъ говоритъ далѣе: «цѣловавшеся пойдоша въ свояси, и *приде* Святополкъ *Кыеву*:» слѣдственно изъ *другаго* мѣста. — Здѣсь Татищевъ влагаетъ въ уста Святополку длинную рѣчь. Слова Несторовы: «глаголаша (всѣ Князья) къ собѣ рекуще: *вачто губимъ Русьскую* землю, сами на ся котору (вражду) дѣюще,» и проч.

Въ раздѣлѣ городовъ не упоминается о Смоленскѣ; но обстоятельства доказываютъ, что сей городъ остался за Владиміромъ. Въ лѣтописяхъ сказано, что Мономахъ въ 1100 или въ 1101 году (см. въ *Никонов*. Ч. II, стр. 33) основалъ въ *Смоленскѣ* каменную церковь Богородицы. Къ тому же Владиміръ въ своей *Духовной* (стр. 40 и 42) пишетъ, что онъ, заключивъ міръ съ Давидомъ Святославичемъ, и женивъ сына на Аэпиной дочери (см. ниже), часто ѣздилъ въ Смоленскъ и Ростовъ.

Вообще сіе извѣстіе о тогдашнемъ раздѣлѣ государства искажено отчасти писцами, отчасти нашими Историками. Въ *Пушкин.*: «Придоша Святополкъ, Володимеръ, Давидъ Игоревичь и Василько Ростиславичь и Давидъ Святославичь и братъ его Олегъ» — и проч. Далѣе: «кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ *Изяславль* (Изяславовъ), Володимеръ Всеволожь» (*Всеволоже*, т. е. что принадлежало Всеволоду) «Давидъ и Олегъ и Ярославъ и *Святославъ*» (вмѣсто: *Святославле*, или что принадлежало Святославу) — «а имъ же роздаялъ Всеволодъ городы Давиду (Игоревичу) Володимерь, Ростиславичема (двумъ Ростиславичамъ) Перемышль Володаревн, Теребовль Васильковн.» Но въ *Ростов. Лѣт.* (л. 83 на обор.) нѣтъ здѣсь ни одной описки. — Татищевъ говоритъ о *сыновцахъ* или родныхъ племянникахъ Святополковыхъ; о Новѣгородѣ, отданномъ тогда Великому Князю; о *Тмутороканѣ*, Удѣлѣ Святославичей. Лѣтописецъ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ. Въ Новѣгородѣ княжилъ Владиміровъ сынъ Мстиславъ до 1102 году (см. ниже). — Теребовль есть нынѣ мѣстечко въ Галиціи на рѣкѣ Серетѣ и называется Трембовла.

(180) См. выше, стр. 57.

(181) И такъ сіи города принадлежали къ области Кіевской. — Святополкъ, отвѣтствуя посламъ Владиміра и Святославичей (см. ниже), сказываетъ, что онъ боялся еще потерять Берестье (Брестъ) и *Поборину; не Погорину* ли, т. е. мѣста по рѣкѣ Горыни? Василько стоялъ близъ Кіева станомъ на рѣчкѣ Рудицѣ. — Татищевъ сказываетъ, что сей Князь за *домашнею нуждою* спѣшилъ въ Теребовль; но Василько, по словамъ Лѣтописца, отвѣтствовалъ Святополку: «не могу ждати, еда будетъ рать дома.» — Татищевъ прибавляетъ еще, что Святополкъ и Давидъ не смѣли сдѣлать никакого зла Мономаху, весьма уважаемому народомъ. — Давидъ посылалъ и своего человѣка звать Василька, приказавъ ему сказать: «не слушайся *брата* старѣйшаго:» *дяди*; но Князья обыкновенно назывались тогда братьями.

(182) Въ лѣтописи: «пріѣха въ малѣ дружинѣ (Василько) на Княжь дворъ и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша въ *истопку* (горницу)... И рече Святополкъ: *да заутракай, брате; посѣдита вы здѣ, а язъ лѣзу, наряжу*... И не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья... И рече: *идѣ есть братъ?* Они же (слуги) рѣша ему: *стоитъ на сѣнехъ*. И вставъ Давыдъ рече: *язъ иду понь*... И запроша Василька, и оковаша и въ двои оковы.» Нѣтъ въ лѣтописи, чтобы онъ требовалъ свиданія съ Великимъ Княземъ, желая знать вину свою. Татищевъ прибавляетъ, что Кіевскіе Вельможи совѣтовали Государю своему увѣдомить обо всемъ другихъ Князей, и что Давидъ сказалъ Святополку: «отъ заключеннаго въ Кіевѣ Василька жди того же, что было Изяславу отъ *Вечеслава*» (Всеслава). Далѣе въ лѣтописи: «яста Василька (Сновидъ Изечевичь, конюхъ Святополчь и Дьмитръ, конюхъ Давидовъ) и хотяща и поврещи, и боряшется съ ними крѣпко, и не можаста его поврещи, и си влѣзше друзи, и повергоша, и связаша, и снемше доску съ печи и взложиша на перси его и сѣдоста оба полы (съ обѣихъ сторонъ) Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати, и приступиста ина два, и сняста другую доску съ печи, и сѣдоста и удавиша и рамяно, яко персемъ троскотати (трещать), и приступи Торчинъ, именемъ Берендн овчюгъ» (*овчаръ*, а не *евнухъ*, какъ думалъ Татищевъ) «Святополчь, держа ножь и хотя ударити во око, и грѣшися ока (не попалъ въ глазъ) и перерѣза ему лице, и *есть* рана та Василькѣ и *нынѣ*» — (слѣдственно это писано при жизни сего Князя) — «и посемъ удари въ око,» и проч.

Городъ Здвиженскъ (а не Воздвиженскъ) былъ на рѣкѣ Здвижѣ. Въ лѣтописи: «сташа на торговищи и сволокоша съ него сорочку кроваву сущю и вдаша *попадьи* прати.» Домы Священниковъ, какъ лучшіе, въ селахъ и древнихъ городахъ служили пристанищемъ для путешественниковъ. Далѣе: «Поидоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ (на колесахъ), а по *грудну* пути: бѣ бо тогда мѣсяць *Груденъ*, рекше *Ноябрь*; и придоша съ нимъ Володемери въ 6 день. Приде же и Давидъ съ нимъ, акы нѣкакъ уловъ уловивъ, и посадиша и въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи, и два Отрока Княжа, Уланъ и Колчко.» Издатель Нестора вздумалъ поправить Лѣтописца и напечаталъ, вмѣсто Ноября: «Груденъ, рекше *Декабрь*:» ибо Поляки называютъ сей послѣдній мѣсяцъ Grudzień (см. Т. I, примѣч. 152).

(183) Они стояли противъ Кіева *за Днѣпромъ въ бору*, сказываетъ Лѣтописецъ; а ниже, говоря о томъ же (Несторъ или другой) пишетъ: «сташа у *Городца*:» слѣдственно Городецъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра (см. выше, прим. 28 и 136). — Въ *Кіев. Лѣт.*: «въ се же лѣто (1098) заложи Володимеръ церковь камену Св. Богородица въ Переяславли на Княжѣ Дворѣ и городъ на Вѣстри,» т. е. крѣпость въ Остерскомъ Городцѣ.

Въ *Пушк.*, въ *Ростов.*, *Кенигсберг.* и другихъ лучшихъ спискахъ Нестора названъ здѣсь Митрополитъ Николаемъ, а въ *Никонов.* ошибкою Никифоромъ, котораго тогда еще не было въ Россіи. Въ лѣтописи: «И преклонися (Владиміръ) на молбу Княгининну; чтяшеть ю аки матерь, отца ради своего... И Митрополита тако же чтяше.»

(184) Въ спискѣ *Пушкин.*, *Хлѣбн.*, *Ипат.* и другихъ: «Да се, Василю, шлю тя; иди къ Васильковн, *тезу* (тескѣ) своему.» Слѣдственно это писано *Василіемъ*. Въ такія посольства обыкновенно употреблялись Священники или Монахи. Сей Василій — будучи жителемъ Червенской или Волынской области, какъ вѣроятно — дополнилъ Нестора, знавъ лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія: отъ чего вышли повторенія. На примѣръ, война Святополкова съ Давидомъ, бѣдствіе Венгровъ (см. ниже) въ Галиціи, и кончина Мстислава описаны весьма обстоятельно, а послѣ сказано: «въ лѣто 6607 изыде Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхы; въ се же лѣто побьени Угри у Перемышля; въ се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь.» Одинъ человѣкъ не могъ писать сперва подробно, а тамъ коротко о томъ же случаѣ. — Татищевъ *прибавилъ* къ словамъ Несторова дополнителя слѣдующее: «случилося мнѣ



245

быть тогда въ Владимірѣ *смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей!»*

Города именую здѣсь такъ, какъ они въ *Пушкин.*, въ *Хлѣбн.* и въ *Ипатьев.* спискѣ именованы. Перемиль и Шеполь были Галицкими городами; они, какъ видно, принадлежали къ области Теребовля. — Въ *Никон. Лѣт.* поставленъ вмѣсто Шеполя Теребовль; а Татищевъ написалъ, что сей городъ былъ завоеванъ Давидомъ.

(185) Вопреки Болтину, который говоритъ, что Василько не имѣлъ причины воевать съ Поляками. — О Берендичахъ или Берендѣяхъ см. ниже, примѣч. 218. — Печенѣги жили тогда въ окрестностяхъ Дуная и вели кровопролитныя войны съ Императоромъ Алексіемъ (см. Memor. popul.). Нѣкоторые оставались еще и на Донскихъ степяхъ. Далѣе въ *Пушкин.*: «реку брату своему Володареви и Давидови.» Здѣсь названіе *брата* относится только къ Володарю. Василько хотѣлъ требовать войска отъ Давида единственно по сосѣдству съ его владѣніемъ. — Далѣе: «И посемъ хотѣлъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половцы, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю.» Издатель Нестора напечаталъ: просити *вои* у Святополка,» и проч. Сей разговоръ Василька, описанный нами отъ слова до слова, безъ малѣйшаго прибавленія (какъ и все другое), есть безъ сомнѣнія зерцало великой души.

(186) Василько ослѣпленъ въ Ноябрѣ 1097 году, разговаривалъ въ темницѣ съ Василіемъ при наступленіи Великаго поста, въ началѣ Февраля 1098, а Володарь освободилъ заключеннаго брата около Святой недѣли *(приходящу Велику дни)*. Въ томъ же году Мономахъ и Святославичи примирились съ Святополкомъ, подъ Кіевомъ у *Городца* (см. выше, примѣч. 183), какъ мы уже описали: слѣдственно они *нѣсколько* мѣсяцевъ ничего не дѣлали, а только готовились къ войнѣ. Что Владиміръ могъ тогда воевать съ Половцами, заключаю изъ слѣдующаго мѣста его *Духовной* (стр. 41): «Идохомъ противу имъ (Половцамъ) на Сулу:» чему кажется, надлежало быть около сего времени. — Въ *Ростовск.* и *Воскресенск. Лѣт.* сказано, что Василько дѣйствительно чрезъ посла *уговорилъ* Святополка и *Владиміра* не тревожить Давида и не проливать крови; но сіе обстоятельство, думаю, несправедливо. Описаніе Святополкова похода въ Волынію въ 1099 году начинается словами: «Святополку же обѣщавшюся прогнати Давида, пойде же къ Берестью:» слѣдственно *Мономахъ* и Святославичи не освободили Великаго Князя отъ даннаго имъ обязательства.

Городъ Бужскъ называется нынѣ Бускъ, между Бродами и Лембергомъ. Татищевъ пишетъ, что у Володаря были союзниками Венгры. Сей Историкъ, желая оправдать Ростиславичей, сказываетъ намъ, что Давидъ не исполнилъ своего обѣщанія и не возвратилъ имъ *всѣхъ* городовъ Червенскихъ; что Володарь и Василько требовали тогда Мономаховой помощи, и проч.

(187) «И неволя бысть выдати я̂, и рече Давидъ: *нѣту ихъ здѣ; бѣ бо я̂ послалъ* Лучьску (въ Луцкъ). «Онѣмъ же (Владимірцамъ) пошедшимъ Лучьску, *Турякъ* бѣжа Кыеву; а *Лазарь* и *Василь* воротистася Турійску» (мѣстечку на дорогѣ отъ Владиміра въ Ковель)... «Давидъ же пославъ приведе Василя и Лазаря и дастъ я̂... А заутра по зори (по зарѣ) повѣсиша Василя и Лазаря, и растрѣляша стрѣлами *Васильковичи.*» Въ *Ростов. Лѣт.* поставлено: «Васильковы *Отроки,*» то есть, молодые люди его отборной дружины (а не сыновья). Такъ въ другомъ мѣстѣ воины Мстиславовы названы *Мстиславичами* (см. *Рос. Библіот.* стр. 260). Татищевъ сказываетъ, что наперсниковъ Давидовыхъ повѣсили *за ноги.*

(188) «Святополкъ свѣтъ створи съ Ляхы; пойде Пинску пославъ по воѣ (по воиновъ), и приде Дорогобужю и дожда ту вой своихъ, и пойде на Давида.» Слѣдственно Великій Князь приходилъ въ Брестъ съ малымъ числомъ войска, думая тамъ набрать Поляковъ. Владиславъ обманулъ Давида, однакожь не хотѣлъ явно помогать его непріятелю. — Далѣе: «и стоя Святополкъ около града 7 недѣль, и поча Давидъ молитися: *пусти мя изъ града.* Святополкъ же обѣщался ему, и цѣловаше крестъ межу собою, и изыде изъ града и приде въ *Червень»* (близъ Хельма)» а Святополкъ вниде въ градъ въ Великую Субботу (9 Апрѣля), а Давидъ бѣжа въ Ляхы.» Татищевъ несправедливо говоритъ, что Великій Князь отдалъ Червенъ Давиду: сей послѣдній требовалъ единственно личной для себя безопасности, и былъ въ Червенѣ проѣздомъ. Историкъ нашъ прибавляетъ здѣсь и другія обстоятельства, разсказывая, какъ Святополкъ и Владиславъ угощали другъ друга, и какъ Великій Князь помолвилъ тогда дочь свою за Болеслава, Королевскаго сына, отложивъ бракъ на 5 лѣтъ, за малолѣтствомъ жениха и невѣсты.

(189) Татищевъ описываетъ все по своему, и заставляетъ Ростиславичей убѣдительно доказывать Святополку, что ему должно оставить ихъ въ покоѣ. — Въ лѣтописи: «Володарь и Василько понидоста противу, вземше крестъ, его же бѣ цѣловалъ (Святополкъ) къ нима... И срѣтошася на поли на *Рожни»* (неизвѣстное урочище)... «и Василько взъвыси крестъ, глаголя (и проч.)... И *мнози человѣцы благовѣрніи видѣша крестъ надъ Васильковы вои възвышься вельми.»*

Далѣе: «Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимъ сына его два, и Ярополчича (племянника) два, и *Святоша, сынъ Давида Святославича...* Посади въ Володимери Мстислава, иже бѣ ему отъ наложницѣ, а Ярослава посла въ Угры.» Издатель Нестора назвалъ Святошу (стр. 164) *Ярополковымъ* сыномъ, а Татищевъ Коломана, Государя Венгерскаго, зятемъ Святополковымъ (см. ниже, примѣч. 209).

(190) Въ *Никонов.* и *Ростов.* Давидъ названъ здѣсь *Ростиславичемъ*; но Володарь и Василько не имѣли третьяго брата, кромѣ умершаго Рюрика. Потому вездѣ упоминается о Ростиславичахъ въ двоиственномъ числѣ, какъ въ мѣстоименіяхъ, такъ и въ глаголахъ. Татищевъ породнилъ Давида съ Володаремъ, сказывая, что первый былъ женатъ на сестрѣ Ростиславичей; въ лѣтописяхъ нѣтъ того. Мартинъ Галлусъ пишетъ (стр. 80), что одна изъ дочерей Польскаго Герцога Владислава была тогда за Княземъ Россійскимъ (una quarum in Russia viro nupsit): не за Давидомъ ли, который два раза искалъ Владиславовой помощи?

(191) «И наутріе Бонякъ исполчи вои, и бысть Давиду вои 100, а у самаго (Боняка) 300; и раздѣли на 3 полкы, и пойде къ Угромъ, и пусти *наворопъ»* — (для скораго *нападенія*, а Татищевъ говоритъ: *для добычи языковъ*) — «Алтунопу съ 50 чади, а Давида постави подъ *стягомъ»* (въ *боевомъ порядкѣ*, а Татищевъ говоритъ: въ *засадѣ*) — «а самъ раздѣлися на двѣ части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася *на заступы* (на ряды): бѣ бо Угръ числомъ 100.000 (въ *Никонов.* и другихъ: «*и быша нарядни въ доспѣхахъ, аки води колеблющеся, и бѣ видѣти ихъ страшно).* Алтунопа же пригна къ первому заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры; Угри же погнаша по нихъ, яко бѣжаще; минуша Боняка» — (слѣдственно онъ, а не Давидъ былъ въ засадѣ) «и Бонякъ погнаше сѣка въ тылъ; а Алтунопа възвра-

тяшеться вспять, не допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая, сбиша ѐ въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицъ, и побѣгоша Угри, и мнози истопоша въ *Вягру*» (рѣкѣ впадающей въ Санъ) «а друзіи въ Сану» (рѣкѣ, на которой стоитъ Перемышль). Число Венгровъ, думаю, увеличено, а число побѣдителей уменшено; по сказанію Длугоша, первыхъ было 8000. Володарь *могъ* сдѣлать вылазку, а Татищевъ увѣрительно говоритъ, что она рѣшила битву.

См. Прая Annales Regum Hungariæ, кн. II, стр. 99 — 100. Годъ показанъ тотъ же самый, т. е. 1099; но Венгерскіе Лѣтописцы не знали причины войны. Quid causæ obmoti belli fuerit, non comperio, говоритъ Прай: жаль, что онъ не могъ читать нашихъ лѣтописей. — Кто была сія Ланка (можетъ быть Янка) quæ a defuncto marito rerum isthic potiebatur? Не вдовствующая ли супруга Володарева брата, Рюрика, который прежде господствовалъ въ Перемышлѣ? — Уронъ Венгровъ былъ чрезмѣрный, какъ говоритъ Прай: nusquam alias tam insignem jacturam ab hoste nostros accepisse, domestici annales memorant. — Татищевъ разсказываетъ, что Володарь долго не хотѣлъ звать къ себѣ Половцевъ, и всячески убѣждалъ Коломана заключить миръ.

Туроцъ (Chron. Hung. стран. 66) пишетъ, что Король Ладиславъ, предмѣстникъ Коломановъ, воевалъ съ Россіянами за то, что они совѣтовали Половцамъ опустошать Венгрію: тогда — говоритъ сей Лѣтописецъ — устрашенные Россіяне испросили миръ у Ладислава, et promiserunt regi fidelitatem in omnibus.

(192) Въ *Пушкин.* и *Кенигсберг.* спискѣ: «Давидъ заимъ (на) *Сутѣску* Червень, приде внезапу и зая Володимерцѣ.» Въ *Никон. Лѣт.*: «заемъ грады Суетескъ» — въ *Ростов.* Сутѣскъ, у Татищева *Сутень* — «и Червень.» Въ географическомъ отрывкѣ, на который мы часто ссылаемся (см. выше, примѣчан. 117), показанъ Сутескъ въ числѣ восточныхъ городовъ Литовскихъ: здѣсь безъ сомнѣнія не объ немъ упоминается. Въ Духовной Мономаха (стр. 32) сказано: «идохъ на Володимерю на *Сутѣйску* мира творить съ Ляхы.» *Сутѣскъ* или *сутискъ* вообще означалъ, кажется, *границу*.

Далѣе: «а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою (съ гарнизономъ), иже бѣша у него Берестьяне, Пиняне (жители Пинска), Выгошевци» (Волынскій городъ Выгошевъ названъ, думаю, послѣ Вышгородомъ) . . . . . «Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою на забородѣхъ» (на стѣнѣ деревянной) «сквозѣ дску скважнею» (сквозь отверстіе доски). Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Давидъ приступалъ къ городу *подъ вежами*, т. е. подъ башнями.

Въ *Патерикѣ* (л. 153), въ житіи Ѳеодора и Василія, повѣствуется (другими словами) слѣдующее о Мстиславѣ: Инокъ Ѳеодоръ нашелъ въ пещерѣ своей множество серебра и сосудовъ драгоцѣнныхъ; хотѣлъ сперва уйти съ ними, но раскаялся, и зарылъ ихъ. Мстиславъ, сынъ Святополковъ, свѣдалъ о томъ и требовалъ сокровища отъ Ѳеодора, который ему отвѣтствовалъ: «еще при жизни Св. Антонія слышалъ я, что въ сей пещерѣ было древнее Варяжское хранилище, и что она по тому самому названа *Варяжскою*. Правда, что я видѣлъ тамъ много золота и сосудовъ *Латинскихъ*; но Богъ отнялъ у меня память, и теперь не знаю, гдѣ они скрыты мною.» Жестокій Мстиславъ велѣлъ мучить Святаго, и будучи *шуменъ отъ вина*, пустилъ стрѣлу въ друга Ѳеодорова, блаженнаго Василія, который, вынувъ оную изъ себя и бросивъ къ ногамъ юнаго Князя, сказалъ, что скоро Мстиславъ будетъ самъ уязвленъ ею. Пророчество исполнилось. Мстиславъ, раненный въ Владимірѣ на стѣнѣ, узналъ стрѣлу свою и сказалъ: «умираю за Ѳеодора и Василія.»

(193) Въ харатейной лѣтописи: «и рѣша людье: се Князь убьенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ (а не Давидъ) погубитъ ны вся.»

(194) Именемъ Василя. — Съ Давидомъ Игоревичемъ былъ тогда сыновецъ, или братнинъ сынъ, Мстиславъ: слѣдственно Игорь имѣлъ двухъ сыновей. — Татищевъ пишетъ, что въ 1099 году Мономахъ возобновилъ Городецъ на Остерѣ, сожженный Половцами: сей Историкъ считалъ за одно мѣсто Городецъ и Юрьевъ, возобновленный не Мономахомъ, а Святополкомъ (см. ниже).

(195) Въ лѣтописи: «Братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ, Олегъ въ Увѣтичихъ» — у Татищ. *на Вятичевѣ*: можетъ быть, въ городѣ Витичевѣ, на Днѣпрѣ, ниже Триполя. — Въ *Пушк.* и *Кенигсберг.* стоитъ 10 и послѣ 30 Августа; но въ *Троицк.*, *Ростов.*, *Никон.* и другихъ 30 Іюня. Въ нѣкоторыхъ означено, что Давидъ Игоревичь пріѣхалъ 2 Іюля.

Послами были къ Игоревичу отъ Святополка Путята, отъ Владиміра Орогостъ и Ратиборъ, отъ Святославичей Торчинъ. Они говорятъ: «Шедъ сяди въ Бужскѣмъ въ Острогѣ» (а Татищевъ обратилъ сей городъ въ два, въ Бужскъ и въ Острогъ) — «Дубенъ и Черторыескъ то ти даетъ Святополкъ:» ибо сіи города принадлежали Великому Князю.

Татищевъ назвалъ и Ярослава побочнымъ сыномъ Святополковымъ. Здѣсь же говоритъ онъ о землетрясеніи въ Кіевѣ и Владимірѣ, отъ котораго церкви едва устояли, кресты падали съ храмовъ, и проч. Но въ лѣтописяхъ упоминается о томъ гораздо послѣ (см. ниже), и кратко: «потрясеся земля.»

(196) Длугошъ разсказываетъ (кн. IV, ст. 346), что въ сіе время, — т. е. въ 1001 году — Князья наши: Владиміръ *Новогородской*, Олегъ и Давидъ *Переяславскій*, Володарь и Ярославъ Ярополковичь, ограбивъ Польскія владѣнія, съ великимъ богатствомъ и со многими плѣнными возвращались въ Россію, но что юный Болеславъ настигъ ихъ близъ границы и ночью разбилъ на голову. Длугошъ, худо понимая Русскія лѣтописи, не умѣлъ даже и назвать Князей; но быть можетъ, что Володарь дѣйствительно воевалъ тогда Польшу: ибо Мартинъ Галлусъ (стр. 85) также упоминаетъ о сей войнѣ.

Въ лѣтописи о Ярославѣ: «и молись о немъ Митрополитъ и Игумени, и умолиша Святополка, и заводиша й у раку Св. Бориса и Глѣба» — то есть, Ярославъ у гроба сихъ Мучениковъ далъ клятву смириться. Далѣе (въ 1102 году): «выбѣже Ярославъ Ярополчичь изъ Кіева Окт. въ 1 день. Тогожь мѣсяца на исходѣ прельстивъ Ярославъ Святополчичь Ярослава Ярополчича и ятъ й на Нурѣ» — рѣкѣ впадающей въ Бугъ — «и приведе й къ отцю Святополку и окоташа.» — Далѣе (въ 1103 году): «преставися Ярославъ Ярополчичь мѣсяца Августа въ 11 день.»

(197) См. выше, прим. 163. Слова Новогородцевъ: «аще ли двѣ главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли.»

(198) «Совокупишася вся братья (въ 1101 году): Святополкъ, Володимеръ, и Давидъ, и Олегъ, и Ярославъ, на Золотчи» — рѣчкѣ, впадающей въ Днѣпръ противъ Кіева съ лѣвой стороны: см. печатн. *Нест.* 218 — «и присылаша Половци слы отъ всѣхъ Князій ко всей братьи, просяще ми-

246

ра . . . . . И сняшася (съѣхались) у Сакова, и створиша миръ,» Сент. 15. Съѣздъ Князей Россійскихъ былъ *на Долобскѣ*. Озеро выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, называлось *Долобское* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 218).

Владиміръ говоритъ Князьямъ: «*лошади* жалуете, ею же оретъ смердъ. И такъ имя *лошадь* употреблялось въ Россіи прежде нашествія Татарскаго. Здѣсь оно нѣсколько разъ повторено.

(199) Всеславъ, княживъ 57 лѣтъ, скончался въ 1101 году, Апрѣля 14, *въ 1 часу дня:* въ *Пушк.* спискѣ прибавлено: въ *Среду;* но въ семъ году 14 Апрѣля было Воскресеньемъ. Татищевъ пишетъ, что въ 1102 году сынъ Всеславовъ, Борисъ, ходилъ на Ятвяговъ, и возвратясь съ побѣдою, основалъ новый городъ, Борисовъ.

Мы сказали выше, что Олегъ Святославичь былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой. (см. ниже, примѣчаніе 302).

(200) «Выйде (въ 1100 году) Мстиславъ отъ Давыда на море мѣсяца Іюня въ 10.» Вѣроятно, что сей Князь, подобно Норманскимъ, выѣзжалъ на море (думаю, Черное) собирать дань съ купеческихъ судовъ. — Вячеславъ Ярополковичь, о коемъ здѣсь упоминается, умеръ въ 1104 году, Декабря 13. Далѣе въ лѣтописи: «и придоша ниже порогъ и сташа въ *протолчехъ*, въ Хортичемъ островѣ» — думаю, *протокахъ* или рукавахъ Днѣпра, обтекающаго сей островъ: а Татищевъ пишетъ: *въ Торчахъ*. — Далѣе: «вси моляху Бога и *обѣты* вздаяху Богу и матери Его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогимъ, иніи же монастыремъ требованья . . . . . И пойдоша полкове аки *борове*, не бѣ презрѣти ихъ» — (т. е. какъ необозримый *боръ;* а нѣкоторые новѣйшіе Лѣтописцы поставили: «яко *звѣріе* дивіи,» воображая, что здѣсь говорится о *боровахъ*, или свиныхъ кладеныхъ самцахъ) — «и Русь поидоша противу имъ, и Богъ великый вложи ужасть велику въ Половцѣ и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Рускыхъ вой; *дремаху* сами, и конемъ ихъ *не бѣ спѣха* въ ногахъ; наши же съ весельемъ,» и пр. Имена убитыхъ Хановъ: Урусоба, Кчій, Арсланапа, Катанопа, Куманъ, *Асупъ*, Куртокъ, Ченегрепа, Сурьбарь. Нѣкоторые думали, что *Азовъ*, который назывался въ древности Танаисомъ, получилъ имя свое отъ имени *Асупа*, Князя Половецкаго (см. Alte Azowische Begebenh. въ Samml. Ruß. Gesch. II, 78).

Лѣтописецъ именно говоритъ, что Россіяне взяли тогда Печенѣговъ и Торковъ съ вежами. Остатки сихъ народовъ еще кочевали на степяхъ Екатеринославской Губерніи.

(201) Сей *Исторіи* Т. I, стран. 23. Несторъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Зимеголы.

Мы не упоминаемъ въ Исторіи о слѣдующихъ происшествіяхъ сего времени: Въ 1101 году (по *Ростовск. Лѣт.* въ 1102) родился у Владиміра сынъ Андрей, а въ 1104 у Святополка Брячиславъ: въ 1103 году снова явилась саранча, Авг. 1; въ 1105 году Бонякъ приходилъ къ Зарубу на Торковъ и Берендѣевъ. — Въ *Ростов.* сказано, что въ 1107 году Болгары осаждали Суздаль, гдѣ не было тогда Князя; что жители молились и Богъ чудеснымъ образомъ *ослѣпилъ* непріятелей: въ древнѣйшихъ спискахъ нѣтъ сего извѣстія. — Въ 1107 году, Маія 7, скончалась вторая супруга Мономахова: онъ называетъ ее въ своей *Духовной* (стр. 41) *матерію Георгія*, (см. также выше, примѣч. 46). — Къ 1108 году, Генваря 30, преставился Новогородской Епископъ Никита (см. харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 9). Въ *Патерикѣ* сказано, что онъ былъ затворникомъ въ Кіевской Лаврѣ, зналъ наизустъ многія Жидовскія книги и Ветхій Завѣтъ, но не читалъ Новаго, обольщенный Діаволомъ, отъ котораго едва избавили его молитвами своими Григорій Чудотворецъ, Никола Епископъ Тмуторокансkій и Несторъ Лѣтописецъ, тогдашніе Монахи Печерскіе. Въ Каталогахъ несправедливо означены годы церковной паствы и кончины сего Епископа. Мощи Св. Никиты, обрѣтенныя уже въ XVI вѣкѣ, хранятся въ Новогородскомъ Соборѣ, и гробница, сооруженная Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, окована серебромъ. — Въ 1108 же году довершили церковь Богоматери на Кловѣ и трапезницу Печерскаго монастыря, при Игуменѣ Ѳеоктистѣ, который заложилъ оную по обѣту Глѣба (Татищевъ пишетъ *Святославича:* но его уже не было на свѣтѣ при Игуменѣ Ѳеоктистѣ: развѣ Глѣба *Всеславича?)*. Тогда же была сильная вода въ Днѣпрѣ, Деснѣ и Припети. — Въ 1109 году, по извѣстію *Никон. Лѣт.*, на церкви Св. Михаила явилась неизвѣстная птица: «величествомъ бѣ со овна, и сіяше всякими цвѣты, и пѣсни безпрестанно и много сладости имуще изношашась отъ нея, и сѣде на церкви по 6 дней и отлетѣ, и никто же нигдѣ не можаше видѣти ея.»

(202) «Въ лѣто 6614 воеваша Половци около *Зарѣчьска*, и посла по нихъ Святополкъ Яня, Иванька Захарьича Козарина, и угониша Половци и полонъ отъяша.» Гдѣ былъ Зарѣчьскъ, точно не знаемъ; но вѣроятно въ Кіевской области. Въ *Никон.* названъ здѣсь Янъ *Вышатичь*, еще *Путята, братъ его;* и въ *Ростов. Лѣт.*, за словами *полонъ отъяшя*, написано: «и гониша ихъ до Дуная біюще ихъ.» Въ *Новогород.:* «избиша Половци на Дунаи.» Татищевъ говоритъ, что Половцы въ сей годъ ходили къ *Дунаю* на Болгаровъ. Въ сраженіи 12 Авг. были съ Мономахомъ сыновья его Вячеславъ и Ярополкъ. Въ лѣтописи: «убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его; Шуруканъ едва утече.»

(203) Одинъ изъ сихъ Хановъ назывался Аэпа, Осеневъ сынъ, а другой Аэпа же, сынъ Гиргеневъ. На Осеневой внукѣ женился Георгій или Юрій Владиміровичь, а на Гиргеневой сынъ Олеговъ. Татищевъ называетъ послѣдняго Святославомъ, и пишетъ, что Россійскіе Князья надѣялись сими брачными союзами склонить Половцевъ къ принятію Вѣры Христовой и къ жизни гражданской; что Владиміръ, *Давидъ* и Олегъ съ *великимъ убранствомъ* выѣхали на рѣку Хороль, и проч. Далѣе въ лѣтописи: «6617, мѣсяца Декабря въ 2 день, Дмитръ Игоровичь взя еже Половецкые у Дону.» — Въ *Ростов.:* 1000 вежъ.» Въ 6618 (1110): «Идоша веснѣ на Половци Святополкъ, Володимеръ и Давидъ» (вѣроятно Святославичь) «и дошедше Воиня» (близъ Переяславля) «воротишася. Того же лѣта Половци воеваша около Переяславля по селомъ и взяша полонъ у Чючина» (см. *Кіевск. Лѣт.*). Татищевъ пишетъ, что Князья наши возвратились отъ Воиня «ради падежа конскаго.»

(204) Въ *Кіевск. Лѣт.* подъ 1111 годомъ вторично описывается то, что сказано было подъ 1102 годомъ: «Срѣтостася (Святополкъ и Владиміръ) на Долобску и сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святоп. съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею, и бывшю молчанію, и рече Володим.: брате! ты еси старѣй; почни глаголати. И рече Святоп.: брате! ты почни.» Тутъ Владиміръ доказываетъ, что не надобно жалѣть земледѣльцевъ и лошадей ихъ, когда надобно спасти отечество, и проч. — Въ походѣ 1111 года были, кромѣ Великаго Князя и Мономаха, Давидъ Святославичь и сынъ его Ростиславъ, Давидъ Игоревичь, Всеволодъ и Святославъ Ольговичи, Ярославъ Святополковичь, Мстиславъ и Ярополкъ Владиміровичи.

Въ 1102 году: «бысть знаменье на небеси, мѣсяца Генваря въ 29 день, по три дни, аки пожарная заря отъ Востока и Уга (Юга) и Запада и Сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы отъ луны полнь свѣтящься. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ мѣсяца Февраля въ 5 день. Того жь мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнцѣ: огородилося бяше солнце въ три дуги, и быша другыя дуги хребтъ къ собѣ; и сія видяще знаменья благовѣрни *Черньци* со воздыханіемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменія Его на добро: знаменья бо бывають ово на зло, ово ли на *добро*. На придущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскые Князи, и умыслиша дерзнути на Половци.» — Въ 1104 году «бысть знаменье, стояще солнце въ крузѣ, а посредѣ круга крестъ, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогами на Сѣверъ. Такожь знаменье и къ лунѣ тѣмъ же образомъ мѣсяца Февраля въ 4, 5 и 6 день, въ днѣ по три дни, а въ нощь въ лунѣ по три нощи.« — Въ 1108 году, Февр. 5, было землетрясеніе. Въ 1111 году (Февраля 11) «бысть знаменье въ Печерстѣмъ монастырѣ: явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а мольнья (молніи) освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1 нощи, и весь міръ видѣ. Се же столпъ первѣе ста на трапезницѣ каменнѣй, яко же не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, сступи на церковь и ста надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ, аки ко Встоку лиць, и потомъ невидимъ бысть. «Лѣтописецъ толкуетъ, что сей столпъ былъ не что иное, какъ Ангелъ, посылаемый Богомъ для спасенія людей, и говоритъ: «не се ли Ангелъ вожь былъ на супостаты?» Въ *Никонов.* (II, 43) и другихъ прибавлено, что самъ Владиміръ видѣлъ сіе счастливое явленіе, находясь тогда въ городцѣ, куда столпъ удалился отъ монастыря (слѣдственно Городецъ былъ на Востокъ близъ Кіева: см. примѣч. 28 и 136). Въ *Ростов.*: «ту бо бѣ Князь Владиміръ *врадостнѣся*;» а въ *Никонов.*: «въ Радосыни:» такъ называлось мѣсто у Городца (см. ниже). Читатели не имѣютъ нужды въ изъясненіи столь обыкновенныхъ феноменовъ, свойственныхъ климату сѣверному. — Татищевъ, имѣвъ у себя переводъ Ликостенова *Хроникона* (Chronicon prodigiorum), зналъ, что въ 1106 году, Февраля 5, являлась Комета, и по тому единственно пишетъ объ ней въ своей Исторіи. Наши Лѣтописцы не примѣтили сей Кометы, говоря здѣсь только о Сѣверныхъ сіяніяхъ, и проч.

Когда Святополкъ, въ 1107 году побѣдивъ варваровъ, пришелъ въ Лавру 15 Августа, въ самую заутреню, тогда всѣ монахи съ радостію цѣловали или поздравляли его *(братья цѣловаша съ радостью великою яко врази наши побѣждены быша)*.

Въ *Пушкин.* два раза сказано о возвращеніи нашихъ Князей съ Воинѧ, въ 6618 (что и справедливо) и въ 6619; а битва на Сальницѣ положена въ 6620, и весьма кратко описана. Числа и дни недѣли, означенныя въ *Кіевск. Лѣт.* и многихъ другихъ, свидѣтельствуютъ, что Князья выступили 26 Февр. 1111 году, во вторую Недѣлю (Воскресенье) Великаго поста. Разбивъ непріятеля 24 Марта, они праздновали на другой день и Благовѣщеніе и *Лазарево Воскресеніе*, которыя въ семъ году были точно въ одинъ день.

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Поидоша въ 2 Недѣлю поста, а въ Пятокъ быша на Сулѣ . . . . . Въ Суботу на Хоролѣ, ту и сани пометаша, а въ Недѣлю, въ нюжь крестъ цѣлують» (четвертую поста) «пріидоша на Пселъ . . . . и сташа на рѣцѣ на Голтѣ, и ту пождаша вой, и двидоша Ворьскла: ту жь заутра въ Среду крестъ цѣловаша съ многими слезами. . . . Въ 6 недѣлю поста придоша къ Донови, во Вторникъ,» и проч. Во всѣхъ лѣтописяхъ именно сказано здѣсь: *Донъ*, а не *Донецъ*, какъ поставилъ Татищевъ, вообразивъ, что рѣка Салница, гдѣ было тогда сраженіе, есть упоминаемая въ Большомъ Чертежѣ и впадающая въ Донецъ ниже Изюма. Нѣтъ, здѣсь названа Салницею рѣка Салъ, впадающая въ Донъ близъ Семикараковской Станицы. Святополкъ и Мономахъ отъ Кіева до Ворсклы шли 9 дней: могли ли они итти оттуда до Изюма около трехъ недѣль? Войско наше перешло за Ворсклу въ Среду на четвертой недѣлѣ, а сразилось на Сальницѣ или Салѣ въ Понедѣльн. Страстной недѣли.

(205) И такъ воины не носили тяжелыхъ латъ въ походѣ, когда непріятель былъ еще далеко. Мономахъ въ своей *Духовной* (стр. 36) сказываетъ намъ, что они и самое оружіе посылали навозахъ впередъ ко сборному мѣсту.

Ниже въ *Никонов.* и многихъ другихъ сказано, что войско шло къ городу Руканю — въ *Кіев.* и *Воскресен.*: «Шаруканю» — въ *Ростов.* опискою «Тороканю.» Онъ же назывался и *Осеневымъ*. Далѣе въ *Ростов.* и *Кіевск.*: «Князь Володимеръ повелѣ Попомъ своимъ, предъ полки идуще, пѣти тропари и кондаки и каноны Кресту и Богородицѣ. И пріидоша ко граду *Осеневу*» (здѣсь нѣсколько строкъ выпущено въ *Никонов.*). *Осеневъ* безъ сомнѣнія названъ такъ отъ имени Хана Осеня, дѣда Владиміровой спохи. Далѣе: «и *Половцы* вышедше изъ града (Осенева или Шаруканя) поклонишася Княземъ Рускимъ, и прележаша нощь ту, и заутра въ Среду поидоша къ Сугрову, и зажгоша и; а въ Четверт. поидоша съ Дона» (къ Салу или Салницѣ). Побѣда одержана Россіянами на «Потокѣ Дегея» (въ *Ростов. Лѣт.* прибавлено: «или *Салнѣ* рѣцѣ»); а вторая на *Салницѣ*. Рѣка Салъ составляется изъ рѣчекъ Юрукъ-Сала, Кара-Сала и другихъ.

Далѣе въ *Ростов.*, *Никон.* и другихъ: «И многихъ ихъ (Русскіе Половцевъ) руками яша, и рекоша имъ: како толико васъ сила, и не возмогосте стати? . . . . Они же рѣша: како можемъ съ вами битися, а другіи верху васъ ѣздятъ во оружіи свѣтлѣ? . . . . Вспомянуша же здѣ и видѣніе оно въ Печерскомъ монастырѣ,» и проч. — Татищевъ не хотѣлъ писать о мнимомъ чудѣ; но придумалъ въ описаніи битвы, той и другой, многое отъ себя; на примѣръ, восклицаніе Мономахово: *кто Богъ велій, яко Богъ нашъ* — и слова Лѣтописца: *грянули аки громъ* (то есть, сильно ударили) обратилъ въ дѣйствительную грозу. Онъ пишетъ, что Князья Россійскіе извѣстили Греческаго Царя, Польскаго, Венгерскаго, Чешскаго и другихъ о сей великой побѣдѣ, и въ знакъ любви уступили имъ нѣсколько плѣнныхъ. Въ *Кіевск. Лѣт.* сказано только, «възвратишась съ славою великою *къ своимъ людемъ, и къ всѣмъ странамъ дальнимъ*, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима, пройде на *славу* Богу.» Здѣсь говорится единственно о слухѣ, а не о посольствахъ. — Татищевъ въ описаніи похода передвинулъ рѣки, и кладетъ Голтву за Ворсклою.

(206) Надобно различать Исторію Татищева и лѣтописи, въ которыхъ не упоминается о Воспорской области послѣ 1094 году, когда Олегъ пришелъ изъ Тмуторокани съ Половцами къ Чернигову.

(207) То есть, Князь Владимірскій. У него были еще два брата, Изяславъ и Брячиславъ, которые не имѣли, кажется, удѣловъ и скончались оба въ

одномъ году: первый Дек, 13, 1127 г. а вторый Марта 28, и *погребенъ* Апрѣля 5 (слѣдственно не *тамъ*, гдѣ умеръ: ибо умершихъ обыкновенно погребали тогда на другой день). Брячиславъ меньшій сынъ, родился въ 1104 году. — Давидъ Игоревичь преставился Маія 25: «и положено бысть тѣло его въ 29, въ церкви Св. Богородица въ Влахернѣ на Кловѣ» (см. *Кіевск. Лѣт.*): слѣдственно въ Кіевѣ.

Въ 1111 году были пожары въ Новѣгородѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ, Кіевскомъ Подолѣ, и скончался Епископъ Черниговскій Іоаннъ Марта 23, достойный примѣчанія тѣмъ, что онъ 25 лѣтъ за болѣзнію не могъ отправлять службы, къ огорченію народа и Князя. На его мѣсто былъ поставленъ Игуменъ Печерскій Ѳеоктистъ въ 1112 году, Генваря 11 (а по нѣкоторымъ спискамъ уже въ 1113). Лѣтописецъ говоритъ: «И радъ бѣ Князь Давидъ (Черниговскій) и вси людіе: жадаху бо Епископли службы; а въ Печерскій монастырь поставленъ бысть Игуменъ Прохоръ.»

(208) Святополкъ умеръ въ годъ солнечнаго затмѣнія, слѣдственно въ 1113, а не въ 1114 году (какъ означено въ нѣкоторыхъ спискахъ, гдѣ годы перемѣшены) . . . . . О семъ затмѣніи сказано въ нашихъ лѣтописяхъ: «Бысть знаменье въ солнцѣ въ 1 часу дне; бысть видѣти всѣмъ людемь; остася его мало, акы мѣсяць долу рогама, мѣсяца Марта въ 19» . . . . (въ *Кіевской*: «се знаменіе проявляше Святополчю смерть»). . . . . По таблицамъ астрономическимъ оно было 19 Марта въ 6 часу утра (см. l'Art de vérifier les dates). Представимъ еще другое доказательство: Мономахъ по кончинѣ Святополковой въѣхалъ въ Кіевъ 20 Апрѣля въ Недѣлю, а сіе число было Воскресеньемъ въ 1113 году. — Въ *Кіев.*: «приспѣ праздникъ Пасхы, и по праздницѣ разболѣся Князь, и преставися Апр. въ 16 день за Вышегородомъ, и привезоша его въ лодьи къ Кыеву, и спрятавше тѣло его, и вложиша ѝ на сани, и плакашась по немъ Бояре и дружина его вся.» Татищевъ пишетъ, что Святополкъ жилъ 54 года; что онъ былъ высокаго росту, сухъ, имѣлъ черноватые и прямые волосы, длинную бороду, острое зрѣніе и хорошую память; читалъ книги; ѣлъ мало по слабости здоровья, и пилъ рѣдко, единственно въ угожденіе другимъ; не любилъ войны; скоро могъ осердиться, но скоро и забывалъ оскорбленіе; слушался наложницы своей и никогда безъ слезъ не разставался съ нею.» Я не нашелъ сего описанія въ лѣтописяхъ. Святополкъ жилъ не 54, а 62 года, ибо онъ родился въ 1050 году (см. харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 3).

Святополкъ былъ *неблагодаренъ* и *подозрителенъ*: ибо, всѣмъ обязанный Владиміру, не усомнился признать его врагомъ своимъ — *робокъ въ несчастіи*: ибо смиренно извинялся предъ Боярами младшихъ Князей, и думалъ бѣжать отъ Мономаха и Святославичей — *высокомѣренъ въ счастіи*: ибо, побѣдивъ Давида Игоревича, хотѣлъ выгнать и Ростиславичей изъ ихъ Удѣла.

Въ лѣтописи (г. 1107): «Такъ бо обычай имѣяше Святополкъ: коли идяше на войну или инамо, поклонився у гроба Ѳеодосьева и молитву вземъ у Игумена ту сущаго; тоже идяше на путь свой.»

Кіевская церковь Св. Михаила заложена въ 1108 году, Іюля 11. — Далѣе въ лѣтописи (г. 1108): вложи Богъ въ сердце Ѳеоктисту, Игумену Печерскому, и нача възвѣщати Князю Святополку, дабы вписалъ Ѳеодосья въ Синодикъ, и радъ бывъ, обѣщася и створи: *повелѣ* Митрополиту вписывати по всѣмъ Епископьямъ, и вси же Епископи съ радостью вписаша поминати ѝ на всѣхъ зборѣхъ.»

О Жидахъ Кіевскихъ см. ниже. Въ *Патерикѣ*, въ житіи Св. Прохора, л. 145, сказано: «тогда совѣща (Святополкъ) съ совѣтники своими, да цѣна соли будетъ многа, и да отъемъ у Прохора, самъ продаетъ оную чрезъ своихъ;» а выше л. 144 на обор.: «въ то убо время велію нестроенію сущу и грабленію беззаконному; не пустиша купцевъ къ Кіеву изъ Галича и Перемышля, и не бысть соли во всей Россійской земли, и бѣ видѣти тогда людей сущихъ въ велицѣй печали.» Сочинитель Прохорова житія (л. 143) говоритъ въ началѣ: «во дни Княженія Святополка Изяславича въ Кіевѣ много насилія отъ Князя сотворися людемъ: домы бо сильныхъ безъ вины искорени и имѣнія многихъ отъя.» Онъ сослалъ въ Туровъ Іоанна, Игумена Печерскаго, обличавшаго корыстолюбіе и грабительство его; но боясь Мономаха, дозволилъ сему благочестивому Игумену возвратиться въ свою обитель (см. *Патер.* л. 146).

(209) Въ лѣтописи подъ 6610 годомъ сказано, что сдѣлалось въ Октябрѣ, Декабрѣ, Генварѣ и Февралѣ, и потомъ: «на *придущее* лѣто Русскые Князи умыслиша дерзнути на Половци; въ *се же* лѣто» — и такъ въ слѣдующее — «преставися Ярославъ Ярополковичь мѣсяца *Августа* въ 11 день. Въ *се же* лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава мѣсяца *Ноября* въ 16 день.» Ярославъ былъ пойманъ въ исходѣ Октября 1102 году (см. выше), и скончался въ Августѣ: слѣдственно уже въ 1103. Въ томъ же году вышла и Сбыслава замужъ: что согласно и съ Польскими лѣтописями (см. Нарушевича Hist. Nar. Polsk. кн. II, стр. 92 и слѣд., гдѣ описаны всѣ обстоятельства).

Дочь Болеслава Храбраго была за Святополкомъ, усыновленнымъ племянникомъ Св. Владиміра; дочь Владимірова за Казиміромъ; Владиславова за Россійскимъ Княземъ (можетъ быть, Давидомъ Игоревичемъ); Болеславъ Смѣлый женился на Княжнѣ Россійской; сынъ его Мечиславъ, также.

Въ *Пушкин.*: «въ то же лѣто (6614) прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку» (см. также Длугоша Hist. Polon. кн. IV, стр. 360).

Далѣе: «въ томъ же лѣтѣ (1104) ведена бысть Предслава, дщи Святополча, въ Угры за *Королевича*, мѣс. Августа въ 21.» Коломанъ Венгерскій имѣлъ трехъ сыновей: Ладислава, Стефана и Николая, умершаго въ 1112 году. Супруги перваго и третьяго неизвѣстны; а за Стефаномъ была дочь Апулійскаго Герцога.

Далѣе въ лѣтописи: «въ лѣто 6612 ведена дщи *Володарева* за Царевичь Олексиничь (сына Алексіева) Царюгороду Іюля въ 20 день.» Татищевъ назвалъ Володаря Владиміромъ. — Алексій Комнинъ имѣлъ трехъ сыновей: 1) Іоанна или Колоіоанна, женатаго на Иринѣ, дочери Венгерскаго Короля — 2) Андроника — 3) Исаакія. Супруги двухъ послѣднихъ неизвѣстны (см. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 176 и 179).

Въ *Кіевск. Лѣт.* г. 6620 (1112): «ведоша Евфимью Володимерну въ Угры за Короля.» См. Туроц. Chron. Hung гл. LXI, стр. 69. Лѣтосчисленіе согласно. — Прай (Annal. Hung. кн. II) говоритъ о Борисѣ: Borichium sive ex Colomano, sive ex alio, nam id incertum est, sublatum peperisset; а Туроцъ прямо: quæ (Евфимія) ex adulterio peperit filium, nomine Borich. Миллеръ думалъ, что супругомъ Евфиміи былъ Король Бела, женатый на дочери Графа Сербскаго (см. Туроц. Chron. гл. 63). Сія дочь Мономахова жила до 1138 года (см. ниже, примѣч. 240).

(210) О Митрополитѣ Никифорѣ сказано въ лѣтописи: «въ томъ же лѣтѣ (1104) приде Митрополитъ Никифоръ въ Русь, мѣсяца Декабря въ 6

день; тогожь мѣсяца въ 18 на столѣ посаженъ.» Въ 1105 году онъ поставилъ трехъ Епископовъ: Амфилохія Владимірскаго Авг. 27, Лазаря Переяславскаго Ноября 22, Мину Полоцкаго Дек. 13, а въ 1112 Ѳеоктиста Черниговскаго. *Новогород. Лѣт.* (стр. 9) называетъ Никифора Сурскимъ т. е. уроженцемъ города Суры (въ Ликіи).

Святоша или *Святославъ* (такъ именно въ *Пушкин.*) постригся въ 1106 году, Февр. 17 (см. *Патерикъ*, л. 177). Въ день его кончины народъ стекался къ нему толпами, требуя благословенія.

См. *Прологъ*, Августа 3. Тамъ сказано, что Антоній, находясь еще въ Италіи, положилъ въ делву церковные сосуды и разныя драгоцѣнныя вещи, и бросилъ ее въ море, а самъ чудеснымъ образомъ приплылъ на камнѣ въ Новгородъ; что рыбаки, имъ нанятые, закинувъ сѣти, вытащили оную изъ рѣки Волхова, близъ того мѣста, гдѣ существуетъ его обитель (въ двухъ верстахъ отъ Новагорода) и проч. Въ запискахъ Антоніева монастыря прибавлено, что сіи церковные сосуды были сердоликовые, яшмовые и хрустальные, украшенные золотомъ, алмазами и яхонтами, и что Царь Іоаннъ Васильевичь взялъ ихъ въ Москву; что пять образовъ мусійныхъ и каменный крестъ остались въ монастырѣ, гдѣ показываютъ и зеленую трость Антоніеву; что камень, на коемъ онъ приплылъ, находится въ паперти съ изображеніемъ Св. Угодника; что на золото и серебро, бывшее въ делвѣ, Антоній *купилъ* у Посадниковъ землю для обители, совершилъ каменную церковь въ 1122 году (см. ниже, примѣч. 225), а трапезу теплую въ 1130, также и колокольню съ теплыми погребами; что сіи зданія цѣлы донынѣ; что Антоній скончался въ 1147 году, имѣя 79 лѣтъ отъ рожденія; что мощи его обрѣтены и положены въ окованную серебромъ раку въ 1597 году, Іюля 1, а съ 1731 года лежатъ въ новой кипарисной, также серебромъ окованной, и проч. Въ семъ монастырѣ хранятся также слѣдующіе списки двухъ грамотъ Антоніевыхъ:

«Се трудъ, Госпоже моя пресвятая Богородица, имъ же трудихся на мѣстѣ семъ. Купилъ есми землю Пречистыя въ домъ у Смехна и у Прохна у Ивановыхъ дѣтей у Посадничихъ, а далъ есми сто *рублевъ;* а обводъ той земли отъ рѣки отъ Волхова Виткою ручьемъ вверхъ до Лющикъ, да Лющикомъ ко Кресту, а отъ Креста на Коровей прогонъ, а Коровьимъ прогономъ на Олху, а отъ Олхи на Еловой кустъ, а отъ Еловаго куста на верховье на Донцовое, а Донцовымъ внизъ, а Донецъ впалъ въ Деревяницу, а Деревяница впала въ Волховъ; а той землѣ и межа; а кто на сію землю наступить, а то управить Мати Божія.»

Сей списокъ свидѣтельствованъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ пришествіе его въ Великій Новгородъ лѣта 7081 Авг. въ 15, и подписанъ Дьякономъ его, Иваномъ Собакинымъ. Вторая грамота есть духовная Антоніева: «Се азъ Антоній, хуждшій во Мнисѣхъ, изыдохъ на мѣсто се, не пріяхъ имѣнія ото Князя, ни отъ Епископа, но токмо благословеніе отъ Никиты Епископа, и паша по чюжей землѣ, ни вдвое, ни воедино, ни себѣ покоя не дахъ, и братьи, и сиротамъ, и здѣ Крестьяномъ досажая; да то управить Мати Божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ семъ. Се поручаю Богу и Св. Богородицѣ и Крестьяномъ, и даю въ свободу, и се поручаю мѣсто се на Игуменство (хто мое слово худое преступить, судить ему Богъ и Св. Богородица) или Богъ отведеть, а кого изберуть братья, но отъ братьи ниже кто въ мѣстѣ семъ терпить; а которой братъ нашъ да отъ мѣста сего начнеть хотѣти Игуменства или мздою или насильемъ, да будеть проклятъ; или ото Князя начнеть по насилью дѣяти кому, или по мздѣ, да будеть проклятъ; или Епископъ по мздѣ начнеть кого ставити, или инъ станетъ насильемъ творити на мѣстѣ семъ, да будеть проклятъ. И се возвѣщаю, да егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, далъ есмь на землю и на тони 70 гривенъ, на селѣ есмь далъ гривенъ сто на Волховскомъ: Тудоръ съ женою и съ дѣтьми *одерень*» (крѣпостный), «Волосъ съ женою и съ дѣтми одерень, Василей съ женою и съ дѣтми одерень. Аще сію грамоту хто преступить, да будеть проклятъ треми сты Свв. Отецъ и осмьюнадесять, и буди ему со Іудою причастье.» — Слогъ довольно старъ; но чтобы судить объ истинѣ сихъ грамотъ, надлежало бы видѣть подлинникъ, коего нѣтъ. См. ниже прим. 225.

(211) Сіе путешествіе или *Хожденіе Данила Русьскыя земли Игумена* сохранилось въ монастырскихъ библіотекахъ и находится, только не полное, при Кенигсбергскомъ спискѣ Нестора. Печать древности еще видна въ слогѣ, отчасти поновленномъ неблагоразумными писцами. — Вѣроятно, что Игуменъ Даніилъ родился или жилъ въ Черниговской области: ибо онъ рѣки Обѣтованной земли обыкновенно примѣняетъ къ *Снову*. Сей путешественникъ могъ быть Юрьевскимъ Епископомъ Даніиломъ, поставленнымъ въ 1113 году.

Даніилъ говоритъ о Балдвинѣ: «Язъ худый и недостойный въ ту Пятницу въ 7 часъ дни ходихомъ къ Князю тому Балдвину и поклонихся ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ собѣ съ любовію и рече ми: что хощеши, Игумене Русьскы? Позналъ мя бяше добрѣ и любя мя вельми, яко же есть мужъ благодѣленъ и смиренъ вельми, и не *гордить*. Язъ рекохъ ему: Княже мой Господине! молю ти ся Бога дѣля и Князей дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ святомъ отъ всея Русьскыя земли. Онъ же съ тщаньемъ и съ любовью повелѣ ми поставити кандило; посла съ мною мужа своего, слугу лучшаго,» и проч. Даніилъ сказываетъ, что онъ поставилъ свою лампаду въ гробѣ, тамъ, гдѣ лежали ноги Спасителя; что кандило Греческое стояло въ головахъ, кандило Св. Саввы на персяхъ, а *Фрязкое* висѣло вверху. Далѣе говоритъ: «заутражь въ Великую Субботу въ 6 часъ дне сбираются вси людье передъ церковь Св. Воскресенья отъ всѣхъ странъ, пришельцы отъ Вавилона и отъ Египта и отъ всѣхъ конецъ земли ту сь сбирають, и велика тѣснота, томленье и лютѣ людьямъ тѣмъ бываеть: мнози бо человѣци ту ся здыхають (задыхаются). И ти людье вси стоять съ свѣщи невжженны, ждуть отверзенья дверей церковныхъ. Внутрь же церкви токмо Попове едины суть, и ждуть Попове и вси людье, дондеже придеть Князь съ дружиною.... И ти людье вся глаголють токмо: *Господи помилуй!* и зовуть неослабно и вопіють сильно, якъ *тутнати* (гремѣть) и гремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людей, и ту источницы слезами проливаются отъ вѣрныхъ людей; аще бо кто каменно сердце имать, но тотъ можеть прослезиться.... Всякъ бо человѣкъ глаголеть къ собѣ: егда моихъ дѣля грѣховъ не снидеть свѣтъ святый.... И яко бысть 7 часъ дни, пойде Балдвинъ Князь къ гробу Господню и съ дружиною изъ дому своего, вси боси, пѣши, и присла въ *Метохію*» (Metochion, *келліи:* см. Дю-Канжа) «Св. Саввы, и позва Игумена съ братіею ко гробу Господню, и язъ худый тужь, и придохомъ къ Князю тому и поклонихомся ему вси. Тогда онъ поклонихся Игумену и всей братіи, и повелѣ Игумену Св. Саввы и мнѣ худому близъ собе по-

велѣ итти, а инымъ Игуменомъ и Чернцемъ повелѣ передъ собою итти, а дружинѣ повелѣ позади итти, и придохомъ къ церкви Св. Воскресенья къ западнымъ дверемъ, и се множество людей заступили двери, и Князь Балдвинъ повелѣ воиномъ, и разгнаша людей и створиша улицю ольно до гроба, и такъ могохъ пройти сквозь людье, ольно до гроба . . . . . И Князь по насъ приде и ста на мѣстѣ своемъ на деснѣй странѣ у перегради великаго олтаря: ту бо есть мѣсто Княже сздано высоко; и менежь худаго повелѣ поставити высоко надъ самими двермя гробными, яко дозрѣти ми бяше въ двери гробныя . . . . Латинскіи же Попове въ велицѣмъ олтарѣ стояша, и яко бысть 8 часъ дни, и начаша Вечерню пѣти, и Попове благовѣрніи, и Черноризцы, и вси духовніи мужи, пустынницы многи и Латыни въ велицѣмъ олтари вѣщати свойски . . . Язъ ту стояше, прилѣжно зря къ дверемъ гробнымъ, и яко начаша чести паремьи, изыде Епископъ съ Дьякономъ изъ великаго олтаря, и приде къ дверемъ гробнымъ, и позрѣ въ гробъ сквозѣ крестецъ дверей тѣхъ; и не узрѣ свѣта и взвратися опять. И яко начаша чести паремью 6, тоть же Епископъ приде къ дверемъ гробнымъ, и не видѣ ничтоже, и вси людье воспѣша съ слезами *Кирie Елейсонъ*, еже есть: Господи помилуй! И яко бысть 9 часу минувшу, и начаша пѣти пѣснь проходную: *Господеви поемъ!* «Тогда приде внезапу туча мала отъ Встока лиць, и ста надъ верхомъ непокрытымъ тоя церкви, дождь малъ надъ гробомъ святымъ, и смочи ны добрѣ, и внезапу всія свѣтъ святый во гробѣ томъ, и изыде блистанье страшно и свѣтло изъ гроба Господня святаго, и пришедъ Епископъ съ четырмя Дьяконы, отверзе двери гробныя, и взяша свѣщу у Князя того Балдвина и вниде въ гробъ, вже свѣщу Княжю первѣе; изнесше изъ гроба свѣщу и даша самому Князю въ руцѣ, и ста Князь на мѣстѣ своемъ, свѣщу держа съ радостію великою, и отъ того вси свѣщи вжьхомъ, а отъ нашихъ свѣщь вси людье вжгоша. Свѣтъ же святый не тако яко огнь земный, но чюдно инако свѣтъ тотъ изрядно, и пламя его червлено есть яко киноварь . . . И тако вси людье стоять съ свѣщами, и вопіють вси людье велегласно: Господи помилуй! съ радостію великою и съ весельемъ,» и проч. Сіе описаніе въ своемъ родѣ достойно примѣчанія.

Далѣе: «Облобызавъ съ любовью мѣсто тое святое, идѣ же лежало тѣло Господа нашего І. Х., измѣрихъ собою гробъ вдоль и въ ширину и выше, колико есть (при людехъ бо не возможно есть измѣрити его никомуже) и почтихъ гробъ Господень по силѣ моей, яко *мога*, и тому Ключареви подахъ нѣчто мало и худое благословенье свое. Онъ же видѣвъ любовь мою сущю къ гробу Господню, и къ тому ми удвигну доску въ главахъ гроба святаго, и ять ми того святаго камени мало благословенья дѣля, и запретивъ ми никому жъ повѣдати въ Іерусалимѣ. Язъ же поклонився святому и Ключареви, и вземъ кандило свое съ масломъ святымъ, изыдохъ изъ гроба Господня, съ радостью великою обогатився, и нося въ руку мою даръ святаго мѣста и знаменья Св. гроба, и идохъ радуяся, яко нѣкако сокровище и богатство нося. Богъ тому послухъ и Св. гробъ Господень, якъ въ всѣхъ мѣстахъ святыхъ не забыхъ именъ Князей Русьскихъ и Княгинь, и дѣтей ихъ, и Епископъ, и Игуменъ, и Бояръ, и дѣтей моихъ духовныхъ. И о семъ похвалю Бога моего благо, яко сподобилъ мя худаго имена Князей Русьскыхъ написати въ Лаврѣ Св. Саввы, и нынѣ поминаются имена ихъ въ Ектеніяхъ и съ женами, и съ дѣтми. Се же имена ихъ: Михаилъ-Святополкъ, Василій-Владиміръ, Давидъ Святославичь, Михаилъ-Олегъ, Панкратій (Святоша) Святославъ, Глѣбъ Мѣнскій (Минскій), и сколько есть помнилъ, опричь всѣхъ Князей Русьскыхъ и Боляръ, и отпѣхомъ Литургію за Князей Русьскыхъ, и за вся Хресьяне 50 Литургій, и за усопшія Литургію отпѣхомъ. И буди же всѣмъ почитающимъ (читающимъ) се съ вѣрою и любовью благословенье отъ Бога и отъ Св. гроба и отъ всѣхъ мѣстъ святыхъ. Бога дѣля, братіе и господіе мои, не зазрите худоумью моему и грубости моей. Да не будеть въ похваленье написанье се мене ради, но гроба Господня ради кто съ любовью почтеть, да мзду приметь отъ Бога Спаса нашего, и Богъ мира съ всѣми вами въ вѣки вѣковъ. Аминь.» Любители отечественныхъ древностей не подосадуютъ на меня за сіи выписки.

Далѣе: «Мнѣ же худому Богъ послухъ есть, Св. гробъ Господень и вся дружина, Рустіи сынове, приключивыйся въ тотъ день» — въ церкви Воскресенія, во время вышеописаннаго Даніиломъ чуда — «Новогородстіи, Кіане: Изяславъ Ивановичь, Городиславъ Михайловичь, Кашкича (два) и иніи мнозіи.»

(212) См. харат. *Кормчую Книгу* Синодал. библіотеки No 82. Тамъ, въ LXII отдѣленіи, въ сочиненіи названномъ: *Вьпроси Кюрьяка, еже вьпроси Епископа Новогородьского Нифонта* (умершаго около половины XII вѣка) сказано: «ходили бяху ротѣ (обѣщались), хотяче въ Іерусалимъ, повелѣ ми опитемью дати: *та бо*, рече, *рота губитъ землю сію*» — т. е. многіе не исполняли своего обѣта.

(213) Несторъ: «въ се же лѣто (6614) преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ, живъ по закону Божью; не хуже бѣ первыхъ Праведникъ; отъ него же и язъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь. Бѣ бо мужъ благъ и кротокъ и смиренъ, отгребаяся всякоя вещи, его же и гробъ есь въ Печерьскомъ монастыри въ притворѣ, идѣже лежитъ тѣло его, положено мѣсяца Іуня въ 24.» Сей, Воевода Кіевскій, Янь Вышатичь (см. *Патерикъ* л. 64 на обор.), погребенный вмѣстѣ съ супругою Маріею, семидесяти семи лѣтъ, т. е. въ 1093 году, еще сражался съ Половцами на берегахъ Стугны.

Татищевъ думалъ, что Несторъ писалъ только до 1094 году, или до мѣста, гдѣ поставленъ Аминь; но сего Аминя нѣтъ въ древнихъ спискахъ, ни въ самыхъ новѣйшихъ, *Никонов.* и другихъ подобныхъ: впрочемъ онъ и не могъ бы служить доказательствомъ. Напротивъ того ясно видимъ, что Несторъ писалъ еще въ 1096 году, говоря (лѣт. 6604): «*намъ* сущимъ по кельямъ почивающимъ» (въ Лаврѣ), ибо другаго *Печерскаго* Лѣтописца не знаемъ. Гдѣ же точно онъ заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 году, подъ коимъ во многихъ древнихъ спискахъ находятся слѣдующія строки: «Игуменъ Сильвестръ Св. Михаила *написахъ* книги си *лѣтописецъ*, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при Князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Св. Михаила въ 6624, Индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ.» И такъ здѣсь былъ перерывъ. Многіе изъ слова: *написахъ*, заключали, что Сильвестръ продолжалъ Нестора, и считали сего Игумена вторымъ нашимъ древнимъ Лѣтописцемъ; но тутъ *написахъ* значитъ *списалъ*: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи. Если бы Сильвестръ (Несторовъ современникъ и послѣ Епископъ Переяславскій), былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году не оставилъ бы *шести* лѣтъ (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его под-

писью, и безъ сомнѣнія есть трудъ инаго, для насъ безъименнаго человѣка. Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безъименный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе.

(214) Такъ въ *Ростов.* и *Воскресен. Лѣт.* Татищевъ прибавляетъ, что Кіевскій народъ не хотѣлъ видѣть Святославичей на престолѣ и разграбилъ домы Вельможъ, которые держали ихъ сторону; что Жиды, видя свою бѣду, собрались въ Синагогѣ и долго оборонялись; что Владиміръ, убѣжденный общею къ нимъ ненавистію (ибо они многихъ людей отвращали отъ Христіанства и завладѣли торговлею), призвалъ Князей на совѣтъ, и выслалъ всѣхъ Жидовъ; что съ того времени *не было* ихъ въ нашемъ отечествѣ, и народъ обыкновенно *убивалъ тѣхъ*, которые *дерзали пріѣзжать въ Россію*. Въ лѣтописяхъ напротивъ того сказано, что въ 1124 году *погорѣли Жиды въ Кіевѣ*: слѣдственно ихъ не выгнали. — Татищевъ прибавляетъ еще, что Мономахъ посадилъ въ Смоленскѣ, вмѣстѣ съ Вячеславомъ, другаго сына, именемъ *Глѣба* (коего не знаемъ); что Мстиславъ воевалъ съ Олегомъ, который хотѣлъ быть Великимъ Княземъ, и проч. Мстиславъ дѣйствительно побѣдилъ Олега, но гораздо ранѣе (см. выше, стр. 68). — Въ годъ Мономахова восшествія на престолъ, въ 1113, Вячеславъ Владиміровичъ отправился княжить въ Смоленскъ, Романъ Владиміровичъ женился на дочери Володаря, горѣлъ Новгородъ и поставленъ Даніилъ Епископомъ Юрьеву, а Никита Бѣлугороду. — Въ *Кіевской*: «Преставися Игуменья Лазорева монастыря, свята житіемъ, мѣс. Сент. въ 14 день, живши лѣтъ 60 въ Черначствѣ, а отъ роженія 92.» Въ семъ же году Мстиславъ основалъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Николая близъ торговой площади на Княжескомъ Дворѣ. Въ одной Новогород. рукописи сказано, что Князь Мстиславъ, будучи въ тяжкомъ недугѣ, видѣлъ во снѣ Николая Чудотворца, велѣвшаго ему послать въ Кіевъ за его образомъ, который стоялъ въ Софійской церкви; что Бояринъ Мстиславовъ отправился туда озеромъ Ильменемъ, и что поваръ сего Боярина, черпая воду, увидѣлъ самую ту икону, за коею они ѣхали; что Мстиславъ, выздоровѣвъ, поставилъ ее въ храмѣ Св. Николая на Княжескомъ Дворѣ; что Царь Іоаннъ Васильевичь перевезъ оную въ Москву, въ церковь Благовѣщенія на Царскомъ Дворѣ, гдѣ сія икона черезъ 25 лѣтъ сгорѣла во время пожара; что Новогородскій Архіепископъ Климентъ въ 1292 году построилъ церковь Св. Николая на Липнѣ, въ семи поприщахъ отъ Новагорода, на берегу Ильменя, куда приплылъ изъ Кіева образъ сего Угодника. — Въ 1114 году, Марта 6, поставленъ Епископъ Кириллъ (но куда, неизвѣстно); умеръ Святославъ, Мономаховъ сынъ, въ Переяславлѣ, куда перевелъ его отецъ изъ Смоленска; также Романъ Всеславичь Полоцкій и Мстиславъ, внукъ Игоревъ. Святослава погребли у церкви Св. Михаила.

(215) Украшеніе раки Св. Бориса и Глѣба описано въ *Степен. Книгѣ* Ч. I, стр. 211, 212. Татищевъ, именуя Духовныхъ сановниковъ, бывшихъ при семъ обрядѣ, пишетъ: «и *Азъ* Сильвестръ Михайловскій.» Сего мѣстоименія нѣтъ въ лѣтописяхъ. Владиміръ три дни угощалъ *народъ*. Въ *Пушкин.* сказано: «и повелѣ Володимеръ метати паволокы, фофудью (кафтаны) и *орничѣ* (а не *ирниче*) бѣль людемъ.» Въ *Кіевск.* прибавлено: «ово *же сребренникы.*» *Орницами* назывались опушки у кафтановъ, отъ Византійскаго слова Orna, limbus. — Авторъ *Степен. Книги* говоритъ, что Олегъ, видя разрушеніе деревянной Вышегородской церкви, гдѣ лежали мощи Святыхъ, построилъ на свои деньги каменную еще въ 1112 году, но Святополкъ не хотѣлъ въ угодность ему перенести туда раки ихъ. Освященіе церкви было 1 Маія, а перенесеніе мощей 2; поставили же ихъ на своемъ мѣстѣ въ четвертый день. Въ *Кіевск. Лѣт.*: «распри же бывши межи Володимеромъ и Давыдомъ и Олгомъ, Володимеру бо хотящю поставити среди церкви и теремъ сребренъ поставити надъ нима, а Давыдъ и Олегъ хотяша поставити а въ комору, идѣже отецъ, рече, мой назнаменалъ, на правой странѣ, идѣже бяше устроенѣ комарѣ има. И рече Митрополитъ и Епископи: връзете (бросьте) жребій, да гдѣ изволита мученика, ту я поставимъ . . . и положи Володимеръ свой жребій, а Давыдъ и Олегъ свой на Св. *трапезѣ*, и выняся жребій Давыдовъ и Олговъ, и поставиша я въ комару, гдѣ нынѣ лежита.»

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора включено весьма подробное изображеніе всѣхъ Небесныхъ благодѣяній, коими Россія обязана предстательству Бориса и Глѣба. Тамъ сказано: «еста заступника Русьстѣй земли, молящаяся воину (вину) ко Владыцѣ о своихъ людехъ: покориша поганыя подъ нозѣ Княземъ нашимъ,» и проч. (см. въ *Никонов.* I, 121).

(216) См. о ростахъ выше, и *Русскую Правду* стр. 55. Тамъ сказано: «Владиміръ по Святополцѣ созвавъ дружину на Берестовомъ:» въ началѣ своего правленія, какъ надобно думать.

(217) См. Грубер. Liefland. Chronik, Т. I, стр. 69. Оденпе не далеко отъ Дерпта. Въ лѣтописи: «приведе Володимеръ сына своего, Мстислава, изъ Новагорода въ Кыевъ, и дасть ему Бѣлгородъ» — а не Вышегородъ, какъ пишетъ Татищевъ.

(218) «Прогна Володимеръ (въ 1121 году) Берендичи изъ Русьскіе земли, а Торци и Печенѣзи сами бѣжаша; и тако мятущеся здѣ и ондѣ, и тако погибоша.» Въ описаніи 1114 года сказано: «Бишася Половци съ Торки и съ Печенѣги у рѣки Дону, и сѣкошася два дни и двѣ нощи, и придоша Торцы и Печенѣзи къ Володимеру.» Гдѣ въ однѣхъ лѣтописяхъ говорится о Торкахъ, Берендѣяхъ и Печенѣгахъ, тамъ въ другихъ названы только Черные Клобуки (см. *Рос. Библіот.* стр. 225 и *Воскресен. Лѣт.* II, 28). Сіе имя было для нихъ общимъ и дано имъ, безъ сомнѣнія, отъ черныхъ шапокъ. Тоже значитъ имя нынѣшнихъ Каракалпаковъ, нѣкогда обитавшихъ, по собственному ихъ преданію, въ Россіи Восточной (см. Рычкова *Оренбург. Топографію*, I, 173 — 174). Сихъ же Черныхъ Клобуковъ называли Черкасами (см. *Воскресен. Лѣтоп.* II, 21). Въ самомъ началѣ Мономахова княженія Половцы приближались къ Вырю: «Володимеръ же съвокупивъ сыны своа и сыновци, иде къ Выру, и съвокупяся съ Олгомъ: Половци же бѣжаша» (см. *Кіевск. Лѣт.*).

Годы всѣхъ описанныхъ происшествій: Мстиславъ, побѣдивъ Чудь въ 1113 году, взялъ *Медвѣжью Голову* въ 1116 на память Сорока Мучениковъ; въ томъ же году Ярополкъ воевалъ Половецкую землю; въ 1117 Мстиславъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ и Бѣловѣжцы пришли въ Россію (см. *Кіевск. Лѣт.*); въ 1120 Ярополкъ ходилъ за Донецъ и Донъ (нигдѣ не встрѣтивъ Половцевъ), а Георгій на Болгаровъ; въ томъ же или въ 1121 году Берендѣи, Печенѣги и Торки ушли изъ Россіи; походъ Всеволода Мстиславича на Ямь былъ въ 1123 году.

(219) Развалины Малороссійской Бѣлой Вежи находятся отъ вершины Остера въ 10 верстахъ, отъ Борзны въ 30, отъ мѣстечка Батурина въ 40, на открытой и ровной степи. Тамъ видны еще три вала и ровъ, который простирается въ длину на



249

четыре версты; также нѣсколько кургановъ или высокихъ могилъ. Въ окрестности сего мѣста съ 1767 года живутъ иностранцы. Они поселены въ шести деревняхъ: главная именуется Екатеринополь, и выстроена на самыхъ развалинахъ древней крѣпости. Г. Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Шафонскій, описывая *Бѣловежскую Колонію* въ 1786 году, упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ каменныхъ остаткахъ городской стѣны, воротъ, башенъ и погребовъ; но онъ несправедливо считалъ сію Бѣлую Вежу древнею Козарскою, взятою Святославомъ въ 965 году (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90 и 387. и Т. V, примѣч. 132). Россіяне еще при Олегѣ завоевали нынѣшнюю Черниговскую Губернію, гдѣ жили Сѣверяне. — Рукописное сочиненіе Г. Шафонскаго и планъ Бѣлой Вежи получилъ я отъ покойнаго Черниговскаго Губернатора, Ѳедора Ивановича Френздорфа.

(220) Въ *Степен. Книгѣ.* (I, 247) сказано только, что Владиміръ, за свое мужество, принялъ діадиму Константина Мономаха и другую Царскую утварь; что Неофитъ, вмѣстѣ съ Епископомъ *Митулинскимъ (Митилинскимъ)* и Милитинскимъ (Мелитинскимъ) вѣнчалъ сего Великаго Князя въ Соборной церкви, какъ перваго Царя Россійскаго. Авторъ *Синопсиса,* несправедливо ссылаясь на древнія лѣтописи, сказываетъ, что Алексій написалъ тогда ко Владиміру слѣдующее письмо: «Алексій Комнинъ, милостію Божіею православный Царь Греческій, Великому въ державныхъ Князехъ Россійскихъ, Владиміру, радоватися. Понеже съ нами единыя Вѣры еси, пачеже и единокровенъ намъ: отъ крове бо Великаго Константина Мономаха идеши, сего ради не брань, но миръ и любовь подобаетъ намъ имѣти. Нашу же любовь да познаеши паче, юже имамы къ твоему благородію, се посылаю ти вѣнецъ Царскій еще Конст. Мономаха, отца матери твоея, и скиптръ, и діадиму, и крестъ съ животворящимъ древомъ златый, гривну и прочая Царская знаменія, и дары, ими же да вѣнчаютъ благородство твое посланныи отъ мене Святители, яко да будеши отселѣ Боговѣнчанный Царь Россійскія земли.» Въ повѣстяхъ рукописныхъ, (изъ коихъ самая древнѣйшая, мнѣ извѣстная, писана въ началѣ XVI вѣка: см. Синод. библ. No. 365) находится весьма обстоятельная о томъ сказка (сокращенная въ печати. *Воскресенск. Лѣт.* стр. 257 и въ *Царственномъ*): вотъ ея *содержаніе:* «Великій Князь Владиміръ призываетъ другихъ Князей Русскихъ, сродниковъ, Бояръ, Синклитъ, Митрополита, Епископовъ, и говоритъ имъ: *Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ, Всеволодъ брали дань съ Константинополя*; *но Греки не хотятъ нынѣ давать ее: что дѣлать?* Принудить ихъ, Государь! отвѣтствовалъ Совѣтъ единодушно — и Владиміръ отправилъ пословъ къ Императору Константину Мономаху» (умершему лѣтъ за пятьдесятъ до того времени). «Сей Императоръ съ гордостію отвергнулъ требованіе Россіянъ, и Великій Князь велѣлъ Мстиславу наказать Грековъ. Мужественный сынъ его завоевалъ Ѳракію и другія Греческія области. Тогда Императоръ, видя бѣду, совѣтовался съ Патріархомъ Иларіемъ» (котораго не бывало) «и вздумалъ послать въ Кіевъ Ефесскаго Митрополита, Неофита, съ другими Святителями и чиновниками: снялъ съ шеи своей животворящій крестъ, а съ головы вѣнецъ, и положилъ на золотое блюдо; спросилъ также *крабійцу* сердоликовую (изъ коей пивалъ Августъ Кесарь) цѣпь золотую и многія иныя драгоцѣнности; вручилъ оныя посламъ и велѣлъ сказать Владиміру: *оставь въ покоѣ Христіанъ единовѣрныхъ; возьми украшенія древнихъ Царей Греческихъ; будь также Царемъ и моимъ братомъ!* Владиміръ согласился, и Неофитъ въ Соборной церкви возложилъ на него вѣнецъ, крестъ животворящій, порфиру, виссонъ и гривну златую, назвавъ Великаго Князя Мономахомъ, подобно Императору Константину. Наконецъ, умирая, сей Государь Россійскій собралъ знаменитое Духовенство, Бояръ, купцевъ, и сказалъ имъ: *да не вѣнчаютъ никого на Царство по моей смерти! Отечество наше раздѣлено на многія области: если будетъ Царь, то удѣльные Князья отъ зависти начнутъ воевать съ нимъ, и государство погибнетъ.* Онъ вручилъ Царскую утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ хранить оную какъ душу или зѣницу ока и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ Царя, истиннаго Самодержца, въ государствѣ Велико-Россійскомъ.» — Въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ, надъ Императорскимъ мѣстомъ, есть надпись такого же содержанія, какъ и сія повѣсть, съ прибавленіемъ что Константинъ Мономахъ воевалъ тогда съ *Латиною* (развѣ Алексій Комнинъ?), и что послѣ Олега ходилъ къ Царюграду *Всеславъ* (Святославъ) *Игоревичь.* Poëticis decora fabulis! — Князь Россійскій *Владиміръ* дѣйствительно воевалъ съ Константиномъ Мономахомъ, но только не *Всеволодовичь,* а *Ярославичь,* какъ мы выше описали. По крайней мѣрѣ Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ въ 1561 году письменно утвердилъ истину Владимірова Царскаго вѣнчанія въ грамотѣ своей къ Царю Іоанну Василіевичу (см. въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ Греческія дѣла No. I, л. 175, и сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 163).

(221) См. Конст. Багрянородн. въ Бандури, Т. I, стр. 63; см. также духовныя грамоты Великихъ Князей Іоанна Іоанновича, Донскаго и наслѣдниковъ его, хранимыя въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, или *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 67, 107, 151. Каждый изъ нихъ отказывалъ большому сыну *цѣпь золотую съ крестомъ, шапку золотую, бармы и коробку сердоликовую.* — Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при отцѣ Царя Іоанна Василіевича, сказываетъ (R. M. Com. стр. 5), что Россійскіе Государи въ день коронованія употребляютъ Мономахову утварь. Стриковскій (который жилъ въ XVI вѣкѣ) пишетъ, что Владиміръ отнялъ у Генуэзцевъ городъ Кафу, въ единоборствѣ побѣдилъ Воеводу ихъ, и снялъ съ него золотую цѣпь, хранимую въ сокровищѣ Московскихъ Князей, носимую ими въ часъ торжественнаго помазанія, и называемую *Барма!* Шведъ Петрей (издавшій свою Московскую Хронику въ 1620 году) слышалъ отъ Русскихъ, какъ онъ говоритъ (стр. 533), что Царская одежда Мономахова привезена симъ Великимъ Княземъ также изъ Кафы, гдѣ онъ воевалъ съ *Татарами.* Испанскій Историкъ, Антоній Герера, современникъ Филиппа II, увѣряетъ, что *митра,* ожерелье (monile) и скипетръ Мономаховы суть трофеи побѣды, одержанной Владиміромъ надъ Кафимскимъ *Консуломъ:* чему радовался Генуэзскій Патрицій, Іеронимъ де Маринисъ, восклицая: «такъ уважаютъ Россіяне нашу знаменитую Республику!» См. Sammlung Russ. Gesch. II, 80. Стриковскій, Петрей и Герера не справились съ хронологіею: въ княженіе Мономаха не было еще въ Кафѣ ни Татаръ, ни Генуэзцевъ, которые завладѣли ею въ XIII вѣкѣ.

(222) Въ *Пушкин., Троицк., Кіевск.* и другихъ спискахъ, г. 6624 (1116): «въ се жь лѣто иде Леонъ, зять Володимерь, на Киръ Олексѣя Царя, и вдася ему городовъ Дунайскыхъ нѣколико, и въ Дрьстрѣ городѣ лестію убиста и҆ два Сърачинина, посланая Царемъ, мѣс. Авг. 15.» Въ *Кіевск.* подъ тѣмъ же годомъ: «Князь Великый Володимеръ посла Іоанна Войтишича и посажа Посадникы по Дунаю... Того жь лѣта ходи Вячеславъ на Ду-

пай съ Ѳомою Ратиборичемъ, и пришедъ къ Деръстру, и не успѣвше ничтоже, воротишась.» — См. *Жизнь Алексія Комнина,* описанную его дочерью Анною, кн. IX, гл. 5, и кн. X, гл. 2 и 3; также Русск. переводъ Кедрина, Ч. III, л. 11. Анна, любя хвалить отца, описываетъ единственно такія происшествія, которыя могли дѣлать ему честь: о другихъ молчитъ. — Сынъ Маріи Владиміровны, убитый въ 1136 году, названъ въ *Кіевск. Лѣт.* «Царевичемъ Василькомъ *Леоновичемъ,»* а въ другихъ только внукомъ Мономаховымъ и *Маріичемъ* или сыномъ Маріи, умершей въ 1147 году, Генв. 20 («въ Недѣлю; а въ Понедѣльникъ вложена бысть въ гробъ въ своей церкви, въ ней же и пострижеся.»)

Татищевъ вздумалъ назвать Леона сыномъ *Алексія Седьмаго;* прибавляетъ также, что Греки въ 1116 году выгнали Мономаховыхъ Посадниковъ изъ городовъ Дунайскихъ; что Владиміръ въ 1119 году снова отправилъ туда Воеводу Яна Вышатича и готовился самъ къ походу; что Алексій Комнинъ (умершій въ 1118 году!) прислалъ ему вѣнецъ съ дарами, заключилъ съ нимъ миръ и сосваталъ его внуку, дочь Мстислава, за сына своего Іоанна. Но Іоаннъ Комнинъ былъ женатъ на Венгерской Княжнѣ.

(223) Вмѣстѣ съ Ярополкомъ ходилъ къ Друцку Давидъ Черниговскій. — «Ярополкъ сруби городъ *Желній,* и дасть его Другчаномъ» (жителямъ Друцка) «ихъ же полони.» Въ Курской Губерніи есть или была рѣчка *Желень* (см. *Больш. Черт.* стр. 142): не тамъ ли находился и городъ *Желній?* Курскъ принадлежалъ Мономаху. — О сей войнѣ съ Глѣбомъ сказано въ Духовной Владиміра такъ (стр. 42, 43): «къ Менску ходихомъ на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ.» См. *Кіев. Лѣт.* г. 6624 (1116), гдѣ вмѣсто *Смоленска* надобно читать *Менскъ.* «Володимеръ же нача ставити *избу* у товара (стана) своего противу граду. Глѣбови же узрѣвшу, ужасеся сердцемъ, и нача ся молити . . . Володимеръ же съжалися тѣмъ, иже проливашеся кръвь во дни Вел. поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же вышедъ изъ города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру . . . Володимеръ же, наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ.» — Татищевъ пишетъ, что Мономахъ, изъ уваженія къ предстательству иныхъ Князей, согласился забыть вину Глѣба и далъ ему съ его семействомъ великій пиръ.

Владиміръ сперва *только* осаждалъ Минскъ, а взялъ его уже черезъ три года. Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ въ 1119 году, Сент. 13. Онъ былъ женатъ на дочери Ярополка Изяславича, убіеннаго Нерядцемъ въ 1086 году. Супруга его вдовствовала 40 лѣтъ, а жила 84 года. Объ ней сказано (*Воскресен.* II, 44): «положена бысть въ Печерскомъ монастырѣ у Св. Ѳеодосья въ головахъ; имѣяшеть бо великую любовь къ Св. Богородици и къ отцю Ѳеодосью, и со Княземъ своимъ ревнующе отцю своему Ярополку: Ярополкъ бо всю жизнь дая (Богородици) Небольскую волость и Деревскую и Лучьскую и около Кыева; а Глѣбъ вда въ животѣ своемъ съ Княгинею 600 гривенъ сребра, а по животѣ его Княгиня дась 100 гривенъ сребра, а 50 золота, а по своемъ животѣ села и съ челядью и со всѣмъ.»

(224) См. печати. *Новгород. Лѣт.* стр. 11: и разгнѣвася на ты, оже ограбили Даньслава и Ноздрчю, и на Сочьского на Ставра.»

Далѣе въ лѣтописяхъ: «приде Борисъ *изъ* Кыева посадничать въ Новгородъ.» Предшественники его были Добрыня, Дмитрій Завидичь и Коснятинъ Моисеевичь: первый умеръ въ 1117 году, Дек. 6; второй 1118, Іюля 9; а третій въ 1119. Родъ Добрыни, Владимірова дяди, жительствовалъ въ Новѣгородѣ по кончинѣ сего знаменитаго Воеводы. Коснятинъ и Завидичь были также Новогородцы. Дочь Дмитрія Завидича называется *Новогородскою* (см. *Лѣт. Новогород.* стр. 12).

(225) Въ лѣтописяхъ сказано, что Ярославъ бѣжалъ сначала въ Венгрію; но онъ, кажется, ушелъ туда уже въ то время, когда отчаялся въ храбрости и силѣ Поляковъ.

Длугошъ пишетъ, что Мономахъ несправедливо считалъ Князя Владимірскаго своимъ тайнымъ врагомъ, и что Ярославъ, чувствуя свою невинность, явился безоружный въ станѣ Кіевлянъ, усовѣстилъ дядю и заключилъ съ нимъ миръ; что Владиміръ, снова подозрѣвая его въ опасныхъ замыслахъ, велѣлъ ему пріѣхать въ Кіевъ; но что Ярославъ, обманутый совѣтниками, ушелъ къ Болеславу съ женою и дѣтьми, поручивъ свой городъ дружинѣ (Hist. Polon. кн. IV, стр. 410, 411). Романъ, сынъ Мономаховъ, умеръ, по нынѣшнему лѣтосчисленію, въ 1119 году, Генв. 6. Андрей женился на Тугоркановой внукѣ въ 1117 году. Болеславъ Кривоустый былъ женатъ на родной сестрѣ Ярослава (см. выше, примѣч. 209).

Татищевъ прибавляетъ, что Намѣстникъ Ѳома подослалъ къ Ляхамъ Василя Бора, мнимаго измѣнника, который уговорилъ ихъ жечь и грабить окрестныя села; что хитрый Червенскій Посадникъ доставилъ имъ также нѣсколько бочекъ вина и меду, и разбилъ непріятелей, когда они разсѣялись для грабежа, и пили въ станѣ; что Мономахъ далъ за то Ѳомѣ гривну съ золотою цѣпію и сдѣлалъ его Тысячскимъ города Владиміра.

Въ лѣтописяхъ о смерти Ярослава: «изъ града вышедше два Ляха и скрыстася, легше на увозѣ на пути, юду же ему минути ихъ. Ярославъ же возвратився пойде отъ града, и бывшу ему на увозѣ, идѣ же Ляха та ловяста его, и яко миноваше ихъ, они же вскочивше и прободоста *и́ оскепомъ»* (копьемъ). Сіе описаніе, взятое изъ Ростовской и другихъ хорошихъ лѣтописей, достовѣрнѣе Никоновскаго; а Татищевъ разсказываетъ, что Ярославъ или Ярославецъ выпросилъ у Болеслава и *Коломана* Венгерскаго (развѣ Стефана) 7000 человѣкъ и съ ними обступилъ Владиміръ; что Андрей, видя безпорядокъ въ его войскѣ, напалъ и разбилъ Ярослава; что сей послѣдній былъ самъ въ числѣ убитыхъ и погребенъ въ Владимірѣ; что союзники его спѣшили заключить миръ съ Андреемъ; что Коломанъ далъ пиръ, также Болеславъ, Андрей, и проч. Сіи обстоятельства взялъ Татищевъ изъ Матв. Стриковскаго, а Стриковскій изъ Длугоша (Hist. Pol. кн. IV, 420), а Длугошъ изъ головы своей, прибавляя, что Ярославъ убитъ осаждая *Кіевъ!* Сей Историкъ называетъ Коломана братомъ Стефановымъ; но у Стефана не бывало такого брата.

Годы описанныхъ происшествій: Ярополкъ Владиміровичь взялъ Друцкъ въ 1115 году и построилъ Желній въ 1116; Мономахъ осадилъ Минскъ въ 1115, Генваря 28, а завладѣлъ имъ въ 1119; призывалъ Бояръ изъ Новагорода въ 1112, и послалъ туда Намѣстника Бориса въ 1120; ходилъ на Ярослава въ 1117; сей послѣдній, удаливъ отъ себя жену и свѣдавъ о вторичномъ походѣ Мономаха ко Владиміру, бѣжалъ въ 1118 году, приступалъ къ Червену въ 1121, а ко Владиміру въ 1123.

Замѣтимъ также происшествія сего времени, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи. Въ 1115 году затмѣніе солнца. Вой гость заложилъ церковь Ѳеодора Тирона въ Новѣгородѣ, Апр. 28, и былъ ужасный моръ на лошадей, такъ, что Князь Мстиславъ и дружина его лишились всѣхъ коней сво-

250

ихъ. Въ 1116, Іюня 20, умеръ Мина, Епископъ Полоцкій. Въ 1117, Маія 14, во время Вечерни, убило громомъ Діакона въ Софійской Новогородской церкви, и бывшіе люди не могли устоять на ногахъ (въ ту же ночь видѣли въ лунѣ какое-то знаменіе). Мономахъ заложилъ каменную церковь Бориса и Глѣба на Альтѣ, а Игуменъ Антоній (Римлянинъ: см. выше, примѣч. 210) каменный храмъ Богоматери, достроенный въ 1119, и монастырь въ Новѣгородѣ. Болгары отравили ядомъ Хана Аэпу и многихъ Половцевъ. Умеръ Лазарь, Епископъ Переяславскій, Сент. 16, а мѣсто его, Генв. 1, заступилъ Сильвестръ, который списывалъ Несторову Лѣтопись. Въ 1119 Новогородскій Игуменъ Киріакъ и Князь Всеволодъ Мстиславичь основали каменную церковь и монастырь Св. Георгія. (Тамъ находится надпись слѣдующаго содержанія: «Лѣта 6627 *заложилъ* церковь каменну Князь Великій Мстиславъ Св. Георгія въ монастырѣ Юрьевѣ, а *совершилъ* ею Великій Князь Всеволодъ, сынъ Мстиславичь Гавріилъ; а освятилъ ею въ лѣто 6648 мѣсяца Іюня на память Св. Апостолъ Петра и Павла при Игуменѣ Исаіи, а зачата бысть при Игуменѣ Кирьякѣ; а мастеръ дѣлалъ Петръ церковь о трехъ верхахъ»). — Въ 1120 умеръ сынъ Давида Черниговскаго, Ростиславъ (см. *Кіевск. Лѣт.*). Въ 1121, въ Копыревѣ Концѣ (въ Кіевѣ), основана церковь Св. Іоанна. Въ 1122, Марта 10, было *знаменіе въ солнцѣ* (затмѣніе), а въ лунѣ Марта 24 (не 30 и не 20); умеръ, Сент. 9, Даніилъ, Епископъ Юрьевскій, и Амфилохій Владимірскій, а въ 1123 Епископъ Сильвестръ въ Великій Четвертокъ, Апр. 12, и Ѳеоктистъ Черниговскій Авг. 6; Симеонъ поставленъ въ Епископы Владиміру; въ томъ же году Митрополитъ Кіевскій, какъ сказано въ *Никон. Лѣт.*, заключилъ въ *своемъ* городѣ Синельцѣ (Синцѣ на Сулѣ) злаго еретика *Дмитра; въ другихъ лѣтописяхъ* нѣтъ сего извѣстія. Въ 1124 (а не въ 1123) Маія 10, въ Субботу, упала въ Переяславлѣ церковь Св. Михаила, созданная Митрополитомъ Ефремомъ, и скончалась вдовствующая Великая Княгиня, жена Святополкова, Февр. 28; а Всеволодъ, сынъ умершаго Давида, Князя Черниговскаго, женился въ Муромѣ на какой-то Ляховкѣ (Полькѣ).

Означимъ также *прибавленія* Татищева: «Въ 1116 году умеръ Романъ *Святославичь* Рязанскій» (Романъ Святославичь убитъ Половцами еще въ 1079 году). — «Въ 1117 году Ярославецъ заключилъ союзъ съ Поляками, въ намѣреніи отнять Владиміровы области и выгнать Ростиславичей. — Мономахъ разселилъ купцевъ Бѣловежскихъ по городамъ. — Въ 1118 году Великій Князь перевелъ сына своего *Глѣба* (котораго не бывало) изъ Смоленска въ Переяславль, ѣздилъ въ Суздаль, и призвавъ *туда* лучшихъ Новогородцевъ, взялъ съ нихъ письменное обязательство, чтобы они зависѣли всегда отъ старѣйшаго въ родѣ его. — Въ 1119 году Глѣбъ Минскій началъ воевать Смоленскую область: Мономахъ послалъ Мстислава и вѣлѣлъ ему плѣнить самаго Глѣба. Володарь ходилъ на Грековъ съ Королемъ Венгерскимъ, и возвратился съ великимъ богатствомъ. — Въ 1120 году Владиміровъ Воевода, *Андріанъ* Почаинъ, разорялъ Болеславовы области. — Въ 1122 Мономахъ отпустилъ внуку свою, *Добродѣю*, въ Царьградъ за Императора Іоанна.» Историкъ нашъ сказалъ выше, что въ 1119 году сей бракъ отложили на два года *ради младости жениха* и невѣсты; но Іоаннъ былъ тогда уже слишкомъ тридцати лѣтъ (см. Дю-Канжа Hist. Bizant. стр. 178) и давно женатъ на Венгерской Княжнѣ. Далѣе: «съ невѣстою ѣздилъ Россійскій Епископъ Никита, котораго тамъ поставили въ Митрополиты. — Ляхи, увѣривъ Володаря въ своемъ мирномъ расположеніи, вдругъ напали на его войско и плѣнили сего Князя. Василько далъ за брата *двѣ тысячи* гривенъ серебра,» и проч., какъ пишутъ Длугошъ и Стриковскій; но Татищевъ въ десять разъ уменьшилъ сумму. Далѣе: «въ 1123 году Мономахъ шелъ на помощь къ Андрею, и на берегахъ Стыря узналъ, что Россія освободилась отъ непріятелей. Въ 1124 погорѣло въ Кіевѣ 30 церквей» (вмѣсто шести сотъ).

(226) См. Туроц. Chron. гл. LXIII, и Прая Reg. Hung. 120. Туроцъ называетъ Ярослава *Безеномъ*.

(227) Такъ пишутъ древній безъименный Сочинитель *Жизни Оттоновой*, Богуфалъ и Кадлубекъ (см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. III, 232 — 236).

Длугошъ, который обыкновенно выдумываетъ и дополняетъ, изъ одного случая сдѣлалъ два: Володарь, по его разсказамъ, плѣненъ въ *сраженіи;* а коварный Петръ обманомъ увезъ Великаго Князя *Ярополка* въ 1136 году (чего никогда не бывало). Болтинъ чувствовалъ нелѣпость такой сказки: жаль только, что онъ не зналъ древнѣйшихъ Польскихъ Лѣтописцевъ и не могъ ими опровергнуть Длугоша: ибо Длугошъ, а не Кромеръ изобрѣлъ оную.

Сочинитель *Жизни Оттоновой* (II, отдѣл. 4) говоритъ, что отъ выкупа Володарева вся Россія обѣднѣла: ita ut Ruthenia tota insolita paupertate contabesceret. Длугошъ пишетъ, что Болеславъ требовалъ 80,000 марокъ или гривенъ серебра за освобожденіе Володаря, но помирился на двадцати тысячахъ; что Василько заплатилъ ему деньгами 12,000, придавъ 500 сосудовъ серебряныхъ: блюдъ, чашъ и стакановъ Греческой работы (Hist. Pol. кн. IV, стр. 418). Кадлубекъ сказываетъ, что Володарь былъ искупленъ сыномъ Владиміркомъ (Hist. Pol. кн. III, 723 — 724).

Нарушевичь прибавляетъ (кн. III, 235 — 236), что Василько убѣдилъ Короля заключить миръ съ нашимъ отечествомъ. По извѣстію сочинителя *Оттоновой Жизни*, Россіяне дали слово не входить никогда въ союзъ съ Поморянами и другими язычниками, врагами Болеслава, Пруссами, Половцами.

(228) Олегъ, женатый на Княжнѣ Половецкой, умеръ въ 1115 году, Авг. 1, а погребенъ 2, въ Черниговской церкви Св. Спаса, у гроба отца своего (см. *Кіевск. Лѣт.*); а Давидъ скончался въ 1123. Читателю извѣстенъ характеръ перваго. Авторъ *Степен. Книги*, сказывая, что братья любили добродушнаго, честнаго, смиреннаго Давида какъ отца, описываетъ чудо, бывшее при его смерти: Черниговскій Епископъ Ѳеоктистъ, видя Давида по кратковременной болѣзни отходящаго, велѣлъ пѣть канонъ кресту. Въ ту самую минуту *разступился* верхъ терема, влетѣлъ бѣлый голубь и сѣлъ на грудь умирающаго; Князь закрылъ глаза навѣки, и голубь исчезъ: храмина исполнилась благоуханія. Послѣ Вечерни отнесли тѣло въ церковь Преображенія: тогда явилась звѣзда надъ самымъ крестомъ ея; но тронулась съ мѣста и стала надъ созданною Давидомъ церковію Бориса и Глѣба, когда тѣло его *перенесли* въ сей храмъ. Гробъ еще не былъ готовъ, и Епископъ сказалъ: *солнце заходитъ; оставимъ погребеніе до утра.* Но многіе люди пришли объявить Епископу, что солнце не скрывается, и стоитъ на одномъ мѣстѣ. Ѳеоктистъ восхвалилъ Бога; работники спѣшили обтесать камень, и какъ скоро вложили тѣло въ гробъ, солнце сѣло.» Оставляя чудо, замѣтимъ, что древніе Россіяне считали долгомъ погребать мертвыхъ въ самый день ихъ кончины, и единственно за неимѣніемъ готовой

раки отлагали сей обрядъ до слѣдующаго дня. Авторъ, славя Давидову святость, съ жаромъ говоритъ о заблужденіи тѣхъ людей, которые думаютъ, что спастися могутъ одни безбрачные, пустынники и Монахи: ибо Давидъ жилъ въ мірѣ, правилъ Княжествомъ, уступавшимъ въ силѣ одному Кіевскому, имѣлъ жену, дѣтей, и былъ святъ. *Степ. Кн.* I, 234. — Въ *Кіевск. Лѣт.*, г. 1116, сказано: «Предслава Черница Святославна преставися:» сестра Олега и Давида.

Володарь умеръ 19 Марта и погребенъ въ церкви Св. Іоанна, имъ созданной въ Перемышлѣ: такъ пишетъ Длугошъ (Hist. Pol. кн. IV. 423 — 425), сказывая, что Володарь нарушилъ заключенный союзъ съ Болеславомъ, снова разорялъ его области и былъ имъ побѣжденъ при мѣстѣ Вилиховѣ въ 1125 году; но сей Князь Перемышльскій скончался въ 1124. — О сыновьяхъ Володаревыхъ и Васильковыхъ см. ниже.

(229) Въ лѣтописяхъ: «Дарь си отъ Бога прія, да егда въ церковь внидяшеть и слыша пѣнье, и абье слезы испущашеть.» О другихъ его добродѣтеляхъ см. въ *Никонов.* Ч. II, стр. 24, 57, 58. Татищевъ къ описанію Мономахова характера прибавляетъ, что сей Государь былъ лицемъ красенъ, ростомъ не великъ, но крѣпокъ и силенъ; имѣлъ большіе глаза, волосы рыжеватые и кудрявые, лобъ высокой, бороду широкую; и что, только одинъ разъ побѣжденный близъ Триполя, не могъ никогда говорить о семъ бѣдствіи, отъ сожалѣнія о братѣ Ростиславѣ, частію же отъ стыда.

(230) Сія Духовная или *Поученіе* Владимірово находится въ Пушкинскомъ харатейномъ спискѣ Нестора и напечатано особенно въ 1793 году. Оно писано Мономахомъ передъ отъѣздомъ его въ Ростовъ, *зимою* (ибо онъ говоритъ, стр. 41: «и се нынѣ иду Ростову;» а выше, стр. 3: «на далечи пути, да *на санехъ* сѣдя, безлѣпицю молвилъ») и не ранѣе 1117 года (ибо Великій Князь упоминаетъ, стр. 43, о своемъ походѣ на Ярослава, Князя Владимірскаго): слѣдственно ему было тогда не менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ рожденія.

Стр. 1: «Азъ худый дѣломъ своимъ Ярославомъ благовольнымъ (а не *благовласнымъ*) славнымъ нареченемъ» (должно читать: *нареченный*) «въ крещеніи *Василій*, Русьскымъ именемъ Володимеръ, отцемъ взлюбленнымъ и матерью своею Мономахы.» Имя Василія ясно написано въ подлинникѣ. Такъ называетъ Мономаха современный Игуменъ Даніилъ (см. выше, примѣч. 211); но Татищевъ далъ ему Христіанское имя Ѳеодора. — Здѣсь узнаемъ отъ самого Владиміра, что Мономахомъ прозвали его отецъ и мать: слѣдственно не за мнимое единоборство съ Кафимскимъ Воеводою (какъ думалъ Стриковскій) и не за полученный вѣнецъ Константина Мономаха.

Далѣе, стр. 2, 12, 13: «Велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя! Никакъ же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чудесъ Твоихъ... Како небо устроено, како ли солнце, луна, и тма и свѣтъ? И земля на водахъ положена, Господи, Твоимъ промысломъ. Звѣрье разноличніи, и птицы, и рыбы украшены Твоимъ промысломъ, Господи! И сему чуду дивуемся, какъ отъ персти создавъ человѣка, како образи разноличніи въ человѣческихъ лицахъ: аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, по кый же своимъ лиць образомъ по Божіи мудрости. И сему ся подивуемъ, како птицы небесныя изъ *Ирья* идуть» — (*Ирь* и въ нашемъ древнемъ языкѣ могъ значить тоже, что Греческое *Иръ*, то есть *весну, утро*) — «и первѣе въ наши руцѣ, и не ставять ся (не остаются) на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье.» — Владиміръ напоминаетъ также дѣтямъ многія прекрасныя мѣста изъ Василія Великаго (стр. 7). «При старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными (равными) и меньшими любовь имѣти, безъ луки (кривизны) бесѣдующе, не обильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ (безстуднымъ) не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ.» Далѣе, стр. 11: «Ни одиночьство, ни Чернечьсвто, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но малымъ дѣломъ улучити милость Божію.» — Слѣдующее говоритъ Владиміръ на стр. 16, 17, 18.

(231) См. въ печатн. стр. 3, 18, 24. Послы Князей нашли тогда Владиміра на берегу Волги, какъ онъ сказываетъ: вѣроятно, въ 1097 году.

Далѣе Мономахъ не велитъ слѣдовать тогдашнему суевѣрному мнѣнію, что встрѣча на пути съ Инокомъ или Попомъ бываетъ несчастлива.

(232) Стр. 21: «оружья не снимайте съ себе вборзѣ (скоро), не розглядавше *лѣнощами:* внезапу бо человѣкъ погибаеть.» Въ печатномъ не такъ раздѣлены слова. — Далѣе см. стр. 22, 23, 24. Въ подлинникѣ: «Напойте, накормите *унеина*,» вмѣсто хозяина. *Унна* значитъ домъ на языкѣ Кабардинскомъ (см. *Сравнительн. Слов.* Ч. II, стр. 117). Россіяне могли заимствовать сіе слово отъ Козаровъ, или Касоговъ, Торковъ, Половцевъ; ибо его нѣтъ въ Славянскомъ и Скандинавскомъ языкахъ.

(233) Стр. 27: «отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языковъ.» Какихъ же? вѣроятно Греческій, Скандинавскій, Половецкій и Венгерскій, кромѣ Русскаго. Далѣе см. стр. 15, 16, 26 — 31, 46, 47.

(234) Мы вмѣстили ихъ въ описаніе Святополкова и Мономахова княженія.

(235) Въ печатн. стр. 43, 44. Издатели ошиблись въ изъясненіи словъ: «а дая скота много и «многы порты свое.» Не Владиміръ, а Ханы Половецкіе давали ихъ за свой выкупъ. Слѣдующее говоритъ Мономахъ въ печатн. на стр. 43 — 48.

(236) Мы только сократили оное и предложили Владиміровы мысли въ естественномъ ихъ порядкѣ, безъ всякихъ украшеній и прибавленія.

(237) Non vitia hominis, sed vitia sæculi: пороки не человѣка, а вѣка. — См. выше, стр. 65.

(238) Въ лѣтописяхъ: «Володимеръ устрои мостъ черезъ Днѣпръ» (а Татищевъ прибавляетъ: «въ Вышегородѣ»), въ 1113 и 1115 году. — См. Мономахово поученіе, стр. 41.

Въ Синодальной лѣтописи временъ Василія Темнаго (въ Библ. No. 349, л. 224) и во многихъ другихъ новѣйшихъ сказано: «Мономахъ, правнукъ Великаго Князя Володиміра, поставилъ градъ Володимерь Залѣшьскый въ Суждальской земли, и осыпа его спомъ» (окружилъ валомъ) «и създа первую церковь Св. Спаса, за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія.» Ниже означено, что славная Владимірская, *Златоверхая* церковь Богоматери совершена въ 1166 воду: слѣдственно Мономахъ основалъ городъ Владиміръ въ 1116. Но въ харатейныхъ и другихъ лѣтописяхъ относится построеніе сей церкви къ 1160 году; въ 1161 она расписана, а въ 1164 Андрей Боголюбскій внесъ въ нее чудотворную икону Богоматери. — Старый городъ Владиміръ былъ въ длину 620 саженъ (см. лѣтоп. Синодальн. библ. No. 111, л. 58 на обор.).

Въ древней Новогородской печатн. лѣтописи, стр. 11: «въ лѣто 6624 (1116) Мьстиславъ заложи Новгородъ болій пьрваго. Павлъ, Посадникъ Ладожскый, заложи Ладогу городъ камянъ» — т. е. каменную городскую стѣну. Въ другихъ лѣтопи-

251

сяхъ: «заложи Ладогу каменіемъ *на приспъ*.» Татищевъ изъ приспа, т. е. *вала*, сдѣлалъ *песокъ*. Многіе лѣтописцы говорятъ о томъ подъ лѣтомъ 1114. Въ *Кіевскомъ*: «пришедшю *ми* въ Ладогу, повѣдаша ми Ладогожане, яко се здѣ, єгда будеть туча велика, беруть дѣти наши глазкы стькляныа, и малы и великы, провертаны, а другые подлѣ Влъхвъ беруть, еже выполоскиваеть вода, отъ нихъ же взя болѣ ста; суть же различь (различны). Сему же ми ся дивящу, рекоша: се не дивно; и еще у насъ мужи стары, иже суть ходили за Югру и за Самоѣдь, яко видѣвше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча велика, и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво (теперь) рожденна, и възрастьши и расходится по земли; и пакы бываеть вторая туча, и спадають оленци мали въ ней, и възрастають, и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ Павелъ Посадникъ Ладожскый и вси Ладожане.» За тѣмъ Лѣтописецъ ссылается на Греческіе Хронографы и выписываетъ изъ нихъ примѣры: Несторъ или другой? неизвѣстно. Видимъ единственно, что онъ былъ тогда въ Ладогѣ.

(239) Въ *Ростов. Лѣт.* л. 97, на обор. и въ печат. *Воскресен.* I, 263: «въ лѣто 6632 бысть бездождіе велико и пожаръ великъ въ Кыевѣ, яко погорѣвшу ему мало не всему, Іюнія въ 23 день, яко церквей единыхъ сгорѣло мало не 600; а на Рождество Іоанна Предтечи погорѣ гора и монастыри всѣ, что ихъ было въ градѣ, и *Жидове* погорѣша.» Татищевъ разсудилъ за благо уменьшить число церквей (см. выше, примѣч. 225).

Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 13: «въ лѣто 6633» (въ годъ Мономаховой кончины) «бяше буря велика съ громомъ и градомъ и хоромы разьдра, и съ божницъ вълны (кровлю?) разьдра; стада скотины истопи въ Волховѣ, а другыя одва переимаша живы. Въ тоже лѣто испьсаша (расписали) божницю Антонову.»

(240) См. выше, стр. 20, и примѣч. 45. Гида сочеталась бракомъ послѣ Гастинскаго сраженія, бывшаго въ 1066 году; а какъ первый сынъ Владиміровъ, Мстиславъ, родился въ 1075 или 1076 году (см. выше, примѣч. 131), то вѣроятно, что Мономахъ и женился около сего времени.

О кончинѣ второй Владиміровой жены см. выше, примѣч. 201. Третія умерла въ 1126 году, Іюня 11. Ломоносовъ называетъ ее несправедливо Евфиміею: въ 1138 году дѣйствительно умерла Евфимія, но только не жена, а дочь Мономахова: «преставися Ефимья *Володимерна*, и положена бысть на Берестовѣмъ у Св. Спаса.» Одинъ *Никон. Лѣт.* именуетъ сію Евфимію супругою Владиміровою, и самъ себѣ противорѣчитъ, сказывая, что *Княгиня* Мономахова умерла въ 1126 году, а Евфимія въ 1138 (см. выше, примѣч. 209).

(241) См. Торфеев. Hist. Norv. III, 377: Gyda nupsit Waldemaro, Russiæ Regi. Waldemari ex Gyda filius Haraldus, Russiæ Rex (Мстиславъ), cui uxor Kristina Sueciæ Regis Ingii Steinkelis filia, eorum filiæ Malfridis et Ingiborg. Malfridis nupsit primo Sigurdo Hierosolimipetæ, Norvegiæ Regi, deinde Eirico Eymunio, Daniæ Regi. Sed Ingiborg, soror ejus, Knuto, Obotritorum Regi et Slesvici Duci, qui postea Sanctorum Collegio accessit. Eorum liberi magnus ille Danorum Rex, Waldemarus primus. Ломоносовъ ошибся, назвавъ Христину первою супругою Мономаха: она вышла за сына Гидина, а Мономахъ родился отъ Гречанки. Владиміръ имѣлъ уже дѣтей въ 1076 году (см. выше, примѣч. 131), а Христининъ отецъ былъ тогда еще двадцати одного году (см. Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 20). Въ харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 12: «преставися Мстиславля (жена) Хрьстина» (г. 1122). Мудрено догадаться, что заставило Миллера въ родословной Великихъ Князей (см. *Ежемѣсяч. Сочиненія* годъ 1775, стр. 10) назвать Христину *Королевною Изобесъ*. Положимъ, что надобно читать: «изъ Обесъ или земли Абазинской»; но въ лѣтописяхъ нѣтъ и сего извѣстія. Болтинъ смѣялся за то надъ Щербатовымъ, который единственно повторилъ Миллерову ошибку.

(242) Въ лѣтописяхъ: «въ лѣто 6630 дщи Мстиславля ведена въ Греки за Царевича.» См. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 179. Алексій родился въ 1106 году, и могъ быть обрученъ шестнадцати лѣтъ. Ѳеодоръ Бальзамонъ, Патріархъ Антіохійскій, говоритъ, что супруга Алексіева употребляла какое-то волшебство въ леченіи болѣзней, и сама наконецъ въ страшныхъ мукахъ умерла отъ того. Бальзамонъ писалъ въ концѣ XII вѣка.

(243) Сіи два посланія нашелъ я въ Синодальн. библіотекѣ, въ книгѣ Меѳодія Патаріискаго, подъ No. 375, съ заглавіемъ: *Посланіе отъ Никыфора Митрополита Кыевскаго къ Володимеру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля.* Первое начинается словами: «Въпрашалъ еси былъ, благородный Княже, како отъвръжени быша Латина отъ Св. правовѣрныя церкве, и се якожь обѣщався благородству твоему, повѣдаю ти вины ихъ.» Слѣдуетъ описаніе, въ чемъ Announcing Написты уклонились отъ древняго ученія Церкви. Въ концѣ: «прочитай же, Княже мой, не единою, ни дважды, но множицею, и ты, Княже, и сынове твои.»

Во второмъ посланіи Никифоръ доказываетъ, что виною поста есть грѣхъ Адамовъ; что *житіе* человѣка есть двоякое, словесное и безсловесное, безплотное и тѣлесное; что самая душа имѣетъ три части, силы и свойства: *словесное, яростное и желанное*; что постъ *кротитъ* страсти, и проч. Далѣе: «Увѣдалъ еси, Княже, тричястное душа (души); увѣждь же слуги ея, и Воеводы, и споминателя, ими же служима бываеть, безплотна сущи, и пріимаеть въспоминаніа. *Та убо душа сѣдить въ главѣ, умъ имущи якожь свѣтлое око въ себѣ*, и исполняющи все тѣло силою своею. Яко же бо ты, Княже, сѣдя здѣ, въ сей своей земли, Воеводами, слугами своими, дѣйствуеши по всей земли, и самъ ты еси Господинъ и Князь: такъ и душа по всему тѣлу дѣйствуеть пятью слугъ своихъ, рекше пятью чювствій: очима, слухомъ, обоняніемъ, еже еста ноздрима, вкушеніемъ и осязаніемъ, еже еста руцѣ... Многа ина имѣлъ быхъ изрещи на похваленіе поста, аще къ иному бы было писаніе се; а понеже къ тобѣ, добляя глава наша, его же Богъ издалече проразумѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ Царьское и Княжьское крови смѣсивъ... Умъ твой быстро летаеть и не убѣжить ему пишемое... Что подобаеть глаголати къ такому Князю, иже болѣ на земли спить и дому бѣгаеть, и свѣтлое ношеніе портъ отгонить, и по лѣсомъ ходя сиротину носить одежду, и по нужи въ градъ входя, власти дѣля въ Властительскую ризу облачить ся? И о вкушеніи такожь, иже въ брашнѣ и питіи бываеть, и вѣмы, яко же инѣмъ и на обѣдѣ свѣтлѣ готовиши... и самъ убо служиши и стражеши рукама своима (твориши же то Княженіа ради и власти), и объядающимся инѣмъ и упивающимся, самъ пребываеши сѣдя и позоруя... Рука твоя къ всѣмъ простираються и николижь ти съкровище положено бысть, ли злато, ли сребро ищьтено бысть, но вся раздавая обѣма рукама; но скотница (казна) твоя по Божьей благодати нескудна есть и неистощима... Не мога самъ вся творити очима своима, отъ служащихъ орудіемъ твоимъ и присылаемымъ ти въспоминаніа, то отъ тѣхъ нѣкако приходить ти пакость... О семъ испытай, Княя-

же мой; о томъ помысли, о изгнаныхъ отъ тебе, о осуженыхъ, о презрѣныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изреклъ, и кто кого оклеветалъ, и самъ суди и разсуди таковыя... Не опечали же ся, Княже мой, о словеси семъ, или мниши, яко кто пріиде къ мнѣ печаленъ, и того дѣля написахъ ти се; просто тако написахъ на въспоминаніе тебѣ, яко великія власти и великомъ въспоминаніемъ требуютъ и многъ, яко и вельми пользуютъ и велику пакость имѣютъ; и сего ради дръзнухомъ мы, яко уставъ есть церковный и правило, въ время се и къ Княземъ глаголати что полезное. Не не вѣдаемъ бо сего, яко грѣшници оструплени суще и гноемъ истекающе, инѣхъ цѣлити начинаемъ... аще бо и мы таци, но слово Божіе, иже въ насъ, здраво есть и цѣло; и подобаетъ учимомъ словомъ искушати, и еже отъ слова исцѣленія пріимати, не истязати жь прочая: человѣкъ бо въ лицѣ, Богъ въ сердцѣ.»

Списокъ сихъ посланій не старѣе четвертагонадесять вѣка. — Самый переводъ Меѳодія достоинъ вниманія, будучи весьма древенъ.

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Синодальная рукопись Меѳодіева творенія принадлежитъ къ началу XVI вѣка.

(244) Въ лѣтописяхъ сказано: «Мстиславъ княжа съ кротостью.» Въ *Ростов.*: «еще сый *дѣтескъ*.» Но ему было уже около 50 лѣтъ (см. ниже). Должно читать: «еще сый дѣтескъ, бися на Колокшѣ съ Олгомъ Святославичемъ» (см. *Никон.*). Лѣтописецъ напоминаетъ Читателю о побѣдѣ, одержанной Мстиславомъ въ юности его надъ Олегомъ. Глупые писцы вообразили, что сія война была въ 1125 году, хотя Олегъ умеръ за 10 лѣтъ до того времени. *Никон. Лѣт.* припуталъ здѣсь Тмуторокань въ Рязани, вмѣсто Мурома. Далѣе въ лѣтописи: «Половци (въ 1125 г.) присунушася вборзѣхъ и каворопиша изгономъ» (набѣгомъ) «къ Барочю и къ Браны» (въ окрестностяхъ Альты: см. ниже, примѣч. 262). Далѣе: «и постиже я у Полкостѣня.» Въ другихъ же: постиже *Ярополкъ Стѣня.*» Прежде упоминалось мѣсто Сутень на границѣ земли Половецкой.

(245) «И приде ихъ (Половцевъ) 7000 со Селукомъ и съ Ташемъ, и сташа у Ратьмирѣ добровы за *Выремъ*» (рѣкою Виромъ въ Слобод. Украин. Губерн.). Въ харат. и *Кенигсберг.*: «Ярополчи бо бяхуть Посадници по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадилъ (Ярополкъ) въ Курскѣ, и измаша послы ихъ на Локнѣ:» думаю одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ Семь или Сеймъ. Обстоятельство, что Ярополкъ сдѣлалъ Изяслава начальникомъ въ Курскѣ, доказываетъ, что сей городъ принадлежалъ тогда къ области Переяславской.

(246) 1126 года, Марта 9.

(247) Ярославъ умеръ въ 1129 году. Татищевъ пишетъ, что сей Князь, изгнанный изъ Чернигова, ушелъ въ Тмуторокань, и тамъ, въ *Рязани*, оставилъ *брата своего Святополка;* что Мстиславъ вмѣстѣ съ Ярополкомъ Владиміровичемъ *осадилъ* Черниговъ; что Всеволодъ просилъ тестя своего удовольствовать Ярослава однимъ *Тмутороканскимъ Удѣломъ;* что Великій Князь отвѣтствовалъ длинною рѣчью Игумену Григорію; что Ярославъ, возвратясь въ Муромъ, отдалъ *Сѣверское* Княженіе дѣтямъ Давидовымъ, своимъ племянникамъ. Все несправедливо: 1) о Тмутороканѣ совсѣмъ не упоминается здѣсь въ лѣтописяхъ; 2) Ярославъ не имѣлъ брата *Святополка;* 3) Мстиславъ только готовился итти къ Чернигову, ибо Ярославъ, пріѣхавъ изъ Мурома, сказалъ Великому Князю: «крестъ еси ко мнѣ цѣловалъ *пойти* на Всеволода,» и 4) Мстиславъ не говорилъ никакой рѣчи; 5) Ярославъ не могъ отдать Сѣверскаго Княженія племянникамъ, ибо Сѣверское и Черниговское было тогда одно.

Въ лѣтописи: «и плакася (Мстиславъ) того вся дни живота своего.» Игуменъ Григорій твердилъ ему: «на мя будеть грѣхъ, оже преступишь крестъ; то есть лжѣе (легче) неже пролияти кровь.» Напрасно говоритъ Левекъ. L'humain et pacifique Gregory avoit raison; toute guerre est injuste, à moins qu'elle ne poursuive une nation toute criminelle. Autrement elle fait couler des flots de sang innocent, pour punir un coupable, ou tout-au-plus un petit nombre de coupables, que même la punition n'atteint presque jamais. Мысли совершенно ложныя. 1) Никогда *цѣлый* народъ не можетъ быть преступникомъ: слѣдственно всякая война, по мнѣнію Левека, не справедлива. 2) Государь въ особѣ своей представляетъ весь народъ, и сей послѣдній отвѣтствуетъ за его дѣла. Черниговцы были виноваты, ибо они не защитили Ярослава, и признавъ Всеволода Княземъ своимъ, подвергались наказанію. Обѣтъ Государя есть то же, что государственный договоръ, всегда священный по Народному Праву.

(248) «Мстиславъ посла вои своя, и загна Половцы не токмо за Донъ, но и за Волгу (*Воскр. Лѣт.* I, 269).

(249) См. *Кіев. Лѣт.* г. 6635, и Длугош. Hist. Polon. кн. IV, стр. 425 и 427. Сей Историкъ говоритъ, что дружина Владиміркова и Ростиславова въ 1126 году воевала Польшу. Татищевъ называетъ Короля Венгерскаго тестемъ Владимірка.

(250) Изяславъ, Всеволодъ. — Татищевъ прибавилъ, что Князья Полоцкіе безпокоили тогда области Мстиславовыхъ дѣтей и братьевъ. Далѣе въ харат. и *Кенигсберг.*: «посла (Мстиславъ) братію свою, Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Володимеря, *Всеволодка* изъ *Городна (не Городца)*, Вячеслава *Ярославича* изъ *Клечьска*» (не Изяслава и не изъ Луцка). Мѣстечко Городно существуетъ и нынѣ въ Минской Губерніи, между рѣками Стыремъ и Горынью, а Клечьскъ или Клецкъ близь Несвижа. Вячеславъ долженъ быть сыномъ Ярослава Святополковича, убитаго въ 1123 году, и племянникомъ Мстислава по матери. Всеволодко *Давидовичь* (см. *Росс. Библіот.* стр. 195 и Татищ. подъ годомъ 1141), сынъ Давида Игоревича, столь извѣстнаго ослѣпленіемъ Василька Теребовльскаго, былъ супругомъ Агаѳіи, дочери Мономаховой. Въ *Кіевск. Лѣт.* г. 6624: «Володимерь отда дщерь свою Огаѳью за Всеволода.» Въ сей же лѣтописи, г. 6652, названы дочери Всеволодковы внуками Мономаха. Татищевъ сказываетъ, что Мстиславъ въ 1125 году утвердилъ братьевъ Вячеслава на Туровскомъ княженіи, Юрія на Ростовскомъ, Андрея на Владимірскомъ, отдавъ сыну Изяславу Курскъ, а другому, Ростиславу, Смоленскъ. Съ котораго времени Вячеславъ княжилъ въ Туровѣ, а Ростиславъ въ Смоленскѣ, не знаемъ: Изяслава же посадилъ въ Курскѣ не Мстиславъ, а Ярополкъ.

Далѣе въ лѣтописи: «а Всеволоду Ольговичу повелѣ «ити съ своею братьею на Стрѣжевъ къ Борисову.» Стрѣжеву надлежало быть въ нынѣшней Минской Губерніи... «Изяславъ же ускори днемъ передъ братьею, и зая люди отъ города (Логожска); они же устрашившеся передашася, а Изяславцы почаша битися съ Вячеславомъ и съ Андреемъ. Изяславъ же *перестряпавъ* (промедливъ) два дни у Логожска, иде,» и проч.

(251) Въ харат. и *Кенигсберг.*: «и бывшю вечеру, Воротиславъ, Андреевъ Тысячскый, и Ванко Вячеславль (Вячеславовъ) вcласта Отрокы своя въ городъ, и свитающю (на разсвѣтѣ) увидѣвше вся вои, и тако взяша и на щитъ, и едва *Мстислав*-

*ны»* (т. е. дочери Великаго Князя, Брячиславовой жены) «товарь ублюдоша, и то съ нужею бьющеся.» Татищевъ, вмѣсто Мстиславны, написалъ: «домъ и пожитки *Князя* Мстислава.» Далѣе: *«потомъ* же и Новогородци придоша съ Мстиславичемъ со Всеволодомъ къ *Неколочю.»* Сего мѣста нѣтъ въ описаніи Литовскихъ и Полоцкихъ городовъ (см. *Воскр. Лѣт.* I, 21). — Татищевъ справедливо замѣтилъ, что генеалогія Князей Полоцкихъ не ясна: ибо нѣкоторые изъ нихъ назывались однимъ именемъ, и древній Лѣтописецъ не сказываетъ намъ ихъ отчества. Въ *Родослов. Книгѣ* показаны у Всеслава только два сына, Борисъ и Ростиславъ; у Бориса сынъ Рогволодъ, который женился въ 1144 году; а Рогволода дѣти Василій, Иванъ, Ростиславъ. Но Давидъ, Глѣбъ, Романъ, (о коихъ мы упоминали) были также Всеславичи, и Рогволодъ, который сдѣлался Княземъ Полоцкимъ въ 1127 году, и коего дѣти въ 1129 сосланы въ Царьградъ (см. ниже), долженъ быть не сынъ Борисовъ, а братъ. Авторъ *Степен. Книги* (I, 270) пишетъ, что Всеславъ имѣлъ *многихъ* сыновей, и что меньшій, отецъ Св. Евфросиніи или Передславы, назывался Георгіемъ. О сей Полоцкой Княжнѣ разсказываютъ, что она, будучи прелестна и благонравна, отказала всѣмъ женихамъ и постриглась въ монастырѣ, гдѣ находилась тетка ея, супруга Романова, также Черница. Евфросинія жила нѣсколько времени при Софійской церкви въ голубцѣ, списывая книги священныя; завела Спаскій и Маріинъ монастырь въ Сельцѣ, гдѣ хоронили Епископовъ: постригла тамъ родную сестру, Гориславу, и двоюродную, Звениславу, дочь Борисову, также двухъ племянницъ, дочерей ея брата, *Вячеслава;* выпросила у Греческаго Императора Мануила и Патріарха Луки Ефесскую икону Св. Богоматери, написанную Евангелистомъ Лукою; отправилась съ братомъ *Давидомъ* въ Палестину; встрѣтилась на пути съ Мануиломъ, который шелъ противъ Венгровъ; была имъ обласкана, равно какъ и Патріархомъ Цареградскимъ; наконецъ скончалась въ Іерусалимскомъ *Русскомъ* монастырѣ Св. Богоматери и погребена въ Ѳеодосіевой обители, гдѣ лежатъ матери Святыхъ Саввы, Ѳеодосія, Козмы и Даміана. Сему надлежало быть за половину XII вѣка: ибо Лука Хрисовергій правилъ Константинопольскою Церковію отъ 1156 до 1169 году.

(252) *Воскресен. Лѣт.* I, 269, и *Кіев.* г. 1140, гдѣ прибавлено, что Князья Полоцкіе отвѣтствовали Мстиславу; «Бонякови шюлудивому въ здоровье.» Татищевъ пишетъ, что жители Полоцкой области, не захотѣвъ воевать, принудили Князей ѣхать на судъ въ Кіевъ; что Мстиславъ отправилъ ихъ въ Царьградъ къ *зятю* своему, Императору Іоанну, который далъ имъ жалованье, и что они, служа ему, храбро воевали съ Арабами. Въ *Воскресен. Лѣт.* «пославъ по Кривскіе Князи, по Давыда и по Ростислава и Святослава, и по Рогволодича два, и по *Ростислава* и по Василія и по Ивана; «а въ *Ростов.* справедливѣе: «по Рогволодича два, по *Василія* и по Ивана» (см. ниже примѣч. 259). Въ Византійскихъ лѣтописяхъ не упоминается о сихъ изгнанникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ по кончинѣ Великаго Князя возвратились въ Россію. Въ *Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1140 сказано: «Взыдоста Княжича два изъ Царягорода; заточени были Мьстиславомъ.» — Далѣе въ лѣтописяхъ: «по городомъ ихъ посажа (Мстиславъ) мужи свои.» Увидимъ ниже, что тамъ княжилъ Изяславъ.

(253) Въ *Новогород. Лѣт.* (стр. 14): «иде Всеволодъ съ Новогородци на Чудь (въ 1130 году) зимѣ въ говѣніе, и сами исѣце (изсѣче), а хоромы пожже, а жены и дѣти приведе.» Стр. 15: «на зиму (въ 1131 или 1132) иде Всеволодъ на Чудь, и створися пакость: много добрыхъ мужь избиша въ *Клинѣ* Новогородьць Генв. въ 23, въ Суботу.» Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Мстиславъ посылалъ со Всеволодомъ, въ 1130 году, Изяслава и Ростислава. Въ *Степен. Книгѣ* (I, 255): *отступниковъ* Русскаго царствія, богомерскую Чудь, рекомую *Торму*, самъ (Мстиславъ) поплѣни. На прочую Чудь посла сына своя. Они же противящихся ихъ побѣдиша: покоряющихся устроиша въ повиновеніи быти. Всеволодъ и градъ ихъ Ригу ратова. И паки Мстиславъ съ Новоградскими и Псковскими мужами и со Княземъ ихъ (Псковичей) *Владиміромъ* Борисовичемъ ратоваша по Неровѣ и къ морю, и подъ градомъ Воробьинымъ» (Верпелемъ). Риги въ сіе время еще не было (см. Грубер. Liefländ. Chronik, I, 29); а Князь Владиміръ княжилъ во Псковѣ около 1212 года! Тогда дѣйствительно Князь *Мстиславъ* (но только не сынъ Мономаховъ, а другой) воевалъ *Торму*, осаждалъ Воробьинъ, и проч. (см. *Новогород. Лѣт* стр. 78, 79). Подъ Воробьинымъ находился со Мстиславомъ не Владиміръ, а Всеволодъ *Борисовичь:* Владиміръ же Псковскій назывался *Мстиславичемъ* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 129). — Татищевъ говоритъ о *двухъ* походахъ Великаго Князя на Литву. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Ходи Мстиславъ на Литву въ (1132) съ сынми своими и съ Олговичи и съ Всеволодомъ Городенскимъ, и пожгоша *я́*, а сами ся расхорониша (спрятались); а Кыянь тогда много побиша Литва: не утягли бо бяху съ Княземъ, но послѣди идяху по немъ особѣ» (т. е. не успѣли выступить съ Княземъ, и шли позади). Въ *Степен. Книгѣ* прибавлено, что Мстиславъ нашелъ въ Литвѣ великое богатство.

(254) Мстиславъ родился въ годъ Мономахова похода въ Богемію (см. его *Духовн.* стр. 32) въ 1076 году, а скончался Апр. 15, въ 1132 (не 14 Апр. и не въ 1133 г.), въ Пятницу на Св. недѣлѣ, и погребенъ въ церкви Св. Ѳеодора. Татищевъ сказываетъ, что онъ занемогъ въ седмицу Страстную; что въ его время всѣ Князья жили въ совершенной тишинѣ; что Мстиславъ *уравнялъ подати*, и проч. Сей Князь названъ *Великимъ* въ древней *Новогород. Лѣт.* стр. 46. По его кончинѣ Ярополкъ въѣхалъ въ Кіевъ на третій день, Апр. 17. — Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 12: «оженися Мстиславъ Кыевѣ» (1120 году) «поя Дмитровьну Новѣгородѣ Завидица.» Татищевъ называетъ ее Любавою. Она жила еще въ 1167 году. Неизвѣстно, когда дочь Мстиславова вышла за Всеволода Ольговича. Въ 1140 году меньшій сынъ перваго названъ въ лѣтописяхъ шуриномъ Всеволода Черниговскаго. Татищевъ написалъ, что Мономахъ въ 1116 году выдалъ за сего Князя *Мстиславову* дочь, *Агаѳію;* но Агаѳія была дочь Мономахова и вышла за Всеволодка или Всеволода Городненскаго, а не Черниговскаго (см. выше, примѣч. 250).

(255) Сей голодъ подробно описанъ только въ *Новогор. Лѣт.;* но онъ безъ сомнѣнія былъ общій въ сѣверной Россіи: цѣна хлѣба не могла бы такъ возвыситься въ Новѣгородѣ, если бы онъ въ то же самое время продавался дешево во Псковѣ, области Полоцкой, Суздальской, Смоленской. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано только: «бысть вода велика (въ 1128 г.); потопи люди и жито, и хоромы снесе.» Въ *Новогор. Лѣт.* стр. 13 и 14: «вода бяше (въ 1127) велика въ Волховѣ, а снѣгъ лежа до Яковля дни; а *на осень* уби морозъ вързьшь» (рожь по другимъ спискамъ) всю и озимицѣ, и бысть голодъ, и церезъ зиму ржи осминка по полугривнѣ. — Въ се же лѣто (1128). лютѣ

бяше: осминка ржи по гривнѣ бяше; ядяху люди листъ липовъ, кору березову, иніи молиць истлъкше мятуце съ пелъми» (истолченную молицу мѣшая съ плевами) «и еъ соломою; иніи *ушъ*, мъхъ, конину.» *Ушъ* не то ли, что Польское Uszyca? родъ лютика или купальницы, ranunculus pratensis, употребляемый въ пищу Нѣмецкими крестьянами (см. Бомара). Далѣе: «Вода бяше велика и хоромъ много сноси.» Вѣроятно ли, чтобы осенній холодъ былъ столь вреденъ для озимей? Татищевъ отъ себя написалъ, что морозъ побилъ жито въ наливѣ и на цвѣту. — Мы оцѣнили здѣсь осмину хлѣба не по догадкѣ: семь Новогородскихъ гривенъ въ 1230 году составляли гривну или полфунта серебра (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 298 и 527), а фунтъ сего металла стоитъ нынѣ около двадцати серебряныхъ рублей; но вѣроятно, что въ 1128 году гривна кожаной монеты была еще дороже въ отношеніи къ серебру.

(256) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 15: «въ се же лѣто (1130) идуще и (изъ) заморія съ Готъ, потопи лодіи 7, и сами истопоша и товаръ, а друзіи вылѣзоша, нъ (но) нази; а изъ Дони (Даніи) придоша сторови» (здоровы).

Случаи Мстиславова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе:

Въ 1125 году Всеволодъ утвержденъ на престолѣ Новогородскомъ, и Митроп. Никита, исполняя волю Князя Ярополка, Окт. 4, поставилъ Епископомъ Переяславскимъ Марка, (или, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, Іоанна) бывшаго Игуменомъ въ монастырѣ Св. Іоанна (или Св. Марка). Въ 1126 году Всеволодъ ѣздилъ въ Кіевъ къ отцу; сдѣланъ Посадникомъ въ Новѣгородѣ Мирославъ Горятиничь; скончались Митроп. Никита, Марта 9, и вдовствующая супруга Мономахова, 11 Іюня. — Въ 1127 Всеволодъ, женатый съ 1123 года, заложилъ въ Новѣгородѣ, на Петрятинѣ дворѣ, церковь Св. Іоанна, во имя сына своего, а Игуменъ Антоній каменную трапезницу у себя въ монастырѣ. Въ *Новогород. Лѣт.*: «въ то же лѣто паде *метыль густъ* по земли, и по водѣ, и по хоромомъ по двѣ нощи и по 4 дни;» а въ *Ростов.*: «*шелъ* 4 дни 2 нощи.» *Метыль* то же, что *мотылъ: гной* (см. *Лексик. Кутеинскій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шелъ такъ называемый *сѣрный дождь*, pluie de soufre (см. Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса. Но Татищевъ вообразилъ, что здѣсь рѣчь идетъ о *мотылькахъ*, бабочкахъ; а какъ и *мотыльки и саранча летаютъ*, то онъ написалъ, что въ семъ году «*напала* великая *саранча*, которая 4 дни *стояла* вездѣ подобно туману, и съѣла хлѣбъ, плоды, листья на деревьяхъ.» — Въ 1128 году скончались Игуменъ Киріакъ Св. Георгія, Князь Полоцкій Борисъ Всеславичь, Іоаннъ сынъ Всеволода Мстиславича, 16 Апрѣля, и Завидъ Дмитріевичь, Новогород. Посадникъ, избранный въ томъ же году; Мстиславъ основалъ каменную церковь Св. Ѳеодора, а *Печеряне*, несправедливо завладѣвъ церковію Св. Димитрія, назвали оную именемъ Св. Петра. Въ 1129 году отправленъ изъ Кіева Даніилъ посадничать въ Новѣгородѣ и преставился Михалко Вячеславичь, внукъ Мономаховъ (въ Туровѣ, а не въ Рязани). Въ 1130 Всеволодъ ѣздилъ къ отцу; Іоаннъ добровольно оставилъ Новогородскую Епископію, бывъ 20 лѣтъ Епископомъ, а на мѣсто его посвятили Нифонта, мужа добродѣтельнаго, прибывшаго туда Генв. 1; совершена церковь Св. Іоанна въ Новѣгородѣ, и Петрилъ избранъ въ Посадники. Георгій Шимоновичь, Ростовскій Тысячскій, оковалъ гробъ Ѳеодосіевъ при Игуменѣ Тимоѳеѣ (см. *Кіев. Лѣт.*). — Въ 1131 Мстиславъ заложилъ Кіевскую церковь Богоматери *Пирогощую* (или, по другимъ спискамъ, въ *Пирогощитѣ*). Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что въ семъ году Рязанскіе, *Пронскіе* и Муромскіе Князья разбили Половцевъ; но сего извѣстія нѣтъ въ лучшихъ и древнѣйшихъ спискахъ: о Пронскѣ нигдѣ еще не упоминалось. 30 Марта было затмѣніе солнца, и Нифонтъ поставилъ Игуменомъ Антонія. Въ 1132 году родился у Мстислава сынъ Владиміръ.

Означимъ прибавленія Татищева. Онъ сказываетъ, что Мстиславъ, по смерти отца, собиралъ Князей на совѣтъ, и что *Князья* Черниговскіе негодовали на его властолюбіе; что въ 1128 году *кадь* ржи стоила въ Новѣгородѣ 4 гривны; что въ 1129 Ляхи ограбили ѣдущихъ изъ Моравіи купцевъ Русскихъ; что въ 1130 дочь Мстиславова Елена выдана за Королевича Венгерскаго Гейзу, а Великая Княгиня слюбилась съ какимъ-то Прохоромъ Васильевичемъ. Одинъ евнухъ — такъ повѣствуетъ нашъ Историкъ, хотя и другими словами — сказалъ Мстиславу: «ты, Князь, воюешь, занимаешься дѣлами или веселишься съ друзьями; а не знаешь, что дѣлается у твоей Княгини: съ нею видится наединѣ Прохоръ Васильевичь.» Мстиславъ отвѣчалъ съ улыбкою какъ Философъ: «я любилъ свою первую жену, Христину; однакожь, будучи молодъ, любилъ и другихъ красавицъ; она видѣла и молчала. Теперь моя очередь видѣть и молчать на старости; совѣтую и тебѣ не говорить о томъ.» Однакожь Тіунъ Прохоръ былъ сосланъ въ Полоцкъ и скоро умеръ.» Наши Лѣтописцы не выдумывали такихъ непристойныхъ басенъ. Сія сказка взята изъ Длугоша (Hist. Pol. стр. 463); но тамъ дѣло идетъ о Королѣ Польскомъ.

Татищевъ именуетъ Мстислава Петромъ такъ же справедливо, какъ Мономаха Ѳеодоромъ. Мстиславъ посвятилъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Николаю, въ Кіевѣ Св. Ѳеодору, а не Петру.

Харатейная грамота Мстислава находится въ монастырѣ Юрьевскомъ, и писана въ то время, когда Мстиславъ былъ уже Великимъ Княземъ. Вотъ она по списку, мнѣ доставленному: «Се азъ Мьстиславъ, Володимирь сынъ, дьржа Русьску землю въ свое Княженіе, повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Буйцѣ Святому Георгіеви съ данію и съ вирами и съ продажами» (наверху приписано: *и Вено Вотское*) . . . «даже который Князь по моемъ Княженіи почьнеть хотѣти отъяти у Св. Георгія, а Богъ буди за тѣмъ и Св. Богородица, и тъ (тотъ) Св. Георгій у него то отнимаеть; и ты, Игумене Исаіе, и вы, братіе, донелѣ же ся миръ сь (сей) стоить, молите Бога за мя и за мое дѣти, кто ся изостанеть въ монастыри, то вы тѣмь дължни есте молити за ны Бога и при животѣ и въ съмьрти; а язъ далъ рукою своею и *осеньннее полюдіе даровьное* полътретія-десяте гривьнъ Святому же Георгіеви. А се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрьно въ 30 гривенъ серебра Святому же Георгіеви; велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли Игуменъ обѣдаеть; даже кто запъртить» (запортитъ, испортитъ) «или ту дань и се блюдо, да судить ему Богъ въ день пришествія Своего и тъ Св. Георгій.» На печати съ одной стороны изображенъ Іисусъ Христосъ, а съ другой Архангелъ Михаилъ, поражающій змія. — *Полюдьемъ* назывались объѣзды Княжескіе для собиранія дани или даровъ (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ).

(257) «Съ заутрья сѣде въ немъ (Всеволодъ въ Переяславлѣ), а до обѣда выгна и́ Гюрги.» Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Георгій и Святополкъ (какой же?) убили тогда многихъ людей въ Переяславлѣ.



253

Въ *Новогород. Лѣт.*, стр. 75: «и рече Гюргій и Андрей: се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своей хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану (братнину сыну) своему.» Мономахъ, будучи наслѣдникомъ, княжилъ въ Переяславлѣ, и за нѣсколько времени до кончины своей отдалъ его Мстиславу и Ярополку вмѣстѣ (см. *Россійск. Библіот.* стр. 187).

Георгій княжилъ въ Переяславлѣ только 8 дней. *Никон. Лѣт.*, въ противность древнему, говоритъ, что Ярополкъ силою *выгналъ* Георгія. Изяславъ пріѣхалъ туда на *Госпожинъ день*, т. е. 15 Августа.

(258) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 15, 16. Мы видѣли, что Мономахъ и Мстиславъ отправляли туда Посадниковъ изъ Кіева; но въ 1132 году самъ народъ избралъ Посадника Новогородскаго и Псковскаго: *Мирославу даша посадницати* въ *Пльсковѣ*, а *Рагуйлови* (Рагуйлу) *въ городѣ* (Новѣгородѣ).

(259) Въ *Ростов.*, *Воскр.* и *Никон. Лѣт.* названъ Василько, Полоцкій Князь, сыномъ умершаго Святослава Владиміровича: слѣдственно внукомъ Мономаха; но сей Князь былъ сынъ *Рогволода Всеславича* (см. выше, примѣч. 252): потому въ житіи Св. Всеволода (см. ниже, примѣч. 265) сказано, что добрый Василько забылъ наслѣдственную вражду и все претерпѣнное родомъ его отъ Мстислава, изгнавшаго Князей Полоцкихъ. Не только въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 33), но и въ *Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1178 названъ сынъ *Васильковъ*, Всеславъ, внукомъ (правнукомъ) *Всеслава* Полоцкаго.

(260) Татищевъ пишетъ, что Вячеславъ *требовалъ* Переяславля, и что Ярополкъ былъ защитникомъ Мстиславичей, у которыхъ его братья хотѣли отнять Удѣлы. — Изяславъ, бывъ Княземъ Полоцкимъ, владѣлъ и городомъ Минскимъ.

*Лѣт. Никон.* выдумалъ рѣчь, будто бы произнесенную тогда Великимъ Княземъ въ собраніи братьевъ: «И прослезився и рече: братіе! суетно есть житіе сіе, и вся мимо идутъ. Гдѣ отцы наши и дѣды и прадѣды? не умроша ли? такожде и намъ умрети есть, и кождо восприиметъ по дѣломъ своимъ.» Татищевъ, вмѣсто сей рѣчи, помѣстилъ свою. *Никон. Лѣт.* прибавляетъ еще, что Ярополкъ далъ Изяславу Дрочевъ (Дрогичинъ) и множество даровъ, жемчугу, золота, серебра, одеждъ, коней, доспѣховъ; и что въ то же время крестился въ Рязани Половецкій Князь Амуратъ.

Въ лѣтописи: «и даша *дани* Печерскые и отъ Смолинска *даръ*, и тако *хрестъ цѣловаша*.» *Никонов.* прибавляетъ: «дань отъ Смоленска и *Дунайска!*» Великій Князь получалъ отъ Удѣльныхъ *произвольные дары*, а Новгородъ платилъ ему, думаю, *опредѣленную* сумму или количество драгоцѣнныхъ вещей за свою Двинскую и Печерскую область. Въ уставѣ Князя Николы или Святослава Ольговича (см. ниже) также говорится въ особенности о *дани* и *дарахъ*. — Татищевъ, выдумками объясняя случаи, пишетъ, что Новогородцы отказались было платить сію дань. Слова *о цѣлованіи креста* свидѣтельствуютъ, кажется, что Изяславъ заставилъ тогда Князей, Всеволода Новогородскаго и Ростислава Смоленскаго, присягнуть дядѣ въ вѣрности.

Въ 1133 году Вячеславъ оставилъ Переяславль, но изъ Городца возвратился; а въ 1134, зимою, въ противность волѣ Ярополковой, уѣхалъ въ Туровъ. Георгій выпросилъ у брата Переяславль въ 1135: тогда огорченный Изяславъ отправился въ Минскъ и Новгородъ, гдѣ Мстиславичи вошли въ союзъ съ Ольговичами (см. ниже). — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Вячеславъ ходилъ не въ Городецъ, а въ Рязань, и что Ярополкъ велѣлъ сказать ему: «сѣди не волнуяся: не взимай нрава Половецкаго.» Татищевъ вставилъ и Городецъ и Рязань. Забывъ, что Туровъ былъ отданъ Изяславу, сей Историкъ называетъ Андрея Туровскимъ Княземъ. — *Никон. Лѣт.* еще объявляетъ намъ, что Георгій въ 1134 году основалъ на устьѣ Нерли городъ *Константинъ* и много каменныхъ церквей въ Суздальской области. Такого *города* не было. Есть село Константиново въ нынѣшней Владимірской Губерніи, не далеко отъ Нерли; однакожь на другой рѣкѣ: на Жабнѣ.

(261) Юрьевъ былъ взятъ Всеволодомъ въ 1133 году, Февр. 9. Татищевъ прибавляетъ, что Лифляндцы, данники Новогородскіе, взбунтовались и *завладѣли* Юрьевымъ; но что Всеволодъ отнялъ у нихъ сей городъ и взялъ дань *со всей* Лифляндіи.

Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 16: «Новогородци убиша мужь свой и свьргоша и҆ (его, а не ихъ) съ моста въ Суботу Пянтикостьную» (Пятидесятницы или передъ Троицею). Въ 1136 году они бросили съ мосту какого-то Георгія Жирославича, а въ 1141 Якуна (стр. 19, 23). — На возвратномъ пути Новогородцы смѣнили Посадника Петрила и выбрали на его мѣсто Иванька Павловича (стр. 17), а послѣ Мирослава Гюрятинича. — Мы не знаемъ, для чего Всеволодъ не дошелъ до Суздаля; но Татищевъ сказываетъ, что Новогородцы не захотѣли быть союзниками Ольговичей и вмѣстѣ съ ними дѣйствовать противъ сыновей Мономаховыхъ.

Митрополитъ Михаилъ былъ преемникомъ Никиты, и названъ въ Каталогахъ Грекомъ. Онъ прибылъ въ Россію по *Кіев. Лѣт.* въ 1130 или 1131 году; а въ Каталогахъ сказано, что Михаилъ пасъ Церковь 19 лѣтъ и выѣхалъ изъ нашего отечества въ 1145 году: слѣдственно былъ Митрополитомъ уже въ 1126? явная ложь: ибо и въ 1127, по сказанію Лѣтописцевъ (см. *Рос. Библіот.* стр. 183 или *Воскр. Лѣт.* I, 266.) Россія еще не имѣла Митрополита. — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Михаилъ въ 1135 *послалъ запрещеніе на весь Новгородъ;* что Всеволодъ и Епископъ Нифонтъ, огорченные такою строгостію, прислали въ Кіевъ Игумена Исаію и Якуна Иванькова, которые его умилостивили и вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ Новгородъ. *Запрещеніе* состоитъ въ томъ, чтобы не производить въ церквахъ службы, не ходить Священникамъ въ домы ни съ какими требами, не давать Причастія больнымъ, не отпѣвать умершихъ (см. Платон. *Церковную Рос. Исторію* I, 80). Сей случай невѣроятенъ: ибо древній *Новогород.* и *Кіев. Лѣт.* молчатъ объ ономъ. Первый сказываетъ только, что Игуменъ Исаія ѣздилъ посломъ въ Кіевъ, и что съ нимъ пріѣхалъ Митрополитъ, который убѣждалъ Новогородцевъ не ходить въ Суздаль. Вотъ слова Михаиловы по *Новогор. Лѣт.*: «не ходите; мене Богъ послушаеть;» а въ *Никонов.* прибавлено. Въ житіи Св. Всеволода (*Кн. Степен.* I, 257) сказано: «Новградстіи же людіе, не внемлюще *запрещенію* Митрополита,» и проч. Думаю, что сіе слово подало мысль *Никонов. Лѣтописцу* выдумать сказку о *запрещеніи* церковномъ. Татищевъ, вмѣсто онаго, говоритъ о *клятвѣ*, и пишетъ, что Митрополитъ дѣйствовалъ по волѣ Ярополка, оскорбленнаго Новогородцами. — «Новогородцы не хотѣли пустить отъ себя Митрополита для того, пишетъ Татищевъ, чтобы онъ не увѣдомилъ Ярополка и Георгія о походѣ ихъ.» Въ *Новогород. Лѣт.* просто (стр. 17): «Пустиша Митрополита Кыеву Февр. въ 10 въ Мясопустную Недѣлю» (по нынѣшнему въ 1135 году) «а на Суждаль идуще не пустиша его.» Далѣе: «и много ся зла створи; и убиша Посадника Новгородьскаго Иванка, мужа храбра зѣло, мѣс. Генв. въ 26, и Петрила Микулцица, и много добрыхъ мужей, а Суждальць *болѣ;* и створше миръ.» Въ другихъ:

*побѣдиша* Ростовци . . . и воротишася съ побѣдою великою.» Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что со Всеволодомъ были Нѣмцы (такъ и въ *Кн. Степен.*), и что, кромѣ двухъ упомянутыхъ Новогородцевъ, убиты еще Жирята Якуновъ и *Даниша Якшичь*. Татищевъ изобрѣлъ обстоятельства и военныя хитрости, приписавъ ихъ Князю Георгію и Боярину его Коробу Якуну. Война Суздальская, по *Новогород. Лѣт.*, была въ 6642 году, а по другимъ въ 6643.

(262) «Иде Изяславъ (въ 1135 г.) Новугороду къ братьи и сложишася съ Олговичи и съ Давидовичи,» т. е. дѣтми умершаго Князя Черниговскаго, Давида, брата Олегова.

Въ *Пушкин. Лѣт.*: «Заратишася Олговичи съ Володимеричи, и идоша Ярополкъ, Гюрги, Андрей къ Чернигову на Олговичи, и сташа не дошедше города, и стояша нѣсколько дній, и воротишася опять мѣсяца Ноября.» Въ *Кіев. Лѣт.*: «еще бо бяху Половци къ нему» (Всеволоду Ольговичу) «не пришли . . . И Половцемъ пришедшимъ, Всеволодъ со братіею, со Изяславомъ и Святополкомъ Мстиславичема, поидоша воюючи села и городы Переяславское волости, и люди сѣкуще даже и до Кыева, и Городецъ» (противъ Кіева) зажгоша на Св. Андрея день, и ѣздяху по оной сторонѣ Днѣпра, люди емлюще, а другія сѣкуще, не могучи перевезтися черезъ Днѣпръ. Забравши скотъ весь, 3 дни стоявше за Городцемъ въ бору, и идоша къ Чернѣгову, и оттуда шлючи межи собою, створиша миръ. И паки Олговичи начаша просити у Ярополка, что пашъ отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хощемъ; аже не вдасть, то не жалуйте: что ся удѣеть, то на васъ будеть кровь. Тое же зимы (1135) Ярополкъ совокупи воя Кыевскыя, а Гюргій Переяславци, и стояша 8 (или 20) дній у Кыева (противу Ольговичей) и умиришась; и даше (Вел. Князь) Переяславль Андрееви, а Володимерь Изяславу.»

Въ *Пушкин.* и другихъ сказано, что Ольговичи, воюя въ Переяславской области, взяли *Нѣжатинъ* (близъ Альты) и Баручь (см. выше, примѣч. 244).

Изяславъ участвовалъ въ первомъ походѣ Всеволодовомъ на Суздаль; когда жь Новогородцы съ Дубны или Волги (какъ въ другихъ лѣтописяхъ сказано) возвратились, сей Князь остался *на Волокѣ* (въ Волоколамскѣ) и свѣдавъ, что сыновья Мономаховы идутъ къ Чернигову, пошелъ туда же, съ намѣреніемъ, какъ думаю, пристать къ Ольговичамъ. Болтинъ, зная Татищева, но не хотѣвъ справиться съ лѣтописями, винилъ Щербатова, что сей Историкъ принялъ Волгу за Волокъ.

Татищевъ пишетъ, что Юрій, или Георгій, лишенный тогда Переяславля, отправился въ свою прежнюю область, въ *Бѣлую Русь;* но Суздаль и Ростовъ никогда не назывались Бѣлою Русью. — Въ послѣдствіи увидимъ, что нынѣшній Остеръ или древній Городецъ остался за Георгіемъ (см. ниже, примѣч. 311).

О Нифонтѣ см. въ *Новогород. Лѣт.* стр. 17 и 18. Тамъ упомянуто о сраженіи Всеволода съ Ярополкомъ; но оно было уже послѣ заключеннаго мира въ слѣдующемъ году.

(263) Въ *Пушкин.*: «начаша (Ольговичи) воевати села и города по Сулѣ, и придоша къ Переяславлю и многы пакости створиша, и Устье пожгоша.» Въ *Кіев.*: «Стояша у города (Переяславля) 3 дни, и бишася у Епискуплихъ воротъ и у Княжихъ, и почутиша Ярополка идуща на верхъ Супоя.» — Въ *Пушкин.*: «погнаша ихъ» (Половцевъ) Володимеричей дружина, и воротишася опять на полчище» (мѣсто битвы) «и не обрѣтоша Княжье вое, и впадоша Ольговичемъ въ руцѣ, и тако изъимаша держащаго стягъ (знамя) Ярополчь, и яша Бояръ Давида Яруновича, Тысячьскаго Кыевскаго, и Станислава добраго Тудковича (въ *Никоновск.* Ивана Даниловича, богатыря славнаго, Дамьяна, Янка), и прочихъ много, и внукъ Володимерь, Василько Маричиниць, убьенъ бысть ту.» А въ *Кіев. Лѣт.*: «Василько Леоновичь Царевичь, внукъ Володимерь Маричинъ.» Въ послѣдней сказано выше: «братія Ярополкъ, Вячеславъ, Гюргій и Андрей, видѣвше полки своя возмятени, отъѣхаша во свояси.» О Василькѣ см. выше, стр. 91. Татищеву захотѣлось похвалить умъ и храбрость его.

Халепъ есть нынѣ село ниже Триполья. Въ *Пушкин.*: «Ольговичи съ Половци взяша Треполь и Халепъ (въ Никоновск. *дѣтинецъ*, т. е. замокъ или крѣпость) пуста и придоша къ Кыеву, хотя еще пролъяти кровь Хрестьянскую, хвалишеся въ гордости своей, и Богъ не вда имъ того створити. А Ярополкъ собра вои многы съ братьею своею; моглъ бы ся бити съ ними, но того не створи, Бога ся убоявъ, но умирися съ ними.» Въ *Кіевск. Лѣт.*: «Андрей возвратися въ Переяславль. Всеволодъ же, перешедъ Десну, ста противу Вышегороду съ вои . . . и постоя за 7 дній, иде къ Чернѣгову, и сослаша межи собою послы и не могоша ся уладити. Паки же Олговичи съ Половци перейдоша Днѣпръ Дек. въ 29 день, и почаша воевати отъ Треполя около Краина и до Бѣлагорода и Василева, олни же и до Кыева, и по Желани, и до Вышегорода, и до Деревъ (Древлянской области), и чрезъ Лыбедь стрѣляшася. Ярополкъ же, убоявся суда Божія, сотворися мнїй (меньшій) всѣхъ, хулу и укоръ прія на ся, отъ братія своея и отъ всѣхъ, и сотвори съ ними миръ въ 12 Генв. (уже въ 1337 г.) и цѣловаша крестъ, ходящу межъ ими Митрополиту Михаилу, и вда Ярополкъ отчину свою ко Олговичемъ, чего хотѣли.» — Увидимъ ниже, что Курскъ отошелъ къ Черниговскимъ Князьямъ.

(264) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 18, 19, и *Степен. Кн.* I, 258. Въ первомъ (стр. 9): «постригжеся Святоша, тьсть (тесть) Всеволожь.» Наши Историки думали, что зять Святошинъ былъ Черниговскій Всеволодъ Ольговичь, женатый, вмѣсто того, на дочери Мстислава. Далѣе: «всадиша (Всеволода) Маія въ 28 и сѣде 2 мѣсяца, и пустиша изъ города Іюля въ 15, а Володиміра, сына его, пріяша» (оставивъ у себя). Татищевъ прибавляетъ, что Ярополкъ наказалъ изгнаннаго Всеволода словами, и проч.

(265) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 19: «стрѣлиша Князя (Святослава) милостьницы» (пріятели) «Всеволожи, нъ (но) живъ бысть.» — О великодушіи Князя Полоцкаго см. въ житіи Всеволода, *Степ. Кн.* I, 259. Въ рукописной Псковской лѣтописи, Архивской и Синодальной, есть также сіе извѣстіе: «Василько, Всеволоду идущу мимо Полотска, самъ выѣха къ нему, проводи его съ честію, не забывъ заповѣди Божія, забы злобу отца его (Мстислава), что бяше сотворилъ всему роду его; вшедшу ему въ руцѣ его, ничто же о немъ лукавно помысли, яко же подобаше по человѣчеству; но и крестъ межи собою цѣловаста, яко не поминати, что ся дѣяло прежъ сего.»

(266) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 20: не всхотѣша людье Всеволода, и побѣгоша друзіи къ Всеволоду, и взяша на разграбленіе домы ихъ: Княтинъ, Нѣжатинъ и инѣхъ много. Кто Всеволоду пріятель (изъ) Бояръ, тѣ (то) имаша на нихъ не съ полуторы тысяче гривенъ, и даша купцемъ *крутитися*» (готовиться) на войну; нъ (но) сягоша» (достали, зацѣпили) «и невиноватыхъ.» Тати-

254

щевъ все переиначилъ; говоритъ о бунтѣ Всеволодовыхъ друзей, о казняхъ, о заключеніяхъ въ темницу, о деньгахъ отданныхъ не *купцамъ*, а войску.

На мѣсто Посадника Константина (въ *Никоновск*. Дашкова), ушедшаго ко Всеволоду въ Вышегородъ вмѣстѣ съ Жирятою, Псковскимъ Бояриномъ, Новогородцы выбрали Якуна Мирославича. — Далѣе въ лѣтописи: «Святославъ съвкупи всю землю Новогородскую, и брата своего приведе Глѣба съ *Куряны* и съ Половци, и идоша на Пльсковъ.» Курскъ зависѣлъ прежде отъ Князя Переяславскаго. *Никон. Лѣт.* выдумалъ, что Новогородцы дѣйствительно желали снова имѣть Всеволода Княземъ; что многіе ушли къ нему и на пути грабили села и домы; что Святославъ нѣкоторыхъ Бояръ казнилъ, другихъ посадилъ въ темницу, и проч. — Дубровна есть село за три почты отъ города Пскова. Въ *Новогор. Лѣт.* стр. 20: (Пльсковици) бяхуть ся устерегли, засѣкли осѣкы вcѣ, и сдумавше Князь и людье на пути, вспятишася на Дубровнѣ, и еще рекше: не проливаймѣ кръви съ своею братьею, негли Богъ управить своимъ промысломъ.»

См. Ильинскаго *Описаніе Пскова*, стр. 8. Въ житіи Св. Всеволода-Гавріила (*Кн. Степ.* I, 260) сказано объ немъ: «вдовицамъ и сиротамъ заступникъ и кормитель бяше, всѣмъ имѣя нѣдра своя отверста, и никто же изыде изъ дому его алченъ.» Тамъ же написано, что Новогородцы, узнавъ о кончинѣ сего Князя, умершаго 11 Февраля, велѣли Протопопу своему, именемъ Полюду, взять Гавріиловы мощи; но рака Святаго была неподвижна, и только одинъ ноготь отъ руки его былъ привезенъ въ Новгородъ. Далѣе: «мощи Всеволода положены быша въ градѣ Псковѣ, въ церкви Димитрія Солунскаго» — (а въ древнихъ лѣтописяхъ сказано: *у церкви Св. Троицы, юже бѣ самъ создалъ*) — «бранное же его оружіе, мечь и щитъ, поставлено бысть на гробѣ его на хвалу и на утвержденіе граду Пскову.» — Святополкъ Мстиславичь пріѣхалъ туда вмѣстѣ со Всеволодомъ изъ Вышегорода. — На мечѣ Гавріиловомъ подписано: honorem meum nemini dabo *(никому не отдамъ чести своей)*. Это отзывается духомъ новѣйшихъ временъ.

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 г.:) Надпись: honorem meum etc. изображена на Довмонтовомъ мечѣ; Гавріиловъ не имѣетъ надписи. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(267) Мы означили цѣну хлѣба въ Новѣгородѣ по харатейному списку лѣтописи: въ новѣйшихъ стоитъ 7 гривенъ. Въ 1128 году осмина стоила тамъ гривну: слѣдственно въ семь разъ дороже (ибо въ гривнѣ было 50 рѣзаней). Татищевъ пишетъ, что Новогородцы имѣли еще недостатокъ въ соли, и догадывается, что въ Россіи тогда не варили ее, а покупали Испанскую (см. ниже).

Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 19: «въ тоже (1136) лѣто оженися Святославъ Новѣгородѣ и вѣнцяся своими Попы у Св. Николы; а Нифонтъ его не вѣнця, ни Попомъ сватбу, ни Церенцемъ (Черницамъ) дасть глаголя: не достоить ея пояти.» На комъ онъ женился, и за что Нифонтъ не хотѣлъ вѣнчать его, не знаемъ. Татищевъ говоритъ, что сія *вторая* Святославова жена была дочь Петрила, и что люди Княжескіе убили отца ея. Онъ ссылается на Ростовскій списокъ; но сего обстоятельства тамъ нѣтъ. — Изъ словъ: «Нифонтъ его не вѣнця,» Щербатовъ заключилъ, что Князей обыкновенно вѣнчали Епископы.

Уставъ Святославовъ нашелъ я въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Древнихъ Софійскихъ правилахъ* (Синодальн. Библіот. No. 82). Вотъ онъ:

«Уставъ бывшій преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ имати Пискупомъ десятину отъ даній и отъ виръ и продажь, что входить въ Княжь дворъ всего. А здѣ въ Новѣгородѣ что есть десятина, обрѣтохъ уражено преже мене бывшими Князи, толико отъ виръ и продажь десятины зрѣлъ, олико даній въ руцѣ Княжи и въ клѣть (клѣти) его. Нужа же бяше Пискупу, нужа же Князю въ томъ въ десятой части Божіи. Того дѣля уставилъ есмь Св. Софьи, ать (да) емлеть Пискупъ за десятину отъ виръ и продажь 100 гривенъ *новыхъ кунъ*, иже выдаваеть Домажиричь изъ Онѣга; аче не будеть полна ста у Домажирича, а осмьдесять выдасть, а дополнокъ взметь (возметъ) 20 гривенъ у Князя изъ клѣти. Урядилъ есмь азъ Св. Софьи и написалъ *Никола* Князь Новогородьскый Святославъ: въ Онѣгѣ, на Волдутовѣ погостѣ, два сорочка (сорока), на Тудоровѣ погостѣ 2 сорочка, на Ивани погостѣ съ даромъ» (т. е. вмѣстѣ съ даромъ) «3 сорочкы, на Ракулѣ 3, на Спирковѣ 2, у Вихтуя сорочекъ, въ Пинезѣ 3, въ Кегрелѣ 3, усть Емцѣ» (съ устья рѣки Емцы) «2, устье Вагъ 2, у Пуйте сорочекъ, у Чюдина полсорочька, у Лигуя съ даромъ 2, у Вавдиша съ даромъ 2, у Вели 2, у Вѣкшензѣ 2, на Борку сорочекъ, въ Отмпнѣ сорочекъ, въ Тоймѣ сорочекъ, у Помѣ полсорочька, у Тошьмѣ сорочекъ, у Пененича сорочекъ, у Порогопустьцѣ полсорочка, у Валдита 2 сорочка, на Волоцѣ въ Моши два, у Еми скора» (у Финляндцевъ шкурами) «а на мори отъ *чрена* и отъ *салы* по *пузу*, у Тудора сорочекъ.» (*Чреномъ* или *Цреномъ* именовалась большая желѣзная сковорода, употребляемая для варенія соли; нынѣ называется *Циреною:* см. *Нов. Ежемѣс. Сочин.* Авг. 1789. Имя *салги* безъ сомнѣнія также относится къ солеваренію, которое производилось въ Двинской *приморской* части Новогородскихъ владѣній. *Пузъ* означалъ мѣру, а въ особенности для соли: см. Т. V, примѣч. 244, и Г. Крестинина *Исторію Холмогоръ*, стр. 13). «Въ лѣто 6645 (1137) Индикта 15. Ожели кто въ которое время а то рюшить (нарушитъ), или отъиметь, что я урядилъ Князь Никола-Святославъ съ Владыкою Нифонтомъ, Князь ли или инъ кто (изъ) сильныхъ Новогородець, а будеть Богу противенъ и Св. Софьи. — А се Обонѣзьскый рядъ: во Олонци 3 гривны, на Свѣри гривна, въ Юсколѣ 3 гривны, въ Тервиничихъ 3 гривны, у Вьюницѣ гривна, устье Паши гривна, у Пахитка на Паши полгривны, на Кукуевѣ горѣ гривна, у Пермина гривна, у Кокорка полгривны, на Масіегѣ низъ Сяси полгривны; въ поѣздѣ отъ всей земли Владыцѣ 10 гривенъ, а Попу 2 гривны; у Липсуевичь полгривны, у Тойвота гривна, въ Липпѣ полгривны. А се Бѣжичьскый рядъ: въ Бѣжичехъ 6 гривенъ и 8 кунъ, (въ) Городецькѣ полпяты гривны, въ Змени 5 гривенъ, Езьскѣ 4 гривны и 8 кунъ, Рыбаньскѣ *гривна Волжьская*, Вышзьскѣ полгривны Волжьская.» Епископъ *сверхъ* ста гривенъ, отпускаемыхъ ему изъ казны, получалъ съ уѣздовъ означенную дань. Въ старину считали деньги *сороками*. Здѣсь разумѣется, думаю, *сорокъ кунъ:* что составляло болѣе ста гривенъ, кромѣ десяти объѣздныхъ и пошлины съ соляныхъ варницъ. Когда Новогородскій Епископъ имѣлъ ежегоднаго доходу 250 гривенъ, то Князю надлежало имѣть 2500 гривенъ, слѣдственно 6250 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, если гривна кунъ была и тогда четвертою частію гривны серебра, подобно какъ въ началѣ XIII вѣка (см. сей *Исторіи* Т. I, прим. 527).

Далѣе въ *Новогород. Лѣт.* стр. 21: «выгнаша Святослава Апр. 17 въ Недѣлю 3 по Пасхѣ, сѣдѣвша 2 лѣта безъ 3 мѣсяцъ. А въ 23 того мѣ-

сяца поплошишася людье: сългаша бо, яко Святополкъ (братъ Св. Всеволода) у города (Новагорода) съ Плъсковици; и высунушася вcь городъ къ *Сильнищю*, и не бысть ничто же» (т. е. Новогородцевъ испугали ложною вѣстію, что Святополкъ идетъ на нихъ съ войскомъ). — «Святославлюю (жену) пріяша (удержали) въ Новѣгородѣ съ лучьшими мужи; а самаго Святослава яша на пути Смольняне и стрежахуть его на Смядынѣ въ монастыри, яко же и жену его въ Новѣгородѣ у Св. Варвары въ монастыри, жидуще оправы Ярополку съ Всеволодкомъ» (ожидая чѣмъ кончится распря между ими). Татищевъ говоритъ, что Новогородцы разсердились на Святослава за обиды, сдѣланныя имъ войскомъ его, и что Смоленскіе жители признали Святослава Княземъ своимъ; но монастырь и темница не престолъ. Въ Смоленскѣ княжилъ Ростиславъ Мстиславичь, который держалъ сторону дяди, Ярополка. *Никон. Лѣт.* упоминаетъ только о казнѣ, отнятой у Святослава, и выдумалъ еще, что Ляхи и Чудь грабили въ сіе время Россію, а Половцы взяли Курскъ. «Всякое раздѣленное царство запустѣетъ,» прибавляетъ онъ изъ Св. Писанія, и проч.

(268) Въ *Пушкин.*: «и всхотѣ (Андрей) лишитися Переяславля; и тако бысть пагуба Посульцемъ» (живущимъ по Сулѣ) «ово отъ Половець, ово же отъ своихъ Посадниковъ.» Городъ Прилукъ есть нынѣ Прилуки въ Полтавской Губерніи. Далѣе въ лѣтописи: «Ярополку же скопившю множество вой: Ростовцѣ, Полочаны, Смолняне, Угры, Галичане, и Берендѣевъ 1000» (въ нѣкоторыхъ 30,000, въ *Никон.* 40,000; а Татищ. говоритъ, что Король Венгер. прислалъ ихъ къ Великому Князю 10,000, и что Ярополкъ имѣлъ всего войска 60,000). Берендѣи или Берендичи одинъ народъ съ Торками, или нѣкоторое особенное племя (см. выше, прим. 218).

Далѣе *Никон. Лѣт.* заставляетъ Черниговскаго Епископа говорить рѣчь, а Князя Всеволода отвѣтствовать: «увы мнѣ грѣшному! кто есмь азъ песъ смердящій, таковая злая содѣвая?» По древнимъ спискамъ Черниговскій Князь *(яко смысленъ сый)* сказалъ только, *вошедши въ себя*: «луче есть смиритися Бога ради.» *Никон.* пишетъ также о слезахъ Ярополка и Всеволода: «и плакаша много межи собою.» Въ первую ночь мира, заключеннаго въ Моравійскѣ (нынѣ Моровскѣ), было на небѣ какое-то знаменіе.

(269) Въ *Никон.* поставлено 8 Ноября, вмѣсто 18 Февраля. По нынѣшнему лѣтосчисленію съ Генваря, Ярополкъ скончался уже въ 1139. Онъ былъ схороненъ въ голубцѣ у церкви Св. Андрея; но вдовствующая супруга его, именемъ Елена, въ 1145 году перенесла Ярополково тѣло въ самую церковь и положила рядомъ съ тѣломъ Янки, сестры Мономаховой. — Въ *Никон. Лѣт.*: «бѣ бо премного Христолюбивъ и любя прочитаніе Божественныхъ словесь, и почитая Епископы . . . . на ратныя же враги страшенъ бѣ, и вси *бояхуся* и трепетаху его.» Мы видѣли, что Князья Черниговскіе *не боялись* злодѣйствовать. Татищевъ сказываетъ намъ, что милостивый и правосудный Ярополкъ былъ *веселаго взора*, охотно со всѣми говорилъ, и для того подданные любили его какъ отца.

Замѣтимъ случаи Ярополкова времени, о коихъ мы не упоминали: Въ 1133 было знаменіе въ солнцѣ или затмѣніе, сдѣлали новый мостъ черезъ Волховъ, построены 2 деревянныя церкви, Богоматери и Св. Георгія, на торговой площади Новогородской; въ 1134 преставился Изяславъ Глѣбовичь, внукъ Олеговъ, Маія 14 (см. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ еще прибавлено: «въ се жь лѣто принесена бысть дъска оконечная гроба Господня Діонисіемъ; послалъ бо бѣ Мирославъ»). Авг. 4 сгорѣла въ Новѣгородѣ вся торговая сторона отъ Ручья Плотничнаго до конца Холма и 10 церквей; въ семъ же году нѣкоторые Новгородцы были заключены въ Даніи («*рубоша* Новогородьцѣ за моремъ въ Дони,» т. е. были посажены въ порубъ, а не *изрублены*: см. *Новогород. Лѣт.* стр. 17 и 26). Въ 1135 году, Генваря 6, скончался Переяславскій Епископъ Маркеллъ (или Маркъ); Всеволодъ Новогородскій и Нифонтъ Епископъ заложили каменную церковь Богоматери на торговой площади, а Рожнетъ Св. Николая на Яковлевой улицѣ; слышали громъ Декабря 10, а въ Рязани убитъ (какъ сказано въ *Никон. Лѣт.*) Тысячскій Иванъ Андреевичь Долгій. Въ 1136, Генв. 28, умеръ Посадникъ Мирославъ, на мѣсто коего Новогородцы избрали Константина Микульчича, въ отсутствіе Епископа Нифонта, возвратившагося изъ южной Россіи Февраля 4; въ Новѣгородѣ сгорѣла церковь монастыря Воскресенскаго, и Декаб. 5 освятили церковь Св. Николая. Въ Кіевѣ довершена церковь Пирогощая. Преставился Симеонъ, Епископъ Владимірскій; въ Рязани (только по *Никоновск.*) убитъ въ бѣгствѣ Печенѣжскій богатырь Темирхозя. Въ 1137 посвящены два Епископа, Смоленскій Мануилъ скопецъ и Ѳеодоръ Владимірскій, также скопецъ — въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Мануилъ былъ искусный Пѣвецъ; что онъ пріѣхалъ къ Мстиславу изъ Греціи самъ-третей, и что Смоленскъ прежде того не имѣлъ Епископовъ. Въ томъ же году Георгій уѣхалъ въ Ростовъ, и дочь Всеволода Мстиславича, Верхуслава, выдана за Польскаго Князя. — Въ 1138 (по *Кенигсберг.*) умеръ Глѣбъ Ольговичь (Татищевъ прибавляетъ: *въ Курскѣ*).

(270) См. Кадлуб. Hist. Polon. кн. III, стран. 724 — 730. Объ имени *Галича* см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 134. Нарушевичь (Hist. Narodu Polsk. III, 269) именуетъ Венгерца измѣнника Борисомъ, по догадкѣ весьма невѣроятной. Могъ ли Владимірко такъ жестоко поступить съ Княземъ Ярославовой крови? Борисъ же, внукъ Мономаховъ, является послѣ живъ и здоровъ (см. ниже). — Сказочникъ Длугошъ сдѣлалъ грубую ошибку, приписавъ взятіе Вислицы (въ 1136 г.) Ярополку. Не сей Великій Князь, но Венгры разбили Болеслава (см. Кадлуб. Hist. Pol. кн. III, стр. 731, для сравненія съ Длугош. Hist. Polon. кн. IV, стр. 444). Щербатовъ и Левекъ повторили нелѣпости Длугошевы, взявъ оныя изъ М. Стрыковскаго. Татищевъ зналъ сію басню, и написалъ другую о мнимой войнѣ Ярополка съ Болеславомъ. Нашъ Историкъ прибавилъ хитрости, засады, Воеволу Зева, рѣчь Андрееву, бубны, огни и проч.

(271) См. выше, стр. 145, и Прая Annales Reg. Hung. кн. II, стр. 125. Сія война была въ первый годъ Ярополкова княженія, т. е. въ 1132. Владимірко, оставивъ Бориса, скоро объявилъ себя союзникомъ Белы и ходилъ разорять Польшу съ Герцогомъ Богемскимъ (см. Прая Ann. кн. II, стр. 127: Sobjeslaus cum Russis. и проч.) Самъ Владимірко (см. ниже) упоминаетъ о томъ въ нашихъ лѣтописяхъ.

(272) См. Прая Ann. R. Hung. кн II, стр. 135, 136, 142; Туроц. Chron. гл. 64 и 66, и Memor. popul. III, 645 и 659.

(273) Въ *Ростов.* и другихъ: «ста у города въ Копыревѣ концѣ, и нача зажигати дворы, Марта въ 4 день.» Всеволодъ привелъ съ собою Вышегородцевъ, подданныхъ Государя Кіевскаго. Вячеславъ требовалъ единственно, чтобы Всеволодъ далъ ему время выйти изъ Кіева, и въ тотъ день отступилъ къ Вышегороду. Татищевъ прибавля-

255

етъ, что Кіевляне не захотѣли сражаться. Далѣе см. *Никон. Лѣт.*, гдѣ сказано еще, что Всеволодъ ходилъ на Половцевъ (чего нѣтъ въ другихъ).

(274) Въ харатейныхъ: «дошедше Горины (рѣки Горыни), пополошившеся (испугавшись), бѣжаша.» См. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано: «Всеволодъ иде на Андрея съ братомъ своимъ Святославомъ, а Изяслава Давидовича посла съ Половци, Ивана Васильковича и Володаревича изъ Галича, Володимера жь на Вячеслава и на Изяслава.» — Объ Андреѣ см. выше, стр. 93. Святославъ княжилъ въ Курскѣ. Далѣе: «и гониша по нихъ до Каранѣ, а далѣ не пусти Андрей дружины своея.» Карань есть нынѣ слобода, не далеко отъ Переяславля, къ Днѣпру. Татищевъ, любя подробности, говоритъ, что на Святослава ударилъ прежде Воевода Андреевъ, а тамъ уже самъ Князь. — Въ харатейныхъ: «на ту нощь загорѣлся городъ (Переславль) мѣс. Сен. въ 1 день, но не отъ ратныхъ.» Въ *Кіев. Лѣт.*: «Всеволодъ же бяше не цѣловалъ креста еще, но исполнився страха Божія, и не посла къ городу никого же.» Послѣ онъ сказалъ Андрею: «аже бы лиха хотѣлъ, то что бы ми годно, то быхъ створилъ.» Малотинъ былъ гдѣ нибудь около Сулы и Днѣпра.

(Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года): *Малотинъ* въ Пирятинскомъ Повѣтѣ на Оржицѣ *(Сообщено З. Ходаковскимъ)*.

(275) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Володаревичь же и Васильковичь привабиша къ собѣ Изясл. Мстиславичя и не урядившеся» (въ пользу Всеволода) «възвратишась. Изяславъ же (Давидовичь) иде съ сынома и воева волость Вячеславлю, и възвратишась; Ляхове же Володимерскую волость, помогаючи Всеволоду.»

(276) Въ *Новогород. Лѣт.*: «бѣжа Ростиславъ Смольску изъ Новагорода *Сентября* 1, сѣдѣвъ въ Новѣгородѣ 8 *лѣтъ* и 4 мѣсяцѣ;» но онъ пріѣхалъ туда въ 1138, Маія 10, а выѣхалъ въ 1139: слѣдственно княжилъ только годъ и 4 мѣсяца: а Татищевъ говоритъ: «4 *года* и 4 мѣсяца?» Далѣе: «И бѣ мятежь Новѣгородѣ; а Святославъ дълго (долго) не бяше.» Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано: «для того, что Всеволодъ былъ занятъ войною съ Андреемъ и Мстиславичами.» Татищевъ прибавилъ, что Новогородцы, долго ожидавъ Святослава, опять призвали Ростислава. Далѣе: «потоциша (въ 1140 году) Кыеву къ Всеволоду Кьснятина Микульцица, и паки по немъ инѣхъ мужъ 6, оковавше Полюдя Ксятиница, Дьмьяна и инѣхъ колико.» Далѣе, стр. 23: «призваша изъ Суждаля Судилу, Нежату, Страшка, оже бѣху бѣжали изъ Новагорода Святославъ дѣля (ради Святослава) и Якуна.» Въ *Кіев. Лѣт.*: «По малѣ же времени почаша въставати Новогородци у Вѣчи (на Вѣчѣ) на Святослава про его злобу. Онъ же посла къ брату Всеволоду, река ему: тягота, брате, въ людехъ сихъ; а не хочю у нихъ быти; а кого тобѣ любо, того пошли. И посла къ нимъ Ивана Вотейшича, прося у нихъ мужъ лѣпшихъ; и поимавъ я́ приведе къ Всеволоду; и хотяше послати сына своего Святослава (Всеволодовича). И слышавъ, иже въстали Новогородци въ Вѣчи, избивають пріателе Святославле про его насиліе, и спріая (содружилъ) ему кумъ Тысяцкій его: Княже! хотять тя яти. Онъ же убоявся и бѣжа съ женою и съ дружиною на Полтескъ къ Смоленску; и се слышавъ Всеволодъ, не пусти сына . . . . И присылаша Новогородци Епископа къ Всеволоду, рекучи: дай намъ сынъ твой . . . и посла къ нимъ сынъ свой.»

Далѣе въ *Новогород. Лѣт.* (стран. 23) именно сказано, что *самъ* Всеволодъ вздумалъ послать сына на мѣсто брата. — Якуна схватили на рѣкѣ Плисѣ или Полистѣ: «облаживше яко мати родила и свергша и́ съ моста; нъ Богъ избави: прибрьде къ берегу.» Татищевъ прибавилъ, что Епископъ Нифонтъ умолилъ граждан не бросать Якуна въ рѣку. Они приковали ему руки къ шеѣ, и взяли съ него 1000 гривенъ (не *рублей*, какъ въ *Никоновск.)*, а съ брата, Прокопія, 100 гривенъ, обложивъ пенію и друзей Якуновыхъ.

(277) «Всеволодъ же призва шурина своя и да има Берестій (Брестъ) и река: Новагорода не березета» (не брегите его или не княжите тамъ) «ать (да) сѣдять о своей силѣ, гдѣ си Князь ни налѣзуть.» Невѣжда Никоновскій написалъ: «посади его съ Епископомъ и съ Новогородцы въ Берести *за сторожи*,» и ввелъ нашихъ Историковъ въ ошибку.

(278) Въ *Кіев. Лѣт.*: «и про то» (за призваніе Ростислава Георгіевича въ Новгородъ) «разгнѣвався Всеволодъ, и зая Городець Вѣстрьскый . . . Посла Изяславъ ко сестрѣ своей, и рече: испроси намъ у зятя Новъгородъ Великый брату Святополку. Она жь тако створи.»

Татищевъ пишетъ, что заступленіе Митрополита освободило Нифонта и Новогородскихъ пословъ; что Ростиславъ и Святополкъ въ одно время отправились въ Новгородъ; что тамошніе жители просили Святополка возвратиться съ дороги; что онъ разсердясь на нихъ, взялъ Торжекъ; что Великій Князь послалъ къ нимъ Святослава, брата своего, для котораго они выслали Ростислава Георгіевича; что Игорь и Святославъ, съ помощію дяди своего, Ярослава, Князя Рязанскаго *(давно умершаго:* см. выше, примѣч. 247) воевали область Суздальскую, и проч. Все спутано. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Новогородцы *повели* Ростислава въ домъ Епископскій и взяли съ него присягу княжить *по ихъ волѣ;* что Всеволодъ, узнавъ о томъ, приставилъ въ Кіевѣ стражу къ Епископу Нифонту, а пословъ Новогородскихъ засадилъ въ погребъ: такъ сказано и въ другихъ лѣтописяхъ, кромѣ древнихъ, Кіевской и Новогородской, т. е. самыхъ достовѣрнѣйшихъ. Новогородцы заключили Ростислава въ Епископскомъ домѣ такъ же, какъ Св. Всеволода въ 1136 году.

(279) Андрей родился въ 1102 году, а скончался въ 1141, Генв. 22 — «а въ третій межи *десятьма* похороненъ у Св. Михаила» (въ *Ростов.* и другихъ: въ *Переяславлѣ*). Татищевъ пишетъ: «погребенъ между *двумя дѣдами*» — какими же? Всеволодъ, Изяславъ, Святославъ лежали не въ Переяславлѣ. Счисленіе: *три межи десятьма* (между двумя десятками) означало 23: то есть, Андрей былъ погребенъ 23 Генв. — Лѣтописцы разсказываютъ за чудо, что во время Андреева погребенія сіяли три солнца, три столпа отъ земли до неба, въ образѣ дуги, и луна.

Въ харатейныхъ говорится ниже только объ Игорѣ, а въ *Кіев.* объ Игорѣ и Святославѣ; въ первыхъ сказано, что Игорь въ 1141 году занялъ города Суздальскіе, а въ *Кіев.* приписано сіе дѣйствіе Великому Князю (что, кажется, несправедливо). Станъ Игоревъ находился близъ Переяславля на рѣкѣ *Стреквѣ:* имя теперь неизвѣстное. — *Кіев. Лѣт.* повѣствуетъ о причинахъ войны: «Бѣжащю Святославу изъ Новагорода (въ 1141 году), идущю въ Русь къ брату, и посла Всеволодъ противу ему, и рече: брате! пойди сѣмо. Святославъ же ѣха къ нему изъ Стародуба, и не уладися съ нимъ о волости, и иде къ Курьску: бѣ бо и въ Новѣгородѣ сѣдя Сиверску. Въ тожь лѣто Всеволодъ, розлучиваа съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлгородъ» (отнявъ у него Курскъ

и Новгор. Сѣвер.) . . . . «Въ то жь лѣто ходи Игорь къ Чернѣгову на Давидовича и створиста миръ . . . . Бысть братьи его (Всеволода) тяжко сердце, Игореви и Святославу: волости бо даеть сынови, а братьи не надѣли. И позва Всеволодъ (въ 1142 году) братію къ собѣ, и сташа въ Олжичихъ, Святославъ и Володимеръ и Изяславъ, а Игорь у Городца, и ѣха Святославъ къ Игореви, и рече: что ти даеть братъ старѣйшій? и рече Игорь: даеть намъ по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыескъ и Клецескъ, а отчины своея не дасть Вятичь. И цѣлова Святосл. крестъ съ братомъ Игоремъ, и на утрій день цѣловаста Володимеръ и Изяславъ съ Игоремъ . . . . И посла ихъ Всеволодъ звати на обѣдъ, и не ѣхата, рекуще: се въ Кыеви сѣдиши, а мы просимъ у тобе Черниговское и Новогородскаа волости, а Кыевскые не хотимъ. Онъ же Вятичь не ступяше, но даяше имъ 4 городы, яже преди нарекохомъ. Они же рѣша: а намъ самѣмъ о собѣ поискати, и поѣхаша къ Переяславлю . . . . И посла Всеволодъ Лазоря Саковскаго съ Печенѣгы свои Вячеславу въ помощь . . . . И поможе Богъ Изяславу (Мстиславичу), и бися съ ними, и побѣгоша въ городы своя. Въ тожь время идущю Ростиславу съ Смоленск. полкомъ къ зятю своему къ Кыеву, и слышавъ (о войнѣ) и пойде на волость ихъ, и взя около Гомія (Гомеля) область ихъ всю» (по харатейн. 4 города) . . . . . «Изяславъ же ѣха въ землю Черниговскую, и повоева около Десны села ихъ, и възвратися въ свояси съ честію. Игорь же съ братьею ѣхаша къ Переяславлю другое, и бишась 3 дни, и възвратишась.» Татищевъ пишетъ, что гордый Игорь велѣлъ сказать Изяславу Мстиславичу: «не шуми, сидя за печью какъ *сверчокъ;*» что Изяславъ разбилъ его, и тогда вошло на Руси въ пословицу: «сверчокъ *тму таракань* (Каланбуръ!.!) побѣдилъ:» ибо Князья Черниговскіе назывались прежде *Тмуторокански-ми;* что Вячеславъ изъ благодарности отдалъ Изяславу свою юговосточную область, и пр.

(280) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Посла по нихъ Всеволодъ брата своего Святошю, река имъ: възмете съ любовію, что вамъ даю: Городецъ, Рогачевъ, Берестій, Дорогичинъ, Клецескъ; болѣ не воюйтеся съ Мстиславичи. Они же сташа на воли его, и позва ихъ къ собѣ къ Кыеву, и пріѣхаша: Всеволодъ же не хотѣ того, иже ся братья съвокупила на едну мысль, посла къ Давидовичема, река имъ: отступите отъ Игоря и Святослава, а азъ васъ надѣлю. Они же преступивше крестное цѣлованіе, отступиста отъ Игоря и отъ Святосл. къ брату Всеволоду. Всеволодъ же радъ бывъ ихъ разлученію, и да Берестій и Дорогичинъ и Вщижь (см. ниже, примѣч. 397) *Ормину* (?), а братома пославъ и да има, Игореви Городецъ Гургевъ и Рогачевъ, а Святославу Клецескъ и Черторыескъ; и тако разыдошася . . . . Ольговичи, братья Всеволожа, поропташа нань, иже любовь имѣеть съ Мьстиславичи, а съ нашими ворогы, осажался ими около, а намъ безголовье и безмѣстье. . . . И докучиваху ему пойти ратью на Мстиславичи; онъ же воли ихъ не учини.»

(281) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Приведена бысть дъщи Всеволожа въ Ляхы» (въ 1141 году). . . «Тогоже, лѣта (1142) отда Всеволодъ дъщерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава.» Въ другихъ мѣстахъ лѣтописи Владиславъ называется зятемъ Всеволода. Длугошъ пишетъ, что сей Герцогъ въ 1121 году женился на Христинѣ, дочери Императора Генрика V, которая была еще жива и въ 1146 году; что братья Владиславовы, Болеславъ и Мечиславъ, въ 1151 году сочетались бракомъ съ дочерьми *севолдиміра*, Князя *Галицкаго*, первый съ Анастасіею, вторый съ Евдокіею. Длугошевы извѣстія не имѣютъ достовѣрности современныхъ. Нарушевичь доказываетъ свидѣтельствами древнѣйшихъ лѣтописцевъ, что супруга Владиславова была не дочь Генрика V (см. Hist. Nar. Polsk. III. 181, 187), а сестра Императора Конрада. Она, какъ вѣроятно, умерла прежде 1141 года, и Владиславъ послѣ того женился на Княжнѣ Россійской, умершей въ третій годъ его изгнанія, какъ пишетъ Богуфалъ. — Мнимый Длугошевъ *Всеволдиміръ Галицкій* есть Всеволодъ Кіевскій и Всеволодъ Гавріилъ Псковскій (см. выше, прим. 269). Длугошъ сказываетъ еще, что Болеславъ, по смерти Анастасіи, женился въ 1160 году на Еленѣ, дочери Ростислава Перемышльскаго, внукѣ Володаревой.

Далѣе въ лѣтописи: «сняшася вси (Князья Русскіе) у Чьрньска (Черска на Вислѣ?), и воевавше воротишася, болѣ вземше мирныхъ Ляховъ, неже ратныхъ.»

(282) См. ниже, примѣч. 322. По смерти Моравскаго Герцога Оттона, въ 1126 году, сынъ его, именемъ также Оттонъ, ушелъ въ Россію, и жилъ тамъ до 1141 году (см. Гебгарди Gesch. des St. Mähren, кн. VII, 54, 55). — Невѣста Святополка Мстиславича (а не Всеволодовича, какъ сказано въ Софійской лѣтописи) пріѣхала въ 6657 между Рождествомъ и Крещеніемъ: слѣдственно онъ женился въ началѣ 1144 году.

Въ *Новогород. Лѣт.*, стр. 24: «приходи Свейскій Князь съ Епископомъ въ 60 *шнекъ* (лодкахъ) на гость, иже изъ морья шли въ 3 лодьяхъ, и бишася; не успѣша (Шведы) ничтоже, и отлучиша ихъ 3 лодье» (Новогородцы взяли 3 лодки Шведскія); «избиша ихъ (Шведовъ) 150.» Татищевъ думалъ, что Шведы побили Новогородцевъ. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Свеяхъ*. Прежде называли ихъ у насъ общимъ именемъ Варяговъ.

Въ *Новогор. Лѣт.* стр. 24: «въ тоже лѣто (1142) приходиша Емь. Избиша я́ (ихъ) Ладожане 400, и не пустиша ни мужъ.» Татищевъ думалъ, что Ладожане были разбиты Емью. — «Въ тоже лѣто ходиша Корела на Емь и отбѣжаша; 2 *лойву бити*» — а въ лѣтописи Попа Іоанна: «2 *лойвѣ* избили.» Что такое *лойва?* не *засмоленная ли* лодка? *лой* есть смола. — Въ другомъ мѣстѣ *Новогород. Лѣт.* сказано (стр. 159): «совкупися вся волость Новогородская, Пльсковичи, Ладожане, *Корела:*» слѣдственно сія страна принадлежала Новугороду.

(283) Святославъ женился на дочери Василька еще въ 1143 году, а Рогволодъ въ 1144. Свадьба была въ Переяславлѣ.

Когда умерли Ростиславъ Володаревичь и Григорій Васильковичь, не знаемъ; а Иванъ Васильковичь въ 1141 году по *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано: «и пріа волость его Володимерко Володаревичь, сѣде въ обою волостію княжити въ Галичи.» Далѣе г. 1144: «роскоторастася Всеволодъ съ Володимеромъ про сына, иже сѣде въ Володимери, и почаста на ся искати вины: Володимерко въверже ему грамоту *крестную*.»

Всеволодко Городненскій умеръ въ 1142 году, Февр. 1. Въ *Кіев. Лѣт.*, кромѣ другихъ Князей и Владислава Польскаго, зятя Всеволодова, которые ополчились на Владимірка, именованы еще сынъ Великаго Князя Святославъ и Ростиславъ Глѣбовичь, внукъ Олеговъ (см. выше, примѣч. 269).

(284) Банъ тоже, что Панъ: тогда знаменитое достоинство. Сей Банъ названъ *уемъ* Короля, т. е. дядею по матери; слѣдственно онъ былъ роднымъ братомъ Елены, дочери Сербскаго Графа. — О Теребовлѣ см. выше, примѣч. 179. Не замѣ-

256

чаю маловажныхъ ошибокъ *Никон. Лѣт.* и прибавленій Татищева. — Ушица въ Подольской Губерніи. — Изяславъ Давидовичь былъ отправленъ за Половцами еще изъ Переяславля. — Мѣсто, гдѣ стоялъ Всеволодъ противъ Галицкаго Князя, занявшаго высоты близъ Серета, названо въ лѣтописяхъ *Рожье поле*.

Въ *Воскресенск.* и въ *Ростовск. Лѣт.* описаны здѣсь кровопролитныя битвы подъ стѣнами Звенигорода; но сіе было уже во время другаго Всеволодова похода въ Галицію (см. ниже). Далѣе въ лѣтописи: «Всеволодъ ста по сей сторонѣ (Звенигорода), а Володимеръ обону страну (въ *Никонов.* на Лебежнемъ полѣ), сшедъ съ горы; а межи ими рѣка мелка (въ *Кіев.* Бѣлка, въ *Никонов.* Грезка.); и повелѣ Всеволодъ чинити гати комуждо своему полку, и заутра перейдоша рѣку и взяша горы (въ *Ник.* Сокольи) за Володимеромъ. Володимеръ же мня, яко къ нему идуть, ста исполчився передъ городомъ на болоньи. Симъ же полкомъ не лзѣ бяше битися тѣсноты ради, зане болота пришли ноли подъ горы» (подъ самыя горы)... «Взидоша Руськыи полци на горы и зайдоша отъ Перемышля,» и проч.

Ниже въ *первый* разъ говорится въ лѣтописяхъ о *гривнахъ серебра*. *Никонов. Лѣт.* пишетъ опять *рубли*, вмѣсто *гривенъ*, сказывая, что Всеволодъ не оставилъ у себя *ни сребреницы*, раздавъ деньги войску. Въ древнихъ: «подѣли сребромъ *братью* свою, поченъ (начавъ) отъ старѣйшихъ и до меншихъ... Уверни (возвратилъ) Всеволодъ Ушицю и Микулинъ.» — Надобно еще замѣтить, что *Никон. Лѣт.*, выдумавъ глупую рѣчь Игоря, называетъ Галицкаго и другихъ безъ разбора Великими Князьями. Татищевъ пишетъ, что Владимірко *винился* передъ Всеволодомъ. Въ *Кіев.*: «Въдавъ Владимірко за трудъ Всеволоду 1000 и 400 гривенъ сребра, переди много глаголавъ, а послѣди много заплативъ. Всеволодъ же цѣловавъ его съ братьею, рече ему: се цѣловалъ еси; къ тому не съгрѣшай.» Сей Лѣтописецъ называетъ Галицкаго Князя *многоглаголивымъ*.

(285) Отъ Берлада, нынѣ Бырлата или Барлада, между Прутомъ и Серетомъ. Сей нѣкогда многолюдный и крѣпкій городъ (см. Кантемирово *Описаніе Молдавіи*) основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы (см. Бишинг. Erdbeschr. II, 789) былъ населенъ бродягами, которые славились разбоями на морѣ и сухомъ пути (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ). Вѣроятно, что Іоанна Галицкаго назвали *Берладникомъ* въ смыслѣ *бродяги* по его образу жизни.

Въ *Кіев. Лѣт.*: «на туже зиму шедшю Володимеру въ Тисмяницу (въ Галиціи) на ловы,» и проч. Далѣе: «бишась 3 дни; въ Недѣлю же Мясопустную на ночь выступи на ня Иванъ съ Галичаны, и побиша у Ивана дружины много, и заступиша й отъ города... и пробѣже сквозь полкъ къ Дунаю, и оттуду полемъ прибѣже къ Всеволоду.»

(286) О собраніи Князей въ Кіевѣ см. *Кіев. Лѣт.*: «и сѣдшимъ всѣмъ братіи у Всеволода на сѣнехъ, и рече Всеволодъ,» и проч. Далѣе: «повабливаеть мене Володиславъ, Лятскый Князь, на брата своа; и рече Игорь: не ходи, но пойдемъ мы... И иде Игорь съ братомъ Святославомъ и съ Володимеромъ (Давидов.), а Изяславъ Мстисл. разболѣся и не иде. Изъ Володимеря Святосл. Всеволод. иде, и идоша на средь земли Лядское; найдоша брата 2 Владиславля, Болеслава и Мъжеку, стояча за болотомъ, и переѣхаша на сю сторону, и поклонистася Игореви съ братьею, и цѣловавше крестъ межи собою... И даста брату Владиславу 4 городы, а Игореви съ братьею Визну... Тое же зимы Владиславъ, Лятскый Князь, емь мужа своего, Петрока, и ослѣпи его, и языка ему урѣза, и домъ его разграби; токмо съ женою и съ дѣтми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь» (кто? Петрокъ или Владиславъ?)... «Ею же мѣрою мѣрить, взъмѣрить ти ся. Ты емь лестію Володаря, и умучивъ й, имѣніе его вьсхити все.» Длугошъ говоритъ, что Владиславъ, изгнанный братьями, бѣжалъ изъ Польши въ 1146 году: увидимъ, что онъ при смерти Всеволода уже находился въ Россіи. Сей же Историкъ пишетъ, что Россіяне въ 1145 году, осаждая Познанъ, были на голову побиты.

(287) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Всеволодъ съ Игоремъ иде къ Галичю, и съ Давидовичема и съ Вячеславомъ, Изяслав. и Ростислав., и Святослава поя сына своего и *Болеслава*, Лятскаго Князя, зятя своего, и Половци дикыа, и бысть множество вой.» Вмѣсто *Болеслава* надобно, думаю, читать *Володислава*, который тогда ушелъ изъ Польши. Далѣе: «и бысть дождь, и стече снѣгъ... Пожгоша около его (Звенигорода) острогъ въ первый день, а въ вторый день створиша Вѣче Звенигородци, хотячи ся передати... и Воевода, Иванъ Халдѣевичь, изыма въ нихъ мужь 3 и уби й, и когождо ихъ перетне наполь, верже й изъ города... Въ 3 же день приступиша вси вои къ граду, по зори бишась до позднои вечери, и зажгоша городъ въ трехъ мѣстѣхъ. Граждане же угасиша... и възваша: *Киріе елейсонъ*» (Господи помилуй). — Далѣе въ харатейныхъ: «приде Володимеръ Галичьскый и взя Прилукъ» (на границѣ Кіевской и Подольской Губерніи, нынѣ Прилука)... «и совокупи Всеволодъ братью свою на Родосыни» (см. выше, примѣч. 204) «и сложи путь съ Бориша дни» (положилъ выступить въ Борисовъ день, или Іюля 24) «на Володимера, и нарече оба Изяслава (Давидовича и Мстиславича) оставити дома, и перебы нѣколико и разболѣся», и проч. *Никонов. Лѣт.* прибавляетъ, что Великій Князь отправилъ гонцевъ въ Чехи, Ляхи, Угры, требуя войска.

(288) Въ харатейныхъ: «и везоша й Вышегороду.» Въ *Кіев.*: «и посла по брата своего, по Игоря и по Святослава, и ста подъ Вышегородомъ въ островѣ, и призва къ себѣ Кыяны, и нача имъ молвити: «азъ есмь боленъ уже велми, а се вамъ братья моя, Игорь; имете ся зань. Они же рекоша: Княже! ради; ся имемъ. И поѣхаше Игорь въ Кыевъ, иде съ ними подъ Угорьскый, и съзва Кіаны всѣ; они же цѣловаша къ нему крестъ, рекучи: ты намъ Князь — и яшась понь лестію. Заутрій же день ѣха Игорь къ Вышегороду, и цѣловаша къ нему крестъ Вышегородци. Всеволодъ же посла къ Изяславу Мстиславичю Володислава, зятя своего, а къ Давидовичема Мирослава Андреевича, река: стоите ли въ крестномъ цѣлованіи у Игоря? и рѣша: стоимы. Въ утрій же день преставися Всеволодъ мѣс. Авг. въ 1 день» (по харатейнымъ Іюля 30) «и спрятавше тѣло его въ церкви Св. мученику (Бориса и Глѣба).» — Татищевъ пишетъ, что Вельможа Улѣбъ колебался признать Игоря наслѣдникомъ; что Великій Князь озлобился, но старѣйшина Лазарь Сокольскій утишилъ его гнѣвъ; что Всеволодъ былъ толстъ и плѣшивъ, имѣлъ широкую бороду, не малые глаза, долгій носъ; могъ въ судахъ оправдывать или обвинять, кого хотѣлъ; но что любя наложницъ, болѣе занимался удовольствіями, нежели расправами; что народъ страдалъ, и только однѣ любовницы оплакали кончину Всеволодову; что граждане не терпѣли и наслѣдника его, зная свирѣпый нравъ Игоревъ, и проч. Въ лѣтописи названъ Всеволодъ *смысленнымъ*.

Вотъ маловажные случаи его княженія: Въ 1140 году, Марта 20, затмѣніе солнца; родился у Вел. Князя сынъ Ярославъ. Въ 1141 поставленъ Епископъ Переяславскій Евфимій. Въ 1142 преставился Черниговъ. Епископъ Пантелеймонъ. Въ 1143 (по *Новогород. Лѣт.*) «стояша вся осенина движева (дождлива) отъ Госпожина (Успенія) до *Корочюна*» (такъ назывался, думаю, постъ предъ Рождествомъ, отъ *короткихъ* дней) — «тепло, дъждь, и бы вода велика вельми въ Волховѣ, и всюдѣ сѣно и дръва разнесе; озеро морози въ нощь, и растърза вѣтръ, и внесе въ Волхово, и поломи мостъ 4 городнѣ; отинудь бѣ знать» (никакого знака не осталось): «бѣ занесе (унесло).» Въ *Кіев. Лѣт.*: «бысть буря велика, яко же не была николиже около Котельници, и розноси хоромы и товаръ и клѣти и жито изъ гуменъ, и просто рещи, яко рать взяла, и не остася въ клѣтехъ ничтоже; и нѣціи налѣзоша бронѣ въ болотѣ, занесены бурею.» — Въ 1144 зимою Всеволодъ на одной недѣлѣ выдалъ двухъ дочерей Всеволодковыхъ, внукъ Мономаховыхъ, одну за Владиміра Давидовича Черниговскаго, а другую за Юрія Ярославича, внука Святополкова (см. *Кіев. Лѣт.*). 9 Іюня Всеволодъ заложилъ въ Каневѣ церковь Св. Георгія; въ Новѣгородѣ сдѣланъ новый мостъ, сгорѣлъ Холмъ (часть города) и церковь Св. Иліи, Епископъ Нифонтъ расписалъ притворъ Св. Софіи, избранъ въ Посадники Нежата Твердятичь, совершена на торговой площади каменная церковь Богоматери, и *поставленъ Священникомъ сочинитель древней Новогородской лѣтописи.* Въ *Кіев. Лѣт.*: «За Днѣпромъ въ Кыевской области летящу по небесѣ до земля яко кругу огненному, и остася по слѣду его знаменіе въ образъ зміа великого, и стоа по небу съ часъ и разыдеся. Паде снѣгъ въ Кыевской сторонѣ коневи до чрева на Великъ день (Свѣтлое Воскресенье). Священа бысть церкви въ Бѣлѣгородѣ Св. Апостолъ. Поставиша Епископа къ Турову, именемъ Якымъ.» — Въ 1145 передъ жатвою стоялъ двѣ недѣли ужасный жаръ (въ *Новогородской*: «*яко искря гуце*» или *жгуче*) и наконецъ шли дожди до самой зимы, такъ что много пропало хлѣба и сѣна; осенью наводненіе, а зима малоснѣжная и сумрачная до Марта; утонули 2 Попа, и Епископъ Нифонтъ запретилъ ихъ отпѣвать. Въ Смоленскѣ, на Смядыни, заложена церковь Бориса и Глѣба. Митрополитъ Михаилъ ѣздилъ въ Царьградъ, и сгорѣла въ Кіевѣ часть Подола. Явилась на Западѣ большая звѣзда съ лучами. Въ Муромѣ скончался Святославъ Ярославичь, оставивъ престолъ брату Ростиславу; а въ Рязань поѣхалъ княжить меньшій сынъ Ростиславовъ, Глѣбъ.

(289) *Дворъ Ярославовъ* находился въ Кіевѣ на горѣ. Въ *Кіев. Лѣт.*: «съзва Кіаны всѣ на гору, на Ярославль Дворъ.»

Въ *Ростовск.*, *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* Ч. I, стр. 282: «и паки совокупившеся вси Кіяны у *Туровы божницы* и послаша по Игоря. Игорь же поемъ Святослава, иде къ нимъ и ста съ дружиною, а брата посла въ Вѣче... Святославъ же съсѣдъ съ коня, цѣлова крестъ въ Вѣчи. Кыяне же вси, съшедше съ коней, начаша молвити, » и проч.

(290) Въ *Кіев. Лѣт.*: «устремишась на Ратшинъ дворъ грабити и на Мечникы... Въземъ (Изяславъ) молитву въ Св. Михаилѣ у Еписк. Евф. и перейде Днѣпръ у Заруба, и ту прислашася къ нему Черніи Клобуци и все Порусье» (мѣста по рѣкѣ Русу или Роси)... «и пойде Изяславъ къ *Дръковому*, и ту совокупишась вси Клобуци и Поршане. Въ томъ же мѣстѣ прислашась къ нему Бѣлогородци и Василевци... Игорь же посла къ Володимеру и Изяславу (Давидовичу), и рече: стоита ли у мене въ крестномъ цѣлованіи? Она же въпросиста у него волости много: Игорь же има вда, и повелѣ има пойти къ собѣ... Изяславъ же Давидов. ѣха вборзѣ къ Игореви. Епископъ же Черниговскій, Онуфрій, Просвитеромъ своимъ рече: аще кто сего цѣлованія (Давидовичей къ Игорю) съступить, да проклятъ будеть Господскыма 12 праздникома. И по малѣ дній съступиста Давидовича крестное цѣлованіе. Начальници же бы съвѣту злому Улѣбъ Тысячскый и Иванъ Войтишичь и Лазорь Саковскый, а въ Святославли полку Василь Полочанинъ, Мирославъ Хиличь внукъ, и совокупиша около себе Кіаны.»

(291) Въ 1146 году.

(292) Въ *Кіев. Лѣт.*: «пріиде Изяславъ къ валови, идѣ же есть *Надово* озеро, у *Шелвова борку*, и ту ста» (въ харатейныхъ: на *Желани*) «съ сыномъ Мьстиславомъ. Кыяне же особно сташа у Олговы могилы» (на горѣ Щековицѣ или нынѣшней Скавицѣ)... «и видѣвъ Игорь, иже Кыяне пославшеся и пояша у Изяслава Тысячского и съ стягомъ и приведоша й къ собѣ, и Берендичи, переѣхавше Лыбедь, взяша Игоревы товары предъ Золотыми вороты и подъ огороды... и Улѣбови и Иванови Войтишичю рече: поѣдта въ своя полкы. Пріѣхавъ же въ свой полкъ, и повергли стягы, и поскочиша къ Жидовскымъ воротомъ. Видѣвъ же то Игорь и Святославъ и сыновець его Всеволодичь, не смятошась, но пойдоша противу Изяславу на верхъ озера, и ту быша пророви отъ озера, а друзіи изъ Сухоа Лыбеди... Въѣхаша Берендичи съ саблями и почаша я сѣчи, и ту побѣже Игорь и Святославъ въ *слудвы* (болота) Дорогожичьскыа, и Изяславъ же съ Мьстиславомъ, сыномъ своимъ, и съ всею дружиною въѣха въ бокъ имъ, и начаша сѣчи, и разлучишась другъ отъ друга, и съ Игоремъ же не бѣ кто улучася, и бѣже Игорь въ болото Дорогожичское, и угрязе подъ нимъ конь... бѣ (Игорь) ногами болитъ; а Святославъ бѣже на устье Десны, за Днѣпръ; а Всеволодичь Святославъ вбѣже въ Кыевъ къ Св. Оринѣ въ монастырь, и ту его яша. Идоша по нихъ до Вышегорода и до Днѣпра, до устья Десны и до перевоза до Кыевского, сѣкуще я, а другыа въ водѣ избиваху... Выидоша противу ему (Изяславу) множество народа, Игумени съ Черноризци и Попове всего города Кыева въ ризахъ, и пріѣха къ Св. Софіи... Бояры многы изымаша: Данила Великаго и Гургя Прокопьча, Ивора Гюргевича, Мирославля внука, и инѣхъ много въ Кыевѣ... и разграбиша Кыяне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожи, и села и скоты, и взяша имѣнія много въ домѣхъ и въ монастырехъ.»

(293) Именемъ Владиміру. Въ лѣтописи: «отъ радости (Вячеславъ) не приложи чти къ Изяславу... и отъя городы опять, иже бяше отъ него Всеволодъ отъялъ.» Рѣчь Вячеславова (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 13) свидѣтельствуетъ, что племянникъ обѣщалъ прежде завоевать для него Кіевскую область. Съ Ростиславомъ ходилъ въ Волынію и сынъ Всеволодовъ. — Татищевъ говоритъ, что Вел. Князь послалъ дары Венгерскому Королю; что Святославъ Ольговичь уѣхалъ въ Новгородъ *Великій* къ *Ростиславу*: но Ростиславъ княжилъ въ *Смоленскѣ*, а Святославъ уѣхалъ въ Новгородъ *Сѣверскій*.

Пересопница, нынѣ селеніе того же имени, находится между Луцка и Дорогобужа, Ровна и Клевани на рѣкѣ Стублѣ или Струбелкѣ, впадающей въ Горынь.

(294) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Святославъ же убѣже въ Чернѣговъ съ маломъ дружины, посласѧ къ братома и рече: стоита ли въ крестномъ цѣлованіи, еже есвѣ



257

цѣловали пяти двій? . . . Се вамъ оставливаю Костяшка, мужа своего . . . А самъ ѣха къ Курску, и оттуда къ Новугороду . . . И посластася (Давидовичи) къ Изяславу: Игорь яко тобѣ золъ былъ, тако и намъ; а дръжи его твердо.»

(295) См. *Кіев. Лѣт.* Олегъ былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой. — Князь Рязанскій названъ *Святославичемъ* (см. ниже, примѣч. 299). — О *Берладникѣ* см. выше, примѣч. 285.

(296) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Давидовича же рекоста: се есвѣ зачала дѣло зло, а съвершива до конца; искоренива брата Святослава . . . И въпросиста Изяслава ити на Святослава. Въ томъ же лѣтѣ ходи Изяславъ къ Давидовичема на снемъ, и рече има: пойдета на Олговича.» Онъ вмѣстѣ съ сыномъ прислалъ къ нимъ какого-то Яна Ольговича. Далѣе: «и поидоша къ Новугороду, и сташа у переспы (вала), и идоша стрѣльци и съ товары (съ обозомъ) къ граду, къ вратомъ Чернѣговскымъ, и ту бишась. Въ утрій же день пойдоша къ вратомъ Курскымъ, и посла Мстиславъ къ Давидовичема и рече: отецъ мой реклъ: къ городу не приступайте, доколѣ же пріиду азъ . . . И не идучи, пакъ града стаста близъ, и пустиша стрѣлци къ граду, и Христіаны и Берендѣи . . . И быстьналога (тягость) велика горожаномъ; и вбодоша я въ врата острожнаа, и много бысть убитыхъ. Убиша Дмитра Жирославича и Андреа Лазоревича. Бившимся имъ до вечера, и шедше сташа у Млетеко въ селѣ. . . И заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахни кобылъ стадныхъ 3000, а коней 1000 . . . Пойдоста на Игорево селце, идѣ же бяше устроилъ дворъ добрѣ: бѣ же ту готовизнины много въ *бретьяницѣхъ*,» и проч. Тутъ была церковь Св. Георгія. Изяславъ Мстиславичь далъ жителямъ Путивля своего Посадника. Татищевъ заставляетъ ихъ говорить умную рѣчь, — Болтинъ несправедливо называетъ Путивль городомъ Вятичей: онъ былъ въ области Сѣверской.

Далѣе: «и ту дворъ Святославль раздѣли (Изяславъ въ Путивлѣ) на четыре части, и *скотницы* (казну), и бретіяницы, и въ погребахъ 500 берковецъ (у Татищева *берестенъ*) меду. И церковь Вознесенія Господня всю обоймаша, сосуды двои сребряны и индитіи (одежды престольныя) и судари (убрусы, платки), а все шито златомъ; и кадильницы двѣ, и каце (какое) Евангеліе ковано, и книгы, и колоколы.»

(297) Въ *Никонов. Лѣт.*: «приде вѣсть къ Святославу, что хотять (Князья) за нимъ вси итти къ Новугороду и веемше его *ослѣпити*.» — Въ лѣтописяхъ сказано, что Изяславъ Давидовичь хвалился поимать Святослава, или по крайней мѣрѣ его жену съ дѣтьми. Далѣе: «иде (Изяславъ) изъ Путивля на Сѣвескъ и на *Болдыжъ*» (нынѣ село принадлежащее Гг. Безобразовымъ въ 20 верстахъ отъ Брянска) «преки бо» (поперечный, а въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ *прость*) — «бѣ ему путь къ Корачѣву. И ту прибѣгоша зажитницы. Увѣдавъ же Святославъ, оже пришли нань, и посла на нихъ дикія Половцы, и яша нѣколико передничь» (переднихъ Изяславовыхъ зажитниковъ). «Святославу же не бѣ гдѣ дѣтися, любо выдати жену и дѣти и дружину на полонъ, или главу свою положити . . . И помолився Богу, изыде противу.» *Никон. Лѣт.* далъ Изяславу 14,000 воиновъ вмѣсто 3000. — Именемъ *дикихъ* Половцевъ означались, кажется, степные или кочующіе: ибо другіе, въ окрестностяхъ Донца, уже обитали въ городахъ. Татищевъ говоритъ, что Святославъ былъ раненъ въ битвѣ. — Далѣе: «повоевавъ (Святославъ) Корачевъ, бѣжа за лѣсъ въ Вятичи.» Слѣдственно область Вятичей была за Карачевымъ, на Востокъ и Сѣверъ. Татищевъ называетъ оную Удѣломъ Святослава Всеволодовича; но Черниговскіе Князья говорятъ послѣ Изяславу: «Ольговичь Святославъ занялъ волость *нашю* Вятичи.» — Далѣе: «Изяславъ Мстиславичь съ братіею, отпустивше Изяслава Давидовича изгономъ на Святослава, сами по немъ идоша; прешедшимъ же имъ лѣсъ Болдыжъ, сташа ту на обѣдъ, и прибѣже къ нимъ мужъ, и рече имъ: брата вашего побѣди Святославъ. Слышавъ же то Изяславъ, и ражже сердце свое больма (весьма) на Святослава: бѣ бо храбръ и крѣпокъ на рати . . . Изяслава же (Давидовича) долго не бѣ; уже въ полдни прибѣже къ нимъ . . . Идоша (Князья) тотъ день оли до ночи, и бысть въ *лягомъ*» (время, когда ложатся спать) «и приде вѣсть изъ Корачева, иже Святославъ бѣжа въ Вятичи.» — Далѣе: «рече (Изяславъ) братома своима: чего еста хотѣла волости, то есмь вамъ изыскалъ: се вамъ Новгородъ и вся Святославля волость; а что будеть Игорева въ той волости, челяди и товара, то раздѣлимъ на части.»

(298) Въ харатейныхъ: «Игорь же слышавъ въ порубѣ сый, оже *идеть* Изяславъ на брата его, посла къ Изяславу,» и проч. — Далѣе см. *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* I, 287.

(299) Городъ Дѣдославль назывался послѣ Дѣдиловымъ (нынѣ село верстахъ въ 30 отъ Тулы): см. *Больш. Чертежъ* стр. 10. — Брянскъ назывался *Дебрянскимъ*. — Далѣе: «пришедшю же Святославу въ Колтескъ городъ, и ту присла ему Юрій помощи 1000 бронникъ дружины Бѣлозерскія. «Сей Колтескъ называется Кулатескъ и Култескъ въ описаніи Рязанскихъ городовъ XIV или XV вѣка (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, стр. 22). Татищевъ сказываетъ намъ отвѣтъ Вятичей на предложеніе Князей. Далѣе; «Святославъ же пойде оттуда изъ (Дѣдославля) къ Осетру (рѣкѣ Тульской Губерніи), и ту *отступи* отъ него Иванко Ростиславичь Берладникъ къ Ростиславу, Смоленскому Князю, *веемъ* у Святослава 200 гривенъ сребра, а 12 злата.» Татищевъ пишетъ, что Берладникъ силою отнялъ ихъ у Святослава. *Никонов. Лѣт.* именуетъ сего Ивана Ростиславича сыномъ Смоленскаго Князя и прибавляетъ: «Князь же Святославъ Ольговичь иде въ Рязань, и бывъ во Мченскѣ и въ Тулѣ, и въ Дубкѣ на Дону, и въ Ельцѣ, и въ Пронскѣ, и приде въ Рязань на Оку и пребылъ во *градѣ* Осетрѣ!» — Владиміръ Рязанскій былъ сынъ Святослава Ярославича. Въ *Воскресен. Лѣт.*: I, 24, 25: «Ярославъ преставися въ Муромѣ, а на Муромѣ и на Рязани осталися дѣти его, Ростиславъ, да Святославъ, да Юрій; и Ростиславъ да Святославъ были на Рязани, а Юрій на Муромѣ . . . у Святослава Ярославича сынъ Володимеръ.» См. выше, примѣч. 288, г. 1145. — Далѣе: «Святославъ же хотѣ итти съ Бѣлозерцы на Давидовича, и въ то время нача изнемогати Іоаннъ Юрьевичь. Святославъ же не ѣха отъ него, ни дружины своея пусти . . . Преставися Іоан. Юрьевичь, Февр. 24. въ *Понедѣлокъ* ночью на Масленой недѣли; пріѣхаста (въ Колтескъ) ту на Донь два брата его, Борисъ и Глѣбъ, и сотвориста плачь великъ, и вземше тѣло его идоша къ Суждалю; а Святославъ пойде вверхъ по Окѣ, и пришедъ ста на усть Поротвы въ городѣ Любыныцѣ» — (станѣ Любутскомъ, Тульской Губ. въ Алексин. Округѣ) — «и ту присла къ нему Георгій, тѣша его река: *не тужи о сыну моемъ; аще того Богъ взялъ, то другой послю ти.* Присла жь ту и дары многи, паволоками и скорою; одари и жену его и дружину его.» *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что Георгіевъ сынъ Іоаннъ умеръ въ Любимцѣ *Амосовѣ*. — Далѣе: «Поидоста Юрьевичи, Ростиславъ и Андрей, къ Рязаню на Ости-

слава на Ярославича. Ростиславъ же бѣжа въ Половци ко Атукови (Хану) . . . Святославъ взя людъ Голядь верхъ Поротвы.» Татищевъ сказываетъ, что Георгій хотѣлъ наказать Новогородцевъ за ихъ привязанность къ Мстиславичамъ.

(300) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Олегъ же (сынъ Святославовъ) ѣха напредъ къ Юрьеви, и да ему пардусъ» (не Юрій Олегу). Вѣроятно, что Россіянамъ доставляли сихъ звѣрей Греки или Половцы. — О вельможѣ Петрѣ: «на Вербницю ту преставися (на берегу Оки) добрый старецъ Петръ Ильичь, иже былъ мужъ отца его (Святослава); уже бо отъ старости не можаше на конь сѣсти: бѣ бо 90 лѣтъ.» — Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что въ 1147 году умеръ Князь Рязанскій Давидъ, котораго не бывало, и наслѣдникомъ его сдѣлался братъ Игорь, котораго также не бывало.

(301) «Посла же къ нему (Святославу) Юрій, рекъ: буди, брате, ко мнѣ къ *Москвѣ*. — Далѣе: любезно цѣловастася въ день Пятка, на *Похвалу Богородицы*» — слѣдственно на пятой недѣлѣ Великаго поста. Сей день въ 1147 году былъ 28 Марта, а не 28 Іюля, какъ у Татищева.

См. *Лѣтопись о началѣ царствующаго Великаго Града Москвы*, въ Синодал. Библ. No. 92. Сія повѣсть сочинена въ новѣйшія времена и содержитъ въ себѣ явныя ошибки. Тамъ сказано: «Въ лѣто 6633 (1125), по преставленіи благовѣрнаго Царя и В. Кн. Владиміра Всеволодича Мономаха, сѣде на Великомъ Княженіи въ Кіевѣ сынъ его, Князь Юрій; а сынове его, Князь Всеволодъ съ братіею, съ нимъ быша; а старѣйшаго сына, Князя Андрея, посади въ Суждалѣ. Въ лѣто 6666 (1158) сему Великому Князю Юрью грядущу изъ Кіева во Владиміръ къ сыну своему Андрею, пріиде на мѣсто, идѣ же нынѣ царствующій градъ Москва, обоποлы *Москвы рѣки*. Сими же селы владающу тогда Болярину нѣкоему, богату сущу, именемъ Кучку Иванову; той Кучко возгордѣвся зѣло и не почте Вел. Князя, и поносивъ ему. Князь же Великій, не стерпя хулы, повелѣ Болярина того смерти предати; сыны же его видѣвъ млады сущи и лѣпы зѣло (именемъ Петръ и Іоакимъ) и дщерь едину благообразну (именемъ Улиту), отсла во Владиміръ ко Андрею. Самъ же взыде на гору и обозрѣ очима своима сѣмо и овамо по обѣ страны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюби села оныя, и повелѣваетъ вскорѣ содѣлати малъ древянъ градъ и прозва его Москва градъ» — (то есть, именемъ рѣки) — «и потомъ Князь Великій отходитъ къ сыну Андрею во Владиміръ и сочетоваетъ его бракомъ со дщерію Кучковою. И бывъ у него Вел. Князь Юрій довольно, заповѣда ему градъ Москву людьми населити и распространити; и паки возвращается въ Кіевъ.» — Сочинитель не зналъ, что въ 1125 году Мстиславъ наслѣдовалъ престолъ Кіевскій; что Всеволодъ еще тогда не родился, и что въ 1158 году Юрія уже не было на свѣтѣ. Но вѣроятно, что сія сказка основана на древнемъ, истинномъ преданіи, по которому Юрій или Георгій застроилъ Москву, умертвивъ господина тамошнихъ селъ, Стефана Кучка. Татищевъ, ссылаясь на мнимую *Раскольничью лѣтопись*, прибавляетъ, что Георгій любился съ женою Стефана Кучка *Тысячскаго;* что мужъ, пользуясь отсутствіемъ Князя, увезъ жену въ деревню на берегъ Москвы рѣки, и хотѣлъ бѣжать къ Изяславу; что Георгій, оставивъ подъ Торжкомъ войско, спѣшилъ избавить любовницу, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.

У насъ есть другая, гораздо обстоятельнѣйшая повѣсть о началѣ Москвы, изобрѣтенная совершеннымъ невѣждою. Вотъ содержаніе: «Въ 1381 году княжилъ въ Владимірѣ К. Андрей Александровичь Невскій, а въ Суздалѣ братъ его, Князь Даніилъ. На берегахъ Москвы рѣки были красныя села Бояряна Стеф. Ивановича Кучка, отца двухъ сыновей, удивительныхъ красотою: К. Даніило силою взялъ ихъ (сыновей Кучковыхъ) къ себѣ во дворъ: одного пожаловалъ въ Стольники, другаго въ Чашники. Сіи два брата сдѣлались любовниками жены Даніиловой, Улиты Юрьевны, и вздумали извести Князя, будучи съ нимъ на охотѣ. Даніилъ раненный ускакалъ отъ нихъ въ лѣсъ, бросилъ коня, дошелъ до Оки-рѣки, и хотѣлъ въ лодкѣ переѣхать на другую сторону; но лодошникъ, обманомъ взявъ у него златой перстень, скрылся. Даніилъ, боясь своихъ гонителей, влѣзъ въ маленькой срубъ, гдѣ былъ погребенъ мертвецъ. Кучковичи вездѣ искали Князя, и не нашли. Тогда Княгиня Улита даетъ имъ любимаго пса Даніилова, который доводитъ ихъ до сруба: тутъ злодѣи убиваютъ Князя. Пятилѣтній сынъ его, Іоаннъ, уѣзжаетъ съ вѣрнымъ дядькою въ Владиміръ, къ Князю Андрею Александровичу. Князь Андрей идетъ съ 5000 воиновъ наказать убійцъ. Кучковичи уходятъ изъ Суздаля къ отцу; но месть совершается: Князь Андрей казнитъ невѣстку, Боярина Стефана Кучка, сыновей его; строитъ Москву на мѣстѣ Кучковыхъ селъ, а въ ней деревянную церковь Благовѣщенія Іюля 27 въ 1383 году (или въ 1291, какъ въ другомъ спискѣ); отдаетъ Суздаль и Владиміръ сыну Георгію, самъ княжитъ въ Москвѣ, и умираетъ въ 1384 г., объявивъ племянника своего, Іоанна, ея наслѣдникомъ. Георгій Александровичь также умираетъ, и еще прежде отца. Іоаннъ Даніиловичь воспитываетъ у себя младенца, Георгіева сына, именемъ Димитрія, и дѣлается Государемъ Московскимъ, Владимірскимъ, Суздальскимъ. Къ нему пріѣзжаетъ Петръ Митрополитъ изъ Кіева 22 Марта, 1385 года.» Сколько Анахронизмовъ и нелѣпостей! Сія басня, писанная размѣромъ старинныхъ Русскихъ сказокъ, находится въ *Книгѣ о древностяхъ Рос. Государства*, Ч. I, Т. II, л. 141 и слѣд., въ Синод. Библіотекѣ подъ No. 529. Если бы Авторъ заглянулъ въ лѣтописи, то онъ увидѣлъ бы, что самъ Даніилъ Александровичь жилъ въ Москвѣ и называется обыкновенно *Московскимъ;* что о семъ городѣ нѣсколько разъ упоминается въ Исторіи XII вѣка, и что Кучковичи убили Андрея Боголюбскаго (см. ниже), а не Даніила.

Вотъ еще сказка, найденная мною въ одной рукописи XVII вѣка: «Въ лѣто 6714 (1206) Князь Великій Данило *Ивановичь* (?) послѣ Рюрика, Короля Римскаго, въ 14 лѣто пришедъ изъ Вел. Новаграда въ Суздаль, и въ Суздалѣ родися ему сынъ Георгій, и созда во имя его градъ Юрьевъ Польской, и въ немъ церковь во имя Св. Георгія каменную на рѣзи отъ подошвы и до верху; и поѣха К. В. Данило изыскивати мѣста, гдѣ ему создати градъ престольный къ Вел. Княженью своему, и взя съ собою нѣкоего Гречина, именемъ Василія, мудра зѣло, и вѣдающа, чему и впредь быти; и въѣхавъ съ нимъ во островъ теменъ, непроходимъ зѣло, въ немъ же бѣ болото велико и топко, и посредѣ того острова и болота узрѣ Князь Вел. Данило звѣря превелика троеглава и красна зѣло . . . и сказа ему Василій Гречинъ: *Великій Княже! на семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ, и распространится Царствіе треугольное, и въ немъ умножатся различныхъ Ордъ люди* . . . Князь же Данило въ томъ острову наѣхалъ посредѣ болота островецъ малъ, а на немъ хижина, а въ ней живетъ пустынникъ, а имя ему Букалъ, и хижина по тому называется Букалова: и нынѣ на томъ мѣстѣ Царской Дворъ. И послѣ того К.

*

258

В. Данило Ив. съ тѣмъ же Гречиномъ, спустя 4 дни, наѣхалъ горы, а въ горахъ хижину, и въ той хижинѣ человѣкъ Римлянинъ, имя ему Подонъ, исполненъ Св. Духа, и рече: *возлюби, Князь Великій, мѣсто сіе;* и на томъ мѣстѣ восхотѣ К. Даніило домъ себѣ устроити. Той же Подонъ рече: *Княже! здѣ созиждутъ храмъ Божій и пребудутъ Архіереи.* Князь же Данило въ шестое лѣто на хижинѣ Букаловѣ заложи градъ, и нарекоша имя ему Москва, а въ седьмое лѣто на горахъ Подонскихъ, на хижинѣ Подоновѣ, заложи церковь Спаса. И въ девятое лѣто родися у него два сына, К. Алексѣй и К. Петръ. Князь же Данило любяше вельми К. Алексѣя, и во имя его созда градъ Алексинъ, къ Сѣверу, и тамо обрѣте во островѣ мужа, именемъ Сара, земли Иверскія, и на его хижинѣ заложи градъ Алексинъ. И по девятомъ лѣтѣ приде изъ Грекъ Епископъ Варламъ къ К. Данилу, и многія мощи съ собою принесе; и К. Данило повелѣ ему освятити храмъ на горахъ Подонскихъ, и да ему область Крутицкую, и нарекоша его Владыкою Сарскимъ и Подонскимъ: тако нарекоша Крутицы.»

Ссылаясь на изустныя преданія, новѣйшіе Историки Москвы разсказываютъ (см. *Историч. и топограф. описаніе Москвы*), что на ея мѣстѣ села Кучковы назывались 1) Воробьево (гдѣ нынѣ горы сего имени), 2) Симоново (гдѣ Симоновъ монастырь), 3) Высоцкое (гдѣ Петровскій монастырь), 4) Кудрино, 5) Кулишки, 6) Сухощаво (Сущево), и 7) Кузнецкая слобода (гдѣ мостъ Кузнецкій); что сверхъ упомянутыхъ деревень были еще иныя на Вшивой Горкѣ близъ Андроніева монастыря, на Красныхъ и Чистыхъ прудахъ, гдѣ находился домъ самого Кучка; что церковь *Спасъ на бору* стоитъ тамъ, гдѣ была хижина Букалова; что рѣка Москва именовалась прежде *Смородиною*, названа же Москвою *отъ мостковъ;* что Георгій велѣлъ построить на ея берегу деревянный городъ, назвавъ его по новому имени рѣки Москвою, а другому городу, основанному тамъ, гдѣ нынѣ монастырь Знаменскій, далъ имя *Китая*, ибо такъ прозывался сынъ его Андрей, и проч. и проч. Какія же историческія свидѣтельства подтверждаютъ истину сихъ извѣстій?

Каменевичь-Рвовскій, о коемъ мы упоминали въ примѣчаніяхъ, расказываетъ съ важностію (см. *Книгу о древностяхъ Рос. Государства*, въ Синодал. библ. No. 529, Ч. I, Т. 2, л. 499 и 500), что сынъ Іафеѳовъ, Мосохъ, первый обитая съ родомъ своимъ въ Московской Губерніи, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Кву*, сына *Я*, дочь *Взу;* что ихъ четырмя именами названы рѣки *Москва* и *Яуза;* что Мосохъ, первый Князь и Патріархъ Россіи, основалъ *городъ Московскій* на устьѣ Яузы (гдѣ въ исходѣ XVII вѣка была церковь Никиты Мученика). Впрочемъ мысль производить имя Москвы отъ Мосоха гораздо старѣе временъ забавнаго Каменевича, писавшаго въ 1699 году. Татищевъ изъяснялъ сіе имя языкомъ *Сарматскимъ*, на которомъ оно, по его словамъ, знаменуетъ *искривленное, излучистое;* а славный Баеръ, худо зная по-Русски, думалъ, что городъ Москва такъ названъ отъ *мужескаго* монастыря (см. его Origin. Russ. въ Коммент. Академіи, Т. VIII, стр. 400): Moscua non a fluvio (fuit enim fluvio vetus nomen Smorodina), sed a veteri monasterio Moskoi nomen habuit, Moskoi a Mus et Music, viro, quasi virorum sedem dicas!! — Въ *Кіевск. Лѣт.* сказано: «идоша до *Кучкова*, рекше до *Москвы*» (см. сей *Исторіи*, Т. III, примѣч. 39).

(302) «Святославъ же пришедъ съ Москвы и ста у *Сереньска*» (на рѣкѣ Серенѣ близъ Мещовска) «и ту пріидоша къ нему послы изъ Половецъ отъ *уевъ* (братьевъ матери) его, Тюнряка Осуколовича и Камосы, съ Василемь Половчиномъ 60 человѣкъ: прислалися бо къ нему бяху, вопрошающе здоровья его, и глаголаша къ нему: когда велишь намъ къ себѣ съ силою притти? Въ тоже время прибѣгоша изъ Руси Дѣтскіе и повѣдаша ему Володимера въ Черниговѣ, а Изяслава въ Стародубѣ. Святославъ же приде къ Дѣдославлю, и ту придоша къ нему друзіи Половцы Токсобичи, и приста къ нимъ Судиміра Кучебича и Горена, и посла я́ на Смольняны, и повоеваша Угры верхъ... Посадницы Володимери и Изяславли выбѣгоша изъ Вятичь и изъ Брянска и изъ Мченьска и изъ *Облове.* Святославъ же иде *Девягорску* и зая всѣ Вятичи и до Брянска и до *Воробины* по Деснѣ и *Домагощь* и Мченескъ. Тогда же пріидоша къ нему *Бродници* и Половци мнози, уеве его.» Путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ, сказываетъ, что между Волгою и Дономъ жили многіе Русскіе; Аланскіе и Венгерскіе или Башкирскіе разбойники, составляя какъ бы народъ особенный (см. его Voyage въ Бержерон. собраніи стр. 20 и 38): вѣроятно, что они именуются въ нашихъ лѣтописяхъ *Бродниками*, то есть, *бродягами*, сволочью (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 164 и 304). — Далѣе: «Изяславъ же Давидовичь тогда изъ Новагородка иде къ Чернигову, а къ Святославу Юрій присла сына своего Глѣба въ *Девягорескъ*, и пойде Святославъ ко Мченску съ Глѣбомъ и со Владимеромъ Святославичемъ и съ Половци, и ту давъ имъ дары многи и пойде ко Крому (Кромамъ), и ту угониша и́ послы Черниговстіи», и проч. Такія маловажныя подробности не входятъ въ Исторію. Имена городовъ, напечатанныя здѣсь косыми буквами, теперь совсѣмъ неизвѣстны. Нѣкоторые изъ нихъ, Облове и Девягорскъ, названы вмѣстѣ со Мценскимъ городами Литовскими въ географич. отрывкѣ XIV или XV вѣка (*Воскр. Лѣт.* I, 21, 22).

(303) Въ лѣтописи (*Воскресен.* I, 291): «Всеволодичь же Святославъ тогда бяше држа (держа) у Изяслава 5 градовъ: Божьски (въ Галиціи), Межибожье (въ Подольск. Губерніи), Котельницу и прочихъ два. Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Свят. Всеволод. господствовалъ тогда въ *десяти* городахъ. Далѣе: Давидовичи пойдоша отъ Корачева къ Дебрянску, а Святославъ Всеволодичь оста въ Корачевѣ, и оттуда посла въ Козлескъ (Козельскъ) ко стрыеви своему Святославу, глаголя: Изяславъ Мстиславичь пошелъ Кыеву, а Давидовичи съ Ростиславомъ Смоленскимъ хотятъ итти по тобѣ.» — По *Кіев. Лѣт.* Давидовичи, обѣщавъ Святославу возвратить всѣ его владѣнія, того не исполнили.

(304) Въ харатейныхъ: «Въ лѣто 6653 (1145) *ходи* Митрополитъ Михаилъ Царьгороду.» Въ *Каталогѣ* (Синод. библ. No. 74) написано: «стуживъ отъ нестроенія Князей Русскихъ, отыде въ Царьградъ, и бѣ престолъ безъ Пастыря болѣе года, донелѣже Михаилъ въ Царѣградѣ преставися.» Слово *ходи*, употребленное Лѣтописцемъ древнимъ, заставляетъ думать, что Митрополитъ *возвратился* изъ Греціи. И въ *Степен. Книгѣ* (I, 251) не сказано, чтобы Михаилъ скончался въ Царѣградѣ. — Въ Каталогахъ находится объ немъ слѣдующее: «сему Михаилу Царикъ Нагайскій по вся лѣта даяше дань, яко исцѣли болящу дщерь его: святъ бо бѣ и чудотворецъ.» Ногайской Орды тогда еще не было.

О грамотѣ Патріарха къ Нифонту см. *Степен. Книгу* (I, 250, 251), въ *Патерикѣ* житіе Нифонта и Каталоги Епископовъ. Въ лѣтописяхъ: «Изяславъ постави Митрополита Клима Смолятича (въ *Никон. Смолянина*) *Калугера* (Каллогера или

*добраго старца)* особь съ шестью Епископы.» Въ *Степен. Кн.* наименованы Онуфрій Черниговскій, Ѳеодоръ Бѣлогородскій, Даміанъ Юрьевскій, Ѳеодоръ Владимірскій, Нифонтъ и Мануилъ Смоленскій; а въ *Патерикѣ* еще прибавлены Евфимій Переяславскій, Іоакимъ Туровскій, Козма Полоцкій, которые вмѣстѣ съ Мануиломъ и Ѳеодоромъ Бѣлогородскимъ держали Нифонтову сторону. — О Климентѣ говорятъ Лѣтописцы: «Изяславъ выведъ его изъ *заруба* (въ *Никонов.*: изъ молчальныя его кельи); бѣ бо Черноризецъ и Схимникъ; бысть же книжникъ и философъ; преже бо его и не бывалъ таковъ въ Руси.» Въ *Никон. Лѣт.*: «и много писанія написавъ предаде.» Тамъ же: «Изяславъ совѣтова съ Епископы, яко мятежа ради и многихъ волненій не возможно ити къ Патріарху ставитися Митрополиту.» Въ Каталогахъ: «понеже тогда не бѣ Патріарха въ Царѣградѣ: Михаилъ бо Окситъ оставилъ престолъ; по немъ Козма Аттикъ точію 10 мѣсяцей Патріархъ бывъ, завистливыми изгнася; и бяше смущеніе въ Патріархіи.» Михаилъ Окситъ сложилъ съ себя достоинство Патріарха въ 1146 году: Козма лишенъ сана въ 1147, Февр. 26, а Николай IV, прозваніемъ Музалонъ, поставленъ въ Декабрѣ того же году и правилъ Церковію до 1151: слѣдственно онъ, а не другой, писалъ грамоту къ Нифонту (см. *Патерикъ*, л. 190 на об.): «ублажая его о величествѣ разума и крѣпости, и причитая того къ древнимъ Святымъ Отцемъ.»

Въ *Патерикѣ* печатномъ сказано, что Нифонтъ, опровергая избраніе Климента, говорилъ: «сіе противно есть преданію Св. Восточныя Церкви, иже крещеніемъ сыновъ Россійскихъ просвѣти отъ престола Константинопольскаго, оттуду же и *перваго* Кіеву *Митрополита* подаде *Михаила*, иже *рукописаніемъ утверди*, яко не достоитъ иному быти въ Кіевѣ Митрополиту, точію отъ благословенія Патріарха Константиня града.» По древней *Кіев. Лѣт.* Мануилъ и Нифонтъ сказали Клименту: «*мы* взяли отъ Михаила Митрополита рукописаніе, яко не достоитъ *намъ* безъ Митрополита у Св. *Софіи* служити.» Здѣсь говорится не о *первомъ* Митрополитѣ Михаилѣ, но о *послѣднемъ*: ибо во время крещенія земли Русской не было еще въ Кіевѣ и *Софійской* церкви, основанной Ярославомъ Великимъ.

(305) «Миръ створи съ Половци у Воиня» (за Переяславлемъ). Въ *Никонов.*: «въ Рязани.»

(306) Татищевъ пишетъ, что самъ Изяславъ Давидовичь ѣздилъ къ Великому Князю. — Въ лѣтописяхъ: «Всеволодичь же Святославъ прійде тогда въ Кыевъ и нача у Изяслава проситися напередъ къ Чернигову, река: отче! пусти мя ко братьи; тамо ми жизнь вся, и хочю у нихъ волости просити.» Въ *Никонов.* сказано, что въ Черниговъ пріѣхалъ тогда изъ Рязани съ Ельца Князь Андрей Ростиславичь, и что Митрополитъ удерживалъ Изяслава въ Кіевѣ. — Изяславъ сказалъ Кіевлянамъ, что братъ его, Князь Смоленскій, придетъ къ нему въ помощь и съ Новогородцами.

(307) Въ харатейныхъ: «перебродися (Изяславъ) черезъ Днѣпръ и ста надъ Черторыею (противъ Кіева) и оттуду посла Улѣба къ Чернигову, а самъ пойде на *Супой*.» По *Кіев. Лѣт.* Изяславъ сталъ на Альтѣ, послѣ у *Нежатина*, а послѣ у *Росотины*, откуда послалъ Улѣба: тому и другому мѣсту надлежало быть между Альтою и Супоемъ. Татищевъ и Болтинъ думали, что Нежатинъ есть Нѣжинъ; но послѣдній называется въ лѣтописяхъ Унѣжемъ. Изяславъ приказалъ къ Давидовичамъ: «яко на семъ пути *тяжи* (тяжбы) не имѣти, ни извѣта.» Татищевъ сообщаетъ намъ здѣсь не только *рѣчи*, но и *письма*. Давидовичи въ искреннемъ признаніи говорятъ послу Изяславову: «аще ли бы мы, поимавши брата твоего, Ростислава, држали, то любо ли бы тобѣ было?» — Изяславъ, узнавъ отвѣтъ Давидовичей, вторично прислалъ къ нимъ Боярина съ *крестными грамотами*. Далѣе: «И посла Изяславъ къ Ростиславу, брату своему, въ Смоленскъ, и рече ему: брате! что были есмя здумали пойти на дядю нашего, то уже тамо не ходи, но пойди сѣмо ко мнѣ; а тамо уряди Новгородьцевъ и Смольнянъ, да стерегуться отъ Юрья; а къ *ротникомъ* ся шли въ Рязань.» Ротниками назывались тѣ, которые дали роту или присягнули быть союзниками. Видно, что Ростиславъ Ярославичь, изгнанный сыновьями Георгія, тогда уже возвратился въ Рязань (см. выше, прим. 299).

(308) Въ Кіевъ пріѣхали отъ Изяслава два Боярина, Добрынка и Радила. Татищевъ вездѣ хочетъ украшать; а мы разсказываемъ точно, какъ въ лѣтописяхъ. Ниже о смерти Игоря: «Идяхуть людье по мосту убить Игоря; онъ же (Владиміръ) не мога ихъ минути, увороти коня на право мимо Глѣбовъ дворъ» .... Въ *Кіев. Лѣт.*: «и мантью на немъ отрѣгаша; онъ же рече: крестъ цѣловали есте къ мнѣ, яко имѣти мя собѣ Княземъ; нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ мя Богъ Мнишескій чинъ въспріати. Лукавый же съборъ болѣ въпіаше, глаголя: побійте! и тако изъ свиткы извлекоша его. Онъ же въгласивъ: нагъ бо изыдохъ изъ чрева матере моея, и нагъ отыду тамо! .... И срѣте и́ Володимеръ въ воротѣхъ монастырскихъ, и рече Игорь взря: *охъ брате! камо?* .... И удариша Володимера, бьючи Игоря .... Михаль вскоча съ коня, хотя помочи Володимеру; Володимеръ же, вомча Игоря во дворъ матере своея, затвори ворота, а Игоря пусти на кожюховы сѣни. Михаля же бьюще и отторгоша на немъ крестъ, и цѣпи въ гривну золота .... И ту убиша (Игоря); поверзше за нозѣ волокоша и́ сквозѣ Бабинъ торжекъ до Св. Богородици — (въ *Степен. Книгѣ:* до мраморныя церкви) — и ту обрѣтоша мужа стояща съ колы» (съ колесами, съ телегою) «и возложше и́ на кола, везоша и́ на Подолье.» — Въ *Степен. Кн.* и въ *Прологѣ* Михаль несправедливо названъ Княземъ: онъ былъ Мужъ или Бояринъ Владиміровъ, о коемъ вторично упоминаютъ Лѣтописцы подъ 1169 годомъ (см. *Воскресен.* II, 73). — Сей Игорь причтенъ къ Святымъ. Онъ убитъ не 9 *Сент.* въ *Субботу*, какъ сказано въ *Степен. Книгѣ*, а 19 *Сент.* въ *Пятницу* (см. *Кіев. Лѣт.*). Въ харатейныхъ: «Повелѣ Лазарь взяти Игоря и понести въ церковь Св. Михаила въ Новгородьскую божницю, и ту положиша и́ въ гробъ, ѣхаста на гору, и лежа нощь ту. Суботѣ же свитающи, посла Митрополитъ Игумена Ананью Св. Ѳеодора и пріѣхавъ Игуменъ видѣ и́ нагаго и облече и́, и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни,» и проч. *Кіев. Лѣт.* говоритъ: «человѣци же благовѣрніи приходяще въземаху отъ крове его и отъ прикрова сущаго на тѣлѣ его на спасеніе себѣ и на исцѣленіе, и покрываху наготу тѣлесе его своими одеждами ..... На туже ночь зажгошась свѣчи всѣ надъ нимъ въ церкви. Наутріе же Новогородци» (жители одной Кіевской части, такъ называемые) «повѣдаша Митрополиту. Митрополитъ же запрети, да никому же не повѣдятъ.» Тутъ же сказано, что монастырь Св. Симеона былъ монастыремъ отца и дѣда Игорева.

Татищевъ пишетъ, что Игорь, готовясь умереть, просилъ Духовника, но что народъ отвѣтствовалъ: «когда вы съ братомъ Всеволодомъ женъ и дочерей нашихъ брали на постели и домы грабили,

тогда Попа не спрашивали.» Далѣе Татищевъ говоритъ, будто бы именемъ Лѣтописца: «Сей Игорь Ольговичь былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей, читатель книгъ и въ пѣніи церковномъ ученъ. Часто *мнѣ* случалось въ церкви съ нимъ пѣть, когда онъ былъ въ Владимірѣ» (но Игорь тамъ не живалъ). «Чинъ священническій мало почиталъ и постовъ не хранилъ: того ради у народа мало любимъ былъ. Ростомъ былъ средній и сухъ, смуглъ лицемъ; власы какъ Попъ носилъ долги; брада же узка и мала. Егда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда прилѣжно уставы иноческіе хранилъ; но притворно ли себя показуя, или совершенно въ покаяніе пришелъ, сего не вѣмъ.»

(309) См. *Никонов.* и *Степен. Кн.* I, 268. Далѣе въ лѣтописи: «и посла Володимера въ Городець» (въ нѣкоторыхъ же спискахъ: по *Владимера)* «а по Ростислава Смолинску.» — О горести Изяслава сказано въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же прослезился и рече: аще былъ вѣдалъ, то моглъ быхъ далече отслати Игоря..... И рече своей дружинѣ: то мнѣ есть порока всяко отъ людей не уйти; тѣмъ есть рѣчь: *Изяславъ велѣлъ убити;* но тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ ни научити. И рѣша ему мужи его: безъ лѣпа о немъ печаль имѣеши..... то Богъ вѣдаеть и вси людіе, яко не ты его убилъ, но убили суть братіа его, иже лесть надъ тобою хотѣли учинити. Изяславъ же рече: иже ся тако учинило, а тамъ намъ всѣмъ быти, а то уже Богови судити.... и жалова на Кыяны.»

(310) См. *Кіев. Лѣт.* Въ харатейныхъ только: «Приде Глѣбъ Гюргевичь и (изъ) Суждаля Чернигову въ помочь Ольговичемъ, и пребывъ у нихъ нѣколико, приде на Городокъ и слышавъ Изяславъ, посла къ нему, зова и́ къ собѣ Кыеву.» Но сіе было уже послѣ. Владиміръ Давидовичь Черниговскій извѣстилъ Святослава о смерти Игоря. Татищевъ въ своемъ повѣствованіи смѣшалъ обстоятельства. Далѣе: «Куряне же пославшася къ Глѣбу, и взяша собѣ у него Посадника. Глѣбъ же пойде оттуду къ Выреви» (у Татищева *Киремы:* см. выше, примѣч. 245) «къ Святосл. Ольговичю и посажа Посадникы своя по Семи за полемъ; и ту у Выря Половци мнози заходиша съ нимъ ротѣ. Туже приде къ нимъ Свят. Всеволодичь и пославшася къ Выревцемъ..... Они же рекоша: Князь у насъ Изяславъ.... Идоша къ Бьеханю» (думаю, Обояню) «и не успѣша ничто же. И оттуду къ Попашю» (названному Пропашескъ въ географическомъ отрывкѣ: см. *Воскресен. Лѣт.* I, 21) «и ту приде къ нимъ Изясл. Давидовичь, и взяша градъ Попашъ. Изяславъ же Мстиславичь скопя вои многы, и отъ Вячеслава» (дяди, княжившаго тогда въ Пересопницѣ) «приде ему помощь (въ *Никонов.* съ Воеводою Станиславомъ) и изъ Володимеря полкъ, и пойде къ Переяславлю. Ту же приде ему вѣсть и отъ брата его, Ростислава, яко Любечь пожеглъ.... Слышавъ же се Изяславъ, пойде тихо, ожидая Ростислава, и ста у Черной могилы, и ту приде Ростиславъ.... и начаста думати съ дружиною и съ Черными Клобукы..... и поидоша къ Сулѣ.» Изяславъ, по совѣту дружины, хотѣлъ отрѣзать своихъ непріятелей отъ Всеволожа (города Черниговскаго), но не успѣлъ. Въ лѣтописи: «сташа (Изяславъ съ войскомъ) около Всеволожа и взяша его: въ немъ же бяху и ина два города (т. е. жители ихъ) сѣдяща: вбѣгли бо бяху ту твердости ради. Слышавше же и иніи гради, Унѣжъ (Нѣжинъ) и Бѣла Вежа, и Бохмачь» (нынѣ село, близъ Конотопа) «оже Всеволожь взятъ и побѣгоша (жители) къ Чернигову. Изяславъ же и Ростиславъ посласта и постигоша 3 ты грады, а иніи уйдоша. Изяславъ же повелѣ зажещи тѣ грады. Слышавъ же Глѣбльцы окрѣпишася» (у Татищев. *Ольговцы:* Глѣбль называется нынѣ Старымъ Глѣбовымъ, ниже Чернигова, между Десною и Днѣпромъ) — «и начаша крѣпко битися. И тако избави Богъ и Св. Мученика, Борисъ и Глѣбъ.»

(311) Сынъ Вел. Князя, Мстиславъ, начальствовалъ въ семъ городѣ. «Послушавъ (Глѣбъ) Жирослава (у Татищ. *Волослава)*, рекуща ему: пойди Переяславлю; хотятъ тебя людье.... Стоя Глѣбъ до заутрока и воротися. Мстиславъ же скопивъ дружину, и обѣдавъ угони и́ у Носова на Рудѣ» (нынѣ село Рудня) «изымаше нѣколико дружины его, и самъ (Глѣбъ) иде въ Городець, а Мстиславъ воротися Переяславлю, и поѣха къ отцю.» *Никон. Лѣт.* разсказываетъ, что у Мстислава въ Переяславлѣ находился богатырь Демьянъ Куденевичь; что Мстиславъ, встревоженный нападеніемъ Глѣба, сказалъ Демьяну: *нынѣ, о человѣче Божій! время Божіей помощи и твоей крѣпости;* что Демьянъ съ слугою Тарасомъ и пятью Отроками разбилъ войско Глѣба; что въ то же лѣто сей богатырь, выѣхавъ одинъ на Половцевъ и не имѣя на себѣ латъ, былъ раненъ смертельно; что Мстиславъ предлагалъ ему дары, и Демьянъ отвѣтствовалъ: *о суеты человѣческія! кто мертвъ сый желаетъ дарованія тлѣннаго и власти погибающія?* Выдумка заимствованная, можетъ быть, изъ народной старинной сказки! Татищевъ пишетъ, что сей Демьянъ убилъ Глѣбова Боярина Волослава. Близъ Переяславля есть селеніе Демьянцы. — *Никон. Лѣт.*, говоря два раза о неудачѣ Глѣбовой, прибавляетъ, что сей Князь ходилъ къ Рязани, ко *Черленому Яру* и къ Великой *Воронѣ.* — Далѣе: «Послаша» (Ольговичи, дядя и племянникъ, и Давидовичи) «дружину свою съ Половци и повоеваша *Брягинъ»* (въ *Никонов.* *Дегинъ*). Татищевъ пишетъ, что Брягинъ есть Городецъ и Юрьевъ! Сіе мѣстечко Брагинъ донынѣ существуетъ близъ Любеча на правомъ берегу Днѣпра. Далѣе: «Посла Глѣбъ къ Володимеру и къ Святосл. Ольговичю, рече имъ: *отпустите ко мнѣ помощь.* Они же не возмогоша.... Изяславъ приде и стоя около Городка 3 дни. Глѣбъ же убоявся.... и поклонися Изяславу. Изяславъ же возвратися, а Глѣбъ посла къ Володимеру и Святославу, глаголя: *по неволи есмь крестъ цѣловалъ Изяславу: нынѣ же съ вами хощю быти за одинъ.»* Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ лѣто 6656 (1148) пакы пойде Изяславъ къ Чернѣгову, поя полкъ у стрыа своего, Вячеслава, и Угры приведе въ помощь собѣ и Володимерскый полкъ и Берендѣи... и стояше на Олговѣ поли 3 дни..... и пожже села ихъ оли до *Боволося;* и нача молвити: они къ намъ не выйдуть, а пойдемъ къ Любечю, идѣ же ихъ вся жизнь..... Идоша до Любеча 5 дній... и пріидоша Володимеръ (съ союзниками) и Половци съ ними, и есть рѣка у Любча, и прешедше сташа, заложившеся ею: и въ Недѣльный день Изяславъ пойде противу имъ, и не лзѣ бѣ ему полковъ доѣхати тою рѣкою, но стрѣлци ся біаху; и бысть на ту ночь дождь великъ; на утрій же день Изяславъ видѣвъ, иже Днѣпръ кazится и рече: се съ симъ намъ ся полкомъ нелзѣ бити сею рѣкою, а сѣмо ся за нами Днѣпръ роспльветь... и иде за Днѣпръ въ Понедѣльникъ, и на утрій день рушися Днѣпръ. Изяславъ же по оной сторонѣ иде къ Кыеву. Угре же на бору ся обломиша на озерѣ, и ту ихъ потопе нѣколико.» Далѣе сказано, что Изяславъ посылалъ къ брату Смоленскому Князю, спросить у него о здоровьѣ, и съ извѣстіемъ объ успѣхѣ похода.

(312) Въ *Кіев. Лѣт.*: «пріѣхаша послы ихъ отъ Гюргя, и не обрѣтоша собѣ въ немъ помочи.»

(313) То есть, Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два. См. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано, что Ростиславъ Георгіевичь поссорился съ отцемъ, не хотѣвшимъ дать ему Удѣла, и для того уѣхалъ въ Кіевъ; но по харатейнымъ и другимъ лѣтописямъ такъ: «посла Юрій сына своего, Ростислава, въ помощь Ольговичемъ на Изяслава,» и проч., какъ мы описали. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ то же время съвѣщався Гюргевичь Глѣбъ съ Переяславци и ѣха къ нимъ изъ Городца; Мстиславъ же изыде противу съ Переяславци... Глѣбъ же бяше въ малѣ, и рече: прелстили мя Переяславци... и поскочи. Они же постигаючи дружину его изымаша, а другыа избиша, и Станиславича ту яша и казниша казнью злою; а самъ Глѣбъ убѣже въ Городокъ, и не стръпя (стерпя) въ немъ быти, бѣжа къ Чернѣгову къ Володим. Давидовичю.»

(314) Въ харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 26 и 27: «Ходи Нифонтъ Суждалю мира дѣля къ Гюргеви, и пріятъ и́ съ любовью Гюрги, и церковь святи Св. Богородицы великымъ священіемъ, и Новтържцѣ всѣ выправи, и гость весь цѣлъ, и посла съ цьстію (честью) Новугороду, нъ мира не дасть.»

(315) «А ты» (говоритъ Изяславъ Ростиславу Георгіев.) «иди въ Божьскый, пострези оттолѣ Руськыя земли, и буди тамо, донелѣже схожу на отца твоего, миръ ли съ нимъ возьму, или како съ нимъ ся ни управлю.» — Въ *Кіев. Лѣт.* «Изяславъ дари Ростиславу» (брату своему, Смолен. Князю) «отъ Рускыя земле и отъ всѣхъ Царскыхъ (Греческихъ?) земль; Ростиславъ же дари Изяславу, что отъ верхнихъ земль и отъ Варяговъ.»

Въ *Новогородск. Лѣт.* стр. 27: «той же осени (1148) присла Изяславъ изъ Кыева сына своего, Ярослава, и пріяше Новгородьци, а Святопълка выведе *злобы его ради*, и дасть ему Володимірь.» Татищевъ пишетъ, что Вел. Князь разгнѣвался на брата за его тайныя сношенія съ Георгіемъ.— Далѣе: «И выидоша противу его» (Новогородцы на встрѣчу Вел. Князю) «за три дни зъ города, а иніи срѣтоша и́ за день, и вниде во градъ въ день Недѣльный.» Далѣе: «послаша *Подвойскіе* и Биричи... повелѣ (Изяславъ) *звонити Вѣче*.»

(316) «Вашихъ дѣля обидъ оставя *Русьскую землю*.» *Русью* называлась тогда собственно Кіевская область. Въ *Кіев. Лѣт.*: «сынъ мой вы́ присланися есте къ мнѣ, иже вы обидитъ стрый мой Гюрги... Они же рекоша: ты нашъ Князь, ты нашъ Володимеръ, ты нашъ Мстиславъ,» и проч. Татищевъ прибавляетъ къ Псковитянамъ и Корелямъ Заволочанъ Двинскихъ, а *Никонов. Лѣтоп.* Галичанъ, Венгровъ, Богемцевъ! — По *Кіев. Лѣт.* народъ говоритъ Князю: «аче и Діакъ, и гуменцо ему прострижено, а не поставленъ будеть, и тъ (тотъ) пойдеть.» — Вел. Князь ждалъ Ростислава на устьѣ Медвѣдицы 4 дни. Далѣе: «придоша къ *Скнятину*» (въ *Никонов.* Снятину) — «къ *Углечю полю*» (городу Угличу). Скнятинъ неизвѣстенъ. — Татищевъ несправедливо пишетъ, что тутъ въ первый разъ упоминается о Ярославѣ (см. выше, стр. 54). — Далѣе: «уже бо бяше подъ весну; бродяху бо по Волзѣ и по Молозѣ по черево коню... Похромоша и кони у нихъ.»

(317) Въ *Кіев. Лѣт.*: «въ то время стоаше Изяславъ противу Св. Михаилу у Выдобыча въ островѣ; Ростиславъ же пріѣха ту: Изяславъ же посла по него насадъ свой, и что съ нимъ дружины, влѣзѣ въ насадъ; съ тѣмъ же и перевезоша его, и поставиша ему особно шатеръ, и посла къ нему мужи своя,» и проч. Слѣдуютъ упреки Изяславовы: «Волости тобѣ есмь далъ, яко ни отецъ того тобѣ далъ, и еще есмь и земли Руской приказалъ стеречи... Ты же еси, брате, удумалъ былъ такъ, иже бы на мя Богъ отцю твоему помоглъ, и тобѣ было въѣхавши въ Кыевъ брата моего яти, и сына моего, и жену мою, и домъ мой взяти. Ростиславъ же ему то отвѣща: брате и отче! яко ни въ умѣ своемъ, ни на сердци ми того не было; пакы ли кто на мя молвилъ, Князь ли который, а се я къ нему; мужь ли который въ Христіанѣхъ или въ поганыхъ, а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди. Изяславъ же рече: того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити (поссорить) съ Христіанами и съ погаными,» и проч. Далѣе: Ростиславъ же, пришедъ къ отцу своему въ Суждаль, и удари передъ нимъ челомъ, и рече: слышалъ есмь, иже хощеть тебя вся Руская земля и Черныи Клобуки, и тако молвять: и насъ есть обещестовалъ, а пойди нань.»

(318) «Въ лѣто 6657 (1149) Ростиславъ Смоленскый испроси дщерь у Святослава Ольговича за сына своего, Романа, Смоленьску, и ведена бысть изъ Новагорода (Сѣверскаго) въ Недѣлю по Водокрещахъ, мѣс. Генв. въ 9 день.»

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Съвокупивъ (Георгій) силу свою и Половци, пойде Іюля въ 24, и иде на Вятичи. Володимеръ же Давидовичь посла къ Изяславу, река ему: се Гюргій идеть на тя, а мы есмы крестъ цѣловали съ тобою быти. Изяславъ же нача доспѣвати, а къ Володимеру посла мужь свой, река: Богъ ти помозе, брате. Се мужь мой, а ты пристави свой мужь: пошлевѣ же къ Святославу Олговичю.., Посланніи же придоша къ Святославу... Святославъ же ничто же имъ отвѣща; толко имъ то рече: пойдете въ товары своа, а опять вы взову... И дръжа послы недѣлю, а сторожи постави о товары ихъ, дабы къ нимъ никто же не пришелъ. Послалъ бо бяше къ Гюргеви, река ему: въ правду ли идеши на Изяслава? Гюргей же рече ему: како хощю не въ правду ити! Изяславъ волость мою повоевалъ, и еще сына моего выгналъ. Любо сръмъ (срамъ) зложю свой, пакъ ли голову свою зложю. Святославъ же, слышавъ Гюргевъ отвѣтъ, възва къ собѣ послы Изяславлѣ и Володимери, и рече... Изяславъ же посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: крестъ еси цѣловалъ, яко съ мною быти, а вражду еси про Игоря отложилъ и товаръ его... а я есмь безъ тебе и на Волгу ходилъ... Гюргій же пришедъ и ста у *Ярышова*» (въ харатейныхъ: «ко Бьяханю» или Обояну). Далѣе: «И ту пріѣха къ нему Святославъ Олговичь» (въ харатейныхъ: *оба Святослава*) «на Спасовъ день, и ту Святославъ позва его къ собѣ на обѣдъ. Въ утрій же день въ Недѣлю рано, всходящю солнцю, родися у Святослава дщи Маріа... Въ тъ день пойде Гюрги напередъ, и Святославъ въ Понедѣльникъ постиже Гюргя... и послаша къ Давидовичема... Они же отвѣщаста: *душею не можемъ играть*, и отрекостася, и посластася къ Изяславу... и пойде (Георгій) оттуду на Бѣлу Вежю на *Старую*» (но въ харатейныхъ и во всѣхъ другихъ нѣтъ *старой*: здѣсь говорится о Черниговской Бѣлой Вежѣ)... «И стояше у Бѣлы Вежи мѣсяць, сжидаючи къ собѣ Половець и отъ Изяслава покоренія... и поидоша къ Супоеви, и ту пріѣха къ нему Святославъ Всеволодичь неволею, стрыа своего дѣля, Святослава Ольговича; и Половци дикіи пріидоша къ Гюргеви... Изяславъ же посла по брата своего, Ростислава, и рече ему: се есвѣ угадали тако, иже Гюргій помѣнить (мнетъ) Чернѣговъ, а тобѣ прійти ко мнѣ; нынѣ же, брате, Гюргій уже поминулъ Чернѣговъ, а пойди, атъ

260

оба видива по мѣсту, што намъ Богъ дасть... И къ Володимерю посла полкы... И Ростиславъ пойде къ брату. Гюргій же рече: пойдемъ къ Переяславлю; тута ему (Изяславу) прійти, да негли ту покорится... И сташа у *Куднова* селца, перешедше Стряковъ, Володимеру сущу въ засади въ Переяславли, и Ярополку (Святополку) Мьстиславичю съ *Поршаны*» (жителями береговъ Роси, Торками, Берендѣями)... «Изяславъ же ста пришедъ у Витичева, и ту пріиде къ нему Ростиславъ... и перебредоста Днѣпръ, и поидоста въ Олто (къ Алтѣ), и ту пріиде вѣсть въ полудне, иже уже стрѣлци переѣхали черезъ Стряковь, а Половци идуть къ городу. Изяславъ же и Ростиславъ поидоста къ Переяславлю, и примчаша къ нима Половчина дикаго, и начаста его прошати, отъ котораго есте становища поѣхали? Онъ же рече: издалеча; но того дѣля Гюргій борзо ѣхалъ, творяше ся до тебе передати Переяславлю. Изяславъ же повелѣ Половчина перетяти (перерубить) тако и съ опоною; а Черныа Клобуки и молодь свою пустиста напередъ... Пришедши же стрѣлци отъ Изяслава и възбиша ратныа (непріятелей) отъ города и гнаша я̓ оли до полку ихъ. Изяславъ же и Ростиславъ, переѣхавше Лтицю (малую Альшу), поидоста за городъ и стаста по Трубежю; а Гюргій стоа 3 дни у Стрякове, а въ 4 день пойде по зори мимо городъ исполчився, и ста межи валома, обону сторону Трубежа, за звѣринцомъ у рощенья (рощи). Стояша же полци оли до вечера, а стрѣлци біахуся межи полкома. На ту же нощь прислася къ нему (Изяславу) Гюргій,» и проч. Не замѣчаю здѣсь ошибокъ *Никон. Лѣт.* въ именахъ.

(319) «Пойде Изяславъ изъ церкви, Ефимью Епископу слезы проливающю.» Въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено: «къ Ефимью;» а Татищевъ догадался, что сей Епископъ за болѣзнію не былъ въ церкви! Историкъ нашъ прибавляетъ нѣкоторыя обстоятельства въ описаніи битвы; вмѣсто: *исполчиться,* пишетъ: *испдечиться,* и сказываетъ намъ, что воины тогда спускали одинъ рукавъ въ битвахъ! въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же выправися весь изъ города и ста на болоньи за огороды... Гюргій же стояше за Янчиномъ селцемъ (нынѣшними Яненками)... И тако исполчи воя своя и перейде (Изяславъ) за Трубежь, не въсходя на гору, и ста на лузѣ противу Кузньчимъ воротомъ; и бысть въ полдне, и побѣже перескокъ (перебѣжчикъ) отъ Гюргя изъ полку: они же погнаша по немъ; стражіе же Изяславли пополошишась (испугались), рекучи: рать! Изяславъ же выступи на поле, идѣ же есть Красный дворъ. Видѣвъ же Гюргій и Святославъ, поидоша противу имъ, и прошедше валъ, и ту сташа, зрящимъ на ся; стрѣлцемъ біющемся межи полкома; и тако стояша полци оли и до вечера. Гюргій же и Святославъ поидоша въ товары своа. Изяславъ же нача думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Изяславомъ Давидовичемъ и съ сыномъ своимъ Мстиславомъ и съ Андреевичемъ Володимеромъ» (внукомъ Мономаховымъ)... «и пойде по нихъ... и постави Гюргій сыны своя по праву, а Святос. Олг. по лѣву и сыновца его, Всеволодича Святослава,» и проч.

(320) *Кіев. Лѣт.*: «и бысть лесть въ Переяславцѣхъ, рекучи: Гюргій намъ Князь свой; того было намъ искати и далече: то рекучи, и *поспочиша*» (вѣроятно: *поскочиша*, т. е. оставили битву; или: *опочиша*, т. е. перестали биться; а въ *Новогород. Лѣт.*: «сѣдоша на щитѣ наученіемъ Гюргя.»)... «Изяславъ же съ полкомъ своимъ съѣхася съ Святославомъ Олговичемъ и съ половиною полка Гюргева, и тако проѣха сквозѣ, и за ними будучи, узрѣ, иже полци вси побѣгли, и побѣже и перебреде (Днѣпръ) на Каневѣ... А наутріа Гюрги вниде въ Переяславль, и поклонився Св. Михаилу, и пребысть 3 дни, и пойде къ Кыеву, и ста противу Св. Михаилу по лугови,» и проч., какъ мы разсказываемъ въ Исторіи. Далѣе: «Гюргій же поѣха въ Кыевъ, и множество народа выйде противу съ радостію великою, и сѣде на столѣ отца, и посла по Володимера Давидовича къ Чернѣгову, и пріѣха Володимеръ и поклонися; а Святославъ Олг. поча ему молвити: держиши отчину мою. И тогда взялъ Курескъ и съ Посемьемъ, и Сновскую тысячю у *Изяслава* (Давидовича), и Случескъ, и Клецескъ, и всѣ Дрегвичи; и тако ся уладивши разъѣхашась.»

(321) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 27: «въ лѣто 6657 (1149) иде Нифонтъ въ Русь (въ Кіевъ) званъ Изяславомъ и Климомъ Митрополитомъ; ставилъ бо его бяше Изяславъ съ Епископы Русьскыя области, не славъ Царюграду; а Нифонтъ тако мълвяше: *не достойнъ есть сталъ, оже не благословенъ есть отъ великаго Сбора;* а онъ (Изяславъ) про то не бръзо отрядивъ его» (не скоро отпустилъ) нъ посади й въ Печерстѣмъ монастырѣ... Въ лѣто 6658 (1150) приде Нифонтъ изъ Кыева, пущенъ Гюргемъ; и ради быша людье Новѣгородѣ.» Слѣдственно Нифонта заключили въ Лаврѣ уже черезъ два года по избраніи Митрополита. Мы видѣли, что онъ въ 1148 году ѣздилъ изъ Новагорода въ Суздаль (см. выше, стр. 138). Въ *Патерикѣ* (л. 190) сказано, что Климентъ велѣлъ ему служить обѣдню съ собою, и что Нифонтъ отвѣтствовалъ: «ты истинный волкъ еси (не Пастырь); яко же не соизволяхъ на твое освященіе, сице и нынѣ за сіе истое дѣло не достоитъ мнѣ служити съ тобою, ниже поминати тя при моемъ служеніи имамъ, понеже ты не поминаеши Патріарха.»

Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 28: Идоша данници (собиратели дани) Новгородстіи вмалѣ, и учуть (услышавъ) Гюрги, оже вмалѣ шли, и посла Князя Берладьского съ вои, и бившеся мало негдѣ, сташа Новогородьци на островѣ; а они противу ставше, начаша городъ чинити (дѣлать). Въ лодьяхъ идоша Новгородьци къ нимъ на третій день, и бишася, и много леже обоихъ, нъ Суждальць безъ числа.»

(322) См. Прая Ann. Regum Hung. Кн. III, стр. 136. Лѣтописцы Венгерскіе сказываютъ, что Король ихъ въ 1148 году помогалъ Русскому Князю *Мониславу* и женился на *его* дочери. Отецъ Евфросиніи былъ дѣйствительно *Мстиславъ;* но Гейза помогалъ въ семъ году не *тестю*, давно умершему, а *шурину* Изяславу (см. ниже, прим. 332 и 369).

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же, пришедше въ Володимерь, почася слати въ Угры къ зятю своему Королеви, и въ Ляхи къ *свату* своему, Болеславу, и Межцѣ (Мешкѣ), и Индрихови, и къ Ческому Князю, *свату* своему, Володиславу... Король же ему отречеся, река: ратенъ есмь съ Царемъ (Греческимъ); оже буду пороженъ (празденъ), самъ пойду... А Ческый Князь рече: я готовъ есмь самъ... Изяславъ же опять посла съ дары и съ честію, и рече: съ Рожества Христова всядете на кони... Король пусти ему Угоръ 10,000, и рече: а самъ хочю подступити подъ горы Галицкого Князя, не дати же ся ему двигнути... Болеславъ же самъ поѣха съ братомъ Индрихомъ, а Межку остависта стеречи землѣ своея отъ Прусъ. Вячеславъ же, то слышавъ, посла къ Гюргеви, рече ему: се Угры уже идуть... любо дай Изяславу, чего ты хочешь; пакы ли пойди къ мнѣ, заступи волость мою. Изяславъ ми то молвитъ:

ты ми буди въ отца мѣсто; пойди, сяди въ Кыевѣ; съ Гюргемъ не могу жити: не хочеши ли мене въ любовь пріати, я хочю волость твою пожечи... Нынѣ же, брате, пойди амо; пакы ли не поѣдеши, а на мя не жалуй.» Здѣсь говорится о сватовствѣ Изяслава съ Польскимъ и Богемскимъ Государями: дочь Всеволода Мстиславича была за братомъ Государя Польскаго, Болеслава, а родственница Владислава Богемскаго, какъ вѣроятно, за Святополкомъ, меньшимъ братомъ Изяслава Мстиславича (см. выше, примѣч. 281, 282). Сверхъ того наши и Польскіе Лѣтописцы называютъ внука Изяславова, Романа Мстиславича, племянникомъ Казимира, брата Болеславова, сыномъ дочери Болеслава Кривоустаго (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 77).

(323) Нынѣ Чемерники, не далеко отъ Люблина. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Гюргій, съвокупя силу свою, пойде изъ Кыева, и Половци бо бяше дикіе привелъ къ собѣ въ помочь... Выступи Изяславъ» (на другой день по прибытіи къ нему союзниковъ) «изъ Володимеря, и пришедъ къ Луцку, и ту пребы 3 дни, и ту пасаше Болеславъ сыны Боярскы мечемъ многы; и въ то время пріидоста въ Пересопницю Гюргевичи два, Ростиславъ и Андрей, и помочь Володимеря изъ Галича, а самъ Володимеръ приступилъ бяше ближе къ Шумску» (въ Волынск. Губерніи, между Заславомъ и Кременцемъ) «и убояшась Ляхове и Угре; и пріиде Гюргій къ брату Вячеславу... Изяславъ же (съ союзниками) поидоша и сташа у Чемерина на Олыцѣ. Въ то же время приде вѣсть Болеславу отъ Межкы, иже идуть Пруси на землю ихъ... Изяславу же бысть вельми не любо... и здумаша послати мужи своя къ Вячеславу и къ Гюргеви; а Угре отъ Короля своя мужи, рекучи: вы намъ еста въ отца мѣсто, а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и съ сыномъ Изяславомъ; а мы есмы по Бозѣ всѣ Христіане... а мы хочемъ, абы вы быста уладилася; вы сѣдѣла въ Кыевѣ, а Изяславу се его Володимерь и Луцескъ; а што его городовъ, ать сѣдить въ томъ... ать возворотить Гургій Новугороду Великому дани всѣ. Вячеславъ же и Гюргій тако рекоста: Богъ помози зятю нашему Королеви и *брату* нашему Болеславу и *сынови* нашему Индрихови, иже межъ нами добра хочета... но ать Изяславъ пойдеть въ свой Володимерь, а вы во свою землю... И не уладишась, пріемъ (Георгій) свѣтника (совѣтника) Гюргя Ярославича» (см. ниже). — Татищевъ пишетъ объ *Андреѣ Чешскомъ*, о Владиславѣ *Шлонскомъ*, *о Банѣ* Венгерскомъ, и сказываетъ, что Изяславъ перевелъ Владиміра Андреевича изъ Владиміра въ Брестъ; но въ Владимірѣ княжилъ братъ Изяславовъ, Святополкъ.

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Чемеринъ въ Волынской Губерніи, близъ Олыки. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(324) *Никон. Лѣт.*, не разумѣя, какимъ образомъ Воевода Половецкій могъ называться Жирославомъ, вставилъ имя Темиръ-Хозя! Сіи варвары, чувствуя тогда превосходство Россіянъ въ гражданскомъ образованіи, заимствовали отъ нихъ и самыя имена. Въ лѣтописяхъ: «Гюрги съ братомъ своимъ Вячеславомъ и со всѣми дѣтми пойдоша къ Лучьску. Ростиславу Гюргевичю съ Андреемъ ходящю напередъ съ Половци, ставшимъ имъ у Муравицѣ» (у мѣстечка Моравицы, близъ Олыки) «бысть въ ночь *пополохъ* (тревога) золъ,» и проч. На другой день Андрей за Половцами отступилъ къ Дубну въ ожиданіи Георгіевой помощи (*посилья*). Ниже мостъ названъ *гроблею*. Далѣе: «единъ же отъ Нѣмчичь (Нѣмцевъ) хотѣ просунути рогатиною» (Андрея). Сей Князь говоритъ: «се ми хочеть быти Ярославича смерть». Въ нѣкоторыхъ спискахъ ошибкою поставлено: *Ярославля Святополчича* и *Ярославля Изяславича*. Далѣе: «конь же его... умре; онъ же (Андрей), жалуя *комонства* его,» и проч. Мы уже замѣтили, что кони назывались и *комонями*. *Никон. Лѣт.* прибавляетъ наставленіе Андрею и говоритъ: «сняша съ него доспѣхъ, и много ранъ не имуще крови обрѣтоша на немъ.» Далѣе о конѣ: «повелѣ раскопати землю, и вставити тамо срубъ.»

(325) То есть (см. въ *Никон. Лѣт.* II, 114) сынъ убитаго подъ Владиміромъ Ярослава Святополковича (см. выше, стр. 93), а не Ярослава Ярополковича, умершаго въ заключеніи (см. выше, стр. 79). Въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же доспѣвъ изъ Володимеря... и въ то время пойде Вълодимерко Князь изъ Галича и ста на Полоной, межи Володимеромъ и Луцкомъ, и тако разъѣхась. Добрый бо Князь Володимерко, братолюбіемъ свѣтяся, миролюбіемъ величаяся, не хотя никому зла; того дѣля межи ими ста, хотя я уладити. Изяславъ же посла къ Володимерку, *свату*, (см. ниже) Гюргеву, глаголя ему: введи мя въ любовь къ стрыеви. Володимеру же молящуся о Изяславѣ, глаголя: Богъ поставилъ насъ вълостеле (властителей) въ месть злодѣемъ, и въ добродѣтель благочестивымъ... сыновецъ ваю не творится правъ, но кланяется.» Тогда Галицкій Князь еще не былъ *сватомъ* Суздальскаго: ибо сынъ его женился на дочери Георгіевой уже послѣ мира.

(326) См. *Кіев. Лѣт.*

(327) О вѣроломствѣ Георгія по заключеніи мира такъ сказано въ *Кіев. Лѣт.*: «Крестъ цѣловаша, яко по Переяславскомь полку (битвѣ) что будеть пограблено, или стада, или челядь, что ли кому свое познавши, поимати жь по лицу. Изяславъ же пославъ мужи своя и Тивоны (Тіуны) своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, его же бяше отшелъ, а мужи своего дѣля сами ѣхаша, а друзіи Тивоны своя пущаша, и тако пріѣхаша къ Гюргеви и начаша познавати свое: Гюргій же того всего не управи... Изяславъ же посла къ Вячеславу и къ Гюргеви съ жалобою,» и проч. — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что граждане Кіевскіе, любя Вячеслава за простоту, желали имѣть его своимъ Княземъ, но что сыновья Георгіевы подучили Бояръ тому воспротивиться. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же пріѣхавъ сѣде въ Луцку; въ утрій же день поѣха въ Пересопницу, и ту изъѣха Глѣба» (коему былъ порученъ и Дорогобужъ). «Глѣбъ же стояше выше города... и одва утече самъ въ городъ, а товары его взяша, и дружину изымаша, и конѣ его заяша, и ину дружину его заѣхаша отъ города; и не бѣ, съ кымъ стояти противу. Выславъ же Глѣбъ и рече Изяславу: яко мнѣ Гюргій отець, тако мнѣ и ты отець; а азъ ти кланяюсь; ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешь, а мене пусти къ отцу, и цѣлуй къ мнѣ Св. Богородицю, яко мене не пріимеши... Изяславъ позва его къ собѣ на обѣдъ, и оттуда поя съ собою до Дорогобужа, и ту пристави сына своего къ нему, Мьстислава, до Корьца, и тако проводи и за Торческъ, и рече ему Мьстиславъ: поѣди жь, брате, къ отцю, а волость отца моего и моя по Горыню... Глѣбъ пойде на Ушескь, а Изяславъ на *Гольско Такунилю*» (мѣста неизвѣстныя) въ Черныа Клобуки, и ту пріѣхаша къ нему вси Черніи Клобуки. — Възма (Изяславъ) съ собою мало дружины и иде на сѣни къ Вячеславу, и поклонися ему; Вячеславъ же съста противу Изяславу, и цѣловастася, и сѣдоста оба по мѣсту,» и проч.

(328) «Изяславу, освоившю Кыевъ, посла Мстислава въ Каневъ. Мстиславъ же послася *на ону сторону* (Днѣпра) къ Турпѣемъ (Торкамъ).» Слѣд-

ственно они жили на восточномъ берегу Днѣпра. Далѣе: «Гюрги же посла Ростиславу въ помочь брата Андрея. Ростиславъ же гна къ Сакову, изгони Турпѣи у Днѣпра:» слѣдственно Саковъ былъ на той же сторонѣ. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пріиде къ Изяславу вѣсть, иже Володимерко уже перешелъ *Болоховъ*, идеть мимо *Мунаревъ* къ *Володареву*» (въ нынѣшней Подольск. Губерніи). «Изяславъ же посла къ Мьстиславу, сынови своему, река ему: идеть на мя Володимеръ Галицкый, а пойде вборзѣ, поимя Берендичи. Самъ же Изяславъ съ Бояры своими ѣха къ Вячеславу Вышегороду,» и проч. Изяславъ шелъ отъ Кіева къ Звенигороду, оттуда же къ рѣкѣ Стугнѣ и Ольшаницѣ, и сразился съ Кн. Галицкимъ у *Тумаща* (нынѣшней Томашовки въ Васильковскомъ Уѣздѣ). Съ первымъ были братъ Владиміръ и сынъ Мстиславъ. Жены и дѣти Берендѣевъ оставались въ городѣ Пороссномъ, т. е. на берегу Роси. Далѣе: «Володимерко стояше верхъ Олшаницы, и ту отъ Изяслава ѣхавше до солнца и удариша на кони его, и нѣколико мужей яша, а у Черн. Клобуковъ мужа яша, и приведше къ Володимерку,» и проч. Далѣе: «Володимерко же, видѣвъ, иже Кіане побѣжать, а Черніи Клобуци зань ѣдуть, и рече: лесть есть; быти ту Изяславу нѣгдѣ съ полки своими въ горахъ. И за тѣмъ полкъ Изяславль уцѣлѣ; а они не смѣша ся по нихъ распустити.»

(329) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ же прибѣже къ Кыеву. Володимеря же дружина постиже задъ его, овы изымаша, а другыа избиша; Вячеславъ же бяше до него въѣхалъ въ Кыевъ и сѣлъ на Ярославли Дворѣ. Изяславъ же пріѣха къ Вячеславу, и ту думавше, начаста обѣдати; и въ то время пріиде Гюргій съ сынми своими, и Володимеръ и Изяславъ Давидовича, и Олговичь Святославъ и сыновець его на берегъ противу Кыеву (въ *Пушк.* въ Черторьѣ). Кыане же мнози поѣхаша въ насадѣхъ къ Гюргеви, а друзіи почаша дружину его перевозити въ Подоліе. Вячеславъ же съ Изяславомъ рекоста: наю не веремя нынѣ есть.... и повелѣ (Изяславъ) дружинѣ своей събратися у *Дорогожича* (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 422), а самъ, дождавъ ночи, поѣха изъ Кыева. Въ утрій же день пріиде Володимеръ Галицкый къ Олговѣ могилѣ (въ *Пушк.* къ Теремцу). тако же и Гюргій пріѣха къ нему» (вмѣстѣ съ другими Князьями) «и ту ся цѣловаша не ссѣдаючи съ коней у Сѣтомля на болоньи, и здумавше посласша по Изяславѣ Святослава Всеволодича, Бориса Гюргевича, и гониша до Чертова лѣса, и не постигше его, взвратишась... И ѣха Володимерко къ Вышегороду къ Св, Мученикома поклонитися... и къ Св. Софіи, и къ Св. Богородицѣ Десятиннѣй, и въ Печерской монастырь.»

(330) Въ Луцкѣ начальствовали братъ Изяславовъ, Святополкъ, и сынъ Мстиславъ. Владимірко оставилъ Георгіева сына въ Пересопницѣ. — Татищевъ говоритъ о прибытіи въ Кіевъ *Игоря, внука Игоря Давидовича* — о досадѣ Черныхъ Клобуковъ на Георгія — о походѣ Новогородцевъ въ Ростовскую землю,» и проч.

(331) «Придоша Половци въ помочь Гюргеви на Изяслава. Гюргеви еще не распустившю вои ни Олговичь, посла Святослава Всеволодовича Переяславлю къ сынови своему Ростиславу, дабы я́ укротилъ» (въ *Троицк.* укрѣпилъ, можетъ быть ротою или присягою) «и воротилъ опять. Онѣмъ же пакостящимъ, людемъ збѣгшимся въ городъ, не смѣющимъ ни скота выпустити, посла Гюргій Андрея, и створише миръ съ ними... Андрей оста у брата Переяславли; приспѣвшю празднику Вьздвиженія честнаго Креста (14 Сент.). праздноваша въ церкви Св. Михаила. На утрій же день ѣха Андрей Кыеву. Тое же осени да ему отецъ волость Туровъ и Пинскъ, и Дорогобужъ, и Пересопницу. Андрей же поклоншеся отцю и шедъ сѣде въ Пересопници... Тое же зимы присылатися нача Изяславъ къ Андреевн, река: *брате! введи мя къ отцю въ любовь.* И прислаше къ нему *розирая* (смотря) нарядъ его, и како строить городъ: бѣ бо прежъ изъѣхалъ братъ его ту, Глѣбъ (Глѣба); того же и здѣ ловяше. Но не сбыся мысль его.» Георгій, по изобрѣтенію Татищева, отвѣтствовалъ на предложенія Изяславовы: «когда онъ не уляжется во Владимірѣ, то я дамъ ему такую же область, какую онъ далъ Игорю.»

(332) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ рече: стрый ми волости не дасть; не хочеть мене въ Русской земли, а Володимеръ Галицкый по его велѣнію землю мою взялъ, а опять къ Володимерю хочеть пріити на мя. Изяславъ же то здумавъ и посла брата своего, Володимера, въ Угры, къ Королеви, и рече ему: ты ми еси самъ реклъ, якоже Володимеръ не смѣетъ головы въсклонити» (не смѣетъ тронуться). . . «Володимеръ же прогналъ мя изъ Кыева.» Выступивъ въ походъ, Гейза совѣтовалъ Изяславу итти на Галичь съ другой стороны. Далѣе: «Володимерку же бяху пріатели въ Угрѣхъ, и повѣдаша ему.... Володимерко же въ то время стоаше у Белза, и ту поврьга (оставивъ) возы свова, а самъ погна съ дружиною къ Перемышлю. Король же прошедъ гору и взя Санокъ городъ и Посадника его яша.... Володимеръ же послася къ Архіепискупу Кукнишеви и ко инѣма двѣма Бискупома и къ мужемъ Королевымъ.... Бяше бо о Дмитріевѣ дни уже..... Король же пойде (назадъ), и Володимера, шюрина своего, поялъ съ собою въ Угры. Въ тожь время Изяславъ згадався съ зятемъ и съ *сестрою* своею, *Королевою*, пояша у *Бана* дщерь за Володимера» (см. о *Банѣ* выше, примѣч. 284) «и послаша ю къ Изяславу къ Володимерю напередъ. Король же велику честь створи ему (Владиміру) и сестра его, одаривше его и отпустиша. Король же рече (Изяславу): Царь на мя Греческый въставаеть ратью, и сеа ми зимы и весны нелзѣ на конь всѣсти; но обаче, отче, твой щитъ и мой не разно еста... И рече Изяславъ брату своему: Богъ ти помози, иже ся еси потрудилъ; но здѣ пакы моей снохѣ, а твоей женѣ *удолжилося*» (время казалось долго). «Въ тожь время Изяславъ послалъ бяше Угры на кормъ (въ) *Устилогъ*, и тако пославъ приведе Бановну за брата.» Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «Изяславъ пришедъ и ста выше Пересопницы и пожже *Зарѣческъ.*» Тутъ описывается совѣтъ Изяславовъ съ Боярами. Далѣе: «оттолѣ же пусти брата своего, Святополка, блюсти Володимеря, а самъ пойде съ братомъ Володимеромъ и съ сыномъ Мстиславомъ и съ Борисомъ Городенскымъ къ Дорогобужу. . и перешедъ Горинію, ту и ста на *Хотри*, и оттолѣ пойде къ Корецку (Корецу), и Корчане вышедше поклонишась ему, и ста на рѣцѣ, не дошедъ Случи» (въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что онъ отъ Зарѣчска пошелъ къ *Мыльску*: то и другое мѣсто находилось въ окрестностяхъ Горыни). «Володимеръ же Галицкый присла къ Андреевн Василька Ярополчича (неизвѣстнаго) река: пойде, брате, къ мнѣ. Андрей сняся съ нимъ у Мыльска..... Изяславу же приде вѣсть, иже Волод. Гал. и Андрей Гюрг. и Володимеръ Андреевичь (внукъ Мономаховъ) пришли къ Дорогобужю съ силою великою и правятся черезъ Горинію; въ утрій же день Изяславъ перейде Случь и пойде черезъ Чертовъ лѣсъ къ Ушску, и перейде рѣку Ушю подъ Ушскомъ... и ту пріидоша стрѣлци Володимерка на берегъ. . . Изяславъ же отступивъ, и есть рѣчка мала до города, и ту исполчися, и

стрѣляхуся о ню . . . и яша у Галичанъ мужа, и въпрошаша, Князь твой гдѣ? Онъ же рече: за городомъ, прѣвый лѣсъ; ту ста, тако рече: сила наша за нами; ту ся съждемъ . . . . Изяславъ же оттолѣ шедъ и ста у Святославлѣ *криницы* (источника). . . . яко же Изяславлимъ сторожемъ зрѣти бяше на Галицкыа огни . . . И угада Изяславъ пойти черезъ ночь къ Мичьску. . . и ту срѣтоша и дружина многое множество, иже сѣдяху по Тетереви, и Мичане съ ними. . . Изяславъ же перешедъ за Тетеревъ» (въ другихъ лѣтописяхъ: за Рось и за твердь, или укрѣпленіе) «и ту съсѣде конемъ опочивати . . . и пойде къ Вздвиженю, и ста до вечера . . . и рече: здѣ ли стояти, ци ли быхомъ сея ночи поѣхали? . . . иже намъ будеть лзѣ на Бѣлгородъ въѣхати, то Гюргій готовъ предъ нами бѣгати . . . Пакы ли не лзѣ, а въ Черные Клобуки въѣдемъ . . . И рекоша Угре: мы гостіе твои есмы... а комонѣ (кони) подъ нами... И рече Изяславъ брату Володимеру: поѣди напередъ къ Бѣлугороду . . . а почнутъ ся съ тобою бити, ты къ намъ вѣсть пошли, а самъ ся бій и до обѣда, а азъ на Абрамль мостъ переѣду, любо другойдѣ въѣду въ Черныа Клобуки . . . поѣду жь на Гюргя къ Кыеву. Пакы ли пзъѣдешь Бѣлгородъ, а съ тымъ къ намъ пошли, и мы къ тобѣ . . . Борисъ піаше на сѣнци съ дружиною и съ Попы . . . Аще бы не мытникъ устерегъ и мостъ переметалъ, то яли быша . . . Полци (Изяславовы) пріѣхавше къ мосту, кликнуша и въ трубы въструбиша . . . Бѣлгородци же потекоша къ мосту . . . и помостиша вборзѣ мостъ. . . Изяславъ же перепрaви полкы Угорскыа до свѣта чрезъ мостъ, иде къ Кыеву . . . Борисъ же прибѣже къ отцу . . . Гюрги бяше на красномъ дворѣ,» и проч.

(333) Въ *Кіев. Лѣт.*: «тогда же Угри на *фарѣхъ* и на *скокохъ* играаху па Ярославлѣ Дворѣ.» Князь Щербатовъ (подобно Татищеву) вообразилъ, что здѣсь говорится о музыкѣ, и что *фаръ* есть fanfare! Нѣтъ: *фарами* или *фарями* назывались иногда вообще кони, иногда въ особенности Арабскіе (см. Дюканж. Gloss. подъ словомъ Pharas). Въ старинной Русской сказкѣ, названной *Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита*, и сочиненной, какъ надобно думать по слогу, во XII или въ XIII вѣкѣ (см. сей *Исторіи* Т. III, прим. 272) сказано: «кто сему не дивится, како дрьзость яви уноша (юноша), како лось нагони бръже (скорѣе) *фаря* брьзаго.» А въ другомъ мѣстѣ: «како *фарь* подъ нимъ (Девгеніемъ) скакаше, а онъ гораздно на немъ играеть.» Подъ *скоками* же разумѣются скакуны. *Никоновск. Лѣт.* сказываетъ, что Изяславъ, лаская Кіевлянъ, называлъ ихъ отцами, а себя рабомъ!

(334) Владиміръ стоялъ у Мичска и взялъ дань съ его жителей, названныхъ въ *Воскресен. Лѣт.* и *Ростов.* Галичанами, вмѣсто Мичанъ. Далѣе «пойдоша» (Андрей и братъ его двоюродный Владиміръ Андреевичь) «на усть Припети и на *Давыдову боженку*; оттолѣ же пойдоша во Стрецскый (Остерскій) городокъ къ отцю своему.» Въ харатейныхъ: «и перебредъ Днѣпръ на *Воровичь* и иде (Андрей) въ Городокъ. *Никонов. Лѣт.* вездѣ соединяетъ съ Венграми Чеховъ.

(335) «*Во утрій же день* Изяславъ посла къ ляди своему Вячеславу, и проч. — Мы поставили здѣсь, какъ въ лѣтописяхъ, 1151 годъ, т. е. съ Марта; но Изяславъ и къ Кіеву шелъ уже въ семъ году по нынѣшнему счисленію съ Генваря. Далѣе: «*Во утрій же день* посла Вячеславъ къ Изяславу, река: сыну! аще еси на мнѣ честь положилъ,» и проч. Далѣе: «язъ уже есма старъ и дѣлъ всѣхъ дѣлати не могу,» и проч. Далѣе: «Во *третій* день позваста къ собѣ Угры.» — Изяславъ говоритъ Князю Смоленскому: «много ми еси, брате, понуживалъ положити честь на стрыеви нашемъ.» — Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «Гюргій же посла къ Чернѣгову къ Давидовичю Володимеру и къ Святосл. къ Олговичу, река тако: се уже Изяславъ въ Кыевѣ: пойдеша ми въ помочь. Святославъ же не дожда Велика дне, но пойде въ Понедѣльникъ Св. недѣли» (Страстной?) а во Вторникъ родися у него сынъ, въ крещеніи Георгій, а мірскы Игорь; Великъ же день взя (Святославъ) въ *Вѣстовитѣ*, и оттуда пойде къ Чернѣгову, и съ братомъ Володимеромъ поидоста оба въ лодіяхъ къ Городку къ Гюргеви. Тогда же Изяславъ Давидовичь иде къ Кыеву къ Вячеславу и къ Изяславу. . . И сташа у Городка (Святославъ и Владиміръ), и ту праздноваша Георгіевъ день.»

(336) Такъ въ *Пушкин.* называется сіе озеро; въ *Троицк.* было написано: *Долѣбское*, а другою рукою поправлено: *Дулѣбское*, какъ въ новѣйшихъ спискахъ. — На рѣкѣ Золотчѣ находится мѣстечко Вишенки. — Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Георгій стоялъ въ *Родуніи*. — Витичевъ былъ ниже Триполя (см. *Большой Чертежъ*, стр. 145). Въ *Кіев. Лѣт.*: «сташа на Вытечевѣ у *Мирославскаго* села противу себѣ.» — Гдѣ былъ городокъ Зарубъ, (см. *Большой Чертежъ*), тамъ нынѣ селеніе Зарубанцы. — Половцы бросились въ Днѣпръ на коняхъ, а Россіяне ѣхали за ними въ лодкахъ (см. *Кіев. Лѣт.*). — Татищевъ прибавляетъ, что Изяславъ купилъ много Греческаго оружія; что Владиміръ Черниговскій неохотно присталъ къ Георгію, вопреки совѣту Тысячскаго Азарія; что Святославъ Ольговичь сказалъ Азарію: «ты подкупленъ Изяславомъ или не хочешь оставить молодой жены;» что Изяславъ Давидовичь съ тайнаго Владимірова согласія пошелъ къ Великому Князю. Нашъ Историкъ говоритъ еще, что многіе Русскіе Игумены ѣздили тогда въ Царьградъ съ Константиномъ Епископомъ, желая видѣть его на мѣстѣ Климента Митрополита; что Мануилъ, ненавистникъ Монаховъ, въ письмѣ совѣтовалъ Изяславу разорить монастыри, и проч.

(337) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Стоаху» (Изяславъ и союзники его) «у *Ивана*, и възротишась къ Кыеву, и почаша думати. Изяславъ же съ братомъ Ростисл. хотяше противу имъ битися, дружина же (его и всѣхъ Князей) утягиваху отъ того, и Кіане . . . и Черн. Клобуци рекоша: ратніи наши на конихъ; а ты къ нимъ поѣдиши, а онъ (Георгій) пойдеть ко Рси, и тобѣ будеть оставити своя пѣшца . . . Поѣдше въ Кыевъ, а къ намъ приставите брата своего, Володимера, ать поѣдемъ къ своимъ вежамъ, заяти жены и дѣти и стада; пойдемъ же къ Кыеву, а вы будете до вечера въ Кыевѣ. . . Хочемъ головы своя сложити за васъ.»

(338) «Половчинъ ять конь подъ нимъ за поводъ и взврати, и *лая* дружинѣ своей:» то есть, браня своихъ. — «Друзіи противу Лядскымъ воротомъ на песцѣхъ (пескахъ) біахуся.»

(339) См. выше, стр. 67.

(340) «Кыяне же рекоша: да пойдемъ всяко и безъ омѣнки, аще кой можеть уже древо» (въ другихъ: *хлудъ*) «въ руцѣ взяти,» и проч. Далѣе: «того дне» (Кіевляне, пѣшіе и конные) «пришедше сташа у Звенигорода» (уже не существующаго) «а на утріе же сташа у Василева къ обѣду. — Гюрги же пришедъ и рече Бѣлогородцемъ: вы есте людье мои: отворите ми городъ. Ркоша Бѣлогородци: а Кыевъ ти ся отворилъ ли? а у насъ Князи Вячеславъ, Изяславъ, Ростиславъ. Гюрги же пойде черезъ боръ къ *Верневу*» (а въ другихъ: къ Черневу) и оттуду иде за валъ и ста у *Взяницѣ*; ту бо надѣяшется Галичьскаго Князя

262

къ собѣ: послалъ бо бяшеть къ нему, отступя отъ Кыева, сыновца своего Володимера Андреевича.

(341) **Въ** *Кіев. Лѣт.*: «Сторожеве ѣхавше подъ Гюргеви полкы и гонишась съ ними. Въ 4 день прежъ солнца Вячеславъ и Изяславъ пройдоша валъ на чистое поле . . . Стоящимъ же имъ до вечера, прешедъ Гюргій за Рутъ (Ротокъ). Свитающю жь *Пятку,* пойде Изяславъ. Гюргій же не хотяше еще битися: Изяславу же паче приступающу, и устрой Богъ мьглу . . . только до конецъ копіа видѣти . . . И припрошась къ озеру обои, и разиде (разведе) я́ озеро . . . Мгла жь подъяся въ полдне, и узрѣшась полци обаполы озера . . . и біахуся на крылѣхъ, а самѣмъ полкы не лзѣ бѣ съѣхатися. Яко же бѣ къ вечеру, и пойде Гюргій за *шоломя*. . . Вячеславъ же и Изяславъ пойдоша по немъ на връхъ озера. Гюргій же зайде за Малый Рутець, и перейдя грязину ту, и ста на ночь. Вячеславъ же и Изясл. и Ростисл. сташа противу ему, яко же стрѣлы не доходяху. На утрій же день, въ *Пятокъ*» (здѣсь вторично именованъ тотъ же день, что и прежде) «яко зорѣ почашась занимати, прежъ у Гюргя въ полку въ бубны и въ трубы въструбиша, такожь и у Изяслава. . . Гюргій же пойде на верхъ Рутца. Вячеславъ же и Изясл. и Ростисл. такожь. . . Тогдажь Гюргій, *поворотячи* полкы своя, пойде къ великому Рутови (назадъ), не хотяче битися, но хотяше зайти за Рутъ и ждати Володимера Галичского. Вячеславъ же и Изяславъ пустиша по нихъ стрѣлци своя, и тако начаша ѣздити въ задъ полковъ и возы у нихъ отымати. Видѣвъ же то Гюргій и сынове его, иже не лзѣ имъ перейти за Рутъ, и тако оборотячися,» и проч. По харатейнымъ лѣтописямъ, Изяславъ догналъ Георгія у Перепѣтовыхъ за Стугною; тутъ сильный дождь съ вѣтромъ помѣшалъ битвѣ; начались переговоры, и Георгій ввечеру зашелъ за Рутъ; а въ *Пятницу* было сраженіе (17 Іюля, какъ сказано въ *Новогород. Лѣт;* но сіе число приходилось тогда во *Вторникъ).* — Георгій, оставивъ мѣсто битвы, въ полдень того же дня переправился за Днѣпръ въ Витичевѣ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено, что въ Пятницу самые Ольговичи (дядя и племянникъ) хотѣли уже мира; но Половцы все еще желали битвы.

(342) «Изяславу же лежащю на побоищи и яко восхопися, пѣшци же Кыяне хотѣша убити и́, мняще противнаго» (считая его непріятелемъ). Онъ же рече: *Князь есмь;* и рече единъ отъ нихъ: *таковъ есь и надобенъ,*» и проч. (см. *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.).* Вѣроятно, что Христіанское имя Изяслава было Пантелеймонъ, когда онъ носилъ на шлемѣ образъ сего Святаго. Обрадованные воины, поднявъ Изяслава, восклицали: *Киріелейсонъ!* Татищевъ сказанное въ лѣтописи объ Изяславѣ отнесъ ко Владиміру Черниговскому.

(343) «И ту убиша Володимера Давыдовича, *добраго* и *кроткаго* Князя Черниговскаго,» хотя онъ и не стыдился грабить своихъ ближнихъ, быть измѣнникомъ, клятвопреступникомъ. — Жена Владимірова по кончинѣ его *бѣжала* къ Половцамъ и вышла за ихъ Хана Башкорда (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 48). — Татищевъ говоритъ, что Тысячскій убитаго Черниговскаго Князя, Азарій Чюдинъ, гнался за Святославомъ Ольговичемъ, отрубилъ головы двумъ главнымъ его совѣтникамъ и послалъ къ Святославу. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Рече (Великій Князь) Изяславу Давидовичю: сего (Владиміра) уже намъ не кресити . . . Ты, брате, нарядися; вземше своего брата, ѣди къ Чернѣгову; а азъ ти помочь припряжу. Буди же нынѣ до вечера въ Вышегородѣ. Изяславъ же, съдумавъ съ братомъ Ростиславомъ, и пустиша съ нимъ Романа, сына Ростиславля . . . и дружину. И поѣха Изяславъ съ Романомъ . . . и сѣде на столѣ въ Чернѣговѣ . . . Святославъ Олговичь и Всеволодичь Святославъ перебѣгоста Днѣпръ повыше Заруба и бѣжаста въ Городецъ. Святославъ же Ольговичь бѣ тяжекъ тѣломъ . . . и оттуда посла къ Чернѣгову Святослава Всеволодича, а самъ не може ѣхати. Святославъ же пригна къ перевозу Десны, и ту бысть ему вѣсть, иже уже Изясл. Давидовичь и Романъ въѣхали въ Чернѣговъ; и то слышавъ, побѣже опять, а стрыеви своему посла рекучи: не ѣзди сѣмо . . . Святославъ же Олговичь, слышавъ, иже Гюргій съ Вячеславомъ и съ Изяславомъ уладился . . . и совокупишась съ сыновцемъ своимъ, съ Свят. Всеволодовичемъ, и посластася къ Изяславу (Давидовичу), рекуче: брате! миръ стоить до рати, а рать до мира; братья есмы собѣ, а пріими насъ къ собѣ, а се отчинѣ межи нама двѣ: одина моего отца, а другаа твоего: ты жь пріими Давыдово, а что Олгова, а то намъ дай . . . Изяславъ же христіанскы учини, и отчину има възвороти, а свою собѣ прія.»

(344) «Половци идоша во свояси. Изяславъ же съ стрыемъ возвратистася въ Кыевъ . . . Изяславъ, слыша Гюргя въ Переяславли, съ Вячеславомъ и братомъ Святополкомъ и съ Берендичи перебродися у Заруба и сташа у Мажева (нынѣ Мазинки) сельца товары (становъ). . . и бишась у Переяславля по два дни; въ третій же день много избиша пѣшца и *передгородье* пожгоша. Вячеславъ же и Изяславъ посласта къ Гюргеви,» и проч. О возвращеніи Князя Галицкаго отъ Бужска см. въ *Кіев. Лѣт.*

Георгій оставилъ сына своего, Глѣба, въ Переяславлѣ: ибо Ростиславъ Георгіевичь, бывшій Княземъ Переяславскимъ, умеръ въ томъ году на Страстной недѣлѣ, рано въ Великую Пятницу, и погребенъ братьями, Андреемъ, Глѣбомъ и Мстиславомъ, въ церкви Св. Михаила, близъ дядей, Андрея и Святослава Владиміровичей. Татищевъ пишетъ, что Ростиславъ, желая одинъ завладѣть всѣмъ государствомъ, причинилъ много зла, и что никто не жалѣлъ объ немъ, кромѣ отца.

(345) Изяславъ, еще прежде битвы съ Георгіемъ у Перепѣтовыхъ, находясь въ Звенигородѣ, имѣлъ вѣсть отъ сына своего: «Король, зять твой, пустилъ ти помочь, яко же николи же не бывала; а уже есмь съ ними прошелъ гору. Яже ти будемъ вборзѣ надобѣ, а посли противу намъ.» Изяславъ отвѣтствовалъ: «се уже идемъ на судъ Вожій, а васъ намъ, сыну, всегда надобѣ.» Далѣе: «ставшю Мстиславу у *Сапогыня*» (въ Волынск. Губерніи близъ Луцка) «Володимеръ же Мстиславичь высла питіе много Угромъ.» Разбитый Мстиславъ ушелъ въ Луцкъ. Венгерскіе Лѣтописцы упоминаютъ, хотя и слегка, о семъ пораженіи ихъ войска: Hungari a Rutenis et Cumanis (Половцевъ) male accepti (см. Туроц. Chron. гл. LXVI). Татищевъ пишетъ, что Владимірко обрѣзалъ уши и носъ Венгерскому Полководцу. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пріиде Изяславу вѣсть, иже сынъ его побѣженъ, а Угры избиты; и рече слово то, якожь и преже слышахомъ: *не идеть мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту;* но абы Богъ далъ мнѣ здоровье и Королеви, а мьстемъ (мести) быти.» Въ разсужденіи *порядка* описанныхъ здѣсь происшествій слѣдую харатейнымъ, также *Воскресен.* и *Ростов.* лѣтописямъ.

(346) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Гюргій же иде (въ Суздаль) на Новъгородъ Сѣвер. къ Святославу Олг.; онъ же пріятъ его съ честію великою, и повозы да ему. Изяславъ, совокупяся съ Давидовичемъ и

Святославомъ Всеволод., и шедше разведоша *Городокъ Гюргевъ* и пожгоша его. Церковь же бѣ въ немъ Св. Михаила каменна, а верхъ ея древомъ нарубленъ, и то згорѣ.» Слова: *Гюргевъ Городокъ* — т. е. Городокъ или Городецъ, принадлежащій Георгію — заставили думать Татищева, что Юрьевъ и Городецъ есть одно мѣсто. Татищевъ говоритъ здѣсь о союзѣ Вел. Князя съ Половцами.

(347) Изяславъ еще въ 1141 году, зимою, выступилъ было противъ Владимірка, но возвратился отъ Корчева, или Корочева бывшаго городка, нынѣ мѣстечка въ Губерніи Волынской, на рѣкѣ Курчикѣ. Далѣе: «посла Изяславъ сына своего, Мстислава, въ Ляхы и въ Угры, вабя ихъ въ помочь на Володимерка. Ляхове же не идоша, а Угри идоша. Посла же Король (Венгерскій) къ Изяславу, река: *отче! кланяю ти ся. . . азъ ти здѣ уже пошелъ, а ты пойди* . . . Изяславъ же (см. *Кіев. Лѣт.*) посла сына своего Мьстислава къ Королеви въ Угры, повести Короля на Галицкого Князя, и скопя свою дружину пойде, поима съ собою Вячеславль полкъ весь и всѣ *Черные Клобуки*, еже зовуться *Черкасы*. . . Егда же приде къ Дорогобужу, и ту приде братъ его Володимеръ, и оттолѣ поидоста къ Пересопницы, и ту приде Володимеръ Андреевичь и братъ его Святополкъ (Мстиславичь) изъ Володимеря. Святополка же Изяславъ съ собою не поня, но остави и́ въ Володимери, а полкъ его взя съ собою. И пойде Изяславъ по Королевѣ дорозѣ, ею же приходилъ бяше на Андрея Володимерича (см. выше, стр. 93) Изяславъ же приде на Санъ рѣку. . . и перебредъ. . . и ста. Ту приде къ нему посолъ отъ Короля во стѣ человѣкъ, и рече: зять ти ся Король кланяеть, и тако ти приказалъ: *се уже здѣ стою 5 день, тебе жда: поди спѣшнье.* Во утрій же день Изяславъ пойде къ Ярославлю» (нынѣ Ярославу въ Галиціи) «и минувъ его ста на обѣду; и ту присла къ нему Король мужа своего съ полкомъ болѣ тысящи. Изяславъ же пойде къ Королеви . . . и Король вcѣдъ на конь съ мужи своими и выѣха противу Изяславу съ радостію,» и проч. — Съ Королемъ были и братья его: см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 138. Венгерскіе лѣтописцы называютъ Владимірка (Lodomerius) *мятежникомъ*, котораго Изяславъ смирилъ съ помощію своего зятя. — Татищевъ пишетъ, что дядька не совѣтовалъ Мстиславу Изяславичу ѣхать къ Полякамъ, ибо они любили только брать деньги, и проч. Далѣе въ лѣтописи: «бѣ же у Короля полковъ 73 (въ *Никон.* 170) опрочь Изяславлихъ, опрочь подводныхъ коней и товарныхъ.» Татищевъ сказываетъ, что у Изяслава было 30,000 воиновъ, у Владимірка же 20,000 Сербовъ и Болгаровъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Король рече (Изяславу): поѣди близъ моего полку, ать добро намъ о всемъ гадати.»

(348) Думаю, что и нынѣ можемъ употреблять сіе древнее названіе людей, посылаемыхъ впередъ для заготовленія съѣстныхъ припасовъ. Далѣе въ лѣтописи: «Изяславъ пойде вверхъ по рѣцѣ на броды . . . инiи же полки Угорстіи мнози идоша мимо Изяслава выше на броды. Изяславъ же то видѣвъ и рече дружинѣ: *братіе!*» и проч. — Владимірко стоялъ за валомъ или укрѣпленіемъ: «выступяся назадъ, *за твердь* ста.» Слѣдую подробнымъ лѣтописямъ, какова есть *Кіев.*, *Ростов.* и *Воскресен.* Въ харатейныхъ сказано, что Владимірко, разбитый Королемъ еще до прибытія Изяславова, желалъ скорѣе заключить миръ; что Изяславъ оставилъ войско назади и спѣшилъ къ зятю съ одними Берендѣями; что Князь Галицкій былъ вторично разбитъ и примирился. — Избыгѣвъ *Ивачичь*, здѣсь упоминаемый, есть, думаю, сынъ отважнаго Воеводы Галицкаго, который спасъ Перемышль въ 1144 году (см. выше). Далѣе: Изяславъ же и Король» (на другой день битвы) «сташа передъ городомъ, надъ рѣкою *Вягромъ*» (см. выше, примѣч. 191). Въ *Кіев. Лѣт.*: «рече Король: сій крестъ есть, его же Богъ привелъ по Своей воли къ Св. Стефану; кто жь сего креста цѣловалъ, а съступить, и не будеть живъ. . . Изяславъ пославъ Петра Борисовича, а Король свои мужи (съ крестомъ). . . Мьстиславъ же Изяславичь рече: азъ вамъ предъ симъ честнымъ крестомъ млъвлю, како того водиша къ кресту, тако тому крестнаго цѣлованія и съступити.» Татищевъ пишетъ, что Изяславъ далъ 1000 гривенъ серебра на Гейзино войско, а Владимірко отплатился двумя тысячами гривенъ.

(349) См. Memor. popul II, 1018.

(350) «Половци Орьплюеве (или Оперълюеве) и Токсобичи и вся Половечьская земля, что ихъ ни есть межи Волгою и Днѣпромъ.» — Князья Рязанскіе были Ростиславъ Ярославичь и братья его. — Георгій шелъ черезъ Мценскъ и *Спасъ* ко Глухову. Въ лѣтописи: «Тогды же, слышавъ Володимерко идуча (Георгія) въ Русь, пойде Кыеву. Изяславъ же выйде проти ву ему. Володимерко же воротися въ Галичь.» Выше въ *Кіев. Лѣт.*: «пришедъ Изяславъ къ Володимерю» (по заключеніи мира съ Галицкимъ Княземъ) «и посла Посадникы своя въ городы; и не да ихъ Володимеръ. Изяславъ же пойде Кыеву, а къ Королеви посла и повѣда ему. . . и рече: тебѣ ся уже не ворочати, ни мнѣ; но только являю ти, еже есть съступилъ Володимеръ крестнаго цѣлованія.»

(351) См. *Никон. Лѣт.* II, 132. Въ харатейныхъ: «Перешедше Сновъ и сташа у *Гуричева* близъ города, перешедше *Канинъ*. . . На утрій же день, исполчивше вое свои, поидоша къ городу и сташа не дошедше *Семыня*.» Въ *Кіев.*, *Ростов.* и *Воскресен.*: «Пойде (Георгій) къ *Березову* (Березнѣ?) и ста у *Свини* въ Суботу. . . Посла (Георгій) отъ Гуричевъ Половци Чернигову воевати . . . много полона взяша и *Семынь* пожгоша.» *Никон. Лѣт.* вымышляетъ имена Князей Половецкихъ: Темиря, Дулѣпа, Бердаша, и жестоко ранитъ Андрея Георгіевича. — Далѣе: «Приде же вѣсть, оже Вячеславъ и Изяславъ стояху *на сей сторонѣ* Днѣпра у Ольжичь. . . Придоша же отъ Ольжичь къ Моравиинску» (Моровску на Деснѣ). . . «Идоша (Георгій и союзники) за *Свинь*, да за Сновъ.» Не называлась ли Свинью рѣка впадающая въ Десну между Снова и Стрижени? — Слова: *на сей сторонѣ Днѣпра*, свидѣтельствуютъ, что сіи подробности внесены въ лѣтопись не жителемъ Кіевскимъ, а Черниговскимъ, какъ вѣроятно.

(352) «Половци же пойдоша на Путивль, и ту много зла створиша . . . Гюрги иде на Новгородъ Сѣверьскый къ Рыльску.» Далѣе: «Вячеславъ и Изяславъ, скопивше силу свою, поидоста на Святослава Ольговича къ Новугороду и на Василька Гюргевича; и яко же сташа на Альтѣ, и рече Изяславъ Вячеславу: *отче! ты еси уже старъ.. Пойди во свой Кыевъ, а со мною пусти полкъ свой.*» Съ Изяславомъ находились братъ Святополкъ и сынъ Мстиславъ. Скоро также пришли къ нему племянникъ Романъ Ростиславичь и Святославъ Всеволодичь. — Идучи отъ рѣки Альты къ Новугороду Сѣверскому, Вел. Князь стоялъ у *Всеволожа*. Далѣе въ харатейныхъ сказано, что Мстиславъ ходилъ въ землю Половецкую съ Торками, Берендѣями и Печенѣгами; а въ *Ростов.*, *Воскресен.* и другихъ именованы только Черные Клобуки: ибо (какъ мы уже замѣтили) симъ именемъ означились тѣ же народы. *Никон. Лѣт.* прибавилъ здѣсь еще *Изяславцевъ*. Въ *Кіев. Лѣт.*:

«Мѣс. Февр. поидоша» (Изяславъ и проч. къ Новугороду Сѣверскому) «и начашась бити у острожныхъ воротъ, и вбодоша я́ въ градъ, и острогъ изътяша, и яко выидоша изъ острога, и отступивше отъ града, идоша въ товары своя. И бысть 3 день, и выслася Святославъ, прося мира. Изяславъ же не хотя, но уже бѣ къ веснѣ, и умиришась. Изяславъ пойде съ Давидовичемъ къ Чернѣгову, Романъ къ Смоленску, Святославъ Всеволодичь въ свою волость, а Василько въ Суждаль къ отцу... Яко жь пріиде Изяславъ въ Черниговъ, и ту пріиде ему вѣсть отъ сына, иже Богъ ему помоглъ Половци побѣдити на *Углѣ* и на Самарѣ» (въ сей же лѣтописи подъ годомъ 1183 сказано: *Ерель, его же Русь зоветъ Уголь)*... «и възвратишась въ Переяславль, а отполоненыхъ отпусти въ роженіе свое. Изяславъ же ту пребывъ въ веселіи съ Изяславомъ Давидовичемъ; въ утрій же день пойде къ Кыеву, и вниде съ сыномъ Мстиславомъ.» Онъ тотчасъ послалъ гонца увѣдомить Князя Смоленскаго о счастливыхъ своихъ успѣхахъ. Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «Святославъ Олговичь съвокупяся съ Изяславомъ Давидовичемъ у *Хоробря* и утвердишась, якожь за одинъ мужъ быти, и цѣловаста крестъ.»

(353) Всѣ описанныя подробности взяты изъ *Кіев. Лѣт.* «Изяславъ посла къ Володимеру Галицкому Петра Бориславича съ крестными грамотами: зане тый же бяше и въ Перемышлѣ съ Королевыми мужи водихъ къ кресту... Рече Володимеръ: рци: брате! извременилъ еси на мя и Короля привелъ.» Послѣднія слова его, сказанныя послу: «того вы досыть есте млъвили, а вынѣ полѣзи вонъ... Не даша Петрови ни повоза, ни корма... и яко же съѣха Петръ съ Княжа двора, и Володимеръ пойде къ божницн къ Св. Спасу на Вечерню, и яко же бы на переходѣхъ, и ту увидѣ Петра ѣдуща, и поругася ему, и рече: поѣха мужъ Руский, объима вся волости. И то рекъ, иде на полати, и отпѣвше Вечерню, пойде отъ божницн, и яко же бы на томъ же степенѣ, идѣже поругася Петрови, и рече Олештенѣ: кто мя удари за плече? и не може съ того мѣста ни мало поступити, и хотѣ летѣти (упасть), и ту подхитиша его подъ руци, и несоша его на горницу, и вложиша его въ *укропъ*» (теплую воду, Польс. Ukrop) «и млъвяху, яко *дна*» (Польск. Dna, внутренній ломъ въ лядвеяхъ или въ поясницѣ) «есть подступила; инін же другое млъвяху, и много прикладываху. И бысть вечеръ: Володимеръ же нача изнемогати велми, и яко же бы въ *лягомо*» (то время, когда ложатся спать) «преставися Володимеръ. Петрови же выѣхавшю изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ, и лежа въ Болшевѣ, и яко бысть уже куромъ» (когда пѣтухи поютъ) «и пригна Дѣтскый изъ города къ Петрови, и река: Князь ти молвитъ, не ѣзди никамо же, но жди ту, доколѣ по тя вышлю. Петрови же не вѣдущю Княжей смърти, ни тъ ему Дѣтскый не повѣде... и яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша по Петра... Петръ же поѣха въ городъ, и пріѣха на Княжь дворъ, и ту сънидоша противу ему съ сѣней слугы Княжи вси въ черныхъ мятлехъ... и еже взыде на сѣни, и видѣ Ярослава сѣдяща на отнѣ мѣстѣ въ чернѣ мятли и въ клобуцѣ, такожь и вси мужи его, и поставиша Петрови *столецъ* (стулъ) и сѣде. Ярославъ же възрѣвъ на Петра и расплакася. Петръ же нача прашати, что се есть? и повѣдаша ему.. Ярославъ же рече... а мене Богъ на его (Владимірка) мѣстѣ оставилъ; а полкъ его и дружина его у мене суть: развѣ едно копіе поставлено у гроба его, а и то въ моею руку есть... Ать ѣздить Мстиславъ подлѣ твой стрыменъ по одиной сторонѣ тебе, а я по другой сторонѣ подлѣ твой стрыменъ ѣжду, и проч. Здѣсь Татищевъ выпустилъ любопытное. — Далѣе въ *Кіевск. Лѣт.*: «Нача Изяславъ доспѣвати на Ярослава къ Галичю, и яко же бы треми недѣлями до Мясопусть, и пойде, и Вячеславль полкъ поя, и Изяславъ Давидовичь пусти съ нимъ свой полкъ, и сынъ его Мстиславъ пріиде съ Переаславльскымъ, и вся Черныя Клобуки, и якожь пріиде къ Тихомлю, и ту пріиде къ нему братъ Володимеръ и Святополкъ изъ Володимеря и Володимеръ Андреевичь изъ Берестія, и тако съвокупяся весь у Володимеря, и пойде къ Останкову. Тужь и Галицкый Князь вышелъ съ своими полкы. Изяславъ же пусти Володимера Андреевичь и сына своего, Мстислава, и Черн. Клобуки битися объ рѣку о Серетъ, а самъ пойде къ Теребовлю. Въ утрій же день Ѳеодоровы недѣли въ Вторникъ перейде Серетъ, и бысть мгла велика, яко не видѣти до конецъ копія... и Ярославъ пойде къ Теребовлю черезъ Сновъ, и не утяже къ бродомъ... Галицкія же мужи почаша молвити Князю своему: ты еси молодъ... отецъ твой (насъ) кормилъ и любилъ... Болѣ бо бяше колодникъ его дружины (Изяславовой)... Въ утрій же день Изяславъ пойде въ Кыевъ, запе братія его и дружина разбѣглися бяху. Бысть же плачь великъ по всей земли Галицкой.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Ярославъ Владиміровичь разослалъ Кіевскихъ плѣнниковъ по городамъ.

(354) Въ 550 году въ Абазѣ уже были Христіанскія церкви: см. Memor. popul. IV, 181. *Абазинская* Епархія зависѣла отъ Патріарха Антіохійскаго (см. Кодина Notit. Græc. Episcop. стр. 364). — Мстиславъ въ 1153 году ѣздилъ на встрѣчу къ невѣстѣ отца своего: «на ту же осень посла й отецъ противу мачехѣ съ Володимеромъ съ Андреевичемъ и съ Берендѣи, и ходиша до Олешья, и не обрѣтше ее взвратишася опять.» Въ 1154 году: «Посла Изяславъ сына своего *второе* противу мачехѣ: бѣ бо повелъ жену собѣ изъ Обезъ (въ *Кіев. Лѣт.* Цареву дъщерь), и устрѣте ю Мстиславъ въ порозѣхъ, и приведе ю къ Кыеву, а самъ иде Переяславлю. Изяславъ же створивъ свадбу, поя ю женѣ.»

(355) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 28: «не упустиша ни мужь.» Далѣе тамъ же: «изгнаша Князя Ярослава въ 26 Марта, и введоша Ростислава, сына Мстиславля, Априля въ 17.» Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что не Ростиславъ, а сынъ его Романъ заступилъ мѣсто Ярослава. Сказаніе современнаго Новогородца достовѣрнѣе. — Ярославъ, по мнѣнію Кн. Щербатова, могъ быть изгнанъ за то, что около сего времени Новогородскіе корабли были остановлены Государемъ Датскимъ, Свенономъ III, въ Шлезвигѣ, какъ разсказываетъ ла-Рошъ въ своей Исторіи! Въ нашихъ лѣтописяхъ причина объяснена: «не створи имъ («Ростиславъ Новогородцамъ) ряду, нъ (но) болѣ раздора.» Слѣдственно Ростислава призывали для возстановленія внутренняго порядка; слѣдственно сего порядка не было при Ярославѣ: за то и выгнали его. — Упомянувъ о Свенонѣ Датскомъ, скажемъ, что врагъ его, Канутъ V, имъ побѣжденный, искалъ убѣжища въ Россіи — вѣроятно, въ Новѣгородѣ — но скоро уѣхалъ оттуда въ Саксонію (см. Маллет. Hist. de Dan. III, 259). — Шведскіе Историки пишутъ, что Король ихъ Эрикъ около сего времени женился на Христинѣ, Датской Принцессѣ, вдовѣ Князя Россійскаго, внука Мономахова и сына Гаральдова или Мстиславова (см. выше, примѣч. 241): не Святополкъ ли Мстиславичь, умершій въ 1154 году, былъ первымъ супругомъ ея? Можетъ быть, первая супруга его, Богемская Княжна, скончалась, и Свято-

полкъ женился на Христинѣ. Далинъ называетъ ея мужа Ярославомъ (Gesch. des R. Schw. II, 82). Святополкъ преставился у Корецка на пути къ брату Изяславу.

(356) «Посла (Георгій) сына своего, Глѣба, въ Половци, а самъ воротися Суждалю» — устрашенный гнѣвомъ Божіимъ, какъ говоритъ *Никонов. Лѣт.*

(357) См. выше, примѣч. 352. Въ *Воскресен.* II, 20: «Вячеславъ на велицѣмъ дворѣ, а Изяславъ подъ Угорскимъ.» — Татищевъ, описавъ разныя подробности кончины Изяславовой, прибавляетъ, что онъ былъ росту малаго, по лицемъ хорошъ; имѣлъ волосы кудрявые, бороду круглую; жилъ 58 лѣтъ, и пр. Въ *Кіев. Лѣт.*: «разболѣся Изяславъ Мьстиславичь на *Ставровъ* день... и преставися на ночь на Филиппов день... Великый Князь Кыевскый, честный, благовѣрный, *славный*... и плакася по немъ вся Рускаа земля, и вси Черніи Клобуци, яко по *Цари* и Господинѣ своемъ, *наипаче же яко по отци.*» По всѣмъ другимъ лѣтописямъ онъ скончался не 14, а 13 Ноября.

(358) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Яша Полочане Рогволода Борисовича, Князя своего, и послаша й Меньску, и ту его дръжаша въ велицѣ нужи, а Глѣбовича (Ростислава) къ собѣ въведоша; и прислашась Полочане къ Святославу Ольговичю съ любовію, яко имѣти его отцемъ собѣ и ходити въ послушаніи его, и на томъ цѣловаша крестъ.» Рогволодъ сдѣлался Полоцкимъ Княземъ по смерти Василька.

Маловажныя происшествія Изяславова княженія суть слѣдующія: Въ 1146 году Новогородцы смѣнили Посадника Нѣжату, избравъ Константина на его мѣсто; у нихъ же построены 4 церкви: 1) Бориса и Глѣба въ городѣ, 2) Иліи, 3) Петра и Павла на Холмѣ, 4) Козмы и Даміана. Въ 1147 затмѣніе солнца: «и на ту нощь былъ громъ, и *поторта* (погремѣлъ) мало.» Умеръ зимою Новогород. Посадникъ Константинъ; мѣсто его заступилъ Судила Иванковичь. Преставился въ Новѣгородѣ Игуменъ Антоній, а преемникомъ его былъ Андрей. *Лѣт. Никонов.* говоритъ о смерти Хана Саимчюги, о избіеніи Половцевъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и чудесахъ иконы Рязанской въ городѣ *Казари!* — Въ 1148, Іюня 27, въ Новѣгородѣ громъ зажегъ церковь монастыря Богоматери въ Звѣринцѣ; умеръ (по *Никонов.*) въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ Князь Иванъ Ольговичь (?) и Тысячскій Иванъ Богдановъ, а въ Рязани Тысячскій Константинъ *гналъ* Половцевъ. — Въ 1150 (см. *Никон.*) Рязанцы убили многихъ Половцевъ на Великой Воронѣ. Святославъ Ольгов. перенесъ мощи брата своего, Игоря, отъ Св. Симеона изъ Копырева Конца въ Черниговъ къ Св. Спасу въ теремъ. — Въ 1151 скончалась супруга Великаго Князя Изяслава. Новогородскій Епископъ Нифонтъ обилъ свинцемъ Софійскую церковь, выбѣлилъ известкою, и построилъ 2 церкви, Св. Василія и Св. Константина. Въ 1152 году загорѣлась въ Новѣгородѣ церковь Св. Михаила, и пожаръ обратилъ въ пепелъ всю торговую площадь вокругъ сей церкви, также всѣ зданія до Ручья и Славянскаго Конца; сгорѣло 8 церквей, а девятая *Варяжская.* — Въ 1153 (см. *Никоновск.*) Князь Рязанскій, Ростиславъ Ярославичь, основалъ на Окѣ городъ Ростиславль. Епископъ Нифонтъ заложилъ въ Ладогѣ церковь Св. Климента; Игуменъ Аркадій срубилъ церковь Св. Богородицы и завелъ монастырь. — Въ 1154 построена въ Новѣгородѣ церковь Св. Саввы. Умерла въ Суздалѣ супруга Князя Глѣба Георгіевича.

(359) «Ростиславъ же съ Святославомъ выидоста изъ Кіева къ *Пересѣчину*, и ту начаста совкупляти дружину, и пригна Дѣтескъ изъ Переяславля, повѣда имъ, яко рать пригонила и стрѣлялися съ ними. Ростиславъ же посла сына своего, Святослава. Мстиславъ же иде противу, и тако свокупившеся.» И такъ городъ Пересѣченъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра выше Переяславля. — Вячеславъ умеръ, по Новогородской лѣтописи, уже послѣ 30 Генваря: «свѣщу и просфору по немъ» (велѣ Ростиславъ) «приносити въ церковь.» Ростиславъ былъ сынъ первой супруги Мстислава, который вторично женился въ 1122 году. По смерти дяди Вел. Князь взялъ съ собою изъ Кіева остальную дружину его.

(360) Цѣлуй къ намъ крестъ; во своей отчинѣ въ Черниговѣ сѣди, а мы въ Кыевѣ.»

(361) См. выше, примѣч. 357. Новогородцы выгнали Давида прежде кончины Вячеслава и похода Ростиславова къ Чернигову (см. *Новогородск. Лѣт.* 29, 30). Мстиславъ Георгіевичь, по волѣ отца, женился тогда въ Новѣгородѣ на дочери Петра Михалковича (см. *Кіев. Лѣт.*). — *Никон. Лѣт.* выдумываетъ имена и другія обстоятельства въ описаніи Изяславовой побѣды. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Половци объѣхаша полки (Ростислава) и бишась по два дни... Подъ Ростиславомъ же на первомъ поскоцѣ лете конь (упалъ): Святославъ же, сынъ его, то видѣвъ, и съскочи съ коня и заступивъ отца своего... и ту съвокупися дружины нѣколико около его, и ту яша ему конь. Ростиславъ же перебѣже Днѣпръ ниже Любчя... Изяславъ же съ женою своею выручиста Святослава (Всеволодича) у Половець и иныхъ, и многымъ добро сдѣяста; а аще кто у Половець утечаше въ городъ, а всѣхъ не выдаваша.»

(362) Слѣдственно и въ Каневѣ была Епископія. *Никонов. Лѣт.* обратилъ Каневскаго Епископа въ Кіевскаго. Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Изяславъ самъ объявилъ Кіевлянамъ желаніе быть ихъ Княземъ. Въ харатейныхъ: «много зла створиша Половци около Переяславля и Ольтскую (на Альтѣ) божницю Святою Мученику (Бориса и Глѣба) зажгоша.» Въ *Воскресен.* и другихъ сказано: «жита вся потравиша.»

(363) «Приде къ нему» (къ Георгію въ Стародубъ, а по *Кіев. Лѣт.* къ Синину мосту у Радоща) «Святославъ Ольговичь и нача ему глаголати, дабы принялъ въ любовь сыновца своего (его) Святослава Всеволодича.» Въ *Кіев. Лѣт.*: «Гюргій иде къ волости Ростиславли... Ростиславъ же исполча полкы своя и пойде противу ему къ *Зарою*... и посла ся къ Гюргеви, прося у него мира, река: отче! кланяю ти ся; ты переде до мене добръ былъ и азъ до тебе, а нынѣ кланяю ти ся; стрый ми еси яко отецъ. Гюргій же рече: право, сыну; съ Изяславомъ есмь не могъ быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ.» — Далѣе: «бѣ же совѣтенъ Изяславу Святославъ о сидѣньи въ Кыевѣ,» то есть, Святославъ былъ прежде согласенъ, чтобы Давидовичь княжилъ въ столицѣ. Суздальскій Князь во время переговоровъ находился въ Моравійскѣ (Моровскѣ), а Сѣверскій въ Черниговѣ. Георгій въѣхалъ въ Кіевъ въ Вербное Воскресенье: слѣдственно 20 Марта.

(364) Сіи мѣста назывались вообще *Поросьемъ.* — О раздѣлѣ между Святославами, Ольговичемъ и Всеволодовичемъ, говоритъ *Кіев. Лѣт.*

(365) «Съ Жирославомъ» (Воеводою) «и съ *Вячеславли* внуки,» сыновьями Михалка Вячеславича или неизвѣстной намъ сестры его; послѣднее вѣроятнѣе. Князь Владиміръ названъ ниже *Мачешичь* — т. е. сыномъ мачихи отца Мстиславова.

(366) «*Володимеръ* и Ярославъ придоста.» Сей Владиміръ былъ *Мстиславичь* (а не *Изяславичь*) и союзникъ Георгіевъ: ибо онъ вмѣстѣ съ Галицкимъ, какъ мы выше сказали, осаждалъ племян-

264

ника въ Луцкѣ. — Татищевъ прибавляетъ, что Кіевляне убѣдили Вел. Князя помириться съ внучатами и съ Ростиславомъ. Далѣе Историкъ нашъ изобрѣтаетъ рѣчи Кіевскаго мнимаго совѣта; сказываетъ, что Мстиславъ отговорился болѣзнію, отправилъ въ Кіевъ дружину, но самъ остался въ Владимірѣ (развѣ въ Луцкѣ) и проч. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Гюргій посла но Ростислава къ Смоленску, река ему: сыну! мнѣ съ кымъ Рускую землю удръжати, *(ащс не)* съ тобою? а пойди сѣмо . . . Въ тожь время пріиде изъ Суждаля Гюргевая (жена Георгія) къ Смоленску и съ дѣтми своими къ Ростиславу. Ростиславъ же поймя стрыиню съ собою и пойде съ всѣмъ полкомъ своимъ къ Гюргеви въ Кыевъ, и тако объястася съ великою любовію . . . Ростиславъ же начаше молити о братѣхъ своихъ: Гюргій же послуша. Ростиславъ же посла по брата своего Володимера къ Володимерю, и по Мьстислава и по Ярослава въ Луцку.»

(367) «Посла (Георгій) къ Давидовичу, река: *хочешь ли къ намъ внити въ миръ? а мы къ тобѣ.* Онъ же видѣвъ Гюргя совокупившася съ сыновци (Ростиславомъ и Владиміромъ) своими, цѣлова крестъ, и тогда Гюрги отпусти сыновци.» Въ *Кіев. Лѣт.* сказано еще прежде того: «Изяславъ нача понуживати зачати рать на Гурга, и не да ему Святославъ.» — Городъ Корческъ находился въ землѣ Дреговичей, въ окрестностяхъ Припети. Татищевъ назвалъ его здѣсь *Карачевымъ*. Георгій съѣзжался съ Давидовичемъ и съ Святославомъ въ Лутавѣ. — О союзѣ Рязанскихъ Князей съ Смоленскимъ говоритъ *Кіев. Лѣт.*

(368) Въ *Новогород.*, стр. 30: «бысть тишина въ Русьстѣй земли.»

(369) «Товаръ вcь отъять, его же бѣ принесла изъ Угоръ Княгиня Мстиславля; а Володимеръ бѣжа къ Королеви, зятю своему; бѣ бо сестра его за Королемъ Угорскимъ.» Мать Владимірова ѣздила въ Венгрію въ 1155 году (см. *Кіев. Лѣт.*).

(370) «Цѣловавъ бѣ съ братомъ своимъ Андреемъ крестъ еще при животѣ его, яко по животѣ его удржати волость сынови его. . . Сняся Гюрги съ Ярославомъ Галичьскымъ въ Свиносѣхъ въ селѣ, и пошедше сташа въ Хвалимичехъ (Хламичехъ), и ту приде къ нимъ Володимеръ Мстиславичь изъ Угоръ . . . Подступиша къ городу въ Суботный день, и Гургій ста у Гридшихъ воротъ и Ярославъ у Кыевскыхъ подлѣ лугъ. Гюргій же сжалиси о погибели людстѣй . . . стоя у Володимеря 10 дній.»

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Деревня *Хвалимичи*, нынѣ *Фалемичи*, близъ Владиміра Волынскаго. (Сообщено *З. Ходаковскимъ*).

(371) Андрей, сынъ Мономаховъ, управлялъ Владиміромъ (см. выше, стр. 93). Червенъ принадлежалъ тогда къ области Владимірской.

(372) Половцы въ 1155 году были разбиты въ Поросьѣ Берендѣями; въ томъ же году взяли въ Каневѣ дары отъ Георгія, но не хотѣли мира. Великій Князь — узнавъ, что они стоятъ въ верховьѣ Супоя — вторично пріѣхалъ въ Каневъ съ Ростиславомъ и Владиміромъ Мстиславичами; съ нимъ находилась и дружина Галицкая. Половцы явились въ Каневѣ, осмотрѣли Георгіеву силу, дали слово возвратиться и бѣжали; наконецъ въ 1156 году, въ Зарубѣ, согласились на миръ. Тамъ были съ Георгіемъ Святославъ Ольговичь и Князь Черниговскій, Изяславъ.

(373) Святослава и Давида (см. у Татищева вымышленную рѣчь Ростислава). Новогородцы выгнали Георгіева сына еще прежде кончины его отца (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 31). *Никонов. Лѣт.* разсказываетъ не такъ, и прибавляетъ, что Мстиславъ Георгіевичь ушелъ къ брату Андрею въ Владиміръ.

(374) Въ 1156 году. Изяславъ Давидовичь ѣздилъ тогда съ Георгіемъ въ Зарубъ для переговоровъ съ Половцами (см. выше, примѣч. 372), нанялъ ихъ дѣйствовать противъ мятежника и ходилъ съ ними къ Березову (Березнѣ). Ростиславъ пришелъ изъ Стародуба въ помощь къ Святославу Владиміровичу. Въ *Кіев. Лѣт.*: «того жь лѣта Святославъ (Ольговичь) иде къ брату Изяславу, ту стоящу у Мстиславля, и сътворнста миръ съ сыновцами своими.» — Лѣтописецъ, обвиняя Святослава Владиміровича (а не Всеволодовича), говоритъ, что сей Князь разорвалъ союзъ съ дядею *не створивъ извѣта крестному цѣлованію*, или не предувѣдомивъ о своемъ намѣреніи. Святославъ Сѣверскій, не хотѣвъ воевать съ Георгіемъ, отвѣтствовалъ Мстиславу и Давидовичу: «крестъ есмь цѣловалъ: не могу безъ вины ити нань.» — Ростиславъ Мстиславичь оставался тогда въ Новѣгородѣ, пославъ къ Кіеву Романа, сына своего.

(375) «Пивъ бо Гюрги у *Осьмника*» (Татищевъ пишетъ: въ *Смольникахъ*) «у Петрила . . . и преставися Маіа въ 15, въ Среду на ночь» (въ 1157, а не въ 1158, какъ означено въ *Кіев. Лѣт.*). *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Георгій, узнавъ о предпріятіи враговъ, отправилъ всюду гонцевъ для собранія войска. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пріѣхаша къ Изяславу Кіане, рекучи: поѣди, Княже: Гургій ти умрьлъ. Онъ же прослезився, руцѣ въздѣ къ Богу, и рече: благословенъ еси, Господи, иже мя еси разсудилъ съ нимъ смртію, а не кровопролитьемъ!» . . . Въ харатейныхъ лѣтописяхъ: «избиваху Суждальцевъ (Кіевляне) по городомъ и по селомъ,» — для того, какъ пишетъ Татищевъ, что Суздальцы насильствовали женъ и дѣвицъ въ Кіевѣ! Онъ сказываетъ еще, что сей Князь сластолюбивый былъ не малаго росту, толстъ, лицемъ бѣлъ, глаза имѣлъ не большіе, носъ длинной и кривой, бороду малую; поручалъ все Вельможамъ, и проч. — Кіевляне разграбили въ городѣ и домъ сына Георгіева, Василька. — Владимірко упрекалъ Георгія безпечностію: см. выше. — Кн. Щербатовъ думалъ, что Георгія въ нравственномъ смыслѣ назвали Долгорукимъ или *Долгою рукою* (подобно Персидскому Царю Артаксерксу) за его алчность къ пріобрѣтенію.

(376) «Того же лѣта (1152) Юрій Володимеричь въ Суждальстѣй земли постави *многи* церкви каменны; созда на Нерли церковь во имя Св. Муч. Бориса и Глѣба, а въ Суждали Всемилостиваго Спаса; а въ Володимери Св. Муч. Георгія; и градъ *Юрьевъ* основа и церковь каменну Св. Георгія, и въ *Переславль* преведе отъ Клещина» (бывшаго не далеко отъ Переславля) «заложеніе церкви, и заложи во имя Всемилостиваго Спаса.» Въ *Никонов.* сказано, что онъ перенесъ отъ Клещина *городъ Переславль.*

(377) Онъ назвалъ рѣку въ Переславлѣ Трубежемъ, въ Владимірѣ Лыбедью. Говорятъ, что супруга Георгіева обступилась на берегу рѣки близъ Дмитрова, сказала: *я хрома*, и сими словами дала ей имя Яхромы.

(378) Въ *Кіев. Лѣт.*: «прислалъ бо бяше Ярославъ (Владимірковичь) уже по Берладника Святополка Князя (неизвѣстнаго) и Коснятина Сѣрославича съ многою дружиною.»

(379) «Иже бѣгалъ предъ Климомъ,» т. е. *отъ него*. О проклятіи см. *Воскресен. Лѣт.* II, 50. Митрополитъ Платонъ въ своей Церковной Исторіи говоритъ, что онъ не нашелъ въ лѣтописяхъ объ уничтоженіи Климентовыхъ ставленій. Въ *Воскресен. Лѣт.* Ч. II, стр. 39: «и тогда извергоша Климову службу и *ставленія* его, и сотворше бо-

жественную службу, и благословиша Князя Юрья Володимерича; а Попомъ и Діакономъ опять повелѣ служити, ихъ же Климъ Митрополитъ ставилъ.»

(380) Въ *Воскресен. Лѣт.* II, 38: бысть поборникъ всей Рустѣй земли.» Нифонтъ скончался въ 1156 году, Апрѣля 21 (такъ въ *Новогород.*, а въ другихъ 15 и 18), и погребенъ въ пещерѣ Ѳеодосіевой. О дружбѣ его съ Святославомъ см. *Кіев. Лѣт.*

Въ харатейной Кормчей Книгѣ или *Древнихъ Софійскихъ правилахъ* (Синодал. библіот. No. 82) нашелъ я сочиненіе подъ именемъ: *Впрашаніе Кириково, еже впраша Епископа Ноугородьского Нифонта и иныхъ*. Слѣдують отвѣты на вопросы о грѣхахъ важныхъ и маловажныхъ. Вотъ мѣста любопытнѣйшія:

«А наимъ дѣля (для займа), рекше лихвы, тако веляше учити. Аже Попа, то рци ему: *не достоить ти служити, аще того не останеши*. А еже простьца (мірянина), то рци ему: *не достоить ти имати*. И на мнѣ, рци, грѣхъ не молвивше» (на мнѣ грѣхъ, если я не сказалъ того). «Да аже не могутъ *ся хабити*» (оставить того) «то рци имъ: *будите милосерди; взмете легко. Аще по 5 кунъ далъ еси, а 3 куны взми или 4.*»

«А еже се, рѣхъ, идуть въ сторону» (въ чужую землю) «въ Іерусалимъ къ Святымъ, а другымъ азъ боропю (возбраняю), не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти.» Нифонтъ похвалилъ за то Кирика, осуждая жизнь бродягъ.

«Зашедшю солнцю, не достоить мертвеца хоронити. Не рци тако: *борзо дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода*» (спѣшимъ похоронить до заката солнечнаго); «но тако погрести, яко и еще высоко» (чтобы солнце было еще высоко) «како и вѣнець еще не сыметься съ него» (чтобъ было еще лучезарно). «То бо послѣднее видить солнце до общаго Воскресенія.» Какъ прекрасно сказано!

«Оже кости мертвы валяються гдѣ, то велика человѣку тому мьзда, оже погребуть ихъ.»

«Рѣхъ ему (Нифонту): а оже, Владыко, се друзіи наложници водять явѣ и дѣтя родять, яко съ своею, и друзіи съ многыми отай робами, которое луче? *Се не добро*, рече, ни се, ни оно.»

«А пъртъ дѣля» (ради одежды), «въ чемъ хотяче ходити, нѣтуть бѣды, хотя и въ медвѣдинѣ.»

«А иже то роспустилася *малжена*» (развелись супруги) «и передъ тобою, Владыко, тягавшася, что тѣмъ опитемья? Не дай, рече, причащенія тому, который роспускаеться, а со инѣмъ совокупляеться. Али онъ умирати начнеть, то же дай.»

«А сего прашахъ: аже у себе кладуть дѣти спяче и угнетають» (задушили), «убійство ли есть? Онъ же рече: аже терезви, то легчае; али пьяни, то убійство есть.»

«А сего прашахъ: аже велѣлъ бяше нѣкоторый Попъ сынови (духовному): *аже ся не можешь удържати* (отъ блуда), *буди съ одною?* Не вельми сему зазряше Владыка; рече бо: *не вельми Попъ тъ волею велѣлъ, нъ видя его многое неудержаніе, и повелѣлъ, да дръжить одину.*»

«А еже человѣкъ будеть въ опитемьи, а пойдеть на великый путь, молитва раздрѣшеная (молитву разрѣшительную) дати ему, но ать дръжить заповѣдь. *Аще ли на рать пойдеть*, или разболиться, то дати причащеніе.»

«А се есть у женъ, аже не взлюбять ихъ мужи, то омывають тѣло свое водою, и ту воду дають мужемъ: повелѣ ми дати опитемьи 6 недѣль.» Это принадлежитъ къ исторіи тогдашнихъ суевѣрій.

«А оже се носили къ Варяжьскому Попу дѣти на молитву, 6 недѣль опитемьи рече; занеже акы двовѣрци суть.»

«А еже дѣтій дѣля (ради дѣтей) жены творять что любо, а еже вболять (занемогутъ) или къ вълхвамъ несуть, а не къ Попови на молитву, то 6 недѣль (опитемьи) или 3, оже молоди.»

(381) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 31: «сбрася вѣсь градъ; люди изволиша собѣ Епископъ поставити мужь Богомъ избранъ Аркадія, и шьдше вѣсь народъ, пояша й изъ монастыря, и Князь Мстиславъ Гюрьгевиць и вѣсь Клиросъ Св. Софіи... и введоши й, поручивше Епископью въ дворѣ Св. Софіи, донеже придеть Митрополитъ въ Русь, и тогда пойдеши ставиться.»

Маловажные случаи Георгіева княженія суть слѣдующіе: Въ 1155 году пріѣхала въ Кіевъ Георгіева супруга изъ Новосиля; въ 1156 смѣненъ Новогородскій Посадникъ Судила, и въ пятый день умеръ; на его мѣсто избранъ Якунъ Мирославичь, и купцы заморскіе поставили церковь Св. Пятницы на торговой площади; скончался въ Кіевѣ Игуменъ Печерскій Ѳеодосій; поставленъ Епископъ Переяславскій Василецъ (Василій) и Галицкій Козма (Татищ. говоритъ, что Епископія переведена тогда изъ Перемышля въ Галичь). Суздальскій Епископъ Несторъ пріѣхалъ въ Кіевъ и лишенъ Епископіи, будто бы оклеветанный домашними, какъ сказываетъ *Никон. Лѣт.*, который прибавляетъ, что Несторъ оправдался, но снова былъ изгнанъ, ибо не дозволялъ ѣсть мяса въ Господскіе праздники, когда они случались въ Среду или Пятницу. Сей Лѣтописецъ говоритъ еще, что въ 1155 году ночью убитъ сродниками въ Бѣлградѣ Рязанскомъ Тысячскій Андрей Глѣбовъ, шли сильные дожди, *Татары* воевали Рязань, и Половци, грабившіе на Быстрой Соснѣ, разбиты.

(382) См. *Воскр. Лѣт.* II, 26: «пойде (Святославъ) къ *Березову*, и яко ста у *Свини*.» На сей страницѣ имя города *Ольгова* есть описка, вмѣсто *Глухова*. Въ *Никон. Лѣт.* и *Степен. Книгѣ* сказано, что Изяславъ Давидовичь, вступивъ въ Кіевъ, ограбилъ и заключилъ въ цѣпи многихъ Бояръ Георгіевыхъ; но это, по древнимъ лѣтописямъ, сдѣлалъ народъ, какъ мы выше говорили. Мстиславъ вышелъ изъ Владиміра къ Кіеву, по условію съ Изяславомъ, еще не зная о Георгіевой смерти, какъ надобно думать. Послѣ откроется, что Изяславъ удержалъ за собою часть области Черниговской.

(383) Въ лѣтописяхъ (см. Синодал. библ. No. 349, л. 224): въ лѣто 6663 приде изъ Кіева въ градъ Володимерь Князь Великый Андрей Юрьевичь *безъ отча повелѣнія, его же лестію подьяша Кучковичи.*» Далѣе тамъ же: «постави градъ *Боголюбный*, а обѣщался Св. Богородици чудотворной, яже ему о ней сказаша въ *Вышегородѣ, въ женскомъ монастыри*, что крилошаны входять въ церковь, а та чюдная икона изъ мѣста своего вышедъ стоить особѣ средь церкви своей. И молися Князь Андрей той иконѣ, и взя нощію святую икону безъ отча повелѣнія и поѣха на Русьскую землю съ своею Княгынею и съ своимъ Дворомъ, и поять съ собою крилошаны Вышегородскыя, Попа Микулу и зятя его, Нестора Діакона; и много чюдеса быша идущемъ имъ до Володимеря отъ чюдныя иконы, и постави ей храмъ на рѣцѣ на Клязмѣ, двѣ церкви каменны, и створи градъ *каменъ*» (см. *Кіев. Лѣт.* рукописн. стр. 517) и нарече ему имя: се есть мѣсто *Боголюбимое*. Ту же коня много били, а конь съ того мѣста съ иконою не иде, и створи ту многы церкви 30.» — Сія чудотворная икона находится нынѣ въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ, и называется Владимірскою. Объ ней сказано въ харатейныхъ лѣтописяхъ: «юже принесоша въ *единомъ корабли съ Пирогощею* изъ Цараграда;» а въ *Степенной*: «принесенъ бысть къ нему (Георгію) отъ Цараграда *Пирогощею купцемъ* Богоматере образъ, его же написа богогла-



265

-сный Лука Евангелистъ.» Сей мнимый *гость* есть, кажется, недоразумѣніе: ибо *Пирогощею* назывался также образъ Богоматери, привезенный въ Россію вмѣстѣ съ иконою Владимірскою. Еще Мстиславъ, въ 1131 году, заложилъ въ Кіевѣ церковь Св. Богородицы *Пирогощую*, какъ сказано въ лѣтописяхъ (см. выше, примѣч. 256). — Далѣе: «По смерти отца своего (Андрей) велику память створи, церкви украси и монастыри постави, и церковь скончa, юже бѣ заложилъ преже отецъ его Св. *Спаса* камену.»

(384) Сынъ Варяжскаго Князя, Симона, именемъ Георгій, былъ тамъ Посадникомъ (см. *Патерикъ*). Въ лѣтописяхъ: «Ростовци и Суждальци, здумавши вси, пояша Андрея, сына его старѣйшаго, и посадиша и́ въ Ростовѣ на отни столѣ, зане же бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше прежде къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ.» — Татищевъ вездѣ называетъ область Ростовскую и Суздальскую *Бѣлою Русью:* чего нѣтъ въ лѣтописяхъ, гдѣ Андрей, подобно отцу его Георгію, называется обыкновенно Суздальскимъ Княземъ, или Суздальскимъ и Ростовскимъ.

(385) Борисъ Георгіевичь умеръ въ 1159 году, Маія 12. Въ лѣтописяхъ: «и положиша и́ братья у Святою Мученику, юже бѣ создалъ отецъ его Гюрги на Нерли, идѣ же бѣ становище Святою Мученику Бориса и Глѣба.» — Прадѣдъ Юрія Ярославича, Вел. Князь Изяславъ, былъ старшій сынъ Ярослава Владиміровича. — Въ лѣтописи: «съ нимъ (съ В. К. Изяславомъ) иде Ярославъ Изяславичь изъ Лучьска и Андреевичь Ярополкъ» (братъ Владиміра, внукъ Мономаховъ) «и Галичьская помочь и Ростиславичь Рюрикъ съ Смольняны, и Володимеръ Мстиславичь къ Турову.»

(386) «А Полочане, пришедше къ Турову, пожгоша села его, а Берендичи воеваша около Пиньска» (принадлежавшато къ Туровской области) «и ва Припетью.» — Глѣбъ Ростиславичь былъ внукъ Глѣбовъ и правнукъ Всеславовъ. Въ *Кіев. Лѣт.:* «и пріѣха (Рогволодъ) къ Случеску и нача слатися къ Дрьючаномъ... и выѣхавше противу ему болѣ 300 лодій Дрьючанъ и Полочанъ; и выиде къ городу съ честію великою... Иде (Ростиславъ Глѣбовичь) съ Всеволодомъ и съ Володаремъ (его братьями) и съ всею братьею на Рогъволода... и біахуся крѣпко... Дрьючане же укориваху много... и цѣловаша (Ростиславъ съ Рогволодомъ) крестъ межю собою и прида волости Рогъволоду... Въ то жь лѣто съвѣтъ золъ съвѣщаша на Князя своего Полочане... и послашась въ тайнѣ къ Рогъволоду Борисовичю Дрьютску, рекучи ему: Княже! съгрѣшили есмо къ Богу и тебѣ, иже въстахомъ на тебе безъ вины... тя емше выдахомъ Глѣбовичамъ на великую муку... да еще не помянеши того, и крестъ къ намъ цѣлуеши, то мы людіе твои... Рогъволодъ же цѣлова къ нимъ крестъ... И бяху пріатели Ростиславу отъ Полочанъ, и повѣдаху, иже хотять и́ яти, и начаша Ростислава звати лестію въ Братщину къ Св. Богородицѣ Старѣй на Петровъ день, да ту имуть его... и не смѣша нань дръзнути... Бяше Князь въ то время на Бѣлчици... Обаче безъ всякаго извѣта (на другой день) «ѣха къ нимъ въ городъ... Въротися опять и съвокупися весь съ дружиною на Бѣлчици и пойде полкомъ къ брату къ Володареви къ Мѣнску, и много зла сътвори волости Полотской, и скоты, и челядью... И послашась Полочане по Рогъволода, и внide мѣсяца Іюля... И потомъ съвокупи Полочаны, и Ростиславъ Мьстиславичь (Смоленскій) пусти ему Давыда сына въ помочь, Романа и Рюрика» (его же сыновей) «съ Смольняны и Новогородци и Плесковичи, и самъ бяше пошелъ, (но) поворити и́ Аркадей Епископъ Новогородскый, идя изъ Кыева; и поидоша на Ростислава къ Мѣнску, и пріидоша къ Изяславлю на Всеволода. Онъ же затворися... Имѣя въ собѣ (Всеволодъ) велику любовь къ Рогъволоду, и на ту любовь надѣяся, ѣха къ Рогъволоду поклонися. Рогъволодъ же вда Изяславль Брячиславу» (Васильковичу, правнуку Всеслава): «того бо бяше отчина; а Всеволоду да Стрѣжевъ» (см. выше, примѣч. 250) «и пойде къ Мѣнску, и стоя 10 дній, и сътвори миръ,» и проч. Татищевъ, имѣя весьма худой списокъ Кіевской лѣтописи, вмѣсто *Стрѣжева* поставилъ *Туровъ*. Ниже въ лѣтописи: ходяше подъ Литвою (Володарь) въ лѣсѣхъ» (а не въ *Лясѣхъ*). — Не давно (см. *Сѣверн. Почту* г. 1818, No. 89), въ 19 верстахъ отъ Орши, нашли большой камень съ изображеніемъ креста и съ надписью: *Въ лѣто* 6679 (1171) *Маія въ 7 день доспѣнъ* (сдѣланъ, совершенъ, въ старинномъ смыслѣ глагола *доспѣть*) *крстъ сій: Господи! помози рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Рогволоду, сыну Борисову.* Вѣроятно, что здѣсь говорится о *Князѣ Полоцкомъ* Рогволодѣ, который могъ имѣть Христіанское имя Василія. 7 Мая празднуется *Знаменіе Креста.*

(387) *Кіев. Лѣт.:* «Послаша послы къ Изяславу Давыдовичю, Ярославъ Галицкый Избыгнѣва, Святославъ Олговичь Жирослава Иванковича, Ростиславъ Мьстиславичь и Мьстиславъ Изяславичь Жирослава Васильевичь, Ярославъ Изяславичь Онуфріа, Володимеръ Андреевичь Гаврила Васильевича, Святославъ Всеволодичь Кіянина, Король (Венгерскій) мужа своего и отъ Ляховъ мужъ свой. Изяславъ же препрѣвъ всѣхъ, отпусти я́... Иванъ же (Берладникъ) тогда уполошився (испугался), ѣха въ поле къ Половцемъ, и шедъ съ Половци и ста въ городѣхъ *Подунайскыхъ*, и изби 2 кубарѣ, и взя товары много въ нею, и пакостяше рыболовомъ *Галицкымъ*» (слѣдственно тутъ было *Галицкое* владѣніе)... «и пріидоша Половци мнози къ Берладнику, и съвокупи ихъ 6000, и пойде къ *Кучелмину*» (не къ мѣстечку ли *Кучѣ* близъ Ушицы?) «и ради быша ему, и оттуда къ Ушици; ту же вошла бѣ въ городъ засада Ярославля, и начаша битися, а смерди (простые граждане) скакаху черезъ забороды (стѣны) ко Иванови, и перебѣже ихъ 300. Половци же хотяша взяти градъ, но не дасть имъ Иванъ, и разгнѣвавшеся на него прочь поидоша. Посла же Изяславъ по Ивана, и приде къ нему.» — Города Мозырь и Чечерскъ были въ землѣ Дреговичей (нынѣ въ Губерн. Могилевской и Минской).

(388) Въ *Кіев. Лѣт.:* «иже на тя хотять, то Боже мя избави волости тоя: ты ми братъ... Сняшася (съѣхались) въ *Латанѣ*» (по другимъ спискамъ въ *Лутавѣ*) «Изяславъ и Святославъ и сынове его, Олегъ и Игорь и *Всеволодимеричь*» (вмѣсто *Володимеричь*) «Святославъ.» — Далѣе: «Святославъ же посла по немъ (за Изяславомъ) Юрья Ивановичь, Шаруканя брата, и постиже его въ Василевѣ.» Изяславъ звалъ съ собою и Святослава Всеволодича; а Святославу Ольговичу въ гнѣвѣ сказалъ: «начнеши поползывати къ Новугороду изъ Чернигова.» — Имя *псарей* употреблено здѣсь въ смыслѣ черни, или сволочи. Святославъ въ числѣ семи бѣдныхъ городовъ своихъ именуетъ Моравійскъ (Моровскъ), Любечь, *Оргище*, Всеволожь. — Изяславъ услышалъ въ Мунаревѣ (близъ Кіева) о походѣ Галицкаго и Волынскихъ Князей. Племянникъ его, Святославъ Владиміровичь, привелъ къ нему въ Васильковъ многихъ *дикихъ* Половцевъ; у Бѣлагорода подоспѣлъ къ нему Ханъ Башкордъ, вотчимъ Святослава Владиміровича (см. выше, примѣч. 343) съ 20,000. — Изяславъ еще въ 1157 году заключилъ съ Поло-

вцами союзъ въ Каневѣ. Далѣе: «Яша (Берендѣи) въ зажитіи» (фуражированіи) «Козьму Сновидовича (Мстиславова Боярина) съ Отрокомъ, и послаша Отрока того нощію въ городъ, *написавше ему знаменіе* свое» (то есть, нѣкоторые знаки, вмѣсто имени) «и рѣша ему: «*иди ко Мстиславу*,» и проч. Начальники Берендѣевъ назывались Тудоръ Сатмозовичь, Каракозъ Міюзовичь, Карасъ и Коней. Мстиславъ посылалъ къ Берендѣямъ Олбыря Шерешевича и далъ имъ клятву наградить ихъ. — Изяславъ стоялъ 12 дней подъ Бѣлымгородомъ. Владиміръ Мстиславичь держалъ его сторону и былъ съ нимъ.

(389) «Ростиславъ же (изъ Смоленска) посла къ нимъ (племянникамъ и Галицкому Князю) Ивана Ручника и Якуна, отъ Смолнянъ мужа и отъ Новогородецъ» . . . Описывается распря о Митрополитахъ. Далѣе: «посла къ нимъ опять сына своего старѣйшаго Романа къ Кыеву съ любовію, и усрѣте й Мстиславъ Вышегородѣ,» и проч. Вѣроятно, что Митрополитъ Климентъ жилъ тогда въ Владимірѣ Волынскомъ, у Мстислава.

(390) «Идѣ же Игорь лежить Ярославичь въ теремци.» О людяхъ убитыхъ громомъ въ Кіевѣ: «Двое Поповъ, да Діакона, и четыре простьци» (изъ простыхъ людей.) — Лѣтописцы прибавляютъ, что надъ тѣломъ Митрополита, лежащимъ въ полѣ, видны были 3 столпа огненные, отъ земли до неба. — *Никон. Лѣт.* баснословитъ о страхѣ Мстислава Изяславича, и проч.

(391) «Не льзѣ бяше дойти до тръгу сквозѣ городъ, ни по гребли, ни на поле выйти смороды ради.»

Въ 1157 году скончался въ Новѣгородѣ Игуменъ Андрей; на его мѣсто избранъ Алексій; а 7 Ноября ночью, при ужасномъ блескѣ молніи, шелъ градъ, величиною болѣе яблока. Въ 1158 скончалась Софія Ярославовна, супруга Ростислава Глѣбовича (Полоцкаго или Кривскаго). Епископъ Аркадій ходилъ ставиться въ Кіевъ и возвратился въ Новгородъ Сент. 13. Поставленъ Леонъ (у Татищ. *Игуменъ Владычня монастыря*) Епископомъ въ Ростовъ, а Діонисій Игуменомъ Георгіевскаго монастыря въ Новѣгородѣ. Татищевъ пишетъ, что въ семъ же году родился у Глѣба Юрьевича сынъ Епифаній или Владиміръ.

(392) Ростиславъ еще въ 1158 году, возвратясь съ Княгинею своею изъ Новагорода въ Смоленскъ, оставилъ дѣтей въ означенныхъ городахъ (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 32). — Въ *Кіев. Лѣт.*: «вниде (Ростиславъ) въ Кыевъ Априля въ 12 день на Воскресенье: тогда бо бѣ и Пасха.» Сей Лѣтописецъ и здѣсь уходитъ годомъ впередъ: что есть ошибка. Пасха была 12 Апр. въ 1159, а не въ 1160 году.

(393) Изяславъ чрезъ Вышегородъ бѣжалъ въ Гомель, пославъ за женою, которая уѣхала къ зятю, Глѣбу Юрьевичу, въ Переяславль; оттуда въ Городокъ или Остеръ, Глѣбль или нынѣшній Глѣбовъ, въ *Хороборъ* и Юропескъ или Старый Ропскъ, гдѣ встрѣтилъ ее Ярославъ Всеволодовичь (а не Владиміровичь) братъ Святослава Всеволодовича, двоюродный племянникъ Изяславовъ, и вмѣстѣ съ нею отправился къ дядѣ въ Гомью или Гомель. Въ лѣтописи: «Изяславъ взя городъ Княгининъ Святославлеа на щитъ . . . и зая Вятичи . . . Святославъ же увѣдавъ, иже *Обловъ* взяша, и Вятичи,» и проч. Далѣе сказано въ *Кіев. Лѣт.*, что Юрій Ярославичь Туровскій ходилъ воевать Путивль и *Вырь;* но въ харатейныхъ и во всѣхъ другихъ здѣсь наименованъ Изяславъ Давидовичь; что и справедливо. *Вырь* называется теперь Старыми Вирами, на границѣ Курской и Слобод. Украинск. Губерніи. «Выревци жь не пустиша его. Онъ же възвратися, иде въ *Зарытый*» (нынѣ село Разрытое, между Рославлемъ и Мглиномъ) «и ту пребывъ, опять възвратися въ Вырь.»

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Того же лѣта сняся Ростиславъ съ Святосл. Олговичемъ въ Моравійскѣ» (близъ Остера) «Маіа въ 1 день . . . Ростиславъ позва Святослава къ собѣ на обѣдъ, и ѣха къ нему безъ всякого извѣта . . . Да Ростиславъ Святославу соболми, и горностаими, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и *рыбьими зубьми* (см. Т. III, примѣч. 128). На заутріе же позва Святославъ Ростислава къ собѣ на обѣдъ, и тако быста веселясь паче вчерашняго дне. Да Святославъ Ростиславу пардусъ и 2 коня борза и кована сѣдлу.»

(394) См. выше, примѣч. 285. Вѣроятно, что въ Берладѣ жили тогда Печенѣги и Волохи (о коихъ Византійскіе Лѣтописцы упоминаютъ въ 1160 году: см. Memor. Popul. II, 901; см. также нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 65) вмѣстѣ съ Россійскими выходцами.

(395) «Посла Ростиславъ изъ Кыева Юрья Несторовича и Якуна въ насадѣхъ на Берладникы, иже бяху Олешье взяли, и постигше ихъ у *Дѣдцина*,» и проч. См. выше, примѣч. 147.

Половцы злодѣйствовали въ окрестностяхъ Носова и рѣки Альты, плѣнили 23 Іюля болѣе 800 человѣкъ, грабили близъ Котельницы (въ Кіевск. Губ. западнѣе Василькова) и взяли Шеломницу, село Княгини, супруги Мстислава Великаго. Владиміръ Андреевичь (внукъ Мономаховъ), а не Георгіевъ), Ярославъ Изяславичь, братъ Мстислава Волынскаго, и Галичане разбили ихъ между Ярополчемъ и Мунаревымъ (на западной сторонѣ Днѣпра), а Берендѣи въ *Облазнѣ* (мѣстѣ неизвѣстномъ). Въ *Кіев. Лѣт.*: «Олегъ Святославичь (сынъ Черниговскаго) изби Половци, и Сантуза уби, Половецкого Князя.»

(396) «Пріидоша Половци мнози къ Изяславу Дав. къ Выреви . . . и пойде къ Чернигову . . . и сташе возлѣ Десну по *Крылову*, оли до устья, а внизъ до *Гостяничь*. У Святослава же бѣ сыновецъ его, Свят. Всеволодичь, и Рюрикъ Ростиславичь бяше поялъ у Святослава Всеволодича сына его, Всеволода, увѣряя Кыяне и Берендѣи, бяху бо не вѣрующе . . . Бьяхутся Черниговцы о Десну крѣпко, овіи на конехъ, иные въ насадѣхъ . . . Они же (Половцы) села пожгоша . . . Ростиславъ же пусти къ нимъ (Черниговцамъ) Ярослава Изяславича и Володимера Андреевича и Галичскую помочь . . . Сіи же не обрѣтоша (Изяслава), и идоша по немъ днище . . . и разыдошася кійждо во свояси. Изяславъ же дойде Игорева города, и ту постиже й вѣсть изъ Чернигова отъ пріятель его. — Святославу же стоящу станы предъ городомъ съ Княгинею и съ дѣтми, бывшу же тогда дни Недѣльному, и приде Изяславъ къ Деснѣ противу *Свѣчниковичемъ*, и на зари препроводи Половци чрезъ Десну . . . Половци селце Всемилостиваго Спаса зажгоша . . . И Тудоръ Елчичь съ Галическою помочью взвратися . . . Молодыхъ же перебравъ Святославъ и отпусти съ Берендичи и съ *Каепичи* на Половци.» Каепичи, единоплеменники Торковъ и Берендѣевъ, принадлежали къ числу Черныхъ Клобуковъ. Далѣе: много ихъ (Половцевъ) избиша, и люди отполониша своя . . . Изяславъ же ѣха опять за Десну . . . къ Выреви. Володимеръ же (Андреевичь) просяшеся у Святослава ѣхати по немъ: Святославъ же пусти его, и пойде по немъ весь самъ.»

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пожже (Святославъ) острогъ около города (Выря); въ городѣ бо затворился бяше съ Княгынею Иванъ Ростиславичь, а самъ Изяславъ шелъ бяше въ поле (степь) . . . И ту стоявше, идоша (Святославъ съ союзниками) къ Зарытому, и ту пожегше, възвратишася въ сво-

Давыда и Всеслава... и начашася бити объ рѣку... Давыдъ же не да ему плку (битвы), занеже ждаше брата *Романа* съ Смолняны... въ полунощи бысть громъ, и се слышашеся имъ (дружинѣ Володаревой), яко выбролятся чрезъ рѣку, и рекоша Володареви: се Романъ бродится, а отсюду Давыдъ; и побѣже Володарь... и пусти по нихъ (Давыдъ)... По лѣсу блудящихъ много изымаша, и посла Всеслава Полтеску.»

(408) Съ Андреемъ былъ его братъ Ярославъ и сынъ Изяславъ.

Въ *Прологѣ* и въ *Степен. Книгѣ* сказано, что праздникъ Спаса, Авг. 1. уставленъ Патріархомъ Лукою, Россійскимъ Митрополитомъ Константиномъ и Ростовскимъ Епископомъ Несторомъ по случаю одержанныхъ побѣдъ въ одинъ день Императоромъ Мануиломъ надъ Сарацынами, а нашимъ Княземъ Андреемъ надъ Болгарами. Андрей разбилъ Болгаровъ въ 1164 году, а Митрополитъ Константинъ скончался въ 1159.

Въ лѣтописи: «Князь же Болгарскый утече до Великого города... Взяша (Россіяне) градъ ихъ славный Бряхимовъ.» Татищевъ полагалъ Бряхимовъ на Сурѣ.

(409) См. *Больш. Черт.* стр. 273. *Воронал*, какъ тамъ означено, впадаетъ въ Ладожское озеро между рѣками Пашею и Сасемъ: нынѣ Сальма. — Новогородцы разбили Швед. въ 1164 г. Маія 28.

Шведскій Король Эрикъ завоевалъ Финляндію въ 1157 году и старался неволею обратить жителей въ Христіанскую Вѣру (см. Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 84).

(410) Въ 1162 году Половцы, грабя въ окрестностяхъ Триполя, убили Выйбора, который разсѣкъ голову Изяславу Давидовичу (см. выше, примѣч. 401). Черные Клобуки разбили ихъ на берегахъ Роси и плѣнили болѣе 500 человѣкъ, въ томъ числѣ Княжичей Ихва, Затмазовичей и другихъ. Тамъ же въ 1165 году поразилъ хищниковъ Василько, сынъ Ярополка Изяславича; дружина его обогатилась оружіемъ и конями; самъ Князь за освобожденіе плѣнниковъ взялъ много денегъ или вещей. Въ 1166 году Половцы около Днѣпровскихъ пороговъ тревожили *Гречниковъ*, т. е. купцевъ, ѣздившихъ Днѣпромъ изъ Греціи и въ Грецію: Великій Князь послалъ туда Воеводу Володислава (въ иныхъ спискахъ: Володислава Ляха), который проводилъ до Кіева суда, шедшія изъ Константинополя или Херсона (*возведоша Грѣчники*, т. е. вверхъ по Днѣпру). — Въ томъ же году Сѣверскій Князь побѣдилъ Хана Кобяка; а Воевода Шварнъ, плѣненный варварами за Переяславлемъ, откупился отъ нихъ деньгами; дружина его легла на мѣстѣ. *Никонов. Лѣт.* выдумалъ двухъ Русскихъ богатырей, будто бы тутъ же убитыхъ. Тогда же Олегъ Святославичь и Ярославъ Всеволодовичь ходили на Половцевъ: «взя Олегъ вежи Козины, и жену и дѣти, и злато и сребро; а Ярославъ Беглюковы вежи.»

Князья Рос. стояли у Канева «*дондеже взыде* Грѣчникъ и Залозникъ» — т. е. пока купцы изъ Царяграда и *Залозинскіе* пришли благополучно въ Россію, *вверхъ по Днѣпру*. Залозами называлось мѣсто на пути въ Грецію (см. *Воскресенск. Лѣт.* II, 76).

Къ Каневу приходили тогда Мстиславъ изъ Владиміра, братъ его Ярославъ изъ Луцка, а другой братъ Ярополкъ изъ Бужска; также Владиміръ Мстиславичь, Владиміръ Андреевичь (тотъ и другой внукъ Мономаховъ), Ярославъ Всеволодовичь (братъ Черниговскаго Князя), Глѣбъ Юрьевичь (Переяславскій, сынъ Долгорукаго), Глѣбъ Городненскій (Всеволодковичь, внукъ Мономаховъ) и Иванъ Юрьевичь (сынъ Юрія Туровскаго, внука Святополкова), Рюрикъ, сынъ Великаго Князя, съ братомъ Давидомъ и Галичане. — Сіе собраніе Князей было по *Воскресенск. Лѣт.* въ 1167 году, а по *Кіев.* даже въ 1168; но Ростиславъ, по харатейнымъ и *Новогор. Лѣт.*, умеръ въ началѣ 1167 года (см. ниже, примѣч. 417).

(411) «Зва Олегъ Ростислава на обѣдъ, и бысть радость велика межи има, и вда Олегъ многы дары Ростиславу; такоже и дщи его дари его. Наутріе же Ростиславъ зва къ собѣ зятя и дщерь, и большими дары учреди всѣхъ, и иде Смоленску, и начаша ѝ срѣтати Смоляне: лутшіи люди, за 300 поприщь» (въ *Кіев.* верстъ) «и за тѣмъ его внуци, сынъ Романъ и Епископъ Мануилъ... и оттуду иде въ Торопечь,» и проч.

Въ *Новогород. Лѣт.* «въ лѣто 6674 на зиму приде Ростиславъ изъ Кыева на Луки, и позва Новгородьцы на порядъ: Огнищане» (нарочитыхъ или Житыхъ людей) «Гридь (Гридней), купце вячьшее» (лучшихъ).

Въ другихъ лѣтописяхъ: «не добрѣ живяху Новгородци съ сыномъ его Святославомъ.»

Ростиславъ скончался въ Зарубинѣ, селѣ Рогнѣдиномъ. Татищевъ называетъ Рогнѣду Княгинею Полоцкою. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Молвяше (Ростиславъ) Симеонови Попови, отцу своему духовному: тобѣ въздати слово о томъ къ Богу, занеже взборони (возбранилъ) мя отъ пострижениа... И начаша молвити Иванкови Фроловичю, *Покладнику* (Постельничему) своему, и Борисови Захарьевичю. взовета ми Симеона Попа, ать створить молитву,» и проч. Тѣло Ростислава *Михаила* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 12) погребено въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Ѳеодора, Марта 21.

(412) См. *Кіев.* и *Воскрсен. Лѣт.* II, 70, 71, и ниже, примѣч. о Поликарпѣ.

(413) Memor. popul. II, 1019 — 1023. Прай сомнѣвается, чтобы Стефанъ былъ женатъ на дочери Галицкаго Князя (Annal. Reg. Hung кн. III, стр. 157); но Греческій Лѣтописецъ называетъ Стефана Ярославовымъ зятемъ. Андроникъ, по нашимъ лѣтописямъ, пріѣхалъ къ Ярославу Галицкому въ 1165 году, и въ томъ же году возвратился въ Царьградъ: см. *Воскресен.* II, 67. Греческій Историкъ пишетъ, что Андроникъ билъ *зумпровъ*, звѣрей, которыхъ много въ Россіи, и которые величиною болѣе медвѣдя и леопарда. *Зубремъ* назывался у Славянъ дикій быкъ, буйволъ: см. *Второзакон.* 14, 5. — Андроникъ замученъ въ 1182 году. Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что онъ надѣялся на Россіянъ болѣе, нежели на Грековъ, и думая на Царской галерѣ уѣхать въ Россію, надѣлъ *варварскую* шапку съ острымъ верхомъ.

(414) Въ *Кіев. Лѣт.*: «пріиде Митрополитъ Ѳеодоръ изъ Царяграда мѣсяца Августа (въ 1160): бяше бо посылалъ понь Князь Ростиславъ... тогда же (въ 1163), бывъ 10 мѣсяць» (2 года и 10 мѣсяцевъ) «въ Митропольи... Пріиде (въ 1164) Митрополитъ Иванъ въ Русь, и не хотѣ его Ростиславъ пріати, зане же отрядилъ бяше Гургя Тусемковича къ Цареви, хотя оправити Клима въ Митрополью, и възвратися опять Гюрята изъ Олешья съ Митрополитомъ и съ Царевымъ посломъ, и присла Царь дары многы Ростиславу, оксамиты и паволокы и вся узорочья разноличнаа. Посолъ же Царевъ молвяше Ростиславу: молвитъ ти Царь, аже пріимеши съ любовію благословеніе отъ Св. Софія.»... Татищевъ пишетъ: «Великій Князь отвѣтствовалъ: ежели Патріархъ безъ вѣдома нашего впредь поставитъ въ Русь Митрополита, не токмо не пріиму его, но и законъ сдѣлаемъ вѣчный, избирать и ставить Митрополитовъ Епископамъ Русскимъ съ повелѣнія Великаго Кня-

зя.» Въ моихъ экземплярахъ *Кіевск. Лѣтописи* здѣсь пропускъ. — См. рукописный *Каталогъ Епископовъ*. Въ *Новогородск. Лѣт.*: «ходи Игуменъ Діонисій (въ 1165 г.) съ любовью въ Русь, и повелѣно бысть Владыцѣ *Архіепископство* Митрополитомъ.» Для того сей Лѣтописецъ называетъ и всѣхъ предшественниковъ Іоанновыхъ *Архіепископами;* но мертвыхъ не производятъ въ чины. *Никоновск. Лѣт.* прибавляетъ, что самъ Епископъ Новогородскій ѣздилъ тогда къ Митрополиту, который далъ ему ризы, стихарь, источники, и получилъ въ даръ множество золота, жемчугу, и проч.; а Татищевъ пишетъ, что сей новый Архіепископъ желалъ подчинить себѣ Епархію Смоленскую и Полоцкую, но что Великій Князь на то не согласился. — Епископъ Илія, или Іоаннъ, былъ поставленъ Марта 28, 1165 году, въ Вербное Воскресенье.

Іоаннъ, такимъ образомъ первый Архіепископъ Новогородскій, включенъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ. Онъ былъ прежде Священникомъ въ Новѣгородѣ у Св. Власія, на Волосовой или Велесовой улицѣ, и назывался до монашества Иліею. Чудеса его описаны въ Прологѣ, Сент. 7. Тамъ сказано, что Новогородцы, повѣривъ клеветѣ на цѣломудріе Іоанна, вывели сего мужа добродѣтельнаго изъ дому Архіерейскаго и пустили на плоту внизъ по Волхову; но что плотъ, къ изумленію гражданъ, уже исполненныхъ раскаянія, пошелъ, вверхъ, и Святитель возвратился съ честію въ Новгородъ, приставъ къ берегу у монастыря Юрьевскаго. Другой сочинитель Іоаннова житія (см. Архив. *Ростовск. Лѣт.* л. 160) несправедливо говоритъ, что сей Угодникъ, будучи еще простымъ Монахомъ, создалъ монастырь и каменную церковь Благовѣщенія: Іоаннъ былъ тогда уже Святителемъ (см. *Новогородск. Лѣт.* стр. 39). Тотъ же сочинитель разсказываетъ о чудесномъ богато убранномъ конѣ, будто бы безъ всадника привезшемъ Іоанну и брату его, Гавріилу два мѣшка съ золотомъ и серебромъ для совершенія церкви. — Сей Новогородскій Святитель, вмѣстѣ съ Бѣлогородскимъ, написалъ уставъ о причащеніи: любопытные могутъ найти его въ рукописныхъ Кормчихъ книгахъ; онъ состоитъ въ двадцати или тридцати строкахъ.

(415) См. *Каталогъ Епископовъ*. Сіе посланіе Іоанново напечатано въ Герберштейновыхъ Rerum Moscov. Comment. стр. 22. Имѣемъ его также рукописное на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ, въ Синодальн. библіотекѣ между Греческими манускриптами по Маттееву раздѣленію No. CCCLIII, а Славянское или Русское No. 164, въ книгѣ названной *Посланіемъ Россійскихъ Митрополитовъ*. Обѣ рукописи XV вѣка: въ заглавіи той и другой названъ Папа *Климентомъ*; но онъ былъ Папою уже гораздо послѣ Іоанна Митрополита, который преставился въ 1166 году. Въ образецъ слога выписываю заключеніе Русскаго письма: «Аще хощеши къ нашему Св. Патріарху Коньстянтинограда и тамо сущимъ Св. Митрополитомъ, иже слово живОтно имуще яко свѣтила въ мірѣ сіяютъ и възможени суть Божіею благодатію, таковыхъ възискати съ тобою исправиши: потомъ же аще угодно ти будетъ, прочее напишеши и хужьшему паче всѣхъ. Цѣлую тя азъ Іоанъ, худый Митрополитъ Руский, и всѣхъ яже подъ тобою, Клирикы же и люди. Цѣлуютъ же васъ иже съ нами святіи боголюбивіи Епископи и Игумени, и иже съ нами благочестивіи церковніи людіе. Благодать Св. Духа да будетъ съ тобою и съ всѣми твоими. Аминь.»

Авторъ книги *Пращицы* увѣряетъ насъ, что въ княженіе Ростислава, въ 1157 году, былъ въ Кіевѣ церковный Соборъ, осудившій Еретика Мартина Армянина, который называлъ себя сродникомъ Цареградскаго Патріарха Луки, училъ поститься въ каждую Субботу (кромѣ Великой), изображать крестъ двумя перстами, служить на семи просфорахъ и на одномъ винѣ, говорить дважды *Аллилуіа*, въ церкви обращаться лицемъ на Западъ, креститься съ лѣваго плеча, и проч. Въ сей книгѣ напечатано и дѣяніе сего важнаго Собора, найденное (какъ говоритъ Авторъ) въ Кіевскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, писанное на хартіи, скрѣпленное рукою Митрополита Константина и отданное на сохраненіе въ Синодальную Типографскую библіотеку. Мы должны замѣтить, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ *Степен. Книгѣ*, ни въ *Стаглавѣ* о томъ не упоминается; что слогъ сего дѣянія кажется не весьма древнимъ (на примѣръ: «Господинъ Мартинъ! повѣдай намъ, гдѣ твое рожденіе и воспитаніе... Той же отвѣщавъ: пришелъ до здѣ видѣти Россію вашу»); и что въ 1157 году княжилъ не Ростиславъ, а Изяславъ въ Кіевѣ. Подлинникъ дѣйствительно хранится въ Синодальной библіотекѣ, подъ No. 518, но запечатанъ.

Маловажныя происшествія княженія Ростиславова, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи, суть слѣдующія: «Въ 1160 году, Авг. 20 (по Астрономич. таблицамъ 18) затмѣніе луны. Нѣжата сдѣланъ Посадникомъ въ Новгородѣ (по *Никоновск.* Мстиславъ Изяславичь украсилъ церковь въ Владимірѣ Волынскомъ златыми сосудами съ бисеромъ, драгоцѣнными иконами, книгами и проч.). Въ 1161 скончался Рязанскій Князь Владиміръ Святославичь, внукъ Ярославовъ. Новогородцы смѣнили Посадника Нѣжату и выбрали Захарію. Въ *Лѣт. Новгород.*: «стоя все лѣто ведромъ (сухо), и пригорѣ все жито, а на осень уби всю ярь морозъ. Ста вся зима тепломъ и дждемъ и громъ бысть, и купляхомъ кадку малую по 7 кунъ» (а въ *Никоновск. по рублю и по сороку алтынъ*, которыхъ тогда и въ счетѣ не было). «О велика бяше нужа!... Преставися (въ 1162 году) Игуменъ Ольска (Алексій) Св. Богородицы, и поставиша Мануила; а у Св. Духа Сшествія поставиша Игуменомъ Саву.» Въ 1163 Вел. Князь женилъ сына своего, Рюрика, на дочери Хана Половецкаго, Белгука. Скончался Епископъ Новогородскій Аркадій Сент. 19, и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи. — Въ 1164 отъ сильныхъ дождей разлился Днѣстръ въ Галичѣ: «пойде вода въ болонье, и взыде оли до Бокова болота и потопи человѣкъ болѣ 300, иже бяху вошли съ солью изъ *Удечева*, и многы человѣкы снимаху со древъ, и кола (колеса или телеги), иже бѣ вода возметая. Много же и иныхъ потопе; и бысть у нихъ на ту зиму житная дороговь *рамяна*» (велика). — Въ 1165 скончался Князь Изяславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, и погребенъ у церкви Св. Богородицы въ Владимірѣ на Клязмѣ Окт. 28 Въ Новѣгородѣ построена церковь Святыя Троицы (въ другомъ спискѣ: *Царицы) Шетициницы*, а другая Княземъ Святославомъ на Городищѣ во имя Св. Николая. Зима была отмѣнно холодна. (По *Никоновск.* всѣ Князья соединились и разбили Половцевъ, но возвратились съ малымъ числомъ воиновъ.) — Въ 1166 Ярополкъ Изяславичь женился на дочери Святослава Ольговича; преставилась супруга сего Святослава, именемъ Марія, и братъ Андрея Боголюбскаго, Ярославъ Юрьевичь, погребенный у церкви Св. Богородицы Апрѣля 12. Въ Новѣгородѣ заложена церковь Спаса на вратахъ Георгіева монастыря. Родился Олегу Святославичу сынъ Борисъ или Святославъ. Сынъ Галицкаго Князя, Владиміръ, женился на дочери

268

Святослава Всеволодовича, Болеславѣ, а Всеволодъ, сынъ Ярослава Изяславича, на Малфридѣ, дочери Юрья Ярославича Туровскаго, внука Святополкова (см. *Кіев. Лѣт.*) — Умерла дочь Андреева, бывшая за Олегомъ, сыномъ Святослава Всеволодовича (см. *Кіев. Лѣт.*). — Татищевъ прибавляетъ, что Андрей Боголюбскій въ 1159 году построилъ Волокъ Ламскій; но сей городъ существовалъ уже въ 1135 году (см. *Воскресен. Лѣт.* I, 271). Сей же Историкъ сказываетъ намъ, что В. К. Ростиславъ былъ средняго росту, имѣлъ лице широкое, бороду круглую; всегда ходилъ въ церковь, чтилъ Епископовъ, награждалъ Священниковъ, вдовицъ, сиротъ; но мало занимался воинскими и судными дѣлами: по чему Тіуны грабили народъ.

(416) Въ Кіевѣ были тогда два Ростиславича, Рюрикъ и Давидъ. Въ лѣтописи: «Мьстиславъ же посла Володислава Вървостиславича предъ собою къ Васильковн къ Ярополчичю» (сыну его брата) . . . «Начаша повѣдати Васильковн и Володиславу Вратиславичю . . . Володимеръ» (хочетъ взять) «Торцьскый со всѣмъ Поросьемъ, Андреевичь Берестій, Ярославъ Володимерь.»

(417) Мстиславъ взялъ у Ярослава 5 Галицкихъ полковъ. Съ нимъ находился также Князь Мстиславъ Всеволодковичь (о Всеволодкѣ см. выше, примѣч. 250.). «Посла ко Всеволодковичема:» то есть, ко двумъ, Мстиславу и Глѣбу; брата ихъ, Бориса, уже не было въ живыхъ. — Союзники встрѣтили Мстислава близъ *Микульска* (въ Галиціи). Тутъ же пришли къ Вел. Князю и Черные Клобуки, дать ему клятву вѣрности. Далѣе: «Пусти (Мстиславъ) брата, Ярополка, съ Берендичи предъ собою . . . Володимеръ Мстиславичь пойде изъ Треполя Вышегороду съ женою и съ дѣтми и съ матерію. Ярополкъ же пастиже его на Желани у *Добраго дуба*, и не даша Берендичи стрѣлятись съ ними: бѣ бо льстяче» (т. е. они притворялись вѣрными, а не хотѣли драться). «И тако ѣхаша по нихъ (за Владиміромъ) до Всеволожа монастыря (на Вылыбичахъ); и ту Ярополкъ воротися въ городъ (Кіевъ). Мстиславъ же заутра по немъ иде къ Кыеву, изрядивъ полкы своя Васплевскымъ путемъ къ Олговѣ (могилѣ), и ту выидоша Кыяне вси, и檢 вземъ рядъ съ братіею и Кыяне, и пойде Вышегороду; а Берендичь изгономъ пусти, и на болоньи отъ Днѣпра жгоша дворъ Тысяцкого Давыда Радиловъ, а иныхъ дворовъ 7 сгорѣ. Мьстиславъ же пришедъ ста по горѣ отъ броду, а пѣшьци» (или Печенѣги, какъ въ *Кіев. Лѣт.*) «постави по валови. Берендичи же убиша Володимерь мужъ, убиша и ти лучшихъ отъ Берендичь. День же бѣ тогда Пятокъ. Въ Суботу же начаша битися . . . Начаша же слати межи собою рядяшесь о волостехъ. Рюрикъ и Володимеръ со Мстиславомъ урядившеся, цѣловаша крестъ.»

Послѣ сказано, что Владиміръ отправился въ Котельницу: слѣдственно ему дали тогда сей городокъ. — Въ *Воскресен.* и *Кіев. Лѣт.* означено, что Мстиславъ въѣхалъ въ Кіевъ въ 1169, Маія 19, въ Понедѣльникъ: такъ и было въ семъ году; но въ той же *Кіев. Лѣт.* сказано, что въ слѣдующій годъ, т. е. въ 1170, Мстиславъ выступилъ изъ Кіева Марта 2, въ *Субботу*, а Ярополкъ Изяславичь умеръ 7 Марта, въ *Четвертокъ* на *Средокрестной* недѣлѣ: сіе же число приходилось такъ не въ 1170, а въ 1168 году: слѣдственно Мстиславъ въѣхалъ въ Кіевъ въ 1167 году, и если въ Понедѣльникъ, то не 19, а 15 Маія. Въ харатейныхъ лѣтописяхъ и въ древней Новгородской точно стоитъ годъ 1167. Мстиславъ въ 1168 году прислалъ уже сына своего изъ Кіева въ Новгородъ (*Новгород. Лѣт.* стр. 37). — Далѣе: «бѣ ту (у Владиміра) мужъ Давида Ростиславича, Василь Настасичь, и повѣда Князю. Давыдъ же яви брату Мстиславу . . . и приде (Владиміръ) оправливатися; а Мстиславъ иде въ Печерскый монастырь: Володимеръ же по немъ. Мстиславъ же велѣ ему ити во Икономлю келью, а самъ иде къ Игумену. И посла Мстиславъ ко Владиміру река: азъ не посылалъ по тя . . . И присла Володимеръ Діачка и Мормыжа (см. *Кіев. Лѣт.*), и рече: слышахъ, брате, яко молвили ти нѣчто на мя зліи человѣци . . . И посла Мстиславъ къ Давыду Вышегороду; Давыдъ же присла Василя, приставивъ къ нему Радила Тысячскаго и Василя Волковича. А Мстиславъ же по трехъ днехъ иде въ Печерскый монастырь, и придоша ту Давыдовъ мужъ, а Володимеръ своихъ присла Рагуйла и Михаила, и начаша прѣтися. И приде послухъ по Василѣ, Давыдъ Зорыничь. Мстиславъ же положе то на Бозѣ» (предалъ на судъ Божій) «и рече Володимеру: *цѣловалъ еси, брате, крестъ ко мнѣ, и еще ти уста не осохли,*» и проч. Далѣе: «Начашась слати къ нему (Владиміру) Чагровичи, Чекманъ и братъ его Тошманъ и Маначюкъ. Володимеръ же радъ былъ думѣ ихъ и посла къ Рагуйлу Добрыничю, Михалю и Завиду, являя имъ думу свою» (то есть, измѣну). Татищевъ вымышляетъ ихъ рѣчь. — Далѣе: «Сняся (Владиміръ) съ Берендичи ниже Ростовца . . . Рѣша ему (Берендѣи): ты намъ тако молвяше, братья вси съ мною суть; а кое есть Володимеръ Андреевичь и Ярославъ (Изяславичь) и Давыдъ? Но се ѣздиши единъ и безъ мужій своихъ, а насъ прельстивъ; но намъ лучше въ чюжю голову, нежели въ свою . . . И начаша стрѣляти . . . Онъ же рече: не дай Богъ поганому вѣры яти; а я уже погинулъ душею и жизнью. . . И ту избиша Дѣтскые около его . . . А онъ бѣже къ Дорогобужу; ту бо бѣ и жена его бѣжала предъ нимъ. Андреевичь же (Владиміръ) перемета (разобралъ) моста на Горыни и не пусти его. Онъ же воротися на Радимичи» (чрезъ Сожскую область Радимичей) «ко Андрееви.» Въ харатейныхъ сказано, что Владиміръ бѣжалъ къ Половцамъ: можетъ быть послѣ. Онъ оставилъ жену свою въ Глуховѣ у жены Всеволодовой, невѣстки Святослава Всеволодовича Черниговскаго. Андрей велѣлъ сказать Владиміру (по *Кіев. Лѣт.*): «иди въ Рязань къ *отчичю* своему Глѣбови.» Татищевъ написалъ, вмѣсто *отчича*, *отчимъ*; но какъ Владимірова мать не была супругою Глѣба (Ростиславича), то сей Историкъ думалъ, что Глѣбъ могъ быть отчимомъ Владиміровой жены: мы знаемъ одну его жену, дочь Бана Венгерскаго. *Отчичемъ* именовался въ старину наслѣдникъ отцевскаго достоянія: Андрей хотѣлъ сказать, что Глѣбъ наслѣдовалъ дружбу отца своего къ Дому Мстислава Великаго.

Мстиславъ говоритъ Владиміровой матери: «иди въ Городокъ (Остеръ); а оттуда, камо тобѣ годно.» Она уѣхала въ Черниговъ.

(418) Романъ и братъ его Мстиславъ Ростиславичь. — Новогородцы убили тогда Захарію Посадника, Неревина и Несдубирича, друзей Святославовыхъ. Далѣе: «Налѣзоша собѣ путь на Вяцька и на Володаря:» то есть, проѣхали чрезъ область сихъ двухъ Князей Кривскихъ. Вячко есть сокращенное имя. Далѣе: «иде Даньславъ Лазутиничь съ дружиною Кыеву.» Мстиславовъ сынъ, Романъ, пріѣхалъ Апрѣля 14 въ Новгородъ, который былъ безъ Князя отъ 1 Сентября до Пасхи. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Русѣ, отъ кого его отступилъ Святославъ. — О смерти сего Князя въ 1169 или 1170 году сказано въ *Кіев. Лѣт.*: «преставися на Волоцѣ, воюя Новогородьскую во-

лость.... тѣло его везоша къ Смоленску и положиша у Св. Богородицы въ Епископьи... бяше храборъ... монастыри набдя... и Попы... не збираше злата, но даяше дружинѣ.» Татищ. пишетъ, что Святославъ зналъ Греческій языкъ!

(419) «А уже у насъ и Греческый путь изотымаютъ, и *Солоны*, и *Залозы*:» мѣста по Днѣпру на Югъ отъ Кіева.

Съ Черниговскимъ и Сѣверскимъ были въ Кіевѣ и братья ихъ: съ первымъ Ярославъ Всеволодовичь, а со вторымъ Всеволодъ Святославичь. О послѣднихъ сказано въ *Кіев. Лѣт.*: «бяху бо тогда Олговичи (т. е. внуки Олега) въ Мстиславли воли.» Давидъ за болѣзнію не могъ итти, но отправилъ свой полкъ съ братомъ Рюрикомъ. — Мстиславъ Всеволодовичь (см. выше, примѣч. 417) пришелъ изъ Городна, Ярославъ Изяславичь изъ Луцка, Святополкъ Юрьевичь, правнукъ Михаила-Святополка, изъ Турова.

(420) «Бысть Половцемъ вѣсть отъ *Кощея* Гаврилова, отъ Воиславича.» Ниже сказано, что Великій Князь послалъ за Половцами *Сѣдельниковъ* своихъ и *Кощеевъ* (а не *Кощея*). Кощеями назывались младшіе Отроки Княжескіе. Такъ при описаніи Андреевой кончины сказано въ лѣтописяхъ, что съ нимъ былъ одинъ *Кощей малъ Дѣтескъ* (см. *Воскрес.* II, 92). — Обозъ Князей оставался подъ начальствомъ Ярослава Всеволодовича. — Братъ Великаго Князя, Ярополкъ, во время сего похода умеръ, и схороненъ въ Кіевской церкви Св. Ѳеодора (см. выше, примѣч. 417). Въ *Кіев. Лѣт.*: «и бысть въ *Тумащи* и вельми нача немочи (Ярополкъ), и постиже вѣсть Мьстислава за Каневомъ... и посла Мстиславъ ко Игумену Поликарпови и къ Данилови, Попови своему, веля има ѣхати къ брату... Аще Богъ поиметъ брата моего, да спрятавше тѣло его, везете къ Св. Ѳеодору.» Вежи Половецкія взяты на рѣкѣ *Углѣ*, а другія на *Снопородѣ*: Татищевъ пишетъ: «или Самарѣ:» но сія рѣка и тогда называлась Самарою (см. выше, примѣч. 352). Далѣе: «самѣхъ (Половцевъ) постигоша у Чрнаго лѣса... и избиша я́... Бастій же и иніи гониша по нихъ и за Восколъ:» Осколъ или Ворсклу? Далѣе: «Изо всѣхъ полковъ два убіены быста, Кснятинъ Васильевичь, Аруковъ братъ, и Сѣдельникъ Ярославль Изяславича и Коснятинъ Хотовичь ятъ бысть.» Въ *Кіев. Лѣт.*: «яко всѣмъ Рускымъ воемъ наполнитись до изобилія и колодникы и *чагами*, и дѣтми ихъ и челядью.» Въ другихъ лѣтописяхъ, вмѣсто *чагъ*, поставлено: «женами.» Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 28) сказано: «была бы *чага* по ногатѣ, а *Кощей* по рѣзани;» то есть: плѣнницы, жены варваровъ, продавались бы по ногатѣ, а Отроки ихъ (см. выше), по рѣзани. Издатели не разумѣли слова *чага*, ни *Кощея*, принявъ ихъ за собственныя имена. — Далѣе въ лѣтописи: «Тоя же весны посла Мстиславъ по братью свою и съвокупишась въ Кыевѣ: Ярославъ изъ Луцка, Володимеръ Андреевичь изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Овручаго, Давыдъ изъ Вышегорода, а Гюргевичь Иванъ (правнукъ Святополка Михаила) изъ Турова, и нача молвити Мьстиславъ: се Половцемъ есмы много зла сотворили: то имъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику. Да выйдемъ противу Гречнику.» См. выше, примѣч. 410.

(421) Глѣбъ Переяславскій угостилъ Мстислава обѣдомъ и дарами.

(422) См. выше, примѣч. 420. Въ лѣтописи: «Бориславичи, Петръ и Нестеръ, начаша злы рѣчи глаголати на Мстислава ко Давыдови лжуще: озлобилъ бо я́ бяше Мстиславъ и отъ собе отслалъ, яко холопьи кони Мстиславли покрадоша въ стадѣ и пятна (клейма) на нихъ своя вскладали.» Давидъ и Рюрикъ, приглашенные на обѣдъ Великимъ Княземъ, требовали отъ него крестнаго цѣлованія. «Мстиславъ же ужасеся мыслію и яви дружинѣ своей, глаголя: велятъ ми братья собѣ цѣловати крестъ, а не вѣдь, что моя вина.» Бояре отвѣтствовали: «ты всяко еси правъ передъ своею братьею, а то Богъ вѣсть; тебѣ бо безъ насъ того не лзѣ было замыслить, ни створить,» и проч. Великій Князь и Ростиславичи присягнули другъ другу въ вѣрности; но, по словамъ Лѣтописца: «сердце ихъ не бѣ право съ нимъ.»

(423) Имена Князей: Глѣбъ Переяславскій, Романъ Смоленскій, Давидъ Вышегородскій, Рюрикъ Овручскій, Мстиславъ (четвертый сынъ умершаго В. К. Ростислава Мстиславича), Владиміръ Андреевичь Дорогобужскій, Дмитрій или Всеволодъ Юрьевичь (братъ Андреевъ), Мстиславъ (его племянникъ), Олегъ Святославичь Сѣверскій и братъ его Игорь. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «не имѣа (Андрей) любве къ Мьстиславу.» *Никон. Лѣт.* въ число Андреевыхъ союзниковъ включилъ и Венгровъ, Чеховъ, Поляковъ, Литву.

(424) «Съ *Ковуи* и съ *Бастіевою* чадью» (то и другое названіе было дано имъ отъ имени ихъ начальниковъ)... «и бысть вѣсть Рюрикови и Давыду, оже Андреевичь и Романъ со Смолняны близъ идета, и пославше яста Михаила за Межимостьемъ» (нынѣ село Замостье въ Минск. Губерніи) «и Новогородци съ многымъ товаромъ къ Мозырю идущи. Сдѣяше ту лесть Бастій надъ Михайломъ.» Татищевъ сказываетъ, что Михалко княжилъ въ Городцѣ или Остерѣ. Далѣе въ *Кіев. Лѣт.* и другихъ: «Сняшась братіа въ Вышегородѣ и пришедше сташа надъ Дорогожичи (у Кіева) подъ Св. Кириломъ Ѳеодоровы недѣли (первой Вел. поста); а вторые недѣли отступиша Кыевъ... Стояша у города три дни» (а не *седьмицы*, какъ у Татищева)... «Мьстиславу же изнемогающу въ градѣ. Берендичи же и Торци льстяху подъ Мьстиславомъ... и снидошась вси Князи и дружина *Серховицею* и ринушась къ нимъ доловъ (долой) узадъ (вздадъ) Мьстиславу, начаша стрѣляти. Мьстиславу жь начаша дружина молвити: поѣди изъ города; намъ ихъ не перемочи.» Въ *Воскресенск.* и *Кіев.* сказано, что Кіевъ взятъ Марта 8, 1170 году, *въ Среду второй недѣли поста;* но въ семъ году 8 Марта приходилось въ Воскресенье, а Мясопустъ начался Февраля 8. Въ харатейныхъ и древней Новогородской лѣтописи означенъ, по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Генваря, 1169 годъ, въ которомъ Середа второй недѣли Вел. поста была вторымъ-надесять Марта.

Никто дотолѣ не бралъ Кіева приступомъ: Изяславъ Давидовичь взялъ одинъ Подолъ. — Берендѣи и Торки зажгли тогда Печерскій монастырь. — Лѣтописецъ говоритъ о Кіевлянахъ: «за грѣхы *ихъ*» (слѣдственно онъ не былъ самъ Кіевляниномъ) «паче же за Митрополичю неправду: въ то бо время запретилъ бѣ Поликарпа, Игумена Печерскаго, про Господскыя праздникы, не веля ему ѣсти масла, ни молока въ Среды и въ Пяткы въ Господскыя праздникы. Помогашеть же ему и Черниговскый Епископъ Антоній; и́ Князю Черниговскому многажды браняшеть ѣсти мясъ въ Господскыя праздникы. Князю же Святославу не хотящу, изверже и́ изъ Епископьи.» *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что изгнанный Антоній уѣхалъ въ Кіевъ къ Митрополиту Константину (прибывшему изъ Греціи въ 1167 году). Татищевъ пишетъ, что Великій Князь собралъ въ Кіевѣ 150 Духовныхъ, желая разрѣшить споръ между Поликарпомъ и Митрополитомъ; что тутъ былъ и Ѳеодорецъ Игуменъ Суздальскій (объ немъ см. ниже), и проч. Въ лѣтописяхъ нѣтъ и того, чтобы Ростиславъ,

*избравъ* Константина, *посылалъ* его ставиться въ Царьградъ, какъ говоритъ Татищевъ.

(425) Такъ въ харатейныхъ, *Кiев.*, *Воскр.* и другихъ. Въ древней *Новогородской* сказано, что Мстиславъ добровольно отказался отъ Кiева: извѣстiе несогласное съ обстоятельствами происшествiя. Далѣе: «бѣжящу же ему (Мстиславу) на Василевъ, и постигоша й Бастiева чадь и стрѣляша его, а дружину поимаша многу около его: яша Дмитра хороброго и Олексу Дворского, Събыслава Жировичь, Иванка Творимирича, Рода, Тивона (Тiуна) его и иныи. И сняся (Мьстиславъ) съ братомъ Ярославомъ за *Уновью* и идоша Володимерю.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Кiевъ взятъ измѣною Бояръ Мстиславовыхъ, Петра и Нестора Бориславичей (см. выше, примѣч. 422); но сей изобрѣтатель забылъ, что Петръ и Несторъ служили тогда Давиду и не могли находиться въ Кiевѣ, откуда выгналъ ихъ Мстиславъ.

Послѣдствiе ясно доказываетъ, что Кiевъ съ того времени зависѣлъ отъ Андрея. Въ краткой лѣтописи XIII вѣка, внесенной въ харатейную Кормчую Книгу (Синодальн. библiот. No. 82) сказано: нача быти Кiевъское Княженiе въ воли его,» (Андреевой).

*Никон. Лѣт.* говоритъ, что въ княженiе Мстислава, въ 1168 году, Ханъ Половецкiй Айдаръ крестился въ Кiевѣ, а въ 1169 прiѣзжали послы отъ Папы; что въ сей годъ родилось много плодовъ; что въ 1170 были страшныя небесныя знаменiя, громы и землетрясенiе. Татищевъ пишетъ, что въ 1168 году у Глѣба Юрьевича родился сынъ Владимiръ или Петръ, и что Глѣбъ раздалъ 200 гривенъ серебра нищимъ, а въ церкви и монастыри 300 гривенъ; что въ семъ же году умеръ сынъ Всеволода-Гаврiила Псковскаго, Мстиславъ.

**КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНIЙ II ТОМА.**

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КЪ III ТОМУ

## ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

270

(1) Область Суздальская граничила съ Новогородскою близь Торжка, съ Княженіемъ Смоленскимъ въ Калужской Губерніи, въ Тульской съ Вятичами и съ Рязанью, въ Нижегородской и Владимірской Губерніяхъ съ Муромскою областію.

Въ *Кіев. Лѣт.*, по случаю войны Андреевой съ Ростиславичами въ 1173 году, именно сказано, что Князья Смоленскій, Полоцкіе, Волынскіе, Муромскіе, Рязанскіе, отъ него зависѣли (см. ниже, примѣч. 18).

(2) «Идоша едини къ Переяславлю и сташа у Песочна; а друзіи по другой сторонѣ Днѣпра у Корсуня» (на Роси, ниже Богуслава). — Глѣбъ, получивъ Кіевъ, отдалъ сыну Владиміру Переяславль. — Далѣе въ лѣтописи: «Идоша Кыеву (Половцы) воевать, и придоша къ *Полоному* граду Св. Богородицы Десятинному и къ *Семычю*, и взяша селъ безъ учета (счета). *Семыча* не знаю; извѣстно мѣстечко Полонное въ Волынской Губерніи. Глѣбъ, заключивъ миръ съ Половцами, стоявшими у Переяславля, ѣхалъ уже къ Корсунскимъ, и на *Перепѣтовомъ полѣ* (см. Т. II, примѣч. 341) услышалъ, что они грабятъ близь Кіева. — Далѣе. «Бѣ же ихъ (Половцевъ) ту 300, и начаша вспрашивати: много ли за вами дружины? Они же рѣша: 7000. Наши же, слышавше то, думаша: оже дамы симъ животъ, а Половецъ много есть назади, а насъ мало; оже ся съ ними начнемъ бити, то се намъ будуть первіи ворози — и избиша всѣ. Бѣ же у Михалка Воевода Володиславъ, Яновъ братъ, и усрѣтоша Половець, и тѣхъ избиша,» и проч. Берендѣи говорятъ Михаилу: «вы есте нашъ городъ; а мы идемь напередь со стрѣлци.» Далѣе: «бѣ же у Половець 900 копій, а у Руси 90.» И Половцевъ и Россіянъ находилось въ битвѣ гораздо болѣе; но здѣсь говорится только о копейщикахъ: другіе были вооружены стрѣлами и мечами. — Далѣе: «Володиславъ (Воевода) замысли взяти стягъ Михалковъ, и наткну нань *прилбицу*.» Сіе слово и нынѣ употребляется въ Польскомъ языкѣ, означая *шлемъ*. Знамя, шелковое или полотняное, привязывалось къ древку и называлось *челкою*. Татищевъ думалъ, что здѣсь дѣло идетъ о *челѣ* пѣхоты, и назвалъ *стяговщика*, т. е. знаменоносца, Полковникомъ. — Далѣе: «Богъ отца его молитвою избави его (Михаила) отъ смерти, якоже и прежъ въ *луцѣ моря*» или въ *лукоморьѣ*: такъ назывался морскій излучистый берегъ, имѣющій видъ лука или дуги. Но когда же Михаилъ сражался тамъ съ Половцами? Мстиславъ въ 1168 году не доходилъ до моря: развѣ въ то время, какъ сей Вел. Князь стоялъ подъ Каневымъ, посылая, можетъ быть, отряды къ устью Днѣпра для защиты шедшаго изъ Греціи флота купеческаго? — Половцами, разбитыми Михаиломъ, предводительствовалъ Ханъ Тоглій.

(3) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Сташа» (Мстиславъ и братъ его) «около града (Дорогобужа) біючися... Мстиславу же городы предахуся, и възведъ городъ Шюмескъ и посла къ Володимерю» (т. е. вывелъ оттуда людей и послалъ ихъ въ Владиміръ)... Посадника Пука, кормилица Володимеря, тамъ же посла... Того же лѣта исходячи преставись Кн. Володимеръ Андреевичь Генв. въ 28, и привезоша его къ Вышегороду Ѳеодоровы недѣли въ Пятокъ: бѣ бо лежалъ непогребенъ нѣколико днеѵ. И посла Глѣбъ Князь Игумена Св. Богородица Печерскаго монастыря, Поликарпа, и Семена Игумена Св. Андрея до Вышегорода, веля има доправити Володимера до Кыева, а самъ поѣха на ону сторону въ Городокъ» (бывшій противъ Кіева, на лѣвомъ берегу Днѣпра)... «а оттуда въ Переяславль. Володимеръ же Мьстиславичь бѣ въ Полономъ... и иде къ Дорогобужю: дружина же Андреевича не пустиша его въ городъ; онъ же посла къ Славнови» (одному изъ главныхъ Бояръ Владиміра Андреевича), «и къ дружинѣ, рече: цѣлую крестъ къ вамъ. Такъ бо бяше къ всей братьи своей *вротливъ*» (вѣроломенъ, отъ слова *рота*): «не управливаше крестного цѣлованія, и уклонивая на имѣніе и на села и на стада Андреевича... и погна Княгыню изъ города... Того жь лѣта пошелъ бяше Мьстиславъ изъ Володимеря къ Кыеву ратью съ братомъ Ярославомъ и Галичане. И Святополкъ Гюргевичь (правнукъ Святополка-Михаила) и Всеволодича (внуки Мономаховы) пустиша бяше свою помочь съ нимъ... Наутріе же въ Субботу пойдоша съ Володимеромъ» (съ его тѣломъ) «изъ Вышегорода. Давыдъ же Князь не пусти Княгыни съ мужемъ до Кыева, и рече: како тя могу ятры (ятровь) пустити? пришла ми вѣсть ночи сей, иже Мьстиславъ въ Василевѣ. А дружинѣ его» (Владиміровой) «рече: а кому васъ годно, а онъ идеть. Они же рекоша: ты самъ вѣдаешь, что есмы учинили Кіаномъ: избіють насъ. Игуменъ же рече Поликарпъ: се дружина его не ѣдуть, а пусти своея нѣсколько; не кто ни конь доведа, ни стяга донесъ. Давидъ же рече: того стягъ и честь съ душею исшла... а то ти Попове Мученическыи» (церкви Бориса и Глѣба) — «Кыяне съ благодареніемъ положиша его въ монастыри Св. Андреа, Февр. въ 21 день, въ первую недѣлю поста, въ Субботу» (по лѣтосчисленію съ Генваря въ 1170 году)... «Пойде Мьстиславъ съ силою многою къ Берендичомъ и къ Торкомъ, и съвокупився пойде къ Треполю и къ Кыеву, и вшедъ въ Кыевъ, въземъ ряды (распорядилъ) съ братьею, съ Ярославомъ и съ Володимеромъ Мьстиславичемъ, съ Галичаны и съ Всеволодковичемъ, и Святополкомъ Гюргевичемъ и Кіаны. Торци же и Берендичи льстяху имъ... и пойде къ Вышегороду, и пустиша на воропъ (наскоро), и бишась крѣпко изъ града. Давыдъ же повелѣ острогъ пожечи до нихъ, и ста Мьстиславъ подъ боромъ и... біяхусь. У Давыда же бяше много дружины, и отъ братья его помочь, и Глѣбъ прислалъ бяше Григоріа Тысяцкого съ помочью, и Половци дикіи, Кончакъ съ родомъ своимъ и съ вои, и Берендичи, Бастіева чадь. Коснятинъ же съ Ярославичи бяше, Воевода съ Галичаны, и рече прославъ къ Мьстиславу: велѣно ми своимъ Княземъ Ярославомъ 5 днiй стояти, и нти къ домови... Мьстиславъ река: мнѣ братъ Ярославъ тако молвилъ: донелѣже уладившеся съ братьею, дотолѣ не пущай моихъ полковъ отъ себе. Онъ же (Коснятинъ) списалъ грамоту ложную и посла къ нему, и пойдоша отъ него Галичане. Мьстиславъ же съ братьею ста предъ Золотыми вороты въ огородѣхъ, и изъ Вышегорода выѣздячи поганіи дицін (дикіе Половцы)... овы избиваху, а ины руками изымаху; яша бо Тысяцкого Всеволодковича... и ины многы отъ Мьстислава розошлися... и пріиде вѣсть, иже Глѣбъ бродится на сю сторону съ Половци и къ Давыдови болше помочи пришло... и братья рекоша (Мстиславу): не можемъ стати противу, а поѣдемъ въ свою волость; мало перепочивше, опять възвратимся. И пойде Мьстиславъ отъ Кыева, второе недѣли по Велицѣ дни въ Попедѣльникъ... и посла Давыдъ Володислава Ляха съ Половци по

немъ, и постигоша я у *Болохова*, и ту стрѣлявшеся съ ними, и възвратишась Половци, много сътворивше зла... Глѣбъ пусти (ихъ) въ вежи, и сташа за Васильевомъ у *Сѣдельниковъ*, съжидаючи дружины своея. Василко жь Ярополчичь изъ *Михайлова* ѣха наня въ ночи... и зблудиша всю ночь, и заутра, всходящю солнцю, удариша на нихъ. Половци жь съвокупившеся съ Сѣдельники, бишась съ ними, и одва убѣжа Василько... Глѣбъ пойде на Василька къ Михайлову съ Рюрикомъ (и съ проч.)... и пустиша, — и городъ его пожгоша, и греблю роскопаша... Въ тожь лѣто разболѣся К. Мьстиславъ Изяславичь въ Володимери... и преставися Авг. въ 19 (въ 1170 году), и спрятавше тѣло его съ честію великою у Св. Богородицы въ Епископьи, юже бѣ самъ създалъ въ Володимери.» О супругѣ Мстислава см. Т. II, примѣч. 322. Кромѣ Романа, онъ имѣлъ еще трехъ сыновей: Святослава, Всеволода и неизвѣстнаго, умершаго съ нимъ въ одинъ годъ (см. ниже, примѣч. 8). Татищевъ пишетъ, что Мстиславъ былъ средняго роста, но широкъ плечами, лицемъ красенъ и столь *крѣпокъ*, что никто почти не могъ натянуть его лука; имѣлъ кудрявые, не длинные волосы, любилъ правду, веселье и женщинъ, но безъ слабости; мало сыпалъ, много читалъ, занимался расправою земскою съ Вельможами и твердилъ дѣтямъ, что честь Князей состоитъ въ правосудіи и храбрости.

(4) Въ *Новогородск. Лѣт.* стр. 37: «иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ съ дружиною (въ 1169 году), и присла Андрей пълкъ свой нанъ.» Въ *Степен. Книгѣ* сказано, что Двиняне *отложились* тогда отъ Новагорода и хотѣли зависѣть отъ Андрея; но сіе извѣстіе, внесенное и въ Прологъ, кажется одною догадкою Сочинителя. И Долгорукій и Боголюбскій, владѣя Бѣлымъ Озеромъ, нападали на дружину Новогородскую, которая ходила въ Заволочье для собиранія дани. Далѣе: «Бяше Новогородьць 400, а Суждальць 7000, и пособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новогородьць 15 мужь.» Въ *Степен.*: «срѣтошася на Бѣлѣ Езерѣ.»

Со Мстиславомъ Андреевичемъ ходили къ Новугороду Романъ Смоленскій, братъ его Мстиславъ, сынъ Рязанскаго, сынъ Муромскаго, и проч. Въ *Лѣт. Новогород.* прибавлено: «вся земля *Простоpусьская*,» вмѣсто *Русская*. Въ *Степен.* и въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано: «единыхъ бо Князей бяше тогда 72.» Татищевъ замѣчаетъ, что и во всей Россіи не было тогда семидесяти двухъ Князей; но всѣхъ ли ихъ знаемъ по лѣтописямъ? Сей же Историкъ говоритъ, что въ Новѣгородѣ былъ тогда Архіепископомъ не Іоаннъ, а Илья: его называютъ тѣмъ и другимъ именемъ; одно мірское, а другое Монашеское (см. Т. II, примѣчаніе 414).

Въ *Прологѣ* сказано (Ноября 27), что Андрей за болѣзнію не могъ самъ предводительствовать войскомъ; но сего извѣстія нѣтъ въ лѣтописяхъ.

(5) Сіе разсужденіе находится въ харатейныхъ лѣтописяхъ, въ *Степен.* (I, 300) и въ другихъ. Въ первыхъ сказано: «Не глаголемъ, прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды Князь нашихъ. Не велѣли имъ предніи Князи крестъ преступати, или внуки или правнуки соромляти (посрамлять). То доколѣ Богови терпѣти?» и проч.

Лѣтописцы говорятъ о дерзости и непостоянствѣ Новогородцевъ съ великимъ негодованіемъ. На примѣръ (въ *Воскресенск.* II, 87): «таковъ бо бѣ обычай окаянныхъ смердовъ измѣнниковъ;» а въ нѣкоторыхъ рукописныхъ еще сильнѣе: «обычай блядиныхъ дѣтей!»

(6) Въ *Степен.* и въ *Никонов.* сей храбрый Якунъ названъ Андреевичемъ.

(7) См. о чудѣ въ *Степен.* I, 302, и слѣд. Тамъ сказано, что Суздальцы въ мысляхъ уже дѣлили по себѣ улицы Новогородскія. Въ Архив. *Псков. Лѣт.* и другихъ: «Застрѣлиша Суздальцы икону, и обратись икона лицемъ на градъ.» Въ *Кіев. Лѣт.*: «Слышахомъ бо преже трехъ лѣтъ, всѣмъ людемъ видящимъ въ 3 церквахъ Новьгородскыхъ, плакала на трехъ иконахъ Св. Богородица; видѣвши бо мати Божія пагубу хотящую быти надъ Новьгородомъ, моляше бо Сына своего съ слезами, абы ихъ не искоренилъ,» и проч. Новогородцы уставили тогда праздникъ *Знаменія Богоматери*: см. *Прологъ* 27 Ноября. Мстиславъ Андреевичь приступилъ къ городу въ Воскресенье, а былъ отраженъ въ Середу, Февр. 25 (см. *Новогород. Лѣт.*): такъ и приходилось въ 1170 году. Въ *Кіев. Лѣт.* здѣсь всѣ годы означены несправедливо; онъ уходитъ впередъ тремя.

Въ лѣтописи: «купляху Суждальць (Новогородцы) по двѣ ногаты.» Ногатъ было 20 въ гривнѣ: см. Т. II, примѣч. 79.

(8) См. Т. II, примѣч. 79 и 255; также Т. I, примѣч. 527. Въ лѣтописи: «купляху *кадь* ржи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по 2 ногатѣ, а медъ по 10 кунъ пудъ.» *Кадь* или *бочка* или *оковъ* содержали въ себѣ 4 четверти. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующее мѣсто, выписываемое мною изъ нашихъ *Хронографовъ* 7110 (1602) году: «Отъ того времени» (то есть, со времени голода, бывшаго при Годуновѣ) «начаша на Москвѣ и во всѣхъ городахъ Русскихъ всякое жито четвериками покупати: а четверикомъ имянуется осмая доля четверти; а прежнія мѣры, которыя имянуеми четверти, то бывало четвертая доля *бочки* или *кади;* тѣ же и *оковами* зваху: оковаху бо по верху тое *кади* желѣзнымъ обручемъ, для того, чтобъ не лзѣ было урѣзати.» Въ нашихъ старинныхъ Ариѳметикахъ подтверждается истина сего сказанія. — Десять кунъ составляли около 57 нынѣшнихъ копеекъ, если оцѣнимъ Фунтъ серебра въ 20 рублей (серебряныхъ): слѣдственно Фунтъ меду стоилъ тогда менѣе трехъ денегъ (серебромъ). — *Никон. Лѣт.* прибавилъ пустую догадку, что Новогородцы выгнали Романа, *узнавъ* о смерти его отца. Въ *Кіев.* же *Лѣт.* такъ сказано: «Пріиде вѣсть къ Романови о отни смерти. Романъ же яви дружинѣ своей и пріателемъ своимъ Новьгородцемъ, и дружина рекоша: не можемъ уже здѣ быти, а пойди къ братьи къ Володимерю. Онъ же, послушавъ дружины, поѣха къ братьи. Въ то же время преставился бяше въ Берестьи братъ ему меньшій... Миръ» (у Татищева *Святославъ*; но сей Князь былъ тогда еще живъ: см. ниже). Въ *Новогород. Лѣт.* именно сказано, что Новогородцы выслали Романа: «показаша ему путь»: учтивое выраженіе, вмѣсто *изгнали*. — Рюрикъ, выѣхавъ въ Новгородъ изъ Овруча Авг. 8 (см. *Кіев. Лѣт.*), пріѣхалъ въ Новгородъ Октября 4.

(9) Глѣбъ умеръ 20 Генв. въ 1170 или 1171 году; его погребли тамъ, гдѣ лежалъ отецъ его Георгій: у Св. Спаса въ Берестовѣ. О характерѣ Глѣба говоритъ *Кіев. Лѣт.* — Вмѣсто Буга, изъ-за котораго приходили тогда Половцы, Татищевъ поставилъ рѣку Углъ.

(10) Въ *Кіев. Лѣт.*; «Посласта Давыдъ и Мьстиславъ по стрыа своего къ Дорогобужю, вабячи къ Кыеву на столъ. Онъ же, преступивъ крестъ къ ротникомъ (союзникамъ) своимъ, къ Ярославу и къ Мьстиславичемъ, иде къ Кыеву и утаився, а сына Мьстислава посади въ Дорогобужи. И сѣде Володимеръ въ Кыевѣ на столѣ *Февр.* въ *пя-*

*тыйнадесять Масленое недѣли:»* слѣдственно въ 1170 году по лѣтосчисленію съ Генваря? въ другихъ лѣтописяхъ поставленъ 1171. Далѣе: «Андреєви же не любяше сѣденіе Володимірѣ въ Кыевѣ, и насылаше панъ, веля ему ити изъ Кыева, а Романови Ростиславичю (Смоленскому) веляше ити къ Кыеву . . . Володимеру бысть болѣзнь крѣпка, ею же скончался Маіа въ 10 *Русальное недѣли* въ Понедѣльникъ» (Троицынъ день былъ тогда Маія 16) . . . Се же много подъя бѣды бѣгающе передъ Мьстиславомъ, ово въ Галичь, ово въ Угры, ово въ Рязань, ово въ Половцѣхъ, за свою вину,» и проч.

(11) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Начаша Половци пакость творити по Руси . . . На Петровъ день Игорь Святославичь ѣха въ поле за Ворьсколъ, и срѣте Половци, иже ту ловять языка, и изойма я, и повѣда ему колодникъ, иже Кобякъ и Кончакъ шли къ Переяславлю. Игорь поѣха противу, и переѣхалъ Ворьсколъ у *Олтавы*» (гдѣ нынѣ *Полтава)* «къ Переяславлю и узрѣшась съ полкы Половецкими (Іюля 20). . . и побѣгоша (Половцы), весь полонъ свой пометавше, бяше бо воевали у *Серебренаго* и у Баруча . . . Поѣха (Игорь) къ празднику Св. Мученику Бориса и Глѣба, и не утяже на канонъ, по Вечерни пріѣха; на утрій же день поча даяти *сайгатъ* Княземъ и мужемъ: и тако Романъ и Рюрикъ и Мьстиславъ одаривше и отпустиша въ свояси.»

(12) Рюрикъ пріѣхалъ въ Новгородъ 4 Окт., а *выѣхалъ* (не *высланъ,* какъ въ *Никон. Лѣт.)* оттуда зимою. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Рюрикови жь идущю изъ Новагорода къ Смоленску, и бысть на Лучинѣ» (нынѣ Луцинѣ въ Витебской Губерніи). «Врьбное недѣли въ Пятокъ, солнцу всходящю, родись у него сынъ, и нарекоша въ Св. крещеніи *дѣдне имя Михайло*, а Княже Ростиславъ, дѣдне жь имя . . . и дасть ему отецъ Лучинъ городъ, въ немъ же родися, и поставиша на томъ мѣстѣ церковь Св. Михаила, гдѣ ся родилъ.» — На мѣсто изгнаннаго Рюрикомъ Посадника Новогородцы выбрали Иванка Захаріинича.

Андрей прислалъ напередъ въ Новгородъ Жирослава съ Боярами своими. Далѣе въ лѣтописи: «На зиму ходи Архіепископъ Новгородьскый къ Андреєви Володимерю на *всю правду*» (для расправы или суда) . . . «Даша опять Посадницьство Иванкови Захаріиницю.»

(13) «Бывшю же Князю Мстиславу на *Городци*, совкуплыпися съ братома своима, съ Муромскымъ и съ Рязанскымъ, на усть Окы.» *Городецъ* есть нынѣ село на лѣвомъ берегу Волги, выше Балахны, въ Нижегородской Губерніи. Далѣе: «Бысть не любъ путь всѣмъ людемъ: зане непогодье (неудобно) есть зимѣ воевати Болгаръ; и *подуче не идяху*» — т. е. *шли не шли*, какъ говорятъ нынѣ.

По харатейнымъ Мстиславъ умеръ въ 6681 году Марта 28, во Вторникъ; но сіе число было Вторникомъ въ 1172 году. Находя въ разныхъ мѣстахъ несогласіе въ лѣтосчисленіи, мы держимся древняго Новогородскаго Лѣтописца какъ исправнѣйшаго. На примѣръ, въ *Пушкин.* несправедливо написано, что Андрей убитъ въ 6683 году, Іюня 29, въ Субботу; точно въ сей день, но въ 1174 году.

(14) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи, и присла къ нимъ Михна, река тако: выдайте ми Григоря Хотовичь и Степанца и Олексу Стославца, яко ти суть уморили брата моего, Глѣба; а то суть ворози всѣмъ намъ,» и проч. — Далѣе: «Михалко же изъ Торцеского самъ не иде въ Кыевъ, но посла вонь брата Всеволода и сыновца Ярополка.»

(15) Сей Ярополкъ, сынъ Ростислава Юрьевича, былъ прежде высланъ Андреевъ изъ Суздальской области, какъ мы упоминали. Изъ Греціи не возвратился одинъ Василько Георгіевичь. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Ростиславичи въѣхавше ночи въ Кыевъ въ Похвалу Св. Богородицы» (на пятой недѣли Вел. поста въ Субботу, а не 28 Іюля, какъ у Татищева) и яша» (кромѣ Всеволода и Ярополка) «Ляха Володислава и Михна и Бояры всѣ. Братіа же даша Кыевъ Рюрикови . . . Пойдоша Ростиславичи на Михалка къ Торцескому, и стояша около его 6 дний, а въ 7 день выслашась къ нимъ и рядиша тако: Михалко бо хвати къ Торцескому Переяславль и лишися Андрея» (оставилъ его) «брата своего и Святослава Всеволодича Чернѣг., а къ Ростиславичемъ приступи.»

(16) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Того же лѣта» — въ годъ Глѣбовой смерти, слѣдственно въ 1170 или 1171 году — «выбѣжа Княгиня Ярославля изъ Галича въ Ляхы съ сыномъ Володимеромъ и Константинъ Сѣрославичь» (коего Татищ. назвалъ Ярославичемъ и сыномъ ея) «и мнози Бояре съ нею, и быша тамо 8 мѣсяцей, и начашась слати къ ней Святополкъ (Бояринъ) и ина дружина, вабячи ю опять, а *княжити* имемъ» )т. е. увѣряя, что они будутъ господствовать). «Володимеръ же посла къ Святославу къ Мьстиславичю» (сыну умершаго Мстислава Изяславича) «прося у него Чрьвна, ать ми будеть ту сѣдячи добро слати въ Галичь» (чтобы я могъ оттуда удобно пересылаться съ Галицкими Боярами): «а иже сяду въ Галичи, то Бужескъ твой возворочю и три городы придамъ. Святославъ же да ему и крестъ цѣлова помогати; и пойде Володимеръ и съ матерью къ Чрьвну, и усрѣте его вѣсть отъ Святополка изъ Галича: поѣди вборзѣ; отца ти есмы яли и пріатели его Чяргьву чядь избили, а се твой ворогъ (врагъ) Настаска. Галичане же, накладше огнь, съжгоша ю, а сына ея въ заточеніе послаша; а Князя водивше къ кресту, яко ему имѣти Княгиню въ правду. И тако уладившеся . . . Выбѣже (въ 1173 году) Володимеръ сынъ Ярославль Галицкого къ Ярославу (Изяславичу) въ Луцескъ: бѣ бо яся ему волости искати. Пославъ Ярославъ Галицкый и приведе Ляхи въ помочь собѣ, и да имъ 3000 гривенъ сребра» (Татищ. умалилъ сумму до 300 гривенъ) съжже 2 города . . . Ярославъ же (Изяславичь) убоявся . . . и пусти Володимера къ Михалкови въ Торъческий и съ матерью: братъ бо бѣ Михалко Олзѣ Княгини; а оттуда поваби Святославъ, тесть его (Владиміровъ), въ Чернѣговъ; хотя и (Михаилъ) пустити къ Суждалю къ Андреєви и не пусти . . . бяше бо тако урядился, яко Володимера Галицкого, сестричича Михалкова, дати Ростиславичемъ и пустити къ отцу, а Ростиславичемъ пустити Всеволода (Георгіевича), и Ярополка, и всю дружину. Всеволода же пустиша, а Ярополка не пустиша: не вмѣнилъ (не вымѣнилъ) еси намъ того.»

(17) Въ *Кіев. Лѣт.*: «ѣдучи (Ростиславичи) и сыновца его (Андреева и Михаилова) выгнаша Мьстислава (Ростиславича, внука Георгіева) изъ Треполя», и проч.

(18) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Мьстиславъ убо отъ юности навыклъ бяше не уполошитися никого же, но токмо Бога единаго блюстися, и повелѣ Андреева посла, емше предъ собою, постричи голову и бороду,» и проч. Слово *подручникъ* въ древнемъ Русскомъ языкѣ знаменовало тоже, что Латинское Vassus, Vassallus, или Польское Hołdownik, внесенное въ *Словарь Академіи Россійской* единственно въ угожденіе Болтину, если не ошибаюсь: ибо онъ думалъ, что мы не имѣемъ въ языкѣ нашемъ слова для выраженія сего смыс-

ла. Въ Олеговомъ договорѣ съ Греками упоминается о Князьяхъ, *иже суть подъ рукою* Великаго Князя: то есть, о *подручникахъ* его или *голдовникахъ*, если Польское, совсѣмъ неизвѣстное у насъ слово предпочтемъ коренному Рускому.

Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «Андрей же, то слышавъ отъ Михна, и бысть образъ лица его потускнѣлъ, и взострися на рать... и събралъ Ростовци и Суждальци, и Володимерци, Переяславци, Бѣлоозерци, Муромци, и Новьгородци и Рязанци, и съчтовъ я́, и обрѣте въ нихъ 50,000... и велѣвшю ему (сыну) ити къ Святославу... Идущимъ же имъ мимо Смоленескъ, наказалъ бо бяше и Романови пустити сынъ свой съ Смолняны; тако Романъ нужею пусти сынъ свой... бяше бо тогда въ рукахъ его. И Полоцкымъ Княземъ пойти *повелѣ* всѣмъ, Туровскымъ и Пинскымъ и Городенскымъ. И пришедшимъ имъ къ Ольговичемъ, и съвокупившимся имъ обоимъ противу Кыеву, тужь пріидоша къ нимъ Гюргевичи, Михалко и Всеволодъ, и Ростиславичи (внуки Георгія Долгорукаго) Мьстиславъ и Ярополкъ, Глѣбовичь (внукъ Долгорукаго) и Переяславци вси... Поидоша отъ Кыева на Рожество Св. Богородицы... и отряди (Святославъ) Всеволода Гюргевича и Игоря Святославича (Сѣверскаго) съ молодшими Князи къ Вышегороду.... Мьстиславъ же Ростиславичь выѣха на болонье противу имъ... и завадишась стрѣлци ихъ межи собою гонячися... И Мьстиславъ устремився на ня, и рече дружинѣ: братья! възрѣвше на Божію милость и на Св. Мученику Бориса и Глѣба помочь... Бяху бо ратніи на 3 полкы стояще: Новгородци, Ростовци, посреди же Всеволодъ съ своимъ полкомъ. Абіе Мьстиславъ съшибеся съ полкы ихъ, и потопташа средній полкъ; и инiи ратніи видѣвше объяша ихъ (окружили): бѣ бо Мьстиславъ въ малѣ въѣхалъ... и тако смятошась обои... и бысть стопаніе и кличь рамна (великіе), и гласи незнаеми; и ту было видѣть ломъ копѣйный и звукъ оружный; отъ множества праха не знати ни конника, ни пѣшца... и разыдошась: много бѣ раненыхъ, смертныхъ же не бѣ много... Пріиде Ярославъ Луческый на Ростиславичи же съ всею Волынскою землею, ища себѣ старѣйшинства во Олговичехъ, и не съступиша ему Кыева. Онъ же, сослався съ Ростиславичи,» и проч.

(19) «Преда (обложилъ данію) Латину.» Сіи Католики были, думаю, купцы иностранные: Поляки, Венгры, Богемцы, и проч. — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано ошибкою: «Ярославъ (изгнанный) слышавъ, яко стоить Кыевъ безъ Князя пограбленъ *Ростиславичами*,» вмѣсто *Ольговичей*. Далѣе въ лѣтописи: «воеваше Олегъ Святославичь Черниговскую волость. Святославъ же умирився съ Ярославомъ, иде на Олга и пожже волость его, и много зла створше, възвратися Чернигову.

(20) См. Т. II, примѣч. 383.

(21) Такъ въ *Воскресен.*, *Ростов.*, *Кіев.* и другихъ; но въ харатейныхъ нѣтъ ни слова о причинѣ злодѣйства. Въ новой лѣтописи о *началѣ Москвы* (Синодал. библ. No 92) сказано, что виновницею убійства была супруга Андреева, сестра Кучковичей: «требоваше бо *пригорновенія* и плотскаго смѣшенія, совѣщася зломысліемъ на господина своего, и по нѣкоемъ времени отай приведе ихъ къ ложу мужа своего и предаде въ руцѣ врагомъ.» Извѣстіе несогласное съ древними лѣтописями.

Городокъ Боголюбовъ нынѣ село на берегу Клязмы. Тамъ находится монастырь, гдѣ есть церковь и кельи весьма древнія. Въ *Кіев. Лѣт.*: «идущимъ имъ (убійцамъ) къ ложници его (Андреевой спальнѣ), и прія ихъ страхъ и трепетъ, и бѣжаша съ сѣней, и шедше въ медушю (погребъ) и пиша вино... и тако упившесь виномъ, идоша на сѣни.» — Въ *Воскресен. Лѣт.* II, 92, и во многихъ: «бяше съ нимъ (съ Андреемъ) *Кощей* единъ, малъ Дѣтескъ» — то есть, *Кощей* или младшій Отрокъ Княжескій.

Далѣе въ лѣтописи: «Рече единъ, стоя у двери: *Господине! Господине!* Князь *Великый!* И рече Князь: кто ты еси? И онъ рече: Прокопій. Князь же рече Дѣтску своему: не *Прокопій*.

(22) Въ Московской Оружейной Палатѣ есть древній мечь Греческой работы, съ вырѣзанною *Греческою* надписью: «Пресвятая Богородица! помоги рабу твоему... Въ лѣто по Христѣ»... Не сей ли мечь принадлежалъ Св. Борису и Андрею? Онъ издревле хранился какъ святыня вмѣстѣ съ Мономаховою шапкою.

Андрей говоритъ злодѣямъ: «почто уподобистеся Горясѣру (убійцѣ Св. Глѣба)? Богъ отмститъ вы мой хлѣбъ» — т. е. отмститъ вамъ за мой хлѣбъ или мои милости.

(23) Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дворянъ* въ смыслѣ *Придворныхъ*.

«Разграбиша и дѣлатели, иже бяху пришли къ дѣлу» — т. е. строителей или художниковъ, призванныхъ Андреемъ. Въ Троицкой лѣтописи именованы въ числѣ Княжескихъ чиновниковъ и *Постельники*.

Въ *Кіев. Лѣт.* «Убіенъ же бысть въ Суботу на ночь, и освите (разсвѣтало) заутра въ Недѣлю на память 12 Апостолу. Окаянніи же шедше убиша Прокопю, милостника его, и идоша на сѣни, и выбраша золото, и камень дорогый, и женчюгъ, и вся узорочія, и до всего любимого имѣніа, и въскладше на милостниковы конѣ, послаша до свѣта прочь: а сами вземше на ся оружіе Княже милостъное» (кое давалось тѣлохранителямъ, любимцамъ Княжескимъ) «почаша съвокупляти дружину къ собѣ, рекучи: ци жда на насъ пріѣдуть дружина Володимерская... и послаша къ Володимерю: ци что помышляете на насъ? а хочемъ ся съ вами кончати; не отъ насъ бо единѣхъ думано, но и отъ васъ суть же въ той думѣ. И рекоша Володимерци: да кто съ вами въ думѣ, тотъ буди вамъ, а намъ не надобѣ... И въ легоша грабить; страшно зрѣти. И тече на мѣсто Кузмище Кыянинъ, али нѣту Князя, идѣ же убіенъ бысть. И поча прошати Кузмище, гдѣ есть? и рекоша: выволоченъ въ огородъ; но не мози имати его; тако ти молвять вси: иже кто ся пріиметь понь, того убіемъ. И нача плакати надъ нимъ Кузмище: Господине мой! како еси не очютилъ скверныхъ вороговъ своихъ, идущихъ къ тобѣ? или камо еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжаа полкы поганыхъ Болгаръ? И тако плакася; и пріиде Аньбалъ Ключникъ, Ясинъ родомъ: тотъ бо ключь дръжаше у всего дому Княжа, и надо всѣмъ ему волю далъ бяше; и рече, възрѣвъ нань, Кузмище: Аньбале вороже! сверзи коверъ или что ли подослати, или чимъ прикрыти Господина нашего. И рече Аньбалъ: иди прочь; мы хочемъ выверечи псомъ. И рече Кузмище: о еретиче! помнишь ли, Жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяше? ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а Князь лежить нагъ; но молю ти ся, сверзи ми что любо — и съверже къверъ и корзно; и обвилъ его и несе въ церковь, и рече: отомкнете... и рекоша: порпни его ту въ притворѣ; печаль ти имъ: уже бо піани суть. И рече Кузмище: уже тебе, Господине, паробци твои не знають. Иногда бо если и гость приходилъ изъ Царягорода и отъ иныхъ странъ, изъ Руской земли, если Латининъ, и до всего Христіанства, и до всеа погани, и рче

(ты): въведете и́ въ церковь и на полаты, да видять истинное Христіаньство и крестятся — яко же и бысть: и крести и Болгаре и Жидове и вся поганы. И ти больше плачють по тобѣ, а сіи ни въ церковь не велять вложити. И тако положивъ его въ притворѣ у божници, и прикрывъ его корзномъ, и лежа ту 2 дни и ночь. На третій день пріиде Арсеній Игуменъ Св. Козмы и Деміана, и рече: долго намъ зрѣвше на старѣйшіа Игумены, и долго сему Князю лежати; отомкнете божницу, да отпою надъ нимъ; вложимъ и́ въ *буду* (деревянный гробъ), любо си въ гробъ, да коли престанеть злоба сіа, да тогда пришедше изъ Володимеря и понесуть и́ тамо. И пришедше клирошане Боголюбскые възъемше его и внесоша въ божницу, и вложиша и́ въ гробъ каменъ, отпѣвше надъ нимъ погребалное съ Арсеніемъ . . . Грабители же изъ селъ приходячи грабяху: такоже и въ Володимери, оли же поча ходити Микулица» (Священникъ, пришедшій изъ Вышегорода съ образомъ Владимірской Богоматери: см. Т. II, примѣч. 383) «съ Св. Богородицею въ ризахъ по граду, то жь престаша грабити . . . Въ 6 день, въ Пятокъ, рекоша Володимерци Игумену Ѳеодулови и Луцѣ Деместнику Св. Богородицы: нарядита носилици, ать поѣдемъ, възмемъ Князя, а Микулици рекоша: събери Попы всѣ; облекшеся въ ризы, выидетежь предъ Сребрянаа ворота съ Св. Богородицею и ту Князя дождеши. И сътвори тако Ѳеодулъ Игуменъ Св. Богородица Володимерскоя съ крилошаны и съ Володимерци, ѣхаша по Князя въ Боголюбое и привезоша тѣло его съ честію и съ плачемъ великымъ; и бысть по малѣ времени, и поча выступати стягъ» (ибо надъ мертвыми Князьями обыкновенно носили тогда знамя) «отъ Боголюбого . . . и людіе вси въпіаху, отъ слезъ не можаху прозрѣти, и въпль далече бяше слышати, и поча народъ молвити плача: уже ли къ Кыеву поѣха, Господине, въ ту церковь тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлати послалъ бяше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, а река: хочю създати церковь таку же, яко же върота си Золота, да будеть память всему отчьству моему? — И спрятавше тѣло его у Св. Богородицы Златоверхоя.» — Въ описаніи Андреевыхъ добродѣтелей прибавлено: «въ нощи ходяше въ церковь и свѣщи вжигиваше самъ, и видя образъ Божій на иконахъ написанъ, възираа яко на самого Творца,» и проч.

(24) «Игуменъ Св. Богородицы Володимерскія съ клирошаны съ Луциною (Лукиною) чадью и сь Володимерци ѣхаша по Князя.» Татищевъ називалъ *чадь*, т. е. людей, *воинами*.

Въ Суздальской Лѣтописи, *Пушкин.* и *Троицк.*, не сказано даже и того, чтобы Владимірцы оплакивали Великаго Князя, хотя она сочинена другомъ Андреевой памяти и жителемъ Владимірскимъ. Описавъ кончину Боголюбскаго, Авторъ обращается къ Андрею и говоритъ: «молися Богу помиловати Князя нашего, господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему побѣду на противныя и многа лѣта съ Княгынею и съ благородными дѣтми, и мирну державу и *царство*.»

(25) Въ харатейныхъ: «не вѣдуче глаголемаго: *идѣ же законъ, ту и обидъ много.*»

(26) «Вторый мудрый Соломонъ бывъ.» — Андрей едва ли дожилъ до 60 лѣтъ. Отецъ его женился въ 1107 году, но имѣлъ старшихъ дѣтей. Татищевъ пишетъ, что Андрей жилъ 63 года.

Въ *Синопсисѣ* сказано, что сей Князь, названный Боголюбскимъ за его любовь къ Богу, до *крещенія* своего именовался *Китаемъ*. Въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того — и развѣ Андрей былъ крещенъ уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ? Имя *Боголюбскаго* дано ему, думаю, отъ города Боголюбова, имъ построеннаго.

(27) Въ *Кіев. Лѣт.:* «Андрей самъ въ Володимери заложи церковь Св. Богородица Апрѣля въ 8 день, въ Вторникъ (въ 1158), и дая ей многа имѣніа, и свободы купленыа, и съ даньми, и села лѣпшаа, и десятины въ стадѣхъ своихъ и торгъ десятый, и *сътвори* въ ней *Епископью.*» Сія церковь была, кажется, совершена въ 1160 году: ибо въ описаніи онаго сказано: «создана бысть церковь Св. Богородица.» Впрочемъ сіе извѣстіе можетъ относиться и къ другой Боголюбской церкви. Въ *Кіев. Лѣт.:* «Създалъ бяше собѣ городъ каменъ Боголюбъ, и толь, яко Вышегородъ отъ Кыева, тако жь Боголюбъ отъ Володимеря. . . и церковь каменну Св. Богородица Рожество посреди города съдавъ въ Боголюбомъ, и удививъ ю паче всѣхъ церквей; подобна та Святаа Святыхъ, юже бѣ Соломонъ създалъ . . . и устрои различными *цатами*» (такъ называются и нынѣ подвѣски у образовъ, сдѣланные на подобіе полумѣсяца и прикрѣпляемые къ вѣнцамъ)» и *аспидными* (іаспидными) цатами украси ю . . . и златомъ, и финиптомъ, и всякою добродѣтелью . . . и Іерусалимъ златъ съ каменіи драгыми . . . извну церкве отъ връха и до долу по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери златомъ же . . . бяше же и сѣнь золотомъ украшена, отъ връху до дейсуса. Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь сильно устроилъ; къ нему жь върота золотая доспѣлъ, другаа серебромъ учини, и доспѣ церковь каменну Съборную Св. Богородица пречюдни велми . . . украси ю отъ злата и сребра, и 5 връховъ ея позолоти; двери жь церковныа троя золотомъ устрои; златомъ же и каменіемъ драгымъ и женчюгомъ украси. . . и многыми паникадилы золотыми и сребряными просвѣти, а онъбонъ отъ золота и отъ сребра устрои, а служебныхъ съсудъ и рипиды златомъ и каменіемъ велми много; а тріе Іерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста и отъ каменіа многоцѣннаго устрои . . . връхъ бо златомъ устрои и комары позолоти, и извну церкве, и по комаромъ же птахы золотыи и кубькы и вѣтрила золотомъ устроена постави.»

Въ томъ же 1160 году сгорѣла въ Ростовѣ Соборная церковь Богоматери, *дивная и великая, яко же не было и не будетъ.* О сей *дубовой* церкви сказано въ *Воскресен. Лѣт.* Ч. I, стр. 155, что построилъ оную первый Ростовскій Епископъ Ѳеодоръ, еще въ княженіе Св. Владиміра, въ 991 году; что въ ней служили *семь* Епископовъ: Ѳеодоръ, Иларіонъ, Леонтій, Исаіа, Ефремъ, Несторъ, Леонъ; и что она стояла 168 лѣтъ. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Андрей велѣлъ на ея мѣстѣ поставить каменную; что тамъ, копая рвы, работники нашли тѣло Епископа Исаіи и мощи Св. Леонтія ни мало не поврежденныя; что *Іоаннъ*, Епископъ Ростовскій, благословеніемъ *Ѳеодора*, Митрополита Кіевскаго, уставилъ торжествовать Леонтіеву память 23 Маія. Сей Лѣтописецъ не зналъ, что Ѳеодора Митрополита уже давно не было, когда Епископъ Іоаннъ заступилъ мѣсто Луки.

Въ 1164 году освятили въ Владимірѣ церковь на Златыхъ вратахъ и заложили храмъ Спаса.

Авторъ *Синопсиса* говоритъ, что Андрей въ 1159 году, будучи Государемъ *всей Россіи*, *по заповѣди отца* своего отдалъ Кіевской Лаврѣ городъ Василевъ (*гдѣ родился Св. Ѳеодосій*) вмѣстѣ съ городкомъ Мическимъ (*надъ рѣкою Микою*) и монастыремъ Николая Чудотворца, подчинивъ сверхъ того Архимандритамъ сей Лавры монастырь Свѣнскій подъ Брянскимъ, Спасскій подъ Новогородкомъ, Успенскій или Елецкій въ Черниговѣ; объявилъ также Лавру навсегда независимою отъ Ми-



273

тропол итовъ Россійскихъ. Андрей въ 1159 году еще не имѣлъ никакой власти надъ Кіевскимъ Княженіемъ; а Черниговская земля никогда отъ него не зависѣла.

(28) Баснословный *Никон. Лѣт.* разсказываетъ, что въ 1160 году Андрей, созвавъ Князей и Бояръ, говорилъ имъ: «Градъ сей Владиміръ созда Святый и блаженный Великій Князь, просвѣтивый всю Русскую землю святымъ крещеніемъ. Нынѣ же азъ грѣшный благодатію пречистыя Богородицы расширихъ и вознесохъ его: хощю бо сей градъ обновити Митрополіею, да будетъ Великое Княженіе и глава всѣмъ.» Князья и Бояре одобрили такое намѣреніе, и Яковъ Станиславичь отправился посломъ въ Царьградъ. Но Патріархъ Лука на то не согласился: многорѣчивое мнимое посланіе его къ Великому Князю, сообщаемое симъ Лѣтописцемъ, кажется не весьма искуснымъ изобрѣтеніемъ Русскаго монаха. Лука, оправдывая изгнаннаго Епископа Ростовскаго Нестора, заклинаетъ Андрея возвратить ему престолъ Епископскій. «Аще и всего міра (пишетъ Патріархъ) исполниши церкви и монастыри, и грады возградиши паче числа, гониши же Епископа, главу церковную и людскую, то убо не церкви, но хлѣва суть, и проч.

(29) Въ харатейныхъ и другихъ: «того же лѣта (въ 1159) выгнаша Ростовци и Суждальци Леона Епископа, зане *умножилъ* бяше *церковь*, грабя и Попы.» Выраженіе: «умножить церковь,» значитъ, думаю, *умножить церковные налогы*, а не то, чтобы Леонъ (Леонтій) размножилъ число церквей. Въ *Кіев. Лѣт.*: «въ томъ же лѣтѣ (1158) Леона (взяша) на Епископью въ Ростовъ... Выгна Андрей (въ 1162 г.) Епископа Леона изъ Суждаля... и Леона возврати опять, покаявся отъ грѣха того, но въ *Ростовъ*, а въ *Суждаль* не да ему сѣдѣти, и держа и́ 4 мѣсяца въ Епископьи, и нача просити у него отъ Воскресенія Христова до всѣхъ Святыхъ ѣсти мяса въ Среду и въ Пятокъ: Епископъ же повелѣ ему едину Праздную недѣлю ясти мя́со въ Среду и въ Пятокъ, а прочіа добрѣ хранити. Онъ же про ту вину выгна изъ земли своея, и пріиде (Леонъ) къ Чернѣгову къ Святославу Олговичю: Святославъ же утѣшивъ и́ добрѣ, пусти къ Кыеву къ Ростиславу.» Въ *Пушкин.* и въ *Троиц.* нѣтъ сего обстоятельства, и сказано, что Леонъ въ 1164 году завелъ ересь. Далѣе: «Леонъ Епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру живущю, перехвативъ Нестеревъ столъ, поча въ Суждали учити не ѣсти мясъ» (то есть, въ Господскіе праздники)... «Бысть тяжа про то велика предъ Княземъ Андреемъ, предо всѣми людми, и упрѣ его (Леона) Владыка *Θеодоръ*.» Сей Θеодоръ, думаю, не тотъ, о коемъ говорится ниже (см. примѣч. 30).

Далѣе: «Сущимъ ту у Царя всѣмъ сломъ (посламъ), Кыевскый солъ (въ Никон. Иванъ Яковль) и Суждальскый Илья (въ *Ник.* Андреевъ).»

См. сей Исторіи Т. II, примѣч. 424. Въ числѣ противниковъ Леоновыхъ находился и Св. Кириллъ, Епископъ Туровскій, мужъ знаменитый ученостію по тогдашнему времени, который имѣлъ переписку съ Андреемъ Боголюбскимъ (см. *Прологъ*, Апрѣля 28) и сочинилъ нѣсколько разсужденій богословскихъ. Мнѣ извѣстно одно изъ его твореній, *Кюрила Епископа Туровъскаго сказаніе о Черноризьчьстімъ чину*, найденное мною въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библіот. No. 82). Въ примѣръ слога и мыслей выписываю слѣдующее: «Прьвое речемъ о исходящихъ изъ міра въ монастырь и възимающихъ искусныѣ ризы Мнишьскаго образа; по уставу отъ обою закону исправлепо быстъ то, и лѣпо есть пьрвѣе въ искусѣ быти. Внимай своему образу и житью, Мнише, и смотри своихъ ризъ обълченія, и познай собе... Да не будеши короставъ и хромъ, и слѣпъ, и раньнъ; си бо вси повержени бываютъ, порока дѣля, псомъ и птицамъ на снѣдь... Блюди опасно, да не бѣсомъ покоище» (покоемъ или храминою) здѣ бывъ и душю свою геенськимъ повьржеши птицамъ, короставъ бывъ твореніемъ грѣховъ, хромъ же прилѣжаніемъ житійскихъ вещій, слѣпъ же неплодьствомъ жива (живя), о чревѣ токмо пекася... Токмо до церковныхъ дьврій въ своей воли буди и о томъ не расматряй, како и чимъ тя потваряеть» (творятъ): «риза ли еси до пріемлющаго тя въ руку, знай собе; къ тому не помысли, аще и на онучѣ растерганъ будеши. Точью до монастыря имѣй свою волю; по въспріятьи же образа всего собе повьрзи въ покореніе, ни мала своевольства утай въ сердци твоемь, да не умрешь душею, аки Ананія услышавъ Петра глаголюща ти: *почто въсхотѣ искусити Духъ Святый? и не солга человѣкомъ, нъ Богови.* Да не неродиши о своемъ обѣтѣ, да не събудеться на тобѣ писаніе, глаголющее: луче бы не познати истины, нели познавъши уклонитися отъ нея.»

(30) *Никон. Лѣт.* разсказываетъ, что сей Монахъ или Калогеръ Лавры Кіевской, Θеодоръ, племянникъ Петра Бориславича (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 422) въ 1170 году ѣздилъ въ Царьградъ съ великимъ богатствомъ, и тамъ отъ Патріарха былъ поставленъ въ Ростовъ Епископомъ. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Андрей посылалъ Θеодора *ставиться* въ Кіевъ (см. *Воскресенк.* II, 81): слѣдственно онъ еще не былъ посвященъ, а только избранъ Княземъ или народомъ. Такъ Великій Ярославъ избралъ въ Епископы Жидяту (см. въ печатн. *Несторѣ* стр. 105), а народъ въ Новѣгородѣ Аркадія (см. *Лѣтопис. Новогородск.* стр. 31) и другихъ. Что Андрей признавалъ Θеодора достойнымъ сана Епископскаго, заключая изъ словъ древняго Лѣтописца: «Князю же о немъ *добрмыслящу* и добра ему хотящю.» — Въ *Прологѣ* (Авг. 1) названъ Ростовскій Святитель Несторъ учредителемъ ежегоднаго торжества въ память одержанной въ 1164 году надъ Болгарами побѣды; но въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того, чтобы Несторъ, въ 1156 году лишенный Епископіи, возвратился на престолъ свой. Сочинители Каталоговъ также несправедливо, думаю, говорятъ о *второмъ* Несторѣ, будто бы поставленномъ въ Царѣградѣ въ 1164 году.

Далѣе въ лѣтописи: «Много бо пострадаша человѣци отъ него Θеодора въ держаньи (по *Троицк.* списку: въ *державѣ*) его селъ, *изнебывше* (лишась) оружья и конь. Друзіи же и работы (рабства) добыша; заточенья же и грабленья не токмо простьцемъ (мірянамъ), но и Мнихомъ, Игуменомъ, Іереямъ,» и проч. *Лѣт. Никонов.* пишетъ, что Θеодоръ (или, какъ назвали его въ знакъ презрѣнія, *Θеодорецъ*) мучилъ и *Князей* и *Бояръ* и Постельничихъ Андреевыхъ, варилъ женщинъ въ котлахъ, отрѣзывалъ носы, уши; что всѣ трепетали его: ибо онъ «*рыкалъ* какъ левъ, былъ величественъ какъ дубъ, языкъ имѣлъ чистый, велерѣчивый, мудрованіе козненное,» и проч. — Сего удивительнаго злодѣя взяли подъ стражу Маія 8, 1169 году. *Никон. Лѣт.* изъ милости навязываетъ ему на шею жерновный камень и топитъ его въ *морѣ* (хотя море и далеко отъ Кіева); а Татищевъ ссылается на островъ Псій.

(31) Извлеченіе изъ сей лѣтописи напечатано въ Казанской Исторіи Рычкова и въ журналѣ его путешествія, Ч. II, стр. 30. Подлинная рукописная находится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, въ собранныхъ Миллеромъ историческихъ бумагахъ,

подъ No. 73. Въ ней есть анахронизмы, происшедшія отъ глупыхъ дополнителей. На примѣръ, Авторъ не могъ написать, что Великій Ярославъ, княживъ въ 1020 году, княжилъ и въ 1174, когда Новогородцы пришли въ землю Вятскую, и что они, готовые приступить къ городку Болванскому, молились Борису и Глѣбу такъ: «яко же иногда Новгородскому Князю Александру Невскому даровали есте побѣду:» Александръ тогда еще не родился.

(32) Сіе было уже въ 1181 году. — Никулицынъ есть нынѣ село Никулицкое. Далѣе въ лѣтописи: «И начаша ко граду (Кокшарову) приступати, и въ другій день изъ града того жители побѣжаху, инии же градскія врата отвориша, возвѣщающе Новгородцемъ, что имъ показася ко граду приступающе неисчетное воинство.» Далѣе: «И абіе снидошася посланніи отъ обою страну Новгородцевъ, отъ Болванскаго городка и отъ Кашкарова (нынѣ же нарицается Котельничь), согласишася устроити общій единъ градъ крѣпкій отъ нашествія супостатъ, и избравше мѣсто прекрасно надъ рѣкою Вяткою, близъ устья рѣки Хлыновицы, на высокой горѣ, иже нынѣ зовется *Кикиморская;* мѣсто бо оно ко вселенію удобно, и съ тоя горы источники водъ истекающи мнози... И заутра обрѣтоша все изготовленіе Божіимъ промысломъ пренесено по Вяткѣ рѣкѣ ниже на высокое, паче пространнѣйшее мѣсто, иже въ то время нарицашеся *Баляксово поле*... И на томъ мѣстѣ въ началѣ поставиша церковь Воздвиженія, и парекоша градъ Хлыновъ, рѣчки ради Хлыновицы. И тако начаша общежительствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители, и правы своя отеческія и законы и обычаи Новгородскія имяху на лѣта многа, до обладанія Великихъ Князей Русскихъ, и прозвашася Вятчане рѣки ради Вятки... Въ лѣто 6967 Великій Князь Василій Васильевичь Московскій Вятскую землю взялъ и дань положилъ: были самовластни 278 лѣтъ.»

(33) Сей обрядъ и нынѣ исполняется: только стрѣлы отмѣнены. Изъ села Никулицкаго приносятъ также въ Вятку образъ Св. Бориса и Глѣба, въ воспоминаніе счастливаго приступа къ городку Болванскому.

Далѣе въ лѣтописи: «они же (Вятчане) въ отмщеніе укоризны ихъ рекоша, что будто имъ изъ Новаграда на Вятку бѣжавшимъ, сжившимся съ женами Новгородцевъ, и дѣтей прижившимъ, а имъ Новгородцемъ будто бывшимъ на войнѣ семь лѣтъ, посланнымъ изъ Великаго Новаграда. И сего во многихъ древнихъ Лѣтописцахъ нигдѣ же обрѣтается; *написаша* то Вятчане во отмщеніе укоризны Новгородцевъ, понеже изъ Новагорода отлучишася съ согласія ихъ.» См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 458.

Маловажные случаи послѣднихъ лѣтъ Андреева княженія суть слѣдующіе: Въ 1171 году родился сынъ Василій у Мстислава Андреевича. Въ 1172 заложили церковь Св. Іакова въ Неревскомъ Концѣ въ Новѣгородѣ: тамъ же Архіепископъ Іоаннъ, въ 1173 году Окт. 14., святилъ церковь Св. Бориса и Глѣба въ городѣ, а другую каменную, Св. Георгія, на воротахъ. Въ 1174, Генв. 11, скончался братъ Андреевъ, Святославъ Юрьевичь, о коемъ сказано въ лѣтописяхъ: «Бѣ избранникъ Божій. Отъ рождества и до свершенія мужества бысть ему болѣсть зла, ся же болѣзни просяхуть на ся Св. Апостоли и Св. Отци у Бога... Тѣло мучится, а душа спасается: тако жь и тотъ воистинну Св. Святославъ, избранный въ всѣхъ Князехъ: не да бо ему Богъ княжити на земли, но да ему царство Небесное. Положено бысть его тѣло въ церкви Св. Богородицѣ (въ) Суздали.» Татищевъ говоритъ напротивъ, что сей Князь былъ *здоровъ* до совершеннаго возраста, и любилъ состязаться съ Учеными Греческими и Латинскими! — Въ томъ же году, Генваря 19, умеръ Князь Муромскій, Юрій Ярославичь, сынъ Ярослава Святославича, внука Великаго Ярослава, и погребенъ въ созданной имъ церкви *Христовой*. — *Никон. Лѣт.* говоритъ о двухъ нападеніяхъ Половцевъ на южную Россію и походѣ Новогородцевъ на Чудь, думаю, такъ же справедливо, какъ о смерти, въ 1171 году, Новогородскаго Посадника *Васки Буславича*, котораго никогда не бывало (см. *Новогород. Лѣт.*)

Упомянемъ также о нѣкоторыхъ прибавленіяхъ Татищева. Въ лѣтописяхъ нѣтъ того, чтобы Андрей бралъ дань съ *Еми;* чтобы Суздальцы разбили двухъ Воеводъ Новогородскихъ; чтобы рать Андреева отступила отъ Новагорода за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ; чтобы Василько Ярополковичь выпросилъ себѣ Брестъ и Дрогичинъ; чтобы Романъ Мстиславичь *тайно* уѣхалъ изъ Новагорода: чтобы въ 1172 году поставили Леонтія, Спасскаго Игумена, въ Епископы Ростову; чтобы въ 1173 году Романъ Смоленскій ходилъ на Литву (см. примѣч. 108): чтобы Андрей взялъ къ себѣ Княгиню ГалицкуюОльгу; чтобы Михаилъ былъ зять Черниговскаго Святослава; чтобы Князья Черниговскій и Сѣверскій обманывали Андрея; чтобы братъ Давидовъ назывался Игоремъ; чтобы Рюрикъ возвратился въ Новгородъ, а Черниговскій требовалъ *Городка* отъ Ярослава; чтобы Новогородцы вторично изгнали Рюрика; чтобы Андрей имѣлъ черные, кудрявые волосы, высокій лобъ, большіе глаза и проч.; чтобы Княгиня Андреева уѣхала отъ мужа въ Владиміръ, и послѣ съ убійцами въ Москву, и проч.

(34) См. *Росс. Библіот.* стр. 261. Въ подлинникѣ сказано: *пригородовъ*.

(35) «Слышаху Дѣдилца и Бориса, *Рязанскою послу*» (двухъ).

Князь Глѣбъ былъ сынъ Ростиславовъ и внукъ Ярослава Святославича, Рязанскаго и Муромскаго (см. Т. II, примѣч. 247).

Далѣе въ лѣтописи: «И сущю ту Михалку Гюргевичу съ нима у Святослава Князя Черниговѣ, и рекоста Мстиславъ и Ярополкъ: *помози Богъ дружинѣ, оже не забываютъ любве отца нашего.* И здумавше рекоша: *любо лихо, любо добро всѣмъ намъ; пойдемъ вси* 4 — Гюргевича два и Ростиславича два.» Отецъ сихъ послѣднихъ, сынъ Георгіевъ, былъ Князь Переяславскій (см. Т. II, примѣч. 344). Послы Суздальскіе говорятъ имъ: «отецъ вашъ добръ былъ, коли *княжилъ* у насъ:» Ростиславъ могъ княжить въ одномъ изъ городовъ Суздальской области прежде, нежели отправился въ южную Россію. — Мстиславъ и Ярополкъ были въ 1162 году изгнаны Андреемъ.

(36) Въ харатейныхъ: «не хотящихъ *намъ* добра завистью граду сему и живущимъ въ немъ:» слѣдственно Авторъ лѣтописи былъ житель Владимірскій.

(37) «Постави бо прежде градъ сь *Великій* Володимеръ» (въ *Никоновск.* блаженный) «и потомъ Князь Андрей.» Здѣсь, думаю, названъ *Великимъ* не Владиміръ *Святославичь*, а Мономахъ (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 238), коего также именовали *Великимъ* (см. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 312). Говоря о Владимірѣ Святомъ, Лѣтописцы обыкновенно прибавляютъ: *иже крести Русьскую землю* — чего тутъ не сказано. Впрочемъ быть можетъ, что жители Владимірскіе въ XIII вѣкѣ, желая придать городу своему большую знаменитость, уже называли строителемъ его не Владиміра Мономаха, а Владиміра Святаго.

274

Далѣе въ лѣтописи: «Въ Святѣй Богородицѣ весь порядъ положше.» — Далѣе: «роздаяла бяста (Ярополкъ и Мстиславъ) по городомъ Посадничьство *Русьскымъ* Дѣтьцкимъ.» Мы уже замѣтили, что Русью называлась тогда преимущественно южная Россія.

(38) См. ниже, примѣч. 41. Въ харатейныхъ употреблено здѣсь двойственное грамматическое число, то есть, говорится вмѣстѣ о Ярополкѣ и Мстиславѣ, что *они* взяли ключи, церковное богатство, и проч. Въ другихъ спискахъ именованъ одинъ Ярополкъ.

Далѣе: «Послашася (Владимірцы) къ Ростовцемъ и Суждальцемъ, являюще имъ свою обиду; они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ далече суще; а Боляре Князю тою держахуться крѣпко.» Ниже: «хотяще (Бояре) свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья, но *како намъ любо*, рекоша, *тако створимъ: Володимерь есть пригородъ нашь.*» Здѣсь, вмѣсто древнѣйшаго имени Бояре, писано *Боляре*.

(39) Съ Владиміромъ Святославичемъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пойде Михалко и Всеволодъ братъ его, изъ Чернѣгова. Святославъ же пристави (къ нимъ) сына своего, Володимера, съ полкомъ Маа въ 21 день. Вышедшю же Михалкови, поя его болѣзнь на Свинѣ, и носяша его на носилици, токмо еле жива, идоша съ нимъ до *Кучкова, рекше до Москвы*, и ту срѣтоша его Володимерци съ Андреевичемъ Юрьемъ: одни бо Володимерци бяху ему добри. Сѣдшю ему обѣдати, пріиде ему вѣсть, иже сыновець его, Ярополкъ, идеть пань; и поидоша изъ Москвы къ Володимерю. Ярополкъ же уступи имъ на сторону. Московляне же слышавше, иже идеть за не Ярополкъ, възвратишась въспять, блюдучи домовъ своихъ. Переѣха (Михаилъ) рѣку Кулакшу (Колокшу), и быша на поли Бѣлеховѣ; ѣдучи же Володимеру Святославичю напереди,» и проч.

Далѣе: «Си же вѣсть приде ему (Мстиславу) отъ брата въ Суботу, и яви дружинѣ. Заутра поѣха изъ Суждаля борзо, яко же на заяць... Михалку не доѣхавше Володимеря за 5 верстъ, срѣте й Мстиславъ... Вси во броняхъ яко въ *леду*:» т. е. они блистали какъ ледъ. — Далѣе: «гоними (Суздальцы) гнѣвомъ Божьимъ и Св. Богородици.» Въ *Никонов.* сказано, что Мстиславъ не успѣлъ собрать всей дружины своей, и что она погнала на *грунахъ*, т. е. на рысяхъ. — Далѣе: Михалко поѣха въ Володимерь съ честью и славою великою, дружинѣ его и Володимерцемъ ведущимъ предъ нимъ колодникы... Выидоша противу со кресты Игумени и Попове и вси людье... Въѣха Іюня мѣсяца въ 15 день, а въ день Недѣльный» (слѣдственно въ 1175 году: ибо тогда, а не въ 1176, было 15 Іюня Воскресеньемъ) Въ *Кіев. Лѣт.*: «И потомъ посла Святославъ (Черниговскій) жены ихъ, Михалковую и Всеволожую, приставя къ нимъ сына своего, Олга, и проводи я до Москвы. Олегъ же възвратився въ свою волость Лопасну» (гдѣ течетъ рѣка сего имени)... и зая Свирѣлескъ» (нынѣ село въ 60 верстахъ отъ Москвы, къ Серпухову): бяше бо и то волость Чернѣговскаа» (въ землѣ Вятичей). «Глѣбъ же (Рязанскій) увѣдавъ то, посла сыновца своего Гюргевича на Олга... Біахуся на Свирильску, и побѣди Олгъ *шюрина* своего, а самъ одва утече.» Слѣдственно Глѣбъ имѣлъ брата *Юрія*, о коемъ не упоминается въ Родослов. Книгахъ; а Олегъ былъ женатъ на дочери сего Юрія Ростиславича.

(40) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 41: «въ лѣто 6683 (въ 1175) выведоша изъ Новагорода Князя Гюргя Андреевица, а Мьстиславъ сынъ свой (Святослава) посади Новѣгородѣ. Въ томъ же лѣтѣ вниде самъ въ Новгородъ, бився съ стръемъ своимъ Михалкомъ.»

(41) «Иде Михалко на Глѣба къ Рязаню, и бывшю ему на Мерской» (теперь Нерской, рѣкѣ въ Московск. Губерн.) усрѣтоша и́ послы Глѣбовы, «рекуще: *Глѣбъ ся кланяеть: азъ во всемъ виноватъ... Ворочю все до золотника.*»

(42) См. въ *Росс. Библіот.* стр. 261, 262. Но въ печатн. многихъ словъ нѣтъ. Въ харатейныхъ спискахъ: «не разумѣша правды Божья исправити Ростовци давніи, творящеся старѣйшіи; новіи же люде *мѣзиніи* Володимерстіи уразумѣвше яшася по правду крѣпко,» и проч. Слово *мѣзиніи* значитъ малѣйшіе; отъ него происходитъ имя *мизинца*, а не отъ *мизанія* или миганія, какъ думалъ Сочинитель *Церковн. Словаря*. — Въ лѣтописи сказано выше: «не убояшася (Владимірцы) Князя два (двухъ) имуще въ власти (области) сей, и Болярь ихъ прещенія ни вочто же положиша, за *семь недѣль* безо Князя будуще.

Михаила погребли въ Соборной Владим. церкви (см. ниже, примѣч. 46).

(43) См. *Степен. Книгу*, I, 285. Въ новѣйшей лѣтописи о *Началѣ Москвы* (Синод. Библ. No 92) сказано даже, что Михаилъ повѣсилъ виновную невѣстку свою на воротахъ и разстрѣлялъ; убійцъ же велѣлъ бросить въ озеро (см. ниже).

(44) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ то же лѣто (1175) Олегъ Святославичь послася съ шюриномъ своимъ и поведе я́ на брата своего, Святослава, на Чернѣговъ, и пришедше Ростиславичи и Ярославъ (Изяславичь Кіевскій) пожгоша Лутаву и Моровійскъ и цѣловавше крестъ, възворотишась. Олегъ же съ братома пріиде къ Стародубу, но города не взя, но что скота около Стародуба всѣхъ селъ его заемъ, гна къ Новугороду. Святославъ же съ братомъ Ярославомъ иде на Олга къ Новугороду и приступиша... и Олгъ наряди полкъ свой... и толко по стрѣлѣ стрѣливше, побѣгоша; самъ же утече Князь въ городъ, а дружину его изоймаша, а острогъ пожгоша; а заутра выслася съ миромъ, и умиришася... Тогда же пришелъ бяше Романъ изъ Смоленска братьи своей въ помочь. Ярославъ же рече: привели есте брата своего, Романа, а даете ему Кыевъ — и пойде изъ Кыева въ Луческъ. Они же начаша слати по немъ, вабячи его опять въ Кыевъ; онъ же не послуша. Романъ же сѣде въ Кыевѣ. Пріидоша Половци» (въ 1176, а не въ 1177 году) «на Русьскую землю Русалное недѣли» (передъ Троицею). «Сѣдящю Романови въ Кыевѣ, посла брата своего, Рюрика, и сына своего. Половци же взяша 6 городовъ Берендичь» (принадлежавшихъ Берендѣямъ) «и поидоша къ Ростовцю (*). Давыдъ же бяше не притяглъ, и бывши распри межи братьею, и постиже (Давилъ) Рюрика и сыновца своя, Ярополка и Бориса (Романовичей), и постигоша Половци у Ростовца, и Половце оборотишась, побѣдиша полкы Рускіа, и много Бояръ изоимаша, а Князи въбѣгоша въ Ростовецъ. То слышавше Олговичи и Всеволодичь Святославъ, обрадовашася. Въ то же лѣто Святославъ поѣха къ Кыеву, молвяше же Романови: брате! я не ищю подъ тобою ничего же; но рядъ нашъ такъ есть: еже ся Князь извинить» (будетъ виновенъ) «то волость, а мужъ» (Княжескій или Бояринъ) «въ голову. Давыдъ виноватъ,» и проч. Далѣе: «Святославъ же посла брата своего Ярослава и Олга (сына своего); они же, прешедше Днѣпръ, послашась къ Мьстиславу Володимеричю, къ зяти своему, веля ему отступити отъ Рости-

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Ростовецъ нынѣ Ростовка въ Липовецкомъ Повѣтѣ. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

славичь. Мьстиславъ же обѣщася . . . и поидоша къ Треполю, и Мьстиславъ пойде къ воротомъ Воднымъ изъ города, утаився Ярополка (Романовича). . . и отвори городъ; а Ярополкъ пойде къ отцу. Пріѣхавъ же Святославъ съ полкы, ста у Витичева, и ту пріѣхаша къ нему Кыане, рекучи: уже Романъ шелъ къ Бѣлугороду. Святославъ же вниде въ Кыевъ въ день Св. Пророка Ильи; оттуду же посла братью свою къ Бѣлугороду, и не успѣвше ничто же, возвратишась. Пріиде Мьстиславъ (Ростиславичь) съ полкомъ своимъ, и рекоша Ростиславичи: иже Богъ хочеть, то завтра дадимъ полкъ (битву) Святославу. . . Святославъ же побѣже черезъ Днѣпръ у устья Лыбеди, и потопоша людіе многи. Преже жь того послалъ бяше въ Половци . . . и пріѣхавше къ Торцьскому, много людій поимаша. Ростиславичи же, не хотячи губити землѣ Руской,» и проч.

Маловажныя происшествія сего времени: Въ 1175 году, въ исходѣ *Генваря* мѣсяца (число показано разно) во Вторникъ Мясопустныя недѣли, Ярополкъ Ростиславичь, тогда Князь Владимірскій, сочетался бракомъ въ Соборной церкви съ дочерью Всеслава (Васильковича), Князя *Витебскаго* (и Полоцкаго), привезенною къ нему изъ Смоленска. Витебскимъ Княземъ въ 1165 году былъ Давидъ Ростиславичь (см. Т. II, примѣч. 407). Вѣроятно, что онъ, переѣхавъ въ Вышегородъ, уступилъ Витебскъ Всеславу. — Въ 1175 же году: «Загорѣся (въ Новѣгородѣ) пожаръ отъ *Дейгуниць* и сгорѣша церкви 3, Св. Михаила и Св. Якова и Св. Вознесенія. Въ то же лѣто преставися Посадникъ Иванко Захаріиничь, и даша Жирославу опять — и выгнаша Жирослава изъ Посадництва, и даша Завиду Неревиницю. — Въ лѣто 6684 (1176) иде Вълхово (Волховъ) опять на взводье по 5 днiй» (т. е. весною шелъ вверхъ). «Той же веснѣ женися Князь Мстиславъ Ростиславичь Новѣгородѣ, и поя у Якуна дчерь у Мирославиця.» И такъ жена его, плѣненная Владимірцами (см. выше), скоро умерла. Въ лѣтописи сказано: «Ростиславлюю, матерь ихъ (Мстислава и Ярополка) съ *снохама*» (съ двумя, а не *одною*, какъ у Татищ.) «иріяша Володимерци.» Въ томъ же году Новогородецъ Михаль соорудилъ церковь Св. Михаила, а Моисей Доманѣжичь Св. Іоанна на Чудинцовой улицѣ. Родился у Игоря Сѣверскаго сынъ Олегъ-Павелъ, а въ 1177 году Святославъ-Андреянъ.

Татищевыхъ прибавленій не мало. Въ лѣтописяхъ нѣтъ того, чтобы старые Бояре Суздальскіе думали призвать Михаила на княженіе до возраста Андреева сына, Георгія (который былъ уже не младенцемъ, ибо еще при отцѣ ходилъ съ войскомъ къ Кіеву); чтобы народъ, боясь мести за убіеніе Андрея, единственно для того желалъ имѣть Князьями враговъ его, Ростиславичей; чтобы Святославъ Черниговскій вмѣшивался въ сіе дѣло и давалъ совѣты; чтобы Михаилъ за область Суздальскую уступилъ Ростиславичамъ Переяславль южный; чтобы убійцы Андреевы не давали сему Князю мириться съ племянниками, и чтобы онъ, будучи осажденъ въ Владимірѣ, пересылался со Мстиславомъ; чтобы племянники ругались надъ нимъ, когда онъ выѣзжалъ изъ города; чтобы Романъ Смоленскій *выгналъ* Ярослава изъ Кіева; чтобы Михаилъ въ битвѣ съ Ростиславичами велѣлъ щадить бѣгущихъ и только снимать съ нихъ одежду; чтобы его послы ѣздили благодарить Святослава Черниговскаго за усердное вспоможеніе; чтобы Глѣбъ Рязанскій возвратилъ ему и похищенный имъ мечь Св. Бориса; чтобы Михаилъ имѣлъ торжественный совѣтъ съ Боярами, желая знать ихъ мысли объ Андреевомъ убійствѣ, судилъ виновную невѣстку (будто бы *Ясыню* родомъ), велѣлъ *утопить* ее въ озерѣ (названномъ отъ того *поганымъ*), *отрубилъ* убійцамъ головы и роздалъ ихъ имѣніе обиженнымъ, вдовамъ и сиротамъ; чтобы Михаилъ часто ѣздилъ по городамъ, и никогда не запиралъ дверей во дворцѣ своемъ; чтобы сей Великій Князь былъ малъ, сухъ, имѣлъ длинную бороду, кудрявые волосы, кривой носъ, говорилъ языкомъ *Латинскимъ* и Греческимъ, и никогда не хотѣлъ спорить о Вѣрѣ. Несправедливо думая, что Мстиславъ Ростиславичь, пріѣхавшій къ Новогородцамъ въ 1175 году (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 41), былъ Князя Романа Смоленскаго и Давида Вышегородскаго братъ. Татищевъ пишетъ, что сей Мстиславъ *ходилъ изъ Новагорода* помогать Роману противъ Святослава Черниговскаго.

(45) См. *Росс. Библіот.* 255. Здѣсь Переславль Залѣсскій, въ коемъ господствовалъ тогда Всеволодъ, названъ въ лѣтописяхъ городомъ на *Клещинѣ озерѣ*: «градъ Переславль, иже на Клещинѣ озерѣ» (*Никон. Лѣт.* II, 229).

(46) Сынъ Мстислава, оставленный имъ въ Новѣгородѣ, назывался Святославомъ. Въ харатейныхъ: «Приведоша Ростовци и Боляре Мстислава изъ Новагорода, рекуще: *пойди, Княже, къ намъ: Михалка Богъ поялъ на Волзѣ на Городци . . . на живого* Князя Михалка повели бяхуть его.» Слѣдующее также ясно доказываетъ, что Ростовцы еще при жизни Михаила позвали Мстислава: ибо онъ чрезъ *семь* или *восемь* дней по кончинѣ Великаго Князя уже сражался со Всеволодомъ (см. *Рос. Библіот.* стр. 264). Надобно было гораздо болѣе времени для того, чтобы посламъ Ростовскимъ доѣхать до Новагорода, возвратиться со Мстиславомъ, собраться войску, и проч. Лѣтописецъ не сказываетъ, дѣйствительно ли въ Городцѣ (на берегу Волги въ Нижегор. Губ.) умеръ Великій Князь, или въ Владимірѣ.

Далѣе: «Совокупивъ Ростовци и Бояры, Гридьбу и *Пасынки* и всю дружину.» *Никон.* думалъ, что здѣсь говорится о пасынкахъ Мстислава! Чтобы отличить Боярскихъ Отроковъ или Дѣтскихъ отъ Княжескихъ чиновниковъ сего имени, назвали первыхъ *Пасынками*; ихъ же послѣ стали именовать *Дѣтьми Боярскими*. — Далѣе: «Всеволодъ поѣха противу ему съ Володимерци и съ дружиною, и что бяше Бояръ осталося у него, а по Переяславци посла Мстиславича Ярослава» (роднаго племянника своего). «Всеволоду же бывшю за Суждалемъ, узрѣша чудную матерь Божью Володимерскую и весь градъ до основанія аки на воздусѣ стоящь . . . Князю позорующю (смотрящю) и всему полку . . . Глаголаху: *Княже! правъ еси:* поѣди противу.» — Въ числѣ гордыхъ Бояръ Ростовскихъ Лѣтописецъ именуетъ Добрыню Долгаго и Матѣяшу Бутовича.

(47) «Доспѣвъ (Всеволодъ) у *Липицы*» (села). Татищевъ прибавилъ тутъ рѣку *Палицу.* — Сраженіе было въ Субботу. — Въ числѣ убитыхъ Ростовскихъ Бояръ находились Добрыня Долгій и Иванко Степановичь.

(48) Сыновца, а не сына, какъ написано въ *Новогород.* Сей Ярославъ, сынъ Мстислава Георгіевича, прозывался Краснымъ (см. *Новогород. Лѣт.* въ *Вивліоѳикѣ* стр. 314).

(49) Олегъ и Владиміръ Святославичи. — Далѣе: «Всеволодъ поѣха противу Глѣбу, и бывшю ему за Переяславлемъ подъ *Шерньскымъ* лѣсомъ, пріѣхали къ нему Новгородци, Милонѣжкова чадь, и рекоша ему: *не ходи* безъ *Новгородскыхъ сыновъ. Пойди нань* одиноя» (за-одно или вмѣстѣ) «съ нами.» Всеволодъ, послушавъ ихъ, возвратился; но они не дали ему помощи.

275

(50) «Всеволодъ же нарядивъ полки на Масленой недѣли и пусти возы на ту сторону. . . Глѣбъ же наряди полкъ со Мстиславомъ на возы. Князь же Всеволодъ посла сыновца своего Володимера съ Переяславци и нѣколико дружины противу Мстиславу. А Глѣбъ и Романъ, сынъ его, и Игорь и Ярополкъ (Глѣбовичи) перешедъ Колакшю и пойдоша ко Всеволоду на Прускову гору, и не дошедше до *стрѣлища* одиного (на перестрѣлъ), побѣгнуше перели (прежде) Мстиславъ на сей сторонѣ рѣкы, а Глѣбъ, постоявъ мало, видѣвъ Мстислава бѣжавша, побѣже,» и проч. Болтинъ несправедливо пишетъ, что то и другое войско стояло мѣсяцъ безъ дѣйствія за *крутостію* береговъ или за *топкостію* болотъ. Въ харатейныхъ лѣтописяхъ сказано: «не бѣ лзѣ перейти рѣкы *твердью*,» то есть, по льду, ибо онъ не былъ довольно твердъ.

Далѣе: «Изымаша и думци его (совѣтниковъ), и связа всѣ, и Бориса Жидиславича и Олешина и Дѣдилца, а Половци избиша.» Татищевъ пишетъ, что воины Всеволодовы взяли 20 живыхъ знаменитѣйшихъ Половцевъ. — Сей Князь возвратился въ Владиміръ въ Чистый Понедѣльникъ. Татищевъ для украшенія пишетъ, что радостные Владимірцы не позволяли никому оплакивать убитыхъ; что Великій Князь угощалъ плѣнныхъ, и проч.

(51) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Зять же Глѣбовъ, Мьстиславъ Ростиславичь, згадавше послаше къ Святославу. . . присылаше же ся къ нему и Глѣбовая, молящися о мужи и о сыну; и посла Перфиріа Епископа и Ефрема Игумена Св. Богородици, и дръжа я Всеволодъ двѣ лѣтѣ» (т. е. пословъ). . . «Глѣбъ мертвъ бысть Іюля 31.» Жена Глѣбова скончалась (по *Кіев. Лѣт.*) въ 1179 году. — Въ харатейныхъ: «а по Ярополка посла (Всеволодъ), глаголя Рязанцемъ: вы имете нашего ворога, или иду къ вамъ. Рязанци же здумаша, рекуще: Князь нашъ и братья наши погыбли въ чюжемъ Князи» (ради чужаго Князя), и проч. — О *Воронежѣ* упоминается здѣсь въ первый разъ.

(52) Въ *Новогор. Лѣт.*: «слѣпленъ бысть Мстиславъ съ братомъ отъ стръя (дяди) своего Всеволода.» Татищевъ говоритъ, что Всеволодъ приказалъ только *надрѣзать* кожу надъ глазами; что Глѣбъ отказался отъ города, предложеннаго ему Всеволодомъ, и *чрезъ два* года умеръ въ темницѣ; что Половцы нападали на Рязанскую область: что Романъ Глѣбовичь побѣдилъ ихъ на Воронѣ, и проч.

Мстиславъ, прозваніемъ *Безокій* (см. *Новогород. Лѣт.* въ *Продолж. Др. Вивліоѳики*, стран. 314) умеръ въ 1178 году, Апрѣля 20, и положенъ въ притворѣ Софійскаго храма. Татищевъ ошибкою приписалъ сему Князю походъ въ Ливонію. Съ Чудью воевалъ Мстиславъ, но другой (см. ниже): Татищевъ не различилъ ихъ.

(53) «Япа Князя Мстиславича Ярослава, сыновця ему, и городъ пожже, а людье бяху выбѣгли, а жита пожгоша.» Татищевъ пишетъ, что Ярополкъ ушелъ отъ Всеволода изъ Торжка. — Романъ Смоленскій послѣ *Чистой недѣли* (первой Вел. поста) пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ уже находился сынъ его, Борисъ или Мстиславъ (см. *Новогород. Лѣт.* въ *Продолж. Древн. Вивліоѳики*, стр. 314).

(54) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Всегда на великаа дѣла тъсняся . . . Послушавъ братьи своей и мужей своихъ, пойде съ Бояры Новгородьскыми, и се положи на умѣ своемъ: аще Богъ приведеть мя здорового въ дни сія, то не могу никакожь Рускіа земли забыти.» О прозваніи *Храбраго* (см. *Лѣт. Новогород.* въ *Продолж. Рос. Древн. Вивліоѳики* стр. 314).

Далѣе въ *Новогород. Лѣт.*: «Той же зимѣ прихodиша вся Чудьска земля къ Пльскову, и бишася съ ними, и убиша ти Вячеслава и Микиту Захаріиниця и Станимира Иваниця и инѣхъ, а Чуди множество избиша . . . На зиму (въ 1179 году) иде Мстиславъ на Чудь на Очелу.» Такъ называлось одно мѣсто въ Ливоніи (см. Арнт. Liefländ. Chr. II). Татищевъ говоритъ здѣсь о рѣкѣ Трейдерѣ, о трекратной битвѣ, о Зимеголѣ, Кури, Тормѣ, Эрвѣ — о Тысячскомъ Самцѣ, и проч.

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Идущю ему изъ Чюди, вниде въ Пльсковъ и изойма Сотскіа про Бориса, сыновца своего, зане не хотяху сыновца его Бориса, и тако утвердивъ и съ людми, иде къ Новугороду, и ту бѣ зиму всю, и на весну, сдумавъ съ мужи своими, пойде на Полтескъ на зятя своего, на Всеслава: ходилъ бо бѣ дѣдъ (прадѣдъ) его на Новьгородъ и взялъ Іерусалимъ церковный (дароносицу), и съсуды церковныа, и погость одинъ завелъ за Полтескъ. . . Услышавъ же то Романъ, братъ его, посла сынъ свой Мьстиславъ въ Полтескъ къ зятю своему въ помочь, а къ брату посла мужъ свой, река ему: обиды ти до него нѣту; иже идеши нань, то пръвое иди на мя . . . Онъ же, не хотя вередити сердца брата своего старѣйшаго, възвратися . . . и ня его болѣзнь крѣпка . . . и отъимающи языкъ, и възрѣвъ на дружину свою и на Княгыню, и въздхнувъ изъ глубины сердца и прослезися, и поча имъ молвищи: се приказываю дѣтя свое, Володимера, Борисови Захарьичю; и съ симъ даю Рюрику и Дaвиду съ волостью на руци . . . и тако приказавъ *дѣти своя* братьи своей . . . преставися Іюня въ 13 день» (по *Новогор. Лѣт.* 14) . . . «Плакашеся по немъ вся земля Новьгородскаа, напаче же лѣпши мужи . . . и тако помолвяху: уже не можемъ, господине, ѣхати съ тобою на иную землю поганыхъ . . . ты бо много молвяше, хотя на вся поганыа стороны. Добро намъ, господине, съ тобою умрети, сътворшему толику свободу Новьгородцемъ отъ поганыхъ, яко же и *дѣдъ* твой Всеволодъ» (развѣ Мстиславъ Великій? а Всеволодъ былъ ему *дядя*) . . . «Уже бо солнце наше зайде намъ. . . Сь (сей) же благовѣрный К. Мьстиславъ възрастомъ середній бѣ и лицемъ лѣпъ, и всею добродѣтелью украшенъ и благонравенъ, и любовь имѣаше къ всѣмъ, и милостини прилежаше, монастырц набдя . . . бѣ бо крѣпокъ на рати; всегда бо тъсняшеся умрети за Рускую землю, и тако молвяше дружинѣ: братье! ничто же имѣйте въ умѣ своемъ; аще нынѣ умремъ за Христіаны, то очистимся грѣховъ, и Богъ вмѣнить кровь нашю съ Мученикы . . . аще нынѣ умремъ, умремъ же всяко. . . Бѣ налюбезнивъ на дружину, и не збираше злата, ни сребра, но дааше дружинѣ, ово же правяше души своей. . . Не бѣ бо тоа землѣ въ Руси, котораа же его не хотяше, ни любяше . . . Плакашеся по немъ вся Рускаа земля . . . и Черныи Клобуци вси не могуть забыти приголубленіа его.» — Татищевъ называетъ дѣда Всеславова Глѣбомъ и пишетъ, что Мстиславъ хотѣлъ итти на Емь, *за Волокъ*; что онъ былъ плѣшивъ, молчаливъ, и проч.

(55) «Того же лѣта (1175) Смолняне выгнаша отъ себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава» (не Ростислава Мстиславича) «введоша Смоленьску княжити.» Въ то время Романъ былъ въ Кіевѣ.

(56) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Того же лѣта (1180) призва Всеволодъ Гюргевичь Володимера Святославича къ собѣ къ Володимерю и вда нань свою братаничну, Михалкову лщерь, и иде Володимеръ съ женою къ Чернѣгову къ отцу: ту бо живяше

Святославъ, пришедъ изъ Кыева.» Татищевъ называетъ Михаилову дочь *Пребраною*.

(57) «Въ Коломнѣ Святославича Глѣба я Всеволодъ и посла въ Володимерь.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что дружина Глѣбова была пьяна. Въ *Кіев. Лѣт.*: «позва его къ собѣ (Всеволодъ Глѣба); Глѣбъ же не хотѣ ѣхати, но и волею и неволею ѣха, зане бяше въ его рукахъ.» — Здѣсь говорится о Старой Рязани, на Окѣ, противъ Спаска. — Городъ Борисовъ или *Борисовъ-Глѣбовъ* уже не существуетъ.

(58) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Преставися Олегъ Святославичь Ген. въ 16 день (1180), и положенъ бысть у Св. Михаила. Игорь, братъ его, сѣде въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, а Ярославъ Всеволодичь въ Чернѣговѣ сѣде.» Тамъ же: «отда Ярославъ (Черниговскій) дъщерь свою за Володимера Глѣбовича къ Переяславлю Ноября въ 8 день» (1179). — Тамъ же: «Святославъ» (услышавъ о плѣненіи сына) «распалився гнѣвомъ . . . и размысли въ умѣ своемъ, река: я мьстился быхъ Всеволоду, но не лзѣ Ростиславичи, и ти ми въ всемъ пакостять въ Руской земли; а въ Володимери племени кто ми ближній, тотъ добръ» (т. е. кто ближе другихъ, тому и хорошо мстить). — Въ сей же лѣтописи о набѣгѣ Половцевъ въ 1179 г. сказано: «мѣс. Авг. пріидоша иноплеменьницы, безбожный Кончакъ, злу начальникъ . . . къ Переяславлю. . . овыхъ плѣниша, а иныа избиша, множайши же младенець . . . Святославу ниже Трьполя съжидающи Ростиславичь и Половець къ собѣ на миръ. . . и пригна посолъ изъ Переяславля: воюють Половци . . . Князи Рустіи поидоша за Сулу и сташа близъ городища Лукомля . . . Половци яшась бѣгу.» Далѣе (въ 1180 г.): «Ходяше Давыдъ Ростисл. по Днѣпру въ лодіахъ, ловы дѣя, а Святославъ ходяше по Чернѣговской сторонѣ ловы дѣя . . . и абіе устремився Святославъ, и переѣха черезъ Днѣпръ, и помысли, яко Давыда иму, а Рюрика выжену . . . Святославъ же изойма дружину его (Давидову) и товары его . . . и ѣха къ Вышегороду, и грѣши помысла своего, и ту прележавъ ночь подъ Вышегородомъ; на утрій же день поѣхаша къ нему, искавше Давыда и не обрѣтоша его ни на которомъ пути. Онъ же (Святославъ) въста и ѣха за Днѣпръ: уже объявился есмь Ростиславичемъ, а не мощно ми быти въ Кыезѣ; и пріѣхавшю ему къ Чернѣгову, и съзва вся сыны и молодшую братью . . . и рекъ: гдѣ поѣдемъ? къ Смоленску ли, къ Кыеву ли?. . . Рюрикъ же въѣха въ Кыевъ въ день Недѣльный и посла по братью свою по Ярославичи» (сыновей Ярослава Луцкаго, тогда умершаго) и по Всеволода и по ины, и приведе я къ собѣ, и Ярославля помочь, Галицкого Князя, съ Тудоромъ съ Гелчичемъ, а Давыда посла къ Романови брату въ помочь, и усрѣте и́ вѣсть на Сковышинѣ бору: брата ти Романа Богъ понялъ. Онъ же плача поѣха борзо къ Смоленску, и усрѣте его Епископъ Костянтинъ съ кресты . . . и вшедъ Давыдъ въ церковь Св. Богородица и сѣде на столѣ дѣда своего и отца . . . Положиша тѣло его (Романово) у Св. Богородици, и плакашася по немъ вси Смоляне, поминающи добросръдіе его до собе; паче же и сынове его плакахусь; Княгыни же его безпрестани плакашесь, предстоящи у гроба, сице въпіюще: Царю мой кроткій! . . . многія досады пріа отъ Смолнянъ, и не видѣ тя, господине, николижь противу ихъ злу никоторого зла въздающи . . . Сь благовѣрн. К. Романъ възрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ.» Слѣдуетъ описаніе его добродѣтелей и построенной имъ церкви.

(59) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Святославъ же съвокупився съ братьею и съ Половци, и рече: се азъ старѣй Ярослава, а ты, Игорю, старѣй Всеволода» (Святославича, его брата) «а нынѣ я вамъ въ отца мѣсто, а велю тебѣ, Игорю, здѣ съ Ярославомъ блюсти Чернѣгова, а я пойду съ Всеволодомъ къ Суждалю . . . Поя же съ собою Ярополка» (племянника Всеволодова, ослѣпленнаго въ Владимірѣ) и Половци такожь раздѣли на двое . . . и сняся на пути съ сыномъ Володимеромъ . . . И стояша (непріятели) обаполы рѣки Влены» (нынѣ Вели, на границѣ Владимірской и Москов. Губерніи) . . . «бѣ бо рѣка та твердо текущи, бережиста. Суждалци же стояху на горахъ и пропастехъ и ломохъ . . . и посла Всеволодъ Резанскіа Князи, и въгнаша въ товары Святославли . . . и вборзѣ доспѣша въ полку Святославли, и Всеволодъ Святославичь вборзѣ пригналъ къ Рускымъ полкомъ съ своимъ полкомъ, и тако Резанскіа Князи утекоша . . . и ту яша Вора Мирославича» и проч. Въ *Новог. Лѣт.* сказано, что Новогородцы убили 300 Суздальцевъ.

(60) Въ *Кіев. Лѣт.*: Святославъ пусти брата своего (двоюроднаго) Всеволода и Олга, сына своего, и Ярополка въ Русь . . . Ярославъ съ Игоремъ поидоста къ Дръютеску, поемше съ собою Половци, а Всеволода, Игорева брата, оставиша въ Чернѣговѣ и Олга Святославича. И пріидоша Полотскія Князи въ срѣтеніе, помогающе Святославу, Васильковича Брячиславъ изъ Витебьска, братъ его Всеславъ съ Полочаны (съ нимъ же бяху и Либь и Литва) Андрей Володшичь (внукъ Васильковъ) и сыновецъ его *Изяславъ*, и Всеславъ Микуличь изъ Логожска» (неизвѣстные; впрочемъ должны быть правнуками или праправнуками знаменитаго Всеслава Полоцкаго, дѣда Василькова) «и Василько Брячиславичь. Свемши же ся вси, поидоша мимо Дръютескъ противу Святославу. И въѣха Давыдъ К. Смоленскый въ Дръютескъ съ всѣмъ полкомъ своимъ, съвокупися съ Глѣбомъ съ Рогъволодичемъ, и пойде за Ярослава, и хотяше Ярославови и Игореви полкъ (битву) дати до Святослава. Ярославъ же и Игорь не смѣста дати полку Давыдови безъ Святослава, но идоша въ твердаа мѣста, и стояша меже себе недѣлю обаполы Дръюти, и отъ Давыдова полку переѣждеваху стрѣлци и копейници, и біахуся съ ними крѣпко. По семъ же Святославъ пріѣха съ Новьгородци, и ради быша братіа его, и перегатиша Дръють, хотячи ѣхати къ Давыдови. Давыдъ же заложися ночью и бѣжа къ Смоленску. Святославъ же приступи къ Дръютску и пожже острогъ, и самъ пойде къ Рогачеву, изъ Рогачева по Днѣпру къ Кыеву. Игорь же поемъ Половца Кончака и Кобяка, и дождася Святослава противу Вышегороду. То слышавъ Рюрикъ, и ѣха въ Бѣлгородъ, а Святославъ съ братома въ Кыевъ. Половци же испросиша у Святосл. Игоря, ать ляжеть съ ними въ Подлобьску» (близъ озера Долобскаго или Дулѣбскаго). . . «Рюрикъ посла Мьстиславъ Володимерича» (внука Мстиславу Великому) «съ Черными Клобуки и Лазаря Воеводу съ молодыми своими, и Бориса Захаріинича съ Здѣславомъ съ Жирославичемъ съ Мьстиславлимъ полкомъ изъ Треполя, Борисъ Захаріиничь съ *Володимеровыми* людми Княжича своего (сына Мстислава Храбраго) . . . Половци же лежаху безъ боязни, надѣющеся на силу свою и на Игоревъ полкъ, и безъ сторожи. Мьстиславъ же пріѣха къ нимъ, и Черн. Клобуци остерегоша я (осмотрѣли ихъ) и повѣдаша Мьстиславу. . . Черніи же Клобуци пустиша конѣ къ товарамъ ихъ» (послали къ непріятельскому стану или обозу). «Воеводы же Рускіа не веляше имъ . . . бѣ бо еще ночь. Они же поблазнивше грѣшиша товары ихъ» (не попали въ ихъ станъ). «Крило же ихъ мало отлучившеся отъ дружины своея, угнаша въ товаръ ихъ. Половци же, видѣвше за-

гонци» (загонщиковъ) «и яша нѣколико ихъ; не бѣ бо ту добрыхъ... и побѣгоша... и възмяли бяху Русью, и вбѣгоша въ Мьстиславль... полкъ, и не може ихъ удръжати Мьстиславъ... и самъ бѣже... Черныхъ Клубокъ лѣпшіи мужи осталися биша, Лазарь Воевода съ полкомъ Рюриковымъ и Борисъ Захаріиничь... и Здѣславъ... поѣхаша противу Половцемъ... и потопташа я... Половци же потопоша мнози въ Черторьи... Игорь же съ Кончакомъ выскочивше въ лодью, бѣжа на Городець къ Чернѣгову. И тогда убиша Половец. Князя Къзла Сътоновича и Елтута, Кончакова брата, и два Кончаковича яша, и Тутура, и Бякобу, и Кунячюка богатаго, и Чюгая, и своя отполониша... Рюрикъ же ничто же горда учини, но пожити хотя въ братолюбіи... и размысливъ съ мужи своими... бѣ бо Святославъ старѣй лѣты... урядився съ нимъ, и съступи ему Кыева, а събѣ взя всю Рускую землю» (т. е. окрестную Днѣпровскую область)... Рюрикъ же пожалова на Володимерича на Мьстислава, река ему: ты прьвѣе Треполь предалъ Олговичемъ, а нынѣ еси побѣглъ, Олговичемъ и Половцемъ добро чиня.»

(61) По харатейнымъ мѣсяцъ, по *Новогор. Лѣт.* 5 недѣль. — Татищевъ пишетъ, что Всеволодъ построилъ тогда крѣпость на Волгѣ, или *твердь*: ибо нашему Историку хотѣлось производить имя города *Твери* отъ *тверди*. Но выше упоминалось о рѣкѣ Тверцѣ или Тьхвери; имя рѣки старѣе города. Татищевъ пишетъ, что Ярополкъ скоро умеръ въ заточеніи; но о семъ Князѣ еще упоминается ниже (см примѣч. 95).

(62) Названный Иваномъ въ *Никон.* лѣтописи. Онъ и Великій Князь Всеволодъ были женаты на двухъ сестрахъ Ясыняхъ (см. *Рос. Библіот.* стр. 271, 272). По другому жь извѣстію, первая супруга Всеволодова, Марія, была дочь Князя *Чешскаго* или Богемскаго, Шварна (см. лѣтопись въ Синодал. Библіот. No. 349, л. 225 на об). Тѣло ея лежитъ въ Владимірѣ, въ Успенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ придѣлѣ Благовѣщенія, въ олтарѣ, и въ надписи сія Княгиня именована Маѳою *Шварновною*. Имя Маѳы ей дано въ Монашествѣ. — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Всеволодъ же Суждальскій пусти Глѣба Святославича изъ оковъ и прія велику любовь съ Святославомъ, и сватася съ нимъ, и да за сына его меньшаго свѣсть (своячину) свою... Въ лѣто 6690 Святославъ Всеволодичь ожени два сына, за Глѣба поя Рюриковну, а за Мьстислава Ясыню изъ Володимеря Суждальскаго, Всеволожю свѣсть; бысть же бракъ великъ.»

(63) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Заратися Всеволодъ Суждальскый съ Болгары, и присла къ Святославу: помочи прося, и пусти къ нему сына, рекъ ему: дай Богъ, брате и сыну, въ дни наша намъ сътворити брань на поганыя.»

Со Всеволодомъ ходили Глѣбовичи Романъ, Игорь, Всеволодъ, Владиміръ, Князья Рязанскіе и Муромскій Владиміръ *Юрьевичь* (у коего былъ еще братъ Давидъ). — Татищевъ изъяснилъ причину сей войны, сказывая, что Болгары, искавъ управы на Русскихъ грабителей, опустошили Муромскія окрестности; что Всеволодъ *писалъ* о томъ къ Святославу, и проч.

Въ *Кіев. Лѣт.*: «Идущимъ имъ по Волзѣ, поидоша на мѣсто, идѣ островъ нарицаемый *Исады* и устіе Цѣвцѣ» (Цывили, гдѣ находится дѣйствительно не малой островъ)... и ту оставиша вѣе насады и *галья*... и поидоша на конехъ въ землю Болгарскую къ Великому городу *Серебряныхъ* Болгаръ.» Въ харатейныхъ: «и высѣдъ на берегъ, и ста (Всеволодъ) у Тухчина городка... и приде Князь къ городу, и перешедъ Черемисанъ»: вѣроятно, рѣку Малую Цывиль, прежде такъ называемую, а не *Черемшанъ* въ Симбирской Губерніи. Можетъ быть, нынѣшній Цывильскъ основанъ на развалинахъ сего города Болгарскаго.

Далѣе въ лѣтописи: «Узрѣша наши сторожевѣ полкъ въ поли, и мняху Болгарскый, и пріѣхаша 5 мужь изъ полку того, и удариша челомъ передъ Княземъ Всеволодомъ, и сказаша ему рѣчь: *кланяются, Княже, Половци Емякове. Пришли есьмы со Княземъ Болгарскымъ воевать Болгаръ.*» И такъ одинъ изъ Князей Болгарскихъ — можетъ быть, изгнанный — привелъ сихъ Половцевъ.

(64) Владиміра Глѣбовича, внука Юрьева. Въ лѣтописи: «Изяславъ, возма копье, потче къ плоту, гдѣ бяху пѣши вышли изъ города, твердь учинивше плотомъ. Онъ же вгнавъ за плотъ къ воротомъ городнымъ, изломи копье, и ту удариша его стрѣлою сквозѣ бронѣ подъ сердце, и принесоша илѣ (еле) жива въ товары» (станъ).

Далѣе: «Бѣлозерскый полкъ отряди (Всеволодъ) къ лодьямъ, а Воеводство да Ѳомѣ Ласковичю.» (Въ *Кіев Лѣт.*: «остави Ѳому Назаковичь, а другого Дорожаа: то бо бяше ему отень слуга, и иныя Воеводы оставиша Князи къждо у своихъ лодей)... Болгаре изъ города *Собекуля* и изъ *Челмата* пойдоша въ лодьяхъ, а изъ *Торцьскаго* па конихъ на лодьѣ наши; наши же, Божьею помощью укрѣпляеми, пойдоша противу. Они же побѣгоша; а наши погнаша, сѣкуще поганыя *Бохмиты* (Магометанъ), и прибѣгше къ Волзѣ въ учаны (лодки), и ту абье опровергоша учаны, и тако истопоша болѣ тысячи ихъ.» Въ *Кіев. Лѣт.* упоминается здѣсь о Болгарахъ *Тимтюзяхъ*, и сказано, что ихъ всѣхъ собралось до пяти тысячь, а осталось живыхъ половина. Городъ *Торцскій* или *Торкъ* существовалъ по взятіи Казани, и былъ отданъ Государемъ Андрею Ильичу Квашнину (см. *челобитную Квашнина на Лобанова* въ Архивѣ Иностр. Коллегіи, въ Миллер. собраніи бумагъ No 84).

Изяславъ погребенъ у соборной церкви Владимірской. — Татищевъ, описывая возвращеніе конницы Всеволодовой, упоминаетъ о рѣкѣ Сурѣ и разореніи деревень Мордовскихъ.

(65) См. Хронику Стриковскаго, кн. VIII, гл. 6; также Грубер. Liefländ. Chronik. I, 67, 64. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 33) упоминается о смерти Князя Изяслава Васильковича, убитаго Литвою около сего времени. Слова: «Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ (а не Половчанамъ) подъ кликомъ поганыхъ,» изображаютъ ужасъ тогдашнихъ Литовскихъ набѣговъ на Кривскую землю.

(66) «На ту зиму (въ 1183 г.) бишася Пльсковици съ Литвою, и много ся издѣя зла Пльсковицемъ... Выведе Всеволодъ (въ 1184 году) своякъ свой изъ Новагорода: негодовахуть бо ему Новгородьци, зане много творяхуть пакости волости Новгородьской. И послашася *Смольньску* къ *Давидови*, просяце сына у него.»

(67) Съ Мстиславомъ Романовичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ. — Еще въ 1183 году были дѣла съ Половцами. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Февр. въ 23 день, въ 1 недѣлю поста» (въ числѣ должна быть ошибка) «пріидоша Половци къ Дмитрову» (нынѣ селу въ Курск. Губ. въ Бѣлогор. уѣздѣ) (*) съ Кончакомъ и съ Глѣбомъ Тиріевичемъ... Святославъ же съ Рюрикомъ поидоша на Половци и сташа у Олжичь, и усрѣте я Ярославъ, и рече: нынѣ не ходите... на лѣто пойдемъ... и възвратишась. Святославъ же посла сыны своя полемъ

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Дмитровъ есть, можетъ быть, Дмитровка въ Миргород. Повѣтѣ. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

къ Игорю, веля ему ѣхати собе въ мѣсто, а Рюрикъ посла Володимера Глѣбовича. Володимеръ прося у Игоря ѣздити напередъ . . . Игорь же не да ему того. Володимеръ же разгнѣвался и възвратися, и оттолѣ иде на Сѣверск. города, и взя у нихъ многъ добытокъ. Игорь възворотп Кіевск. полкъ, пристави къ нему Олга и сыновца своего, Святослава, а самъ поимя брата Всеволода и Святославича Всеволода, и Андреа съ Романомъ и нѣколико отъ Черн. Клоб. съ Кулдюремъ и съ Кунтувдѣемъ, и пріидоша къ рѣцѣ къ *Хиріи*, и бысть дождь *рамянъ* (силенъ) и умножишась вода . . . и Половци, которы утягли, перейти вежами, ти избиша, а которы не утягли, тѣхъ взяша . . . Веже и конѣ и скоти мнози потопли суть въ *Хоріи*.» (*)

Князь Глѣбъ, о коемъ упоминаемъ здѣсь въ Исторіи, былъ сынъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, а Мстиславъ Всеволодковичь внукъ Мономаховъ. — Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «а своя братіа (Святославовы) не идоша, рекуще: далече намъ есть итти внизъ Днѣпра; но ежели поидеши на Переяславль, то съвокупимся съ тобою на Сулѣ. Святославъ же нелюбуя на свою братью . . . Старѣйшіи его сынове не утягоша отъ Чернѣговскіа стороны; идущю же ему по Днѣпру, и ста ту, идѣ же нарицается *Иньжирь бродъ*, и ту перебродися на ратную сторону Днѣпра.» Далѣе въ харатейныхъ: «ѣдяше (К. Владиміръ) напереду въ сторожехъ съ Переяславци, и Берендѣевъ было съ нимъ 2100:» въ *Кіев. Лѣт.* означено 2500, съ прибавленіемъ: «отряди (Святославъ) Володимера Переяславскаго и Глѣба и Мьстислава, сына своего, и Романовича Мьстислава и Глѣба Гюргевича, Князя *Добровицкаго*, и Мстислава Володимирича» (внука Мстиславу Великому). Далѣе въ харатейныхъ: «Князи же Русьсти не утягли (не успѣли) бяху съ Володимеромъ. Половци же, узрѣвше полкъ Володимерь крѣпко идущь на нихъ, побѣгоша.» Въ *Кіев. Лѣт.*: «Онѣмъ же ѣхавшимъ по нихъ, не постигши възворотишась Русь и сташа на мѣстѣ нарицаемомъ Ерель, его же Русь зоветь *Уголъ*. Полов. Кн. Кобякъ мнѣлъ только Руси и възвратися . . . Узрѣша я полци Рустіи, начашась стрѣляти о рѣку . . . Святославъ и Рюрикъ пустиста имъ болшіа полкы на помочь, а сами поидоста за ними.» — Далѣе: «Князи одинѣхъ было Половецькыхъ 417. Кобяка руками яша, Осулука, Барака, Тарга, *Данила*, Башкорда, Тарсука, Изу, *Глѣба* Тирьевича, Екса (Икона), Алака и Тольгыя, Давидича тестя» (котораго нибудь изъ сыновей Давида Ростиславича) «съ сыномъ, Тѣтія съ сыномъ, Кобякова тестя, Турундая. И поможе Богъ Володимеру мѣс. Іюля въ 30 день, въ Понедѣльникъ, въ память Св. Ивана Воиника.» Сія битва описана въ харатейныхъ подъ годомъ 6693, а въ *Кіев. Лѣт.* 6691, но была дѣйствительно въ 6692, за годъ до солнечнаго затмѣнія, случившагося 1 Маія 1185 (см. Астроном. таблицы въ l'Art de vérif. les dates), въ Среду. 30 Іюля приходилось въ Понедѣльникъ также въ 1184, а не 1185 году. Далѣе: «и рече Володимеръ: *сь день, иже створи Господь: взрадуемся* и *взвеселимся вонь.*» То же говорилъ Владиміръ Мономахъ, въ свое время разбивъ Половцевъ. Въ *Кіев. Лѣт.* между именами плѣненныхъ Князей Половецкихъ находятся еще слѣдующія: «Яша Кобяка Карлыевича съ двѣма сынома, Билюковича и Зая, Товлыя съ сыномъ и брата его Токмича, Съдвака Кулобичского, и Кюряса Колотановича убиша.» — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано, что иностранцы, бывшіе въ Кіевѣ, славили побѣду Святославову: «Нѣмци и Венедици, Греци и Морава.» — Выше упомянутое солнечное затмѣніе описано въ нашихъ лѣтописяхъ слѣдующимъ образомъ: «Мая въ 1 день, на память Святаго Пророка Іеремія, въ Середу на вечерни, бысть знаменье въ солнци и морочно (мрачно) велми, яко и звѣзды видѣти человѣкомъ, въ очью яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко мѣсяць: изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше.»

(68) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Пошелъ бяше треклятый Кончакъ на Русь похопься, яко плѣнити хотя грады Рускыа и пожещи огнемъ: бяше бо обрѣлъ мужа таковаго *Бесурменина*, иже стрѣляше *живымъ огнемъ*.» (См. сей Исторіи Т. V, примѣч. 136). «Бяху же у него и луци тузи самострѣлніи; одва 50 мужь можаша напрящи . . . И ста на Хоролѣ. Послалъ же бяше съ лестію къ Ярославу Всеволодичю, мира прося. Ярославъ же, не вѣдый лести ихъ, посла къ нимъ мужь свой, Ольстина Олексича, Святославъ же слаше къ Ярославу, река: брате! не ими вѣры . . . и съ всѣми полками не стряпа пойде (съ Рюрикомъ) противу имъ... Отрядиста Володимера (Переяславскаго) въ наворопъ (изгонъ) и Мьстислава Романовича, а сами поидоста назадѣ . . . Усрѣтоша ихъ гости, и повѣдаша, яко Половци стоять на Хоролѣ. . . Володимеръ же и Мьстиславъ пріидоша къ мѣсту тому . . . и не видѣша никого же; шли бо бяху на ино мѣсто възлѣ Хороль . . . Наворопници же (изгонщики, передовые) перешедше Хороль, възыдоша на *шоломя* (возвышеніе), глядая, гдѣ узрѣти я. Кончакъ стоялъ въ лузѣ, его же ѣдучи посолъ (Ярославовъ) мине. Иныа же въ гаты (гати) узрѣвше удариша на нихъ. Кончакъ же утече черезь дорогу, и меншицю его» (*младшую жену*: *меньшакомъ* называется у насъ *меньшій сынъ*) яша и онаго Бесурменина яша . . . прочая же вся избиша . . . Господь дасть побѣду Княземъ мѣс. Марта въ 1 день» (1185). О семъ Ханѣ Кончакѣ въ *Волынск. Лѣт.* стр. 622 сказано слѣдующее: Изгнавшю Володимеру Мономаху Отрока въ Обезы (Абазу) за Желѣзныа врата (Дербентъ), Сърчанови жь оставшю у Дону рыбою оживши. Тогда и Волод. Моном. пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю. По смерти же Володимери оставшю у Сърчана единому родцу же Оревии, и посла и въ Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть; а вротися, брате, въ землю свою. Молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкіа. Аже ити не всхощеть, дай ему поухати (понюхать) зелія, именемъ *Емшанъ*. Оному же не всхотѣвшю . . . и дасть ему зеліе. Оному же обухавшю и всплакавшю, рече: да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нежли на чюжей славну быти — и пріиде въ свою землю. Отъ него родившюся *Кончаку*, иже снесе Сулу пѣшъ ходя, котелъ нося на плечу.» — Далѣе въ лѣтописи: угадавше Кончака бѣжавша, послаша по немъ Кунтувдыа (Князя Торковъ) въ 6000 . . . самого не обрѣте: бяше бо *таластопа* (ростополь) за Хороломъ . . . Князь же Ярославъ Черниговскій не шолъ бяше съ братомъ Святославомъ, молвяше: азъ есмь послалъ къ нимъ мужа своего Ольстина . . . Тѣмъ же отречеся. Игорь же молвяше Святославлю мужеви: не дай Богъ на поганыа ѣзда ся отрещи! . . . Гала Игорь съ дружиною, куда бы могъ переѣхати полкы Святославлѣ; и рекоша ему дружина: Княже! птахомъ (птицею) не можешь перелетѣти. Се пріѣхалъ къ тобѣ мужъ отъ Святослава въ Четвертокъ, а самъ иде въ Нелѣлю изъ Кыева: то како можеши постигнути? . . . Хотя же (Игорь) ѣхати полемъ перекъ възлѣ Сулу, и бяше *серенъ* (гололедица) великъ, яко же вои можаху видячи перейти днемъ до вечера . . . Тоя

(*) (Изъ Прибавленія въ концѣ VIII тома изд. 1819 года:) Хоріи не Хороль ли? (Сообщено З. Ходаковскимъ).



277

же весны Святославъ посла Нездимоловича съ Берендичи на Половци . . . и взяша вежи, много полона и коней Апр. въ 21, на самый Великъ день. Тогда же Святославъ иде въ Вятичи къ Кърачеву орудій дѣля своихъ.» — Еще въ 1184 году, когда Святославъ и Рюрикъ ходили на Половцевъ, Игорь желалъ участвовать въ ихъ успѣхахъ. «Призвавъ къ собѣ брата своего, Всеволода, и сыновца Святослава (Ольговича) и дѣтя свое Володимера, молвяше: Половци оборотилися противу Рускымъ Княземъ, и мы безъ нихъ *кушаемыся* (покусимся) на вежа ихъ ударити. Да якъ бысть за *Мерьломъ*, и срѣтеся съ Половци: поѣхалъ бо бяше Обовлыко Стуковичь въ четырехъ стѣхъ воевать къ Руси . . . Половци же побѣгоша . . . и Русь погнаша я.»

(69) Святославъ Ольговичь Рыльскій. Всеволодъ Святославичь господствовалъ и въ Курскѣ. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* говоритъ онъ: *«а мои Куряне,»* и проч. Съ Игоремъ былъ сынъ Владиміръ, княжившій въ Путивлѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ упоминается здѣсь *о двухъ* сыновьяхъ Игоревыхъ.

Въ *Кіев. Лѣт.*: «У Ярослава испроси помочь, Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ *Ковуи* Черпѣговскими.» Что сіи Ковуи были не Русскіе, доказывается слѣдующимъ мѣстомъ той же лѣтописи: *нашихъ Руси* съ 15 мужъ утекло, а *Ковуевъ* мнѣе.» Торки и Берендѣи назывались часто особенными именами своихъ начальниковъ. — Князья Сѣверскіе говорили: «мы есмы ци (развѣ) не Князи же? такъ же собѣ хвалы добудемъ.» — Въ *Кіев. Лѣт.*: «И тако идяху тихо, събираючи дружину свою; бяху бо и кони у нихъ велми тучни. Идущимъ же имъ до Донцю рѣцѣ, въ годъ вечерній, Игорь же възрѣ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече Бояромъ: видите ли?. . . Они же поникоша главами, и рекоша: се есть не на добро. Игорь же рече: братіе и дружино! тайны Божія никто же не вѣсть, а знаменію Творецъ Богъ и всему міру своему, а намъ что сътворить Богъ, или добро, или наше зло, а то намъ видѣти — и то рекъ перебреде Донецъ, и приде къ Осколу, и жда 2 дни брата . . . и поидоша къ Салници. Ту стороже пріѣхаша, иже послали языка ловить, и рекоша: видѣхомся съ ратными (непріятелями) нашими: съ доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдете борзо, или възворотимся домовъ . . . ѣхаша чрезъ ночь. Заутра же Пятку наставшу, въ обѣднее время усрѣтоша полкы Половецкые . . . вежи отпустили за ся, а сами стояху на оной сторонѣ рѣки *Сюурліа*. И изрядиша (*Русскіе*) полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву Всеволожь, а по лѣву Святославль, напередъ сынъ Володимеръ, и другый полкъ Ярославль, а третій напередѣ же стрѣлци, иже бяху отъ всѣхъ Князей выведени . . . и рече Игорь: братіа! сего есмы искали, а потягнемъ . . . и яко быша къ рѣцѣ къ Сюурлію, и выѣхаша изъ Половецкыхъ полковъ стрѣлци, и пустивши по стрѣлѣ, и поскочиша . . . Русь же бяху не переѣхали еще рѣкы. Поскочиша же и тѣ Половци, которіи далеко рѣки стоаху. Святославъ же Ольговичь и Володимеръ и Ольстинъ и стрѣлци потькоша по нихъ; а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не распустяца полку своего. . . Половци же пробѣгоша вежи; а Русь же дошедше вежъ и ополонишась.»

(70) Въ 1111 году. Въ *Кіев. Лѣт.*: «и оттуда поидоша къ *Салници*,» рѣкѣ Салу, впадающему въ Донъ (см. сей *Исторіи* Т. II, прим. 204). — Россіяне, надменные успѣхомъ, говорятъ: «Пойдемъ за Донъ; оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ къ луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши. . . И стояша на вежахъ 3 дни веселящеся.» Такъ въ харатейныхъ. Въ *Кіев. Лѣт.* иначе: «Рече Игорь къ братомъ и къ мужемъ своимъ: Половци . . . всѣ суть съвокупили: нынѣ поѣдемъ (назадъ) черезъ ночь; а кто пойдеть заутра по насъ. . . лучшіи конѣци переберутся, а съ самѣми како намъ Богъ дасть.» Но племянникъ, Святославъ Ольговичь, хотѣлъ отдыха, говоря, что лошади и всадники его устали. Всеволодъ такъ же мыслилъ. Игорь сказалъ, что онъ не боится смерти — и согласился ночевать. Въ Субботу на разсвѣтѣ окружили ихъ Половцы. «Рече Игорь: се вѣдаючи събрахомъ на ся землю всю: и Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Кулобича, и Этебича, и Тртробича — и тако угадавше, вси съсѣдоша съ коней, хотяху бо біющеся дойти рѣкы Донца; молвяху бо: иже побѣгнемъ, утечемъ сами, а чрныа люди оставимъ . . . умремъ или живи будемъ вси на единомъ мѣстѣ . . . и поидоша біючися . . . Уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша шюйцю его . . . и Воеводу имяху: тотъ напередъ уязвленъ бысть . . . и тако бишась до вечера . . . Бысть же свитающей Недѣли, възмятошась Коуеве, побѣгоша. Игорь же бяше на конѣ, зане раненъ . . . и хотя възворотити ихъ . . . съимя шоломъ. . . того дѣля, что быша — познали Князя, възворотилися быша . . . Токмо Михалко Гюргевичь възворотись: не бяху бо добри и смалися Ковуи, но мало отъ простыхъ, или кто отъ Отрокъ Боярскихъ: добріи бо вси біахуся, идущи пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ . . . и ту яша (Игоря въ плѣнъ) на единъ перестрѣлъ одаль полку своего . . . Игорь же видѣ брата крѣпко борющися, и проси души своей смерти, яко дабы не видѣлъ паденіа брата . . . Біахуся идущи вкругъ при *озерѣ* . . . и тако въ день Воскресеніа наведе на ны плачь и жаль на рѣцѣ *Каялы*. Рече бо дѣй *) (витязь) Игорь: помянухъ азъ грѣхы своа, яко много убійства створихъ въ земли Христіанстѣй: взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля . . . и се нынѣ вижу отместіе отъ Господа. . . почто азъ единъ повинный не пріяхъ страсти? . . . Розведени быша, и пойде кождо въ своя вежи. Игоря же бяху яли Тарголовъ мужъ Чилбукъ, а Всеволода Романъ Кзичь, а Святосл. Ольговича Елдючюкъ Вьвобурьчевичь, а Володимера Копти Улашевичь. Тогда же на полчищи Кончакъ поручися по свата (будущаго) Игоря, зане бяше раненъ. Отъ толикихъ же людей мало ихъ избысть . . . не бяше бо лзѣ утечи, зане яко стѣнами сильными, тако огорожени бяху полкы Половецкыми. Но нашихъ Руси съ 15 мужъ утекши, а Ковуевъ мнѣе, а прочіи въ морѣ (Азовскомъ) истопоша.» Обстоятельство, что Половцы 3 дни пускали только стрѣлы въ Россіянъ, находится въ харатейныхъ лѣтописяхъ. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* также сказано, что Игорь *три дни* сражался: «бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. . . на брезѣ быстрой *Каялы*. . . Се бо *Готскія* красныя дѣвы вспѣша на брезѣ синяго моря, звоня Рускымъ златомъ.» Въ Тавридѣ, завоеванной Половцами, жили *Готьы* (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 88). *Каяла* называется нынѣ *Кагальникъ*, впадающій въ Донъ. Россіяне отступали къ Донцу, не далеко оттуда соединяющемуся съ Дономъ. — Татищевъ украсилъ описаніе битвы нѣкоторыми подробностями. *Никонов. Лѣт.* сказываетъ, что тутъ убили «дивнаго богатыря, Добрыню Судиславича.»

---

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома изда н. 1819 года:) Въ старинныхъ Литовскихъ бумагахъ, по-Русски писанныхъ, слово Дѣй всегда прибавлялось къ именамъ дворянъ: на примѣръ: „Дѣй его милость, Панъ Юрій Радивиловичь.“ (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(71) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ то же время *Великій* Князь Святославъ шелъ бяше въ Корачевъ и събраше отъ Връхнихъ земль вой, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто . . . и былъ у Новагорода Сѣверск. и слыша о братьи своей, иже шли суть на Половци, и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодіяхъ, и яко пріиде къ Чернѣгову, въ тотъ годъ (въ то время) прибѣже Бѣловълодъ Просовичь, и повѣда бывшее. Святославъ же вельми въздохнувъ, утеръ слезы свои, и рече: о любимая братіа и сынове и мужи землѣ Руское! далъ ми бяше Богъ притомити поганыа, но не въздръжавше юности, отвориша ворота на Рускую землю. Воля Господня да будеть о всемъ. Да колько жаль ми на Игоря бяше, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ, братѣ моемъ. По семъ же посла сына своего Олга и Вълодимера въ Посемье; възмятошась бо города Посемскіе, и бысть скорбь и туга, яко николижь . . . и метахуся яко въ *мутви* . . . мнози отрекахуся душь своихъ, жалующе по Князехъ . . . Посла Святославъ къ Давыдови къ Смоленску, река: рекли быхомъ лѣтовати на Донѣ . . . а поѣде, брате . . . Давыдъ же пріиде по Днѣпру. . . и ины помочи, и сташа у Треполя» (по другимъ лѣтописямъ у Канева) «а Ярославъ у Чернѣгова . . . И бысть у нихъ (у Половцевъ) котора; молвяше бо Кончакъ: пойдемъ на Кыевъ, гдѣ суть избита братіа наша и Великій Князь нашъ Бонякъ; а Кза молвяше: пойдемъ на Семь, гдѣ ся остали жены и дѣти . . . и раздѣлишась на двое. Кончакъ поіде къ Переяславлю.» Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* такъ описывается горесть Святославова: «Великій Святославъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано (не во время) еста начала Половецкую землю мечи (мечами) *цвѣлити*, а себѣ славы искати,» и проч. *Цвѣлить* то же, что *квелить*, приводить въ слезы, огорчать. На Польскомъ Kwilić się, на Богемскомъ Kwjljm, значитъ *выть* и *плакать*. Въ *Волын. Лѣт.* (въ рукописи. стр. 727) сказано: «ати инаа дѣтій не *цвѣлить*,» вмѣсто: «не оскорбляетъ.»

(72) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Вълодимеръ же слаше къ Святосл., и къ Рюрик. и къ Давыдови: помозѣте ми. Святославъ же слаше къ Давыдови . . . Смолняне же почаша Вѣче дѣяти, рекуще: мы пошли до Кыева. . , намъ ли иноя рати искать? . . . есмы изнемогли. Святославъ же съ Рюрикомъ влегоша въ Днѣпръ противу Половцемъ, а Давыдъ възвратися. То слышавше Половци, възвратишась отъ Переяславля; идущи же мимо, приступиша къ Римови (Ромену). Римовци затворишась . . . и възлѣзше на заборала, и летѣста (упали) двѣ городници и съ людми къ ратнымъ (непріятелямъ)... которіи гражане выидоша и біяхуся ходяще по Римскому болоту, тіи избѣжаша плѣна; а кто ся осталъ въ городѣ, тіи взяти быша. Володимеръ же слаше къ Святославу и къ Рюр. да быша ему помогли. Они же опоздишась, ожидающи Давыда. Половци жь поидоша въ своясп. Князи възворотишась въ домы своя; бяху бо печальни . . . А друзіи Половци идоша къ Путивлю, Кза въ силахъ тяжкыхъ . . . пожгоша острогъ, села . . . и възвратишась.» — И здѣсь Татищевъ прибавляетъ нѣкоторыя обстоятельства. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано: се *у Римъ* (Ромена?)» кричать подъ саблями Половецкыми, а Володимеръ (Переяславскій) подъ ранами;» т. е. Половцы рубили жителей Роменскихъ саблями, а раненный Владиміръ не могъ помочь имъ.

(73) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Игорь же бяше въ Половцѣхъ . . . Они же акы стыдящися Воеводства его, не творяху ему ни что же, но приставиша къ нему 15 сторожевъ отъ сыновъ своихъ, а господичевъ 5 . . . а своихъ слугъ 5 или 6 съ нимъ ѣздяше. . . Сторожеве же слушаху его . . . и Попа бяше привелъ къ собѣ изъ Руси . . . творяшеся (думая) тамъ долго быти; но избави Господь за молитву Христіанскую, имъ же мнози печаловахусь . . . Съ нимъ бо бяше Тысяцкого сынъ и Конюшій его,» и проч. Слуги Игоревы говорили ему, что Половцы, возвратившіеся отъ Переяславля, намѣрены убить ихъ всѣхъ и Князей. Далѣе: «Посла Игорь къ Лаврови Конюшаго, река: перѣди на ону сторону съ конемъ поводнымъ . . . Половци напилися бяше *комуза* . . . Конюшій повѣда, яко ждетъ его Лаверъ. Сей же въставъ ужасенъ и трепетенъ, поклонися образу Божію . . . и въземъ на ся крестъ и икону поднемъ съ стѣны... Сторожемъ же играющимъ и веселящимся, а Князя творяще спяща . . . и проидоста сквозѣ вежа. Се же створи Богъ въ Пятокъ вечера, и иде 11 денъ до города *Донца*, и оттолѣ въ свой Новьгородъ, и обрадовашась ему. Изъ Новагорода иде къ Чернѣгову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обѣща . . . Игорь же ѣха къ Кыеву, и радъ бысть ему Святославъ и Рюрикъ, сватъ его.» Древній городъ Донецъ былъ не далеко отъ впаденія рѣки Харькова въ Уды (см. *Больш. Чертежъ*), и принадлежалъ или къ Курской или Переяславской области. — Татищевъ пишетъ, что Половцы требовали за Игоря 2000 гривенъ окупа, за другихъ Князей по 1000, за Воеводъ по 200; что Игорь бѣжалъ *самъ-пять* съ Лавромъ, и за 20 верстъ до Новагорода вывихнулъ себѣ ногу; что Княгиня съ вельможами встрѣтила его въ селѣ Св. Михаила; что онъ сдѣлалъ Лавра Бояриномъ и женилъ на дочери Тысячского Рагуйла, и проч.

Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «пріиде (въ г. 1187) Володимеръ изъ Половецъ съ Кончаковною, и створи сватбу Игорь сынови своему, и вѣнчаша его и съ дѣтятемъ.» Татищевъ пишетъ, что братъ Игоревъ, Всеволодъ, обѣщалъ прислать Половцамъ 200 гривенъ серебра или 200 ихъ плѣнниковъ. Сей Князь умеръ въ Маіѣ 1196 году. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Спрятавше тѣло его вся братіа въ Олговичехъ племени съ великою честію и съ плачемъ великымъ: понеже бѣ въ Олговичехъ всѣхъ *удалье*, рожаемъ (дородствомъ) и възрастомъ, и всею добродѣтелію и мужественною доблестію, и любовь имѣаше къ всѣмъ. Епископъ же Чернѣговскый и си Игумени и Попове проводиша его до гроба, и положиша его въ церкви Св. Богородица въ Чернѣговѣ.»

(74) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Замыслилъ Святославъ съ Рюрикомъ (въ 1187 г.) на Половци, повѣдаху бо имъ Половци близъ на Титянци, на Днѣпрѣскомъ бродѣ, и ѣхаша безъ возъ. Володимеръ же Глѣбовичь испросися ѣздити напередѣ съ Черными Клоб . . . Святославу же не любо бяше, но Рюрикъ и иніи улюбиша, зане бѣ дрьзокъ и крѣпокъ на рати . . . Изъ Черныхъ же Клобукъ даша вѣсть сватомъ своимъ въ Половци . . . и бѣжаша за Днѣпръ . . . и не лзѣ бѣ ѣхати по нихъ; сполнился бяше Днѣпръ; бѣ бо весна . . . На томъ бо пути разболѣся Володимеръ Глѣбовичь . . . и принесоша въ Переяславль на носилицахъ, и преставися Апр, въ 18, и положенъ бысть въ церкви Св. Михаила . . . И плакашась вси Переяславци: бѣ бо любя дружину, и злата не збираше, но дааше дружинѣ: бѣ бо всякыми добродѣтелми наплъненъ, о немъ же *Украйна* много постона.»

«Въ то жь лѣто воева Кончакъ по Рши (Роси)... и часто почаша воевати по *Рши*, и въ Чернѣговскои волости — и на ту осень бысть зима зла велми, такоя же въ нашю память не бывало николи же . . . Тое же зимы Святосл. и Рюрикъ и вси Князи поидоша по Днѣпру: не лзѣ бо бяше

278

инудѣ ити, бѣ бо снѣгъ великъ —, и доидоша до Снопорода, и ту изымаша стороже Половецкіа, и повѣдаша вежа и стада у Голубаго лѣса. Ярославу же не любо бысть далѣ пойти, и почаша молвити: дружина моя изнемоглася... Рюрикъ же рече: тобѣ было не лѣпо измясти нами, а вѣсть намъ прява есть, аже вежи Полов. въ се заполдне, а великого ѣзду нѣту: а, брате, кланяю ти ся: ты мене дѣля пойди до полудне, а азъ тебе дѣля ѣду 10 днев̂ъ. Ярославъ же не хотя, рече: полкъ мой пѣшъ... Святославъ же хотѣ ити съ Рюрикомъ, но не оста брата, и възвратишась въ свояси.

«Тое же зимы (въ началѣ 1188 г.) Святосл. и Рюр. послаша Черн. Клоб. на вежа за Днѣпръ, и Романа Нездиловича Воеводою, и взяша вежа за Днѣпромъ... Половци бо бяше шли въ Дунай, и не бѣ ихъ дома.

«Того же лѣта (1190) Святославъ съ Рюрикомъ утѣшивша землю Рускую и Половци *примиривши* въ волю свою, и здумавша идоста на ловы по Днѣпру въ лодіахъ на устіи Тясмени, и ту ловы дѣяша, и обловишась множествомъ звѣрей, и тако наглумистась и въ любви пребыста и въ веселіи по вся дни... Тое же осени Святославъ ня Кунтувдѣя, Торцеского Князя, по обадѣ (клеветѣ)... и Рюрикъ жалуа пронь, зане бѣ дрьзокъ и надобенъ въ Руси. Святославъ же води его къ ротѣ и пусти. Онъ же не стерпя сорома своего, иде въ Половци, къ Тоглыеви, къ Половецкому Князю; Половци жь обрадовашась ему и почаша съ нимъ думати, куды бы имъ въѣхати въ Рускую землю. Онъ же поча ихъ водити... Половци же, потоптавше (преступивъ) роту его дѣля, всѣдоша на конѣ и изъѣхаша городъ Чюрнаевъ, и острогъ взяша, и дворъ зажгоша, и остатокъ его (Чюрнаевъ) весь поимаша, и двѣ женѣ его яша, и челяди много, и ѣхавше легоша по висемь (весямъ), и ту перепочивше, ѣхаша къ *Боровому*, и слышавше Ростислава Рюриковича въ Торческомъ, и възвратишась къ ватагамъ своимъ... и почаша часто воевати по Рши, съ Кунтувдѣемъ. Святославъ бо тое осени не бяше въ Кыевѣ: ѣхалъ бяше за Днѣпръ съ братьею: снимастась на думу; а Рюрикъ ѣха въ Вручій, своихъ дѣля орудій... Рюрикъ посла къ Святославу, река ему: се мы своа орудіа дѣевѣ, а Руск. землѣ не оставивѣ тъщее (пусту): азъ оставилъ сына съ полкомъ, а ты остави своего сына. Онъ же имяся ему послати Глѣба сына, и не посла, зане бяше ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и съ Смоленскою землею; того дѣля и съ братіею совокупился бяше, како бы ему ся не съступити. Рюрикъ же съслася съ сватомъ Всеволодомъ (Вел. Княземъ), послаша къ Святославу, рекуще: ты, брате, къ намъ крестъ цѣловалъ на Романовѣ ряду» (чтобы оставить все, какъ было при Романѣ Смоленскомъ): «тако жь нашъ братъ Романъ сѣдѣлъ въ Кыевѣ: даже стоиши въ томъ ряду, то ты намъ братъ; пакы ли поминаеши давныа тяжа, которіи были при Ростиславѣ, то съступилъ еси ряду; мы ся въ то не дамы; а се ти крестныа грамоты. Святославъ же пріемъ грамоты, не въсхотѣвъ креста цѣловати, много прѣвся, и молвилъ слузѣ, и отпустивъ ихъ, и опять възворотивъ, и цѣлова крестъ на всей воли ихъ. — Тое же зимы лѣпшіи мужи въ Черн. Клоб. пріѣхаша въ Торческый къ Ростиславу Рюриковичю, и рекоша: се Половци воюютъ насъ часто, а не вѣдаемъ, Подунайци ли есмы что ли; а отецъ твой далече... Ко Святославу не слемъ; до насъ не добръ про Контувдѣя. Рюриковичь улюби думу ихъ, и посла къ Ростиславу Володимеричю» (внуку Мстислава Великаго) «река ему: брате! отци наши далече, а инѣхъ старѣйшихъ нѣтъ; а мы будева за старѣйшаа, а поѣди къ мнѣ... И съвокупившеся съ Черн. Клоб. и ѣхаша до Протолчій» (близъ пороговъ Днѣпровскихъ) и заяша стада много Полов. въ лузѣ Днѣпрьскомъ; а за Днѣпръ не лзѣ бѣ ѣхати, зане бѣ въ крахъ» (шелъ по немъ ледъ)... «и вежа въземше, которы бяху осталися въ лузѣ, възвратишась. Половци же... въбредше въ Днѣпръ и постигоша ихъ па *Ивлѣ* въ 3 день; бяху же въ полку Половецк. три Князи Колдичи, Кобанъ, Урусовича оба и Бегбарсъ, а Кочаевичь 4: *Ярополкъ* же Томзаковичь съ стороны пріѣха съ своимъ полкомъ. Ростиславъ видѣвъ ихъ много, възрѣвъ на небо и поѣха къ нимъ, а стрѣлци своя молодыя пусти къ нимъ... Половци же видѣвши стяги Ростиславли, поскочиша; стрѣлци же и Черн. Клоб. ввертѣшась въ ня и яша ихъ живыхъ 600... Черн. Клобуци яли Кн. Кобана, но блюдучися Ростислава, не водя его въ полкъ, уладившеся съ ними, о искупъ, и пустиша его... Ростиславъ же пріѣха въ Торцьскый съ славою и честію, и вборзѣ ѣха къ отцу въ Вручій; отецъ бо его бяше пошелъ на Литву, и бысть въ *Пинску*, *у тещи* своей и у *шюрьи* своей; тогда бо бяше веселье (свадьба) Ярополче. И бысть тепло и стече снѣгъ... и възвратишась во своаси. — Тое зимы Половци ѣхаша Ростиславлею дорогою съ Якушемъ и яша языкъ въ *Воротцѣхъ*, и слышаша, иже Святославъ стоить у Кулдюрева, побѣгоша пометавше стяги и копіа. Святославъ же ѣха къ Кыеву, оставивъ сына, Глѣба, въ Каневѣ... Половци же съ Кунтувдѣемъ ѣхаша къ товаромъ, и бысть вѣсть Глѣбови, и заѣха ихъ въ товарова. Половци же, бѣжачи отъ города, обломишась на Рси, и ту инѣхъ изоймоша, а иніи истопоша, а Кундувдѣй утече.

Здумавъ Игорь (въ 1191 г.) съ братьею на Половци, и шедъ ополонишась скотомъ; и опять на зиму ходиша Олговичи же на Половци, Игорь съ братомъ Всеволодомъ, а Святославъ пусти 3 сыны, Всеволода, Володимера, Мьстислава, а Ярославъ пусти сына Ростислава, а Олгъ Святославичь пусти сына Давыда, и ѣхаша до Оскола. Половцемъ же бысть вѣсть, и пустиша вежа назадъ, а сами съвокупившеся ждутъ ихъ. Олговичи же не могущи ся съ ними бити, заложившеся нощію идоша прочь... Половци же не постигоша ихъ.

«Святославъ (въ 1192 году) съ Рюрикомъ и съ братіею стоаша у Канева все лѣто, стерегучи земли Руск. — Тое же осени лѣпшіи мужи въ Черн. Клоб. почаша просити у Рюрика сына Ростислава на Половци: ѣхали бо бяху Половци на Дунай — и посла Ростиславъ Рогьволода къ отцу, просяся съ Черн. Клоб., и не пусти его отецъ. Святославъ же съ Ростиславомъ Володимеровичь.» (внукомъ Мстислава Великаго) «идоста съ Черн. Клоб. и доѣхаша добра (добычи). Чорніи же Клобуци не въсхотѣша ѣхати за Днѣпръ, бяху бо сватове имъ сѣдяще за Днѣпромъ близъ. — Тое же зимы посла Рюрикъ по Контувдѣя въ Половци. Половци же, поемше его, пріѣхаша къ Рюрикови. Рюрикъ же, одаривъ ихъ и водивъ къ ротѣ, отпусти, а Кунтувдѣя остави у себе и да ему городъ на Рси *Дверенъ*, Руское землѣ дѣля.

«Посла Святославъ (1193 г.) къ Рюрикови, река: се ты снимался съ Половци съ Лукоморскыми, а нынѣ послемъ по вся по Бурчевича, и посла Рюрикъ по Лукоморскіа, по Якуша и по Итоглыа, а Святославъ по Бурчевичь, по Осулука и по Изая. На осень Святосл. и Рюр. снястася въ Каневѣ, и посла Рюр. сына своего Ростисл. противу Лукоморскымъ, и приведе Итоглыа и Якуша къ собѣ въ Каневъ, а Бурчевичи пріѣхаша по оной сторонѣ Днѣпра противу Канева и не ѣхаша на ону сторону, но рекоша Святославу и Рюрику: ѣдите къ

намъ. Князи же рекоша: ни дѣди наши, ни отци наши не ѣздили противу вамъ; аже вамъ годно, идете къ намъ. Бурчевичи же не хотяша дати Билинча, и не ѣхаша: бяше бо у нихъ колодници Черныхъ Клобукъ — и ѣхаша прочь. А Лукоморскіи хотяху мира; но Святославъ не улюби... и рече: не могу съ половиною ихъ мирится... и розъѣхашась. Рюрикъ же посла къ Святославу река ему: се, брате, мира не улюбилъ... а подумаемъ о земли своей: хочемъ ли учинити путь на зиму, яви намъ... пакы ли своея землѣ постеречи, а такоже намъ повѣжь. Святославъ же рече: не мощно, брате, пути учинити, зане жито не родилося бяше нынѣ; абы своея землѣ устеречи. Рюрикъ же рече: брате и свату! аже ти пути нѣту, азъ ти ся повѣдаю, есть ми путь на *Литву*, а сее зимы хочю подѣяти орудей своихъ. Святославъ же нелюбіемъ рече: аже ты идешь изъ отчины своея, азъ пакы иду за Днѣпръ своихъ дѣля орудій, а въ Руск. землѣ кто насъ останетъ? и тыми рѣчми изняте (воспрепятствовалъ) путь Рюрикови. — Тое же зимы лѣпшии мужи въ Черн. Клоб. почаша Ростиславу Рюриковичу молвити: поѣди, Княже, съ нами на вежи Полов. У отца быхомъ тобе просили, но отецъ твой хочетъ на Литву... Рюриковичь же ѣха съ ними отъ *Чернобыля* въ Торцьскый, не повѣдааси отцу... и съвокупився съ дружиною въ 3 дни, посла же и въ Треполь по Мьстислава, по стрыйчича своего» (сына Мстислава Храбраго)... «Онъ же съ Здеславомъ съ Жирославичемъ, съ мужемъ своимъ, постиже и за Росью... и ѣхаша изъѣздомъ, и быша на *Ивли* на рѣцѣ на Половецкой» (думаю Ингулѣ) «и изоймаша сторожи Полов. и въземіше вѣсть, аже Половци днища далѣе лежать» (далѣе, нежели за день пути находятся) «и вежа и стада по сей *сторонѣ Днѣпра по Руской*... и ударища на разсвѣтѣ на нихъ, и ополонишась скотомъ и конми и челядью, и Княжичевъ и добрыи мужи имаша... и възвратишась съ славою великою... Половци же постигоша полкы Ростиславли, а не смѣша наѣхати, но ѣхаша по нихъ и до Руси... Ростиславъ же пріѣхалъ на Рожество, и оттолѣ вборзѣ къ отцу въ *Вручій* съ сайгаты (трофеями): отецъ бо его хотяше ити на Литву. Святославъ же посла къ Рюрикови, река: се твой сынъ началъ рать... а нынѣ пойди въ *Русь*; стережемъ своея земля. Рюрикъ же оставивъ путь свой и иде въ *Русь* съ всѣми своими полки» (слѣдственно *Русью* называлась собственно область Кіевская: см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 296). — «а Ростиславъ испросися у отца къ стрыеви своему къ Смоленску съ сайгаты къ Давыдови, и пріѣха съ славою великою. Слышавъ же Всеволодъ (Вел. Князь), тесть его, и позва и къ собѣ... и ѣха къ цтю своему съ сайгаты. Тесть же его дръжа зиму у себе всю, и оларивъ, и съ честію великою зятя своего и дъщерь свою отпусти въ своясі... Тое же зимы воеваша Половци по убережи, поимаша Торкы. Святославъ бо и Рюрикъ много стояша у Василева, стерегше землѣ своея, и ѣха Святосл. въ Корачевъ, а Рюрикъ въ свою волость; и то слышавше Половци, воеваша по убережи.»

(75) До сего времени нигдѣ не упоминалось о Пронскѣ, который названъ здѣсь въ харатейныхъ *Прынскъ*.

(76) «Брань славна луче есть мира студна.» Мы сократили описаніе сей войны. Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, осажденные въ Пронскѣ, требовали помощи отъ Вел. Князя, который и прислалъ къ нимъ 300 человѣкъ Владимірской дружины, велѣвъ итти, въ слѣдъ за симъ отрядомъ, свояку своему Ярославу Владиміровичу и Князьямъ Муромскимъ, Владиміру и Давиду Юрьевичамъ. Узнавъ о томъ, старшіе Глѣбовичи сняли осаду. Рать Вел. Князя возвратилась отъ Коломны, и Всеволодъ Глѣбовичь, оставивъ Святослава въ Пронскѣ, самъ уѣхалъ въ Владиміръ: чѣмъ воспользовались большіе братья; снова осадивъ Пронскъ, отняли у жителей воду, и велѣли сказать Святославу: Не мори людей голодомъ; ты намъ братъ: сдай городъ, а мы *тебя не съѣдимъ:* только не приставай ко Всеволоду. Малодушный Святославъ, исполняя волю Бояръ, примирился съ братьями, и чтобы не утратить Княженія, выдалъ имъ связанную дружину Всеволодову, жену его и Владимірцевъ. Всеволодъ Глѣбовичь, пріѣхавъ въ Коломну, мстилъ Святославу разореніемъ области Пронской; а Великій Князь требовалъ отъ измѣнника, чтобы онъ возвратилъ ему Владимірцевъ, говоря: *Ты у мене выбилъ я челомъ. Аще ты ратенъ, си ратни же; аще ты миренъ, а си мирни же.* Глѣбовичи, слыша, что Всеволодъ Юрьевичь собираетъ войско, объявили себя покорными, сказавъ: «ты отецъ, ты господинъ, ты братъ; мы переже тобе (прежде тебя) главы свои сложимъ за тя. Тобѣ ся кланяемъ, а мужи твои пущаемъ.» Великій Князь не хотѣлъ съ ними мириться. Въ 1187 году пріѣхалъ въ Владиміръ Епископъ Порфирій... «и стоя въ монастыри у Вознесенья на самый праздникъ Вознесенья Господня. Всеволодъ же бояся Бога, послуша его и своего Епископа, блаженнаго Луки, посла его въ Рязань съ миромъ, приставя къ нему свое мужи и Святославли и Ярославли Всеволодичю Ольгову внуку» (въ двойствен. числѣ), а ихъ мужи вси пусти Рязанские, ожи изъимани были. Онъ же, пришедъ въ Рязань къ Игорю, утаився всѣхъ мужей и пословъ, инако рѣчь изворочa, не яко Святитель, но яко перевѣтникъ... Всеволодъ же Гюрьевичь хотяше послати по немъ, и яти его, но положи упованье на Бога.»

(77) См. выше, примѣч. 16. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Того же лѣта (1187) преставися Галицкій Князь Ярославъ, мѣс. Окт. въ 1 день, а во 2 день положенъ бысть въ церкви Св. Богородица. Бѣже Князь мудръ и реченъ языкомъ, и чтенъ въ земляхъ и славенъ полкы. Гдѣ бо бяше ему обида, самъ не ходя съ полкы своими» (тутъ пропускъ до слова: *водами* — т. е. но посылалъ ихъ съ Воеводами)... «бѣ бо ростроилъ (устроилъ) землю свою и милостыню сильно раздаваше, странныя любя... честь подавая отъ сильныя своея, и въ семъ законѣ Божіи ходя, къ церковному чину самъ призирая и строя добрѣ.» Сочинитель *Слова о полку Игоревѣ*, обращаясь къ Ярославу, говоритъ: «Галичкы *Осмомысле* Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскыи (Карпатскія) своими желѣзными плъкы, заступивъ Королеви (Венгерскому) путь, затвори къ Дунаю ворота, меча (кидая) бремены чрезъ облаки, *суды рядя до Дуная*. Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями.» — Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «и къ преставленію своему въ болѣзни тяжцѣ познась худъ, и съзва мужи своя и всю Галицкую землю; позва же и съборы вся и монастыри, и нищая, и сильныа и худыа, и тако глаголаше плачася къ всѣмъ... и тако плакашеся по 3 дни... и повелѣ раздавати имѣніе свое монастыремъ и нищимъ... и даяше по всему Галичю по 3 дни, и не могаше раздавати, и се молвяше мужемъ своимъ: се азъ одиною худою своею головою ходя, удръжалъ всю Галицкую землю; а се приказываю мѣсто свое Олгови, сынови своему меншему... бяше бо Олегъ Настачичь» (сынъ Настасьинъ: см. выше, примѣч. 16) «и бѣ ему милъ, а Володимеръ не ходяше въ воли его... По смер-

ти жь Ярославли бысть мятежъ великъ въ Галицкой земли . . . и мужи Галицкые съ Володимеромъ, переступивше крестное цѣлованіе, выгнаша Олга, и бѣжа Олегъ въ Вручій къ Рюрикови . . . Княжащу Володимеру (въ 1188 г.) въ Галицкой земли, и бѣ бо любезнивъ питію много, и думы не любяше съ мужи своими, и поя у Попа жену и постави собѣ жену, и родися у неа 2 сына. Романъ же (Мстиславичь) Володимерскій сватася съ нимъ и даде дъщерь свою за сына его за старшаго, и се увѣдавъ Романъ, иже мужи Галицкіи не добрѣ живутъ съ Княземъ своимъ про его насиліе, зане гдѣ улюбивъ жену или чію дъчерь, то поимаше насиліемъ. Романъ же сла *безъ опаса* къ мужемъ Галицкымъ, подтыкаа ихъ на Князя, да быша его выгнали, а самого быша пріали . . . Галичане же Романовну Ѳеодору отняша у Володимера» (когда онъ собрался уйти въ Венгрію) «и послашась по Романа. Романъ же даде брату Всеволоду Володимерь отнудь и крестъ къ нему цѣлова: болѣ ми того не надобѣ Володимерь . . . Король же (Венгерскій) поемь Володимера и съ всѣми своими полкы пойде къ Галичю, и слышавъ Романъ, яко Король за горою уже, и бѣжа . . . поимавъ весь добытокъ Влодимерь, и бѣжа въ Володимерь съ Галичаны, и ту затворися братъ отъ него . . . Романъ иде въ Ляхы, а жену пусти въ Вручій и съ Галичанками на Пинескъ, Романови же не бы въ Ляхохъ помочи, и иде къ Рюрикови къ цтю (тестю) своему въ Бѣлгородъ и съ мужи тѣми, которіи же его ввели бяху въ Галичь. Король въѣха въ Галичь, не посади въ немъ Володимера, но да весь нарядъ Галичаномъ, и посади въ немъ сына своего Андрея, а Володимера поя съ собою въ Угры опять нужею, отъима добытокъ и всади его на столпъ и съ женою. Король же бѣ великъ грѣхъ створилъ, крестъ цѣловалъ къ Володимеру. . . . Романъ же испросився у Рюрика на Галичь, река: ведуть мя Галичане къ собѣ на Княженіе, а пусти съ мною сына своего, Ростислава. Рюрикъ же пусти сына и Славна Борисовича Воеводу. Романъ же впередъ вои посла къ Плѣсньску» (нынѣ Плѣскову, на рѣкѣ Роскѣ), «да заѣдуть Плѣспескъ переди. Они же затворишась. Угре же и Галичане заѣхаша и́ у Плѣсньска; инѣхъ изоймаша, а друзіи утекоша. Романъ же, то слышавъ, пусти шюрина домовъ, а самъ ѣха въ Ляхы къ Казимиру; изъ Ляховъ же пріиде къ Володимерю, и не пусти его братъ. Романъ же бяше пришелъ съ Ляхи на брата съ Межкомъ, *уемъ* (братомъ матери) своимъ. . . не успѣвъ ничто жь, и идя къ Рюрикови. Рюрикъ же да ему Торцьскый, а на брата его насла съ грозою. Всеволодъ же убоявся Рюрика и съступися Романови Володимеря . . . и ѣха въ Белзъ. — Присла Король (въ 1189 г.) къ Святославу, тако река: брате! пришли сына къ мнѣ; чимъ ти ся обѣщалъ, то ти исполню, якъ ти есми крестъ цѣловалъ. Святославъ же утаився Рюрика, уохотяся творяше, яко же да дадять ему Галичь, и посла сына своего, Глѣба, къ Королеви. Рюрикъ же, увѣдавъ то, наряди по немъ *Святослава* Володимерича» (внука Мстислава Великаго; но не описка ли вмѣсто Ростислава?) «приставя къ нему мужь свой, а на Святослава поча насылати, тако река: како еси послалъ къ Королеви, а съ мною не спрошался? съступилъ еси ряду. И бывши распрѣ мнозѣ. Но Богъ не далъ радости діаволу; снидошась крестнымъ цѣлованіемъ. Святославъ бо тѣмъ пряшеся: брате и свату! азъ сына послалъ ци (развѣ) на тя приводя Короля? но азъ послалъ на свое орудіе. Аже хочешь ити на Галичь, да се азъ съ тобою готовъ. Молвяше бо и Митрополитъ Святославу и Рюрикови: се иноплеменницы отъяли отчину вашу, а лѣпо вамъ было потрудитися . . . Поидоша къ Галичю Святосл. съ сынми, а Рюрикъ съ братьею, и бывшимъ имъ по мѣсту всѣмъ и рядившимся о волость Галицкую, Святославъ же даяше Галичь Рюрикови, а собѣ хотяше всея Рускоа земля около Кыева; Рюрикъ же не улюби лишитися отчины своея — и тако възвратишась. Того же лѣта послашась Галичане къ Ростиславу Берладничю... и пріѣхавшю ему къ украйнѣ Галицкой, и взя 2 города, и пойде къ Галичю по ихъ совѣту. Мужи же Галицкыи не были вси въ единой мысли, но чіе были сынове и братья у Короля, то тіи дръжахуся крѣпко по Королевичь. Въ тожь время прислалъ бяше Король полкы многы къ сынови, бояся Князей Рускыхъ. Слышавъ же Королевичь и Воеводы Угорскыа, аже идеть Ростиславъ по совѣту Галицкыхъ мужей, Королевичь же поча ихъ водити къ кресту. . . Ростиславъ же приде въ малѣ дружинѣ къ полкомъ Галицкымъ, мнѣвъ, яко отступять отъ Короле́вича. Бяше же и въ его полку нѣколико мужей Галицкыхъ, и сіи же . . . отступиша отъ него . . . Полци же Галицкіи и Угре объемше и збодоша его съ коня . . . Галичане жь възмятошась, хотячи изъяти его у Угоръ и пріяти събѣ на Княженіе. Угре же приложивше зеліе смертное къ ранамъ, и съ того умре, и положиша его въ монастыри и церкви Св. Іоанна . . . Скочи Вълодимеръ Ярославичь изъ Угоръ, изъ вежи (башни) каменное: ту бо дръжаше его Король и съ Попадьею съ двѣма дѣтятема; поставленъ бо бѣ ему шатеръ на вежи; онъ же изрѣзавъ шатеръ, изви собѣ ужище и спустися оттуда доловъ отъ сторожей, иже бѣста ему два въ пріязнь, яже и доведоста его землѣ Нѣмецкіа къ Цареви Нѣмецкому. Царь же увѣдавъ, аже есть сестричичь Великому Князю Всеволоду Суждальскому, и прія его съ любовію великою и съ честію, приставя къ нему мужъ свой, и посла его къ Казимиру въ Ляхы, веля ему доправити Галича по своей воли: ялъ бо ся бяше давати Цареви по 2000 гривенъ сребра до года.» (Ниже сказано въ лѣтописи, что сей Царь Нѣмецкій, т. е. Фридерикъ Барбарусса, въ томъ же 1190 году пошелъ биться *за гробъ Господень*.) . . . Казимиръ приставя мужъ свой къ нему, Миколаа, посла его въ Галичь. Галицкіи же мужи срѣтоша его съ радостію . . . а Королевича прогнаша . . . а Володимеръ сѣде на столѣ на Спасовъ день (въ 1190 г.), и посла къ Всеволоду, къ уеви своему, въ Суждаль, моляся . . . Всеволодъ же посла къ всѣмъ Княземъ и къ Королеви въ Ляхы, и води ихъ къ кресту на своемъ сестричичи не искати Галича николи же подъ нимъ . . . и оттолѣ не бысть napь никогожь.»

О семъ происшествіи говорятъ Польскіе Историки, Кадлубекъ и Богуфалъ, но отчасти несправедливо и вообще неясно. Кадлубекъ пишетъ, что Казимиръ, завоевавъ тогда Брестъ и Галичь, разбивъ Всеволода Бельзскаго, отдалъ всю бывшую Ярославову область сыну сестры своей, Князю Россійскому, изгнанному братьями, которые ложно называли его пріимышемъ ихъ матери; что Владиміръ Ярославичь бѣжалъ въ Венгрію; что Галичане отравили ядомъ племянника Казимирова, имѣвшаго болѣе довѣренности къ Ляхамъ, нежели къ Россіянамъ; что Романъ Мстиславичь Волынскій, братъ отравленнаго Князя, согласно съ волею Казимира сѣлъ на престолѣ Галицкомъ; что Король Венгерскій, давъ слово быть защитникомъ Владиміра, обманулъ его, посадилъ въ темницу, и возвелъ на престолъ Галицкій сына своего, Андрея; что Владиміръ бѣжалъ изъ темницы, нѣсколько времени скитался съ толпами бродягъ, тревожа границы Польскія (limites Cazimiri cum latrunculis quondam irrepserat, et rapīas illustrium

fœminas transultima Barbarorum exterminia jure prædocinii distraxerat: defloratos taceo virginum flosculos, quosdam etiam immaturos), насилуя женъ и дѣвицъ; что великодушный Казимиръ, не смотря на то, заключилъ съ нимъ союзъ и далъ ему Воеводу Краковскаго, Николая, изгнавшаго Венгровъ изъ Галича (Каллуб. Hist. Polon. стр. 787). Богуфалъ (стр. 47) называетъ несчастнаго Князя, отравленнаго ядомъ, только по матери братомъ Романа Владимірскаго, сыномъ же *Коломана Венгерскаго*, *перваго* супруга Болеславовой дочери, сестры Казимировой. Сіи Историки (или ихъ новѣйшіе дополнители, какъ мыслилъ Нарушевичь: см. его Hist. Nar. Polsk. IV, 57) перемѣшали людей и случаи. Владиміръ не въ Польшѣ, а въ Галичѣ насиловалъ женъ и дѣвицъ; отъ яда умеръ тамъ не братъ Романовъ, и не племянникъ Казимировъ, а сынъ Берладниковъ, и проч. Гебгарди и Энгель, желая изъяснить сказаніе Богуфала о Коломановомъ сынѣ, полагали, что отецъ Романа Владимірскаго, Мстиславъ Изяславичь, былъ женатъ на вдовѣ или Бориса Коломановича (внука Мономахова) или сына его, Коломана (см. Т. II, стр. 113). Но справедливѣе думалъ, кажется, Нарушевичь, говоря: Zdaie sie, że iakiś mędrek klasztorny słysząc coś o awanturach Borysa Węgrzyna, zklecił tę niezgrabną rzeczy mieszaninę, i czystą narracyę Kadłubka z Bogufałem płonnym przydatkiem pofałszował.

Оставляю безъ замѣчанія сказку новѣйшаго Длугоша о семъ происшествіи: явно, что онъ не имѣлъ здѣсь иныхъ источниковъ, кромѣ Кадлубека и Богуфала. — Длугошъ пишетъ еще, что Казимиръ Справедливый женился въ 1168 году на Еленѣ, дочери Всеволода Мстиславича, Князя Бельзскаго. Супруга Казимирова и въ нашихъ лѣтописяхъ называется родною племянницею Романа Мстиславича (*братаничною*: см. *Россійск. Библіот.* стр. 300). Всеволодъ Мстиславичь скончался Монахомъ въ Апрѣлѣ 1195 году (см. *Кіев. Лѣт.*) и погребенъ въ Владимірѣ Волынскомъ въ церкви Богоматери.

(78) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ лѣто 6689 преставися благовѣрнаа Княгини Олга, сестра Всеволожа *Великого*, нареченнаа Чрънеческы Евфросинья, мѣс. Іюля въ 4 день, и положена у Св. Богородици Золотовръхоа... Въ то же время (въ 1183 году) Володимеръ Ярославичь Галицкый, *шюринъ Игоревъ*, бяше у Игоря, бяше выгнанъ бяше отцемъ изъ Галича. Тъ же Володимеръ пріиде прежде къ Володимерю къ Романови. Романъ же, блюдясь отца его, не да ему опочинути у себе. Оттолѣ иде къ Иньгварови» (сыну умершаго Ярослава Луцкаго) къ Дорогобужю; а тотъ блюдясь отца его, и не прія его. И онъ ѣха къ Святополку» (Юрьевичу, правнуку Святополка-Михаила) «къ Турову: и тъ также отпусти къ Давыдови къ Смоленску. Давыдъ его отпусти въ Суждаль къ Всеволоду, уеви своему (его). Володимеръ же Галицкый ни тамо обрѣте собѣ покоа, и пріиде къ зяти своему къ Путивлю къ Игореви Святославичю. Тъ же пріа съ любовію и положи на немъ честь велику, и за двѣ лѣтѣ държа его у себе, и на третье лѣто въведе его въ любовь съ отцемъ его, и посла съ нимъ сына своего, зятя Рюрикова, Святослава.»

(79) См. Нарушев. Hist. Nar. Polsk. IV, 68, и Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 179.

(80) Константинъ Всеволодовичь родился, какъ означено въ харатейныхъ, въ 1186 году, Маія 18, въ Субботу (но сіе число Субботою было въ 1185); а въ описаніи 1196 году сказано: «жени Князь Великій Всеволодъ сына своего, Костянтина, у Мстислава Романовича, и вѣнчанъ бысть въ Володимери блажен. Епископомъ Іоанномъ Окт. въ 15 день, ту сущю Рязанск. Князю Роману и брату его Всеволоду и Володимеру съ сыномъ своимъ Глѣбомъ и Муромскому Владимеру и Давиду и Юрью съ мужи своими.» Бракъ Константиновъ совершился за годъ до войны Черниговской; а какъ она была, по лѣтописи Новогородской, въ 1196 году: то вѣроятно, что сей Князь женился въ 1195. — Всеволодъ въ 1187 г. выдалъ дочь свою Всеславу за Ростислава, сына Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: «*ведена* (вѣнчана) бысть Іюля въ 11 день, и бысть радость въ градѣ Влодимерѣ, Ярославу Володимеричю (свояку Вел. Князя) ту на свадбѣ, а изъ Мурома Давидъ Юргевичь.» Другая Всеволодова дочь, Верхуслава или Антонія (см. ниже, примѣч. 171) сочеталась бракомъ съ Ростиславомъ Рюриковичемъ, 1189 году, Іюня или Іюля 30: такъ въ харатейныхъ и другихъ; а въ *Кіев. Лѣт.*: «того же лѣта» (будто бы еще въ 1187) «съ Великого дне посла Князь Рюрикъ Глѣба Князя, шюрина своего, съ женою и ины многы Бояре съ женами къ Юрьевичу къ Великому въ Суждаль по Верхуславу; а на Борисовъ день отда Врьхуславу, дщерь свою, Всеволодъ... плакася по ней отецъ и мати, зане же бѣ мила имъ, и млада сущи *осьми лѣтъ*... Посла же съ нею *сестричича* своего, *Якова*, съ женою, и иныа Бояре съ женами. Приведоша ю въ Бѣлгородъ на Ефросининъ день (Сент. 25) а заутра Богослова» (въ день Іоанна Богослова) «вѣнчана у Св. Апостолъ въ деревянной церкви блаженнымъ Епископомъ *Максимомъ*. Сотвори же Рюрикъ Ростиславу велми силну сватбу, яка же не была въ Руси, и быша на сватбѣ Князи мнози, за 20 Князей. Сносѣ же своей далъ многы дары и городъ Брягинъ, тако жь и свата съ Бояры отпусти въ Суждаль, дары многыми одаривъ... Тогды же (Ноября 26) пріѣха Іаковъ изъ Руси» (въ Владиміръ Суздальскій).

(81) Въ Каталогахъ сказано, что Митрополитъ Константинъ преставился въ 1174 или въ 1177 г. Въ лѣтописи: «Князь Всеволодъ (въ 1185 г.) посла Кыеву къ *Святославу* и къ Митрополиту прося Епископа, хотя поставити Луку, кроткаго Игумена Св. Спаса на Берестовѣмъ. Митрополитъ же не хотяше: се бо на мзду поставилъ Николу Грьчина, Всеволоду не хотящю его. Нѣсть бо достойно наскакати на *Святительскый* чинъ на мъздѣ, но его же Богъ позоветь, *Князь всхочеть и людье.*» Онъ хвалитъ Луку молчаливаго, милостиваго къ убогимъ, ласковаго ко всякому, кроткаго рѣчью и дѣломъ: «не имаши бо *града* здѣ, но будущаго «взискаеши.» Лука поставленъ Марта 11, скончался въ 1189 году, Ноября 10, и погребенъ на другой день у Соборной Владимірской церкви. Всеволодъ въ 1190 году отправилъ къ Святославу и Митрополиту духовнаго отца своего, Іоанна, который и былъ поставленъ Епископомъ Генв. 23, а пріѣхалъ въ Ростовъ Февр. 25 — «Великому Князю сущю Ростовѣ въ *полюдьи.*» Изъ Ростова Іоаннъ прибылъ въ Суздаль Марта 10, а въ Владиміръ 21. Тутъ же написано, по случаю рожденія Всеволодова сына: «тогда сущю Великому Князю въ Переяславли въ *полюдьи.*» Когда самъ Всеволодъ родился, о Долгорукомъ сказано: «бѣ бо тогда на рѣцѣ на Яхромѣ въ *полюдьи.*» Что такое *полюдье?* безъ сомнѣнія не названіе мѣста, ибо относится здѣсь и къ Дмитрову и къ Переяславлю и къ Ростову. Оно значило, думаю, *объѣздъ Княжескій*, то есть, когда Государь *для* суда, расправы и собранія даровъ ѣздилъ *по людямъ* или областямъ своего Княженія.

(82) Всеволодъ въ 1192 году «посла Тивуна своего въ Русь и созда *градъ* Городецъ на Встри, обнови отчину свою.» — О разрушеніи Городца или Остера, см. Т. II, стр. 154.

(83) Сына Романова, Ярополка, въ 1175 году: о чемъ мы выше упоминали. Въ лѣтописи: «Бысть (въ 1186 году) встань (мятежь) Смоленьскѣ промежи Князьмь Давидомъ и Смолняны, и много головъ паде луцьшихъ мужъ (*Новогород. Лѣт.* стр. 48).

(84) Въ *Новогород.* годъ 1185: «на зиму пойде Давидъ къ Полоцьску съ Новогородьци и съ Смольняны, и умирившеся воротишася на Еменьци» (черезъ мѣстечко Еменецъ въ Витебской Губерніи). — Въ харатейныхъ подъ годомъ 1186: «на зиму иде Давидъ изъ Смоленьска, а сынъ его изъ Новагорода, изъ Логошьска Василько Володаревичь, изъ Дрьютска (Друцка) *Всеславъ*, и здумаша Полочане, рекуще: не можемъ стати противу; много ны зла створять; пойдемъ къ нимъ на сумежье (границу). И срѣтоша я на межахъ съ поклономъ, и даша дары, и уладишася.» Полоцкимъ Княземъ въ 1181 году былъ Всеславъ Васильковичь, Логожскимъ Всеславъ Микуличь, а Друцкимъ Глѣбъ Рогволодовичь (см. выше, примѣчаніе 60).

Далѣе: «Ходиша на Емь молодьци о Вышатѣ о Васильевици (съ нимъ) и придоша опять сторови (здоровы), добывше полона.» Въ томъ же году (1186) ѣздилъ изъ Новагорода чиновникъ Завидъ въ Смоленскъ къ Давиду. — Въ 1186 году «убиша Новѣгородѣ Гаврила Неревинцця, Ивачя Сеневиця, и съ моста свергоша.» — Новогородцы погибли въ Заволочьѣ въ 1187 году. Въ лѣтописи: «и паде головъ о стѣ *къметьства»* (дружины); въ иномъ спискѣ: «головъ сто доброименитыхъ.» — Мстиславъ изгнанъ въ томъ же 1187 году, а Ярославъ Владиміровичь пріѣхалъ въ Новгородъ Ноября 20.

«На тужь зиму (въ 1188 году) бысть дорогъвь, оже купляху по двѣ ногатѣ хлѣбъ, а кадь ржи по 6 гривнъ.» Въ кади было 8 осминъ.

«Рубоша (заточили) Новгородьце Варязи *на Гътѣхъ* (Готландіи?) Нѣмеце въ *Хоружьку* и въ Новотържьце.» Это не ясно: кто и кого *рубоша?* Новогородцы ли Варяговъ, или Варяги Новогородцевъ? что такое *Хоружька?* Новоторжцами назывались жители Торжка. Далѣе: «а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужа за море, ни сла вдаша» (не давъ посла) «Варягомъ, нъ пустиша я безъ мира.»

(85) См. Далина Geſch. des R. Schw. T. II, стр. 119, 120. Далинъ говоритъ, что сіи врата церковныя назывались въ Новѣгородѣ *Сартунскими*: вѣроятно, что онъ слышалъ о *Корсунскихъ* (см. *Исторіи* нашей Т. I, примѣч. 458); но въ Софійской церкви есть дѣйствительно такъ называемыя *Шведскія* врата, не серебряныя, а мѣдныя.

Въ лѣтописи: «Избиша Пльсковици Чудь Поморьскую; пришли бо бяху въ 7 шнекъ, и оболочилися около порога въ озеро, и удариша на не, и не упустиша ни мужь, а шнеки привезоша Пльскову. — Ходиша Новгородьци съ Корелою на Емь, и воеваша землю ихъ, и пожьгоша, и скотъ исѣкоша.» По Финляндскимъ извѣстіямъ Россіяне около сего времени сожгли Або (см. Iust. Chron. Episc. Finnl. стр. 12).

(86) «Ходи Ярославъ на Луки, позванъ Полотьскою Княжьею и Полоцяны, и сняшася на рубежи, и положиша, яко на зиму всѣмъ снятися на Литву, любо на Чудь.» и проч. Далѣе: «А *Дворъ* свой посла съ Пльсковици воевать.» См. Грубер. Liefländ. Chronik I, 69, и Далина Geſch. des R. Schwed. II, 97, 98.

(87) См. Грубер. Liefländ. Chronik I, стр. 46 и слѣд. Кто послѣ Всеслава Васильковича (см. выше, примѣч. 60) или 1181 года княжилъ въ Полоцкѣ, не знаемъ. У Володаря Минскаго былъ сынъ Василько (см. выше, примѣч. 84): не онъ ли назывался и Владиміромъ? Татищевъ, ссылаясь на Хрущевскую лѣтопись, разсказываетъ, что въ 1182 году Василько Ярополковичь Дрогичинскій воевалъ съ *Владиміромъ Володаревичемъ* Минскимъ; что первый, соединясь съ Поляками и Мазовшанами, у рѣки Буга разбилъ Владиміра и взявъ *Брестъ*, оставилъ тамъ *брата жены своей, Князя Мазовецкаго*; что Владиміръ съ дружиною Полоцкихъ Князей опять завладѣлъ Брестомъ, плѣнилъ Мазовшанъ, побѣдилъ за Бугомъ Василька и Ляховъ; что Василько ушелъ къ тестю *Лешку*, который прогналъ Владиміра изъ Подляшья въ Брестъ; что Василько, не имѣя чѣмъ заплатить тестю за его труды и будучи бездѣтенъ, уступилъ ему свое владѣніе, отнятое послѣ Ляхами у *дѣтей Лешковыхъ;* что Романъ Мстиславичь Владимірскій, узнавъ о томъ, завоевалъ Дрогичинскую область. Сіе извѣстіе могло бы служить доказательствомъ, что сынъ *Володаревъ* назывался *Владиміромъ*, если бы оно не смѣшано было съ явною ложью. *Брестъ* принадлежалъ не *Минскимъ*, а Волынскимъ Князьямъ, и *Лешко* Мазовецкій *не имѣлъ дѣтей* (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 69).

(88) «Копимъ сребро и соболи и ина узорочья» (драгоцѣнности). Въ горахъ, по Енисею, находятся изгарины и плавильни древнихъ тамошнихъ рудокоповъ, доказывающія, что Сибирскіе народы издавна плавили серебро и золото, дѣлая всѣ нужныя для того орудія не изъ желѣза, а изъ мѣди (см. *Путешествіе Палласа*, Ч. III, стр. 572 въ Русск. переводѣ). Сіи старыя рудокопни обыкновенно называются въ Сибири *Чудскими копями* (см. *Сочиненія о Сибирск. рудникахъ*, Ч. I, отдѣл. 2, стр. 134). *Никоновск. Лѣт.* называетъ Новогородскаго Воеводу Андреемъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ *Новогородск. Лѣт.* прибавлено, что Князь Югорскій умертвилъ Новогородца Якова Прокшинича по совѣту Новогородца Саввы. Далѣе: «пріидоша изъ Югры и убиша Збышку Волосовичь и Завида Нѣговичь и Моислава Поповичь; иные сами отбѣгоша . . . а то Богъ вѣсть.»

(89) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ лѣто 6702 (1194) Святославъ позва братію свою въ Корачевъ, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча съ ними думати, хотя на Резанскія Князи, бяше бо имъ рѣчь про волость» (а Татищевъ прибавилъ: волости *Тмутараканскія*) «и послашась къ Всеволоду въ Суждаль, просячися у него на Резань. Всеволодъ же воли ихъ не сътвори, и възвратися Святославъ изъ Карачева съ Юрьева дни, и ѣхаша лѣтѣ на санехъ. бѣ бо нѣчто ему извереглося на нозѣ, и пойде въ насадѣхъ по Деснѣ. Святославъ же пришедъ въ Кыевъ и ѣха къ Вышегороду въ Пятокъ поклонитися Святымъ, и вънде въ церковь, съ слезами облобыза св. раку, и по семъ пріиде къ отни гробници, и хотѣ внити по обычаю: Попови же отшедшю съ ключемъ, Святославъ же не дождавъ й ѣха, и не любоваше въ умѣ своемъ, яко не поклонися отню гробу; и пріѣха къ Кыеву, въ Суботу ѣха къ Св. Мученикомъ, къ церкви ту сущей у Св. Кирила, яко послѣднюю службу свою приносяя. Въ Недѣлю же празднику бывшю, и не може ѣхати съ Новаго двора, но ту и празднова праздникъ Св. Мученику. Заутро жь въ Понедѣльникъ пріиде ему вѣсть отъ сватовъ, иже иляху поимати внуки Святославли Глѣбовны, Евфиміи, за Царевича. Святославъ же посла противу имъ мужи Кіевскія. Сего же болма охулѣвающей силѣ, отемпяющи языкъ, и възбнувъ рече къ Княгини своей: коли будетъ Святыхъ Маккавей (Авг. 1)? Она же рече въ Понедѣл. Князь же рече: о! не дождути я того! бяше бо отецъ его, Всеволодъ, въ день Свв. Маккавей пошелъ къ Богови,» и проч. Да-

лѣе: Князь же Святославъ бѣ мудръ, въ заповѣдехъ Божіихъ ходяй, чистоту тѣлесную съвѣщавъ, и Черноризскый чинъ и Іерейскый любя, и нищая милуа,» и проч. Святославъ умеръ въ 1194, а не въ 1195 году: ибо 24 Іюля въ Воскресенье и 1 Авг. въ Понедѣльникъ было точно въ 1194. — Далѣе: «въ лѣто 6703 (1195) посла Рюрикъ по брата своего къ Смоленску, река ему: се остало ми ся старѣйшинство въ Руской земли... Пойде Давыдъ въ лодіяхъ, и пріиде въ Вышегородъ въ Среду Русалное недѣли, и позва и Рюрикъ на обѣдъ... и одаривъ и отпусти и, и оттолѣ позва Ростисл. Рюр. къ собѣ на обѣдъ къ Бѣлугороду,... Потомъ же Давыдъ позва монастыри всѣ на обѣдъ... и милостыню силно розда имъ, и нищимъ... позва Черніи Клобуци, и ту попишася вси у него... Кіане же почаша звати Давыда на пиры, подаваючи честь велику и дары... Давыдъ же позва Кіаны къ собѣ на обѣдъ,» и проч.

(90) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Въ то же лѣто (1179) приведе Святославъ за Всеволода, за середнего сына, жену изъ Ляховъ Казимерну въ Филипово говѣнье ... Того же лѣта преставися Княгини Всеволожаа, пріемше на ся Чернеческую Скиму, и положена бысть въ Кыевѣ у Св. Кирила, юже бѣ сама създала.» Въ *Синопсисѣ* сказано, что въ 1178 году скончалась Инокинею Княгиня Марія, жена Кн. Всеволода Святославича, дочь Казимира, Короля Польскаго, и погребена въ церкви монастыря Живоначальныя Троицы: «идѣ же и предѣлъ Св. Кирилла въ Кіевѣ каменной, юже церковь и монастырь, нынѣ зовомый Кирилскій, сама построила.» И такъ сія Княгиня въ одинъ годъ и вышла замужъ и приняла Схиму и построила каменную церковь? Въ Польскихъ лѣтописяхъ не упоминается о Маріи. Татищевъ прибавилъ, что она, родивъ сына, Михаила, занемогла и постриглась.

(91) «Мняше бо, яко смолвися со Всеволодомъ, отъя отъ него волось сына дѣля своего... Романко поча пущати дчерь Рюрикову, хотяшеть ю постричи.» И Кадлубекъ упоминаетъ о томъ (Hist. Pol. стр. 810): a principe de Kyow, cujus filiam repudiaverat (Романъ). Татищевъ прибавляетъ, что договорныя грамоты Всеволодовы съ Романомъ Ростиславичемъ и Святославомъ хранились въ Софійской церкви.

(92) «Казимиричи же рѣша ему: ради быхомъ тобѣ помогали, но обидить ны стрый нашъ Мешька; да преже управи насъ, да быхомъ были вси Ляхове за единѣмъ щитомъ съ тобою и мстили быхомъ обиды твоя.» «Романъ говоритъ дружинѣ: «Скопивъ ихъ всѣхъ во едино мѣсто, исполню сими честь свою.» См. Нарушев. Hist. Nar. Polsk. IV, 106.

(93) См. Кадлуб. Hist. Pol. стр. 812: Caput (regni) ergo et custodiri et defendi convenit, donec nostrorum livor vulnerum detumescat. Piscis enim quorsumvis sequitur, si illius filo branceam teneas. Послѣдняя рѣчь значитъ: «и рыба идетъ, куда хочешь, если захватишь оную за жабры.» Романъ, назвавъ столицу *главою*, прибавляетъ иносказательно, что непріятель овладѣетъ и Государствомъ, если возметъ оную. Въ сравненіи съ рыбою слово *жабры* употреблено вмѣсто *головы*. — Въ нашихъ лѣтописяхъ: «побѣди Мешька Романа и избиша въ полку его много Руси, а самъ утече ко Казимиричемъ въ городъ раненъ, и оттуду *несоша* и дружина къ Володимерю.» Татищевъ вымыслилъ нѣкоторыя обстоятельства битвы въ честь Роману.

Рюрикъ далъ тогда Роману «Полоные и полъ-Торска» (а не Корсуня) «Рускаго,» т. е. городокъ Полоный (въ Губерніи Волынской) и половину Торска или Торческа Рускаго.

(94) См. *Кіев. Лѣт.* Ярославъ Великій отдалъ сперва лѣвую сторону Днѣпра брату Мстиславу: области Святослава Ярославича (Черниговъ, Муромъ, Рязань) находились тамъ же.

Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «Олговичи же убоявшесь, и послаша мужи своа и Игумена Деонисіа къ Всеволоду... онъ же имъ ня вѣры, съсѣде съ копя. Олговичи же послаша къ Рюрикови, молвячи: брате! намъ съ тобою николи не бывало лиха... а цѣлуй съ нами крестъ... Рюрикъ, здумавъ съ мужи своими, посла посолъ къ Ярославу (Черниговскому), хотя и свести въ любовь со Всеволодомъ и Давидомъ, и води ихъ (Олговичей) къ кресту, яко не востати имъ на рать, донелѣ же нарядъ (распоряженіе) будеть... А самъ иде во Вручій орудій своихъ дѣля... и дикіи Половци отпустивъ, одаривъ я.»

(95) «Тое же зимы въ великое говѣніе» (слѣдственно уже въ 1196 году) «Ярославъ посла сыновцѣ свою къ Витебску на *зятя* Давыда, а Ольговичи, не дошедъ Витебска, начаша воевати Смоленскую волость. Давыдъ же посла Мстислава Романовича и Ростислава Володимерича (внука Мстислава Великаго) и Глѣба (Владиміровича), Рязанскаго Княжича, *зятя* своего.» Въ харатейныхъ сказано такъ: «посла Давидъ Мстислава въ помочь *зятю* своему Витепескъ.» Татищевъ, слѣдуя *Никоновскому*, ошибается здѣсь въ именахъ Князей. — Далѣе: «Сразишася (Смоляне) съ Ольговымъ полкомъ и стяги его потопташа и сына его Давида иссѣкоша. Тысячьскый Давыда Ростисл. Михалко отряженъ бѣ на Полотскый полкъ: Князи бо Полотскія помогаху Ольговичемъ,» (и проч.). Далѣе: «Мстислава же не бѣ ту; гналъ бѣ съ передними полкъ Ольговъ, и возвратися, мнѣвъ, яко побѣдивъ Ольга, и творя своихъ, вѣѣха въ ратные» (считая своими, въѣхалъ въ средину непріятелей). — Олегъ, видя торжество Полочанъ, возвратился и выпросилъ плѣннаго Мстислава у Князя Друцкаго, Бориса: въ харатейныхъ лѣтописяхъ названъ здѣсь Князь Полоцкій Василько; а въ *Новогород.* (стр. 5) сказано, что Черниговцы плѣнили *Бориса* Романовича: слѣдственно Мстиславъ назывался Борисомъ (см. выше, примѣч. 53)? — Не замѣчаю маловажныхъ прибавленій Татищева.

Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: «И посла (Олегъ) вѣсть къ стрыеви своему къ Ярославу, и къ братьи, и повѣда: Мьстислава есмь ялъ, и Давыдовъ полкъ съ Смолняны побѣдилъ, и сказывають ми, аже братіа ихъ не добри съ Давыдомъ; а нынѣ, отче, такого намъ времени не будеть пакы.... Се слышавъ Ярославъ и вси Олговичи, поѣхаша къ Смоленску изъѣздомъ.... Рюрикъ посла изъ Овручего перекы къ нему съ крестными грамотами, река: аже поѣхалъ еси брата моего убивати,» и проч. Далѣе: «Посла (Ярославъ) къ Рюрикови, оправливаяся.... а Давыда виня про Витебскъ, аже помогаеть зятю своему» (Васильку Брячиславичу, племяннику Всеслава Полоцкаго).... «Рюрикъ же рече ему: азъ Витебска съступилъ тебѣ, и посолъ свой послалъ есмь былъ къ брату Давыду, повѣдаа ему, аже есмь съступилъ Витебска тобѣ; ты же того не дождалъ, послалъ еси сыновця своя къ Витебску....И тако бывши межи ими распрѣ.... и не уладишася.... Рюрикъ, здумавъ съ мужи своими, посла (въ 1196 г.) къ свату Всеволоду Суждальскому, река ему: како еси умолвилъ съ мною и съ братомъ моимъ, Давыдомъ, вѣсти на кони съ Рожества и снятися всѣмъ у Чернѣгова, азъ же съвокупився съ братьею и съ дикими Половци.... и жда отъ тебе вѣсти. Ты же тое зимы не всѣлъ, и ня имъ (Ольговичамъ) вѣры....азъ же роспустилъ есмь братью

и Половци.... Нынѣ же, брате, моему сынови и твоему Мьстиславу тако ся случило, аже вязитъ у Олговича: а бы не стряпаа всѣлъ на коня.... Отъ Всеволода не бяше вѣсти все лѣто... Рюрикъ же поча воеватися со Олговичи; реклъ бо бяше ему Всеволодъ: ты починай.... Ярославъ же Чернѣговскый поча слати къ Рюрикови, и рекъ ему: чему еси, брате, почалъ воевати волость мою, а *поганымъ руцѣ полнишь?* а мене съ тобою ничтожь росчло; ни азъ подъ тобою Кыева ищю.... азъ Мстислава даю тобѣ безъ искупа по любви, а крестъ со мной цѣлуй, а съ Давыдомъ введи мя въ любовь; а Всеволодъ еже въсхощетъ съ нами уладитися, уладится; а тобѣ не надобѣ съ братомъ Давыдомъ» (къ нему приставать).... «Тое жь осени Романъ Мьстиславичь, зять Рюриковъ, послалъ люди своя воевати волость Рюрикову и Давыдову, помогаа Олговичемъ, на чемъ же бяше къ нимъ крестъ цѣловалъ отай тестя своего, а ко тести своему крестъ бяше цѣловалъ передъ тѣмъ въ его воли быти.... Романъ же въсла люди своя въ Полоный» (отданный ему Рюрикомъ) «и оттолѣ повелѣ имъ воевати. Слышавъ же Рюрикъ, аже въевали волость Давыдову и сына его Ростиславлю, хотѣ ити на зятя, а сыновца своего, Мьстислава (Мстиславича), посла въ Галичь къ Володимеру, река ему: ты, брате, оттолѣ съ сыновцемъ моимъ воюйта волость его (Романову).... Есть ми вѣсть, аже Всеволодъ, сватъ мой, всѣлъ на конь.... творя ми, какоже ся съвокупилъ съ Давыдомъ, и волость ихъ жъжета, и Вятичьскыя городы поимали и пожгли; а азъ сѣжю доспѣвъ, жда отъ нихъ вѣсти правыя. Вълодимеръ ѣха съ Мьстиславомъ, повоева и пожже волость Романову около Перемиля; а отселѣ Ростиславъ Рюриковичь съ Чернымъ Клобукомъ пожгоша волость Романову около Каменца (въ Подоліи), ополонившеся челядью и скотомъ.... Тое же осени Ярославъ Чернѣг. затвори два Святославича въ Чернѣговѣ, Олга и Глѣба, и иныа города затвори, блюда отъ Рюрика, а самъ ѣха противу Всеволоду и Давыдови, съвокупивъ братію свою и сыновца и дикія Половци, и ста подъ лѣсы, засѣкся отъ Всеволода и Давыда, по рѣкамъ велѣ мостъ подсѣчи, а ко Всеволоду посла мужъ свой, река ему: брате и свату! отчину нашу и хлѣбъ нашъ взялъ еси; аже любишь съ нами рядъ правый и въ любви быти, то мы любве не бѣгаемъ, и на всей воли твоей станемъ; паки ли что еси умыслилъ, а того не бѣгаемъ же, да како насъ Богъ разсудитъ съ вами и Св. Спасъ. Всеволодъ же поча думати.... любя, како бы съ ними умиритися.... Всеволодъ же не улюби думы Давыдовы, ни Резанскыхъ Князей, но поча слати къ Олговичемъ.... прося у нихъ Мьстислава Ром., свата своего, а *Ярополка* веля имъ выгнати изъ землѣ своей.... Ярославъ же посла своя мужи и води Всеволода и Давыда къ кресту, и Резанскіа Князи на своихъ рядохъ... Рюрикъ же пожалова нань:.... въ Руской земли чясти просилъ еси у мене; азъ же тобѣ есмь далъ волость лѣпшую, не отъ обилья, но отъима у братьи своей и у зятя.... а про кого ми была рать, про зятя своего, а того далъ еси Ярославу радити и съ волостью моею.... азъ воевался и волость всю зажеглъ — и отъя городы тыа, которыя же бяше ему далъ въ Руской земли, и розда опять братьи своей.»

(96) Въ Торжкѣ, въ 1181 году.

(97) Въ *Кіев. Лѣт.*: «Преставися (въ 1197 г.) благовѣрн. Кн. Смол. Давыдъ, сынъ Ростиславль, Апр. въ 23. Епископъ же Смоленскій Симеонъ и вси Игумени, и Попове, и сыновець его Мьстиславъ Роман. и вси Бояре положиша тѣло его въ церкви Св. Муч. Бориса и Глѣба.... юже бѣ създалъ отецъ его. Сь же благовѣрн. Князь възрастомъ бѣ середній, образомъ лѣпъ и всею добродѣтелію украшенъ... милостыни прилежаше, монастыри набдя, Чрьнци утѣшиваа и вся Игумени, съ любовію пріимаа у нихъ благословеніе, и мірскія церкви набдя... бѣ бо крѣпокъ на рати, всегда бо тѣсняшеся на великая дѣла; злата и сребра не збираше, но даваше дружинѣ: бѣ бо любяй дружину, а *злыа казня, яко же подобаеть Царемъ творити*... по вся дни входя въ церковь Св. Архистр. Михаила, юже бѣ самъ създалъ... такое же нѣсть въ полунощной странѣ... и иконы, и златомъ, и сребромъ, и женчюгомъ, и каменіемъ драгымъ украшена... Смиряя образъ свой... и слезами обливаа лице свое, и възираа яко на самого Творца, и покаяніе Царя Давыда пріимаа, плачеся о грѣсѣхъ... Помышляше, дабы мя Богъ сподобилъ Мнишескому чину, и свободился быхъ отъ многомятежнаго житіа и маловременнаго свѣта сего.... И сподобленъ бывъ отъ Творца Ангельскаго чину... Пострижеся и сама Княгини его. Давыдъ же столъ свой далъ сыновцеви своему Мьстиславу Ром. а сына своего, Костянтина, въ Русь посла къ брату своему на руцѣ, а самого понесоша, больна суща, въ монастырь къ Св. Муч. Борису и Глѣбу на Смядыню... И кончавъ молитву, въздѣвъ руци на небо, предасть душю... И бысть княженіа его въ Смоленску 18 лѣтъ, а всѣхъ лѣтъ отъ родства 60 безъ трехъ.»

«Преставись (въ 1198 г.) Чернѣговскый Князь Ярославъ Всеволодичь. Епископъ же и Игумени и сыновци его спрятавше тѣло его честно и положиша въ церкви Св. Спаса въ Епископьи того града, и сѣде на столѣ его благовѣрн. Кн. Игорь Святославичь.» По другимъ лѣтописямъ Давидъ умеръ въ 1198, а Ярославъ въ 1200 году.

(98) Всеволодъ выступилъ въ 1198 году (не въ 1199), Апрѣля 30, а возвратился въ Владиміръ на память Священномученика Дороѳея (Іюня 5) въ *Субботу*.

(99) Новогородцы еще во время первой ссоры Великаго Князя и Рюрика съ Ольговичами (въ 1195 году), исполняя приказаніе Всеволода, ходили къ нему въ помощь. «Идоша съ Княземъ Ярославомъ «Огнищане (люди нарочитые) и Гридьба (Мечники) и *купци*, и быша на Новѣмъ Търгу (Торжкѣ), и присла Всеволодъ, и взвороти е съ честью домовъ, и послаша Новгородьци къ нему Мирошку Посадника и Бориса Жирославица, Микифора Съцскаго (Сотскаго), просяче сына, а Ярослава негодующе... И прія Всеволодъ Мирошку и Бориса, и Иванка, и Ѳому, и не пусти ихъ въ Новгородъ; а самъ посла въ Половцы, и поча вое копити... Слахуся Новгородьци (въ 1196 году) къ Всеволоду Посадника дѣля Мирошке и Иванка и Ѳоме; пустилъ бо бяше Бориса и иные муже, а иде на Чьрниговъ, и Половецьску силу приведъ, и вожаше съ собою Посадника Мирошку, а Новгородьцемъ повелѣ ити на Лукы; идоша съ Ярославомъ, и сѣдѣвше на Лукахъ, воротишася домовъ... Взяша миръ межи собою (Всеволодъ и Черниговскіе), а Новгородъ выложиша вси Князи въ свободу» (дали ему свободу) кдѣ имъ любо, туже собѣ Князя поимають, и взвратився Всеволодъ, пусти Ѳому, а Мирошке и Иванка не пусти, и разгнѣви Новгородьце, и слушавше Новгородьце и показаша путь изъ Новагорода и выгнаша на Гюргевъ день вь осень Ярослава.» Татищевъ пишетъ, что Ярославъ изгнанъ еще прежде мира Всеволодова съ Ольговичами; что сынъ Черниговскаго Князя тогда же въѣхалъ въ Новгородъ, и что Ярославъ, мирясь со Всеволодомъ, обязался вывести сына изъ Новагорода.

Въ лѣтописи не такъ: «въ лѣто 6705 приде Князь изъ Цьрнигова Новугороду Ярополкъ Ярославичь на Вьрьбницу (Вербн. Воскр.) настануцю (наступающу) лѣту Мъртомъ мѣсяцемъ» (слѣдственно уже гораздо послѣ заключенія мира) «сѣдѣвшу ему до Сменова (Симеона Столпника) дни 6 мѣсяцъ *одину* (только), и выгнаша.»

(100) Ярополкъ Ярославичь. — Далѣе въ лѣтописи: «Новгородьце измавъ Всеволодъ за Волокомъ и по всей земли своей дрьжаше у себе, не пустя ихъ Новугороду, нъ хожаху по городу по воли Володимери» (ходили по волѣ въ городѣ Владимірѣ). — Далѣе: «Послаша (въ 1197 году) опять по Ярослава. Иде Ярославъ съ Новаго Търгу Володимерю (изъ Торжка въ Владиміръ) позванъ Всеволодомъ; идоша изъ Новагорода передніи мужи и Сътьскіи (Сотскіе), и приде Ярославъ по Крещеніи за (чрезъ) недѣлю.»

(101) Ярославъ въ 1198 году послалъ сына, Изяслава, княжить на Лукахъ: «и бяше отъ Литвы *оплечье* (защита) Новугороду.... Натужь осень придоша Полочане съ Литвою на Лукы и пожгоша хоромы, а Лучане устерегошася и избыша (уцѣлѣли) въ городѣ... Натужь зиму ходи Ярославъ съ Новгородьци и съ Пльсковици и съ Новотържци и съ Ладожаны и съ всею областію Новгородьскою къ Полотьску; и устрѣтоша Полоцане съ поклономъ на озерѣ на Каспле (Касоплѣ), и взьмше миръ,» и проч.

(102) Въ *Пушкин.* и въ *Троицк.* сказано, что сами Новогородцы требовали сына Всеволодова; а въ *Новогород.* такъ: «приславъ Всеволодъ *выведе* Ярослава изъ Новагорода, и веде и́ къ собѣ, и изъ Новагорода *позва* Владыку и Посадника и вячьшіи (лучшихъ) мужи по сынъ... И прія е съ великою честію,» и проч.

Въ харатейныхъ говорится о рожденіи семи сыновей Всеволодовыхъ; но они почти всѣ названы только именами Христіанскими. По Родословнымъ Святославъ былъ Гавріилъ; онъ родился въ 1196 (а не въ 1190, какъ у Татищева), Марта 27, а привезенъ въ Новгородъ 1 Генв. 1200. Въ лѣтописи: «Братья же проводиша и́ (Святослава) съ честію, Константинъ, Юрги, Ярославъ (или Ѳеодоръ) и Володимеръ» (или Димитрій).

О смерти Архіеп. Новогородскаго: «И яко быша на озерѣ Серегери, преставися Августа 24, и привезоша и́, и положиша въ притворѣ Св. Софіи.» Нынѣ сіе озеро называется Селигеръ. Татищевъ написалъ, что Мартирій скончался въ Переславлѣ. Сей Архіепископъ былъ родомъ изъ Русы. — Далѣе: «а въ Новгородъ, сдумавъ съ Посадникомъ, присла съ Новогородьци и введе въ Епискупію Митрофана, мужа Богомъ избрана, и вьсь Новгородъ шьдъше съ честью посадиша и́.»

(103) См. *Воскресен.* II, 117. Племянникъ Всеволодовъ умеръ въ Переяславлѣ въ 1199 или 1200 году, а Ярославъ или Ѳеодоръ отправился туда въ 1201, Авг. 10: «тогда сущю Великому Князю въ Переяславли (Залѣсскомъ) съ дѣтьми своими, съ Константиномъ и Юргемъ. Переяславци же поимше Князя своего Ярослава отъ Св. Спаса, придоша съ радосью великою, хваляще Бога, и Св. Богородицю и Св. Михаила, давшаго имъ Князя, его же желаша.»

(104) О смерти Владиміра Галицкаго не упоминается ни въ харатейныхъ, ни въ *Ростов.*, ни въ *Воскр.*, ни въ *Кіев. Лѣт.* Татищевъ пишетъ, что Владиміръ умеръ въ 1197 году, по мнѣнію нѣкоторыхъ отъ пьянства, по мнѣнію другихъ отъ яда; что Галичане совѣтовались, кого избрать себѣ въ Князья, и желали узнать мысли Рюриковы; что Романъ искалъ милости въ тестѣ и просилъ у него Галича; что Рюрикъ, опасаясь зятя, звалъ его на общій Княжескій съѣздъ; что Романъ прибѣгнулъ къ своей племянницѣ, Казимировой супругѣ, и съ Поляками вступилъ въ Галицкую землю; что жители надѣялись имѣть Княземъ сына Рюрикова, Ростислава, но долго не имѣвъ отвѣта отъ Рюрика, и слыша о приближеніи Венгровъ, покорились Роману, а Венгры, узнавъ о томъ, возвратились. — Длугошъ говоритъ о Владиміровой смерти подъ годомъ 1198, а Кадлубекъ передъ 1200, сказывая, что Владиміръ не оставилъ *законнаго* наслѣдника, и что Россійскіе Князья отчасти силою, отчасти хитростію, старались присвоить себѣ Галичь. Сей же Историкъ пишетъ, что Романъ вырось въ Польшѣ: meminit Romanus, quanta erga se Cazimiri fuerint beneficia, apud quem pene a cunabulis educatus (стр. 810).

(105) Кадлубекъ, стр. 814: quia non possumus ferre iram terræ, Principum seditiones, invidiam. Далѣе о тиранствѣ Романа, стр. 815: quosdam vivos terræ infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit, и проч.

(106) Стр. 816: unde solemne illi erat quasi proverbium: *melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso non rarefacto examine.* Сію пословицу, извѣстную и Римлянамъ во времена ихъ тирановъ, нашелъ я въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукописи. стр. 657). Галицкій Сотникъ Микула говоритъ сыну Романову, Даніилу: «Господине! не погнетши пчелъ, меду не ясти.»

(107) «*Володимеричи*, лишася (оставивъ) Рюрика, «ѣхаша къ Роману»—сыновья Владиміра Мстиславича, внука Мономахова. Далѣе: «Отвориша ему (Роману) Кыяне ворота Подольская въ Копыревѣ Конци.»

(108) «И посади Великый Князь и Романъ Ингваря въ Кыевѣ.» Сей Ингварь Ярославичь былъ внукъ Изяслава II и правнукъ Мстислава Великаго.

О тогдашнемъ счастливомъ походѣ Романа въ землю Половецкую говорятъ согласно наши и Византійскіе Лѣтописцы (см. Memor. Popul. II, 1023). Никита Хонскій точно именуетъ Романа, прибавляя, что въ то же время онъ (homo robustus et strenuus, человѣкъ мощный и дѣятельный) побѣдилъ Владѣтеля Кіевскаго, *Рюрика*, котораго лучшее войско состояло изъ Половцевъ.

(109) «Въ лѣто 6711» (въ нѣкоторыхъ 6710) «мѣсяца Генваря въ 2 день» (а по *Новогород.* Генв. 1, у Татищева Февр. 16) «взятъ бысть Кыевъ Рюрикомъ и Олговичи и всею Половецьскою землею.» Въ *Новогород.* наименованы Ханы Концякъ (или Кончакъ) и Данила Бяковиць. — Далѣе: «тогда же Ростиславля дружина Ярославича (Черниговскаго) яша Мстислава Володимерича, внука Мстиславля, и веде и́ Ростиславъ къ Сновску собѣ» (см. выше, примѣч. 107).—Татищевъ, на сей разъ сокративъ лѣтописи, прибавляетъ, что Ингварь ушелъ.—Въ *Новогород.* стр. 64: «а что гости, иноземци всякаго языка, затворишася въ церквахъ; и вдаша (Половцы) имъ животъ, а товаръ съ ними раздѣлиша на полы.»— Въ харатейныхъ: «Иконы одраша, а иныя поимаша, и кресты честныя и ссуды (сосуды) священныя и книги и порты (одежды) блаженныхъ первыхъ Князьй, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ.»

(110) «И цѣлова Рюрикъ крестъ къ В. К. Всеволоду и къ Романови, и рече ему Романъ: шли же ко свату своему Всеволоду, а язъ шлю же къ нему, ко своему отцю и господину, и молимся ему, дабы ти Кыевъ опять далъ.» Татищевъ пишетъ, что Кіевляне молили Романа быть ихъ Княземъ, но что онъ не согласился на то, боясь утра-

тить Владиміръ съ Галичемъ, опасаясь Венгровъ, Поляковъ и Князей Россійскихъ.

Въ *Новогород.*: «въ то жь лѣто»—6711, но *уже* по взятіи Кіева, слѣдственно въ 1204 году—«побѣдиша Ольговиця (Ольговичи) Литву; избиша ихъ 700 и 1000 (1700).» Сіе краткое сказаніе о побѣдѣ Ольговичей украшено и расплoжено въ Хроникѣ Стриковскаго. Онъ ссылается на Кадлубека; а въ Кадлубекѣ нѣтъ о томъ ни слова.

Далѣе въ лѣтописяхъ: «Посла Романъ къ Великому Князю Всеволоду, молясь ему о Олговичехъ, дабы прiялъ ихъ въ миръ. Князь же Великій посла Боярина своего, Михаила Борисовича, и води Олговичевъ ко кресту, а Олговичи посылаша къ нему Бояръ своихъ; а Романъ цѣлова же крестъ, и бысть миръ...

«Тое же зимы ходиша Рустіи Князи на Половце: Рюрикъ Кыевской, Ярославъ» (или Ѳеодоръ) Всеволодичь Переяславскый» (четырнадцатилѣтній) «Романъ, Мьстиславъ (Мстиславичь) и иніи Князи, и бысть же тогда зима люта; и бысь Половцемъ тягота велика, и взяша Князи полонъ многъ, и вежи и стада... И придоша въ Треполь, и Ростиславъ (сынъ Рюриковъ) къ нимъ же приде, бывъ у шурина своего въ Переяславли; и ту было имъ и рядъ положити, кто како пострада за Русьскую землю; и Діаволъ положи смятеніе: Романъ, поимавъ Рюрика,» и пр. Татищевъ прибавляетъ, что Рюрикъ не хотѣлъ удовлетворить нѣкоторымъ требованіямъ зятя своего; что Романъ изъ Кіева отправилъ посольство ко всѣмъ Мѣстнымъ Князьямъ, предлагая имъ избрать достойнѣйшаго на мѣсто Рюрика, и не давать Удѣловъ дѣтямъ; что Всеволодъ не хотѣлъ нарушить обычая древняго, и проч.

Далѣе: «Услыша то все Великый Князь, еже ся сверши въ Русьстѣй земли, и печаленъ бысть... И вложи ему Богъ въ сердце опечалитися Русьскою землею; мога то мстити, но Хрестьянъ дѣля отложи, и посла мужи свои къ Романови. Романъ же послуша Великаго Князя, зятя его пусти и Володимера, брата его. И посади (Всеволодъ) зятя своего, Ростислава, въ Кыевѣ.»

(111) См. *Рос. Библ.* стр. 300, 301.

(112) Письмо Епископа Матѳея находится въ выпискахъ сдѣланныхъ Аббатомъ Альбертранди изъ Библіотеки Ватиканской въ 1790 году для Историка Нарушевича, по волѣ Короля Станислава. Яковъ Ивановичь Булгаковъ получилъ сіи любопытныя выписки отъ самаго Альбертранди и сообщилъ мнѣ. О Епископѣ Краковскомъ Матѳеѣ см. въ Длугош. Hist. Polon. T. I, стр. 461, 509. Письмо начинается такъ: Matthæi Cracoviensis Episcopi epistola ad Abbatem Clarevallensem de suscipienda Ruthenorum conversione. Выписываемъ изъ онаго слѣдующее: Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adæquata... Christum solo quidem nomine confitetur, factis autem penitus abnegat... Ruthenia, quæ quasi est alter orbis, etc.... Si enim gloria celeberrima et Thracius Orpheus et Thebanus Amphion cœlo inseruntur et astris, et post mortem carmine vivunt: quod sylvestres et lapideos homines lyræ cantibus delinivit, quanto magis nos speramus, quod gentes exteras et immanes sacer Abbas Christo conciliet, etc.

Иннокентій III, уподобляя власть духовную солнцу, а мірскую лунѣ, ставилъ себя ниже одного Бога, и гораздо выше Царей. Онъ любилъ жаловать въ Короли: Армянскій, Болгарскій, Чешскій, были ему обязаны симъ достоинствомъ.

(113) «Иде Романъ Галичьскый на Ляхы и взя два города Лядская, и ставшю же ему надъ Вислою, и отъѣха самъ въ малѣ дружинѣ отъ полку своего: Ляхове же наѣхавше убиша и́, и дружину около его избиша. Пріѣхавше же Галичане взяша Князя своего мертва и несоша и́ и положиша въ церкви Св. Богородицы. Галичане же цѣловаша крестъ къ сыну его, Данилу.» Князь Щербатовъ не хотѣлъ вѣрить Польскимъ Историкамъ, чтобы Романъ былъ Государь жестокій: «Галичане не присягнули бы тогда сыну его,» говоритъ сей Историкъ. Онъ не зналъ *Волынск. Лѣт.*, гдѣ ясно изображается ненависть ихъ къ Романову племени.

Длугошъ пишетъ, что Романъ, замысливъ *три года* опустошать Польшу, требовалъ благословенія отъ Владимірскаго Епископа, но Епископъ не хотѣлъ ему дать онаго, называя сію войну беззаконною, ибо Ляхи часто умирали за Россіянъ какъ за друзей; что Князь грозился казнить его по возвращеніи, а Епископъ отвѣтствовалъ: «Романъ можетъ ли быть увѣренъ въ своемъ благополучномъ возвращеніи?» что Лешко и братъ его, Конрадъ, въ кровопролитной и весьма упорной битвѣ побѣдили Галичанъ въ день Св. Гервасія; что тѣло убитаго Романа, преданное землѣ въ Сендомирѣ, было отдано послѣ Галицкимъ Вельможамъ за 1000 марокъ серебра; что Лешко въ Краковской церкви посвятилъ особенный олтарь Св. Гервасію и Протасію; что съ того времени Россіяне не дерзали безпокоить Ляховъ, и считали Владимірскаго Епископа Пророкомъ. Романъ, по сказанію Длугоша, на канунѣ битвы видѣлъ во снѣ, что отъ Сендомира прилетѣли щеглята, напали на воробьевъ и всѣхъ умертвили: молодые Бояре Княжескіе толковали, что сей сонъ значитъ хорошее, но старцы ожидали бѣдствія для Россіянъ. Hist. Polon. кн. IV, стр. 595 — 599. — Татищевъ прибавилъ къ извѣстіямъ нашихъ лѣтописей нѣкоторыя маловажныя обстоятельства, и сказываетъ, что Романъ былъ не очень великъ, но широкъ, силенъ, лицемъ красенъ; имѣлъ глаза и волосы черные, носъ длинной съ горбомъ, нравъ горячій и въ гнѣвѣ заикался; любилъ веселиться съ Боярами, но никогда не пилъ чрезмѣрно; любилъ женъ, но не слушался ихъ; славился храбростію, искусствомъ воинскимъ, и съ малымъ числомъ разбилъ множество Венгровъ; пошедши же на Ляховъ, сказалъ: «или покорю ихъ, или не возвращусь, и проч.

Въ Некрологѣ Эрфуртскаго Петрова монастыря (см. Traditiones veteres Cœnobii S. Petri Erfordiæ, стр. 19) записано: XIII Kal. Julii Romanus, Rex Ruthenorum: hic dedit nobis XXX marcas; т. е.: «19 Іюня (умеръ) Король Русской Романъ, давшій намъ 30 марокъ.» Точно въ сей день Западная Церковь празднуетъ память Св. Гервасія, день, въ который убитъ Романъ, по сказанію Длугоша.

Отселѣ начинаетъ повѣствовать *Волынскій Лѣтописецъ*, но въ описаніи происшествій не означаетъ времени, сказавъ, что сдѣлаетъ то послѣ согласно съ Хронологіею Греческою и Латинскою. Хотя въ Ипатьевскомъ спискѣ и означены годы, но безъ сомнѣнія не Авторомъ, а переписчикомъ, и на угадъ, ибо его лѣтосчисленіе во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ несправедливо. На примѣръ, по другимъ нашимъ лѣтописямъ и Длугошевой Исторіи, Князь Романъ убитъ и Рюрикъ ходилъ къ Галичу въ 1205 году; а въ Ипатьевскомъ спискѣ стоитъ тутъ годъ 1202.

(114) Въ *Волынск. Лѣт.*, стр. 621: По смерти же *Великого* Князя Романа, памятнаго *Самодръжьца всея Руси*, одолѣвшаго всѣмъ поганскымъ языкомъ ума мудростію, ходяще по заповѣдемъ Божіимъ — устремилъ бо ся бяше на поганыя яко левъ, срьдитъ (сердитъ) же бѣ яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прохожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ же бѣ яко и туръ,

ревнова же *дѣду* (прапрадѣду) своему Мономаху — велику мятежу въставшю въ земли Руской, оставшима же ся двѣма сынома его, единъ 4 лѣта, а другый 2 лѣтъ . . . И пришедшю Рюрику па Галичь, и срѣтоша его Бояре Галицкіи и Вълодимерстіи у Микулина, на рѣцѣ Серетѣ, и бившимся имъ весь день о рѣку, и мнози язвени быша, и не стерпѣвше възвратишась въ Галичь, и пришедшю Рюрику въ Галичь, и не успѣвшю ничто же; за то бѣ по смерти Романовѣ снимался Король съ *ятровью* своею» (по тому что Романъ былъ названнымъ братомъ Королю) «въ Сяноцѣ, и пріялъ бо бѣ Данила яко милаго сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду (гарнизонъ), Мокыа великого слѣпоокого, и Корочюна, и Волпта, и сына его Витомира, и Благыню, и иные Угры многы и *за то не смѣша Галичане ничто же сътворити*: бѣ бо у нихъ много Угоръ. Тогда же 2 Князя Половецкаа Сутоевича, *Котянъ* и Съмогуръ, потъкоста на пѣшцѣ и убіена быста коня подъ ними, и за мало ихъ не яша. Рюрикъ же въротися къ Кыеву.»

Въ *Кіев. Лѣт.*: «тое же зимы (1196 или 1197) ходи Романъ Мьстиславичь на Ятвягы отъмьщиватися, бяху бо воевали волость его; и тако Романъ вниде въ землю ихъ; они же не могучи стати противу силѣ его, и бѣжаша въ свои тверди, а Романъ пожегъ волость ихъ.»

О бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ Романа, Матв. Стриковскій пишетъ такъ по старинному Русскому переводу: «Егда Литва съ Ятвязи въ Русскія Княженія впидоша и добычи велія поимали, собрася на нихъ Романъ, и съ корыстію въ дебри бѣжащихъ настиже . . . и поима множество, и работы тяжкія имъ творяше; оковавъ въ плугъ запрягаше пахати коренья на новыхъ мѣстѣхъ; по Русски такъ называютъ *чистити*, и отъ сего пословица, когда единъ Литвинъ научися языка Русскаго, и въ плугѣ тянувъ, рекъ: *Романе! лихимъ живеши, Литвою ореши,*» или: *злѣ, Романе, робишь* (дѣлаешь), *что Литвиномъ орешь.* Стриковскій ошибся, считая сего Князя Романомъ *Ростиславичемъ* Смоленскимъ (а за нимъ и Татищевъ). Романъ *Галицкій* и *Волынскій*, а не *Смоленскій*, былъ *тогда* сосѣдомъ Литовцевъ на Сѣверѣ: онъ смирялъ ихъ; объ немъ сказано и въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 31, 32): «а ты, буй Романе и Мстиславе (братъ его)! суть бо у ваю желѣзныи папорзи» (верхняя часть брони) «подъ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны. *Литва*, Ятвязи, Деремела» (одинъ изъ Латышскихъ народовъ) «и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.»

Объ извѣстности Романа въ Визант. лѣтоп. см. выше, примѣч. 108.

(115) «Того жь лѣта Ростиславъ Рюриковичь выгна Ярослава Володимерича изъ Вышегорода и сѣде въ немъ.» Можетъ быть Великій Князь, посадивъ въ Кіевѣ зятя, отдалъ Вышегородъ свояку Ярославу. — Въ *Воскресен.* II, 141: «Рюрикъ отда Бѣлгородъ Олговичемъ. Олговичи же посадиша въ немъ брата своего, Глѣба.»

(116) Въ харатейной *Троицк.*: «того же лѣта (1205) посла Великій Князь Всеволодъ на Волгу въ насадѣхъ на Болгары, и ходиша по Волзѣ до *Хомолъ*, и множьство полона взяша, а другія исъсѣкоша, и учаны (лодки) многи разбиша и товаръ многъ взяша, и потомъ придоша въ своясі.» — Далѣе въ лѣтописяхъ: «Ходиша (въ 1205 году) Князи Рязанскія на Половци и взяша веже ихъ... Ловоть взяша Литва (въ 1200 году) и до Налюча, съ Бѣлѣе до Свинрота» (близъ Шелони въ Новогородск. Губерн.) «и до Ворча Середу» (не нынѣшнюю ли Серетку на западъ отъ Русы?) «и гнашася Новгородьци по нихъ и до Цьрнянъ» (Черенковъ въ Псковск. Губ.) «и убиша Литвы мужь 80, а Новгородьць 15, а полонъ вьсь отьяша, а избътъкъ (остатокъ) убѣжаша. Въ тожь лѣто иде Нездила Пьхцивицъ на Луки Воеводою; иде съ Лукъ съ маломъ дружины въ Лотыголу» (Летляндію или южную часть Ливоніи) «на *торонь* (набѣгомъ), и засташа я въ одринахъ (спальняхъ), и убиша ихъ 40 мужь, а жены ихъ и дѣти поимаша, а сами придоша на Луки сторови вси. А кто бѣ не пошьлъ по нихъ, съ Молбовиця съ нѣколькомъ дружины, а у тѣхъ кунъ поимаша бивше» — то есть, они били Молбовича и другихъ, не хотѣвшихъ итти съ ними, и взяли съ нихъ еще денежную пеню. Далѣе: «Варяги (Варяговъ) пустиша безъ мира за море; а на осень придоша Варязи *горою*» (сухимъ путемъ) «на миръ, и даша имъ миръ (въ 1201 году) на всей воли своей» (какъ хотѣли Новогородцы).

(117) «Въ земли вашей рать ходить, а Князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ.» — Далѣе въ харатейныхъ: «рыдаху же множество народа правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя (Константина) отходяща, и печальнымъ утѣшенье, а мрачнымъ звѣзду свѣтоносну заходящю. На весь бо бяше церковный чинъ отверзлъ ему Богъ сердечнѣи очи и всѣмъ церковникомъ и нищимъ якожь взлюбленый бяше отецъ; пачежь и на милостыню . . . И да ему отецъ крестъ честны и мечь, река: се ти буди схранникъ, а мечь прещенье и опасенье, иже нынѣ даю ти пасти люди своя отъ противныхъ . . . Новгородъ *Великый* старѣйшинство имать Княженья во всей Русьской земли . . . По имени твоемъ тако и хвала твоя буди . . . И бысть говоръ великъ акы до небеси, отъ множества людей . . . и проводиша вся братья его до рѣки Шедакшы» (близъ Владиміра). . . «И потомъ нача ряды правити, якожь Пророкъ рече: судъ твой Цареви дажь и правду твою сынови Цареви,» и проч.

(118) Въ *Троицк.* л. 188 на обор.: «приключися тогда быти (въ Мартѣ 1206 году) Смоленьскому Епископу Игнатью, Игумену Михаилу Отрочья монастыря, занеже пришла быста къ Великому Князю Всеволоду молиться о мирѣ отъ Мьстислава *Володимерича*, занеже приложился бяше къ Олговичемъ.» *Володимеричь* есть описка вмѣсто *Романовича.* Въ харатейн. *Пушкин.*: «молиться о мирѣ отъ Мстислава, *свата* его» (Всеволодова).

Игорь Святославичь Сѣверскій умеръ въ 1202 году, Олегъ Святославичь въ 1204, а братъ его, Владиміръ, въ 1201, осенью.

Далѣе въ лѣтописяхъ: «Мстиславъ Романовичь и (изъ) Смолинска съ своими сыновци, Рюрикъ изъ Кыева съ Ростиславомъ и Владиміромъ, сыны своими, и съ сыновци идоша на Галичь.» *Никон. Лѣт* прибавилъ здѣсь *Коуевъ* и *Боутовъ.*

(119) «Ольговичи слышавше, оже Король стоить у Володимеря, и не смѣша ити до Галича, и стояша дній много, ни Король поступи къ Галичу, ни Ольговичи. Король же, омиривъ Ляхи, пойде за горы. Ольговичи же поидоша назадъ,» и проч. — Въ *Волынск. Лѣт.*: «Приведоша (Галичане) кормиличича» (двухъ сыновей пѣстуновыхъ) «иже бѣ загналъ Великый Князь Романъ невѣры ради: словяху бо (славили) Игоревича; послушавше же ихъ Галицкіи Бояре и послаша по нихъ.» Далѣе въ лѣтописяхъ: Ждаша его (Галичане Ярослава) 2 недѣли. Ярославъ же гна изъ Переяславля къ Галичю, и слышавъ, оже Володимеръ въѣхалъ въ Галичь предъ нимъ за 3 дни, възвратися. . . Стояша полци (Черниговскіе) отъ Галича за два дни,» и проч.

(120) Въ *Волын. Лѣт.*: «Княгини же Романова, въземши дѣти своя, бѣжа въ Володимерь. Хотящю Вълодимеру искоренити племя Романово, поспѣвающимъ же *безбожнымъ* Галичаномъ, посла Вълодимеръ со совѣтомъ Галицкыхъ Бояръ Попа къ Володимерцемъ... Вълодимерцемъ же хотящимъ убити посла. Мьстибогъ и Мончюкъ и Никифоръ рѣша: не подобаеть намъ убити посла: имѣаху бо лесть въ сердци своемъ, яко предати хотяху свой градъ; спасенъ же ими бысть Попъ. Наутрій же увѣдавши Княгини, съвѣтъ сътвори съ Мирославомъ съ дядкомъ,» и прочее, какъ мы сказали въ Исторіи. Далѣе: «Лестко не помяну вражды, но съ великою честію прія я, кровь свою» (родственниковъ)... «и рече, яко Діаволъ есть въвергъ вражду сію межю нами; бѣ бо Вълодиславъ льстя межи ими» (Лешкою и Романомъ) «и зазоръ имѣя (боясь) любви его. Въ та жь лѣта Данила посла Лестько въ Угры, и съ нимъ посолъ свой, Вячеслава Лысого... река къ Королеви: тобѣ другъ бѣ; клялася бѣста, яко оставшю въ животѣ племени его любовь имѣти: нынѣ же изгнаніе бысть на нихъ... Вълодимеръ же многы дары посла къ Королеви и Лесткови.» Въ Ипатьевскомъ спискѣ означенъ здѣсь годъ 1203: что явно несправедливо, когда отецъ Даніиловъ убитъ въ 1205 (см. выше, примѣч. 113.)

(121) «Ярославу же (Ѳеодору) не бысть помочи ни отъ кого; посла къ нему пути прося у него. Всеволодъ же (Чермный) цѣлова крестъ и да ему путь. Ярославъ иде къ отцю. Всеволодъ же (Чермный) посади сына своего въ Переяславли. Ярославъ же приде къ отцю въ Суждаль мѣсяца Сент. въ 22 день, и срѣтоша й братья у Ясенья» (думаю, села Ясенаго близъ Москвы) и проч. Далѣе: «Рюрикъ же самъ сѣде въ Кыевѣ, а сына своего Володимера посади въ Переяславли... Стояше (Чермный) около Киева 3 недѣли, възвратися, не успѣвше ничто же... Устремишася на Бѣлгородъ и бысть брань люта... Мстиславъ нача просити пути, и Всеволодъ (Чермный) цѣлова крестъ и да ему путь.» — Еще прежде Кіева Ольговичи взяли Триполь. «Перебродишася противу городу Треполю, и бысть брань крѣпка зѣло: бяше бо ся затворилъ въ немъ Ярославъ сынъ Володимерича» (свояка Всеволодова) «и стояша 3 недѣли, и изнемогшимъ людемъ въ градѣ, предашася.» Взявъ Бѣлгородъ, Чермный осадилъ Торческъ. «Мстиславъ же Мстиславичь (сынъ *Храбраго*) затворися въ немь. Оступиша й и поганыя распустиша воевать; они же много зла створиша, плѣнующе, сѣкуще и села жгуще. Мстиславъ же не мога терпѣти, цѣлова крестъ къ Всеволоду Чермному на его воли.» Татищевъ прибавилъ нѣкоторыя обстоятельства въ честь Мстиславу.

(122) «Совокупя Новгородци, Плесковичи, Ладожаны, Новоторжци, и пойде скоро, и дождася отца на Москвѣ.» *Новогор. Лѣт.* относитъ сіе происшествіе къ 1209, а Суздальскій къ 1207: первый ошибся. Великій Князь выступилъ *Авг.* 19 въ *Воскресенье* и взялъ Рязанскихъ Князей подъ стражу *Сент.* 22 въ Субботу: такъ было въ 1207 году. *Послѣ* того упоминается въ лѣтописяхъ о лунномъ затмѣніи Февраля 3: оно случилось въ 1208 году (см. Астрономич. таблицы въ l'Art de vér. les Dates).

Константинъ еще прежде того, въ началѣ 1207 года, ѣздилъ къ отцу: «и срѣтоша й (Февр. 28) на рѣкѣ Шедашцѣ вся братья, Георгій, Ярославъ (Ѳеодоръ), Володимеръ, Святославъ, Іоаннъ и горожане вси... Отецъ же цѣлова й любезно, якоже Іяковъ Патріархъ Іосифа прекраснаго.»

(123) Въ *Новогород.*: «и позва е Всеволодъ на обѣдъ, и сѣдоша 6 Князь въ шатрѣ, а Глѣбъ и Ольгъ у Всеволода въ шатрѣ и Новогородьци.» Въ *Пушкинской*: «цѣловавъ ихъ, повелѣ (Всеволодъ) имъ сѣсти въ шатрѣ, а самъ сѣде въ *полстницы* (въ *Воскресенской:* иде въ другой шатеръ въ постельный) и нача къ нимъ слати Князя Давида Муромскаго и Михаила Борисовича, мужа своего, на обличенье.» Татищевъ вымыслилъ рѣчи, и проч.

Клеветники, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, были внуки Глѣба, а Романъ и Святославъ братья Игоря Глѣбовича, коего сыновья именуются въ Родослов. Книгѣ Ингварь-Козма и Юрій. Всеволодъ Глѣбовичь за нѣсколько времени до того умеръ въ Пронскѣ. — Великій Князь послалъ заключенныхъ сперва въ Владиміръ, а послѣ въ Петровъ или Петровскъ (въ Ярославск. Губерніи): см. *Воскр. Лѣт.*

(124) Сей Михаилъ былъ сынъ Всеволода Глѣбовича. Въ харатейныхъ онъ называется *Чюрь-Михаилъ;* въ другихъ *Киръ* (господинъ) *Михаилъ;* въ нѣкоторыхъ *Рюрикъ-Михаилъ*. Татищевъ прибавилъ, что Михаилъ отрекся итти со Всеволодомъ противъ своего тестя.

(125) «Всеволодъ повелѣ стрещи въ оружьи день и ночь около града, и ростави полки по вратомъ: Константину съ Новоговодци и Бѣлозерци одина врата на горѣ, а Ярославу съ Переяславци вторая врата, Давиду съ Муромци третья врата, а самъ ста за рѣкою съ поля Половецкаго съ сынма своима, Юргемъ и Володимеромъ, и съ нимъ Глѣбъ и Олегъ Володимерича. Они же бьяхутся излазящи (выходя) изъ града не брани дѣля, но жажды ради.»

Въ Суздальск. или *Пушкин.*: «Посади у нихъ (въ Пронскѣ) Олга Володимерича;» а въ *Новогородской:* и я Княгиню Кюръ Михаиловую, товары поима безъ числа, а съ Изяславомъ миръ взя.» Въ *Воскресенск.* сказано, что Всеволодъ оставилъ тамъ своего Тіуна. Пронскъ сдался 18 Окт.

Далѣе въ лѣтописяхъ: «Посла Великій Князь полкъ свой къ лодьямъ по кормъ на Оку и престави къ нимъ Олга Володимерича, и бывшимъ имъ у Ожьска (на Окѣ), бысь вѣсть, оже вышелъ изъ Рязани Романъ Игоревичь съ полкомъ и бьется съ лодейникы у Лгова» (Ольгова, гдѣ нынѣ Ольговъ Успенскій монастырь). «Они же гнаша наскорѣ къ лодьямъ... И побѣди Олегъ Романа.»

Далѣе: «Бывшю ему (Всеволоду) у *Добраго Сота*» (нынѣ деревни) «и хотяше наутріе бродитися черезъ Проню рѣку. Рязанцы же прислашася съ поклономъ,» и проч. Далѣе въ *Воскресенской*: «Всеволоду пришедшу ко Оцѣ и ставшу ту, нелзѣ бѣ бо прейти ея: икры по ней идяху — и на третій день прейде по леду и ста на Коломнѣ; наутріеэжь бысь дождь и буря и рѣку излома. Арсеній же Епископъ Рязанскій приде (вторично) и перевезошася въ лодьяхъ подъ Коломною: приде бо съ мольбою отъ людей и отъ Княгинь» — не знаемъ, съ какою. Татищевъ вымыслилъ рѣчь Арсеніеву. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Рязанскомъ* Епископѣ: сія Епархія зависѣла до того времени отъ Черниговскаго Епископа.

Всеволодъ пріѣхалъ въ Владиміръ Ноября 21 въ Среду; послѣ чего Рязанцы «вси здумавше, послаша остатокъ Князій и со Княгынами къ Великому Князю въ Володимерь.»

(126) Слышавъ Рюрикъ Князь, оже Всеволодъ Великый Князь стоитъ у Рязаня и Князи ихъ изнимавъ, онъ же совкупяся и гна изъѣздомъ» (скоро, внезапно) «къ Кыеву, и выгна Всеволода Чермнаго изъ Кыева, а самъ сѣде въ немъ.» Далѣе въ томъ же 1207 году, или, можетъ быть, въ началѣ 1208: «тое же зимы ходиша Ольговичи на Кыевъ, и не успѣвше ничто же, взвратишася.»

(127) «И вда имъ (Всеволодъ Новогородцамъ) волю всю и уставы старыхъ Князь, его же хотѣху Новгородьци, и рече имъ: кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните,» и проч. Татищевъ пишетъ *другое*.

Доказательство Всеволодова самовластія: «Приде Лазорь, Всеволожь мужъ, изъ Володимеря, и Борисъ Мирошкиниць (Новогородецъ), повелѣ убити Ольксу Сбыславица на Ярославли Дворѣ, и убиша й безъ вины въ *Суботу, Марта* въ 17, на Св. Алексія; а заутра плака Св. Богородиця (образъ ея) у Св. Якова въ Неревьскемъ Конци.» Сіе было не въ 1208 году, какъ означено въ *Новогород. Лѣт.* а въ 1207: ибо тогда 17 Марта приходилось въ Субботу.

Далѣе: «Новгородьци же, пришедьше Новугороду, створиша Вѣче на Посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелѣша на Новгородьцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ *виру дикую* и повозы возити, и все зло.» *Дикою* или чуждою вирою назывался платежъ волости за убійцу неизвѣстнаго (см. сей *Исторіи* Т. II, стр. 27, или *Русск. Правд.* стр. 11). Купцевъ несправедливымъ образомъ заставляли платить за преступленія другихъ.

(128) «Избытъкъ раздѣлиша по *зубу*, по три гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потай похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаеть.» Здѣсь *зубъ* не есть описка, вопреки мнѣнію Болтина: такъ и въ харатейномъ и въ другихъ спискахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе имя употреблялось въ Новогородскомъ денежномъ счетѣ. *Никон. Лѣт.* выпустилъ имя *зуба*, не разумѣвъ его. Великій Князь Ростиславъ въ 1159 году дарилъ Святослава Ольговича *рыбьими зубами* (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 393). Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ часто говорится о рыбьихъ зубахъ драгоцѣнныхъ. На примѣръ: «въ чердакѣ была бесѣла (сѣдалище) дорогъ рыбей зубъ» (см. *Древнія Рус. Стихотворенія,* стр. 2). Обыкновенная цѣна такого зуба могла быть принята въ денежный счетъ, подобно *кунѣ* и *векшѣ*. Въ 1641 году Патріархъ Іоасафъ прислалъ въ Соловецкій монастырь пять зубовъ рыбьихъ, вѣсомъ въ 11 фунтовъ, а цѣною въ 11 тогдашнихъ рублей (см. *Лѣтопис. Соловецк. монастыря,* стр. 48). Извѣстно, что зубы *морскихъ единороговъ*, причисляемыхъ къ роду китовъ (см. Бомара Dict. d'Hist. Nat. подъ словами Baleine, Narwhal, Licorne de mer) гораздо лучше слоновой кости для всякой работы. Въ Даніи, въ Розенбергскомъ дворцѣ, показываютъ престолъ, сдѣланный изъ сихъ зубовъ, и цѣнятъ его дороже золота. Новогородцы могли издревле получать оные отъ промышленниковъ Норвежскихъ. Такъ бы я думалъ, если бы Герберштейнъ не сказалъ намъ, что въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки (см. его De R. M. Comment. стр. 85). Моржъ, какъ извѣстно, есть огромное морское животное (Trichechus Rosmarus): оно часто показывается на берегахъ Сѣвернаго Океана.

Далѣе въ лѣтописи: «А что на *дъщькахъ* (доскахъ), то Князю оставиша . . . Даша дъщкы Дмитровы Святославу, а бяше на нихъ безъ числа.» Татищевъ изъяснялъ, что досками назывались лавки купеческія; но въ подлинникѣ сказано, что граждане взяли сокровища и все *житье* или имѣніе осужденныхъ: слѣдственно и товары. Въ лѣтописяхъ *Воскресен.* (II, 148), *Ростов.* и другихъ истолкованъ смыслъ: а что на доскахъ въ *писмѣ* осталося, то Князю.»

(129) «Присла Всеволодъ Святослава въ Недѣлю Мясопустную. Тогда даша Посадничство Твьрдиславу Михалковицю . . . и цѣловаша Новгородьци честный крестъ, око (яко) не хочемъ у себе дьржати дѣтій Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Тврдислава Стакиловиця, и Овстрата Домажировиця, и поточи я Князь къ отцю; а на инѣхъ сребро поимаша безъ числа.»

Далѣе: «Новгородьци, угонивше Литву въ Ходынцихъ, избиша съ Княземь Володимеромъ и съ Посадникомъ Твьрдиславомъ.» О Князѣ Владимірѣ см. выше, примѣч. 54. Татищевъ же назвалъ его сыномъ Мстислава Романовича. Братъ Владиміровъ, Давидъ, княжилъ около 1214 году въ Торопцѣ (*Новог. Лѣт.* 79).

(130) «Рязанци же, лесть имуще къ нему, цѣловаша крестъ ко Всеволоду, и не управиша и изимаша люди его, и исковаша, а инѣхъ въ погребѣхъ засыпавше измориша.» Но *Лѣт. Новогород.* говоритъ такъ: «ходи Всеволодъ на Рязань, и рече имъ: пойдите ко мнѣ съ сыномъ моимъ за Оку на ряды» (на расправу или судъ) «и перейдоша къ нему, и ту я изма.» Не вѣроятно, чтобы Рязанцы столь неосторожно пошли въ станъ къ Великому Князю, если бы они дѣйствительно уморили многихъ Бояръ его. Татищевъ *для объясненія* вымыслилъ, что клеветникъ, Глѣбъ Владимировичь, возмутилъ Рязанцевъ.

Бѣлгородъ находился близъ Старой Рязани.

Въ *Лѣт. Воскресен.:* «приходиша къ Москвѣ Изяславъ Володимеричь и Кюръ Михаилъ; слышаху бо, яко сынове Всеволожи отошли суть на Тферь противу Новгородьцемъ (см. ниже), а сего не вѣдаху, яко урядишася съ Новгородци и придоша со Тфери . . . Всеволодъ посла вборзѣ Георгія. Пришедшу же ему на *Голубино*, бысть ему вѣсть, оже Изяславъ стоитъ на Мерскѣ (рѣкѣ Нерской), а Кюръ Михаилъ на *Литовѣ* . . . и бывъ (Георгій) на Волочкѣ, и оттолѣ уряди сторожевый полкъ за Клязму . . . И приде къ рѣцѣ *Дроздню*, и ту удари на Изяслава . . . Слышавъ же Михаилъ, оже Изяславъ побѣжденъ, бѣже самъ. Бяше бо тогда Великій Четвертокъ.»

(131) См. выше, примѣч. 121.

(132) «И быша (Мстиславъ) на *Плоскнѣй*, и присла Всеволодъ: ты ми еси сынъ, а язъ тьбѣ отецъ; пусти Святослава съ мужи и все, еже засѣдѣлъ» (присвоилъ себѣ) «исправи; язъ гость (купцевъ) пускаю и товаръ.» Въ *Пушкин.*: «Всеволодъ посла сыны своя Константина съ братьею на Мстислава на Торжекъ. Мстиславъ же изыде изъ Торжку Новугороду; а оттуда иде въ Торопець, въ свою волость. Константинъ же взвратися со Тфери, и Святославъ приде съ нимъ изъ Новагорода.» Татищевъ вымыслилъ рѣчь Константинову и другія обстоятельства, сказывая, что Новогородцы хотѣли бросить съ моста Посадника своего, *Ждана Иванькова*, и прочихъ друзей Мстиславовыхъ; но въ Новѣгородѣ былъ тогда Посадникомъ Твердиславъ (см. *Нов. Лѣт.*), а послѣ Дмитрій Якуничь.

(133) «Всеволодъ посла съ полкомъ Кузму Ратишича, Меченошю своего, и взяша Пру и взвратися со многимъ полономъ.» Татищевъ говоритъ, что сей Воевода ходилъ на Болгаровъ. — Далѣе: «Тое же зимы приходиша Половци къ Переяславлю и повоеваша многи села.» Въ харатейныхъ, также въ *Воскресен.* и *Ростовск. Лѣт.* сказано: «сѣде въ Кыевѣ Всеволодъ Чрънıговскій Чрьмный, а Рюрикъ въ Черниговѣ» (въ 1210 г.). Татищеву казалось невѣроятно, чтобы Всеволодъ Святославичь могъ отдать Рюрику свой древній наслѣдственный Удѣлъ: по тому нашъ Историкъ умолчалъ о семъ, и пишетъ, что Рюрикъ скончался въ 1211 году, Апрѣля 19, въ Кіевѣ; что Кіевляне призвали тогда Всеволода, который оставилъ господствовать въ Черниговѣ *брата своего*,

284

*Олега*, и вторично послалъ Митрополита къ Великому Князю просить себѣ у него Кіева, и проч. По лѣтописямъ, выше упомянутымъ, Рюрикъ умеръ въ 1215 году, и въ Черниговѣ: «Въ лѣто 6723 преставися Рюрикъ Ростиславичь Князь Кыевскый (бывшій), *княжа* въ *Черниговѣ*.» Правда, здѣсь въ лѣтахъ явная ошибка: Рюрика уже не было на свѣтѣ, когда Мстиславъ Новогородскій съ братьями въ 1214 году ходилъ къ Кіеву и Чернигову. Татищевъ говоритъ о Святославичѣ *Олегѣ*: но сей Князь умеръ по лѣтописямъ въ 1204 г. Татищевъ пишетъ еще, что Юрій или Георгій Всеволодовичь лишился тогда *первой* супруги и женился вдовцемъ; что Вел. Князь посылалъ въ Кіевъ за его невѣстою сына своего, Константина; что она выѣхала оттуда Апр. 8, сопровождаемая Игоремъ Ярославичемъ, Михаиломъ Пронскимъ и Черниг. Епископомъ; что *Рюрикъ Ольговичь* угощалъ ихъ въ Черниговѣ и велѣлъ сыну проводить до Коломны; что они пріѣхали въ Владиміръ Апр. 28, а 29, въ *Воскресенье*, была свадьба, на коей Рязанскіе Князья и Давидъ Муромскій 8 дней веселились. Я не нашелъ сихъ обстоятельствъ въ лѣтописяхъ. Апрѣля 29, 1211 г., приходилось не въ Воскресенье, а въ Пятницу.

Въ *Воскресен.*: «Митрополитъ же ту на Рождество Христово служа въ Соборной церкви и быша въ веселіи у Вел. Князя. Того же дни Княгини Рязанскія отпустиша.» Татищевъ, въ противность лѣтописямъ, говоритъ, что Вел. Князь освободилъ и *Князей* Рязанскихъ: нѣтъ, ихъ выпустилъ уже Георгій Всеволодовичь. Сей же Историкъ пишетъ, что Митрополитъ въ первый свой пріѣздъ еще не могъ склонить Великаго Князя къ миру съ Ольговичами.

(134) Въ *Волынск. Лѣт.*: «По семъ же, долгу времени минувши, мятежь бысть межи братома, Володимеромъ и Романомъ (Игоревичами), Романъ же ѣха въ Угры, и поемъ Угры, и бився съ братомъ, и побѣдивъ за Галичь, а Володимеръ бѣжа въ Путивль. Въ тожь время возведе Александръ Лестка и Кондрата (брата его) и пріидоша Ляхове на Володимерь... Олександру же молящюся Лесткови о останцѣ града» (уже опустошеннаго Ляхами) и о церкви Св. Богородици; твердымъ же бывшимъ дверемъ, не могоша ихъ съсѣчи, донели же Лестко пригна и Кондратъ, и възбиста (разогнали) Ляхы свои... И жаляхусь Володимерци: аще не былъ бы сродникъ ихъ съ ними, Олександръ, то не перешли (Ляхи) быша ни Буга... Олександръ же сѣде въ Володимери. *Поя у него Лестко дъщерь*» (см. ниже, въ семъ примѣч.) «и пусти и́; иде же къ Орелску, и пріѣхаша Берестяне ко Лестькови, и просиша Романовое дѣтяте... и власть имъ, да владѣеть ими. Они же съ великою радостію срѣтоша и́, яко великого Романа жива видяще. Потомъ же Александръ живяше въ Белзѣ, а Инъгварь (Ярославичь Луцкій) въ Володимери. Бояромъ же не любящимъ Инъгвара: Олександръ же съвѣтомъ Лестковымъ прія Володимерь. Княгини же Романова посла Мирослава ко Лесткови, глаголюща, яко сіи всю землю нашю и отчину дръжать, а сынъ мой въ одномъ Берестьи. Олександръ прія Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовь, и да Васильковi Белзъ. Олександру сѣлящу въ Володимери, а брату его, Всеволоду, въ *Червнѣ*, Литва же и Ятвязи воеваху Турискъ и около Комова, оли и до Черьвня, и бишась у воротъ *Червенскыхъ*, и застава въ *Ухаяхъ* бѣ; тогда же убиша Матѣа, Любова зятя, и Доброгостя: вьѣхаша въ сторожи. Бѣда бо бѣ въ земли Володимерстѣй... Андрей же Король, увидѣвъ безаконіе Галицкое и мятежъ, и посла Бенедикта съ вои... Бѣ бо Тимоѳей въ Галичѣ премудрый книжникъ, *отчество* имѣа въ градѣ Кыевѣ, притчею рекъ слово о семъ томители Бенедиктѣ, яко въ послѣдняа времена треми имены наречется Антихристъ... бѣгаше бо Тимоѳей отъ лица его; бѣ бо (Бенедиктъ) томитель Бояромъ и гражаномъ, и блудъ творя, и оскврънаху жены и Чрънници и Попадьи; въ правду бѣ Антихристъ за скверна дѣла его. Пояша же Галичане Мьстислава (Нѣмаго), и пріиде къ Галичю, и не успѣвшю ему ничто же... Щепановичь Иліа възведъ и́ на *Галичину могилу*, осклабився рече ему: Княже! уже еси на Галичинѣ могилѣ посѣдѣлъ, то тако и въ Галичи княжилъ: смѣаху бо ся ему, воротися въ Пересопницю. И посемъ скажемъ о Галичинѣ могилѣ, и о началѣ Галича, и откуду ся почалъ» (къ сожалѣнію, лѣтописецъ не сдержалъ слова)... «Сѣде же Володимеръ въ Галичи... а сынови своему да Теребовль Изяславу, а Всеволода, сына своего, посла въ Угры къ Королеви съ дары. Данилови сущю къ Угрѣхъ, Король же Андрей и Бояре Угорстіи и вся земля хотяше дати дъщерь свою за Князя Даниа, обѣма дѣтскама бывшимъ, *зане сына у него не бѣ*. Въ та же лѣта (въ 1208 году) убіенъ бысть Царь Великый Филипъ Римскій, съвѣтомъ брата Королева» (шурина Андреева): «моляшеся сестрѣ» (Гертрудѣ, женѣ Венгерскаго Короля) «дабы ему нашла помочника; она же никако не могущи... и да дъщерь свою за Лондкрабовича» (сына Ландграфова) «за Лудовика: бѣ бо мужъ силенъ и помощникъ брату ея, юже нынѣ святу наречють, именемъ Альжбета (Елисавета); преднее бо имя ее Кинека... Съвѣтъ сътвориша Игоревичи на Бояре Галицкыи, да избіютъ ихъ по прилучаю... и убіенъ бысть Юрьи, Ивитановичь Илья, а иніи разбѣгошась. *Володиславъ кормиличичь* (см. выше, примѣч. 119) бѣжа въ Угры, и Судиславъ и Филипъ найдоша Данила въ Угорской земли дѣтска суща, и просиша у Короля Угорскаго: дай намъ *отчича* къ Галичю Данила, ать съ нимъ пріимемъ отъ Игоревичевъ. Король же съ великою любовію посла воя въ силѣ тяжцѣ, и Великого Дворьского Пота, поручивъ ему воеводство... именажь бывшимъ Воеводамъ съ нимъ: прьвый Петръ Туровичь, вторый Бенко, третій Мика Брадатый, четвертый Лотохаротъ, пятый Мокіанъ, шестый Табрецъ, седмый Мароцелъ... и пришедшю Володиславу къ граду (Перемышлю) и рече... Звенигородцемъ же крѣпко борющимся... Василку же княжащю въ Белзѣ, пріидоша отъ него Великій Вячеславъ Толстый, и Мирославъ Демьянъ и Воротиславъ, и иніи Бояре и вои отъ Белза, а отъ Лестка изъ Ляховъ Судиславъ Бернатовичь съ многыми Поляны, и отъ Пересопницы Мьстиславъ Нѣмый съ многыми вои, Олександръ съ братомъ (Всеволодомъ) отъ Володимеря.... Ингварь же посла сына своего изъ Луцка и изъ Дорогобужа и изъ Шюмска. И пріѣхаша Половци Романови (Игоревичу) на помощь: Изяславъ съ ними Володимерь (Владиміровичь). Угромъ же не побѣдившимъ, и гнаша ихъ съ становъ своихъ. Мика же убоде Тобаша и главу ему стялъ (срубилъ). Половци же, узрѣвше я къ рѣцѣ, налягоша на ня. Онимъ же ѣдущимъ предъ ними къ Лютой рѣцѣ, и быша не пріѣхали Ляхове и Русь, и съшедше едва препроводиша (перешли) рѣку Лютую. Половцемъ же стрѣляющимъ и Руси противу нимъ, ту же Марцелъ (Венгерскій Воевода) хоругве своей отбѣже, и Русь взя ю (отбили), и поругъ великъ бысть Марцелови; и възвратишась въ колымагы своя, рекше въ станы... Романъ (Игоревичь) изыде изъ града, помощи ища въ Рускыхъ Князехъ» (т. е. бѣжалъ къ Кіеву) «и бывшю ему въ Шумску, на Можцѣ ятъ бысть

Зерньком и Чюхомою, и приведенъ бысть въ станъ къ Князю Даниловi, и къ всѣмъ Княземъ и Воеводамъ Угорскымъ . . . И предашась Звинигородци. Оттуду же поидоша въ Галичь, и Володимеръ бѣжа изъ Галича и сынъ его Изяславъ, и гнаша и до Нѣзды. Изяславъ же бися на мѣстѣ Нѣзды рѣкы, и отняша коня отъ него сумныа: потомъ възвратишась въ Галичь . . . Бояре Володимерстiи и Галицкiи, Вячеславъ Володимерскiй и Володиславъ Галицкiй, и Воеводы Угорскiи посадиша Данила на столѣ отца своего, Великого Князя Романа, въ церкви Св. Богородица. Король же Андрей не забы любви своея пръвыа, юже имѣаше къ *брату* си, Вел. Кн. Роману, посади сына своего въ Галичи. Ятымъ же бывшимъ Княземъ, Роману, *Ростиславу*, Святославу, Угромъ же хотящимъ ихъ вести къ Королеви, Галичанамъ же молящимся имъ, да быша ихъ повѣсили мьсти ради. Убѣжени же бывше Угре великими дарми, предани быша (Князья) на повѣшенiе мѣс. Сент... Данилу же тако младу сущю, яко и матере своея не позна.»

(135) Въ другихъ лѣтописяхъ упоминается о Галицкихъ происшествiяхъ весьма кратко, но за то съ означенiемъ годовъ. Въ харатейныхъ, также въ *Воскр.* и въ *Ростовск.*: «Угри (въ 1208) прогнаша изъ Галича Володимера Игоревича, а брата его, Романа, посадиша въ немъ . . . *Ростиславъ Рюриковичь* (въ 1210) сѣде въ Галичи, а Романа Игоревича выгнаша. Осени тоя же выгнаша изъ Галича Ростислава, а Романа Игоревича посадиша съ братомъ . . . Галичане (въ 1211) приведоша къ собѣ Угры отай чрезъ горы и изъимаша Князи своя Игоревичи *три*, и бивше ихъ, повѣшаша ихъ.» По ложной хронологiи Ипатьевскаго списка (см. выше, примѣч. 113) Лешко ходилъ ко Владимiру въ 1204 году, Бенедиктъ правилъ Галичемъ въ 1205, Мстиславъ Нѣмый былъ на Галичинѣ могилѣ въ 1206, а Игоревичи казнены въ 1208. Татищевъ пишетъ, что Рюрикъ пересылался съ Королемъ Венгерскимъ о Галичѣ; что Игоревичи насиловали женъ, и проч. — Княженiе *Ростислава Рюриковича* въ Галичѣ сомнительно: ибо въ подробной *Волынск. Лѣт.* нѣтъ о томъ ни слова, а говорится единственно о тиранѣ Бенедиктѣ. Можетъ быть, Ростиславъ прiѣзжалъ въ Галичь хлопотать о семъ Княженiи и жилъ тамъ нѣсколько времени при Бенедиктѣ.

Современный Богуфалъ также сказываетъ, что Лешко былъ женатъ на Россiянкѣ: Post hæc (послѣ 1207 года) Lestko Albus accepit uxorem nobilem de Russia, nomine *Grzimislavam* (безъ сомнѣнiя Гремиславѣ). Длугошъ называетъ ее дочерью Князя Ярослава.

*Ростиславъ*, повѣшенный въ Галичѣ съ Романомъ и Святославомъ Игоревичами, братъ ли ихъ *былъ* или племянникъ? Въ извѣстiи, выше приведенномъ нами изъ харатейныхъ лѣтописей, говорится о *трехъ* повѣшенныхъ *Игоревичахъ;* по въ *Лѣт. Новогородск.* только о двухъ (см. ниже). — *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что Галичане хотѣли прежде отравить сихъ Князей, и пр.

(136) «Костянтина остави (Всеволодъ) у собе и да ему (въ 1207 году) Ростовъ, и инѣхъ 5 городовъ да ему къ Ростову.»

Въ *Воскресен.*: «посла Всеволодъ (въ 1211 г.) по сына своего, Костянтина, въ Ростовъ, дая ему по своемъ животѣ Володимерь, а Ростовъ Юрью дая. Онъ же не ѣха ко отцю, хотя взяти Володимерь къ Ростову. Онъ же посла вторицею, и тако пакы не иде,» и проч. Татищевъ, вымысливъ письмо Константиново къ отцу и разсужденiе Бояръ, дѣлитъ по своему Великое Княженiе, отдаетъ Ярославу Тверь, Владимiру Москву, и проч.

(137) «Воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братью свою, паче же на Георгiя.»

(138) Всеволодъ преставился не въ 1213 году, какъ пишетъ Татищевъ, а въ 1212, Апр. 15, въ Воскресенье, по окончанiи Литургiи (см. *Воскр. Лѣт.*). — Онъ въ разныхъ мѣстахъ лѣтописей называется Великимъ, а въ Родослови. Книгахъ *Большимъ Гнѣздомъ*, отъ многочисленности своего потомства.

Далѣе: «Много мужствовахъ и дерзость имѣвъ на бранехъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, и добросмысленыя милуя: Князь бо не туне мечь носить . . . Судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ Бояръ, обидящихъ меншихъ и работящихъ сироты . . . Его имени трепетаху вся страны, и по всей земли изыде слухъ его, и вся зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его . . . Многы же церкви созда: церковь прекрасну на дворѣ своемъ Св. Мученика Дмитрiя, и украси ю дивно иконами, и принесъ доску гробную изъ Селуня (Өессалоники) Св. Муч. Дмитрiя, миро непрестанно точащю; на здравье немощнымъ въ той церкви постави, и сорочку тогожь Мученика туже положи, и монастырь созда, въ немъ церковь камену Рожество Св. Богородице . . . Любляше же по многу Черньрицьскый и Поповскый чинъ . . . Тихо и безмолвно преставися.»

Всеволодъ поѣхалъ въ Константинополь съ матерью въ 1162 году, а возвратился около 1169.

(139) См. *Книгу Степенную*, I, 285. — Сiи мнимые коробы суть обростшiя мхомъ глыбы, носимыя вѣтромъ по озеру: см. *Дневн. Записки Лепехина*, Т. I, стр. 20.

(140) *Рос. Библiот.* стр. 285, 286: «Заложенъ бысть градъ (городская стѣна) Суздаль (въ 1191 г.) и срубленъ. — Заложи Вел. Князь дѣтинецъ (крѣпость) въ градѣ Володимерѣ Iюня 4 (въ 1194 году). — Заложи градъ Переяславль у озера.»

(141) См. *Воскр. Лѣт.* II, 150. Татищевъ назвалъ ее Любовiю.

(142) См. *Никоновск. Лѣт.*: въ *Троицк.* харатейной тоже. Марiя постриглась въ 1206 году, Марта 2, а скончалась Марта 19. Любимый ея сынъ Константинъ уѣхалъ тогда въ Новгородъ и неутѣшно плакалъ о смерти родительницы.

(143) На примѣръ, Георгiй родился въ 1189 г. Ярославъ-Өеодоръ въ 1190 Февр. 8, Владимiръ-Димитрiй въ 1194, Окт. 25: постриги перваго были въ 1192, втораго въ 1194, а третьяго въ 1196. О Георгiи сказано: «того же дни и на конь его всади, и бысть радость велика въ градѣ Суждали, ту сущю блаженному Епископу Iоанну,» и проч. О Владимiрѣ-Димитрiи: «Окт. въ 26 день, на память Св. Мученика Дмитрiя, быша постриги у В. К. у Всеволода сыну его Володимеру въ градѣ Владимери Княземъ Рязанскимъ ту сущимъ съ мужи своими, и быша веселящеся у отца своего за мѣсяць, и тако разъѣхашася одарени дары безцѣнными, комонми (конями) и съсуды златыми и серебреными и порты (одеждами), а муже ихъ комонми, скорою (мѣхами) и паволоками.»

(144) Татищевъ пишетъ, что и въ его время нѣкоторые знатные люди еще держались сего древняго обыкновенiя, и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужескiя. Въ *Требникѣ* есть молитва на первое стриженiе волосовъ у младенца. Тамъ сказано: «Заповѣдавый намъ вся во славу Твою творити, пришедшаго раба Твоего начатокъ сотворити стрищи власы главы своея, благослови вкупѣ съ его воспрiемникомъ,» и проч. Крестный отецъ приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ Священникъ читалъ надъ ними сiю молитву.

(145) Слова Мартина Галлуса: Parato de more convivio et abundanter omnibus apparatis, hospites illi (объ нихъ говорено выше) puerum totonderunt, eique Semowith vocabulum ex presagio futurorum indiderunt. Кадлубекъ также пишетъ о семъ обрядѣ, сказывая, что постриги раждали между людьми духовное свойство, и что мать постригаемаго считалась названою сестрою постригающаго: Qui tondetur, incipit esse tondentis nepos (племянникъ) per simplicem adoptionem, mater vero ejus fit soror adoptiva per arrogationem (Кадл. Hist. Pol. страница 639).

(146) См. *Историческое Изображеніе Грузіи*, сочиненное въ Александро-Невской Академіи, стр. 15 — 17.

(147) «Въ лѣто 6700 (а не 6701) бысть пожаръ въ Володимери, м. Іюля въ 23 день, въ канунѣ Св. Муч. Бориса и Глѣба въ Четверкъ, въ полночи; зажжеся и горѣ мало не до вечера; церквей изгорѣша 14, а города половина.» — Первый пожаръ въ 1185 г. былъ Апр. 17 (въ день Симеона Персидскаго, а не *Сродника Господня)* въ Среду: «Богу попущьшю грѣхъ ради нашихъ и умъ отъ человѣкъ отъемшю, и вымыкаша изъ церкви на дворъ до всего, а изъ терема куны и книги и паволоки церковныя, *иже вѣшаху на праздникъ* — все огнь взя безъ утечи» (остатка). Слѣдственно въ церквахъ для праздниковъ развѣшивались богатыя ткани и парчи.

«Въ лѣто 6702 (1194) зажьжеся пожаръ Новѣгородѣ въ Недѣлю на Всѣхъ Святыхъ въ говѣніе, илуче въ заутрьнюю загорѣся (въ) Савкинѣ дворѣ на Ярышевѣ улици, и бяше пожаръ зълъ; сгорѣша церкви 10, Св. Василія, Троицы, Вздвиженія и много домовъ добрыхъ; и уяша у Лукини улици... На другій день загорѣся въ Чьгловѣ улъки (Чегловой улицѣ), и погорѣ дворовъ съ 10, и потомъ болѣ. Той же недѣли въ Пятници въ търгъ загорѣся отъ Хревъковѣ улици оли до ручья Нереьвской Коньць; и сгорѣ церквій 7, и домове великіи. Оттолѣ вста зло, по вся дни загорашеся невидимо, и 6 мѣстъ, и болѣ, и не смяху (не смѣли) людье *тировати* (жить) въ домѣхъ, нъ по полю живяхуть. И Городище погорѣ — и Ладога переди (прежде) Новагорода, и Руса; а въ Людини Коньци погорѣ дворовъ 10. И тако ся чюжаше отъ Всѣхъ Святыхъ до Госпожина дни.»

«Въ лѣто 6719 (1211) безъ Князя и безъ Новогородьцъ» (ходившихъ тогда со Мстиславомъ въ Великія Луки) «Новѣгородѣ бысть пожаръ великъ; загорѣся на Рядятинѣ улици, и сгорѣ дворовъ 4000 и 300, а церквій 15.» По сему кажется, что въ Новѣгородѣ было менѣе церквей, нежели въ Кіевѣ и Владимірѣ.

«Въ лѣто 6719 (1211), Маія въ 15 день, въ день Воскресенья, по Литургіи загорѣся градъ Ростовъ и погорѣ мало не весь, и церквій изгорѣ 15... Се же есть дивно: церковь въ имя Св. Іоанна на Дворѣ въ Епископьи у Св. Богородици исгорѣ вся отъ верха и до землѣ, и иконы, что не утягли (не успѣли) вымчати, и гробы въ земли дну; и бѣ въ церкви той икона, на ней же написанъ Св. Мученикъ Ѳеодоръ Тиронъ, и вощаница съ виномъ, юже нѣціи мняху, яко Леонова Епископа прежъ бывшаго въ Ростовѣ. Пришедши же на пожаръ видѣша вся огнемъ взята: толико икона та съ вощаницею цѣла... Костантинъ же Князь тогда бѣ въ Володимери: слышавъ бѣду створшююся на градѣ его, и ѣха Ростову, и видѣвъ печаль бывшюю мужемъ Ростовскымъ, утѣши я глаголя: *Богъ да, Богъ взя*,» и проч.

«Бысть болѣсть силна въ людехъ вельми; не бяше бо ни одиного двора безъ болнаго; а въ иномъ дворѣ некому бяше ни воды подати.» — Въ *Кіев. Лѣт.*: «Тое же зимы по Ѳеодоровѣ недѣли во Втор. (Марта 12) потрясеся земля, и по Кыеву церкви колибахусь,» и проч.

(148) «Тое же зимы бысть знаменія многа на небеси; едино же отъ нихъ скажемъ. Въ пятый часъ въ нощи потече небо все и бысть черъвлено; на земли же и по хоромомъ и по снѣгу видѣти человѣкомъ, яко кровь проліяну. Видѣша же нѣціи, теченіе звѣздное бысть на небеси; отторгахуть бо ся звѣзды на землю, и мнѣти бяше зрящимъ, яко уже кончина міра.» и проч.

(149) Письма Иннокентія III изданы въ 1680 году Балюзомъ въ двухъ томахъ; многія еще остались рукописныя въ Ватиканской библіотекѣ. Посланіе къ Рос. Духовенству находится въ выпискѣ Альбертрандіевой, о коей мы упоминали (см. выше, примѣч. 112). Оно такъ начинается: *Archiepiscopis, Episcopis etc. per Rutheniam constitutis*. Licet hactenus elongati fueritis ab uberibus matris vestræ tanquam filii alieni, nos tamen qui sumus in officio pastorali a Deo licet immeriti constituti ad dandam scientiam plebi suo, non possumus affectus paternos exuere, quin vos sanis exhortationibus et doctrinis studeamus tanquam membra vestro capiti conformare, ut Ephraim convertatur ad Iudam, et ad Ierusalem Samaria revertatur. — *Далѣе*: Ut autem ad præsens de reliquis taceamus, cum Græcorum Imperium et Ecclesiæ pene tota ad devotionem Apostolicæ sedis redierit, et ejus humiliter mandata suscipiat et obediat jussioni, nonne absonum esse videtur, ut pars toti suo non congruat et singularitas a suo discrepet universo? Назначеннаго посла въ Россію называетъ Папа filium nostrum G. tituli S. Vitalis Presbyterum Cardinalem, virum genere nobilem, litterarum scientia præditum, и проч. Въ концѣ подписано: Datum Viterbii, Nonis Octobris (7 Окт.) anno X (то есть, въ 10 г. Иннокентіева правленія). — Современный *Новог. Лѣт.* повѣствуетъ весьма обстоятельно о взятіи Константинополя, и сказываетъ, что Крестоносцы въ Софійской церкви нашли 40 кадей чистаго золота, кромѣ сосудовъ. Вѣроятно, что онъ слышалъ всѣ описанныя имъ подробности отъ какого нибудь очевидца, земляка своего.

(150) Грубер. Liefländ. Chronik, Ч. I, стр. 14, 31, 45, 47, 51, 52, 63; Кельх. Liefländ. Historiæ, стр. 25 — 30, и Балтаз. Руссова Liefl. Chronica, л. 1 — 3. Епископъ Альбертъ въ 1205 г. послалъ въ даръ Князю Русск. Владиміру коня своего; но Литовцы отняли его на дорогѣ. — Архіепископу Лунденскому, Андрею, о коемъ здѣсь упоминается, Саксонъ Грамматикъ приписалъ свою Исторію Датскую. Руссовъ говоритъ, что Лифляндцы обожали еще свѣтила небесныя и *змѣй*. Латыши называли Юммала Auxtheias Vissagistis. Женщины покланялись богинямъ Лаймѣ и Дяклѣ: первая благотворила родильницамъ, а вторая младенцамъ. Дѣвицы приносили жертву идолу Ваицгантосу (Waitzganthos), моля его, чтобы онъ далъ имъ льну для одежды.

(151) Liefländ. Chr. I, 74, 75. Въ сей лѣтописи сказано, что Всеволодъ, смотря съ другаго берега Двины на пылающую столицу свою, говорилъ: «о Герсике, милый городъ! о наслѣдіе отцевъ моихъ! о гибель внезапная моего народа! горе мнѣ, рожденному видѣть такія бѣдствія,» и проч. Въ Латинскомъ подлинникѣ написано: patschka, *батюшка*: имя, которое Всеволодъ даетъ Альберту. — О Герсикѣ см. Бишинг. Erdbesch. Т. I, 1027.

(152) «Въ лѣто 6719 (1211) приде Дмитръ Якуниць изъ Руси, и ступися Твердиславъ Посадничества по своей воли старѣйшю себе; и посла Князь Мстиславъ Дмитра на Лукы города ставить, а самъ иде на Търъжкъ блюсть волости; изъ Тор-

жку иде въ Торопчъ, изъ Торопцъ на Луки, и сняся (соединился) съ Новгородьцы; а Лучаномъ да Князя Володимера Пльсковскаго . . . Въ лѣто 6720 ходи Мстиславъ на Чудь, рекомую *Торму*, и много полониша; скота безъ числа приведоша. Потомъ же на зиму иде Мстиславъ на Чудьскый городъ *Медвѣжью Голову*, и села ихъ потрати, и придоша подъ городъ, и поклонишася Чудь Князю, и дань на нихъ взя.» *Тормою* называлась Чудь обитавшая отъ Дерпта къ Сѣверу, гдѣ нынѣ мѣстечко Торма. Сочинитель древней Ливонской *Хроники* также пишетъ о приступѣ Мстислава къ Медвѣжьей Головѣ (I, 78) и сказываетъ, что жители, изнуренные голодомъ и жаждою, чрезъ 8 дней откупились отъ Россіянъ четырмя стами гривенъ, заплативъ оныя *ногатами*. Тамошняя область именовалась въ старину Унганіею.

(153) «Въ лѣто 6719, *Генваря* въ 22» (слѣдственно уже въ 1212) «злодѣй, испра (исперва) не хотя добра, вложи (т. е. Сатана) зависть людьмъ на Архіепископа; и не даша ему правитися, и ведоша и́ въ Торопцъ. Онъ же то прія съ радостію, яко І. Златоустъцъ и Григорій Акраганьскый (Акрагантійскій), славя Бога. Тъгдажь бяше пришелъ прежъ изгнанія Митрофаня Добрына Ядренковицъ изъ Царяграда, и привезе съ собою *гробъ Господень*» (развѣ частицу его?) «а самъ пострижеся на Хутинѣ у Св. Спаса; и волею Божіею възлюби и́ Князь Мстиславъ и вси Новгородьци, и послаша и́ въ Русь ставиться; и приде поставленъ Архіепископъ Антоній, и сътвори полату Митрофаню церковь въ имя Св. Антонія.»

Маловажные случаи Всеволодова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе:

Въ 1177 году погорѣлъ въ Новѣгородѣ Неревскій Конецъ отъ Иванковой улицы съ пятью церквами. — Въ 1179 Новогородскій Архіепископъ Илія (Іоаннъ) и братъ его заложили каменную церковь Благовѣщенія Маія 21, а совершили Авг. 25; скончалась Игуменья *Іоанновскаго* монастыря въ Новѣгородѣ. Въ 1180 Михаль Степановичь былъ въ Новѣгородѣ преемникомъ смѣненнаго Посадника, Завида. Архіепископъ Илія и братъ его, Гавріилъ, заложили на воротахъ Благовѣщенскаго монастыря каменную церковь. У Вел. Князя родилась четвертая дочь Сбыслава-Пелагія въ день Св. Димитрія; тетка, Княгиня Ольга Галицкая, крестила ее. — Въ 1180 по *Кіев. Лѣт.* былъ пожаръ въ Кіевѣ, и загаралась церковь Софійская: Лѣтописецъ говоритъ: *здѣсь* — слѣдственно *онъ* жилъ въ *Кіевѣ*. — Въ 1181, Іюля 3, зажгло молніею въ Новѣгородѣ *Варяжскую* церковь на торговой площади. Въ тожь лѣто сгорѣли тамъ 2 церкви, Св. Михаила и *Святыхъ Отецъ* въ *Славнѣ* (Славянскомъ Концѣ) и вся набережная до Ручья; и благочестивые люди построили на Добрыниной улицѣ 5 церквей деревянныхъ. Въ 1182 совершена въ Новѣгородѣ церковь на вратахъ Св. Богоявленія и другая Святыхъ Отецъ. Преставился (см. *Кіев. Лѣт.*) Архимандритъ-Игуменъ Печерскій Поликарпъ, Іюля 24: «по смерти его бысть мятежъ въ монастыри: не могоша бо Старци избрати собѣ Игумена . . . не подобаше бо таковому силному дому ни единъ часъ безъ пастуха быти. Во Вторникъ же удариша братья въ било, и снидоша въ церковь, и почаша молбы творить . . . и единѣми усты мнози рекоша: послемся къ Васильеви Попови на Щековицю, абы былъ намъ Игуменъ . . . И пришедше поклонишась Василію... Попъ же Василій въ велицѣ изуменіи бывъ, поклонися противу имъ и рече: отци и братіа! азъ Чернечьство на сердци имѣлъ есмь: Игуменства же ради что помыслите о моей худости? Много же прѣвся и уречеся имъ. Они же ведоша его въ монастырь въ Пятокъ. Пришедши же Недѣли, и пріѣха Митрополитъ Никифоръ на постриженіе его, и Туровскій Епископъ Лаврентій и Никола Полотскый Епископъ и вси Игумени, и постриже Никифоръ своею рукою.» — Радко съ братомъ въ Новѣгородѣ поставили церковь Св. Ипатія на Рогатой улицѣ. Преставился Епископъ Полоцкій Діонисій; былъ пожаръ въ Городнѣ отъ молніи; сгорѣли всѣ домы и каменная церковь. — Въ 1184 году, Генв. 1, Митрополитъ Никифоръ, Епископъ Юрьевскій, Архимандритъ Печерскій, Игуменъ Василій освятили великимъ священіемъ церковь Св. Василія въ Кіевѣ, созданную Святославомъ Всеволодовичемъ на Великомъ Дворѣ; въ сей день Святославъ угостилъ Духовенство и гражданъ. Новогородскій Архіепископъ съ братомъ заложили на торговой площади каменную церковь Св. Іоанна; построена тамъ же деревянная новая Св. Власія. Въ 1185 г. Маія 1, въ 10 часу дни, во время вечерняго звона, было затмѣніе солнца, и продолжалось болѣе часа. 6 Маія Лукиничи заложили каменную церковь Петра и Павла на Сильницѣ, а Милонѣгъ церковь Св. Вознесенія. Маія 18, въ Субботу, родился у Вел. Князя сынъ Константинъ. — Въ 1186 году, какъ говоритъ Лѣтописецъ, пріѣзжалъ въ Новгородъ Греческій Царь Алексій, сынъ Мануиловъ: вѣроятно, самозванецъ, ибо сынъ Мануиловъ былъ умерщвленъ въ 1184 году Авг. 19 (см. Дю-Канжа Famil. Aug. Byzant. стр. 188); а побочный, именемъ также Алексій, не выѣзжалъ изъ Греціи. — Въ томъ же году, Сентября 7, преставился Новогородскій Епископъ Илія, или Іоаннъ, и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи. Князь и народъ избрали на его мѣсто Гавріила, брата Іоаннова: «и прислаша понь Митрополитъ и вся Княжья Руская, и пояша и́ съ любовью.» Святославъ Всеволодовичь въ Мартѣ освятилъ Черниговскую, созданную имъ церковь Благовѣщенія. — Въ 1187 году, Марта 29, поставленъ Архіепископъ Гавріилъ и возвратился въ Новгородъ Маія 29. Преставился Игуменъ Моисей въ Антоновой обители Св. Богородицы; на его мѣсто поставили Волоса (Власія). Въ *Кіев. Лѣт.*: «Преставися Князь Вышегородскый Мьстиславъ Давыдовичь мѣс. Маа и положенъ бысть въ церкви Св. Ѳеодора въ Кыевѣ монастыри. Бысть знаменіе Сент. въ 15 день» (по другимъ 9 въ полдень, по Астрономическимъ таблицамъ 4): «солнце погибе, а небо погорѣ облаки огнезрачными. Таковаа бо знаменія не на добро бываютъ: въ тотъ бо день взятъ бысть Іерусалимъ безбожными Срацины . . . Въ' Галичи солнцу померкшю, яко и звѣзды видѣти среди дни; въ Кыевской же сторонѣ никто же не видѣ въ тотъ часъ.» Родился у Великаго Князя сынъ Борисъ, у Рюрика осенью сынъ Владиміръ-Димитрій. Расписана церковь Св. Богородицы въ Ростовѣ Епископомъ Лукою. — Въ 1188 г., скончался сынъ Всевололовъ, Борисъ. Симеонъ Дыбачевичь, Новогородецъ, заложилъ каменную церковь въ Аркадьевскомъ монастырѣ. Сдѣланъ въ Новѣгородѣ новой мостъ черезъ Волховъ подлѣ стараго. — Въ 1189 г. Февр. 17 былъ страшный громъ, которымъ убило двухъ человѣкъ въ Новѣгородѣ. Іюня 4 Архіепископъ Гавріилъ святилъ церковь Успенія въ Аркадьевскомъ монастырѣ, и соорудилъ новую Трехъ Отроковъ на Жатуни. 14 Авг. Епископъ Лука святилъ *великимъ священіемъ* Соборную церковь Владимірскую въ присутствіи Вел. Князя и зятя его, Ростислава Ярославича. Скончался сынъ Всеволодовъ Глѣбъ Сент. 29. У Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, родилась въ Новѣгородѣ дочь на Рождество Богородицы. Отняли Посадничество у Михаля и дали Мирошкѣ Нездиничу. Родился у Вел. Князя Все-

волода сынъ Георгій. — Въ 1190 г. умеръ Епископъ Бѣлогородскій Максимъ, на мѣсто коего поставилъ Рюрикъ своего отца духовнаго, Андреяна, Игумена отъ Св. Михаила Выдубецкаго. Апрѣля 19 скончался Святополкъ Юрьевичь, шуринъ Рюриковъ, и погребенъ въ Кіевской церкви Св. Михаила, созданной его прадѣдомъ, Святополкомъ-Михаиломъ. Внукъ Святослава Всеволодовича, Давидъ Ольговичь, женился на дочери Игоря. Родился въ Новѣгородѣ у Ярослава Владиміровича сынъ Михаилъ-Изяславъ; а въ 1191, Фев. 8, у Вел. Князя Ярославъ-Ѳеодоръ. Князь Новогородскій Ярославъ построилъ на Городищѣ церковь Св. Николая, Владыка (Архіепископъ) на дворѣ своемъ церковь Срѣтенія, Нѣздиничь въ Нѣздѣ Св. Образа, а Коснятинъ съ братомъ на торговой площади Св. Пятницы. Архіепископъ Гавріилъ святилъ церковь Вознесенія, сооруженную Тысячскимъ Милонѣгомъ. Въ 1192 г. Чернецъ Варламъ, мірскимъ именемъ Алекса Михилевичь, построилъ церковь Преображенія *внизу на Хутинѣ*: Архіепископъ святилъ оную 6 Авг. и назвалъ монастыремъ (Варлаамъ Хутынскій у насъ въ числѣ Святыхъ). Архіепископъ святилъ храмъ Петра и Павла на Силинищѣ. Въ Русѣ на островѣ Игуменъ Мартирій соорудилъ церковь Преображенія и завелъ монастырь. Въ Новогородскомъ монастырѣ Св. Богоматери, въ Звѣринцѣ, поставили Игуменью; тамъ же въ Воскресенскомъ монастырѣ умерла Игуменья Марія. Вел. Князь Всеволодъ 22 Авг. заложилъ въ Владимірѣ церковь Рождества Богоматери. — Въ 1193, Маія 24, преставился Архіепископъ Гавріилъ (въ монашествѣ Григорій) и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи подлѣ брата; на его мѣсто избрали Игумена Мартирія, бывшаго въ Русѣ (онъ поставленъ въ Кіевѣ Дек. 10 и пріѣхалъ въ Новгородъ Ген. 16 слѣдующаго года). Въ Новѣгородѣ у Ярослава родился сынъ Ростиславъ; срублена церковь Петра и Павла на Холмѣ *Живогложая* и Св. Іоанна Милостиваго на воротахъ церкви Воскресенія. У Давида Ростиславича родился сынъ Мстиславъ-Ѳеодоръ, зимою. — Въ 1194 поставили въ Новѣгородѣ церковь Св. Филиппа на Нутной улицѣ. Преставился Игуменъ Діонисій Георгіевскаго монастыря и Герасимъ Аркадьевскаго; на мѣсто перваго избрали Савватія, а на мѣсто втораго Панкратія. Въ Августѣ мѣсяцѣ обновили Владимірскую Соборную церковь, отчасти разрушенную пожаромъ; а въ Сент. мѣсяцѣ Суздальскую обветшалую. О второй сказано: «покрыта бысть оловомъ отъ верху до камаръ и до притворовъ, а то чуду подобно молитвою и вѣрою Епископа Іоанна, не ища мастеровъ отъ Нѣмець, но налѣзе мастеры отъ клевретъ Св. Богородицы и своихъ, иныхъ олову льяти, иныхъ крыти, иныхъ известью бѣлити,» и проч. Окт. 25 родился у Всеволода сынъ Владиміръ-Димитрій. — Въ 1195 умеръ Князь Рязанскій, Игорь Глѣбовичь, и положенъ у Св. Мучениковъ, Бориса и Глѣба. Архіепископъ Новогородскій заложилъ церковь Богоматери на городскихъ воротахъ, Маія 4, а осенью храмъ Воскресенія въ монастырѣ. Умерла Игуменья Св. Варвары. Была саранча. Въ 1196, въ Февр., преставился Изяславъ, меньшій сынъ Ярослава Изяславича, правнукъ Мстислава Великаго, и погребенъ въ Кіевск. церкви Св. Ѳеодора близъ отца. Въ Мартѣ привезли въ Кіевъ тѣло умершаго Глѣба Юрьевича Туровскаго, любимаго шурина Рюрикова, встрѣченное Митрополитомъ и погребенное въ церкви Св. Михаила. Марта 27 родился у Всеволода сынъ Святославъ-Гавріилъ. Новогородцы, Коснятинъ и Дмитрій, заложили церковь Св. Кирилла въ Нѣлезѣнѣ на Лубяной улицѣ, а Владимірскій Епископъ Іоаннъ 1 Маія на вратахъ соборнаго храма церковь Іоакима и Анны. Живописецъ Гречинъ Петровичь расписалъ въ Новѣгородѣ церковь на вратахъ. Кончили храмъ Воскресенія: Архіепископъ святилъ его 13 Сент.: «Владыка тружаяся и горя въ день зноемь, а въ нощь печалуяся, абы видѣти ю свершену.» Въ 1197 г. въ Новѣгородѣ Архіепископъ поставилъ на островѣ церковь Св. Никифора, а жена Полюда Городишинича, дочь Жирошкина, основала монастырь Св. Евфиміи въ Плотникахъ. Рюрикъ создалъ въ Бѣлѣгородѣ Епископскую церковь Св. Апостолъ, освященную 6 Дек. Митрополитомъ Никифоромъ и Бѣлогород. Епископомъ Андреяномъ, который управлялъ и Юрьевскою Епархіею. Князь, Княгиня и дѣти ихъ угостили Епископа, Архим. Печерскаго Игумена Василія, Выдубецкаго Игумена Моисея и проч. — Въ 1198 году, Генв. 10, привезли Великому Князю изъ Ѳессалоники гробную дску Св. Димитрія. Митрополитъ Никифоръ съ Епископ. Андр. Бѣлогородск. и Юрьевск. освятилъ 1 Генв. великимъ священіемъ Кіевскую церковь Св. *Василія*, которую создалъ *во имя свое* Рюрикъ на Новомъ Дворѣ. Въ *Кіев. Лѣт.*: «на зиму родися дъщи у Ростислава у Рюриковича, и нарекоша имя ей Ефросиніа, прозваніемъ *Измарагдъ*, дорогый камень, и бысть радость велика въ Кыевѣ и въ Вышегородѣ, и пріѣха Мьстиславъ Мьстиславичь и тетка ея Предслава, и взяста ю къ дѣду и къ себѣ, и тако въспитана бысть въ Кыевѣ на горахъ. Рюрикъ отдалъ дочь свою Всеславу за Рязанск. Кн. Ярослава Глѣбовича. Архіепископъ Мартирій заложилъ въ Русѣ храмъ Преображенія Маія 21. У Ярослава Владиміровича умерли два сына, Изяславъ въ Лукахъ, Ростиславъ въ Новѣгородѣ; погребены въ монастырѣ Св. Георгія. Ярославъ Владиміровичь заложилъ церковь Преображенія въ Новѣгородѣ на горѣ Нередицѣ; соорудили другую Св. Иліи, также каменную, на Холмѣ (*конець Славьна*, т. е. въ Славянскомъ Концѣ). Всеволодъ послалъ Павла на Епископство въ Переяславль южный. Авг. 28 родился у Вел. Князя сынъ Іоаннъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: «Благоволи Богъ вдохнути мысль благу Великому Князю Рюрикови-Василію: того бо лѣта Іюля въ 10 день, въ Суб., заложи стѣну камену подъ церк. Св. Михаила у Днѣпра, иже на Выдобичи, о ней же мнози не дръзнуша помыслити отъ древнихъ, али по (не только) дѣлу ятися. *Сто бо и одиннадцать лѣтъ* имать, отнелѣ же създана бысть, и мнозіи Самодръжци преидоша, дръжаще столъ Княженіа Кіевск., отъ того же боголюбив. Всеволода, иже създа церковь ту, родовъ четыре, и ни единъ же въслѣдова любви его къ мѣсту тому. Сь же богомудрый Кн. Рюрикъ пятый (родъ) бысть отъ того, яко же пишетъ о праведнѣмъ Іевѣ отъ Авраама... Братьа же его быша добра, овіи старѣйшіи его, иніи же меншіи; но не благоволи въ нихъ Богъ о дѣлѣ стѣны тоя: время бо требоваше слугы своего. Сь же христолюб. Рюрикъ, лѣты не многы сый, чядъ прижи събѣ по плъти... по духу же паче прозябеніе ему бысть... мудролюбіа начинаніа отъ страха Господня, въздръжаніе яко нѣкое основаніе полагаше, по Іосифу же цѣломудріе и Моисеову добродѣтель, Давыдову же кротость и Костянтине правовѣріе, и прочая добродѣтели прикладаа въ съблюденіе заповѣди Владычни, и тако *философьствоваше*, молясь по вся дни тако съхранену быти, имѣя же къ нимъ милость отъ великыхъ даже и до малыхъ и поданіе къ требующимъ безъ скудости, хотѣніе же къ монастыремъ и къ всѣмъ церквамъ и *любовь несытну о зданіяхъ*. Такожь и христолюбив. его Княгини, тезоименна сущи Аннѣ родительници матери Бога нашего... ни на что же ино упражняшеся,

но токмо о церковныхъ потребахъ, и о миловании укореныхъ, маломощехъ и всѣхъ бѣдующихъ. Оба же вькупѣ Патріаршьскый трудъ съврьшающи, да и вѣнецъ отъ мъздодавца общій въсприимета... Тому жь въслѣдованію и богонаблимыя си дѣти учаша... Изъобрѣте бо (Рюрикъ) подобна дѣлу и художника въ своихъ си пріателехъ, именемъ *Милонѣгъ*, Петръ же по крещеніи, акы Моисей древле оного Веселеила, и приставника сътвори дѣлу и мастера не проста преже-написанныя (упомянутой) стѣны, и тако ятся зданію не тъщно въ соблюденіе храма, ни отъ кого же помощи требуя, но самъ о Христѣ възмагая. . Съврьши стѣну Сент. въ 24. Въ тотъ же день пріѣха въ монастырь Вел. Кн. Рюрикъ, Киръ Василей, съ Княгинею и съ сыномъ Ростиславомъ и Володимеромъ, и съ дъщерію Предславою, и съ снохою Ростиславлею, и постави кутью у Св. Михаила.., и сътвори пиръ немалъ... и накорми Игумены съ Калугеры... и възвеселися духовно о пришелшей въ дѣло таково Царской мысли его. Игуменъ же Моисей и вся братіа велегласно похвалиша Бога и Вел. Князя, глаголяще: дивна днесь видѣста очи наши... постави на пространѣ нозѣ рабъ твоихъ..., отселѣ бо не на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего създанія,» и проч. Здѣсь конецъ древней *Кіевской Лѣтописи*, соединенной съ *Волынск. Лѣт.* Далѣе слѣдуютъ одни Волынскія и Галицкія извѣстія. — Въ 1199 заложили въ Русѣ деревянный городъ. Супруга Ярослава Владиміровича основала въ Новѣгородѣ на Михалицѣ женскій монастырь Рождества Богоматери; первою Игуменьею была тамъ жена Посадника Завида. — Въ 1200, Іюля 15, Всеволодъ заложилъ церковь Успенія въ монастырѣ Княгини своей. Въ 1201, зимою, затмѣніе луны. Дек. 24 преставилась въ Владимірѣ супруга Ярослава Владиміровича, *свесть* (свояченица) Великаго Князя, и погребена въ монастырѣ сестры ея. Архіепископъ Митрофанъ поставленъ Іюля 3, а въ Новгородъ пріѣхалъ Сент. 14. Лѣто было отмѣнно дождливо. — Въ 1202, Авг. 5, преставилась Февронія, супруга Михаилова, бывшаго Вел. Князя, и погребена въ Суздалѣ, въ храмѣ Богоматери. Сент. 9 священа церковь Успенія, построенная супругою Всеволода въ ея монастырѣ. Зимою скончалась Евфросинія Борисовна, дочь Всеволодова брата, въ Кидекшѣ, и положена въ церкви Бориса и Глѣба, близъ отца и матери. — Въ 1203 постригся Новогородскій Посадникъ Мирошка въ монастырѣ Св. Георгія или Юрьевскомъ; его мѣсто заступилъ Михалко Степанычь. Былъ моръ на лошадей въ Новогородской области («яко не лзѣ бяше пойти (отъ) смрады никуда же»). — Въ 1204 были знаменія и въ солнцѣ и въ лунѣ. Умеръ сынъ Олега, Князя Черниговскаго (вмѣстѣ съ отцемъ). Упала соборная церковь Богоматери въ Ростовѣ. Дек. 18 преставился Муромскій Князь Владиміръ Юрьевичь и положенъ въ церкви *Христовѣ*. 30 Декабря скончалась дочь Всеволодова Елена, и погребена въ монастырѣ ея матери. — Въ 1205 «*мѣсяць освѣтѣвъ 8 нощій*» (ночей). — Въ 1206 умеръ Инокомъ бывшій Новогородскій Посадникъ Михалко (въ Монашествѣ Митрофанъ), который постригся 18 Маія въ Аркадьевскомъ монастырѣ; сынъ его, Твердиславъ, соорудилъ тамъ на вратахъ церковь Симеона Столпника. Великій Князь женилъ своего сына, Ярослава-Ѳеодора, на дочери Юрья Кончаковича (Хана Половецкаго). — Въ 1207, Февр. 28, въ Среду, затмѣніе солнца. Новогородцы, Володаревичи и Носовичи, перенесли съ Колѣла на Лубяную улицу церковь Св. Луки; заморскіе купцы совершили церковь Св. Пятницы Авг. 30, а Ѳеодоръ Пинещиничь Св. Пантелеймона. Константинъ, сынъ Вел. Князя, Ноября 25 освятилъ церковь Михаила на своемъ дворѣ въ Владимірѣ, и далъ большой пиръ. — Въ 1208, Февр. 3, затмѣніе луны. Въ 1209, Дек. 7, родился у Константина сынъ Василій, а въ 1210, Іюня 18, Всеволодъ-Іоаннъ. Въ 1211 Новогородецъ *Вячеславъ Прокшиничь* совершилъ каменную церковь Сорока Святыхъ. (Сей Вячеславъ чрезъ нѣкоторое время постригся въ Хутынскомъ монастырѣ, былъ названъ *Варлаамомъ* и скончался въ 1243 году: Авторъ *Степенной Книги* — см. Ч. I, стр. 354 — несправедливо считалъ его и *Святаго* Варлаама Хутынскаго однимъ человѣкомъ. Отецъ Вячеслава, Прокша, былъ Инокомъ Хутынской обители при Св. Варлаамѣ; см. *Новогород. Лѣт.* стр. 73, 77, 136).

*Никон. Лѣт.* говоритъ, что въ 1177 году Князь Романъ Глѣбовичь избилъ многихъ Половцевъ; что они въ 1195 сдѣлали много зла въ области Рязанской, и что въ 1209 убитъ въ Кадомѣ Рязанскій Тысячскій Матвѣй Андреевичь. Татищевъ, прибавивъ къ послѣднему извѣстію нѣкоторыя обстоятельства, сказываетъ еще, что Новогородцы на мѣсто умершаго Архіепископа, Гавріила, по жеребью избрали Мартирія; что жена Рюрикова любила шить золотомъ для церквей; что Митрополитъ, по желанію Князей Рязанскихъ и согласію Рюрика, отдѣлилъ тогда Рязанскую Епархію отъ Черниговской, и что Арсеній поставленъ Епископомъ 26 Сентября. По *житію благовѣрнаго Князя Константина* и *сыновъ его, Михаила* и *Ѳеодора, Муромскихъ чудотворцевъ*, напечатанному въ Прологѣ (Маія 21), до самыхъ временъ Всеволода III язычество царствовало въ Муромѣ. Тамъ сказано, что Св. Глѣбъ, сынъ Владиміра Святаго, не могъ обратить Муромцевъ въ Христіанскую Вѣру, ни покорить ихъ, и жилъ верстахъ въ двухъ отъ сего города; что въ 1192 году *Князь Великій* Константинъ *Святославичь*, потомокъ Св. Владиміра, собравъ войско въ Кіевѣ, съ сыновьями Михаиломъ и Ѳеодоромъ осадилъ Муромъ и взялъ его; что въ жаркой битвѣ подъ стѣнами города убитъ Михаилъ; что Константинъ основалъ тамъ первую церковь Благовѣщенія, погребъ въ ней тѣло Михаилово, создалъ многія иныя церкви, выбралъ Епископа, просвѣтилъ весь народъ крещеніемъ, скончался и погребенъ въ той же церкви Благовѣщенія; что сродникъ его, Георгій Ярославичь, (въ XIII вѣкѣ) возобновилъ сей храмъ, и съ того времени мощи Константиновы и сыновей его начали славиться чудесами; что Царь Иванъ Васильевичь, въ 1553 году идучи съ войскомъ подъ Казань, жилъ въ Муромѣ 2 недѣли, и моляся надъ гробомъ Константина, обѣщался создать тамъ монастырь, который и былъ основанъ по взятіи Казани; что работники, копая рвы для новаго каменнаго храма, нашли нетлѣнныя мощи Константиновы и сыновей его; что сіи мощи положены въ каморѣ церковныя стѣны; что Царь прислалъ богатую утварь, и велѣлъ Рязанскому Епископу, Гурію, освятить новый храмъ. — Мы должны замѣтить для Читателей, что о Князѣ Константинѣ Святославичѣ совсѣмъ не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ; что отъ временъ Андрея Боголюбскаго до нашествія Татаръ господствовали въ Муромѣ потомки Ярослава Святославича, правнука Св. Владиміра, изъ коихъ ни одинъ не назывался Константиномъ; что отъ 1175 году до 1204 княжилъ тамъ Владиміръ Юрьевичь, а отъ 1204 до 1228 братъ его, Давидъ Юрьевичь. — Въ рукописномъ Житіи сего Константина, Муромскаго Чудотворца (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 214) прибавлено, что Муромъ имѣлъ прежде стѣны каменныя и *мраморныя*, отъ коихъ и названъ *Муромомъ*; что Константинъ ввелъ тамъ

истинную Вѣру въ 1223 году съ такими же обрядами, какъ Св. Владиміръ въ Кіевѣ; что идолопоклонники крестились въ Окѣ; что Св. Князь обращалъ ихъ то ласкою, дарами или облегченіемъ налоговъ, то угрозами; раздавалъ чиновникамъ села, а инымъ деньги и платье; что первая Муромская церковь Благовѣщенія создана въ *втаромъ вышнемъ городѣ,* а вторая была посвящена Борису и Глѣбу. Мы знаемъ, по современнымъ лѣтописямъ, что уже въ 1096 году находились Христіанскія церкви въ Муромѣ (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 178). Далѣе сказано: «Егда обрѣтоша мощи Св. Чудотворцевъ (Константина и сыновъ его), писали о томъ къ Москвѣ гости Муромскіе, Четвертакъ Сычевъ, да Семенъ Попяткинъ, къ Государю Царю Іоанну Васильевичу,» и проч.

Авторъ *Степенной Книги* (Ч. I, стр. 315) разсказываетъ, что въ княженіе Всеволода III юный Михаилъ, сынъ Всеволода Чермнаго, ѣздилъ лечиться въ Переславль Залѣсскій къ преподобному Никитѣ, жившему въ столпѣ; что Чудотворецъ жезломъ своимъ исцѣлилъ Князя; что Михаилъ на томъ мѣстѣ поставилъ крестъ съ надписаніемъ 6694 года (1186); что сей крестъ стоялъ тамъ еще и въ концѣ XVI вѣка, и проч.

(154) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 156. Татищевъ говоритъ о мнимой перепискѣ Константина съ Георгіемъ, и проч. — Въ харатейныхъ лѣтописяхъ междоусобіе братьевъ описано такъ: «(въ 1212) приходи Гюрги Князь съ Ярославомъ къ Ростову, и умиришася... Володимеръ (въ 1213) ѣха въ Москву. Приходи вотрое Гюрги съ Ярославомъ къ Ростову, и створиша порядъ съ Костянтиномъ, и идоста къ Москвѣ Гюрги съ Ярославомъ, и изведъ Гюрги Владимера изъ Москвы» и проч. Въ *Воскресенской:* «Костянтинъ нача рать замышляти на Георгія... Георгій же, не хотя его къ себѣ пустити, иде нань съ братьею, съ Ярославомъ, Володимеромъ и Іоанномъ... и умиришася (въ 1212 году)... Володимеръ бѣже въ Ростовъ къ Костянтину. Юрьи же съ братьею иде къ нимъ на снемъ (съѣздъ) и бывшимъ имъ у Юрьева и смиришася. Володимеръ отъ Костянтина иде на Волокъ, и оттолѣ посла и́ Костянтинъ на Москву... А Святославъ иде отъ Костянтина ко Юрьеви брату и дась ему Юрьевъ Польскый... Нача Костянтинъ (въ 1213 году) опять рать замышляти. Георгій же поима братью Ярослава, Святослава, Іоанна и Давыда Муромскаго, и идоша къ Ростову. Костянтинъ же посла полкъ свой на Кострому и пожьже ю всю, а люди изымаша. Юрьи же приде къ Ростову и бишася о рѣку Идшу (Вексу), и села пожгоша — и покончавше и крестъ цѣловаша, и поидоша къ Москвѣ на Володимера,» и проч.

Ниже о Димитріи-Владимірѣ: «посла и́ въ Руськый Переяславль на столъ *на отчину свою;*» а Татищевъ пишетъ, что Владиміръ долженъ былъ получить сію область отъ Всеволода Чермнаго.

Владиміръ поѣхалъ въ Переяславль въ 1213 году; а женился въ 1215 на дочери Глѣба Святославича, который по кончинѣ Рюрика сдѣлался Черниговскимъ Княземъ.

Далѣе: «Тогожь лѣта (1218) пріиде Володимеръ изъ Половецъ къ братьѣ своей, и даша ему Стародубъ и ину властьцю.» Сей городъ былъ ниже Владиміра 60 верстъ: см. *Больш. Чертежъ,* стр. 201. — Татищевъ вымыслилъ обстоятельства того несчастнаго сраженія, въ которомъ Половцы взяли въ плѣнъ Владиміра. *Никон. Лѣт.* упоминаетъ о двухъ убитыхъ богатыряхъ сего Князя, Иванѣ и Димитріи.

(155) См. выше, примѣч. 133. Вѣроятно, что Рюрикъ умеръ не за-долго до изгнанія его наслѣдниковъ изъ Кіевской области въ 1214 году (см. *Новогородск. Лѣт.*) Татищевъ называетъ сего Князя пьяницею, лѣнивымъ и проч.; а Лѣтописецъ сказываетъ совсѣмъ противное (см. выше, примѣч. 153, подъ годомъ 1198). По *Новог. Лѣт.* Всеволодъ Чермный говоритъ сыновьямъ и племянникамъ Рюриковымъ: «братья моя есте *два* Князя повѣсили вы въ Галици,» и проч. Основаніемъ клеветы было, кажется, то, что внучатные братья и союзники ихъ, сыновья Ярослава Луцкаго, участвовали въ возведеніи на престолъ Даніила, при коемъ случилось сіе злодѣйство въ Галичѣ. — Старшій Рюриковъ сынъ, Ростиславъ, зять Всеволода Великаго, тогда же или скоро умеръ: объ немъ не упоминается болѣе.

(156) Въ лѣто 6721 (1213) въ Петрово говѣніе изъѣхаша Литва безбожная Пльсковъ и пожгоша.» О причинѣ Владимірова изгнанія сказано въ Liefl. Chronik, I, 97. Напрасно искавъ защиты Полоцкаго Князя, онъ уѣхалъ въ Ригу.

См. о Всеволодѣ Борисовичѣ *Новог. Лѣт.* стр. 79. Сей Князь былъ сынъ Бориса Романовича (см. выше, примѣч. 95).

(157) См. Грубер. Liefl. Chronik, I, 98, 121. Сіе было въ 1214 году.

(158) «Иде Князь (въ 1214 году) на Чудь на Еревy» (Ервенъ, гдѣ нынѣ Вейсенштейнъ) «къ морю; села ихъ потрати и осѣкы (засѣки) ихъ взьма.» См. Liefl. Chr., I, 95, и *Новог. Лѣт.* 79. Нашъ Лѣтописецъ несогласенъ съ Ливонскимъ въ одномъ лѣтосчисленіи: послѣдній вездѣ отстаетъ тремя и четырмя годами. — Въ *Новогор. Лѣт.* Давидъ Торопецкій названъ только братомъ Владиміра Псковскаго: вѣроятно, что Мстиславъ родился отъ первой супруги Мстислава Храбраго, а Давидъ и Владиміръ отъ второй.

(159) «Камо, Княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вржемъ» (вержемъ). Татищевъ прибавляетъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сказывая, на примѣръ, что Новогородцы не хотѣли быть подъ начальствомъ Мстислава Романовича, и для того воротились-было съ дороги. — Мстиславъ выступилъ изъ Новагорода Іюня 8, въ 1214 году.

(160) Въ *Новогородской:* «Взяша Рѣчици» (Рѣчицу, городъ Минск. Губерніи) «и иные по Днѣпрю города Черниговскыя, и придоша подъ Вышегородъ, и начаша ся бити, и одолѣ Мстиславъ, и яша 2 Князя, Ростислава Ярославица и Ярополка, брата его, внука Олгова; и Вышегородци поклонишася, отвориша врата; а Всеволодъ изъ Кыева выбѣже за Днѣпръ — и поклонишася Кыяне, и посадиша Кыевѣ Мстислава Романовиця, внукъ Ростиславль. Идоша къ Чернигову, и стоявше 12 дній, взяша миръ и дары.» Въ *Воскресенской:* пойде Мстиславъ Романовичь изъ Смоленьска на Кыевъ съ братьею, съ Володимеромъ Рюриковичемъ, и Костянтинъ и Мстиславъ Давыдовичи, и Мстиславъ Мстиславичь изъ Новагорола и Ингварь Ярославичь изъ Лучьска... Всеволодъ же (Чермный) бѣже за Днѣпръ, и мнози людіе истопоша во Днѣпрѣ... Идоша по немъ Князи къ Чернигову и оступиша во градѣ Глѣба, брата его; а Всеволодъ преставися — и стояша около града 3 недѣли, и много зла сотвориша, и пригородъ пожгоша и села — и потомъ управившися и цѣловавши крестъ межъ собою разидошася, и сѣде въ Кыевѣ Ингварь Ярославичь, а Мстиславъ Романовичь въ Вышегородѣ, а Мстиславъ Мстиславичь иде къ Новугороду. Потомъ же даша Кіевъ Мстиславу Романовичю, а Ингварь опять иде къ Лучьску.» Сей Ингварь, внукъ Изяслава II, княжилъ и прежде въ Кіевѣ, въ 1202 году. По *Воскресен. Лѣт.* Мстиславъ ходилъ къ Кіеву еще въ 1212 году; но лѣтосчисленіе *Новогородскаго* кажется

вѣрнѣе: см. выше, примѣч. 159. Татищевъ вымышляетъ кровопролитную битву въ полѣ, и проч.

(161) «Послаша по Ярослава Гюргя Иванковиця Посадника и Якуна Тысяцкаго и купць старѣйшихъ 10 мужь. И выде Ярославъ въ Новгородъ, и усрѣте и̂ Архіепископъ Антонъ» (Татищ. пишетъ: 3 Мая). Сей Князь былъ прежде женатъ на Княжнѣ Половецкой (*Воскресенск.* II, 141). Въ харатейной *Пушкин.* и *Троиц.* лѣтописи сказано, что Новогородцы *выгнали* Мстислава въ 1216 году. Мы болѣе вѣримъ *Новогородской*. Татищевъ изобрѣтаетъ здѣсь подробности.

Далѣе: «Ярославъ я Якуна Зуболомиця, а по Ѳому посла по Доброщиниця, по Новоторжскій Посадникъ, и оковавъ потоци и̂ на Тъхверь, и по грѣхомъ обади (оклеветалъ) Ѳедоръ Лазутиниць и Иворъ Новотържьць Якуня Тысяцкаго Намѣѣжиця. Князь же створи Вѣче на Ярославли Дворѣ. Идоша на дворъ Якунь, и разграбиша, и жену его яша; а Якунь заутра иде съ Посадникомъ къ Князю и Князь повелѣ яти сына его, Хросфора (Христофора) Маія въ 21. Тогда же на Сборъ убиша Пруси» (жители Прусской улицы) «Овстрата и сынъ его Лугошу, и ввъргоша и̂ въ гребдю мьртвъ. Князь же о томъ пожали (жаловался) на Новгородьцы... «Пойде Князь на Тържькъ, поймя съ собою Твьрдислава Михалковиця, Микифора Полюда, Сбыслава Смена, Ольску и много Бояръ, и одаривъ присла въ Новгородъ, а самъ сѣде на Трожку.»

Далѣе: «Той же осени много зла ся створи: поби мразъ обилье по волости, а (въ) Трожку все чѣло (цѣло) бысть. И зая Князь *вьршь* (жито) на Трожку; не пусти въ городъ ни воза. И посласша по Князя Смена Борисовиця, Вячеслава Климятиця, Зубца Якуна, и тѣхъ прія... Кадь ржи купляхуть по десяти гривенъ, а овса по три гривнѣ, а рѣпѣ возъ по двѣ гривнѣ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 527)... Дѣти свое даяхуть *одьрень*» (не *даромъ*, но въ крѣпость: смыслъ сего выраженія объясненъ въ Новогородскихъ грамотахъ XIII и XIV вѣка). «И поставиша скудельницю и наметаша полну. О горе бяше! по търгу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю трупіе; не можаху пси изъѣдати человѣкъ. А Вожане» (жители Водской Пятины, гдѣ нынѣ Ораніенбаумъ) «помроша, а останекъ разъидеся... Новгородци же, останекъ живыхъ, послаша Гюргя Иванковиця Посадника и Степана Твьрдиславиця и ины мужа по Князя: и тѣхъ прія, а въ Новгородъ приславъ Иворанча Поноса, выведе Княгыню свою къ собѣ, дчерь Мстиславлю. И послаша Мануилу Яголчевыча съ послѣднею рѣчью,» и проч.

(162) «И я Хота Григоревиця, Намѣстника Ярославля, и всѣ Дворяны искова... И посла Мстиславъ на Тържькъ Попа Гюргя Св. Іоанна на търговищи» (отъ церкви, бывшей на торговой площади). Татищевъ говоритъ (согласно съ однимъ *Никоновск. Лѣтописцемъ*), что Новогородцы *сами призвали* Мстислава; что онъ едва согласился исполнить ихъ волю, и просилъ зятя своего, Ярослава, жить честно съ женою, не давать ее въ обиду наложницамъ или отпустить къ отцу; что Константинъ совѣтовалъ Ярославу освободить захваченныхъ имъ Новогородцевъ, и проч.

Далѣе: «Изгошише (устроилъ Ярославъ) твьрдь, а пути отъ Новагорода всѣ засѣкоша, и рѣку Тьхверцю, а въ Новгородъ въсла 100 мужь Новгородьць Мстислава провaживати изъ Новагорода.»

Далѣе: «Новгородце съзва (Ярославъ) на поле за Тржькъ въ Мясопустную Субботу, вся посла исковавъ по своимъ городомъ, и проч.

(163) «Да не будетъ Новый Търгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържкомъ,» и проч. — Къ Ярославу бѣжали тогда изъ Новагорода *Володиславъ Завидиць*, *Гаврила Игоревиць*, *Гюргій Ольксиниць*, *Гаврилць Милятиниць*, съ женами и съ дѣтьми.

О Владимірѣ Псковскомъ см. Liefland. Chronik, I, 104 — 107. Тесть Владиміровъ, Дитрихъ, братъ Епископа Альберта, отдалъ ему въ управленіе Идумейскую область (между Ригою и Венденомъ); но какъ его господство не нравилось Ордену, то Владиміръ уѣхалъ въ Россію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возвратился съ женою и съ сыновьями, принялъ опять начальство надъ Идумеею, жилъ въ замкѣ Метимнѣ, судилъ народъ и старался всѣми способами умножать казну свою. Одинъ изъ тамошнихъ Священниковъ, именемъ Алобрандъ, недовольный его корыстолюбіемъ, сказалъ ему: «Государь! ты долженъ судить людей право, а не утѣснять ихъ. Отнимая послѣднее у бѣдныхъ, можешь ли утвердить здѣшній народъ въ Христіанской Вѣрѣ?» Князь разсердился и съ гнѣвомъ ему отвѣтствовалъ: «Алобрандъ! я заставлю тебя подѣлиться со мною собственнымъ твоимъ богатствомъ.» Владиміръ опять уѣхалъ въ Россію, и сдержалъ слово, данное имъ Священнику, какъ увидимъ послѣ (ниже, примѣч. 200).

(164) «Мѣсяца Марта въ 1 день, Вторникъ по Чистѣй недѣли (первой Вел. поста) пойде Мстиславъ на зять свой... Серегеремъ (озеромъ Селигеромъ), и внide въ свою волость» (Торопецкую, гдѣ онъ прежде княжилъ) «и рече Новгородцемъ: идете въ зажитія» (впередъ, для заготовленія съѣстныхъ припасовъ): «толико головъ не емлете» (только людей не плѣняйте). «Идоша, исполнишася кърма и сами и кони... Осѣлъ Святославъ Ръжевку, городьць Мстиславль, съ пълкы въ 10 тысячь. Мстиславъ же съ Володимеромъ съ Пльсковскымъ пойде въ бързѣхъ (скоро) въ 5 сътъ: толико бо всѣхъ вой бяшеть; и пригони, они побѣгли прочь, а Ярунъ бяше затворился въ градѣ въ 100, и отбися. Мстиславъ пойде и взя Зубьчевъ, и быша на *Возусѣ* (рѣкѣ Возузѣ) и приде Володимеръ Рюриковичь съ Смолняны, и идоша по Волзѣ воююче, и рекоша ему: пойди къ Торожку. Рече же Мстиславъ и Володимеръ (Рюриковичь): пойдемъ къ Переяславлю; есть у наю *третій* другъ (Константинъ). И не бѣ вѣсти, гдѣ Ярославъ... И наѣхаша на Яруна сторожи за Тхверью Ярославли, и пособи Богъ Яруну, и многы побиша, а иныхъ изъмаша; и бы вѣсть на Ярослава» (получили извѣстіе объ немъ), «и поидоша по Волзѣ воююче, и пожгоша Шешю (Шошу), Дубну и Кснятинъ» (село Скнятино, на устьѣ Нерли) «и все Поволожье. И устрѣте Еремей отъ Князя Костянтина съ любовью и съ поклономъ; поидоша къ Переяславлю, и быша на Городищи» (селеніе Городищево въ Переславск. Округѣ) «на рѣцѣ Саррѣ (Серѣ) у Св. Маринѣ въ Вел. Субботу Апр. 9, и приде Костянтинъ съ Ростовци, и хрестъ цѣловаша. Ярославъ же пойде съ Торожку, поимавъ старѣйшіе мужи съ собою Новгородстіи и молодыхъ изборомъ (выборомъ), а Новоторжци вси; и приде Переяславлю, и скопи волость свою всю, а Гюрги свою (въ) Володимери такоже, а Святославъ такоже.» Въ *Воскресен. Лѣт.* и другихъ прибавлены слѣдующія обстоятельства: «Присла къ нему (Ярославу) въ помощь братъ его Юрьи Святослава и Михаила Борисовича Воеводу съ полкомъ своимъ; а Костянтинъ присла сына своего, Всеволода, и начаша воевати волость Торопецкую» (слѣдственно Константинъ тогда еще притворно держалъ сторону своихъ братьевъ). Далѣе: «и послаша (Мстиславъ и Владиміръ Смоленскій) на Торжекъ ко Ярославу о миру, а сами сташа на Холохольнѣ» (мѣсто неизвѣстное близь Волги въ

288

Тверск. Губерніи) (*). «Ярославъ же отвѣща: мира не хощу; пошли есте, пойдите жь» (въ *Никон. Лѣт.: и заяцъ на кровь ходитъ);* «но ни сту не достанется одинъ васъ. Князи рѣша (Новогородцамъ): аще пойдемъ къ Торжьку, то испустошимъ Новгородьскую волось. И пойдоша ко Тфери, и пожгоша села... Ярославъ же иде съ Торжьку во Тферь... и посла 100 мужъ во сторожу. Они же отшедше за 15 верстъ и явишася: ту бо стояху Князи (Новогородскій и Смоленскій) и творяста рать велику. Посла же (Мстиславъ) Яруна противу имъ на сторожу, и погна Ярунъ Ярославлихъ сторожевъ, и изымаша ихъ 33, а 7 убиша. Се же бысть на Благовѣщеніе; и тогда бысть вѣсть, что Ярославъ во Тфери, и тако ѣздяху въ зажитіе не боящеся. И оттолѣ послаша Волода, Боярина Володимеря, ко Князю Костянтину, а Володимера Пьсковьскаго съ Пьсковичи и со Смоляны на рубежь приводить й, а сами съ Новгородци по Вользѣ пойдоша; а Володимеръ со Псковичи взяша городокъ Коснятинъ. И срѣте Княжь Костянтинъ Воевода Еремей Мстислава и рече: Князь Костянтинъ кланяется вамъ. Азъ радъ, слышахъ приходъ вашъ; а се въ помочь вамъ 500 мужій рати; а ко мнѣ пришлита со всѣми рѣчми Всеволода (Мстиславича, Романова внука) шурина моего. Они же оттолѣ отрядиста Всеволода... а сами пойдоша по Вользѣ, и возы пометавше пойдоша на коняхъ къ Переяславлю... и отрядиша» (когда уже Князь Ростовскій соединился съ ними) «Володимера Пьсковьскаго въ Ростовъ» (за чѣмъ же?) — «а сами сташа противу Переяславлю въ Ѳомину Недѣлю; и яша человѣка, и испыташа, оже Ярослава въ городѣ нѣтъ, но пошелъ бяше къ Юрью съ полкы. Юрьи же Всеволодичь со Святославомъ и съ прочею братьею вышли бяху изъ Володимеря, и полци бяху съ ними силни. Муромци и *Бродници* (см. Т. II, примѣч. 302) и Городчане и вся сила Суздальской земли: погнано бо бяше изъ поселей (деревень и до пѣшецъ.» — О неважныхъ прибавленіяхъ Татищева не упоминаю. Онъ называетъ здѣсь Владиміра *Псковскаго* шуриномъ Константина: чего нѣтъ въ лѣтописяхъ.

(165) «Бяше бо у Князя Юрья стяговъ 17, а трубъ 40, толикоже и бубновъ; а у Ярослава стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60» (Синод. библіот. № 46). — Къ Георгію ѣздилъ посломъ Сотскій Ларіонъ.

(166) *Никоновск. Лѣт.* называетъ сего боярина Андреемъ Станиславичемъ, другіе Творимиромъ.

(167) «Се пришелъ вы товаръ въ руки. Вамъ же будуть брони, кони и порты; а человѣка кто иметь живаго, тотъ самъ будеть убитъ. Аще и золотомъ шито оплечье будеть, то убей, да не оставимъ ни единаго живаго. Аще кто изъ полку (сраженія) утечеть не убитъ, а имемъ его, ино тѣхъ вѣшати или распинати.» Сіи подробности (отчасти не весьма вѣроятныя) находятся въ лѣтописяхъ Библіотеки Синодальной (№ 365 въ четверку, и № 46 въ листъ). *Никон. Лѣт.* еще прибавляетъ отъ себя разныя глупости, и не понялъ нѣкоторыхъ выраженій въ старыхъ лѣтописяхъ.

(168) Святослава Всеволодовича. — О битвѣ въ *Воскресенск.* и другихъ: «почаста позывати къ Липицамъ на бой.» Въ *Новогород. Лѣт.* сказано, что Мстиславъ и Константинъ стояли на *рѣкѣ Липицѣ*. Далѣе: «Оплетено бо бѣ мѣсто то плетенемъ и насовано колья... Есть гора, словеть Авдова: ту поставиша, Юрьи и Ярославъ, свои полки, а Мстиславъ и Костянтинъ на другой горѣ, еже словеть Юрьева гора; а ручай посредѣ горы тоя: имя ему Тунегъ.» — Георгій по *Никон. Лѣт.* отвѣтствуетъ Мстиславу на вызовъ: «пойдите убо чрезъ болонье и чрезъ дебрь сію: обычно бо есть свиніямъ по дебрямъ ходити и корасямъ въ грязяхъ валятися:» чему подобны и другіе вымыслы сего Лѣтописца.

Всеволодъ, сынъ Мстислава Романовича, находился также съ Новогородцами.

Далѣе въ *Новогородской:* «И рекоша Новгородчи: Княже! не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на Кулачьскѣ пѣши. Мстиславъ поѣха за ними на конихъ.» Въ *Воскресенской* и другихъ: «а къ боеви пойдете, кто како хощетъ, ли пѣшъ, ли на конехъ,» говоритъ Мстиславъ, а Новогородцы отвѣчаютъ: «на конехъ не ѣдемъ, и проч.

Далѣе: «И егда бѣ полкъ Иворовъ (Воеводы Смоленскаго) въ дебри, подчеся подъ Иворомъ конь... Князь же Мстиславъ проѣха трижды сквозь полкы Юрьевы и Ярославли сѣкущи люди: бѣ бо у него топоръ съ *проворозою* (привязью?) на руцѣ, и тѣмъ сѣчаше; такожь Князь Володимеръ.» — *Никон. Лѣт.* прибавляетъ: «И пріиде на него Александръ Поповичь, имѣя мечь нагъ, хотя разсѣщи его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи глаголя: азъ есмь Князь Мстиславъ!... И рече ему Поповичь: то ты не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убіенъ будеши, камо (другимъ) дѣти?» Сей же лѣтописецъ говоритъ выше, что Александръ Поповичь, слуга его Торопъ, Добрыня Резаничь *Златый Поясъ* и Нефедій Дикунъ были витязи Константина Всеволодовича; но въ другихъ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ объ нихъ не упоминается.

Далѣе: «И вергше кіи (дубины), а иніи топоры, побѣгоша (Ярославовы воины) — и подтяша (подсѣкли) стягъ Ярославовъ, и пристиже Иворь съ Смоляняны, и досѣкошася другаго стяга Ярославля,» и проч. — Въ *Новогородской:* «и узрѣ Ярославль полкъ побѣгшь Гюрги, и тъ (тотъ) вда плече.» Мы слѣдуемъ сей лѣтописи; а въ другихъ сказано, что Ярославъ стоялъ съ Муромцами, Городчанами (жителями Городца Волжскаго) и съ *Бродниками* противъ Владиміра Смоленскаго, Георгій противъ Мстислава, а меньшіе ихъ братья противъ Константина. Татищевъ вымышляетъ подробности битвы, и представляетъ Константина главнымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Далѣе: «А Смоляне нападоша на товаръ и одираху мертвыя — бяше бо слышати крикъ не до смерти убитыхъ въ Юрьевѣ городѣ; не бѣ кто погребая мертвыя. Мнози истопоша въ рѣцѣ; а иніи ранены изомроша.

Число убитыхъ означено мною по *Воскресен. Лѣт.*, гдѣ прибавлено, что Новогородцевъ убито только 5 человѣкъ, да одинъ Смолнянинъ; а въ *Никонов.* сказано: «убиша на томъ бою (кромѣ иныхъ) Новгородцевъ сильныхъ зѣло Іева Поповича и слугу его Нестора, вельми храбрыхъ, и плакася о нихъ Мстиславъ Мстиславичь; и бысть всѣхъ убито Новгородцевъ и Смольнянъ и Ростовцевъ и Псковичь, кромѣ пѣшцевъ, 550 (у Татищ. 2550), а Великаго Князя Юрья и братьи его воинства избито 17,200 кромѣ пѣшцевъ.» Въ *Новогородской:* «на томъ побѣдивши Гюргевыхъ и Ярославлихъ вой паде безъ числа, и Новгородьць убиша на ступѣ (въ битвѣ) Дмитра Плсковичина, Антона котельника, Иванка Прибышиница опоньника (дѣлателя опонъ), а въ загонѣ Иванка Поповица, Сьмьюна Петриловица, Тьрьскаго данника» (Терскаго собирателя дани).

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Ходохольня рѣчка, близь Старицы, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(169) Въ рукописныхъ (Синодал. библ. No. 365): «Ярославъ прибѣгъ одинъ въ Переславль на пятомъ конѣ, а 4 задушилъ. Еще бо не насытился крови: изыма Новгородцы и Смолняне, иже бяху зашли гостьбою, и повелѣ ихъ вметати въ погребы, а иныхъ въ *гридницю*, и издуши ихъ 150 человѣкъ, а Смолнянъ 15 не изомроша» (такъ и въ *Воскр.*).

О Георгіи: «Прибѣже въ Володимерь о полудни на четвертомъ кони, а трехъ одуши, въ первой сорочици; а подкладъ (войлокъ подъ сѣдломъ) и то выверглъ» (Синодал. библ. No. 46 и 365).

(170) «Князь же Мстиславъ, до Хрестьянъ добрый, день стояще на побоищѣ. Аще быша гонилися по нихъ, то Князю Юрью и Ярославу не уйти было, а градъ бы Володимерь изгонили (взяли неожидаемо); но тихо пріидоша къ Володимерю» (Синод. библ. No. 365).

Далѣе въ *Новогород.*: «той нощи загорѣся городъ и Княжь дворъ, и хотѣша Новгородци полѣзти къ городу, и не да имъ Князь Мстиславъ.» Въ *Воскресенской:* Придоша (ко Владиміру) въ Недѣлю рано, и загорѣся въ городѣ... Во Вторникъ во вторы часъ нощи опять загорѣся градъ и горѣ до свѣта. Смолняне же просяхуся взяти градъ, и не пусти ихъ Князь Володимеръ.» Татищевъ, желая вездѣ хвалить Константина, говоритъ, что сей Князь, а не Мстиславъ, удержалъ воиновъ отъ приступа. См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 165, и выше, примѣч. 13.

(171) Іоаннъ, Епископъ Суздальскій, Ростовскій и Владимірскій, въ 1214 году отказался отъ Епархіи, и (какъ сказано въ лѣтописяхъ) *пострижеся въ Чернци въ монастыри въ Боголюбомъ*. Тогда Константинъ отправилъ духовнаго отца своего Пахомія, Игумена Петровскаго, въ Кіевъ, и Митрополитъ Матѳей поставилъ его Епископомъ Ростову (Ноября 1). Когда же Пахомій (въ 1215 году, Генв. 28) пріѣхалъ въ Ростовъ, Георгій захотѣлъ имѣть особеннаго Епископа и выбралъ Симона, бывшаго Игуменомъ въ обители Рожественской; а Кіевскій Митрополитъ посвятилъ его. Въ современной лѣтописи названъ Симонъ (умершій Схимникомъ въ 1226 году, Маія 22) *учительнымъ и милостивымъ*. Тѣло его было погребено въ Соборной Владимірской церкви: какимъ же образомъ очутилось въ Кіевской пещерѣ (гдѣ его показываютъ), не знаю. О сочиненіяхъ сего Епископа см. въ *Патерикѣ* (*л.* 196 и 201 на об.), гдѣ напечатано и посланіе его къ Поликарпу, но выпущены самыя любопытнѣйшія мѣста, или все историческое, касающееся до характера и жизни Поликарповой; на примѣръ слѣдующія, найденныя мною въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ (Синодалн. Библ. No. 163): «Довольно же ти буди, брате, твоего *круподушія* (надменности, величанія) сътвореное дѣло; тѣмъ же ти плакатись подобаеть, да прощенъ будешн, яко оставивъ святый и честный монастырь и Свв. отецъ Антонія и Ѳеодосія и Свв. Черноризецъ, иже съ нима, и ялся еси игуменити у Святою Безмездннку. Добрѣ еси сътворилъ, лишився таковаго начинанія пустошнаго, и не далъ еси плещу врагу своему... Не вѣси ли, яко древо часто напаяемо скоро исшетъ (изсохнетъ)? Овча, пребывая въ стадѣ, не врежена будеть... Что ради въсхотѣлъ еси изыти отъ святаго и спасенаго того мѣста, въ немъ же дивившеся всякому хотящему спастися? Мню, брате, яко Богъ створи се, не терпя твоея гордости, низверже тя, якоже преже Сатану со отступными силами, зане не въсхотѣлъ еси служити святому мужеви, своему господину, а нашему брату *Архимандриту* Анкидину, *Игумену* Печерьскому. Печерьскый монастырь море есть: не держить въ себѣ гнилого, но измещеть вонъ. А еже вписалъ ми еси досаду свою, лютѣ тебѣ, яко погубилъ еси душу свою. Въпрошаю тебе, чимъ хощеши спастися? аще постникъ еси, или *трезвитель* о всемъ и нищь, безъ сна пребывая, а досады не терпя, не получишь спасенія. Но радуется о тебѣ Игуменъ и вся братія, и мы вѣсть слышавше, и вси утѣшихомся о обрѣтеніи твоемъ, яко погиблъ бѣ и обрѣтесь. (Но) попустихъ и еше (вторично) твоей воли быти, а не Игуменѣ (не волѣ Игумена): въсхотѣлъ еси паки игуменити у Св. Димитріа, а не былъ тебе принудилъ Игуменъ, или Князь, или азъ. И се уже искусился еси: разумѣй, брате, яко не угодно Богу твое старѣйшиньство, и сего ради дарова ти оскудѣніе очію (слабость зрѣнія)... разумѣхъ тя санолюбца, и славы ищеши отъ человѣкъ... Сущимъ отъ Бога не хощеши *повѣнутися* (повиноваться), и мыслиши высочайшая... Пишеть же ми книги (письма) Княгиня Ростиславля» (супруга Ростислава Рюриковича, дочь Вел. Князя Всеволода III) «Верхуслава, хотящи тебе поставити Епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или *Юрьеву* на *Олексіево* мѣсто: *аще ми и тысяща сребра* (слова Княгини) *расточити тебе ради и Поликарпа ради.* И рѣхъ ей: дщи моя *Анастасіе!* дѣло не богоугодно хощеши сътворити. Абы пребылъ въ монастыри неисходно съ чистою съвѣстію... то не токмо бы въ Святительскую одежду оболченъ, но и Вышняго Царьства достоинъ бы былъ... Аще бы ты былъ достоинъ таковаго сана, не быхъ тя пустилъ отъ себе; но своима рукама Намѣстника тя поставилъ быхъ въ обѣ Епископьи, Володимерю и Суздалю, яко же Князь Георгій хотѣлъ, но азъ ему възбранилъ, видя твое веледушіе (гордость)... Азъ бы радъ оставилъ Епископьство и работалъ Игумену, *но вѣси, кая вещь держить мя;* и кто не вѣсть мене грѣшнаго Епископа Симона и сея Зборныя (Соборныя) церкви красоты Володимерскія и другія Суздальскія, юже самъ создалъ! Колико имѣета градовъ и селъ! и десятину збираютъ по всей земли той; а тѣмъ всѣмъ владѣеть наша худость. Предъ Богомъ ти молвлю: всю сію славу и власть яко калъ мнѣлъ быхъ, аще бы ми тресксю (коломъ) торчати за враты или сметіемъ (сромъ) валятись въ Печерскомъ монастыри и попираему быти человѣки, лучьши есть чести временныя. День единъ въ дому матере Божія паче 1000 лѣтъ, въ немъ же волилъ быхъ пребывати, паче неже жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ.» Сей Поликарпъ, описатель житія Печерскихъ Угодниковъ, здравствовалъ, какъ видимъ, и былъ простымъ Монахомъ Лавры во время Епископства Симонова, отъ 1215 до 1226 года: слѣдственно онъ не Архимандритъ Поликарпъ, умершій въ 1182 году (см. выше, примѣч. 153): чего не зналъ Авторъ Поликарпова житія, писаннаго въ новѣйшія времена (см. *Патерикъ*).

Татищевъ безъ всякаго основанія называетъ Епископа Симона Лѣтописцемъ.

(172) Въ *Воскресен. Лѣт.*: «Костянтинъ иде въ Володимерь, и срѣтоша й за градомъ весь Священническій чинъ и людіе вси... и въ той день Костянтинъ одари Князи и Бояре.» Въ *Новогородской*: «посадиша Новгородци:» а въ другихъ: «*посадише* Мстиславъ Костянтина на столѣ отни» (отеческомъ). — Далѣе въ *Воскресенской:* «Князи же здумавше поидоша къ Переаславлю въ Пятокъ 3 недѣли по Пас... Во Вторникъ же 4 недѣли выйде (Ярославъ) изъ града и удари челомъ Костянтину... А Мстиславъ не иде къ городу, и посла по дщерь свою, и выйде въ станъ за городъ. Ярославъ же многажды сылая съ мольбою къ Мстиславу, прося своея Княгини: Князь же

Мстиславъ не дась ему.» Татищевъ выдумалъ Константинову и Мстиславову рѣчь.

(173) См. *Воскресенск. Лѣт.*: «и води его (Георгія) ко кресту и одаривъ дары многими.» Георгій въѣхалъ въ Суздаль Сент. 11, по *Воскресенск. Лѣт.*

(174) «Пойде Мстиславъ Кыеву, остави въ Новѣгородѣ Княгыню и сына своего, Василія, и поя съ собою Гюрга Иванковиця, Сбыслава Степаниця, Ольку Путиловиця.»

Современный Ливонскій Лѣтописецъ (Liefländ. Chronik I, 125) говоритъ, что Россіяне, соединясь съ Эзельцами и Чудью, имѣли около 20,000 воиновъ; что они бросали мертвыя тѣла въ рѣку, текущую у подошвы горы, на коей стоялъ Оденпскій замокъ, дабы осажденные не могли брать воды для утоленія своей жажды; что Нѣмцы терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и что голодныя лошади Рыцарей *отгрызали хвосты* одна у другой. Сіе происходило въ 1217 году.

По сказанію Ливонск. Лѣтописца, Владиміръ хотѣлъ везти тестя своего во Псковъ, но воины Новогородскіе силою увели Дитриха съ собою.

(175) «Князь же Мстиславъ приде въ Новгородъ безъ нихъ» (т. е. когда войско еще находилось въ Чудской землѣ) «и я Станимира Дърновиця съ сыномъ Нездиломъ и оковавъ потоци, и товаръ пойма безъ числа, и опять пусти... Приде Мстиславъ (въ 1218 году) на Тържекъ и я Борислава Некуришница, и поимавъ товаръ многъ и пусти и́. Тъгдажь разболѣся Княжицъ Василій Мстиславичь на Търожку, и превезоша и́ въ Новгородъ мертвъ, и положиша у Св. Софіи въ головахъ у дѣда въ Св. Богородицѣ.» — Татищевъ пишетъ, что Мстиславъ, будучи въ Кіевѣ, посылалъ Боярина въ Галичь къ Коломану.

(176) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Галичане выгнаша Данилову матерь... Данилъ же не хотѣ отстати матере своея и плакашеся... и пріѣхалъ Александръ, Тивонъ (Тіунъ) Щюмавинскый, и я за поводъ; онъ же *измокъ* (извлекъ) мечь и тя его, и потя конь подъ нимъ; мати же вземше мечь изъ руку, умоливши его, остави въ Галичи, а сама иде въ Белзъ, остави у невѣрныхъ Галичанъ Вълодиславлимъ съвѣтомъ, хотяще бо княжити сами. Увѣдавъ же Король о изгнаніи ея, съжалися. Зимѣ же бывши, пріиде Король въ Галичь и приведе ятровь свою, Вел. Княгиню Романову, и Бояре Вълодимерскіи и Ингварь пріиде изъ Луцка и инии Князи. Съвѣтъ сътвори съ ятровью и съ Бояры Вълодимерскыми, и рече имъ: Вълодиславъ княжится; а ятровь мою выгналъ. Яту бывшю Володиславу, и Судиславу, и Филипу, и мученъ бывшю, много имѣніа давъ. Судиславъ же въ *злато премѣнися*, рекше много злата давъ избавися. Володислава оковавше ведоша въ Угры... Яволоду же и Ярополку, брату его, бѣжавшю въ Пересопницу къ Мьстиславу, възведоша Мьстислава, и пріиде Мьстиславъ съ ними къ Бозку (Бужску). Глѣбъ же Потковичь избѣже изъ Бозку и Станиславичь Иванко, и братъ его Збыславъ прибѣгоша въ Галичь, повѣдающе рать и оступленіе Галичанъ. Княгини жь Романова съ сыномъ своимъ Даниломъ и съ Вячеславомъ Толстымъ бѣжа въ Угры, а Василько съ Мирославомъ ѣха въ Белзь. Времени же минувшю, Король спѣаше рать велику. Въ тожь лѣто пріиде Лестко, убѣженъ Олександромъ (Олександръ же хотя зла Романовичема) и пріа Белзъ, и дасть Олександру; а Бояре не изневѣришась, но идоша вси съ Кияземъ Василкомъ въ Каменецъ. Король же пусти Володислава ... и иде на Галичь. *Ставше же въ монастыри Лелесовѣ, невѣрніи же Бояре хотѣша его убити*, и убиша же жену его; а *шюринъ* его одва *утече*: Патріархъ *Явлейскій*» (Еврейскій или Рабскій Епископъ?) «и мнози *Нѣмци избиты* быша; а друзіи разбѣгошась. Мятежю жь бывшю, Королеви не могшю войны учинити за беззаконіе ихъ.» (Сіе извѣстіе важно для Исторіи Венгерской, въ которой убіеніе Королевы Гертруды въ 1213 году есть случай темный: см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 201. Свидѣтельство одного современнаго Лѣтописца, приводимое Праемъ, доказываетъ истину нашего. Regina Gertrudis Hungarorum, говоритъ онъ, *sponso expeditionem contra Ruthenos movente*, a Comite quodam Petro trucidatur). «Володиславу ѣхавшю папередъ съ всѣми Галичаны, Мьстиславъ бо (Нѣмый), увѣдавъ Королеву рать велику, избѣже изъ Галича. Володиславъ же ѣха въ Галичь, и вкняжися, сѣде на столѣ» (безъ сомнѣнія по волѣ Короля: ибо увидимъ ниже, что у Владислава было Венгерское войско, и что Андрей хотѣлъ мстить Герцогу Лешку за нападеніе на сего Правителя Галиціи). «Данилъ же отъиде съ матерью въ Ляхы, отпросився отъ Короля. Лестко же пріа Данила съ великою честію и оттуду иде въ Каменецъ съ матерью. Братъ же его Василко и Бояре срѣтоша и́ съ великою радостію. Въ та же лѣта княжаше Всеволодъ въ Кыевѣ Святославичь, имѣа велику любовь къ дѣтямъ Романов. Потомъ же Мьстиславъ Пересопницкій, *посадивъ Лестька*, пойде въ Галичь.» (Не весьма ясно: то ли, что Мстиславъ Нѣмый уступилъ Пересопницу Герцогу Лешку, или призналъ себя его подручникомъ? Слово *посадивъ* не есть ли здѣсь описка вмѣсто другаго?) «Лестько жь поя Данила съ Каменца, а Олександра изъ Володимеря, а Всеволода (Александрова брата) изъ Белза... Бѣша бо вои Даниловы болшіи и крѣпльшіи, Бояре Велицін отца его вси у него. Видѣвъ бо Лестько се, поча имѣти любовь велику къ Данилу и брату его. Затворивша же ся Ярополкъ и Яволодъ въ Галичи, а Володиславъ выиде съ *Угры* и *Чехи своими*, и събра вся Галичаны, и пріиде на рѣку Бобрьку... и Лестько посла на него Ляхы, а отъ Данила Мирослава и Деміана, а отъ Мьстислава Глѣбъ Зеремеевичь, и Прокопьевичь Юрья. Бывши жь сѣчи велицѣ, одолѣша Ляхове и Русь. Данилу же тогда дѣтску сущю... а Володиславъ бѣжа... Потомъ же Лестко не може пріати Галича... воева около Теребовля и Моклекова и Збаряжа, и Быковецъ взятъ бысть Ляхы и Русью... и вротися въ Ляхы. Потомъ же Данило и Василко Лестьковою помощью пріаста Тихомль и Перемиль отъ Александра, и княжаста съ матерью въ немъ, а на Володимерь зряща: се ли, ово ли Вълодимерь будеть наю!... Потомъ же Король пойде на Лестька. Даниловн же у Лестька сущю, Лестько посла Лестича и Пакослава Воеводу» (объ немъ упоминаетъ Длугошъ) «рекый: не есть лѣпо Боярину княжити въ Галичи, но пойми дщерь мою за сына своего Коломана и посади его въ Галичи. Улюби жь Король *совѣтъ Пакославль*, и сняся съ Лесткомъ въ *Эпиши*, и поя дщерь его за сына своего, и послалъ и я Вълодислава въ Галичи, и заточи, и въ томъ заточеніи умре... Король же посади сына въ Галичи, а Лестькови да Перемышль, а Пакославу Любачевъ. Пакославъ бо бѣ пріатель Романовой и дѣтемъ ея. *Съвѣтомъ* же Пакославлимъ Лестко посла къ Александрови, река: дай Володимерь Романовичема; оному жь не давшю, Лестко жь посади Романовича въ Володимери,» и проч. какъ мы сказали въ Исторіи. — По хронологіи Ипатьевскаго списка (см. выше, примѣч. 113) Король Венгерскій приходилъ въ Галичь въ 1209 году, Данилъ уѣхалъ къ брату въ Каменецъ въ 1210, а сѣлъ на Владимірскомъ престолѣ въ 1211.

(177) См. Райнальд. *Annales Ecclesiastici*, Т. XIII, стр. 236. Noverit igitur Sanctitas Vestra, пишетъ Король, quod Halicienses Principes et populus, nostræ ditioni subiecti, humiliter a nobis postularunt, ut filium nostrum Colomanum ipsis in Regem præficeremus in unitate et obedientia sacrosanctæ Romanæ Ecclesiæ perseveraturis in posterum, salvo tamen eo, quod fas illis sit, a ritu proprio non decedere. Verum ne tam expediens nobis et vobis illorum propositum ex dilatione sustineat impedimentum, quod quidem multis ex causis accidere posse constat, si legatum ad hoc exequendum a latere vestro destinatum præstolamur, a Sanct. Vestra postulamus, quatenus venerabili in Christo patri nostro Strigoniensi Archiepiscopo detis in mandatis, ut apostolica fretus auctoritate dictum filium nostrum eis in Regem inungat, et sacramentum super obedientia sacrosanctæ Romanæ Ecclesiæ exhibenda ad codem recipiat. Король боялся, чтобы *доброе расположенiе* Галичанъ не перемѣнилось!

Длугошъ пишетъ, что Коломана вѣнчалъ Царскимъ вѣнцемъ Епископъ Краковскій Кадлубекъ, прiѣхавшiй съ невѣстою его въ Галичь; но Папа Гонорій въ грамотѣ своей, писанной къ Андрею въ 1222 году, говоритъ о Гранскомъ (или Стригонскомъ) Архіепископѣ: per venerabilem fratrem nostrum, Strigoniensem Archiepiscopum auctoritate Sedis Apostolicæ coronato (Коломану) in Regem: см. Райнальд. Ann. Eccl. T. XIII, стр. 324. Въ нашихъ лѣтописяхъ (см. *Воскресенск*. II, 156): «Въ лѣто 6722 (1214) Король Угорьскый посади сына своего въ Галичи, а Епископа и Попы изгна изъ церькви, а свои Попы приведе Латыньскіе на службу.» Бракосочетаніе и коронованіе Андреева сына совершилось, можетъ быть, года черезъ два. Въ рукописномъ харатейномъ житіи Св. Саломеи, которое находилось въ Залуцкой библіотекѣ, сказано, что сія Княжна не имѣла еще тогда и трехъ лѣтъ отъ рожденія (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 185.)

(178) Сіе злодѣяніе совершилось по *Новогород. Лѣт.* въ 1218 году, а по харатейнымъ въ 1217, Іюня 20, когда Георгій Всеволодовичь уже княжилъ въ Суздалѣ. «Снемшимся имъ всѣмъ на Исадѣхъ на порядъ: «Изяславъ, Кюръ Михаилъ, Ростиславъ, Святославъ, Глѣбъ, Романъ. Ингварь же не успѣ пріѣхати: не бѣ бо приспѣло еще время его... Глѣбъ изнаряди свои слуги и поганыхъ Половецъ и скры я въ полстницѣ (въ постельномъ шатрѣ) близъ шатра, въ немъ же бѣ имъ пити,» и проч. Не далеко отъ Рязани есть селеніе *Исады*. Впрочемъ такъ назывались и пристани: см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 355. Татищевъ говоритъ о долговременной болѣзни и смерти Романа Глѣбовича Рязанскаго.

(179) «Въ лѣто 6726 (1218) Вел. Князь Костянтинъ, Маія въ 6 день, заложи церковь камену на торговищи въ Володимери, Вздвиженье Креста; того же лѣта и свершена Сент. въ 14 день... Въ тоже лѣто приде Епископъ Полотскый изъ Царяграда къ Вел. Князю въ Володимерь, вѣдый его любовь и желанье до всего божественнаго, церковнаго строенья, до св. иконъ и мощій святыхъ, и до всего душеполезнаго пути, ведущаго въ жизнь вѣчную, и принесе ему *етеру*» (нѣкую: см. *Кормч. Кн.* гл. 46, л. 50 на об.) «часть отъ Страстій, яже насъ ради Христосъ отъ Іудей претерпѣвъ, и мощи Св. Логина Сотника, его руцѣ обѣ, и мощи Св. Марьи Магдалины. Костянтинъ же съ радостію великою створи праздьньство свѣтло о приходѣ ихъ, и постави я у Възнесенья въ монастыри передъ Золотыми вороты... И на память Мученика Логина повелѣ Князь, по отпѣтьи заутрени, отъ Св. Богородицы Сборныя и отъ Св. Дмитрія ити всему народу, съ кресты Епископу со всѣмъ Клиросомъ, и самъ Князь съ своими благородными сынъми и со всѣми Боляры идоша къ Св. Възнесенью. Взятъ же Епископъ на главу свою святую ту раку, въ ней же бѣ положено святое то сокровище, и тако възвратишася въ градъ, и идоша къ Св. Дмитрію, поюще и славяще Господа, и ту цѣлова Епископъ и Князь и вси правовѣрніи человѣцы... Тогожь лѣта священа бысть церквы (церковь) Св. Мученику Бориса и Глѣба Ростовѣ Епископомъ Кириломъ Авг. въ 25 день, ту сущю В. К. Костянтину съ благородными дѣтми, Василькомъ и Всеволодомъ и Володимеромъ и со всѣми Боляры, и створи пиръ, и учреди люди, и многу милостыню створи: такъ бо бѣ обычай того блаженнаго Князя.» — Татищевъ пишетъ, что Епископъ Полоцкій привезъ къ Константину часть креста Господня, и что Вел. Князь вдѣлалъ оную въ большой золотой крестъ, хранящійся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Константинъ преставился въ 7 часу дня. Васильку было тогда девять лѣтъ, а Всеволоду десять отъ рожденія. Татищевъ заставляетъ умирающаго Константина говорить длинную рѣчь о суетѣ міра, должностяхъ Князя, и проч., сказывая, что онъ написалъ сію рѣчь на свиткѣ и вручилъ дядькѣ Василькову, Никанору, а для меншаго сына, Владиміра, бывшаго на рукахъ у мамки, назначилъ Бѣлоозеро.

О характерѣ Константина: «Не опечаляя никого же, но всѣхъ умудряя духовными бесѣдами; часто бо чтяше книги съ прилѣжаньемъ, и творяше все по писаному. Одаровалъ бѣ Богъ его кротостью Давидовою, мудростью Соломонею.» Татищевъ вымыслилъ, что Константинъ отказалъ свою библіотеку Владимірскому училищу; что онъ дорогою цѣною купилъ многія Греческія книги для перевода на Русской языкъ, и самъ описывалъ дѣла древнихъ Князей; что Патріархи обыкновенно дарили его книгами, коихъ было у него болѣе тысячи, и проч. Супруга Константинова скончалась въ 1221 году, Генв. 24, и положена въ Ростовѣ.

(180) «Новгородци же послашася Смольньску по Святослава по *Ростиславиця*, и приде въ Новгородъ Авг. въ 1:» не *Ростиславичь*, а *Мстиславичь*, сынъ Мстислава Романовича Кіевскаго, (см. ниже, примѣч. 181).

Далѣе: «И бысть на зиму, побѣже Матей Душильцевиць, связавъ Моисеиця бириць (бирючь) Ябедниць. Новгородци же угонивше его, яша и ведоша на Городище, и въиде (внide) лжа въ городъ: выдалъ Твьрдиславъ Князю Матея, и взвониша у Св. Николы Опиполовици (за рѣкою живущіе) цересъ (чрезъ) ночь, а Неревьскый Кончь (конецъ) у Святыхъ 40 также, копяче людье на Твьрдислава. И бысть заутра, пусти Князь Матея, учювъ гълку (голку, шумъ), и поидоша Опиполовици изодѣтіи въ брьняхъ, а Неревляне такожь, а Загородци не всташа ни по сихъ, нъ зряху перезора... И поиде (Твердиславъ) съ Людинѣмъ Концемъ и съ Прусы, и бысть сѣця у городныхъ воротъ и побѣгоша на онъ полъ, а друзіи въ Конць, и мостъ переметаша; и переѣхаша Опиполовици въ лодьяхъ, и поидоша силою... Убиша мужь Прусъ, а Кончанъ» (изъ житепей Людина Конца) «другый, а оныхъ половиць Ивана Душильцевиця, братъ Матеевъ; а въ Неревскѣмъ Конци Ксятина Прокопіиниця, иныхъ 6 мужь, и раненыхъ много обоихъ. Бысть же се м. Генв. въ 27.»

(181) «Присла Вел. Князь Мстиславъ Романовиць изъ Кыева сынъ свой Всеволодъ, рече: пріимите собѣ Всеволода, а Святославъ старѣйшаго пустите къ мнѣ.»

290

(182) «Пойде тоя зимы Сьмьюнъ Еминъ въ 4 стѣхъ на Тоймокары, и не спусти ихъ Гюрги ни Ярославъ сквозь свою землю, и придоша Новугороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры на зло, и замыслиша, Тврдиславъ и Якунъ Тысячскый засла къ Гюргю, не пусти ихъ туда» — то есть, вздумали, что Посадникъ и Тысяцкій дали совѣтъ Георгію не пускать ихъ — «и взвадиша городъ. Тъгда отъяша Посадничьство у Твьрдислава, и даша Смену Борисовицю, и Тысяцское у Якуна и даша Семьюну Емину.» *Тоймокарами* называлось мѣсто въ окрестности рѣкъ Нижней и Верхней Тоймы, впадающихъ въ Двину близъ границъ Архангельской и Вологодской Губерніи.

Новогородцы вторично выбрали Твердислава въ Посадники черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвратясь отъ Пертуева или Пернау (см. ниже).

Далѣе: «Того же лѣта (въ 1220 году) иде Всеволодъ въ Смольнскъ съ своимъ орудіемъ (за своимъ дѣломъ). Той же зимы приде изъ Смольнска на Тържькъ, и вложи (Діаволъ) Князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твьрдислава, и безъ вины... И скопишася о немъ Прусъ и Людинъ Конець и Загородци... и урядивше на 5 пълковъ... Присла (Всеволодъ) Владыку Митрофана со всѣми добрыми повѣстьми, и сведе и́ Владыка въ любьвь, и крестъ цѣлова Князь и Твьрдиславъ.» Далѣе о семъ Посадникѣ: «Не мочьнъ бо бѣ; и даша Посадничество Иванку Дмитровицю. Въ той же немочи пребы 7 недѣль, и прія и́ больше немочь, и утаився женѣ и дѣтій и всей братіи, иде къ Св. Богородицѣ въ Аркажь манастырь и пострижеся Февраря въ 8 день (въ 1221 году). Тогда и жена въ друзѣмъ монастыри пострижеся у Св. Варвары.»

(183) «Приде (въ 1218 году) изъ Володимеря Архіеп. Митрофанъ, и провадиша и́ Новгородци къ Св. Богородици Благовѣщенію... Иде (въ 1219 году) Антонъ Арх. Нов. на Тържькъ. Новгородци же введоша Арх. Митрофана въ дворъ опять на столъ... Антоній же пойде въ Новгородъ къ Св. Спасу въ Нередицяхъ... И пустиша (Князь и народъ) съ нима Цьрьця Васіяна Попа, а другаго Попа Бориса.»

(184) «Иде Всеволодъ (въ 1219 году) съ Новгородци къ Пертуеву, и устрѣтоша стороже Нѣмци, Литва, Либь (Ливь), и бишася, и пособи Богъ Новгородцемъ.» См. Liefländ. Chronik, I, 139. Кельхъ въ своей Исторіи (стр. 59) говоритъ, что Россіяне одержали побѣду.

(185) См. *Воскр. Лѣт.* I, 26. Тамъ же, стр. 170: «того же лѣта (въ 1219) Ингваръ (внукъ Глѣбовъ) присла къ Вел. Князю Георгію и къ Ярославу помощи просящи на Половци, и посласта къ нему полки своя, и иде съ ними на Половци. Они же бѣжаша, а кои не уйдоша, и тѣхъ избиша.»

(186) См. *Воскресен. Лѣт.* II, 169. Сіе было въ 1219 году. Татищевъ хотѣлъ поправить лѣтописи и говоритъ, что Болгары воевали тогда не Россіянъ, а Югровъ, и взяли ихъ городъ *Унжу* (вмѣсто Устюга).

*Лѣтописецъ о великомъ градѣ Устюгѣ* (находящійся въ Вологодской Епископской библіотекѣ) согласно съ мѣстнымъ преданіемъ говоритъ: «Оный древній городъ Гледенъ отъ нынѣшняго, въ Черномъ Прилукѣ стоящаго града Устюга разстояніемъ внизъ по рѣкѣ Сухонѣ яко три версты, до монастыря Живоначальныя Троицы, а отъ монастыря до тоя горы Гледена чрезъ пахотныя поля яко едина верста. Гора оная того ради и нарицается *Гледень*, что съ поверхности ея на всѣ окрестныя страны смотрѣть (*глядѣть*) удобно.» Древніе жители Устюга переселились на нынѣшнее мѣсто для того, что рѣка Югъ (по словамъ Сочинителя) начала подрывать гору. Въ житіи Св. Іоанна Устюжскаго (см. *Пролог.* Маія 29) сказано, что сей городъ былъ нѣкогда тамъ, гдѣ село *Пухово* на берегу Сухоны. — *О Князьяхъ Устюжскихъ* см. въ *Новогородск. Лѣт.* стр. 176.

Первобытные обитатели Вологодской и Архангельской Губерніи обыкновенно называются въ нашихъ лѣтописяхъ Заволоческою Чудью. Откуда же пришли Россіяне въ Устюгъ, изъ Новогородской или Суздальской области, и кто основалъ сей городъ, они или Чудь, не знаемъ. Здѣсь въ первый разъ объ немъ упоминается. Устюгъ зависѣлъ тогда отъ Великаго Князя Суздальскаго: ибо жители его (см. ниже, примѣч. 187) составляли часть Георгіева войска; а послѣ отъ Ростовскаго (см. Т. IV, примѣч. 183 и 201). — Древнѣйшій изъ Устюжскихъ Святыхъ, коихъ житіе описано въ Прологѣ, есть Прокопій Юродивый, умершій въ 1303 году, купецъ Нѣмецкій, принявшій въ Новѣгородѣ Вѣру Греческую (см. *Прол.* Іюля 8); но въ рукописныхъ Святцахъ именуются еще Іоаннъ Праведникъ и супруга его Марія, *начальники* древняго Устюга (погребенные у церкви Вознесенія на посадѣ), также преподобный Кипріанъ, строитель Архангельскаго монастыря, которые жили гораздо прежде. О Кипріанѣ сказано въ *Устюжскомъ Лѣтописцѣ* слѣдующее: «При державѣ благовѣрнаго Вел. Князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, Устюжскаго уѣзда Двинской трети, Устюжской волости нѣкто земледѣлатель, презрѣвъ красная міра сего, воспріялъ на ся Св. Монашескій образъ, и наречеся Кипріанъ. Сей во градѣ Устюгѣ Великомъ, по желанію гражданъ убѣжденъ создати святую обитель въ удобномъ мѣстѣ, изобрѣлъ мѣсто при езерахъ за Острожною осыпью, гдѣ и поставилъ себѣ сперва малую келейцу; а потомъ въ лѣто 6720» — (слѣдственно онъ избралъ Монашеское житіе еще при Всеволодѣ III, который скончался въ семъ году) — «началъ созидати обитель во имя Введенія Богоматери и Св. Архистратига Михаила. Таковое его богоугодное дѣло видѣвше граждане, многая отъ иждивеній своихъ на сооруженіе Св. обители приносили, а нѣкоторые и жительство свое начали оттолѣ съ нимъ вкупѣ препровождати. Онъ же все свое наслѣдственное имѣніе, села, деревни, пашенную и непашенную землю, приложилъ къ тому... И нареченъ бысть начальникъ тоя Св. обители. — Въ лѣто отъ Р. Х. 1276, Сент. въ 29 день, въ Субботу» — (развѣ 26 Сентября, или не въ тотъ годъ) — «въ 6 часу дни преставися сей Архангельскаго монастыря начальникъ, Монахъ Кипріанъ, и погребенъ въ томъ же монастыри, близъ Св. вратъ, а по времени надъ гробомъ его создана каменная церковь во имя Преполовенія Господня; гробъ же его внутрь церкви за лѣвымъ крылосомъ при стѣнѣ, и надъ нимъ устроена гробница, которая и донынѣ всѣми видима.» — Татищевъ увѣрялъ насъ, что Устюгъ въ XIII вѣкѣ еще принадлежалъ Югрѣ; но Югра была за Каменнымъ Поясомъ (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 73).

(187) «Идоша ко *Унжи*: Унжане же отбишась отъ нихъ» (*Воскр.* II, 169). Мѣсто, нынѣ именуемое *посадъ Старая Унжа*, находится въ Костромской Губерніи на берегу рѣки сего имени.

Святославъ ходилъ на Болгаровъ въ 1220 году. Въ харатейныхъ сей походъ описанъ кратко. Въ *Воскресенской*: «Князь Великій Юрьи посла съ нимъ (Святославомъ) пълкы своя, а Воеводство приказа Еремею Глѣбовичю; а Ярославъ посла своя полкы изъ Переяславля, а Василькови Костянтиновичю повелѣ Юрьи послати своя полкы: онъ же изъ Ростова полкъ посла, а другій со

Устюга на врьхъ Камы. Посла же и къ Муромскимъ Княземъ, веля имъ послати сыны своя; и посла Давидъ сына своего Святослава, а Юрьи Ольга, и сняшася вси на Волзѣ на усть Оки, въ насадѣхъ и въ лодіяхъ, и оттолѣ поидоша внизъ, и бывшимъ имъ на Исадѣхъ противъ Ошлюи (въ харат. Ошела), выдоша на берегъ. Изряди Святославъ полкы своя: Ростовскый на правой руцѣ, а Переславьской по лѣвой, а самъ ста съ Муромскими Князи посреди; а инъ полкъ остави у лодей. Сами же поидоша отъ берега къ лѣсу, и прошедшимъ имъ лѣсъ, выидоша на поля ко граду. Усрѣтоша ихъ Болгаре со Княземъ своимъ на конехъ . . . пустиша по стрѣлѣ. . . и побѣгоша. . . По тому валу (Болгары) рыщуще изъ затканія (забора) біахуся . . . Не могуще терпѣти дыма и зноя, паче же безъводіа, и отступиша (Россіяне), и сѣдоша опочивати отъ многаго труда.» Татищевъ хвалитъ Охотина, мужественнаго Дворянина Василькова, брата его Вавила и проч. Сей городъ Ошелъ, находившійся не далеко отъ устья Камы, былъ взятъ и сожженъ Іюля 15.

Далѣе: «Бывшу жъ ему (Святославу) у лодей, и воста буря съ дождемъ, яко же и лодіямъ возместись. . . и пріиде Князь въ завтріе на островъ (ниже по Волгѣ) . . . и на ночь облеже; на утріе ту обѣдавше, поидоша прочь вверхъ по Волзѣ. Слышавше Болгары въ Великомъ градѣ и въ иныхъ, яко Ошелъ взятъ. . . и пріидоша на брегъ (къ Исадамъ). Повелѣ (Святославъ) воемъ оболочитись во брони и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадѣхъ и пойде полкъ по полцѣ бьюще въ бубны, и въ трубы и въ сопели (въ *Никонов.* въ сурны) . . . Болгари же идуще по брегу. . . и покивающе главами своими, и стонаще сердце ихъ, и смежающе очи свои. Святославъ же минувъ Исады и ста на усть Камы, и ту пріиде къ нему Воиславъ Добрыничь и Ростовци и Устюжане со множествомъ полона . . . взяша много городовъ (по Камѣ), и пожгоша все, а люди изсѣкоша.» Далѣе: «Посла Святославъ вѣсть предъ собою къ Юрью, и дошедъ Городца, выиде изъ лодей и пойде къ Володимерю на конехъ. . . . Юрьи срѣте й у Боголюбова на рѣкѣ *Сурамлѣ* (Нерли?) и со сыномъ своимъ Всеволодомъ . . . Многы дасть дары златомъ и сребромъ и порты, и кони, и оружіемъ, аксамиты и паволоками и бѣлью.» Татищевъ пишетъ, что Святославъ въ городѣ своемъ Юрьевѣ отъ *имѣнія Болгарскаго* построилъ каменную церковь Св. Георгія.

Далѣе: «На ту же зиму Болгаре прислаша послы . . . и начать (Георгій) наряжатися на нихъ, и посла въ Ростовъ по Василька Костянт. и повелѣ ему ити на Городецъ, а самъ пойде же; и бывшу ему на *Омуту*, и ту приходиша друзіи посли Болг . . . онъ же отпусти ихъ прочь . . . а Болгарстіи посли сказаша своимъ, яко Князь Юрьи на Городци, а мира не дасть. Они же убояшася и послаша къ нему третій посолъ . . . и пріятъ ихъ мольбу . . . и управишась по прежнему миру, яко же было при отцѣ его и при дѣдѣ.»

(188) По харатейнымъ Новгородъ Нижній заложенъ въ 1221 году. Татищевъ пишетъ, что на семъ мѣстѣ находился прежде Болгарскій городъ, разоренный Россіянами.

(189) Въ *Воскресен.* II, 174: «тое же зимы (въ 1220 году) приходиша Литва и воеваша волость Черниговскую. Мстиславъ же Святославичь (братъ Всеволода Чермнаго) гони по нихъ и изби всѣхъ, полонъ отъятъ.»

Въ *Волынск. Лѣт.*: «Мьстиславъ же поиде на Галичь совѣтомъ Лесьтковымъ. Галичане жъ вси и *Судиславъ*» (одинъ изъ Вельможъ Галицкихъ) «послашась по Данила. Данило жь не утяже (не успѣлъ) въѣхати, а Бенедиктъ» (тиранъ, о коемъ говорено было выше) «бѣжа въ Угры съ Судиславомъ; а Мьстиславъ сѣде въ Галичи.» О Коломанѣ ни слова: вѣроятно, что онъ былъ въ Венгріи. Длугошъ пишетъ, что Коломанъ ушелъ тогда изъ Галича вмѣстѣ съ Епископомъ Краковскимъ, Викентіемъ Кадлубекомъ, и съ Канцлеромъ Лешка Бѣлаго, Ивономъ; но именитые чиновники Польскіе не могли быть въ сіе время у сына Андреева, ибо Лешко находился въ ссорѣ съ Андреемъ. Нарушевичь справедливѣе говоритъ о бѣгствѣ Кадлубека уже по разбитіи Венгерскаго Воеводы, Фильнія. — Первый походъ Мстислава въ Галичь былъ въ 1219 году.

(190) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Поя у него (Мстислава) Данилъ дъщерь, именемъ Анну . . . Ѣха Данилъ къ Мьстиславу въ Галичь, рекій на Лестко, яко отчину мою дръжитъ. Оному вѣщавшю: сыну! за пръвую любовь не могу нань въстати, а налѣзе собѣ другы» (сыщи себѣ иныхъ помощниковъ) . . . «Данило же ѣха съ братомъ и пріа Берестій, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпье, и Комовъ, и всю Украйну.» (Всѣ упомянутыя мѣста находятся за Бугомъ въ Галиціи, близъ Урзулина, Забина и проч.). «Лестко жь великъ гнѣвъ имѣа на Данила. Веснѣ жь бывши, Ляхове воеваша по Бугу. Посла Данилъ Гаврила Душиловича и Семена Олуевича, Василка Гавриловича, и бишась до Сухое Дорогве, и колодникы изымаша, и воротишась съ честію. Тогда же Климъ убіенъ бысть Христиничь, единъ отъ всѣхъ его вой, его же крестъ и донынѣ стоитъ на Сухой Дорогвѣ. Ляхы же многы избиша, и гнаша до рѣкы Вепра . . . Лестко же посла къ Королеви . . . Король же посла вой много и Лестко, и пріидоша къ Перемышлю. Аронови же тогда Тысяцю дръжащю въ Перемышли, и збѣже предъ ними. Мьстиславъ бо бѣ съ всѣми Князи Рускыми и Чернѣговскыми, и посла Дмитра, Мирослава и Михалка Глѣбовича къ Городку: Городокъ бо бѣ отложился: бяху въ немъ людіе Судиславли; и Дмитрови біющися подъ городомъ, пріидоша нань Угре и Ляхове, и побѣженъ Дмитръ. Тогда же Василъ Діакъ, рекомый Молза, застрѣленъ бысть подъ городомъ. Михалка же Скулу убиша, съгонивше на Щирци, а главу его съсѣкше, трое чепи золотые сняша, и принесоша главу его къ Коломанови. Мьстиславу же стоащю на Зубрьи» (рѣкѣ Збручѣ?) (*). «Дмитръ прибѣже къ нему. Мьстиславу жь не могшю битись съ Угры, просяше зятя своего, Данила, и Олександра, да быста затворилися въ Галичи. . Данилъ же затворися, а Олександру не смѣвши. *Тогда же Великаа Княгини Романова въспріа Мнишескій чинъ.* Потомъ же пріиде ратью Коломанъ. . много бою бывшю на Кровакомъ броду, и паде на ня снѣгъ, и не могоша стояти, и идоша за Рогожину на Мстислава и прогнаша изъ землѣ. Мстиславу же повѣдавшю Данилови изыти изъ града. Данилъ же изыде съ Дмитромъ Тысяцкымъ и съ Глѣбомъ Зьеремеевичемъ и съ Мирославомъ, и быша противу Толмачю, угони й невѣрный Витовичь Вълодиславъ; наворотившеся нань и прогнаша й, и коня отъ него отъяша. Данилъ бо бѣ младъ, и видѣ Глѣба Зьеремеевича и Семена Колпиньского мужески ѣздящи, и пріѣха къ нима, укрѣпляа ихъ; иніи же устремилися бяху на бѣгъ. Того же дни бишась весь день, олни и до нощи. Тое же нощи увернушась Данилъ и Глѣбъ Зьеремеевичь, яста Янца. Младъ сый (Даніилъ) и показа мужство свое, и всю нощь

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издад. 1819 года:) Есть рѣчка Зубря; течетъ отъ Львова въ Днѣстръ. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

бистась. Наутріи же угони Глѣбъ Василевичь: увернувъ же ся Данилъ нань, и гна и́ далѣй поприща. Оному же утекшю борзости ради конское... Данилови же единому ѣдущю... онѣмъ же не смѣющимъ... донелѣже въѣха къ нему Глѣбъ Судиловичь, и Гаврило Иворовичь, и Перенежко... оттуда идоша въ поле; бывшю гладу велику, поидоша возы къ Плаву на канонъ Св. Дъмитреа; въземше возы и накормишась изобильно... Пріидоша ниже Кучелемина, мысляще перейти Днѣстръ... Пріидоша лодіи изъ Олешія» (отъ устья Днѣпровскаго) «и пріѣхаша въ нихъ на Днѣстръ, и насытишась рыбъ и вина. Оттуду же пріѣха Данилъ къ Мьстиславу... Въ то же время прислаша Князи Литовскіе къ Великой Княгини Романовой, и къ Даниловi, и къ Василкови, миръ дающи. Бяху же имена Князей: се старшій *Живиньбудъ*, *Довьялъ*, *Довьспруикъ*, братъ его *Мидогъ*, братъ Довьяловъ Великаилъ; а Жемонтскыи Князь *Эрдивилъ*, *Выкынтъ Арусковичь*, *Кинтибудъ*, *Вънибудъ*, *Бутовитъ*, *Вижеивъ* и сынъ его *Вишли*, *Китенiй*, *Пликосовъ Асебулевичь*, *Вишимутъ*, его же уби Миндогъ и жену его поялъ и братью его побилъ, *Эдивила*, *Сърудъйка*; а се Князи изъ Лотвы: *Юдькы*, *Пукыйкъ*, *Бикши*, *Ликпйкъ*. Вси миръ даша Дан. и Вас. и бѣ земля покойна. Ляхомъ же не престающимъ пакостящимъ и приведе на ня Литву, и много убійства сътворишась въ нихъ. Въ тожь время выйде *Филя* прегордый» (Длугошъ называетъ его Attilia Filiia) «надѣяся обiати землю, потребити море съ многыми Угры, рекшю ему: *единъ камень много горнцевъ избиваетъ;* а друго слово ему рекше прегордо: *острый мечю, борзый коню, многаа Руси*... Олександру же отступившю отъ Данила и отъ Василка къ Лестковi... Пріиде Мьстиславъ съ Половци. Изыде же Филя съ многыми Угры и Ляхы изъ Галича, поемъ Бояре Галицкыи, и Судислава тця (тестя), и Лазоря и ины; а инiи разбѣгошась, загордѣлъ бо ся бѣ. Въ тожь время приде Лестко на Данила къ Щекареву, бороня ити ему на помощь Мьстиславу... Кондрату же (брату Лешкову) пріѣхавшю мирити Лестка и Данила; познавшю ему лесть Лестковy, и не велѣ Даниловi ѣхати къ Лестку. Филя же строяшеся на брань... остави Коломана въ Галичи и създа градъ на церкви Св. Богородици, яже, не стерпѣвшю оскверненія храма своего, въдасть и́ въ руци Мьстиславу. Бѣ бо ту съ Коломаномъ Иванъ Лекинъ, и Дмитръ, и Ботъ. Половцемъ же пріѣхати видѣти рати, и Угромъ же и Ляхомъ гонящимъ я, увернувся Половчинъ, застрѣли Уза въ око, и спадшю ему съ фаря (коня) и взяша тѣло его и плакашася по немъ. Наутріе же, на канонъ Св Богородица, пріиде Мьстиславъ рано на гордаго Филю... и бысть брань тяжка межи ими, и одолѣ Мьстиславъ. Бѣгающимъ же Угромъ и Ляхомъ, избіено бысть ихъ множество, и ятъ бысть величавый Филя паробкомъ Добрынинымъ, его же лживый Жирославъ укралъ бѣ, и обличену ему бывшю, про него же погуби отчину свою... И побѣдившю Мьстиславу, пойде къ Галичю. Бившимся же имъ о врата граднаа, и възбѣгоша на комары церковныа; инiи же ужи (на веревкахъ) възвлачишась, а фарѣ ихъ поимаша: бѣ бо градъ сътворенъ на церкви. Онѣмъ же стрѣляющимъ и каменіемъ мещющимъ на гражаны, изнемогаху жажею водною... и пріѣхавшю Мьстиславу и вдашась ему, и сведени быша съ церкве... Даниловi бо пріѣхавшю въ малѣ дружинѣ съ Демьяномъ Тысяцкымъ; не бѣ бо пріѣхалъ въ время то... Вси бо Угре и Ляхове убіени быша, а инiи яти быша, а инiи истопоша; друзiи же смерды (крестьянами) избіени быша... Потомъ же приведоша Судислава къ Мьстиславу; оному же не помысливше о немъ зла, но милость ему показавшю; онъ же обойма нозѣ его, объщася (въ) работѣ быти ему. Мьстиславу же вѣровавшю словесемъ его и почтивъ его, и Звенигородъ дасть ему.»

Въ *Новогород. Лѣт.* сказано: «Пойде К. Мстиславъ (въ 1219 году) и Володимеръ (Рюриковичь) изъ Кыева къ Галицю на Королевиця, и выидоша Галичане противу, и Чехове и Ляхове, и Морава и Угре... и пособи Богъ Мстиславу, и въ городъ Галиць въѣха, а Королевиця рукама яша и съ женою, и взя миръ съ Королемъ, а сынъ его пусти, а самъ сѣде въ Галици; а *Володимеръ Рюриковиць* въ Кыевѣ.» — Въ *Пушкин.* и въ *Троицк.*: «Въ лѣто 6729 (1221) Мстиславъ Мстиславичь бися съ Угрою и побѣди я... и Королевича я.» Въ *Воскресенск. Лѣт.* повторены сiи оба извѣстія, съ прибавленіемъ: Тоя же зимы (1219 года) Угри выгнаша Мстислава Мстиславича изъ Галича, а Королевичь сѣде въ Галичѣ... Тоя же зимы (въ 1220 г.) иде на Галичь Мстиславъ Романовичь изъ Кіева и Мстиславъ Мстиславичь изъ Торчьскаго, и инiи Князи съ ними, и съ Половци. И Королевичь затворися во градѣ: они же бишася у града половину дни и разыдошася по земли воевать... и городы и селы пожгоша, и многъ полонъ въземше поидоша.» Соображая сiи извѣстія съ *Волынск. Лѣт.*, полагаемъ, что Мстиславъ въ первый разъ занялъ Галичь въ 1219 году, изгнанъ Венграми уже въ слѣдующемъ, а побѣдилъ ихъ и плѣнилъ Коломана или въ 1220 или 1221 году. — По неисправедливому лѣтосчисленію Ипатьевскаго списка Король Венгерскій отнялъ Любачевъ у Поляковъ и Мстиславъ взялъ Галичь въ 1212 году, Венгры изгнали его оттуда въ 1213, Литовцы заключили миръ съ Даніиломъ въ 1215, Филя или Фильній пришелъ въ 1217, а Мстиславъ одержалъ надъ нимъ побѣду въ 1219. — Длугошъ пишетъ, что Мстиславъ, завоевавъ Галичь, ѣздилъ веселиться въ Кіевъ съ братьями: можетъ быть, онъ тогда посадилъ Владиміра Рюриковича на Кіевскомъ престолѣ; только не на долго: ибо въ 1223 г. тамъ опять княжилъ Мстиславъ Романовичь.

(191) Длугошъ описываетъ подробности сей битвы (Hist. Polon. I, 606), сказывая, что съ Владиміромъ бѣжали отъ Поляковъ Ростиславъ Давидовичь и Ростиславъ *Мстиславичь*. Татищевъ, знавъ Стриковскаго и Кромера, къ ихъ описанію прибавилъ многія обстоятельства: говоритъ о посольствѣ Галичанъ ко Мстиславу Романовичу, о числѣ войска, о *семнадцати* Русскихъ Князьяхъ, о двухъ конляхъ, убитыхъ подъ Мстиславомъ; о смерти *Игоря* Романовича и *Святослава* Владиміровича: о ранахъ Мстислава Романовича и Владиміра; о 7500 фунт. серебра, назначенныхъ для Коломанова искупленія, и проч. Сей Историкъ представляетъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ не Мстислава Мстиславича, а Мстислава Романовича Кіевскаго.

(192) См. Длугоша и Стриковскаго. Такую же хитрость употребилъ Изяславъ II (см. выше). Длугошъ I, 607: O magne lux et victor Mscislae Mscislavice! o fortis accipiter (соколъ) и проч.

(193) In Torczsko transmissus — безъ сомнѣнія въ Торческъ, а не Торжекъ.

Длугошъ говоритъ, что вождь Половецкій Misferwica или Miciewnica былъ убитъ подъ Галичемъ, и что сiи варвары мстили его смерть разореніемъ окрестностей. — Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь обстоятельствъ взяты изъ Длугоша, коего повѣствованіе кажется на сей разъ достовѣрнымъ, будучи согласно въ главныхъ обстоя-

тельствахъ съ *Волынск. Лѣт.* Онъ безъ сомнѣнія пользовался какими нибудь Галицкими извѣстіями.

(194) См. Наруш. Hist. Nar. Pol. IV, 190.

(195) См. Стриковск. Литовскую Хронику и Мѣхов. Hist. Pol. Ссылаясь на нихъ, Авторъ Синопсиса пишетъ о Мстиславѣ: «вѣнчанъ бысть отъ Епископовъ вѣнцемъ Царскимъ, его же отбѣже Коломанъ, и оглашенъ бѣ *Царь* и всея Россіи Самодержецъ.»

(196) Сіи мирныя условія извѣстны намъ по грамотѣ Папы Гонорія III, писанной въ 1222 году къ Андрею Венгерскому (см. Райнальд. Annal. Eccles. XIII, 324, 325). Папа, отвѣтствуя сему Королю, говоритъ: Casu sinistro accidit, Regem ipsum (Коломана) cum sponsa sua et pluribus aliis viris nobilibus a tuis hostibus capturari, et tamdiu extra regnum ipsum mancipatos custodiæ detineri, donec, necessitate compulsus, cum ipsos aliter liberare non posses, juramento præstito promisisti, quod filio tuo, tertio genito, concesseris ipsi regnum (Галицію) præfatum . . . filiam nobilis viri Mizoslai (Мстислава) matrimonialiter copulares, super quo utique Apostolicæ provisionis suffragium postulasti. *Волынск. Лѣт.*, не сказавъ ничего о мирѣ, говоритъ о бракѣ Мстиславовой дочери (по Ипатьев. списку въ 1226 году): «Мьстиславъ же по съвѣтѣ лживыхъ Бояръ Галицкыхъ вдасть дъщерь свою меньшую за Королевича *Андрея*, и дасть ему Перемышль.» Но сей городъ былъ отданъ еще *жениху*, а не *супругу*: ибо самъ Лѣтописецъ прибавляетъ ниже: «Судиславъ рече (Мстиславу): Княже! дай дъщерь свою *обрученную* за Королевича, и дай ему Галичь, не можешь бо дръжати самъ, а Бояре не хотять тебе. Оному жь не хотящю дати Королевичю, но паче хотя дати Даниловi: Глѣбови же Зьеремеевичю и Судиславу претяща ему дати Даниловi, рѣста бо ему: аже даси Королевичю, тогда въсхощеши и можеши взяти подъ нимъ; даси ли Даниловi, въ вѣкы не твой будеть Галичь . . . Галичаномъ бо хотящимъ Данила. . . Мьстиславъ же дасть Галичь Королевичю.» Сіе было уже послѣ Калкской битвы съ Татарами въ 1224 году; но Мстиславъ единственно *исполнилъ тогда* договоръ прежній (какъ видно изъ письма Гоноріева), заключенный въ 1221 году. Длугошъ пишетъ, что Венгерскій Королевичь, по условію, *черезъ три года* получилъ Галицкое Княженіе. Сей Историкъ не зналъ третьяго сына Королевскаго, Андрея, и думалъ, что Мстиславова дочь, которую онъ называетъ *Маріею* (а другіе *Еленою*: см. Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 91) вышла за Белу, и что Мстиславъ возвратилъ Галичь Коломану.

(197) Въ письмѣ Гонорія (см. выше): Regi, nato suo secundo genito (Коломану) ad Regnum Galliciæ sibi datum per venerabilem fratrem nostrum, Strigoniensem Archi-Episcopum, auctoritate Sedis Apostolicæ coronato in Regem. О первой невѣстѣ Андреевой, Царевнѣ Арменской, см. Прая Annal. Reg. Hung. III, 216. Далѣе говоритъ Папа: Cum enim, sicut accepimus, præfatus filius tuus et filia supra dicti Mizoslai in minori existant constituti ætate, antequam ad nubiles annos perveniant, tibi cautius et consultius provideri poterit in hoc casu, и проч.

(198) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Александръ сътвори миръ съ Лестком и съ Коломаномъ, и съ Филею, Романовичема не престааша хотя зла; по побѣжденіи же Мьстиславли и по Литовскомъ воеваніи на Ляхы сътвори миръ Лестко съ Даніиломъ и Василкомъ, и Дръжиславомъ Абрамовичемъ, и Творіаномъ Вътиховичемъ» (вѣроятно, послами Мстислава) «а Романовича сътвориста миръ съ Демьяномъ Тысяцкымъ, и отступи Лестко отъ Александра . . . Въ Субботу на ночь попленено бысть около Белза и около Червна Даниломъ и Василкомъ. . . Бояринъ Боярина плѣнивши, смердъ смерда, градъ града, яко же не оставитися ни единой веси не плѣненой. . . не оставлъшюся камени на камени. Сію же наречють Белжане *злу нощь;* сіа бо нощь злу игру имъ сыгра . , . Мьстиславу же рекшю: пожалуй брата Олександра — и Данилъ воротись въ Володимерь, отъиде отъ Белза.» Въ Червенѣ княжилъ братъ Александровъ, Всеволодъ Всеволодовичь. По лѣтосчисленію Ипатьевск. списка Александръ заключилъ миръ съ Даніиломъ въ 1221 году.

Длугошъ пишетъ, что Россійскіе Князья, побѣдивъ Венгровъ, вмѣстѣ съ Литовцами тревожили набѣгами области Герцога Лешка; что Судиславъ, Кастелланъ Сендомирскій, разбилъ ихъ войско, и плѣнилъ Князя Святослава Мстиславича съ другими *четырмя Князьями*, Георгіемъ, Ярославомъ, Владиміромъ и Константиномъ, послѣ *освобожденными;* что братъ Лешковъ, Конрадъ Мазовскій или Мазовецкій Герцогъ, женился на дочери Святослава Мстиславича. Тотъ же Историкъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Лешко *велѣлъ умертвить* Святослава вмѣстѣ съ четырмя знатнѣйшими Россійскими Воеводами. Чему вѣрить?

(199) Можетъ быть, получивъ отъ него нѣкоторыя мѣста въ Галиціи восточной (см. ниже).

(200) «Показаша (въ 1221 г.) Новгородцы путь Всеволоду: не хочемъ тебе; пойди, камо хочеши. Иде къ отцеви въ Русь. Въ лѣто 6730 (1222) послаша Владыку Митрофана и Посадника Иванка Володимерю . . . И вда имъ (Георгій) Всеволода (сына своего) на всей воли Новгородстѣй, и одари (пословъ) безъ числа.» См. Lief. Chr. I, 140, 148, 158, 170, 176, 177. «Не гнѣвъ ли Богоматери» — говоритъ сей Лѣтописецъ — «былъ причиною того, что Князя Новогородскаго (Всеволода Мстиславича) опустошителя Ливоніи, изгнали подданные съ безчестіемъ, а преемника его убили Татары?» Думаю, что сочинитель говоритъ о Святославѣ, братѣ Георгіевомъ. Владиміръ Псковскій ограбилъ тогда домъ Священника Алобранда (см. выше). Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, названъ въ Lief. Chr. *Герцеславомъ.* — Латыши и нынѣ именуютъ Венденъ Кесисъ и Цесисъ, Zehsis. Ливонскій Лѣтописецъ и здѣсь въ означеніи времени отстаетъ отъ нашего четырмя годами.

(201) «Воеваша Литва около Торопця и гонися по нихъ Ярославъ съ Новгородци до Всята (Усвята), и не угони ихъ.»

(202) См. Маллета Hist. de Dannemarc. III, 395—401. Ревель основанъ въ 1218 или 1219 г. Тамъ былъ прежде замокъ Липданиссе: Датчане разрушили его. Прежде вся сія область называлась Ревелемъ. Отъ чего произошло Русское имя Колываня, не знаю: оно должно быть Чудскаго языка.

(203) Lief. Chr. I, 160, 180, 189. Шведскій Король Іоаннъ около 1220 году присталъ къ берегамъ Эстоніи — той части ея, которая называлась Роталіею, противъ острова Эзеля, и гдѣ донынѣ одинъ погостъ называется Rotel. Оставивъ войско въ замкѣ Леалѣ, Король возвратился въ Швецію. — Походъ Россіянъ къ Колываню или Ревелю былъ по нашей лѣтописи въ 1223, а по Ливонской въ 1222 году.

(204) «Пойде Князь (въ 1223) Ярославъ съ Княгынею и съ дѣтьми Переяславлю: Новгородци же кланяхуться ему: не ходи, Княже! онъ же пойде по своей воли.»

(205) Lief. Chr. I, 64, 189, 191, 193, 196. Сей Лѣтописецъ разсказываетъ, что Вячко (Viesceka), начальствуя въ Кукенойсѣ, былъ плѣненъ Рыцарями, но освобожденъ Епископомъ въ 1206 году;

а послѣ ограбилъ, умертвилъ многихъ Нѣмцевъ, и боясь мести, ушелъ въ Россію. Въ Новогородской лѣтописи (стр. 36) еще подъ 1167 годомъ упоминается о Князѣ Вячкѣ, томъ или другомъ (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 418). — Сами Нѣмцы укрѣпили замокъ Юрьевскій.

(206) Видя, что непріятель со всѣхъ сторонъ вломился въ замокъ, Россіяне прыгали внизъ со стѣнъ и хотѣли открыть себѣ путь сквозь Нѣмецкое войско, но всѣ легли на мѣстѣ. Въ *Новогородск. Лѣт.* сказано только: «убиша Князя Вячка Нѣмци въ Гюргевѣ, а городъ взяша» (въ 1224 году, а по Ливонской лѣтописи въ 1223). Татищевъ вымыслилъ обманъ Нѣмцевъ, и пр.

(207) Lief. Chr. I, 201.

(208) «Въ то же лѣто (1224) по грѣхомъ нашимъ не то ся зло створи: выѣха Ѳедоръ Посадникъ съ Рушаны и бися съ Литвою, и згониша Рушанъ съ конь, и много коневъ отъяша, и убиша Домажира Търлинниця и сынъ его; а Рушанъ Богшю, а иныхъ много, а другихъ по лѣсу разгониша.»

Маловажныя происшествія описаннаго нами времени суть слѣдующія:

Въ 1212 году, Маія 23, были постриги у Константина Всеволодовича сыновьямъ его, Васильку и Всеволоду. Многіе люди (см. *Воскресен. Лѣт.*) умерли отъ голода; другіе ѣли мясо въ посты. — Въ 1213, Апр. 25, Константинъ заложилъ въ Ростовѣ церковь Богоматери на мѣстѣ упадшей. Окт. 23 родился у Георгія сынъ Всеволодъ-Димитрій. — Въ 1214 у Константина родился сынъ Владиміръ-Димитрій. Константинъ заложилъ въ Ростовѣ на дворѣ своемъ церковь Бориса и Глѣба. 25 Марта было знаменіе: «въ полутра надъ солнцемъ явися мѣсяцъ, и поча плнитись (наполняться) вборзѣ, и не дойде луны своея плъненія яко за 3 дни, и найде наню облакъ чръменъ и стоя надъ луною мало, и состуни, и бысть опять мѣсяцъ малъ, и почася опять полнити. Сеже бысть четверицею, и потомъ не бысть ничтоже.» Іюня 4 въ Владимірѣ сгорѣло 200 дворовъ и 4 церкви. — Въ 1215 Февр. 1, въ Недѣлю Сыропустную, былъ громъ въ Новѣгородѣ послѣ заутрени и *леталъ змій*. Константинъ основалъ въ Ярославлѣ на своемъ дворѣ каменную церковь Успенія. — Въ 1216 преставился Ростовскій Епископъ Пахомій и погребенъ въ церкви Богоматери: мужъ добродѣтельный, исполненный книжнаго ученія; прежде монашествовалъ въ Печерскомъ монастырѣ 5 лѣтъ, и былъ въ обители Св. Петра Игуменомъ 13 лѣтъ. Владимірскій Епископъ Симонъ погребалъ его. Константинъ заложилъ въ Ярославлѣ каменную церковь и монастырь Св. Преображенія. Поставленъ Епископомъ Ростову Кириллъ, Черноризецъ Суздальской обители Св. Димитрія. Новогородцы смѣнили Посадника Юрья Ивановича и выбрали Твердислава Михалковича. — Въ 1217 Маія 31 сдѣлался пожаръ въ Новѣгородѣ отъ печи или кухни Ивана Ярышевича и весь Полъ (часть города) съ утра *до уденья* (прежде полудня?) обратился въ пепелъ: нѣкоторые люди ушли съ имѣніемъ въ каменныя церкви и тамъ сгорѣли; 15 церквей, и въ томъ числѣ *Варяжская*, со множествомъ товаровъ были жертвою пламени; у каменныхъ храмовъ обгорѣли верхи и притворы. — Въ 1218 Новогородскій Архіепископъ Антоній заложилъ каменную церковь въ монастырѣ Св. Варвары. — Въ 1219 Твердиславъ и Ѳеодоръ заложили въ Новѣгородѣ каменную церковь Св. Михаила, а другую маленькую деревянную, во имя Свв. Огроковъ, срубленную въ 4 дни. Родился у Ярослава Всеволодовича сынъ Ѳеодоръ. Владимірскій Епископъ Симонъ святилъ *великимъ священіемъ* церковь въ монастырѣ Рождества Богоматери Сент. 7 при Князѣ Георгіи, сынѣ его Всеволодѣ и братѣ Ярославѣ. Игуменомъ тамъ былъ Митрофанъ. — Въ 1220 преставился въ Кіевѣ Россійскій Митрополитъ Матѳей, Авг. 19. — Въ 1221, Іюня 23, сгорѣлъ почти весь городъ Ярославль и 17 церквей; но дворецъ Княжескій уцѣлѣлъ (въ лѣтописи сказано: «молитвою добраго Костянтина»). — Въ 1222 Великій Князь Георгій заложилъ въ Суздалѣ новую церковь Богоматери, сломавъ старую, построенную Мономахомъ и Епископомъ южнаго Переяславля, Ефремомъ. — Въ 1223 скончался Новогородскій Архіепископъ Митрофанъ Іюля 3, и погребенъ въ Софійскомъ притворѣ. Граждане въ тотъ же день ввели въ домъ Святительскій Хутынскаго Монаха, Арсенія, человѣка добродѣтельнаго. (По *Никон. Лѣт.* Новогородцы ходили на Чудь и возвратились съ великимъ урономъ).

Татищевъ подъ годомъ 1217, ссылаясь на лѣтопись Еропкина, разсказываетъ слѣдующую повѣсть, которую предлагаемъ здѣсь въ сокращеніи:

«Борисъ Давидовичь, Князь Полоцкій, женился вторымъ бракомъ на Святохнѣ, дочери Померанскаго Князя Казиміра, прекрасной и хитрой, которая хотя и долженствовала принять законъ Греческій, однакожь держала при себѣ Священника Латинскаго. Имѣя сына, именемъ Владиміра или Войцеха, она ненавидѣла пасынковъ, Василька и Вячка, и черезъ Вельможъ внушила имъ мысль проситься у отца въ Двинскую область. Борисъ отпустилъ ихъ съ сожалѣніемъ; а мачиха, пользуясь отсутствіемъ молодыхъ, добрыхъ Князей, начала гнать преданныхъ имъ Бояръ и возводить своихъ единоземцевъ на степень вышнихъ чиновъ государственныхъ. Недовольный народъ требовалъ изгнанія чужестранцевъ и возвращенія старшихъ сыновей Борисовыхъ. Тогда Святохна отъ имени Тысячскаго Симеона, Посадника Воина и Ключника Добрыни, ея главныхъ враговъ, сочинила письмо къ пасынкамъ, убѣждая ихъ свергнуть отца съ престола, казнить мачиху и меньшаго брата, Владиміра. Сіе письмо было вручено легковѣрному Князю Борису. Призвали обвиняемыхъ Бояръ: они клялися въ своей невинности, и говорили, что Святохна по злобѣ вымыслила на нихъ столь гнусную клевету. Единоземцы Святохнины злодѣйски умертвили ихъ, объявивъ въ городѣ, что Посадникъ и Тысячскій хотѣли убить Князя съ Княгинею. Многіе повѣрили; но Василько Борисовичь нашелъ способъ обличить клевету злой мачихи. Въ день Спаса народъ возсталъ при звукѣ Вѣчеваго колокола, взялъ Святохну подъ стражу, умертвилъ или изгналъ всѣхъ Поморянъ, и не сдѣлавъ никакого зла Князю Борису, отправилъ Вельможъ за его сыномъ, Василькомъ.» — Я не нашелъ о томъ ни слова въ лѣтописяхъ.

(209) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 21 и годъ 1133. Изяславъ Мстиславичь ѣздилъ въ Смоленскъ, чтобы взять съ тамошняго Владѣтеля *дары для* Великаго Князя: сіи дары были обыкновенною данію.

(210) См. Т. II, стр. 73.

(211) Въ семъ смыслѣ Рязанскіе, Тверскіе, иногда Смоленскіе и Черниговскіе именовались *Великими*, а не *Мѣстными*, какъ сказалъ Болтинъ. Послѣднее названіе принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Князь Мѣстный значилъ то же, что Помѣстный; онъ былъ ниже Удѣльнаго или Владѣтельнаго.

(212) Города Слуцкъ, Мозырь и другіе на берегахъ Припети были отданы Георгіемъ Долгорукимъ роду Князей Черниговскихъ: см. сію *Исторію* въ описаніи годовъ 1149 и 1155; также *Воскресенск. Лѣт.* II, 67, и *Новогородск.* стр. 20, 79.

(213) См. Т. II, стр. 71, и выше стр. 102.

(214) Такъ по смерти Изяслава I вступилъ на Кіевскій престолъ не сынъ его, а братъ Всеволодъ I, послѣ Всеволода старшій его племянникъ Святополкъ, послѣ Мстислава Великаго братъ Ярополкъ, и проч.

(215) То есть, Ярославъ Святополковичь, сынъ его Юрій, внукъ Глѣбъ, и проч.

(216) См. выше, примѣч. 67, *Рос. Библіот.* стр. 210, и *Воскресенск. Лѣт.* I, 290. Монахъ Рубруквисъ въ 1253 году встрѣтился съ Половчаниномъ, который даже говорилъ Латинскимъ языкомъ (въ Бержерон. Voyages, I, стр. 45).

(217) Memor. Popul. II, 672 — 722.

(218) См. *Ярославову Правду* и *Новогород. Лѣт.* стр. 81, 89 и 112, гдѣ сказано, что Князь на пять лѣтъ освободилъ простой народъ отъ дани.

(219) Мы уже видѣли множество примѣровъ сего народнаго своевольства. Не говоря о славныхъ Вѣчахъ Новогородскихъ, вспомнимъ мятежъ Кіевлянъ при Изяславѣ I и требованія предложенныя ими на Вѣчѣ Игорю II (см. Т. II, стр. 43 и 123).

Въ продолженіи Нестора или *Рос. Библіот.* стр, 261: «Новгородци же изначала, Смоляне, и Кыяне, и Полочане и вся власти, егда на Вѣчѣ сходяться, что старѣйшіи здумаютъ, на томъ и пригороды стапутъ.»

На Вѣчѣ, бывшемъ въ Владимірѣ по смерти Андрея Боголюбскаго, присутствовала вся *Дружина, отъ мала до велика:* см. *Рос. Библіот.* стр. 255. Тамъ же, стр. 142: «пойди къ Кыеву, да урядъ положимъ о земли Русьской предъ Епископы и Игумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людми градскими.»

(220) См. выше, стр. 12, *Рос. Библ.* стр. 202, 203, и *Новогород. Лѣт.* стр. 40.

(221) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 75, гдѣ сказано, что у Дмитра, Посадника и богатаго купца, были села; см. также выше, стр. 22, примѣч. 30, и Т. II, примѣч. 158.

(222) Какимъ образомъ Татищевъ могъ вообразить, что наша Кормчая Книга сочинена Патріархомъ Никономъ? Вотъ слова Татищева: «Никонъ, великую книгу законовъ церковныхъ сочиня, назвалъ Кормчая» (см. Судебникъ Царя Іоанна Васильевича, стр. 232, примѣч. 4). Она напечатана при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, по *благословенію Іосифа Патріарха* (слѣдственно прежде Никона), но была извѣстна въ Россіи вѣка за четыре до временъ его: что доказывается харатейною Кормчею Книгою, писанною для Софійской и Новогородской церкви около 1280 года (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65). Положимъ, что Татищевъ не видалъ древнихъ списковъ ея; но одинъ слогъ долженствовалъ бы увѣрить его, что она сочинена не во времена Алексія Михайловича, и даже переведена безъ сомнѣнія не у насъ: ибо въ ней говорится о чиновникахъ, которыхъ никогда не бывало въ Россіи — на примѣръ (гл. 46): довлѣетъ бо *Жупаномъ* часть Княжа.» Жупаны находились только (*) въ землѣ Южныхъ Славянъ (см. нашей *Исторіи* Т. I, стр. 45) гдѣ и переведенъ сей Номоканонъ; а Россіяне, принявъ оный, старались только объяснить смыслъ темныхъ рѣченій, и замѣняли слова, чуждыя нашему діалекту, собственными. На примѣръ, въ нѣкоторыхъ спискахъ и въ печатномъ Номоканонѣ сказано (гл. 1): «*свѣне* токмо младыхъ сочивъ;» а какъ сей предлогъ не употреблялся въ Россіи, то въ самомъ древнемъ Софійскомъ спискѣ поставлено *кромѣ*, вмѣсто *свѣне*, и проч.

Кормчая Книга содержитъ въ себѣ и нѣкоторые гражданскіе законы, коими въ случаяхъ, не опредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ, руководствовались наши судьи въ государствованіе Іоанна III (см. Т. VI, примѣч. 324). Царь Алексій Михайловичь, уже издавъ *Уложеніе*, счелъ за нужное въ 1654 году разослать ко всѣмъ Воеводамъ выписки изъ Греческихъ законовъ Номоканона, и велѣлъ судить по онымъ дѣла уголовныя: о чемъ будемъ говорить въ Исторіи XVII вѣка, и тогда представимъ достопамятный указъ Царскій въ подлинникѣ.

(223) См. *Воскресенск. Лѣт.* I, 284, 301; II, 57, и *Новогородск. Лѣт.* 83; также сей Исторіи Т. II, примѣч. 425, и выше, примѣч. 29 и 81. Ростовцы изгнали Епископа Леона, Князь Черниговскій Антонія, и проч. — О Епископѣ Кириллѣ сказано въ Пушкинской лѣтописи такъ: «тогожь лѣта (6737) Кирилъ, Епископъ Ростовскій, оставивъ Епископью, приде въ Суждаль къ Св. Дмитрію въ свою келью, хотя лечити свою немочь. Бяше же ему лице измѣнилося, акы почернѣло отъ недуга, устнѣ отолстѣли и носъ. Къ тому же и еще приде нань искушенье акы на Іева въ одинъ день, мѣс. Септ. въ 7; все богатство отъяся отъ него нѣкакою тяжею, судивше Ярославу тако, ту сущю ему на сонмѣ. Бяшеть бо Кирилъ богатъ кунами и селы, и всѣмъ товаромъ и книгами, и просто рещи, такъ бѣ богатъ всѣмъ, якъ ни единъ Епископъ бывъ въ Суждальстѣй области. Онъ же о всемъ томъ вздасть Господеви хвалу, пострижеся въ скиму тогожь мѣсяца въ 16 день, и наречено бысть имя ему Кирьякъ; а что ся ему оста, то роздая любимымъ и нищимъ . . . Ѳоминой недѣли въ Среду (6738) преставись Кирилъ Епископъ въ монастыри Св. Дмитрія, ту и положенъ бывъ 17 Апр.»

(224) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 39 и 140, Новогород. 62, и сію *Исторію* въ описаніи 1150 года.

(225) См. Т. II, примѣч. 126, и *Воскресенск. Лѣт.* I, 205. Далѣе см. *Рос. Библіот.* стр. 94 и 204, *Воскр. Лѣт.* II, 33, и выше, примѣч. 23. О Конюшихъ упоминается въ Ярославовой *Правдѣ*. *Сѣдельники* и *Кощеи* также были въ числѣ придворныхъ: см. Т. II, примѣч. 42.

(226) См. выше, примѣч. 23 и 86.

(227) См. выше, примѣч. 46. Имя *Пасынковъ* въ смыслѣ Боярскихъ Отроковъ есть весьма древнее. Въ Несторово время одно мѣсто въ Кіевѣ называлось *Пасынча бесѣда* (см. Т. I, примѣч. 359) то есть, сборное мѣсто сихъ военныхъ людей.

(228) Такъ вооружались Переяславскіе *граждане* для спасенія Владиміра Глѣбовича (см. выше, стр. 68) и поселяне Суздальскіе для отраженія Новогородцевъ и Смолянъ въ 1216 году: см. выше.

(229) См. Т. II, примѣч. 119.

(230) См. *Воскр. Лѣт.* II, 84, 111 — *Рос. Библіот.* 136 и *Новогород. Лѣт.* 93.

(231) Войско Андрея Боголюбскаго, осаждавшее Вышегородъ въ 1173 году; но кромѣ дружинъ его союзниковъ.

(232) См. Т. II, примѣч. 118 и 205 — выше, примѣч. 168 — *Рос. Библіот.* 223, 224 — *Новогород. Лѣт.* 38, и Liefländ. Chr. I, 193, 195.

(233) См. *Воскр. Лѣт.* II, 76, и сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 410, 419 и 420.

(234) См. въ Бержерон. Voyages путешествіе Рубруквиса (въ 1253 году) стр. 1 и 5. Россіяне давали за возъ соли по двѣ ткани бумажныя, которыя стоили 1/2 *гиперпера* или Константинопольскаго червонца (см. Дюканж. de infer. ævi numismat. Dissert. стр. 71).

(235) См. Sammlung Russ. Gesch. Т. II, стр. 10, 83. Половцы не владѣли Херсонскою областію.

(*) Въ Богеміи, Польшѣ, Трансильваніи. (Отмѣтка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ И. Г. Р.).



293

(236) См. Фоліет. Hist. Genuens. стр. 297.

(237) См. выше, стр. 42, и *Рос. Библіот.* 278.

(238) См. выше, примѣч. 19 — Т. II, примѣч. 239 — *Патерикъ* въ житіи Св. Агапита, и *Слово о полку Игоревѣ* стр. 22. Венеціяне узнали Россіянъ чрезъ Константинополь со времени Крестовыхъ походовъ. — Объ изгнаніи Мартина Сандомирскаго пишетъ Длугошъ, Hist. Polon. кн. VI, стр. 649.: Wladimirus Kioviensis Dux veritus ritum suum Græcum per fratres Prædicatores, videlicet Martinum de Sandomiria, Priorem Kioviensem, et alios fratres ejus, utpote viros Religiosos et exemplares, pessundari et confundi, præfatos Fratres de Ecclesia S. Mariæ in Kiow, ordini præfato consignata, et circa quam habebant suum conventum, expellit, redeundi facultatem eis interminans. Энгель въ своей Gesch. von Halitsch, стр. 556, ссылаясь на Окольскаго, сочинителя книги Russia Florida, разсказываетъ, что Владиміръ выгналъ тогда Доминиканскаго Монаха Іакинѳа; что сей Монахъ, вылечивъ прежде его дочь и возвративъ ей зрѣніе, пользовался отмѣнною милостію Княжескою, съ дозволенія Владимірова проповѣдывалъ Латинскую Вѣру въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Москвѣ и проч. Это сказка. Владиміръ не могъ дозволить Іакинѳу проповѣдывать въ Черниговѣ и Москвѣ, ибо сіи города не зависѣли отъ него. Къ тому же Іакинѳъ находился въ Кіевѣ послѣ 1240 года (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 9).

(239) См. *Путешествіе* Палласа, I, 192 — Лепехина *Записки*, I, 272 — Миллер. Sammlung Russ. Gesch. V, 214, 428. Сіи надписи переведены для Государя Петра I въ 1722 году Казанскимъ Армяниномъ Иваномъ Васильевымъ. Одна изъ нихъ 557 года; но должно знать, что Армянское лѣтосчисленіе начинается съ нашего 552 года, Іюля 9 (см. l'Art de vérif. les dates). — Нынѣшнее село Болгары (не далеко отъ Тетюшъ) основано на самыхъ развалинахъ древняго Болгарскаго города. Тамъ видны ровъ, валъ и даже каменныя зданія, еще не совсѣмъ разрушенныя временемъ; семь палатъ, четыре башни, два столба. Бывшая тамъ мечеть Татарская обращена въ церковь Св. Николая. Жители называютъ остатки другаго зданія *Греческою палатою и судейскимъ домомъ.* — Арабскій Географъ X вѣка, Ибнъ Гаукалъ (см. Géographie Orientale d'Ebn-Haukal par Silvestre de Sacy) пишетъ о городѣ Болгарѣ и другомъ сосѣдственномъ, сказывая, что въ нихъ около десяти тысячь жителей.

(240) См. Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Bulgar, и Миллер. Samml. Russ. Gesch. VII, 428.

(241) То есть, отъ 619 до 742 года Эгиры (см. Палласа I, 193). Всѣхъ Арабскихъ надписей 47, изъ коихъ 22 одного 623 или 1226 года: Палласъ заключаетъ, что въ семъ году было тамъ моровое повѣтріе. Приведемъ здѣсь одну надпись: «Господь есть Богъ живый и безсмертный... Гробъ Владѣтеля Шахима, Мамякова сына. Мамякъ Мартуловъ сынъ, Мартулъ Суваровъ. Всевышній да успокоитъ его Своимъ милосердіемъ. Умеръ въ году отъ Магомета 623» (см. Лепех. *Записки* I, 274).

(242) См. выше, примѣч. 88.

(243) См. Т. II, примѣч. 256, Саксон. Граммат. стр. 271, и въ Сартор. Gesch. des Hanseat. Bund. I, 191, гдѣ приведено слѣдующее мѣсто изъ грамоты Императора Фридриха, писанной въ 1187 году: Ruteni, Goti, Normanni et ceteræ gentes orientales ad civitatem sepius dictam (Любекъ) veniant et recedant. Тоже сказано въ договорѣ Смоленскаго Князя съ Нѣмцами: см. ниже. Адам. Бременскій (въ Линденбр. стр. 58) около 1070 года пишетъ, что въ его время Датчане доплывали иногда до Новагорода въ 4 недѣли. О церкви Русской въ Готландіи см. Nov. Act. Societ. Upsal. T. II, стр. 101, и ниже.

Королевскіе Шведскіе чиновники, посыланные въ XVII вѣкѣ на островъ Готландскій, привезли оттуда слѣдующее извѣстіе: Ex India, Persia, Arabia, Græcia devehebantur merces Derbendam, Caspii portum maris, hinc per mare istud et Wolgæ fluvium ad urbem Moscuæ, tum porro terrestri primum itinere non longo, et aquis dein variorum fluminum mariumque Wisbyam usque, utpote in centro sitam Balthici oceani, et in qua, sicut gentes aliæ, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque convehendis ac permutandis mercibus propriam. См. Сарт. Gesch. des Hanseat. Bund. I, 381.

(244) Въ Любекскомъ Архивѣ нашелся Латинскій списокъ договора Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новымгородомъ, напечатанный Дреером въ книгѣ *Specimen juris publici Lubecensis*, стр. 177, съ нѣкоторыми выпусками и даже грубыми ошибками: что доказано вѣрнымъ, новымъ спискомъ сей грамоты, не давно присланнымъ изъ Любека къ Е. С., Государственному Канцлеру, Графу Николаю Петровичу Румянцеву. На примѣръ, Дрееръ выпустилъ важныя слова въ концѣ трактата: Via a curia Gotensium trans curiam Regis usque ad forum libera erit et edificiis inoccupata, libertate, quam Rex edidit *Constantinus*; а въ началѣ, вмѣсто *Rex*, *Borchravius* (то есть, Посадникъ) Dux (Тысячскій) et Nogardienses discretiores, поставилъ: *Rex Borchramus.* Еще не видавъ сего новаго списка (который будетъ скоро изданъ), Лербергъ угадалъ истину (см. его Untersuchungen, стр. 239 — 272). — Предложимъ содержаніе грамоты.

«Во имя Бога Всемогущаго... Аминь, и проч. Купцы Нѣмецкіе и Готландскіе да торгуютъ свободно въ областяхъ Новогородскихъ, какъ издревле бывало; могутъ, входя въ Неву, рубить лѣсъ для своей надобности, и въ случаѣ кораблекрушенія жители должны не грабить ихъ, но оказывать имъ всякую помощь: въ удостовѣреніе чего Князь и Бояре Новогородскіе цѣлуютъ святый крестъ.» (Въ подлинникѣ: Cum mercatores Theutonici vel Gotenses veniunt in *Berko*, in regno regis Nogardiensium, и проч. Сей *Берко* есть *Біорко*, на Юго-Западъ отъ Выборга. Ежели сей островъ принадлежалъ тогда къ Новогородскимъ владѣніямъ, то предлагаемый договоръ былъ писанъ прежде 1293 года, когда Шведы овладѣли сею частію Кореліи. См. Лерберга Untersuchungen, стр. 258).

«За всякую обиду, сдѣланную гостю, отвѣтствуетъ Правительство. Если въ пути украдутъ у Нѣмца вещь цѣною ниже полугривны кунъ, то воръ можетъ откупиться отъ наказанія двумя гривнами кунъ; а если она дороже, но стоитъ менѣе полугривны серебра, то виновный долженъ быть *наказанъ розгами и заклейменъ на щекѣ*, или заплатить десять гривенъ серебра. За важнѣйшее воровство казнить смертію. Преступленіе, учиненное въ Ижерской области, судится ея Тіуномъ; а если онъ чрезъ два дни не явится, то *старшины гостей могутъ сами наказать вора* по означеннымъ правиламъ.

«Когда *гости зимніе*, или желающіе зимовать въ Новѣгородѣ, будутъ на Ижерѣ, Тіунъ высылаетъ лодошниковъ, кои немедленно отправляются съ гостями, дающими каждому изъ нихъ 8 кунъ или мордокъ и двѣ салфетки, или вмѣсто оныхъ 3 мордки, а *гости лѣтніе* сверхъ того четыре хлѣба и сосудъ масла или 2 куны за хлѣбы, а за масло три мордки.» (Въ подлинникѣ названы лодошники vectores и ductores или Vorschkerle, рѣка Ижора Vorsch, Тіунъ Oldermannus. Ижерскій приставъ долженъ былъ извѣстить Тіуна о прибытіи

гостей. Собравшимся лодошникамъ позволялось только однажды сварить себѣ кушанье (decoquetur eis unum caldarium, et non plus), чтобы не задерживать купцевъ. *Куньи мордки*, capita Martatorum, вообще то же, что куны: см. Т. I, примѣч. 524; но куны были различныя. Въ договорахъ Князя Тверскаго Михаила съ Новымгородомъ упоминается о кунахъ долгихъ (см. ниже). Собственно такъ называемая *кунья мордка* превосходила, кажется, въ цѣнѣ обыкновенную куну: ибо въ трактатѣ сказано, что за печеный хлѣбъ гости платили 2 куны, а за сосудъ масла 3 мордки куньи, то же за пару салфетокъ. Лодошники получали сію плату дошедши съ гостями до рыбачьихъ хижинъ). «Пошлина въ Новѣгородѣ» — платимая въ какомъ-то мѣстѣ Gestevelt — «уставлена равная *для зимнихъ и лѣтнихъ гостей:* съ каждаго изъ судовъ купеческихъ гривна кунъ; съ нагруженнаго мясомъ (соленымъ), мукою и пшеницею $^1/_2$ гривны, а съ другихъ съѣстныхъ припасовъ нѣтъ никакого сбора. Гости, взявъ Рускую ладію съ Невы, въ Новѣгородѣ даютъ лодошнику уставленную цѣну и окорокъ ветчины или 5 гривенъ купъ; если же ладія встрѣтилась имъ на Волховѣ или на Ладожскомъ озерѣ (Aldagen), то платятъ единственно половинную цѣну. Буде ладія отстанетъ въ пути отъ другихъ или разобьется, то лодошникъ хотя и не отвѣтствуетъ за сіе несчастіе, однакожь не можетъ требовать платы; но за товаръ, испорченный имъ отъ небреженія, платитъ купцу. Если гости и лодошники, имѣвъ въ пути ссору, примирятся, то уже не надобно поминать объ ней въ Новѣгородѣ.

«Гости, по древнему обыкновенію, могутъ свободно, входя въ Неву, торговать съ Корелою и съ Ижерцами.

«Въ Новѣгородѣ за перевозъ товаровъ на гостиной дворъ Нѣмцы платятъ съ ладіи 15 кунъ, а Готландцы 10. Тамъ Новогородцы не могутъ предписывать никакихъ законовъ въ куплѣ. Сіи гостиные дворы пользуются неограниченною свободою. Ежели укроется въ оныхъ преступникъ, то иноземцы не обязаны выдавать его: онъ судится единственно тамошнимъ судомъ. Герольды и Бирючи не входятъ ни въ Нѣмецкій, ни въ Готландскій дворъ: одинъ Посолъ Княжескій имѣетъ сіе право. Обиженный Россіяниномъ гость жалуется Князю и Тіуну Новогородскому, обиженный гостемъ Россіянинъ Старѣйшинѣ (Oldermanno) иноземцевъ, который одинъ можетъ взять его подъ стражу. Ссоры между Россіянами и гостями судятся на дворѣ Св. Іоанна (см. Т. IV, примѣч. 154) Княземъ, Старѣйшиною (иноземцевъ) и Новогородцами. Неистовая забава, въ коей люди бьются дрекольемъ (см. Т. IV, примѣч. 154), не должна быть терпима на улицѣ между дворами Нѣмецкими, чтобы Россіяне и гости не имѣли повода къ ссорамъ. Кто силою вломится въ гостиный дворъ и сдѣлаетъ Нѣмцамъ обиду, тотъ подвергается ихъ произвольной мести, а начальство за него не вступается; если же уйдетъ и будетъ обличенъ семью свидѣтелями, долженъ заплатить двойную виру или двадцать гривенъ серебра, а каждый его сообщникъ двѣ гривны серебра, сверхъ особеннаго убытка, причиненнаго симъ насиліемъ. Когда же виновный бѣденъ, за него платятъ Новогородцы. Если преступникъ будетъ задержанъ на дворѣ Нѣмецкомъ, то его должно наказать всенародно. Кто дерзнетъ ломать ворота или заборъ сего двора, или пустить въ оный *стрѣлу*, или бросить камень, тотъ платитъ десять гривенъ серебра.

Всѣ приходящіе на гостиный дворъ торгуютъ въ ономъ свободно; нѣтъ розницы между Россіяниномъ и Нѣмцемъ (modica vel nulla est differentia). Гости пользуются такою же свободою внѣ сего двора.

Нѣмцы могутъ невозбранно учить своихъ отроковъ языку Русскому. Отъ церкви Св. Николая до гостинаго двора и самой улицы не должно застроивать никакого мѣста. — Кладбище Св. Петра, торговые дворы Нѣмцевъ и Готландцевъ могутъ быть обносимы заборомъ, какъ и прежде. Церкви (Нѣмецкія) Св. *Петра* и Св. *Николая* въ Ладогѣ пользуются, какъ и въ старину, особенными, отведенными имъ лугами.

«Если будетъ ссора между *зимними гостями* и Россіянами, то *лѣтнимъ гостямъ* нѣтъ до оной никакого дѣла, и вообще каждый иноземный купецъ, не смотря на сію распрю, имѣетъ свободный выѣздъ изъ Новагорода. Ежели она не будетъ прекращена ни въ годъ, ни въ два, то на третій годъ Новогородцы уже могутъ поступить съ гостями какъ съ непріятелями: описать ихъ имѣніе, заточить, и проч.» (fiet *Pandatio* admittetur. Глаголъ pandare означалъ apposer ban sur quelque chose: см. Дюканж. Glossar. Такъ Новогородцы поступили съ Нѣмцами въ 1188 году). «Россіянинъ не имѣетъ также права задержать въ домѣ у себя иностранца; но долженъ объявить его вину Старѣйшинѣ, который предостерегаетъ своего единоземца.

«Въ случаѣ войны между Новымгородомъ и странами окрестными гость Нѣмецкій или Готландскій, ни мало не участвуя въ оной, воленъ ѣхать, куда ему угодно. Нельзя также принудить его, чтобы онъ вооружился и шелъ въ походъ съ Новогородцами. — Гость Нѣмецкій, желая изъ Новагорода отправиться въ Готландію, даетъ гривну серебра въ церковь Св. Пятницы» (Sti Vridach, т. е. Freytag).

«Во всякой тяжбѣ гостя съ Россіяниномъ должны быть свидѣтелями два гостя и два Россіянина. Если Россіянинъ и гости несогласны въ свидѣтельствѣ, то жребій рѣшитъ, на чьей сторонѣ истина. Новогородецъ, будучи должникомъ гостя и другаго Новогородца, обязанъ заплатить прежде гостю; а если не можетъ, то лишается свободы, вмѣстѣ съ женою и съ домочадцами. Заимодавецъ выводитъ его на торгъ, и воленъ увезти изъ Новагорода, буде никто не искупитъ сего должника.

«Ежели — чего Боже сохрани — убіетъ кто Священника, Старѣйшину и Посла, то убійца платитъ двойную виру или 20 гривенъ серебра; въ другихъ случаяхъ 10 гривенъ; за убіеніе холопа 2 гривны серебра; столько же и за рану свободнаго человѣка, а за рану холопа $^1/_2$ гривны; за пощечину столько же.

«Вѣсы гостинаго двора могутъ быть два раза въ годъ повѣряемы: на нихъ должно вѣсить всѣ товары Нѣмецкіе и Россійскіе. Гость платитъ вѣсовщику 9 векшей съ капи, или съ двѣнадцати пудъ» (9 Schin de Cap.) См. О *капи* ниже. Векша названа здѣсь Schin. По Смоленскому, ниже предлагаемому договору надлежало платить вѣсовщику съ двухъ капей одну куну: изъ чего можно заключить, что Смоленская куна равнялась цѣною съ 18 Новогородскими векшами; а какъ въ гривнѣ серебра было въ 1228 году Смоленскими кунами четыре гривны, а Новогородскими въ 1230 году семь гривенъ, то вѣроятно, что куна вообще содержала въ себѣ десять векшей (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 527). «Избранный Новогородцами вѣсовщикъ цѣлуетъ крестъ во увѣреніе, что не будетъ никого обманывать, и за вѣшеніе металловъ драгоцѣнныхъ не беретъ платы. Узаконенный пробирщикъ, взявъ отъ гостей серебро для плавки, долженъ, возвращая имъ оное, исключить примѣсъ. Иноземецъ можетъ требовать вторичной повѣрки въ вѣсѣ своего металла. За пробирщика,

буде онъ не возвратитъ гостю серебра его, отвѣтствуютъ Новогородцы. Вѣсъ, называемый *капь*, содержитъ въ себѣ 8 Ливонскихъ талантовъ» (въ талантѣ было 60 фунтовъ). «Законная мѣра для продажи и купли есть та, которая хранится въ (Нѣмецкой) церкви Св. Петра.

«Гости зимніе и лѣтніе, отправляясь изъ Новагорода, могутъ взять на Ижерѣ проводника, коему даютъ 8 мордокъ и 1 хлѣбъ. Они вольны ѣхать съ товарами и на собственныхъ лошадяхъ.

«Дворъ Готландскій съ церковію, съ кладбищемъ Св. Олава и съ окрестными лугами по древнему уставу должны быть отъ всего свободны. Мѣсто вокругъ сего двора на 8 шаговъ принадлежитъ Готландцамъ: тутъ не строить никакого зданія, и не складывать лѣсу. Они уже не обязаны мостить и чистить мостовыхъ за прежній, проданный ими дворъ.

Какими правами и выгодами пользуются гости въ землѣ Новогородской, такими же пользуются и Новогородцы въ Готландіи. — Аминь.»

Вѣроятно, что сей любопытный трактатъ писанъ скоро послѣ временъ Константиновыхъ или около 1230 года; но дѣйствительно ли былъ принятъ и утвержденъ Новогородцами? не думаю: ибо не находимъ въ немъ ни года, ни именъ Князя, Посадника и Тысячскаго, которыя обыкновенно означались въ Новогородскихъ грамотахъ. Вѣроятно ли также, чтобы Новгородъ далъ иноземцамъ право судить Россійскихъ преступниковъ, буде не явится Тіунъ въ уставленный срокъ, и чтобы за воровство маловажное (нынѣшними деньгами отъ одного до пяти или шести рублей) клеймили, а за важнѣйшее казнили воровъ смертію, въ землѣ, гдѣ самый убійца откупался серебромъ? Иноземные купцы, опасаясь частаго воровства болѣе, нежели рѣдкихъ убійствъ, могли предложить сей законъ; но могло ли Новогородское Правительство согласиться на оный? Александръ Невскій казнилъ развратителей своего сына, и народъ свергалъ мятежниковъ съ мосту; но такія преступленія были уже государственныя, а не частныя или не гражданскія, обыкновенно наказываемыя у насъ денежными пенями отъ временъ Ярослава до XIV вѣка. — Однакожь во всякомъ случаѣ памятникъ нашихъ купеческихъ связей съ Германіею, ознаменованный печатію древности, стоитъ замѣчанія, изображая путь и средства Нѣмецкой торговли въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи. Мы не усомнились внести нѣкоторыя обстоятельства сего договора въ нашу Исторію.

Не знаемъ, съ котораго времени существовала Нѣмецкая церковь въ Новѣгородѣ. Вотъ сказка, сочиненная въ новѣйшія времена и выписываемая нами изъ одной старинной книги Волоколамскаго монастыря: «Въ лѣта благочестивыхъ В. Князей Рускыхъ, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша Нѣмцы отъ всѣхъ *седмидесяти городовъ*» (слѣдственно будто бы уже во время Ганзы) «Посла своего, биша челомъ *Архіепископу* и всему Вел. Новугороду, глаголюще: милыи наши съсѣды! дайте намъ мѣсто у себе посредѣ града, гдѣ поставити божница по нашей Вѣрѣ и обычаю. И Новогородцы отмолвиша имъ, рекуще: у насъ стоятъ всѣ церкви православныя: ино кое причастіе свѣту ко тмѣ? Бѣ же тогда Посадникъ Степенный *Добрыня*» (не уже ли дядя Св. Владиміра?). «И Нѣмцы своимъ лукавствомъ биша челомъ Посаднику и даша ему посулъ великъ. Добрыня же повелѣ Нѣмцамъ говорити Старостамъ купецкимъ и купцомъ: только нашей божницѣ, храму Свв. Апостолъ Петра и Павла, не быти въ Новѣградѣ, ино вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городомъ не быти же. И то слышавше, Старосты и всѣ гости Новгородцкіе начаша бити челомъ Архіепископу и всему В. Новугороду: пожалуйте, поволите Нѣмцомъ поставити ропату. Та же и Посадникъ начатъ говорити. И Архіеп. и Новгородцы поволиша Нѣмцомъ поставити ропату, а мѣсто укажетъ Посадникъ. И Нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ церковь деревяна Св. Іоанна Предотечи. Добрыня же, ослѣпленъ мздою и наученъ Діаволомъ, повелѣлъ церковь Св. Предотечи снести на ино мѣсто. Предотеча же Господень не терпя вражія навѣта, и въ нощи услыша пономарь тоя церкви гласъ его: заутра, на третьемъ часу дневномъ, иди на Великій мостъ и повели Новгородцемъ смотрѣти Добрынина чюда. И абіе стекошась множество народа на мостъ. И какожь поѣха Добрыня съ Вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людми своими, и внезапу пріиде вихрь и веземъ насадъ, взнесе на высоту яко болѣ дву саженей и удари о воду, и ту потопе Посадникъ Добрыня къ дну, а прочихъ всѣхъ перенимаша въ судѣхъ въ малыхъ перевозники; и тако неводы и мрежами едва възмогоша вывлещи тѣло его изъ рѣки. За свое жь лукавьство не получи и погребенія. — Сія ми повѣда Игуменъ Сергій Островьского монастыря отъ Св. Николы, отець Закхіевъ, нынѣшнего Игумена Хутиньского. — И якоже совръшиша Нѣмцы ропату свою и наяша иконниковъ Новгородцкихъ и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатнѣмъ углу, на полуденнѣй странѣ вверху, на прелесть Христіаномъ; и якоже написаша иконописцы, а Архіепископа не доложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ пріиде туча съ дождемъ и съ градомъ и выбило градомъ и мѣсто то, идѣ же былъ написанъ образъ, и левкась» (грунтовую краску) «смыло дождемъ.»

(245) Сія краткія, но достовѣрныя извѣстія собраны г. Сарторіемъ въ его Geschichte des Hanseatischen Bundes, T. I, стр. 189-198, и T. II, стр. 428-454. Тамъ упоминается, отъ XIV до XV вѣка, о частыхъ жалобахъ Новогородцевъ на обманы Ганзейскихъ купцевъ въ добротѣ и мѣрѣ Фламанскихъ суконъ, и проч. — Справедливо сомнѣваясь о мнимыхъ *несмѣтныхъ* богатствахъ тогдашняго Новагорода, Сарторій прибавляетъ, что тамъ до 1383 году не было даже и моста черезъ Волховъ! Сей ученый Историкъ не сказалъ бы того, если бы зналъ Новогородскую лѣтопись.

(246) См. Т. II, примѣч. 64.

(247) См. Торфея Hist. Norveg. IV, 154, и Далина Gesch. des Schwed. R. II, 144.

(248) Древній харатейный списокъ сего важнаго договора находится въ библіотекѣ Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина. Мы обязаны сообщить оный любопытнымъ читателямъ отъ слова до слова:

«Князь Мстиславъ Давыдовиць послалъ свои мужи, Еремѣя Попа, Пантелѣя Сотьского, отъ Смольнянъ въ Ригу, а изъ Риги на Готьскый берегъ, утверживати миръ, а розлюбье на сторону отвеморечи, которое было межи Нѣмци и Смольняны; а за тотъ миръ страдалъ (старался) Рулфъ изъ Кашля (Касселя?) и Тумашъ Михайловичь, абы добросердье межь ихъ было, абы Рускымъ купцемъ въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, а Нѣмечкымъ купцемъ въ Смоленьской волости любо было, какъ миръ утверженъ, и добросердье абы въ вѣкы стояло, и Князю любо бы и всимъ Смолняномъ и Рижаномъ и всимъ Нѣмчемъ, по Всточному морю ходящимъ, оже такую правду въписали, которою правдою быти Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, абыша тоя правды держали и въ вѣкы.

«Богъ того не дай, оже розбой по грѣхомъ пригодитьсь межи Нѣмци и Руси, что за что плати-

ти, абы миръ не раздрушенъ, абы Нѣмцичю любо было. — А се починокъ правдѣ :

1. «Оже убьють вольнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра по 4 гривны кунами или пѣнязи, а за холопа гривна серебра ; аже кто холопа ударить, гривна кунъ. Та же правда буди и въ Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и на Готьскомъ березѣ.

ер2. «Аще око выбьють или руку отътнуть, или ногу, или иная которая храмота на тѣлѣ явиться, 5 гривенъ серебра, а за зубъ 3 гривны серебра. Таже правда буди въ Смоленскѣ и на Готьскомъ берегу.

3. «А кто деревомъ ударить человѣка до крови, полторы гривны серебра ; аже ударить по лицю или за волосы иметь, или батогомъ шибеть, платить безъ четверти гривна серебра ; аже послови (послу) пригодится пакость или Попови, въ всякой обидѣ за два человѣка платити дань.

4. «Аще кто друга ранить, а хромоты на тѣлѣ не будеть, полторы гривны серебра платити.

5. «Аще Рускый гость или въ Ризѣ, или на Готьскомъ березѣ извинится (будетъ виноватъ), пикакоже его всадити въ дыбу (колодку), оже будеть порука понь; не будеть ли порукы понь, то лзѣ всадити въ желѣза. Или Нѣмецкый гость извинится, не лзѣ его верецп въ погребъ ; оже не бунеть понь порукы, лзѣ его всадити въ желѣза.

6. «Оже Нѣмечкый гость дасть свой товаръ въ долгъ въ Смоленьскѣ, а Русинъ будеть долженъ Руси, ино Нѣмцичю напереди взяти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

7. «Аще Князь вэверьжеть (гнѣвъ) на Русина, и повелить его разграбити съ женою и съ дѣтьми, а Русинъ будеть долженъ Нѣмцичю, (то Нѣмцичю) напередъ взяти, а потомъ како Богови любо и Князю. Таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ берегу.

8. «Или Нѣмечкый гость дасть холопу Княжю или Боярьску, а кто задницю (наслѣдіе) его возметь, то у того Нѣмцичю товаръ взяти. Таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ берегѣ.

9. «Русину же не лзѣ вести одииаго Русина въ послушьство, ни двою. Таже правда буди Нѣмцемъ въ Смоленскѣ.

10. «Русину же не лзѣ имати Нѣмчина на желѣзо» (испытаніе посредствомъ раскаленнаго желѣза) «такоже и Нѣмцичу Русина; аже возлюбить самъ своею волею, то его воля.

11. «Русину же не лзѣ позвати Нѣмцича на поле (поединокъ) въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ, или Нѣмечкый гость битися въ Руси межи собою мецн или сулицами, Князю то ненадобѣ и никакому Русину, а правятся сами по своему суду.

12. «А иметь Русинъ Нѣмчича у своеи жены, ино за соромъ 10 гривенъ серебра : такоже Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ берегу.

13. «Аще которой Нѣмцичь учинить насилье надъ вольною женою въ Смоленскѣ, а дотолѣ было не слышати блядиѣ ей, 10 гривенъ серебра за соромъ ; таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ.

14. «А како услышить Волоскый Тіунъ, еже гость Нѣмечкый пріѣхалъ въ Смоляны на Волокъ, послати ему своего человѣка вборзѣ къ Волочаномъ, ать перевезуть Нѣмечкый гость съ товаромъ; а никтожь иметь имъ пакостити, занеже въ той пакости велика нагуба бываеть Смоляномъ отъ поганыхъ. И Нѣмцемъ метати жеребьи, кому пойти напередъ. Аще иный гость будеть Рускый, тому пойти позади.

15. «А како будеть гость Нѣмечкый въ городѣ, дати имъ Княгини поставъ частины, а Тивуну Волочному рукавичь перьстатый Готьскый» (рукавицы съ перстами или перчатки).

16. «А который Волочанинъ вскладываеть товаръ Нѣмечкый или Смоленскый на кола своя черезъ Волокъ везти, а что погыбнеть того товара, всимъ Волочаномъ платити. Таже правда буди Русину и на Готьскомъ березѣ.

17. «А како будеть Нѣмечкый гость въ Смоленьскѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безо всякія борони (препятствія) ; а какъ будеть Рускый гость въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, вольножь ему продати безо всякой борони.

18. «Аще который Нѣмчиць хочеть пойти съ своимъ товаромъ въ иный городъ, Князю не боронити, ни Смоляномъ : или который Русинъ всхочеть съ Готьскаго берега въ Нѣмечкую землю въ Любокъ (Любекъ), Нѣмцемъ не боронити пути того.

19. «Аще который Русинъ возметъ товаръ у Нѣмчица, а понесеть товаръ изъ двора, тый товаръ не ворочается; или который товаръ купилъ у Русина и понесеть изъ двора, тый товаръ не ворочается.

20. «Русину же не лзѣ позвати на опцій (обцій) судъ, развѣе на Смоленскаго Князя; аже возлюбить Нѣмцичь на опьчій судъ, то его воля. А Нѣмцичю не лзѣ позвати Русина въ Ригѣ или на Готьскомъ берегѣ на опчій судъ : всхочеть ли Русинъ на обчій судъ, то его воля.

21. «Русину же не лзѣ приставити Дѣчкаго» (Дѣтскаго, Отрока, военнаго пристава) «къ Нѣмцичю въ Смоленьскѣ, но преже обвѣстить старѣйшему ихъ : оже старѣшина его не умолвить, то лзѣ ему приставити. Такоже и Нѣмчичю въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ, не лзѣ ему приставити Дѣтьского.

22. «Оже будеть Русину товаръ имати на Нѣмчичи или въ Ригѣ, или на Готьскомъ березѣ, въ которомъ городѣ въ иномъ Нѣмечкомъ : пойти истцю къ истьчю, и взяти ему тая правда, которая въ томъ городѣ ; а рубежа имъ не дѣяти ; а Нѣмчицю таже правда взяти въ Руси.» Слово *рубежъ* употреблено здѣсь въ смыслѣ насильственнаго захваченія (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣчаніе 213).

23. «А Нѣмчичю платити вѣсцю отъ двою капью (съ 24 пудъ) куна Смоленская.

24. «Оже купити Нѣмцичю гривну золота, дати ему ногата вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

25. «Или который Нѣмцичь купить судъ (сосудъ) серебряный, дати ему отъ гривнѣ куна вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

26. «Аще купить Нѣмцичь гривну серебра, дати вѣсцю 2 векши, или продасть, не дати ему.

27. «Оже Нѣмчинъ дасть серебро платить, дати ему куна Смоленьская гривенъ (съ гривны).

28. «Аще воцный пудъ» (вощаной вѣсъ или 12 пудъ) «исказиться, лежить капь во святій Богородици на горѣ, а другая въ Нѣмечкой Богородици : то тымъ пудъ извѣряче, право учинити. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

29. «Нѣмчичю же всякой товаръ вольно купити безъ борони въ Смоленьскѣ, такоже и Русину вольно купити всякый товаръ безъ борони въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

30. «Нѣмчичю же не надобѣ никое мыто изъ Смоленьска до Ригѣ, а изъ Ригы до Смоленьска ; такоже и Русину не надобѣ мыто съ Готьскаго берега и до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленьска.

31. «Аще Смоленьскый Князь пойдеть на войну, не надобѣ ему (Нѣмцу) ѣхати ; оже всхоцеть съ Княземъ, то своя ему воля ; такоже буди и Русину воля въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

295

32. «Аже Русинъ или Нѣмчичь иметь татя у своего товара, въ томъ его воля, что хочеть учинити.

33. «Русину же не дати пересуда (судной пошлины) ни въ Ригѣ, ни на Готьскомъ берегѣ, ни Нѣмчичю же платити пересуда въ Смоленьскѣ или у Князя, или у Тіуна, или урядили будутъ добріи мужи; болѣ же того не поимати ни въ Ригѣ, ни на Готьскомъ березѣ. Таже правда буди Нѣмечкому гостю въ Смоленьскѣ.

34. «А пудъ (вѣсъ) дали Нѣмчи Волочаномъ, иже имъ товаръ возити всякому гостю, и коли исказиться, а подругъ (такой же) его лежить въ Нѣмечькой божницѣ, а другый ковати извѣрявше тими.

35. «Епископъ же Рижьскый, Фолкунъ Мастеръ *Божіихъ Дворянъ* (Рыцарей Христовыхъ), и вси волостели по Рижеской земли дали Двину волену отъ устья доверху по водѣ, и по берегу всякому гостю Рижьскому и Нѣмечькому ходящимъ внизъ и верхъ. Богъ того не дай, аще кого притца пріиметь, или ладья уразиться Руская, или Нѣмечькая, вольно ему свой товаръ привезти къ берегу безъ всякой борони. Аще будеть въ пособленіе людій мало будеть, а къ тому принаймати людій въ помочь; то, что будеть сулилъ найма, черезъ то болѣ не взяти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, и Нѣмчичю въ Смоленьской волости и въ Полтьской и въ Витебьской. А си грамота написана бысть при Попѣ Иванѣ и при Мастерѣ Фулкинѣ и при Рижьскихъ мужехъ, и при многыхъ купчехъ Рижьскаго Царства, еже есть тѣхъ печать на сей грамотѣ. А се суть сему послуси (свидѣтели) Регембодъ, Тетартъ, Адамъ, горожане на Готьскомъ березѣ; Мемеберъ, Вередрикъ Домомъ изъ Люпка (Любека); Индрикъ, Тонліеръ: таже суть изъ *Южата* (Данцига?) — Кондратъ кривый, Еганъ Кинотъ: ти суть изъ Мунстера (Минстера) — Берникъ и Фолкирь, тиже суть изъ *Глугли* (Греннигена?) — Яремъ, Брахтъ: тиже суть изъ *Дротмины* (Дортмунда) — Индрикъ, Чижикъ: тиже изъ *Дрямь* (Бремена?) — Альбряхъ Слукъ, Берняръ Велетерь, Алеберь судья Рижскій: тоже суть Рижане. Аще который Русинъ или Нѣмчиць противитися всхочеть сей правдѣ, да тотъ противенъ Богу и сей правдѣ.»

(Во II Т. *Собран. Госуд. Грам.* напечатанъ списокъ съ подлинника сей договорной грамоты, хранящагося въ Рижскомъ городскомъ Архивѣ; на одной изъ двухъ серебр. печатей, къ ней привѣшенныхъ, изображено имя В. К. Ѳеодора, т. е. Мстислава. Но какъ Пушкинскій списокъ объясняетъ нѣкоторыя мѣста въ Рижскомъ, то я напечаталъ его и въ этомъ *второмъ* изданіи *Рос. Исторіи*).

(249) См. Т. II, стр. 35.

(250) Вотъ древнѣйшее извѣстіе о судебныхъ поединкахъ въ Россіи, о коихъ столь много говорится въ законахъ Царя Іоанна Васильевича.

(251) Здѣсь называется *волокомъ* пространство между Двиною и Днѣпромъ, чрезъ которое надлежало сухимъ путемъ везти товары.

(252) Во всѣхъ нашихъ старинныхъ Ариѳметикахъ сказано о вѣсахъ такъ: «берковецъ 10 пудъ, *четверть вощаная* (или *капь*) 12 пудъ, ансырь $2\frac{1}{2}$ гривенки и 8 золотниковъ (или 128 золотниковъ), а нынѣшній ансырь фунтъ или 96 золотниковъ, а въ литрѣ $1\frac{1}{2}$ гривенки, а золотниковъ 72,» и проч. Нашъ древній вѣсъ *Капь* содержалъ въ себѣ 8 Ливонскихъ талантовъ, какъ сказано въ заключенномъ между Нѣмцами и Новогородцами трактатѣ. (см. выше, примѣч. 244): Statera, quae dicitur *Cap*, debet in gravitate continere VIII Livonica talenta. — Здѣсь именно означаются куны *Смоленскія*: слѣдственно между сими, Новогородскими и другими кунами была розница.

(253) См. Liefländ. Chron. II, 23. Тамъ сказано, что онъ заключенъ въ 1228 году, на Латинскомъ и Русскомъ языкѣ, и что Мстиславъ Смоленскій подписался за Князей Полоцкихъ и Россіянъ Витебскихъ.

(254) Если бы при Ярославѣ гривна серебра содержала въ себѣ, на примѣръ, не болѣе двухъ гривенъ кунами, то вѣроятно ли, чтобы Князь Смоленскій вдвое уменшилъ пеню за убійство цѣною серебра, опредѣляя взыскивать съ убійцы тѣ же сорокъ гривенъ кунами? Количество драгоцѣнныхъ металловъ безъ сомнѣнія увеличилось въ Россіи съ XI до XIII вѣка. — О Новогородской гривнѣ 1230 году см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣчаніе 527.

(255) Церковь Софіи, Кіевская и Новогородская, также Соборная въ Владимірѣ, построенная Андреемъ; безъ сомнѣнія и другія: ибо Лѣтописецъ сказываетъ за рѣдкость, что Суздальская была отдѣлана одними Русскими художниками.

(256) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 118. Въ харатейныхъ именно прибавлено: «иша мастеровъ отъ Нѣмецъ, но изобрѣте мастеръ отъ Св. Богородицы.» О Милонѣгѣ см. выше, примѣч. 153 подъ годомъ 1198. Сей же Милонѣгъ, думаю, въ 1185 г. построилъ Новогородскую церковь Св. Вознесенія (см. *Новогородск. Лѣт.* г. 6693).

(257) Кіевск. *Патерикъ*, 120, 123.

(258) Я видѣлъ нѣсколько такихъ расписанныхъ листовъ въ древнихъ Евангеліяхъ и другихъ церковныхъ книгахъ. Наименую изъ нихъ двѣ: Псалтирь XII вѣка въ библіотекѣ Московскаго Профессора, Г. Баузе, и весьма же древнее Евангеліе въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина. — Считаю за нужное упомянуть здѣсь о славныхъ, такъ называемыхъ *Каппоніановыхъ доскахъ* (Tabulae Capponianae), о коихъ столь многіе Ученые писали и спорили (см. Ассеман. Kalend. Eccles. Univ. T. I, стр. 1 и слѣд.). Священникъ Герасимъ Фока, уроженецъ Кефалонскій, будучи въ Москвѣ Духовникомъ (какъ увѣряютъ) Государя Петра Великаго, въ даръ отъ него получилъ живописное изображеніе всѣхъ Россійскихъ Святыхъ (въ маломъ видѣ) на пяти доскахъ, съ означеніемъ мѣсяцевъ и дней, когда торжествуется ихъ память. Герасимъ скоро умеръ отъ язвы въ Константинополѣ; а братъ и наслѣдникъ его за 300 червонныхъ уступилъ сіи картины Маркизу Александру Каппонію, отдавшему ихъ, какъ безцѣнное произведеніе *древняго* Русскаго искусства, въ библіотеку Ватиканскую. Необыкновенный блескъ, нѣжность или тонкость красокъ, и даже правильность рисунка удивили Италіянскихъ художниковъ. Самъ Каппоній написалъ о томъ цѣлую книгу въ 1731 году, и думалъ, что такія краски могли быть составлены единственно изъ соку неизвѣстныхъ травъ или какого нибудь химическаго смѣшенія (la vernice è bellissima, e le figure non avendo corpo, ci fanno sospettare che i colori delle medesime sieno composizione de sughi d' erbe, o di mistura somigliante all' alchimia). Игнатій Кульчинскій, Авторъ книги Specimen Ecclesiae Ruthenicae, угадывалъ, что сіи картины писаны во время Владиміра Святаго. Ассемани считалъ оныя памятникомъ XIII вѣка: ибо на нихъ изображены нѣкоторые Святые, признанные Греческою Церковію послѣ Владиміра, но нѣтъ ни одного, жившаго въ XIV столѣтіи: заключеніе вѣроятное для однихъ иностранцевъ! И нынѣ пишутъ у насъ на доскахъ такія Святцы съ изображеніемъ единственно древнихъ Святыхъ Греческихъ. Гладкость и тонкость

красокъ, столь удивительныя для Каппонія, происходятъ отъ того, что наши иконописцы, разводя оныя яичнымъ бѣлкомъ, послѣ обыкновенно лощатъ одежду и лица на образахъ зубомъ или другимъ подобнымъ веществомъ. Однимъ словомъ, Каппоніевы Святцы могли быть произведеніемъ XVII вѣка. Внизу на доскахъ (сдѣланныхъ, по мнѣнію Каппонія, изъ Ливанскаго кедра!) живописцы означили имена свои; на одной: *писалъ Андрей Ильинъ;* на другой: *писалъ Никита Ивановъ;* на третьей: *писалъ Сергѣй Васильевъ.* Ассемани хотѣлъ насъ даже увѣрить, что сіи живописцы были Аѳонскіе Монахи, и Греки!

(259) См. выше, примѣч. 167. Увидѣвъ шелковыя, золотомъ шитыя перчатки въ гробѣ Папы Иннокентія IV, погребеннаго въ 1254 году, Италіянцы хвалятся изобрѣтеніемъ въ Европѣ сего искусства, неизвѣстнаго во Франціи до XV вѣка. Впрочемъ еще въ Библіи упоминается о виссонѣ *швенномъ*, и проч.

(260) См. *Патерикъ* л. 125, 126, 127, 178. Армянинъ говоритъ Св. Агапиту о лекарствѣ: «нѣсть сіе отъ нашихъ зелій, но мню изъ Александріи быти.»

(261) См. Т. II, примѣч. 34, 158, 380, и выше, примѣч. 29, 171, 179; см. также *Патерикъ* Кіевскій и *Степен. Кн.* I, 270, 272.

(262) Сочинитель именуетъ Князей *своего* времени, Ярослава Галицкаго и другихъ, жившихъ въ концѣ XII вѣка. А. С. Шишковъ въ примѣчаніяхъ на *Слово о полку Игоревѣ* утверждаетъ, что сочинитель не отъ себя величаетъ сихъ Князей, но именемъ Святослава: гордый Владѣтель Кіевскій не могъ называть ихъ своими *Господами,* или *Государями*, какъ тамъ сказано (стр. 29, 30): «вступиша, Господина, въ златый стремень . . . стрѣляй, Господине, Кончака,» и проч.

Сочинитель говоритъ (стр. 12): «се вѣтри, *Стрибожи* внуци,» и проч.

(263) О семъ происшествіи 1185 года см. выше, стр. 41. — Всеволодъ, хваля свою Курскую дружину, говоритъ (*Слово о полку Игоревѣ*, стр. 8): «а мои Куряни свѣдоми *къмети*:» *кметями* назывались слуги и дружины: см. ниже, примѣч. 272. Въ титулѣ слово *полкъ* употреблено въ смыслѣ *битвы.*

(264) Сочинитель хочетъ сказать, что Россіяне, обогатившись золотомъ и Греческими тканями, бросили остальное, менѣе драгоцѣнное.

(265) «Се бо *Готскія* красныя дѣвы . . . звоня Рускымъ златомъ,» и проч. Со временъ славнаго Германариха жили Готѳы (см. Т. I, примѣч. 88) въ Тавридѣ, гдѣ властвовали тогда Половцы.

(266) *Слово о полку Игоревѣ*, стр. 31. Издатели несправедливо думали, что сей Романъ и Мстиславъ были сыновья Великаго Князя Ростислава. Романъ Ростиславичь умеръ около 1175 года (см. выше, примѣч. 44), а Мстиславъ, братъ его, въ 1180, Іюня 14 (см. *Новогородск. Лѣт.* стр. 44): слѣдственно Авторъ современный не могъ въ 1185 году звать ихъ на Половцевъ. Здѣсь рѣчь о Романѣ Мстиславичѣ Волынскомъ или Владимірскомъ (который сдѣлался послѣ Галицкимъ) и двоюродномъ братѣ его, Мстиславѣ, сынѣ Ярослава Луцкаго. Авторъ говоритъ ниже: «Ингварь, Всеволодъ» (братья Мстислава Ярославича) «и вси три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрилци.» Сравнивая сихъ *трехъ* братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ *шестокрылыми* для того, что у трехъ птицъ *шесть* крыльевъ; а Мстиславичами именуетъ по ихъ прадѣду, Мстиславу Великому.

(267) Въ томъ смыслѣ, кажется, что его одинъ умъ замѣнялъ *восемь* умовъ. «Отверзаешь путь къ Кіеву»: т. е. кого хочешь, пускаешь въ Кіевъ.

(268) См. Т. II, стр. 43. О смерти Изяслава I, убитаго въ 1078 году вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ (см. Т. II, стр. 50), Сочинитель говоритъ (стр. 16): «съ тоя же Каялы Святоплкъ (или Михаилъ, сынъ Изяславовъ) по *сѣчѣ* я отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Св. Софіи къ Кыеву.» Издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: «по *велѣ я*,» вмѣсто: «по *сѣчѣ я*» то есть, *взялъ.* Сочинитель хочетъ сказать, что Святополкъ взялъ на мѣстѣ битвы и повезъ въ Кіевъ *тѣло* отца своего на Венгерскихъ иноходцахъ; но современный Несторъ пишетъ, что Изяславъ убитъ не далеко отъ Чернигова. —

(269) О семъ счастливомъ походѣ Святослава см. выше, стр. 40.

(270) То есть, Хану, у коего Игорь былъ плѣнникомъ.

(271) Чернеть есть родъ утки.

(272) Сія церковь была построена Мстиславомъ Великимъ (см. Т. II, примѣч. 256). Въ той же книгѣ, въ коей находится *Слово о полку Игоревѣ* (въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина) вписаны еще двѣ повѣсти: *Синагрипъ, Царь Адоровъ*, и *Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ.* Онѣ безъ сомнѣнія не Русское сочиненіе, но достойны замѣчанія по древности слога. Первая сказка начинается такъ:

«Въ то время азъ Акырь *книгчій (книжникъ)* бѣ, и речено ми есть отъ Бога; *отъ тебе чадо не родится.* Имѣніе же имѣя паче всѣхъ человѣкъ; пояхъ жену и устроихъ домъ, и жихъ 60 лѣтъ, и не бысть ми чяда, и създахъ требникы (жертвенники) и възгнѣтихъ огнь, и рѣхъ: Господи Боже мой! аще умру, и не будеть ми наслѣдника, и ркуть человѣци: *Акыръ праведенъ бѣ, и Богу истинно служаше; аще умреть и не обрящеться мужескъ плъ* (полъ), *иже постоить на гробѣ его, ни дѣвическъ плъ, иже бы его оплакала; ни иже по немъ задницу* (наслѣдство) *възметь...* И нынѣ прошу у тебе, Господи Боже мой! дажь ми мужескъ полъ: гда преставлюся, да всыплеть ми пръсть (персть) на очи мои.» Сія самая повѣсть переведена съ Арабскаго на Французскій языкъ и напечатана въ Продолженіи *Тысячи одной ночи.* Какимъ образомъ она сдѣлалась извѣстною въ древней Россіи! — Вторая повѣсть изображаетъ богатырство трехъ сыновей одной набожной вдовы, и племянника ихъ, Девгенія. Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Греческой. Сочиненіе не богато стихотворными вымыслами: храбрецы бьютъ людей какъ мухъ и сѣкутъ головы тысячами. Однакожь сообщимъ нѣкоторыя описанія. «Ста Амера на сумежіи Грецкой земли и рече: Боярство мое великое, сынове Аравитьстіи! имѣете ли дръзость на Гречкую землю, противу тъ (той) силѣ плки поставити? И единъ Аравитянинъ велегласно рче. . . устны у него пяди; на конецъ устенъ висяху многы жуковины, и по конецъ носа 12 замка замчена.» О Девгеніи сказано: «двѣнадцати лѣтъ мечемъ играетъ, а на 13 лѣто копіемъ, а на 14 лѣто похупается (покушается) всякый звѣрь побѣдити.» Онъ ѣдетъ къ славной красавицѣ Стратиговнѣ, бренчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебряныхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: «Кажи ми отца своего и братію, каковы суть! И начя дѣва ему глаголати: на отцѣ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ саженъ, а конь у него покрытъ паволокою зеленою; а братія моя суть въ сребреныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чрьвленою паволокою покрыты.» Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгеній говоритъ имъ: «азъ старости твоея дѣля пожалую дамъ ти свободу, и сыномъ твоимъ; толико (только) знаменіе свое хо-

шу възложити на васъ. . . И бѣ на Стратигѣ златъ крестъ прадѣда его многоцѣненъ, и у сыновь его *жуковины* многоцѣнны съ драгымъ каменіемь; то вэя у нихъ за знаменіа мѣсто. Онъ женится на Стратиговнѣ, и тесть предлагаетъ ему дары: «Пода Стратигъ своему зятю 30 фаревь (коней), а покрыты драгыми паволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и соколовъ 30 съ кръмилици своими и дасть ему кожуховь 50, сухымь златомь шиты, и паволокъ великыхъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ весь златомь: вмѣщахуся вонь многы тисуща (тысящи) вой, и ужица бяху шатра того шолькова, а колца сребрена; и подасть ему икону злату Св. Ѳеодоръ, и копіа 4 Аравитьская, и мечь дасть прадѣда своего. А теща подасть ему драгыхъ паволокъ зеленыхъ 30, кожуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменьемъ и съ жемьчюгомъ; пръвый шуринъ уноша подасть ему 50 поясовь златокованныхъ, и ина шурья даша ему многы дары, имъ же нѣсть числа.» — Замѣтимъ нѣкоторыя древнія слова въ сихъ двухъ повѣстяхъ: хорекъ называется *дъхорь* (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 65), рогатина *рогвица*, толще *вътиње*, куфшинъ *киея*, слуги *кмети* (у Славянъ Иллирическихъ cmetiti значитъ быть въ подданствѣ). *Жуковина* или *жиковина* есть перстень: сіе слово часто употребляется въ грамотахъ XV и XVI вѣка, особенно въ Крымскихъ.

Въ той же книгѣ находится еще *Сказаніе о Индіи богатой*, или мнимое письмо *Священника Іоанна* къ Мануилу, Греческому Императору. О семъ Царѣ-Священникѣ см. ниже, примѣч. 282. Іоаннъ сказываетъ Мануилу, что ему повинуется въ Индіи 72 Царя; что въ его земляхъ родятся *потамы* (полчеловѣка и полпса) *урши* или медвѣди, Фениксы, рыбы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ, и Сатиры; что люди тамъ не лгутъ, ибо отъ всякой лжи блѣднѣютъ какъ мертвецы; что улицы намощены драгоцѣнными камнями, и проч.

(273) Такъ Епископы убѣждали Святополка II не мучить Василька, а Долгорукаго освободить Берладника; такъ Митрополитъ удерживалъ Новогородцевъ отъ войны междоусобной; такъ Архіепископъ Митрофанъ примирилъ народъ съ Княземъ (см. выше, стр. 105), и проч.

(274) См. Т. II, примѣч. 113. Въ самыхъ монастыряхъ бывали иногда пиры, осуждаемые Митрополитомъ Іоанномъ въ его *Церковномъ правилѣ* (см. Т. II, примѣч. 158). — О Всеволодѣ I говоритъ Несторъ (въ печатн. стр. 133): «бѣ же вздержаясь отъ пьянства.» — О дѣтяхъ побочныхъ см. *Русскую Правду* въ семъ томѣ, отдѣленіе XXXVII; см. также въ договорѣ Князя Смоленскаго съ Нѣмецкими городами статью I.

(275) При Всеволодѣ I (Т. II, стр. 59), Ярополкѣ II, (Т. II, примѣч. 268), при Игорѣ II (Т. II, стр. 123), послѣ Андрея Боголюбскаго (выше, стр. 20), и проч.

(276) См. *Воскресенск. Лѣт.* I, 69.

(277) См. Т. II, примѣч. 380, въ отвѣтахъ Нифонта на вопросы Кириковы.

(278) Не говоря о Святославѣ I, который, будучи слабымъ отрокомъ, уже металъ копья въ Древлянъ, замѣтимъ, что Всеволодъ III, осаждая Пронскъ, имѣлъ съ собою двухъ сыновей, Георгія десятилѣтняго и Владиміра пятилѣтняго (см. выше, примѣч. 125).

(279) См. въ Бержерон. собраніи, Т. I, Voyage de Benjamin, стр. 65. Веніаминъ именуетъ городъ *Пинъ* или *Финъ*; думаютъ, что надобно читать *Хиве* т. е. Кіевъ (см. Шпренгеля Gesch. der Entdeckung 278).

Достойно замѣчанія, что Персидскій Стихотворецъ XII вѣка, Низами, въ своей Поэмѣ Александра Великаго, упоминаетъ о Россіянахъ какъ о союзникахъ сего Героя: озлобясь на нихъ за опустошеніе столицы Королевы Армейской, онъ плѣнилъ Россійскаго Царя, именемъ Кайтала (см. въ Гаммер. Fundgruben des Orients, о твореніяхъ Низами, стр. 119). Это сказка; но свидѣтельствуетъ, что Россіяне въ XII вѣкѣ уже славились могуществомъ въ Персіи.

(280) См. Дегина Histoire générale des Huns, T. III, кн. XV, стр. 2 и слѣд.; также Абульгази-Баядуръ-Хана Histoire généalogique des Tatars, Гобилев. Histoire des Mongous, Пети де-ла-Круа Histoire du grand Genghiskan, и въ Эрбелот. Bibl. Orient. статьи Genghiskhan, Mohammed, и проч. Все, что говорю здѣсь о Моголахъ или Татарахъ, взято изъ сихъ источниковъ.

(281) Езукай, побѣдивъ одного Татарскаго Хана, именемъ Темучина, свѣдалъ о рожденіи сына своего и далъ сему младенцу имя побѣжденнаго Хана.

(282) Дегинъ пишетъ (H. des Huns, кн. XV, стр. 20), что сей Татарскій Ханъ, обращенный въ Христіанство Несторіанскими Миссіонаріями, былъ тотъ *Священникъ* и Царь Іоаннъ, который велъ переписку съ Папами и Государями Европейскими. Онъ славился въ Европѣ во время путешественниковъ Карпина и Рубруквиса (см. Бержерон. Voyages etc. T. I). Фишеръ думалъ, что *Священникомъ Іоанномъ* назывался Патріархъ Несторіанскій (Сибирск. Исторія, стр. 43 и слѣд.). Другіе искали сего романическаго Царя-Пресвитера въ Абиссиніи. Между бумагами, полученными мною изъ Кенигсбергскаго Архива, находятся два письма Великаго Магистра Нѣмецкаго, Конрада фонъ Юнгингена, отъ 20 Генваря 1407 года къ Королямъ Арменіи и *Абассійскому или Священнику Іоанну* (Regi Abassiæ sive Presbitero Iohanni). Здѣсь Abassia означаетъ не Абиссинію, но Кавказскую Абазу или Авхазію. Вотъ новое открытіе для объясненія темной сказки о Священникѣ Іоаннѣ!

(283) Они прислали въ даръ Чингисхану птицу кречета, называемую по-Турецки *Шунгаръ* (см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 205). Сибирскіе Моголы или Мунгалы разсказываютъ, что Чингисханъ имѣлъ главное свое жилище при рѣкахъ Ононѣ и Курюлюмѣ, изъ коихъ первая впадаетъ въ Шилку, а другая въ озеро Далай (см. Миллер. *Исторію Сибирскую*, стр. 3); что Вельможи, избравъ сего бывшаго Царевича въ Ханы, совѣтовались, какое дать ему новое имя; что въ ту минуту какая-то птица закричала: *Чингисъ!* и Вельможи назвали его симъ именемъ.

(284) См. Дегин. H. des Huns, кн. XV, стр. 24, и нашей *Исторіи* T. I, примѣч. 41.

(285) Татары, Турки и Россіяне называютъ Имперію Хинскую Китаемъ отъ имени народа Татарскаго, Китаевъ или Китановъ, владѣвшихъ ея сѣверною частію въ X вѣкѣ, но истребленныхъ во XII столѣтіи Татарами Ніучами, покорившими сію же часть Китая. Ушедши въ Малую Бухарію, Китаны основали тамъ особенную Державу, названную Кара-Китай или Черный Китай, для отличія отъ ихъ прежней восточной страны. Сіи Китаны, спасаясь бѣгствомъ отъ Ніучей, жили нѣсколько времени на берегахъ Иртыша и Оби, какъ до-нынѣ разсказываютъ Сибирскіе Татары, прибавляя, что тамошніе дремучіе лѣса казались имъ *рогами* и привели ихъ въ ужасъ (см. Фишер. *Сибирск. Исторію*, стр. 9).

(286) Одинъ Абульгази пишетъ (стр. 225), что жители сдали сей городъ безъ сопротивленія.

(287) Т. I, стр. 13.

(288) См. ихъ Исторію въ Дегин. Hist. des Huns, T. I, стр. 241, и Т. III, стр. 174 — 251. Сельчуки разрушили владычество Турковъ Ганзевидовъ, которыхъ Государь въ XI вѣкѣ первый именовался Султаномъ. Прежде Цари Магометанскіе назывались Малеками (см. Дегин. Т. III, стр. 162).

(289) На картахъ пишется сія земля Харазмъ, Kharasm; называется также Ховарезмомъ, у насъ же Хивою (см. Рычкова *Топографію Оренбургск.* стр. 19).

(290) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 257 въ примѣч.

(291) См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 51.

(292) См. Баеров. Opuscula, de muro Caucaseo, стр. 122 и слѣд. Когда Петръ Великій взялъ Дербентъ, то начальникъ сего города вручилъ ему любопытное Арабское сочиненіе о древностяхъ Дагестана. Между бумагами Миллера нашелъ я также рукопись подъ заглавіемъ: *Извѣстіе о городѣ Дербентѣ, переведенное съ Арабскаго языка въ Кизлярѣ* 1758 *году, стараніемъ Генералъ-Маіора и Кизлярскаго Оберъ-Коммендента фонъ Фрауендорфа.* Та и другая рукопись согласны въ главныхъ обстоятельствахъ; сообщаю извлеченіе изъ Миллеровой.

«Кубать Шахъ царствовалъ въ Персіи около временъ Магометовыхъ (еще въ VI вѣкѣ) и безпрестанно воевалъ съ Царемъ Каганомъ Туркомъ (Козарскимъ). Каганъ владѣлъ нагорною стороною рѣки Волги, имѣя тамъ богатую столицу, близъ моря Каспійскаго, и до 400,000 воиновъ. Наконецъ они помирились. Каганъ выдалъ дочь свою за Кубатова сына Нуширвана (или Хозроя I), и дозволилъ Персидскому Шаху построить на границѣ каменную стѣну, чтобы ихъ подданные могли жить спокойно. Шахъ возобновилъ древнюю Каспійскую стѣну Александра Великаго (см. нашей *Исторіи* Т. I, стр. 24), сдѣлалъ въ ней многія желѣзныя ворота и такъ укрѣпилъ, что 100 воиновъ могли защищать оную противъ 100,000 непріятелей (Баеров. Opuscula, стр. 123). Сынъ его, Нуширванъ, еще при жизни отца основалъ Дербентъ съ другими городами и провелъ отъ него стѣну до Аграхани, гдѣ жилъ Царь Изфендіяръ, данникъ Кагановъ, въ богатомъ мраморномъ дворцѣ, наполненномъ драгоцѣнными металлами.

«Аравитяне, завладѣвъ Персіею, побѣдили Кагана, и начальникъ ихъ (будто бы самъ Магометъ) совѣтовалъ Персіянамъ еще болѣе укрѣпить Дербентъ, ключь ихъ Государства. Чрезъ нѣкоторое время сей городъ отложился отъ Персіянъ и поддался Кагану: Аравитяне при Калифѣ Велитѣ (или Валидѣ, царствовавшемъ отъ 705 до 714 года) взяли его и разорили до основанія, но снова построили, устрашенные набѣгами Каспійскихъ народовъ. Абу-Абентъ-Джерра, Визирь Персидскій, завоевалъ весь Дагестанъ, укрѣпилъ Дербентъ, построилъ тамъ семь мечетей и семь желѣзныхъ воротъ. Преемникъ сего Визиря освободилъ гражданъ Дербентскихъ отъ дани и велѣлъ, чтобы *невѣрные*, пріѣзжая туда для купечества, жили за городомъ въ особенномъ Караванъ-Сараѣ, и чтобы пословъ чужеземныхъ вводили въ крѣпость всегда съ завязанными глазами. Визирь Мерванъ снова наложилъ дань на Дербентцевъ и на всѣхъ окрестныхъ жителей. Кумыки давали ему 50 работниковъ, 50 женщинъ и 20,000 горстей пшеницы — Кубичинцы 50 работниковъ, Хайданъ 500 работниковъ и 20,000 горстей пшеницы, мѣстечко Кура, Ахты, Мискинь по 20,000 горстей пшеницы и по 400 *рублей* деньгами, а Ханъ Шамаханскій 12,000 батмановъ пшеницы. Хлѣбъ изъ всѣхъ мѣстъ привозили въ Дербентъ, и клали въ большомъ каменномъ анбарѣ. Сей городъ прославился въ самыхъ дальнѣйшихъ государствахъ; но злодѣй, именемъ Джіулъ, тайный другъ Кагановъ, овладѣлъ Дербентомъ, утѣснилъ народъ и довелъ до нищеты: жители разбѣжались въ Берды и Шамаху. Знаменитый Калифъ, Гарунъ Алъ-Рашидъ (современникъ Карла Великаго) самъ былъ въ Дербентѣ и старался снова привести его въ цвѣтущее состояніе. Наконецъ окрестные народы перестали свозить дань въ сей городъ, который упалъ совершенно; жители обѣдняли, не захотѣли уже заниматься воинскимъ искусствомъ и начали торговать въ чужихъ земляхъ.» — Замѣтимъ, что Моисей Хоренскій (см. его Geograph. стр. 356) упоминаетъ о *стѣнѣ Дербентской* (murus Darbandius).

(293) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 310; также нашей *Исторіи*, Т. I, примѣч. 40. Лѣтописцы Русскіе говорятъ, что Татары побѣдили Ясовъ: Абульгази же именуетъ Аланъ.

(294) *Воскр. Лѣт.* II, 176: «Юрьи Кончаковичь бѣ болій всѣхъ Половецъ.» См. также *Новогородск. Лѣт.* стр. 99 и слѣд.

(295) «Прибѣгоша, идѣ же зовется валъ Половецкій . . . Поплѣниша (Татары) Ясы, Обезы, Касогы» . . . Въ *Воскресенск. Лѣт.*: «и инѣхъ языкъ семь.»

(296) Въ *Волынск. Лѣт.*: «пріиде неслыханая рать, безбожніи *Моавитяне,* рекомыи *Татарове.*» Въ *Новогород. Лѣт.*: «Языци незнаеми, ихъ же добрѣ никто же не вѣсть, кто суть, и отколѣ изыдоша, и котораго племене суть, и что Вѣра ихъ, а зовутъ я *Татары,* а иніи глаголють *Таурмени,* а друзіи Печенѣзи; иніи же глаголють, яко се суть, о нихъ же Меѳодій, Патарскій Епископъ, свидѣтельствуеть, яко си суть исшли изъ пустыня Етріевскыя, суще межи Въстокомъ и Сѣверомъ; тако бо Меѳодій глаголеть, яко (къ) скончанію временъ явитись тѣмъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ Востокъ до Ефрата и отъ Тигръ до Понтьскаго (Чернаго) моря, кромѣ Еѳіопія.» — Чингисханъ былъ, какъ мы сказали, роду Могольскаго; но какъ большая часть его войска состояла изъ Ордъ Татарскихъ, имъ покоренныхъ, то имя Татаръ сдѣлалось общимъ. Между нынѣшними Моголами, или Мунгалами, и нашими Татарами есть великая розница въ языкѣ и въ самой наружности: первые сходствуютъ съ Калмыками, вторые съ Турками. Абульгази производитъ тѣхъ и другихъ въ седьмомъ колѣнѣ отъ сына Іафеѳова, Турка, сказывая, что Аланца-Ханъ имѣлъ двухъ сыновей, Татара и Могола (Hist. des Tatars, гл. II и III), и что пращуръ ихъ, Таунакъ, началъ первый употреблять соль (уронивъ нечаянно кусокъ мяса на соляную землю). Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ нынѣшнихъ народовъ Татарскихъ не именуетъ себя Татарами, но каждый называется особеннымъ именемъ земли своей, увѣряя, что всѣ они происходятъ отъ Турка; но какъ Абульгази пишетъ, что Татары составляли многолюднѣйшее племя между Турецкими народами, то можно заключить, что прежде какая нибудь сильная Орда дѣйствительно такъ называлась (см. Фишер. *Сибирск. Исторіи*, стр. 86 и далѣе). Сіе мнѣніе утверждается еще и тѣмъ, что Якуты въ числѣ боговъ своихъ покланяются идолу *Татару.* Персидскіе и Арабскіе Историки не знаютъ сего имени, обыкновенно называя Чингисхана Царемъ народа Могольскаго. Нѣкоторые Ученые думали, что оно есть Китайское: ибо Китайцы называютъ всѣ народы сосѣдственные Та-та. По сказанію Карпина (его Voyage въ Бержерон. стр. 38), имя Татаръ произошло отъ рѣки Татара.

(297) Сей Мстиславъ Святославичь названъ здѣсь *Козельскимъ.* — Юный братъ Даніиловъ, Василько, оставался тогда въ Владимірѣ Волынскомъ. Въ



237

*Воскресенск.* и *Волынск. Лѣтописцѣ* сказано, что Даніилу Романовичу было тогда около 18 лѣтъ; но Романъ убитъ въ 1205 году, а Даніилъ остался послѣ него четырехъ лѣтъ. — О Всеволодѣ Мстиславичѣ см. выше, стр. 105. Татищевъ думалъ, что онъ былъ Даніиловъ родный братъ. Сей Историкъ назвалъ Хана Половецкаго, принявшаго Христ. Вѣру, Котякомъ, а *Никон. Лѣт.* Батыемъ. Тесть Мстислава Галицкаго именованъ въ *Новогород. Лѣт.* Котяномъ, а въ другихъ Котякомъ.

(298) Татищевъ опредѣляетъ здѣсь число Россіянъ, Татаръ, Половцевъ, сказывая, что первыхъ было 83,000, а вторыхъ болѣе 200,000. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано только, что Владиміръ Рюриковичь привелъ изъ Смоленска 400 человѣкъ. *Никон. Лѣт.* говоритъ о Баутахъ, Гайгалахъ (вмѣсто Галичанъ), Выгольцахъ (вмѣсто *выгонцевъ* Галицкихъ). Въ древнихъ лѣтописяхъ: «бѣ бо ладій 1000 (въ *Никонов.* 2000), и возведоша пороги» — (то есть, дошли до нихъ, вверхъ по рѣкѣ: ибо Хортица ниже пороговъ) — «и сташа у рѣки Хортицы на бродѣ на протолчьи; бѣ же съ ними Домарѣчичь Юрьи и Дрѣжикра (Держикрай) Володиславичь.» Въ *Волынск. Лѣт.*: «переидоша Днѣпръ (Россіяне) въ день во Вторникъ.»

(299) Надобно замѣтить, что въ *Воскресен. Лѣтописи*, которая выбрана изъ разныхъ, объ одномъ дѣлѣ говорится здѣсь дважды: сперва о нападеніи Мстислава Галицкаго на отрядъ Татарскій, какъ описано въ *Новогородской*, и вторично о побѣдѣ Россіянъ за Днѣпромъ, какъ говорятъ о томъ другіе Лѣтописцы. Если бы Мстиславъ разбилъ Татарскій передовый отрядъ еще до прибытія Галицкаго флота, то Даніилъ и товарищи его не могли бы сказывать сему Князю за новость, что Татары хорошо или худо стрѣляютъ. Описаніе перваго дѣла кончится словами: «слышавше же то Князи Русстіи, пойдоша вси за Днѣпръ;» а послѣ опять; «преидоша вси Князи Днѣпръ:» за чѣмъ же войско наше, побѣдивъ Татаръ, возвращалось на правую сторону сей рѣки? Замѣтимъ еще несогласіе: по сказанію Новогородскаго Лѣтописца Мстиславъ Галицкій съ тысячью воиновъ (въ *Никонов:* съ 20,000) разбилъ Татаръ, а по извѣстію другихъ всѣ Князья, узнавъ о приближеніи враговъ, тронулись съ мѣста, и наша конница обратила въ бѣгство непріятельскую: «и взяша скоты ихъ, а со стады утекоша, яко всѣмъ воемъ наплънитися скота.» Въ *Новогород. Лѣт.:* «а прокъ ихъ (остатокъ Татаръ) вбѣже съ Воеводою своимъ Гемябѣкомъ въ курганъ Половечьскый, и ту имъ не бы мочи, и погребоша Воеводу своего жива въ земли, хотяще животъ его ублюсти, и ту ѝ налѣзоша; испросивше Половьци у Мстислава, и убиша ѝ.»

(300) Въ *Новогород. Лѣт.* названа сія рѣка Калакомъ, въ другихъ Калкою. См. *Подробную карту Россіи*, сочиненную при Императорскомъ Депо. Калецъ вмѣстѣ съ Калміусомъ впадаетъ въ Азовское море. — Въ *Воскресен. Лѣт.:* «оттуда жь идоша по нихъ (Татарахъ) 8 дній (въ *Новогородской* девять) до рѣкы Калкы, и ту срѣтоша сторожеве Татарстіи и удариша на полци Рустіи; сторожеве же бишась съ полкы Рускыми, и убіенъ бысть ту Іоаннъ Дмитреевичь и ина два съ нимъ. Татаромъ же отъѣхавшимъ,» и проч.

(301) Въ *Воскресен.* и другихъ лѣтописяхъ поставлено здѣсь 16 Іюня; но въ харатейной *Новогородской* 31 Маія; и въ *Троицкой* то же число: се ся зло сключи мѣсяца . . . Еремія» — надобно дополнить: «Маія, на память Св. Апостола Ерміа» — слѣдственно 31 Маія. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: «въ Пятокъ:» такъ и было въ 1224 году, какъ означено въ *Новогородской* и *Волынской;* въ иныхъ же поставленъ 1223 годъ. — Далѣе въ *Воскресен. Лѣт.:* «Даниль же выѣха напередъ, и Семенъ Олюевичь (не *Князь*) и Василько Гавриловичь, и разыдошась въ полкы Татарьскія. Васильковы же сбодену бывшу, а Данилу бодену бывшу въ перси, не чуяше раны младеньства ради . . . крѣпокъ бѣ на брань. Избивающу ему Татары мужественнѣ, и видѣвъ то Мстиславъ *Нѣмый*, мнѣвъ, яко Данило прободенъ бысть, и потече на нихъ: бѣ бо той мужъ крѣпокъ, ужикъ сый Роману отъ племене Мономаша; бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, яко по смерти своей власть свою дая Князю Данилови.»

(302) «Княземъ Мстиславу (Романовичу) и другому Мстиславу (Святославичу Черниговскому) сѣдящимъ во стану и не свѣдущимъ того: не повѣда бо имъ Мстиславъ Мстиславичь зависти ради: бѣ бо котора (распря) межи има . . . Вжада (Даніилъ) воды, и испи, и почюти рану на тѣлеси своемъ; во брани же не позна ея крѣпости ради мужества и возраста своего: бѣ бо дрьзъ (дерзокъ) и храборъ, и не бѣ ни въ чемъ ему зарока.» — Татищевъ, описывая сраженіе, вымышляетъ *болота* и проч.; сказываетъ также, что Русскихъ убито 70,000, а Татаръ болѣе 100,000, и въ томъ числѣ сынъ ихъ Хана.

(303) Въ наименованіи Князей (коихъ родъ не означенъ въ лѣтописяхъ), слѣдую харатейной *Новогородской*. Яновка и Шумскъ суть города Волынскіе, а Нѣсвижъ въ Минской Губерніи. Изяславъ былъ сынъ Ингваря Луцкаго (см. выше, примѣч. 160). — А въ *Никон. Лѣт.* прибавлено: «Убиша Александра Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича, *Златаго пояса*» — и вмѣсто десяти тысячь убитыхъ Кіевлянъ поставлено 60,000.

Далѣе въ лѣтописяхъ: «Мстиславъ Мстиславичь преже всѣхъ пребѣже Днѣпръ и перевезеся занъ, и повелѣ ладіи жещи и иные сѣщи и отринути отъ брега.» Татищевъ прибавляетъ, что Владиміръ Рюриковичь, уязвленный въ битвѣ, собралъ бѣгущихъ Россіянъ до 5000, отбился отъ Татаръ, отнялъ у нихъ множество коней и благополучно дошелъ до Смоленска; что Кіевляне призвали его къ себѣ; что Михаилъ, сынъ Всеволода Чермнаго, уѣхалъ въ Новгородъ, а оттуда въ Владиміръ къ Георгію, и проч. *Никон. Лѣт.* при семъ случаѣ говоритъ о Татарахъ, что они «скоры на бой, не обременяютъ себя ничѣмъ тяжелымъ, бѣгутъ и возвращаются въ тоже мгновеніе ока.»

Далѣе въ *Новогород.:* «Мстиславъ же Кіевскій, видя се зло, не движеся съ мѣста никамо же: сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою надъ Калкомъ: бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ» (не *кольями*, но въ обозѣ, среди телегъ) «и бися съ ними изъ города того по 3 дни. Ини же Татари поидоша по Русскихъ Князихъ, бьюче до Днѣпра, а у города того оста 2 Воеводѣ, Цьгырканъ (Чегирканъ) и Тешюканъ.»

(304) «Ту же и *Бродници* съ Татары быша, и Воевода Плоскына, и тъ окоянный Воевода, цѣловавъ крестъ чьстный къ Мстиславу и ко обѣма Князема, око (яко) ихъ не избити, и сълга,» и проч. (см. Т. II, примѣч. 302).

Дубровна есть мѣстечко въ Могилевской Губерніи, въ Оршинской Округѣ. Вѣроятно, что Князь Дубровецкій былъ изъ роду Кривскихъ или Полоцкихъ. (*)

Далѣе: «А Князи издавиша, подкладше подъ дъскы, а сами верху сѣдоша обѣдати.»

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) На рѣкѣ Нижней Горыни есть мѣсто Дубровицы; оно у Поляковъ долго называлось Княжествомъ. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(305) Абульгази, Histoire des Tatars, стр. 313, 314. Въ лѣтописи: «Татаромъ же не дошедшимъ до Новагорода *Святопълчскаго*, Русь же не вѣдяху злобы и лести Татарские, исхождаху противу имъ со кресты; они же избиваху всѣхъ.» *Никон. Лѣт.*, не зная Новагорода Святополческаго, поставилъ Новгородъ Сѣверскій, а за нимъ и Татищевъ; но здѣсь говорится о Святополчѣ, бывшемъ на Днѣпрѣ ниже Кіева близъ Витичева (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 171). Татищевъ пишетъ, что многіе Половцы крестились тогда въ городахъ Россійскихъ, и что жители съ удовольствіемъ всегда ихъ принимали, отводя имъ мѣста для селенія.

(306) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 314.

(307) Въ *Новогород.* стр. 99: «Богъ единъ вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша. Премудріи мужи вѣдять я добрѣ, кто книгы разумѣеть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть; нъ (но) здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради Рускыхъ Князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ имъ.»

(308) Татищевъ пишетъ, что Георгій, презирая Татаръ, послалъ съ Василькомъ не болѣе 800 человѣкъ.

(309) «Того же лѣта явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ нея луча не взракъ человѣкомъ, но яко къ полуденью подлѣ всходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и бѣ величьствомъ паче инѣхъ звѣздъ, и пребысть тако 7 дній, и по 7 дни явись луча та отъ ея ко Встоку, пребысть тако 4 дни, и невидима бысть.» Въ *Никон. Лѣт.*: «явися звѣзда, глаголемая копіе, простираема отъ Востока до Запада копейнымъ образомъ, и пребысть за 17 дній.» Сія Комета была примѣчена и въ другихъ земляхъ Европейскихъ (Cométographie, I, 400). Далѣе: «Бѣ ведро вельми, и мнози борове и болота загарахуся, и дымове силни бяху, яко не далеча бѣ видѣти человѣкомъ; бѣ бо яко мгла къ земли прилегла, яко и птицамъ по аеру не бѣ лзѣ летати, но падаху на землю и умираху.»

(310) «Якима Ивановиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкинипя, Сдилу Савиниця, Вячка, Иваца, Радка.» — Новогородцы послали къ Георгію Полюда, Вячеслава Прокшиниця, Иванка Ярышевиця. Далѣе: «Князь же Георги съ нашими мужи мужь свой присла, Романа Тысячскаго, и Михайловъ (Михаилова): поимите у мене мой шюринъ, Михаила. Новгородцы же послаша мужь свой по Михаила.»

(311) «Гюрги пойде съ Тържку много пакостивъ; взя у нихъ 7000 *новую*» (то есть, семь тысячь гривенъ новою монетою).

(312) «И ста на Ярославли Дворѣ» (по возвращеніи изъ Владиміра) «и рече Новгородцемъ», и проч.

(313) Въ *Новогород. Лѣт.*: «той же зимѣ придоша Литва... и не доганяша Тържку за 3 вьрсты,» и проч. Въ *Пушкин.*: «Много зла створиша, воюя около Новагорода и около Торопча и Смолинска и до Полтеска; бѣ бо рать велика, аки же не была отъ начала міру... Ярославъ и Володимеръ съ сыномъ и съ Новотържци, Княжь Дворъ, Новгородцевъ мало, Торопцяне съ Княземъ своимъ Давидомъ поидоша по нихъ, а Новгородци послаша; они же (Новгородцы) дошедше Русы, вспятишася. Князь же Ярославъ сгони е на Всвятѣ и наворопи (напалъ) на не.» Давидъ Торонецкій, будучи братомъ Владиміра Псковскаго, былъ слѣдственно сыномъ Мстислава *Храбраго*, умершаго Княземъ Новогородскимъ. — Далѣе: «Убиша Василя, Мечеconnю Ярославля.» Сраженіе было (какъ сказано въ *Пушкин.*) въ Воскресенье Сыропустной недѣли, слѣдственно уже въ 1226 году.

(314) Въ *Пушкин.*: «Ярославъ ходи изъ Новагорода за море на Емь, гдѣ же ни единъ отъ Князь Рускыхъ не взможе бывати, и всю землю ихъ плѣни... Ведый множество полона, яко же сущіи съ нимъ не возмогоша всего полона отвести, но овыхъ сѣчаху, овыхъ множество пущаху опять въ своиси.»

(315) Въ *Пушкин.* въ описаніи 1227 года: «Князь Ярославъ Всеволодичь пославъ крести множество Корелъ; мало не всѣ люди.»

(316) «Съжгоша вълхвы четыре: творяхуть е потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославли Дворѣ.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Новогородцы привели волхвовъ на Архіепископскій дворъ, и что Бояре Ярославовы вступались за сихъ несчастныхъ.

Далѣе: «Приде Архіепископъ Антоній изъ Перемышля въ Новгородъ, и сѣде на своемъ столѣ, и ради быша Новгородци.»

(317) «Придоша Емь воевать въ Ладозское озеро въ лодкахъ, и приде на Спасовъ день вѣсть въ Новгородъ; Новгородци же, всѣдавше въ насады, вгребоша въ Ладогу съ Ярославомъ. Володиславъ, Посадникъ Ладозьскый, съ Ладожаны, не ждя Новгородьцы, гонися въ лодіяхъ по нихъ въ слѣдъ, и бися съ ними, и бысть нощь, и отступиша въ островлецъ, а Емь на брезѣ съ полономъ: воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и Олонѣсь... Побѣгоша (Ямь) на лѣсъ; много ихъ ту паде, а лодкы ихъ ижгоша. Новгородьци жи, стоявше въ Невѣ нѣколико днiй, створиша Вѣче, и хотѣша убити Судиміра; и скры и́ Князь въ насадѣ у себе; оттолѣ вспятишася въ Новгородъ, ни Ладожанъ ждавше,» и проч. Татищевъ называетъ Судиміра Посадникомъ, и вымыслилъ, что Новогородцы хотѣли убить его за медленность въ походѣ.

(318) «Въ тожь лѣто Ярославъ прежь сей рати (съ Емью) пойде въ Пльсковъ съ Посадникомъ Иванкомъ и Тысячьскый Вячеславъ... Князь же, постоявъ на Дубровнѣ, вспятися.»

(319) «Сташа около Городища шатры, а иніи въ Славнѣ по дворомъ.»

(320) «Купляху хлѣбъ по двѣ кунѣ, и кадь ржи (4 четверти) по три гривнѣ, а пшеницю по пяти гривнъ, а пшена по семи гривнъ» (см. о цѣнѣ гривны ниже, примѣч. 335); «и такъ ста по 3 лѣта.»

Далѣе: «Пльсковицы... взяша миръ съ Рижаны, Новгородь выложивше (исключивъ); а рекуче: *то вы, а то Новгородци; а намъ не надобѣ»* (другими словами: мы *не вмѣшиваемся въ ваши дѣла съ Новымъгородомъ*) *«нъ оже пойдуть на насъ, тъ вы намъ помозите.* И они рекоша: *такъ буди!* и поиша у нихъ (у Псковитянъ Рижане) 40 мужь въ талбу (залогъ)... Князь (Ярославъ) посла Мишу въ Пльсковъ, река: пойдите со мною,» и проч. *Никон. Лѣт.* вымыслилъ, что Псковитяне отвѣчали Ярославу: вѣси, яко вси есмя Адамово племя, и вѣрніи и невѣрніи: но убо и съ невѣрными неудобно есть ни прочто же брань сотворяти, но со всѣми въ мирѣ быти, точію къ беззаконію ихъ не приступати, да и тіи, увѣдѣвше наше смиреніе и любовь, пріидутъ въ благоразуміе и крестятся.» Здѣсь Левекъ обрадовался случаю хвалить *терпимость Псковитянъ!*

(321) «Съ Өеодоромъ Даниловицемъ, съ Тіуномъ Якимомъ.» *Никонов. Лѣт.* прибавилъ, что Ярославъ уѣхалъ въ то время, когда Псковитяне ограбили его Бояръ въ своей области, а Новогородцы отвѣтствовали ему: «вѣси, Княже, Новгородцевъ и Псковичь: якоже хотять, тако и творять.»

(322) См. Райналд. Annal. Eccles. T. XIII, стр. 371. Письмо начинается такъ: *Universis Regibus Russiæ.* Gaudemus in Domino, quod sicut audivi-

mus nuntii vestri ad venerabilem fratrem nostrum Mutinensem Episcopum A. S. L. a latere nostro transmissi, eum humiliter rogaverunt, ut partes vestras personaliter visitaret, quia cupientes sana doctrina salubriter instrui, parati estis omnes errores penitus abnegare. Можетъ быть, чиновники Псковскіе дѣйствительно изъявляли готовность къ соединенію Вѣръ Греческой и Латинской, чтобы Римскій посолъ и Ливонскіе Рыцари тѣмъ усерднѣе защищали ихъ. Въ Ливонск. Хроникѣ (Ч. I, стр. 205) сказано, что послы Новогородскіе и другіе въ 1224 году пріѣзжали къ Епископу Моденскому въ Ригу, но единственно для того, чтобы онъ именемъ Папы утвердилъ заключенный ими миръ съ Орденомъ. — Далѣе пишетъ Гонорій (послѣ великихъ угрозъ въ такомъ случаѣ, если наши Князья не пристанутъ къ Латинской Вѣрѣ): Per vos itaque certificari volentes, an velitis habere ab Ecclesia Rom. legatum, ut ejus salutaribus monitis informati, catholicæ fidei amplectamini veritatem, universitatem vestram rogamus, monemus et hortamur attente, quatenus super hoc voluntatem vestram nobis per literas et fideles nuntios intimetis. Interim autem pacem cum Christianis de Livonia et Estonia firmam habentes, и проч... *Dat. Later.* XVI *kal. febr. pont. nostri anno* XI.

(323) «Въ лѣто 6736 пойде Антоній на Хутино къ Св. Спасу по своей воли;» а въ описаніи 6740 году (*Новог. Лѣт.* 122): «приде изъ Перемышля, и сѣдѣ лѣта два, и онѣмѣ.» Арсеній, избранный Княземъ и народомъ, еще не ѣздилъ ставиться въ Кіевъ.

(324) «И посадиша съ нимъ 2 мужа, Якуна Моисеевица, Микифора щитника... Розграбиша дворъ его (Вячеслава Тысячскаго) и брата его Богуслава, и Андреичевъ, Владыция Столника, и Давидковъ Софійскаго, и Судиміровъ, а на Душильця на Липьньскаго Старосту тамо послаша грабить, а самаго хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу, а жену его яша... Отяша Тысячьское у Вячеслава и даша Борису Нѣгочевичю, а къ Ярославу послаша на томъ: поѣди къ намъ; *забожницье* отложи, судье по волости не слати.» *Забожницьемъ* называлась, можетъ быть, Княжеская дань, собираемая съ Нѣмецкихъ церквей въ Новѣгородѣ: божницами преимущественно именовались у насъ Латинскіе храмы. Далѣе: «Той же зимѣ побѣже Ѳеодоръ Даниловиць съ Тіуномъ Якимомъ поимше съ собою 2 Княжичя, Ѳеодора и Алькандра, Сыропусныя недѣли въ Уторникъ, въ ночь... Послаша въ Черниговъ Хота Станимировиця, Гаврилу на Лубяници... Михаилъ бѣ тъгда въ Брыну» (на рѣкѣ Брынѣ въ Калужск. Губерніи) «съ сыномъ, и поиде въ борзѣхъ на Тържкъ, и приди на Верьбницю въ Тържкъкъ, и ради быша людье вси.» Въ Смоленскѣ княжилъ тогда Мстиславъ Давидовичь.

(325) Въ *Пушкин.*: «Въ лѣто 6732 поставленъ бысть Митрополитомъ въ Св. Софьѣ Кыевѣ блаженный Кирилъ Грьчинъ, мѣс. Генваря въ 6» (слѣдственно уже въ 1225 году) «учителенъ и хитръ ученью божественныхъ книгъ.» Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 123: «въ тожь лѣто (1233) преставися блаженный Митрополитъ всея Руси Кыевскый, имеьмь Кюрилъ, родомъ Грьцинъ бѣ; приведенъ бысть изъ Никѣя.» Сочинители Палинодіи и Каталога Митрополитовъ, худо зная древнія лѣтописи, и вѣря Патерику Польскому, изъ одного Кирилла сдѣлали двухъ: Россіянина и Грека.

Въ *Пушкин.*: Тогожь лѣта (1226) Гюрги съ сыновци своими съ Константиновичема, Василкомъ и Всеволодомъ, ходи въ помочь Михаилу на Олга Курскаго, и створи миръ межи ими; зане по смотренью Божью приключися ту быти прислану Володимеромъ Рюриковичемъ Митрополиту Кирилу, и възвратися Великый Князь, поимъ съ собою Митрополита въ градъ Володимерь, а сыновцы распусти.» — Татищевъ пишетъ, что Олегъ *Игоревичь* въ отсутствіе Михаила взялъ Черниговъ. Сей Историкъ вымыслилъ рѣчь Митрополита Кирилла и прибытіе Любекскихъ пословъ въ Новгородъ, которые будто бы требовали дозволенія строить тамъ церкви Нѣмецкія.

Далѣе въ *Пушкин.*: «Того жь лѣта (1227) посла Вел. Князь Гюрги сыновца своего, Всеволода Костянтиновича» — Татищевъ прибавляетъ: *по согласію съ Владиміромъ Рюриковичемъ* — «въ Руский Переяславль на столъ, и вниде Всеволодъ мѣс. Сент. въ 15 день на свой столъ... Тое же зимы ожени Вел. Князь Гюрги сыновца своего, Василька, и поятъ зань Михайловну Черниговскаго Князя, и вѣнчанъ бысть въ церкви Св. Богородицы Благовѣщенья; и вниде съ своею Княгинею въ 1 Суботу поста, Февр. въ 12 день» (уже въ 1228 году). Татищевъ пишетъ, что Василько ѣздилъ выбирать невѣстъ въ разные города; что Великій Князь тогдажь женилъ другаго племянника, Всеволода, на дочери Олега Всеволодича *Сѣверскаго* и проч. Читатель уже имѣлъ случай замѣтить, что древніе Россійскіе Князья вступали въ брачные союзы съ ближними свойственницами. Георгій женилъ роднаго племянника, Василька, на дочери своего шурина, Михаила.

Далѣе въ *Пушкин.*; «тое же зимы» (въ 1228 или уже въ 1229 году) «Князь Гюрги посла брата своего, Святослава, въ Переяславль Руский на столъ.»

(326) Длугош. Hist. Polon. кн. IV, стр. 604: Mscislaus, ob præstantiam *Chrobri* appelatus. Въ *Волынск. Лѣт.*: «Олександръ все вражду имѣяше ко своима братома, Романовичема... понужаше Мьстислава на рать (въ 1225 г.). Мьстиславу же пришедшю на рать на Лысую гору, Даниловi же поѣхавшю въ Ляхы, и возведшю Лестка... Мьстиславу же помочь пославшю Олександрови; срѣтившимъ же имъ рать, вогнаша въ градъ Белзъ, и за мало города не взяша. На утріе противу имъ Мьстиславу не стерпѣвшю, и возвратися въ Галичь. Данилу же воевавшю съ Ляхы землю Галичьскую, и около Любачева, и плѣни всю землю Бельзеськую и Червеньскую. Василку же Князю многый плѣнъ пріемшю, стада коньска и кобылья, и бысть зависть Ляхомъ, и бывшимъ посломъ отъ обоихъ, и пущенъ бысть Демьянъ и Андрей... Приведе Мьстиславъ Котяня и Половци многы и Володимера Кыевьского, творяся на Ляхы идя... свѣтъ же Александровъ не престаяше о братѣ своемъ, рекый, яко зять твой убити тя хочеть. Исправленію же» (совѣту, разсужденію) «бывшю около вежи его (Мстислава), самому же Александру не смѣявшю ѣхати, посла Яна своего. Мьстиславу бо рекшю: твоя бѣ рѣчь, Яню, яко Даниилъ второе всаживаеть Ляхы на мя. Познавшимъ же всѣмъ Княземъ Александрову клевету... и рекшимъ: пріими всю власть его за соромъ свой; онъ же за братолюбіе не прія, и вси похвалиша ему. Мьстиславъ же прія зятя своего любовью, и почти его великими дарми, и да ему конь свой борзый, Актазъ, якого же въ та лѣта не бысть, и дочерь свою Анну даривъ, и съ братьею видѣвся въ Перемили, и утвердиша миръ.» Слѣдуетъ описаніе бѣгства Галицкихъ Бояръ въ 1226 году: «отъидоша въ землю Перемышлескую, въ горы *Кавокасьскія* (Карпатскія) рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣстръ... Мьстиславу же пославшю отца своего, Тимоѳея... Выгнанъ (Жирославъ) иде ко Изяславу» (сыну Владиміра Игоревича: см. ниже, примѣч. 347)... «Андрей же» (Королевичь Вен-

герскій, княжившій въ Перемышлѣ) «послушавъ лестиваго Семьюнка Чермьнаго, и бѣжа въ Угры, и нача воздвизати рать. Бывши же зимѣ, пріиде ко Перемышлю. Юрьеви тогда тысящю держащю, переда Перемышль, и бѣжа ко Мьстиславу. Королеви же ставшю во Звенигородѣ... Днѣстру же наводнившюся... Мьстиславъ же выѣха съ полкы... Онѣмъ же позоровавшимъ *насъ*, и ѣхаша Угре во станы... Оттуду же пойде Король ко Теребовлю... и бися подъ Кременцемъ, и много Угорь избиша... Мьстиславъ посла Судислава къ Данилу, рекый: не отступай отъ мене. Оному же рекшю: имамъ правду въ сердци своемъ. Оттуду же иде Король ко Звенигороду. Выѣха же Мьстиславъ изъ Галича. Угрѣ же выѣхаша противу... Мьстиславъ же бися, и побѣди я, и гнаша по нихъ до становъ... Мартиниша убиша, Воеводу Королева. Король же смятеся умомъ, и пойде изъ земли борзо. Данилови же пришедшю ко Мьстиславу съ братомъ Василькомъ ко Городку, и Глѣбъ съ нима... Бѣаше Король изнемоглъ ся.» (О семъ несчастіи Венгровъ сказано въ одной современной Нѣмецкой лѣтописи и въ Chronico Austriaco et Claustro-Neoburgensi, подъ годомъ 1227: Andreas, Rex Ungariæ, in Russiam cum exercitu veniens, ab ipsis statim fugatus recessit, interfectis nonnullis de exercitu suo: см. въ Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 526)... Король же иде во Угры. Тогда же угони Изяславъ со лестивымъ Жирославомъ, идоста съ нимъ въ Угры... Судиславу льстящю подъ Мьстиславомъ, рече ему: Княже! дай дщерь свою *обрученную* за Королевича, и дай ему Галичь... Мьстиславъ дасть Галичь Королевичю Андрееви, а самъ взя *Понизье*» (или Подолію) «и оттуду иде къ Торьцкому. — Мьстиславу же *Нѣмому* давшю отчину свою Данилови, и сына своего поручивъ Ивана. Ивану же умершю, и прія Луческъ Ярославъ, а Черторыескъ Пиняне... Сѣдящу же» (по *Ипатьев.* списку въ 1227 г.) «Ярославу въ Лучьскѣ, ѣха Данилъ въ Жидичины молитися Св. Николѣ, и зва и Ярославъ къ Лучьску; и рѣша ему (Данiлу) Бояре его: здѣ ими Князя ихъ. Оному же отвѣщавшу, яко приходить здѣ молитву творити, и не могу того створити... Иде въ Володимерь... Собравше рать, посласта (Даніилъ и Василько) пань Андрея, Вячеслава, Гаврила, Ивана. Оному же выѣхавшю, ятъ бысть (Ярославъ) съ женою Олексіемъ Орѣшкомъ: бѣ бо борзъ конь подъ нимъ; угонивъ и я его до города. И затворишась Лучане. Наутріе же приде Данилъ и Василько, и предашась Лучане. Братъ же да Василькови Луческъ и Пересопницю; Берестій же ему бѣ преже дахъ. — Повоеваша Ятвязи около Берестія, и угониша и изъ Володимеря. Наѣхавшима двѣма, Монъдуничю Шутрови и Стегутови Зебровичю, на полкъ, и убьенъ бысть Даниломъ и Вячеславомъ Шютръ, а Стегутъ убьенъ бысть Шелвомъ. Бѣжащимъ же Ятвязѣмъ, угони я Данилъ, Небра язви четырми ранами, древо же вышибе копье изъ руку его. Васильковú же угонившю его, кликъ бысть великъ: братъ ти біется назади... Обратися брату на помощь; оному же (Небру) симъ утекшю; а инiи разбѣгошась... Данилъ же посла Демьяна ко тести своему, река ему: не подобаеть Пиняномъ (Князю Пинскому) держати Черторыйска. Демьянови же повѣстящу съ нимъ, рече Мьстиславъ: сыну! сгрѣшихъ, не давъ тобѣ Галича... а про Черторыескъ правъ еси. Демьяну же пріѣхавшу въ Вел. Суботу; наутріе же на Великъ день пріѣхаста Данилъ и Василько ко Черторыйску; въ Понедѣльникъ на ночь обсѣдоста градъ: тогда же и конь Даниловъ застрѣленъ бысть съ города. Наутріе же объѣхаста градъ Мирославъ и Демьянъ, рекоста, яко предалъ Богъ врагы наша въ руку ваю. Данилъ же повелѣ приступити ко граду, и взяша, и Князи ихъ изимаша... Мьстиславъ Великый, *удатный* Князь умре; жадящю бо ему видити Данила; Глѣбъ же Зеремѣевичь, убѣженъ бысть завистью, не пустяше его.» Въ *Пушкин.*: «преставися (въ 1228 г.) Мстиславъ Мстиславичь въ Черницяхъ и въ Скимѣ.» Въ *Воскресен.* прибавлено: Князь Торопечскій, княживъ въ Галичѣ, и пойде въ Кыевъ, разболѣся на пути и пострижеся во Схиму.» Длугошъ пишетъ, что Мстиславъ погребенъ въ Кіевской церкви Св. Креста, имъ созданной: in Ecclesia St. Crucis, quam fabricaverat. — Далѣе: въ *Волынск. Лѣт.*: «Потомъ же (Даніилъ и Василько) пустиста Ярослава, и даста ему Перемиль, и потомъ Межибожье. — Бѣ Кирилъ Митрополитъ, преблаженный и святый, пріѣхалъ (въ 1228 году) мира сотворити, и не може. Ростиславъ Пиньскый» (шуринъ Рюриковъ) «не престаяше клевеща, бѣша бо дѣти его изыманы. Володимеръ же Кыевскый собра вои... всади Котяня и вси Половци, и вси Князи, и Куряны, и Пиняны, и Новогородци (Сѣверскіе) и Туровъци, и обсѣдоша Каменець. Данилу бо творящусь миръ створити съ ними, переводя ими, и ѣха въ Ляхы по помощь, а Павла посла ко Котяневи, река: отче! измяти (прекрати) вѣйну сію: пріими мя въ любовь. Онъ же ѣхавъ взя (опустошилъ) землю Галичьскую, и иде въ землю Половецкую... бѣ бо Королевичь въ Галичѣ и Судиславъ... Идоста къ Кыеву» (Даніилъ и Василько съ Ляхами) «и Олександро съ нима. Срѣтоша посли отъ Володимера и Михаила, Боротиславъ Петровичь, Юрьи Толигнѣвичь, хотяще мира,» и проч.

(327) «Приде Михаилъ въ Новгородъ по Велицѣ дни, Ѳомины недѣли исходяче... и цѣлова крестъ на всей воли Новгородстѣй и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, и вда свободу смердомъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чюжю землю; а симъ повелѣ, кто здѣ живеть, како уставили передніи Князи, тако платите дань.» *Никон. Лѣт.*, не понявъ древняго *Новогородскаго*, толкуетъ, что Князь всѣхъ бѣдныхъ людей и должниковъ освободилъ отъ налоговъ, а бѣглымъ должникамъ велѣлъ платить дань, прежде уставленную, но только одну *полътиню*, безъ лихвы. Татищевъ говоритъ, что Михаилъ освободилъ отъ дани *весь* черной народъ, позволилъ бѣглецамъ жить на чужой землѣ, а заимодавцамъ не велѣлъ требовать лихвы съ должниковъ за прошедшіе годы! Онъ прибавляетъ также, что никто еще изъ предшественниковъ Михаиловыхъ не давалъ подобной клятвы Новогородцамъ. Далѣе въ лѣтописи: «На Ярославлихъ любьвницѣхъ поимаша Новгородци кунъ много, и на Городищанохъ, а дворовъ ихъ не грабяче, и даша на великій мостъ. Въ тожь лѣто заложиша великый мостъ выше стараго.» О разрушеніи стараго моста сказано выше: «Той же осени (въ 1228 году) бысть вода велика въ Вълховѣ.... Помьрзшу озеру, и стоявшу 3 дни, и въздре угъ (южный) вѣтръ изломавъ внесе все въ Вълхово, и въздре 8 городень великаго моста, и принесе къ Питбѣ подъ Св. Николу въ нощь, а девятую розиесе мѣсяца Декабря въ 8 день на Св. Патапія.»

(328) «И послаша изъ гридницѣ Владыцьнѣ Княжица Ростислава,» и проч. Выбирали обыкновенно тотъ, чей жеребей оставался на престолѣ. — Спиридонъ былъ Діакономъ въ Георгіевскомъ монастырѣ. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ Дек. 17, и возвратился въ Маіѣ слѣдующаго 1230 года, бывъ поставленъ въ санъ Священника въ Недѣлю Сыропустную, а въ санъ Архіепископа на второй не-

дѣлѣ поста. Далѣе: «Поймя съ собою (Михаилъ) Новгородце Богуслава Гориславиця, Сбыслава Якунковиця, Домоша Твьрдиславиця, Глѣба Посадниць сынъ, Михаилка Микифоровиця, Михаля Прикупова... Посла (Михаилъ) къ Ярославу Нездилу Прокшиниця, Иванка Тудорковиця, река: отступися Волока, и что есть Новгородьскаго за тобою; силою еси зашелъ; а крестъ цѣлую. И рече Ярославъ: того не отступаю, а крестъ не цѣлую; вы собѣ, а я собѣ. И дьржа послы все лѣто.»

(329) Въ *Пушкин.*: «Ярославъ усумнѣся брата своего, Юрга, слушая нѣкыихъ льсти, и отлучи отъ Юргя Костянтиновича три: Василька, Всеволода, Володимера,» и проч. Далѣе: «цѣловаша крестъ Сентября въ 7 день; и праздновавше Рождество Богородицы у Священнаго Епископа Митрофана, бывше весели и одарены съ мужи своими и розъѣхашася.» Ярославъ по словамъ Татищева, воображалъ, что Георгій отвратилъ отъ него Новогородцевъ и благопріятствовалъ Михаилу.

(330) «Тое же зимѣ придоша Литва и воеваша Любне и Мореву и Серегеръ, и гонишася по нихъ Новгородци, и биша ихъ, а полонъ отяша мѣс. Генваря.»

Въ *Пушкин.*: «Мая въ 3 день, въ Пятокъ, во время Литургіи, чтому Св. Евангелію въ церкви сборнѣй въ Володимери, потрясесь земля, и церкы и трапеза, и иконы подвижшася по стѣнамъ... и многи изумѣша, и мняхутся такъ, яко голова обишла коего... Бысть же се и во иныхъ городохъ, и въ Кыевѣ велми болма (болѣе) того бысть потрясенье, и въ монастыри Печерскомъ церковь Св. Богородицы каменная на 4 части раступися... Такожь и въ Переяславлѣ Рускомъ церкви Св. Михаила каменная расстѣдесь на двое; паде же и переводъ трехъ комаръ и съ кровлею, и потре иконы... Тожь все бысть одиного дне и одиного часа въ годъ (во время) Св. Литургіи... Тако слышахомъ у самовидецъ... Того жь мѣсяца въ 10 день, въ Пятокъ, нѣціи видѣша рано, всходящю солнцю, бысть на три углы яко коврига, потомъ мнеи (менѣе) бысть аки звѣзда; тако и погибе; потомъ мало опять взиде въ своемъ чину. Тогожь мѣсяца въ 14, во Вторникъ, въ торговъ годъ (во время торгу) солнце нача погибать зрящимъ всѣмъ людемъ; мало остася его, и бысть акы мѣсяцъ 3 дни; нача опять полнитись, и многи мняху мѣсяцъ идуще чрезъ небо, зане бяшеть межимѣсячье тогда; а друзіи мняхуть солнце идуще вспять, понеже оболоци маліи, частіи, съ полунощныя страны борзо бѣжаху на солнце на полуденьну страну. Того же дни и часа бысть тако и того грознѣе въ Кыевѣ: всѣмъ зрящимъ, бывшю солнцю мѣсяцемъ; явишася столпове червлени, зеленіи, синіи, оба полы солнца; таже сниде огонь съ небесе акы облакъ великъ надъ ручаемъ Лыбеди, людьемъ всѣмъ отчаявшимъ своего житья, мняще ужъ кончину сущю, цѣлующе другъ друга, прощенье имаху, плачюще горко, возопиша къ Богови съ слезами, и милостью Своею Богъ преведе страшный той огнь черезъ весь градъ безъ пакости, и паде въ Днѣпръ рѣку и погибе. Такъ сказаша намъ самовидци.» — Солнечное затмѣніе 14 Маія означено въ астрономическихъ таблицахъ.

(331) «Князь Михаилъ створи пострѣгы сынови своему Ростиславу Новгородѣ у Св. Софіи, и уя власъ Арх. Спиридонъ; и посади (Михаилъ) его на столѣ, а самъ поиде въ Цьрниговъ.» О *постригахъ* см. выше, стр. 83; о Твердиславѣ стр. 104. Посадникъ Водовикъ былъ въ 1229 году избранъ на мѣсто Іоанна: «а Иванку даша Тържкъ, и не пріяша его Новоторожци, и оттуду иде къ Ярославу... Роспрѣся Степанъ Твьрдиславиць съ Водовикомъ, а Иванко Тимошкиниць по Степанѣ; и биша Иванка паробчи (рабы) Посадници; то жь бысть на Городищи; а заутра створи Вѣце на Посадника на Ярославли Дворѣ, и пойде на дворъ его и розграбиша. Посадникъ же опять възвари городъ вьсь, и Сменъ Борисовиць на Иванка и на Якима Влунковиця и на Прокшю *Лашнева;* поидоша съ Вѣчя и много дворовъ розграбиша, а Волоса Блуткиниця на Вѣчи убиша; рече Посадникъ: ты еси мой дворъ хотѣлъ зажечи. А Прокшинъ дворъ зажгоша, а Якимъ бѣжа къ Ярославу, а иніи схоронишася; нъ и тѣхъ уротивше (заставивъ присягнуть) «пустиша; а Иванка послѣ имше уби Водовикъ, ввьргошь въ Волхово.»

(332) «Изби мразъ на Въздвиженье Хреста обилье по волости нашей... Почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривнъ, а въ дворѣхъ по полтридцати, а пшеницы по 40 гривнъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривнъ.» См. ниже, примѣч. 335. Татищевъ, поправляя лѣтопись, говоритъ, что морозъ убилъ хлѣбъ *на цвѣту.*

(333) Въ *Пушкин.*: «Приходи Митрополитъ всея Руси Кирилъ къ Гюргю и къ братьи его и къ Костянтиновичемъ отъ Кіевскаго Князя отъ Володимера Рюриковича, а отъ Михаила Епископъ Порфирій; приде же съ нима Игуменъ Св. Спаса Кыевѣ на Берестовѣмъ, Петръ Акеровичь, и инъ мужъ Володимерь, Гюрги, и Стольникъ его... Послуша убо Ярославъ брата старѣйшаго и Митрополита... Много же учреженье давъ оба Князя, Гюрги и Ярославъ, Митрополиту и Епископу Порфирью и Игумену.»

(334) «На тужь зиму пойде Княжиць Ростиславъ съ Посадникомъ на Тържькъ Дек. въ 8, въ Недѣлю, а заутра убиша Смена Борисовиця въ 9, а домъ его вьсь розграбиша и села, а жену его яша, а самого погребоша у Св. Гюргя въ монастыри; также и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисовъ Тысячскаго, и Творимиричь, и иныхъ много; а Водовикъ, то зло услышавъ, побѣже съ Торжку съ братьею, и Борисъ Тысячскый и Новоторжьчи къ Михаилу въ Цьрниговъ. И даша Посадничьство Степану Твьрдиславичю, а Тысячское Микитѣ Петриловицю, а добытокъ Сменовъ и Водовиковъ по Стомъ» (частямъ города, раздѣленнаго на Сотни) «роздѣлиша. Они трудишася сбирающе, а си въ трудъ ихъ внидоша; о таковыхъ бо рече Духъ Святый: сбираеть, а не вѣсть, кому.» — Водовикъ умеръ въ 1231 году. Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ Дек. 30, а черезъ двѣ недѣли опять уѣхалъ. «Послаша по Ярослава на всей воли Новгородстѣй. Ярославъ же створи Вѣче, и цѣлова Св. Богородицю на грамотахъ на всѣхъ на Ярославлихъ.» Вопреки извѣстію Лѣтописца, Татищевъ говоритъ, что Ярославъ принудилъ Новогородцевъ выдать ему льготную грамоту Михаилову и сдѣлался самовластнымъ.

(335) «Купляхомъ» — въ харатейной *Новогородской* — «по гривнѣ хлѣбъ;» но во всѣхъ другихъ спискахъ: *полугривнѣ хлѣбецъ* — «и поболши; а ржи четвертую часть кади по *гривнѣ серебра»* — а во всѣхъ другихъ спискахъ: *по семи гривенъ,* то есть, кунами: слѣдственно семь гривенъ Новогородскими кунами составляли тогда гривну серебра, или нынѣшними деньгами 10 рублей серебряныхъ, если оцѣнимъ фунтъ серебра въ 20 рублей.

Далѣе: «Мѣхъ ядяху, ушь (см. Т. II, примѣч. 255) сосну, кору липову и листъ ильмъ. Иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мьртвая мяса и трупіе обрѣзающе ядяху; а друзіи конину, псину, кошкы; нъ тѣхъ (т. е. первыхъ) осочивше (заставъ) тако творяху, овыхъ огньмъ

ижгоша, а другихъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша.» Въ *Лѣт. Арханг.*: то свѣдавше *Бояре*, иныхъ сжигаху тако творящихъ,» и проч. Далѣе: «Поставиша другую скудельницю на поли конецъ Чюдиньчевѣ улици, и бысть та полна, въ ней же числа нѣсть; а третью поставиша на Колѣни, за Св. Рожьствомъ, и та же бысть пълна.» Въ *Арханг. Лѣт.*: «изчотоша въ скудельницахъ въ четырехъ мертвыхъ числомъ 4 тмы, да 2000... Даяху дѣти одьрень (въ кабалу) изъ хлѣба гостьмъ» (чтобы они только ихъ кормили). «Се же горе бысть не въ нашей земли одиной, нъ по всей области Русстѣй, кромѣ Киева одного.» Въ *Троиц.*: «Въ тожь лѣто (1231) гладъ бысть по двѣ лѣтѣ по всей земли; помре множество людій.» Въ *Воскресен.*: «бысть моръ силенъ во Смоленци; сотвориша 4 скудельници и положиша въ дву 16 тысячь, а въ третьей 7 тысячь, а въ четвертой 9 тысячь. Се же бысть по два лѣта.»

(336) «Загорѣся отъ Матвѣева двора отъ Вышковиця, и погорѣ вьсь Коньцъ Славнскый, оли и до конця Хълма, мимо Св. Илію; нъ ублюде Богъ Св. церквь; нъ толми бяше лютъ пожаръ, яко по водѣ огнь горяше, ходя чрезъ Вълхово, всѣмъ людьмъ зрящимъ; и головъ нѣколико истопе въ Волховѣ... Уже бяше при конци городъ сій.»

Вѣроятно, что хлѣбъ привезли Готландцы изъ Визби; а можетъ быть и дѣйствительные Нѣмцы изъ Любека и другихъ городовъ. Татищевъ пишетъ, что Болгары возили тогда хлѣбъ по Окѣ и Волгѣ во всѣ города Россійскіе, и прислали Вел. Князю Георгію 30 судовъ съ житомъ: за что Георгій отдарилъ ихъ золотомъ, серебромъ и костями рыбьими.

(337) Въ *Пушкин.*: «пойде Князь Гюрги (въ 1232 году) къ Серенску» (на рѣкѣ Серенѣ, нынѣ село) «и стоявъ станомъ на Уполозѣхъ и възвратися. Ярославъ же,» и проч. Въ *Новогород.*: «Той же осени (въ 1231 году) ходи Ярославъ ратію на Цьрниговскую волость, и пожьже Шереньскъ, и стоявъ подъ Мосальскомъ, и вспятися, истративъ обилія много. Тужъ подъ городомъ застрѣлиша Олдана Подвойскаго, и безъ мира отыдоша.» — Далѣе: «Придоша изъ Цернигова Борисъ Негоцевичь, Михаль съ братомъ, Петръ Водовиковиць, Глѣбъ Сменовъ братъ, Миша съ Княземъ Святославомъ Трубеческымъ на средоговѣніе, и быша въ Буйцѣ, въ селѣ Св. Георгіа, и оттолѣ вспятися Святославъ въ Русь» — здѣсь въ *харатейной* Новогородской пропускъ — «уразумѣвъ, яко си сългаша имъ.»

(338) «Они же (изгнанники), вгонивше въ Пльсковь, яша Вячеслава, и бивше его, оковаша. Въ Новѣ же городѣ бысть мятежь великъ: не бяше бо Ярослава, но въ Переяславли бѣ... и пріѣхавъ, изима Пльсковици и посади я на Городищи въ гридници, и посла въ Пльсковъ, рече: мужа моего пустьте, а тѣмъ (изгнанникамъ) путь покажите прочь... Они же сташа за ними крѣпко, нъ рекоша: присълите къ нимъ жены ихъ и товаръ, то же мы Вячеслава пустьмъ... И такъ быша безъ мира лѣто все, и не пусти Князь гости къ нимъ, и купляху соль по 7 гривнъ бьрковьскъ; и пустиша Вячеслава. Князь пусти къ нимъ жены Борисовую, Глѣбовую, Мишную, а мира не взя. Быстъ на зиму: придоша Пльсковици, поклонишася Князю: ты нашъ Князь... Борисовѣ чади» (товарищамъ Бориса Негоцевичя) «показаша путь съ женами.»

(339) Ярославъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на дочери Мстислава Мстиславича Галицкаго; но, можетъ быть, онъ женился послѣ въ третій разъ.

(340) Сей Владиміръ Мстиславичь умеръ, кажется, во Псковѣ; а сынъ его, Ярославъ, долженъ былъ оттуда выѣхать. — Въ лѣтописи: «изъ Нѣмцинъ убиша (Псковитяне) Данилу.»

(341) *Новогород. Лѣт.* стр. 137: «Того же мѣсяца 18 (Маія въ 1243 году) явися знаменіе въ Пльсковѣ у Св. Іоанна въ монастыри отъ иконы Св. Спаса надъ гробомъ Княгынином Ярославлеѣ Володимерича, юже уби свой пасынокъ въ Медвѣжи Головѣ: иде мvро отъ иконы по 12 дній; найде 4 вощяници, яко въ сткляницю, и привезоша въ Новгородъ двѣ на благословеніе, а въ Пльсковѣ двѣ собѣ.» Гробница сей Княгини *Евпраксіи* и нынѣ стоитъ въ Псковскомъ монастырѣ Св. Іоанна, гдѣ показываютъ древній мѣдный подсвѣчникъ, на коемъ вырѣзано описаніе упомянутаго чуда; то же сказано и въ надгробной надписи. — Сочинитель *Степен. Кн.* ошибся, назвавъ Ярослава Владиміровича Псковскагo внукомъ Рюрика Кіевскаго (Т. I, стр. 353). Объ немъ еще упоминается въ описаніи дѣйствій 1245 года. Къ нему, думаю, писано письмо Григорія IX, Папы Римскаго, напечатанное въ Райнальд. Annal. Eccl. подъ годомъ 1231. Узнавъ отъ Епископа Прусскаго, что онъ желаетъ присоединиться къ Латинской Церкви, Григорій старался утвердить его въ семъ намѣреніи. Ярославъ Владиміровичь, по сказанію Ливонской Хроники, въ 1245 году отказалъ Дерптской церкви половину своего законнаго наслѣдства, то есть, Псковской земли (см. Арнт. Liefl. Chronik, II, 47).

(342) *Новогород. Лѣт.* стр. 122: «преставися Ѳеодоръ Іюня въ 5, и положенъ бысть въ манастыри Св. Георгія, и еще младъ; и кто не пожалуеть (не пожалѣетъ) сего? свадьба пристроена, меды извареиы,» и проч.

(343) «Изгониша Нѣмци (въ 1233 году) Кюрила Синкиниця въ Тсевѣ (близъ Оденпе), и ведоша въ Медвѣжю Голову, и сѣде окованъ отъ Госпожина дни до Велик. говѣнія... И пришедъ Князь, выправи» (его освободилъ). Далѣе: «Иде Ярославъ съ Новгородци и съ полки своими на Нѣмци подъ Гюргевъ... Нѣмци же изъ града высунушася, а иніи изъ Медвѣже Головы на сторожи (Ярославовы), и бишася съ ними и до пълку (до войска), и поможе Богъ Ярославу, и бишася до рѣкы, и ту паде лучшихъ Нѣмець нѣколико; и яко быша на рѣкѣ на Омовыжи (Эмбахѣ), и ту обломишася, истопе ихъ много... и поклонишася Нѣмци Князю,» и проч. — Далѣе: «Изгониша Литва Русь (Русу) олы до търгу, и сташа Рушане (жители Русы), и засада, Огнищане и Гридба, и кто купець и гости, и выгнаша я изъ посада опять... и ту убиша нѣколико Литвы, а Рушанъ 4 мужь, Попа Петрилу, Павла Обрядиця и ина два мужа, а монастырь Св. Спаса пограбиша... и Цьрньца 4 убиша и отступиша на Клинъ... Князь же съ Новгородци всѣдавше въ насады, а иніи на конихъ поидоша по Ловоти, и яко быша у Моравнина и вспятишася лодьиници: не достало бо у нихъ бяше хлѣба; а Князь съ конникы постиже я (Литву) на Дубровнѣ на селищи въ Торопчьской волости,» и проч. Далѣе: «пометавше и щиты и *сови* (въ другихъ спискахъ: *сулицы*) и все отъ себе... а Новгородьць ту убиша 10 мужъ: Ѳеда Якуновича Тысячьскаго, Гаврила щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нежилу серебреника, Гостилца на Кузмадемьяни улици, Ѳедора Ума, Княжь Дѣтской (Отрока Княжескаго), другое Городищанинъ и инѣхъ 3.»

(344) По сказанію Алберта Стадскаго сіе сраженіе было въ 1236 году (см. Арндт. Liefl. Chronik, II, 37), а по нашимъ лѣтописямъ въ 1237 или 1238. Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 127: «Прійдоша въ силѣ велицѣ Нѣмци изъ за-морія въ Ригу, и ту совкупившеся вси, и Рижане и вся Чюдьская

земля, и Плѣсковичи послаша мужъ 200, и идоша на Литву — и погаными побѣжени быша; придоша кождо десятый въ домы своя.» Въ Псковской Архивской лѣтописи, л. 159: «Избиша Литва (въ 1237) на *Камню* Псковичь засадою Сент. 25;» а въ Псковской Синодальн. No 349, л. 169, поставлены годъ 1238 и 25 Октября. Въ Литвѣ два мѣстечка называются *Камнями*: одно не далеко отъ Бреста, а другое въ Ошмянскомъ Повѣтѣ. — — Не говорю о невѣрномъ лѣтосчисленіи Руссова и Кельха (*).

(345) *Воскресен. Лѣт.* II, 191: «Въ лѣто 6738 преставися Князь *Великій* Мстиславъ (по Родосл. Книгамъ *Ѳеодоръ)* Давыдовичь Смоленскый.» Въ сіе время уже всѣ главные Удѣльные Князья — т. е. Кіевскіе, Черниговскіе, Смоленскіе — назывались *Великими* (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 45 и 122).

Въ лѣтописи Попа Іоанна (стр. 501): «въ то же лѣто (1232) взя Святославъ *Мьстиславичь, внукъ Романовъ,* Смоленскъ на щитъ съ Полочаны на Св. Мученику Бориса и Глѣба, и изсѣче Смолнянъ много, а самъ сѣде на столѣ.

(346) Въ *Волын. Лѣт.* (по *Ипатьев.* списку въ 1229 г., а по Длугош. въ 1227): «Лесьтко убьенъ бысть на сонмѣ Святополкомъ и Одовичемъ (Оттоновичемъ) Володиславомъ свѣтомъ (совѣтомъ) Бояръ... Поидоша ему на помощь (Даніилъ и Василько Конраду) на Володислава на Стараго; остависта же въ Берестіи Володимера Пиньского и Угровчаны и Берестьяны стеречи земли отъ Ятьвязь. Въ то же время воеваша Литва Ляхы... и придоша ко Берестью. Владимеръ же рече: оже есте мирни, но мнѣ не мирни... и избиша е всѣ... Идоша къ Калешю (Даніилъ съ Конрадомъ) и преидоша Ветру въ вечеръ; на утріе же рѣку Прѣсну... и тое нощи бысть дождь великъ... и пустиша воевать и плѣнить. Русь же догнаша Милича и стараго Рода, и нѣколко селъ Воротиславскыхъ заняша... Наутріе же Даниилъ и Василько поидоста ко граду. Кондрату же любящю Рускый бой, и понужающе Ляхы... Приступившима има къ воротомъ, а Мирослава посла взадъ града; бѣ бо городъ обишла вода и сильная лозина и вербье, и не свѣдущимся самѣмь, идѣ же кто біаше: егда же си отступяху отъ боя, они же належахуть на оный; а коли они отступяху, а они належаху на си... Идуще же каменію со забралъ яко дождю силну, стоящимъ имъ въ водѣ, дондеже сташа на сусѣ на метаномъ каменіи, и возводный мостъ и *жеравець* вожьгоша. Ляхове же врата одва угасиша... и бысть ранено мужь на забралѣхъ 100 и 60... и возвратишася во станы своя. Станиславъ же Микуличь рече: гдѣ мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребле высокы. Данилъ же всѣдъ на конь, ѣха самъ на зглядание. На утріе же Данилъ и Василько посласта люди свои; онѣмъ же теребящимъ лѣсы около града, гражаномъ же ни каменія смѣющимъ врещи на нѣ, просяхуся, дабы къ нимъ прислалъ Кондратъ Пакослава и Мьстіуя...

«Времени минувшу, ѣха Василько *Суждьлю* на свадбу *шурина* своего ко Вел. Князю Юрью» (въ 1230 году женился старшій сынъ Вел. Князя, Всеволодъ) «поемь Мирослава съ собою и ины. Князю же Данилови будущу во Угровьскѣ, прислаша Галичане рекуще, яко Судиславъ шелъ есть въ Понизье, а Королевичь въ Галичѣ осталъ; а пойди борже. Данилови же собравшю вои, посла Дьмьяна на Судислава, а самъ иде въ малѣ дружинѣ къ Галичю. Во третій день бывшу ему на

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Мѣсто Камень было въ области Псковской, за рѣкою Великою (Т. IV, примѣч. 336). (Сообщено З. Ходаковскимъ).

ночь въ Галичь, а Судиславъ не стерпѣ передь Демьяномъ, но побѣже въ Галичь... Галичь бо бѣ ся затворилъ. Данилъ же взя дворъ Судиславль, яко же вина и овоща, и корма, и копій и стрѣлъ пристрашно видити. Данилъ же видивъ люди своя яко испилися, не хотѣ стати въ (у) города, но иде на ину страну Днѣстра. Судиславу же тое ночи вбѣгшю въ городъ, яти быша отъ вой его людіе... Данилъ стоаше у Глѣницѣхъ на березѣ Днѣстра. Выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угромъ, и стрѣляшася на леду. Вечеру же бывшу и ледомъ воставшимъ и рѣцѣ наводнившися, зажгоша мостъ на Днѣстрѣ безаконьный лихый Семьюнко, подобный лисици черъмности ради; и приде же Демьянъ со всѣми Бояры Галичкыми. Данилови же о семъ веселу будущю, а о мостѣ печаль имѣющу, како Днѣстръ перейти. Гнавъ же Данилъ ко мосту, и узрѣвъ, яко конець мосту угаслъ есть, и бысть радость велика. На утріе же приде *Володимеръ Ингваровичь*, и переидоша мостъ, и сташа по берегу. На утріе же объѣха Данилъ городъ, и собравъ землю Галичкую, ста на четыре части окрестъ его, и собра отъ Боброкы даже и до рѣки Ушицѣ и Прута... и передаша градъ.

«Изыде же Бѣла *Риксъ* (Rex) рекъмый Король... и посла посолъ и воспи посолъ гласомъ великимъ: слышите словеса Короля Угорьского, да не уставляеть васъ Дьмьянъ, глаголя: *изъемля изыметъ ны Богъ;* ни да уповаеть вашъ Данилъ на Господа... Демьянъ же крѣпляшеся. Данилъ же приведе къ собѣ Ляхы и Половци Котяневы, а у Короля бяху Половци Бѣговарсови... Бѣла пойде отъ города, оставившю ему оружникы многы и *фаревникы*» (отъ слова *фарь* или *конь*)... «Яко индѣ глаголеть: *Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ,* тако Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ... Пойде Король къ Василеву и перейде Днѣстръ и пойде къ Пруту: Богъ бо попустилъ бяше на нѣ рану, иніи изъ подошевъ выступаху акы изъ червіа (башмаковъ), иніи же въ конѣ влѣзше измираху, иніи около огня слѣзшеся и мясо ко устомъ придѣвше умираху...

«Обнаживщу Васильку мечь свой играя на слугу Королева, иному похвативщю щитъ играющи; невѣрнымъ же Молибоговичемъ узрѣвши се, страхъ имъ бысть, и побѣгшимъ (въ 1230 году)... Василько же поѣха къ Володимерю, а Филипъ безбожный зва Князя Данила въ вишню... и въѣхавшю ему въ Браневичави рли» (*) т. е. пашню Браневича) «и приде къ нему посолъ отъ Тысяцкого Демьяна, рекпю, яко пиръ ти золъ есть, яко съвѣщано есть Филипомъ съ братучадомъ твоимъ Олександромъ, яко убіену ти быти... и пойде назадъ. Кѣснятину повѣдавшу, оному же (Данилу) обратившюся на рѣцѣ Днѣстрѣ, а Бояре безбожніи везяхусь инуда, не хотяще лица его видити... Посла къ брату Васильковп: пойди на Олександра. Олександру же выбѣгшю въ Перемышль къ совѣтникомъ своимъ, а Василко прія Белзъ, Ивана же посла, Сѣдельничего своего, по невѣрныхъ Молибоговичехъ и по Волдрисѣ, и изымано бысть ихъ 20 и 8 Иваномъ Михалковичемъ, и тіи смрьти не пріяша, но милость получиша; и нѣкогда ему въ пиру веселящусь, одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ Бояръ лице зали ему чашею: и то ему стерпѣвшю. Самому же Данилу (въ 1231 г.) съзвавшю Вѣче, оставшюся въ 18 Отрокъ вѣрныхъ и съ Демьяномъ Тысяцкымъ своимъ, и рече

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Вишня могла быть названіемъ мѣста на рѣкѣ Вишнѣ. Есть рѣка Бранвица, текущая въ Санъ. Та и другая на границѣ Перемышльской области, къ Сѣверу. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

имъ: хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на врагы моя? Онѣмъ же кликнувшимъ: вѣрни есмы Богу и тобѣ, Господину нашему. Соцкый же Микула рече: *Господине! не погнетши пчелъ, меду не ясти*... Мирославу пришедшу къ нему на помощь съ маломъ Отрокъ; невѣрніи же вси на помощь ему идяху, мнящеся яко вѣрни суть... Пріѣхавшю Данилу къ Перемышлю, Александръ побѣже... Въ томъ же гонѣ Шельвъ сбоденъ бысть; бѣ бо храборъ и въ велици чести умертъ. Невѣрный Володиславъ Гюргевичь, съ ними съвѣтъ створь, гоняше и́ оли и до Санока и воротъ Угорскыхъ... Судиславъ же възведе Короля Угорскаго Андрея; пріиде же съ сыномъ Бѣлою и съ другымъ сыномъ Андреемъ къ Ярославлю. Боярину же Давыдови Вышатичю затворившюся и Василіеви Гавриловичю, и бившимся, оли и солнцу зашедшю. Съвѣтъ сътвориша вечеру, Давыдови уполошившися: теща бо его бяше вѣрна Судиславу, кормолчія Нездиловая: матерью бо си нарицаша ю; вѣща ему, яко не можеши удръжати града. Васильковн же молящю: не погубимъ чти Князя своего... Чакови же пріѣхавшю изъ Угорскихъ полковъ, рекшю: не могутъ васъ пріяти, ибо суть велми біени. Оному же ужасти во сердцѣ имущю, преда градъ; самому же цѣлу вышедшю съ всѣми вои... Климата же съ Голыхъ Горъ бѣжа отъ Данила, и по немъ вси Бояре Галицкыи... Пришедшю Королю къ Володимерю, дивившюся ему, рекшю, яко така града не изобрѣтохъ ни въ Нѣмецкыхъ странахъ: тако сущу оружникомъ стоящимъ на немъ, блистахуся щиты и оружници подобни солнцю. Мирославъ же бѣ въ градѣ; иногда храбру ему сущю, тогда же смутися умомъ... Королеви же посадившю сына Андрея въ Галичи. Мирославу жь запревшюся, яко рядомъ Чръвняне не предалъ есмь; порокъ же ему имуще великъ отъ обою брату (Данила и Василька)... Данилъ же прія великъ плѣнъ, около Белза воюя. Король же воротися въ Угры.

«Володимеръ же (Кіевскій) посла къ Данилови рече: идеть на мя Михаилъ... Данилови же пришедшю сътворити миръ межи ими. Данилъ же изъ Руское земли взя себѣ часть Торцескый, и пакы да его дѣтемъ Мьстиславлимъ, шюрятомъ своимъ, рекъ: вамъ за отца вашего добродѣяніе.

«По тѣхъ же лѣтѣхъ движе рать Андрей Королевичь на Данила и иде къ Бѣлобережью. Володиславу же ѣхавшю въ сторожѣ отъ Данила изъ Кыева... и бившися о рѣку Случь и гониша и́ до рѣкы Деревное изъ лѣса Чертова... Данилови же снемшюся съ братомъ и постиже и́ у Шюмска, и повѣстоваста съ ними о рѣку Велью; бѣ бо съ Королевичемъ Александръ и Глѣбъ Зеремеевичь и иніи Князи *Болоховьстіи*... (см. ниже). Видѣвшю же ся Данилу съ Королевичемъ; и нѣкое слово похвално рекшю, наутріе переѣха рѣку и поклонився Богу и Св. Симеону, иде на сѣчю... Данилови же съѣхати бѣ съ высокихъ горъ; иніи же браняху, да быхомъ стали на горахъ. Данилови же рекшю, яко же Писаніе глаголетъ: *медляй на брань, страшливу душу иматъ*... Васильковн идущю противу Угромъ, а Демьяну инѣмъ полкомъ ошую, Данилъ же посреди; велику же полку бывшу его: устроенъ бо бѣ храбрыми людми и свѣтлымъ оружіемъ. Угромъ же нехотящимъ ся сръазити съ нимъ, но клоняхуся на Демьяна. Пріемшимъ же соколомъ стрѣлцемъ, избиша я. Демьянови же сразившюся съ Судиславомъ: Данилу же заѣхавшю въ тылъ и бодущимъ я: Демьянови же мнящю, яко всѣ ратніи (непріятели) суть, и възбѣгоша передъ нимъ. Данилъ же вбоде копіе свое въ ратного; изломившю же ся копію, и обнажи мечь. Позрѣвъ же сѣмъ и сѣмъ, и видѣ стягъ Васильковъ стояще и добрѣ борющь, и Угры гонящю... Идущю ему на помощь, многыя язви... Снемъ же ся съ Мирославомъ, и видѣвъ, яко Угре събираются, и ѣхаста на нѣ два... другымъ же пріѣхавшимъ, и не сътръпѣша. Гонящима же има, разлучистася. Потомъ же видѣвъ брата добрѣ борюща и сулици его кръвави сущи, и осчепищю изсѣчену отъ ударенья мечевого. И пакы» (въ 1232 г. по *Ипатьев.* списку) «Глѣбъ Зеремеевичь, събравъ Угры, пріѣха на стягъ Васильковъ: Данилови же пріѣхавшю къ нимъ и понужающю ихъ, и никого не видѣ войника, но Отрокы дръжаща конѣ. Онѣмъ же познавшимъ и хотящимъ посѣщи конь его... и шерьсти претятѣ (просѣченной) бывши на стегнѣ коня его... Пріѣха же безъ язвы къ своимъ... Васильковъ полкъ гналъ бѣ Угры до становъ, и стяги Королевича подтяли бяху. Угре же бѣжаще али въ Галичи становишась. Стоящимъ же симъ на горѣ, и симъ на удолъ, Данилови же и Васильковн понужающима людій своихъ съѣхати на ня, Богу же тако изволившю за грѣхы, наворотися дружина Данилова на бѣгъ... Падшихъ много Угоръ, а Даниловыхъ мало Бояръ, ихъ же имена се быша: Ратиславъ Юрьевичь, Моисей, Степанъ, братъ его, Юрій Яневичь...

«Потомъ присла Александра къ брату Данилу и Васильку: не лѣпо ми есть быти проче ваю. Она же пріяста его съ любовію. Травѣ же бывши, Данилъ пойде съ братомъ и съ Александромъ къ Плѣсньску, и взя, и подъ Ярбузовичи великъ плѣнъ пріа, и обратися въ Володимерь. Королевичь же и Судиславъ (въ 1233 г.) выведе Діанища на Данила. Данилъ же ѣде къ Кыеву и приведе Половци и Изяслава (см. ниже) противу имъ, и съ Изяславомъ водися въ божницю, и съ Володимеромъ пріидоста противу Данишю. Изяславъ же лесть створи: велѣ воевати землю Данилову, и възяша Тихомлъ, и възвратишась, оставшюся Володимеру съ Даниломъ и Котяпеви одиному. *О! лесть*, яко же Омиръ пишетъ, *до обличенья сладка есть; обличена же, зла есть; и кто въ ней ходить, конецъ золъ пріиметь*. Оттуда идоша къ Перемилю, Андрей Королевичь, Данишь и Угре; бишась о мостъ съ Володимеромъ и Даниломъ, и отбишась имъ. Угре же воротишась къ Галичю и порокы пометаша. Володимеръ же и Данилъ поидоста по нихъ. Василько и Александръ пріиде къ брату, и сняшась у Бужска. Володимеръ же и Котянъ и Изяславъ воротишась. Въ тожь время отступи Глѣбъ Зеремеевичь отъ Королевича къ Данилови (въ 1234 г.). Данилъ же и Василько однако идоста къ Галичю; срѣтоша ихъ болшая половина Галича, Доброславъ и Глѣбъ, и иніи Бояре мнози, и пришедъ ста на брезѣ Днѣстра, и пріа землю Галицкую, и розда городы Бояромъ и Воеводамъ; бяше корма у нихъ много. Королевичь же и Данишь и Судиславъ изнемогаху гладомъ въ градѣ; стояше жь 9 недѣль воюя, жда леду, дондеже бы перешелъ на нѣ. Судиславъ же лестію посла къ Олександрови, рече: дамъ тобѣ Галичь, поди отъ брата. Онъ же поиде прочь. Галичане же думаху яти (схватить его) и выѣхаша по Данилѣ. — Малу жь времени минувшю, Королевичь умре, и послашась Галичане по Данила Семьюнка Чермнаго, и Судиславъ иде въ Угры. Веснѣ же бывши, Олександръ убоявся пойде къ тестю своему въ Кыевъ. Данилъ же увѣдавъ изыде нань изъ Галича, угони его въ Полономъ и яша въ лузѣ Хоморскомъ. Данилови же не спавшю 3 дни и 3 нощи.

«Будущю жь Володимеру въ Кыевѣ, присла сына своего, Ростислава, въ Галичь, и пріа съ нимъ



301

любовь велику. Михайлови же и Изяславу не престающа нань враждою. Оставилъ у него Глѣба Зеремеевича и Мирослава и иные Бояре. Посла жь Володимеръ, рекый: помози ми, брате. Данилъ же пойде. Михаилъ не стерпѣ отъиде отъ Кыева. Данилъ же и Володимеръ пойдоста къ Чернѣгову, и пріиде къ нима Мьстиславъ Глѣбовичь. Оттуда жь пойдоша плѣняще землю и грады многы по Деснѣ; взяша и Хороберъ и Съсницю (Сосницу) и Сновескъ, и иные, и пріидоша опять къ Чернѣгову, сътвориша съ нима миръ Мьстиславъ и Чернѣговци. Любо бѣ бо у Чернѣгова, оже и таранъ на ны поставиша; меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, а камень яко можаху 4 мужи силни подняти... Данилъ бо и вои его иструдилися; воевалъ бѣ отъ Крещенія до Вознесенія... Володимеру жь просящю, Мирославу же помогающю ему: изыдемъ на поганыя Половци!... Даниловя жь гонящю по Половцѣхъ, донде же конь его гнѣдый застрѣленъ бысть... Володимеру же яту бывшю въ Торцескомъ и Мирославу съвѣтомъ безбожнаго Григоря Васильевича и Молибоговичевъ, и инѣмъ Бояромъ многымъ нятымъ бывшимъ, Даниловя жь прибѣгшю къ Галичю, Васильковя жь бывшю въ Галичѣ... Борисъ же Межибожскый съвѣтомъ Доброславлимъ и Збыславлимъ посла къ Даниловя, рекый: Изяславъ и Половци идутъ къ Володимерю. Лесть бо бѣ се. Данилъ же посла къ брату си: стерези Володимеря. Узрѣвше же Бояре Галицкыи Василка отшедша съ полономъ, въздвигоша крамолу. Судиславу Ильичю рекшю: Княже! льстивъ глаголъ имѣють Галичане; поиде прочь... и изыде въ Угры. Зимѣ же приспѣвши, иде Василько къ Галичю, поймя Ляхы. Данилъ же въ то время пріиде къ брату си изъ Угоръ, и воеваша не дошедше Галича, и воротистася домовъ. Въ тожь время (въ 1235 году) пріидоша Галичане на Каменець и вси Болоховстіи Князи и воеваша по Хомору... Въ то жь время послалъ бяше *Володимеръ*» (слѣдственно онъ уже возвратился тогда изъ плѣна) «Даниловя помощь Торкы и Данила Жировича... и побѣжени быша невѣрніи Галичане, и приведоша Князи Болоховстіи въ Володимеръ къ Даниловя.» (Сіи Князья, вѣроятно племени Ольговичей, имѣли Удѣлъ между владѣніями Мазовскими и Волынскими, отъ Бреста къ Югу, какъ увидимъ: см. Т. IV, примѣч. 20, подъ годомъ 1241; о мѣстѣ *Болоховѣ* см. тамъ же, примѣч. 102, и выше, примѣч. 3)... «Лѣту же наставшю, нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозячи: дай нашю братью, или придемъ на тя... Взвелъ бо бяше на Данила Михайло и Изяславъ Ляхы и Русь и Половець множество. Кондратови жь ставшю, гдѣ нынѣ градъ Холмъ стоитъ, пославшю ему къ Червну воевати, Васильковичемъ же бившимся съ ними, поимаша Лядские Бояре и приведоша я предъ Данила въ городокъ. Михайлови жь стоящю на Подгорьи, хотящю снятися съ Кондратомъ и ожидающю Половець съ Изяславомъ: Половци же пріидоша въ землю Галицкую и не восхотѣша ити на Данила; вземше всю землю Галицкую (ограбивъ), възвратишась. То слышавъ Михаилъ, възратися въ Галичь, а Кондратъ побѣже до Ляховъ черезъ нощь и топися бяше отъ вой его въ Вепру множество. Лѣту жь наставшю, идоста на Галичь, на Михаила и на Ростислава (сына его): Угоръ множество бяше у нихъ (у Михаила въ Галичѣ). Воеваста около Звенигорода: города жь не взяста: бѣ бо Св. Богородица въ немъ чюдная икона. Тое же осени умиристася.

«Веснѣ же бывши, пойдоста на Ятвязѣ, и пріидоста къ Березью, рѣкамъ наводнившимся, и не возмогоста ити. — Даниловя же рекшю: не лѣпо есть держати нашее отчины Крижевникомъ Темпличемъ (Рыцарямъ Храма) рекомымъ Соломоничемъ. И поидоста на нѣ въ силѣ тяжцѣ, и пріяста градъ (какой?) мѣсяца Марта, и старѣйшину ихъ Бруно яша и вои, и възвратися въ Володимерь. Даниловя жь въ томъ же лѣтѣ шедшю на Михаила на Галичь; онѣмъ же мира просящимъ, даша ему Перемышль. — По томъ же лѣтѣ Данилъ възведе на Кондрата Литву Миндога *Изяслава Новъгородского*» (здѣсь говорится о Новогородкѣ Литовскомъ). «Данилъ же въ то время шелъ бяше съ братомъ въ Угры къ Королеви: бѣ бо звалъ его на честь. Въ тожь время пошелъ бяше Фридрихъ Царь на Герцика (Австрійскаго) войною, и въсхотѣста ити Данилъ съ братомъ Герцикови въ помощь,» и проч.

(347) *Новогород. Лѣт.* стр. 125: «Изяславъ приде съ Половци и Михайло съ Черниговци, подъ Кыевъ, и взяша Кыевъ, а Володимера имше Половци ведоша въ землю свою, и много зла створиша Кыяномъ — и опять пустиша Володимира на искупѣ, и жену его, и на *Нѣмцихъ* имяша искупъ Князи.» Здѣсь подъ именемъ *Нѣмцевъ* разумѣются безъ сомнѣнія всѣ иностранцы. Хотя въ *Ростов.*, *Воскр.* и *Никон. Лѣт.* Изяславъ, союзникъ Михаиловъ, названъ *Мстиславичемъ, внукомъ Романа* (Ростиславича Смоленскагo); но онъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ быть сынъ того Владиміра Игоревича, который съ братьями господствовалъ въ Галичѣ и спасся бѣгствомъ отъ ихъ жалкой участи вмѣстѣ съ сыномъ *Изяславомъ*. О немъ упоминается нѣсколько разъ въ *Волынск. Лѣт.* Изяславъ и Михаилъ говорятъ Даніилу: «отдай нашу братью» (см. выше, примѣч. 346): слѣдственно они были *одного* рода. Въ *Пушкин.*, *Троицк.* и *Новогород. Лѣт.* сей Михаиловъ сподвижникъ, княжившій послѣ въ Каменцѣ, именуется просто *Изяславъ* безъ отчества. — Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Владиміръ Рюриковичъ умеръ въ Смоленскѣ; а *Псков. Лѣт.* упоминаетъ о кончинѣ его подъ 1239 годомъ.

(348) См. Туроц. Chron. Hung. гл. 74: Daniele vero, Duce Ruthenorum, equum ejus, ante ipsum, summa cum reverentia ducente. — Длугошъ пишетъ (Hist. Pol. кн. VI, стр. 633), что по смерти Венгерскаго Королевича, Коломана, Даніилъ овладѣлъ Галичемъ, а Изяславъ, союзникъ Половцевъ, скоро завоевавъ сію область, уступилъ оную Михаилу.

(349) «Пойде Ярославъ изъ Новагорода Кыеву на столъ, поймя Новгородци вятшихъ, Судимира въ Славнѣ (изъ Славянск. Конца), Якима Влунковича, Космý Вячеславича, а Новоторжецъ 100 мужъ — и сѣдѣ въ Кыевѣ на столѣ, и державъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ одину недѣлю, и одаривъ я,» и проч. — Въ *Синопсисѣ* несправедливо сказано, что Изяславъ былъ выгнанъ изъ Кіева Ярославомъ, а сей Владиміромъ Рюриковичемъ, возвратившимся изъ плѣна: ибо Ярославъ добровольно оставилъ Кіевъ, свѣдавъ о кончинѣ Георгія, Великаго Князя, убитаго Татарами (см. ниже).

(350) Въ *Пушкин.*: «Тогожь лѣта (1226 года) посла Великый Князь Гюрги Святослава и Ивана, брату свою, на Мордву, и побѣдиша Мордву, и взяста нѣколико селъ, и взвратистася съ побѣдою. — Тогожь лѣта (1228), мѣсяца Сент., Великый Князь посла на Мордву Василька Костянтиновича и своего мужа, Еремея Глѣбовича, воеводствомъ съ полкомъ, и бывшимъ имъ за Новымъ (Нижнимъ) Г. на предѣлѣхъ Мордовскыхъ, пославъ Гюрги взврати ихъ, не дасть имъ воевати, зане погодья имъ не бысть: бяхуть бо дождове велми

многи день и нощь. Того жь мѣсяца (Генваря) 14 день Великый Князь Гюрги и Ярославъ и Костянтиновичи, Василько и Всеволодъ, идоша на Мордву, и Муромскый Князь Гюрги Давидовичь, вшедъ въ землю Мордовскую, Пургасову волость пожгоша, жита потравиша, и скотъ избиша, полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя въ тверди; а кто не вбѣглъ, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви *Молодіи* (Отроки или Дѣтскіе) въ 24 день Генваря. То видѣвше Молодіи Ярославли и Василькови и Всеволожи, утаившеся назаутріе, ѣхаша въ лѣсъ глубокъ; а Мордва давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около и избиша, а иныхъ изымаша, бѣжаша въ тверди: тѣхъ тамо избиша, и Княземъ нашимъ не бысть кого воевати; а Болгарскый Князь пришелъ былъ на Пурета, ротника Юргева, и слышавъ, оже Великый Князь Юрги съ братьею жжетъ села Мордовская, и бѣжа прочь въ нощи; а Юрги съ братьею и со всѣми полкы взвратишась въ свояси добрѣ здорови. — Мѣсяца Априля (въ 1229 году) придоша Мордва съ Пургасомъ къ Новугороду, и отбишася ихъ Новгородци, и зажегше монастырь Св. Богородици и церковь, иже бѣ внѣ града, того же дни и отъѣхаша прочь, поимавъ свое избьеныя болшія. Того жь лѣта побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половци, и изби Мордву и всю *Русь* Пургасову, а Пургасъ едва вмалѣ утече. — Тое же зимы (1232 году) посла Вел. Князь Гюрги сына своего, Всеволода, на Мордву, а съ нимъ Ѳеодоръ Ярославичь и Рязанскыи Князи и Муромскыи, и пожгоша села ихъ, а Мордвы избиша много.»

(351) Въ *Троицк.*: «Въ то жь лѣто (1230) Болгаре» — въ *Никонов.* глаголеміи Казанцы — «поклонишась Вел. Князю Юргію, просиша мира, за шесть лѣтъ бывшю розмирью. И створи миръ съ ними, и тальми мѣнися, и люди ихъ пусти, свое у нихъ поима, и крестъ къ нимъ цѣлова; а Болгаре въ свою роту идоша, *Трунове* и вся чернь.»

(352) Въ *Пушкин.*: Того жь лѣта (1229) страсть новаго Мученика Христова, его же убиша Болгаре въ Великомъ градѣ ихъ. Сь бысть иного языка, не Рускаго» — въ *Степен. Книгѣ* онъ названъ Болгариномъ — «Хресьянинъ же сый, имѣяше имѣнье много, гостьбу дѣя по градомъ, вниде въ Болгарскый градъ; они же емше нудиша его много дній ласканьемъ и прещеньемъ отврещися Христа и Вѣры Хресьянскыя. Онъ же не покорися, но вся оставивъ, изволи наче умрети за Христа, усѣченъ бысть Априля въ 1 день, его же Русь Хресьяне вземше тѣло, положиша въ гробѣ, идѣ же вси Хресьяне лежать; и створи Богъ месть вскорѣ за кровь его: погорѣ у нихъ большая половина города Великаго, а потомъ оставшая часть загарашется днемъ дважды и трижды. Тако же бысть по многа дній; мало остася города, а все погорѣ; и товара погорѣ множество безчисленно за кровь Мученика Христова. — Марта въ 9 день (1230 году) принесенъ бысть Христовъ Мученикъ Аврамій новый изъ Болгарскые земли въ славный градъ Володимерь... и Вел. Князь Георгій усрѣте его передъ городомъ за версту съ великою честью съ свѣщами, и Епископъ Митрофанъ со всѣмъ Клиросомъ и со Игумены, и Княгыня съ дѣтми, и вси людье, и положенъ бысть въ церкви Св. Богородицы въ манастыри Великые Княгыни Всеволожы.»

(353) Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 72, и Карпин. Voyage, стр. 44. Карпинъ пишетъ, что Чингисханъ убитъ громомъ; а Сибирскіе Мунгалы разсказываютъ, что онъ, силою отнявъ у Тангутскаго Хана молодую жену, былъ ночью зарѣзанъ ею, и что она, боясь казни, утопилась въ рѣкѣ, названной по тому Хатунъ-Голь, или *женскою* (см. Миллер. *Сибирск. Ист.* стр. 6).

(354) Абульгази Hist. des Tatars, стр. 367. Близъ дворца Угадаева находился прекрасный колодезь: вода лилася изъ челюстей серебрянаго тигра. Знатнѣйшіе чиновники жили въ особенныхъ домахъ, и сіе мѣстечко, называемое Каракарумъ, было окружено большимъ звѣринцемъ. См. описаніе Каракарума въ Voyage de Rubruquis, стр. 106.

(355) Въ *Пушкин.*: «Тогожь лѣта (въ 1229 году) *Саксини* (въ Карпин. Voyage *Sasses*, стр. 58) и Половци взбѣгоша изнизу къ Болгаромъ передъ Татары, и сторожеве Болгарскыи прибѣгоша, бьени отъ Татаръ близъ рѣкы, ей же имя Яикъ. — Придоша Татарове (въ 1232 году) и зимоваша не дошедше Великаго града Болгарскаго» (см. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 176). — «Тое же осени (въ 1237 году) придоша отъ восточные страны въ Болгарскую землю безбожніи Татари и взяша славный Великый городъ Болгарскый и избиша оружьемъ отъ старца и до унаго и до сущаго младенца; и взяша товара множество, а городъ ихъ пожгоша огнемъ, и всю землю ихъ плѣниша.» Татищевъ прибавилъ, что Болгары требовали помощи отъ Вел. Князя, и что Георгій отказалъ имъ.

(356) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 127: «придоша Татарове, множьство безъ числа аки прузи — и сташа (на) Онузлѣ» (въ другихъ: *на Онозѣ*) «и взяша ю, и сташа становъ и послаша послы своя, жену чародѣйцю, и два мужа съ нею къ Княземъ Рязанскимъ, просяче у нихъ десятины во всемъ, и въ людехъ и въ Князехъ и въ конихъ, во всяномъ десятое. Князи же Рязанстіи Гюрги, Ингворовъ *братъ*, Олегъ, Романъ Ингоровичь, и Муромскій и Пронскій не впустяче къ градомъ, выѣхаша противъ имъ, и проч. Татищевъ вымыслилъ рѣчь пословъ Татарскихъ, Князей Олега, Игоря, и проч.

Въ другихъ новѣйшихъ лѣтописяхъ (см. *Рускій Временникъ*, I, 93) названы здѣсь Давидъ Ингоревичь Муромскій, Глѣбъ Ингоревичь Коломенскій, Всеволодъ Пронскій; но Давидъ Муромскій (и не Ингоревичь, а Юрьевичь) умеръ еще въ 1228 году, какъ означено въ *Пушкин.*; наслѣдникомъ же его былъ сынъ Юрій. Князь Всеволодъ Глѣбовичь Пронскій умеръ за долго до нашествія Татаръ. Въ Родословныхъ Книгахъ столь же несправедливо означено, что сынъ его, Киръ Михаилъ, княжилъ при Батыѣ въ Пронскѣ: сей Михаилъ убитъ еще въ 1218 году (см. выше, примѣч. 178).

(357) См. *Русск. Временникъ*, I, 93 и слѣд. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: «Батый дары прія (отъ Ѳеодора) и охабися лестію, что не воевати Рязанскія земли, и нача просити у Ряз. Князей дщерей и сестръ себѣ на ложе. И нѣкій отъ Вельможъ Рязанскихъ завистію насочи Батыю на Князя Ѳеодора, яко имѣетъ у себя Княгиню отъ *Царска* рода,» и проч. Далѣе: «По нѣколицѣхъ днѣхъ убіенія его (Ѳеодорова), Княгиня его Евпраксія стояше въ превысоцѣмъ храмѣ своемъ (храминѣ), и держащи на своихъ бѣлыхъ рукахъ любезное свое чадо, Ивана Ѳеодоровича *Постника*, и поглядающи ласковаго и любимаго супруга, да скоро видитъ его въ радости, и абіе услыша, яко онъ любви ея ради и красоты отъ Батыя убіенъ бысть... Наполнися слезъ и горести, и ринуся изъ превысокаго храма своего» — въ другихъ рукописяхъ: *восшедъ на высоту храма Николина* — «съ сыномъ на среду земли и *заразися* до смерти... и отъ сея вины (стр. 105) зовется Чудотворецъ Николай *Заразскій*, яко ту Евпраксія съ сыномъ своимъ сама себя *зарази*.» — Въ

302

описаніи битвы (о коей упоминаетъ и *Никон. Лѣт.*) сказано: «Яко единому Рязанцу битися со стомъ Татариновъ . . . И Мѣстныя Воеводы и вси удальцы Рязанскіе вси купно умроша . . . Единаго Князя Ольга Краснаго жива яша, изнемогающа отъ ранъ. Видѣвъ же его Батый красна вельми и хотя его врачевати и на свою прелесть обратити. Князь же Олегъ нарече его безбожна. Батый же разъярився, и повелѣ вскорѣ Князя Ольга ножи на части разняти.» Тутъ и Князь Юрій Рязанскій наименованъ въ числѣ убитыхъ; но другіе Лѣтописцы говорятъ, что онъ погибъ въ городѣ Рязани. Олегъ Ингворовичь, бывъ долго плѣнникомъ, умеръ въ 1258 году (см. ниже). Лѣтописи современныя суть Новогородская, Волынская, Суздальская, или Пушкинская.

(358) Въ *Русск. Временникѣ:* «Вел. Княгиню Агрипину Ростиславну, матерь Великаго Князя (Рязанскаго) и съ снохами и съ прочими Княгинями изсѣкоша.» Въ *Волын. Лѣт.*: Взяша градъ Резань копіемъ, изведше на лесть Кн. Гюргя, и ведоша къ Прынску (Пронску): бѣ бо въ то время Княгини его въ Прынску. Изведоша Княгиню его на лести, и убиша Гюргіа и Княгиню его. Киръ Михайловичь же утече съ своими людми до Суждаля.»

(359) Въ *Русск. Временникѣ:* «и не бѣ стонющаго, ни плачущагося . . . но вси вкупѣ мертви лежаше.» *Никонов. Лѣт.* прибавляетъ о жестокости Татаръ слѣдующее: «груди возрѣзываху и желчь вымаху, и съ иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и щепы за ногти біяху,» и проч.

(360) Въ *Русск. Времен.* 101-103: «Поиде Ингорь (сынъ Ингваревъ) ко граду Пронску и собра раздробленныя уды брата своего, Олега, и принесе въ Рязань, и положи съ Княземъ Георгіемъ во единой рацѣ.» Это несправедливо: см. выше. примѣч. 357. Вообще повѣсть сія основана, кажется, на одномъ преданіи: хотя не достовѣрна, однакожь достойна замѣчанія. Я имѣю подлинникъ *Русскаго Временника* или Костромской лѣтописи: онъ писанъ (кромѣ новѣйшихъ прибавленій) въ XVII вѣкѣ, и принадлежитъ Графу А. И. Мусину-Пушкину.

Въ Зарайскѣ при Соборной церкви Св. Николая, построенной во время Царя Ѳеодора Алексѣевича въ 1681 году, есть другая церковь Іоанна Предтечи, основанная, какъ сказываютъ, на гробахъ Князя Ѳеодора, Княгини Евпраксіи и сына ихъ Іоанна. Въ семъ Соборѣ стоитъ образъ Николая Чудотворца, окованный золотомъ и серебромъ въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, въ 1608 году, и привезенный изъ древняго Херсона. Въ упомянутой Костромской лѣтописи или *Временникѣ* (I, 77) находятся слѣдующія обстоятельства: «Въ 1224 году Св. Николай явился во снѣ Херсонскому Іерею Евстафію и сказалъ ему: возми мой Чудотворный образъ, жену свою Ѳеодосію, сына твоего, Евстафія, и гряди въ землю Рязанскую. Іерей не зналъ, гдѣ сія земля. Св. Николай вторично ему явился, толкалъ его въ ребра и велѣлъ ему итти на Востокъ (развѣ на Сѣверъ). Евстафій еще медлилъ, и въ наказаніе ослѣпъ; но снова прозрѣлъ, когда рѣшился исполнить волю Угодника. Св. Николай не велѣлъ ему итти чрезъ землю Половецкую, а сѣсть на ладію въ устьѣ Днѣпра, плыть до Варяжскаго моря, въ область Нѣмецкую, или Ригу; оттуда же ѣхать сухимъ путемъ въ Новгородъ и Рязань. Евстафій такъ и сдѣлалъ. Жена его хотѣла остаться въ Новѣгородѣ, и за то едва не умерла отъ жестокой болѣзни. Увѣдомленный во сновидѣніи о шествіи образа, Князь Рязанскій Ѳеодоръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и съ изумленіемъ увидѣлъ его лучезарное сіяніе. Отецъ Ѳеодоровъ, Георгій, или Юрій, взявъ съ собою Рязанскаго Епископа, *Ефросина Святогорца*, пріѣхалъ также поклониться святой иконѣ, для коей они заложили особенную церковь. Св. Николай чудеснымъ образомъ предвѣстилъ тогда Ѳеодору славную его кончину,» и проч. Упомянемъ еще о другой достопамятности Рязанской. Въ 36 верстахъ отъ нынѣшней Рязани есть такъ называемый Богословскій монастырь. Въ немъ хранилась какая-то золотая печать Батыева, которую Архіепископъ Михаилъ около 1653 года взялъ въ Соборную церковь, боясь, чтобы Мордовскіе разбойники не похитили сей драгоцѣнности, чрезъ нѣсколько лѣтъ употребленной на позолоту водосвятной чаши и другихъ церковныхъ утварей. Разсказываютъ, что образъ Іоанна Богослова въ семъ монастырѣ писанъ Русаремъ, наученнымъ живописи отъ самаго Апостола, и присланъ Іерусалимскимъ или Цареградскимъ Патріархомъ въ даръ Князю Рязанскому.

(361). «И бишася крѣпко, и прогониша ихъ (Татары) къ надолбомъ, и ту убиша Романа и Еремея . . . Москвичи же ничего не вѣдѣвше.» Татищевъ говоритъ, что Татары взяли Москву Генв. 20. Абульгази (Hist. des Tatars, 479) разсказываетъ басню, что Россіяне вмѣстѣ съ друзьями своими, Нѣмцами, окопались близъ Москвы, и 3 мѣсяца противились Татарамъ; что Шейбани, братъ Батыевъ, подкрѣпленный шестью тысячами новыхъ воиновъ, напалъ на окопы съ одной стороны, а Батый съ другой, и что Россіяне наконецъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 70,000 человѣкъ.

(362) «ЖДучи къ собѣ брата своего Ярослава съ полки и Святослава съ дружиною.» *Никонов. Лѣт.* вымыслилъ плачь Владимірцевъ при отъѣздѣ Георгія, а Татищевъ совѣтъ, разныя мнѣнія Вельможъ, и проч.

(363) Въ *Пушкин.*: «сташа (Татары) станомъ предъ Золотыми враты на *зрѣемѣ»*, то есть, въ виду, а въ *Никон. Лѣт.*: «на Рѣзмяни:» Татищевъ говоритъ: «на Рамени», прибавляя, что они умертвили Владиміра: такъ сказано въ *Степенной Книгѣ:* но въ лѣтописяхъ нѣтъ сего обстоятельства. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Воевода Петръ считалъ Моголовъ бичемъ Небеснымъ: не Воевода, а Князья такъ разсуждали (по *Троицк.* и *Пушкин.*): «и рекоста оба Князя: си вся наведе на ны Богъ», и проч.

(364) «Взяша (Татары) Суждаль и Св. Богородицю разграбиша, и дворъ Княжь огнемъ пожгоша, и монастырь Св. Дмитрія пожгоша, а прочіи разграбиша, а Черньци и Черници старыя и Попы, слѣпыя и хромыя, и глухыя и трудоватыя, и люди всѣ изсѣкоша; а что Чернецъ уныхъ, и Черниць, и Поповъ, и Попадій, и Дьяконы, и жены ихъ, и дчери, и сыны ихъ, то все ведоша въ станы.» Въ *Русскомъ Временникѣ:* «церкви и монастыри пожгоша; точію сохрани Господь Дѣвичь монастырь положенія Ризы Богоматери, въ немъ же иноческое борение прохожаше страдально блаженная Ѳеодулія со своими съ постницами, дщи Вел. Князя Михаила Черниговскаго и Мученика, нареченная въ иноческомъ чину Евфросинія.» Вѣримъ, что дочь Михаилова и супруга Василька Ростовскаго, по смерти его, скончала дни свои Инокинею въ семъ монастырѣ; но тогда Василько былъ еще живъ.

Далѣе въ *Новогород. Лѣт.*: «и стригошася вси (Владимір. Вельможи) въ образъ, таже въ Схиму отъ *Владыки* Митрофана, Князь (Всеволодъ) и Княгыни, дчи и споха (Георгіевы) и добріи мужи.» Въ *Церковной Исторіи Россійской* несправедливо сказано, что одни Новогородскіе Епископы назы-

вались тогда *Владыками.* — Въ *Волын. Лѣт.*: «Увидѣвъ Кн. Всеволодъ, яко крѣпчае брань належитъ, убояся — бѣ бо младъ — и изыде изъ града съ маломъ дружины, несый дары многы, надѣяше бо ся отъ него животъ пріяти. Онъ же (Батый) яко звѣрь свѣрѣпый повелѣ предъ собою зарѣзати й.» Тутъ же написано, что Князь Георгій убитъ прежде взятія столицы Владимірской, бывъ нечаянно окруженъ полками Бурундая. Извѣстіе Суздальскаго Лѣтописца достовѣрнѣе. — Въ *Пушкин.*: «Въ Субботу Мясопустную почаша наряжати лѣсы, и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города. Въ *Недѣлю* мясопустную по заутрени приступиша къ городу *Февраля въ седьмый, на память Ѳеодора Стратилата,* и бысть плачь великъ въ градѣ.» Мясопустъ былъ Февраля 7 въ 1238 году; а выше сказано, что Татары обступили Владиміръ Февраля 3, во *Вторникъ:* развѣ Февраля 2?

Въ *Пушкин.*: «Взяша градъ до обѣда отъ Золотыхъ воротъ у Св. Спаса, внидоша по примету (насыпи) чересь городъ, а сюдѣ отъ сѣверныя страны, отъ Лыбеди (рѣчки) къ Орининымъ воротамъ и къ Мѣдянымъ, а сюдѣ отъ Клязмы къ Волъжьскимъ воротамъ, и тако вскорѣ взяша Новый градъ; и бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ и вси людье въ *Печерній* городъ» (въ другихъ спискахъ: въ *средній).*

Далѣе въ *Пушкин.*: «Огнемъ безъ милости запалени быша... Татарове же силою отвориша церковныя двери.» Въ *Новогород. Лѣт.*: «Вбѣгоша въ Св. Богородицю и затворишася въ *полатѣ;* поганія же отбивше двери, зажгоша церковь *наволочивше* лѣса.» *Никонов. Лѣт.* обратилъ *полату* въ *полати*, и сказываетъ, что Великая Княгиня и всѣ люди причастились Святыхъ Таинъ. — Супруга Георгіева, Агаѳія, погребена въ Успенскомъ Соборѣ Владимірскомъ. Въ старыхъ рукописныхъ Святцахъ названы снохи ея Маріею и Христиною (см. Главу *О Святыхъ града Владиміра*). Далѣе: «Всѣ иконы одраша; а иныя изсѣкоша, а иныя поимаша, и кресты и ссуды (сосуды), и книгы одраша, и порты блаженныхъ первыхъ Князій, еже бяху повѣшали въ церквахъ на память собѣ... И ту убьенъ бысть Пахомій, Архимандритъ монастыря Рождества Св. Богородицы. и Данило, Игуменъ Успенскый, Ѳеодосій Спаскый и прочіи... Всеволода съ братомъ *внѣ града* убиша.» А *Никон. Лѣт.* пишетъ, что ихъ убили еще въ Новомъ городѣ. Далѣе: «Татарове поплѣниша Володимерь и поидоша на Вел. Князя Гюргія, и ови идоша къ Ростову, а ини къ Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волгѣ даже и до Галича *Мерьскаго»* (отъ имени народа Мери)... «Идоша на Переяславль (Залѣсскій) и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну поплѣниша, даже и до Торжку, и нѣсь мѣста, ни вси (веси), ни селъ тацѣхъ (такихъ) *рѣдко*, иже же не воеваша на Суждалской земли, и взяша городовъ 14, опрочь слободъ и погостовъ въ одинъ мѣс. Февраль, кончевающюся 45 му лѣту» (то есть, 6745). Въ *Новогород. Лѣт.*: «Ростовъ же и Суждаль разидеся розно. Окаяньніи же оттолѣ пришедше взяша Москву (гораздо прежде), Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тферь; туже и сынъ Ярославль убиша.» *Никон. Лѣт.* именуетъ еще Кашинъ, Ксятинъ.

(365) Въ *Новогород. Лѣт.*: «Князь же Юрьи посла Дорожа въ просокы» (въ другихъ спискахъ: *пытати Татаръ,* или для развѣдыванія). *Никон. Лѣт.* называетъ сего Дорожа Дороѳеемъ Семеновичемъ. Далѣе: «Князь же не успѣвъ ни что же, побѣже; и бы на рѣцѣ Сити, и постигоша и́, и животъ свой скончa, Богъ же вѣсть, како скончася; много бо глаголютъ о немъ иніи.» Въ *Пушкин.* только: «и ту убьенъ бысть Князь Великый на̀ Сити; и дружины его много убиша.»

(366) Въ *Пушкин.*; «*о глухое* царство! а въ нѣкоторыхъ *темное.* Далѣе говоритъ онъ: «вижю, яко младая память моя желѣзомъ погыбнеть и тонкое мое тѣло увядаеть.» — Далѣе: «Василка Кост. везоша со многою нужею до Шерньского лѣса.» Рѣка Шерна впадаетъ въ Клязму въ Московской Губерніи, въ Богородской Округѣ. Далѣе: «И повержену на лѣсѣ, видѣ и́ *етера* (нѣкая) жена вѣрна и повѣда мужу богобоязливу, Поповичю Андріану, и взя тѣло Князя Василка, и понявицею обитъ, реку (то есть) саваномъ, и положи его въ скровнѣ мѣстѣ.» *Никон. Лѣт.* вмѣсто *етера* написалъ *Марія,* а Поповича назвалъ ея мужемъ. — О супругѣ Василька см. выше, прим. 364. *Никон. Лѣт.* называетъ ее Маріею. — О характерѣ сего Князя сказано: «бѣ *сердцемъ легокъ* до Бояръ.»

(367) Въ *Новогород. Лѣт.*: «Оступиша Торжекъ на Сборъ Чистой недѣли, и отыниша тыномъ всь около, якоже иніи гради имаху, и бишася порокы по двѣ недѣли, и изнемогошась людье въ градѣ... Поганіи взяша градъ изсѣкоша вся отъ мужьска полу и до женьска, Іерейскый чинъ всь и Черноризскый, а все изобнажено и поругано... Марта въ 5 день, на память Св. Никона (Конона), въ Среду Средохрестную» (на четвертой недѣли Вел. Поста). «Ту же убьени быша Иванко Посадникъ Новоторжскый, Якимъ Влунковичь, Глѣбъ Борисовичь, Михайло Моисеевичь.»

Далѣе: «гоняшася отъ Торжку оли до Игнача креста, за 100 верстъ до Новагорода.» Надобно вспомнить, что старыя версты были вдвое болѣе нынѣшнихъ. — Лызловъ въ своей Скиѳской Исторіи пишетъ: «восхотѣ (Батый) пойти къ Новугороду, но возбраненъ, глаголютъ, отъ пути того грознымъ Воеводою, Архистратигомъ Небесныхъ Силъ, Михаиломъ.» Татищевъ вымыслилъ, что оттепель, болота и рѣки не позволили Батыю итти къ Новугороду.

(368) Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что у Михаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, у Мстислава сынъ Титъ, у Тита Иванъ, у Ивана *Василій,* убитый Батыемъ въ Козельскѣ: возможно ли, чтобы Михаилъ въ сіе время имѣлъ уже праправнука, когда большой сынъ его, Ростиславъ, въ 1229 или 1230 году былъ еще младенцемъ или отрокомъ? см. выше, примѣч. 328 и 331. Подобныхъ нелѣпостей довольно въ нашихъ Родословныхъ Книгахъ. — Татищевъ сказываетъ, что Князь *Василій* прозывался *Козля.* Жители говорятъ по *Воскрес. Лѣт.* II, 201: «положимъ животъ свой зань, здѣ славу свѣта пріемше, и тамо небесные вѣнцы отъ Бога пріимемъ.» Далѣе: «и убиша отъ Татаръ три сыны *Темничи*, и искавше ихъ Татарове и не обрѣтоша во множествѣ трупія. Батый же веземъ Козельскъ и пойде въ землю Половецку» (а не въ Рязань, какъ сказано въ *Никон. Лѣт.*) *Темниками* назывались у Татаръ начальники десяти тысячь.

(369) А не изъ Новагорода. Въ *Воскрес.*: «Ярославъ же, пришедъ изъ Кыева, сѣде на столѣ въ Володимери.»

Предлагаемъ маловажныя извѣстія Лѣтописцевъ сего времени. Въ 1224 году, Авг. 6, Епископъ Кириллъ освятилъ въ Ярославлѣ церковь Св. Спаса въ монастырѣ, заложенную Княземъ Константиномъ и достроенную сыномъ его Всеволодомъ. Въ

303

Новѣгородѣ Твердиславъ и Θеодоръ совершили каменную церковь Св. Михаила; былъ страшный громъ Маія 20: имъ убило двухъ человѣкъ, и сгорѣла церковь Троицы. Семенъ Борисовичь построилъ каменныя церкви Св. Павла, Симеона, Конст. и Елены, освященную Ноября 6. — Въ 1225 Вел. Князь Георгій заложилъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ каменную церковь Спаса. Епископъ Симонъ освятилъ церковь Богоматери въ Суздалѣ Сент. 8. — Въ 1226, Маія 22, скончался Владимірскій Епископъ Симонъ, принявъ Схиму, и погребенъ въ Соборной церкви Богоматери. Въ Новѣгородѣ построена церковь Рождества Христова. 16 Апрѣля, въ Вел. Четвертокъ, скончался тамъ Георгіевскій Игуменъ Савватій. Умирая, онъ призвалъ къ себѣ Архіепископа Антонія, Посадника Иванка, знаменитѣйшихъ Новогородцевъ, и молилъ ихъ выбрать новаго Игумена. Они желали знать его собственное мнѣніе. Савватій предложилъ Грека Попа отъ церкви Св. Конст. и Елены: Архіепископъ постригъ сего Іерея въ тотъ же день, Марта 2, а въ Игумены поставилъ Марта 8. Въ томъ же году заложили церковь Св. Іакова въ Неревскомъ Концѣ. — Въ 1227 году, Марта 14, Митрополитъ Кириллъ, находясь тогда въ Владимірѣ съ четырмя Епископами, поставилъ Митрофана Игумена Богородицкаго въ санъ Святительскій, при Велик. Князѣ и дѣтяхъ его, братьяхъ Святославѣ, Іоаннѣ, Боярахъ и народномъ множествѣ; въ числѣ зрителей былъ и самъ Лѣтописецъ Суздальскій. Маія 1 (въ другихъ спискахъ: Маія 11 и 13) сгорѣлъ городъ Владиміръ, 27 церквей и дворецъ Константиновъ съ бывшею въ немъ церковію Св. Михаила. Татищевъ вымышляетъ, что при сей церкви трудились Иноки Русскіе и Греческіе; что тутъ было училище, и сгорѣли многія книги, собранныя мудрымъ Константиномъ: его Исторія, описаніе земель, и проч. Въ Новѣгородѣ Вячеславъ, Малышевъ внукъ, расписалъ церковь 40 Сватыхъ. — Въ 1228, Генв. 6, преставился Схимникомъ Князь Владиміръ-Димитрій Всеволодовичь и положенъ въ Соборной церкви Владимірской Богоматери. На Святой недѣлѣ умеръ сынъ Давида Муромскаго и самъ Давидъ, принявъ Схиму (не сынъ ли сего Давида признанъ Святымъ подъ именемъ Петра, коего память бываетъ 25 Іюня? см. *Прологъ*. Мощи сего Князя и супруги его Февроніи лежатъ въ Муромскомъ Соборѣ). Князь Святославъ Всеволодовичь отпустилъ отъ себя жену съ великимъ награжденіемъ, ибо она захотѣла быть Монахинею; сія дочь Муромскаго Князя уѣхала въ Муромъ до Борисова дня и тамъ постриглась. Племянникъ Великаго Князя Георгія, Всеволодъ Константиновичь, женился въ Переяславлѣ на дочери Олега Святославича Курскаго. Сент. 21 родилась у Вел. Князя Георгія дочь Θеодора. — Въ 1229, Генв. 5, сгорѣлъ въ Владимірѣ Княжескій дворецъ и 2 церкви. Епископъ Ростовскій Кириллъ оставилъ Епископію. — Въ 1230 году «Василько, Всеволодъ и Володимеръ (Константиновичи) послаша къ отцю своему Гюргю и къ Епископу Митрофану по Кирила *Игумена* и *Архимандрита* монастыря Св. Богородицы Рождества, дабы й пустилъ на Епископство Ростову, и отпусти. Изыдоша на срѣтенье Кирилово Князи и Княгини, и Боляре, и вси мужи, и введоша й въ Св. Зборную церковь.» Великій Князь Георгій женилъ сына своего старѣйшаго, Всеволода, на дочери Владиміра Рюриковича Кіевскаго. Епископъ Митрофанъ вѣнчалъ ихъ въ Соборѣ Апр. 14. Епископъ Митрофанъ обновилъ и расписалъ Суздальскую церковь Богоматери, которую надлежало оставить за ветхостію въ Епископство Симона. Святославъ въ Юрьевѣ перестроилъ старую церковь Св. Георгія, созданную его дѣдомъ Долгорукимъ. Въ *Новогород. Лѣт.*: «той же зимѣ введоша съ Хутина отъ Св. Спаса Арсенія Игумена, мужа кротка, Князь Ярославъ, Владыка Спиридонъ и вьсь Новгородъ, и даша ему Игуменство у Св. Георгія, а Саву лишиша, посадиша въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль, и преставися Марта 15, въ Субботу предъ обѣднею... А дай Богъ молитва его святая всѣмъ Крестьяномъ и мнѣ грѣшному *Тимоѳею Понамарю»* (а въ другомъ спискѣ, напечатанномъ въ *Продолженіи древ. Вивліоѳики*: «Іоанну Попови»). — Въ 1231 году Февр. 2, по лѣтописи Кирилловской (Синод. библ. №. 351), перенесены мощи Св. Леонтія Ростовскаго изъ церкви Іоанна въ Соборную Св. Богоматери. Князь Василько послалъ избраннаго имъ Епископа Кирилла въ Кіевъ. Митрополитъ и Епископы окрестные, Порфирій Черниговскій, Олекса (Алексій) Полоцкій, Бѣлогородскій и Юрьевскій, съ Архимандритомъ Печерскимъ Акиндиномъ и съ Игуменами Михаиломъ Выдубецкимъ, Петромъ Спаскимъ, Симеономъ Андреевскимъ, Корниліемъ Θеодоровскимъ, Аѳанасіемъ Васильевскимъ, Симеономъ Воскресенскимъ, Климентомъ Кирилловскимъ, Іоанномъ Мученическимъ изъ Чернигова, посвятили Кирилла Апрѣля 6, при Князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ и тогдашнемъ Воеводѣ Кіевскомъ Іоаннѣ Славновичѣ. «Бяхуть же и иніи Князи Рустіи на сонмѣ въ Кыевѣ: Михаилъ Черниговскый, сынъ его Ростиславъ, Мстиславичь Мстиславъ, *Ярославъ, Изяславъ*» (см. выше, примѣч. 347, и Т. IV, примѣч. 20) «Ростиславъ Борисовичь» (племянникъ Владиміра Рюриковича) «и иніи мнози Князи, иже бѣша въ Св. Софьи на священье Кирилово, и праздноваша свѣтлый тотъ праздникъ въ Св. Софьи, и ѣша и пиша того дни въ монастыри (Печерскомъ). Бѣ много множество людій пришлиха.» Василько встрѣтилъ Кирилла въ Ростовѣ съ великою честію и съ крестами. «И бысть Намѣстникъ прежъ бывшихъ въ Ростовѣ Леонтья Святаго, священнаго Епископа Исаіи и Нестера и всѣхъ, яже почиша. Не оста ихъ ничѣмъ, вслѣдуя нравомъ ихъ и ученью; не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа... вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ Св. Зборную церковь, ово послушающе ученья его, ово же хотяще видѣти украшенья церкви Владычицы нашея Богородицы; бысть бо украшенье ея чюдно, акоже не бысть у прежбывшихъ Епископъ. Леонтій убо святый просвѣти крещеньемъ градъ Ростовъ: сей же Епископъ Кириллъ украси церковь Богородицы иконами многоцѣнными, ихъ же нѣсь мощи и сказати, и съ *предпопы*, рекше пелены; причини же и кивота 2 многоцѣнна и индитью многоцѣнну доспѣ на Св. трапезѣ, ссуди (сосуды) же и рипидьи и ино множество узорочей; причини же двери церковныя прекрасны, яже нарпчются златыя на полуденьной странѣ. Паче же наипаче внесе въ Св. церковь кресты честныя и многы мощи Святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступленье и покровъ граду Ростову.... Ученью же и тщанью дивлься (самъ Лѣтописецъ) сего Кирила, съ страхомъ и покореньемъ, послушая въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ»... — Іюля 24 родился у Князя Василька сынъ Борисъ. Авг. 14 священа въ Ростовѣ Великимъ священіемъ церковь Богоматери. — Въ 1232 году женился Князь Владиміръ Константиновичь (а Татищевъ прибавляетъ: «взялъ дочь Игоря Рязанскаго, Надежду»). Въ 1233 была расписана Суздальская церковь Богоматери и вымощена краснымъ, разноличнымъ мраморомъ. Заложили въ Новѣгородѣ отъ Неревскаго Конца на воротахъ церковь Св. Θеодора. Скончался Митрополитъ Кириллъ. Въ 1234 Князь Святославъ Всеволодовичь, совершивъ въ Юрьевѣ церковь

Св. Георгія, великолѣпно украсилъ оную: «бѣ бо извну около всея церкве по каменю рѣзаны Святыя чюдны велми, иже есть и до сего дни.» Въ Новѣгородѣ отъ грома сгорѣла церковь Св. Луки въ Людинѣ Концѣ, ввечеру Іюня 10. — Въ 1236 году, Авг. 3, затмѣніе солнца: «бысть видѣти акы мѣсяцъ четыре дни.» Въ *Новогород. Лѣт.*: «въ уденье (въ 11 ч. утра) бысть таково знаменіе: тма въ солнци съ Запада, акы мѣсяць бысть въ 5 ночій, а съ Встока свѣтло, и опять съ Встока тма бысть, такожь аки мѣсяць пяти ночій, а съ Запада свѣтло, и тако исполнися опять.» Родился у Василька сынъ Глѣбъ. Въ ту зиму Вел. Князь Георгій женилъ сыновей своихъ Владиміра и Мстислава. (Татищевъ пишетъ, что въ семъ году, Апрѣля 10, сѣлъ на Кіевскомъ престолѣ Изяславъ Мстиславичь, внукъ Романа Смоленскаго, и далъ о томъ знать чрезъ пословъ Великому Князю Георгію и другимъ). Въ 1237 году прибылъ лѣтомъ изъ Никеи въ Кіевъ Митрополитъ Іосифъ, родомъ Грекъ. Владимірскій Епископъ Митрофанъ поставилъ кивотъ въ Соборной церкви, украсивъ его золотомъ и серебромъ, и расписалъ ея притворъ. Въ 1238 году жена Боярина Новогородскаго, Семена Борисовича, основала монастырь при церкви Св. Павла.

**КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ III ТОМА.**

304

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КЪ IV ТОМУ

# ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) «И бысть радость велика Хрестьяномъ, ихъ же избави Богъ; и поча Ярославъ ряды рядити, яко же Пророкъ глаголеть: Боже! судъ Твой Цареви даждь и правду Твою»... Далѣе: «Гониша по нихъ (Князьяхъ) Татарове и не обрѣтоша, яко же и Саулъ гоняше Давида, но Богъ избави: тако и сихъ Вел. Князя Ярослава съ благородными сыны; бѣ же ихъ шесть» (кромѣ убитаго въ Твери): Олександръ, Андрей, Костянтинъ, Аѳанасій, Данило, Михайло; а Святославъ съ сыномъ Дмитріемъ, Иванъ Всеволодовичь, Васильковичи два, Борисъ и Глѣбъ, Всеволодичь Василій» (внукъ Константиновъ, сынъ Всеволода Ярославскаго).

Въ *Пушкин.*: «посла Ярославъ по брата своего Георгія въ Ростовъ... Изидоша изъ града противу ему Епископъ Кирилъ и Діонисій Архимандритъ... и не бѣ слышати пѣнья въ плачи... Бѣ Юрьи украшенъ добрыми нравы, ихъ же имена вмалѣ повѣмъ. Потщася Божья заповѣди хранити и Божій страхъ... Всякъ зломыслъ *(зломысла)* его прежъ безбожныя Татары отпущаше одаренъ; бяхуть бо прежь прислали послы своя зліи ти кровопійцы, рекуще: *мирися съ нами!* Онъ же того не хотяше: брань бо славна луче есть мира студна... Милостивъ же бяше паче мѣры — и не щадяше имѣнья своего, и церкви украшая иконами и книгами, и *грады многи* постави (какіе же?), паче жъ Новгородъ вторый на Волзѣ усть Окы... Чтяшеть же излиха Черечьскый чинъ и Поповскый, подая имъ еже на потребу... И посѣде на отца столѣ лѣтъ 24... Положиша его въ гробъ каменъ въ Св. Богородицю, идѣ же лежить Всеволодъ, отецъ его.» — Въ *Степен. Книгѣ*: «всѣмъ же зрящимъ видѣти есть чудо преславно, яко святая глава его прилпе къ честному тѣлеси его, яко ни слѣда видѣти отсѣченія на выи его; еще же и рука его десная выспрь бяше воздѣяна; сею же яко живъ показуя подвигъ своего совершенія,» и проч.

(2) «Иде Ярославъ Смоленьску на Литву, и Литву побѣди, и Князя ихъ ялъ, а Смоляны урядивъ, посади у нихъ Князя Всеволода Мстиславича на столѣ, внука Романова Ростиславича (см. *Пушкин.* и *Воскресенск. Лѣт.*), шурина же брата своего Констянтина Всеволодича (см. *Никон. Лѣт.*), а самъ со множествомъ полона съ великою честью отыде въ своя си.» См. ниже, примѣч. 107. Сей Смоленскій Князь Всеволодъ Мстиславичь названъ въ Родословн. Книгахъ Андреемъ.

(3) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Пріиде Ярославъ Суждалскый и взя Кыевъ подъ Володимеромъ; не могъ его дръжати, иде пакы къ Суждалю, и взя подъ нимъ Михаилъ, а Ростислава, сына своего, остави въ Галичи... Изыде Данилъ съ вои изъ Холма, и бывшю ему въ третій день въ Галичи ... Епископужь Артемію и Дворскому Григорію възбранящю ему (Даніилу)... Узрѣвшима же, яко не можета удръжати града, изыдоста слезныма очима и осклабленнымъ лицемъ, и лююща уста своя... Ростиславъ же бѣжа въ Угры; путемъ, имъ же идяше на Борьсуковъ Дѣлъ, пріиде къ бани, рекомѣй Родна, и оттуда иде въ Угры... Данилови же увѣдавшу уходъ ихъ, посла на нѣ свое, и гнаша по нихъ до горы.»

(4) См. Прая Annal. Reg. Hung. Кн. IV, стр. 251, и Dissert. стр. 113; также Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 103. Котянъ называется въ Венгерскихъ лѣтописяхъ Cothan и Cuthen. Онъ принялъ тогда Вѣру Христіанскую вмѣстѣ со многими изъ своихъ единоземцевъ.

Карпинъ (Voyage его стр. 47) пишетъ, что Моголы приступали тогда къ городу Орнѣ, построенному на берегахъ Дона близъ устья сей рѣки, славному торговлею и весьма богатому; что въ немъ жили Христіане: Козары, Алане и Яссы, Россіяне и нѣкоторые Сарацины; что Батый, не имѣя надежды взять его силою, велѣлъ запрудить Донъ и потопилъ городъ. Сія *Орна* (по нашимъ лѣтописямъ *Орначь*) не есть ли *Тана* или нынѣшній Азовъ? или не *Ахасъ* ли? см. сей *Исторіи* Т. VII, въ концѣ, или Герберштейн. R. M. Comment. 74. — Далѣе: «Тогожь лѣта (1239) взяша Татарове Мордовскую землю и Муромъ пожгоша, и по Клязмѣ воеваша; градъ Св. Богородицы Гороховець пожгоша, а сами идоша въ станы своя. Тогда же бѣ пополохъ золъ по всей земли, и сами не вѣдяху, гдѣ кто бѣжить.»

(5) Въ *Воскресен. Лѣт.*: «Слышавъ же Мстиславъ Глѣбовичь, внукъ Святославль Олговичь, нападеніе иноплеменныхъ на градъ, и пріиде нань съ вои своими, и бившимся имъ крѣпко, оже и тараны нань ставиша и меташа нань каменіемъ *полтора перестрѣла*, а камень же яко можаху 4 мужи сильніи подъяти.» Разумѣется, что сіи камни были метаемы не руками людей, а посредствомъ орудій. *Перестрѣломъ* называли разстояніе, чрезъ кое могла перелетѣть стрѣла. — Здѣсь несправедливо именованъ Мстиславъ внукомъ Святослава *Ольговича*: дѣдъ его, отецъ Глѣбовъ и Всеволода Чермнаго, былъ Святославъ *Всеволодовичь*, сынъ Всеволода II.

Въ *Никон. Лѣт.*: «едва убѣжа Князь Мстиславъ Глѣбовичь;» а въ *Пушкин.*: «взяша Татарове Черниговъ, а Князи ихъ (Черниговскіе) выѣхаша въ Угры.»

(6) Нассиреддинъ называетъ Кіевъ *Кулва*, а Олугбегъ *Куя*: см. Баер. Geogr. Russ. ex Const. Porph. въ *Коммент. Акад.* IX, 411. — Въ нашихъ лѣтописяхъ Мангу именуется Менгуханомъ. Объ немъ сказано: «ста на оной странѣ Днѣпра у града Песочнаго (см. *Больш. Чертежъ*).

(7) См. выше, примѣч. 3. — *Никонов. Лѣт.* вымышляетъ, что Мангу звалъ къ себѣ Михаила съ намѣреніемъ казнить его. — Въ Родослов. Книгахъ сказано, что Даніилъ, поѣхавъ къ Королю Белѣ, взялъ съ собою Ростислава Мстиславича, который и скончался въ Венгріи. — Бела въ письмѣ своемъ къ Папѣ, писанномъ въ 1238 г., говоритъ: nec honoris ambitio, nec divitiarum cupiditas, quae *nobis* divina gratia *largiente abundanter* sunt concessa, и проч. См. Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 249.

(8) Въ *Воскресен.* и *Волынск.*: «не бѣ бо слышати во градѣ другъ ко другу глаголюща во скрипѣніи телегъ его и во множествѣ ревеніа вельбудъ его и отъ рзаніа стадъ конь его, и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ (непріятелей); и яша отъ нихъ Татарина, именемъ Таврула.» *Никонов. Лѣт.* прибавилъ отъ себя *гласъ трубъ и органовъ*. — Далѣе: «Се бяху братье Батыя, сильны Воеводы, Урьдю и Байдарь, Бирю и Каданъ, Бечакъ и Менгу и Кююкъ (Гаюкъ или Каюкъ), *иже возвратися вспять, увѣдавъ о смерти Кановѣ*; и бысть Каномъ; не отъ роду же его, но бѣ Воевода его первый Себедяй Богатырь (Судай Багадуръ) и Бурундай, иже взя Болгарскую землю и Суждальскую.» И такъ Гаюкъ подъ Кіевомъ узналъ о смерти Хановой? Но Абульгази пишетъ, что Ханъ Угадай или Октай умеръ въ 642 году Эгиры,

слѣдственно въ 1244 по нашему лѣтосчисленію: Дегинъ же ставитъ 1241 годъ, вѣря болѣе Китайскимъ Историкамъ. Гаюкъ не былъ ли тогда обманутъ ложнымъ слухомъ о кончинѣ отца? — Татарскій Воевода Урьдю или Орду, по сказанію Карпина (стр. 9), считался первымъ Воеводою Моголовъ.

Далѣе: «Востави же Батый пороки къ городу подлѣ вратъ Лятскаа: ту бо бяху пришли дебри.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Батый убѣждалъ Кіевлянъ сдаться, но что они не хотѣли о томъ слышать, отвѣтствуя ему бранью. — Далѣе: «Ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитомъ *скепаніе*» (раздробленіе)... «Людемъ же возбѣгшимъ на комары церьковныя съ товары своими;» а *Никонов. Лѣтопис.* прибавляетъ: «и отъ тягости повалишася стѣны церковныя.» Такъ и въ *Синопсисѣ*. Кн. Щербатовъ ошибся, написавъ, что Кіевляне сдѣлали ограду вокругъ *Софійской* церкви. — Св. Владиміръ былъ погребенъ въ Десятинной церкви.

(9) Длугош. Hist. Polon. кн. II, стр. 154: Kiovia, et si per varios participes reparata sit, acceptæ autem tunc ruinæ posteris signa profert. Но Длугошъ ошибся, думая, что сіи знаки разрушенія напоминали месть Болеслава Храбраго: не Болеславъ, а Батый столь ужаснымъ образомъ разорилъ Кіевъ. Въ семъ городѣ находился тогда Монахъ Западной церкви, именемъ Іакинѳъ, который весьма живо описалъ Папѣ звѣрство Татаръ и разореніе Кіева (см. Бержерон. Traité des Tartares, стр. 27).

(10) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 473.

(11) См. *Синопсисъ*: тоже описано и въ другихъ историческихъ рукописяхъ XVII вѣка. — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Батый оставилъ въ Кіевѣ своего Намѣстника или Воеводу: въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того.

(12) «Пріиде къ городу ко Лодяжну» (во многихъ спискахъ: Колодяжну, Коловяжну). Сей городокъ или мѣстечко, нынѣ именуемое Ладыжинъ, находится въ Подольской Губерніи, на Бугѣ. — Въ *Русск. Временникѣ* (I, 113) написано, что Батый тогда же подступалъ и къ Смоленску, гдѣ находился Св. Меркурій, благородный Римлянинъ Греческой Вѣры, слуга Князя Смоленскаго; что Меркурій, выѣхавъ одинъ ночью на *долгій мостъ*, умертвилъ множество непріятелей; что Моголы отрубили ему голову; что Батый ушелъ, а Меркурій, взявъ отсѣченную свою голову въ руки, возвратился въ Смоленскъ; что граждане погребли его въ храмѣ Богоматери, гдѣ донынѣ находится гробъ и виситъ оружіе сего Св. витязя, который велѣлъ жителямъ носить оное по городу въ случаѣ опасностей, и проч. Ни въ Прологѣ, ни въ Минеяхъ нѣтъ Меркуріева житія. Въ Слѣдованной Псалтири сказано, что онъ убитъ въ 1247 году: слѣдственно гораздо послѣ того, какъ Батый взялъ Кіевъ. О вѣроломствѣ Моголовъ см. Карпина Voyage въ Бержерон. стр. 55; объ Изяславѣ см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 347.

(13) Въ подлинникѣ: *«свиляными* одеждами» — отъ слова *свиль:* такъ называется мѣсто дерева, гдѣ волокна *излучисто* переплетаются между собою. Симъ именемъ означались струистыя ткани, носимыя въ старину богатыми женщинами: то есть, родъ объяри. — Сіе изображеніе Россіи взято изъ *Степен. Книги* I, 333, 334, и *Русск. Врем.* I, 121.

(14) См. Робертсон. *View of the Stade of Europe*, стр. 13, Вѣнск. изд. If a man (говоритъ онъ) were called to fix upon the period in the history of the world, during which the condition of the human race was most calamitous and afflicted, he would, without hesitation, name that, which elapsed from the death of Theodosius the Great to the establishment of the Lombards in Italy.

(15) См. *Исторію* Кн. Щербатова: говоря о томъ, онъ забылъ, кажется, все читанное имъ въ нашихъ лѣтописяхъ о состояніи древней Россіи.

(16) По сказанію Лѣтописцевъ Венгерскихъ, Батый вступилъ въ ихъ землю съ 500,000 воиновъ. Сочинитель Житія Св. Михаила Черниговскаго пишетъ, что при осадѣ Кіева находилось 600,000 Татаръ (см. *Минею*, Сентября 20). Народы, побѣжденные Моголами, должны были обыкновенно давать имъ людей годныхъ для военной службы.

(17) См. Карпин. Voyage въ Берж. стр. 49 — 55, и Дегин. Hist. des Huns, Кн. XV, стр. 3 — 9.

(18) Пишутъ, что Моголы ѣли даже человѣческое мясо, крысъ и вшей (см. Дегин. Hist. des Huns, Кн. XV, стр. 4).

(19) Они сими крюками стаскивали непріятелей съ лошадей.

(20) Въ *Пушкин. Лѣт.*: «Того жь лѣта (1239) Ярославъ иде къ Каменцю; градъ взя Каменець, а Княгиню Михайлову со множествомъ полона приведе въ своясн.» Въ *Волынск. Лѣт.*: «Ярославъ же, слышавъ, яко бѣжалъ есть Михаилъ (въ 1240 году) изъ Кыева въ Угры, и ѣхавъ, и я Княгиню его, и Бояры его поима, и городъ Каменецъ взя. Слышавъ же се Даниилъ, посла послы, рѣка: пусти сестру (жену Михаилову) къ мнѣ, зане яко Михаилъ обѣма нама зло мыслитъ. И Ярославъ, услышавъ словеса Данилова, и бысть тако; и пріиде сестра къ Данилу и Васильку, и дръжаста ю въ велицѣй чести.» Удивительно, какъ могъ Великій Князь въ такое бурное время итти изъ Владиміра Суздальскаго въ нынѣшнюю Подольскую Губернію! Мы упоминали въ 1229 году о Ярославѣ Ингваревичѣ, получившемъ отъ Даніила въ Удѣлъ Межибожье и Перемиль; но Суздальскій или Пушкинскій Лѣтописецъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о Великомъ Князѣ Ярославѣ. Далѣе въ *Волын. Лѣт.*: «Король же (Венгерскій) не вдасть дѣвкы своея Ростиславу и погна й проч. Идоста Михаилъ и Ростиславъ къ уеви своему въ Ляхы и къ Кондратови. Присла Михаилъ послы къ Данилу и Васильку, и рече: много кратъ съгрѣшиховѣ; что ти обѣщахъ, того не сътворихъ: невѣрніи Галичане не вдаляхуть ми... Данилъ же и Василько приведоста его изъ Ляховъ... Михаилъ же за страхъ Татарскый не смѣ ити къ Кыеву. Даниилъ же и Василько вѣдаста ему ходити по земли своей и даста ему пшеници много, и меду и говядь и овецъ довольно. Михаилъ же, увѣдѣвъ пріятіе Кыевское, бѣжалъ съ сыномъ въ Ляхы къ Кондратови... и ту не стерпѣ, иде въ землю Вротиславску, и пріиде къ мѣсту Нѣмецкому, именемъ *Среда* (Сирадіи), Нѣмци избиша ему люди, и товара много отъяша, и внуку его убиша... Уже бо бяху Татары пришли на бой къ Андриховичю» (сыну Генрика Вратиславскаго): Михаилъ же вѣротися къ Кондратови. — Ѣхалъ бѣ Данило Князь къ Королеви въ Угры... и не бы любовь межи има и пріѣха въ Синеводскъ въ монастырь Св. Богородицы; наутріе же въставъ видѣ множество бѣжащихъ отъ Татаръ, и вѣротися назадъ въ Угры: не може бо пройти Руск. земли, зане мало бѣ съ нимъ дружины, и остави сына въ Угрѣхъ, и дасть й въ руцѣ Галичаномъ; вѣдая невѣрствія ихъ, про то его не поя съ собою. Иде изъ Угоръ въ Ляхы на Бордуевъ, и пріиде въ Судомирь, и слыша о братѣ и о дѣтехъ и о Княгини своей... И обрѣте я на рѣцѣ рекомѣй Полцѣ.... Потомъ же Михаилъ иде на Володимерь съ сыномъ своимъ, и оттуда иде Пинску. Ростиславъ же Вълодимеричь» (сынъ умершаго Владиміра Кіевскаго) «пріиде къ Данилу въ Холмъ... Холмъ бо городъ сице бысть созданъ. Даниловн княжащу въ Володимери, създа градъ Угровескь, и постави въ немъ Епископа.

ѣздящю же ему по полю и ловы дѣюще, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящю округъ его полю, и праша *туземецъ*» (тамошнихъ жителей) «како именуется мѣсто се. Они же рекоша: *холмъ* . . . И сътвори ту градецъ малъ . . . И създа» (тутъ же послѣ) «градъ иный, его же Татарове не возмогоша пріяти. Тогда же церковь Св. Троицы зажжена бысть, и пакы създана . . . И Кн. Данило нача призывати прихожая Нѣмци и Русь и иноя язычникы и Ляхы . . . Бѣжаху изъ Татаръ сѣделници, и лучници, и тулници, и кузнеци желѣзу и мѣди, и сребру, и бѣ жизнь, и наполниша дворы окресть града поле. Създа жь церковь Св. Ивана . . . комары 4, съ каждо угла переводъ и стояніе ихъ на четырехъ головахъ человѣческыхъ, изваяно отъ нѣкоего хитреца; окна три украшена стъклы Римскыми. Вхолящe въ олтарь стояста два столпа отъ цѣла камене, и на нею комара; выспръ же вързъ украшенъ звѣздами золотыми на лазури; вънутрънiй же ей помостъ бѣ сълитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещашеся яко зерцало; двери же ея двоя украшены каменіемъ Галицкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмъскимъ тесанымъ, изриты нѣкымъ хитрецемъ Авдеемъ; *прилѣпы* (корнизы) отъ всѣхъ шаровъ (красокъ) и злата; напреди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полунощныхъ Іоаннъ Св. . . . Украси же иконы, еже принесе изъ Кыева, каменіемъ драгымъ и бисеромъ и златомъ, и образъ Спасовъ и Св. Богородицы, иже вда ему *сестра Ѳеодора*; икону же принесе изо Вручего (Овруча) Встрѣтеніе . . . и колоколы принесе изъ Кыева; другія ту солья . . . Вежа же среди города высока, яко быти съ нея окресть града, подздана каменіемъ, въ высоту 15 локоть, създана же древомъ тесанымъ и убѣлена яко сырь, свѣтящися на всѣ стороны; студенець рекомый кладязь, близъ ея, саженей имущь 35 . . . Посади же садъ красенъ, и създа церковь Св. Безмездникома въ честь, иматъ 4 столпы отъ цѣла камене тесанаго, дръжаща връхъ; съ тѣхъ же другіи въ олтарь Св. Димитрія; стоитъ же тисъ предъ богочиными двермя красенъ и принесенъ издалече; стоитъ же столпъ поприще отъ города каменъ, а на немъ орелъ каменъ изваянъ; высота жь камени 10 локоть, съ головами жь и съ подножкы 12 локоть . . . Ростиславъ же (Михайловичь?) показа правду свою, яко не въ совѣтѣ съ Михаиломъ. Михаилъ же не показа правды . . . Но пройде землю Данилову, и пославъ посла, иде въ Кыевъ . . . Вышедшю же Лвови изъ Угровъ съ Бояры Галицкыми, и пріѣха въ Оводаву къ отцу си . . . Бояре же Галицтіи сами всю землю дръжаху. Доброславъ же вькняжилъ собе и Судичь, Поповъ внукъ, и грабяше землю, и въшедъ въ Вакоту, все Понизье прія. Григорій же Васильевичь себѣ горнюю страну Премышльскую мысляше одръжати. Данилъ же посла Іакова Столника своего, глаголя къ нимъ: землю губите. Черњговскыхъ Бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, пріимати, но дати волости Галицкымъ; а Коломыйскую соль отлучити на мя. Оному же рекшю: да будетъ тако. Въ тотъ же часъ пріидоста Лазарь Домажирець и Иворъ Молибожичь, два беззаконника отъ племени смрьдья, и поклонистася ему до земля. Якову же прашавшю вины. Доброславу же рекшю: дахъ има Коломыю . . . И усмѣяся . . . Времени минувшю, присла Доброславъ на Григорія, рече: невѣренъ ти есть . . . Звадившася сами и пріѣхаша съ великою грьдынею: Доброславу въ одиной сърочици, гордящю, ни на землю смотрящю. Галичаномъ же текущимъ у стремени его . . . Данилъ же повелѣ я изымати . . . Ростиславъ (Михайловичь) събралъ (въ 1241 г.) Князи Болоховскые и останокъ Галичанъ и пріиде ко Бакотѣ. Кириловн же сущю Печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даниломъ исписати грабительства нечестивыхъ Бояръ и утѣшити землю . . . Бывшимся имъ у вратъ, отступилъ ся, хотяше премолвити его словесы. Кирилъ же отвѣща, се ли твориши възмездіе уема своима? . . . Ростиславъ же изыде за Днѣпръ . . . Данилъ же слышавъ приходъ Ростиславль съ Болоховскыми Князи на Бакоту, абіе устремися на ня и грады ихъ огневи предасть, и гребля ихъ роскопа (Василько же осталъ бѣ стеречи земли отъ Литвы) и пойма грады ихъ Деревичь (нынѣ Дуричи), Губинъ, Кобудю, Кудинъ (нынѣ Кодень) Божскый, Дядковъ» (сіи мѣста существовали отъ Бреста на Югъ по рѣкѣ Бугу). Пріиде Кирилъ Печатникъ съ 3000 пѣшецъ и 300 конникъ и въдасть имъ взяти Дядковъ, плѣнивъ землю Болоховскую . . . Князи же ихъ изъя (Даніилъ) отъ руку Болеславлю, Князя Мазовьского, рекшу Болеславу: *почто суть вошли во землю мою, яко не вдахъ имъ? И не суть вои твои* (Даниловы), *но суть особни Князи*. И хотяще разграбити е. Они же обѣщашася въ работѣ быти. Онѣмъ же (Даніилу и Васильку) молящимся, зане хотѣ (Болеславъ) съ ними брань сътворити. Василко же убѣди й (Болеслава) и дасть ему дары многи на избавленіе ихъ. Онѣмъ же (Болох. Князьямъ) не помнящимъ (сего прежняго) добродѣянья . . . Ростиславъ вои собравъ и Володислава невѣрного, и пойде на Галичь, и пришедъ ко Печерѣ до Мамири, и прельсти е Володиславъ, и вдашася Ростиславу, и оттуда пойма пойде къ Галичю, рекый, яко твой Галичь; а самъ прія Тысячю отъ него» (т. е. санъ Тысячскаго) . . . Данилъ и Василько пойдоста на нихъ: онъ же выбѣже изъ Галича до Щекотова, и съ нимъ бѣжа Артемей Епископъ Галичьскый и иніи Галичане. Даниловн же и Васильку женущу по немъ, вѣсть приде, яко Татарове вышли суть изъ землѣ Угорьское и идуть въ Галичькую; и тою вѣстію спасеся, и нѣколико отъ Бояръ его ято бысть. Данилъ же, хотя уставити землю, ѣха до Бакоты и Калиуса (Kalusz) а Василько въ Володимерь. Данилъ же Дворецкого посла на Перемышль на Костянтина Рязаньского, посланнаго отъ Ростислава къ Владыцѣ Перемышльскому, коромолующу ему съ нимъ; и слыша Костянт. Андрея грядуща, избѣже нощью. Андрей же не *удоси* его; но *удоси* Владыку, и слугы его гордые разграби, и тулы ихъ бобровые раздра и прилбицѣ ихъ волчья и боръсуковые раздраны быша (яко) *словутьного пѣвца Митусу* древле» (?). О войнѣ Даніила съ Поляками см. ниже примѣч. 45. Въ *Пушк.* и въ другихъ: «Татарове (въ 1241 г.) убиша Мстислава Рыльскаго.» Чей онъ былъ сынъ, неизвѣстно. Въ 1185 году княжилъ въ Рыльскѣ Святославъ Ольговичь, внукъ Святослава же Ольговича Сѣверскаго.

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Городъ *Бакота* былъ на Днѣстрѣ между Ушицею и Каменцемъ Подольскимъ. — *Болоховъ* находился въ Подольской Губерніи. Тамъ, на дорогѣ изъ Кіева въ Галичь, были и города *Кудинъ Божскій* (нынѣ Кудинка), *Деревичи*, *Губинъ*, *Дядковъ*, *Бѣлобережье*, *Чернятинъ*, область *Князей Болоховскихъ*, въ окрестностяхъ и на берегахъ Буга впадающаго въ Днѣпровскій Лиманъ, а не того, который впадаетъ въ Вислу. (Примѣчаніе Г. Ходаковскаго). Нѣкоторыя мѣста лѣтописей дѣйствительно заставляютъ думать, что Болоховскіе Князья имѣли свой удѣлъ въ нынѣшней Подольской Губерніи; но Болеславъ *Мазовецкій*, какъ сказано въ Волынской Лѣтописи, жаловался на то, что они самовольно захватили часть его владѣній: «почто суть вошли въ землю мою, яко не вдахъ

имъ?» Слѣдственно Мазовія граничила съ ихъ Княжествомъ?

(21) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 206. Далѣе: «Въ лѣто 6747 (1239) оженился Князь Олександръ въ Новѣгородѣ, поя въ Полотьскѣ у Брячслава дчерь, и вѣнчася въ Торопчи; ту кашу чини, а въ Новѣгородѣ другую. Того же лѣта Александръ съ Новгородци сруби городци по *Шелонѣ*.» Сей Полоцкій Князь Брячиславъ могъ быть сыномъ или внукомъ Василька Кривскаго.

(22) См. Дузбурга Chronicon Prussiæ, стр. 13 — 27, и Келха Liefland. Gesch. 78 — 84.

(23) См. Арндт. Liefl. Chr. II, 42, 45. Въ нашихъ лѣтописяхъ (см. *Воскр.* II, 207): «приде нѣкто силенъ отъ западныя страны, иже нарицаются *слуги Божья*, хотя видѣти дивный взрастъ его, якожь древле Царица Ужская (Савская) приходи къ Соломону, хотящи слышати премудрость его; тако же и сей, именемъ *Андреянъ*» (такъ въ *Пушкин.*; въ другихъ *Андреяшь*) «видѣвъ Князя Александра, возвратися къ своимъ, и рече: прошедъ страны и языки, не видѣхъ таковаго ни въ Царехъ Царя, ни въ Князехъ Князя.»

(24) Въ особенномъ описаніи Александровыхъ подвиговъ (см. ниже, примѣч. 26) сказано, что Король части Римскія, слыша о мужествѣ нашего Князя, желая побѣдить его или *взять руками*. *Новогород. Лѣт.* называетъ сего непріятеля Княземъ Шведскимъ, а сочинитель *Родослов. Книги* (описывая происхожденіе Морозовыхъ) Нѣмецкимъ Королемъ *Варгушемъ*. Въ Швеціи царствовалъ тогда Эрикъ Эриксонъ, прозваніемъ *Леспе* (*шепетливый*): онъ былъ хромъ, и поручалъ всѣ дѣла воинскія славному Биргеру, особенно защиту Финляндіи (см. Далина Gesch. des R. Schw. II, 165). Въ мнимомъ завѣщаніи Шведскаго Короля Магнуса (о коемъ будетъ говорено послѣ, и кое вмѣщено въ наши современныя лѣтописи) именно сказано, что Александръ Невскій побѣдилъ Биргера: «первѣе сего подъялся Мастерь Бергеръ, и вшелъ въ Неву, и срѣте его В. Князь Александръ Ярославичь на Ижерѣ рѣцѣ, и самого прогна, а рать его поби.» — Папа всячески возбуждалъ Шведовъ распространять Христіанство оружіемъ въ Финляндіи и въ окрестностяхъ ея (см. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 157).

Въ лѣтописи: «Пріидоша Свѣи въ силѣ велицѣ, и Мурмане (Норманы или Норвежцы) и *Сумь* и *Емь*.» См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 73. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: «Король части Римскія отъ полунощныя страны, иже первѣе *Варяги и Готы*, нынѣ *Свеи* именовахуся.» Въ семъ походѣ не участвовали Ливонскіе Рыцари. Въ описаніи дѣлъ Александра, по древнѣйшему списку Пушкинскому, не упоминается о Мастерахъ; только въ новѣйшихъ сказано: «собра силу велику *Местери* и Бискупи.»

(25) О семъ чудѣ не упоминается въ *Новогород. Лѣт.*; но сочинитель описанія Александровыхъ подвиговъ разсказываетъ оное.

Далѣе, въ описаніи битвы: «Видѣвъ *Королевича* мча (мчимаго) подъ руку, и въѣха по досцѣ и до самаго коробля, по ней же хожаху съ Королевичемъ,» и проч. Король Эрикъ не имѣлъ дѣтей. Сей Королевичь могъ быть сыномъ его сестры и Биргера. Въ *Новогородск. Лѣт.*: «убіенъ бысть Воевода ихъ именемъ Спиридонъ; а иніи творяху (сказывали), яко и Пискупъ убьенъ бысть туже... Новгородцевъ же ту паде Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинещеничь, Намѣстъ Дрочило, Нездѣловъ сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужь съ Ладожаны, или мнѣ (менѣе), Богъ вѣсть.» Въ описаніи Александровыхъ дѣлъ прибавлено, что «за рѣкою Ижерою, гдѣ совсѣмъ не было сраженія, нашлося множество мертвыхъ Шведовъ, убитыхъ безъ сомнѣнія Ангелами.»

Современники ли наименовали Александра Невскимъ? Въ описаніи дѣлъ его и въ *Лѣт. Новогород.* нѣтъ сего прозванія, которое находится въ *Степенной Книгѣ*.

(26) «Си же вся слышахъ отъ Господина своего, Великаго Князя Александра, и отъ инѣхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи.» Выше говоритъ сочинитель: «азъ худый, грѣшный и недостойный начинаю писати житье Вел. Кн. Александра, сына Ярославля, внука Всеволожа, понеже слышахъ отъ отецъ своихъ и самовидець есмь взрасту его.»

(27) Въ *Степ. Книгѣ* (I, 362): «Сій Ярославъ, сынъ Владиміръ, *внукъ Рюриковъ Кіевскаго*:» нѣтъ, онъ былъ сынъ Владиміра Псковскаго (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 123 и 200).

(28) Жители Феллина именованы Вельядцами, ибо сей городъ назывался Vellnio, Vilinde; по-Эстонски Wiliandi-lin. — Въ лѣтописи: «Выидоша Пльсковичи вси, и бишася съ ними, и побѣдиша я Нѣмци. Туже убиша Гаврила Гориславича Воеводу, а Пльсковичь гоняче много побиша, а инѣхъ руками изъимаша, и пригонивше подъ городъ, и зажгоша посадъ весь, и погорѣша церквы, и много селъ попустиша около Пльскова, и стояша подъ городомъ недѣлю, но города не взяша, но дѣти поимаша у добрыхъ мужь въ тали... И поча (Твердило) владѣти Пльсковомъ съ Нѣмци, воюя села Новгородскыя.» Въ *Псковской* Архивск. прибавлено: «уже бяше Псковъ взятъ, и Тіуны (Нѣмецкіе) посажены у нихъ судити.» — Арндтъ въ Liefland. Chr. (II, 45) и Кельхъ въ своей Исторіи (стр. 35) пишутъ, что Великій Магистръ Бальке вмѣстѣ съ Дерптскимъ Епископомъ Германомъ ходилъ на Псковъ, и положивъ на мѣстѣ 660 Россіянъ, оставилъ тамъ гарнизонъ, ибо Князь Псковскій, *Ярополкъ*, сдалъ ему городъ, а самъ удалился. Кто былъ сей Ярополкъ, неизвѣстно. Въ Псковской лѣтописи поставлено то же число убитыхъ Россіянъ: «избиша у Изборска Нѣмци 600 мужей Плесковичь.» — Кельхъ говоритъ, что Рыцари еще въ 1226 году побѣдивъ Россіянъ близъ Кокенгузена, убили ихъ 3000: но сіе сраженіе было, кажется, не съ Россіянами, а съ Литовцами и Курляндцами (см. Арндт. Chr. II, 19).

(29) Причина ссоры неизвѣстна. Кн. Щербатовъ думалъ, что Александръ отнялъ тогда у Новогородцевъ сѣнные покосы, ибо они въ грамотѣ своей, писанной къ Тверскому Князю въ 1263 году, говорятъ: «а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожнѣ, а то ти, Княже, не надобѣ.» Но Александръ могъ это сдѣлать и гораздо послѣ. Здѣсь Левекъ отличается Французскимъ пустословіемъ. — Въ *Никоновск. Лѣт.* сказано, что Александръ, пріѣхавъ къ отцу, княжилъ въ Переславлѣ.

Въ *Новогород. Лѣт.*: «Той же зимы (1240) придоша Нѣмци на Водь съ Чудью, и повоеваша, и дань на нихъ взложиша, а городъ учиниша въ Копорьи погостѣ; и не то бысть зло, но и Тесовъ взяша, и за 30 верстъ до Новагорода гоняшася, гость біюче, а сѣмо Лугу и до Сабля» (нынѣ село Собельское).

(30) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Александръ послѣ того уѣхалъ къ отцу, но узнавъ, что Нѣмцы взяли Псковъ, возвратился (см. *Воскресенск.*). Сіе несправедливо: Нѣмцы овладѣли Псковомъ еще въ 1240 году, какъ мы описали, слѣдуя Новогородскому лѣтописцу, который не говоритъ объ Александровомъ отъѣздѣ по взятіи Копорья. — Въ *Никонов.* сказано, что сей Князь и въ Новѣгородѣ повѣсилъ бунтовщиковъ.

(31) См. Арндт. Liefl. Chr. II, 46. Въ *Новогород. Лѣт.*: «пойде Олександръ съ Новгородци на Чудьскую землю на Нѣмци и зая вси пути и до Пльскова, и изгони Князь Пльсковъ, изыма Нѣмци и Чудь, и сковавъ поточи въ Новгородъ . . . Пойде (Александръ) на Чудь, яко быша на земли, *пусти полкъ весь въ зажитія*, а Домашъ Твердиславичь и Кербеть быша въ розгонѣ, и усрѣтоша я Нѣмцы и Чудь у моста и бишася ту, и убиша ту Домаша, брата Посаднича, мужа честна, и инѣхъ съ нимъ избиша, а инѣхъ руками изымаша, а инiи къ Князю прибѣгоша въ полкъ.» Князь Щербатовъ, не вникнувъ въ смыслъ, пишетъ, что Александръ распустилъ войско по домамъ, не ожидая нападенія со стороны Нѣмцевъ зимою, и что Рыцари, вступивъ тогда въ Новогородскія области, убили Домаша, и проч. Нѣтъ: Александръ, будучи въ *Чудской землѣ*, распустилъ воиновъ «для собранія тамъ съѣстныхъ припасовъ,» когда Нѣмцы вдругъ напали на отрядъ Домашевъ и Кербетовъ. — *Никонов. Лѣт.* вымышляетъ *помощь Королевскую*, и проч.

Далѣе: «Поставиша полкъ на Чудьскомъ озерѣ на *Узмени у Воронея камени*, и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чудь, и прошибошася *свиньею*» (острою колонною). . . «Нѣмци ту падоша, а Чудь даша плеща, и биша на 7 верстъ по леду до *Суболичьскаго* берега, и паде Чюди безъ числа, а Нѣмецъ 400» (въ другихъ спискахъ 500) «а 50 руками яша, а бишася Апр. въ 5, въ Субботу.» Въ описанiи подвиговъ Александровыхъ прибавлено: «у Князя Александра бѣ множество храбрыхъ, якоже древле у Давида Царя; бяху бо сердца ихъ акы сердца львовь, и рѣша: о Княже нашъ честный! нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя. Князь же воздѣвъ руцѣ на небо и рече: суди ми Боже. . . и помози, яко же древле Моисею и прадѣду нашему Ярославу на окаяннаго Святополка.» (Въ *Никон. Лѣт.*: «не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему даждь славу. Азъ бо есмь червь, а не человѣкъ,» и пр. «Восходящу солнцю, и съступишась обои, и бысть сѣча зла и трусъ отъ ломленія копій и звукъ отъ сѣченія мечнаго, яко же и езеру померзшю двигнутися, и не бѣ видѣти леду: покры бо ся кровiю. Се же слышахъ отъ самовидца, иже рече ми, яко видѣхъ полкъ Божій на вздусѣ пришедшій на помощь Александрови, и тако побѣди я... И сѣчахуть я гоняще аки по аэру, и не бѣ, камо утещи.»

(32) Въ описанiи Александровыхъ подвиговъ: «а иже рече: имемь Александра руками, сего дасть ему Богъ въ руцѣ его, и не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда.»

(33) См. Арндт. Liefl. Chr. II, 46. Въ описанiи Александровыхъ подвиговъ: «и бяше множество полоненыхъ въ полку его, и веляхуть босы подлѣ конiй, иже именують себе *Божiи Ритори* (Gottesritter). Тамъ же и въ Псковской лѣтописи: «о невѣгласи Псковичи! аще сего забудете, и до правнучатъ Александровыхъ; иже отъ моихъ племенникъ прибѣжить кто въ печали или такъ прiѣдетъ къ вамъ пожити, а не прiимете, ни почьстете его, то будете окаяннi и наречетеся вторыя Жидове... И нача имя слыти Великого Князя Александра по всѣмъ странамъ отъ моря Варяжьскаго и до моря Понтьскаго и до моря *Хонужскаго* и до страны Тиверейскія (Тавриса) и до горъ Араратскыхъ, и обону страну моря Варяжскаго и до Великаго Риму.»

(34) Въ *Новогород. Лѣт.*: «того же лѣта Нѣмци прислаша съ поклономъ *безъ Князя*» — то есть, Александръ былъ тогда во Псковѣ или у отца, но не у Батыя, къ которому онъ поѣхалъ уже въ 1246 году.

(35) О семъ Ярославѣ см. выше, примѣч. 27. Въ *Новогород. Лѣт.*: «Въ лѣто 6753 (1245) воеваша Литва около Торжку и Бѣжици, и гнашася по нихъ Новоторжци съ Княземъ Ярославомъ Володимиричемъ, и бишася съ ними, и отъяша у Новоторжцевъ кони, и самѣхъ биша, и поидоша съ полономъ проче. Погониша по нихъ Явидъ и Ербетъ со Тферичи и Дмитровци и Ярославъ съ Новоторжци, и биша я подъ Торопчемъ, и *Княжици ихъ*» (а не Россiйскiе, какъ въ *Никон.*) «вбѣгоша въ Торопечь. Заутра приспѣ Александръ съ Новгородци, и отъяша полонъ весь, а Княжиць исѣче 8 или болѣ . . . Князь (Александръ) погонися по нихъ съ своимъ Дворомъ, и би я подъ Зижьчемъ, и не упусти ихъ ни мужа . . . а самъ поима *сына своего изъ Витебска*, поѣха въ малѣ дружины, и срѣте иную рать у Всвята (Усвята)... И тѣхъ изби, а самъ приде здравъ.» Кажется, что юный сынъ Александровъ гостилъ тогда у своего дѣда, Брячислава Полоцкаго, коему могъ принадлежать Витебскъ. — Въ описанiи подвиговъ Невскаго: «ключися ему (Александру) выѣхати, и побѣди семь ратій (Литовскихъ) единѣмъ выѣздомъ и множество Князей ихъ изби, а овѣхъ рукама изыма; слуги же его, ругающеся, вязахуть ихъ къ хвостомъ коней своихъ, и начаша (Литовцы) оттолѣ блюстися имени его.»

(36) См. Voyage Рубруквиса въ Бержер. стр. 3.

(37) Абульгази Histoire des Tatars, стр. 370. Ярославъ поѣхалъ къ Батыю, а сынъ его къ Великому Хану въ 1243 году. См. ниже, примѣч. 45. Въ *Степен.* I, 322: «И прiиде (Ярославъ) въ землю свою честно, и многи пришельцы утѣши, и множество людій собра; сами прихождаху къ нему въ Суждальскую землю отъ славныя рѣки Днѣпра и отъ всѣхъ странъ: Галичане Волынстiи, Черниговцы, Переяславцы и славнiи Кiяне, Торопчане, Меняне (жители Минска), Мещижане (изъ Мещовска) Смоляняне, Полочане, Рязанцы, и вси подражаху храбрости его.» Пустословiе новѣйшихъ временъ! — О Князѣ Василiи Всеволодовичѣ см. выше, примѣч. 1. *Никоновск. Лѣт.* называетъ Владимiра Углицкимъ. Константинъ Ярославичь возвратился съ честiю отъ Хана въ 1245 году: тогда же Великій Князь съ братьями и съ племянниками поѣхалъ опять къ Батыю.

(38) Въ *Воскресен.* II, 225: «много пострада отъ безбожныхъ Татаръ за землю Русьскую, обаженъ бо бысть Царю Θеодоромъ Яруновичемъ, и много истомленія подъятъ, пойде отъ Кановичь и преставись во иноплеменницѣхъ *нужною* смертiю (см. ниже) Септ. 30.» См. Карпина Voyage, Гл. VII и XIII. Въ *Степенной* I, 323: «Пойде же оттуда (изъ Орды) вельми изнемогая, и воспомяну любезная своя чада, къ нимъ же, яко ту сущимъ, глаголаше: о возлюбленнiи мои! плодъ чрева моего, храбрый и мудрый Александре, и *поспѣшный* Андрею, и Константине *удалый*, и Ярославе, и *милый* Даниле, и *добротный* Михаиле! будите благочестiю истиннiи поборницы, и величествiю Державы Руския настольницы. . . . Не презрите двоихъ ми дщерій, Евдокiи и Ульянiи, иже бяше имъ настоящее сiе время горчае желчи и пелыни.» Тутъ же въ *Степен. Книгѣ* въ исчисленiи побѣжденныхъ Татарами народовъ именуются *Буртасы*, о коихъ и упоминаетъ и Карпинъ (стр. 58), называя ихъ Brutaches, и сказывая, что они были Iулейской Вѣры.

Тѣло Ярослава Всеволодовича погребено въ Владимiрѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, въ придѣлѣ на правой сторонѣ. — Лѣтописцы говорятъ только, что Ярославъ *положилъ душу* свою за Россiю, и былъ ко всѣмъ милостивъ (см. *Воскр.* II, 225); но не хвалятъ его такъ плодовито, какъ Георгiя II

или Константина. Однакожь по рукописнымъ Святцамъ онъ включенъ въ ликъ Угодниковъ Божіихъ. И въ *Степен. Книгѣ* сказано: «причте его Богъ ко избранному своему стаду.» — Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1239 году Ростов. Епископъ Кириллъ освятилъ въ Кидекшѣ Великимъ священіемъ церковь Бориса и Глѣба въ праздникъ сихъ Мучениковъ. Въ 1240 году родилась у Ярослава дочь Марія, а въ 1241 сынъ Василій. Въ семъ году, по какому-то преданію, княжилъ въ Костромѣ К. Василій Георгіевичь, сынъ Георгія Ярославича, прозванный Квашнею, и въ двухъ верстахъ оттуда, близъ небольшаго озера, разбилъ Татаръ, шедшихъ отъ Ярославля съ добычею и плѣнниками; въ память чего это озеро именуется *Святымъ*, а побѣда приписывается Ѳеодоровской иконѣ Богоматери, явившейся при семъ К. Василіи Георгіевичѣ, котораго не знаемъ: см. *Словарь Географ. Рос. Государства*, въ статьѣ *Кострома*. Въ *Новогород. Лѣт.*: «Въ лѣто 6751 (1243) преставися рабъ Божій Варламъ, а мірьскы Вячеславъ Прокшиничь, на Хутинѣ у Св. Спаса, Маія въ 4, а погребенъ бысть заутра въ 5, Архіеписк. Спиридономъ и Игуменомъ Сидоромъ при Кн. Александрѣ. Того же лѣта преставися Стефанъ Посадникъ Новгородскый Твердиславичь, внукъ Михалковъ, въ Недѣлю въ 1 часъ ночи, на память Павла и Ульяны, и положенъ бысть въ притворѣ Св. Софьи, идѣже Аркадій и Мартирій Архіепископа лежита, посадничавъ 13 лѣтъ безъ 3 мѣсяцъ.»

(39) Дочь ли Мстислава Мстиславича Галицкаго, или Ярославъ женился послѣ на другой, не знаемъ. Она скончалась 4 Маія и была названа въ Инокиняхъ Евфросиніею. *Никон. Лѣт.* прибавляетъ: «понеже тогда даваху имена не съ перваго слова, но въ который день постризашеся кто во Иноци, того дни имя даваху, или потомъ въ той же день.» Въ описаніи Княжескихъ гробовъ, сообщенномъ мнѣ отъ Г. Губернатора Владимірскаго, показано, что сія Великая Княгиня и сынъ Ярославовъ, Ѳеодоръ, лежатъ въ Владимірѣ, въ храмѣ Великомученика Георгія; а въ надгробной ея надписи, въ Новогородскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, вырѣзаны слѣдующія слова: «Лѣта 6749 (вмѣсто 6752), Маія въ 4, въ Великомъ Новѣградѣ почи о Господѣ чюдная и Великая Княгиня Ѳеодосія, честнѣйшая супружница Вел. Кн. Ярослава Всеволодича, съ нимъ же благоговѣйно и богоугодно поживе, отъ него жь 9 сыновъ породи, В. Князя и въ чюдесѣхъ словущаго Александра Невскаго и инѣхъ 8, и на конецъ житія иноческій образъ воспріимши, и претворено бысть имя ей Евфросинія, и положена бысть въ пресловущей обители Св. Георгія объ едину страну сына своего Князя Ѳеодора; послѣди же, многимъ минувшимъ лѣтомъ, сынъ ея, Князь Ѳеодоръ, оттолѣ изъ обители пренесенъ бысть въ Великій Новградъ въ Соборную церковь Премудрости Божія и положенъ въ паперти Іоанна Богослова съ Вел. Князи.»

(40) Михаилъ убитъ въ томъ же 1246, Сент. 20.

(41) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Ростислава (въ 1243 г.) розгнаша Татарове во Борку, и бѣжа въ Угры, и вдасть зань пакы Король дочерь свою.» (Прай думаетъ, что супругою Ростислава была Анна, пятая дочь Белина). . . «Слышавъ же то Михаилъ (въ 1245 г.), яко Король вда дочерь за сына его, бѣже въ Угры. Король же Угорскый и сынъ его Ростиславъ чести ему не створиста. Онъ же разгнѣвася на сына, возвратися Чернигову» . . . Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Михаилъ поѣхалъ къ Батыю изъ Кіева. Въ *Воскрес.* II, 219: «Иже крыяхуся въ пещерахъ и въ горахъ и въ лѣсахъ, мало тѣхъ (Кіевлянъ) остася: тѣхъ же не по колицѣхъ временѣхъ оставиша во градѣ, сочтоша я въ число, и начаша на нихъ дань имати. Се же слышавъ Михаилъ, возвратися къ Кіеву, и вси людіе съ нимъ, еже бѣху разбѣглися на чюжія земли, пріидоша на свою землю» . . . Въ *Ростов. Лѣт.*: «Татарове же начаша звати нужею къ Канови и Батыеви, глаголюще имъ: не подобаеть вамъ жити на земли Батыевѣ и Кановѣ не поклонившеся има. Мнози же ѣхавше поклонишася ему.» Далѣе: «Пріѣха (Михаилъ) ко отцю своему духовному глаголя: хощу ѣхати предъ Царя Батыя. И отвѣща ему отецъ его, Іоаннъ: мнози ѣздивше сотвориша волю поганаго: идоша сквозь огнь и поклонишася кусту и солнцу, и погубиша души своя; а ты, Княже, не сотвори тако; не иди сквозь огнь, ни поклонися идоломъ, ни брашна ихъ яжь, ни питіа ихъ пій . . . обычай бо имѣя Канъ и Батый, аще кто придеть поклонитися има, не повелѣваеть предъ ся вести, но приказано бяше влъхвомъ вести я сквозѣ огнь, и поклонитися кусту и огневи и идоломъ; а иже что приношахуть дары Цареви, и отъ всего того взимающе влъсви и вметахуть во огнь; таже предъ Царя пущающе съ дары. Мнози же Князи съ Бояры своими идяху сквозѣ огнь и кланяхуся идоломъ славы ради свѣта сего . . . Великій же Князь Михайло и Бояринъ его Ѳеодоръ глаголаста ему (Священнику Іоанну): молитвою твоею, отче, якоже Богъ восхощеть, тако да будеть. Азъ быхъ того хотѣлъ, что за Христа кровь свою пролияти . . . И благословистася у него, и дасть имъ причастіе на путь, рекше *преждесвященное*.» — К. Борисъ Васильковичь былъ сынъ Маріи, дочери Михаиловой.

(42) Такъ и Карпинъ называетъ сего Министра и Стольника Батыева (стр. 6), сказывая, что Моголы заставляли Михаила поклониться образу Чингисханову, и что Батый *чрезъ сына Ярослава* объявилъ ему смерть въ случаѣ неповиновенія. — Въ лѣтописи: «Бояре же Борисовы глаголаша: вся за тя, Княже, опитемью примемъ со всею областію своею.»

(43) Въ *Воскресен.* II, 223: «съимя съ себе *кочь* (въ другихъ *коць*) свой и вряже къ нимъ.» Поляки называютъ попону Кос. — Карпинъ (стр. 31) говоритъ: l'autre (Батый) envoya un de ses gardes, qui lui donna tant de coups de pieds à l'estomac et au ventre, qu'il en mourut bientôt après. Наши лѣтописцы: «убійцы тіи окаянніи скочиша съ конь и яша Вел. Князя Михаила, растѣгоша за руцѣ и за нозѣ, и начаша его руками бити по сердцу, и поврьгоша его ницъ, и бьяхуть его пятами . . . Отрѣза (Доманъ) ножемъ честную главу Князю Михаилу, и отверже ю прочь отъ тѣла, еще слово глаголящу: *Христіанинъ есмь!*» Въ *Степ. Книгѣ* приписано сіе дѣйствіе злобѣ Домановой. Въ *Волынск. Лѣт.* онъ названъ Путивльцемъ. — Въ *Никон.* и въ другихъ; «Батый, слышавъ таковое мужество и крѣпость, умилися и рече: *велій мужъ сей*.»

Во многихъ лѣтописяхъ сказано, что Батый обѣщалъ Ѳеодору престолъ Черниговскій, если онъ поклонится идоламъ; но сіе обстоятельство кажется изобрѣтеніемъ. Карпинъ пишетъ также, что одинъ Вельможа Россійскій ободрялъ Михаила, и что имъ обоимъ отрубили головы.

(44) О сыновьяхъ Михаиловыхъ см. въ *Родосл. Книгахъ*. Объ Андреѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ упоминается въ *Волынск. Лѣт.* подъ годомъ 1261 по Ипатьевск. списку. Въ *Родословн. Книг.* названъ Всеволодомъ сынъ Юрья Михайловича; но вѣроятнѣе, что сей Андрей былъ внукомъ, а не правнукомъ Михаила Черниговскаго. См. о Ростиславѣ Гебгарди Gesch. des K. Hungarn, II,

118, Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 310 — Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 774, и Нарушев. Hist. Narodu Polsk. V, 96. Длугошъ называетъ дочь Ростиславу *Грифиною*, т. е. Агриппиною. Супруга его въ 1264 году была уже вдовою (см. Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 569). Въ *Родосл. Книгахъ* несправедливо сказано, что Ростиславъ умеръ бездѣтенъ.

(45) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Данилу же» (въ 1243 году по Ипатьев. списку) «будущу въ Холмѣ, прибѣже къ нему Половчинъ его Актай, рекый, яко Батый воротился есть изъ Угоръ и отрядилъ на тя два Богатыря, Манъмана и Бѣлаа. Данилъ же затворивъ Холмъ, ѣха ко брату и поима съ собою Кирила Митрополита (Кіевскаго), а Татарове воеваша до Володавы и по озерамъ . . . Данилови же и Василкови (въ 1245 г.) заратившимся съ Болеславомъ Лядьскымъ, внидоста въ землю его четырми дорогами; самъ Данило воева около Люблина, а Василько по Изволіи, по Ладѣ, около Бѣлое; Дворьскый же Андрей по Сану, а Вышата Воевода Подгорье. Вземше полонъ, возвратишася . . . И пакы повоеваста землю Любльньскую, даже и до рѣкы Вислы и Сяну, и пріѣхаша подъ Завихвостъ, стрѣли Василько черезъ рѣку Вислу, не могоша бо переѣхати рѣкы, понеже наводнилася, и возвратистася съ полономъ. Малу же времени минувшу, Ляхове воеваша около Андреева. Данило же и Василько повелѣста строити праща и иные сосуды, и пріидоста на Люблинъ; одиного дне быста подъ градомъ изъ Холма со всими вои и пращами. . . И Ляхове начаша просити милость получити. Данилъ же и Василько завѣтъ положивъ имъ: не помогайте Князю своему. Они же обѣщашася . . .

«Ростиславъ же, умоливъ Угоръ много, иде на Перемышль, и вшедшу ему, собравше смерды многы пьшцѣ. Данилъ же и Василько посласта Лва млада суща, и яко ни во бой ему внити, и *сыновца* своего, Всеволода, Андрея и Якова и иные Бояре. Бившимся имъ на рѣкѣ Сѣчници, одолѣ Ростиславъ . . . Всеволодъ не поможе Аньдрею и Якову . . . Данило же собравъ вои и прогнаше и́ изъ земли и иде въ Угры.

«Воеваша Литва (въ 1246 по Ипат.) около Пересопницѣ, Аиньвно Рушковичь. Данило же и Василько ѣхаша во Пинескъ и предъвариста его. Онѣмъ же идущимъ по полю Пиньскому, изидоста нанѣ изъ града и погнаша е . . . И падаху съ коній. Василько же привезе первый сайгатъ (трофей) . . . Воеваша Литва, Лековніи, около Мѣльницѣ (въ 1247 году по Ипат.) . . . Данило же и Василько гнаста по нихъ. Во Пиньскѣ бо Михаилъ далъ имъ (Литвѣ) вѣсть: онѣмъ же осѣкшимся въ лѣсѣ. . . Но побѣгшимъ, и избиты быша; а самъ Лонъкогвеній боденъ утече. *Преже же войны Черниговское Данилови сѣдящу въ Галичь, а Васильку въ Володимерь* . . . Воеваша Ятвязѣ (въ 1248 г. по Ипат.) около Охоже и Бусовна . . . И *еще бо Холму не поставлену бывшю Даниломъ*» (слѣдственно сія и Литовская война были не въ означенныхъ годахъ, но еще прежде вступленія Татаръ въ южную Россію: новое доказательство, что хронологія Ипатьев. списка весьма ненадежна). . . . «Василько же изъ Володимера угони е, бывшю ему въ третій день въ Дорогычинѣ, и бьющимся имъ у воротъ Дрогычинскихъ, и приде Василько. . . И бысть на поганые сѣча люта за много поприщь, и убито бысть Князей 40 . . . *Василько бѣ възрастомъ середній, умомъ же великъ и дръзостію*, и многажды побѣжаше поганые. . . Бѣ Скомондъ поганой влъхвъ и кобникъ нарочитъ, боржь бѣ яко звѣрь; пѣшь бо ходя, повоева страну Пинскую и ины страны, и убіенъ бысть» (дружиною Василька, вмѣстѣ съ Борутомъ) «и глава его взоткнена на колъ . . .

«Ростиславъ (въ 1249 г. по Ипат.) молися тьстеви своему, Королеви, да пошлетъ ему вои на Данила, и поемъ воя, иде въ Лядскую землю, и молися Лестьковой (женѣ) и убѣди ю, да пошлетъ съ нимъ Ляхы . . . Инiи бо Ляхове избѣгли, хотяще ити къ Данилови; хотящимъ же имъ получити милость у Лестьковича и у матере его, идоша къ Ростиславу . . . И ятъ бысть старѣйшій ихъ, Творіанъ, Даниломъ. Ростиславъ же устремися на Ярославль. . . . Видѣвъ же крѣпокъ, пойде къ Перемышлю, и събралъ туземьцѣ» (тамошнихъ жителей) «и пакы пойде къ Ярославлю, и за собою остави Перемышль. . . Стоящу же у града и строящу порокы, гордящюся ему, и сътвори игру предъ градомъ, и сразившюся ему съ Воршемъ, и падеся подъ нимъ конь и вырази собѣ плече, и не на добро случися ему знаменіе . . . Данило же и Василько посласта къ Кондратови, яко тебѣ дѣля изыдоша на паю Ляхове, яко помощника ти есвѣ. Пославшю же ему помощь, и отъ Литвы отъ *Миньдога* помощь» (о семъ Литовскомъ Князѣ упоминалось Т. III, примѣч. 346) «и не дотягшимъ обоимъ, Данило и Василько поидоста; посласта же Андрея, да укрѣпитъ градъ. Не дошедшимъ же воемъ рѣкы Сяну, съсѣдшимъ на полѣ въоружитися, бысть знаменіе надъ полкомъ. Пришедшимъ орломъ и многымъ върономъ, яко оболоку велику, играющимъ же и орломъ клекощющимъ и плавающимъ крилы своими, и въспрометающимъ же ся на воздусѣ . . . и се знаменіе на добро бысть . . . Броду же въ рѣцѣ Сяну глубоку сущю, пріѣхаша Половци напередъ, и видѣша стада ихъ, и не смѣша разграбити ихъ безъ повелѣнья Княжа. Онѣмъ же убѣгшимъ съ стады въ станы своя. . . Данило же и Василько пойдоста съ тихостію на брань. Лвови же дѣтску сущю, поручи его Василькови храбру Боярину . . . Ростиславъ же и иде противу; пѣшци же остави противу вратомъ града, и прейде дебрь глубокую, идуше противъ полку Данилову. Андрееви жь Дворскому тѣсняшюся, да не сразится съ Даниломъ, ускоривъ сразися съ полкомъ Ростиславлимъ . . . Данилъ же посла 20 мужей избранныхъ на помощь ему. Василій же Глѣбовичь и Всеволодъ Олександровичь и Мьстиславъ, не мога Андрееви» (не давъ помощи) «бѣжаста назадъ къ Сянови. Андрееви же крѣпко борющуся..- Видѣвъ же Данилъ Ляхы идущи на Василька, *Кирiелейсонъ* поющи, и брань Ростиславлю, и Филю въ заднемъ полку съ хоруговью, рекущю, яко Русь тщиви суть на брань; стерпимъ устремленія ихъ: не стерпими бо суть на долго время на сѣчи... Богу же не услышавшю славы его, пріиде нань Данило съ Яковомъ Марковичемъ и съ Шелвомъ; Шелвови же сбодену бывшю, Данила же емшю, истръжеся изъ руку его, и выѣха изъ полку, и видѣвъ Угрина грядущаго на помощь Фили, копіемъ сътче его; оружію же бывшю въ немъ уломлену, спадеся издъше» (упалъ и умеръ). «О того же гордаго Филю Левъ младый изломи копіе. Пакы жь Данило скоро пріиде нань, и разруши полкъ его, и хоругвь его раздра. Видѣвъ же се, Ростиславъ побѣже . . . Василькови же сразившюся съ Ляхы, и зрящимъ обоимъ на ся. Ляхомъ же лающимъ: поженемъ на великыя бороды. Василькови же рекшю: Богъ помощникъ нашъ, и толкну конь свой. Ляхове же побѣгоша. Данилови же женущю Угры, не вѣдый о братѣ. Узрѣвъ же хоруговь его женущю по Ляхы, и бысть въ радости, и ставшю на могилѣ противу городу, и пріѣха Василько. Данилови же хотящю гнати по нихъ, Василько же възбраняше . . . Мнози же (Угры и Ляхи) избіени и яти быша; и Филя гордый ятъ бысть Андреемъ



309

Дворскымъ и приведенъ къ Данилу, и убіенъ бысть Даниломъ. Жирославъ же приведе Вълодислава, злаго мятежника земли: и тъ убіенъ бысть; и иніи Угри избіени быша за гнѣвъ. Данило же и Василько не идоста въ городъ, и Левъ ста на мѣстѣ, воиномъ посреди труповъ являюще побѣду свою. Гонящимъ же и пріѣздящимъ нощи и въ полунощи ведущимъ користь многу... Богъ дасть побѣду Данилу накапонь Фрола и Лавра. Данилъ городъ важже, еже Ростиславъ създалъ, и иде въ Холмъ... а Ростиславъ бѣжа въ Ляхы, и поемъ жену свою, иде въ Угры.» Венгерскіе Лѣтописцы говорятъ, что въ сей жестокой битвѣ конь Ростиславовъ палъ мертвый и непріятели окружили сего Князя; но что Баронъ Венгерскій, именемъ Лаврентій, спасъ его, давъ ему собственнаго коня (см. Тимон. Imag. Nov. Hung. гл. XIII, и Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, стр. 253). Самъ Бела въ грамотѣ своей описываетъ сраженіе подъ стѣнами Ярослава и подвиги Лаврентія, именуя Ростислава Княземъ Галиціи, а Данила Королемъ (Rex) Россійскимъ, и сказываетъ, что Лаврентій плѣнилъ одного изъ нашихъ Бояръ, коему Ростиславъ отрубилъ послѣ голову.

«Приславшю же (въ 1250 г. по Ипат.) Могучееви посолъ свой къ Данилу и Васильку, будущю има въ Дороговску: *дай Галичь!* Бысть въ печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ землѣ своея городы, и дума съ братомъ, поѣха къ Батыеви, рече: не дамъ полуотчины своея, но ѣду къ Батыеви самъ. Изыде же на праздникъ Св. Дмитрія, помолився Богу, и пріиде къ Кыеву, обдержащю Кыевъ Ярославу Бояриномъ своимъ, Ейковичемъ Дмитромъ, и пришедъ въ домъ Архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и съзва Калугеры, и рекъ, да сътворятъ молитву о немъ...» Изыде изъ монастыря въ лодьи, и пріиде къ Переяславлю, и срѣтоша его Татарове. Оттуда же ѣха къ Куремси, и видѣ яко нѣсть у нихъ добра; оттуда жь больма нача скрьбити, видя скверная ихъ кудешьская (волшебная), бляденья и Чигызканова мечтанія, скверная его кръвипитія, приходящіе Цари и Князи и Вельможи солнцю и лунѣ, и земли и Діаволу, и умрьшимъ во Адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водяще около куста, покланятися имъ... Оттуда же приде къ Батыеви на Волгу. Пришедшю же Ярославлю человѣку Сыньгорови, рекшю ему: братъ твой Ярославъ кланялся кусту; и тобѣ кланятися. И рече ему: Діаволъ глаголеть изъ устъ твоихъ... И въ тъ часъ позванъ бысть Батыемъ; избавленъ Богомъ бысть... И поклонився по обычаю и вниде въ вежю его, рекшю ему: Данило! чему еси давно не пришелъ? а нынѣ иже еси пришелъ, а то добро же. Піеши ли черное молоко, наше питіе, кобылѣй кумузъ? Оному же рекшю: доселѣ есмь не пилъ, но же ты велишь, пію. Онъ же рече: ты уже нашъ же Татаринъ; пій наше питіе. Онъ же испивъ поклонися по обычаю ихъ, измолва слова своя, рече: иду поклонитися Великой Княгыни Баракчинови. Рече (Батый): иди. И шедъ поклонися ей, и присла (Батый) вина чюмъ, и рече: не обыкли пити молока. О злѣе зла честь Татарская! Даниловi, бывшю Князю велику, нынѣ сѣдить на колѣну, и холопомъ называють его, и дани хотять; живота не чаеть... Злобѣ ихъ нѣсть конца. Ярослава Суждальскаго зеліемъ умориша... И иніи мнози Князи избіени быша. Бывшю же Князю у нихъ 20 и 5 дней, отпущенъ бысть, и поручена бысть ему земля его...

«Тое же зимы Кондратъ присла посолъ по Василька, рече: пойдемъ на Ятвязѣ. Падшю снѣгу и серену, не могоша ити, и въротишась на Нурѣ. Бысть же вѣдомо странамъ приходъ его (Даніиловъ) всѣмъ изъ Татаръ, яко Богъ спаслъ его.

«Въ то жь лѣто присла Король Угорскый Виць-каго, река: пойми дъщерь мою за сына своего Лва: бояше бо ся его, яко былъ въ Татарѣхъ, и побѣдою побѣди Ростислава и Угры его. Помысливъ же си съ братомъ, глаголу его не уя вѣры: древле бо того измѣнилъ бѣ, обѣщавъ дать дъщерь свою. Кирилъ бо Митрополитъ (Кіевскій) идяше, посланъ Даниломъ и Василькомъ на поставленіе Митрополье Руское, бывшю ему у Короля, убѣди его Король словы многыми и дары увѣщевая, яко проведу тя въ Грекы съ великою честію, аще сътворитъ Данилъ съ мною миръ. Онъ же рече: клятвою клени ми ся: аще не премѣниши слова, азъ шедъ приведу его. Пришедъ же Митрополитъ и рече: пойми дъщерь его сыну си женѣ. Василькови рекшю: иди къ нему, яко Крестьянинъ есть. Данилъ же пойде, поемъ Лва и Митрополита къ Королеви въ Изволинъ, и поя дъщерь его сынъ си женѣ, и отдасть ему ятыя Бояры, одолѣвшю ему у Ярославля, и сътвори миръ, и въротися.» Симъ достовѣрнымъ извѣстіемъ нашего Лѣтописца рѣшится несогласіе чужеземныхъ Историковъ о бракѣ Венгерской Княжны, Констанціи: одни справедливо называли ее супругою Льва Даніиловича, а другіе самого Даніила (см. Прая Ann. Reg. Hung. Кн. IV).

«Въ та жь лѣта» (по Ипатьев. въ 1251, а по Длугош. въ 1247 г.) «умре Вел. Князь Лядскый Кондратъ, иже бѣ славенъ и предобръ, и съжалиса по немъ Данило и Василько. По томъ же сынъ его умре Болеславъ, Мазовецкый Князь, вдасть Мазовешь брату своему Самовитови, послушавъ Князя Данила: бѣ бо братучада его за нимъ, дъщи Александрова, именемъ Настасія, яже посяже потомъ за Боярина Угорскаго, именемъ Дмитра.»

(46) Одни должны были ѣхать черезъ Россію, другіе черезъ Персію. См. Дегин. Кн. XV, стр. 103, и Бержерон. Voyages, Т. I.; также Шпренгеля Gesch. der Entdeck. который, ссылаясь на Историка современнаго, пишетъ о тогдашнемъ ужасѣ Европы, и сказываетъ, что сей ужасъ въ 1238 году мѣшалъ даже и ловлѣ сельдей на берегахъ Англіи (стр. 270).

(47) Карпинъ упоминаетъ о городкѣ Даниловѣ на пути изъ Волыніи въ Кіевъ. — Мы предлагаемъ здѣсь Читателямъ не всѣ, а только важнѣйшія для насъ подробности Карпинова сочиненія, которое находится въ Бержерон. собраніи путешествій.

(48) Карпинъ сказываетъ, что на берегахъ Днѣпра начальствовали Корренза и *Монтій*, который саномъ былъ еще выше перваго; на Дону *Тирбонъ*, женатый на сестрѣ Батыевой; на Волгѣ самъ Батый, а на Яикѣ другіе Воеводы.

(49) Сію черту взялъ я изъ Рубруквисова путешествія (см. ниже). Рубруквисъ, также посолъ и Монахъ, сказываетъ намъ, что Батый былъ ростомъ съ покойнаго Господина Іоанна де-Бомона (Beaumont): жаль, что мы не имѣли чести знать Господина де-Бомона!

(50) Карпину сказывали, что Самоѣды имѣютъ собачьи головы!

(51) Объ нихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ *Архангел.* стр. 81: «Князь Ординскій попаймова рать, *Бесермены*, Армены, Черкасы, Ясы,» и проч. Карпинъ называетъ Государя Бесерменовъ Altisoldan: такъ дѣйствительно назывался Харазскій или Хивинскій Султанъ Магометъ, побѣжденный Чингисханомъ (см. Т. III, стр. 231). Сей путешественникъ также ясно означаетъ предѣлы Харазской Имперіи, сказывая, что она граничила на Югѣ съ Іерусалимомъ и Багдадомъ.

Имя *Бесерменовъ*, которые были Магометанской Вѣры, означало, какъ вѣроятно, *Мусульмановъ*. Послѣ стали въ Россіи называть всѣхъ невѣрныхъ *Бусурманами*.

(52) См. сей Исторіи Т. III, примѣч. 285.

(53) Карпинъ цѣнитъ конскій приборъ каждаго въ 20 марокъ или 10 фунтовъ серебра. См. въ Дюканж. Gloss. med. et infim. Latin. о значеніи имени purpura alba.

(54) Мы не знаемъ содержанія Гаюкова письма; но въ то же время Воевода его, Байотной, покоривъ часть Персіи, отвѣтствовалъ Папѣ чрезъ Монаха Асцелина (см. въ Бержерон. собраніи Voyage d'Ascelin, стр. 79) слѣдующимъ образомъ: «Согласно съ божественнымъ повелѣніемъ Великаго Хана пишетъ Байотной. Знай, Папа, что послы твои у насъ были и вручили намъ письмо. Они говорили странныя рѣчи: по твоему ли приказанію или отъ себя? Въ письмѣ сказано, что мы истребляемъ людей; но такъ вѣщаетъ Богъ: *покорися всесильному, да обитаешь мирно на своей землѣ и водѣ наслѣдственной, или да умретъ ослушникъ!* Мы говоримъ тебѣ сіи же слова: ежели хочешь обитать на своей землѣ и водѣ наслѣдственной, то самолично явися къ намъ, или будетъ съ тобою, Папою, что извѣстно Богу единому.»

(55) См. Райнальд. Ann. Eccles. T. XIII, стр. 617 — 630. Тамъ напечатаны письма Иннокентіевы къ Даніилу, къ Россіянамъ вообще, и къ Архіепископу Прусскому, писанныя въ 1246 и 1247 году. Иннокентій пишетъ къ Даніилу (Райнальд. Ann. Eccl. XIII, 630, No. 29): petitiones tuas, quantum cum Deo possumus, libenter ad gratiam exauditionis admittimus... Episcopis et aliis presbyteris de Russia, ut liceat eis more suo ex fermentato conficere et alios eorum ritus, qui fidei catholicæ, quam Ecclesia Romana tenet, non obviant, observare auctoritate præsentium indulgemus. — Василько, братъ Даніиловъ, именуется здѣсь *Королемъ Владимірскимъ* (Wasilco, Rex Laudemeriæ). Яблоновскій въ своихъ родословныхъ (Tabulæ Iablonovianæ) называетъ Василькову супругу Княжною Заславскою. Иннокентій писалъ къ ней особенное письмо, и назначилъ какого-то Монаха Алексія съ товарищемъ его быть при дворѣ Галицкаго Князя (Райн. Ann. Eccl. XIII, 617); а Генрику, Архіепископу Прусскому, далъ власть принимать въ духовный санъ людей рожденныхъ отъ незаконнаго брака, только бы не отъ кровосмѣшенія и прелюбодѣянія (dummodo non sint de adulterino vel incestuoso coitu procreati).

(56) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Тогда» (по Ипат. въ 1254 году) «въ Краковѣ бѣша послы Папины, носяще благословеніе отъ Папы и вѣнець и санъ Королевьства, хотяще видѣти Князя Данила» (который, ходивъ въ Шлезію съ Болеславомъ, на возвратномъ пути остановился въ Краковѣ: см. ниже, примѣч. 101). «Онъ же рече имъ: не подобаеть ми видѣти ся съ вами въ чюжей земли... Въ то жь время» (въ 1255 г. по Ипат.) «присла Папа послы честныя, носяще вѣнецъ и скыпетръ и корону, еже наречется Королевскый санъ, рекый: сыну! пріими отъ насъ вѣнець Королевства. Древле (прежде) бо то прислалъ къ нему Епископа Береньского и Каменецького, рече ему: пріими вѣнець Королевства. Онъ же въ то время не пріялъ бѣ, рече: *рать Татарская не перестаеть злѣ живущи съ нами: то како могу пріяти вѣнецъ безъ помощи твоея?... Описа же»* (у Длугоша Opiso, Legatus Apostolicus) «пріиде вѣнець нося, обѣщеваяся, яко помощь имѣти отъ Папы. Оному же одинако не хотящю, убѣди его мати его и Болеславъ (Краковскій) и Семовитъ (Мазовскій), и Бояре Лядстіи, рекуще, дабы пріялъ вѣнець, а мы ему на помощь противъ поганымъ. Онъ же вѣнецъ отъ Бога прія, отъ Церкве Свв. Апостолъ и отъ стола Св. Петра и отца своего Папы Никентія, и отъ всѣхъ Епископовъ своихъ. Никентій бо клянеше тѣхъ, хулящимъ Вѣру Греческую правовѣрную, и хотящю ему съборъ створити о правовѣріи, о соединеніи Церкви. Данило же прія вѣнець въ городѣ Дорогичинѣ, идущю ему на войну Ятвяжску съ сыномъ Львомъ и съ Сомовитомъ Княземъ Лядскымъ; братъ бо ему вѣротися, бѣ бо язва ему на нозѣ.» Длугошъ полагаетъ короновавіе Даніила въ 1246 году. Иннокентій въ грамотѣ 1247 года уже дѣйствительно называетъ его Королемъ; но въ лѣтописи Волынской именно означено, что Даніилъ принялъ вѣнецъ послѣ войны Богемской, слѣдственно въ 1253 или въ 1254 году (см. Длугош. Hist. Pol. кн. VII, 734, и Прая Ann. R. Hung. IV, 294). Вѣроятно, что Иннокентій, въ 1246 году назвавъ Даніила Королемъ, предлагалъ ему діадиму, но что сей Князь, тогда отвергнувъ ее, принялъ оную черезъ шесть или семь лѣтъ. — Длугошъ говоритъ, что Духовенство Польское не одобряло сего коронованія, сомнѣваясь въ искренности Даніиловой.

Даніилъ нѣсколько разъ дружился и ссорился съ Папою. Въ 1249 году онъ выгналъ Епископа Альберта, коего Иннокентій прислалъ быть главою нашего Духовенства въ южной Россіи (см. Райнальд. Ann. Eccl. г. 1249 No. 15). Въ 1252 году Король Венгерскій опять примирилъ Даніила съ Римомъ, такъ, что сей Князь отправилъ посольство къ Папѣ (см. Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 570).

(57) См. Райнальд. Annal. Eccles. XIII, 696. Сія грамота писана въ 1253 году.

(58) См. Райнальд. Annal. Eccl. XIV, годъ 1257, No. 26, и Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 779. Александръ IV въ концѣ письма говоритъ: Venerabilibus fratribus nostris Olomucensi et Wratislaviensi Episcopis literis præsentibus injungimus, ut te ad id per censuram Ecclesiasticam, appellatione remota, compellant, invocato nihilominus contra te auxilio brachii secularis.

(59) Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 750, говоритъ о Даніилѣ: qui pro ea tempestate divitiis, terris, gentibus, factivitate et industria pollens.

(60) Но Рубруквисъ сказываетъ, что жены ихъ были весьма толсты.

(61) Такъ пишетъ Рубруквисъ, въ Бержерон. изд. стр. 14. Головной женскій уборъ назывался *Ботта*, состоялъ большею частію изъ коры древесной, покрываемой тафтою или иною богатою тканію, и походилъ на высокую пирамиду, украшенную вверху серебряными или золотыми прутиками и павлиными перьями. «Смотря издали на толпу Могольскихъ всадницъ» — говоритъ Рубруквисъ — «иностранецъ вообразитъ, что на головахъ у нихъ шлемы, а въ рукахъ поднятыя вверхъ копья.»

(62) Карпинъ пишетъ: André, Duc de *Sarvogle* en Russie. Имя города кажется испорченнымъ; но сей Андрей долженъ быть сыномъ Мстислава Кіевскаго, умерщвленнаго Татарами на Калкѣ: ибо въ одной Синодальной лѣтописи (No. 52, л. 48) сказано: «въ лѣто 6753 (1245) Царь Батый уби Князя Андрея Мьстиславича.»

(63) Карпинъ пишетъ: Ce frère protesta qu'il aimoit mieux mourir que de faire rien contre sa loi; toutefois Bathy la lui fit prendre par force, et les firent coucher tous deux en un lit avec un enfant qui crioit et pleuroit, les forçant ainsi tous deux de se mêler ensemble.

(64) См. Рубрукв. Voyage, стр. 122.

(65) Карпинъ пишетъ (стр. 56), что сей звѣрокъ, называемый въ Россіи и Польшѣ Dochon (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 272), а въ Германіи Illic, имѣетъ черноватую кожу и живетъ въ землѣ. Въ Нижней Саксоніи донынѣ называютъ хорька *Илликъ* (см. *Учен. Москов. Вѣдомости*, г. 1806, No. 1), а въ другихъ Нѣмецкихъ земляхъ Istik (*).

(66) Сіи-то Россіяне, жившіе въ степяхъ Половецкихъ какъ дикари, назывались, думаю, *Бродниками*, о коихъ со XII вѣка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 302). — Не знаемъ, который изъ сыновей Ярославовыхъ жилъ въ Ордѣ.

(67) Абульгази сказываетъ только, что Октай умеръ внезапно; но повѣствованіе современнаго Карпина достойно уваженія. Одна изъ придворныхъ женщинъ была казнена, по доносу, что она дала ядъ сему Хану (Карп. Voyage, стр. 21).

Здѣсь Монахъ Карпинъ учитъ Государей Европейскихъ, какъ надобно воевать съ Татарами, и наконецъ въ истинѣ своего повѣствованія ссылается на свидѣтельство Князей Россійскихъ Даніила Галицкаго, Романа (вѣроятно, сына Михайлова, Князя Черниговскаго и Брянскаго по нашимъ Родословнымъ Книгамъ), встрѣтившагося ему на пути въ Орду — какого-то *Іонелла* и *Аловы*, также Кіевскаго градоначальника *Монгрота*, слугъ Ярославовыхъ, и на безъименнаго Суздальца, который переводилъ Хану слова Карпиновы, и проч.

(68) О сихъ Готѳахъ, обитавшихъ въ Тавридѣ съ III вѣка, см. въ нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 88. Слѣды ихъ сохранились тамъ до XVI вѣка. Извѣстный Бусбекъ, разговаривая съ послами Хана Крымскаго, замѣтилъ между ими одного, имѣвшаго лице совсѣмъ особенное, не Татарское. Сей человѣкъ сказывалъ, что онъ инаго народу, живущаго въ горахъ Тавриды, и хотя, вышедши оттуда весьма давно, забылъ языкъ свой, но помнитъ еще нѣкоторыя слова. Бусбекъ написалъ сіи слова: всѣ они древняго Готѳскаго языка, извѣстнаго намъ по Улфилину Готѳскому переводу Нов. Завѣта (см. Mémoire sur les Cimmériens par Frèret, г. 1746 — 1748 въ Mém. de l'Acad. des Inscr., гдѣ Авторъ ссылается на Бусбеково письмо отъ 16 Дек. 1562).

(69) Мокшане, какъ извѣстно, составляютъ особенное племя Мордвы: Рубруквисъ называетъ первыхъ Moxel, а вторыхъ Merdas, сказывая, что послѣдніе были закона Магометанскаго.

(70) См. Рубрукв. Voyage, стр. 40. Сей путешественникъ нашелъ на берегу Волги новый, построенный Татарами домъ, гдѣ они жили вмѣстѣ съ Россіянами, перевозя черезъ рѣку пословъ, ѣдущихъ въ станъ Батыевъ.

(71) Рубруквисъ пишетъ, что Мангу-Ханъ, человѣкъ средняго росту и лѣтъ сорока пяти, сидѣлъ на тропѣ въ богатой шубѣ, которая имѣла лоскъ тюленьей кожи; что у него былъ носъ приплюснутый, и проч.

(72) Рубр. Voyage, стр. 74, 99, 105, 119.

(73) См. Дегинов. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 112.

(74) Рубруквисъ ѣхалъ изъ Татаріи до Волги около трехъ мѣсяцевъ, не видавъ ничего — ни города, ни селенія — кромѣ одной бѣдной деревни и кладбищъ.

Сарай былъ тамъ, гдѣ нынѣ Селитренной городокъ: см. *Путешествіе Палласа*, Ч. III, полов. II, стр. 143. Въ *Никон. Лѣт.* VII, 210: «Та большая Орда имъ (Іоанномъ III) порушилась, и почали Цари Ординскіе жить въ Асторохани, а большая Орда опустѣла, а мѣсто ея области близъ Асторохани, два днища по Волгѣ вверхъ, именуется: *Сараи большіе*.» Въ *Больш. Чертежѣ*, стр. 233: А по рѣкѣ по Ахтубѣ на 90 (старинныхъ) верстъ отъ Царицына Золотая Орда, мечети каменные.» Тамъ видны еще развалины двухъ великолѣпныхъ зданій; въ одномъ изъ оныхъ нашлось нѣсколько обитыхъ серебромъ гробовъ. Рвы выкладены кирпичемъ; стѣны состоятъ изъ большихъ, прекрасныхъ плитъ съ муравлеными украшеніями; примѣтны также остатки готической штукатуры.

(75) Рубруквисъ пишетъ, что Сумеркентъ былъ на среднемъ протокѣ Волги, близъ Сарая. — Онъ называетъ Сарацинами вообще всѣхъ людей Магометанской Вѣры.

(76) Рубр. V. стр. 29 и 91. См. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 524.

(77) Рубруквисъ пишетъ Samaron, вмѣсто Ширванъ. — Отъ имени Баку, Могольскаго Воеводы, производятъ названіе города Баку.

(78) Въ *Никон.*: «Князя Александра Ярославича, и Князя Андрея, и Константина и Аѳанасія, и Данила, и Михаила, и Ярослава, и Василія.» Но у Вел. Князя Ярослава Всеволодовича въ 1239 году было только 6 сыновей (см. выше, прим. 1). Седмой сынъ Василій родился въ 1241 (см. выше примѣч. 38). Аѳанасіемъ назывался, думаю, Ярославъ. Въ *Родословныхъ* сказано, что отецъ далъ Андрею Суздаль, Нижній Новгородъ и Городецъ. Константинъ княжилъ въ Галичѣ Костромскомъ, а Ярославъ въ Твери.

(79) Въ современномъ описаніи подвиговъ Невскаго: «Князь же Александръ пріиде въ Володимерь по умертвіи отца своего въ силѣ велицѣ, и бысть грозенъ пріѣздъ его, и промчеся вѣсть его и до устья Волгы, и начаша жены Моавитьскыя (Могольскія) полошати (стращать) дѣти своя, рькуще: *Александръ ѣдетъ!*»

(80) «Батый же почтивъ я и посла къ Каневичемъ.»

(81) См. Voyage de Rubruquis въ Бержерон. изданіи стр. 134. О караванахъ древнихъ см. нашей *Исторіи*. Т. I, стр. 4.

(82) Сія рѣка истекаетъ въ Смоленской Губерніи. Въ *Ростовск. Лѣт.* и другихъ названъ здѣсь Михаилъ *Московскимъ*. Татищевъ пишетъ, что Александръ спорилъ съ Михаиломъ о Великомъ Княженіи, и ѣздилъ съ нимъ судиться въ Орду.

По *Лѣт. Псков.* около сего же времени (въ 1247 году, Іюля 3) Литовцы разбили Псковитянъ на Кудепи.

(83) Въ лѣтописи сказано, что Батый *приказалъ* Кіевъ и всю *Русскую* землю (т. е. южную) Александру.

«Тое же осени (въ 1250) поѣха Святославъ Всеволодовичь и съ сыномъ въ Татары. — Въ то жь лѣто (въ 1253, Февр. 3) преставися К. Святославъ Всеволодичь.» Онъ погребенъ въ Юрьевскомъ готическомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ, лежатъ подъ спудомъ и мощи сына его Димитрія. Сіи два Князя названы Святыми въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Святцахъ.

(84) «Поѣха (въ 1249 г.) Князь Глѣбъ Василковичь въ Татары къ Сартаку. Сартакъ же почтивъ его, отпусти въ свою вотчину . . . Поѣха (въ 1250) Князь Борисъ къ Сартаку, и проч. . . . Того жь лѣта (1251) поѣха Глѣбъ на Бѣлоозеро въ свою отчину. Тое же зимы бысть мирно.» — Абульгази пишетъ, что у Батыя отнялись тогда ноги, и что онъ умеръ въ Волжской столицѣ своей *Кокордѣ* (Hist. des Tat. стр. 451) или въ Сараѣ, по лѣтосчисленію Дегинову въ 1255 году. Монахъ Рубруквисъ видѣлъ Батыя въ 1253 или 1254 году. Сынъ

(*) Iltis (поправка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Н. Г. Р.).

опровергается сказка, внесенная въ нѣкоторыя изъ нашихъ лѣтописей, о мнимомъ убіеніи сего Хана въ Венгріи около 1247 года. Сочинитель баснословитъ такимъ образомъ: «Достиже Батый до Великаго града Варадина (или Вардеина): той бо среди земли Угорьской лежитъ, древесъ мало имущи, но много овощія и вина; градъ же весь водами обведенъ; среди же града столпъ стоя зѣло превысокъ, елико удивлятись зрящимъ нань. Бѣ же тогда Самодрьжецъ тоя земли Краль *Власловъ*, Угромъ же и *Чехомъ* и Нѣмцемъ и всему Поморью даже и до Великаго моря. Бѣху же Угри первое православни, крещеніе отъ Грековъ пріемше, но не поспѣвшимъ имъ своимъ языкомъ грамоту изложити, Римляномъ же близъ сущимъ, приложиша ихъ своей ереси. И Власловъ той Римской Церкви повинуяся, дондеже пріиде къ нему Св. Савва Сербьскый Архіепископъ, и сему паки сотворяетъ приступити къ Вѣрѣ Гречестѣй, не явленно, но отай, бояше бо ся востанія Угровъ. Пребысть же Савва мѣсяць 5, отходитъ во свояси, единаго Священника оставивъ у него. Окаянный же Царь Батый пришедъ въ землю, грады разрушая. Той же Самодрьжецъ Власловъ, его же Св. Савва именова Владиславъ, видѣвъ Божій гнѣвъ, плакаше, не имы, что сотворить; на многы же дни пребысть ни хлѣба, ни воды вкушая, но пребываще на предреченнѣмъ столпѣ. Сестра же его бѣжащи къ нему во градъ, тыя же варвари достигше ю плѣниша и къ Батыю отведоша... Краль же Владиславъ начатъ Бога молити, слезамъ же текущимъ отъ очію его, и еже аще падаху на мраморіе оно, проходяху насквозѣ, еже есть и до сего дне знаменіе то видѣти на мраморіехъ, и отъ сего знаша помощи Божіей быти. Ста же нѣкто предъ Кралемъ, и рече ему: *даетъ ти Господь побѣдити Царя злочестиваго*. Нача же смотрѣти лице глаголющаго, и не видѣше его. Тому же (Королю) исшедшу изъ столпа, видѣше конь осѣдланъ никимъ же дрьжимъ, и сѣкира на сѣдлѣ. И тако Самодрьжецъ всѣдъ на коня и изыде на противныхъ; и абіе страхъ нападе на нихъ и на бѣжаніе стремишася. Онъ же во слѣдъ женуще, множество варваръ погубише... Батыю же ко Угорьскимъ планинамъ (горамъ) бѣжащу, злѣ житію конецъ пріемлетъ отъ руки Владислава. Глаголютъ же тамо живущіи человѣци, яко сестра Владислава, тогда бѣжащи съ Батыемъ, и бысть повнѣгда сплестись Владиславу съ Батыемъ, тогда сестра его помогаше Батыю, ихъ же Краль обою погуби... Сотворенъ же бысть мѣднымъ сліяніемъ Краль на кони сѣдя и сѣкиру въ руцѣ дрьжа, ею же Батыя уби, и водруженъ на томъ столпѣ въ память и до сего дне.» Сколько ошибокъ! Въ Венгріи царствовалъ тогда не Владиславъ, а Бела IV. Сочинитель говоритъ здѣсь о Владиславѣ Святомъ, умершемъ въ концѣ XI вѣка; а Св. Савва жилъ гораздо послѣ (см. Раича *Исторію Славянск. народовъ*, Ч. II, стр. 339 и слѣд.). Батый *взялъ* Варадинъ въ 1241 году (см. Прая Annal. R. H. кн. IV, стр. 266), а Бела разбилъ Моголовъ въ 1260, когда уже Батыя не было на свѣтѣ. *Лѣт. Никонов.* говоритъ, что сей Ханъ въ 1247 году снова разорилъ Венгрію и прислалъ къ Сартаку многихъ знатныхъ плѣнниковъ; что Воевода его Бердебекъ положилъ тамъ свою голову, а въ слѣдующемъ году и самъ Батый.

(85) См. Райнальд. Annal. Ecclec. T. XIII, стр. 651. Иннокентій писалъ къ Александру (Nobili viro Alexandro, Duci Susdaliensi) отъ 10 Февр. 1248 году изъ Ліона. — Въ современномъ описаніи житія или подвиговъ Александра: «нѣкогда же пріидоша къ нему послы отъ Папы изъ Великаго Рима, ркуще: Папа нашъ тако глаголетъ: слышахомъ тя Князя честна и дивна, и земля твоя велика; сего ради прислахомъ къ тобѣ отъ двою надесять Кординалу два хытрѣйша, Галда (или Галдада) и Гемонта, да послушаеши ученія ихъ.» Папа говоритъ: Joanne de Plano Carpino, ad gentem Tartaricam destinato, referente didicimus, idem pater tuus novum hominem affectans induere, de conscientia cujusdam militis consiliarii sui, и проч. Здѣсь Папа дѣйствительно именуетъ себя земнымъ Намѣстникомъ Бога: Deus, cujus vices licet immeriti obtinemus in terris. — Въ житіи Александра: «Князь же, здумавъ съ мудреци своими, въписа къ нему и рече: отъ Адама до Потопа, отъ потопа до раздѣленія языкъ, начала Авраамля и проитія Исраиля сквозѣ море, до умертвія Давида Царя — отъ начала царства Соломоня до Августа и до Христова Рождества, страсти, воскресенія, на небеса восшествія и царства Константинова, — отъ начала онаго до перваго Збора (Собора) и седмаго — си вся добрѣ вѣдаемъ, а отъ васъ ученія не пріемлемь.»

(86) Митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ въ Владиміръ осенью въ 1250 году; а въ *Никонов. Лѣт.* прибавлено: «иде изъ Кіева въ Черниговъ, таже въ Рязань, таже въ Суздальскую землю, и срѣтоша его Князи и Бояре съ великою честію.» Въ современныхъ лѣтописяхъ: «поѣха Митрополитъ въ Новгородъ Великый ко Александру съ Епископомъ Кирилломъ (Ростовскимъ), и поставиша блаженнаго Далмата Епископомъ Маія въ 25.» Татищевъ пишетъ, что Александръ хотѣлъ тогда ѣхать въ Кіевъ, но что Новогородцы, боясь Татаръ, удержали его. — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Найдоша дъждеве (въ 1251 г.) и поимаша вси рли (поля, пашню) и обилія и сѣна, и мостъ снесе вода на Волховѣ великый, и на осень би морозъ обилье, но останокъ избыйся... Погорѣ (въ 1252 г.) Славно отъ Св. Ильи до Нутной улици.» — Въ *Степен. Кн.* I, 356: «издавая (Александръ) на плѣнникахъ много злата и сребра, посылая къ Царю Батыю во Орду за плѣненныхъ Русскія люди, ихъ же избавляя отъ лютыя работы.»

(87) См. Торфеев. Hist. Norveg. IV, 265. Норвежскіе и Русскіе Лапландцы тогда взаимно грабили другъ друга. Въ лѣтописяхъ Норвежскихъ, сказано: legati Regis Holmgardi, seu Russiæ, Alexandri — то есть, послы Гольмгардскаго или Россійскаго Государя, Александра.

Далинъ пишетъ, что Гаконъ учтивымъ образомъ отказалъ Александру, не желая выдать дочери за данника Моголовъ; но въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано, что набѣги Моголовъ на Россію помѣшали тогда заключенію брачнаго договора. Слова Торфеевы: cæterum ea tempestate Russi ab incursantibus Tartaris admodum infestabantur: id vero obstabat, quominus pacta illa de nuptiis convenirent. Сіе было въ 1252 году, когда Татары, озлобленные Андреемъ Суздальскимъ (см. ниже), вступили какъ непріятели въ Великое Княженіе. Вѣроятно, что Александръ зналъ о томъ, поѣхавъ въ Орду: ибо онъ возвратился оттуда уже послѣ Андреева бѣгства, и съ именемъ *Великаго* Князя.

(88) «Тое же зимы (въ 1250 году) оженися Князь Ярославичь Андрей Даниловною Романовича и вѣнча его Митрополитъ въ Володимерѣ у Св. Богородицы съ Епископомъ Кириломъ, и бысть веселіе много.» См. *Степен. Кн.* I, 367. Въ *Пушкин.*: «Въ то жь лѣто (1252) вздума Андрей Князь съ своими Бояры бѣгати, нежели царемъ служити, и побѣже на невѣдому землю.» Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ: «Посемъ же разгнѣвася Царь Батый на Андрея, и посла Воеводу своего, Неврюя.» Въ *Воскресен.*: «Пріиде Неврюй и Котья

и Олабуга храбрый на землю Суздальскую со многыми вои на Вел. Кн. Андрея; бысть же въ канунъ Боришу дни, Татарове подъ Володимеромъ бродишася Клязму, и поидоша къ Переяславлю таящеся. На утріе же срѣте ихъ Князь Великый Андрей со своими полкы и сразишася — и Христіане побѣждени быша, а Кн. Андрей едва убѣже,» и прочее, какъ мы говоримъ въ Исторіи. Въ *Никонов. Лѣт.* прибавлено, что Андрей, свѣдавъ о нашествіи Неврюя *Царевича*, сказалъ: «Господи! что се есть? Доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ?» — Кн. Щербатовъ догадывался, что Моголы опасались родственной Андреевой связи съ Даніиломъ Галицкимъ, будто бы непокорнымъ Хану; но Даніилъ, какъ мы видѣли, ѣздилъ въ Орду и даже воевалъ за Татаръ, какъ увидимъ послѣ. — По вымыслу же Татищева, Александръ донесъ Хану, что меншій его братъ Андрей, присвоивъ себѣ Великое Княженіе, обманываетъ Моголовъ, даетъ имъ только часть дани и проч.

(89) «Убиша ту Воеводу Жидислава и Княгиню Ярославлю, а дѣти Ярославли въ полонъ поведоша.» О супругахъ Ярослава Ярославича см. ниже примѣч. 118. Далѣе: «Оставивъ (Андрей) ту Княгиню, а самъ ступи *за море во Свейскую* землю. *Местеръ* же Свейскій срѣте его и прія съ честію.» Кого Лѣтописецъ именуетъ Мейстеромъ, не льзя угадать. Князь же Щербатовъ, вопреки сему ясному сказанію, пишетъ, что Андрей уѣхалъ въ Ливонію (вмѣсто Швеціи). — Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ историческихъ прибавлено объ Андреѣ: «послѣди жь на рати убіенъ бысть отъ Нѣмецъ. Сіе извѣстіе ложно: увидимъ, что Андрей возвратился въ Россію и скончался въ Суздалѣ. Татищевъ прибавляетъ, что Александръ хотѣлъ дать ему Удѣлъ Суздальскій, но, боясь Хана, не смѣлъ того сдѣлать.

(90) «Въ лѣто 6766 (1258) преставися Князь Олегъ Рязанскій Страстныя недѣли въ Среду въ Черньцѣхъ и въ Скимѣ, и положенъ бысть у Св. Спаса Марта въ 20.» См. Т. III, примѣч. 357. Татищевъ пишетъ, что съ Олегомъ возвратился изъ Орды Невородичь, внукъ Игоревъ. — Одинъ изъ моихъ пріятелей отдалъ въ Архивъ Иностранной Коллегіи грамоту, будто бы писанную симъ Олегомъ въ 1257 году на имя Ханскаго свойственника, Ивана Шаи, который выѣхалъ къ нему изъ Орды и крестился, бывъ по смерти Михаила Черниговскаго Намѣстникомъ Батыевымъ въ Черниговѣ. Но сія грамота есть подложная: 1) писана на *бумагѣ;* 2) слогомъ новымъ (вмѣсто *лѣта* сказано въ ней *года*, также *Ингваревичь* вмѣсто *Ингваричь*, и проч.); 3) восковая печать *прилѣплена*, а не *привѣшена*, какъ обыкновенно въ старину дѣлали.

(91) «Воеваша Литва волость Новгородскую, и поимаша съ полономъ и угониша ихъ Новгородци съ Кн. Васильемъ у Торопча — и побѣдиша я. Придоша Нѣмци подъ Пльсковъ и пожгоша посадъ, но самѣхъ много ихъ Пльсковичи биша; и поидоша Новгородци полкомъ къ нимъ изъ Новагорода, и они побѣгоша проче, и пришедше Новгородци въ Новгородъ, и покрутившеся (приготовившись) идоша за Нарову, и створиша волость ихъ пусту; и Корела такоже много зла створиша волости ихъ. Того жь лѣта идоша съ Пльсковичи воевать ихъ — и побѣдиша я,» и проч.

(92) Въ *Новогород. Лѣт.*: «на зиму (въ 1253 г.) выбѣже Князь Ярославъ Ярославичь изъ *Низовской* (Суздальской) земли, и посадиша его въ Пльсковѣ.» Въ *Пушкин.*: «на зиму» (въ 1254 году) «по Крещеніи Ярославъ, Князь Тферскый, съ своими Бояры поѣха въ Ладогу, остава свою отчину. Ладожане почтиша его достойною честью... Здумаша Новгородци (въ 1255 году) послати Далмата Епископа къ Великому Князю Александру съ грамотами яко о миру: оному же умедлившю, и вставл Дьяволъ вражду, и бысть крамола въ Новѣгородѣ, и выгнаша Василья Князя. Пріѣха Василій въ Торжокъ; ту и дожда отца своего. Князь же Великый съ Дмитріемъ Святославичемъ и съ Бояры поидоша Новугороду.» Въ *Новогород. Лѣт.*: «Выведоша Новгородци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ... Идущу Олександру съ многыми полкы и съ Новоторжьци, срѣте его Ратишка съ перевѣтомъ: поступай, Княже: братъ твой Ярославъ побѣглъ. И поставиша Новгородци полкъ за Рожествомъ Христовымъ въ Конци, а что пѣшца, а ти сташа отъ Св. Ильи противу Городища. И рекоша меншіи у Св. Николы на Вѣчи: братьеци! како речетъ Князь, выдайте мои вороги? И цѣловаша Св. Богородицю меншіи, како стати всѣмъ любо животъ, любо смерть за правду Новгородскую... Побѣжа Михалко изъ города къ Св. Георгію, како было ему оттуду своимъ полкомъ уразити нашю сторону и измясти люди. Увѣдавъ Онанья, хотя ему добра, посла по немъ втайнѣ Якуна; и увѣдавше черныи люди, погнаша по немъ (по Михайлѣ), и хотѣша на дворъ его; и не да Онанья... не вѣдяше бо, аже о немъ мысль свѣщаша» (то есть, Михалко съ своими единомышленниками). — Александръ посылалъ въ Новгородъ чиновника своего, Бориса. Далѣе: «И взяша миръ на всей воли Новгородской, и поиде Князь въ городъ, и срѣте и Архіепископъ Далматъ съ кресты у Прикуповичь дворъ.» Въ *Пушкин.*: «посади (Александръ) сына своего Новѣгородѣ, а самъ поѣха отъ нихъ съ честью, миръ давъ имъ.»

(93) «Прiидоша Свеи и Емь и Сумь и *Дидманъ* съ своею волостью.» *Дидманомъ* называли Латыши Великаго Магистра Ливонскаго. Далѣе: «Не вѣдяху, гдѣ Князь идетъ; друзіи творяху, яко на Чудь идетъ... И бысть золъ путь, акы же не видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а Новгородцевъ Богъ сблюде.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Александръ ходилъ въ Шведскую землю и на Чудь, чрезъ такія мѣста, гдѣ вѣчная тьма царствуетъ. Въ *Воскресен. Лѣт.*: «проидоша горы непроходимыя и воева поморіе все.» — См. Далин. Gesch. des Schwed. R. II, 167. Биргеръ Ярль построилъ тогда въ Финляндіи крѣпость Тавастгузъ.

(94) «Князь пойде въ Низъ, поима послы Новгородьскыи, Елевферья и Михайла Пинящинича, а сына своего, Василья, посади на столѣ.» См. выше, примѣч. 84, также Дегин. Hist. des Huns. кн. XVIII, стр. 341. Въ лѣтописяхъ: «Поѣхаша Князи (въ 1256 году) на Городецъ, да въ Новгородъ (Нижній). Князь же Борисъ (Васильковичь Ростовскій) поѣха въ Татары; а Олександръ Князь послалъ дары. Борисъ же, бывъ у Улавчія, дары давъ, и пріѣха въ свою отчину съ честью. — Поѣхаша (въ 1257 году) Князи въ Татары, Александръ, Андрей, Борисъ; чтивше Улавчія, пріѣхаша въ свою отчину. Тое жь зимы пріѣха Глѣбъ Васильковичь изъ Кановы земли отъ Царя и оженися въ Ордѣ.»

(95) См. Voyage de Rubruquis, въ Бержерон. изд. стр. 80.

(96) Въ 1258 году: «Чтивше Улавчія и вся Воеводы (Могольскіе), отпущени быша въ свою отчину... Тое же зимы пріѣхаша численици въ Володимерь, и поидоша численици и Князи къ Новугороду Великому: Александръ, Андрей, Борисъ.» — По *Новогород. Лѣт.*, Татарскіе Числен-

ники пріѣхали въ Новгородъ еще въ 1257 году: «и пріиде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ Татарове тамгы (пошлины) и десятины. И смятошася люди чрезъ все лѣто, и къ Госпожину дни умре Онанья Посадникъ, а на зиму убиша Михалка Посадника Новгородци. Аще бы кто добро другу чинилъ, то добро бы было; а копая подъ другомъ яму, самъ ся въ ню ввалитъ. Той же зимы пріѣхаша послы Татарскыи съ Александромъ.» Татищевъ пишетъ, что Василій Александровичь обезчестилъ Могольскихъ Численниковъ въ Новѣгородѣ.

(97) Главный изъ виновныхъ Бояръ былъ какой-то Александръ. Лѣтописецъ прибавляетъ: «всякъ бо злый злѣ да погыбнетъ! . . . Той же зимы даша Посадничьство Михайлу Ѳеодоровичю, выведше изъ Ладогы, а Тысячьское Жироху даша.»

(98) «Той же зимы пріѣха Михайло Пинещиничь» (см. выше, примѣч. 94) «изъ Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: аще не иметеся по число» (не согласитесь на перепись всѣхъ людей) «то уже полкы на Низовьской земли.

(99) «Умыслиша свѣтъ золъ, како ударити на городъ на ону сторону, а друзіи озеромъ на сю сторону, и взбрани имъ видимо сила Христова, и убоявшеся,» и проч. . . . «И бысть заутра, съѣха Князь съ Городища, и Татарове съ нимъ.« Далѣе о Боярахъ: «творяху бо собѣ легко, а меншимъ зло.» — Нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы Ханъ держалъ Баскаковъ въ Новѣгородѣ.

(100) Въ *Пушкин.*: «Александра же удержаша Ноугородци и чтиша много. Пріѣха изъ Новагорода Александръ къ Св. Богородицѣ въ Ростовъ въ Среду Страстныя недѣли, и цѣлова крестъ честный, и кланяся Епископу Кирилу; отче святый! твоею молитвою и тамо въ Новгородъ ѣхалъ есмь здоровъ, и сѣмо пріѣхалъ есмь здоровъ,» и проч.

(101) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Въ та жь лѣта» (по Ипат. въ 1252) «присла Король Угорскый къ Данилу, прося его на помощь... и приде къ Пожгу. Бѣ бо Царь (Императоръ Нѣмецкій) обдержалъ одинъ землю Ракушску и Штирску: Герцюкъ бо уже убіенъ бысть. Пришли бо бяху послы Нѣмецкіе къ нему (Королю); бѣ бо имена посломъ: Воевода Царевъ и Бискупь Жалошь Пурскій, рекомый Солскій, и Гарихъ Пурунскій и Ота Гаретиникъ Пѣтовскій. Възъѣха же Король съ ними противу Князю Данилу. Данило же пріиде къ нему исполчивъ вся люди своя. Нѣмци же дивяшася оружію *Татарскому;* бѣша бо кони въ личинахъ и въ *коярѣхъ* кожаныхъ и людіе въ ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика; самъ же ѣха подлѣ Короля по обычаю Рускому. Бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ и сѣдло отъ злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена и иными хитростьми; кожухъ же *оловира* (пурпура) Грецкого и круживы златыми плоскыми ошиты, и сапози зеленого хьза, шиты золотомъ. Нѣмцемъ же дивящимся, рече ему Король: не взялъ быхъ тысячи сребра за то, иже еси пришелъ обычаемъ Рускымъ отцевъ своихъ. И просися у него въ станъ, зане зной бѣ великъ; онъ же ятъ его за руку и веде въ полату свою и самъ съвлачаше его и вблачаше въ порты своя.» Далѣе, по Ипатьев. въ 1254 году: «Король же Угорскый посла къ Данилови, рекый: пошли ми сына Романа, да въдамъ зань *сестру* Герцикову и вдамъ ему землю Нѣмецкую. И ѣха въ Нѣмцы съ Романомъ, и да сестру Герцикову за Романа, и сътвори обѣтъ, его же за множество весь не писахомъ.» Жена Романова была не *сестра*, а *дочь* Герцогова (см. Прая, Annal. Reg. Hung. кн. IV, стр. 285 и 288) или, по другимъ извѣстіямъ, племянница, Brudertochter (см. Гебгарди Gesch. des R. Hung.). — Далѣе въ *Волынск. Лѣт.* (по Ипат. въ 1254 году): «Посла (Король Бела) къ Данилови, рекый: ужика ми и сватъ еси: помози мнѣ на Чехы. И убѣди его, и пойде на Опаву (Троппау); самъ бо плѣняше землю Моравскую. Данилъ же снемся съ Болеславомъ, мысляше, како пройти землю Опавскую. Болеславу же яко не хотящю; жена же его помогаше Данилови словесы: бѣ бо дъщи Короля Угорскаго, именемъ Кынька. Данилови же хотящю ово Короля ради, ово же славы хотя; не бѣ бо въ земли Рустѣй пръвѣе, иже бѣ воевалъ землю Ческую, ни Святославъ хоробрый, ни Вълодимеръ Св. . . . Поемъ же Льва и помощь отъ брата Василька, Тысяцкого Гюрга, снемшеся съ Болеславомъ, пойде съ Кракова; пріидоша на рѣку Одру къ городу Козлій, и пріѣха Вълодиславъ, сынъ Казимеровъ Лѣсконогого Межькы, и поемъ конникы и пѣшци, и пріидоша къ рѣцѣ Псинѣ; и сътвори съвѣтъ Данило и Левъ съ Вълодиславомъ, куда бы воевати; онъ же не исповѣда правды, и дасть вожъ (вождя) на льсти. Посла же Князь Данило Лва и Тевтивила и Едивидая Дворского; самъ же оста въ малѣ съ старыми Бояры, съ Гюргемъ Тысяцкымъ. Левъ же иде воева, и видѣ, яко лжутъ вожеве, и не слуша ихъ, иде въ горы лѣсныя, и възя полонъ великъ. Идущю же Данилу съ Болеславомъ къ Опавѣ, посла въ сторожи Ляхы своя. Выѣхалъ же Андрей изъ Опавы съ Чехы, и одолѣ Андрей: мало бо бѣ Ляховъ. И внide велій страхъ въ Ляхы. Пріѣхавъ же Данило, рече имъ: *не вѣсте ли, яко война безъ падшихъ не бываеть? На мужи ратныя пришли есте, а не на жены . . . Инии дома умирають безъ славы* . . . И пойде къ Опавѣ. . . Рече же Володиславу: мнѣ еси учинилъ неправду, а себе погубилъ; аще бы Левъ и людіе мои здѣ были, то уразъ велій быша земли сей учинили, и градъ пріятъ бы былъ . . . Аще вы идете прочь, азъ хощю ся остати въ малѣ дружинѣ. Послушавъ же Болеславъ, и Ляхове сташа ниже града на Опавѣ: не смѣша бо ся отлучити отъ него. Того же вечера пріиде Левъ съ вои имый плѣнъ великъ съ собою, и сътвориша съвѣтъ, да наутріе обойдуть и пожгуть вся внѣшняя храмы и ограды и гумна. . . Сътвориша тако. Болеславъ же остася на горахъ. Володиславъ же иде, и пришедъ къ вратомъ пръвымъ, пожгоша, и пріидоша на другая врата, и выѣхаша Чехове, и нѣколико ихъ убиша, а другія выгнаша. Бенешъ же стояше предъ враты съ хоругвью, и около другыхъ вратъ пожгоша. Пришедшимъ же къ третіимъ вратомъ, каза Данило съсѣдати и жечи окрестная... Нѣмци же побѣгоша, и нѣколико ихъ убиша въ вратѣхъ, и вратъ не затвориша. Данило бо очима напрасно бѣ боля, и не видѣ бывшаго въ вратѣхъ; видѣ бо люди своя текуща, обнажи мечь и вбгна я, и тѣмъ не прія града . . . Болѣстію же унуженъ и утрудився, рече сынови: пожжи вся окрестная; азъ же пойду въ *колымогь* свой, рекше въ станъ: бѣ бо всю войну боленъ, и мнозіи нудяху его въротитися; онъ же не створи того. Наутріе же пойде вверхъ Опавы, и ста близъ города рекомаго Насилья, слышавъ, яко Русь и Ляхове яты суть въ градѣ томъ . . . Вземъ градъ и спусти колодникы и постави хоругвь свою въ градѣ, и обличи побѣду, а самѣхъ помилова. Отъѣхавъ же ста на веси Нѣмецкой. Слышавъ же, яко Бенешъ ѣхалъ есть въ Глубычичи, наутріе съ Болеславомъ пойде къ Глубочичемъ. Пославъ же Вълодиславъ пожже вся окрестная веси . . . Хотяху взяти градъ приметомъ; вѣтру же напрасно вѣющу на градъ, а градъ же елиною сътворенъ бысть, и греблю малу видяще, искаху вои древа и соломы, што бы привръщи къ граду, и не обрѣтоша: вся бо бѣ пожеглъ Вълодиславъ ближняя веси; и тѣмъ не

312

зажженъ бѣ градъ. Того же вечера думаху, камо идемъ, или къ Особолозѣ, или на Герборта, или възвратимся въ домы. Гербортъ же присла Данилови мечь и покореніе свое. И сгадавше Данило и Болеславъ и Левъ, яко всю землю поплѣнили есмы, наутріе же възвратився въ свояси, и прейде рѣку Одру, и пройде землю Вълодиславлю . . . Тогда въ Краковѣ бѣша послы Папины» (см. выше, примѣч. 56) . . . «И пройде землю Судомирскую, и пріиде въ Хълмъ съ честію и славою.»

О судьбѣ Романа Даніиловича въ Австріи сказано въ *Волынск. Лѣт.* такъ: «Яко и преже рекохомъ, сътвори Король великъ обѣтъ и не исправи его къ Романови. Остави же въ городѣ *Инеперцѣ*» (Юденбургѣ (*), а не Инспрукѣ: см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 291) «и отъиде прочь; обѣщався ему и не помогаше: лесть бо имяше, хотя городовъ его; бѣ бо клялся къ Романови и къ Княгыни его, яко добывшю ему земли Нѣмецкое, дати ему всю Романови. Княгыни же вѣдущи поровь его, твердяшеть его крестомъ, и николи же не бысть на помощь ему, приходящю нань *Герцикови*» (Оттокару Богемскому). «Въ одно же время пріѣхавшю ему (Оттокару) съ великою силою, и бившимся имъ, и ставъ предъ городомъ, и не може взяти, и глаголаше ему ласканіемъ: остави Короля Угорскаго, яко ужика ми еси и *своякъ*» (Оттокаръ былъ супругомъ Маргариты, сестры Герцога Австрійскаго, Фридерика). «*Земля Нѣмецкая раздѣлена будеть съ тобою. Риксъ* (Rex) *ти Угорскій, рекше Король, много обѣщеваеть, но не исправить. Азъ же глаголю правду и поставлю ти послуха отца си Папу и* 12 *Епископа.* Оному же (Роману) рекшю правдою: *обѣщахся отцу, Королеви Угорскому; не могу послушати тебе; грѣхъ не исполнити обѣта*... Король же не посла ему помощи. . . Обѣщева же ему дати иныя городы въ земли Угорской. Княгини же разумѣвши лесть его, рече, яко сына» (отъ перваго ея мужа) «ми поима къ дъщери, держитъ его въ тали, а нынѣ городовъ нашихъ хощеть, а мы гладомъ измираемъ. Бѣ бо баба ходяще и купяще кръмлю (пищу) потай въ градѣ *Вяднѣ* и приносяще; толикъ бо бѣ гладъ, яко и конемъ хотящимъ имъ ясти уже, Княгини же рекши: Княже! пойди къ отцу. Оному же оступленому, не мощно бѣ ему выѣхати. Видя же доброту его Веренгеръ, прирокомъ Просвѣлъ (бѣ бо съ нимъ былъ на войнѣ) сжаливси о Романѣ, и пріѣхавъ съ силою, изведе Романа изъ града.» См. Прая Ann. Reg. Hung. IV, 295.

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Городъ *Инеперцъ*, близъ *Вядны* или Вѣны, долженъ быть Nevburg, а Епископъ *Жалошь Пурскій, рекомый Сольскій,* не есть ли Зальцбургскій? (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(102) *Волынск. Лѣт.*: «Посла» (въ 1251 г. по Ипатъ.) «Данило и Василько къ Самовитови (Мазовскому), рекши ему: изыди съ нами на Ятвязѣ; и у Болеслава помочь пояста, Суда Воеводу и Сигнава, и сняшась въ Дорогичинѣ, и прейдоша болота на страну ихъ... И Ляхове зажгоша пръвую весь; тѣмъ бо зло створиша и знаменіе имъ подаша . . . И воеваша до вечера. . . И събрася вся земля Ятвязская, и прислаша къ Данилу Небяста, рекуще: оставь намъ Ляхы, а самъ пойди миренъ . . . И хотѣнія не получиша. . . И нападоша пощію на Ляхы . . . И сулицами мечюще и головнями яко молнія идяху, и каменіе яко дождь съ небеси . . . Посла Самовитъ моляся: пришлета намъ стрѣлци. Даніилъ же държаше на нихъ гнѣвъ про зажженіе веси, и одва посла. . . И възразиша я» (непріятели) «отъ острога» (сдѣланнаго Поляками) . . . «На утріе же зажгоша» (Ятвяги) «колымагы своя, рекше станы. Данилови же пошедшю напередъ съ Болеславли Ляхы, Лазареви же назади бывшю съ Половци, нападоша нань, и хоругвь его отъяша. Прибѣгшю же ему къ Васильковн и Самовитови, бысть брань люта . . . Андреевн же Дворскому сердце крѣпко имущю, нездравіе же тѣло его обдержаше и руци. . . Копіе упусти, и за мало не убіенъ бысть. Посла жѣ Василько къ брату . . . Данилови же навъратившюся и гнаша я до лѣса . . . Ѳедоръ Дъмитріевичь, крѣпко боря, раненъ бысть, и смерть прія на рѣцѣ Нарьвѣ.» Тутъ, по совѣту Ящелътову, Даніилъ велѣлъ отдохнуть воинамъ. Далѣе: «Прешедшимъ же имъ рѣку Олегъ, хотѣвшимъ стати въ тѣсныхъ мѣстѣхъ, Князь же Данило рече: о мужи воинстіи! не вѣсте ли, яко Христіаномъ пространство есть крѣпость, поганымъ же тѣснота? . . . И пройде Жаку плѣняя и пріиде на чиста мѣста. . . И многіи Князи Ятвязціи избіени быша. На утріе же въжемъ (вождямъ) невѣдущимъ, блудящимъ имъ, два Варьва убіена быста, третіего жива яша, и приведенъ бысть къ Данилови, и рече ему: изведи мя на путь правый, и животъ пріимеши . . . И изведе его; и перейдоша рѣку Лукь. Наутріе же пригнавшимъ къ нимъ Прусомъ и *Бортомъ*, и воемъ (Даніиловымъ) всѣмъ вооружившимся, щити ихъ яко заря, шеломи же яко солнцю въсходящю . . . Данилови же на кони сѣдящю и воя рядящю, и рѣша друзи Ятвязѣмъ: можете ли древо подъдръжати сулицами, и на сію рать дрьзнути? Они же възвратишась. Даніилъ же пріиде къ Визнѣ и прейде рѣку Наровъ, многія Христіаны избависта, и пѣснь славну пояху има.»

«Въ то же лѣто» (по Ипат. 1252) «изгна Миндогъ сыновца своего, Тевтивила и Едивида, пославшю ему на войну ею съ Выконотомъ на Русь воевати къ Смоленску, и рече: кто што пріемлеть, събѣ одръжить» (кто что завоюетъ, тѣмъ и будетъ владѣть). . . «И посла нанѣ воя своя, хотя убити я. Онѣма же увѣдавшима, и бѣжаста къ Князю Данилу въ Володимерь. Миндогови же рекшю: не чини има милости . . . *Сестра бѣ ею за Даниломъ* . . . Данило же посла Выкинта въ Ятвязѣ и въ Жемонть и къ Нѣмцемъ въ Ригу, и Выкинтъ убѣди я сребромъ . . . Онѣмъ же (Ятвягамъ и Жмуди) отвѣщавшимъ Данилу, яко тебе дѣля миръ створимъ съ Выкынтомъ, зане братію нашю много погуби . . . Даніилъ же и Василько поидоста къ Новугороду (Новогродку) . . . Посла (Даніилъ) съ сыномъ брата си на Волковыескъ, а сына на Слонимъ, а самъ иде къ Здитову, и поимаша грады многы. . . И посла Данило Тевтивила и въ помощь съ нимъ Русь и Половци, и многое воеваніе бысть межъ ими. Оттуда же Тевтивилъ иде съ полономъ Даниловымъ въ Ригу, и пріяша его Рижане съ честію, и крещенъ бысть. Увѣдавъ же се Миндогъ, яко хотять ему помогать *Божіи Дворяне* и Бискупъ и вся воя Рижская, и убоявся, и посла втайнѣ къ Андреевн, Мастеру Рижскому, злато много и сребра, и конѣ многы, рекый: аще убіеши или женеши Тевтивила, еще болше сихъ пріимеши.» По убѣжденію Андрееву Миндовгъ отправляетъ посольство къ Папѣ и крестится. Далѣе: «Крещеніе же его лестиво бысть; жря бо богомъ своимъ втайнѣ: пръвому Нонадѣеви, Телявели и Девериксу, заечему богу, и Медѣину; егда выѣхаше на поле и выбѣжаше заець на поле въ лѣсьрощенія (въ рощи), не вхожаше вну, и не смѣяше ни розгы уломити; и мертвыхъ тѣлеса жьжигаше. Тевтивилу же исповѣда Бискупь и Перебощь (Probst) Виржанъ (Рижанъ) съжалиша по немъ: вѣдяху бо, аще Тевти-

(*) Нейбургѣ (поправка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ И. Г. Р.).

вилъ не бы изгнанъ (изъ Риги), Литовская земля въ руку бѣ ихъ. Си же вся сътвори Андрей, и изгнанъ бысть сану своего отъ братьи. Тевтивилъ же прибѣже въ Жемоить къ уеви своему, Викынтови, поима Ятвязѣ, Жемоить и помощь Данилову, и иде на Миндога. Миндогъ же умысли не битися съ ними полкомъ, но вниде въ градъ, именемъ Вѫрута, и высла шюрина своего нощію, и розгнаша его Русь и Ятвязѣ. Наутріе же выѣхаша Нѣмци и съ самострѣлы и ѣхаша панѣ Русь съ Половци и съ стрѣлами и Ятвязѣ съ сулицами, и гонишась на поли подобно игрѣ. Оттуда жь вратишась въ Жемоить. И пріиде Миндовгъ на градъ Викинтовъ Твириметь; выѣха же Тевтивилъ изъ града, Русь и Половци Даниловы и Жемоить... И застрѣли Кочь Половчинъ Миндовга въ стегно, и възвратися Миндовгъ. Висимотъ подъ тѣмъ градомъ убіенъ бисть... Тевтивилъ (въ 1253 году) присла Ревбу, рече: пойди къ Новугороду. Данило же пойде съ братомъ Василькомъ и съ сыномъ Львомъ и съ Половци, съ *сватомъ* своимъ Тегакомъ» (тестемъ котораго нибудь изъ сыновей Даніиловыхъ). «Князи же Пинстіи имѣяху лесть, и поя ихъ съ собою неволею на войну. И послаша стороже Литва на озерѣ Зятѣ, и гнаша ихъ чрезъ болото до рѣкы Щарьи... и воемъ не хотящимъ ити воевати, Даниilъ мудростію рѣчь сътвори, яко срамоту имѣемъ отъ Литвы и отъ всѣхъ земль, аще вратимся.. Наутріе же плѣниша всю землю Новогородскую... и възвратишась. Ятвязѣмъ же ѣхавшимъ на помощь Данилу, не могоша доѣхати, зане снѣзи велици быша... Потомъ же посла съ братомъ и сыномъ Романомъ люди своя, и взяста Городенъ (Гродно), а сама вѫротистася отъ Бѣлска... и потомъ плѣниша всю страну ихъ. Миндогъ же посла сына си, и воева около Туриска. — Того же лѣта присла Миндовгъ къ Данилу, прося мира и хотя любве о сватовствѣ. Тогда жь Тевтивилъ прибѣже къ Данилу изъ Жемоити и Ятвязей, рече, яко Миндовгъ убѣди я сребромъ многымъ. Данилу же гнѣвъ имѣющю напя.»

«Королеви же Данилу (въ 1255 г.) пришедшю на землю Ятвязскую, Левъ же увѣдавъ, яко Стекынть въ лѣсѣ осѣклъся есть, пріиде къ осѣку. Ятвязѣмъ же вытекшимъ, сущіи же съ нимъ сънузници» (союзники) «възбѣгоша» (бѣжали). «Львови же сшедшю съ коня одиному и біющюся крѣпко, навратишась мали на помощь ему. Львови же убодшему сулицю свою въ щитъ его (Стекинтовъ), и не могущю ему тулитися» (попятиться назадъ) Левъ Сътекинта мечемъ уби, и брата его прободе мечемъ... Данилу же Королеви ставшю въ домѣ Стекынтовѣ, принесе къ нему Левъ оружіе Стекынтово и брата его... Коматови же пріѣхавшю отъ Ятвязъ, обѣщевающимся имъ въ работѣ (рабствѣ) быти. Ляхомъ же исполнившимъ зависти, наченшимъ пріяти» (благопріятствовать) «поганымъ. Се увѣдавъ Данило повелѣ воевати землю Ятвяжскую и домъ Стикентовъ весь погубленъ бысть, еже и донынѣ пустъ стоить. Данилу же идущю по озеру, и видѣ при березѣ гору красну и градъ бывшій на ней прежѣ, именемъ *Рай*; оттуда же пріиде въ домъ свой.

«Въ та жь лѣта, *или прежѣ, или потомъ,* пріѣхаша Татары къ Бакотѣ, и приложися Милей къ нимъ. Даниловi жь шедшю на Литву на Новгородокъ, бывшю роскалью» (распутью) «посла сына Льва на Бакоту. Посла Левъ Дворского предъ собою, и яша Милея и Баскака, и приведе Левъ Милея отцу си, и бысть пакы Бакота Королева, отца его. Потомъ же здумавъ съ сыномъ си, и отпусти (Милея), а поручникъ бысть Левъ... И пакы пріѣхавшимъ Татаромъ, сътвори лесть и предасть пакы Татаромъ Бакоту. Потомъ же Куремса приде къ Кременцу; Андреевi же надвое будущю, овогда възывающюся: Королевъ есмь, овогда Татарскымъ, дръжащю неправду въ сердци. Богъ предасть его въ руцѣ ихъ. Оному же рекшю: Батыева грамота у мене есть; онѣмъ же болма възяривишимся нань, и убіенъ бысть, и сердце его вырѣзаша, и не успѣвше ничто у Кременца, воротишась въ станы своя. Изяславъ же проси у нихъ помощи ити на Галичь... Онъ же не послуша ихъ» (Изяславъ Татаръ) «иде въ Галичь... Данило же въ невидѣніи» (боленъ глазами)« бысть, и посла сына своего, Романа; Льва бо прежѣ отрядилъ бѣ къ Королеви, а самъ ѣха проводити вои свои. Ѣдущю жь ему до Грубешева и убивъ веприевъ 6, самъ же уби ихъ рогатиною 3, а 3 Отроци ихъ, и вдасть воемъ мяса на путь, и рече: аще сами будуть Татарове, да не внидеть ужасть въ сердца наша. Онѣмъ же рекшимъ: Богъ будеть помощникъ ти; сътворимъ повелѣнія твоя. Поемъ же Романъ воя, и ѣде день и ночь, и внезапу нападшимъ на пя» (на войско Изяслава) «оному жь» (Изяславу) «не възмогшю, куда утечи, взбѣже на комары церковныя, идѣ же беззаконные Угры възбѣгли бяху. Стоящю же около его Князю Роману, жажею водною измирающимъ имъ, въ четвертый день сниде» (Изяславъ). «Князь же приведе его отцу своему. Слышавъ же Левъ, яко Ѳедоръ посланъ отъ него» (Изяслава) «къ солемъ» (въ то мѣсто, гдѣ соль вынимають) «гна по немъ; самъ же» (Ѳеодоръ) «утече, а люди его поима; поѣхалъ бѣ въ Угры.

«Потомъ же Воишелкъ сътвори миръ съ Даниломъ, и вда дъщерь Миндовгову за Шварна, сестру свою, и пріиде въ Холмъ къ Даниловi, оставивъ Княженіе свое и въспріемь Мнишескій чинъ, и вдасть Романови, сынови Королеву, Новгородокъ отъ Миндога и отъ себе, и Слонимъ, и Волковыескь и всѣ городы; а самъ просися ити въ Св. Гору, и найде ему Король путь у Короля Угорского, и не може дойти Св. Горы, и вѫротися въ Блъгарѣхъ» (изъ Болгаріи).

«Потомъ же Данило» (въ 1256 г. по Ипатьев.) «пойде на Ятвязѣ съ братомъ и со Львомъ и съ Шварномъ, младу сущю ему, и посла по Романа въ Новгородокъ, и пріиде Романъ съ всѣми Новогородци и съ цтемъ» (тестемъ) «своимъ Глѣбомъ» (слѣдственно Романъ, оставивъ первую супругу свою, Гертруду Австрійскую, женился на другой) «и со Изяславомъ съ Вислоческымъ, и съ сее стороны пріиде Самовитъ съ Мазовшаны и помочь отъ Болеслава съ Судомирци и Краковляны, и бысть рать велика яко наполнити болота Ятвяжская... Даниilъ же изрядивъ полкы, стрѣлци пусти напередъ, а другія обаполы дорогы: Дворскому же повелѣ за собою ходити; самъ же ѣха въ малѣ Отрокъ оружныхъ»... (Къ Данилу пріѣзжають Левъ и Романъ)... «Аикадь же вожь ему бѣ, и обѣща ему да село его не пожжено будеть... И пріѣха къ веси Болдикыща, посла Льва съ братомъ. Левъ же изсѣче всѣ, одиного же приведе: Король въпроси его: оному же рекшю, яко въ веси Привеща събралися суть Ятвязи»... (Описывается, какъ Даніилъ со Львомъ и малочисленною дружиною разбиваетъ тамъ непріятелей; Князь Ятвяжскій, сраженный однимъ воиномъ, умираетъ)... «Побѣди гордыя Ятвязѣ, и *Злинци, и Крисменци, и Покенци*... и възвратися къ Васильковi и Семовитови... Наутріе же зажгоша Тансевичи и Буряля, и Раймочи, и Комата, и Дора и грады плѣняша, и паче домъ Стекынтовъ, и сташа на селѣ Корковичехъ.» (Берутъ добычу; остальное жгутъ)... «Наутріе же пріѣха отъ Ятвязь Юньдилъ, рекшю ему сице: Данило! добру дружину дръжеши и велици полцы твои»... (По-



313

бѣдители идутъ далѣе; воины Даніиловы изъявили страхъ) . . . «Тое же нощи ста на болотѣхъ въ островѣхъ. Наутріе же пріѣхаша Ятвязи, дающе дань и миръ, молящеся, дабы не избилъ колодниковъ; потомъ же пріиде въ землю свою съ славою. Хотящю же ему пакы изыти на ня, Ятвязи послаша послы и дѣти своя, и дань даша, и обѣщевахусь въ работѣ быти ему и городы рубити въ земли своей . . . И посла Кънятина Положишила, да побереть на нихъ дань, и поима на нихъ *черныя куны и бѣло сребро*, и въдасть ему изъ дани даръ и Сигнѣву (Польскому) Въеводѣ послушества ради, яко вѣсть вся земля Лядская, яко дань платили суть Ятвязи Данилу. По Великомъ бо Князѣ Романѣ никто же не бѣ воевалъ на нѣ въ Рускыхъ Князѣхъ, развѣ Данила.

«По рати же Кремянецкой Куремсинѣ Данилъ въздвиже рать противу Татаромъ; згадавъ съ братомъ и съ сыномъ, посла Денисья Павловича и взя Межибожье. Потомъ же воевахуть людіе Данилови и Василькови *Болоховь»* (отъ имени коего прозвались Князья Болоховскіе, имѣвшіе Удѣлъ на Бугѣ: см. выше) «Львови же Побожье и люди Татарская. Веснѣ же бывшей, посла сына своего, Шварна, на Городокъ и на Семочь и на всѣ городы, и взя Городокъ и Семочь и вся городы сѣдящи за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева. Възвягляне же солгаша Шварномъ» (Шварну); «поемше Тивуна, не вдаша ему тивунити. Шварно же пріиде поимавъ городы вси, и по немъ пріидоша Бѣлобережци и Чернятинцы и вси Болоховци къ Данилу. Присла же Миндовгъ къ Данилу: пришлю къ тебѣ Романа и Новьгородци, абы пошелъ къ Възвяглю, оттуда же и къ Кыеву, и зрече зрокъ въ Възвягли» (уговорился сойтися въ семъ городѣ). «Данило же съ братомъ» (въ 1258 году) «идоша къ Възвяглю въ силѣ тяжцѣ, жда вѣсти отъ Романа и Литвы, и стоя на Корецку днину, и пойде къ Возвяглю. Преже посла Шварна . . . Бѣ же съ нимъ воинъ 500. Гражане же, видѣвше ихъ мало, смѣяхуся, стояще на градѣ. Наутріе пріиде Даніилъ. . . И гражане не стрьпѣша и вдашась; и городъ зажже, люди же изведе и вдасть я на подѣлъ . . . И поиде въ домъ. Романови жь пришедшю и Литвѣ, видѣша токмо головнѣ; ти псы, течюще по городищю, тужаху и плеваху, по свойскы рекуще: *Якда!* Възывающе богы своя, Аньдая и Дивирикса . . . Потомъ Романъ ѣха по отци. . . Данило же и Василько бяше веселяся. . . Литва же, гнѣвъ държаще, воеваша около Луческа. Служащіи же Князя Данила и людіе Васильковы, Гюргій, Олекса Дворскій и иніи ѣхаша на ня . . . Онѣмъ же (Литвѣ) притекшимъ къ Струзѣ, снузникомъ же сразившимся, на бѣгъ обратишась и вгнашася въ озеро» . . . (Человѣкъ по *десяти* садилось на одну лошадь, чтобы переѣхать на другую сторону). . . «И тако погрязаху . . . Се бо быша людіе Миндовгови; Воевода же ихъ Хвалъ, иже велико убійство творяше землѣ Чернѣговской, и Сиръвидъ Рушковичь. Сиръвидъ же утече, а Хвалъ убитъ.

«Потомъ же» (въ 1259 г.) «Куремса пойде на Данила безъ вѣсти. Василько же собирашеся въ Володимери, а Данило въ Холмѣ, и посласта ко Львови, дабы поѣхалъ къ нима. Куремсѣ же не перешедьшю Стыра, посла люди къ Володимеру; въѣхавшимъ же ратнымъ воемъ къ городу, изыдоша на ня гражане пѣшци, и бившимся съ ними крѣпко, и выбѣгоша изъ града, и повѣдаша Куремсѣ, яко гражане крѣпци борются съ нами. Данило же и Василько събирастася, хотяще битися съ Татары. Прилучи же ся за грѣхы загорѣтися Холмови отъ окаянное бабы. . . И вси иконы погорѣша въ церкви Св. Іоанна; одинъ Михаилъ остася чюдный: и колоколы, и то все огнь попали . . . И храми прекрасніи . . . И мѣдь отъ огня ползуща яко смола . . . Сицю же пламени бывшю, яко изо Львова зрящи видѣти по полемъ Бельзскымъ, и людіе мняша, яко отъ Татаръ зажженъ бѣ градъ, и вбѣжаша въ мѣста лѣсна, и тѣмъ не могоста» (Даніилъ и Василько) «събратися . . . И ѣхаста въ Володимерь, и събраша мало дружины... И посыласта сѣмо и овамо . . . И Васильковы людіе, обрѣтше Татары, биша я и колодникы имаша . . . Куремсѣ стоящу у Луцка, сътвори Богъ чюдо. Луцескъ бѣ не уряженъ, събѣгшимся вонь многымъ людемъ, и бѣ водѣ бывши въ зимѣ велицѣ, и не могшю ему перейти, хотяше мостъ пріяти. Гражанемъ же отсѣкшимъ мостъ; онъ же порокы постати, отгнати хотя . . . Вѣтру же тако бывшю, яко порокомъ връгшимъ, вѣтръ обращаше камень на ня. Пакы же мечющимъ крѣпко, изломися Божіею силою пракъ ихъ; и не успѣвше ничто же, вратишась въ страны своя, рекше въ поле. . . Видѣвъ же» (Даніилъ) «сице пагубу граду» (Холму) «вшедъ въ церковь, съжалися велми, и паки обнови» (въ 1260 г.) «церковь и освяти Епископомъ Іоанномъ, и създа твержъша и выша; вежи же такоя не възможе създати: бѣ бо грады иныя зиждяй противу безбожнымъ Татаромъ. . . Созда же церковь превелику въ градѣ Холмѣ въ имя Св. Богоматери . . . Принесе же чашу отъ земли Угорскые мрамора багряна, и зміевы главы бѣша округъ ею и постави предъ дверми церковными; сътвори же въ ней крестилницю крестити воду на Св. Богоявленіе. Сътвори же въ ней Епископъ Іоаннъ отъ древа красна точенъ» (купѣль) «и позлащенъ днѣ и внѣ. . .

«Времени же минувшю, пріиде Бурондай злый въ силѣ тяжцѣ, и ста на мѣстѣхъ Куремсиныхъ. Данило же държаше рать съ Куремсою, и николи же бояся Куремсы, дондеже пріиде Бурондай . . . И ѣха Василько за брата и проводи его до Берестія, и посла съ нимъ люди своя и помолися Богу, яже есть икона, яже есть въ городѣ Мѣлници, въ церкви Св. Богородицы, и обѣщася Данило украсити ю . . . Воевати ѣздя съ нимъ» (Василько съ Бурондаемъ) «ищющю ему сыновца своего, Романа; и воеваша землю Литовскую и Налщанску; Княгиню бо оставилъ у брата и сына Владиміра... Потомъ же ѣха Данило и взя Волковыескъ, и Глѣба Князя» (тестя Романова) «пославъ я и държаше его въ чести, ако болма бо ѣха къ Волковыеску, ловя нятии ворога своего Вышелка и Тевтивила, и не удоси» (не застигъ) «ею въ городѣ; искаше ею по стаямъ, и не обрѣте: бѣста бо велику лесть учинила: я Вышелкъ сына его, Романа. И пакы посла» (Даніилъ) «Михаила и воева по Зелвѣ, ища ею, и не обрѣте. Потомъ же мысля ити на Городенъ, творя» (считая) «ею тамъ... и пріѣхаша въ городъ Мѣльникъ... и бысть вѣсть изъ Ляховъ у Короля Данила, яко Татарове въ Ятвязѣхъ. Львови же рекшю, яко вои твое голодна суть и кони ихъ. Онъ же отвѣща: пошлемъ сторожи къ Визнѣ. Вдасть же Данило брашно воемъ до досытка; послалъ бо бысть преже 2 посла въ Ятвязѣ увѣдати о братѣ. Татаромъ же пріѣхавшимъ въ Ятвязѣ, яша быста посла та, и прашаша я, гдѣ есть Данило. Онѣмъ же отвѣщаста: въ Мѣльници. Онѣмъ же рекшимъ, яко тъ есть мирникъ нашъ; братъ его воевалъ съ нами; туда идемъ. Сторожемъ же изминувшимся съ ними, они же проидоша къ Дорогычину. Данило же посласе Льва и Шварна вонъ и Вълодимера . . .

«Посемъ же минувшима двѣма лѣтома, бысть тишина по всей земли. Въ тыя же дни» (по Ипат. въ 1261 г.) «веселье бысть у Василька въ Володимери, нача отъдавати дъщерь свою Олгу за Ан-

дрся Князя за Всеволодича къ Чернѣгову; бяше же тогда Данило Король съ обѣма сынома своима, съ Львомъ и Шварномъ» (вѣроятно, что Романа уже не было въ живыхъ) «и инѣхъ Князей много... и пріиде вѣсть, иже Бурондай идеть... И срѣте» (Василько) «его въ Шюмску и пріиде предъ онь съ дары. Бурондаю же велику опалу сътворившю на Василька и на Льва. А владыка стояше въ ужасѣ... Левъ розмета Даниловъ и Стожекъ; оттолѣ же посла Львовъ разметати; а Василько Кремянецъ и Луцескь... и посла изъ Шюмска Владыку Ивана напередъ къ брату... Данило же убоявся побѣже въ Ляхы, а изъ Ляховъ въ Угры... И поиде Бурондай къ Володимерю, а Василько съ нимъ же, и ста на Жидани на ночь... Василько повелѣ зажечи Володимерь, зане не мощно бысть борзо розметати его величествомъ... Чрезъ ночь сгорѣ весь. Назаутріе же пріѣха Бурондай въ Володимерь... и нача обѣдати у Василька на дворѣ и пити... и леже на ночь въ 5 днехъ; назаутріе же присла Татарина Баимура и рече: велѣлъ ми городъ роскопати... и нача роскопывати, назнаменуя образъ побѣды. И пойде Бурондай къ Холмови... Василько же нача молвити: Костянтине холопе и ты, другый холопе, Лука Ивановичю! се городъ брата моего и мой: предайтеся... И по-треччи меча каменіемъ доловь... И по семъ пойде Бурондай къ Люблину и къ Завихвосту... и найдоша бродъ въ Вислѣ и начаша воевати землю Лядскую... и пріидоша къ Судомиру... и бишась по четыре дни; въ четвертый събиша заборола и начаша лѣствицы приставливати и полѣзоша на городъ, и напередъ же възлѣзоста два Татарина съ хоругвью и пойдоста по городу сѣкучи и бодучи, одинъ по одиной сторонѣ, а другій по другой. Нѣкто же отъ Ляховъ, не Бояринъ, но простый человѣкъ, ни въ доспѣсѣ, за однимъ мятлемъ съ сулицею, защитився отчаяніемъ акы твердымъ щитомъ, сътвори дѣло достойно памяти, потече противу Татарину и уби его, оли другый Татаринъ съзади притекъ, подтя Ляха. Людіе же, видѣвши Татары на городѣ, устремишась побѣгнути до дѣтинца и не можаша вмѣститися въ ворота... подавишась и падаху съ моста въ ровъ... и бысть лзѣ ходити по трупью яко и по мосту. Бяху же станове въ городѣ соломою чинени и загорѣшась... Церковь же бяше каменна предивна, създана бѣлымъ камнемъ тесанымъ, и та бысть полна людей; връхъ же у ней древомъ покрытъ; зажжеся и та, и погорѣ въ ней множество людей; одва и ратніи выбѣгоша изъ города. Заутра же Игумени и съ Попы, отпѣвше обѣдню, начаша причащати, прьвое сами, и потомъ Бояре, та жь вси отъ мала до велика начаша исповѣдатися... Потомъ же пойдоша со кресты изъ города и съ свѣщами, Бояре и Болрыни изрядившися въ брачныя ризы; слугы же Боярскыя несяху передъ ними дѣти ихъ; и бысть плачь велій... И посадиша я Татарове на болоньи възлѣ Вислы, и сѣдоша 2 дни на болоньи... и почаша избивати я... Потомъ же поидоша къ Лысцю городу... городъ же бяше въ лѣсѣ... и церковь въ немъ камена Св. Троици; городъ же не твердъ, и взяша... и възворотися Бурондай въ своя вежи.» См. Длугош. Hist. Pol. о взятіи Сендомира кн. VII, стр. 757, 758.

«Потомъ же» (въ 1262 году по Ипат.) «идоша Литва на Ляхы отъ Миндовга и Остафій Костянтиновичь съ ними окаянный: бѣ бо забѣглъ изъ Рѣзаня. Литва же на канонъ Рожества Св. Іоанна Съмовита Князя убиша, а сына его Кондрата яша. Въспомяну же Миндовгъ, аже Василько Князь съ Богатыремъ (Бурондаемъ?) воевалъ землю Литовскую, и посла рать на Василька, и воеваша около Камена. Василько же не ѣха по нихъ, зане надѣяшеся другой рати; посла по нихъ Желислава, Степана Медушника, и гониша по нихъ олны до Ясолды... Другая же рать воева тое же недѣли Литовская около Мѣльницы, и съ ними Воевода Тюдіяминовичь Ковдижать... Князь же Василько поѣха по нихъ съ сыномъ Володимеромъ и съ Бояры своими и слугами... и угониша я у Небля города. Литва же бяше стала при озерѣ... и сѣдоша въ три ряды за щиты по своему норову... И сразишась... Литва же устремишась на бѣгъ, и не бысть лзѣ утечи: обышло бо бяше озеро... и тако начаша сѣщи я, а друзіи истопуша... и не оста ни одинъ же. Се же услышавше Князи Пинстіи, Θеодоръ и Демидъ и Юрій, и пріѣхаша къ Васильковн съ питіемъ... Токмо одинъ убитъ бысть отъ полка Василькова, Преиборъ сынъ Степановъ Родовичь... Посла же Василько сайгатъ брату своему Королеви съ Борисомъ съ Изеболкомъ. Король же бяше тогда поѣхалъ въ Угры, и угони его Борисъ у Подтелича.»

Въ другихъ лѣтописяхъ сказано подъ г. 6766 (1258): Придоша Литва съ Полочаны къ Смоленску и взяша Войщину» (нынѣ Боево) «на щитъ. Той же осени приходиша Литва къ Торжку, и высунушася Новоторжци, и подведоша Литва подсаду» (скрытое войско): «овыхъ избиша, а инѣхъ взымаша, и много зла бысть въ Торжку.»

Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года: *Рай* былъ тамъ, гдѣ нынѣ Райгродъ. — *Грубешовъ* на рѣкѣ Гучвѣ. — *Городескъ* въ Радомысл. Повѣтѣ. — *Възвягль* есть Новградъ Волынскій. — *Зельва* рѣка въ Волковыйскомъ Повѣтѣ. — *Стожекъ* въ 10 верстахъ отъ Кременца къ Востоку. (Сообщено З. Ходаковскимъ).

(103) Дѣйствительныя историческія преданія народа Литовскаго начинаются около сего времени, и неясность ихъ еще болѣе затмилась отъ пустыхъ догадокъ Историка Стриковскаго. Онъ разсказываетъ, что во время нашествія Батыева господствовалъ въ Литвѣ Живибунтъ, зять и наслѣдникъ Керна, внука Палемонова (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 35), а въ Жмуди Монтвилъ, родный племянникъ Керновъ; что сынъ Монтвиловъ, Эрдивилъ, построилъ Гродно и завоевалъ Новогродокъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ и Брестъ, разоренные Татарами, и побѣдилъ Могольскаго Воеводу Кайдана; что сынъ Эрдивиловъ, Мингайло, взялъ Полоцкъ, управляемый тогда тридцатью народными чиновниками; что сынъ Мингайловъ, Гинвилъ, крестился, былъ названъ *Юріемъ*, и женился на Маріи, дочери Князя Тверскаго, Бориса: что братъ Гинвиловъ, именемъ Скирмунтъ, господствовалъ въ Новогродкѣ и разбилъ Хана Балаклая; что сынъ Гинвиловъ, Борисъ, строилъ церкви, монастыри въ Полоцкѣ, возвратилъ гражданамъ древнія права ихъ и надъ рѣкою Березиною основалъ городъ Борисовъ; что Стриковскій видѣлъ близъ Полоцка, на Рижской дорогѣ, камень съ изображеніемъ креста и съ Русскою надписью: *помилуй, Господи, раба Твоего Бориса;* что сей *Борисъ* оставилъ сына Рехволда или Василія, который былъ отцемъ Князя Глѣба и Княжны Евпраксіи, умершей Инокинею; что Глѣбъ скончался бездѣтенъ, и что Полочане снова сдѣлались вольными; что Скирмунтъ, братъ Гинвиловъ, Князь Новогродскій, завоевавъ Туровъ, Мозырь, Стародубъ, Черниговъ, Карачевъ, роздалъ ихъ своимъ сыновьямъ, Любарту, Писсумунту и Тройпату, отцу Алгимунта и дѣду Ринголята, отъ коего родился славный Король Литовскій Миндовгъ или Мендовгъ. Сіе родословіе содержитъ въ себѣ явную нелѣпость. Какъ? Монтвилъ жилъ въ нашествіе Батыево и праправнукъ его

правнука, Миндовгъ, жилъ также при Батыѣ? Не говорю уже о томъ, что въ сіе время не бывало Тверскаго Князя, Бориса, и Дрогичинъ съ Брестомъ принадлежали не Литвѣ, а Даніилу Галицкому. Стриковскій смѣшалъ преданія и времена.

Россійскіе же Лѣтописцы говорятъ, что Литовцы, бывъ долгое время данниками Князей, отчасти Кіевскихъ и Черниговскихъ, отчасти Смоленскихъ и Кривскихъ, находились подъ управленіемъ собственныхъ Гетмановъ; что *Вильняне*, боясь Мстислава Великаго, завоевателя земли Кривской около 1128 году, поддалися Королю Венгерскому и призвали къ себѣ на княженіе изъ Царяграда двухъ сыновей бывшаго Полоцкаго Князя, Ростислава Рогволодовича, сосланнаго въ Грецію симъ Мстиславомъ (см. нашей *Исторіи* Т. II, стр. 104); что одинъ сынъ Ростиславовъ назывался Давилъ, а другой Мовкольдъ; что Давилъ сдѣлался первымъ Княземъ Виленскимъ, и былъ отцемъ Вита, прозваннаго *Волкомъ*, и Эрдена, а Миндовгъ родился отъ Мовкольда (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 48). Сказаніе также сомнительное! Мстиславъ Великій сослалъ въ Константинополь Владѣтелей Полоцкихъ еще въ 1129 году: вѣроятно ли, чтобы Миндовгъ былъ *внукъ* одного изъ сихъ Князей? вѣроятно ли, чтобы сыновья Князя Россійскаго назывались именами Литовскими и приняли Вѣру языческую? ибо Миндовгъ родился въ идолопоклонствѣ. Городъ же *Вильна* основанъ, по сказанію Литовскаго Историка, Княземъ Гедиминомъ въ XIV вѣкѣ (см. ниже, примѣч. 277).

(104) См. Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 759, и Кельх. стр. 90. Письмо Папы Александра къ Королю Литовскому напечатано въ Райнальд. Annal. Eccl. T. XIV, год. 1255, No 58. Папа, сердитый тогда на мнимаго отступника, Даніила Галицкаго, пишетъ къ Миндовгу, что Церковь даетъ ему полную власть надъ всѣми землями, которыя сей новый Король отниметъ у Россіянъ. Кѣмъ построенъ Новогродокъ, не знаемъ; вѣроятно Россіянами.

(105) «На враги своя двигшася, на Бесермены... откупахуть бо ти окаянніи дань *Татарскую*.» См. о Бесерменахъ выше, примѣч. 51. Новѣйшіе Лѣтописцы и наши Историки думали, что Бесерменами названы здѣсь Татары же, и что Россіяне взбунтовались противъ своихъ господъ, Моголовъ. Еще приведемъ мѣсто изъ лѣтописей въ доказательство, что Бесермены и Татары были два, а не одинъ народъ: «бысть моръ силенъ на *Бесермены* и на *Татары* и на Армены» (см. *Воскрес. Лѣтоп.* II, 318). Далѣе: «Убиша и Зосима преступника: то бо бѣ Мнихъ образомъ точію, Сотонѣ съсудъ (сосудъ): бѣ бо пьяница и студословецъ, празнословецъ и кощуньникъ; конечное (наконецъ) отвержеся Христа и бысть Бесерменинъ, вступи въ прелесть лжаго пророка Махмета; бѣ бо тогда пріѣхалъ на Русь отъ Царя Татарьскаго, именемъ Кутлуби, и золъ сый Бесерменинъ,» и проч. Татары въ сіе время еще не были Магометанами.

(106) См. *Лѣт. Арханг.* стр. 59, и рукописн. *Лѣт. о великомъ градѣ Устюгѣ*. Сей Буга или Багу названъ именно Татариномъ. Въ крещеніи дали ему имя Іоанна. Въ сихъ двухъ новыхъ лѣтописяхъ сказано: «пріиде на Устюгъ грамота отъ Вел. Князя Александра, что Татаръ бити;» но по древнимъ лѣтописямъ дѣйствовалъ народъ самъ собою, и нѣтъ ни слова объ умерщвленіи гдѣ нибудь Могольскихъ чиновниковъ.

(107) Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ: «бѣ же тогда нужда велика отъ иноплеменникъ, и гоняхуть Христіанъ, велящe съ собою воинствовати: Князь же Александръ пойде къ Цареви, дабы отмолити люди отъ бѣды тоя.» Тамъ же: «вся полкы своя посла съ нимъ (Александръ съ Димитріемъ), и ближнихъ своихъ домочадець, рекши къ нимъ: служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ.» О Дерптѣ: «Одинымъ приступленіемъ взятъ бысть и людіе града овы побиша, а другы изымаша живы, а иніи *огнемъ пожжени*, и жены ихъ и дѣти, и взяша товара безъ числа и полона, а мужа добра застрѣлиша съ города и Петра убиша Мясниковича.» — О Константинѣ, зятѣ Александровомъ, упоминается въ *Родослов. Книгахъ*; отъ него пошелъ родъ Даниловыхъ. Отецъ Константиновъ, Ростиславъ Мстиславичь, тамъ названъ Борисомъ.

Стриковскій пишетъ (кн. VIII, гл. I), что Миндовгъ послалъ своихъ племянниковъ, Эрдвила, Викунта и Товтивила, воевать Россію; что Товтивилъ или Ѳеофилъ взялъ Полоцкъ, Эрдвилъ, Смоленскъ и Друцкъ, а Викунтъ Витебскъ; что они, принявъ Вѣру Греческую, остались тамъ Князьями, и не хотѣли уже зависѣть отъ дяди; что разгнѣванный Миндовгъ послалъ на нихъ сильное войско, но что Товтивилъ отразилъ его съ помощію Даніила Галицкаго и Ливонскихъ Нѣмцевъ (см. выше примѣч. 102). Изъ повѣствованія нашихъ Лѣтописцевъ можно заключить, что Товтивилъ господствовалъ въ Полоцкѣ съ согласія тамошнихъ гражданъ: ибо они уже по кончинѣ его говорятъ: «тогда Литва посадиша *свой* Князь въ Полотьскѣ.» Смоленскъ дѣйствительно могъ быть взятъ Литовцами въ 1239 году (см. выше, примѣч. 3); но Вел. Князь Ярославъ освободилъ его, и съ того времени онъ всегда принадлежалъ Россіи до самаго XV вѣка. — Подъ Юрьевымъ было съ Товтивиломъ 500 Полочанъ и Литвы. См. *Новогород. Лѣт.*, стр. 148, и Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 766.

(108) «Въ лѣто 6769 постави Митрополитъ Епископа Митрофана въ Сараѣ.» — Въ 1269 году Ѳеогностъ былъ поставленъ въ Епископы *Переяславлю* и Сараю (см. ниже).

(109) Въ монашествѣ дали ему имя Алексія, какъ сказано въ *Степ. Книгѣ*. — Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ: «отца бо оставити человѣкъ можеть, а добра господина немощно оставити. Аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ съ нимъ.» Александръ женился въ 1239 году: ему не было конечно и пятидесяти лѣтъ. — О плачѣ народномъ см. описаніе Александр. подвиговъ и *Степен. Кн.* I, 372; о чудесахъ тамъ же, стр. 374, 375. Пишутъ, что въ княженіе Димитрія Донскаго однажды ночью загорѣлись свѣчи въ церкви, гдѣ лежало тѣло Александра, и два старца, вышедшіе изъ олтаря, приближились къ его гробу, говоря: «Александре! востани и спаси правнука твоего, Димитрія, одолѣваемаго иноплеменными!» Александръ всталъ изъ гроба и скрылся вмѣстѣ съ двумя старцами. Пономарь, видѣвъ сіе чудо, сказалъ о томъ церковнымъ начальникамъ; они же, выкопавъ нетлѣнныя мощи Невскаго, поставили ихъ въ ракѣ. Больные, прикасаясь къ онымъ съ вѣрою, получали исцѣленіе, и благочестивый Архимандритъ Евфросинъ видѣлъ, какъ свѣча у гроба Александрова сама собою загорѣлась отъ небеснаго огня, и проч. и проч. — Въ грамотѣ Новогородской, писанной въ 1263 году къ Ярославу Ярославичу, сказано: «а что, Княже, братъ твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи». — Въ описаніи Александр. подвиговъ: «положено же бысть тѣло его въ Рожествѣ Св. Богородицы, въ Архимандритьи Велицѣй. Бысть же тогда чюдо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть св. тѣло его въ раку, тогда Савастіянъ Икономъ и

Кирилъ Митрополитъ хотя разъяти ему руку, да вложать ему грамоту душевную: онъ же аки живъ сущи распростеръ руку свою и взятъ грамоту отъ руки Митрополита, и пріятъ же я ужасть, и одва (едва) отступиша отъ раки его. Се же бысть слышано всѣмъ отъ Господина Митрополита и отъ Иконома его. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю и везому отъ далнихъ градъ въ зимнее время, и тако прослави Богъ угодника своего?»

(110) Тамъ стоятъ три гроба: первый (какъ означено въ надписяхъ) *Великія Княгини Александры, супруги благовѣрнаго Князя Александра Невскаго;* вторый *дщери его, Княжны Евдокеи;* а третій (на лѣвой сторонѣ) *благовѣрныя Княгини Вассы, вторыя супруги Александра Невскаго.*

(111) Изъ Германіи выѣхали Ратша и Гавріилъ, а изъ Пруссіи Михаилъ. Отъ перваго ведутъ родъ свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мятлевы, Бутурлины, Каменскіе и проч.; отъ втораго Кутузовы, Голенищевы, Клеопины, Щукины, и проч.; отъ третьяго (коего сынъ Терентій отличился въ Невскомъ сраженіи) Морозовы, Шеины, Чеглоковы, Шестовы, Салтыковы, Тучковы, и проч.

(112) См. Исторію Пахимера, кн. III, гл. 5.

(113) См. Торф. Hist. Norveg. Ч. IV, гл. I, стр. 303.

Случаи Александрова княженія: Въ 1248 году Ростовскій Князь Борисъ Василькович женился на дочери Ярослава Муромскаго и вѣнчался въ Ростовѣ, въ храмѣ Богоматери. Въ 1249, на память Св. Первомученика Стефана, скончался въ Владимірѣ Князь Владиміръ Константиновичъ: «Плакася надъ нимъ Александръ Князь и съ братьею много и проводи его честно изъ Золотыхъ воротъ, и везоша въ Угличе Поле (въ Угличь). Епископъ же Кирилъ и съ Игумены пѣвше пѣсни погребальныя и положиша его у Св. Спаса. Тое же зимы Василій Князь Всеволодовичь (внукъ Вел. Кн. Георгія II) преставися въ Володимери на память Св. Θеодора, и повезоша его на Ярославль и Олександръ Князь проводи его, и Борисъ и Глѣбъ и мати ихъ. Епископъ же Кирилъ съ Игумены и Попы пѣвше пѣсни погребальныя и положиша его честно у Св. Богородицы.» — Въ 1253, Маія 2, Епископъ Кириллъ освятилъ въ Новѣгородѣ церковь Бориса и Глѣба при Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сент. 11 родился у Бориса Васильковича сынъ Димитрій. Въ 1254 г., Іюля 30, у Кн. Бориса Васильковича родился сынъ Константинъ. — «Въ лѣто 6763 (1255) по Велицѣ дни Порожньеѣ (Праздныя) недѣли преставися Костянтинъ, сынъ Вел. Князя Ярослава, и бысть плачь великъ. Спрятавше тѣло его и понесоша въ Володимерь, и яко услыша Олександръ Князь брата своего смерть, и срѣтѣ его съ Митрополитомъ и съ Игумены и съ Попы, и положиша у Св. Богородицы. — Въ лѣто 6764 (1256) преставися Князь Данило Ярославичь» (см. лѣтопис. Синодальн. Библіот. No 52, л. 49). — «Въ лѣто 6766 (1258) осенью пріѣхаша въ Ростовъ Борисъ (отъ Татаръ) и Глѣбъ со Княгинею, и кланяся Св. Богородицѣ и Епископу Кирилу и матери своей, Княгинѣ Великой, и бысть въ Ростовѣ радость велика о Глѣбовѣ пріѣздѣ. — Въ лѣто 6767 (1259) бысть знаменіе въ лунѣ, яко ни знаменія не бысть» (т. е. вся затмилась). — «Въ лѣто 6769 (1261) родись Олександру сынъ и нарекоша имя ему Данилъ. Епископъ Ростовскый Кирилъ бѣ исполнь днiй въ старости глубоцѣ и въ добродѣтельнѣй сѣдинѣ. Блаженный же Князь Олександръ, Борисъ и Глѣбъ, волею Божіею и поспѣхомъ Св. Богородицы, благословеніемъ Митрополита и Епископа Кирила взведоста Архимандрита Св. Богоявленья Игнатья, и бысть причетникъ Св. Богородицы въ Ростовѣ. Того же лѣта преставися Князь Андрей сынъ Володимерь (внукъ Константиновъ) на Угличѣ Полѣ, и положиша его въ Св. Спасѣ. Поби (обилъ) Владыка Новгородскій Далматъ С. Софью всю свинцемъ. Мѣсяца Ноября въ 8, на Сборъ Св. Михаила, сгорѣ въ Новѣгородѣ церковь Св. Васильа, а дворовъ добрыхъ 30, а на заутрье на Славковѣ улицѣ сгорѣ церковь Св. Дмитрія, а дворовъ добрыхъ 50. — Въ лѣто 6770 (1262) преставися блаженный учительный Епископъ Кирилъ Ростовскый Маія 21. Се бысть истинный Пастырь, пася люди земли Ростовскыя съ кротостью, и положиша тѣло его въ церкви Св. Богородицы въ Ростовѣ, и въ его мѣсто поставленъ бысть Игнатій Сент. въ 19. Срубиша Новгородци городъ новъ, а съ Литвою миръ взяша. Сгорѣ отъ грома (въ Новѣгородѣ) церковь Бориса и Глѣба; гораздо бо бяше лѣпа. — Въ лѣто 6771 (1263) родися Глѣбу (Васильковичу) сынъ Демьянъ» (а по *Троицк.* Василій).

(114) Въ *Троицк.*: «Въ лѣто 6772 (1264) преставися Князь Андрей Суждальскый, сынъ Ярославль, внукъ Всеволожь.» Татищевъ пишетъ, что Андрей спорилъ о престолѣ съ Ярославомъ; что они избрали Хана въ посредники, который, призвавъ къ себѣ Ярослава, объявилъ его Великимъ Княземъ, далъ ему доспѣхъ, и велѣлъ сѣсть на коня; что Владиміръ Рязанскій и Иванъ Стародубскій должны были вести сего коня, и что Ярославъ въ Августѣ мѣсяцѣ возвратился въ Владиміръ съ Могольскимъ посломъ Жанибекомъ и съ ярлыкомъ Хановымъ (или грамотою). — *Далѣе:* «Выгнаша Новгородци Князя Дмитрія, сдумавше съ Посадникомъ Михаиломъ, зане Князь еще малъ бяше, а по Ярослава послаша во Тферь сынъ Посадничь и лучшіи Бояры. Въ лѣто 6773 (1265) посадиша въ Новѣгородѣ на столѣ Ярослава Генв. въ 27.»

*Древнѣйшая* изъ Новогородскихъ подлинныхъ грамотъ находится въ Архивѣ Иностранной Коллегіи подъ No 2. Вотъ списокъ ея отъ слова до слова:

«Благословеніе отъ Владыкы, покланяніе отъ Посадника Михайла и отъ Тысяцьскаго Кондрата и отъ всего Новагорода и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ къ Князю Ярославу. На семъ, Княже, цѣлуй крестъ къ всему Новугороду, на цѣмъ то цѣловали дѣди и отци и отець твой Ярославъ: Новъгородъ ти держати въ старинѣ по пошлинѣ; что волостій всѣхъ Новгородьскыхъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, нъ държати мужи Новгородьскыми, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостій, а безъ Посадника тебѣ волостій не роздовати; а кому роздаялъ волости братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волостій безъ вины не лишати; а что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ Тивунь свой дьржати, на своей части дьржати, а Новъгородьць на своей части дьржати; а въ Бѣжицахъ, Княже, тобѣ, ни твоей Княгыни, ни твоимъ Бояромъ, ни твоимъ Дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ пріимати, и по всей волости Новгородской; а се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всѣми волостьми, Тържькъ, Бѣжице, Городьць, Палиць (а то есьма дали Иванкови), Потокь, Мелеча, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Коло, *Трь*» — (а въ другихъ грамотахъ: *Терь*, часть Русской Лапландіи) — «Перемь, Печера, Югра; а въ Руси ти, Княже, ѣздити осень, а лѣтѣ не ѣздити: ѣздити на Озвадо звѣри гонити; а въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара по грамотѣ отця своего, Ярослава. А судъ, Княже, отдалъ Дмитрій съ Новгородцы Бѣ-

315

жичяномъ и Обонижаномъ на 3 лѣтѣ, судье не слати; а изь Бѣжиць, Княже, людій не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской, ни грамоть имъ даяти, ни закладниковь пріимати, ни Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцыни; а безъ вины ти мужа волости не лишити; а грамотъ ти, Княже, не посуживати; а пожнѣ, Княже, что пошло тобѣ и твоими мужемь, то твое; а что былъ отъялъ брать твой Александръ пожнѣ, а то ти, Княже, не надобѣ; а что, Княже, брать твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи. Дворяномъ твоимъ и Тивунимь погонь имати, како то пошло. А на томъ ти, Княже, на всемь хресть цѣловати безъ перевода при нашихъ послѣхъ; а мы ти ся, Господине Княже, кланяемъ. А что, Княже, мытъ по твоей земли и по иной волости, и по всей Суждальской земли, а то, Княже, имати по двѣ векши отъ лодье и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна короба; а Дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовь не имати, развѣ ратной вѣсти. Тако, Княже Господине, пошло отъ дѣдь и отъ отець, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава.»

(115) Въ сихъ двухъ мѣстахъ власть судебная принадлежала и Князю и Новугороду. — Кн. Щербатовъ думалъ, что Тіунъ есть таможня.

(116) Употребленное въ подлинникѣ слово *погонъ* имѣетъ смыслъ *прогоновъ:* ибо въ другой грамотѣ, данной Ярославомъ Новугороду въ 1270 году, сказано: «а Дворяномъ твоимъ погонъ имати по пяти «кунъ» (слѣдственно деньгами).

Сихъ грамотъ двѣ: на первой подписано: «Князя Ярослава; а вторая безъ подписи, и должна быть черною. Она такого же содержанія, съ прибавленіемъ, что Ярославъ можетъ бить (дикихъ) свиней только за 60 верстъ отъ Новагорода, ловить звѣрей лѣтомъ на *Озводѣ*, въ Русу ѣздить чрезъ двѣ зимы въ третью, а въ Ладогу черезъ два лѣта въ третье; что судьямъ должно объѣзжать волости послѣ Петрова дня, и что въ Заволочьѣ будутъ правители Новогородскіе, а не Княжескіе.

(117) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 24; также *Историч. и топографич. извѣстія о городѣ Вологдѣ*, стр. 28 и 74. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Герасима, хранящемся тамъ въ церкви уничтоженнаго Троицкаго монастыря, имъ основаннаго, сказано, что онъ пришелъ въ Вологду изъ Кіева въ 1147 году, на мѣсто, гдѣ въ *великомъ лѣсу были средній посадъ Воскресенія Христова, Лѣнивая площадь и малый торжекъ*. Нынѣ на сей *Лѣнивой площади* (въ предмѣстіи города) стоитъ каменная церковь Воскресенія, а прежде стояла деревянная Соборная, въ коей погребали Вологодскихъ Епископовъ XVI вѣка. Св. Герасимъ имѣлъ ссору съ мѣщаниномъ Пятышевымъ, не хотѣвшимъ дать ему земли подъ строеніе монастырское: и теперь Вологодскіе купцы Пятышевы живутъ въ приходѣ бывшаго монастыря Троицкаго, что на Касаровѣ ручьѣ (см. *Словарь Географ. Рос. Госуд.* I, 978). Герасимъ скончался въ 1178 году, Марта 4, и гробъ его находится въ упомянутой древней церкви. — Говорятъ, что еще прежде Вологды былъ городъ Кубенской, на берегу озера Кубенскаго (см. *Лексик.* Татищ.).

(118) См. ниже, примѣч. 178. О семъ бракѣ упомянуто въ *Троицк.*, *Воскресен.* и другихъ лѣтописяхъ, кромѣ *Новогород*. Михаилъ Черниговскій имѣлъ сына Юрія, какъ сказано въ *Родословныхъ Книгахъ;* однакожь тесть Ярославовъ не названъ здѣсь Княземъ. Въ грамотѣ, выше приведенной (примѣч. 114), говорится о супругѣ Ярославовой по одному предположенію, что онъ будетъ имѣть ее: ибо его бракосочетаніе совершилось уже послѣ въ Новѣгородѣ. Первая супруга Ярославова убита Моголами (см. выше, примѣч. 89). Упомянемъ здѣсь о баснословномъ преданіи, включенномъ въ рукописное житіе благовѣрнаго Михаила Тверскаго, сына Ксеніина. Разсказываютъ, что «юный Ярославъ, ловя звѣрей на берегу Волги, долженъ былъ ночевать близъ села Едимонова, гдѣ жила Ксенія, добродѣтельная и прекрасная дочь одного церковнаго причетника, именемъ Аѳанасія, помолвленная тогда за Княжескаго Отрока и любимца, Григорія. Въ сію ночь Ярославъ и Ксенія видѣли во снѣ, что Богу угодно сочетать ихъ бракомъ. Первый еще не понялъ того и на другой день изъ любопытства захотѣлъ войти въ домъ къ Аѳанасію, желая узнать Григоріеву невѣсту. Тамъ уже все готовилось къ свадебному пиршеству; но Ксенія, вѣря сновидѣнію, говорила своимъ подругамъ: «любимецъ жениха моего здѣсь; скоро онъ будетъ и самъ.» Подруги не разумѣли ея словъ: ибо Григорій сидѣлъ рядомъ съ невѣстою, и никто не думалъ объ иномъ женихѣ. Князь явился въ простой одеждѣ: красавица узнала его, и сказала окружающимъ: «воздайте честь нашему Государю!» Хозяинъ и гости изумились. Ярославъ взглянулъ на Ксенію, вспомнилъ сонъ, и велѣвъ Григорію искать другой невѣсты, повелъ суженую въ церковь; обвѣнчался и далъ пиръ всѣмъ жителямъ села Едимонова. Одинъ бѣдный Григорій тосковалъ и плакалъ; возненавидѣлъ свѣтъ, постригся, и съ дозволенія Княжескаго основалъ въ Твери богатый монастырь, называемый *Отрочь*.»

(119) По *Новогород. Лѣт.* Миндовгъ убитъ въ 1263 году, а сынъ его опустошилъ Литву въ 1265. Длугошъ приписываетъ сіе злодѣйство племяннику Миндовгову Тройнату (кн. VII, стр. 772); а въ *Воскресен. Лѣт.* (I, 49) сказано, что Миндовга умертвилъ Князь Герденъ, Даниловъ сынъ. Въ *Волынск. Лѣт.* такъ: «По семъ же сонмѣ» (съѣздѣ Князей Россійскихъ съ Болеславомъ въ Терновѣ: см. ниже) «минувшю лѣту одиному, въ осень убитъ бысть Великый Князь Миндовгъ, Самодержецъ бывъ всей земли Литовской. Убійство жь его сице скажемъ. Нача избивати братію свою и сыновци своя, а другія выгна... и нача грѣдѣти, вънесеся славою... Бяше же у него сынъ Въишелкъ и дьчи, дъщерь же отда за Шварна за Даниловича. Воишелкъ же нача княжити въ Новѣгородци, въ поганствѣ будя... убиваше бо на всякъ день по 3 и по 4; котораго же дни не убіяше, печаловаше тогда. По семъ же вниде страхъ Божій въ сердце его... и крестися въ Новѣгородѣ... и по семъ иде до Галича къ Даниловн, хотя пріяти мнишескый чинъ... Иде въ Полонину къ Григоріеви въ монастырь и пострыжеся... и бысть тамо 3 лѣта... и поиде въ Св. Гору, пріемь благословеніе отъ Григорія. Григорій же бяше человѣкъ святъ, яко же не бысть предъ нимъ и по немъ не будеть. Воишелкъ же не може дойти до Св. Горы, зане мятежъ бысть въ тѣхъ земляхъ, и пріиде опять въ Новогородокъ, и учини себѣ монастырь на Нѣмнѣ, межи Литвою и Новымгородкомъ, и ту живяше... Умре Княгиня Миндовговая, и поча *карити*» (плакать) «по ней. Бяшеть бо сестра ей за Довмонтомъ за Нальщанскымъ Княземъ, и посла Миндовгъ до Нальщань по свою свѣсть, тако река: поѣдь карить по своей сестрѣ. Оной же пріѣхавшей, Миндовгъ нача ей молвити: сестра твоя умираючи велѣла ми тебе пояти за ся, ати» (чтобы) «иная дѣтій не цвѣлить» (не огорчаетъ)... «и поя ея за ся... Домонтъ же искаше, абы съ кымъ мочи убити Миндовга. Тренята же бяше тогда въ Жемоити. Въ се время послалъ бяше Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа на Дебрянскаго» (Брянскаго) «Князя. Дов-

монтъ же баше съ ними же пошелъ . . . и воротися назадъ, тако река: кобь» (гаданіе, волшебство) «ми не дасть съ вами пойти . . . и погна вборзѣ, и изогна Миндовга, и уби его, и оба сына его съ нимъ уби, Рукля же и Репьская . . . Воишелкъ же убоявся и бѣжа до Пинска; а Тренята нача княжити во всей землѣ Литовской и въ Жемоити, и посла по брата своего, по Товтивила до Полоцка, река тако: роздѣлимъ собѣ землю. Оному жь пріѣхавшю, поча думати, хотя убити Треняту; а Тренята собѣ думаше на Товтивила пакы, и пронесе» (объявилъ) «думу Товтивилову Бояринъ его Прокопій Полочанинъ; Тренята же попередивъ и уби Товтивила. . . И почаша думати Конюшіи Миндовгови, 4 паробци . . . идущю (Тренятѣ) до мовници мыти (въ баню), и убиша Треняту . . . Се слышавъ Воишелкъ, пойде съ Пиняны къ Новьгородку, и поня съ собою Новьгородци, и пойде въ Литву княжити. Литва же вся пріяша его съ радостію . . . Воишелкъ поча ворогы своя избивати, и изби безчисленное множество, а друзіи розбѣгошась, камо кто видя; и оного Остафія уби окаяннаго» (Рязанца) «о немъ же напреди списахомъ.» (Сіи обстоятельства были извѣстны Стриковскому. Длугошъ пишетъ, что самъ Воишелгъ убилъ Тройната, или Треняту). Далѣе: «Въ томъ же лѣтѣ Миндовгова убитія (въ 1263) бысть веселье у Романа Князя Дебрянского: нача отлавати милую свою дъщерь Олгу за Володимера Князя, сына Василькова . . . И въ то время рать пріиде на Романа Литовская; онъ же бися, и побѣди я; самъ же раненъ бысть, и не мало показа мужество свое, и пріѣха въ Дебрянескъ» (Брянскъ) съ побѣдою, и не помня раны за радость, и отда дъщерь свою. Бяху бо у него иныя три, а се четвертая; си же баше ему всѣхъ милѣе; и посла съ нею сына своего старѣйшаго, Михаила.»

Въ *Новогород. Лѣт.*: «Того жь лѣта (1263) роспрѣвшеся убійцы Миндовгови о товаръ его, убиша Князя Полотьскаго Товтивила, а Бояры Полотьскыя исковаша, и просиша у Полочанъ сына Товтивилова убити же, и онъ вбѣжа въ Новгородъ съ мужи своими. Тогда Литва посадиша свой Князь въ Полотьскѣ, а Полочанъ пустиша, которыхъ изымали съ Княземъ ихъ, а миръ взяша.»

(120) Такъ въ современномъ лѣтописцѣ Новогородскомъ. Татищевъ называетъ Воишелга сыномъ Княжны Тверской. Далѣе: «всю землю (въ 1265 г.) оружіемъ поплѣни, а по Христьянской земли веселіе бысть всюда. . . Крести я (Литовцевъ) Князь Святославъ» (см. ниже, примѣч. 125) «съ Попы Плысковскими,» и проч.

(121) Современный *Новогород. Лѣт.* говоритъ только: «посадиша (въ 1266) Плысковичи у себе Князя Довмонта Литовского;» а въ особенной повѣсти о *благовѣрномъ Князѣ Довмонтѣ* (см. въ Синодальн. библіот. рукопись подъ No. 349, листъ 162) включенной въ лѣтопись Псковскую и другія, прибавлено: сій же Князь первѣе имѣя къ идоломъ служеніе по отчи преданію; егда же Богъ всхотѣ избрати собѣ люди новы, и вдохну вонь благодать Св. Духа, и возбну яко отъ сна отъ идольскаго служенія, и крещенъ бысть въ церкви Св. Троицы и наречено бысть имя ему Тимоѳей, и бысть радость велика въ Псковѣ, и посадиша его на Княженіи.» Новѣйшіе Лѣтописцы несправедливо называютъ его меншимъ братомъ Воишелговымъ (см. *Воскресен. Лѣт.* I, 49).

Въ *Новогород. Лѣт.*: «Князь же Гердень совкупи силу Литовскую, и погонися, и яко увѣдаша Плысковичи погоню, отслаша полонъ, а сами сташа о сю сторону Двины. Литва же нача бродитися. Тогда Плысковичи сняшася съ ними . . . И *множество много* ихъ побиша,» и проч. А въ *Сказаніи о Довмонтѣ*: «поимъ (Довмонтъ) съ собою Псковичь ратныхъ мужъ *три девяноста*, и отчьство свое повоева и Княгиню Эрденевую полони, тетку свою *Евпраксію*» (слѣдственно Христіанку?) «и дѣти ея . . . И перебродившесь Двину, отъѣха за 5 верстъ, и ста шатры на Бору Чистѣ, а стражи постави на Двинѣ, Давида Якуновича съ Лувою Литвиномъ; двѣ жь девяностѣ мужъ отпусти съ полономъ, а въ единомъ девяностѣ самъ ся оста, ждя по собѣ погони. Гердею жь своими Князми дома не бывшю» — у Татищ. *ходилъ войною на Поруси* — «и пріѣхаша въ домы своя. . . и ополчися Гердень и Гонторгъ, и Люмбій, и Люгайло и прочи Князи въ *семи стахъ* рати, и погнаша въ слѣдъ Довмонта, хотяще его руками яти и лютой смерти предати . . . Стражіе же пригнавше повѣдаша Довмонту, что рать (Литовская) перебродилася Двину. Довмонтъ же рече Давиду и Лувѣ: *помози вамъ Богъ на стражи вашей;* и пакы рече: *братья мужи Псковичи! кто старъ, тотъ отецъ; а кто младъ, то ми братъ! Слышалъ есми мужество ваше во всѣхъ странахъ: се же вамъ предлежить животъ и смерть. Братіе моя! потягните за домъ Святыя Троицы* . . . Тогда же бѣ приспѣлъ день Мученика Христова, Леонтія . . . И тако единѣмъ девяностомъ 700 ратныхъ побѣди. Тогда убіенъ бысть Князь *Великый* Литовскый Гонторгъ» (въ другихъ спискахъ: Гогортъ) «и инѣхъ Князей много . . . И Двина изверже 70 (Литвы) на островъ Гоидовъ, а инѣхъ на прочая островы, а инiи внизъ отплыша. Тогда же убіенъ бысть единъ Псковитинъ Антоній Лочковъ, братъ Смолиговъ.» Если дѣйствительно непріятелей было 700, а нашихъ 90 человѣкъ, то подробности столь маловажнаго дѣла не должны быть внесены въ общую Исторію. Но выраженіе современнаго Лѣтописца Новогородскаго: «множьство много,» заставляетъ думать, что число Литвы и Псковитянъ было превосходнѣе означеннаго въ *Сказаніи*. Сочинитель сей повѣсти говоритъ, что Довмонтъ, извлекая мечь, призывалъ имя Св. Леонтія и Князя Всеволода - Гавріила Псковскаго: въ другихъ спискахъ нѣтъ Всеволодова имени. — Далѣе въ *Новогород. Лѣт.* сказано, что Довмонтъ въ тотъ же годъ, зимою, ходилъ опять на Литву.

(122) Ярославъ ѣздилъ изъ Новагорода въ Великое Княженіе. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что онъ, уѣхавъ опять изъ Новагорода, оставилъ тамъ Князя Димитрія Александровича: по извѣстію же *Лѣт. Новогород.* тамъ начальствовалъ, въ отсутствіе Великаго Князя, Юрій Андреевичь (см. ниже, примѣч. 123).

(123) «Загорѣся на Кузмодемьяни улици, передъ вечернею . . . и по водѣ хожаше огнь,» и проч. Далѣе: «Того же лѣта (1267) ходиша Новгородци съ Елеферьемъ Сбыславичемъ и съ Довмонтомъ и съ Плысковичи на Литву,» и проч. Въ *Никонов.* прибавлено, что они убили Князя Литовскаго, Герденя, и что въ Новѣгородѣ былъ мятежъ. Далѣе: «Сдумаша Новгородци съ Княземъ своимъ Юрьемъ, хотѣша ити на Литву, а иніи на Полтескъ, а иніи за Нарову, и яко быша на Дубровнѣ, бысть распря, и вспятишась, и поидоша за Нарову къ Раковору — и города не взяша. Застрѣлиша же съ города мужа добра, Ѳедора Сбыславича, и инѣхъ 6 человѣкъ.» Эстонцы и теперь называютъ Везенбергъ Раковоромъ (Rackwerrn).

(124) Въ *Новогор. Лѣт.* сказано: «и изыскаша мастеры порочные, и начаша чинити пороки;» а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ названъ здѣсь одинъ мастеръ Тогаломъ.

(125) «Сдумавше Новгородци съ Посадникомъ Михайломъ, призваша К. Дмитрія изъ Переяславля съ полкы, а по Ярослава послаша. . . И посла

316

въ себе мѣсто Святъслава съ полкы... И совокупившеся Князи въ Новгородъ: Костянтинъ (зять Невскаго), Ярополкъ (неизвѣстный) и инѣхъ Князій нѣколико.» Святославъ, коего Великій Князь прислалъ вмѣсто себя, несправедливо названъ въ *Воскресенск. Лѣт.* Александровичемъ. Онъ былъ Михаиловъ братъ (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 152), а Михаилъ сынъ Ярославовъ.

(126) «А тамо ѣздилъ Лазорь Моисѣевичь, водилъ всѣхъ ихъ къ кресту, Пискуповъ и Божіихъ Дворянъ — и пояша (Нѣмцы) на свои руцѣ мужа добра изъ Новагорода, Семьюна, цѣловавше крестъ.»

(127) «Наѣхаша пещеру непроходну — и стояша три дни; тогда мастеръ порочный хитростью пусти на ня воду.» — Въ Эстоніи извѣстна не малая рѣка Кегль; но она гораздо далѣе Везенберга: здѣсь разумѣется та, на коей стоитъ сей городъ, или другая, не далеко отъ нее текущая; имена ихъ не означены на картахъ. Въ *Никонов.* и въ другихъ лѣтописяхъ, вмѣсто *Кеголи*, поставлена *Кигора*. — О битвѣ см. Руссов. Chr. л. 26, Кельх. Liefl. Gesch. стр. 96, и Арндт. Chron. 62. Они полагаютъ ее въ 1272 году; но лѣтосчисленіе ихъ явно несправедливо. Сіи Историки относятъ смерть Миндовга къ 1271 году: вмѣсто чего онъ убитъ въ 1263 году, какъ говорятъ согласно наши лѣтописцы, Польскіе и Стриковскій. Если Магистръ Конрадъ Фонъ-Меденъ, при коемъ случилось убіеніе Миндовга, начальствовалъ 3 года, то Отто Фонъ-Роденштейнъ заступилъ его мѣсто и сражался съ Россіянами гораздо ранѣе 1272 года. Въ *Новогород. Лѣт.* сказано, что сраженіе было 18 Февр. въ Субботу Сыропустную: слѣдственно въ 1263 году по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Января. — Далѣе: «Пльсковичи сташа по правой руцѣ, а Дмитрій и Святославъ по праву же выше, Новгородци же въ лице Желѣзному полку, противу *Великой* Свиньи» — то есть, сей полкъ стоялъ острою колонною, чтобы тѣмъ удобнѣе врѣзаться въ ряды. — Далѣе: «Створися зло велико: убиша Посадника Михаила и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича, Твердислава Моисѣевича, Михайла Кривцевича и Ивана, Бориса Илдятинича, брата его Лазоря Ратшю, Василя Воиборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, Поромона Подвойскаго, Полюда и много добрыхъ Бояръ, а иныхъ черныхъ людій безъ числа. Не бысть Тысячьского Кондрата, Ратислава Болдыжевича, Данила Мозотинича и иныхъ много; Богъ ихъ вѣсть... А Юрьи Князь вда плечи, или перевѣтъ (измѣна) былъ въ немъ, то Богъ вѣсть... Бывшю бо великому тому снятію и добрымъ мужемъ главами своими покывающе за Св. Софью, Господь посла милость Свою... Пособи Князю Димитрію и *Новгородцемъ* — и гониша ихъ бьюче *до города* въ 3 пути на *семи верстъ*, яко же не мочи ни коневи ступити трупіемъ; и тако вспятишася отъ города, и узрѣша *иный* полчичъ Свинью великую, котора бяше вразилася въ возникы Новгородьские, и хотѣша Новгородци на нихъ ударити», и проч. Маловажныя прибавленія *Никон. Лѣт.* недостойны замѣчанія. Напрасно Князь Щербатовъ думалъ, что Желѣзный полкъ Нѣмецкій принудилъ Новгородцевъ къ отступленію и ворвался въ ихъ обозы: Новгородцы также гнались съ Димитріемъ за непріятелемъ до Везенберга: а въ обозъ ихъ врѣзалось *другое* войско Нѣмецкое. — Въ *Псков. Лѣт.*: «И бысть сѣча зла (близъ Раковора), и Новгородцы со Псковичи побѣдиша — и прошедъ горы непроходимыя и иде (Довмонтъ) на *Вируяны* и плѣни землю ихъ до моря, и паки возвратися съ полономъ.» *Вируянами* назывались жители *Вирромы* или *Вирландіи*, то есть Везенбергской области.

(128) Арнт. Liefländ. Chron. и Кельх. Liefl. Gesch. Въ *сказаніи о Довмонтѣ*: «По нѣколицѣхъ днехъ» (послѣ Раковорской битвы) «останокъ събравшесь поганыя Латины и пришедше тайно, взяша украйны нѣколико Псковскыхъ селъ и възвратишась вскорѣ. Боголюбивый же Князь Довмонтъ выѣха въ погоню въ пяти насадѣхъ съ 60 мужь Псковичь и побѣди 800 Нѣмець на рѣцѣ на Мироповнѣ: овыхъ иссѣче, а иніи истопоша въ водѣ, а двѣ насадѣ бѣжаша въ иныя островы. Довмонтъ же повелѣ зажещи островъ, и егда начаша погани бѣгати, палимѣ травѣ, въсполеша огнемъ и власы на нихъ и порты, и тако побѣди ихъ Апр. 23. Слышавъ Местеръ земли Ризьскыя мужество Довмонта, ополчився въ силѣ тяжцѣ безъ Бога и пріиде ко Пскову, ови на конехъ, а иніи въ кораблехъ и въ лодіяхъ, и съ порокы.» Такъ и въ Ливонскихъ лѣтописяхъ (гдѣ означено число Нѣмецкаго войска). Далѣе: «Вниде (Довмонтъ) въ церковь Св. Троицы, и положивъ мечь свой предъ олтаремъ Господнимъ, падъ моляшеся много съ плачемъ... Игуменъ же Сидоръ и весь Іерейскый чинъ вземше мечь и препоясавше благословиша и. Довмонтъ же въ множествѣ ярости мужества своего, не дожда полковѣ Новгородскыхъ, съ малою дружиною, съ мужи Псковичи, выѣхавъ изби полкы ихъ, и самаго Местера рани по лицю. Они же трупія своя многы учаны накладше отвезоша въ землю свою, а прочій остатокъ ихъ устремишась на бѣгъ м. Іюня въ 18 день.» Въ *Новогород. Лѣт.*: «Въ лѣто 6777 (1269) придоша Нѣмцы въ силѣ велицѣ подъ Пльсковъ въ Недѣлю всѣхъ Святыхъ, и приступиша къ городу, и *не успѣша ничтоже, но большую рану въсприяша* и стояша 10 дний. Новгородци же съ Княземъ Юрьемъ погонишася по нихъ, иніи на конехъ, а иніи въ насадѣхъ, и яко увѣдаша Нѣмцы Новгородскый полкъ, побѣгоша за рѣку. Новгородци же пріѣхаша въ Пльсковъ, и взяша миръ чрезъ рѣку на всей воли Новгородьской.» Ливонскіе Лѣтописцы (см. Арнт. Chron. и Кельх. Gesch.) говорятъ, что Князь Россійскій Jerian (Юрій) способствовалъ заключенію мира.

*Сказаніе о Довмонтѣ* согласно съ лѣтописію Новогородскою въ главныхъ обстоятельствахъ; но какъ въ немъ время происшествій не означено, то *Лѣтописецъ Псковскій*, отъ слова до слова сообщая тѣже извѣстія, наугадъ ставитъ предъ описаніемъ маловажнаго дѣла, бывшаго на рѣкѣ Мироповнѣ, годъ 1271; осаду же Пскова относитъ къ 1272, въ противность *Сказанію*, гдѣ именно означено, что первое дѣло случилось *черезъ нѣсколько дней* по возвращеніи Довмонта изъ Эстоніи. Другіе Лѣтописцы (а за ними и наши Историки) слѣдуя вмѣстѣ и Псковскому и Новогородскому, сдѣлали изъ одной осады двѣ, сказывая, что Магистръ и въ 1269 и въ 1272 году приходилъ ко Пскову — то есть, впали въ ошибку еще грубѣйшую: ибо Псковскій Лѣтописецъ не говоритъ по крайней мѣрѣ о *двухъ* осадахъ. Я разумѣю здѣсь списокъ его находящійся въ Архивѣ Иностранной Коллегіи; въ другомъ же Синодальномъ (No. 349, л. 169 на обор.) сказано, что сраженіе подъ Раковоромъ было въ 1267 году, и что Магистръ въ *то же лѣто* приходилъ ко Пскову.

(129) «Пріѣха Ярославъ, и нача жалити (жаловаться): мужи мои и *братья моя и ваша побита, а вы розратилися съ Нѣмци;* дръжаше (Ярославъ) гнѣвъ на Жирослава Давидовича, и на Михайла Мишинича, и на Юрья Сбыславича, хотя ихъ лишити волости.» *Ник. Лѣт.* пишетъ: «въ Новѣградѣ бысть мятежъ (до пріѣзда Ярославова): овіи

хотѣша послати къ Вел. Князю, како бы ся съ Нѣмцы до конца умирити, ови жь не хотѣша.» — Архіепископъ ѣздилъ въ слѣдъ за Ярославомъ съ вятшими мужи — и вспятиша его съ Бронь-ницы.» — Избранный въ угодность Ярославу Тысячскій назывался Ратиборъ *Клуксовичь*. — Ярославъ посылалъ, за Низовскими полками, сына своего, Святослава. — Ниже въ лѣтописяхъ говорится только о Нѣмцахъ; но Датчане безъ сомнѣнія участвовали въ семъ мирномъ посольствѣ: ибо Новогородцы хотѣли воевать съ ними: «Хотѣша ити къ Колываню, и Нѣмцы прислаша съ молбою: *кланяемся на всей воли вашей. Пороѣы всей отступаемся*; а крови не проливайте.» *Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что Нѣмцы, боясь имени Татарскаго, одарили Баскака Амрагана, зятя его Айдара и всѣхъ Татарскихъ Князей.

(130) «Убиша Иванка, и иніи вбѣгоша въ Св. Николу, а заутра побѣгоша къ Князю на Городище Тысячьскый Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и иніи пріятели его.» — Упреки Новогородцевъ: «Чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловьци, а поле заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи и на Романѣ Болдыжевичи и на Вареломеи?» и проч. — Ярославъ посылалъ на Вѣче не Новогородскаго, а Княжескаго Тысячскаго, именемъ Андрея Воротиславича.

(131) Внукъ Мстислава Романовича Кіевскаго, убитаго на Калкѣ. — Василій именуетъ Новгородъ своею отчиною по тому, что отецъ его, Ярославъ Всеволодовичь, княжилъ въ ономъ.

(132) «Пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, и выйдоша весь градъ въ оружіи, отъ мала и до велика, къ Городищю, и стояша два дни пѣши за Жилотугомъ, а коневницы (конница) за Городищемъ.» *Никон. Лѣт.* баснословитъ, что Новогородцы призвали тогда и Нѣмцевъ въ помощь. — Далѣе: «Идоша въ Голино, и стояша недѣлю на Бродѣ, а Ярославль полкъ объ ону сторону, и присла Митрополитъ грамоту въ Новгородъ, река тако: мнѣ поручилъ Богъ Архіепископію въ Руськой земли; вамъ слушати Бога и мене. Кръви не проливайте,» и проч. *Никонов. Лѣт.* украшаетъ сію грамоту по своему. Далѣе: «Аще будете и крестъ цѣловали, азъ за то прііму опитемью:» ибо Новогородцы часто, изгоняя Князей, давали клятву не мириться съ ними.

Договорная грамота Ярославова находится въ Архивѣ Иностран. Кол. подъ No. 1. Выписываю изъ нее только нѣкоторыя мѣста: «Благословеніе отъ Владыки, поклонъ отъ Посадника Павше... А въ Русу ти, Княже, ѣздити на третію зиму, а лѣтомъ, Княже, ѣздити на Озвадо звѣри гонить; а въ Ладогу, Княже, слати осетрьникъ и медовара по грамотѣ отца своего Ярослава; а ту грамоту, Княже, отъялъ еси; а та грамота, Княже, дати ти назадъ: а въ Ладогу, Княже, ѣздити на третіе лѣто... А что, Княже, грамоты посудилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамоты подалъ еси на ты грамоты, ты грамоты отъимати, а старые оправливати... А Дворяномъ твоимъ како пошло погонъ имати отъ Князя по пяти кунъ, а отъ Тивуна по двѣ кунѣ... А что еси, Княже, отъимъ у Кюрили Хотуниче, далъ еси Попу Св. Михаила, а Городискымъ Попомъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погостѣ: вдай опять; а холопъ или роба почнетъ вадити на господу, тому ти вѣры не яти; а на Низу, Княже, Новгородца не судити, ни даній ти раздавати; а что, Княже, тобѣ было гнѣва на Посадника и на весь Новгородъ, то ти, Княже, все нелюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ, ничимъже; а кто почнетъ вадити къ тобѣ, тому ти вѣры не яти. А про послы, Княже, и про купче Новгородьские, что въ Костромѣ и по инымъ городомъ, то исправивъ пусти въ Новьгородъ съ товаромъ. А въ Нѣмецьскомъ дворѣ тобѣ торговати нашею братіею, а двора ти не затворяти, а приставовъ ти не приставливати. А про полонъ, кто гдѣ заточенъ, или человѣкъ или конь Руськый и Новгородскый, то исправи. А село Св. Софіи исправи къ Св. Софіи; а до Владыкы, отча нашего, гнѣва ти не держати... А гости нашему гостити по Суждальской землѣ безъ рубежа, по Царевѣ грамотѣ; а судье слати на Петровъ день... А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожку, или за тобою или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купецъ, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнетъ въ свой погостъ. Тако пошло въ Новѣгородѣ.»

(133) Слѣдственно купцы раздѣлялись на Сотни: всякое Сто имѣло свою управу. — Выраженіе въ подлинникѣ: «гостить безъ рубежа,» значило *торговать свободно*.

(134) И такъ грамота Хана или Царская была у насъ закономъ и въ торговлѣ.

(135) Не сына ли Товтивилова, ушедшаго по смерти отца въ Новгородъ? см. выше. Впрочемъ сіе имя не Русское; у насъ есть только женское Августа.

(136) «Того жь лѣта (1266) умре Царь Татарскый Берка, и бысть ослаба Руси отъ насильи Бесерменъ.» См. Абульгази Hist. des Tatars, 453, *Троиц. Лѣт.*, *Никоновск.*, *Степен. Книгу* (I, 383) и *Временникъ*. Въ харатейной *Троицкой* прибавлено здѣсь слѣдующее разсужденіе: «о возлюбленіи Князи Руськыи! не прелщайтесь пустошною славою свѣта сего, еже хуже паучины (паутины) и яко стѣнь мимо идеть; не принесосте бо на свѣтъ сь (сей) ничто же, ни отнести можете. Не обидите меньшихъ сродникъ своихъ: Ангели бо ихъ видять лице Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ. Взлюбите чистоту, да радости Святыхъ исполнитесь, яко сій блаженный Романъ купи си (себѣ) страстію царство небесное, и вѣнецъ пріятъ отъ рукы Господня съ сродникомъ своимъ Михаиломъ.»

(137) Въ *Троицк.*: «Поидоша (въ 1271) Князи въ Татары, Ярославъ, Василій и Дмитрій... Тое же зимы» (а по *Новогород.* въ 1272) «преставись Вел. Князь Ярославъ, ида изъ Татаръ — и везоша его на Тферь Епископъ Семенъ, Игумени и Попове — и положиша въ церкви Св. Кузмы и Демьяна.» — Въ то же время (см. лѣтописи Синодал. No. 349 и 365, и Засѣцкаго) скончался и сынъ Ярославовъ Михаилъ; а супруга Великаго Князя, именемъ Ксенія, жила въ Твери до 1312 года, и скончалась Монахинею.

(138) См. выше, примѣч. 113, въ описаніи случаевъ Александрова княженія; см. также *Степен. Книгу*, I, 392 — *Никонов. Лѣт.* III, 62, и *Родословн. Книги*. Прежде Ѳеодора не упоминалось о Князьяхъ Можайска, Удѣла Смоленскаго. Въ *Степен. Книгѣ I*, 393: «Царица же, яко видѣ его (Ѳеодора) святолѣпное благородіе лица, яко же Египтянина Іосифа, и уязвися сердце ея, еже любити его... Царь же всегда повелѣ ему предстояти у себе, и чашу отъ руки его пріимаше, и 3 лѣта держаше его. Царица же мысляше дщерь свою вдати ему въ жену,» и проч. Далѣе: «Теща же его и Боляре не пріяша его (Ѳеодора) и нелѣпая словеса глаголаша изъ града женскимъ умышленіемъ: мы таковаго обычая не имамы, еже отъинуду пришедша пріяти; довлѣетъ намъ отечеству наслѣдникъ Князь нашъ, Михаилъ, сынъ твой... Посла Царь (Татарскій) къ Патріарху въ Царьградъ съ писаніемъ, еже бы отъ него получити благо-



317

словеніе дщери его. Патріархъ же посла благословеніе, вкупѣ же и къ Царю писаніе, яко да повелитъ крестити дщерь свою!!... Даруя ему (Ханъ Ѳеодору) грады многи, яко *тридесять* и *шесть*: въ нихъ же Черниговъ, Болгары, Кумане, Корсунь, Туру, *Казань*, Арескъ, Гормиръ, Балыматы. Къ симъ же вдаде на послуженіе Князей и Болярь Рускихъ; еще же и полграда вдаде ему своего, идѣже царствова, злата и жемчугу множество... Всегда противу себѣ сѣлѣти повелѣваше ему, *Царскій вѣнецъ* свой по вся дни полагаше на главу его и въ свою *драхму* облачаше его; повелѣ же ему домъ устроити,» и проч. — О *Казани* будемъ говорить послѣ.

(139) «И соборъ устрой Протопопа, Іереевъ и Діаконы, и ины храмы воздвиже, и Св. икону Божія Матери украси; часто же прихождаше въ монастырь Св. Спаса,» и проч. — О Ногаѣ см. выше, въ описаніи 1263 году.

(140) Отцы ихъ, какъ уже извѣстно Читателю, были сыновьями Великаго Князя, Всеволода III. О Димитріи: «Постригся въ Черньци и въ Скиму отъ Епископа Ростовскаго Игнатья, ту сущю Глѣбу Князю (Васильковичу, Бѣлозерскому) и мати его, сѣдящимъ имъ у него, оному же языкъ связася; и възрѣвъ на Епископа, и рече: Господине Владыко! исполни Богъ твой трудъ... Се мя еси покрутилъ (изготовилъ) на долгый путь,» и проч. Его погребли въ Юрьевскомъ монастырѣ Св. Михаила (см. выше, примѣч. 83). Оставилъ ли Димитрій сыновей, не знаемъ (см. ниже, примѣч. 317).

(141) *Волынск. Лѣт.*: «Король бяше тогда впалъ въ болѣсть велику, въ ней же и скончa животъ свой, и положиша его въ церкви Св. Богородицы въ Холмѣ, юже бѣ самъ създалъ. Сь же Король Данило, Князь добрый и хоробрый и мудрый, създа городы много... бяше бо братолюбіемъ свѣтяся съ братомъ Василькомъ, вторый по Соломонѣ.» По списку Ипатьев. онъ скончался въ 1264 году, а по Длугошу въ 1266. Сказавъ о смерти Даніиловой, Лѣтописецъ Волынскій прибавляетъ: Въ та же лѣта явися звѣзда на Вьстоцѣ хвостатая образомъ страшнымъ, испущающи отъ себе луча великы; си же звѣзда нарицашеся *власатая*; и страхъ обья человѣкы. Хитрецы же рекоша, иже мятежъ будетъ великъ въ земли, но не бысть ничего же.» Это говорится о Кометѣ 1265 года (см. Cométographie, I, 411). — Длугошъ пишетъ, что въ 1287 году, когда Ногай и Телебуга громили Польшу, въ монастырѣ Сандецскомъ жила супруга Даніилова, Констанція, вмѣстѣ съ сестрою своею, Кингою, женою Болеслава Краковскаго (Hist. Polon. кн. VII, 847). Сія Констанція, дочь Белы Венгерскаго (какъ сказываетъ намъ *Лѣт. Волын.*) была за Львомъ Даніиловичемъ, а не за отцемъ его. Ходыкевичь, согласно съ Зиморовичемъ (см. ниже, примѣч. 202) говоритъ, что она, выпросивъ у Льва мѣсто сгорѣвшаго Лембергскаго дворца, основала тамъ монастырь Доминиканскій: quod ejusdem (Льва) diplomate firmatum fuit, прибавляетъ Авторъ, не сообщая сей грамоты.

(142) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Пойде Литва на Ляхы» (по Ипат. въ 1268) г.) «и идоша мимо Дорогичинъ; слуги же Шварнови идоша съ ними же и воеваша около Скаришева и около Визлъже и Торжку. Тогда же Болеславу Князю больну сущу вельми; потомъ же оздоровися, посла къ Шварнови, сущю ему въ Новѣгородцѣ, тако река: про што мя еси воевалъ?... Шварно же запрелся, тако река: Литва тебе воевала. Посолъ же рече: на Литву не жалую — не мирникъ мой — но на тя жалую... И отселѣ заратишась, и почаша Ляхове воевати около Холма. Воеводы же быша съ ними Сигнѣвъ, Вържъ, Сулко, Невступь, и не взяша ничего же; збѣгли бо ся въ городъ, зане вѣсть бяху подали имъ Ляхове Украйняне... Шварно пріѣха вборзѣ, и Василько Князь и сынъ его Володимеръ пошли въ Ляхы воевати: Шварно около Люблина; а Володимеръ около Бѣлое... И поидоша во своаси, Шварно къ Холмови, а Володимеръ къ Чрьвну (ту бо бяше отепъ его Василько); изъ Чрьвна же пойде къ Володимерю. И посемъ Ляхове почаша воевати около Чрьвна тое же недѣли, и не вземше ничего... И Болеславъ присла къ Васильнови Григорія, Пробоща Люблинскаго. ... И порекоста собѣ сънемъ въ Тернавѣ... И бывшю Васильку въ Грабовци, пріиде вѣсть, аже Ляхове лесть учинили и ко соймови не шли... но поидоша къ Бельзу воевати. Василько же пойде вборзѣ съ Шварномъ и съ сыномъ Володимеромъ, и пріидоша къ Чрьвну, и видѣша, аже села горятъ. Василько же пусти на ня воропъ, идѣ же бяху Ляхове, и убиша многыя... Ляхове же поидоша назадъ. Василько же посла по нихъ Шварна и сына, тако река: олны пойдутъ раздѣлившеся, то бійтеся съ ними... Шварно бяше впередѣ... Ляхове же бяху еще не вошли въ свою землю, но токмо вьрота прошли; се же мѣсто бяше твердо, зане не мощно бысть обойти его: тѣмъ же и нарицахусь ворота тѣснотою своею. Ту же и угони я Шварно, и не дожда брата своего и устремися на бой... И поломиша Ляхове полкъ Шварновъ ... и убиша многы, отъ Бояръ и отъ простыхъ; убиша оба сына Тысяцкого, Лаврентія и Андрея; не мало показаста мужество, и не побѣгоста братъ отъ брата... Посемъ же умиришась Ляхове съ Русью.»

Романъ Даніиловичь погребенъ въ Холмѣ. — Даніилъ заключилъ союзъ съ Болеславомъ за годъ до смерти Миндовга. Въ *Волынск. Лѣт.*: «Снимашась въ Тернавѣ Данило Князь съ обѣма сынома своима» (слѣдственно Романа уже не было на свѣтѣ) «съ Львомъ и съ Шварномъ, а Василько съ своимъ сыномъ, и положиша рядъ о землю Рускую и Лядскую.»

Далѣе: «Княжащю Воишелкови въ Литвѣ, и поча ему помогати Шварно и Василько» (въ годъ Даніиловой кончины): «нареклъ бо бяше Василька отца собѣ и господина... И видѣ Воишелкъ помочь Шварнову и Василькову, и нача городы имати въ Литвѣ и въ Нальщанохъ, а ворогы своя избивъ... По семъ же Воишелкъ да княженіе свое зятю своему, Шварнови, а самъ опять всхотѣ пріяти Мнишескый чинъ. Шварно же моляше ему по велику, абы еще княжилъ съ нимъ въ Литвѣ, но Воишелкъ не хотяше... И иде до Угровска въ монастырь Св. Даниія, и взя на себе Чернеческыя порты, тако река: се ми здѣ близъ мене сынъ мой Шварно, а другый отецъ мой Василько... Григорій же Полонинскый еще живъ бяще... Воишелкъ же посла попь, и пріиде... И въ то время присла Левъ къ Васильнови, тако рече: хотѣлъ быхъ снятися съ тобою, абы туто и Воишелкъ былъ. Василько же посла по Воишелка Страстное недѣли... Воишелкъ же бояся Лва, но поѣха на Василькову руку» (поруку)... Уби (Левъ) Воишелка завистію, иже бяше далъ землю Литовскую Шварнови.» Сіе случилось въ 1267 году, Дек. 9, по сказанію Длугоша.

(143) См. *Хронику* Стриковскаго. Въ *Волынск. Лѣт.*: «Княжащю по Воишелцѣ Шварнови въ Литвѣ, княживъ же не много лѣтъ, и тако преставися, и положиша тѣло его близъ гроба отня» (въ Холмѣ)... «Посемъ же нача княжити въ Литвѣ окаянный, немилостивій Тройденъ, его же беззаконія не могохомъ описати срама ради... Такъ бо бяше беззаконникъ, яко и Антіохъ Сур-

скій, и Иродъ Іерусалимскый, и Неронъ Римскый.»

(144) См. Раича *Исторію Сербовъ*, кн. VII, гл. IX, стр. 424. Онъ приводитъ слѣдующія слова древнѣйшаго Сербскаго Историка, Архіепископа Даніила, сочинившаго *Родословъ* въ началѣ XIV вѣка: «Въ Рушкую бо землю многократно посылаше (Краль Стефанъ) слы своя съ многочисленными дары къ Божественнымъ церквамъ, и елико милостины къ нищимъ. Въ той бо землѣ Рушцѣй имѣ любовнаго пріятеля, Князя *Василіа*, и тому должну честь вздаваше, глаголы сладкія воэсилая ему.» Раичь, худо зная нашу Исторію, думалъ, что сей Князь *Василій* былъ сынъ Ярослава Всеволодовича. — Въ *Волын. Лѣт.*: «Преставися» (въ 1269 году: см. примѣч. 177.) «Князь Христолюбивый Великый Вълодимерскый Василько и положиша его въ Епископьи Володимерской.» Супруга Василькова, Елена, скончалась въ 1265 году и погребена въ Владимірской церкви Богоматери. Въ томъ же году, по сказанію *Волынск. Лѣт.*: былъ страшный мятежъ въ улусахъ Татарскихъ.

О монашествѣ Василія пишетъ Зиморовичь (см. ниже примѣч. 202) въ его Triplici Leopoli; а Ходыкевичь (см. Dissertationes de Archiepiscopatu Kijoviensi et Haliciensi), повторяя сіе извѣстіе говоритъ: Basilius vero Princeps, cruenti animi vir audax et bellicosus, post juventam in castris actam, post multa bellorum incommoda senio confectus, in Monachum Sancti Basilii, sponte tonsus, specum rubetis hispidam infra montem S. Georgii inhabitabat, cruentam arcis Sandomiriensis devastationem (о чемъ мы уже говорили) ductu suo patratam, austeritate vitæ expiare satagebat. Левъ, исполняя желаніе дяди, построилъ въ Лембергскомъ предмѣстіи монастырь Св. Георгія изъ *буковаго* дерева.

(145) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 344, и нашей *Исторіи* Т. III, стр. 205.

(146) Mémor. Popul. III, 1118 и слѣд. — Уберт. Фоліет. Hist. Gen. въ Thesauro Italico стр. 405. — Райнальд. Annal. Eccl. г. 1333, No 37 — Іеронимъ де-Маринисъ Genua, стр. 1435 Т. I Thesauri Ital., въ Samml. Russisch. Gesch. T. II, стр. 14, 83, 85. Маринисъ писалъ въ 1665 году: Genuenses Tanam (Азовъ) urbem tenuerint, in qua ad nostram ætatem durant adhuc nobiles Genuensium familiæ. Нашъ Вице-Адмиралъ Корнел. Круйсъ увѣрялъ, что и въ его время еще находились тамъ потомки Фамиліи Спинола (Samml. Russ. Gesch. II, 85). — Одинъ посолъ Короля Польскаго, видѣвъ развалины Херсона въ исходѣ XVI вѣка, слышалъ, что сей городъ опустѣлъ уже за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ (Броневск. Tataria, стр. 271, въ *Исторіи Тавриды* Г. Сестренцевича I, 350). — Въ запискахъ Князя Армянскаго, Іосифа Долгорукаго Аргутинскаго, Архіепископа Армянскихъ церквей въ Россіи, сказано, что Татары, завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей въ нынѣшнюю Астраханскую и Казанскую Губернію; что нѣкоторые изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились отчасти въ Кафѣ, отчасти въ Старомъ Крымѣ и близъ Судака. Сей Іосифъ Долгорукій сообщилъ свои записки Князю Потемкину (см. *Исторію Тавриды* Сестренц. II, 177). — Имя *Кафы* было извѣстно еще Императору Константину Багрянородному: такъ называлось одно мѣсто близъ Херсона (см. Бандури T. I, стр. 148).

(147) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стран. 343). Бибарсъ, Государь Египта, съ дозволенія Хана Капчакскаго построилъ въ Крымѣ сію великолѣпную мечеть, желая прославить тѣмъ свою отчизну: ибо онъ былъ родомъ изъ Тавриды.

Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1266 году женился въ Костромѣ Князь Василій Ярославичь и былъ вѣнчанъ Ростовскимъ Епископомъ Игнатіемъ въ церкви Св. Ѳеодора. Въ туже зиму «явися звѣзда на Западѣ, и бѣ луча отъ нея долга яко хвостъ къ полуденой странѣ и пребысть нощи 3, и пакы невидима бысть.» — Въ 1268 родился у Князя Бориса Васильковича сынъ Василій. Пріѣхалъ Князь Глѣбъ Васильковичь изъ Орды въ тяжкой болѣзни, по выздоровѣлъ. — «Лѣта 6777 (1269) Митрофанъ Епископъ Сарьскый отписась (отказался) Епископіи Сарьской и пострижеся въ Скыму; въ него мѣсто постави Митрополитъ Епископа Ѳеогноста Русьскому Переяславлю и Сараю.» — Въ 1270 преставился въ Новѣгородѣ Игуменъ Св. Георгія, называемый также и Архимандритомъ. — Въ 1271 скончался сынъ Невскаго, Василій Александровичь. «Того же лѣта, пятыя недѣли поста, бысть знаменіе (затмѣніе) въ солнцѣ, яко погибнути ему всему до обѣда, и пакы наполнися. Тое же зимы преставися благовѣрная Княгыня Васильковая Дек. въ 9 день, а въ лѣто Индикта XIV, яко Литургію поють по всему городу, ту сущю въ монастыри у нее Борису Князю съ Княгынею и съ дѣтми, а Глѣбу тогда сущю въ Татарѣхъ, и предасть душу тихо и нетрудно и безмятежно... вси людіе града Ростова стекошася въ монастырь Св. Спаса, Епискупъ Игнатій, Игумени и Попове и Клирици, и погребоша ю у Св. Спаса въ своемъ монастыри съ многыми слезами.» Въ Новѣгородѣ Ѳедоръ Хотовичь построилъ церковь Св. Саввы и Козмы и Даміана на Холопьей улицѣ.

(148) См. выше, стр. 105. Здѣсь въ харатейномъ *Новогород. Лѣт.* пропускъ отъ 6780 до 6807 г. По лѣтописи Попа Іоанна Димитрій пріѣхалъ въ Новгородъ уже въ 1273 году; но мы болѣе вѣримъ *Троицкой* и харатейной *Новогородской*. Татищевъ вымыслилъ, что Василій хотѣлъ отнять у Новогородцевъ грамоты Ярославовы, и что они съ досады прибѣгнули къ Димитрію. — Далѣе въ *Троицк.*: «Увѣдавъ се» (отъѣздъ Димитрія въ Новгородъ) «Вел. Князь Василій посла по немъ Воеводу своего Семена, а самъ иде къ Переславлю, а оттолѣ къ Торжьку; миръ створивъ межю собою и разыдоша розно.» Въ лѣтописи Попа Іоанна: «Василій Князь пожже (въ Торжкѣ) хоромы и посади Тіунъ свой» (по лѣтоп. Засѣцкаго: *Намѣстника*) «и иде назадъ на Кострому.» *Никон. Лѣт.* вымышляетъ, что Воевода Семенъ возвратился со многими плѣнниками, и что Василій вмѣстѣ съ Баскакомъ и Татарами воевалъ Новогородскія области. — Далѣе: «Къ Василью послаша (Новгородцы) Смена Михайловичь, Лазаря Моисѣевичь, Стефана Душиловичь: что еси поималъ волости Новгородскія, то въспяти, а съ нами миръ възьми... А въ Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ, а гостинниковъ по Низовской земли товаръ отъимаша... И възмятошась люди, и въсхотѣша Василія.» (*Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что Новогородцы испугались и Вел. Князя и Тверскаго, и Баскака Татарскаго)... «Отъяша Посадничьство у Павши, и бѣже съ Романомъ къ Дмитрею, и оттолѣ идоша къ Василію, и поклонишась... И даша Посадничьство Михаилѣ Мишиничю, и посылаша по Василія и цѣловаша на Тръжку образъ Господень, яко всѣмъ единакымы быти съ Посадникомъ Михаиломъ... Того же лѣта отъяша Посадничьство у Михаила и даша опять Павшѣ, съ Костромы приведше.» Павша умеръ въ 1274 году, и мѣсто его заступилъ опять Михаилъ Мишиничь.

Великій Князь былъ два раза въ Новѣгородѣ: ибо въ описаніи 1274 года сказано: «пріѣха Князь

Василій въ Новгородъ» (узнавъ, кажется, о смерти Павши).

(149) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Живяше (Тройденъ) съ Львомъ въ велицѣ любви, шлючи многы дары межи собою; а съ Володимеромъ не живяше въ любви, про то, иже бяше отецъ его, Василько, убилъ на войнахъ 3 браты Тройденовы... и воевашеся съ нимъ, но не великыми ратми лѣто цѣло... Тройденъ же, забывъ любве Львовы, пославъ Городняны, велѣ взяти Дорогычинъ, и Тридъ съ ними бяше. Сь (сей) же вѣдаше о городѣ, како мощно взяти... и взяша въ ночи на Великъ день» (по Ипат. въ 1274 году)... «Левъ посла къ Великому Цареви Менгутимереви, прося помощи на Литву. Менгутимеръ же да ему рать, и Ягурапна съ ними Воеводу, и Заднѣпрскыя Князи вся, Романа Дебрянского и съ сыномъ Олгомъ, и Глѣба Князя Смоленского, и инѣхъ Князей много. Тогда бо бяху вси Князи въ воли Татарской. Зимѣ же приспѣвши, и начась пристроивати Князи Рустіи, Левъ и Мьстиславъ и Володимеръ. Идоша же съ ними и Князи Пинстіи; и бысть идущимъ имъ мимо Туровъ къ Слуцку, и ту ся сняста съ Татары у Слуцка... и поидоша вборзѣ къ Новугородку, и не дошедше рѣкы Срьвячѣ, сташа на ночь... Перешедше рѣку до свѣта, въсходящю солнцю, и начаша изряживати полкы... Татарове идяху по праву, и отъ нихъ Левъ своимъ полкомъ идяше... а Володимеръ по лѣву. Татарове же прислаша ко Львови, рекучи: дѣти наша видѣша, аже рать стоить за горою; пара идеть изъ коней... Но пара идяше съ истоковъ, текущихъ съ горъ: зане морози бяху велици... И пріидоша къ городу... Мьстиславъ же бяше не притяглъ, воюя по Полѣсью; ни Романъ (Брянскій), ни Глѣбъ (Смоленскій), по Олегъ, сынъ Романовъ, притяглъ... Татарове же жлаху Романа. Левъ же лесть учини межи братьею: утаився Мьстислава и Володимера, взя околній городъ съ Татары, а дѣтинець остася. Заутра же приде Романъ и Глѣбъ, и гнѣвахуся вси Князи па Льва... Здумали бо бяху тако, аже бы, веемши Новьгородокъ, поити въ Литовскую землю; но не идоша гнѣвомъ про Льва и възвратишась въ свояси... Отъ Новагородка пріѣха Олегъ въ Володимерь къ своей сестрѣ. Володимеръ бо зовяше къ собѣ тестя... Романъ же отпряся, тако река: сыну Володимере! не могу отъ рати своея отъѣхати; се хожю въ земли ратной: а кто ми допровадить рать мою домовъ?»

(150) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Татарове же велико зло и многу пакость и досаду створиша Христіаномъ идуще на Литву, и паки назадъ идуще отъ Литвы того злѣе створиша, по волостемъ, по селомъ дворы, грабяще кони и скоты и имѣнье отъемлюще, и гдѣ кого срѣтили, облупивше нагаго пустять; а около Курьска и Костро» — нынѣ села Костернаго на рѣкѣ Реутѣ въ Курск. Губерніи — «*Велияни* (Волынцы?) и въ *рукахъ потерли* (?) и всюды и вся дворы, кто чего отбѣжалъ» — кто что оставилъ — «то все пограбиша поганіи, творящеся на помощь пришедше, обрѣтошася на пакость... Се же написахъ памяти дѣля и пользы ради,» и проч.

(151) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Посемъ же пріидоша Пруси къ Тройденеви» (по Ипатьев. въ 1276 году)... «Онъ же посади часть ихъ въ Городнѣ, а часть въ Слонимѣ. Володимеръ же съ Львомъ послаша рать къ Слониму и взяста я, абыша землѣ не подсѣдали. Посемъ же Тройденъ пославъ брата своего Сирьпутья и воева около Камена. Володимеръ же противу того пославъ и възя у него Турійскъ на рѣцѣ на Нѣмнѣ и села около его поима; и посемъ умиристася и начаста быти въ велицѣ любви... Посемъ же на зиму (въ 1277 г.) присла окаянный Ногай послы своя съ грамотами, Тегичага, Котлубугу и Ешимута ко Львови и Мьстиславу и Володимеру, тако река: всегда ми жалуете па Литву; се же вамъ далъ есмь рать и Воеводу съ ними Мамшея... Зимѣ же приспѣвшей, идоша на Литву Мьстиславъ и Володимеръ; а Левъ не иде, но посла сына Юрія. И тако поидоша къ Новугородку, и пришедшимъ къ Берестію, и вѣсть пріиде, иже уже Татарове попередили къ Новугородку. Князи же начаша думати: иже поидемъ къ Новугородку, а тамъ уже Татарове извоевали все; поидемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту... И поидоша къ Городну, и минувшимъ имъ Волковыескъ, сташа па ночь. Ту Мьстиславъ и Юрій, утаившеся Володимера, посласта лучшіи своя Бояры воевати съ Туймою. Онъ же воевавше и легоша па ночь безъ сторожей, и доспѣхъ съ себе съимавше. Тогда же утече бѣглець отъ нихъ до города, и нача повѣдати, оже людіе лежать па селѣ безъ ряду. Пруси же и *Бортове* выѣхавше удариша на нѣ на ночь и избиша, а другыя въ городъ въведоша, и Тюйма на санехъ увезоша; бѣ бо раненъ велми. Заутра же полкомъ пришедшимъ къ городу, прибѣже къ рати Мьстиславской нагъ, и повѣда о бывшемъ... И печальни быста о семъ Мьстиславъ и Юрій за свое безуміе, а Володимерови не любо бысть на нею... и начаша промышляти о взятіи города. Столпъ бо бѣ каменъ высокъ передъ вороты, и бяху въ немъ заперлися Пруси, и не бысть мимо онь поити къ городу: побиваху бо изъ столпа того... и приступивше къ нему, взяша. Страхъ же великъ паде на бывшая въ городѣ, яко мертви стояще па заборолѣхъ... И докончаша съ горожаны тако: города имъ не имати, а своя Бояры вымати... и тако възвратишась. — Тройдену же еще княжащю въ Литвѣ» (въ 1278 году) «посла рать велику на Ляхы, и брата своего Сирпутья; бяху бо и Ятвязи тогда воеваша около Люблина по 3 дни.»

(152) «Тое же зимы преставися Князь Великый Василій, мѣзиный (меньшій) сынъ Ярославль, внукъ Всеволода *Великого*, жилъ отъ роженья своего лѣтъ 40, и преставись па Костромѣ мѣсяца Генваря» (слѣдственно уже въ 1277) «и положиша его въ церкви Св. Ѳеодора, и ту съѣздъ великъ бысть, съѣхашась Князи Борисъ и Глѣбъ, Князь Михайло Ивановичь (сынъ Іоанна Стародубскаго) внукъ Всеволожь, Княжь Дмитрей Александровичь, Князь Ѳедоръ Ростиславичь (Ярославскій, братъ Глѣба Смоленскаго), и множество Бояръ и Епискупъ Игнатій, Игумени, Попове, и множество народа, яко не слышати пѣнья въ плачѣ мнозѣ.» *Никоновск. Лѣт.* хвалитъ набожность и милость Василія.

Въ лѣтописи: «Бысть *второе* число изъ Орды отъ Царя» (въ 1272 году). Татищевъ говоритъ, что Великій Князь привезъ дань Хану по полугривнѣ съ сохи или съ двухъ работниковъ, и что Ханъ, не довольный сею данію, велѣлъ снова переписать всѣхъ людей въ Россіи.

(153) Въ *Троиц.*: «Въ лѣто 6782 приде Митрополитъ Кирилъ изъ Кыева, приведе съ собою Архимандрита Печерьскаго Серапіона, и постави его Епискупомъ *Ростову*, Володимерю и Новугороду» (Нижнему). Но въ Ростовѣ былъ тогда особенный Епископъ Игнатій.

(154) Въ *Софійскихъ Правилахъ* или Харатейной *Кормчей Книгѣ* подъ No 82 (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65), писанной въ Новѣгородѣ при Князѣ Димитріи Александровичѣ и Архіепископѣ Климентѣ, преемникѣ Далмата, бывшаго на семъ достопамятномъ Соборѣ, о коемъ не зналъ ни Сочинитель нашей *Церковной Исторіи*, ни Авторъ *Іерархіи*. Вотъ надпись: *Правила Кюрила Ми-*

*трополита Руськаго, сшьдшихся Епископъ Далмата Ноугородьского, Игнатья Ростовьского, Ѳеогноста Переяславьского, Семеона Полотьскаго, на поставленіе Епископа Сарапіона Володимирскаго.* — Въ началѣ такъ: «Преблагый Богъ нашъ, Иже все промышленіе творить нашему спасенію, и по недовѣдомымъ судбамъ Его и по всему устроенію и ухыщренію пресвятаго Его и пречистаго Духа все въ устроенную вещь въводя,» и проч. Далѣе: «Тѣмъ бо азъ Кюрилъ, смѣренный Митрополитъ всея Руси, многа убо видѣніемъ и слышаніемъ неустроеніе (въ) церквахъ, ово сице дьржаща, ово инако, несъгласія многа и грубости, или неустроеніемъ пастушьскымъ (пастырскимъ), или обычаемь неразумія или неприхоженіемъ Епискупъ, или отъ неразумныхъ (непонятныхъ) правилъ церковныхъ: *помрачени бо бѣаху прежь сего облакомъ мудрости Елиньскаго языка,* нынѣ же облисташа, рекше (то есть) истолкованы быша, и благостію Божіею ясно сіяютъ, невѣдѣнія тму отгоняще и все просвѣщающе свѣтъмъ разумнымъ,» и проч. Далѣе: «Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше Божія правила? не расѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли силніи наши Князи остріемъ меча? не поведени ли быша въ плѣнъ чада наша? не запустѣша ли святыя Божія церкви? не томими ли есмы на всякъ день отъ безбожьныхъ и нечестивыхъ поганъ? Си вся бываютъ намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ.» Далѣе: «Епискупи же, егда хотять поставить Попа или Дьякона, да истяжуть (изслѣдуютъ) житье его. . . Аще чисто — изъбряще, дѣвство съблюдъши, дѣвицю по закону приведъши и законьному снятію (совокупленію) бывшю; аще грамоту добрѣ свѣдять . . . аще будутъ не кощюньници, ни хыщници, ни пьяници, не ротники, ни сварливи. Подобаеть испытати ихъ о вещахъ грѣховныхъ, еда въ блудьствѣ Содомьстѣмъ были будуть, ли съ скотиною, ли въ руку съгрѣшеніе. . . ли въ лживѣ послушьствѣ былъ будеть, или убійство створилъ волею или нужею, или рѣзовникъ (мздоимецъ) или челяде друча (угнетая рабовъ) голодомъ и наготою . . . или дани бѣгая, или чародѣець . . . Аще кто явиться отъ святаго нашего Сбора (собора) или Игумена свящая на мьздѣ, рекомое *Посошное,* или постризая мірьскаго Попа на мьздѣ въ Игуменьство, или Попа поставляеть,» и проч. Далѣе: Пакы же увѣдѣхомъ бѣсовская еще дьржаще обычая треклятыхъ Елинъ» (въ смыслѣ язычниковъ) «въ Божествьныя праздьникы позоры нѣкакы бѣсовьскыя творити съ свистаніемъ и съ кличемь и въплемь (воплемъ) съзывающе нѣкы скаредныя пьяница, и бьющеся дрьколѣемь до самыя смерти, и възимающе отъ убиваемыхъ порты . . . аще ли явятся *спиры* (споры) творяще народы, не покоряшеся сему правилу, прокляти да будуть . . . Да не обливають никого же, но да погружають; нѣсь нигдѣ же писано обливанье, нъ погруженье въ съсудѣ отлученѣ» (особенномъ). А выше: «Увѣдѣхомъ о Божествьнѣмь крещеньи, смутнѣ нѣкако и неразумнѣ смѣшающе мюро Божествьное съ масломъ, и тако мажуть по въсему тѣлу: еже всего злѣе есть . . . мюро бы особь, а масло особь . . . По крещеніи мюромь мажемъ (въ) *чювьства* токмо загражающе первыя льсти въходъ . . . да никако же насъ не подьвигнуть чювьствы на зло: *ушима* на злослышенье, а *очима* на зловидѣнье, и *устьнама* на зловкушенье ноздрьма на злообоняніе. . . . Всякаго же по крещеніи да сподобляють пречистаго Божія тѣла и честныя крови, или въ градѣхъ, или въ селѣхъ.» — Въ исчисленіи церковниковъ именуются Подьякъ и Пономарь.

Случаи Василіева княженія, о коихъ мы не упоминали въ нашей Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1272 году по смерти Ярослава Ярославича, родился его сынъ, Михаилъ. Въ 1273 г., Дек. 20, умерла супруга Князя Глѣба Васильковича, названная въ крещеніи Ѳеодорою. Епископъ Игнатій погребъ ея тѣло въ Ростовскомъ храмѣ Богоматери. — Въ 1274 «преставися Архіепископъ Далматъ Новгородьскый Окт. въ 20, въ Суб. въ 1 часъ нощи, а заутра погребенъ бысть честно у Св. Софіи . . . Преже преставленія Далматова Посадникъ Павша съ мужи старѣйшими биша челомъ отцю своему Далмату: Господине отче! кого благословишь на свое мѣсьто намъ пастуха и учителя? *Далматъ* же нарече два Игумена, у Св. Георгія Іоанна и отца своего духовнаго Климента: кого излюбите, того благословлю. И иде Посадникъ на *Ивановъ дворъ*, и съзва Новгородци и сказа имъ слово Далматово — и возлюбиша вси Климента и благослови его Далматъ своею рукою. Новгородци же послаша Климента къ Митрополиту въ Кыевъ ставитися. — Въ лѣто 6783» (1275, Іюня 12) «огородися солнце яко кругы, а посреди круговъ крестъ; дуги сини, зелены, желты, багряны и черны; а дуги тѣ хрепьты бяхуть къ собѣ. Преставись Епискупъ Володимерьскый Серапіонъ; бѣ учителенъ и силенъ въ Божественномъ Писаньи; и положиша тѣло его въ Володимерѣ, въ церкви Св. Богородицы. . . Бысть громъ страшенъ въ Володимерѣ, и заразилъ Діякона въ церкви Св. Богородицы на выходѣ октенію глаголюща, и вси людіе падоша на колѣнехъ отъ многаго страха.» (Въ *Никон. Лѣт.*: «убиша медвѣдя о трехъ ногахъ). — Въ лѣто 6784 (1276) поставленъ бысть Ѳеодоръ, Игуменъ Св. Костянтина и Олены Епискупомъ Володимерю и Суждалю. Погорѣ весь городъ Тферь; толико осталася одина церковь.» Пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ Архіепископъ Климентъ, Авг. 2 въ Воскресенье; встрѣченный со крестами, совершилъ Литургію въ Св. Софіи. Зимою, въ Ноябрѣ, затмѣніе луны. Князь Борисъ Васильковичь женилъ Дитятрія, старшаго своего сына.

(155) См. выше, примѣч. 134, въ грамотѣ Новгородской.

(156) Такъ обыкновенно *Лѣт. Новгород.* называетъ области Великаго Княженія Владимірскаго. — Далѣе: «Новгородци же послаша по Вел. Кн. Дмитрія. . . Въ лѣто 6785 пріиде Дмитрій Переяславскій въ Новгородъ въ Недѣлю Всѣхъ Святыхъ.» Здѣсь и въ лѣтописи Попа Іоанна есть пропускъ.

(157) Князь Щербатовъ самъ нѣсколько разъ писалъ о *Ясахъ*, но забылъ ихъ, и повѣривъ иностранному Историку Дегину, говоритъ, что наши Князья ходили на какой-то Польскій народъ, обитавшій близъ источниковъ Прута: Дегинъ думалъ, что лѣтописцы Россійскіе подъ именемъ Ясовъ разумѣютъ жителей юго-западной Литвы, именуемыхъ Jazuingi въ Польской Исторіи; но сіи назывались у насъ Ятвягами (см. Т. II, примѣч. 35). Ясы, извѣстные еще со временъ Святослава I, жили напротивъ того между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ; объ нихъ мы уже нѣсколько разъ говорили. Штриттеръ пишетъ, что Ясы обитали и въ Молдавіи, ибо тамъ есть городъ Ясы: положимъ; но Князья ходили тогда въ Дагестанъ, а не въ Молдавію и не за *Днѣстръ*, какъ прибавилъ Татищевъ. (Впрочемъ имя Молдавской столицы происходитъ не отъ народа Ясовъ, по сказанію Кантемира; см. его *Описаніе Молдавіи*. До временъ Государя Молдавскаго, Стефана V, тамъ существовала одна мельница, и хозяинъ ея назывался *Яссій*; Стефанъ же, построивъ на семъ мѣ-

стѣ городъ, далъ ему имя добраго мельника). Въ *Воскресенск. Лѣт.* II, 291: «за рѣкою Теркомъ на рѣцѣ на Севенцѣ, подъ городомъ подъ Тетяковымъ, минувше горы высокія, Яськія и Черкаскія, близъ Воротъ Желѣзныхъ» (или Дербента). Россіяне взяли Дедяковъ или Тетяковъ (нынѣ Дивенъ или Дедухъ, какъ вѣроятно) 8 Февраля. Византійскіе Лѣтописцы сказываютъ, что многіе Алане или Ясы ушли отъ ига Татарскаго въ Греческія владѣнія, хотѣли послѣ возвратиться въ свою землю, и были истреблены на пути (Memor. popul. III, 1098; см. также Карпина, въ Бержер. Voyages, 58, 64, и Рубрукв. 138).

(158) «Въ лѣто 6786 (1278) Кн. Глѣбъ Васильк. ожени сына своего, Михаила, Ѳедоровною Ростиславича Ярославьскаго и вѣнчанъ бысть въ церкви Св. Богородици въ Ярославлѣ Епископомъ Игнатьемъ Іуля въ 31, ту сущю Глѣбу съ сыновцемъ своимъ Костянтиномъ (Борисовичемъ) и Князю Давиду Костянтиновичу» (внуку Ярослава Всеволодовича, зятю Ѳеодорову) «Галичьскому и Давиду Явидовичю.,. и посла Глѣбъ сына своего, Михаила, въ Орду на войну съ сватомъ своимъ Окт. 11... Тое же зимы въ Филипово говѣнье преставися, живъ отъ роженья своего лѣтъ 41.»— О Лаханѣ см. въ Memor. popul. III, 1067 и слѣд.

(159) Въ *Новогород.* рукописной: «Кн. Димитрей съ Новгородци и съ всею Низовьскою землею казни Корелу,» и проч. Ниже сказано: «Того жь лѣта *Дмитрей* Тетяковъ взялъ;» но Великій Князь не былъ въ Ясскомъ походѣ: а Дедяковъ и Тетяковъ есть одно, вопреки *Арханг. Лѣтописцу*, полагающему сей городъ въ землѣ Корельской. — Въ *Троицк.* сказано, что Вел. Князь, ходивъ на Корелу съ Новогородцами и Суздальцами, привелъ оттуда множество плѣнниковъ. — Въ *Воскр. Лѣт.*: «въ лѣто 6787 (1279) В. К. Дмитрей сруби городъ Копорью.» Въ *Новогород.* рукописной: «Въ лѣто 6788 Князь Дмитрей и съ Посадникомъ Михаиломъ и съ болшіи мужи ѣхавше обложиша градъ каменъ Копорью.» — Что Димитрій поссорился съ Новогородцами за Копорье, ясно открывается въ послѣдствіи (см. ниже). — Въ *Воскр. Лѣт.*: «Князь же послушавъ молбы его (Климентовой) и взя дары отъ него, и миръ створивъ възвратися.»

(160) «Борисъ Василькович разболѣвся въ Ордѣ, тамо и преставись (въ 1277 году) Сент. въ 16 день. Князь же Глѣбъ плакася велми по братѣ. Княгиня же Марья, вземши тѣло Князя своего, съ сыномъ съ Дмитріемъ повезе на Русь въ Ростовъ, и Епискупъ Игнатій со Игумены положиша его въ церкви Сборной на лѣвой сторонѣ Ноября въ 13, и плакася по немъ весь градъ.» *Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что Княгиня Марія не допустила супруга своего постричься передъ кончиною, въ надеждѣ на его выздоровленіе. Далѣе: «Въ лѣто 6786 (1278) Князь Глѣбъ Ростовскій пріѣха изъ Татаръ, бывъ на войнѣ съ сыномь своимь и съ сыновцемъ Костянтиномъ, приведе съ собою полонъ многъ; пріѣха въ свой градъ Ростовъ во чести велицѣ въ Недѣлю всѣхъ Святыхъ, Іюля во 12.» — Въ *Троицк.*: сесь (Глѣбъ) отъ уности своея по нахоженьи поганыхъ Татаръ нача служити имъ, и многи Хрестьяны обидимыя отъ нихъ избави, и печальныя утѣшая, брашна своего и питья нещадно требующимъ подавая... и многи церкви созда и украси иконами и книгами... Тихо и кротко испусти душю, поболѣвъ 7 дней, а въ 8 преставись, Дек. въ 13... Вси людье града Ростова стекошась на дворъ его, плачемъ великимъ плакаху... Епискупъ же Игнатій со Игумены и съ Попы принесоша тѣло въ Сборную церковь и положиша честно.» Въ лѣтописи такъ называемаго *Каменнаго* монастыря, нѣкогда славнаго, бывшаго на островѣ Кубенскаго озера, близъ Вологды, сочинитель, старецъ Паисей-Ярославъ, разсказываетъ, что Князь Глѣбъ Васильковичъ, ѣхавъ однажды съ Бѣлаозера въ Устюгъ водою, едва не утонулъ на Кубенскомъ озерѣ во время сильной бури, и присталъ (Авг. 6) къ Каменному острову, гдѣ жили 23 пустынника, которые молились Богу въ часовнѣ, укрываясь отъ злобы язычниковъ, обитавшихъ тогда вокругъ сего озера; что Глѣбъ, основавъ тамъ монастырь и деревянную церковь Св. Преображенія, поручилъ оную старцу Ѳеодору. Далѣе сочинитель пишетъ: «Пойде оттуда Князь Глѣбъ по Кубенскому озеру къ великой рѣкѣ Сухонѣ, яже течетъ въ Студеное море Океанъ, и пріиде ко острову ко Кривой Лукѣ, около два поприща, а поперекъ яко верженіе каменю. Князь же перекопа, и потече тѣмъ рвомъ великая рѣка Сухона, и крестъ поставилъ, и оттолѣ зовется *Княже Глѣбова прость;* и оттолѣ пойде къ Вологдѣ рѣкѣ, и тамо такожде перекопа и крестъ поставилъ, и оттолѣ зовется *Княже Глѣбова прость* и до сего дне.» Первымъ Игуменомъ монастыря Каменнаго былъ Діонисій, пришедшій въ Москву къ Димитрію Донскому изъ Царяграда и жившій долго въ монастырѣ Богоявленскомъ. Сей Діонисій скончался Епископомъ въ Ростовѣ. — Въ обители Каменной постригся и кончилъ дни свои Св. Князь Іоасафъ Димитріевичь Заозерскій, внукъ Василія Ярославскаго. Она давно уже переведена въ самый городъ Вологду.

Далѣе въ лѣтописяхъ: «Князь Дмитрій Борисовичь отъималъ (въ 1279 году) волости у Князя Михаила Глѣбовича съ грѣхомъ и съ неправдою, абы ему Богъ пробавилъ» (простилъ)... «Нача наряжати ратныя полки въ Ростовѣ; блюдася братьи, городъ весь замяте.» *Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что Епископъ Игнатій ѣздилъ къ Вел. Князю въ Владиміръ.

(161) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ названы Воеводы Ханскіе Кавадыемъ и Алчедаемъ. «И кресты честные... И пелены пограбиша, и у всѣхъ церквей двери высѣкоша... По селомъ скотъ и *жита* пограбиша.» *Никон. Лѣт.* вымышляетъ, что Димитрій не хотѣлъ слушаться повелѣнія Ханскаго и думалъ оборонятся. Въ *Троицк.*: «Князь же Вел. Дмитрій выбѣжа изъ Переяславля въ малѣ дружинѣ.»

(162) Въ житіи Довмонта сказано: «испроси за себе К. Довмонтъ у В. К. Димитрія Александр. дщерь Княгиню Марью.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Димитрій бѣжалъ за море, а Татищевъ прибавляетъ, что онъ нанялъ за моремъ войско. — К. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ въ Недѣлю Сыропустную.

(163) Въ *Воскр. Лѣт.*: «Князь Андрей пойде изъ Новагорода въ Володимерь, поимя съ собою Новгородцевъ Семена Михайловича и иныхъ: бояше бо сь брата своего Князя Дмитрія (бѣ бо въ то время въ Переяславли), и дошедъ Володимеря, отпусти Новгородцевъ назадъ, а самъ иде на Городець и въ Орду. А Семенъ пріиде въ Торжекъ и сѣде въ немъ засадою... Тогожь лѣта (1282) *Святославъ Александровичь (Ярославичь)* со Тферичи и Князь Данило Александровичь съ Москвичи и Новгородци поидоша ратью на Дмитрія къ Переяславлю,» и проч. *Новогородскій* же *Лѣт.* Попа Іоанна несправедливо относитъ сей походъ къ 1283 году: ибо Андрей тогда уже былъ въ мирѣ съ Димитріемъ, по харатейной Суздальской или *Троицкой* и всѣмъ другимъ лѣтописямъ. Въ *Никонов.* прибавлено, какъ Димитрій жаловался Богу на своихъ гонителей, и проч. Не только *Никонов.*, но и *Ростов. Лѣтописецъ* называетъ

здѣсь Святослава *Ярославичемъ* (См. выше, примѣч. 125). — Далѣе: «Того же лѣта бысть другая рать на Князя Великаго: приде Князь Андрей изъ Татарь, а съ нимъ рать Татарская, Тура и Темерь Алынъ, а съ ними Семенъ Тонигліевичь въ Воеводахъ, и створи зло земли Суждальской тако же, якожь и преже сказахомъ.» По словамъ *Никон. Лѣт.* Андрей донесъ Хану, что Великій Князь не хочетъ платить дани Моголамъ. О Ногаѣ см. выше, въ описаніи 1263 году, стр. 92. Татищевъ прибавилъ, что Ногай обиталъ на Волгѣ.

(164) Братъ Мангу-Тимура: см. Дегина Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 346. Далѣе въ лѣтописи: «Два Боярина, Онтонъ и Өофанъ (Өеофанъ), убиша Княжимъ повелѣньемъ на Костромѣ Семена Тонигліева, коромольника (крамольника) льстиваго,» и проч. *Никон. Лѣт.* украшаетъ все по своему. Онъ сказываетъ, что Андрей, узнавъ о смерти любимца своего, началъ снова злобиться на брата.

(165) «Въ лѣто 6792 (1284) пріиде Князь Андрей въ Торжекъ и позва къ себѣ Семена Посадника съ всѣми старѣйшими, и крестъ цѣлова, а Новгородци къ нему, како Андрею не сътупитись Новагорода, а Новгородцемъ не искати иного Князя... Самъ пойде на Низъ, и тамо сътупися брату Дмитрію стола Новагорода.» Миръ заключенъ былъ въ Димитріевомъ станѣ на Боричкѣ. О Волокѣ см. въ *Новгородск. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 565.

(166) То есть, потомки Святослава-Ольговича Сѣверскаго, внука Святославова и правнука Ярослава Великаго. Въ описаніи Калкской битвы упоминалось о Курскомъ Князѣ Олегѣ, а въ 1241 году Татары убили Рыльскаго Князя, Мстислава: см. выше, примѣч. 20. Въ рукописной книгѣ о *градѣ Курскѣ* сказано, что онъ былъ разоренъ Батыемъ: «и оттолѣ многія годы пребывая пустъ, окрестности же и весь уѣздъ онаго велінмъ древесемъ поростоша, и многимъ звѣрямъ обиталища быша, и отъ стоящихъ близъ того положенія града Курска изъ Рыльска и изъ иныхъ градовъ, людіе хождаху туда прибытка ради своего звѣрей ловити.» — *Воргол*ъ есть нынѣ село Орловской Губерніи, въ Елецкой Округѣ. — Вѣроятно, что древній Липецкъ былъ тамъ же, гдѣ и нынѣшній, основанный на какихъ-то старыхъ *развалинахъ*. Тамошняя гора (на коей во времена Петра Великаго стояла отмѣнно высокая липа) и теперь называется *городищемъ*. Имя *Липецкаго лѣса* и рѣчки Липецки есть древнее. Въ лѣтописи сказано, что Князь Липецкій ушелъ въ лѣса *Воронежскіе*: а городъ Липецкъ, какъ извѣстно, находится на берегу *Воронежа*.

Ханъ Тулапъ-Мангу добровольно уступилъ престолъ Телебугѣ или Тула-Бугѣ (см. Дегин. кн. XVIII, 347). — Слободы Ахматовы были разорены въ 1283 году. *Никон. Лѣт.*, говоря о семъ Баскакѣ, прибавляетъ: «овогда сами Князи (Россійскіе) на своихъ Княженіяхъ збираху дани и отвожаху въ Орду, овогда же Ординскія гости своея ради корысти откупаху дани въ Русскихъ Княженіяхъ.»

(167) «Суть ти въ его Княженьи ловища лебединыя, ать (да) ловитъ съ твоими сокольники лебеди.» — Далѣе въ *Троицк.*: »Половина рати Татарскіѣ погналися за Князьями, а другіе изнимали Бояръ старѣйшихъ 13, и стояша денъ 20 воююче... Егла же придоша Татарове, гонявшесь по Олзѣ и по Святославѣ и не обрѣтше ею (ихъ двухъ), наутріе выдаше Ахмату Бояръ изниманныхъ и черныхъ людей, рекуще: *кого убьешь, кому животъ даси, ты вѣдай*... Бяше бо привезено па побоище то много людей, скованы по два въ Нѣмецьскихъ желѣзѣхъ; бяху бо изымани *паломницы нѣціи гости*: егда же изби Бояръ, и повелѣ *паломницы* тѣ пустити, а порты повелѣ давати *паломникомъ* избитыхъ Бояръ» (то есть, порты избитыхъ Бояръ) «река имъ: вы есте *гости-паломници;* ходите по землямъ, тако молвите: *кто иметь держати споръ съ своимъ Баскакомъ, тако же ему будетъ.*» Въ *Воскр. Лѣт.* Ч. II, стр. 266: «бѣ же ту переимани и *переходници*, иже *ходятъ по землямъ милостыни просяще.*» *Никон.* пишетъ: «гости Нѣмецкіе и Цареградскіе!» *Паломниками* назывались или вообще странники или богомольщики. Такъ Игуменъ Даніилъ въ путешествіи своемъ именуетъ себя *паломникомъ* (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 211). Сіе слово можетъ быть Скандинавскаго происхожденія. Ире въ своемъ Лексиконѣ замѣчаетъ, что Исландцы называли богомольщиковъ *Пальмарами*, отъ слова Palm, т. е. *посохъ* (и нынѣ у Англичанъ Palmer знаменуетъ странника). Думаютъ, что посохи людей, путешествующихъ къ Святымъ Мѣстамъ, названы симъ именемъ въ память побѣдъ, одержанныхъ тамъ Христіанами надъ невѣрными. — Далѣе: «Трупья Бояръ тѣхъ избьеныхъ повелѣ (Ахматъ) по деревью извѣшати, отъимая у всякого голову, да правую руку; и начаша Бесермени вязати головы къ торокомъ Боярскіе, а руки вкладоша въ судно (сосудъ), и вставиша на сани и поидоша отъ Воргола: пришедше въ села, и потомъ въ *Туровъ*» (не село ли Труды въ Елецк. Округѣ?) пометаша головы и руки псомъ на изъѣдь.» Далѣе: «Пойде Ахматъ въ Орду... И *уставиша ясакъ, съ котораго стану человѣкъ, и потнуть* и (зарѣжутъ), и бяше видѣти дѣло стыдко и велми страшно, а хлѣбъ въ уста не идеть отъ страха.» Въ *Воскр.*: «идуще жь (Ахматъ) къ Ордѣ, изъ котораго стана пошедше, ту потинаху человѣка на всякомъ стану.» Слѣдственно Ахматъ во всякомъ жительствѣ, гдѣ останавливался, убивалъ по человѣку? Далѣе. «Въ лѣто 6792 (1284) два Бесерменина изъ свободы въ другую идоста, а Руси съ нима болѣ 30 человѣкъ. Се же слышавъ Липовецьскый» (въ другомъ мѣстѣ: *Липецьскій*) «Князь Святославъ, здумавъ съ своими Бояры и съ дружиною безъ Олговы думы, достерегся на пути и розбой створи; самѣ два братаника та утекли, а Руси избилъ 25, да два Бесерменина... Того же лѣта, по Велицѣ дни, въ Недѣлю Өомину, побѣгоста 2 братеника къ Курьску, и наутрія въ Понедѣльникъ разбѣжася вся свобода та, тако же и другая.» — Болтинъ пишетъ (см. его *Примѣчанія на Леклера*, I, 344), что жители Ахматовыхъ слободъ были Черкасы и назывались Казаками; что они бѣжали къ Баскаку въ Каневъ и построили городокъ Черкаскъ, и проч. Можно ли такъ смѣло выдумывать? можно, какъ Татищевъ и Болтинъ думали. Далѣе: «посла (Олегъ) послы ко Святославу, глаголя: чему еси затерялъ правду? възложилъ еси имя разбойниче и на мене и на себе. Зиму съ (зимою) еси ночи ударилъ разбоемъ на свободу, а нонѣ еси на пути розбилъ; а вѣси обычай Татарьской; да и въ насъ въ Руси лихо есть розбой учинити... А еще не идешь ни къ *своему* Царю, ни къ Ногаю на исправу. Пришедъ изъ Орды съ Татары, уби (Олегъ) Святослава по Цареву слову.» *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что Святославъ умертвилъ посла Ахматова, желавшаго примирить его съ Баскакомъ. — Хотя Телебуга покровительствовалъ Олега и самъ велѣлъ ему убить Святослава, но Лѣтописцы не говорятъ, чтобы Александръ за вину брата и собственную былъ наказанъ Моголами. *Никон.* сказываетъ, что Ханъ велѣлъ Александру убить Олега, и проч. — Лѣтописецъ, говоря, что Богъ наказывалъ Россію за неправду людей, прибавляетъ; «мню же, и Князей ради,

320

понеже живяху въ которѣ (враждѣ); много имамъ писати, но то оставимъ.» Очень скромно!

(168) Въ *Воскресен.*: «Въ лѣто 6793 (1285) Андрей приведе Царевича изъ Орды и много зла сотвори Христіяномъ; братъ же его Дмитрій, собравсся съ братьею, Царевича прогна, а Бояръ Андреевыхъ изнима.» (Сего извѣстія нѣтъ ни въ *Пушкин.* ни въ *Троицк.*)... «Умножишесь тогда Татаръ въ Ростовѣ, и гражане створше Вѣче и изгнаша ихъ, и имѣніе ихъ разбиша. Князь Константинъ Борисовичь иде въ Орду.» Въ 1286 году Димитрій и Константинъ Борисовичи раздѣлились между собою: первый взялъ себѣ Угличь, по смерти тамошнихъ Князей, Андрея и Романа Владиміровичей, внуковъ Константина; а вторый область Ростовскую: но въ 1289 Димитрій опять переѣхалъ княжить въ Ростовъ передъ изгнаніемъ Татаръ. Въ Устюжскомъ Лѣтописцѣ сказано: «Князи Ростовскіе Димитрій и Константинъ Борисовичи раздѣлили наслѣдіе свое, и по жребію достался Димитрію *Углечь Поле*, да Бѣлоозеро, а Константину Ростовъ да Устюгъ: онъ же тогда пріиде жити на Устюгъ Великій.» (*Никон. Лѣт.* говоритъ, что Димитрій Борисовичь и братъ его тогда же ѣздили въ Орду съ своими Княгинями, и что Ханъ отпустилъ ихъ съ честію)... Далѣе въ лѣтописяхъ: «Оженися (въ 1286 году) Князь Иванъ Переяславскій, сынъ Князя Великаго Дмитрія, у Князя у Дмитрія Борисовича Ростовьского... Заратись Царь Тохта съ Телебугою Царемъ и со Алгуемъ, и побѣди Тохта Телебугу» (въ 1291 году). Въ *Новогород.* подъ тѣмъ же годомъ: «Бысть мятежь въ Татарѣхъ: Царь Ногуй уби Телебугу Царя и Алгуя Царя.» См. также Деги. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 348. *Никон. Лѣт.* говоритъ и прежде о бывшихъ возмущеніяхъ въ Ордѣ.

(169) Въ *Воскресен.*: «Въ лѣто 6800 преставися Александръ, сынъ Великаго Князя Дмитрія Александровича, въ Ордѣ.» О зятѣ Ногаевомъ см. выше, стр. 70. *Никон. Лѣт.* въ числѣ Князей, ходившихъ жаловаться на Димитрія, именуетъ Ростовскихъ, Михаила Глѣбовича и даже Епископа Тарасія. По *Троицк.* Димитрій ходилъ къ Твери въ 1287 году, а по *Новогород.* въ 1289. «Идоша Новгородци съ Посадникомъ Андреемъ, и пожгоша волости, и взяша миръ.» Обманутый хронологическимъ несогласіемъ Суздальскаго и Новогородскаго Лѣтописца, *Никонов.* говоритъ о *двухъ* войнахъ Великаго Князя съ Михаиломъ, и еще о третьей съ нимъ же Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго. Прежде княжилъ въ Твери старшій Михаиловъ братъ, Святославъ (см. выше, примѣч. 163), сынъ первой супруги Ярослава. Въ 1294 году еще упоминается о *Святославѣ* (см. ниже, примѣч. 172); но онъ не названъ *Княземъ*. — Во многихъ лѣтописяхъ сказано только, что Андрей жаловался на Димитрія *Царю* Татарскому, и что Царь далъ ему брата своего съ войскомъ; но въ другихъ наименованъ Ногай. На примѣръ, въ рукописной, хранящейся въ Синодальн. библіотекѣ подъ No. 349: «бише челомъ Князь Андрей на Князя Дмитріа Цареви Ногую.»

(170) Въ *Троицк.*: «Услыша Тферичи своего Князя Михаила идуща изъ Орды, и взрадовашась; и пріѣха напередъ Князя Бояринъ Гаврило Юрьевичь; на заутріе Князь... И тако же зло сдѣяша (Татары): Волокъ взяша, а люди изъ лѣсовъ изведоша; и поидоша паки къ Переяславлю и въ свояси... И сѣде на столѣ (Андрей въ Новгородѣ) въ Недѣлю Сыропустную.»

(171) Глѣбъ Смоленскій умеръ въ 1277 году, братъ его Михаилъ въ 1279, а Ѳеодоръ Ростиславичь *Черный* сдѣлался Княземъ Смоленскимъ въ 1280; въ 1281 году онъ уже возвратился въ Ярославль; въ Родословныхъ Книгахъ несправедливо сказано, что Александръ Глѣбовичь выгналъ его изъ Смоленска въ 1294 году. — О Романѣ: «въ лѣто 6793 (1285) Князь Романъ Бряньскій (а не Пронскій) приходилъ ратью къ Смоленьску, и бился у города, и пожже пригородье, и отъиде прочь въ своясн.» Въ нашихъ Родословныхъ Книгахъ сказано, что *Романъ*, сынъ Св. Михаила Всеволодовича, убитъ въ Ордѣ, и что отъ него пошли Князья Осовецкіе.

(172) «Князь Великій иде въ свою отчину мимо Торжекъ: Князь же Андрей перея его на броду. Самъ же Князь Дмитрій препроводился чрезъ рѣку, а казны и вьючнаго товара не успѣли перепровадити.» Въ *Новогород.* Попа Іоанна: «того жь лѣта и говѣнія Князь Андрей съ Посадникомъ Андреемъ и съ вятшими мужи иде въ Торжекъ Дмитрея перенимать, а Дмитрей бѣжа изъ Плескова въ Тферь, и присла въ Торжекъ Владыку Тферьского и Святослава (см. выше, примѣч. 169) съ поклономъ къ брату Андрею и къ Новогородцемъ; съсылающеся послы, взяша миръ, а *Волокъ* опять *Новугороду*.

Съ чего взялъ Князь Щербатовъ, что Андрей уступилъ Димитрію престолъ Великаго Княженія, снискавъ оный столь ужасными бѣдствіями для Россіи? Такое дѣло осталось бы неизъяснимою загадкою. Въ Лѣтописяхъ сказано, что Димитрій *билъ челомъ* брату своему: слѣдственно уступилъ ему право Княжескаго старѣйшинства. Въ *Новогород. Лѣт.*: «Андрей посла Посадника изъ Торжку въ Новгородъ, а самъ иде на Низовскую землю» — то есть, въ Великое Княженіе, а не въ *Городецъ*, какъ пишетъ *Никон. Лѣт.*, прибавляя, что сынъ Димитріевъ, Іоаннъ, тогда же получилъ себѣ въ Удѣлъ Кострому. — Далѣе: «Преставися Князь Великій Димитрій въ Черньцѣхъ и въ Схимѣ на пути близъ Волока — и везоша его въ Переяславль,» по харатейнымъ въ 1295, а по всѣмъ другимъ въ 1294 году.

О знаменіяхъ и бѣдствіяхъ: «Тое же зимы (въ 1277 или 1278 году) бысть знаменье въ солнцѣ мѣсяца Февраля: огородилось бѣ лугами, а средѣ дугъ крестъ, а внѣ дугъ 4 солнца, а наверхъ солнца дуга велика на Сѣверъ роги. — Тое же зимы (въ 1278) мнози человѣци умираху различными недуги. — Того же лѣта (1280) быша громове страшни, и вѣтри мнози, и вихри велици, и буря силна, и молонья многа, и много людій громъ побилъ, и мнози молньями опалени быша; инде же вихоръ силенъ весь дворъ изъ основанья возма и съ людми и со всѣмъ, и прочь несе. Тое же зимы бысть знаменье на небеси, облакъ бѣ огненъ на западныхъ странахъ, и на всю землю искры идяху, и постоявъ мало, погибе. Въ лѣто 6798 (1290) бысть знаменье въ лунѣ; бѣ бо кровава, и приложись во тму. — Осени тоя (въ 1292) бысть знаменье страшно на небеси; стояше бо на воздусѣ яко полкъ воинскый на полуденьѣ и на полунощьѣ тѣмъ же подобьемъ.»

(173) «Въста на него (Симеона Мих.) весь Новгородъ безъ исправы (суда); поидоша изъ всѣхъ *Концевъ* яко силная рать, всякый въ оружіи: бѣ бо жалостно видѣніе... Лежавъ (Симеонъ) нѣколико дніи, преставися Іуля въ 16, въ Понедѣльникъ... Тогожь говѣнья» (по нынѣшнему лѣтосчисленію въ 1291 году) «Похвальной недѣли въ Вторникъ убиша Самоила Ратьшинича на Владычнѣ Дворѣ у въсхода у Рожества Христова по заутрени: Новгородци же съзвониша Вѣче у Св. Софьи и у Св. Николы, и сподошась въ доспѣсѣ, взяша улицу Прусскую и домы ихъ разграбиша, пожгоша улицу всю, и церковь Св. Богородицы сгорѣ.» *Никон. Лѣт.* вздумалъ назвать убитаго

Ратьшинича Посадникомъ. . . «Того жь лѣта грабиша коромолници торгъ, и заутра сътвориша Вѣче Новгородци, свергоша два коромолника съ мосту.» О дѣлахъ внѣшнихъ: «Внидоша Нѣмци (въ 1283 году) ратію Невою въ озеро Ладожьское, и избиша Новгородцевъ Обонѣжьскихъ купцевъ, и идоша Ладожане въ Неву, и бишася съ ними.» Сіи *Нѣмцы* могли быть и Шведы: ибо послѣдніе также называются иногда общимъ именемъ Нѣмцевъ. Въ описаніи приступа Новгородцевъ къ Финляндскому городку Ванаю (въ 1311 году) сказано: «Нѣмци взбѣгоша на дѣтинецъ:» тутъ говорится именно о Шведахъ (см. *Новогород. Лѣт.* 167). Далѣе, въ 1284 году: «Новгородци же съ Посадникомъ Сменомъ и съ Ладожаны сташа на усть Невы, и дождавше избиша ихъ, Сент. въ 9... Ходиша молодци Новгородскіи съ Воеводами съ Княжими на Емьскую землю, и воевавше придоша вси здравіи. Въ то же лѣто (1292) приходиша Свѣя воевать въ 800: 400 иде на Корелу, а 400 на Ижеру, и избиша ихъ Ижера, а Корела изби своихъ, а иныхъ руками изымаша . . . Того жь говѣнія (въ Вел. постъ 1294 году) посла Князь *Великій* Андрей Князя Романа Глѣбовичь (Смоленскаго) и Юрья Мишинича, Андреяна Тысяцскаго вмалѣ Новгородцевъ къ городу Свѣйскому, и пришибошась (приступили) въ Вторникъ на Похвальной недѣли крѣпко, и застрѣлиша съ города мужа добра Иванъ Клекачевичь, и мнози ранени быша. Той же нощи по грѣхомъ нашимъ бысть оттеплѣе, росполися вода подъ городомъ, а конемъ не бысть корма, и отъидоша . . . А Іоаннъ Клекачевичь преставись съ той раны.» — Грамота Короля Биргера напечатана въ Дрееров. книгѣ Specimen juris Publici Lubecensis, стр. CLXXIV. О свирѣпости Корельскихъ разбойниковъ говоритъ онъ: Paganos Karelos qui multis retroactis temporibus latrocinia, spolia et infinita enormia, nulli parcentes sexui, statui vel ætati, utpote vivos excoriando (у живыхъ вырѣзывали внутренность), captivos plurimos eviscerando, diversorum tormentorum genera nostris non tantum, sed et plerisque mare orientale visitantibus inferebant, ob unitatem fidei catholice dilatandam, miserorum miseriis condolentes, divina clementia convictos, ad fidem convertimus christianam (многіе изъ нихъ и прежде были Христіане: см. Т. III, стр. 148; но Король подъ именемъ Христіанской разумѣетъ только Латинскую Вѣру), et cum ingenti exercitu ac sumptibus laboriosis castrum *Wiborg* ereximus ad honorem Dei Virginisque, и проч.

(174) Въ *Новогород.*: «той же зимы (1285) Литва волость воеваша.» Въ *Троицк.*: «Литва воевала Тферскаго Владыки волости, и Олешну и прочіи, и совокупившеся . . . биша Литву на лѣсѣ въ канунъ Спасову дни.»

(175) Сообщаемъ здѣсь всѣ остальныя извѣстія *Волынск. Лѣтописца*, изъ коихъ мы внесли важнѣйшія въ Исторію.

«По томъ же лѣтѣ» (въ 1279 по Ипатьев.) «голодъ бысть и въ Руси и въ Ляхохъ и въ Ятвязѣхъ. . . и Ятвязи послаша къ Володимерови: не помори насъ; пошли къ намъ жито свое продавать, а мы купимъ; чего ли въсхочешь: воску ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, бѣли ль, сребра ли, мы ради дамы. Вълодимеръ же изъ Берестія посла къ нимъ жито въ лодьяхъ по Бугу . . . и възыдоша на Наровь, и поидоша по Нарви . . . и пріидоша подъ Полтовескъ, и сташа на ночь, и тамо избиты быша; жито поимавше, а лодьи потопиша. Вълодимеръ же къ Кондратови, брату своему, слаше, тако река: подъ твоимъ городомъ избиты мои людіе . . . Кондратъ же запрѣ: я не избивалъ, а не вѣдаю, кто избилъ . . . Повѣдилъ Володимеру уй его (Конрадовъ) на сыновца своего, тако река: безъ лѣпа ти ся приль» (запирается) «а самъ ти избилъ и твоя люди. . . Болеславъ же рече Володимерови: увѣлайся съ нимъ. . . Володимеръ же посла рать, и воеваша по сей сторонѣ Вислы... Кондратъ же присла къ Володимеру. . . и умирися съ нимъ.

«Того же лѣта преставися Болеславъ Краковскый, добрый и тихый. . . и не бысть у него сына, и въсхотѣ собѣ Левъ земли; но Бояре бяху силніи и не даша ему земли. . . и посадиша Лестка въ Краковѣ . . . Левъ въсхотѣ собѣ части на украйнѣ, и ѣха къ Ногаеви . . . Онъ же да ему въ помочь Кончака и Козѣя и Кубатана. Зимѣ же приспѣвшей, поидоша Левъ радъ съ Татары и съ сыномъ своимъ Юріемъ, а Мьстиславъ и Володимеръ и сынъ *Мьстиславль, Данило*, неволею къ Судомиру. . . и перейдоша Вислу по ледови подъ самѣмъ городомъ, первѣе Левъ съ своимъ полкомъ и съ сыномъ, и по немъ Мьстиславъ и сынъ ему Данило; по нихъ Татарове. . . и сташа около города. . . И поиде Левъ къ Кракову. Володимеръ же бѣ назадѣ у города, и начаша ему повѣдати осѣкъ въ лѣсѣ полнъ людей и товара. . . Вълодимеръ же отряди къ нему люди добрыя и Кафилата, съ ними же и Селезенци» (Силезійцы) . . . «и бишась съ ними крѣпко; одва могоша взяти . . . Бысть же идущю ему (Льву) полкы своими, начаша расходитися воевать, и Богъ учини надъ нимъ волею Своею: убиша Ляхове отъ полку его много Бояръ и Татаръ часть, и возвратися Левъ назадъ съ безчестіемъ. Противу же сему Лестко иде на Лва (въ 1281 году) и взя у него городъ Переворескъ, и изсѣче весь и городъ зажже и поиде назадъ во свояси.» Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи сказано, что Поляки взяли и Львовъ. О числѣ убитыхъ см. Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 820.

Начинается война между Конрадомъ и Болеславомъ Мазовскими. За перваго вступается Владиміръ Васильковичь и требуетъ содѣйствія отъ Юрія Львовича, который, поручивъ ему свою дружину, ѣдетъ жениться въ Суздальскую землю. Далѣе: «Володимеръ же пойде къ Берестію. . . и Холмяне пріидоша, и Туйма Воевода, и пойде Володимеръ къ Мѣлнику, изъ Мѣлника же отрядивъ Воеводу Василька, Князя Слобимского, и Жилислава и Дуная . . . и пойдоша въ Ляхы. Володимеръ же пославъ баше посолъ напредъ къ Кундратови: бяху бо у него Бояре невѣрніи, абы не дали вѣсти Болеславу. Посолъ же поча молвити при всѣхъ: *радъ быхъ ти помоглъ, но не лзи; замяли нами Татарове*. . . и емъ Князя за руку, и выйде съ нимъ, и поча повѣдати: *лодія наряди... рать будеть заутра»* . . . (Соединяются и доходятъ до Сохачева) «Кондратъ ведя его къ Гостиному: то бо баше милое мѣсто Болеславле и сташа около города и Кондратъ нача ѣздя молвити: братья моя милая Русь! потягните за одино сердце . . . и полеза подъ заборола, а другіи полци стояху недвижимо стерегучи... Ляхове пущаху каменіе... по стрѣлы ратныхъ не дадяша имъ ни выникнути, и начаша пободыватися копіи... и взяша городъ... и зажгоша... и възвратишась въ свояси... Василько Князь Слонимскій посла предъ собою вѣсть Господину своему, Князю Володимеру. . . и радъ бысть, аже дружина его вся цѣла; токмо два бѣста убита въ изгонѣ: единъ Прусинъ, а другій Дворный слуга любимый, сынъ Боярскій Михалевичь, именемъ Рахъ. Идущимъ полкомъ мимо Сохачева, и ѣхаша на село человѣкъ съ 30, и Блусъ съ ними же Юріевъ . . . и удари на нихъ Болеславъ.... Дружина же устремишась на бѣгъ съ Блусомъ; сіи же два не побѣгоша. Прусинъ съѣ-



321

хася съ Болеславомъ, и ту убіенъ бысть; а Рахъ уби Боярина Болеславля, и самъ прія конецъ побѣдный. . . Посемъ же Володимеръ поѣха изъ Берестія до Володимеря.

«Бысть по сихъ (въ 1282 году) идущю беззаконному Ногаеви и Телебузѣ на Угры... велѣша пойти съ собою и Рускымъ Княземъ. . . Володимеръ же бяше тогда хромъ: тѣмъ и не иде, но посла рать съ Юрьемъ, сыновцемъ своимъ . . . Болеславъ же, усмотрѣвъ время, пришедъ въ двусту, воева около Щекарева, и взя 10 селъ, творяше бо ся, акы всю Русь взялъ. Посемъ же Левъ отпущенъ бысть, вшедъ въ Угорскую землю, пріѣха домовь . . . и посла къ Володимеру, река: брате! възведи Литву на Болеслава. Володимеръ же посла Дуная. Литва же обѣщася: *Володимеръ добры Княже! можемъ за ти головы своя сложити*... Левъ же и Володимеръ парядиста рать... и въ Берестіи ожидающимъ, Литва не приспѣ на рокъ. . . и Левъ посла Воеводу Туйма и Василька Бельжанина и Рябця, а Володимеръ Василька Князя и Жилислава, и Оловянца и Вншту . . . и начаша воевати около Вышегорода . . . Посемъ пріидоша Литва къ Берестію . . . Князь же нача думати, абы куда ихъ повести: своя бо рать ушла бяше уже далече на Болеслава, а уже рѣкы ростекаются, и воспомяну, иже преже того Лестко пославъ Люблинець, и взялъ у него село на Вокрайници, именемъ Воинъ... И посла пань Литву... Въ прежреченна же лѣта, коли Лестко взя Переворескъ и Лвовъ, Ляхове воеваша у Берестія по Крѣснѣ, и взяша селъ 10. . . Берестіяне же гнаша по нихъ; бяше бо Ляховъ 200, а Берестіянъ 70, и Воевода Титъ, словый мужествомъ и на ратехъ и на ловѣхъ . . . И побѣдиша Ляхы, и убиша ихъ 80.

«Идущю же Ногаеви и Телебузѣ воевати землю Угорскую, Ногай пойде на Брашевъ, а Телебуга поперекъ горъ . . . и бысть въ нихъ голодъ . . . Самовидци же рекоша, умръшихъ бысть 100,000.

«Болеславу же Князю, еще исполнившуся своего безумія, и не престаяше злое творя... Володимеръ же възведе Литву. Юрій съ ними же идяше на Болеслава, и яко быша въ Мѣлници, присла къ нему отець, река: *не ходи съ Литвою;* убилъ я Князя ихъ Воишелка: любо въсхотятъ месть учинити. Юрій же не иде, но посла рать свою . . . И взяша Сохачевъ.

«Хотящю по сихъ пойти Телебузѣ на Ляхы (въ 1283 г.). . . и пріиде къ Ногаеви; бяше же межи има нелюбовь. Телебуга же посла къ Заднѣпрскимъ Княземъ и къ Волынскымъ, веля имъ пойти съ собою на войну. . . Пришедшю же ему къ Горини, встрѣте его Мьстиславъ съ питіемъ и дары, и пойде мимо Кремянець къ Перемилю, и ту встрѣте его Вълодимеръ съ питіемъ и съ дары на Лепѣ; и посемъ угони его Левъ Князь къ Бужковичемъ съ питіемъ и съ дары. Пришедшимъ же имъ на Бужковское поле, и ту перезрѣша своя полкы . . . и пойдоша къ Володимерю и сташа на Житани (*). Телебуга же ѣха обзирати Володимеря, а друзіи молвять, аже бы и въ городѣ . . . И не взяша города, но насиліе велико творяху и пограбиша товара множество, и коней. . . И пойде Телебуга въ Ляхы. Осташа же Татарове друзіи въ Володимери кормити любимые кони; си же учиниша пусту землю Вълодимерскую, не дадяху бо изъ города ни вылѣзти въ зажитіе, аще ли кто выѣхаше, овы избиша, другыя поимаша, а другыя лупяху и кони отнимаху, и въ городѣ изомрѣ множество... И пойдоша Татарове къ Завихвосту, къ Вислѣ: рѣка же не стала, и пойдоша въ врьхъ ея къ Судомиру, и перейдоша Сянъ рѣку по ледови; ту же Володимеръ воротися отъ нихъ назадъ, а Вислу перейдоша по ледови же выше Судомиря, и приступиша къ городу, но не успѣша ничто же и почаша воевати землю, и стояша на ней по 10 дней. Телебуга же хотя ити къ Кракову, и воротися въ Торжку: вѣсть бо пріиде, иже Ногай попередилъ его, и про се бысть межи има болшее нелюбіе; и тако не снимався съ Ногаемъ, и пойде назадъ на Лвову землю, на городокъ на Лвовъ, и стояше 2 недѣли кормячи, не воюючи . . . Кто выѣхаше изъ города, овы избиты, друзіи поимани, а иныя пущаху нагія: тыя отъ мраза изомроша, зане бысть зима люта. . . Изомре въ городѣхъ въ остою множество; друзіи въ селѣхъ, вышедше изъ городовъ по отшествіи беззаконныхъ Агарянъ. Ногай же не иде съ Телебугою одиною дорогою, но иде на Перемышль, и пришедшю къ Кракову, и не успѣвъ ничто же . . . и пойдоша назадъ въ своя вежи... Тое же зимы и въ *Ляхохъ* бысть моръ.» Длугошъ относитъ впаденіе Моголовъ въ Польшу къ 1287 году, а бывшую въ Россіи язву къ 1288 (Hist. Polon. кн. VII, 849).

«Тое же зимы» (по Ипат. въ 1284 г.) «у Юрія Князя у Львовича умре сынъ Михайло, младу сущю ему, и плакашась по немъ вси людіе, и спрятавше тѣло его, положиша въ церкви Св. Богор. въ Холмѣ. Тое же зимы не токмо въ одной Руси бысть гнѣвъ Божій моромъ, но и въ Ляхохъ, и въ Татарѣхъ изомре все, и кони и скоти и овци. Тое же зимы въ наставшее лѣто» (по Ипатьев. въ 1285) «начаша повѣдати, аже въ Нѣмцѣхъ вышедъ море и потопило землю гнѣвомъ Божіимъ, болѣ 16,000 душъ потонуло, а церквей камяныхъ 100 и 11, проче древяныхъ. Того же лѣта Лестко Казимиричь послалъ полкъ свой и воева Кондрата. Князь же Кондратъ гна по нихъ и побѣди я, и Воеводу его уби Спражскаго Матѳея. Того же лѣта» (по Ипат. въ 1286 г.) «ходиша Литва вся и Жемоить на Нѣмци къ Ризѣ. Онѣмъ же вѣсть бысть, и збѣгошась въ городы. Они же пришедше къ городу и не успѣвше ничто же, оттолѣ идоша на Лотыголу, и доходивше города Медвѣжа Головы, и възвратишась, добывше не мало полона. Се же услышавше Торунстіи Нѣмци, идоша на Жмоить, помогаючи своимъ Нѣмцемъ, и поимаша ихъ множество . . . Того же лѣта преставися Лестко Казимиричь» (по Длугошу въ 1289 году).

«Вълодимеръ же Князь, тъскнувъ немочью тѣла своего» (по Ипат. въ 1287 году) «нача слати къ брату своему Мьстиславу, тако река: брате! не могу, а ни у мене дѣтей, а даю тобѣ землю свою всю по своемъ животѣ; а се та даю при Царехъ» (Татарскихъ) «и при его Рядцахъ» (Баскакахъ). «Мьстиславъ же удари челомъ. . . Посла Вълодимеръ къ брату ко Лвови и къ сыновцю къ Юрьеви съ тыми словы; далъ есми Мьстиславу землю свою. Левъ же рече: тако и гораздо; аже еси далъ, мнѣ подъ нѣмъ не искати по твоемъ животѣ; а вси ходимъ подъ Богомъ; абы ми Богъ далъ своимъ мочи изволодѣти въ се время)» . . . (Левъ не изъявилъ и брату Мстиславу ни малѣйшаго неудовольствія, и казался на все согласнымъ)... «Пребывъ мало днѣй въ Володимери, нача (Владиміръ) молвити Княгини своей и Бояромъ: хотѣлъ быхъ доѣхати до Любомля, зане же ми дѣла съ погаными нѣтъ, а человѣкъ есмь боленъ; ни я съ ними могу повѣстити, а прояли ми уже и на печенехъ; а се мене мѣсто Епископъ Марко. И поѣха до Любомля съ Княгынею и съ слугами Дворными. Изъ Любомля поѣха до Берестія, и

(*) (Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) Брашевъ есть Кронштатъ въ Седмиградской землѣ. — Перемиль въ Дубен. Повѣтѣ. — Бужковичи въ Владимір. Повѣтѣ на рѣкѣ Лугѣ. Въ семъ же Повѣтѣ и Сомино. (Сообщено З. Ходаковскимъ.)

пребывъ въ Берестіи 2 дни, и поѣха до Каменца; ту же и лежаше въ болѣсти своей, и рече Княгинѣ и слугамъ: олны жь минеть поганый (Телебуга) изъ землѣ, тожь поѣдемъ до Любомля... Пріѣхаша слугы его къ нему, иже были на войнѣ съ Татары. Вълодимеръ же нача въспрашивати о Телебузѣ, уже ли пошелъ изъ землѣ Лядское? Онѣмъ же повѣдающимъ: пошелъ. А братъ ми Левъ и Мьстиславъ и сыновецъ въ здоровіи ли? Они же повѣдающе; здорови всѣ, и Бояре и слуги. Вълодимеръ же похвали Бога. А Мьстислава повѣдаша, аже пошелъ съ Телебугою на Львовъ. Тогда же повѣдаша: братъ ти даеть городъ Всеволожь Бояромъ, и села раздаваеть. Вълодимеру же нелюбіе бысть велико на брата, и нача молвити: се лежю въ болѣсти, а братъ ми придалъ еще болшее болѣсти; мнѣ еще живу сущю, а онъ роздаваетъ городы моя и села; ольны моглъ по моемъ животѣ роздавати. И посла Вълодимеръ съ жалобою къ Мьстиславу, река: брате! ты мене ни на полку ялъ, ни копіемъ ся еси мене добылъ... Иже тако чинишн надо мною, ты ми братъ еси, а другый ми братъ Левъ, а сыновець ми Юрій... Избралъ есмь тебе одиного за гордость брата своего и сыновца... Мьстиславъ же рече брату: Господине! рци: братія твоя, земля Божія и твоя, и городы твои, а я надъ ними не воленъ, но есмь въ твоей воли... абы ты, господине, здоровъ былъ... Вълодимеру же люба бысть рѣчь та. Посемъ же поѣха изъ Каменца до Раю. Будущю же ему ту, начя молвити Княгини: хочю послати по Мьстислава, абыхъ съ нимъ рядъ учинилъ о землю и о городы, и о тобѣ, Княгини моя милая, Олго, и о семъ дѣтяти о Изяславли, иже миловахъ яко свою дъщерь родимую: Богъ бо не далъ ми своихъ родити... взялъ бо есмь ю отъ матере въ пеленахъ... И посла къ брату Епископа Вълодимерского Евсегенія, и съ нимъ Борка и Оловянца... Мьстиславъ же пріѣха къ нему въ Рай... ста на подворіи... Оному же лежащю въ болѣсти, услышавъ братовъ пріѣздъ, въставь и сѣде, и посла по брата. Онъ же пріиде и поклонися ему. Вълодимеръ же нача въпрошати его о Телебугѣ... Мьстиславъ же пойде на подворіе. Вълодимеръ же посла къ нему Епископа съ Боркомъ и съ Оловянцемъ, тако река: брате! хочю грамоты пописати... Мьстиславъ же рече Епископу: господине! я сего не хотѣлъ, оже бы мнѣ искати твоея землѣ по твоемъ животѣ... но рекъ ми еси въ Ляхохъ, коли есмы были съ Телебугою и съ Алгуемъ, а братъ ми Левъ тутожь, ты прислалъ къ мнѣ, тако река: даю ти землю свою... Яко Богу любо и тебѣ... Вълодимеръ же повелѣ писцю своему Ходорню писати грамоты: *Во имя Отца и Сына и Св. Духа, молитвами Пресв. Богородицы и Приснодѣвы Маріи и Св. Ангелъ. Се азъ Князь Володимеръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою всю и городы по своемъ животѣ брату своему Мьстиславу, и столный свой городъ Володимерь.* Другую же грамоту написахъ брату своему такую же... Хочю и еще Княгини своей писать грамоту тако же: *Во имя Отца,»* и проч. «Далъ есмь Княгини своей по своемъ животѣ городъ свой Кобрынъ и съ людми и съ данью; яко при мнѣ даяли, тако и по мнѣ имать даяти Княгини моей... Я же далъ есмь ей и село свое Городло и съ мытомъ, а люди яко на мя тягли, тако и на Княгиню мою по моемъ животѣ. Аже будеть Князю городъ рубити, и они къ городу, а поборомъ и Татарщиною» (даніею Ханскою) «къ Князю. А садовое ей Сомино. Далъ есмь Княгини своей и монастырь свой Апостолы, иже създахъ своею силою; а село есмь купилъ Березовичи у Юрьевича у Давыдовича у Ходорка; а далъ есмь на немъ 50 гривенъ кунъ, а пять локоть скорлату, да бронѣ дощатые; а тое село далъ есмь къ Апостоломъ же. А Княгиня моя по моемъ животѣ аще всхощеть въ Черници пойти, пойдеть; аще не въсхощетъ ити, яко ей любо. *Мнѣ не вставши смотрѣти, што кто иматъ чинити по моемъ животѣ...* Посемъ же посла Вълодимеръ къ брату, тако река: цѣлуй крестъ, како ти не отняти ничего отъ Княгини моея... и отъ сего дѣтища, отъ Изяславы, а еже не отдати ея неволею ни за кого же, по гдѣ будеть Княгини моей любо, то тутъ ю дати. Мьстиславъ же рече: господине! не дай ми Богъ того, аже бы мнѣ отняти что... но дай ми Богъ имѣти свою ятровъ яко матерь собѣ; а про се дѣтя, абы ю Богъ того довелъ, дай ми ю Богъ отдати яко свою дъщерь родимую... Се же ся дѣяше Ѳедоровы недѣли. Въземъ рядъ съ братомъ, поѣха до Володимеря... и създва Бояры Вълодимерскія брата своего и мѣстичи» (гражданъ) «Русь и Нѣмци, и повелѣ предъ всѣми чести грамоту братню... Епископъ же Евсегеній благослови Мьстислава крестомъ Въздвизальнымъ на Княженіе Вълодимерское: хотяше бо уже княжити въ Володимери, но братъ ему не да, тако река: могъ олны по моемъ животѣ княжити. Мьстиславъ же пребывъ нѣколико дній въ Володимери и ѣха въ своя городы, въ Луцескъ и въ Дубенъ и въ ины. Вълодимеръ же пріѣха изъ Раю въ Любомль; ту же и лежаше всю зиму въ болѣсти своей, россылая слугы своя на ловы: бяше бо и самъ ловець доборь и хороборь; николи же къ вепреви, ни къ медвѣдеви не ждаше слугъ своихъ... но самъ убиваше... понеже далъ бяше ему Богъ *васнь»* (удаль) «не токмо на ловѣхъ, но въ всемъ... Наставшю лѣту, и присла Кондратъ къ Володимеру, тако река: господине брате! ты ми былъ въ отца мѣсто... слышалъ есмь, аже еси далъ землю свою Мьстиславу; а надѣюся на Бога и на тебе, абы ты, господинъ мой, послалъ къ брату, абы мя съ твоею милостію пріялъ подъ свою руку и стоялъ бы за мя... Вълодимеръ же посла къ Мьстиславу... Мьстиславъ же обѣщася... река ему: хотѣлъ ся быхъ сняти съ Кондратомъ, а я ся докладываю Бога и тебе. Вълодимеръ же рече: съимися съ нимъ... И поѣха Кондратъ къ Мьстиславу въ Берестій и посемъ въ Любомль... Вълодимеръ же велѣ ему пріити къ собѣ. Кондратъ же въшедъ поклонися ему и плакася по велику, видя болѣсть его и уныніе тѣла его красного. Повѣстивъ же съ братомъ рѣчи многы, и иде на подворіе. Вълодимеръ же присла ему конь свой добрый. Обѣдавъ же и поѣха до Володимеря и къ Луцку, Мьстиславу жь не сущю ту, но близъ города не въ коемъ мѣстѣ, именемъ въ Гай; мѣсто же то бяше красно видѣніемъ и устроенно различными хоромы: церкви же бяше въ немъ предивна... и поѣха Кондратъ изъ Луцка въ Гай... Мьстиславъ же срѣте его съ любовію... и начаша веселитися... Мьстиславъ же одари Кондрата кони красными и въ сѣдлѣхъ дивныхъ и порты дорогыми. По отъѣздѣ же Кондратовѣ изъ Любомля, пригна Яртакъ Ляхъ изъ Люблина... и не велѣше» (Владиміръ) «ему передъ ся, и рече Княгини своей: роспроси его... Онъ же (Яртакъ) рече: Князь Лестько мертвъ. Вълодимеръ же росплакась... А прислали мя Люблинци: хотять Князя Кондрата княжити въ Краковъ... хочю найти его... Вълодимеръ же велѣ дать ему конѣ... и погна вборзѣ и найде его въ Володимери... Кондратъ же възвеселися о Княженіи Краковскомъ... и пріѣха въ Любомль, хотяше бо повѣстити съ братомъ о томъ. Вълодимеръ же не велѣ ему къ собѣ пріити, но рече Княгини своей:

322

иди, повѣсти съ нимъ, да отряди, ать поѣдеть прочь... Княгиня же повѣда рѣчь Кондратову: братъ ти, господине, молвить: пошли съ мною своего Дуная... и поѣха къ Люблину, и запроша Ляхове городъ, и ста Кондратъ на горѣ у Мниховъ, и посла къ горожаномъ, тако река: начто мя есте привели?... Горожане же рекоша: мы тебе ни привели, ни слали по тебе, но голова намъ Краковъ; тамо Воеводы наша и Бояре Велицыи: аже имешь княжити въ Краковѣ, то мы твои. Посемъ же повѣдаша Кондратови, аже рать идетъ къ городу; творяхуть бо рать Литовскую... и вбѣже Кондратъ въ столпъ къ Мнихомъ съ Бояры своими и Дунай Вълодимеровъ съ ними... и познаша, аже Руская рать, Князь Юрій Львовичь: хотяше бо собѣ Люблина... и пріѣха Юрій къ городу. Горожане же не подаша ему города... Юрій же позна лесть ихъ... Онѣмъ же молвящимъ: Княже! рать съ тобою мала, пріѣдуть Ляхове мнози: съромъ» (срамъ) «будеть ти великъ. Юрій же роспусти дружину воевать, и взяша полона много, а жита пожгоша и села... И тако възвратишась въ свояси, и Кондратъ въземъ съромъ великъ; лѣпше бы не живъ былъ. Посемъ же мятежъ бысть великъ въ земли Лядской. — Бысть же посемъ минувшимъ нѣколицемъ днемъ» (по Ипат. въ 1288 году) «присла Юрій къ Князю Володимеру, река: Богъ вѣдаеть и ты, како ти есмь служилъ... а нынѣ, господине, отнимаетъ (отецъ) у мене городы, что ми былъ далъ, Белзъ и Червенъ и Холмъ; велить ми быти въ Дорогичинѣ и въ Мѣльницѣ. Бію челомъ Богу и тобѣ, стрыеви своему: дай ми Берестій, и то бы ми сполу было... Посемъ же посла Володимеръ слугу своего доброго, вѣрного, именемъ Рачьшю, къ Мьстиславу, тако река: сыновецъ мой Юрій проситъ Берестія; азъ же не далъ; а ты не давай ничего же... И земъ соломы въ руку отъ постеля своея, рече: хотя быхъ ти тотъ вѣхотъ соломы далъ, и того не давай по моемъ животѣ никому же. Рачьша же найде Мьстислава въ Стожци... Мьстиславъ же удари челомъ противу словомъ брата своего, рекъ: ты ми отецъ мой, Данило Король; а что ми велишь, слушаю... Потомъ присла къ Володимеру Левъ Епископа своего Перемышльского Мемнона... Вълодимеръ же бѣ уразумѣя древняя и задняя, начто пріѣхалъ. Онъ же войде и поклонися до землѣ... И велѣ ему сѣсти... и нача посольство правити: братъ ти, господине, молвить: стрый твой, Данило Король, лежить въ Холмѣ и братія наша, Романъ и Шварно... а нынѣ, брате, слышимъ твою немочь... а ты, брате, не загасилъ свѣчи надъ гробомъ стрыя своего... абы далъ Берестій, то бы была свѣща твоя. Вълодимеръ же повѣстивъ съ Епископомъ много отъ книгъ, зане бысть *Философъ*, якого жь не бысть въ всей земли, ни по немъ не будеть... Просилъ еси» (отвѣтствуетъ Владиміръ Льву) «живыми, а уже пакь мертвыми просишь... Вълодимеръ же одаривъ Владыку отпусти, зане бысть не бывалъ у него николиже.

«Князю же Вълодимеру лежащу въ болѣсти полно 4 лѣта, болѣзнь его сице скажемъ: нача ему гнити исподняя устна, првого лѣта мало, на другое и на третіе болма... И еще ему не велми болну сущю, ѣздяще на кони... И стада розда убогымъ, у кого коня нѣтъ, и тѣмъ, иже то погубили въ Телубужину рать... Исходящю же четвертому лѣту, и наставши зимѣ, отпаде ему все мясо съ брады и зубы исподніи выгниша вси, и челюсть брадпая перегни. Сь (сей) же бысть вторый Іовъ, и вниде въ церковь Св. Георгія, хотя взяти причастіе и вниде въ олтарь малый, идѣ же Іереи съвлачаху ризы (ту бо бяше ему обычай всегда ставати) и сѣде на столци, зане не можаше стояти отъ немочи, и въздѣвъ руцѣ на небо, моляшеся съ сльзами... Пришедшю же ему отъ церкви, и леже, и не выходи вонь, по болма нача изнемогати, и отпада ему мясо все съ бороды, кость бородная перегнила бяше, и бысть видѣти и гортань, и не вкуша по 7 недѣль ничтоже, развѣ одиное воды, и тоеже по скуду; и бысть въ Четвертокъ на ночь, поча изнемогати, и яко бысть въ куры» (время, когда пѣтухи поютъ) «и позна въ собѣ духъ изнемогающь ко исходу души, и възрѣвъ на небо, и въздавъ хвалу Богу... предасть душю свою въ руцѣ Божіи... Свитающю же Пятку... княживъ по отци 20 лѣтъ... Преставленіе его бысть въ Любомли городѣ, въ лѣто 6797, Дек. 10 день, на Св. отца Мины. Княгини же его съ слугами Дворными, омывше его, и увиша его оксамитомъ съ круживомъ, яко же достоить Царемъ, и възложивше его на сани, и повезоша до Вълодимеря. Горожане же отъ мала и до велика съ плачемъ великымъ проводиша своего господина. Привезше же его въ Володимерь въ Епископью къ Св. Богородицы, поставиша его на санехъ въ церкви, зане бысть поздно. Того же вечера по всему городу увѣдана бысть смерть Княжа. Наутріе же по заутревѣ пріиде Княгини его и сестра ему Олга, и Княгини Олена Черница съ плачемъ, и весь городъ съидеся, и Бояре всѣ, старіи и молодіи, плакахусь надъ нимъ, и Епископъ же Володимерскій Евсегеній... и Огапидъ Печерскій Игуменъ... положиша тѣло его въ отнѣ гробѣ Дек. 11 день. Княгини же его безпрестанни плакашеся, предстоящи у гроба, сице въпіюще глаголаше: Царю мой благый!... въ истину наречено бысть тобѣ имя въ крещеніи Іоаннъ: всею добродѣтелію подобенъ еси ему. Многыя досады пріемь отъ сродникъ, не видѣхъ николи же противу ихъ злу никоторого же зла въздающа... Наипаче плакахусь по немъ лѣпшіи мужи Володимерстіи, рекучи: добро бы намъ, господине, съ тобою умрети, сътворшему толику свободу, яко же и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяще отъ всѣхъ бѣдъ; ты же бяше сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего... Солнце наше зайде намъ, и въ обидѣ всѣ остахомъ... И тако плакавшеся надъ нимъ все множество Вълодимерцевъ съ Нѣмци и Сурожци и Новгородци, и Жидове плакахусь аки во взятье Іерусалима... Сь благовѣрный Князь Володимеръ възрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, рукы имѣ красны и ногы; рѣчь же бѣ въ немъ тълста и уста исподняя дебела; глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть Философъ великъ, и ловець хитръ, кротокъ, смиренъ, правдивъ, не мьздоемець, нелживъ, татбы ненавидя; питія же не пи отъ възраста своего... Въ крестномъ же цѣлованіи стояше... паче же милостынею бяше милостивъ»... Здѣсь Лѣтописецъ обращается къ духу Владиміра и говоритъ. «Добръ послухъ благовѣрію твоему церковь Св. Богородица Марія, юже създа прадѣдъ твой... добръ зѣло послухъ братъ твой Мьстиславъ, его же сътвори Богъ Намѣстникъ по тобѣ твоему Владычьству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвръжающа, неказано вчиняюща и иже нескончанная твоя учиняюща, яко Соломонъ Давида, иже домъ Божій великый святый Его мудрости създа, на святость и очищеніе граду твоему, юже всякою красотою украси: яка же ина не обрящется въ всей полунощи земли... и славный городъ твой Вълодимерь величествомъ яко вѣнцемъ обложенъ... Радуйся, благовѣрный городе! Господь съ тобою! Въстани отъ гроба, о честная

главо! отряси сонъ: пѣси бо умрълъ, но спишь до объщего въстанія... Възведи очи, какоя ти чти Господь тамо сподобивь, и на земли не безъ памяти тя оставилъ братомъ твоимъ Мьстиславомъ; востани и видь брата твоего красящаго столь земли твоея. Къ сему же вижъ и благовѣрн. свою Княгиню, како поклоняется имени твоему... твое вѣрное въсѣяніе не изсушено бысть зноемъ невѣрія, по дъждемъ Божія поспѣшенія распложено бысть многоплоднѣ. Ты правдою бѣ оболченъ, крѣпостью препоясанъ, и милостынею яко гривною, утварью златою, украсуяся; истинною обвитъ, смысломъ вѣнчанъ... Моли о земли брата своего, да славитися въ ней правовѣрію, и да блюдеть Богъ отъ всякіи рати; паче же молися о братѣ своемъ Мьстиславѣ, безъ соблазна Богомъ данныя ему люди управити и стати съ тобою непостыдно предъ престоломъ Вседръжителя и за труды паствы людій его пріяти вѣнець славы нетлѣнія...

«Сему же Князю Володимеру вложену въ гробъ и лежа въ гробѣ тѣлю его незамазано отъ 11 Дек. до 6 Априля. Княгини же его... пришедши съ Епископомъ Евсегеніемъ и съ всѣмъ Крилосомъ, открывши гробъ и видиша тѣло его цѣло и бѣло, и благоуханіе отъ гроба бысть, и воня подобнаароматъ многоцѣнныхъ... И прославиша Бога и замазаша гробъ его Апр. въ 6 день, въ Среду Страстное недѣли... Князь же Володимеръ многы городы сруби по отци своемъ; сруби Берестій, и за Берестіемъ сруби тородъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемѣмъ Льстнѣ, и нарече имя ему Каменець, зане бысть каменна земля. Създа же въ немъ столпъ каменъ, высотою 17 саженей... и церковь постави Благовѣщенія... и украси ю иконы златыми, и съсуды скова служебныя сребрены, и Евангеліе опракосъ оковано сребромъ, Апостолъ опракосъ и парамья, и съборникъ отца своего туто жь положи, и крестъ въздвизальный. Тако же и въ Бѣльску поустрои церковь иконами и книгами; въ Володимери же списа Св. Дмитрея всего, и съсуды сребряные скова... и завѣсы золотомъ шиты, а другые оксамитные съ дробницею... и Апостолъ *самъ списавъ*, и съборникъ отца своего туто же положи... Въ Епископью Перемышльскую да Евангеліе опракосъ, окованно сребромъ съ женчюгомъ: *самъ же списалъ* бяше; а до Чернѣгова пославъ Евангеліе опракосъ *золотомъ писано*, а окованно сребромъ съ женчюгомъ, и среди его Спаса съ финиптомъ; въ Луцкую Епископью да крестъ великъ сребрянъ позлотисть съ Честнымъ древомъ; създа же и церкви многы: въ Любомли постави каменну Св. Георгія, украси ю иконами коваными и съсуды сребряны и платци оксамитны шиты золотомъ вся, съ женчюгомъ... Евангеліе опракосъ волоченое оловиромъ, и цяту възложи на не съ финиптомъ... Прологи списа 12 мѣсяца... и Мѣнеи 12 списа, и Тріодь, и Охтай, и Ермолой; списа же и служебникъ Св. Георгію... молитвенникъ же купилъ въ Протопопиное, и да на немъ 50 гривенъ купъ... и двери солія мѣдяные; почалъ же бяше писати ю, но не скончана: зайде бо его болѣсть; полія же и колоколы дивны слышаніемъ, такыхъ же не бысть въ всей земли; въ Берестіи же създа стлъпъ каменъ высотою яко и Каменецкый,» и проч. Строеніе города Каменца описано выше такъ: «Нача» (Владиміръ) «думати, абы гдѣ за Берестіемъ поставити городъ, и взя книгы Пророческыя, разгнувъ, и выняся ему Исаино пророчество: *Духъ Господень на мнѣ... Въздвигнути городы пусты*,» и проч. «Князь же Вълодимеръ нача искати мѣста подобна... Сія же земля бяше опустѣла по 80 лѣтъ по Романѣ... и посла Вълодимеръ» (въ 1276 году по Ипат.) «мужа хитра, именемъ Олексу, иже бяше и при отци его многы городы рубя, и посла его съ тоземци въ челнохъ въ връхъ рѣкы Лсны... Сь же нашедъ мѣсто таково, и пріѣха къ Князю... Князь же самъ ѣха съ Бояры и слугами, и улюби мѣсто то надъ берегомъ рѣкы Льстны, и отреби е, и сруби городъ и нарече ему имя Каменець, зане бысть земля камена.

Володимеру же вложену въ гробъ, братъ же его не притяже на схороненье тѣла, но пріѣха послѣ съ Бояры своими и ѣха въ Епископью, идѣ же братъ его положенъ бысть, и плакася надъ гробомъ его, яко по отци своемъ по Короли. Утоливъ же отъ плачя, и нача россылати засаду по всѣмъ городомъ. Хотящю ему послати до Берестія и до Каменца и до Бѣлска, и пріиде ему вѣсть, аже уже засада Юріева тамо: Берестіяне бо вчинили коромолу, бяху еще Володимеру болну сущю; они же ѣхавше къ Юріеви Князю, цѣловаша крестъ, рекучи: како не достанеть стрыа твоего, мы твои и городъ, а ты нашъ Князь. Вълодимеру же преставльшюся, Юрій услышавъ вѣсть, и ѣха въ Берестій, и нача княжити въ немъ по совѣту безумныхъ своихъ Бояръ молодыхъ и коромольниковъ Берестіянъ. Мьстиславу же рекоша Бояре его и братни: сыновець твой съромоту възложилъ на тя... Займи городы его, Белзъ и Червенъ, и пойдемъ къ Берестію. Князь же Мьстиславъ бяше легкосрьдъ, и рече: не дай ми Богъ того учинити, аже бы мнѣ пролити кръвь неповинную; но я исправлю Богомъ и благословеніемъ брата своего Володимера... И посла къ сыновцю, тако река: ты самъ слышалъ гораздо, и отецъ твой, и вся рать, аже братъ мой Вълодимеръ далъ ми землю свою всю по своемъ животѣ при Царехъ и при его рядцахъ... Чему еси тогда съ мною не молвилъ при Царехъ? а повѣждь ми, самъ ли еси въ Берестіи сѣлъ своею волею, ци ли велѣніемъ отца своего, абы ми вѣдомо было; не на менѣ жь та кровь будеть, но на виноватомъ... Я хочю нравити Татары, а ты сѣди; аже не поѣдешь добромъ, а זломъ пакь поѣдешь. По семъ же посла къ брату своему, къ Львови, Епископа своего Володимерскаго, река ему: жалую Богу и тебѣ, зане ми еси братъ старѣйшій; повѣжь ми право, своею ли волею сѣдитъ сынъ твой въ Берестіи, ци ли твоимъ повелѣніемъ? Аще твоимъ, се же ти повѣдаю не тая, послалъ есмь възводить Татаръ, а самъ пристроиваюся... Левъ же убоявся велми, и еще бо тому не съшла оскомина Телебужины рати, и рече Епископу: сынъ мой не моимъ вѣданьемъ се вчинилъ... Шлю къ нему, ать поѣдеть вонъ... Мьстиславъ вборзѣ посла гонци по Юріи Князи Порусскомъ, веля его въротити назадъ: послалъ бо его бяше възводить Татаръ на сыновца своего; тогда бо Юрій Порусскый служаше Мьстиславу, а пръвое Вълодимеру... Левъ посла Семена своего Дядковича къ сынови съ прочными рѣчми, река ему: поѣди вонъ; не погуби земли... Не поѣдешь ли, и я буду помочникъ брату Мьстиславу на тя... По моемъ животѣ даю землю свою всю брату, а тобѣ не дамъ, аже мене не слушаешь... Семенови же ѣдущю къ Юріеви, Мьстиславъ же посла съ нимъ Павла Денисіевича: тъ бо ѣздилъ бяше ко Львови и вѣдаетъ всѣ рѣчи; посла же съ нимъ и отца своего духовнаго... И поѣха Юрій вонъ изъ города съ великымъ съромомъ, пограбивъ вся домы стрыя своего; и не остася ни камень на камени въ Берестіи и въ Каменци и въ Бѣлску. Павелъ же Мьстиславу повѣда... Мьстиславъ же поѣха до Берестія... и срѣтоша его горожане съ кресты и съ радостію великою... Берестіане же, началници коромолѣ, бѣжаша по Юріи до Дорогичина: цѣ-

ловалъ бо къ нимъ крестъ на томъ: *не выдамъ васъ*... Мьстиславъ же пребывъ мало днiй въ Берестiи, и ѣха до Каменца и до Бѣлска, и ради быша ему вси людiе; утверди люди и засаду посадивъ, и прiѣха въ Берестiй, и рече Бояромъ: есть ли ловци здѣ? они же рекоша: нѣтуть, господине, извѣка. Мьстиславъ же рече: я пакь уставляю на нѣ ловци за ихъ коромолу, абы ми не зрѣти на ихъ кровь... и повелѣ писцю своему писати грамоту: *Се азъ Князь Мьстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчiе на Берестiаны въ вѣкы за ихъ коромолу, съ ста по двѣ лукнѣ меду, по двѣ овци, по пятнадесять десятковъ лну, а по сту хлѣба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, и по 20 куровъ; а по тольку съ всякаго ста; а на горожанѣхъ 4 гривны кунъ; а кто мое слово порушить, а станеть съ мною предъ Богомъ.* А вписалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ... И утвердивъ же засаду въ Берестiи и поѣха до Володимеря... и съѣхашась къ нему Бояре его старiи и молодiи. Князь же Мьстиславъ сѣде на столѣ Володимера на самый Великъ день въ лѣто 6797, Апр. 10 день, и нача княжити, правдолюбiемъ свѣтясь... и бысть радость велика людемъ: се Въскресенiе Господне, а се Княже сѣденiе, миръ дръжа съ околными сторонами, съ Ляхи, съ Нѣмци и съ Литвою; одръжа землю свою величествомъ олны по Татары, а сѣмо по Ляхы и по Литву. Тогда же Литовскый Князь *Будикидъ* и братъ его *Буйвидъ* даша Мьстиславу городъ свой Волковыескъ, абы съ ними миръ дръжалъ.» Вотъ самое достовѣрнѣйшее извѣстiе о наслѣдникахъ Тройдена. Выше сказано объ немъ: «Княживъ лѣтъ 12, преставися беззаконникъ. Бяше же у него братiя борза: Сирьпутiй, Лѣсiй, Свилкели; бяхуть бо живуще въ Св. крещенiи, въ любви, въ смиренiи, преизлиха любяще нищая: си же всѣ преставишась при животѣ Тройденевѣ.» Въ Родословной Князей Литовскихъ сказано (*Воскресен. Лѣт.* I, 49): «По Вел. Князѣ Миндовгѣ сѣде на Княженiи Давиловъ сынъ *Видъ*, его же люди волъкомъ звали, и тотъ прибавилъ Деревьскiе» (Древлянской или Волынской) «земли много; и по немъ сѣде на Вел. Княженiи Видовъ сынъ, Тройденъ, и тотъ прибавилъ Ятвягъ; и потомъ сѣде на Вел. Княж. Тройденевъ сынъ *Витенъ*, и тотъ прибавилъ земли Литовьскiе много и до Бугу.» *Витенъ* и *Буйвидъ* не одинъ ли человѣкъ? Стриковскiй — Историкъ-Поэтъ, ибо онъ писалъ отчасти стихами — разсказываетъ, что послѣ Воишелга, отъ 1264 до 1283 году, княжили въ Литвѣ старецъ Свинторогъ Утенуссовичь, сынъ его Гермонтъ, внукъ Гилигинъ, съ братомъ Трабусомъ, сынъ Гилигиновъ Ромунтъ, сынъ Ромунтовъ Наримунтъ, братъ Наримунтовъ Тройденъ, а послѣ Воевода его Витенъ, ибо сынъ Тройденовъ и Княжны Мазовской, Лавръ, въ санѣ Инока спасая душу свою въ одномъ Россiйскомъ монастырѣ, отказался отъ власти. Въ Литвѣ было множество Князьковъ, жившихъ въ одно время: Стриковскiй, собравъ ихъ имена изъ народныхъ преданiй, объявилъ кого отцемъ, кого дѣдомъ и прадѣдомъ такого-то Князя, жившаго, можетъ быть, гораздо ранѣе своихъ мнимыхъ предковъ. Достовѣрнымъ источникомъ Литовской Исторiи XIII вѣка служатъ единственно наши лѣтописи, Волынская и Новогородская, также Дузбургъ (Chronicon Prussiæ) и Длугошъ.

Далѣе въ *Волынск. Лѣт.*: «Тогда же прiѣха Кондратъ Сѣмовитовичь къ Мьстиславу, прося собѣ помочи на Ляхы, пойти хотя на Княженiе Судомирское. Мьстиславъ же обѣща ему, а Кондрата одари и Бояры его всѣ... Кондратъ же поѣха... Мьстиславъ же съвокупи рать свою и посла ю, и нарекъ Чюдина Воеводу; и тако сѣде Кондратъ въ Судомирю Княземъ Мьстиславомъ и его помочью. — По Лестьку же сѣде въ Краковѣ (въ 1290 г.) Болеславъ Сомовитовичь, братъ Кондратовъ, и пришелъ Индрихъ Князь Вротиславскый, и выгнаше его, хотя самъ княжити. Болеславъ съвокупивъ братiю свою, Кондрата и Локотка, и пойдоша на Индриха къ Кракову. Индрихъ же не стерпѣвъ выѣха вонъ до Вѣротиславля, а засаду свою посади въ Краковѣ, Нѣмци, лучшiе свои мужи; обѣщался имъ дары великыми и волостьми, а самѣхъ води къ кресту, како бы не передати городъ Болеславу... Индрихъ же кормъ имъ остави до изобилья. Болеславу же пришедшю съ братьею, и въѣха въ *мѣсто*» (въ предмѣстiе) «а въ городъ не лзѣ бысть въѣхати, зане бороняхуся крѣпко изъ него... и сташа водаль города, изъѣдаючи села, и бысть ѣха въ зажитiе единою воздаль» (далеко) «отъ города, *мѣстичи же*» (жители предмѣстiя) «не воевахусь по Болеславѣ съ горожаны, но рекоша: кто сядеть княжити въ Краковѣ, тотъ нашъ Князь; и стояша лѣто цѣло бiющеся у города, и не успѣвше ничто же. Того же лѣта» (по Ипат. въ 1291 г.) «Князь Левъ самъ иде въ помочь къ Болеславу. Пришедшю же, радъ бысть ему Болеславъ и Кондратъ и Локотко яко отцу своему, зане бысть Левъ Князь мудрый и хороборъ... и нача Левъ ѣздити около города... горожаномъ грозу подавая... весь бо городъ бяше учиненъ отъ камене, и утверженiе его не мало порокы и самострѣлы коловоротными. По семъ же ѣха въ станы своя; наутрiе въставъ, и въсходящю солнцу, и пойде къ Тынцю, и бишася у него крѣпко, и одва города не взяша: многiи горожане избиты быша... а свои всѣ цѣлы; и прiиде Левъ опять къ Кракову, хотя пойти къ городу, и Ляхомъ такоже повелѣ... и полѣзоша къ забороломъ и бiяхуся крѣпко... и прiиде вѣсть Львови, аже рать идеть велика, и повелѣ перестати отъ боя... а сторожи посла на съглядапiе рати, и не бысть ничего же. Воеводы Лядскые сами полошаху, абы не взяти города. Левъ же, усмотривъ лесть ихъ, думавъ много съ Бояры своими, посла рать свою къ Вѣротиславлю воевати, и взяша множество челяди и скота, зане не входила бяше никакая рать толь глубоко въ землю его» (Генрикову) «и прiидоша ко Львови съ честiю. Львови же радость бысть велика, аже свои всѣ здорови... Тогда же Левъ ѣха въ Чехы на снемъ къ Королеви, зане любовь дръжаше съ нимъ велику, и докончавъ съ нимъ миръ до своего живота. Король же одаривъ Льва... и прiѣха (Левъ) къ своему полку... и пойде въ свояси съ честiю великою. — Того же лѣта Мьстиславъ Князь създа гробницу каменну надъ гробомъ бабы своея Романовое въ монастыри у Святого, и свяща ю во имя Праведникъ Iоакыма и Анны, и службу въ ней сътвори. Того же лѣта въ Черторыйску въ городѣ заложи стлъпъ каменъ.

«Тое же зимы» (по Ипат. въ 1292 году) «преставися Пинскый Князь Юрiй, сынъ Володимеровъ, кроткый и правдивый, и плакася по немъ Княгини его и сынове его и братъ ему Демидъ Князь и вси людiе. — Тое зимы преставися *Степанскый* Князь Иванъ сынъ Глѣбовъ, и плакахусь по немъ... и нача княжити сынъ его Володимеръ.» Городъ Степанъ (нынѣ мѣстечко на берегу Горыни) принадлежалъ, думаю, къ Пинскому Княженiю.

(176) Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 849.

(177) См. выше, примѣч. 175.

(178) См. выше, примѣч. 174. Тверскiй Архимандритъ Макарiй въ *Житiи Св. Князя Михаила Ярославича* и Сочинитель *Россiйской Iерархiи*

называютъ сего перваго Епископа бывшимъ Княземъ Полоцкимъ: Лѣтописцы говорятъ только: «Преставись блаженный Епискупъ Симеонъ Тферскій. Бяше учителенъ и силенъ книгами, Князя не стыдяшеся пряся, ни Вельможъ... нищая же и сироты жаловаше. И положиша тѣло его въ церкви Св. Спаса на правой странѣ Февр. въ 3 день» (1289 году). Въ одной лѣтописи нашелъ я слѣдующее мѣсто: «Князь Конъстянтинъ Полотскій въспроси Владыки Симеона Тферьскаго, гдѣ быти Тіуномъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? И рече Владыка: гдѣ и Князь. Князь же о томъ не полюби на Владыку, глаголя: Тіунъ неправо судитъ, мъзду емлетъ, зло дѣетъ: язъ что дѣю? И рече ему Владыка: аще будетъ Князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха Божіа полна, разумна и праведна: Князь будетъ въ раи, а Тіунъ его съ нимъ. Аще ли будетъ Князь безъ страха Божіа, и Христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща; толико бы ему кунъ добывалъ; напустилъ его аки гладна пса на стерво, люди губити; и Князь его будетъ въ адѣ, а Тіунъ его съ нимъ. Но глаголю вамъ, Царемъ и Княземъ и Намѣстникомъ: утѣшайте скорбящихъ, избавляйте многихъ отъ рукъ сильныхъ: сіи бо отъ богатыхъ обидими суть и притекаютъ къ вамъ яко защитникомъ благымъ; но вы, Цари и Князи и Намѣстници, подобни есте тучи дождевнѣй, иже истечетъ надъ моремъ во время ведра, а не надъ землею жаждущею воды: вы тѣмъ болѣ даете и помогаете, у нихъ же много злата и сребра, а не тѣмъ, иже не имутъ ни пѣняза; бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете.» — Кодинъ въ числѣ Россійскихъ Епископовъ именуетъ и Тверскаго (Τυφερνη): см. его Notit. Græc. Episc. стр. 399. — Въ нѣкоторыхъ историческихъ выпискахъ сказано (см. *Воскр. Лѣт.* I, 30), что Ярославъ Всеволодовичь, по нашествіи Батыя, основалъ Тверь; но сей городъ уже существовалъ прежде (см. нашей *Исторіи* Т. III, примѣч. 164).

Въ житіи Довмонта: «Княгиню Эрденевую полони (Довмонтъ), тетку свою Евпраксію.» Андрей, Игуменъ Общаго монастыря, былъ одобренъ вдовствующею Великою Княгинею *Ксеніею*, матерію Тверскаго Князя Михаила, всѣми Боярами, Игуменами и Попами.

(179) «Тое же зимы (1280) преставись Кирилъ Митрополитъ всея Руси на Суждальской землѣ въ Переяславли Дек. въ 7, ту сущю Вел. Князю Дмитрію и Епископу Новгородьскому Клименту и Еп. Ростов. Игнатью и Еписк. Володимерскому и Суждальскому Ѳеодору, и провадиша его честно съ пѣньемъ, и вложиша въ раку, и везоша въ Володимерь, а оттоль попроводиша къ Кіеву, и тамъ паки пѣвше надъ нимъ молебное пѣнье, и погребоша въ Сборной церкви.» См. выше Кирилловы *Правила Церковныя*. Сей Митрополитъ мирилъ Ярослава Ярославича съ Новогородцами.

Князь Глѣбъ умеръ въ Вел. постъ 1279 года. Самъ Игнатій съ честію предалъ его тѣло землѣ, а черезъ 9 недѣль «изрину изъ Сборныя церкви въ полунощи и повелѣ погрести у Св. Спаса въ Княгининѣ монастыри:» не за то ли, что Глѣбъ ревностно служилъ мечемъ Татарамъ? впрочемъ съ добрымъ намѣреніемъ, какъ мы видѣли. *Никонов. Лѣт.* расплодилъ умную рѣчь Кириллову.

(180) См. Исторію Пахимера и Никиф. Григоры; см. также *Камень Соблазна* Иліи Миніати, который пишетъ, что Царь велѣлъ отрѣзать губы одному церковному сановнику, Михаилу Оловулѣ, за его противорѣчія. Сія книга, давно переведенная на Русской, весьма любопытна. Она стоитъ того, чтобы ее вновь перевести и напечатать.

(181) Одинъ *Никон. Лѣт.* говоритъ о томъ, сказывая, что Максимъ ѣздилъ къ Хану въ 1283 году, и призвалъ Епископовъ въ Кіевъ въ 1284; что Ѳеогностъ былъ три раза въ Греціи, ѣздивъ туда съ грамотами и съ *поминками* отъ Митрополита и Мангу-Тимура. Въ *Троицк.* и другихъ: «тое же зимы пріѣха Ѳеогностъ, Епискупъ *Сарайскій*, изъ Грекъ, посыланъ Митрополитомъ къ Патріарху, и Царемъ Менгутемеремъ ко Царю Палеологу.»

(Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года:) К. Ѳ. Калайдовичь сообщилъ мнѣ слѣдующую статью, выписанную имъ изъ рукописи XVII вѣка, которая продается у Московскаго купца Н. С. Шульгина:

«Мѣсяца Авг. 12 день, среди Индикта XIV» (должно быть въ 1301 году) «сѣдящимъ Свв. Патріархомъ въ мѣстѣ своемъ, въ церкви Св. Софія, Антіохійскому и Костянтиняграда Патріарху Іоанну, и съ ними Митрополиты»... (слѣдуютъ имена ихъ)... «и всеа Русіи Максимъ, предстоящимъ ту избраннымъ Попомъ и Дьякопомъ, и благочестивый Епископъ Сарайскій Ѳеогностъ, сѣдящу въ Соборѣ смиренію нашему, положилъ посредѣ насъ вопросы нѣкія, и отвѣтъ всякому подобенъ вопросу пріа... Вопросилъ: въ кія дни и времена подобаетъ чести Св Евангеліе Святителю? Четырежды въ лѣто, рекше Страстныя недѣли въ Великій Четвертокъ первое Евангеліе, и на Пасху, и на Литургіи и на Вечерню, и въ первый день м. Сентября... О крещеніи: коликожды подобаетъ измолвити молитвъ, крещающе человѣка? подобаетъ ли многимъ Попомъ крестити или единому? Подобаетъ единому изглаголати молитвы и единому Попу крестити. Аще ли лучится многимъ дѣтемъ быти и будетъ Поповъ много, да креститъ кождо о себѣ дѣтище; и аще будетъ дѣтей много и единъ Попъ, да изглаголетъ единою молитвы надо всѣми дѣтьми и погружаетъ по трижды коеждо дитя глаголя: во имя Отца,» и проч. — Пѣти ли въ Великій Пятокъ служба? Святыми Отцы уставлено, службы въ томъ дни нѣсть... Аще приключится Святителю служити Литургія, а не будетъ Діакона, а Поповъ будетъ много, лзѣ ли ему служити? Аще будетъ нужда, да поетъ съ Попы. — Аще будетъ Поповъ много, а не будетъ Дьякона, достоитъ ли симъ служити? Достоитъ: единъ отъ нихъ ектенью глаголетъ, во олтари стоя.» (Далѣе позволяется Игуменамъ служить съ рипидами и *творить осъненіе*, если благословитъ ихъ на то Епископъ)... «Аще приключится человѣку въ велицѣй болѣзни, а не восхощетъ во Иноки? Нѣсть достойно пострищи нуждею.» (Далѣе позволяется не только одному Епископу, безъ Священноиноковъ, но и Попу бѣльцу и Дьякону постригать больныхъ, а умирающаго и Причетнику)... «Подобаетъ ли Епископу Епископа пострищи въ Схиму? Аще не будетъ Игумена, пострижетъ Епископъ... Умирающу Святителю, достоитъ ли тѣло въ руку дати? Не достоитъ, понеже не уставиша Божественніи Канони. Аще Святитель умретъ, постригшися въ Схиму, како погрести его, Святительски ли, или Мнишески? Да положатъ въ Схимѣ, Чернечески... Аще который Епископъ въ болѣзни пострижется въ Схиму и потомъ здравъ будетъ, достоитъ ли ему Епископомъ быти? Не достойно быти ему Епископомъ, но да будетъ яко и всякій Мнихъ... Аще мыть начнетъ Агнецъ, достоитъ ли имъ служити? Достоитъ, хотя бы и четвертая часть осталася... Достоитъ ли во Апостольскія праздники въ Среду и въ Пятокъ мяса ясти? Не разорится Среда и Пятокъ ни Господскимъ праздникомъ, кромѣ великихъ дней Святыя недѣли, и на Сшествіе Св. Духа и на Рожество Христово или Богоявленіе, и егда бываетъ недѣля

324

о Мытари и Фарисеи... Приходящимъ отъ Несторіанъ и Яковитъ, како подобаетъ ихъ крещати? Подобаетъ ему проклятии свою Вѣру и учители своя, помазавше мѵромъ. — Приходящимъ отъ Татаръ и хотящимъ креститися, и не будетъ великаго сосуда, въ чемъ погружатися ему, или въ рѣкѣ, или въ озерѣ, токмо погрузить какъ бы? Да погружають его трижды... Аще будетъ нужа при смерти, а не будетъ ни Святителя, ни Попа, ни Дьякона, а будетъ токмо Причетникъ, лзѣ ли ему крестити? Подобаетъ крестити. — Лзѣ ли Діакону дати при смерти Св. Причастіе, или пѣти надъ нимъ, или колико священати? Лзѣ. — Аще ли будетъ ядомый звѣрь или птица снѣдомая и удавится въ силѣ, достоитъ ли то ясти? При нужи, и потомъ кается... Подобаетъ ли сухоя стафиліею (виноградомъ) служити, или ни? Аще не будетъ гдѣ вина въ которой земли отнюдь, да изгнетутъ новую стафиль и служатъ, а не сухоя. — Аще Попъ человѣка на рати убіетъ, лзѣ ли ему служити потомъ? Неудержанно есть Божественными Каноны. — Подобаетъ ли тѣло Христово носити на путь? Подобно и благословенно,» и проч. и проч.

(182) Въ *Троицкой:* «въ лѣто 6801 (1293) Царь Тохта сѣде на царствѣ въ Ордѣ, а Погая побѣдилъ.» См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 348.

Въ *Троицк.* и *Пушкин.*: «тое же зимы (въ 1292 или 1293) Царь Татарскій приде на Тферь: имя ему Токтомерь, и велику тягость учинилъ людемъ,» и проч.

Разные случаи Димитріева Княженія: Въ 1276 году упала до основанія стѣна Софійской Церкви въ Новѣгородѣ. Въ 1278 скончались Князь Андрей Угличьскій и жена его Іустина. Сей Андрей названъ Ярославичемъ въ *Никон. Лѣт.*: но онъ былъ сынъ Владиміра Константиновича Угличьскаго, брата Василькова (см. Родослов. Книги). — Въ 1278 преставилась въ Угличѣ Княгиня Евдокія (мать Андреева, вдовствующая супруга Владимірова) а въ 1279 или 1280, Марта 1, Ярославская Княгиня Марина, супруга давно умершаго Всеволода Константиновича Ярославскаго. Въ томъ же мѣсяцѣ умеръ Князь Юрій Андреевичь Суздальскій, внукъ Ярослава Всеволодовича, и погребенъ въ Суздалѣ, въ храмѣ Богоматери. *Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что наслѣдникомъ Андреевымъ былъ его братъ, Михаилъ. — Въ Апрѣлѣ 1280 года, въ Понедѣльникъ, скончался Кн. Давидъ Константиновичь Галичьскій и Дмитровскій, также внукъ Ярослава Всеволодовича. Въ то же лѣто Ростов. Епископъ Игнатій покрылъ оловомъ церковь Богоматери, и вымостилъ оную краснымъ мраморомъ. — Въ 1282 погорѣла Тверь. — Въ 1285 заложена въ Твери Княземъ Михаиломъ, его матерью и Епископомъ Симеономъ каменная церковь Св. Спаса Преображенія на мѣстѣ старой Козьмы и Даміана. Пріѣзжалъ въ Новгородъ Митрополитъ Максимъ. Скончался Князь Романъ Владиміровичь Угличьскій, внукъ Константиновъ, братъ Андреевъ: ни тотъ, ни другой не оставилъ дѣтей, и сіе Княженіе присоединилось къ Ростовскому (см. выше, примѣч. 168). — Въ 1286 у Князя Ростов. Димитрія Борисовича родился сынъ Александръ, а у брата его, Константина, Михаилъ. Преставился Ѳеодоръ Епископъ Владимірскій. Новогородцы смѣнили Посадника Симеона и выбрали Андрея Климовича, а чинъ Тысячскаго, отнявъ у Іоанна, дали Андреяну Елферьевичу. — Въ 1287 Епископъ Симеонъ святилъ въ Твери *малымъ священіемъ* каменную церковь Спаса, еще не отдѣланную. (По извѣстію *Никон. Лѣт.* Епископъ Игнатій заложилъ въ Ростовѣ церковь Бориса и Глѣба). Въ 1288 поставленъ Владимірскій Епископъ Іаковъ и Ростовскій Тарасій, Игуменъ Іоанновской Обители, на мѣсто умершаго тогда Игнатія. (По извѣстію *Никон. Лѣт.* сгорѣла отъ грома церковь Ростовская Св. Михаила, 14. Іюня). Въ 1290, Ноября 8, совершили въ Твери церковь Спаса: Епископъ Андрей освятилъ ее *великимъ священіемъ*. (*Никон. Лѣт.* говоритъ, что у Вел. Князя Димитрія родился тогда сынъ Іоаннъ). *Ростовскій* Епископъ Тарасій освятилъ церковь Богоматери въ *Устюгѣ* (см. *Воскр. Лѣт.*). Въ Устюжскомъ рукописномъ Лѣтописцѣ сказано: «Князи Ростовскіе, Димитрій и Константинъ Борисовичи, послали изъ Ростова на Устюгъ Великій Архіерея Тарасія ради освященія Соборныя церкве Успенія, а съ нимъ образъ пресвят. Богородицы Одигитріа, да колоколъ Тюрикъ.» — Въ 1291, въ Великій постъ, Новогородцы смѣнили Посадника Андрея, и выбрали на его мѣсто Юрья Мишинича, а въ Ладогу отправили посадничать Матѳея Семеновича. Весною было въ Новѣгородѣ наводненіе, лѣтомъ конскій падежъ, и хлѣбъ пропалъ отъ сильнаго мороза. (По сказанію *Никон. Лѣт.* у Константина Васильковича родился сынъ Василій). Въ 1292 Февр. 10, дочь Великаго Князя Ярослава Ярославича, живъ дѣвицею въ одномъ женскомъ монастырѣ, тамъ постриглась. Иконописцы расписали въ Твери каменную церковь Св. Спаса. Архіепископъ Климентъ заложилъ въ Новѣгородѣ каменную церковь Св. Николая на Липнѣ, и начали строить вновь храмъ Св. Ѳеодора, ибо ветхій уже разрушался. — Въ 1293 скончался Рязанскій Князь Ѳеодоръ Романовичь.

*Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что въ 1278 году Татары воевали Рязань, въ 1282 и 1289 Литву; что въ 1283 Литовцы тревожили Нѣмцевъ, а въ 1288 Князь Елортей Ординскій, сынъ Темировъ, опустошилъ земли Рязанскую, Муромскую, Мордовскую.

(183) Въ *Воскресен.*: «преставись (въ 1294 году) Князь *Дмитрій* Ростовскій... того жь лѣта женись Князь Андрей Александровичь (вторымъ бракомъ), поня Княгиню Василису, дщерь Дмитрееву Борисовича Ростовьскаго... Того же лѣта женися Князь Михайло Ярославичь Тферскій, поня дщерь Княжь Дмитрееву Борисовича». Въ *Троицкой*: «и вѣнча его Епискупъ Андрей на Тфери въ церкви Св. Спаса Ноября 8.»

(184) «Въ лѣто 6804 (а не 6805) бысть нелюбіе межи Князей Русскихъ,» и проч. Въ другихъ: бысть рать Татарская.» Далѣе: «приде жь тогда посолъ изъ Орды отъ Царя Олекса Неврюй, » и проч.

(185) См. *Воскр. Лѣт.* Объ Исмаилѣ сказано въ *другомъ* мѣстѣ, что онъ былъ Епископомъ Сарайскимъ или Сарскимъ.

(186) Въ 1301 году. Въ *Троицкой*: «Того жь лѣта бысть съѣздъ всѣмъ Княземъ въ Дмитровѣ... И взяша миръ межю собою, а Князь Михайло Тферскій съ Иваномъ и съ Переяславскимъ не докончали межю собою.» Сія лѣтопись въ описаніи многихъ происшествій Андреева княженія уходитъ годомъ передъ другими (что есть ошибка: см. ниже, примѣч. 189). — Ѳеодоръ Черный, Князь Ярославскій, умеръ въ 1299 году, Сент. 19, Монахомъ и Схимникомъ. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что на гробѣ его, въ Ярославской церкви Св. Спаса, были многія чудеса: недужные исцѣлялись, и проч. См. также *Степен. Кн.* I, 397. Мощи Ѳеодора и двухъ сыновей его, Давида и Константина, были переложены въ каменную раку, въ церкви Св. Спаса, при Князѣ Александрѣ Ѳеодоровичѣ Ярославскомъ въ 1463 году.

(187) См. *Собраніе Государств. Грамотъ* I, 5. Подлинникъ хранится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи, и состоитъ изъ двухъ грамотъ: одна писана отъ Михаила къ Архіепископу Новогородскому, а

другая отъ Новагорода къ Михаилу. Замѣтимъ въ первой выраженіе: «А кто будетъ *закладень* позоровалъ ко мнѣ,» — то есть, кто чрезъ кабалу обратился ко мнѣ лицемъ, отдалъ мнѣ себя — «а жива въ Новгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отступился есмь Новугороду. А кто будетъ давныхъ людій въ Торжку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфери при Александрѣ и при Ярославѣ» — т. е. кто изъ жителей Волока и Торжка издавна закабалилъ себя Тверскому Князю — «тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ,» и проч. Нѣтъ ни года, ни числа; видимъ только, что сей договоръ заключенъ еще при жизни Іоанна Димитріевича Переславскаго. Печать серебряная вызолоченная, съ изображеніемъ Арханг. Михаила и Св. Николая, виситъ на шелковомъ зеленомъ снуркѣ; надпись ея стерлась. Обѣ грамоты писаны не на *бумагѣ*, какъ думалъ Кн. Щербатовъ, а на тонкомъ пергаментѣ.

(188) Въ *Троицкой:* «Преставися Князь Иванъ Дмитріевичь Переславскій, смѣреный, кроткій, тихій, Мая въ 15, и бѣяше чадъ не имѣя, и благослови въ свое мѣсто Князя Данила: того бо любяше паче инѣхъ. И сѣде Данило на Переяславли, а Намѣстницы Князя Великаго Андрея сбѣжали. Тое же осени Вел. Князь Андрей пойде въ Орду.» Тѣло Іоанна Димитріевича лежитъ въ Переславской Соборной церкви Преображенія, построенной Георгіемъ Долгорукимъ изъ бѣлаго камня; тамъ стоятъ еще двѣ иныя гробницы Князей Переславскихъ, отца его и другаго Князя.

Переславль считался весьма крѣпкимъ городомъ. Земляной валъ его вышиною отъ 5 до 8, а въ окружности 1037 саженъ; съ одной стороны течетъ рѣка Трубежъ, а съ другой находится глубокой ровъ, называемый *Гроблею*, который былъ наполненъ водою, а нынѣ заросъ травой и сдѣлался болотомъ. На немъ стояла деревянная крѣпость, всегда починиваемая на иждивеніе Князей Переславскихъ и Московскихъ; она срыта за ветхостію въ 1759 году, по Указу Сената. Въ трехъ башняхъ двойной стѣны были ворота: Спасскія, Никольскія и Рожественскія; былъ еще изъ города къ рѣкѣ Трубежу ходъ называемый *Тайникъ*, коего донынѣ видны нѣкоторые признаки.

Въ *Троицкой:* «Тое же осени (1300) Князь Данило Московскій приходилъ ратью на Рязань и билися у города у Переяславля (нынѣшней Рязани), и Данила измоглъ, и много Татары избилъ, и Князя Костянтина Рязанскаго нѣкакою хитростью ялъ, и приведе къ себѣ на Москву.» Въ *Никонов.* прибавлено, что Даніилъ ласково угощалъ своего плѣнника и всегда хотѣлъ отпустить его въ отчизну. Авторъ *Степен. Книги* называетъ сію побѣду Даніилову *побѣдою надъ Татарами*.

(189) Въ *Троицкой:* «въ лѣто 6812» (надобно читать: въ 6811) «Марта въ 5 (а не въ 4), въ Великое говѣнье, на безъимянной (третьей) недѣли во *Вторникъ*» (слѣдственно въ 1303 году) «преставись Князь» (а не *Великій* Князь) «Данило Александровичь, въ Черцѣхъ и въ Скимѣ, и положенъ бысть въ церкви Св. *Михаила* на Москвѣ.» Такъ сказано и въ *Никонов.*; а Сочинитель *Степ. Книги* пишетъ, что Даніилъ, основавъ монастырь *Даниловъ*, велѣлъ тамъ и погребсти себя, не въ церкви, а въ оградѣ; что сія древняя обитель совершенно опустѣла; что во время Великаго Князя Іоанна Василіевича Св. Даніилъ явился у своего гроба, на берегу Москвы рѣки, одному придворному юношѣ, тамъ ѣхавшему, и сказалъ ему: . . . «рцы Великому Князю Ивану: се убо самъ всячески себе утѣшаеши, мене же забвенію предалъ еси;» что Іоаннъ Василіевичь съ того времени уставилъ пѣть соборныя панихиды о душахъ родственниковъ своихъ; что въ княженіе его сына, Василія Іоанновича, Бояринъ Иванъ Михайловичь Шуйскій, ѣдучи верхомъ за Государемъ, хотѣлъ съ надгробнаго камня Даніилова сѣсть на лошадь, но едва было не умеръ и вылечился молебнами, отпѣтыми на семъ мѣстѣ; что при Царѣ Іоаннѣ Василіевичѣ умирающій сынъ одного купца исцѣлился у гроба Даніилова, и что Царь, удивленный такими чудесами, возобновилъ древній монастырь Даниловъ, построилъ тамъ церковь каменную, и проч. — Въ семъ монастырѣ находится слѣдующая надпись: «Въ лѣто 6811, мѣсяца Марта въ 4 день, преставися благовѣрный Великій Князь Московскій Схимонахъ Даніилъ Александровичь; мощи же его обрѣтены по откровенію въ лѣто 7160 мѣс. Авг. въ 30 день, и повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Вел. Князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи Самодержца, пренесены въ церковь, что во имя Седми Вселенскихъ Соборовъ.»

*Деревянная* церковь Св. Михаила, гдѣ, по сказанію Лѣтописца современнаго, былъ погребенъ Князь Московскій Даніилъ, стояла на томъ же мѣстѣ, на коемъ послѣ воздвигнутъ былъ нынѣшній каменный Соборъ Архангельскій.

Извѣстіемъ о кончинѣ Даніиловой заключается *Пушкинская* харатейная лѣтопись.

(190) Весною въ 1303 году. Съ того времени Можайскъ былъ уже Московскимъ городомъ (см. ниже въ завѣщаніи Вел. Князя Іоанна Калиты).

(191) Въ *Троицкой:* «того жь лѣта (1303) осенью Князь Вел. Андрей вышелъ изъ Орды съ послы и съ пожалованьемъ Царевымъ, и съѣхашась на съѣздъ въ Переяславль вси Князи и Митрополитъ Максимъ, Князь Михайло Тферскій, Князь Юрій Даниловичь съ братьею, и ту чли грамоты, Царевы ярлыки . . . Князь Юрій прія любовь, и взя себѣ Переяславль.» Сего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ.

(192) См. выше, примѣч. 171. — Доселѣ еще не упоминалось о Князьяхъ Вяземскихъ, происходящихъ отъ Рюрика Ростиславича Кіевскаго. Сынъ Владиміра Рюриковича, Андрей *Долгая Рука*, женатый на дочери Мстислава Романовича, убитаго на Калкѣ въ 1224 году, былъ первымъ Княземъ въ Вязьмѣ, области Смоленской. Такъ показано въ *Родословныхъ Книгахъ*. — Число убитыхъ подъ Дорогобужемъ Смолянъ простиралось до 200.

(193) Въ житіи Довмонта сказано, что онъ, мстя Нѣмцамъ за ихъ грабежъ, не за долго до сей осады ходилъ въ Ливонію съ войскомъ и возвратился съ добычею. Далѣе: «Изгониша Нѣмци безвѣстно ратью посадъ у Пскова Марта въ 4 день, и тогда убиша Василія Игумена Св. Спаса, Іоасафа Игумена Снетныя горы» . . . (Въ лѣтописи Псковской: *Іосифа Презвитера и съ нимъ* 17 *Мниховъ*) . . . «И Черноризецъ много избиша, и женъ и дѣтей, а мужей Богъ ублюде. Въ утрій же день погании Нѣмци оступиша градъ. Князь же Довмонтъ не стерпѣ дождати мужь своихъ большія рати, выѣха съ малою дружиною, ополчися съ Иваномъ Дорогомиловичемъ . . . И побѣди я у Св. Петра и Павла на брезѣ,» и проч.

Въ житіи его: «мало поболѣвъ преставись Маіа въ 20 день . . . бысть же печаль и жалость велика тогда Псковичемъ . . . и тако святое его тѣло положиша въ церкви Св. Троицы съ похвалами.» Въ Псковской лѣтописи: «бысть жалость велика и женамъ и малымъ дѣтемъ по добромъ Князѣ.»

(194) См. выше, примѣч. 121. Стриковск. *Хроник.* кн. IX, гл. 2, по Русскому переводу: «Довмонтъ разорившіяся стѣны града починилъ, яко того его государства есть и будетъ, дондеже Псковъ стоитъ, вѣчная память стѣнъ, отъ Дов-



325

монта поставленныхъ, юже и нынѣ Москва зоветъ: *Довмонтова* стѣна.» Въ лѣтописи Псковской: «Въ лѣто 6992 поставлена бысть церковь въ *Довмонтовѣ* стѣнѣ.» Въ той же лѣтописи: «Въ лѣто 6817 Борисъ Посадникъ и весь Псковъ заложиша стѣну камену: (въ другихъ спискахъ: *плитяну*) отъ Св. Петра и Павла къ Великой рѣцѣ.» — Стриковскій, не знавъ нашихъ лѣтописей, говоритъ, что Довмонтъ убитъ въ сраженіи племянникомъ, сыномъ Тройдена, Князя Литовскаго, Лавромъ, Монахомъ Русской обители, который, сложивъ съ себя клобукъ и мантію, подобно Воишелгу собралъ войско и побѣдилъ дядю. Сей Историкъ называетъ Довмонта Псковскимъ и *Полоцкимъ* Владѣтелемъ, предкомъ Князей Свирскихъ. Онъ же говоритъ (кн. X, гл. 5): «Есть нѣгдѣ въ старыхъ лѣтописцахъ Русскихъ, яко Литва въ лѣто 1307 Полоцкъ взя, а како, и при чьей державѣ, не пишетъ.» Нарушевичь относитъ къ сему случаю слѣдующую выписку изъ подлинныхъ бумагъ Коммиссіи, наряженной Папою Климентомъ V для изслѣдованія дѣлъ Нѣмецкаго Ордена: quodque gravius est, iidem præceptores et fratres, non solum a confinibus eorundem paganorum, in quibus contra illorum incursus debuissent se murum defensionis opponere, in detrimentum fidelium recesserunt, sed quoddam castrum ejusdem Rigensis Ecclesiæ eisdem paganis (Литовцамъ) *pro certa quantitate pecuniæ venundantes*, regnum *Polochense*, quod quondam Rex Polochensis ad fidem Christi conversus, prolem non habens legitimam, eidem Ecclesiæ Rigensi contulerat pro animæ suæ salute, dictis paganis non absque jactura multitudinis innumeræ fidelium, dimiserunt, и проч. (См. Нарушев. Hist. Nar. Polsk. V, 11 и 350; также Догіел. Cod. dipl. Polon. подъ годомъ 1309, стр. 33). Далѣе сказано, что Литовцы разорили тогда въ Полоцкѣ двѣ Соборныя церкви, и большую часть окрестностей его обратили въ пустыню.

(195) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 246. Онъ именуетъ его Sigge Lake, а нашъ Лѣтописецъ Воеводою Сигомъ. — Копорье возобновлено въ 1297 году. — Маршалъ Торкель приходилъ по нашей лѣтописи въ 1300 году, а по Шведскимъ въ 1298. Онъ названъ въ первой Намѣстникомъ Королевскимъ Маскалкою. Далѣе: «Приведоша мастеры изъ своей земли, изъ Великаго Рима отъ Папы мастеръ приведоша нарочитъ, поставити городъ... и въ немъ пороки; похвалившеся окаяньніи, нарекоша его *Вѣнецъ земли*,» и проч.

(196) Далинъ пишетъ, что Россіянъ было 30,000 подъ начальствомъ самого Великаго Князя. *Лѣт. Новогород.* не умолчалъ бы о такой важной битвѣ, но могъ не сказать ни слова, если какой нибудь малочисленный отрядъ Россіянъ, видя превосходную силу Шведовъ, удалился отъ береговъ Невы.

(197) Далинъ пишетъ, что Шведовъ въ крѣпости находилось только 300, изнуренныхъ болѣзнями отъ сырости новыхъ зданій, и что витязь Карлъ Гакъ, надѣвъ во время приступа Русскую одежду, былъ изрубленъ своими, которые его не узнали. — Въ нашей лѣтописи: «Приступиша къ городу Маія 18, въ Пятокъ, на память Св. Патрикія (слѣдственно 19), предъ Сшествіемъ Св. Духа... овыхъ избиша, а иныхъ извязавше поведоша, а градъ *запалиша*:» слѣдственно деревянный. — Въ *Троицкой*: «Князь же Михайло Тферскій не дошедъ Новагорода, слышавъ, оже Нѣмци (Шведы) побѣжени, възвратися.» Здѣсь также сей Лѣтописецъ погрѣшаетъ въ означеніи времени, уходя годомъ впередъ.

(198) Владиміръ, сынъ Ярослава Великаго, въ 1044 году заложилъ крѣпость въ Новѣгородѣ; но она была конечно деревянная: ибо Лѣтописецъ прибавилъ бы: «городъ *каменъ*.»

(199) «И положенъ бысть на Городцѣ въ церкви Св. Михаила.»

(200) См. Cométographie, I, 420. Въ нашихъ лѣтописяхъ: «тое же осени бысть знаменье на небеси: явися звѣзда на Западѣ, луча имущи яко хвосты вверхъ къ полуденью лиць.» — Въ 1297 или 1298 году былъ моръ на скотъ и такая засуха, что лѣса и мшистыя болота горѣли; въ 1298, Маія 9, небесное знаменіе («огородилося бяше солнце грозно»); въ 1299 моръ во Псковѣ, а въ другихъ мѣстахъ, весною, страшныя бури («въ Новѣгородѣ туча на одиномъ часу великъ ровъ учинила и хоромовъ снесла изъ основанья»; въ 1301, Іюля 5 въ Среду, сильная буря («хоромы порвало, а по полемъ дубье подрало»; въ 1303 голодъ въ Новогородской области («зима бысть тепла; не бысть снѣга чрезъ всю зиму, и не добыша люди хлѣба, и бысть дороговь велика, и туга и печаль»); въ Ростовѣ бурею сорвало 4 церкви, а съ другихъ всѣхъ кровли. — «Въ лѣто 6806 (1298) на Св. недѣли въ Суботу на ночь, освитающи Ѳоминѣ Недѣли, загорѣшась сѣни во Тфери подо Княземъ... Въ сѣнехъ людіе спяще не очютиша огня, ни сторожеве, но самъ Князь огнь почютилъ и въ торопѣ выскочилъ вонъ только со Княгинею... Погорѣ казна вся и не мало имѣнья, злата и сребра, и порты, и оружье.» Въ 1296 году, передъ Троицынымъ днемъ, былъ также сильный пожаръ въ Твери, а въ 1300, Іюня 3 въ Пятницу, сгорѣлъ Торжекъ. «Мѣс. Апрѣля въ 18 день, въ Суботу Великую, въ 1 часъ нощи загорѣся на Варежской улицѣ (въ Новѣгородѣ)... Въздвижеся буря... и верзеся огнь изъ Нѣмечскаго Двора въ Неревскій Конецъ, и загорѣся на Холопьи улицы... а мостъ великій огнь заялъ... Но сице бо на свѣтѣ Богъ и добріе людіе уяша; а зли человѣци въ Св. Іоаннѣ надъ товаромъ сторожи убиша; въ Св. Іаковѣ сторожь сгорѣ; на Торговомъ полу (Торговой сторонѣ) церкви сгорѣ 12; а въ Христовѣ въ церкви нѣколико иконъ сгорѣ, и 2 Попа сгорѣста; а въ Неревскомъ Концѣ сгорѣ церкви 10, и мужъ добръ сгорѣ Олферій Лазоревичь.

(201) Апрѣля 18. «А Семену, Епископу Володимерьскому, дасть Епископью Ростовскую... А самъ сѣде въ Володимірѣ.» Бывшій Ростовскій Епископъ Тарасій поссорился съ Княземъ своимъ Константиномъ Борисовичемъ, и въ 1295 году уѣхалъ въ Устюгъ; Константинъ же поѣхалъ за нимъ и взялъ его подъ стражу со всѣми людьми Епископскими, какъ сказано въ *Ростовской* Архивской лѣтописи и въ *Воскресенской*, гдѣ надобно только читать: «*иде* Князь,» вмѣсто: «*сѣде* Князь.» — О Князѣ Порусскомъ см. выше, примѣч. 175.

(202) Такъ пишетъ Львовскій или Лембергскій Бургомистръ Зим披ровичь въ своемъ Triplici Leopoli, сочиненномъ въ 1672 году. Я имѣлъ вѣрный списокъ сей любопытной рукописи отъ Г-на Профессора Лоди; а подлинникъ хранится во Львовѣ. Авторъ пользовался древними бумагами тамошнихъ архивовъ, и говоритъ: Leo, mitior agno ante mortem, placide vitam consummavit anno 1301, и проч. — Одинъ Галицкій Поэтъ новѣйшихъ временъ (см. книгу Окольскаго, Russia Florida) ѳписалъ въ Латинскихъ стихахъ жизнь Даніила и Льва. О послѣднемъ говоритъ онъ:

Extincto Daniele, Leo tenet obvia sceptra
Urbem qui proprio primum de nomine condit.
Nutritus bellis princeps et magnus in armis,
Orbe, patris similis, patrem virtute ferebat.
Romanique nepos, animum spirabat avitum.

(203) Клименту Ходыкевичу, Монаху Доминиканскому, написавшему Dissertationes historico-criticæ de Archiepiscopatu Metropolitano Kijoviensi et Haliciensi, показывалъ первую грамоту Григорій Сушальскій, Деканъ Николаевской церкви во Львовѣ, а вторую Антоній Левинскій, Протопопъ тамошней Успенской Соборной церкви. Изъ Николаевской жалованной грамоты Ходыкевичь переводитъ только слѣдующія слова: Ecce ego Leo, Dux terrarum Russiæ, filius Danielis Regis, consilio capto cum Senatu meo, etc. in præsentia Venerabilis *Metropolitæ Haliciensis Josephi de Krylos*, Andreæ Ducis Jaroslavisz, Ducis Waszko et aliorum plurimorum fide dignorum, circa præmissa existentium. Scriptæ sunt hæ literæ Leopoli *Feria Sexta*, die octava Mensis Octobris, anno 6800 (1292). Въ 1292 году 8 Октября было не *шестымъ*, а *четвертымъ* днемъ недѣли. — *Крылосъ*, въ сей грамотѣ упоминаемый, есть мѣстечко верстахъ въ пяти отъ Галича, гдѣ, какъ *сказываютъ*, была въ старину каѳедра Галицкой Митрополіи и находился загородный дворецъ Княжескій (см. Ходык. Dissertationes). — Вторую мнимую Леонову грамоту сообщаетъ Ходыкевичь всю отъ слова до слова въ Русскомъ подлинникѣ. Вотъ она:

«А се я Князь Левъ, сынъ Короля Даніила, згадавшися *есмо* зъ нашими Бояры, (якоже) прадѣдъ нашъ, *Царь* Великій Владимеръ, и отецъ нашъ, и *предалъ Митрополитомъ* и Епископомъ *по всѣмъ землямъ* Русскимъ, якожъ и мы Богу и пречистой Его Матери ко церкви Св. Ея Успенія Крылоскимъ Попомъ Соборнымъ Митрополіи Галицкой, и всѣмъ Архіепископомъ и Епископомъ и монастыремъ православной Св. Вѣры Греческой, *дали* есмо *Право* духовное, по томъ же, какъ держитъ Кіевская церковь по Христіанскому и Святыхъ Отецъ управленію, и подтвердили есмо *придали* церковніе на вѣки *вѣчніе*, села зъ людми и поля зъ лѣсы; и еще есмо *дали* на *тоты* села грамоты *особливіи* межи нашихъ *границъ* и Боярскихъ, и въ ихъ поляхъ и лѣсѣхъ, *вызначаючи* границы, *якъ* было издавна; и придали есмо *десятины* съ нашего и *Князкія;* и отъ превозовъ не возметъ десятину; и по Боярскимъ селомъ *приданніе и даны медовіе*, выходы и борты и рыбныя ловища и езера даемъ церкви Св. Богоматери, *Митрополитѣ*» (вмѣсто *Митрополиту*) «нашему Григорію, и по немъ *будучимъ* Архіепископомъ, кому Богъ изволитъ и дастъ держати на вѣки, и *поживати*, и церковь святую правити и рядити, а за наша предки и за насъ милостиваго Бога *просити*. А къ тому еще придаемъ купы *въ рокъ* съ Поповъ давати, и *суди духовнія* судити (судитъ) церковь *столечная* отъ мірскихъ въ законѣ *отлучини* (отлучно), распусты, *свадебщини* и беззаконнопоятія, всѣ духовніе права судятъ Архіепископы; а *сіи* (се) люди опричніи церковніи: Игумены, Попове, и Діаконы, и Священницы, причетницы церковніи, и Черноризцы, иконніи писарове, Поповичове, и *Дяци*, проскурникове и богадѣльніи, и странніи; и тіе людіе церковніе волны отъ насъ и отъ Бояръ нашихъ: обладаетъ и судитъ ихъ великая Церковь, опрочъ міринъ. А на мое слово *не треба уступатися* нѣкому, ни отняти, ни дѣтемъ моимъ, ни тымъ, кому по насъ Богъ дасть на вѣки вѣчніе. А се управили есмо (по) Святыхъ Отецъ и первыхъ Царей Христіанскихъ (правилу). А кто на мое слово *уступитъ*, судъ ми съ нимъ предъ Богомъ, и отлученъ будетъ милости Божія въ день Страшнаго *Божіого* суда, и да будетъ клятва Божая на немъ въ сей вѣкъ и въ будущій. — На то есмо грамоту нашу дали и печать свою привѣсили. А притомъ были Митрополитъ *Кіевскій Кипріанъ*, Владыка Перемышльскій Ларіонъ и Князь Андрей Ярославичь, и *Панъ Васко* и иныхъ Бояръ много *було* при томъ. А писана и дана грамота въ Галичи въ Четвертокъ мѣсяца Марта въ *осмый* день, лѣта 6809. А писецъ Захаріа Выхотъ.» — 1) Всѣ косыми буквами напечатанныя выше слова или не употреблялись въ древнемъ языкѣ Русскомъ или написаны не по Русскому выговору. 2) Въ 6809 (1301) году *въ руцѣ лѣто* было S, и 8 Марта не въ Четвертокъ, а въ Середу. 3) Въ 1301 году былъ *Кіевскимъ* и всея Россіи Митрополитомъ не *Кипріанъ*, а *Максимъ*. Ходыкевичь напрасно увѣряетъ, что Максимъ преставился въ 1296 году; что сей мнимый Кипріанъ пасъ нашу церковь отъ 1296 до 1308 года, и что Св. Петръ заступилъ его мѣсто, а не Максимово. 4) Чтобы въ Галичѣ была *особенная* Митрополія въ XIII или XIV вѣкѣ, на сіе нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Наслѣдники Леоновы думали учредить оную, однакожь не могли исполнить своего намѣренія, и Патріархъ Константинопольскій поставилъ Митрополита Петра для всей Россіи (см. ниже, примѣч. 243). Въ 1331 году находился въ Галичѣ *Епископъ*, подвѣдомый нашему Кіевскому и Владимірскому Митрополиту (см. ниже, примѣч. 290.) Ссылаются на Notitiæ Græcorum Episcopatuum a Leone Sapiente ad Andronicum Palæologum, напечатанныя при сочиненіи Кодина, гдѣ упоминается о *Галицкой Митрополіи;* но извѣстія о Россійскихъ Епископствахъ должны быть въ оныхъ новѣйшимъ прибавленіемъ, ибо тамъ къ городамъ *Литовскимъ* причисленъ *Смоленскъ* (стран. 399), взятый Витовтомъ уже въ 1404 году. Далѣе сказано: posteris temporibus constituti sunt in Ungrovalachia duo Metropolitæ; а ниже: Factus est *etiam nostra ætate* Metropolitanus Galiszæ: слѣдственно еще въ *позднѣйшее* время; а именно въ 1539 г., когда возобновленная Епископія Галицкая была названа *Митрополіею*, при Королѣ Польскомъ Сигизмундѣ. Его *увѣрили*, что она такъ издревле называлась: для чего, велѣвъ Митрополиту Кіево-Литовскому, Макарію, поставить Святителя Галичу, именемъ также Макарія (Тучапскаго), Сигизмундъ пишетъ въ данной ему грамотѣ: cui quidem *Vladicæ* Macario sub potestatem illius damus Ecclesiam Haliciensem *Metropolitanam*, in qua quondam Archiepiscopus, alias Metropolitanus eorum præsidebat (см. Ходык. *Dissert*). Когда Митрополія Россійская въ XV вѣкѣ раздѣлилась на двѣ, тогда Митрополиты Кіево-Литовскіе именовались и *Галицкими;* но Галичь не имѣлъ *своихъ частныхъ Митрополитовъ*, или *Архіепископовъ*, вопреки Сигизмунду и Кіево-Литовскому Митрополиту Макарію, который въ ставленой грамотѣ Епископа Галицкаго Макарія пишетъ: quoniam Archiepiscopatus Metropoliæ Haliciensi *ab aliquot annorum centenariis amissus* et extinctus fuerat (см. Ходык. *Dissert.*).

Обратимся ко Львовой грамотѣ. Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій и Галицкій, въ 1581 г. представилъ оную въ самомъ ветхомъ видѣ Королю Польскому Стефану на утвержденіе: что Король и сдѣлалъ, съ оговоркою: «поколику ея содержаніе не противно настоящимъ законамъ» (quatenus Juris publici ratio permittit, approbamus, и проч.) Сію грамоту, тогда вновь переписанную, скрѣпили печатями Стефанъ и послѣ Сигизмундъ III (въ 1592 году), а въ Городскомъ Правленіи Галицкомъ записали въ 1642 году (см. *Ходык. Dissert.* гл. II). Нужно ли изъяснять намѣреніе подлога? Читатель вспомнитъ нашъ мнимый церковный уставъ Владиміровъ или Ярославовъ, изобрѣтенный съ такимъ же намѣреніемъ: т. е. для мірской пользы Духовенства.

(204) Узнавъ, что въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находятся подлинныя грамоты Галицкихъ Князей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена, я просилъ его Директора, Г. Геннига, доставить мнѣ вѣрный списокъ оныхъ. Онъ, какъ истинный другъ учености, сдѣлалъ все по моему желанію. Отъ Юрія Львовича самого нѣтъ писемъ; но печать его находимъ приложенную къ грамотѣ Андрея и Льва, правнуковъ Даніила, писанной въ 1316 году (см. ниже). На одной сторонѣ изображенъ Юрій или Георгій на тронѣ, въ вѣнцѣ и съ скиптромъ въ правой рукѣ; кругомъ подпись: Domini Georgi Regis Russiæ — на другой сторонѣ всадникъ въ латахъ; въ рукахъ щитъ и знамя; кругомъ: Domini Georgi Principis Ladimeriæ.

(205) См. Арндт. Lief. Chron. стр. 75.

(206) Драгоцѣнное собраніе древнихъ грамотъ Новогородскихъ и Двинскихъ получено мною отъ Графа А. И. Мусина-Пушкина. Вотъ Андреева грамота: «Отъ Великаго Князя отъ Ондрѣя къ Посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старостамъ: како есмь докончалъ съ Новымъгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на морѣ; а въ Атаманъ Ондрѣй Критцкый, ать дають (да даютъ ему) съ погостовъ кормъ, и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма какъ пойдеть съ моря съ потками (птицами) съ данными по данничу пути, дадять ему корму и подводы по пошлинѣ съ погостовь; а какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ не ходити на Терскую сторону Новгородцемъ, и нынѣ не ходять.» — *Терская* сторона, или *Терь* или *Тре*, заключала въ себѣ, какъ видно, сѣверную приморскую часть Архангельской Губерніи. Тамъ одни слуги Великаго Князя, называемые въ другихъ грамотахъ *сокольниками* (см. ниже), ловили птицъ.

Разныя происшествія Андреева княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующія. Въ 1294 году преставился Рязанскій Епископъ Василій. Въ Новогородской области «Титъ Мановичь постави Отій городокъ на сей сторонѣ Наровы. Новогородцы же шедъ пожгоша городокъ, и село его великое взяша и пожгоша. Того жь лѣта съвършиша церковь Св. Ѳеодора, и священ ю Владыка Климентъ Окт. 18.» — Въ 1295 поставленъ Симеонъ, Епископъ Владимірскій. Въ 1296 Архіепископъ построилъ въ Новѣгородѣ церковь каменную Воскресенія на воротахъ, а въ 1297 Георгіевскій Архимандритъ Кириллъ церковь Преображенія на воротахъ отъ Людина Конца. Юрій Даніиловичь женился въ Ростовѣ. (Въ Твери, по *Никон. Лѣт.*, построили церковь Св. Аѳанасія.) Въ 1298 Князь Тверскій Михаилъ былъ опасно боленъ. Сент. 15 въ Понедѣльникъ, послѣ Вечерни, родился у него сынъ Димитрій. — Въ 1299, Маія 22, въ Пятницу въ 7 часу дни, скончался Новогород. Архіеп. Климентъ, и положенъ въ притворѣ Св. Софіи Архимандритомъ Кирилломъ, Посадникомъ Андреемъ, и проч. «Новогородци, много гадавше, възлюбиша Игумена Св. Благовѣщенія Ѳеоктиста; и съзвонивше Вѣче у Св. Софіи, и Князь Борисъ Андреевичь» (сынъ и Намѣстникъ Великаго Князя) «съ всѣми Новогородци посадиша его въ Владычнѣ Дворѣ, дондеже увѣдають, гдѣ Митрополитъ.» Окт. 11 родилась у Князя Михаила Тверскаго дочь Ѳеодора. — Въ 1300 «пріиде Митрополитъ Максимъ въ Новгородъ и Епископъ Ростов. Симеонъ и Тферьскій Андрей, поставиша Ѳеоктиста, знаменаша его въ церкви Бориса и Глѣба Іюля 29, того жь мѣсяца и поставиша на память Свв. Апостолъ Петра и Павла, въ Св. Софіи... Той же осени заложиша церковь каменну у Св. Михаила на Михайловѣ улицѣ. Срубиша 4 церкви (въ Новѣгородѣ), Св. Богородицы въ монастыри въ Звѣринцѣ и Св. Лазаря, и Св. Димитрія на Бояни улкѣ, и Св. Бориса и Глѣба на Подолѣ.» Окт. 7 въ Пятницу родился у Князя Михаила Тверскаго сынъ Александръ. — Въ 1301, Ноября 8, были постриги у Князя Михаила Тверскаго сыну его Димитрію. — Въ 1302 заложили въ Новѣгородѣ новую церковь Бориса и Глѣба, ибо старая начинала разрушаться; тамъ же совершили церковь Св. Михаила на Михайловѣ улицѣ. Въ 1303, Февр. 25, въ Понедѣльникъ, скончался въ Костромѣ сынъ Вел. Князя, Борисъ Андреевичь. «Отъяша (въ Новѣгородѣ) Посадничство у Смена Климовича и даша брату его Андрею. Срубиша 4 церкви, Св. Георгія въ Торгу, и Св. Ивана Ишкову, и Св. Козмы и Демьяна на Холопьи улици, и Св. Георгія на Борьковѣ улици.» Въ рукописи. Устюжскомъ лѣтописцѣ; «Въ лѣто отъ Р. Х. 1303, Іюля 8, преставися Св. Прокопій, Христа ради юродивый Устюжскій Чудотворецъ, другъ преподобнаго отца Кипріана» (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 186), «по концѣ моста предъ святыми вороты того Архангельск. монастыря. Тѣло же его честное, по его завѣщанію, погребено на берегу рѣки Сухоны, близъ Соборныя церкви Успенія, и камень, на которомъ Св. Прокопій обыклъ часто сидѣти, взирати на рѣку Сухону и молити Бога о плавающихъ, положенъ верхъ гроба по его завѣщанію; а потомъ и церковь надъ гробомъ его во имя его создана; а на мѣстѣ у Архангельск. монастыря, идѣ же преставися, поставлена часовня, а въ ней образъ Успенія и Св. Прокопія, да крестъ изъ бѣлаго камня, перенесенный послѣ въ церковь Введенія Богоматери, въ трапезу на правой сторонѣ; а часовни на томъ мѣстѣ нынѣ уже нѣтъ, а только образъ Святаго тамъ изображенъ на стѣнѣ.» См. ѳ чудесахъ Прокопія въ Прологѣ, Іюля 8. Тамъ сказано: «Въ лѣвой руцѣ ношаше (Прокопій) три кочерги. Глаголютъ же, яко егда кочерги оны ношаше Святый простерты главами впрямь, тогда бываше изобильство хлѣба; егда же непростерты, то скудость являше.» — Въ 1304 Іюня 23, во Вторникъ въ полдень, ударилъ громъ въ маковицу Костромской церкви Св. Ѳеодора и зажегъ ее: къ вечеру она сгорѣла. Зима была теплая, безснѣжная, а годъ весьма плодородный. — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что въ 1297 году срубленъ въ Тверской области городокъ Зубцовъ: развѣ тамошняя крѣпость? ибо о семъ городѣ уже нѣсколько разъ упоминалось въ лѣтописяхъ.

(207) «А рубежъ ти, Княже, межю Суждальскою землею и Новгородьскою дати ти старый, како было при дѣдѣ твоемъ и при отци твоемъ Ярославѣ.» См. Новогород. грамоту въ Архивѣ Иностран. Коллегіи No. 6. Тамъ же: «а что, Княже, селъ твоихъ и Владычьнихъ (Епископа Тверскаго), и проч. которое село зашло безъ кунъ, то безъ кунъ пойдеть къ Новугороду; а кто купилъ, а тый знаеть своего истьца или дѣти его: истьца ли не будеть, цѣловати ему хрестъ, како истьца не свѣдаеть, взяти ему куны, колико будеть далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду... А раду въ Новгородьской волости тобѣ и твоимъ судіямъ не посужяти, а самосуда не замышляти; а Старостѣ ни холопа, ни робы безъ осподаря (господина) твоимъ судіямъ не судити; а за рубежъ изъ Новогородьской волости твоимъ Дворяномъ суда не выводити» — то есть, Дворяне Княжескіе или судіи не могли для суда вызывать Новогородцевъ изъ области Новогородской въ другую. Далѣе: «а за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву насаду по пошлинѣ (какъ обыкновенно), а опять ѣхать туды же на Новгородъ, а съ Низу ти не слати.»

Сихъ договорныхъ грамотъ Михаиловыхъ съ Новымгородомъ находится въ Архивѣ четыре, подъ No. 6, 7, 9 и 10. *Первая* на пергаментѣ съ свинцовою печатью, на коей съ одной стороны вырѣзанъ образъ Богоматери, а на другой слова: «Ѳектистъ Архіепископъ Новогородьскый.» На печати *вторыя* грамоты изображены Іисусъ и Михаилъ Архангелъ. Первая грамота отъ Архіепископа и чиновниковъ Новогородскихъ дана Михаилу, вторая отъ Михаила Новугороду. Третія и четвертая такого же содержанія съ малыми отмѣнами. На примѣръ въ *четвертой*: «а что селъ Дмитріевыхъ, то дали есме былѣ Андрею до живота Андреева въ хрестное цѣлованье, а потомъ Новугороду то все... Въ Вълъгдѣ (Вологдѣ) ти Тіуна не дьржати... продаяти ти дань своя Новгородцю» (то есть, отдавать Княжескіе доходы на откупъ только жителямъ Новогородскимъ, а не другимъ)... «А холопа и *половника*» (наемника, работающаго изъ половины) «не судити твоимъ судіямъ безъ господаря; а холопъ или половникъ забѣжить въ Тферьскую волость, а тыхъ, Княже, выдавати.» Сія грамота, за печатію Архіепископа Ѳеоктиста, писана не въ одно время съ первою — ибо въ ней наименованъ (кромѣ Посадника Георгія или Юрія) *Тысячскій Андреянъ* — однакожь прежде 1308 года: ибо въ семъ году Ѳеоктистъ уже отказался отъ своего сана. Третья грамота (также за печатію Ѳеоктиста) писана въ одно время со второю и такого же содержанія; только въ ней прибавлено слѣдующее: «за Волокъ ти своего мужа не слати, *слати Новгородца; а тобѣ серебро емати.*» — Всѣ другія условія сихъ грамотъ извѣстны Читателю по договорамъ Ярослава Ярославича, выше приведеннымъ; для того не повторяемъ оныхъ.

(208) Въ *Воскр. Лѣт.* II, 281: «Егда жь ему (Юрію) бывшу въ Володимери, блаженный Митрополитъ Максимъ со многою молбою браняшеть (возбранялъ) ити въ Орду,» и проч. Далѣе: «онъ же (Юрій) отвѣщавъ рекъ: иду, отче, въ Орду, но не хощу Великаго Княженія... Свадиша (Татарскіе Вельможи) братью, ркуще Князю Юрью: оже ты даси выходъ (дань) болши Князя Михаила, а мы тебѣ Княженіе Великое дадимъ. И тако превратиша сердце его.» Сей Лѣтописецъ хотѣлъ, кажется, извинить Юрія. — Далѣе: «Князя Юрья въ Суждалѣ переимали, да не изнимали... Онъ же съ своею братьею пройде въ Орду инѣмъ путемъ... Со Княземъ же съ Иваномъ съ одиного Переяславьская рать, къ тому же приспѣ и Московская, и бишась крѣпко — и уби Акинѳа у Переяславля, и зятя его Давыда и множество Тферичь... Дѣти же Акинѳовы, Иванъ да Ѳедоръ, одва убѣжали во Тферь.» *Никон. Лѣт.* называетъ Акинѳа бывшимъ Бояриномъ Вел. Князя Андрея Александровича, и говоритъ, что Іоаннъ Даніиловичь, по отъѣздѣ брата прибывъ изъ Москвы въ Переславль, *сѣлъ тамъ на Великомъ Княженіи!* Далѣе: «Вослаша въ Новгородъ Тферичи Намѣстникы Михаиловы силою (въ 1304 г.) и не пріяша ихъ... Идоша Новгородци въ Торжекъ блюсть Торжку, и совкупиша всю землю противу, и ссылающеся послы разъѣхашася докончавше до пріѣзда Князей.»

(209) «Бысть Вѣче (въ 1304) на Костромѣ на Бояръ, на Давыда Явидовича, да на Жеребца и на иныхъ; тогда же и Зерна убили Александра.» — Въ рукописной Синодальной подъ No. 349, л. 53: «Князь Михайло Андреевичь (въ 1305 г.) оженися въ Ордѣ.» Сей Михайло былъ сынъ Андрея *Ярославича*, а не *Александровича*, который не оставилъ дѣтей; потому его Бояре, не имѣя Государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому.

(210) Михаилъ возвратился въ 1305. *Воскр. Лѣт.* II, 281: «и посаженъ бысть на столѣ въ Володимерѣ блаженнымъ Митрополитомъ Максимомъ... Ходи» (Михаилъ въ 1305 году) «на Князя Юрья и на его братью, и взя съ ними миръ... Ходи (въ 1308) въ другіе къ Москвѣ, и бысть бой у Москвы на память Св. Апостола Тита, а града не взя.»

(211) См. выше, стр. 98. Въ *Троицкой:* «въ лѣто 6815 (1307) Князь Юрій въѣха на Московь съ *Рязани.*» Кажется, что Юрій ѣздилъ въ Рязань какъ повелитель, имѣя тамошняго Князя въ своихъ рукахъ. Онъ умертвилъ Константина въ 1307 году. — Съ сего времени Коломна была уже Московскимъ городомъ. Іоаннъ Даніиловичь въ завѣщаніи своемъ (см. ниже, въ описаніи 1340 году) отказалъ ее старшему своему сыну. — Братья Георгіевы уѣхали въ Тверь зимою 1307 года.

(212) Хотя Михаилъ не былъ въ Новѣгородѣ до 1308 году, но господствовалъ тамъ чрезъ Намѣстниковъ съ самаго своего пріѣзда изъ Орды. Ѳеоктистъ въ 1305 году, Дек. 9, святилъ великимъ священіемъ Новогородскую церковь Бориса и Глѣба въ *державу Христолюбиваго Князя Михаила*, какъ сказано въ *Лѣт. Новогород.*

(213) См. Архивск. Новогородскую грамоту No 11. Она съ печатію Архіепископа Ѳеоктиста, слѣдственно писана еще въ 1307 или 1308 году. Въ ней сказано: «Князь Великый Андрей и вьсь Новгородъ дали Ѳедору Михайловицю город *стольный* Пльсковъ, и онъ ѣдъ хлѣбъ, а како пошла рать, и онъ отъѣхалъ, городъ повьргя (оставивъ); а Новагорода и Пльскова поклона не послушалъ.» По Ливонскимъ Лѣтописямъ намъ извѣстно, что Рыцари въ 1307 году осаждали Псковъ и возвратились съ выгоднымъ для нихъ миромъ (см. Арнт. Chron. стр 77, и Кельх. Liefl. Gesch. стр. 107). Далѣе въ грамотѣ: «Пріѣхавъ въ село, Новгородьскую волость (Намѣстникъ Ѳеодоръ) пусту положилъ, братію нашу *испродалъ*» (обложилъ данію). «Тобѣ, Княже, не кърмити его Новгородьскымъ хлѣбомъ; кърмити его у себе; а на селѣхъ (за его села) купы ему даемъ. А Бориса Костянтиновица кърмилъ Новгородъ Корелою, и онъ Корелу всю истерялъ и за Нѣмцы загонилъ. Надъ тимь (сверхъ того) *рубежъ учинилъ* на Новѣгородѣ, чего не пошло:» то есть, захватилъ непринадлежащее ему. *Нарубить* значило *нахватать:* см. сей Исторіи Т. I, примѣч. 468. Въ другой Михаиловой грамотѣ сказано: «а что Князь товаръ *порубилъ*» — т. е. захватилъ — «братьи нашей, а того товара намъ отступитися.» Въ Псковской лѣтописи также встрѣчается выраженіе *рубить* вмѣсто *захватывать*: см. ниже, примѣч. 355.

(214) «Въ лѣто 6816 (1308) сѣде Князь Великый Михайло Ярославичь въ Новѣгородѣ на столѣ въ Недѣлю на Сборъ Свв. Отецъ 630, иже въ Халкидонѣ... Ходиша (въ 1310 г.) Новгородци въ лодьяхъ и въ лойвахъ въ озеро (Ладожское), и идоша въ рѣку *Узьреву* и срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхый сметавше.» Въ *Большомъ Чертежѣ*, стр. 260: «изъ Озера (Ребова) вытекла рѣка *Узрева* и пала въ Корельское озеро, а Корельское озеро пало въ Ладожское; а на усть рѣки Узервы на острову городъ Корела» (или Кексгольмъ). Нынѣ обѣ сіи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею. Далѣе: Въ лѣто 6811 ходиша Новгородци войною на Нѣмецьскую (Шведскую) землю за море на Емь съ *Княземъ Дмитріемъ Романовичемъ*, и перехавше море, взяша первое Купецьскую рѣку» (можетъ быть, Кюмень) «села пожгоша и головы поимаша, а скотъ исѣкоша, и ту убіенъ бысть Костянтинъ Ильинъ, сынъ Станимировича, въ загонѣ. Потомъ взяша Черную рѣку всю, и такъ по Чер-

ной придоша къ городу Ванаю, и взяша городъ и пожгоша, а Нѣмци взбѣгоша на дѣтинецъ» (въ замокъ или въ крѣпость :) «бяше бо мѣсто велми силно твердо, на камени высоцѣ, не имѣя приступа ни откуда же, и сослаша съ поклономъ, просяще мира. Новгородци же мира не даша, и стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче (разоряя), села великая пожгоша . . . И потомъ идуче (назадъ) взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку» (гдѣ нынѣ мѣстечко Перно) «и выидоша на море и приидоша здорови вси.»

Князь Щербатовъ искалъ Ваная въ Ливоніи и говоритъ тутъ о Рыцарѣ Конрадѣ, предводителѣ Ливонскихъ Нѣмцевъ. Но сей Витязь воевалъ съ Россіянами еще въ 1307 году, когда Мастеръ Іокке осаждалъ Псковъ (см. Арнт. Liefl. Chron. 77).

Князь *Димитрій Романовичь*, съ коимъ Новогородцы ходили въ Финляндію, могъ быть сыномъ или Романа Глѣбовича Смоленскаго или Романа Владиміровича Углицкаго; однакожь сей послѣдній внукъ Константина Великаго Князя, названъ бездѣтнымъ въ Родословныхъ Книгахъ.

(Изъ Прибавл. въ концѣ IX тома издан. 1821 года) Лербергъ изъясняетъ, что городъ *Ванай* былъ тамъ, гдѣ нынѣ приходъ *Ваная* (Vanaya), близъ Тавастегуза; что древніе Новогородцы называли *Купецкою* рѣку Кумо, а *Черною* Нокію (Nokia-Strom). Напротивъ того Г. Гиппингъ, въ своихъ Bemerkungen über einen in den Russ. Chron. erwähnten Kriegszug der Russen nach Finnland, представляетъ вѣроятность, что *Купецкая* рѣка есть заливъ Поіоскій (die Bucht bey Pojo), а *Черная* Карисъ (Karis å, Karisfluß).»

(215) «Намѣстникы своя» (Михаилъ изъ Новагорода) «выведе . . . А Торжекъ зая и Бѣжичи и всю волость. . . Доконча (Архіепископъ) миръ, и Князь ворота отвори» (пропустилъ хлѣбъ) «а Намѣстникы своя присла въ Новгородъ.»

Въ 1311 году, Маія 19 «въ ночь загорѣся на Яневѣ улици, и сгорѣ дворовъ безъ 3 сорокъ, а головъ сгорѣ 7. Іюня 28, въ ночь, загорѣся на Розважи улици Глѣбовъ дворъ, и погорѣ Конецъ Неревьскый сѣмо до Гребли, а сѣмо и за Борькову улицю, и сгорѣ церковь Свв. Козмы и Демьяна, и другая Св. Савы, и 40 церквь огорѣ и домове добріи. О горе, братье! лютъ бяше пожаръ съ вѣтромъ и вихромъ, а зліи человѣци пограбиша чюжая имѣнія. Потомъ Іюля 16, въ ночь, загорѣся на Ильинѣ улици, и такоже бысть лютъ пожаръ съ вихромъ наборзѣ и трескомъ, и погорѣ торгъ и домове по Рогатицю, а церкви сгорѣ деревянныхъ 7, Св. Дмитрія, Св. Георгія, и Св. Бориса и Глѣба, и Св. Ивана Ишкова, и Св. Катерины, и Св. Прокопья, и Христова; а каменныхъ 6 огорѣ, седьмая Варяжьская; а зліи человѣціи такожь пограбиша чюжая имѣнія.»

(216) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 457, и Дегина, кн. XVIII, стр. 350. Наши Лѣтописцы говорятъ (см. *Воскр*. II, 281): «Озбякъ войде въ богомерьскую Вѣру Срачиньскую,» и (см. *Троицк*.): Царь Озбякъ обесерменился.» Моголы начали принимать Вѣру Магометанскую еще со временъ Хана Берки (см. выше, стр. 70); но Узбекъ, совершенно искоренивъ идолопоклонство, вездѣ утвердилъ оную.

(217) См. *Воскресен. Лѣт.*: Михаилъ поѣхалъ къ Хану въ 1313 году, а возвратился осенью въ 1315 году.

(218) «Въ лѣто 6821 (1313) выѣха Посадникъ Ладожьскый съ Ладожаны въ войну, и Нѣмци изъѣхаша Ладогу, и пожгоша. . . Въ лѣто 6822 (1314) избиша Корѣла Городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ (Кексгольмѣ), и введоша къ собѣ Нѣмецъ. Новгородци же съ Намѣстникомъ Ѳеодоромъ идоша на нихъ, и передашася Корѣла, и избиша Новгородци Нѣмецъ и Корѣлу перевѣтниковъ.» Родъ Князя Ѳеодора Ржевскаго неизвѣстенъ. Далѣе въ лѣтописи: «той же зимы предъ Великимъ заговѣніемъ пріѣха Князь Юрьи въ Новгородъ на столъ съ братомъ Аѳанасьемъ,» и проч.

(219) Юрій изъ Новагорода поѣхалъ въ Ростовъ, а оттуда къ Хану Марта 15, въ Лазареву Субботу, *съ послами Новогородскими*, какъ прибавлено въ нѣкоторыхъ спискахъ.

(220) «Ведый съ собою окаяннаго Тайтемира и Махрожу и Индыа: сіи же въ Ростовѣ быша и много зла подѣяша.» — Въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено, что Новогородцы, выступивъ противъ Михаила, не взяли съ собою черныхъ людей: «пребыша ту (въ Торжкѣ) 6 недѣль, вѣсть переимаюче.» О битвѣ: «Ту убиша Андрея Климовича, Юрья Мишинича, Михаила Павшинича (трехъ бывшихъ Посадниковъ) Силвана, Тимоѳея Андреянова, сына Тысяцького, Онанью Мелуева, Ѳѳонаса Романовича и купецъ добрыхъ много, а иныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ Богъ вѣсть.»

(221) Въ *Собраніи Государ. Грамотъ* I, 15: «Се докончалъ Великый Князь Михайло съ Владыкою Давыдомъ и съ Посадникомъ и со всимъ Новымгородомъ, что ся учинило промежи Князя и Новагорода розратье. . . За все за то взяти Князю у Новагорода двѣнатчать тысячи серебра. Буди Андреевѣ дѣти, буди Машко съ дѣтьми, или Юрьи Калѣка и вси тальщыкы, и что взялъ Ѳедоръ Юрьевичь и Елферій Жидьслаличь у тальщыковъ и у Машка съ дѣтьми, а то пойде въ туже двѣнадчать тысячи серебра. А срокь тремъ тысячамъ и двѣма стома взяти Князю на Зборъ въ Низовьскый вѣсъ; а какъ възметь Князь три тысячи и двѣстѣ, тако ему пустити хлѣбъ и всякый гость; а другый 3000 взяти Князю на Средокрестье въ Низовьскый же вѣсъ; а третьи 3000 поиша Хопыли» (Ординскіе купцы, жители города Хопыля) «къ собѣ: дати имъ на Вербьницю безъ дву сту и безъ полутрьтіядчати серебра въ Низовьскый же вѣсъ; а четвьртыи 3000 взялъ Ѳедоръ и Елферій у тальщыковъ. А что перейде черезъ срокъ 4 дни, а въ томъ Князю измѣны не учинити; а како Князь серебро поемлеть, тако ему вся таль пустити по цѣлованью; а нелюбье Князь отложилъ отъ Новагорода и отъ Пьскова и отъ пригородовъ; а Посаднику и Тысяцьскому и всему Новугороду, кто мои недругы мнѣ выдалъ въ Торжьку, тѣмъ ся имъ не мьщати; а Новугороду Княженье мое честно дрьжати безъ обиды; а Князю Великому дрьжати Новгородъ безъ обиды въ пошлинѣ (по обыкновенію); а опять сѣлъ Князь Великый Михайло на Ѳектистовѣ грамотѣ, что доконьчалъ съ Владыкою и съ послы Новгородьскыми на Тфери. А на семъ на всемъ Князь Великый Михайло крестъ цѣловалъ къ Новугороду, а Новгородъ къ Великому Князю крестъ цѣловалъ по симъ грамотамъ; а исплатить Новгородъ то серебро двѣнадчать тысячи, то Великому Князю грамота изрѣзати, что докончали на Городкѣ на Волзѣ, и другая грамота Новоторзьская, что въ Торжьку доконьчали.» У подлинной грамоты привязаны на шелковыхъ снуркахъ двѣ свинцовыя печати; на одной вырѣзанъ образъ Богоматери съ именемъ Давида Архіепископа, а на другой Михаила Арханг. и Св. Николая. — Доказательствомъ, что сія грамота дѣйствительно *тогда* писана, служитъ другая, данная отъ Михаила Георгію въ 1318 году (см. ниже, примѣч. 229), гдѣ сказано: «а что грамота на Городкѣ писана, и что въ *Торжьку* писана при *Тайтемери* и Владыци *серебреная*, а тѣ Михайло Князь порѣзалъ.» Грамота же писанная въ *Городкѣ* на Волгѣ (нынѣ Городня близъ Твери) со-

держала въ себѣ, чаятельно, договоръ Архіепископа Давида, заключенный имъ съ Великимъ Княземъ въ 1312 году: Новогородцы, можетъ быть, оставались по оной еще въ долгу у Михаила: ибо онъ скоро уѣхалъ къ Хану, а Георгій овладѣлъ престоломъ Новогородскимъ.

(222) Въ харат. *Новгород. Лѣт.*, въ *Ростов.* и другихъ сказано, что Новогородцы обязались заплатить Михаилу *пять темъ:* одинъ *Никонов. Лѣт.*, испуганный столь великимъ числомъ, поставилъ 500 гривенъ. Подлинная грамота свидѣтельствуетъ истину. — Новогородцы вторично избрали тогда въ Посадники Семена Климовича, а *Никон. Лѣт.* вымыслилъ, что Михаилъ самъ далъ имъ двухъ Посадниковъ.

(223) Въ *Новогород. Лѣт.*: «выидоша Намѣстници Михаиловы изъ Новагорода» — (а въ другихъ: *выслаша Намѣстниковъ Михайловыхъ*) — «и пойде Князь Михайло къ Новугороду со всею Низовскою землею, а Новгородци учинпша острогъ около города по обѣ сторонѣ, и сойдеся вся волость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Рушане, Корѣла, Ижера, Вожане. Князь же Михайло, не дошедъ города, ста въ Устьянѣхъ, и такъ мира не возма, пойде проче, не успѣвъ ничто же, но болшую рану всприімъ: взвративше бо ся вспять заблудиша въ озерѣхъ и въ болотѣхъ, и начаша мерети гладомъ: ядяху же и конину; а снасть свою пожгоша, а иное пометаша, и придоша пѣши яко же древле Іерусалимяне, внегда предасть я Богъ въ руцѣ Царю Римскому Титу.» Въ *Троицк.*: «Князь Великій ходилъ на Ловоть, собравъ воя многи, и пойде ратью Новугороду, и устремися по невѣдомымъ мѣстомъ и по незнаемымъ путемъ, и заблудиша во злыхъ лѣсѣхъ и въ болотѣхъ, донде же придоша на Ловоть, и ту стояша, и бысть въ нихъ гладъ, яко и кожи ядяху и голенище, и ременье жваху, и мнози измроша; а друзіи и пѣши одва пріидоша.» Въ *Воскресен.*: «ядоша кони, и кожи съ щитовъ содирающе ядяху, а доспѣхи своя и оружья пожгоша.» *Никон. Лѣт.* вымыслилъ, что Михаилъ передъ симъ несчастнымъ походомъ еще разбилъ Новогородцевъ и Князя Аѳанасія Даниловича у Торжка.

Далѣе въ *Новогород. Лѣт.*: «Яша Игната Бѣска и биша на Вѣчи и свергоша съ моста въ Волховъ: творяхуть бо его перевѣтъ державша къ Михаилу; а Богъ то вѣсть. Тогда же и Данилко Писцевъ убьенъ бысть на рли» (на полѣ или пашнѣ): «обадилъ бо его холопъ свой къ Горожаномъ, тако река: посылалъ мя съ грамотами къ Михаилу.»

(224) «Послаша Новогородци Вл. Давыда къ К. Михаилу съ мольбою, просяще на окупь братьи своей, и не послуша его Князь,» и проч.

(225) По *Новогородск. Лѣт.* Князь Московскій возвратился и воевалъ съ Михаиломъ въ 1318, а по другимъ въ 1317. — Юрій былъ давно женатъ; но видно, что первая жена его тогда скончалась. — Далѣе: «приведе съ собою Татаръ, Кавгадыа и Астрабыла, и пойде ко Тфери.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Юрій, сошедшись съ Михаиломъ на Волгѣ у Костромы, уступилъ ему Великое Княженіе; что Михаилъ, возвратясь въ Тверь, построилъ Кремль; что тамъ было небесное знаменіе Сент. мѣсяца въ Субботу, кругъ съ лучами; что осенью съѣхались къ Юрію въ Кострому всѣ Князья Суздальскіе; что зимою онъ пошелъ съ войскомъ къ Ростову, Переславлю, Дмитрову, Клину; что Новогородцы, помогая ему, воевали Тверскую область и 6 недѣль стояли въ Торжкѣ; что Юрій, бывъ уже въ 8 верстахъ отъ Твери, отступилъ за 40 верстъ, и проч. Ни въ лѣтописяхъ древнихъ, ни въ житіи Михаила (*Воскр.* II, 280) нѣтъ сихъ запутанныхъ обстоятельствъ.

(226) См. житіе Михаила въ *Воскр. Лѣт.* II, 282, 283. — *Выходомъ* называлась дань, которую Великіе Князья платили Ханамъ за свое достоинство. — Все слѣдующее взято изъ житія Михаилова, внесеннаго въ *Воскресен. Лѣт.* и *Степен. Кн.*

(227) *Никонов. Лѣт.* говоритъ, что Кавгадый ушелъ въ станъ, и на другой день помирился съ Михаиломъ. — Борисъ Даніиловичь, какъ видно, снова держалъ сторону брата, возвратясь къ нему изъ Твери. — Далѣе въ *Новогород. Лѣт.*: «Пріѣхавше (Новогородцы) въ Торжекъ и докончаша съ Княземъ Михаиломъ, како не вступатися ни по одиномъ, понеже не вѣдяху Князь Юрья, гдѣ есть.» Въ *Ростов.* и *Воскресен.*: «пойде (Юрій) къ Тфери, и приславъ Телебугу, зва Новгородци; а Новгородци приходили напередъ того въ Торжекъ,» и проч. Въ *Троицкой*: «а Князя Ивана Даниловича, брата своего, послалъ (Юрій) въ Новгородъ Великій по Новгородци.» — Въ концѣ одного харатейнаго Апостола (въ Синод. библіот. подъ No 19) подписано слѣдующее: «Сіи же Апостолъ книги вда Св. Пантелеймону Изосимъ Игуменъ сего же монастыря. Сего же лѣта бысть бой на Руськой земли Михаилу съ Юрьемъ о Княжепье Новгородьское. При сихъ Князехъ *сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ Князехъ, которыи вѣци скратишася человѣкомъ.*» Такія же точно выраженія находимъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ.*

(228) «Приходиша (въ 1317) Нѣмци въ озеро Ладожское и побиша много Обонижьскихъ купецъ... ходиша (въ 1318 г.) Новгородци войною за море въ Полную рѣку (Aurajocki), взяша Людеревъ городъ Сумьского Князя и Пискупль.» Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Россіяне сожгли тогда Або, гдѣ обыкновенно жилъ Епископъ Финляндскій (см. Далин. Gesch. des Schwed. R. II, 314 и 418). Лербергъ замѣчаетъ, что тогдашній Префектъ Финляндскій былъ *Лидеръ*, и что отъ него произошло имя Людерева (См. его Untersuchungen, страница 197).

(229) Въ *Новогород.*: «прибѣжа (Юрій) въ Новгородъ, и позва Новгородцевъ съ собою, и идоша съ нимъ вось Новгородъ и Пльсковъ, поимше Владыку Давида, и пришедше на Волгу и докончаша съ Михаиломъ Княземъ миръ, како ити въ Орду обѣма, а брата Юрьева и Княгиню пустити.» Въ *Воскр.* II, 284: «срѣте его (Юрья) Князь Михайло противу Синеевского, и пакы не хотя видѣти другагo кровопролитія за толь мало дній, умирившеся и крестъ цѣловавше.» Въ рукописной *Новогородской:* и Новогородцевъ отпусти Михайло съ Тфери, что въ изниманьи были.» — Договорная грамота, тогда написанная, хранится въ Архивѣ подъ No 14. Она столь ветха, что не можно разобрать и половины словъ. Въ началѣ сказано: «Се доконча *Князь Великый Гюрги* съ братомъ своимъ съ Михаиломъ, и съ Посадникомъ (Новогородскимъ) и съ Ты . . . Волости отворити, а хлѣбъ пустити (въ Новгородъ)... Гостя въ Тфери не перейматн . . . Дворянъ и приставовъ не всылати» (Тверскихъ въ Новогородскую область) «а обидному на рубежѣ судъ; а посламъ Новгородскымъ ѣздити сквозѣ Михайлову волость безъ пакости.» Далѣе сказано, что Михаилъ уже *изрѣзалъ* или уничтожилъ двѣ прежнія Новогородскія грамоты, писанныя въ Городцѣ на Волгѣ и въ Торжкѣ при Ханскомъ Воеводѣ Тайтемерѣ и при Архіепископѣ (см. выше, примѣч. 221). Упоминается еще о кречетахъ, ловимыхъ въ Двинской землѣ, и проч.

О смерти Георгіевой жены въ *Новогородской:* «тамо ю смерти предаша.» Въ *Троицкой:* «тамо зельмь уморена бысть.» Кн. Щербатовъ благоразумно замѣчаетъ, что Михаилъ не могъ ожидать никакой пользы отъ такого злодѣйства, и что оно совсѣмъ невѣроятно. — Ректоръ Тверской Семинаріи, Архимандритъ Макарій, сочинилъ въ 1765 году *Житіе Св. Михаила Ярославича,* украсивъ оное многими изобрѣтеніями. Онъ пишетъ, что Княгиня Юрьева, Кончакъ, пріѣхала въ Тверь уже больная; что Михаилъ посылалъ къ ней лекарей, склонилъ ее принять Вѣру Спасителеву, и проч. Но сія Княгиня была уже Христіанка, по сказанію Лѣтописцевъ: и могъ ли Юрій жениться на идолопоклонницѣ или Магометанкѣ? *Никон. Лѣт.* изобрѣлъ, что Юрій, передъ отъѣздомъ къ Хану, убилъ въ Москвѣ Боярина Михаилова, Александра Марковича, и что Кавгадый посылалъ изъ Орды, на встрѣчу къ Великому Князю, многихъ Татаръ, чтобы на дорогѣ убить его.

(230) «Аще Христіане сколько почіють.» Сей Духовникъ былъ Игуменъ Іоаннъ.

(231) «Аще ли послѣ того умрети же ми есть, то луче ми есть нынѣ положити душю свою за многыя души.»

(232) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 41. *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что Михаилъ выѣхалъ изъ Твери въ Орду Авг. 5. — Лѣтописецъ приводитъ ниже изъ Псалма: «умякнуша *испрьва* словеса ихъ паче елеа, и *то бо быша* стрѣлы.» — Второе засѣданіе суда было черезъ недѣлю, послѣ перваго, въ Субботу. По вымыслу *Никон. Лѣтописца,* судіи обвиняли Михаила въ томъ, что онъ хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ и послалъ свою казну въ Римъ къ Папѣ. Далѣе: «Приставиша 7 сторожевъ отъ семи Князей и иныхъ не мало, и покладаху предъ блаженнымъ многыя ужа желѣзная, хотяще отягчити нозѣ его ... Въ ту нощь мало отъ узъ желѣзныхъ отпустиша ему, но связанъ тако пребысть всю нощь ... Отгнаша отъ него вся Бояре, и отца его духовнаго, Игумена Александра» (*Никон. Лѣт.* называетъ его Маркомъ)... «наутріе же, въ Недѣлю, възложиша колоду велику отъ тяжка древа на выю Святаго.»

(233) См. Абульгази Histoire des Tatars, страницы 337, 338.

(234) «Безпрестани вся нощи не даляше сна очима своима, славяше Бога съ многыми слезами... Въ день же бяше всегда видѣти свѣтлымъ лицемъ и весела взоромъ, и словесы сладкыми тѣшаше Бояръ и слугъ своихъ, и глаголаше: се ли вы едино любо было, дружино моя, егда прежде сего яко въ зерцало зряще мене и сопотѣшастеся? ... Помяните, како пріяхомъ благая въ житіи нашемъ: то сихъ ли не хочемъ претерпѣти? ... Не печалуйте про древо се: по малѣ бо узрите е прочее выя моея.» — Далѣе: Беззаконніи стражіе они въ нощи завиваху (не *забиваху*) въ той же кладѣ руцѣ его ... Минувшимъ же днемъ двадцати и четыремъ, Кавгадый повелѣ его привести въ торгъ, созьва взя *заимодавци*» (купцевъ? откупщиковъ?) и проч. Далѣе: «И рече сторожемъ: почто не облегчите ему древа сего? ... Единъ отъ предстоящихъ подъимъ держаше древо ... Рече (Михаилъ) слугамъ своимъ: дайте ми стулецъ, да почію ногами своими ... Рече же отъ своихъ единъ: Господине Княже! видиши ли се, колико народа множество стоящихъ, видяще тя въ таковой укоризнѣ, а прежъ тя слышаща царствующе во своей земли? ... Егда бо вожаху блаженнаго въ ловѣхъ со Царемъ, и глаголаху къ нему слугы его: се, господине Княже, проводници и кони готовы: уклонися на горы, да живот получиши. Онъ же рече: не дай же ми Богъ сего створити! во дни своя николи же сего створилъ. Аще бо азъ единъ уклонихся, а люди своя оставивъ въ бѣдѣ, то кою хвалу пріобрящу? Воля Господня да будеть! ... Бывшю же блаженному въ тяготѣ днiй 26, за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ на Севенцѣ, подъ городомъ подъ Тетяковымъ, минувши вси горы высокыя, Ясьскіе и Черкаскіе, близъ Воротъ Желѣзныхъ (въ *Никонов.* у болвана мѣдянаго у златые главы, у Темиревы богатыревы могилы) въ Среду рано повелѣ отпѣти Заутреню и Часы, и по семъ правило Причащенію, и рече Попови: да быхъ азъ самъ молвилъ Псалмы. Онъ же вда ему книгу, и нача молвити тихо со умиленіемъ, источающе слезы яко рѣку.»

(235) «Въ той бо часъ окааньный Кавгадый вхожаше ко Царю и исхожаше со отвѣты на убіеніе блаженнаго.» — Псаломъ, читанный Михаиломъ, есть 54.

(236) «Онъ же наборзѣ вставъ и воздохнувъ рече: вѣдаю... и бѣ страшно въ той часъ, братье, видѣти отъ многыхъ странъ множество женущихъ къ вежѣ ... Кавгадый же и Князь Юрьи сѣдше съ коней, близъ бо бяше торгъ, яко каменемъ веречи (бросить) ... Убійци же, разгнавше вси людіе, похватиша Святаго за древо, еже бѣ на выи его, и удариша имъ сильно, и возломиша его на стѣну, и проломись вежа; онъ же въскочи, и мнози поврьгоша его на землю ... Романецъ извлекъ великый ножъ, удари въ ребра Святаго въ десную страну, и обращая ножъ сѣмо и овамо, отрѣза сердце честное его; и тако предасть душю въ руцѣ Господни Ноября 22, въ Среду, 7 часа дни, и причтесь съ лики Святыхъ со сродникома своима Борисомъ и Глѣбомъ и съ Михаиломъ Чрьниговскымъ. Вежу же блаженнаго разграбиша *Русь* и Татарове ... сами же Князи и Бояре въ одиной вежи піаху вино, повѣствующе, кто какову вину изрече на Святаго!» *Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что Михаилъ, пославъ сына къ Царицѣ, еще надѣялся ея заступленіемъ спастись отъ казни; что у него были въ услуженіи многіе Татары; что убійца, именемъ *Иванецъ,* зарѣзавъ Князя, сказалъ: *здѣ пилъ еси чашу добру;* что Кавгадый велѣлъ Юрію отправить тѣло Михаилово въ Россію, и проч.

(237) «Своею *котыгою*, юже пошаше» (котыга то же, что коць, или верхняя одежда) ... «и положиша его на велицѣй досцѣ на телегу, и увиша ужи, и превезоша за рѣку рекомую Аджь, еже зовется Горесть» (нынѣ Горькая, впадающая въ Каспійское море): «горесть бо се нынѣ, братье, и есть.»

(238) «Посла тѣло блаженнаго въ *Моджэжчары* съ своими Бояры.» См. сей *Исторіи* Т. I, стр. 77, и примѣч. 302. Рубруквисъ, путешественникъ XIII вѣка, видѣлъ еще тамъ Венгровъ (Voyage de Rubruquis, стр. 24). Бездежъ есть нынѣ, думаю, селеніе Везедево, ниже Енотаевска, на рукавѣ Волги. Ясы или Алане исповѣдывали отчасти Вѣру Христіанскую; многіе изъ нихъ говорили по-Гречески (Voyage de Rubruquis, стр. 24). Здѣсь въ житіи Михаила разсказываются многія чудеса: какъ тѣло его ночью освободилось отъ узъ и перешло съ телеги на землю («лежаще раною къ землѣ; десная же рука бѣ подъ лицемъ, и порты единако одѣяно»); какъ свѣтлыя облака являлись надъ онымъ, въ Маджарахъ столпъ огненный или дуга, а въ Бездежѣ множество всадниковъ воздушныхъ съ свѣчами и съ фонарями; какъ одинъ стражъ, дерзнувъ лечь на тѣло, былъ сверженъ невидимою силою и сказалъ о томъ Бездежскому Іерею, а сей Іерей самому Лѣтописцу, и проч.

(239) Лѣтописецъ называетъ Михаила такимъ же *отечестволюбцемъ*, каковъ былъ Св. Димитрій Солунскій. — *Никон. Лѣт.* говоритъ о Михаилѣ: «бѣ тѣломъ великъ зѣло и взоромъ страшенъ, и піянства не любяше,» и проч.

(240) «Въ лѣто 6820 (1312) преставися Княгиня Ярославляя Ярославича, именемъ Оксинья, въ Черницахъ и въ Скимѣ, и положена бысть на Тфери.»

(241) «Въ лѣто 6815 (1307) преставись Князь Костянтинъ Борисовичь Ростовскій въ Ордѣ... Въ лѣто 6824 (1316) пріиде изъ Орды Василій Костянтиновичь Ростовскій, а съ нимъ послы Татарскіе, Сабанчій и Казначій, и много зла створиша Ростову... Въ лѣто 6826 (1318) пріиде на Русь посолъ лютъ, именемъ Кочка, и уби отъ Костромы 120 человѣкъ, и оттолѣ шедъ пограби Ростовъ и церковь Св. Богородицю разграбивъ, и монастыри пожже и села, и люди плѣни.» Подъ годомъ 1307 сказано еще: «на осень бысть Таирова рать:» вѣроятно, также разбой, а не дѣйствительная война.

(242) Въ *Никон.*: «Князь Святославъ *Глѣбовичь* (въ 1309 г.) выгна *братанича* своего, Василія, изъ Брянска. Того же лѣта К. Василей иде въ Орду жаловатися на дядю своего, Святослава Глѣбовича.» Въ *Волынск. Лѣт.* упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегѣ и Михаилѣ: Василій могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Романовымъ, вопреки *Никонов. Лѣтописцу*, который не отличилъ Святослава *Глѣбовича* Можайскаго, плѣненнаго Георгіемъ Московскимъ, отъ Святослава Брянскаго. — Далѣе въ лѣтописяхъ: «Князь Святославъ за полдни изыде противу рати Татарскіе, и поткнуша межу себе копьи: Брянци же выдали Князя, коромольницы суще; стяги своя повергоша, а сами побѣгоша. Князь же Святославъ токмо съ своимъ Дворомъ много бився, послѣди убьенъ бысть на полку Апрѣля въ 2 день.»

(243) «Тое жь зимы (1305) преставись Митрополитъ Максимъ всея Русіи, Дек. 6, и положенъ бысть въ Володимери въ Соборной церкви Св. Богородицы, во храмѣ Св. Мученика Пантелеймона.» — Св. Петръ Митрополитъ, посвященный въ Царѣградѣ, пріѣхалъ въ Кіевъ въ 1308 году, а въ Владимірѣ въ 1309.

Житіе Св. Митрополита Петра, напечатанное въ *Степенной Книгѣ* (I, 410), сочинено Митрополитомъ Кипріаномъ, въ княженіе Димитрія Донскаго или Василія Димитріевича. Кипріанъ сказываетъ, что Петръ, сынъ Θеодоровъ, родился въ Волыніи, и постриженный на тринадцатомъ году въ одномъ пустынномъ монастырѣ, выучился тамъ иконной живописи. Далѣе; «По времени же благословеніемъ Игумена исходитъ отъ обители, обходитъ округная мѣста пустынная и обрѣтаетъ мѣсто безмолвно на рѣцѣ *Ратѣ*» — (въ Волыніи, а не близъ Курска) — «и ту жилище себѣ водружаетъ.., И собрася къ нему не мало число братій... И Князю въ слухъ пріиде добродѣтельное его житіе и всей странѣ: тогда бо бяше въ своей чести и времени земля Волынская, всякимъ обильствомъ и славою преимуща, аще нынѣ по многихъ ратехъ и не такова... Тогда убо прилучися и Святителю (Митрополиту) Максиму проходити землю ону: пріиде же и Божій человѣкъ Петръ благословеніе отъ Святителя пріяти и образъ Пречистыя Богородицы, иже бѣ самъ написалъ, принесе ему. Святитель же образъ съ великою радостію пріемъ, и златомъ и каменіемъ украсивъ, у себе держаше... И житія убо сего конецъ премѣни Архіепископъ Максимъ... Геронтій же нѣкто, Игуменъ сый, дерзну восхитити санъ Святительства... никому же возбраняющу ему отъ таковаго безсловесія... пріемлетъ Святительскую одежду и утварь, еще же и ту самую икону, юже бѣ Петръ написалъ, и жезлъ Пастырскій и сановники церковныя, и пойде къ Константинуграду. Се же услышано бысть по всей Руской земли, и мнози негодоваху. Князь же Волынскія земли совѣщаетъ совѣтъ не благъ: *восхотѣ Галичскую Епископію въ Митрополію претворити*, и нападаетъ на Петра словесы, подгнѣщая его ко Царюграду... Святый же преклоняется... Князь же, втай Петра, написуетъ къ Св. Патріарху, прося того самаго Петра на Святительскомъ престолѣ видѣти, и посла посылаетъ.» Слѣдуетъ описаніе чуда, бури, явленія и проч. Далѣе о клеветѣ: «человѣческому роду врагъ и ратникъ (діаволъ) спону Святому сотвори, и нѣкіимъ подгнѣти не хотѣти того (Петрова) пришествія; по времени же себѣ зазрѣша, и съ смиреніемъ Святителю покоришася. По времени же паки врагъ завистію подходитъ Андрея, Епископа Тферскаго, легка убо суща умомъ, легчайша же и разумомъ... И сплетаетъ ложная словеса и посылаетъ ко Святѣйшему Патріарху. Онъ же удивився и посылаетъ единаго отъ Клирикъ съ писаніемъ, глаголюще сице: *Всесвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, о Святѣмъ Дусѣ возлюбленный брате и сослужитель нашего смиренія Петръ!... пріидоша отъ вашего языка и твоего предѣла словеса тяжка на тя, еже слухи моя исполниша и помыслъ мой смутиша: потщися убо сіе очистити и исправити.* Таковое убо писаніе отъ Патріарха Клирикъ пріемъ, Русскія земли достизаетъ; но убо шептанія Андреева не утаишася Св. Петру, и на Бога всю надежду возложивъ, глаголаше: *аще Богъ по насъ, кто на ны?* И яко Клирикъ пріиде на Русь, и Соборъ собирается во градѣ Переяславли: приходитъ Боголюбивый Епископъ Ростовскій Симеонъ и Преподобный Игуменъ Прохоръ... Князю бо Михаилу тогда во Ордѣ сущу, но сынове его пріидоша, Дмитрій и Александръ, и иныхъ Князей довольно, и Вельможъ, аще же и лучшія отъ Игуменовъ и Черенецъ и Священниковъ,» и проч.

(244) «Того жь лѣта (1312) Петръ Митрополитъ, сня санъ со Владыки Сарьскаго Измаила, и постави въ него мѣсто Варсонофья Епископомъ Сараю... Въ то же время въ *Сеитѣ* еретикъ явися чуждая Церкве Христовы и православныя Вѣры мудрествуя, его же Святый препрѣ, и непокаряющагося проклятію предастъ, иже и погибе.» *Степен. Книги*, I, 418. Имя сего еретика не Русское, но видно, что онъ былъ Христіаниномъ: Татищевъ называетъ его *Новогородскимъ* Протопопомъ, сказывая, что онъ ругалъ Монаховъ, и что нѣкоторые иноки, вѣря ему, уходили изъ монастырей и женились. — Далѣе въ лѣтописяхъ: «Петръ же Митрополитъ рече Князю Святославу: подѣлися, сыну, съ Васильемъ Княженіемъ или отступися ему, а самъ отъѣди прочь и не бейся. Князь же, надѣяся на свою силу и мужество, и взнесеся умомъ и многою силою Брянскою, отвѣщавъ рече: Господине! Брянци мя не пустять; хотятъ за мя головы своя сложити... Въ лѣто 6819 (1311) Князь Дмитрей Михайловичь Тферскій, собравъ воя многи и хотѣ ити ратью къ *Новугороду* на Князя Юрья, и не благослови его Митрополитъ *столомъ въ Володимери:* онъ же, стоявъ 3 недѣли, възвратися въ землю свою.» Сіе извѣстіе относится къ позднѣйшему времени и безъ сомнѣнія ошибкою написано подъ 1311 годомъ: Димитрій Михайловичь имѣлъ тогда не болѣе двѣнадцати лѣтъ отъ роду, и не могъ при отцѣ искать Великокняжескаго достоинства. Во многихъ спискахъ сказано здѣсь: «къ Новугороду *Нижнему;*»

но въ харатейномъ Троицкомъ нѣтъ сего прибавленія. Юрій, возвратясь изъ Орды, жилъ въ Великомъ Новѣгородѣ, а не въ Нижнемъ, гдѣ властвовалъ Михаилъ Андреевичь.

(245) Выписываю сей ярлыкъ изъ Ростовской Архивской Лѣтописи:

«Лѣта 6821 (1313) пойде въ Орду Петръ Митрополитъ вкупѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, обидъ ради церковныхъ отъ лукавыхъ человѣкъ, и судовъ, и пошлинъ, *да и того ради, чтобы* напередъ (прежде) *быти у Царя Нѣмецкихъ пословъ и Пискупа Матѳіа Папы Римскаго»* — (кто былъ сей Епископъ Папы, не знаю) — «да и того ради, понеже тогда въ Ордѣ Тохта Царь умре, а новой Царь Азбякъ сѣлъ на царствѣ, и вся обновишася, отъ многихъ странъ вси прихождаху во Орду къ Царю, и ярлыки имаху кождо на свое имя. Но милостію Божіею Петръ Митрополитъ во Ордѣ у Царя былъ въ чести велицѣй и отпущенъ бысть вскорѣ съ управою и съ ярлыки и съ *Дефтери* — и вси ради быша. И се ярлыкъ Азбяка Царя:

«Вышняго и безсмертнаго Бога волею, и силою и величествомъ, и милостію Его многою. Азбяково слово, всѣмъ нашимъ Княземъ великимъ и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ Воеводамъ, и Вельможамъ, и Княземъ нашимъ удѣльнымъ, и *Дорогамъ* славнымъ, и полчнымъ Княземъ высокимъ и нижнимъ, книжникомъ и уставодержательникомъ, и учительнымъ и людскимъ повѣстникомъ, и збирателемъ, и Баскакомъ и посломъ нашимъ, и гонцомъ, и данщикомъ и писцомъ нашимъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людемъ высокимъ, и нижнимъ, и малымъ, и великимъ нашего Царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ Улусамъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ: да никто же обидитъ (на Руси) соборную церковь Петра Митрополита, и его людей и церковныхъ его; да никто же възимаютъ стяжаній, ни имѣніемъ, ни людемъ; а знаетъ Митрополитъ Петръ въ правду и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду; и въ чемъ ни буди — въ разбои, и въ поличномъ, и въ татбѣ, и во всякихъ дѣлахъ — вѣдаетъ Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ; да вся покорятся и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты по первымъ изъ начала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ; да не вступаются въ церковное Митрополичіе никтоже, занеже то Божіе есть все; а кто вступаются, а нашъ ярлыкъ и наше слово преступитъ, той Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ Него пріиметъ, а отъ насъ ему казнь будетъ смертная. А Митрополитъ правымъ путемъ пребываетъ, и тѣшится, да правымъ сердцемъ, и правою мыслію своя вся церковная устрояетъ, и судитъ, и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая вѣдати и управляти. А намъ въ то не вступатися ни вочто же, и дѣтемъ нашимъ, ни всѣмъ Княземъ нашимъ нашего Царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ Улусовъ; да не вступаются никто ничѣмъ въ церковная и въ Митрополича, ни въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во всякіе ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ во конскіе, ни во всякіе скотьскіе стада ихъ, ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди и вся причты ихъ, и вси законы ихъ уложеныя старыя отъ начала ихъ, то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому да прикажетъ; да не будетъ ничтоже перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено. Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякіе голки, да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши дѣти, и за наше племя. Мы бо такоже управляемъ и жалуемъ, якоже прежніе Цари ярлыки имъ давали, и жаловали ихъ; а мы по тому же пути и тѣми же ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ. А мы Божія брежемъ, и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божіе, и тотъ будетъ повиненъ, а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнію, да то видя иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши Баскаки, таможники, даньщики, поборщики и писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило, да будутъ всѣ Соборные церкви цѣлы Митрополичи, никѣмъ ни отъ кого не изобижены вся его люди, и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ, и Архимандриты, и Игумены, и Попы, и вся его причты церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ. Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужное ли, ямъ ли, мызъ ли, мостовщина ли, ловитва ли кая ни буди наша, или егда на службу нашу съ нашихъ Улусовъ повелимъ рать збирати, гдѣ восхотимъ воевати: а отъ Соборные церкви Петра Митрополита никтоже не взимаетъ, и отъ всихъ людей, и отъ всего его причта: тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и преже насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ, и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ; и мы, Богу моляся, по первыхъ Царей грамотамъ грамоты имъ давали жалованые, а не изыначиваемъ ни въ чемъ: какъ то было преже насъ, тако молвя, и наше слово уставило по первому пути, которая дань по первому пути наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши, или коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ дѣтей, или Царицъ и кто ни есть, и кто ни буди, и да не вземлютъ, и да не просятъ ничтоже; и что возмутъ, и они назадъ дадутъ третицею; и аще будетъ взялъ за нужду великую, а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церковные люди, ремесленицы кои, или писцы, или каменныя здатели или древодѣлные, или иные мастеры каковы ни буди, или ловцы, какова лова ни буди, или соколницы, а въ то наши да не вступаются никто, и на наше дѣло не емлютъ ихъ, и пардусники наши, и ловцы наши, и соколницы наши, и побережницы наши да не вступаются въ нихъ, и да не взимаютъ ихъ, ни у нихъ дѣлныхъ ихъ орудій. А что законы ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредятъ ихъ, ни хулятъ ихъ; а кто учнетъ Вѣру осуждати ихъ, и хулити, тотъ человѣкъ не извинится ничѣмъже, и умретъ злою смертію. А что Попы и Діаконы, единъ хлѣбъ ядуще, и во единомъ дому живуще, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ потому же пути наше пожалованіе. Еже кто будетъ отъ нихъ не выступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ себѣ тотъ именемъ Поповскимъ, да не отнимается, но даетъ дань; а Попы, и Діаконы, и причты церковные пожалованы отъ насъ по первой нашей грамотѣ, и стоятъ молящеся за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслію; а кто учнетъ неправымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ Попъ, или Діаконъ, или причетникъ, или церковные иные люди кто ни буди, откуды ни есть, Митрополиту похотятъ слу-

жити, и о насъ Богу молитися, что будетъ о нихъ у Митрополита въ мысли, то вѣдаетъ Митрополитъ. Такъ наше слово учинило, и дали есмы Петру Митрополиту грамоту сію для крѣпости ему, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и вси церкви, и монастыри, и вси причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, и безъ печали, и безъ скорби всякія, Бога моля о насъ и о нашемъ Царствіи. А кто вступится въ церковное и Митрополичіе, и на того будетъ гнѣвъ Божій, а по нашему великому наказанію и истязанію не извинится ничимъ же, и умретъ злою смертною казнію. Такъ ярлыкъ нашъ, такъ молвя слово наше учинило, таковою данною крѣпостію утвердило. Заячьего лѣта, осенняго перваго мѣсяца, четвертаго *ветха* на поляхъ писана и дана.» О смыслѣ *ветха* см. Т. VI, примѣч. 628, г. 1471. Въ Архив. Дѣлахъ Крымскихъ, No 13, л. 273 на об., сказано: «будетъ на другомъ мѣсяцѣ, на *ветху*» (т. е. на ущербѣ луны). — Нѣсколько сихъ ярлыковъ (истинныхъ или подложныхъ) напечатано въ *Рос. Вивліоѳикѣ*, Т. VI. Древнѣйшій изъ нихъ есть пятый, или Мангу-Тимуровъ. Во многихъ рукописныхъ означенъ надъ каждымъ ярлыкомъ годъ, и большею частію несправедливо.

Кругъ лѣтосчисленія у Моголовъ — такъ же, какъ у Восточныхъ Турковъ — состоялъ изъ 12 лѣтъ: первый годъ назывался *мышью*, вторый *быкомъ*, третій *рысью* и *барсомъ*, четвертый *зайцемъ*, пятый *крокодиломъ*, шестый *змiемъ*, седьмый *конемъ*, осьмый *бараномъ*, девятый *обезьяною*, десятый *курицею*, одиннадцатый *псомъ*, двѣнадцатый *свиньею* (см. Эрбелот. Bibl. Orient. подъ словомъ Giagh). Мѣсяцъ раздѣлялся у нихъ на дни *старые* и *новые*, какъ свидѣтельствуютъ сіи ярлыки Царскіе. Здѣсь сказано: «четвертаго *ветха*;» а въ другомъ: «десятаго *нова*.»

(246) Въ *Никонов. Лѣт.* подъ годомъ 1321: «Пріиде изъ Орды въ Кашинъ Таянчаръ Татаринъ съ Жидовиномъ *должникомъ*» (или откупщикомъ Царской дани) «и многу тягость учиниша Кашину.»

(247) «Въ лѣто 6817 бысть казнь отъ Бога: мышь поѣла рожь, и овесъ и пшеницу, и всякое жито, и того дѣля бысть дороговь велика и меженина (недостатокъ) зла, и гладъ крѣпокъ по земли Русьской. . . Бысть другая казнь отъ Бога: моръ на люди и на кони и на всякій скотъ. — Тое же зимы (въ 1318 году) бысть моръ во Тфери на люди.» — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Той же зимы хлѣбъ бяше дорогъ въ Новѣгородѣ, а въ Пльсковѣ почали бяху грабити недобріи людіе села, и дворы въ городѣ, и клѣти, и избиша ихъ Пльсковичи съ 50 человѣкъ, и бысть тихо.» Въ лѣтописи Псковской: «изби мразъ всяко жито, и бысть драгость люта, по 5 гривенъ *зобница*. Бяше же та драгость на много время.» *Зобница* не осьмина ли?

Разныя происшествія Михаилова княженія: Въ 1304 г. преставился бывшій Ростовскій Епископъ Тарасій. «Избишась въ Ростовѣ два колокола великая въ Великій Пятокъ.» — Въ 1305, въ Новѣгородѣ, Семенъ Климовичь поставилъ церковь каменную на воротахъ въ Прусской улицѣ. Сдѣлали новый мостъ черезъ Волховъ. (По *Никон. Лѣт.* были небесное знаменіе и сильные громы). — Въ 1306 родился у Вел. Кн. Михаила сынъ Константинъ. — Въ лѣтописи Псковской: «въ лѣто 6815 (1307) бысть Псковичемъ немирье со Владыкою Ѳеоктистомъ и съ Новогородцы.» — Въ 1308 осенью скончался Князь Александръ Даніиловичь, братъ Юріевъ. «На зиму выйде Архіепископъ Ѳеоктистъ изъ Владычня двора своего дѣля нездоровія, благословивъ Новгородъ, и иде въ монастырь къ Благовѣщенію, изволивъ молчанное житіе. Новгородци же вси взлюбиша отца его духовнаго Давида и съ честію посадиша въ Владычни дворѣ, а Ѳеоктистъ благослови его, и послаша къ Митрополиту. . . Якимовая Столбовича постави церковь камен. на Княжи дворѣ Свв. Отецъ 318, иже въ Никіи.» (По *Никон. Лѣт.* Князь Василій Константиновичь Рязанскій убитъ въ Ордѣ.) Въ Псковской лѣтописи: «Борисъ Посадникъ замысли помостити торговище, и помостиша, и бысть всѣмъ людемъ добро.» — Въ 1309, Іюня 5, Петръ Митрополитъ въ Владимірѣ поставилъ Архіепископомъ Давида, который возвратился Іюня 20, и былъ встрѣченъ со крестами. Новогородцы отдали Посадничество Михайлу Павшиничу. (По *Никон. Лѣт.* скончался Князь Суздальскій Василій Михайловичь). — Въ 1310, въ Новѣгородѣ, Архимандритъ Кириллъ поставилъ на Коломцахъ церковь Успенія, а на Дубенкѣ церковь Покрова, обѣ каменныя, на деньги монаха Оленія Шкила. «На зиму грабиша села около Новагорода,» а кто, не сказано. Преставился, Дек. 23, Архіеп. Ѳеоктистъ и положенъ въ церкви Благовѣщенія. (По *Никон. Лѣт.* Князь Василій Брянскій съ Татарами убилъ Карачевскаго Князя, Святослава Мстиславича). — Въ 1311 Симеонъ Ростов. оставилъ Епископію и на его мѣсто поставленъ Ярославскій Игуменъ Св. Спаса, Прохоръ. «Новогородскій Владыка Давыдъ постави церковь камену на воротѣхъ отъ Неревского Конца въ имя благовѣрнаго Князя Владиміра, крестившаго землю Рускую, а въ крещеніи Василій.» (Замѣтимъ, что здѣсь *въ первый разъ* упоминается о храмѣ посвященномъ *Св. Владиміру*). Новогородцы, смѣнивъ Посадника Михайла, выбрали Семена Климовича. Въ Псковской лѣтописи: «совершена кам. церковь Св. Богородицы на Снетной при Игуменѣ Іевѣ.» — Въ 1312 Митрополитъ, на мѣсто Сарскаго Епископа Исмаила, поставилъ Варсонофія. Новогород. Архіеп. Давидъ заложилъ каменную церковь Св. Николая въ Неревскомъ Концѣ. (По *Никон. Лѣт.* сгорѣлъ Нижній Новгородъ). — Въ 1313 Архіеп. Давидъ освятилъ церковь Св. Николая, уставилъ въ ней вседневную службу и собралъ тамъ многихъ Черцевъ. (По *Никон. Лѣт.* преставился Смоленскій Князь Александръ Глѣбовичь, оставивъ двухъ сыновей, Василія и Іоанна). — Въ 1314 преставился Іоаннъ, Епископъ Суздальскій, и Симеонъ, бывшій Епископъ Владимірскій и Ростовскій, въ Суздалѣ. — (По *Никон. Лѣт.* было сильное наводненіе весною, и скончался Василій Александровичь Брянскій). — Въ 1315 скончался Князь Иванъ Михайловичь (а по нѣкоторымъ спискамъ Михаилъ Ивановичь) Стародубскій, внукъ Іоанновъ. Андрей, Епископъ Тверскій, оставилъ свой санъ, и на его мѣсто поставленъ Варсонофій. — Въ 1316 (по *Никон. Лѣт.*) сгорѣло въ Твери болѣе 20 домовъ и было затмѣніе лунное передъ утреннею зарею. — Въ 1317 у Князя Іоанна Даніиловича, брата Юріева, Сент. 7 родился сынъ Симеонъ. — Въ 1313 (по *Никон. Лѣт.*) въ Сент. сгорѣла въ Твери большая часть города съ 6 церквами.

(248) См. выше, стран. 112. Тѣло Юріевой супруги отвезли въ Ростовъ. — *Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что Ростовскій Епископъ пріѣзжалъ звать Князя Александра Михайловича къ Георгію въ Владиміръ, чтобы съ нимъ примириться. О тѣлѣ Михаила: «Изъ толь далечіе земли везоша его на телезѣ и въ санехъ, и лежа на Москвѣ лѣто все, и обрѣтоша цѣло. . . И положиша въ церкви Св. Спаса на деспой странѣ, юже бѣ самъ создалъ,

по сторонѣ Епископа Симеона.» Архимандритъ Макарій, сочинитель Михаилова (рукописнаго) житія, пишетъ, что тѣло его было привезено въ деревянномъ гробѣ, а погребено въ новомъ каменномъ; что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича зодчій Іоаннъ на казенныя деньги перестроилъ сію церковь Спаса; что Архіепископъ Тверскій, Евфимій, по указанію одного стараго Священника, именемъ Ѳеодора, нашелъ гробницу Князя у церковной стѣны въ землѣ, писалъ о томъ къ Царю и поставилъ ее въ придѣлѣ Св. Михаила; что въ 1655 году, во время язвы, Тверскій Архіепископъ Лаврентій преложилъ мощи изъ ветхой раки въ новую деревянную, обвивъ ихъ въ бѣлую камку; что Стольникъ Царя Алексія Михайловича, Романъ Бобарыкинъ, прислалъ шитую, богатую плащаницу для сей гробницы; что въ 1682 году Тверскій Архіерей Сергій, видя опять ветхость Преображенскаго Собора, построилъ собственнымъ иждивеніемъ новый; что между тѣмъ рака Св. Михаила стояла въ храмѣ Воздвиженія; что Сергій, возвративъ оную на свое мѣсто, оставилъ древній каменный гробъ въ церкви Воздвиженской; что въ XVIII вѣкѣ Епископъ Варлаамъ перенесъ мощи подъ изваянную сѣнь, за Архіерейское мѣсто, между столпами, а придѣлъ Св. Михаила обратилъ въ ризницу; что Епископъ Митрофанъ, въ 1747 году, обложилъ серебромъ деревянную раку Святаго и поставилъ оную въ стѣнѣ, на правой сторонѣ, у самаго иконостаса. Княгиня Анна постриглась въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ; жила послѣ у сына своего, Василія, въ Кашинѣ; преставилась черезъ 19 лѣтъ по кончинѣ супруга и погребена тамъ въ Успенскомъ Соборѣ. Святыя мощи ея были обрѣтены въ царствованіе Алексія Михайловича.

(249) См. Новогородск. *Лѣт.* 174.

(250) Сіи древніе рубли описаны Герберштейномъ и Гваньини. Первый говоритъ (Rer. Moscov. Comment. стр. 42): Vix centum annis utuntur moneta argentea, præsertim apud illos cusa. Initio cum argentum in provinciam inferebatur, fundebantur *portiunculæ oblongæ argenteæ, sine imagine et scriptura*, æstimatione unius *Rubli*, quarum nulla nunc (въ началѣ XVI вѣка) apparet. Гваньини пишетъ то же отъ слова до слова (Moschov. *Descript.* стр. 158). Десять, или болѣе, подобныхъ кусковъ серебра были найдены въ землѣ крестьянами Князя Павла Михайловича Волконскаго, верстахъ въ 30 отъ Москвы. Образъ и длина ихъ такая; вѣсомъ же каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Въ Кабинетѣ у Графа А. И. Мусина-Пушкина есть подобный же рубль съ изображеніемъ словъ: *Волод.* . . . то есть, имени Владиміра, можетъ быть Калитина внука или Владиміра Рязанскаго, жившихъ въ XIV вѣкѣ. Въ лѣтописяхъ XVI вѣка, г. 1535, сказано, что пять старыхъ рублей съ двумя гривнами вѣсили фунтъ. Такъ означено и въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Ариѳметикахъ. Но въ исходѣ XIV вѣка рубли Московскіе состояли уже изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ (см. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 135) и вѣсъ ихъ, какъ видно, нѣсколько уменшился въ отношеніи къ древнимъ рублямъ или кускамъ серебра, ходившимъ въ то время, когда предки наши еще довольствовались, вмѣсто денегъ, лоскутками кожаными или кунами (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 524). При Великомъ Князѣ Іоаннѣ Василіевичѣ, т. е. въ концѣ XIV вѣка, фунтъ золота стоилъ около 55 серебряныхъ рублей. Въ *Отпускѣ Великой Княжны Елены,* дочери его, сказано: «Послано къ зятю, къ В. К. Олександру, на свадьбу къ вѣнчанью крестъ золотъ. . . а вѣсу въономъ *полгривенки* безъ дву золотниковъ (т. е. 22 золотника), *полтринадцать рублевъ»* (см. *Древ. Росс. Вивліоѳ.* XIV, 2).

*Никон. Лѣт.* говоритъ, что Георгій долженъ былъ отдать взятую у Димитрія сумму Ханскому послу, но вмѣсто того уѣхалъ съ оною въ Новгородъ; что не Варсонофій, а бывшій Тверскій Епископъ Андрей способствовалъ заключенію мира; что Георгій размолвился и примирился съ Новогородцами; что онъ разбилъ Нѣмцевъ, и проч.

Изъ Прибав. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года: Не давно, близъ Серпухова, въ огородѣ, найдено въ горшкѣ 120 древнихъ серебряныхъ рублей, каждый вѣсомъ около 24 золотниковъ, съ клеймами, или съ изображеніемъ лицъ, звѣрей, птицъ, буквъ К. Н.; а на одномъ, вокругъ птицы, вырѣзано имя *Ивана* (можетъ быть, Калиты или Іоанна II). Графъ Ѳ. А. Толстой, Г. Зосима и другіе любители Древностей успѣли купить нѣкоторые изъ сихъ рублей; но большая часть досталась въ руки неизвѣстнымъ людямъ. (Сообщено отъ Г. Калайдовича).

(251) См. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 326, и *Новогород. Лѣт.*

(252) «Постригся (К. Аѳанасій) въ Черньци, и положиша его у С. Спаса на Городищи» (а по *Воскр. Лѣт.* въ Передичахъ). — Іоаннъ, братъ Георгіевъ, поѣхалъ въ Орду въ 1320 году. — О Димитріи: «ходи въ Орду и подъя Великое Княженіе.» Татищевъ же пишетъ, что Димитрій доказалъ Хану неправду Георгіеву, и что Узбекъ велѣлъ мучить Кавгадыя.

(253) См. выше, г. 1242. — Князь Александръ отнялъ Георгіеву казну на *Урдомѣ*.

(254) Въ *Лѣт. Псков.*: «Тоя же осени избиша Нѣмци Псковичь гостей въ озерѣ и ловцевъ на Моровѣ, и въ берегѣ Череместь взяша, а на миру, и послаша Псковичи къ Давыду Князю въ Литву и пріѣха въ Четвергъ Сыропустной недѣли, а Князь Юрьи еще бяше во Псковѣ. И тако Князь Давыдъ ѣхаша со Псковичи за Норову и плѣниша ихъ землю до Колываня.» Лѣтописецъ Прусскаго Ордена, П. Дузбургъ, говоритъ о семъ нашествіи (Chron. Prussiæ, стр. 394) Давида Литовскаго, называя его Castellanus de Gartha, и сказывая, что онъ убилъ и плѣнилъ болѣе 5000 Христіанъ: Ecclesias, vestes sacras et vasa altaris inhumaniter polluit et concremavit. Однакожъ Дузбургъ не зналъ, что большая часть Давидова войска состояла изъ Россіянъ. Татищевъ назвалъ Давида сыномъ Довмонта. — Далѣе въ *Лѣт. Псков.*: «Марта въ 13 пріидоша Нѣмци ратью ко Пскову, и стоявше у города 3 дни и отъидоша съ срамомъ. Тоя же весны, Маія въ 11, пакы пріидоша, ови на конехъ, иніи въ кораблехъ и въ лодіахъ, съ пороки и съ городы и со инѣми замысленіи. Тогда же убиша Посадника Селила Олексеничь, и стояша у города 18 дній, пороки біюще, городы своя двигающе, за лѣсами лѣзуще, и лѣствица исчиниша, хотяще черезъ стѣну лѣзти . . . Стояху около всего Пскова, ови на Запсковьи, а друзіи на Полонищи, а иніи на Завеличьи, и что гдѣ полонивше, то все провадяху за Великую рѣку.» — Родъ Псковскаго Князя Евстафія неизвѣстенъ. О мирѣ: «И пріѣхаша силніи послове отъ всея земли Нѣмецкыя во Псковъ, и докончаша миръ по всей Псковской воли.» Эстонія все еще зависѣла тогда отъ Короля Датскаго; но въ 1346 году Вальдемаръ III продалъ оную Нѣмецкому Ордену за 18,000 марокъ.

(255) «Докончаша миръ вѣчный съ Княземъ и съ Новымгородомъ по старой пошлинѣ» (на прежнихъ условіяхъ). См. также *Ядро Рос. Исторіи.* Новогородцы уступили Шведамъ часть западной

Кореліи, нынѣшняго Выборгскаго и Яскисскаго Округа, такъ, что граница шла отъ устья Сестры черезъ югозападную часть Кексгольмской области къ Каянебургской. Тогдашній договоръ уцѣлѣлъ въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ и напечатанъ Портаномъ въ его Syllog. Monumentorum: (см. Лерберг. Untersuchungen, стр. 232). — Шведы назвали крѣпость Орѣховъ, Орѣховецъ или Орѣшекъ, *Нетеборгомъ*, то есть, перевели сіе имя на свой языкъ.

(256) См. выше, примѣч. 201, и Т. III, примѣч. 186. Кн. Щербатовъ думалъ, что Устюгъ принадлежалъ Новугороду. *Никон. Лѣт.* прибавилъ отъ себя: «докончаша миръ по старинѣ и *выходъ* (дань) *давати по старинѣ въ Орду.*»

(257) См. *Троицк. Лѣт.* Въ *Новогород.*: «Погребоша его Митр. Петръ и Архіеп. Моисей (Новогородскій), и Твер. Еписк. Варсонофій, и Ростовск. Прохоръ, и Рязанк. Епис. Григорій въ Суб. 1 поста» (т. е. Великаго).

(258) *Никон. Лѣт.* несправедливо говоритъ, что Іоаннъ по убіеніи Георгія ѣздилъ въ Орду. Онъ и въ 1325 и въ 1326 году находился въ Москвѣ (см. *Троицк.* и *Воскресен. Лѣт.*). Іоаннъ Даніловичь дѣйствовалъ тогда въ Ордѣ единственно чрезъ своихъ друзей. — Далѣе: «Приде изъ Орды Князь Олександръ, и Татарове съ нимъ *должницы*, и много бысть тяготы на Низовской земли:» см. выше, примѣч. 246. Далѣе: «Мѣс. Сент. 15 убиша въ Ордѣ два Князя, Дмитрея Мих. Тферьского, да Князя Александра *Новосильскаго* одиного дни, на одиномъ мѣстѣ, на рѣцѣ *Кодраклѣ*.» Я не знаю сей рѣки. Городъ Новосиль, какъ мы уже сказали, былъ Удѣломъ Черниговскихъ Владѣтелей, въ землѣ Вятичей; а Родоначальникомъ Князей Новосильскихъ и Бѣлевскихъ сынъ Михаила Черниговскаго, Семенъ Глуховскій.

(259) О семъ прозваніи Димитріевомъ сказано единственно въ Родословныхъ Книгахъ. — Димитрій женился на Гедиминовой дочери въ 1320 году. Епископъ Варсонофій вѣнчалъ его въ церкви Св. Спаса (см. *Никон. Лѣт.*)

(260) *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Димитрій убилъ Георгія въ надеждѣ на отмѣнную милость Узбекову; что Ханъ, казнивъ Димитрія, гнѣвался на всѣхъ Князей Тверскихъ, называя ихъ *своими врагами* и крамольниками, однакожь, не смотря на то, посадилъ Александра Михайловича на Великое Княженіе. Узбекъ безъ сомнѣнія не поступилъ бы такъ, если бы считалъ Александра врагомъ своимъ. — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Въ лѣто 6835 бысть *мятежъ* въ Новѣгородѣ, и пограбиша дворъ Остафьевъ Дворяниницевъ и пожгоша весь.» — См. договорную грамоту Александрову въ Архивѣ Иностр. Кол. No 15. Тамъ сказано: «А кто будетъ купилъ села въ всей волости Новгородьской при дѣдѣ моемь Ярославѣ и при Васильи (Ярославичѣ), при Дмитріи, при Андреи (Александровичахъ) и при отци моемь при Михайлѣ и при Князи при Юрьи (Даниловичѣ), при *Дмитріи (Михайловичѣ)*, кто будетъ даромъ отъялъ или сильно, а то пойдетъ бесъ кунъ къ Новугороду.» Слѣдственно Новогородцы по отъѣздѣ Георгія въ Орду признавали Димитрія Михайловича своимъ Княземъ? — Далѣе: «што продано Княжихъ волостій *до Велика дни* (Пасхи), а што будетъ не продано по Велицѣ дни, то по цѣлованью повѣдати.» Здѣсь видимъ, что грамота писана уже въ 1327 году передъ Пасхою: ибо Димитрій убитъ въ Сент. 1326. — Далѣе: «а свиньи ти, Княже, гонити за 60 верстъ около города; а въ той шьстидесять Новгородцю гонити доклалая Князя, а далѣ куды кому годно:» то есть, вокругъ города на 60 верстъ бить кабановъ одному Князю, а Новогородцамъ безъ его позволенія тамъ не ловить; далѣе же всякому вольно ѣздить на охоту. — На свинцовой печати изображенъ Спаситель и Св. Александръ, держащій въ одной рукѣ копье, а въ другой щитъ.

(261) Такъ имя его написано въ харатейныхъ *Новогород.* и *Троиц.*; а не *Щелканъ*.

(262) Пріѣхавшихъ туда изъ города *Хопыля*, котораго не знаемъ. *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что Тверитяне однихъ убили, другихъ сожгли.

(263) Андрей Ярославичь Суздальскій, братъ Александра Невскаго, имѣлъ трехъ сыновей: Юрья (бездѣтнаго), Михаила (княжившаго въ Новѣгородѣ Нижнемъ) и Василія. — Далѣе: «Присла Князь Олександръ послы къ Новгородцемъ, хотя бѣчи въ Новгородъ; и не пріяша его. Того же лѣта присла Князь Иванъ Даниловичь Намѣстникы своя въ Новгородъ, а самъ иде въ Орду.» — Далѣе: «Новгородъ ублюде Богъ и Св. Софья... присламша послы Татарове, и даша имъ Новгородци 2000 (рублей?) серебра, и свои послы послаша,» и проч.

(264) Въ *Троицк.* и *Новогород.* сказано, что Моголы тогда же убили сего Князя; а въ *Воскресен.* и другихъ прибавлено: «въ Ордѣ.» *Никон. Лѣт.* говоритъ еще объ убіеніи Князя *Василія* Рязанскаго.

(265) Длугошъ, Hist. Pol. кн. X, стр. 117: Inter septentrionales populos obscurissimi (Литовцы), Ruthenorum servituti et tributis vilibus obnoxii, ut cuique mirum videatur ad tantam eos felicitatem, sive per finitimorum ignaviam et desidiam provectos, ut imperent nunc Ruthenis, sub quorum imperio *annis* prope *mille* veluti servile vulgus fuere. Сей Историкъ справедливо удивляется, какимъ образомъ бѣднѣйшій изъ народовъ сѣверныхъ, едва извѣстный, и долговременнымъ рабствомъ уничиженный, могъ такъ возвеличиться, что покорилъ Россіянъ, которые будто бы господствовали надъ нимъ *около тысячи лѣтъ*.

(266) См. выше, примѣч. 176. Вопреки Стриковскому, называющему Витена Вельможею Тройдена, современный Историкъ Нѣмецкаго Прусскаго Ордена, Петръ Дузбургъ, сказываетъ, что Витенъ былъ сынъ и наслѣдникъ Литовскаго Князя Лутувера, владѣвшаго еще въ 1291 году: Lutuwerus Rex Lethoviæ hoc anno filium suum Vithenum cum exercitu misit (см. его *Chron.* стр. 323). Стриковскій называетъ Гедимина сыномъ Витеновымъ: такъ сказано и въ нѣкоторыхъ Русскихъ лѣтописяхъ (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 49). Но Длугошъ, современникъ правнука Гедиминова, пишетъ, что сей Великій Князь Литовскій, бывъ Конюшимъ у своего Государя, умертвилъ его и похитилъ власть: Erant Gedimino, qui in Litvanos longo tempore dominatione rapta, et justo Principe, apud quem Stabulatus officio fungebatur, occiso, imperium exercuerat, septem filii, и проч. (Hist. Pol. кн. X, стр. 60). Могъ ли Длугошъ, человѣкъ извѣстный, выдумать басню, столь оскорбительную для чести Королевскаго рода? Другіе наши Лѣтописцы говорятъ согласно съ Польскимъ Историкомъ, что Гедиминъ былъ Конюшимъ Витеновымъ, прибавляя слѣдующее: «Во плѣненіе безбожнаго Царя Батыя избѣжалъ отъ плѣна его нѣкій Князецъ, именемъ Витянецъ (Витенъ), рода *Полоцкихъ* Князей, и вселился въ Жомотѣ (Самогитіи или Жмуди) у нѣкоего бортника (пчельника), и поятъ у него дщерь въ жену себѣ и пребысть съ нею 30 лѣтъ *бездѣтенъ, и убіенъ бысть громомъ;* и послѣ Князя Витянца поятъ жену его рабъ его Конюшецъ, именемъ Гедименикъ, и роди отъ нея 7 сыновъ» (см. *Родословную Велико-Россійскаго Государства*, писанную въ Ярославлѣ въ 1668

году, въ Синодал. Библ. подъ No 461, и *Ростовск.* Архивск. *Лѣт.* въ концѣ о *Князьяхъ Литовскихъ*).

(267) Длугошъ Hist. Polon. кн. X, стр. 60, и *Хрон.* Стриков. кн. XI, гл. 3, и кн. XII, гл. 3 и 7. По старинному Русскому переводу: «Ольгердъ же аще еще при житіи отца окрестися ради жены, но свѣжій черепъ смраднаго тука напившеся, древнимъ злосмрадіемъ смердяше» Въ нашихъ Родословныхъ сказано, что Явнутъ или Евнутій Гедиминовичь женился на Княжнѣ Витебской, Ольгердъ же на Полоцкой. — Стриковскій именуетъ Князя Владимірскаго, отца Любартовой супруги, *Агапіи* (или *Бучи* по Родословнымъ Яблоновскаго), *Владиміромъ*: въ нашихъ письменныхъ Родословныхъ Книгахъ (Синодальн. библіот. No 461, л. 104) сказано только: «а Любарта принялъ Волынскій Князь во всю землю Волынскую, и женился у него, и достася ему Володимірь и Луцкъ.»

(268) Харатейный подлинникъ сей грамоты, писанной къ В. Магистру Карлу Беффарту, находится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ подъ No 462. Вотъ она (безъ всякихъ поправокъ въ буквахъ; на прим. оставляемъ е вмѣсто æ, w вмѣсто v, c вмѣсто t, и проч.):

Magnifico Domino — и проч. — Magistro. Geneali. ceterisque. fratribus. eiusdem. professionis. in Prussia. Andreas. et Leo. Dei gracia Duces. totius terre. Russie. Galicie et Lademirie. salutem. et post. huius. vite. militiam, in celestibus. triumphare. cum inter honorabiles. viros. vestros. predecessores. Magistrum. acque. fratres. Pruscie. ex una parte. nostrosque. serenissimos. progenitores. ex altera. dileccionis. insignia. ac mutue promocionis beneficia. viguerunt. delectat. et nos. vobiscum. eodem caritatis vinclo. uniri. ac sincera amicicia federari. maxime. cum honorabilis. Religiosus. vir.- frater Sygehar lus. de Swarzburch. consanguineus noster. dilectus. antiquam antiquorum. amiciciam. nobiscum duxerit innovandam. prout. in instrumentis et paccionibus. super hoc. confectis. plenius est expressum. nos volentes. utique exemplo. progenitorum. nostrorum. vobis adesse. sincera amicicia. et favore. et de amiciciis. federacionibus. et pace. inter nos. conceptis. a diebus diutinis. nichil. omnino. diminuere. sed pocius. volente Domino. habundantius ad augere. ceterum. terras vestras. fideliter premunire. curabimus. pre Tataris. dummodo nobis constiterit. et ab hostili. quolibet. invasore. insuper. vobis. ac omni vestro populo. ad omnem. dileccionem et ad cuncta. beneplacida. promocionis et favoris. existimus debitores. In cuius. rei testimonium presentes. scribi iussimus. nostrorum sigillorum munimine solidatas. Actum et datum in Lademiria anno Verbi Incarnati M. CCC. XVI. in vigilia S. Laurencii (1316 года, Авг. 10). Привѣшены двѣ большія вощаныя печати: одна Георгіева или Юріева (см. выше, примѣч. 204), а другая съ изображеніемъ воина, держащаго копіе; вокругъ звѣзды, луна и крестъ; на оборотѣ левъ. — Содержаніе сего письма есть то, что Андрей и Левъ, *Божіею милостію Князья всей земли Русской, Галиціи и Лодомиріи* (земли Владимірской), слѣдуя системѣ предковъ, заключаютъ миръ съ Орденомъ, по содѣйствію Зиггарда Шварцбургскаго, *ихъ родственника*, и даютъ слово предохранять владѣнія Прусскія отъ Татаръ. Зиггардъ былъ Коммандоромъ въ Бирглау; а по чему названъ родственникомъ Андрея и Льва, не знаемъ.

(269) Стриковскій пишетъ, что Князь Владиміръ — между тѣмъ, какъ граждане отражали Литву отъ стѣнъ — привелъ Татаръ.

(270) Романъ Михайловичь Брянскій намъ извѣстенъ; но здѣсь или говорится о другомъ или явный анахронисмъ: ибо сей Романъ умеръ еще въ XIII вѣкѣ. Послѣ него княжили въ Брянскѣ Святославъ и Василій, умершій въ 1314.

(271) Стриковскій говоритъ, что Станиславъ именовался *Самодержцемъ;* что въ Житомирѣ находилось много *Дворянъ* Кіевскихъ, и проч. Далѣе пишетъ, что Князь Рязанскій, не имѣвъ дѣтей, кромѣ дочери *Ольги*, уступилъ ея мужу, Станиславу, все свое Княженіе. Но въ Рязани княжилъ тогда или Ярославъ, сынъ убитаго Георгіемъ Константина, или Іоаннъ *Ярославичь*, убитый Татарами въ 1327 году, отецъ Іоанна Коротопола.

(272) Стриковскій упоминаетъ здѣсь о Митрополитѣ Кіевскомъ. — Вѣроятно, что Литовцы взяли Черниговъ въ одно время съ Кіевомъ, или не задолго до того. Стриковскій прибавляетъ, что Миндовъ Голшанскій властвовалъ въ Кіевѣ до Ольгердова сына, Владиміра.

(273) Въ нашихъ Родословныхъ находятся только слѣдующія обстоятельства: «Въ лѣто 6825 (1317) Князь Великій Юрій (или Георгій) Даниловичь Московскій пріиде изъ Орды и сѣде на Великое Княженіе, и видѣ многіе грады запустѣвшая и людей въ нихъ мало и печалію обдержимъ бѣ: по убіеніи бо Князя Михаила Всеволодича Кіевскаго и Черниговскаго разсыпашася Измаильтяне (Татары) по всей Руской земли, яко птицы полеташа, и Христіянскій родъ овѣхъ мечи закалающе, другихъ же въ плѣнъ отвожаху, а оставшая люди гладъ и смерть погубляша. Великій же Князь Юрьи Даниловичь разсылаше по градомъ и мѣстомъ, веляше собрати оставшая люди; посла убо и сего Гедименика на Волынскую землю и на Кіевскую и обь сю страну Менска наполнити плѣненныя грады и веси, а у оставшихъ имати дани; и съ нимъ посла нѣкоего мужа славна, именемъ *Борейка*, и иныхъ множайшихъ. Сей же Гедименикъ бѣ мужъ *храбръ зѣло* и велика *разума*; начатъ дани брати на людехъ и сокровища изыскивати, и обогатися зѣло, и собра къ себѣ множество людей, и дая имъ неоскудная потребная, и начатъ владѣти многими землями, и назвася отъ нихъ Великій Князь Гедиминъ Литовскій первый, несогласіемъ Великихъ Князей, Рускихъ Государей, и межусобными браньми.» См. *Ярославскую Родословную* въ Синод. библ. No 461 и въ концѣ *Ростовск.* Архив. *Лѣт. о Князьяхъ Литовскихъ.* Сіи извѣстія, писанныя въ новѣйшія времена, не имѣютъ исторической достовѣрности. Обстоятельство, что Гедиминъ былъ отправленъ послѣ 1317 года Княземъ Георгіемъ Даніиловичемъ для учрежденія порядка и для собранія дани въ Кіевской и Волынской области, есть басня. По современной лѣтописи мы знаемъ, что Гедиминъ въ семъ году уже правительствовалъ въ Литвѣ и воевалъ съ Нѣмцами (см. Дузбур. Chronicon, стр. 387); знаемъ также, что Волынія и Кіевъ не зависѣли отъ Юрія или Георгія Даніиловича Московскаго.

(274) См. ниже, и въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 593. При Донскомъ Гедиминовъ внукъ, сынъ Ольгердовъ, уже властвовалъ надъ областію Кіевскою.

(275) Райнальд. Annal. Eccles. въ добавленіи XV Т., подъ годомъ 1324: Hinc est. quod Sanctitati Vestræ insinuatione præsentium cum dolore reverentius intimamus, quod *duo ultimi Principes Ruthenorum* de gente schismatica, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, decesserunt ex hac luce: ex quorum interitu nobis et terris nostris ex vicinitate Tartarorum, quos decerto credimus terram Ruthenorum, nostris metis contiguam, occupare, perturbatio indicibilis imminebit. Далѣе Король требуетъ помощи отъ Іоанна, и проч.

(276) **Въ Архивѣ Кенигсбергскомъ сохранились четыре грамоты Георгіевы, подъ No 684, 228, 645 и 131. Первая, 1325 года, писана къ Великому Магистру Вернеру Арсельнскому. . .** Nos Georgius Dei gratia dux Russiæ promittimus ac spondemus honorabilibus Dominis, Domino Wernhero Magistro Generali in Thorun singulisque fratribus ejusdem Ordinis Beate Marie deputatis, quod quemadmodum nostri progenitores felicis recordacionis Rex Daniel, seu *Leo noster*, *atavus* **(слѣдственно онъ былъ ему прадѣдъ)**, aut Georgius **(Юрій Львовичь)** noster avus carissimus, pacem et omnimodam caritatem cum ordine prenominato tenere consveverunt, ita et nos non minuentes, sed pocius augentes temporibus vite nostre nostra fide data in eadem concordia cupimus permanere, in cuius rei testimonium presentes fieri jussimus nostri majoris sigilli munimine roboratas. Datum et actum anno Domini MCCCXXV. **Содержаніе то, что Георгій, согласно съ системою предковъ, возобновляетъ съ Орденомъ дружескую связь. — Вторая грамота писана къ Великому же Магистру Вернеру въ 1327 году изъ столицы Владимірской**, in Ladimiria nostra civitate capitali: **она есть повтореніе грамоты Андрея и Льва, выше нами сообщенной. Третья писана къ Вел. Магистру Лудеру, Герцогу Брауншвейгскому, изъ города Львова, въ 1334 году:** Georgius ex dono Dei natus Dux et Dominus Russie salutem... Nostri predecessores carissimi, scilicet Romanus, Daniel, Leo, Georgius et Andreas . . . **Слѣдують обыкновенныя увѣренія дружескія; но достойно примѣчанія, что Князь обязывается хранить миръ отъ имени своего и Вельможъ Галицкихъ, также и Епископа Ѳеодора:** quam unionem. . . cum nostris Baronibus nec non commilitaribus **(Дружины)**, videlicet Chodore Episcopo Galicensi, Temetrio Detcone, Chotcone Judice nostre Curie **(Тіуна Дворскаго)**, Georgio Calvo, Mychahele Yelezarowicz, Alexandro Moldaowicz, Boriscone Cracula. **Къ грамата привѣшены 8 восковыхъ печатей, Княжеская, нами описанная, и семь именованныхъ въ грамотѣ чиновниковъ. Образъ Богоматери изображенъ на Епископовой; на другой птица, и вокругъ Руская надпись:** ***печать Борисова;*** **прочія истерлись. — Грамоту четвертую списываемъ здѣсь слово въ слово:**

In nomine Domini amen. Quoniam omnium conditoris inconprehensibilis providencie altitudo non solum ob id dominos prefici voluit, vt subditis dominando predessent, sed eciam vt pacis et justicie copiam eis ministrando prodessent: eapropter nos Georgius, Dei gratia natus Dux tocius Russie *Mynoris*, volentes litium dispendia equitatis et unionis conpendio coartare, ut per hoc zyzanie scrupulus evitari pacisque et concordie tranquillitas possit eo feruencius augmentari amicicie, pacis, concordie et federa amicabilis vnionis, cum olym cum reverendis ac serenissimis sacre professionis viris, ac Dominis generalibus Magistris Ordinis Hospitalis sancte Marie domus Theutonicorum Jerus. Terre Prussie, quibuscunque nominibus censeantur, usque ad tempora venusti reverendique Domini Theodorici de Aldenburk, moderni summi et generalis Magistri Ordinis Hospitalis sancte Marie domus Theut. per nostros felicis recordacionis predecessores, Reges et Principes, videlicet Romanum, Danyelem, Leonem, Georgium et Andream, inita contracta atque habita ac inuiolabili effectu prosequente servata, nos vna cum dilectis et fidelibus nostris Baronibus militibusque, scilicet Demetrio Detkone nostro, Mychalo Yelezarowicz Pallatino Belzenci, Wascone Kudrynowicz Iudice curie nostre, Hryczkone Kossaczowicz Pallatino Premysslensi, Boriscone Cracula Pallatino Lemburgensi, Chodore Otek Pallatino de Lutzei, Chotkone filio Yeromiri, innowamus (sic), approbamus, ratificamus et presentis scripto ammyniculo patrocinioque confirmamus, promittentes, bona fide semoto omni dolo, studio, ingenio et subtilitate aliquali malis penitus pretermissis, vna cum prefatis nostris Baronibus, militibus, nobilibus terris nostrisque et hominibus, eandem fauorabilem vnionem et concordiam cum prelibato reverendo mire professionis Duo. Theodorico de Aldenburk, moderno Magistro generali Ordinis Hospitalis supra dicti, suisque cum Conpreceptoribus, Commendatoribus, fratribus, nobilibus terrisque ipsorum et hominibus perpetuis temporibus firmiter et irrefragabiliter observare nec contra facere aliqualiter aut venire, et vt hec maneant inconwulsa et semper integra, roburque obtineant perpetue firmitatis ac nowitatis wultum assumant, presentes scribi fecimus et nostro ac predictorum nostrorum Baronum sigillis communiri. Datum et actum in Wlademiria, anno Incarnacionis Domini millesimo trecentesimo tresesimo quinto, tredecimo Kalendas Novembris, in vigilia undecim milium sanctarum virginum. **То есть: «Во имя Божіе. . . Аминь. Зная, что непостижимое Провидѣніе Творца всяческихъ поставило Государей не только для властвованія надъ людьми, но и для того, чтобы они были орудіями мира и правды, мы** ***Георгій*** **Божіею милостію природный Князь всей** ***Малой Россіи,*** **желая посредствомъ истины и согласія отвратить раздоры, искоренить плевелы зла, утвердить тишину мира и дружества, совокупно съ нашими любезными и вѣрными Боярами, а именно съ Димитріемъ, нашимъ дядькою, Михаиломъ Елеазаровичемъ, Воеводою** ***Бельзскимъ,*** **Василькомъ Кудриновичемъ, Тіуномъ Двора нашего, Григорьемъ Косаковичемъ, Воеводою** ***Перемышльскимъ*** **— Борисомъ Кракулою, Воеводою** ***Львовскимъ*** **— Ходоромъ (Ѳеодоромъ) Отекомъ, Воеводою** ***Луцкимъ,*** **и Хотькомъ Еромировичемъ, возобновляемъ, одобряемъ, утверждаемъ силою сей грамоты всѣ ненарушимые договоры, заключенные нашими предшественниками, блаженныя памяти Государями и Князьями** ***Романомъ, Даніиломъ,*** **Львомъ,** ***Георгіемъ,*** **(Юріемъ)** ***Андреемъ,*** **съ почтенными, свѣтлѣйшими Господами, Великими Магистрами Ордена Нѣмецкаго Святыя Маріи въ землѣ Прусской (какого бы имени они ни были) до времени почтеннаго Господина Дитриха Алтенбургскаго, нынѣшняго Великаго Магистра, обѣщаясь, вмѣстѣ съ упомянутыми Боярами и людьми земли нашея, хранить вѣчно и ненарушимо, безъ всякаго обмана, коварства и хитрости, союзъ дружбы съ Г. Дитрихомъ Алтенбургскимъ, Великимъ Магистромъ, съ его собратіями и Коммандорами: въ удостовѣреніе чего велѣли мы написать сію грамоту, и приложили къ оной нашу и выше-упомянутыхъ Бояръ печати. Дано въ** ***Владимірѣ,*** **въ 1335 году отъ воплощенія Христова, 13 Календъ Ноября (по нашему Окт. 20) на память 11,000 Святыхъ Дѣвъ.» Къ хартіи привѣшена Княжеская и шесть другихъ восковыхъ истертыхъ печатей.**

(277) **Папа Іоаннъ XXII въ письмѣ своемъ къ Французскому Королю, писанному въ 1323 году, говоритъ:** Gedimen, qui se Regem Lethoviæ et *Ruthenorum* intitulat. **См. Райнальд.** Annal. Eccl. T. XV, **годъ 1323, No 19. Въ нашихъ лѣтописяхъ называется онъ** ***первымъ Великимъ Княземъ Литовскимъ.*** **Тамъ же сказано, что Вильна была уже во XII вѣкѣ (см. выше, примѣч. 103). Длугошъ называетъ ее древнимъ городомъ, основаннымъ еще предками Литовскаго народа, которые будто бы вышли изъ Италіи, и названнымъ такъ по имени ихъ вождя:** *Ibi* primum oppidum Vilno, quod et in hanc diem caput genti est, ex nomine

Vilii Ducis, quo authore et *Italiam* deserverant, et regiones illas ingressi fuerant, condidere *(Hist. Pol.* кн. X, 116). Стриковскій повѣствуетъ слѣдующее: «Гедиминъ, завоевавъ Россійскія Княжества, жилъ въ Керновѣ; но построивъ городъ *Троки*, названный такъ отъ множества звѣрей убитыхъ и *второчённыхъ* на семъ мѣстѣ Гедиминовыми охотниками, перенесъ туда свой престолъ. Въ другой разъ, забавляяся ловлею на берегахъ Виліи, покрытыхъ тогда густыми лѣсами, онъ со всѣмъ Дворомъ пріѣхалъ къ устью Вилии, гдѣ предки его издревле сожигали тѣла мертвыхъ, и гдѣ курились жертвы идоламъ за души усопшихъ. Тамъ Гедиминъ собственною рукою убилъ тура, на горѣ, которая и донынѣ зовется *Туровою*. Рога сего звѣря, обложенные золотомъ, долго хранились въ Княжеской сокровищницѣ. Витольдъ обыкновенно пилъ изъ нихъ на пирахъ и подарилъ одинъ въ 1429 году Королю Венгерскому, Сигизмунду, во время славнаго съѣзда Государей и Князей въ Луцкѣ. Уснувъ на Туровой горѣ, Гедиминъ видѣлъ во снѣ огромнаго волка въ желѣзныхъ латахъ, ревущаго такъ сильно, что голосъ его повсюду раздавался, какъ сто волчьихъ голосовъ или болѣе. Главнымъ жрецомъ Литовскимъ былъ тогда Лиздейко, найденышь Витеновъ, оставленный родителями въ гнѣздѣ орлиномъ, или, какъ другіе сказываютъ, въ богатой колыбели среди густаго лѣса: онъ растолковалъ Князю, что сонъ его предзнаменуетъ славу города, коему надлежало быть на семъ мѣстѣ. Гедиминъ послушался жреца и немедленно построилъ на горѣ крѣпость, а внизу, на *кривой долинѣ*, городъ деревянный съ башнями; назвалъ его Вильною отъ рѣки Вильни, переѣхалъ туда жить въ 1322 году со всѣми Боярами и скоро украсилъ великолѣпно.» Обстоятельства баснословны; но главное, что Вильна основана Гедиминомъ, можетъ быть справедливо. По достовѣрнымъ историческимъ памятникамъ намъ извѣстно, что сей городъ въ 1323 году былъ уже его столицею: грамота Гедиминова, данная Нѣмцамъ для свободной торговли въ Литвѣ (см. ниже, примѣч. 279), писана въ Вильнѣ: Datum Vilna, anno Domini 1323.

(278) См. Райнальд. Annal. Eccles. XV, 1324, No 48. *Повторяя слова Гедиминовы*, Іоаннъ въ отвѣтѣ своемъ пишетъ къ нему: Subnectens, quod tu nequaquam Christianos impugnas tanquam fidem velis destruere Christianam, sed defendis te ab inimicis tuis, ut faciunt Reges et Principes alii Christiani; et quod Prædicatorum et Minorum Ordinum fratres tecum habes, quibus commisisti et licentiam dedisti liberam, ut baptizent, prædicent et informent Christianum populum et etiam infideles, ut ad omnipotentem Deum et Dominum convertantur... Paratus es nobis in omnibus, sicut cæteri Reges catholici, obedire... Asseris, unum esse Deum Patrem, et Filium et Spiritum Sanctum... Tu et alii Principes omnes et Barones regni tui perseverantes laudabiliter in præmissis, и проч. Далѣе говорится объ условіи, чтобы Папа доставилъ ему миръ съ Орденомъ. Рыцари, прекративъ войну съ Литовцами въ 1323 (Райнальд. Annal. Eccles. No 20), въ слѣдующемъ году опять начали ее (см. Дузбург. стр. 399 и 400). Раздраженный Гедиминъ сказалъ посламъ Римскимъ: Papam vestrum nec novi, nec nosse cupio; fidem ac religionem, quam paterna traditione accepi, in ea permanebo, certans pro illa a sanguine usque ad mortem (см. Кранца *Wandal.* кн. VIII, гл. 9, и Райнальд. Annal. Eccl. годъ 1324, No 52).

(279) См. Дреер. Specim. juris publ ci Lubec. стр. 183, и Коцеб. Gesch. Preuss. II, 354. Подлинникъ упомянутой грамоты, писанной въ 1323 году, находится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Нѣмецкіе Ученые — зная, что Гедиминъ умеръ язычникомъ — торжественно объявили ее подложною: ибо сей Князь говоритъ въ ней языкомъ Христіанина; на примѣръ: omnia regna subiacent cœlesti regi Jesu Christo — anno Domini — ipso die Corporis Christi — и на печати его изображены Ангелы. Но сіи Господа не заглянули въ Церковную Исторію Райнальдову (см. выше, примѣч. 278), которая объяснила бы имъ сію загадку, и доказала бы истину грамоты. Гедиминъ велъ переписку на Латинскомъ языкѣ съ Папою, исповѣдывалъ Троицу, признавалъ Духовную власть выше мірской, и казался совершеннымъ Христіаниномъ. Іоаннъ XXII полагалъ, что сей хитрый лицемѣръ могъ быть уже и крещенымъ: baptismi, qui nondum illo *forsan* renati estis, purificari, и проч. (см. письмо Іоанна въ Райнальд. г. 1324, No 49). Въ Гедиминовой грамотѣ сказано, что онъ писалъ къ Папѣ, требовалъ отъ него крещенія и Легатовъ, ожидаетъ ихъ съ великимъ нетерпѣніемъ, покровительствуетъ Монаховъ Францисканскихъ и Доминиканскихъ: quorum vita laudabilis et probata est; alium nolumus accessum qui de cenobiis faciunt latronum refugium et elemosinam vendunt in detrimentum animarum. Все согласно съ его письмами, извѣстными намъ по Іоаннову отвѣту (см. выше). — Въ началѣ грамоты Князь пишетъ, что предки его издревле дозволяли Любекскимъ и другимъ купцамъ ѣздить свободно черезъ Литву въ Новгородъ и Псковъ, но что сіи купцы не думали изъявить за то благодарности: nullus vestrorum veniens, aut canis ex parte eorum referens grates de perceptis! «Впрочемъ» (говоритъ онъ) «не бойтесь: что обѣщаю, то исполню, и еще болѣе сдѣлаю.» Далѣе: Ex regali dono damus jam in presenti carta nostram terram liberam esse sine theoloneo et exactione angariarum et parangariarum omnibus mercatoribus, militibus, vasallis, quos dotabo redditibus unicuique suam secundum dignitatem, fabris, sutoribus, carpentariis, lapicidis, in arte salis peritis, pistoribus, argentariis, balistariis, piscatoribus cujusque conditionis veniant cum liberis, uxoribus et jumentis intrent et exeant secundum placitum... Agricolis, nostrum regnum intrandi commorandique volentibus, damus et concedimus ad decem annos colere libere absque censu, et medio tempore ab omni opere regio sint exempti, termino prædicto exspirato etiam secundum terræ fertilitatem dabunt decimam (*десятину* по тогдашнему обыкновенію), prout in aliis regnis vel propriis dare consueverunt, ita tamen quod nobiscum plus exuberabit granum, quam in aliis regnis est consuetum. Iure civili utantur Rigensis civitatis et omnibus privilegiis... Ut igitur securiores vos reddamus, duas ecclesias Fratrum Minorum, unam in civitate nostra regia Vilna dicta, et aliam in Novgardis habemus erectas, et tertiam Fratrum Prædicatorum, и проч. Писано къ городамъ Любеку, Ростоку, Штральзунду, Грипсвальду, Штетину, и къ Готландцамъ. Сего-то Князя называли въ Европѣ quovis ethnico pejus, monstrum biceps, ludibrium naturæ abominabile, violatorem juris gentium et legum naturalium, antichristi præcursorem! См. Руссет. Supplement au Corps diplomatique T. I, Ч. II, стр. 100 и въ Дреер. Specim. J. P. Lubec, стр. 309. — На печати Гедиминовой, кромѣ Ангеловъ, изображенъ человѣкъ сидящій на престолѣ и держащій въ правой рукѣ корону, а въ лѣвой скипетръ, съ подписью: Sigillum Ged. Dei grac. Lethwinor. et Ruthenor. Reg.

(280) Въ *Новог. Лѣт.*: «пріѣхаша послы изъ Литвы, братъ Гедиминовъ, Воинъ, и Полотскый Князь Василій и Миньскый Князь Ѳеодоръ Святъ-

славичь, и докончаша миръ съ Новгородци и съ Нѣмци» (Ливонскими). О Россійскихъ частныхъ Князьяхъ въ тогдашней Волыніи см. Длугош. кн. IX, стр. 1088.

Случаи сего времени, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи: Въ 1319 году, Дек. 11, родился у Князя Ивана Даніиловича сынъ Данило. — Въ 1320, Мая 30, скончались Князья Борисъ Даніиловичь (погребенный въ Владимірѣ, въ церкви Богоматери) и Ростовскій Юрій Александровичь. Жители выгнали изъ Ростова нѣкоторыхъ злыхъ Татаръ. Женились (по *Никон. Лѣт.*) Князь Александръ Михайловичь и Константинъ Михайловичь Тверскіе; вторый въ Костромѣ, и былъ вѣнчанъ въ церкви Св. Ѳеодора. Приходилъ (по *Никонов. Лѣт.*) изъ Орды въ Владиміръ Узбековъ посолъ Байдера и сдѣлалъ много зла. — Въ 1321, Іюня 26, въ 3 часу дня, было затмѣніе солнца: «и бысть яко молодъ мѣсяцъ двою день, и по единомъ часѣ паки наполнися.» Зимою преставился Ярославскій Князь Давидъ, сынъ Ѳеодора Чернаго. Александру Михайловичу Тверскому (по *Никон. Лѣт.*) родился сынъ Левъ. — Въ 1323 умерла Царица Узбекова Баялынь. Апрѣля 21 убили въ землѣ Болгарской (или Казанской) за Вѣру Спасителеву какого-то Христіанина Ѳеодора (названнаго въ *Никон. Лѣт.* Іерусалимскимъ гостемъ и Философомъ). Преставился (по *Никон. Лѣт.*) бывшій Тверскій Епископъ Андрей въ своемъ монастырѣ на Шещи у Св. Богородицы, а на другой день Епископъ Варсонофій отпѣлъ его въ храмѣ Спаса и положилъ въ малой церкви Введенія. Совершена въ Твери каменная церковь Св. Ѳеодора, созданная и богато украшенная какимъ-то Цареградскимъ Игуменомъ Іоанномъ. — Въ 1324 достроена Новгородская кам. церковь Христова и освящена Архіеп. Давидомъ. Ханъ Узбекъ (по *Никон. Лѣт.*) посылалъ Князей воевать Литву; они возвратились съ плѣномъ. — Въ 1325, Февр. 5, преставился Новогород. Архіеп. Давидъ и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи, подлѣ Климента. На его мѣсто избрали Новгородцы бывшаго Юрьевскаго Архимандрита Моисея, жившаго тогда въ обители Св. Богоматери на Коломнѣ. «Взведоша его на сѣни» (т. е. въ домъ Архіепископскій)... «и поѣха къ Митрополиту ставиться на Москву, и привезоша при немъ Князя Великаго Юрья изъ Орды.» Была (по *Никон. Лѣт.*, великая засуха. — Въ 1326, Марта 30, Князю Іоанну Даніиловичу родился сынъ Іоаннъ. Во Вторникъ на Вербной недѣлѣ возвратился въ Новгородъ Архіепископъ Моисей. «Авг. 28 (въ Новѣгородѣ) загорѣся на *Бояни* улкѣ и погорѣ до половины Рогатици, а Славкова улица отъ Дмитрія Св. и до поля, и церквы (церковь) Св. Климента сгорѣ.» Постриглась (по *Никон. Лѣт.*) Великая Княгиня Марія: не супруга ли Димитрія Михайловича? — Въ 1327, Іюля 4, родился у Князя Іоанна Даніиловича сынъ Андрей. Архіепископъ Новгород. Моисей построилъ церковь Рождества Богоматери въ *Десятинѣ*.

(281) См. *Троицк.* и *Никон. Лѣт.* О состояніи Орды см. Абульгази Hist. des Tatars.

(282) См. ниже, примѣч. 302. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Ханъ далъ Іоанну, кромѣ Великаго, еще *многія* иныя Княженія: какія же?

(283) См. *Степен. Кн.* I, 419, и *Никон. Лѣт.* Св. Петръ началъ жить въ Москвѣ или съ 1326 года или еще ранѣе. Онъ скончался Декабря 20. Его погребалъ Ѳеодосій Епископъ Луцкій. — Прохоръ, Епископъ Ростовскій, освятилъ церковь Успенія въ 1327 году, Авг. 14. — Ѳеогностъ пріѣхалъ изъ Царяграда въ 1328 году. Въ *Никонов. Лѣт.*: «иде изъ Кіева въ Володимерь и въ славный градъ Москву къ Чудотворцеву гробу Петрову, и въ его дворцѣ нача жити.»

(284) «Новогородци послаша отъ себе Ѳеодора Колесницу къ Царю.»

(285) См. Синод. Лѣтоп. подъ No 349, л. 60, и *Никон. Лѣт.* — Въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна: «посла Князь Иванъ (въ 1328 году) свои послы, а Новогородци отъ себе Владыку Моисея,» и проч. Тамъ говорится только объ одномъ посольствѣ къ Александру. Іоанновъ посолъ въ другихъ лѣтописяхъ названъ Бояриномъ Лукою Протасьевымъ.

(286) Въ *Псков. Лѣт.*: «того же лѣта, *еще при Князѣ Александрѣ*, Шолога Посадникъ съ Псковичи и съ Изборяны поставиша градъ Изборескъ на горѣ на Жоравьи;» а въ другихъ лѣтописяхъ (Синодал. библ. No 349, л. 60): поставиша Изборескъ *каменъ* городокъ на Жеравѣ горѣ.»

(287) Въ *Псков. Лѣт.*: «а хоженія его (Іоаннова) отъ Новагорода до *Опоки* три недѣли, не хотя разгнѣвати Псковичь.» Нынѣшній городъ *Опочка* совсѣмъ не на пути отъ Новагорода ко Пскову: здѣсь говорится о другомъ мѣстѣ. — Далѣе: «Александръ отъиде въ *Литву* (не въ Ливонію), а Княгиню свою ту оставивъ. Тогда бяше во Псковѣ туга и печаль... Зане бяше Александръ добротою и любовію по сердцу Пьсковичемъ.»

(288) Въ лѣтописяхъ: «вложи окаянный врагъ Діаволъ *злую* мысль Княземъ Рускымъ взыскати Князя Александра,» и проч.

(289) «Того же лѣта (1229) убиша въ Юрьевѣ Новогородскаго посла, Ивана Сыпа... Той же зимы Князи Устюжскіе избиша Новогородцевъ, кои быша пошли на Югру.»

(290) См. *Псков. Лѣт.* Въ *Новогород.*: «Плесковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду, посадили себѣ Князя Александра изъ Литовскія рукы... Въ то же время (въ 1331 году) пріидоша послове изъ Плескова отъ Князя Александра и отъ Гедимина послове, и отъ всѣхъ Князей Литовскыхъ къ Митрополиту, и приведоша Арсенія, хотяще его поставити... Пострижеся въ Скиму Архіеп. Моисей (въ 1330 году) по своей волѣ, и много молиша его Новгородци, дабы сѣлъ пакы на своемъ столѣ, и не послуша, нъ благослови весь Новгородъ, сице рекъ: изберите мужа достойна... Новгородци же пребыша безъ Владыки 8 мѣсяць, и взлюбиша Григорія Калѣку, Іерея бывша Свв. Козмы и Даміана на Холопіи улици, и повелѣша ему пріяти Ангельскій образъ, мѣсяца Генваря, и нареченъ бысть Василій... Пріидоша (въ 1331 году) послове отъ Митрополита изъ Волынской земли, Ѳедоръ и Семенъ, на Страстной недѣли, зовуще Василія къ Митрополиту на поставленіе... Мѣсяца Іюня, на память Рожества Іоанна, пойде къ Митрополиту, а съ нимъ Бояре Кузьма Твердиславль, Варѳоломей Остафьевъ, Тысячкого сынъ, и пакы пришедшимъ имъ въ Володимерь Волынскій, и створиша праздникъ свѣтелъ, и поставиша его на память Св. Апост. Тита. Тогда явись на небеси звѣзда свѣтла надъ церьковію... Постави его Ѳеогностъ; а Владыкъ тогда бѣ Григорій Полотьскій, Аѳанасій Володимерскій, Ѳедоръ Галицкій, Марко Перемышлевскый, Іоаннъ Холмовскый... Арсеній съ Плесковичи посрамленъ бысть, и прочь пойде на Кіевъ на память Симеона Столпника. А Василій въ тожe время пойде съ своими Бояры. Яко пришедшу ему къ Черьнѣгову, и ту пригнася Князь Ѳедоръ Кыевскій съ *Баскакомъ Татарскимъ* въ 50 человѣкъ разбоемъ, и Новогородци остерегошась, и сташа доспѣвъ противу; мало ся зло не учини промежу ими: а Князь въспріемъ срамъ, побѣже прочь; а отъ Бога казни не убѣжа: помроша бо у него кони. А Владыка пойде на Брянескъ, и



333

пріиде въ Торжокъ на память Св. Акепсимы, и ради быша Новоторжци; а въ Новѣгородѣ печальни быша, зане же вѣсти не баше, нъ вѣсть баше сица: яко Владыку Литва изымали, а дѣти его избиша... Приде Владыка въ Новгородъ мѣс. Дек. на память Св. Потапіа, въ день Недѣльный, при Князѣ Иванѣ, при Посадницѣ Варѳоломеи, при Тысячскомъ Остафіи.» — Въ *Воскресен. Лѣт.*: «Владыка Василій пойде отъ Митрополита на Кіевъ вборзѣ, бояся Литвы. Митрополитъ же посла за Владыкою съ грамотою слугу своего, река: отпустилъ на васъ Князь (Гедиминъ) 300 Литвы, а велѣлъ поимати васъ. Они жь убѣжаша, и пріидоша подъ Черниговъ, и ту пригна Князь Ѳеодоръ Кіевскій... Даша Новгородци окупъ съ себе; а Ратслава, Протодіакона Митрополича, изымавъ въ Кіевъ повели, а чрезъ цѣлованье» (т. е. въ противность данной клятвѣ). — *Никон. Лѣт.* вымыслилъ, что съ Архіепископомъ было 600 человѣкъ; что Митрополитъ осыпалъ Князя Ѳеодора укоризнами за его разбой, и проч.

(291) Іоаннъ ѣздилъ къ Хану въ годахъ 1328, 1331 (вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ Тверскимъ), 1333, 1336 и 1339. Оставляемъ Князю Щербатову угадывать особенную причину каждаго путешествія. — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Вел. Князь Иванъ пріиде изъ Орды (въ 1232 г.) и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ *серебра за-Камскаго.*» О серебрѣ Сибирскомъ см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 88. — Далѣе: «Пріиде Князь Иванъ въ Торжекъ съ всѣми Князи Низовскими и съ Рязанскими, и присла въ Новгородъ, и сведе Намѣстникы, а самъ сѣде въ Торжку отъ Крещенія и до Сбора» (второй недѣли Вел. поста) «теряя волости Новгородскія. И послаша Новгородци послы... Архимандрита Лаврентіа, Ѳеодора Твердиславля и Луку Валѳромеева... и онъ не послушалъ, и пакы прочь пойде... Того же лѣта послаша Владыку Василіа къ Князю Великому съ мольбою, и пришедъ къ нему въ Переяславль съ Терентіемъ Даниловичемъ и съ Даниломъ Машкиничемъ, и даваша ему 500 рублей,» и проч. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Ханъ прислалъ тогда посла Сарачюка, съ коимъ Іоаннъ отправился въ Орду.

(292) «Тое же зимы (въ 1333) приведена бысть Князю Семену Ивановичу Княжна изъ Литвы, именемъ Литовскимъ Айгуста, и крестиша ю, и наречена бысть Настасіа; и бысть бракъ великъ на Москвѣ,» и проч. Щербатовъ думалъ, что Анастасія была дочь Кестутія Гедиминовича; но Стриковскій пишетъ, что Кестутій имѣлъ двухъ дочерей, выданныхъ имъ за Князей Мазовецкихъ. Въ *Польскомъ Титулярникѣ* названа Симеонова супруга дочерью Гедимина (см. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи Миллерово собраніе рукописей, бумажникъ подъ заглавіемъ Polonica).

(293) Въ *Воскресен. Лѣт.*: «Гедиминъ изыма ихъ на миру, и въ такой тяготѣ слово право дали сыну его Нариманту пригороды Новогородскіе въ вотчину и дѣдину.» Въ *Новогород. Лѣт.* нѣтъ о томъ ни слова.

(294) «Въ семъ же лѣтѣ (1333) вложи Богъ въ сердце К. Наримонту, въ крещеніи Глѣбу, и присла въ Новгородъ,» и проч. Далѣе: «и послаша Новогородци по него Григоріа и Александра... и пріиде въ Новгородъ м. Октября,» и проч. Въ прибавленіи къ нашимъ Родословнымъ Книгамъ находится слѣдующее: «Преставися К. В. Гедиминъ, и *по немъ сѣде на В. Княженіи* сынъ его другій, *Наримантъ*, и бысть тому брань съ иноплеменники, и впаде въ рудѣ ихъ; и въ то время бывшу Вел. Князю Ивану Даниловичу въ Ордѣ, и выкупилъ К. В. Нариманта у Татаръ, и отпустилъ его на В. Княженіе въ Литву. Онъ же, не дошедъ своя отчины, крестися по своему обѣщанію и нареченъ бысть Глѣбъ. И того ради братія его и вся земля Литовская не даша ему В. Княженіе, но сяде на ономъ братъ его Ольгердъ. Князь же Наримантъ отъиде въ Великій Новгородъ; взяша бо его Новгородцы на пригороды.» Сія повѣсть есть басня: Наримантъ никогда не бывалъ *Великимъ* Княземъ Литовскимъ, и еще *при жизни отца* господствовалъ въ Удѣлѣ Новогородскомъ. Ни Стриковскій, ни современные наши лѣтописцы не говорятъ также, чтобы Наримантъ былъ плѣненъ Татарами и выкупленъ Іоанномъ.

(295) См. *Новог. Лѣт.* — Умалчиваю о догадкахъ Кн. Щербатова.

(296) «Въ лѣто 6840 (1332) въсташа коромолници въ Новѣгородѣ и отъяша Посадничество у Ѳеодора у Ахмыла, и даша Захаріи Михайловичю, и пограбиша дворъ Семена Судокова, а брата его Селифонта села пограбиша... (въ 1335) Богъ не далъ кровопролитіа промежи братіею,» и проч. — Далѣе: «сташа прочая чадь (въ 1337) на Архимандрита Есипа, и сътвориша Вѣче, запроша Есипа въ церкви Св. Николы, и сѣдоша около церкви нощь и день кромольници стрегуще его: да аще кто подъ другомъ яму копаеть, самъ впадется вню.»

(297) Въ *Новогород. Лѣт.*: «Той же зимы В. К. посла рать на Двину за Волокъ, не помянувъ крестнаго цѣлованіа; и тамо посрамлени быша,» и проч. — Ниже упоминается о судебной десятинѣ: мы знаемъ, что во XII вѣкѣ Новогородскіе Епископы получали за нее 100 гривенъ изъ казны Княжеской (см. Т. II, примѣч. 267).

(298) «Пріиму смерть здѣ, что убо ми будеть и дѣтямъ моимъ?.... Лишени будуть Княженія своего.»

(299) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Александръ пойде въ Орду, а не укончавъ со Княземъ съ Великимъ.» По *Новогород.* и *Воскресен.* онъ поѣхалъ къ Хану въ 1337, а не 1338 году. — Въ *Никон. Лѣт.*: «а съ нимъ (съ Ѳеодоромъ изъ Орды) посолъ Авдулъ.» Въ *Воскресен.* здѣсь означенъ 1336 годъ. Въ первой лѣтописи сказано, что Александръ, по возвращеніи сына, ѣздилъ съ нимъ въ Тверь и пріѣхалъ назадъ во Псковъ: сего нѣтъ въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ.

(300) «Господине вольный Царю! аще много зла сотворихъ ти, но пріидохъ къ тебѣ или смерть или животъ отъ тебе пріяти, како тебѣ Богъ извѣститъ: на все есмь готовъ. Аще по своему Царскому величеству даси ми милость, благодарю Бога и твою милость. Аще ли смерти предаси мя, достоинъ есмь смерти, и се глава моя предъ тобою есть,» и проч. — Далѣе: «Князь Александръ пріиде изъ Орды во Тферь, а съ нимъ послы (по *Троицкой*) Киндыкъ и Авдуля.»

(301) Александръ говоритъ о Константинѣ: «се есть при кончинѣ нашей наставникъ и собратель отчинѣ нашей, о немъ же утвердишася люди» (см. *Никон. Лѣт.* IV, 167). Бывшее горестное состояніе Твери описано такъ: «Костянтинъ Мих. и Василій Мих. съ матерію ихъ и съ Боляры пріидоша во Тферь препочивше отъ великія печали, и сѣдоша во Тфери въ велицѣ нищетѣ и убожествѣ, понеже вся земля пуста, и быша пустыни насилія ради Татарского; и начаша по малу збирати люди и утѣшати, и во св. церквахъ пакы начинашесь пѣніе.»

(302) Онъ былъ внукъ Андрея, большаго брата Александру Невскому. См. въ Синодальн. библіот. лѣтопись XV вѣка въ листъ подъ No 349, л. 226, гдѣ сказано даже, что Царь Узбекъ раздѣлилъ Великое Княженіе между Іоанномъ и Алексан-

ромъ Васильевичемъ, утвердивъ Владиміръ за послѣднимъ. «Царь Озбякъ подѣлилъ имъ Княженіе: Князю Ивану Даниловичю Новгородъ и Кострому, а Суздальскому Князю А. В. Володимерь и Поволожье: и княжилъ полтретья года. Сій Князь Александръ изъ Володимеря Вѣчьный колоколъ Св. Богородици возилъ въ Суждаль, и колоколъ не почалъ звонити, якоже былъ въ Володимерѣ; и видѣ Александръ, яко съгрубилъ Св. Богородици, и повелѣ его пакы везьти въ Володимерь; и поставиша его въ свое мѣсто, и пакы бысть гласъ, яко же и преже богоугоденъ. И по смерти сего Александра пойде въ Орду К. В. Иванъ къ Царю *Албугу* (Узбеку же): онъ же его пожаловалъ, и вдасть ему Княженіе Великое надо всею Русскою землею, яко же и праотець его Великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичь.»

(303) См. *Повѣсть о Св. Сергіи въ Никонов. Лѣт.* IV. 204: «Наста насилованіе много, сирѣчь Княженіе Великое Московское досталось Ивану Даниловичю, купно же и Ростовское къ Москвѣ. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и Княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть, и имѣніе, и честь, и слава; и потягнуша къ Москвѣ, и изыде повелѣніе В. К. Ивана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкій Воевода единъ отъ Вельможъ, именемъ Василій, прозвище Кочева, и съ нимъ Миняй. Егда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ Ростовецъ Москвичемъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе... Толико дерзновенія надъ Ростовомъ содѣяша, яко и Епарха градскаго старѣйшаго Бояріна, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша и возложиша на ня руцѣ свои, и оставиша поругана, точію жива.» — — Василій Давидовичь, внукъ Ѳеодора Черпаго, названъ зятемъ Іоанновымъ въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 603. Въ Родословныхъ Книгахъ: «У В. К. Василіа (Ростовскаго) дѣти Князь Ѳеодоръ, да Князь Константинъ, а женился К. Константинъ у В. К. Ивана Даниловича Московскаго (въ 1328 году); а оттолѣ Ростовскихъ Князей родъ пошелъ надвое: Князю Ѳеодору досталася Стрѣтенская сторона, а Константину Борисоглѣбская сторона.» Ѳеодоръ Васильевичь скончался въ 1331 году, Марта 28.

(304) Сія свобода Бояръ доказывается слѣдующими мѣстами, находящимися въ духовной Іоанна Даніиловича и договорной грамотѣ его внука, Димитрія Ивановича, съ братомъ (см. ниже, или въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 56 и 77): «1) далъ есмь Борису Ворькову, *аже* иметь сыну моему которому служити, село будеть за нимъ; не иметь ли служити, село отоимуть. — 2) А который Бояринъ поѣдеть изъ кормленья отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ.» — Въ Родословныхъ Книгахъ, въ описаніи рода Левашовыхъ: «Пріѣхалъ изъ Нѣмецъ во Псковъ Нѣмчинъ Доль, а отчина его была городъ Вдовъ (Виндау) и съ тѣмъ и во Псковъ пришелъ, да и крестился во Псковѣ, а во крещеніи имя ему Василей, да поставилъ во Псковѣ церковь Василей Святый у Трупорѣховскихъ воротъ, а изо Пскова пріѣхалъ во Тверь къ Князю Александру Михайловичю, и былъ во Твери у Александра знатный Бояринъ.»

(305) Въ *Новогород. Лѣт.*: «ходи К. В. Иванъ въ Орду, *его же думою* приславше Татарове позваша Александра, Василіа Давидовичь Ярославскаго и всѣхъ Князей въ Орду.» Въ *Никон. Лѣт.*: «Царю Азбяку много клеветаша *нѣцыи* на Князя Александра, и уши Царевы наполниша многіе горести. Царь же Азбякъ, призвавъ единаго отъ слугъ своихъ, именемъ Истрочея, и глагола: иди въ Русь, и призови ми Князя Александра,» и проч. А Татищевъ пишетъ, что Александръ, будучи въ Литвѣ и въ Нѣмецкой землѣ, многимъ тамошнимъ Вельможамъ обѣщалъ дары и не сдержалъ слова; что они поѣхали къ Хану и старались оклеветать сего Князя.

(306) Въ *Новогород. Лѣт.*: «Александръ послалъ бѣ прежде себе въ Орду сына своего Ѳеодора, чаа оттолѣ вѣсти; и присла по него Царь, и пойде въ Орду.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Ѳеодоръ извѣстилъ отца о гнѣвѣ Ханскомъ, но что Александръ на все рѣшился. Тамъ же: «мати же его и Бояре, и гости, и *Житейскіе мужи* унимаша его много.» Имя *Житейскіе* означало то же, что *люди Житьи* или прежде *Огнищане* въ Новѣгородѣ (см. Т. V, примѣч. 56 и 106). Далѣе: «братъ его, Князь Василей Михайловичь, съ Бояры и слугами проводиша его до Святославля поля,» и проч.

(307) «Князь *Романчукъ* Бѣлозерскій.» Князь Щербатовъ думалъ, что это не имя, а прозваніе или отчество; но *Романчукъ* есть уменьшительное *Романа*, такъ же, какъ *Василько Василія*, и проч. «У Романа Михайловича, пишетъ Щербатовъ, было по Родословнымъ два сына, Ѳеодоръ и Василій:» нѣтъ, въ Родословныхъ сказано, что Романъ умеръ бездѣтенъ, а Ѳеодоръ и Василій были сыновья брата его, Ѳеодора Михайловича. Отецъ Романовъ въ 1277 году женился на теткѣ Василія Давидовича Ярославскаго, дочери Ѳеодора Черпаго.

(308) Въ *Троицк.*: «и разоимани быша по съставомъ.» — *Никон. Лѣт.*: расплодилъ описаніе послѣднихъ минутъ Александровыхъ, сообразуясь съ повѣстію о кончинѣ отца его; именуетъ двухъ убійцъ сего Князя Беркаиомъ и Черкасомъ, и проч.

Сыновья Іоанновы Симеонъ, Иванъ, Андрей, пріѣхали къ Хану въ началѣ осени, а Князь Тверскій былъ казненъ въ исходѣ Октября. — Въ *Никон. Лѣт.*: «Бояре у слуги, вземше тѣлеса ихъ, повезоша на Русь: и срѣте ихъ въ Володимерѣ Митрополитъ, и пѣвше надъ ними надгробное пѣніе, отпустиша ихъ. Братія же Князь Константинъ и Василей срѣтоша ихъ въ Переславлѣ, тоже и Гаврилъ Епископъ Ростовскій и Ѳеодоръ Епископъ Тверскій, и тамо надгробное пѣніе совершиша, и отпустиша во Тверь; и тамо у Св. Михаила срѣтиша ихъ граждане, и вземше ихъ на главы своя, понесоша во градъ, и внесоша въ церковь Св. Спаса. Мати же его, и братія, и Княгиня его съ дѣтьми, и весь градъ плакащась горько. И тако Тверское Княженіе доконца опустѣ,» и проч. Гробы сихъ Князей уже неизвѣстны. — Въ *Никон. Лѣт.* К. Стародубскій Ѳеодоръ названъ Іоанновичемъ, а въ Родослови. Книгахъ Михайловичемъ: «у Князя Ивана Всеволодича» (дяди Александра Невскаго) «сынъ Иванъ Калистратъ, а Княжь Ивановъ сынъ Князь Михайло, а у Князя Михаила сынъ Князь Ѳеодоръ, прозвище ему *Благовѣрной*, убитъ въ Ордѣ отъ Царя.»

(309) См. *Никон. Лѣт.*

(310) Далин. Gesch. des Schw. R. II, 314, 326, и Райнальд. Annal. Eccl. г. 1320, No 10. Пишутъ, что Новогородцы въ тотъ же походъ отняли стадо лосей у Шведскихъ Лапландцевъ, которые собралися близъ Каппивара (Käppivare) на горѣ, обливъ ее водою въ жестокіе морозы; пустили оттуда множество бревенъ на Россіянъ и побили великое число людей. — Папа Іоаннъ пишетъ къ своимъ Легатамъ: Infideles pagani, Carelli videli-

334

cet et Rutheni, regnis Norvegiæ, Sueciæ ac Gociæ propinqui, adeo regna ipsa, præsertim Norvegiæ prædictum sibi vicinius, et degentes Christocolas in eodem per rapinas, incendia, strages varias, captiones, incarcerationes, depopulationes, et tam locorum sacrorum, quam aliorum dirutiones, et alios, incursus hostiles multiplices hactenus, и проч.

(311) Сей трактатъ выписанъ Бишингомъ изъ Датскаго Архива и напечатанъ въ Histor. Magaz. III, 177. Отъ имени Новагорода *цѣловали крестъ* Архіепископъ Моисей, Посадникъ Варѳоломей и Тысячскій Евстафій (Borgravius Olphormoy и Dux Asthaphius), о коихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ сего времени (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 178 и 179). Слѣдующія мѣста достойны замѣчанія: «Въ возстановленіи древнихъ границъ полагаемся (мы Новогородцы) на Бога и на совѣсть Короля Магнуса... Гости или купцы Норвежскіе могутъ свободно ѣздить въ Новгородъ и Санлокъ (Sanlœcke), котораго жители участвуютъ въ семъ мирѣ... Переводчикомъ трактата былъ Вернкинъ... Писано въ Новѣгородѣ 1326 года, Іюня 3.» — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Той же зимы (1337) Корела, подведши Нѣмецъ, побиша Русь, Новогородцевъ много и Ладожанъ гостей, и кто жилъ Христіанъ въ Корелѣ; а сами побѣжали въ Нѣмецьскый городокъ, и потомъ много посѣкоша Христіанъ изъ Нѣмецскаго города. — Той же весны (1338) ходиша Новогородци съ Посадникомъ Ѳеодоромъ въ Неву, и стояша подъ Орѣховымъ съсылающеся послы съ Воеводою Нѣмецскимъ съ Стенемъ, и не бысть миру, но такъ възвратишась Новогородци въ Новгородъ. Воеваша Нѣмци съ Корелою много по Обонѣжію; послѣди же и Ладогу пожгоша, пригонивше посадъ; нъ города не взяша. Потомъ ходиша молодци Новогородстіи съ Воеводами и воеваша Городецскую (Выборгскую) Корелу Нѣмецкую, и много попустошиша земли ихъ, и пріидоша вси здравіи. Того жь лѣта приходиша Нѣмци изъ городка воевати на Толъдогу (близъ Ладоги), оттолѣ идяху на Вотскую землю» (гдѣ нынѣ Ораніенбаумъ) «и не взяша ничто же: остерегли бо ся бяху, и пакы вышедъше Копорьяне съ Ѳедоромъ Васильевичемъ, и биша я, и убиша ту Михаила Копорьянина, мужа добра, а подъ Ѳедоромъ конь раниша; а они вышли бяхуть вмалѣ... Той же зимы присылаша послы изъ Нѣмецка городка изъ Выбору о миру въ Новгородъ отъ Петрика Воеводы, рекуще, яко Князь Свѣйскій того не вѣдаетъ, что учинися розмиріе съ Новымгородомъ, нъ то полѣзлъ Стень Воевода о своемъ умѣ. Новогородци же послаша Козму Твердиславичь и Олександра Борисовичь посольствомъ, и привезоша миръ, по тому, что докончали съ Вел. Кн. Юрьемъ въ Невѣ; а про Коболитьскую Корелу послати къ Свѣйскому Князю. — Послаша Новогородци (въ 1339 году) Кузму Твердиславля и Олександра Борисовичь съ другы, а отъ Владыкы сестричича его Матьѳеа за море къ Свѣйскому Князю посольствомъ, и наѣхаша его въ Мурьманской земли въ городѣ въ Людвли (см. Далин. Gesch. Schw. II, 350), и докончаша миръ по старымъ грамотомъ,» и проч.

(312) Рясна есть нынѣ село между Могилевымъ и Мстиславлемъ. Осѣчену надлежало быть тамъ же. Въ описаніи древней Россіи имена сихъ двухъ городовъ стоятъ рядомъ (см. *Воскр. Лѣт.* I, 22).

(313) «Мало ихъ бѣ осталося, а то вси помроша гнѣвомъ Божіимъ.»

(314) «Ко Князю же Ивану послаша Селивестра Волошевичь и Ѳедора Аврамова съ выходомъ (Ханскою данію). Князь же присла послы свои, прося другова выхода: а *еще дайте ми запросъ Царевъ, чего у мене Царь запрошалъ.*»

(315) «Того же лѣта пріиде ратью съ Татары Князь Дмитрей Брянскій къ Смоленску на Князя Ивана Александровича, и бившась много, и взяша миръ.» — Щербатовъ признаетъ сего Димитрія братомъ Іоанна, т. е. Александровичемъ, ссылаясь на Родословныя Книги; но это сомнительно. Лѣтописи упоминаютъ только о двухъ сыновьяхъ Александра Глѣбовича, Василіи и Іоаннѣ (см. *Никон. Лѣт.* III, 108). Въ печатной Родословной Книгѣ (II, 43) сказано: «*Пришелъ* изъ Смоленска Князь Александръ Глѣбовичь; у него 3 сына: *Дмитрей*, Володимеръ, *Иванъ*. Дмитрей да Володимеръ *были Воеводы* у Великаго Князя *Дмитрея на Дону.*» Сіи Александровичи, вышедшіе въ Москву съ *отцемъ* около временъ Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельнаго Смоленскаго Князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 году (см. *Никон. Лѣт.*)

(316) Увидимъ, что любимый сынъ Гедиминовъ, по смерти отца изгнанный братьями, искалъ убѣжища въ Смоленскѣ.

(317) О Князьяхъ Ѳоминскихъ сказано въ Родословныхъ Книгахъ, что они происходятъ отъ Константина Юрьевича, коего отецъ, Князь Юрій Святославичь Смоленскій, въ 1404 году изгнанъ изъ своего владѣнія Гедиминовымъ внукомъ, Витовтомъ, и что сынъ Константиновъ, Ѳеодоръ, женился на второй супругѣ Симеона Іоанновича, сына Калитина, по разводѣ ея съ Великимъ Княземъ. Это явная нелѣпость: могъ ли Ѳеодоръ Константиновичь жениться около 1350 года, когда *дѣдъ* его въ XV вѣкѣ княжилъ въ Смоленскѣ? Что Ѳоминскіе выѣхали изъ Смоленска, тому вѣрю; но не сынъ Юрія Святославича былъ ихъ родоначальникомъ, когда о сихъ Князьяхъ упоминается еще въ 1340 году. — Князья Друцкіе должны быть потомками древнихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. — Иванъ Ярославичь *Юрьевскій* безъ сомнѣнія происходилъ отъ Всеволода III, хотя и не знаемъ, отъ чьего колѣна. Святославъ Всеволодовичь и сынъ его Димитрій княжили въ Юрьевѣ около половины XIII вѣка; наслѣдники Димитріевы неизвѣстны.

Въ лѣтописяхъ: «Князь Великій послалъ же свою рать съ Товлубьемъ къ Смоленску по Цареву повелѣнью, а отпустилъ» — слѣдуютъ имена Князей — «а съ ними Воеводу Александра Ивановича и Ѳеодора Акинѳовича; и стоявши рать у Смоленска не много дней, и отступивъ пойде прочь; милостію же Божіею съблюдена бысть вся рать Руская, и ничимъ же невредима.» Только въ *Никон. Лѣт.* сказано, что соединенные Князья Россійскіе, *Мордовскіе* и Татары выжгли посады Смоленскіе, разграбили села, и проч.

(318) Іоаннъ скончался въ 1340, а не въ 1341 (см. *Лѣт. Новогород.* и *Троицк.*). Лѣта сего В. Князя знаемъ единственно по тому, что отецъ его родился въ 1261, а старшій сынъ, Симеонъ, былъ въ 1333 году семнадцати лѣтъ.

(319) Въ *Степенной Книгѣ* I, 406: «Злодѣйственныхъ разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своея.» — Въ словѣ о житіи Димитрія Донскаго, въ его время сочиненномъ, сказано: «Бысть внукъ православнаго Князя Ивана Даниловича, *събрателя Русской земли.*»

(320) «Того жь лѣта (1339) убьенъ бысть Князь Козельскій Андрей Мстиславичь отъ своего братанича, отъ Пантелеева сына, отъ окаяннаго Василья мѣс. Іюля въ 23.» По Родословн. Книгамъ у Михаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, а у Мстислава Андрей, или Андреянъ; первымъ же Козельскимъ Княземъ названъ Іоаннъ

Титовичь, внукъ Мстислава Карачевскаго. О Пантелеймонѣ не упоминается.)

«Царь послалъ (Товлубія) ратью къ Смоленску, а съ нимъ Князь Иванъ Коротополъ Рязанскій; и пріидоша въ Переяславль въ Рязанскій, а Князь Александръ Михайловичь Пронскій пошелъ былъ въ Орду ко Царю съ выходомъ, и стрѣтивъ его Коротополъ, има его, да пограбилъ, а самаго привелъ въ Переяславль, и ту убьенъ бысть Кн. Александръ отъ своего брата.» (Князь Щербатовъ называлъ Александра *Михайловича* сыномъ Кира Михаила Пронскаго, современника Всеволода III: въ такомъ случаѣ Александръ имѣлъ бы около *ста тридцати лѣтъ!*)... «Тое же зимы злые коромольницы Брянци, сшедшеся Вѣчемъ, убиша Князя Глѣба Святославича Дек. въ 6 день; бѣ же въ то время въ Дебрянскѣ и Митрополитъ Ѳеогностъ, и не возможе уняти ихъ.» Сей Глѣбъ Святославичь долженъ быть сыномъ Святослава Глѣбовича (забытаго здѣсь Щербатовымъ) и двоюроднымъ братомъ Іоанна Александровича Смоленскаго. Въ Брянскѣ княжилъ Димитрій (см. выше, примѣч. 315): увидимъ его и послѣ тамошнимъ Княземъ.

(321) См. *Ядро Рос. Исторіи*. Я нашелъ *современное* свидѣтельство сего Іоаннова прозвища. Въ Синодальной библіотекѣ подъ No 551, въ четв. листа, есть харатейный Требникъ съ слѣдующею подписью Ѳеогноста Митрополита: «Книга рекомая Потребникъ переведена съ моей келейной книги Греческой, зовомыя Эвхологіонъ, на Рускій языкъ, по прошенію моему грѣшному, по повелѣнію же Великаго Князя Іоанна Даниловича, по реклу *Калиты;* и азъ грѣшный Ѳеогностъ сію книгу сводилъ съ своею, съ нея же велѣлъ переводити, и она во всемъ добра и право переведена: того дѣля и рукою моею грѣшною на сей книгѣ написалъ есми въ лѣто отъ створенія міра 6837, а отъ по плоти Рождества Христова 1329, Мѣсяца Августа въ 27 день.» Признаюсь однакожь, что сія подпись кажется мнѣ сомнительною, то есть, новѣйшею временъ Ѳеогностовыхъ. — Въ нѣкоторыхъ историческихъ рукописяхъ сказано, что калита, носимая Іоанномъ, была ему подарена Ханомъ.

Изъ Прибав. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года: Но въ той же книгѣ, и тою же рукою, которою она писана, во второмъ столбцѣ 97 листа, находится слѣдующая, уже несомнительная припись: «Въ лѣто отъ созданія міра 6837 году, а отъ по плоти Рожества Бога Слова въ лѣто 1329 году, повелѣніемъ благочестиваго Великаго Князя Ивана Даниловича, по реклу Калиты, по совѣту же во духовномъ чину и по благословенію отца его и богомолца Ѳеогноста Митрополита Грека, кныга сія, рекомая Евхологыонъ, или по просту по Русы Потребникъ, новопреведеся з Греческаго языка на Русскы языкъ, з Греческаго писменнаго древняго Евъхологіона или Потребника, его же привезе собою смирены Митрополитъ Ѳеогностъ Грекъ, сего же вышеписаннаго году, и написася сія кныга, рекомая Потребникъ, съ переводу на бѣло въ славу единаго Бога, во Троицы славимаго, Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.» — За симъ, подъ знакомъ трехъ крестовъ, написано: «Хорони твердѣ; огорожайся часто образомъ креста, складываючи три палца первыя, а два послѣднія пригнувъ добрѣ, иниче протягнувъ, клади на чело, на пупокъ, на правое плечо да на лѣвое, з доброю памятію, мыслячи на немъ распята за тобе, и тако не посмѣянъ будеши Дьяволомъ, и онъ стыдомъ пойдотъ прочь отъ тобя. Тако ся всегда огорожай; а я помощъю креста и кныгы ся написалъ.» (Сообщено отъ Г. Калайдовича.)

(322) «Въ лѣто 6841 (1333) Князь Великій созда церковь камену на Москвѣ Св. Архангела Михаила, одинного лѣта и почата и кончана, а священа бысть Ѳеогностомъ Митроп. священьемъ великимъ Сент. въ 20 день.» Отецъ и братъ Іоанновъ, Георгій, по сказанію Лѣтописцевъ, были погребены также въ храмѣ Св. Михаила, но въ деревянномъ. Далѣе: «Въ лѣто 6837 (1329) Маія 21 основана бысть на Москвѣ церковь камена во имя Св. Ивана Лѣствичника (въ *Никон.: еже есть подъ колоколы*); того жь лѣта и свершена и священа бысть Сент. въ 1 день.» На мѣстѣ ея находится славная колокольня Ивана Великаго. — «Того жь лѣта создана бысть церковь во имя Св. Апостола Петра поклоненью честныхъ его веригъ на память отца Максима. — Въ лѣто 6838 (1330) Мая въ 10 день Князь Великій заложи церковь камену во имя Св. Спаса Преображенья близъ сущу своего двора, и нарече быти ту монастырю... И приведе перваго Архимандрита, именемъ Ивана, мужа сановита суща, разумна же и словесна сказателя книгамъ, иже за его добродѣтель поставленъ бысть Епископомъ Ростову... Глаголютъ же нѣціи отъ древнихъ старецъ, яко первѣе бѣ Князь Данило Александровичь сію Архимандритію имѣяше у Св. Даніила за рѣкою,» и проч. Въ *Степен. Книгѣ* прибавлено слѣдующее: «Древній же монастырь Даниловскій и погостъ и села и все наслѣдіе вручи Вел. Князь Архимандриту Св. Спаса, да вкупѣ оба монастыря подъ единымъ началомъ устрояются. Многымъ лѣтамъ минувшимъ, старый монастырь Даниловскій оскудѣ нерадѣніемъ Архимандритовъ Спасскихъ, яко ни слѣду монастыря познаватися; токмо едина церковь оста, и прозвася мѣсто то *сельцо Даниловское*. Монастырь же Св. Спаса пребысть на Царскомъ Дворѣ до лѣтъ Вел. Князя Ивана Васильевича. Сей Самодержецъ паки изъ града Москвы переведе той монастырь и постави на новомъ мѣстѣ надъ Москвою рѣкою, на горѣ Крутицѣ обонъ-полъ, отъ древняго яко зрѣймо едино, иже нынѣ зовома есть великая обитель *Спасъ на Новомъ;* во градѣ же на Дворѣ Царскомъ у церкви Христова Преображенія устроенъ бысть Соборъ мірскихъ Іереевъ и Протопопство.» См. выше, примѣч. 189. Въ *Степен. Книгѣ* I, 408: «во едину отъ нощій почивающу ему (Іоанну) на ложѣ своемъ, внезапу поторжеся цѣпь у двери ложницы его, и глаголъ слышася: *се старецъ пріиде!* а не видѣ никого же глаголющаго, и уразумѣ Вел. Князь, яко сбыстся ему прорѣченіе Чудотворца Петра, и скоро воставъ, оставляетъ вся, и въ монастырь отходитъ Преображенія, въ немъ же и Мнишескаго образа сподобися воспріяти, и съ миромъ къ Богу отыде.»

Въ лѣтописяхъ: «На туже зиму, Ноября 25 (г. 1339), заложенъ градъ Москва дубовый, а кончаша на весну въ Великое говѣнье.» — Въ *Троицк.*: «погорѣ (въ 1331 году) Мая въ 3 день городъ *Кремникъ* на Москвѣ.» И такъ названіе Кремля не есть Татарское, и происходитъ отъ *кремня; Дѣтинцемъ* же называли внутреннюю крѣпость, или замокъ отъ имени *Дѣтскихъ* (см. Т. I, примѣч. 510) или Отроковъ, коимъ поручалась ея защита. — Второй пожаръ былъ въ 1337 году, Іюня 13; церквей сгорѣло 18. О голодѣ сказано въ *Троицкой:* «въ лѣто 6840 (1332) бысть меженина велика въ землѣ Руськой, дороговь и гладъ хлѣбный и скудота всякаго жита; сію жь дороговь нѣціи глаголють *рослую рожь:*» не для того ли, что сжатая рожь *проросла* въ копнахъ отъ дождей?

(323) Такъ говоритъ Діаконъ Тимоѳей Каменевичь-Рвовскій въ сочиненіи о древностяхъ Россійскихъ, писанномъ его собственною рукою и хранящемся въ Синодальной библіотекѣ подъ No 529, кн. I, Т. 2, л. 517. Вотъ точныя слова его: «На устіи славныя Мологи рѣки древле были торги

великіе, даже и до днiй грознаго Господаря Василія Васильевича Темнаго, усмирившаго Русскую землю всю отъ разбоевъ правдою скиптродержавства своего, и во время его, прежде Шемякина суда, бывшаго на него Государя (см. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 338), сребро съ торговъ тѣхъ въ пошлинахъ сбирали и вѣсили. Пріѣзжали торговать купцы многихъ государствъ Нѣмецкихъ и Польскихъ, и Литовскихъ, и Грецкихъ и Римскихъ — глаголютъ же и Персидскихъ и иныхъ земель. И тогда во премногихъ ямахъ Холопскихъ (городка Холопьяго) и Моложскихъ товары своя драгія тѣ иностранные купцы и гости клали, и питія преузорочная и красная виноградная и прочая сокровища вся содержали и надъ ними торговали. Нынѣ же то наше купечество Моложское раздѣлися по инымъ торгамъ, къ славному городу Архангельскому, тажь и на Свинскую предбывшую славную ярманку, потомъ и Желтоводскую (Макарьевскую), и въ весь Ехонскую, и на Тихвину Новгородскую и по инымъ; той же Моложской превеликой и первой старой торгъ разно разыдеся. Рѣка же та великая Молога полна судовъ была въ пристани своей на устіи широкомъ, яко по судамъ тогда безъ перевозовъ преходили люди рѣку ту Мологу и Волгу на лугъ Моложскій, великій и прекрасный, иже иматъ во округъ свой 7 верстъ. Сребра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ или по 70,000 (рублей?) и болши собираху въ казну Вел. Князя, яко же бывшіи тогда въ память свою намъ о семъ повѣдаша, яже отъ отецъ своихъ слышаша. Тогда же на Мологѣ 70 кабаковъ винныхъ и питій всякихъ было; торговали же безъ розъѣздовъ по четыре мѣсяцы всѣ купцы и гости.» — Каменевичь писалъ въ 1699 году, слѣдуя древнему преданію. Онъ былъ родомъ Москвитянинъ, а жилъ въ Угличѣ. Герберштейнъ (Rer. Moscov. Comment. стр. 42 и 57) еще упоминаетъ о славной ярмонкѣ Холопьяго городка (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 458).

(324) Въ родословной Годуновыхъ сказано, что Захарія выѣхалъ при Митрополитѣ Ѳеогностѣ, а крестилъ его Петръ Митрополитъ: но Петра уже не было на свѣтѣ, когда пріѣхалъ Ѳеогностъ въ Россію. — Въ Родословныхъ Книгахъ: «Ѳеодоръ Бяконтъ пришелъ изъ Чернигова къ Вел. Князю Ивану Даниловичу, да былъ у него Бояринъ, и Москва за нимъ была; а у него 5 сыновъ: большой Алексѣй Чудотворецъ,» и проч. Нѣтъ: сей Вельможа былъ въ Москвѣ еще при отцѣ Іоанновомъ (см. ниже, примѣч 367).

Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 310 и 312: «Того же лѣта (1332) по званію Великаго Князя Іоанна пріиде къ нему нѣкто отъ Кіевскихъ благоплеменныхъ Вельможъ служити, Родіонъ Несторовичь, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же Княжата и Дѣти Боярскія и двора его до тысящи и до семи сотъ. Князь же Великій пріятъ его съ радостію, и даде ему Болярство на Москвѣ и устави ему надо всѣми большинство, и даде ему въ вотчину пол-Волока Ламскаго, а другая бысть половина Новогородская. По лѣтѣ же единомъ Родіонъ сосла Посадника Новогородскаго Микулу и приведе весь (Волокъ) къ Великому Князю. Великій же Князь даде ему села въ область кругъ рѣки Восходни на 15 верстахъ. Въ тѣ же поры бысть на Москвѣ Болярин Акинѳъ Гавриловичь, и не восхотѣ быти подъ Родіономъ въ меньшихъ, и отбѣжа во Тферь. и съ нимъ дѣти и внуцы его, а меньшаго своего внука остави во дворѣ своемъ, и найдоша его въ челяднѣ: бѣ бо 3 дни какъ родился; того ради прозваша его Михайло Челядня ... Того же лѣта (1333) Князь Тферскій отъя у Великаго Князя волость Вьюлки отъ Переяславскаго города, понеже наученъ бысть Акинѳомъ... Того же лѣта (1337) подведе рать многу Акинѳъ на Вел. Князя подъ Переяславль и осади его во градѣ: бѣ бо тогда Іоаннъ со *Княгинею* въ Переяславлѣ, а граду малу сущу и не тверду. Акинѳъ же стоя 3 дни, и не возможно бяше Вел. Князю собрати войска. Въ четвертый же день приспѣ Родіонъ съ войскомъ, и посла къ В. Князю отъ своихъ домочадецъ вѣрныхъ Свербея и Сарачю, и идоша нощію во градъ сквозѣ полки Тферскія, и сказаша, яко Родіонъ приспѣ и ста отъ града за 5 верстъ, а съ нимъ его Дворъ и иніи вои, мало число... Іоаннъ же тое же нощи отосла къ Родіону Сарачю, а Свербея у себя остави, и повелѣ заутра ополчася пріити созади на Тферичь, а самъ заутра же высла весь свой Дворъ ... и соступишася, а Родіонъ приспѣ созади на Тферичь; и бысть сѣча зла, и поможе Богъ Великому Князю ... а самого Акинѳа Родіонъ рукама своима уби, и главу его, взоткнувъ на копіе, привезе къ Іоанну, и рекъ: *се, Господине, твоего измѣнника, а моего местника глава.* Вел. Князь Боярина своего одаривъ и почтивъ, рече, яко подобаетъ ти и всегда у мене начальникомъ быти.» Сія повѣсть есть новѣйшая вставка въ Ростовскую лѣтопись. Сраженіе съ Акинѳомъ подъ городомъ Переславлемъ было не въ 1337, а въ 1304 (см. выше, стр. 106). Тогда Іоаннъ не былъ еще Великимъ Княземъ. Въ 1337 году и супруги его уже не было на свѣтѣ (см. ниже). Но главное происшествіе вѣроятно, и Квашнины, потомки Родіоновы, описываютъ оное въ своей челобитной, поданной ими въ 1576 году Царю Іоанну Васильевичу, говоря, что Акинѳъ бѣжалъ отъ Калиты къ Князю *Михаилу Ярославичу* Тверскому (убіенному въ 1319 году). Сія челобитная находится въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, въ Миллеровомъ собраніи рукописей, въ бумажникѣ подъ заглавіемъ: *древнѣйшія дипломатическія извѣстія* No 13.

(325) «На туже зиму (лѣта 6839), Марта 1, преставися Княгиня Великая Иванова, именемъ Елена, въ Черницѣхъ и въ Скимѣ, и положена бысть въ церкви Св. Спаса.» Сія грамота (напечатанная въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, I, 31) писана въ 1328 или 1331 году (см. выше, примѣч. 291, и *Воскр. Лѣт.* II, 302 и 306), то есть, прежде Елениной кончины, но уже во время Іоаннова Великокняженія: ибо на приложенной къ ней серебряной, вызолоченной печати (съ изображеніемъ Іоанна Предтечи и Спасителя) вырѣзаны слова: «печать *Великаго* Князя Ивана.» Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: «А изъ городскихъ волостей даю своей Княгинѣ *осмничее*, а тамгою и иными волостьми» — т. е. иными доходами городскихъ или *Московскихъ* волостей — «подѣлятся сынове мои. Тако же и мыты, который въ которомъ уѣздѣ, тѣ тому; а оброкомъ медовымъ городскимъ Васильцева вѣданья подѣлятся сынове мои.» О сборѣ *осмничемъ* упоминается нѣсколько разъ въ завѣщаніяхъ Княжескихъ; на примѣръ, въ духовной Димитрія Донскаго (см. Т. V): «Тамга изъ двою моихъ жеребьевъ Княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина, а *осмничее* мои два жеребья Княгинѣ моей.» Въ чемъ состоялъ сей доходъ, не знаемъ: по тому я назвалъ его общимъ именемъ *оброка*. Далѣе: «А *численыя* люди, а тѣ вѣдаютъ сынове мои собча ... а что мои люди купльныи въ великомъ свертцѣ» — т. е. описанные въ большомъ сверткѣ — «а тыми ся подѣлять сынове мои.» Въ договорной грамотѣ Димитрія Донскаго съ братомъ его Владиміромъ сказано: «а *численыхъ* людій блюсти ны съ одиного, а *земель ихъ* не *купити*.» Симъ именемъ означались люди свободные и владѣльцы. — Далѣе: «Два

чума золота:» отъ сего стариннаго имени ковша остались теперь слова *чумакъ, чумичь, чумичка.* — «Поясъ съ *каnторгами:*» родъ застежекъ. — «Блюдо *ѣздиньское*, два блюдца меньшіи... *Коць* великій съ бармами:» не *коверъ*, какъ думалъ Кн. Щербатовъ, а мантію Княжескую (см. выше, примѣч. 43). — «*Бугай* соболій съ наплечки... Два кожуха съ *аламы* съ жемчугомъ.» *Аламами* назывались наплечки съ застежками. — Въ имени Марьи стерлись нѣкоторыя буквы; видно только М — Р — Ѣ. — Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дьяка* въ смыслѣ Секретаря, у Грековъ названіе Diakonos, у Скандинавовъ Diækne, означало слугу, школьника.

(326) Свинцовая маленькая печать привѣшена къ Княжеской: на ней изображены два треугольника съ звѣздочками, а на другой сторонѣ, кажется, буквы Татарскія. Она могла быть чиновника Ханскаго или Баскакова. — И Переславль Залѣсскій считался городомъ Великокняжескимъ, а не Московскимъ: по тому взялъ его Димитрій Константиновичь Суздальскій, сдѣлавшись въ 1360 году Великимъ Княземъ. — Іоаннъ, сверхъ Коломны и Можайска, отдалъ Симеону волости Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковець, Лѣвичинъ, Скульнѣвъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ (можетъ быть, на *Севѣ рѣкѣ*) въ Похрянскомъ Уѣздѣ, Констянтиновское, Орининское, Островское, Копотенское, Микульское, Малоховское, Напрудское у города (Москвы) — сыну Ивану Кремичну, Ѳоминское, Суходолъ, Великую свободу (слободу), Замощьскую, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободку, Скирминовское, Тростну, Нѣгучу, село Рюховское, Каменичьское, Рузьское, Бѣлжинское, Максимовское, Андреевское, Вяземское, Домонтовское, село въ Замошской свободѣ, Семцинское — сыну Андрею Нарунижское, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевъ, село Талежское, Серпуховское, Колбасинское, Нарьское, Перемышльское, Битяговское, Труфоновское, Ясеновское, Коломнинское, Ногатинское — а Великой Княгинѣ Сурожикъ, Мушкину гору, Радонежское, Бѣли, Ворю, Черноголовль, на Ворѣ свободку Софроньевскую, Вохну, Дѣйково, Раменье, Данилищову свободку, Машевъ, Сѣлню, Гуслицу, село Михайловское, Луцинское, Радонежское, Дейгунинское, Тыловское, Ротожь, Протасьевское, Аристовское, Михайловское на Яузѣ, два села Коломенскія. Многія изъ сихъ деревень или селъ извѣстны и нынѣ подъ тѣми же именами. — Далѣе: «А опрочь Московскихъ селъ даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское въ *Новѣгородѣ* на Улалѣ, другое въ *Володимери* Борисовское; а что есмь купилъ село Петровское и Олексиньское, Вседобричь и Павловьское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ... а селця на Масѣ, что есмь купилъ у Афинея, то даю сыну своему Ивану; а что есмь купилъ село Варварьское и Мѣловьское у Юрьева, что есмь смѣнилъ на Матвеищовьское село, то даю сыну своему Андрею; а что село Павловское, бабы нашее купля, и новое селце, что есмь купилъ, и Олександръ Святый» (такъ называемое селеніе) «что есмь купилъ на *Костромѣ*, то даю Княгини своей; а что есмь купилъ село въ *Ростовѣ* Богородическое, а далъ есмь Бориску Ворькову... А что есмь прикупилъ селце на Кержачи у Прокофья у Игумна, другое Леонтіевское, третье Шараповское, а то даю Св. Олександру (монастырю) собѣ въ поминанье.» Не только Новогородцы, но и Князья Удѣльные не хотѣли, чтобы другіе покупали села въ ихъ областяхъ. Такъ въ договорной грамотѣ Донскаго съ братомъ сказано: «а селъ ти не купити въ моемъ Удѣлѣ» (см. *Рос. Вивліоѳ.* I, 98). Сихъ духовныхъ грамотъ Іоанновыхъ двѣ; въ одной прибавлено о купленныхъ селахъ; впрочемъ все тоже, отъ слова до слова.

(327) Донскій въ завѣщаніи своемъ говоритъ: «а сына своего Юрья благословляю *куплею* своего *дѣда*, Галичемъ — а сына Андрея куплею же дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ — а сына Петра куплею же своего дѣда, Углечемъ Полемъ» (см. *Рос. Вивліоѳ.* I, 103). — Константинъ Галицкій былъ родный братъ Александра Невскаго. — Въ 1339 году вмѣстѣ съ Александромъ Тверскимъ ѣздилъ въ Орду еще независимый Князь Романъ Михайловичь Бѣлозерскій.

У меня есть такъ называемый *Лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря, что у Соли*, въ коемъ находятся слѣдующія обстоятельства: «Въ 1332 году выѣхали изъ Орды всѣ Князья Русскіе, и К. Семену Ивановичу досталась въ удѣлъ Кострома съ Галичемъ. К. Семенъ черезъ годъ умеръ: сынъ его Ѳеодоръ взялъ Галичь, а другой сынъ Андрей Кострому. Послѣдній женился на дочери *Ветлужскаго* Князя, Никиты Ивановича Байбороды. Братья, ссорясь между собою, ѣздили мириться къ Вел. Князю Кіевскому, также и къ Московскому, который любилъ К. Ѳеодора. Въ то время Печерскій Игуменъ Даніилъ возвратился изъ Іерусалима и далъ своего ученика, Аѳанасія, Князю Ѳеодору. Среди глубокихъ лѣсовъ, близъ Чудскаго озера на рѣкѣ Костромѣ, гдѣ жилъ пустынникомъ знатный Тверитянинъ Гавріилъ, они построили великолѣпную церковь и монастырь Воскресенія. Тамъ К. Ѳеодоръ скончался Инокомъ, оставивъ сына, именемъ Андрея, съ коими воевали дядя его, К. Андрей Семеновичь, и Ветлужскій Никита Ивановичь, нанимая Луговую Черемису, Ногаевъ, Казанцевъ; имъ помогали также Суздальскіе Воеводы, племянники Ветлужскаго или Хлыновскаго. Они въ 1375 году разорили монастырь Воскресенскій, умертвивъ Иноковъ,» и проч. Это новая сказка. Князьями Галича были, послѣ Константина Ярославича, сынъ его Давидъ, внукъ Иванъ, правнукъ Димитрій, изгнанный оттуда Димитріемъ Донскимъ: ни Семена, ни Ѳеодора, ни Андрея, ни Ветлужскихъ, ни Хлыновскихъ Князей не бывало, и Владѣтели Галицкіе не могли тогда судиться въ Кіевѣ.

(328) Сія грамота не была нигдѣ напечатана: для того включаю оную здѣсь.

«Се азъ Князь Василей Давыдовичь Ярославскій докончалъ есмь съ Архимандритомъ съ Пиминомъ про домъ Св. Спаса по дѣда своего грамотѣ, пожаловалъ есмь что людей Св. Спаса въ городѣ и въ селѣхъ, урекль есмь имъ на годъ два рубля давати, а не надобѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни восмничее, ни бобровое, ни стану не чинятъ въ селѣхъ Спаскихъ, ни дворскаго не емлютъ, ни иного ничего не емлютъ, ни становщикъ не въѣздитъ ни о чемъ же, ни *Бегеули* мои» (приставы: слово Татарское) «не имаютъ людей Спаскихъ въ сторожу, ни въ корму; а судьи мои вси, Намѣстници и Тіуни не шлютъ Дворянъ своихъ по люди Св. Спаса, но шлютъ ко Игумену, а Игуменъ шлетъ по нихъ своихъ людей. А что будетъ судъ Спаскимъ людемъ съ моими людми, пріѣхавъ моему судьи въ монастырь, судити ему со Игуменомъ въ правьдѣ по цѣлованію; а вина, посулъ и пересудъ на полы, до моего ли дойдетъ, до Спаскаго ли; а что учинится между Спаскими людми бой, или татьба, или душегубство, или самосудъ, то все судитъ Игуменъ, и вину емлетъ въ домъ Св. Спаса; а нашимъ судьямъ не надобѣ, ни Дворяномъ; а кого перезоветъ Игуменъ изъ

иные волости, то люди Св. Спаса, а мнѣ ся нихъ не вступати; а кто будетъ людей моихъ Св. Спаса въ половницы (въ работникахъ), ать потягнутъ ко мнѣ данью и виною, до кого что дойлетъ, а Игумену ся не вступати; а что торгованіе на домъ Св. Спаса, крылошаномъ и Черицомъ, тамга, ни восмничее не надобѣ; а перевозъ и рѣки бобровые, а то по давной пошлинѣ; а дому Св. Спаса блюсти ми, самому не обидѣти и въ обиду не давати. А далъ еемь домъ Св. Спаса на руцѣ отцу своему, примыслитъ ли, умыслитъ ли; а черезъ сю грамоту кто посягнетъ на домъ Св. Спаса, и милости Св. Спаса не буди на немъ.» Подлинная грамота скрѣплена черною восковою печатью.

Въ рукописномъ собраніи Двинскихъ грамотъ (см. выше, примѣч. 206) есть двѣ Калитины: въ одной сказано: «Се язъ К. В. пожаловалъ есмь сокольниковъ Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жилу съ други: не надобѣ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути; а что у нихъ третники и наймиты, кто стражетъ на готовыхъ конехъ, а въ кунахъ» — кто работаетъ на готовыхъ коняхъ, но за деньги — «и тѣмъ не надобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути, ни биричь ихъ не поторгывать» — не вызывать ихъ чрезъ бирючей — «не надобѣ ни кормъ, ни подвода.» Въ другой: «Отъ В. К. отъ Ивана, отъ Посадника Данила, отъ Тысяцкого Аврама, и отъ всего Новагорода къ Двинскому Посаднику на Колмогоры и къ Бояромъ къ Двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходить на море въ двадцати человѣкъ. А вы, Бояре Двинскіе, не вступайтеся въ гнѣздные потки, ни въ мѣста; а погостъ Кергольскій и Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ, како то было при моихъ дядьяхъ, и при моемъ братѣ при старѣйшемъ,» и проч.

Разные случаи Іоаннова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе; Въ 1328 году, Сент. 7, преставился Ростовскій Епископъ Прохоръ; на его мѣсто поставленъ Антоній. Юрьевъ Нѣмецкій обратился въ пепелъ; *каменныя палаты* разрушились, и въ домахъ сгорѣло Нѣмцевъ 2580, а Россіянъ 4 человѣка. (По *Никон. Лѣт.* умеръ Тверскій Епископъ Варсонофій, и было въ Новѣгородѣ землетрясеніе). — Въ 1329 «безъ Князя и безъ Новогородцевъ загорѣся Ондрешковъ дворъ въ Плотническомъ Концѣ и погорѣ до Св. Ѳеодора; и на той же недѣли погорѣ Илiина улица мало не вся, и Лубяница, и церкви Св. Спаса и Св. Луки.» (По *Никон. Лѣт.* въ 1330 году умеръ сынъ Узбековъ Темиръ, который убилъ *Загорскаго* Царя; отецъ весьма объ немъ печалился. Царь Узбекъ далъ милостивую грамоту Сарайскому Епископу. Убитъ Великій Князь Ординскій Асанъ. Была засуха. Василій Михайловичь Тверскій женился въ Брянскѣ. Митрополитъ въ Владимірѣ Волынскомъ поставилъ Тверскаго Епископа Ѳеодора). — Въ 1331 Новогород. Архіеп. Василій заложилъ кам. стѣну отъ церкви Св. Владиміра до церкви Богоматери и Бориса и Глѣба. (По сказанію *Никон. Лѣт.* было затмѣніе солнца). — Въ 1332 Новогородцы смѣнили Посадника Захарію и выбрали на его мѣсто Матѳея Коску. — Въ 1333 Новогород. Архіеп. Василій «Св. Софею сторону свинцемъ поби, и великый крестъ обнови на Св. Софіи и своложы сна сторону, и городъ (ограду) каменны постави.» Митрополитъ Ѳеогностъ возвратился въ Россію изъ Константинополя и изъ Орды. — Въ 1334 Архіеп. Василій покрылъ сдѣланную имъ ограду Софійскую. Руссовъ въ своей Ливонской хроникѣ пишетъ, что около сего времени Магистръ Ордена, Эбергардъ, нападалъ на землю Россійскаго Князя Сатата (Satates), друга Гедиминова, и воевалъ со Псковитянами, въ такую холодную зиму, что одинъ изъ его Рыцарей сказалъ: «если бы я былъ Римскимъ Королемъ, то отдалъ бы половину моего Королевства за теплую горницу.» Князя Сатата не знаемъ. Вѣроятно, что сія война Псковитянъ съ Орденомъ есть та самая, о коей въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается въ 1342 году. — Въ 1335 Владыка Василій заложилъ церковь Богоматери въ Звѣринцѣ, а бывшій Новогородскій Архіепископъ Моисей кам. церковь Св. Воскресенія на Деревяницѣ, основавъ при оной монастырь. Архіеп. Василій съ Посадникомъ Ѳеодоромъ Даниловичемъ, Тысячскимъ Евстафіемъ и со всѣми Новогородцами заложилъ кам. стѣну на другой сторонѣ Волхова отъ церкви Св. Иліи до Св. Павла. Сгорѣла Вологда, Витебскъ и Дерптъ. Архіеп. Василій и предмѣстникъ его довершили церкви Богоматери въ Звѣринцѣ и Св. Воскресенія. «Той же осени внесе ледъ и снѣгъ въ Волховъ, и вышибе 15 городенъ (свай) великаго мосту.» — Въ 1336 скончался Ростов. Епископъ Антоній, и на его мѣсто поставленъ Гавріилъ. Архіеп. Новог. Василій заложилъ, Іюня 25, кам. церковь Входъ въ Іерусалимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде теремецъ. Достроили новый мостъ черезъ Волховъ. Архіеп. Василій вновь *отынилъ* Софійскую церковь и сдѣлалъ въ ней *мѣдныя вызолоченныя двери*. Сгорѣли во Псковѣ всѣ дворы и церкви за городскою стѣною. — Въ 1337, Апрѣля 12, у сына Калитина, Симеона Іоанновича, родился сынъ Василій. Сгорѣлъ Торопецъ. Новогород. церковь Входъ въ Іерусалимъ, сооруженная въ 9 недѣль, была освящена 21 Сентября Архіеп. Василіемъ. Въ *Псков. Лѣт.*: «придѣлаша *перси*» (часть нынѣшняго укрѣпленія) «у дѣтинца, и путь простороннѣйшій створиша ко Св. Троици на городъ. Преставися Шолога Посадникъ Сент. 7.» — Въ 1338 бысть вода велика въ Волховѣ, якожь не бысть была такова николи же, по Велицѣ дни на третьей недѣли въ Среду, и снесе великаго мосту 10 городень; тогда же и Жилотужскій мостъ снесе, и сътворися зло много. Повелѣ Владыка Василій писати церковь входъ Іерусалима Исакію Гречину съ други, Маія въ 4. Дѣлаша мостъ новъ, что было вышибло, повелѣніемъ Владыки; самъ бо Владыка присталъ тому, и почалъ, и кончалъ своими людми, и много добра сътвори Христіаномъ. Преставись Архимандритъ Лаврентій Св. Георгія, и посадиша Іосифа.» (По *Никон. Лѣт.* Татары воевали Литву). — Въ 1339 «бысть знаменіе въ Новѣгородѣ Авг. 13 у Св. Лазаря отъ иконы Св. Богородицы на вечерни: изъ обѣю очію яко слеза течаху, и подставиша двѣ вощаници; наутрія же увѣдавше городъ весь, Игумени и Попове съ причетникы въ ризахъ съ кресты ходиша видѣти. Кончаша церковь Владычню пишуще. Окт. 5 погорѣ околотокъ отъ Св. Владиміра. (По *Никон. Лѣт.* было небесное знаменіе.) Въ *Псков. Лѣт.*: «заложена бысть церковь кам. Св. Архангела Михаила и Гавріила въ Городцѣ.»

(329) См. въ Эккарт. Corp Hist. medii ævi T. I. Хронику Іоанна Витодурана, стр. 1862, или въ Наруш. Hist. Narod. Polsk. V. 411: Causam adventus horum paganorum (Татаръ на Польшу въ 1341 году) aliqui aliter assignant, dicentes, quod Imperator Tartarorum duos paganos breviter ante ista tempora reges satis idoneos Ruthenis præfecerat, quibus successive ab eis per venenum extinctis, procuravit eis christianum Latinum (т. е. Болеслава Мазовскаго. . .) qui dum regni gubernacula per plura annorum curricula strenue gessisset, tandem cum numerum et ritum Latinorum illic multiplicasset, et hoc Ruthenis displicuisset, illum intoxi-

cabant per venenum tam fortem, quod dissiliit in plures partes.

Стриковскій называетъ мать Болеславову дочерью Льва Даніиловича, а Зиморовичь сестрою; второе совсѣмъ невѣроятно: ибо отецъ Болеславовъ, Тройденъ, родился послѣ 1279 года, а Даніилъ умеръ въ 1266 (см. Наруш. Hist. N. P. V, стр. XLII). Несравненно достовѣрнѣйшій *Архидіаконъ Гнѣзненскій* (см. его лѣтопись въ Зоммерсберг. Scriptoribus T. II, стр. 97), Писатель современный, говоритъ: Post (coronationem Casimiri an. 1333) non multo tempore mortuo magnifico Principe *Kazimiro*, dicto *Georgio*, totius regni Russiæ Duce, Troidem Dux Masoviæ (надобно читать: Boleslaus, Troydeni filius) qui *avunculo* suo in Ducato Russiæ successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat. Слѣдственно Болеславъ родился *отъ сестры Георгія*, и, какъ вѣроятно, дочери Андреевой; Георгій же, сверхъ Христіанскаго имени, могъ называться Славянскимъ *Казиміра*. Зиморовичь называетъ и жену Любартову Даніиловною; а Длугошъ удивительнымъ образомъ путаетъ, говоря о супругѣ Тройдена, Болеславѣ и Любартѣ: въ одномъ мѣстѣ пишетъ (кн. IX, стр. 1057), что первая была и Россіянка и дочь Гедиминова; что Болеславъ, умершій въ 1339 году, наслѣдовалъ Галицію уже по смерти дяди своего, Любарта, который однакожь въ 1349 году еще княжилъ въ Владимірѣ и Луцкѣ (Длугош. кн. IX, стр. 1087).

Объ условіяхъ, на коихъ граждане Львовскіе поддалися Болеславу, пишетъ Зиморовичь въ своемъ Triplici Leopoli (см. выше, примѣч. 202): Sola Leopolis a commilitonibus Leonis, Tartaris, Saracenis (Аравитянъ?), Armenis, cæterisque stipatoribus Principis mascule defensa, peregrinis dominis (Мазовшанамъ) portas clausit, nec nisi pactis initis patefecit, ut nimirum Boleslaus, titulo Ducis Russiæ in se sumpto, urbanam multitudinem indemnem ac immunem suis legibus et ritibus vivere permittet, a cimeliarcho Ducali, velut re sacra, manus cohiberet, nihilque in publicum sine comitiis centurialis ageret. Hujusmodi sponsionibus vinctus, Boleslaus Leopolim recepit.

О насиліяхъ Болеславовыхъ въ Галиціи см. Длугош. Hist. Polon. кн. IX, стр. 1058. Папа Іоаннъ, свѣдавъ о намѣреніи сего Князя принять Латинскую Вѣру, писалъ еще въ 1327 году къ его родственнику, Королю Польскому, чтобы онъ своими отеческими наставленіями утвердилъ Болеслава въ такомъ душеспасительномъ желаніи: «да отрасль твоего племени (говоритъ Іоаннъ) не будетъ отдѣленною отъ корня!» Въ Райнальд. Annal. Eccles. T. XV, г. 1327. No 49: Cum itaque sicut exultatione prægrandi nuper audivimus, nobilis vir *Boleslaus, Dux Russiæ*, pronepos tuus, qui ex ritus imitatione Græcorum ab universalis S. Romanæ matris Ecclesiæ unione dividitur, spiritum, Domino aspirante, conceperit ad unitatem ipsius Ecclesiæ redeundi, nec bene conveniat, ut ex tuæ, quod absit, degeneratione prosapiæ arbor discrepet a radice, rogamus excellentiam regiam, quantum affectuose possumus, et hortamur, te nihilominus in remissionem peccaminum obsecrantes quatenus præfatum Ducem, cui super hoc per alias nostras literas scribimus, quod relicto hujusmodi ritu erroneo redeat seu veniat in suæ salutis præmium ad ipsius Ecclesiæ unitatem, paternis et salubribus inducere monitis non omittas. Папа называетъ Болеслава Княземъ *Россійскимъ*: видно, что онъ при дядѣ своемъ, Георгіи, имѣлъ какой нибудь Удѣлъ въ Галиціи или въ Волыніи.

О завоеваніи Галиціи Казиміромъ, зятемъ Гедиминовымъ, въ 1339 году, пишетъ Длугош. кн. IX, стр. 1058: Rex castris et civitate Leopoliensi potitus, plura antiquorum Russiæ Principum, magni valoris in auro, argento, gemmis, lapidibusque clenodia et deposita illic reperiens, inter quæ duas cruces aureas, notabili portione ligni Dominici insignes, duoque diademata, lapides et graves censu uniones habentia, tunica et sella auro et gemmis superba, monstrabantur, in suum redigit ærarium.

О договорѣ Короля Польскаго съ Литовскими Князьями см. Кромера кн. XII, стр. 204. Они съ обѣихъ сторонъ условились тогда въ случаѣ распри прибѣгать къ посредничеству Короля Венгерскаго. Кромеръ видѣлъ сей договоръ въ Архивѣ Королевскомъ.

(330) Въ *Ростов. Лѣт.*: «и вси Князи Русскіе подъ руцѣ его даны.» Татищевъ пишетъ, что Ханъ училъ сыновей Калитиныхъ жить мирно, обѣщалъ имъ не принимать никакихъ доносовъ, и далъ ярлыкъ на Великое Княженіе, съ клятвою, что оно будетъ всегда достояніемъ ихъ рода.

(331) «И сѣде Князь Великій на столѣ въ Володимірѣ въ велицѣй Сборной церкви Св. Богородици на Великомъ Княженьи всея Руси.» — Договорная грамота сыновей Калитиныхъ хранится въ Архивѣ подъ No 3, но такъ истлѣла, что не льзя разобрать многихъ словъ, особенно въ срединѣ (*Собраніе Госуд. Грамотъ* I, 35). Въ ней сказано: «Цѣловали есмы межи собе крестъ у отня гроба быти ни за-одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны въ отцево мѣсто... А что есмы сступилися тобѣ на старѣйшинство, тобѣ полтамги... а молодшимъ двумъ полтамги; да тобѣ *соколничій путь, и садовници, да конюшій* путь... и *ловчій путь* то же» (здѣсь *путь* употребленъ въ смыслѣ *дохода* или сбора). Далѣе сказано, что если кто изъ братьевъ умретъ, то жена и дѣти наслѣдуютъ его имѣніе; что сами Князья вообще судятъ Бояръ или слугъ Московскихъ, а въ другихъ городахъ Намѣстники; что Бояре Симеоновы не должны покупать селъ въ Удѣлахъ братьевъ его, ни Бояре сихъ Князей въ Удѣлѣ Симеоновомъ. Далѣе: «а гдѣ ми (Симеону) будетъ всѣсти на конь, всѣсти вы со мною: а гдѣ ми будетъ самому не всѣсти, а будетъ ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья. Бояромъ и слугамъ вольнымъ воля. Кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ, къ Великому Князю, или отъ тобе къ намъ, нелюбья ны не держати. А что Олексѣй Петровичь вшелъ въ коромолу къ Великому Князю, намъ (Князю Ивану и Князю Андрею) къ собѣ его не пріимати, ни его дѣтій... воленъ въ немъ Князь Великій, въ его женѣ и въ его дѣтехъ. А тобѣ, Господине Князь Великій, къ собѣ его не пріимати же въ Бояре. А мнѣ Князь Ивану, что далъ Князь Великій изъ Олексѣева живота, того ми Олексѣю не давати, ни его женѣ, ни его дѣтемъ, ни инымъ ни чимъ не подмогати ихъ. На семъ на всемъ цѣловали есмы крестъ межи собе у отня гроба по любви въ правду. А туто были... Петръ Архимандритъ Московскій, Филимонъ Архимандритъ Переславскій, Василій..., Тысяцьскій, Михайло Олександровичь... Васильевичь, Василій Окатьевичь, Онанья *Окольнич*.... Иванъ Ми....»

Сія грамота есть древнѣйшая изъ писанныхъ на *бумагѣ*. Здѣсь въ первый разъ упоминается о чинѣ *Окольничихъ* (см. нашей *Исторіи* T. V, примѣч. 47).

(332) Въ *Новогород. Лѣт.*: «Князь Симеонъ насла на Тръжекъ дани брати, и почаша сильно дѣяти. Новотръжци же прислаша съ поклономъ въ Новгородъ, и послаша Матѳея Варѳоломеевичь и Терентея Даниловича съ братомъ и Варѳоломея, посадничя сына Остафьина, и Ѳедора Аврамова съ полкы, и шедше изымаша Намѣстниковъ Кня-



337

зя, Михайла Давыдовичь, Ивана Рыбкина сына, и борцей» (сборщиковъ дани) «Бориса Семенова сына, и жены ихъ и дѣти исковаша, и сѣдѣша мѣсяць въ Торжку, городъ утвердивше; а ко Князю послаша прежде того Кузму Твердиславля изъ Новагорода съ жалобою.» и проч. Далѣе: «видѣвше Новоторжци, оже нейдеть изъ Новагорода рать, въсташа чернь на Бояръ, и пакы ркуще: почто есте Новогородцевъ призвали, и они Княжи» (людей Князя) «изымали? а намъ въ томъ погыбнути — и скрутившесь въ броня, вымаша у Воеводъ Намѣстникы Княжи, и борци и жены ихъ, и Новогородцевъ выпроводиша; а Бояре Новоторжскіи прибѣгоша въ Новгородъ только душею, кто успѣлъ, а домы ихъ разграбиша и хоромы развозиша: а Семена Внучька убиша на Вѣчѣ, и села ихъ пуста положиша.» Въ *Троицк.*: «Тое же зимы бысть великъ съѣздъ на Москвѣ всѣмъ Княземъ Рускимъ, и пойде ратью къ *Торжку*, и взя *на нихъ черный боръ* Князь Великій Семенъ, а съ нимъ братъ его Князь Иванъ, Костянтинъ Суждальскій, Костянтинъ Ростовскій, Василей Ярославскій и вси Князи, и Өеогностъ Митрополитъ съ ними же.» Татищевъ вымыслилъ рѣчь, будто бы произнесенную Симеономъ въ собраніи Князей, о необходимости повиноваться Великому Князю, и проч. Въ *Новогород. Лѣт.*: «Къ Князю послаша Владыку и Аврама Тысяцкаго и съ ними Бояры, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ, на всей воли Новогородской, и крестъ цѣловаша, а Князю *даша боръ по волости* 1000 рублевъ, на *Новотръжцѣхъ*. И присла Князь Намѣстникъ въ городъ.» Въ *Ростов. Лѣт.*: «даша Вел. Князю черный боръ *по всѣмъ волостямъ Новогородскимъ*, *да* 1000 рублей *на Новоторжцѣхъ.*:» нѣтъ, всего 1000 рублей, какъ дань собираемую въ области Торжка съ черни, и для того названную *черною*. Грамота Василья Васильвича Темнаго объяснитъ намъ сію дань.

(333) Въ *Троицк.*: «Тое же осени, Окт. 1, пришедше самъ Олгердъ ратью къ Можайску... Тогды Руготу убили.» Можайскъ былъ прежде городъ Смоленскій, какъ извѣстно. — Въ *Никонов. Лѣт.* сказано, что Литовцы взяли *Тишиновъ*. — См. *Новогородск. Лѣт.* подъ годомъ 6849. Стриковскій, не имѣвъ вѣрныхъ источниковъ, уморилъ Гедимина еще въ 1329 году, сказывая, что онъ *убитъ изъ ружья* подъ городомъ Фридбургомъ. Длугошъ пишетъ, что Гедиминъ отдалъ Монтовиду или Монтвилу Керновъ и Слонимъ, Нариманту Пинскъ, Ольгерду Кревъ (сверхъ Витебска, наслѣдія жены его), Евнутію Вильну или столицу съ достоинствомъ Великаго Князя, Кестутію Троки, Корьяду Новогродокъ, а Любартъ остался Государемъ Волыніи, наслѣдственнаго достоянія его супруги (Hist. Pol. кн. X, стр. 60). Въ нашихъ лѣтописяхъ: «во всей бо братіи своей Олгердъ превзыде властію и саномъ, понеже меду и вина, и пива, и кваса кислого не піяше, велико воздержаніе имѣяше, и отъ того великоумство пріобрѣте и крѣпку думу, и могъ промыслъ притяжавъ, и таковымъ коварствомъ многи страны и земли повоева — и удержа себѣ власть велику; сице же ни единъ отъ братій его прослы, ни отецъ его, ни дѣдъ его.»

(334) Райнальд. Annal. Eccl. годъ 1338, No 74, 75, и г. 1340, No 75. Князья Аланскіе или Ясскіе пишутъ къ Папѣ: Hoc autem Sanctitati vestræ sit notum, quod longo tempore fuimus informati in fide Catholica, et salubriter gubernati et consolati plurimum per legatum vestrum, fratrem Ionnem Valentem, qui tamen mortuus est ante octo annos, in quibus fuimus sine gubernatore et sine spirituali consolatione. Папа Венедиктъ въ письмѣ своемъ къ Хану (Magnifico Principi Usbech, Imperatori Tartarorum) говоритъ: Lætanter et benigne recepimus dilectos filios, nobiles viros, Petranum de Lorto, olim Dominum de Capha, et Albertum, ejus socium, fidei Catholicæ proffessores, magnificentiæ tuæ nuncios, una cum dilecto filio Helym de Ungaria, Ordinis fratrum Minorum nuncio viri egregii Ducis Thynibec, primogeniti tui, ad nostram præsentiam destinatos... De encaeniis pro parte tua et ejusdem inclyti primogeniti, ac illustris Imperatricis, consortis tuæ, nobis per memoratos nuncios præsentatis, et a nobis gratanter mittentium consideratione receptis, excellentiae tuæ referimus gratiarum uberes actiones, и проч. — Въ *Троицк.*: «той же осени (въ 1341) умре Царь Озбякъ, а Чанибекъ бысть Царь и убилъ брата своего меньшаго Хидырбека... Въ лѣто 6850 (1342) Царь Чанибекъ убилъ брата своего большаго Тиньбека, а самъ сѣде на царствіи.» Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Тиньбекъ наслѣдовалъ престолъ Ханскій, а Чанибекъ убилъ его послѣ. — Въ Орду ѣздили тогда, кромѣ Симеона, Константинъ Суздальскій, Ростовскій и Василій Ярославскій. — Въ *Ростов. Лѣт.*: «Тое же зимы въ Великій постъ, на Средокрестной недѣли, Өеогностъ Митрополитъ пріиде изъ Орды къ Москвѣ, много же и пострадавъ во Ордѣ: обадиша бо его къ Царю, и емше мучиша его, глаголюще: давай дань полѣтнюю. Онъ же въ то не вдася, и положи посула 600 рублевъ.» Въ *Никон. Лѣт.*: оклеветаша Өеогноста нѣцыи Рустіи человѣціи, яко много имать дохода, и злата и сребра.» Тогда, какъ вѣроятно, Өеогностъ получилъ отъ жены Ханской, Тайдулы, слѣдующій ярлыкъ (см. *Рос. Вивліоѳ.* VI, 19): «По Чанибекову ярлыку Тайдулино слово Ординскимъ и Улуснымъ Княземъ... Отъ давныхъ добрыхъ временъ, что зовутся богомольцы и весь Поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ никоторые пошлины... Такъ молвя, Өеогноста Митрополита Царь пожаловалъ со алою *тамгою* (клеймомъ) ярлыкъ далъ; и мы, первыхъ ярлыковъ не изыноча, такожь молвя, Өеогносту съ *мишенемъ* (печатью) грамоту дали есмя (и проч.)... Заячья лѣта, Арама мѣсяца въ 8 Нова, въ Сараи Орда кочевала; а жалобу положилъ Таобо-Чаякъ, Хоча Мухтаръ; а Учугуй Корабчи писалъ.» Слѣдственно и Чанибекъ далъ въ сіе время ярлыкъ Митрополиту.

(335) Въ *Троицк.*: «Тогожь лѣта (1342) вышелъ на Русь, отпущенъ Царемъ изъ Орды, на Рязанское Княженье Князь Ярославъ Пронскій, а съ нимъ посолъ Киндякъ, и пріидоша къ Переяславлю, и Князь Иванъ Коротополъ бился весь день съ города, а на ночь побѣжалъ вонъ; и Киндякъ, войдя въ городъ, многихъ Христіанъ полонилъ, а иныхъ избилъ, а Князь Ярославъ сѣлъ въ Ростиславлѣ... «Того жь лѣта (1343) убіенъ бысть Князь Иванъ Коротополъ.» — Ярославъ Александровичь умеръ въ 1344 году, а братъ его Василій въ 1350.

(336) Въ *Псков. Лѣт.*: «Въ лѣто 6849 (1341) убиша Нѣмцы въ Лотыголѣ на селѣ на Опочнѣ Псковскихъ пословъ 5 мужъ, Михайла Любиновича, Еваня Михалковича, Семена Леонтьевича, Власія Колотиловича, Анфима Полутарановича на миру, и Псковичи ѣхавше, повоеваша Лотыголу о Князѣ Александрѣ о Всеволодичѣ Дек. 21: тогда бяшеть ему во Псковѣ на Княженьи; и Князь Александръ, учинивъ разратье съ Нѣмцы, разгнѣвася на Псковичь, и побѣже; и Псковичи ѣхавше по немъ съ поклономъ до Св. Пантелеймона и послаша съ поклономъ и до Новагорода, и отречеся; и Псковичи начаша кланятися Новугороду, чтобы дали имъ Намѣстника и помочь — и не даша. А Нѣмцы поставиша Новый городокъ на рѣкѣ на Пивжѣ на Псковской землѣ; и Псковичи въ то же время

ѣхавше въ малѣ дружинѣ за Нарову, взяша посадъ у Ругодива — и послаша къ Олгерду.» — О выше-упомянутомъ Князѣ Александрѣ сказано въ сей лѣтописи, что онъ названъ въ крещеніи *Юріемъ* и былъ сынъ *Лазаревъ*. — О Нейгаузенѣ, нынѣ простомъ селеніи, см. Гадебуша Liefl. Jahrbüch. Ч. 1, стр. 520. — О Нарвѣ см. Кельх. Liefl. Gesch. стр. 66. Вездѣ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ Нарва именуется Ругодивъ. — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Прислаша Плесковичи съ поклономъ: *«идеть на насъ рать Нѣметьскаа до-полна; кланяемся вамъ, господѣ своей: обороните насъ*. Новгородци же не умедляще пойдоша вборзѣ въ Великую Пятницу (въ 1342 году), а иные въ Субботу, а опчины» (общее имѣніе) «вси попечатавъ, и яко быша на Мелетовѣ, прислаша Плесковичи: *вамъ кланяемся; рати къ намъ нѣту,»* и проч. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Тое весны Псковичи поѣхаша въ лодьяхъ воевать о Ильѣ Посадникѣ въ рѣку Омоджу, и повоеваша села Нѣмецкая по обѣ стороны до городка до Могилева Маія во 2 день, и потомъ Филипъ Львовичь и Олферей Селковичь съ Порѣчаны. Того жь лѣта послаша ко Островичемъ» (жителямъ города Острова): «*хотѣли воевати Лотыголу;* и ятася Островичи, и срокъ соркоша, гдѣ соиматися, на Княжи селѣ на Изгояхъ. И выѣхаша Филипъ и Олферей, и съ ними охочихъ 60 мужъ. А Нѣмцы и Лотыгола такожь поѣхали воевати волости Псковскія, и срѣтошася на Княжи селѣ на Изгояхъ, Іюля въ 5 день, и бяше Нѣмецкія рати 200 и болѣ, а Островичи не приспѣша. Убиша на первомъ сступѣ Левовича, и бишася какъ солнце восходитъ и до полудни, и убиша Олферья, а съ нимъ 7 мужъ Псковичь... И отступиша, а Нѣмци и Лотыгола начаша провадитися за Великую рѣку съ *трупьемъ*» (тѣлами убитыхъ) «и приспѣша Островичи о Васильи Онисимовичь (тогды опять бысть ему Посадничество во Островѣ), и удариша, и абіе Нѣмцы и Лотыгола не успѣша ничтоже: овыхъ избиша, а иніи въ рѣцѣ истопоша; а кто переѣхалъ съ трупіемъ, а ти побѣгоша прочь, и трупія повергше. Того жь мѣсяца Псковичи пѣшцы молодые люди пойдоша воевать Занаровье 50 мужъ о Калекѣ, о Карпѣ о Даниловичѣ, а въ то время Нѣмцы переѣхаша Нарову и повоеваша села Псковская по берегу, и Карпъ со дружиною срѣтошася съ Нѣмцы съ Наровцы на Кутели у села на болотѣ, и сташа битися на память Рождества Іоанна Крестителя, и убиша Нѣмець на припорѣ 20 мужъ, и побѣгоша повергше полонъ и весь добытокъ... Такожь и Володша Строиловичь со Псковичи поѣхаша селъ Нѣмецкихъ воевати зимѣ по озеру по леду, и услыша, аже Нѣмцы воюютъ село Псковское Ремду, и Володша со дружиною удари на нихъ: овыхъ избиша, а иніи убѣгоша, а иныхъ во Псковъ приведоша и изсѣкоша. — Князь же Олигердъ послуша Псковскихъ пословъ, Якова и Іосифа, послаша во Псковъ Воеводу своего, Князя Юрія Витовтовича, а самъ, подъ имя брата своего, Кестуйта, и мужъ Литовскихъ и Видьблянъ» (жителей Витебска) «и пріѣха во Плесковъ, и приведе съ собою сына своего, Андрея: тако бо бяше ему имя молитвенное, а еще бѣ некрещенъ... И Олигердъ посласе Юрга Витовтовича къ Новому городку Нѣмецкому языка добывать; и Юрги подъимя Псковичь и Изборянъ, и поѣхаша на сумежье Авг. во 2 день, и срѣтошася съ великою ратью Нѣмецкою на Мекужитцкомъ поли у Мекужицѣ рѣчкѣ, и убиша о Юрги Князи Изборянъ и Псковичь 60 мужъ; самъ Юрги прибѣже въ малѣ дружинѣ въ Изборескъ. Назавтріе Нѣмцы пріидоша ко Изборску съ пороки и съ городы и со многимъ замышленіемъ... А Олигердъ и Кестуйтъ повелѣ Литовникомъ и Видъпляномъ и Псковичемъ бродитися за Великую рѣку, не вѣдаючи того — и сташа на Камнѣ; а Олигердъ посла своихъ людей въ сторожу, и они языкъ яша за Халалханомъ, и исповѣда силу Нѣмецкую; и Олигердъ повелѣ своимъ переброditися за Великую рѣку во Псковъ; и Псковичи перебродишася, блюдучи своихъ домовъ и женъ и дѣтей *отъ Литвы;* а самъ Олигердъ и братъ его осташася взади въ малѣ дружинѣ, и ѣхавше въ Грамское болото и нача перепытывати Нѣмецкія рати; а Любко Князь, сынъ Воиневъ, Полоцкаго Князя» (брата Гедиминова) «самъ-другъ отъѣхаше, и въѣхавше въ сторожевый полкъ въ Нѣмецкій не вѣдающе... И тако его убиша... Притужно бяше вельми Изборску, и послаша Изборяне гонца во Псковъ... И стояша Нѣмцы 5 дней, и воду отъяша отъ Изборянъ... И отъидоша посрамлени, пожегше пороки и весь запасъ свой; и потерпѣ Князь Гюрги, и Илья Борисовичь, и Володша Строиловичь, и *Борисъ Попъ*» (не самъ ли Лѣтописецъ?) «и иныхъ много за Св. Николу... И Псковичи много истомиша съ Олигердомъ, крестити его хотяще... И крестиша сына его Андрея у Св. Троицы въ Соборной церкви, и посадиша на Княженье, надѣючися помочи отъ Олигерда. Олигердъ же поѣха прочь съ Литовники своими; потроша хлѣбъ около Св. Троицы, и тоя зимы у Псковичь много скота и коней падоша, а помочи Псковичемъ никоея же не учиниша; и видѣвше то, и положше упованіе на Св. Троицу и на Всеволодову молитву и на Тимоѳееву (Довмонтову) и смиришася съ Новымгородомъ.»

(337) Первый сильный пожаръ въ Новѣгородѣ былъ въ 1340 году, Іюня 7. «Во Вторникъ на Троецкой недѣли загорѣся на Розважѣ улицѣ въ полѣ за Св. Ѳеодоромъ, погорѣ Неревьскій Конецъ до Св. Іакова, а сѣмо до Чюдинцевѣ улицѣ; и оттолѣ връжеся въ городъ, и погорѣ Дворъ Владыченъ и Св. Софіа, и Людинъ Конецъ и до Св. Алексѣа; а сѣмо и до Прусской улици. Тако бо бяше лютъ пожаръ съ бурею и съ вихромъ, яко мнѣти уже кончина; по водѣ огнь горя хождаше, и много людій истопи въ Волховѣ. И переврьжеся огнь чрезъ Волховъ, и до Вечерни погорѣ вся сторона отъ Ѳеодорова ручья въ Славной до поля. Кто что вынеслъ или на поле, или на огороды, или въ греблю, или въ лодьи, или въ учаны, то все поломянемъ взялося; а иное зліи человѣци разграбиша; а иныхъ надъ своимъ товаромъ побиша, и въ святыхъ церквахъ, идѣ же бы всякому Христіанину, хотя бы и свой домъ поврьга, а церкви постеречи... Церковь Святыхъ 40 Мученикъ, яже бѣ украшена иконами, и тканіемъ, и кованіемъ, и *крутою* (окладами), то все разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити: все поломянемъ взяся; и сторожа 2 убиша. А у Св. Богородици въ торгу Попъ сгорѣ; а иніи глаголють, убиша его надъ товаромъ, понеже церковь вся погорѣ, и иконы, и книгы, сего же ни власѣ огнь прикоснуся... А въ Св. Пятницѣ сторожь сгорѣ съ сыномъ; а церковь та падеся, а другая Св. Мученику Бориса и Глѣба на Подолѣ. Много людій погорѣ; а великій мостъ сгорѣ весь по воду; а изъ Св. Софіи не успѣша иконъ всѣхъ выносити. — Того же лѣта и Смоленескъ погорѣ весь въ ночь на Спасовъ день. Того же лѣта дѣлаша опять мостъ новъ чрезъ Волховъ. — Того же лѣта (1342) загорѣся въ Новѣгородѣ на Даньславѣ улицѣ, и погорѣ по берегу и до гребли, а въ городу до Свв. 40 и до Козмы и Дамiана; а церкви 3 сгорѣша: Св. Николы и Іакова каменаа; ту и сторожь сгорѣ, мужъ добръ Есипъ Давыдовичь; и третья Св. Георгія. Людіе же боящеся не смѣяху въ городѣ жити... По-

горѣ Славно (въ 1347) отъ Семенова двора отъ Бѣскова до Нутной улици . . . Въ нощи (въ 1348) загорѣся на Волосовѣ улицѣ на Преставленіе Ивана Богослова, и погорѣ улица Волосова не вся, Добрынина улица не вся же, а Пруская добрѣ горѣ и церковь Св. Богородицы огорѣ; Чюдинцева улица и до поля и Люгоща; церкви деревяныхъ сгорѣ 4; а первѣе того той же осени загорѣся *Фларевъ* (Св. Флора?) на Люгощѣ улицѣ, и сгорѣ церковь едина въ обѣдъ годъ» (во время обѣда). — Далѣе: «Изъ Новагорода тогда» (въ 1340) ходиша молодци воевати Устюжню, и пожгоша; нъ угонивше отымаша у лодейниковъ полонъ и товаръ. Потомъ и Бѣлозерскую волость воеваша.» Здѣсь въ первый разъ упоминается объ *Устюжнѣ;* она принадлежала Князьямъ Бѣлозерскимъ, тогда зависѣвшимъ отъ Великаго Князя. — О крѣпости построенной Бояриномъ на границѣ Эстоніи см. выше, примѣч. 206. — Далѣе: «Преставися (въ 1342 году) Варѳоломей Посадникъ, сынъ Юрья Мишинича, на память Св. Маркіана и Мартиріа, и положиша его въ отнѣ гробѣ у Свв. 40 Владыка Василій; а Лука Варѳоломеевъ, не послушавъ Новагорода и Митрополича благословеніа, скопивъ съ собою холоповъ збоевъ, и пойде за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлець, и скопивъ Емьчанъ» (не Ямь или Емь, а людей жившихъ на берегахъ рѣки Емцы) «и взя по Двинѣ всѣ погосты на щитъ; а сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу» (не Волгу). «Лука жь въ лву сту выѣха воевать, и убиша его Заволочане. И пріиде вѣсть въ Новгородъ — и всташа чръныи люди на Ондрешка, на Ѳедора на Посадника на Данилова — и пограбиша ихъ домы и села; а Ѳедоръ и Ондрешка побѣгоша въ Копорью городокъ, и сѣдѣша зиму всю и до Великаго говѣніа. Пріиде Онциферъ и би челомъ Новугороду на Ѳедора и на Ондрешка: *тѣ заслаша моего отца убити.* И Владыка и Новгородъ послаша Архимандрита Есипа съ Бояры въ Копорью по Ѳедора и по Ондрешка, и пріѣхаша, и ркоша: не думали есмы на брата своего на Луку, чтобъ его убити. И Онцифоръ съ Матѳеемъ възвони Вѣче у Св. Софіи, а Ѳедоръ и Ондрешка другое на Ярославлѣ Дворѣ; и посла Онцифоръ съ Матѳеемъ Владыку на Вѣче, и не дождавше Владыци, удариша на Ярославль Дворъ, и яша Матѳеа, Козму и сына его Игната всадиша въ церковь, а Онцифоръ убѣже съ своими пособники. Тожь бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ: ся сторона себѣ, а она себѣ, и Владыка съ Намѣстникомъ Борисомъ докончаша миръ.»

(338) О семъ Князѣ Евстафіи см. выше, въ описаніи 1323 года. — О войнѣ см. Руссова, Кельха и Арнта около 1345 года. Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Въ лѣто 6851 (1343) Маія въ 26, Псковичи со Изборяны подъяша всю область и поѣхаша воевать земли Нѣмецкія о Князѣ Иванѣ и о Изборскомъ Князѣ Остафьи и о Посадникѣ Володшѣ, и воеваша 5 дней и 5 ночей не слазячи съ коней, гдѣ не бывали отцы и дѣды — а Нѣмцы погнаша во слѣдъ, и нагониша за 2 поприща не доѣхавше Нового городка Нѣмецкаго на маломъ борку, и сташа Псковичи, помолившеся Св. Троицѣ и Всеволожи молитвѣ и Тимоѳеевѣ, и взяша прощеніе промежи себя, и рекоша: *братья мужи Псковичи! не посрамимъ отецъ своихъ и дѣдовъ! Кто старъ, то отецъ, а кто молодъ, то братъ: потягнемъ за Св. Троицу и за свое отечество!* И бысть сѣча велика Іюня 1, въ самый Троицынъ день; и на первомъ сступѣ убиша Кира Костянтиновича и Кормана *Постника*» (въ другихъ спискахъ: *Посадника*) «и Онтона, сына Посадника Ильина; и Богъ поможе Псковичемъ — и сташа на костяхъ. И убиша Псковичь на томъ бою 17 человѣкъ; а иніи безсоніемъ одурѣли, и тако блудячи по лѣсу, много ихъ погибло, а иные послѣ рати вышли . . . А въ то время Рудъ Попъ Борисоглѣбской, Лошоковъ внукъ, пригнавъ въ Изборескъ, исповѣда лихую вѣсть; такожь и во Псковѣ — и Псковичи отрядиша гонцемъ въ Новгородъ Ѳому Попа, Старосту Поповского: *Псковичи вси побиты, а вы, Новогородцы братья, загоните вборзѣ Псковъ перво Нѣмецъ.* Не отпускаючи (еще) Попа въ Новгородъ, послаша въ Изборескъ навѣдывать Якова Домашинича, Андрея Степановича, Жидила Шестькевичь, и пріѣхаша въ Изборескъ аже Псковичи подъ Изборскомъ въ станахъ стоятъ, опочиваючи.» Въ другихъ спискахъ сказано, что Посадникъ Данило также ушелъ изъ сраженія, *обрѣзавъ на себѣ брони.* Руссовъ въ своей Ливон. Хроникѣ пишетъ, что Россіяне хотѣли дымомъ и смрадомъ задушить Нѣмцевъ въ Маріенбургѣ, и потеряли 1000 человѣкъ въ битвѣ съ Рыцарями. Въ *Новогород. Лѣт.*: «Плесковичи Нѣмецъ угонивше подъ ихъ городкомъ подъ Новымъ на рубежи, и биша ихъ съ 300.» Въ *Ростов. Лѣт.*: «пойдоша Псковичи въ войну со Княземъ Евстафіемъ въ 5000 мужей къ городу къ Медвѣжьей Головѣ и воеваша 8 дній и ночей, и на езерѣ на Остречнѣ нагониша Нѣмцы — и бысть побоище и убиша Князя ихъ (Нѣмцевъ) Велневича» (Феллинскаго.

(339) Кельх. Liefl. Gesch. стр. 115.

Въ нашихъ лѣтописяхъ: «Въ лѣто 6852 (1344) бысть мятежь въ Нѣмцехъ великъ: избиша Чюдь своихъ Бояръ земскыхъ, и въ Колываньской земли и въ Ругодивьской земли 300 ихъ; и потомъ сташа на нихъ Велневичи» (Феллинцы) «и Юрьевьци, и избиша Чюдь» (Чуди) «14,000, а избытокъ ихъ убѣжа въ Островьскую землю» (Эзельскую); «и тамо по нихъ ходиша Велневичи и ихъ не взяша, но сами биты отыдоша.» — Продажа Эстоніи совершилась въ 1347 году.

(340) См. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна г. 1345. Тамъ сказано: «Евнутій переверъжеся чрезъ стѣну» (въ Вильнѣ); а Стриковскій пишетъ, что сей Князь ушелъ почью босой, и въ бѣгствѣ ознобилъ ноги; что его догнали, привели въ Вильну и содержали нѣсколько времени подъ стражею; что братья дали ему послѣ Заславъ въ Минской области, и такъ далѣе. Стриковскій прибавляетъ, что есть и другой Заславъ въ Волыніи, и что тамошніе Князья, т. е. Заславскіе, ведутъ родъ свой отъ Князя Давида Юрьевича и потомковъ Св. Владиміра. — Вмѣстѣ съ Евнутіемъ крестилась въ Москвѣ и Литовская его дружина (см. *Троицк. Лѣт.*) Сент. 23. Въ *Новогород. Лѣт.*: «Пріѣха Князь Великій Литовьскій Олгердъ съ своею братіею и съ всею Литовскою землею, и ста въ Шелонѣ на усть Пшаги, а позываа Новогородцевъ: хощу съ вами видитися» (въ другихъ спискахъ: *битися*) «лаялъ ми Посадникъ вашъ Остафей Дворянинець, назвалъ мя псомъ. И взя Шолону и Лугу на щитъ, а съ Порховскаго городка и со Опоки взя окупъ» (въ другихъ спискахъ: «взя Шелону и до Голинъ, и Лугу до Сабля, а съ Порховьского городка взя окупъ 300 рублевъ).» Далѣе: «Убиша (Новогородцы) Дворяница Посадника на Вѣчѣ, а ркучи, яко въ тебѣ волости наша взяша.»

(341) Въ *Ростов. Лѣт.*: «Того же (1347) лѣта Новгородцы взяша миръ съ Литвою.» Слѣдственно уже черезъ годъ; по крайней мѣрѣ Ольгердъ — довольный, кажется, убіеніемъ Посадника — вышелъ немедленно изъ Новогородской области, можетъ быть и для того, что Нѣмцы объявили ему войну около сего времени. См. Длугоша и Мѣхов. Chron. подъ г. 1346. Арнтъ относитъ побѣду Рыцарей къ 1347 году, согласно съ нашими Лѣто-

писцами, которые говорятъ, что Ольгердъ на рѣкѣ Стравѣ, 2 Февраля, потерялъ 40,000 человѣкъ; а Длугошъ уменьшаетъ сіе число до 22,000. Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что въ сраженіи убитъ Наримантъ Гедиминовичь. — Длугошъ пишетъ, что Князь Смоленскій, предводительствуя Литвою и Россіянами, въ 1348 году былъ побѣжденъ Нѣмецкими Рыцарями, и съ большею частію своихъ воиновъ утонулъ въ рѣкѣ.

(342) См. Далина Gesch. des R. Schwed. T. II, стр. 376 и слѣд. Отецъ Бригитты сражался съ Александромъ Невскимъ. Въ *Новогород. Лѣт.*: «Пошлите на съѣздъ свой Философъ, азъ послю свой, дажь поговорять про Вѣру; азъ то хощу слышать, коа будеть Вѣра лучши: иже ваша, ино азъ иду въ вашу; или пакы аще наша Вѣра лучши, и вы пойдете въ нашу, и будемъ вси за единъ человѣкъ... Владыка же Василій и Посадникъ Ѳедоръ Даниловичь и Тысяцкой Аврамъ и вси Новогородци погадавше отвѣщаша,» и проч. Далѣе: «И послаша Новогородци къ Магнушу Аврама Тысяцкаго, Кузму Твердиславля и иныхъ Бояръ. Аврамъ же пріиде въ Орѣховець и хотѣ пойти къ Магнушу: Орѣховци жь биша челомъ Авраму, чтобы не ходилъ отъ нихъ изъ городка, и пойде къ Магнушу Кузма съ другы... Слышавши Новогородци, якоже Король рать отпустилъ на Ижеру, послаша противу ихъ Онцифора Лукиничь, Якова Хотова, Михайлу Фефилатова съ малою дружиною — и Богъ пособи Онцифору: избиша Нѣмцевъ 500 (на Жабчѣ полѣ) и иныхъ изымаша, а перевѣтниковъ казниша, и пріидоша въ Новгородъ здрави: развѣ 3 человѣкы убиша Новогородцевъ. Посадникъ же Ѳедоръ и Намѣстницы Князя Великого, и вси Новогородци, и Плесковичь не много, и Новотръжци, и вся волость Новогородская пойдоша въ Ладогу, а къ Князю Семену послаша, а рекучи тако: пойди, Княже, къ намъ боронити своеа отчины, яко идеть на насъ Король на крестное цѣлованіе» (вопреки миру). «Великій же Князь отвѣщалъ: радъ иду къ вамъ. Медливъ же долго, пойде; отшедши же отъ Тръжку до Ситна, и възвратись на Москву» (въ *Троицкой*: «и дойде Ситчина и постигоша его гонци Киличеи изъ Орды; онъ же взвратися слышати слова Царева и жалованья; а въ Новгородъ Великій посла... да Ивана Акинѳовича, да съ ними Воеводы)... Магнушъ взя Орѣховець на Спасовъ день, Аврама же и Кузму и иныхъ Бояръ 8 взялъ къ себѣ, а иныхъ всѣхъ пустилъ изъ городка.» Въ *Ростов. Лѣт.*: «лестію докончавъ окупъ взяти, а Аврама поймаша въ закладъ, а съ нимъ 10 человѣкъ добрыхъ, а Намѣстника Нариманта и всѣхъ городчанъ отпусти, а самъ пойде прочь, а въ Орѣховцѣ оставивъ рать.» Шведскіе Лѣтописцы сказываютъ, что Король едва могъ уйти съ флотомъ отъ Россіянъ, велѣвъ *прорыть каналъ* изъ рѣки въ море (hi enim magno labore et non minore industria vicini fluminis meatum effodiente), и потерявъ множество судовъ (см. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1348, No 24, и Далин. II, 380); что Новогородцы, обольстивъ Магнуса дарами, призвали Татаръ и Литву, и проч.

(343) Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 379.

(344) «Въ лѣто 6854 поѣха Владыка на Москву звати Князя Великаго въ Новгородъ, и тамо Митрополитъ Ѳеогностъ благослови Архіепископа, и да ему ризы хресщаты» (или Полиставрію). «Той же зимы пріиде Князь Симеонъ въ Новгородъ на столъ на Ѳедоровѣ недѣли» (уже въ 1347 году) «на Сборъ, правнукъ храбраго Александра — и пойде на Низъ о Царевѣ орудіи» (по Ханскимъ дѣламъ). — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Василій отдалъ тогда Митрополиту своего Діакона Кирилла, имѣвшаго отмѣнно чистый и звонкій голосъ.

(345) Въ *Ростов. Лѣт.* и въ другихъ: «даша жалованье граду Пскову, Посадникомъ Новогородскимъ во Псковѣ не сѣдѣти, ни судити, а отъ Владыки судити ихъ брату Псковитину, а изъ Новагорода не позывати ихъ ни Дворяны, ни Подвойскими, ни *Софіяны*» (такъ назывались причетники Св. Софіи) «ни извѣтники, ни биричи; но зваша Псковъ братъ Новугороду молодшій.» Сія милость была объявлена Псковитянамъ на *Болотовѣ*. — Въ *Псков. Лѣт.*: «Въ лѣто 6856, Іюня въ 24, поѣхаша Псковичи къ Орѣшку городу Новогородцемъ въ помочь, о Посадникѣ Ильѣ: а въ то время Нѣмцы прислаша во Псковъ, развергоша миръ. Переѣхавше Нѣмцы Нарову, повоеваша села около Пскова — и того же лѣта села около Острова, и пойдоша ко Пскову подлѣ Великую рѣку, воюючи села, и пожгоша хоромы на Завеличьѣ и пойдоша ко Изборску.»

(346) См. лѣтопись въ листъ Синодальн. библ. No 349, л. 69, и *Никон. Лѣт.*

(347) «Приступиша съ приметомъ въ Понедѣльникъ на Ѳедоровѣ недѣли (уже въ 1349) и, свитающю Вторнику, взяша градъ на память Обрѣтенія главы Іоанна, а Нѣмцевъ изсѣкоша, а иныхъ изымаша, а братію свою Новогородцевъ посадиша Якова Хотова и Александра Борисовичь въ Орѣховомъ.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано (Синод. библ. No 349), что Шведовъ было тамъ 800 человѣкъ, а Новогородцевъ убито на приступѣ только 9; что Новогородцы изъ-подъ Орѣхова посылали въ Корелію 1000 человѣкъ, которые, разбивъ Шведовъ у Кексгольма, умертвили непріятельскаго Воеводу Люльку. — О храмѣ Бориса и Глѣба см. *Ростов.* и *Троицк. Лѣт.* Въ первой: «того же лѣта (1349) ходиша Новогородцы и Двиняне на Мурманы.» — Въ *Новогород. Лѣт.*: Ходиша Новогородци на Нѣметьскую волость съ Борисовымъ сыномъ съ Намѣстничимъ, съ Тысяцскымъ съ Иваномъ съ Ѳеодоровичемъ, съ Воеводами съ Михайломъ съ Даниловичемъ, съ Юрьемъ съ Ивановичемъ, съ Яковомъ съ Хотовичемъ, и пріидоша къ Выбору въ *Понедѣльникъ* Марта въ 27» (въ 1350 году; но въ числѣ ошибка: развѣ 22 или 29?) «и пожгоша посадъ. На другый же день выидоша Нѣмци, и удариша на нихъ Новогородци и убиша нѣколико Нѣмецъ, и волости пожгоша; а Нѣмецъ изсѣкоша много, и женъ и дѣтей, а иныхъ изымаша.»

(348) См. *Новогор. Лѣт.*, гдѣ сказано, что Новогородцы, обмѣнявъ въ Юрьевѣ Шведовъ на Аврама, Кузму, Александра, Андрея и другихъ, бывшихъ за моремъ у Шведскаго Короля, возвратились въ Новгородъ Іюня 9, 1350 года. Далинъ (Gesch. des R. Schwed. II, 380), читавъ тогдашній мирный договоръ, сказываетъ, что оный заключенъ *Князьями* Юріемъ и Авраамомъ; но Авраамъ былъ Тысячскій, а Юрій Посадникъ. О первомъ мы упоминали, а втораго знаемъ по слѣдующему извѣстію *Ростов. Лѣт*: «въ лѣто 6858 (1350) поставиша церковь каменну Кузмы и Даміана на Холопьи улицѣ» (въ Новѣгородѣ) «а другую заложи *Юрья Посадникъ* во имя Іоанна Златоустаго.» — Далѣе см. Райнальд. Annal. Eccl. годъ 1351, No 4. Папа Климентъ VI писалъ къ Архіепископу Упсальскому, что Ижерцы и Корела, обращенные въ Вѣру истинную Магнусомъ, жалуются ему на Россіянъ, которые убиваютъ ихъ, вѣшаютъ, травятъ собаками и стараются вновь обратить въ Законъ свой; что Швеція опустошена язвою, и что Король требуетъ вспоможенія; что Архіепископъ долженъ ободрить какъ Шведовъ, такъ и другихъ сосѣдственныхъ *островитянъ*, знаменіемъ креста

дабы унять Новогородцевъ, враговъ Церкви, и проч. Во многихъ нашихъ лѣтописяхъ находится такъ называемое *рукописаніе* Магнуса, или духовная, въ коей онъ дѣтямъ и братьямъ своимъ запрещаетъ вѣроломно нападать на Россіянъ во время мира, сказывая, что *Князь Белгеръ* (Биргеръ), едва могъ уйти отъ Александра Невскаго; что Андрей Александровичь взялъ крѣпость, построенную *братомъ* Магнуса, *Маскалкою*, на Охтѣ, и Шведы 40 лѣтъ воевали съ Россіею; что Князь Георгій Даніиловичь заключилъ съ ними вѣчный миръ, опредѣливъ границы на водѣ и землѣ; что Магнусъ чрезъ 30 лѣтъ нарушилъ оный, и взявъ Орѣховъ, ушелъ за море; что въ слѣдующій годъ онъ вторично приходилъ къ сему городу, но свѣдавъ о многочисленности стоявшаго тамъ войска Россійскаго, обратился къ Копорью; что Новогородцы, ставъ на *Вукрѣ*, принудили его бѣжать; что сильная буря истребила большую часть Шведскаго флота близъ устья Наровы; что Богъ наказалъ Швецію голодомъ, потопомъ, язвою и междоусобіемъ; что самъ Магнусъ лишился ума и цѣлый годъ сидѣлъ прикованный къ стѣнѣ (*и задѣлаша мя въ полатѣ*); что сынъ Королевскій, *Исакунъ*, освободилъ отца; что Магнусъ отправился въ Норвегію, и едва не утонулъ на морѣ; что вѣтромъ принесло его на доскѣ къ *Полной* рѣкѣ; что Иноки Валаамской Спасской Обители спасли ему жизнь; что онъ постригся въ ихъ монастырѣ, и кается въ грѣхахъ своего высокоумія. Сія басня изобрѣтена, какъ вѣроятно, современникомъ, который слышалъ о несчастіяхъ Магнуса. Король не сходилъ съ ума, но дѣйствительно сверженный съ престола, и сыномъ Гакономъ освобожденный, утонулъ въ Готландіи, у Бломмесгольма. Между тѣмъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ, на Валаамѣ островѣ Ладожскаго озера, въ кленовой рощѣ, показываютъ высокую могильную насыпь, гдѣ лежитъ топкая раздавленная плита: преданіе говоритъ, что тамъ погребенъ Магнусъ!

(349) Въ *Троицк.*: «Олгердъ (въ 1348 году) послалъ въ Орду ко Царю Чанибеку брата своего Корьяда и просилъ рати у Царя себѣ въ помочь; и то слышавъ Князь Великій Семенъ, погадавъ съ своею братьею и съ Бояры, и посла въ Орду Ѳедора Глѣбовича, да Аминя, да Ѳедора Шубачеева ко Царю жаловатися на Олгерда, и слышавъ Царь жалобу, оже Олгердъ съ своею братіею *Царевъ улусъ*, а Князя *Великаго отчину* испустошилъ, и выдалъ Царь Корьяда, Михайла и Семена Свислочьскаго и Аикша Киличеемъ (посламъ) Князя Великаго, и далъ посла своего Тотуя, и посолъ Тотуй выдалъ Корьяда и его дружину Князю Великому. . . Олгердъ» (въ 1349 году) «прислалъ послы ко Князю Великому за своего брата и за его дружину со многими дары, просяще мира и живота всей братіи, и многое серебро отложилъ.» — Въ *Ростов.* и въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Ольгердъ требовалъ отъ Хана рати, желая *воевать съ Великимъ Княземъ;* но въ *Троицкой* нѣтъ сего прибавленія. Гораздо вѣроятнѣе, что Ольгердъ хотѣлъ употребить силу Моголовъ противъ Нѣмцевъ.

(350) См. выше, примѣч. 329, и Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 218. Длугош. кн. IX, стр. 1088: Nonnullorum autem Ducum Russiæ (plures enim ea tempestate extabant) precibus placatus, eos in gratiam et feudum suscipit.

(351) Въ *Новогород. Лѣт.*: «въ лѣто 6857 (1349) пріиде Король Краковьскій съ многою силою, и взяша лестію землю Волынскую, и много зла Христіаномъ створиша, а церкви святыя претвориша на Латынское богумерское служеніе.» Ненависть Россіянъ къ Полякамъ была столь велика, что Князь Даніилъ Острожскій (одинъ изъ потомковъ Св. Владиміра) и Староста Перемышля, именемъ Датко, въ 1341 году звали Хана освободить ихъ отъ ига Казимирова, желая лучше повиноваться Моголамъ, нежели сему Королю Христіанскому: ибо Моголы не вмѣшивались въ Вѣру. Ханъ посылалъ войско до самыхъ береговъ Вислы; но Поляки разбили его (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 108 — 113. — Въ *Троицк.*: «Прислалъ (въ 1349 году) Князь Любортъ изъ Велыня своихъ Бояръ къ В. К. Семену бить челомъ о любви и испросити сестричну его за себе у Князя Костянтина Ростовскаго, и Князь Великій пріялъ въ любовь его челобитье, пожаловалъ и выдалъ свою сестричну въ Велынь.» Первою женою Любарта была, какъ извѣстно, дочь Князя Волынскаго. — Далѣе: «Того жь лѣта К. В. Олгердъ прислалъ послы бить челомъ К. В. Семену, просити за себе свѣсти Княжи Семеновы, Княжны Ульяны, Княжи дчери Александровы Михайловича Тферскаго, и К. В. Семенъ, *доложа Ѳеогноста Митрополита*, и выдалъ свою свѣсть за Олгерда.» Далѣе см. Стриковскаго.

(352) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1349, No. 24, гдѣ напечатано письмо Климента къ Кестутію. — Казимиръ остался Государемъ одной Галицкой области; но въ 1351 году, съ помощію Венгровъ разбивъ Литовцевъ, снова завладѣлъ частію Волыніи и плѣнилъ Кестутія, который однакожь ушелъ изъ неволи (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 228).

(353) Матѳей Виллани, кн. II, гл. 72. Онъ называетъ Брацлавскую область *Проклавіею*, сказывая, что тамошній *невѣрный* (infidelis) Князь, подчиненный Королю Венгерскому Людовику, требовалъ отъ него вспоможенія; что Людовикъ послалъ ему 40,000 всадниковъ, которые, имѣвъ кровопролитную битву съ непріятелемъ, долженствовали отступить; что Моголы также удалились, испуганные вѣстію о новыхъ вооруженіяхъ Князя Брацлавскаго и Людовика; что въ 1354 году Короли Польскій и Венгерскій съ 200,000 всадниковъ перешли за Бугъ (in Tatariam ultra Bogum); что ихъ встрѣтилъ юный *Царь* Могольскій, и спрашивалъ, куда и зачѣмъ они идутъ; что Короли принудили его окреститься и взяли съ собою. Нарушевичь считалъ сего Князя Брацлавскаго Ѳеодоромъ Коріядовичемъ, внукомъ Гедиминовымъ; но вѣроятнѣе, что онъ былъ Князь Россійскій Владимірова племени. Коріядовичи господствовали тамъ уже послѣ, какъ увидимъ во времена Димитрія Донскаго. — Длугошъ, въ описаніи 1352 года, называетъ Подолію областію Казимировою, сказывая, что Татары, призванные Ольгердомъ, разорили оную (Hist. Pol. кн. IX, стр. 1096); а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Казимиръ отнялъ сію землю, богатую медомъ и скотомъ, у Татаръ (кн. X, стр. 150). Сыновья Коріядовы безъ сомнѣнія тамъ господствовали, но зависѣли отъ Венгріи и Польши.

(354) См. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 12. Людовикъ, будучи вмѣстѣ Государемъ Венгріи и Польши, думалъ присоединить Галицію къ первому Королевству; но въ 1390 году Поляки выгнали оттуда Венгровъ, и владѣли оною до 1772 года.

(355) Въ *Псков. Лѣт.*: «на другое лѣто» (въ 1349 г.) «Апрѣля въ 13, въ Понедѣльникъ Св. недѣли, Князь Юрьи Витовтовичь, возмя Поповъ Св. Троицы и Діякона, поѣха во Изборескъ свящати церкви Св. Спаса Преображенія у Св. Николы на полатахъ, и священа бысть церковь въ Среду. Внезапу пригнавше Нѣмцы ко Изборску ратію, и выѣха Князь Юрьи противъ ихъ, и Псковичи и Изборяне, и на первомъ ступѣ убиша Князя Юрья и другаго Юрья Мачкина брата, и иныхъ. . . Поставиша (въ 1349) Нѣмцы городокъ надъ Наровою,

противъ *исада* Псковскаго» (пристани) «и Псковичи, подъемше всю свою область, поѣхаша въ лодьяхъ о Иванѣ Посадникѣ, иніи на конехъ — и зажгоша приметомъ, а Нѣмцы да Чюдь въ городкѣ сгорѣша, а иніи метахуся съ города: Псковичи же посѣкоша ихъ мечи. Того жь лѣта Княгиня Юрьева съ дѣтми своими поѣха изо Пскова въ Литву. Потомъ же отрекошася Псковичи Князя Андрея... Андрей и отецъ его разгнѣвавшеся на Псковичь, а и преже того Олигердъ нача нелюбье держати до Пскова, какъ воевалъ Новгородскую волость и Лугу, иде паки по Псковской волости во свою землю, и жаляшесь на Псковичь, глаголя: много моихъ людей и коней погибли въ вашей волости. Посемъ же гостей Псковскыхъ *поруби*» (захватилъ) «и товаръ отня, а на самыхъ окупъ имавъ, отпусти. Въ лѣто 6858 (1350) Князь Андрей Олгердовичь съ Полочаны отъ своея Украйны пригнавше безъ вѣсти и повоеваша нѣколико Вороначькоя волости, и се первое нача войну.»

(356) Въ *Троицк.*: «Князь Великій *пойде ратью къ Смоленску* въ силѣ тяжцѣ и велицѣ, а съ нимъ братья его и вси Князи, и дошедше Вышегорода» (на рѣкѣ Протвѣ, выше Боровска) «ту срѣтоша его послове отъ Князя Литовскаго отъ Олгерда со многими дары о миру. Князь же Великій, не *оставя Олгердова слова*, миръ взялъ, а самъ подвижеся еще къ Угрѣ... и ту пріѣхаша къ нему послове Смоленскіе. Князь стоялъ на Угрѣ недѣлю, и отголь послы посылавъ въ Смоленескъ,» и проч. Симеонъ шелъ воевать не съ Ольгердомъ, а съ Княземъ Смоленскимъ.

(357) Въ *Троицк.*: «бысть казнь отъ Бога на люди подъ восточною страною, въ Ордѣ, и въ Орначѣ» (при устьѣ Дона) и въ Сараѣ, и въ Бездежѣ» (см. выше, примѣч. 238) «и въ Жидѣхъ, и въ прочихъ странахъ, и бысть моръ великъ на люди на Бесермены» (Хивинцы) «и на Татары, и на Ормены» (Армяне) «и на Обезы» (Абазинцы) «и на Жиды и на Фрязы» (Генуэзцы и Венеціяне въ Тавридѣ и въ Азовѣ) «и на Черкасы, толь же силенъ бысть моръ, яко не бѣ мощно живымъ мертвыхъ погребати.» О сей язвѣ см. Шульц. Gesch. des Osman. Reichs, T. III, стр. 266. — Далин. II, 383, и Гадебуш. Liefl. Jahrb. I, 441. Въ *Псков. Лѣт.*: «Въ лѣто 6860 бысть моръ золъ... Бяше тогда знаменіе смертное сицево: аще кто отхракнетъ кровію, то на вторый или на третій день умираше... Мнози идяху въ монастыри... Друзін же въ мірѣ въ домѣхъ своихъ такожь готовляхуся... Ови отъ богатества села даваху монастыремъ, друзіи же во езерѣ ловища и *исады*» (пристани, а не *сады*)... Попове не можаху проводити по единому изъ дворовъ, но веляху комуждо своя мертвыя на церковныя дворы провадити... и всѣмъ единъ проводъ отпѣваху, надгробную пѣснь: токмо душевную молитву разрѣшальную комуждо особѣ измолвяху, тако полагаху по трое или по пяти головъ во единъ гробъ... Тогда бяше многъ плачь и лютое кричаніе въ людехъ... Своихъ сродниковъ отвращахуся; а иніи веледушніи, страхъ смертный отъ сердецъ своихъ отринувше, безъ сумнѣнія чюжая мертвецы или сироты, тѣхъ спрятывающе, износя погребаху и память по нихъ творяще просвирою... Той моръ былъ во Псковѣ чрезъ все лѣто (почалося изъ весны на Цвѣтной недѣли), и до самыя осени; уже предъ зимою преста. Нѣціи глаголютъ, тотъ моръ пошелъ изъ Индѣйскыя страны отъ Солнца града... Того жь лѣта Псковичи поставиша церковь Св. Богородицы, честному Ея Покрову, за стѣною, въ странѣ Св. Димитрія. Тогда же Архіеп. Василій пріѣха во Псковъ,» и проч. Сіи подробности и другія, нами описанныя въ Исторіи, находятся также въ *Ростовской* и въ другой Синодальной лѣтописи, No 349, л. 73. Въ *Псков. Лѣт.* еще подъ 1342 годомъ упоминается о язвѣ, отъ коей умерло множество людей въ семъ городѣ и въ Изборскѣ; но сіе извѣстіе есть только сокращеніе вышеприведеннаго и внесено тутъ отъ недоразумѣнія переписчикова.

(358) Въ *Новогород. Лѣт.* сказано, что въ семъ году Архіеп. Василій ѣздилъ въ Орѣховъ: «добиша челомъ Новогородци, Бояре и черныи люди, Архіепископу, чтобы еси, господине, ѣхалъ, нарядилъ *костры* во Орѣховѣ; и онъ, ѣхавъ, костры нарядилъ.» *Кострами* назывались стрѣльницы. Такъ сказано въ *Ростов. Лѣт.* подъ годомъ 6894: «Новогородцы послаша Василія Кузмина городъ Орѣшикъ починивати и *костровъ*;» а въ *Лѣт. Псков.* подъ годомъ 6895: поставиша 3 *костры* камены у новыя стѣны, на приступѣ.» См. далѣе Архив. *Псков. Лѣт.* Въ *Новогород.*: «Пріѣхаша послове изо Пскова, биша челомъ Владыцѣ, ркуче такъ: Богови тако изволшу и Святой Троицѣ, дѣтемъ твоимъ Пьсковицемъ Богъ реклъ жити дотолѣ, чтобы еси, господине, былъ у Св. Троици и дѣтій своихъ благословилъ. И онъ не умедли, поѣха, поимя съ собою Архимандрита Микифора, Игумены, Попове... Поѣха изъ города (Пскова), доѣха до Прощеника въ день Недѣльный; обвечерившися за Прощеникомъ съ едину версту, па рѣцѣ на Чересѣ сташа, и разболѣся ту, привезоша его въ монастырь ко Св. Михаилу усть Узы рѣки на Шелонѣ, и преставися ту Іюля въ 3 (въ 9 часу дня); привезоша его въ Новгородъ Іюля въ 5; проводи его Архіепископъ Новгородскій Моисей и весь Новгородъ и положиша у Св. Софьи въ притворѣ.» Симъ извѣстіемъ заключается харатейная Новогородская лѣтопись, напечатанная въ Москвѣ столь исправно, что я не замѣтилъ въ ней почти никакихъ ошибокъ. — Въ *Новгород.* Попа Іоанна: «Того жь лѣта пакы съ молбою введоша» (изъ монастыря съ Коломцы) «Моисея Архіепископа на свой ему столъ къ Св. Софьи.»

(359) См. выше, примѣч. 328 и ниже. Въ *Новогород.*: «Михаилъ Княжичь Александровичь» (въ 1341 году) «пріѣха съ Твери въ Новгородъ къ Владыцѣ, сынъ крестный, грамотѣ учитися.» Письмо Василіево напечатано въ *Степен. кн.* I, 480. Василій утверждаетъ бытіе рая на землѣ слѣдующими доказательствами: 1) въ священныхъ книгахъ сказано, что Тигръ, Нилъ, Евфратъ текутъ изъ рая: 2) Енохъ, Илія переселены въ рай, отъ коего Св. Макарій жилъ за 20 поприщъ, и въ коемъ Св. Евфросинъ сорвалъ яблоко; оттуда же Ангелъ принесъ вѣтвь Богоматери, видѣнную Апостолами и многими Жидами; 3) Іоаннъ Златоустъ именно говоритъ, что рай на Востокѣ, Адъ же на Западѣ. «Много тому видоковъ (пишетъ Василій) дѣтей моихъ Новоградцевъ: на *Дышущемъ* морѣ червь неусыпающій и скрежетъ зубный и рѣка смоляная Могръ... А мѣсто св. рая находилъ Моиславъ Новоградецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ было ихъ три *юмы* (лодки) и едина, многа блудивъ, погибла; а двѣ принесло къ *высокимъ горамъ*, и видѣша на горѣ той Деисусъ написанъ лазуремъ чуднымъ... и свѣтъ бысть самосіяненъ, и пребыша долго на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша, но свѣтъ бысть паче солнца; и на горахъ тѣхъ ликованія слышахъ; и повелѣша единому другу своему взыти по теглѣ на гору, и абіе восплеснувъ руками, засмѣяся, и побѣже отъ друговъ своихъ къ сущему гласу. Они же другаго послаша... и той также сотвори... И послаша третьяго на гору, привязавъ ужищемъ за ногу его. И той также хотя сотворити; они же сдер-

340

нуша его, и обрѣтеся мертвъ. Они же побѣгоша вспять: не дано бо имъ долѣ видѣти свѣтлости тоя и слышати тамо ликованія. А тѣхъ мужей и нынѣ чада и внучата добрѣ здравы.» Новогородцы, подобно всѣмъ древнимъ путешественникамъ, любили, какъ видно, удивлять своихъ пріятелей чудесными разсказами, побывавъ на бѣломъ морѣ, въ окрестностяхъ Лапландіи. *Высокія горы*, гдѣ Моиславъ нашелъ рай, именуются нынѣ Шемехапскими. Герберштейнъ пишетъ, что въ его время Норвежцы полагали тамъ, вмѣсто рая, Чистилище (см. Rer. Moscov. Com. стр. 60). Архіепископъ Василій самъ путешествовалъ и былъ въ Іерусалимѣ, ибо пишетъ къ Ѳеодору; «егда постися Христосъ надъ Іорданомъ, своима очима видѣлъ есми постницу его,» и проч.

(360) О семъ *бѣломъ клобукѣ* есть особенная сказка, напечатанная раскольниками (около 1736 года) въ ихъ Супрасльской типографіи и сообщенная толмачемъ Димитріемъ въ письмѣ къ Геннадію, Архіепископу Новогородскому, въ государствованіе Великаго Князя Іоанна Василіевича. Авторъ говоритъ, что Константинъ Великій далъ бѣлый клобукъ (*) Епископу Сильвестру; что Римляне, оставивъ православіе Греческой Церкви, забыли и важность клобука, долгое время спрятаннаго въ церкви; что одинъ Папа, устрашенный разными чудесными явленіями, отослалъ его въ Царьградъ къ Патріарху Филоѳею, а Патріархъ къ Новогородскому Епископу Василію: ибо Апостолы Петръ и Павелъ открыли ему во сновидѣніи, что Константинополь будетъ скоро взятъ Турками, а Россія заступитъ мѣсто Греціи. Сія повѣсть справедливо объявлена баснословною Московскимъ Соборомъ 1667 года и въ Духовномъ Регламентѣ. Въ дѣяніяхъ перваго, въ главѣ 2, сказано въ одномъ мѣстѣ: «Повелѣваемъ еще и писаніе, еже писано есть изъ Рима ко Генадію Новгородскому Архіепископу отъ Димитрія толмача о бѣломъ клобукѣ и о прочихъ, да никто сему писанію вѣру иметъ, зане лживо и неправо есть, якоже яснѣйше возобличатся прочая его блядословія во иномъ писаніи; обаче мы благословихомъ всѣхъ Митрополитовъ Велико-Россійскаго Государства, да носятъ бѣлыя клобуки по Греческому образу ради древняго обычая, а не ради лживаго писанія, Димитрія толмача, еже писа отъ вѣтра главы своея.» А въ другомъ: «Чего ради иконописцы пишутъ Святаго Петра, Алексія, Іону Московскихъ Чудотворцовъ въ бѣлыхъ клобукахъ неправедно, зане они клобуки бѣлыя не носиша, и ниже бысть еще въ Россійскихъ странахъ при нихъ сей обычай, и ни же Кипріанъ и Фотій Митрополиты и прочіи, которіи поставлены быша во Царѣградѣ во Архіерейство, носиша бѣлыя клобуки, зане яко писано есть въ писаніи, еже отъ Димитрія толмача ко Генадію Новгородскому Епископу о бѣломъ клобукѣ, яко посланъ той бѣлый клобукъ ко Василію Епископу Новгородскому отъ Филоѳея Патріарха Константинопольскаго... и отъ того времене началъ Новгородскій Архіепископъ точію единъ носити бѣлый клобукъ до Генадія Архіепископа, а послѣ Генадія пріяша и начаша и Московстіи Митрополити и прочіи носити бѣлыя клобуки, якоже видится въ томъ же Димитріевѣ писанія, яко еще предъ Генадіемъ Архіепископомъ Новгородскимъ никто изъ Архіерей нигдѣ носи бѣлый клобукъ, точію единъ Новгородскій Архіепископъ, иже бѣ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Василіевичѣ» (см. *Полный списокъ* правилъ сего *Московскаго Собора*, хранящійся въ Синодальной библіотекѣ). Въ противность тому *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1392, въ житіи Св. Сергія говоритъ: «клобуки бѣлые изначала вси ношаху на Руси и Митрополиты и Епископы.» Константинопольскіе Патріархи также носили оные, но единственно избранные въ сей верховный санъ изъ Бѣлыхъ Священниковъ. Предложимъ доказательство. Императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ своей Исторіи Іоанна Палеолога, кн. III, глава 36, статья 3, пишетъ, что Патріархъ Іоаннъ XIV, короновавъ сего Императора, въ знакъ отличія сталъ подписывать свое имя зелеными чернилами и надѣлъ клобукъ сдѣланный изъ золотой парчи, вмѣсто *бѣлаго*, обыкновенно носимаго Патріархами не-Монашескаго сана (по Французскому переводу Г. Кузеня: au lieu que les autres Patriarches qui n'étaient pas Moines, n'avaient accoutumé de porter qu'un bonnet blanc). Патріархъ могъ дать сей клобукъ Василію для того, что онъ былъ избранъ въ Архіепископы изъ Приходскихъ Бѣлыхъ Священниковъ. Греки, отмѣнивъ обычай ставить въ Святители не-Монаховъ, оставили и бѣлый клобукъ. Симъ замѣчаніемъ обязанъ я Сочинителю *Историческихъ разговоровъ о древностяхъ Новагорода* (стр. 39 — 40). Въ прибавленіе къ тому скажемъ, что Св. Леонтій, *первый* Епископъ Ростовскій, и Св. Епископъ Исаія обыкновенно пишутся на иконахъ въ *бѣлыхъ* клобукахъ. Знаемъ еще, что Антоній, Святитель Туровскій въ 1405 году, посилъ бѣлый клобукъ (см. харатейн. *Троицк. Лѣт*, подъ симъ годомъ). Въ IX Томѣ сей *Исторіи* мы сообщимъ (неизвѣстное доселѣ) постановленіе Московскаго Собора въ 1563 году о бѣломъ клобукѣ. — О *крещатыхъ ризахъ* см. ниже въ примѣч. 382.

(361) Далин. Gesch. des R. Schw. II, 384. Монфоконъ пишетъ (Monum. de la Monar. Franc. T. II, стр. 282), что двойни и тройни родились тогда весьма часто, но не имѣли болѣе двадцати или двадцати двухъ зубовъ. — О Глуховѣ и Бѣлозерскѣ см. *Никон. Лѣт.*

(362) Ѳеогностъ скончался Марта 11 въ 1353 году; сыновья Великаго Князя, Іоаннъ и Симеонъ, преставились на той же недѣлѣ; Великій Князь 26 Апрѣля, а братъ его, Андрей Іоанновичь, Іюня 6. Правда, что Ѳеогностъ, какъ сказано въ лѣтописяхъ, давно уже былъ слабъ здоровьемъ. Его погребли Владимірскій Епископъ Алексій, Волынскій Аѳанасій и *Коломенскій* того же имени въ церкви Богоматери, недалеко отъ могилы Петра Митрополита. Здѣсь въ первый разъ упоминается о Коломенской Епископіи. Симеонъ и Андрей лежатъ въ Архангельскомъ Соборѣ. — Въ Синодал. библ., въ книгѣ подъ No 228, нашелъ я слѣдующее письмо Ѳеогноста Митрополита: «Благословенье Ѳеогноста Митрополита всея Руси къ дѣтемъ моимъ къ Баскакомъ и къ Сотникомъ, и къ Игуменомъ, и къ Попомъ, и ко всѣмъ Крестьяномъ Чермного Яру и ко всѣмъ городомъ по великую Ворону. Молюся Богови, да будете душею тѣломъ добри здорови. Вѣдайте, дѣти, занеже многожды рѣчи и мятежъ былъ промежи двѣма Владыками, Рязанскимъ и Сарайскимъ, про передѣлъ тъ, и послалъ былъ язъ къ вамъ Игумена своего, да расмотрить по правдѣ, чій передѣлъ будеть; и по того же Игумена послушьству далъ есмь былъ грамоту Владыцѣ Сарайскому Афонасью: нынѣ же пріѣхалъ къ мнѣ Владыка Рязанскій съ крылошаны своими и привезлъ ко мнѣ грамоту брата моего, Максима Митрополита, а другую грамоту брата моего, Петра Митрополита, и управливають Владыку Рязанскаго, и велять ему держати всего передѣла того по великую Ворону; и явилъ ми и третью грамоту Владыки

(*) Римскому (Прибавлено рукою Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Н. Г. Р.)

Сарайскаго Софонья, какъ тѣ ся отступилъ того передѣла, что ся ему не вступатися: занеже не Сарайскій передѣлъ, но Рязанскій. И си вся язъ нынѣ видѣвъ, расудилъ есмь по тѣмъ грамотамъ братьи моей Митрополитовъ, что держати Владыцѣ Рязанскому передѣла того всего по великую Ворону. И оже быхъ переже сихъ грамотъ видѣлъ, ни Игумена быхъ не посылалъ извѣдывать, ни грамоты быхъ Сарайскому Владыцѣ не далъ. И нынѣ есмь ту грамоту отложилъ, а грамотъ братьи своей Митрополитовъ не могу порушити. И того дѣля нынѣ пишу къ вамъ и явно створяю, какъ по тѣмъ грамотамъ братьи моей Митрополитовъ управливаю Владыку Рязанскаго, ать вѣдаеть передѣлъ тъ весь, и далъ есмь Владыцѣ Рязаньскому Кирилу грамоту правую, какъ и братья моя дали Митрополиты, и вы имѣйте къ нему любовь и всяко послушанье и покоренье, и исполнивайте все, елико глаголеть вамъ душеполезная и спасителная; а что будетъ церковная пошлина, а то ему давайте, по давному обычаю. А милость Божья и Святой Богородици и мое благословенье да будеть съ вами.» — Ѳеогностъ подписалъ внизу имя свое по-Гречески.

(363) Герберштейнъ, повѣствуя о концѣ Георгія Даніиловича и Димитрія Тверскаго, пишетъ (*Rer. Mosc. Comment.* стр. 6), что Симеонъ, получивъ отъ Чанибека власть и надъ Тверскимъ Княженіемъ, упросилъ его не брать съ онаго ежегодной дани: въ чемъ способствовали сему Князю Вельможи Татарскіе, имъ подкупленные. Герберштейнъ слышалъ о томъ въ Москвѣ. — О печати см. ниже. Татищевъ прибавляетъ, что Симеонъ пилъ вино и медъ, но никогда не упивался; не любилъ войны, но держалъ войско въ готовности и въ чести; былъ любимъ братьями, и проч.

(364) См. печатн. *Родослов. Книгу* II, 207: «И какъ Кн. Вел. Симеонъ Ивановичь Гордой женился у Кн. Ѳеодора Святославича, и Князь Великій перезвалъ его къ себѣ, а далъ ему вотчину Волокъ совсѣмъ, и Великую Княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ Великимъ Княземъ, и она ему покажется мертвецъ, и Князь Великій Великую Княгиню отослалъ къ отцу ея на Волокъ, а велѣлъ ее дати за-мужъ, и Князь Ѳеодоръ Святославичь далъ дочь свою за Князя Ѳеодора за Краснаго за большаго Ѳоминскаго.» По другимъ лѣтописямъ (см. *Русск. Временникъ*, I, 173) Симеонъ развелся съ нею для того, что она не родила дѣтей; но отъ Князя Ѳоминскаго было у нее 4 сына: «преступи законъ Божій (Симеонъ), женися у Князя Тверскаго, и *отъ тоя не бысть ему чадъ*:» нѣтъ, были дѣти, но умерли во младенчествѣ. Отецъ Евпраксіи, Князь Смоленскій, могъ быть сыномъ Святослава, плѣненнаго въ Можайскѣ Георгіемъ Даніиловичемъ. Великій Князь въ своемъ духовномъ завѣщаніи (см. ниже) отказалъ Можайскъ супругѣ своей: слѣдственно, вопреки Родословной Книгѣ, Ѳеодоръ Святославичь господствовалъ тамъ временно, какъ Намѣстникъ, а не вотчинникъ. — Первая супруга Симеонова, Анастасія, Литовская, скончалась 11 Марта, въ Черницахъ и въ Схимѣ, и положена въ Кремлевской церкви Преображенія.

(365) «Тое же весны» (въ 1347) «оженись Князь Великій: приведоша ему со Твери Княжну Марію, дчерь Александрову Михайловича, Тферскаго Князя; а ѣздили по нее *Андрей Кобыла*» (родоначальникъ Захарьиныхъ и *Романовыхъ*) «да Олексѣй Босоволковъ... Тое же зимы Князю Великому родися сынъ Данило Дек. 15... Сент. 7» (въ 1349 г.) Великому Князю родись сынъ, и крести его Митрополитъ, и нарече имя ему Михаилъ... Тое же зимы» (въ 1350 г.) «Князю Великому родись сынъ Иванъ... Февр. 3 родись ему сынъ Семенъ.» Одинъ изъ сыновей, Даніилъ или Михаилъ, былъ еще живъ, когда Симеонъ писалъ свое завѣщаніе, гдѣ сказано: «приказываю свою Княгиню и своего»... конечно сына; но имя стерлось. Сія духовная, писанная на *бумагѣ*, напечатана въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* I, 37. «Се язъ худый грѣшный рабъ Божій Созонтъ... даю радъ своей Княгинѣ: велѣлъ есмь у нее быти своему (ея) дядѣ Василью (Михайловичу Тверскому); а по Бозѣ приказываю своей братьѣ, К. Ивану и К. Андрею, свою Княгиню... А чимъ мя благословилъ отецъ мой, Коломна... Можаескъ, Заячковъ, что мя благословила *тетка* моя, Княгиня *Анна*, и Гордошевичи... а въ городѣ на Москвѣ жеребей мой тамги; а села на Москвѣ... Или буди чего забылъ написати своее купли и участка; тако же и про золото... а изъ стадъ изъ моихъ Княгинѣ стадо Коломенское, другое стадо Дѣтино Ивашково... то все далъ, ать (да) молитъ Бога, а душу мою поминаетъ до своего живота... А сю грамоту писалъ есмь передъ своими отци, передъ Владыкою Володимерскимъ передъ Олексѣемъ... Переяславскимъ Ѳеонасьемъ, Коломенскимъ Ѳеонасьемъ... передъ Архимандритомъ Петромъ... Филимономъ, передъ своимъ отцемъ душевнымъ Попомъ Евсевьемъ... Слушали бы есте (вы братья) Владыки Олексѣя, тако же старыхъ Бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ. А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителій нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла.» Къ грамотѣ привѣшены 3 печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Св. Симеона и съ надписью: *печать Князя Великого Семенова всея Руси*; а двѣ восковыя измятыя.

(366) Ибо еще по Ярославовымъ законамъ лишался свободы всякой человѣкъ, который женился на рабѣ безъ особеннаго условія съ ея господиномъ.

(367) См. выше, примѣч. 324 и *Кн. Степен.* I, 444. Житіе Св. Алексія было вкратцѣ описано Епископомъ Пермскимъ Питиримомъ, въ 1455 г. убитымъ Вогуличами; а въ *Степен. Кн.* оно предложено гораздо обстоятельнѣе. О родителяхъ Алексіевыхъ Сочинитель говоритъ: «Нѣкто отъ славныхъ Боляръ Черниговскихъ, именемъ Ѳеодоръ, съ женою своею Маріею преселишася въ градъ Москву, идѣже тогда скиптродержавствуя В. Князь Даніилъ Александровичь.» Алексій постригся девятнадцати лѣтъ, будучи семнадцатью годами старѣе В. Князя Симеона, и жилъ 20 лѣтъ въ *Богоявленскомъ* монастырѣ, гдѣ игуменствовалъ тогда Стефанъ, братъ Св. Сергія Чудотворца, бывшій Духовникомъ Симеоновымъ и другомъ Инока Геронтія, знаменитаго мудростію. (Замѣтимъ, что въ лѣтописяхъ не упоминается о началѣ *Богоявленскаго* монастыря). — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Пріиде (въ 1333 году) Митрополитъ Ѳеогностъ въ Русь, бывъ въ Царѣградѣ и въ Ордѣ... Той же зимы» — въ 1341 году, когда Симеонъ примирился съ Новогородцами — «пріѣха Митрополитъ Ѳеогностъ Гречинъ въ Новгородъ съ многыми людми: тяжко же бысть Владыцѣ и монастыремъ кормомъ и дары.» — Алексій поставленъ въ Епископы въ 1352 году, Дек. 6. Въ лѣтописи: «А по своемъ животѣ благослови (Митрополитъ) его въ свое мѣсто на Митрополіи, и погадавъ съ сыномъ своимъ, со Княземъ съ Великимъ, и съ его братьею и съ Бояры и съ Вельможи, и посълаша послы во Царьгородъ,» и проч. Сіе посольство было второе. Въ описаніи 1347 г. сказано: «Князь Великій Семенъ и Митрополитъ посълаша во Царьгородъ о благословеньи.» Татищевъ



341

же прибавилъ отъ себя слѣдующее: «Ѳеогностъ имѣ соборъ о дѣлахъ духовныхъ ко исправленію монастырскаго служенія и уставиша начало года отъ Сент. 1 числа, и посла Князь Великій со Архимандритомъ Рождественскимъ въ Царьградъ къ Патріарху, о благословеніи прося.» Сей вымыселъ былъ многими принятъ за истину, и Князь Щербатовъ соглашается, что Лѣтописцы Симеонова времени дѣйствительно начинаютъ годъ съ Сентября: нѣтъ, вездѣ съ Марта, какъ и прежде (кромѣ Никоновскаго). На примѣръ, въ *Троицк.* подъ годомъ 6857 сказано, что *лѣтомъ* были въ Москвѣ послы Литовскіе, а 7 *Сент.* родился сынъ у Симеона; тамъ же подъ годомъ 6875, что въ Великій постъ *Марта* 20, скончался Тверскій Епископъ Ѳеодоръ, а *осенью того же лѣта, Октября* 27, Князь Тверскій Михаилъ возвратился изъ Литвы. По *Новогородской* въ 1419 году, *Маія* 1, сгорѣлъ Славянскій Конецъ, а *послѣ въ томъ же году* Князь Константинъ Димитріевичь пріѣхалъ въ Новгородъ *Февраля* 25. Далѣе увидимъ, когда лѣтосчисленіе перемѣнилось (см. Т. V, примѣч. 246). — Въ *Степен. Кн.* сказано, что умирающій Ѳеогностъ писалъ грамоту къ Патріарху Филоѳею: развѣ къ Каллисту? ибо Филоѳей сдѣлался Патріархомъ уже въ 1354 году.

(368) Въ *Степен. Кн.* I, 451: «и въ та времена отъ нѣкоего самочиненія предвари поставленъ быти въ Митрополиты отъ Терновскаго (въ Болгаріи) Патріархъ нѣкто Инокъ, именемъ Ѳеодоритъ, еще живу сущу Митрополиту Ѳеогносту, и пріиде въ Кіевъ, и ничтожь получи.» Съ котораго времени Болгары имѣли своего Патріарха, не знаемъ.

(369) См. *Никонов. Лѣт.* Константинъ Тверскій началъ ссориться съ Княгинею Анастасіею и съ ея сыномъ въ 1346 году; въ томъ же году и скончался въ Ордѣ, а Василій Михайловичь былъ ограбленъ племянникомъ. Епископъ Тверскій *Ѳеодоръ* примирилъ ихъ въ 1349 году (сей Епископъ заступилъ мѣсто другаго Ѳеодора, умершаго въ 1345). Въ лѣтописи: «и укрѣпишась межи собою крестнымъ цѣлованіемъ, и Василій нача жити съ братаничемъ своимъ тихо и мирно, и пойдоша люділе отвсюду въ землю Тверскую и умножишась... Въ лѣто 6860 (1352) пріиде изъ Орды посолъ Ахматъ и привезе Князю Василію Михайловичу ярлыкъ на его имя, и нача Князь Василій негодованіе имѣти на братанича своего, поминая Бездежскій грабежъ его, и обидити, и Бояръ и слугъ его тягостію данною оскорбляти.» Михаилъ Васильевичь Кашинскій женился на дочери Симеоновой въ 1350 году.

(370) «Тое же весны (въ 1351 году) Князь Муромскій Юрій Ярославичь обнови градъ свой отчину Муромъ, запустѣвшій здавна отъ первыхъ Князей, и постави дворъ свой въ городѣ, тако же и Бояре его и Вельможи, и купци и черные люди ставиша дворы своя и церкви обновиша и украсиша иконами и книгами.»

(371) См. выше, примѣч. 303 и *Повѣсть о Св. Сергіи* въ *Никон. Лѣт.* IV, 203. Тамъ сказано, что отецъ Сергіевъ лишился богатства отъ частыхъ путешествій съ Княземъ въ Орду, отъ грабительства Татаръ, отъ неурожаевъ хлѣбныхъ, и проч. — Намѣстникъ Радонежскій назывался Терентіемъ Ртищею. Радонежъ есть нынѣ село *Городокъ*, въ 10 верстахъ отъ Лавры. — Братья Сергіевы, Стефанъ и Петръ, женились: первый сдѣлался инокомъ уже по кончинѣ супруги; а родители ихъ также скончались въ монашествѣ. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: «Призвавъ (Св. Сергій) брата своего меньшаго, Петра, оставляетъ ему отчее наслѣдіе... Стефанъ же убо преже пострижеся въ монастыри Покрова на Хотковѣ: къ нему пріиде меншій братъ, и моляше его, дабы съ нимъ шелъ на взысканіе пустыннаго мѣста... и идоша въ пустыню, въ великій лѣсъ; избраша мѣсто и взяша благословеніе у Ѳеогноста Митрополита основати церковь; также и антимизъ взяша и Священника, и освятиша церковь во имя Троицы при Великомъ Князѣ Симеонѣ Ивановичѣ, въ началѣ княженія его... Стефанъ же оставляетъ пустыню и брата своего, и пріиде близъ града Москвы, и вниде въ монастырь Св. Богоявленія... Братъ же Стефановъ призва къ себѣ въ пустыню нѣкоего Игумена Митрофана... Митрофанъ же постриже его мѣсяца Окт. въ 7 день... Бѣ же тогда Святый возрастомъ 23 лѣта... По отшествіи Митрофана единъ живяше въ пустыни той... Прихожаху къ нему звѣри мнози; единъ же медвѣдь часто не злобы ради приходитъ, но снѣди ради. Святый же изнесе хлѣбъ изъ келіи своея и полагаше на кладѣ и на пни; медвѣдь же идяше тихо, и весело зряше на Святаго. Святый же благодаря Бога, яко лютый звѣрь посланъ на утѣшеніе ему, и яко овца водворяшеся съ нимъ въ пустыни... И тако пребывшу лѣта два или три единому въ молчаніи, и по семъ окрестъ живущіи Мниси прихожаху къ нему, глаголюще: *отче! пріими насъ*... Отвѣщавъ же Святый: *радостнѣ пріемлю; токмо почтитеся создати себе кождо свою келью*... По лѣтѣ же единомъ Митрофанъ Игуменъ паки пріиде ко блаженному Сергію... разболѣся и преставись ко Господу. Тогда братья собравшесь глаголаша Преподобному: *да будеши намъ Игуменъ*... Онъ же отрицашеся... Братія же восхотѣша разъитися. Онъ же рече: *воля Господня да будетъ! Идемъ во градъ Переславль къ Епископу.* Бѣ бо тогда Митрополитъ Алексѣй во Царѣградѣ, въ Переславлѣ же повелѣ быти во свое мѣсто Епископу Аѳанасію Волынскому... Аѳанасій же постави его въ Черицы, и въ Подъяконы, и въ Дьяконы; наутріе же соверши его Іерейскимъ саномъ; въ третій же Св. Сергій со Архіереемъ соверши Божественную литургію... Сице сподобися Священства и Игуменства... Бѣ же числомъ Иноковъ тогда 12, кромѣ Игумена, и сице по два или по три лѣта бываше; и аще единъ убудетъ, другаго на мѣсто его пріимаше... Пріиде же ко Святому Симонъ, Архимандритъ старѣйшій Смоленскій... и вниде въ монастырь его со многимъ имѣніемъ, и даде ему вся на строеніе монастыря... и въ старости преставися. По семъ же пріиде братъ Сергіевъ, Стефанъ, оставя монастырь свой, въ немъ же Игуменомъ бяше, и Великому Князю духовный отецъ, и Тысяцкому Василію и старѣйшимъ Бояромъ. Приведе же съ собою сына своего меншаго, именемъ Ивана, двѣнадцати лѣтъ суща, и повелѣ его Игумену Сергію пострищи. Игуменъ же постриже его, и нарече ему иноческое имя Ѳеодоръ... и научися отъ дяди своего добродѣтелямъ... Мнози же отъ различныхъ странъ прихожаху къ нему; Преподобный же всѣхъ пріимаше съ радостію, и постризаше... Прежде же повелѣваше облещися имъ въ свиту долгу отъ сукна черна, и въ ней ходити съ братіями время довольно, дондеже извыкнутъ весь уставъ монастырскій; по сихъ же облачаше ихъ во иноческую одежду... Егда же будетъ кто совершенъ, таковаго сподобляетъ пріяти и святую Схиму... Пріидоша Греки отъ Константинаграда ко Святому въ монастырь, и даша ему благословеніе отъ Патріарха Филоѳея, крестъ и *Парамандъ*» (Paramandy, родъ мантіи: см. Дю-Канж. Glossar. подъ словомъ Mandyas) «и Схиму и грамоту... и Святый пѣшъ пойде ко Алексѣю Митрополиту въ Москву (николи же и до великія старости на кони ѣздяше) и вдаде ему поминки и

грамоту Патріаршу... Бѣ же написано сице: Божіею милостію Киръ Филоѳей, Константина-града Патріархъ вселенскій о Св. Дусѣ сослужебнику нашего смиренія Сергію благодать и миръ и благословеніе. Слышахомъ житіе твое, и прославихомъ Бога... Но еще ти едина главизна недостаточствуетъ, яко не *общее житіе* стяжалъ еси, его же самъ Пророкъ Давидъ, иже вся обсязавый разумомъ, ничто же ино возможе похвалити, токмо сице: се нынѣ что добро или что красно, но еже жити братіямъ вкупѣ,» и проч... «Вопроси же Преподобный Митрополита, како повелитъ чему быти: Алексѣй же Митрополитъ отвѣща: яко же Патріархъ повелѣваетъ... И тако разрядиша братію по службамъ, ового Келаря, ового Подкеларника, ового Казначея, ового Уставщика, овѣхъ трапезниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ, иныхъ же больнымъ служити, и все богатство монастырское обще створиша.» — Далѣе описывается, какъ Стефанъ грубымъ словомъ заставилъ брата искать другой пустыни; какъ Сергій основалъ монастырь на Киржачѣ, но долженъ былъ возвратиться въ Лавру Троицкую, и проч.

(372) Въ *Троицк.*: «Початы быша (въ 1344 году) подписывати на Москвѣ двѣ церкви камены, Св. Богородица, да Св. Михаилъ; Св. же Богородицы подписывали Греци, Митрополичи письцы Ѳеогностовы, да котораго лѣта почали, того же лѣта и кончали; а Св. Михаила подписывали Русскія писцы Князя Великаго Семеновы Ивановича, въ нихъ же бѣ старѣйшины и начальници иконописцемъ Захарія, Іосифъ, Николай и прочая дружина ихъ, но ни половины церкви не могли того лѣта подписати величества ради церкви тоя... Тое же весны (въ 1345 году) почали подписывати церковь Св. Спаса казною и велѣніемъ Великія Княгини» (умершей Анастасіи) «а мастеръ старѣйшина иконьникомъ Гойтанъ.» Въ *Никон. Лѣт.*: «начальницы быша Рустіи родомъ, а Гречестіи ученицы: Гойтанъ и Семенъ и Иванъ.» Тамъ же: «Мастеръ Бориско слилъ» (въ 1346 г.) «три колоколы великіе, а два малые.» Въ *Новогор.*: «Владыка Василій (въ 1342 г.) повелѣ сліяти колоколъ великъ къ Св. Софіи, и приведе мастеры съ Москвы, человѣка добра, именемъ Бориса.» *Никон. Лѣт.* называетъ сего Бориса *Римляниномъ*.

(373) Сіи двѣ грамоты принадлежатъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ *бумажныхъ* рукописей, донынѣ извѣстныхъ въ Европѣ. Въ Италіи и въ Испаніи не нашлось ничего писаннаго на тряпичной или ветошной бумагѣ ранѣе 1367, въ Англіи 1342, во Франціи 1311, въ Германіи 1308 годовъ (см. Essai sur l'orgine de la gravure, T. I, стр. 332, и Wehrs vom Papier, T. I, стр. 173 — 320). Мы не знаемъ подлинно, гдѣ и когда изобрѣтена оная, въ Италіи, въ Германіи, или въ другой землѣ; знаемъ только, что не ранѣе XIII вѣка. Въ Россіи до сего времени и даже до XV столѣтія писали обыкновенно на пергаменѣ. Употреблялась ли у насъ писчая бумага, дѣлаемая изъ хлопчатой? Вѣроятно, когда Славяне Россійскіе (*), и ветошную назвали ея именемъ. Сіи двѣ бумаги не легко различать. Нѣкоторыя Архивскія грамоты и даже Лѣтописцы (на примѣръ, Академическій *Ипатьевскій*) писаны, кажется, на бумагѣ сдѣланной изъ хлопчатой.

Случаи Симеонова княженія, о коихъ мы не упоминали: Въ 1341 году у Великаго Князя родился сынъ Константинъ, въ тотъ же день умершій. Зимою женился братъ Симеоновъ, Іоаннъ, на дочери Димитрія Брянскаго. Въ Новѣгородѣ хлѣбъ былъ дешевъ, а рогатый скотъ померъ. Архіепископъ Василій покрылъ свинцемъ обгорѣвшую церковь Софіи, украсивъ иконами и кивотомъ; сдѣлалъ также большой теремъ. — Въ 1342 скончались Евдоксія Іоанновна, супруга Василія Давидовича Ярославскаго, осенью Ѳеодоръ Тверскій Епископъ, зимою Княгиня Іоанна Іоанновича, Ѳеодосія Димитріевна. Въ Новѣгородѣ Архіеп. Василій, исполняя приказаніе Симеоново, Маія 27 заложилъ вновь на Городищѣ церковь Благовѣщенія, которая прежде тамъ существовала; а въ Октябрѣ умеръ Посадникъ Варѳоломей, схороненный Архіепископомъ въ церкви 40 Мучениковъ, въ могилѣ его отца. — Въ 1343, Маія 31, сгорѣло въ Москвѣ 28 церквей. Архіеп. Василій освятилъ на Городищѣ церковь Благовѣщенія Авг. 24. — Въ 1344 поѣхали въ Орду Симеонъ, его братья и всѣ Князья, и возвратились Окт. 26, *пожалованные Богомъ и Царемъ*. (По *Никон. Лѣт.* Тверскій Епископъ Ѳеодоръ сдѣлалъ въ Соборной церкви мѣдныя двери). — Въ 1345, лѣтомъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ женились его братья, Іоаннъ и Андрей. Въ Новѣгородѣ Іакинѳъ Жабинъ заложилъ церковь Спаса на Ковалевѣ. Скончался Ярославскій Князь Василій Давидовичъ, также Муромскій Василій Ярославичъ Схимникомъ, и положенъ въ Муромской церкви Бориса и Глѣба по (*Никон. Лѣт.* въ монастырѣ на Ушинѣ). Въ Новѣгородѣ «поновлена бысть церкви Св. Георгій, покровенъ новымъ свинцемъ, замышленіемъ Архимандрита Іосифа. Совершена бысть церкви Св. Пятница на память Симеона Столпника, и Кузма и Даміанъ на память Кузмы и Даміана» (первую строилъ Андрей, сынъ Тысячскаго, и Павелъ Петровичь, а вторую Іоаннъ Куритьскій). «Того же лѣта въста Угъ вѣтръ, и внесе ледъ въ Волхово, и выдра 7 городень, на память Архистратига Михаила о обѣднѣ, и только успѣлъ Посадникъ перейти съ всѣмъ Вѣчемъ на Трѣговую сторону. Отъяша Посадничество отъ Остафія Дворянинца и даша Матѳею Валѳромеевичь, и Божіею благостію не бысть лиха межю има.» — Въ 1346 живописцы кончили свою работу въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, въ церкви Преображенія и Іоанна Лѣствичника. Поставленъ Іоаннъ Епископомъ Ростову, бывъ Спасскимъ Архимандритомъ въ Москвѣ. — Въ 1347 находился въ Москвѣ Татарскій посолъ Кога и было весною необыкновенное наводненіе. Поставленъ Суздальскій Епископъ Наѳанаилъ. Отправился въ Орду Великій Князь. Въ 1348 онъ возвратился съ братомъ Андреемъ. «Бысть чудо во градѣ Москвѣ Мая въ 26 день: бысть *прошенье* въ церкви у гроба Петрова; дѣвица нѣкая приде имуща руцѣ прикорченѣ, и исцѣленье получи» (по *Никон. Лѣт.* человѣкъ именемъ Иванъ, у котораго болѣлъ глазъ)... «Архіеп. Новогород. Василій повелѣ подписати церковь Св. Въскресенія на Деревяници, и кончаша на зачатіе Іоанна Крестителя.» (По *Ник. Лѣт.* Князь Могольскій Темиръ опустошилъ Алексинъ, городъ Св. Петра Митрополита, и былъ умерщвленъ въ Ордѣ слугами. Тверскій Епископъ расписалъ олтарь въ Соборной церкви. Скончалась Марія, супруга убіеннаго въ Ордѣ Князя Димитрія Михайловича Тверскаго. Былъ моръ въ Полоцкѣ). — Въ 1350, Іюня 16, Новогородцы смѣнили Посадника Ѳеодора Даниловича, выбравъ Онцифора (Онисифора) Лукина. Архіеп. Василій сдѣлалъ каменную полатку у себя на дворѣ подлѣ церкви Рождества. Новогородцы выгнали бывшаго Посадника Ѳеодора съ братьями Михаиломъ, Юріемъ и Андреяномъ, разграбивъ ихъ домы и Прусскую улицу; изгнанники ушли во Псковъ, оттуда же въ Копорье. Въ Духовъ день свирѣпствовала буря.

(*) За сими словами въ прежнихъ изданіяхъ слѣдовали: вмѣстѣ съ Иллирическими; но они исключены Исторіографомъ на собственномъ его экземплярѣ И. Г. Р. втораго изданія.

Въ Новѣгородѣ перестроили церковь Флора и Лавра. «Рать Нѣмецкая истопе въ морѣ.» Преставился Князь Василій Александровичь Рязанскій. Весною поѣхалъ Вел. Князь въ Орду съ братьями, а лѣтомъ возвратился. «Кончанъ бысть притворъ, придѣлъ каменъ у церкви Св. Спаса на Москвѣ.» Окт. 12 родился Іоанну Іоанновичу сынъ Димитрій. Занемогъ осенью Митрополитъ Ѳеогностъ. (По *Никон. Лѣт.* Константинъ Суздальскій заложилъ кам. церковь въ Нижнемъ и ѣздилъ въ Орду). — Въ 1351 «бысть чудо въ Москвѣ у гроба Св. Петра Митрополита: жена нѣкая два года лежала безъ ногъ, и бысть *прощена* здрава. Ѳеогностъ Митрополитъ благословилъ Данила Владыку Епископомъ на Суждаль, и пріятъ древній свой санъ, и служи обѣдню... (Татищевъ пишетъ, что сей Епископъ, желая имѣть болѣе селъ, и не довольный Княземъ Александромъ Суздальскимъ, отлучилъ отъ церкви Бояръ его: чѣмъ и заслужилъ справедливый гнѣвъ Митрополита). «Поновиша (въ Новѣгородѣ) церковь каменну Св. Бориса и Глѣба Орѣховскимъ серебромъ въ Колоткѣ.»

(374) Объ немъ сказано въ лѣтописяхъ; «княжилъ честно и грозно; боронилъ отчину свою отъ сильныхъ Князей и отъ Татаръ.»

(375) См. выше стр. 107. Въ *Троицк.*: «того жь лѣта (1353) въ Петрово говѣнье, *Іюня* въ 22 день, взяша Рязанци Лопасну. Князь Олегъ тогда еще младъ былъ... Намѣстника изнимаша Михайла Александровича.» Въ сей лѣтописи несправедливо означено преставленіе Симеона уже подъ годомъ 1354, вмѣсто 1353.

(376) Княживъ 15 лѣтъ, онъ преставился въ 1355 году, Ноября 21, въ Черицахъ и въ Схимѣ, и положенъ въ Нижегородской Соборной церкви Св. Спаса, имъ созданной, гдѣ и нынѣ показываютъ его гробъ. Тамъ погребена и супруга Константинова, Анна *Грековна* (думаю, *Гречанка*). Въ *Никонов.* прибавлено, что Константинъ не за долго до кончины помирился съ Іоанномъ. — О Новогородцахъ: «пребыша безъ мира съ Великымъ Княземъ полтора году, но промежи того не бысть зла го.» — Андрей ѣздилъ тогда къ Хану и возвратился отъ него въ 1356 году. — Димитрій Ѳеодоровичь Стародубскій, праправнукъ Іоанна Всеволодовича, умеръ въ 1355 году и погребенъ въ Стародубѣ; а братъ его сѣлъ на Княженіе зимою въ 1356.

(377) Ольгердъ выдалъ дочь за Бориса Суздальскаго въ 1354 году, а племянника женилъ на Московской Княжнѣ въ 1356. — «Тое же осени (1356) Олгердъ воевалъ Бряпескъ и Смоленскъ, и у Князя Василья (Александровича) полонилъ сына. Пріиде изъ Орды Князь Василей съ пожалованьемъ и сяде на Княженіи во Брянскѣ, и преставися. И бысть въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей, и замятня велія и запустѣніе града; и потомъ нача обладати Брянскимъ Князь Великій Литовскій» (см. *Никон. Лѣт.*) Василій сдѣлался Брянскимъ Княземъ по кончинѣ Димитрія, отца первой супруги Великаго Князя Іоанна Іоанновича (см. о Брянскихъ Князьяхъ выше примѣч. 315 и 320. — Въ *Никонов.*: «Того жь лѣта (1356) Сижскаго сынъ Иванъ сѣде съ Литвою во Ржевѣ.» Войско Можайское и Тверское выгнало оттуда Литовцевъ въ 1358 году. Старый Ржевъ былъ подлѣ Новоржева (см. сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 49). — Въ *Псков. Лѣт.*: «Въ лѣто 6866 (1358) Псковичи съ Княземъ Остафьемъ холиша къ городу Полотьску, и повоеваша волости ихъ.» Въ Архивскомъ спискѣ прибавлено, что въ 1357 году пріѣхалъ на Княженіе во Псковъ Князь Василій *Будволна*.

(378) См. выше, примѣч. 370. Сей Ѳеодоръ Глѣбовичь былъ конечно отъ племени Муромскихъ Князей, хотя онъ и не показанъ въ Родословныхъ. О неволѣ и смерти Юріевой сказано въ *Никонов. Лѣт.*

(379) Въ *Никонов.*: «и тамо пріиде къ нему» (въ Владимірѣ къ Митрополиту) «съ жалобами Всеволодъ на дядю своего — и Князь Василій Михайловичь Тверскій посла къ Велик. Князю на Москву по Митрополичью слову и сотвори миръ и любовь велію съ В. К., и пойде съ Ѳеодоромъ Епископомъ своимъ ко Алексѣю Митроп. въ Володимерь, и много быша глаголанія, но миръ не сотворися... Того же лѣта (1357) Князь Василей Михайловичь Тверскій со Княземъ Всеволодомъ въ разньствѣ и въ раздорѣ быша, и не вмѣстѣ пойдоша (въ Орду): Всеволодъ убо пойде на Переславль, и тамо Намѣстницы В. Князя не даша ему пути, и онъ пойде въ Литву... Того же лѣта (1358) Кн. Василій пріиде изъ Орды во Тверь... Того же лѣта Князь Ѳеодоръ (Всеволодъ) Александровичь пойде въ Орду изъ Литвы... Князь Василей Тверскій послалъ Григорчюка да Корея въ Орду жаловатися на братанича своего, на Всеволода; и тако Царь (Бердибекъ) и Царица выдали Князя Всеволода дадѣ его Князю Василью... и бысть Всеволоду отъ Князя Василья томленіе веліе, такоже и Бояромъ его и слугамъ, и продажа и грабленіе веліе на нихъ, и чернымъ людемъ данная продажа велія... Нестроенія ради Князей Тверскихъ не восхотѣ Ѳеодоръ Владычества въ Твери. Алексѣй же Митрополитъ поучи его терпѣти... и тако съ Коломцы отпусти его во Тверь ко Св. Спасу.»

(380) «Той же весны (въ 1359 г.) бысть мятежъ силенъ въ Новѣгородѣ: отъяша Посадничьство у Андреяна Захаріинича, не весь градъ, токмо Славеньскій Конецъ, и даша Селивестру Лентеевичь, и сътворися поторжь не мала на Ярославли Дворѣ, и сѣча бысть: понеже Славляне въ доспѣсѣ полсѣли бяху, и розгониша Зарѣчанъ... и Бояръ многыхъ били и полупили, а Ивана, сына Борисова, до смерти убили. И доспѣша тогда обѣ сторонѣ противу себе: Софійская хотя мьстити безчестіе братіи своей, а Славеньскаа отъ живота и отъ головъ» — (то есть, за имѣніе и за жизнь) — «и стояша 3 дни; уже бо Славляне и мостъ переметаша.» — См. выше, примѣч. 358. Моисей былъ Владыкою Новогородскимъ еще прежде Василія. «Того жь лѣта (1359) Архіепископъ Моисей сънде съ Владычьства немощи дѣля на память Св. Моисія, и много молиша его весь Новгородъ, и не послуша ихъ, нъ тако рекъ: изберите себѣ мужа; и много гадавше, и не изволиша себѣ отъ человѣкъ избранія створити, нъ отъ Бога. И избраша три мужи. Алексѣа Черньца, Ключника Дому Св. Софіи, и Саву Игумена Антонова монастыря, и Ивана Попа Св. Варвары; и положиша 3 жребіи на престолѣ въ Св. Софіи... И избра Богъ и Св. Софіа Святителемъ мужа добра, разумна о всемъ и расмотрѣлива, Алексѣя, его же жребій остави Богъ на престолѣ Св. Софіи; и абіе възведоша его на сѣни Сент. въ 15, и посадиша, сице глаголя: дондеже позоветъ его Митрополитъ на поставленіе; бѣаше бо тогда Митрополитъ въ Кіевѣ. И послаша къ нему послове; и пакы той же зимы поставленъ бысть Алексѣй Чернецъ *шестникъ*» (пришлецъ? ибо чужеземные, Княжескіе воины въ Новѣгородѣ и Псковѣ назывались шестниками) «въ Діаконы и въ Попы отъ Тферского Епископа Ѳеодора.... Пойде Алексѣй (въ 1360 г.) на поставленіе въ Володимерь, а съ нимъ Бояръ бѣ Александръ Посадникъ, Юрьи Ивановъ... и поставленъ бысть Алексѣй Архіепископомъ въ преименитѣй церкви въ Св. Богородицѣ въ Володимерской Митрополитомъ Олексѣемъ Іуля въ 12 день, и пріиде въ Новгородъ, и срѣтоша его съ кресты у Св. Иліи, и

възрадовашась зѣло.» — На мѣсто Сильвестра избрали Никиту Матвѣевича въ Посадники.

(381) Въ *Троицк.*: «Тое же зимы Февр. въ 3 день (1357 г.) егда заутреню благовѣстять, убьенъ бысть Алексій Петровичь Тысяцьскій; убьенье же его дивно нѣкако и не знаемо, аки ни отъ кого же, ни кимъ же: токмо обрѣтеся лежай на площади. Нѣціи же рекоша, яко втаю свѣтъ (совѣтъ) створиша и ковъ коваша нань, и тако всѣхъ общею думою, да *яко же Андрей Боголюбивый отъ Кучковичь*, тако и сій отъ своея дружины пострада.» Въ *Никонов.*: «и бысть мятежъ велій на Москвѣ того ради убійства — и по послѣднемъ пути Большіи Бояре Московстіи отъѣхаша на Рязань съ женами и съ дѣтми . . . К. В. (въ 1358 г.) пріиде изъ Орды и перезва къ себѣ паки дву Бояриновъ своихъ, иже отъѣхали были отъ него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевичь.»

(382) См. выше, примѣч. 367. — Въ *Новогород.*: «послаше Архіепископъ послы своя къ Царю и къ Патріарху, прося отъ нихъ благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ Митрополита.» Татищевъ прибавляетъ, что Новогородцы хотѣли отложиться отъ Россійской Митрополіи и власти Великихъ Князей. — Въ лѣтописи сказано только, что послы возвратились съ *великимъ пожалованіемъ* отъ Царя и Патріарха. — См. изображеніе крещатыхъ ризъ въ Дю-Канж. Constant. Christ. кн. IV, стр. 120.

(383) Алексій поѣхалъ къ Патріарху въ 1353, а посвященъ и возвратился осенью въ 1354 (по *Троицк.* въ 1355) году. Въ *Степен.*: «во время поставленія Алексіева содѣяся мятежъ во Святительствѣ, его же не бысть преже сего въ Руси: человѣческаго ради *сребролюбія* поставленъ бысть тогда другій Митрополитъ на Русь, именемъ Романъ, и бысть ему со блаженнымъ Алексіемъ крамола велія; и тогда отъ обоихъ изъ Царяграда пріидоша послы въ Тферь къ Ѳеодору Владыцѣ Тферскому, и бысть въ церковникѣхъ не мало смятеніе и *тщета имѣнію.*» — Алексій вторично отправился къ Патріарху въ 1356 году: тое же осени и море перешелъ, и на Русь приде.» Въ *Никонов.*: «пріиде Алексѣй Митрополитъ отъ Патріарха со благословеніемъ на всю Рускую землю такожь и Романъ пріиде на Литовскую землю и на Волынскую.» Въ *Степен. Книгѣ* описывается чудо, какимъ образомъ Св. Алексій молитвою укротилъ сильное морское волненіе, давъ обѣтъ построить церковь во имя Іисуса Христа: что онъ и сдѣлалъ, основавъ монастырь Андрониковъ на берегу Яузы. Св. Сергій далъ ему ученика своего Андроника, бывшаго тамъ первымъ Игуменомъ. «Пріиде жь Св. Сергій въ монастырь той, и похвали мѣсто и благослови . . . И тако поставлена бысть церковь зѣло прекрасна во имя Спаса нашего, и честную икону образа Христова, юже имяше принесену съ собою отъ Царяграга, чуднѣ златомъ украшену, въ ней (Митрополитъ) постави.» — Далѣе въ *Никонов.*: Того же лѣта (1359) К. Всеволодъ Холмскій пріиде въ Литву . . . Романъ (въ 1360) пріиде во Тверь напрасньствомъ и безстудствомъ, не обослався съ Алексѣемъ Митрополитомъ, и не бысть ему ничто же по его воли. Онъ же мало время пребывъ, потребное пріемля отъ Князей Тверскихъ и отъ Бояръ . . . Того же лѣта К. Всеволодъ пріиде изъ Литвы, и взя миръ и любовь съ братьею; а К. Василей Михайловичь дядя ихъ, треть ихъ отчины отступился, и раздѣлишася волостьми. Князь же Всеволодъ многу сотвори честь и дары даде Роману, и повелѣ его проводити въ Литву съ честію.» — К. Щербатовъ говоритъ здѣсь о посредничествѣ Ольгерда, и проч.

(384) См. *Степен. Книгу*, I, 455. Въ *Троицк.*: «Въ лѣто 6865 (1357) приде изъ Орды посолъ отъ Царицы Тайдулы къ Алексію Митрополиту звать его, и пойде въ Орду Авг 18. Того же дни зажьглася свѣча сама о себѣ въ церкви Св. Богородицы на Москвѣ. Митрополитъ же, пѣвъ мольбенъ, и свѣчу ту раздробивъ, и раздасть народу . . . Вборзѣ же изъ Орды отпущенъ бысть, зане же замятня ся доспѣла въ Ордѣ.» Въ *Степенной*: «Царица видѣ во снѣ того Митрополита, пришедша въ одеждѣ Архіерейстѣй, и сотвори по тому образу ризы Святительскія . . . и абіе Царь срѣтаетъ его съ великою честію и дароношеніемъ; и бяше видѣти реченное древле: *левъ и агнецъ вкупѣ почіютъ.* И сотвори Архіерей свѣщу изъ воска онаго, иже сама возжеся, и возже, и покропивъ Царицу священною водою, и прозрѣ Царица» (она была слѣпа). — Въ *Ростов.*: «тое же осени (г. 1357) пріиде изъ Орды посолъ силенъ, именемъ Кошакъ. и велика бысть истома Княземъ Рускимъ.» — О Таврисѣ см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 459. Въ нашихъ лѣтописяхъ: «въ лѣто 6865 (1357) взя Царь Чанибекъ Тиверіажьское Царство.» — Въ *Троицк.*: «тогожъ лѣта Бердибекъ Царь въ Ордѣ сѣде, отца убилъ и братью.» Въ *Ростов.*: «тое же зимы умре *добрый* Чанибекъ, и сѣде на Царствѣ сынъ его Бердебекъ, и бысть въ Ордѣ замятня велика, и убивъ братовъ своихъ 12, съ окаяннымъ предстателемъ своимъ Товлубіемъ.» Абульгази пишетъ, что Чанибекъ, оставивъ Бердибека въ Таврисской области, возвратился въ Орду, занемогъ опасно и послалъ за сыномъ, но скоро умеръ въ Сараѣ, куда Бердибекъ пріѣхалъ уже черезъ два года по кончинѣ отца. Извѣстіе нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ достовѣрнѣе. Въ *Никон. Лѣт.* прибавлены слѣдующія обстоятельства: «Бысть тогда Темникъ въ Ордѣ мудръ и силенъ, окаянный Тавлубій, и восхотѣ всѣми землями владѣти, и нача шептати Бердибеку, хваля его и глаголя, яко время ти сѣдѣти на Царствѣ . . . И многихъ Князей Ординскихъ привлекоша къ себѣ въ совѣтъ . . . и Царевичь Бердибекъ пріиде съ думцы и удави отца. Бѣ же Чанибекъ добръ зѣло ко Христіянству и многу льготу сотвори землѣ Рустѣй; но судъ ему сотворился, яко же онъ изби братію, тако и самъ тую чашу испи.» — Въ *Троицк.*: «тогожь лѣта приде изъ Орды посолъ, именемъ Иткара, по запросъ ко всѣмъ Княземъ Русскимъ.» См. также *Степен. Кн.* I, 456. Митрополитъ Алексій получилъ тогда отъ Бердибека ярлыкъ напечатанный въ *Древней Рос. Вивліоѳ.* VI, 23. Въ немъ сказано: «Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися, и проч. Далѣе то же, что и въ ярлыкѣ Ѳеогностовомъ, уже извѣстномъ Читателю. Бердибекъ, подобно его предкамъ, освободилъ наше Духовенство отъ дани. — Вмѣстѣ съ ярлыкомъ Ханскимъ напечатанъ въ *Вивліоѳикѣ* и Тайдулинъ, данный сею Царицею Алексію Митрополиту еще гораздо прежде, на случай его путешествія въ Константинополь: «Сей Алексѣй Митрополитъ коли пойдетъ ко Царюграду, и здѣ кто ни будетъ, чтобъ его не замали, ни силы бы надъ нимъ не учинили никакіе; или гдѣ ему лучится постояти, чтобъ его никто не двигнулъ, ни коней его не имали, зане же за Чанибека Царя и за дѣтей и за насъ молитву творитъ,» и проч. — О словахъ юнаго Димитрія см. *Степен. Книгу*, I, 457. — Далѣе въ лѣтописи: «Тое же зимы (въ 1358 г.) по Крещеніи Преосвящ. Алексѣй Митрополитъ поѣхалъ въ Кіевъ . . . Пріѣха (въ 1360 г.) изъ Кіева на Москву Алексѣй Митрополитъ.»

(385) «Наборзѣ отъ Царя въ Орду позванъ бысть

343

Мамать-Хожа (въ 1358 г.), зане же ко Царю въ коромолу вниде, и въ Ордѣ Царева любовника убилъ, и самъ побѣжалъ къ Орначю» (къ городу при устьѣ Дона) «и гонци постигоша его, и тамо убьенъ бысть повелѣньемъ Царевымъ.»

(386) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ* I, 41. Въ ней сказано: «Даю сыну Дмитрію икону Св. Олександръ, чепь золоту великую врану съ крестомъ золотымъ, чепь золоту колчату, икона золотомъ кована *Парамшина* дѣла, шапка золота, бармы, поясъ великій золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что мя благословилъ отецъ мой, поясъ золотъ съ крюкомъ, обязь золота, сабля золота и серга съ женчугомъ, чечакъ (шишакъ?) золотъ съ каменьемъ съ женчуги, два овкача золота, ковшъ великій золотъ гладкій, коропка золотомъ кована сердонична, бадья серебрена съ наливкою серебрекою... опашень (епанча) скорлатенъ саженъ... Князю Ивану чепь великую золоту съ крестомъ, чепь золоту врану, а другую огнивчату съ кресты, икону Благовѣщенье и сергу съ женчугомъ, поясъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что ми далъ братъ мой Князь В. Семенъ; поясъ золотъ сточный (тканый), аламъ (см. выше примѣч. 325) женчужный, наплечки золоты съ круги съ каменьемъ съ женчуги, аламъ малый съ женчуги, что ми дала Княг. Марья, ковшь великій золотъ гладъкій, овкачикъ золотъ, чашка золота, да стоканъ Царьгородскій золотомъ кованъ, чечакъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, сабля золота, обязь золота. А кого ми дасть Богъ зятью, по чепи имъ золотѣ, да по поясу по золоту. А что за Княгинью за Марьею, то до ее живота; а по ее животѣ моей Княгинѣ. А что волостій за Княг. за Ульяною, изъ тыхъ волостій по ее животѣ дѣти мои и Князь Володимеръ дадутъ *дочери* ее... А изъ моихъ судовъ (сосудовъ) изъ серебреныхъ дадутъ блюдо великое съ кольци къ Пресв. Богородицы въ Володимерь; а иными дѣти мои съ своею матерью подѣлятся на трое... А село Павловьское далъ есмь Св. Александру въ прокъ, собѣ въ память. А что моихъ стадъ коневыхъ, а то сыну моему К. Дмитрію и Кн. Ивану наполы. А изъ тамги изъ Коломеньское далъ есмь четвертую часть къ Св. Богородици на Крутицю собѣ въ память; а *костки* (путевые пошлины) Московскіи далъ есмь на Москвѣ къ Св. Богородици и къ Св. Михаилу въ память по своемъ отцѣ и по своей братіи и по собѣ: то имъ *руга*» (roga, ῥόγα). «А хто будеть моихъ Казначеевъ, и Тивуновъ, и Посельскихъ, или хто будетъ моихъ *Дьяковъ*» — слѣдственно симъ именемъ назывались и рабы — «что будетъ онъ мене вѣдали, прибытокъ ли который, или у тыхъ хто будетъ женился, тѣ люди не надобны моимъ дѣтемъ, ни моей Княгинѣ; далъ есмь имъ волю. Также хто будетъ моихъ людій купленныхъ, грамотныхъ, *полныхъ*» — т. е. совершенныхъ холопей или рабовъ — «далъ есмь имъ свободу, куды имъ любо... А на сію грамоту послухъ отецъ мой Владыка Ростовьскій Игнатій, отци мои душевные Игуменъ Иванъ, Попъ Акинѳъ, Попъ Патрекей... Грамоту писалъ Нестерко.» Къ ней привѣшена серебряная вызолоченная печать, у коей на одной сторонѣ изображенъ Св. Іоаннъ съ надписью Греческою, а на другой вырѣзаны слова: *Печать Князя Великого Ивана Ивановича*, безъ прибавленія: *Всея Руси*. Сія грамота писана на пергаментѣ.

Въ Пушкинскомъ собраніи грамотъ Двинскихъ находится Іоаннова: «Отъ В. К. отъ Ивана, отъ Посадника Данила, отъ Тысяцкаго Аврама, и отъ всего Новагорода къ Двинскому Посаднику на Колмогоры, и къ Бояромъ къ Двинскимъ. Прикалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходить на море въ дватцати человѣкъ. А вы не вступайтеся въ гнѣздные потки, ни въ мѣста; а погостъ Кергольскій и Волокъ вѣдаеть Михайло по пошлинѣ... А Микифору не надобѣ вступатись ни во чтожь; а тотъ ходить Микифоръ въ Михайловѣ ватазѣ.»

(387) См. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 65 и 70, и въ началѣ *Воскресен. Лѣтописца* описаніе древнихъ нашихъ городовъ, которое начинается такъ: «Се имена градомъ всѣмъ *Рускымъ*, далнимъ и ближнимъ. На Дунаи Видицовъ (Виддинъ) о седми стѣнъ каменныхъ — Мединъ (въ Валахіи), а объ ону страну Дуная Терновъ; ту лежитъ Св. Пятница. А по Дунаю Дрествинъ (Силистрія), Дичинъ, Килія на устьѣ Дуная, Новое Село (Новосель), Аколятря (Акело?) на морѣ, Курнака, Варна; а на сей странѣ Дуная, на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ, Чернавскій Торгъ на Прутѣ рѣцѣ, Романовъ Торгъ на Молдовѣ, Нѣмечь въ горахъ, Корочюновъ Камень, Сочава, Серетъ, Баня, Нечюнъ, Коломья городокъ на Черемошѣ; на Днѣстрѣ Хотѣнъ, а то Болгарьской и Волосьской городокъ.» Князья Галицкіе могли владѣть и частію Волошской земли; но сомнѣваюсь, чтобы они господствовали до Терновы. Сей Географъ именуетъ, кажется, Болгарскіе города Россійскими единственно для того, что они были завоеваны Великимъ Княземъ Святославомъ въ X вѣкѣ.

(388) Князь Кантемиръ въ *Описаніи Молдавіи* согласно съ преданіемъ говоритъ, что Волохи, обитавшіе нѣсколько вѣковъ въ горахъ, съ сыномъ Князя своего, Богдана, съ Драгошемъ, ловивъ звѣрей, нечаянно зашли въ нынѣшнюю Молдавію, убили тамъ буйвола въ рѣкѣ, и назвали ее *Молдавою*, отъ имени Драгошевой любимой собаки *Молды*, которая въ ней утонула; что сей Князь, видя въ окрестностяхъ тучные луга и поля, города и крѣпости, оставленныя жителями, переселился въ оныя со многими изъ единоземцевъ, былъ первымъ Владѣтелемъ Молдавскимъ, основалъ мѣстечко Романъ и велѣлъ изобразить голову буйвола въ гербѣ своего новаго Княжества. А въ нашихъ лѣтописяхъ есть о томъ слѣдующая повѣсть: «Два брата, *Романъ* и *Влахита*, избѣгая гоненія, бывшаго на Христіанъ отъ еретиковъ, ушли изъ Венеціи въ мѣсто называемое *Старымъ Римомъ* и построили городъ *Романъ*, въ коемъ и жили спокойно до отступленія Папы Формоза отъ православія (въ концѣ IX вѣка). Тогда Латинскіе еретики основали *Новый Римъ*, и начали воевать съ *Старыми Римлянами*: что и продолжалось до самыхъ временъ *Владислава*, Короля Венгерскаго, тайно окрещеннаго Святымъ Саввою Сербскимъ, его дядею, по обрядамъ Греческой Церкви. Въ сіе время Татары, предводимые Княземъ *Нейметомъ*, вышли изъ кочевищъ своихъ отъ рѣкъ Молдавы и Прута, желая завоевать страну *Эрдель* или Венгрію, и расположились станомъ на берегахъ Мароша. Съ Владиславомъ соединились Старые и Новые Римляне, которые, ненавидя первыхъ, написали къ нему такую грамоту:» Великому Королю Владиславу *Златый Затокъ* или Венгерскому. Старые Римляне не хотятъ быть съ нами въ единой Вѣрѣ, и нынѣ идутъ всѣ къ тебѣ на помощь, оставивъ только женъ и дѣтей въ своей отчизнѣ. Мы съ тобою братья единовѣрные: наши враги суть и твои. Вели же Старымъ Римлянамъ итти впередъ противъ Неймата, чтобы они всѣ легли на мѣтѣ и не возвратились къ намъ; а мы возмемъ и силою обратимъ ихъ семейства въ Законъ Латинскій. «Король побѣдилъ Моголовъ на рѣкѣ Тисѣ, и довольный мужествомъ, оказаннымъ

Старыми Римлянами въ битвѣ, показалъ имъ грамоту Новыхъ Римлянъ, которые уже дѣйствительно плѣнили ихъ женъ и дѣтей, разоривъ до основанія городъ Романъ. Тогда Старые Римляне, желая соблюсти Вѣру отцевъ своихъ, выпросили у Владислава землю въ Марамаросѣ, между рѣками Марошемъ и Тисою; взяли за себя женъ Венгерскихъ и склонили ихъ принять Вѣру Греческую. Одинъ изъ сихъ людей, знаменитый умомъ и мужествомъ, именемъ Драгошъ, ловя звѣрей, въ слѣдъ за туромъ прошелъ съ товарищами чрезъ высокія *планины* или горы, увидѣлъ тура лежащаго подъ вербою, и застрѣлилъ его на берегу рѣки. Мѣсто имъ полюбилось: возвратясь домой, они хвалили друзьямъ красоту онаго, луга, чистыя рѣки и *криницы* или ключи. Многіе захотѣли тамъ жить, выпросили дозволеніе у Короля Владислава, и со всѣми ближними переселились за горы, на мѣсто, гдѣ Драгошъ убилъ тура, и назвали сего мужа своимъ Государемъ или Воеводою. Такимъ образомъ въ 1359 г. началося Княжество Молдавское, въ странѣ гдѣ прежде кочевали Татары. Драгошъ основалъ первый городъ на Молдавѣ, а вторый Бани» (см. *Воскрес. Лѣт.* стр. 53 — 56). Далѣе сказано, что «Драгошъ былъ на Воеводствѣ два года, сынъ его *Сасъ* четыре, Богданъ Мушатъ шесть лѣтъ, Петръ (сынъ Мушатинъ) 16, Романъ (братъ Петровъ) 3 года *Стефанъ* (также его братъ) 7 лѣтъ, Юга 2 года, Александръ 32 и 8 мѣсяцевъ, сынъ Ильяшъ одинъ 2 года и 9 мѣсяцевъ, да вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ 7 лѣтъ. Стефанъ, ослѣпивъ Ильяша, господствовалъ еще 7 лѣтъ; сынъ Ильяшевъ, Романъ, отрубилъ ему голову и правительствовалъ 1 годъ; сынъ Александровъ, Петръ, 1 годъ (отдавъ Килію Венграмъ); Чюберъ 2 мѣсяца; сынъ Ильяшевъ, Александрелъ, 4 года; Богданъ 2 года: Петръ-Ааронъ отсѣкъ ему голову и начальствовалъ 2 года (въ его время Турки возложили дань на Молдавію). Стефанъ, сынъ Богдановъ, казнивъ Петра, отнялъ Килію у Венгровъ. Въ 1484 году Султанъ Баязетъ взялъ у Стефана Килію и Бѣлградъ. Въ 1499 году Король Польскій Альбертъ воевалъ съ Стефаномъ, и разбитъ имъ на Буковинѣ. Стефанъ умеръ въ 1511 году (нѣтъ, въ 1504) въ Іюлѣ мѣсяцѣ, оставивъ четырехъ сыновей: Петра, Александра и *двухъ* Богдановъ, изъ коихъ *одинъ* заступилъ мѣсто отца.» Здѣсь конецъ повѣсти, ибо Авторъ, какъ вѣроятно, жилъ въ началѣ XVI вѣка. Она въ главныхъ обстоятельствахъ согласна съ Молдавскими извѣстіями и преданіями (см. Кантемир. *Описаніе Молдавіи*). Сказаніе о Старомъ и Новомъ Римѣ надобно такъ разумѣть, что Волохи, издревле наши единовѣрцы, были утѣсняемы въ Венгріи отъ Папистовъ; но если они поселились въ Молдавіи въ 1359 году, то сему надлежало случиться въ царствованіе Людовика Венгерскаго, а не Владислава: къ утвержденію чего служитъ и слѣдующее мѣсто Туроцовой Хроники: Hujus etiam tempore (во время Людовика) Bogdan, Waywody Olachorum de Maramarosio coadunatis sibi Olachis ejusdem districtus in terram Moldaviæ, coronæ regni Hungariæ subjectam, sed a multo tempore propter vicinitatem Tartarorum habitatoribus destitutam, clandestine recessit, et quamvis per exercitum ipsius Regis (Людовика) sæpius impugnatus extitisset, tamen crescente magna numerositate Olachorum inhabitantium illam terram, in regnum est dilatata: Wayvodæ vero, qui per Olachos ipsius regni eliguntur, se esse vasallos Regis Hungariæ profitentur, ad Hungariam obligantur censum solvere tempore consveto. Т. е. «Въ правленіе Людовика *Богданъ*, Воевода Марамаросскихъ Волоховъ, собравъ ихъ, *тайно* ушелъ въ Молдавію, подвластную Венгерскому Королевству, и давно опустѣвшую отъ сосѣдства Татаръ. Хотя Людовикъ нѣсколько разъ посылалъ туда войско, но число Волоховъ столь умножилось въ сей землѣ, что она сдѣлалась особеннымъ Княжествомъ; Воеводы же, избираемые ими, признавали себя данниками Венгріи.» Кантемиръ, называя Богдана отцемъ Драгошевымъ, пишетъ, что онъ былъ сыномъ *Іоанна;* что по тому самому всѣ Господари Молдавскіе именовались въ своемъ титулѣ *Іоаннами;* и что Сасъ имѣлъ сына, именемъ Ласка, отца Мушатина. По современнымъ извѣстіямъ, сей Ласко дѣйствительно господствовалъ въ Молдавіи около 1370 года, переписывался съ Папою Урбаномъ V, и желалъ учредить ЛатинскоеЕпископство въ своемъ городѣ *Серетѣ*, принадлежавшемъ къ Епархіи *Галицкой* (см. Райнальд. Ann. Eccles. г. 1370, No 7), воевалъ также съ Людовикомъ Венгерскимъ (см. Туроц. Chron. Hung. Ч. III, гл. XXXVII). Въ противность тому Длугошъ пишетъ, что Стефанъ, по Кантемирову сказанію *седьмый* Воевода Молдавскій, умеръ около 1359 года (Hist. Polon. кн. IX, стр. 1122).

(389) Важное извѣстіе о переселеніи Волоховъ въ Молдавію находится въ Длугошѣ, который самъ жилъ въ XV вѣкѣ, и говоритъ (Hist. Polon. кн. IX, стр. 1122): Stephano, Moldawiæ, Voievodæ, apud Valachos mortuo, quorum maiores et aboriginarii, de Italiæ Regno pulsi — genus et natio *Volscorum esse* fuisseque creduntur — *veteribus dominis et colonis Ruthenis, primum subdole, deinde abundante in dies multitudine, per violentiam expulsis, illam occuparunt in Ruthenorumque ritus et mores, quo facilior proveniret occupatio, a propriis degenerantes, transmigrarunt.* Т. е. «Предки Волоховъ, Италіянскіе выходцы, (будто бы Волски), нашли въ Молдавіи *Россіянъ*, господствовавшихъ тамъ издавна, сперва должны были принять ихъ обычаи и нравы, чтобы сею хитростію утвердиться между ими; а послѣ, размножившись, силою вытѣснили оныхъ древнихъ жителей Молдавскихъ.»

Родственникъ мой, Сергѣй Сергѣевичь Кушниковъ, бывъ начальникомъ въ Молдавіи, сообщилъ мнѣ нѣсколько подлинныхъ грамотъ Воеводъ или Господарей Стефана, Петра и другихъ; онѣ всѣ писаны Русскимъ старииннымъ языкомъ. Харатейная Стефанова начинается такъ: «Милостію Божію ми Стефанъ Воевода, Господарь земли Молдавской, знаменито чинимъ (даемъ знать) сѣмъ нашимъ листомъ всѣмъ, кто нань узритъ или его услышитъ чточи (въ чтеніи), оже пріидоша предъ нами и предъ нашими Болѣри, слугами нашими,» и проч. Сія грамота есть купчая на рабовъ; свидѣтелями въ ней наименованы братъ Стефановъ, Воевода Петръ, и сынъ *Богдавладъ*, также многіе *Паны* или Бояре Молдавскіе. Въ означеніи года можно только разобрать *шесть тысячь девять сотъ . . .* Привѣшена большая восковая печать съ надписью: *Стефана Воеводы* и проч. Мнѣ доставлены и 3 Волошскія грамоты Воеводъ Петра и Александра, писанныя Болгарскимъ языкомъ и въ XVI вѣкѣ. Чиновники именуются въ нихъ *Жупанами*, а земля *Угро-Влахіею*. — Библія и другія церковныя книги переведены на Волошскій языкъ уже въ XVIII вѣкѣ. Волохи приняли Вѣру Христіанскую или отъ Болгаровъ, или отъ Россіянъ.

(390) См. Тунман. Ueber die Gesch. der Wlachen, стр. 363 — Прая Dissert. 133 — и Бишинг. Walachey, 772.

Разные случаи княженія Іоанна Іоанновича: Въ 1353 году, Іюля 15, Княгиня умершаго Андрея Іоанновича родила сына Владиміра. Въ Новѣго-

344

родѣ построили церковь Симеона. (По *Никон. Лѣт.* Епископъ Тверскій Ѳеодоръ поставилъ вызолоченный крестъ на церкви Спаса, Св. Димитрія и Введенія). — Въ 1354 (или въ 1355 по *Троиц.*) сгорѣлъ весь Кремль въ Москвѣ и 13 церквей. Въ Новѣгородѣ Онцифоръ добровольно отказался отъ Посадничества; на мѣсто его избрали Александра, Дворяницева брата: поставили кам. церковь Св. Димитрія на Лубяницѣ; упалъ храмъ 40 Мучениковъ, отъ пожаровъ и ветхости; жители руками ловили рыбу у берега. — Въ 1355 въ Новѣгородѣ построена каменная церковь Знаменія на Ильинѣ улицѣ, а другая Св. Михаила Архіепископомъ Моисеемъ на Сковоротке. — Въ 1356 скончался Ростовскій Епископъ Іоаннъ, бывшій прежде Архимандритомъ въ Московскомъ монастырѣ Преображенія; на его мѣсто поставленъ Игнатій, а Василій Епископомъ въ Рязань (и въ Муромъ по *Никон. Лѣт.*), Ѳеофилактъ въ Смоленскъ, Іоаннъ въ Сарай. Въ Новѣгородѣ поставлены каменная церковь Св. Георгія на Лубяницѣ (гдѣ прежде находилась деревянная), и 40 Мучениковъ; также три деревянныя, Св. Николая на Яковлевской улицѣ, Св. Саввы на Кузмодемьянской, и Св. Николая на Лядкѣ. Было осенью наводненіе. (По *Никон. Лѣт.* пріѣзжалъ въ Москву Ирынчей и съ нимъ купцы Сурожане, т. е. Азовскіе). — Въ 1357 Архіепископъ Моисей построилъ кам. церковь Св. Духа и при ней обитель, а другую Успенія въ Радоковичахъ. Новогородецъ Сампсонъ Ковановъ убитъ съ дружиною въ Югорской землѣ. Сильнымъ громомъ убило Новогородскаго Игумена въ церкви Св. Николая на Лядкѣ, а на Рогатицѣ другаго человѣка; многіе были оглушены. (Въ *Псковской*: «купци Псковскіи поставиша церковь древянную въ имя Св. Софіи, и вторый сборъ Священники учинивше, начаша держати вселенную службу.») — Въ 1358 скончался Князь Іоаннъ Андреевичь. (По *Никон. Лѣт.* у Князя Михаила Александровича Тверскаго родился сынъ Иванъ и преставился другой сынъ Александръ въ монастырѣ Софійскомъ у бабушки его, Княгини Софіи. Епископъ Тверскій Ѳеодоръ сдѣлалъ у церкви Св. Спаса мѣдныя двери отъ своего двора. Новогородцы дали клятву оставить всѣ *игры Діавольскія и не бить бочекъ*, или, какъ въ другихъ спискахъ, *не пить изъ бочекъ*). Въ Новѣгородѣ построена дер. церковь Свв. Апостоловъ. — Въ 1359 Архіеп. Моисей поставилъ кам. церковь Св. Прокопія на Княжескомъ Дворѣ, а Лазута Св. Іоанна у Нѣмецкаго двора.

(391) Абульгази пишетъ, что съ жизнію Бердибека пресѣкся родъ Мангу-Тимура, и на тронѣ Капчакскомъ сѣли другіе потомки Чингисханова сына Туши. — О сыновьяхъ Кульпы см. *Троиц. Лѣт.* — О смерти Кульпы см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 461.

(392) См. *Ник. Лѣт.*, гдѣ именно сказано, что Царь Наврусъ (а не Хидырь) отдалъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому: съ чѣмъ согласенъ и *Троицк. Лѣт.*, говоря: «Тое же (1360 г.) *весны* выйде изъ Орды на Вел. Княженье Дмитрій Костянтиновичь и въѣхавъ въ Володимерь за недѣлю до Петрова дни. *Тое же весны* приде на Царство Волжское нѣкій Царь съ Востока» — въ другихъ: *Заяицкій* — «именемъ Хидырь, и бысть лесть во Князехъ Ординскихъ, и убьенъ бысть Царь Наврусъ отъ Хидыря.» Сей послѣдній только что появился, когда уже Димитрій Константиновичь сѣлъ на престолѣ Владимірскомъ. — О Великокняженіи Димитрія Суздальскаго въ *Троицк.*: «не по отчинѣ, ни по дѣдинѣ.» Онъ былъ праправнукъ Ярослава Всеволодовича, а Димитрій Московскій сынъ его праправнука.

(393) Митрополитъ поставилъ тогда въ Владимірѣ Архіепископа Новогородскаго.

(394) «Присла Князь Великій свои Намѣстникы, и посадиша ихъ Новогородци, и судъ даша, домолвяся съ Княземъ.» — Въ *Ростов.*: «того же лѣта (1361) въ Новѣгородѣ поновиша городъ каменный, вземше серебро изъ казенныя полаты Св. Софіи, Архіепископа Моисея собраніе.»

(395) Князь Іоаннъ Александровичь Смоленскій преставился въ 1359 году: тогда же Ольгердъ подступилъ къ Смоленску и взялъ Мстиславль, а сынъ его, Андрей, Ржевъ, въ обоихъ городахъ оставивъ своихъ Намѣстниковъ. Бѣлый уже принадлежалъ Литовцамъ: ибо войско Смоленское въ семъ году осаждало его. Ольгердъ въ 1360 г. пріѣзжалъ самъ осмотрѣть городъ Ржевъ. Въ 1361 Литовцы воевали Тверскую область.

(396) См. выше, примѣч. 392. Въ *Никонов.* сказано, что Хидырь убилъ всѣхъ друзей Маврусовыхъ, съ сыномъ его Тимиремъ и со всѣми людьми какого-то Муалбузы. — О Галичѣ см. выше, примѣч. 327. Въ *Ник. Лѣт.* ошибкою названъ Димитрій Галицкій *Борисовичемъ*: онъ былъ сынъ Ивана Давидовича, правнука Ярослава II. — Князья выѣхали изъ Орды въ 1360 году. — Въ *Троицк.*: «тое же зимы (въ 1360) заведоша изъ Орды посла *Жукотницы* о разбойницѣхъ, и бысть всѣмъ Княземъ съѣздъ на Костромѣ: Князь Великій Дмитрій Костянтиновичь и братъ его старѣйшій Андрей Нижняго Новагорода, Кн. Костянтинъ Ростовскій, и выдаша разбойниковъ, а посла отпустиша въ Орду.» Въ *Никонов.*: «того жъ лѣта (1360) изъ Велик. Новагорода разбойницы пріидоша въ *Жукотинъ* и множество Татаръ побиша, и богатство ихъ взяша, и за то Христіяне пограблени быша въ *Болгарѣхъ* отъ Татаръ... И Князи Жукотинстія биша челомъ Царю, дабы Царь оборонилъ себя и ихъ. Царь же Хидырь посла трехъ пословъ: Уруса, Каирмека, Алтынцыбѣя ко Княземъ Рускимъ, чтобъ разбойниковъ поимали.» Болгарскій городъ *Жукотинъ* существовалъ близъ устья Камы, въ Лаишевской Округѣ, гдѣ еще видны остатки древнихъ укрѣпленій. — Въ *Троицк.* сказано, что Хидырь убитъ братомъ Мурутомъ (въ 1361 году); но во всѣхъ другихъ убійцею названъ сынъ Хидыревъ: «и сѣде на Царство въ четвертый день, а на седмый день Темникъ его Мамай замяте всѣмъ Царствомъ... а Темирьхожа побѣже за Волгу, и тамо убьенъ бысть... А Князь Мамай прейде за Волгу на горнюю сторону, и Орда вся съ нимъ, и Царь бѣ съ нимъ, именемъ Авдуля... Тагай, иже отъ Бездежа, и той *Наручатьту* страну отнявъ себѣ.» — *Никон. Лѣт.* называетъ Хидыря *добрымъ*, сказывая, что Темирхожа умертвилъ и меньшаго брата своего, Кутлуя; что Мамай (въ 1361 г.) воевалъ съ Мурутомъ или Амуратомъ, истребивъ многихъ старыхъ Ординскихъ Князей; что (въ 1362 году) было между ими сраженіе за Волгу, и Мурутъ въ одномъ нечаянномъ нападеніи убилъ великое число Татаръ Мамаевыхъ. Въ Орду ѣздили Князья Димитрій и Андрей Константиновичи, Константинъ Ростовскій съ ближними и Михаилъ Ярославскій, братъ умершаго Василія Давидовича, прозваннаго *Грозные Очи* (см. *Родослов. Книгу*)... «Князь Андрей Костянтиновичь пойде изъ Орды въ Русь, и на пути удари на него Князь Ритякозь, и поможе Богъ Князю Андрею, и пріиде здравъ... Тогда же ограбиша въ Ордѣ Князей Ростовскихъ.»

(397) Двоюроднаго брата Димитріева, который родился уже по смерти отца въ 1353 году. Сей походъ былъ зимою. Димитрій Константиновичь ушелъ изъ Переславля въ Владиміръ и въ Суздаль. Димитрій Іоанновичь, сѣвъ на престолѣ Владимірскомъ, жилъ тамъ 3 недѣли. — Татищевъ

пишетъ, что Князья Тверскіе и Ростовскіе, упрошенные Боярами Московскими, ходатайствовали въ Ордѣ за Димитрія Іоанновича; что Ханъ, желая судить безпристрастно, не взялъ даровъ ни отъ Суздальскаго, ни отъ Московскаго Князя, и проч.

Маловажные случаи княженія Димитрія Константиновича: Въ 1360 году, въ постъ Рождества Христова, мѣсяцъ на чистомъ небѣ имѣлъ цвѣтъ багровый, а въ Великій постъ кровавыя облака неслися отъ Востока къ Западу. Осенью сгорѣлъ Корельскій городокъ или Кексгольмъ, а въ Новѣгородѣ (еще лѣтомъ) такъ называемый Подолъ и Конецъ Гончарскій съ семью церквами. (По *Никон. Лѣт.* Тверскій Епископъ Θеодоръ расписалъ малую церковь Введенія; оставилъ Епископію и заключился въ Отрочѣ монастырѣ). — Въ 1361 совершили въ Новѣгородѣ церковь Св. Θеодора на Θедоровѣ улицѣ. Алексій Митрополитъ (по *Ник. Лѣт.*) поставилъ въ Твери Спасскаго Игумена Василія на мѣсто Епископа Θеодора.

**КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ IV ТОМА.**



Bayerische Staatsbibliothek München

345

# ОГЛАВЛЕНІЕ I КНИГИ.

## ТОМЪ I.


Стр.
Посвященіе . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . VII
Предисловіе . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . XI
Объ источникахъ Росс. Исторіи . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . XV

Стр.

### ГЛАВА I.

О НАРОДАХЪ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХЪ ВЪ РОССІИ, О СЛАВЯНАХЪ ВООБЩЕ.

Древнія свѣдѣнія Грековъ о Россіи. Путешествіе Аргонавтовъ. Тавры и Киммеріане. Гиперборен. Поселенцы Греческіе. Ольвія, Пантикапея, Фанагорія, Танаисъ, Херсонъ. Скиѳы и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полунощныхъ. Описаніе Скиѳіи. Рѣки извѣстныя Грекамъ. Нравы Скиѳовъ: ихъ паденіе. Митридатъ, Геты, Сарматы, Алане, Готѳы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: ихъ подвиги. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Паденіе Аваровъ. Болгарія. Дальнѣйшая судьба народовъ Славянскихъ . . . . . . . . . . . . . 1

### ГЛАВА II.

О СЛАВЯНАХЪ И ДРУГИХЪ НАРОДАХЪ, СОСТАВИВШИХЪ ГОСУДАРСТВО РОССІЙСКОЕ.

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ. Поляне, Радимичи и Вятичи. Древляне. Дулѣбы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Сѣверяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новогородскіе. Кіевъ. Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ. Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи. Латышскіе народы. Междоусобіе Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Варяги. Русь. . . . . . . . . . . . . 17

### ГЛАВА III.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ ХАРАКТЕРѢ СЛАВЯНЪ ДРЕВНИХЪ.

Природное сложеніе и свойства Славянъ: храбрость, хищность, жестокость, добродушіе, гостепріимство. Брачное цѣломудріе. Жены и дѣти. Нравы Славянъ Россійскихъ въ особенности. Жилища. Скотоводство и земледѣліе. Пища, одежда. Торговля, Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисленіе. Имена мѣсяцевъ. Правленіе. Вѣра. Языкъ и грамота. . . . . . . . . . . . . . 31

### ГЛАВА IV.

РЮРИКЪ, СИНЕУСЪ И ТРУВОРЪ.
Г. 862 — 879.

Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію. Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. Основаніе Монархіи. Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію. Начало Христіанства въ Кіевѣ. Смерть Рюрика . . . . . . . . . 67

### ГЛАВА V.

ОЛЕГЪ ПРАВИТЕЛЬ.
Г. 879 — 912.

Завоеванія Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіяне служатъ въ Греціи. Олегъ идетъ на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Имперіею. Кончина Олега . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 73

### ГЛАВА VI.

КНЯЗЬ ИГОРЬ.
Г. 912—945.

Бунтъ Древлянъ. Явленіе Печенѣговъ. Нападеніе Игоря на Грецію. Договоръ съ Греками. Убіеніе Игоря . . . . . . . . . . . . 87

### ГЛАВА VII.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.
Г. 945 — 972.

Правленіе Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещеніе. Россіяне въ Сициліи. Характеръ и подвиги Святослава. Взятіе Бѣлой Вежи. Завоеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кончина Ольги. Посольство въ Германію. Первые Удѣлы въ Россіи. Вторичное завоеваніе Болгаріи. Война съ Цимискіемъ. Договоръ съ Греками. Наружность Святослава. Кончина его . . . . . . 97

### ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.
Г. 972 — 980.

Междоусобіе Князей, Ярополка и Олега. Первыя дѣянія Владиміровы. Бракъ Владиміровъ. Братоубійство. Послы Россійскіе въ Германіи. 117

### ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛІЕМЪ.
Г. 980 — 1014.

Хитрость Владиміра. Усердіе къ идолопоклонству. Женолюбіе. Завоеваніе Галиціи. Первые Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Бунтъ Радимичей. Камская Болгарія. Торки. Отчаяніе Гориславы. Супружество Владиміра и крещеніе Россіи. Раздѣленіе Государства. Строеніе городовъ. Война съ Хорватами и Печенѣгами. Церковь Десятинная. Набѣгъ Печенѣговъ. Пиры Владиміровы. Милосер-


*

346

Стр.

діе. Осада Бѣлагорода. Бунтъ Ярослава. Кончина Владимірова. Свойства его. Сказки народныя. Богатыри . . . . . . . . . . . . . 121

## ГЛАВА X.

О СОСТОЯНІИ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Состояніе древней Россіи. Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Воинское искусство. Флоты. Чиноначаліе и внутреннее образованіе войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояніе городовъ. Деньги. Успѣхи разума. Механическія и Свободныя художества. Нравы . . . . . . . . . . . . . 141

# ТОМЪ II.

Стр.

## ГЛАВА I.

В. К. СВЯТОПОЛКЪ.

Г. 1015 — 1019.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Жестокость Ярославова. Великодушіе Новогородцевъ Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новогородцевъ. Избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка. 1

## ГЛАВА II.

В. К. ЯРОСЛАВЪ ИЛИ ГЕОРГІЙ.

Г. 1019 — 1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ вторый Царьградъ. Монета Ярославова. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы. 9

## ГЛАВА III.

ПРАВДА РУССКАЯ ИЛИ ЗАКОНЫ ЯРОСЛАВОВЫ.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наслѣдственное. Судіи. Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный . . . . . . . . . . . . . 25

## ГЛАВА IV.

В. К. ИЗЯСЛАВЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ДИМИТРІЕМЪ.

Г. 1054 — 1077.

Удѣлы. Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе Судислава. Междоусобія. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство В. К. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство В. К. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобія. Смерть В. К. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархомъ. Пророки и волшебники . . . . 39

## ГЛАВА V.

В. К. ВСЕВОЛОДЪ.

Г. 1078 — 1093.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засухи и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость В. К. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Мая. Сношенія съ Римомъ. . . . . . . . . . . . 55

## ГЛАВА VI.

В. К. СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

Г. 1093 — 1112.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Вѣроломство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое вѣроломство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новогородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмуторокана исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ.

Стр.

Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даніила. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь . . . . 61

## ГЛАВА VII.

В. К. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Г. 1113 — 1125.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ мятежъ. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичь Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. ПлѣнъВолодаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣсскаго. Гида, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митроп. Никифора. 87

## ГЛАВА VIII.

В. К. МСТИСЛАВЪ.

Г. 1125 — 1132.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота . . . . 101

## ГЛАВА IX.

В. К. ЯРОПОЛКЪ.

Г. 1132 — 1139.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новагорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новагорода. Уставъ о церковной дани. Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина В. К. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ . . . . . . 105

## ГЛАВА X.

В. К. ВСЕВОЛОДЪ ОЛЬГОВИЧЬ.

Г. 1139 — 1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіяне въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода. 113

## ГЛАВА XI.

В. К. ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЬ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ . . . . . . . . . . . . . . . 123

## ГЛАВА XII.

В. К. ИЗЯСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Г. 1146 — 1154.

Строгость В. К. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Чувствительность Святослава. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Несправедливость В. К. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добродушіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владиміркова. Бодрость и добросердечіе Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяслава. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Ристаніе въ Кіевѣ. Справедливость В. К. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Миролюбіе Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяслава и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владиміркова. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новогородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ . . . . 125

## ГЛАВА XIII.

В. К. РОСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Г. 1154 — 1155.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новогородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ . . . . . . . . . . . . . . . . . 161

## ГЛАВА XIV.

В. К. ГЕОРГІЙ ИЛИ ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Г. 1155 — 1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя . . . . . . . . 163

## ГЛАВА XV.

В. К. ИЗЯСЛАВЪ ДАВИДОВИЧЬ КІЕВСКІЙ, К. АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМЪ.

Г. 1157 — 1159.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Происшествія въ западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяслава. Бѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ. 167

Стр.

## ГЛАВА XVI.

В. К. РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ ВТОРИЧНО ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ СУЗДАЛЬСКОМЪ.

Г. 1159—1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ. Ссора и миръ В. К. со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ. Кончина В. К. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя . . . . . . . . 173

## ГЛАВА XVII.

В. К. МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЬ КІЕВСКІЙ, АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ ИЛИ ВЛАДИМІРСКІЙ.

Г. 1167—1169.

Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Бояръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и паденіе Кіева. 185

# ТОМЪ III.

Стр.

## ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Г. 1169—1174.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайгатъ или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки . . . . . . . . . . . . . . 1

## ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

Г. 1174—1176.

Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. . . 23

## ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III ГЕОРГІЕВИЧЬ.

Г. 1176—1212.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Кіевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе Кіева. Постриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романа. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Константинъ въ Новѣгородѣ. Сѣверскіе Князья господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смѣлость Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Константина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Постриги. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новѣгородѣ . . . . . . . . . . . 29

## ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Г. 1212—1216.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ . . . . . . . . . . . . . 87

## ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНЪ В. К. ВЛАДИМІРСКІЙ И СУЗДАЛЬСКІЙ.

Г. 1216—1219.

Добросердечіе Константина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость

Стр.
юнаго Даніила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убійства въ Рязани. Смерть Константина . . . . . . . . . . . . . . . . . 97

## ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1219—1224.

Безпокойства въ Новѣгородѣ. Великодушіе Посадника. Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстислава. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы. Слухъ о Татарахъ . . . . 103

## ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ СЪ XI ДО XIII ВѢКА.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съѣзды. Право наслѣдственное. Враги внѣшніе. Правленіе. Обряды и чины двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзія. Нравы. Древнѣйшее путешествіе въ Россію . . . . . . . . . . . . . . . . . 117

Стр.

## ГЛАВА VIII.

В. К. ГЕОРГІЙ II. ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1224—1238.

Происхожденіе Татаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Мнѣнія о Татарахъ. Совѣтъ Князей. Избіеніе пословъ Татарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія. Набѣги Литовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ Южной Россіи. Льготныя грамоты Вел. Ярослава. Землетрясеніе. Затмѣніе солнца. Мятежъ въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніиловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сити. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе Батыево . 137

# ТОМЪ IV.

Стр.

## ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1238—1247.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ честимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій . . . 1

## ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧЬ И АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 1247—1263.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣтреность Новогородцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Даніилово свергнуть иго. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мятежи въ Ордѣ . . . . . . . . . . . . . . 41

## ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1263—1272.

Древнѣйшая грамота Новогородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Ѳеодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даніила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ 59

## ГЛАВА IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1272—1276.

Споръ о Новогородскомъ Княженіи. Моголы идутъ на Литву. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ. Кончина Василія. Соборъ. . . . . 73

## ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

Г. 1276—1294.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Дими-

Стр.

тріева. Неустройства въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева . . . . . . . . 78

## ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

Г. 1294—1304.

Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Даніила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Миръ съ Даніею. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота . . . . . . . . . . 95

## ГЛАВА VII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1304—1319.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новогородскія. Узбеки. Мужество Новогородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Татарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаилова. Городъ Маджары. Разбой Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія . . . . . . . . . 105

## ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГІЙ ДАНІИЛОВИЧЬ, ДИМИТРІЙ И АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 1319—1328.

Горесть Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина . . . . . . . . . . . . . . . . . . 119

## ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНІИЛОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

Г. 1328—1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новогородскія. Закамское серебро. Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича . . . . . 131

## ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

Г. 1340—1353.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь *всея Руси*. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи . . . . . . . . . . . 153

## ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЬ.

Г. 1353—1359.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго . . . . . . . . . . . . . . . . . . 173

## ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЬ.

Г. 1359—1362.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій . . . 181

ГРАНАМИ



6р

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija Gosudarstva Rossijskago v 3 knigach zaključajuščich v sebě 12
tomov s pol'nymi priměčanijami, ukrašennoe portr. avtora, gravirovannym na
stali v Londoně
Bd.: 1

Sanktpeterburg (1842)

4 Russ. 69 f-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10944773-1